

Annotation

К. Антарова. Две жизни

- [1. \(Часть 1, том 1\)](#)
  - [ЧАСТЬ I](#)
  - [ЧАСТЬ II](#)
  - [ЧАСТЬ II](#)
  - [ГЛАВА 7 Записная книжка моего брата](#)
  - [ГЛАВА 9. Третья запись брата Николая](#)
  - [notes](#)
    - [Note1](#)
    - [Note2](#)
-

1. (Часть 1, том 1)

Оккультный роман, весьма популярный в кругу людей, интересующихся идеями Теософии и Учения Живой Этики. Герои романа – великие души, завершившие свою духовную эволюцию на Земле, но оставшиеся здесь, чтобы помогать людям в их духовном восхождении. По свидетельству автора – известной оперной певицы, ученицы К.С.Станиславского, солистки Большого театра К.Е.Антаровой (1886-1959) – книга писалась ею под диктовку и была начата во время второй мировой войны.

Книга «Две жизни» записана Конкордией Евгеньевной Антаровой через общение с действительным Автором посредством яснослышания – способом, которым записали книги «Живой Этики» Е.И.Рерих и Н.К.Рерих, «Тайную Доктрину» – Е.П.Блаватская. Единство Источника этих книг вполне очевидно для лиц, их прочитавших. Учение, изложенное в книгах «Живой Этики», как бы проиллюстрировано судьбами героев книги «Две жизни». Это тот же Источник Единой Истины, из которого вышли Учения Гаутамы Будды, Иисуса Христа и других Великих Учителей.

Впервые в книге, предназначенной для широкого круга читателей, даются яркие и глубокие Образы Великих Учителей, выписанные с огромной любовью, показан Их самоотверженный труд по раскрытию Духа человека.

Книга, первоначально предназначавшаяся для очень узкого круга учеников, получавших через К.Е.Антарову руководство Великих Учителей

ОБ АВТОРЕ Перед Вами, читатель, оккультный роман, который впервые выходит в свет спустя почти 35 лет после смерти автора. Он принадлежит перу К.Е.Антаровой, одной из тех самоотверженных русских женщин, чья жизнь была служением красоте и знанию.

Кора (Конкордия) Евгеньевна Антарова родилась 13 апреля 1886 года, в то счастливое для творческих натур время, когда занимался серебряный век русской культуры. А природа щедро наделила ее, талантами – в том числе прекрасным голосом, контральто редкого обаяния. Поэтому одновременно с занятиями на историко-филологическом факультете Высших женских курсов (знаменитых Бестужевских курсов), она оканчивает Петербургскую консерваторию, берет уроки пения у И. П. Прянишникова – организатора и руководителя первого в России оперного товарищества; в 1908 г. е., принимают в труппу Большого театра. На этой

известной всему миру сцене К.Е. Антарова проработала почти тридцать лет.

Мы можем только догадываться, насколько важную роль в ее жизни сыграла встреча с К. С. Станиславским: в течение нескольких лет он преподавал актёрское мастерство в музыкальной студии Большого театра, ни на минуту не забывая о главной своей цели – расширять сознание учеников, пробуждая в них духовность. Прямое свидетельство тому – книга «Беседы К. С. Станиславского в Студии Большого театра в 1918-1922 гг. Записаны заслуженной артисткой РСФСР К.Е.Антаровой». Конечно, когда молодая ученица гениального режиссёра от раза к разу кропотливо и благоговейно вела стенографическую запись занятий, подготовив потом на их основе книгу, впервые увидевшую свет в 1939 г. и выдержавшую несколько изданий, у К.Е.Антаровой не было ещё никаких артистических званий. Но она обладала истинной культурой духа, сердце имела чистое и вдохновенное, благодаря чему только и могла стать учеником в подлинном смысле слова.

Главные действующие лица романа «Две жизни» – великие души, завершившие свою духовную эволюцию на Земле, но оставшиеся здесь, чтобы помогать людям в их духовном восхождении, – пришли к К.Е.Антаровой, когда бушевала вторая мировая война, и этот контакт продолжался многие годы.

К.Е.Антарова умерла в 1959 г., затем рукопись хранилась у Елены Федоровны Тер-Арутюновой (Москва), считающей ее своей духовной наставницей. Хранительница рукописи никогда не теряла надежды увидеть роман опубликованным, а до той поры знакомила с ним всех, кого находила возможным. И потому можно сказать, что этим романом зачитывалось уже не одно поколение читателей.

Мы сердечно благодарим Е.Ф.Тер-Арутюнову, которая предоставила рукопись романа в распоряжение Латвийского общества Рериха, за доброе напутствие книге, начинающей свою новую жизнь.

ГЛАВА I У МОЕГО БРАТА События, о которых я сейчас вспоминаю, относятся к давно минувшим дням, к моей далёкой юности.

Уже больше двух десятков лет зовут меня «дедушкой», но я совсем не ощущаю себя старым; мой внешний облик, заставляющий уступать мне место, поднимать оброненную мною вещь, так не гармонирует с моей внутренней бодростью, что я конфужусь всякий раз, когда люди выказывают такое почтение моей седой бороде.

Было мне лет двадцать, когда я приехал в среднеазиатский большой

торговый город погостить к брату, капитану М-ского полка. Жара, ясное синее небо, дотоле мною невиданное; широкие улицы с тенистыми аллеями из высочайших развесистых деревьев посередине поразили меня своей тишиной. Изредка проедет шагом на осле купец на базар. Пройдет группа женщин, укутанных в черные сетки и белые или темные покрывала, подобно плащу скрадывающие формы тела.

Улица, на которой жил брат, была не из главных; от базара далеко, и тишина на ней стояла почти абсолютная. Брат снимал небольшой дом с садом; жил в нем один со своим денщиком и пользовался лишь двумя комнатами, а три остальные поступили всецело в мое распоряжение.

Окна одной из комнат брата выходили на улицу; туда же смотрели два окна той комнаты, что я облюбовал себе как спальню и которая носила громкое название «зала».

Брат мой был человеком очень образованным. Стены комнат снизу доверху были заставлены полками и шкафами с книгами. Библиотека была прекрасно подобрана, расставлена в полном порядке и, судя по каталогу, составленному братом, обещала много радостей в новой для меня, уединенной жизни.

Первые дни брат водил меня по городу, базару, мечетям; временами я бродил один в огромных торговых галереях с расписными столбами и маленькими восточными ресторанами-кухнями на перекрестках; в толпе снующей, говорливой, плотно одетой в разноцветные халаты я словно бы оказался в Багдаде и все, воображал, что где-то совсем рядом проходит Алладин с волшебной своей лампой или бродит никем неузнаваемый Гарун-аль-Рашид. И восточные люди, с их величавым спокойствием, или же, наоборот, повышенной экзальтированностью, казались мне загадочными и манящими.

Однажды, бродя рассеянно от лавки к лавке, я вздрогнул, как от удара электрического тока, и невольно оглянулся. На меня пристально смотрели совершенно черные глаза очень высокого, средних лет человека, с густой короткой черной бородой. А рядом с ним стоял юноша необычайной красоты, и его синие, почти фиолетовые глаза также пристально разглядывали меня.

Высокий брюнет и юноша, оба были в белых чалмах и плотных шелковых халатах. Их осанка и манеры резко отличались от всего окружающего; многие из прохожих подобострастно им кланялись.

Оба они уже давно двинулись к выходу, а я все стоял, как завороженный, не в силах победить впечатление от этих чудесных глаз.

Опомнившись, я бросился за ними, но подбежал к выходу из галереи в

тот самый момент, когда столь поразившие меня незнакомцы уже были в прол.,тке и отъезжали от базара. Молодой сидел с моей стороны. Оглянувшись, он чуть улыбнулся и сказал что-то старшему. Но густая пыль, которую подняли три осла, закрыла вс,, я больше ничего не мог видеть, да и стоять под отвесными лучами палящего солнца был больше не в силах.

«Кто бы это мог быть?» – думал я, возвращаясь туда, где их встретил. Я несколько раз прощ,,л мимо лавки и, наконец, решился спросить хозяина:

– Скажите, пожалуйста, кто эти люди, которые только что были у вас?

– Люди? Люди много ходила сегодня мой лавка, – хитро улыбаясь, сказал он.

– Только твой, верно, не люди хочет знать, а один высокий ч,,рный люди?

– Да, да, – поспешил я согласиться. – Я видел высокого брюнета и с ним красавца юношу: Кто они такие? – Они наша большой, богатый помещики. Виноградники, – оуай, – виноградник! Ба-а-льшой торговля вед,,т с Англия.

– Но как же его зовут? – продолжал я. – Ой-я, – засмеялся хозяин. – Вся горишь, знакомиться хочешь? Он – Мохаммед Али. А молодой – Махмуд Али. – Вот как, оба Магометы?

– Нет, нет, Мохаммед только дядя, а племянник – Махмуд. – Они здесь живут? – продолжал я спрашивать, рассматривая шелка на полках и соображая, что бы такое купить, чтоб только выиграть время и вывести еще,, что-нибудь о поразивших меня незнакомцах.

– Что смотришь? Халат хочешь? – подметив мой парящий взгляд, спросил хозяин.

– Да, да, – обрадовался я предложению. – Покажите, пожалуйста, мне халат. Я хочу сделать подарок брату. – А кто твой брат? Какой ему вкус?

Я понятия не имел, какие халаты могут нравиться брату, так как ни в ч,,м другом, как в кителе или пижаме, пока еще,, не видел его.

– Мой брат – капитан Т., – сказал я. – Капитан Т.? – вскричал с восточным азартом купец. – Я его хорошо знаю. Ему уже есть семь халатов. На что ему еще,,?

Я был смущ,,н, но, скрыв свое,, замешательство, храбро сказал: – Он их все раздарил.

– Вот как! Наверное, друзьям в Петербурге посылал. Ха-а-роший халаты покупал! Вот, смотри, Мохаммед Али для своя племянница велел прислать. Ой-я, халат!

И купец достал из-под прилавка чудесный розового тона халат с

серовато-лиловыми матовыми разводами. – Такой мне не подойд,,т, – сказал я. Купец весело рассмеялся.

– Конечно, не подойд,,т; это женская халат. Я тебе дам вот, – синий.

И с этими словами он развернул на прилавке великолепный фиолетовый халат. Халат был несколько пестроват; но тон его, т,,пльй и мягкий, мог понравиться брату.

– Не бойся, бери. Я всех знаю, Твой брат –приятель Али Мохаммед. Мы не можем продавать его приятелю плохо. Твой брат – ха-а-роший человек! Сам Али Мохаммед его почитает.

– Да кто же он, этот Али?

– Я же сказал, – большая важная купец. Персия торгует и Россия тоже, – ответил хозяин.

– Не похоже, чтобы он был купец. Он, наверное, уч,,ный, – возразил я.

– Ой-я, уч,,ный! Уч,,ный он есть такой, что и у твоя брат все книги знает. Твоя брат тоже ба-а-льшой уч,,ный. – А где жив,,т Али, вы не знаете? Купец бесцеремонно ударил меня по плечу и сказал: – Ты, видать, здесь мало жив,,шь. Али дом – напротив твой брат дом.

– Напротив дома брата очень большой сад, обнес,,нный высокой кирпичной стеной. Там всегда м,,ртвая тишина, и даже ворота никогда не открываются, – сказал я.

– Тишина-то тишина. А вот сегодня будет не тишина. Приедет сестра Али Махмуд. Будет сговор, пойд,,т замуж. Если ты сказал, Али Махмуд красавец, – ой-я! Сестра – звезда с неба! Косы до пола, а глаза – ух Купец разв,,л руками и даже захлебнулся. – Как же вы могли видеть е,,? Ведь по вашему закону покрывала нельзя снимать перед мужчинами?

– Улица нельзя. У нас и в дом нельзя. А у Али Мохаммед все женщины дома ходит открыта. Мулла много раз говорил, да перестал. Али сказал: «Уеду». Ну, мулла и молчит пока.

Я простился с купцом, взял покупку и пош,,л домой. Ш,,л я долго; где-то свернул не в ту сторону и с большим трудом отыскал, наконец, свою улицу.

Мысли о богатом купце и его племяннике путались с мыслями о небесной красоте девушки, и я не мог решить, какие же у не,, глаза: ч,,рные, как у дяди, или фиолетовые, как у брата?

Я ш,,л, глядя под ноги, и внезапно услышал: «Левушка, да где же ты пропадал? Я уже собирался было тебя искать».

Милый голос брата, заменявшего мне всю жизнь и мать, и отца, и семью, был полон юмора, как и его сверкающие глаза. На слегка загорелом, гладко выбритом лице блестели белые зубы, а ещ,, яркие, красиво

очерченные губы, золотые вьющиеся волосы, темные брови... Я впервые разглядел, как красив он, мой брат. Я гордился и восхищался им всегда; а сейчас, точно маленький, ни с того ни с сего бросился ему на шею, расцеловал в обе щеки и сунул ему в руки халат.

– Это тебе халат. А твой Али причиной, что я совсем оторопел и заблудился, – сказал я со смехом. – Какой халат? Какой Али? – с удивлением спросил брат. – Халат номер 8, который я тебе купил в подарок. А Али номер 1, твой друг, – ответил я, всерьез, продолжая смеяться.

– Ты напоминаешь маленького упряма Левушку, который любил всех озадачивать. Вижу, что любовь к загадкам всерьез, еще, жива в тебе, – улыбаясь своей широкой улыбкой, необычайно изменявшей его лицо, сказал брат. – Ну, пойдём домой, не век же нам стоять тут. Хотя никого и нет, но я не поручусь, что где-нибудь тайком, из-за края занавески, на нас не смотрит любопытный девичий глаз.

Мы двинулись было домой. Но внезапно чуткое ухо брата различило вдали цоканье конских копыт. – Подожди, – сказал он, – едут.

Я ничего не слышал. Брат взял меня за руку и заставил остановиться под огромным деревом, как раз напротив закрытых ворот того тихого дома, в котором, по словам купца из торговых рядов, жил Али Мохаммед.

– Возможно, что сейчас ты увидишь нечто поразительное, – сказал мне брат.

– Только стой так, чтобы нас не было видно ни из дома, ни со стороны дороги.

Мы стояли за огромным деревом, где могли бы укрыться еще, два-три человека. Теперь уже и я различал топот нескольких лошадей и шум колес на мягкой немокрой дороге.

Через несколько минут распахнулись настежь ворота дома Али, и дворник вышел на дорогу. Оглядевшись, он махнул кому-то в сад и остановился в ожидании.

Первой шла простая телега. В ней сидели две укутанные женские фигуры и трое детей. Все они утопали в массе узлов и картонок, а сзади был привязан небольшой сундук.

Вслед за ними, в какой-то старой бричке, ехал старик с двумя элегантными чемоданами.

И, наконец, на довольно большом расстоянии, очевидно оберегаясь от дорожной пыли, двигался экипаж, который пока нельзя было рассмотреть. Между тем, телега и бричка въехали в ворота и исчезли в саду.

– Смотри внимательно, но молчи и не двигайся, чтобы нас не заметили, – шепнул мне брат.

Экипаж приближался. Это была изящная прол,,тка, запряж,,нная прекрасным вороным кон,,м, и в ней сидели две женщины с закрытыми ч,,рной сеткой лицами.

Из ворот дома вышел Али Мохаммед, в белом, и за ним, в такой же длинной белой одежде Али Махмуд. Глаза Али старшего, почудилось мне, пронзили насквозь дерево, за которым мы спрятались, и мне даже показалось, что по губам его скользнула едва уловимая усмешка. Меня даже в жар бросило; я прикоснулся к брату, желая сказать: «мы открыты», но он приложил палец к губам и продолжал пристально смотреть на приблизившийся и остановившийся экипаж.

Ещ,, через мгновение Али старший подош,,л к экипажу, и .. маленькая белая очаровательная женская ручка подняла покрывало с лица. Я видел женщин, признанных красавиц, на сцене и в жизни, но сейчас впервые понял, что такое женская красота.

Другая фигура что-то визгливо выговаривала Али старческим голосом, а девушка смущ,,нно улыбалась и уже готова была вновь опустить на лицо покрывало. Но Али сам небрежно сбросил его ей на плечи, и, к великому негодованию старухи, на свет показались т,,мные кольца непослушных волос. Не обращая внимания на визгливые выговоры, Али поднял бросившуюся ему на шею девушку и, как реб,,нка, пон,,с е,, в дом.

Между тем Али молодой почтительно высаживал вс,, ещ,, ворчавшую старуху.

Серебристый смех девушки доносился из открытых ворот. Уже и старуха с молодым Али скрылись, и прол,,тка въехала в ворота, и ворота закрылись... А мы вс,, ещ,, стояли, забыв место, время, забыв, что хотелось есть, жару и все приличия.

Обернувшись к брату, чтобы поделиться с ним своим восторгом, я был просто потряс,,н. Всегда улыбающееся лицо его было совсем бледно, серь,,зно и даже сурово. Его синие глаза как-то потемнели. Это было лицо совершенно незнакомого мне человека. Даже брови изменили свою обычную форму и были строго сдвинуты в почти сплошную прямую линию.

Я не мог опомниться вс,, смотрел на этого чужого, незнакомого мне человека.

– Ну что же, понравилась ли вам моя племянница Наль? – вдруг услышал я над собой незнакомый металлический голос.

Я вздрогнул, – от неожиданности не понял даже вопроса, – и увидел перед собою высоченную фигуру Али старшего, который, смеясь, протягивал мне руку. Машинально я взял эту руку и почувствовал какое-то

облегчение; даже из груди у меня вырвался вздох, и по руке побежала т,,плая струя энергии.

Я молчал. Мне казалось, что ещ,, никогда не держал я в своей руке такой ладони. С усилием оторвались мои глаза от прожигающих глаз Али Мохаммеда, и я посмотрел на его руки.

Они были белы и нежны, точно к ним не мог пристать загар. Длинные, тонкие пальцы кончались овальными, выпуклыми, розовыми ногтями. Вся рука, узкая и тонкая, артистически прекрасная, вс,, же говорила об огромной физической силе. Казалось, глаза, мечущие искры железной воли, находились в полной гармонии с этими руками. Можно было легко представить, что в любую минуту, стоит Али Мохаммеду сбросить мягкую белую одежду, взять меч в руку, – и увидишь воина, разящего насмерть.

Я забыл, где мы, зачем мы стоим посреди улицы, и не могу сейчас сказать, как долго держал Али мою руку. Я точно стоя заснул.

– Ну, пойд,,м же домой, Левушка. Отчего ты не благодаришь Али Мохаммеда за приглашение? – услышал я голос брата.

Я опять не понял, о каком приглашении говорит мне брат, и пролепетал какое-то невнятное прощальное приветствие улыбающемуся мне высокому и стройному Али.

Брат взял меня под руку, я невольно двинулся в ногу с ним. Робко взглянув на него, я снова увидел родное, близкое, с детства знакомое лицо любимого брата Николая, а не того чужого человека под деревом, вид которого так меня поразил и глубоко расстроил.

Привычка с детства, привычка видеть опору, помощь и покровительство в брате, привычка, создавшаяся в те дни, когда я рос только в его обществе, обращаться со всеми жалобами, огорчениями и недоразумениями к братуотцу, как-то вдруг выскочила из глубины моего сердца, и я сказал жалобным тоном:

– Как мне хочется спать; как я устал, точно прош,,л в,,рст двадцать!

– Очень хорошо, сейчас пообедаем и можешь лечь часа на два. А потом пойд,,м в гости к Али Мохаммеду. Он здесь почти единственный вед,,т европейский образ жизни. Дом его прекрасно и с большим вкусом обставлен. Очень элегантная смесь Азии и Европы. Женщины его семьи образованны и ходят дома без паранджи, и это целая революция для здешних мест. Много уж раз ему угрожали муллы и другие высокопоставленные религиозные фанатики за нарушение местных обычаев всяческими гонениями. Но он вс,, так же вед,,т свою линию. Все, до последнего слуги, в его доме грамотны. Слугам предоставляются часы полного отдыха и свободы среди дня. Это здесь тоже революция. И я

слышал, что против него теперь собираются поднять религиозный поход. А в здешних диких краях это вещь страшная.

Разговаривая, мы пришли к себе, умылись в ванной комнате, устроенной прямо в саду из циновок и брезента, и уселись у давно накрытого стола обедать.

Хороший освежающий душ и вкусный обед вернули мне бодрость.

Брат весело смеялся, журил меня за рассеянность и рассказывал всевозможные комические сценки, которые ему приходилось наблюдать в здешнем быту, восхищался сметливостью русского солдата и его остроумием. Редко восточная хитрость торжествовала над их пронизательностью, восточный торговец зачастую расплачивался за свой обман. Солдаты придумывали такие трюки, чтобы наказать обманщика, такой смешной фарс разыгрывался над торговцем, совершенно уверенным в своей безнаказанности, что любой режиссер мог бы позавидовать их фантазии.

Надо сказать, что злых шуток солдаты никогда не проделывали, но комические положения, в которые попадал обманщик, надолго отучали его от привычки к надувательству.

Так незаметно мы кончили обедать, и желание поспать у меня улетучилось. Мне вздумалось попросить брата примерить подаренный ему халат.

Сбросив китель, брат надел халат. Глубокий фиолетовый тон как нельзя больше шел к его золотым волосам и загорелому лицу. Я им невольно залюбовался. Где-то в глубине мелькнула завистливая мысль – «а мне никогда красавцем не бывать».

– Как удачно ты это купил, – сказал брат. – Халатов у меня, правда, много, но их я уже надевал, этот же мне нравится особенно. Ни на ком такого не видел. Непременно надену вечером, когда пойдем в гости к соседу. Кстати, заглянем-ка в «туалетную», как важно зовут денщик гардеробную, и выберем для тебя халат.

– Как, – вскричал я с удивлением, – разве мы пойдем туда ряжеными?

– Ну зачем же «ряжеными»? Мы просто оденемся так, как будут одеты все, чтобы не бросаться в глаза. Сегодня у Али будут не только друзья, но и немалое количество врагов. Не станем же дразнить их европейским платьем.

Однако когда брат открыл большой шкаф, в нем оказалось не восемь, а десятка два всевозможных халатов из разных материй. Я даже вскрикнул от удивления.

– Тебя поражает это количество? Но ведь здесь носят сразу семь

халатов, начиная с ситцевого и кончая шелковым. Кто богаче, носят тричетыре шелковых; кто беден, только ситцевые, но непременно надевают сразу несколько, друг на друга.

– Мой Бог, – сказал я, – да ведь в этакую жару, напялив несколько халатов, можно почувствовать себя в жерле Везувия.

– Это только так кажется. Тонкая материя не тяжела, а надетая одна на другую не дает возможности солнечным лучам сжигать тело. Вот попробуй облачиться в эти два халата. Ты увидишь, что они невесомы и даже холодят, – сказал брат, протягивая мне два белых, очень тонких шелковых халата. – Очень уж истово, как полагается по здешнему обряду, мы одеваться не будем. Но по четыре халата наденем. Я очень тебя прошу, надень и походи, попривыкни. А то, пожалуй, вечером, по своей рассеянности, ты действительно будешь казаться «ряженым» и сконфузишь нас обоих, – продолжал брат, видя, что я все еще держу в нерешительности поданные мне халаты в руках.

Не особенно горя желанием облачиться в восточный наряд, но никак не желая огорчить любимого брата, я быстро разделся и стал натягивать халаты.

– Но они узки, какие же это халаты? Это нелепые перчатки, – закричал я, начиная раздражаться.

– Их надо застегнуть, вот здесь крючок, а здесь пуговица, – сказал спокойно брат и легкими, гибкими пальцами сам застегнул на мне халаты.

– Теперь, Левушка, успокойся и надень этот зеленый халат; он пошире, его тоже надо застегнуть, в нем есть и карманы. А сверху надень еще этот широкий, серый с красными разводами, – и опять очень ловко он помог мне одеться.

– Да, и обувь еще, – сказал он. – У Али принят полуазиатский туалет, так что и мы с тобой можем явиться в европейских туфлях, но сверх них надо надеть кожаные калоши, которые оставляются у дверей. Иначе придется идти в одних чулках. Ни в мечеть, ни в дом не входят в уличной обуви.

Мы выбрали калоши мне по ноге, их тоже оказалось у брата несколько пар.

– Пройдем в спальню, там выберем тебе чалму. – Как чалму? На кого же я буду похож? Я и так-то красой не блещу! Помилуй, Николушка, иди уж лучше один, – взмолился я. Брат расхохотался:

– Да ведь покорять сердце прелестной племянницы Али ты не собираешься? А из твоих приятельниц или приятелей никто тебя не увидит. Чего же тебе огорчаться, если восточный туалет тебя не украсит? Впрочем,

– прибавил он, подумав, – если хочешь, я смогу сделать тебя неузнаваемым. Я тебе приклею длинную седую бороду, и ты сможешь сойти за важного купца.

– Ещ,, того чище! – воскликнул я. – Да этак, пожалуй, мне придется вспомнить, что меня считают неплохим любителем-акт,,ром!

– Если ты сумеешь сегодня сыграть роль хромого старика, ты, пожалуй, увидишь очень интересные и не совсем обычные вещи. Но вот жаль, у меня нет второй белой чалмы, чтобы сделать тебе белый тюрбан.

В эту минуту раздался л,,гкий стук в дверь. Брат подош,,л к двери, и я услышал его приятно удивл,,нное восклицание:

– Это вы, Махмуд! Войдите. Я как раз занят нарядом брата к вечеру. Хочу сотворить из него старого купца с седой бородой.

– А я прин,,с белую чалму и камень. Дядя просит вашего брата принять их как подарок от Наль в день е,, совершеннолетия, и он подал мне св,,рток и футляр.

– А это вам от Наль, и он подал брату два св,,ртка и два футляра. – Не забудьте, что вам нужно хромать на левую ногу и крепко опираться на палку правой рукой. А левой почаше гладить бороду, если вы хотите сыграть роль старого купца. У меня есть такой знакомый в Б. очень важный человек/ – говорил мне Али молодой. Он улыбался, алые прелестные губы обнажали чудные зубы, а фиолетовые его глаза пристально не по летам серь,,зно – смотрели на меня.

Кивнув нам головой и приложив, по восточному обычаю, руку ко лбу и сердцу, Али так же бесшумно скрылся, как и вош,,л.

Я развернул свой св,,рток, и оттуда выпал кусок тончайшей белой материи. Любопытство мо,, было так возбуждено, что, даже не подобрав упавшего ш,,лка, я раскрыл футляр, и у меня вырвалось восклицание восторга и удивления.

Прекрасной работы брошь с крупным выпуклым рубином и несколькими бриллиантами, перевитая змеей из т,,много золота и жемчуга, сверкала в полут,,мной комнате, и я не мог оторвать от не,, глаз.

Брат поднял оброненную мною материю и, рассматривая булавку вместе со мною, сказал:

– Али старший посылает тебе от имени племянницы белую чалму – эмблему силы; и красный рубин – эмблему любви. Этим он причисляет тебя к своим друзьям. – А что же тебе посылает он? – полюбопытствовал я. Брат развернул св,,рток побольше, и в н,,м оказался тончайший белый халат из никогда невиданной мною материи, похожей на белую замшу, но по тонкости равной папиросной бумаге. К нему была приложена записка на

арабском языке, которую брат спрятал не читая в карман. Во втором свертке была такая же чалма, как моя, только в самом ее начале синим шелком, арабскими буквами, была выткана во всю ширину чалмы – а она была чрезвычайно широка – какая-то фраза. Я мало обратил внимания и на записку и на арабскую фразу; мне хотелось скорее увидеть содержимое футляров брата.

«Если мне он шлет привет силы и любви, то что же он посылает Николушке?»

– думал я.

Наконец, брат свернул осторожно свою чалму, спрятал ее в ящик бюро и открыл футляр побольше. Оттуда сверкнули крупные бриллианты в форме треугольника, внутри которого овальной формы выпуклый изумруд сиял голубовато-зеленым светом.

В маленьком футляре оказался перстень с таким же овальным выпуклым изумрудом в простой платиновой оправе.

– Вот так совершеннолетие Наль! – почти закричал я. – Если всем своим друзьям Али рассылает в этот день такие подарки, то уж наверное половину своего виноградника, который так расхваливал мне купец в торговых рядах, он раздаст сегодня. И зачем мужчинам эти брошки? Это чудесные украшения для женщин, но ведь Али знает, что мы с тобой не женаты.

– Этими булавками мы заколем наши чалмы над самым лбом. Огромная честь получить такую булавку в подарок; и ее далеко не всем оказывают на Востоке,

– ответил брат. – Али жив здесь лет десять; сам он родом откуда-то из глубин Гималаев, и все восточные обычаи гостеприимства и уважения к дружбе чтятся в его доме.

Время быстро летело. Сумерки уже сгущались, и вскоре должна была наступить мгновенно опускающаяся здесь ночь.

– Пора начинать твой грим, а то мы можем оказаться невежливыми и опоздать.

С этими словами брат выдвинул ящик бюро, и .. я еще раз обмер от удивления.

– Ну и ну, – сказал я. – Почему же ты ни разу не писал мне, что играешь в любительских спектаклях?

Весь ящик был полон всяческого грима, бород, усов и даже париков.

– Нельзя же все написать, а еще менее возможно все рассказать в несколько дней, – усмехаясь, ответил брат.

Он посадил меня в кресло и, как заправский гример, приклеит мне

бороду и усы, протерев предварительно вс,, лицо какой-то бесцветной жидкостью с очень приятным запахом, освежившей мо,, горевшее от непривычного солнца лицо.

Коричневым карандашом он пров,,л под моими глазами два-три л,,гких штриха. Какой-то жидкостью перламутрового цвета прикоснулся к моим густым т,,мным бровям. Смазал каким-то кремом губы и сказал:

– А теперь чуть-чуть подравняю твои кудри, чтобы ч,,рные волосы не выбились из-под чалмы. Садись сюда. – И с этими словами он усадил меня на табурет.

Мне, признаться, жаль было моих вьющихся волос, которые я справедливо считал единственным своим козырем. Но в жару так приятно иметь коротко стриженную голову, что я сам попросил остричь меня под машинку. Вскоре голова была острижена, и я хотел встать с табурета. – Нет, нет, сиди, Левушка. Я сейчас обовью твою голову чалмой.

Я остался сидеть, брат развернул чалму, оказавшуюся длиннее, чем я предполагал, беспощадно стал скручивать е,, жгутом и довольно быстро, ловко, крепко, но без малейшего давления где-либо замотал всю мою голову.

– Голова готова; теперь ноги. Надевай эти длинные чулки и туфли, – сказал он, достав мне из картона в углу белые чулки и довольно простоватые на вид туфли.

Я вс,, это надел и встал на ноги; но сразу почувствовал какую-то неловкость в левой туфле. Невольно я как-то припал на левую ногу, а брат услужливо сунул мне в правую руку палку.

– Теперь ты именно тот немой, глухой и хромой старик, которого тебе надо изобразить, – засмеялся брат.

Я разозлился. От непривычной бороды мне было жарко; жидкость, которой было смазано мо,, лицо, – вначале такая приятная, – сейчас отвратительно стягивала кожу; ноге было неудобно и, вдобавок ко всему, я ещ,,,, оказывается, немой и глухой.

Со свойственным мне нетерпением я хотел раскричаться и заявить, что никуда не пойду; и уже приготовился сорвать бороду и чалму, как дверь беззвучно отворилась, и в ней появилась высоченная фигура Али старшего.

Два агатовых глаза положительно парализовали меня. Чалма так плотно прикрывала мне уши, что я ровно ничего не слышал, о ч,,м говорил он с братом.

На н,,м был надет почти ч,,рный, – так густ был синий цвет, – халат; а под ним сверкал другой, яркий малиновый, плотно прилегавший к телу. На голове белая чалма и большая бриллиантовая брошь, изображавшая

павлина с распущенным хвостом...

Приветливо и ласково улыбаясь, он подошел ко мне с протянутой рукой. Когда я подал ему руку, он пожал ее; и опять по всему моему телу пробежал ток теплоты и на этот раз не сонной лени, а какой-то радости.

Али снял со своего пальца кольцо с красным камнем, на котором был вырезан лев в обрамлении каких-то иероглифов. Наклонившись к самому моему уху, он сказал:

– Это кольцо откроет вам сегодня все двери моего дома, куда бы вы ни захотели пройти. И оно же поможет вам, если когда-нибудь в жизни вы будете ранены и рана будет кровоточить.

Увлечшись кольцом, я не заметил, как рядом с Али выросла другая стройная, высокая фигура. Я даже не сразу понял, что в подаренном мною сегодня фиолетовом халате именно брат и стоит возле Али.

Я видел стройного восточного человека с сильно загорелым лицом, со светлой бородой и усами, на белой чалме которого сиял треугольник из бриллиантов и изумруда. Высок был мой брат. Но рядом с высоченным Али он казался среднего роста.

– Посмотри на себя в зеркало, Левушка. Я уверен, что себя ты не узнаешь еще, определеннее, – со смехом обратился ко мне брат, очевидно заметив мое, полное недоумение.

Я двинулся к зеркалу, совершенно естественно хромя в своей неудобной левой туфле.

– Вы отличный артист, – едва улыбнувшись, сказал Али. Но вся его фигура выражала такой заразительный юмор, что я расхохотался.

Смеясь, я вдруг увидел в зеркале очень смуглого, чуть-что не черного хромящего старика. Я оглянулся и вдруг услышал такой взрыв веселого, раскатистого хохота Али и брата, что невольно обернулся и с удивлением посмотрел на них. Хохот их еще усилился; между тем я случайно еще раз взглянул в зеркало и снова увидел в нем смуглого араба-старика. С трудом я осознал, что этот черный – я.

Я поднес руку к глазам, убедился, что не сплю, и спросил брата, почему же я такой черный. Как это могло случиться? На мой вопрос он мне ответил:

– Это, Левушка, жидкость сделала свое дело. Но не тревожься. Завтра же ты будешь снова бел, еще, белее, чем всегда. Другая, такая же приятная жидкость смоет всю черноту с твоего лица.

– А теперь не забудьте, друг, что на весь этот вечер вы хромы, немые и глухи, – сказал, смеясь, Али. С этими словами он поправил на мне чалму, нахлобучив ее так, что теперь я уж и в самом деле не мог ничего слышать,

но понял, что он предлагает мне взять его руку и идти с ним. Я посмотрел на брата, который успел привести комнату в полный порядок, он кивнул мне, и мы вышли на улицу.

ГЛАВА II ПИР У АЛИ На улице Али ш,,л впереди, я в середине и брат мой сзади. Мо,, состояние от удушливой жары, непривычной одежды, бороды, которую я вс,, трогал, проверяя, крепко ли она сидит на месте, неудобной левой туфли и тяж,,лой палки стало каким-то отупелым. В голове было пусто, говорить совсем не хотелось, и я был доволен, что по роли этого вечера я нем и глух. Языка я вс,, равно не понимаю, и теперь мне ничто не будет мешать наблюдать новую незнакомую жизнь.

Мы перешли улицу, миновали ворота, по обыкновению крепко запертые, завернули за угол и через железную калитку, которую открыл и закрыл сам Али, вошли в сад.

Я был поражен обилием прекрасных цветов, издававших сильный, но не одуряющий аромат.

По довольно широкой аллее мы двинулись в глубину сада, теперь уже рядом, и подошли к освещенному дому. Окна были открыты настежь, и в большой длинной зале были расставлены небольшие, низкие круглые столики, придвинутые к низким же широким диванам, тянувшимся по обеим сторонам зала. Подле каждого столика стояло ещ,, по два низких широких пуфа, как бы из двух сложенных крест-накрест огромных подушек. На каждом пуфе – при желании – можно было усесться повосточному, поджав под себя ноги.

Весь дом освещался электричеством, о котором тогда едва знали и в столицах. Али был яростным его пропагандистом, выписал машину из Англии и старался присоединить к своей, довольно мощной, сети своих друзей.

Но даже самые близкие друзья не решались на такое новшество, только один мой брат да два доктора с радостью осветили свои дома электричеством.

Пока мы проходили по аллее, навстречу нам быстро вышел Али молодой, а за ним Наль в роскошном розовом халате, который я тотчас узнал, с откинутым назад богатейшим покрывалом.

Не виданный мною прежде затканый жемчугом и камнями женский головной убор, перевитые жемчугом же т,,мные косы лежавшие на плечах и спускавшиеся почти до полу; улыбающиеся алые губы, быстро говорившие что-то Али... Я хотел сдвинуть чалму, чтобы услышать голос девушки, но быстрый взгляд Али как бы напомнил мне: «Вы глухи и немы, погладьте

бороду».

Я злился, но старался ничем не выказать своего раздражения и медленно стал гладить бороду, радуясь, что я хотя бы не слеп, по виду стар и могу рассматривать красавицу, любуясь ею безо всякой помехи. Девушка не обращала на меня никакого внимания. Но не требовалось быть тонким физиогномистом, чтобы понять, как занято е,, внимание моим братом.

Теперь мы стояли на большой, со всех сторон обвитой незнакомой мне цветущей зеленью террасе. Яркая люстра светила как дн,,м, так, что даже рисунок драгоценного ковра, в котором утопали ноги, был ясно виден.

Девушка Среднего роста, тоненькая, гибкая! Крошечные белые ручки с тонкими длинными пальцами держали две большие красные розы, которые она часто нюхала. Но мне казалось, что она старается таким образом скрыть сво,, замешательство. Е,, глаза, громадные, миндалевидные зел,,ные глаза, не похожи были на глаза земного существа. Можно было представить, что где-то, у каких-нибудь высших существ, у ангелов или гениев, могут быть такие глаза. Но с представлением об обыкновенной женщине не вязались ни эти глаза, ни их выражение.

Али предложил мне сесть на мягкий диван, а девушка и Али молодой сели напротив нас на большом мягком пуфе.

Я вс,, смотрел не отрываясь на лицо Наль. И не один я смотрел на это лицо, меняющее сво,, выражение подобно волне под напором ветра. Глаза всех тр,,х мужчин были устремлены на не,,. И какое разное было их выражение!

Молодой Али сверкал своими фиолетовыми глазами, и в них светилась преданность до обожания.

Я подумал, что умереть за не,, без колебаний, он готов каждую минуту. Оба были очень похожи. Тот же тонко вырезанный нос, чуть с горбинкой, тот же алый рот и продолговатый овал лица. Но Али – жгучий брюнет, и чувствовалось, что темперамент в н,,м тигра. Что мысль его может быть едкой, слово и рука ранящими.

А в лице Наль вс,, было так мягко и гармонично; вс,, дышало добротой и чистотой, и казалось, жизнь простого серого дня, с его унынием и скорбями не для не,,. Она не может сказать горького слова; не может причинить боль; может быть только миром, утешением и радостью тем, кто будет счастлив е,, встретить.

Дядя смотрел на не,, своими пронзающими агатовыми глазами пристально и с такой добротой, какой я никак не мог в н,,м предполагать. Глаза его казались бездонными, и из них лились на Наль потоки ласки. Но мне вс,, чудилось, что за этими потоками любви был глубоко укрыт ураган

беспокойства и неуверенности в счастливой судьбе девушки. Последним я стал наблюдать брата.

Он тоже пристально смотрел на Наль. Брови его снова, – как под деревом, – были слиты в одну прямую линию; глаза от расширенных зрачков стали совсем т.,мными. Весь он держался прямо. Казалось, все его чувства и мысли были натянуты, как тетива лука. Огромная воля, из-под власти которой он не мог позволить произвольно вырваться ни одному слову, ни единому движению, точно панцирь укрывала его. И я почти физически ощущал железное кольцо этой воли.

Девушка чаще всего взглядывала на него. Казалось, в е,, представлении нет места мысли, что она женщина, что вокруг не,, сидят мужчины. Она, точно реб,,нок, выражала все свои чувства прямо, легко и радостно.

Несколько раз я уловил взгляд обожания, который она посылала брату; но это было опять-таки обожание реб,,нка, в котором чистая любовь лишена малейших женских чувств.

Я понял вдруг огромную драму этих двух сердец, раздел,,нных предрассудками воспитания, религии, обычаев...

Али старший взглянул на меня, и в его, таких добрых сейчас, глазах я увидел мудрость старца, точно он хотел мне сказать:

«Видишь, друг, как прекрасна жизнь! Как легко должны бы жить люди, любя друг друга; и как горестно разделяют их предрассудки. И во что выливается религия, зовя к Богу, а на деле разрывая скорбью, мукой и даже смертью жизни любящих людей».

В мо,,м сердце раскрылось вдруг понимание свободы и независимости человека. Мне стало жаль, так глубоко жаль брата и Наль! Я увидел, как безнад,,жна была бы их борьба за любовь! И оценил волю брата, не дававшего пробиться ни единому живому слову, но державшемуся в рамках почтительного рыцарского воспитания в сво,,м разговоре с Наль.

Вначале такая детски вес,,лая, девушка становилась заметно грустней, и е,, глаза вс,, чаще смотрели на дядю с мольбой и недоумением.

Али старший взял е,, ручку в свою длинную, тонкую и что-то спросил, чего я расслышать не смог. Но из жеста девушки, каким она быстро вырвала свою руку, поднесла розы к зардевавшемуся лицу, я понял, что вопрос был о цветке.

Али снова ей что-то сказало и девушка, вся пунцовая, сияя своими огромными зел,,ными глазами, поднесла одну из роз к губам и сердцу и протянула е,, моему брату.

– Возьми, – сказал Али так четко, что я вс,, расслышал. – В день

совершеннолетия женщина нашей страны да,т цветок самому близкому и дорогому другу. Брат взял цветок и пожал протянувшую его ручку. Али молодой вскочил, как тигр, со своего места. Из глаз его буквально посыпались искры. Казалось, что он тут же бросится на брата и задушит его.

Али старший только взглянул на него и пров,,л указательным пальцем сверху вниз, – и Али молодой сел со вздохом на прежнее место, словно вконец обессилов.

Девушка побледнела. Брови е,, сморщились, и вс,, лицо отразило душевную муку, почти физическую боль. Е,, глаза скорбно смотрели то в глаза дяди, то на опустившего голову двоюродного брата.

Али Мохаммед снова взял е,, руку, ласково погладил по голове, потом взял руку моего брата, соединил их вместе, и сказал:

– Сегодня тебе 16 лет. По восточным понятиям ты уже старушка. По европейским – ты дитя. По моим же понятиям ты уже человек и должна вступить в жизнь. Не бывать дикому стовору, который так глупо затеяла твоя т,,тка. Ты хорошо образованна. Ты поедешь в Париж, там будешь учиться, а когда окончишь медицинский факультет, поедешь со мной в Индию, в мо,, поместье. Там, доктором, ты будешь служить человечеству лучше, чем выйдя замуж за здешнего фанатика.

Мой и твой друг, капитан Т.. не откажет нам в своей рыцарской помощи и поможет тебе бежать отсюда. Обменяйся с ним кольцами, как христиане меняются крестами.

Мне было странно, что, не разбирая ни одного слова девушки, я четко слышал каждое слово Али.

На мизинце брат носил кольцо нашей матери, которой я совсем не помнил. Старинное кольцо и» золота и синей эмали с крупным алмазом, тонкой, изящной работы.

Ни мгновения не раздумывая, брат снял сво,, кольцо и надел его на средний палец правой руки Наль. Она же, в свою очередь, сняла с висевшей у пояса цепочки перстень-змею, в открытой пасти которой покоился мутный, бесцветный камень, и надела его на безымянный палец левой руки брата.

Не успел я подумать: «Какой безобразный! Такой же урод, как и держащая его в пасти толстая змея», – как вдруг едва не вскрикнул от изумления: камень, похожий на стекляшку, вдруг засверкал всеми цветами радуги. Никогда, ни один бриллиант самой чудесной воды и огранки не мог бросать таких длинных радужных лучей, сверкавших как луч солнца, преломленный в хрустальной пирамиде.

У Али молодого вырвался стон, почти крик. И снова взгляд дяди заставил его успокоиться, снова он опустил голову на грудь.

– Это камень жизни, – сказал Али старший. – Он оживает, принимая в себя электричество из организма человека. Ты, друг Николай, сейчас в полном расцвете сил и сердце твоё, чисто. Вот камень и сверкает ослепительно. Чем старше ты будешь становиться, тем тусклее будут лучи камня, если только мудрость и сила духа не придут к тебе на смену физических сил. Ты отдал моей племяннице самое дорогое, что имел, – любовь матери, закованную в это кольцо. Наль отдала тебе дар мудрецапрадеда, завещавшего ей передать кольцо тому, кого будет любить так сильно и верно, что и на смерть пойдёт за него.

Я нечаянно взглянул на молодого Махмуда. Не цветущий юноша сидел напротив меня. Сидело привидение с прозрачным мертвенным лицом, с тусклыми, ничего не видящими глазами. Я подумал, что он в обмороке и только держится в сидячем положении, случайно найдя устойчивую позу.

– Сегодня, – продолжал Али Мохаммед, – должна совершиться та великая перемена в твоей жизни, о которой я тебе говорил месяц назад, моя Наль, и к которой я готовил тебя более пяти лет. Капитан Т. отведёт тебя и двух твоих преданных слуг к себе домой. Али же пойдёт с тобой. Там ты найдёшь европейское платье для себя и слуг, переоденешься, отдашь свой халат и покрывало Али, и вместе с капитаном Т. вы все уедете на станцию железной дороги. Али же вернётся сюда. Доверься чести и любви капитана. Он отвезёт тебя в такой город и в такое место, где ты будешь в полной безопасности ждать меня или моего посла. Ни о чём не беспокойся. Храни только верность единственному закону, закону мира. Будь мужественна и жди меня без страха и волнений. Раньше или позже, – но я приеду. Повинуйся во всём капитану Т. и не бойся оставаться без него. Если он временно тебя покинет, – значит, так будет необходимо. Но он оставит тебя под охраной верных друзей, если бы случилась такая необходимость. А теперь выйдем в сад все вместе.

Мы вышли в сад. Али молодой подал мне руку, чтобы помочь сойти со ступенек террасы. Внезапно весь дом погрузился во тьму, где-то перегорели пробки.

Пользуясь полным мраком, брат, Наль, Али и ещё две фигуры тихо вышли из сада через калитку. Али старший что-то шепнул племяннику, и тот согласно кивнул головой.

В темноте бегали какие-то фигуры, слуги зажгли кое-где свечи, отчего тьма показалась ещё гуще. Так прошло с четверть часа. Мне померещилось, что я снова увидел Наль в том же розовом халате, с

опущенным на лицо покрывалом. Как будто даже Али Мохаммед обнял е,, за плечи; но среди п,,стрых впечатлений этого дня я уже не мог отдать себе ясный отч,,т ни в чем и подумал, что мне просто привиделась та, красота которой точно врезалась в мо,, сознание.

Между тем свет вдруг ярко вспыхнул, ещ,, три раза мигнул и полился ровно.

– Настал час съезда, – четко сказал Али Мохаммед, и я опять его понимал.

– Не забудьте – вы хромаете на левую ногу, вы глухи и немые. Вам будут много и почтительно кланяться. Не отвечайте никому на поклоны, только мулле едва кивн,,те. Не ешьте ничего с общего стола. Кушайте только то, что вам будет подано с моего. К концу ужина настанет час выхода Наль. Она будет укутана в драгоценные покрывала. Всеобщее внимание будет приковано к условному похищению Наль женихом. К вам подойд,,т мой друг и провед,,т вас к задней калитке сада. Там будет стоять сторож. Вы ему покажете кольцо, что я вам дал, вас выпустят, и вы пройд,,те другой дорогой к себе домой. Дома вы найд,,те письмо брата. Вы снимете свою одежду, спрячете вс,, как вам будет сказано в письме. Придется вам немало поработать, чтобы привести в порядок дом. Надо, чтобы денщик ничего особенного не обнаружил, когда станет убирать комнаты.

С этими словами Али оставил меня и пош,,л навстречу группе гостей; им открыли калитку возле ворот, которой я раньше не заметил.

Высокая фигура хозяина выделялась на целую голову над п,,строй группой гостей. Некоторым он важно отвечал на поклон, и они проходили дальше. Другие задерживались подле, и он жал им по-европейски руки.

Гости вс,, подходили, и вскоре вся аллея и веранда были густо усеяны живописными фигурами. Говор, смех и напряж,,нное ожидание вкусного угощения, какие-то, очевидно вес,,лые рассказы – вс,, создавало приподнятое настроение.

Но, приглядываясь, я заметил, что гости держатся обособленными кучками. Те, что были одеты не совсем по-азиатски, держались особняком. А остальные вс,, поглядывали на муллу, как музыканты на дириж,,ра.

Я поневоле пристально присматривался ко всем, думая обнаружить, не заgrimированы ли чьи-либо лица подобно моему, искусственную бороду на котором я так важно поглаживал.

Время незаметно шло, гости входили теперь реже, где-то заиграла восточная музыка, и из дома вышло несколько слуг, приглашая гостей в зал.

В самой глубине зала, у дверей в соседнюю комнату стоял Али

Мохаммед с ещ,, не виденным мною очень высоким человеком в белой одежде и такой же чалме. Золотистая борода, огромные т,,мно-зел,,ные прекрасные глаза, слегка загорелое лицо. Очень стройный, человек этот был молод, лет 28-30, и бросался в глаза своей незаурядной красотой. Ростом он был чуть ниже Али, но много шире в плечах, необычайно пропорционален, – настоящий средневековый рыцарь. Я невольно представил его себе в одеждах Лоэнгринга.

Хозяин приветствовал входивших в зал глубоким поклоном. Гости рассаживались на диваны и пуфы, соблюдая вс,, тот же порядок и держась отдельными кучками.

Прибывшие оставляли туфли или кожаные калоши у входа, где их подбирали слуги и ставили на полки. Среди гостей не было ни одной женщины.

Я стоял, наблюдая, как проходят и усаживаются гости, и не представлял, куда я могу сесть. Я уже хотел было скрыться в сад, как почувствовал на себе взгляд Али. Он сказал что-то мальчику-слуге, и тот быстро направился ко мне. Почтительно поклонившись, он пригласил меня следовать за собой и пов,,л к столу, находившемуся неподал,,ку от стола хозяина.

За этим столом уже сидело двое мужчин средних лет в цветных чалмах и п,,стрых халатах. Они сидели по-европейски, обуты были в европейскую обувь, а сверх европейских костюмов имели только по одному ш,,лковому халату. Они почтительно поклонились мне глубоким восточным поклоном. Я же, помня наставление Али, даже не кивнул им, а просто сел на указанное мне место.

Только когда все гости расселись, заняли свои места Али и высокий красавец. Музыка заиграла ближе и громче, и одновременно слуги стали вносить дымящиеся блюда. Мальчики разносили фарфоровые китайские пиалы и серебряные ложки, подавая их каждому гостю.

Но не все гости накладывали жирный, дымящийся плов, в пиалы и ели его ложками. Большинство запускали руки прямо в общее блюдо и ели плов руками, что вызывало во мне чувство отвращения, близкое к тошноте. Хотелось убежать, хотя никогда прежде не виденная мною толпа представляла зрелище красок и нравов чрезвычайно интересное.

На наш стол тоже подали блюдо плова, но я не прикасался к нему, помня наставление Али и ожидая специального кушанья. И действительно, от его стола отделилась высокая фигура поразившего меня красавца, и он подал мне серебряную пиалу с небольшой золотой ложкой.

Очевидно, честь, оказанная мне, считалась по здешним обычаям очень

высокой, потому что на мгновение в зале умолк говор и шум, и вслед за наставшей тишиной пронеслись удивленные восклицания.

Гости, судя по жестам и мимике, спрашивали друг друга, кто я такой. Многие очень серьезно поглядывали на меня, что-то говорили своим соседям, и те удовлетворенно кивали головой. Но в это мгновение внесли новые ароматные блюда, и всеобщее внимание отвлеклось от меня.

Я невольно встал перед державшим мою чашу красавцем. Он улыбнулся мне, поставил пиалу на стол и поклонился по-восточному. От его улыбки, от добрых его глаз, от какой-то чистоты, которой веяло от него, меня наполнила такая радость, как будто я увидел старого, верного друга. Я отдал ему глубокий восточный поклон.

Мои соседи по столу задавали мне какие-то вопросы, которых я не понял и не расслышал, а видел только их шевелящиеся губы и вопрошающие глаза. Меня выручил мальчик, сказавший им что-то, показывая на рот и уши. Сотрапезники мои покачали головами и, сострадательно поглядев на меня, принялись кушать с аппетитом свой плов, слава Богу, накладывая его ложками в пиалы. Я поглядел на содержимое моей серебряной пиалы и несказанно удивился. Там, по виду, был компот из фруктов, а у меня уже разыгрался аппетит, и я с удовольствием поел бы чего-нибудь более существенного.

Я разочарованно взглянул на Али Мохаммеда, он встретил мой взгляд, как бы зная заранее, что я буду разочарован.

В его руках была точно такая же пиала, как моя, он ее, приподнял, словно желая чокнуться со мной, и ласково улыбнулся. Чтобы не показаться невежливым и невоспитанным гостем, я взял и проглотил небольшой кусочек неизвестного мне плода, плавающего в соку, напоминавшем красное вино.

И в тот же миг улетучилось все, желание более основательной пищи. Чудесный вкус, аромат, вроде ананаса, и сок, бодрящий, прохлаждающий. Я ел с таким удовольствием, что даже перестал наблюдать за происходящим. А между тем, наблюдать было что.

Оба моих соседа сняли свои халаты и пиджаки и остались в одних шелковых рубашках и широких черных поясах, заменявших жилеты. Влияние жары и на других более европеизированных гостей также ощущалось.

Правоверные же, обливаясь потом, стирая его рукавами с лоснящихся лиц, усердно ели, нередко пятная свои драгоценные халаты, но никто не снимал ничего из своей одежды. Жара и тяжелые яства доводили гостей до изнеможения. Позы становились вольнее, голоса громче, затевались споры,

очень напоминающие ссору.

Компот, поданный мне красавцем, обладал, очевидно, каким-то волшебным свойством. Мне перестало быть жарко, уже не хотелось содрать с себя чалму, я был бодр и ощущал свежесть во всём теле. Мне казалось, что я могу легко пройти сейчас вёрст десять, словно бы не было вовсе утомления и волнений дня. Мысль моя обострилась, я стал внимательно наблюдать за всеми.

Полное спокойствие и самообладание, уверенность в самом себе и какая-то новая сила взрослого мужчины, которой я ещё ни разу не испытывал, появилась во мне и удивила. Я вспомнил брата, Наль и Али молодого. Почему-то у меня не было ни малейшего беспокойства за тех двоих, но Али молодого я стал беспокойно искать глазами по всему залу. Мне пришла на память фигура в розовом халате Наль, которую я заметил в темноте сада.

Я продолжал искать двоюродного брата Наль, но найти его не мог. Случайно мой взгляд встретился со взглядом хозяина, и я точно прочел в нём: «Храните самообладание и помните, когда вам уйти и что делать дома».

Волна какого-то беспокойства пробежала по мне, точно порыв ветра, заставляющий мигать пламя свечи, – и снова я вернулся к полному самообладанию.

Между тем блюда сменились много раз, уже были расставлены всюду горы фруктов и сладостей. Мои соседи ели сравнительно мало, зато дыни поглощали в несметном количестве, посыпая их перцем.

Снова отделилась от стола Али великолепная фигура золотоволосого красавца, и он подал мне чашу с какими-то другими фруктами, напоминавшими по внешнему виду зёрна риса в меду.

Нагнувшись, он незаметно сунул мне в руку записку, опять низко поклонился и отошёл. Я хотел отдать ему поклон, но не мог встать, мне не повиновались ноги. При свойственной мне смешливости, я расхохотался бы во всё горло, если бы не стягивала так сильно щёки борода. Я развернул записку, там было написано по-английски: «Сначала съешьте то, что я вам сейчас принёс. Не пытайтесь встать, пока не съедите этого кушанья. Вам непривычны наши пряные блюда, от них ноги – как от некоторых сортов вин – вам не повинуются. Но через некоторое время, после новой пищи, всё будет в порядке. Не забудьте, в конце пира вам надо уйти, я сам отведу вас к калитке. Когда подыметесь шум, встаньте и немедленно идите к столу хозяина, я вам подам руку, и мы сойдём в сад».

Я не хотел раздумывать над сотней таинственных и непонятных мне

вещей. Но стать вновь хозяином своих ног я очень желал, а потому поторопился съесть содержимое чаши. Было очень похоже на маленькие катышки сладкой каши в соусе из меда, вина, ванили и еще, каких-то ароматных вещей. Мои соседи уже давно перестали обращать на меня внимание. Они следили, казалось мне, с возрастающим беспокойством за усиливающимся шумом и возбуждением гостей.

Я попробовал теперь двинуть ногой, привстал, как бы поправляя халат, – ура! ноги мои тверды и гибки. Шум в зале стал напоминать воскресный гул базарной площади. Кое-где за столиками шли ожесточенные споры, гости размахивали руками и, со свойственной Востоку экспрессией, выкрикивали визгливыми голосами какие-то слова. Мне показалось, что я уловил «Наль» и «Аллах». Шум в зале все усиливался. И тут я вспомнил, что мне пора вставать и двигаться к столу Али. Я хотел быстро подняться, но неловкость в левом башмаке сразу же заставила меня образумиться и войти в роль хромого. Я отдал должное уму и наблюдательности брата. Не будь этого неудобного башмака, толстой чалмы и склеивающей движение губ неуклюжей бороды, я бы уже сто раз забыл, что должен играть роль глухого, немого и хромого.

Взглянув на Али, я увидел, что мой красавец уже поднялся и двинулся навстречу.

С огромным трудом я вылез из-за стола, оставив свои пиалы и ложку. Заметив мое затруднение, золотоволосый великан в один миг очутился возле меня; а мальчик, подскочив с листом мягкой белой бумаги, в один миг завернул обе мои серебряные чаши и ложку и подал мне их, что-то лопоча с глубоким поклоном. Видя, что я удивленно смотрю на него и не беру свертка, он стал почтительно совать мне его в свободную от палки левую руку.

– Возьмите, – услышал я над собой голос. – Таков обычай. Возьмите скорее, чтобы никому не пришло в голову, что вы не знаете местных обычаев. Мальчик так усердно кланяется вам, потому что думает, что вы очень важная персона и недовольны столь малым подарком в день совершеннолетия. Пойдите, пора, – закончил он свою английскую фразу и поддержал меня под левую руку.

Я едва шлепнул, неудобный башмак так жал мне ногу, что я почти подпрыгивал и, пожалуй, без помощи красавца-гиганта не смог бы сойти с невысокой, но крутой лесенки в сад.

Едва мы сделали несколько шагов по аллее, как потух свет. В зале раздались рыдания не то радости, не то озорства и негодования. Возле нас мелькнула чья-то тень и набросила на моего провожатого какое-то легкое

плотное покрывало, которое задело и меня. Мой проводник схватил меня, как малого реб,нка, на руки и бросился в гущу сада. Добежав до калитки, мы столкнулись со сторожем, которому я показал перстень, данный мне Али Мохаммедом, и он беспрекословно пропустил нас на улицу. Мой спутник сказал ему несколько слов, он почтительно поклонился и закрыл калитку.

Мы очутились на пустынной улице. Глаза попривыкли к темноте, из сада н,сся шум, но больше ничего не нарушало ночной тишины. Небо сияло зв,,здами. Мой спутник опустил меня на землю, снял неудобную туфлю. Наклоняясь ко мне, он стащил с меня и чалму и, пристально глядя мне в глаза, сказал:

– Не теряйте времени. Жизнь вашего брата, Наль и ваша зависит во многом от вас. Если вы в точности выполните вс,, как указано в письме, что лежит на подушке вашего дивана, – вс,, будет хорошо. Забудьте теперь, что вы были хромы, глухи и немые; но помните всю жизнь, как вы играли роль старика на восточном пире. Будьте здоровы, завтра утром я вас навещу. А сегодня, что бы вы ни услышали, – ни в коем случае не покидайте дом и даже не выходите во двор.

Сказав мне вс,, это по-английски, он пожал мне руку и исчез во тьме.

Когда я отворял дверь нашего дома, то увидел, что свет в саду Али снова вспыхнул. «Значит, горит и у нас», – подумал я. Обнаружив небольшую полоску света из-под двери кабинета, я пош,,л туда и поразился беспорядку, царившему там, при щепетильной аккуратности брата.

Очевидно, здесь несколько человек переодевались. Но я мало обратил внимания на внешний беспорядок. Все мои мысли были заняты судьбой брата. Притворив плотно дверь, я запер е,, на ключ, зад,,рнул на ней тяж,,лую портьеру и поправил складки на полу, чтобы свет не проникал в щель.

«Прежде всего, – думал я, – надо прочесть письмо». Удостоверившись, что ставни на окнах закрыты, синие шторы спущены и плотные портьеры зад,,рнуты, я прош,,л в свою комнату.

Здесь у самого дивана горела небольшая лампа. Окна тоже были укрыты плотно, и сильная жара становилась невыносимой. Мне хотелось раздеться, но мысль о письме точно заколдовала меня.

Я бросил палку, снял верхний халат, подош,,л к дивану и на подушке увидел большой синий конверт, на котором рукой брата было написано: «Завещание».

Я схватил толстый конверт, осторожно его разорвал и оттуда вынул два письма и записку. Одно из них было длиннее и носило ту же надпись,

сделанную рукой брата: «Левушке». На другом незнакомым мне круглым, полудетским, женским почерком было написано: «Другу, Л.Н.Т.»

Я прежде всего развернул записку. Она была короткая, и я жадно ее прочел. «Левушка, – писал мне брат, – некогда. Из большого письма ты узнаешь все. Теперь же не медли. Сними грим с лица и рук жидкостью, что стоит у тебя на столе. Все костюмы, что брошены в комнате, а также все, с себя спрячь в тот шкаф в гардеробной, который я тебе показал сегодня. Туда же спрячь и флакон с жидкостью для грима. Когда закроешь плотно дверцы шкафа, нажми справа в 9-м цветке обоев, считая от пола, совсем незаметную кнопку. Сверху опустится обитая теми же обоями латексная стенка и закроет шкаф. Но осмотри внимательно все, не забудь чего-либо из одежды».

Я мгновенно вспомнил, что провожавший меня покровитель снял с моей головы чалму и сдернул с левой ноги туфлю. Я очень обеспокоился, не потерял ли их дорогой. Но, поглядев на свертки с чашами, сунутый мне мальчиком, я рядом с ними увидел и уродливую туфлю и чалму. Очевидно, мой спутник дал мне все это в руки, и я машинально держал все вместе, а войдя в комнату, бросил на стол.

Я достал вату, смочил сначала руки, и они сразу стали снова белыми. Я подумал, что придется долго возиться с лицом из-за бороды; но ничуть не бывало. Похожая на молоко, приятно пахнущая жидкость сняла всю черноту с лица; борода сразу отстала, мне сделалось легко и даже не так жарко. Я сбросил еще один халат, оставшуюся туфлю и чулки, надел латексные ночные туфли и пошел убирать комнату брата.

В царившем, как мне показалось вначале, хаотическом беспорядке все же была какая-то система. Все халаты были собраны в один узел; остальные принадлежности туалета тоже были связаны в узлы.

Оставалось все унести в гардеробную. Я подумал о денщике, но вспомнил, что он обладал богатырским сном, что даже пушечная пальба и та не будила его, как говорил брат.

И действительно, едва я вышел в коридор, как могучий храп денщика заставил меня улыбнуться. Мои латексные шаги вряд ли могли нарушить его сон. Несколько раз мне пришлось пропутешествовать из кабинета с узлами в гардеробную. Наконец, я убрал всю обувь, оставались чалмы. Я узнал чалму брата по треугольнику с изумрудом. На туалетном столе лежал и футляр от него. Я хотел было отколоть его и спрятать в футляр, но решил выполнить дословно приказ записки, взял все чалмы, подобрал и футляры и отнес все в шкаф. Тут же снял я и всю свою одежду, собрал бороду, палку, чалму, свертки с чашами и несносную туфлю и все это бросил тоже в шкаф.

Я ещ,, раз вернулся, внимательно осмотрел все комнаты, наш,,л футляр от своей булавки для чалмы и снова сн,,с в шкаф.

Ещ,, и ещ,, раз я осматривал внимательно все закоулки в комнате брата и, наконец, решился нажать кнопку, которую отыскал не без труда в 9-м цветке обоев. Девярых цветков, считая снизу, было много и, наконец, на одном из них, отнюдь не самом близком к шкафу, мне удалось найти чтото похожее на кнопку. Сначала ничего не было заметно; я уже стал терять терпение и называть себя ослом, как л,,гкий шелест заставил меня поднять глаза. Я едва не подпрыгнул от радости. Медленно ползла сверху стенка и через несколько минут, вс,, ускоряясь в движении, мягко опустилась на пол.

«Волшебство, да и только», – подумалось мне и, действительно, если бы я собственными руками не убрал вс,, в шкаф, а не мог бы предположить, что комната эта имела когда-нибудь другой вид.

Но раздумывать было некогда, вс,, виденное и пережитое мною за день слилось в такой сумбур, что я теперь даже неясно отдавал себе отч,,т, где кончалась действительность и начинался мир моих фантазий.

Я потушил свет в гардеробной, в которой не было вовсе окон, запер двери и снова вернулся в кабинет. На полу валялось несколько бумаг, какие-то обрывки писем и газет. Вс,, это я тщательно собрал, как и куски грязной ваты в своей комнате, бросил в камин и сж,,г.

Теперь я мог успокоиться, потушил свет и переш,,л в свою «залу». Мне хотелось пить, но жажда прочесть письма была сильнее физической жажды. Я перечел ещ,, раз записку, убедился, что вс,, по ней выполнил, и сж,,г е,, на спичке.

Мне послышался шум на улице, как будто глухо прокатилось несколько выстрелов, и снова вс,, смолкло.

Я лег и начал читать письмо брата. Чем дальше я читал, тем больше поражался; и образ брата Николая вставал передо мною другим, нежели я привык его себе рисовать.

Много, много лет прошло с той ночи. Не только я уже старик, не только нет в живых брата Николая и многих из участников побега Наль, но и вся жизнь вокруг меня изменилась; пришла война, одна, другая, третья, пронеслись тысячи встреч и впечатлений, а письмо брата Николая вс,, стоит передо мной таким, каким я воспринял его всем сознанием в ту дал,,кую, незабвенную ночь. Вот оно, это письмо: «Левушка!

Письмо это ты прочтешь тогда, когда настанет час моего большого испытания. Но этот час будет также и твоим огненным часом; и тебе придется проверить и выказать на деле твою верность и преданность брату-отцу, как ты любил называть меня в исключительные моменты жизни.

Теперь я обращаюсь к тебе как к брату-сыну. Собери вс,, сво,, мужество и выкажи честь и бесстрашие, которые я старался в тебе воспитать.

Моя жизнь раскололась надвое. Я – христианин, офицер русской армии – полюбил магометанку. И отлично знаю, что в этой любви не бывает радостному концу. Сеть религиозных, расовых и классовых предрассудков представляет из себя такую стену, о которую может разбиться воля не только одного человека, но и целого войска.

Как я встретил ту, кого люблю? Как познакомился?.. Вс,, узнаешь, если конец истории не будет печален; вернее, если будет история, а не простой смертный конец. Сейчас я скажу тебе только самое главное, то, что ты должен будешь сделать для меня, если захочешь отстаивать мою жизнь и счастье».

Дальше следовало, – через несколько пустых строчек, – более свежими чернилами и более нервным почерком, – продолжение:

«Ты уже знаешь Али Мохаммеда и молодого Али. Ты увидел Наль. Тебе предстоит разыграть роль гостя на пиру и .. быть заподозренным в том, что ты выкрал Наль в тот час, когда е,, жених должен был, по здешнему обычаю, похитить свою невесту. Если ты не захочешь выдать меня, если ты будешь хорошо играть свою роль, как тебе это укажут Али старший и его друг, – мы с Наль, может быть, уйд,,м от грозы и ужаса фанатического преследования...

Зайди к полковнику М. и скажи, что я уехал раньше него на охоту с подвернувшейся оказией и буду поджидать его у знакомого лесника, как всегда. Если же не дождусь его там, то проеду дальше и рассчитываю, что встретимся у купца Д. и привез,,м домой немало дичи; чтобы М. взял с собой лишнее ружье и побольше дроби. Сходи утром, часов в 8, передай вс,, точно и не опоздай.

Дальше во вс,,м доверься Али Мохаммеду. Обнимаю тебя. Не думай о грозящей мне опасности. Но думай, хочешь ли добровольно, легко просто стать защитой, а может быть, и спасением мне и Наль.

Прощай. Мы или увидимся счастливыми и радостными, или не увидимся вовсе. Во всех случаях будь мужествен, правдив и честен. Твой брат Н.».

Я взглянул на часы. Было уже почти четыре часа утра. Снова мне послышался шум на улице, хлопанье точно пастушеских бичей показалось даже, будто в ворота стучат. Но я помнил наставление моего ночного спутника по дороге домой, потушил свет и стал прислушиваться. По улице быстро прокатилось несколько телег, завопили какие-то голоса, раздалось

снова несколько выстрелов; начинались какие-то песни и сейчас же обрывались.

Мне казалось, что на улице происходит какой-то скандал; хотелось выглянуть откуда-нибудь, но я не решался, чтобы не навлечь подозрения на дом брата.

Сна не было ни в одном глазу, усталости также. Я заж,,г снова лампу, перечитал ещ,, раз письмо брата, поцеловал его и взялся за другое.

«Друг и брат, – начиналось оно, – я только маленькая женщина. Ты меня не знаешь, и вот из-за незнакомой женщины в твою жизнь врывается опасность.

Брат, Али Мохаммед, мой дядя, воспитавший меня, – лучший человек, какого могла создать жизнь. Если ты захочешь помочь мне избежать ужаса брака с грубым страшным человеком, фанатиком и другом муллы, я уверена, что мой дядя будет тебе всегда благодарен. И, в свою очередь, защитит тебя от всех опасностей, которые будут угрожать в жизни тебе.

Что я могу ещ,, сказать, брат и друг? Я прошу помощи и ничего не могу обещать тебе взамен лично от себя. Мы, женщины Востока, любим однажды, если жизнь позволяет нам любить. Ты – брат, брат-сын того, кого я люблю. Да будет же тебе моя любовь любовью сестры-матери. Останусь ли жива, буду ли мертва,

– я для тебя с этой минуты сестра мать. Отдаю тебе поклон и поцелуй; и пусть всегда останется в тво,,м сердце чудный образ твоего брата-отца, а также горячо любящей его и тебя Наль».

Снова послышался на улице шум; казалось, бежит множество ног возле самого дома и грохочут телеги. Я потушил огонь и стал вслушиваться.

Где-то, теперь подальше, прогремел опять выстрел; проехала, грохоча, ещ,, одна тяж,,лая телега, – и снова вс,, смолкло. Я чиркнул спичкой и поглядел на часы. Было уже половина шестого, значит, на улице совсем светло; но я вс,, же не решился открыть окна.

Я заж,,г лампу в комнате брата, взял конверты и письма, ещ,, раз их перечел, бросил в камин и подж,,г.

Как странно горели письма! Вдруг, вспыхнув, почти погасли, отделилось и свернулось письмо брата, и я ясно прочел слова: «брат-отец». Затем снова вс,, ярко вспыхнуло, а на письме Наль, точно на белом пятне в кругу огня, появились круглые буквы: «Наль».

Ещ,, раз вс,, вспыхнуло, превратилось в красные лохмотья и погасло, чтобы уже больше не явиться в нашем мире, как условная серия знаков любви, надежды, опасений, горя и верности.

Долго ли я сидел перед камином, – не знаю. За весь истекший день я не мог отдать себе отчужденность во всем происходившем; а эта ночь, какая-то сказочная, фантастическая ночь, расстроила мои нервы окончательно.

Я старался, но не мог собрать мыслей. На сердце была такая тяжесть, какой я еще, в жизни не испытывал. «Брат-отец» – все, мысленно, на тысячу ладов шептал я, и слезы катились из моих глаз. Мне казалось, что я похоронил все, что имел лучшего в жизни; что я вернулся с кладбища, чтобы начать одинокую жизнь брошенного, никому не нужного существа. Ни на минуту в сердце моем не было страха. Отдать жизнь за брата казалось мне делом таким естественным и простым. Но как защитить его? В чем может выразиться моя, такого неумелого и неопытного, помощь ему? Этого я себе не представлял.

Время шло; я все, сидел без мыслей, без решений, с одною болью в сердце и не мог унять льющихся слез. Где-то очень близко пропел петух. Я вздрогнул, взглянул на часы, – было без четверти семь. «Пора», – подумал я.

У меня оставалось времени только чтобы одеться и идти к полковнику с поручением брата. Я перешел в свою комнату, отворнул портьеру, чуть приоткрыл ставень. На улице все, было тихо.

Я прошел в умывальную комнату, по дороге увидел денщика, хлопотавшего над самоваром. Я велел ему не спешить с самоваром, так как брат вечером уехал на охоту, а я пойду известить об этом полковника М.

Очевидно, внезапные отъезды на охоту были в привычках брата, ибо денщик мой ничуть не удивился. Он предложил мне, что сбегает сам к полковнику, но я отклонил его предложение, сказав, что хочу прогуляться сам. Он растолковал мне ближайший путь садами, и через четверть часа, приведя себя в полный порядок, я вышел через сад на другую улицу. Я шел быстро, было жарко. День был праздничный, и, проходя мимо базара, я шел среди оживленной, густой толпы. Я старался ни о чем не думать, кроме ближайшей задачи: оповестить М., и даже страсть к наблюдениям заснула во мне.

– Здравствуйте, – вдруг услышал я за собою. – Вот как! Вас интересует базар? Я уже минут пять бегу за вами и едва догнал. Очевидно, вы что-то высмотрели и хотите купить? – передо мной, весело улыбаясь, стоял полковник М.

– Да я к вам спешу, – обрадовался я. – Брат просил передать, что он не дождался вас и с подвернувшейся оказией уехал вперед на охоту.

И я подробно передал все, порученное мне в записке насчет встречи, ружья и дробы.

– Вот хорошо-то! – весело воскликнул полковник. – А ко мне приехал племянник, страстный охотник; и просит, молит взять его с собой. Места не было бы, если бы я ехал с вашим братом. А теперь я могу его взять. Только выведу не сегодня, а завтра на рассвете.

Разговаривая, мы пересекли базарную площадь, в конце ее, у развалин старой мечети, собралась порядочная кучка восточного народа, среди которого я заметил несколько желтых халатов и остроконечных шапок с лисьими хвостами монашеского ордена дервишей.

– Да, должно быть здорово обозлены эти желтые на Али Мохаммеда, – сказал полковник.

– Почему? – спросил я. – Что им сделал Али Мохаммед? – Да разве вы не слышали, что против него собираются поднять религиозное движение? И в эту ночь вот эти желтые дервиши, конечно, сами учинили огромную пакость Али. Вы ничего не слышали? – продолжал спрашивать полковник.

Я внутренне вздрогнул, но спокойно пожал плечами и сказал:

– Что же я мог слышать, если почти единственный мой знакомый здесь вы, и вижу я вас только сейчас; а брат мой уехал вчера вечером.

На это полковник кивнул головой и рассказал мне, что в эту ночь у Али Мохаммеда должно было состояться похищение невесты, его племянницы. Что это

– часть обряда, заранее обусловленная; что едет жених похищать невесту с толпой своих товарищей, с пальбой из ружей и прочей инсценировкой дерзкого похищения; а на самом деле невесту они находят в определенном месте, выведенную старухами, хватают ее, и мчат во весь опор в дом жениха на хороших конях, стреляя в воздух.

Мне вспомнились выстрелы и шум телег ночью; и я недоумевал, чем же это разрешилось, кого же увезли вместо Наль. Видя, что я молчу, полковник сказал, что его рассказ меня не занимает.

– Конечно, вам, столичному человеку, не интересны наши дела. Но живя здесь, видя тьму, в которой обретаются люди, зажатые муллой, поневоле сострадаешь этому чудесному мягкому народу и горячо к сердцу принимаешь борьбу такого чудесного человека, как Али Мохаммед, с религиозным фанатизмом. Это истинный слуга народа.

Я поспешил заверить полковника, что более чем интересуюсь его рассказом; и что рассеянность моя относится к необычной для меня внешней красочности жизни, которой я никогда раньше не видел.

– Да, так вот я и говорю, что они подстроили – вот эти, – кивнул он головой на желтые халаты монахов, – самую пакостную историю бедному Али. Они похитили его племянницу, упрятали ее, куда-то, а его обвиняют,

что он устроил побег с помощью какого-то важного хромого старика купца, которого здесь никто не знает. Словом, факт тот, что ночью с пира жених и его друзья похитили Наль: а когда примчались домой, то в повозке нашли розовый халат, драгоценное покрывало да пару крошечных туфель невесты, а самой невесты и след простыл. Оскандаленный жених примчался к Али. Весь дом спал уже глубоким сном. Еле добудились Али, послали на женскую половину за старухами. Когда старухам сказали, что невеста сбежала, т.,тка Наль чуть глаза не выцарапала жениху. Пришлось самому Али унимать старую ведьму. Но, разумеется, они девушку упрятали в над.,жное место, чтобы оскорбить Али и объявить против него религиозный поход. Это очень хорошо, что ваш брат вчера вечером уехал. Все, кто был в добрых отношениях с Али, могут оказаться в опасности, так как религиозный поход – это благовидный предлог для убийства неугодных почему-либо и сведения личных счетов.

Я молча ш.,л рядом с полковником, погруженный в невес.,лые думы о брате и Наль, об обоих Али и обо всех грозящих им бедах.

Только теперь я сообразил, как велика опасность. Не раз вспоминал я смертельную бледность молодого Али, его муки ревности и подавленное бешенство. Чью сторону примет юноша? Не видел ли кто, куда подевался хромой старик с пира?

Мы подходили к дому полковника, он звал меня радушно к себе, но я отговорился головной болью и поспешил домой.

ГЛАВА III ЛОРД БЕНЕДИКТ И ПОЕЗДКА НА ДАЧУ АЛИ Я ясно помнил, что красавец-гигант обещал навестить меня дн.,м. Когда я подходил к дому, то увидел денщика, разговаривающего с каким-то разносчиком дынь у калитки сада.

Мне вс., казалось теперь подозрительным. Я мельком взглянул на дыни и торговца и молча прош.,л в сад.

Денщик захлопнул калитку и подбежал с двумя дынями к столу под деревом, где мы с братом обычно пили чай. Положив дыни, он прин.,с самовар, хлеб, масло, сыр и выжидательно остановился у стола. По всему его поведению было видно, что он хочет что-то мне сказать.

– Налей-ка чаю, – сказал я ему, – дыни ты, кажется, купил хорошие.

– Так точно, – ответил он. – Изволили слыхать? У нашего соседа скандал приключился. Ночью стекла побили... драка была и стрельба.

– Да разве ты слышал? Я не так крепко сплю, как ты, да и то ничего не слышал, – возразил я ему.

– Так точно, я не слышал сам. Вот торговец мне сказал, да вс.,

спрашивал, где мой барин, был ли ночью дома? Я сказал, на охоту уехавши еще, с вечера. И он все, допытывал, когда, мол, уехал, да куда. Я сказал, часов в пять уехал, как всегда к Ибрагиму.

В эту минуту послышался довольно сильный стук в парадную дверь. Денщик не пошел в дом, а открыл калитку сада, рядом с дверью. Я двинулся вслед за ним, подумав, что надо бы взять на всякий случай револьвер. Калитка открылась, и в ней обрисовалась громадная фигура, в которой я сразу узнал своего вчерашнего покровителя.

– Простите, я постучал довольно сильно, и, вероятно, встревожил этим вас. Но на два звонка мне никто не открыл. Я и решился прибегнуть к стуку, – сказал он на довольно чистом русском языке.

При ярком свете утра красота моего гостя еще, больше поразила меня. Правильные черты лица, безукоризненные зубы, маленькие уши и большие миндалевидные, совершенно изумрудно-зеленые глаза, – все, при сияющем солнце, было обворожительно. Мой взгляд, полный восхищения, был прикован к нему, к этой обаятельной, такой мужественной и вместе с тем молодой мягкой красоте. Я пригласил моего гостя разделить со мной утренний чай. Он улыбнулся и ответил:

– Мо, утро давно уже миновало. Мы, восточные люди, привыкли вставать рано. Я уже и забыл, когда завтракал; но если позволите, с удовольствием разделю вашу трапезу, съем кусочек дыни. Обычай моей родной страны учит, что только в доме врага не едят, а я ваш преданный друг.

– Вот как, – воскликнул я. – До сих пор я думал, что это обычай старой Италии. Теперь буду знать, что это и восточное поверье.

– Я и есть итальянец, и родина моя Флоренция. Вы не думайте, что все итальянцы смуглые брюнеты. В Венеции женщины даже полагали неприличным иметь черные волосы и красили их в золотистый цвет, что заставляло их немало трудиться, – говорил он, смеясь. – Но мои волосы не поддельные, мне не приходится волноваться.

– Да, – сказал я, – вы так дивно сложены, что рост ваш поражает только тогда, когда видишь рядом с вами нормального человека, который сразу кажется малышом, – сказал я, подавая ему тарелку, нож и вилку для дыни. – Вы простите меня, что я так невежлив и не свожу с вас глаз. В глаза Али Мохаммеда я не в силах смотреть; они меня точно прожигают. Вы же не подавляете, но привлекаете к себе, словно магнит. Я хотел бы век быть подле вас и трудиться с вами в каком-то общем деле, – вырвалось у меня восторженно, по-детски.

Он весело засмеялся, стал есть дыню своими прекрасными руками,

попросив разрешения обойтись без ножа и вилки.

Только сейчас я увидел, вернее сообразил, что мой гость одет не повосточному, как ночью, а в обычный европейский костюм песочного цвета из материи вроде чесучи. Должно быть, моя физиономия отразила моё изумление, так как он мне весело подмигнул и сказал тихо:

– И вида никому не показывайте, что вы меня видели в иной одежде. Ведь и вы сами были в чалме со змеей, хромы, глухи и немые. Разве я не мог, так же как и вы, переодеться для пира?

Я расхохотался. Хотя можно было совершенно спокойно принять моего гостя за англичанина, но... видев его однажды в чалме и одежде Востока, я не мог уже расстаться с убеждением, что он не европеец. Точно угадывая мои мысли, он снова сказал: – Уверяю вас, что я флорентиец. Хотя и очень, очень долго жил на Востоке.

Я снова расхохотался. Желание гостя подурочить меня было так явно! Эта цветущая красота, – ему не могло быть больше двадцати шести-семи лет.

– Скольких же лет вы уехали из Флоренции, если так давно, давно живёте на Востоке? – сказал я. – Ведь вы не многим старше меня. Хотя весь ваш облик и внушает какую-то почтительность, невзирая на вашу молодость. Вчера вы мне показались гораздо старше, а европейский костюм и причёска выдали вас с головой.

– Да, – многозначительно ответил он, глядя на меня с юмором. – Ваш европейский костюм и причёска тоже окончательно выдали вашу молодость.

Я закатился таким смехом, что даже пёс залаял. А гость мой, кончив есть дыню, обмыл руки в струе фонтана и, не переставая улыбаться, предложил мне пройти в комнаты для небольшого, но несколько интимного разговора. Я допил свой чай, и мы прошли к брату.

Мой гость быстро оглядел комнату и, указав мне на пепел в камине, сказал:

– Это нехорошо, отчего же ваш слуга так плохо убирает? В камине какие-то обрывки исписанной бумаги.

Я взял со стола старую газету, подсунул её, под оставшиеся в камине клочки бумаги и снова подожжё.

– Я вижу, вы всё тщательно убрали, – продолжал он, осматриваясь по сторонам. – Кстати, откололи ли вы броши с чалмы своей и брата?

– Нет, – сказал я. – В письме брата ничего не было сказано об этом. Я их вместе с чалмами и запер в шкафу. Вернее, похоронил, так как теперь уже не сумею поднять стену, – улыбнулся я.

– Этому делу помочь просто, – возразил мой гость.

Тут вош,,л денщик и спросил разрешения пойти на базар. Я дал ему денег и велел купить самых лучших фруктов. Когда он уш,,л, закрыв за собой дверь ч,,рного хода, мы прошли с гостем в гардеробную брата.

– Вы и дверь не закрыли на ключ? – сказал он мне. – А если бы ваш денщик любопытствовал заглянуть в гардеробную?

Он покачал головой, а я ещ,, раз понял, насколько же я рассеянный.

Я заж,,г свет, гость мой наклонился и указал на стенке в том же ряду, где я отсчитывал девятый цветок снизу, на четв,,ртом цветке такую же, еле заметную кнопочку. Нажав е,, он выпрямился и остановился в спокойном ожидании.

Как и в тот раз, лишь через несколько минут послышался л,,гкий шорох, между полом и стенкой образовалась щель. Движение стенки вс,, ускорилось, и наконец она вся ушла в потолок.

Я отпер дверцы шкафа и достал чалмы, непочтительно валявшиеся на дне его. Мой гость ловко отстегнул обе булавки, мгновенно сам наш,,л футляры, уложил в них броши и спрятал футляры в свой карман. Потом вынул флакон с жидкостью, который я поставил сюда вчера, и тоже положил его в карман.

– А в туалетном столе вашего брата вы не разбирали вещи? – спросил он меня.

– Нет, – отвечал я. – Я туда не заглядывал, в письме об этом ничего не сказано.

– Давайте-ка посмотрим, нет пиитам чего-либо ценного, что могло бы пригодиться вашему брату или вам впоследствии.

Разговаривая, мы вернулись в комнату. Мысли вихрем носились в моей голове, – почему надо искать ценности? Почему может что-то пригодиться «впоследствии»? Разве брат мой не верн,,тся сюда? И что же будет со мною, если он не верн,,тся? Все эти вопросы точно горели в мо,,м мозгу, но ни на один из них я не мог себе ответить.

Мне было чудно, что человек, вместе со мной роющийся в ящиках, мне совершенно чужой; а вс,, же полная уверенность в его чести и доброжелательности, сознание, что он делает именно то, что нужно, и так, как нужно, не нарушались во мне ни на минуту.

Из ящиков гость вынул несколько флаконов, и мы разместили их по своим карманам. Среди всяких коробочек он наш,,л плоский серебряный футляр с эмалевым павлином. Распущенный хвост павлина сверкал драгоценными камнями. Это было чудо художественной ювелирной работы. Тут же висел крошечный золотой ключик на тонкой золотой

цепочке.

– Ваш брат позабыл второпях эту чудесную вещь, которую он получил в подарок и которой очень дорожит. Возьмите е,, и если жизнь будет милостива ко всем нам, – когда-нибудь вы передадите е,, брату, – проговорил мой чудесный гость, подавая мне футляр с ключиком.

При этом он нежно, ласково коснулся обеими руками моих рук. И такая любовь светилась в его прекрасных глазах, что в мо,, взбудораженное воображение и взволнованное сердце пролилось спокойствие. Я почувствовал уверенность, что вс,, будет хорошо, что я не один, у меня есть друг.

Мог ли я тогда думать, сколько страданий мне придется пережить? Сколько несчастий свалится на мою бедную голову! И каким созревшим и закал,,нным человеком стану я через три года, пока не увижу брата, и в жизни его и моей действительно вс,, наладится.

Я спрятал в боковой карман заветный футляр, но потом, рассмотрев его ближе, понял, что это записная книжка, запиравшаяся на ключ.

Захватив ещ,, кое-что, что казалось необходимым моему гостю, мы заперли ящики, отнесли вс,, в гардеробную, плотно задвинули створки шкафа; и тогда я снова нажал кнопку девятого цветка. Вскоре стенка опустилась, мы закрыли дверь гардеробной на ключ и вышли снова в сад.

Здесь гость мой сказал, чтобы я рекомендовал его всем, кто бы нас ни встретил, как своего петербургского друга и то же сообщил о н,,м денщику.

Затем он передал мне приглашение Али провести сегодня день в его загородном доме, куда он уехал с племянником рано утром. Он ни словом не обмолвился о происшествиях ночи, а я не мог побороть какой-то застенчивости и не спрашивал ни о ч,,м.

Я так был рад не разлучаться с моим новым другом, что охотно согласился поехать к Али. Мы ждали в саду денщика, и обаяние моего гостя вс,, сильнее привязывало меня к нему. Тоска в сердце и мучительные мысли о брате как-то становились тише подле него. Спустя часа полтора вернулся денщик. Я сказал ему, что поеду за город с моим петербургским товарищем. А сам товарищ прибавил, что, быть может, мы не верн,,мся раньше завтрашнего утра, пусть он не тревожится о нас. Денщик плутовато усмехнулся и ответил сво,, всегдашнее: «Так точно».

Мы вышли через калитку внутри сада, прошли немного по тихой, тонувшей в зелени и пыли улице и свернули в тупичок, кончавшийся большим тенистым садом. Я шел за моим новым другом, и вдруг мне показалось странным, что я знаком с этим человеком чуть ли не целые сутки, так много пережил интимного с ним и подле него – и даже не знаю,

как его зовут.

– Послушайте, друг, – сказал я. – Вы велели рекомендовать вас всем как моего близкого петербургского друга. А я не знаю даже, как мне самому вас звать, не то что называть кому-то.

Он улыбнулся, взял меня под руку, – но я думаю, ему было бы удобнее положить мне руку на плечо, так я казался мал рядом с ним, – и тихо сказал мне по-английски:

– Это ничего не значит. Ваши знакомые будут думать, что я и в самом деле английский лорд. А так как лордов они никогда не видели, то мне будет легко играть эту роль. Кстати, у меня есть и монокль, которым я отлично манипулирую.

Он вставил в левый глаз монокль, поджал как-то смешно губы, разделил свою небольшую золотую бороду надвое, – и я прыснул со смеху, до того он был высокомерен, напыщен, а его прекрасное, умное лицо вдруг поглупело.

– Ну, вот видите, как весело, – процедил он сквозь зубы, – я могу изображать высокомерного тупицу не хуже, чем вы хромого дедушку. Представляйте меня лордом Бенедиктом, а сами зовите меня Флорентийцем, как зовут меня свои.

Мы вошли в сад и встретились там с двумя молодыми офицерами, товарищами брата. Они шли к нам и были очень разочарованы, что брат уехал на охоту; я познакомил их с моим петербургским другом, англичанином, лордом Бенедиктом. Лорд высокомерно оглядывал бедных мешковатых поручиков с высоты своего громадного роста. На обращенные к нему вопросы мямлил сквозь зубы по-английски: «Не понимаю», несколько раз ловко сбросил и поймал бровью свой монокль, чем окончательно сразил тарасивших глаза армейцев, никогда не выдавших живого лорда с моноклем и, наконец, быстро проговорил, что лошади нас ждут и я должен сказать им, что еду в гости за город к его дяде, тоже англичанину.

Мы простились, я ещ,, сдерживал душивший меня смех, но когда услышал пущенное возмуц,,нным тоном вдогонку: «Ну и английская харя», – я уже не смог сдержаться, залился вовсю, и мне вторили два раскатистых баса.

Но лорд Бенедикт, как истый англичанин, и бровью не пов,,л, – отчего мне было ещ,, смешнее.

У ворот сада стояла отличная коляска в английской упряжке. Две поджарые, истинно английские лошади нервничали, и их с трудом сдерживал старый кучер во фраке, гетрах и башмаках светло-коричневого

цвета, с английским кнутом в руке, точь-в-точь как на картинках модных журналов.

Я поглядел удивленно на моего лорда, он элегантно чуть-чуть поклонился мне и предложил первому занять место в коляске.

Я пожал плечами, сел, лорд быстро уселся рядом, сказал что-то кучеру, чего я не понял, и мы помчались.

Довольно скоро мы выехали за город. Я еще, не видел окрестностей. По обе стороны дороги тянулись виноградники, фруктовые сады, огромные баштаны дынь и арбузов. Непрерывно ехали нам навстречу на ослах люди всех возрастов в чалмах. Нередко на одном осле устраивались сразу двое. Встречались и женщины, укутанные в черные сетки и покрывала, тоже иногда сидевшие по двое на одном осле.

Вс, тонуло в пыли; вс, было залито солнцем и зноем, и казалось, конца не будет этому обильному плодородию, мимо которого мы катили.

Так ехали мы около часа. Наконец мы свернули налево и, проехав еще, немного, очутились в степи.

Картина сразу резко изменилась. Точно мы попали в другое царство. Вс, буйство природы, вся зелень остались позади; а впереди, – сколько мог охватить глаз, – тянулась пустынная степь с выжженной травой.

Меня укачали ритмичный бег лошадей, мягкое покачивание эластичных рессор и мельканье нагретого воздуха, и я незаметно для себя задремал.

– Мы скоро приедем, – сказал мне мой спутник по-русски. Я встрепенулся, посмотрел на него и .. обмер. Передо мной сидел в чалме и белой одежде мой ночной покровитель.

– Когда же вы успели переодеться? – почти в раздражении вскричал я.

Он весело рассмеялся, приподнял обитую бархатом скамеечку, и я увидел ящик, в котором лежали халат и тюрбан, в виде уже намотанной чалмы.

– Я оделся, как требует долг восточной вежливости, – сказал мой спутник.

– Ведь если мы приедем в европейском платье – Али должен будет подарить нам по халату. Я думаю, вам не очень хотелось бы сейчас принимать подарок от кого-либо, а это халат вашего брата.

– Мне не только был бы несносен восточный подарок, но и вообще я потерял, думаю навсегда, вкус к восточному костюму после маскарада и чудес прошлой ночи, – не совсем мягко и вежливо ответил я.

– Бедный мальчик, – сказал Флорентиец и ласково погладил меня по плечу. – Но, видишь ли, друг Левушка, иногда человеку суждено созреть

сразу. Мужайся. Вглядись в свое, сердце, чей жив, там портрет? Будь верен брату-отцу, как он был верен всю жизнь тебе, брату-сыну.

Слова его заделали самую глубокую из моих ран, привязанностей и скорбей. Острую тоску разлуки с братом я снова пережил так сильно, что не смог удержать слез, я точно захлебнулся своим горем.

«Я ведь решил быть помощником брату, – подумал я, – зачем же я думаю о себе. Пойду до конца. Начал маскарад – и продолжать надо. Ведь это брат хотел, чтобы я нарядился восточным человеком. Будь по его».

Я проглотил слезы, вынул тюрбан, надел его на голову и облачился в прострый халат поверх своего студенческого платья.

Вдали был виден уже дом, сад, и начинался по обе стороны дороги виноградник. Гроздья винограда зрели и наливались соком, краснея и желтея на солнце.

– Теперь недолго страдать и мучиться в догадках, – сказал Флорентиец. – Али все, расскажет тебе, друг, и ты поймешь всю серьезность и опасность создавшегося положения.

Я молча кивнул головой, мне казалось, я достаточно уже все, понимал. На сердце у меня было так тяжело, как будто, выехав за город, я перевернул какую-то легкую и радостную страницу своей жизни и вступил в новую полосу грозы и бед.

Мы въехали в ворота, к дому вела длинная аллея гигантских тополей. Как только экипаж остановился и мы оказались в довольно большой передней, к нам быстрой, легкой походкой вышел Али Мохаммед. В белой чалме, в тонкой льняной одежде, застегнутой у горла и падавшей широкими складками до пола, он показался мне не таким худым и гораздо моложавее. Смуглое лицо улыбалось, жгучие глаза смотрели с отеческой добротой. Он шагнул, издали протянув мне обе руки. Поддавшись первому впечатлению, измученный беспокойством, я бросился к нему, как будто бы мне было не двадцать, а десять лет.

Я прильнул к нему с детским доверием, забыв, что надо мужаться перед малознакомым человеком, скрывать свои чувства. Все условные границы были стерты между нами. Мою сердце прильнуло к его сердцу, и я всем своим существом почувствовал, что нахожусь в доме друга, что отныне у меня есть еще один друг и родной дом. Али обнял меня, прижал к себе и ласково сказал:

– Пусть мой дом принесет тебе мир и помощь. Войди в него не как гость, а как сын, брат и друг.

С этими словами он поцеловал меня в лоб, еще раз обнял и повернул меня к Али молодому, стоявшему сзади.

Я помнил, как страдал этот человек, когда Наль отдала моему брату цветок и кольцо. Мог ли я ждать чего-либо, кроме ненависти, от него, ревновавшего свою двоюродную сестру к европейцу?

Но Али молодой, так же как и его дядя, приветливо протянул мне обе руки. Глаза его смотрели прямо и честно мне в глаза; и ничего, кроме доброжелательства, я в них не прочел.

– Пойд,,м, брат, я проведу тебя в твою комнату. Там ты найд,,шь душ, свежее бель,, и платье. Если пожелаешь, переоденься, но прости, европейского платья у нас здесь нет. Я приготовил тебе наше л,,гкое индусское платье. Если ты пожелаешь остаться в сво,,м, слуга тебе его вычистит, пока ты будешь купаться.

С этими словами он пов,,л меня по довольно большому дому и вв,,л в прелестную комнату, окнами в сад, под которыми росло много цветов.

– Через двадцать минут ударит гонг к обеду, и я зайду за тобой. А за этой дверью ванная комната, – прибавил он.

Он уш,,л, я с наслаждением сбросил свой студенческий китель, которым так гордился, открыл дверь в ванную и, увидев, что ванна полна т,,плой воды, с восторгом стал в ней плескаться. Наконец, набросив мягкий купальный халат, вернулся в комнату. Не успел я ещ,, вытереться хорошенько, как постучали в дверь. Это был слуга, прин,,сший мне какое-то прохладительное питье. Я выпил его залпом и почувствовал себя верблюдом в пустыне, так была велика моя жажда, которой я не замечал, пока не начал пить.

Я пробовал говорить со слугой на всех языках, но он не понимал меня, отрицательно качая головой, печально разводя руками. Вдруг он заулыбался во весь рот, что-то бормоча, закивал утвердительно головой и побежал к шкафу, вытащил оттуда бель,, и белую одежду. Очевидно, он подумал, что я спрашиваю его именно об этом. Я хотел остаться в сво,,м платье, но у слуги был такой радостный вид, он был так счастлив, что понял, чего мне было надо, что мне не захотелось его огорчать. Я весело рассмеялся, похлопал его по плечу и сказал:

– Да, да, ты угадал.

Он ответил на мой смех ещ,, более радостными кивками и повторил, как бы желая запомнить.

– Да, да, ты угадал.

Речь его была так смешна, я мальчишески залился хохотом и вдруг услышал звук гонга.

– Батюшки, – закричал я, как будто мой слуга мог меня понимать, – да ведь я опоздаю.

Но мой слуга понял вс,, отлично. Он быстро подал мне короткие белого ш,,лка трусы, длинную рубашку, белый ш,,лковый нижний халат и ещ,, одну белую одежду, л,,гкую льняную, вроде той, в какую был одет Али Мохаммед.

Не успел я залезть во вс,, это, как раздался стук в дверь и на мой ответ «войдите» появился Али молодой.

– Ты уже готов, брат, – сказал он, – Я прин,,с тебе чалму; подумал, что ведь твоя остриженная голова сгорит без не,,. – Да я не сумею е,, надеть, – ответил я. – Ну, это один момент. Присядь, я тебе сверну тюрбан. И действительно, гораздо ловчее, чем это делал брат, он обернул мне голову чалмой. Мне было удобно и легко. На голые йоги я надел белые полотняные туфли без каблука, и мы двинулись с Али Махмудом обедать.

Мы вышли в сад, и в тени необычайно громадного каштана я увидел круглый стол, за которым уже сидели старший Али и Флорентиец. Я извинился за сво,, опоздание, но хозяин, указав мне место рядом с собой, приветливо улыбнулся и ласково сказал:

– У нас нет строгого этикета, когда мы жив,,м на дачах. Если бы тебе вздумалось и совсем не выйти к какой-нибудь трапезе, почувствуй себя совершенно свободным и поступай только так, как тебе легче, проще и веселее. Я буду очень рад, если ты погостишь здесь, отдохн,,шь и набер,,шься сил для дальнейших трудов. Но если жизнь рассудит иначе, – возьми в мо,,м доме всю любовь и помощь и помни обо мне, как о преданном тебе навеки друге.

Я поблагодарил, занял указанное мне место и посмотрел на Флорентийца. Он тоже переоделся в белое индусское платье. Снова я поразился этой юной цветущей красоте, где, казалось, не было ни одной складки страданья или беспокойства, но было разлито полное счастье жизни.

Он тоже поглядел на меня, улыбнулся, вдруг поджал губы, сделал движение левой бровью и веком, и я увидел глупое лицо лорда Бенедикта. Я залился своим мальчишеским смехом, рассмеялись и оба Али.

Стол был сервирован прекрасно, но без всякого шика. Меню было европейское, но ни мяса, ни рыбы, ни вина не было.

Я был голоден и ел с удовольствием и суп, и зелень, как-то особенно приготовленную, с превкусными гренками; отдал дань и чудесным фруктам. Я так был занят едой, так отдыхал от всего пережитого, что даже мало наблюдал моих сотрапезников.

Подали в чашах прохладительное питье; но оно несколько не было похоже на содержимое той чаши, что мне подал на пиру Флорентиец. Обед

кончился, как и начался, без особых разговоров. Старшие говорили тихо на незнакомом мне языке, Али же молодой объяснял мне названия и свойства цветов, стоявших в овальной фарфоровой китайской вазе посреди стола. Многих цветов я совсем не знал, некоторые видел только на рисунках, но восхищался всеми. Али обещал мне после обеда показать в оранжерее дяди редкостные экземпляры экзотических цветов, обладавших будто бы замечательными свойствами.

Хотя я и насыщал свой аппетит, вс,, же заметил, что Али молодой ел мало и, казалось, только из вежливости, чтобы я не выделялся среди всех своим аппетитом, но вс,, же отведал все подававшиеся блюда. Но сколько я ни смотрел на Али старшего, я ничего, кроме фруктов, м,,да и чего-то похожего на молоко, в его руках не видел.

Незаметно обед кончился. С самого начала меня несказанно удивила перемена, происшедшая в молодом индусе. Сейчас она казалась мне ещ,, более разительной. Его нетронутой безмятежной юности как не бывало. Он, должно быть, пережил такое глубокое страдание, что вся его психика словно сделала скачок в другой мир. И я невольно сравнил наши судьбы и подумал, что ведь и я переш,,л черту безмятежного детства и занавес над ним опустился. Начиналась другая жизнь...

Вс,, время, с того самого момента, как Али Мохаммед обнял меня, я хотел спросить его о брате, – и вс,, вопрос застыл на моих устах, я не мог решиться задать его. Теперь снова острая тоска по брату резанула меня по сердцу, и я с мольбой взглянул на моего хозяина. Точно поняв мой безмолвный вопрос, Али встал, встали и мы все и поблагодарили его за обед. Он пожал всем руки и, задержав мою в своей руке, сказал:

– Не хочешь ли, друг, пройтись со мной к озеру. Оно недалеко, в конце парка.

Я обрадовался возможности поговорить наконец с Али Мохаммедом, и мы двинулись в глубь сада. Мы с Али старшим шли впереди. Сначала я слышал за собой шаги Флорентийца и молодого Али. Но вот мы свернули в густую платановую аллею, и нас окружила никем, кроме птиц и цикад, не нарушаемая тишина. В этой части парка уже не было цветов, но деревья попадались не только необычайно развесистые и с колоссально толстыми стволами, но и с необыкновенной окраской листьев и цветов. Особенно привлекли мо,, внимание чернолистые кл,,ны и розовые магнолии. Дивные большие цветы, бледно-розового цвета, покрывали магнолии так густо, что они казались гигантскими розовыми яйцами. Аромат был сил,,н, но нежен. Я невольно остановился, вдохнул всеми л,,гкими душистый воздух и, забыв все раздражающие меня мысли, воскликнул: – О, как прекрасна, как дивно

прекрасна жизнь! – Да, мой мальчик, – тихо сказал Али. – Обрати внимание на эти рядом живущие группы деревьев. Черные клены и розовые магнолии, – и все, вместе, будучи таким ярким контрастом, живут в полной гармонии, не нарушая стройной симфонии вселенной. Вся жизнь – ряд черных и розовых жемчужин. И плох тот человек, который не умеет носить в спокойствии, мужестве и верности своего ожерелья жизни. Нет людей, чье ожерелье жизни было бы соткано из одних только розовых жемчужин. Ты уже не мальчик. Настала минута выявить и тебе твою честь, мужество, верность.

Мы двинулись дальше; вдали сверкнуло озеро; мы еще раз свернули в аллею мощных кедров и подошли к беседке, устроенной из плакучего вяза. В ней было тенисто, с озера веяло прохладой.

Безмятежность жизни, казалось, ничем не нарушалась здесь. Но слова Али подняли во мне бурю. Мысли мои кипели; я чувствовал, что услышу сейчас что-то роковое, но никак не мог привести себя в равновесие.

– Вчера ночью я спас две жизни, хотя тебе может казаться, что я обрек их на муки и угрозу смерти. Я давно тружусь, чтобы пробудить самосознание в этом народе, разбить стену фанатизма, пробить тропинку хотя бы к самой начальной культуре и цивилизации. Я открыл здесь несколько школ, отдельно для мальчиков и мужчин и для девочек и женщин, где бы они могли учиться грамоте на своем и русском языках и начаткам, самым элементарным, физики, математики, истории. Все мои начинания встречались и встречаются в штыки; и не только мullahами, но и царским правительством. С обеих сторон я слышу революционером, неблагонадежным человеком. Я говорю тебе это для того, чтобы ты понял, в какое положение попал; и отдал себе точный отчет в своих дальнейших действиях и поступках. Я наперед тебя предупреждаю: на тебе не висят никакие обязательства, ты совершенно свободен в своем выборе и поведении. И что бы ты ни услышал от меня, – ты сам, добровольно, выберешь свой путь. Сам нанижешь в ожерелье матери жизни ту жемчужину, цвет и величину которой создашь своим трудом и самоотверженной любовью. Если ты захочешь устранишься от борьбы за брата и Наль, – тебя твой «лорд Бенедикт»,

– чуть улыбнулся Али, – отвезет в Петербург, где ты будешь в совершенной безопасности. Если же верность твоя последует за верностью твоего брата, – ты сам определишь ту помощь и роль, которые пожелаешь принять. Наль воспитана мною. Только внешняя форма – на восточный манер – соблюдалась, и то весьма не строго. Наль хорошо образованна; и ее блестящие способности помогли ей узнать гораздо больше, чем знает

любой окончивший европейский университет человек. Пять лет назад я уговорил твоего брата заниматься с Наль математикой, химией, физикой и языками, так как частые отлучки из города не позволяли мне самому регулярно заниматься с нею. Отсюда и происхождение тех восточных халатов, бород и усов, что вы схоронили сегодня с Флорентийцем в гардеробе твоего брата. Тупая дуэнья, старая мать Али Махмуда, когда-то спасенная мною от разорения и Гибели, оказалась злой и неблагодарной. Только переодеваясь в другие халаты, мог твой брат проникать как учитель в разных гримах в рабочую комнату Наль. И старая, подслеповатая женщина была уверена, что впускает все, разных учителей. Охраняя Наль во время уроков, она спала и так смешно храпела, что заставляла иногда Наль громко смеяться, но это не будило глухую дуэнью.

Я представил себе два прекрасных молодых существа, которые учатся под охраной полуслепого, полуглухого стража, вспомнил почему-то, как сам я разыгрывал роль: «Вы хромы, глухи и немые», – и закатился своим мальчишеским смехом. Али погладил меня по плечу и продолжал: – Время шло. Я понял давно, какое чувство возникло между Наль и твоим братом. Было бы бесполезно взывать к чести и мудрости твоего брата, он и без того был на высоте их. Я не мешал этому чувству, так как все, равно не видел для Наль иного выхода, нежели побег из этого гнетущего места, и готовился к нему заранее. Старая дурища испортила весь мой план. Она завела за моей спиной интриги с муллой и дервишами. Довела дело до сговора несчастной Наль с самым отчаянным и злым из всех религиозных фанатиков, каких я здесь знаю. И теперь – меня ждет объявление религиозного похода, ведь я не давал согласия на брак и покровительствовал христианам. Не буду утруждать тебя подробностями, – ты сам видел, что избежать сговора не удалось. В тот миг, когда тебя вывел Флорентиец из сада, на женской половине тоже шел пир. Там все, было подготовлено к законному похищению невесты. Роль невесты играл Али, мой племянник, пробравшийся в темноте в костюме Наль на женскую половину и успевший сесть на место невесты, пока продолжался беспорядок с освещением. Темнота немного дольше длилась на женской половине. Все, совершилось честь честью. Невеста была выведена старухами в сад и там, переданная из рук в руки, «похищена» женихом. С выстрелами, шумом и гамом, как полагается по обряду для знатного купеческого дома, было выполнено похищение. По дороге приключилась какая-то заминка с одной из лошадей. И пока все товарищи с факелами и ножами вместе с женихом поправляли упряжь, Али сбросил с себя халат, драгоценные покрывала и оставил в повозке захваченные с собой туфельки Наль, сам же выпрыгнул бесшумно

из телеги, – на что он большой мастер, – и, скрывшись во тьме, благополучно добрался до моего уже уснувшего дома, где мы его поджидали у калитки вместе с Флорентийцем. Немало выстрадал Али. Ты не мог не заметить перемены, происшедшей в н,,м за одну ночь. Он обожал с детства сестр,,нку, часто учился вместе с ней у твоего брата. Наль – его второе «я»; и, пожалуй, это второе «я» ему дороже собственной жизни. Буря ревности, тяж,,лый плащ предрассудков, мечты об особенной судьбе для Наль и себя, – вс,, это окутывало Али и должно было или сгореть в н,,м или похоронить его под собою. Он никак не ожидал, что первым другом и покровителем в жизни Наль будет не он. Не верил, что я стану на сторону твоего брата и благословлю эту любовь, – чистой и прекрасной он признавал е,, всегда. Уступить Наль другому мужчине, да ещ,, европейцу, было для него непереносимо. Дозволить ей уйти в опасный путь без себя, – вс,, это сначала разбило его. Его спасла беспредельная верность мне, верность и любовь реб,,нка, потом юноши, от которого у меня не было тайн. Его истинная поглощающая любовь к Наль, заставившая забыть о себе и думать о ней, – спасла не одну, а три жизни, которые были бы прерваны его рукой, если бы верность не победила вс,,. В эту ночь он добровольно выбрал тропу жизни и надел на нить своего ожерелья ч,,рную, как листья ч,,рного кл,,на, жемчужину отречения, чтобы помочь жить женщине, так похожей на розовую магнолию... Я уже сказал, не сегодня – завтра объявят религиозный поход против меня. Что это означает, я лучше не буду тебе объяснять. Когда, доехав до дома жениха, увидели, что в повозке лежит только одна одежда Наль, – мгновенно известили муллу и дервишей и, посоветовавшись с ними, вернулись в мой спавший дом целой толпой с омерзительными криками, оскорблениями и угрозами. Я молча стоял среди этой разъяр,,нной толпы. И наконец, воспользовавшись минутой относительного затишья, велел слугам вызвать старух, которые должны были вывести Наль в сад в условленное место, к жениху. Толпа ждала. Казалось, вс,, вокруг наполнено электрическими токами бешенства. Шли минуты, походившие на часы. Переполох в доме, конечно, давно разбудил всех на женской половине. Вскоре шесть старух во главе со старой т,,ткой Наль встали рядом со мной.

– Эти люди, – сказал я им, – обвиняют вас в том, что вы не Наль вывели в сад, а одну е,, одежду отдали жениху. И среди озверевших мужчин и дрожавших от страха и внезапно пришедших в бешенство женщин поднялся невообразимый вой. Обе стороны готовы были вцепиться друг в друга. Размахивая руками, вопя какие-то проклятия, старая т,,тка Наль утверждала, что сама вложила руку Наль в руку жениха. Остальные

подтверждали, что видели, как жених взял Наль на руки, и даже заметили, что он был слабоват для не,,. Я посмотрел на жениха, он потупился и сказал, что ему не приходилось носить на руках женщин и что, действительно, Наль показалась ему тяжелее, чем он предполагал. На мой вопрос, дон,,с ли он е,, и посадил ли в телегу, он указал на двух своих товарищей, людей большого роста и силы редкой, и сказал, что сам он едва смог донести Наль до калитки, что там е,, взял один из товарищей и дон,,с до телеги; а в телегу е,, осторожно положили его рослые друзья. Пришлось мне и их спросить, была ли то Наль или только е,, одежда, которую они уложили в телегу. Оба утверждали, что несли невесту. Я стал уговаривать их разойтись, чтобы не привлекать к семейному скандалу внимание русских властей. Я читал смертельную ненависть в их глазах и нисколько не сомневался, что если бы не рассвело и не боялись бы они отвечать перед русским судом, – они бы прикончили и меня, и Али, и многих из моих домочадцев и гостей. По местным понятиям, весь позор падал на жениха. Он злобно посмотрел на своих рослых товарищей, какое-то подозрение вдруг мелькнуло в его глазах и, повернувшись круто к ним спиной, он грубо обругал их и быстро побежал к калитке. Остолбнев на миг, все его товарищи, мулла и толпа, пришедшая с ними, – все бросились бежать вслед за женихом, натываясь друг на друга, валя кого-то с ног, застревая в узкой калитке. За стеной сада послышалась перебранка жениха с товарищами и муллой, несколько выстрелов, крики. Но калитка захлопнулась, ещ,, раз послышались крики, шум отъезжающей телеги, конский топот – и вс,, смолкло. Старухи были искренне убиты позором и несчастны. Они клялись и божились, что Наль сидела с подругами вечером за столом, что они сами накинули ей ещ,, и ч,,рное покрывало поверх драгоценных уборов и наперебой рассказывали, как тяжело было жениху нести невесту, как он передал ношу товарищу и т. д. Я велел всем идти спать, сказав, что сам буду искать Наль, чтобы ни в дом, ни из дома в течение суток никто не входил и не выходил.

– Сейчас я уже имею известие, что твой брат и Наль едут благополучно в скором поезде в Москву. Но это не значит, что они уже спасены. Пока не доберутся до Петербурга и не сядут на пароход, отходящий с Невы в Лондон, – нельзя быть уверенным в их безопасности. Перейд,,м теперь к твоей роли, – продолжал Али Мохаммед после короткого раздумья. – Ты невольно запутан в эту историю, как брат Николая, поскольку злой глаз религиозных фанатиков видит врагов во всех друзьях того, против кого объявляют религиозный поход. А друг

– это каждый, кто близок или хорошо знаком с настоящими друзьями

отвергаемого. К тому же дервиши решили, что похитил Наль незнакомый им хромой старик, и этот след может привести к тебе, а уж к Флорентийцу непременно. Ты, повторяю, свободен в своем решении. Ты можешь мне сейчас сказать, что желаешь остаться непричастным к этому делу, – и ты немедленно уедешь в К., – Али назвал крупный торговый город, – с письмом к моему другу, у которого ты проживешь недели две-три и вернешься в Петербург. Если же хочешь помогать мне бороться за жизнь брата, – придется сказать свое, решительное слово и начать действовать. Так закончил Али свой разговор со мной.

ГЛАВА IV ПРЕВРАЩЕНИЕ В ДЕРВИША В моем сердце стало как-то ясно и тихо. Я ни минуты не тревожился, и даже волнение за судьбу брата перестало меня беспокоить. Присутствие Али, его мощь влили в меня уверенность и энергию.

Чем больше я погружался мыслью в страшную рознь народов, чем ярче представлял себе невежество бедного, неграмотного и почти всегда голодного народа, который даже и религию выбрать себе самостоятельно не может, а попадает с рождения в лапы фанатиков, который всю жизнь всем рабски повинует, – тем яснее становилось мне, что я не могу остаться равнодушным к судьбе хотя и чуждого мне по крови, но, конечно, такого же народа, с красной кровью и страждущим сердцем, как и мой родной, зажатый царской лапой русский.

И чем больше я думал, какой странной случайностью я оказался связанным сейчас с судьбою чужого народа, вторгшись в самую сердцевину его предрассудков, – тем сильнее сознавал, что нет случайностей, а есть целая сеть закономерных действий. Что во всей окружающей нас жизни, как и в природе, нет явлений случайных, а царит гармония всегда закономерно и целесообразно действующих сил, связывающих всех людей воедино, как группы чуждых кланов и розовых магнолий.

Мое спокойствие не то что возрастало с каждой минутой, оно как бы утверждалось, черпая силу в самой глубине моего сердца, которое, казалось, я понял впервые. Видя мое молчание, Али прибавил:

– Не думай, что тебе надо дать ответ сию минуту. Хотя, конечно, временем мы не располагаем; я ожидаю самого быстрого хода событий.

– Мой ответ готов, – сказал я. – Я так глубоко спокоен, решение мое, так ясно, что я еще ни разу за всю свою жизнь не припомню подобного чудного и чудного состояния духа, подобного мира в себе.

Я не только не колеблюсь, но мне даже не представляется возможным

пойти другим путём, где бы мог я отделить себя от брата, от вас, от Флорентийца и всех ваших друзей. Ведь если бы мой брат был здесь, – он слил бы свою жизнь с вашей и пошёл бы за вами. Моё решение не нуждается в обдумывании. Я иду с вами, я верен моему брату-отцу и буду отстаивать так же всеми силами его жизнь и счастье, как и раскрепощение того народа, которому вы так беззаветно и самоотверженно служите.

– Твоё спокойствие, друг, убеждает меня более всяких клятв и обещаний. Вернись в дом, там могут быть какие-нибудь новые вести.

С этими словами Али Мохаммед встал, обнял меня и, положив руку мне на голову, заглянул глубоко в мои глаза своими агатовыми бездонными глазами. Трепет какого-то восторга охватил меня, я точно потерял на миг сознание и пришёл в себя уже в кедровой аллее, по которой мы шли, любуясь сверканием озера на ярком солнце.

Аромат деревьев, чирикание птиц, треск цикад снова сопровождали нас. Никогда ещё, я не чувствовал себя так необычайно. Казалось, все внешние факторы должны были бы задавить мой дух. А на самом деле, впервые среди величавого молчания природы, в обществе этого человека, в котором я чувствовал необычные силу и чистоту, я понял какую-то иную, ещё, неведомую мне жизнь сердца. Я ощутил себя единицей этой беспредельной вселенной, среди которой я жил и дышал; и мне казалось, что нет разницы между мною, солнцем, сверкающей водой и шумящими деревьями, что все мы отдельные ноты той симфонии вселенной, о которой говорил Али.

Я точно прозрел в какую-то глубь вещей, где всё, – революции, борьба отдельных людей, борьба страстей целых наций, войны и ужасы стихий, – всё, вело человечество к улучшениям, к завоеваниям в коллективном труде великих ценностей равенства и братства. К той гармонии и красоте, где свобода какой-то новой жизни должна дать всем людям возможность отдавать всё, лучшее в себе на общее благо и получать то, что нужно каждому для его совершенствования и индивидуального счастья...

Я услышал в свои мысли, какая-то радость наполнила всё, моё существо, и я не заметил, как мы подошли к дому и встретились подле него с Али молодым и Флорентийцем.

Обменявшись малозначащими фразами по поводу красот парка, мы вошли уже вчетвером в дом и уселись на открытой веранде у стола, который был накрыт для чаепития. Жара немного спала, нам подали чай в больших чайниках красивой расцветки и оригинального китайского рисунка. Только успели мы выпить по чашке чая, как вошёл слуга и тихо сказал несколько слов хозяину. Тот извинился перед нами и вышел.

Мы молча остались сидеть за столом. Каждый был погружен в свои думы, никого не стесняло это молчание. Все точно сосредоточились в себе, готовясь, каждый по-своему, к грядущим событиям.

Лично я, – казалось мне, – точно и не жил до сегодняшнего дня. Только сейчас я ощутил свою связь со всеми людьми, знакомыми мне и незнакомыми, дал,,кими и близкими, и оценивал жизнь по-новому, решая для себя вопрос, что значит свой или чужой и кто же это свой, а кто чужой.

По свойственной мне рассеянности мне казалось, что ещ,, очень мало времени; но на самом деле прошло около часа.

Вош,,л слуга и сказал Али молодому, что хозяин просит всех пройти к нему в кабинет. Мы встали. Флорентиец обнял меня за плечи, ласково прижав к себе на минуту, и мы прошли на другую половину дома, которой я ещ,, не видел.

Через ту же переднюю, в которую мы вошли с Флорентийцем, как только экипаж остановился у подъезда дома, мы попали в большую комнату, кабинет Али Мохаммеда. Мы увидели его за письменным столом, и у стола, в глубоком кресле, обитом ковровой тканью, сидел в ж,,лтом халате и в остроконечной шапке с лисьим хвостом дервиш.

Сюрпризы последних суток, должно быть, так разбили мои нервы, что я едва не вскрикнул от изумления и растерянности. Я всего ожидал. Но увидеть дервиша в кабинете Али, – этого мои нервы не вынесли; я почувствовал такое раздражение, что готов был броситься на него.

Али молодой, взглянув на меня и поняв по моему расстроенному лицу, что я переживал, шепнул мне:

– Не все, кто одет дервишем, – на самом деле дервиши. Это друг.

Я постарался взять себя в руки, стал пристально разглядывать мнимого дервиша. И ещ,, раз устыдился своей невыдержанности, отсутствию такта и внимания. Если бы я начал с того, что посмотрел в лицо этого человека и сосредоточил бы сво,, внимание на н,,м, а не на себе, мне не отчего было бы раздражаться. То был юноша не старше сидевшего рядом со мною Али Махмуда.

Т,,мные глаза, мягко, как зв,,зды, сверкавшие из-под нахлобученной шапки, прелестный нос, продолговатый овал лица и загорелые и огрубевшие, но прекрасной формы руки. Вся его фигура, несмотря на нищенский халат, дышала благородством. Большой ум читался на его лице, так и хотелось сбросить эту тяж,,лую и противную шапку, чтобы увидеть лоб, должно быть лоб мыслителя.

Дервиш говорил на непонятном мне языке; и, к стыду своему, я даже не мог определить, что это за язык. Я знал, что мне расскажут, о ч,,м шла

речь, и отдался наблюдениям. Флорентиец сидел спиной к окну напротив молодого дервиша, на которого прямо падал свет. Хотя окно было занавешено легкой тканью цвета слоновой кости, света было совершенно достаточно, чтобы ни малейшее движение на лице незнакомца не ускользнуло от меня.

Поистине, он тоже был красавец. Выше среднего роста, широкий в плечах, он напоминал мне чем-то неуловимым моего брата. Лицо Али старшего выражало такую серьезность, что мне снова вспомнились все грозившие брату беды, и снова острая боль пронзила сердце.

Незнакомец опять заговорил. Его голос, оригинальный, низкий, баритональный металлический, мог бы составить честь любому оперному певцу. Он, очевидно, что-то предлагал. Все молчали, точно обдумывая его предложение, и, наконец, Али старший, взглянув на меня, сказал:

– Прости, друг. Ты не понимаешь нашего языка, я вкратце объясню тебе суть дела. Мулла и жених, якобы на основании свидетельских показаний моих гостей, мальчиков и слуг, утверждают, что Наль похищена тем гостем на пиру, которому я посылал блюда со своего стола. Они говорят, что это был важный старик, хромой и седой, который вышел из-за стола как раз в тот момент, когда была похищена Наль. Мулла объявил, что здесь было колдовство, и обвиняет в нем меня и моего старого гостя, его повсюду ищут. Религиозный поход против меня уже объявлен. Две из построенных мною школ уже сравнивали с землей. И каждой женщине, у которой найдут книги, будет объявлено отлучение. А это хуже смерти в здешних глухих и диких местах. Далее молва утверждает, что кто-то видел, как мой гость спрятался в доме твоего брата. Надо полагать, что дикая орда набросится на дом, быть может сожжет его, как и мой. Мне необходимо сейчас же поехать в город, чтобы спасти людей, оставшихся там, от верной гибели. Тебе же, вместе с Флорентийцем, следует отправиться на станцию железной дороги и постараться добраться до Петербурга, чтобы там помочь нашим беглецам. Я не сомневаюсь, что за всеми нами идет слежка. Царское правительство не вмешивается в религиозные погромы, не видит и не слышит их, пока ему это удобно. Ни тебе, ни твоему брату не уйти живыми, если вас где-либо обнаружат. Всем известна наша дружба, и если изловят тебя, – ты ответишь за всех. Этот друг предлагает тебе переодеться сейчас же в платье дервиша, а Флорентийцу – в обычное платье простого купца и уехать в вагоне третьего класса в Москву. По дороге сами уже будете соображать, как вам лучше спастись, я же буду посылать вам телеграммы до востребования на все узловые станции и оповещать о ходе событий. Не забывай, что тебе надо думать не о себе. Спасая свою жизнь,

ты думай только о лишней паре рук и ног для защиты друга, брата-отца. Весь героизм сердца, вся сила мужества должны быть собраны, чтобы не выдать себя в опасные минуты ни одним растерянным взглядом или движением. Смотри прямо в глаза тем, кто тебе будет казаться подозрительным. Стань снова временно глухонемым и, со свойственным таким людям вниманием, смотри на рот говорящих. Это будет сбивать с толку преследователей. Времени остаётся мало. Али и новый друг помогут тебе переодеться, если ты захочешь принять это предложение. Я же передам Флорентийцу всё, нужное для вашего пути и условлюсь о телеграммах.

Он поднялся и вышел вместе с Флорентийцем, а Али молодой и новый знакомец стали облачать меня в платье дервиша, на что я согласился без колебаний.

В довершение всех бед в дело снова пошла бесцветная жидкость. На этот раз уже всё, тело, смазанное ею, стало тёмным, а руки, ноги и лицо, покрытые слоем жидкости дважды, стали такими, словно их сожгло солнцем, как-то сморщились, и я стал выглядеть лет на сорок. Но теперь я не вздыхал по своей исчезнувшей юности и утраченной белизне. Дело шло не о маскараде, а о жизни дорогого мне брата и моей собственной, и я старался запомнить характерные жесты и манеры, которые мне показывал мой новый друг, мнимый дервиш.

Едва я кончил одеваться, как вошёл Флорентиец. Его узнать было невозможно. Длинная чёрная борода, голубовато-серая чалма и пестрый ситцевый халат, подпоясанный платком, на ногах мягкие чёрные сапоги. Он имел вид средней руки торговца, отправляющегося за товарами. Его лицо и безукоризненные руки не уступали в черноте моим, а ногти и зубы были отвратительно грязны.

В прежнее время я бы покатился с хохоту; но сейчас я принял всё, как должное, оценив его неузнаваемость.

– А шапку к голове вы ему приклеили? – спросил он. – Ведь может случиться, что кто-либо попытается сбить шапку с его головы.

Он достал из своего огромного кармана тёмную ермолку, натянул её, мне на голову так туго, что, казалось, сорвать её можно было только вместе с кожей, и поверх, смазав внутреннюю сторону остроконечной шапки клейкой жидкостью, напялил и её на мою несчастную голову. Я едва держался на ногах, так было жарко; голову сжимало, стало тошнить.

Вошёл Али старший и, очевидно, понял моё состояние. Он вынул из стола коробочку, открыл её, и положил мне в рот белую пилюлю. Остальные, закрыв коробку, передал Флорентийцу.

– Лошади ждут по другую сторону озера, вы поедете оттуда, – сказал Али, – времени едва хватит доехать до станции.

Мы двинулись кратчайшим путём к озеру вдвоём с Флорентийцем, простившись наскоро с обоими Али и новым знакомым.

Подойдя к озеру, мы сели в лодку. Флорентиец быстро переправил её на другую сторону, и через несколько минут мы увидели быстро катившую к нам простую бричку. Ни словом не обменявшись с возницей, мы сели в неё, и покатали по направлению к вокзалу.

Вокзал от города был в верстах трёх, и мы, минуя город, выехали к нему совсем с другой стороны. В бричке мы обнаружили два узла из ситцевых платков и два убогих деревянных сундучка. Флорентиец вел себя так, как будто никогда ничего кроме ситца не носил и об элегантных чемоданах понятия не имел.

Подъехав к вокзалу, мы соскочили с брички и очутились в густой толпе восточного люда, галдевшего и возбуждённого. На нас не обратили никакого внимания, увидев простых, бедно одетых купца и монаха; а продолжали зорко вглядываться во всех подъезжающих, побогаче одетых.

К нам подошёл старик и предложил помочь нести узлы. Флорентиец передал ему мой узел и сундучок, взял свой под мышку, узел в руку, точно это были пакеты с ватой, сказал что-то старику, и мы двинулись на вокзал.

Там поджидал нас другой старик и подал Флорентийцу два билета. Едва мы вышли на платформу, как подкатил поезд.

Мы разыскали наш вагон третьего класса и уселись на грязной скамье. На полу валялись кожура бананов и корки апельсинов, огрызки дынь и арбузов, куски хлеба и обрывки бумаги.

Едва мы уселись, как на платформе поднялся шум, толпа, через которую мы прошли, ворвалась, галдя, на перрон. Размахивая руками, люди бросились мимо загораживавшего им путь жандарма к вагонам первого класса. Толпа лезла и в международный вагон, куда её не пускали. Начальник станции, жандарм, проводники – все были в один миг разбросаны. Несколько человек всё-таки пролезли в вагон, кого-то разыскивая, крича и перекликаясь.

Перепуганные, ничего не понимавшие немногочисленные пассажиры тоже подняли крик. Жандарм подавал тревожные свистки, и к нему на помощь уже летели со всех сторон носильщики, жандармы и группа вооружённых солдат. Толпа успела обшарить международный вагон, перебралась в первый класс; кое-кому удалось обежать и оба вагона второго класса. Но здесь их настиг жандармский офицер, зычным голосом он выстроил солдат в строевой порядок, и восточная толпа мгновенно

рассеялась, так и не успев добраться до вагона третьего класса. Убегая со всех ног, проскакивая через вагоны на запасных путях, люди скрылись, точно их и не было. Впрочем, вероятно, их и не интересовали убогие вагоны; ища самого Али или кого-либо из близких ему, они не могли предположить, что искать следует в грязи и пыли третьего класса.

Поезд вс,, ещ,, стоял, хотя время отправления уже истекло. Я обливался потом и не раз вытирал сво,, лицо большим п,,стрым платком, данным мне дервишем, и именно тем жестом, которому он меня обучил. Хотя я и был совершенно уверен, что нас узнать невозможно, но не мог не заметить, что в глазах моего спутника мелькнуло внезапно какое-то беспокойство.

Я выглянул на перрон и увидел, что к старику, н,,сшему наш багаж и теперь стоявшему в дверях вокзала, подош,,л мулла. Но как раз в эту минуту начальник станции махнул рукой, раздался оглушительный третий звонок, обер-кондуктор свистнул, ему ответил свисток паровоза и, наконец, мы двинулись.

Не успели мы отъехать, как в наш вагон с противоположной стороны перрона впрыгнул, как кошка, молодой сарт. Он часто и трудно дышал, очевидно очень быстро бежал. Войдя в вагон, он не сел, а шлепнулся рядом с нами. Я подумал, что вот-вот он упад,,т в обморок.

Поглядев на него, Флорентиец покачал головой и обратился к двум старым сартам, сидевшим в глубине вагона. Речи его я не понял, но один из стариков встал и подал запыхавшемуся сарту воды в кувшине из тыквы. Тот выпил е,, жадно, но вс,, не мог прийти в себя.

Наконец он несколько поуспокоился и спросил Флорентийца, сидевшего с ним рядом и почти закрывавшего собою мою небольшую фигуру, не заметил ли он кого-либо, кто садился в поезд на этой станции.

– Как не заметить? Я сам садился, мой племянник садился, да ты садился, – ответил ему, смеясь, мой друг. – Нет, впрочем, ты не садился, ты прыгнул, – прибавил он, и в вагоне рассмеялись.

Молодой сарт уже совсем приш,,л в себя. – От кого ты так убегал? Тебя преследуют царские власти? – спросил его Флорентиец.

– Нет, – ответил он, – я догонял поезд, чтобы передать одному нашему купцу письмо, очень для него важное. Мне сказали, что непременно он или его племянник едет в этом вагоне.

И он встал с места, обош,,л вагон, поблагодарил старика, давшего ему пить, и, поговорив с ним, опять вернулся к нам.

– Нет, – сказал он. – Здесь нет ни дяди, ни племянника, которых я ищу, а в вагонах первого класса нет ни их рыжего друга, ни хромого старика.

Придется мне на повороте спрыгнуть и караулить следующий поезд.

Флорентиец важно покачал головой, выказывая сочувствие к его неудавшейся миссии и желанию спрыгнуть с поезда на ходу.

Молодой сарт объяснял Флорентийцу и столпившейся вокруг нас кучке любопытных, что купец, которого он искал, – его благодетель, и если кто-либо скажет ему, кто сел на этой станции в поезд, кроме нас с Флорентийцем, то он сам и богатый купец-благодетель отблагодарят его.

Один из стариков сказал, что видел, как в последний вагон сели две женщины и молодой человек. Лицо сарта зажглось, точно факел сверкнул и отразил сво,, пламя в его глазах; он растолкал окружавшую нас кучку пассажиров и стремглав бросился в соседний вагон.

Прошло минут двадцать, он снова возвратился к нам; довольно постное выражение его физиономии говорило без слов, чем завершились его поиски. Его вторичное появление никого уже не заинтересовало; кое-кто из пассажиров стал готовиться к выходу на ближайшей станции.

Сарт снова сел возле Флорентийца и стал шептать ему что-то на ухо, опасаясь, чтобы я не услышал его слов, но Флорентиец успокоил его, показав ему на мои уши. Вс,, же раза два ещ,, он взглянул на меня подозрительно, но заметив, что я пристально гляжу на его рот, отвернулся и успокоился. Подумав, что толку вс,, равно мало от моих наблюдений, я решил тоже отвернуться и стал смотреть в окно.

Поезд ш,,л быстро, очевидно машинист решил нагнать опоздание. Сколько мог охватить глаз – вс,, шла безводная, голая степь. Ни деревца, ни кустика, ни жилья. Я невольно думал о трудной жизни народа, который выращивает чудесные фрукты, богатейшие виноградники и пышные цветы, искусственно орошая землю. Между тем поезд стал заметно замедлять ход. Мы огибали глубокий овраг, на дне которого сверкала маленькая струя воды. Очевидно, здесь снова начиналась сеть арыков, отчего вся местность резко изменилась. Замелькали сады кишлаков, стали попадаться гигантские фиговые, ореховые и каштановые деревья.

Поезд ещ,, немного замедлил ход, и вдруг я увидел сарта: артистически рассчитав свой прыжок, он исчез в глубоком овраге.

Надо сказать, он исчез вовремя. Не успел я повернуться к Флорентийцу, как открылась дверь вагона, вошли два кондуктора, спрашивая билеты. Флорентиец подал наши билеты, сходявшие на следующей станции отдали свои, кондукторы прошли дальше, и я надеялся, что Флорентиец мне теперь расскажет, о ч,,м шептал ему сарт. Но он незаметно приложил палец к губам и дал мне прочесть записку, которую держал в руках.

Это был текст телеграммы до востребования, написанной по-русски в город С. купцу К., с извещением, что купец А. жив,,т, – дальше стояло многоточие.

Я не понял, о ч,,м эта записка в руках Флорентийца, хотя и сообразил, что дал ему е,, выпрыгнувший из вагона сарт.

Через четверть часа мы остановились у следующей станции, но никто не сел в наш вагон. Флорентиец вынул из своего узла две книги, передал одну мне. Его книга была написана на арабском языке, а та, что оказалась у меня, напоминала толстый затр,,панный молитвенник, и шрифт е,, был так же мне понятен, как и страница того гигантского Корана, который показывал мне брат в одной из мечетей города.

Я улыбнулся и подивился тонкой наблюдательности того, кто собирал нас в путь. Какая же ещ,, книга могла быть в руках у дервиша, как не потр,,панный, выдавший виды в бесконечных странствиях бездомного монаха молитвенник.

Какой-то богобоязненный старик прин,,с мне дыню и кусок хлеба, другой протянул два куска сахара. Я ещ,, раз мысленно поблагодарил человека, отдавшего мне сво,, платье дервиша, за преподанный урок поведения, приличествующего монаху. Флорентиец объяснял всем, что я глух, но святой жизни: II мои молитвы хорошо доходят до Бога. Я же, опустив глаза долу, прикладывал руку к груди и несколько раз кивал головой, не глядя на тех, от кого получал подавание. Кое-кто, услышав, что я святой жизни и хорошо привечен Богом, давал мне даже деньги.

Так ехали мы до самого вечера, и снова сразу настала ночь. В вагоне вс,, утихло. Флорентиец подложил мне под голову мой узел, оказавшийся мягким, заставил лечь, а сам сел у моих ног.

Не знаю, долго ли я спал, но проснулся я от того, что кто-то сильно меня тряс. Я никак не мог проснуться, хотя сознавал, что меня будят. Наконец, чьи-то сильные руки поставили меня на пол, и я вдохнул струю нашатыря. Я чихнул и окончательно проснулся. Флорентиец стоял рядом со мною, оба сундучка наши были связаны и перекинуты через его плечо, один узел он держал под мышкой, тот, на котором я спал, он взял в руку, другой показал на дверь и подтолкнул меня к ней.

В вагоне было почти совсем темно. Кое-где свечи в фонарях уже догорали, да и висели фонари очень редко и высоко.

Спросонья я плохо соображал, но двинулся к двери. Мне представилось, что мы будем прыгать, как сарт, с поезда, который, кстати сказать, мчался опять на всех парах; и я приходил в ужас от своего мешковатого платья, длинного, неудобного, стеснявшего мои движения. Ни

с чем логически не связанная, вдруг мелькнула мысль, что и шапку-то мне приклеили к голове, чтобы она не свалилась во время прыжка.

Мы бесшумно вышли на площадку вагона, и я взялся за наружную дверь, чтобы ее, открыть. – Рано еще,, – сказал мне тихо, в самое ухо. Флорентиец.

– Так мы на все,,м ходу и будем прыгать? – спросил я его так же тихо.

– Прыгать? Зачем прыгать? – сказал он, смеясь. – Мы подъезжаем к большому городу, где жив,,т мой друг. Сойд,,м на станции, возм,,м извозчика и поедem к нему. Но пока я тебе не скажу, сохраняй полное внешнее безразличие дервиша и, кто бы ни обратился к тебе с вопросом, показывай на уши. Поезд замедляет ход. Сходи первым и подай мне руку. И ни на одну минуту не отходи от меня ни на станции, ни в доме моего друга, куда мы приедem. Так и держись, либо за мою руку, либо за пояс, как если бы ты был слепым и не мог передвигаться без моей помощи.

Поезд подходил к перрону скудно освещенной станции. Вокруг царила ночь, и казалось, что на станции все,, замерло. Мелькнула красная фуражка дежурного, за нею рослая фигура жандарма, – и поезд остановился.

Мы сошли с перрона, прошли через полупустой зал третьего класса и вышли на крыльцо. Здесь к Флорентийцу подош,,л какой-то сарт и предложил довести до ближайшего кишлака. Флорентиец объяснил ему, что нам нужно в город, в торговые ряды. Сарт обрадовался; ему было как раз по пути, и он думал, что ночью сможет сорвать с нас хороший куш.

Не тут-то было. Флорентиец начал яростно торговаться, как истый восточный купец. Он так и сыпал горохом слова, закатывал глаза и разводил руками вместе с возницей. Оба они горланили минут десять, наконец сарт вздохнул, закатил глаза и воззвал к Аллаху. Только этого, казалось, и ждал Флорентиец. Сложив руки и также воззвав к Аллаху, он выдвинул меня вперед,,д, и возница увидел перед собою дервиша. Он моментально утих, поклонился мне и позвал нас к стоявшей тут же телеге. Мы взгромоздились на нее,, и поехали в город, который был в двух верстах от станции.

ГЛАВА V Я В РОЛИ СЛУГИ-ПЕРЕВОДЧИКА Мы ехали, храня полное молчание. Возница пытался было задавать вопросы Флорентийцу, но получая односложные ответы, произнес,,нные сонным голосом, решил, что мы устали, должно быть, от долгого пути, и перенес свое,, внимание на лошадь.

Лошадка трусила по мягкой дороге. Тьма освещалась только мерцающими звездами, и мысли мои, точно замерзшие во время моего

тяж,,лого сна в вагоне, вновь зашевелились. Мне ещ,, не приходилось слушать молчание ночи в степи. Снова – как и в парке Али – меня охватило чувство преклонения перед величием природы. Я смотрел на усыпанное зв,,здами небо и разглядел впервые многие созвездия, о которых до сих пор только читал или слышал. Зв,,зды не походили на наши северные. Они казались гораздо крупнее, точно лампы мерцали, и я наконец увидел воочию тот дрожащий свет зв,,зд, о котором пишут поэты. Даже небо показалось мне более низким. Прорезанное широкой полосой Млечного Пути, оно сверкало контрастами полной тьмы и света.

Я вернулся мыслями к Али Мохаммеду. Опять меня пронзила радость от встречи с ним и мысль о красоте и гармонии природы, – я подумал о мощи любви и счастья, которыми щедро одаряет природа человека; о тех великих скорбях и слезах, которыми наполняет мир сам человек, неизменно оправдывая свои действия именем великого Творца: и будто бы в защиту Его отравляя мир жестокостью своего фанатизма.

Мерный стук копыт и покачивание тележки на мягкой дороге не усыпили меня: но внезапно среди ночи я почувствовал себя одиноким, несчастным и беспомощным... Но то было лишь мгновение слабости. Я вспомнил слова Али о том, что настало мо,, время выказать мужество и преданность. И волна бодрости, даже радости опять пробежала во мне. Я захотел немедленно вступить в борьбу не только за жизнь и счастье любимого брата и Наль, но и за всех страдающих по вине фанатиков, тех, кто считает свою религию единственной истиной, кто давит вс,, живое, что рвется к свободе и знанию, к независимости в жизни...

Я прикоснулся к Флорентийцу, благодарно приник к нему и встретил его добрый, ласковый взгляд, который, казалось, говорил мне: «Нет одиночества для тех, кто любит человека и хочет отдать свои силы борьбе за его счастье»

Мы уже въезжали в город. Окраины его напоминали сплошной сад, но и центр города оказался таким же. Ночь была уже не так темна, в кольце зел,,ных улиц вырисовывался гигантский силуэт мечети, показались торговые ряды.

Флорентиец приказал вознице остановиться, мы сошли, рассчитались с ним и отправились вдоль рядов, кое-где охраняемых ночными сторожами. Раза два мы свернули в тихие спавшие улицы и наконец остановились у небольшого дома с садом. На стук Флорентийца не сразу открылась калитка, и дворник удивл,,нно оглядел нас. Флорентиец спросил его порусски, дома ли хозяин. Оказалось, хозяин только что вернулся домой и даже ещ,, не ужинал, хотя сказал, что очень голоден.

Флорентиец попросил передать хозяину, что нас прислал лорд Бенедикт и мы просим принять нас, если можно, тотчас же. Монета, скользнувшая незаметно в руку дворника, сделала его намного любезнее. Он впустил нас в сад и побежал доложить о нас хозяину. Мы остались одни. Пока мы ожидали в темноте сада, Флорентиец осторожно просунул палец под мою ватную шапочку и ловко стащил ее, с меня; почти мгновенно оторвав ее, от дервишской шапки, он снова надел шапку мне на голову.

То, что я почувствовал, когда освободился от ватного бинта на голове, не поддаётся описанию. Я хотел громко закричать от радости, но опасаясь выдать себя, промолчал, раза два вс,, же подпрыгнув на месте.

– Какой там Лордиктов? Вечно вс,, перепутаешь! – дон,,сся до нас голос.

Я было подумал, что где-то уже слышал этот особенный голос, но не мог себе уяснить, где и когда.

– Помни же, ты вс,, ещ,, глух, пока не скажу, – шепнул Флорентиец.

Дворник вернулся и пригласил нас подняться на веранду. Мы пошли за ним и увидели, что на веранде горит свет. Но зелень – вся в крупных, висящих гроздьями цветах – сплеталась в такой густой покров, что света из сада не было видно.

Мы поднялись на веранду. Слуга, почти мальчик, хлопотал у стола, внося накрытые тарелками блюда, фрукты.

Флорентиец сложил наши вещи в углу, и мы сели на деревянный диванчик. Слуга несколько раз входил и выходил, каждый раз весьма недружелюбно, даже презрительно поглядывая на нас. Наконец он сказал Флорентийцу довольно небрежно, что хозяин ждёт нас в кабинете. Оставив рядом с вещами наши кожаные калоши, мы прошли в большую комнату, соедин,,нную с террасой коридором. В комнате стояли рояль, мягкая мебель, но пол был голым, в противоположность дому Али, где ноги, куда ни ступи, утопали в коврах.

Мы пересекли комнату и подошли к закрытой двери, из-под которой пробивался свет. Тут Флорентиец отстранил слугу, крепко взял меня за руку, как бы напоминая лишний раз, что я глухой, и постучал в дверь особым манером.

Дверь быстро отворилась, и .. хорошо, что Флорентиец держал меня крепко за руку, не то бы я обязательно забыл обо вс,,м на свете и закричал.

Перед нами стоял не кто иной, как тот незнакомец, который дал мне сво,, платье в кабинете Али. Флорентиец низко поклонился хозяину, потянул и меня вниз. Я понял, что должен кланяться ещ,, ниже, и выпрямился только тогда, когда та же рука-наставница подала мне знак.

Флорентиец что-то быстро сказал хозяину, тот кивнул головой, придвинул нам низкие пуфы и приказал слуге что-то, чего я не понял. На физиономии того отразилось сначала огромное удивление, но под взглядом хозяина он почтительно поклонился и бесшумно исчез, закрыв дверь.

Тут только хозяин протянул нам руку, улыбнулся, и взгляд его стал менее строгим. Это прекрасное лицо носило отпечаток усталости и скорби.

– Разве вы не узнали моего голоса? – мягко улыбаясь и держа мою руку в своей, сказал наш хозяин. – А я специально для вас сказал громко несколько слов дворнику, чтобы вы не так удивились. Вы ведь очень музыкальны, это видно по вашему лбу и скулам.

Я хотел было сказать, что запомнил оригинальный тембр его голоса, но никак не ожидал услышать его в этом саду. Я начал говорить, ощущая страшную усталость, но вдруг вс,, поплыло перед моими глазами, вся комната завертелась, и я погрузился во тьму...

Долго ли продолжался мой обморок, не знаю. Но очнулся я от приятной свежести в голове и ощущения чего-то прохладного на сердце. Флорентиец подавал мне питье, и как только я сделал несколько глотков, заставил проглотить одну из пилюль, данных нам Али Мохаммедом. Очень скоро мне стало лучше, я снова овладел собой и тв,,рдо сидел на низком стуле. Хозяин быстро писал какое-то письмо. Флорентиец снял с моего сердца и с головы холодные компрессы и шепнул: – Скоро пойд,,м отдыхать, мужайся.

Но теперь я готов был ехать дальше; откуда-то появились силы, точно я окунулся в прохладный бассейн.

Окончив письмо, хозяин позвонил и приказал вошедшему слуге немедленно отнести его по адресу и дождаться ответа. Должно быть, место, куда посылали слугу, ему не очень нравилось. Он хотел что-то возразить, но встретив пристальный строгий взгляд хозяина, низко поклонился и вышел.

Вслед за ним вышли и мы на веранду. Вымыли руки под умывальником. Светлей они, правда, не стали, и я со вздохом подумал, как надоели мне грим, чужой костюм и все приключения, отдающие запахом сказок из «Тысячи и одной ночи».

Усевшись за стол, мы принялись за еду, состоявшую из овощей, фруктов, прохладительных морсов и нескольких сортов хлеба. Вс,, было вкусно, но есть мне не хотелось. Да и старшие мои друзья ели мало.

– Я написал письмо на языке слуги, потому что уверен, что письмо это он и сам прочтет и мулле отнес,,т. Весть об Али и религиозном походе против него уже докатилась сюда. В письме к своему знакомому торговцу я

пишу, что завтра к вечеру мой друг купец приедет к нему покупать ослов. Пусть составит он также гурт скота, который может быть куплен моим приятелем. Здешний мулла, прикрываясь именем этого торговца, вед,,т крупную торговлю ослами и скотом. Весь день он, конечно, будет занят распоряжениями, куда и как перегнать скот и какую взять цену. Только вечером он займется делами, связанными с походом на Али. Жив,,т этот торговец довольно далеко, и у нас есть не меньше тр,,х часов. Но за это время вам обоим надо переодеться, снова стать европейцами и отправиться назад в К. Там вы пересядете в международный вагон встречного поезда и, надо надеяться, благополучно доедете до Москвы. Не миновать вам опять маскарада, – обратился он ко мне. – Вам придется стать слугой-гидом лорда Бенедикта, ни слова не знающего по-русски. Теперь ярмарка в К., и вы встретите в поезде иностранцев, направляющихся за каракулем, коврами и хлопком, который они покупают на корню. Присутствие лорда Бенедикта среди иностранцев будет естественно. Кроме того, по вашим следам уже гонятся; кто-то выдал, что вы одеты дервишем. Я верю, что ни на момент в вашем сердце не было и нет страха, но действовать надо не только бесстрашно, но и целесообразно. Пойд,,мте в мою спальню. Я постараюсь помочь вам обоим одеться сообразно ролям и умыться.

Уже светало; мы встали из-за стола и прошли в спальню нашего хозяина. Это была чудесная белая комната. Очень простая, но изящная мебель, обитая светло-серым ш,,лком, пушистый светлый ков,,р, но... рассматривать было некогда.

Отодвинув раздвижную, как в вагоне, дверь, хозяин подош,,л к ванне, влил в не,, какой-то жидкости, отчего вода точно закипела. И когда вода успокоилась, сказал:

– Весь грим с вашего тела сойд,,т. Вы выйдете из воды белым юношей. Здесь мыло, щ,,тки и вс,, что вам может понадобиться, – и с этими словами он меня покинул.

Я быстро разделся и погрузился в ванну, с необычайные наслаждением чувствуя, как с меня, точно кожа, слезает вся чернота и грязь пути. Я слышал, как шумели струи текущей воды где-то рядом со мной; это, очевидно, полоскался под душем Флорентиец.

Помывшись, я раст,,р тело купальной простыней и стал думать, во что же мне теперь одеться. Раздался л,,гкий стук в дверь, и вош,,л Флорентиец. Он тоже был укутан в купальную простыню, весело улыбался, и я снова поддался очарованию этой дивной красоты, обаянию этого любящего, доброго человека, к которому вс,, сильнее привязывался.

– Пойд,,м выбирать туалеты, – весело сказал он, и мы двинулись в

спальню хозяина.

Я ещ,, не сказал, каким наш,,л я теперь моего мнимого дервиша. Он был в л,,гком сером костюме, прекрасно сидевшем на н,,м, в белой ш,,лковой рубашке-апаш и белых полотняных туфлях. Я не мог его не узнать. Его глаза-зв,,зды имели какое-то особенное выражение мудрости и огня, ему одному свойственное, как и неповторимый тембр его голоса. Рот с вырезанной, точно резцом ваятеля, верхней губой говорил об огромном темпераменте. А лоб, высокий, благородный лоб мудреца был так сильно развит в выпуклой надбровной части, что казалось, вся мысль сосредоточивалась именно здесь, как это часто бывает у крупных композиторов.

Пока мы выбирали одежду, наш хозяин рассказывал о сво,,м путешествии и о делах Али. Али поехал к себе, чтобы остаться там и защитить домочадцев или вывезти их куда-нибудь. Но какова судьба Али сейчас, об этом он ничего ещ,, не знал. Он сказал нам, что со следующим поездом сам выедет в Петербург, чтобы приготовить нам квартиру и собрать сведения о брате. Сказал ещ,, что один из мужчин, поехавших с Наль в роли слуги, е,, старый дядя, человек опытный, верный и очень образованный.

Говоря вс,, это, он помогал мне надевать костюм юноши-слуги. Коричневая куртка с серебряными пуговицами, такие же длинные брюки и кепи с серебряным галуном. Конечно, я не блистал красою, но теперь, расставшись с обличьем черномазого, грязного дервиша, я казался себе просто красавцем.

Флорентиец надел костюм из синей чесучи, белую ш,,лковую сорочку и завязал бантом серый ш,,лковый галстук. Положительно, во вс,,м он был хорош, казалось, лучше быть нельзя. Он беспощадно прилизал свои волнистые волосы, уложив их на пробор ото лба до самой шеи, надел пенсне, – и вс,, же оставался красавцем.

Время бежало; стало совсем светло. Мы услышали фыркание лошадей, и дворник закричал в окно, что лошади готовы. Хозяин подош,,л к окну и сказал тихо дворнику: – Сходи к соседу; если он уже уш,,л в лавку, то беги к нему туда, в ряды. Напомни, что он обещал доставить сегодня т,,тке два халата и ков,,р. Я же, по дороге на станцию, отвезу моих ночных гостей на скотский рынок. Если они вечером снова захотят ночевать у меня, ты ихпусти.

Дворник побежал выполнять поручение, а мы убрали с веранды наши вещи, которые оказались просто бутафорией. Мы бросили пустые сундучки, вынув из них по несколько книг, а узлы, в которых оказались

подушки, развязали и сунули платки в шкаф.

Через минуту мы вышли. Я н,с л,гкое пальто моего барина, учась играть роль слуги, помог моему господину сесть на заднее сиденье, а сам сел на скамеечку впереди. Хозяин устроился на козлах, подобрал вожжи, мы выехали из ворот, – я соскочил их закрыть, – и покатали к вокзалу.

Город ещ,, не просыпался. Кое-где дежурные сарты хлопотали у арыков, так как вода в оросительных системах вс,, время должна менять направление, и за этим строго следят особо приставленные люди, пуская воду по очереди то в Хиву, то в Бухару, то в Самарканд.

Теперь мы ехали быстро. Но вс,, же я мог хорошо различать и дома, и сады. Торговые ряды были совсем иные, чем в К. Они не напоминали багдадского рынка, а скорее были похожи на громадные амбары; но стиль их вс,, же был не европейский. Огромное количество лавок говорило о богатстве города. Я весь уш,,л в свои наблюдения. Движение становилось вс,, оживл,,нее, и когда мы выехали за город, это зрелище захватило меня своей необычайной красочностью. Я ещ,, не видел больших верблюжьих караванов; а здесь, с нескольких сторон, медленно и мерно покачивая груз на своих горбах, двигались к городу караваны. Каждый караван в,,л маленький ослик, на котором часто сидел погонщик. Все ведущие к шоссе дороги были забиты осликами, нагруженными фруктами, овощами, птицей и всевозможными предметами обихода, – и вс,, это тянулось на базар в огромном облаке пыли, тесно прижатое друг к другу.

Вдали сверкали снежные горы. Небо – местами алое, местами фиолетовое и зел,,ное, и ярко-синее над нами; прохладный ветерок от быстрой езды, – и я снова воскликнул: – О, как прекрасна жизнь!

Восклицание это явилось полной неожиданностью для моих спутников, углубл,,нных в разговор, и оба они удивл,,нно на меня посмотрели. Но увидев мою восхищ,,нную физиономию, громко рассмеялись. Я тоже залился смехом.

Мы были уже недалеко от вокзала, и мой барин, лорд Бенедикт, сказал мне по-английски:

– Хороший слуга всегда серь,,зен. Он никогда не вмешивается в разговор барина, ничем не выда,,т своего присутствия и только отвечает на задаваемые ему вопросы. Он вроде как глух и нем, пока барину не понадобятся его речь и услуги.

Тон его был совершенно серь,,зен, но глаза превесело смеялись. Я сдержал смех, подн,,с руку к козырьку и ответил весьма серь,,зно, тоже поанглийски: – Есть, ваша светлость!

– Мы подъезжаем к станции, – продолжал лорд. – Вот вам бумажник.

Вы прежде нас сойд,,те и отправитесь в кассу. Возьм,,те два билета в международном вагоне. Мы же медленно выйдем прямо на перрон и там встретимся. Поезд подойд,,т очень скоро. Если не будет мест в международном, возьмите в первом классе.

Я взял бумажник, выпрыгнул из коляски, как только она остановилась, и побежал в кассу.

Купив билеты, я наш,,л своего барина на перроне и доложил, что билеты в международный приобр,,л. Он важно кивнул мне на носильщика, державшего два элегантных чемодана. Я не мог понять, каким образом чемоданы катались при нас, и только потом сообразил, что, вероятно, они уже были привязаны к коляске, когда мы в нее садились.

«Вот новая забота мне», – подумал я. Я не знал, как поступить с бумажником и билетами, но так как показался поезд, я сунул бумажник во внутренний карман куртки.

– В международный, – бросил я небрежно носильщику, и он пош,,л к самому концу платформы.

Как только поезд остановился, я подал проводнику билеты, и мы заняли наши места, оказавшиеся маленьким двухместным купе. Я разместил вещи и отпустил носильщика. Проводник быстро подмел и без того чистый пол и вытер пыль в нашем купе, должно быть судя по слуге о возможной щедрости барина. Я выскочил на платформу доложить, что вс,, готово.

Раздался второй звонок. Лорд Бенедикт и его спутник медленно пошли к вагону, и с третьим звонком милейший лорд лениво зан,,с ногу на ступеньку. Мне так и хотелось его подтолкнуть сзади, никак я не мог взять в толк его медлительность.

Наконец он вош,,л в вагон и что-то ещ,, сказал своему остающемуся другу. Тут раздался свисток паровоза, и я уже не стал ждать, пока мой барин соизволит пройти дальше, поклонился любезному нашему хозяину и юркнул в вагон трогавшегося поезда.

Только когда наш хозяин совсем исчез из виду, лорд повернулся и прош,,л в купе. Проводник обратился к нему с вопросом, он сделал непонимающее лицо и поглядел на меня.

– Мой барин – англичанин, – сказал я очень вежливо проводнику, – и ни слова не понимает ни на одном языке, кроме своего английского. А я его переводчик.

Проводник ещ,, раз спросил, нужен ли нам чай. Я перев,,л вопрос лорду, и проводник получил заказ на чай, бисквиты и две плитки шоколада. Кроме того, я дал ему крупную бумажку и попросил сходить в

вагонресторан и купить нам лучшую дыню, яблок и груш. Уверившись, очевидно, в том, что от лорда можно ожидать чаевых, проводник обещал купить фрукты на следующей станции, которая славится ими. Через несколько минут он подал нам чай с лимоном, бисквиты и шоколад, закрыл дверь, и мы остались одни.

Несмотря на спущенные т,,мные занавески на окнах и работавший у потолка вентилятор, жара и духота в вагоне стояли адские. Я снял кепи и благословил свою прохладную курточку. Материя была плотная, но оказалась л,,гкой, вроде китайского ш,,лка. Мой лорд снял пиджак, ул,,гся на диван, прич,,м ноги его свешивались вниз, и сказал:

– Друг, я очень устал. Если ты чувствуешь себя в силах, – покарауль мой сон часа два-три. Если к тому времени не проснусь, разбуди меня обязательно. Теперь не удастся поспать, – потом, пожалуй, и не получится. А сил нам с тобой потребуется ещ,, много. Не огорчайся, что мы с тобой обо вс,,м не переговорили. Как только я встану, мы поедем и ляжешь ты. Раскрой маленький чемоданчик, в н,,м ты найд,,шь кое-что, что забыл в доме Али и что тебе, заботливо осмотрев тво,, платье, посылает молодой Али. Эти чемоданы прив,,з нам друг, у которого мы только что были.

С этими словами он повернулся к стене и сразу заснул. Я вышел посидеть с книгой в коридоре на скамейке против нашего купе, чтобы стуком проводник не нарушил сон Флорентийца.

Пассажиры надели кто кепи, кто панаму, кто английский шлем «здравствуй и прощай», как окрестили в России этот головной убор с двумя козырьками, а кто и просто с непокрытой головой вышел на площадку вагона. Поезд подош,,л к перрону и остановился.

Я открыл окно и стал смотреть на толпу... Здесь было гораздо оживл,,нее, чем на виденных мною прежде станциях. Торговцы с большими корзинами фруктов сновали по перрону. Мелькали укутанные фигуры женщин, державшихся группками, но я никак не мог определить, зачем они здесь. Они не торговали, а как будто без толку переходили с места на место, ни словом не обмолвясь друг с другом. Важные сарты, разных состояний и возрастов, стоявшие кучками, пялили глаза на едущую публику. Евреи, – в своеобразных кафтанах и ч,,рных шапочках, – шумные, нетерпеливые, составляли резкий контраст со степенными восточными фигурами.

Пассажиры вскоре возвратились в вагон, нагруженные фруктами. Мне казалось, что их покупки очень хороши. Но когда поезд тронулся, ко мне подош,,л проводник и подал корзину фруктов. Он весело подмигивал в сторону жевавших яблоки пассажиров, а я, взглянув на свою корзину,

понял, что такое настоящие восточные фрукты. Громадные, какие-то плоские яблоки, яблоки прозрачные, продолговатые, в них просвечивали насквозь все косточки, и груши, желтые, как янтарь, и две небольшие дыни, от которых исходил аромат головокружительный, и чудные белые и синие сливы.

– Вот это фрукты! – сказал мне проводник. – Надо знать, как купить и кому продать. У меня тут есть приятель. Каждый раз, когда я проезжаю, он мне prepares две такие корзины.

Я восхитился его приятелем, выращивающим такие фрукты, поблагодарил проводника за труды, щедро заплатив ему от имени барина, и угостил его одним яблоком.

Он остался очень доволен всеми формами моей благодарности, облокотился о стенку и стал есть свое, яблоко. А я уплетал сочную, божественную грушу, боясь пролить хоть каплю ее, обильного сока! Проводник пригласил меня в свое, купе, но я сказал, что барин мой очень строг, что, по незнанию языков, он без меня не может обходиться ни минуты, и что теперь я передам ему фрукты, и мы с ним ляжем спать. На его вопрос о завтраке и обеде я ответил, что барин мой очень важный лорд, и что лорды, иначе чем по карточке отдельных заказов, не обедают.

Я простился с проводником, еще, раз его поблагодарил и вошел в свое, купе. Я старался двигаться как можно тише, но вскоре обнаружил, что Флорентиец спит совершенно мертвым сном; и если бы я даже приложил все старания к тому, чтобы его сейчас разбудить, – то вряд ли успел бы в этом неловком деле.

Все мускулы тела его были совершенно расслаблены, как это бывает у отдыхающих животных, а дыхание было так тихо, что я его вовсе не слышал.

«Ну и ну, – подумал я. – Эта дурацкая ватная шапка да дервишский колпак, кажется, повредили мне слух. Я всегда так тонко слышал, а сейчас даже не улавливаю дыхания спящего человека!» « Я протер уши носовым платком, наклонился к самому лицу Флорентийца и все, равно ничего не услышал.

Огорченный таким явным ухудшением слуха, я вздохнул и полез за маленьким чемоданом.

ГЛАВА VI МЫ НЕ ДОЕЗЖАЕМ ДО К.

В вагоне было так темно, что я сделал маленькую щелчку, чуть приподняв шторку на окне, уселся возле столика и попробовал открыть чемоданчик. Ключа нигде не было видно, но повертев во все стороны

замки, я вс,, же его открыл, хотя и не без некоторого количества проклятий. Сверху лежали аккуратно зав,,рнутые коробочки с винными ягодами, суш,,ными прессованными абрикосами и финиками. Я вынул их и под несколькими листами белой бумаги наш,,л письмо на мо,, имя, и почерк его был мне незнаком.

Я уже не боялся шелестеть бумагой, так как Флорентиец продолжал спать своим смертоподобным сном. Я разорвал конверт и прежде всего взглянул на подпись. Внизу было четко написано: «Али Махмуд».

Письмо было недлинное, начиналось обычным восточным приветствием: «Брат».

Али молодой писал, что посылает забытые мною в студенческой куртке вещи, а также бель,, и костюм, которые мне, вероятно, пригодятся и которые я найду в большом чемодане. Прося меня принять от души посылаемое в подарок, он прибавлял, что в чемодане я найду все необходимые письменные принадлежности и немного денег, лично ему принадлежащих, которыми он братски делится со мной. В другом же отделении сложены только женские вещи, деньги и письмо, которые он просит передать Наль при первом же мо,,м свидании с нею, когда и где бы это свидание ни состоялось.

Далее он писал, что Али Мохаммед посылает мне тоже посылочку, которую я найду среди носовых платков. Али молодой очень просил меня не смущаться финансовым вопросом, говоря, что вскоре увидимся и, возможно, обменяемся ролями.

Я был очень тронут такой заботою и ласковым тоном письма. Подперев голову рукой, я стал думать об Али, его жизни и той трещине, которая образовалась сейчас в его сердце, в его любви. Фиолетово-синие глаза Али молодого, его тонкая фигура, такая худая и тонкая, что можно было принять е,, за девичью, походка л,,гкая и плавная, – вс,, представилось мне необыкновенно ясно и было полно очарования. Я не сомневался, что он хорошо образован. А подле такой огненной фигуры, как Али старший, мудрость которого светилась в каждом взгляде и слове, – вряд ли мог жить и пользоваться его полным доверием неумный и неблагородный человек.

Я подумал, что всю жизнь мальчик Али прожил в атмосфере борьбы и труда за дело освобождения своего народа. И, вероятно, в его представлении жизнь человека и была ничем иным, как трудом и борьбой, которые стояли на первом плане, а жизнь личная была жизнью номер два. Я не мог решить, сколько же ему лет, но знал, что он гораздо старше Наль. На вид он был так юн, что нельзя было ему дать больше семнадцати лет.

Я снова перечел его письмо; но и на этот раз не понял, какие вещи мог

отыскать Али в моём платье. Я заглянул снова в чемодан, хотел было поискать, где лежат носовые платки, но приподняв случайно какое-то полотенце, вскрикнул от изумления: в полутьме вагона сверкнуло что-то, и я узнал дивного павлина на записной книжке брата.

Только теперь я вспомнил, как мы перебирали туалетный стол брата и я сунул эту вещь в карман. Я вынул книжку и стал рассматривать ювелирную чудо-работу. Чем дольше я смотрел на неё, тем больше поражаюсь тонкому и изящному вкусу мастера. Распушенный хвост павлина благодаря игре камней казался живым, точно шевелился; голова, шея и туловище из белой эмали поражали пропорциональностью и гармонией форм. Птица жила!

«Как надо любить своё дело! Знать анатомию птицы, чтобы изобразить её, такую», – подумал я. И какая-то горькая мысль, что мне уже двадцать лет, а я ничего – ни в одной области – не знаю настолько, чтобы создать что-нибудь для украшения или облегчения жизни людей, пронеслась в моей голове.

Я всё держал книжку перед собой, и мне захотелось узнать её историю. Была ли она куплена братом? Но я тотчас же отверг эту мысль, так как брат не мог бы купить себе столь ценную вещь. Был ли это подарок? Кто дал его брату?

Уносясь мыслями в жизнь брата, – такой короткий и сокровенный кусочек которой я вдруг узнал, – я связал фигуру павлина с тем украшением на чалме Али Мохаммеда, которое было на ней во время пира. То был тоже павлин, совершенно белый, из одних крупных бриллиантов. «Вероятно, павлин является эмблемой чего-либо», – соображал я. Жгучее любопытство разбирало меня. Я уже был готов открыть книжку, чтобы прочесть, что писал брат; но мысль о порядочности, в которой он меня воспитывал, остановила меня. Я поцеловал книжку и осторожно положил её на место.

«Нет, – думал я, – если у тебя, брата-отца, есть тайны от меня, – я их не прочту, пока ты жив. Лишь если жизнь навсегда разлучит нас и мне так и не суждено будет передать тебе в руки твою сокровище, – я его вскрою. Пока же есть надежда тебя увидеть, – я буду верным стражем твоему павлину».

Жара становилась невыносимой. Я съел ещё одну сочную грушу и решил отыскать посылочку Али Мохаммеда. Вскоре я нашёл стопку великолепных носовых платков, и между ними лежал конверт, в котором прощупывалось что-то твёрдое, квадратное.

Я вскрыл конверт и чуть не вскрикнул от восхищения и изумления.

Внутри находилась коробочка с изображением белого павлина с распущенным хвостом. Не из драгоценных камней была фигурка павлина, а из гладкой эмали и золота с точным подражанием расцветке хвоста живого павлина. Коробочка была черная, и края ее, были унизаны мелкими ровными жемчужинами.

Я ее, открыл; внутри она была золотая, и в ней лежало много мелких белых шариков, вроде мятных лепешек. Я закрыл коробочку и стал читать письмо.

Оно меня поразило лаконичностью, силой выражения и необыкновенным спокойствием. Я его храню и поныне, хотя Али Мохаммеда не видел уже лет двадцать, с тех пор, как он уехал на свою родину.

«Мой сын, – начиналось письмо, – ты выбрал добровольно свой путь. И этот путь – твои любовь и верность тому, кого ты сам признал братомотцом. Не поддавайся сомнениям и колебаниям. Не разбивай своего дела отрицанием или унынием. Бодро, легко, весело будь готов к любому испытанию и неси радость всему окружающему. Ты прошел по дороге труда и борьбы, – утверждай же, всегда утверждай, а не отрицай. Никогда не думай: «не достигну», но думай: «дойду».

Не говори себе: «не могу», но улыбнись детскости этого слова и скажи: «превозмогу», Я посылаю тебе конфеты. Они обладают свойством бодрящим. И когда тебе будет необходимо собрать все свои силы или тебя будет одолевать сон, особенно в душных помещениях или при качке, – проглотить одну из этих конфет. Не злоупотребляй ими. Но если кто-либо из друзей, а особенно твой теперешний спутник, – попросит тебя покараулить его сон, а тебя будет одолевать изнеможение, вспомни о моих конфетах. Будь всегда бдительно внимателен. Люби людей и не суди их. Но помни также, что враг зол, не дремлет и всюду захочет воспользоваться твоей растерянностью и невниманием. Ты выбрал тот путь, где героика чувств и мыслей живёт не в мечтах и идеалах или фантазиях, а в делах простого и серого дня. Жму твою руку. Прими моё, пожатие бодрости и энергии... Если когда-либо ты потеряешь мир в сердце, – вспомни обо мне. И пусть этот белый павлин будет тебе эмблемой мира и труда для пользы и счастья людей».

Письмо было подписано одной буквой «М». Я понял, что это значило «Мохаммед».

С того момента, как я оказался в вагоне, прошло, вероятно, уже часа два, если не больше. Жара, казалось мне, достигла своего предела. Я снял курточку, расстегнул ворот рубашки и всё же чувствовал, что не могу

удержать слипающихся век и вот-вот упаду в обморок. Я посмотрел на Флорентийца. Он вс,, так же м,,ртво спал. Мне ничего не оставалось, как попробовать действие конфет Али Мохаммеда.

Я открыл коробочку, вынул одну из конфет и начал е,, сосать. Сначала я ничего особенного не ощутил; меня вс,, так же клонило ко сну. Но через некоторое время я почувствовал как бы л,,гкий холодок; точно по всем нервам прош,,л какой-то трепет, желание спать улетучилось, я стал бодр и свеж, точно после душа.

Я принялся рассматривать содержимое той части чемодана, где были вещи для меня. Я наш,,л туго набитый деньгами бумажник; наш,,л очаровательные приборы для умывания и для письма. Полюбовавшись всем этим, я прив,,л вс,, в порядок и закрыл чемодан, не прикоснувшись к тому отделению, где были вещи, предназначенные для Наль.

Только что я хотел приняться за чтение книги, как в дверь купе слегка постучали. Я приоткрыл е,, и увидел в коридоре высокого господина, по виду коммерсанта. Он спросил меня по-французски, не желает ли кто-либо в нашем купе развлечься от скуки партией в винт. Я отвечал, что я слугапереводчик, в винт играть не умею. А барин мой англичанин, ни слова не понимает ни по-русски, ни по-французски. И что я ни разу не видел в его руках карт. Посетитель извинился за беспокойство и исчез.

Быть может, вс,, происходило самым обычным и естественным образом. И вагонный спутник был из тех многочисленных карт,,жников, что способны и день и ночь просиживать за карточным столом. Но моей расстроенной за последние дни калейдоскопом сменяющихся событий фантазии уже мерещился соглядатай; и я невольно задавал себе вопрос: не такой же ли он коммерсант, как я слуга.

«Положительно, – думал я, – не хватает только очутиться нам на необитаемом острове и найти покровителя вроде капитана Немо. Живу, точно в сказке».

Я очень был бы рад, если бы Флорентиец бодрствовал. Мне становилось несносным это долгое вынужденное молчание под единственный аккомпанемент скрипящих на все лады стенок вагона и мерного стука кол,,с.

Я ещ,, раз прочел письмо Али старшего. Я представил себе его огненные глаза и его высоченную фигуру. Мысленно поблагодарил его не только за живительные конфеты, но и за не менее живительные слова письма. Я погладил рукой своего очаровательного павлина на коробочке и положил е,, как лучшего друга, во внутренний карман курточки, накинув е,, себе на плечи.

Я уже не ощущал давления в висках, пульс мой был ровен; я взял книгу и решил почитать.

Приподняв выше шторку, я посмотрел на местность, по которой мы сейчас ехали. Это снова была голодная степь; очевидно, здесь не было никакого орошения. Жгучее солнце и сожженная голая земля – вот и весь ландшафт, насколько хватало глаз.

«Да, – это край, забытый милосердием жизни, – подумал я. – Должно быть, люди здесь любят строить голубые купола мечетей и пестро изукрашивать их стены, предпочитают яркие краски в одеждах и коврах, чтобы вознаградить себя за эту голую землю, за эту жгучую пыль, в которой верблюд бредет, утопая в ней по колено».

Поезд шел не особенно быстро, остановки были редки. Я начал читать свою книгу. Постепенно фабула романа меня захватила, я увлекся, забыл обо всем и читал, вероятно, не менее двух часов, так как почувствовал, что у меня затекли руки и ноги.

Я встал и начал их растирать. Вскоре тело Флорентийца как-то странно вздрогнуло, он потянулся, глубоко вздохнул и сразу – как резиновый – сел.

– Ну вот я и выспался, – сказал он. – Очень тебе благодарен, что ты меня караулил. Я вижу, что ты сторож надежный, – засмеялся он, сверкая белыми зубами и вспыхивающими юмором глазами. – Но почему ты меня не разбудил раньше? Я спал, должно быть, больше четырех часов, – продолжал он, смеясь.

Я же стоял, выпучив глаза, и не мог сказать ни слова, до того он меня поразил своим пробуждением.

– В жизни не видал таких чудных людей, как вы, – сказал я ему. – Спите вы, как мертвый, а просыпаетесь, словно кошка, почуявшая во сне мышь. Разбудить вас? Да ведь я же не гигант, чтобы поставить вас на ноги, как это вы проделали со мной; если бы я тряс вас даже так, чтобы душу из себя вытрясти, то вряд ли все же добудился бы.

Флорентиец расхохотался, его смешили и моя физиономия, и моя досада.

– Ну, давай мириться, – сказал он. – Если я тебя обидел, что сплю на свой манер, а не так, как полагается по хорошему тону, то, пожалуй, и ты подобрал мне сравнение не очень лестное, что не подобает доброму слуге важного барина. Уж сказал бы хоть «тигр», а то не угодно ли «кошка». С этими словами он встал, посмотрел на фрукты и сказал: – Ну и молодец же ты! Вот так фрукты! Можно подумать, ты их стащил в Калифорнии!

– Ну, в Калифорнию я сбегать не успел; а проводнику щедро за них заплатил, – ответил я. – Во время вашего сна приходил сосед – вроде

французского комми – и приглашал вас играть в винт.

Флорентиец ел дыню, кивая на мой доклад головой, и вдруг увидел письма обоих Али, которые я оставил на столе.

Я прочел ему оба. Он спросил, куда я спрятал коробочку, и когда я показал на внутренний карман куртки, произн.,с:

– Нет, не годится. В моих брюках, с внутренней стороны справа, есть глубокий потайной кожаный карман. Положи е,, туда.

Я нащупал справа, у самой талии, карман и переложил туда коробочку. Флорентиец наклонился к: окошку, оглядел местность и сказал:

– Скоро подъедем к большой станции. Видишь там вдали деревья, – это уже станция. Тебе надо будет выйти размять ноги и купить газет. Возьми все, какие найдутся, местные тоже.

Я накинул курточку, спрятал письма в книгу и приготовился идти.

– Подожди, письма ты хочешь сохранить? – спросил Флорентиец. – Непременно, – ответил я.

– Тогда убери их в чемодан. И не только теперь, – когда мы можем быть выслежены, – но никогда и нигде не оставляй писем не спрятанными пад,,жно. А самое лучшее, держи вс,, в голове и сердце, а не на бумаге.

Я спрятал письма и вышел, так как поезд уже замедлил ход и подходил к перрону.

– Спроси на всякий случай, петли телеграммы до востребования лорду Бенедикту, – сказал мне вдогонку Флорентиец.

Я подн,,с руку к козырьку фуражки и вышел, торопясь, как усердный слуга, выполнить приказание барина. Встретясь с проводником, я спросил его, где купить газеты и журналы, в какой стороне перрона телеграф и долго ли здесь стоит поезд. Проводник все мне подробно рассказал и пожалел, что не может пойти со мной, так как это большая станция, здесь всегда многие сходят и садятся новые пассажиры, а потому ему нельзя отлучиться. Но поезд стоит минут двадцать, можно не торопиться.

Я прыгнул на перрон, как только остановился поезд. Народу было много. Гортанные голоса п,,строй, сожж,,нной солнцем, темнолицей толпы, рассаживающейся по вагонам, в суете и давке перемешивались со смехом и шутками бежавших за водой пассажиров с бутылками, чайниками и кувшинами в руках.

Жара и здесь стояла палящая, но после душного вагона воздух показался мне райским.

Я сходил на телеграф, получил две телеграммы для моего барина, купил целую кучу газет, какие только были, и вернулся в вагон. Войдя в него, я встретился с новыми пассажирами. Один был одетый повосточному,

довольно красивый мужчина с мягким выражением лица, другой – в белом кителе и форменной фуражке инженера-путейца, с лицом каким-то безразличным, маленького роста и, видимо, очень страдавший от жары.

Я вошел в свое купе, подал Флорентийцу телеграммы и газеты. Он прочел телеграммы и протянул их мне. Я сначала ничего не понял, а потом разобрал, что русскими буквами были составлены английские слова. В одной говорилось, что на станции П. нас будут ждать лошади. А другая сообщала, что два дома и два магазина в К. загорелись от неизвестных причин, спасти удалось только людей и животных.

Я взглянул на Флорентийца, который читал местную газету, полученную утром из К. В ней писалось о пожаре в доме Али, о том, что огонь перебросился через дорогу на дом капитана Т. Дом сгорел дотла, спасся один только денщик. А сам капитан, его брат и их друг, хромой старик-купец, не смогли проскочить через стену пламени, так как старый сухой дом загорелся сразу со всех сторон, как картонный. А запас керосина, хранившийся в доме, только раздул огонь.

Флорентиец перевел мне эту заметку и сказал, что судя по телеграммам, для нас пока все складывается благополучно. У него с Али было условлено, что если нас выследят в этом поезде, Али вышлет со своего хутора лошадей на станцию П. Мы сойдем и вернемся на предшествующую станцию, где и сядем в московский поезд. Телеграмма о лошадях есть, до П. уже недалеко. Сердце мое было беспокойно. Мне думалось, что ведь брат действительно мог вернуться и очутиться в опасности. Я поделился своими мыслями с Флорентийцем. Лицо моего друга было очень серьезно. – Что твой брат в опасности, – об этом ты знаешь. Пока все они не сядут на пароход и не достигнут Лондона, – им грозит беда. Но что его нет в К. – это так же верно, как и то, что тебя там не было во время пожара. Не будем думать о призраках и фантазиях, растрачивая попусту энергию, а станем ее собирать, чтобы в полном самообладании выполнить свою долю помощи нашим беглецам. Теперь тебе предстоит организовать наш обед. Заплати проводнику еще, «на чай», попроси свести тебя с поваром вагона-ресторана и закажи для своего барина-чудака вегетарианский обед. Но только чтобы подали его сюда и не позднее чем через час. Скоро ты почувствуешь усталость; надо тебе поесть и выспаться. Нам предстоит в короткое время сделать тридцать верст на лошадях. Лошади будут хороши, коляска, думаю, тоже; но твоё здоровье хрупко.

– Я невысок и худ, но здоровье мое крепко. Я хорошо закален и выдрессирован братом с детства. Не раз сопровождал его в лагерь, один раз

даже ходил в поход и могу шутя проехать верхом и сорок в,,рст, – ответил я. – Если же я упал в обморок и часто чувствую изнеможение, то только непривычная жара тому причиной. Но конфеты Али спасут меня. Обо мне вы не думайте. Скорее надо бояться вашего страшного сна; ведь если вы эдак засн,,те в коляске, как спали только что, то, действительно, можно сгореть в пожаре раньше, чем вас добудешься. Флорентиец снова весело расхохотался. – Эк напугал я тебя своим богатырским сном! Придется одолжить у тебя пилюлю Али и больше так не спать, – весело прибавил он.

– У вас есть свои пилюли. Вам Али дал коробочку, из которой потчевал меня в сво,,м кабинете, – тоже смеясь, ответил я.

– Есть-то есть, да только ты и вторую из этой коробочки уже съел в доме моего друга ночью, значит вс,, же одну ты мне должен.

Посмеявшись над моей пилюльной скупостью, он сказал, что давно читает вопросы в моих глазах и мыслях о дервише и Али, но что расскажет обо вс,,м в Москве.

Я пош,,л хлопотать об обеде. Звонкая монета обстряпала вс,, легко и просто. Через час в нашем купе стоял складной столик, и лакей из вагонресторана прин,,с отличные вегетарианские блюда. Мой барин велел передать повару денежную и сердечную благодарность и просьбу накормить нашего проводника.

Наконец вс,, было убрано, и я отправился с последним поручением барина к проводнику. Я сообщил ему, что телеграмма известила лорда о возможности хорошей торговой операции на станции П. Пусть он нас разбудит заранее и поможет вынести вещи на платформу. Он был очень рад услужить нам за хороший обед и вс,, повторял, что такие отличные пассажиры редко попадаются.

Войдя в купе, я увидел, что Флорентиец приготовил мне постель, вынув мягкую подушку из большого чемодана. Я был растроган его заботой, вспомнил, как сам он спал на тв,,рдом валике, и с укоризной сказал ему:

– Ну, зачем вы беспокоитесь? Я же мог так же спать, как и вы. Да и вряд ли засну. Нервы взбудоражены, всюду мерещатся западни.

– Ничего, я дам тебе капель, возбуждение уляжется, и засн,,шь сном не хуже моего.

Говоря так, он достал из своего широкого пояса-жилета маленький флакон и накапал мне в воду несколько капель.

– Гомеопатия, – сказал я. – Не очень-то я в не,, верю, – но вс,, же проглотил и ул,,гся. Последнее, что я слышал, был смех Флорентийца; я точно провалился в пропасть и сразу крепко заснул.

Проснулся я, как мне показалось, от стука в дверь. На самом же деле это будил меня Флорентиец. На сей раз я проснулся легко, чувствуя, как дивно я отдохнул. Не успел я встать, как раздался стук в дверь. Выглянув в коридор, я увидел проводника, который сказал, что через двадцать минут будет станция П., я должен собрать вещи, и он вынесет их на площадку, так как поезд стоит здесь только восемь минут.

Вещей мне собирать не пришлось, вс., было уже сделано Флорентийцем. Он успел и подушку и простыню убрать, пока я одевался и разговаривал с проводником. Сам он был теперь в другом костюме и велел мне надеть поверх моей курточки л.,гкий светлый костюм, а вместо кепи панаму. Сверх всего он накинул на меня и себя ч.,рные плащи, вроде тех, что носят морские офицеры.

Мы с проводником вынесли вещи на перрон. Кто-то из пассажиров окликнул его из вагона, он наскоро пожал мне руку и убежал.

На этот раз вся медлительность Флорентийца исчезла. Он быстро взял большой чемодан и свой саквояж, маленький отдал мне, взял меня за руку и зашагал не в зал, а, огибая садик станции, в сторону водонапорной башни.

Едва мы успели зайти за не., как с противоположной стороны выскочили два дервиша, взглядываясь во тьму ночи. К ним, запыхавшись, подбежал с перрона сарт, быстро что-то сказал и ткнул в руки билеты. Все трое помчались со всех ног к поезду и едва успели вскочить в последний вагон.

Мы молча стояли за выступом башни. Флорентиец крепко держал меня за руку. Мы ждали до тех пор, пока поезд не отош.,л и вс., не стихло вокруг. Тогда он сказал мне:

– Нам надо очень быстро пройти с полверсты. Возьми мой саквояж, дай мне свой чемодан и крепко держись за мою руку.

Я хотел возразить, но он шепнул:

– Ни слова, скорее, после: мы в большой опасности, мужайся. Если успеем сесть в московский поезд, следы наши затеряются.

Мы шли в глубь местности, вправо от станции. Тьма была полная. Шли мы не по дороге, а по узкой тропе и так быстро, что я почти бежал, а Флорентиец шагал своими длинными ногами, не замечая ни тяжести клади, ни моего бега.

Шли мы минут двадцать, внезапно нас кто-то окликнул. Флорентиец ответил, и я увидел в темноте силуэт лошадей и экипажа. Кучер взял большой чемодан, Флорентиец втокнул меня внутрь, прыгнул сам почти на ходу, – и мы понеслись. Много я ездил с тех пор. Ездил и на пожарных

лошадях, и на рысаках, но этого безумного бега, этой т.,мной ночи я не забыл и, очевидно, не забуду.

Панаму мне немедленно пришлось снять; в ушах свистел ветер; лошади неслись вскачь. Соображать я ничего не мог. Я помнил только слова Флорентийца, его «мужайся» подобно гвоздю вошло в меня. Мы мчались так почти час; лошади тяжело дышали и пошли медленнее. Мелькнул ряд домов, деревья, – и мы внезапно остановились. «Катастрофа», – подумал я.

Флорентиец выпрыгнул, схватил чемоданы, как реб.,нка высадил меня вместе с саквояжем и сказал по-английски: – Скорей бери мою руку.

Мы перебежали через какой-то двор и увидели бричку, в которую мигом взгромоздились. Кучер гикнул, и мы снова помчались.

Флорентиец о ч.,м-то спросил кучера, одетого по-восточному, тот успокаивающе что-то объяснял. Я подосадовал на сво., незнание языка.

«Вот, и не глух и не нем, а выходит, что и глух и нем», – думал я; и тут же дал себе слово выучиться этому проклятому языку.

– Ничего, – сказал Флорентиец, ласково пожимая мне руку и точно читая мои мысли. – Беда невелика, ты можешь выучить ещ., сто языков. Мы скоро приедем; возница сказал, что в следующем кишлаке нас уже ждут билеты и что мы приедем минут за пять до поезда.

Лошади вс., так же быстро мчались. В этой л.,гкой бричке мне бы не усидеть, если бы Флорентиец не держал меня своей крепкой рукой за талию.

Вскоре стали мелькать дома, у одного из них лошади замедлили бег, и вдруг на подножку с моей стороны кто-то впрыгнул. От неожиданности я отпрянул, но, увидев смеющуюся во весь рот физиономию, понял, что это друг. Незнакомец ловко присел на ободок брички, подал Флорентийцу конверт и весело затрещал что-то, очень его, очевидно, смешившее. Вскоре он на ходу спрыгнул и пропал во тьме.

– Билеты есть. Станция уже видна, – сказал Флорентиец. – Мы мчались меньше двух часов. Вот и огоньки станции. Запомни, ты теперь мой двоюродный брат, а не слуга. Но язык русский я знаю плохо, так как вырос и воспитывался в Лондоне. И ты мой гид и помощник в делах, без которого я обходиться не могу. Между собой мы говорим только поанглийски.

Мы подкатили к станции, сердечно поблагодарили возницу, и не успели выйти на перрон, как раздался свисток поезда.

Билеты были первого класса. Вагон был или пуст, или вс., в н.,м спало. В просторном четырёхместном купе не было никого. Проводник тоже спал

и предоставил нам самим устраиваться на своих местах. Мне показалось, что он не совсем трезв и старается скрыть от нас сво,, состояние.

На мо,, замечание о странном поведении проводника, даже не спросившего у нас билетов. Флорентиец сказал, что нет худа без добра, потому что наши билеты начинаются со следующей станции. Будь он трезв, пришлось бы входить с ним в сделку. А теперь он не сможет даже вспомнить, на какой станции мы сели в поезд.

Разместив наши вещи, мы заперли купе и вытянулись на мягких диванах, обитых красным бархатом. Флорентиец сказал, что спать не будет, что ему надо прочесть письмо и кое-что сообщить. Я думал, что мой сон тоже дал,,к, хотел услышать разъяснение всех передрыг этой ночи, но не успел задать вопроса, как заснул глубоким сном.

Конец ночи прош,,л для меня без сюрпризов. Утром я проснулся совершенно бодрым, и первое, что я увидел, было ласково улыбавшееся мне лицо моего друга. Я почувствовал себя таким счастливым, что вижу его не строгим и озабоченным, а добрым и любящим! Снова мне показалось, что я знаю его давным-давно.

– Положительно, – воскликнул я, – я мог бы спорить, что давным-давно вас знаю. Такую любовь, доверие и уверенность я испытываю подле вас. Я хотел бы всегда, всю жизнь следовать за вами и разделять все ваши труды и опасности. Я не могу теперь даже представить жизни без вас!

Он рассмеялся, поблагодарил меня за любовь и дружбу и сказал, что его жизнь состоит не из одних только трудов, борьбы и опасностей, но и из больших радостей и знаний, которые он будет счастлив разделить со мной, если я в самом деле захочу пожить возле него.

Было уже часов восемь. Солнце стояло высоко, вс,, такое же яркое. Но мы ехали уже не по голодной степи. Здесь почва была покрыта хотя и сожж,,нной солнцем, но вс,, же травой. Селения встречались чаще; и у каждой речушки или озера торчали юрты кочующих киргизов или калмыков.

– Здесь ещ,, есть жизнь, – заметил Флорентиец. – Но ночью мы въедем в полосу пустыни и так и поедем по ней больше суток. Жизнь заброшенных туда людей – это почти только одни семьи железнодорожного персонала – полна бедствий. Кочующие пески не дают возможности развести ни огородов, ни садов. Колодцы возле станций есть, но вода в них солонa и не годится не только для питья, но даже для выращивания овощей. Питьевую воду им доставляют в цистернах, но далеко не в достаточном количестве, и эти несчастные воруют друг у друга остатки пресной воды. А на зубах у них всегда хрустит песок.

Я представил себе эту жизнь и подумал, скольких мест еще, не достигла цивилизация. Как много предстоит преодолеть трудностей, чтобы жизнь стала сносной для всех.

Постучали в нашу дверь. Это оказался проводник, спрашивавший билеты и извинявшийся, что он забыл их взять у нас ночью. А сейчас пойдут проверка билетов, которые должны находиться у него. Флорентиец подал их проводнику. – Завтрак, чай, – сказал он ему с иностранным акцентом.

Я объяснил проводнику, что мой брат желает кушать в купе, а не ходить в вагон-ресторан. Он взялся принести нам завтрак, но сказал, что хороший вагон-ресторан прицепят только в Самаре, а пока кормят плохо. На мой вопрос о фруктах ответил, что может их достать сейчас и даже отличные.

Я дал ему денег, подумав, сколько же из них он пропьет. И решил, что наше путешествие до Москвы будет не самым комфортным и вряд ли мы получим съедобный завтрак.

Но я ошибся. Проспавшийся проводник оказался честным малым. Он вскоре принес отличный кофе со сливками, вкусный хлеб, масло, сыр и фрукты и всю до копейки сдачу.

Когда завтрак был окончен и все, убрано, Флорентиец сказал мне:

– Теперь приготовься выслушать, от каких бедствий мы спаслись и какие грозы собираются над головой Али. Люди в одежде дервишей и тот третий, с билетами, которых мы встретили ночью у водонапорной башни, гнались за нами. Фанатики и муллы выследили нас благодаря многочисленности монашествующих сект и отличной шпионской организации, связывающей их всех между собой. Прибежавший к дервишам сарт с билетами сказал им, что мы следуем в К. в международном вагоне, что ты едешь в платье слуги и тебя надо прикончить в толпе на перроне. А меня постараться захватить живьём, когда начнется переполох. Теперь они уже подъезжают к К. Они сели на той станции, где мы сошли, все там обследовали и потому будут уверены, что нас там не было. За хутором Али, откуда нам прислали лошадей, вели слежку весь день. Убедившись окончательно, что нас там нет, они попросили кучера довести их до станции к ночному посадке. Он с удовольствием это сделал, так как иначе ему невозможно было бы выехать за нами, не возбудив ничьих подозрений. Доставив их на станцию, он тотчас уехал, будто бы домой, а на самом деле остановился в том месте, которое Али указал мне в телеграмме. И вот след наш теперь так запуган, что найти нас трудно. Но все же, чтобы нам ехать не вдвоем, ведь ищут

двоих, надо послать телеграммы двум моим друзьям, чтобы они перехватили нас на этом поезде, как и где только смогут и как можно скорее...

Я вызвался отправить телеграммы, но Флорентиец сказал, что это надо поручить проводнику.

Телеграммы были написаны. Отдавая проводнику телеграммы и деньги. Флорентиец сказал:

– Вс,, что останется, возьмите себе. – И задержав его грубую руку в своей прекрасной руке, прибавил тихим проникновенным голосом: – Только не пейте больше. Это не облегчит вашего горя, а прибавит ещ,, несчастий.

Тут произошло что-то необыкновенное. Проводник схватил обеими руками руку Флорентийца, приник к ней и зарыдал. Эти горькие рыдания раздирали мне душу. Сл,,зы стояли в моих глазах, я едва мог их удержать.

Флорентиец усадил проводника рядом с собою на диван, от,,р его сл,,зы своим чудесным, душистым носовым платком и сказал:

– Не горюйте. Девочка ваша умерла, но жена жива. Вы оба очень молоды, и будут ещ,, у вас дети. Но надо так жить, чтобы дети рождались здоровыми, а поэтому никогда не пейте. Дети алкоголиков всегда бывают больными и, чаще всего, несчастными.

Он подал ему стакан с водой, накапав туда каких-то капель. Придя в себя, проводник сказал:

– Я никогда не пил до этого раза. Но вернувшись домой, увидел м,,ртового реб,,нка и м,,ртвую жену, а тут ни минуты времени и надо уезжать, – не смог я с собой совладать, в дороге стал пить. Так это я вам, барин, рассказал ночью про сво,, горе. Вс,, спуталось в моей голове. Я думал, что это я прошлой ночью какому-то азиату рассказывал. Он бродил по вагонам, разыскивая своего товарища – слугу в коричневой одежде и никак мне не верил, что такой у меня не едет. Вс,, я перепугал. Мне показалось, что он прош,,л в международный вагон, а я задремал минут на пять. А оказалось, что уже две станции проехали, хорошо, что контрол,,р за это время не проходил. Ах, как я вс,, перепутал спьяну! Думал, что это я ему рассказывал. – Он покачал недоуменно головой. – Грех-то какой! Невесть чего мерещится.

Флорентиец ещ,, раз пожал ему руку, повторил, что жена его была в глубочайшем обмороке, что это бывает при родах. Он советовал ему послать домой телеграмму с оплаченным ответом на Самару до востребования.

– Так вы, барин, значит доктор. Оно и видать. Только доктор и может

человека человеком признать, пусть он и беден. Вы не гнушались мне руку пожать, – говорил проводник, аккуратно складывая платок Флорентийца и возвращая его.

– Возьмите его на память о нашей встрече, друг, – сказал Флорентиец. – А это передайте вашей жене, когда вернетесь домой, чтобы принимала по одной капле перед каждой едой. Когда все капли выпьет, поправится совсем. Флакон пусть оставит себе на память о докторе. Когда вам будет тяжело в жизни, поглядите на флакон, подержите в руках мой платок и подумайте о моих словах, как я просил вас никогда не пить.

Он еще раз пожал проводнику руку, задержав ее в своих, улыбнулся ему и сказал:

– Мы еще с вами увидимся. Не теряйте мужества. Пьяный человек – не человек, а только двуногое животное. Не скорбите, что потеряли ребенка, а радуйтесь, что жива любимая жена. Бегите, подъезжаем.

Проводник вышел, мы остались одни. На душе моей было пасмурно. Ято знал отлично, что Флорентиец не говорил с проводником. Откуда он мог знать о его горе, его жене? Какая-то досада и раздражение опять подымались во мне: опять эта ненавистная таинственность.

– Не надо сердиться, Левушка, – сказал мне Флорентиец, нежно обняв меня за плечи. – Право же, на свете нет чудес. Все, объясняется очень просто. Я вышел ночью в коридор, слышу, кто-то плачет и причитает. Я пошел на голос и увидел этого несчастного перед откупоренной бутылкой водки, которой он жаловался и изливал горе по умершей жене и новорожденной дочке. Не надо быть врачом, чтобы знать, что у женщин при болезни почек во время родов случаются глубочайшие обмороки. Я уверен, что тут был как раз такой случай и что его жена пришла в себя, но у бедняги не было времени дожидаться и убедиться в этом. Ты уже не дитя, – продолжал он, усаживая меня подле себя. – Тебе пора оставить манеру прежде всего сердиться, если ты чего-нибудь не понимаешь. Во всем, что тебе кажется таинственным и непонятно чудесным из происшествий последних дней, – если бы ты не раздражался, а собирал волю и бдительно наблюдал, ты бы сам убедился, – нет чудес, а есть та или иная степень знания.

Голос его, выражение милых глаз, все, было так отечески нежно и ласково, что я приник к нему, – и снова волна радости, уверенности и спокойствия пробежала по мне. Я был счастлив.

Вскоре вернулся проводник, принеся квитанции на посланные телеграммы и букет роз, которым украсил наш столик. Флорентиец сказал, что ждет в Самаре двух своих друзей, для которых просит оставить

соседнее с нами купе. А что касается нашего, то хочет занять в н,,м все четыре места, чтобы хорошенько отдохнуть. Проводник объяснил, что, заплатив за лишние две плацкарты, мы получили право на вс,, купе. Но если хотим заказать купе для друзей, должны внести впер,,д сумму за заказ и билеты, что мы сейчас же и выполнили.

Дальше наше путешествие проходило без осложнений. В Самару мы должны были приехать ночью. Я очень устал, мне хотелось спать, и я попросил проводника сделать мне постель. Флорентиец сказал, что будет ждать друзей, от постели отказался, а для них попросил приготовить постели в соседнем купе.

Я спросил проводника, почему вагон наш пуст. Он объяснил, что все едут на ярмарку в дальние восточные города, что в ту сторону вагоны заполнены до отказа купцами всех наций; а оттуда пока идут пустые поезда. Но через две недели нельзя будет достать ни одного билета обратно, даже и в третьем классе.

Постель моя была готова, я отлично вымылся, с восторгом переоделся в чистое белье,, Али Махмуда, мысленно поблагодарил его, дав себе обещание отслужить ему за заботу, простился с Флорентийцем и мигом заснул.

ГЛАВА VII НОВЫЕ ДРУЗЬЯ Проснувшись, я увидел, что диван Флорентийца пуст. Должно быть, было уже довольно позднее утро, и – что меня особенно поразило – в окна стучал частый крупный дождь.

С тех пор как я приехал к брату в К., где летом никогда не бывает дождя и о котором мечтаешь, покрытый потом и пылью, как о манне небесной, – это был первый дождь.

Я мигом вскочил и засмеялся, вспомнив, как меня поразила быстрота движений Флорентийца, когда он вот так же внезапно сел, проснувшись. И я сейчас, точно кот, почуявший мышь, бросился к окну и отд,,рнул занавеску.

Дождь показался мне добрым, родным братом. В его серой пелене был виден лес, настоящий зел,,ный лес, и не было жары.

Какая-то нежность к своей родине, даже как бы чуть-чуть раскаяние, что я мало ценил е,, до сих пор, с е,, лесами, рощами, зел,,ными полями и сочной травой, пробежали по мне. Я радовался, что попал снова в свой край, где нет серо-ж,,лтого ландшафта, одинаково пустынного на десятки в,,рст с торчащими, как бирюзовые горы, голубыми куполами и минаретами мечетей.

И как только эта восточная картина мелькнула в мо,,м воображении,

так сразу же встала передо мной и вся цепь событий, людей, отдельных слов и небольших эпизодов последних дней.

Моя радость потускнела, быстрота движений исчезла. Я стал медленно одеваться и думать, какой сумбур царит в моей голове. Я положительно не мог связать все события в ряд последовательных фактов. И вс,, что было третьего дня, вчера или два дня назад, – вс,, сливалось в какой-то большой ком, и я даже не вс,, отч,,тливо помнил.

Внезапно в коридоре я уловил какое-то слово, и тембр голоса опять показался мне знакомым.

«Странно, – подумал я. – Всегда у меня была изумительная память на лица и голоса. А теперь и этот дар я, кажется, теряю. Должно быть, проклятая шапка дервиша да жара повредили мне не только слух, но и мозги».

В эту минуту снова дон,,ссия из коридора баритональный, неповторимо красивый голос. Я даже сел от изумления, и всего меня бросило в жар, хотя ни о какой жаре и помина не было.

«Нет, положительно я стал какой-то порченный, как говорил денщик брата, – продолжал я думать, утирая пот со лба. – Не может это быть дервиш, который дал мне сво,, платье и у которого мы останавливались ночью». Вс,, завертелось в моей голове, до физической тошноты, недоумение заполнило меня всего.

Я думал, что если бы под страхом смертной казни я должен был рассказать в эту минуту подробный ход событий, я бы не мог их передать, память моя отказывалась логически работать. Я сидел, уныло повесив голову, а в коридоре теперь уже явно различал английскую речь – один из голосов принадлежал Флорентийцу, а другой был вс,, тот же чудесный металлический баритон, ласкающий, мягкий; но, казалось, прибавь этому голосу темперамента, – и он может стать грозным, как стихия.

«Нельзя же так сидеть растерянным мальчиком. Надо выйти и убедиться, кто же говорит с Флорентийцем», – продолжал я думать, напрасно стараясь отдать себе отч,,т, когда точно я видел мнимого дервиша, сколько прошло времени с тех пор, мог ли он очутиться здесь сейчас.

Только я решил выйти из купе, как дверь открылась, и вош,,л Флорентиец. Его прекрасное лицо было свежо, как у юноши, глаза блистали, на губах играла улыбка, – ну, век смотрел бы на это воплощение энергии и доброты; и никогда не поверил бы, как сурово серь,,зно может быть это лицо в иные моменты.

Он точно сразу прочел все мои мысли на мо,,м расстроенном лице, сел рядом, обнял меня и сказал:

– Мой милый мальчик! События последних дней могли расстроить и не такой хрупкий организм, как твой. Но все,, что ты испытал, ты перен,,с героически. Ни разу страх или мысль о собственной безопасности не потревожили твоего сердца. Ты был так верен делу спасения брата, как только это возможно. Теперь я узнал о судьбе обоих Али и их домочадцев.

И он рассказал мне, как Али с племянником, проводив нас и дервиша, вернулись в город. Там они вывели из дома всех людей и спрятали их в глубоком бетонном погребе, под каменным сараем в самом конце парка. Туда же успели вынести из дома наиболее ценные ковры и вещи, замаскировав вход так, что найти его никто не мог. Там, в этом погребе, Али и все его домочадцы провели страшную ночь, когда толпа дервишей и правоверных кинулась на его дом.

Ужасов, неизбежных в этих случаях, – как выразился Флорентиец, – он не стал мне рассказывать. Власти, услышав, что религиозный поход принимает колоссальные размеры, – а это уже никого не устраивало, – разослали по всему городу патрули. Но патрули вышли тогда, когда дом Али был уже подожж,,н со всех концов.

С домом брата фанатики поступили так же. Сухой как щепка старый дом сгорел дотла. Но тут несчастья было больше. Подкупленный денщик пустил вечером кого-то в дом, якобы осмотреть драгоценную библиотеку брата. Вошедшие стали угощать его вином, до которого он был великий охотник, очевидно угостились и сами на славу. Как было дело дальше, никто толком пока не знает. Но факт, что двое там сгорели, а денщик еле выскочил из огня. Ему рамой расшибло голову, когда он выпрыгивал. Еле добравшийся до задней калитки сада, полуодетый, окровавленный, почти в безумном состоянии, он был подобран проходившим патрул,,м и доставлен в госпиталь. Там в бреду все,, повторял:

– Капитан... барин... брат... Они насильно лезли. – И снова: – Капитан... барин... брат... Я их не пускал... Они подожгли.

Военный доктор, узнав от солдат, что больной им известен, что это денщик капитана Т., встревожился и послал доложить генералу о пожаре. Он спрашивал, известно ли кому-нибудь, где капитан Т., не сгорел ли он вместе с братом в сво,,м доме? Что от денщика его узнать ничего толком нельзя, и надо думать, в себя он не прид,,т и скоро умр,,т.

Разбуженный генерал, предубежд,,нный вообще против местного населения, ненавидевший к тому же, когда тревожили его ночной покой, – помчался прямо к губернатору. Он там закатил такой спектакль, что немедленно все,, проснулось. Ничего не видевшие и не слышавшие до этой минуты власти, считавшие местные дела не подлежащими санкциям

царских властей, сразу же проснулись, прозрели и кинулись тушить пожар фанатизма, объявив этот религиозный поход бунтом.

Хорошо заплатив всем властям за невмешательство, бесчинствующая толпа фанатиков была поражена примчавшейся пожарной командой и нарядом военных. Мулла стал уверять дервишей и толпу, что это только инсценировка, что никого не тронут. Но когда увидел выстроившуюся цепь солдат, готовых к стрельбе, – первый бросился бежать со всех ног, за ним разбежалась и толпа.

Дом Али удалось наполовину отстоять, но дом брата горел, как костер, пламя бушевало с такой силой, что даже подступиться к нему близко было невозможно. Очевидно, благодаря бреду бедняги-денщика создалась уверенность, что капитан Т. и его брат сгорели в доме.

Пока Флорентиец все, это мне рассказывал, у меня, как у одержимых навязчивой идеей, сверлила в голове мысль: «Чей я слышал голос? Как зовут этого человека?»

Не в первый раз за наше короткое знакомство я замечал поразительное свойство Флорентийца: отвечать на мысленно задаваемый вопрос. Так и теперь, он мне сказал, что в Самаре в наш вагон сели два его друга, которых он встретил на перроне.

– Один из них тебе уже знаком, – проговорил он с неподражаемым юмором, как комично подмигнув мне глазом, что я покатился со смеху. – Его зовут Сандра Кон-Ананда, он индус. И ты не ошибся, голос его мог бы сделать честь любому певцу. Поэт он изумительно, прекрасно знает музыку, и ты, наверное, сойдешься с ним на этой почве, если другие стороны этого своеобразного, интересного и очень образованного человека не заинтересуют тебя. Другой мой друг – грек. Он тоже человек незаурядный. Великолепный математик, но характера он более сложного; очень углублен в свою науку и мало общителен, бывает суров и даже резковат. Ты не смущайся, если он будет молчать; он вообще мало говорит. Но он очень добр, много испытал и всякому готов помочь в беде. По внешнему обращению не суди о нем. Если у тебя явится охота с ним поговорить, – ты пересиль застенчивость и обратись к нему так же просто, как обращаешься ко мне.

– Как я обращаюсь к вам?! – горячо, даже запальчиво воскликнул я. – Да разве может кто-нибудь сравниться с вами? Если бы тысячи дивных людей стояли передо мной и мне предложили бы выбрать друга, наставника, брата, – я никого бы не хотел, только вас одного. И теперь, когда все, что мне было дорого и близко в жизни, – мой брат, – в опасности, когда я не знаю, увижу ли его, спасусь ли сам, – я радуюсь жизни, потому

что я подле вас. Через вас и в вас точно новые горизонты мне открываются, точно иной смысл получила вся жизнь. Только сейчас я понял, что жизнь ценна и прекрасна не одними узами крови, но той радостью жить и бороться за счастье и свободу всех людей, что я осознал подле вас. О, что было бы со мной, если бы вас не было рядом все эти дни? Неважно даже, что я бы погиб от руки какого-нибудь фанатика. Но важно, что я уш,,л бы из жизни, не прожив ни одного дня в бесстрашии и не поняв, что такое счастье жить без давления страха в сердце. И это я понял подле вас. Теперь я знаю, что жизнь вед,,т каждого так высоко, как велико его понимание своего собственного труда в ней как труда-радости, труда светлой помощи, чтобы тьма вокруг побеждалась радостью. И все случайности, бросившие меня сейчас в водоворот страстей, мне кажутся благословенными, происшедшими только для того, чтобы я встретил вас. И никто, никто в мире не может стать для меня наряду с вами!

Флорентиец тихо слушал мою пылкую речь; его глаза ласково мне улыбались, но на лице его я заметил нал,,т грусти и сострадания.

– Я очень счастлив, мой дорогой друг, что ты так оценил мо,, присутствие возле тебя и нашу встречу, – сказал он, положив мне руку на голову. – Это доказывает редкую в людях черту благодарности в тебе. Но не горячись. Если сознание тво,, расширилось за эти дни, то, несомненно, и сердце тво,, должно раскрыться. Должны стереться в н,,м, как и в мыслях, какие-то условные грани. Ты должен теперь по-новому смотреть на каждого человека, ища в н,,м не того, что сразу и всем видно, не броских качеств ума, красоты, остроумия или злых свойств, а той внутренней силы и доброты сердца, которые только и могут стать светом во тьме для всех окружающих, среди их предрассудков и страстей. И если хочешь нести свет и свободу людям в пути, – начинай всматриваться в них по-новому. Начинай бдительно распознавать разницу между мелким, случайным в человеке и его великими качествами, родившимися в результате его трудов, борьбы и целого ряда побед над самим собою. Начинай сейчас, а не завтра. Отойди от предрассудка, что человек тот, чем он кажется, и суди о н,,м только по его поступкам, стараясь всегда встать в его положение и найти ему оправдание. Оба моих друга знают мало твоего брата и так же мало знают Налъ. Но как только Али намекнул им месяц назад о возможности происшедшей сейчас развязки, они оба оставили все свои дела, ждали зова и приехали помогать Али точно так же, как и я. Попробуй первый раз в жизни взглянуть в их лица иначе. Пусть любовь к брату будет тебе ключом к новому пониманию сердца человека. Прочти с помощью этого ключа ту силу преданной любви, что единит всех людей, без различия наций,

религий, классовой розни. Подойди к ним впервые как к людям, цвет крови которых тоже красный, как и у тебя.

Он обнял меня, сказал, что с Сандра Кон-Анандой он уже пил кофе в вагоне-ресторане, а теперь мне надо проявить вежливость к другому гостю и предложить ему свои услуги спутника и гида. Грека зовут Иллофиллион. Он говорит по-русски плохо и очень стесняется говорить на этом языке в непривычной обстановке.

– Побори свою застенчивость, – прибавил Флорентиец, – вспомни, как я в,,л тебя за руку в трудные минуты. Вообрази, что для него это тоже минуты неприятные, и облегчи ему их. Он отлично владеет немецким. Если тебе надоест его затрудн,,нная русская речь, ты можешь заставить его рассказать по-немецки много интересного из его студенческих лет. Он окончил естественный факультет в Гейдельберге и математический в Лондоне.

С этими словами он предложил мне скорее привести себя в полный порядок, достал мне из саквояжа кепи вместо панамы, и... я вздохнул и отправился знакомиться с греком, не менее застенчивым, чем я сам.

За свои двадцать лет я не очень часто бывал в обществе. Четырнадцать лет я прожил неотлучно с братом, под руководством которого проходил программу гимназии. Я разделял его кочевую жизнь, был с ним даже в Рском походе. Но когда брату пришлось перевестись с полком в дал,,кую Азию, он решил отдать меня в гимназию в Петербурге, где у нас была т,,тка. Он надеялся, что, быть может, удастся поместить меня у нее. Но старая чванливая дама не пожелала иметь такого замухрышку своим компаньоном в повседневной жизни, – и брату пришлось выбрать гимназию с интернатом.

На экзаменах – я держал в шестой класс – мои познания поразили учителей. Я выдержал языки и математику блестяще. Сочинением на тему о сказке в произведениях великих писателей я их всех сразил. Они дали мне тему из русской литературы, я же понял е,, как тему в мировой литературе, и навалил со свойственным мне азартом столько, что бумаги мне не хватило. На просьбу дать мне еще бумаги учитель с удивлением сказал, что за всю его жизнь ему встретилось впервые, чтобы ученику не хватило бумаги, отпущенной на черновик и на переписку набело.

Подошедшему в эту минуту директору он показал мою работу, сказав, что вот уже три часа, как я пишу почти не отрываясь. Директор взял мои листы, стал читать, прочел почти целый лист и спросил, пристально на меня поглядев:

– Вы сын писателя?

– Нет, – ответил я, – я сын своего брата.

Увидев полное изумление на лицах директора и учителя, который едва сдерживался, чтобы не прыснуть со смеху, я смешался и быстро пробормотал:

– Простите, господин директор. Я сказал, конечно, несурязицу. Я хотел сказать, что не помню ни отца, ни матери. А как себя помню, – вс,, меня воспитывал и учил брат: и я привык видеть в н,,м отца. Вот потомуто я так нелепо и выразился.

– Это хорошо, что вы так любите брата. Но кто же готовил вас? Вы так прекрасно приготовлены.

– Брат занимался со мной по программе гимназии, других учителей у меня не было.

– А кто же ваш брат? – спросил, улыбаясь, учитель, – Поручик Некого полка, – ответил я. Наставники переглянулись, и директор, вс,, ещ,, глядя удивл,,нно на меня, но улыбаясь мне мягкой и доброй старческой улыбкой, сказал:

– Или вы феномен по способностям или ваш брат поразительный педагог.

– О да, мой брат не только педагог, но и такой уч,,ный, какого другого и нет, – выпалил я восторженно. – Да вот и он, – закричал я, увидев милое лицо моего брата за стеклянной дверью класса.

И забыв, где я, кто передо мной, зачем я здесь, я выскочил в коридор и обвил шею моего дорогого брата руками. Как сейчас помню то страстное чувство любви, благодарности, тоски от предстоящей разлуки и радости от привычного объятия и ласки брата, какое я испытал тогда.

Тихо разняв мои руки, брат вош,,л в класс, стал во фрунт перед директором и сказал:

– Прошу извинить, ваше превосходительство, моего брата. В кочующей офицерской жизни мне удалось обучить его немногим наукам, которые я сам знал. Но манеры и дисциплинированность не пришлось ему привить. Я надеюсь, что под вашим просвещ,,нным руководством он их приобрет,,т.

Директор подал руку брату, познакомил его с учителем, с любопытством разглядывавшим его, и наговорил ему массу комплиментов по поводу моей подготовки и блестящих способностей.

Но в мо,,м сердце появилась первая трещинка. Я понял, что осрамил брата. Вспомнил, как часто он повторял мне, что надо всегда быть выдержанным и тактичным, вдумываться в обстоятельства, отдавать себе отч,,т, где ты и кто перед тобой, – и только тогда действовать.

Весь этот эпизод детской жизни мелькнул сейчас передо мной, вызванный точно такой же спазмой сердца, которую я испытал тогда. Я встретил впервые чужого человека, который стал мне так же дорог и близок, как мой милый брат,

– и я снова себя почувствовал неумелым ребенком, не знающим, как подойти к чужому человеку, что ему сказать и как себя вести, чтобы выполнить желание Флорентийца и доставить ему удовольствие своим поведением... Я стоял в коридоре, не решаясь постучаться в соседнее купе, а в моей голове, – точно молнией освещенный, – пронесся этот эпизод моей первой детской бестактности.

Сжав губы, вспомнил я из письма Али: «превозмогу», – и постучался.

– Войдите, – услышал я незнакомый мне чужой голос. Я открыл дверь и чуть было не убежал назад к Флорентийцу, как когда-то к брату в коридор.

На диване, друг против друга, сидели рослые люди, но я увидел только две пары глаз. Глаза дервиша, – сразу запомнившиеся мне в первое свидание, глаза-звзды, – и пристальные, почти черные глаза грека, напоминавшие прожигающие глаза Али старшего.

– Позвольте теперь познакомиться с вами по всем правилам вежливости, – сказал, вставая, Сандра Кон-Ананда. – Это мой друг Иллофиллион.

Он пожал мне руку, я же неловко мял в руке свои кепи и, кланяясь греку, проговорил, как плохие ученики нетвердо выученный урок:

– Ваш друг Флорентиец послал меня к вам. Может быть, вам угодно пойти в вагон-ресторан выпить кофе? Я могу служить вам гидом.

Грек, пристальные глаза которого вдруг перестали быть сверлящими шилами, а засветились юмором, быстро встал, пожал мне руку и сказал с сильным иностранным акцентом, очевидно выбирая слова, но совершенно правильно по-русски:

– Я думаю, мы с вами – «два сапога – пара». Вы так же застенчивы, как и я. Ну, что же. Пойдем вместе. Мы, конечно, не найдем двести, но потеряем четыреста. А все же мы с вами подходим друг другу и, наверное, пока решимся спросить себе завтрак, – все съедят у нас под носом, и мы останемся голодными.

Говоря так, он скроил такую постную физиономию, так весело потом рассмеялся, что я забыл все, свое смущение, залился смехом и уверил его, что буду решительно беззастенчив и накормлю его до отвала.

Мы вышли из купе под веселый смех Кон-Ананды. Пройдя в вагон-ресторан, я быстро нашел там столик в некурящем отделении, заказал

завтрак и старался занимать моего нового знакомого, обращаясь к нему на немецком языке. Он отвечал мне очень охотно, спросил, бывал ли я в Греции. Я со вздохом сказал, что дальше Москвы, Петербурга, Северного Кавказа и К., где был в первый раз и очень коротко, нигде не бывал.

Нам подали кофе, и я, пользуясь правом молчания за едой, украдкой, но пристально наблюдал моего грека.

Положительно, за мою детскую и юношескую монотонную жизнь сейчас я был более чем вознагражден судьбой, встретив сразу так много событий и лиц, не только незаурядных, но даже не уместящихся в моём сознании. Казалось, надень моему греку венок из роз на голову, накинь на плечи хитон, – и готова модель для лепки какого-нибудь олимпийского бога, древнего царя, мудреца или великого жреца, – но в современное платье в моём сознании он как-то не влезал. Не шёл ему европейский костюм, не вязался с ним немецкий язык, – скорее ему подошли бы наречия Испании или Италии. Правильность черт его лица не нарушал даже низкий лоб с выпуклостями над бровями, – тонкими, изогнутыми, длинными, – до самых висков. Нежность кожи при таких иссиня-чёрных волосах и едва заметные усы... Про него действительно можно было сказать: «Красив, как бог».

Но того обаяния, которым так притягивал к себе Флорентиец, в нём не было. Насколько я не чувствовал между собою и Флорентийцем условных границ, – хотя и понимал всю разницу между нами и его огромное превосходство во всём, – настолько Иллофиллион казался мне замкнутым в круг своих мыслей. Он точно отделен был от меня перегородкой, и проникнуть в его мысли, думалось мне, никто бы не смог, если бы он сам этого не захотел.

Мы дождались следующей остановки, вышли из ресторана и прошли по перрону до своего вагона. Мой спутник поблагодарил меня за оказанную ему услугу, прибавив, что гид я очень приятный, потому что умею молчать и не любопытен.

Я ответил ему, что детство прожил с братом, человеком очень серьёзным и довольно молчаливым, а юность не баловала меня такими встречами, когда люди бы интересовались мною. Поэтому хотя я и очень любопытен, вопреки его заключению, но научился, так же как и он, думать про себя.

Он улыбнулся, заметив, что математики – если они действительно любят свою науку – всегда молчаливы. И мысль их углублена настолько в логический ход вещей, что даже вся вселенная воспринимается ими как геометрически развёрнутый план. Поэтому суэта, безвкусица в

высказывании не до конца продуманных мыслей и суетливая болтовня вместо настоящей, истинно человеческой осмысленной речи, какую должны бы обмениваться люди, пугает и смущает математиков. И они бегут от толпы и суеты городов с их дал,,кой от логики природы жизнью.

Он спросил меня, люблю ли я деревню? Как я мыслю себе свою дальнейшую жизнь? Я ответил, что вся жизнь моя прошла пока на гимназической и студенческой скамье. Рассказал ему, как поступил в гимназию, смеясь вспомнил и блестящие экзамены. Потом рассказал и о первом горе – разлуке с братом и жизни в Петербурге. А затем, как бы для самого себя подводя итоги какого-то этапа жизни, – сказал ему:

– Сейчас я на втором курсе университета и тоже горе-математик. Но мои занятия даже ещ,, не привели меня к пониманию, какую жизнь я хотел бы себе выбрать, где бы хотел жить, и даже не понимаю пока, какое место во вселенной вообще занимает моя персона.

Мы стояли в коридоре, и мой собеседник предложил мне войти в его купе. Наш разговор – незаметно для меня – принял т,,пльй товарищеский характер. Меня перестала смущать внешняя суровость моего нового знакомого, а наоборот, я почувствовал как бы отдых и облегчение. Мои мысли потекли спокойнее; мне очень хотелось узнать об университетах Берлина и Лондона, и я был рад посидеть с моим новым другом.

Но мне страстно хотелось также заглянуть к Флорентийцу и передать ему, что я не осрамился, выполняя его поручение, и что грек очень интересный человек.

Только я собирался сказать, что зайду на минутку в сво,, купе, как дверь открылась, и на пороге я увидел Кон-Ананду. Он сказал, что Флорентиец заснул и что, если мне интересно поговорить с Иллофиллионом, он охотно посидит в мо,,м купе и покараулит сон Флорентийца.

Я уже знал хорошо, как крепко тот спит, и с удовольствием согласился поменяться местами с Анандой на некоторое время.

Мы продолжали прерванную было беседу. Чем дальше говорил Иллофиллион, тем сильнее поражался я его знаниям, наблюдательности, а главное, силе его обобщений и выводов.

Я и сам не лиш,,н был синтетических способностей, хорошо разбирался в логике, сравнительно много читал. Но все мои, называемые блестящими, способности показались мне жалким хламом, сброшенным в лавке старь,,вщика в общую кучу, в сравнении с ч,,ткостью мысли и речи моего собеседника.

– Как странно я чувствую себя сегодня. Точно я поступил в новый

университет и прослушал ряд занимательнейших лекций. Но если бы вы еще,, рассказали мне о быте студентов, с которыми вы учились, об уровне их развития и интересов, – сказал я.

И снова полилась наша беседа, прич,,м мой собеседник проводил параллели между студенчеством Греции, Германии, Парижа и Лондона, которое он имел возможность наблюдать.

Я ловил каждое слово. Он говорил так просто и вместе с тем так образно, что мне казалось, будто я сам путешествую вместе с ним, вс,, слышу и вижу собственными глазами. Страстная жажда знаний, жажда видеть мир, людей, узнать их нравы и обычаи наполнила меня экстазом. Я перестал отдавать себе отч,,т о времени и месте, забыл, что я вс,, сво,, образование получил трудам брата, бедного русского офицера, и решил, что непременно увижу весь свет и не оставлю ни одного угла, не побывав там.

– А хотелось бы вам путешествовать? – услышал я вопрос И. Точно свалившись с неба, я осознал, что никак не смогу объехать не только всего мира, но даже своей родной России, потому что я беден и до сих пор умею зарабатывать только гроши уроками да переводами.

– Хотеть-то я очень бы хотел, – вздохнув, ответил я. – Но мне не вез,,т с путешествиями. После пятилетней разлуки с братом, пока я кончал гимназию и поступал в университет, я выбрался, наконец, к нему в Азию. Мечтал увидеть новый свет и новый народ, – и вот вс,, скомкалось. И брата я теперь потерял,

– прибавил я тихо, вспомнив, с какой радостью я ехал на свидание с ним в дал,,кое К. и с какою скорбью возвращаюсь оттуда.

И. склонился ко мне, необыкновенно ласково поглядел мне н глаза и так же тихо ответил:

– Я всем сердцем сострадаю вам, друг. Я тоже пережил такой момент жизни, когда потерял вс,,,, что любил, и всех, кого любил, в один день. Но мо,, состояние было хуже вашего, потому что я не мог помочь никому из тех, кого любил. Когда я сам, тяжело раненный, приш,,л в себя, я увидел только похолодевшие трупы своих родных и близких. А что касается всех моих надежд, идеалов, стремлений, исканий истины и чести, – вс,, это также было выметено из моей души и превращено в прах, ведь убийцами были фанатики-лицемеры, разыгрывавшие роль друзей...

Он помолчал и продолжал еще,, более проникновенным тоном:

– Ваше положение много лучше того момента моей жизни. Вы еще,, не потеряли брата, вы только в разлуке с ним. Вы еще,, можете ему помочь и уже начинаете дело помощи. Я приехал погостить к Али пять лет тому назад, возвращаясь из путешествия по Индии, и познакомился у него с

вашим братом. Али рассказал мне о его чистой жизни большого уч.,ногосамоучки, о его беззаветной преданности идее свободы. Такие, редко встречающиеся в русском офицере качества, я помню, меня очень тронули. И когда я увидел вашего брата, его прекрасное лицо сказало мне так много, что я сразу стал ему преданным другом. А вы знаете, – из наблюдений даже такой короткой и юной жизни, как ваша, – что цельные, сосредоточенные характеры не умеют отдавать своих сердец и дружбы наполовину. Мы часто виделись с вашим братом. И это я пополнял постоянными посылками редких книг его прекрасную библиотеку. Удивительно, что странствующая жизнь офицера не помешала ему таскать за собой повсюду сундуки с книгами. Ну, а когда он осел в К., тут уж подлинно он собрал настоящую ценность – библиотеку мудреца. Как жаль, что вс., это поггло...

Снова помолчав, придвинувшись ближе, он добавил: – Мне по опыту понятно ваше состояние. И то, что я вам скажу, я решаюсь сказать только потому, что сам прош.,л через все печальные этапы человеческой жизни, от которых страдаете вы. Нельзя думать, как думает всегда юность, что жизнь ценна главным образом тем личным счастьем, которое она сулит. Не считайте корнем вашего положения сейчас страдание и опасности, которые переносите за брата. Откиньте личные чувства и мысли о себе; думайте о защите брата, о труде и энергии, которыми вы поможете ему выйти живым и свободным из десятка ловушек, а их будут расставлять ему фанатики и царское правительство, не очень-то любящее думающих офицеров. Если бы вам не удалось увидеться с братом...

– Как, – вскричал я в ужасе, – вы полагаете, что он умер? – О нет, я уверен, что он жив и уже в Петербурге, – ответил он. – Я говорил только о весьма возможной случайности, что вам не удастся сейчас свидеться с братом, и он не сможет взять вас с собой.

– О, это было бы ужасно. За целых пять лет я не пров.,л с ним и двух месяцев, если сосчитать те редкие дни, когда он приезжал ко мне в Петербург. Я жил надеждами. Наконец, сбылась моя мечта, я должен был прожить с ним лето и даже часть осени, – и снова я одинок...

Тоска, раздражение, протест владели мной. Мне подумалось, что чужие люди встали между мной и братом. Увлекли его интересы чужого народа, а я, брат-сын, оказался брошен, забыт и не нужен. Буря, вихри страстей рвали мо., сердце! Ревность, как дикие кони, таскала мою мысль от одного события к другому, от одних лиц к другим...

Мой товарищ молчал. Долго молчал и я. Наконец раздражение стало стихать. Я перестал ломать руки, и преданность брату, благодарность за его

любовь и заботы взяли верх над грубой материей моего эгоизма и отчаяния.

Я вспомнил лицо брата там, на дороге, под величественным деревом, когда Али высаживал из коляски Наль. Тогда меня поразило это лицо незнакомого мне человека, человека недюжинной воли, чьи брови слились в одну сплошную линию. И этот человек не был тем моим братом-добряком, которого я знал. Это был незнакомец, чей поток энергии устремляется как лава, сметая вс., на пути. Тогда я был просто поражен и не сделал того единственного вывода, который сделал бы всякий более опытный человек. А может быть, быстрота и необычайность последующих событий похоронили тот вывод в мо.,м сознании, зато сейчас он стал мне ясен: я понял, что я совсем не знал моего брата, что вс., то, что он отдавал мне, – круглому сироте, стараясь вознаградить меня за бедность детства без материнской ласки и нежности, – было только небольшой частью сознания моего брата...

И вдруг, как маленький мальчик, я разрыдался. Я почувствовал себя ещ., более одиноким, обманутым чудесной иллюзией, которую я сам себе создал. Я принимал брата-отца за то существо, которое всецело принадлежало мне; у которого первой заботой был я и который всю ценность жизни видел во мне.

До этой минуты я полагал, что и он, как я сам, начинал и кончал свой день, идя мысленно рядом со мной и делая все дела обиходной жизни для того только, чтобы в конце какого-то периода жизни увидеться со мной и уже не разлучаться никогда более.

Теперь, в огромной внутренней борьбе, я разглядел в мо.,м брате лицо другого, незнакомого мне человека. Я увидел ряд его интересов, не имеющих ко мне никакого отношения, его спаянность с другими, едва знакомыми мне людьми.

И в первый раз мелькнул у меня в сознании вопрос: «Что такое вообще брат? И кто настоящий брат? Какую роль играет родство людей по крови? Что ближе: гармония мыслей, чувств, вкусов или привязанность единоутробия?»

Я не замечал, что сл.,зы продолжали литься из моих глаз. Но теперь это были не бурные рыдания ревнивого разочарования, какой-то иной, сладкий привкус получили мои сл.,зы. Не то я временно похоронил что-то детское и прекрасное, не то рвал в себе старую привычку воспринимать людей как опору лично себе, – я как будто вращался в новую и чуждую ещ., мне шкуру мужчины, где слова «мать», «отец» и соедин.,нная с ними нежность отходили на второй план. Не то я сладко мечтал о семье, которой не знал, семье, опорой которой должен был стать я сам.

Трудно рассказать теперь о тех юношеских переживаниях. Но, пожалуй, одну из капель горечи прибавляло сознание, что я так юн, так ребячлив и неопытен в делах жизни и так плохо воспитан.

Я приложил все усилия, чтобы остановить сл.,зы. Стыдно было плакать так безудержно перед чужим человеком. И когда мысль перешла от сожалений о самом себе к брату, я вспомнил снова и письмо Али, и недавние слова Флорентийца. Я вытер сл.,зы и, не глядя на моего спутника, тихо сказал: – Простите меня, я не в силах был сдержаться. Я ждал обычного, быть может дружеского соболезнования. Но то, что я услышал, ещ., раз показало мне, как плохо я разобрался в людях.

– Не раз в жизни я плакал так же горько, как плакали вы сейчас. И верьте, детство мы все хороним трудно. Иллюзии любви и красоты, создаваемые нашим воображением, до тех пор терзают нас, пока мы сами не завоюем полную от них свободу. И только тогда рушатся наши иллюзорные желания всякой красоты вовне, когда ожив.,т в нас вс., то прекрасное, что мы в себе носим. Все толчки скорби, потерь, разочарований учат нас понимать, что нет счастья в условных иллюзиях. Оно жив.,т только в свободном добровольном труде, не зависящем от наград и похвал, которые нам за него расточают. В том труде, который мы внес.,м в свой обычный рабочий день как труд любви и радости, отдав его укреплению и улучшению жизни людей, их благу, их счастью. И. обнял меня и стал рассказывать историю своей жизни. Очнувшись от глубокого обморока, он увидел себя лежащим в крови среди друзей и родных. Погибло вс., с чем он был с детства связан; он не знал, куда ему идти, что делать, вся семья его была убита. Он вспомнил, что у него была старая нянька, жившая в горах, недалеко от той долины, где стоял дом его родных. Но он не знал, к какой политической партии она примкнула. Быть может, и она убита так же, как и несколько семейств этой долины, своими вчерашними единомышленниками, а сегодняшними врагами.

Но раздумывать было некогда. И. спустился к морю, выкупался, переоделся в чужое платье, кем-то оброненное или брошенное на берегу, и побр.,л, обливаясь слезами, по уедин.,нной тропе, в другую часть острова к старой няне.

– Я не буду утомлять вас подробностями своей скитальческой жизни, – продолжал И. – Коротко скажу, что с помощью старушки, с е., деньгами я сел на пароход и поехал в Рим, где у не., был сын, способный ювелирных дел мастер, как она мне сказала. На пароходе я, вероятно, умер бы от горя и голода, если бы меня не наш.,л уже знакомый вам КонАнанда. В одну из ночей, уже совершенно изнемогая от лихорадки, в полусознании, я

услышал над собой разговор на итальянском языке, который я хорошо знал от моей няни, родом итальянки. Молодой звучный и прекрасный голос говорил:

– Что это? Никак здесь лежит мальчуган? Другой, сиплый и грубый, как бы нехотя цедил слова сквозь зубы:

– Какой это мальчуган? Это целый мужик, смертельно пьяный.

Я не имел сил, хотя всей душой хотел закричать, что я не пьян, что я умираю от голода и холода и прошу помощи. Я уже приготовился умирать, и мелькнувшая было и уже исчезающая надежда на спасенье показалась мне ещ,, одним надругательством судьбы надо мной. Тяжело ступающие шаги пошли прочь, унося с собой воркотню грубого голоса. Я думал, что и другой голос замр,,т вдали, как вдруг нежная сильная рука приподняла мою голову и горестное: «Ох», вырвалось, как стон.

Глаза я от слабости открыть не мог. Склонившийся надо мной незнакомец громко что-то закричал своему спутнику. Тот, нехотя, едва волоча ноги, снова подош,,л к нему. Повелительный тон молодого, в котором слышалась непреклонная воля, мигом прив,,л ворчуна в другое настроение.

– Одним духом отправляйся за носилками и доктором, старый лентяй. Так-то ты следил за нашими вещами в трюме, что не видел, как здесь умирает человек.

– Виноват, барин, этот воришка, верно, только что пробрался сюда. Я проверял ящики, вс,, было цело.

– Брось бессмысленную болтовню. Какой он воришка? Ведь это слабый реб,,нок! Мигом – носилки и доктора! Или ты снова отведаешь моей палки.

Куда девалась шаркающая походка? «Есть», – выговорил слуга зычным басом и побежал так, как и я бы не смог, хотя бегал я, здоровый, хорошо.

– Бедный мальчик, – услышал я над собой тот же проникновенный голос. И как он был нежен, этот голос. Точно ласка матери, проник он мне в сердце, и жгучие, как огонь, сл,,зы скатились по моим щекам. – Слышишь ли ты меня, бедняжка?

Я хотел ответить, но только стон вырвался из моих запекшихся губ, языком я двинуть не мог; он, точно м,,ртвое, сухое, шершавое постороннее тело, не повиновался мне.

– Я спасу тебя, спасу во что бы то ни стало, – продолжал говорить незнакомец. – Мой дядя – доктор... Но дальше я уже не слышал, я провалился в бездну. Когда я очнулся, я увидел себя в просторной, светлой комнате. Окна были открыты, постель была такая мягкая и чистая. Я

подумал, что я дома. Память унесла вс,, грозное, что я пережил; и я стал ждать, что сейчас войд,,т мама, станет ласково меня бранить за лень. Она имела привычку говорить со мной по-немецки, хотя была гречанка. Но мать е,, была немка, и она привыкла к этому языку как к своему родному.

Я вс,, ждал е,, милого: «Лоллион», но она что-то долго не шла. Тогда я решил е,, поугагать, как иногда проделывал это в раннем детстве, крича во вс,, горло, а она делала вид, что страшно испугалась, складывала моляще свои прелестные руки и преуморительно говорила по-немецки:

– О господин охотник, право, крокодил меня сейчас проглотит. Пожалуйста, не теряйте времени на крик, убейте его скорее.

Я закричал, как мне показалось, во весь голос; но получился очень слабый звук, похожий скорее на долгий стон.

– Ну, вот он и очнулся, – сказал позади меня голос. – Мой дядя, вы не доктор, а чудо-волшебник.

С этими словами к кровати подошли два совершенно незнакомых мне человека. Один из них, как вы, конечно, сами догадались, был Кон-Ананда, которого вам и описывать нечего; другой ещ,, не старик, но гораздо старше. Приветливое лицо, ласковые карие глаза и какое-то необычайное благородство, манеры, мною ещ,, не виденные, сразу объяснили мне, что это человек того высшего света, о котором пишут в романах, но который недоступен людям среднего класса. Я понял, что вижу впервые вельможу.

– Ну, дружок, теперь мы можем быть спокойны, что ты будешь совершенно здоровым человеком, – сказал вельможа по-итальянски. – Не можешь ли ты объяснить мне, какой сегодня день?

Я смотрел на него, совершенно ничего не понимая. Память ещ,, не вернулась ко мне. Он налил в стакан какой-то жидкости, довольно сильно пахнувшей, и помог мне е,, выпить. Я посмотрел на лицо Ананды и не узнал, конечно, в н,,м моего спасителя. Сон снова меня одолел. Когда я вновь проснулся, мне показалось, что возле постели сидит женская фигура. Я подумал, что это мама; но на этот раз я уже помнил о мо,,м первом пробуждении и поэтому совсем не удивился, когда увидел Ананду. Я не мог ни в ч,,м отдать себе отч,,т и механически заговорил по-немецки: – Я видел только что маму. Зачем же она ушла?

– Она сильно устала, – ответил он мне. – Если я вам не очень неприятен, то позвольте мне вас накормить обедом. Хотя предупреждаю, что назвать обедом то, чем я буду вас кормить, нельзя. Доктор очень строг, и вам позволено есть только жидкие каши и кисели.

Он помог мне сесть в постели и, как ни осторожно он это делал, я едва не упал в обморок. Он быстро дал мне глоток вина, и вскоре обед был

кончен; но ему пришлось кормить меня с ложечки.

Такая моя жизнь длилась около месяца. И сколько раз я ни спрашивал о маме, она всегда или спала, или устала, или поехала за покупками. На мои вопросы, чья это комната, он всегда отвечал: «Ваша». Как-то раз я спросил, отчего няня не придёт ко мне. Он ответил, что если я помню её адрес, он напишет ей, чтобы она приехала.

– Как же я могу не помнить адреса няни? – возмущенно сказал я. – Это всё равно, как если бы я забыл адрес своей матери.

И я тут же продиктовал ему адрес няни, прося, чтобы завтра же она меня навестила. Он засмеялся и сказал, что если достанет ковёр-самолёт, непременно слетает за ней сам. И здесь я опять ничего не понял.

Прошла ещё неделя; меня навещал несколько раз вельможа-доктор и позволил встать. Это была суцкая комедия, когда я с помощью Ананды попробовал первый раз встать. Роста для своих пятнадцати лет я был очень большого; а за время болезни я так вырос, что поразил даже доктора.

– Можно ли так быстро расти, дружок? – сказал он мне, смеясь. – Если ты будешь продолжать в таком же духе, тебя никто, даже няня, не узнает.

На этот раз я всё же отдал себе отчёт, что времени прошло довольно много, а няни всё нет и мама всё прячется. Я посмотрел на доктора. Но он, как бы не замечая моего молящего взгляда, помог мне надеть халат, и оба они с Анандой довели меня до окна, где стояло высокое кресло с подножкой; так что, сидя в нём, я мог любоваться открывавшимся из окна видом.

Я смотрел неотрывно вперёд, на видневшееся вдали море; смотрел на сад, спускавшийся к морю, не узнавая ландшафта, и не мог ничего понять. Я спросил доктора, почему я здесь живу? Ведь мой дом в долине у самого моря, а здесь, высоко на горе, я никогда не был и не знаю этого места.

Лицо доктора было очень серьёзно, хотя и очень спокойно. Он взял мою руку, держа её, как считают пульс, но я был уверен, что он только хотел передать мне часть своей энергии и бодрости.

– Если ты хочешь видеть няню, – тихо сказал он, поглаживая свободной рукой мои волосы, – я могу её позвать. Но я хотел тебе сказать, мой мальчик, что ты уже почти мужчина, а няня твоя слаба и стара. Ей, вероятно, придется сообщить тебе кое-что неприятное. Старайся быть спокойным; думай, как бы облегчить ей эту трудную минуту. Забудь о своей горе, если оно тебя поразит; старайся только не допустить себя до слез, чтобы старушка видела, что она вырастила мужчину, а не бабу в панталонах.

Он повернулся к двери и сказал по-итальянски кому-то, чтобы привели

мою няню. Затем снова приняв прежнее положение, стал ласково гладить мои волосы, тихо говоря:

– Вс,, движется в жизни, мой мальчик. В жизни человека не может быть ни мгновения остановки. Двигаясь по своим делам и встречам, человек растет и меняется непрерывно. Вс,, что носит в себе сознание как логическую мысль, вс,, меняется, расширяясь в мудрости. Если же человек не умеет принимать мудро изменяющихся обстоятельств, не умеет стать для них направляющей силой,

– они его задавят, как мороз давит жизнь грибов, как сушь уничтожает жизнь плесени. И, конечно, тот человек, кто не умеет – сам изменяясь – понести легко и просто на своих плечах новые обстоятельства, будет равен грибу или плесени, а не блеску закаляющейся и растущей в борьбе творческой мысли.

Я слушал и вбирал жадно каждое его слово, не спуская с него глаз. Добрейшее лицо его и мягко гладившая мои волосы рука точно передавали мне любовь и мужество. Я вдруг осознал, что возле меня стоит друг, такой величавый друг, рука которого не только опора для меня в эту минуту, но крепость е,, такова, что вся жизнь моя не может отягчить той любви, что горит в этом человеке.

Какое-то почти благоговейное живительное чувство радости, благодарности, не испытанной ещ,, мною, уверенности и мужества наполнили меня. Я подн,,с к губам нежно гладившую меня руку, поцеловал е,, и ответил ему:

– Я буду стараться быть всегда мужественным. О, как бы я хотел быть таким, как вы, добрым, умным и сильным.

Как подле вас мне чудно хорошо. Я точно вырос и весь переменялся.

Он обнял меня, прижал к себе, поцеловал в лоб и сказал: – Будь же мужествен сейчас. Как перенес,,шь ты встречу с няней, точно так начн,,шь и свою новую жизнь.

С этими словами он меня покинул, и через минуту в комнату вошла моя няня.

Она вообще была старенькая, но сейчас я увидел перед собою совершенную руину. Но насколько поразила е,, внешность меня, настолько же, вероятно, перемена во мне ужаснула е,,.

Не успела она подойти ко мне, как всплеснула руками, закричала, заплакала, встала на колени на подножку моего кресла, схватила мои руки и так зарыдала, что мужество в мо,,м сердце стало таять, как воск.

Хотя я и вырос в стране, где экзальтированные чувства легко обнажались в криках и жестах, хотя я с детства знал чисто итальянскую,

особенно характерную экзальтацию моей няни, вспыхивавшую, как спичка, сразу до яркого огня и так же мгновенно потухавшую, но на этот раз в е,, рыданиях было столько горечи и отчаяния, что я не мог найти слов, чтобы е,, утешить. Среди е,, причитаний я мог разобрать как припев: «Мой несчастный мальчик! Мой дорогой сиротка, у тебя нет даже родины».

Какое-то смутное воспоминание начинало меня давить. Мысли, как тяж,,лые жернова, ворочались трудно и обрели весомость. Я до сих пор помню ощущение в голове, необыкновенно странное, какого я больше в жизни не знавал. Мне казалось, что я ощущаю, как в моих мозговых полушариях происходит какое-то чисто физическое движение, которое я и принял за тяжело шевелящиеся мысли. Должно быть, вся кровь прилила к голове: я почувствовал острую боль в сердце, как укол длинной иглы, и вдруг, сразу, точно в свете мелькнувшей молнии, вспомнил вс,,.

Не знаю, потерял ли я сознание в эту минуту, но отч,,тливо понял, что все картины пережитого, одну за другой, я ясно и точно увидел...

Когда я смог соображать, я увидел возле себя Ананду и только теперь понял, что это он шептал мне в трюме парохода: «Я спасу тебя, мальчик».

Ананда глядел на меня сосредоточенно и подал мне какое-то питье. Я выпил и сказал ему:

– Благодарю вас. Благодарю за жизнь, которую вы мне спасли. Нет, не надо,

– я отв,,л его руку с новым лекарством, – и теперь уже не лекарство может вылечить меня, а тот пример любви и заботы о чужом, брошенном человеке, который я здесь наш,,л.

Не понимаю, каким образом я вс,, забыл. Я только тогда вс,, вспомнил, когда голос няни и е,, причитанья вернули меня в детство. И когда я услышал, что у меня пет даже родины, – я вспомнил вс,, сразу.

Я не мог ещ,, долгое время собраться с силами; дыханье мо,, стало так тяжело, точно мои л,,гкие сдавил приступ астмы. Ананда уговорил меня выпить каких-то капель, положил на блюдечко пучок ж,,лтой сухой травы и подж,,г е,,. Вскоре она задымилась, распространяя сильный аромат, и мне стало лучше.

– Где я сейчас? Это ваш дом? – спросил я Ананду. – Это Сицилия, – ответил он мне. – Вы здесь в полной безопасности. Это дом доктора. На вашей родине резня восставших друг на друга партий ещ,, не прекратилась, и бедствия продолжают сыпаться на головы ни в ч,,м неповинных людей. Фанатики-политики режут не только друг друга, но даже иностранцев, что грозит войной всей вашей стране. Вс,, это очень подробно вы узнаете из газет, которые я для вас сохранил. Вы больны уже больше двух месяцев. И

весь первый месяц мой дядя каждый день опасался, что ему не удастся вырвать вас у смерти. Только на второй месяц вашей болезни он сказал мне, что вы в безопасности. А за две недели он точно определил день, в который к вам вернется сознание. Одно время он опасался неполноценного возврата вашего сознания. И потеря памяти могла вообще распространиться на весь ход ваших мыслей. Свидание с няней он считал моментом перелома, как оно и случилось на самом деле.

Далее он рассказал мне подробно, как я был перенесен в их каюту на пароходе, как они оба с дядей дежурили по очереди у моей постели и как в беспамятстве и бреде я рассказывал им много раз всю свою историю, вплоть до посадки на пароход. Он спросил, не помню ли я, каким образом попал в трюм. Я не помнил или, может быть, даже не понимал, где этот трюм. Но помнил, что искал место, где бы спрятаться от людей и выплакать свою горе.

– Дальше история моя сложилась просто, – продолжал И. – Не буду вам рассказывать, сколько раз в моем сердце чередовались бури отчаяния, негодования и безысходного горя. Сколько раз я терзал сердца моих благодетелей и няни своими дикими рыданиями. Скажу только, что каждый из приступов моего раздражения не вызывал ни негодования, ни упреков моих новых друзей. Постепенно атмосфера постоянной ласки и высокой культурности стала вводить и меня в колею выдержки. Я понял, увидел наглядно, как я невежествен, что веду себя неделикатно, нарушая тихий ритм жизни моих спасителей, заполненной целиком научной работой доктора и диссертацией, которую тогда писал Ананда.

Я уже мог выходить, бродил по саду, даже спускался к морю. Но читать доктор мне не позволял, сказав, что если хоть одна неделя пройдет без слез,

– он разрешит мне читать. Желанье начать читать и учиться было так велико, что я выдержал характер и ни разу не обнаружил своего горя, доверяя его только подушке по ночам.

Однажды в праздничный день доктор велел заложить коляску, и мы поехали с ним прокатиться, чтобы я мог полюбоваться красотами Сицилии. Природа казалась мне волшебной сказкой.

По дороге доктор спросил меня, хорошо ли я знаю историю своей родины. К стыду своему, я должен был признаться, что совсем не знаю. По возвращении с прогулки доктор провёл меня в свой кабинет, где было так много книг, что я даже сел от изумления. Не только стены были ими заставлены, но через всю комнату шли до потолка полки с книгами, образуя узкие коридоры, в каждом из которых стояла передвижная лесенка. Доктор

вош,,л в один из книжных коридоров и достал мне историю Древней Греции на немецком языке.

С этого дня началось мо,, обучение. Каждый из моих новых друзей находил возможность отрываться от своих дел, чтобы заниматься со мной. Я старался изо всех сил, так что моей старушке няне приходилось жаловаться на сво,, одиночество; и только это заставляло меня бросать книги и уроки и идти с нею к морю.

Я обнаружил способности к математике, и мне дали шутливое прозвище «Эвклид». Так меня и звали мои наставники, одна няня кликала меня Лоллионом.

Шесть месяцев труда и тихой жизни вылечили меня совершенно. Вырос я еще больше, но оставался вс,, таким же тощим, и горе мо,, так же разъедало мо,, сердце.

Однажды за обедом доктор сказал, что через педелю ему надо ехать в Рим, там пробыть месяц, а затем отравиться Берлин по целому ряду дел.

– Не хочешь ли поехать со мной в качестве секретаря? – обратился он ко мне.

Я нерешительно посмотрел на Ананду, тот ласково мне улыбнулся, но молчал.

– Что тебе мешает? – снова спросил меня доктор. – Неужели тебе не хочется видеть мир, о котором ты столько читаешь в последнее время.

– Мне очень хочется видеть мир, особенно Рим. Кроме того, я был бы счастлив быть вам полезным и чем-нибудь отплатишь за вс,, то, что вы сделали для меня. Но я боюсь, что не сумею быть таким секретар,,м, какой вам нужен. Я вс,, же постараюсь быть слугою честным и усердным. И ещ,, меня смущает, – продолжал я, – как перенес,,т разлуку няня? Кроме меня у не,, нет никого.

– У не,, есть сын в Риме. Мы е,, туда отвез,,м. Когда будем возвращаться, ты уже научишься разбираться в поездах и маршрутах, заедешь за ней в Рим и привез,,шь сюда. Решайся. Тем более, что тебе придется когда-то вступать в жизнь и получить систематическое образование. Во время этого путешествия ты сможешь выбрать по вкусу место, где будешь учиться; а о дал,,ком будущем не стоит думать.

Чтобы закончить в коротких словах мою – отныне счастливую – историю жизни, прибавлю, что через несколько дней мы выехали с доктором и няней в Рим, где е,, оставили. Вы сами понимаете, что я переживал, знакомясь с этим городом, с его памятниками, галереями, музеями и т.д. Тысячи раз я благословлял няню за сво,, знание итальянского языка, носясь по городу и исполняя поручения доктора.

Мы проехали, кочуя по разным местам, не два месяца, а целых полгода. Чтобы продолжать занятия регулярно, я достал себе программу берлинских гимназий и, вставая ежедневно в шесть часов утра, готовился сдать экзамены за семь классов.

Однажды я поделился своей идеей с доктором. Он проверил мои знания, остался ими доволен и посоветовал вернуться домой. Там подзаняться с Анандой и сразу сдать экзамены на аттестат зрелости в Гейдельберге, где Ананда будет защищать диссертацию и прожить,т не менее года.

Я с благодарностью принял это предложение. Мы побывали ещ,, и в Вене по делам доктора и там расстались. Я направился через Венецию в Рим, а он в сво,, имение в Венгрии, сказав, что будет жить там год или два и мы с Анандой и няней приедем туда на летние каникулы.

С тех пор так и шла моя жизнь. Я много учился и немало повидал: путешествовал по Египту и Индии, видел разных мудрецов и уч,,ных, артистов и художников, но выше доктора не встретил никого. Случайно его поручение свело меня с Али и Флорентийцем, в которых я увидел силу, знания, доброту и честь, не уступавшие тем, какими обладал мой великий друг-доктор. Тесная дружба, связывавшая их между собою, была раскрыта и мне с Анандой.

Теперь я уже подхожу к тому периоду дружбы с Али, когда я приехал гостить к нему в К. и познакомился с вашим братом. Вы, конечно, лучше меня знаете своего брата. Я же могу сказать, что сила его духа, воля, любовь к человеку, огромный ум и знания ставят этого офицера-самоучку, прожившего свою жизнь в захолустье, выше почти всех тех, кого я встречал в жизни, и почти наравне с теми моими великими друзьями, о которых я вам рассказывал.

Не стесняйтесь же меня. Я вынес страданье; я знаю бездну человеческого горя; и мо,, сердце, сгоревшее однажды в скорби, неспособно осуждать встретившегося или тяготиться его горем и слезами. Я научился видеть в человеке брата.

Долго длилась ещ,, наша беседа; мы пропустили завтрак, и сейчас нас уже звали обедать.

Я позабыл о себе, о своей жизни. Образный рассказ И. – он словно резцом высекал свои истории, так ч,,тки были его слова и мысли, – увлек меня в водоворот жизни другого мальчика, гораздо более несчастного, чем я.

И. предложил мне умыться и пойти обедать. Я не возражал, понимая, что легче всего будет нам обоим сейчас в молчании посидеть за едой. Когда

мы вернулись в свой вагон, то нашли Ананду и Флорентийца беседующими в коридоре с кем-то из пассажиров.

Я так обрадовался Флорентийцу, будто целый год его не видел. Ещ,, раз понял я, как цельно, всем пылом одинокого сердца я привязался к нему за это короткое время. Он радостно протянул мне обе руки, которые я сжал в своих. – Как я соскучился без вас, – смеясь, сказал я ему. – А я-то думал угодить тебе, так какие научился ещ,, спать в тво,,м вкусе, – ответил он мне, тоже смеясь. – Ноне очень-то ты любезен по отношению к И. – продолжал он, вс,, ещ,, смеясь. – Я надеюсь, Эвклид, ты не замучил моего братишку математикой?

– Нет, нет, ваш друг И. так помог мне своей беседой, что я теперь стал умней сразу на двадцать лет, – вскричал я.

Все засмеялись. Флорентиец, обняв меня за плечи, состроил преуморительную гримасу лорда Бенедикта и спросил:

– Неужели же в мо,,м обществе ты стоял на месте или вовсе поглупел?

Я снова почувствовал, как надо следить за каждым словом, вздохнул и, не зная что ответить, перев,,л глаза на И. Тот сейчас же сказал Флорентийцу, что всем известен его неподражаемый флорентийский талант ловить людей на слове. Но что он, Эвклид, недаром сильнее его как математик и уж однажды как-нибудь поймает самого Флорентийца тоньше, чем он меня сейчас.

Я предложил Флорентийцу устроить для него обед в купе, на что особенно весело отозвался голодный Ананда. И я отправился к проводнику проявлять свой организаторский талант.

Вскоре в купе была подана лучшая вегетарианская еда, какая только нашлась в поезде. И мы с И. – только что отобедавшие, – тоже приняли в ней некоторое участие.

Нам оставалось ехать до Москвы только одну ночь, и рано утром я мог надеяться увидеть брата. Я так ун,,сся мыслями к предстоящему свиданию, столь живо представил себе, как теперь по-новому буду смотреть на него, что перестал замечать и слышать что бы то ни было вокруг.

Внезапно что-то мокрое заставило меня вздрогнуть. Это Флорентиец намочил кусок салфетки в воде и положил мне на руки. Я опомнился, поднял глаза и даже оторопел. Три пары совершенно разных глаз одинаково пристально смотрели на меня. Я так смешался, когда все засмеялись, что покраснел до корней волос, приш,,л в раздражение и чуть было не рассердился. Но смех друзей был так добродушен и, должно быть, размечтавшись, я представлял собой занятую картинку, а потому и сам расхохотался, вспомнив, что ведь я же «Левушка-лови ворон».

– Гр.,зы о Москве, Левушка, – сказал Флорентиец, – дело законное и очень нужное. Но тебе следует настроить себя таким образом, чтобы не личное счастье от свиданья с братом было для тебя целью, а твоя помощь ему.

Опять меня удивило, что он прочел мои мысли. Когда я сказал, что поражен его способностью отвечать на невысказанные мысли, он уверил, что в этом так же мало чуда, как в его ночной беседе с проводником. И рассказал мне, что жена проводника жива, что в Самаре тот получил ответ на свою телеграмму.

Я почувствовал, как поверхностен мой интерес к людям по сравнению с тем глубоким вниманием к ним, которое отличает Флорентийца. Я ведь и думать забыл о проводнике и его горестях.

Между тремя моими новыми знакомыми завязался разговор о предстоящих действиях в Москве. Флорентиец не сомневался, что наше пребывание там будет осложнено фанатиками из К., что все свои усилия они направят на то, чтобы изловить меня и допытаться, где мой брат и похищена ли им Наль. Что легенде о сгоревших в доме брата людях преследователи или не верят или даже сами сожгли кого-нибудь из мести, воспользовавшись удобным случаем. Поэтому он предложил остановиться в одной из гостиниц всем вместе. Мы с Флорентийцем займ.,м один номер, а рядом поселятся Ананда и Эвклид. Он настрого запретил мне выходить куда-нибудь одному и в гостинице держаться только с кем-либо из них троих. Я не совсем понимал, каким образом мне могут грозить беды, но обещал исполнить вс., в точности.

Время прошло незаметно. И. рассказывал эпизоды из своих путешествий по Индии; Ананда поведал о страшной ночи в С., где ему удалось спасти женщину, приговор.,нную фанатиками к избиению камнями.

Настала ночь. Я лег раньше всех, чувствуя полное изнеможение от массы новых впечатлений и мыслей. Проснулся я, расталкиваемый Флорентийцем, и услышал фразу невероятно меня поразившую, потому что мне казалось, что я спал не более часа: – Подъезжаем к Москве.

ГЛАВА VIII ЕЩ, ОДНО ГОРЬКОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ И ОТЪЕЗД ИЗ МОСКВЫ Как только мы вышли из вагона, целая орда служащих всевозможных гостиниц

– в куртках или ливреях, в кепи или шапках, с обозначением названия своих заведений – стала зазывать нас, предлагая кареты, коляски и т. д.

Впереди ш.,л Ананда, как бы высматривая кого-то; посередине шли мы

с Флорентийцем, сзади И. Завершалось наше шествие носильщиками с чемоданами.

Зычные выкрики названий гостиниц, торги пассажиров со стаей извозчиков в длинных синих поддубках, с кнутами в руках, накидывавшихся десятками на одного пассажира, – все, это было так забавно, что я снова забыл обо всем, увлекся наблюдениями и готов был смеяться, остановиться. Флорентиец слегка подтолкнул меня, я перестал тарачить глаза по сторонам и увидел, что из толпы гостиничных слуг отделился один, с надписью на кепи «Националь», и приветствовал Ананду, весьма почтительно держа руку у козырька.

Через несколько минут мы уселись в отличное ландо и покатали в центр города.

Я давно не видел Москвы, и по сравнению с Петербургом она показалась мне грязным, провинциальным городом с незначительным движением. Улицы, по которым мы ехали, узкие, искривленные, с низенькими домами, часто деревянными, со множеством церквей, церквушек и часовен, с перезвоном колоколов, доносившимся со всех сторон, производили впечатление патриархальности. Глядя на эти церкви, я невольно подумал, что русский народ, должно быть, очень религиозен. Я спрашивал себя, могут ли русские дойти до глубокого фанатизма, подобно магометанам, которые слишком рьяно служат своему Богу.

Я стал думать о себе самом: что для меня Бог и как живу я с Ним и в Нем? Мешает ли мне моя религия или помогает? Посещая церковь раз в неделю со всей гимназией, я видел в этом лишь развлечение в нашей монотонной жизни; и ни разу не пробовал искать в Боге облегчение, не докучал Ему своими жалобами, а стоял в церкви и просто наблюдал.

Мы ехали молча, изредка перекидываясь незначительными замечаниями; но я инстинктивно чувствовал, что всех тревожит мысль о судьбе брата и Наль.

Войдя в вестибюль гостиницы, мы взяли номера, как условились раньше. Флорентиец спросил, пет ли почты на имя лорда Бенедикта, и – к моему удивлению – очень важный и осанистый портфель подал ему две телеграммы и два письма.

– Письма ждут вашу светлость уже два дня; а телеграммы – одна ночная, другая сию минуту подана, – почтительно прибавил он.

Водворившись в номере, я едва дождался, пока коридорный перестанет возиться с нашими вещами и выйдет. Я бросился к Флорентийцу, спрашивая, не от брата ли письмо, мне показалось, что я узнал его почерк на одном из конвертов. Он, улыбаясь, подивился, что я –

такой всегда рассеянный, – мог издали узнать почерк того, кого люблю. Видя мо,, нетерпение, он взял письмо брата, подал его мне и сказал:

– Когда Али говорил с тобой в саду, он предупредил тебя, что жизнь брата, твоя и Наль зависят от твоего мужества, выдержки и верности. Читая теперь письмо, думай не о себе, а только о том, как ты можешь ему помочь.

Сердце мо,, сжалось. Предчувствие подсказало, что сегодня брата не увижу, а я так на это надеялся.

Я прочел письмо, ещ,, раз перечитал его и вс,, никак не мог собраться с мыслями и прийти к какому-либо выводу.

Брат писал, что уехать из К. им удалось незамеченными: что слуги были переодеты восточными женщинами, Наль ехала в европейском костюме, который приготовил ей Али, а сам брат был в штатском платье. Прич,,м все они сели в разные вагоны и только в Москве, переодевшись в дороге ещ,, раз, сошлись все вместе.

В Москве вся компания благополучно пересела в петербургский поезд, поскольку друзья предупредили их, что пароход в Лондон отходит в воскресенье; поэтому времени на остановку и свидание в Москве не оставалось.

Брат посылал мне свою любовь и просил простить его за беспокойство и огорчения, которые он доставил мне вместо отдыха. Он просил Флорентийца не оставлять меня, если я не успею на тот же пароход.

«Поспею на пароход», – несколько раз печально и горько повторял я мысленно.

– Воскресенье – это сегодня, – наконец сказал я Флорентийцу. Против моей воли я таким тоном выговорил эту фразу, точно вернулся с похорон и объявлял ему об этом.

– Да, это сегодня. Им удалось проскочить благодаря тому, что друзья Ананды и Али отвлекали внимание главарей-фанатиков и пустили погоню по ложному следу, – ответил он. – Но вот письмо Али и две его телеграммы. За нами следом ид,,т погоня. Мулла и главари решили, что ты конечно же последуешь за братом. И по твоим следам ведено отыскать их, пусть даже на краю света. Если же будет возможность, захватить тебя и, рассчитывая на твою молодость, запугать всяческими угрозами и вызнать вс,, что им нужно.

– Значит, будь такая возможность, – я вс,, равно не смог бы поехать с братом. В таком случае не стоит об этом и думать, – сказал я, стараясь стряхнуть с себя все иные мысли, кроме мысли о жизни и безопасности брата. – Что же теперь мы, а в частности я, будем делать? С вами мне всюду хорошо. Теперь вся жизнь моя в вас одном, вы спас,,те брата, я в этом

уверен. Располагайте мною так, как найдете нужным для дела. Повторяю, сейчас для меня в жизни – вы все,,.

– Ты – настоящий брат – сын своего брата-отца. Поверь, за эту минуту героизма ты будешь вознагражден большим счастьем. Кто умеет действовать, забывая о себе, тот побеждает, – ответил мне Флорентиец, ласково меня обняв.

– Али предупредил в письме, что сообщит дополнительно, будет ли за нами погоня. Первая телеграмма подтверждает это, во второй говорится, кто идет по нашему следу. Это два молодых купца, которые едут в Москву будто бы за товаром; один говорит только на своем родном языке и еще, по-русски; другой знает немецкий и английский. Али пишет, что оба они – приятели жениха Наль. Можно представить, что они намереваются делать и как. Вещи, переданные тебе для Наль, – это не обиходные вещи, их надо непременно переправить ей и как можно скорее. Предлагаю тебе вот какой план. Вещи Наль я отвезу сам; сегодня же сяду в курьерский поезд, идущий в Париж, оттуда проеду в Лондон и буду там раньше их. Тебе же следует немедленно, уже через два часа, вместе с Эвклидом выехать в Севастополь, а оттуда морем добраться до Константинополя и дальше пробираться в Индию, в имение Али. Ананде собираюсь предложить оставаться здесь целый месяц под предлогом дел, держать связь со всеми нами и наблюдать за действиями врагов. Я буду полезен и даже нужен твоему брату и Наль, которые могут оказаться беспомощными без опытного друга в первое время, в совершенно новых для них условиях. Да и в смерти брата твоего надо всех уверить, чтобы раз и навсегда покончить с преследованием. Через три-четыре месяца и я приеду в Индию. Я думаю устроить наших беглецов в Париже, когда все, образуется.

Я молча слушал. Не то чтобы во мне все, окаменело. Нет, я переживал нечто похожее на то, что должны ощущать люди, когда внезапно умирают их любимые. Я точно стоял у глубокой могилы и видел в ней гроб.

Я машинально встал, открыл чемодан, где находились вещи Наль, и стал вынимать оттуда свои, каждая из них резала меня точно ножом.

– Вы, вероятно, не захотите нарушать порядок, в каком были уложены вещи. Вот эти деньги мне подарил Али молодой. Они мне не нужны, так как для той дальней поездки, в которую вы меня посылаете, они не годятся, да и мало их. Пусть это будет мой подарок брату. Купите в Париже прекрасный футляр, в виде золотой или серебряной коробки, – на какую хватит денег, – и вложите в него, вот эту записную книжку его, которую я так непростительно забыл в доме Али,

– говорил я Флорентийцу, подавая ему чудесную книжку брата с

павлином. – Я готов. Но разрешите мне сопровождать И. в качестве его слуги, чтобы я мог зарабатывать тот кусок хлеба, который до сегодняшнего дня ел из рук моего брата, – продолжал я.

– Мой милый мальчик, – сказал мне на это Флорентиец, – когда ты приедешь в Индию, станешь учиться. Ты многое узнаешь и поймешь. Пока же доверься мне. Будь не слугой, а другом Эвклиду. Твой талант к математике и музыке еще, не все, чем ты обладаешь. Разве ты не чувствуешь в себе писательского дара?

Я покраснел до пота на лице. Я никогда бы не поверил, что самое заветное, от всех сокрытое мое, желание – и то он сможет подсмотреть.

Но времени на дальнейшие разговоры не оставалось. Вошли Ананда и И., и Флорентиец поведал им свой новый план. Меня очень удивило, что ни один из них не возразил ни словом; оба приняли его распоряжения, как не подлежащие даже обсуждению.

.Ананда позвонил и велел заказать сейчас же два билета в Севастополь и отвезти двоих к поезду; а в номер подать нам завтрак.

– И на вечерний поезд в Париж купите один билет, – прибавил он.

Мы уложили мои вещи в поместительный саквояж Флорентийца, который он мне подарил.

– Там ты найдешь мой сюрприз, – смеясь, сказал он мне. – Как только почувствуешь могильное настроение, – так и поищи его. Вот последний мой завет тебе: помни, что радость – непобедимая сила, тогда как уныние и отрицание погубят все, за что бы ты ни взялся.

Тут принесли наш завтрак: явился портье, говоря, что у него остались на руках два билета в Севастополь в международном вагоне, которые он собирался отослать в кассу вокзала в ту минуту, когда пришл наш заказ. Билеты взяли, вещи отдали слуге; и мы сели завтракать. Через полчаса мы с И. должны были ехать на вокзал.

Как я ни боролся с собой, но есть я ничего не мог, хотя с вечера ничего не ел. Сердце мое, разрывалось. Я так привязался к Флорентийцу, что будто второго брата-отца хоронил, расставаясь с ним сейчас. Все старались сделать вид, что не замечают моей печали. Я думал, – откуда у этих людей столько самоотверженности и самообладания? Почему они так уравновешенны, стремительно идя на помощь чужому им человеку, моему брату; в чем находят они ось своей жизни, почву своему уверенному спокойствию?

И снова пронизала сердце мысль – кто человеку «свой», кто ему «чужой»? Мелькали в памяти слова Флорентийца, что кровь у всех людей одинаково красная и потому все братья, всем следует нести красоту, мир и

помощь.

В кружении мыслей я не заметил, как кончился завтрак. Флорентиец погладил меня по голове и сказал:

– Живи, Левушка, радуясь, что жив твой брат, что ты сам здоров и можешь мыслить. Мыслетворчество – это единственное счастье людей. Кто вносит творчество в свой обыденный день – тот помогает жить всем людям. Побеждай любя – и ты победишь вс,.. Не тоскуй обо мне. Я навсегда твой друг и брат. Своей героической любовью к брату ты проложил дорогу не только к моему сердцу, но вот ещ,, твоих два верных друга, Ананда и Эвклид.

Я поднял глаза на него, но сл,,з сдержать не смог. Я бросился ему на шею, он поднял меня на руки, как дитя, и шепнул:

– Уроки жизни никому не легки. Но первое правило для тех, кто хочет победить, – уметь улыбаться беззаботно на глазах у людей, пусть даже в сердце сидит игла. Мы увидимся, – а вести обо мне будет посылать тебе Ананда.

Он опустил меня на пол, весело ответив на стук в дверь. Это портье приш,,л сообщить, что пора ехать на вокзал.

Мы с И. простились сердечным пожатием рук с Флорентийцем и Анандой, спустились за портье вниз, сели в коляску и двинулись на вокзал. Мы ехали молча, не обменявшись ни словом. Только раз, при досадной задержке из-за какого-то уличного происшествия, И. спросил кучера, не опоздаем ли мы на поезд. Тот погнал лошадей, но вс,, же поезд тронулся, едва мы успели войти в вагон.

ГЛАВА IX МЫ ЕДЕМ В СЕВАСТОПОЛЬ Я столько пров,,л времени в вагоне и чувствовал такое сильное головокружение, что вынужден был лечь. И. достал из своего саквояжа пузырь,,к с каплями, накапал в стакан с водой несколько капель и подал мне, говоря: – Когда я был болен, Ананда всегда давал мне эти капли. Я выпил, мне стало лучше, и я незаметно для себя заснул. Когда я проснулся, И. стоял, смеясь, надо мной и говорил, что уже собирался брызгать мне в лицо водой, так я долго спал, а он умирает от голода. На самом деле было уже семь часов вечера, и надо было поторапливаться. Я быстро прив,,л себя в порядок, проводник запер наше купе, и мы отправились в вагонресторан.

Здесь публика была совсем иная, чем в поезде, шедшем к дал,,кой окраине Азии. Курьерский поезд по недавно проложенной линии мчал в Севастополь богатую публику, направляющуюся на модные курорты: Ялту, Гурзуф, Алупку и т.д. В вагоне-ресторане все уже сидели на своих местах.

Лакей, посмотрев наши обеденные билетки, провёл нас к столику, за которым сидели две дамы.

Я сконфузился, ведь я совсем не привык к дамскому обществу, но посмотрев на И., был очень удивлён, потому что он вёл себя так, как будто всю жизнь только и делал, что ухаживал за дамами. Он снял свою шляпу, вежливо поклонился старшей даме и сказал по-французски: – Разрешите нам сесть за ваш стол?

Дама приветливо улыбнулась, ответила на поклон и сказала довольно низким приятным голосом: «Прошу вас», на прекрасном французском языке.

И. взял наши шляпы, положил их в сетку над столиком и пропустил меня к окну, заняв крайнее место у прохода. Я чувствовал себя очень неловко, старался смотреть в окно, но всё же исподтишка разглядывал соседок.

Старшая дама, далеко ещё не старая, была красиво и элегантно одета. Тёмные волосы, тёмные глаза, несколько выпуклые, были, вероятно, близоруки. Она была полновата и, судя по её белым холмовым рукам, никогда не работала, да и вряд ли играла на рояле, ведь от постоянных ударов по клавишам кончики пальцев расширяются и кожа на них грубеет. Эти же руки были просто руками барыни. Лицо её не светилось ни умом, ни вдохновением. Я посмотрел на её зубы и губы, – всё в ней показалось мне банально красивым, но грубой, чисто физической красотой. И она перестала возбуждать во мне какой бы то ни было интерес.

Тут подали мясной суп. И. сказал лакею, что заказывал специальный вегетарианский обед. Лакей извинился и отправился за объяснением к метрдотелю.

Это недоразумение послужило старшей даме поводом для разговора с И., который, как мне показалось, произвёл на неё большое впечатление. Пока старшие сотрапезники занимались обсуждением пользы и вреда вегетарианства, я перенёс своё внимание на другую нашу соседку.

Это была совсем молоденькая девушка, почти ребёнок. На вид ей было не более пятнадцати лет. Светлая блондинка, такого же золотистого оттенка, как мой брат, она уже одним этим сходством завоевала мои симпатии. Я невольно смотрел на неё, пользуясь тем, что она сидела с опущенными глазами. Личико у неё было худое, черты правильные, лоб высокий с бугорками над бровями. «Очень музыкальна», – подумал я.

Девушка, должно быть, в первый раз обедала в вагоне-ресторане. Она прилагала все усилия, чтобы не расплескать суп с ложки, но это ей удавалось плохо.

Заметив, что я бестактно уставился на девушку, И. задал мне какой-то вопрос, желая вовлечь меня в общий разговор и освободить от моих взглядов и без того сконфуженную соседку. Он выразительно на меня посмотрел, и я понял, что в моем поведении что-то не соответствовало поведению хорошо воспитанного человека.

Оказывается, старшая дама просила меня передать ей горчицу, а я не слышал ее, слов. И. повторил просьбу, я совсем переконфузился, подал ей горчицу, извинился на французском же языке, вспомнив одно из наставлений брата, что хорошо воспитанные люди должны отвечать на том же языке, на каком к ним обратились.

Сумбурные мысли о том, как трудно быть хорошо воспитанным человеком, сколько для этого надо знать условностей, и в них ли сила хорошего воспитания, – промчались не в первый раз в моей голове.

И. извинился за мою рассеянность, говоря, что я перенес тяжёлую болезнь и ещё не успел окончательно поправиться. Дама сочувственно кивала головой, приняв меня за сына И., чему я весело посмеялся, а И. объяснил, что я ему друг и дальний родственник.

Я хотел спросить, не дочь ли ей молоденькая барышня, но в это время она сама сказала, что везёт свою племянницу в Гурзуф, где у её сестры, матери Лизы, дача возле самого моря.

Лиза всё молчала и не поднимала глаз; а тогда рассказывала, что Лиза только что окончила гимназию, очень утомлена экзаменами и должна отдохнуть в тишине.

– Лиза у нас талант, – продолжала она, – у неё огромные способности к музыке и очень хороший голос. Она учится у лучших профессоров Москвы; но отец против профессионального музыкального образования, что и составляет Лизину драму.

Тут произошло нечто необычайное. Лиза вдруг внезапно подняла глаза, оглядела всех нас и твёрдо посмотрела на И.

– Вы не верьте ни одному слову моей тётки. Она ни в чём не отдаёт себе отчёта и готова выболтать каждому встречному всю подноготную, – сказала она дрожащим тихим, но таким певучим и металлическим голосом, что я сразу понял, что она должно быть, чудесно поёт.

На щеках Лизы горели пятна, в глазах стояли слёзы. Она, видимо, ненавидела тётку и страдала от её характера. И. мгновенно налил каплю в воду из своего пузырька и подал ей, сказав почти шепотом, но так повелительно, что девушка мгновенно повиновалась: – Выпейте, это сейчас же вас успокоит. Через несколько минут девушка действительно успокоилась. Красные пятна на щеках исчезли, она улыбнулась мне и

спросила, куда я еду. Я ответил, что еду пока в Севастополь, какой маршрут будет дальше, ещ,, не знаю. Лиза удивилась и сказала, что думала, что мы едем в Феодосию или Алушту, ибо греки большей частью живут там.

– Греки? – спросил я с невероятным изумлением. – При ч,,м же здесь греки?

Лиза в свою очередь широко раскрыла свои большие серые глаза и сказала, что ведь мой родственник такой типичный грек, что с него можно лепить греческую статую. Мы с И. весело рассмеялись, а т,,тка, кисло усмехаясь, сказала, что Лиза, как и все музыкально одар,,нные люди, неуравновешенна и слишком большая фантаз,,рка.

И. спорил с нею, доказывал, что люди одар,,нные вовсе не нервнобольные, а наоборот, они только тогда и могут творить, когда найдут в себе столько мужества и верности любимому искусству, что забывают о себе, о своих нервах и личном тщеславии, а в полном спокойствии и самообладании радостно несут свой талант окружающим. Т,,тка заявила, что для не,, это слишком высокие материи, а Лиза вся превратилась в слух, глаза е,, загорелись, и она сказала И.:

– Как я много поняла сейчас из ваших слов. Я точно сама себе вс,, это не раз говорила, так мне ясны и близки ваши слова.

Видно было, что ей о многом хотелось спросить, чего нельзя было сказать о т,,тке. Такая любезная и кокетливо поглядывавшая на И. в начале обеда, – сейчас она едва скрывала скуку и досаду.

– Вот вам бы с моей сестрой познакомиться. Она вечно летает в заоблачных высях и, кроме своих цветов, музыки и книг, ничего в жизни не видит и не замечает. Даже того, что делается под самым е,, носом, – несколько тише и более ядовито прибавила она.

Лицо е,, отвратительно исказилось от зависти и ревности, очевидно уже давно разъедавших е,, сердце.

Лиза стала так бледна, побелели даже е,, розовые губы, что я испугался и быстро протянул ей стакан с водой. Но она не заметила моего движения; е,, потемневшие глаза сразу провалились, под ними легли т,,мные тени, и от девушки-реб,,нка не осталось и следа. Глядя прямо в глаза т,,тке ненавидящим взглядом, она сказала тихо и отдельно:

– Можно делать подлости, если есть вкус к ним. Можно быть и глупым, раз уж в мозгу чего-то недоста,,т; но чтобы так выдавать себя первому встречному,

– для этого надо быть более чем просто глупой. Вы отравили маме е,, молодость, мне – детство. Вы всю жизнь пытались встать между папой и нами. Вам это не удалось, потому что папа честный человек и любит нас с

мамой. Неужели же мамину и мою деликатность и сострадание к вам вы принимали за нашу близорукость или глупость? Я бы и сейчас промолчала, если бы ваша наглость не была так возмутительна.

Трудно передать, что произошло с т.,ткой. От всей е., чувственной красоты, от внешнего барского лоска ничего не осталось. Перед нами сидела вмиг постаревшая женщина, не умевшая сдерживать бешенства и тихо выпл.,вывавшая ругательства:

– Девчонка, дура, подлая шпионка, дрянь, – я тебе отплачу. Я вс., расскажу дедушке и отцу.

Девушка с мольбой взглянула на И. На наш стол, несмотря на грохот кол.,с и шум вентиляторов, кое-кто уже стал обращать внимание. И. подозвал лакея, заплатил за всех и за всех же отказался от кофе. Он встал, достал наши шляпы и, тв.,рдо взглянув на т.,тку, сказал ей очень тихо, но повелительно:

– Встаньте, дайте пройти вашей племяннице. Поезд сейчас остановится, мы пройдем с ней по перрону. Вы же ступайте в ваше купе через вагоны. Придите в себя, вы потеряли всякий человеческий облик. Постарайтесь скрыть под улыбкой сво., бешенство.

Говоря так, он стоял, склонившись к ней в вежливой позе, подавая упавшие сумочку и перчатки.

Ни слова не ответив, она встала и прошла мимо столиков к выходу, не дожидаясь нас.

И. помог Лизе выйти из-за тесно поставленных стульев, прош.,л вперед, открыл дверь и пропустил девушку. Выйдя вслед за ними из вагона, я немного отстал; мне хотелось побыть одному, чтобы разобраться в этой чужой жизни, завеса которой приподнялась передо мной так внезапно и безобразно. Но И. остановился, подождал, пока я подойду, и сказал мне:

– Не отставайте от меня ни на шаг, друг. Какие бы драмы или приятные развлечения ни встретились нам в пути, мы не должны забывать нашей главной цели.

Он взял меня под руку, и мы втро.,м стали прогуливаться по платформе, войдя в вагон уже после второго звонка.

Каково же было мо., удивление, когда я увидел, что т.,тка стоит в коридоре нашего вагона и весело флиртует с каким-то не особенно старым генералом. Оказалось, что купе наших соседок по столу было через два отделения от нас.

Как ни в ч.,м не бывало т.,тка обратилась к нам, сказав, что уже стала беспокоиться, не похитили ли мы е., племянницу. И., в тон ей, отвечал, что ни он, ни я на людей, занимающихся романтическими похождениями, как

будто бы не похожи, но что мы очень польщены, конечно, если, по е,, мнению, имеем вид дон-жуанов.

Очень корректно раскланявшись с т,,ткой и племянницей, – прич,,м я тоже старался щегольнуть элегантностью манер, – мы вошли в сво,, купе. И. сказал Лизе, что книгу, которую он ей обещал, пришлет с проводником.

Бедной девушке, очевидно, было жутко расставаться с нами. Е,, личико, и без того худое, ещ,, больше осунулось.

Когда мы остались одни, я хотел было поговорить о наших новых знакомых, но И. сказал мне:

– Не стоит сейчас об этом. Нам с тобой, повидавшим в жизни немало скорби, надо хорошенько думать о каждом сво,,м слове. Нет таких слов, которые может безнаказанно выбрасывать в мир человек. Вся жизнь – вечное движение; и это движение творят мысли человека. Слово – не простое сочетание букв. Даже если человек не знает ничего о тех силах, что носит в себе, и не думает, какие вулканы страстей и зла можно сотворить и пробудить неосторожно брошенным словом, – даже тогда нет безнаказанно брошенных в мир слов. Берегись пересудов не только на словах; но даже в мыслях старайся всегда найти оправдание людям и пролить им в душу мир, хотя бы на одну ту минуту, когда ты с ними. Подумаем лучше, что сейчас делают наши друзья.

Флорентиец, по всей вероятности, садится в поезд на Париж, а Ананда его провожает.

Он точно ун,,сся в дал,,кую Москву, и взгляд его стал отсутствующим. Сам он, опершись головой о спинку дивана, сидел неподвижно; и я подумал, что у каждого человека, очевидно, своя манера спать, а я как-то не присматривался до сих пор к тому, как спят люди. Флорентиец спал, точно мертвец, И. спал сидя, с открытыми глазами, но сон его был так же крепок, как сон Флорентийца.

Думая, что будить И. и нельзя, и бесполезно, я тоже перен,,сся мыслями в Москву.

Теперь, расставшись впервые за эти дни с Флорентийцем, к которому так прильнул всем сердцем, я почувствовал всю глубину удара, который нанесла мне жизнь этой разлукой. С самого рождения и до разлуки с братом я видел на сво,,м пути один свет, один собственный дом, одного неизменного друга: брата Николая. Теперь я разлучен с братом, – погас мой свет, рухнул мой дом, исчез мой друг. Подле Флорентийца, несмотря на все тревоги, полное отсутствие какого-либо дома, непрерывные опасности и неутрачивающие страдания о брате, я чувствовал и сознавал, что в н,,м для меня – и свет, и дом, и друг. Чувство полной защищенности, мира в сердце,

– даже когда я плакал или раздражался, – не покидало меня где-то в глубине. Я был уверен, каждую минуту уверен, что в лице Флорентийца я не только имею «дом», но что в этом доме смогу жить, учась и совершенствуясь, чтобы стать достойным своего друга.

Сейчас, думая о том, что Флорентиец уезжает в Париж, а я еду на Восток, – пусть в другие места, но вс,, же на тот Восток, знакомство с которым мне принесло так много горя, – я осознал, как я бездомен, одинок и брошен судьбою в вихрь страстей. Я могу быть лишь их игрушкой, потому что не только ничего не видел и не знаю, но даже не сумел себя воспитать и приготовить к жизни.

Ни одна струна в мо,,м организме не была настроена так, чтобы я мог на не,, положиться. При всяком сердечном ударе я плакал и терялся, словно реб,,нок. Тело мо,, было слабо, не закалено гимнастикой, и всякое напряжение доводило меня до изнеможения и обмороков. Что же касается силы самообладания и выдержки, точности и ч,,ткости в мыслях и во внимании, – то тут дисциплины во мне было ещ,, меньше.

Я смотрел в окно, за которым уже сгущались сумерки. Природа находилась в полном расцвете своих сил. Мелькали зел,,ные луга, колосющиеся поля, живописные деревушки. Вс,, говорило о яркой жизни! Кому-то были близки и дороги все эти поля, сады и огороды. Целыми семьями работали на них люди, находя кроме любви к своей семье и общую любовь к этой земле, к е,, красотам, к е,, творчеству.

А я один, один – всюду и везде один! И во вс,,м мире нет ни угла, ни сердца, про которое я знал бы – вот «мо,,» пристанище.

Погруженный в свои горькие мысли, я забыл об И.; забыл, где я, ун,,сся в сказочный мир мечтаний, стал думать, как буду стремиться стать достойным другом Флорентийца, таким же сильным, добрым и всегда владеющим собой. Невольно мысль моя перебросилась на его друзей – И. и Ананду. Их поступки, полные самоотречения, ведь они бросили вс,, по первому зову Флорентийца и едут помогать брату и мне – людям им совершенно чужим, очаровывали меня высотой благородства.

Внезапно в коридоре послышался сильный шум и женский крик: «Доктора, доктора».

Оторванный от своих гр,,з, я резко вскочил, чтобы броситься на помощь, зацепился ногой за чемодан, который стоял у столика, и упал бы со всего размаха прямо на пол, лицом вниз, если бы меня не схватили сзади за плечи сильные руки И.

– Нос разобьешь, Левушка, – уморительно копируя старушечье шамканье, сказал он. Это было так смешно и неожиданно, так не подходило

к серьзной фигуре И., что я расхохотался, забыв, куда и зачем бежал.

– Подожди здесь, друг, – проговорил он уже своим обычным голосом.
– Я пойду с моими каплями. Узнаю истеричный голос нашей старшей соседки по столу. Быть может, я там задержусь, но ты вс., же не выходи из купе, если я не приду за тобой. Вс., время помни о нашей главной цели. Флорентиец уже уехал в Париж, поезд должен был отойти минут десять назад, судя по времени,

– сказал он, посмотрев на часы. – Ведь Флорентиец отправился в путь ради тебя и твоего брата. Я еду ради тебя и для него. Ананда жив.,т в Москве тоже ради вас обоих. Как же ты можешь считать себя одиноким и бездомным?

В эту минуту кто-то постучал в наше купе. И. ласково поцеловал меня в лоб и открыл дверь.

У порога стоял давешний генерал, с которым флиртовала т.,тка, и ещ., какой-то молодой человек. Генерал извинялся за беспокойство и просил доктора, – принимая И. за такового, – помочь молодой девушке, упавшей в обморок в соседнем купе; никто не может привести е., чувство, хотя е., т.,тка уже более часа употребляет к этому все обычные средства.

И. только спросил, зачем же раньше к нему не обратились, – захватил походную аптечку из того саквояжа, что вручил мне Флорентиец, и уш.,л вместе с двумя постучавшимися к нам пассажирами.

Я выглянул в коридор, куда высыпали мужчины и дамы из всех купе. Они представляли довольно-таки смешную картину. У каждого было растерянно-вопросительное лицо, – и в руках какой-либо флакон. Очевидно, прежде чем вспомнить о докторе, все они помогали злосчастной т.,тке привести в чувство девушку.

Я закрыл дверь, убрал в сетку чемодан, о который я так неловко споткнулся, и стал думать о девушке, впавшей в такой глубокий обморок. Я вспомнил е., худенькое личико и тоненькую, почти детскую фигурку. Казалось, что здоровьем она столь же не крепка, как и я; и так же невыдержанна и плохо воспитана, – в смысле самообладания.

«Вот, – думал я, – у не., есть и мать, и отец; есть дом, и даже два, потому что она едет на свою дачу к морю. А жизнь е., вряд ли веселее моей, если приходится жить и ездить с т.,ткой, которую ненавидишь».

Я старался нарисовать себе картину дома, быта и всей внутренней жизни девушки. Мне хотелось понять, каким же образом до такой глубокой сердечной боли мог дойти в родительском доме реб.,нок. Как, изо дня в день, е., должна была угнетать атмосфера жизни родителей, если Лиза могла обнажить душу перед чужими людьми, как это случилось с ней

сегодня.

Я сравнивал е., с собой и всем сердцем искал оправдания е., поступку, памятуя, что недавно сказал мне И. Мне припомнились мои сл.,зы за последние дни; как горько я плакал – и тоже перед чужими мне людьми, я – мужчина, старше е., на добрые пять лет.

И звучащий лейтмотивом этих дней вопрос «Кто тебе свой? Кто чужой?», назойливо возвращающийся ко мне, отв.,л мои мысли от девушки...

Через некоторое время я снова вернулся мыслями к ней. Нравилась ли мне Лиза? За все мои двадцать лет я ещ., ни разу не был влюб.,н. Я так был занят, такое множество у меня было уроков, сочинений, книг, которые я к ним должен был прочесть. Да и брат в своих письмах присылал мне целые программы; перечень музеев и галерей, которые я должен был повидать, – вс., это заполняло мою голову, я всегда был занят. Знакомств же, кроме старой т.,тки, у меня не было никаких. А в е., доме я встречал только старых важных дам, каждая из которых учила меня внешним манерам, давая целовать свои сморщенные и надушенные руки и не интересуясь вовсе духовной жизнью замухрышки, каким я несомненно был в их представлении. Все их разговоры были о большом свете; на каком балу у графини С. они были и к каким князьям В. пойдут завтра.

Никогда мне не доводилось даже сидеть за одним столом с девушками или танцевать с ними. Лиза была первой девушкой обычной, простой жизни, с которой я просидел около часа за одним столом. Как Наль являла собой какую-то высшую красоту, принадлежала высшей, необычной жизни. И с обеими я не просто общался, как с добрыми знакомыми, а подсмотрел у той и другой маленький уголок их духовной, скрытой от всех, жизни.

«Лиза упрекала т.,тку в том, что первому встречному она готова поведать о своих делах. А разве сама она не выдала гораздо больше того, что раскрыла т.,тка?» – вертелось в моей голове колесо мыслей.

Т.,плое чувство к Лизе и острое желание помочь ей чем-нибудь, принять участие в е., судьбе шевельнулись во мне.

Должно быть, прошло немало времени, пока я занимался этими психологическими этюдами. За окном была т.,мная ночь, в коридоре горела зажж.,нная проводником свечка, но в купе было довольно темно.

Я встал, намереваясь выглянуть, как в дверь внезапно постучали, и я увидел И., ввопившего в наше купе Лизу, которая, очевидно, не могла сама идти; за ними шла т.,тка с пледом в руках.

– Левушка, у Лизы был сильный сердечный припадок. Пока ей

приготовят постель, ей надо полежать у нас, сидеть она не может, – сказал И., укладывая девушку на диван.

Я хотел выйти в коридор, но он дал мне хрустальный флакон и велел каждые пять минут подносить к носу Лизы. Я присел на чемодан у е,, изголовья и стал выполнять свою миссию лекарского подмастерья. Т,,тке И. указал место у столика, взял у не,, плед, накрыл им девушку и сел у е,, ног.

Несколько минут царило полное молчание. Т,,тку я не видел, ибо, занятый своей миссией, сидел к ней спиной. Пользуясь полуобморочным состоянием Лизы, я внимательно е,, разглядывал.

Бесспорно, это была красивая девушка. Но меня крайне поразило, что одна щека е,, была восковой бледности, а другая не только пылала, но багровость е,, переходила в большой синяк, что отч,,тливо стало видно теперь, когда И. достал складной подсвечник, заж,,г в н,,м свечу и поставил на столик.

– О ч,,м теперь вы плачете? – услышал я вдруг голос И. Я оглянулся и увидел, что лицо т,,тки вс,, залито слезами; нос, губы, щ,,ки – вс,, распухло, и вид е,, был до отвращения безобразен.

– Не о девчонке плачу, а о своей судьбе. Что теперь будет со мной? Она станет всех уверять, что это я е,, толкнула. А на самом деле сама ушиблась...

– отвечала злым голосом т,,тка сквозь всхлипывания.

Я взглянул на И. и поразился грозному выражению его лица. Он так пристально смотрел на плачущую, что сразу напомнил мне Али. Никогда бы не поверил, что у неизменно ровного, большей частью светящегося доброжелательством И. может быть такое грозное лицо, такие суровые глаза.

– Вам лучше всего не лгать. Я так же хорошо знаю, как и вы, что это вы е,, ударили, не рассчитав своей силы; и я могу вам показать отпечаток вашей ладони на е,, щеке. Если бы вы ударили чуть выше, – с Лизой было бы кончено,

– говорил звенящим голосом И.

Всхлипывания прекратились, и в тишине раздался свистящий от бешенства голос т,,тки:

– Возможно, что вы и доктор. Но вряд ли вообще понимаете, что сейчас говорите. Я, слабая женщина, могла так ударить девчонку, чтобы свалить е,, в обморок? Говорю вам, она сама свалилась, и у меня не было силы е,, поднять.

– И поэтому вы исщипали ей всю грудь и руку, – сказал И. – Но поскольку вы отрицаете, что избili е,, – мне придется сделать

фотографический снимок на чувствительной пластинке и передать его судебным властям, как только мы прибудем в Севастополь.

Воцарилось недолгое молчание, затем т.,тка прошипела: – Сколько возьм.,те за сво., молчание? И. рассмеялся, я тоже не мог удержаться от смеха и закричал: – Да это целый роман!

Вероятно, мой смех особенно раздражил такую сейчас старую и безобразную даму. Когда я на не., взглянул, – точно змея меня укусила, так злы были е., глаза.

– Я совестью не торгую и взятки ни за какие услуги не беру. Девушке вы нанесли и моральный и физический вред. За моральный удар вы ответите жизни; он не останется безнаказанным и верн.,тс я к вам с той стороны, откуда вы его никак не ожидаете. От вашего собственного реб.,нка вы получите такую же пощ.,чину. А за удар физический вы ответите судебной власти и понес.,те заслуженное наказание, – говорил И., доставая из саквояжа футляр с фотографическим аппаратом.

– Пожалейте меня. Не знаю, зачем эта злая девчонка рассказала вам о мо.,м сыне. Это мо., единственное сокровище. Умоляю вас, не губите меня. Я впервые ударила е., за то, что она выдала меня перед вами. Пожалейте несчастную мать,

– бормотала она прерывающимся голосом.

– Почему же вы не пожалели единственного реб.,нка своей сестры? Женщины, несчастье которой составляете вы до сих пор, – продолжал И., вс., так же сурово глядя на не.,.

– Вы ещ., слишком молоды. Вы не знаете бедности. Вы не можете ни понять, ни судить меня, – жалобно говорила женщина. – Но если вы не выдадите меня родителям Лизы, клянусь жизнью своего сына, что пальцем не трону больше девчонку.

– И будете продолжать есть хлеб вашей сестры, жить в е., доме, разыгрывать в н.,м хозяйку? О нет, вы слишком дорого цените благополучие вашего сына и слишком д.,шево – три жизни ваших родных. Только тогда я вас не выдам, если вы уедете из дома сестры.

– Куда же я денусь? Вы так говорите, потому что не знали нужды и не понимаете жизни. Чем я буду жить? – раздраж.,нно спросила т.,тка.

Вторично по лицу И. скользнуло нечто вроде усмешки, едва уловимой, так что я подумал, что, пожалуй, и в первый раз на его лице, как и сейчас, просто играл колеблющийся свет горящей свечи.

– Вы должны работать, – тихо сказал он. – Работать? Оно и видно, что сами-то вы и гроша не заработали, просидели на шее папеньки с маменькой, как и ваш братец, и не понимаете, о ч.,м тут болтаете, – злясь и

фыркающая, говорила так.

– Я повторяю, – чрезвычайно спокойно, но с непоколебимой волей возразил И., – что единственное условие, при котором я согласен покрыть ваш грех и взять на себя таким образом часть вашего преступления, – это условие немедленного отъезда из дома сестры и лично ваш труд. Вы должны сами зарабатывать себе на хлеб и научить тому же вашего сына.

– Я не кухарка и не гувернантка, чтобы зарабатывать себе на хлеб. Я барыня, слышите вы, ба-ры-ня! Была, есть и буду!

– Достаточно сейчас взглянуть на себя в зеркало, чтобы убедиться, что вы не барыня в том смысле, в каком должно понимать привилегии этого понятия – высокую культуру, самодисциплину и самообладание, – ответил И.

– Вы очень дерзки и самонадеянны. Я никуда не уеду и ничуть вас не боюсь,

– закричала так.

– Ах, если бы вы понимали, что вам следует бояться только себя, вы сумели бы защитить сына от всех бед и вывели бы его в люди. И не был бы он, вслед за вами, приживальщиком, обещая стать негодным человеком. Вы боитесь, лишиться сестринского крова, отравленного для не-, вами. Но поймите же, я не угрожаю, не запугиваю вас, только разоблачу перед родными. И они не станут более терпеть вас у себя ни минуты, и вы останетесь на улице. Уйдете добровольно, я обещаю найти вам работу. Вы должны понять, что трудиться обязаны все, а вы – в особенности.

– Да не могу я быть гувернанткой, – снова закричала она. – Никому не может прийти в голову допустить вас к детям. Помимо дурного характера, помимо эгоизма и злобы, которыми вы дышите, как кипящий котел, вы не имеете даже начального понятия о такте. А бестактный человек, даже добрый, так же вреден ребенку, как плохой зараженный воздух. Я имел в виду дать вам письмо к своему другу в Москве. Он ведет большое литературное дело, и ему нужны переводчики. Платит он очень щедро. Кроме того, он, наверное, сможет выделить вам небольшую квартиру в своем доме. Пока вы не съели ни одного куска хлеба, заработанного своими руками и головой, – вы не можете понять счастья жить на земле. Его приносит только честный труд.

Так теперь молчала. Я несколько раз оглядывался на не-, и мне казалось, что слова И. действовали на не-, успокаивающе. Глаза ее перестали источать ненависть, расстроенное и безобразное от злобы лицо становилось спокойнее: и даже какое-то благородство мелькнуло на нем, как сквозь серую пелену дождя пробивается бледный луч солнца.

Лиза вс,, ещ,, не приходила в себя. И. встал, наклонился к девушке и откинул прядь волос с е,, лица. Щека вздулась: видны были ссадины, огромный кровоподт,,к становился почти ч,,рным. И. взял фотографический аппарат. Но в ту минуту, как он хотел его открыть, рука т,,тки коснулась его, и она едва слышно сказала: – Я согласна.

Я был поражен. Сколько раз за эти короткие дни я был свидетелем того, как страсти, пьянство, безделье, фанатизм и зависть уродовали людей, разъединяли их и делали врагами. Как люди теряли человеческий облик и становились игрушкой собственного раздражения и бешенства. С горечью думал я, как же мало во мне самом самообладания и самодисциплины; и как я успокаивался от одного только присутствия брата, Флорентийца и моего нового друга И.

Ни одного слова, – как оно ни было горько, – не произн,,с И. повышенным тоном. Ни малейшего нам,,ка на презрение не прозвучало в его словах, напротив, вс,, в н,,м являло самое глубокое доброжелательство. И злобные выкрики в его адрес, так оскорблявшие меня, что мне хотелось вмешаться в разговор и ответить ей тем же тоном, – не задевали спокойного благородства И. и его сострадания к этой женщине.

И. посмотрел на не,,. Должно быть, его взгляд затронул что-то лучшее в е,, существе; она закрыла лицо руками и прошептала:

– Простите меня. У меня такой бешеный характер; я сама не понимаю иногда, что говорю и делаю. Но если я даю слово, – я его держу честно. И это, может быть, единственное мо,, достоинство, – сквозь снова полившиеся сл,,зы проговорила она.

– Не плачьте. Отнеситесь в высшей степени серь,,зно ко всему, что с вами сейчас произошло. Благословляйте судьбу за то, что Лиза не ушиблась об острый угол стола. Если бы ещ,, и это, – вы были бы сейчас убийцей, – а что это значит, вы отлично понимаете, – ответил ей И.

Ужас изобразился на лице т,,тки, которая сейчас была так несчастна, что даже мо,, сердце смягчилось; и я старался подыскать ей оправдания, думая о том, как постепенно и незаметно для себя падает человек, если зависть и ревность сплетают сеть вокруг него изо дня в день.

– Не возвращайтесь мыслями к прошлому, – снова заговорил И. – Думайте о сво,,м сыне, нет ничего такого, чего бы не победила материнская любовь. Я залечу щ,,ку Лизы, и через несколько часов от кровоподт,,ка не останется и следа. Но вам придется просидеть возле не,, до утра, меняя компрессы из той жидкости, что я вам дам. Примите эти подкрепляющие капли, – и бессонная ночь пройде,,т легко. К утру я приготовлю письмо к моему другу и дам вам денег, чтобы вы с этой минуты могли начать новую,

самостоятельную жизнь и уехать с сыном, не одалживаясь более у родных. Когда станете зарабатывать, верн,те эти деньги своему хозяину и он перешл,т их мне; не впадайте в отчаяние, когда к вам будет возвращаться желание кричать: «Я барыня, барыня есть, была и буду», – а уединитесь и вспомните эту ночь. Вспомните, как я говорил вам, что за вс,, то зло, которое вы выливаете из себя, получите стократное воздаяние от собственного сына. Но зато каждое мгновение вашей доброты, выдержки и самообладания будет строить мост к его счастью.

Должно быть, сердце бедной женщины разрывалось от самых разнообразных чувств и силы почти изменяли ей. И. велел мне наполнить стакан водой, влил туда капель, и я подал его т,,тке.

Тем временем, опять-таки из саквояжа, что дал мне Флорентиец, И. достал флакон, стакан и попросил принести т,,плой воды.

Когда я вернулся в купе, т,,тка уже пришла в себя и помогала И. поднять Лизу. Движения е,, были осторожны, даже ласковы; а лицо, осунувшееся и постаревшее, выражало огромное горе и тв,,рдую решимость. Но это была совсем не та женщина, которую я видел в ресторане; и не та, которую я видел, выходя из купе. Правда, я не сразу разыскал проводника, который стелил постели; не сразу достал и воду, которую пришлось остудить, но вс,, же отсутствовал я всего минут двадцать, и за это короткое время человека было не узнать.

Но уже столько всякого случилось за эти дни, и так я сам – всех больше – изменялся, что меня вовсе не поразила эта перемена, словно бы это было в порядке вещей.

И. влил в рот Лизе снадобье, вдво,,м они е,, снова уложили, и через несколько минут Лиза открыла глаза. Сначала взгляд е,, ничего не выражал. Потом, узнав И., Лиза просияла радостью. Но увидев т,,тку, закричала, точно е,, обожгли.

– Успокойтесь, друг, – обратился к ней И. – Никто вам больше зла не причинит. Сейчас вот приложу примочку, и к утру на вашем лице не останется никаких следов. Не смотрите с таким ужасом на свою т,,тку. Не думайте, что высшее благородство заключается в том, чтобы отгораживаться от тех, кого считаем злыми или даже своими врагами. Врага надо победить; но побеждают не пассивным уходом в сторону, а активной борьбой, героическим напряжением чувств и мыслей. Нельзя прожить одар,,нному человеку – тому, кто предназначен внести каплю своего творческого труда в труд всего человечества, – безмятежно, без бурь, страданий и борьбы с самим собою и окружающими. Вы входите теперь в жизнь. Если не сумеете сейчас найти в себе благородство и не выдать зло,

причин,нное вам т,,ткой, – то не внес,,те в жизнь собственную того огромного капитала чести и сострадания, которые помогут вам создать себе и близким радостную жизнь. Не судите т,,тку так, как это сделал бы судья. Подумайте о скрытых в вас самой страстях. Вспомните, как часто вы горели ненавистью к ней и е,, сынишке, хотя он-то уж никак неповинен ни в вашем горе, ни в ваших отношениях с т,,тушкой. Проверьте, сколько раз вы платили т,,тке ещ,, большей грубостью, как постоянно искали случая публично е,, осрамить, мысленно «посадить на место». Но ни разу не мелькнуло в вас доброе чувство, хотя к прочим вы добры, и очень добры. Молодость чутка. Представить себе весь сложный ход вещей, всю силу человеческих страстей, расставляющих на каждом шагу капканы, – вы ещ,, не в состоянии. Но понять, что сила человека не в злобе, а в доброте, в том благородстве, которое он с собой нес,,т, – вы способны, потому что сердце ваше чисто и широко. Вы играете на скрипке и понимаете, ибо вы талантливы, что звуки, – как и доброта, – очаровывают и единят людей в красоте. Играя людям, чтобы звать их к прекрасному, – вы не ведаете страха. Так же точно возвращайтесь сейчас к себе без страха и сомнений. Когда сердце истинно открыто красоте, оно не знает страха и по,,т дивную песнь – песнь торжествующей любви. Вы так юны и чисты, что никакой другой песни петь не может ваше сердце. Не думайте о прошлом, проживайте это сейчас со всею полнотой ваших лучших чувств, – и вы построите вокруг себя прекрасную жизнь. Но ваше «завтра» будет засорено остатками ж,,лчи и горечи, которые вы вплет,,те в него, если сегодня не найд,,те сил раскрыть сердце в полной цельной любви, честно, без компромиссов. Ваша т,,тя покинет вас, как только довед,,т до дома. Она нашла себе место и будет жить с сыном в Москве. А вы ведь собираетесь переехать в Петербург... Вам уже стало лучше. Левушка довед,,т вас до купе и даст вот эту микстуру, от которой вы отлично усн,,те и завтра будете хороши, как роза – прибавил он, улыбаясь.

Лиза была очень удивлена. В голове е,, – и это было ясно всем, – происходила сумбурная работа; но слова И. не были брошены впустую.

– Я вас отлично понимаю. Как это ни странно, но мама часто говорит мне вещи, очень похожие на то, что говорите вы сейчас. Так что ваши слова поразили меня больше тем, что совпали с мыслями мамы, хотя и совсем иначе выраженными. Я не могу сказать, что я в восторге от этих идей. Ведь я действительно ненавижу свою т,,тку и не верю ни одному е,, слову. Вы и представить себе не можете, как она умеет лгать.

– А вы разве так безупречно правдивы? – тихо спросил И.

– Нет, – ответила Лиза, покраснев до корней волос. – Нет, я далеко не

правдива. Но... хотя, зачем вдаваться в дал,,кое прошлое? Если вы говорите, – она сделала сильное ударение на «вы», – что она уедет, я вам верю. Это вс,, что нам нужно.

– Нет, – снова сказал И. – Это далеко не вс,, что вам нужно, чтобы быть счастливой. Вы так привыкли иметь подле живой предлог, чтобы жаловаться на свои несчастья, что создали себе привычку – вместо того, чтобы следить за собой, – следить за т,,ткой, выискивая в ней причины своих бед. И не замечали, что не только она, а и вы, Лиза, были мучительницей и матери, и отцу, и т,,тке... и самой себе.

При последних словах И. Лиза опустила голову.

– Это правда, – сказала она, подняв глаза на И.

И. помог ей встать, подал мне большой стакан с примочкой и маленький с каплями и предложил Лизе, опираясь на мою руку, идти спать, чтобы утро встретить вес,,лой и свежей.

Было уже за полночь. С помощью т,,тки я дов,,л Лизу до места, подал ей капли, которые она тут же выпила, а т,,тке – большой стакан с примочкой, пожелал им покойной ночи, раскланялся и вернулся к И.

Я застал его в коридоре, так как проводник стелил нам постели. Я подош,,л к нему, и он сказал мне по-английски, чтобы я сейчас же ложился спать, поскольку завтра понадобятся силы, а вид у меня очень утомл,,нный. Ему же надо написать два письма, и он ляжет потом.

Уже по короткому опыту я знал, что говорить о последних событиях он не станет, а утомл,,н я был ужасно. Не возражая, кивнул согласно головой, залез на верхний диван и едва успел раздеться, как заснул м,,ртвым сном.

Проснулся я от стука в дверь и голоса И., отвечавшего проводнику, что мы уже проснулись, благодарим за то, что он нас разбудил, и тотчас вста,,м. Но когда я спустился вниз, то увидел, что постель И. была даже не примята и три письма лежали наготове, запечатанные в конверты, а сам он уже переоделся в л,,гкий серый костюм.

И. попросил собрать все наши вещи, сказав, что пройде,,т к Лизе, которую навещал два раза ночью. Он прибавил, что организм девушки крепок, но нервная система так слаба, что ей необходим бдительный и постоянный уход. И потому он написал матери Лизы, графине Е., письмо с подробными указаниями, как заняться лечением и воспитанием дочери.

С этими словами он вышел, я же так и остался посреди купе с открытым ртом. Много чудес перевидал я за эти дни, но чтобы И. и в самом деле оказался доктором и решил писать письмо совершенно неизвестной ему графине Е. о е,, – тоже ему мало известной – дочери, – этого уж я никак не мог взять в толк. «Где же тут такт?» – мысленно спрашивал я себя,

припоминая, что говорил Флорентиец о такте и предельном внимании к людям.

Долго ли, со свойственными мне рассеянностью и способностью мигом забывать вс., окружающее, стоял я посреди купе, – не знаю. Только внезапно дверь открылась, и я услышал вес.,лый голос И.

– Да ты угробишь нас, Левушка. Надо скорее вс., сложить, мы подъезжаем.

Я сконфузился, принялся быстро складывать вещи, но И. делал вс., лучше и быстрее, – мне оставалось только подавать вещи. Не успели мы уложить и закрыть чемоданы, как подкатили к перрону.

В коридоре я увидел Лизу и т.,тку в нарядных белых платьях и элегантных шляпках. Лиза действительно была свежа, как роза, и в глазах е., светилась радость. Т.,тка же е., была бледна, на лице е., разлилась скорбь, на лбу залегла поперечная морщина, тогда как вчера он был совершенно гладок; губы плотно сжаты: но, странно, – сейчас она нравилась мне гораздо больше; от е., вчерашней плотоядности ничего не осталось. То было лицо стареющей женщины, преображенное страданием.

Я поздоровался с ними издали; у меня не было желания заглядывать ещ., глубже в драму этих жизней. Севастополь сразу напомнил, что здесь мы сядем на пароход и снова отправимся на Восток; и я погрузился в мысли о брате и его судьбе в эту минуту.

Нарядная публика выходила из нашего вагона, и не менее нарядные люди встречали прибывших на перроне. Вес.,лые возгласы, смех, объятия. И снова резанула мысль, что меня встречать некому и некого мне прижать к груди во вс.,м мире, хотя в н.,м миллионы людей.

И. взял меня под руку, взглянув, как мне показалось, не без укора. Через минуту мы вышли, вслед за носильщиком, на перрон, где ждала нас Лиза рядом со стариком высокого роста с небольшой седой эспаньолкой, очень красивым, гордым и элегантным.

Лиза подвела его к И. и сказала, что в вагоне упала так неловко, что разбила всю левую щ.,ку и висок. И вот доктор помог ей какой-то микстурой так хорошо, что и следа от ушиба почти не осталось.

Старик, – дедушка Лизы, – перепуганный внезапной болезнью внучки, высказал признательность. Он спросил, куда мы едем, сказав, что у него есть запасной экипаж и он может довести нас до Гурзуфа. И. поблагодарил, говоря, что мы останемся в Севастополе.

– В таком случае, разрешите моему кучеру довести вас до лучшей гостиницы,

– сказал он, снимая шляпу.

Я видел, что И. очень этого не хотелось, но делать было нечего, – он тоже снял шляпу, поклонился и принял предложение.

ГЛАВА X В СЕВАСТОПОЛЕ Все вместе мы вышли из здания вокзала. Старик велел нашему носильщику отыскать в целой веренице всевозможных собственных и на„мных экипажей кучера Ибрагима из Гурзуфа.

Через несколько минут подкатила отличная коляска в английской упряжке, с белыми чехлами на сиденьях и кучером в белой же ливрее с синими шнурками, высоком белом цилиндре с синей лентой. При широкой татарской физиономии Ибрагима его английское одеяние выглядело довольно комично. Я подумал, что у того, кто подбирал кучера к английской упряжке, было не много такта.

Вообще, это короткое словечко не покидало меня и при всяком подходящем или неподходящем случае вылетало из какого-то закоулка в мо„м мозгу, дверь в который я не умел, очевидно, запереть как следует.

Пока мы прощались с дамами и усаживались в коляску, старик давал кучеру указания, куда нас отвезти, какого управляющего вызвать, чтобы нас отлично устроили в номере с видом на море, и последнее, что я услышал, было приказание Ибрагиму оставаться весь день в нашем распоряжении, свозить нас в Балаклаву и только завтра, выполнив ещ„, какие-то поручения, выехать в Гурзуф.

Я посмотрел на Лизу. Она не сводила глаз с И. Она так смотрела на него, точно он был сказочный принц, а она Золушка. Я перев„л глаза на И. и снова подумал, что он красив, как Бог, но Бог суровый.

Т„тка вс„, это время стояла, опустив глаза, и казалась ещ„, бледнее в ярких лучах солнца.

Мне было е„, сердечно жаль; мне казалось, что я, одинокий и бездомный, могу более других понять е„, скорбь и неуверенность в надвигающейся полосе е„, новой самостоятельной жизни. Прощаясь с нею, я крепко пожал и нагнулся поцеловать ей руку, не по велению хорошего тона, но в самом искреннем сердечном порыве.

Она, казалось, почувствовала теплоту моего сердца, ответила на пожатие и взглянула на меня. Я даже похолодел на мгновение, такая бездна отчаяния была в е„, глазах.

«Боже мой, – думал я, усаживаясь рядом с И., который говорил о ч„мто с Лизой, – неужели в жизни так много страданий? И зачем так устроена жизнь? Зачем столько сл„,з, нищеты и горя? И как понять, что человек сам множит свои скорби, как говорит И.?

Вокзал был довольно далеко от города. Я впервые видел Крым и этот исторический город. Вс., в н.,м дышало для меня очарованием. Я мысленно расставлял редуты и башни, и пленительные образы Корнилова, Нахимова и Тотлебена вели воображение далее, к первому герою той страшной обороны – русскому солдату.

И. разговаривал с кучером, который оказался уроженцем Севастополя и не так давно похоронил деда, участвовавшего в тяжких боях, выпавших на долю четв.,ртого бастиона.

Он вызвался отвести нас на верхний бульвар, чтобы мы увидели, где проходили бои, с обозначением блиндажей и бастионов, а в Балаклаве посмотрим гавань, где затонуло громадное судно, знаменитый «Ч.,рный принц» англичан.

Мне больше всего хотелось видеть Нахимовский курган, но я не хотел вмешиваться в разговор. Сердце мо., так было полно горечью жизни, что обычная моя смешливость и интерес к новым местам отошли на какой-то дал.,кий план. А страдания людей опаляли, как беспощадное солнце, поджаривавшее нас.

А этот город, спас.,нный такими неописуемыми страданиями и гибелью безвестных серых тысяч, им.,н которых никогда не сохраняет история, зная одно только имя народа – Иван Сотысячный!

И где-то рядом высилась в мо.,м представлении фигура венценосного императора Николая 1, у которого не хватило ума прислать достаточно войска и провианта в это погибельное место, вместо того чтобы собирать войска на Кавказе, где он поджидал врага. И сколько же их, грабителей, негодяев и знатных дураков, помогавших гибнуть этим безвестным героям, – Иванам Сотысячным, – умиравшим просто и без проклятий.

Мысли мои прервал И., спрашивавший, не согласен ли я прежде всего узнать о билетах на пароход в Константинополь. Вмешавшийся Ибрагим уверил И., что в гостинице, куда он нас привез.,т, есть агент пароходной компании, что он доставляет и билеты, и заграничные паспорта, и что у нас никаких хлопот не будет, потому что пока путешественников мало, а вот через месяц будет очень «большая масса», как выразился Ибрагим.

И. согласился ехать прямо в гостиницу, но я видел, что ему как-то не по себе. Несмотря на вс., его самообладание, лицо его было сурово и нахмурено.

Если бы я не знал другого его облика, как бы я был несчастлив, что связал судьбу с этим человеком! Точно прочитав мои мысли, И. обернулся и ласково мне улыбнулся.

Какой странный инструмент – сердце человека! Одной улыбки и

л,,гкого пожатия руки было довольно, чтобы мне стало легко, чтоб сердце открылось для тех радостных сил и чувств, которые я закупорил где-то в тени души.

И. велел Ибрагиму заехать на главную почту, чтобы отправить письма. В эту минуту мы проезжали мимо собора, где стоял когда-то гроб убитого при обороне Севастополя Корнилова.

Мы остановились у почты – маленького и грязного домишки. И. отправил письма, получил телеграммы и, увидев расклеенные по стенам плакаты и объявления пароходных компаний, спросил, где можно купить билеты на пароход в Константинополь.

Старый сторож, в не менее старом и засаленном солдатском мундире, должно быть ещ,, врем,,н обороны, ибо подобных камзолов нигде теперь не было и в помине, ответил, что агент имеется в приморской гостинице, поскольку там ещ,, есть надежда заполучить пассажиров, а здесь билеты пока никто не спрашивал.

Мы снова сели в коляску и двинулись к гостинице, которая оказалась неподал,,ку. Очевидно, хозяина Ибрагима хорошо знали, потому что был немедленно вызван управляющий и нас поселили в лучшем номере.

Через несколько минут явился и пароходный агент. Он сказал, что превосходный новый английский пароход уходит впервые в Смирну и Константинополь завтра в 3 часа дня, А сегодня в ночь отправляется такая грязная и старая итальянская скорлупа, которую новый пароход вс,, равно перегонит; и что на н,,м есть совершенно новенькая свободная каюта-люкс.

И. согласился, отдал ему наши паспорта и деньги и условился, что вечером, когда мы будем обедать здесь же, в гостинице, нам принесут билеты. А заграничные паспорта вручат в полном порядке завтра в час дня, так как это не так скоро здесь делается.

И. распорядился, чтобы покормили Ибрагима, а сами, умывшись и переодевшись, мы спустились в тенистый и прохладный зал ресторана завтракать. И. сказал, что есть телеграмма от Ананды, извещающего, что вс,, благополучно, что Флорентиец выехал в Париж, а он, Ананда, будет телеграфировать нам в С и Константинополь на главную почту и чтобы мы написали о себе в Москву, в ту же гостиницу.

Позавтракав, мы сели в коляску Ибрагима и отправились осматривать город, доверившись во вс,,м вкусу и знаниям нашего кучера.

Должно быть, он не раз показывал достопримечательности города знакомым старика Е., потому что очень толково пров,,з нас по лучшим улицам, показав вс,,,, что построено за последние годы, сообщив, что обратно повез,,т другой дорогой и мы познакомимся со всем городом.

Огромное впечатление произв.,л на меня верхний Севастопольский бульвар. Мы дважды обошли с И. места, ставшие бессмертной славой России, пусть многие и считали их бесславными страницами истории.

Никогда прежде не видавший моря, я положительно растворился в восторге, увидев его бушующим с обрывистых берегов у Балаклавы. Я забыл обо вс.,м, кроме природы, солнца и моря, и мне казалось, что уж лучше и быть ничего не может.

И., посмеиваясь надо мной, говорил, что я вскоре увижу такие красоты, перед которыми Крым решительно покажется мне убогим. Шутил он и над моими восторгами, пообещав, что первая же морская буря, в какую я попаду, сменит, при моей экспансивности, восторг на проклятия.

Только вечером мы вернулись в гостиницу. Щедро расплатившись с Ибрагимом, получив билеты у агента, мы прошли в свой номер и оттуда в ресторан ужинать.

Пока был на воздухе, я не замечал ни усталости, ни голода, ни палящего солнца. Сейчас же лицо мо., горело, я хотел есть, пить, спать – вс., вместе. Взглянув на И., я мысленно пожал плечами. Этот человек словно только что вышел из своего кабинета, где преспокойно читал газету. Правда, лицо и у него немного обветрилось и загорело, но не пылало, как мо.,, на н.,м не было видно признаков утомления; он, очевидно, мог встать и ехать дальше, а я, я прямо валился с ног от усталости.

Зал был почти пуст, но все же несколько столиков было занято. Однако я так был поглощен собой и утолением своего голода, что даже не обратил внимания на тех, кто был в зале.

К моему удивлению, И. ел мало. На вопрос, неужели он не голоден, он ответил, что в пути есть надо мало: чем меньше ешь, тем легче путешествовать и тем лучше воспринимаешь все окружающее. В его тоне отнюдь не было ни малейшего укора или осуждения. Но я как-то сразу почувствовал себя неловко. Я вообще отличался прекрасным аппетитом, чем удивлял своих товарищей по гимназии. Обжорой я вс., же не был; но сейчас почувствовал себя так, как будто бы действительно был в этом грешен.

Я моментально потерял вкус к еде и отодвинул тарелку. Заметив это, И. спросил, сыт ли я уже. Я просто и прямо сказал, что потерял вдруг аппетит, устыдившись своей прожорливости рядом с ним.

– Вот уж не следует, по-моему, сравнивать себя ни с кем ни в аппетите, ни как-то иначе. У каждого свои собственные обстоятельства, и чужой жизнью не прожив.,шь ни минуты, – сказал И. – Кушай, мой дорогой, на здоровье, сколько тебе хочется. Прид.,т время, дожив.,шь до моих лет, и еда

станет для тебя просто необходимостью, а не наслаждением. Я очень виноват, что необдуманно лишил тебя аппетита, – ласково улыбнулся он.

– Странно, что вы считаете себя намного старше. Мне скоро 21. вам же никак не дашь больше 26-27 лет, а быть может, и того меньше. А вообще я благодарен вам за вс,, что успел от вас услышать. Тут я переш,,л на английский и продолжал: – Если бы вы не поехали со мной, что бы я делал? Как мог бы лететь на помощь брату, если бы вас не было рядом? Я уже говорил Флорентийцу, что не могу жить за чужой сч,,т, а ваши слова о том, что человек не может понять смысла жизни, пока не заработает свой кусок хлеба, только ещ,, глубже убедили меня, что так продолжаться не может. С самой той злосчастной ночи, когда я нарядился в маскарадный костюм для пира у Али, я не вылезая из духовного маскарада. То я слугапереводчик, то я племянник, то двоюродный брат, то друг, – в то время как из всех этих ролей мне пристала только одна: роль слуги. Разрешите мне стать вашим слугою, так как ничего другого я делать для вас не могу. Может быть, и в этом я на первых порах не преуспею. Но я приложу все силы, вс,, усердие, чтобы стать вам хорошим слугой, – тихо, внешне спокойно, но с огромным волнением в сердце говорил я.

– Мой дорогой друг, мой бедный мальчик, – отвечал мне И., – отложим этот разговор до путешествия по морю. Быть может, там, оторванный от земли и всех е,, условностей, ты больше пойм,,шь огромную свою ответственность за жизнь брата, за его счастье и дальнейшую судьбу. Я нисколько не намерен отговаривать тебя от труда. Но тебе надо понять, в чем именно состоит твой труд. Быть может, жизнь, которая да,,т тебе возможность близко увидеть величие и ужас путей человеческих, откроет тебе понимание и смысл твоей собственной жизни глубже и шире. И ты станешь служить не только своей родине, но и всей необъятной звенящей вокруг жизни. Мы поговорим об этом на пароходе. А сейчас кушай мороженое, а то оно вс,, растает, – закончил он, опять улыбнувшись.

В его тоне была такая глубокая сердечность, так нежно смотрели на меня – беспомощного и бездомного, одинокого и потерянного без него – его т,,мные глаза, что я невольно вспомнил рассказ о том, как спас его, умирающего, Ананда.

Должно быть, Ананда так же нежно глядел на него в тот миг.

Я не лежал теперь в агонии, но поистине могу сказать, что то были дни тяж,,лой агонии моего духовного существа.

Мы кончили наш ужин, расплатились и поднялись к себе в номер. Здесь уже были готовы постели; мы потушили свет, открыли окна, полюбовались т,,мным небом, огоньками на мачтах и лодках и легли спать.

Утром, проснувшись, я обнаружил, что И. в комнате нет. Пока я совершал свой туалет, вош,,л он, свежий, вес,,лый, в новом полотняном белом костюме и таких же туфлях, с пакетами в руках.

Он рассказал мне, что проснулся очень рано, решил прогуляться по городу и набрел на прекрасный магазин, где купил нам по белому костюму, не то на пароходе мы пропад,,м от жары.

Он развернул пакеты и подал мне такой же белый костюм. Я его примерил, показался себе очень смешным, но вс,, же в н,,м остался.

Далее И. рассказал, что повстречал вчерашнего агента, шедшего вместе с капитаном парохода, на котором мы должны отправиться. Они познакомились, и капитан предложил перебраться на пароход раньше общей посадки, точно указав ему место стоянки. И. угостил капитана превосходным вином в ресторане нашей гостиницы и получил записку к дежурному помощнику, в которой говорилось, что мы имеем право занять свою каюту в любое время. Было как-то жаль расставаться с сушию хотя бы на один час раньше; но внутренний голос говорил мне, что И. даром спешить не станет, и я не возразил ни слова.

Когда я был совсем готов, он осмотрел меня, предложил выпить кофе и пройти в магазин, чтобы приобрести ещ,, по одному костюму – из т,,мной чесучи или альпага. Я был рад провести лишний час на суше и решил, что я из тех горе-любителей, которых пленяет море, пока они стоят на берегу. Какая-то тоска одолевала меня, когда я думал об этом первом морском путешествии, которое казалось мне бесконечным.

Вскоре мы управились со всеми делами, нашли костюмы, какие хотелось И., и мне мой т,,мно-серый так понравился, что я в н,,м и остался. Вернувшись в гостиницу, мы расплатились и получили у агента паспорта, добытые им раньше обещанного срока. Сев в лодку тут же, у гостиницы, мы поплыли к пароходу.

Довольно долго мы лавировали между массой самых разнообразных судов, пока, наконец, не оказались у махины-парохода, выкрашенного в белый и красный цвета, рядом с ним мы и наша лодка походили на букашек.

Взобравшись по трапу на палубу и предъявив записку капитана дежурному помощнику, мы добрались до своей каюты-люкс. Она была расположена на верхней палубе, рядом с каютой капитана, и отделялась от не,, только деревянной переборкой, что делало нас обладателями многих необыкновенных преимуществ. В нашем распоряжении был небольшой кусок принадлежавшей только нам верхней палубы, куда никто другой из пассажиров не имел права заходить. Кроме того, в нашей каюте была

прекрасная ванна, стены обиты серым ш.,лком. Были и два спальных дивана, подле каждого электрическая лампочка с колпачком, а в потолок был вделан матовый фонарь.

Все металлические детали были никелированные; на полу ков.,р, в тон обивке стен и диванов, серый с розовыми цветами. Я ещ., никогда не видел подобной роскоши и стоял, по обыкновению тараща глаза.

Но И. не дал мне впасть в мечтания и вывел на палубу. Вид на город был очень живописен. Но вокруг поднимались пустынные холмы: и ж.,лтая земля, иссохшая, потрескавшаяся от зноя, не являла собой заманчивого зрелища.

Посмотрев на часы, я был поражен, как быстро промелькнуло время, – скоро нам предстояло двинуться в путь.

Наконец матрос доставил последние вещи в нашу каюту, закрепил их, к моему большому удовольствию, и мы расплатились с агентом, делавшим вид, что помогает, а на самом деле суетившемся возле матроса без смысла и толку.

И у меня мелькнула мысль, что жизнь моя в последние дни, пожалуй, чем-то напоминает суету этого агента. Я тоже всего лишь ассистирую, когда другие действуют, не видя в сво.,м собственном поведении ни логики, ни смысла, ни толку.

И. поблагодарил агента, дав ему добавочный куш; тот рассыпался в благодарностях и подал И. свою карточку с адресом, уверяя, что окажет нам любые услуги, стоит только ему написать или телеграфировать в Севастополь. И. взял карточку, назвал мою фамилию и сказал, что, весьма возможно, мы ещ., будем нуждаться в его услугах. Кстати, спросил он, отправится ли следом в Константинополь такой же быстроходный пароход.

Агент рассмеялся и сказал, что такого чудо-парохода больше нет. К тому же наше судно не будет заходить в порты, только в Одессу.

Последним нас покинул матрос из штата судовой прислуги, приставленный к нашей каюте. Малый был вес.,лый и расторопный, он бегал по трапам, как сущий акробат.

Хорошие чаевые сделали его ещ., более любезным, и он объяснил нам, что пассажиры каюты-люкс могут не спускаться к табльдоту, а требовать кушанья к себе наверх.

Через несколько минут он появился по собственной инициативе с меню завтраков, обедов и ужинов. И. просмотрел его и сказал, что мы вегетарианцы, поэтому он хотел бы, если это возможно, видеть повара и условиться с ним об отдельном нашем питании.

Матрос слетал вниз и через некоторое время явился с двумя важными

особами в безукоризненных белых костюмах. Один из них был метрдотель, другой – главный повар. Повар был толст и важен, метрдотель – высок и худ и держался с большим достоинством и любезностью.

Дело быстро уладилось, главный кок заявил, что его помощник – специалист в этом деле, что зелени и фруктов на пароходе большой запас, а метрдотель предложил нам завтракать и обедать на полчаса раньше. Оба, получив по крупной бумажке, стали еще, любезнее, и повар сказал, что может через полчаса сервировать для нас завтрак, когда публика еще, только начнет съезжаться. И. согласился, оба джентльмена удалились, и мы остались, наконец, одни.

Шум, выкрики команд, скрип крапов, поднимающих грузы, ошеломляли меня. Я еще, ни разу не видел, как грузится большой пароход. Да и пароходы-то видел только издали.

В раскрытый трюм, который казался бездонным, опускались огромные тюки. Грузчики, друг за дружкой, сновали, с тяжестью на спинах, по длиннейшим мосткам, достигавшим берега и уложенным поперек на нескольких баржах.

Внезапно внимание мое, было привлечено мелькнувшей в воздухе коровой. Испуганное животное дико мычало и рвалось из крепких ремней, которыми оно было привязано к подмному крану. Одна за другой коровы исчезали в люке бездонного трюма. Потом настала очередь ржущих лошадей, которые страдали еще, больше.

Вс, поражало меня. Вроде я знал, что вс, это существует, но когда увидел воочию, то показалось, что это необычайно сложно и что ум человеческий, придумавший всю эту технику, воистину творит чудеса.

Я поделился своими мыслями с И.; он улыбнулся и ответил, что нет чудес ни в ч,м. Вс,, чего человек достигает, – лишь та или иная степень знания, к какой бы области ни принадлежали видимые или невидимые глазу, постигаемые только мыслью и интуицией «чудеса».

– Нам надо быстрее позавтракать, – сказал он. – Скоро появятся пассажиры. Я хотел бы вместе с тобой наблюдать за посадкой. Жаль только, что жара, пожалуй, будет тебе вредна.

На мой вопрос, почему это он, уклоняющийся от всякой суеты, хочет наблюдать толпу, И. ответил, что надо удостовериться, удалось ли нам оторваться от преследователей, и тогда мы можем спокойно плыть до Константинополя, где нас встретят друзья Ананды.

В это время матрос прин,с складной стол и два стула, следом за ним приш,,л лакей со скатертью, посудой и салфетками. На вопрос, что мы будем пить. И. заказал бутылку вина и какое-то мудр,,ное питье со льдом,

название которого я слышал впервые.

Очень скоро мы уже сидели за столом, и я с большим удовольствием потягивал через длинную соломенную трубочку холодное розовое питье, необыкновенно вкусное и ароматное.

В разгар нашего завтрака на палубу вошел капитан, приветствовавший И. как старого знакомого, он любезно поздоровался и со мной, напомнив мне Флорентийца элегантностью своих манер. Капитан обращался с нами как с желанными гостями и любезно предложил пользоваться всей палубой, а не только той частью е,, которая принадлежала нашей каюте.

– Скоро начнется съезд пассажиров, – сказал капитан, выпивая стакан вина, любезно налитого ему И. – Хотя настоящий сезон ещ,, не настал и другие пароходы пустуют, на мой записку шла уже месяц назад. За день до вашего приезда от своей каюты отказалась графиня Е. из Гурзуфа. Вот вам и посчастливилось.

Я старался скрыть сво,, изумление, усердно подражая невозмутимости И., чтобы быть «вполне воспитанным» человеком. Но я был глубоко поражен таким совпадением. Очевидно, это мать Лизы должна была ехать в нашей каюте, а может быть, даже несчастная е,, т,,тка думала совершить морское путешествие.

– Если у вас нет неотложных дел, – продолжал капитан, – я бы советовал вам вооружиться биноклями и понаблюдать за посадкой. Здесь так явно обнаруживается мера человеческого воспитания, характеры, манеры, что это не только интересное зрелище, но и поучительный урок. У меня перед каютой натянут тент. Вы сможете опустить занавески и будете сидеть в тени, незаметно наблюдая за прибывающими. Иногда бывают преуморительные картины. Вот, пожалуйста сюда, я покажу, как устроиться. До самого отплытия можете сидеть здесь. Только когда выйдем в открытое море, ко мне придут с докладами помощники, – как это всегда бывает при отправлении, – неизбежны случайности, которые требуют вмешательства капитана. Это вам будет неинтересно.

Говоря вс,, это, он усадил нас под т,,мно-синим тентом, опустил такие же занавески и подал прекрасные бинокли.

– Итак, будьте как дома, – и до свиданья. Как только выйдем в море, вам придется покинуть мои владения.

Он приложил руку к козырьку фуражки и сош,,л вниз.

– Вот вс,, и устроилось, лучше чем вы хотели, – сказал я.

Он кивнул головой, взял свой бинокль и принялся рассматривать публику, которая стала собираться на берегу. Я видел, что ему не хочется

разговаривать, и мне не оставалось ничего другого, как последовать его примеру.

Должно быть, наш пароход сидел очень глубоко в воде, так как посадка шла с противоположной стороны гавани. Теперь нам были видны несколько элегантных экипажей с разряженной публикой; дамы в белых платьях, с белыми зонтами и мужчины в белых костюмах и панамах.

Бинокли были превосходны, можно было отчётливо рассмотреть даже лица. Меня больше всего занимали те, кто шёл по левым мосткам, очевидно публика из первого и второго классов. По правым мосткам двигались те, кто тащил на себе свои узлы и сундучки. Мелькали и фески, и пестрые халаты; двигались кучками женщины, закутанные с ног до головы в чёрные бурнусы, с темными сетками на лицах, в сопровождении детей разных возрастов.

– Вот это удача, – вдруг услышал я возглас И. Он показал мне на двух высоких мужчин в темных костюмах и красных фесках, вступивших на мостки и выделявшихся на фоне элегантных белых фигур.

Я принялся их разглядывать. Один был постарше, лет сорока; другой совсем молодой, моих лет. Оба были жгучие брюнеты, черноглазые, красивые и очень стройные.

И. встал и попросил меня оставаться на месте, сказав, что сам пойдёт навстречу туркам, ибо это и есть те самые друзья Ананды, к которым мы едем в Константинополь, и что это необыкновенная удача плыть с ними отсюда на одном пароходе.

Не успел И. уйти, как на палубу поднялся капитан. Он очень удивился, увидев меня одного; и я должен был объяснить, что И. увидел своих друзей и пошёл вниз встретить их.

– Ну, значит, вам будет весело, – сказал капитан. – Передайте вашему брату, что его друзья будут желанными гостями здесь, на палубе, вопреки правилу.

Я поблагодарил его за любезность и встретился с ним взглядом.

Положительно, в последние дни мне везло на необычайные глаза, и я начинал досадовать, что у меня-то самые обычные, темные.

Капитан был молод, на вид ему было чуть больше тридцати. Поджарая фигура, очень ловкие движения, лёгкая походка – всё указывало на большую физическую силу и тренированность. Бритое лицо с квадратным подбородком выказывало большие административные способности. Губы, красиво очерченные, были плотно сжаты. С чертами не такими правильными, как у Флорентийца или Ананды, лицо это было всё же очень красиво, и, по всей вероятности, он имел большой успех у женщин. Сила и

большой характер читались во всей его элегантной фигуре.

Но когда я встретился с его пристальным взглядом, то подумал, что близость с ним вряд ли приятна. Глаза его были совершенно ж,,лтые, как янтарь, и зрачки очень странной, как бы продолговатой формы, точно у кошки. Янтарные эти глаза показались мне жестокими, мерещились долго, пока не вернулся И.

И. возвратился вес,,лым, таким я его ещ,, не видел; сказал, что друзьятурки выехали из Москвы следом за нами, что они видели Ананду и привезли нам письма, мы получим их сегодня, как только они кончат завтракать и смогут разобрать вещи.

Казалось, теперь он потерял всякий интерес к наблюдению за публикой и, как бы нехотя, время от времени, поглядывал на вс,, прибывавших пассажиров.

А между тем зрелище было необычайно красочно пестротой одежд, контрастом манер и жестов. Кто-то суетливо бежал и расталкивал всех на пути; кто-то громко перекликался, и крики сливались в один сплошной гул. Но вот раздался вой пароходной сирены; и если бы не матросы, сдерживавшие напор людской волны, произошла бы самая настоящая давка. Долго ещ,, продолжалась посадка; наконец трапы были отданы, между берегом и пароходом образовался разрыв, и раздалась команда капитана, который сам стоял у руля, выводя судно в открытое море.

ГЛАВА XI НА ПАРОХОДЕ Мы вс,, сидели под синим тентом, и я радовался, что вижу, наконец, море, беспредельный водный простор, где даже в лучший бинокль не увидишь берегов.

К моему удивлению, И. не разделял моей радости. Напротив, он пристально вглядывался в горизонт и, хотя мы шли по гладкой, как зеркало, воде, – предсказывал шторм, редкий в это время года, свирепый шторм на Ч,,рном море. Я тоже принялся рассматривать в бинокль горизонт; но кроме моря и неба, сливавшихся в одну серую полосу, ничего не видел.

– Как только появится капитан, мы поблагодарим его за гостеприимство и пойд,,м к себе в каюту, – сказал И. – Пока нет качки, тебе надо разобрать вещи в сво,,м саквояже. Я уверен, что Ананда подумал о пилюлях на случай бури, чтобы тебя не укачало. Если – как я и полагаю – налетит ураган, тебе надо успеть до начала качки принять три раза пилюли. Нам с тобой предстоит помочь людям, едущим в третьем классе. Привилегированная публика будет иметь довольно удобств, хотя ей тоже придется пострадать. Но третий и четв,,ртый классы, как всегда заполненные до отказа нищетою, будут в нас нуждаться.

Я призадумался. Ещ,, ни разу И. не говорил мне об опасности нашего морского путешествия, да и мне самому плаванье казалось приятной прогулкой.

Вскоре мы вышли в открытое море, но берега были ещ,, отч,,тливо видны – пустынные, ж,,лтые, ничуть не привлекательные берега.

Показался капитан. Мы вернули ему бинокли, поблагодарили за любезность и хотели тут же уйти. Но он зорко посмотрел на нас и спросил, часто ли мы плавали по морю. И. сказал, что сам он к морю привычен, но я плыву в первый раз.

– Боюсь, что первое впечатление от знакомства с морем не будет для вас приятным, – сказал мне капитан, – Барометр показывает такую необылицу для этого времени года, что если бы не сам я его выбирал и выверил, – я мог бы думать, что он просто шалит. Надо ждать не просто бури, но бури редкостной. Как ни прекрасно мо,, судно, – думаю, что придется схватиться с ветром, морем и ливнем в эту ночь. Вам же следует наглухо закрыть свою каюту, а я прикажу матросам установить запасные щиты, так как предполагаю, что волны будут захл,,стывать и эту палубу.

Я ужаснулся. Высота парохода отсюда казалась с хороший тр,,хэтажный дом. Мне подумалось, что такой волны просто не бывает.

Лицо капитана было очень решительно и бодро, но сурово. Очевидно, чувство страха было неведомо этому стальному человеку. Он точно радовался, что вступит в бой со стихией. Он, пожалуй, и любит-то море изза той борьбы, в которую приходится с ним вступать; и если сейчас его что-нибудь заботит, так это ответственность за жизни людей, груз и судно, которые ему доверены и над которыми он полновластный хозяин посреди этих вод.

И. казалось, что буря, видимо, разыграется к ночи. Капитан возразил, что зыбь и качка, от которой будут страдать люди и животные, возможны ночью, но настоящая буря грянет лишь под утро, на рассвете.

К капитану стали подниматься его помощники, мы расстались с ним и пошли в свою каюту.

Я принялся разбирать саквояж, которым снабдил меня Флорентиец в дорогу. Он оказался очень вместительным, в н,,м было много отделений, и одно из них состояло из дорожной аптечки.

Я спросил, не принять ли мне одну из волшебных пилюль Али, которые давали так много сил и свежести. Но И. ответил, что для морской качки они совершенно не годятся; а надо найти лекарства, успокаивающие головокружение и рвоту, поскольку вряд ли Ананда мог не предвидеть качки.

Я предоставил самому И. искать пилюли; он действительно их нашёл, очень скоро и сейчас же заставил меня принять одну из них.

– Ты полежи немного, дружок, – сказал он мне. – Если пилюли будут тебе полезны во время качки, то сейчас ты должен почувствовать лёгкое головокружение и тошноту, – говорил он, подавая мне пижаму и ночные туфли. Я чувствовал себя превосходно, но сообразил, что времени полюбоваться морем будет ещё, встал, а сейчас неплохо и полежать, – надел пижаму и вытянулся на мягком диване.

Оказалось, что лечь было самое время. Не успел я подумать, какое чудное подо мной ложе, как всё, завертелось у меня перед глазами, застучало в висках, замутило. Я даже издал нечто вроде стога. Рука И. легла на мой лоб, он нежно вытер мне лицо, покрывшееся мгновенно испариной, и, наклонившись, заботливо положил под голову мягкую подушку.

– Это очень хороший признак, Левушка, – услышал я его гогос, словно бы И. находился где-то очень далеко. – Через несколько минут ты оправишься и будешь нечувствителен даже к сильной качке. Если же буря начнется, как думает капитан, на рассвете, – успеешь закалить этим лекарством организм и сможешь отлично помогать пассажирам. Ты говорил, что хочешь работать. Вот тебе жизнь и посылает сразу же случай стать самоотверженным слугой людям, которые не закалены и не подготовлены к тем страданиям, что ждут их сегодня. Если у тебя не появится страха, если ты не отдашься чувству брезгливости, а будешь отыскивать перепуганных детей и взрослых, чтобы нести им бодрость и помощь, – ты положишь основание своей новой жизни труда и любви, и такое глубокое, что все дальнейшие испытания будут тебе не страшны.

Я слышал его, очень хорошо понимал, но положительно не мог двинуть ни одним пальцем.

Не знаю, сколько времени я так лежал, но наконец почувствовал, что удары в виски прекратились, тошнота прошла. Но отвратительное состояние головокружения, когда всё, плыло передо мною, оставило настолько неприятное впечатление, что я всё, ещё, боялся открыть глаза. Но с каждой минутой я чувствовал себя всё, лучше и в конце концов поднялся с дивана, радостно глядя на И., и мгновенно забыл все только что испытанные ощущения.

– Да ты, Левушка, герой; я даже не ожидал, что ты так легко отделаешься. Когда я привыкал к этому лекарству, – противоядию от качки, – я подолгу лежал без движения, – весело говорил мне И. – Мне кажется, что за эти дни, Левушка, ты смог увидеть, сколько героического

напряжения может потребовать вдруг от человека жизнь, и он, проснувшись утром веселым, беззаботным ребенком, к вечеру становится взрослым; и судьба кличет его на такой подвиг, о котором он только читал в сказке.

– Это верно, как и все, что я от вас успел услышать, – ответил я И., надевая костюм. – Быть может, и не на такие пустяки, как глотанье гадких пилюль, я был бы способен, если бы умел всегда держаться в кругу сосредоточенного внимания. Но я так рассеян, что не в состоянии применить на деле всего, что успел понять благодаря вам и Флорентийцу Я не могу сразу думать о тех, кому я нужен, а думаю сначала о себе. Вот и сейчас, я упустил из виду, что могу еще, не раз очутиться в бурю на пароходе, пока мне предстоит сбивать с толку преследователей брата. Забыл я и о помощи несчастным, тем, кто в эту бурю будет страдать и нуждаться в ваших заботах:

– Я готов хоть сейчас снова принять эту отвратительную зелень, – прибавил я, помолчав.

Я оделся, И. радостно обнял меня, заметив, что ни мгновенья не сомневался в истинных моих чувствах. Он пригласил спуститься к его друзьям в первый класс, чтобы познакомиться с ними и получить письма. Он предложил также посмотреть, как устроен пароход, его многочисленные гостиные, читальню, библиотеку, большой зал, столовую и т. д. Но я, предвкушая предстоящие горькие испытания, потерял всякий интерес к этой роскоши и сказал, что соглашусь только на одно путешествие – осмотреть помещения третьего и четвертого классов, где нам предстоит трудиться ночью. И. согласился, позвонил матросу и дал ему записку в первый класс к своим друзьям-туркам, которые явились незамедлительно.

И. встретил их у лестницы и велел матросу подать стулья. Через минуту тот принес четыре плетеных кресла, казавшиеся легкими, но на самом деле такие тяжелые, что я не мог сам, не только поднять, но даже сдвинуть с места. Тогда я стал разглядывать новых знакомых. Типичная наружность и без фесок не могла бы никого ввести в заблуждение. Старший из турок, которому я был представлен как брат друга И., а потому также и его брат, ласково улыбнулся мне, познакомил с молодым своим спутником, оказавшимся его сыном, и подал мне письмо Ананды. Он назвал свое имя, но так непривычно оно прозвучало и показалось таким длинным, что я его не разобрал даже. Он был очень красив; но теперь показался мне много старше, чем издали, когда я видел его в бинокль, и особенно рядом с сияющим молодостью и красотой И.

Я заметил, что оба турка чрезвычайно почтительны с И. и так же

беспрекословно внимают ему, как сам И. и Ананда слушали Флорентийца.

Младший турок меня очень удивил. Оба они качались мне черноглазыми; но когда луч солнца упал на бронзовое лицо молодого, – я увидел, что от густейших длинных ч.,рных ресниц и больших зрачков глаза его только кажутся черными. Когда же зрачки сузились на солнце, я увидел т.,мно-синие глаза, очень внимательные и добрые.

Я прямо сторал от нетерпения прочесть письмо, даже щ.,ки мои покраснели. Но правила воспитанности не позволяли мне прочесть его немедленно, и, не без вздоха, я положил письмо в карман.

Разговор ш.,л о предстоящей буре, и старший турок передал И., что слухи уже проникли в первый класс, и все волнуются, особенно дамы. Младший прибавил, что сейчас повсюду расклеивают приказ за подписью капитана, чтобы после ужина никто не выходил на палубу и все оставались во внутренних помещениях, так как выходы на палубу будут закрыты ввиду возможной качки.

И. поделился со своими друзьями желанием подежурить в третьем и четв.,ртом классах во время бури. Они сказали, что непременно присоединятся. Но прежде надо было заручиться согласием капитана, который собирался закрыть нас в нашей каюте, приперев дверь какими-то особыми щитами.

Старший турок взялся разыскать капитана, но И. захотел непременно пойти вместе с ним, и мне пришлось остаться с глазу на глаз с молодым турком.

Пока я придумывал, о ч.,м бы мне начать с ним разговор, он сказал, что очень устал от экзаменов, что он естественник и переш.,л на третий курс Петербургского университета. Я очень удивился, ведь и я студент второго курса того же университета, математик, и поразился, как это я его прежде не заметил. Он же, оказалось, видел меня не раз: и моя репутация не только математика, но и хорошего литератора известна почти всем.

Я смутился, покраснел и стал умолять его ничего не говорить о моих литературных трудах; я давал читать их только близким друзьям и не понимаю, как это могло получить огласку.

По словам турка, вс., произошло очень просто. На вечеринке в пользу больного товарища кто-то из студентов прочел мой рассказ. Рассказ так понравился публике, что потребовали огласить имя автора. Меня долго вызывали, не поверив в мо., отсутствие, и успокоились, только когда кто-то сказал, что я уехал в Азию. И что тогда же было решено послать мой рассказ в журнал, чтобы по возвращении в Петербург меня ждал приятный сюрприз.

Не знаю, чего во мне было больше: авторской гордости или возмущения тем, что могли без меня распорядиться моим рассказом.

Нас прервали раздавшиеся вблизи голоса, и мы увидели капитана и двух наших друзей.

– Я не могу запретить вам помогать беднякам, которым придется хуже всех, если буря грянет, – говорил своим металлическим голосом капитан. – Но зачем вам мучить этих детей? – продолжал он, указывая на нас. – Пусть себе спят или сидят в каютах. Немало будет ещ,, бурь в их жизни. Если хоть от одной их можно уберечь – слава Богу!

– Эти дети будут очень нам нужны как братья милосердия. Дать лекарство или влить рому в рот зам,,рзшему человеку не так легко, когда качка кладет пароход чуть ли не набок, – ответил ему И. – Наши дети закалены и бури не испугаются.

Капитан пожал плечами и заметил, что снимает с себя ответственность, если волна смоеет кого-либо из нас: что мы все понимаем, какой опасности подвергается даже бывалый человек в сильную бурю, а не только неопытный мальчик; и что он ещ,, раз предлагает оставить нас, молодых, в каюте.

И. настаивал на сво,,м. Я было думал, что сейчас начнется ссора, но, к моему удивлению, капитан пристально посмотрел на И., поднял руку к козырьку фуражки и, усмехнувшись, сказал:

– Выходит, вы хотите быть капитаном на палубе четв,,ртого класса этой ночью. Согласен е,, доверить вам; действуйте как санитары. Но в помощь вам не смогу дать ни одного матроса, кроме разве того рыжего, что приставлен к вашей каюте. Он силач, но глуп; хотя парень он добрый и своей чудовищной силой может быть вам полезен.

С этими словами он нажал кнопку телефона и приказал кому-то принести в каюту четыре пары резиновых сапог и четыре непромокаемых плаща с капюшонами. На его же звонок взлетел на палубу и наш матрос. Ему капитан приказал находиться всю ночь на палубе при нашей каюте. И если мы куда-либо двинемся ночью, – состоять при нас и, в частности, не отлучаться именно от меня ни на шаг: что я в первый раз в море, и хороший матрос должен понимать, что означает приказ капитана не отлучаться от новичка в плаванье.

Я был смущен, даже слегка обижен. Но капитан посмотрел на меня весело и сказал, что слуга пригодится, когда я буду обслуживать больных, и я ещ,, буду ему очень благодарен, даже захочу угостить его вином, если борьба со стихией окончится благополучно.

Матросу же он сказал, что его вахта при нас начнется с девяти часов

вечера, а сейчас пусть поест и поспит.

Нам принесли плащи и высокие сапоги, которые мне казались резиновыми; но когда я их надел, то почувствовал, как они эластичны и теплы. Всем плащи пришлись впору, только я в своем утопал до пят; а сапоги не лезли на высокого турка. Ему меняли их раза три, пока не подобрали удобные. Мне тоже отыскивали плащ поменьше.

Капитан еще раз заходил к нам и снова убеждал И. оставить в каюте хотя бы меня одного, но ни И., ни я на это не согласились. Тогда он сказал, что направляется в четвертый класс и приглашает нас, чтобы мы могли познакомиться с возможной ареной наших будущих действий. Мы с восторгом приняли это предложение.

У лестницы матрос с вахту, получив строгое распоряжение никого – ни под каким предлогом – не пропускать без нас наверх, пусть это даже будет старший помощник.

Мы двинулись вслед за капитаном. К нам присоединились еще два офицера и два матроса. Теперь целой группой мы двинулись вперед.

Капитан отдал приказание вызвать еще и старшего врача. Я был поражен не только количеством людей, но и длиной коридоров, высотой всевозможных общих комнат и роскошью, царившей всюду. Буквально все комнаты утопали в цветах. Публика из первого класса сидела в тени палубы в глубоких креслах и шезлонгах. Нарядная жизнь была ключом в каждом уголке, в воздухе разносился аромат духов и сигар.

Наконец мы спустились в третий класс. Я ожидал встретить ту же грязь, которую наблюдал в вагонах этого класса в русском поезде. Но сразу понял, что жестоко ошибся.

Здесь было очень чисто. Правда, ноги не тонули в коврах, но на полах лежал линолеум красивых ярких рисунков. Должно быть, билеты и здесь стоили недешево, так как бедноты совсем не было видно. Мелькали студенческие фуражки, ехали целые семьи, внешний вид которых говорил об известном достатке. Общая столовая была красива, с деревянными креслами-вертушками, залитая электрическим светом; были здесь и гостиная, и читальня, и курительная комната.

Наконец мы спустились еще ниже и очутились у самой воды. Носовая часть была отведена под четвертый класс: крышей служило помещение третьего класса, где каюты тянулись от носа до кормы.

В четвертом классе кают не было вовсе. Пассажиры – сплошь бедняки, большей частью семьи сезонных рабочих или бродячие музыканты, жалкие балаганские фокусники и петрушки. В отдельном углу расположился целый цыганский табор. Со всех сторон слышались самые разнохарактерные

наречия и возгласы. Тут были и торговцы, ехавшие со своим товаром и желавшие, очевидно, быть ближе к трюму; тут были и конюхи, сопровождавшие лошадей, – словом, глаза разбегались, – и я снова тарасил их, позабыв обо вс,,м на свете.

– Не отставайте от меня, – услышал я повелительный голос капитана и в ту же минуту почувствовал, что И. взял меня под руку, шепнув, чтобы я запоминал расположение парохода, а не увлекался картинностью этого зрелища.

Я вздохнул. Столько возможностей для наблюдений, – и надо идти мимо всего, памятуя только о буре, которая то ли будет, то ли нет: и я продолжал думать, что вряд ли она случится: солнце сияло, мы вс,, ещ,, шли по глади, и волну гнал только наш пароход-великан.

Мы внезапно остановились. В самом неудобном месте, в носу парохода, между бочками и ящиками, на ветру, сидела молодая, до крайности измученная женщина, держа на коленях реб,,нка лет двух, прелестного живого мальчугана, беленького, как его мать. Рядом лежала девочка лет пяти, похоже, больная. Положив головку, мертвенно бледную, на колени матери, она, очевидно, была в забытьи.

– Почему вы выбрали такое неудобное место? – спросил капитан, обращаясь к женщине, на красивом лице которой изобразился ужас и глаза наполнились слезами.

– О, не выбрасывайте нас, – взмолилась она по-французски. Не понимая, видимо, английской речи капитана, она испугалась звука его повелительного металлического голоса и глядела теперь с мольбой. Капитан оглянулся, говоря, что его французский оставляет желать лучшего.

И. выдвинул меня вперед,,д, я поклонился женщине и перев,,л ей вопрос капитана.

В ответ на это сл,,зы градом покатались из е,, глаз, и она объяснила, что это единственное место, где е,, наконец, перестали донимать жестокие спутники; что сердобольный матрос устроил их здесь и пригрозил двум туркам, которые не давали ей проходу.

– Девочка не больна, мы только голодны: не выбрасывайте нас, мы едем к моему отцу в Константинополь. Мой муж умер, его задавило на стройке, и французская компания не пожелала нам ничего заплатить. Но я не могла ждать суда, мы умерли бы с голода. Пришлось вс,, продать и коекак добраться до Севастополя. Я отдала последние деньги за билет; не знаю, как и доедем. Но билет мой в порядке, – быстро говорила бедняжка, в полном смятении протягивая капитану билет.

Должно быть, нужда свалилась на не,, внезапно. Костюм, вероятно ещ,,

совсем недавно купленный, был в пыли и пятнах; платье на детях тоже новое и тоже перепачканное в дороге. Высовывавшиеся из-под юбки ножки девочки были обуты в крохотные лакированные туфельки, совершенно не пригодные для дал,,кого путешествия.

Мольба и страх за детей, которых она прижимала к себе, слабость, отчаяние

– столько чувств отражалось в глазах этого существа, что у меня защекотало в горле и, не думая, что я делаю, я наклонился и поднял девочку на руки.

– Нельзя е,, здесь оставлять, – сказал я И. – Уступим ей свою каюту.

– В этом мало пользы, – ответил за него капитан. – Они все нуждаются в медицинской помощи. На пароходе есть платные палаты в лазарете первого класса. Если вы можете оплатить ей дорогу в такой каюте, – она получит возможность отдохнуть, набраться сил и сойти с парохода здоровой. Ведь она сейчас упад,,т в обморок.

Не успел он договорить, как доктор бросился к валившейся набок женщине. Капитан дважды свистнул в висевший у него на груди свисток, и перед нами вырос здоровенный матрос. – Разогнать толпу, – приказал ему капитан.

И точно по мановению волшебной палочки пассажиры расселись по своим местам, не дожидаясь вторичного окрика. – Теперь – носилки, – велел капитан. Пока ходили за носилками, И. поинтересовался, куда и кому внести деньги за отдельную палату для бедной женщины. Капитан написал записку, передал е,, доктору, приказав поместить мать с детьми в лучшую палату лазарета – каюту 1 А. Деньги следовало внести судовому кассиру, что вызвался немедленно исполнить младший из турок.

Женщина вс,, ещ,, не приходила в себя, и е,, уложили на носилки. Матрос протянул руки, чтобы взять девочку, но она крепко обхватила мою шею руками и громко заплакала. Я прижал девочку к себе и сказал И.. что сам отнесу реб,,нка и останусь с больной матерью, пока она не придет в себя. Но И. отрицательно покачал головой:

– Отнеси дитя, дай матери капель из этого пузырька и немедленно возвращайся. У нас много дел. Но бедняжку мы не забудем. Скажи ей, как нас найти, пообещай, что мы вскоре ее навестим. Капли дай ей так, чтобы никто не видел, – шепнул он мне, и я двинулся вслед за носилками.

Шли мы долго, думаю, не менее двадцати минут мы вс,, взбирались по лестницам и коридорам, обойдя стороной парадные комнаты.

И чего только тут не было, в этом плавучем доме! И прачечные, и сушильня, и провиантские склады, и бельевые, и швейная мастерская, и

специальное хранилище для пресной воды, и гимнастический зал и плавательный бассейн, и множество кухонь, и ледники, – я просто приш,,л в растерянность и один ни за что бы не наш,,л дороги обратно.

Каюта, куда мы, наконец, добрались, была вся белая, имела две койкидивана внизу и одну наверху. Вс,, в ней было роскошно и чисто. Пока сестра ходила за халатом для больной, а доктор прош,,л в аптеку, я быстро влил в рюмку капель, которые дал И., и подн,,с е,, к губам больной. Она открыла глаза, выпила лекарство и снова опустила голову на подушку.

Но я сразу заметил, что к щекам е,, прилила кровь; она шевельнулась, вздохнула, а когда вош,,л доктор, приподнялась и спросила тв,,рдым голосом:

– Где я?

Я подал ей девочку и сказал, что она находится в лазарете, где и пробудет до конца путешествия. Я просил е,, от имени капитана, ни о ч,,м не беспокоиться и пообещал, что зайду к ней вместе с братом. Объяснив, где нас найти в случае необходимости, я перевел ей предложение доктора пойти с детьми в ванную комнату и переодеться в то, что полагается носить в лазарете.

Простившись с ней, я было решил, что мне самому ни за что не выбраться отсюда: но у выхода из лазарета увидел того же матросаверзилу, который сопровождал носилки и ждал теперь меня, чтобы отвести обратно.

На этот раз мы добрались довольно быстро, потому что этот верзила так же летал по лестницам, как наш рыжий великан.

Я наш,,л капитана и его спутников за работой. Вся густая толпа была разделена на женское и мужское царства. Женщин и детей поместили в середине палубы, где имелись стены из сплошных бортов. Матросы принесли железные щиты и отделили ими носовую часть палубы, чтобы уберечь слабых от сквозного ветра.

Мужское население встретило это распоряжение капитана в штыки. Тогда он свистнул особым манером – и точно из-под земли выросли четыре вооруж,,нных матроса. Им капитан приказал нести здесь вахту, сменяясь каждые два часа.

Ещ,, с десятков матросов получили приказание крепко привязать весь груз и даже пассажиров, за чем остался наблюдать один из офицеров.

Мы спустились в трюм, который тоже состоял из нескольких этажей. Нижние были доверху забиты ящиками и тюками, а на верхних находились животные. Коров и лошадей капитан приказал стреножить. Я заметил, что в стойлах стены были обиты толстыми соломенными матрасами.

Отдав ещ,, какие-то специальные распоряжения, капитан опять

поднялся в четв.,ртый класс, и мы последовали за ним.

Здесь он обратился к мужчинам с речью, которую мы переводили на все языки, правда в основном помогали наши турки, знавшие восточные и балканские наречия. Капитан сказал, что всякого, кто будет замечен в пьянстве или игре в кости в эту ночь, немедленно посадят в карцер. Тем, у кого была с собой водка, он велел сдать е,, немедленно. Должно быть, никому не хотелось в карцер: и со всех сторон, без всякого сопротивления, протягивали бутылки и даже бутылки водки. Если кто-то медлил, то под красноречивыми взглядами соседей неохотно, но вс,, же отдавал припас,,нное в дорогу.

Нечего было опасаться, что кому-то удастся утаить флягу. Теперь уже проявляли свои сыскные таланты цыгане. Обиженные и разлученные со своими женщинами, отдавшие водку из страха перед наказанием, они вымещали на спутниках свою досаду; и невозможно было укрыть пьянящее зелье от их зорких, пылающих глаз.

Вскоре большая корзина была доверху наполнена и унесена. Капитан добавил, что всякий имеет право передать на хранение деньги судовому кассиру – независимо от суммы – и затем получить е,,, где и когда пожелает; и если желающие найдутся, – он пришлет кассира в помещение третьего класса. На этом наш обход окончился.

Когда мы вернулись к себе, И. дал мне ещ,, одну омерзительную пилюлю. На этот раз голова не кружилась: но тошнота, удары в висках и какое-то трепетание тела были, пожалуй, ещ,, сильнее. Я сидел на диване, и мне казалось, что сейчас что-то лопнет у меня в голове и спине. Весь я покрылся испариной и снова не мог двинуть ни одним пальцем. Я слышал какой-то разговор, но даже не смог понять, кто это и о ч,,м говорит.

Долго ли так лежал в забытии, я не знал; но внезапно ощутил какую-то л,,гкость, гибкость в теле, словно проспал несколько часов кряду. А оказалось, что прошло только двадцать минут. И. сказал, что сейчас подадут обед и надо с ним поторопиться, так как необходимо принять лекарство в третий раз. Я весело отвечал, что если сейчас могу горы двигать, то что же будет со мною в третий раз?

Но как бы то ни было, следовало поспешить. В кармане у меня лежало письмо Флорентийца, сжигавшее меня уже столько часов; и прежде всего я хотел прочитать его, о ч,,м и заявил И.

Он согласился и вышел на палубу, где нам сервировали обед. Солнце уже стояло низко, очевидно было часов семь.

Я вынул письмо – и позабыл обо вс,,м на свете, так тронули меня нежные, полные любви слова моего дивного друга.

Флорентиец писал, что мысленно следит за каждым моим шагом, и, разделенные условностью расстояния, мы все, так же крепко слиты в его дружеских мыслях и любви, верность которой я имел случай не раз проверить в эти дни. Дальше он говорил, что вынужден ограничиться коротким письмом, так как времени до отхода поезда осталось немного: но просит меня быть крайне внимательным во время путешествия по морю и не отходить от И., как я делал это и раньше, потому что врагам удалось пустить ищеек по нашему следу.

Желая мне полного спокойствия, он говорил, чтобы я не впадал в отчаяние от любых новых поворотов в собственной судьбе, а только видел перед собою одну цель: жизнь брата. И был бы верен ей так, как он, Флорентиец, верен своей дружбе со мною.

Я хотел еще, раз перечитать это дивное письмо, но И. увел меня обедать, обратив мое, внимание на позднее время. Мы быстро пообедали. И. ел мало, пристально наблюдая близящийся закат. Он же рекомендовал мне оставить письмо в каюте и уложил меня, сказав, что через полчаса даст третью порцию лекарства.

Я задремал, но проснулся от голоса И., машинально проглотил пилюлю и заснул мгновенно, даже не успев ощутить, как она подействовала.

Проснулся я, как мне показалось, от толчка; на самом же деле это хлопнула дверь нашей каюты. Я поднялся, с удивлением разглядывая И., который был в плаще и резиновых сапогах.

– Одевайся скорее, Левушка. Капитан прислал сказать, что буря начинается и разразится, верно, раньше утра. Но качка так велика, что добрая половина людей уже лежит вл.,жку. Надо срочно спускаться в четв.,ртый класс.

Я стал надевать сапоги и плащ, а И. достал две походные аптечки на крепких ремнях; одну, побольше, надел себе через плечо, другую подал мне.

– У тебя будут запасные лекарства. Возьми непременно пилюли Али и вот эти, что я вынул из твоего саквояжа; их тебе посылает Флорентиец.

И он подал мне зел.,ную коробочку из эмали с белым павлином на крышке.

– Взгляни, как устроены отделения аптечки, – с этими словами он отстегнул кнопку, поднял крышку тв.,рдого чехла, и я увидел три ряда пузырьков и несколько прозрачных резиновых капельниц с отметками: две капли, пять, десять. Я был поражен невиданной прозрачной резиной, но размышлять было некогда, любоваться зел.,ной коробочкой с павлином –

тоже. Я поспешил засунуть обе коробочки в аптечку.

Физически я чувствовал себя прекрасно, но казалось, что меня шатает. И. рекомендовал мне шире расставлять ноги, потому что это качка да, т о себе знать.

Мы вышли из ярко освещенной каюты, и я поразился перемене в погоде. Лил дождь, свистел ветер; тьма была вокруг непроглядная. Возле меня выросла высокая тень – это был наш матрос-верзила. Он точно прилип ко мне. Я почувствовал, что И. взял меня под руку, и мы двинулись к зиявшей светлой дыре – трапу вниз. Здесь мы встретили наших друзей, направлявшихся к нам. У них были такие же аптечки. Не обменявшись ни словом, мы стали спускаться.

ГЛАВА XII БУРЯ НА МОРЕ Не успел я преодолеть и пяти ступенек, как что-то сильно толкнуло меня в спину, и я неминуемо полетел бы вниз головой, если бы мой верзила не принял меня на руки, как дети ловят мяч, и в один миг не очутился со мною на площадке, поставив меня на ноги.

Я не мог сообразить, что случилось, но увидел, что И. держит младшего турка за плечи, а отец освобождает его ногу из щели между перилами. Каким-то образом он зацепился за них и, падая, толкнул меня головой в спину, – отчего я и полетел вниз.

Вс., это было, несмотря ни на что, комично, а молодой турок имел такой несчастный и сконфуженный вид, что я, забыв про «такт», так и залился смехом. Верзила не смел, очевидно, хохотать, но фыркал и давился, что меня смешило ещ., больше.

– Алло, – раздалось за моей спиной. – Это кто же сыскался такой смельчак, чтобы встретить дикую качку вес.,лым смехом?

Я узнал голос капитана и увидел его площадкой ниже в мокром плаще и капюшоне.

– Так это вы, юноша, такой герой? Можно не беспокоиться, вы будете хорошим моряком, – прибавил капитан, подмигивая мне.

– Герой не я, а вот этот молодец, – сказал я капитану, указывая на нашего матроса. – Если бы не он, – пришлось бы вам меня отправить в лазарет.

– Ну, тогда бы постарался поместить вас в каюту рядом с прекрасной незнакомкой. Вы имеете большой успех у е., маленькой дочери, чего доброго и мать последует е., примеру.

Он улыбался, но улыбались только его губы, глаза были пристальны, суровы. И я вдруг как-то всем существом своим ощутил, что опасность данного момента очень велика.

Нас внезапно так качнуло, что молодой турок снова чуть не упал. Капитан взглянул на его отца и сказал, что он должен взять сына под руку, когда мы доберемся до нижней палубы: а сведет его с лестницы провожатый. Но его свистку взбежал снизу матрос и стал придерживать молодого человека.

Спускаться было трудно, но, к своему удивлению и к большому удовольствию моей няньки, двигался я все, лучше.

Мы остановились у подножья лестницы, чтобы разделить между собой поле деятельности. Здесь был сущий ад. Ветер выл и свистел: волны дыбились уже огромные. Люди стонали; женщины и дети плакали: лошади в трюме ржали и бились: коровы мычали: блеяли овцы, – ничего нельзя было слышать, все, сливалось в какой-то непрерывный вой, гул и грохот.

И. потянул меня за рукав, и мы пошли в женское отделение. Увидев пас, женщины кинулись к нам: но тотчас же многих отбросило назад – это пароход взмыл вверх и снова ухнул вниз, как в пропасть. И. подходил по очереди к наиболее нуждавшимся в помощи: я набирал нужные капли, матрос приподнимал головы страдалец и я вливал им лекарство.

Зловоние здесь стояло такое, что если бы не ветер, я вряд ли смог его вынести.

Постепенно мы обошли всех, и люди стали затихать и даже засыпали. Два матроса, с горячей водой, со щипками и тряпками, навели в помещении чистоту.

Мы же отправились на помощь к туркам, которые не успели управиться и наполовину, поскольку мужчин здесь было гораздо больше. Несколько человек чувствовали себя хорошо и вызвались нам помогать. Вскоре замерли стоны и проклятия, люди и здесь стали засыпать.

И. дал двум конюхам пучки какой-то сухой травы и велел привязать их в трюме, объяснив, что она производит на животных такое же успокаивающее действие, как лекарство на людей.

Турки остались на палубе, а мы спустились в трюм, где И. показал, в каких местах следует привязать траву.

Возвратившись, И. предложил здоровым тоже принять лекарство, говоря, что несколько часов сна подкрепят их силы и они смогут помогать остальным, когда начнется буря.

– Буря? Да разве это еще, не буря?! – послышались возгласы.

– Нет, это еще, не буря, а только легкая качка, – раздался рядом голос капитана. – Поэтому примите лекарство и поспите немного, если вы действительно отважны. Каждая сильная рука и храброе сердце пригодятся.

Неожиданное появление капитана и его сильный, звенящий голос подействовали на храбрецов. Они молча открывали рты, и мы влили всем паши чудо-капли.

Капитан спросил И., сколько длится успокоительное действие его капель, и И. ответил, что не менее шести часов люди будут спокойны. Капитан вынул часы, нажал пружину, и часы звонко отсчитали двенадцать.

– Буря начнется часа через два, быть может – три. Я решил перевести часть пассажиров из третьего класса в гостиные второго, а весь четв.,ртый класс поместить в третий, – сказал нам капитан. – Вы, пожалуйста, не уходите, пока здесь никого не останется. Быть может, кому-то придется помочь ещ., раз.

И он так же быстро исчез, как неожиданно появился. Он был вездесущ: забежал на капитанский мостик, где п.,с вахту старший помощник, отдавал распоряжения и успевал заглянуть в каждый уголок, он всех ободрял и успокаивал, для всех у него находилось доброе слово.

Вскоре пришли матросы и офицер, разбудили женщин и предложили перебраться в каюты третьего класса вместе с детьми. Не обошлось без криков и истерических воплей: но вс., же вскоре вс., устроилось.

Вместе с командой мы отправились будить мужчин. Здесь дело пошло лучше: мужчины мгновенно осознали опасность и быстро перебрались туда, куда им было указано.

Но вот снова заплакали дети; пришлось повторно давать лекарство, прич.,м вначале И. пристально вглядывался в детские лица, прислушивался к дыханию, – и давал новую порцию только в случае острой необходимости. Подле некоторых стариков-рабочих И. задерживался подолгу и совал им, уже дремавшим, какие-то конфеты в рот.

Мы собирались остаться на дежурство в гостиных второго класса, но посланец от капитана просил нас поспешить к умирающей девушке.

Мы оставили турок внизу и поднялись в первый класс. Со всех сторон неслись вопли, бегали горничные и лакеи, и, пожалуй, картина человеческих страданий была здесь много отвратительнее, так как требовательность, злость и эгоизм выливались в ругательства и дурное обращение с судовой прислугой, уже сбившейся с ног.

Нас привели в каюту, где мать с растрепанными длинными волосами стояла на коленях у изголовья дочери, находившейся в глубоком обмороке. Она уже ничего не соображала, рыдая и выкрикивая какие-то итальянские слова, она рвала на себе волосы и ломала руки. И. с помощью матроса уложил е., на диван и велел мне дать ей пять капель, указав нужный пузыр.,к. А сам наклонился над девушкой, которую судовой врач не мог

привести в чувство уже более часа.

Как только я дал матери лекарство, она мгновенно заснула, и я подош,,л к И.

– Случай тяж,,лый, Левушка, – сказал И. Он достал из своей аптечки какое-то остро пахнущее снадобье и пустил девушке по одной капле в каждую ноздрю. Через минуту она сильно чихнула. И. ловко открыл ей рот, а я влил ей другие капли с помощью матроса, которому пришлось упереться коленом в диван и поддерживать меня, иначе бы я полетел на спину от нового толчка, а девушка упала на диван.

– Теперь здесь вс,, будет благополучно, поспешим в лазарет, – шепнул мне И.

Мы поручили вошедшему доктору его пациентов; он был очень удивл,,н тем, что девушка спит и ровно, мирно дышит. Но И. так спешил, что даже недослушал его.

Кратчайшим пут,,м, по какой-то винтовой лестнице, мы быстро добрались до лазарета, где тоже стенали и плакали. Но мы, минуя всех, почти вбежали в палату А. Бедная мать не знала, что ей делать с двумя рыдавшими детьми и готова была сама заплакать в творившемся вокруг аду. Каждый винт скрипел и визжал на свой лад; весь пароход дрожал и трясся, как будто бы был сделан из топкого листового железа; а протяжные стоны кидаемых из стороны в сторону людей, сливаясь с воем ветра, казались завыванием нечистой силы.

Почти мгновенно мы дали всем лекарство. Женщина так умоляюще взглянула на И., что он пожал ей руку и сказал:

– Мужайтесь. Мать должна быть примером своим детям. Ложитесь подле них и постарайтесь уснуть.

И снова каким-то кратчайшим пут,,м мы помчались на мостик к капитану. Приходится признаться, что И. держал меня под руку, а матрос буквально подталкивал сзади, и только таким способом я мог карабкаться по лестницам и переходам. Иначе я раз десять полетел бы вниз головой и, наверное, убился насмерть. Выйдя на палубу, мы попали в кромешный ад. Сверкали молнии, удары грома, подобно неумолчной канонаде, сливались с воем и свистом ветра. Молнии сразу ослепили нас, и мы вынуждены были остановиться, так как в ледяной атмосфере бури было трудно даже дышать.

Мы добрались до капитанского мостика с огромным трудом. Я не успел даже опомниться, как меня обдало с ног до головы холодной водой. Я отряхивался, как п,,с, протирая глаза руками, и открыл их с большим усилием, но вс,, же во тьме, озаряемой вспышками, по-прежнему ничего не видел.

Я чувствовал, что меня тащат сильные руки, и пощел, если только можно назвать этим словом то, что проделывали мои ноги и тело. Я подымал ногу и тут же валился на свою няньку-матроса. То я падал назад и слышал крик И.: «Пригнись». Не успевал нагнуться, как снова валился набок. Эти несколько десятков шагов показались мне долгими, как дорога к несбыточному счастью.

Но вот я услышал, как матрос-верзила что-то крикнул, рванул меня вперед, и в одно мгновение мы очутились возле капитана и его помощников. А в следующий момент нас прижало к стенкам капитанской рубки и чудовищная волна прошла стороной.

Что произошло в следующий момент, не поддастся никакому описанию. Огромная водяная стена обрушилась на пароход, так ударив по рубке, что она задрожала, а И. с матросом бросились к рулевому колесу, которое капитан и помощники уже не могли удерживать втром.

– Левушка, – кричал И. – скорее, из зеленой коробочки Флорентийца, пилюли всем, капитану первому.

Я был прижат к рубке таким сильным ветром, что стоял очень устойчиво. Это помогло мне без труда достать коробочку, но я понимал, что если снова ударит волна, мне не удержаться на ногах. Я собрал все свои силы, в воображении моем мелькнула фигура Флорентийца, о котором я неотступно думал все это время. Сердце мое, вдруг забилося от радости, и так близок был ко мне в эту минуту мой друг, точно я увидел его рядом. Положительно, если бы я спал, то был бы уверен, что вижу его во сне, – так отчетливо нарисовалась мне белая фигура моего дорогого покровителя.

Я почувствовал такой прилив сил, словно мой обаятельный друг и в самом деле был подле. Я вынул пилюли, мне стало весело, и я, смеясь, наклонился к капитану. Тот даже рот раскрыл от удивления, увидев меня смеющимся в миг ужасной опасности, чем я немедленно воспользовался, сунув ему пилюлю в рот.

Точно дивная рука Флорентийца помогла мне, – я забыл о толчках, дрожании судна, ударах волн; забыл о смерти, таящейся в любом последующем натиске стихии, – я всем раздал пилюли и последним проглотил сам. Глаза привыкли, вокруг точно посветлело. Но различить, где кончается вода и начинается небо,

– не было возможности.

Теперь все мужчины держали руки на рулевом колесе. Мне все, еще, казалось, что я вижу высокую белую фигуру Флорентийца, стоящую теперь рядом с И. Он как бы держал свои руки на его руках. Да и командовал капитан, казалось, под диктовку И. Мы плыли, а вернее ухали вниз и

взлетали на горы довольно долго. Все молчали.

– Ещ,, один такой крен, и пароход ляжет, чтобы уже не встать, – прокричал капитан.

Не знаю, должно быть пилуля так раззадорила меня, что я прокричал капитану в самое ухо:

– Не ляжет, ни за что не ляжет, выйдем невредимыми. Он только пов,,л плечами, и это был жест снисхождения мне, мальчишке, не понимающему смерти. Между тем становилось светлее. Теперь я уже мог рассмотреть тот живой водяной ад, в котором мы плыли, если можно обозначить этим словом ужас уханья в пропасть и мгновенного взмыванья в гору.

Море представляло собой белую кипящую массу. Временами вздымались высоченные зел,,ные стены воды, с белыми гребнями, точно грозя залить нас сразу со всех сторон и похоронить в пропасти. Но резкая команда капитана и искусные руки людей резали водяные стены, и мы ухали вниз, чтобы в который уже раз благополучно выскочить на поверхность.

Но вот я заметил, что капитан вобрал голову в плечи, крикнул что-то И. и нал,,г всем телом на руль. Мне снова почудилась высокая белая фигура Флорентийца, коснувшаяся рук И., который двинул штурвал так, как хотел капитан и чего не мог добиться от своих помощников. И пароход послушно повернулся носом вправо. Сердце у меня упало. На нас шла высочайшая гора воды, на вершине которой кружился водяной столб, казалось, подпиравший небо.

Если бы вся эта масса ударила нам в борт, судно неминуемо опрокинулось бы. Благодаря ловкому ман,,ру пароход прорезал брюхо водяной горы, и вся тяжесть обрушилась на его кормовую часть. Раздался грохот, точно выпалили из пушек; судно вздрогнуло, нос задрался вверх, точно на качелях, но через минуту мы снова шли в пене клокотавшего моря, и волны были ужасны, заливали палубу, но не грозили разбить нас в куски.

Опомнившись, я стал искать глазами Флорентийца, но понял, что то был лишь мираж. Я настолько был полон мыслями о дивном сво,,м друге, так верил в его помощь, что он мерещился мне даже здесь.

– Мы спасены, – сказал капитан. – Мы вышли из полосы урагана. Качка продлится ещ,, долго, но смертельная опасность отступила.

Он предложил нам с И. пойти в каюту. Но И. ответил, что мы устали меньше, чем он, и останемся до тех пор, пока опасность существует. А сейчас пусть отпустит старшего помощника и вызовет ему замену.

Не знаю, много ли прошло времени. Становилось вс,, светлее; буря

была почти так же сильна, но мне казалось, что лицо капитана прояснилось. Он был измучен, глаза ввалились, лицо было бледно до синевы, но суровости в нем уже не было.

И. посмотрел на меня и велел дать всем по пилюле из черной коробочки Али. Я думал, что качка уже не так сильна, отделился от угла, где стоял все, это время, и непременно упал бы, если бы И. меня не поддержал.

Я очень удивился. Несколько часов назад я так легко проделал все, это в самый разгар урагана; а теперь без помощи не смог бы обойтись, хотя стало гораздо тише. С большим трудом я подал всем по пилюле, с наименьшими трудностями проглотил ее, сам и едва вернулся на прежнее место.

Теперь я увидел, что в углу был откидной стул. Я опустил сиденье и сел в полном недоумении. Почему же в разгар бури, когда мне мерещился Флорентиец, я двигался легко, а теперь не могу сделать и шага, да и сижу с трудом, держась крепко за поручни.

Неужели одна только мысль о дорогом друге, которого всю ночь я звал на помощь, помогла мне сосредоточить волю? Я вспомнил, какое чувство радости наполнило меня; каким я сознавал себя сильным; как смеялся, давая капитану пилюлю, – а вот теперь расслабился и стал обычным «Ловушкой-лови ворон».

Картина моря так менялась, что оторваться от нее, было жаль. Становилось совсем светло; ветер разорвал черные тучи, и кое-где уже проглядывали клочки голубого неба. Качка заметно слабела; иногда ветер почти стихал и слышался только шум моря, которое стало совершенно черным, с яркими белыми хребтами на высоких волнах. Качка все, еще, была сильная, идти мне было трудно; и я удивился, как легко все, это делал И. За что бы он ни взялся, думалось мне, – все, он делает отлично.

Я представил его – ни с того, ни с сего – за портняжным столом, и так это было смешно и глупо, что я залился смехом. И. поглядел на меня не без удивления и сказал, что уже второй раз мой героизм проявляется смехом.

– Отнюдь не героизм заставил меня смеяться, – ответил я, – а только моя глупость. Я вдруг представил вас портным и решил, что и в этой роли вы были бы совершенны. Но игла и нитка в ваших руках так комичны, что я просто не могу не хохотать, – ответил я со смехом.

Мы подошли к корме, и мой смех сразу оборвался и замер на губах.

Море точно разрезали ножом на две неравные части. Сравнительно небольшое пространство, по которому мы двигались, было черным, в белой пене, но не страшным. Но за этой черной полосой начинались высочайшие

водяные горы; стены зел,,ной воды с белым верхом налетали друг на друга, точно великаны в схватке; постояв мгновение в смертном объятии, они валились в пропасть, откуда на смену им вздымались новые водяные горы-чудища.

– Неужели мы выбрались из этого ада? – спросил я. – Неужели смогли выйти живыми?

Мне страстно хотелось спросить, думал ли И. о Флорентийце в самую страшную минуту нынешней ночи; но мне было стыдно признаться в своей детскости, в игре фантазии, принявшей мысленный образ друга, несколько раз спасавшего мне жизнь за это короткое время, за истинное виденье. Я взывал и сейчас всем сердцем к нему и думал о н,,м больше, чем о брате и даже о самом себе.

И. стоял молча. На его лице было такое безмятежное спокойствие, такая глубокая чистота и радость светились в н,,м, что я невольно спросил, о ч,,м он думает.

– Я благословляю жизнь, мой мальчик, даровавшую нам сегодня возможность дышать, любить, творить и служить людям со всем напряжением сил, всей высотой чести. Благослови и ты свой новый день. Осознай глубоко, что ночью мы могли погибнуть, если бы нас не спасли милосердие жизни и самоотверженность людей. Вдумайся в то, что этот день – новая твоя жизнь. Ведь сегодня ты мог уже и не стоять здесь. Привыкни встречать каждый расцветающий день, как день новой жизни, где только ты, ты один делаешь запись на чистом листе. В течение этой ночи ты ни разу не испытал страха; ты думал о людях, жизнь и здоровье которых были в опасности. Ты забыл о себе.

– О, как вы ошибаетесь, Лоллион, – воскликнул я, назвав его в первый раз этим ласкательным именем. – Я действительно не думал ни о себе, ни об опасности. Но размеры опасности я понял только сейчас, когда смотрю на этот ужас позади нас, на эту полосу урагана, от которого мы ушли. О людях я не думал, я думал о Флорентийце, о том, как бы он отн,,сся к моим поступкам, если бы был рядом. Я старался поступать так, точно он держал меня за руку. И так полон был я этими мыслями, что он даже пригрезился мне в ту минуту, когда на нас обрушивался страшный вал. Я точно увидел его, ощутил, и потому так радостно смеялся, чем удивил капитана и, вероятно, вас. Поэтому не думайте обо мне лучше, чем я есть на самом деле.

– Твой смех меня не удивил, как и твои радость и бодрость ночью. Я понял, кого ты видишь перед собой, знаю теперь, как велики твои привязанность к нему и верность. Думаю, что если верность твоя не

поколеблется, – ты в жизни пройдешь далеко. И когда-нибудь станешь сам такой же помощью и опорой людям, как он тебе, – ответил мне И.

Здесь, на корме, было видно, как продолжала бушевать буря. Шум моря все, еще, походил на редкие пушечные выстрелы, и говорить приходилось очень громко, пригибаясь к самому уху собеседника.

От страшной полосы урагана мы уходили все, дальше; и теперь – издали – это зрелище было еще, более жутким.

Если бы художник изобразил такую необычайную картину моря, – точно искусственно разделенного на черные, грозные, но не слишком опасные волны и зеленые водяные горы, несущие смерть, – каждый непременно подумал бы, что художник излил на полотно бред своей больной души.

Трудно было оторваться от этого устрашающего зрелища. Грозы уже не было, но небо по-прежнему было еще, черным, – и странно поражали лоскутья синего бархата, мелькавшие кое-где на фоне туч.

Позади раздался голос капитана, шагов которого мы не слышали.

– Двадцать лет плаваю, – говорил он, – обошел все океаны, видел немало бурь, бурь тропических. Но ничего подобного сегодняшней ночи не переживал, никогда такого количества смерчей видеть не приходилось. Смотрите, смотрите,

– вдруг громко закричал он, повернувшись налево и указывая на что-то рукой.

На гигантской водяной горе стояло два белых, кипящих столба, вершины которых уходили в небо.

Капитан бросился к рубке, я хотел было бежать за ним, но И. удержал меня, сказав, что этот смерч пройдет мимо и гибелью нам не грозит. Присутствие капитана на мостике необходимо; но в нашей помощи нужды уже нет.

Смерч действительно несся мимо; но вдруг я увидел, как из водяной стены справа стала вырастать, вращаясь колесом, струя воды и через минуту вырос и на ней огромный водяной столб. Он пошел навстречу двум двигавшимся слева, и вдруг все три столба столкнулись, раздался грохот, подобный сильнейшему удару грома, – и на месте их слияния образовалась пропасть.

Линия, разделявшая море на две части, разметалась; волны-стены точно ринулись в погоню за нами. Это было так страшно, что я с удивлением смотрел на И., не понимая, почему он не бежит к капитану. Но он молча взял меня за руку и повернул лицом вперед. И я с удивлением обнаружил очистившееся небо, очертания берегов вдалеке.

– Капитан прав. Сейчас подходить к берегу нельзя. Быть может, мы даже минуем порт, если на пароходе достаточно угля, воды и запасов, и пойдём дальше. Но от гибели мы ушли, – сказал И. – Такие ураганы вряд ли повторяются дважды. Но море, по всей вероятности, ещё, не менее недели будет бурным.

Я начинал ощущать, что качка становится всё, сильнее; море вновь закипало и шумело грознее, и ветер налетал свистящими шквалами. Но до высоты гор волны больше не вздымались.

Мы прошли к капитану, осматривавшему окрестности в подзорную трубу. Он изменял направление парохода и приказал немедленно позвать старшего офицера с полным отчётом о состоянии запасов.

Когда явился старший помощник и доложил, что пароход может плыть ещё, двое суток ни в чём не нуждаясь, капитан приказал держать курс в открытое море.

Оставалось только в сотый раз изумляться прозорливости И.

Как бы ни было волшебное действие подкрепляющих средств Али и Флорентийца, вес же не только мои силы подходили к концу. Все, кто провёл ночь на палубе, стали похожи на привидения при свете серого дня. Один И. был бледен, но бодр. Капитан же буквально валился с ног.

Передав команду двум помощникам и штурману, он велел хорошенько накормить матросов и дать им выспаться. Нас пригласил в свою каюту, где мы обнаружили прекрасно сервированный стол.

Как только я сел в кресло, то почувствовал, что встать у меня нет больше сил. И я совершенно ничего не помню, что было дальше.

Очнулся я у себя в каюте свежим и бодрым, забыв полностью обо всем и не соображая, где я. Так лежал я около получаса, пока не начал припоминать, что же было, и воспринимать окружающее.

Память вернулась ко мне вместе с пережитым ночью. Теперь же сняло солнце. Я встал, оделся в белый костюм, приготовленный, очевидно, заботливой рукой И., и собрался отыскать его и поблагодарить за внимание и заботу. Я никак не мог связать всех событий в одну нить и понять, каким же образом оказался в каюте.

Мне было стыдно, что я так долго спал, в то время как И., вероятно, уже кому-нибудь помогает.

В эту минуту открылась дверь, и мой друг, сияя безукоризненным костюмом и свежестью, вошел в каюту. Я так обрадовался, словно не видел его целый век, и бросился ему на шею.

– Слава Богу, наконец-то ты встал, Левушка, – сказал он, улыбаясь. – Я уже решил было применить пожарную кишку, зная твою любовь к воде.

Оказалось, я спал более суток. Я никак не мог поверить в это, и вс,, переспрашивал, который же был час, когда я заснул. И. рассказал, как ему пришлось перенести меня на руках в каюту и уложить спать голодным.

Есть я сейчас хотел ужасно; но ждать мне не пришлось, так как в дверях появился сияющий верзила и сказал, что завтрак подан.

Он, улыбаясь во весь рот, подал мне записку, тихонько шепнув, что это из каюты 1 А, записку передала красивая дама и очень просила зайти к ней.

Я смутился. Это была первая записка от женщины, которую мне так таинственно передавали. Я прекрасно знал, что в записке этой не может быть ничего такого, чего бы я не мог прочесть даже первому встречному. И я злился на свою неопытность, неуменье владеть собой и вести себя так, как подобает воспитанному человеку, а не краснеть, как мальчишка.

Снова маленькое словечко «такт», которое буря выбила из моей головы, мелькнуло в мо,,м сознании. Я вздохнул и приветствовал его как дал,,кую и недостижимую мечту.

Ухмылка матроса, поч,,сывавшего свой подбородок и лукаво поглядывавшего на меня, была довольно комична. Казалось, он одно только и думал: «Ишь, отхватил лакомый кусочек, и когда успел?»

Всегда чувствительный к юмору, я залился смехом, услышал, что прыснул и матрос: смеялся с нами И., прочитывая на мо,,м лице все промелькнувшие в моей голове мысли, что он так великолепно умел делать. Моя физиономия в сочетании с комичной фигурой матроса рассмешила бы и самого сурового человека. У И. был вид лукавого заговорщика, и поблескивал он глазами не хуже желтоглазого капитана.

Я положил записку в карман и заявил, что умру с голоду, если меня не накормят тотчас же. И крайне был поража,,н, узнав, что уже два часа пополудни.

Мы сели за стол. Я ел вс,, что мне подставляли, а И.. смеясь, уверял, что впервые в жизни кормит тигра.

К нам подош,,л капитан. Радостно поздоровавшись, он заявил, что никогда ещ,, не видел человека, который хохотал бы во всю мочь в момент, когда со всех сторон подступает смерть.

– Я создам новую морскую легенду, – сказал он. – Есть легенда о Летучем голландце; легенда страшная о вестнике гибели для моряков. Есть легенда благая: о Белых братьях, несущих спасение гибнущим судам. Но легенды о вес,,лом русском, смеющемся во весь рот в минуты грозной опасности и энергично раздающем пилюли, ещ,, никто не придумал. Я расскажу в рапорте о помощи, которую вы с братом оказали нам в эту ночь. О вас, мой молодой герой, я поведаю особо, потому что такое дерзновенное

бесстрашие – незаурядное явление.

Я сидел весь красный и вконец расстроенный. Я хотел сказать капитану, как сильно он ошибается, ведь я просто шл на помочах у И., которому был скорее обузой, чем помощью. Но И., незаметно сжав мне руку, ответил капитану, что мы очень благодарны за столь высокую оценку наших ночных подвигов. И напомнил, что турки не менее нашего трудились в прошлую ночь.

– О да, – ответил капитан. – О них, конечно же, я не забуду. Они тоже проявили самоотверженность. Но находиться внутри парохода или провести ночь на палубе, где тебя ежеминутно может смыть волна, – огромная разница. Вы далеко пойдете, юноша, – снова обратился он ко мне. – Я могу составить вам протекцию в Англии, если вы вдруг решите переменить карьеру и сделаться моряком. С таким даром храбрости вы станете очень скоро капитаном. Ведь вам теперь всюду будет сопутствовать слава неустрашимого. А это – залог большой морской карьеры.

Поблескивая своими жлтыми кошачьими глазами, он протянул мне бокал шампанского. Я не мог не принять бокал, рискуя показаться неучтивым. Затем капитан подал бокал И. и провозгласил тост за здоровье храбрых. Мы чокнулись; он осушил бокал с шампанским единым духом, хотел было налить еще, но его отозвали по какому-то экстренному делу.

Взглянув на И., я увидел, что у него тоже нет желания пить шампанское в такую жару. Не сговариваясь, мы протянули наши бокалы матросуверзиле, принсшему мороженое. Я не успел даже как следует взять свое, блюдечко, как оба бокала были пусты. И. велел ему отнести серебряное ведрчко с шампанским в каюту капитана, а мне сказал:

– Надо пойти к нашим друзьям, если они сами сейчас не поднимутся. Оба несколько раз заходили сюда справляться о тво,м здоровье. Да и по отношению к даме постарайся быть вежливым. Прочти же записку, – прибавил он, улыбаясь.

Я только успел опустить руку в карман, как послышались голоса, – и к нашему столу подошли турки.

Оба они радовались, что буря не повредила моему здоровью. Старший приподнял феску на голове сына, и я увидел, что большой кусок его головы выбрит и наложена повязка, заклеенная белой марлей: он ударился головой о балку, когда волна подбросила пароход. Повязку, как оказалось, накладывал И.; и мазь была такой целебной, что сегодня при перевязке рану можно было уже заклеить.

Турки пробыли с нами недолго и пошли завтракать вниз, в общую столовую.

Наконец, я достал письмо и разорвал конверт.

ГЛАВА XIII НЕЗНАКОМКА ИЗ КАЮТЫ 1 А Письмо было адресовано «Господину младшему доктору». Оно носило такое же обращение и было написано по-французски.

«Мне очень совестно беспокоить вас, господин младший доктор. Но девочка моя меня крайне волнует; да и маленький что-то уж очень много плачет. Я вполне понимаю, что моё обращение к Вам не совсем деликатно. Но, Боже мой, Боже, – у меня нет во всём мире ни единого сердца, к которому бы я могла обратиться в эту минуту. Я еду к дяде, от которого уже полгода не имею известий. Я даже не уверена, жив ли он? Что ждёт меня в чужом городе? Без знания языка, без умения что-либо делать, кроме дамских шляп. Я гоню от себя печальные мысли; хочу быть храброй; хочу мужаться ради детей, как мне велел господин старший доктор. О Вашей храбрости говорит сейчас весь пароход. Заступитесь за меня. В каюте, рядом со мной, поместилась важная, старая русская княгиня. Она возмущается, что кто-то смел поместить в лучшую каюту меня, – «нищенку из 4-го класса», и требует, чтобы врач нас выкинул. Я не смею беспокоить господина старшего доктора или капитана. Но умоляю Вас, защитите нас. Упросите важную княгиню позволить нам ехать и дальше в нашей каюте. Мы ведь никуда не выходим; у нас всё, даже ванная, отдельное, и мы ничем не тревожим покой важной княгини. С великой надеждой, что Ваше юное сердце будет тронут моёй мольбой, остаюсь навсегда благодарная Вам Жанна Моранье».

Я старался читать спокойно это наивное и трогательное письмо; но раза два мой голос дрогнул, а лицо бедняжки Жанны с бегущими по щекам слезами так и стояло передо мной.

Я посмотрел на И. и увидел знакомую суровую складку на лбу, которую замечал не раз, когда И. на что-либо решался.

– Этот дуралей, наш верзила, вероятно, протаскал письмо целый день, скрывая его от меня и сочтя любовным, – задумчиво сказал он. – Пойдём сейчас же; разыщем капитана, и ты переведёшь ему это письмо. Захвати аптечки; обойдём заодно и весь пароход.

Мы повесили через плечо аптечки и отправились искать капитана. Мы нашли его в судовой канцелярии и рассказали, в чём дело. Я видел, как у него сверкнули глаза и передёрнулись губы. Но он сказал только:

– Ещё десять минут, – и я иду с вами.

Он указал на кожаный диванчик рядом с собой и продолжал слушать доклады подчинённых о том, что сделано «согласно его распоряжениям» –

для починки судна и помощи пассажирам.

Ровно через десять минут – точно, ясно, не роняя ни одного лишнего слова,

– он отпустил всех и вышел с нами в лазаретное отделение первого класса.

Мы поднялись по уже знакомой мне узкой винтовой лестнице и вышли прямо к дверям каюты 1 А.

В коридоре столпился народ; слышались спокойный и твердый голос врача, кому-то возражавшего, и визгливый женский голос, говоривший на отвратительном английском языке:

– Ну, если вы не желаете ее, отсюда убрать, то я это сделаю сама. Я не желаю, чтобы рядом со мной ехала какая-то нищая тварь. Вы обязаны делать все, чтобы не волновать пассажиров, заплативших за проезд такие огромные деньги.

– Я повторяю, что таково распоряжение капитана, а на пароходе он царь и бог, а не я. Кроме того, это не тварь, – и я очень удивлен вашей малокультурной манере выражаться, – а премилая и прехорошенькая женщина. И за проезд в этой каюте она уже все, сполна уплатила; вы же, – под предлогом продолжающегося расстройства нервов, – не заплатили еще, ничего, – снова раздался спокойный голос врача.

– Да как вы смеете со мной так разговаривать? Вы грубый человек. Я не стану ждать, пока вы соблаговолите убрать отсюда столь приглянувшуюся вам девку. Вы хотите удобно устроиться и иметь развлечение за казенный счет. Я сама выгоню ее, – визгливо кричала княгиня. Доктор вспыхнул:

– Это Бог знает что! Вы говорите не как аристократка, а...! Тут капитан выступил вперед и стал спиной к двери каюты 1 А, к которой подошла старая грузная женщина, раскрашенная, как кукла, в золотистом завитом парике, в нарядном сером шелковом платье, увешанная золотыми цепочками с лорнетом, медальоном и часами. Толстые пальцы ее, жирных рук были унизаны драгоценными кольцами.

Эта молодящаяся старуха была тем отвратительнее, что самостоятельно держаться на своих ногах не могла. С одной стороны ей помогал молодой еще человек в элегантном костюме, с очень печальной физиономией; с другой, кроме палки, на которую та опиралась, старуху поддерживала горничная в синем платье и элегантном белом переднике, с белой наколкой на голове.

Не зная капитана в лицо и увидев морского офицера с двумя молодыми людьми у дверей той каюты, куда она так хотела пройти, она

ещ,, пронзительнее взвизгнула и, грозно стуча палкой об пол, закричала:

– Я буду жаловаться капитану. Это что за дежурство перед дверью развратной твари? У меня молодой муж; здесь слишком много молодых девушек. Это разврат! Сейчас же уходите. Я сама распоряжусь убрать эту...

Она не договорила, е,, перебил капитан. Он вежливо подн,,с руку к фуражке и сказал:

– Будьте любезны предъявить ваш билет на право проезда в каюте 2 лазарета, которую, как я вижу, вы занимаете. Я капитан.

Он свистнул особым способом, и вбежали два дюжих матроса.

– Очистить коридор от посторонних, – приказал капитан. Приказание, отданное металлическим голосом, было незамедлительно выполнено. Толпа любопытных мгновенно исчезла, остались только старуха со своими спутниками, врач, сестра милосердия и мы. Старуха нагло смотрела на капитана маленькими злыми глазками, очевидно считая себя столь важной персоной, перед которой все должны падать ниц.

– Вы, должно быть, не знаете, кто я, – вс,, также визгливо и заносчиво сказала она.

– Я знаю, что вы путешествуете на вверенном мне пароходе и занимаете каюту первого класса номер 25. Когда вы сажались на пароход, вы читали правила, которые гласят, что во время пути все пассажиры, наравне с командой, подчиняются капитану. Также были расклеены объявления о том, что на пароходе имеется лазарет за особую плату. Вы едете здесь. Предъявите ваш добавочный билет, – ответил ей капитан.

Старуха гордо вскинула голову, заявив, что не о билете должна идти речь, а об особе в соседней с нею каюте.

– В лучшей каюте, со всеми отдельными удобствами, доктор разместил свою приятельницу, откопав е,, в трюме. Я, светлейшая княгиня, требую немедленного удаления е,, в первоначальное помещение, как раз ей соответствующее, – повышенным тоном говорила старуха на сво,,м отвратительном английском.

– Понимаете ли вы, о ч,,м я вас спрашиваю, сударыня? Я у вас спрашиваю билет на право проезда здесь, в этой каюте. Если вы его не предъявите сейчас же, будете незамедлительно водворены в свою каюту и, кроме того, заплатите тройной штраф за безбилетный проезд в лазарете.

Голос капитана, а особенно угроза штрафа, очевидно, затронули самую чувствительную струну жадной старухи. Она вся побагровела, затрясла головой, что-то хотела сказать, но задохнулась от злости и только хрипло кашляла.

– Кроме того, нарушение правил и распоряжений капитана,

оспаривание его приказаний расцениваются как бунт на корабле. Ещ,, одно запальчивое слово, ещ,, один стук палкой, нарушающий покой больных, вы себе позволите, – и я велю этим молодцам посадить вас в карцер.

Теперь и сама старуха струсила, не говоря о е,, молодом муже, который, очевидно, был убит, оказавшись в центре разыгравшегося скандала, и не мог не понимать, что поведение его жены позорно.

Капитан приказал открыть дверь каюты номер 2, где обосновалась княгиня. Картина, представившаяся нашим глазам, заставила меня покатиться с хохоту. На самом видном месте валялись широченные дамские панталоны, постели были разрыты, будто на них катались и кувыркались. Всюду, на столах, стульях, на полу, были раскиданы принадлежности мужского и дамского туалета, вплоть до самых интимных.

– Что это за цыганский табор? – вскричал капитан. – Сестра, как могли вы допустить нечто подобное на пароходе, притом в лазарете?

Сестра, пожилая англичанка, полная сознания собственного достоинства, отвечала, что входила в каюту три раза, дважды посылала сюда убирать коридорную прислугу, но что через час вс,, снова принимало вид погрома.

На новый свисток капитана явился младший офицер, получивший приказание водворить княгиню в е,, каюту, взыскать с не,, тройной штраф за две лазаретные койки, а также немедленно помыть каюту.

– Я буду жаловаться вашему начальству, – прохрипела старуха.

– А я пожалуюсь ещ,, и русским властям. И расскажу великому князю Владимиру, который сядет к нам в следующем порту, о вашем поведении.

Тут к старухе подош,,л младший офицер и предложил ей следовать за ним в первый класс. В бессилье она сорвала злобу на сво,,м супруге и горничной, обозвав их ослами и идиотами, не умеющими поддержать е,, когда следует. Похожая на чудовище из дантова ада, с трясущейся головой, хрипло кашляя, старуха скрылась в коридоре, сопровождаемая своими спутниками.

Капитан простился с нами, попросив от его имени уверить госпожу Жанну Моранье, что на его судне она в полной безопасности, под охраной английских законов. Он просил нас также ещ,, раз обойти пассажиров четв,,ртого и третьего классов, потому что вечером, после обеда, их снова разместят на прежних местах, помыв как следует весь пароход.

Мы постучали в каюту 1 А. Мелодичный женский голос ответил нам пофранцузски: «Войдите», и мне показалось, что в голосе этом слышатся слезы.

Когда мы вошли в каюту, то первое, в ч,,м мне пришлось убедиться,

были действительно слезы, лившиеся по щекам Жанны; дети прижимались к ней, обхватив ее, шею ручонками.

Они сидели, забившись в угол дивана, и владел ими такой страх, такое отчаяние, что я остановился, как вкопанный, превратившись сразу в «Л.,вушку-лови ворон».

И. подтолкнул меня и шепнул, чтобы я взял девочку на руки и успокоил мать.

Убедившись, что мы являемся посланцами привета и радости, Жанна не раз переспрашивала, неужели и до самого Константинополя она доедет с детьми в этой каюте? Счастью ее, не было предела. Она так смотрела на И., как смотрят на иконы, когда молятся. Ко мне она обращалась, как к брату, который может защитить здесь, на земле.

Девочка повисла на мне и не слушала никаких резонов матери, уговаривавшей ее, сойти с моих колен. Она целовала меня, гладила волосы, жалея, что они такие короткие, говорила, что я ей снился во сне и что она больше не расстанется со мною, что я ее, чудный родной дядя, что она так и знала, что добрая фея обязательно меня им пошл.,т. Вскоре и крепыш перекочевал ко мне; и началась возня, в которой я не без удовольствия участвовал, подзадоривая малюток ко всяким фокусам.

Мать, вначале старавшаяся унять детей, теперь весело смеялась и, повидимому, не прочь была бы принять участие в нашей возне. Но присутствие иконы – И. настраивало ее, на более серьезный лад.

И. расспросил, что ели дети и она. Оказалось, что после утреннего завтрака поесть им не удалось, так как соседка бушевала уже давно, они умирали от страха, и мы застали самый финал этой трагикомедии. Если она хочет, сказал И., чтобы здоровье ее, самой и детей восстановилось до Константинополя, им всем следует поесть и хорошенько выспаться. И. полагал, что у девочки хоть и в легкой степени, но все же перемежающаяся лихорадка, что сегодня она здорова, но завтра должен снова наступить пароксизм. У матери расширились от ужаса глаза. И. успокоил ее, сказав, что даст ей каплю и что им всем надо проводить почти весь день на палубе, лежа в креслах, тогда они оправятся от истощения.

Он попросил Жанну сейчас же распорядиться о еде и добавил, что мы обойдем пароксизм и вернемся через часа два. Тогда они все получат лекарство, и мы побеседуем.

Мы вышли, попросив сестру лучше накормить мать и детей. Очевидно, это была добрая женщина; дети потянулись к ней, и мы ушли успокоенные.

Не успели мы пройти и нескольких шагов, как нас встретил врач,

прося зайти в первый класс к той девушке, которую мы так хорошо вылечили.

– Дочь и мать, проспав всю бурю, сейчас свежи, как розы. Они жаждут видеть врача, чтобы поблагодарить его за помощь, – сказал судовой доктор.

Мы пошли за ним и увидели в каюте двух брюнеток, очень элегантно одетых; они сидели в креслах за чтением книг, ничем не напоминая те растрепанные фигуры, которые видели мы в страшную ночь бури.

Когда судовой врач представил нас, старшая протянула обе руки И., сердечно благодаря его за спасение. Она быстро сыпала словами, со свойственной итальянцам экспансивностью, и я половины не понимал из того, что она говорила.

Молодая девушка не была хороша собою, но ее, огромные черные глаза были так кротки и добры, что стоили любой классической красоты. Она тоже протянула каждому из нас обе руки и просила позволить ей чем-либо отблагодарить нас.

И. ответил, что лично нам ничего не надо, но если они желают принять участие в добром деле, мы не откажемся от их помощи. Обе дамы выразили горячее желание сделать все, что необходимо; И. рассказал им о бедной француженке-вдове с двумя детьми, которую капитан спас от мук, укрыв с больными детьми в лазарете.

Обе женщины были глубоко тронуты судьбой бедной вдовы и потянулись за деньгами. Но И. сказал, что денег ей достанут, а вот одежды и белья у бедняжки нет.

– О, это дело самое простое, – сказала младшая. – Обе мы умеем хорошо шить; тряпок у нас много, мы оденем их преотлично. Вы только познакомьте нас со своею приятельницей, а остальное предоставьте нам.

И. предостерег их, что бедняжка запугана. Вкратце он рассказал им о возмутительной выходке старой княгини. До слез негодовали женщины, отвечая И., что не все же дамы думают и чувствуют, как мегеры.

Мы условились, что позже зайдём за ними и проводим к Жанне.

На прощанье И. велел достать черную коробочку Али, разделил пилюлю на восемь частей, развел в воде одну порцию и дал девушке выпить, посоветовав ей полежать до нашего возвращения.

Мы спустились в третий класс. Здесь было уже все прибрано, нигде и следов бури: но люди казались обессиленными вконец. Однако, приняв наших капель, стали вставать, потягиваться и выходить на палубу. Так мы постепенно добрались до первого класса, где разбушевавшаяся ещё в лазарете княгиня так грубо срывала своё бессильное бешенство на мужа и горничной, что соседи по каюте возмутились. Слово за слово, разгорелся

скандал, в самый разгар которого мы вошли. Увидев нас, старуха тотчас скрылась в свою каюту, под общий смех.

К нам подошел какой-то пожилой человек, очевидно очень тяжело перенесший бурю; весь желтый, с мешками под глазами, он просил навестить его дочь и внука, состояние которых внушало ему большие опасения.

Мы прошли с ним в каюту и увидели в постели бледную женщину с длинными русыми косами и мальчика лет восьми; казалось, он тяжело болен.

Пожилой человек обратился к дочери по-гречески; она открыла глаза, поглядела на И., склонившегося к ней, и сказала ему тоже по-гречески:

– Мне не пережить этого ужасного путешествия. Не обращайтесь на меня внимания. Спасите, если можете, сына и отца. Я не могу думать без ужаса, что будет с ними, если я умру, – и слезы полились из ее глаз.

И. велел мне капнуть в рюмку каплю из твоего пузырька и сказал:

– Вы будете завтра совершенно здоровы. У вас был сердечный припадок; но буря утихла, припадок прошел и больше не повторится. Выпейте эти капли, повернитесь на правый бок и засните. Завтра будете полны сил и начнете ухаживать за своими близкими. А сегодня мы сделаем это за вас.

Он приподнял ее античную голову и влил ей в рот каплю. Затем помог ей повернуться, накрыл одеялом и подошел к мальчику.

Мальчик был так слаб, что с трудом открыл глаза; он, казалось, ничего не понимал. И. долго держал его тоненькую ручку в своей, прислушиваясь к дыханию, и наконец спросил:

– Он давно в таком состоянии?

– Да, – ответил старик. – Судовой врач уже несколько раз давал ему разные лекарства, но ему все хуже. С самого начала бури ребенок впал в состояние полубоморока, оно не проходит. Неужели он должен умереть?

И у старика задрожал голос, он отвернулся от нас, закрыв лицо руками.

– Нет, до смерти еще далеко. Но почему вы не закалили его? Он хил и слаб не потому, что болен, а потому что вы изнежили его. Если хотите, чтобы ваш внук жил, – держите его на свежем воздухе, научите верховой езде, гребле, гимнастике, плаванию. Ведь вы губите ребенка, – сказал И.

– Да-да, вы правы, доктор. Но мы так несчастливы, мы сразу потеряли всех своих близких, и теперь трясемся друг над другом, – все, с той же горечью отвечал старик.

– Если вы будете таким способом и дальше оберегать друг друга, – вы

все умр,,те очень скоро. Вам надо начать новую жизнь. Если вы согласны следовать моему методу, – я отвечаю за жизнь мальчика и начну его лечить. Если выполнять моих предписаний не будете, – я не стану и начинать, – продолжал И.

– Я отвечаю вам головой, что вс,, будет выполнено в точности, – прервал его старик.

– Ну, тогда начн,,м.

И. сбросил с мальчика одеяло, стянул с его худеньких ног т,,пные чулки, снял фуфайку и потребовал другую сорочку. А мне велел растворить в половине стакана воды кусочек пилюли из зел,,ной коробочки Флорентийца и ещ,, меньшую часть пилюли из ч,,рной коробочки Али. Когда лекарство смешалось, вода в стакане точно закипела и стала совершенно красной.

И. взял у меня стакан, капнул туда ещ,, из каких-то особых тр,,х пузырьков и стал давать мальчику лекарство крошечной ложечкой. Я думал, что мальчик ни за что не сможет проглотить ни капли. Но последний глоток он даже допил из стакана.

Я осторожно опустил ребенка на подушку. И. велел мне достать самый большой флакон, вымыл руки, и я последовал его примеру. Затем он велел мне вытянуть руку мальчика и держать е,, ладонью вверх, а сам стал массировать жидкостью из флакона от ладони до плеча, каждый раз крепко растирая ладонь. Рука, прежде совершенно белая, стала розовой, а затем покраснела. То же самое он проделал с другой рукой, потом с ногами и раст,,р наконец вс,, тело. Жидкостью из другого флакона он смазал мальчику виски, за ушами и темя.

Мальчик внезапно открыл глаза и сказал, что очень хочет есть. Немедленно, по совету И., дедушка позвонил и приказал принести горячего шоколада и белого хлеба.

Пока лакей ходил за шоколадом, И. дал капель старику и посоветовал поесть самому. Сначала старик отказывался, говоря, что от качки есть не может; но когда мальчику принесли еду, сказал, что шоколад он, пожалуй, выпил бы.

И. посоветовал ему поесть манной каши и выпить кофе, потому что сейчас шоколад ему вреден.

Вс,, это время И. не сводил глаз с мальчика, наблюдая за ним. Он спрашивал, не холодно ли ему; и мальчик отвечал, что у него вс,, тело горит, что ему ещ,, никогда не было так тепло. На вопрос, не болит ли у него что-нибудь, мальчик сказал, что у него в голове сидел винт и очень больно резал лоб и глаза; но что сейчас доктор, верно, винт вынул.

И. дал ему ещ,, каких-то капель и попросил заснуть, мальчик охотно согласился и, действительно, через десять минут уже спал, ровно и спокойно дыша.

– Ну, теперь ваша очередь, – сказал И., подавая лекарство старику.

Тот беспрекословно повиновался; затем И. попросил его лечь и сказал, что через три часа мы ещ,, раз наведаемся, а пока пусть все мирно спят.

Мы вышли из каюты, где так долго провозились, и миновали толпу нарядных дам и кавалеров, которые начинали обретать свой обычный высококомерно-элегантный вид, пытались острить и флиртовать.

Итальянки нетерпеливо ждали нас с пакетами белья и платьев, приготовленными для Жанны. И. поблагодарил обеих дам, но просил отложить знакомство до завтра, так как сегодня и мать и дети ещ,, очень слабы. Итальянки были разочарованы, пожалели бедняжек и сердечно простились с нами.

Не задерживаясь более нигде, мы прошли прямо к Жанне.

Если бы я не проспал целые сутки, наверное уже свалился бы с ног, до того утомительны были это непрерывное хождение вверх и вниз по пароходу и непрерывное соприкосновение с людьми, с их болезнями, порывами злобы, страха и отчаяния.

Дети еще спали, а Жанна сидела в углу дивана, тщательно одетая и причесанная, но лицо ее было таким скорбным и бледным, что у меня защекотало в горле.

– А я уже и ждать вас перестала, – сказала она, чуть улыбнувшись, но глаза е,, были полны слез.

– Нам пришлось задержаться, – отвечал И. с такою лаской в голосе, какой я еще у него не слыхивал. – Но почему вы решили, что мы можем нарушить свое слово? Можно ли быть такой подозрительной и так мало верить людям?

– Если бы вы только знали, как я верила людям прежде. И как жестоко пришлось разочароваться в их чести и доброжелательстве. Я боюсь даже думать о чуде вашей помощи. И все жду, что это дивный сон, и эта каюта растает, как туман, а мне останется только роса моих слез, – сказала Жанна.

– Я сострадаю вам всем сердцем, – ответил И. – Но человек, когда в жизни на него обрушивается буря, – даже такая ужасная и неожиданная, как та буря на море, которую вы только что пережили, – должен быть энергичным и бороться, а не падать духом и тонуть в слезах. Подумайте, что было бы с людьми на этом судне, если бы капитан и его команда растерялись, пали духом и отдались во власть стихий? Ваше положение небезнадежно. Правда, вы потеряли сразу и мужа, и любовь, и

благополучие. Но вы не потеряли своих детей, а значит, и ближайшей цели жизни. Зачем возвращаться мыслями к прошлому? Дважды потерять прошлого нельзя. Зачем думать с ужасом о будущем, которого вы не знаете и которого еще нет. Потерять можно одно только настоящее, вот это летящее «сейчас». А это зависит только от энергии, от жизнелюбивости человека. Вдумайтесь, оглянувшись назад, сколько лишней муки вы создали себе сами страхом перед жизнью. Чему помог ваш страх? Приведите в такой же порядок свой внутренний мир, в какой привели вы свою внешность. Выбросьте из головы мысли о нищете и своей беспомощности. Не плачьте так ужасно. Помните, что вы оплакиваете себя, только себя, свою потерю, свою, потерянное счастье. Вы думаете, что оплакиваете гибель мужа, его безвременную кончину. Но что мы можем понимать в совершающихся перед нами судьбах? Представьте, что и ваша жизнь может окончиться так же внезапно. Живите так, как будто каждую минуту вы отдаёте свой последний долг детям и всем тем людям, с которыми вас сталкивает жизнь. Не поддавайтесь унынию; держите себя в руках: забудьте о себе и думайте о детях. Скрывайте ваши слезы и страх от детей; учите их – на собственном примере – быть добрыми и весело принимать каждый наступающий день. Не бойтесь сейчас ничего, не теряйте мужества, надейтесь только на себя. Завтра мы познакомим вас с двумя очень добрыми и культурными дамами, они с радостью помогут вам по части туалетов. Что же касается дальнейшего, то прямо здесь, на этом пароходе, едут два наших друга, имеющих большое предприятие в Константинополе. Они помогут вам найти работу. Быть может, вы сможете открыть шляпную мастерскую или что-либо ещё, что обеспечит вашу жизнь. Но я ещё, раз очень вас прошу, перестаньте плакать. Самое важное для вас дело сейчас – это здоровье ваших детей. Я думаю, что дочь ваша подхватила скверную форму лихорадки, и вам придётся немало повозиться с ней.

Я не сводил глаз с Жанны, совершенно так же, как она во все глаза глядела на И.

Сначала на её лице отразилось беспредельное удивление. Потом мелькнули негодование, протест. Их сменили такие скорбь и отчаяние, что мне хотелось вмешаться и объяснить ей то, что она, очевидно, неправильно воспринимала. Но постепенно лицо её, светлело, рыдания утихали, и в глазах мелькнуло уже знакомое мне выражение благоговения, с которым она впервые смотрела на И. – как на икону.

И. говорил с ней по-французски, говорил правильно, но с каким-то акцентом, чего я не отмечал, когда он разговаривал на других языках. И я

подумал, что он выучил этот язык уже взрослым.

– Я не умею выразить вам своей благодарности, и даже не все, вероятно, понимаю из того, что вы мне говорили, – сказала Жанна своим тихим музыкальным голосом. – Но я чувствую в себе какую-то необъяснимую уверенность. Я не белоручка. Я вышла замуж за простого рабочего вопреки воле родителей – зажиточных фермеров. Я была у них единственной дочерью; они меня любили, по-своему, любили и баловали, но требовали, чтобы я вышла замуж за соседа, человека богатого, пожилого, скупого и очень противного. Но я увидела случайно на вечеринке у одной подруги моего будущего мужа, Мишеля Моранье. И сразу поняла, что ничто не устроит меня, и за богатого старика я не пойду. Нам с Мишелем пришлось бежать из родных мест. Тут как раз подвернулся случай уехать в Россию; и мы попали на французскую фабрику резиновых изделий в Петербурге. Мы жили очень хорошо. Я работала в шляпном магазине, и дамы нарасхват покупали мои шляпы, мы были так счастливы, и вот... – и бедняжка снова зарыдала.

Собравшись с силами, она еле слышно закончила свой рассказ:

– Машина, у которой работал муж, была неисправна. Но управляющий вс., тянул с ремонтом, пока не случилось непоправимое несчастье.

– Не бередите снова свои раны. Утрите слезы. Дети просыпаются, надо побережь их нервы, да и ваши силы тоже подорваны, – вс., так же ласково сказал ей И. – Поставьте себе ближайшую задачу: восстановить силы детей. Надо дать девочке капли, чтобы ослабить новый припадок. А завтра детей следует вывести на воздух. Но мы поможем вам.

Жанна слушала И., как слушают пророка. Е., щ.,ки пылали, глаза горели, и во всей е., слабой фигурке появилось столько силы и решимости, что я просто поразился.

Мы простились и вышли, провожаемые визгом проснувшихся детей, не желавших нас отпускать.

Как только закрылась за нами дверь каюты, я почувствовал полное изнеможение. Я так глубоко пережил бесхитростный рассказ Жанны, столько раз глотал подступавшие к горлу слезы, что за этот последний час потерял свои последние силы.

И. ласково взял меня под руку и сказал, что очень сочувствует столь трудному началу моей новой жизни.

Я едва добрался до каюты. Мы переоделись и сели за уже накрытый стол, где нас поджидал мой нянька-верзила.

Впервые мне не хотелось есть и говорить. Море уже достаточно успокоилось, но пароход вс., ещ., сильно качало. И. подал мне какую-то

конфету, которая меня приободрила, но говорить по-прежнему не хотелось. Предложение И. сойти через час к туркам я решительно отверг, сказав, что я сыт людьми и нуждаюсь в некоторой доле уединения и молчания.

– Бедный мой Л., вушка, – ласково произн., с И. – Очень трудно почти реб.,нком войти в бурную мужскую жизнь, которая требует предельного напряжения сил. Но ты уже немало судеб наблюдал за эти дни, немало слышал. Ты видишь теперь, как внезапно бывают удары судьбы, и человек должен быть внутренне свободным, чтобы суметь мгновенно включаться в новую жизнь; не ждать чего-то от будущего, а действовать, жить в каждое текущее мгновение. Действовать, любя и побеждая, думая об общем благе, а не только о своих собственных достижениях.

И. сел в кресло рядом; мы немного помолчали, но вот послышались на лестнице шаги и голос капитана. Он теперь окончательно сдружился с нами, а меня так просто обожал, по-прежнему считая весельчаком и чудохрабрецом, как я ни старался разуверить его в этом.

Чтобы дать мне возможность побыть одному, И. поднялся навстречу капитану, и они вместе прошли к нему в каюту.

Я действительно нуждался в уединении. Моя душа, мои мысли и чувства были похожи на беспокойное море, и волны моего духа так же набегали одна на другую, сталкивались, кипели и пенились, не принося успокоения. / Из тысячи неожиданно свалившихся на мою голову событий я не мог бы выделить и одного, где логический ход вещей был бы ясен мне до конца. Во вс.,м – казалось мне – присутствовала какая-то таинственность; а я терпеть не мог ни тайн, ни чудес. Слова Флорентийца: «нет чудес, есть только та или иная степень знания», часто вмешивались в сумбур моих мыслей, но я их не понимал.

Из всех чувств, из всех впечатлений в душе господствовали два: любовь к брату и любовь к Флорентийцу.

Я не любил ещ., ни одной женщины. Ничья женская рука не ласкала меня; я не знал ни матери, ни сестры. Но любовь-преданность полную, не критикующую, но обожающую, – я знал, потому что любил брата-отца так, что он всегда был рядом, и я поверял им каждое движение своего сердца. Единственно, я скрыл от него свой писательский талант. Но опятьтаки, руководило мною желание уберечь брата-отца от незадачливых писаний брата-сына.

Эта любовь к брату составляла стержень, остов моей жизни. На ней я строил сво., настоящее и будущее, прич.,м на первое я смотрел свысока, как на преддверие той великолепной жизни, которой мы зажив.,м вместе, когда я окончу ученье.

И теперь мне пришлось убедиться в своем детском ослеплении, ведь я не задумывался прежде о том, кто такой мой брат и какой жизнью он жив,,т. Я увидел вдруг кусочек его жизни, в которой меня не было. Это была катастрофа, почти такая же острая, какую переживала Жанна. И рыдая над ней – я рыдал над собою тоже...

Я ничего не понимал. Какую роль играла и играет Наль в жизненном спектакле моего брата? Какое место занимает брат в освободительном движении? Как связан он с Али и Флорентийцем? Поистине, здесь вс,, казалось чудом, я осознавал свою невежественность и понимал, что не подготовлен к той жизни, в которую мне пришлось вступить.

Я думал, что любить так сердце может лишь один раз в жизни и только одного. И не заметил, как сердце мое расширилось и приняло еще одного человека; словно светлым кольцом он опоясал его, оставив в середине образ брата Николая.

Я не раздвоился в своей любви к Флорентийцу и брату. Они жили во мне оба, и оба образа часто сливались в один мучительный стон тоски и жажду свиданья...

Я ещ,, не испытывал такой силы обаяния. Странное, новое понимание слова «пленил» явилось в мо,,м сознании. Поистине, плен моего сердца и мыслей н,,с какое-то очарованье, радость, которую разливал вокруг себя Флорентиец. Вся атмосфера вокруг него дышала не только силой и уверенностью; попадая в не,, я радовался счастьем жить ещ,, день, ещ,, одну минуту подле.

Рядом с ним я не испытывал ни страха, ни сомнений, меня не терзали мысли о завтрашнем дне, – только творческое движение всему окружающему задавал этот человек.

Со свойственной мне рассеянностью я забыл обо вс,,м и вся, забыл время, место, ушло ощущение пространства, – я летел мыслью к моему дивному другу, я так был полон им, что снова, – как ночью, в бурю, – мне показалось, что я вижу его.

Точно круглое окно открылось среди темнеющих облаков, и я увидел мираж, мою мечту, моего Флорентийца в белой одежде, с золотистыми, вьющимися волосами.

Я вскочил, добежал до края палубы и точно услышал голос: «Я с тобой, мой мальчик; будь так же верен, и ты достигнешь цели, и мы встретимся снова».

Бурная радость охватила меня. Какая-то сила влилась во все мои члены, и они стали точно железными. Я почувствовал себя счастливым и необычайно спокойным.

– Ну, как же чувствует себя мой юный друг, смельчак-весельчак? – услышал я голос капитана. – Никак, чудесные облака сегодняшнего вечера увлекли вас в небо?

Я не сразу отдал себе отчет в том, что происходит, не сразу откликнулся, но когда повернулся к ним, то, очевидно, преображенным своим лицом поразил не только капитана, но даже И., так изумленно они оба на меня поглядели.

Точно желая оградить от капитана. И. обнял меня и крепко прижал к себе.

– Ну и сюрпризы способны преподносить эти русские! Что с вами? Да вы просто красавец! Вы сверкаете, как драгоценный камень, – говорил, улыбаясь, капитан. – Так вот вы каким бываете! Теперь я не удивляюсь тому, что не только красавица из лазарета, но и молодая итальянка, и русская гречанка – все спрашивают о вас. Я теперь понимаю, какие еще силы таятся в вас.

Я с сожалением поглядел на темные облака, в которых исчез мираж моей любви, и тихо сказал капитану:

– Вы очень ошибаетесь, я далеко не герой и не донжуан, а самый обычный «Л.,вушка-лови ворон». Я и сейчас ловил свою мечту, да не поймал.

– Ну, – развел руками капитан, – если за три дня, учитывая еще, бурю, смутить три женских сердца – это мало, то остается только швырнуть на весы ваших побед мои, уже дырявое сердце старого морского волка. Вы забрали меня в плен, юный друг: пойдете выпьем на брудершафт.

Не было никакой возможности отказаться от радушного приглашения. Но, казалось, никогда еще, обязательства вежливости не были мне так трудны.

– Думай о Флорентийце, – шепнул мне И. – Ему тоже не всегда легко, но он неизменно обаятелен, постарайся передать сейчас его обаяние окружающим.

Эти слова дали выход бурлившей во мне радости. Спустя несколько времени и капитан, и поднявшиеся к нам турки покатывались со смеху от моих удачных каламбуров и острот.

Вечер быстро перешел в ночь, а рано утром мы должны были войти в порт Б., пополнить запасы воды, угля и провианта, а также выгрузить животных.

Отговорившись усталостью, мы с И. распрощались с обществом и ушли в свою каюту.

Мы еще, долго не спали; я делился с И. своими мыслями, тоской по

брату, своей преданностью Флорентийцу, рассказал о мираже среди облаков и слуховой иллюзии, породившей жажду общения с Флорентийцем. И. же советовал не думать о миражах и иллюзиях, а вникать в самый смысл долетевших до меня слов. Не вс., ли равно, каким образом получена весть. Важно, чем была для тебя эта весть и какие силы она в тебе пробудила.

– Запомни ощущения уверенности и радости, которые родились в тебе сегодня, то спокойствие, которое ты ощутил в глубине сердца, когда тебе показалось, что ты видишь и слышишь Флорентийца. И если примешься за какое-то большое дело, имея в себе эти чувства, – не сомневайся в успехе. Верность идее, как и верность любви, всегда приведут к победе.

Я крепко обнял и поцеловал И., от всего сердца поблагодарив его за все заботы, и лег спать, благословляя жизнь за свет и красоту и будучи в полном мире с самим собой и со всей вселенной.

ГЛАВА XIV СТОЯНКА В Б. И НЕОЖИДАННЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ
Во сне я видел Флорентийца, и так реально было ощущение разговора и свиданья с ним, что я даже улыбнулся своей способности жить воображением.

Утреннее солнце сияло, качка почти совсем прекратилась, и меня поразила близость берега. Рядом возник верзила и сообщил, что мы скоро войдем в бухту Б., указывая на живописно раскинувшийся вдали красивый городок.

Снизу поднялся И., радостно поздоровался и предложил скорее отпить кофе, чтобы пройти к Жанне и приготовить ее к встрече с итальянками.

Мы принялись за завтрак; тут подошел капитан и, смеясь, подал мне душистую записочку.

– Рассказывай теперь другим, дружище, что ты скромный мальчик. Велела передать дочка, да старалась, чтобы маменька не увидела, – похлопывая меня по плечу, сказал капитан.

Я смеялся, как, вероятно, всему смеялся бы сегодня, потому что у меня смеялось вс., внутри. Я передал записку И., сказав, что я слишком голоден и не могу оторваться от бутерброда, а потому прошу е., прочесть вслух.

Капитан возмущился таким легкомыслием и стал уверять, что только теперь понимает, как я молод и по-мальчишески неопытен в любовных делах; что женские письма следует читать самому, так как женщины – существа загадочные и могут выкинуть самые неожиданные штучки.

Вс., же я настоял на том, чтобы прочел записочку И., и потребовал, чтобы и почтальон присутствовал при этом.

– Ну и занятый мальчишка, – сказал, расхохотавшись, капитан и

присел к столу.

Записка, в ч.,м я был уверен, и впрямь носила деловой характер. Молодая итальянка писала, что просит поскорее свести их к нашей приятельнице, поскольку в Б. много хороших магазинов и можно купить детям вс.,, необходимое.

Капитана несколько разочаровало содержание записки; но он продолжал уверять, что это только благовидный предлог, а развитие любовной истории будет завтра, послезавтра и т.д. – потому что в глазах у девушки он увидел мой портрет.

Так, шутя, мы вместе с ним спустились вниз и прошли прямо к Жанне. Капитан, в виде дружеского назидания, покачал головой и погрозил мне пальцем.

Жанну мы застали в беспокойстве. Е., дети металась в жару. Она рассказала, что в семь часов они были совершенно здоровы и весело выпили свой шоколад. Но вот около получаса назад малыш пожаловался на головную боль; затем и девочка сказала, что у не., болит голова; не успела Жанна уложить их на диван, как они начали бредить.

И. внимательно осмотрел детей, вынул из кармана красивый гран.,ный флакон, которого я ещ., не видел, и дал лекарство.

– Вы не волнуйтесь, – обратился он к Жанне. – Можно было ждать и худшего. Через два часа жар спад.,т, и дети снова будут чувствовать себя хорошо. Но это не значит, что они уже совсем здоровы. Я вас предупреждал, что немало ещ., времени вам прид.,т,ся за ними ухаживать.

– Ухаживать я готова всю жизнь, лишь бы они были здоровы и счастливы, – героически удерживаясь от сл.,з, ответила Жанна. Я заметил в ней какую-то перемену. О таком молодом существе не скажешь, что оно вдруг постарело. Но у меня сжалось сердце при мысли, что только сейчас она начинает по-настоящему осознавать сво., положение, и в ее сердце ещ., глубже пускает корни скорбь.

По распоряжению И. детей вынесли на палубу и, завернув в одеяла, оставили там вплоть до нашего нового визита.

Устроив е., подле, мы сказали, что сейчас же верн.,мся с нашими приятельницами, о которых говорили ей вчера. Но пусть она лежит и не думает вставать.

Войдя к Жанне, обе женщины сердечно обняли е.,, осторожно, на цыпочках, подошли к детям и чуть не расплакались, тронутые их красотой, беспомощностью и болезненно пылающими щ.,чками.

Обе итальянки выказали большой такт в обращении с Жанной; говорили мало, вопреки свойственным этому народу говорливости и

темпераменту; но все их слова и действия были полны уважения и сострадания.

Очень нежно и осторожно, с моей помощью, молодая итальянка обмерила детей, и по ее, лицу несколько раз пробежала судорога какой-то внутренней боли. Очевидно, и ее, сердце уже знало драму любви и скорби.

Старшая дама в это время успела снять мерку с Жанны, хотя та и уверяла, что ей ничего не надо, но вот все, детское белье, и платье у нее, стащили на пароходе моментально.

Нежно улыбаясь Жанне, дамы вышли. Я последовал за ними, а И., задержавшись возле детей, догнал нас уже на нижней палубе, где сейчас устанавливали сходни.

Пароход должен был простоять в порту весь день, так что спешить было незачем. Но И. хотел поскорее купить детям игрушки, чтобы они, проснувшись, легче выдержали постельный режим.

Городок был живописен. С массой зелени, огромными садами, редкостной растительностью и красивыми, почти сплошь одноэтажными домами, большей частью белыми, он был очень уютен.

Мы отыскивали игрушечный магазин, набрали кучу самых разных игрушек и отправили их Жанне, скорбные глаза которой все, стояли передо мной.

Мне хотелось самому отнести покупки, но И. шепнул, что мы должны проводить дам в другие магазины, отвести на пароход, а затем еще, спешно навестить одного из друзей, где нас могут ждать известия.

Быть может, нам придется свернуть на лошадях к турецкой границе и добираться в Константинополь сушей, что и дольше и труднее.

Я прищелкнул в ужас. «А Жанна?» – хотел я крикнуть. Но И. приложил палец к губам, взял меня под руку и ответил на какой-то вопрос старшей итальянки.

Я так был потрясен возможной разлукой с Жанной, печалился ее, дальнейшей судьбой, что в мое, сердце словно вонзилась заноза. Я мгновенно превратился в «Ловушку-лови ворон», забыв обо всем, и если бы не твердая рука И., я бы, наверное, застыл на месте.

– Подумай, разве мог Флорентиец быть столь рассеянным, невоспитанным и нелюбезным. Иди, предложи руку молодой даме и будь ей таким кавалером, каким ты желал бы выглядеть в глазах Жанны, если бы тебе пришлось ее, провожать. Вежливость обязательна для друга Флорентийца, – услышал я шепот И.

Снова и снова я постигал, как трудно мне даются искусство самовоспитания, как я неопытен и не умею владеть собой. Мелькнул

передо мною образ брата; я вспомнил о его железной воле и рыцарской вежливости во время разговора с Наль в саду Али Мохаммеда. Я сделал невероятное усилие, даже физически ощутив напряжение, подошел к молодой девушке, снял шляпу и, поклонившись, предложил ей руку.

Тоненькое личико с огромными глазами вспыхнуло, она улыбнулась и как-то мгновенно изменилась. Она стала так милостива, что я сразу понял, чего ей недоставало. Уныние, разочарование, лежавшие на этом лице, делали его мртвым.

«Должно быть, и здесь Матери Жизни потребовалась черная жемчужина в ожерелье», – вспомнились слова Али.

Жалость к спутнице помогла мне забыть о себе, и я стал искать, чем рассеять ее, печаль.

Я начал с того, что представился, попросив прощения, что мы не сделали этого раньше.

Девушка ответила, что фамилию она прочла в судебной книге, и это не составило труда, ибо каюта-люкс на пароходе только одна.

Она рассказала, что родом из Флоренции, что вот уже два года они живут в Петербурге у дядюшки. На родине ее постигло очень большое горе, и мать увезла ее путешествовать.

Зовут ее Мария, а мать Джиованна Гальдони, они едут в Константинополь навестить тещу, синьору Терезу, которая вышла замуж за дипломата и теперь вот судьба закинула ее в Турцию. Она спрашивала, куда едем мы с братом. Я ответил, что пока в Константинополь, дальнейшего маршрута еще не знаю.

Так дошли до магазина белья, и здесь мы уступили поле сражения обоим синьорам. Однако при покупке платья и верхних вещей я решил вмешаться, ибо итальянки предпочитали вещи светлые и яркие. Я же выбрал для Жанны синий костюм из китайского шелка, белую батистовую блузку и небольшую английскую шляпу из рисовой соломы с синей лентой. Мы послали еще купить два чемодана, уложили в них все, кроме шляпы, сели на извозчиков и покатали на пароход. Разряженные путешественники первого класса, дамы, показывавшие свои туалеты и делавшие глазки мужчинам, и мужчины, старавшиеся блеснуть своим остроумием, ловкостью, аристократичностью манер и выказать все свои мужские достоинства, после того как я видел их изнанку во время бури, вызвали у меня чувство, близкое к тошноте.

Со многими мы были знакомы, многим помогали во время бури. Я знал, как они нетерпеливы, помнил их грубость в обращении с прислугой, отсутствие у этих лощеных людей всякой выдержки в часы опасности. И

теперь не мог отвязаться от представления о стаде двуногих животных, которым подвернулась новая возможность выставить напоказ свои физические достоинства.

Мы проводили наших дам до каюты Жанны, зашли за турками и вместе с ними вернулись в город.

На этот раз мы двинулись к окраине. По цветущему приморскому бульвару мы вышли на тихую улицу и позвонили у красивого белого дома, окруженного садом.

По дороге я спросил молодого турка, как ведет себя рана на его голове.

– Рана почти зажила, а вот нога все еще, очень болит, – ответил он мне.

– Почему же вы не покажете ее, И.? Он ответил, что не хочет волновать отца и скрывает от него, что болен. Уже перед дверью я шепнул И., что у его молодого приятеля рана на ноге, которую тот скрывает от отца.

И. кивнул мне головой, тут открылась дверь, и мы вошли в дом.

Скромный снаружи белый домик с мезонином был чудом уюта. Большая передняя

– нечто вроде английского холла – разделяла его на две части. Стены были обшиты панелями из карельской березы. Такого же дерева вешалка, стулья, кресла, столы. Выше панелей стены были обиты сафьяном бирюзового цвета, по ним спускались большие ветки мимозы. Пол застлан голубым ковром с желтыми и белыми цветами. Я остановился зачарованный. Так легко дышалось в этой комнате, точно это был замок доброй феи. Я замер по обыкновению «Ловушкой-лови ворон» и не знал, в каком месте земного шара сейчас нахожусь.

Я ничего не слышал, а только смотрел и радовался гармонии этой комнаты, даже жалкого подобия которой я никогда не видел.

На верхней площадке лестницы открылась такая же, карельской березы, дверь с бирюзовой ручкой, и женская фигура в белом стала спускаться к нам.

Каково же было мое изумление, когда я увидел, что лицо женщины, ее руки, шея – совершенно чуждые. Она подошла прямо к И., протянула ему обе чуждые руки и заговорила по-английски.

Неожиданно увидев черную женщину не в балагане, но разговаривающую по-английски, с прекрасными манерами, с фигурой подобно статуе, с лицом красивым, без ужасных толстых губ, и с косами, – я просто испугался. Должно быть, мое лицо выражало смущение достаточно ярко, так как даже неизменно выдержанный И. засмеялся, и я поспешил спрятаться за его широкую спину.

Сейчас я даже не знаю, почему так перепугался тогда. Правда, глазами

она вращала здорово, говорила горловым голосом очень быстро, но ничего отвратительного в ней не было. Она была по-своему нежна и женственна, быть может даже прекрасна.

Но мне она внушала ужас.

Я вс,, пятился, пропустив впер,,д обоих турок, которые, очевидно, знали е,, раньше. Я дрожал от ужаса при мысли, что мне прид,,тся коснуться этой агатовой руки.

О ч,,м-то договорившись с И., ч,,рная женщина быстро прошла своей л,,гкой и гибкой походкой в комнату. Я вытирал пот со лба и вс,, не мог успокоить своего колотившегося сердца. И. всмотрелся в меня внимательно, перестал смеяться и очень ласково сказал:

– Я должен был тебя предупредить, что у Флорентийца ты встретишь семью негров, спас,,нную им во время путешествия по Африке. А эта женщина была младенцем привезена в Россию вместе с двумя маленькими братьями и матерью. Она хорошо образованна, очень предана Флорентийцу и Ананде. Я не сообразил, что нервы твои слишком потрясены, и зря понадеялся на твои силы. Прости, возьми эту конфету, сердцебиение сейчас пройдет,,т.

Я долго ещ,, не мог успокоиться, сел на стул, и И. подал мне ещ,, какойто воды. Я всеми силами стал думать о Флорентийце, чтобы только не упасть снова в обморок.

Но мне вскоре стало лучше. Я сделал над собой огромное усилие, улыбнулся и сказал, что движения женщины напомнили мне змею, а змей я боюсь до ужаса.

Молодой турок весело рассмеялся и согласился, что змеи очень противны, но в этой тонкой и высокой женщине он не видит ничего змеиного.

В эту минуту снова показалась она. И вправду, только от неожиданности можно было так перепугаться. Ничего противного в ней не было. Это была ч,,рная статуя стройностью и совершенством форм. Однако контраст ч,,рной кожи и безукоризненной белизны одежды в этой дивной светлой комнате, где мо,, воображение уже поселило золотоволосых ангелов, подействовал на меня удручающе.

Я мысленно всеми силами вцепился в руку Флорентийца; и ещ,, раз осознал, что не знаю жизни, неопытен и несдержан.

«Враг не дремлет и всегда будет стараться воспользоваться каждой минутой твоей растерянности», вспомнил я строки из письма Али.

Не успели все эти мысли мелькнуть в моей голове, как ч,,рная девушка уже подошла к И. и сказала, что хозяин просит И. пройти к нему в кабинет,

а остальных прогуляться по саду, куда они сойдут через четверть часа.

И. прош,,л в комнату хозяина, очевидно зная дорогу; нас девушка повела в сад, открыв зеркальную вращающуюся дверь, которую я принял за обыкновенное трюмо. Через эту дверь мы попали в библиотеку, с несколькими столами и глубокими креслами, а оттуда вышли через веранду в сад.

Какой чудесный цветник был разбит здесь! Так красиво сочетались в гамме красок незнакомые мне цветы! Щебетали птицы, деревья бросали на дорожки фантастические тени. Такой мир и спокойствие царили в этом уголке, что не верилось в близость моря, шум которого здесь не был слышен, в бури и весь тот ужас, через который мы только что прошли, чтобы попасть сюда, в это безмятежное поэтическое царство.

Не хотелось двигаться, не хотелось не только говорить, но даже слушать человеческую речь. Я остался у цветника, сел на скамейку под цветущим гранатовым деревом и стал думать о Флорентийце и его друге, у которого и дом и сад – вс,, наполнено миром и красотой. Не для себя одного, размышлял я, создал этот уголок хозяин. Сколько бурь сердечных должно утихнуть в душах людей, попадающих в эту тишину и гармонию! Словно каждый предмет здесь, каждый цветок напо,,н любовью. Казалось, я понял, чем должно быть земное жилище тех, кто любит человека, встречая в каждом подобие самого себя, стараясь дать каждому помощь и утешение.

Я пытался представить себе нашего хозяина, внутреннее существо которого, казалось, я постиг. И подумал, что он, должно быть, похож красотой на Флорентийца. Тут я почувствовал новый прилив сил, представив себе своего друга в белой одежде и чалме, каким он был на пиру у Али. «Увижу ли я вас, дорогой Флорентиец? О, как я люблю вас!» – говорил я мысленно, вкладывая в эти слова вс,, сво,, сердце, и ясно – совсем рядом – услышал его голос: «Я с тобой, мой друг. Храни мир, носи его всюду и встретишь меня».

Слуховая иллюзия была так ярка, что я вскочил, чтобы броситься на любимый голос. Но каково же было мо,, разочарование и удивление, когда я увидел И., зовущего меня, жалкого «Л,,вушку-лови ворон».

И. стоял на веранде рядом с человеком в обычном европейском л,,гком костюме. Контраст между мечтой и действительностью был таким разительным, что я не мог удержаться от смеха. Все неожиданности – и ч,,рная змеевидная женщина вместо ангелов, и обычный человек вместо Флорентийца – вс,, вместе вызвало во мне смех над собственной детскостью.

Совершенно не сознавая неприличия своего поведения, я встал и пош,,л, смеясь, на зов И.

– Что тебя веселит, Л,,вушка? – спросил И., нахмурился.

– Только собственная глупость, Лоллион, – ответил я. – Я, должно быть, никогда не выйду из детства и не сумею воспитать в себе тех достоинств, живой пример которых вижу перед собой. Смешно, что я попадаюсь на иллюзиях, которые мне подстраивают мои глаза и уши. Это вс,, противная, тяж,,лая и жаркая дервишская шапка испортила мой слух.

– Нет, друг, – сказал хозяин дома. – Если твои иллюзии рождают вес,,лый добрый смех, – ты можешь быть спокоен, что достигнешь многого. Только злые люди не знают смеха и стремятся победить упорством воли; и они не побеждают. Побеждают те, что идут любя.

Я остановился, как вкопанный. Мысли вихрем завертелись в мозгу. Что общего между нашим хозяином и Флорентийцем? Почему сердце мо,, сразу наполнилось блаженством? Я видел человека среднего роста, с темно-каштановыми, вьющимися волосами, на которых сидела небольшая шапочка вроде тибетейки. Его прекрасные синие глаза смотрели мягко, любяще, однако излучали огромную силу.

Вот это выражение силы, энергии, внутренней мощи и поразило меня, вызвав в памяти образ Флорентийца и пылающую мощь глаз Али.

Я был глубоко тронут его ласковой речью, вниманием, которого я – первый встречный – никак не заслужил. И невольно подумал, что уже много дней живу среди чужих людей, дающих мне защиту, кров и пищу, а я... И я грустно опустил голову, подумав о сво,,м собственном бессилии, и слезы скатились с моих ресниц.

Хозяин сош,,л с веранды, тихо и нежно обнял меня и пов,,л в дом. Я не мог унять слез. Скорбь бессилия, сознание великой доброты людей, защищающих брата, преклонение перед ними и полная моя невежественность, незнание даже мотивов их поведения, ужас от мысли лишиться их покровительства и дружбы и остаться совсем одиноким – вс,, разрывало мне сердце, и я приник, горько рыдая, к плечу моего спутника.

– Вот видишь, друг, какие контрасты играют жизнью человека. В страшную бурю, когда пароходу грозила гибель, – ты весело смеялся и тем поразил и ободрил храбрых людей. Сейчас тебя заставила смеяться великая любовь и преданность другу, – а в результате ты плачешь, думаешь об одиночестве и впадаешь в уныние от ещ,, несуществующего будущего. Как можно потерять то, чего нет? Разве ты знал минуту назад, что будешь сейчас плакать? Ты лишился мира и радости только потому, что перестал верить своему другу Флорентийцу, которому хочешь сопутствовать всю

жизнь. Ободришься. Не поддавайся сомнениям. Чем энергичнее ты будешь гнать от себя уныние, тем скорее и лучше себя воспитаешь, и внутренняя самодисциплина станет твоей привычкой, легкой и простой. Не считай нас, твоих новых друзей, людьми сверхъестественными, счастливыми обладателями каких-либо тайн. Мы такие же люди, как и все. А люди делятся только на знающих, освобожденных от предрассудков и страстей, а потому добрых и радостных, – и на незнающих, закованных в цепи предрассудков и страстей, а потому унылых и злых. Учись, сын мой. В жизни есть только один путь: знание. Знание раскрепощает человека. И чем свободнее он становится, тем больше значит в созидающей Вселенной, тем весомее его труд на общее благо и шире область той атмосферы мира, которую он несет с собою. Возьми этот медальон; в нем портрет твоего друга Флорентийца. Прекрасно, что ты так предан ему. Теперь ты сам видишь, что и родного, и неродного брата, совсем недавно обретенного, ты любишь одинаково сильно. Чем больше будешь ты освобождаться от любви условной, тем вернее любовь истинно человеческая будет просыпаться в тебе.

С этими словами он подал мне довольно большой овальный медальон на тонкой золотой цепочке, в крышку которого был вделан темный-синий выпуклый сапфир.

– Надень его; и в минуты сомнений, опасности, уныния или горького раздумья возьми его в руку, думая о Флорентийце и обо мне, твоём новом, навсегда тебе преданном друге. И ты найдешь в себе силы удержать слезы. Помни: каждая пролитая слеза отнимает, а каждая побежденная возводит человека на новую ступень внутренней силы. Здесь надпись на одном из древнейших языков человечества: «Любя побеждай».

С этими словами он открыл медальон, и я увидел дивный портрет Флорентийца.

Я хотел поблагодарить его; я был полон благоговения и счастья. Но в дверь постучали, и я едва успел надеть медальон. Но, должно быть, он прочитал мои мысли; он улыбнулся мне, подошел к двери и открыл ее.

Я увидел белое платье, черную голову, шею и полуоткрытые руки, но этот силуэт больше не пугал меня. Странное чувство – уже не раз испытанное мною за эти дни – ощущение какой-то силы, обновления всего организма снова наполнило меня. Я точно снова вдруг стал старше, увереннее и спокойнее.

– Могут ли войти ваши друзья, сэр Уоми? – спросила девушка.

– Да, Хава, могут. Познакомься еще с одним моим другом. И пока я буду говорить о совершенно неинтересных для него вещах, проводи его в

библиотеку и покажи полку, где стоят книги философов всего мира, трактующих самовоспитание. Пусть он выберет все, что только захочет. А ты сложишь книги в портфель на память о себе, – сказал, улыбаясь, хозяин, и глаза его заблестели юмором, точь-в-точь как у Флорентийца.

– Я с радостью проведу молодого гостя в библиотеку и покажу книги. Но вряд ли ему будет приятна память обо мне. Европейцы редко переносят чужую кожу, – ответила Хава, открывая в улыбке ослепительно белые зубы.

Я был вконец сконфужен. А сэр Уоми обратился ко мне со смехом:

– Вот и первый урок тебе, друг. Побеждай свои предрассудки и помни, что у всех у нас одна и та же, красная кровь.

Я вышел вслед за Хавой и в соседней комнате столкнулся с И. и турками, направлявшимися в кабинет сэра Уоми. Должно быть, вид мой был необычен; турки удивленно на меня посмотрели, а И. улыбнулся и ласково провел рукой по моим волосам.

Хава пропустила их в кабинет и пригласила меня следовать за нею. Мы миновали несколько комнат, затененных ставнями от солнца, и через знакомую уже зеркальную дверь вошли в библиотеку.

Теперь я лучше рассмотрел эту комнату. Какая художественная атмосфера царит здесь! Темные шкафы красного дерева с большими стеклянными дверцами красиво выделялись на синем ковре. Синий потолок с росписью: хоровод белых павлинов и играющий на дудочке юноша.

– Вот, это здесь, – услышал я голос Хавы. – Вам придется встать на лестницу. На верхних полках этих двух шкафов стоят книги, которые рекомендовал вам сэр Ут-Уоми.

Я поблагодарил, запомнив, что друга моего зовут Ут-Уоми, и стал читать названия книг. Я полагал, что читал очень много под руководством брата и непременно найду хотя бы несколько знакомых мне изданий. Но ни одной из этих, на разных языках, книг я не знал.

– Ненадолго оставлю вас одного и поднимусь к себе за портфелем, – сказала Хава.

И я остался один. Окна и дверь веранды были распахнуты, и из сада в комнату лился чудесный аромат. А тишина дарила особенное наслаждение, я отдыхал после неумолчного шума моря. Тянуло выйти в сад, походить по мягкой земле, но я боялся рассеяться и стал прилежно перебирать книги.

Я хотел было уже перебраться к другому шкафу, как вдруг на пол, неловко задеваемые мною, выпали две книги. Я сошел с лестницы, поднял книги и открыл толстую кожаную обложку одной из них. «Самодисциплина, ее значение в жизни личной и космической», произведение Николая Т.

Издание Фирс, Лондон, – проч,,л я заголовок.

Я прот,,р глаза; ещ,, раз проч,,л заголовок. Схватил вторую книгу в таком же перепл,,те. «Путь человека, как путь освобождения. Человек, как единица Вечного Движения». Издание Фирс, Лондон. Произведение Николая Т.

Сомнений быть не могло, эти книги принадлежат перу моего брата. Но что всколыхнулось во мне при этом открытии! Какие разноречивые чувства наполняли меня, – описать невозможно! Вопросы: Кто же мой брат? Кто был моим воспитателем? Почему я разлуч,,н с ним? – опять превратили меня в «Л,,вушку-лови ворон». Я не стал искать дальше, а присел на лесенку и принялся читать.

Не помню сейчас, много ли успел прочесть, но очнулся я от громкого смеха. Вздвогнув от неожиданности, я так растерялся, что даже не сообразил сразу, почему возле меня стоят полукругом И., турки, Хава и сэра Уоми, где я и что со мной.

Сэр Уоми подош,,л ко мне, ласково обнял и шепнул:

– Радуйся находке, но внешне войди в роль светского воспитанного человека.

Тут И. взглянул на книги и на меня и весело рассмеялся.

– Теперь, Л,,вушка, ты видишь, что не только ты скрывал от брата свой литературный талант, но и он утаил от тебя свои книги. Ты наш,,л их. Теперь нужно становиться скорее писателем, чтобы и твои книги попали ему в руки. Тогда вы будете квиты.

– Вот как! Капитан Т. – ваш брат? – сказала Хава. – Тогда вам будет очень интересно прочесть и его последнюю книгу; в ней есть даже портрет капитана Т.

С этими словами она быстро открыла шкаф у правой стены, подкатила туда лесенку и достала книгу в синем перепл,,те, подав е,, разв,,рнутою на странице с портретом брата. Он был очень похож; только лицо очень строгое, серь,,зное, и печать какого-то отречения лежала на н,,м.

Я проч,,л заголовок: «Не жизнь делает человека, а человек нес,,т в себе жизнь и творит свою судьбу». Я ничего не понял, к стыду своему, ни в одном из заголовков. Тяжело вздохнув, я взял все три книги и вышел в сад, где теперь находились сэра Уоми и остальные гости.

Подойдя к ним, я сказал печально, что книги брата мне очень дороги, но они кажутся мне таинственной китайской грамотой. Я просил у доброго хозяина разрешения взять с собой эти книги, чтобы потом вернуть их почтой.

– Возьми, друг мой, и оставь книги себе, – ответил он. – Я всегда

смогу пополнить свою библиотеку. Тебе же пока несколько труднее. У тебя сейчас такой чудесный учитель и воспитатель в лице И., что он растолкует все,, чего ты не пойм,,шь. И о нас расскажет, – прибавил он, понижая голос так, чтобы нас не могли слышать турки, которых Хава увела в глубь сада.

– И не огорчайся так часто своей невежественностью и невыдержанностью, – продолжал сэр Уоми, усаживая меня на скамью между собой и И. – Просто в каждый обычный день живи так, словно бы это был твой последний день. Не оставляй ничего на завтра, про запас, живи всей полнотой мыслей и чувств сегодня, сейчас. Не старайся специально развивать силу воли, а просто будь добрым и чистым в каждую пробегающую минуту.

К нам подошли турки с Хавой, державшей в руках прекрасный портфель из зел,,ной кожи. Передавая его мне, она лукаво улыбнулась, спросив, не напоминает ли мне этот цвет чьих-то зел,,ных глаз.

– А внутри, – прибавила она, – вы найд,,те портрет сэра Уоми.

Я был тронут вниманием девушки и сказал ей, что, очевидно, всем вокруг не,, тепло, что я всегда буду помнить е,, любезность и опечален тем, что я плохой кавалер и у меня нет ничего, что я мог бы оставить ей на память.

– Ну, а если я найду что-нибудь, что принадлежит вам? Оставьте ли мне свой автограф на память?

Моя вещь в этом доме? Я пот,,р лоб, проверяя, не заснул ли уж я м,,ртвым сном Флорентийца? Хава звонко рассмеялась и своим гортанным голосом произнесла:

– Я жду ответа, кавалер Л,,вушка.

Я окончательно смутился, и за меня ответил сэр Уоми.

– Неси сво,, сокровище, Хава, если оно и в самом деле у тебя есть. Не конфузь человека, который ещ,, и сам не знает, что дал миру жемчужину и тем украсил жизнь.

Я перев,,л глаза на сэра Уоми, думая обнаружить на его лице уже знакомый мне юмор. Но оно было серь,,зно, и смотрел он ласково. Я ощутил уже привычное раздражение от всех этих тайн и загадок и готов был раскричаться, как в дверях увидел Хаву с толстой книжкой в руках. Это был журнал «Новости литературы». Развернув книжку, она поднесла мне страницу с началом рассказа: «Первая утрата, – и свет погас». Того рассказа, что пленил аудиторию и какого-то литератора на студенческой вечеринке в Петербурге и теперь вышел в свет. Хава перелистала страницы и показала мне подпись: «Студент Т.»

– Пиши автограф, – сказал И. – И надо собираться. Я взял из рук Хавы

карандаш, взглянул на не,, рассмеялся и написал:

«Новая встреча, – и свет засиял». Мой автограф вызвал не меньшее удивление всего общества.

– Ты и сам ещ,, не понимаешь, что в тво,,м рассказе и что значат слова этого автографа, мой юный мудрец, – сказал, прощаясь, сэра Уоми. – Но в нашу следующую встречу ты будешь во всеоружии знания. Иди сейчас так, как повед,,т тебя И., и дождись в его обществе возвращения Флорентийца.

Он обнял меня и ласково пров,,л рукой по моим волосам. Хава протянула мне обе руки. Я склонился и поцеловал эти прекрасные ч,,рные руки, прося прощения за свой испуг и отвращение, которые они мне внушали прежде.

Я почувствовал, что руки е,, задрожали; а когда поднял голову, увидел изменившееся лицо Хавы и услышал ш,,пот:

– Я всегда буду вам верной слугою, и ваш свет мне будет сиять тоже.

Нас разъединил И., подошедший проститься с Хавой. Мы вышли все вместе и тут же расстались с турками, которые собирались навестить родственников. Я удивился, как промелькнуло время. Казалось, только час и пробыли мы у сэра Уоми, а на самом деле было уже около семи вечера.

Я был рад, что турки ушли; говорить мне совсем не хотелось. И. взял меня под руку, мы свернули в какую-то улицу и зашли в книжную лавку. И. спросил, нет ли последнего номера журнала «Новости литературы».

– Нет, – ответил приказчик. – На этот раз вс,, раскупили. Но можно снять с витрины последний экземпляр, если вы наверняка купите.

И. заверил, что книгу мы купим непременно, расплатился, и мы вышли.

– Как не хочется идти на пароход, Лоллион, – сказал я. – Век бы жил тут, в саду сэра Уоми.

– Ну, вот и верь тебе! Хотел век жить подле Флорентийца, всю жизнь разделять его труды. А теперь хочешь жить в саду сэра Уоми? – улыбнулся И.

– Да, – ответил я. – Слова мои могут показаться изменой. И я не смог бы рассказать, что творится в мо,,м сердце. Оно, точно мешок, вс,, больше расширяется, и живут в н,,м не только мой брат и Флорентиец. Я ещ,, не могу уяснить себе, что общего наш,,л я между вашими тремя друзьями: Али, Флорентийцем и сэром Уоми. Но что-то общее есть, какое-то высшее благородство, какая-то неведомая мне сила... Я даже думаю, что у вас и Ананды много общего с ними. Не могу ещ,, взять в толк, почему вы все так беспредельно со мной милосердны! Защищая брата, который, конечно, достоин этого, – вы делаете и для меня так много, чего я вовсе не заслужил.

И вы, вот вы, Лоллион, – чем смогу я когда-нибудь отплатить вам?

– Не наград или похвал должен ждать человек, Л.,вушка, – ответил И.
– Жизнь наша – лишь ряд причин и следствий; и этому закону подчинена Вселенная, а не только жизнь человеческая. Но у нас еще, будет много времени, чтобы говорить об этом. Не хочешь ли сейчас соблюсти долг вежливости и купить цветов нашим дамам за то, что они так славно потрудились и помогли нам одеть Жанну и детей?

– Нет, вознаградить их – каковы только что сказали – за доброе дело мне вовсе не хочется; а вежливость? – возможно, я плохой кавалер. Но мне очень хочется, всем сердцем хочется – отнести розы Жанне, – это я сделал бы так радостно, что даже возвращение на пароход мне было бы менее тяжело.

– Прекрасно, вон там я вижу цветочный магазин. Я выполню долг вежливости по отношению к итальянкам, ты – подари цветы Жанне. Но будь осторожен, Л.,вушка. Ни в одной из тех, кто встречается нам сейчас на пути, ты не должен видеть женщину как предмет любви; а только друзей, которым мы должны помочь, если можем. Мы должны хранить в сердце и мыслях такую глубокую чистоту и целомудрие, как будто бы ид.,м в священный поход. Все наши силы, духовные и физические, должны быть целиком устремлены только на то дело, которое нам поручили. Мужайся и на меня не сердись. Бедное, разор.,нное сердце Жанны готово привязаться всеми силами к тому, кто выкажет ей сострадание и внимание. Тебе же предстоит не утешение одной только женщины, а верное служение задаче, взятой на себя добровольно. Двоиться, желать и брата спасти, и женщину найти, – тебе сейчас нельзя.

– Мне и в голову не приходило перейти границы самой простой дружбы в мо.,м поведении с Жанной. Я очень сострадаю ей, готов во вс.,м помочь, – ответил я.

– Но верьте, Лоллион, ни она, ни Хава никогда не могли бы стать героинями моего романа... И если чем-нибудь я дал вам повод подумать иначе, я согласен отнести цветы синьорам Гальдони, а вы – за нас обоих – передайте мои Жанне.

Когда мы стали выбирать букеты дамам, я вс., же отобрал белые и красные розы для Жанны, а И. – два букета итальянкам, один из розовых, другой – из ж.,лтых роз. Я положил свой букет на пальмовый лист и перевязал его белой и красной лентами.

На вопрос, почему я выбрал эти цвета, я ответил, что мне неизвестно значение цветов. Но Али когда-то прислал мне подарок белого цвета – цвета силы; и красного – цвета любви.

– Теперь я, в свою очередь, хочу послать Жанне привет любви и силы; и надеюсь, что она не увидит в этом чего-либо предосудительного.

Взяв цветы, мы снова вышли на набережную и отправились прямо на пароход.

И. прош,,л к Жанне, а я направился в каюту итальянок и передал розовый букет дочери и ж,,лтый – матери. Девушка радостно приняла цветы, и нежный румянец разлился по е,, лицу и шее.

Мать ласково улыбнулась и спросила, видел ли я мадам Жанну в новом туалете. Я ответил, что к ней пош,,л мой кузен, так как малютки нуждаются в его присмотре, а я повидаю всех завтра и уж тогда полюбуюсь туалетами.

Я был так полон новыми впечатлениями, портфель с книгами тянул меня скорей в каюту, чтобы хоть портрет брата рассмотреть наедине, – а тут приходилось стоять в толпе разряженных дам и мужчин и принимать участие в л,,гком салопном разговоре. Я воспользовался первым попавшимся предложением, быть может, показавшись не слишком учтивым, и поднялся на свою палубу.

Хотелось принять душ, полежать и подумать. Но, очевидно, моим намерениям сегодня не суждено было сбываться.

Не успел я снять пиджак, как явилась моя нянька – матрос-верзила, подав мне посылочку и письмо в элегантном длинном конверте. Он интересовался нашим путешествием на берег, жаловался, что его не пустили со мной в город. Только я от него отделался, как пришли турки. Я едва успел спрятать посылку и письмо. Турки рассказывали, что очень весело провели время у родственников, где узнали, сколько бед принесла буря, из которой счастливо и благополучно выскочил один только наш пароход. Вышедшие следом за нами два парохода, один

– старый греческий и другой французский, – оба погибли. А в Севастополе буря свирепствует и поныне, хотя уже с меньшей силой.

Всеми силами я старался быть вежливым; но внутри у меня клокотало раздражение от невозможности жить так, как хочется, а постоянно зависеть от светских приличий.

«Неужели, – думал я, – так поразившие меня люди огромной выдержки, которых я увидел, и едущий со мною И. приобрели сво,, хорошее воспитание и выдержку таким же трудным пут,,м?»

Я готов был закричать туркам, чтобы они уходили и дали мне возможность побыть одному. И тут я услышал голоса И. и капитана с трапа нашей палубы.

Меня поразило лицо И. Я ещ,, ни разу не видел его таким сияющим. Точно внутри у него горел какой-то свет, так он лучился радостью.

В моей голове снова промчался вихрь. Тут были и мысли низкие, недостойные; я подумал, что И. так задержался у Жанны, потому что любит е,,. А мне-то говорил! Проскользнули здесь и ревность, и грубая мысль о полной зависимости от почти незнакомого мне человека. Я почувствовал протест, и меня охватило раздражение.

Я почти не слышал, о ч,,м говорили вокруг. Ещ,, раз посмотрел на И., – и устыдился своего недоброжелательства. Лицо И. вс,, так же светилось внутренним огн,,м, глаза его сверкали, напоминая глаза-зв,,зды Ананды.

Нет, сказал я себе, он не может быть двуличным. Человек с такими светящимся лицом должен гореть честью и любовью. Иначе откуда взяться этому свету?

Я вспомнил обо вс,,м, что рассказал мне И. о себе; о том, что я постиг за короткое время через него; и о том необычном человеке, которого он показал мне в Б.

Постепенно я забыл обо вс,,м, превратился в «Л,,вушку-лови ворон», перен,,сся в сад сэра Уоми и так погрузился в мысли о н,,м, что как будто слышал его голос:

«Мужайся, пора детства миновала. Учись действовать не только ради брата, но вглядывайся во всех, кто тебе встретится. Если ты не сумел дать человеку слово утешения, – ты потерял счастливый момент. Не думай о себе, разговаривая с людьми, думай о них. И ты не будешь ни уставать, ни раздражаться».

Я вздрогнул от страшного р,,ва, вскочил, оглуш,,нный, сконфузился, потому что все смеялись, и никак не мог сообразить, где я, – пока, наконец, не понял, что это рев,,т пароходный гудок.

И. ласково обнял меня за плечи, говоря, что нервы мои за эти дни совсем истрепались.

– Да, Лоллион, истрепались.

И я хотел рассказать ему ещ,, об одной своей слуховой галлюцинации, но он незаметно для других приложил палец к губам и шепнул: «После», чем немало удивил меня.

Между тем гудок умолк, и на пароходе кипела обычная перед отправлением суэта. Мы медленно отходили от мола. Полоса воды между нами и Б. становилась вс,, шире; и, наконец, берег скрылся из глаз. Ещ,, одна страница моей жизни закрылась, ещ,, один светлый образ поселился в мо,,м сердце прочно, и я даже не заметил, какое огромное место он там занял.

ГЛАВА XV МЫ ПЛЫВ,,М В КОНСТАНТИНОПОЛЬ Спустя некоторое

время явился верзила со складным столом и скатертью, а за ним лакей с тарелками и прочими обеденными приборами.

Турки вспомнили, что им надо переодеться к табльдоту и поспешили вниз.

Мне стало легче с их уходом. Гармоничная атмосфера И., точно горный зефир, охватила меня. И вс,, мелкое, раздражающее, заводящее мысли и чувства в тупик, отступило. Интерес к внутренней жизни И., желание понять причину его необыкновенного состояния выступили на первый план. Я невольно подпал под очарование его спокойствия и даже какой-то величавости. Мои мысли вернулись назад, к его детству, его страданиям и к той силе, которая в н,,м выросла теперь.

Я молча сидел подле него и только сейчас обнаружил, что вся внешняя суета мне не мешает, что я даже не замечаю людей, хотя и вижу их совершенно отч,,тливо.

Я не превратился в «Л,,вушку-лови ворон», вполне соображал, где я, даже перекинулся парой фраз с капитаном; но внутри меня точно вс,, звенело, я был тих; никогда прежде не испытывал я такого спокойствия, сознавая, что пришло оно от той внутренней гармонии, которую распространял сияющий Лоллион.

«Вот как может быть счастлив человек своим внутренним состоянием. Вот где сила помощи людям без слов, без проповедей, одним только живым примером», – подумал я.

Даже нетерпеливое желание выяснить, от кого мне передали посылку и письмо, отступило куда-то; я думал о письме Флорентийца. Только сейчас дошли до моего сознания его слова о том, что я должен поехать в Индию. Помимо непосредственного интереса, который мне всегда внушала эта страна (быть может, потому, что я много читал о ней книг у брата и видел много иллюстраций), – теперь, когда я встретил Али, узнал от И., что все они, – и сэр Уоми тоже, – были в Индии и жили там, – мой интерес оживотворился. Мне захотелось самому повидать эту страну. Недавний протест и страх перед Востоком ул,,гся. Я по-новому стал воспринимать разлуку с братом, уже не видя в ней трагедии, а сознавая, что это начало новой жизни.

Мы отобедали. И мне пришлось прибегнуть к каплям И., так как в открытом море вс,, же качало и я не чувствовал себя устойчиво. Отголоски бури, как предсказывал капитан; но сейчас качка почему-то действовала на меня особенно.

– Я давно вижу, дружок, что тебе хочется рассказать о своих впечатлениях. Мне тоже есть что поведать тебе, – сказал И.

– Прежде всего, мне хотелось бы узнать, от кого я получил посылку и письмо из Б. и поделиться их содержанием с вами, – ответил я.

По лицу И. скользнула усмешка; он встал и предложил мне перейти в каюту. Я достал из-под своей подушки письмо и посылочку. Разорвав конверт, я был удивлен, насколько выше всякой меры подписью «Хава», которую я от нетерпения прочел сразу.

Я так изумился, что вместо того, чтобы читать письмо самому, протянул его И. Представление о черной статуе в белом платье, которую я считал мелькнувшей и навек исчезнувшей для меня бабочкой, ожило и достаточно неприятно поразило меня.

И. взял письмо, посмотрел на меня своими светящимися глазами и стал громко читать:

«Я не знаю, какими словами выразить мое обращение к Вам. Если бы я была белой женщиной, то я бы нашла, как обойти установленные вековыми предрассудками правила светских приличий. Но моя черная кожа ставит меня вне законов вежливости и приличий, которые белые люди считают иногда обязательными только для белокожих. Я могу обращаться к Вам не иначе, как к частице света и духа, живущих в каждом человеке, независимо от времени и места, нации и религии. Знание рассеивает все предрассудки и суеверия; и я, обращаясь к Вашей любви, позволю себе сказать Вам: «Друг». Итак, Друг, – впервые в жизни белый человек выразил мне свою вежливость и сострадание, прижав к губам мои черные руки. Если бы я жила еще тысячу лет, – я и тогда не забыла бы этих поцелуев, потому что им ответил поцелуй моего сердца. Наверное, есть много форм любви, о которой говорят и которую выражают действием женщины. Мне же доступна только одна ее форма – беззаветной преданности, не требующей ничего взамен. Я отдаю Вам свое сердце, не умеющее раздваиваться; и верность моя пойдет за Вами всюду, будет ли это рай или ад, костер или море, удача или поражение. И почему именно так пойдет моя жизнь, какие вековые законы жизни связывают нас, – мне ясно. Когда-либо станет ясно и Вам, но сейчас я молчу. Я знаю все, что Вы можете подумать об этой привязанности, такой Вам сейчас ненужной и стеснительной. Но настанет время, Вы выберете себе подругу жизни, – и черная няня пригодится белым детям. Моя преданность, – так навязчиво предлагаемая сейчас, если рассматривать ее с точки зрения условностей, – на самом деле проста, легка, радостна. Если подняться мыслью в океан Вселенной и там уловить свободную ноту любви, любви, не подавляемой иллюзорным пониманием дня как тяжелого испытания, долга и жажды набрать себе лично побольше благ и богатства, – то можно увидеть не этот

серый день, сдавленный печалью и скорбью, но день счастливой возможности вылить из сердца любовь свободную, чистую, бескорыстную, – и в этом истинное счастье человека. И да простит мне жизнь эту мою уверенность, но я знаю, что в Вашем доме найду свою долю мира. Я знаю, как испугала Вас моя черная кожа; и тем глубже ценю благородство сердца, отдавшего поцелуй моим чуждым рукам. В память о нашей встрече я посылаю небольшую шкатулку, которая Вам, наверное, понравится. Примите ее, как самый ценный дар моей преданности. Мне дал ее, сэр Уоми в день моего совершеннолетия, велев передать ее, тому, за кого я буду готова умереть. Я уже сказала, – путь мой за Вами. Чтобы не показаться сентиментальной, я кончаю свое письмо глубоким поклоном Вашему другу И., Вашему брату и Вашему великому другу Флорентийцу.

Ваша слуга Хава».

И. давно кончил. Я сидел, опустив голову на руки, и не знал, что думать еще, и об этой неожиданной случайности.

– Нет случайностей, – услышал я голос моего друга. – Все, с чем мы сталкиваемся, подчинено закону причинности, и нет в жизни следствий без причины. Чем свободнее от предрассудков человек, тем больше он может знать. И Хава права, когда пишет, что знание рассеивает предрассудки и суеверия. Но мы еще, будем иметь время, чтобы поговорить об этом. Сейчас хочу тебе сказать, что преследовавшие нас сарты погибли на старом греческом судне, куда их привела ненависть, хотя они знали о предстоящей буре. Теперь до самого Константинополя за нами не будет погони. А там узнаем, как быть дальше. Не хочешь ли посмотреть на заветный подарок Хавы? Качка усиливается, нам следует снова обойти весь пароход. После перенесенной бури люди гораздо чувствительнее к качке. Жанну надо навестить первой, потом итальянок и т. д.

Я развернул небольшой пакет и достал из кожаного футляра квадратную шкатулку темно-синей эмали, на крышке которой был изображен овальный эмалевый портрет сэра Уоми. Портрет был окружен рядом небольших, но чудно сверкавших бриллиантов, а замком служил крупный, выпуклый темный сапфир.

– За всю свою жизнь я даже и не видел столько драгоценных вещей, сколько мне пришлось держать в руках за эти недели, – сказал я.

– Да, – ответил И. – Какое множество людей хотело бы хоть подержать в руках портрет сэра Уоми, не только что получить его в подарок. Но спрячь все, в саквояж, нам пора двинуться в обход.

Я спрятал все свои вещи и книги в саквояж. И. достал наши аптечки, и не успели мы их надеть, как в дверях появился посыльный от капитана с

просьбой поспешить в каюту 1 А, там худо и матери, и детям.

Мы помчались ближайшими переходами к Жанне, причём верзила снова спас мой нос и рёбра, так как я не умел удерживать равновесие. На мой вопрос, уж не буря ли будет снова, И. ответил, что это невозможно, природа не в состоянии так разъяриться два раза подряд. А верзила, смеясь, уверял, что это всего только зыбь. Быть может, это и была зыбь, но – надо отдать ей справедливость

– зыбь препротивная.

Мы вошли к Жанне и снова застали картину почти того же отчаяния, что и в первый раз. Она сидела, забившись в угол дивана, с детьми на коленях.

Лицо её выражало полную растерянность, и когда И. наклонился к девочке, чтобы взять её, и положить на детскую койку, она вцепилась в него, крича, что девочка умирает, и она не хочет, чтобы та умирала на холодной койке, пусть лучше у сердца матери. От резкого движения и малыш скатился бы на пол, если бы я не бросился к нему.

Взяв ребёнка на руки, я готов был разразиться упрёками, но образ сэра Уоми, прочно поселившийся в моём сердце, помог сдержаться и мягко сказать ей:

– Так-то вы держите обещание ухаживать за детьми? Разве им не удобнее в своих постельках?

Жанна плакала, говоря, что, не видя меня так долго, не сумела сохранить самообладание, а болезнь детей просто разрывает ей сердце. Я же совсем позабыл о ней. Я возражал, что её навещали, а моё присутствие или отсутствие не может влиять на здоровье детей.

– Я сам ещё так молод и невежествен, что всецело нуждаюсь в наставнике, – продолжал я. – Если бы не мой брат И., я бы десять раз погиб. Перестаньте думать, что вы одиноки и несчастны, лучше помогите доктору дать детям лекарство.

Сам не знаю, что я ещё наговорил бы бедной женщине, но нежный тон моего голоса, должно быть, передал моё сострадание. Мигом она оторвала слезы, – и лучшей сестры милосердия нечего было искать.

И. долго возился с девочкой, которая была ужасно слаба.

– Сегодня это состояние продлится ещё несколько часов. Но зато завтра пойдёт на улучшение, – сказал И. Жанне. – Держите её непременно в постели весь день. Если не будет качки, – вынесите её на палубу. Ну а малыш через час попросит есть.

Мы уже собрались уходить, когда Жанна обратилась к И. с мольбой:

– Разрешите вашему брату побыть со мной. Я так боюсь чего-то; мне

вс., мерещится какое-то новое горе, вс., кажется, что дети мои тоже умрут.

И. кивнул головой, сказав, чтобы я оставался здесь до тех пор, пока за мной не придут, т.е. верзила, но если откуда-нибудь будут звать доктора, я должен ответить, что без И. я помочь не смогу.

Он ушел. Мы остались с Жанной подле детей. Девочка понемногу успокаивалась; дыхание становилось ровнее, хрипы в груди утихли. Жанна молчала, не плакала; но я видел, что не одна болезнь довела ее до нового взрыва отчаяния.

– Что случилось? – спросил я. – Почему вы опять в таком состоянии?

– Я и сама не знаю, отчего на меня нахлынули ужасные воспоминания о смерти мужа. Я почувствовала такой страх перед будущей жизнью. Не могу передать вам, какой жуткий страх на меня нападает, когда я думаю, что мы приедем в Константинополь и мне придется расстаться с вами. Я умру от одиночества и голода.

– Вы умрете от одиночества и голода? А дети переживут вас? Кто же будет для них работать? Кто у них ближе вас? Вы думаете о том, что было, и о том, что будет. А сейчас? Об этой минуте, когда вы чуть не уронили мальчика и навредили девочке, не держа ее в постели, вы не думаете? Я прежде, как и вы, только тем и занимался, что думал или о том, что будет, или о том, что было. Мой любимый и мудрый друг и мой теперешний спутник И. своим примером показали мне, что нужно жить только тем, что совершается сейчас. И что это «сейчас» и есть самое главное. Попробуйте не плакать, а бодро ухаживать за детьми. Ваши слезы мешают им мирно спать, и они так дольше проболуют. Улыбайтесь им – их здоровье восстановится гораздо быстрее. Что же касается Константинополя, то ведь И. сказал вам, что вас там устроит, а слово его никогда не расходится с делом. Если у вас есть цель поставить детей на ноги, зачем вам думать о том, будете ли вы одиноки? Вы уже по опыту знаете, как вс., непрочно в жизни. Просите И. научить вас, как воспитывать детей. Я же ничего не могу для вас сделать; у меня нет ни семьи, ни дома, я еще не способен заработать свой кусок хлеба, так как мало знаю и ничего не умею делать. Но И., я уверен, поможет вам.

– Я его очень боюсь и стесняюсь, – сказала бедняжка. – А вас не боюсь и очень радуюсь, когда вы подле.

– Вс., дело в том, что я такой же неопытный ребенок в жизни, как и вы. Но если присмотритесь внимательнее к И., то будете счастливы каждую минуту, проведенную рядом с ним.

– Вы только что сказали, что улыбка матери помогает детям. Я стараюсь не плакать, но это так трудно. И я не думаю, чтобы И. научил

меня, как воспитывать детей; он такой строгий, никогда не улыбается. При н,,м я чувствую себя точно в железной клетке, а при вас мне легко и просто.

– Вам легко со мною, – ответил я, – только потому, что я так же легкомыслен, как и вы. Если бы вы по-настоящему любили своих детей! Не слезы текли бы из ваших глаз, а целые потоки энергии. Ведь вы вс,, плачете только о себе.

– Я не в силах ещ,, понять вас, – очень тихо сказала Жанна после долгого раздумья. – Но мне начинает казаться, что я действительно слишком много думаю о себе. Я постараюсь проникнуться вашими словами, может быть это поможет мне начать жить иначе.

Мне было очень жаль бедняжку. И я всячески старался не переходить границы дружеской беседы, не впадая при этом в назидательный тон. Жанна на моих глазах как-то странно менялась. На е,, молоденьком личике перестала играть та улыбка, которой оно всегда светило, когда я бывал с нею, но и отчаяние тоже ушло. Печаль, суровая решимость – точно она внезапно стала старше меня

– отделили е,, от меня каким-то кругом, в котором она и замкнулась.

Мы молча сидели у детских постелей, и мысль моя вернулась к Хаве. Какую сильной и мужественной женщиной она мне казалась теперь! И как нужна была бы е,, помощь этой хрупкой и тоненькой матери.

– Вы не думайте, что я слабая и боюсь труда, – внезапно вырвал меня из мира гр,,з дрожащий голосок. – Нет, о нет, я не боюсь. Я просто слишком любила своего мужа. Но я начинаю понимать, что страх лишает меня сил, погружает в отчаяние, и этим я только приношу вред моим детям. Мне становится ясно теперь, на какую ужасную жизнь я буду обречена, если не найду в себе мужества жить только для детей, быть им защитой, а стану оплакивать свою печальную судьбу женщины, потерявшей любимого.

В дверь постучали, вош,,л сияющий верзила и доложил, что И. просит меня пройти в первый класс, где снова заболела итальянка. Я простился с Жанной, почувствовав, что прин,,с ей какое-то разочарование. И е,, пожатие было менее пылким, а лицо осталось таким же суровым.

Быстро поднялись мы с верзилой в первый класс, где царил паника; очевидно, сильное волнение на море будило жестокие воспоминания о минувшей буре и страх.

Я застал И. в каюте синьор Гальдони, где старшая заливалась слезами, а младшая снова лежала бездыханно.

– Это и есть тот тяж,,лый случай, Л,,вушка, о ч,,м я тебе сказал сразу же. При каждом сильном потрясении будет наступать подобное обмирание, пока синьора Мария не научится в совершенстве владеть собой, –

обратился ко мне И.

– Нет, нет, я ничего особенного ей не сказала, – раздраж.,нно и громко заявила синьора Джиованна. – Я только хотела предупредить новое несчастье. Довольно с нас и одного горя.

– Зачем вы привлекаете внимание соседей? – тихо сказал ей И. – Ведь сейчас надо» помочь вашей дочери прийти в себя. Это не так легко; и если вы будете кричать, – мои усилия могут ни к чему не привести. Если не можете найти в сво,,м сердце столько любви, чтобы думать о жизни вашей дочери, и все свои силы устремить на помощь ей, – уйдите из каюты. Всякие эгоистические мысли и раздражение мешают в моменты опасности.

– Простите мне мо,, безумие, доктор. Я буду всем сердцем молиться о ней, – стараясь сдержать слезы, сказала мать.

– Тогда забудьте о себе, думайте о ней и перестаньте плакать. Плачут всегда только о себе, – ответил И.

Он велел мне, как и в первый раз, приподнять девушку и влить лекарство, ловко разжав ей зубы. Затем он сделал ей укол и искусственное дыхание с моей помощью.

Но все усилия остались тщетными. Тогда он свернул трубочку из бумаги, заполнил е,, остро пахнущим порошком, подж,,г и подн,,с к самым ноздрям девушки. Она вздрогнула, чихнула, кашлянула, открыла глаза, но снова впала в беспамятство.

Тогда И. брызнул ей в лицо водой, к шее приложил горячую грелку и снова заж,,г траву. Она вторично вздрогнула, застонала и открыла глаза. И., с моей помощью, посадил е,, и сказал:

– Дышите ртом и как можно глубже.

Я держал девушку за плечи и чувствовал, как тело е,, содрогается при каждом вдохе.

Долго ещ,, мы не отходили от не,, пока она не пришла в себя. И. велел напоить е,, подогретым молоком, запретил разговаривать с кем бы то ни было и укрыл т,,плым одеялом. Матери он сказал, что бури не будет, напротив, через час-два море совсем успокоится.

Мы вышли на палубу, где нас поджидала кучка людей, во главе с несчастным мужем злющей княгини. Молодой человек имел весьма плачевный вид. На левой щеке его красовался т,,мно-синий кровоподт,,к, правый глаз заплыл, точно его хорошенько поколотили в драке.

Вид его был столь жалок, что даже смешной контраст между элегантным костюмом и кособокой разноцветной физиономией не вызывал смеха. А его единственный, молящий глаз говорил о громадной трагедии, переживаемой этим человеком.

– Доктор, – сказал он дрожащим, слабым голосом. – Будьте милосердны. Я, право, не виноват в выходке моей жены. Судовой врач отказывается зайти к нам, говорит, что у него масса больных. Он думает, что княгиня наполовину притворяется, наполовину больна от страха. Но я уверяю вас, что она действительно умирает. Я никогда не видел ее, в подобном состоянии. Она уже не может ни кричать, ни драться... Она очень, очень стара. Будьте милосердны, – лепетал он. – Для меня и многих других будет страшная драма, если я не доведу ее, до Константинополя...

И. молча смотрел на этого несчастного человека, а передо мной – в один миг – мелькнула загубленная жизнь, проданная за деньги отвратительной старухе. Не знаю, как поступил бы я на месте И., он же тихо сказал: «Ведите».

– О, благодарю вас, – пробормотал муж княгини, и мы двинулись за ним в каюту 25.

– Я скоро вернусь, – сказал И. обступившим его пассажирам. – Обойду всех, кто будет нуждаться в моей помощи. Не ходите за мною, ждите.

Ужасное зрелище представилось нам, когда мы вошли в каюту. Среди отчаянного беспорядка мы увидели нечто уродливое, седое, бездыханное, лежавшее на койке с отвисшей беззубой челюстью.

И. подошел к постели, потрогал руку, лоб и шею княгини и перевел взгляд на мужа, единственный глаз которого выражал страх и ожидание приговора.

– Ваша жена жива, – сказал ему И. – Но ждать, что она будет вполне здорова, напрасно. Ее, разбил паралич, и двигаться она не сможет. Восстановятся ли речь и руки, можно будет сказать только тогда, когда я приведу ее, в чувство, а вы выполните все те процедуры, которые я назначу.

– Я готов со всем усердием ухаживать за ней, лишь бы живой доставить ее, в Константинополь. Она должна встретиться со своим сыном, моим двоюродным братом, а там уж будь что будет. Лишь бы никто не заподозрил меня в том, что я ее, в дороге уморил, – сказал муж.

С этими словами он опустил голову на руки и заплакал, как ребенок.

Не могу сказать, что говорило во мне сильнее: презрение к здоровому мужчине, торговавшему своим титулом из нежелания работать, или сострадание к человеку, которому непонятна ценность независимой трудовой жизни.

Не проводи я столько времени среди таких высоконравственных людей, какими были Флорентиец и И., я бы грубо отвернулся от внушавшего отвращение, князя. Но сейчас в моем сердце не было места осуждению, я только почувствовал, что бессилён помочь ему.

– Мужайтесь, друг, – услышал я голос И. Князь поднял сво,, залитое слезами лицо и сказал тв,,рдым голосом, какого я от него не ожидал:

– О доктор, доктор! Сколько ужаса я вынес за эти три года! Сколько мук стыда и унижения я вытерпел за свою безумную ошибку. Эта бездельная жизнь измучила меня хуже всякой пытки. Только спасите ей жизнь. Я сдам е,, на руки сыну и начну трудиться. Новой жизнью я постараюсь вернуть себе уважение честных людей, хотя бы мне для этого пришлось стать нищим.

И он снова опустил сво,, изуродованное лицо.

– Мужайтесь, – ещ,, раз сказал И. – Начать жить по-новому, зарабатывать себе на хлеб никогда не поздно. Зачем же нищенствовать, мы поможем вам найти дело, если вы этого действительно хотите. Но я думаю, что вам пока нужно остаться при вашей жене. Ей ведь известна ваша честность, и никому, кроме вас, она не доверяет. Но даже вам она не сказала, как чудовищно богата. Теперь же, совершенно беспомощная, – она не согласится ни минуты быть без вас. Исполните сначала ваш долг мужа и душеприказчика, а тогда уж начинайте новую жизнь. И если захотите трудиться, я скажу вам, как и где меня найти.

И. вынул иглу, долго и кропотливо набирал лекарства из нескольких пузырьков и сделал старухе четыре укола, в ноги и руки. Кроме того, он велел мне приподнять е,, противную и страшную голову и влил в каждую ноздрю по несколько капель едко пахнущей, бесцветной жидкости.

Сначала действия лекарств не было заметно. Но через десять минут из открытого рта вырвался глухой стон. Тогда мы с И. стали делать ей искусственное дыхание.

Мы мучились долго. Пот лил с меня ручь,,м. Несчастный князь был не в силах наблюдать эту ужасную гимнастику; он сел в кресло, отвернулся и горько, по-детски заплакал.

Внезапно старуха открыла глаза, вздохнула, закашлялась. И. быстро бросил мне:

– Положи голову повыше и дай часть пилюли Али.

Я выполнил его приказание. И. уложил руки княгини на горячие грелки, укрыл е,, одеялом и велел принести т,,плого красного вина. Через некоторое время в глазах старухи мелькнуло сознание:

– Слышите ли вы меня? – спросил е,, И. Только мычанье раздалось в ответ. Влив в рот старухе немного т,,плого вина, И. дал ей ещ,, одну долю пилюли и сказал мужу:

– Перестаньте волноваться. Вы не только довед,,те е,, до К., но и промучитесь с ней ещ,, немало. Ходить она не сможет, но правая рука и

речь, думаю, восстановятся. Вот лекарство. Она проспит часа три. Затем, очень точно, через каждые полчаса, давайте эти лекарства по очереди. Вечером, перед сном, я зайду к вам ещ,,.

Мы простились с князем и вернулись к пассажирам, ждавшим нас с нетерпением.

Времени прошло достаточно. Одним из первых, нетерпеливо постукивая пальцами о перила, ждал нас мальчик-грек. Ухватившись за руку И., мальчик сыпал горохом слова, из которых я понял только, что ему самому хорошо, помог доктор, но вот мать его и дед чувствуют себя очень плохо.

Мы нашли отца сильно ослабевшим, дочь в необычайном волнении находилась возле его постели.

Из первых же слов, выдавленных сквозь рыдания, мы поняли, что страх смерти овладел ею. Но И. остался невозмутимым и доброжелательным.

– Неужели трудно понять, – говорил он ей, – что ваше волнение мешает отцу? Он не болен, он устал от героических усилий помочь вам. И чем же вы платите ему сейчас? Слезами и стонами? Возьмите себя в руки; вы все трое сейчас здоровы физически. Болен ваш дух, пребывающий в печали и унынии. Оставьте отца в покое. Пусть он спит, а вы погуляйте с сыном по палубе, подумайте сосредоточенно о том, что случилось в вашей жизни, и поблагодарите судьбу за счастливую развязку того, что казалось вам гордиевым узлом.

Необычайное изумление выразилось на лице гречанки. Казалось, И. читал в е,, душе, как в открытой книге. Она краснела и бледнела, взгляд е,, был прикован к И., она стояла как изваяние.

Не произнеся больше ни слова, И. дал выпить капель старику, повернул его лицом к стенке и вышел, поманив меня за собой. На пороге я оглянулся, – гречанка так и осталась на месте.

Мы обошли ещ,, несколько кают, зашли к Жанне, где было благополучно, и вернулись к себе.

Здесь И. велел мне вынуть из саквояжа Флорентийца круглую кожаную коробочку с бинтами. Прихватив какую-то мазь и жидкость, мы спустились к туркам. Молодой, казалось, сильно страдал.

– Неблагоразумно, Ибрагим. Зачем скрывать боль? Ведь вы рискуете остаться хромым, поскольку у вас, видимо, перелом кости. Это безумие так бояться огорчить отца.

Осмотрев ногу с огромным кровоподт,,ком, И. наложил гипсовую повязку, приказав Ибрагиму не двигаться. Мне же велел позвать его отца,

предупредив его, что сын лежит со сломанной ногой, но уже вправленной и забинтованной.

Я с трудом нашёл старого турка. Биллиардных комнат оказалось несколько, и он играл во втором классе, весело смеясь и побивая всех соперников.

Он только что выиграл партию у доктора, считавшегося чемпионом Англии, и торжеству его не было предела. Глаза его сияли, вся фигура светилась детским удовольствием. Казалось, весь мир для него сосредоточился в биллиардной.

Он увидел меня, и всё, его веселье моментально улетучилось.

– Что-нибудь случилось? – тревожно спросил он.

– Ничего особенного, – сказал я, стараясь придать себе беззаботный вид. – И. послал меня за вами, поскольку мы сейчас не сможем быть около вашего сына...

Мне не пришлось договорить фразу до конца. Он бросил кий и стремглав выбежал из комнаты.

Я едва успел крикнуть сопровождавшему меня верзиле:

«Задержи». Чувство тоски сжало моё сердце: я опять не сумел выполнить возложенную на меня задачу.

Отправляя меня, И. напомнил, как безумно любит турок сына. А посему мне следовало его подготовить. Я очень хорошо всё понял; но получилось, что на деле я оказался бессилён пролить мир в сердце человека.

Я помчался вниз, но как ни спешил, настиг обоих, когда верзила, услышавший моё «задержи», широко расставил ноги и руки и загородил своим громадным телом дорогу.

Турок, похожий на разъярённого быка, готовился броситься на верзилу. Он был страшен. Бледное лицо, выкатившиеся глаза, трясущиеся губы и сжатые кулаки так преобразили его, что я едва не превратился в «Лувшкуллови ворон». Я уже было совсем растерялся, но вдруг, точно какая-то сила толкнула меня, я проскочил мимо турка и взлетел ступенькой выше. И в ту же секунду тяжёлый как молот кулак упал на мою голову, тогда как нацелен был прямо в солнечное сплетение верзилы. Удар был сильным, но его всё же ослабила чья-то рука, помешавшая турку. Я пошатнулся, однако устоял на ногах и тотчас узнал в своём спасителе капитана.

Он уже готовился вызвать команду, чтобы связать турка, но сильные руки И. удержали его, и на непонятном мне языке он тихо, но внятно и повелительно произнёс всего лишь два слова.

Точно сраженный молнией, турок опустил голову. Он смертельно побледнел, и две огромные слезы скатились по щекам.

Повернувшись к капитану, И. со свойственной ему обаятельной вежливостью принеся глубокие извинения за поведение своего друга. Он объяснил, что пароксизм этот был вызван беспокойством за больного сына: отец, потеряв голову, вообразил, что сын его умер и его не допускают к трупу.

– Я могу понять, что необузданный темперамент может совершенно вывести из равновесия не закаленного воспитанием человека. Но дойти до драки с младенцем – это граница, у которой здорового мужчину следует считать преступником, – отчеканил побледневший капитан спокойным звенящим голосом.

Тут пришлось объяснить, что турок и не думал бить меня. И я изложил, как было дело, признав себя полностью виновным в неумении подготовить отца, чем и был вызван этот грубый инцидент.

– Это, мой юный друг, не инцидентом называется, а немного иначе, – ответил мне капитан, нежно коснувшись прекрасной рукой моей бедной головы. – Я прошу вас, Л.,вушка, пройти к больному и побыть с ним, пока мы разберемся случившееся в моем кабинете.

– Умоляю вас, капитан, – прошептал я, схватив его руку, – не придавайте этому значения. Я ведь очень ясно объяснил, что причиной всему только я сам. Сейчас мы начнем привлекать внимание публики. Ведь вы выпили со мной «на брудершафт», а сейчас говорите мне «вы». Неужели ваша любовь ко мне была похожа на те цветы, что вянут от грубого прикосновения.

Должно быть, я производил жалостливое впечатление; капитан чуть улыбнулся, велел верзиле проводить меня в каюту к туркам и оставаться там, пока не возвратится И.

Казалось, капитан задержал и ослабил удар; тем не менее, шлепая с трудом, привалившись к верзиле, и едва смог опуститься в кресло. Все плыло перед глазами, мне было тошно, и я сознавал, что едва удерживаюсь от стонов.

Не знаю наверняка, долго ли я так просидел. Мне чудилось, что снова разыгралась буря, что меня швыряет в разные стороны, что я вижу чудесное лицо склонившегося надо мной дивного друга Флорентийца...

Я проснулся, ощущая себя сильным и здоровым, и первое, что я увидел, было печальное и бледное лицо старшего турка, сидевшего подле меня.

– Что-нибудь случилось? – спросил я, совершенно забыв все

предшествовавшие обстоятельства.

– Слава Аллаху! – воскликнул он. – Наконец-то вы очнулись, и я больше не чувствую себя убийцей.

– Как убийцей? Что вы говорите? Почему я здесь? – вопрошал я. – Где И.? Что же вс,,-таки случилось? – И я сделал попытку привстать.

– Ради Аллаха, лежите спокойно и не разговаривайте, – сказал мне турок. – От моего несчастного удара у вас поднялся жар, появились бред, рвота, и вас перенесли сюда. Здесь же лежит и сын мой, у него началась гангрена. Три дня И. не отходил от вас обоих. Пару часов назад он объявил, что вы оба вне опасности, и оставил меня караулить вас. Не пытайтесь встать. Вы привязаны ремнями к койке, чтобы не двигаться. И. приказал, если вы просн,,тесь в его отсутствие, ослабить ремни, но не позволять вам двигаться. Левушка, простите ли вы когда-нибудь мо,, ужасное поведение? Не в первый раз дохожу я до полной потери контроля над самим собой. И всякий раз причиной моего бешенства является любовь. Когда капитан хотел посадить меня в карцер за драку на пароходе и я пытался ему объяснить, что любовь к сыну свела меня с ума, он иронически спросил: «Кому нужна такая любовь, которая порождает ревность, скандалы и тяготы вместо радости и облегчения?» Я вс,, понимаю. Понимаю сейчас и ужас того, что сын, мною обожаемый, боится меня, скрывает даже боль свою, – значит, не видит во мне друга...

– Напрасно, отец, ты так думаешь, – раздался внезапно голос с соседней койки. – Я по глупости скрывал от всех свою рану, думая, что и так пройду,,т. Зная хорошо, что ты выше всех достоинств в человеке ценишь полное самообладание, я хотел уберечь тебя от лишнего разочарования во мне; потому что я хорошо знаю, как сводит тебя с ума любая тревога за любимых. Именно моя преданная дружба заставила скрывать от тебя рану. Я много раз уже убеждался, что мои неумелые попытки подойти к тебе ближе раздражают тебя, отец. Только одна мать умеет говорить с тобой во все моменты жизни...

Молодой турок замолчал, и на лице его отразилось мечтательное выражение, глаза заблестели от слез. Очевидно, образ матери, перед которой он благоговел, ув,,л его далеко отсюда.

Я представил себе эту женщину, прожившую целую жизнь рядом с эдакой пороховой бочкой. Я невольно сравнил со старшим турком себя и понял, глядя на себя со стороны, как тяжелы в обыденной жизни невыдержанные, дурно воспитанные люди.

Я стал «Л,,вушкой-лови ворон» и представил себе безвестную женщину, умевшую – в хаосе жизни и бурях страстей – так хорошо

воспитать сына. «Кто она, его мать?»

– Мать! Ах, если бы ты, сынок, знал, сколько выстрадала твоя мать в своей молодости от припадков моей ревности! Сколько раз я грозил ей ножом! Но в ней никогда не было страха; она только защищала тебя, чтобы ты ничего этого не видел.

Дверь внезапно и резко растворилась. Я увидел капитана и И. Лица обоих были по обыкновению энергичны, но необычно бледны и суровы. И склонился ко мне и тихо спросил;

– Слышишь ли ты меня, Л,,вушка?

Я улыбнулся, хотел было поднять руку, чтобы ответить на ласковое прикосновение, но ремни мешали мне шевелиться. Мне казалось, что я громко смеялся, когда отвечал ему. На самом деле я едва прошептал: «Слышу», и почувствовал себя очень утомл,,нным.

– Видишь ли ты, Л,,вушка, кто со мной приш,,л? – снова спросил он меня.

– Вижу, мой «брудершафт» капитан, – ответил я. – Только я почемуто очень устал.

И помимо воли меня стала одолевать зевота, которую я не имел сил прекратить.

– Я просил вас посидеть с больным в полном молчании. Я объяснил вам, как опасно для обоих малейшее волнение, – услышал я голос И.; так сурово говорил он, как я еще ни разу от него не слышал. – А вы, друг, снова оказались не на высоте, снова думали о себе, а не о них.

Тут я взмолился, чтобы меня повернули на бок и дали заснуть. Нежно, ласково, чего было трудно ожидать от капитана, он склонился надо мной и стал уговаривать, как реб,,нка, полежать ещ,, немного на спине, потому что мы сейчас будем входить в гавань и нас немного покачает. Но вот пристанем к отличному молу, и меня отвяжут и посадят.

Он протянул руку к И., взял у него рюмку с лекарством и подн,,с е,, к моим губам, осторожно приподняв мою голову, как будто она могла вотвот рассыпаться.

Я выпил, хотел ему улыбнуться, но меня одолевала зевота, а потом я вдруг куда-то провалился, должно быть заснул.

Очнулся я в нашей каюте. Возле меня сидел верзила, а ещ,, что меня до крайности поразило, я увидел женщину, выходящую от нас. Мне показалось, что то была Жанна. По глупой и добродушной ухмылке моего няньки я понял, что угадал. Лицо его выражало забавное счастье оттого, что такая красotka по мне страдает, и я расхохотался. На сей раз действительно громким смехом.

– А, возвращение к жизни моего храбреца тоже знаменуется смехом, – услышал я звенящий голос капитана. – Здравствуй, дружок. Наконецто ты выздоровел. Стой, стой! Экий ты, брат, горячка! Лежи, пока И. не прид,,т, – продолжал он, не давая мне встать.

Но я, вс,, смеясь, начал с ним бороться. Капитан принялся умолять меня не возиться, на лице его появилось выражение беспокойства и тревоги.

– Ты ведь сам понимаешь, что после такой серь,,зной болезни надо быть очень осторожным, мой дорогой. Лежи смирно; я пошлю за И., – и тогда ты, наверное, сможешь встать.

Капитан отдал приказание вытянувшемуся в струнку верзиле отыскать доктора и просить его немедленно прийти в каюту.

Тем временем капитан, отвечая на мои вопросы, сказал, что сегодня уже пятый день моей болезни и что к вечеру мы будем в Константинополе.

Я был сбит с толку. Мысли не связывались в сплошную цепь событий, я не, помнил промелькнувших суток; эпизод на лестнице, удар, ещ,, эпизод в лазарете

– вот вс,, что удержала память.

И. вс,, не ш,,л, и капитан рассказал, что тот очень тревожился за мои зрение и слух и даже посылал телеграмму лорду Бенедикту в Лондон и в Б. каким-то врачам, прося их помощи; и что из Б. он очень быстро получил ответ и лишь тогда немного успокоился. Из Лондона ответ приш,,л вчера; и после этой телеграммы меня перенесли сюда, и И. волноваться совсем перестал.

Тихо и ясно стало у меня на сердце. Я понял, что И. посылал телеграммы сэру Уоми и Флорентийцу. И эти, незаслуженные мною, заботы привели меня в состояние благоговения.

Я хотел спросить, не говорил ли ему И. о каких-нибудь известиях от моего брата. Но маленькое слово «такт», произносимое Флорентийцем, удержало меня.

Послышались быстрые, л,,гкие шаги, которые я тут же узнал, и уже никто не смог бы меня удержать. Я вскочил, как кошка, и бросился на шею моему спасителю – И.

– Безумец Л,,вушка! Задушишь! – кричал мне И., и вместе с капитаном они уложили меня в постель.

– Да что вы в самом деле! Я не могу больше лежать! – кричал я.

– А сердце тво,, стучит молотом, потому что ты его сейчас переутомил, – ответил мне И. – Тебе можно будет сидеть в кресле на палубе, но ходить нельзя ещ,, дня два-три даже в Константинополе. Если хочешь быть мне

помощником в деле устройства жизни Жанны и е., детей, – выдержи характер и будь послушен. Врачи предписали тебе именно такой режим.

Он значительно посмотрел на меня и сказал, что кроме Жанны, двух синьор итальянок и семьи греков, которые жаждут меня видеть и которым предстоит ещ., помогать, нужно повидаться с молодым князем и оказать ему особую поддержку.

– Ты сам понимаешь, что одному мне не справиться. А потому забудь о своих личных желаниях и думай только об этих несчастных людях. Каждый из них несчастен на свой лад, но все они одинаково страдают.

Капитан хмурился. Наконец он спросил И.:

– Скажите, друг, по каким таким законам божеским и человеческим вы лишаете личного счастья эту молодую жизнь? Что же, ему так вс., и возиться с чужим горем, вместо того чтобы веселиться и жить нормальной жизнью семьянина и уч.,ного? Ведь он имеет все достоинства для отличной карьеры. Отдайте его мне. Он станет мне братом, будет моим наследником. Англия – чудесная страна, где каждый жив.,т для себя и, не страдая болезнью собирания чужих горестей в свои карманы, не мешает жить другим.

– Л.,вушка – взрослый и свободный человек. Он имеет полное право выбирать любой путь. Если он выразит желание следовать за вами, вы можете хоть сию минуту перевести его к себе, – ответил И.

– Л.,вушка, переходи ко мне. Мы поедем в Англию. Я не женат. Ты будешь богат. Мой дом – один из лучших среди старых аристократических домов Лондона. Моя мать и сестра – очаровательные женщины; они обожают меня и примут тебя, как родного. Ты будешь свободен в выборе. Не бойся, я не навяжу тебе карьеру моряка, как и ту невесту, которую ты любить не будешь. Не думай, что Англия не сможет стать тебе родиной. Ты полюбишь е.,, когда узнаешь, и вс.,, чего ты будешь хотеть, – вс.,: науки, искусство, путешествия, любовь, – вс., будет тебе доступно. Ты будешь счастлив и свободен от тех обязательств, в каких тебя воспитывают сейчас. Жив.,т человек один раз. И ценность жизни – в личном опыте, а не в том, чтобы забыть себя и думать о других, – говорил капитан, медленно вышагивая по каюте.

– Много бы я дал, ах как много, чтобы быть в Лондоне в эти дни, – сказал я. – Но быть там, мой дорогой друг, я хотел бы именно затем, чтобы думать о других. А потому вы сами видите, что невозможно сочетать наши жизни, хотя я вас очень люблю. Вы мне нравитесь не потому, что я отвечаю вам благодарностью на чудесное ко мне отношение. Но потому, что в сердце мо.,м крепко застрял ваш образ, ваше глубокое благородство,

храбрость и честь. Но путь мой, единственный счастливый для меня, это путь жизни с И. Я встретил великого человека не так давно, его полюбил и ему предан теперь навеки... О, если бы я мог вас познакомить с ним, как был бы я счастлив! Я знаю, что вы оценили бы его и жизнь восприняли совсем иначе. Вот тогда мы с вами пошли бы одной дорогой, братски и неразлучно. Благодарю вас. Я знаю, что вы предлагаете мне освобождение, как его понимаете сами, потому что считаете, что я нахожусь в каких-то тенетах. Нет, я совершенно свободен; правду сказал И. Я счастлив потому, что каждая минута моей бесполезной до этой поры жизни посвящена спасению моего родного брата-отца, брата-воспитателя, единственного существа в мире, к которому я кровно и лично привязан. Ему грозят преследование и смерть; и мы стараемся замести его следы и с помощью наших друзей направить преследователей в другую сторону. Я пойду до конца, пусть даже гибель моя будет близка и неизбежна. И пока живу, не смогу отворачиваться от чужих страданий и не набивать ими, как вы изволили выразиться, свои карманы.

Капитан молча и печально смотрел на меня. Наконец он протянул мне руку и сказал:

– Ну, возьми же тогда и мою горечь. Вс,, чего бы я в жизни ни пожелал, – вс,, рушится. Была невеста – изменила. Был любимый брат – умер. Было счастье в семье – отец нас оставил. Было честолюбие – дуэль помешала большой карьере. Встретился ты – не вышло братства. В твоих карманах не должно быть дна. Люди – существа эгоистичные. И если видят, что кто-то готов переложить их горести на свои плечи, – садятся им на голову...

Он помолчал и продолжал тихо и медленно, обращаясь к И.:

– Если моя помощь может быть полезна вам или вашему брату, – располагайте мною. У меня нет таких привязанностей, которые заполняли бы мою жизнь целиком. Я гонялся за ними постоянно, – но они ускользали, как иллюзии. Я совершенно свободен. Я люблю море потому, что не жду от него постоянства и верности. Вы верны своей любви к брату и к какому-то другу. Вы счастливее меня. У меня нет никого, кто нуждался бы в моей верности. Мои родные легко обходятся без меня.

– Вы очень ошибаетесь, – вскричал И. каким-то особенным голосом. – Разве вы не помните маленькую русскую девушку, которая любила вас до самозабвения? Скрипачку, даровитую, е,, звали Лизой?

Капитан остановился, словно пораженный громом.

– Лиза!? Лизе было четырнадцать лет. Наивно думать, что это серьёзно. Т,,тка – да, она преследовала меня своей любовью. Мне смешно

была эта старая фея и забавляла маленькая ревнивица. Но я никогда не позволял себе играть чувствами и замыкался в самую ледяную броню вежливости. Но не спорю: будь обстоятельства счастливее, – я мог бы увлечься этим существом.

– А это существо не расстаётся с вашим портретом и ищет встречи. Только семейная трагедия помешала ей плыть на вашем пароходе и именно в этой каюте.

– Не может этого быть, фамилия Лизы звучала иначе. Каюта была снята графиней Е. из Гурзуфа, – возразил капитан.

– Да, но вы встретились с Лизой на курорте под фамилией е., т.,тки. Но можете мне верить, что никто иной, как Лиза, и есть графиня Р. Если вам на самом деле кажется, что вы могли бы любить эту девушку, – поезжайте в Гурзуф и повидайтесь с Лизой. Вот ценная жизнь, которую надо спасти, и вам предоставляется случай, не забывая о себе, помочь человеку счастливо пройти свой жизненный путь. Есть среди нас однолюбы. Лиза из них. И ничто, ни богатство, ни талант, – не смогут дать ей счастья, если любовь е., останется без ответа. Не будьте, капитан, жестоки либо легкомысленны. Вы ведь играли девушкой, думая, что е., увлечение мимол.,тно. А на деле оказалось иначе. И если вы не поспешите, е., здоровье может пошатнуться.

Моему изумлению не было границ. А я-то вс., размышлял о том, люблю ли я Лизу и как относится она ко мне. Теперь мне припомнились некоторые мелкие подробности в поведении Лизы, е., прощальный пристальный взгляд, которым она проводила И. Как видно, она доверила ему тайну своего сердца.

Капитан долго молчал. И никто из нас не нарушал этого молчания.

– Странно, как вс., странно, – вздохнув, наконец сказал он. – Как чудно, что в нашей жизни вс., происходит внезапно, вдруг! Ещ., час тому назад мне казалось, что без Л.,вушки моя жизнь будет пуста. Несколько минут назад, когда он отказался от моего предложения, – я пережил разочарование и горечь. А вот сейчас, – я точно начинаю прозревать. Я верил вам с самого начала, как-то особенно выделил для себя встречу с вами, доктор И. Но сию минуту ваши слова точно завесу какую-то сняли, и я начинаю надеяться, что и моя жизнь станет полной. Но какой я эгоист! Я развернул ков.,р-самол.,т своих мечтаний и позабыл о том, что сказал мне Л.,вушка. Нет, пока я не помогу вам в вашем деле, я не начну строить себе новую жизнь.

– У всякого свой путь; и пройти хотя бы малую толику чужого невозможно, – сказал И. – Если послушаетесь истинного зова сердца, мы встретимся с вами и вашей будущей женой ещ., не раз. И тогда вы сможете

оказывать нам дружественные услуги. Сейчас же, временно, наши пути разойдутся. Предоставьте жизни вести нас так, как она того хочет. Но если разрешите, я обращусь к вам с очень большой просьбой. Помогите нам устроить в Константинополе несчастного князя с его женой в какомнибудь хорошем особняке. Вы ведь знаете, как любопытна толпа, и как будет тяжело и без того несчастному мужу переносить насмешки над своей руиноподобной женой.

– Устроить это легче л,,гкого, – ответил капитан. – В одной из кают едет греческая семья; да вы их знаете, вы их лечили. Им принадлежит уедин,,нный дом с садом, который они сдают вна,,м. Сейчас дом свободен, говорил мне мальчик. Если это так, я дам людей и ночью перенесут туда старуху на носилках. Вс,, это я выясню и пришлю вам сказать. А сейчас я должен откланяться.

И, пожав нам руки, капитан уш,,л.

Мне не хотелось разговаривать. И. подош,,л к моей постели, присел на стул и стал считать мой пульс.

Давно уж он убедился, что сердце мо,, перестало биться ураганно, а вс,, сидел, держа меня за руку.

– Мой мальчик! – тихо сказал он. – Мы только вступаем на путь испытаний, а тебе кажется, что ты страдаешь целый век. Неужели вс,, что свалилось на тебя так неожиданно, принесло и приносит тебе лишь горе, заботы и страданья? Представь, что ты был бы вполне благополучен и счастлив возле брата, что вс,, бы шло нормально. Разве ты встретил бы Али, и Флорентийца, и сэра Уоми? Разве ты узнал бы, что существуют не только обыватели, ищущие для себя одних лишь земных благ? Что есть и люди, воплотившие в себе дух, как огонь творчества сердца, как вечную деятельность любви и мира на общее благо? Взгляни в сво,, сердце сейчас и осознай, как расширились его границы по сравнению с прошлым! А если бы ты мог заглянуть в сердце Флорентийца, – какую мощь красоты ты увидел бы! Каким светом и очарованием показался бы тебе твой летящий день в его присутствии! Счастье человека зависит от силы его души; от той высоты, которой он способен достичь. Если в тебе звучит чувственный голос крови и плоти, – твои мечты не поднимаются выше слоя физических тел, прекрасных и желанных. Но если мысль увлекает тебя в пределы любви духовной, ты слышишь, как звучит сердце другого человека; и созвучие ваше складывается по силе тех вибраций, что шл,,т мощь твоего творящего сердца. Мчись мыслью к Флорентийцу. И если ты сможешь постичь величие его мысли и духа, то его любовь будет в силах ответить и твоей любви, и запросам твоей мысли, и творчеству твоего сердца. И чем

естественнее ты будешь лететь к нему своими мыслями, чтобы слиться с его высоким умением жить в простой доброте каждый день, чем спокойнее будешь при всех обстоятельствах жизни, при всех опасностях е,, – тем легче ему будет соединиться с тобой.

Я не вс,, понимал из того, о ч,,м говорил мне И. Многие казалось неясным, иное невозможным; но спрашивать я ни о ч,,м не хотел.

Распоряжению И. – лежать на палубе – я охотно подчинился, потому что мне не хотелось никого видеть, а книги брата звали к себе. Верзила устроил меня великолепно. И. сел подле писать письма; я обложился книгами и .. заснул.

Дальше мы шли безо всяких приключений. Прощанье с капитаном было трогательным и расстроило меня до слез. Он подарил мне свой портрет в чудной рамке, оставил свой лондонский адрес и сказал, что утром зайд,,т к нам в отель и побудет со мною, пока И. займ,,тся делами. Мы горячо обнялись, и с помощью верзилы я стал спускаться по трапу одним из последних.

ОГЛАВЛЕНИЕ Об авторе Глава I. У моего брата Глава II. Пир у Али Глава III. Лорд Бенедикт и поездка на дачу Али Глава IV. Мо,, превращение в дервиша Глава V. Я в роли слуги-переводчика Глава VI. Мы не доезжаем до К.

Глава VII. Новые друзья Глава VIII. Ещ,, одно горькое разочарование и отъезд из Москвы Глава IX. Мы едем в Севастополь Глава X. В Севастополе Глава XI. На пароходе Глава XII. Буря на море Глава XIII. Незнакомка из каюты 1 А Глава XIV. Стоянка в Б. и неожиданные впечатления Глава XV. Мы плыв,,м в Константинополь

К. Антарова. Две жизни. 1. (Часть 1, том 2)

Продолжение оккультного романа, весьма популярного в кругу людей, интересующихся идеями Теософии и Учения Живой Этики. Герои романа – великие души, завершившие свою духовную эволюцию на Земле, но оставшиеся здесь, чтобы помогать людям в их духовном восхождении. По свидетельству автора – известной оперной певицы, ученицы К.С.Станиславского, солистки Большого театра К.Е.Антаровой (1886-1959) – книга писалась ею под диктовку и была начата во время второй мировой войны.

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 16 В КОНСТАНТИНОПОЛЕ Поздний вечер в Константинополе просто ошеломил меня. Необычный говор, суета, мелькание фесок и гортанные выкрики, пристающие со всех сторон посыльные из отелей, мелькание невиданных мною чудных фиакров – и я совершенно одурел и, наверное, потерялся бы, если бы не увидел Жанну с детьми в сопровождении доктора и двух итальянок, которых встречали их сановитые родственники, – все они ждали на берегу.

Жанна поспешила мне навстречу, ласково прося И. разрешить ей ухаживать за мной, пока я болен, и хотя бы этой ничтожной услугой отплатить нам за вс,,.

Я рассмеялся, ответив, что совершенно здоров и только из любви и уважения к И. подчиняюсь его распоряжениям, разыгрывая из себя мнимого больного.

Тут итальянки познакомили нас со своими родственниками, и важный посол предложил И. поместить меня в его тихом доме. Но И. отказался категорически, уверяя всех, что мне даже полезен шум и не следует только много двигаться.

Высказав сожаление, итальянки простились, обещая завтра навестить нас в отеле.

Мы шли все вместе с Жанной и детьми пешком, очень медленно, но совсем недолго. Турки поджидали нас у подъезда отеля, где уже были заказаны комнаты.

Только тут я заметил, как осунулась и изменилась Жанна. На мой вопрос, что е,, печалит, она прошептала:

– Я пережила такой страх, такой страх, когда вы болели, что и теперь ещ,, не могу опомниться и часто целыми часами плачу и дрожу.

– Вот видите, как пагубно действует страх, – сказал ей И. – Я ведь неоднократно говорил вам, что Л,,вушка выздоровеет. Теперь он здоров, а вас прид,,тс я ещ,, полечить, прежде чем устроить на работу.

– Нет, уверяю вас, нет. Я могу завтра же приступить к работе. Только бы знать, что Л,,вушка здоров и весел, – ответила Жанна.

Мы разошлись по своим комнатам. Я сердечно поблагодарил верзилу. И. хотел щедро наградить его, но благородный парень не взял никаких денег. Он успел привязаться к нам и теперь просил разрешения наведываться, пока пароход будет в ремонте.

Как я ни хотел уверить себя, что вполне здоров, однако разделся с трудом; и вс., снова поплыло у меня перед глазами.

Долго ли спал – не знаю; но проснулся от голосов в соседней комнате. Взглянув на часы, я убедился, что проспал раннее утро, было без малого десять. Стараясь бесшумно одеваться, я неловко задел стул, и И. тотчас открыл свою дверь, спрашивая, не упал ли уж я.

Убедившись в мо.,м полном благополучии, он предложил выпить кофе на балконе в компании капитана. А затем позавтракать в обществе Жанны, молодого турка и капитана, пока он, И., будет хлопотать об устройстве Жанны.

Я понял, что И. не хочет говорить в присутствии капитана о том, ради чего, собственно, мы здесь оказались. Но я не сомневался, что он щ.,л справляться о брате.

Оставшись вдво.,м с капитаном, я имел больше возможности убедиться, как разносторонен и образован этот человек. Мало того, что он повидал весь земной шар, совершив кругосветное плавание несколько раз; он знал характерные стороны жизни каждого народа и говорил почти на всех языках. Необыкновенная наблюдательность и чисто морская бдительность, выработанная ожиданием внезапных сюрпризов вероломного моря, приучили его наблюдать за людьми и почти безошибочно понимать их. Я был пораж.,н, как метко и тонко охарактеризовал он И., как угадал некоторые черты моего характера. А Жанна, по его мнению, находится сейчас на грани психического заболевания в результате перенес.,нных ею потрясений.

– Женщина, – сказал он мне, – в минуты величайшего горя редко способна оставаться одна. Она, сама того не сознавая, тянется к человеку, оказавшему ей внимание, чтобы хоть немного притушить раздражающее е., горе от потери любимого. И мужчине, честному джентльмену, следует быть крайне осторожным в своих словах и поступках. Не раз я видел, как утешающий женщину мужчина попадал в безвыходное положение. Она обрушивалась на него всей тяжестью своего страдания и привязывалась так крепко, что приходилось либо жениться, либо бежать, причинив ей новое страдание.

Я ощутил боль. То же или почти то же говорил мне И. Я невольно примолк и подумал, как трудно мне ещ., разбираться в человеческих чувствах, и то, что кажется мне простым, на самом деле таит в себе острые шипы.

Капитан вызвал метрдотеля, заказав тонкий французский завтрак, более похожий на обед, и велел украсить стол розами, а я попросил только

красные и белые.

К часу дня стол был сервирован, я написал Жанне записку, прося пожаловать на завтрак. Через несколько минут раздался стук в дверь, и тонкая фигурка Жанны в белом платье обрисовалась на фоне т., много коридора.

Я встретил гостью у самого порога и, поцеловав ей ручку, пригласил к столу. Я ещ., не видел Жанну такой сияющей, розовой и вес.,лой. Она сразу забросала меня вопросами, и я не знал, на какой из них отвечать.

– Я так рада, так рада этой встрече. Мне надо тысячу дел вам сказать и ещ., тысячу спросить. И вс., никак не получается такой возможности.

– Позвольте вас познакомить с моим другом, который известен вам как капитан, но вы не знаете, что он удивительный собеседник и очаровательный кавалер, – сказал я, воспользовавшись паузой.

Жанна так неотрывно глядела на меня, что даже не заметила капитана, стоявшего в стороне, у стола. Капитан, улыбаясь, подош.,л к ней и подал ей белую и красную розы. Наклонясь к е., руке, он приветствовал е.,, как герцогиню, и, предложив руку, пов.,л к столу.

Когда мы сели, я не узнал Жанны. Лицо е., было сухо, сурово; я и не предполагал, что оно может быть таким.

Я растерянно посмотрел на капитана и вконец расстроился. Но на его лице я не проч.,л ровным с.,том ничего. Это тоже было новое для меня лицо человека, воспитанного, вежливого мужчины, выполняющего свои светские обязанности за столом. Лицо капитана улыбалось, его ж.,лтозолотые кошачьи глаза смотрели добродушно, но я чувствовал, что Жанна скована его светскостью и не может выйти из рамок, заданных капитаном.

Все е., надежды повидаться со мной наедине и сердечно поделиться мыслями о новой жизни разлетелись в присутствии чужого человека; да ещ., такого важного, в ореоле мощи и власти, каким окруж.,н всякий капитан в море.

Односложные ответы Жанны, е., нахмуренный вид и дурная воспитанность превратили бы всякий завтрак в похоронный обед. Но сказалась выдержка капитана, а его мастерская речь заставила меня смеяться до слез. Жанна с трудом воспринимала юмор; но вс., же к концу завтрака стала проще и веселее. Капитан, извинившись перед нами, отправился заказывать какой-то особенный кофе, который мы должны были пить из специальных чашек на балконе.

Воспользовавшись минутой, Жанна сказала, что вечером у не., состоится свидание с другом турка, который предоставит ей магазин с

приличной квартирой на одной из главных улиц, чтобы открыть шляпное дело. Она снова и снова говорила, что приходит в ужас от одиночества и страшится за судьбу свою и детей.

Я успел только сказать, что И. никогда е,, не оставит, что мы – е,, друзья навсегда, где бы мы ни находились. Но я мало успел, утешая е,, потому что боялся сказать что-нибудь неловкое.

Возвратившийся капитан прин,, с нам чудесные апельсины, вскоре появился и знаменитый кофе. Но Жанна сидела как в воду опущенная и ушла, отказавшись от фруктов. Я упросил е,, отнести детям по апельсину, но предложенные капитаном цветы она оставила на столе.

Проводив Жанну и возвратясь на балкон, он взял обе розы, вдохнул их аромат и, рассмеявшись, сказал:

– Нечасто мне приходилось терпеть поражения на дамском фронте. Но сегодня не только я, но и мои цветы потерпели фиаско.

– Я совсем расстроился, – ответил я ему. – Даже голова разболелась. Почему-то я думаю, что бедняжка теперь плачет. И право, мне очень жаль, что я бессилён ей помочь.

– Не в тво,,м бессилии дело, а в отсутствии образования и воспитания, которые могли бы помочь женщине в тяжкий час испытаний. Ей бы стать женщиной-героиней, а она пока только жена, только мать-бытательница. Е,, борьба за собственное счастье, за личную жизнь будет ужасна. Пока она не откажется от любви для себя и не начн,,т жить для детей, – она пройду,,т ад. Вот этому-то е,, страданью я и поклонился так низко сегодня, – задумчиво сказал капитан.

– Неужели тот, кто любил однажды, любил до самозабвения и потерял рай сердца, должен вновь искать его? Мне почему-то думается, что, любя однажды всем существом, я не мог бы больше приблизиться ни к одной женщине, – возразил я.

– Не мне судить. Я прожил уже половину жизни, быть может большую. И я не знал ещё,, такой минуты, когда мне захотелось бы воскликнуть: «Мгновенье, остановись!» Я слишком наблюдал людей, одержимых страстями, неспособных владеть собой – и всюду одни только страдания.

Речь капитана была прервана стуком в дверь, и на приглашение войти в комнату появилась высокая фигура князя.

Пользуясь правом больного, я лежал на кушетке под спущенной маркизой на балконе, и капитану пришлось встретить гостя и усадить его подле меня с радушной улыбкой.

Князь объяснил, что ищет капитана, чтобы поблагодарить за помощь

его больной жене, а также за отличный, нанятый по его указанию дом. Нас он хотел просить навестить больную.

Выглядел князь неважно. Одет он был элегантно, но его жеманное лицо, воспаленные глаза и вся фигура говорили о большом истощении и нервном расстройстве.

Капитан, улыбаясь, сказал, что очень сожалеет, что он не доктор, а то наверняка предписал бы постельный режим не жене, а мужу. Я уверил князя, что И. непременно зайдет, но вряд ли это может случиться сегодня, так как и вечером у него дела.

Посидев с нами около часа, князь попросил разрешения зайти завтра утром, чтобы узнать, в какое время И. мог бы навестить его жену.

Не успели мы обменяться впечатлениями, как снова раздался стук в дверь и две синьоры Гальдони с букетами роз вошли к нам. Обе сияли радостью. Последовало приглашение навестить их в прекрасном посольском особняке. Капитан сказал, что состоит при мне сиделкой, заменяя верзилу, потому что И. уверяет, будто мне еще пару дней нужно полежать, но что потом он обещает доставить меня к ним.

От итальянок повеяло хорошим тоном, хорошим обществом. А прелестные, бездонные глаза молодой барышни будили в сердце лучшие чувства, проникая в самую его глубину очарованием женственности.

– Вот чего не хватает бедной милой Жанне, – сказал я. – Она лучше многих и многих; а только не умеет владеть собой, так же как и я. Именно потому, что я так плохо воспитан, что я почти постоянно чемнибудь раздражен, я понимаю Жанну.

– Нет, друг. Ничего общего у вас с ней нет. Ты только неопытен и еще не умеешь владеть ни своим темпераментом, ни своими мыслями. Но твои желания, идеи, мир высоких стремлений, в котором ты живешь, – вводят тебя в круг тех счастливых единиц, кто достигает на земле умения принести пользу братьям. Рано или поздно ты найдешь свой, индивидуальный, неповторимый и невозможный для другого путь и внесешь в жизнь что-то новое, – я уверен, – большое и значительное. Что же касается Жанны, то дай-то Бог, чтобы ее беспредельное личное страдание раскрепостило в ней хотя бы материнскую любовь и помогло бы ей стать матерью-помощницей и защитницей своих детей, а не тираном. Есть много случаев, где выстрадавшее матерью горе обращается в тиранию и деспотизм по отношению к детям! При этом женщина убеждена, что любовь ее, – высочайший подвиг.

Я смотрел во все глаза на капитана. Лицо его было прекрасно. На нем лежала печать той глубокой сосредоточенности, которую я видел только на

лицах И., Флорентийца, Али.

Мо,, молчание заставило его повернуться.

– Что ты так смотришь на меня, мой мальчик, мой «брудершафт»? Что нового увидел ты во мне? – сказал он, мягко и нежно касаясь моего плеча.

– Я не только что-то новое увидел в вас, но и понял, что вам необходимо познакомиться с моим другом Флорентийцем. Это самый великий человек, которого я до сих пор видел. Даже И., которого вы выделяете среди прочих, не может быть с ним сравним. Хотя И., – я признаю всем сердцем, – для меня недостижимый идеал высоты и доброты. Не зная моего друга Флорентийца, вы произнесли уже дважды те слова, которые я слышал от него. О, как бы я был счастлив привести вас к нему.

Незаметно для нас на балкон вош,,л И.

– Ну, кажется, вы не сучаете в обществе друг друга. Но почему я не вижу здесь Жанны? Мы условились, что она подожд,,т тут, и я расскажу, где и как состоится е,, свиданье в связи со шляпным делом. Неужели такие элегантные кавалеры были не в состоянии рассеять тоску одной-единственной дамы? – спросил он, пожимая нам руки и улыбаясь.

– Нет, – ответил капитан. – Дама вынудила меня вспомнить о смирении. Даже цветы мои отвергла. А хитро обдуманное меню и вовсе не имело успеха. Думаю, что я-то и лишил даму аппетита и хорошего настроения. Если бы не ваше распоряжение не покидать Л,,вушку, – я бы, пожалуй, сбежал с поля брани.

– Жанна очень огорчила меня, И. Я снова не сумел проявить такт и расстроил е,, вместо того чтобы принести ей мир. Должно быть, только ч,,рным женщинам может улыбаться перспектива радостных и простых отношений с таким ротозеем, – иронически заметил я.

– Это ещ,, что за ч,,рные женщины? – вскричал капитан.

– Первая, очень памятная встреча Л,,вушки с темнокожей женщиной в Б., – сказал И. – Он впервые увидел элегантную и образованную негритянку не на картинке, а в семье моего друга и был потряс,,н, – ответил ему И. – Ты что-то бледен, Л,,вушка? Я очень хотел бы, чтобы ты осторожно сош,,л с капитаном в сад подышать в тени. Как мне тебя ни жаль, но при разговоре мо,,м с Жанной – до прихода купца – тебе надо присутствовать. Я бы и вас просил побыть с нами, капитан, так как предвижу, что Жанне будет очень тяжело перестраиваться для жизни одинокой работающей женщины. К сожалению, о е,, дяде пока ничего не узнал. Есть, правда, сведения, что он заболел и уехал к родственникам в провинцию. Но дальше никаких следов.

Капитан с радостью согласился посидеть со мною в саду. И. спросил,

как мы смотрим на то, чтобы пропустить обед и поужинать поздно вечером. Мы согласились и, спускаясь в сад, встретили обоих турок. Молодого мы захватили с собой, а старший прош,,л к И.

Ибрагим ходил ещ,, плохо, опирался на палку, но сильной боли в ноге и спине не испытывал. Он составил для нас целый план ознакомления с Константинополем. Я приш,,л в восторг от названий ряда исторических мест, но подумал, что и половины этого, вероятно, осмотреть не успею.

Мне очень хотелось услышать о брате, узнать, как будет складываться паша судьба, но... не в первый раз за эти дни я проходил урок терпения и самообладания.

Приближался вечер, когда слуга от имени И. приш,,л звать нас пить чай. Чай был сервирован с не меньшей тщательностью, чем завтрак, заказанный капитаном. В большой комнате И. стол сиял серебром и всевозможными восточными сладостями.

Как только мы вошли, И. отправился за Жанной. Он не возвращался довольно долго, я начинал уже беспокоиться и раздражаться, когда, наконец, они вошли, продолжая начатый разговор, очевидно, не очень для Жанны радостный.

Она теперь была в скромном синем платье, выделявшем особенно резко е,, бледность. Кивнув мне и капитану, она поздоровалась с обоими турками и села на указанное ей место. Сам И. сел рядом, мы с капитаном напротив, турки по краям стола, а место по левую руку от Жанны было пусто.

Не успели мы усесться, как раздался л,,гкий стук в дверь и в комнату вош,,л высокий старик, совершенно седой, худой, красивый, с довольно резкими чертами лица.

И. встал навстречу, познакомил со всеми и указал на место рядом с Жанной. Он был представлен как Борис Ф,,дорович Строганов.

Приглядевшись к Строганову, я никак не назвал бы его русским. Типичное лицо турка с горбатым носом, большими ч,,рными глазами и бровями, бритое, скорее похожее на лицо акт,,ра, чем купца.

Завязался общий разговор, в котором Жанна не принимала никакого участия. На е,, лице были заметны следы слез, которые она пыталась запудрить, веки покраснели. Всем сердцем я сострадал бедной женщине и печалился, что трудно передать энергию из одного сердца в другое. Все сидевшие за столом, я был уверен, собрались только для того лишь, чтобы помочь ей. И вс,, же общая воля не помогла ей совладать с собой.

Я так пристально впивался взглядом в лицо Строганова, что он, смеясь, сказал:

– Бьюсь об заклад, что вы, молодой человек, писатель. Все рассмеялись, а я с удивлением спросил:

– Почему вдруг вы сделали такой вывод?

– Да потому, что за мою долгую жизнь я много перевидал людей. И только у очень одаренных писателей мне приходилось видеть эти глаза-шила, от которых на душе делается беспокойно. Не могу и не хочу сказать, что оказываемое вами внимание мне неприятно. Хочу только вас уверить, что я отнюдь не таинственная личность, и преступлений, ловко укрытых от правосудия, за мной не числится. А потому я не слишком интересен, – сказал он, улыбаясь и протягивая мне портсигар.

– Благодарю покорно, но я еще не научился курить, – уклонился я. – Что же касается пристальности моего взгляда, то приношу вам извинения за свою невоспитанность. Я необычайно рассеян и с детства ношу кличку «Л.,вушка-лови ворон». Надеюсь, вы меня простите и не отнесетесь ко мне слишком строго, – ответил я, огорченный тем, что так нелепо обратил на себя внимание нового гостя.

Он привстал, слегка поклонился и вежливо ответил, что его замечание не носило характера вызова, а было неумелым комплиментом, и что теперь мы квиты.

И. спросил, давно ли он живёт в Константинополе.

– Очень давно. Я здесь родился, – сказал Строганов. – Мой отец был капитаном торгового судна и часто бывал в Константинополе. В одну из стоянок он познакомился с полурусской, полутурецкой семьей и женился на одной из дочерей. Я очень похож на мать; отсюда это несовпадение между фамилией и внешностью. Все остальные члены моей семьи блондины плотного сложения. Я ведь и родился в том доме, где у меня сейчас свободен магазин. Вы для кого собираетесь снять помещение?

– Для вашей соседки, под шляпное дело, – ответил И.

Видя, что сосед повернулся к Жанне, И. сказал ему, что Жанна француженка и говорит только на своем языке.

Строганов перешел на французский. Говорил он свободно, несколько с акцентом, но совершенно правильно.

У меня забилось сердце. Я так боялся, что нелюбезное поведение Жанны вынудит Строганова передумать. Но Строганов, точно ничего не замечая, очень деловито и любезно объяснил ей все удобства расположения улицы, магазина и квартиры. Это, по его словам, небольшой особняк; внизу магазин и передняя, а наверху квартира из двух комнат и кухни, выходящих во двор с хорошим садом.

Видя, что Жанна молчит, он предложил заехать завтра утром за нею и

показать ей дом. Если понадобится ремонт, то сделать его недолго.

И. горячо поблагодарил Бориса Ф., доровича, объяснив ему, что Жанна – племянница того человека, о котором он наводил утром справки в его присутствии, и что ей предстоит остаться в Константинополе одной с двумя маленькими детьми, так как все мы едем дальше.

Строганов повернулся к Жанне, по лицу которой побежали слезы.

– Не горюйте, мадам, – сказал он ей. – В жизни всем приходится бороться, и почти все мы начинаем с очень малого, чтобы заработать себе кусок хлеба. На ваше счастье, вы встретили замечательных людей, которые о вас заботятся. Это редкостное везение. Быть может, вы чем-то заслужили особое расположение судьбы, поскольку и я буду рад помочь вам. Дело в том, что у меня есть 25-летняя дочь, потерявшая жениха и не пожелавшая более выйти замуж. Я очень хотел бы пристроить ее, к какому-нибудь делу. Если вы можете обучить ее, вашему мастерству, а потом взять в компаньонки, то и магазин и обстановка дома будут стоить вам вдвое дешевле.

Лицо Жанны просветлело. Прелестные губы сложились в улыбку, и она протянула, по-детски доверчиво, обе руки старику.

– Я буду счастлива иметь компаньонку. Я очень хорошо знаю свое дело, и за моими шляпами дамы обычно гоняются. Но в бухгалтерии, в счетах – я ничего не понимаю; меня пугает эта сторона дела. Я чувствовала бы себя куда лучше, если бы вы наняли меня, а дело было бы вашим, – быстро сказала она.

– Это, я думаю, совсем не входит в планы ваших друзей, – ответил ей Строганов. – Как я понял, вам нужно иметь возможность жить независимо и вырастить детей. Будьте только смелы. В счетах и финансовых делах моя дочь тоже ничего не понимает, но она хорошо образованна, трудолюбива. А я буду первое время руководить вами обеими в ваших финансовых операциях. Вс., по плечу человеку, если он не боится, не плачет, а приступает к делу легко и смело. Я не раз замечал, что выигрывали в делах не те, кто имел много денег, но кто легко начинал.

Дело было решено. Назавтра Жанна, И. и Строганов должны были встретиться в 11 часов утра в будущей квартире Жанны.

Я с мольбой взглянул на И., не решаясь просить разрешения идти вместе с ними. Но он, предупреждая мою просьбу, сказал Строганову, что я был очень болен, что идти пешком или трястись в коляске мне нельзя. Нет ли возможности добраться туда по воде? Строганов сказал, что можно доплыть в шлюпке до старой сторожевой башни, а там останется лишь пересечь два квартала и выйти прямо к дому.

– Так мы и сделаем, – сказал капитан, глядя на Жанну, – если вся компания нас приглашает.

Жанна рассмеялась и сказала, что она-то будет счастлива; но захочет ли сам Л., вушка? Всем было смешно, так как моя очевидная жажда видеть вс., самому ясно читалась на лице.

Строганов допил свой чай и простился, доброжелательно улыбаясь. Проводить его вызвался старший турок, которого тоже ждали дома дела.

После их ухода И. передал Жанне две толстые пачки денег, сказав ей, что они предназначены детям. И если она сейчас истратит что-то на устройство дела, то должна будет пополнить капитал, когда дело станет приносить прибыль, так как эти деньги должны пойти на образование е., детей.

– Может быть, мне следовало бы только поблагодарить вас и ваших друзей, господин старший доктор. Но я никак не могу понять, неужели для меня в жизни остались только дети? Неужели я сама совсем ничего не стою? Ведь за вс., время на пароходе никто не сказал мне лично ласкового слова, а все заботы только о детях? – сказала Жанна И. – Я очень предана детям, хочу и буду работать для них. Но неужели для меня вс., конечно только лишь потому, что я потеряла мужа? Меня просто возмущает такая тираническая установка.

В голосе е., появились истерические нотки, и я вспомнил, как капитан утверждал, что Жанна – на грани психического заболевания.

– Когда-нибудь, – ответил ей И., – вы, вероятно, сами пойм., те, как ужасно то, что вы говорите сейчас. Вы очень больны, очень несчастны и не можете оценить всей трагедии такого умонастроения. Вс., что все мы могли для вас сделать, – мы сделали. Но никто не в состоянии поселить в вашем сердце мир. А это-то первое условие, при котором труд ваш будет удачным. Вы видите в нас счастливых и уравновешенных людей. И вам кажется, что мы именно таковы. На самом же деле вы и представить себе не можете, дорогая Жанна, сколько трагедий пережито или переживается и сейчас некоторыми из нас. Я ни о ч., м не прошу вас сейчас; только не отдавайтесь всецело горю этой минуты и не считайте, что если мы уедем, – для вас не будет больше утешения. Вы найд., те его в успешной работе. Не думайте пока о любви как о единственной возможности восстановить сво., равновесие. Поверьте моему опыту, что жизнь без труда – самая несчастная жизнь. А когда есть труд – всякая жизнь уже больше чем наполовину – счастливая.

Жанна не ответила ни слова; но я понимал, что в е., душе первое место занимали мужчина и любовь, потом дети, а труд поневоле являлся только

необходимым приложением.

Ибрагим обещал Жанне привести няню-турчанку, старушку, прожившую в их доме много лет.

Таким образом, на Жанну, как из мешка доброй феи, сыпались подарки.

И. положил конец нашему не особенно веселому чаепитию, предложив всем разойтись, потому что я устал и бледен.

Жанна, прощаясь со мной, сказала, что решится снять дом только в том случае, если я ей это посоветую. Я только и успел сказать, что сам следую советам И. и для не, гораздо важнее не мо, а каждое его слово.

Капитан с молодым турком ушли в ресторан, мы с И. категорически отказались от еды и, наконец, остались одни.

Мы вышли на балкон. Была уже темная ночь, показавшаяся мне феерической; такого дивного неба и необычайных звезд я еще не видел. Освещенный огнями, чудной и чудный город показался мне теперь панорамой из сказки.

– Я сегодня почти ничего не узнал нового к тому, что уже говорил тебе. Но зато получил письмо от Али, в котором тот просит нас остаться в Константинополе до тех пор, пока сюда не приедет Ананда. И тогда, все вместе, мы двинемся в Индию, в имение Али. Флорентиец сообщил телеграммой, что твой брат и Наль в Лондоне. Но думаю, они все же вынуждены будут уехать в Нью-Йорк, куда их проводит сам Флорентиец, – сказал И.

– Неужели я поеду с вами в Индию, а брат мой в Америку, даже не повидавшись перед разлукой? – печально спросил я.

– Что было бы, если бы ты, Левушка, увидел сейчас брата? Мог бы ты, после первой радости свиданья, задать ему все те вопросы, которые поднялись и живут в твоей душе и на которые ты хотел бы получить полные, исчерпывающие ответы? Ведь ты прожил много времени рядом с братом, а только теперь понял, что ваши духовные миры вращаются вокруг разных осей. Пойми, не в физическом свидании дело, а в том, чтобы ты понимал его без вопросов и слов. Чтобы тебе осмыслить книги брата, – надо прежде всего много учиться. У Али старшего ты найдешь прекрасную библиотеку, а в Али молодом обретешь друга и помощника, и сотрудника тоже. Сейчас еще не поздно выбирать. Если ты хочешь ехать к брату, – Флорентиец возьмет тебя с собой и Ананда доставит тебя к нему. Если же ты, уже зная по опыту, как трудно жить рядом с людьми, превосходящими тебя знаниями, к которым ты сам не можешь найти ключа, – пожелаешь остаться со мной и Али, – ты можешь сделаться со временем настоящим

помощником и Флорентийцу, и брату, которому не однажды еще, понадобится твоя помощь. Да, ты свободен выбирать себе путь. Но почему-то мне кажется, что твоя интуиция и твой талант сами говорят тебе о том, что совершенно невозможно бросить начатое. Пока мы живем здесь и записываемся всюду под твоим именем, те, кто гонится за братом, непременно приедут сюда, как только им дадут знать, что мы здесь. И пока мы будем их мишенью, брат твой успеет увезти Наль в Америку. Не скрою от тебя своего беспокойства. Бешеный удар турка, если и не уложил тебя на месте, то растревожил весь твой организм. Тебе предстоит радостным усилием воли приводить себя в равновесие. Всякий раз, когда ты начинаешь горячиться и раздражаться, – думай о Флорентийце, вспоминай о его полнейшем самообладании, благодаря которому ты не раз бывал спасен в дороге. Подумай еще, и о Жанне, ведь тебе понятно, что она ведет себя неверно. И чем больше и глубже ты вникнешь в свои обстоятельства, тем легче поймешь, при каких условиях ты будешь особенно полезен и нужен брату и Флорентийцу. Таким, которому все, происходящее кажется загадочным, или овладевшим знанием и понявшим, что в природе нет тайн, а есть только та или иная ступень познания.

Мы разошлись по своим комнатам, но заснуть я не мог. Я так понимал теперь Жанну в ее порывах к личному счастью.

Все, мое, счастье заключалось теперь в свидании с братом и Флорентийцем. Мне казалось, что я ничего другого не хочу. Пусть я ни на что другое не годен, я согласен быть им слугою, чистить их башмаки и платье, только бы видеть их дорогие лица, слышать их голоса и не внимать стонам собственного сердца. Я готов был горько заплакать, как вдруг мне вспомнилось, что сказал Строганов: «Я часто видел, как побеждали те, кто начинал свой путь легко».

Даже в жар меня бросило. Я опять провёл параллель между собою и Жанной; и снова увидел, что целая группа лиц помогает мне, как и ей, а я так же слепо упорся в жажду личного счастья.

Я постарался забыть о себе, устремился всеми помыслами к Флорентийцу, и снова знакомый облик вдруг возник рядом, и я услышал дорогой голос: «Мужайся. Не всегда дается человеку так много, как дано тебе сейчас. Не упusti возможности учиться; зов к знанию бывает однажды в жизни и не повторяется. Умей любить людей по-настоящему; Такая любовь не знает ни разлуки, ни времени. Охраняй бесстрашно, правдиво и радостно свое место подле И. И помни всегда: радость – сила непобедимая».

Необычная тишина воцарилась во мне. Легко и просто, словно на меня

снизошло озарение, я понял, как мне жить дальше, и заснул безмятежным сном, совершенно счастливым.

Проснулся я утром, когда И. будил меня, говоря, что верзила с капитаном ждут меня внизу, чтобы плыть морем к месту общего свидания, и что завтракать я буду в лодке.

Я быстро оделся и не успел даже набросить пальто, как появился верзила, заявляя, что «не по-моряцки долго одеваюсь». Он не дал мне взять пальто, сказав, что в лодке есть плащ и плед, но и без них тепло.

Он в,,л меня какими-то дворами, и мы, даже идя очень медленно, скоро очутились у моря, где я благополучно сел в лодку.

ГЛАВА 17 НАЧАЛО НОВОЙ ЖИЗНИ ЖАННЫ И КНЯЗЯ Море было тихо. Погода для Константинополя стояла необычайно прохладная, что капитан объяснял влиянием бури. Он рассказал, что множество мелких и крупных судов разбито, а пропавших лодок и рыбаков до сих пор сосчитать не могут.

– Да, Л,,вушка, героическими усилиями моей команды и беззаветной храбростью – твоей и твоего брата – много счастливых спаслось на мо,,м пароходе. И мы с тобой можем сегодня наслаждаться этой феерической панорамой, – сказал капитан, показывая рукой на сказочно красивый город. – А сколько людей сюда так и не добралось. Вот и угадай свою судьбу за час впер,,д, и скажи когда-нибудь, что ты счастлив, думая о завтрашнем дне. Выходит, я прав, когда говорю, что жив,,м мы один раз, и жить надо только мгновеньем и ловить его, это драгоценное летящее мгновенье счастья.

– Да, – ответил я. – Я тоже прежде думал, что надо искать повсюду только сво,, личное счастье. Но с тех пор, как я ближе узнал моих новых друзей, – я понял, что счастье жить – не в личном счастье, а в том полном самообладании, когда человек сам может приносить людям радость и мир. Так же как и вы, И. говорит о ценности сиюминутного, вот этого самого летящего мгновенья. Но он видит в этом умение обнять сразу весь мир, окружающих, трудиться для них и с ними, сознавая себя единицей Вселенной. Я ещ,, мало и плохо понимаю его. Но во мне уже зазвучали новые ноты; сердце мо,, широко открылось для любви. Я точно окончил какой-то особенный университет, благодаря которому понимаю теперь каждый новый день как ряд моих духовных университетов. Я перестал думать о том, что жд,,т меня в жизни вообще. А раньше вс,, жил мыслями о том, что будет со мною через десять лет.

– Да, мои университеты много хуже твоих, Л,,вушка, – ответил

капитан. – Я вот живу дн,,м завтрашним или уже прошедшим, так как мо,, настоящее не удовлетворяет и не пленяет меня. Сейчас я усиленно думаю о Гурзуфе и мечтаю встретить Лизу. Настоящее я как-то и не научился достаточно ценить.

Пользуясь тем, что матросы не понимали французского, мы продолжали так беседовать, изредка прерываясь, чтобы полюбоваться красотой отдельных зданий, куполами мечетей и дворцов, которые называл капитан, отлично знавший город.

Наше довольно долгое путешествие уже подходило к концу, когда мои мысли вернулись к Жанне.

– Ваш глубокий поклон великому страданию Жанны не выходит у меня из головы, – сказал я.

– Бедная женщина, девочка-мать! Так много вопросов предстоит ей решить за своих малюток. Как важно – начать воспитывать человека с самого детства. А что может Жанна? Ведь она ничего не знает, не сумеет прочитать до конца ни одной книжки о воспитании и ничего в ней не пойм,,т, – задумчиво сказал капитан.

– И мы с вами не много пойм,,м, если писавший стоит на ступени своего творчества гораздо выше нас. Вс,, зависит от тех вибраций сердца и мысли, которыми жив,,т сам человек. Понять можно только что-нибудь тебе созвучное. И такой, общий для всех язык, единящий бедуина и европейца, негра и англичанина, святую и разбойника, – есть. Это язык любви и красоты. Любить может Жанна своих детей; любить не животной любовью, как свою плоть и кровь, но гордясь их достоинствами или страдая от их пороков, – заступился я за Жанну.

– Но она может сейчас любить их, как свой долг, как свой урок жизни. И пока она пойм,,т, что е,, жизнь – это е,, обстоятельства, неизбежные, единственные, посланные во вс,,м мире ей одной, а не комуто другому, – пройду,,т много времени. Вот тогда в е,, жизни не будет места ни ропоту, ни слезам, а только радостный труд и благословение, – отвечал мне капитан.

Я уставился на него, забыв обо вс,,м на свете. Лицо его было нежно и доброта лилась из глаз. Чарующая волна нежности прошла из моего сердца к нему.

– Как нужно вам встретиться с Флорентийцем, – пробормотал я. – Или, по крайней мере, поговорить очень серь,,зно с И. Я ничего не знаю, но – простите, простите меня, мальчишку рядом с вами, с вашими достоинствами и опытом, – однако мне кажется, что и у вас в голове и сердце такая же каша, как у меня.

Капитан весело рассмеялся.

– Bravo, bravissimo, Л.,вушка! Если у тебя каша, то у меня форменная размазня, даже кисель. Я сам ищу случая поговорить с твоим загадочным И., да мне вс., не уда.,тс. Вот мы и добрались, – добавил он, отдав матросам приказание править к берегу и пристать к концу мола.

Мы вышли из лодки и в сопровождении верзилы стали подыматься в город. Вскоре мы были уже на месте и ещ., издали увидели, как вся наша компания вошла в дом.

Мы нагнали своих друзей в передней. Ко всеобщему удивлению, квартира оказалась хорошо меблированной. Из передней, светлой, с большим окном, обставленной на манер при.,мной, дверь вела в большую комнату, нечто вроде гостиной в турецком стиле.

Строганов объяснял Жанне, как он мыслит устроить прилавок и стеклянные шкафы для готовых шляп, перьев, цветов и лент, чтобы покупательницы сразу могли оценить талант и тонкий вкус Жанны и выбрать понравившиеся им вещи.

Далее находилось помещение для мастерской, где стояло два длинных стола и откуда дверь вела в сени ч.,рного хода.

Дети вцепились в меня сразу же, но И. запретил их поднимать. Они надулись и утешились только тогда, когда верзила посадил обоих на свои гигантские плечи и вынес в сад, где был устроен небольшой фонтан и стояло несколько больших глиняных сосудов с длинными, узкими горлами.

Осмотрев нижние помещения, мы снова вышли в переднюю и по железной винтовой лестнице поднялись на второй этаж.

Здесь были три небольшие комнаты, одна из них была обставлена как столовая; в другой стояли две новенькие детские кровати и диван; в третьей

– великолепное зеркало в светлой раме, широкий турецкий диван и несколько кресел.

У Жанны побежали слезы по щекам. Она снова протянула обе руки Строганову и тихо сказала:

– Вы вчера преподали мне огромный урок, говоря, что побеждает тот, кто начинает сво., дело легко. Сегодня же вы показали мне на деле, как вы добры; как просто вы сделали вс.,, чтобы помочь мне легко начать мо., дело. Я никогда не забуду вашей доброты и постараюсь отплатить вам всем, чем только смогу. Вы навсегда сделали меня преданной слугой за одни эти детские прелестные кровати, о которых я и мечтать не смела.

– Это пустяки, мадам; я уже давно хотел обставить этот домик, так как говорил вам, что я здесь родился и ценю его по воспоминаниям и тем урокам жизни, что я получил здесь. Я очень рад случаю обставить его для

женщины, которая трудится, и е., детей. А вот и дочь моя, – продолжал Строганов, двигаясь навстречу поднимавшейся по лестнице женской фигуре.

Перед нами стояла высокая женщина, закутанная в ч.,рный ш.,лковый плащ со спущенным на лицо ч.,рным покрывалом.

– Ну вот – это моя дочь Анна, – сказал он, обращаясь к Жанне. – Вы – Жанна, она – Анна, хорошо было бы, если бы вы подружились и «благодать» царила бы в вашей мастерской, – продолжал он, смеясь. – Ведь Анна значит по-гречески – благодать. Она очень покладистого и доброго характера, моя любимая благодать.

Анна откинула с лица сво., ч.,рное покрывало, и... мы с капитаном так и замерли от удивления и восторга.

Бледное, овальное лицо с огромными ч.,рными глазами, ч.,рные косы, лежавшие по плечам и спускавшиеся ниже талии, чудесный улыбающийся рот и белые, как фарфор, зубы. Протягивая Жанне свою изящную руку, Анна сказала низким приятным и мягким голосом:

– Мой отец очень хочет, чтобы я научилась трудиться не только головой, но и руками. Я несколько лет сопротивлялась его воле. Но на этот раз, узнав, что моей учительницей будет женщина с детьми, перенесшая страшное горе, я радостно и легко согласилась, даже сама не знаю почему. Не могу сказать, чтобы меня пленяли шляпы и дамы, – продолжала Анна, смеясь, – но что-то интуитивно говорит мне, что здесь я буду полезна.

Е., французская речь была чиста и правильна. Она сбросила глухой плащ и оказалась в простом, но элегантном белом ш.,лковом платье и ч.,рных лакированных туфельках, необыкновенно маленьких для е., большого роста.

Не знаю, длинными ли косами, крошечными ли туфельками, стройностью ли фигуры или какой-то особенной элегантностью манер, но чем-то Анна напомнила мне Наль. Я не удержался и прошептал: «Наль, Наль».

– Что такое? Что ты говоришь? – тихо спросил меня капитан. И. взял меня под руку и спросил тоже:

– Л.,вушка, что ты шепчешь? Это не Наль, а Анна. Приди в себя и не осрамайсь, когда нас будут ей представлять. Руки не целуй и жди, пока она сама не протянет тебе руку. А то, пожалуй, ты ещ., задрожешь, как при встрече с Хавой, – улыбнулся он мне.

– Шехерезада! Вся моя жизнь теперь не иначе как сказка. Можно отдать полжизни, чтобы быть любимым одну ночь такой женщиной, – восхищ.,сно произн.,с капитан.

Отец знакомил Анну со всеми по очереди, она внимательно смотрела каждому в глаза, подавая руку с легкой улыбкой, но истинное внимание ее привлекли дети, въехавшие верхом на верзиле. Анна подошла к детям, протягивая им руки. Малютки смотрели на нее во все глаза; девочка потрогала ее косы и спросила:

– Почему ты, ты, такая чуждая? Тебя покрасили сажей?

– Нет, – засмеялась Анна. – Это отец наградил меня таким цветом волос. Но скоро я буду седая, и ты перестанешь бояться моих кос.

Наконец очередь дошла и до нас.

Первым был представлен капитан. Он низко поклонился и пожал протянутую ему руку, глядя прямо в лицо Анне, которая на сей раз опустила глаза; на щеках ее разлился легкий румянец, и мне показалось, что на нем мелькнуло выражение досады.

На И. Анна взглянула пристально, и ее чуждые глаза вспыхнули, точно факелы.

– Вы тот друг Ананды, конечно, о котором он мне писал в последнем письме? Я очень счастлива встретить вас. Надеюсь, что до приезда Ананды вы окажете честь нашему дому и посетите нас.

– Я буду счастлив навестить вас, если ваш отец ничего не имеет против, – ответил И.

– Вы думаете, что моя турецкая внешность имеет что-либо общее с восточным воспитанием? Уверяю вас, нет. Более свободолюбивого и отзывчивого отца не сыскать во всем мире. Это первый мой, да и всех моих сестер и братьев, друг и помощник. Каждый из нас совершенно свободен в выборе своих знакомств. Единственное, чего не терпит мой отец, – это праздная жизнь. Я одна в нашей семье еще не зарабатываю денег. Но теперь и я поняла, что мне необходимо общаться с людьми, внося свою посильную лепту в серый день, – говорила Анна, пользуясь тем, что Жанна и отец продолжали осмотр спален.

– Разрешите мне представить вам моего двоюродного брата Лувушку Т., – сказал И. – Он, как и я, друг Ананды и Флорентийца, о котором думает день и ночь, – прибавил И., подталкивая меня вперед. – Быть может, вы позволите нам вместе навестить вас; мы с Лувушкой почти не разлучаемся, так как он несколько нездоров сейчас.

– Я буду очень рада видеть у себя вас обоих, – любезно ответила Анна, протягивая мне руку, которую я слегка пожал.

– А, попались, молодой человек, – услышал я позади голос Строганова. – Анна, наверное, уже почуяла в вас писателя. Она ведь сама неплохая поэтесса. Пишет для детей сказки прекрасно, но не соглашается

их печатать. Е., произведения вс., же очень известны в Константинополе. Держу пари, что она уже вас околдовала. Только вы ей не верьте, она у нас вроде как без сердца.

– Отец, ты так сконфузил молодого писателя, – если он действительно писатель, – что он тебе, несомненно, отомстит, изобразив тебя по крайней мере константинопольской достопримечательностью, – сказала Анна, громко, но очень мелодично рассмеявшись.

К ней приблизилась Жанна, обе женщины отошли к окну, и о ч.,м они говорили, я не знаю. Анна стояла к нам профилем, и все четверо мы смотрели на не.,.

Мне вспомнился благоуханный вечер в саду Али: вспомнились т.,мные, но не ч.,рные косы Наль, е., зел.,ные глаза и три других мужских лица, смотревших на не., неотрывно с совершенно разным выражением.

Так и сейчас – капитан напряж.,нно смотрел на Анну и видел в ней только физическое очарование гармоничных форм. Знакомое мне выражение хищника светилось в его ж.,лтых глазах; он подался вперед и напоминал тигра, следящего за добычей.

На лице И. разлились мягкость и доброта, точно он благословлял Анну, и у меня мелькнуло в сознании: «благодать».

Отец глядел задумчиво и печально на свою дочь, точно он страдал от какой-то тайной боли своей дочери, которой не мог помочь и которая бредила его сердце.

Я же весь пылал. В голове моей мелькали мысли, они кипели, точно волны наскакивая друг на друга. Я мысленно видел Ананду подле высокой фигуры Анны и думал, что никто другой не мог быть избран ею, если она близко знала такого обаятельного красавца с глазами-зв.,здами.

Я совершенно забыл обо вс.,м; я видел только Ананду, вспоминал его необычайный голос, и вдруг у меня в ушах он зазвенел, этот голос:

«Не всякая любовь связывает плоть людей. Но плоха та любовь, что связывает рабски дух их. То будет истинной любовью, когда все способности и таланты раскрываются к творческой деятельности, где освобождается дух человека».

Слуховая иллюзия была так сильна, что я невольно бросился вперед, чтобы увидеть Ананду из окна. Но железная рука И. меня крепко держала.

Капитан повернулся на производ.,нный мною шум.

– Вам дурно, Л.,вушка! Как вы бледны! Здесь душно, поедemте домой, – сказал он, беря меня под руку с другой стороны и нежно стараясь меня увести.

Жанна услышала последние слова капитана, быстро подошла ко мне и

попросила:

– Не уходите, Л.,вушка.

Но увидев мою бледность, покачала головой и тихо прибавила:

– Вот какая я эгоистка! Только о себе думаю. Вам необходимо домой.

Вы очень страдаете?

Я не мог выговорить ни слова, какая-то судорога сжала мне горло. И. сказал Жанне, что сейчас капитан отвезет меня домой, а вечером я смогу пообедать с нею, если она освободится к семи часам, – мы будем ждать ее. Сам же он, И., – если она разрешит, – примет участие в ее делах по устройству квартиры.

Тут вмешались все, время молчавшие турки, старик Строганов и Анна, категорически протестуя против вмешательства И., уверяя, что справятся и без него.

Мы простились со всей компанией и, сопровождаемые верзилой, который передал Жанне детей, вышли втроем на улицу.

И. хотел проводить меня, но капитан попросил его посидеть со мною, пока они с верзилой не отлучатся совсем неподалеку.

Я был рад посидеть в тени, рад побыть с И. Я попросил его дать мне укрепляющую пилюлю Али, но он ответил, что никакие пилюли сейчас мне не помогут.

– Есть люди, Л.,вушка, которые слышат и видят то, чего не могут ни слышать, ни видеть сотни тысяч других. Они одарены особой силой – внутренним зрением и слухом с иной частотой колебаний и вибраций, чем те, благодаря которым воспринимает впечатления и ощущения большинство людей. У тебя есть этот дар – слышать и видеть на расстоянии, но ты принимаешь это за галлюцинацию, результат своей рассеянности. Если бы удар по темени не пришлся так не вовремя, – твои способности развивались бы нормально. Теперь же весь твой организм, весь спинной мозг потрясены с такой необычайной силой, что огонь, который живит в каждом человеке непробужденным, – как его скрытая сила, – внезапно вырвался и смел все преграды, лежавшие на его пути, обострил все твои духовные силы. Когда ты оправившись от потрясения, я объясню тебе все, то, о чем говорю лишь вскользь. Я хочу только, чтобы ты понял, что ты не болен, не сходишь с ума, просто в тебе преждевременно раскрыты к восприятию силы частотой колебаний выше, больше и гораздо значительнее, чем те, к которым ты привык. Будь спокоен. Больше лежи и всеми силами старайся не раздражаться. Никому ни слова о том, что мы сейчас говорили, – прибавил он, завидев капитана и верзилу.

Представившееся зрелище было довольно необычно, и издали я никак

не мог понять, что же к нам приближается. Но И. начал сразу же смеяться и сказал:

– Ну, поздравляю, Л.,вушка. Будешь путешествовать по Константинополю в роли гаремной красавицы.

Теперь и я смог рассмотреть большой паланкин с опущенными занавесками, который несли два огромных турка. Я так возмутился, так затопал ногами, что И., весело смеявшийся за минуту до этого, схватил меня обеими руками, усадил и очень серьёзно сказал:

– Я только что просил тебя не раздражаться и предупреждал о всей серьёзности твоего состояния сейчас. Неужели для тебя так мало значат мои слова и все дальнейшие возможности чудесной жизни познания? И неужели же у тебя нет чувства юмора?

– И юмор я понимаю, и чрезвычайно дорожу всякой возможностью продвинуться вперед. Но я вовсе не желаю стать комическим персонажем, пусть даже только в глазах матросов, – ответил я запальчиво.

– Прежде всего, сдержи себя. Осознай огромную радость от того, чтобы быть господином самому себе. И оцени заботу капитана, Будь деликатен и, прежде всего, воспитывай себя так, чтобы находить джентльменскую внешнюю форму для выражения своих, пусть даже очень неприятных чувств. Ищи такт, о котором говорил тебе Флорентиец.

Группа приближалась. Капитан отделился и подошел к нам, весело размахивая фуражкой.

– Как видите, никакой тряски не будет. Перед вами носилки одного моего безногого приятеля, который предпочитает этот способ передвижения всякому другому. Но Бог мой! Вам хуже, Л.,вушка? То были бледны, теперь вы в красных пятнах, – сказал тревожно капитан.

Я поборол припадок яростного раздражения и только собрался «с холодной любезностью» поблагодарить капитана, как в дело вмешался И.:

– Нет, капитан, Л.,вушке не хуже. Это всё, ещё, реакция от удара. Но он прекрасно дойдёт с вами пешком до лодки, и это ему будет даже полезно. А носилки ваши, если бы вы согласились, были бы очень кстати для детей Жанны, чтобы отправить их домой. Жанне придётся ездить по делам, а дети связывают её, по рукам и ногам. Если бы вы разрешили употребить раздобытый вами экипаж по моему усмотрению, – я бы сейчас же пошел за детьми.

– Если вы находите, что Л.,вушка может идти пешком, я буду только рад предоставить носилки в ваше распоряжение, – весело ответил капитан, и не подозревавший, какую бурю я пережил из-за него.

И. пожал мне руку, попросил капитана уложить меня и сказал, что

заедет за мной в шесть часов, и мы вместе отправимся к князю, если вс,, это время я буду спокойно лежать в постели.

Мы расстались с И. и двинулись в путь. Я был счастлив, что отделался от дурацкого паланкина, но внутри у меня ещ,, продолжало клокотать недовольство и самим собой, и капитаном.

– Я не понимаю, что за мужчины в Константинополе, – говорил как бы с самим собой капитан. – Если такая женщина, как Анна, оста,,тся свободной, то у здешних мужчин в жилах не кровь, а вода. У нас в Англии она была бы уже дважды или трижды замужем и из-за не,, случился бы десяток дуэлей. Ведь это сказочная красота.

– Я мало понимаю в женской красоте, – ответил я. – Но думаю, что Анна в самом деле редкостная красавица. Что же касается мужчин, которые е,, не покорили, то, думаю, покоряют тех, кто хочет быть покор,,нным. А дерутся из-за тех женщин, которые выбирают, кому себя преподнести повыгоднее. Те же, кто, как Анна, ищут истинной любви, всегда идут очень скромным пут,,м, если не обладают талантом и тщеславием.

Капитан даже остановился, так он был пораж,,н моими словами.

– Ай да Л,,вушка! Вот так выдал пиллюлю, – разводя руками, сказал он. – Да тебе сколько лет? Пятьдесят или двадцать? Когда это ты успел сделать такое наблюдение?

– Право не знаю, что вас так удивляет? Ведь ничего необыкновенного тут нет. У нас в России много прекрасных женщин, в которых отсутствует кокетство. Ухаживают ведь не за самыми прекрасными, а за самыми кокетливыми. Эту азбучную истину мне всегда твердил брат при случае.

Молча, углубившись каждый в свои мысли, мы проделали остальной путь.

Добравшись до отеля, мы оба почувствовали, что проголодались, и заказали себе л,,гкий завтрак, который я ел л,,жа. Закурив сигару после завтрака, капитан опять вернулся к Анне.

– Как странно, – сказал он. – Я действительно отдал бы очень многое, чтобы какое-то время любить такую богиню, как Анна. Но именно какое-то время, отнюдь не представляю для себя возможным сделаться е,, мужем или постоянным рыцарем. В ней есть что-то, что мешало бы мне подойти к ней очень близко.

– Мне кажется, Анна человек очень высокой духовной культуры. Если вы ещ,, побудете в Константинополе, то увидите одного из друзей И., который Анне также близкий друг. Если она любит его, – даже без взаимности, – то нет никого, кто бы мог привлечь е,, внимание. Один голос этого человека – с глазами, светящимися как зв,,зды, – даже в разговоре

пленяет; и увидав и услышав его хоть раз, уже нельзя забыть. А говорят, что он по,,т, как бог, – ответил я.

– Поч,,м знать, что именно пленяет одного человека в другом? Анна для меня могла бы стать крупным эпизодом в жизни, но никогда эпохой. А вот девочка Лиза, если бы жизнь снова свела нас, весьма возможно, ею стала бы.

Я принялся вспоминать Лизу, е,, манеры и речь и спросил капитана:

– А как вы отнеслись бы к жене-артистке? И как бы вы отнеслись к е,, таланту вообще»? Ведь говорят, у Лизы огромный талант. А вы полны предрассудков. Как бы вы себя чувствовали, сидя в первом ряду концертной залы, где выступала бы ваша жена-скрипачка?

– Я никогда не предполагал, что сцена, эстрада и вообще подмостки могли бы играть какую-либо роль в моей жизни. Всегда избегал женщин от театра. Они казались мне в той или иной мере пропитанными духом карьеризма и желанием продать себя подороже, – ответил капитан.

– Неужели за вашу большую жизнь вы не встретили ни одной женщины, которая была бы действительно жрицей искусства? Для которой не было бы иной формы жизни, чем только то искусство, которому она служит и которым жив,,т? – спросил я снова.

– Нет, не встречал, – ответил он. – Я был знаком с так называемыми великими актрисами. Но ни от одной из них не вынес впечатления божественности их дарования. Приходилось встречать художников высокой культуры, которым, казалось, открывались тайны природы. Но... в жизни они оказывались людьми мелкими.

На этом закончилось наше свидание. Капитану нужно было сделать несколько деловых визитов, побывать на пароходе, а вечером он собирался навестить своих друзей. Мы расстались до следующего дня.

Утомл,,нный целым рядом пережитых встреч, я задремал, незаметно заснул и проснулся от громко звавшего меня голоса И., который торопил меня – переодеться, взять аптечку и идти к князю.

Он дал мне каких-то горьких капель. Я быстро снарядился в путь, и мы пошли пешком к особняку князя, что было не так далеко. Меня очень интересовала предстоящая встреча. Как ни была мне противна старая жена его, вс,, же жалость к ней, к е,, омертвелому телу и близкой смерти сильно билась в мо,,м сердце.

Невольно я задумался, как тяжело умирать человеку. «Что думает о смерти Флорентиец? И как будет умирать он?» – подумал я. И вдруг, среди бела дня, среди уличного грохота и суеты я услышал его голос: «Смерти нет. Есть жизнь

– одна, вечная; а внешних форм е,, много». Я остановился как вкопанный и непременно попал бы под кол,,са экипажа, если бы И. не д,,рнул меня впер,,д.

– Л,,вушка, тебя положительно нельзя отпустить ни на шаг, – сказал он, беря меня под руку.

– Да, нельзя, Лоллион, – жалобно ответил я. – Проклятый турецкий кулачище сделал меня сумасшедшим. Я просто прогрессирую в безумии и не могу остановиться. Я вс,, больше галлюцинирую.

– Да нет же, Л,,вушка. Ты очень возбужд,,н был сегодня. Что тебя смутило сейчас?

– Мне пришло в голову, как тяжело умирает старая княгиня. Я подумал, что всем очень страшно и тяжело умирать. Подумал, какой рисуется смерть Флорентийцу, – и вдруг услышал его голос: «Смерти нет. Есть жизнь, – одна, вечная; а внешних форм е,, много». Ну разве не чепуха мне послышалась? – вс,, так же жалобно говорил я И.

– Друг мой, ты услышал великую истину. Я тебе вс,, объясню потом. Сейчас мы подходим к нашей цели. Забудь о себе, о сво,,м состоянии. Думай только о тех несчастных, к которым мы ид,,м. Думай о Флорентийце, о его светлой любви к человеку. Старайся увидеть в князе и княгине цель для Флорентийца и стремись внести в их дом тот мир и свет, которые живут в сердце твоего великого друга. Думай только о н,,м и о них, а не о себе, и ты будешь мне верным и полезным помощником в этом тяж,,лом визите. И он станет л,,гок нам обоим.

Мы вошли в дом князя, пройдя через калитку довольно большого тенистого сада.

Встретила нас уже знакомая нам по путешествию горничная и сказала, что сама княгиня вс,, как бы спит, а князь жд,,т нас с нетерпением.

Мы прошли через совершенно пустые комнаты и услышали позади поспешные шаги. Это догонял нас князь.

– Как я рад, что дождался вас, – обратился он к И. – Я уже готов был ехать к вам, так меня беспокоит состояние княгини. Да и сам я не менее нуждаюсь в вашей помощи и советах, – продолжал он, приветливо улыбаясь и пожимая нам руки.

– Отчего же вас так тревожит состояние вашей жены? Я ведь предупреждал, что е,, возврат к жизни будет очень медленен и что большую часть времени она будет спать, – сказал И.

– Да, это вс,, я помню. И – что очень странно для меня самого – абсолютно и беспрекословно верю каждому вашему слову. И вера моя какая-то особенная, ни с чем не сравнимая, – говорил своим тихим и

музыкальным голосом князь, пропуская нас в дверь третьей комнаты, коекак меблированной и изображавшей нечто вроде кабинета.

Князь усадил нас в кресла, сел сам и продолжал:

– Я не стал бы описывать вам сво,, состояние, если бы оно не было так странно. Чувство веры в вас дало мне силу жить сейчас. Точно в мой спинной хребет влилась какая-то мощь, которая держит на своей крепкой оси вс,, мо,, тело и составляет основу моей уверенности. Но как только я представляю, что вы скоро уедете, – вся эта мощь исчезает, и я чувствую себя бессильным перед надвигающимися тяготами жизни.

– Не волнуйтесь, дорогой мой князь, – сказал И. – Мы ещ,, не так скоро уедем, во-первых. А во-вторых, сюда прибудет мой большой друг вместе со своим товарищем и учеником, который уже получил звание доктора медицинских наук. Они тоже помогут вам. Возможно, что юный доктор, тот наш молодой друг, останется вам в помощь. Как видите, судьба бывает иногда более чем заботлива.

– Не умею выразить, как я тронут вашей добротой. И, главное, той простотой и л,,гкостью, с которыми вы делаете так много для людей, и помощь вашу так легко принимать, как будто это сущие пустяки, – закурив папиросу, сказал князь и, помолчав, продолжал:

– Я очень тревожусь сейчас. Здесь должен был встретить свою мать, мою жену, е,, сын, который желает, чтобы ему выделили его долю наследства. Я очень надеялся на это свидание, думая, что этот акт раздела имущества освободит меня от многих мук и судов после е,, смерти. Сын е,, хотя и видный генерал и занимает высокое положение при дворе, – сутяга и стяжатель, враль и обманщик первосортный. Я получил сегодня телеграмму, что он не приедет, а присылает двух доверенных адвокатов из Москвы. Вы представляете, что это будет за ужас, если такие два франта явятся сюда, увидят мою нечленораздельно мычащую жену, не владеющую ни руками, ни ногами...

– Я вам уже сказал, – перебил И. князь, – что речь вашей жены и е,, руки восстановятся довольно скоро. Ноги е,, по всей видимости, так и останутся до конца парализованными. Но смерть е,, наступит ещ,, нескоро; и вам прид,,тся нести тяжкий крест ухода за ней не менее двух лет, а то и более. Сердце у не,, исключительно здоровое. Не смотрите на предстоящее как на наказание. Великая мудрая жизнь не знает наказаний. Она да,,т каждому возможность созреть и крепнуть именно в тех обстоятельствах, которые необходимы только ему одному. В данном случае вы не о себе думайте, а о вашей жене. Старайтесь всей добротой, на которую способно сердце, раскрыть ей глаза. Объясните, что нет смерти, как нет и отдельной

жизни одной земли. Есть единая вечная Жизнь живой земли и живого неба. Это жизнь вечного труда Вселенной. Жизнь, духовная жизнь света и радости, включенная в плотные и тяжелые формы земных тел людей. И земная жизнь человека – это не одно, конечное существование от рождения до смерти. Это ряд существований. Ряд плотных, видимых форм; и в каждую влита единая, вечная жизнь, неизменная, только меняющая свои условные временные земные формы. У нас будет еще, не один разговор на эту глубочайшую тему, если она вас интересует. Сейчас я хотел только, чтобы вы осознали величие и смысл каждой земной жизни человека, чтобы вы поняли, как ясно он должен видеть все, в себе и во вне себя. И какую мощь в себе носит каждый, если научился владеть собою, если он может – в одно открывшееся его знанию мгновение – забыть о себе, как о временной форме, и постичь глубокую любовь в себе, чтобы ею дать помощь другому сердцу. Пройдите к вашей жене, вам предстоит сделаться ее, слугой, самоотверженным и щадящим. Вскоре я окончательно скажу, когда ей можно будет сидеть в кресле.

С этими словами И. поднялся. Я внимал ему, стараясь не пропустить ни единого слова. Но все, было для меня так ново и неожиданно, что я ничего не понял до конца, ничего не смог уложить в последовательную логическую цепь.

По растерянному лицу князя я видел, что и он понял не больше моего, хотя слушал он И. в каком-то благоговейном экстазе. Мы поднялись и втроем вошли в комнату княгини. Как выгодно эта комната отличалась от лазаретной каюты, представившейся нашим глазам на пароходе во время скандала. Окна были открыты и занавешены гардинами так, что в комнате была полутьма. Благоухали расставленные всюду цветы, и царил образцовый порядок.

На высокой постели лежала в красивом батистовом халате княгиня. Возле постели сидела сестра милосердия, поднимавшаяся нам навстречу.

На шум шагов княгиня повернула голову. Лицо ее, не имело больше того бессмысленного выражения, которое было на нем в последний раз, и только вокруг рта еще, оставалась синева.

В глазах ее, впившихся в И., было сознание окружающего. Она пыталась поднять руку, но по телу ее, пробежали только судороги. Глаза с мольбой устремились к князю и из них полились на дряблые и бледные щеки ручьи слез.

Князь подошел к постели, поднял безжизненную руку жены, поцеловал ее, и сказал:

– Вы хотите приветствовать доктора, моя дорогая? – На этот раз

больная чуть улыбнулась, и подошедший И. взял из рук князя м.,ртво лежавшую в них руку княгини.

– Не напрягайтесь, княгиня, – сказал он ей, считая пульс. – Вс., ид.,т хорошо. Вы уже вне опасности. И если будете аккуратно, дн.,м и ночью, выполнять мои указания, – я ручаюсь, что руки ваши будут двигаться и к вам полностью верн.,тсся память и речь. Но надо научиться самообладанию и терпению. Вы никогда не знали, что значит обуздать себя и только поэтому пришли к такому печальному концу. Перестаньте плакать. Теперь вам необходимо сосредоточить свою мысль на желании не только выздороветь, но и создать вокруг себя кольцо радостных, довольных и счастливых людей. Только радость и мир, которыми вы наполните вс., вокруг себя, могут помочь мне вылечить вас. Если от вас будут исходить злобные или раздраж.,нные мысли и чувства, я буду бессилён. Вы сами должны слиться в доброжелательстве и любви со всеми теми, кто будет подле вас.

По лицу старухи вс., лились потоки слез, которые осторожно отирал расстроенный князь. Из уст е.,, пытавшихся что-то сказать, вырвалось вдруг диким, страшным, свистящим голосом слово «Прощение». Как звук оборванной струны прозвенело оно, сменяясь могильной тишиной. И я почувствовал уже знакомое мне ощущение тошноты и головокружения, как И. обнял меня за плечи, шепнув: «Мужайся, думай о Флорентийце и призывай его на помощь».

Некоторое время в комнате царила полная тишина. И. стоял возле княгини, вс., ещ., держа е., руку в своей. Постепенно лицо е., успокоилось; слезы больше не текли по щекам, и оно перестало походить на ужасную, гримасничающую маску.

И. велел мне достать из аптечки два лекарства, смешал их вместе, разв.,л в них какой-то порошок красного цвета из флакона, которого я ещ., не видел и который показался мне золотым. Жидкость, закипев, стала ярко-красной. Я поднял голову княгини, а И. осторожно стал вливать лекарство ей в рот.

Как только, с большим трудом, последняя капля была проглочена, княгиня глубоко, облегч.,нно вздохнула, закрыла глаза и задремала.

Мы вышли из комнаты, предупредив сестру милосердия, что больная может проспать около суток беспробудно.

Вернувшись в кабинет князя, мы присели на прежние места, и И. сказал:

– У меня к вам просьба, князь. Вы вс., время стремитесь отблагодарить нас с братом за оказываемую вашей жене помощь.

– О нет, не только жене, для меня вы явились новым смыслом жизни, которую я считал загубленной, – вскричал князь. – Вы ведь не знаете, что порыв заставил меня жениться на моей теперешней жене. Я вообразил, что спасаю ее, от тысячи новых ошибок. И ни от чего не спас, а оказался сам слаб и попал в презренное и бедственное положение. Вы не знаете...

– Я знаю, – перебил его И., – что вы и благородный, и очень честный и добрый человек. Вот к этой-то доброте я и хочу сейчас воззвать. Вы, вероятно, слышали, что мы с капитаном помогли одной бедной француженке с двумя детьми добраться до Константинополя. Она рассчитывала отыскать здесь своих родственников. Но, я думаю, найти их она не сможет. Здесь мы ее, оставляем под покровительством одной чудной семьи. Но бедняжка так молода, неопытна и плохо воспитана, что, несомненно, создаст себе множество трудностей, из которых ей самой будет, пожалуй, и не выбраться. У нее, вспыльчивый, неуравновешенный характер. А ваш такт и доброта помогут ей разбираться в жизненных сложностях. Мы вскоре уедем; вам же придется здесь жить не менее полутора-двух лет, так как движение вашей жене смертельно опасно. Если вы согласны, пойдете с нами к Жанне Моранье. Мы познакомим вас с ней, и я буду спокоен, что у Жанны надежный и честный покровитель.

– Я буду очень счастлив, – ответил князь, – если мне удастся сделать что-либо хорошее для мадам Жанны. Но я сам так мало верю в свои силы и так горько переживаю разлуку с вами. Конечно, я готов идти хоть сию минуту. И буду видеть в ней только то сердце, которому должен отдать всю мою благодарность вам, и перенесу на нее, всю свою преданность.

Расставаясь, мы условились с князем, что завтра, около полудня, после визита к княгине отправимся к Жанне.

Мы возвратились домой, и я был так утомлен, что немедленно должен был лечь в постель, совершенно ничего не соображая. Мысли мои все спутались, и я не помню, как заснул.

Довольно поздним утром следующего дня меня разбудил стук в дверь, и звенящий голос капитана стыдил меня за лень.

– Я уже сто дел переделал. Мой пароход отведен в док для ремонта, солнце успело порядком испечь улицы, а вы все, нежитесь, будущий великий человек? Я голоден, как гонимый. Вставай, Девушка, скорее; я закажу завтрак, и мы его уничтожим на твоём балконе, если ты принимаешь меня в компанию, – громко продолжал говорить за дверью капитан.

Я ответил согласием, быстро проскочил в ванную, и через четверть часа мы уже сидели за столом.

И. уш,,л, не оставив мне записки, из чего я понял, что он сейчас верн,,тся. И действительно, вскоре послышались его шаги, и он вышел к нам на балкон, как-то особенно сияя свежестью и красотой.

Поздоровавшись, он осведомился у капитана, в каком состоянии его пароход.

Лицо капитана омрачилось. Судно нуждалось в довольно серь,,зном ремонте; задержка парохода, на котором большая часть грузов и пассажиров направлялась дальше, грозила множеством осложнений.

– Но ваше присутствие, доктор И., мне так дорого; встречу с вами я считаю одной из самых значительных в своей жизни! И потому я готов вынести вдвое больше, только бы провести ещ,, некоторое время в вашем обществе, если это вам не в тягость, – закончил тихим голосом капитан, глядя на И. Его глаза сейчас смотрели печально. И это был вовсе не тот «волевой» капитан, «царь и бог» своего судна, перед которым трепещут все.

Так ещ,, раз мне было дано увидеть скрытую грань души человека; и ещ,, раз пришлось убедиться в необычайной разнице между тем, что видишь, и тем, что в человеке жив,,т.

– Я тоже очень счастлив, что встретил вас, дорогой капитан, – ответил ему И. – И мне не только не тягостно ваше общество, но, наоборот, в мо,,м сердце жив,,т большая братская дружба. Сегодня я получил чудесные вести и о брате Л,,вушки, и о сво,,м близком друге Ананде, которого я не ждал сюда так скоро. Твой брат и Наль, Л,,вушка, обвенчаны в Лондоне в присутствии Флорентийца и его друзей. Что же касается Ананды, то он рассчитывает через десять дней быть уже здесь. Мне бы очень хотелось, капитан, чтобы ваши заботы задержали вас здесь на некоторое время. Ананда так высоко превосходит обычного человека, что увидеть его и понять, чего может достичь на земле человек одинаковой с вами плоти и крови, значит войти в несравненно более высокий круг идей, чем те, в которых вы жив,,те сейчас. Я читаю в вашей душе целый томик вопросов, который становится вс,, толще по мере нашего сближения. Можно было бы составить не только серию вопросов и ответов, но и круг чтения «на каждый день», если изложить в литературной форме бурление вашего духа. Но вопросы нарастают именно потому, что я не так высок в своих знаниях и духе, как Ананда. Характерным признаком присутствия истинного мудреца является то, что вопросы не нарастают, они исчезают. Раст,,т активность не ума, а интуиции. И подсознание приводит в гармонию мысль и сердце, потому что атмосфера, окружающая мудреца, указывает каждому на тщету и иллюзорность одних только личных достижений и желаний. Я

уверен, что встреча с Анандой уничтожит в вас целый караван кастовых и национальных предрассудков. В вас так много истинно ценного, истинно прекрасного, чем не может похвастаться ваше окружение, равные вам по положению ваши приятели.

Папироса капитана погасла, вино осталось недопитым; он сидел неподвижно, глядя в прекрасное лицо И., точно находился под гипнозом. В воцарившемся молчании слышен был только шум города, да изредка сюда доносились резкие гортанные крики разносчиков.

Каждый из нас уш,,л в себя, и никто не хотел нарушать молчания, в котором, очевидно, – каждый по-своему – создавал и переживал образ великой мудрости.

– Да, если говорите так о другом вы, выше которого я – человек – не видел человека, то каков же должен быть он, ваш Ананда? – отирая лоб, вс,, таким же тихим голосом произн,,с капитан.

Я хотел ему сказать, что я-то видел, это мой друг Флорентиец. Но внезапно почувствовал то особое состояние л,,гкости во вс,,м теле, ту собранность внимания в одну точку, которые каждый раз предшествовали видению образа или слышанию голоса тех, кого в этот миг со мной не было.

Я вдруг вздрогнул, точно меня ударило электрическим током, и увидел Ананду, сидящего за столом в той позе, в какой я увидел его однажды ночью:

– Не бойся и не беспокойся. И. не забыл ни о Флорентийце, ни о сэре Уоми. Но о них сейчас говорить не следует. Старайся больше молчать. Ценность слова так велика, что иногда одно только произнес,,нное не ко времени слово может погубить целый круг людей. Дождись моего приезда, – поговорим.

Я долго сейчас это рассказываю. Но тогда вс,, промелькнуло как вспышка молнии.

Я протянул руки к Ананде; очевидно, что-то сказал, так как капитан в одно мгновение был подле меня, подавая мне стакан с вином.

– Бедный мальчик! Опять голова заболела? – нежно спросил он. И. тоже подош,,л ко мне, ласково улыбаясь; и по его сверкающим глазам я понял, что он знал истинную причину моего внезапного беспокойства.

Моя мнимая болезнь отвлекла внимание капитана от нашего разговора. Побыв с нами ещ,, несколько минут, он отправился хлопотать по своим многочисленным делам. Вечер у него тоже был занят, и мы условились встретиться на следующий день часов в пять. Он хотел свезти меня обедать в какую-то знаменитую «Багдадскую» ресторацию, уверяя, что увижу там

сюрпризы почище, чем живая черная женщина. Я на все, был согласен, лишь бы скорее остаться с И. и узнать подробности о брате и Наль.

Проводив капитана, И. вернулся ко мне на балкон и присел на кушетку, потому что я все, еще, лежал, чувствуя и на самом деле какую-то слабость.

– Ты будешь несколько разочарован, милый друг, ведь я знаю чуть больше того, что уже сказал тебе. Ананда вообще скуп на подробности. А на этот раз он особенно тщательно следил за каждым своим словом. У тебя такой вид, точно ты огорчен свершившимся браком? – спросил меня И.

– Не огорчен, конечно, – ответил я. – Если в браке счастье моего брата и Наль – значит, ценность их жизни, – для них самая главная сейчас, – ими достигнута. Но по всему я представлял себе нечто огромное, гораздо большее, чем самый обыкновенный брак.

И. неожиданно для меня весело-привесело рассмеялся, обнял меня, погладил нежно мою неразумную голову и сказал:

– Откуда же ты взял, мой дорогой философ, что брак это такое простое и обыкновенное дело? Все, зависит от людей, кто в него вступает. И могут быть браки огромного значения, а вовсе не только личного. Всякий брак, как ячейка, где рождаются и воспитываются люди, дело чрезвычайно важное и ответственное. Отцы и матери, – если они поднялись до осознания себя единицами Вселенной, если их трудовой день вносит красоту в единение всех людей, – будут готовы к воспитанию новых человеческих жизней; они будут проводить свои системы воспитания не на словах, но собственным живым примером увлекать своих детей в красоту. Если же они поднялись до больших высот творчества, они образуют те ячейки, где воплощаются будущие великие люди, творцы и гении, чье, вдохновение составляет эпохи в жизни человечества.

Гармония семьи не в том состоит, чтобы все ее, члены думали и действовали одинаково, имели или не имели тайн друг от друга. А в той царственно расточаемой любви, где никто не требует обязательств друг от друга, в той высочайшей чести, где нет слов о самопожертвовании, а есть мысль о помощи, о радости быть другому полезным. Я уже говорил, что придет Ананда, – и в тебе забурлит творческий дух, а не Ниагара вопросов. Об одном только должен ты подумать, и подумать очень крепко: в сердце твоём уже не раз шевелился червь ревности. Большого ужаса, нежели пронизать свою жизнь ревностью, нельзя и представить.

Можно всю жизнь себе и окружающим отравить и даже потерять совершенно смысл долгой прожитой жизни только от того, что дни твои были разъедены ревностью. Можно иметь великий талант, можно увлечь человечество к новым вершинам в литературе, музыке, скульптуре, – и тем

не менее создать для себя такую железную клетку страстей, что придется века изживать ту плесень на своем духе, которую успел нарастить в подобной семейной жизни. И наоборот, одна прожитая в мире и гармонии жизнь проносится над человеком века и века подобно очищающей атмосфере, невидимой помощи и защите.

Не задумывайся сейчас над браком твоего брата. Много пройдет времени, прежде чем ты поймешь великий смысл его жизни и проникнешь в духовный его мир. Ведь до сих пор ты знал его как любимую нежную няньку, как воспитателя и отца.

Встань, дружок. Вот тебе часть пилюли Али. Пойдем к князю, мы обещали его познакомить сегодня с Жанной. Что касается твоего брата, то поверь: ни о каком легкомысленном шаге, ни о самопожертвовании во имя спасения Наль здесь не может быть и речи. Здесь один из величайших моментов его жизни. Отнесись к нему с полным уважением и даже благоговением.

Я принял лекарство, захватил свою аптечку и молча пошел за И.

В доме князя мы нашли все, ту же гнетущую атмосферу. Князь, провожая нас к жене, рассказывал о беспрерывных попытках княгини улыбнуться и говорить, попытках мучительных для всех, не приводящих ни к каким результатам.

– Здравствуйте, княгиня, – сказал И., наклоняясь над измученным, старческим лицом больной, которая казалась тяжелой, мертвенной массой среди чудесных, благоухающих цветов.

Княгиня с трудом подняла веки, но увидав И., совершенно преобразилась. Глаза блеснули сознанием, губы сложились в улыбку без всякой гримасы.

– Вы прекрасно себя ведете. Я очень доволен вами, – говорил И., держа старуху за руку. – Можно немного раздвинуть гардины и впустить в комнату солнце, – обратился он к сестре милосердия.

Когда солнце осветило комнату, я поразился, с каким вкусом, с какой тщательной заботливостью она была обставлена. Казалось, князь, забывший совершенно о себе, перенес сюда все свое внимание, чтобы вознаградить больную за ее страдания.

Я оценил; какой высокой внутренней культурой должен обладать этот человек, чтобы расточать доброту и заботу полумертвому телу своей ужасной супруги.

Смог бы я когда-нибудь вознестись на такую высоту, чтобы забыть все горести и унижения совместной жизни и так ухаживать за женой, отравившей мою молодую жизнь?

Мне даже холодно стало, когда я подумал, что представляло собой существование князя, эта его «жизнь». Мысли опять увели меня от действительности, – «Л.,вушка-лови ворон» Сидел вместо внимательного помощника лекаря, и очнулся я только от прикосновения И., смотревшего на меня с укором.

– Л.,вушка, князь уже несколько минут жд.,т пилюлю и держит перед тобой стакан с водой. Этак мы задержимся здесь, и Жанна снова обидится на господина младшего доктора за опоздание, – сказал он, улыбаясь только губами, но глаза его пристально и строго смотрели прямо в мои. Я покраснел и подумал, что он снова проч.,л вс., – как я судил, как копался в жизни князя.

Через несколько минут И. напоил больную красной кипевшей жидкостью, отдал сестре распоряжения, и мы вышли вместе с князем из дома.

До Жанны было не особенно далеко; но жара на улицах после затен.,нного и сравнительно прохладного дома князя была просто нестерпимой. Улицы, хотя и считались центральными, были грязны и зловонны. Пыль проникала в горло и хотелось кашлять.

Наконец, мы вошли в дом Жанны и сразу попали в атмосферу деловой суеты, вес.,лой беготни и детского смеха.

Квартиру было не узнать. В пустой вчера передней стояла отличная деревянная вешалка, занявшая одну из стен. У другой были теперь трюмо, столик, высокие стулья.

В магазине шла возня с установкой стеклянных шкафов и элегантных прилавков. Всем распоряжался Борис Ф.,дорович, лишь советуясь с Жанной и прекрасной своей дочерью Анной.

Но «благодать», казалось, не участвовала сегодня в этой работе. Дивное лицо Анны виделось мне ликом с иконы, так много в н.,м было ласки и доброты. Я и представить себе не мог это мраморное лицо в ореоле иссиня-ч.,рных кос так божественно, нечеловечески добрым.

Но Жанна... нахмуренная, точно недовольная, едва cedящая слова в ответ на вопросы Строганова... Я не выдержал, пош.,л прямо к ней, и чувство у меня было такое, точно я иду с рогатиной на медведя.

– Вот как вы «легко» начинаете сво., дело! Это что же, вы в благодарность И. так срамите его своей невоспитанностью? Сейчас же возьмите себя в руки, улыbnитесь и постарайтесь быть как можно внимательнее ко всем этим добрым людям; а особенно вежливы вы должны быть с тем новым другом, которого прив.,л к вам И., – сказал, вернее выпалил я ей вс., это в лицо, быстро, как из револьвера выбрасывая горох

французской речи.

Жанна, ждавшая, очевидно, что я иду к ней ласково здороваться, смотрела на меня ошалелыми глазами. Я не дал ей опомниться:

– Скорей, скорей приходите в себя. Вспомните пароход и трюм, откуда вас вытащили. Не для того вас вводят в жизнь, чтобы вы упражнялись в сво,,м дурном характере. Где же ваш обет думать о жизни детей?

– Л,,вушка, вы мной недовольны? Но вас так долго не было. Здесь все чужие; мне и страшно и скучно, – бормотала Жанна. Лицо е,, было совершенно по-детски беспомощно.

– Чужие?! – воскликнул я возмущ,,нно. – Да вы слепая! Посмотрите на лицо Анны. Какая мать может нести в себе больше любви и доброты? Сейчас же вытрите глаза и приветливо встретьте нового друга, – я вижу, И. вед,,т его к вам.

«Знала бы ты, что этот новый друг – никто иной, как муж преследовавшей тебя княгини», – подумал я в ту минуту, когда И. знакомил Жанну с князем. И вся комическая сторона этого так ярко сверкнула в мо,,м уме, что я не выдержал и залился своим мальчишеским смехом.

– Эге, – услышал я смеющийся голос Строганова. – Да ведь, кажется, мы не на пароходе, бури нет и опасность как будто нам не грозит? А смельчак-литератор вроде бы пода,,т свой, ему одному свойственный знак опасности.

Я не мог унять смеха, даже Анна засмеялась низким, звонким смехом.

– Этот капитан, – ответил я, наконец, Строганову, – будет иметь со мной серь,,зное объяснение. Он созда,,т мне совершенно не соответствующую моей истинной сущности репутацию. И особенно стыдно мне пользоваться ею в вашем, Анна Борисовна, присутствии.

– Почему же я так стесняю вас? – тихо и ласково спросила Анна, помогая отцу расставлять стулья.

– Это не то слово. Вы не стесняете меня. Но я преклоняюсь перед вами. Не так давно я видел одну прекрасную комнату в Б. Я представлял себе, что в ней должны жить существа высшего порядка. Я думаю, там, в этой комнате, вы были бы как раз на месте, – ответил я ей.

– Ай да литератор! Знал, чем купить навеки сердце престарелого отца! Ну, Анна, более пламенного обожателя у тебя ещ,, не было, – воскликнул Строганов.

– Разрешите мне на полчаса увести одного из членов вашей трудовой артели,

– услышал я за собой голос И. – Если вы ничего не имеете против, мы с Жанной пройдем в сад. Кстати, позвольте вам представить одного из

наших друзей, – обратился он к Анне и ее отцу, подводя к ним князя.

Анна пристально посмотрела в глаза князя, совершенно растерявшегося от неожиданной встречи с такой красотой. Она улыбнулась, подав ему руку, и ласково сказала:

– Я очень рада познакомиться с другом И. Мы будем счастливы видеть вас у себя в доме, если вам захочется побыть в семье.

– Доктор И. беспредельно добр, отрекомендовав меня своим другом. Я для него просто первый встречный, облагодетельствованный им и еще, ничем не отплативший ему за его помощь. Но если простому и слабому человеку вы разрешите когда-нибудь побыть подле вас, – я буду счастлив. Мне кажется, вы, как и доктор И., вливаете в людей силу и уверенность.

– Вы совершенно правы, – ответил Строганов, – Анна мне не только дочь, но и друг и сила жить на свете. Буду рад видеть вас у себя в любой день. Вечерами мы с Анной всегда дома и почти всегда вдвоем. Семья наша огромна, и все любят веселиться. Только я да моя монашенка все сидим дома.

И., князь и Жанна вышли в сад, уведя с собой детей. Я тоже пошел было за ними, но какая-то не то тоска, не то скука вдруг заставила меня остановиться, и я присел в темном углу за шкафом, где кто-то поставил стул.

Строганов с Анной разговаривали в передней, и слов их я не разбирал. Но вот стукнула дверь, и отец с дочерью вошли в комнату.

– Что ты так печальна, Аннушка? Тяжело тебе приниматься за ремесло, когда вся душа твоя соткана из искусства? Но как же быть, дитя? Ты знаешь, как тяжело я болен. Каждую минуту я могу умереть. Я буду спокоен, если оставлю тебя с каким-то самостоятельным делом. Играть публично не хочешь. Писать ты для печати не хочешь. А только эти твои таланты могли бы обеспечить твою жизнь. Земля требует от нас труда честного или привилегированного. Если не хочешь служить земле искусством за плату, – надо трудиться в ремесле.

Только, может быть, я ошибся в компаньонке. Я думал, что жизненная катастрофа поможет Жанне начать трудиться и она оценит тебя по достоинству. Но, кажется, я ошибся, – говорил Строганов, очевидно продолжая начатый разговор.

Я хотел подать знак, что все слышу, хотел выйти из своего угла, чтобы не быть непрошеным свидетелем чужих тайн. Но апатия, точно непобедимая дремота, овладела мной, и я не мог пошевелиться.

– Нет, отец, я не печальна. Напротив, я очень благодарна тебе за эту встречу. Мне так ясна моя роль подле этих прелестных, но заброшенных

детей. Мать их обожает, но переходы от поцелуев к шлепкам ей кажутся единственной воспитательной системой и нормальной обязанностью. У меня личной семьи никогда не будет, ты это хорошо знаешь. Я буду им твоей-воспитательницей, пока... – голос ее, слегка задрожал, она помолчала немного, – пока я не уеду в Индию, где буду учиться подле друзей Ананды. Но я дала тебе слово, – это будет после твоей смерти.

Я не видел Строганова, но всем существом почувствовал, что в его глазах стоят слезы. И я не ошибся. Когда вновь раздался его голос, в нем слышались слезы:

– И подумать только! Сколько красоты, сколько талантов в тебе! Сколько сил ума и сердца, – и все, это должно гибнуть, оставаться бесполезным.

– Как раз наоборот, отец. Любя людей всем сердцем, я хочу трудиться для них, для земли, а не быть над ними. Я хочу быть совершенно свободной, никакими личными узами не связанной, не выбирать людей по своему вкусу, а служить тем страдающим, кого мне подбросит жизнь. И в эту минуту твоей любящей рукой дана мне та из встреч, где я могу быть наиболее полезна. Мне не трудна будет Жанна, потому что она тоже дитя, хотя разница в годах между нами небольшая.

Но в моей жизни был ты, у нее же – жадные французские мещане. А ты, – хотя ты и смеялся над моим тяготением к Индии, над исканием какой-то высшей мудрости в жизни, – ты самый яркий пример человека, которого можно назвать великим посвященным.

Ничего не зная и не желая знать о каких бы то ни было «посвященных», ты всю жизнь подавал мне пример активной доброты. Ты ни разу не прошил мимо человека, чтобы не взглянуть на него со всем вниманием, чтобы не подумать, чем бы ты мог быть для него полезен. И ты помогал, не дожидаясь, чтобы тебя об этом просили.

Я шла и иду, как ты. Я только верна тем заветам, которые читала в твоих делах. Я знаю, как тяжела тебе моя любовь к Ананде, которую ты считаешь безответной и губительной. Но пойми меня сейчас и навсегда. В первый раз за всю нашу жизнь я говорю с тобой об этом, – и в последний.

Не гибель принесла мне эта любовь, но возрождение. Не смерть, но жизнь; не горе, но счастье. Я поняла, что любовь – это когда ничего не просишь, но все отдаешь. И все же не разоряешь душу, но крепнешь.

То высочайшее самоотвержение, в котором живет Ананда, это уже не просто человеческое творчество. Это мощь чистого духа, умеющего превратить серый день каждого человека в сияющий храм.

И если моя жизнь подле тебя была радостью и счастьем, то он научил

меня ценить каждый миг жизни как величайшее благо, когда все силы человека должны быть приложены не к достижению эгоистического счастья жить, а к действиям на благо людей. Не отказываюсь я от счастья, а только вхожу в него. Вхожу любя, раскрепощенная, весело, легко, просто.

В прихожей послышались голоса, разговор оборвался, и в комнату вошла Жанна, а за нею князь и И. Лицо князя было бодро, Жанна больше не хмурилась и принялась весело разбирать какой-то картон.

Послышался стук в дверь, все отвлеклись, я воспользовался мгновением и проскользнул в сад.

Через несколько минут я услышал, что меня зовут; но вместо того чтобы приблизиться к дому, я отошел в самый дальний угол сада.

Вскоре в дверях показался князь, державший в руках конверт. Он искал меня, зовя тоже «Л.,вушка», видимо не зная моего отчества, как и я не знал даже его фамилии по свойственной мне рассеянности.

Я очень обрадовался, что это он. Легче всего мне было сейчас увидеться именно с ним. Он подал мне письмо, говоря, что его принесли с матрос-верзила.

Капитан писал, что не может сегодня обедать с нами, как сговорился вчера. В его делах возникли некоторые осложнения, почему он и просит отложить нашу восточную идиллию и разрешить ему заехать к нам завтра часов в десять вечера.

Мы вернулись с князем в дом, и я передал И. содержание письма. Строганов приглашал нас к себе, но И. сказал, что воспользуется свободным временем и напишет несколько писем, а мне даст отдохнуть от чрезмерной суеты.

Мы простились со Строгановыми, и И. предложил Жанне провести с нами вечер. Но старик категорически заявил, что Жанна пойд.,т обедать к ним, а вечером, часам к восьми, он привед.,т к нам обеих дам.

– Вот это прекрасно, – сказал И. – Может быть, и вы пожалуете к нам? – обратился он к князю.

Тот вспыхнул, растерялся, как мальчик, и с радостью ответил согласием.

Мы вышли с И. Он пов.,л меня новой дорогой, но видя мое, ловиворонное состояние, смеясь взял меня под руку.

– Итак, – сказал он, – новая жизнь Жанны и князя уже началась.

– Что она началась для Жанны – это я вижу, – ответил я. – Но вот началась ли она для князя – по-моему, большой вопрос.

– А для меня новая жизнь князя гораздо яснее обозначилась, – улыбнулся И., – чем жизнь Жанны.

– Быть может, это и так, – возразил я. – Но если чья-либо жизнь действительно преобразится, – так это жизнь Анны.

И. остановился так внезапно, что на меня сзади налетели две элегантные дамы и далеко не элегантно сбили зонтиком мою панаму, не подумав даже извиниться.

Я разозлился и крикнул им вдогонку:

– Это совсем по-турецки.

Должно быть, я был смешон в своем раздражении, потому что проходивший мимо турок засмеялся, а я еще, больше озлился.

И. снова ласково взял меня под руку.

– Ну и задал ты мне загадку... Ай да Л.,вушка, – сказал он, смеясь, после чего мы благополучно добрались до своего отеля. Я был рад, что И. не обладал способностью стрелять речами, как горохом из ружья, по моему примеру, хотя сознавал, что именно этого я достоин сейчас больше всего.

ГЛАВА 18 ОБЕД У СТРОГАНОВЫХ Пробежала целая неделя нашей суетливой константинопольской жизни, с ежедневными визитами к больной княгине, к Жанне, к некоторым из наших спутников по пароходу, о чем просил капитан, и я не только не успевал читать, но еле мог вырвать час-другой в день, чтобы осмотреть город.

В голове моей шла усиленная работа. Я не мог не видеть, как светлело лицо князя по мере выздоровления его жены. Когда она в первый раз заговорила, – хотя и не очень внятно, но совсем правильно, – и шевельнула правой рукой, он бросился на шею И. и не мог найти слов, чтобы высказать ему свою признательность.

В квартире Жанны тоже, казалось, царил «благодать». Дети хвостом ходили за Анной. Жанна, руководимая Строгановым и его старшей дочерью, веселой хохотушкой и очень практичной особой, бегала по магазинам, наполняя шкафы и прилавки лентами, перьями, блестящими пряжками, образцами всевозможных шелков и рисовой соломы, из которых прелестные руки Анны сооружали не просто витрины, а дивные художественные произведения.

Сначала мне казалось, что с Анной несовместимы суета и самые элементарные мелочи жизни. Но когда я увидел, каким вкусом, красотой и благородством задышала вся комната, как лицо каждого, кто входил сюда, преобразалось от мира и доброты Анны, я понял, что значили ее слова о сером дне, становящемся сияющим храмом.

Малютки, одетые, очевидно, заботами Анны, отлично ухоженные ласковой няней-турчанкой, чувствовали себя возле Анны защищенными от

вспыльчивой любви матери, переходившей внезапно от ласки к окрику.

В магазине уже появилось несколько шляп, сделанных руками Жанны, и через пару дней предполагалось его открыть.

Князь ежедневно навещал Жанну, но мне казалось, что между ними вс., ещ., не устанавливается верный тон дружеских отношений; тогда как к Анне князь испытывал простое, самое чистое и радостное обожание, какое испытывают к существам, стоящим на недостижимой высоте.

В его новой жизни, которую я теперь видел ясно, складывался или, вернее, выявлялся добрый, мужественный человек. Иногда я бывал удивл.,н той неожиданной стойкостью характера, которую он проявлял при встречах с людьми.

Со мною Анна была неизменно ласкова. Но невольно подслушанный мною разговор так выбивал меня из колеи, что я каждый раз конфузился; тысячу раз давал себе слово во вс.,м ей признаться, а кончал тем, что стоял возле не., весь красный, с глупым видом школьника, замеченного в неблагоприятной шалости.

Несколько раз, видя меня в этом состоянии, И. с удивлением смотрел на меня. И однажды, очень внимательно взглядевшись, он улыбнулся ласково и сказал:

– Вот тебе и опыт, как жить в компромиссе. Честь, если она живой ниткой вибрирует в человеке, мучит его больше всего, когда е., хотят обсыпать сахарным песком и скрыть под ним маленькую каплю ж.,лчи. Ты страдаешь, потому что цельность твоей природы не может вынести лжи. Но неужели так трудно найти выход, если правдивое сердце этого требует?

– Я вам ничего не говорил, Лоллион, а вы опять вс., узнали. Но если уж вы такой прозорливец, то должны были понять, что я действительно в трудном положении. Как я могу сказать Анне, что вс., слышал и знаю е., тайну? Как могу я признаться, что сидел зачарованный, как кролик перед змеей, и не мог сдвинуться с места? Кто же, кроме вас, поверит в это?

– Ты, Л.,вушка, не должен ничего и никому говорить. Мало ли человек может знать чужих тайн. Случайностей, я уже говорил тебе не раз, не бывает. Если тебе, так или иначе, привелось увидеть чужую рану или сияние сердца, скрытое от всех, будь истинно воспитанным человеком. А это значит: и виду не подавай, что ты о ч.,м-либо знаешь. Если же тебя самого грыз.,т половинчатость собственной чести, умей нести сво., страдание так, чтобы от него не терпели другие. И унеси из пережитого урока знание, как поступать в следующий раз, если попад.,шь в такое же положение.

Разговор наш происходил в маленьком тенистом сквере, где мы

присели, возвращаясь домой. От слов И. мучительное состояние мо., не прошло, но мне стало ясно, как ложно себя веду по отношению к Анне. И ещ., яснее стало, что я должен был собрать все силы и не допустить себя до роли подслушивающего.

– Ну, я думаю, особой трагедии на этот раз не случилось. И если было что-то плохое, то это твоя всегдашняя рассеянность. Если бы ты представил себе, что Флорентиец стоит с тобою рядом, ты наш,,л бы силы встать и уйти.

– Какой ужас, – вскричал я. – Чтобы Флорентиец узнал, как я подслушивал. Только этого не хватало. Надеюсь, вы ему этого не скажете.

И. заразительно рассмеялся.

– Да разве ты, Л.,вушка, мне что-нибудь говорил. Вообрази, насколько мысль и силы Флорентийца выше моих, и пойм,,шь всю нелепость своей просьбы. Но успокойся. Этот маленький факт – один из крохотных университетов твоего духа, которых бывает сотни у каждого человека в его простом дне. У того, кто стремится к самодисциплине и хочет в ней себя воспитать.

Я получил письмо и телеграмму от Ананды. Он сегодня выехал из Москвы. Если его путешествие будет благополучно, в ч,,м я не сомневаюсь, он появится здесь через шесть дней. Я хотел бы, чтобы к этому времени ты проч,,л книгу, которую я тебе дам. Тогда ты несколько лучше пойм,,шь, к чему стремится Ананда, чего достигли Али и Флорентиец и что, может быть, когда-нибудь постигнем и мы с тобой, – мягко приподнимая меня со скамьи, сказал И.

– О Господи! До чего же вы добры и благородны, Лоллион. Ну как вы можете сравнивать себя с невоспитанным и неуравновешенным мальчишкой. Если бы я хоть сколько-нибудь, в ч,,м-нибудь мог походить на вас, – чуть не плача, отвечал я моему другу.

Мы двинулись из сквера по знойным улицам, расцвеченным красными фесками, как мухоморами.

– Сегодня мы с тобой пойд,,м обедать к Строгановым. Анна хочет отпраздновать в семейном кругу сво,, начинание, – сказал И. – Мы должны заказать цветы на стол и торт. А также не забыть о розах для всех присутствующих дам.

– Я очень сконфужен, – сказал я. – Я никогда не бывал в обществе, а тем более на большом обеде, и совсем не знаю, как себя вести. Было бы лучше, если бы вы поехали туда один, а я бы почитал дома книгу.

– Это невозможно, Л.,вушка. Тебе надо приучаться к обществу и становиться примером такта и воспитанности. Вспомни о Флорентийце и

наберись мужества.

– Не могу себе даже вообразить, как это я войду в комнату, где будет полно незнакомых мне людей. Я непременно или что-нибудь уроню, или буду ловиворонить, или не удержусь от смеха, если что-то покажется мне смешным, – недовольно бормотал я.

– Как странно, Л.,вушка. Ты обладаешь большим литературным талантом, наблюдательностью и чуткостью. И не можешь сосредоточиться, когда встречаешься с людьми. Войдя в гостиную, где, вероятно, все соберутся перед обедом, не топчись рассеянно в дверях, ища знакомых, чтобы с кем-то поздороваться. Оглядиись спокойно, найди глазами хозяйку и иди прямо к ней. На этот раз следуй за мной и верь, что в этом доме твоя застенчивость страдать не будет.

Мы прошли за угол и столкнулись лицом к лицу с капитаном. Обоюдная радость показала каждому из нас, как мы успели сдружиться. Узнав, что мы ищем цветы и торт и очень бы хотели отыскать фиалки – любимый цветок Анны, капитан покачал головой.

– Торт, хоть с башнею, с мороженым и без него, купить ничего не стоит. Найти хорошие цветы в этот глухой сезон – вот задача, – сказал капитан. – Но так как вы хотите порадовать ими красавицу, какую только раз в жизни и можно увидеть, стоит постараться. Зайд,,м к моему знакомому кондитеру, он выполнит заказ с восторгом, потому что многим мне обязан. А потом сядем в коляску и помчимся к моему другу-садоводу. Он жив,,т в верстах тр,,х от города. Если только есть в Константинополе хорошие цветы и фиалки, они у вас будут.

Быстро, точно по военной команде, мы прошли ещ,, две улицы и завернули в довольно невзрачную кондитерскую. Я был разочарован. Мне хотелось сделать заказ в блестящем магазине; здесь же я не ожидал найти ничего из ряда вон выходящего.

И, как всегда, ошибся. Пока капитан и И. заказывали какие-то мудр,,ные вещи, хозяйка, закутанная с ног до головы в ч,,рное покрывало, подала мне пирожное и бокал холодного, т,,мно-красного питья. Ничем не прельстило меня ни то, ни другое, но когда я взял в рот кусочек, то немедленно отправил туда же вс,, что осталось. Запив пирожное холодным пить,,м, я мог только сказать:

– Капитан, это Багдад!

Капитан и хозяйка засмеялись, мои спутники потребовали себе багдадское волшебство, а я справился со второй порцией не менее быстро, чем с первой. Капитан нас торопил; мы сели в коляску и понеслись по сонному городу, лениво дремавшему под солнцем.

– Вот и суди по внешнему виду, – сказал я капитану. – Я не понял, зачем вы пошли в такую невзрачную кондитерскую. А вышло так, что, очевидно, вечером кое-кто проглотит язык.

Капитан смеялся и рассказывал нам с юмором о своих многочисленных бедах. И очень скромно упомянул о том, что всю парходную бедноту, задержанную в Константинополе из-за ремонта судна, устроил за свой счет в нескольких второразрядных гостиницах.

– Вс., бы ничего, – вздыхал он. – Только дамы из первого и второго классов замучили. И зачем только созданы дамы, – комически разводя руками, говорил он.

– Вот бы посмотрел на вас, если б не было дам. Ваши желтые глаза никогда не становились бы глазами тигра, и вам было бы адски скучно командовать одними мужчинами.

– Л.,вушка, вы уже второй раз всаживаете мне пулю прямо в сердце. Хорошо, что сердце у меня крепкое и ехать уже недолго. Знаете ли, доктор И., если бы вы отпустили этого молодца со мною в Англию, он бы, чего доброго, прибрал меня к рукам.

И. улыбнулся и принялся рассказывать, как хорошо вс., сложилось в судьбе Жанны. Капитан внимательно слушал и долго молчал, когда И. окончил свой рассказ.

– Нет, знаете ли, я, конечно, только морской волк. Но чтобы Анна вязалась в моем представлении со шляпами! Никак не пойму, – Анна – богиня... и шляпы!

– вс., повторял капитан.

– Но ведь для шляп нужна толпа людей, – сказал я.

– Ах, Л.,вушка, ну какие это люди. Это дамы, а не женщины. Но вот мы скоро и приедем. Обратите внимание на эту панораму. Тут все дамы сразу из головы выскочат.

И действительно, было на что посмотреть, и нельзя было решить, с какой стороны город казался красивее.

Но рассматривать долго не пришлось; мы остановились у массивных ворот высокого, глухого забора. Капитан позвонил в колокольчик, и юноша-турок сейчас же открыл калитку.

Переговорив с ним о чем-то, капитан повел нас в глубь сада. Вдоль дорожек росли всевозможные цветы. Много было таких, каких я еще, никогда не видел. По дороге капитан сорвал небольшой белый благоухающий цветок и подал его мне.

– Все джентльмены в Англии, одеваясь к обеду, вдевают в петлицу такой цветок. Он называется гардения. Когда будете сегодня обедать,

возьмите, в память обо мне, этот цветок. И подарите его той, которая вам больше всех понравится, – сказал он, беря меня под руку.

– В вашу честь приколоть цветок могу. Но обед, куда я пойду, не будет восточным пиром. И для меня там не будет ни одной женщины, как бы они все ни были красивы. В моём сердце живёт только мой друг Флорентиец, и ваш цветок я положу к его портрету, – ответил я.

Капитан пожал плечами, но ответить ничего не успел. Навстречу нам шёл огромный, грузный турок, такой широкоплечий, что, казалось, он сможет поднять весь земной шар. Это и был хозяин оранжереи, приветствовавший капитана как сердечного друга. Опять я подумал, что если судить по внешности, я бы поостерегся этого малого, а вечером обязательно обошёл бы его подальше.

У хозяина оказались чудесные орхидеи, были и пармские фиалки. И вместе с капитаном заказал какие-то причудливые, фантастические корзинки из белых орхидей, розовых гардений и роз. Фиалки мы должны были преподнести Анне, а розы её матери и Жанне.

Нагруженные лёгкими плетеными корзинками, где в сырой траве лежали цветы, мы вернулись втроём в отель. Времени только и оставалось, чтобы переодеться и ехать к Строгановым. Капитан сидел на балконе, и до меня долетали обрывки его разговора с И. И. говорил, что вскоре приедет Ананда, с которым он обещал его познакомить. Кроме того, он пообещал капитану ввести его в дом Строгановых, чтобы тот мог послушать прекрасную игру и пение Анны.

– Я буду вам более чем благодарен, доктор И. Вечер, проведённый с вами в обществе красавицы-музыкантши, даст мне, быть может, силу отнестись к таланту по-иному; чем талантам сценических деятелей, выступающих за плату. Однажды каверзный Лёвушка царапнул меня по сердцу, спросив, как бы я отнёсся к жене, играющей для широкой публики. И я до сих пор не знаю ответа на этот вопрос, – задумчиво говорил капитан.

– Наш Лёвушка недаром обладает глазами, как шила. Просверлил в вашей душе дырку, а пластырь покоя не приложил, – засмеялся И.

– Нет, никто не может научить меня покою. Мне любезны только бури, неважно на море или на суше, – но всегда со мной и вокруг меня – только бури.

Тут я вышел, переодевшись в белый костюм из тонкого шёлка, заказанный для меня И., в чёрном галстуке бантом, в чёрном поясежилетке и с гарденией в петлице. Волосы мои уже отросли и лежали кольцами по всей голове.

– Батюшки, да вы красавец сегодня, Л.,вушка. Помилосердствуйте, Жанна окончательно очаруется, – вскричал капитан.

Но ни его ирония, ни внимательный взгляд И. меня не смутили. Я был полон мыслями о Флорентийце и брате и твердо решил ни разу не превращаться сегодня в «Л.,вушку-лови ворон».

Мы спустились вниз, простились с капитаном и, бережно держа корзиночки с цветами, сели в коляску.

У подъезда дома Строгановых стояло несколько экипажей. Я понял, что обед будет не очень семейным, есть и другие гости; но ещ., раз дал себе слово быть достойным Флорентийца и собрать вс., сво., внимание, думая не о себе, а о каждом из тех, с кем буду говорить.

В просторной светлой передней Строгановых, где по двум стенам стояли высокие деревянные вешалки, висело много летних плащей и лежали кучей всевозможные шляпы.

Слуги взяли у нас шляпы, помогли вынуть цветы. Я был пораж.,н, какое чудо искусства – две бутоньерки из фиалок – оказалось в моей корзиночке; тогда как у И. три букета роз на длинных стеблях, каждый из которых был связан прекрасной восточной лентой. И. подал мне букет розовых роз, взял у меня одну бутоньерку из фиалок и сказал :

– Иди за мной, Л.,вушка. Я подам букеты старой хозяйке и Анне. Ты подашь фиалки Анне, а розы Жанне. Не робей, держись просто и вспоминай, как держит себя Флорентиец.

Сопоставление высоченной и величественной фигуры моего обожаемого друга с моею фигурой среднего роста и хрупкого сложения, его манер – простых, но величавых – с моей юркостью, мысль, как хорош бы я был, величественно выступая в подражание ему, показалась мне такой комичной, что я едва удержался от смеха; но улыбки удержать не смог и с нею вош.,л в гостиную.

Здесь были только одни мужчины, и гостиная скорей походила на курительную комнату, так в ней было накурено.

– Ну вот и вы, – услышал я голос Строганова, идущего нам навстречу. – Я думаю, мои дамы начинают беспокоиться, как бы не перестоялись изобрет.,нные ими кушанья, и настроение их уже портится. Мы ждали вас по-семейному, раньше; а вы, столичные франты, прибыли по этикету, за четверть часа, – смеялся он, пожимая нам руки. – Пойд.,мте, я познакомлю вас с моей старухой. А с остальными и знакомить не буду. Вс., равно перепутаете всех оглы и паши,

– взяв И. под руку, продолжал он.

Он подв.,л нас к величавой пожилой, но ещ., нестарой женщине в

ч.,рном ш.,лковом платье, очень простом, но прекрасно сидевшем на е., стройной, несколько полноватой фигуре.

Увидев лицо дамы, я был поража.,н. Косы на голове е., лежали тяж.,лой короной и, к моему удивлению, были пепельного цвета. Глаза ч.,рные, овал лица продолговатый, цвет кожи смуглый, почти оливковый, руки прелестные. Передо мной стояла Анна, но... Вс., в матери напоминало дочь, но какая пропасть лежала между этими двумя несомненными красавицами.

– Я очень рада видеть вас у себя, – сказала она И., принимая цветы. – Муж мой говорил так много о вас.

Голос е., тоже был низкий, как у Анны, но и здесь ощущалась огромная разница. Он был хриловатый, и в н.,м звучали нотки избалованной красавицы, привыкшей побеждать и поражать своей красотой. Мне она только едва улыбнулась, сейчас же переведя глаза на высокого турка в феске и европейском платье и продолжая начатый с ним разговор. У меня не было времени размышлять о жене Строганова, так как нам навстречу шла Анна; но какая-то ледяная струйка пробежала к моему сердцу и я пожалел Строганова.

Анна была в белом, кисейном платье; ч.,рные косы, как обычно, лежали по плечам, глаза сверкали, снова напомнив глаза-зв.,зды Ананды. Она протянула И. свою дивную руку, которую он поцеловал, и радостно улыбнулась, принимая от него фиалки.

– Наконец-то, – сказала она. – Всякого сюрприза я могла ждать от вас. Но чтобы вы подарили мне фиалки...

Когда же я, в свою очередь, подал ей ещ., один букет фиалок, она точно задыхнулась, так глубоко было е., удивление.

– И вы, и вы раздобыли для меня мои любимые цветы, – тихо сказала она, беря меня под руку и уводя из центра комнаты, где мы стояли, привлекая общее внимание. – Вы с вашим братом чересчур балуете меня. О, если бы вы знали, эмблемой какого счастья служат для меня эти цветы.

– Я знаю, – сказал я необдуманно. Увидя необычайное удивление на е., лице, поняв, как глупо попался, я не дал ей опомниться и попросил указать, где в этой огромной комнате сидит Жанна. Удивление и беспокойство на чудном лице Анны сменились, наконец, смехом.

– Чудак вы, Л.,вушка, – сказала она. – Вы меня так было озадачили, – И она ещ., веселее рассмеялась. – Ну вот вам Жанна и князь. Веселитесь, я же пойду выполнять свои обязанности хозяйки. Вы будете сидеть за обедом подле меня, вернее, между мной и Жанной, так как ни одна из нас не желала уступить вас никому другому. – И, улыбаясь нам троим, она нас

оставила. Я подал Жанне розы и сел рядом на турецкое низкое кресло.

Я не мог ни осмотреть комнаты, огромной, с опущенными гардинами и массой зажженных ламп, ни наблюдать за движущимися в ней, весело и громко, часто по-турецки, разговаривающими людьми, так как Жанна сыпала сотню слов в секунду, вс., время требуя моего участия. Главное, она была недовольна тем, что я сосед с нею по правую руку, а не по левую, где будет сидеть князь.

Наконец, мне удалось перебить е., и спросить князя, в каком состоянии он оставил жену.

– Очень хорошо. Лев Николаевич; княгиня уже пыталась держать в руке чайную ложечку и радовалась, как дитя, – ответил князь.

Тут открылись двери столовой, и хозяин, стоя на пороге, пригласил нас к столу.

Анна уже спешила ко мне. Бутоньерка из фиалок была приколотая к е., груди и резко выделялась на белом платье, ещ., больше подч.,ркивая беломраморность е., лица и шеи.

Подав ей руку, я двинулся в шеренге пар, обнаружив впереди мать Анны с тем элегантным турком, с которым она разговаривала давеча.

Когда я занял указанное Анной место, то оказался не только между нею и Жанной, но и vis-a-vis с молодым Ибрагимом, который был элегантно, по-европейски одет. Мы радостно раскланялись. Рядом с ним сидела девушка несколько восточного типа. Жанна сейчас же шепнула мне, что это племянница Строгановой, дочь е., сестры; что сама Строганова особа очень добрая и вес.,лая, видит в ней будущую жену Ибрагима. Я от души пожалел моего приятеля, так как девушка была смазливенькая, но казалась тупой. От такой жены вряд ли можно было ждать вдохновенных минут.

Гости заняли весь длиннющий стол. Комната была отделана повосточному, с инкрустацией, где преобладало голубое, в два света, в ней отсутствовала всякая мебель, кроме низких диванов вдоль всей стены, покрытых коврами исключительной роскоши.

Я взглянул на свою соседку и обнаружил, что по другую сторону от не., сидит И., а рядом с ним старшая дочь Строганова. Я пожалел И. от всего сердца, так как мне уже было известно вес.,лое, мягко выражаясь, легкомыслие этой практичной особы.

Анна ела очень мало, но требовала, чтобы я проявлял внимание к восточным блюдам. Не успели гости насытиться закусками, как двое слуг внесли заказанные нами волшебные корзины цветов. И ещ., не менее оригинальную и изящную корзину с орхидеями, покоившуюся в

прекрасной хрустальной вазе, которую поставили перед Анной.

– Это, несомненно, вам шл,,т привет капитан, с которым мы вместе выбирали цветы, – тихо сказал я Анне.

– Если бы не так сильно сияло мо,, сердце, я бы рассердилась. Но сегодня я ни на что и ни на кого сердиться не могу, – ответила она мне.

– Помилуйте, человек так преклоняется перед вашей красотой, так искренно шл,,т вам свой восторг. Оцените, ведь требуется высокая культура, чтобы таким образом сложить орхидеи. Ведь это целая симфония – от розового до ч,,рного цвета. А вы говорите, что могли бы рассердиться, – запальчиво воскликнул я, обидясь за моего друга.

– Вы меня не поняли, Л,,вушка. Я не так сказала. Конечно, у человека, умеющего так подать цветы, вкус должен быть художественный. Но свой изысканный вкус ваш капитан расточает всем и всюду, играя им как манком красоты. Моему же сердцу дорога та красота, в которой отражено не только изящество вкуса, но и изящество духа. Какой цветок вы хотели бы унести домой? Одну из орхидей, таких причудливых, роскошно-перламутровых, или маленькую ароматную фиалку? – спросила она меня.

– Так нельзя ставить вопрос. Фиалка, которую вы держите в руках и назвали эмблемой счастья и любимым цветком, – уже не цветок, не вещь, но символ для меня. А цветы капитана – просто дар восхищ,,нного человека, его благодарность за встречу с вами, – ответил я. – Я вообще заметил, что капитан произв,,л на вас плохое впечатление. Очень и очень жаль. Он, конечно, тигр. Но в н,,м есть высокое благородство, храбрость и... так много схожего иногда в его словах с тем, что говорит лучший из людей, кого я имел счастье знать. И. обещал познакомить капитана с Анандой и дать ему возможность послушать его пение.

Точно искры вспыхнули в глазах Анны, и лицо е,, побледнело. Ни слова не ответив, она повернулась к И.

– Л,,вушка, соседка справа тоже хочет говорить с вами. Объясните нам. Князь сме,,тся надо мной и не хочет сказать, что это за цветы подали Анне. Ведь они искусственные? – услышал я голос Жанны.

– Нет, Жанна, это орхидеи. Нравятся они вам?

– Не очень, Л,,вушка. Ваши розы гораздо лучше и чудесно пахнут. Но посмотрите на мадам Строганову. Она сегодня всем недовольна. Ей очень не по сердцу, что вс,, делается для Анны.

– Почему же так? – недоум,,нно спросил я.

– Потому что Анна – это внутренний раскол в семье. Она отказывается делать блестящую партию, как того хочет мать, а жив,,т мечтами, якшаясь со всякой беднотой. Кроме того, я подозреваю, что мать завидует красоте

дочери,

– тихо прибавила она.

Мне была неприятна болтовня Жанны; мне казалось не слишком-то благородным сплетничать о людях, которые трогательно помогают ей начать новую жизнь.

– Будете ли вы петь сегодня? – спросил я повернувшуюся ко мне Анну.

– Мне бы не хотелось, но, вероятно, придется. Среди наших гостей есть несколько лиц, глубоко ценящих и понимающих музыку. Мать моя не артистична. Но сидящий рядом с нею человек музыкален и даже считается хорошим певцом, – ответила она, лукаво улыбаясь.

– Ах, как жаль, как глубоко жаль, что капитан не может вас услышать. Для него это было бы более чем необходимо, быть может стало бы даже откровением,

– воскликнул я.

– Удивительный вы фантазер, Л.,вушка. Наверное, вам в угодку И. хочет, чтобы я устроила музыкальный вечер для маленького кружка людей, когда приедет Ананда. Если вам удастся услышать его пение – все остальные звуки покажутся бедными и ненужными. Каждый раз, когда я слышу этот голос, я расстраиваюсь от собственного убожества.

– Оправдание вашим словам можно найти только в величии вашего собственного таланта и вашей души, Анна. Тот, кто понимает, как сияют вершины, только тот может быть недоволен, имея ваш талант, который И. называет огромным.

– Положительно, Л.,вушка, вы решили сегодня задавать мне шарады, – засмеялась Анна.

– Нет, о нет! Если бы вы знали, как я перед вами виноват...

Моя речь оборвалась. Я увидел И., и его взгляд напомнил мне о нашем разговоре в сквере. И. задал Анне какой-то вопрос, а я, как к спасительному фарватеру, повернулся к Жанне.

Обед шел своим порядком. Неоднократно я перехватывал взгляд высокого турка, о музыкальности которого говорила Анна. Огненные, какие-то демонические глаза его часто останавливались на Анне. Когда он смотрел на И., ведущего с ней беседу, в его взгляде мелькала ненависть.

«Вот тебе и здравствуй, – подумал я. – Не хватало только моему дорогому И. отвечать за грехи Ананды».

Не успел я подумать об этом, как высокий турок встал, взял в руку бокал с шампанским и очень важно, даже величаво, поклонился своей соседке, хозяйке дома. Она улыбнулась ему и постучала ножом о край хрустального стакана.

Голоса сразу смолкли, и все глаза уставились на турка, пожелавшего провозгласить тост.

После довольно пространныго прославления родителей – быть может, так полагалось по восточному обычаю, но мне казалось фальшивым – он перешел к виновнице торжества, их младшей дочери. Речь свою он произносил по-французски, заявив, что выбирает этот язык потому, что за столом есть люди, понимающие только его. Он сказал это самым невинным тоном, будто выполняя элементарное требование вежливости, но что-то в его глазах, лице и всей фигуре было так едко и оскорбительно насмешливо, что кровь ударила мне в голову. Я не сомневался, что он издевался над Жанной, хотя внешне все, было благопристойно.

Анна, сидевшая с опущенными глазами, вдруг поглядела на меня своим бездонным взглядом, точно убеждая в суете и ненужности всего происходящего. Мне стоило усилий снова вслушаться в речь оратора. Голос его был ясный, повелительный, речь правильная; необычайно чуждо он выговаривал все буквы до последней.

Отвлечшись наблюдением, я потерял нить его речи и собрался с мыслями только к завершению длинного тоста, в котором, очевидно, и была вся соль.

– Перед нами не только жемчужина Босфора, которая могла бы украшать любой гарем, любой дворец, но женщина, для красоты и талантов которой мало всей земли. И что же мы видим? Женщина эта хочет трудиться, колоть свои прелестные пальцы иглой и булавками. Стыдно нам, мужчинам Константинополя, не сумевшим завоевать сердце красавицы, которая прелестней всех красавиц мира.

Но если уж нам это до сих пор не удалось, то мы объявляем себя ревнивыми телохранителями и не потерпим, чтобы кто-то, не турок, – отнял у нас наше сокровище. Я предлагаю тост за вечно женственное, за красоту, за страсть, за женщину как украшение и добавление к жизни мужчины, а не как за труженицу. Царственной красоте и царственное место в жизни, – закончил он. Он чокнулся со Строгановым и пошел вокруг стола к месту, где сидела Анна.

Я не слышал, что сказала Анна И., но видел ее, молящий взгляд и его ответную улыбку и кивок головой.

Турок приближался к нам. Все гости повставали со своих мест, чокаясь с Анной и хозяевами. На лице турка было выражение адской дерзости, злобы, ревности, как будто он на что-то решился, что-то поставил на карту, хотя бы это стоило скандала.

Я задрожал; какой-то ужас вселила в меня эта адская физиономия.

Вдруг, шагах в тр,,х-четыре,,х от нас, турок побледнел, так побледнел, что даже губы его стали белыми. Он слегка пошатнулся, словно порывался идти вперед,,д, но наткнулся на непроходимую преграду. Он снова пошатнулся, схватился рукой за сердце. К нему бросились. Но он уже оправился, старался улыбнуться, но видно было, что он сам не понимает, что с ним происходит.

Когда он схватился за сердце, то выронил браслет, как мне показалось, из розовых кораллов. Но после И. сказал, что из розовых жемчужин и розовых же бриллиантов – вещь бесценную.

Очевидно, он хотел, тайком от всех, надеть эту драгоценность на руку Анны, а внезапный приступ выдал его желание. Кто-то подал ему браслет, он с досадой положил его в карман и направился к Анне, хотя теперь еле волочил ноги, сгорбился и сразу сделался старым и почти безобразным.

Он с трудом чокнулся с Анной, поднявшейся ему навстречу, не сказал ей ни слова, хотя глаза его готовы были выскочить из орбит, и, резко повернувшись, пош,,л обратно.

Я неотступно наблюдал за ним. Было странно, что ш,,л он к нам еле волоча ноги, но смог так резко повернуть обратно. И еще,, более странным было его поведение потом. Чем ближе подходил он к своему месту, тем легче и увереннее он ш,,л. И опускаясь на стул возле хозяина дома, уже весело подшучивал над собой, говоря, что у него, должно быть, начинается грудная жаба.

Еще,, не смог я отдать себе отчет,,т в том, что же произошло, как шум и смех гостей был снова прерван звоном; и на этот раз поднялся хозяин дома, желая, очевидно, сказать ответный тост.

– Прежде всего я благодарю моего гостя за столь горячее прославление родителей «перла», хотя считаю себя совершенно недостойным похвал и вижу в тосте обычай восточной вежливости. Что же касается разницы между чистокровными турками и европейцами, между трудящимися и живущими за чужой счет,,т, то... – он смешно подмигнул и продолжал:

– Вот он, наш знаменитый оратор, считает себя турком. Имя его Альфонсо. Есть ли такое турецкое имя? А фамилия – да-Браццано. Возможна ли такая турецкая фамилия?

За столом раздался смех.

– Фамилия его говорит и об испанцах, и о маврах, и об итальянцах – о ком хотите, только не о турках. А вот психология и воспитание нашего друга истинно турецкие. Это уж дело его вкуса и склонностей.

В моей обрусевшей семье все трудятся. И если завтра я закрою глаза, то все мои близкие будут стоять в жизни на своих ногах, иметь полную

материальную независимость.

Сегодняшний день я считаю самым счастливым, так как младшая моя дочь, единственный совершеннолетний член семьи, который еще, не трудился, становится независимой хозяйкой большого дела. Я приветствую в ее, лице всех трудящихся, образованных женщин. Женщин – друзей своих мужей и детей. Да здравствует счастье труда, единственное над,жное счастье человека.

И Строганов, точно так же, как и турок, пош,л вокруг длиннейшего стола к Анне, по дороге поцеловав руку своей жене.

Я заметил, что Строганов почему-то сильно волновался, когда склонялся к своей жене, чокался с да-Браццано и со своим младшим сыном, пользовавшимся исключительной любовью матери.

Это был красивый юноша, с пепельными волосами, ч,рными глазами и оливковой, как у матери, кожей. Но было что-то животное, отталкивающее в этой красивой внешности. Было ясно, что образец хорошего тона для него турок, который был с ним особенно внимателен и ласков. Юноша был, очевидно, избалован и изнежен, испорчен баловством матери и чрезвычайно высокомерен.

Я превратился в «Л,вушку-лови ворон», забыл про все, на свете и вдруг увидел за спиной у юноши какое-то уродливое, серое существо. Это был он и не он, а точно его портрет лет через двадцать. Все, лицо его было в морщинах. На руках торчали какие-то шишки, глаза сверкали из глубоких впадин точно раскал,нные угли. Рот злобно кривился.

Я не мог ни отделить этой фигуры от юноши, ни слить их воедино. Я поднял руку, готовясь закричать: «Берегитесь, прогоните злодея», как рука моя очутилась в чьей-то руке, и я услышал голос Строганова:

– Ну, кого же сейчас колют ваши писательские шила? А, мой меньшей вас занимает. Ну, этот еще, не трудится. Маменька будит его утром, собственноручно подавая в постельку шоколад. Меньших обычно считают младенцами, даже если они уже перецеголяли опытом стариков. Обнимемся, Л,вушка. Я вижу, вы пришли по сердцу моей царственной розе Босфора, а это бывает редко.

Я едва мог ответить на его объятие, да и то только потому, что И., подошедший к Жанне, сжал мою руку и шепнул: «Думай о Флорентийце».

Когда все снова сели, когда подали торты и мороженое, заказанные нами, за столом раздались одобрительные возгласы. Вероятно, хозяин кондитерской хорошо знал вкусы константинопольской публики.

Анна, тихо говорившая с И., повернулась ко мне, и ее, ч,рные глаза пристально на меня посмотрели.

– Ах, Анна, как я несчастен. Хоть бы скорее кончился этот бесконечный обед. И зачем это люди едят так много. Мне положительно кажется, что с самого приезда в Константинополь я только и делаю, что ем да сплю. Да ещ,, наблюдаю, как я схожу с ума, – жалобно сказал я.

Е,, нежная рука погладила мою, лежавшую на колене руку, и она ласково сказала:

– Л,,вушка, придите в себя. Я всем сердцем вам сочувствую. Мне так хотелось бы чем-нибудь быть вам полезной. Смотрите на меня как на самую близкую, любящую сестру.

Голос е,, был так нежен, столько доброты лилось из е,, глаз, что я не мог этого выдержать. Уже подступало к горлу рыдание, но я заметил придвинувшуюся ко мне руку И. и на клочке бумажки увидел пилюлю Али. Я схватил пилюлю, как якорь спасения, быстро проглотил е,, и, к своему облегчению, услышал шум отодвигаемых стульев.

Гости разбрелись по балконам и гостиным, где уже подавали ч,,рный кофе по-турецки.

Я молил И. не оставлять меня одного и поскорее уехать домой. Мы вместе с князем вышли на балкон, где сверкало алмазами зв,,зд т,,мное небо и, казалось, прощ,,л дождь, так как капли дрожали кое-где на деревьях и особенно сильно благоухали цветы.

– Вот она, южная благоуханная ночь. Но если ты думаешь, что видишь капли дождя, то ошибаешься. Это Строганов приказал полить деревья, цветы и дорожки, чтобы не было так душно. Ты хочешь уехать. А разве тебе не хочется послушать игру и пение Анны. Не будь эгоистичен, – сказал, понизив голос, И.

– Ты ведь понимаешь, что без нас Анне будет тяжелее. Неужели ты не увидел, что великая сила чистой любви и воли помогла мне защитить е,, от этого адского турка.

– У меня к вам очень большая просьба, доктор И., – внезапно сказал задумчиво молчавший вс,, время князь.

– Я буду более чем рад служить вам, князь, – очень живо отозвался И.

– Видите ли, я вс,, ищу какую-либо возможность отплатить вам за вашу доброту ко мне и моей жене. И все способы, которые я перебираю, мне кажутся вульгарными. Но вот как будто я наш,,л один, хотя тут, более чем когда-либо, меня можно упрекнуть в эгоизме. К вам должен приехать друг. Вряд ли ему будет приятна суета отеля. В мо,,м же большом и пустом доме есть две комнаты с совершенно отдельным входом.

Рядом с этими комнатами пустуют ещ,, три. Я уже сговорился со Строгановым и начал их отделявать. Через два дня вс,, будет готово, и я

уже приобрел отличный рояль, чтобы ваш друг и Анна могли на нем играть в моем доме, если бы это им вздумалось.

Для спутника вашего друга есть комната в бельэтаже, имеющая сообщение со всем домом. Как видите, я уже все обдумал. Не откажите мне, перед скорой разлукой, в счастье видеть вас своими гостями.

Голос князя был тихий, почти молящий. И. близко подошел к нему, подал ему руку и сказал :

– Какую бы форму я ни придаю моей благодарности, наибольшей радостью будет сказать, что редко человеческая помощь приходит так кстати и вовремя, как ваше предложение. Мы с Лизушкой устали от отеля, а наш друг уже давно нуждается в отдыхе. От всех нас благодарю. Мы будем очень рады пожить в вашем тихом доме, так как задержимся здесь, вероятно, еще, около месяца.

– Какое это для меня счастье, – воскликнул князь. На пороге балкона выросла женская фигура, и я узнал Жанну, звавшую нас пить кофе. Что-то меня в ней поразило, и я только при свете понял, что она переделалась. На мой вопрос, зачем она это сделала, она сказала мне, что в Константинополе принято, чтобы на парадных обедах дамы к кофе меняли туалеты.

Действительно, я увидел Строганову в легком платье сиреневого цвета, что шло к ее волосам, но составляло резкий контраст с ее кожей. Быть может, это было и хорошо, но мне не понравилось.

Я стал искать глазами Анну, мысленно решая, в чем бы я хотел ее видеть. И ни в чем, кроме белого, мне не хотелось рисовать себе ее очаровательную фигуру.

Как же я обрадовался, когда увидел ее в том же туалете. Осмотрев платье Жанны, со множеством мелких оборочек ярко-зеленого цвета, я вдруг сказал ей:

– Я не парижанин, я просто еще не видавший света мальчишка. Но на вашем месте я ни в коем случае не надел бы это вульгарное платье. Первый ваш туалет был скромн и мил, он был только рамкой для вас. А вот эта зелень, она убила вас и кричит о дурном вкусе. Ради Бога, не делайте шляп в таком стиле. Вы разгоните высший свет и соберете в свой магазин базар.

– Это потому, – чуть не плача отвечала мне Жанна, – что первое платье я выбрала сама, а второе мне подарила мадам Строганова.

К нам подошли князь и И., и мы сели в уголке пить кофе. На диване, за центральным столом, сидела Анна, а возле нее, на кресле зловещий дядя Браццано.

Он, не сводя с нее глаз, что-то говорил. Лицо ее было холодно, точно маска легла на него, закрыв всякую возможность читать ее душевные

движения. Только раз глаза е,, поднялись, обвели комнату и с мольбой остановились на отце. Он сейчас же отош,,л от своего кружка и сел на диван рядом с нею.

– Ну, друг доченька, хочу выпить чашку кофе, налитую твоими милыми руками, – улыбаясь, сказал он ей.

Анна встала, чтобы налить ему кофе, а я снова увидел в глазах турка бешенство и ненависть. Но он улыбался и глотал свой кофе, вполне владея собой.

– Лоллион, я просил вас не оставлять меня. Но сейчас я крепок, как если бы сам Али был тут, а не только его пилюля во мне. Мне кажется, что если этот сатана будет находиться возле Анны, она не сможет петь. Неужели вы не можете его так скрючить, чтобы он вовсе убрался, – шептал я.

И. засмеялся и сказал, что верит в мои силы и самообладание и действительно пойд,,т к Анне. Но просит меня, как только начн,,тся музицирование, сесть непременно рядом с ним, он займ,,т мне место; а лучше всего, если я подойду к нему, как только начнутся разговоры о пении. Поговорив ещ,, немного с князем и Жанной, он переш,,л к столу Анны, куда, как к магниту, стали собираться мужчины.

Последовало долгое кофепитие.

– Знаете, князь, не мог бы я жить на Востоке. Однажды я был на настоящем восточном свадебном пиру. Общество там было разделено на мужскую и женскую половины. Я лицезрел, конечно, только пир мужчин. Они ели руками, ели до отвала, до седьмого пота, под унылую восточную музыку. Это было красочное, но и варварское зрелище. Здесь вс,, вполне цивилизованно, – и все точно так же объедаются до пота. Только вытираются не сальными рукавами, а душистыми носовыми платками.

Ну скажите, разве не варварство так уставать от еды. Дойти до такого полного изнеможения, как эти люди напротив нас, – указал я на нескольких гостей, сидевших в полном оцепении в противоположном углу и тяжело переваривавших пищу.

Тут стали просить спеть. Многие обращались к Браццано; он ломался и – воображая себя героем – ответил, что не особенно здоров, но попробует вс,, же. «Лучше тебе и не пробовать», – ехидно думал я и решил во что бы то ни стало умолить И. дать ему какое-нибудь лекарство, чтобы он охрип и, что называется, «дал петуха».

Обуреваемый этим желанием, я забыл все условности на свете, бросил своих друзей и побежал к И. Схватив его за руку, я стал умолять его помочь турецкому бретт,,ру осрамиться.

– Какой ты ещ,, мальчишка, Л,,вушка, – смеялся И.

– Лоллион, миленький, добрый, хороший, не дайте мучить Анну этому злодею. Наверное, у него и голос такой, что ему петь только куплеты сатаны, – шептал я.

– Уймись, Л,,вушка, – очень серь,,зно сказал мне И. – Наблюдай и приглядывайся. Запомни вс,, что сегодня видишь и слышишь. Многое пойм,,шь гораздо позже. Для Анны и некоторых других сегодня идут минуты, решающие всю их жизнь. Будь серь,,зен и не шали как мальчик.

Он почти сурово поглядел на меня.

Вся толпа гостей, предводительствуемая хозяином, двинулась в большой вестибюль, не тот, через который мы вошли, а в середине дома. Там, по широкой, красивой лестнице, мы спустились вниз, в большой круглый концертный зал, принадлежавший Анне. Ах, какая это была чудесная комната. Мозаичные деревянные полы и стены; посередине рояль и вдоль стен небольшие кресла. Две-три вазы на постаментах, несколько картин и мраморных фигур.

Когда Анна подошла к роялю, я забыл обо вс,,м. На е,, лице играла улыбка, глаза сверкали, на щеках горел румянец. Это была не та Анна, которую я не раз видел. То была фея, существо неземное. И если до сих пор Анна казалась мне особенною, не такой, каких обычно носит земля, то теперь я понял, что среди нас ещ,, ходят неземные существа, приносящие небо на землю.

Она заиграла. Я сразу узнал Патетическую сонату.

Но до сих пор не понимаю, как не только я, но и все мы могли вынести эту музыку. Что-то безумно захватывающее было в ней. Казалось, сверхъестественная сила вселилась в Анну. Страсть, какой-то зов в неведомое, недостижимое чередовались со внезапным озарением, а потом снова вопросы и голос неумолимой судьбы...

Я плакал, закрыв лицо руками, и слышал, как плакал подле меня князь. «Вот он, серый день, претвор,,нный в сияющий храм», – думал я.

Звуки смолкли. Никто не прерывал молчания. И. сжал мне руку, точно призывая к самообладанию. И было время.

– Ну всегда ты, Анна, расстроишь своей игрой и испортишь всем праздник, – раздался неприятный, слегка гнусавый и капризный голос е,, младшего брата. – Сыграла бы Шопена, показала бы блеск. А то навела тумана своим Бетховеном.

Мне так и хотелось отколотить этого будущего бретт,,ра.

– Если тебе не нравится, можешь уйти отсюда, чем много меня обяжешь, – сказал ему тихо отец; но такая гроза была на его лице, что

невоспитанный мальчишка, как трусливый щенок, немедленно спрятался за маменькину спину. Та пригрозила кокетливо пальчиком, улыбаясь ему, как нашалившему пятилетнему пупсу.

Но этот пошлый эпизод не смог разрушить огромного впечатления.

Под напором просьб Анна снова стала играть. Но больших вещей она уже не играла и, казалось, какая-то частичка е., существа улетела вместе с первой пьесой. Того сверхъестественного вдохновения, поразившего всех, в е., игре уже не было.

Мне хотелось убить негодного мальчишку.

Анна встала и объявила, что ни играть, ни петь она больше не станет, но если есть желающие петь, она будет аккомпанировать.

Да-Браццано поднялся и сказал, что не петь под такой волшебный аккомпанемент он не может.

Я взглянул на И. Лицо его было сурово, ох, так сурово, точно перед бурей на пароходе. Он посмотрел на Анну, словно посылая ей силы.

Турок поправил воротник, од., рнул жилет и заявил, что спо., т песнь, в которой выскажет тайну своего сердца.

Воцарилось молчание. Он объявил, что будет петь серенаду Шуберта.

Я вздохнул, в ужасе посмотрел на князя, потом на певца, который скорее походил на тореадора, пылающего адским огн., м, чем на нежного любовника, призывающего вникнуть в смысл песни соловья, молящей, трепетной, – и едва удержался от смеха.

Анна не нуждалась в нотах. Она взглянула на И., брови е., чуть поднялись, руки нежно коснулись клавишей.

– «Песнь моя летит с мольбою...» – вдруг заревел, точно паровой гудок, здоровенный бас.

Я фыркнул, нагнулся, спрятался за И. Когда же этот р., в поднялся до высокой ноты, – произошло нечто совершенно неожиданное. Ревевший бас вдруг превратился в тоненькую фистулу, такую поганенькую, что во всех углах зала раздался хохот... Мы с князем хохотали во весь голос. Даже Анна с удивлением смотрела на певца, хотя на лице е., не было смеха, а только неприязненное досадливое чувство. Очевидно, в ней заговорила оскорбл., нная артистичность.

– Нет, не могу, я болен сегодня, – сказал, сияясь улыбнуться, певец. Ни на кого не глядя, он вышел.

Хозяйка дома и е., любимый сын бросились за ним, остальные гости, сконфуженные, давясь от смеха, стали разъезжаться.

Мы вышли последними вместе с Анной, Строгановым, князем и Жанной. Сердечно простившись с хозяевами, мы обещали зайти в магазин

к шести часам, чтобы узнать, как прошл первый рабочий день.

ГЛАВА 19 МЫ В ДОМЕ КНЯЗЯ Прошло ещ,, два суетных дня нашей отельной жизни, с ежедневными визитами к Жанне и князю и путешествиями с капитаном по городу.

Несмотря на все хлопоты и неприятности, валившиеся на него со всех сторон, отчего он даже похудел и его ж,,лтые глаза стали громадны, – этот милейший человек урывал два-три часа в день, чтобы показать мне город.

Много я встречал и потом добрых, внимательных людей. Вообще мне везло на счастливые встречи. Но такого сердечного, простого внимания от чужого человека я уже никогда не видел. Речь, конечно, не о мо,,м друге Флорентийце и его близких – И., Ананде, Али. Я говорю об обычных людях высокой культуры.

На третий день, едва мы сели завтракать, к нам вош,,л князь. Он объявил, что приехал с двумя слугами, которые поступают теперь в полное наше распоряжение и помогут перевезти нас к себе.

И. выказал все признаки радости, а я не мог понять своего состояния. Мне точно не хотелось никуда переезжать. То мне думалось, что именно в этом причины нашей задержки в Константинополе, то казалось, что капитану будет труднее забегать ко мне в удал,,нную от центра часть города. Конечно, корень моего недовольства лежал в том, что проще всего я чувствовал себя с капитаном; я как-то отдыхал в его присутствии и боялся, что буду теперь разлуч,,н с ним.

Как раз в минуту моих сомнений вош,,л капитан. Узнав, что мы переезжаем к князю, он заметно опечалился.

Не успел я отдать себе в этом отч,,т и хотел уже было идти укладывать вещи, как услышал голос князя:

– Я бы очень хотел обратиться к вам, капитан, с просьбой, но не знаю, как вы е,, примете. Наши общие друзья переезжают ко мне. Если вы только пожелаете, рядом с Л,,вушкой есть пустая, но отличная комната. Меблировать е,, ничего не стоит, и вечером вас ждало бы некоторое подобие семейной жизни, – улыбаясь, говорил князь.

– Я чрезвычайно благодарен вам, – ответил капитан. – Но друзья наши переезжают к вам, чтобы избавиться от суеты. А я – одна суета и беспокойство.

– Нисколько, капитан, – прервал его И. – Дом князя такой большой и удобный. При н,,м есть сад с беседками, и вообще, кому захочется уединения, тот его там всегда найд,,т. Кроме того, ведь вопрос вашего пребывания здесь – дни, а нашего – недели. И познакомиться с Анандой,

поговорить с ним и побыть рядом будет гораздо удобнее, если вы будете жить с нами.

Затем, – прибавил он с юмористическим, таким знакомым мне блеском глаз, – в доме князя есть рояль. Я постараюсь ещ,, до приезда Ананды уговорить Анну поиграть нам вечером, празднуя наше скромное новоселье. А ведь Л,,вушка уверял вас, что игра Анны даст вам понимание музыки и высокой общественной роли женщины, одар,,нной музыкальным талантом, – посмотрев на меня, закончил И.

Я густо покраснел, хотел упрекнуть моего друга за насмешку, но желание уговорить капитана превозмогло вс,,.

Я бросился ему на шею и, должно быть так искренне, по-детски молил его принять великодушное предложение князя, – тот, со своей стороны, ещ,, раз его повторил, И. тоже убеждал его усиленно, – что в результате капитан разв,,л руками, покачал головой и сказал:

– Ведь чужой семейный дом, да ещ,, в таком близком соседстве с вами, доктор И., – для меня род монастырского заключения! Я так привык вести беспорядочную жизнь!

– Но, капитан, если вы действительно интересуетесь нашей внутренней жизнью, как вы неоднократно говорили, и хотите подумать о многом, что давно складываете в запасники ума и сердца, а также побеседовать с настоящим мудрецом, и ваши намерения серь,,зны, – несколько дней чистой жизни не составят для вас трагедии, – вставая, сказал твердо И.

– Конечно, доктор И., я не о трагедии воздержания думал, когда колебался. А просто сознаю, что мало достоин того внимания, которое вы все мне оказываете!

– Ну, это уже пошли подробности, – закричал я. – Вы, главное дело, поскорее соглашайтесь, чтобы я мог идти собирать вещи. А то вы ведь не знаете молниеносных темпов И. Не успею я уложить один костюм, – он явится, уже вс,, сделав, упрекать меня в ловиворонстве.

Все засмеялись, капитан джентльменски поклонился князю, благодаря и принимая предложение, и обещал вечером, к семи часам, быть с матросом-верзилой в его доме.

Я с радостью побежал собирать вещи и с помощью слуг князя очень быстро с этим справился. Мы расплатились в отеле и сели в коляску князя.

Мы ещ,, сделали большой крюк по городу, так как И. наш,,л необходимым нанести визит синьорам Гальдони, у которых мы ещ,, не были под предлогом моей болезни. И я был очень рад, что мы не застали их дома. Оставив свои визитные карточки, мы приехали, наконец, в дом князя.

И. прош,,л прямо к княгине, а нас попросил разместить его вещи так, как нам заблагорассудится.

Первое впечатление от предоставленных нам комнат было ошеломляющим. Комната моя имела большой балкон, выходящий в сад, и под ним росло множество цветов. Обои светлосерого цвета, на их фоне ярко выделялась мебель красного дерева.

Мне было очень любопытно взглянуть скорей на комнату И. Она была ж,,лтая, а мебель резная, ч,,рного дерева, в готическом стиле, напоминая своими высокими остrokонечными формами убранство средневекового храма. Мебель была покрыта ж,,лтым ш,,лковым ковром, в тон обоям, с коричневато-ч,,рным рисунком; пол сплошь застлан таким же ковром.

Я даже присвистнул. На ж,,лтом сукне письменного стола стояла хрустальная ваза с ж,,лтыми розами и лежало письмо, надписанное круглым красивым почерком.

Казалось бы, комната эта вовсе не походила на комнату в доме сэра Уоми в Б. Но чем-то, быть может своим ж,,лтым цветом, она вызвала это воспоминание. Гармония форм и красок, вкус, с которым были расставлены вещи, – вс,, было образцом истинной художественности и поразило меня.

– Это вы сами так убрали комнату для И.? – спросил я вошедшего князя.

– Нет, Л,,вушка, этой комнатой занялась Анна. У одного е,, знакомого долго стояла без употребления вся эта мебель. Она рекомендовала мне е,, купить и сама руководила расстановкой мебели. Нравится вам? – спросил князь.

– Нравится – это не то слово. Здесь так же отражено превосходство е,, вкуса, как в е,, игре, в е,, зале, в е,, манере одеваться, – сказал я, забывая вс,, и превращаясь в «Л,,вушку-лови ворон».

Не знаю, долго ли я сидел в кресле у письменного стола, рассматривая заморожившую меня комнату. Одна мысль владела мной неотступно: «Как же обставит Анна комнаты Ананды? Комнаты того, кого избрало е,, сердце навек, если только для друга она сумела устроить комнату-храм, входя в которую испытываешь благоговение?»

Весь во власти этой мысли, забыв обо вс,,м, я думал, какая она, любовь, у существ, стоящих выше нас? Как они любят? В ч,,м видят смысл любви? Почему мой брат женился на Наль, а Ананда не женится на Анне? Разве от брака таких любовников не пошла бы высшая раса людей?

Вдруг, как всегда внезапно содрогнувшись с головы до ног, я увидел Ананду, хотя и где-то далеко, но совершенно ясно, и услышал его голос:

«Связи людей, их любовь и ненависть – вс,, плоды не одной данной

жизни. И тело человека, и его окружение – следствия и результаты личных трудов и достижений в веках. Нет пути духовного совершенствования для одного, выделенного из миллионов окружающих жизней. Только научившись единению с людьми в красоте, слиянию с ними в любви, можно проникнуть в те духовные высоты, где живут более совершенные существа. Тогда открывается собственное сердце, и в н,,м оживает новая любовь. И человек понимает, что вся вселенная связана, дышит и вечно движется впер,,д этой живой любовью».

Вс,, исчезло, и голос Ананды умолк.

– Вы не волнуйтесь, князь, – услышал я и почувствовал, что И. держит меня за руку. – У Л,,вушки, в результате удара на пароходе, бывают такие нервные припадки. Но это неопасно. И если когда-нибудь это с ним случится без меня, вы только дайте ему капель, которые прошу накапать сейчас из этого флакона. Князь подал мне капли.

– Поставьте их вон в тот маленький прекрасный шкаф, – продолжал И. – И будете знать, где найти в этих случаях помощь. Повторяю, это неопасно, не волнуйтесь. Вы сами нуждаетесь сейчас в помощи больше, чем Л,,вушка; на вас, что называется, лица нет. Можно ли так теряться? – уговаривал И. князя.

– Ну, слава Богу, слава Богу. Л,,вушка так неподвижно сидел, уставившись глазами в пространство, ни на один вопрос не отвечал, что я смертельно перепугался, – говорил взволнованно князь.

Я приник к плечу И., который нежно гладил меня по волосам, и никак не мог унять дрожь во вс,,м теле. Наконец, я успокоился настолько, что смог встать.

– Вот как я нынче осрамился, дорогой Лоллион. В первый же день так напугал вас, князь. Это очень прискорбно; простите, пожалуйста. Уж такой я незадачливый «лови-ворон». Как только попаду в особенно прекрасную комнату,

– так и становлюсь ротозеем.

– Вс,, образуется, Л,,вушка, – ласково отвечал мне князь. – Не хотите ли посмотреть на комнаты, которые приготовлены для вашего прибывающего друга?

– Ох нет, Бога ради, только не сейчас, – взмолился я, опасаясь повторения только что пережитого.

И князь, и И. – оба посмотрели на меня с удивлением. Пристальный взгляд И. точно раздвинул во мне какие-то завесы; как будто бы во мне, как в зеркале, отразилось вс,, что я только что пережил, и мне показалось, что И. увидел картину, представившуюся моему воображению.

– Ну хорошо, отложим. Я похлопочу, как сумею, о комнате для капитана. Хочется, чтобы к семи часам он нашел ее, уютной. Кстати, его зовут сэръ Джемс Ретедли. Но я понятия не имею, как надо обращаться к важному лорду в быту, – посетовал князь.

– Лучше всего, если мы будем стараться не слишком стеснять себя всякими условностями. Продолжайте звать его «капитаном». Ведь зовем же мы вас просто «князь», а ведь и у вас есть имя и отчество, – улыбаясь, ответил И.

– Вот отлично-то! Так я поеду. Обед в половине восьмого, – сказал князь и, кивнув нам, вышел из комнаты.

Оставшись вдвоем, мы молчали. Вдруг взгляд мой упал на лежавшее на столе письмо. Я подумал, что И. будет приятнее читать его наедине; казалось мне, что письмо от Анны, и цветы, вероятно, тоже от нее.

Я тихо вышел из комнаты, прошёл к себе, но побоялся снова впасть в неприятное иллюзорное состояние и предпочёл побыть в саду.

Сад оказался запущенной частью старого парка и отделялся высокими стенами от соседей, за стенами тоже виднелись старые, тенистые деревья.

Я присел на скамью и радостно отдыхал в этом уединённом месте. Пестрые картины недавнего прошлого одна за другой вставали в моей памяти, чрезмерно перегруженной и утомлённой всем пережитым. Я положительно не мог остановиться ни на одном человеке или факте, чтобы тотчас же они не связывались в целую вереницу чувств и мыслей, сбиваясь в конце концов в кашу.

Яркий образ Флорентийца один доминировал над всем: как-то отступила, точно в тень отошла, фигура брата. Я подумал, что он теперь переживает «медовый месяц». Но что, собственно, подразумевают люди, когда так восхищаются им? – думалось мне. Какое-то новое, неведомое мне раньше чувство стыда вдруг ворвалось в мои мысли.

Потом, ни с чем не связанно, я стал думать о Лизе и капитане, о Жанне и князе. И в их отношениях почудилась мне греховность, они не были, казалось мне, столь чистыми, чтобы их единила только красота...

– Где ты, Лёвушка? – услышал я особенно радостный голос И. Я вышел ему навстречу и увидел в его руках письмо, сейчас же узнав крупный и властный почерк. То было письмо, лежавшее на столе подле роз.

– Я получил известие, что Ананда будет здесь послезавтра вечером. Какая радость! – обняв меня за плечи, произнёс И. – Но ты как будто всё ещё не оправился? Или ты не рад Ананде?

– Уже по одному тому я рад Ананде, что счастьем встречи с вами, Лоллион, обязан ему. Если бы он не спас вас, что бы я теперь делал? В

каком трюме жизни и кто искал бы меня? – ответил я, в первый раз до конца осознав, как много, бесконечно много сделал для меня И.

И. ласково улыбнулся, снова искорки юмора засветились в его глазах, и он спросил:

– А разве в том, что сказал тебе сейчас Ананда, – что нет связей иных, чем причины и следствия нашей собственной жизни и деятельности, – ты не видишь смысла и нашей связи? Быть может, я, как и все, только отдаю тебе свой прежний долг?

Я потер себе лоб.

– Пойдите, мой дорогой. Ведь не хотите же вы сказать, что в моей галлюцинации была хоть капля действительности? Как мог говорить со мной Ананда, находясь от меня за тысячи вёрст?

– Точно так же, как разговаривал с тобою Флорентиец, будучи очень далеко. Ты волнуешься, чуть не плачешь и ищешь сверхъестественные тому объяснения. А я уже говорил тебе, что жизнь твоя принесла тебе не боль безумия, а огромное счастье знания, если ты захочешь трудиться и воспитать в себе полное самообладание.

Ты забыл мои слова или слушал меня невнимательно. Я ведь объяснял тебе, что в каждом имеются творческие силы сверхсознания: в одних людях они дремлют; в других – пробуждаются. И оживают в каждом поразному, в зависимости от его чистоты и культуры – от юродивого до мудреца.

– Ох, Лоллион, до мудреца мне так далеко, что вряд ли и дойти. И юродивым быть, пожалуй, мало чести и радости, – горестно сказал я, прижимаясь к моему другу и как бы ища у него защиты.

– Дитя ты ещё, Лоллион, – засмеялся И. – Дитя, дитя удивительное, а с другой стороны, являешь собою очень большую силу. Как-то справишься ты со своей жизнью, которую только ты один и можешь создать? Как-то поднимешь на плечи всё, что сейчас требует от тебя ответов и труда. И никто, кроме тебя самого, не может исполнить твоих, только тебе одному присущих, индивидуальных задач, – тихо и серьёзно говорил И.

– Но ведь вы меня не оставите! Вы поможете мне жить и учиться до тех пор, пока не приедет Флорентиец? О Лоллион, не оставляйте меня; я знаю, какой я для вас груз, какая обуза, но я не в силах буду пережить сейчас ещё, одну разлуку, – едва сдерживая слезы, вцепился я в него.

– Мой дорогой мальчик, мой брат, я буду с тобою очень долго. И наша с тобой дружба мне радостна, и вовсе она не груз и не обуза. Ты только уверься в том, что слух и зрение могут внезапно обостриться у каждого, от всяких, тебе ещё, пока непонятных, причин. Будь спокоен. Сейчас ты так счастлив, никакие обязательства не давят на тебя, – всматривайся же

свободно в жизнь и оберегай каждого от неприятностей, сколько можешь. Пойд,,м посмотрим, какие комнаты приготовил наш хозяин Ананде.

Страх мой прош,,л, мы поднялись по ступенькам довольно высокого крыльца и точно попали в восточный город.

Прихожая была застлана пушистым персидским ковром; вдоль стен тянулись низкие, обтянутые ш,,лком диваны с подушками; узкие стрельчатые окна были прикрыты ставнями из разноцветного стекла. Роскошная тяж,,лая занавесь отделяла прихожую от комнат. И. раздвинул портьеру, и мы вошли в комнату.

– Боже, – вырвалось у меня. – Да тут принцу жить, и жить не месяцы, а годы.

– Так оно и есть. Ананда – принц, а жить ему здесь не меньше года, – так тихо проговорил эти слова И., что я еле уловил их.

Целая гамма фиолетовых тонов расточена была в комнате, царственно роскошной и, вместе с тем, простой. Это был кабинет-библиотека; но стиля е,, я не понял, да и сейчас затрудняюсь определить. Точно на ковресамол,,те чья-то воля перенесла это жилище откуда-то из средневековья и расставила в доме князя. Я никогда не видел таких кресел, массивных, высоких, из какого-то светло-зеленоватого с ч,,рными разводами дерева, крытых лиловым ш,,лком.

– Где только могла отыскать Анна эти вещи? – невольно вырвалось у меня.

– Они стояли на складах е,, отца очень много лет. Теперь нашли себе применение, – ответил мне И. – Но пойд,,м дальше.

Мы вошли в следующую комнату, и... от удивления я сел на табурет, стоявший у двери. Я ожидал всего, но только не того, что увидел.

Простая походная полотняная кровать без подушек, покрытая мягкой звериной шкурой. Небольшой белый стол, два-три деревянных стула и платяной, самый простой шкаф.

– Теперь ты видишь истинные потребности принца; здесь будет его святая святых, куда вряд ли войдут многие.

Я молча указал И. на стол, где стояла такая же хрустальная ваза, как у него, и в ней... один из наших букетов фиалок. Он кивнул мне головой, и мы вышли из комнат Ананды, зад,,рнув занавесь и закрыв дверь.

Вс,, потеряло для меня ощущение реальности. Я ш,,л, как в тумане, и опомнился только в наших комнатах, где И. напомнил мне об обязанностях дружбы и гостеприимства по отношению к капитану, который должен был жить здесь, рядом со мной.

– Надо постараться облегчить ему жизнь в эти дни. Ему немало

прид,,тся перестрадать. Твоя нежная любовь может помочь больше, чем все заботы других,

– сказал И. – Думай о н,,м. Зови всей силой мысли Флорентийца, и ты всегда найд,,шь нужное слово для капитана.

Я твердо решил собрать сво,, внимание и посвятить себя целиком капитану в эти короткие дни нашей совместной жизни. А потому, как только услышал голос князя и возню в соседней комнате, – побежал туда и принялся помогать.

Князь печалился, что не мог найти так быстро ничего хорошего. В комнату тем временем вносили красивую мебель пальмового дерева, старинную, оригинальную. И. тоже вышел сюда и уверил князя, что обстановка очень хороша и капитан будет более чем доволен.

Князю ещ,, предстояло заехать в магазин к Жанне, куда надо было и нам. Втро,,м мы стали убирать комнату, быстро придали ей жилой и уютный вид, переделались и помчались в магазин.

Мы застали здесь настоящее вавилонское столпотворение. Строганов дал объявление в газетах об открытии нового французского магазина, – и дамы посыпались, как горох из мешка; даже обе Гальдони приехали заказать себе шляпы.

Молодые хозяйки были удовлетворены массой заказов и большим количеством проданных шляп. Жанна была радостно возбуждена и вполне в своей атмосфере, а Анна... улыбалась ласково, была спокойна, но счастья на е,, лице я не увидел.

– Анна, не откажите мне в просьбе, – обратился к ней И. – Мы с Л,,вушкой и капитаном переехали к князю. Поиграйте нам завтра вечером. Я заеду за вами; мне очень хочется, чтобы вы соединили нас понятным для всех языком красоты и музыки перед приездом Ананды.

– Для вас я всегда готова играть, хотя присутствие капитана мне кажется странным, – ответила Анна. – Я буду играть, – прибавила она, помолчав. – Да, конечно, буду играть и вашему капитану, – повторила она, снова помолчав ещ,, дольше. Вдруг она рассмеялась, отчего вс,, е,, лицо просветлело; а я был счастлив, что капитан услышит е,, игру, которая – я верил – поможет ему взглянуть иначе на талантливую женщину.

Время бежало, я волновался, что не успел купить цветов, на что тут же и посетовал.

– Не горюйте. Долг платежом красен. Поставьте на стол капитану эту маленькую японскую вазу и вот эту нежную орхидею, – сказала Анна, снимая с полочки чудную вазочку с орхидеей. – Только не говорите, что это от меня.

Я подпрыгнул от удовольствия, захолопал в ладоши, поцеловал обе руки Анне и, бросив вс,, и всех, помчался с князем домой.

Не успел я поставить цветок на стол, как послышались голоса и шаги, среди которых я сразу узнал л,,гкую поступь капитана и верзилину тяж,,лую ходьбу вразвалку.

Князь вв,,л нашего друга в комнату, просил извинить, если что-либо здесь не так, как он привык, объяснил, где ванна, и скрылся, напомнив, что в половине восьмого обед.

Я был словно в чаду. Я был и капитану рад и не мог отделаться от поразившего меня контраста в комнатах Ананды, и такими же несовместимыми казались мне Анна и Жанна, Анна и магазин...

Обед и вечер прошли весело. Дружеская беседа наша затянулась далеко за полночь. Капитан рассказывал так интересно и, вместе с тем, так просто и забавно о своих путешествиях и встречах, что я неоднократно перескакивал из состояния «Л,,вушки-лови ворон» в неудержимый залиvistый смех.

Наконец И. напомнил нам, что капитана жд,,т обычный хлопотливый рабочий день. Мы простились с нашим милым хозяином, ещ,, раз поблагодарили его за все заботы и разошлись по своим комнатам.

Как обычно, мне казалось, что спать я не хочу, а не успел раздеться, как мгновенно заснул.

На следующий день я так поздно проснулся, что едва успел к завтраку, за которым меня уже ждал князь. Он сказал, что И. не будет дома раньше вечера, что верн,,тся он только вместе с Анной, прямо к музыке.

Я опечалился. В первый раз И. покидал меня так надолго, и я был предоставлен самому себе. Не то чтобы я не знал, чем себя занять, – я мог и в город пойти, и в магазин, и книг у меня было много... Но без И. какая-то неуверенность, даже тоска сжимала мне сердце.

«Боже мой! Как я по-детски привязчив и неопытен», – подумал я. Видя мо,, расстроенное лицо, князь предложил мне вместе пройтись по городу и заказать сласти на вечер. Но я возразил, что Анна вечером ничего, кроме фруктов, есть не будет, а потому и хлопотать о парадном столе не стоит. Но князь со мной не согласился и поехал один.

Я же уселся на диван в своей комнате и через несколько минут весь уш,,л в книгу, что дал мне И., и оказался в другом мире.

Очнулся я от стука в дверь. Должно быть, я долго читал, так как руки и ноги у меня затекли, я с трудом распрямился.

Стучал ко мне капитан, среди дня случайно забежавший зачем-то домой. Он предложил пойти с ним, подождать его в одном месте минут

десять, но зато потом пройтись по азиатской части города и поискать что-нибудь у антикваров...

Я согласился. Мне вдруг пришло в голову – тайно от всех – заказать для Ананды сладкое печенье «Багдад», как я его прозвал, у кондитера – приятеля капитана. И купить фруктов для него же и пирог и поставить все, завтра в его комнату.

Я поделился своим желанием с капитаном. Он весело кивнул головой, и мы отправились по его делу. Взглянув на загорелое лицо капитана, на веселые тигриные огоньки в его глазах, я решил, что дела его поправляются. Он же признался, что ждет игры Анны с огромным нетерпением и волнением, каких давно не испытывал.

Я хотел ему сказать, что он не получит того, чего ждет, если ждет только светского развлечения. Но вспомнил, как говорил И. о страдании и повороте, который должен в нем вскоре наступить, – и только вздохнул над бессилием каждого из нас перед грядущими бурями.

«Зачем все должны страдать, – думал я, протестуя. – Сейчас капитан весел, ему радостно. Неужели же он будет счастливее, если что-то новое сожжет в его уме и сердце понятия и представления, которыми он жил до сих пор».

– Ну вот, Лувушка, и кондитерская. Зайдем, я выпью чего-нибудь и оставлю тебя здесь на четверть часа. Не успеешь ты насладиться «Багдадом», как я снова буду с тобой, – прервал мои размышления капитан.

Быстро проглотив что-то со льдом, он скрылся, как метеор. Меня же совсем разморило от жары, и я сел в ожидании питья и соблазнительного печенья, от нечего делать рассматривая публику.

Сам хозяин подал мне еду, спрашивая, как понравились гостям его торты. Я рассказал, какой фурор они произвели, и прибавил, что у меня есть к нему личная просьба, которую я хочу сохранить в тайне от моих друзей.

Он лукаво улыбнулся и затаился своей зловещей трубкой, ожидая, очевидно, услышать женское имя. Узнав, что я хочу заказать торт и печенье для мудреца, да еще принца, – он даже привстал.

– Эта дела серьезна была, – сказал он. – Я тебе сделаю, сделаю карош.

Тут он сказал мне, что мудрецу нужно, чтобы на вид было просто, а как возьмешь в рот – рай. А принц, – принцу надо, чтобы на вид тоже было просто, только чтобы лежало это на таких блюдах, до которых дотронуться – «не подходит».

Он советовал мне пройти в два антикварных магазина, где есть старинные фарфоровые блюда. За фруктами послал на базар к своему

приятелю; но советовал заказать только дыню, груши и виноград. Ибо мудрец, по его мнению,

– без дыни – невозможен, а персиков хороших пока нет.

Он просил прислать блюда и фрукты к нему, обещая вс., уложить и вовремя доставить. Я дал ему адрес, точно условился о часе и сказал, что буду сам ждать посланца у калитки.

Вернувшемуся капитану я заявил, что хочу купить два антикварных блюда, чем немало его изумил.

Мы долго ходили, не находя ничего подходящего. Наконец, как бы случайно, я назвал адрес, данный мне кондитером. Мы направились туда, и пока капитан рассматривал какую-то вещь в ювелирном отделе, – я отдал хозяину записку моего волшебника-кондитера.

Он долго что-то обдумывал, потом пов.,л меня наверх и вытащил из особого шкафа блюдо.

Оно было фиолетовое, гладкое, с узким золотым ободком; и в середине его, на белом фоне, была нарисована женская фигура с младенцем на руках. Ч.,рные косы лежали по плечам на ж.,лтом хитоне; ч.,рные глаза, как живые, смотрели на меня. Дивные руки держали кудрявого, золотоволосого мальчика.

– Господи, да уж не с Анны ли это рисовано? – чуть не крикнул я.

Хозяин повернул блюдо обратной стороной, показал дату – 1699 г.

За вторым блюдом он полез куда-то ещ., выше, прося меня подождать. Я был в восхищении и отчаянии. Какое-то благоговение наполняло меня, я так хотел подарить Ананде это блюдо, рисунок которого напоминал лучшую миниатюру с Анны. Но не будет ли дерзостью мой подарок? Будет ли он понят, как чистейший дар моей восхищ.,нной души?

Возвращавшийся хозяин н.,с хрустальное блюдо, переливавшееся всеми цветами радуги. Точно драгоценные опалы, сверкали его грани.

– Венеция, – сказал он, подавая блюдо мне. – Это старый принц куплено. А это – Флоренция, – ткнул он в фиолетовое блюдо. – Тоже старо. Кардинал покупал.

– Это, верно, очень дорого, – протянул я со страхом. Он усмехнулся и ответил:

– Пишет друг – с тебя взять сколько можно мала мала. Меньше сто рублей не будет. Если даришь принцу, как пишет здесь, – опять ткнул он в записку кондитера, – надо платить. Подожду, если сейчас нету.

Я радостно отдал ему половину суммы и обещал завтра занести остальное.

– Отдавай кондитерская, он перешл.,т, а я ему отошлю блюда сегодня

вечером. Пишет – надо молчать. Хорошо. Капитан уже искал меня внизу.

– Ну вот ты меня покинул, Л.,вушка, я тебе и не покажу перл, нечто совершенно изумительное, что я здесь наш,,л. И как кстати, – сказал воодушевл,,нный капитан.

– Вот хорошо-то! У каждого из нас будет своя тайна. Только чур! не выпрашивать! – отвечал я.

Должно быть, я сиял не меньше самого капитана, так как он вторично с удивлением на меня посмотрел, но ни о ч,,м спрашивать не стал.

Мы вышли из магазина, капитан уносил свою тайну в кармане, мои же оставались в лавке, надо было только заказать к ним фруктов, что мы очень скоро и сделали, велел их доставить завтра к тр,,м часам дня в кондитерскую.

По дороге домой я просил капитана ни слова никому не говорить о сладостях и фруктах, так как они предназначались Ананде. Хочу поставить их в комнату к его приезду. Капитан, казалось, был очень разочарован.

– А я-то думал, что вс,, это для Анны. И моя тайна была согласована с едой, – огорч,,нно сказал он.

– Об Анне хлопочет князь; да и ест она как воробей. Не стоит и хлопотать,

– утешал я его.

Он рассмеялся и спросил, не на львиный ли аппетит заказал я свои тайны для Ананды.

– Ну, ведь и львы бывают разные. Я ведь тоже Лев. Надеюсь, хватит и львам, и принцам, и мудрецам, и воробьям, – ответил я, снова думая о том, тактично ли я поступил и одобрил бы меня Флорентиец или нет.

– Как говорят у нас на флоте, ты занятный мальчишка, Л.,вушка. Жаль, поздно ехать за город за цветами. Но вс,, же зайд,,м сюда, я вижу белую сирень, – сказал капитан, взяв меня под руку и проходя в огромную, прекрасную оранжерею.

Он выбрал два деревца белой сирени. Я пожалел, что беден и не могу купить такое же деревце т,,мно-фиолетовой сирени, чтобы украсить ею комнату Ананды. Но я решил попросить об этом И. И тут же, вспомнив о деньгах Али молодого, собрался купить довольно большое деревце с огромными душистыми кистями, густо-фиолетовыми, с крупными махровыми цветами.

Капитан засмеялся, но чуть не выронил бумажник из рук, когда услышал просьбу прислать сирень завтра.

– Л.,вушка, – сказал он, – я буду молчать обо вс,,м. Но скажи мне, почему ты так чтишь этого человека?

– Я не сумею вам объяснить этого сейчас. Но если после игры Анны вы повторите свой вопрос, мне будет легче объяснить вам свое, благоговение. Это не одно преклонение. Это путь его страданий и любви, претворенных им в свет для людей.

Уже смеркалось, когда мы подошли к дому. Вскоре мы вместе сошли за обедом, и я снова ощутил, как мне не хватает И. Я был рассеян, отвечал невпопад и все думал, где И., чем он занят и скоро ли они приедут с Анной.

После обеда мы прошли в зал, передвинули рояль приблизительно так, как он стоял у Анны, поставили белую сирень с таким расчетом, чтобы Анне она не мешала, но вместе с тем пианистка могла бы ею любоваться. Принесли еще немного роз; капитан с князем хлопотали, устраивая в другом конце зала чайный стол. Я ничего не хотел больше делать; я ждал И., ждал Анну, ждал музыку с таким напряжением, что не мог ни минуты оставаться на одном месте.

Наконец, раздался стук колес, и я понесся по комнатам, как пудель, почуявший любимого хозяина, грозя что-либо сокрушить на своем бегу.

Едва увидев И., я повис на его шее, забыв все, и вся. Он засмеялся, прижал меня к себе ласково, но сейчас же отвалил мои руки, поставив меня перед закутанной в черную плащ Анной.

– Первая твоя обязанность была приветствовать гостью, – тихо сказал он. Но глаза его были ласковы, лицо улыбалось, и выговор звучал совсем не сурово.

Я принял плащ Анны, который уже снимал с нее, отец, поцеловал ей обе руки и отошел в сторону, чтобы дать возможность поздороваться с ней князю и капитану.

Князь сиял и волновался, благодарил ее, за оказанную ему честь; а капитан

– более чем когда-либо находясь в своей тигровой шкуре – рыцарски ей поклонился.

Анна отказалась от чая, сказала, что съест грушу, немного отдохнет и будет играть.

На ней было платье темно-оранжевого матового цвета, на груди крупным алмазом приколото несколько наших фиалок, и косы лежали по плечам.

Я вздрогнул. На моем блюде красовалась женщина в оранжевом хитоне, с такими же косами... Что же я наделал? Не оскорбится ли Ананда?

Я так расстроился, что пришил в себя только от звуков передвигаемого стула у рояля.

Анна села. Снова лицо ее стало не ее, обычным лицом. Снова из глаз

полил лучами свет, на щеках заиграл румянец, алые губы приоткрылись, обнажая ряд мелких белых зубов.

Первые же звуки «Лунной сонаты» увели меня от земли и всего окружающего.

Я понял, что не знал никогда этой вещи, хотя тысячу раз слышал ее. Что она сделала с нею? Откуда шли эти краски? Это не рояль пел. Это жизнь, надежды, любовь, мука, зов рвались в зал, разрывая меня всего и обнажая боль и радость, что скрывались в людях, под их одеждами, под их словами, под их лицемерием. Звуки кончились, но тишина не нарушалась. Я плакал и не мог видеть никого и ничего.

Не дав нам пережить до конца эту сонату, но увидев впечатление, произведенное ею, Анна стала играть переложение Листа на песни Шуберта.

Я старался взять себя в руки, почувствовав на себе взгляд И. Лицо его было бледно, строго, точно ему пришлось немало вылить из сердца душевных сил. Его взгляд как бы приказывал мне забыть о себе и думать о капитане.

Я оторвал глаза и стал искать капитана. Два раза я посмотрел на какого-то чужого человека, который сидел рядом с И., и только взглянув в третий раз, понял, что это капитан.

Бледное, обреченное, как у покойника, лицо с заострившимися чертами; глаза, несколько десятков минут назад сверкавшие золотыми искрами энергии и воли, потухли. Он безжизненно сидел, как истукан, и чем-то напомнил мне И., который спал когда-то в вагоне сидя с открытыми глазами, чем привлек меня в изумление. Я готов был броситься к капитану; мне казалось, что он упадет. Но глаза И. снова устремились на меня, и я остался на месте...

И снова музыка увела меня от земли, снова все исчезло. Я жил в каком-то другом месте; я точно видел рядом с капитаном мощную фигуру Ананды, рука которого лежала на коротко стриженной голове англичанина. Капитан, коленопреклоненный, в муке протягивал руки к какому-то яркому свету, имевшему очертание высокой фигуры. Фигура складывалась все яснее, и я узнал в ней Флорентийца, — я был близок к обмороку. Музыка замолкла. Я едва перевел дыхание, едва осознал, где я, как раздались снова звуки, и внезапно в комнате полилась песня.

Контральто Анны напоминало голос мальчика альты или юного тенора. Нечто особенное было в этом инструментальном голосе.

То была песня любви, восточный колорит которой то рассказывал о страданиях разлуки, то уводил в ликование радости.

И эта песня кончилась. И началась другая – песня любви к родине, песня самоотвержения и подвига. А я вс., не мог понять, неужели у стройной, хрупкой женщины может быть такой силы глубокий низкий голос? Неужели земное грешное существо может петь с таким вдохновением, как это мог бы делать только какой-нибудь ангел?

Песня смолкла, Анна встала.

– Нет, Анна, дитя мо., не отпускай нас из залы в таком состоянии возбуждения и с сознанием своих слабостей и убожества. Ты видишь, мы все плачем. Спой нам несколько греческих песен, которые ты по.,шь так дивно. Но верни нас на землю, иначе мы не прожив.,м до завтра, – услышал я голос Строганова, который старался улыбнуться, но, видимо, едва владел собой.

Анна обвела нас всех глазами; на лице е., засветилась счастливая улыбка; она снова опустилась на стул и запела греческую народную песню, песню любовного мечтания девушки, обожающей родину, семью и милого.

Я взглянул на И. О, как я переживал его детскую жизнь! Я точно сам лежал ночью у моря, среди растерзанных трупов его близких. Мне захотелось закричать, чтобы Анна спела что-то другое. Я уже было поднялся, но встретил взгляд И., такой добрый, такой светлый. И такой могучей силой веяло от него, что я понял впервые вс., величие духа человека, который жил подле меня, возился с моими немощами и... не тяготился мною, таким слабым, беспомощным невеждой, а радостно н.,с мне и каждому свою помощь.

Анна запела греческую колыбельную. О Господи, вся душа выворачивалась от нежности, с которой она укачивала малютку... И эта женщина не мать, не жена!?

– Она и мать, и жена, и друг; но всем, без личного выбора, потому что е., ступень личной жизни уже миновала. И высшее счастье человека не в жизни личной, но в жизни освобожд.,нной, – точно прогремел мне в ухо голос Ананды.

Я встал, чтобы посмотреть, где же сам Ананда, решив, что он приехал внезапно, раньше срока. И. был возле меня, жал мне руку и в.,л благодарить Анну.

Когда мы подошли к Анне, возле не., стоял капитан. Но это был и не тот капитан, которого я хорошо знал; и не тот, которого я видел подобным истукану несколько минут назад. Это был незнакомый мне человек, с бледным лицом, сияющими, золотыми, кроткими глазами.

– Я сегодня не только понял, что такое женщина и искусство; я впервые понял, что такое жизнь. Мне казалось, что ваша музыка заставила

мой дух отделиться от тела и – в одно мгновение – я точно увидел незнакомого мне мудреца, который в,,л меня по дорожке света и говорил: «Иди со мной, ты мой. Помни об этом и иди».

Вот что сделали со мной ваши звуки. Я больше уже никогда не смогу жить прежней жизнью; я должен теперь найти того мудреца, которого так ясно видел,

– говорил капитан. – И без этого я не успокоюсь.

И голоса его я тоже не узнал. Это был тихий, задушевный голос человека, который или встал со смертного одра и благодарил за спас,,нную жизнь, или только что обручился в храме с чистой девушкой и благоговеет в предвкушении новой жизни.

Я уже готов был вырваться из рук И. и броситься на шею капитану, чтобы сказать ему, что это ведь Флорентийца он видел, как почувствовал себя скованным взглядом И.

– И вы его найд,,те, – услышал я тихий голос, почти ш,,пот Анны, над рукой которой склонился капитан.

И. оставил меня, подал руку Анне и пов,,л е,, к столу. Мы обменялись взглядом с капитаном, невольно улыбнулись друг другу – всякий по-своему понимал свою улыбку – и тоже пошли к столу.

Разговор ш,,л только между Анной и Строгановым. Мы с капитаном не сводили глаз с Анны и молча тонули в той красоте, которая была во вс,,м, что бы она ни делала, и которой она окутала нас, играя.

Вскоре Строгановы уехали; дом точно сразу опустел и погас; и все мы разошлись по своим комнатам, не имея сил вынести будничные слова и мысли, стараясь сохранить в себе тот мир высших чувств и сил, в который перенесли нас звуки Анны.

ГЛАВА 20 ПРИЕЗД АНАНДЫ И ЕЩ, РАЗ МУЗЫКА Против обыкновения, эту ночь я спал плохо; беспокойно просыпался много раз, и вс,, мне казалось, что я слышу какие-то голоса в комнате И. Но я не отдавал себе отч,,т, чьи это голоса; я дремал, и вс,, путалось в моих представлениях. То мне казалось, что музыка Анны прерывается воем бури на море; то мне чудился грохот поезда, когда мы вышли с Флорентийцем на площадку и я с ужасом думал, что мы будем прыгать с него на вс,,м ходу; то, мнилось, меня нежно ласкает рука матери, которой я никогда не знал...

Внезапно я проснулся от звука открывшейся из комнаты И. двери, и появился капитан, пожимавший И. руку. Я понял, что слышанные мною голоса были явью, а не бредом, и что оба моих друга совсем не спали, а проговорили всю ночь.

Лица капитана я не видел; а И. был очень серьезен, светел и спокоен. Печать непоколебимой воли и верности принятому однажды решению была на нем; я много раз уже видел у него это выражение и хорошо его знал. Как всегда, бессонная ночь не оставила на нем никаких признаков утомления.

Я привстал, и как раз в эту минуту капитан осторожно закрыл дверь и повернулся ко мне лицом. Я чуть не вскрикнул, так он был бледен. Лоб его был в складках, глаза ввалились и выражение такой скорби застыло в них, как будто он только что похоронил кого-то самого любимого. Он казался старым.

Я вспомнил, как я сидел после разлуки с братом у камина в его комнате в К., чувствуя себя убитым и одиноким. Я не знал, что и кого потерял сейчас капитан; но все же, сердце повернулось к нему; я протянул к нему руки, едва сдерживая набегавшие слезы любви и сострадания.

Увидев, что я не сплю, он подошел, присел на мой диван и крепко пожал протянутые ему руки.

– Раз ты не спишь, мой друг, одевайся и выйди со мной позавтракать. У меня к тебе будет большая просьба, – сказал он, вставая, и, не глядя на меня, вышел из комнаты.

Я быстро оделся, постарался собрать все свои силы и внимание и пошел к капитану.

Он уже переоделся в свой белый форменный китель и, освеженный душем, казался мне менее постаревшим и желтым.

Верзила подал нам кофе и горячие булочки с орехами и положил перед капитаном газеты и почту. Мы остались вдвоем, сидя перед дымящимися чашками, каждый думая свою думу.

Я все же не мог понять, зачем должен столько страдать человек. Капитан – неделю назад образец энергии и счастья – сейчас в глубокой печали и тоске, которые точно прибавили ему десяток лет за одну ночь. Почему? Зачем? Кому это надо? Разве это называется легче и проще идти свой день?

– Ладно, – прервал мои мысли капитан. – Вот в этом футляре – кольцо на салфетку. Оно предназначалось мною для другой цели, для других уст и рук. Но... то был «я» вчерашнего дня. Сегодня тот «я» умер. А тот, который хочет возродиться из пепла, – причем я вовсе не утверждаю, что он действительно возродится, – просит тебя: вложи в кольцо салфетку и положи его возле торта, который ты заказал для Ананды. Но отнюдь не говори, от кого оно. Если спросят, ответь, что знаешь, но сказать не можешь. Теперь я побегу, друзья. Дел масса. И. обещал, что вечером, после обеда, ты приведешь меня к Ананде.

Я взял футляр с кольцом, простился с капитаном и, не притронувшись

к еде, как и он, вернулся к себе. Я сел на стул, держа футляр в руках, и, несомненно, впал бы в свое, ловиворонное состояние, если бы голос И. не привел меня в себя.

– Л.,вушка, верзила жалуется, что ты ничего не ел. Это действительно достаточно серьезно, – улыбнулся он, – ведь ты во всех случаях жизни не теряешь способности поесть. Что это у тебя в руках?

– Это, Лоллион, чужая тайна, и я не могу вам ее, открыть. Но чтобы не иметь от вас целой серии тайн, я расскажу вам о своих тайнах. И не знаю, что бы я дал, чтобы не держать вот этого предмета в руках, – поднимая футляр, сказал я. – Целая переворотная жизнь – чудится мне – заключена в этой вещи, которой я не видел, хотя и знаю, что это, – чуть не плача, говорил я И.

– Хорошо, друг. Пойдем в город; но сначала к княгине, – возьми аптечку. Потом зайдешь к Жанне. Сегодня праздник, магазин закрыт; она просила нас прийти к ней завтракать. Мне придется там тебя покинуть и возложить на тебя трудную и скучную задачу: привести Жанну в равновесие. Она подпала под влияние старой Строгановой, и это может закончиться для нее, очень печально. Ты больше других можешь помочь ей, как и капитану, своей непосредственной любящей душой.

Я тяжело вздохнул, спрятал футляр с кольцом, взял медикаменты и пошел за И. к княгине.

– Ты вздыхаешь и печалишься, потому что тебе тяжела ноша, которую я взвалил тебе на плечи? – спросил И.

– Ах, Лоллион. Если бы я должен был умереть сию минуту за вас, – я бы и испугаться не успел, как был бы уже мертв. Но с Жанной и, особенно, с капитаном, – я бессилен и беспомощен, – проговорил я, с трудом побеждая слезы. – Но ноша ваша мне не тяжела, а радостна.

И. не мог ничего ответить, так как навстречу нам шел сияющий князь. Лицо его говорило о таком счастье, что – после скорбного лица капитана, обуреваемый разладом в собственной душе, – я даже остолбенел. Что должно было случиться с ним, чтобы он мог так светиться?

– После вчерашней музыки, доктор И., я никак не могу спуститься на землю. Я провел ночь в саду и только к утру пришел в себя. Я теперь понял, как должен направить дальше свою жизнь. Совсем недавно я считал себя, загубленной, себя – потерянным, всего боялся. А теперь я обрел в себе полное равновесие; весь мой страх пропал. Если бы у княгини было пять сыновей – и все злые барбосы – и тогда бы я не мог уже бояться, так как само, понятие страха улетучилось из меня сегодня ночью, думаю, навсегда.

Если бы вы спросили, как это случилось, я не смог бы вам точно

ответить. Но что во время музыки я видел вас светящимся, как гигантский столб огня, – в этом я могу поклясться. И ваш огонь чуть задел меня, доктор И. Вот он-то и потряс меня так, что я будто вырвался из тисков тоски и страха, освободился от тяжести. Вс., мне легко, и жизнь каждого человека кажется очень важной и нужной.

И ко всему этому – княгиня совсем отч., тливо стала сегодня говорить; сидя пила чай и держала чашку без моей помощи.

Мы вошли к княгине. Дряблое лицо е., было оживл., нным; она приветствовала нас весело и сама выпила пенящееся красное лекарство, которое ей до сих пор вливал каждый раз И.

И. разрешил княгине посидеть в кресле два часа и князю позволил поговорить с ней немного о е., делах.

Мы вернулись к себе, переоделись и вышли на уже жаркую улицу.

– Ну, говори теперь свои тайны, Л., вушка. В пять часов мы с тобой будем встречать Ананду. А до этого времени у меня сто дел.

– Лоллион, если вы меня покинете у Жанны, то давайте в три с половиной часа встретимся в комнате Ананды. Там я не только расскажу, но и покажу вам свои тайны.

– Хорошо, но тогда иди завтракать к Жанне один, а я употреблю вс., время на дела. Кстати, надо ещ., купить фруктов для Ананды.

– Этого делать не нужно. Вообще, не заботьтесь о материальной стороне встречи, – сказал я, густо краснея.

– Ах, так это и есть твои тайны? – засмеялся И.

– Да, да. Там переговорим. Здесь нам с вами расставаться, мне сюда сворачивать.

– Да, Л., вушка. Только не забудь принести цветочек Жанне и постарайся пробраться к ней в душу; и брось туда же цветочек любви и мира. Не о сво., м бессилии думай, а только о Флорентийце. Тогда твой разговор принес., т Жанне утешение.

Мы расстались; я купил несколько роз, заш., л к кондитеру, чтобы напомнить ему о сво., м заказе и передать деньги для антиквара.

Кондитер показал мне вымытые и прот., ртые блюда, которые сверкали одно – красками, другое – искрами от нежно-голубого и ж., лтого до алого и фиолетового. Рядом стоял такой же венецианский кувшин необычной формы, с тремя кружками на подносе. Случайно упавший луч солнца переливался в них, будто они были бриллиантовые.

– Эта прислала моя друг с блюда. Вместе – д., шево отдаст. Можно наливать красно пить., – карош будет, – сказал хозяин, любуясь не меньше моего чудесными вещами.

Я согласился купить и кувшин с кружками, решив, что «семь бед – один ответ», попросил не опоздать к трем часам и пошел к Жанне.

Было еще рано, когда Жанна сама отворила мне дверь, очевидно не ожидая, что это я уже явился к завтраку. На мои извинения, что я пришел раньше срока, она подпрыгнула от удовольствия и повела меня наверх в свою комнату.

Везде был образцовый порядок, и Жанна объявила мне, что встала с рассветом, чтобы И. наш, в ее жилище такую чистоту, какой и во дворце не бывает.

Я пошутил, что для меня, по ее мнению, было довольно, вероятно, и кухонной чистоты; и тут же сказал, что за эти различия в приемы нас обоих она и наказана. Все плоды ее усердия достались мне, так как И. отозвали серьезные дела; он приносит ей свои извинения и завтракать не может.

Сначала Жанна будто опечалилась, но через минуту захлопала в ладоши, еще раз подпрыгнула и сказала:

– Вот, наконец, теперь все-все, переговорим. Вы знаете, Лизушка, не все так гладко у меня, как кажется. Конечно, дела идут отлично. Конечно, Строганов очень добр. Но в семье их такой раскол.

– Что же вам до их семейных дел? – спросил я.

– Ну, так нельзя говорить. Мадам Строганова просила меня постараться, чтобы ее муж пристроил к нашему магазину комнату, где можно было бы посидеть с кем-нибудь из друзей, выпить чашку кофе. Я поняла, что ей хочется, чтобы Браццано мог приезжать сюда. А Анна и старик категорически запретили ей самой сюда являться, не только Браццано. Она же старается завербовать меня на свою сторону. И этот турок, такой страшный, тоже немало расточает мне любезностей.

– Только этого не доставало, – вскричал я с негодованием. – Как можете вы думать о такой низости? Неужели я ошибся в вас? И вы – злое, легкомысленное существо, неспособное оценить доброты и благородства? Как можете вы входить теперь в какие бы то ни было отношения со старухой? Мне непонятно, как мог Строганов жениться на ней; но мне понятно, что зависть к собственной дочери лишает ее всякой чести. Но вы, вы, для которой И. и Анна с отцом сделали так много?

Я был вне себя, огорчен, расстроен и не мог собрать ни мысли, ни самообладания.

– Лизушка, я понимаю, что здесь что-то не так. Но разве плохо, если Анна выйдет замуж за этого турка?

– А сами вы вышли бы за него? – спросил я.

– Не знаю. Он противный, конечно. Но, может быть, и вышла бы.

– Ах вот как! Значит, вы уже не та Жанна, которая хотела в мужа только Мишеля Моранье? Значит, теперь, если бы родители вас спрашивали, вы променяли бы свою любовь на адскую физиономию турка и его миллионы? – кричал я.

– Не знаю, Л.,вушка, не знаю. Даже не знаю, что со мной. Я так изменилась, так много страдала.

– О, нет. Вы очень мало страдали, Жанна, если так скоро вс., забыли. Напрасно жизнь послала вам И., капитана, Строганова, князя, которые опоясали вас кольцом своей защиты и доброты. Напрасно они спасли вас и ваших детей от лихорадки и голодной смерти на пароходе. Было бы лучше умереть в нищете, но в высокой чести, чем жить, имея такие гнусные мысли, – продолжал я кричать вне себя.

Жанна сидела неподвижно, вытаращив на меня глаза.

– Л.,вушка, я вс.,, вс., сделаю, как вы хотите. Только, знаете – этот турок. Как только я его вижу, – ну точно тяжесть какая-то наваливается на меня. Я становлюсь ленивой; глаза точно спят; ноги еле двигаются; и я готова слушаться его во вс.,м. Сейчас от меня будто ушли какие-то тяж.,лые сны, я легко дышу. Ах, зачем, зачем вы меня забросили, Л.,вушка? – вздрагивая, сказала Жанна.

– Стыдитесь говорить такие слова. Кто вас забросил? Все мы подле вас, а Анна разделяет ваш труд, проводя с вами по шести часов в день неразлучно. Бог мой, да когда же вы успеваете видеться с турком? И где вы его видите?

Жанна испуганно оглянулась и тихо сказала, что Строганова старается устроить так, чтобы она встретила у не., турка. Даже просила Жанну передать ему, в его контору, письмо. И что только случайный приезд мужа не дал ей возможности вручить Жанне это письмо.

Я был в отчаянии. Но вс., же понимал, что только мо., самообладание может помочь мне растолковать Жанне всю низость е., поведения и вс., е., предательство.

Воспользовавшись моим молчанием, Жанна выпорхнула из комнаты. Я же углубился в мысли о Флорентийце, моля его меня услышать и помочь. Образ моего друга, спасшего мне несколько раз жизнь за это короткое время, точно влил в меня успокоение. Мысли мои прояснились. Я почувствовал в себе уверенность и силу бороться за спокойствие и счастье Анны и е., отца.

– Л.,вушка, скоро будет завтрак. Не хотите ли повидать в саду детей? – входя, сказала Жанна.

– О нет, Жанна. Если вы действительно полны чувством дружбы ко

мне, как вы об этом неоднократно говорили, то мы должны договориться с вами о том, как вам вести себя дальше. Я не могу сесть за стол в вашем доме, если не буду уверен, что вы не носите в себе предательства и неблагодарности.

– Ах, Боже мой! Вот какая я незадачливая! Я так обрадовалась, что проведу с вами часок без помехи, а теперь готова плакать, что доктор И. не приедет.

– Если бы доктор И. услышал половину того, что вы сказали мне сегодня, он, по всей вероятности, посадил бы вас на пароход и отправил из Константинополя. Но дело сейчас не в этом. Дело в том, чтобы вы заглянули в сво., сердце. Нет ли там зависти и ревности к Анне? Почему, понимая всю е., высоту, вы решаетесь принять сторону такого изменного существа, как турок?

– Я вовсе не завидую и не ревную. Мне никогда не могло бы понравиться, чтобы на меня смотрели не как на живую, горячую женщину, а как на изваяние,

– возбужд.,нно ответила мне Жанна. – Я, конечно, признаю все превосходные качества Анны. И мы такие разные, что о дружбе между нами не может быть и речи. Но я, конечно, всецело чувствую себя обязанной е., отцу и знаю свой долг.

– Как вы можете понимать свой долг, – перебил я Жанну, – если у вас нет чувства простого уважения к чужой жизни, к чужой душе? Конечно, можно быть грубым и малокультурным существом и не различать ничего, кроме своих эгоистичных желаний. Неужели вы именно таковы? Неужели вы позабыли все свои слезы на пароходе, все муки, стоило вам почувствовать почву под ногами?

– Нет, Л.,вухка. Я сейчас только начинаю отдавать себе отч.,т, что какая-то сила – помимо моей воли – заставляет меня повиноваться турку. Я понимаю, что он ужасен, хочу защитить от него Анну и вовсе в данный момент не хочу, чтобы он был е., мужем. Но что-то находит на меня, мозги мои темнятся, и я нехотя ему повинуюсь.

– Найдутся люди сильнее вас и защитят Анну от интриг. Речь не о ней, а только о вас одной. Вс., зло, которое выдумаете причинить ей, ляжет на вас одну, милая, бедная Жанна. Оглянитесь вокруг. Кто и что есть у вас в мире, кроме горсточки спасших вас людей? Если они отвернутся, что вас жд.,т? И как вы можете жить с таким раздвоением внутри? Вы лицемерно обнимаете Анну и плет.,те вокруг не., паутину предательства.

Жанна молчала и о ч.,м-то напряж.,нно думала. Я же снова призывал всем сердцем своего дал.,кого друга.

– Л,,вушка, я понимаю вс,, но поймите и вы. Как только я вижу турка, я немею, каменею и ухожу с какой-то навязчивой мыслью, что должна привести его к Анне так, чтобы никто этого не знал. Сейчас я ни за что этого не сделаю; но как только его увижу, – обо вс,,м забываю и живу одной этой мыслью.

– Да ведь это гипноз какой-то! Вы подумайте, мог бы турок мне, князю или кому-то ещ,, так приказывать? Ведь надо носить в себе много зла, чтобы чужая воля могла им воспользоваться.

Долго ещ,, я убеждал Жанну, но е,, обещания не видятся более с турком казались мне шаткими и не внушали веры.

Кое-как высидев с нею завтрак, за которым я едва мог проглотить что-то из вежливости, я уш,,л домой, решив вс,, рассказать И.

У калитки я встретил посыльного из цветочного магазина, взял у него прелестное деревце т,,мной сирени и отн,,с в комнату Ананды, где очень хорошо пристроил его во второй комнате на низкой, тяж,,лой скамеечке, похожей на фиолетовый камень.

Вскоре, в типичной константинопольской тележке, слуга прив,,з мои тайны в артистической упаковке. Я развернул покупки, поставил на стол в первой комнате, где они показались мне ещ,, красивее, и пош,,л к себе за кольцом и к князю за салфеткой.

Князь был очень удивл,,н моей просьбой, спрашивал, не надо ли тарелок и скатерти; но я сказал, что спрошу И., и если надо, приду ещ,, раз.

Войдя в комнату Ананды, я раскрыл футляр и чуть не выронил его от удивления и восторга.

В золотое, точно кружевное кольцо были хитро врезаны фиалки из аметистов. А спереди, из выпуклых же аметистов, была сложена крупная буква А, усеянная мелкими бриллиантами. И так же – чередуясь – шли аметисты и бриллианты по краям всего кольца, образуя какую-то надпись на неизвестном мне языке.

Я понял, что кольцо предназначалось капитаном Анне. Но подарить его хотел капитан-тигр, которого я знал вчера; а не тот капитанстрастотерпец, которого я видел сегодня.

Держа кольцо в руке, я задумался о непонятном вращении судеб человеческих; и о том их неизбежном земном конце, о котором никто, никак и ничего не знает, но миновать которого нельзя, и что жизнь у всех разная, но умирают и рождаются все одинаково.

Вошедший тихо И. пробудил меня от моих печальных гр,,з.

– Вот так тайна, Л,,вушка! Ананду это поразит. Ты и сам не знаешь, что скажут ему твои подарки. Кто дал тебе это кольцо? Ты не мог купить

такую ценную вещь. Но, Боже мой, да где же ты это наш,,л? – тихо прибавил он, внимательно рассматривая кольцо.

– Ничего не могу сказать вам, Лоллион. Кольцо не от меня. Но кто да,,т его Ананде, я сказать не могу. Но это ещ,, не вс,,. Вот на том фиолетовом блюде, под тортом, портрет женщины красоты неопиcуемой. И вся беда в том, что она как две капли воды похожа на Анну. Я знаю, что вы верите в случайность этого совпадения, верите, что я отнюдь не думал принести сюда что-то для Ананды с какой-нибудь таинственной эмблемой. Но и это ещ,, не вс,,. Пойд,,мте в другую комнату.

Лицо И. слегка омрачилось. Я открыл дверь и указал ему на деревце сирени, которое наполняло ароматом всю комнату. Усевшись на табурет у самой двери, я ждал, что скажет мне И. Он же, подойдя ко мне, нежно обнял меня и поцеловал в голову.

Не знаю, что случилось со мной. Но я заплакал и рыдал так, как после уже ни разу в жизни не плакал. Вс,, скопилось в этих слезах. Перенес,,нные волнения, страх, разочарования, горечь от последнего разговора с Жанной – вс,, вылилось из меня, точно прямо из сердца моего хлестала кровь.

– Мой дорогой брат, мой милый друг. Перестань плакать. Тебе пош,,л 22-й год. Ты прожил младенчество, детство, юность и вступаешь в зрелость. Только три первые семилетия – юность человека, и ты их прожил, мало сознавая ценность жизни. Но после 28 лет никто уже не может сказать, что он юн. Твои слезы сегодня – это пожар, в котором сгорели три твоих семилетия полусознательной жизни. Начинается твоя зрелость, тыходишь в полное сознание, в полосу наивысшего развития всех твоих сил, наивысшей деятельности и труда.

Никогда больше в тебе не мелькн,,т сомнение, нужно ли страдание человеку, чтобы идти выше и чище в сво,,м творчестве. Оглянись назад, – отдашь ли ты сво,, теперешнее понимание счастья и жизни за то, чем жил ты 21 год? Быть может, у капитана, которому ты так сострадаешь, ещ,, больше причин для горечи, ведь он дольше твоего жил полуживотной жизнью, даже не представляя себе, в ч,,м е,, истинный смысл, наполняя дни пустотой, а то и разгулом страстей.

Но не все идут пут,,м страдания. Посмотри пристально на князя, и ты увидишь существо, идущее пут,,м радости.

Пойд,,м отсюда, друг. Твои слезы сожгли в тебе сознание мальчика, и ими же начался твой новый путь мужчины. Пусть их огонь горит в тебе всегда не как потоки слез, а как великая сила любви, когда сердце раздвигается вс,, шире, готовое вместить весь мир, с его страданием и радостью.

Мы вышли из комнат Ананды, переоделись, зашли к князю сказать, что И. обедать не будет, и поехали на пристань. По дороге я успел рассказать И. о свидании с Жанной и разговоре с ней.

Когда мы подошли к пристани, пароход уже почти пришвартовался. Я искал внизу высокую фигуру Ананды, но мне послышался его голос откуда-то сверху. И действительно, я увидел его на верхней палубе, откуда он махал нам белой шляпой. Рядом с ним стоял юноша, высокий, худощавый, с красивым лицом. Я вспомнил, что Ананда вез,т сюда своего приятелядоктора.

Пока мы ждали Ананду, некоторое чувство стеснения перед ним и его спутником, род какого-то страха, что я буду теперь дальше от И., проникли в мо,, сердце, и я робко прижался к нему. И. точно понял мо,, детское чувство и пожал мне руку, ласково улыбаясь.

Ананда сразу же покорила меня простотой своего обращения. Он сердечно обнял И. и меня, блестя своими глазами-зв,,здами, просил принять в наше дружеское братство своего спутника и так комично шепнул мне, что прив,,з в подарок новую шапку дервиша, что я залился смехом, взял у него из рук пальто и саквояж, сказав, что уж, наверное, шапка здесь и я очень прошу не лишать меня привилегии нести е,, самому.

Капитан – всегда и обо вс,,м помнящий друг – прислал на пристань верзилу, который взял вещи и сказал, что вс,, доставит сам.

Налегке, пешком, мы пошли домой. Ананда очень обрадовался тому, что будет жить не в отеле, а в тихом доме вместе с нами. Расспросив обо всех, кто нас окружает, он заговорил об Анне и е,, отце. Узнав про магазин, он покачал головой, но ничего не сказал.

Дальше он стал говорить с И. на неизвестном мне языке, а его спутник, подойдя ко мне, спросил, бывал ли я раньше в Константинополе. Он, как и я, мало, видел свет; сам он англичанин, но вырос и учился в Вене, где и познакомился несколько лет назад с Анандой.

В прихожую Ананды мы вошли все вместе, но спутник его прош,,л прямо к себе по крутой винтовой лестнице.

Ананда, оглядевшись, укоризненно посмотрел на И.

– Я и пальцем не шевельнул. Хозяйничали князь и Анна, да вот этот мальчик, самую большую каверзу которого вы отыщете на дне этого блюда, когда съедите торт, – сказал И.

Ананда пристально поглядел на меня, на блюда и кувшин, протянул мне свою руку и поцеловал, благодаря за внимание, за тонкость вкуса, – но... несколько браня за расточительность.

– Я ведь не принц, чтобы встречать меня такими царскими подарками,

– сказал он с обаятельной улыбкой, но покачивая головой.

– Есть люди, считающие, что вы и принц и мудрец, – расхрабрился я, в ответ на что и он, и И. рассмеялись уже совсем весело.

– Но что это? Как могло очутиться здесь это? Однажды мой дядя подарил мне точно такое же кольцо, оно исчезло на другое утро бесследно, и найти его никто не смог. Это оно, оно самое. Вот здесь надпись на языке пали и буквы С. Ж. Как вы его нашли? – спрашивал меня Ананда, пристально рассматривая кольцо капитана и вс,, более удивляясь.

– Вс,, что я могу вам сказать, это что человек, дарящий его вам, купил его у антиквара. Я знаю его имя, но не имею права назвать, – ответил я.

– О, я очень, очень теперь обязан этому человеку. Передайте ему, что я у него в большом, очень большом долгу. И если бы ему понадобился, – я был бы счастлив отслужить ему всем, чем смогу. Он и не представляет, какой крепкой цепью он связал меня с собой, возвращая мне эту пропавшую вещь. Передайте ему, Л,,вушка, вот это колечко с моего мизинца. Если он пожелает, он может увидиться со мной когда угодно.

– О, он пожелает хоть сегодня вечером, если позволите. Но... ведь он просил меня соблюсти тайну его имени, как же быть?

– Ничего, вы передайте ему мо,, кольцо. Если он не захочет открыться, то не наденет его.

– Ну, не наденет! Так наденет, что уж никогда и не снимет, – сказал я, представляя себе удивление и радость капитана. – А можно мне его надеть, пока я не увижусь с ним, – не смог я удержаться от восторга, держа кольцо с большим продолговатым выпуклым аметистом и двумя бриллиантами по бокам, в тяж,,лой платиновой английской оправе, необыкновенно пропорциональной.

Ананда засмеялся, сказав, что будет рад видеть его на моей руке, считая меня добрым вестником и чувствуя себя обязанным и мне.

– Но вам кольцо дам не я, а ваш великий друг Флорентиец. И камень в н,,м будет зел,,ный, – сказал он мне, ласково меня обнимая.

– Войди сюда, Ананда. Здесь тоже вс,, приготовлено не мной. И эта сирень дар вс,, того же моего Л,,вушки, – открывая дверь в соседнюю комнату и пропуская туда Ананду, сказал И.

Когда Ананда вош,,л, И. тихо закрыл за ним дверь и сказал мне, чтобы я ш,,л к князю, попросил у него скатерть и несколько тарелок и прислал бы их сюда с верзилой.

Потом он просил меня заняться спутником Ананды, которого зовут Генри Оберсвоуд. И только после обеда, к девяти часам, привести князя, капитана и Генри в комнату Ананды.

Я обещал вс,, точно выполнить и, радуясь за милого капитана, весело побежал к князю.

Как только князь отправил верзилу с тарелками и скатертью, я решил пойти к Генри и предложить ему услуги, если он в них нуждается, а также предупредить его о часе обеда.

Генри я застал за раскладыванием вещей. Я ещ,, не видел его комнаты и снова отдал должное вкусу князя. Большая комната, почти белого цвета; в ней мебель была синяя. Стояли шкафы и столы орехового дерева, ков,,р на полу тоже был синий и – чего не было в других комнатах – на двух широких окнах стояли горшки с цветущими розами и гардениями.

Первое, чем встретил меня Генри, была благодарная радость по поводу цветов, которых он оказался любителем, так как именно розы и гардении разводила его мать. На вопрос, кто так заботливо убрал его комнату, я назвал имя князя. И объяснил, что зайду за ним в четверть восьмого, чтобы познакомиться с любезным хозяином и показать, где находится столовая.

Генри сказал, что это его первое плавание «в свет», что он очень мало осведомл,,н по части хорошего тона и боится осрамиться в том обществе, куда его прив,,з Ананда и обычаев которого он не знает.

Я ответил Генри, что я точь-в-точь в таком же положении, с тою только разницей, что пустился в свет месяцем раньше. Но что все преимущества на его стороне, так как он уже доктор, а я ещ,, студент, к тому же очень рассеянный и заслужил себе прозвище «Л,,вушка-лови ворон». Я прибавил, что хозяин наш очень снисходителен и не осудит за промахи в хорошем воспитании.

– Ах, так это вы Л,,вушка? – улыбнувшись, сказал Генри. – Я слышал от Ананды, что вы очень талантливы. Я не ждал, что вы так молоды.

Я был сконфужен, не наш,,лся, что ответить, – только вздохнул, чем насмешил моего нового приятеля. Сказав ему ещ,, раз, что зайду за ним, поахав над количеством привез,,нных им книг, я уш,,л к себе.

Капитана ещ,, не было, но судя по тому, что верзила приготавливал ему воду для бритвы и свежий костюм, я понял, что он скоро верн,,тсся.

Как только я слышал издали шаги капитана, я побежал ему навстречу и очень важно сказал, чтобы он поскорее одевался, так как нам предстоит весьма серь,,зный разговор.

Лицо капитана, до этого печальное, вс,, осветилось смехом, – так я был, должно быть, комичен в своей важной серь,,зости.

– Да вы не смейтесь, капитан. Это очень важно, то, что я должен передать вам. Но такому запыл,,нному и измазанному, – я вам ни говорить, ни передавать ничего не буду.

– Есть, иду мыться, помадиться, прич,,сываться, – смеясь, ответил капитан.

– Но уж извольте держать марку! Если ваши важные известия не будут достойны моей выутюженной персоны, – держитесь.

Продолжая смеяться, он пош,,л к себе, шутливо грозя мне кулаком своей сильной, изящной руки...

Я обдумывал, как и с чего начать разговор, вс,, время любуясь камнем кольца, который отливал то багровым, то фиолетовым огн,,м. И, как всегда бывало со мной, когда я готовился к встречам, вся приготовленная заранее речь вылетела у меня из головы, а приходили слова самые простые и неожиданные.

Когда вош,,л элегантный капитан, я протянул ему кольцо и спросил:

– Достойно ли это кольцо вашей выутюженной персоны? Капитан взял кольцо, удивл,,нно на меня посмотрел и спросил:

– Что это значит?

Казалось, кольцо произвело на него сильное впечатление. Я надел его ему на мизинец и подивился, как оно было красиво на его загорелой и огрубевшей, но прекрасной формы руке.

– Я тоже когда-нибудь получу такое, – сказал я. Капитан расхохотался и уже хотел меня тормозить, но я просил его набраться терпения, сесть и выслушать меня, как он слушает докладчиков на пароходе.

– Этот мальчишка уморит меня, – усаживаясь и продолжая смеяться, сказал капитан. – Свет объездил – забавней мальчонки не видал!

– С сегодняшнего дня я уже больше не мальчишка. Но если вы не будете серь,,зны, – я, пожалуй, не сумею вам передать поручение Ананды.

Капитан чуть побледнел при этом имени, лицо его стало очень серь,,зно, и по мере того, как я говорил, он вс,, больше бледнел и затихал.

– Если я не выполнил всего, как надо, – простите меня, капитан. Но имени вашего я не назвал, и вы вольны выбирать, как вам поступить. Я уверен, – о ч,,м и сказал Ананде, – что ничто и никто не отнимет у вас его кольцо. Ведь я был прав? – бросаюсь ему на шею, сказал я.

И тут же прибавил, что к девяти часам И. велел мне привести к Ананде князя. Генри и его. Взглянув на часы и увидев, что уже десять минут восьмого, я уговорил капитана пойти со мной за Генри и помочь мне познакомить его с князем. Капитан не очень охотно, но вс,, же согласился идти со мной.

За обедом, где разговаривали преимущественно князь и Генри, мы сидели недолго, потому что князь, узнав о приглашении Ананды, заторопился, говоря, что у него ещ,, есть до вечера дело, не терпящее

отлагательства, но что без десяти девять он будет в моей комнате.

Генри сказал, что к девяти часам спустится к Ананде сам, а сейчас пойд,,т к себе и закончит раскладывать вещи и книги. Мы с капитаном остались вдво,,м и вышли в сад.

Капитан по несколько раз расспрашивал меня о тех или иных словах, произнес,,нных Анандой, и никак не мог взять в толк, какой же цепью мог себя с ним связать, возвратив ему исчезнувшее кольцо. Я знал не более его, и нам обоим страстно хотелось, чтобы поскорее наступил назначенный час.

Время быстро промелькнуло, к нам вышел князь, говоря, что уже без десяти девять. Не найдя нас в комнатах, он решил, что мы в саду, и не ошибся.

У Ананды мы застали Анну с отцом и обоих турок, наших спутников по пароходу. В дверях мы столкнулись с Генри.

Я стоял в отдалении и молча наблюдал за всеми. Капитан прежде всего подош,,л к Анне, низко поклонился и поцеловал ей руку. Затем, оглядев всех, он подош,,л к хозяину комнат – Ананде, которому И. представил капитана как человека, оказавшего нам в путешествии немало важных услуг.

Ананда подал ему руку и, задержав его руку в своей, пристально на него поглядел, точно пронзил своим взглядом.

– Я очень рад встретиться с вами, – сказал он ему своим неподражаемым голосом. Мне казалось, что он вложил в это какой-то особый смысл и хотел что-то ещ,, сказать капитану. Но только молча смотрел на него, потом выпустил его руку, как-то особенно остро и странно ещ,, раз взглянул на него и обратился к князю.

Разговор ш,,л в разных углах комнаты сразу. Анна говорила со старшим турком, сын его точно прилип к Генри, князь сел возле Ананды, а капитан подош,,л ко мне.

Мы забились с ним в угол на низкий диванчик, стали за всеми наблюдать и любоваться Анной. Ни тени усталости не было на этом лице. Сказать, сколько ей лет? Точно на семнадцатой весне остановилась она; а я знал, что ей уже двадцать пять, и на Востоке такая женщина считается старой, не говоря уж о девушках.

Ананда внимательно слушал князя и, казалось, напер,,д знал вс,, что тот ему скажет. Из долетевшего к нам слова «жена» я понял, что князь говорил ему о несчастье княгини. Я очень удивился, когда князь встал и, ссылаясь на какое-то экстренное дело, стал прощаться. Потом я узнал, что он должен был встретить московских адвокатов.

– Вы напрасно волнуетесь, князь, – услышал я Ананду. – Судя по

словам И., я уверен, что ваша жена еще, будет здорова. А относительно раздела с сыном, – он усмехнулся, точно вглядывался во что-то, – вы себе и не представляете, как все, это произойдет легко и просто. И какая хитрая и ловкая женщина-делец ваша жена! Я непременно завтра зайду к ней вместе с И.

Князь просиял – если можно было сиять еще, больше – и простился со всеми, особенно нежно поцеловал руку Анне и тихо сказал ей:

– Благодарю вас. Ваша музыка помогла мне понять жизнь и найти себя, – и вышел.

– Ваша музыка помогла мне потерять себя, – прошептал внезапно капитан. Я едва расслышал его и увидел, что он, усердно прятавший свою левую руку с кольцом, рассеянно прикрыл ею лицо. Кольцо сверкнуло и не укрылось от зорких глаз Ананды, как – я уверен – и шепот капитана доносился до музыкальных его ушей.

– Я так и думал, так и думал, – вдруг сказал Ананда, поднимаясь с места и направляясь прямо в наш угол.

– Мой друг, я перед вами в большом долгу. Вы не можете даже представить себе, как много вы для меня сделали, отыскав мое, кольцо, – взяв за левую руку капитана и задержав ее, говорил Ананда. – Вы очень измучены. Вам кажется, что музыка разворошила вам всю душу. Но, право, верьте, мы с Анной нынче сыграем и споём вам, – и вы совершенно иначе себя ощутите. Вы найдёте тот высший смысл жизни, путь к которому и есть наша земная жизнь с её, серыми днями.

У вас такое печальное лицо, – продолжал Ананда, – как будто бы вы похоронили самые лучшие мечты. Анна, мы должны с вами играть сегодня. Я большой эгоист, прося вас об этом, ведь вы не выразили еще, желания играть или петь. Но если только вы желаете помочь мне отблагодарить человека, вернувшего мне подарок дяди, – не откажите и сыграть, и аккомпанировать мне,

– обратился он к Анне, подходя к ней.

– Какой подарок дяди? – спросила Анна, и тот же вопрос я читал на всех лицах.

Ананда подал ей кольцо, которое обошло всех, вызывая всеобщий восторг; дошло оно и до нас с капитаном. Я взял его, еще, раз полюбовался им и, передавая капитану, смеясь сказал:

– Вот такого мне уж никто не подарит.

– Да ваш цветок вовсе и не фиалка, – внезапно сказала Анна.

– Вот как?! – воскликнул я, поражённый, что в шуме общего разговора она могла услышать мои слова. – А разве цветок капитана фиалка?

– Быть может, и не фиалка, – улыбаясь, ответила она. – Быть может, из семейства орхидей, но фиолетового цвета, как ирис, во всяком случае.

Капитан смотрел на не,, не отрываясь, вс,, ещ,, держа кольцо в руках. Я не мог решить, подозревал ли кто-нибудь из присутствующих, что капитан покупал кольцо для Анны. Я хотел спросить е,, какой же мой цветок; но в это время верзила вн,, с маленькими чашечками ароматного кофе на огромном серебряном подносе, а Ананда, поклонившись Анне, попросил е,, быть хозяйкой и пододвинул к ней фиолетовое блюдо с тортом.

Анна заинтересовалась блюдом и кувшином, спрашивая И., где он их достал.

– Это не я. Это Л,, вушка их раздобыл, точно так же, как фрукты и торт. Но если его содержимое не будет отвечать его внешнему виду, мы придумаем для Л,, вушки наказание, – прибавил И., юмористически побл,, скивая глазами.

– Всякий, кто здесь мудрец, почувствует во рту рай, как только вкусит от торта, – заливаясь смехом, брякнул я. – А всякий, кто здесь принц, найд,, т на блюде божественную красоту и оценит е,, а не будет придумывать для меня каверзные наказания.

Все весело смеялись. Строганов даже за голову взялся, повторяя: «Ай да литератор!», а Анна смотрела на меня с огромным удивлением, переводя свой взгляд на улыбающихся И. и Ананду, молча смотревших на меня.

– Что же, дорогая хозяйка, давайте-ка нам скорее это выпеченное волшебство. Пора решать, кто здесь мудрец и кто принц, – вс,, улыбаясь, сказал Ананда.

– С кого же начать? Не с самых ли младших? – рассмеявшись, спросила Анна.

– О, так как я самый младший, а я знаю, что в середине торта – рай, то я исключаяюсь. Начинайте с самых старших, – ответил я ей.

– Хорошо. Отец, пожалуйста, попробуй скорее, чтобы я успокоилась, что ты мудрец, – подавая отцу тарелку, сказала Анна.

– Мы ровесники с Джел-Мабедем, – сказал Строганов. – Дай и ему, мы вместе будем держать экзамен.

Торт был подан отцу Ибрагима, и... оба вскрикнули:

– Рай, рай! Больше на мудрецов нет вакансий.

– Ну нет, – сказал Генри. – Я не уступаю так легко. Возраст и мудрость не обязательно согласуются. Я прошу теперь и для нас с Ибрагимом.

Анна подала им торт, ласково пригрозив Генри за бунт.

Не успели они откусить, как Генри важно заявил, что прид,, тся оспаривать право на мудрость у первых вкусивших, так как свой рай они

уже проглотили. И, пожалуй, торта не хватит для повторного испытания, если все будут поглощать райскую мудрость так быстро.

Когда очередь дошла до И. и Ананды, мне не пришлось решать, кто был здесь мудрецом. Ананда, держа блюдо с начатым тортом, поклонился мне и сказал:

– Если бы я был мудрецом, то в эту минуту я потерял бы часть невещественного рая, так как весь уш,,л бы в блаженство еды. Это прекрасно и обманчиво. Кушанье скромно на вид и необычайно привлекательно внутри. Если и блюдо обладает таким же скрытым талантом обвораживать людей, то вы далеко пойд,,те в жизни, юноша. Капитан выказал свой необычайный вкус, вы же продемонстрировали ещ,, и талант тайного волшебства. Я нетерпеливо буду ждать, когда откроется дно блюда.

Вскоре от торта не осталось ничего, и я увидел остановившиеся глаза Анны, которых она не отрывала от блюда.

Я так перепугался, что встал, собираясь убежать.

– Стой, стой, Л,,вушка! – вскричал И., мигом очутившись подле меня и беря меня под руку. – Как раскрылись твои каверзы, – так ты и бежать?

– Я очень заинтригован, – вставая, произн,,с капитан. – Л,,вушка в такой тайне вс,, держал...

И он направился к столу. Посмотрев на блюдо, на Анну, на меня, он пров,,л рукой по глазам и молча пош,,л на сво,, место.

– Да что там такое? – громко сказал Строганов. – Мудрецами становились вслух, а как до принцев дошло, – языки проглотили. Наоборот бы надо.

Он приподнялся, склонился над блюдом и, окинув всех взглядом, улыбаясь, сказал:

– Оно выходит, будто принцем-то становлюсь я. Генри, турки – все бросились к блюду.

– Ну дайте же и нам с Анандой посмотреть, – отстраняя их от стола, сказал И.

Я готов был провалиться сквозь землю, а капитан, крепко держа меня под руку, шептал:

– Ну и мальчишка! Почему же не я наш,,л эту вещь? Я готов был бы...

– Я согласен, что на блюде изображена царственная красота. Если бы в лице нарисованной красавицы сверкало столько духа и ума, сколько в той живой принцессе, чьим прототипом она служит, – я согласился бы признать вас принцем-отцом, – сказал Ананда. – И юноша, сумевший оценить сходство, оценить краски портрета на стекле, достоин моей горячей

благодарности.

С этими словами Ананда подошл ко мне, обнял, и как ребннка подняв меня на воздух своими могучими руками, крепко поцеловал.

– Надо фехтовать, Лвушка, делать гимнастику, ездить верхом, закалять организм. Ваша худоба неестественна. Генри, доктор, займись моим другом Лвушкой. Ну, а теперь – играть, – прибавил он.

Выйдя из комнат Ананды и подходя к главному крыльцу, мы столкнулись с возвращавшимся князем. Узнав, что мы идм в музыкальный зал, он очень обрадовался, поспешил вперд, и вскоре мы все собрались в освещнном зале.

Я был поражен, когда увидел в руках Ананды виолончель. Я не заметил е, утром среди прочих его вещей.

Анна, в белом гладком платье из блестящего, мягкого шлка, как обычно с косами по плечам, в этот вечер была хороша так, что казалось невозможным вместить эту красоту в образ обычной, из плоти и крови созданной женщины.

– Мы сыграем несколько старых венецианских народных песен, теперь уже почти забытых и забытых новыми и пошлыми напевами, – сказал Ананда.

Я сидел рядом с И., по другую сторону от него сел капитан, как раз напротив музыкантов.

Что это были за лица. Глаза-звзды Ананды сверкали, точно бросая искры вокруг. У Анны горели розами щки, верхняя губа снова приподнялась, открыв ряд е, мелких, белых зубов.

Ни в нм, ни в ней не было ничего от земных страстей. Но оба они были слиты в высшем страстном порыве творческого экстаза.

Первые звуки рояля мгновенным вихрем взмыли кверху, точно оторвались и полетели куда-то. И внезапно глубокий, властный звук прорезал их. Сливаясь, отходя, ещ, ближе сливаясь в гармонии и снова е, разбивая, н,сся звук виолончели, покоряя себе рояль, покоряя нас, овладев, Казалось, всем пространством вокруг.

Я не мог представить, что поют струны. Это пел голос, человеческий голос неведомого мне существа.

Звуки смолкли. О, как бедно стало сразу вс,! Какой унылой показалась жизнь, лишнная этих звуков. «Ещ,, ещ,,», – молил я в душе и чувствовал, что все просят о том же, хотя никто не нарушал молчания.

Снова полилась песня. Она показалась ещ, прелестнее и колоритнее. Огромная сила жизни лилась в этих звуках. Я не мог постичь, каким образом эти высшие, с недостижимым талантом люди ходят среди нас,

выдерживают вибрации таких простых, маленьких людей, как я и мне подобные? Зачем они здесь, среди нас? Им нужен Олимп, а не обыденные дни с их трудом, потом и слезами...

«Да вот благодаря им и нет серого дня сегодня, а есть сияющий храм», – роняя слезу за слезой, продолжал думать я под сменявшиеся песни и не знал, какую из них предпочесть.

Внезапно Ананда встал и сказал:

– Теперь, Анна, Баха и Шопена, в честь моего дяди.

Анна улыбнулась, поправила платье и стул, подумала минуту и заиграла.

В тумане слез, взволнованный до глубины души, я сидел, держась за И. Мне казалось, что я не выдержу потока новых, сотрясавших всего меня сил. Точно под воздействием этих звуков во мне раскрывалось какое-то новое существо, которого я в себе ещ,, не знал.

Как только смолкли звуки, Ананда подош,,л к Анне, почтительно, но так нежно, что у меня заныло в сердце, поцеловал ей руку и сказал:

– Старые, венгерские, последние, что я вам прислал. Ещ,, никто не успел приготовиться, опомниться, а уже снова полилась песня. Но можно ли было назвать это песней? Разве это голос человека? Что это? Какойто неведомый мне инструмент. Или это раскаты эха в горах? Это какая-то стихия красоты. Я был так ошеломл,,н, так сбит с толку, что, раскрыв рот, уставившись на Ананду, еле переводил дыхание.

Он пел на непонятном мне языке. Я ни слова не понимал, но содержание песни ясно сознавал. Цыган оплакивал погибшую жизнь, погибшую любовь. Ревность, злоба, безумие – вс,, человеческое страдание, вся бездна страсти и скорби воплотились в песне и проникли в сердце. Но вот звуки изменились, звучащие проклятия перешли в прощение, примирение, благословение и мир...

«Зачем этот человек среди нас? – вс,, не мог я отделаться от навязчивого вопроса. – Его место где-то выше, не среди простых людей».

И вдруг Ананда, что-то шепнув Анне, запел русскую песню:

Я только странник на земле.

Среди труда, страстей и боли Избранник я счастливой доли.

Моей святыне – красоте Пою я песнь любви и воли.

Я вздрогнул от неожиданности. Он точно ответил мне. То была не просто песнь, а гимн торжествующей любви...

Когда отзвучало последнее слово, я едва смог, поддерживаемый И., встать. Оглядев всех своих друзей, я почти никого не узнал; и

даже И. был необычно бледен, серь,,зен, почти суров. Прощаясь с нами, Ананда ласково сказал капитану:

– Я буду ждать вас завтра в пять часов.

С большим трудом отдавая себе отч,,т во вс,,м окружающем, встретив полные слез глаза Генри, я попросил И., чтобы верзила помог мне вернуться к себе, что мне нехорошо.

Помню только, что сильные руки капитана подхватили меня.

ГЛАВА 21 МОЯ БОЛЕЗНЬ, ГЕНРИ И ИСПЫТАНИЕ МОЕЙ ВЕРНОСТИ Когда я очнулся в своей постели, то первое, что я увидел, было лицо склонившегося надо мной И.; рядом, держа в руке рюмку, стоял Ананда.

Я даже ахнуть не успел, как И. приподнял мою голову, а Ананда влил мне в рот что-то горькое, остро пахнущее, от чего я чуть не задохся.

Почему-то я чувствовал себя слабым; мне хотелось спать и я закрыл глаза, хотя оба друга склонились надо мной, точно желая о ч,,м-то меня спросить.

Какие-то провалы в сознании, пробуждение в слабости и неизменная чья-то фигура вблизи меня – вот вс,,,, что сохранила мне память этих дней.

Мне казалось, что я л,,г спать только вчера, когда в один из дней, проснувшись, ясно увидел И., задумчиво сидевшего подле меня. Я хотел встать, но его рука удержала меня.

– Не поднимайся, Л,,вушка. У тебя было обострение болезни, и Ананда опасался, что сотрясение мозга разобь,,т надолго твой организм. Но благодаря его усилиям и нашему общему уходу ты теперь спас,,н. Я чувствую себя очень виноватым перед тобой за то, что не убер,,г тебя от чрезмерно волнующих впечатлений. Простишь ли ты меня, ведь из-за моей непредусмотрительности ты пролежал две недели, – мягко и ласково глядя на меня, говорил И.

– Я пролежал две недели? – совершенно изумл,,нный, спросил я.

Я старался вспомнить, на ч,,м кончилась моя сознательная жизнь и где я жил бредовыми представлениями, а где она снова начиналась? Когда я заболел? Но какой-то шум в голове и звон в ушах не давали мне ничего сообразить.

Одно только я понял, что И. считает себя в ч,,м-то передо мной виноватым. И в такой степени смешной показалась мне эта мысль, что я протянул к нему руку и сказал:

– Ну а у кого же мне просить прощения за то, что я вторично заболел и вторично отравляю вам жизнь, отнимая у вас столько сил и времени? Ах, Лоллион, я вдруг сейчас вс,, вспомнил. Ведь это я снова – как тогда у Ананды

– упал в обморок в зале? Музыка, музыка, такая необычайная, она словно заставила мой дух вылететь из меня. Иначе я не могу вам описать своего состояния. Я точно улетел и попал к Флорентийцу. Я знаю, что мне это снилось, будто я с ним. Он был в длинной белой одежде и что-то мне говорил. Я видел комнату, всю белую, но что я там делал, что он мне говорил, – я вс,, забыл. Безнад,,жно забыл. А между тем, единственной моей мыслью была радость рассказать вам весь свой сон, вс,, что говорил Флорентиец. И вот, я вс,, забыл и даже смысла не помню; только знаю, что Флорентиец несколько раз сказал мне: «Ты здоров. Ты совершенно здоров. Но если ты хочешь следовать за мною и быть моим верным другом, – ты должен стать бесстрашным. Только бестрепетные сердца могут подняться к высоким путям». Вот и вс,, что я запомнил.

– Сейчас, Л,,вушка, не говори столько. Надо сделать вс,, чтобы ты поправился поскорее. За эти две недели случилось очень многое.

Самое большое огорчение капитана состояло в том, что он должен был уехать, не простившись с тобой, или, вернее, поцеловав тво,, безжизненное на вид тело. Этот закал,,нный человек, считая тебя умирающим, плакал. А верзила

– того, как нервную барышню, я должен был отпаивать каплями и уверять, что ты будешь жить.

Видишь ли, друг. Если, так или иначе, во сне или в бреду, наяву или в мечтах, – ты вынес из этой болезни сознание, что надо и можно двигаться дальше только в бесстрашии, – тебе надо сделать вс,, чтобы его обрести. Это твой ближайший и вернейший урок. А нам с Анандой, прошедшим в прошлом – как ты знаешь – тяж,,лый путь скорби и ужаса, предстоит помочь тебе в достижении этой задачи.

Поэтому давай добь,,мся сначала полного физического выздоровления. Мне, тебе, Анне и ещ,, кое-кому вскоре предстоят большие испытания. А точнее, мы должны помочь Анне и Строганову очистить их семью от того зла, которое – благодаря неосторожности жены Строганова – губит е,, само,, их младшего сына и протягивает грязные лапы к Анне.

Тебе, выплакавшему в горьких слезах сво,, детство и сомнения, теперь надо стать мужчиной. Уверенно стой на ногах и помогай нам с Анандой. Да вот, кстати, и он.

И действительно, я услышал в соседней комнате, где прежде жил

капитан, шаги Ананды и его голос. Потом я узнал, что в комнате капитана поселился Генри, разделявший с И. все хлопоты ухода за мной.

Ананда вош,,л, осветив своими глазами-зв,,здами всю комнату. Он точно вн,,с с собой атмосферу какой-то радости, успокоения, уверенности.

– Ну, что же? Был ли я прав. Генри, говоря тебе, что с Л,,вушки, как перчатка, сойд,,т болезнь? – прозвенел его вопрос к Генри, которого я, находясь под обаянием Ананды, не заметил сразу.

Генри смущ,,нно улыбался, говоря, что это из ряда вон выходящий случай, что ни в одной из книг он не находил указаний к такому лечению, какое применил Ананда.

– Знание, Генри, – это жизнь. А жизнь нельзя уместить ни в какую книгу. Если ты не будешь читать в больном его жизнь, а примешься искать в книгах, как лечится болезнь, – ты никогда не будешь докторомтворцом, талантом, а только ремесленником. Нельзя лечить болезнь. Можно лечить больного, применяясь ко всему конгломерату его качеств, учитывая его духовное развитие. Не приведя в равновесие все силы в человеке, его не вылечишь. Я даже не спрашиваю, как вы, Л,,вушка, себя чувствуете, а предписываю: быть через три дня на ногах; на пятый день выйти в сад; на шестой ехать кататься с Генри; через неделю считаться здоровым и приняться за все обычные дела, вплоть до писания под мою диктовку писем и слушания музыки; а через десять дней помочь нам с И. в одном трудном деле.

Генри всплеснул руками и даже присвистнул. Он являл собой крайнюю степень возмущения. Я засмеялся и, несмотря на слабость и звон в ушах, обещал – при должном количестве пилюль Али – выполнить наказ Ананды.

– Это моего дяди лекарства приводили в ужас Генри и возвращали вам здоровье. Генри даже пробовал было не послушаться меня и попытался не дать вам ночью должной порции, боясь, как бы я не уморил вас. К счастью, я заш,,л к вам перед сном и поправил дело. Не то, защищая вас от меня, он отправил бы вас слишком далеко, – с юмором взглянув на Генри, звенел своим металлическим голосом Ананда. Но во взгляде его на И., в тоне голоса я уловил что-то скорбное.

Внимательно меня осмотрев, он снял л,,д с моей головы, велел Генри убрать грелку от моих ног и сказал:

– Вне всякого сомнения, вс,, миновало, и вы совершенно здоровы. Если бы не стояла такая жара, я поднял бы вас с постели даже сегодня.

Генри снова фыркнул что-то, и я понял, что он порицал методы лечения Ананды.

– Генри, друг, надо отнести княгине вот это лекарство. Передай его князю; и первый раз дай его княгине сам, в каком бы состоянии – по твоему уч.,ному мнению – она ни находилась. Ну, хорошо, хорошо, – улыбнулся он, видя вдруг изменившееся и молящее выражение глаз Генри. – Дважды за одну вину не взыскивают. Но... если ты дал слово слушаться моих указаний, – и вот перед тобой живой пример, как ты был не прав, отменяя мо., предписание относительно Л.,вушки. Там, где ты не знаешь всего до конца, – старайся точно выполнить то, что тебе сказано. Умничанье недостойно мудрого человека. Не говоря уже о том, что ты нарушил сво., обещание верности, ты мог спутать нити многих жизней и погибнуть сам.

Ананда не был строг, когда говорил вс., это. И голос его был мягок и ласков; но я не хотел бы быть на месте Генри и не смог бы, пожалуй, вынести спокойно его сверкавшего взгляда. Генри поклонился и вышел, вс., с тем же смущ.,нным и расстроенным видом. Но я далеко не был уверен, что он смирился и осознал себя неправым.

– Тебе, Л.,вушка, предстоит решить сейчас один сложный и очень важный вопрос, если ты хочешь идти с нами и следовать за своим верным другом Флорентийцем.

Ты уже и сам заметил, что в жизни есть много таких сил, о которых ты раньше никогда не задумывался. Когда-то – как ты сейчас – и мы с И. переживали бури жизни. И искали в ней удовлетворения личных желаний, не зная, что счастье не в них, а в знании и служении своему народу. В освобождении в себе всех высших сил для помощи людям, в развитии всех талантов и способностей для того только, чтобы звать людей к единению в красоте.

Много говорить я сейчас не буду. Надо, чтобы ты поправился и сам решил: хочешь ли ты идти туда, куда я и И. будем тебя звать? Хочешь ли, легко, просто, добровольно повиноваться нам, имея одну цель в виду: стать близким другом и помощником Флорентийцу?

Ты пойм.,шь, как надо много знать и высоко подняться, чтобы приблизиться к нему. Пока ты знаешь мало, но веришь всецело ему и нам, – надо повиноваться не рассуждая. Ведь если бы я не поспел вовремя, Генри уморил бы тебя. Он, не имея достаточных знаний, пустился поправлять мои распоряжения, чем мог привести тво., сердце и нервы в полное расстройство – и уже никто не смог бы вернуть тебя на землю.

Вскоре нам предстоит сражение с человеком большой т.,мноой силы, злым эгоистом и бесчестным губителем чужих жизней. Если хочешь ближе подойти к Флорентийцу, включайся с нами в битву. Но для этого надо победить в себе страх. Это условие – как новый урок – стоит сейчас перед

тобою.

Это одно, о чем тебе думать и что решать целых три дня, пока ты будешь лежать.

А вот и второе: уезжая, капитан горевал, что не может поговорить с тобой. Он просил передать тебе письмо и этот пакет. Но читать тебе сейчас нельзя, как нельзя и разворачивать сию минуту свертка. Ни одно лишнее волнение не должно потрясать твоё сердце эти три дня.

Живи, как живут схимники; живи, как будто каждый наступающий день это последний день твоей жизни, думай о Флорентийце и о том, что я тебе сейчас сказал, если хочешь трудиться с ним. – Через три дня ты дашь мне ответ. Тогда же, в зависимости от твоего решения, мы с И. выработаем план наших действий относительно тебя, – улыбнулся он, пожимая мою руку. – Тогда же прочтёшь и письмо капитана.

От пожатия Ананды к моему сердцу пробежала какая-то волна теплоты и спокойствия. Не скажу, чтобы его слова не взволновали меня. Но вместе с тем, по мере того, как он говорил, я становился спокойнее, и мысль моя начинала работать совсем ясно. Теперь же, держа его руку в своей, я весь наполнился таким же чувством счастья, мира и уверенности, как в тот раз, когда Али взял меня за руку в комнате моего брата.

Как тогда, так и теперь, сознание превосходства этого человека над мной исчезло из моего сердца. Я уже не спрашивал себя, зачем такие люди, неизмеримо выше и совершеннее нас, ходят среди нас по земле, среди страданий и слез, страстей и зла, пачкая свои светлые одежды.

Я, казалось, слился целиком с той добротой, с тем милосердием, которые так просто и легко изливал Ананда в моё маленькое сердце, мою неустойчивую взбудораженную душу.

«Вот она, любовь, – не только думал я, но и ощущал всем своим существом Ананду. – О, если бы я мог научиться так любить человека! Всё заключается в том, чтобы понять сердцем, что такое любовь, тогда нет места осуждению...»

Я почти не заметил, как Ананда и И. вышли из комнаты. Мне думалось, что я снова дремлю, как и все эти дни, когда я ощущал, что как бы раздвоился. Я знал, что вот здесь лежит моё тело, и вместе с тем знал, что я – как мысль и сознание – летаю где-то, что я в нём и не в нём, и никак не мог слиться во что-либо ясное и чёткое. Я точно был невесом.

Но теперь, в эту минуту, я отчётливо ощущал тяжесть своего тела, чувствовал слабость, затруднительность каждого движения и понял, что начинаю выздоравливать, что бред мой кончился.

Я хотел спросить себя, рад или не рад я, что вернулся на землю из

мира моих гр.,з. Но вошедший Генри прин.,с мне завтрак, сказал, что вс., приготовлено руками самого И., а Ананда предписал непременно съесть вс.,, что подано.

Я поморщился, так как на большом подносе стояло много чего-то, а есть совсем не хотелось. Генри помог мне сесть и поставил поднос на низкую бамбуковую скамеечку прямо на постель. Я начал с шоколада и поначалу тянул его неохотно, как вдруг увидел на тарелочке «Багдад». Недолго думая, я отправил его в рот, и потом так захотел есть, что без разбора уничтожил вс.,, что было подано, и даже заявил, что хорошо, да мало. Генри с ужасом смотрел на меня.

– Л.,вушка, а ведь я проиграл большое пари доктору И. Я спорил, что вы не осилите и половины этой огромной чашки шоколада, уж не говоря о каше и каких-то подозрительных блюдах, в которых И. упражнял свой поварской талант. А вы меня ещ., раз посадили на мель.

Голос Генри был печален, и выглядел он вконец расстроенным.

– Я очень сожалею, если чем-то огорчил вас. Генри; но, право, я желал бы только выразить вам большую благодарность за ваш уход и помощь, – сказал я ему.

– Нет, Л.,вушка, не вы меня огорчили, а я сам – как-то незаметно для самого себя – запутался в отвратительной сети интриг. И только сегодня слова Ананды точно пробудили меня от сна.

Отчего я вдруг, пять дней назад, взбунтовался и не дал вам его лекарства? Сейчас я ответить не могу. А ту ночь у меня в душе подняло – как мне теперь кажется, без всяких причин и оснований – такой протест! Я осуждал и критиковал Ананду, поступавшего вопреки всем правилам медицины. Я стал считать насилием требование беспрекословно повиноваться в таком деле, где я тоже кое-что понимаю и имею даже степень доктора медицины. Да ещ., опубликованную научную работу, как раз по мозговым болезням вашего типа.

И вот теперь мне стало очевидно, что я ничего не знаю, что не болезнь как таковую лечил Ананда, а видел и знал весь ваш организм. Тогда как всецело был занят книжным описанием болезни, а не вами.

Когда И. готовил вам завтрак, бунт во мне стал нарастать. Я еле удерживался от грубости и детского желания побежать к Ананде и потребовать культурного отношения к больному. А И. поглядел на меня и, спокойно улыбнувшись, сказал: «Хотите пари, что Л.,вушка вс., съест и скажет, что мало? Но прощу вас ничего, решительно ничего ему не давать до самого обеда, к которому я вернусь. Я буду сам обедать Л.,вушкой в его комнате. И лекарств никаких, и визитов никаких».

И так он ещ,, раз посмотрел на меня, что я до сих пор не могу в себя прийти. Не то что это был приказ или осуждение. Их бы я вынес легко. Но во взгляде его читалось такое сострадание, такое сочувствие. Я понял, что он догадывается обо всех моих мыслях, в которых я даже себе не хотел бы признаться.

Генри замолчал, опустил голову на руки и через минуту продолжал:

– И это ещ,, не все. Ещ,, утром Ананда мне сказал, что сегодня ВІ придете в себя и будете в силах говорить и кушать, но никого и посторонних пускать к вам нельзя. А я обещал Жанне, которая каждый день приходит справляться о вас, что пущу е,, к вам потихоньку.

– Как могли вы так гадко поступить? – закричал я столь громко, что в соседней комнате раздались поспешные шаги, и сам И. быстро вош,,л к нам.

– Что с тобой, Левушка? – беря мои руки, сказал он. – Отчего до сих пор стоишь возле больного поднос? Чтобы привлечь мух? – тихо, в строго звучал голос И. – Или я совсем не могу положиться на вас ни ч,,м? Вы, Генри, не желаете повиноваться ни одному из распоряжений Ананды. Зачем вы держите письмо от Жанны в кармане?

– Посмотрите, что вы наделали, – указывая на меня, сказал И, А я задыхался, мне было тошно, я знал, что сейчас будет обморок.

– Извольте идти отсюда, – сказал и Генри, и это было последнее, что я слышал. Мне казалось, что я проваливаюсь куда-то в пропасть, я слышал ещ,, сильный волевой крик И., звавшего Ананду, и видел, как тот быстро вбежал в мою комнату. Но не уверен, что это не было моим бредом.

Когда я очнулся, была уже, очевидно, ночь, а может быть, просто были опущены Шторы. В полумраке я различил грузную фигуру сидевшего подле меня отца Ибрагима.

Я шевельнулся и попросил пить. Он вызвал И., и тот, радостно мне улыбаясь, сам дал мне питье, поблагодарил турка за ночное дежурство, а меня за то, что я так быстро победил свой глубокий обморок.

Я, к своему удивлению, теперь вс,, решительно помнил. Я не чувствовал больше слабости, зато во мне проснулся такой волчий аппетит, что я стал просить есть, а также пропустить свет в комнату, как можно больше света.

Турок разв,,л руками, смеясь, раздвинул шторы, так что я даже зажмурился от нахлынувшего света, и прибавил, что капитан-то был прав, считая меня каверзным мальчишкой.

– Я чуть ли не оплакивал его всю ночь. Напросился в братья милосердия, гордясь тем, что выхаживай умирающего, а он взял да и отнял

у меня все привилегии. Прикажете кормить этого волка? – спросил он.

– Я схожу к Ананде и спрошу, чем кормить его волчью светлость, – рассмеялся И. – А вы, может быть, не откажетесь помочь ему умыться. Чур, не вставать, – прибавил он, грозя мне пальцем. – Пока я не вернусь с Анандой, считай себя безнадежно больным и принимай заботы Джел-Мабеда со свойственной больным грацией.

Он быстро вышел, а я принялся за свой туалет, поразив худобой не только турка, но и самого себя. Я и не представлял, что можно так высохнуть за две недели. Турок покачивал головой, бормоча:

~ – Вот и корми этого аскета. Неужели можно жить одной кожей и костями?

Я требовал зеркало, уверяя, что иначе не могу расчесать отросшие кудри, но Джел-Мабед его мне не давал, уверяя, в свою очередь, что зеркало я съесть не могу, а сейчас важно только одно: хорошо кушать.

Не успели мы доспорить, как оба доктора уже стояли рядом, смеясь и спрашивая, решил, ли я наконец, что для меня важнее: еда или красота?

Я не дал ответа, а жадно потянулся к чашке, которую И. держал в руках. Турок очень одобрил такое практичное решение вопроса и вызвался пойти к повару заказать завтрак.

Когда он ушел с наставлениями И., я сказал Ананде, что совсем здоров и мог бы уже встать. Ананда согласился и даже позволил выйти на балкон, но к вечеру, когда спадает жара, и с условием: съесть первый завтрак в постели, а потом пролежать три часа в полутьме. Если же через три часа он найдет меня в полном самообладании, ничем не раздраженным и крепким, – он разрешит мне встать. А завтра вечером сам осторожно сведет в зал послушать музыку. Я был в восторге.

– Вы можете быть более чем уверены в непоколебимом моем спокойствии, так как я больше всего на свете хочу послушать вас и Анну. Я даю вам слово быть спокойным, а слово свое, я держать умею. И вообще считаю, что если бы не ваша дервишская шапка, я бы не закричал вчера. Это она раздавила мне однажды мозги, и я стал так по-детски глуп. Стоило мне сказать Генри, что я не желаю видеть никого дня три, пока не отъежусь и не стану походить на человека, – ничего бы и не случилось. А вот шапка подвела.

– Да, вскоре ты убедишься воочию, друг, что значит зловещая шапка. И какой еще, зловещей она может быть; как иногда вообще может быть вредной иная подаренная или носимая на себе чужая вещь, – очень серьезно сказал Ананда. – Надетая на человека злою рукой, вещь может лишить не только разума, но и жизни.

Я не понял тогда его слов. Но сколько в них было правды, в этом я действительно убедился через несколько дней.

Мои друзья, напоив меня приятно шипевшим, освежившим точно жизненный эликсир, питьем, ушли, оставив нас с турком завтракать. Турок потчевал меня, пока я не наелся до отвала, но не забывал и себя.

Я должен был отдать дань степени прозорливости Ананды. После завтрака я захотел спать, захотел полутьмы. Турок задвинул шторы, улегся на диван, и мы оба блаженно заснули.

Второй день моего выздоровления прошёл вполне благополучно. Изредка я поглядывал на конверт и свёрток капитана, но даже в мыслях у меня не мелькало послушаться Ананды. И музыки я ждал, конечно жадно ждал. Но в этом моём ожидании уже не было той страстности, с которой я жил до сих пор и которая, как на качелях, постоянно вталкивала меня в раздражение. Точно в самом деле я выплакал часть своего существа в тех потрясающих слезах, которые проливал в тайной комнате Ананды.

Мне очень хотелось знать, где Генри, так как комната капитана была теперь пуста. Не менее горячо я хотел знать, как живут князь и княгиня, что делается в магазине Жанны и как идёт жизнь Строгановых. Если бы Генри или князь были со мной, я мог бы их обо всём расспросить. Но спрашивать о чём-нибудь у И. я не хотел и не смел, если он сам считал нужным молчать.

Весь день я провёл один. Вопрос, который поставил передо мной Ананда, вопрос беспрекословного повиновения, о который всё спотыкался Генри, меня даже не волновал. По всей вероятности – по сравнению с Генри, – я так мало знал и был так значительно менее его талантлив, с одной стороны; и так наглядно видел вершины человеческой доброты, благородства, силы в людях, подобных Али, Флорентийцу, И., Ананде – с другой, что мне и в голову не приходило сомневаться в своём, весьма скромном, месте во вселенной по сравнению с ними и их знаниями.

Чем больше я постигал высокий путь жизни моих друзей, тем смиреннее и благодарнее относился к их любви и заботам.

За этими размышлениями застал меня И., которому я так обрадовался, что снова, как ребёнок, бросился ему на шею.

– До чего ты смешноватенький, мой милый Левушка, на тебе только анатомию скелета изучать! И ты совершенно изменился. Несмотря на ещё детскую угловатость, ты вырос и возмужал. У тебя совсем новое выражение лица. Тебя не только Анна и Жанна – каждая по-своему – не узнают, тебя и Флорентиец не узнает, – нежно обнимая меня и глядя мои кудри, говорил И.

Мы сели с ним обедать, и он рассказал мне, что дела княгини блестящи. Благодаря усилиям Ананды совершилось то, на что он один никогда не решился бы. Ананда сн,,сся со своим дядей и получил разрешение применить его метод лечения, в результате которого княгиня ходит не хуже, а лучше, чем ходила до болезни, хотя метод был очень рискованным.

На мой вопрос, помнит ли княгиня, о ч,,м говорил ей И. в первые дни е,, воскресения, помнит ли, как она крикнула: «Прощение», – И. сказал, что дня два назад, когда завершился раздел е,, имущества с сыном и адвокаты, вполне довольные, уехали в Москву, она сама просила Ананду и И. уделить ей время для разговора.

Он не говорил подробно, в ч,,м заключался этот разговор. Но сказал, что теперь у княгини исчез е,, безумный страх смерти. Отношение е,, к окружающим, которое, само собою, уже во время болезни стало меняться, теперь изменилось так, как е,, естественные седые волосы сменили рыжий парик, а обычное старческое лицо выступило из-под прежней размал,,ванной маски. Мысли е,, вырвались из железных тенет жадности и скупости, и она впервые увидела и поверила, что не вс,, в мире покупается и прода,,тсся.

– Вс,, же мне очень жаль князя. Как бы он ни проникся смыслом жизни, – старая жена – это такой ужас! – задумчиво сказал я.

И. усмехнулся и ответил, что задаст мне вопрос о счастье князя года через три, когда мой жизненный опыт и знания продвинут меня далеко вперед,,д.

– Я вижу, что тебя не очень волнует вопрос беспрекословного повиновения,

– сказал И. со знакомыми мне искорками юмора в глазах.

– Нет, Лоллион. Этот вопрос меня вовсе не волнует; точно так же, как и второй вопрос Ананды. Для меня нет и не может быть выбора, потому что самой жизни без вас, без Флорентийца, без моего брата для меня уже быть не может. Я и не заметил, какое место занял в мо,,м сердце Флорентиец, и только в разлуке с ним понял всю силу своей любви к нему. Я не успел осознать, каким волшебством сэра Ут-Уоми тоже занял огромное место в мо,,м сердце. Но как, за что, когда и почему там воцарился ваш образ – это я знаю точно и приношу вам благодарность всем своим преобразенным существом; быть чем-нибудь вам полезным, быть вам слугой, преданным учеником – вот самое мо,, великое желание, самая зата,,нная мечта. И я больше чем когда-либо прежде страдаю, думая о своей невежественности, невыдержанности, неопытности.

– Мой милый мальчик, чем выше и дальше каждый из нас ид,,т, тем яснее видит, что предела в совершенствовании нет. И дело не в том, какой высоты и какого предела ты достигнешь сегодня. А в том только, чтобы двигаться вперед в русле того вечного движения, которое и есть жизнь. И войти в него можно только любовью. Если сегодня ты не украсил никому дня своей простой добротой

– твой день пропал. Ты не включился в вечное движение, которым жила сегодня вселенная, ты отъединился от людей, а значит, не мог подняться по пути к совершенству. Путь туда один: через любовь к человеку.

Разговор наш прервал Ананда, а у меня так много было ещ,, вопросов, и беспокойство о Генри было не из последних.

– Я вижу, ты, Левушка, и в самом деле господин своему слову. В таком прекрасном состоянии я даже не ожидал тебя найти, – такими были первые слова Ананды. – Тебя смущает твоя худоба. Но... ты увидишь Анну и найд,,шь, что и она изменилась за это время разительно, так же как и е,, отец. Постарайся быть очень воспитанным человеком и не подавай виду ни ему, ни ей, что ты заметил в них печальную перемену и поражен ею.

– Я буду сама воспитанность и такт, – важно сказал я. – Хотя, признаться, оба эти словечка – ещ,, из первых дней жизни с Флорентийцем – приносят мне немало хлопот и волнений. Буду очень стараться, но обещать, что не сорвусь случайно и не осрамлюсь, вс,, же не могу.

Мои друзья встали, чтобы идти в музыкальный зал. Помня слова Флорентийца, я взял письмо и св,,рток капитана и спрятал их в саквояж, а саквояж в свою очередь сунул в шкаф. – От кого ты прячешь вещи? – спросил И. – Ни от кого. Но Флорентиец велел никогда не оставлять дорогие мне вещи неубранными. Да и вы меня не раз учили аккуратности, – ответил я И.

Он улыбнулся, но ничего не сказал. Ананда взял меня под руку, и мы пошли в музыкальный зал.

Я чувствовал себя совсем хорошо, но спускаться по лестнице было довольно трудно. Оба моих друга держали меня под руки, и вс,, же ноги мои сгибались с трудом. Целую вечность, казалось, мы шли, пока, наконец, не добрались до цели.

Зал был ещ,, пуст; через минуту вош,,л туда князь со слугами, которые зажгли лампы и люстру. Милое лицо князя, сияющее перед моей болезнью, удивило меня озабоченностью и какой-то тоской.

Я хотел спросить, что с ним случилось. Но вовремя вспомнил, как должен вести себя воспитанный человек.

Пока князь разговаривал у рояля с И. и Анандой, я сел в глубокое кресло у стены и постарался сосредоточиться. Я даже удивился, как легко на этот раз мне удалось собрать внимание. Я сразу же ощутил себя в атмосфере Флорентийца, точно держал его руку в своей. И когда голос Ананды: «Левушка, Анна ид,,т», прив,,л меня в чувство, я радостно встал и поспешил ей навстречу, следуя за И., но ноги плохо меня слушались.

– Ты помнишь, Левушка, о ч,,м говорил Ананда? – шепнул мне И.

– О да. Буду счастлив испытать сво,, самообладание, – ответил я.

Но когда я увидел Анну, с которой князь снял е,, всегдашний ч,,рный плащ, я внутренне ахнул.

– Вы, наверное, не узна,,те меня, Анна, при моей теперешней худобе? – сказал я, восторженно целуя обе е,, руки.

– Вы. Левушка, не худобой поражаете меня сейчас, а чем-то другим, чему я ещ,, не нахожу определения. Но это отнюдь не физическое, а что-то духовное. Как будто в вас просыпается какая-то новая сила, – сказала Анна.

– Да, а вот перед вами инвалид, – подавая мне руку, сказал Строганов. – У меня был сильный припадок грудной жабы, из когтей которой еле вытащили меня наши общие доктора. Признаться, сам я не надеялся уже увидеть этот дом и послушать ещ,, раз музыку. Живите, живите полнее, мой дорогой литератор. Сверлите своими острыми глазамишилами жизнь вокруг вас и подмечайте вс,, что таится в сердцах окружающих. Пуще всего бегите от компромиссов, особенно, если они забрались в ваше сердце: «Коготок увяз, – всей птичке пропасть», – задыхаясь говорил старик, очевидно вспоминая собственные переживания.

Взяв меня под руку, он тяжело и медленно стал двигаться к дивану, стоявшему рядом с креслом, что я облюбовал. Не успели мы сесть, как в комнату вош,,л Генри и, поклонившись всем общим поклоном, отош,,л в самый дальний угол.

«Сколько причин для аханья было бы у меня, – подумал я, – если бы вс,, это происходило до моей болезни».

Генри – и раньше худощавый – стал совсем худ, будто долго постился. Но он не только осунулся, он изменился, точно в ч,,м-то разочаровался, и помрачнел. Очевидно, его душевный бунт не унимался, а нарастал.

Анна села за рояль, и я и вправду изумился перемене в ней. За этим же роялем я видел е,, юной, остановившейся на семнадцатой весне. А сейчас я ясно читал в ней все е,, двадцать пять лет. Не то чтобы е,, лицо прорезали морщины, но вместо безмятежно доброго, спокойно ласкового облика той Анны, к которому я уже привык, я видел страдающие глаза, горько и плотно сжатые, под,,ргивающиеся губы, а время от времени точно какие-то

молнии вылетали из е,, глаз, – иначе я сказать не умею.

Отец е,, совсем не напоминал того вес,,лого и бодрого человека, который месяц тому назад приходил к нам пить чай и устраивать судьбу Жанны.

– Мы перенес,,м вас в начало XVII века и начн,,м с Маттесона. Это монах. Потом будут Бах и Гендель, – сказал Ананда.

Внезапно, с первыми же звуками, я увидел за роялем прежнюю Анну, ещ,, более прелестную, ещ,, более вдохновенную, но не спокойную, как прежде, а бурную, страстную, готовую взорваться каждую минуту.

Как и в прошлый раз, пели не струны под смычком Ананды, лился живой человеческий голос, сметавший все преграды между сердцем и окружающей жизнью. Голос его виолончели входил мне в душу, не бередя ран, а вливая силы и мир.

Чудесные звуки сменяли друг друга, а я не замечал никого и ничего, кроме лиц двух музыкантов. Не красота их и даже не вдохновение поражали меня сегодня. Если в прошлый раз я ощутил их единение в экстазе творческого порыва, то сегодня я сам участвовал в этом экстазе, сам творил новую, какую-то неведомую молитву Божеству, каждым нервом участвуя в этих звуках.

Я не думал – как когда-то проезжая по улицам Москвы – верю ли я в Бога и какой он, мой Бог, и в каких я с ним отношениях. Я н,,с моего Бога в себе; я жил во время этой музыки, молясь Ему, благословляя жизнь, всю, какая она есть, и растворяясь в ней в блаженстве и благоговении.

Анна заиграла одна. Соната Бетховена, как буря, рвалась из-под е,, пальцев. Я поднял голову и снова не узнал Анны. Вся преображенная, с устремленными куда-то глазами, она, казалось, звала кого-то, кого не видели мы; звала и играла кому-то, кто слушал е,, не здесь; из глаз е,, катились сл,,зы, которых она не замечала... Но вот е,, сл,,зы высохли, в глазах засветилось счастье, точно е,, услышали, сверкнула улыбка, отражая это счастье, почти блаженство; звуки перешли в мягкую мелодию и смолкли...

В углу зала рыдал Генри, рыдал так же безутешно, как я в комнате Ананды.

Я хотел встать и подойти к нему, но увидел, что сам Ананда стоит возле него и ласково гладит его по голове.

На этот раз ни Анна, ни Ананда не пели. Ананда сказал, что после такой музыки можно только низко поклониться таланту, дававшему нам высокие моменты счастья, и разойтись.

Я вс,, смотрел на Анну. Что снова случилось с нею? Неужели е,, сл,,зы

сожгли скорбь сердца? Она снова стала носить на лице семнадцатую весну, снова лучи доброты и какого-то обновления струились из глаз. Она подошла к отцу, нежно обняла его и шепнула:

– Больше не волнуйся. Вс,, будет хорошо. Вс,, уже хорошо; а то, что ещ,, будет, – это только неизбежное следствие, а не наказание Браццано.

Он, казалось, понял е,, – совершенно для меня непостижимые – слова, просиял, поцеловал е,, и перев,,л взгляд на подходившего к нам Ананду.

– Довольно вам страдать, Борис Федорович, – ласково, но, как мне показалось, с некоторым упр,,ком сказал он. – Я вам вс,, время говорил, что вас губит страх. И если бы вы верили мне на самом деле так, как говорите, вы не были бы больны; и Анна так бы не страдала. Возьмите себя в руки. Ведь вы сейчас совершенно здоровы, у вас нигде ничего не болит. Если бы мой дядя был здесь, подле вас? Как бы вы взглянули в его светлое лицо? Разве вы не обещали, что не допустите в сердце страх?

– Я очень виноват, очень виноват, – сказал, вздыхая, Строганов. – Но когда дело ид,,т о мо,,м единственном сокровище, об Анне, которой уже десять дней грозит ужасная опасность, – поймите меня, Ананда, мой великий, великодушный друг и защитник! Это единственное мо,, уязвимое место, где я не в силах победить страх.

– Так вот и проходит жизнь людей, в постоянных заблуждениях. Оглянитесь назад, на прожитые вами десять дней. Что случилось с нею? Она жива, здорова и... счастлива сейчас. Разве не вы своими страхами и скорбью измучили е,,? И если уж вы хотите знать... – Ананда замолчал на миг, как бы к чему-то прислушиваясь... – то опасность грозила Анне – или, вернее, вам, так как вы могли потерять е,, – здесь, сейчас, когда она играла, а вы и не подозревали об этом. Как и не подозреваете того, что вы сами, своим же страхом поставили е,, у предела...

Ананда замолчал, нежно взял обе руки Анны в свои, подн,,с их к губам, улыбнулся, обнял е,, своей левой рукой и поцеловал в лоб.

– Нет места сомнениям в сердце верном. А когда они проникают в сердце, происходит революция, разрушающая гармонию. Помни, друг Анна, что вторично вырвать тебя из бури, в которую ты попала сейчас, к ней не готовая, – я уже не смогу. Думай не о своих путях как о путях отречения; но о пути всех тебе близких по духу, на котором ты – сила и мир, если жив,,шь в гармонии. Но если в тво,,м сердце будут жить сомнение и половинчатость, рухнешь сама и увлеч,,шь за собой своих любимых. Вслед за сомнениями вползает страх, а там... опять попад,,шь в ту бурю, где была сейчас, и, повторяю, – я уже не смогу вырвать тебя из не,,.

Он ещ,, раз поцеловал Анну в лоб. Только сейчас я заметил, как он бледен, измучен, точно не Ананда стоял предо мною, а тень его.

Снова я ничего не понял, только защемило сердце. «Что могло так надорвать силы Ананды? Почему на его гладком лбу поперечная морщина? Почему И. так суров и скорбен?» – думал я.

Все эти вопросы остались без ответа, а в сердце мо,,м удвоилась преданность моим друзьям.

Никому не хотелось чая, но чтобы не обидеть радушного хозяина, мы выпили по чашке и разошлись.

Я искал Генри, но он исчез. А мне так хотелось хоть чем-нибудь облегчить его муку.

– У каждого – свой путь, – сказал мне Ананда, когда я столкнулся с ним у двери. – Тебе сейчас – готовиться к ответу, его спрошу завтра. Если бы даже Генри и захотел говорить с тобой до этого срока, – я запрещаю тебе это. Ты видел, к чему вед,,т непослушание. Ты смутно понял сейчас, куда уводит сомнение. Отдай себе во вс,,м отч,,т, не ищи помощи ни в ком и решай свою задачу в одиночестве.

Я приш,,л в свою комнату. Я был счастлив. Ничто не разрывало мне сердце, я знал сво,, решение; знал каждым нервом свой путь; во мне вс,, ликовало. Я знал

– я был спокоен.

Я хотел уже ложиться спать, как представил себе состояние Генри. Я очень многое дал бы, чтобы его утешить; но голос внутри меня говорил, что я ничего не сумею сделать сейчас для него, так как сам ещ,, слаб. И понял запрет Ананды; это было желание оберечь нас обоих от лишних мучений без пользы для кого бы то ни было.

Заперев дверь на ключ, я потушил свечу. Я тв,,рдо решил выполнить приказание Ананды, призвал дорогое имя Флорентийца и лег, всем существом чувствуя, что Генри непременно прид,,т ко мне сам.

И я не ошибся. Не успели затихнуть шаги Ананды и И., отправившихся провожать Строгановых, как кто-то постучался в мою дверь. И сердце мо,, ответно застучало.

Стук повторился; и вс,, затихло. Я, не знаю почему, подбежал к двери в комнату И. и тоже запер е,,. Не успел я добежать до постели, как услышал звук поворачиваемой ручки.

– Левушка, отоприте. У меня экстренная надобность. Скорее, мне надо передать вам поручение невероятной важности. От этого зависит жизнь двоих людей. Скорее, пока И. не вернулся, – слышал я задыхающийся голос Генри.

Я неподвижно, молча лежал. Если бы он говорил мне даже, что он горит, что жизнь его зависит от нашего свидания, что я умру сам, вс., равно я бы не изменил Ананде и И. и не двинулся бы с места.

Генри принялся так сильно д.,ргать дверь, что я стал бояться, что он сломает запор. Я тихо встал, надел халат и решил перейти в комнату капитана, но тут услышал, как открылась парадная дверь, и понял, что сейчас войдут мои друзья.

Стучавший в дверь уже с остервенением, звавший меня громко и грубо, Генри не услышал шагов И. и Ананды.

В комнате И. вс., смолкло. Затем я услышал голос Ананды, говорившего на незнакомом мне языке, потом торопливые шаги князя, спрашивающего, что это за шум ему послышался. Потом снова вс., смолкло, и через некоторое время я услышал дорогой голос И.

– Ты можешь открыть дверь, Левушка?

Я открыл дверь; И. осветил свечой мо., лицо, ласково улыбнулся и сказал:

– Первое испытание на верность ты выдержал, дорогой мой мальчик. Иди дальше с той же честью и станешь другом и помощником тем, кого ты выбрал себе идеалом.

ГЛАВА 22 НЕОЖИДАННЫЙ ПРИЕЗД СЭРА УОМИ И ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА ЕГО С АННОЙ На утро следующего дня, не успел я проснуться, как И. позвал меня к Ананде.

Мы спустились вниз, было ещ., не жарко, и я с восторгом вдыхал аромат цветов, которые князь разв.,л во множестве.

Шум города доносился откуда-то издалека. Мне казалось, что это там, за нашей оградой, мечутся люди и бушуют страсти, свиваются клубки страданий и быстро исчезающего счастья. А здесь, подле И. и Ананды, жив.,т атмосфера устойчивого мира.

Но тотчас мелькнуло в памяти измученное лицо Генри, его бешеный голос. Я вздохнул и ещ., раз прочувствовал утверждение И., что невозможно поднять человека в иную атмосферу, если он не носит е., в себе.

Первым, кого я увидел у Ананды, был Генри, уныло сидевший перед столом.

– Здравствуй, Левушка, – сказал мне Ананда. – Скажи, пожалуйста, почему ты ночью не открыл Генри дверь, хотя он заклинал тебя это сделать, уверяя, что двум людям грозит смерть?

– Только потому, что дал себе слово не нарушить верности вам. Ведь я

обещал вам ни с кем три дня не видется. Только потому и письмо у него не взял. И говори он мне, что сторит в огне, если я ему не открою, – я вс,, равно верил бы вам, а не ему; верил бы, что того, что знаете и можете вы, не знает и не может Генри; хотя – в то же самое время – я совершенно уверен, что Генри знает и может гораздо больше, чем знаю и могу я сам.

У меня не было и нет никаких сомнений. И если вы считаете, что я поступил не так, прошу прощения. Но послушаться ни вас, ни И., ни Флорентийца я вс,, равно не могу.

Зная свою невежественность, я не осмелился бы судить о ваших распоряжениях. А будучи спас,,нным вами от смерти, зная, как самоотверженно откликнулись вы на зов Флорентийца помочь моему брату, – я из одного чувства благодарности и преданности решился бы скорее разделить вашу печальную судьбу, если бы такое могло случиться, нежели нарушить данное вам слово.

– Что ты скажешь мне. Генри? – спросил Ананда. Его голос меня потряс. Ни один отец не мог бы так ласково, с таким состраданьем обратиться к провинившемуся сыну. Я внутренне устыдился. Да, я гордился тем, что выполнил свой урок, что не споткнулся об условность, видя существо дела. Да, я понял, что действительно люблю своих высоких друзей и предан им. Ну а любил ли я Генри? Голос Ананды, в котором не было ни капли упр,,ка, а одно только бесконечное сострадание, показал мне, как именно должна звучать истинная любовь.

Генри, за минуту до этого мрачный, поднял голову, посмотрел Ананде в глаза и хрипло сказал:

– Сам не понимаю, как мог я дойти до такого состояния. – Я ведь тебе говорил, чтобы ты не брал писем у Жанны. Я тебя предупреждал, чтобы ты не знакомился с Браццано. Объяснил, что тебе – кармически с ним связанному – придется ему помогать, но лишь тогда, когда ты пойм,,шь суть его злодеяний. Я запретил тебе даже видется с ним сейчас без меня или И., а ты пош,,л к нему, да ещ,, пов,,л с собой Жанну. – Нет, Жанна не переступала его порога.

– Только потому, что вас встретил Строганов и ты не посмел увести е,, из магазина в рабочее время, – продолжал Ананда. – Но дело теперь не в этом. Ты, Генри, потерял возможность кончить свои вековые сч,,ты с этим человеком. Ты мог, с нашей помощью, заплатить добром и любовью за то зло, что нан,,с когда-то этот человек тебе и твоей матери. И ты не вынес самого л,,гкого из испытаний, чтобы двинуться дальше.

Тебе надо сейчас расстаться со мной, но не потому, что я сержусь на тебя или недоволен. Но просто потому, что в атмосфере тех вибраций, где

живу я, в колебаниях волн той частоты и высоты, где легко дышу я, – ты, с бунтом в душе, жить не сможешь.

Выбрось письма, – они давят тебя. Рука, их писавшая, была во власти зла, под гипнозом сильного, т.,много и лживого существа. Брось брелок, который привесил тебе Браццано. Посмотри, во что превратилась голубая жемчужина, которой ты так любовался.

Генри, до корней волос залитый краской стыда, вынул часы и с трудом, дрожащими руками, отцепил круг из ч.,рного агата. Он собирался положить брелок на стол, но И. удержал его руку, говоря:

– Не надо пачкать стол этой отвратительной вещью. Посмотри, где же твоя голубая жемчужина? Генри положил брелок на ладонь и вскрикнул:

– Да ведь ещ.,, вчера дн.,м я видел, как она переливалась голубым и алым цветом! А теперь здесь смола, липкая и красная, как капля крови.

– Брось е.,, вместе с письмами в камин, и ты, быть может, кое в ч.,м убедишься, – подавая зажж.,,нную свечу медленно, как бы что-то преодолевая, сказал Ананда.

Генри колебался. Но две пары глаз излучали такую огненную волю, что он бросил письма в камин, туда же брелок и подж.,,г.

Как только бумага вспыхнула, раздался треск, подобный выстрелу, и вс.,, что было только что брелком, разлетелось в мельчайшие куски, а потом в порошок. Комнату наполнил смрадный дым. Я закашлялся и с трудом дышал. Генри же, не отрывая глаз, смотрел в камин. На лице его выступили капли пота, он точно видел что-то в огне. А пламя – для двух писем – было несоразмерно велико.

Вдруг он вскрикнул, упал перед Анандой на колени и прошептал: – Какой ужас! О Боже мой, что я наделал? Что меня ждет теперь?

– Ты верн.,,шься в Венгрию. И уедешь к моему другу, если действительно хочешь заново начать поиски пути к самообладанию и встрече со мною. Не задумывайся о том, что будет в дал.,,ком будущем. Ищи сегодня, сейчас силу и любовь решить свой вопрос. Если же не хочешь всего этого, если встреча со мной когда-нибудь тебя не прельщает, – иди своим пут.,,м как знаешь и как хочешь. Ты свободен, как был свободен, когда жил со мною. Но если решишься поехать к моему другу, – ты должен отправляться через три часа с отходящим пароходом.

– Жить без вас? Жизни нет для меня там, где нет вас. Но я понял, что виновен, и раздумывать не о чем. Я еду. И слов никаких не даю. Не потому, чтобы я не верил в свои силы. А потому, что я знаю верность вашей любви, знаю, что вы меня позовете, если я буду готов и достоин. Я вымолил, чтобы вы взяли меня с собой. И вы – против воли – меня взяли. Не буду больше

просить. Не буду попусту ждать. Я буду действовать и жить, как если бы я жил подле вас.

– Иди, собери вещи, ни с кем ни о чем не разговаривай и вернись сюда. Я сам объяснюсь с князем, дам тебе письмо и провожу тебя, – погладив его по голове, сказал Ананда.

С большим трудом Генри овладел собой, поклонился нам и вышел. Ах, как в эту минуту я любил Генри! Как хотел бы обнять его, попросить прощения за самолюбивые мысли и сказать ему, что всем сердцем понимаю, как тяжела для него эта разлука. Но я не смел прервать молчания своих друзей.

Через некоторое время Ананда встал и позвал нас в свою тайную комнату. Здесь он сел за стол, посадив И. рядом, а я устроился под новым деревцем сирени, которым чьи-то любящие руки заменили мо,, отцветшее.

– Много ещ,, людской скорби увидишь, Левушка, в жизни и немало испытаешь сам, И всякий раз, с каким бы страданием ты ни встретился, будешь видеть, что истоки каждого – в страхе, сомнениях, ревности и зависти, а также в жажде денег и славы. На этих корнях произрастают все другие страсти, в которых гибнут люди. Вторая половина горестей проистекает от слепоты, от мысли, что жизнь есть маленький период от рождения до смерти, глубоко личный и отрезанный от остального мира. И этот главный предрассудок мешает увидеть ясно всю вселенную, понять сво,, в ней место.

Не считай нас высшими существами, как иногда ты склонен это делать. Когда-то и я, и И. – мы шли так же, как ты ид,,шь сейчас. В страданиях и плаче раскрывалось наше сердце, в тревогах и муке расширялось сознание.

Твой талант, твои прежние искания высшей духовной жизни, о которых ты сейчас не помнишь, дали тебе возможность и в этой жизни продолжить свой путь совершенствования. Они-то и столкнули тебя с Али и Флорентийцем, с нами и ещ,, сведут со многими в будущем. Я счастлив, что честь твоя и стойкая верность не поколебались и ещ,, более приблизили тебя к нам.

Видишь ли, одним из дел, почему я сюда приехал, – были Генри, Анна и Строгановы, запутанные в подлую сеть Браццано когда-то в прошлом и сейчас. Что касается Генри – ты видел и слышал сам. А между тем, он многое уже победил и несколько раз бывал на высоте возложенных на него задач.

У тебя путь иной. Ты одар,,н сверхсознательными силами, которых не умеешь ещ,, понять. Интуитивно тебе видны смысл и радость жизни, до

которых люди-скептики, экспериментаторы, привыкшие вс,, ощупывать руками и считать реальным лишь то, что могут нащупать, доходят веками. Им обрести цельность верности так же трудно, как тебе поколебаться в ней. Для них реальность – земля, вс,, остальное – понятия абстрактные.

И. расскажет тебе, что произошло за это время в доме Строгановых. Ты же укрепишь здоровье в течение десяти дней и будешь потом вместе с нами сражаться за жизнь и свободу Анны, е,, отца и матери, а также младшего брата, уже гибнущего под давлением Браццано.

Я прошу тебя ещ,, два дня не видеться с Жанной, которая изводит князя, прося о свидании: но он держится не хуже твоего, хотя и очень страдает, так как – при его доброте – ему слишком тяжело ей отказывать.

Ты не удивляйся, что ещ,, так долго ждать часа зловещего сражения. Если бы Генри нам не изменил – он помог бы нам очень. Теперь же его роль должен отчасти взять на себя ты. А другую часть его труда выполнит капитан, Я получил от него сегодня письмо. Он благополучно окончил рейс и через восемь-девять дней будет здесь. Вот его-то мы и подождем.

Ну, будь и дальше столь благополучен на сво,,м духовном пути, мой друг. Добивайся полного бесстрашия. И не забудь, что бесстрашие – это не только отсутствие трусости. Это ещ,, полная работоспособность, полное спокойствие в атмосфере опасности. Тебе надо так уметь жить, чтобы ты, ощущая руку Флорентийца в своей руке, не знал не только страха, но даже дрожания в нервной системе своего физического проводника.

Ананда проводил нас с И., и его глаза-зв,,зды долго ещ,, стояли передо мной.

Мы вышли в город и, медленно шагая по тени, добрались до кондитера с волшебным «Багдадом». Признавшись ему, что ещ,, ничего не ели, мы попросили нас накормить по своему усмотрению. Он пров,,л нас на маленький, укрытый в тени балкон и попросил подождать минут пятнадцать-двадцать, но за терпение мы будем с лихвой вознаграждены. И. напомнил, что мы вегетарианцы, и заверил, что согласны ждать хоть полчаса.

Оставшись вдво,,м со мной, И. стал рассказывать, что произошло за это время, что я проболел.

Одной из первых новостей для меня был визит Строгановой к Жанне, куда она

– втайне от мужа и дочери – привезла Браццано.

– Как несложно было Браццано сделать Жанну своим орудием, так же несложно оказалось ей обворожить Генри и свести его с самим Браццано. Генри поверил, что Строганов ревнует дочь и поэтому не позволяет выйти

замуж, что Анна – жертва деспотизма отца и Ананды, и что наибольшие страдальцы в семье – сама мать и е,, младший сынок.

Когда Генри прощался с Браццано, тот сумел внушить ему, что нужно заманить меня любыми способами. Вместе с тем Браццано, имея полную власть над женой Строганова и е,, сыном, подготавливает вс,, для похищения Анны. Браццано боится только Ананды, так как со мной одним он предполагает расправиться при помощи своей клики, пусть даже отправив меня на тот свет, – улыбнулся И. – Но он не знает, что сэр Уоми уже едет к нам. И тебе предстоит приятная встреча с Хавой. Браццано уже забыл, – помолчав, продолжал И., – как ему пришлось уронить свой наговор,,нный браслет, который он, кстати сказать, украл. А я жалею, что дал ему возможность выпрямиться раньше времени. Я не учел, что он так скоро вс,, забудет, и не понял сразу, как сильна эта гадина.

Дальше он мне рассказал, как Строганова своими безобразными домашними сценами довела мужа до безумного страха и, наконец, припадка, едва не стоившего ему жизни.

– Но Анна? – перебил я И., не будучи в силах выдержать более. – Неужели Анна могла сомневаться, выходить ли ей за Браццано?

– Нет, сомнения, тоже едва не ун,,ские и е,, крылись в другом. Видя кажущуюся инертность Ананды, она решила, что он не знает, как преследует е,, турок, и просила помочь освободиться от него. Ананда на это ответил, что причина е,, страданий в ней самой, что ей надо проверить, действительно ли она уверена теперь в правильности того пути целомудрия, который сама – добровольно и вопреки совету Ананды – избрала. Что надо для себя ясно решить вопрос, ид,,т ли она пут,,м радостной любви, желая найти освобождение. Или она избрала целомудрие только лишь потому, что любимый не может быть ей мужем? Если она ид,,т пут,,м отречения и отказа, ограничения и отрицания вместо утверждения жизни, где любя побеждают и творят в радости, – она не дойд,,т туда, где сможет слиться в труде и творчестве со своим возлюбленным.

Анна, не углубляясь в смысл сказанного Анандой, решила, что е,, по-настоящему не любят. Впала в сомнения, правильно ли вообще повела она свою жизнь; бунтовала, требовала, ревновала и даже усомнилась в том, кого любила. Ты видел сам финал этой драмы души за роялем, – закончил он.

Нам принесли завтрак, подали кофе. Вновь оставшись одни, мы возобновили разговор.

– Ты видел внешнюю сторону драмы у рояля. Я расскажу тебе то, чего ты видеть не мог. Сомнениями, слезами, ревностью и горечью Анна

возмутила ту устойчивую атмосферу чистоты и мира вокруг себя, в которой был бессилён действовать да-Браццано.

Чтобы его злая воля и грязные мысли могли претвориться в действия, было необходимо, чтобы в душе и мыслях Анны возникли щели, в которых можно было бы зацепиться его злу. Е., внутренний разлад предоставил Браццано эту возможность. Владея силой привлекать к себе такие же злые токи других людей, он вызвал вокруг не., целую тучу злых сил и мыслей, внушавших Анне, что любимый е., – шарлатан, что никакой иной реальной жизни и радости, нежели земная жизнь страстей, не существует, что не ради абстрактных величин живут люди, а для своих близких, плотью с ними связанных. И пока Анна играла первую часть сонаты, горе е., доходило до отрицания Бога, его путей, отрицания высоких людей с их недостижимой честью. Она была готова признать фикцией вс., чем жила годы. Здесь-то и пришлось Ананде, предельно сосредоточив внимание и волю, вызвать образ своего дяди – вельможи и доктора, о котором я тебе говорил.

Ты по личному опыту знаешь, что можешь услышать и увидеть Флорентийца, если сосредоточишь на н.,м внимание и свою чистую любовь. Но передать другому сво., виденье, если он не обладает этой высшей психической силой, задача очень тяж.,лая для физического тела человека. Это сделал Ананда для Анны и спас е., вернул ей силы жить и вновь обрести полное равновесие духа. Потом я расскажу тебе о сыне и жене Строганова... Вош.,л хозяин, мы горячо поблагодарили его и пошли домой. – Теперь, я думаю, настало время прочесть письмо капитана. А я пойду к Ананде. Я бы очень хотел, чтобы ты не выходил из наших комнат, пока я не вернусь, – сказал мне И., когда мы возвращались.

Я обещал, крепко решив, что никуда не пойду. Я достал письмо и св.,рток капитана. Запер все двери и сел на диван. И поймал себя на мысли, что почему-то жду Жанну. Не то, что жду даже, но – как и тогда ночью, когда я был уверен, что прид.,т Генри, – я был и теперь уверен в появлении Жанны.

Я стал читать письмо моего дорогого капитана. Любовь свою к нему и е., настоящую глубину я понял только сейчас, когда стал разбирать его крупный, как будто ч.,ткий, но на самом деле не очень легко разбираемый почерк.

«Левушка, – храбрец-весельчак, – т.е. до чего я огорч.,н, что должен уехать, оставляя Вас не то живым, не то м.,ртвым.

Некоторую долю спокойствия я, конечно, увожу в сердце, потому что оба Ваших друга сказали мне, что Вы будете жить. Но все эти дни мне так

не хватало Вас, Вашего заливистого смеха и мальчишеских каверз.

В Константинополе я пережил целых три этапа жизни. Сначала я вс,, похоронил. Потом я ожил и увидел, что многое уже ушло, но жизнь ещ,, не потеряна.

Теперь во мне точно звенит какая-то радость. Как будто я обр,,л новое спокойствие: не один только мозг воспринимает день и сопутствующие ему страсти и желания, а на каждое восприятие мозга отвечает сердце; пробуждается доброжелательство ко всякому человеку, а страсти и желания молчат, не имея прежнего самодовлеющего значения. Это для меня так же ново, как нова и непонятна моя, человека холодного и равнодушного, привязанность к Вам. Я думаю, что Вы меня поразили в самое слабое мо,, место Вашей дикой храбростью. (Простите, но иного названия я ей не нахожу.) Я с детства носился с идеей неустрашимой храбрости. Бесстрашие было моим стимулом жить, И вдруг я встретил мальчишку, который меня так запросто переплюнул, вроде бы как съел сол,,ный огурец!

По логике вещей я бы должен был завидовать Вам и Вас ненавидеть. А вместо этого я прошу Вас принять от меня маленький привет в знак моей всегдашней памяти и любви, преданной дружбы и желания жить вблизи от Вас. Ваш капитан».

Я был тронут письмом и его – незаслуженными мною – лаской и приветом. Растеребив изящно и хитро увязанный пакет, я, наконец, вынул кожаный футляр, открыл его и вскочил от неожиданности.

Точная копия кольца, которое подал я Ананде от капитана, только с буквой «Л» и с камнями зел,,ного цвета, лежала на белом атласе футляра.

Я вынул его. По бокам и сзади – вместо фиалок на кольце Ананды – были вделаны очаровательные лилии из изумрудов и бриллиантов. На дне футляра лежала записка.

«Анна сказала мне, что Ваши камни – изумруд и бриллиант; а цветок ваш – лилия. Так я и поступил. Угодил ли?» – прочел я написанное размашистым почерком.

Я был и очень рад, и очень смущ,,н. Я вспомнил, как сказал ему: «Вот такого – никто мне не подарит», – когда мы сидели на диване в комнате Ананды и вместе любовались его кольцом.

Вс,, ещ,, сидел я над кольцом, уйдя в размышления о том, где теперь капитан, что он делает, кто подле него и как я буду рад его видеть снова, как вдруг услышал какую-то возню в комнате рядом, похожую на ссору, и голос князя, который я даже с трудом узнал. Обычно он говорил тихо, я и не представлял себе, что он может разговаривать так возмущенно, громким, высоким голосом.

– Две недели подряд вам говорю, что он болен, что его нельзя беспокоить, потому что это может вызвать еще, один рецидив болезни, – и тогда уже ему не будет спасения, – кричал князь, несомненно с кем-то борясь. – А вы, каждый раз повторяя, что обожаете его, лезете с какими-то письмами, с какими-то поручениями, от которых меня издали тошнит. Как вы можете быть игрушкой этого негодяя? – услышал я французскую его речь задыхающимся голосом.

– Вы бессердечный! Это вы зловещий человек! Вы уморили свою жену, как рассказала мне мадам Строганова. Теперь участвуете в заговоре, чтобы уморить Левушку, – кричала вне себя Жанна, голосом визгливым и вульгарным.

– Если бы я не видел вас прежде, до знакомства с этим злодеем, если бы вас не представили люди, которым я обязан не только жизнью моей бедной жены, но и своей жизнью, – я бы не задумываясь выбросил вас сейчас же вон, чтобы никогда больше не видеть вашего бессмысленного лица в моём доме. Но я думаю, что вы сошли с ума! Что вы одержимы злой волей, – и только потому я говорю вам: извольте уйти отсюда сами; вы не увидите Левушку, разве только если у вас под пелериной нож и вы решитесь меня зарезать. Несколько минут прошло в молчании. – Боже мой, Боже мой! Что они со мной сделают, – услышал я снова голос Жанны, молящий, плачущий. – Ну поймите, поймите, – я должна отдать Левушке этот браслет и это письмо. Для Анны. Он должен сам надеть ей браслет, потому что я не могу, не имею сил подойти к ней. Ну поймите, – не могу, да и только! Лишь я беру браслет и подхожу к Анне, – что-то меня не пускает. Нет препятствий, а подойти не могу! А Левушка может. Поймите, если я не передам ему поручения – лучше мне и домой не возвращаться. Ну вот я на коленях перед вами, пожалейте меня, моих детей, – рыдала Жанна за дверью.

Моё сердце разрывалось. Но я понимал, что должен в полном самообладании звать Флорентийца. Я сосредоточил на нём все свои силы и – точно молния – мне ударил в уши ответ: «Зови сейчас же, сию минуту Ананду».

Я ещё раз сосредоточил всё своё внимание, почти изнемогая от напряжения, и услышал как бы издали голос Ананды: «Иду». Я мгновенно успокоился, как-то утих внутри. И тут же совершенно ясно осознал степень безумия Жанны. Поняв вдруг, что у неё есть нож, что она ранит князя, я бросился к двери, но уже другая сильная рука держала руку несчастной, в которой сверкало лезвие тонкого и узкого, длинного ножа... Ананда встряхнул руку Жанны, нож выпал. – Не прикасайтесь, – крикнул Ананда

князю, собиравшемуся поднять нож. – Левушка, закрой дверь этой комнаты на ключ, чтобы сюда никто не вош,,л от князя, – обратился он ко мне. – Ну а вы, бедняжка, – по-французски сказал он Жанне, – положите рядом с ножом ваш дрянной браслет.

Жанна как сомнамбула, ни на кого не глядя, положила футляр рядом с ножом на пол.

– Протрите руки, шею, лицо вот этим тампоном, – снова сказал он ей, подавая куски ваты, смоченной жидкостью из флакона, который вынул из кармана.

По виду флакон напомнил мне тот чудной пузырь,,к, где находилась жидкость, которой смазал меня перед пиром у Али мой брат и я стал ч,,рным. Я перепугался, что, вдобавок ко всему, бедная Жанна превратится в Хаву.

К счастью, этого не случилось, и я с облегчением вздохнул, видя, что Жанна не чернела, хотя усердно т,,рла лицо, шею, руки. Исполнив это, Жанна постояла с минуту в раздумье. Она осмотрела всех нас с удивлением и сказала слабым голосом, точно никого не узнавая:

– Где я? Почему я здесь? Неужели это пароход? О капитан, капитан, не выбрасывайте меня, – вдруг сказала она Ананде. Она снова помолчала, пот,,рла лоб обеими руками. – Нет, нет, вы не капитан, это не пароход. Но тогда где же я? Ох, голова моя, голова! Сейчас лопнет, – в каком-то бреду тихо говорила Жанна.

Ананда взял е,, за руку, князь пододвинул ей кресло и, покачивая головой, усадил в него.

– Я так и думал, что она сошла с ума, – сказал он. – Признаться, она и меня едва не потянула за собой. Я еле выдерживал е,, истерики последних дней.

– Левушка,пусти И., он у двери, – сказал мне Ананда. Я не услышал стука за суетой в комнате, подбежал к двери и впустил И.

Ананда отош,,л от кресла, указал И. на Жанну, и тот, подойдя к ней, положил ей руку на голову, – Узна,,те ли вы меня, Жанна? – спросил он, – Господин старший доктор, как же могу я не узнать вас? – ответила тихо и совершенно спокойно Жанна. – Зачем вы сюда пришли, Жанна?

– Я сюда пришла? Вы ошибаетесь, я сюда не приходила и этого дома я даже не знаю, – снова тихо отвечала Жанна. – И я очень хочу к себе. И. отнял свою руку.

– Ах, нет, нет, я не хочу домой, там ждет меня что-то ужасное... Хотя ведь там мои дети. Боже мой, что вс,, это значит? Больно, больно в сердце, – вдруг громко закричала она. Ананда быстро подош,,л к ней и взял обе е,,

руки.

– Посмотрите на меня, Жанна. Знакома ли вам вот эта вещь? – Он подал ей обычный восточный кошел, к, шитый бисером.

– Да, это дала мне вчера мадам Строганова. Она сказала, что это подарок Браццано е,, младшему сыну; но оттуда выпало несколько бисеринок, от чего расстроился рисунок. И что такие бисерины есть только у Анны; что нужно взять их в е,, рабочей шкатулке и поправить рисунок. А я не могу их взять; не знаю почему, а не могу. – Е,, голос переш,, л почти на ш,, пот.

И. подв,, л меня к Жанне, которая или не видела, или не узнавала меня до сих пор.

– Левушка, Левушка, ах как вы мне нужны! Я вас, кажется, уже год ищущу. Хотела вам что-то очень важное сказать, а сейчас вс,, забыла. Где вы были вс,, это время? Вот здесь... – Она стала искать у себя в кармане пелерины. – Нет, я больна, Левушка, – сказала Жанна ничего не найдя в кармане и опустив руку.

И. поднял безжизненно упавшую руку Жанны и с помощью князя перев,, л несчастную женщину в свою комнату. Здесь он ещ,, раз от,, р ей лицо и руки и подал стакан с водой, куда налил чего-то. Жанна жадно выпила; на е,, безжизненном и бессмысленном до сих пор лице появился румянец. Через минуту перед нами сидела прежняя Жанна, Жанна самых лучших и чистых минут своей жизни.

– Теперь вам надо вспомнить, как вы жили эти последние дни, Жанна, и рассказать нам, что было с вами. Мы хотим помочь, но для этого надо, чтобы вы вс,, вспомнили сами, – обратился к ней И.

– О, наконец я дышу спокойно, я вижу вас и Левушку живыми. Если бы я хотела рассказать вам, что со мной было, то могла бы сказать только одно: я была как м,, ртвая, – сейчас я воскресла. Меня давила какая-то мысль, будто я должна сделать что-то, похожее на преступление... Да, да, вспомнила, Браццано велел мне добиться через Левушку, чтобы на руке Анны был его браслет; что он только тогда может быть спокоен, что она выйдет за него замуж. Теперь я вспомнила вс,,. Он прив,, л меня сюда, велел идти к Левушке, и хоть убить кого-нибудь, а пройти к нему и передать этот ужасный браслет. Знаете ли, он точно жж,, т руки, когда его держишь, этот браслет.

Она замолчала, пот,, рла лоб, обвела нас всех взглядом и спросила:

– Я не сделала ничего ужасного?

– Нет, вс,, хорошо. Забудьте теперь обо вс,, м этом и ничего не бойтесь. Мы проводим вас домой, – сказал ей Ананда.

– Как страшно! Там будет ждать Браццано. Он меня убь,,т, – прошептала Жанна, сжимаясь в комочек.

– Не бойтесь ничего. Сейчас мы пойд,,м встречать одного нашего друга. С ним приедет его секретарь, женщина. Она негритянка. Для нашего друга у нас есть помещение, но е,, нам поместить некуда. Не дадите ли вы ей приют на эту ночь? В отеле она слишком привлеч,,т к себе внимание, чего бы нам не хотелось, – сказал Жанне Ананда. – Ах как я буду рада! Я так боюсь одна теперь. – Если разрешите, я проведу ночь в вашем магазине, внизу, и тогда вам совсем не будет страшно, – подавая Жанне накидку, сказал И.

– Надо спешить. Князь, мы вас эксплуатируем. Но я только час назад узнал, что именно сегодня должен встретить того мудреца из Б., о котором вам говорил, – пожимая князю руку, сказал Ананда. – Разрешите мне занять комнату капитана, а ему я уступлю свои.

– Зачем же? Хватит комнат в доме, – запротестовал было князь, но Ананда настоял на сво,,м.

Мы простились с нашим милым хозяином и поспешили к пароходу.

Жанна шла между И. и Анандой, а И. держал меня под руку. Я так одурел от всех происшествий дня, что стал «Левушкой-лови ворон».

Когда мы завернули за угол пустынной улицы, то увидели что навстречу ид,,т Браццано, нагло глядя на нас. Его адская физиономия выражала крайнее раздражение.

Но не сделав и тр,,х шагов, он вдруг согнулся чуть не пополам, свернул на мостовую и стал переходить улицу. – Идите, – сказал нам Ананда. – Я сейчас вас догоню. В один миг он был подле турка, и каждое слово, произнес,,нное его металлическим голосом, долетало до нас:

– Ещ,, есть время одуматься. Доползи сгорбленным до дома и три дня не имей сил разогнуться. Обдумай, во что вступаешь. Обдумай, кого вызываешь на бой. Ещ,, есть время, ещ,, можешь вс,, искупить. Сиди без языка и движений и думай. Опомнись или пеняй на себя за вс,, что последует. В последний раз милосердие дарит тебе зов и возможность исправиться.

Ананда догнал нас, оставил И. с Жанной, ласково обнял меня и сказал:

– Мужайся, мой дорогой. Так много испытаний упало на тебя сразу. Боишься ли ты? – спросил он меня.

– Месяц назад меня перепугала Хава. Но турка я не испугался и вообще ничего в вашем присутствии не боюсь. Я только молю Флорентийца помочь мне в страшные минуты – если они будут, – привести мой организм в полное спокойствие, быть работоспособным.

– Bravo, друг, – рассмеялся Ананда. – Ты мне напомнил рассказ капитана, пораженного твоим веселым смехом в самый ужасный момент бури. Теперь и мне стало весело от твоей храбрости.

Я не успел ничего ответить. Через несколько минут мы уже стояли перед сэром Уоми и Хавой, шедшими нам навстречу с пристани.

После первых радостных приветствий мы усадили Хаву, Жанну и И. в экипаж. Слуга сэра Уоми, несший за ним два больших чемодана, положил один из них в экипаж, и кучер натянул вожжи.

Сейчас сэр Уоми показался мне несколько иным. В легком сером костюме, в белой шляпе на темных вьющихся волосах, с тростью какой-то особенной формы, он легко шел рядом с державшим меня под руку Анандой. Он отказался от экипажа, сказав, что с большим удовольствием пройдет с нами пешком. Но прежде он обернулся к своему слуге и спросил, не тяжело ли тому будет нести вещи. Слуга улыбнулся и, положив, как игрушку, чемодан на плечо, ответил, что и десять верст прошагать с такой поклажей суций пустяк.

Встречать нас вышел князь. Против обыкновения лицо его было расстроено, хотя приветствовал он сэра Уоми с большой радостью, даже восторгом, так ему свойственным.

Мы пропустили сэра Уоми и Ананду вперед. Не сговариваясь с князем, мы оба поняли, что хотим что-то сказать друг другу.

– Князь, – шепнул я ему, – к обеду надо непременно дыню. Восточный мудрец без дыни немислим, – повторил я слова кондитера, вдруг уверовав в них как в несомненную истину.

– Ах ты Господи, я совершенно об этом забыл! Сейчас побегу распорядиться,

– засуетился князь. – Но, Левушка, это поправить легко. А вот вещи те проклятые все лежат в комнате до сих пор. Я ношу ключ в кармане, чтобы никто туда не вошел. Ананда трогать не велел, и я боюсь его послушаться.

Мы стояли перед крыльцом Ананды и, должно быть, имели вид заговорщиков, потому что услышали его веселый смех: – О чем вы так таинственно шепчетесь, друзья? – О том, что лежит на полу, – ответил я.

Лицо Ананды стало серьезным, он бросил нам: «Подождите» и вернулся к сэру Уоми. Прошло, вероятно, минут десять. Князь успел распорядиться насчет дыни и вернуться назад, раньше чем на крыльце показались оба наших друга.

– Не волнуйтесь, князь. Конечно, все это очень неприятно, но страшного для вас и вашего дома здесь нет ничего. Вот я вижу у стены стоит лопата. Возьмите ее с собой, она нам пригодится, – сказал сэр Уоми

князю.

Князь очень удивился, но не сказал ничего и взял лопату. Через несколько минут мы были в комнате и остановились возле сверкавшего на полу розового браслета и узкого ножа. Сэр Уоми, взяв у князя лопату, подобрал на нее, обе вещи, достал из кармана коробочку вроде табакерки и высыпал из нее, какой-то ж,лтый порошок, густо покрывший браслет и нож.

– Отойдите, Левушка, станьте за моей спиной, – сказал мне сэр Уоми.
– А вы, князь, спрячьтесь за Анандой.

Когда мы исполнили его приказание, он подн,,с спичку к лопате и отодвинулся.

Порошок ярко вспыхнул, вскоре послышались шипение и треск, а потом, точно разбитое стекло, с каким-то стоном разлетелся вдребезги нож. Дым и смрад разошлись по всей комнате, и Ананда во всю ширь распахнул дверь на балкон.

– Вот и вс,,. Теперь эти вещи ни для кого больше не опасны, Бедный Браццано решил, что он колдун и владеет тайнами средневековья, обладающими несокрушимой силой. И, как всегда, при встрече с истинным знанием все злые тайны, не представляющие ничего другого, кроме гипноза той или иной силы, разлетаются в прах, – задумчиво обводя нас своими фиолетовыми глазами, говорил сэр Уоми.

– Теперь, Левушка, вы можете взять браслет, он абсолютно безвреден, а по красоте это вещь изумительная. – Сэр Уоми засмеялся и с неподражаемым юмором продолжал: – Можете хоть Анне надеть его на е,, прекрасную руку. Надо только протереть, он закоптился. Возьмите вот этот флакон и протрите камни.

Он подал мне небольшой флакон, я смочил носовой платок и прот,,р браслет. Больше такой вещи я уже никогда не видел. Вероятно, Браццано ограбил какую-нибудь гробницу египетских фараонов. Думаю, что в коронах европейских королей не было ни подобных камней, ни оправы.

Я собрал жалкие остатки искривленной, ставшей совсем ч,,рной стали на лопату и выбросил с балкона в сад, а браслет подал сэру Уоми.

– Нет, дружок, эта вещь предназначалась для передачи через вас. Снесите е,, в вашу комнату, умойте руки, и не станем задерживать нашего милого хозяина, – ласково сказал мне сэр Уоми. – А какова будет судьба браслета – увидим дальше, – усмехаясь, прибавил он.

Быстро прош,,л я к себе, спрятал, не без отвращения, браслет, доставивший страдания и заботы стольким людям, умылся и присоединился ко всему обществу, вышедшему на балкон. Я застал уже

конец разговора. Сэр Уоми говорил: – Все эти так называемые т,,мные силы – не что иное, как невежественность. Люди, стремящиеся подсмотреть силы природы, при известном напоре одной воли – отыскивают их. Обычно это люди, одар,,нные более развитыми, чем у других, психическими силами. Но так как их цель – знание, служащее только их собственным страстям и обогащению в ущерб общему благу – они отгораживаются в отдельные группы, называя себя разными умными именами. Компаньонов они подбирают непременно с большой и упорной волей, обладающих силой гипноза.

Это очень длинная история, о ней в двух словах не расскажешь. Тянется она от древнейших врем,,н, и таких источников лжи и лицемерия, слывущих колдунами, алхимиками, провидцами и т.д., очень много.

Возьм,,м наш случай. Почему скрючился и лопнул нож? Потому что так называемый «наговор» на н,,м был сделан на смерть упорством воли. То есть, если бы человек, которому он был дан, встретил препятствие к выполнению внушенного ему приказания, – он убил бы всякого, ему мешавшего. Браслет же н,,с в себе и другой наговор и имел целью привлечь любовь той, чью руку он должен был украсить.

Та сила знания, где не упорством воли, а любя побеждают, скромная часть которого известна мне, – помогла мне в одно мгновение победить и уничтожить все труды злой воли невежды, истратившего на свои заклятия годы жизни и считавшего ч,,рную магию вершиной знания.

Слуга приш,,л пригласить нас к обеду. Обед сэра Уоми состоял из молока, хлеба с м,,дом и фруктов. Я нетерпеливо ждал, будет ли он есть дыню, боясь осрамиться перед князем. Он съел кусок, лукаво поглядел на меня своими беспредельной доброты и ласки глазами. Я обмер; мне показалось, что он раскрыл мою черепную коробку и читал вс,, что я думал, и знал, как я боялся, что он вдруг не прикосн,,тся к дыне.

– Кстати, Ананда, Хаву вы с И. у меня похитили и пристроили по своему усмотрению. Я остался на бобах, без секретаря, хотя мог бы быть спрошен, желаю ли этого, – весело смеялся сэр Уоми. И смех его напомнил мне звон серебряных, гармонично подобранных колокольчиков. – Теперь я хочу – без спроса у вас – похитить во временные секретари вашего юного литератора.

– О, как бы я был счастлив, если бы мог удостоиться такой чести, – в полном восторге воскликнул я.

– Сэр Уоми, я виноват перед вами. Но ведь это только на одну сегодняшнюю ночь, – сказал Ананда. – И если вам сейчас нужен секретарь, я готов служить вам. Сэр Уоми покачал головой и тихо сказал:

– Хаве придется прожить там намного дольше. Вы с И. будете очень заняты. А мальчик пусть останется при мне. Сегодня мне никто не нужен. А завтра, Левушка, если тебе не кажется страшным заделаться секретарем такого сердитого хозяина, приходи в девять часов ко мне и будешь работать часов до трех-четырёх.

Сэр Уоми встал, поблагодарил князя и сказал, что в пять часов они все вместе зайдут осмотреть его больную жену. С самим же князем побеседует завтра вечером у себя.

Я был на десятом небе. Всё, пело у меня внутри. Мы проводили сэра Уоми в его комнату и вернулись к себе. Ананда устроился в комнате капитана. Я не мог удержаться, бросился ему на шею и попросил:

– Ананда, миленький, хороший Ананда, помогите мне не осрамиться завтра у сэра Уоми. В чём заключаются обязанности его секретаря?

Ананда обнял меня за плечи, рассмеялся своим металлическим смехом и, поддразнивая, сказал:

– Вот если бы ты не боялся Хавы, ты бы мог у неё об этом спросить.

– Ну что вы, я уже давно с ней подружился! Это уже история из моего детства. Ананда снова весело засмеялся.

– Пойдите, – сказал я, вслушиваясь в его смех. – Как странно. Вы сейчас смеялись, а я почувствовал, что мысли ваши совсем не здесь, а в чём-то далёком, печальном и даже воинственном. Сэр Уоми смеялся, – и я точно серебряные колокольчики слышал. Хотя тоже знал, что мысли его далеко. Но... Как бы это выразить? – замешкался я, подыскивая образ для своей мысли. – Понимаете ли, мысль сэра Уоми была какая-то всеобъемлющая. Она была и где-то там, но одновременно жила здесь. А ваша – жила где-то далеко, а здесь только скользила.

– Да ты, Левушка, действительно любишь загадывать загадки, – улыбаясь и пристально глядя мне в глаза, сказал Ананда. – Ты совершенно отрезвил меня, мальчик. Моя мысль действительно раздвоилась. Но то, что ты подметил и что составляло различие меж нами, не было моей рассеянностью. А тяжким порывом личного горя, причинённого мне одной душой, в твоём рвении и верности которой я ошибся. Конечно, я сам виновен, потому что видел то, что мне хотелось видеть, а совсем не то, что носил человек в сердце. И дважды виноват, что воспринял это как личную печаль. А сэр Уоми не может ничего воспринять лично. Его любовь проникает в человека, подымая его и облегчая ему жизнь во всех его проявлениях.

Ты отрезвил меня и... ты же порадовал вчера с Генри, сегодня с Жанной. Ты много выстрадал, но зато ты далеко шагнул. И сколько бы ни продвигался вперёд человек, через какие тяжкие страдания он бы ни шёл к

знанию, если он честен и верен до конца, если компромисс не соблазнит его, – он достигает счастья жить легко, радостно. Живи легко и дай себе слово никогда не плакать. – Ананда обнял меня, и мы разошлись по своим комнатам.

Впервые после отъезда из Москвы я расстался сегодня с И. И имел случай в одиночестве подумать обо вс.,м, чем я обязан этому человеку. Я был полон благодарности и нежной любви. Мне так не хватало сейчас моего снисходительного друга и наставника; и было горько, что я ничем не могу быть ему полезен теперь и не увижу его, проснувшись завтра утром. Решив, что после занятий с сэром Уоми я попрошу разрешения сбегать к И., я лег спать счастливый и радостный. Как бы ни был тяжел этот день, а жил я сейчас поистине «легко».

Ровно в девять часов следующего утра я стучал в двери сэра Уоми.

– Ты точен, друг, – встретил он меня, сам отворяя мне дверь.

Меня удивило, что в комнате ничего не изменилось, точно здесь продолжал жить Ананда, у которого неизменно царил образцовый порядок. И сейчас тоже не было заметно никаких следов завтрака, нигде ни пылинки, – только на письменном столе лежало несколько писем, какая-то тетрадь и ещ., не обсохшее от чернил перо. Видно было, что сэр Уоми уже давно работал.

Я пров.,л параллель между нашими комнатами и со стыдом вспомнил, как я сейчас спешил, какой кавардак оставил после себя и как бежал бегом, проглатывая последний кусок у самой двери.

Я дал себе слово и в этом отношении быть достойным своего хозяина. В первый же раз, когда И. нет со мной, я оставил в комнате такой хаос! Мне стало очень, до тошноты, неприятно.

Должно быть, мо., лицо отразило мо., состояние, потому что сэр Уоми, лукаво улыбаясь, спросил, не страшит ли меня перспектива работать с ним.

– Как могли вы подумать такое, сэр Уоми? – даже привскочил я с кресла, в которое он меня усадил. – Я просто – едва вош.,л – увидел в себе ещ., одну черту, вдобавок к другим, которые делают меня недостойным счастья служить вам секретар.,м. Но бояться вас? От вас так и льются потоки любви. Я мог бы бояться Али и его прожигающих насквозь глаз. Но в свете ваших глаз можно только тонуть в блаженстве.

Сэр Уоми рассмеялся, и мне снова почудились звенящие колокольчики.

– Зима, тройки... малиновый звон... – невольно вырвалось у меня.

– Что ты там бормочешь, друг? Тут растаять можно от жары и пыли, а ты бредишь зимой?

– Видите ли, сэр Уоми, я совсем ошалел от всех встреч и переживаний,

которые на меня свалились в последнее время. Я никогда не подозревал, что на свете могут жить такие люди, как Али, Флорентиец, вы, наконец И. и Ананда. Да, впрочем, я не думал, что существуют на свете такие, как Анна или Наль.

Я слушал, что говорили эти замечательные люди, и часто их не понимал. Вернее, моя мысль не поспевала за ними; а слова падали куда-то в глубину и оставались там лежать до времени.

Я знаю, что очень неясно выражаюсь. Но я веду к тому, что больше всего мне говорят о человеке тон его голоса и смех. Они точно камертон ведут меня напрямиком – минуя всякую умственную логическую связь – к пониманию чего-то очень сокровенного в человеке.

Ананда говорит и смеется голосом самым очаровательным. Вряд ли можно найти еще, один подобный голос, звучащий таким металлом. Раз его услышав – забыть нельзя. Но в сердце моём – вот в том месте, где происходит понимание вещей помимо мысли – я знаю, что в любую минуту его голос способен загреть гневом, как небесный и страшный гром, от которого все, вокруг может развалиться.

И глаза его – звонкие небесные. А засмеется он – я слышу в его смехе звенящие мечи. А вы говорите – журчат весенние ручьи. Так радостно становится, жить хочется! А засмеетесь – дух захватит, точно на тройке катишь, под звон волшебных колокольчиков.

– Ну и секретарь! Если бы я не знал твоего брата, я бы сказал, что твой воспитатель научил тебя говорить отличные комплименты! Но вот погоди; в тот день, когда мы будем сражаться с Браццано – а это будет посложнее, чем справиться с его кинжалом и браслетом, – внезапно, вслед за только что отзвучавшим смехом, серьезно сказал сэр Уоми, – ты увидишь меня, по всей вероятности, иным. Тогда и решишь все, о моих ручьях и колокольчиках.

– Думаю, что если мне суждено увидеть вас грозным и гневным, – то это все, же будут раскаты колоколов, зовущих к тому, чтобы грешные опомнились, – представляя себе сэра Уоми другим, сказал я с огорчением. И снова сэр Уоми рассмеялся.

– Ну хорошо, это еще, когда будет, и тосковать тебе о благовесте моих колоколов рано. Напусти-ка лучше в нашу атмосферу своей зимы и начни, работать.

И он начал диктовать мне письмо по-английски, которое я должен был писать по-французски. Этот язык я знал хорошо и затруднений не испытывал.

Так же справился я с итальянским и русским; но когда дело дошло до

немецкого – я спотыкался поминутно, даже в пот меня бросило. Сэр Уоми засмеялся.

– Что, Левушка, зима уступила место константинопольскому лету? Ничего, через несколько дней практики вс,, наладится.

Он ласково помог мне в нескольких местах. Но я тв,,рдо решил упротить И. говорить со мной только по-немецки и помочь одолеть этот, никогда не нравившийся мне, язык.

Я и не заметил, как пролетело время, раздался л,,гкий стук в дверь и в комнату вош,,л Ананда.

– А, здравствуй, «звон мечей»! – смеясь, встретил его сэр Уоми, вставая и протягивая ему обе руки.

Ананда с удивлением взглянул на него, побледнел, вздохнул и подн,,с руки сэра Уоми к своим губам одну за другой.

– Не смущайся, Ананда, – обнимая его и ласково ему улыбаясь, сказал сэр Уоми. – Этот мальчик старался мне объяснить, что в тво,,м смехе ему слышится звон мечей. Ну, а я – по его понятию – весна с ароматами и зима вместе. Он только о Хаве умолчал. Но уж я сам решил выпытать, что ему чудится в смехе Хавы и И.

Голос сэра Уоми был добрым и ласковым. Я стоял совершенно красный, как-то сразу устал и ответил, что смеха Хавы не помню, И. почти никогда не смеется иначе, чем это делают шаловливые дети; а вот если чей-нибудь смех и кажется мне загадочным, то это смех Анны. Вс,, это я говорил быстро и бестолково и закончил неожиданно для всех:

– Сэр Уоми, у меня к вам огромная просьба. Разрешите мне хоть на час сбегать к И. Помимо того, что я стосковался, я тревожусь, не надо ли ему чего-нибудь. Он ведь там уже так долго, – молил я сэра Уоми в жажде скорей увидеть И.

– Нет, дружок. Один туда не ходи. Мы пойд,,м, вернее поедем, в магазин в коляске князя. Но предварительно позавтракаем. Беги умывайся, переоденься так, чтобы сразу после завтрака выехать из дома, и приходи в столовую, где уж наверняка будем оспаривать с тобой право на дыню.

Я вышел, засмеялся, подпрыгнул от удовольствия, унося в душе неподражаемый юмор, светившийся в глазах сэра Уоми. Станным показалось мне, что столько времени прожил я здесь, а не знал, что у князя есть свой выезд.

После завтрака, за которым я то и дело превращался в «Л,,вушкулови ворон», сэр Уоми встал и велел мне захватить браслет.

– Заверни его в этот футляр. – И он подал мне ш,,лковый платок т,,мно-синего цвета, по краям которого шли мелкие белые цветочки, очень

красивые, похожие на маргаритки, а в середине был вышит ш.,лком белый павлин с чудесным распущенным хвостом в обрамлении голубых крупных колокольчиков.

Я исполнил приказание, положил зав.,рнутый в платок браслет в карман и сел рядом с сэром Уоми в коляску, под белый балдахин. Ананда пош.,л по какому-то делу, с тем, чтобы через час прийти прямо в магазин.

По случаю праздника в магазине стояла полная тишина. Дверь нам открыла Хава, сказав, что Жанна со вчерашнего вечера не может подняться от сильнейшей головной боли, и что И. пров.,л подле не., тревожную ночь.

Сэр Уоми молча кивнул головой, велел мне оставаться внизу с Хавой, а сам прош.,л наверх.

Хава теперь уже не пугала меня своей чернотой, хотя от л.,гкого персикового цвета платья казалась ещ., более ч.,рной.

– Вы очень изменились, Левушка. У вас такой вид, точно вы выросли и окончили по крайней мере два университета, – улыбнулась она мне, усаживая меня в уголке в кресло и показывая все свои дивные мелкие зубы.

– Ах, Хава! Как бы я хотел никогда не кончать многих из тех университетов, через которые сейчас прохожу. Я живу такой дивной жизнью. Я так очарован теми, кто сейчас рядом со мной. С одной стороны, я живу надеждой снова встретить Флорентийца; а с другой – готов плакать при мысли, что прид.,т пора, и мне надо будет расстаться со всеми теми, кто теперь с таким милосердием переносит мо., присутствие. И никто из них ни разу не показал мне, что утомл.,н или раздраж.,н, хотя я ежесекундно сознаю, как высоко превосходят они меня.

– Все, Левушка, проходят свой путь, начиная с самых низших ступеней. Человек сам нес.,т в себе все те осложнения, которые потом непременно его донимают. А каждый тем не менее думает, что беды приходят к нему извне, – тихо сказала Хава.

Вам горько, что когда-то и с кем-то придется расставаться. Но ведь каждый из нас рождается и так же неизбежно умр.,т. И драма людей в том, что они никак не могут приготовить себя к разлуке с любимыми. Если бы мать понимала, что дети е., – это только отданные ей на хранение, на временное хранение, сокровища – она бы, видя в них божий дар, который ей должно вернуть усовершенствованным, отшлифованным, не себя бы искала в детях, а видела в них ту силу высшей, единой любви, которая творит во всей вселенной. И, единясь с ним в этой любви, она поняла бы, что жизнь не только не кончается со смертью, но что уходящее е., дитя больше не нуждается в земной форме и уходит в иную, более совершенную жизнь.

Так же и вы. Если вы поставили себе задачу помочь брату, и эта

конечная цель сияет перед вами, – не вс,, ли равно, в каких формах и на какой земле будет идти ваша жизнь до тех пор, пока вы приобрет,,те полное самообладание и пока не расширится ваше сознание настолько, чтобы вы могли понимать без слов ход мыслей людей, успокаивать их порывы и одухотворять их творческие силы. Только достигнув этого состояния, вы можете встать на одну ступень с братом и стать ему действительно помощью.

– Я многое понял сейчас, что прежде мне казалось бредом моей души, Хава. Но есть ещ,, много такого, чего я не понимаю и очень боюсь спрашивать.

– Лучше всего, Левушка, не спрашивайте ни о ч,,м. Люди, окружающие вас, так высоки, что вс,, что вам необходимо знать, они скажут сами. И не подвергнут вас ни одному испытанию, которого вы не в силах перенести.

– Не знаю, Хава, может, оно и так. Но... Генри, бедный Генри не смог выдержать.

– Нет, не Генри в этом виновен. Генри выпросил, вымолил у Ананды, чтобы он взял его сюда. А сэр Уоми предупредил, что надо в этой просьбе отказать. Ананда не поверил мудрости сэра Уоми, а уступил мольбе и клятвам мальчика по своей божественной доброте – и теперь принял на себя удар и должен отвечать за измену Генри.

– О Хава, благодарю вас тысячу раз за вс,, что вы мне сказали. Я никогда не буду просить моих друзей ни о ч,,м. Да, впрочем, если бы вы только знали, как я невежествен. Неудивительно, что я сознаю сво,, место и не стремлюсь куда-то вылезать.

– Чем выше и скромнее человек, тем он лучше понимает величие другого и тем скорее может вступить на свой путь. Но вот идут наши друзья, – вставая навстречу сэру Уоми и И., сказала Хава.

Я был поражен, каким усталым выглядел И. – О Лоллион, я готов год караулить ваш сон, только пойд,,мте скорее домой, – бросился я к своему другу, совсем расстроенный. И., всегда свежий, юный, – сейчас выглядел так, точно прожил за одну ночь двадцать лет.

– Не тревожься, Левушка. Сейчас нам Хава даст кофе, и я снова буду свеж и сил,,н. Я просто долго сидел в одном положении, меняя компрессы, и несколько устал.

Высказав ему огорчение по поводу того, что я не смог разделить его труд, я усадил его на сво,, удобное место, подал ему кофе и вс,, шептал:

– Ведь вы умеете спать сидя, с открытыми глазами. Я вас прикрою; никто не увидит; ну хоть часочек поспите. Я с места не сдвинусь.

И. засмеялся так заразительно, что сэра Уоми поинтересовался, не хочет ли тот отнять у него привилегию колокольного смеха, и тут же пересказал ему наш разговор.

В это время вошел Ананда, ведя с собой Анну. Когда она выпросталась из своего неизменного плаща, я снова восхитился поразительной ее красотой. Каждый раз, когда я видел ее, она казалась мне все прекраснее. Вся в белом, какая-то трепетная, обновленная, точно очищенная – даже дух занимало от этой красоты, от этих бездонных глаз, от этой гармонии всех форм и линий.

«Поистине она арфа Бога», – подумал я, вспомнив ее игру. Но мысли мои были прерваны поступком Анны, таким странным, таким несовместимым с ее царственной красотой.

Анна опустилась на колени перед сэром Уоми, прильнула к его рукам и зарыдала горько, что-то говоря ему среди рыданий и опускаясь вс., ниже к его стопам.

Сердце мое разрывалось. Я так был поражен, что не мог двинуться с места. Я ожидал радости, счастливого смеха, ждал, что и она будет спокойна и счастлива вблизи этого полного любви человека, который всех делал счастливыми вокруг себя.

– Встань, Анна, – услышал я голос сэра Уоми. – Теперь уже нет выбора. Надо идти до конца. Я предупреждал тебя ещ., раз, год назад. Я дал тебе вполне определенную задачу. Ты медлила, тянула, – о чем же теперь плакать? Что ты заставила всех все бросить и приехать спасать твою заблудшую во тьме семью? А ведь могла, без напряжения, вс., сделать давно сама, если бы послушалась и исполнила то, что говорили мы тебе с Анандой.

Голос сэра Уоми звучал необычно. Я услышал в нем твердость стали, всегда звеневшую в голосе Ананды. Я невольно посмотрел на Ананду. Он стоял рядом с И., и оба они меня ошеломили. Их лица были тихи, светлы, ласковы, а на лице сэра Уоми, бледном, твердом, точно мрамор, глаза сверкали лучами, как огромные аметисты.

Только что я думал, что прекраснее Анны никого и быть не может, И тут увидел красоту, которая земле уже не принадлежала. Это был сошедший с другой планеты Бог, а не тот сэра Уоми, с которым я работал утром.

– Иди без слез и раскаяния. Ими ты только размягчаешь цемент того моста любви, который протянули тебе из своих сердец Ананда и его дядя. Радостью, одной радостью ты можешь начать снова строить ту половину моста, что разрушила сама своим непослушанием и медлительностью.

Дважды зов милосердия не повторяется. И об отъезде твоём в Индию сейчас и речи быть не может. Но от тебя одной зависит: годы или мгновение приблизят тебя к давнишней мечте. Напрасно ты ждала особых испытаний. Шли твои простые дни, а в них-то ты и не разглядела главных дел любви и самого первого ее признака: жить легко свой текущий день. Жить в самых обычных делах, неся в них наивысшую честь, мир и бескорыстие. Не в мечтах и обетах, не в идеалах и фантазиях любовь человека к человеку. Но в простом деле дня идущий жизнью любви должен быть звеном духовного единения со всем окружающим. Оставь свои мечты о высшей жизни. Трудись здесь в простом дне и... всегда помни о нарушенном обете добровольного послушания.

С этими словами он поднял Анну и поманил меня рукой. Я мгновенно понял – как многое я стал угадывать в последнее время без каких-либо размышлений – и подал ему синий платок с браслетом.

Как только сэра Уоми взял руку Анны, которой она закрывала лицо, и надел ей браслет Браццано, она вскрикнула, точно раненая.

– Не бойся, дитя, – услышал я снова голос сэра Уоми – Теперь этот браслет уже не символ обручения. В нем нет ничего, кроме того, что это прекрасное произведение искусства. И он не заговорит и не затянет тебя в любовные сети злодея. Ты сама – своею медлительностью, сомнениями, колебаниями и нерешительностью – соткала связь со злодеем. Он должен или преобразиться или погибнуть, так как из-за любви к тебе погрузился в такую пучину грязи и ужаса, где не может жить ни одно существо. Века могут пройти, пока ты снова встретишься с ним в таких условиях, чтобы своей стойкой верностью, любовью без сомнений и радостью помочь ему и быть в силах развязать мрачный узел, что так неосторожно завязала сейчас.

Иди домой, Ананда отведет тебя. И думай не о себе и своих скорбях. Но о скорби Ананды, ручавшегося за тебя, о страданиях семьи, погрязшей во зле. Будь мирна и благословенна. Жди меня, когда – под видом приятного вечера – мы придем к вам в дом для очень тяжкого дела борьбы со злом. Расти в себе силу каждый день. А для этого научись действовать, а не ждать, творить, а не собираться духом. Кто думает о друге и брате, тот забывает о себе, – он отер ей глаза прекрасным синим платком с павлином и отдал ей.

Голос сэра Уоми был снова мягок и проникал в сердце. А от лица его и от всей фигуры точно шел свет.

Анна низко ему поклонилась; он обнял ее, прижал к себе, и я видел, как она содрогнулась в его руках. Когда же она повернулась к нам, она точно уносила на себе его отраженное сияние.

– Не забудь, в пять часов у княгини, – шепнул И. выходящему Ананде. Вскоре сэр Уоми и И. засобирались, оставляя больную на нас с Хавой.

– Будь вс., время с больной. Если к Хаве вдруг явятся неожиданные гости – она справится с ними. Ты же, что бы ты ни услышал снизу, оберегай больную, не покидай е., и не пропускай к ней никого. Если Хаве понадобится помощь, мы е., пришьем, – сказал мне сэр Уоми. – Могу я надеяться на тебя? – глядя мне в глаза, словно приоткрывая черепную коробку, спросил сэр Уоми.

– А если Хаву будут убивать? Мне также сидеть и не пытаться спасти е.,? – в ужасе спросил я, вспоминая Жанну и князя.

Все трое расхохотались, да так весело, что я понял, какой у меня глупый и жалобный вид.

– Можешь быть спокоен. Не так легко убивают людей. Но вот тебе флакон. Если здесь будут очень уж шуметь, брось его вниз, он разобьется и напугает непрошенных гостей.

Сэр Уоми положил мне на голову руку, от чего по мне пробежала волна счастья и силы. Он подал мне небольшой флакон и покинул нас, усевшись в коляску вместе И.

Я держал флакон в руке. Вс.,-таки я не мог всего взять в толк, а понял только, что и Анна, как Генри, не исполнила чего-то и огорчила Ананду. Анна, казавшаяся мне совершенством! Анна, которую я едва соглашался признать земной женщиной!

«Боже, – подумал я. – Неужели и Наль? Наль, для которой брат пожертвовал всем, отдал жизнь, – неужели и Наль может ему изменить, нарушить обет и принести ему скорбь?»

– О ч.,м вы так стонете, Левушка? – услышал я ласковый голос Хавы.

– Я разве стонал? Это мне померещилось что-то. Я ведь «Л.,вушкалови ворон». Вот и сейчас вороню, а надо мне быть возле Жанны. Проводите меня, пожалуйста. Я должен думать только о ней. А вас защищать с помощью вот этого флакона. Там, верно, какое-нибудь смрадное лекарство.

Хава рассмеялась, сказала, что я, вероятно, буду иметь случай в этом убедиться, и мы поднялись к Жанне.

Войдя в знакомую комнату, я не сразу увидел больную. Положительно вс., здесь было переставлено; и кровать Жанны, зад.,рнутая красивым белым пологом, стояла совсем в другом месте, за ширмой.

– Это вы, Хава, так неузнаваемо вс., переставили? – спросил я. – Признаться, очень бы хотелось сказать, что я. Но, к сожалению, вс.,, вплоть до этого прекрасного белого полога, сделано руками самого И. Мы с няней были только парой негритосов на посылках. Я долго рассматривала этот

полог; но не могу понять, из чего он сделан. Тонок, как бумага, мягок, как ш,,лк, и матов, как замша, – вот и разберись. Очень хотела спросить И., где он наш,,л эту вещь, да не посмела.

Я подош,,л к пологу и тотчас узнал материю; из не,, был сделан халат, который Али прислал моему брату перед пиром. – Это, несомненно, от Али, – важно ответил я. – Али?! – воскликнула Хава с удивлением. – Неужели Али? Почему вы так думаете? Правда, перед нашим отъездом к сэру Уоми приезжал от него человек с посылкой. Но не думаю, чтобы эта вещь была прислана оттуда. Рано утром, почти на рассвете, И. куда-то выходил, а потом я увидела этот полог.

Но я слышу стук кол,,с, – прервала наш разговор Хава. – А вот и экипаж остановился подле магазина, – продолжала она. – Колокольчик зазвенел! Батюшки, вот так стук! Этак, пожалуй, все м,,ртвые проснутся, – весело говорила негритянка, спускаясь вниз и велев мне запереть дверь в спальню.

Оставшись один, я стал присматриваться к Жанне. Прелестное личико, точь-в-точь такое, как тогда, когда мы увидели е,, на пароходе, между ящиками, в углу палубы 4-го класса. У не,, очевидно, был жар, и спала она тяж,,лым глубоким сном.

Внизу сначала вс,, было тихо; было слышно, что разговаривают, но слова сюда не долетали.

– Вы способны понять, о ч,,м вам толкуют? – вдруг услышал я гнусавый, пронзительный голос и мгновенно признал любимого сынка Строгановой. – Не вы нужны нам, а ваша хозяйка. Мало ли какая фантазия прид,,т кому-нибудь в голову? Хозяйка ваша могла нанять вас, считая, что на такую приманку обязательно прибегут посмотреть, вот лишняя шляпа и уйд,,т из магазина. Но у нас дело не шляпное, а такое, которое вашей башкой не понять. Позовите сию же минуту хозяйку, – кричал наглый мальчишка.

Я так и представлял себе его кудрявую голову в феске, его красивое, презрительное, капризное лицо, с отталкивающим выражением.

Прислушиваясь к тому, что делалось внизу, я решал, когда же будет пора приступить к химической обструкции, которая, как я полагал, заключалась в данном мне флаконе.

Слов Хавы, стоявшей, очевидно, спиной к лестнице, я не разбирал, но тон е,, голоса был ровный и вес,,лый, что, вероятно, немало бесило мальчишку.

Теперь заговорил другой, женский голос; и тоже в повышенном тоне. Не сразу я понял, что это Строганова.

– Мой друг передал вашей хозяйке на хранение некоторые драгоценности, – услышал я. – Он поручил нам получить эти вещи назад сегодня же. Он был очень болен эти дни и не мог передать нам своего желания раньше. Сегодня крайний срок; вещи немедленно должны быть ему возвращены. Вот его письмо вашей хозяйке; но передам я его сама, в е,, собственные руки. Ступайте и приведите е,, сюда. Не заставляйте нас подыматься наверх, потому что вам будет очень плохо, – говорила женщина. – Да что с ней толковать! Прочь с дороги! – орал мальчишка. – Не смейте прикасаться ко мне вашими грязными руками; или вам-то уж наверняка будет плохо, – раздался» голос Хавы, и такой сильный, спокойный, властный, что я и рот раскрыл.

В магазине что-то упало, Строганова взвизгнула. Я решил, что настало время действовать, кинулся к двери, открыл е,, и уже зан,,с было руку, чтобы швырнуть флакон, как внизу внезапно воцарилась м,,ртвая тишина.

Я свесился с перил и увидел в дверях магазина фигуру, закутанную в т,,мный плащ. В сумерках я не сразу – а только услышав голос – узнал И.

– Сядьте на место, молодой человек! И молчите, если вы плохо воспитаны и не знаете, как подобает вести себя культурному юноше в чужом доме, вдобавок в доме одинокой трудящейся женщины. Позже вы принес,,те свои извинения мисс Хаве за сво,, грубое поведение. Теперь же сидите, как бессловесное животное, поскольку вы и есть животное.

Ох, как грозно глядел И. и как звучал, подобно грому, его голос.

– Как и зачем пришли вы сюда, мадам Строганова? – обратился он к женской фигуре, спрятавшейся за сына. – Ваш муж, Анна и Ананда категорически запретили вам сюда являться. Как решились вы нарушить запрет? – спрашивал И.

– Да что с вами, доктор И.? Я едва знаю вас, вы для меня первый встречный, и вдруг осмеливаетесь задавать мне какие-то вопросы. Я не девочка! Будьте любезны вызвать ко мне Жанну. Если она не явится сюда немедленно, – я буду знать, что она украла переданные ей моим другом вещи чрезвычайной ценности. И мне придется обратиться в полицию. И. засмеялся.

– Что цените вы выше: браслет или нож, который вы передали Жанне, чтобы заколоть меня? Человеческая жизнь не представляет для вас ценности, поскольку лично вам она неинтересна: поэтому я вас и не спрашиваю, во что вы оценили жизнь несчастной Жанны, мою, Левушки, князя. Я вас спрашиваю, что вы будете искать через полицию: нож или браслет?

Строганова тяжело опустилась в кресло. Е,, красивое лицо побледнело

так, словно т,,мная кожа покрылась белым нал,,том.

– Ваши дерзости я сносить не намерена, – прошипела она. – Вы можете быть совершенно уверены, что без вещей я отсюда не выйду. Поэтому не тратьте времени, – взвыла как разъяр,,нная тигрица Строганова.

– Вы не только уйд,,те без этих самых вещей, которые вам не принадлежат, к вашему счастью, чего вы даже не понимаете, но и немедленно положите на стол тот амулет, который Ананда подарил Анне, а вы украли его час назад. – Ваша подлость... – Строганова не договорила. Глаза И. сверкнули, как два топаза; он вытянул руку по направлению к ней и сказал:

– Можете посмотреть на вашего любимчика. Если вы не желаете уподобиться ему, – удержите ваш язык и манеры в границах приличия.

Я посмотрел на любимчика. Он походил на бешеного пса: глаза его выражали предельную злобу; язык свешивался изо рта и слюна бежала на его белоснежный жилет; феска съехала на лоб. Он был так ужасен, что смотреть на него я не мог.

Мать, увидев сына таким, не бросилась на помощь, не вымолвила ни одного любящего слова; она думала только о себе и сказала И., доставая из сумки амулет и кладя его на стол:

– Возьмите ваш амулет. Подумаешь, какая драгоценность! Не смейте меня доводить до такого мерзкого состояния, в каком сейчас мой сын. Подайте мне браслет, и мы уйд,,м.

На столе лежал дивный золотой медальон, в крышку которого была вделана фиалка из аметистов. Я сразу увидел, что кольцо капитана было той же работы, что и этот медальон.

– Браслет сейчас в вашем собственном доме. Он отдан той, которой предназначался, – ответил И.

– Это самая наглая ложь, – выкрикнула Строганова. – Тот, кому принадлежит браслет, требует его немедленно отдать. Понятно ли вам, что я не могу уйти отсюда, не имея его при себе? Я дала слово Браццано привезти немедленно его драгоценности.

– Много слов и обетов давали вы в вашей жизни. Вы клялись у алтаря в любви к мужу, – пересчитайте, сколько раз вы ему изменяли. Три года назад вы дали Анне обещание не преследовать е,, своей настойчивостью и не требовать, чтобы она вышла замуж за Браццано. В результате вы продались ему, продали сына, дочь и сегодня обокрали е,, коснувшись самого дорогого и священного, что у не,, было.

Но слово, которое вы дали Браццано, вы нарушить боитесь, потому что эта гадина пригрозила вам и вашему сыну смертью? Посмотрите на

себя. Чей жемчуг на вашей шее? Чьими кольцами унизаны ваши руки? Чь,, платье надето на вас? Чей ридикюль в ваших руках? Несчастнейшая из женщин! Опомнитесь, сбросьте с себя все эти вещи, – и вы пойм,,те хоть частично тот ужас, в какой вы сами себя погрузили.

Под взглядом И. Строганова выложила свой ридикюль, но И. велел Хаве немедленно взять со стола медальон, чтобы он не касался больше ридикюля Строгановой, откуда она его вынула. Медленно, будто лениво и как-то сонно, Строганова сняла жемчуг, серьги, кольца и браслеты, которые на е,, руках бряцали десятками, на восточный манер.

По мере того, как росла кучка золота и камней на столе, женщина пробуждалась к жизни. Наконец, точно преодолевая какое-то последнее препятствие, она вытащила из-за корсажа тончайшую платиновую цепочку, на которой висели огромная ч,,рная жемчужина и такой же огромный розовый бриллиант.

Положив их также на стол, она глубоко вздохнула, открыла глаза и с удивлением огляделась.

– Что вс,, это может значить, доктор И. ? Разве мне было дурно? – спросила она.

– О да. Вам было очень плохо. Но теперь уже гораздо лучше. Ведь вам дышится легче? – ответил ей И.

– И легче дышу, и не чувствую себя скованной. Но почему все мои вещи лежат здесь? – опять спросила она. Она протянула руку к столу, но И. остановил е,,.

– Подождите немного, придите в себя окончательно. Выпейте кофе. – И он подал ей чашечку кофе, но я заметил, что он растворил в ней частицу пилюли Али.

Хава поднялась ко мне и взяла у меня флакон сэра Уоми. Я уже приготовился к смраду и был поражен, когда увидел, что Хава положила все вещи Строгановой на поднос, открыла флакон, в котором оказался такой же ж,,лтый порошок, каким сэр Уоми обсыпал нож и браслет в доме князя.

И. высыпал порошок на драгоценности Строгановой, подж,,г его и сказал мне:

– Поддай Жанне питье из стакана и перемени компресс. Я быстро выполнил приказание. Проснувшаяся Жанна выпила питье, не узнавая меня, повернулась на другой бок и через мгновение опять заснула.

Когда я вернулся на свой наблюдательный пост, порошок уже догорал. Вся комната была полна дыма и смрада; что-то лопалось, точно стреляли из маленького револьвера; вдруг раздался взрыв, и у Строгановой вырвался

крик ужаса.

– Теперь вам нечего бояться, – сказал И. – Носить эти вещи было страшно. Сейчас они безвредны. Левушка, ты специалист протирать бриллианты, – вот тебе жидкость и платок, – поманил меня И., указывая на драгоценности.

Я мигом – что тебе Верзила – очутился подле него и принялся за дело. В каком печальном состоянии оказались драгоценности Строгановой! Прекрасная ч,,рная жемчужина разлетелась в мельчайшие кусочки, как стекло. На месте розового бриллианта лежал кусок лопнувшего ч,,рного угля. Из всей груды бриллиантов и колец осталось около десятка прекрасных вещей.

– Посмотрите сюда, – сказал И. Строгановой. – Вещи, которые вы считали золотыми, оказались просто медью и серебром. Позолота сошла с них, и вы можете убедиться, чего они стоили. Камни, за исключением оставшихся, были просто отлично шлифованным горным хрусталем. А вы носили эти тяж,,лые подделки, принимая их за умопомрачительные ценности. Строганова молча качала головой.

– Эти уцелевшие вещи подарил мне мой муж. А вс,, что оказалось хламом, дарил Браццано, уверяя, что стоимость вещей так огромна, что на них можно купить целое княжество, – выговорила она со стоном, в котором звучали досада и раздражение.

– Для Браццано, быть может, эти вещи и были ценными. Но что подразумевал он под этим, вам непонятно сейчас. Вскоре вы это узнаете. А теперь можете безбоязненно надеть свои кольца и браслеты. Но внутри, в ридикюле, у вас тоже немало мусора, который надо выбросить.

Строганова надела свои драгоценности, открыла ридикюль и вскрикнула. Письмо Браццано, для передачи Жанне, тоже обуглилось и развалилось на куски.

Увидев превратившееся в пепел письмо, сын Строгановой замычал и за,,рзал на сво,,м стуле.

– Закройте рот, вытритеесь, примите человеческий облик и отвезите вашу мать домой, – сказал повелительно и грозно И. – Бойтесь послушаться моего приказа. И помните только об этой минуте, а не о страхе перед Браццано. Вы ещ,, молоды и можете поправить вс,, что по своей наивности натворили. Я верю, что вы ещ,, можете стать честным человеком, а не низкопробным негодяем.

Помните же об этой минуте, о состоянии, пережитом вами здесь, и желайте всеми силами вырваться из рук шарлатана, наложившего на вас и вашу мать свои гипнотические путы, – говорил И., пристально глядя на

несчастливого юношу.

Через некоторое время мать и сын вышли, я помог Хаве убрать оставшуюся от мнимых драгоценностей дрянь, умылся и возвратился к И. Все вместе мы поднялись к Жанне.

Она продолжала спать. Дыхание у не,, было ровное, и И., наклонившийся над нею, сказал, что жар у не,, спал.

Он ничего не рассказывал нам, а я ни о ч,,м не спрашивал. Меня очень интересовало, например, где же дети, так как в их комнате было тихо.

– Хава, Левушка останется покараулить Жанну; а мы с вами съездим за детьми, которых Анна временно устроила в сво,,м доме. Кстати, я еще дн,,м хотел сказать тебе, Левушка, что вернулся капитан. Я видел его. Он мечется по делам, но обещал к восьми часам прийти сюда. Я не сомневаюсь, что он сдержит слово, и тебе будет радостно встретиться с нашим милым другом. Я не накладываю вето на твой язык, Левушка: напротив, ты окажешь мне большую услугу, если расскажешь капитану вс,, что пережил за это время. Милый он человек, спешил Бог знает как, чтобы лишний день провести в Константинополе с нами. По расписанию пароход будет стоять здесь дней пять. Дождитесь моего возвращения. Ты, бедный мой мальчик, давно ничего не ел. Ну, зато пойд,,м к кондитеру, «Багдад» преподнесу тебе в лучшем виде.

– Дорогой Лоллион, я готов ничего не есть и не пить ещ,, два дня, только бы не видеть и вас, и Ананду печальными и утомл,,нными. Что бы я только не дал, чтобы день ваш был л,,гок, – прошептал я, висая на шее своего друга и еле сдерживая сл,,зы.

– Вот так храбрец! Это где же видано, чуть ли не плакать взрослому мужчине? – вдруг услышал я рядом голос Хавы. – Извольте поддерживать репутацию весельчака: а то вы можете и мои глаза превратить в слезливые потоки. – Она смеялась, но я уловил в е,, смехе не горечь, а что-то особенно меня поразившее, чему я не мог найти определение. Я удивл,,нно посмотрел на не,, и сказал:

– Если сэръ Уоми спросит меня ещ,, раз: «Как смеется Хава?», то я скажу ему, что в е,, смехе не звенит хрусталь, в н,,м звук разбитой фарфоровой вазы.

– Помилуйте, господин Следопыт, не давайте такое чудовищное определение моему смеху, – протестовала Хава. – Уж лучше скажите, что смех чернокожих негармоничен для вашего слуха.

– Этого я сказать не могу, потому что мой великий друг Флорентиец однажды объяснил мне, что кровь у всех людей красная, а И. научил меня понимать, что такое любовь к людям. Я равен вам, как и вы мне, нашими

правами на жизнь и труд. Как же я могу сказать, что не способен слиться с вами в гармонии? Я могу подслушать трещину вашего сердца и молчать о ней, но не могу выключить себя из той атмосферы, в которой оно жалуется мне, когда вы смеетесь. Хава развела руками и повернулась к И.

– Помилосердствуйте, И. Этот мальчик меня без ножа режет. И. весело засмеялся, потрепал меня по плечу и сказал Хаве:

– Скорее, пожалуйста, я хочу вернуться до девяти часов. Могу сказать только одно: устами младенцев глаголет истина.

Молча накинула Хава пелерину, оба вышли, я запер двери и остался в магазине один.

По странной игре мыслей я принялся думать о пологе над кроватью Жанны. Мне определенно стало казаться, что он предназначался Анне, что сэр Уоми в,,з его для не,, – и что и сам он ехал сюда в связи с чем-то очень большим и значительным для е,, жизни. Его слова об Индии, о том, что теперь у не,, нет надежды туда уехать, – вс,, говорило мне, что жизнь Анны должна была совершенно измениться. Но что сама она сделала что-то не так, что подвела не только себя и Ананду с его дядей, но и сэра Уоми и Али.

«Если столь трудно удержаться на высоте таким большим людям, как Анна, то как же пробираться по жизненной тропе такому мальчику, как я? – мелькало у меня в голове. – И что могло разбить сердце Хавы? Почему нет в ней полной удовлетвор,,нности жизнью, хотя она жив,,т в непосредственном общении с сэром Уоми?» – вс,, думал я, перескакивая от одного образа к другому.

Несколько часов, проведен,,ных мною в работе с сэром Уоми, сделали меня счастливым и радостным. Как же можно жить всю жизнь подле него и носить трещинку, хотя бы на печ,,нке, не то что на сердце? Этого понять я не мог.

Я прош,,л к Жанне, увидел, что там вс,, благополучно, снова спустился вниз и стал ждать капитана, медленно расхаживая из угла в угол.

Вскоре зазвенел колокольчик, и я очутился в объятиях моего друга, который прин,,с огромный букет благоухающих роз и лилий для Жанны.

Взаимные вопросы и ответы, удивление переменой, которую нашли друг в друге, – и вот мы в углу на диванчике, и я поверяю капитану все недавние события.

Во многих местах капитан вскакивал тигром; в иных смотрел на меня нежнее матери; но кое-что положительно не мог взять в толк.

Когда дело дошло до сл,,з Анны, – он остановил меня и несколько раз переспросил о том, что говорил сэр Уоми. Он яростно сжимал кулаки каждый раз, когда я упоминал и я Браццано.

В заключение я рассказал ему о Хаве, о моём страхе перед ней в Б., о е., письме ко мне и подарке, не забыв упомянуть о том, как я определил е., смех.

Капитан хохотал, говоря, что в жизни ещё, так не смеялся. – Разбитая негритянская ваза! Да это же чудо! Кто, кроме вас, такое выдумает?

– Ну а кто, кроме вас, придумает подарить мне такое кольцо? – сказал я, благодаря его от всей души. – Вот едут, смотрите же, не выдайте меня перед Хавой. Напустите всё, ваше джентльменство и не забудьте, что чернота е., ей не очень приятна.

– Не волнуйтесь, Левушка. Буду тих, как паста для замазки трещин.

Я залился хохотом и так и встретил детей, Хаву и И. Побыв ещё, немного в магазине, мы ушли к кондитеру, стараясь всячески сократить время на утоление appetitov, и вскоре были дома.

Капитан снова занял свою комнату, а для Ананды князь распорядился о комнате внизу.

Так окончился первый день моего секретарства. Я лег спать с мыслями о том, какие ещё, сюрпризы принесёт всем нам завтра.

ГЛАВА 23 ВЕЧЕР У СТРОГАНОВЫХ И РАЗОБЛАЧЕНИЕ БРАЦЦАНО Ещё, два дня жизни промелькнули для меня, как счастливый сон. Занятия с сэром Уоми, письма, которые я писал под его диктовку какимто неведомым мне людям, иногда пронзали так глубоко, что я еле удерживал слёзы и дрожание руки. Сколько было в них любви, утешения! Особенное впечатление произвело на меня письмо к одной матери, потерявшей взрослого сына. Той нежности, уважения к огромности е., горя и вместе с тем величия мудрости, которое несло ей письмо сэра Уоми, я не мог спокойно слышать, и слёзы бежали из глаз, когда я его писал.

Как много надо было выстрадать самому, чтобы так понимать чужое горе. Всю бездну земных страданий надо было постичь, чтобы понять и утешить скорбящего человека.

В конце третьего дня сэр Уоми прислал за мной. Когда я вошёл к нему, я нашёл там И. и Ананду. Сэр Уоми сказал мне, что сейчас все идут к княгине, и если я хочу – то могу к ним присоединиться.

Если бы сэр Уоми шёл не через десять комнат, а через десять пустынь, то и тогда бы я был счастлив каждой минутой, проведенной с ним.

– Я позвал тебя, поджидаю и капитана. Оба вы видели человека – старую княгиню – обломком тела и духа. Не думаю, чтобы и сейчас можно было назвать е., цветущей яблоней, – чуть улыбнулся он. – Но как тебе, так и капитану, мне кажется, будет очень поучительно увидеть, как иногда

возрождается человек.

Княгиня нас не ждет. Мы застанем ее, без всяких прикрас, в которые облачается человек, даже духовно высокий и очень правдивый, если он ждет посещения, о котором мечтал. Встреча – если человек к ней готовился – почти всегда несет в себе лицемерие. Самые ценные встречи – неожиданные. Пойдите, ты с капитаном останешься в комнате рядом. Когда настанет время и если будет нужно, – я вас позову.

Мы вышли, по дороге я забежал за капитаном, и через несколько минут мы были в комнате рядом со спальней княгини. Было темно, у княгини же горели яркие лампы, и нам было видно и слышно все, что делалось там.

Княгиня сидела в кресле. Ее, старое лицо до того изменилось, что я не узнал бы ее, теперь. Никакой жестокости, никакой властности в нем теперь не было.

Князь сидел возле и держал в руках книгу, намереваясь, очевидно, читать ей вслух.

Услышав шум, он спросил: «Кто здесь?», но узнав сэра Уоми, быстро, весь просияв, пошел ему навстречу. Увидев, кто входит в комнату, княгиня попыталась приподняться, но сэр Уоми запретил ей вставать. Он сел на место князя, И. и Ананда разместились у стола, а князь встал за креслом княгини, весь сияя точно лампада.

– Я не ждала вас сегодня, сэр Уоми, хотя жаждала видеть. Я не смела просить вас еще, раз навестить меня. А вот теперь вы пришли сами, – и я так растерялась, что забыла все, о чем хотела вас просить, – сказала княгиня.

И голос ее изменился. Ни грубости, ни визгливости, которые так неприятно поражали в нем раньше.

– Вам не о чем меня просить, княгиня. Это я пришел поблагодарить вас за бедных детей, которых вы облагодетельствовали. Я ведь ничего не говорил о них. Я только указал вам, что вы обидели их мать на пароходе. А вы не только осознали свою ошибку, но и творчески поправили ее, положив на каждого ребенка по десяти тысяч. Знаете ли вы, как ценен ваш дар именно потому, что никто у вас его не просил, а сами вы подали бедным детям такую помощь? Если бы вы спрашивали совет у десяти мудрецов, то и тогда не поступили бы правильнее и умнее.

– О сэр Уоми. Помощники ваши так много дали мне в моей болезни, и не только в физическом смысле. Из их разговоров со мною, таких терпеливых, любовных, мудрых, я поняла весь ужас, в котором прожила. И того, что вы благодарите меня, тогда как вам всем я обязана более чем

жизнью, – я просто не могу перенести.

Княгиня, закрыв лицо немощными и узловатыми руками, горько заплакала.

– Не плачьте, княгиня. Непоправимо только то, чего человек так и не понял до своего смертного часа и уш,,л с этим с земли. Выслушайте меня. Если вы осознали, что обидели Жанну, – позовите эту милую и – поверьте – очень несчастную женщину и извинитесь перед ней. Дар сердечной доброты – вот вс,, что необходимо отдавать в труде своего дня. И если вам кажется, что вы уже стары и больны, что ваше время неозвратно прошло, то это полнейшее недоразумение. Можно быть обреч,,нным на неподвижность, лиш,,нным рук и ног – и вс,, же не только трудиться, но и творчеством своей любви и мысли вдохновлять массы людей.

Наивысшая форма труда той мудрости, какая известна мне, нес,,т миру вдохновение и энергию одной силой своей мысли, оставаясь сама в полной внешней неподвижности.

Но мысль такой, неподвижной мудрости составляет огромную часть движения вселенной. И каждому человеку – в том числе и вам – важно жить, не выключаясь из этого вечного движения, не останавливаясь, но вс,, время идя в н,,м, как солнце и лучи, неразлучно.

Прост ваш день труда. Обласкайте каждого, кто войд,,т к вам. Если приш,,л одинокий, отдайте ему всю любовь сердца, чтобы, уходя, он понял, что у него есть друг. Если прид,,т скорбный, осветите ему жизнь вашей радостью. Если прид,,т слабый, помогите ему знанием того нового смысла жизни, который вам открылся. И жизнь ваша станет благословением для людей.

Уймите сл,,зы, друг. Постарайтесь спокойно, без обиды, стыда или раздражения вдуматься в то, что я вам скажу. Я не проповедь вам читаю, не поучаю вас с позиций условной морали земли. Я хочу помочь вам взойти на иную ступень жизни, где вы сами могли бы раскрепостить себя от тех страстей, в каких провели жизнь и от которых сами больше всего страдаете.

Сейчас вы брезгливо отворачиваетесь, когда в ваших воспоминаниях перед вами встают те или иные образы. За всю вашу жизнь вы только один раз поверили в безусловную честность, в честность вашего мужа.

Не буду сейчас входить в подробности, так ли это было на самом деле или это вы таким образом воспринимали людей и жизнь, их честь и достоинства. Но

– даже в этом единственном случае – до конца ли вы доверились этому человеку? Разве вы ничего от него не утаили? Разве он знает всю правду,

хотя бы о ваших денежных делах? Задумайтесь, ведь вы – как скупой рыцарь – боитесь открыть кому-либо тайну боготворимых вами сокровищ, хотя вам и кажется, что вы сумели победить свою скупость.

Зачем вы продолжаете жить во лжи? Пока вы окончательно не поймете, что нет жизни одной земли, вырванной из вселенной, а есть единая жизнь, неразделимое зерно духа и материи, что нет только одной трудящейся земли, а есть общее колесо живого трудящегося неба и живой трудящейся земли, на общих для земли и неба принципах, не терпящих лжи и лицемерия, не изменяющихся по желанию и воле людей, а действующих целесообразно и закономерно для всего сущего, – вы не обретете радость жить.

Сколько бы вам ни оставалось жить – вас неизменно будет преследовать страх, если будете думать о каждом своем дне как о мгновении только одной вашей земной жизни.

Если не осознать свою нынешнюю текущую жизнь как связь вековых причин и следствий, она сведется к нулю. Без знания, что свет горит в каждом человеке всего человечества вселенной, – жить творчески нельзя. Кто жив, тот, не осознавая в себе этого света, тот является пособником злой воли, полагающей, что она может покорить мир, заставив его служить своим страстям и наслаждениям.

Уже умолк голос сэра Уоми, а княгиня всерьез сидела, закрыв лицо руками.

– Как могли вы узнать всерьез, это, сэр Уоми, точно я сама рассказала вам свою жизнь? – произнесла княгиня.

И как! Точно каждое слово стоило ей невообразимого труда. Казалось, у нее схватило клещами сердце, и она пытается преодолеть боль.

– Неважно, княгиня, каким образом узнал я ваши тайны. И неважно то, что это я принесли вам весть. Важна весть, которая дошла до вас, и как вы ее приняли. На Востоке говорят: «Нужно – и муравей гонцом будет», – ответил ей сэр Уоми.

Но уже поздно, и вы утомились. Примите лекарство, что сейчас даст вам И., посидите с вашим милым мужем и обдумайте вдвоем всерьез, что я вам сказал. Мы всерьез, некоторое время пробудем в Константинополе, и я не раз всерьез побеседую с вами. Помните только, что раскаяние, как и всякая жизнь в прошлом, не имеет смысла, оно лишено творчества сердца.

Жизнь – это «сейчас». Это не «завтра» и не «вчера». Одно неизвестно, другого не существует. Старайтесь научиться жить летящим «сейчас», а не мечтой о завтра, которого не знаете.

Выйдя, сэр Уоми отправил нас с капитаном к себе переодеться в

свежие костюмы, объявив, что мы поедем к Строгановым.

Он спросил, не поколебалась ли наша решимость помочь ему в разоблачении да-Браццано и освобождении несчастного семейства от его гипнотической власти. Мы подтвердили, что верны данному слову, и заявили, что отдаем себя в его полное распоряжение.

– Друзья мои, – ласково сказал нам сэра Уоми, – постараюсь объяснить, почему нам необходима ваша помощь. Некоторые грубые земные дела уже невозможны для духовно высокоразвитого человека. Точно так же какие-то свершения, требующие более высоких духовных вибраций – гораздо выше обычных, земных – недоступны для людей, стоящих на более низкой стадии духовного развития. Сегодня случится так, что ни один из нас не сможет прикоснуться к тому, что надето на людях, без риска нанести очень сильный удар из-за соприкосновения с нашими гораздо более высокими вибрациями, которых не способны вынести их тела. Они могут заболеть и даже умереть от нашего прикосновения.

Чтобы спасти этих людей, вам придется действовать за нас. Будьте предельно внимательны. Ничего не бойтесь. Слушайте то, что я вам буду говорить или что будут тихо передавать вам И. или Ананда. Действуйте немедленно, как только получите приказание, точно выполняйте его и думайте только о том, что делаете сию минуту. Теперь идите, лошади нас ждут; возвращайтесь сюда же, времени даю вам двадцать минут.

Мы помчались к себе, быстро переоделись и через четверть часа уже входили к сэру Уоми.

Наши друзья были закутаны в плащи, а мы с капитаном об этом не подумали. Но слуга сэра Уоми, улыбаясь, подал и нам такие же, и мы вышли к калитке.

Здесь нас ждал вместительный экипаж, мы уселись и поехали к Строгановым.

Я ожидал, что у подъезда будет стоять много экипажей, но увидел только одну коляску, из которой выходили Ибрагим с отцом.

Дом был освещен, но гостей не было видно. Мы с капитаном удивленно переглянулись, решив, что съезд еще, очевидно, не начался.

В гостиной мы застали всю семью в сборе. Она была так обширна, что в лицо я всех уже знал, но им, конечно, положительно не помнил.

Жена Строганова была в каком-то переливчатом, точно опал, платье. Она куталась в белый шелковый платок; но мне показалось, что не сырость от дождя была тому причиной. А чудилось мне – она старалась укрыть руки и шею, на которых не было украшений. Вид у нее, был смущенный и растерянный.

Анна надела синее платье с белыми кружевами, которое напомнило мне платок сэра Уоми. Бледность е,, меня поразила. Она была совершенно спокойна, и какая-то новая решимость чувствовалась в ней. На е,, прелестной руке сверкал браслет Браццано.

Сам Строганов выглядел так, словно только что поднялся после тяж,,лой болезни.

Что касается любимчика, который внушал мне такой ужас в магазине Жанны, то теперь он обр,,л свой обычный, презрительно-снисходительный вид «неглиже с отвагой». Только иногда по его лицу пробегала л,,гкая судорога, и он брался за феску, точно желая удостовериться, что она на месте. Я подсмотрел, что страх, даже ужас, мелькал у него в глазах, когда он смотрел на сэра Уоми.

Словом, я окончательно превратился в «Л,,вушку-лови ворон», в результате чего И. взял меня под руку.

Я опомнился и увидел входившего да-Браццано. Его адская физиономия выражала такую наглую, самодовольную уверенность, будто он говорил: «Что, взяли? Да и был ли я когда-нибудь согнут или нем?»

Он вош,,л развязно, как к себе домой. Фамильярно целуя руку Строгановой, как будто чуть-чуть удивился е,, равнодушию, но тотчас же, изображая лорда высшей марки, направился к Анне. «Посмотрел бы ты на лорда Бенедикта», – мелькнуло в моей голове.

Склонившись перед Анной и нагло глядя на не,, как на свою собственность, он ждал, чтобы она протянула ему руку. Не дождавшись этого и желая, очевидно, скрыть досаду, он фальшиво рассмеялся и сказал:

– Дорогая Анна, ведь вы же европейского воспитания. Да и я не собираюсь устраивать в сво,,м доме гарем. Протяните же мне вашу прелестную ручку, на которой я вижу залог вашего согласия стать моей женой.

– Прежде всего, для вас я не Анна, а Анна Борисовна. Что же касается каких-то залогов, то я их не принимала и слов вам никаких не давала, – прервала она его так резко, что даже этот злодей опешил.

Не знаю, чем бы кончилась эта стычка, если бы Строганова не вмешалась, говоря:

– Браццано, что же вы не здороваетесь с сэром Уоми и не знакомите нас с вашим другом?

Вместе с Браццано вош,,л человек высокого роста, широкоплечий, но с такой маленькой головой, что невольно заставлял вспомнить об удаве. Лицо его, то ли вследствие болезни, а может быть, и злоупотребления спиртными напитками, было ярко-красное, почти такое же, как его феска, с

фиолетовым оттенком на щеках и носу, а маленькие, ч,,рные, пронизательные глазки бегали, точно шарили по всему, на ч,,м останавливались.

Когда Анна обрезала Браццано, мне показалось, что на этом грязном противном лице мелькнуло злорадство.

Браццано представил хозяйке и обществу своего друга под именем Тебальдо Бонда, уверяя, что это красота Анны заставила его забыть все правила приличия.

– Впрочем, – прибавил он, поглядев на Анну и Строганову, – сегодня такой важный в моей жизни день, день побед. К тому же и власть моя сегодня возросла как никогда. Так что вряд ли имеет смысл придерживаться условностей.

Он хотел снова подойти к Анне, но его задержала Строганова, сказав, что все мы ждали его более получаса, чтобы сесть за стол. Что он опоздал свыше всякой меры, хотя ему отлично известно, что в этом доме – из любви хозяина к порядку – соблюдается точность в расписании трапез.

Браццано, привыкший видеть в Строгановой беспрекословно повинующуюся его капризам рабу, – окаменел от изумления и бешенства.

Но не он один был так сильно изумл,,н. Сам Строганов пронзительно взглянул на свою жену и перев,,л вопрошающий взгляд на сэра Уоми. Тот ответил ему улыбкой, но улыбнулись только его губы. Глаза, строгие, пристальные, с каким-то иным – несвойственным его всегдашней ласковости – выражением устремились на Браццано.

Побелевший от злости Браццано прошипел в ответ хозяйке дома:

– Я не привык выслушивать замечания нигде, а у вас в доме в особенности.

– Он с трудом взял себя в руки, постарался улыбнуться, хотя вместо улыбки вышла гримаса, и продолжал уже более спокойно: – Я простудился и был болен эти дни.

Внезапно он встретился взглядом с Анандой и точно подавился чемто, потом кашлянул и продолжал:

– Только несколько часов тому назад я почувствовал облегчение благодаря усилиям моего доктора, которого я имел удовольствие вам только что представить, Елена Дмитриевна, – поклонился он Строгановой. – Пусть это печальное обстоятельство будет мне извинением. Смените гнев на милость и...

Тут он направился прямо к Анне, намереваясь вести е,, к столу, и уже складывал свою правую руку калачиком, как ему опять не повезло. Откуда ни возьмись, вынырнула маленькая собачонка Строгановой, и Браццано

споткнулся об не,, и едва не полетел на ков,,р.

Это было смешно, его грузная фигура точно склонилась в глубоком поклоне, полы фрака взметнулись, да вдобавок он ещ,, неловко зацепился за ножку стоявшего поблизости кресла и никак не мог разогнуться, – и я не выдержал и залился смехом, капитан мне вторил, оба Джел-Мабеда и сам хозяин, а за ними и многочисленные родственники надрывались от хохота. Только сэр Уоми и оба моих друга хранили полную серь,,зность. Сэр Уоми подош,,л к хозяйке дома, поклонился и предложил ей руку, чтобы вести к столу.

Я взглянул на капитана, находясь под впечатлением величавых, полных достоинства и спокойствия манер сэра Уоми; но капитан сам приковался взглядом к его фигуре, будучи, очевидно, во власти обаяния сэра Уоми.

Пока доктор Бонда помогал Браццано выпрямиться, что удалось не без труда, Ананда подош,,л к Анне, точно так же поклонился, как сэр Уоми е,, матери, слегка склонив голову, и подал ей руку.

Как они были прекрасны оба! Так же прекрасны, как в первый музыкальный вечер у князя, в день приезда Ананды. Я забыл обо вс,,м, улетел куда-то, стал «Л,,вушкой-лови ворон» и внезапно услышал голос Флорентийца.

«Ты видишь сейчас величие и ужас путей человеческих. Ты видишь, что всякий – идя своим пут,,м – может постичь истинное знание, но только тогда, когда преданность стала уже не просто одним из его качеств, но основною из осей всего его существования. Осью главной, на которой зиждется и развивается творчество человека. Учись различать пути людей. И помни, что никто тебе не друг, никто тебе не враг, но всякий человек тебе Учитель».

Я рванулся было впер,,д, туда, где слышал голос, но И. крепко держал меня под руку, а капитан удивл,,нно смотрел мне в лицо.

– Вам, Левушка, нехорошо? Что-то вас расстроило? – тихо спросил он меня.

– Вот видишь, как необходима внимательность. Держи руку Флорентийца в своей, как будто бы он рядом, – шепнул мне И.

– Нет, капитан, я вполне здоров, – ответил я своему другу. – Это Бог наказал меня за то, что я так потешался над Браццано.

– Ну, если уж Богу стоит вмешиваться, – возразил, смеясь, капитан, – то только разве затем, чтобы покарать этого наглеца и шарлатана, а никак не наказывать невинных младенцев за вполне оправданный смех.

Между тем сэр Уоми уже входил в двери столовой. Уже и Ананда с

Анной намного опередили нас, а Браццано со своим доктором вс,, ещ,, оставался на месте.

Браццано тяжело дышал, что-то резко говорил по-турецки своему спутнику, который старался его успокоить.

– Ваши снадобья что-то мало помогают, – вдруг насмешливо сказал Браццано по-русски. – Вот, говорят, доктор И. обладает совершенно волшебными лекарствами, – нагло глядя на И., продолжал он. – Не удостоите ли вы, доктор И., меня своим вниманием. Весь Константинополь только и говорит об объявившихся новомодных докторрах-чудотворцах.

– Не знаю, в какой степени испытали на себе влияние новой медицины те сплетники, что говорили вам о ней. Но, думаю, вы и сами имели случай испытать на себе силу нашего воздействия. Мне было бы только жаль, если бы вам пришлось подвергнуться опыту сэра Уоми. Это было бы для вас катастрофой,

– очень вежливо и мягко, точно не замечая наглости Браццано, ответил И.

– Вы так думаете? – криво усмехаясь, сказал Браццано, двигаясь вместе с нами в столовую. – Я буду иметь сегодня случай доказать вам, насколько вы заблуждаетесь, полагаясь на высокий авторитет вашего сэра Уоми, – продолжал Браццано. – Я и ш,,л сюда только затем, чтобы перемолвиться с ним словечком. Я оставляю сие приятное удовольствие до ужина, по крайней мере будет потеха.

Ненависть, точно он хотел испепелить И., сверкала в его глазах.

Мы вошли в столовую. Сэр Уоми уже сидел рядом с хозяйкой, возле него сидели Анна с Анандой, рядом с матерью расположились любимчик со старшей сестрой, затем все пятеро сыновей с ж,,нами и оба турка. Напротив сэра Уоми И. посадил нас с капитаном; сам сел возле меня, а справа от него уселся Строганов, указав место Браццано и его доктору.

Увидев, что ему отвели место в конце стола, Браццано скрипуче засмеялся.

– Сегодня вс,, не так, как обычно. Не знаете ли, Елена Дмитриевна, почему это вс,, сегодня навыворот? – обратился он к хозяйке, стараясь держаться в границах приличия и вс,, ещ,, сдерживая бешенство.

– Ба, да что это? Где же ваш жемчуг? Ах, и браслеты вы сняли? Но ведь вы так любите драгоценности! Что вс,, это значит?

– Я любила прекрасные, как мне казалось, вещи до вчерашнего дня, когда убедилась, что была недостойно обманута человеком, который уверял меня в своей дружбе. Я заплатила ему большие деньги за драгоценности, а они оказались медью и стекляшками, – ответила Строганова холодно и

презрительно.

– И тогда же я дала себе слово носить только то, что подарил мне мой муж. Только эти украшения и оказались подлинными.

Со всех сторон послышались изумленные и негодующие восклицания.

– Вы говорите что-то такое, чего сами, должно быть, не понимаете. Вещи, которые вы носили, выбирал я. А уж я-то – знаток, – дерзко ответил Браццано, швыряя вилку на стол.

Строганов встал с места, желая призвать наглеца к вежливости, но сэр Уоми сделал ему знак, и он покорно, молча опустился на стул.

– Быть может, вы и знаток, но меня вы обманули, – тихо, но четко и твердо произнесла Строганова.

– Это детские разговоры. За ваши драгоценности можно купить княжество. Может быть, вы станете утверждать, что и эта вещь не драгоценная? – ткнул он вилкой в сторону Анны, указывая на сверкавший на ее руке браслет.

– Эта вещь – подлинная драгоценность. Но она никогда вам не принадлежала,

– раздался спокойный голос сэра Уоми. – Она была украдена; и вы отлично знаете, где, кем и когда. Это вас не остановило, и вы отдали ее, одному из надувающих вас шарлатанов, чтобы он сделал из нее, любовный приворот. Судя по настроению обладательницы прекрасной руки, на которую он надет, вы сами, думаю, можете убедиться, пользуетесь ли вы симпатией и каковы ваши шансы сделаться мужем Анны, – все, так же спокойно продолжал сэр Уоми.

Браццано так отвратительно заскрежетал зубами, что я невольно закрыл уши руками.

– Кто же это донес вам на меня? И почему меня не арестовали, если я подбираю похищенные вещи? – дерзко выкрикнул он, весь багровый от злости.

– О том, что вы похитили эту вещь, сказал мне ее, владелец. А что касается ареста, то большая часть вашей бесчестной шайки сейчас уже изловлена и главари ее, бегут из Константинополя. Самый же главный из них – вы – не только ногами передвигать, но и разогнуться не может как следует.

Браццано из багрового сделался белым, потом снова то багровел, то белел от видимых усилий встать, но все, равно сидел, как приклеенный, наклонившись к столу и дико вращая головой, которая одна ему еще, повиновалась.

– Вот финал вашей преступной жизни, – продолжал сэр Уоми. – Вы

втр,рлись в прекрасную, дружную, честную семью. Чудесной чистоты женщину, Елену Дмитриевну, вы погружали день за дн,,м в подлый гипноз. Пользуясь е,, робостью и добротой, вы превратили е,, в сварливое, отравляющее жизнь всей семье, капризное существо. Вы развратили е,, младшего сына, заманив его в сети дружбы, и сделали из них обоих себе прислужников.

Вам было дано Анандой три дня на размышления. Вы ещ,, могли выбраться из ада своих страстей, а иначе и нельзя назвать вашу разнузданную жизнь.

Вы пленились красотой женщины и решили заманить е,, в любовные сети, вызвав на бой вс,, чистое и светлое, что защищает е,,. Мы пришли сюда по вашему призыву. И теперь доказываем вам, чего стоит власть, приносимая злом, обманом, воровством, убийством, которой вы так добивались.

Вам сказали правду. Вс,, то, что было дано вами Елене Дмитриевне, – как талисманы ваших знаний и власти, – вс,, вздор, уничтожаемый истинным светлым знанием. Как дым разлетелся ваш суеверный наговорный вздор, оказавшийся вдобавок медью вместо золота.

Вы уверяли Леонида, что феска его ни в каком огне сгореть не может, что его ч,,рные жемчужина и бриллиант – вещи вечности.

– И сейчас утверждаю это, – прокричал Браццано, нагло перебивая сэра Уоми.

– Хотите испытать силу ваших знаний? – спросил сэр Уоми. – Хоть сию минуту, – раздувая ноздри, с видом бешеного быка орал Браццано.

– Левушка, снимите феску с головы Леонида, а вы, капитан, снимите с его левой руки кольцо и положите вс,, ну хотя бы на эту серебряную тарелку, – сказал сэр Уоми, подавая мне через стол большое серебряное блюдо, с которого он снял высокий хрустальный кувшин.

Пока мы с капитаном обходили длинный стол, чтобы подобраться к любимчику Леониду, спутник Браццано, уже давно нетерпеливо „рзавший на сво,,м стуле, тихо говорил ему:

– Оставьте, уйд,,м отсюда; не надо никаких испытаний. Ведь вы опять почти согнулись.

– Замолчите или я сейчас пристрелю вас, – зарычал Браццано в ответ.

Я подош,,л к Леониду, имя которого я узнал только сейчас, снял феску безо всякого труда и положил е,, на блюдо.

Казалось, это очень удивило Браццано; он как будто ожидал, что феску будет не снять с головы юноши. Я вспомнил, как напялил на меня Флорентиец шапку дервиша, которую я действительно не мог снять, и

поневоле засмеялся. Мой смех лишил Браццано остатков самообладания. – Посмотрим, засмеетесь ли вы через час, – прошипел он мне.

Капитан что-то долго не мог снять кольцо. Но сэр Уоми, перегнувшись, посмотрел пристально на Леонида, – и кольцо в тот же миг лежало рядом с феской.

По указанию сэра Уоми я поставил блюдо в широкий восточный камин. Он встал, обсыпал вещи уже знакомым мне порошком и подж.,г.

Вспыхнуло большое, яркое пламя. Будто не одна маленькая феска горела, а целый сноп соломы. Смерд, но не от горелой материи, а точно запах падали, заставил всех зажать носы платками. Раздались два небольших взрыва, и пламя сразу погасло. Я распахнул по указанию И. окно. Через некоторое время воздух очистился, и я подал сэру Уоми блюдо, которое он велел мне отнести Браццано, что я и исполнил, поставив блюдо перед ним на стол.

Вернувшись на место, я любопытствовал, почему капитан так долго не мог снять кольцо. Он ответил, что если бы не повелительный взгляд сэра Уоми, он и вовсе бы его не снял. Глаза злодея Браццано жгли ему руки, как огонь; да и кольцо сидело на пальце Леонида, точно его приклеили вечным клеем.

На блюде перед Браццано лежали жалкий, скрюченный кусочек меди, осколки ч.,рного стекла и бесцветный камень, похожий на кусок гран.,ного стекла. Фески не было и помину, если не считать горсти ч.,рной золы.

– Уйд.,мте, прошу вас, Браццано; или хотя бы отпустите меня, чтобы я мог привести помощь, – умолял приятель.

– Вы попросту глупец. Не видите разве, что вс., это шарлатанство? Что могут сделать эти шантажисты против моего амулета? – заорал Браццано, вытаскивая дрожащей рукой из жилетного кармана треугольник из золота, в котором сверкал огромный ч.,рный бриллиант.

По лицу сэра Уоми точно прошла молния. Снова его глаза стали ярко-фиолетовыми.

– Не желаете ли испытать силу вот этого талисмана? – спросил Браццано сэра Уоми, держа в руках дивный камень, сверкавший, точно молнии, в огне ламп и свечей.

– Подумайте ещ., раз о вашей жизни, Браццано, о всей вашей жизни; и о том, что вы делаете сейчас. Вы отлично знаете, что эта вещь украдена у одного венецианца. Вы знаете, что е., венчали когда-то крест и звезда – символы любви. Вы знаете, кто кощунствовал и надругался над этой вещью, отрубив крест и звезду, и какая судьба свершилась над ним. – Тв.,рд, тих, почти ласков был голос сэра Уоми, и глаза его с состраданием

смотрели на Браццано.

Тем временем ужин, за которым почти никто ничего не ел, кончился.

– Судьба свершилась? Глупость его свершилась, – злорадствовал Браццано. – Дуракам туда и дорога! Не Боженька ли ваш поможет вам сейчас сразиться со мною? – продолжал орать вне себя Браццано.

Он положил на блюдо свой камень, от которого словно пошли брызги всех цветов, от светлого до багрово-алого. Глаза всех были прикованы к необычайной игре дивного бриллианта.

– Ха, ха, ха! Ну, вот моя ставка за власть. Если ваш огонь превратит мой камень в такой же прах, – указывая на золу, издевался он, – продаю вам свою душу. Если же вещь сохранит свою силу, то есть мою власть, – вам не уйти, и вы мой раб, – д,,ргаясь, с пеной у рта, орал Браццано.

Лицо сэра Уоми стало суровым; глаза метали искры не меньшей яркости, чем искры, испускаемые камнем.

– В последний раз прошу вас, несчастный вы человек, одумайтесь. Идут последние минуты, когда вы ещ,, можете избавить себя от непоправимого зла. Сейчас я ещ,, в силах спасти вас, но после уже ни я и никто другой не сможет протянуть вам руку помощи.

– Ага, трусили, сэр спаситель, – хохотал Браццано. – Бессильны, так заблеяли овечкой! Ну, позовите к себе вашего Спасителя, авось тот покрепче будет.

Не успел он договорить кощунственной фразы, как Ананда подал блюдо сэру Уоми. Тот наклонился над ним, перебросил какой-то тоненькой деревянной палочкой, бриллиант на свою тарелку, придержал его этой палочкой и, достав небольшой флакон, облил чем-то бесцветным камень. Поднеся свечу, он подж,,г жидкость, и она горела на его тарелке тихо и ровно, точно спирт.

Браццано, не спуская глаз с огня, молчал; но лицо его выражало такую муку, будто жгли его самого.

Я посмотрел на сэра Уоми и был поражен тем выражением сострадания, которое отражалось на его чудесном лице.

Огонь погас. Сэр Уоми велел мне протереть оставшийся невредимым бриллиант и подать его Браццано.

– Что же, цел? Чья взяла? Кто кому будет теперь рабом? – хрипел Браццано, дрожащими руками вырвав у меня сво,, сокровище.

Но едва он прикоснулся к нему, как с диким криком уронил на стол.

– Дьявол, дьявол, что вы с ним сделали? – завопил он. как зверь.

Сэр Уоми протянул руку и тихо сказал:

– Умолкни. Я предупредил тебя, несчастный человек, что теперь

никакая светлая сила тебя уже спасти не может. Ты не способен вынести прикосновения любви и света и умрешь мгновенно. Последнее, чем я могу помочь тебе, – это уничтожить мерзкую связь между тобою и теми, потерявшими человеческий облик, предавшимися черной магии кощунственными существами, которым ты обещал отдать жизнь за власть, славу и богатство.

Он велел мне палочкой, которую мне подал, снять феску с головы Браццано и бросить ее, в камин. Я обсыпал ее, порошком и по приказанию И. вернулся на место.

– Я ничего не сделал с вашим камнем, – снова заговорил сэр Уоми. – Просто тот наговор, который – как вы уверяли – превышает все силы света, оказался ничтожным обманом, а не истинным знанием. Вы совершили два больших преступления. Вы отдали два – правда, украденных вами, – состояния и обещались быть семь лет в рабстве у шарлатана и кощунника, давшего вам камень. Теперь вы видите, куда это все, привело вас. Подойдя к камину, сэр Уоми поджиг порошок. Никогда не забуду, что произошло через миг. Раздался грохот, точно разорвался снаряд. В черном дыму камин завыл ветер. Женщины вскрикнули, – новее продолжалось несколько коротких мгновений.

– Сидите все спокойно. Никакой опасности нет, – раздался голос сэра Уоми.

Когда дым рассеялся, все взоры обратились к Браццано. Совершенно идиотское и скотское выражение было на его лице.

– Возьми флакон, Левушка, протри этим платком лоб, лицо и шею несчастного, – сказал сэр Уоми, подавая мне через стол небольшой пузырь, и платок.

Побеждая отвращение, с состраданием, которое разрывало мне сердце, я выполнил приказание.

Через некоторое время лицо несчастного стало спокойнее, пена у рта исчезла. Он озирался по сторонам, и всякий раз, как взгляд его падал на чудесный бриллиант, его передергивало; нечто вроде отвращения и ужаса мелькало на его лице, как будто в сверкающих лучах камня он видел что-то устрашавшее его.

Некоторое время среди царившего молчания слышалось лишь прерывистое дыхание Браццано, да изредка не то стон, не то вздох.

– Молодой человек, – внезапно обратился он ко мне, – возьмите от меня этот камень. Только в одном вашем сердце было милосердие, и вы не побрезговали мною. Я не говорю о трех этих людях, – указал он на сэра Уоми, Ананду и И., – От их прикосновения я бы умер. Но здесь сидят те,

кого я баловал немало, как например любимчика Леонида. И ничего, кроме ужаса и страха, как бы моя судьба не испортила ему жизнь, я в его сердце сейчас не читаю. В одном вашем сердце, в ваших глазах я вижу слезу сострадания. Спасибо. Возьмите эту вещь, пусть она сохранит вас в жизни, напоминая вам, как я погиб.

– О, нет, нет, этого не может быть! Не может погибнуть человек, что бы он ни сделал, если он встретил сэра Уоми. Я буду молить моего великого друга Флорентийца, наконец упрошу Али помочь вам. Прошу вас, не отчаивайтесь, – заливаясь слезами, сорвался я с места, точно подхваченный бурей. И никто не успел опомниться, как я обнял Браццано за шею и поцеловал его. Я стал перед ним на колени, призывая мысленно Флорентийца и моля его облегчить судьбу несчастного. Из глаз Браццано скатились две слезы.

– Это первый чистый поцелуй, который мне дали уста человека, – тихо сказал он. – Освободите же меня, возьмите камень, он меня невыносимо давит; пока он будет тяготеть надо мною, я жить не смогу.

Я посмотрел на сэра Уоми, вспоминая, как он говорил, что следует быть осторожным, принимая от кого-то вещи.

– Вещь, Левушка, сама по себе теперь безвредна. Но принимая ее, ты берешь на себя обет сострадания всем несчастным, гибнущим в когтях зла. И взяв ее, сегодня, ты должен будешь идти путем не только борьбы со злом, но и защиты всех страдальцев, закрепощенных страстями и невежеством, – сказал он мне.

– Когда Флорентиец бежал со мной через поля, спасая меня от смерти, он не дожидался моих просьб. Когда Ананда дал мне одежду дервиша, он не просил милосердие, о котором я его не просил. Когда он и И. вызвались помочь моему брату, они, как и вы, сэр Уоми, шли легко и просто. Я мал и невежествен, но я рад служить Браццано – вот этому, освобожденному вами, – и не вижу в этом подвига; так же как я буду стараться защищать и утешать всех падающих под тяжестью собственных страстей.

В то время как я говорил это, я увидел, что рука спутника Браццано тянется по скатерти к камню. Зрелище этой красной, волосатой руки, выпяченных, что-то шептавших губ, с вожделием, жадностью и каким-то тайным страхом глядящих на камень выпуклых глаз и вытянутой вперед маленькой головки доктора Бонда было так отвратительно и вместе с тем мерзко-комично,

– что привлекло внимание всех, и многие стали невольно смеяться.

Заметив, что его поведение всеобщее привлекло внимание, Бонда привстал, еще дальше вытянул руку, но никак не мог схватить

камень. Обводя стол своими шарящими ч.,рными глазками, он сказал:

– Браццано, не делайте глупостей; подайте мне камень. Я его спрячу, а потом передам куда надо, – и снова вс., будет хорошо.

Он, видимо, старался переменить свою неудобную позу, но не имел сил разогнуться.

– Последняя просьба, сэр Уоми. Разрешите мальчику взять камень и развяжите меня с этим ужасным Бондой. Перед ним я не виноват ни в ч.,м. Скорее, он ввергал меня во вс., новые и новые бедствия, – сказал Браццано.

– Вы уже освобождены от всех гадов, что шипели вокруг вас. Вспомните: когда вы несли на себе этот камень, впервые став его владельцем, вы встретили высокого золотоволосого человека. Что он сказал вам? – спросил сэр Уоми.

– Я отлично помню, как он сказал мне: «Добытое кровью и страданием, кощунством и грабежом не только не принес,,т счастья и власти; оно нес,,т рабство, яд и смерть самому владельцу. Если чистый поцелуй сострадающего сердца не осушит слезу на твоей щеке – страшен будет твой конец!» Тогда я не придавал никакого значения этим словам и смеялся ему в лицо. Теперь – свершилось, – закончил Браццано.

– Приказать мальчику я не могу, как не внушал я ему этот поцелуй сострадания. Он сам – только он один – может решить в эту минуту свой вопрос, – ответил сэр Уоми.

Я взглянул на сэра Уоми, но он не смотрел на меня. Глаза И. и Ананды, Анны, Строганова были тоже опущены вниз. Никто не хотел или не мог помочь мне в этот трудный момент. Я взглянул на капитана и увидел, что только его глаза, полные сл.,з, смотрели на меня так ободряюще, так ласково, что мне сразу стало легко. Я собрал все силы, позвал Флорентийца и... точно увидел его улыбающимся в круглом окне. Я засмеялся от радости, взял камень и сказал Браццано:

– Я исполню легко и весело ваше желание. Но у меня нет ничего, что я мог бы предложить взамен. Что будет в моих маленьких силах – я буду рад для вас сделать.

На лице Бонды отразилось злобное разочарование, и он убрал, наконец,"свою руку.

– Ступайте отсюда, – тихо сказал ему сэр Уоми. – А вы, капитан, помогите Браццано добраться до дому и вернитесь сюда, – обратился он к моему доброму другу.

– Браццано, вс.,, что я могу для вас сделать, – это помочь вам укрыться в Тироле у моих друзей. Если вы хотите, капитан даст вам каюту на сво.,м пароходе и довед,,т вас до С. Там вас встретят и проводят до места, где

ваши сообщники не дерзнут вас преследовать, – сказал сэр Уоми.

– Выбора у меня нет, – ответил тот. – Я согласен. Но ведь вс,, равно меня и там найдут и убьют мои вчерашние спутники, – безнад,,жно, опустив голову и помолчав, прибавил он.

– Идите смело и ничего не бойтесь. Страшно не внешнее, а внутреннее ваше разложение, – вс,, так же тихо и тв,,рдо сказал сэр Уоми.

Капитан подош,,л к Браццано, помог ему встать и ув,,л из комнаты, поддерживая его согнувшееся по-стариковски тело.

Вслед за их уходом все встали из-за стола, и часть общества перешла в кабинет Строганова. Когда все сели, я увидел, что кроме моих друзей здесь только муж и жена Строгановы, Анна и Леонид.

– Анна, во многом, что произошло сегодня, есть часть твоей вины, – сказал сэр Уоми. – Два года назад Ананда сказал тебе, чтобы ты покинула этот дом и сожгла феску Леонида. Ты не сделала ни того, ни другого. Но ты одержала над собой другую победу, – и у Ананды была ещ,, возможность взять на себя охрану твоей семьи. Когда он приехал сейчас, чтобы радостно увезти тебя в Индию, где ты должна была начать иную полосу жизни, он наш,,л тебя в сомнениях, ревности, мыслях о своей молодости и красоте, увядающей без личного счастья.

Тот кусок материи, что прислал Али, я не могу тебе передать. Из не,, шьют в Индии хитоны людям, видящим счастье жизни в освобождении от страстей. Ты же стала жаждать страсти.

Остальное – буря, от которой тебя спас Ананда и куда ты дала себя увлечь Браццано, – то только твоя тайна; и о ней говорить я здесь не буду.

Теперь трудись ещ,, семь лет, учись, работай в гуще простой жизни серых дней. Помогни Жанне достичь самообладания и храни пока е,, детей. Помогай князю; не дичись людей и не мечтай о жизни избранных. Не скупись на музыку; расточай людям сокровища своего дара. Играй и пой им, но не бери денег за свою музыку.

Нет времени, нет пространства как ограничения на пути вечного совершенствования человека. Радуйся, что испытание пришло сейчас и раскрыло тебе самой, как шатко тво,, сердце.

Не плачьте, Елена Дмитриевна. Тяж,,лый и страшный урок вам показал, как, решившись на компромисс, будешь вс,, глубже увязать в н,,м и кончишь падением.

Внесите теперь мир в свою семью, которую вы разбили. И поставьте своего младшего сына в нормальные условия, он должен трудиться. А для мужа постарайтесь быть доброй и заботливой сестрой милосердия, так как это по вашей вине он считает себя больным, на самом же деле ваш вечный

страх заразил и его и выразился в мнимой болезни. Это были последние слова сэра Уоми.

В дверях комнаты появилась высокая фигура капитана. Сэр Уоми ласково ему улыбнулся, простился со всеми, и мы вышли на улицу, отказавшись от экипажа Строганова.

Я был счастлив вырваться из этого дома на воздух. Увидя небо в зв.,здах, вспомнил Флорентийца, как ехал с ним в повозке, ночью, по степи, к Ананде.

Каким тогда я чувствовал себя одиноким и брошенным! Теперь же, – ощутив, как нежно взяли меня под руку И. и капитан, как ласково смотрели на меня сэр Уоми и Ананда, – чувствовал себя в их защитном кольце, словно в неприступной, радостной крепости.

Я ещ., раз мысленно поблагодарил Флорентийца, который дал мне возможность узнать всех этих людей и жить подле них.

ГЛАВА 24 НАШИ ПОСЛЕДНИЕ ДНИ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ
Точно в девять часов на следующий день я стучался в двери сэра Уоми.

Каково же было мо., изумление, когда, вместо работы, я наш.,л сэра Уоми в дорожном костюме и в прихожей увидел увязанный чемодан.

В комнате был капитан, передававший сэру Уоми билеты на пароход. Он, очевидно, приш.,л незадолго до меня. Лицо его было очень бледно, как будто он всю ночь не спал. А я, по обыкновению, вечером провалившийся в глубокий сон, ничего не знал о том, как мои друзья провели ночь.

Заметив мой расстроенный вид, сэр Уоми погладил меня по голове и ласково сказал:

– Как много разлук пришлось тебе пережить. Девушка, за последнее время. И все ты пережил и переживаешь тяжело. С одной стороны, – это показывает твою любовь и благодарность людям. С другой, – говорит об отсутствии ясного знания, что такое земная жизнь человека и как он должен ценить свой каждый день, не растрачивая его на сл.,зы и уныние.

Скоро, всего через несколько дней, ты уедешь с И. в Индию. И новые страны, через которые ты будешь проезжать, кое-где останавливаясь, и новые люди, их неведомые тебе обычаи и нравы – вс., поможет расширится твоему сознанию, толкн.,т твою мысль к новому пониманию вещей.

Пройд.,т несколько лет, мы с тобой увидимся; и годы эти – твои счастливейшие годы – мелькнут, как сон. Многие из того, что ты увидел и услышал за это короткое время, лежит сейчас в тво.,м подсознании, как на складе. Но ты не только пойм.,шь вс.,, что там копишь, но и перенес.,шь

большую часть в сво., творчество.

На прощанье, мой дорогой секретарь, возьми от меня вот эту цепочку, надень на не., очищенный силой любви камень Браццано; и носи на груди, как знак вечной памяти о милосердии, обет которого ты сам добровольно принял. Где только возможно, – будь всегда милосерден и не суди никого. Любовь знает помощь; но она не знает наказаний и осуждения. Человек сам созда,т свою жизнь; а любовь, даже когда кажется, что она подвергает человека наказанию,

– только вед,,т его к высшей форме жизни.

Завет мой тебе: никогда, нигде и ни с чем не медли. От кого бы из нас ты ни получил весть – выполни тотчас же приказ, который она нес,,т; не вдавайся в рассуждения и не жди, пока у тебя где-то внутри что-то созреет. Эти промедления – только доказательство неполной верности; и ты видел, к чему привели они Анну, как разъели сомнения мост, ею же самой выстроенный, к уже сиявшему ей новому пути освобождения.

Этот камень, принесший людям столько горя и сл,,з, очищен такой же силой любви и сострадания, какая бросила тебя в объятия гада и заставила задрожать слезу в его глазах, не знавших никогда пощады. Твой поцелуи прин,,с ему привет закона вечности: закона пощады.

На этой цепочке, кажущейся тебе столь великолепной, сложены слова на языке, которого ты ещ,, не знаешь. Они значат: «любя побеждай». Я вижу, – засмеялся сэра Уоми, – ты уже решил изучить этот язык.

– Ах, сэра Уоми, несмотря на кашу в моей голове и огорчения, одним из которых является разлука с вами, я ясно сознаю, как я невежествен. Я уже дал себе однажды слово изучить восточные языки, когда ничего не понимал в речах Али и Флорентийца. Теперь этому моему слову пришло новое подкрепление.

И я подставил шею сэру Уоми, надевшему мне собственной рукой камень с цепочкой.

– Этот камень был украден у Флорентийца. На вершине треугольника были ещ,, крест и звезда из изумрудов. Когда ты приобрет,,шь полное самообладание и такт, ты, по всей вероятности, получишь их из рук самого Флорентийца. Теперь же он просил меня надеть камень милосердия тебе на шею. А моя цепь пусть свяжет тебя со мной.

В любую минуту, когда тебе будет казаться, что трудно воспитать себя, что недостижимо полное бесстрашие, – коснись этой цепочки и подумай о моей любви и верности тебе. И сразу увидишь, как, единаясь в красоте и любви, легко побеждать там, где вс,, казалось непобедимым.

Он обнял меня, я же едва сдерживал сл,,зы и был полон такой тишины,

мира и блаженства, какие испытывал минутами только подле Флорентийца.

В комнату вошли И. и Ананда. Лица их были совершенно спокойны, глаза-зв.,зды Ананды сияли, как и подобает зв.,здам; и оба они, казалось, совсем не были расстроены предстоящей разлукой с сэром Уоми.

Этого я никак не мог взять в толк. Поглядев на капитана, я увидел на его лице отражение своей собственной скорби. Как ни ценил я своих высоких друзей, но с капитаном чувствовал себя как-то в большем ладу, чем с ними. Мне казалось, что непереступаемая грань лежит между мною и ими; точно стена иногда отделяла меня от них, а между тем никто из них преград мне не ставил ни в ч.,м.

Ананда взглянул на меня – опять точно череп мой приподнял – и смеясь сказал: – Стена стене рознь.

Я покраснел до корней волос, И. и сэр Уоми улыбнулись, а капитан с удивлением смотрел на меня, не понимая ни моего смущения, ни реплики Ананды, ни улыбок остальных.

Глубоко растроганный напутствием сэра Уоми, я не сумел выразить ничем своей благодарности вовне. Я приник устами к его маленькой, очаровательно красивой руке, мысленно моля его помочь мне сохранить навек верность всему, что он сказал мне сейчас.

Вош.,л слуга сэра Уоми и доложил, что князь прислал спросить, может ли он видеть его. Сэр Уоми отпустил нас всех до двенадцати часов, прося зайти к нему ещ., раз проститься, так как в час его пароход отходит. Он приказал слуге просить князя, с которым мы столкнулись в дверях.

Мне было тяжело, и я инстинктивно жался к капитану, сердце которого страдало так же, как мо,.. Среди всех разнородных чувств, которые меня тогда раздирали, я не мог удержаться, чтобы не осудить равнодушие моих друзей при разлуке с сэром Уоми.

Как мало я тогда разбирался в душах людей! Только много позже я понял, какую трагедию победило сердце Ананды в это свидание с сэром Уоми, И какой верной помощью, забывая о себе, были и он, и И. моему брату во вс., время моей болезни в Константинополе и до самого последнего вечера, когда столкновение с Браццано дошло до финала у Строгановых.

И. не говорил мне, что погоня за нами вс., продолжалась и концы е., были в руках Браццано и его шайки. Как потом я узнал, ночь перед отъездом сэра Уоми все мои друзья провели без сна. Они отдали е., капитану, наставляя его к будущей жизни, а также объясняя ему, где и как он должен оставить Браццано.

И. не сказал мне ни слова, а самому мне было невдом.,к, как тревожила

его дальнейшая жизнь Жанны и Анны и всей семьи Строгановых, поскольку своим участием во вс.,м этом деле он брал на свои плечи ответ за них.

– Ничего, Левушка, не смущайся. Ты уже не раз видел, как то, что кажется, вовсе не соответствует тому, что есть на самом деле, – сказал мне И.

Я посмотрел ему в глаза, – и точно пелена упала с глаз моих. – О Лоллион, как мог я только что почувствовать какое-то отчуждение? И я мог подумать, что ваше сердце было равнодушно?

– Не равнодушием или горечью и унынием движется жизнь, а радостью, Левушка. Той высшей радостью, где нет уже личного восприятия текущей минуты; а есть только сила сердца – любовь, – где ни время, ни пространство не играют роли. Любовь не судит; она радуется, помогая. Если бы я не мог забыть о себе, а стонал и горевал бы о том, что разлука с сэром Уоми лишает меня общества любимого друга и его мудрости, – я бы не имел времени думать о тебе, тво.,м брате, Жанне, княгине и ещ., тысяче людей, о которых ты и не подозреваешь в эту минуту.

Живой пример великого друга сэра Уоми, который ни разу за вс., время моего знакомства с ним не сосредоточил своей мысли на себе; который сам делал вс., о ч.,м говорил другим, вводил меня в тот высокий круг активной любви, где равнодушие, уныние и страх не существуют как понятия.

Капитан с Анандой повернули в сад, мы же с И. пошли к себе. Я рассказал ему вс., о ч.,м говорил мне сэр Уоми, и показал подаренную им цепочку, которую он сам, продев в не., камень, надел мне на шею.

– Вот тебе, Левушка, наглядный пример того, какая разница между тем, что только кажется людям справедливостью, и тем, что на самом деле происходит по истинным законам целесообразности. Чтобы получить такую цепочку, тысячи людей затрачивают годы жизни. Иногда они всю жизнь добиваются победы над какими-то своими качествами, мешающими им двигаться дальше: трудятся, ищут, падают, борются, – наконец этого достигают, как кажется им и окружающим. А на самом деле, перед лицом истинных законов жизни, – стоят на месте.

Ты, мальчик, ничем – по законам внешней справедливости – не заслужил того счастья, которое ль.,тся на тебя как из рога изобилия. Ты и сам не раз за это время, окруженный высшим счастьем, считал себя одиноким и несчастным, – ласково говорил И.

К нам вош.,л капитан, но заметив, что у нас ид.,т серь.,зный разговор, хотел уйти к себе.

– Вы не только не помешаете, дорогой капитан, но я буду рад, если вы

побудете с Левушкой до прихода парохода. Ни вам, ни ему не следует провожать сэра Уоми, так как он ещ,, многих должен принять; а для Хавы, которая задержится здесь ещ,, несколько дней и, быть может, отправится домой на вашем пароходе, у него останется только несколько минут пути от дома до набережной. Я не сомневаюсь, что обоим вам это тяжело; но ведь вы оба достаточно осчастливлены. Берегите сво,, счастье и уступите немного другим. И. вышел, и мы остались вдво,,м с капитаном. Обоим нам было одинаково тяжело, что мы не проводим сэра Уоми и не будем видеть его милого лица до последнего мгновения. Капитан курил папиросу за папиросой, иногда ходил по комнате и ерошил свои и без того торчавшие ,,жиком волосы.

Мы внутренне приводили себя в порядок, как бы совершая свой духовный туалет перед последним свиданием с сэром Уоми в двенадцать часов, как им было назначено. Наконец, я решился прервать молчание и сказал: – Капитан, дорогой друг, не сердитесь, что я нарушаю молчание, хотя и вижу, что вам совсем не хочется говорить. Но мне надо поделиться с вами, какими мыслями я сейчас жил и как наш,,л в них успокоение.

Каждый из нас получил от сэра Уоми так много. Лично мне одно его присутствие давало даже физическое ощущение блаженства. Не говоря уже о совершенно особенном состоянии внутреннего мира, когда вс,, кажется понятным, ничего не нужно, кроме как следовать за ним. Я понял сейчас, что это станет возможным только тогда, когда я самостоятельно решу свои жизненные вопросы. Когда научусь тв,,рдо стоять на собственных ногах, не ища помощи со всех сторон, как это делаю сейчас.

Должно пройти какое-то время, и я определю для себя свой путь в творчестве, найду силы крепко держать себя в руках, – вот тогда я могу пригодиться сэру Уоми, как ему нужны сейчас И. и Ананда.

Я рад, что первое л,,гкое испытание меня больше не расстраивает. Сколько времени пройдет до нового свидания с сэром Уоми, не знаю, но я думаю только об одном: достойно прожить каждую минуту разлуки, не потеряв ни мгновения попусту.

– Ты совершенно прав, друг; надо быть достойным всего того, что мы получили от сэра Уоми, Ананды и И. Но ты теряешь только одного из них, а я теряю не только всех троих, но и тебя. С кем могу я теперь, когда я понял глубочайший смысл жизни, поделиться своими новыми мыслями? Я и прежде-то был замкнут и носил прозвище: «ящик с тайнами». Кому же теперь я могу высказывать свои мысли, как буду искать тот путь единения, о котором говорят мои новые друзья?

– Я, конечно, ничего ещ,, не знаю и мало чего понимаю, капитан. Но я

видел, как стал вам понятен язык музыки. У вас появилась теперь новая платформа для понимания Лизы и е,, матери. И вы сами как-то говорили, что много думаете о Лизе и написали ей письмо.

Это раз. Второе – разве между вами, мною и ещ,, сотней простых людей и нашими высокими друзьями лежит пропасть? Хоть раз вы видели, чтобы они показали людям сво,, превосходство? Чтобы они презирали кого-то? Или обошли своей помощью, если могли помочь? Хоть раз вы их видели тяготящимися той или иной встречей? Так и мы; сколько можем, должны стараться следовать их примеру.

Третье – если я теряю сэра Уоми и Ананду, сохраняя близость И., то из опыта потерь, разлук, разочарований и горя последних месяцев я понял только одно: люби до конца, будь верен до конца, не бойся до конца, – и жизнь пошлет вознаграждение, какого не ждешь и откуда не ждешь.

– Мальчишка мой, милый философ! Пока я ещ,, ни разу не любил до конца, не был верным до конца и не был храбрым до конца; а утешение от твоей кудрявой рожицы уже получил, – весело расхохотался капитан.

Ну, вот что. Скоро одиннадцать. Поедем-ка в садоводство и привез,,м цветов, Левушка.

– Ох, капитан, у сэра Уоми в его собственном саду такие цветы, что лучше уж нам не срамиться.

Капитан напялил мне на голову шляпу, мальчишески засмеялся и потащил на улицу.

Очень быстро мы нашли коляску и покатали к его другу – садоводу. Подгоняемый обещанным вознаграждением, кучер забыл о своей константинопольской лени, и вскоре мы предстали перед садоводом.

Капитан оставил меня у дерева с персиками, которые хозяин любезно предложил мне есть сколько хочется, и они ушли в оранжерею.

Не успел я ещ,, насладиться как следует персиками, как он появился, неся цветы в восковой бумаге. Хозяин уложил их в корзиночку с влажной травой, обвязал и подал мне. Она была довольно тяж,,лая.

Когда мы ехали обратно, я спросил моего спутника, почему он не показал мне цветы, точно это была заколдованная красавица.

– Цветы эти и есть красавицы. Они очень нежны и так чудесны, что ты немедленно превратился бы в «Л,,вушку-лови ворон», если бы я тебе их показал. А у нас времени в обрез.

– Ну, хоть скажите, как зовут ваших таинственных красавиц? – спросил я с досадой.

Капитана рассмешила моя раздраж,,нность, и он сказал: – Философ, их зовут фрезии. Это горные цветы, их родина Индия. Но если ты будешь

сердиться, из белых они станут ч.,рными.

– Ну, тогда вам придется подарить их Хаве; сэру Уоми ч.,рных красавиц больше не надо. Довольно и одной, – ответил я ему в тон.

Капитан весело смеялся, говорил, что я вс., ещ., боюсь Хавы, и что, наверное, мо., «не бойся до конца» относится к обществу Хавы.

– Очень возможно, – ответят я, вспоминая письмо Хавы, которое я получил в Б. – Но, во всяком случае, если она когда-нибудь и будет жить в мо.,м доме, то я буду е., бояться меньше, чем вы боитесь сейчас Лизы и всего того, что должно у вас с нею произойти, – брякнул я, точно попугай, которых носят по Константинополю, они вытаскивают билетика «судьбы» и подают любопытным их будущее в виде св.,рнутого в трубочку билетика.

Удивление капитана было столь велико, что он превратился в соляной столб.

Не знаю, чем бы это кончилось, если бы мы не подъехали в эту минуту к дому и не встретились с Анандой и Хавой, шедшими к сэру Уоми.

– Возьмите ваших красавиц, – сказал я, подавая капитану цветы.

– Каких красавиц? – спросил Ананда.

– Белых, для сэра Уоми, если они ещ., не почернели, – очень серь.,зно сказал я. – Если же почернели, то... – Замолчишь ли ты, каверза-философ?! – вскричал капитан. Хава заинтересовалась, каких это ещ., красавиц не хватало сэру Уоми. – Горных, – шепнул я ей.

– Нет, это невыносимо! Неужели вы притащили ему козл.,нка? – смеялась она, обнажая все свои белые зубы.

– Вот-вот, из самой Индии; если только этот козл.,нок не позавидовал вашей коже и не сделался ч.,рным.

– Левушка, ну есть же границы терпению, – воскликнул капитан, начиная чуть-чуть сердиться.

Ананда погрозил мне, взял из моих рук корзинку и развязал е.,. Вынув цветы из бумаги, он сам издал восклицание восторга и удивления.

– Фрезии, фрезии! – закричала Хава. – Сэр Уоми очень хотел развести их у себя в саду! Ему будет очень приятно. Да они в горшках, в земле и во мху! Ну, кто из вас выдумал такого козл.,нка, тот счастливец. Если бы я умела завидовать, непременно позавидовала бы.

– Пожалуйста, не завидуйте, а то вдруг они и вправду почернеют, – сказал я, любуясь какими-то невиданными «роскошными цветами. Крупные, белые, как восковые, будто тончайшим резцом вырезанные колокольчики необычайной формы наполнили прихожую ароматом.

Капитан взял один горшок, мне дал другой. Когда я стал отказываться, уверяя, что идея и находка – его, он улыбнулся и шепнул мне:

– Одна фрезия – я; другая – Лиза. Вы шафер. Идите и молчите наконец.

– Ну, уж Лиза – фрезия, – куда ни шло. Но вы, – вы ужасно любимая, но просто физия, – так же ш,,потом ответил я ему.

– Эти китайчата будут до тех пор разводить свои китайские церемонии и топтаться на месте, пока не опоздают, – сказал Ананда с таким вес,,лым юмором, что мне представилось, будто его тонкое, музыкальное ухо уловило, о ч,,м мы шептались. Я не мог выдержать, залился смехом, которому ответил смех сэра Уоми, отворившего дверь своей комнаты.

Увидав наши фигуры с горшками цветов, имевшие, вероятно, довольно комичный вид, сэр Уоми сказал: – Да это целая свадьба! – Он ласково вв,,л нас в комнату, взял у каждого цветок и обоих обнял, благодаря и говоря, что развед,,т по клумбе фрезии в сво,,м саду, присвоив им название морской и сухопутной.

Очень внимательно осмотрев цветы, сэр Уоми позвал своего человека и вместе с ним упаковал их в нашу корзинку, обильно полив водой и цветы, и прикрывавшую их траву, приказав завернуть корзинку в несколько слоев бумаги и в грубое мокрое полотно. Слуга исполнил приказание и вместе с вынырнувшим откуда-то Верзилой, взявшим чемодан, пош,,л на пристань.

Много народа было здесь. Были и такие, кого я совсем не знал; кое-кого видел мельком; а из хорошо знакомых присутствовали только турки, Строганов и князь.

Для каждого у сэра Уоми находилось ласковое слово. Мне он сказал:

– Ищи радостно, – и вс,, ответит тебе. Цельность чувства и мысли скорее всего приведут тебя к Флорентийцу. О брате не беспокойся. Выработай ровное отношение к нему. Наль – не Анна.

Я приник к его руке, ошеломленный этими словами, служившими ответом на самые зата,,нные мои мысли.

Все проводили сэра Уоми до коляски, в не,, сели И., Ананда и Хава. Я спросил И., не навестить ли нам с капитаном Жанну, на что он ответил одобрением, сказав, что зайд,,т с Анандой за нами.

Экипаж завернул за угол и скрылся из глаз. Вздых сожаления вырвался у всех, а князь плакал, как реб,,нок. Я подош,,л к нему и предложил пойти с нами к Жанне, говоря, что туда приедут И. с Анандой, как только проводят сэра Уоми.

Он согласился, попросил подождать его несколько минут, видимо обрадовавшись случаю не оставаться сейчас дома. Я понимал его состояние, потому что у самого горла ощутил рыдание и подавил его с большим трудом. Как ум ни говорил мне, что надо сделать над собой

усилие и перейти в иное, не унылое настроение, – ощущение мо,, снова было близким к тому, что я испытывал в комнате брата, сжигая письма.

– Какая страшная вещь – разлука, – услышал я голос капитана, как бы отголосок собственной мысли.

– Да. Надо что-то понять, какой-то ещ,, неведомый нам смысл всего происходящего. Научиться воспринимать вс,, так, как говорит и делает сэром Уоми: «Не тот день считай счастливым, который тебе прин,,с что-то приятное; а тот, когда ты отдал людям свет своего сердца». Но мне до этого ещ,, так далеко, – сказал я со вздохом.

– Для тебя далеко, – задумчиво ответил мне капитан, – а для меня, боюсь, и вовсе недостижимо.

Князь вышел к нам, извиняясь, что заставил ждать и мы пошли по знойным, как раскал,,нная печь, улицам, ища тени, что мало, впрочем, помогало.

В магазине мы застали обеденный, – или вернее, связанный с жарой, как всюду в Константинополе, – перерыв. Анна сидела внизу у шкафа, в кресле, за работой, а Жанна вс,, ещ,, лежала наверху, хотя уже поднималась ненадолго и пыталась работать.

Анна была бледна, она похудела. Но в глазах е,, уже не было убитого выражения и того отчаяния, какое я видел в них здесь же, во время разговора с сэром Уоми.

На низкий поклон капитана она приветливо улыбнулась и протянула ему левую руку, говоря, что не может оставить зажатых в правой руке цветов.

Он почтительно поцеловал эту дивную руку со сверкавшим на ней браслетом. «Боже мой, – думал я. – Как страдание и соприкосновение с людьми, одар,,нными силами высшего знания, меняют людей! Ещ,, так недавно я видел эту гордую красавицу возмущ,,нной откровенным мужским восхищением капитана. И он, стоящий перед нею сейчас так уважительно, с такими кроткими и добрыми глазами, – да куда же подевались капитантигр и Анна с иконы? Тех уже нет; нет до основания; а живут новые, – вместо тех, умерших».

Я превратился в «Л,,вушку-лови ворон», мысли закипели в моей голове, наскакивая друг на друга, одна другую опрокидывая, не доходя ни в ч,,м до конца, – точно решая вопрос, лучше ли, надо ли, так меняясь, – умирать людям, превращаясь в совершенно иные существа? Зачем?

Мне казалось, я вижу и слышу вопли и стоны тысяч душ, носящихся среди хаоса и оплакивающих свои заблуждения, непоправимые ошибки и молящих о помощи.

– Левушка, что с вами? – услышал я нежный и слабый голосок Жанны.

– Ах, это вы, Жанна? – вздрогнул я, опомнившись. – Я хотел к вам подняться, да, по обыкновению, задумался и тем вынудил вас спуститься вниз,

– ответил я, здороваясь с Жанной.

– О, это ничего. Князь мне помог сойти. Ах, Левушка, как же вы переменились после болезни. Вы ничуть не похожи на господина младшего доктора, который утешал меня на пароходе. Дети спят, а то, пожалуй, они бы вас сейчас и не узнали. Вы совсем, совсем другой; только я не умею сказать и объяснить, в чем перемена, – говорила Жанна, усаживая меня и князя в углу магазина.

– Всегда кажется, что переменились люди, которых видим, потому что в самом себе перемену человек замечает с трудом. И только если что-нибудь огромное входит в его жизнь, – только тогда он отдаст себе отчет, как он переменялся, как выросли его силы и освободился дух.

Вы, Жанна, кажетесь мне не только изменившейся, но вы точно сгорели; и вместо прежней Жанны я вижу страдающее существо. Что с вами, дорогая? Ведь нет никаких причин так тосковать и плакать, – нежно целуя крохотную, детскую ручку Жанны, сказал я.

– Ах, если бы вы знали, вы бы не целовали этой руки, – вытирая катившиеся слезы, ответила мне Жанна. – И перед князем я виновата, и перед Анной, и перед И., ах, что я только наделала и как мне теперь все, это исправить? – сквозь слезы бормотала бедняжка. – Я бы уже была здорова, если бы раскаяние меня не грызло. Нигде не нахожу себе покоя. Только когда лежу в кровати, – может, от полога, которым доктор И. закрыл мой уголок, веет на меня успокоением. Когда мне бывает очень плохо, я прижмусь к нему лицом – и станет на сердце тихо!

Я случайно взглянул на Анну и поразился перемене в ней, Склонившись вперед, глядя неотрывно на Жанну, точно умоляя ее замолчать, она сжимала в руках работу, а слезы капали на ее грудь одна за другой. Я понял, какая мука была в ней, как она оплакивала предназначавшийся ей и не полученный хитон, наш отъезд без нее, и свое, неверное в эту минуту поведение.

– Анна, – крикнул я, не будучи в силах выдержать ее муки. – Отсрочка – не значит потеря. Анна, не плачьте, я не в силах видеть этих слез; я знаю, что значит в тоске безумно рыдать, словно на кладбище.

Не думайте сейчас о себе. Думайте об Ананде; о том огромном горе, разочаровании и ответе его за вашу ошибку, которые легли на него, – упав перед ней на колени, говорил я. – Скоро, сейчас, Ананда и И. придут сюда.

Неужели возможно встретить их таким убийственным унынием, после того как они проводили сэра Уоми? Неужели любовь, благодарность и радость, что они живут сейчас с нами, могут выражаться только в слезах о себе.

– Встаньте, Левушка, – обнимая меня, сказала Анна. – Вы глубоко правы. Только горькая мысль об одной себе заставила меня опять плакать. А между тем, я уже вс,, поняла, и вс,, благословила, и вс,, приняла.

Сядьте здесь возле меня на минуту, дружок Левушка. Поверьте, я уже утихла внутри. Это отголосок бури, с которым вы вовремя помогли мне справиться. Много лет я думала, что в сердце мо,,м жив,,т одна светлая любовь. Я убедилась, что там ещ,, лежала, свернувшись, змея ревности и сомнений.

Слава Богу, что она развернулась и раскрыла мне глаза. Ананда получил удар, но вс,, же смог удержать меня возле себя так, чтобы я не выпустила его руки из своей. Вы напомнили мне, что мои сл,,зы задевают вс,, его существо, что он их ощущает, как сл,,зы гноя и крови. Я больше плакать не буду; вас благодарю за ваши слова, они помогли мне.

Она вытерла глаза, подошла к Жанне и, нежно е,, обняв, вытерла и е,, сл,,зы платком сэра Уоми.

Надрыв, который я пережил, почти лишил меня чувств. Я неподвижно сидел в кресле; сердце мо,, билось, как молот; в спине, по всему позвоночнику точно бежал огонь; я с трудом дышал и, как мне казалось, падал в пропасть.

– Левушка, ты всех здесь напугал, – услышал я голос Ананды и увидел его возле себя. – Выпей-ка вот это; я думал, что ты сильнее; а ты вс,, ещ,, слаб,

– и он подал мне рюмку с каплями.

Вскоре я совсем приш,,л в себя, спросил, где И., и узнав, что он прош,,л к Строганову и вскоре тоже будет здесь, совсем успокоился.

Я обв,,л всех глазами, заметил, что Хава пристально смотрит на меня, в то время как все остальные имеют смущ,,нный вид. Я взял руку Ананды, неожиданно для него подн,,с е,, к губам и сказал:

– Простите мне, Ананда, Я немного половиворонил, чем всех расстроил и прив,,л в такое состояние, что они теперь больше похожи на утопленников. Вот, вы тоже думали, что я крепче; и я обманул ваше доверие. Это мне очень больно; я постараюсь быть сильнее. Но ведь это вс,, пошло от вашей дервишской шапки, – улыбнулся я.

– Нет, мой мальчик, ничьего доверия ты не обманул. И никто здесь не мог обмануть и не обманул меня. Вс,, что вышло не так, как я предполагал, совершилось только потому, что я был в старинном долгу и хотел поскорее

вернуть его сторицей. Я не понял, что не следует так ускоренно двигать людей вперед. Зов да,тся однажды; я же дал его дважды, за что и понесу теперь ответ.

Я не вс,, понял. Какой, когда и зачем да,тся зов? Но я понял, что он дал его вторично Анне и что этого не надо было делать.

Голос Ананды – и всегда неповторимо прекрасный – н,,с в себе на этот раз такую нежность, утешение, такую простую доброту, что все утихло, всем стало легко, чисто, радостно. Лица у всех прояснились и стали добрыми. Каждый точно вобрал в себя кусочек энергии самого Ананды, и когда через некоторое время вошли И. и Строганов, – ни на одном лице уже не было ни тени уныния и сл,,з.

Разбившись кучками, я и Жанна, князь и И., капитан и Строганов, Анна и Ананда, – все как будто окрыл,,нные и обновленные, обменивались простыми словами; но слова эти получали какой-то новый смысл от сияния и мира в каждом сердце.

– Друзья мои. Через день нас покинут капитан и Хава. Завтра мне хотелось бы, прощаясь, угостить их музыкой. Можно ли располагать вашим залом, Анна? – спросил Ананда.

– Как можете вы спрашивать об этом? Ваши песни и игра всем несут столько счастья! Мне же сэр Уоми велел играть и петь людям как можно больше. А уж о восторге музицировать с вами я и не говорю, – ответила она.

Перерыв в работе закончился. Радуюсь завтрашней музыке, мы покинули магазин, где с его хозяйками остался только Борис Федорович.

И. с Анандой и князем не смущались зноем и шли довольно быстро, оставив нас с капитаном далеко позади. Я еле двигался; зной, к которому я ещ,, не привык, всего меня истомил, а капитан остался вместе со мной, желая что-то сказать. Когда расстояние между нами и нашими друзьями увеличилось настолько, что расслышать нас было нельзя, он сказал:

– У меня к вам просьба. Я получил сейчас из дома так много денег, что мне их некуда девать. Я хочу часть отдать Жанне – с тем условием, чтобы она никогда не узнала, кто их ей дал. Я знаю, что И. обеспечил ей первые годы работы; знаю и то, что княгиня, до некоторой степени, позаботилась о детях. Но мне хотелось бы влить уверенность в это бедное существо, которое страдает, страдало и, не знаю почему, как и откуда, но я ясно это сознаю, – будет ещ,, очень много страдать.

За свою скитальческую жизнь я повидал такие существа, – по какимто, неуловимым для моего понимания законам, – страдающие всю жизнь, даже когда на это нет особых, всем видимых причин.

Сам я уже не успею положить в банк на е,, имя деньги, так как эта операция займ,,т не менее двух часов. А дел у меня – ведь я прогулял почти весь день сегодня – будет масса.

Вторую же часть денег я прошу вас взять себе. И если встретите людей, которым моя помощь будет оказана вашими руками, – я буду очень счастлив.

Ну, вот мы и у калитки. До свидания, дружок Левушка. По всей вероятности, мы увидимся только завтра вечером у Анны. Возьмите деньги.

Он сунул мне в руки св,,рток, довольно небрежно зав,,рнутый в бумагу, и мигом скрылся.

В комнате я застал И., рекомендовавшего мне освежиться душем. Но я чувствовал такое сильное утомление, что еле добрал до кресла и сел в полном изнеможении, нелепо держа св,,рток в руках и не зная, что с ним делать.

На вопрос И., почему я не положу куда-нибудь свой св,,рток, я рассказал, что это деньги капитана и как он велел ими распорядиться. При этом я передал вс,, что думал капитан о Жанне.

– Молодец твой капитан, Левушка. Что касается денег для Жанны лично, – то он предупредил желание сэра Уоми, который велел мне обеспечить е,,. Как капитан угадал мысль сэра Уоми о фрезиях, так и вторую его мысль прив,,л в действие, никем к тому не побуждаемый!

Что касается денег, отданных в полное тво,, распоряжение, – думаю, что капитан хотел их подарить тебе, дружок, чтобы и ты чувствовал себя независимым в дальнейшем, пока сам не заработаешь себе на жизнь.

– О нет, дорогой И., капитан в очень простых отношениях со мною. И если бы он хотел дать их лично мне, – он поступил бы, как молодой Али, оставив их в письме. У меня нет сомнений в этом, и лично себе я бы их и не взял никогда. Думаю, что я слишком неопытен и, быть может, не сумею распорядиться ими как следует.

Но – при вас – и это отпадает. Одно только ясно мне, что деньги эти я употреблю – во имя Лизы и Анны – на покупку инструментов талантливым беднякам-музыкантам, если таких встречу до нового свидания с капитаном. Если же не встречу или вы не укажете мне иного им применения, – деньги вернутся к нему. И я очень хотел бы, Лоллион, услышать об этом ваше мнение.

– Поступи, как знаешь, дружок. Запретов тут быть не может. Но почему ты решил, что не оставишь себе этих денег? Разве твой брат не мог бы нуждаться в них?

– Мой брат – мужчина и чрезвычайно благородный человек. Если он

решил жениться, – значит, он не настолько беден, чтобы не иметь возможности обеспечить жену. А если бы я узнал, что он нуждается, то пош,,л бы в какую угодно тяж,,лую кабалу, но послал бы ему только то, что смог заработать сам.

Я и так в бесконечном долгу у вас, у Флорентийца и у молодого Али. Конечно, я в долгу и у брата. Но если я могу ещ,, рассчитывать возвертнуть ему свой долг, то уж вам – я никогда не смогу вернуть и сотой доли.

– Вс,, это предрассудок, Левушка. Человек закрепощает себя долгами и обязанностями. Иногда он настолько тонет в мыслях о своих нравственных долгах, что положительно похож на раба, подгоняемого со всех сторон пл,,ткой долга. А смысл жизни – J в освобождении. Только то из добрых дел достигает творческого результата, что сделано легко и просто.

Принимай вс,, что посылает лично тебе жизнь; совершенствуйся, учись и рассматривай себя как канал, как соединительное звено между нами, которых ты ставишь так высоко, и людьми, которым страдаешь. Передавай, разбрасывай полной горстью всем встреченным вс,, то, что пойм,,шь от нас и через нас. Вс,, высокое, чего косн,,шься, неси земле; и выполнишь свою задачу жизни. Но то будет не тяжкий и скучный долг добродетели, а радость и мир твоей собственной звенящей любви.

– Далеко ещ,, Лоллион, мне до всей той мудрости, которую я слышу и вижу в вас. Я самых пропетых вещей не умею делать. Вс,, раздражает меня. Иногда даю себе слово помнить о вас, о Флорентийце, поступать так, как будто бы вы стоите рядом, – и при первой же неприятности споткнусь, разгорячусь – и вс,, полетело вверх дном.

– Пока ты будешь повторять себе, – от ума, – что я рядом с тобой, – тво,, самообладание будет подобно пороховой бочке. Но как только ты почувствуешь, что сердце тво,, жив,,т в мо,,м и мо,, – в тво,,м, что рука твоя в моей руке, – ты уже и думать не будешь о самообладании как о самоцели. Ты будешь вырабатывать его, чтобы всегда быть готовым выполнить возложенную на тебя задачу. И времени думать о себе у тебя не будет... И. помолчал, думая о ч,,м-то, и продолжал: – Сегодня мы с тобой не будем обедать с князем, которому надо обо многом переговорить с Анандой. Если ты отдохнул, мы можем поехать с тобой к нашему другу кондитеру, заказать ему торт к завтрашнему вечеру и у него же поесть. Но предварительно мы заехали бы в банк: у меня там есть знакомый, который быстро сделает нам вс,, – и уже завтра Жанна будет извещена о том, что она владелица некоего состояния. При е,, французской буржуазной психологии это будет огромным для не,, облегчением в жизни.

Я был очень благодарен И. за его неизменную доброту. У меня

вертелся на языке вопрос о Генри, о Браццано: хотел бы я спросить коечто о Хаве, – но ни о ч,,м не спросил, побежал в душ, и вскоре мы уже были в огромном зале банка, где сотни вращающихся под потолком вееров не могли умерить жары.

Одна часть денег была положена на имя Жанны, с правом пользоваться ими как угодно. Вторая была переведена на мо,, имя по адресу, указанному И., с какими-то мудр,,ными индийскими названиями, никогда мною не слышанными.

Пока мы сидели в банке, ожидая исполнения нашего заказа, я жаловался И., что ничего не могу подарить капитану, давшему мне на память такое великолепное кольцо.

– Не горюй об этом. Капитан очень счастливый человек. Он получил от Ананды кольцо как залог их вечной дружбы. Ананде капитан вернул вещь, имеющую для него очень большое значение. Вообще теперь путь капитана не будет одиноким, и Ананда всегда подаст ему помощь.

Тебе же я могу вручить платок сэра Уоми, точно такой же, какой получила Анна. Если хочешь, – подари ему и заверни в него книжку, которую я тебе дам. Ты можешь написать ему письмо и положить вс,, к нему на стол. Он верн,,тся и будет радоваться этому подарку больше, чем всем драгоценностям, которые ты мог бы ему подарить.

Я от всей души поблагодарил И., сказав только: «Опять вс,, от вас!»

Через некоторое время нас вызвали к кассовому окошку, вс,, было оформлено, и мы пошли к кондитеру, покинув банк почти в минуту его закрытия.

На улице уже не было удушливой жары, слегка потянуло влагой с моря, – и я ожил.

– Трудно тебе будет привыкать к климату Индии, Левушка. Надо будет снестись с Флорентийцем и получить указания, как закалить тво,, здоровье, – задумчиво сказал И., беря меня под руку.

– Велел мне сэр Уоми ездить верхом, заниматься гимнастикой и боксом, а моя вторая болезнь вс,, перевернула, – ответил я.

Дойдя до кондитерской, мы отдали хозяину наш заказ на завтра. Я просил его приготовить непременно такой же торт, какой был сделан для принца-мудреца. Накормив нас опять на том же уедин,,нном балконе, хозяин сообщил новость, взбудоражившую Константинополь.

На этой неделе произошли невероятные события. Один из самых больших богачей города, некто Браццано, и около десяти его приятелей – таких же биржевых воротил, державших в своих руках весь торговый Константинополь, оказались шайкой злодеев, объявили себя банкротами и

разорили тем самым половину города, в том числе и некоторых друзей кондитера. Часть злодеев успела бежать, часть арестована; а где находится главарь их, Браццано, никто пока не знает.

Мы выслушали его рассказ, посочувствовали горю его приятелей и вернулись домой.

Мысли о Браццано и слова сэра Уоми о том, что мой поцелуй перенес силу мирового закона пощады в его ужасную жизнь, не давали мне покоя. Я опять стал внутренне раздражаться от обилия каких-то таинственных событий и готов был крикнуть: «Я ненавижу тайны», – как услышал голос И.:

– Левушка, не вс., то тайна, чего ты ещ., не понимаешь. Но если ты собираешься обрадовать милого капитана и написать ему письмо, то в состоянии раздражения, в которое ты впал, ничего не только радостного, но и просто путного не сделаешь.

Возьми мою руку, почувствуй мою к тебе любовь и постарайся, вместе с этим платком сэра Уоми, передать всю свою чистую и верную дружбу капитану.

Приготовь в своей душе такое же тщательно прибранное рабочее место, как это сделал на тво.,м столе капитан, поставив тебе цветы, которых ты до сих пор не заметил.

Пиши ему не письмо, обдумывая стиль и каждое слово. А брось ему цветок твоей молодой души, полной порыва той высокой любви, которая заставила тебя дать поцелуй падшему, но разбитому и униженному существу.

Дай капитану такой же прощальный привет, как давали тебе его и Флорентиец, и сэр Уоми. Они думали только о тебе. Думай и ты только о н.,м. Постарайся войти в его положение; подумай о предстоящей его жизни и представь себя в таких же обстоятельствах.

Любовь к человеку повед.,т тво., перо с таким тактом, что капитан пойм.,т и увидит в лице тво.,м друга не временного, в зависимости от меняющихся условий; а друга неизменно верного, готового явиться на помощь по первому зову и разделить все несчастья или всю радость.

И. стоял, обнимая меня, голос его звучал так ласково. Я точно растворился в каком-то покое, радости, благоговении. Вс., мелкое, ничтожное отошло прочь. Я увидел самый высокий, скрытый от всех, храм человеческого сердца, о котором не говорят, но который движет и животворит вс.,, что ему встречается.

Мне стало хорошо. Я взял из рук И. синий платок, пош.,л в его комнату за обещанной книгой и вернулся к себе, чтобы сесть за письмо.

Не много писем писал я на сво,,м веку с такой радостью и с такой умил,,нной душой, как писал в этот раз капитану. Точно само мо,, сердце водило моим пером, так легко и весело я писал.

«Мой дорогой друг, мой храбрый капитан, который ещ,, ни разу в жизни не любил до конца, не был ни верен, ни бесстрашен до конца, – писал я. – В эту минуту, когда я переживаю разлуку с Вами, – и кто может знать, как долго продлится она, – сердце мо,, открыто Вам действительно до конца. И все мысли моей ловиворонной головы, как и все силы сердца, принадлежат в эту минуту Вам одному.

Пытки разлуки, так томящей людей, пытки неизвестности, заставляющей оплакивать любимое существо, покидающее нас для нового периода неведомой жизни, – не существует для меня.

Я знаю, что как бы ни разлучила нас жизнь и куда бы ни забросила она каждого из нас, – Ваш образ для меня не страница жизни, не е,, эпизод. Но Вы мой вечный спутник, доброта и любовь которого – так незаслуженно и так великодушно мне отданные – вызвали во мне ответную дружескую любовь, верность которой сохраню и навсегда, и до конца.

Я не могу сейчас определить, как и чем я мог бы отплатить Вам сколько-нибудь за всю Вашу нежность и баловство. Но я знаю тв,,рдо, что куда бы и когда бы Вы меня ни вызвали, – если моя маленькая помощь Вам понадобится, – я буду подле Вас.

Ваше желание относительно Жанны уже исполнено. И завтра она будет владелицей своего капитала, за что – я не сомневаюсь – боги воздадут Вам должное тоже «до конца».

Вторая часть денег, отданная Вами в мо,, личное распоряжение, назначается мною для помощи бедным музыкальным талантам. Во имя Лизы и Анны, как бы я хотел когда-нибудь услышать Лизу, я буду покупать инструменты и помогать учиться юным талантам Вашим именем, капитан.

Я не ручаюсь, что, обнимая Вас, держа Ваши тонкие, прекрасные руки в своих при нашей разлуке, – я не заплачу. Но это будут только сл,,зы балованного Вами реб,,нка, теряющего своего снисходительного и ласкового покровителя.

Тот же мужчина, который Вам пишет сейчас, благоговейно целует платок сэра Уоми, который просит Вас принять на память, как и книгу И. И этот же друг-мужчина говорит Вам: между нами нет разлуки. Есть один и тот же путь, на котором мы будем сходитья и расходиться, но верность сердца будет жить до конца. Ваш Левушка-лови ворон».

Я запечатал письмо, завернул книгу И. в платок и обернул в очаровательную, мягкую, гофрированную и блестящую, как ш,,лк,

константинопольскую бумагу, обвязал ленточкой, заткнул за не,, самые лучшие, белую и красную, из роз капитана и отн,,с к нему в комнату, положив св,,рток на ночной столик.

Спать мне не хотелось. Я вышел на балкон и стал думать о сэре Уоми. Как и где он теперь? Как едут с ним и доедут ли фрезии капитана? Посадит ли он их в сво,,м саду?

Через несколько минут ко мне вышел И. и предложил пройтись. Мы спустились в тихий сад, кругом сверкали зарницы и вдали уже погромыхивал гром. Вс,, же мы успели подышать освеженным воздухом, поговорили о планах на завтра, условились о часе посещения княгини и Жанны и вернулись в дом с первыми каплями дождя, столь необычно редкого в это время года в Константинополе.

Утро следующего дня началось для меня неожиданно поздно. Почемуто я проспал очень долго. Никто меня не разбудил, и сейчас в соседних комнатах стояла полная тишина.

Я как-то не сразу отдал себе отч,,т, что сегодня последний день стоянки капитана; что завтра к вечеру ещ,, одна дорогая фигура друга исчезнет из моих глаз, плотно поселившись в мо,,м сердце и заняв там сво,, место.

«Не сердце, а какой-то резиновый мешок, – подумал я. – Как странно устроен человек! Так недавно в мо,,м сердце царил единственный человек – мой брат. Потом – точно не образ брата сжался, а сердце расширилось – засиял рядом с ним Флорентиец. После там поселился, властно заняв не менее царское место, сэр Уоми. Теперь же там живут уже и И., и оба Али, и капитан, Ананда и Анна, Жанна и е,, дети, князь и даже княгиня. А если внимательно присмотреться, – обнаружу там и Строгановых, и обоих турок, и... Господи, только этого не доставало, – самого Браццано».

Уйдя в какие-то дал,,кие мысли, я не заметил, как вош,,л И., но услышал, что он весело рассмеялся.

Опомнившись, я хотел спросить, почему он смеется, как увидел, что сижу на диване, держа в руках рубашку, в одной туфле, зав,,рнутый в мохнатую простыню.

– Ты, Левушка, через двадцать минут должен быть со мною у Жанны; мы ведь с тобой вчера об этом договорились. А ты ещ,, не оделся после душа, и, кажется, нет смысла ждать тебя.

Страшно сконфуженный, я заверил, что будем у Жанны вовремя. Я молниеносно оделся и у парадных дверей столкнулся с Верзилой, принесшим мне записку от капитана.

Капитан писал, что дела его идут неожиданно хорошо и что он ждет

меня к обеду у себя на пароходе в семь часов, с тем чтобы к девяти часам быть вместе у Анны.

Я очень обрадовался. И. одобрил предложение капитана, а Верзила сказал, что ему ведено в шесть с половиной зайти за мной и доставить в шлюпке на пароход.

Мы помчались к Жанне. Я был так голоден, что, не разбирая жары и тени, бежал без труда и ворчания.

– Я вижу, голод лучшее средство для твоей восприимчивости к жаре, – подтрунивал надо мною И., уверяя, что Жанна не накормит меня, что в праздник ей тоже хочется понежиться и отдохнуть.

Но Жанна была свежа и прелестна, немедленно усадила нас за стол, и французский завтрак был мною и даже И. оценен по достоинству.

Когда мы перешли в е., комнату, где весь угол с кроватью был зад., рнут новым, необыкновенным пологом, Жанна показала нам бумагу из банка, полученную ею рано утром, содержания которой, написанного потурецки и английски, она не понимала.

И. перев., л ей на французский язык смысл бумаги. Жанна, с остановившимися глазами, в полном удивлении, молча смотрела на И.

Долго, томительно долго просидев в этой напряж., нной позе, она наконец сказала, потирая лоб обеими руками:

– Я не хочу, я не могу этого принять. Поищите, пожалуйста, кто это мне послал.

– Здесь никаких указаний нет, даже не сказано, из какого города прислано. Говорится только: «Банк имеет честь известить г-жу Жанну Моранье о поступлении на е., имя вклада, полной владелицей которого она состоит со вчерашнего дня», – прочел ей ещ., раз выдержку из банковской бумаги И.

– Это опять князь. Нет, нет, невозможно. От денег для детей я не имела права отказаться; но для себя, – нет, я должна работать. Вы дали мне в долг так много, доктор И., что не все ваши деньги ушли на оборудование магазина. И мы с Анной заработали уже гораздо больше, нежели рассчитывали. Я должна вернуть это князю.

– Чтобы вернуть князю эти деньги, надо быть уверенной, что их вам дал он. В какое положение вы поставите себя и его, если ему и в голову не приходило посылать деньги! Успокойтесь. Вы вообще за последнее время слишком много волнуетесь; и только поэтому так неустойчиво ваше здоровье. Час назад вы походили на свежий цветок, а сейчас вы больная старушка, – говорил ей И. – Вс.,, в ч.,м я могу вас уверить, так это то, что ни князь, ни я, ни Левушка – никто из нас не посылал вам этой суммы.

Примите е,, смиренно и спокойно. Если удастся, – сохраните е,, целиком для детей. Быть может, встретите какую-нибудь мать в таком же печальном положении, в каком вы сами оказались на пароходе, – и будете счастливы, что ваша рука может передать ей помощь чьего-то доброго сердца и, возможно, спас,,т несчастных от голода и нищеты.

– Да! Вот это! Это действительно может заставить меня принять деньги неизвестного мне добряка, который не хочет сам делать добрые дела, – снова потирая лоб, как бы желая стереть с него какое-то воспоминание, сказала Жанна.

– Что с вами, Жанна? Почему вы снова чуть не плачете? Зачем вы вс,, тр,,те лоб? – спросил я, не будучи в силах переносить е,, страдания и вспоминая, что сказал о ней капитан.

– Ах, Левушка, я в себя не могу прийти от одного ужасного сна. Я боюсь его кому-нибудь рассказать, потому что надо мной будут смеяться или сочтут за сумасшедшую. А я так страшусь этого сна, что и вправду боюсь сойти с ума.

– Какой же сон видели вы? Расскажите нам вс,, вам будет легче, а может быть, мы и поможем вам, – сказал ласково И.

– Видите ли, доктор И., мне снилось, что страшные глаза Браццано смотрят на меня, а кто-то, как будто Леонид, – но в этом я не уверена, – да,,т мне браслет – ну точь-в-точь как Анна носит, – и нож. И Браццано велит мне бежать к князю в дом, найти там Левушку и передать ему браслет. А если меня не будут пускать, то хоть убить, но Левушку найти. И я бегу. Бегу по каким-то улицам; нахожу дом; вбегаю в комнату и уже знаю, где найти Левушку, как кто-то меня останавливает. Я борюсь, умоляю, наконец слышу голос Браццано: «Бей или я тебя убью», хватаю нож... и вс,, исчезает, только ваше лицо стоит передо мной, доктор И. Такое суровое, грозное лицо...

И я просыпаюсь. Не могу понять, ни где я, ни что со мной... Засыпаю, и снова – тот же сон. Это, право, до такой степени ужасно, что я рыдаю часами, не в силах преодолеть кошмар, в страхе, что я снова увижу этот сон.

– Бедняжка Жанна, – взяв обе е,, крохотные ручки в свои, сказал И. – Ну где же этим ручкам совершить убийство? Успокойтесь. Забудьте навсегда этот сон, тем более что Браццано, совершенно больного, увезли из Константинополя. Он жив,,т сейчас где-то в окрестностях. Ваш страх совершенно неоснователен. Перестаньте думать обо вс,,м этом. И мо,, лицо вспоминайте и знайте ласковым, а не суровым. Отчего вы отказались сегодня идти к Анне слушать музыку? – вс,, держа е,, ручки в своих,

спросил И.

– Анне я сказала, что побуду с детьми. И правда, я их и так забросила в последнее время. Если бы не Анна, – плохо бы им пришлось. Но на самом деле я не могу без содрогания видеть ни Строганову, ни Леонида. Почему я их стала так бояться, – сама не знаю. Но в их присутствии дрожу с головы до ног от каких-то предчувствий.

– Страх – плохой советчик, Жанна. Вы – мать. Какая огромная ответственность на вас. Чтобы воспитать своих малюток, вы прежде всего сами должны воспитывать себя. У вас нет не только выдержки с детьми; но вы в последнее время внушаете им постоянный страх; в любую минуту они ждут от вас окрика или шлепка.

Мужайтесь, Жанна. Разные чувства жили в вас по отношению к Анне. Только теперь, когда вы увидели, что Анна – вторая мать вашим детям и настоящая воспитательница, вы смирились, и лишь изредка в вашем сердце шевелится ревность.

Ваша девочка умна не по летам. Это организм очень тонкий, богато одаренный. Думайте, что ей придется жить в условиях более сложных, чем прожили свою молодость вы. Остерегайтесь постоянного раздражения с детьми. Незаметно между вами и ими может вырасти пропасть. Они перестанут видеть в вас первого друга, и как бы вы ни любили их, – не поверят вашей любви, если вы постоянно говорите с ними раздраженным тоном.

– Я вс., это понимаю, – и ничего не могу сделать. Раньше я думала, что характер легко исправить. Но теперь вижу, что не могу и часа сохранить спокойствие, – отвечала Жанна.

– И вс., же – пусть это и вызывает в вас протест – думайте прежде о детях, а потом уж о себе, – сказал И., подымаясь и пожимая руки Жанне.

Я заметил, что она опять просветлела, лицо перестало морщиться и д.,ргаться и на губах мелькнула улыбка.

Прощаясь с нами, она спрашивала, скоро ли мы уезжаем, едем ли снова на пароходе с капитаном, на что И. отвечал, что уедем мы скоро, а каким пут.,м – ещ., не решили.

– Как это будет для меня ужасно! Остаться здесь без вас, – я даже не представляю и гоню эти мысли от себя. Я так привязана к вам, доктор И., и в особенности к Левушке. Я вижу в вас моих единственных благодетелей.

– Жанна, Жанна, – сказал я с упр.,ком. – Разве только мы помогли вам на пароходе? А капитан? Его заботы о вас вы уже забыли? А то, что здесь, рядом с вами, жив.,т и трудится Анна? Анна, ни разу не давшая вам почувствовать своего превосходства? А вы в своей благодарной памяти

сохраняете только нас? Тогда как обо мне вообще не может быть и речи, что я не раз уже пытался вам объяснить.

– Да, Левушка, и это вс,, я понимаю. И князя я ценю, и всех, всех. Но ничего не могу поделаться; вс,, же доктор И. останется для меня недостижимым божеством; капитан – знатным сэром, в доме которого меня, шляпницу, дальше передней или туалетной и не пустили бы; а вы для меня – вс,, равно что родное сердце. Я всем очень благодарна, знаю, что всем должна отслужить за их доброту, а вам, уверена, могу ничем никогда не отслуживать. И если у вас будет дом, то я в н,,м всегда найду приют, хотя буду стара и безобразна. Не умею, не знаю, как это сказать, – я такая глупая, – тихо прибавила Жанна.

У не,, текли сл,,зы по щекам, и я не мог видеть, что бедняжка так много плачет.

– Жанна, – обнимая е,, сказал я. – Это потому вы чувствуете такую уверенность во мне, что я точно такой же реб,,нок, неопытный и неумелый в жизни, как и вы. И правда, я принял вас и ваших детей в мо,, сердце. Но и другие, – ещ,, больше, чем я, – поступают по отношению к вам так же. Но вы способны видеть и понимать только мо,, сердце. И не можете ни видеть, ни понимать сердца людей, стоящих выше вас. Потому и думаете только обо мне одном.

Я поцеловал обе е,, ручки. И. сказал ей, что Хава верн,,тся только после музыки; но чтобы она ни о ч,,м не волновалась и легла спать, приняв его лекарство.

Мы пошли домой; но на сердце у меня стало тяжело. Мне было жалко Жанну. Я сознавал, что она не сможет создать ни себе, ни детям спокойной, радостной жизни. Как-то особенно ясно представилась мне е,, будущая жизнь. И я почувствовал, что, окруженная вниманием и заботами и князя, и Анны, она не будет ни откровенна, ни дружна с ними, так как е,, культура не даст ей увидеть их внутренней силы, к которой можно прильнуть, а доброту их она будет принимать за снисхождение к себе. – Что, Левушка, сложности жизни донимают тебя? – Донимают, Лоллион, – ответил я, уже не поражаясь больше его умению проникать в мои мысли. – И не то досадно мне, что сила в людях так бездарно растрачивается на вечные мысли только о себе. Но то, что человек закрепощает себя в этих постоянных мыслях о бытовом блаженстве и элементарной близости. Он поверяет другому свои тайны и секреты, недалеко уходящие от кухни и спальни, воображает, что это-то и есть дружба, и лишает свою мысль силы проникать интуитивно в смысл жизни; тратя бездарно свой день, человек не ищет не только знаний, но даже простой образованности. И в такой

жизни нет места ни священному порыву любви, ни великой идее Бога, ни радостям творчества. Неужели быт – это жизнь?

– Для многих миллионов – это единственно приемлемая жизнь. А для всего человечества – неминуемая стадия развития. Чтобы понять очарование и радость раскрепощения, надо сначала осознать себя в рабстве от вещей и страстей. Чтобы понять мощь свободного духа, творящего независимо, надо хотя бы на мгновение познать в себе эту независимость, в себе ощутить полную свободу, чтобы желать расти вс., дальше и выше; вс., чище и вс., проще сбрасывает с себя ярмо личных привязанностей тот, кто осознал жизнь как вечность.

Обыватель считает свою жизнь убогой, если в ней не бушуют страсти, если он не имеет возможности блистать. Отсюда – от жажды славы, богатства и власти – приходят люди к тому падению, какое случилось с Браццано. Но есть и худшие. И только избранник по своей внутренней сердечной доброте и запросам, а внешне – ничем не выделяющийся человек – может отвлекаться идеями и мыслями, о которых ты сейчас говорил.

Великие встречи, встречи, переворачивающие жизнь человека, редки, Левушка. Но зато имевший однажды такую встречу внезапно перерождается и уже не возвращается больше на прежнюю дорогу, к маленькому, обывательскому счастью. Он уже знает, что такое Свет на пути.

Подходя к дому, мы повстречались с Анандой и князем, возвращавшимися в экипаже домой. Ананда приветливо поздоровался, пытливо на меня посмотрел и, улыбаясь, спросил: – Как, Левушка? Сердце пощипывает! А почему не плачешь? – Приберегаю к вечеру. Боюсь, вдруг сегодня не заплачу от вашей человеческой виолончели и ваших песен.

– Почему это моя виолончель человеческая? А какая еще, бывает? – смеялся Ананда, наполняя металлом вс., вокруг.

– Ваша виолончель по,,т человеческим голосом, поэтому я е,, так и назвал. Какая еще, бывает виолончель – не знаю. Но что ваш смех, конечно, «звон мечей», – это знаю теперь уже наверное, – вскричал я.

– Дерзкий мальчишка! Вот заставлю же тебя плакать вечером. – Ни, ни, и не думайте! На завтра для капитана надо приберечь слезинку на прощание. А то вы ведь ненасытны! Вам – вс., до конца. Ан – и ему надо!

Не только Ананда, но и И. с князем смеялись, я же залился хохотом и убежал к себе.

Через некоторое время оба моих друга вошли в мою комнату. – Ну, трусишка, убегающий от звона мечей с поля сражения, признавайся, какую

ещ,, каверзу придумал ты мне? – шутил Ананда.

– Вам я каверзы придумать не в силах. Вы вмиг вс,, рассеете, только взглянете своими зв,,здами.

– Как? – прервал меня Ананда. – Так я не только звон мечей, но и зв,,зды?

– Ну, тут уж я не виноват, что мать жизнь дала вам глаза зв,,зды. Это вы с не,, спросите. А вот что сказать капитану? Я еду к нему на пароход обедать. Что ему от вас передать? – спросил я, представляя себе радость капитана, если бы Ананда послал ему привет.

– Это хорошо, что ты так верен другу и думаешь о н,,м. Пойд,,м со мною; я, может быть, что-нибудь для него и найду.

Мы спустились по винтовой лестнице прямо к Ананде, в его очаровательную комнату.

Как здесь было хорошо! Какая-то особенно л,,гкая атмосфера царила здесь, Я сел в кресло и забыл весь мир. Так и не уш,,л бы отсюда вовек. Я наслаждался гармонией, окружавшей меня.

Не знаю, минуту я просидел или час, но отдохнул – точно неделю спал.

– Отдай капитану. Пусть передаст эту вещь своей жене, когда верн,,тся домой после свадьбы, – подавая мне небольшой странной формы футляр из фиолетовой кожи, сказал Ананда.

– А я и не знал, что капитан скоро женится, – беря футляр, заметил я.

– Он женится, быть может, и не так скоро, но во всяком случае в следующее ваше свидание он будет уже женат.

– Ах, как бы я хотел услышать игру Лизы! Лучше ли, чем Анна? И такой ли захват в е,, игре, что дышать не можешь? До чего я глуп! А в вагоне вс,, примерялся к Лизе и раздумывал, любит ли она меня, – залившись смехом, вспоминал я свои вагонные размышления.

– Когда будешь обедать с капитаном, не говори ему ничего о Лизе. Даже не спрашивай, поедет ли он в Гурзуф, пусть даже он сам когда-то говорил тебе об этом.

– Это ваше приказание, Ананда, я должен хорошенько запомнить, так как хотел непременно поговорить с ним о Лизе. Теперь, конечно, воздержусь.

– И мой запрет не вызывает в тебе ни протеста, ни возмущения? – Как могу я протестовать против ваших запретов, раз я верю вам и по собственному опыту знаю, как вы угадываете мысли и как правильно определяете каждого человека. Я боюсь только словиворонить и по рассеянности чего-нибудь не брякнуть, – отвечал я Ананде.

ГЛАВА 25 ОБЕД НА ПАРОХОДЕ. ОПЯТЬ БРАЦЦАНО И ИБРАГИМ. ОТЪЕЗД КАПИТАНА. ЖУЛИКИ И ОЛЬГА Верзила, не смеявший нарушить морскую дисциплину, уже стучался в дверь, говоря, что время ехать, не то опоздаем. Вскоре мы подъезжали к пароходу.

Капитан уже издали стал махать мне фуражкой, а когда я поднялся по трапу, обнял меня, засверкал тигром и вообще был таким, каким я увидел его в первый раз в Севастополе.

Радужный хозяин, угощавший меня в своей капитанской каюте, горячо благодарил за подарки и, главное, за письмо, которое сделало его, как он выразился, богаче. Потому что еще, никто и никогда не говорил ему о такой преданности и в таких простых, но много значащих словах.

– Впервые я не раздумывал, не сомневался, а сразу почувствовал, что каждое ваше слово – правда. И не могу выразить, как дорожу я платком и книжкой. Платок в моем кармане, а книжка у изголовья. Пока буду жив – с ними не расстанусь.

– Вот вам еще, один привет – от Ананды. Это отдадите вашей жене, когда привезете ее, после свадьбы домой, – сказал я, подавая капитану футляр.

– Что же здесь такое? – с удивлением глядя на меня, спросил он.

– Не знаю, не видел, – боясь вымолвить что-нибудь лишнее, отвечал я.

Капитан открыл футляр, и невольный крик изумления вырвался у него.

Он протянул мне футляр, и я увидел точно такой же медальон, какой И. приказал Строгановой отдать Анне, как похищенный, только поменьше. Так же в него были врезаны фиалки из аметистов и бриллиантов, и надет он был на цепочку из этих же камней.

Я молча рассматривал эту вещь, думая о Лизе. Какое-то беспокойство поднималось во мне. Я не понимал, почему у каждого из окружающих меня друзей был какой-то свой особый талисман, свой цветок и, непонятная мне, но совершенно особая, своя линия поведения.

– О чем вы так задумались, Левушка? Вы думаете о моей жене?

– Нет, капитан. Я ведь не знаю, кто будет вашей женой и на какой прелестной шее будет красоваться этот медальон. Но я думаю, что если Ананда дал вам кольцо с аметистом и передал его вашей жене такой же камень, – то он, очевидно, думает, что между вами и ею будет царить гармония в каких-то главных основах жизни. Следовательно, за вас можно не беспокоиться. И. говорит, что Ананда не только мудрец, но и принц.

– Не знаю, принц ли он по крови, и сомневаюсь в этом, – задумчиво сказал капитан, – но что сила его мудрости и величие его духа настолько

выше обычных, что их можно назвать царственными, – это вне всяких сомнений!

– Конечно, капитан, вне всяких сомнений. Но того, кто видит чужое совершенство и не может достичь совершенства сам, – оно, точно недостижимое сокровище, только раздражает и бередит. А чтобы заразиться желанием самому встать на путь вечного совершенствования, – не только надо иметь силу это понять, но и от многого отказаться. А между тем И. говорил мне как-то на днях, что путь отказов и ограничений ни к какому творческому выводу прийти нельзя. Что скука добродетели – один из основных предрассудков. Вот тут и пойми!

– Я это очень хорошо понял здесь, в Константинополе, – сказал капитан. – Если вправду любишь, – даже не замечаешь, как отказываешься от чего-нибудь. И даже не отказываешься, а просто отбрасываешь то, что прежде казалось ценным. Посмотрел другими глазами, – и увидел, как противно то, из-за чего готов был драться.

Капитан спрятал футляр в секретер, посмотрел на часы и предложил мне выйти на палубу.

Неожиданно для меня уже опускался вечер. На небе проглядывали звзды, и такими же звздами была усеяна вода, освещаемая массой огней и огоньков на судах, стоявших вокруг точно густой лес. Огромное судно капитана, уже нагруженное и готовое завтра только взять пассажиров да случайный груз, стояло далеко в море. Чарующая панорама города и сновавшие между пароходами шлюпки и катера отвлекли мое внимание от капитана. Но тут я увидел, что он перегнулся и зорко всматривается в плывущие лодки. Он снова посмотрел на часы и сказал: – Хава точна. Сэр Уоми воспитал е, хорошо. – Хава? При ч,м же здесь Хава?

– Подождите здесь, Левушка. Пока я не вернусь, не уходите отсюда. Если хотите, проследите за этой большой шлюпкой, которой правит ваш друг Верзила и где посередине стоит паланкин.

С этими словами капитан исчез, и через некоторое время я услышал его голос далеко внизу, у трапа.

Как много было пережито мною на этом пароходе до бури, в самую бурю и после не,! И где тот мальчик, который приехал в азиатский город отдохнуть подле единственного брата-отца? Мысли вихрем уносили меня, я уш,л от действительности, забыл, где я нахожусь, и вдруг услышал голос И.: «Не подходи ни в коем случае к Браццано. Даже если бы он умолял тебя всем милосердием неба. Зло, укоренившись в человеке, не так легко уходит. Ничего от него не бери и ничего ему не давай».

Я был сбит с толку. Подумал, что на этот раз я уж, наверное, впал в

ересь слуховой галлюцинации, как увидел Верзилу и еще, троих матросов, с большим трудом вносивших на палубу закрытый паланкин. Впереди шла закутанная в плащ Хава, а сзади капитан и Ибрагим с отцом.

Когда паланкин выровнялся на палубе и матросы остановились, отирая пот с мокрых лиц, мне показалось, что я встретился взглядом с Браццано, слегка отодвинувшим занавеску.

Через минуту матросы вновь подняли паланкин и остановились уже в противоположном конце палубы, у каюты люкс, в которой мы с И. плыли из Севастополя.

Неопределенное чувство досады, что такое ужасное существо поселится в прекрасной каюте, где жил И., жгучий, пронзительный взгляд Браццано, так не похожий на глаза, из которых скатилась слеза за столом у Строгановых, услышанные мною слова И., точно прилетевшие ко мне по эфирным волнам, – все, грозило мне лови-воронным состоянием, и тут я услышал, как Хава, произнесла повышенным тоном: – Нет и нет. Этого я допустить не могу.

– Но я должен ему передать, если меня просят, – услышал я второй голос, в котором тотчас же узнал Ибрагима.

– Это дело только вашей совести. Но, по-моему, ваш отец поступил неправильно, разрешив вам говорить с Браццано. Сэр Уоми дал точные указания, чтобы все его сношения с внешним миром, – пока он не будет водворен в назначенное место, – шли через меня и вашего отца. Взявшись выполнить поручение, ваш отец с первых же шагов нарушил данные ему указания.

– Да нет, Хава, Браццано бросил мне эту записку из паланкина, прося передать Левушке, А если Левушка не согласится ее, прочесть, я должен сказать ему, чтобы он вернул ему его камень. Друзья Браццано сообщили ему, что еще, можно поправить его здоровье, лишь бы он снова завладел этим камнем. Все, это Браццано мне шептал, пока ему приготавливали носилки. И отец ни о чем не знает, – говорил Ибрагим, и ветерок нес ко мне все его слова.

– Еще, того лучше! Неужели вы не понимаете, что предадите отца, обещавшего сэру Уоми точно выполнять его приказание?

– Вы все, преувеличиваете, Хава. Ну, ведь Левушка – не «внешний мир»?

– Ну конечно, Левушка – это печенка Браццано. А вы – вы тоже не «внешний мир»? Вы только тот шаткий часовой, на которого положиться нельзя. И вот эта ваша ошибка сейчас повлекла за собой целую серию перемен и путаницу. За вас будут теперь служить сэру Уоми другие, а вы

должны с парохода уехать, – продолжала Хава.

– Недаром о вас говорят, как о пунктуальном человеке, в ущерб живому смыслу вещей. Я обещал – и должен передать записку.

– Образумьтесь, Ибрагим. Вы обещали? Да ведь вы молили Ананду оказать вам доверие. Вы клялись ему и сэру Уоми, что выполните вс,, с величайшей точностью, хотя никто от вас клятв не требовал. Отец ваш говорил, что путешествие будет тяж,,лым, он тоже не хотел вас брать. Вы настаивали, обещали и ему полностью повиноваться. А теперь вы сбросили со счетов свои первые обещания и желаете выполнить третье? Злой мучитель, бездушный палач Браццано для вас важнее сэра Уоми и отца?

– Я вас больше не хочу слушать, Хава. Всякий отвечает за себя. Левушка не младенец: как сам решит, так и будет.

Разговор прекратился. Я собрал все свои мысли, постарался ощутить И. рядом с собой и услышал приближающиеся шаги.

– Левушка, – сказал, подходя ко мне вплотную, Ибрагим. – Браццано прислал вам записку.

И он протянул мне сложенный листок, очевидно вырванный из записной книжки.

– Я не желаю входить ни в какие сношения с этим человеком. Записки его я читать не буду; и вы, думается, напрасно взяли на себя роль его посла.

– Очень жаль, что вашего милосердия хватило так ненадолго, Левушка. Браццано просит вас вернуть ему камень, – очень раздраж,,нно и язвительно говорил мне Ибрагим. – От этого зависит вся его дальнейшая жизнь, его здоровье и благополучие, – помолчав, возбужденно прибавил Ибрагим.

– Я не знаю, от чего зависит его благополучие. Думаю, что как раз от обратного. И у меня нет камня Браццано. На мне камень сэра Уоми, очищенный его подвигом любви и милосердия. Камень, который удушал злодея своей чистотой и от которого он просил его избавить. Только сэр Уоми может приказать мне вернуть его. И если такое приказание получу, – я верну Браццано его сокровище в тот же миг.

В наступившей тишине из каюты люкс вдруг послышалось какое-то бешеное рычание, точно раненое животное собирало свои силы, чтобы на кого-то броситься. Дверь каюты распахнулась, и в освещенном ярком квадрате обрисовалась сгорбленная фигура Браццано. Глаза его метали молнии; он делал невероятные усилия, чтобы переступить порог; изо рта его текла белая пена, и он был как существо, горящее в адском пламени.

Вид его был так страшен, стоны так отвратительны, что дрожь пошла по моему телу. Я не знал, на что решиться, если он подойдет,,т ко мне, как

услышал позади себя быстрые шаги и увидел высокую фигуру, закутанную в плащ.

Сердце сказало мне, что это И. И я не ошибся. Перед Браццано, уже вылезшим из каюты, внезапно встал И.

– Назад, – внятно, довольно тихо, но необычно властно сказал И. сгорбленной фигуре, которая согнулась ещ,, ниже, как-то взвизгнула, но осталась на месте.

– Назад, я приказал, – ещ,, раз сказал И., и в голосе его зазвенел металл, наличие которого в н,,м я не мог и предполагать.

Не будучи в силах удержаться на ногах, Браццано упал на четвереньки и отвратительно вполз в каюту.

И. вош,,л за ним, захлопнул дверь и оставался в каюте довольно долго.

– Левушка, прошу вас, возьмите записку, – услышал я задыхающийся голос Ибрагима. – Она жж,,т меня, а я не могу разжать пальцы, точно клей их держит. Я не хочу, чтобы И. видел этот грязный клочок у меня в руке.

– Поэтому ты желаешь, чтобы Левушка взял на себя ошибку и последствия твоего непослушания? – вдруг громко сказал И., появления которого за нашими спинами никто из нас не ожидал. – Бедный, бедный Ананда. Как ты ему клялся, Ибрагим! Как ты умолял его поручиться за тебя перед сэром Уоми! И вот итог твоей искренности. И, мало того, ты хочешь ещ,, свалить на другого последствия своей собственной неверности! Хорош сынок и хорош друг! Положи у моих ног эту мерзость.

Ибрагим положил к ногам И. листок. Казалось, проделал он это легко и просто; а он думал, что отдирает записку чуть ли не с кожей, так т,,р он свою руку, когда в ней на самом деле уже ничего не было, а записка давно и благополучно лежала на палубе.

И. облил руки Ибрагима каким-то одеколоном, им же облил бумажку и подж,,г е,,. Бумажка вспыхнула, и тут же взвыл Браццано, снова приводя меня в дрожь.

– Ступай домой. Забудь о том, что ты должен был ехать. Скажи матери, что ты болен и чтобы тебя уложили сейчас же в постель и вызвали врача. Лежи три дня. Когда верн,,тся отец, – встанешь, вс,, вспомнишь и сам ему расскажешь. Иди, – говорил И., и так грозно звучал его голос, словно это был глухой рокот моря.

Когда замерли шаги Ибрагима, И. повернулся ко мне, протянул мне руку и сказал:

– Спасибо, верный друг. Если бы ты всю жизнь искал случая выказать свою благодарность всем нам, начиная с Флорентийца и кончая мною, – ты не мог бы сделать ничего лучшего, чем послушаться меня сейчас.

Как только ты коснулся бы бумажки злодея, который наш,,л способ снести ещ,, раз со своей шайкой, – ты потерял бы волю. Ты отдал бы ему камень для нового, вторичного кощунства, и тогда не только погиб бы сам, но причинил бы тысячу горестей брату и всем нам.

Уже злое непослушание Ибрагима принесло нам много беспокойства. Мне придется ехать вместо него. Но ты не огорчайся; я вернусь через день, меня в дороге сменят. Сейчас Ананда приедет сюда, так как за тобой снова гонятся, теперь уже из-за камня. Не боишься ли ты? – внезапно спросил И.

– Нет, не боюсь. Но неужели такое значение имеет один только неправильный поступок человеку? Неужели так сильно взаимодействие вещей?

– Ещ,, гораздо сильнее, чем в том случае, который ты сейчас видел. Единение людей, их связь друг с другом – это неразрывные нити, невидимые слепым глазам, но связывающие людей подобно канатам на целые века.

Послышались быстрые, л,,гие шаги капитана, и он взволнованно спросил:

– Что случилось? Почему Ибрагим уехал чернее тучи, не желая ничего мне объяснить? Кто же поедет с этим извергом?

– Я, капитан. Не волнуйтесь, – ответил ему И.; его, укутанного в ч,,рный плащ, капитан в темноте не заметил.

Пораженный внезапным появлением И., капитан словно онемел. И только через некоторое время к нему вернулась способность говорить.

– Да как же это я вас не видел? Как же мне не доложили о вас? Ведь это невозможная небрежность моих дежурных!?

Капитан был взволнован и раздраж,,н, каким его, выдержанного и всегда корректного, я ни разу ещ,, не видел.

– Я встретил на берегу вашего старшего помощника, и он взял меня в свою шлюпку. Но я знаю, что он пош,,л искать вас, чтобы доложить обо мне. Не сердитесь; зная, что вы жили вместе с нами в одном доме в Константинополе, он не отказал мне в просьбе взять с собой на пароход без пропуска, – успокаивающе говорил капитану И.

– Мой Бог! Для меня иметь вас на пароходе ещ,, некоторое время – это больше чем счастье. Но нарушение дисциплины...

Тут подош,,л старший помощник, рапортуя о сво,,м возвращении, а также о прибытии доктора И. Капитан уже остыл и только спросил, почему он замедлил явиться с докладом о провез,,нном без пропуска лице. Помощник поднял перевязанную руку, говоря, что какой-то болван поставил на дороге ящик с пилой и гвоздями; и он, ранив руку, должен был

задержаться, чтобы е,, перевязали.

И. предупредил капитана, что на берегу ждет Ананда, желающий с ним проститься и побыть на пароходе. Капитан обрадовался, как реб,,нок, и немедленно послал на берег шлюпку.

Мы остались вдво,,м с И. в темноте, сияющей зв,,здами, – и какими зв,,здами,

– ночи и моря. Я приник к И. и говорил ему, что не в силах разобраться, как может существовать рядом с этим сияющим небом, отраж,,нным в блистающем море, с ароматом цветов, с красотой тела и духа, такая масса зла, страданий, кощунства, убийств и боли.

– Не помещается в моей душе вся эта жизнь, – жаловался я моему другу. – Ну как я буду слушать сейчас музыку, если знаю и помню, что толпа злодеев обкрадывает бедняков: что где-то сидит одинокий, всеми брошенный человек, обиженный, без любви и мира в сердце. И вот здесь этот злодей, убийца и вор, а там сироты и голодные. И как сможет играть и деть Ананда после того разочарования, какое ему сейчас прин,,с Ибрагим? Ананда получил удары от Анны, от Генри. А теперь ещ,, Ибрагим! Может ли он быть в силах петь и играть?

– Ты, Левушка, видел толпы людей, думающих только о себе. Ты привык понимать музыку как развлечение, удовольствие. Ты знаешь только тех, одар,,нных, что поют и играют за деньги. Они тоже иногда, в порыве творчества, уносят людей в красоту. Но их игра, их песни и музыка идут не от потребности излить из себя любовь, чтобы людям стало светлее.

Музыка Ананды и Анны, как и многих им подобных, – это их свет, их молитва и радость, их призыв к добру и помощь страдающим. Они не нуждаются в восторгах толпы. Они в толпе растворяют зло; умиротворяют и облегчают страсти. И когда сегодня ты будешь слушать музыку, – ты пойм,,шь величие духа Ананды. Ты услышишь не стон его сердца, упрекающий тех, кто причинил ему скорбь. Ты увидишь полное прощение. Радость, что он мог вобрать в себя их страдание.

Послышались голоса, на палубе засверкали огни, и на не,, взош,,л Ананда под руку с сияющим капитаном.

Ласково поглядев на меня, спросив капитана, как понравился ему привет его будущей жене, Ананда оставил нас в капитанской каюте, прося не покидать е,, пока он не верн,,тся, и пош,,л вместе с И. к Браццано.

Капитан переоделся в свежий костюм, отдал кое-какие распоряжения сменившему его помощнику, и только мы собрались сесть за шахматы, как вошли наши друзья.

И. остался на пароходе, и на этот раз я более чем сожалел о нашей

разлуке.

– Что, дружок, не хочется расставаться с И.? – спросил Ананда.

– Не только не хочется, но неужели я никогда не буду так тв.,рд, чтобы не переживать разлуку как надрыв сердца, как непоправимое горе? За это время мо., сердце сделалось точно мешок – так много в н.,м любимых людей. И в то же время мешок этот в дырах, точно пули пронзают его разлуки, – ответил я.

– Ничего, Левушка, нынче мы с Анной найд.,м для тебя такие музыкальные заплаты, что завтра ты проснешься иным человеком, – улыбнулся мне Ананда.

Шлюпка пристала по указанию капитана совсем в другом месте. Там мы нашли экипаж и ровно в девять часов были у Строгановых.

Нас ждали в гостиной с чаем. На столе, среди красивых ваз с цветами, я увидел блюдо, подаренное мною Ананде. И на н.,м точно такой же торт для принца-мудреца.

Рассматривая со своего места Елену Дмитриевну, я заметил, что она похудела; часто и беспокойно поглядывала на Строганова, который был весел и радостен, но на жену и младшего сына не обращал внимания.

Анна, по обыкновению в белом платье, была более чем хороша. Но какая-то перемена произошла в ней. Я не умел себе этого объяснить; но она стала казаться мне более земной, более простой. Теперь можно было представить е., матью семейства, чьей-то женой, тогда как раньше такие мысли даже не приходили в голову. Я ещ., не отдал себе отч.,т, что же такое совершилось в ней, как Ананда вывел меня из задумчивости:

– Ты, Левушка, не протестуешь, что я подарил тво., блюдо Анне? Это увеличит е., приданое, так как не сомневаюсь, что ты уже выдал е., замуж.

Я был так сконфужен и поражен, что если бы не князь, вошедший с большими извинениями, что опоздал, – я не знал бы, как выйти из положения.

Князь объяснил, что, пользуясь отсутствием всех нас и небрежностью прислуги, в наши комнаты забрались жулики. Но что их заметили вовремя, и, не успев ничего украсть, они убежали. Но что ему пришлось успокаивать перепуганную жену, оставить у дома и в доме караульных, почему он и задержался.

Ананда покачал головой, капитан встревожился и пожалел, что не может остаться на ночь в доме, а у меня в голове мелькнуло только одно слово: «уже».

– Да, да, уже, – точно заглядывая под мою черепную коробку, шепнул Ананда.

Со всех сторон посыпались на князя вопросы; женщины казались испуганными. Одна Анна посмотрела пристально на меня и Ананду, сохраняя полное спокойствие.

Не задерживаясь долго за столом, мы спустились вниз, в прелестный музыкальный зал.

И на этот раз комната была убрана цветами. Я подумал, что милый капитан, по горло занятый, вс,, же не забыл украсить в последний раз этот зал, ибо только он, с его изысканным вкусом, мог так подобрать цветы. Я сел рядом и шепнул ему:

– Как я вас люблю за ваше внимание к людям, капитан. – Как я вас люблю за ваше желание сказать людям больше, чем они того стоят, – ответил он мне. – Я, Левушка, встревожен. Я так хотел бы, чтобы вы поскорее уехали отсюда.

– Я хоть и не встревожен, но тоже хотел бы уехать поскорее, – признался я.

Анна села за рояль, Ананда настроил виолончель. Никак того не ожидая, я вдруг узнал русскую, песню, так обработанную и таким человеческим голосом сыгранную на виолончели, что мгновенно забыл вс,,.

Передо мной прошла вереница детских дней, потом я вырос, потом снова стал маленьким, пока звуки наконец не смолкли. – Из России – поедем в Англию, – сказал Ананда. Полилась колыбельная песня, и я уже не мог различить в себе ничего, кроме счастья жить.

Ананда встал, поставил к стене инструмент и запел. Что он пел – я не знаю; слов я не понимал. Но что это был гимн, гимн торжествующей любви, – это я ощущал каждым нервом. Радость, которой билось сердце певца, выливалась и из меня: я почти физически ощущал е,, вокруг себя, в себе. Не было границы между мною и всем окружающим; я ун,,сся, растворился во вселенной, сознавая себя е,, живой единицей.

Как сменялись звуки, как чередовались певцы – я уже не различал. Только когда оба голоса слились в дуэте, точно в молитвенном экстазе, – я возблагодарил мир за то, что в н,,м живу: принимая вс,, злое и низкое, я обещал кому-то и чему-то – самому великому – жить для того, чтобы помогать невежественному и злему понять красоту. Ибо однажды поняв е,, в себе, я уже не мог жить без не,, и вне е,,.

Дуэт кончился. Глаза почти всех были влажны. Мои же были сухи, горели, и только сердце билось, как молот, да мысль шла по-новому, точно музыка сегодня открыла мне какие-то новые горизонты, чтобы жить бескорыстно и беспристрастно воспринимать людей.

Целуя руки Анне и прощаясь, я сказал ей:

– В сказке говорится, что для праведника важнее указать путь в рай другому, пусть сам он при этом споткнется. Сегодня вы двум невеждам указали путь. Быть может, невежды и не достигнут рая. Но вас они не забудут, как нельзя забыть однажды почувствованного во сне блаженства.

Глаза ее, сверкнули, она улыбнулась мне и подала со своей груди цветок. Стоявший рядом капитан сказал:

– Прибавить я могу только одно: минуты, пережитые сегодня, раскрыли мне, в путях каких предрассудков я до сих пор жил. Я не понимал, что жизнь начинается там, где кончается разъединение – каст, нации и социального положения. Сегодня я понял, как сливаются в сердце человека воедино земля и небо.

И ему дала Анна цветок, он поцеловал его и положил в тот карман, где – я знал – лежал платок сэра Уоми.

Мы вышли вместе с князем, которого ждал экипаж и который только сейчас заметил, что И. с нами не было. Ананда объяснил, что И. остался на пароходе и поедет с капитаном до первой стоянки, откуда вернется встречным пароходом.

Князь был очень опечален, что не простился с И., и вообще был встревожен.

Капитан сел с нами в экипаж, сказав, что хочет проводить нас до дому, чтобы самому осмотреть комнаты.

Когда мы добрались до калитки, то увидели, что караульные беспокойно бегают по дорожкам сада, уверяя, что слышат какой-то шум.

Ананда успокоил их и просил оставаться на месте, у главного входа в дом. Мы прошли в наши комнаты. Мы не нашли никаких следов беспорядка, все, вроде было на месте. Только на моей постели Ананда обнаружил чей-то красный платок с черной каймой. От платка несло сильными, приторными духами, настолько одуряющими, что становилось тошно.

Взяв палочкой этот платок, Ананда бросил его в камин. В комнате капитана на столе лежало письмо, довольно толстое, и адрес был написан на непонятном мне языке.

– Ну и жулики! Да это просто дураки, князь! Вы не беспокойтесь, – это шарлатанство, – сказал Ананда вконец расстроенному князю.

– Быть может, это и так; но с тех пор, как Жанна сходила с ума, я стал волноваться за всех своих гостей. Не хватало только, чтобы кто-то разбрасывал здесь всякую дрянь. Смрад от этих духов хуже, чем от любой кокотки, – осматриваясь по сторонам, отвечал князь.

– Да и кому это письмо? Вы понимаете этот язык? – подходя к столу,

спросил он Ананду.

– Язык этот я понимаю. И написан здесь не адрес, а изречение из Корана: «Кто хочет победить, бери не меч, но силу Аллаха». Платок подброшен одними людьми, а письмо – другими. Но и то, и другое – вс,, вед,,т к одному узлу, к одной шайке. Страшного нет ничего. Идите к вашей жене и успокойте е,,; ложитесь с миром спать, а завтра поговорим.

Князь простился с нами, но я не видел, чтобы он окончательно успокоился.

Как только мы остались одни, Ананда переброеил палочкой письмо на толстую бумагу и швырнул его в камин, на красный платок. Ничего нам не объясняя, он облил жидкостью вещи; и они, без запаха и звука, превратились в пепел.

Капитан сказал, что оставит нам на ночь Верзилу, без которого до девяти часов утра может обойтись. Ананда согласился, добавив, что я буду ночевать в его комнате на диване, так как здесь смрадно; а Верзила ляжет у него в прихожей.

Сказано – сделано. Мы проводили капитана до калитки; и не прошло и получаса, как Верзила уже стучался к нам, добродушно улыбаясь во весь свой рот.

Он прив,,з нам записочки от И. и капитана. Первый сообщал, что ему удалось снестись с друзьями и он довед,,т Браццано только до ближайшей остановки. А потому завтра вечером будет дома. Меня же он просит не отходить от Ананды ни на шаг.

Капитан писал мне, что наш,,л на пароходе полный порядок, что Хава – молодец и он е,, теперь любит. Что же касается его необыкновенного внутреннего состояния, то он продолжает носить в себе небо и землю, не чувствуя, что они разъединены. Но выразить этого словами не умеет и как долго это будет продолжаться – не знает.

Ночь в доме князя прошла благополучно. Но рано утром, гораздо раньше обычного, князь уже стучался к нам, прося посмотреть его жену, которая снова потеряла речь и глаза е,, выражают ужас.

К моему удивлению, Ананда вышел из своей комнаты совершенно одетым и готов был уйти с князем сразу же, без меня. Я взмолился, чтобы он меня подождал пять минут, памятуя о приказе И.

– Ты и здесь не хочешь нарушить приказа твоего поручителя? – засмеялся Ананда.

– Бог с вами, Ананда, какого ещ,, поручителя вы выдумали? Я просто хочу, чтобы И. не имел лишней причины беспокоиться, и хоть это его желание хотел бы исполнить в точности.

– Да, Левушка, я очень счастлив, что И. наш,,л в тебе такого верного друга. Лучше поступает И., давая тебе точные указания, как и где себя вести, чем я, стараясь развить в человеке способность самостоятельно распознавать вс,, с первых же шагов.

Мне так хочется подготовить человека, научить его тв,,рдо стоять на ногах. А выходит так, что пока он подле меня, то тв,,рд и верен. Но как только оста,,тся один – решения его оказываются шаткими, а закал,,нная верность – мифом.

Много раз я слышал, что И. суров с теми, кто ид,,т подл него. Но вижу, что путь их – в утверждении в себе внутренней дисциплины – короче и легче.

– Кто-нибудь может говорить, что И. суров? – в полном негодовании закричал я. – Это вс,, равно, что сказать, что подле вас жизнь не сплошной праздник и счастье. О Ананда, я ещ,, ничего не знаю. Но то, что и вы, и И. помогаете людям обрести новое понимание ценности жизни, – это я знаю и весь полон благодарности и благоговения. Просыпаешься счастливым оттого, что целый день провед,,шь подле вас. Я так рад, что я с вами, дышать мне подле вас так же легко, как рядом с И. И я ничуть вас не боюсь.

– И даже прощаешь мне дервишскую шапку. – засмеялся Ананда.

Но через минуту сказал очень серь,,зно:

– Ты готов? Теперь подумай о Флорентийце, зайд,,м за твоей аптечкой и отправимся к княгине. Я думаю, что там вс,, не так-то просто.

Ананда отдал Верзиле тв,,рдый приказ никому не открывать дверей и никого не пропускать в его комнаты. Даже если кто-нибудь захочет проникнуть под предлогом подождать его или передать записку, – никому не открывать ни под каким видом и ничего ни у кого не брать.

– Есть не открывать, ничего не брать, – ответил моряк. – Если опоздаете к восьми с половиной – с меня капитан взыщет. Я отпущен до девяти.

– Есть, – улыбаясь, сказал Ананда, – отпущен до девяти. Если опоздаем – отвечать мне, отвезу тебя сам. – Есть отвечать вам, – и Верзила запер все двери. Мы зашли в мою комнату, где царила полная тишина. А ведь совсем недавно здесь раздавался смех капитана и вс,, было наполнено творческой жизнью, которая пульсировала благодаря И. Тишина показалась мне какой-то зловещей и м,,ртовой.

По дороге к княгине я поделился с Анандой своим впечатлением. Он кивнул головой и сказал:

– Когда ид,,шь на работу, приводи себя в рабочее состояние. Сосредоточь мысли на Флорентийце, собери вс,, сво,, внимание и всю

полноту чувств и мыслей только на том, что собираешься делать сейчас.

Я вспомнил, что почти то же мне недавно говорил И. Но мы были уже у порога, я оставил вс,, чего не додумал, «на потом» и вош,,л в спальню княгини, неся в себе образ моего великого Друга.

Князь сидел у постели своей больной жены, будто не видя или не замечая е,, отталкивающей внешности. Он видел только е,, страдания, старался со всей нежностью их облегчить и страдал сам е,, мукой и своим бессилием.

Глаза княгини метали молнии. Они одни и жили на этом лице, превратившемся снова в маску, точь-в-точь такую же, какой я увидел княгиню в первый раз.

Заметив Ананду, княгиня жалобно замычала, и из глаз е,, полились сл,,зы.

Ананда подош,,л к постели, передал мне свою аптечку, поставил меня рядом с собой и шепнул: – Стой близко, вс,, время ко мне прикасаясь. Он взял руку княгини и спросил у князя: – Кто дежурил у больной эту ночь?

– До двенадцати – сестра милосердия, а после полуночи – горничная княгини, – ответил князь. – Позовите сюда обеих сейчас же. Князь вышел выполнить приказание Ананды. – Возьми меня под руку и будь внимателен, – сказал мне Ананда, когда князь вышел.

Очень скоро он вернулся с обеими женщинами. Горничная вошла с обиженным видом и сразу же начала оправдываться. Вторая сиделка имела вид сконфуженный и даже печальный.

Ананда приказал обеим стать по другую сторону постели, продолжая держать руки больной в своих.

Несчастливая выказывала все признаки страха при виде своей горничной и пыталась что-то сказать Ананде.

– Успокойтесь, княгиня. Ваши страдания скоро кончатся, – сказал он, поглаживая е,, руки. – Не бойтесь ничего, ведь я здесь. Потерпите.

– Вы дежурили первая? – спросил Ананда сестру. – Да, – тихо и робко ответила она, глядя ему кротко в глаза. – Почему вы ушли из спальни, тогда как обязаны были дежурить всю ночь?

– Я не хочу солгать вам и не могу сказать правду, так как обещала молчать.

– Так. Ну, а вы почему пришли, если дежурить вас никто не назначал? – обратился он к горничной.

– У сестры милосердия болела голова. Она сама вызвала меня и просила е,, сменить; а теперь боится потерять место и отговаривается, – нагло начала горничная; но, не выдержав пристального взгляда Ананды,

опустила глаза и замолчала.

– Это вы, сестра, надели на княгиню этот чепец? – снова спросил Ананда.

– Чепец? – с удивлением сказала та, поглядев на княгиню. – Нет, я расчесала ей волосы, заплела косички и напоила молоком с лекарством, которое вы дали. Княгиня мирно заснула, и тогда меня вдруг вызвала Ольга. Помилуйте, да разве бы я надела на княгиню этот безобразный тюрбан?

– Не желаете ли вы на меня вс., свалить? – закричала было горничная, но снова осеклась под взглядом Ананды.

– Следовательно, вы вышли, когда княгиня мирно спала, и на е., голове не было этой вещи?

– Княгиня спала, хорошо выглядела, было около двенадцати, я точно не помню. И на голове у княгини ничего не было, – тв.,рдо ответила сестра.

– Я так поражена этой ужасной переменой.

– Хорошо. Когда вы вошли, – обратился он к горничной, – княгиня спала?

– Спала. Я села у постели и, должно быть, заснула. Их сиятельство вошли в комнату, и от их шагов я проснулась.

– Зачем вы лж.,те. Ольга? – возмущенно спросил князь. – Вас не было в комнате, вы с кем-то шептались у двери, а больная металась на постели, рискуя свалиться. – Вашему сиятельству показалось...

Князь был в бешенстве, какого от него я никак не ожидал. Он готов был броситься на наглуую лгунью.

– Подойдите ко мне, князь. Сейчас вам нужно полное самообладание, если вы желаете спасти вашу жену, – раздался властный голос Ананды с неподражаемыми, ему одному свойственными переливами.

Князь был бледен до синевы; губы его дрожали. Он подош.,л к Ананде и положил свою руку на его руку, как велел ему Ананда. Постепенно он успокоился, стал дышать ровно и синева исчезла с его лица.

Горничная повернулась, чтобы выйти из комнаты, но грозный взгляд Ананды точно приковал е., к месту.

– Когда, в котором часу вы надели эту дрянь на голову княгини?

– Я ничего не надевала на не., и не понимаю, чего ко мне пристают. Я ведь не крепостная.

– Если вы не знаете, кто этот чепец надел, то вы его снимете сейчас.

– Ни за что не сниму. Да он, может быть, заколдован или отравлен.

– Как?! – не своим голосом закричал князь. – Я вам уже сказал: самообладание ваше так же необходимо сейчас, как и мо., знание. Следите

за ходом вещей и делайте только то, что я вам скажу. Времени терять нельзя, – снова остановил князя Ананда. – Снимите сию минуту чепец, – сказал он Ольге.

– Или же я сам надену его на вас.

Что-то мерзкое, какой-то животный страх, ненависть, злоба мелькнули на лице горничной. Она готова была выцарапать глаза Ананде; е,, голова поворачивалась к двери, видимо, единственным е,, желанием было убежать, но непреодолимая сила Ананды удерживала е,, на месте.

– Позвольте мне снять чепец, доктор, – сказала сестра. – Я ведь главная причина несчастья; я позволила себя обмануть.

– Нет. Для вашей самоотверженности ещ,, настанет время. Не медлите, Ольга, или чепец очутится на вашей голове.

Извиваясь, как змея, повинуюсь поневоле, несчастная подходила к постели княгини, с ужасом глядя на чепец с красными широкими лентами и ч,,рной, зигзагообразной каймой, напоминавший брошенный на мою постель платок.

Казалось, женщина никогда не подойдет к постели. Руки е,, со скрюченными пальцами скорее готовы были удавить княгиню, чем снять чепец и облегчить е,, страдания.

– Скорее, или выбора для вас уже не будет, – и из глаз Ананды в сторону Ольги точно брызнули молнии. Я ощутил, как через меня прош,,л словно электрический разряд, так сильно было напряжение его воли.

Мгновенно руки Ольги разжались, и в эластичных пальцах повис уродливый чепец.

Крик ужаса вырвался из наших уст: лоб княгини, уши и голова были в крови.

– Это не кровь, а краска, которой негодяи вымазали чепец изнутри, – остановил наше волнение Ананда. – Но краска эта – зудящее, ядовитое вещество и может довести страдальца до безумия и паралича. К счастью, мы вовремя здесь. Левушка, быстро раствори пиллюлю Али в той жидкости, что лежит в мо,,м кармане с твоей стороны.

Я сейчас же выполнил приказание, и Ананда сам влил княгине лекарство.

– Теперь из аптечки И. вынь, не отпуская моей руки, третий флакон. А вы, князь, сделайте тампон из ваты и тоже не отходите от меня.

Когда флакон и вата были ему поданы, он обмыл лоб, голову и уши больной и бросил вату в чепец, который, как мешок, держала на вытянутых руках Ольга.

Ещ,, и ещ,, оттирал он голову больной, пока от краски не осталось и

следа. После каждого раза лицо княгини вс,, больше оживало, наконец стало совсем спокойным, и она заснула.

Тогда Ананда позвал сестру, дал ей капель, вытер е,, руки той же жидкостью, которой обтирал больную, и сказал:

– В уходе за больной вы можете выказать сво,, самоотверженное усердие. Несмотря на все меры предосторожности, вы будете испытывать зуд во вс,,м теле, потому что вам предстоит переменить на больной бель,, а оно уже пропитано – хотя этого ещ,, и не видно – вс,, той же ядовитой дрянью. Когда снимете бель,, растворите в тазу содержимое этого пузырька и губкой обмойте вс,, тело больной.

Не беспокойтесь, она будет спать крепко и ваши нежные движения е,, не разбудят. Но одна вы с этим не справитесь. Есть ли у вас в доме над,,жный человек, князь?

– Вот эта прелестная Ольга считалась самой над,,жной. На кого же теперь положиться? – отвечал бедный князь.

– Простите, – сказала сестра. – Здесь находится моя мать. Это на е,, будто бы зов меня увела Ольга. А мать мою... Ну, да это потом. Словом, мать моя привычная и отличная сиделка. Она мне поможет.

– Хорошо, позовите е,, – велел Ананда.

Тем временем он сказал князю, что княгиню надо переложить на другую постель и унести из этой комнаты, чтобы ничто не напоминало ей прошлой ночи.

Он точно не замечал стоявшей вс,, в той же позе Ольги, державшей в руках мерзкий чепец. А между тем та уже несколько раз говорила: «горит», «жж,,т», «зудит».

Когда вошла сестра со своей матерью, Ананда поглядел на них обеих и велел переложить больную на диван в дальнем углу, пока е,, не унесут из этой комнаты. Только тогда он взглянул на Ольгу и сказал: – Идите впер,,д. – И за нею все мы вышли из комнаты. Она, вс,, так же вытянув руки с чепцом, шла впереди до самой моей комнаты.

– Бросьте в камин, – сказал Ананда, и чепец полетел в камин на ту кучу золы, которая оставалась с ночи. Сама Ольга в каком-то отупении стояла, вс,, вытянув руки, не то желая снова схватить чепец, не то подавляя желание вытереть зудящие руки.

Ананда подош,,л к ней, подал ей смоченный кусок ваты, приказал обтереть им руки и спросил:

– Неужели деньги, обещанные вам, так сладки, что вы могли из-за них пойти на убийство человека? А княгиня-то только вчера просила князя обеспечить вашу жизнь и положить на ваше имя капитал за верную ей

службу.

– И сегодня я должен был выполнить е,, желание, – подтвердил князь.
– Хорошо, что вовремя вс,, открылось.

У Ольги давно уже д,,ргались губы и сл,,зы скатывались по щекам. Но мне было ясно, что она не в себе, что в ней ид,,т какая-то борьба, но что е,, мысли ей самой до конца непонятны. Ананда велел ей взять спички, поджечь чепец и сказал: – Он сразу вспыхнет. Если вы забыли, Ольга, как вели себя и что делали со вчерашнего вечера, то вспомните вс,, как только ядовитое вещество сгорит вместе с чепцом.

Ольга подождала чепец, но как только пламя коснулось его внутренней стороны, – раздался такой треск, словно взорвался порох, и перепуганная женщина с криком отскочила на середину комнаты.

Е,, прыжок был так комичен, что я не удержался от хохота, и князь смеялся не меньше моего.

– Хорошо вам смеяться, – с возмущением накинулась на меня Ольга. – Вы-то целы и невредимы; а вс,, из-за вас, барин. Все мои неудачи, да и других тоже

– вс,, из-за вас.

– Так ли, Ольга? – спросил Ананда. – Зачем вы вчера вмешались в разговор княгини с сестрой милосердия? Зачем вы уверяли больную, что в Константинополе есть лекарь, который справляется с такой же болезнью скорее и лучше, чем я и И.? При ч,,м же здесь Лев Николаевич?

– Лекарь обещал мне деньги и прин,,с чепец. Я не знала, что чепец ядовитый. А только про молодого барина он сказал, что его надо выжить из дома, что он всему помеха. Он просил положить платок к ним на постель и письмо. А как молодой барин заснул, я должна была впустить к ним в комнату лекаря с помощником, чтобы молодого барина перевезти в гостиницу.

Когда князь вошли в спальню их сиятельства, я с лекарем и говорила. Мне надо было их давно проводить, лекарей-то, к Льву Николаевичу в комнату. Да только сестра не спала, и я не успела пропустить их через спальню.

– Куда же девались эти злодеи, ваши лекаря? – взволновался князь, собираясь бежать к княгине.

– Не волнуйтесь, князь. Они, несомненно, беседуют с Верзилой, рассчитывая подкупить и его. Спустимся к нему по винтовой лестнице. Вы же, Ольга, сядьте здесь и сидите не двигаясь, до нашего возвращения.

С этими словами Ананда быстро пош,,л впер,,д, и мы за ним. Уже подходя к крыльцу Ананды, мы услышали стук в дверь и громкий голос

Верзилы, запрещающий ломиться в дверь.

Услышав шум наших шагов, Верзила стал просить Ананду разрешить ему проучить негодяев, нагло ругавших его и требовавших, чтобы он их впустил.

Ананда рассмеялся и спросил, умеет ли он стрелять из тех новых пистолетов, что ему дали. Получив удовлетворительный ответ, Ананда, продолжая смеяться, сказал:

– Они заряжены особым способом. Если человек упад^т или поверн^тся спиной, не бойся – стреляй себе, пока будешь видеть, что горошины вылетают. Как только кончится заряд, бери второй и стреляй в другого. А третий сам убежит со страху.

Я так ошалел, что, видно, напоминал Ольгу с чепцом. Я стоял, вытянув умоляюще руки, и не мог понять, как это Ананда может отдать приказание стрелять в людей.

Мгновенно пистолет был в руках Верзилы, раздавалась частая, мелкая трескотня, и действительно, горошины с огромным количеством дыма и грохота полетели в одного из осаждавших нас турок довольно бандитского вида. Человек упал; но мне казалось, что он остался невредим. Тем временем горошины из другого пистолета полетели во второго громилу, который тоже упал, комично „рзая под градом бивших его горошин; а третий, увидя, как упали его товарищи, ошеломленный треском и дымом, сч^л их убитыми и убежал.

Мы вышли на крыльцо, и когда дым рассеялся, увидели двух перепуганных, зажимавших уши людей, неподвижно лежавших на земле.

– Господин великий маг, сообщи мне, жив ли я или уже нахожусь в тво^м царстве? – пробормотал один из них на отличном английском языке. Это было до того неожиданно, что я прыснул со смеху, подскочил и не мог остановиться, задыхаясь от хохота. Верзила, держась за бока, просто ржал по-лошадиному. Князь не отставал от нас. Дважды Ананде пришлось призвать нас к порядку.

Люди, лежавшие на земле, были только одеты турками. Одуревшие под градом горошин и от нашего хохота, они, очевидно, не могли сообразить, что с ними произошло. Измазанные, точно сажей, пороховой копотью, они были и жалки, и так смешны, что удержаться от смеха было очень трудно.

– Кто вы такие? Судя по вашему обращению к великому магу, я могу думать, что сами вы – маленькие маги? – улыбаясь, спросил Ананда того из бандитов, который заговорил по-английски.

Тут поднял голову второй злодей, поглядел на Ананду и зачастил что-

то по-гречески, прикрывая глаза рукой.

Первый, несколько оправившись и с ненавистью глядя на него, сказал по-английски:

– Не верьте ему, пожалуйста. Он такой же лекарь, как я повар. А снадобье для чепца дал Браццано. Этот подлец разорил полгорода и нас вместе с собой. Да только сам ун,,с куда-то ноги; наверное, и сокровищ утащил немало. Последнее, в ч,,м он нас надул, – это что камень – ч,,рный бриллиант немислимой стоимосты – на вашем мальчишке. Дал нам амулет – платок, чтобы мальчишка отправился к праотцам. Дал чепец, сказав, что вс,, колоссальное состояние княгини – в камнях и золоте – в е,, спальне под кроватью, – и солгал. Теперь жизнь мне опостылела, я нищ. Делайте со мной, что хотите.

– А разве вы больше не боитесь Браццано? – усмехаясь, спросил Ананда.

– Не только не боюсь, но хотел бы задушить его своими руками. – ответил несчастный, захлебываясь от злости.

– Ой, ой, а я боюсь, – завопил второй. – Так боюсь, что не хотел бы вовек его встретить.

– Но ведь вы давали страшные клятвы и обещания не только ему? – опять спросил Ананда.

– Конечно, целая церемония совершалась над нами, – снова заговорят первый. – Но ведь он изображал первого помощника великого мага, которого никогда и никто не видел. Но говорили, что сам сатана не мог быть страшнее.

– Ой, ой. пропала моя головушка! Пропали мои деточки! – снова завопил грек.

– Замолчи, дьявол, или я научу тебя молчать, – в бешенстве заорал мнимый турок.

– Ну, вот что: сейчас вызовут полицию, и вы оба должны будете отправиться в тюрьму, – сказал Ананда. – Я даю вам ровно десять минут на размышление. Каждый из вас может написать записку ближайшему другу или родственнику, объяснить сво,, положение и попросить помочь вам и выручить из тюрьмы. Но каждый должен дать слово уехать отсюда и начать новую трудовую жизнь.

– Я был причиной разорения всех своих друзей и родственников. И кроме проклятий и той же тюрьмы мне ждать нечего. А работать я не желаю. Я жил богачом и господином – иной жизни вести не буду. Я желаю лишь мстить Браццано – вот отныне цель моей жизни. Пусть берут, куда угодно. Уйду, – сказал первый.

– Ой, ой, работать. Разве я всю жизнь не работал? – завопил второй. – Я только и делал, что переносил чужие деньги с места на место. Только по усам текло. Другие наживали миллионы, а мне бросали тыщонки. Я честно работал. Виноват ли я, что аферы приносят больше, чем честный труд? Дураки гнут спины с утра до вечера, – рубль домой принесут. Чем я виноват, что моя работа умнее? А теперь писать некому. Я вон им – всем этим – служил, – ткнул он пальцем в своего товарища. – А теперь они сами без гроша. Здесь – вс,, можно только купить. Ты слушай, барин. Ты большой лекарь. Плати за меня калым полиции; я тебе служить буду. Мне вс,, равно, кому служить, плати – буду служить верой и правдой.

– Ну, князь, выбора у нас нет. Неприятно, что жулики из браццановской шайки пойманы в вашем доме, но что делать. Надо звать представителя власти и сдать этот народец... Поднимайтесь, – обратился он к прекрасным компаньонам Браццано. – Сядьте на скамью и сидите, не двигаясь с места, пока за вами не придут и не уведут. Если только надумаете удирать – снова отведаете моих пистолетов.

Пока Ананда говорил с несчастными жуликами, князь пош,,л отдавать приказания своим людям.

Бедные грешники встали с земли, сели на скамью и погрузились в раздумье. Но как по-разному! Мнимый турок был полон активной жажды зла. Он, видимо, надеялся чем-нибудь купить полицию и получить возможность отомстить Браццано. Его угасшее для всего светлого сознание знало одну энергию: упорство воли. Злое, ненасытное желание увидеть униженным или м,,ртвым разорившего его врага, должно быть, унижение и зависть к Браццано играли не последнюю роль в его теперешней ненависти. Он был активен. Метал глазами молнии и жаждал одного: вырваться отсюда; но превозмочь приказ Ананды не имел сил.

Мне казалось, что он собирался вступить в торги с Анандой, но не решался, не зная, что предложить человеку, воля которого его сковывала.

Второй – ярко выраженный грек-торгаш – тоже потерял всякий человеческий облик, но в совершенно другом роде. Его богом были только деньги. Но насколько первый жаждал их как знака славы, блеска и власти, настолько этот желал просто денег, весь стянутый кольцами жадности, как железными обручами. Его мир, всю его вселенную составляли деньги, ради которых он переносил кабалу, издевательства и презрение тех, благодаря кому мог нажитья.

Очень быстро – гораздо быстрее, чем обычно это бывает в Константинополе,

– князь вернулся с тремя полицейскими, прич,,м двое из них явно

были в высоких чинах. Мне показалось, что, во всяком случае, с одним из узников они сумеют договориться.

Не успели все убраться, как послышался свирепый гудок, и я сразу узнал этот рычащий голос.

– Есть опоздал – ваша вина, – сказал встревоженно Верзила. Мы заперли двери, поручили надзор за ними двум караульным и помчались с Верзилой на пароход.

Капитан, поначалу грозно встретивший Верзилу, принял извинения и объяснения Ананды не только милостиво, но и очень близко к сердцу. Разведя руками, он сказал:

– Ну вот и задача: «Волк, коза и капуста». Уж не лучше ли Левушке поехать с нами?

Ананда смеялся и просил вс., же доверить ему на один день младенца.

Я был так рад увидеть И. Кажется, дома я и не скучал без него. А увидев его на пароходе, я впервые понял, как близок он мне, как я слился с ним – рука к руке, сердце к сердцу.

Раздался второй гудок и, прощаясь с нами, И. сказал мне ещ., раз:

– Левушка, повторяю мою просьбу: ходи за Анандой не отставая, до самого моего возвращения.

– Не беспокойся, Эвклид, не отпущу ни на шаг. Я вообще убедился, что твой воспитательный дар безупречен. И понимаю теперь, что свобода, предоставляемая недостаточно дисциплинированному существу, не делает его путь ни короче, ни легче.

– До свидания, друг. Княгиню снова придется упорно и долго выхаживать. Вот как вс., усложнилось, – и я застрял здесь надолго, вместо того чтобы уехать с вами.

Ананда говорил тихо и спокойно. Раздумье огромной мудрости лежало на его лице, и мне казалось, что, говоря с И., он точно переворачивал страницы книг жизни многих людей.

Мы возвратились домой, умылись, переоделись и пошли к княгине. Она сразу проснулась, но была довольно равнодушна ко всему и, повидимому, даже не сознавала, что обстановка вокруг не., другая, что лежит она не в своей спальне, не на своей кровати.

– Снова много будет спать княгиня. И кормить е., придется с ложки, – обратился Ананда к сиделке. – Вы, конечно, будете чередоваться с вашей матерью; но и вам обеим будет трудно. Я, быть может, найду ещ., помощниц, которые изредка будут вас сменять. Но это в дальнейшем. Сегодня же мы с Левушкой посидим у княгини; и вы сможете сделать то дело, о котором говорила вчера Ольга.

Не объясняйте мне пока ничего, – перебил он желавшую что-то сказать сиделку. – Думайте не о раскаянии теперь, а о том, как одна минута недостаточно честного вашего поведения может стоить жизни другому человеку. В пять часов мы будем здесь, – повторил он изумленной сиделке, – и до восьми вы свободны.

Дав ей точные указания, что делать до пяти часов, Ананда взял меня под руку, и мы прошли с ним в мою комнату.

Признаться, мысль о сидящей у камина Ольге мучила меня все время.

Первое, что мы увидели, был перепуганный взгляд Ольги, все так же сидевшей у камина и потиравшей руки.

– Какое счастье, доктор, что вы вернулись наконец, – сказала она дрожащим от страха голосом, – без вас они убили бы меня.

– Кто? – спросил Ананда. – Ведь вы здесь совершенно одна. – Какое там «одна», – с раздражением возразила женщина. – Они попрятались, как только услышали ваши шаги; а как вы вошли, – так и рванули вон в дверь.

– Я снова вас спрашиваю, кто это «они», – спросил Ананда, улыбаясь и садясь на диван против Ольги, указав мне место рядом.

– Господи Боже ты мой! Да за что же вы, доктор, издеваетесь надо мной! Неужели вы не видели, кто? Да козлы! Такие страшные, вонючие, рогатые.

– Она с ума сошла, – сказал я Ананде по-французски с ужасом.

– Не похоже. Сейчас попробуем выяснить, что с ней, – ответил он мне на том же языке и снова обратился к Ольге по-русски:

– Ведь вы же взрослая женщина. Мало того, что взрослая, вы еще так решительны, что взялись помогать преступникам. Как же вы позволяете себе такие детские бредни, что в эту комнату – на второй этаж нашего дома – могли забраться козлы? Да я думаю, их и во всем Константинополе не сыщешь.

– Ну да, не сыщешь! Вчерашние-то тоже принесли с собой козла. Смрад от него стоял дикий, пока они шарили под кроватью княгини. Искали там чего-то или кого-то, как я их ни уверяла, что каждый день все комнаты протираются по два раза. Ни пылинки-то там не найдешь, не то что чемоданов или корзин.

И как вы ушли, доктор, все было спокойно. Только руки мои зудели. Я взяла золы из камина, да потерла ею руки, думала, зуд уймется. Не успела и охнуть, как козлы-то из камина и прыг, – да один за другим давай оттуда скакать! Да все в кружок вокруг меня. Рожищами да бородами трясут, да все ближе, все ближе! Я Царице Небесной стала молиться, чтобы вы вернулись; только уж не чаяла и жива быть, – крестясь испачканной в золе

рукой, задыхаясь, говорила Ольга.

Она, по всей вероятности, переживала настоящий страх. Но подражая движениям померещившихся ей козлов, была так смешна и нелепа, что я был не в силах сдержать смех.

– Вс,,-то вам смешки, барин! Много бы я дала, чтоб вас хоть раз коз,,л такой попугал, – перестали бы навек заливаться.

– Это ваша совесть, Ольга, вероятно, вас мучает, – ответил я ей. – Страх ответственности перед князем и страх перед мошенниками. Они вам грозили, верно, всякими карами, если не сдержите слова. Вы задремали, вс,, в вашей голове перепуталось, вот козлы вам и приснились, – смеясь, отвечал я ей.

– Ну, возможное ли дело, Ольга, чтобы чуть ли не стадо козлов выскочило из камина? Бросилось к двери, через которую мы вошли, а мы бы их не видели?

– продолжал я смеяться, представляя себе эту картинку из сказок про ведьм и колдунов.

– Ох, барин, уж и не знаю, что вам и ответить на ваши издевки. Так-то оно, если подумать, и невозможно, чтобы из камина коз,,л прыгал...

Ай, батюшки-светы, доктор, спасите! Ай, вон он опять, – закричала неистово Ольга, указывая на пепел, который чуть шевельнулся от дуновения ветра.

– Встаньте, возьмите эту вату и вымойте лицо и руки, – подавая ей мокрую вату, сказал Ананда.

Прекрасный аромат распространился по комнате, когда Ольга стала вытираться.

– Нечистая совесть всегда заводит человека в дебри несуществующих страхов. Мы сидим рядом с вами и видим, что ровно ничего вокруг вас нет. А вы стонете от ужаса, потому что уже вчера, когда предали княгиню, сами создали себе внешний образ своего собственного поступка в виде козла, – сказал Ананда смертельно перепуганной, озирающейся по сторонам Ольге. – Так всегда бывает с людьми, когда они поступают подло и гнусно. Вам и прежде самым отвратительным и мерзким казался коз,,л. Вот вы и увидели его сейчас, как отражение собственной, обезображенной совести.

Вы просите у меня помощи? Но, к сожалению, я не могу вам подать е,,. Помочь себе сейчас вы можете только сами. Всю жизнь, худо ли, хорошо ли вам было, – вы прожили у княгини. Вы часто получали от не,, ценные, а иногда и богатые подарки. Вы составили себе подле не,, кругленький капиталец. Целое состояние, обеспечивающее вам жизнь до конца дней. И вся ваша признательность ей выразилась в том, что вы впустили к ней

убийц?

– Да я и в голове не держала, что здесь затевается убийство! Что вы, что вы! Я думала, доктор, что в чепце снотворная мазь, что княгиня заснута, и я пропущу людей через спальню, чтобы никто не видел, к молодому барину. Ну, а как они очень горды, молодой барин, и внимания ни на кого не обращают, – то я их и ненавидела.

Я был поражен. Как? Чем я мог внушить ненависть к себе человеку, о котором думал так мало? А если и думал, то сострадавая, ибо видел, как тиранила прежде Ольгу княгиня.

– Вы говорите, доктор, что я сложила себе капиталец возле княгини? Я не даром его получила. Я всю свою жизнь на них и работала. Да что греха таить! Нешто княгиня до князя хорошую жизнь вела? Это их сиятельство вс., иначе повернули. А то в нашем доме-то дым коромыслом стоял! И большая часть моих денег не от княгини...

– А от тех мерзавцев, которым вы помогали добиваться милостей вашей хозяйки? – сверкнув глазами, перебил Ананда Ольгу. – Вы работали? Вы трудились? Перебирать туалеты своей барыни, притом всячески норовить что-нибудь украсть или тайно продать, – вы это называете трудом? Лежать с леденцом за щекой и читать на барыниной кушетке недочитанный ею роман, если он напечатан по-русски? Зевать и шарить по буфетам, чтобы повкуснее поесть? Что вы еще, делали за вашу жизнь? Вы и достойны того, чтобы вам мерещились козлы.

– Доктор, спасите меня от них. Я с ума сойду, если еще, раз увижу. Они вас боятся, – спасите меня! – дико оглядываясь, точно ей во всех углах мерещились козлы, кричала Ольга.

– Я вам уже сказал. Никаких козлов в действительности нет. Это порождение вашего воображения, вашей совести, которой вы торговали всю жизнь. И спасти вас я не могу. Только чистая жизнь в труде, самопожертвовании может отныне вам помочь.

– Да не могу же я сделаться прачкой. Не кухаркой же мне поступить в бедное семейство? – возмущалась Ольга, считавшая себя, очевидно, фрейлиной в сравнении с остальной домашней прислугой.

– Да разве вы годитесь для таких дел? И не в одном физическом труде вы найдете очищение. Ваша сестра писала вам, что она овдовела, очень больна и боится умереть, оставив детей сиротами. Что вы ей ответили?

Ольга опустила глаза и молчала с тупым, злым выражением на лице. Она напомнила мне тень Лизы в вагоне в тот момент, когда та орала в лицо И.: «Я барыня, барыня, барыня, – была, есть и буду».

Я подумал о глубочайшей развращенности, в какую впадает душа

человека, испорченного бездельем, жадностью и сознанием своего – несуществующего нигде, кроме как в собственном воображении, – превосходства над другими.

– Быть крестьянкой я не смогу, – наконец выдавила из себя Ольга. – В деревне люди т,,мные. Я привыкла к веселью. Мне и здесь-то вс,, опостылело за княгинину болезнь. Ни души не видишь! Я при,,мы люблю. Народ чтоб приезжал, обеды, шумно, мужчин чтоб было много.

– В деревне жить не можете, – там люди т,,мные? Я думаю, темнее вас самой

– среди добрых и светлых людей – встретить трудно, – ответил ей, прожигая Ольгу глазами, Ананда. – Единственный для вас путь, на котором вы можете найти спасение, – это взять сирот, воспитать их и найти в себе к ним любовь. Если вы этого не желаете, – живите с козлами. Ананда поднялся, чтобы выйти из комнаты. – Нет, нет, доктор, не уходите, – вон они снова здесь! Я вс,, сделаю, только спасите от них, – вскричала Ольга.

– Это становится скучным, – грозно сказал Ананда. – Повторять одно и то же бессмысленно. Для вас есть один путь, путь любви и милосердия к вашим племянникам-сиротам. Вы за всю жизнь никого не полюбили, никого не приласкали. Только грабили, копили, лгали, сплетничали. Если не ухватитесь за единственный случай, где вам посылается возможность любовью победить всех ваших козлов, вызванных к жизни нечистой совестью, козлы эти вас затопчут, – продолжал он, и голос его зазвучал мягче. – Выбора у вас нет, вы вс,, время играли дурными страстями людей. Вы только и делали, что злились, раздражались и других вводили во всякие мерзкие дела. Теперь уже поздно. Или уезжайте отсюда, возьмите себе сирот, создайте для них чистую – слышите ли – чистую жизнь. Или ждите – в безумии и ужасе – когда вас растопчут порожденные вами козлы.

Молнии сверкали из глаз Ананды. Прекрасен он был, божественно прекрасен! Я – непонятым мне самому образом, когда знание чего-то, происходящего в другом, проскальзывало в меня, минуя логические ходы мыслей и открывало что-то невидимое и неведомое в душе другого, – понял, что Ананда сейчас ставил Ольге те узкие рамки вполне определен,,ного послушания и дисциплины, которые он отвергал с другими. Я как бы видел, что он бер,,т руку И. и вводит его при,,м воспитания в свой круг действий.

Что творилось с Ольгой – трудно даже передать. Но, пожалуй, преобладающим выражением на е,, лице было изумление.

– Вот как можно довериться кому-нибудь Я только одному этому подлому швейцару и сказала о смерти сестры. Да и сказала-то потому, что

знала его любопытство. Небось сам прочел раньше, чем мне подал. И телеграмма-то пришла ночью. Когда только он успел вам вс,, передать?

– Я вас в последний раз спрашиваю: пойд,,те вы пут,,м любви и милосердия? Или... нам здесь больше делать нечего, – сказал Ананда.

– Даже если бы я и не хотела благотворительствовать, вс,, равно ничего не могу поделаться, – эти проклятые тут. Я согласна ехать. Но вдруг они побегут за мной? – с ужасом осматриваясь по сторонам, ответила Ольга.

– Если увез,,те отсюда ворованные вещи, – побегут, и бежать будут до тех пор, пока вы не возвратите похищенное. Если будете злы и раздражительны, недобры с детьми, – козлы появятся. И как только злые мысли или старые замашки будут тянуть вас к подлым людям и делам, – снова попад,,те в круг ваших козлов, – тихо, тв,,рдо прозвучал голос Ананды. – Идите, собирайтесь и помните, что я вам сказал о чужих вещах. Вечером уходит поезд. Мой знакомый едет в Петербург. Я попрошу его взять вас в качестве жены, чтобы не возиться с заграничным паспортом, что здесь довольно долго делается. Когда соберете вс,, – прид,,те ко мне.

Ольга вышла. Мы проводили е,, по лестнице, но она вс,, ещ,, дрожала от страха и озиралась по сторонам, где ровно ничего, кроме обычных и знакомых ей предметов, не было.

Войдя к себе, Ананда написал записку Строганову и послал к нему одного из наших караульчиков.

Недолго мы оставались одни. К нам приш,,л князь, извиняясь за вс,, причин,,нное нам беспокойство и говоря, что Ольга категорически заявила о сво,,м немедленном уходе, чем он поставлен в ужасное положение, так как е,, некем заменить.

Ананда его успокоил, сказав, что сейчас приедет Строганов, у которого в семье много приживалок. И найд,,тся кому поухаживать за его женой, пока она сильно больна. А там видно будет.

Князь утешился, не зная как и благодарить Ананду, но вдруг схватился за голову.

– Господи, да ведь вы оба ещ,, ничего не ели! Да мне прощения нет!

– Не беспокойтесь, князь. Авось мы с Левушкой не умр,,м, ещ,, часдва поголодав. Как только я переговорю со Строгановым, мы поедем обедать.

– Никогда я этого не допущу! Сию минуту вам сюда подадут завтрак, а обедать, я надеюсь, вы не откажетесь со мной вечером.

И не дожидаясь ответа, князь почти выбежал из комнаты. Ананда сел к столу, читая какое-то письмо; я же был так разбит, что не мог даже сидеть, лег на диван, чувствуя, что силы меня оставляют.

– Мой бедный мальчик, выпей эту воду, – услышал я нежный голос, до того мягкий, гармоничный и любящий, что я еле признал в нем властный и металлический «звон мечей».

Вскоре мне стало лучше. Принесенный завтрак подкрепил мои силы, о чем хлопотал сам князь, собственноручно подкладывая мне всякой всячины. Когда спустя некоторое время вошел Борис Федорович, я уже и забыл, что едва спасся от обморока заботами Ананды.

Сиделка у Строганова, конечно, нашлась; и он же взялся отвезти Ольгу к знакомому Ананды, уезжавшему сегодня в Петербург. Ананда на словах просил Строганова передать уезжавшему купцу, что Ольга – горничная княгини, которую смерть сестры заставляет спешить к сиротам. Самому же Борису Федоровичу он рассказал обо всем, что случилось сегодня. Строганов долго молчал, потом тихо сказал:

– Я думал бы, что Анне необходимо навестить княгиню, когда ей станет немного лучше.

– Я не могу принять от нее этого подвига, – в раздумье отвечал Ананда.

– Нет, Анна уже не та. Теперь ей многое легко из того, что прежде стояло перед нею непреодолимой стеной. Думаю, она сама придет, лишь только узнает обо всем, – снова помолчав, сказал Строганов.

Вскоре он ушел от нас к купцу, и нам выпало, наконец, несколько мгновений отдыха и тишины. По задумчивому лицу Ананды, ставшему сейчас мягким и тихим, прошла неуловимая улыбка счастья. Точно он говорил с кем-то очень любимым, но далеким. Как много раз – при самых разнообразных обстоятельствах – я видел это прекрасное лицо и эти глаза, звонкие и, казалось, знал их. А сейчас увидел какого-то нового человека, от которого все вокруг наполнилось миром и блаженством. И я понял, что видел до сих пор только кусочки истинного огромного Ананды, как и сейчас вижу только маленький кусочек Ананды-мудреца. Но еще, никогда не видел я Ананды-принца. Каков же он, когда бывает принцем? Я тут же стал «Ловушкой-лови ворон» и опомнился от смеха Ананды, который говорил, похлопывая меня по плечу:

– Решишь в Индии этот важный вопрос. Я тебя там встречу и спрошу, какой раджа показался тебе восхитительнее меня? А сейчас вернется Борис Федорович и придет Ольга. Передай ей это письмо и скажи, чтобы подождала Строганова и ехала вместе с ним к купцу. Там ей все, скажут и покажут. И о чем бы она тебя ни просила, – передай ей только то, что я тебе сказал.

Строганов вернулся и объявил Ананде, что купец был очень рад хоть

чем-нибудь выразить ему свою признательность. Что касается сиделки, то е., привез,,т сюда, прямо к князю, старший сын Строганова.

Мо., прощальное свидание с Ольгой происходило в присутствии Бориса Федоровича. Ей, видимо, хотелось видеть Ананду, чего она всячески добивалась. Ни на один е., вопрос я не отвечал, говоря, что передаю только то, что мне поручено, и больше ничего не знаю.

После ухода Строганова и Ольги, вс., остальное время, вплоть до обеда, Ананда диктовал мне письма и деловые ответы в какие-то банки и велел внести в большую книгу пачку адресов. Во все углы земного шара летели письма Ананды. – Целый адресный стол, – невольно сказал я. – А я у тебя спрошу через десяток лет твои гроссбухи, тогда и сравним наши адресные столы, – ответил, смеясь, Ананда.

Князь сам прищ,,л звать нас обедать. Я был рад, что кончается этот сумбурный день, и нетерпеливо ждал возвращения И.

– Не знаю, как я буду и жить без вас, без И., без Левушки, – говорил печально князь, когда мы вышли на балкон.

– Я бы на вашем месте ставил вопрос совсем иначе, князь, и говорил бы: «Как я счастлив, что вы останетесь здесь, со мною, мудрец и принц Ананда», – засмеявшись, сказал я.

– Как я счастлив, каверза-философ, что тебя сейчас проберет за дурное поведение твой воспитатель.

Не успел Ананда докончить своей фразы, как я увидел И., идущего от калитки по аллее. Я бросился со всех ног ему навстречу и через минуту висел у него на шее, забыв вообще вс., на свете, не только внешние приличия.

ГЛАВА 26 ПОСЛЕДНИЕ ДНИ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ Мой добрый и дорогой друг не сделал мне замечания за невыдержанность, напротив, он нежно прижал меня к себе, ласково погладил по голове и спросил, вс., ли у нас благополучно.

Поспешившие навстречу Ананда и князь повели его прямо в комнаты Ананды. После первых же слов князя о жуликах и Ольге И. внимательно посмотрел на Ананду, потом на меня и, точно думая о ч,,м-то другом, спросил князя: – А как сейчас княгиня?

Получив подробный отч,,т о е., состоянии от князя, И., как бы нехотя, сказал:

– Это, пожалуй, может нас задержать, а между тем уже время ехать.

От настойчивых предложений князя поехать И. отказался; и тот, побыв ещ,, немного с нами, уш,,л к жене, заручившись обещанием навестить

больную перед сном.

После ухода князя И. рассказал нам, как пытались ещ., раз друзья Браццано проникнуть на пароход. Под разными предложениями, добираясь до Хавы и старшего турка, они пробовали и подкупить их, и застрашать, но каждый раз были со срамом изгоняемы.

Что же касается самого злодея, то его психология, так резко изменившаяся при сэре Уоми, вернулась на круги своя, как только некоторые его уцелевшие приспешники надели на него, требуя возврата камня, составлявшего будто бы собственность не одного Браццано, но всей их т.,мною шайки.

Браццано, бушуя, старался обратить на себя всеобщее внимание, надеясь, что, вызвав к себе сочувствие публики, он сможет ускользнуть. И. пришлось пробыть с ним в его каюте весь путь до первой остановки, так как злодей, вооруж.,нный кое-какими знаниями, взявший с собой всякие ядовитые вещи и амулеты, оказался, подталкиваемый своими помощниками, сильнее, чем И. предполагал вначале. Он пытался отравить даже самого И., так что тому пришлось снова скрючить негодяя и лишить его голоса.

Только отъехав далеко от Константинополя и, по-видимому, поняв, что возврата нет, – он отдал всю захваченную им с собой дрянь, которую И. бросил в море. При расставании с И. он ядовито усмехнулся, говоря, что насолил немало княгине и Левушке, которых уже никакие лекарства не спасут. Он уверял И., что ещ., поборется с сэром Уоми и отберет свой камень или достанет новый, не меньшей ценности.

– Вот почему я и беспокоил тебя, Ананда, своей эфирной телеграммой, хотя и был уверен, что злодей бессилен. Однако вс., то, что я услышал, заставляет меня покинуть Константинополь скорее, чем мы предполагали. Мне необходимо повидаться с Анной и Еленой Дмитриевной, с е., сыном и Жанной, потому что здесь завязался новый клубок взаимоотношений, к которым я сильно причастен. Но князя и княгиню, как это ни грустно, придется покинуть на тебя одного, как и Ибрагима.

– Не волнуйся. И., мне вс., равно пришлось бы здесь задержаться, пока Браццано не будет доставлен на место. А кроме того, моя основная задача здесь должна была состоять в отправке Анны с вами в Индию. Раз я не смог этого выполнить, – я должен влить ей энергию на новое семилетие жизни и труда. В эти годы я уже не буду иметь возможности отдать ей ещ., раз сво., время; надо так помочь ей теперь, чтобы е., верность укрепились, чтобы радость жить зажгла сердце.

Попутно я кое-что сделаю для Жанны. Вс., это я могу один. Что же

касается здоровья княгини, то здесь твоя помощь необходима. Я снесусь с дядей, а ты с сэром Уоми, – и, вероятно, придется опять применить дядин метод лечения. В данное время княгиня вс,, спит и созна,,т очень мало. Мы можем пройти к ней хоть сейчас. Непосредственной опасности нет, конечно; но от яда е,, нервная система снова расстроена.

Взяв аптечки и кое-какие добавочные лекарства, мы пошли к княгине. Князь, по обыкновению, дежурил у постели жены; и я в сотый раз удивлялся этой преданности молодого человека, вся жизнь которого сосредоточилась на борьбе со смертью, грозившей его жене.

Ананда дал проснувшейся княгине капель и спросил, узна,,т ли она его. Княгиня, с трудом, но вс,, же назвала его. Меня совсем не узнала; но при виде И. – вся просияла, улыбнулась и стала жаловаться на железные обручи на голове, прося их снять.

И. положил ей руку на голову и осторожно стал перебирать е,, волосы, спрашивая, кто ей сказал, что на голове е,, что-то надето. – Ольга надела, – совершенно отч,,тливо сказала бедняжка. Вскоре княгиня мирно спала. Обеспокоенному князю Ананда сказал:

– Сядемте здесь. Сегодня мы уже никуда не пойд,,м, надо поговорить. Память к больной возвращается – это признак хороший. Но дело ид,,т о гораздо более глубоком, и более о вас, чем о вашей жене. Для чего хлопотать о е,, выздоровлении, если она не сможет воспринять жизнь по-другому? Конечно, она во многом изменилась. Но главная ось всей е,, жизни – деньги – вс,, так же сидит в ней; вс,, так же движение всех людей, е,, самой и вас, – вс,, расценивается ею как ряд куплейпродаж. Быть может, сейчас в ней и просыпается некоторая доля благородства, – но жизни в е,, сердце, как сил и мыслей, не связанных с деньгами, – в ней нет.

Вы сами, князь, будучи полной противоположностью жене, не сможете стать ей крепкой духовной опорой, если будете стоять на месте и чего-то ждать. Есть ли что-нибудь в вашей жизни, во что бы вы верили без оговорок? Чем бы вы руководствовались без компромиссов? Видите ли вы в тех или иных идеях и установках цель вашей жизни? В ч,,м видите вы смысл существования?

Привычка жить в безделье теперь только тяготит вас. Но вс,,,, о ч,,м вы думаете, – все ваши мечты о новых сиротских домах, о приютах и школах, – это внешняя благотворительность. И она не даст вам, как и вс,, внешнее, ни покоя, ни уверенности. Вы в себе должны обрести независимость и полную освобожденность. Только тогда, когда вы осознаете всю полноту жизни внутри себя, – вы найд,,те смысл и в жизни внешней. Она станет тогда отражением вашего духа, а не таким местом, куда бы вам хотелось

втиснуть ваш дух.

Вы сумеете раскрыть – вашей любовью – какое-то новое понимание жизни своей жене. Сможете объяснить ей, что нет смерти, а есть жизнь, единая и вечная. Что смерть приходит к человеку только тогда, когда он все, уже сделал на земле и больше ничего сделать на ней не может, – а потому и бояться ее, нечего. Но это вы сможете объяснить ей не раньше, чем сами поймете. А для этого вам надо освободиться от предрассудков скорби и страха.

Лицо князя сияло, он показался мне иноком, ждущим пострига. – Я все, это понял. Не знаю как, не знаю почему, но понял внезапно, когда играла Анна. А когда стали играть и петь вы, – я точно вошел в какойто невиданный храм. И знаю, что уже не выйду оттуда больше. Не выйду не потому, что так хочу или не хочу, выбираю это или не выбираю, но потому, что, войдя в тот храм, куда вы ввели меня своей музыкой, – я умер. Тот я, что жил раньше, – там и остался; а вышел уже другой человек.

Я не знаю, как вам об этом рассказать. И слов-то таких я подобрать не умею. Только видел я дивный храм, вошел туда – горело сердце земной любовью. А ушел из храма – все, выжгло. И не то чтобы сердце стало холодно. Нет, но в нем теперь пусто, прозрачно, точно в хрустальном сосуде. И если встречаюсь теперь со страданием, – там, в том месте, где так жестоко мучился сердцем когда-то, – начинает звенеть, точно я слышу вашу песню, свободную, чистую. Я знаю, что говорю невнятно; но слов, которые бы выразили эти ощущения, я не знаю. Ананда, не спускавший с князя глаз, тихо спросил: – Если бы сейчас ваша жизнь вновь переменилась, и вам ответило бы в груди знойное, страстное сердце, – что бы вы выбрали?

– О, нет; я сказал: у меня нет выбора. Я теперь очень счастлив. Я говорил с сэром Уоми, и он сказал мне, что пути людей разные. Но что мой путь – путь радости. Там, где иные достигают, страдая годы, иногда и века, я прошел в одно мгновение – так сказал мне сэр Уоми. Он велел мне, Ананда, ждать, пока вы сами не заговорите со мной. Велел молчать, неся свое, счастье жить каждый день, представляя, что в руках у меня самая дорогая чаша из цельного, сверкающего аметиста, в которой лежат ровные жемчужины радости.

Этот брошенный мне образ, с которым я просыпаюсь утром и засыпаю вечером,

– я храню в памяти так осязаемо, как будто руки мои действительно несут чудесную чашу. И вам, Ананда, только вам одному, я обязан этим дивным и внезапным счастьем. Когда я увидел Анну, – я понял, что погиб. Я полюбил ее, сразу, без вопросов, без рассуждений, без борьбы. Полюбил

без всяких надежд, всей знойной страстью земли... Я знал, кого любила Анна... А голос ваш указал мне путь в иной мир; в мир, где живут, любя вс,, существующее так, что забывают о себе. Я пережил какое-то преобразование; но как и почему оно совершилось – я не знаю. Я стал свободным и счастливым.

Ананда, вы заговорили, – я ждал этого часа. Научите меня теперь трудиться и жить для людей творчески, неся им истинную помощь. И первая, – она, – указал он на жену. – Я думал когда-то спасти е,,; а вышло, что едва не погиб сам.

– Нет, друг, вы спасли е,,. И если я молчал, – то не потому, что подвергал вас испытанию. А потому, что не хотел прикасаться к вашему новому и чудесному видению, пока оно в вас не окрепло, пока не стало вашим сокровищем любви. Той частицей вечности, которая просыпается в человеке и делает его истинно живым; то есть раскрывает все силы и духа, и тела как гармоничное целое, как его высшее «я»...

Я остаюсь здесь, у вас в доме – если позволите, – ещ,, несколько месяцев, Я буду ежедневно видеться с вами; и с радостью поведу вас тем пут,,м любви, которым вели и ведут меня мои старшие братья.

Князь низко поклонился Ананде. Тот, улыбаясь и обняв его, подв,,л его к больной, дал ему нужные наставления, сказал, что беспокоиться о жуликах больше нечего, – и мы, простившись с князем, вернулись в наши комнаты.

Необычайная речь князя, его сиявшее и словно иноческое лицо произвели на меня такое сильное впечатление, что, возвратясь, я немедленно превратился в «Л,,вушку-лови ворон» и только и видел князя держащим аметистовую чашу в руках. А воображение немедленно наградило его белым хитоном из такой же материи, какую подарил Али моему брату в день пира. Этот образ князя – рыцаря с чашей – заморозил меня. Я уже примеривался и сам к такой же жизни и уже готов был выбрать себе зел,,ную чашу, в честь моего великого друга Флорентийца, как услышал вес,,лый смех и ласковый голос И.:

– Левушка, уронишь аптечку, и все пилюли Флорентийца попадут не в чашу, а на пол. Я опомнился, озлился и почти с досадой сказал: – Как жаль! Вы разрушили дивный образ, за которым я мог сейчас далеко уйти. И что особенно неприятно и непонятно: как это получается? Неужели на моей несчастной физиономии так и рисуется вс,, о ч,,м я думаю?

Ведь знаете. И., – продолжал я жалостливо, – иногда мне так и кажется, что моя черепная коробка раскрывается под вашими взглядами и кто-либо, вы или Ананда, или сэр Уоми читаете там, что вам хочется, а

затем коробка закрывается.

Оба моих друга ласково усадили меня на диван между собой, и И. стал рассказывать, как тосковал капитан в разлуке со мною и со всеми нами. Ему казалось, что он никогда больше не встретится с нами; и только категорическое обещание И., что он всех нас еще, не раз увидит, а мои слова о верности дружбы станут когда-то действием, – его несколько успокоили. И. спросил Ананду:

– Как думаешь ты повести дальше Анну? Неужели и теперь ты будешь принимать на себя двойные удары? И предоставишь Анне ждать, пока у не,, внутри что-то само собой созреет? Пока, по е,, выражению, она будет чувствовать, что у не,, «что-то, где-то не готово»? А на самом деле это ведь только лень и небрежность, которыми прикрываются малодушие и шаткость, отсутствие истинно ученической веры и верности. Если бы она шла рука в руку и сердце к сердцу с тобой, – она давно бы не только вырвалась из условных сетей быта, но и повела бы других за собой.

– Ты прав. Я думал, судя по тебе и немногим другим, – что путь свободного самоопределения и лучший, и наиболее легкий, и самый короткий. Я не учел всех индивидуальных свойств Анны и сам виновен, что принял на себя е,, обет беспрекословного повиновения.

Культурность, очевидно, не равнозначна духовной интуиции. Закрепощенный умственно строптивец никак не может перескочить через кажущуюся условность восприятия жизни земли и неба как единой живой жизни. Имея столько осязаемых земных даров, Анна с трудом переходит к осязаемой мудрости.

– Здесь все,, еще,, носится какой-то мерзкий запах, – сказал я. – У меня голова идет,,т кругом...

Приш,,л я в себя только на следующий день и первым увидел И., разговаривающего с какой-то женщиной. Присмотревшись, я узнал Анну.

Она, как всегда прекрасная, удивила меня теперь своей печалью, тоской, какой-то мукой разочарования, разлитой по всему е,, существу, точно е,, пришибло что-то.

– Неужели я причинила бы такое горе Ананде, отцу, сэру Уоми, если бы знала все,,? Мне показалось, что Ананда просто невлюбил Леонида и потому велел сжечь феску и брелок, которые мальчику дал Браццано. Братишка дорожил ими, – я пожалела его. Что же тут особенного? Я ведь только была милосердна к ближнему. Зачем было не объяснить мне всего вовремя?

– Так выходит, что не вы были причиной собственных и чужих несчастий, а друг ваш Ананда, открывший вам, по вашему же выражению,

«небо на земле»?

Скажите, женщина, если бы вы стояли у алтаря с любимым и клялись ему в верности до гроба? Сдержали бы вы свои клятвы хотя бы здесь, на земле? А вы ведь отнюдь не слепая женщина, бредущая по земле и знающая только ту религию, что учит: «упокой со отцы». Вы знали живую Жизнь, учащую, как жить на земле в Свете. Не клятву у алтаря давали вы Ананде; вы получили от него Свет, чтобы слиться с ним и стать Светом на Пути другим людям. Где она, ваша верность? Вы послушались первого же приказания и требуете разъяснений, объяснений, рассуждений? В ч.,м состояло ваше представление о радости служить человеку, открывшему вам живое небо в каждом и в вас самой? Он приобщил вас к труду вечной памяти о свете и любви, – но ваше поведение, ваша строптивость, ревность, невыдержанность, – разве отличались вы от любой обывательницы, считающей себя перлом создания.

– Я понимаю, что нарушила первое правило верности: закон беспрекословного повиновения. Я понимаю, что была горда, возможно суетна, но...

– Но мало понимаете, что и сейчас бред,,те ощупью, потому что в вас нет истинного смирения, – перебил е,, И. – Смирение – это не что иное, как незыблемый мир сердца. И он приходит к тем, кто знает сво,, место во вселенной. Чем больший мир нес,,т в себе человек, идущий по земле, – тем дальше и выше он видит. А чем дальше видит, – тем вс,, больше понимает, как он мал, как немного может и знает, какой длинный путь у него впереди.

Ананда никогда и вида вам не подал, сколько принял страданий изза вас. И вам никак не понять его. Вы пребываете в бунте и волнениях, потому и не можете видеть, что он вас благословил за каждое страдание, радовался возможности принять его на себя, надеясь скорее помочь вашему освобождению. Вы же, видя его неизменно радостным, как бы не замечавшим упр,,ка в ваших глазах, стали ревновать и сомневаться... Вы знаете, к чему это вас привело. Анна, закрыв лицо руками, плакала. – Анна, – закричал я, – не надо плакать. Я утону в ваших слезах! Не должно быть, чтобы душа, дающая такую радость людям, как ваша, так часто погружалась в сл,,зы! Вы не знаете, что Ананда принц и мудрец. А я знаю, – мне И. сказал. Я видел раз, как он был прекрасен и тих до невозможности это вынести; божественно прекрасен! Разве можно плакать, зная и любя Ананду?

Но на последних словах я стал задыхаться и опять пожаловался И. на зловонный запах.

И снова очнулся я утром, на этот раз совершенно крепким, и сразу

понял, что лежу на диване в комнате Ананды и он сидит возле меня.

– Ну, наконец, каверза-философ. Задал же ты нам хлопот, разбойник! Анна целую неделю тебя выхаживала, не уступая места никому. Вставай, пора окрепнуть и уезжать. Вот тебе письмо от Флорентийца.

Лучше всяких пилюль подействовало письмо. Я мигом был готов и уселся его читать.

«Мой милый друг, мой славный оруженосец Левушка, – писал Флорентиец. – Твоя жизнь, кажущаяся тебе запутанной, – проста и ясна, ровно так же, как чисто и верно твоё, юное сердце. Я постоянно думаю о тебе, и для меня не существует между нами расстояния. Чтобы каждый день прижать тебя к сердцу и послать тебе всю помощь и поддержку моей любви, мне надо только знать, что верность твоя следует за моею неуклонно.

Сейчас тебе кажется, что ты откуда-то вырван, чего-то лишён; но скоро, очень скоро ты поймёшь, какое счастье встретил ты в жизни и как редко оно выпадает человеку.

Как бы ни казались тебе мелки и пусты люди, а их беды и горести малы и ничтожны, – никогда не суди их и не чувствуй себя большим среди маленьких, если они тебе жалуются.

Вспомни, каким страшным и несоизмеримым казалось тебе различие в наших с тобой знаниях и духовной культуре! Однако тебя не подавляло моё, мнимое величие! Ты радовался, живя со мной. А я не чувствовал в тебе ничего, кроме этой радости; и меня так же радовало, что есть ещё одна душа, которой светит моя любовь.

Встречаясь с людьми, – не думай, как плохо они живут, как не задохнутся в атмосфере удушливых страстей. Думай обо мне; думай о том, как дать им через себя живую и укрепляющую струю моей любви и радости, которые я тебе ежеминутно посылаю.

Думая так, ты будешь всюду трудиться вместе со мной. Ты будешь очищать вокруг себя пространство своею чистой мыслью. Ты всегда найдёшь силы пройти мимо многих драм и трагедий, создаваемых человеческими страстями; и не только не запачкаешься сам, но и остановишь других силой чистой мудрости, что несёшь в себе.

Быть может, какой-то период времени тебе придется жить среди людей низкой культуры; среди людей, не имеющих знаний и даже не предполагающих, что можно жить не лицемеря. Не считай себя невинно страдающим, закабалённым такими печальными обстоятельствами. Усматривай в них нужные тебе – твои собственные обстоятельства, – через которые тебе необходимо пройти, чтобы в себе самом найти стойкость

чести и высокое благородство.

Иди смело рядом с И., живи с ним так же рука в руку и сердце к сердцу, как идешь со мной. Пересылаю тебе письмо брата, обнимаю тебя, благословляю и шлю привет моей верности.

Твой вечный друг Флорентиец».

Не знаю, чем я был больше тронут: письмом ли Флорентийца, заботами ли окружавших меня друзей, – только встал в моих глазах образ Флорентийца с цветком чудесной лилии, – и показалась мне жизнь чем-то великим, нужным, ценным; таким еще, ни разу не рисовалось мне величие земного пути человека.

Я вынул письмо брата, и слезы потекли у меня из глаз при виде дорогого почерка брата-отца, которого я так давно не видел.

– Ты что, Левушка? – услышал я голос Ананды и почувствовал его руку на своей голове.

– Не беспокойтесь, – беря его руку и прижимая к ней, сказал я. – Просто так давно не видел почерка брата, что не могу совладать с волнением. Но я совершенно здоров.

– Мужайся, друг. Жизнь рано дала тебе зов. Стремись отвечать ей не как мальчик, а как мужчина.

Он сел за прерванную работу, я же стал читать письмо, сразу вернув себе самообладание.

«Давно уже расстались мы с тобой, мой сынок Левушка. И только теперь каждый из нас может оценить, чем были мы на самом деле друг для друга и каково было влияние каждого из нас друг на друга.

Расставшись со мной и вынеся из-за меня столько испытаний, лишь теперь ты можешь сказать, любил ли и любишь ли ты меня. Только теперь, оставшись один, ты можешь решить, хороши или дурны были те заветы, на которых я старался воспитывать тебя.

Что касается меня, то, попав в непривычный для меня мир людей и идей, я почувствовал, как я плохо воспитан, как мало я знаю и какую огромную работу самовоспитания и самодисциплины мне придется начинать».

Дойдя до этого места, я вскочил со стула, забегал по комнате, схватившись за голову и крича:

– Да ведь это же невозможно! Брат Николай – невоспитанный человек!? Это бред!

Вошедший И. уставился на меня своими топазовыми глазами и сказал:

– Левушка, тебе приснились козлы?

– Хуже, И., хуже! Читайте сами, вот здесь. Ну, есть терпение

выдержать?

– Ты, я вижу, так же приготовил в сво,,м сердце место для чтения письма брата, как ты готовил его для писания письма капитану! Как ты думаешь? Сейчас ты радуешь Флорентийца?

Я вздохнул и пош,,л на сво,, место, снова взявшись за письмо и поражаясь, на какое короткое время хватило моего самообладания, казавшегося мне таким цельным и тв,,рдым.

«Если бы у меня была малейшая возможность, – читал я дальше, – я бы выписал сюда моего дорогого Левушку, о котором думаю постоянно и без которого в сердце мо,,м жив,,т иногда беспокойство. Мне порою кажется, что тебе бывает горько. Ты считаешь, что я, брат-отец, покинул брата-сына и живу так, как хочу, как выбрал и где тебе нет места.

Но если я виноват в личной привязанности, в личной дружбе и тоске по другу, то это по тебе, Левушка.

Твои успехи, твоя жизнь мне дороже моей. И как я признателен милой Хаве, приславшей мне твой рассказ. Я скрыл от тебя, что пишу сам. Скрыл, чтобы не давить на тебя, чтобы ты сам выработывал сво,, мировоззрение, независимо от меня, свободно ища не гармонии со мною, а сво,, собственное движение в гармонии с жизнью.

И ты порадовал меня. Я ждал всегда от тебя вещи талантливой. Но ты дал в первой же черты художественной высоты и мудрость не мальчика, а большого, тв,,рдого сердца, которому близок гений.

Моя жена шл,,т тебе привет и надежду на скорое свидание. Ей тоже, не меньше моего, приходится перестраиваться в новой жизни. Но как женщина она делает это проще и легче. А как существо, принадлежащее какой-то высшей расе, – выше и веселее.

Смейся, Левушка, больше. Не печалься разлукой. Я знаю, какая глубина любви и верности жив,,т в тво,,м сердце. Поэтому я не говорю тебе о благодарности людям, спасшим нам с тобой жизнь. Я говорю только: смотри на их живой пример и ищи в себе все возможности расти, чтобы когда-нибудь идти по их следам, держа разделитель их труд.

До свидания. Я не придаю значения письмам, я знаю и верю, что я живу в сердце брата. Но буду рад увидеть твой полудетский почерк, которым ты был в силах написать вещь, утешившую много сердец. Твой брат Н.».

Должно быть, я долго ловиворонил.

– Что же, Левушка, теперь, может быть, расскажешь толком, что тебя ввело в исступление? – поглаживая меня по голове, сказал И.

Я протянул ему оба письма, не будучи в силах ни говорить, ни

двигаться. Я точно был сейчас с братом Николаем, видел его и Наль, и они оба кивали мне головами, весело улыбаясь. И. сел подле меня, прочитал оба письма и сказал:

– Очень скоро, уже на этих днях, мы с тобой уедем отсюда. Поедем не морем, чтобы ты мог увидеть чужие страны и народы.

Здесь у нас останется одно только существо, о котором нам с тобою надо особенно позаботиться, – это Жанна. Все остальные – так или иначе – добредут до равновесия и научатся стоять на своих ногах. Жанне же надо постараться сделать временные костыли, пока Анна и князь не помогут ей вырваться из сетей е,, собственной невоспитанности и бестактности.

– Ах, Лоллион, мне даже слышать мучительно стыдно, когда вы говорите: «нам с тобой». Я каждую минуту попадаю впросак сам, ну хоть вот сию минуту! Но – признаться ли – несмотря на всю нелепость своего поведения, на всю смешную внешнюю сторону, я внутри вс,, чаще и чаще испытываю какой-то восторг.

Я так счастлив, что живу подле вас! И слова Флорентийца о том, что мне кажется, будто я вырван откуда-то и что-то потерял, – это уже мо,, «вчера». А мо,, «сегодня» – это какое-то просветл,,нное благоговение, с которым я принимаю сво,, счастье жить подле вас каждый новый день.

Я хорошо понимаю, о ч,,м хотел сказать князь. Но внутри меня звенит не пустое сердце, как он выражается. Наоборот, моя любовь такая горячая, такая знойная! Иногда мне кажется, что даже физически разливаются вокруг меня горячие струи моей любви.

– Вот и пойд,,м с тобою к Жанне; и неси ей эти струи. Неси, не думая о словах, какие скажешь. Думай только о руке Флорентийца и его силе, которую тебе надо ей передать. Это ничего, что сам ты – как таковой – бываешь шаток и слаб и теряешь в мыслях связь с ним. Лишь бы в сердце тво,,м всегда сиял его образ. Ты всюду сможешь принести его помощь, если верность твоя не поколеблется. И никто не ждет, что сегодня ты станешь ангелом или святым. Но всякий мудрый знает, что на чистое и бесстрашное сердце он может положиться. Чистое сердце это тот путь, по которому мудрец может послать свой свет людям.

Вошедшему Ананде мы сказали, что отправимся сначала в «Багдад», а затем зайд,,м в магазин к Жанне как раз к обеденному перерыву. Ананда подумал и ответил:

– Хорошо, Анна по обыкновению прид,,т сюда в перерыв. Я переговорю с нею и, может быть, тоже приду в магазин. Но лучше я подожду вас здесь, нам придется заняться лечением княгини.

Мы расстались, и к началу перерыва были на месте. – Как я счастлива

видеть вас, – вскрикнула Жанна. – Как будет жалеть Анна. Она только что пошла с отцом к вам.

– Анна жалеть не будет; у не,, дел немало и без Левушки, – сказал И. – А вот вы, конечно, сейчас будете плакать.

– И вовсе не буду, доктор И. Я теперь стала такая жестокая, что слезы не выроню ни о ком и ни о ч,,м. За последнее время я видела столько горя, что сердце у меня стало грубое, как этот медный чайник, – указывая на довольно безобразный пузатый чайник, почему-то стоявший на изящном столике, сказала Жанна.

– Неужели же, Жанна, вс,, что вы видели от людей за последнее время, вы можете назвать жестокостью? – в ужасе спросил я. Жанна опустила глаза, и на лице е,, появилось выражение тупого упрямства, какое бывает у балованных и недобрых детей. Я поражался, как может подниматься со дна души Жанны на поверхность вс,, самое плохое, что там лежит? И именно сейчас, когда люди несут ей вс,, лучшее, что есть в их сердцах? Я знал, как много добрых качеств в этой душе, и терялся в догадках, что могло стать причиной е,, ожесточения.

И. молчал, и какое-то чувство неловкости за Жанну охватило меня. «Неужели она не ощущает, какое счастье для не,, как и для всякого другого, сидеть вместе с И.?» – думал я. Я и представить не мог, как можно не сознавать той высокой мудрости, которая шла от И., и не переживать е,, как счастье.

– Как вы считаете, Жанна, не следует ли вам сходить к княгине и поблагодарить е,, за заботы о ваших детях? – спросил И. тихо, но тем ч,,тким и внятным голосом, который – я знал – нес,,т в себе целую стихию для человека, к которому обращен.

Выражение упрямства не сходило с е,, лица, и она ответила капризно, с досадой, как будто бы к ней приставали с чем-то незначачим и нудным:

– Не просила я никого заботиться о моих детях; позаботились – как сами того хотели, ну и баста.

Я онемел от изумления и не смог вмешаться в разговор. Я никак не ожидал от Жанны подобной вульгарности.

– А если завтра жизнь найд,,т, что неблагодарных следует вернуть в их прежнее положение? И вы снова очутитесь на пароходе с детьми, без гроша и без защиты добрых людей? – пристально глядя на не,, спросил И.

Жанна, как бы нехотя, лениво подняла глаза и... задрожала вся, умоляюще говоря:

– Я и сама не рада, что вс,, бунтую. Меня возмущает, что меня все учат, точно уж я сама ничего не понимаю. Мои шляпы уже прославились на весь

Константинополь; ведь это что-нибудь да значит? Не могу же я и детей воспитывать, и дело вести, и, наконец... жизнь не только в детях? Я хочу жить, я молода. Я француженка, мы рано привыкаем к открытой жизни. Я хочу ходить в театры, рестораны, а не дома вс., сидеть, точно в монастыре, – говорила возбужденно Жанна.

– Давно ли вы изменили ваши взгляды? На пароходе вы говорили мне, что готовы всю жизнь отдать детям, борясь за их жизнь и здоровье? – глядя на не,, продолжал И.

– Ах, доктор И., что вы вс., поминаете этот пароход? Ведь уж это вс., было давно; так давно, что я даже и забыла. Меня дамы приглашают к себе, хотят познакомить с интересными кавалерами, а вы мне вс., о детях. Не убудет же от них, если я повеселюсь! – протестовала Жанна, досадливо кусая губы.

– Нет, быть может, им будет даже лучше, если они и вовсе не будут жить с вами. Но вам, неужели вам кажется прекрасной та рассеянная жизнь, о которой вы мечтаете? Неужели в детях вы видите только помеху?

– Я вовсе не скрываю, что очень хотела бы отправить детей к родственникам. Я их очень люблю, буду, верно, скучать без них; но я не могу сделаться хорошей воспитательницей. Я раздражаюсь, потому что они мне мешают.

– Дети ведь теперь постоянно живут у Анны. И если вам приходится их видеть, то не потому, что вы зов,,те их, а потому, что они хотят видеть вас. Они бегут к матери и, награжденные сначала поцелуями и сладостями, а потом шлепками, возвращаются к Анне, говоря няне: «Пойд,,м домой». Вам их не жаль, Жанна? Не жаль, что дети называют домом дом чужой им Анны?

– Вы хоть кого довед,,те до сл,,з, доктор И. Неужели только затем я так ждала вас и Левушку сегодня, чтобы быть довед,,нной до сл,,з?

– Я, я, я – только эти мысли у вас, Жанна? Вы ни одного лица чудесного, доброго, светлого не запомнили за это время? Образ сэра Уоми не запечатлелся в вашем сердце? – спрашивал тихо И.

– Ну, сэр Уоми! Сэр Уоми – это фантастическая встреча! Это святой, который вышел в грешный мир на минутку. Это так высоко и так – вроде как до Бога – далеко, что зачем об этом и говорить? Он вышел, как улитка показал свои рожки и скрылся, – опустив глаза, тоном легкомысленной девочки болтала Жанна.

Я думал, что грозовая волна от И. ударит Жанну и разнес,,т е,, в куски. Его глаза, расширившиеся, огромные, металы молнии, губы сжались, прожигающая насквозь сила точно хотела вырваться наружу, но... он

сделал какое-то движение рукой, помолчал – в полном самообладании – и ласково сказал:

– На этих днях мы с Левушкой уезжаем. Вероятно, сегодня вы видите нас в последний раз наедине, когда мои разговоры, так вас тяготящие, могут касаться дорогих вам людей. У Анны дети жить долго не могут. Она прекрасная воспитательница, но у не,, – иные сейчас дела и задачи.

Если жизнь, которую рисует вам Леонид, так для вас заманчива, – идите, наслаждайтесь страстями. Но – уверен – как горько когда-нибудь вы зарыдаете, вспомнив эту минуту! Когда осознаете, что стояло перед вами, кто был подле вас и как вы сами вс,, отвергли...

Любовь – это не та чувственность, которая сейчас разъедает вас и в которой вы думаете найти удовлетворение. Но вс,, равно. Что бы я ни сказал вам теперь, вы – слепая женщина, слепая мать. Как слепа та мать, которая видит в жизни одно блаженство – в «моих детях» – и портит их своей животной любовью, так слепа и та, что не видит счастья сберечь и вывести в жизнь порученные ей души, для которых она создала тела, – обе одинаково слепы, и никакие слова их не убедят.

Отправлять ваших слабых здоровьем детей к родственникам, где жизнь груба и где о них будут заботиться не больше чем о собаках или курах, – нельзя. Если они вас стесняют, я могу отправить их в прекрасный климат, в культурное семейство, где есть две воспитательницы, отдающие этому делу и любовь, и жизнь.

Но этот вопрос должен быть решен при мне, пока я здесь, и увез,,т их Хава, для которой я прошу у вас крова на несколько дней. Завтра мы зайд,,м к вам, и вы скажете нам, что решили. А вот и Анна, – нам пора уходить.

Анна, видимо, торопилась, учащ,,нно дышала и была бледна от жары.

– Как я рада, что застала вас, – здороваясь с нами, сказала она. – Но что это с вами, И.? Вы, право, точно Бог с Олимпа, прекрасны, но гневны. Я ещ,, ни разу не видела вас таким. – Она обвела нас всех глазами, снова посмотрела на И. и вздохнула.

– Я рада, что вы здоровы, Левушка, – обратилась она ко мне. – Но неужели вы оба уедете раньше, чем верн,,тс, Хава?

– Хава будет здесь завтра; она свою задачу выполнила так, как только и могла е,, выполнить воспитанница сэра Уоми, – ответил И. – Я просил у Жанны приюта для не,, на короткое время. Дети, Анна, не могут оставаться у вас. Если Жанна не передумает, – Хава отвез,,т их в семью моих друзей.

– Как? – вне себя, бросаясь к Жанне, закричала Анна. – Вы хотите отдать детей? Но вы не сделаете этого, Жанна! Ведь вы сейчас в своей капризной полосе! Это пройду,,т, опомнитесь.

– Я именно опомнилась. Я совсем не хочу в монастырь, как вы. И раздумывать много не желаю. Я отдаю детей вам, доктор И. Хава может увезти их хоть завтра, – холодно сказала Жанна, поражавшая меня вс,, больше. Я не узнавал прежней Жанны, милой, ласковой.

– Жанна, ведь вы на себя наговариваете! Это только ваше слепое упрямство, а завтра будете плакать, – настаивала Анна.

– Не буду и не буду плакать! Что вы все ко мне пристали со слезами? Вы воображали, доктор И., что я буду оплакивать разлуку с Левушкой? Нет, я уже поумнела! – перешла Жанна на вызывающий тон.

– Когда жизнь будет казаться вам невыносимой, когда будете обмануты, брошены и унижены, – оботрите лицо тем пологом, что я вам повесил, – ласково, печально сказал И. Обратитесь тогда к князю как к единственному другу, в сердце которого не будет презрения и негодования. Не забудьте этих моих слов. Вот единственный завет любви, который я могу вам оставить. Не забудьте его.

Голос И., когда произносил он эти последние слова, зазвучал точно колокол. Мне вдруг почудилось, что подле пронеслось что-то грозное, бесповоротное, что положило Жанне на голову венки не из роз, о которых она так мечтала, а из терниев, ею же самой сплет,,нный.

Я снова вспомнил, что говорил капитан о Жанне. Сердце мо,, разрывалось, глаза были полны сл,,з. Я глубоко поклонился ей и в первый раз не притронулся, прощаясь, к е,, крохотным ручкам. Я хотел бы встряхнуть е,, обнять, образумить; но сознавал, что сил моих не хватит даже на то, чтобы поддержать е,, мужеством. Я горько плакал, когда И. выводил меня из магазина, перед которым уже остановилась коляска с нарядными дамами.

Только спокойствие и мужество И. помогли мне вспомнить о Флорентийце, мысленно уцепиться за его руку и остановить рвущиеся из груди рыдания. Мне казалось, что Жанна закусил удила, и вс,, лучшее в ней скрылось под мутью наболевшего сердца. Точно кривое зеркало отражало для не,, теперь мир, людей, пряча вс,, прекрасное под пошлостью и злобой.

Когда мы вошли к Ананде, он ни о ч,,м не спросил, только сказал, по обыкновению залезая в мою черепную коробку:

– Отдели временное и уродливое от вечного, неумиряющего. И поклонись страданию человека и той его муке, которая останется с ним, когда страсти завянут и спадут, как шелуха, и он увидит себя в свете истины. Он ужасн,,тся и будет искать свет, который когда-то ему предлагали. Но путь к свету – в самом человеке. Научить этому нельзя.

Сколько ни указывай, где светло, – увидеть может тот, в ком свет внутри.

Скорбеть не о чем. Помогает не тот, кто, сострадаая, плачет, а тот, кто, радуясь, отдаст улыбку бодрости страдающему, не осуждая его, но его положение.

Через некоторое время к нам вошел князь, сказав, что княгиня отдохнула после ванны, лекарства ей даны, и мы можем начинать лечение.

Ананда и И. были сосредоточены. Они коротко отдавали мне приказания. Мы переоделись в белые костюмы, и я принес запечатанный пакет с халатами и шапочками, который мы должны были вскрыть у княгини и там же надеть на себя его содержимое.

Я ни о чем не спрашивал, но чувствовал, что оба моих друга видят в предстоящей операции что-то очень серьезное и трудное.

Княгиня была беспокойна, на щеках ее горели пятна, ванна, видимо, ее утомила.

Ананда велел сестре приготовить бинты, просмотрел приготовленные заранее лекарства и дал больной каплю. Когда она уснула, он сделал ей три укола и какой-то большой иглой довольно долго вливал в вену сыворотку темного цвета.

Когда рука была забинтована, он велел мне все убрать, сел возле кровати и сказал князю:

– Через два часа у нее начнется бред, поднимется температура, ее будет лихорадить. К утру все утихнет, больная будет часто просить пить. Давайте это питье по глотку, но не чаще чем через двадцать минут. Можете вы сами точно все исполнить? Если появятся тошнота или боль, – пошлите за мной, но сами не отходите от больной. Так вместе с сестрой и сидите, не отлучаясь из комнаты. Думаю, что все будет хорошо, и я сам приду без зова вас проведать.

Простившись с князем, мы пошли к себе; но Ананда увел нас в свои комнаты, где предложил разместиться по-походному.

Мысли о Жанне не покидали меня. Я перечел еще раз письма брата и Флорентийца, приложил к руке моего великого друга, моля его о помощи, и лег спать – в первый раз за все это время не примиренный и не успокоенный.

Не помню, как заснул в этот раз. Но помню, что я поражаюсь спокойному и даже торжественному выражению лица И., который сидел за столом, разбираясь в каких-то записках.

Утром, часов около семи, Ананда вышел из своей комнаты, говоря, что пройдет к больной один, а если мы ему понадобится, – пришлет за нами.

Я был бы не прочь еще подремать, но И. встал мгновенно. Это меня

устыдило, и я тоже отправился в душ, думая о том, что ни разу не видел больным ни И., ни Ананду. Чем и как были закалены их организмы? Я этого не знал и очень сожалел, что до сих пор не выполнил указаний о занятиях гимнастикой и верховой ездой.

Мы с И. вышли в сад и хотели пройти в беседку, но тут встретили князя, звавшего нас к Ананде.

– Я вас позвал, чтобы вы полюбовались княгиней, – весело встретил нас Ананда на пороге комнаты.

Княгиня лежала, вернее, полусидела, посвежевшая, помолодевшая и такая бодрая, какой я е,, ещ,, не видел. Зато у князя вид был усталый, и только его сиявшие глаза говорили, как он счастлив.

Поздравив княгиню с выздоровлением, И. сказал князю, чтобы он немедленно отправлялся спать, так как больная может быть оставлена на сиделку. А вечером, за обедом, мы встретимся: у нас есть к нему просьба и большой разговор.

Князь обрадовался, сказав, что для него двойная радость, если он может быть нужен И., и мы расстались до вечера.

Втро,,м мы вышли из дома, выпили кофе у приятеля-кондитера и расстались с Анандой, который пощ,,л по своим делам, принявшим теперь совершенно иной оборот. Ни разу Ананда не сказал о сво,,м разочаровании в связи с расстроившейся его поездкой в Индию. Ни разу что-либо похожее на досаду, что было бы так обычно для любого человека, которому осложнили жизнь, не мелькнуло в н,,м. Если имена Анны, Генри, Ибрагима и упоминались им, то только в связи с ласковым состраданием к их судьбе и уважением к их несчастью.

Не раз я думал, как бы горевал, досадовал и обвинял того, кто встал бы препятствием на мо,,м пути и нарушил мои планы. И тут же, вспомнив вс,, что перен,,с за это время, я понял, что малому научился, несмотря на все передраги.

– Что задумался, Левушка? Ведь ты, пожалуй, даже и не знаешь, куда мы сейчас ид,,м? – очнулся я от голоса И. – А между тем мы подходим к цели. Сейчас будем у Строгановых. Мы, вероятно, застанем Елену Дмитриевну с Леонидом за завтраком, – и это будет наш прощальный визит.

Мы действительно застали мать и сына за едой и беседой и, похоже, не очень для обоих приятной. Узнав, что мы уезжаем, Строганова встревожилась. – Неужели и Ананда едет тоже?

– Нет, он пока оста,,тся. Но почему вы так встревожены? – спросил И. – И почему у Леонида вид упорствующего и воинствующего дервиша?

– Если бы речь шла о монашеской секте, мне было бы много легче, – ответила мать. – Не было бы женщины, замешанной в этом деле. А сейчас, – что же от вас скрывать? Вбил себе в голову мальчишка, что ему надо жениться на этой смазливой французской кукле!

Только прикосновение И. к моей руке помогло мне смолчать. Точно оса укусила меня в сердце.

– Представляете себе? Двое детей и мамаша сядут нам на шею, – возмущенно продолжала Строганова.

– И вовсе не будет с нею детей, – вмешался Леонид. – Она их отправит к родственникам.

– И просто в толк не возьму, чем она тебя околдовала? И когда это вс., совершилось? Ведь это гипноз какой-то! – бурлила мать, точно кипящая кастрюля.

– Ну что тут, мама, разбирать, когда да что? Хочу – и баста! Сказал – женюсь на ней, – и чем больше будешь противоречить, тем скорее женюсь, – возражал любимчик.

– На что же вы будете жить? Ведь она нищая! Значит, опять я должна вас содержать? – заявила мать, и в е., голосе послышалось слезливое раздражение.

– Мой капитал лежит нетронутым, – отвечал сын. – Это – раз. А ввторых, я уже вс., обдумал. Я буду хозяином магазина, а Анну мы оттуда попросим. Этой святоше там не место. Пусть учит музыке, где хочет и кого хочет. В магазине она только отпугивает клиенток своей постной физиономией.

– Час от часу не легче, – вскричала в последней степени раздражения Строганова. – Тебе учиться надо. Я мечтала о дипломатической карьере для тебя, а не о купеческой доле.

– Мало ли о ч.,м ты с Браццано ни мечтала? Если бы все твои мечты сбылись, ты, наверное, была бы принцессой. Но пришлось тебе остаться женой купца, – съязвил любимый сынок.

Леонид говорил небрежно, свысока, как разговаривают опытные люди с теми, кто мало понимает жизнь. Он встал и, оправляя жилет и галстук перед зеркалом, продолжал:

– Я с тобой вовсе не советуюсь, мать, а просто сообщаю о своей женитьбе. Если тебе неприятно, что моя жена будет жить в тво.,м доме, – хотя, признаться, он общий, по воле отца, – я перееду к ней. Я вижу первую для себя возможность легко стать богатым и самостоятельным. Деньги, потраченные отцом на оборудование магазина, он мне подарит. А Жанну я выведу в свет, и скоро у нас будет не один, а десять магазинов. Поработает

у меня ж,,нушка! – и Леонид захохотал.

Я еле сдерживался и отказывался представить, чтобы Жанна, милая Жанна попала в лапы этого паука.

– Хорошенькое дельце! Ни один из моих сыновей не женился так, чтобы жена принесла в дом меньше двадцати тысяч! Да ещ,, и тряпок немало. А ты? Нищенку привед,,шь? – фыркала мать.

– У Жанны есть капитал в тридцать тысяч, – спокойно сказал И. – И невеста она – если уж разбирать е,, с этой стороны – более завидная, чем ваши невестки. У не,, есть талант, и ремесло е,, может обеспечить ей жизнь. Тогда как ваши дамы, кроме как мерить новые платья, ничего больше не умеют. И дело вовсе не в том, достойна ли Жанна чести войти в ваш дом. А достоин ли ваш сын чести быть мужем этой женщины? И... достойно ли сами говорите сейчас о той, которую ещ,, недавно вы ласкали, задаривали и называли своей любимицей? Что изменилось в ней, чтобы так переменялось ваше отношение к ней, Елена Дмитриевна? – глядя в глаза Строгановой, закончил И.

– Может быть, в ней ничего и не менялось. Но разница ведь: видишь ли ты в женщине просто забавную приятельницу, умеющую сделать чудесную шляпу и чепец, или жену своего сына?

– Я, мама, никогда не спрашивал, что тебе нравилось в твоих кавалерах. Мы ведь здесь взрослые люди. Предоставь мне самому решать, что мне может нравиться в женщинах. Жена – это совершенно особая штука. Тут надо выбирать рабу, – выпалил Леонид.

Я хотел вскочить и убить этого негодяя, который ещ,, совсем недавно имел такой ужасный вид. Теперь он нахально любовался в зеркале своей завитой и напوماженной головой, т,,мными усиками и выпуклыми, стеклянными глазами, серо-голубыми, бессмысленными, наглыми.

– Откуда вы, Леонид, взяли, что Жанна согласна выйти за вас замуж? – спросил спокойно И. И – как странно! Мне показалось, что под его взглядом Леонид точно слинял. Его пошлая самоуверенная физиономия кавалера-самца, знающего себе цену, как-то вытянулась; сам он несколько сгорбился и что-то трусливое отразилось во всей – сразу ставшей жалкой – фигуре.

– Вот ещ,, вопрос! Я думаю, каждой женщине хочется выйти замуж, – старался храбриться Леонид.

– Имея такие данные, Жанне выйти замуж очень легко, – ответил ему И. – И она, конечно, найд,,т себе человека более культурного, чем вы, ищущего не рабу в жене, но друга.

И вообще, не только выкиньте из головы мечту о женитьбе на Жанне,

но, если не желаете вновь заболеть и лежать скрюченным, – забудьте дорогу в магазин. Вспомните хорошенько то состояние, которое вы уже там пережили. Ещ,, раз повторяю: я запрещаю вам приближаться к Жанне не только в магазине, но и где бы то ни было.

Вам же, Елена Дмитриевна, я ещ,, раз хочу сказать, что если вы не оставите своей прежней манеры жить, одурманиваться опиумом и развращать сына баловством, результаты которого, а также любовь и уважение к вам сына-любимчика вы имели случай сейчас ещ,, раз наблюдать, – такой жизни долго не вынесете. Вы так истрепали свой организм, что кончится это для вас плохо.

– Ну, будет вам стращать меня, любезный доктор И. Я не робкого десятка, – злорадно усмехаясь, ответила Строганова. – Это сын мой – вижу сейчас – трус! Весь сторбился, перепугался и уже готов пуститься в бегство от Жанны, хотя только что рвал и метал! Мне даже стыдно за него.

– А что вы, мать, сделали, чтобы пробудить в уме и сердце вашего несчастного сына какие-нибудь героические силы? – спросил е,, спокойно И.

– Как это скучно! Вы вс,, носитесь, И., со своими моральными выкладками! Что вы понимаете в жизни и в людях? Няньчитесь с какими-то идеалами, смешными и нежизненными, и только мешаете людям весело жить. Ещ,, Ананда, – куда ни шло. Хоть помог многим. Но вы... – Она скорчила презрительную мину, но вдруг закашлялась, схватилась за грудь и с ужасом стала глядеть куда-то в угол.

– Что с тобой, мать? Ты похожа сейчас на колдунью из сказки. Да говори же! Чего ты уставилась в угол? Мне страшно! – вертя головой во все стороны, грубо и раздраж,,нно говорил Леонид, охваченный страхом.

– У вашей матери спазма в сердце. Это очень мучительная вещь. Принесите воды, я дам ей капли, – сказал ему И.

– Меньше бы курила да за картами ночей не проводила, – вот и была бы здоровой, – бормотал любимчик, лениво, как бы с трудом, вставая за водой.

Строганова еле могла выпить капли. И. подн,,с к е,, носу остро пахнувшую соль, нат,,р ей чем-то виски, и через некоторое время ей стало лучше, а скоро и совсем вс,, прошло.

– Какой это был ужас, – сказала, оправившись, Строганова. – Точно меня насквозь стрела пронзила.

– Я говорил вам, что если вы не измените своей жизни, вас ждет не болезнь, а катастрофа. Подумайте о том, что вы сделали, – сказал ей И., указывая на сына. – И о тех вспомните, кто вам простил так много. Делаете

вид, что вс., забыли? Но в жизни нет и не может быть ни для кого исключений. Вся природа жив.,т и движется по законам причин и следствий. И ни один человек не может уйти от этого закона вселенной.

Оставьте игру со злом. Вы в ней, к вашему счастью, ничего ещ., не поняли и не достигли. Но если, дав слово сэру Уоми, его не сдержите, тогда уже никто не сможет вас спасти.

Прощайте. Не забудьте, что я вам сказал. И стрела, ударившая вас сейчас, была стрелой вашего собственного зла, вы сами е., вызвали. Не ждите себе пощады, если не умеете щадить других. А вы, Леонид, – ещ., раз повторяю, никогда не подходите к Жанне. Каждый раз, когда вы вздумаете нарушить этот мой запрет, – станете немым и недвижимым.

Не прибавив больше ни слова, И. поклонился Строгановой, и мы вышли. Точно из бани я выскочил! Пот струился по моему лицу, а внутри меня била дрожь.

– Боже мой! – в ужасе воскликнул я. – И это матери! Не помню своей, но неужели, Лоллион, я так и не увижу настоящей матери?

– Увидишь, и не одну, Левушка. Сейчас пойми, как глубоки корни несчастий людей, как нельзя их судить и расстраиваться от их недостатков. Надо нести им бодрость или стараться пресечь зло, поставив тв.,рдые рогадки там, где люди слабы, чтобы уберечь прежде всего их самих. Но пока сам не созрел, – не стремись помогать. Только увеличишь зло и внес.,шь ещ., больше раздражения в жизнь тех, кому захочешь помочь, если не можешь действовать в полном самообладании. Мы посидели в тени сквера и двинулись дальше. – Соберись с силами, дружок. Завтра мы уедем отсюда. Усиленно думай о Флорентийце, возьми и мою руку вместе с его, – и пойд.,м к Жанне.

Только что начался обеденный перерыв, и в магазине мы застали не только Анну и Жанну, но и Хаву.

С первого же взгляда на Жанну я понял, что она очень страдает; но е., упрямство вс., так же держит е., в сетях, как вчера, а может быть, и ещ., крепче. После первых же приветствий Хава спросила: – Почему сэру Уоми велел мне вернуться и ждать ваших приказаний. И.? Вы меня очень задержите? – Вероятно, нет, Хава. Я сам уезжаю завтра вечером. – Это уже окончательно. И.? – спросила Анна, и голос е., дрожал и в глазах стояли сл.,зы. – Я очень, очень тяжело расстаюсь с вами, И. Не будет у меня утешения даже в детях?

– У вас в доме скоро будет двое больных, Анна, – ответил ей И. – Да и здесь у вас взрослый реб.,нок; и князь тоже будет нуждаться в вас. Кроме того, за эти семь лет, что мы провед.,м в разлуке, вам надо воспитать

Леонида. Разлука со мной – это только внешнее препятствие. Ананда научит вас быть всегда с теми, о ком верно и любовно помнит ваше сердце.

Стремясь к высокой цели, нельзя жить получувствами и полумыслями, в сомнениях и компромиссах». Вот когда ощутите, что сердце ваше пусто для личного, – только тогда сольетесь в один аккорд с Анандой, со мною, с сэром Уоми и другими. Пока думаете, что сердце должно звучать любя, – ваша песнь любви будет стоном, а не торжеством. Жить от ума нельзя. Творчество – это гармония сердца и мысли.

Жанна подошла к И., говоря, что решила детей отправить. Я получил удар в самое сердце. Я вс., надеялся, вс., ждал, что распорядится она по-другому. – Бедные дети, – прошептал я.

– Совсем не бедные. Я их возьму обратно, как только устрою свою жизнь, Левушка. Это будет скоро, – запальчиво ответила мне Жанна.

– Неужели ваша жизнь не устроена? Вы работаете, обеспечены, можете учиться сами и учить детей. Чего ещ., надо? – спросил я, горестно глядя на не.,.

– Этого вам не понять. Вы, Левушка, тоже бесчувственный; хотя на пароходе мне казалось, что вы очень добрый, – капризно, упрямо, с упр.,ком отвечала Жанна.

– Я должен вас предупредить, Жанна, что раньше чем через семь лет вы детей своих не увидите, – подходя близко, сказал И. – Выбирайте сейчас. Решайте свою и их судьбу. Быть может, через семь лет они даже и не узнают вас. Решайте, не зло и упрямо думая только о себе. Думайте о маленьких людях, которых покидаете на произвол судьбы, без материнской ласки. Думайте о вашем муже, во имя которого вы собирались когда-то жить и беречь его детей. Если вы решитесь отправить малюток, Хава увез,,т их к сэру Уоми сегодня же, через два часа.

– Это очень хорошо, доктор И. Дети и знать не будут, что едут надолго. Раз их соберут быстро, – они будут думать, что едут кататься, – ответила мать, ещ., так недавно видевшая в детях цель своей жизни.

Жанна говорила с вызовом, точно кто-то другой был виноват в том, что она отправляет детей. Мне казалось, что она сама не верит в возможность отослать детей с Хавой. Она точно ждала, что в последнюю минуту что-то случится, – и дети останутся. Я ещ., раз подош,,л к ней, говоря:

– Жанна, подумали ли вы о той минуте, когда останетесь одна? Что вы будете здесь делать без детей? Сейчас вы знаете, что в любую минуту можете к ним побежать, их обнять, увериться, что для них жив,,те и работаете. Что будет с вами, одинокой, без друзей, без детей? Окруженная чужими, как будете вы жить?

– Досадно, Левушка! Вот вырастут у вас усы, женитесь, пойдут дети, – ну и пойм,,те тогда, как хочется свободы, – резко ответила мне Жанна. – Дети уедут, тогда я и подумаю, как буду жить. Я их теперь вс,, равно не вижу; а когда вижу – только раздражаюсь и шл,,паю, – прибавила она и отвернулась.

Анна уехала за детьми, а мы с Хавой стали собирать кое-какие вещички и игрушки в дорогу. Жанна принимала самое минимальное участие в этих хлопотах, отвечая только на наши вопросы.

Когда дети приехали, они бросились к матери, ко мне и к И., совершенно не ожидая близкой разлуки со всеми нами, ласкались, шалили и смеялись. Хавы, хотя они и мало ещ,, были с нею, – они не дичились, их не пугала е,, чернота. И прозвали е,, «Ч,,рная мама», что Хаву очень забавляло.

Я допытывался у прелестных детей, почему они дали своей няне такое прозвище. Девочка мне очень точно сказала:

– Как вы не понимаете, дядя Леон, что на стольких детей, – раз и два, – тыкая пальчиком в себя и братишку, посчитала она, – одной мамы мало. Вот у нас и есть мама Жанна, мама Анна и Ч,,рная мама-няня.

Е,, французская речь была так забавна, изящные и серь,,зные манеры так комичны, что, несмотря на весь трагизм речи маленького существа, я хохотал до сл,,з. Вскоре мы подняли такую возню, что я позабыл, куда прищ,,л и зачем повезу детей на пристань.

Чтобы несколько умерить наш пыл, Хава сказала, что повез,,т детей кататься и будет петь им негритянские песни, если они переоденутся в чистые костюмы и посидят спокойно, пока она их причешет.

Церемония переодевания и прич,,сывания, проходившая у Жанны каждый раз со слезами и шлепками, не вызвала никакого протеста у детей и завершилась их восторгом по поводу новых платьев. Вошедший Ананда пристально оглядел всех нас, точно пронзив Жанну своими глазами,здами.

У меня забилось от счастья сердце. Я начал было надеяться, что Жанна, с приходом Ананды, образумится. Мне даже показалось, что лицо е,, смягчилось и из-под тупой маски упрямства проступила нежность.

– Ещ,, есть время, Жанна, – тихо сказал ей Ананда. – Я ещ,, могу вмешаться и оставить детей. Но лишь только дети взойдут на пароход, – они выйдут из сферы моего влияния; их окружат любовь и заботы выше моих. Сейчас же, сию минуту, я ещ,, могу взять на себя ответственность за вас и ваших чудных детей.

Голос Ананды звучал добротой необычайной. Сам он был так

прекрасен, что я не мог оторвать от него глаз.

– Ананда, я вс,, сказал. Чтобы образумить мать, – прервал его И. – Неужели ты ещ,, раз примешь ответ за строптивных людей, которые должны сами решать и сами выбрать путь?

– Я не девочка, сама и принимаю ответственность, – истерически выкрикнула Жанна и так перепугала детей, что их смех мгновенно смолк и в глазах показались сл,,зы. Они со страхом уставились на мать, прижались к Хаве, точно ища у не,, защиты, и девочка тихо спрашивала:

– Мама будет нас бить? Ты не дашь нас бить? И дяди не дадут? Молнии сверкнули из глаз Ананды, и голос его – точно зазвенели мечи – прозвучал властно: – Пора; князь приехал с билетами. Едем. – А вот если захочу – не выпущу! – снова закричала Жанна, вскакивая и направляясь к детям. Дети, думая, что мать хочет наградить их шлепками, ухватились за И., который поднял обоих на руки, и они сразу затихли, обвив его шею ручонками. Перед Жанной вырос Ананда, – и она снова села на диван. – Мать – это любовь, а не гроза. Мать – защита и помощь, а не наказывающая рука. Мать – радость, а не сл,,зы. Мать – первое и последнее светлое явление, которое дарит реб,,нку земля.

Когда пойм,,те это сердцем – тогда и увидите детей. Теперь же вы сами подписали себе приговор. Если бы, минуту назад, вы пролили хоть каплю ласки в прощальный привет детям, – я бы ещ,, мог избавить вас от великого страдания разлуки. Теперь – поздно. В том припадке зла и бунта, в каком вы сейчас находитесь, я даже не могу разрешить вам дать им последний поцелуй.

Вошедший князь не уловил смысла тяж,,лой сцены, но хорошо понял состояние Жанны и страх детей. Он улыбнулся детям и передал Ананде документы на детский вклад, которые оставались у него на руках. При этом он прибавил, что княгиня, узнав об отъезде детей, решила удвоить сумму. Что распоряжение об этом уже отдано, а новые документы он передаст Ананде для пересылки опекунам.

Ананда просил князя и Анну оставаться в магазине до нашего возвращения, что Анна выполнила протестуя, а князь с большой радостью.

В одну минуту дети с Хавой и Анандой уехали в коляске с вещами, а мы с И. пошли к пристани ближайшим пут,,м.

Дети совсем оправились от страха и, несомые Анандой на руках к пароходу, привлекали всеобщее внимание. Лучшей модели для картины «Отец с детьми» нельзя было бы и придумать.

У Хавы оказалась отдельная большая каюта. Пароход был довольно плохонький, хотя и считался одним из лучших.

К моему величайшему изумлению, как только мы вошли в каюту, к нам явился не кто иной, как слуга сэра Уоми. Он объяснил, что послан в помощь Хаве и только-только успел пересечь с прибывшего сейчас встречного парохода.

Хава, Ананда и И. – все приняли это как должное. Но я так словиворонил, что на вс,,м обратном пути пребывал в полном изумлении.

– Отчего тебя так поражает прозорливость сэра Уоми? Я думаю, когда он был здесь, то, вероятно, сделал определ,,нный вывод из поведения Жанны и учел, как, в какой форме он сможет ей помочь, – сказал мне И. – Чем больше ты жив,,шь с нами, тем яснее должно быть тебе, что нет чудес, а есть только знание. Видя, как огромно знание таких людей, как сэр Уоми, Флорентиец, Али,

– ты должен понять, как следует верить каждому их слову; как надо быть верным; как беспрекословно повиноваться каждому их приказанию, учитывая и понимая всю высоту их знания и нашу невежественность. Именно в этом основа закона беспрекословного повиновения и ни в ч,,м другом.

«Господи Боже, – думал я. – Брат Николай пишет, что понял, насколько он ещ,, невоспитанный человек! И. говорит о своей невежественности! Что же тогда говорить и делать мне?»

– Учиться и радоваться счастьем жить, поняв, что такое – Свет на пути! – улыбаясь, шепнул мне Ананда, как будто снова заглянул под мой череп.

Мы шли очень медленно. Очевидно, друзья щадили меня, чтобы я несколько прищ,,л в себя. Ананда ш,,л впереди, И., ведя меня под руку, ш,,л за ним; но вряд ли его мысли были здесь. Он был так углубл,,н в себя, что я не решался нарушить его сосредоточенности.

Время промелькнуло как одна минута. А между тем уже смеркалось, – и мы вошли в магазин, когда работа уже кончилась.

Анна и Жанна убирали в картонки последние шляпы. Князь помогал им и ещ,, раз удивил меня. Этот человек, казалось, везде был на месте. Он так ловко убирал ленты и цветы, так бережно и умело раскладывал перья и шелка, как будто только и занимался этим всю жизнь.

Я вспомнил его в роли сиделки княгини, – и там он всегда и вс,, умел, никогда не терялся и мог сойти за опытного брата милосердия.

За столом в сво,,м доме он был обаятельным хозяином. Но что же такое было в князе, что делало его «не как все», следуя выражению Анны? И... «вроде идиотика иногда бывает князь», говаривал, бывало, с юмором мой дорогой капитан.

Капитан – такой прозорливец в отношении Жанны – что он видел в

князе особенного? И чему в н,,м не могу подобрать названия? Что я тоже сознаю и чувствую в н,,м особенного? Что такое жив,,т в князе и так выделяет его среди нас?

Я вспомнил князя на пароходе, рядом с бушующей женой; его лицо, поникшую голову и отчаяние в глазах. Потом – его слабость и муку неопредел,,нности. Его самоотвержение в первые дни болезни жены, наш первый визит в его дом. И князь – сейчас. Того человека нет; есть другой, новый; но в обоих есть какой-то общий остов, но какой, – я не знал.

Мои размышления были прерваны внезапным смехом Жанны. И так он прозвучал неестественно, точно бритвой резанул.

– Доктор И., я никогда не видела вас таким, и даже не знала, что вы можете быть столь торжественным, – сказала она, как бы вызывая И. на ссору.

– Не знаю, торжественным или ещ,, каким-нибудь кажусь я вам; но знаю, что все силы моей мысли и вся любовь моего сердца сопровождают ваших детей в их дал,,кий путь, желая им мира и счастья, которых они не нашли здесь, – ответил И.

Жанна сразу притихла. Несомненно, – ласковый, печальный, такой добрый и нежный, – голос И. пробрался до самых недр сердца Жанны, которое – я знал – было добрым.

– У меня к вам, Жанна, вопрос, – вс,, так же ласково продолжал И. – Завтра мы с Левушкой уезжаем. За этот кусочек прожитой вместе с нами жизни вы и мне, и ему говорили не раз, что многим нам обязаны. Считаете ли вы меня вправе задать вам вопрос, который продиктован лишь мыслью о вашем счастье? Или, по крайней мере, желанием оградить вас от самого большого из несчастий, в которое вы можете втолкнуть себя сами.

– Спрашивайте, – ответила очень тихо Жанна. – Я не знаю, каким будет ваш вопрос, но, во всяком случае, отвечу правдиво.

– Вы обещали Леониду выйти за него замуж и отправить до свадьбы детей?

Стон вырвался из груди Анны. Она с ужасом посмотрела на Ананду, но тот не ответил на е,, взгляд, как делал это всегда, а сидел, глядя вдаль, точно решая какую-то задачу и прислушиваясь к чему-то.

Жанна совершенно смешалась, вспыхнула, побледнела, теребя раздраж,,нно платок, снова вспыхнула, наконец издала какой-то нервный смешок и сказала:

– Он так меня упрашивал хранить тайну, так уверял, что нам надо обвенчаться по какому-то особому ритуалу, и сам вс,, выболтал вам же, а вас боялся пуще сатаны. Вот и доверяй. – Вы не ответили на мой вопрос,

Жанна. – Ну что тут отвечать, если вы вс., знаете? Он приста,,т ко мне с первых же дней знакомства. Сначала просто приставал, а когда я его отшила, стал говорить о браке и о том, что Браццано покровительствует нам в этом. – И вы обещали – что именно?

– Я обещала отослать детей и выйти за него. На днях должна была быть свадьба, да вс., те, кто должен нас венчать, не приезжают, и Леонид рвет и мечет.

– Вы любите его, Жанна? Если пожертвовали детьми, значит, любите? – спрашивал И.

– Нет, просто я не в силах жить одна. Я должна иметь мужа подле, это невыносимо быть окруженной одними женщинами. Я хочу весело жить. Без мужчин я жить не могу, – угрюмо отвечала Жанна.

– Неужели вы не видите, что этот человек трус? Что он бесчестен? Что он хотел жениться на вас по приказанию Браццано? Что, наконец, он просто хотел иметь в вас рабочую силу? Жить вашим трудом и превратить вас в рабу?

Жанна пот,,рла себе лоб, стала заикаться, старалась что-то сказать, что-то вспомнить, и только вс., снова т,,рла лоб, ничего не отвечая. И. повернулся к Анне.

– Вот ещ,, одно дело ваших рук. Вам суждены благие порывы любви к дальним. В теории, в мечтах ваша любовь к брату-человеку. В деле же, простом, мелком деле текущего дня, вы не сумели стать основным звеном духовного единения с окружающими.

Ананда вам приказал давно забрать все подарки Браццано у матери и брата и сжечь их. Вы сочли это мелочью, – и не выполнили. Ананда передал вам приказ сэра Уоми встать между Жанной и братом с первых же их встреч – вы увидели в этом насилие над волей двух взрослых людей и дали возможность Браццано создать себе канал зла из чистой души этой женщины.

За эту жертву зла, павшую благодаря вашему непослушанию, за тех изменивших свой жизненный путь детей, которые едут к сэру Уоми, – вы ответственны не только перед Анандой, но и перед сэром Уоми, к счастью Ананды. При его беспредельной доброте он ещ,, раз пон,,с бы ваше время; а вы, неблагодарная, слепая, ещ,, раз поскользнулись бы глубже прежнего.

Так недавно вы рыдали здесь и говорили себе и другим, что это хорошо, что ваше послушание случилось здесь, а не там, куда вам предстояло ехать. А приш,,л новый случай выказать героизм послушания, – и снова вышла на сцену жизни Анна-обывательница, а не Анна"благодать».

Сколько же актов человеческой драмы, – вашей жизни на земле, вы

думаете так прожить? Или ждете, пока подойдет пятый акт и занавес упадет?

Тишина в комнате была так велика, что я слышал, как потирала лоб Жанна. И подошел к бедняжке, все так же бессознательно потиравшей свой лоб. Ананда тоже встал с кресла и сел рядом с Жанной, взяв ее ручки в свои. – Вы слышите меня, Жанна? – спросил И. – Конечно, доктор И., конечно, слышу, – раздался прежний звонкий голосок.

– Вы никогда не допустите к себе Леонида, которого так сейчас боитесь. Вам его бояться нечего, – говорили, кладя обе свои руки на голову Жанны. – Вы его любите? – снова спросил И.

– Что вы, доктор И.; он отвратителен; но ведь он брат Анны, мне не хотелось огорчать ее, с самого начала. А потом, я сама не понимаю, как могло все это так далеко зайти.

– Ничего теперь не бойтесь. Никогда не ходите к Строгановым в дом и не встречайтесь с Еленой Дмитриевной. Не принимайте от нее, не только подарков, но даже материй для шляп и не работайте для нее. Пусть Анна сама делает матери все, что найдется нужным.

Возьмите этот крест, носите его всегда на себе; и не забывайте о пологе. И в минуты величайшей слабости и горя обтирайте им лицо, подержите его у лба. Всею силой вашей веры мысленно скажите одно слово: «Дли». Вы мгновенно будете получать успокоение и находить силу жить в чести и чистоте.

Прощайте, Жанна. Увидимся мы очень нескоро и, к сожалению, все, что я могу для вас сделать, – дать вам этот крест. Он навсегда защитит вас от всех Браццано и Леонидов. Вы их не бойтесь, как вообще ничего не бойтесь до тех пор, пока этот крест на вас. Я его даю вам как частицу своей силы и защиты.

И надел на Жанну крест из топазов на цепочке, точь-в-точь такой же, какую надел на меня сэр Уоми. И вновь повернулся к Анне.

– Теперь вы видели, как куются цепи зла, неосторожно сотканные неведением, гордостью и непослушанием. Если бы в простой душе Жанны не было достаточной доброты, чтобы простить вам, Анна, безумие гипноза, в который погрузил ее, Браццано, погрузил из-за нарушенного вами – так неожиданно для всех нас – обета добровольного повиновения, то какого дикого врага на сотни лет имели бы вы в ее лице сейчас! Тогда и через семь лет вы не могли бы к нам приблизиться! Теперь, еще раз, вам дается зов Жизни. И снова подвигом любви и доброты Ананды. Остерегайтесь же умствовать там, где нужна простота мудрости.

– Жанна, – снова обратился И. к маленькой хозяйке, – вот

единственный верный, бескорыстный и заботливый друг, которого вам да,,т сейчас жизнь на долгие годы, – подводя к ней князя, продолжал И. – Слушайте его; советуйтесь с ним. Сходите к княгине и постарайтесь вашим добрым сердцем и вес,,лым смехом украсить е,, скучную жизнь.

Не безумствуйте, думая о детях. Вы сами ещ,, невоспитанное дитя. Хава будет вам писать. У сэра Уоми, – сами понимаете, – им не может быть плохо.

– Чем могу я выразить вам мою благодарность, доктор И.? Я выполню вс,, что вы сказали, вс,, поверьте. На меня вдруг находит что-то такое жестокое и злое, что я сама этому поражаюсь, но справиться с собой не могу. Я буду – как главную святыню – хранить ваш крест и призывать святого «Али», о котором вы сказали, хотя и не знаю такого во французской церкви, – заливаясь слезами, говорила Жанна.

Князь сел подле не,, мы же незаметно вышли. Анна направилась вслед за нами, но Ананда остановил е,, сказав, что она должна быть сейчас подле Жанны, куда ей надо временно и, может быть, надолго переселиться.

Он назначил ей час свидания на завтра, и я понял, что это будет уже после нашего отъезда и что сейчас я в последний раз вижу обеих женщин.

Мог ли я, в первые свои константинопольские дни, думать, что мы в горе оставим Анну, божественно совершенную, какой она представлялась мне тогда?

Ананда велел ей напомнить князю, что в семь вечера мы будем ждать его к обеду.

Молча возвращались мы домой. Оба моих друга сияли мощью, спокойствием и тв,,рдостью, которые казались мне даже нечеловеческими.

Я же был не только вконец расстроен, но чувствовал себя так, будто меня всего вывернули наизнанку. Я никак не мог оставаться спокойным в изменчивом калейдоскопе дня. Всякая неожиданность меня потрясала.

Добравшись до дома, я лег на диван и, казалось, не мог двинуть ни одним членом, – так я был разбит Множеством мелькавших мыслей и чувств. То я ехал с детьми Жанны; то ужасался, как бедная Анна неосторожно сотканным ею злом стала причиной путаницы в человеческих жизнях; то не мог себе представить безграничного горя Жанны, когда она осознает разлуку с детьми; то старался угадать линию поведения князя...

– Выпей-ка, дружок, – ласково сказал Ананда. – Сейчас ты ясно видишь, как в людях бродят страсти. Потом будешь видеть, как они ими закрепощены. А дальше пойм,,шь путь милосердия, путь помощи людям в раскрепощении и освобождении от страстей.

Приди в себя и постарайся бодро и бесстрашно завершить свою

константинопольскую жизнь. Как закончишь сво,, «сегодня», – так точно и начн,,шь сво,, «завтра».

Я выпил какие-то горьковатые капли, как будто задремал и вскоре почувствовал гибкость во вс,,м теле и бодрость, точно целую ночь проспал.

Мы успели переодеться и были совершенно готовы, когда нас пришли звать к обеду. Я не знал, когда мы едем; но понял – по убранству стола и вечернему туалету хозяина, – что он да,,т нам прощальный обед.

За столом особых разговоров не велось, И только в прощальном тосте князя прозвучала нотка такой скорби от разлуки с нами, такого горя, что наша встреча – встреча его сияющего счастья, как он неоднократно выразился, – частично кончается сегодня, что у меня защекотало в горле. В ответном тосте И. сказал ему:

– Встречи – не цветы. Они не вянут, не гибнут, бесследно превращаясь в тлен. Встречи учат. И даже если разлука кажется невыносимой, если смерть уносит друга, сына, отца или дочь, – даже тогда сердце растет и ширится его творчество.

Если же знаешь, что друг ид,,т где-то рядом и ты его не можешь ощутить только потому, что дух твой короток, – надо шире раскрыть мысль и сердце; и воспринять людей не только как близких тебе лично, но как спутников на пути к истине. И тогда все встречи будут благословенными.

Дух мещанина, которому кажется, что он ищет Истину, – вечно склонен к унынию. Он, точно собачий хвостик, как его ни распрямляй, вс,,норовит скрутиться. Дух же человека, воистину ищущего героики чувств и мыслей, похож на стальную рельсу, которую ничто согнуть не может.

Встреча с вами, князь, показала мне, как легко, просто, радостно, не нащупывая, куда ступить, – вы перешли от слабости к привычной вам теперь тв,,рдости, от тв,,рдости переходите к силе и от силы перейд,,те к красоте. И вся задача дня в том только и состоит, чтобы трудное сделать привычным, привычное – л,,гким и л,,гкое – прекрасным в работе дня. Встреча с вами будет всегда памятна мне, как переход в одно мгновение – в иное, героическое мироощущение. Мы выпили за здоровье князя и перешли в комнату И. Здесь князь рассказал, что после нашего ухода Жанна была тиха. Но отчаянию Анны не было предела. В ней шла не борьба, но кипела мука ясно понятого неверного своего поведения, в ч,,м она впервые отдала себе полный отч,,т.

Князю удалось привести е,, в чувство только упр,,ком, что она думает лишь об одной себе и не жалеет ни Жанну, ни отца, который скоро за ней прид,,т и увидит, в каком она состоянии. Анна постаралась овладеть собой, и когда приш,,л отец, встретила его с улыбкой.

Заявление Анны, что ночевать домой она не прид,,т, не только не вызвало протеста, но старик был даже этому рад, поскольку его жена и младший сын ссорились сегодня весь день, отравляя жизнь себе и всем домашним. Ананда, выслушав князя, сказал:

– Наша к вам просьба, князь, двойная. Не только не оставьте Жанну своими заботами, но и Анне будьте помощью. Я пробуду здесь долго и вылечу вашу жену. Но Анна и Жанна нуждаются в костылях, как хромые, и останутся такими долго, несмотря на то, что их я тоже буду лечить каждый день. Легче пробудить в закрытом сознании цельную верность, чем помочь окрепнуть однажды пошатнувшейся верности зрячего человека.

Вот этот труд, труд доброты, труд неусыпной заботливости в залечивании их ран, я и хочу просить вас взять на себя. Если вы можете принять это бремя легко – я буду усиленно готовить вас к этой задаче.

– Легко? – воскликнул князь. – Вы да,,те мне радость! Да,,те в руки счастье и смысл жизни, которых я до сих пор не знал, и ещ,, спрашиваете, сделаю ли я это легко? Есть иной вопрос: я готов умереть, чтобы выполнить предлагаемое вами. Но... – сумею ли? Я ведь более нежели невежда. Одного желания мало.

– Мне нужно только ваше желание. Вс,, остальное – прид,,т. Любовьдоброта, любовь-милосердие и любовь-неосуждение должны встретиться в одном сердце, чтобы мог начаться творческий путь по жизни.

Хотите ли вы идти со мной по пути помощи и милосердия, князь? Можете ли дать мне два обета: с верностью – цельной, непоколебимой – следовать за мной. И выполнять все мои указания, понятные или вовсе непонятные вам, – точно и беспрекословно повинуюсь? – спросил Ананда.

– И это вс,, что вы требуете за счастье следовать за вами? – в изумлении воскликнул князь.

– Вы видели по Анне, Генри, Ибрагиму, наконец по самому старику Строганову, как трудны эти два условия, князь. Подумайте до завтра, – ответил ему Ананда.

– Я вас даже не понимаю, – покачивая головой, сказал князь. – Почему я должен раздумывать до завтра? Можно сомневаться, годен ли я вообще для мудрости? Годен ли – такой, ничем не одар,,нный человек, для дел высокой любви, требующей столько такта, ума, внимания? Но в чести моей, – при вашем даре читать в сердцах людей, – мне кажется, сомневаться нельзя.

Ананда подал князю руку и сказал:

– Если завтра, в этот же час, вы подтвердите мне сво,, желание, я начну готовить вас к новой жизни – к знанию и развитию ваших дремлющих сил.

На этом мы расстались с князем.

И только тут я узнал, что через два часа отойдет наш поезд, увозя нас с И. в неведомые мне края, к неизвестным мне людям, к иной жизни, к надеждам на встречу с Флорентийцем и братом Николаем.

ОГЛАВЛЕНИЕ Глава 16. В Константинополе Глава 17. Начало новой жизни Жанны и князя Глава 18. Обед у Строгановых Глава 19. Мы в доме князя Глава 20. Приезд Ананды и еще, раз музыка Глава 21. Моя болезнь. Генри и испытание моей верности Глава 22. Неожиданный приезд сэра Уоми и первая встреча его с Анной Глава 23. Вечер у Строгановых и разоблачение Браццано Глава 24. Наши последние дни в Константинополе Глава 25. Обед на пароходе. Опять Браццано и Ибрагим. Отъезд капитана. Жулики и Ольга Глава 26. Последние дни в Константинополе

К. Антарова. Две жизни. 1. (Часть 2, том 1)

Продолжение оккультного романа, весьма популярного в кругу людей, интересующихся идеями Теософии и Учения Живой Этики. Герои романа – великие души, завершившие свою духовную эволюцию на Земле, но оставшиеся здесь, чтобы помогать людям в их духовном восхождении. По свидетельству автора – известной оперной певицы, ученицы К.С.Станиславского, солистки Большого театра К.Е.Антаровой (1886-1959) – книга писалась ею под диктовку и была начата во время второй мировой войны.

ЧАСТЬ II

ГЛАВА 1 БЕГСТВО КАПИТАНА Т. И НАЛЬ ИЗ К. В ЛОНДОН. СВАДЬБА Спешно покинув сад дома дяди Али, Наль, в сопровождении двух слуг, из которых один был е,, двоюродным дядей, переодетым слугою, молодого Али и капитана Т., вошла в его дом, где она никогда не бывала и даже представить себе не могла, что такое может случиться. Выросшая в двойственной обстановке, даваемая всеми условностями гаремной жизни, Наль тем не менее была образованна и теоретически знала жизнь цивилизованного и культурного общества благодаря Али Мохаммету, который боролся с затворничеством женщин всюду, где только была для этого возможность.

У Наль всегда были европейское платье и обувь, к которым е,, как бы играя, приучал дядя Али, вызывая негодование старой т,,тки и прочего синклита из муллы и его фанатиков-правоверных.

И девушка безо всяких затруднений переделась в костюм, приготовленный для не,, дядей. Смеясь, она закутала молодого Али Махомеда в свой розовый свадебный халат и драгоценные покрывала. Без плача рассталась она с братом, только кинулась ему на шею, хотя в глазах обоих блестели сл,,зы.

– Мужайся, Наль. Вс,, случилось не так, как я предполагал, но... будь счастлива, вспоминай иногда меня и верь: если дядя Али сказал, так оно и должно быть. Если он тебя отдал капитану Т. – значит, таков твой путь. А счастье тво,, зависит от тебя. Не бойся ничего. Иди весело и старайся понять, зачем дядя созда,,т тебе другую жизнь. Одно только помни: у нас с тобою общий завет – верность до конца. Будь верна капитану так же, как ты верна дяде Али. И ты везде победишь.

Голос молодого Али дрожал, лицо было вдохновенно и прекрасно. Оно сейчас жило. Ничто в н,,м не напоминало того полум,,ртвого существа, которое с отчаянием смотрело, как Наль пода,,т капитану цветок.

– Время. Прощай, сестра. Я всегда буду тебе верным другом, и. нет для нас ни расстояния, ни разлуки.

Взяв пару крошечных туфелек в руки, завернувшись в покрывало, Али выскользнул из дома и пропал во тьме.

Насколько просто было для Наль переодеться в европейское платье, настолько же трудно оказалось побороть привычку к покрывалу и оставаться среди мужчин с открытым лицом. Когда капитан Т. постучал к

ней и спросил, можно ли войти, ей было страшно ответить согласием. Увидя ее, в простом синем английском костюме и с распущенными до пола косами, перевитыми жемчугом, он пришел в ужас.

Поняв, как нелепо она выглядит и какой уликой являются ее косы, Наль не дала опомниться изумленному капитану и отхватила ножницами косы до пояса. Она уложила их вокруг головы и надвинула шляпу на лоб.

Набросив на нее легкий шелковый плащ, капитан сказал: – Унося отсюда дивный образ Али, мы пред ним – муж и жена, Наль. Мы оба повинемся ему, и оба будем до конца дней верны ему. Мы уходим без него, но он с нами. Если вы идете без страха, мы победим и выполним поставленную перед нами задачу.

– Я не знаю страха, капитан Т. Я его не знала никогда. Я ваша жена перед дядей и Богом. И верность моя Богу – это верность дяде и вам, – спокойно ответила Наль.

Слуги вынесли их небольшие чемоданы в коляску. Лошади сразу перешли на рысь, и Наль стала привыкать к темноте.

– Я ни разу не была на улице ночью, даже за воротами сада, – шептала Наль сидевшему рядом с ней капитану, которого едва узнавала в непривычном штатском платье.

– Переидем на английский, Наль. Теперь вы – графиня, жена лорда Т. Старайтесь держаться высокомерно до глупости, как помните из английских книг. Вот вам покрывало, – и капитан помог Наль обвязать вокруг шляпы и спустить на лицо довольно плотный синий вуаль.

– Как это приятно, – засмеялась Наль. – Разыгрывая из себя гордую даму, я избавлюсь от назойливых разговоров.

– Не забудьте опереться на мою руку и до самого момента отхода поезда изображайте из себя великую даму-икону, для которой на свете существует три рода рабов разных социальных ступеней: я – муж и первый раб – достаиваюсь разговора. Ваш дядя – нечто вроде секретаря – второй раб, к которому снисходят до признания его человеком. А слуга – третий раб, которому только кивают или объясняются с ним жестами. Так всю жизнь живут важные дамы. Постарайтесь прожить таким образом одну, две недели, пока не выберемся на свежий воздух и не завершится наиболее скучная часть нашей жизни.

Наль не успела ответить, экипаж подкатил к освещенному вокзалу. Лорд Т. вышел первым, подал руку своей закутанной супруге и послал секретаря за заказанными заранее билетами. Через несколько минут подошел поезд, секретарь и слуга устроили своих господ в разных купе и прошли в другой вагон, где ехали сами.

Когда поезд тронулся, лорд лично убедился в том, что его супруга устроена удобно, любезно с ней простился и сказал, что утром придёт, чтобы её проведать. Вс., было чуждо Наль, незнакомо и неудобно. У неё, было до того растерянное личико, что лорд-муж, уже выйдя в коридор, спросил, не нуждается ли его супруга в секретаре. Обрадовавшись возможности побыть с дядей, Наль просила прислать его немедленно. Лорд послал за ним проводника и оставался в коридоре, перекидываясь со своей супругой малозначащими фразами до тех пор, пока не явился секретарь.

– Графиня желает написать несколько писем, у неё бессонница, – сказал лорд мнимому секретарю. Поцеловав руку жене, он шепнул ему:

– Оставайтесь до шести часов. Я займу ваше место утром, а вы отдохните у меня в купе. Дайте Наль спать, сами дежурьте.

Вернувшись к себе, капитан Т. лег на диван и, приказав себе – как делал это уже много лет – проснуться в шесть часов, мгновенно заснул.

Наль спать не могла. Вс., её, поражало. Дядя должен был объяснить ей устройство вагона. Он рассказал ей также про весь их путь до Петербурга и описал, как выглядит гостиница в Москве.

– Не знаю, будем ли мы останавливаться там. Думаю, нам надо мчаться во весь дух, чтобы как можно скорее быть в Лондоне, – говорил дядя-слуга. – А как мы туда доберёмся?

– Сядем на пароход на Неве, Теперь установлено прямое водное сообщение. Через семь дней будем в Лондоне.

– Как? Семь дней будем плыть морем? – с удивлением сказала Наль.

– Да, морем. Я, к сожалению, плохо переношу качку. Придется капитану Т. самому караулить свою важную жену, – смеялся дядя. – Чтобы тебе привыкнуть к своей роли, важная дама, приступай к ночному туалету. В чемодане найдешь легкое платье. Я посижу у окна, ты переоденься и ложись спать.

– Нет, дядя, спать невыносимо. Я могу лечь, если ты этого желаешь. Но ведь от мыслей лопнет голова, если я хоть половины не обдумаю.

Когда через час дядя окликнул племянницу, ответа он не получил. Старик улыбнулся и принялся за чтение. На его безмятежно спокойном лице старого философа не было заметно ни малейшего волнения. Ничто, казалось, не нарушало его равновесия. Он был таким же спокойным и трудоспособным сейчас, как в привычной мирной обстановке своего, окруженного виноградником, дома, где он оставил многочисленную семью. Книга и делаемые им, при неверном свете свечи, пометки помогали ему не замечать мелькавших станций, и он с удивлением приветствовал капитана, тихо вошедшего в купе.

– Говорила, что спать не сможет, – ш,,потом, лукаво улыбаясь, сказал лорду Т. секретарь. – А вот и непривычная тряска, и стук кол,,с, вс,, молодости нипоч,,м.

Секретарь отправился в отделение своего господина, а тот устроился на соседнем диване.

Наль вс,, спала, по-детски подложив ручку под щ,,ку. Капитан заботливо задвинул щ,,лку в занавеске, через которую к волнистой головке подбирался солнечный луч, и снова сел на сво,, место. Он впервые видел Наль с закрытыми глазами. Ч,,рные длинные ресницы бросали тень на розовые щ,,ки, прелестные губы улыбались. Эта почти детская жизнь принадлежала ему. Ещ,, вчера он считал невозможным не только быть соедин,,нным с Наль, но даже пройти свою жизнь вблизи не,,. А сегодня он едет с нею, получив е,, из рук Али. Едет, чтобы жить и трудиться, свободно любя е,, перед всем миром.

«Счастлив ли человек, который нес,,т ответ сразу за две жизни?» – думал капитан.

Отдавая ему Наль, Али сказал, что она дитя, а он не только муж, но и первый друг-воспитатель.

«О, да, – продолжал думать капитан, – выше той любви, когда человек согласен отвечать за жизнь любимого, и быть не может. Али доверил мне часть самого себя. Я должен продолжать его дело и помочь Наль раскрыть в себе все силы жизни».

– Дядя, знаешь, даже лень глаза открыть. А я хвалилась, что половину мыслей додумую, – медленно просыпаясь, сказала вдруг Наль. – И, знаешь, очень странный мне снился сон. Я вс,, время видела капитана Т., и мне казалось, что это он сидит рядом, а не ты. И что я его жена и нас венчают по-европейски. Правда, смешно? – Не очень, Наль.

Наль вскочила с дивана в полной растерянности. – Как же это случилось, что вы здесь, а я сплю? – огорченно сказала девушка.

– Мне не хотелось будить вас, а дяде надо было отдохнуть. Не огорчайтесь. Надо привыкнуть играть роль моей жены. Не забывайте, что мы беглецы, и от нашего самообладания зависит, насколько талантливо мы сыграем роли и тем спас,,м свои жизни. И жизни всех тех, кто в эти минуты помогает нам. Трудно вам, Наль, путешествовать впервые, да ещ,, без женской помощи. Будем стараться вести себя так, чтобы нас принимали за важных и влюбл,,нных супругов. Сейчас постарайтесь причесаться. В парикмахеры я не гожусь, хотя грим,,р хороший. Но критиковать вашу прическу – берусь.

– Если вы будете тихо сидеть у окна, капитан Т., я постараюсь

причесать голову, как на модной картинке у дяди Али. Только не смотрите на меня, пока я не скажу.

– Не смотреть на ваши парикмахерские таланты до сигнала берусь. Но на модную картинку не согласен. Выньте из волос все украшения и положите косы вокруг головы, как вчера.

– Как? Все, все украшения вынуть? Разве европейские женщины не носят украшений? Это очень скучно.

– Носят, Наль. Но в волосах их носят только на балах, званых обедах, очень изысканно и в меру. Украшения, как шляпы и меха, имеют свои законы. Иная шляпа надевается только утром, другая – после обеда, а есть шляпы, которые надевают, когда едут в коляске.

– Как же вс., это постичь, чтобы не быть бестактной и не осрамить дядю Али или вас, капитан Т.? – с уморительной детской серьезностью спрашивала Наль.

– Я думаю, вам, постигшей такие большие духовные задачи и не менее трудные математические истины, вам, Наль, будет легко усвоить внешние правила цивилизации того народа, среди которого мы будем жить. Для начала выньте из волос жемчуг и снимите драгоценности с шеи и ушей. Они чересчур вызывающие для вагона. Найдите какие-нибудь маленькие серьги. А волосы в дороге не украшаются ничем.

– Как странно. У нас именно в дорогу и надевается вс., самое драгоценное.

Довольно долго капитан так сидел, отвернувшись к окну, думая, как трудно будет Наль привыкать к новой жизни, на каждом шагу натываясь на сложности. – Ну, вот я и готова, – услышал он наконец. Наль стояла перед ним в белой блузке и синей юбке. Волосы е., были гладко прич.,саны на пробор и уложены вокруг головы. Казалось, этой прелестной головке тяжело от пышных кос, а непривычные шпильки заставляли Наль вс., время пробовать рукой, на месте ли е., косы. Сквозь тончайший батист просвечивала розовая кожа. Выражение огромных глаз было радостное, доверчивое. Ни облачка сомнений или сожалений о покинутом доме и любимых. Ни малейшей тревоги о неизвестном будущем – ничего этого не было на лице Наль, кроме желания услышать одобрение капитана.

Уверив, что вс., в ней прекрасно, капитан проводил жену в умывальную комнату и остался ждать в коридоре.

Мысли о Левушке – до сих пор его единственном близком спутнике – пробежали облаком в сердце капитана. Левушка, возвратившийся с пира. Левушка, распечатавший письмо. Левушка, впервые пускающийся в жизнь без него...

«И здесь я отвечаю за две жизни», – снова подумалось капитану.

Проводив Наль из умывальной комнаты в е,, купе, лорд приказал проводнику позвать секретаря. Секретарь, человек опытный и немало путешествовавший, устроил вс,, по части завтраков и обедов. Наль не пришлось об этом беспокоиться, вс,, подавалось в купе.

Первый день путешествия подходил к концу. Наль освоилась с новым бытом, и окружающее перестало е,, удивлять. Она больше не поражалась свободе обращения женщин с мужчинами, но выходить, до наступления полной тишины и темноты, из купе она отказывалась. Без всяких приключений, сменяясь на дежурстве, наши путники добрались до Москвы.

Ни слова ни о ч,,м не спросила Наль, и в поезде, следующем в Петербург, уже чувствовала себя свободно.

Часто замечал капитан, что она напряженно размышляет, но не мешал ей решать свои вопросы самой.

В переполненном петербургском поезде им пришлось ехать в одном купе, чему Наль, уже успевшая несколько привыкнуть к своему открытому лицу, очень радовалась.

Она, казалось, не замечала встревоженного вида дяди в Москве, когда тот ш,,потом что-то говорил капитану. Она была ровна и спокойна и в Петербурге, где их встретили двое незнакомых людей и очень торопили на пароход. Пораженная великим городом, она с сожалением сказала:

– Проехать мимо всех этих красот, не заглянув никуда, какая жалость, капитан Т.

– Не знать хорошо языка, а только осмотреть дома и галереи – это ведь тоже грустно, Наль. Будет время, и вы увидите много красот, узнаете быт разных народов и сможете, если захотите, вплести свой труд и красоту в их жизнь. Не спешите узнать вс,, сразу. Сейчас помните только, что вы важная дама, моя жена.

Наши пассажиры поднялись на пароход со вторым гудком. И только когда он отош,,л от берега, Наль заметила, как разошлись суровые морщины на лице капитана и как легко вздохнул дядя.

– Если бы здесь был дядя Али, – прошептала Наль капитану, – он не скрывал бы от меня ничего, видя во мне усердного слугу-помощника. А ведь я ему только племянница.

– Упр,,к ваш мне тяжел, Наль. Особенно потому, что и я, как Али, вижу в вас друга и помощника. Но пока мы не встретимся с Флорентийцем и не будем обвенчаны, я ничего не могу вам сказать. Даже того, куда и зачем мы едем.

– Если вы не говорите мне ничего только потому, что вы связаны словом дяде Али, – я совершенно спокойна. Я думала, что вы уже не любите своей маленькой жены, которая ничего не знает и даже не понимает, как ей вести себя.

– Простите, граф, что я прерываю вашу беседу, – подош,,л к капитану Т. капитан парохода, обращаясь к нему по-английски. – Ваши места оказались врозь, – кидая восхищ,,нный взгляд на Наль и кланяясь ей, продолжал капитан.

– Но я могу предоставить вам самую лучшую каюту, куда пассажиры не явились. Если угодно, я велю отыскать вашего секретаря и укажу ему каюту.

– Я чрезвычайно тронут вашей любезностью. Если вас не затруднит устроить нас вместе, а мо,, место отдать секретарю, мы будем вам очень благодарны.

– Помилуйте, я сам предложил. И буду счастлив служить вашей супруге и вам чем только могу, – ответил, изысканно кланяясь Наль, капитан.

– Как же мы с вами поедem в одной комнате, капитан Т.? – подавляя волнение, сказала Наль.

– Ничего, друг, не беспокойтесь. Вы ещ,, не знаете, как будете переносить качку. Лучше, если братом милосердия при вас буду я, чем кто-либо чужой.

– Мне страшно здесь. Это гораздо хуже, чем поезд. И почему все так смотрят на меня? – тихо спрашивала Наль, стараясь скрыть смущение.

– Нельзя, немислимо быть такой прекрасной, Наль. Я даже не могу сердиться на всех, кто – от матросов до капитана и от юношей до стариков – очарован вами. Если бы я был на их месте и имел бы право только исподтишка смотреть на вас, а не откровенно вами любоваться, как это делаю сейчас, я бы в,,л себя точно так же. А потому и не могу на них сердиться.

Наль вспыхнула, улыбнулась мужу и сказала: – Это услышать от вас сейчас мне было нужно. Так много пришлось передумать за эти дни. У нас не такие обычаи. У нас вс,, иначе между мужем и женой. Я думала, что вы недовольны, что уехали со мной.

– Когда мы очутимся в каюте, а не здесь, на ветру, расскажете обо вс,,м, что вы надумали. А пока укройтесь, пожалуйста, Наль, плащом, да, кстати, опустите и вуаль, чтобы ветер не испортил вашу кожу.

– Или ревность не испортила сердца вашему мужу, – низко кланяясь графине, сказал подошедший секретарь. – Наши каюты готовы, лорд, и

даже украшены цветами, по приказанию капитана. Кроме того, друзья из К. успели прислать графине два сундука с бельем и платьем, которые тоже стоят в каюте.

Капитан парохода, человек лет сорока, хороших манер и, очевидно, доброго характера, сам уже шёл навстречу обратившей на себя всеобщее внимание чете и проводил их до каюты.

– Вот так красавец мужчина, – сказала своей подруге разряженная дама.

– Всю жизнь прожил – подобной женщины и представить себе не мог, – говорил приятелю ловелас с моноклем в глазу и тросточкой.

– Ну, вот придумали, – возразила дама. – Муж – это да! Это мужчина! И где только мог вырасти такой красавец. А жена – смазливенькая, каких много.

– Это просто возмутительно! Рост, пропорциональность фигуры, крошечные ручки и ножки, белизна, – ну, а уж глаза – это небо, – возразил франт.

Как только пароход вышел в открытое море, Наль почувствовала себя плохо.

– Немедленно ложитесь в постель, – сказал граф, на руках внося Наль в каюту. Он позвонил горничной. – Вам сейчас помогут. Примите эти пилюли. Не волнуйтесь. До больших неприятностей дело не дойдет, т. Но вряд ли вам придется побеждать сердца за табльдотом.

– Не смейтесь надо мной, капитан Т. Мне так горько, что вы даже не взглянули на меня ни разу.

– Напротив, Наль, я вс, ловил себя на том, что только и делал, что смотрел и думал о вас. А видит Бог, ещ, о многом надо было подумать.

– Неужели вы уйд,те к этому ужасному табльдоту и оставите меня одну?

– Нет, конечно. Я поищу в сундуке, там, наверное, найд,тся какойнибудь очаровательный халат. Вы снимете сво, платье и будете лежать, изображая загадочную принцессу, скрываемую в каюте Синей бороды. Но прежде всего, я велю принести апельсинов, а вот и девушка вам в помощь.

– О, только девушку не надо. Апельсин я очень хочу. Ванну и постель очень хочу. Но раздеваться и одеваться я дала себе слово сама. Я вижу, как плохо быть приученной иметь семь нянек.

Капитан отправил девушку за фруктами, открыл сундук и, к восхищению Наль, достал оттуда прелестный т,плый халат. Бедняжка страдала от прохлады северного лета. Как ни помогали ей лекарства,

однако пришлось ей пролежать вс., путешествие и лишь изредка в солнечные дни сидеть в кресле на палубе.

– Если бы вас не было со мною, я бы умерла от этих дождей и туманов. Это хуже тюрьмы. Но так как вы здесь, то вс., мне кажется уютным, даже шум ливня,

– говорила Наль графу.

Капитан сидел возле Наль, держа е., ручки в своих, и старался помочь ей переносить тяж.,,лую качку.

– Мы встретим в Лондоне друга дяди Али, Флорентийца, – сказал однажды ей капитан. – Флорентийца? Это что? Его имя?

– Так его все зовут, а имени его ни я и никто не знает. Когда вы увидите его, Наль, вы пойм.,,те, что такое красота.

– Это странно. Дядя Али – красавец. Али Махомед – красавец, ещ.,,лучше. Вы, – зарделась Наль, – всех лучше. Разве можно быть красивее вас.

– Я спрошу вас об этом в Лондоне, – засмеялся граф, – после свидания с Флорентийцем.

Наконец, мученьям Наль настал конец. В одно прохладное, туманное утро пароход подходил к пристани, доставив в Лондон совсем больную Наль, измученных секретаря и слугу и здорового графа Т. Загар на его лице от постоянного сидения в каюте с Наль, болезнь которой выражалась в такой слабости, что к концу путешествия она уже не могла вставать, почти сош.,,л. От чего лицо его, блондина с вьющимися светлыми волосами и т.,,мными, очень красивыми бровями, сильно выиграло.

Поручив вещи носильщикам и уговорив секретаря побыть со слугою на пароходе, пока за ними не вернуться, граф подош.,,л к самому парাপету, пристально вглядываясь в ожидавшую на берегу толпу. Сначала на его лице, кроме напряжения и разочарования, ничего не выражалось. Но когда половина пассажиров уже сошла, он внезапно просиял и, обменявшись с кем-то приветственным жестом, быстро прош.,,л в каюту, укутал жену в плащ и пон.,,с е., на берег.

– Привет тебе, Николай. Я очень рад, что вовремя поспел. Но как ни спешил, тебе вс., же пришлось ждать меня, – говорили по-английски очень приятным, нежным по тембру, но довольно низким голосом.

– Поверьте, я ждал бы до конца разгрузки парохода, раз вы приказали ждать здесь.

– Это по-твоему! Во вс.,,м, всегда и везде можно быть уверенным, что ты выполнишь точно приказ, – произн.,,с тот же голос. – Не тревожься о Наль, дай мне е., на руки и веди сюда своих инвалидов. Видишь у сквера зел.,,ную карету? Веди прямо к ней.

Наль почувствовала, как другие сильные руки приподняли е,,. Ей показалось, что человек этот намного выше Николая, как назвал незнакомец е,, мужа. Сначала ей хотелось протестовать, сказать, что она вовсе уж не так слаба, чтобы переходить с одних рук на другие. Но едва очутилась она в руках незнакомца, неизъяснимое счастье, почти блаженство, охватило е,,.

– Отец, – невольно прошептала Наль. И – точно подслушал незнакомец ш,,пот е,, уст и сердца – ещ,, нежнее обхватили е,, сильные руки. Точно как в детстве, спасаясь от глупых строгостей т,,тки на руках дяди Али, Наль почувствовала себя защищенной. Ей и не надо было видеть того, к чьему сердцу она доверчиво приникла, – она чувствовала себя слитой с ним ещ,, крепче, чем с дядей Али.

Николай вернулся со своими спутниками, все разместились в экипаже и двинулись по серым и однообразным улицам, заполненным дымом и туманом. Ехали довольно долго, пока не выбрали на красивую, широкую улицу и остановились у двухэтажного особняка, окруженного садом.

– Доверь мне донести тво,, сокровище до комнат, назначенных тебе и ей, – обратился Флорентиец к Николаю. – А ты проводи своих друзей в комнаты внизу, с левой стороны. И дай им немедленно лекарство, ты знаешь, какое и как. Часа три, четыре они проспят и тогда смогут кушать. Сам же, уложив их, приходи наверх. Услышишь наши голоса – на них и иди.

Легко, как будто бы Наль была куклой, вышел Флорентиец из экипажа, сказав что-то на непонятном ей языке, очевидно, слуге, и стал подниматься по лестнице.

Наль было стыдно, что е,, несут, как дитя. Ей было неловко обременять кого-то собой, и вместе с тем чувство необычайного счастья, радости и впервые узнанной ею любви к отцу заставляло е,, сожалеть, что лестница не бесконечна, что уже пройдена одна площадка и скоро е,, поставят на ноги.

Положив е,, на диван. Флорентиец, смеясь, откинул с е,, головы плащ и ласково сказал:

– Теперь посмотри на того, кого в мыслях ты уже признала отцом. Быть может, взглянув, ты не захочешь выговорить это слово? Или сердце тво,, угадало раньше уст?

– О, как вы прекрасны, отец. Аллах, Аллах, как вы сияете! – прикрывая глаза рукой, сказала Наль. – О отец, теперь я не смогу больше жить без вас! Позвольте мне поцеловать ваши руки. Мне кажется, первый раз в жизни я понимаю, что такое счастье. Здесь, подле вас, ничего не надо.

Только бы исполнять вашу волю.

Наль соскользнула с дивана на ковр и приникла к рукам Флорентийца, сидевшего на низкой табуретке у е, изголовья.

– Встань, дитя, мы с тобой будем долго вместе. И я рад ответить любовью на твой зов. Будь моею дочерью, как твой муж, Николай, уже давно мой сын. Называя меня отцом, ты только бер,,шь то, на что имеешь право. Вот, съешь эту конфету, и через час будешь бегать не хуже, чем по саду дяди Али.

Можешь ли объяснить мне и себе ясно: почему, будучи воспитана Али, обожая его, любимая им, ты назвала меня отцом и заявила сво,, право на это, прикоснувшись ко мне? Его же ты ни разу так не назвала.

– Это очень странно, отец. Действительно, ведь вс,, что я имела в жизни до сих пор, – вс,, от дяди Али. Вс,, через него. Вс,, – его заботами и даже борьбой и подвигом. Вс,, вс,, – зардевшись, говорила Наль, – и... капитан Т., которого ты зов,,шь Николаем, и даже встреча с тобой, отец, – вс,, только от него, дяди Али.

Но объяснить вряд ли смогу, почему моя любовь к дяде Али была не то чтобы со страхом смешана... Но он так сил,,н. Так недостижимо высок, что почувствовать себя с ним так просто, как с тобой, я никогда не могла. Я вс,, чувствовала, что между нами словно огромная гора света, и проникнуть за не,, я не могла. А увидела тебя, отец, и даже ещ,, не видя, уже почувствовала, как мне просто, как легко с тобой. Если ты меня оставишь, – я жить уже не смогу. Даже любовь Николая, если бы он любил меня, – горько вздохнула Наль, – меня не удержала бы на земле без тебя.

– Если бы Николай любил тебя, дочь? Что это значит? В ч,,м ты сомневаешься?

– Нет, отец, я ни в ч,,м не сомневаюсь. Если дядя Али послал меня сюда, – значит, здесь моя жизнь и судьба. Я встретила тебя и теперь понимаю, что дядя послал меня к тебе. Он только сказал, что мы с Николаем – муж и жена. Но, видно, иначе он отослать меня к тебе не мог.

– Но кто сказал тебе, что брак ваш не состоится? Что Николай тебя не любит?

– Никто не говорил. Только, видишь, когда я стала невестой, перед брачным пиром т,,тка вс,, объясняла мне, как муж обращается с женой, если е,, любит. Но...

– Смейся, дитя, над всеми предрассудками мира, а особенно над теми утлыми понятиями, что вынесла ты из гаремной жизни. Немного времени пройду,,т, и ты пойм,,шь всю силу любви и преданности Николая. Немало жертв Николай тебе прин,,с, и ты их узнаешь. Будь с ним так же проста и

честна, как сейчас со мной. И ты поможешь и мне, и дяде Али. А помощь ваша прежде всего заключается в той новой, освобожденной семье, которую вы оба должны создать. Ну, вот и муж твой. Сюда, Николай. Приподняв портьеру, на пороге показался Николай. – Ну, конечно, я не сомневался, что Наль будет сразу поднята на ноги вашим волшебным присутствием, Флорентиец. Она так сияет, что мне не о чем спрашивать.

– Отец приказал мне звать вас Николаем. Мне хотелось бы называть вас как-то иначе, чем зов,,т вас Левушка. Но я буду звать вас так, как зов,,т отец. У меня в ушах будут звенеть два голоса – его и мой собственный – каждый раз, когда я буду произносить: «Николай».

Флорентиец засмеялся, а на лице Николая выразилось удивление.

– Вс,, это хорошо, дочь моя, времени у нас впереди много, мы ещ,, обо вс,,м поговорим. А сейчас иди в ванную. Надо одеться к лицу и сойти вниз завтракать. Я приготовил для тебя девушку-горничную. Она никогда этим раньше не занималась, но жизнь того потребовала. У не,, – старушка мать и младший брат, которого надо учить. А найти женщине в Лондоне кусок хлеба, чтобы содержать ещ,, двух человек, – почти невысказано. Я взял с,,к себе, имея в виду куда-либо пристроить. Она знает языки, знает этикет, у не,, много вкуса. И будет тебе полезна. Я е,, сейчас приведу.

Флорентиец скрылся так быстро, что Наль ничего ответить не успела. Спустившись с лестницы, он вош,,л в чудесную комнату с балконом, обитую зел,,ными ш,,лковыми обоями и обставленную немногими старинными вещами. Шкафы с книгами и письменный стол были из светлого, золотистого дерева, с инкрустацией из черепахи. Пройдя комнату, он вышел на балкон и позвал: – Дория, пройди ко мне сейчас же.

В саду слышались поспешные шаги, и на дорожке показалась высокая женская фигура. Женщина прошла через балкон в комнату.

– Садись, Дория. Ты просила меня помочь тебе. Сама знаешь, как много Ананда для тебя сделал, и как ты, дав обет беспристрастия и отказа от зависти, нарушила его. Тяжела теперь твоя жизнь, ставящая тебя постоянно в положение существа зависимого, второстепенного. На каждом шагу она выбивает из тебя крючки зависти и ревности.

– Да, жизнь была мне тяжела, когда я лишилась своего руководителя Ананды. Я страдала и до сих пор страдаю от сознания, что ударила в моего милосердного поручителя стрелами страсти и зависти. Но жизнь в вашем доме – более чем счастье. Мо,, сердце чисто. В н,,м теперь нет ни зависти, ни пристрастий, ни осуждения, но я должна доказать, что понимаю теперь счастье жить в служении вам. И этим снять с Ананды ответ за себя.

– Уверена ли ты, что всякий труд понес,,шь радостно? Что не

проснутся в тебе вновь гордость и чувство унижения? Или ревность и зависть к чужой блестящей жизни?

– Я уверена. Уверена не в себе, не в своих качествах. Я уверена в истинности любви к людям, проснувшейся во мне.

– Если бы я сказал тебе стать слугой у юной, прекрасной как мечта женщины? Служить ей горничной, нянькой, потому что она неопытна, как дитя. Быть ей незаметно наставницей по части манер и одежды, потому что она азиатка и не знает не только света, но даже не видела вовсе европейской жизни. Как отнеслась бы ты к такому труду?

– Служа ей, я служила бы вам. Служа вам, я искупила бы грех перед Анандой и вернулась к нему.

Долго-долго смотрел на Дорию Флорентиец. Так долго, что у женщины участилось дыхание. Точно до самого дна проникал его взгляд и читал не только ее, теперешнее состояние, но и всю будущую ее, жизнь и возможности. Наконец он встал, улыбнулся и сказал:

– Слово твоё, отзовётся в веках. Я ставлю свою подпись под твоим новым обещанием. Дитя, за которым я поручаю тебе уход, надежда многих. Я не знаю, насколько великодушна будет она к тебе поначалу и будет ли вообще.

– Я сама буду великодушна. Благословите меня. Флорентиец, я думаю, что больше не поскользнусь, под какой бы личиной ни пыталось проникнуть ко мне зло.

Дория опустилась на колени, прижала к губам дивную руку Флорентийца, который положил ей на голову свою вторую руку.

– Пойдём, она ждёт, – сказал Флорентиец, поднимая Дорию.

Дория оторвала влажные глаза и казалась удивлённой. – Да, это здесь, в моём доме, и тебе никуда уезжать не надо.

– Какое счастье, – радостно воскликнула Дория. Флорентиец направился к выходу и, оглянувшись в дверях, сказал ей, улыбаясь:

– Привыкай к роли горничной и учись ходить позади госпожи и господ.

Войдя к Наль, он подвёл к ней Дорию и сказал: – Вот горничная, как я тебе обещал, дочь. Её зовут Дория. – О, какое красивое имя, не менее красивое, чем вы сами, – подымаясь с дивана и положив руку на плечо Дории, сказала Наль.

Дория поднесла к губам руку своей новой хозяйки и сказала, что будет стараться служить ей так верно, как только сумеет.

– О Дория, как вы меня огорчили. Зачем вы поцеловали мне руку. Я возвращаю вам поцелуй. – И раньше, чем кто-либо успел опомниться, Наль

поцеловала руку сконфуженной Дории.

– Я не знаю света, Дория. Но дядя Али научил меня, что нет в жизни слуг и господ, а есть люди, цвет крови которых одинаково красен. Не слугой вы будете мне, но другом, наставницей в тысяче новых для меня вещей, которых я не знаю.

Отец, я уже успела осмотреть комнаты, что вы назначили мне. Куда мне столько? Можно Дории жить в прелестной угловой, выходящей в сад? Я бы так хотела, чтобы ей было легко и весело со мною.

– Ты маленькая хозяйка и своих комнат, и Дории. Поступай, как хочешь. Боюсь, что своим восточным очарованием ты не только меня с Николаем, но и весь дом скоро заберешь в плен, – шутил Флорентиец. – Но времени теперь не теряй. Приведи себя в порядок и спускайся завтракать по звуку гонга. Он да, тся за четверть часа.

С этими словами хозяин дома ушел, уводя с собой Николая. – Дория, друг. Я совсем ничего не умею делать и не знаю, что в этих сундуках. Они открыты, но что выбрать, чтобы нарядно и подходяще к случаю одеться, я не знаю.

– Не беспокойтесь, графиня, ванна уже готова, я посажу вас в нее, и вернусь поискать что-нибудь подходящее. Вы наденете то, что вам понравится больше. Если же не понравится ни один из туалетов, мы потом съездим в город и купим все, что будет нужно.

– Дория, у нас не принято, чтобы девушки звали свою хозяйку иначе, чем по имени. Прошу вас, когда мы одни, зовите меня Наль, как у нас в стране. Если же здешние приличия требуют меня величать, то величайте только на людях.

Выйдя из ванны, освеженная, прекрасная, точно весенний цветок, Наль с детским восторгом рассматривала приготовленные Дорией платья.

– Эти все годятся для завтрака, – сказала горничная, усаживая свою госпожу перед большим зеркалом. – Господи, как вы прекрасны, – сказала она, распуская ее, роскошные волосы.

Кто-то постучал в дверь, и слуга сунул Дории в руки узелок, завязанный в чудесный персидский платок. – Для Наль, – сказал он и ушел.

Наль развернула узелок, и оттуда выпали две косы, перевитые жемчугом, с драгоценными накосниками на концах, отрезанные ею в день бегства из К. Там же было и роскошное покрывало.

– Что это? Точь-в-точь ваши вьющиеся волосы. – Они самые и есть. Шляпа на них не лезла, да и выдали бы меня с головой. Даже у нас, где у многих хорошие волосы, мои косы до полу всех удивляли. Вот я их и отрезала, – спокойно ответила Наль.

– И вам не жаль было лишать себя такой исключительной красоты?

– Ах, Дория. Красота – это такое растяжимое понятие. До сегодняшнего дня я думала, что мой муж красивее всех на свете. А сегодня поняла, что красота может быть еще, и божественно прекрасна.

– Да, – засмеялась Дория, – я согласна, что вы божественно прекрасны, и никская богиня Олимпа вам не страшна. Но разрешите мне причесать вас по моде, а то мы гонг пропустим.

Уложив волосы Наль большим узлом на затылке, спустив по бокам небольшие локоны, Дория укрепила прическу жемчужным черепаховым гребнем и такими же шпильками, отделанными мелкими бриллиантами Наль стала выбирать платья.

– У нас надевают много халатов, один на другой. А как по вашему обычаю, нельзя ли надеть все платья сразу? Они так прекрасны.

– Нет, никак нельзя, – смеясь, разводила руками Дория. – Надо решиться на что-нибудь одно.

– Как жаль, – так серьезно сказала Наль, что Дория снова покатила со смеху. Наль вторила ей и, наконец, надела золотистого мягкого шелкового платья, отделанное у шеи и рукавов кружевом. Тонкая, высокая шея, выступающая из едва открытого ворота, короткие рукава, – все, изменяло Наль до неузнаваемости.

– Я вижу, вернее слышу, что вы превесело одеваетесь. Можно войти? – услышала Наль голос Николая.

– Ах, нет, никак, – закрывая обнаженную шею и лицо, чем бы прикрыть голые руки и обтянутое платьем тело, вскрикнула Наль.

– Как нельзя? Да ведь вы совершенно готовы, – удивился Николай, видя свою жену в полном туалете.

Наль, закрывая все, так же шею, с полными слезными глазами стояла перед ним.

– Что случилось, Наль? Кто вас обидел? В чем дело? Я только хотел сказать, как вы необычайно хороши в этом платье, но ваши слезы расстроили меня. Я даже забыл, зачем пришел.

– Ну, уж я понял, что без меня здесь не обойдется. И чтобы первый завтрак прошел весело, явился сам вести тебя в столовую, дочь моя, – сказал Флорентиец. – Тебе неудобно и неловко в доме отца, а им ты меня признала, в обществе мужа, которого любишь, находиться с открытой шеей и руками? Это предрассудок, дитя. Брось его. К чистой женщине, к ее чистым мыслям не могут прилипнуть ничьи грязные взгляды и мысли. Тебе придется бывать с открытыми плечами среди большой толпы. Привыкай и помни одно: атмосфера чистоты невыносима для зла. Оно бежит от нее. Надо

иметь в самой себе что-то злое, чтобы зло могло коснуться тебя.

Он взял из рук Николая футляр, открыл его и вынул два крупных камня грушевидной формы, зел,,ный и бриллиант, на тонкой цепочке из таких же, только мелких камней.

– Позволь мне надеть тебе на шею эти камни. Белый дарит тебе твой дядя Али – это камень силы. Зел,,ный даю тебе я – это камень такта и обаяния, камень чистоты и умения приспособиться ко всем обстоятельствам жизни.

Он надел на шею Наль цепочку, и камни заиграли на белых кружевах. Наль подняла свои огромные глаза и улыбнулась. Рядом с величественным Флорентийцем, на прекрасном лице которого лежал безмятежный мир, она была похожа на реб,,нка.

– Возьми мою руку, как обучил тебя Николай, и пойд,,м в мою комнату. Там ты встретишь двух моих друзей. Не растеряйся, если они поцелуют тебе руку. А за столом мы с Николаем постараемся показать тебе фокусы моды и этикета, называемые воспитанием, так, чтобы кроме тебя одной этого никто не заметил.

Сойдя с лестницы, Флорентиец вв,,л Наль в свою зел,,ную комнату.

– Как прекрасно здесь! Какой балкон! Сколько книг, почти столько, что и у Николая.

– Гораздо больше. Здесь, в глубине дома, одна из лучших частных библиотек, Наль, – сказал Николай жене.

Раздался стук в дверь, и друг за другом вошли в комнату двое мужчин, которых хозяин сердечно приветствовал и, взяв обоих под руки, подв,,л к Наль.

– Позволь тебе представить, Наль, моих друзей. Это – лорд Мильдрей, а это просто индус, студент Оксфордского университета, Сандра Сантанаида. Для тебя просто Сандра. Он ещ,, мальчишка и, наверное, будет играть с тобой в куклы. Моя дочь, – закончил Флорентиец.

Лорд Мильдрей, на вид лет под тридцать, плотный, серь,,зный, с большими, добрыми и пронизательными глазами, приветливо улыбался. Низко склонившись, он почтительно поцеловал руку Наль, подал ей две розы и молча отош,,л. Он был, видимо, поражен красотой Наль и тем, что у Флорентийца оказалась дочь, чего раньше он не знал.

Сандра, смуглый, с живыми, блестящими, ч,,рными как уголь глазами, напомнившими Наль об Али, не мог сдержать смеха при упоминании о куклах. И зубы на его смуглом лице сверкали точно мраморные.

– Простите, графиня, но ваш отец заставил меня разом забыть о приличиях, которым так долго и терпеливо обучает меня мой друг, лорд

Мильдрей. Будьте великодушны к оксфордскому отшельнику, не так давно приехавшему из Индии, и для первого раза – простите. – И Сандра поцеловал протянутую руку так сердечно, что Наль почувствовала себя очень просто.

Гонг ударил вторично. Флорентиец подош,,л к Наль и пов,,л е,, к столу. Стараясь держаться как можно увереннее, Наль вс,, же не могла скрыть изумления, войдя в столовую, высокие стены и потолок которой были из резного, т,,много дерева. Флорентиец подв,,л Наль к длинному столу и посадил е,, на место хозяйки. Поклонившись Наль, он занял место по правую е,, руку, по левую сел Николай, рядом с ним лорд Мильдрей, а Сандра возле Флорентийца.

В первый раз в жизни не только без покрывала в обществе мужчин, но ещ,, с открытой шеей и руками, Наль чувствовала себя совсем расстроенной. И только сознание, что рядом с ней е,, верные защитники, которым она добровольно вручила свою судьбу, помогло ей наблюдать, что и как они делали, и учиться жить по-европейски. Она старалась забыть о себе и думать только о них, чтобы поскорее перенять вс,, и облегчить им их заботы.

– Ну, Сандра, как идут твои уроки воспитания? – услышала она голос Флорентийца. – Из рук вон плохо, – весело ответил индус. – Неужели вс,, бегаешь по улицам, шагаешь через три ступеньки и не помнишь, из какой рюмки что нужно пить? – О, много хуже, лорд Бенедикт, – ответил Сандра, немало озадачив Наль таким обращением.

Она с удивлением взглянула на Николая, говорившего ей совсем недавно, что у Флорентийца иного имени нет. В глазах Николая засветился юмор, но этот немой вопрос он оставил без ответа.

– Мои таланты по части усвоения галантности приводят в отчаяние моего доброго наставника. Куда бы он меня ни вв,,л, я непременно оскандалюсь и уж вторично не рискую являться в тот дом, что немало меня печалит, – со вздохом признался Сандра.

– Зато таланты моего молодого друга в науке поразительны, – вмешался лорд Мильдрей, – он сразу перепрыгнул через два курса и недавно сделал работу, которую профессура признала гениальной.

– Я многим вам обязан, граф, – сказал Сандра, обращаясь к Николаю. – Обе книги, изданные вами под именем капитана Т., как и последняя брошюра о технике и математике, дали моей разработке такой основательный фундамент, что мне стыдно принимать похвалы одному. В предисловии я упомянул источник моего вдохновения – вас. Удивление Наль нарастало. Л,,гкое прикосновение руки Флорентийца вернуло е,, на

землю.

– После завтрака я расскажу тебе, Наль, об одном мо,,м молодом друге, имя которого Левушка. И объясню, чем ты мне его напомнила, – тихо сказал Флорентиец, пока между Николаем и Сандрой ш,,л уч,,ный разговор.

Воспользовавшись минутным молчанием, Флорентиец спросил Сандру:

– Вс,, же ты мне не объяснил, за что тебя не впускают вторично в приличные дома.

– Ах, лорд Бенедикт, это ведь трагедия. Только что лорд Мильдрей растолковал мне, что дамам надо кланяться издали. Идти за ними осторожно, дабы не оборвать оборки на шлейфе и т.д. Я вс,, это учел, благополучно дов,,л даму до места и подал ей чашку чая. Завязал я, по моему разумению, самый светский разговор, но мать нашла беседу мало приличной, под села ближе, чтобы руководить нами, и подсунула мне под ноги свой несносный шлейф. Ну и, конечно, когда я встал, юбка отскочила от пояса, и было это так смешно, что многие рассмеялись. Виноват ли я, что вся техника е,, платья заключалась в булавках?

– Он, видите ли, лорд Бенедикт, зав,,л с дочерью разговор о курах и телятах, – снова вмешался лорд Мильдрей. – Ну сами понимаете...

Звонкий смех Наль утонул в общем смехе. Вставая из-за стола, Наль несколько раз попробовала, крепко ли сидит на ней юбка, чем насмешила вс,, подмечавшего Николая. Перейдя в гостиную, Наль была удивлена, что золотистые обои, мебель и портьеры с коричневыми кистями и мелким бордюром из белых лилий были почти в тон е,, платью.

Флорентиец предложил Наль самой подать гостям маленькие чашечки кофе. Наль сделала это с такой особенной грацией и изяществом, что Сандра воскликнул:

– Клянусь всеми богами Востока, что если бы лорд Бенедикт не поразил меня сегодня, назвав вас своей дочерью, я готов был бы присягнуть, что вы приехали с Востока.

– Я тебя ещ,, больше удивлю сейчас, – поглядев серь,,зно на Наль, сказал Флорентиец. – Завтра моя дочь выходит замуж. Обряд венчания должен совершиться без всякой пышности, без толпы и оповещения. Ты говорил, что у тебя зав,,лся поклонник твоей мудрости – пастор. Не может ли он совершить обряд, ни о ч,,м нас не расспрашивая и не требуя оглашения?

– Помилосердствуйте, лорд Бенедикт, когда же я вам говорил, что он поклонник моей мудрости? Он просто мой большой приятель, прощающий мне мои погрешности в этикете. Человек он исключительно честный и

добрый и рад всем услужить. Я немедленно к нему отправлюсь и сообщу вам его ответ.

Проглотив кофе, Сандра встал, чтобы исполнить желание хозяина.

– Чтобы ускорить дело, садись в мой экипаж и, если сможешь, привези пастора. Здесь он сам увидит жениха и невесту...

– И не устоит против е,, чар, – смеясь, перебил Флорентийца Сандра. – Еду, ручаюсь, что пастора привезу. Отдав общий поклон, Сандра вышел.

– Вы не откажетесь, лорд Мильдрей, быть свидетелем на свадьбе моей дочери? – спросил второго гостя Флорентиец.

– Сочту большим счастьем присутствовать при соединении пары такой красоты. Я думаю, что если бы мог прожить ещ,, десять жизней, второй такой свадьбы я уж не увидел бы, – ответил лорд Мильдрей.

– Вы совсем переконфузили Наль, – рассмеялся хозяин. Лицо Наль было задумчиво, даже немного печально. Казалось, она даже не слышала, о ч,,м говорили вокруг.

– Отец, я хотела бы написать дяде Али. Письмо мо,, конечно, не поспеет дозавтра к нему. Но вс,, же я хотела бы ему написать.

– Другими словами, ты желаешь нас покинуть до приезда пастора. Ну что же, как нам ни приятно тво,, очаровательное общество, уж так и быть, мы перенес,,м час-другой разлуки. Можешь не торопиться, пастор жив,,т на другом конце Лондона и одной езды к нему минут сорок.

Вернувшись к себе и застав Дорию за разборкой сундуков, Наль была удивлена количеством поместившихся там вещей. Но на этот раз, едва взглянув на ворох красивых платьев, она перешла в свой будуар и, плотно закрыв дверь, села за письмо.

«Мой дорогой дядя Али. Сейчас я живу в Лондоне, в доме человека, которого никогда не знала и не видела, и в моей жизни совершаются чудеса, одно за другим.

Сейчас я расскажу тебе, мой любимый дядя, о первом и самом великом чуде, совершившемся сегодня. Я знаю, что не найду точных слов, чтобы его выразить. Но также знаю, с раннего детства знаю, что если только я всем сердцем тебя зову, – ты тотчас же отвечаешь мне. Ах, вот и сейчас так ясно вижу твои ч,,рные глаза, добрые, благословляющие. Их лучи точно проникают в меня, согревают. И теперь я знаю, что найду нужные слова, – ты пойм,,шь вс,, что мне необходимо тебе сказать.

Дядя, как могло случиться, что возвращенная, воспитанная, скажу прямо – созданная тобой, я ни разу не назвала тебя отцом? Ты и я – для меня как бы одна плоть, один дух. Я всегда, везде, во вс,,м точно где-то сбоку от тебя. Я

– часть тебя. Меня немисливо оторвать, потому что сердце мо,, вросло в тво,, а образ твой – он как бы сверкает у меня между глаз, ощущаю его вросшим в мой лоб.

Отец ли ты мне после этого? Отец. А между тем, имея вс,, в жизни от тебя, через тебя, вс,, – от детства и защиты до любви и мужа, – я никогда не сказала тебе этого слова. А здесь, сегодня, неведомый мне доселе твой друг Флорентиец взял меня на руки – и сердце мо,, утонуло в блаженстве и сказало: «Отец».

Когда я увидела его, мои уста повторили это слово и выдали ещ,, одну тайну, скрытую в сердце: что жить без него, того, кому я сказала «отец», я уже больше не смогу.

Тебя нет со мной, но как ясно сейчас вижу тебя в тво,,м саду, точно я рядом с тобою, и я живу. Я уехала от тебя, дядя, не без скорби и тревог, хотя сила твоя, – я е,, чувствую, – трепещет во мне так же, как жила и трепетала при тебе и с первых минут разлуки с тобой. Я уехала с мужем, которого ты мне дал. Я вс,, это время дышала, жила, любила. Но теперь, если бы жизнь повернулась так, что из не,, для меня исчез бы тот, кому я сказала: «Отец», – я бы уже жить не могла. Разве только подле тебя, дядя, тою силой, что лилась и ль,,тся сейчас в меня от тебя. У меня такое чувство, точно я тебя обокрала. Точно взяла у тебя кусок жизни, а возвращаю часть любви, не всю любовь до конца.

Но ведь на самом деле это не так, дядя Али. Ты для меня – вс,, вся суть жизни. Если бы уш,,л из жизни ты, я ушла бы не от тоски, а как часть тебя, хотела бы или не хотела бы я этого, выбирала бы или не выбирала бы себе такую долю.

Главное в моей теперешней жизни – это он. Тот, кому я сказала: «Отец». Не знаю, пойм,,шь ли ты меня, я так путано выражаюсь. В н,,м, в отце, светит такое обаяние, такой радостью веет от него, точно какой-то путь из света тянется за ним и перед ним. И мне не надо закрывать глаза рукой и говорить, как тебе: «Дядя Али, убери свой свет, он меня слепит». Его свет я не только выношу, – он нес,,т мне блаженство. От твоей силы я падала, точно разбитая, а его сила – уверенность в защите. Но и это ещ,, не вс,, мой друг, мой обожаемый дядя Али. Ты дал мне в мужья того, кого я любила после тебя больше всего. Я ехала легко, я думала, что им тоже любима. Если и не так любима, как любят женщин у нас, то вс,, же любима. Но этого, дядя, нет. Отец сказал сейчас, что завтра будет наша свадьба. А я не плачу только потому, что помню, как, расставаясь, ты мне сказал: «Там твой путь».

Сила твоя – о, как я ясно вижу тебя сейчас, как ласково ты улыбаешься

мне, – вошла в меня. Я маленькая женщина, я ничего ещ,, не знаю, но сила твоя, верность твоя живут во мне и будут жить до смерти. Ты пойми, дядя Али, мой дядя-создатель. Я не протестую, но я чувствую себя навязанной.

Отец сказал, что помощь моя тебе, ему и многим будет заключаться в той новой, освобожденной семье, что мы с Николаем должны создать. Я знаю, что такое закрепощение в предрассудках. Знаю уродливую семью, где выросла сама. Думаю, что знаю, как должны создаваться радостные, гармоничные семьи. Но для этого нужны двое. Для этого нужна любовь обоюдная. А Николай меня не любит. Он не только не прижал меня к сердцу ни разу, он даже не поцеловал меня, не обнял, не приласкал. Он точно боится меня и говорит мне «вы». О, дядя, вдохни в меня уверенность. Моя верность тебе и данному тобой завету поколебаться не могут: они живут в тебе, я их там беру, я часть тебя. Но что толку держать верность в сердце и не уметь действовать каждый день именно так, как надо...

Я знаю теперь, я поняла вс,, что ты сейчас мне говоришь, дядя, дядя, я услышала вс,, что ты сказал! Какое счастье, что я теперь понимаю, что ты послал меня сюда к отцу! Да, да, теперь я буду знать, как мне завоевать любовь мужа, как мне создать семью. Он – отец – научит меня, и ты об этом знал. О, это снимает бремя с моей души. Я не могу вообще выносить ни в ч,,м компромисса или двойственности. Меня так мучило, что ты можешь подумать, будто где-то, краешком сердца я изменила тебе.

Я ношу в сво,,м сердце скорбь о горе Али Махомеда. Но, видит Аллах, я ему ничем и никогда не подала надежды.

Напротив, я ему доверила тайну моей любви к капитану. Он ей не верил и шутил, называя его принцем из сказки. До свиданья, дядя. Я снова твоя счастливая Наль. Я уже не буду горевать, я буду стараться действовать просто. Теперь, когда я вдруг увидела тебя, услышала твои слова, – я знаю, как, где и у кого спрашивать совета, если отец не сможет мне его дать. И мне легко, я знаю, как тебя позвать. Я буду садиться за письмо к тебе – и увижу тебя в тво,,м саду, а потому буду всегда твоей счастливой Наль».

В дверь постучали, и Николай вош,,л звать Наль знакомиться с пастором.

– Бог мой, что с вами, Наль? Вас точно подменили. Вы уходили такая печальная, а сейчас, право, точно пропитались светом и миром в саду Али.

– Это верно. Мои детские горести рассеял дядя Али. Его сад, в котором побывали мои мысли, развеял этот противный туман. А если бы вы разрешили мне надеть ещ,, какой-нибудь шарф, мне было бы и удобнее, и теплее. Здесь мне вс,, холодно.

Николай позвонил и приказал Дории подать графин какой-нибудь тупый шарф. Через минуту он привел закутанную в белую шаль супругу в гостиную.

– Ну вот, теперь вы видите перед собой обоих мои детей, – сказал Флорентиец, подводя к пастору Николая Наль.

– О да, ваши дети подходят друг другу. Признаться, когда мой оксфордский приятель рассказывал о красоте невесты, я ему не очень верил, потому что о женихе он тоже сказал «Такого ученого, красавца, мудреца и воспитанного человека мог найти своей дочери только лорд Бенедикт. Только в романе можно выдумать такую пару, да и то в романе восточном, а не английском». Но так как Сандра бредит Востоком, – я не особенно ему поверил. Теперь же я рад соединит ваших детей хоть сейчас.

Пастор был высокого роста, седой, но с розовым и молодым лицом. Необыкновенная доброта сквозила на его умном лице и в синих глубоких глазах. Он сел напротив молодой людей и, соединив их руки, сказал:

– Я уверен, что через двадцать лет, стоя во главе больше семьи, вы будете примером своим соседям, все так же любя друг друга.

На лице Наль появилось такое явное замешательство, что добрый старик, устремив на нее пристальный взор, тихо спросил:

– Вы любите своего жениха? – О да, очень и давно, – не колеблясь ответила Наль. – Давно, значит, с детства. Вам не может быть более шестнадцати лет, хотя ваш туалет и делает вас солиднее. А вы, вы любите свою невесту?

– О да, очень и давно, – повторяя в точности ответ Наль, сказал, улыбаясь, Николай.

Быстрый как молния взгляд, брошенный на Николая, вспыхнувший на лице Наль румянец, сменившийся бледностью, заставили пастора на мгновение задуматься. На его добром лице выразилось огорчение. Он еще раз взглянул на прекрасное, дышавшее честью лицо Николая, и внезапно его собственное лицо просветлело.

– У вашей дочери, лорд, вероятно, нет матери? Не разрешите ли вы мне переговорить с нею несколько минут без свидетелей?

– Я буду вам очень благодарен. Вам будет легче венчать Наль, если вы уверитесь в ее любви к будущему мужу, – ответил Флорентиец.

– Нет, у меня нет сомнений, лорд. Но женщина, вступая в брак по любви, должна быть спокойна и уверена и в себе, и в муже. Я думаю, тут есть маленький детский страх, который я сумею прогнать.

Флорентиец открыл дверь в соседнюю комнату и пропустил туда Наль и пастора. Как только они переступили порог, оба замерли от удивления и

какого-то особого чувства мира и благоговения. Комната была вся белая, обтянутая белой материей, блестящей, как ш,,лк, и похожей на замшу. Пол из белых плит, походная кровать, обтянутая такой же материей, как и стены, и на ней две звериные шкуры. На белом столе высилась высокая зел,,ная ваза с букетом лилий.

– Как здесь дивно. Здесь вс,, как сам отец, – прошептала Наль.

– Надо и вам быть всегда таким вот храмом для мужа и детей. Ваш муж сейчас относится к вам, как к святыне. А вы думаете, что он вас не любит. Идите, дитя, своим жизненным пут,,м, как эти лилии, на которые вы так похожи. Здесь, в эту минуту, я венчаю вашу душу с душой вашего мужа. Берегите его. Ему много предстоит испытаний. Охраняйте его. Ваш муж не смог бы перенести ни мгновения вашей неверности. Будьте честны до конца, бдительны и добры. Остальное прид,,т.

– Я поняла вас. Я буду думать о муже, а не о себе. Отец и он помогут мне создать семью. Я благодарна вам. Теперь я знаю, я спокойна.

Точно чувствуя, что пора открыть дверь, Флорентиец встретил на пороге Наль и пастора. Теперь лицо Наль сияло так, что у экспансивного Сандры вырвался не то стон, не то крик. Наль бросилась на шею Флорентийцу, который поднял е,, и прижал к себе. Опустив е,, на землю, улыбаясь и указывая на Николая, он сказал: – А его разве не обнимешь?

– Завтра, – по-детски прижимаясь к Флорентийцу и закрываясь шалью, сказала Наль.

Лицо Николая вдруг сделалось смертельно бледно. И он обрадовался родственнику, Наль, которого Флорентиец тут же представил гостям.

– Наконец-то я прищ,,л в себя. Море меня уложило в постель, а этот холод заставляет кровь стынуть в жилах.

– Это поправимо, – любезно ответил хозяин и приказа развести в камине огонь, чем обрадовал Наль и Сандру, к удивлению северян, которым было жарко.

Пастор подош,,л к Флорентийцу и, условившись о часе венчания, пожал руки влюбл,,нным и вышел, провожаемы! хозяином.

Как ни хотелось Наль поговорить с Николаем и рассказать о дивной комнате Флорентийца, она инстинктивно почувствовала, что обязана занять гостей до возвращения отца. Поблагодарив Сандру за его хлопоты, она выразила удивление, как это у него, столь юного, может быть такой пожилой друг, как пастор.

– Все мои попытки найти себе друзей в университете не приводят к успеху. Я не увлекаюсь ни спортом, ни боксо а вижу в них только необходимую закалку тела. А для моих товарищей в спорте чуть ли не

главная ось жизни. Попытки лорда Мильдрей ввести меня в семейные дома также неудачны. Что же мне делать? Я ищу друзей среди людей науки.

– Но ведь вы не думаете, что с девушками можно разговаривать только о курах и телятах. Я, правда, тоже не знаю какие темы полагается выбирать в гостиных, – смеялась Наль, – но представляю, что вы смогли бы каждого обогатить своим разговором, разбудив в человеке мысль, если вы так потрясающе умны, как говорил нам лорд Мильдрей.

– Вот то-то и оно, графиня, что имеется маленькое такое словечко: такт, которое помогает жить людям даже с небольшим умом, – добродушно сказал лорд Мильдрей. – Оно же постоянно мешает иному умнику.

Возвратившийся Флорентиец сердечно поблагодарил Сандру, сказав, что он у него теперь в долгу. Условились, что оба свидетеля приедут к двенадцати часам, их будет ждать экипаж. Из церкви все проедут к нотариусу, а затем сюда на ранний обед. Удивлению двоюродного дяди Наль не было границ.

– Али, мой друг и брат, поручил мне доставить к вам Наль, которая должна стать женой капитана Т. Но чтобы вручить ее, вам как дочь, на этот счет не было никаких указаний.

– Они были у меня, – вмешался Николай. – А еще, Али хотел, чтобы вы присутствовали на нашем бракосочетании, а затем возвращались домой вместе со слугой.

– Слава Аллаху, значит мне не нужно сопровождать вас ни в Америку, ни куда-нибудь еще,?

– Нет, – смеясь, ответил Николай. – Вы даже можете возвращаться обратно через Париж, тогда вам придется на ненавистном пароходе только пересечь пролив.

Флорентиец предложил Наль и Николаю прокатиться по городу, а дрожащему южанину дал книгу, которой тот обрадовался больше, чем ребенок кукле. Укутав старика в плед и усадив его у камина, трое друзей, переодевшись, покатали по шумным улицам Лондона. Наль, никогда еще не видевшая такого большого города, была столь поражена, что только молча поворачивала свою прелестную головку.

Флорентиец называл ей знаменитые музеи, говоря, что она их вскоре посетит. Обещал свезти в театр, о котором она прежде только читала. Изредка он называл, кому принадлежит тот или иной роскошный особняк или выдающийся своей Архитектурой дом.

Свернув на одну из улиц, экипаж внезапно остановился небольшого одноэтажного дома. Дом был красив, хотя старинного, немодного образца, и стоял в окружении небольшого прекрасно ухоженного сада.

– Здесь живёт милый пастор, так доброжелательно отнесшийся в особенности к тебе, Наль. Не хочешь ли отдать ему визит и, кстати, осмотреть церковь, где будешь завтра венчаться? – спросил Флорентиец.

– Ах, очень хочу. Но не могу скрыть, отец, что стесняюсь войти первый раз в чужой дом. Я не знаю, как себя вести.

– Очень просто. Так, как если бы ты пришла к друзьям. Если будешь нести доброту в сердце, никогда не сделаешь бестактности. Кланяйся не по-восточному, но протягивай только руку, что ты, плутовка, умеешь делать теперь очень красиво.

Говоря с Наль, Флорентиец помог ей выйти из экипажа и ввел на довольно высокое крыльцо с двумя сходами. Николай ударил молотком в дверь, отчего раздался мелодичный звон, что тоже немало удивило Наль. Послышались поспешные шаги, и старый слуга впустил их в просторный холл, по стенам которого стояли высокие деревянные вешалки и стулья готического стиля, и на двух окнах стояли цветущие растения. Спокойствием веяло в доме. Всюду были разостланы ковровые дорожки и царил такая чистота, что удивилась не только Наль, но и чрезвычайно следивший за порядком Николай.

Взяв визитные карточки гостей, слуга ввел их в гостиную, тоже старинную, с огромным камином, большими диванами и креслами, обитыми синим шелком, с белыми, безукоризненной чистоты кружевными занавесками на трёх широких окнах.

– Удивительно, как красиво в западных домах. И так тихо в них, мирно, не то, что у нас на Востоке, отец.

– Ты судишь по моему и этому, единственным западным домам, которые видела. Но когда-нибудь ты научишься различать дома, и их внешняя роскошь не скроет от твоих глаз внутренних язв разложения, дочь моя.

Дверь соседней комнаты открылась, и вошёл пастор, приветствуя своих неожиданных гостей и благодаря их за честь, оказанную его дому.

– Я хотел сделать невесте маленький сюрприз к завтрашнему дню, – приветливо сказал пастор. – Должно быть, печально всякой девушке венчаться в окружении одних мужчин. Я столько наговорил о юной невесте моей жене и дочерям, что они решили немедленно обновить свои белые платья и быть вам завтра подружками. А жена будет посаженной матерью, как полагается по здешним обычаям. Но сейчас, узнав о вашей любезности, свойственной только людям истинной культуры, лорд Бенедикт, мои дочери и жена не желают упустить случая познакомиться заранее с вами и вашей дочерью. Слышите, какое там нетерпеливое ожидание? Если вы ничего не

имеете против, я их позову, – глядя на Наль, сказал пастор.

– О, как вы добры, вы верно поняли маленькую, детскую мою печаль о том, что ни одной женщины не будет на моей свадьбе. Если можно, разрешите нам скорее познакомиться.

Пастор открыл дверь, за нею стояли три женские фигуры с цветами в руках. Старшая, лет сорока, была полноватая, изящная, ярко-рыжая женщина, с большими черными глазами и резкими черными бровями, причудливо вырисованными на белой коже высокого лба. Разделенные на пробор волнистые волосы, свитые у шеи в тугие косы, были роскошны. Женщина была еще, молода и очень красива.

– Леди Катарина Уодсворд, – сказал пастор, подводя жену к Наль. – Моя жена венецианка, – прибавил он, обращаясь ко всем. – А это вот – первый номер, мисс Дженни Уодсворд, как видите, не только вся в мамашу, но даже точная ее, копия. Это – номер второй, мисс Алиса Уодсворд, вся в папашу и судя по цвету волос не имеет никакой возможности претендовать на венецианское происхождение. Девушки и мать отшучивались.

– О папа, – заразительно засмеялась младшая, – ты приехал таким влюбленным в заморскую красавицу, что поневоле всех нас взбудоражил. Но я согласна, что причина твоего восторга еще, очаровательнее, чем это можно было представить по твоим словам.

Если Наль была восточной красавицей, увидев которую нельзя было не изумиться; если Дженни нельзя было не заметить благодаря яркой, медной голове и лицу, в котором поражал контраст алебастровой кожи, алых губ и черных блестящих глаз, – то Алису, чтобы оценить ее, красоту, нужно было рассмотреть. Пепельные с золотом, красиво вьющиеся волосы, не такие обильные, как у матери и сестры, но зато легкие, стоявшие ореолом вокруг ее, лица и выбивавшиеся у висков и шеи. Темно-синие, как южное небо, чуть выпуклые, как у отца, глаза. И какая-то искренность, чистота во всем облике, живость манер и грация делали ее, обаятельной. От нее, веяло любовью и миром. Она казалась остоном семьи. Какая-то радостная доброта Алисы покоряла каждого. Вот и сейчас пасторша со старшей дочерью, сердечно приветствовавшие Наль и ее, спутников, все, же походили на дам света, радушно принимающих приятных, но чужих людей. Алиса же сразу обняла Наль, восхищенная ее, красотой, и стояла перед ней, совершенно не сознавая своей собственной прелести.

– Папа был прав. Он сказал, что Сандра не наш, л красок, чтобы описать вас.

– Но Сандра, кажется, что-то говорил и о нас, – раздался голос Флорентийца за спиной у Алисы. – А на нас вы и взглянуть не хотите, мисс

Алиса, – с неподражаемым юмором кланялся девушке и представлял ей Николая лорд Бенедикт.

Девушка, как и Наль, почти реб,,нок, смутилась, покраснела и, взглянув на Флорентийца, низко присела в реверансе.

– Я не могу понять, кто из вас отец, а кто жених. Вы оба женихи, по моему, – робко сказала она.

– Не знаю, для кого из нас ваши слова комплимент, но благодарим мы за него оба, – под общий смех ответил Флорентиец.

– Не откажите выпить с нами чашку чая, – предложила хозяйка. – У нас, по старинному обычаю, чай пьют в столовой.

Алиса снова подошла к Наль, прося е,, снять шляпу, что та охотно исполнила и стала ещ,, красивее. Флорентиец сел рядом с Алисой и спросил, не ей ли принадлежит инициатива быть подружками его дочери на завтрашней свадьбе.

– Нет. Папе. Впрочем, вс,, самое высокое и благородное, что выходит из нашего дома, всегда принадлежит ему.

– У вас в доме как бы две партии: вы и папа, ваша сестра и мама?

– Это верно до некоторой степени, потому что мы все очень дружны. Каждый жив,,т, как ему хочется, и никогда мы не расходились во мнениях так, чтобы быть недовольными друг другом. Я думаю, вы очень хорошо понимаете меня. Вы тоже с дочерью ни в ч,,м не схожи. Но представить, что вы бы могли быть друг другом недовольны, невозможно.

Общий разговор как-то внезапно смолк, и все услышали, что Дженни говорит о последних книгах капитана Т., которые ей с восторгом дал Сандра. Хваля автора, девушка и не предполагала, что видит его перед собой, а желала только блеснуть своей образованностью. Николай подшучивал над дифирамбами, указывал на недостатки книги, уверял, что автор мог бы лучше разработать свои тезисы, чем прив,,л в негодование дочь Венеции, горячая кровь которой вспыхнула розами на щеках и огнем в глазах.

– Она, граф, у нас уч,,ная, – засмеялся пастор. – А главное, обе сестры такие поклонницы Сандры, что его авторитет в этом доме стал чемто вроде закона. Раз книга капитана Т. признана сим уч,,ным совершенством – то, граф, и не критикуйте. Но, признаться, книга и меня расшевелила. Много бы я дал, чтобы увидеть русского мудреца, написавшего е,,. Это, верно, уже глубокий старик.

– Капитан Т. – старик? – Наль неудержимо расхохоталась, будучи не в силах представить себе Николая стариком. – Да ведь он перед вами. И ваша дочь Алиса несколько минут назад не могла решить вопроса, кто же из двух

мужчин мой жених.

Пастор и вся его семья с удивлением смотрели на Наль, не улавливая соль шутки.

– Моя дочь не шутит. Капитан Т. – это псевдоним графа Т., жениха моей дочери, сидящего перед вами.

Дженни была поражена больше всех. Она теперь стеснялась Николая, которого только что расхваливала, а Алиса, во всём ухватывавшая юмор, сказала Флорентийцу:

– Я предполагаю, что вы нарочно, лорд Бенедикт, не сказали нам, что граф

– писатель. Потому что вы сами – я уверена – не только писатель, но... вот как бы это сказать? – задумалась она, – не колдун, нет, но всё же что-то в этом роде. Вы всё можете.

– Всемогущий Боже! – в притворном ужасе воскликнул пастор под весёлый смех гостей. – Алиса, дочь моя, ты меня убила. Неужели всё это результат нашего воспитания, мать? – громче всех смеясь, говорил пастор.

– Сэр Уодсворд, ваша дочь очаровательный ребёнок, и я понял вполне её мысль. Уверяю вас, мы будем с нею отличными друзьями, – пожимая ручку Алисе, ответил Флорентиец.

– Дай-то Бог, – покачивая головой, серьёзно сказал пастор.

Весело и непринуждённо простились гости с хозяевами, и Флорентиец пригласил всю семью на ранний обед после бракосочетания, сказав, что его экипажи будут ждать гостей у церкви.

Осмотрев церковь, поразившую Наль размерами. Флорентиец и его дети возвратились домой. Наль была задумчива на обратном пути и на вопрос Флорентийца призналась, что по обычаю Востока каждому из гостей надо что-то подарить, а у неё нет ничего, и она не знает, как быть.

– Об этом не думай. Предоставь всю внешнюю сторону события и заботы мне. А подумай об Али и Николае. Пойди в свою комнату, я приказал Дории приготовить тебе белый восточный костюм. Надень его, укрась голову по-восточному, как к свадьбе, и накинь на себя драгоценное покрывало. Думай, что не завтра совершится твоя свадьба, только внешний её обряд, а сегодня, в святая святых твоего сердца. Через час сойди вниз и постучись в ту комнату, где вы беседовали с пастором.

Пройдя к себе. Флорентиец дал лекарство старику дяде, велел ему немедленно лечь в постель, лечь и отобедать и встать только завтра утром. Затем он вошёл в свою тайную комнату, взяв с собой Николая.

– Мой друг, мой сын, ты провёл пять лет подле Али и так далеко продвинулся в своих знаниях, что он сразу взял тебя в число своих близких

учеников. Ты считал, что для тебя ученичество – это прежде всего целомудрие и безбрачие. Но когда Али указал тебе путь семьи и брака, ты не протестовал, ты принял его. Однако продолжаешь думать, что в ч,,м-то провинился, что сходишь с тропы ученичества, ибо е,, не достоин. И вс,, это только потому, что женишься на той, которую преданно и страстно любишь много лет.

Ты выполняешь приказание Али. Ты повинешься ему беспрекословно. Но в сердце тво,,м боль. Тебе кажется, что ты сворачиваешь в сторону. Но ты забыл, что ученик ид,,т так, как вед,,т его Учитель. Ты забыл, что те обширнейшие планы, где вс,, охватывает взор Учителя, не способен охватить ученик, как бы мудр он ни был. Посвящения идут не только по ступеням личного роста ученика. Но учитывается и та помощь планам Учителя, до которой он созрел. Ты можешь служить сейчас не только великому плану Али, но и моим планам, и планам многих других, тех, кто отда,,т свою жизнь и труд на светлое благо человечества.

Падение общей культуры тесно связано с падением и разложением семьи. Люди, закрепощенные в страстях, в тысячах мелких предрассудков, не могут помочь обновлению общества. И потому на ряд очень высоких учеников возлагается задача создания новой, радостной, раскрепощенной семьи. Только люди, дошедшие до мудрости и прожившие до часа свадьбы в полном целомудрии, могут стать истинными воспитателями для нового поколения нужных Учителю людей.

В твоей будущей семье, среди пятерых талантливых детей, должны воплотиться два гения. Не огорчаться надо тебе, что изменяешь форму пути, которую сам выбрал, но быть счастливым и усердным учеником. Счастливым вдвойне, ибо можешь выполнить задачу, которую Учитель тебе выбрал. Создай мир под своим кровом. Создай честную семью, где будут царить правдивость и верность. Создай атмосферу доброты, чтобы Учитель всегда мог прийти к тебе и позвать за собою.

– Я не от того страдал, что Али приказал мне изменить путь. Я приму всякий беспрекословно. Но мне показалось, что Али, увидав мою любовь к Наль, снизош,,л к моей слабости. Но, Бог мне свидетель, я ни разу и ничем не дал девушке повода думать о той беспредельной силы любви, что завладела мной.

– Чем немало и огорчил бедняжку, – улыбнулся Флорентиец. – Повторяю: оставь мысль о снисхождении к твоей несуществующей слабости. Только сильные, бестрепетные сердца нужны для дел Учителя, и только им он может посылать свои зовы. Тебе его зов – семья. Войди, – сказал он на раздавшийся стук в дверь.

Вошла закутанная в драгоценное покрывало, покрывало брачное, Наль. Е., белая фигурка так гармонировала с этой белой комнатой, что казалась неотъемлемой е., частью.

– Сядь здесь, дочь моя, – усадил Флорентиец Наль на маленький диван рядом с собой. – А ты, друг Николай, найд,,шь в моей туалетной комнате белый халат, точно такой же, какой прислал тебе в день пира Али. Найд,,шь длинную белую одежду ученика, надень е., и вернись сюда.

Оставшись наедине с Наль, Флорентиец притянул е., к себе и сказал:

– Когда Бог зов,,т человека, Он да,,т ему два пути: путь радости или путь великой скорби. Середины нет. И ты, и твой муж – вы оба счастливые избранники, ибо вам Он назначил путь радости. Ты с детства была подготовлена к высокой духовной жизни дядей Али. Это редкое счастье. Обычно долго скитается по жизни человек, пока не подойд,,т к источнику мудрости. Не горюй, что тебе предстоит оставить вс,, к чему привыкла, уйти от Али. Через много лет, закал,,нная, ты верн,,шься к нему, к его пути силы, которая сейчас подавляет тебя, и ты не можешь развернуть все свои дарования. Ты пойд,,шь отныне пут,,м обаяния и такта. Пленяя людей красотой, ты будешь влечь их своей чистотой к высокой духовности. Помни: зло тебя не косн,,тся, пока страх, неверность и ложь не коснутся тебя. Злу несносна атмосфера чистоты, и оно бежит е.,. И только тогда, когда в тво,,м сердце зазмеится тончайшая трещинка сомнений, – только тогда зло сможет коснуться тебя. Вс,, – в самом человеке. И не внешние условия подавляют или обновляют его, но сам человек созда,,т свою жизнь. Он сам носит в себе все свои чудеса.

Наль сидела, по-восточному закрывшись покрывалом, приникнув к отцу, и в этой позе наш,,л е., вернувшийся Николай.

Флорентиец откинул покрывало с лица Наль и помог ей, поверх белого восточного наряда, надеть халат из такой же материи, что и белая одежда Николая, тонкой, как бумага, мягкой, как ш,,лк, и матовой, как замша.

– Побудьте здесь немного вдво,,м. Подайте друг другу руки и подумайте, какой серь,,зный шаг вы делаете. На всю жизнь вы отда,,те друг другу свою верность. И в этой верности вы должны следовать за верностью Учителя, творя в доброте свой простой, обычный день. И так совершая закон жизни.

Оставив их одних. Флорентиец вышел. Наль подала руки Николаю.

– Прости, Наль, что я огорчил тебя и дал тебе повод думать, что мало люблю тебя. Я не смел до сих пор говорить тебе о любви. Я считал невозможным для себя счастье прожить с тобой вместе всю жизнь. Я думал, мне назначено одиночество, а не радости семьи. Теперь я понял,

какое великое и незаслуженное счастье пришло ко мне. Я отдаю тебе всю жизнь и с таким счастьем, о каком не мог и мечтать.

– Николай, я никого не любила с детства, кроме дяди Али, в котором была вся моя жизнь. Едва я выросла, увидела тебя. И... уже никогда больше не была свободной. Я всюду была с тобой, мы были неразлучны. И если теперь меня отдают тебе, – то это ведь я сама отдала тебе себя лет пять назад. Ты врезан в моё, тело, в моё, сердце, в мой дух точно так же, как дядя Али. И если я думала до этой минуты, что навязана тебе, то сейчас я совершенно счастлива: я знаю, что ты тоже хотел меня в жёны. Я же не могу принять жизни иной.

Дверь отворилась, и вошёл Флорентиец. Он был в белой одежде с широкой вышивкой внизу и на рукавах. Талию его высокой фигуры охватывал пояс из выпуклых изумрудов, а на его прекрасной голове была повязка с такими же камнями. В руках он держал маленькую светящуюся палочку. Он поднял в восточном углу комнаты белую крышку стола, как думали прежде Наль и Николай, и под ней открылся небольшой мраморный престол, где горел огонь. Он поставил молодых людей перед престолом на колени и сказал:

– Здесь, перед лицом того Бога, что каждый из вас носит в себе, перед лицом вашей совести, чести и красоты, внутри вас живущих, я венчаю вас, соединяя навек. Сохраните вечную память об этой минуте. Не для похоти и чувственных наслаждений горит в вас любовь. Но горит в вас огонь вечной чистоты, в которой оба вы отдаёте себя друг другу для великой цели: вы не будете слепыми родителями, животными, безумными и лично привязанными к детям. А будете хранителями тех душ, что придут через вас. Вы создадите им мир. Чистый ваш дом будет пристанищем, где им суждено родиться, погостить и уйти так, тогда и туда, куда позовет их Жизнь.

Храните связь друг с другом, со мною и с Али. И несите не бремя жизни, не иго ученичества, но радость труда, разделённого с нами.

Он поднял обе руки над их головами. Прикоснулся палочкой к огню, горевшему на престоле, и затем, что-то говоря на языке, которого Наль не понимала, коснулся палочкой её головы. Ей показалось, что по ней пробежал огонь, проник до самого её сердца, и что сейчас всё на ней вспыхнет. Но Флорентиец уже отвернулся к престолу, снова коснулся палочкой огня и прикоснулся ею к голове Николая.

Так же, как и она мгновение назад, – он весь содрогнулся. А Флорентиец уже вновь повернулся к престолу и коснулся попеременно огня обоими концами палочки. Затем он снова обернулся к ним лицом и положил палочку на их головы одновременно. Глубочайшее содрогание,

точно удар электричества, испытали оба, Наль и Николай. Топлые струи какой-то новой силы пробежали у каждого по спинному хребту к голове. Флорентиец положил палочку рядом с огнем и взял с престола два одинаковых перстня, каждый с изумрудом и бриллиантом, и надел жениху и невесте.

– Встаньте, – сказал он им. – Вы – муж и жена. Будьте всегда такими же чистыми и, где бы вы ни жили, всегда ощущайте, что я подле вас. Сочетав вас браком перед этим огнем Вечности, я взял на себя ваши жизни. Перед Вечностью нет отцов, матерей и детей по плоти и крови. В Ней есть отцы и дети по духу и огню. Пойдите, я проведу вас в вашу спальню.

Он опустил покрывало на лицо Наль, соединил их руки, обнял обоих, крепко прижал к себе и стал подниматься наверх. Проведя их через комнату Наль в другую дверь, которой она раньше не заметила, он ввел их в большую комнату, где посередине стояла широкая белая постель. И в этой комнате было белое, вплоть до ковра и шкур белых медведей, брошенных по обе стороны постели. Подведя их к кровати, Флорентиец сказал Наль:

– Твой муж так же чист, как и ты. Он отдаст тебе такую же девственность, какую ты отдашь ему. Прими его не только как мужа, но как воспитателя и друга, мудрого руководителя, который знает много больше тебя. До завтра, дети мои. Ровно в двенадцать часов я за вами приду. Будьте совершенно готовы к этому времени и ждите меня. Дория сказано, как завтра одеть тебя, Наль.

Опустив полог над кроватью, Флорентиец вышел, закрыв за собой дверь...

Когда Наль утром проснулась, мужа рядом с ней не было, но она слышала плесканье воды в ванной комнате рядом. Через несколько минут вошел Николай и, думая, что Наль спит, положил возле нее, стеганый шелковый халатик и мягкие туфли, стараясь не делать шума. Наль рассмеялась, натянув на себя одеяло поверх головы.

– Наль, дорога, вставай, ванна готова. Беги туда. Я боюсь, как бы ты не опоздала, уже около десяти часов. – С этими словами он быстро вышел из комнаты, а Наль скользнула в ванную, где ее уже ждала Дория.

– Сегодня во что вы меня оденете, Дория? Отец сказал, что дал вам все указания. Ведь будет так много чужих людей. Надо, чтобы мы с вами не ударили в грязь лицом, – плескаясь в ванне, быстро говорила Наль.

– Не беспокойтесь, во что бы я вас ни одела, – затмиле всех.

– Ну, вот и ошиблись. У пастора такие дочери, что даже в сказках не найти. Одна рыжая. – Рыжая? Что же тут хорошего?

– Я не сумею вам сказать, что именно. Но только она необыкновенная. Знаете, как-то е,, не приставишь ни к какому делу. Она – дама. А вторая – ну, та простая, вроде меня. – Значит, красавица? И косы, как ваши? – Нет, она вся в кудрях. Глаза синие. Волосы пепельные с золотом. А доброта – вроде ангельской. Так хороша! Лучше не найти.

Так беззаботно болтая, Наль хранила глубоко внутри, в сердце, какое-то новое сокровище жизни. Ни за что и ни с кем она не поделилась бы тем счастьем, что наполняло всю е,, душу. Она точно несла обеими руками чашу любви, полную до краев, и боялась е,, расплескать. В е,, сердце сияли ярко три образа: дяди Али, отца-Флорентийца и мужа. Усевшись за туалетный столик, Наль отдалась в умелые руки Дории. Сама же унеслась в сад дяди Али и снова так ясно увидела его улыбающимся, что рванулась вперед, почти разрушив творение Дории.

– Что случилось? Я причинила вам боль? – с отчаянием спросила Дория, у которой и гребень и шпильки выскочили из рук.

– Нет, Дория, простите. Господи, теперь вам надо вс,, делать снова, и я опоздаю, – огорченно сказала Наль.

– Ничего, минута спокойствия, и голова будет убрана, а это самое трудное.

– Наль, одиннадцать часов. Вы готовы? – раздался голос Николая. – Я жду вас завтракать: выходите в халате, платье наденете потом.

Но Наль так боялась опоздать, что просила прислать ей кофе в комнату, говоря, что покажется мужу только на исходе двенадцатого часа, в полном параде.

Когда Дория вынесла платье, над которым трудилась весь вечер и утро, подгоняя его по фигуре своей хозяйки, Наль даже руками всплеснула, так великолепен был этот туалет. Платье из белой парчи, с широким венецианским кружевом вокруг ворота и рукавов, заставило е,, сказать: – Отец, отец, разве можно так баловать дочь? Когда платье было надето, Дория подала Наль туфельки из такой же парчи, а на е,, открытой шее застегнула изумрудный фермуар жемчужного ожерелья.

– Вс,, верно, так и надо. Но как бы я хотела самое скромное платье, самый бедный уголок – только бы не быть сегодня на людях и не слушать, как будут говорить о моей красоте, – вздохнула Наль.

– Наль, оста,,ся десять минут, – снова раздался голос Николая. – Иду, я готова.

И взяв сунутый ей в руки маленький ридикюль из такой же парчи, что и платье, Наль вошла в свою комнату, где е,, ждал Николай. Он был поражен. В платье со шлейфом, в туфлях на высоких каблуках, Наль

казалась гораздо выше и тоньше. Взгляд, которым обменялись супруги, сказал им обоим, что их желание избавиться от людей было обоюдным. Николай обнял жену, нежно и горячо поцеловал ее, и тихо сказал:

– Наша жизнь принадлежит не нам, Наль. Мы должны жить на земле, для земли, для людей. Не тяготись сегодня суетой и теми, кто будет вокруг нас. Думай не о себе, а о каждом, с кем будешь говорить. Наль ласково вернула поцелуй и ответила: – Я постараюсь, мой муж, думать о том, с кем буду говорить. Но всякий раз, когда я пристально вглядываюсь в человека, всегда чувствую, что в каждом жив,,т беспокойство и страдание.

– Вот и неси, любимая, счастливая, благословенная, успокоение и отдых тому, кто тебе встретится.

Раздались легкие шаги Флорентийца, и Наль поспешила растворить дверь, приветствуя отца.

– Я не хотела бы, отец, начинать этот день с упр,,ка. Но мыслимо ли приказать мне надеть такое платье? Дория говорит, что у королевы нет ни такой парчи, ни таких кружев, ни такого жемчуга.

– Вс,, это передал тебе Али, как и те вещи, что нашла ты в своих сундуках. Он собирал их не один год; – обнимая супругов, говорил Флорентиец. – Сохрани это платье, кружева и драгоценности, и когда будешь готовить к венцу свою первую дочь, передай ей. А теперь пойд,,мте, наши свидетели ждут.

Спустившись в зелен,,ную комнату, Наль была немало изумлена видом Сандры и лорда Мильдрея, во фраках, с блестящими цилиндрами в руках. Сандра был серьез,,ен и даже не улыбнулся, когда раскланивался и целовал руку Наль. Можно было подумать, что его смешливость навсегда исчезла за эту ночь. Лорд Мильдрей подал Наль букет белых лилий и, смущаясь, произн,,с:

– Лилии от Сандры, который уверяет, что вам невозможно подарить иной цветок. Это – его дело. Я же прошу принять браслет, который передал мне, умирая, мой дед. Он был большой оригинал, жил отшельником, хотя и был человеком богатым. Он велел передать эту вещь той, которая станет моею женой. Или женщине, чище и прекраснее которой я в жизни не встречал. Так как все сроки мои прошли, – мне скоро тридцать, – прошу вас принять эту вещь. Она, как я слышал, попала к моему деду через одного восточного мудреца. – И он подал Наль браслет из топазов и бриллиантов какой-то удивительной древней работы, красоты и игры камней необычайной. – Говорят, что на этом браслете камни сложены так, что образуют слова. Но кому я только его ни показывал – никто не смог прочесть надпись.

– Не разрешите ли взглянуть на браслет, графиня? Я лингвист и знаю около сорока языков и наречий, – сказал Сандра. – Я не так давно, по заданию вашего отца, изучил древний язык пали, умерший уже теперь. Быть может, я и разберу. – Пожалуйста, – протянула ему драгоценность Наль. – О, конечно, это он – язык пали. Здесь написано: «Любя – побеждай». И читается очень легко и ясно. – Значит, ты выполнил моё задание раньше срока, Сандра? – Неужели вы могли сомневаться, лорд Бенедикт, в том, что я найду возможность – из-под земли выкопаю, а найду – выполнить ваше приказание раньше срока? Мне пастор дал на этот раз свою собственную, им составленную, грамматику и свой ключ. А сам он купил у одного непонятного человека несколько записей на этом языке.

– Я вас ещё, не поблагодарила, лорд Мильдрей, и... это очень странно, но мне кажется, что вы ещё, женитесь, женитесь по любви и будете очень счастливы. И вам понадобится этот браслет.

– Примите подарок, Наль. Если вы угадали, мы сумеем прислать лорду Мильдрею точно такой же браслет, – сказал жене Николай, принося лорду сердечную благодарность за внимание.

Впервые получала Наль приказ своего мужа, и что-то сказало ей, что браслет надо немедленно надеть на руку и не огорчать больше подарившего его человека.

Коляски были поданы. В закрытую карету сели молодые с отцом, в открытую – Сандра и лорд Мильдрей, следом за ними двинулись ещё, два пустых экипажа.

Церковь была залита огнями, пастор ждал молодых у входа, а обе дочери и мать усыпали путь молодым цветами. Орган приветствовал их. Вскоре в церковь стали проникать зеваки, привлекаемые молвой о необычайной красоте новобрачных. Наль ничего не видела. Музыка потрясла её, до слёз. Она крепко сжала руку мужа, точно прося у него поддержки. Николай слегка наклонился к ней, и такая сила была в его глазах, таким огнем уверенности и любви дохнуло на неё, от его бледного, вдохновенного лица, что волнение её, утихло, слёзы высохли и улыбка блеснула на полудетском прелестном лице.

Окончился обряд венчания. Расписались в церковной книге и подождали несколько минут, давая пастору время переодеться. Выйдя из церкви. Флорентиец разместил всех по каретам, а сам снова сел с молодыми. Все отправились к нотариусу.

Крупное пожертвование церковному причту и бедным прихожанам вызвало немало радостных толков среди оставшейся на паперти толпы. Тем временем, выполнив все официально необходимые акты ввода во владение

новым имуществом, приняв поздравления и восторги служащих конторы, молодые и прочий свадебный кортеж направились к дому лорда Бенедикта.

– А дядя? – войдя в дом, с ужасом спросила Наль. Николай тоже было всполошился, но Флорентиец тихо сказал им обоим:

– У него снова был приступ малярии. Завтра мы его отправим с копиями документов и так ярко расскажем ему о пышном венчании, что он представит себе вс., так, будто и сам там был. Сейчас думай, Наль, только о гостях и учись быть обворожительной хозяйкой. – Ты не находишь, что это немного трудно, отец? – Нет, дочь моя, имея такого мужа, можно и не то победить. Николай пов.,л свою жену в большой зал, которого Наль ещ., не видела, а Флорентиец, предложив руку пасторше, пригласил гостей следовать за молодыми, В зале было приготовлено шампанское. Николай шепнул Наль, чтобы она не пила, а только чокалась со всеми поздравляющими и подносила бокал к губам, делая вид, что пь.,т. Поздравив молодых, прошли в столовую. Место хозяина занял Флорентиец. По правую руку сели молодые, рядом с ними Сандра и Дженни, по левую руку – Алиса и лорд Мильдрей, а рядом с ними пасторская чета.

Обед проходил оживл.,нно. Сандра, Николай, пастор и Дженни говорили о последних достижениях науки. Пасторша и лорд Мильдрей оказались любителями живописи и театра. Только Алиса и Наль молча смотрели друг на друга.

– Что вы так смотрите на меня, графиня? Я вижу в ваших глазах такое сострадание и сочувствие, точно вы читаете что-то печальное в моей душе, – сказала, наконец, Алиса, ласково улыбаясь Наль.

– Я очень бы хотела стать для вас не графиней, а просто Наль. И в вашем сердце, кроме ангельской доброты, я ничего не читаю. Но мне думается, что вы не так счастливы, как кажется.

Флорентиец посмотрел на молодых женщин и сказал: – Зачем загадывать, что будет завтра? Ты, Наль, стараешься угадать будущее Алисы. А жить надо только радостным сегодня. Разве у вас есть печаль, Алиса, как утверждает моя бедовая дочь?

– Нет, лорд Бенедикт. Вс.,, что я люблю, жив.,т радостно рядом со мною. А если и есть у меня печаль, то она непоправима, она врезана в мою жизнь. Поэтому е., и нельзя считать печалью, это просто одно из неизбежных слагаемых моей жизни.

– Вы, Алиса, решили это слагаемое принять безропотно? – Может быть, я и не права, лорд Бенедикт. Но что, например, толку бороться со смертью? От не., не уйти. Так и с тем неизбежным, что жив.,т в человеке. Какой же смысл с ним бороться? Если оно составляет самый остов жизни и

не может быть выброшено – как рак или порок сердца – иначе, чем со смертью. Надо принять жизнь такой, какая она есть, в какую я пришла, если изменить ничего невозможно. Какое бы количество горечи ни было в жизни, все же это жизнь моих любимых. А без них

– жизнь цены не имеет для меня.

– Все количества сил природы, Алиса, переходят в качество. Это неотвратимый закон мира, в котором мы живем. Если сегодня одно качество в сердце человека дошло до определенного предела, то завтра оно, это качество, заливавшее вчера только одно сердце, может разлиться озером, а быть может, и морем вокруг него, захватывая в себя все, встречное. Так бывает и со злыми и с добрыми качествами. Если сегодня любовь твоя однобока и ты способен понимать счастье только в любви к «своим», то завтра – по тем или иным причинам – сознание твоё, может расшириться и ты охватишь своей любовью «чужих». Двигаясь все дальше по пути совершенствования и знания, человек осознает, что нет вообще чужих и своих. Что везде и всюду такие же люди, как и он сам. Этот человек смог продвинуться дальше и выше. Другой – сильно отстал и не способен выйти пока из стадии двуногого животного. А третий смог шагнуть вперед так далеко, что для того, чтобы на него взглянуть, нужно зажмуриться.

– Никогда не приходилось мне слышать евангельские истины, изложенные так легко и просто, лорд Бенедикт. У меня в душе словно бы посветлело, – засмеялась Алиса, радостно, неотрывно глядя на Флорентийца.

– Возьмите, пожалуйста, это мороженое и оцените, какой художник мой повар. Каждому он положил на блюде шарики семи цветов. Вы видите здесь все цвета мудрости, как их понимала древность. Вот белый – цвет силы. Вот синий

– самообладание, знание. А вот зеленый – цвет обаяния, такта, приспособления. Вот золотисто-желтый – цвет гармонии и искусств. А оранжево-дымчатый – цвет науки, техники и медицины. Красный – цвет любви и, наконец, фиолетовый – цвет религиозной и обрядовой мудрости, а также науки и механики движения жизни вселенной.

Попробуйте найти в себе какое-либо из этих качеств в чистом виде. Это невозможно. Все они, без исключения, живут в каждом человеке. Но – будучи основным светом жизненного пути – засорены эгоизмом, ревностью, завистью и страхом. Качества и свойства божественные, какими их в зародыше принесли на землю человек, он замутил страстями.

И задача культурного человека – очистить свои страсти. Сделать их не

только радостью и миром сердца, но атмосферой своего труда в простом дне, во всей своей жизни. Тогда единение с теми, кого встречаешь, становится красотой, бодрой помощью и энергией. Той энергией, что пробуждает к творчеству всех, трудящихся с тобою рядом.

Уже давно веселый смех и разговоры за столом стали постепенно замолкать, гости внимательно прислушивались к речам Флорентийца.

– Какое для меня счастье, лорд Бенедикт, – сказал пастор, – что я познакомился с вами. Помимо того, что я с восторгом и упованием смотрю на две соединенные мною сегодня жизни, я благословляю Создателя, позволившего мне приблизиться к вам. Если вы сочтете возможным, чтобы моя семья осталась в числе ваших знакомых, – мы постараемся заслужить себе имя ваших друзей.

– Я не только буду этому рад, сэр Уодсворд, но и очень благодарен вам за эту встречу. Поверьте, если моя мудрость кажется вам столь высокой, то и я научусь в мудрости вашей, чему поучиться. В Индии говорят:

«Никто тебе не друг, никто тебе не враг, но всякий человек тебе учитель».

Обед окончен. Дорогие гости, прошу в зал, там сервирован кофе.

С этими словами Флорентиец встал, подал Алисе руку. Девушка смотрела на него сияющими глазами, как на божество; он пригласил всех следовать за ними. Оставшись последней парой, молодожены, тесно прижавшись друг к другу, обменялись несколькими взволнованными фразами.

– Нет, Наль, для нас не может быть пустых дней. Мы здесь недолго будем жить, мы поедем учиться, и ты будешь вести студенческую жизнь. Здесь отец задержит нас ровно столько, чтобы внешне воспитать так, чтобы к этому никогда не возвращаться больше. Кроме того, в твоём образовании есть немало пробелов. Ты совсем не знаешь музыки, хотя прелестно поешь свои родные песни. Ты знаешь Шекспира, Шиллера, Мольера, но никогда не была в театре. Готовясь стать – насколько для нас это возможно – родителями-воспитателями, мы должны помогать друг другу взаимно совершенствоваться. Мы должны знать здешнюю жизнь, чтобы понять, чего не следует вносить в нашу будущую жизнь.

Они присоединились к обществу, когда все уже сидели за кофе. Что-то царственное было в этой паре, входившей в зал. Шепот удивления и восторга пронёсся им навстречу.

– Положительно, граф и графиня, вы для меня никак не втискиваетесь в земные рамки, – с южным темпераментом воскликнул Сандра. – Если бы я был художником, я бы заставил землю покрываться цветами там, где вы

ступайте.

– Мой новый друг, мне кажется, что слишком много чести уже в том, что вы произвели меня в принцессу-лилию. И мой муж, будучи мужем цветка, и я, лилия, и без того обязаны благоухать. Но чтобы еще, и цветы выросли рядом с нами – это требование невыполнимое, – смеялась Наль.

– А я думаю, что именно цветы и будут расти. Самые прекрасные и драгоценные цветы земли – дети, из-за которых и для которых стоит жить на свете, – очень серьезно, с волнением на прекрасном лице, сказала Алиса.

– О, Алиса! – укоризненно воскликнула пасторша. – Что, дорогая мама? Я опять шокировала вас? Ну, на этот раз простите уж меня великодушно. Здесь мы среди добрых друзей, и я ручаюсь, что никто меня не осудит.

– У меня возникло сильное желание низко поклониться вам, мисс Уодсворд, – сказал, вставая и действительно низко кланяясь ей, лорд Мильдрей, – но никак не осудить вас.

– А у Меня такое страстное желание вас поцеловать, Алиса, что уклониться от него я не могу, – и оставив руку мужа, Наль подбежала к Алисе, обхватила ее, шею руками и прильнула к ее губам.

Две женские фигуры, одна в царственной парче и жемчугах, другая в простом белом платье, одна темноволосая и темноглазая, высокая, другая синеглазая, в ореоле светящихся золотыми блесками локонов, гораздо меньше ростом, обе тоненькие, чистые, прелестные в своей семнадцатой весне, составляли такой контраст, что даже Сандра умолкла. Наль посадила Алису рядом с собой и мужем и пододвинула ей чашечку с кофе.

– Жаль, что здесь нет некоторых из моих друзей, музыкально одаренных, – сказал Николай. – Так просит сейчас сердце звуков.

– О, это легко поправимо, – несколько снисходительно сказала Дженни. – У нашей Алисы род музыкального помешательства. Не знаю, способна ли она доставить удовольствие людям понимающим. Но нам с мамой она достаточно часов испортила, – смеясь и хитро посматривая вокруг, продолжала Дженни.

– Это было очень давно, сестра, когда я докучала тебе своей музыкой. Теперь моя комната и мой рояль, сэр Бенедикт, в самом конце дома, где папа специально сделал пристройку. Не верьте, что я такая несносная. Во всяком случае сейчас я не решусь огорчать никого своей игрою, – умоляюще глядя на Флорентийца, сказала Алиса.

– Моя жена и старшая дочь не любят музыки, лорд Бенедикт. А мы с Алисой отдаем ей все досуги нашей жизни. У меня в молодости был большой конфликт с отцом, так как мне хотелось заниматься искусством, а он желал, чтобы я пошла по пути духовному. Алиса унаследовала не только

мою любовь к искусству. У не,, такой большой музыкальный талант, что его следовало бы отшлифовать в хорошей школе.

– Пока я жива, – этого не будет, – четко, жестко и зло сказала пасторша.

– От твоего и е,, пения – стекла дрожат. И вообще я не желаю, чтобы Алиса осрамилась да ещ,, оскандалила нас здесь.

Пасторша вдруг стала походить на какую-то хищную лисицу. Ничего похожего на добродушие на лице е,, не осталось. А пастор, печально глядя на дочь, медленно подош,,л к ней, положил руку на е,, светящуюся головку и тихо сказал:

– Храни спокойствие, дитя. У Бога много путей, какими Он призывает нас, людей. Лорд Бенедикт говорил, что люди идут пут,,м гармонии и искусств также. Если Богу будет угодно дать тебе такой зов, ты найд,,шь свой путь. И не смогут люди противостоять Богу.

– А я очень бы просил вас, леди Уодсворд, разрешить вашей дочери поиграть сегодня, – обратился хозяин дома к пасторше. – Если вы и ваша старшая дочь не любите музыки, то в моих гостиных вы найд,,те множество альбомов с видами всего мира. А также много интересных вещей, привез,,нных из путешествий. В саду мо,,м немало редких цветов. Есть и оранжерея, где сейчас цветут незнакомые вам экземпляры. Судя по вашему прекрасному саду и цветникам, думаю, вы любите цветы.

– Вы заблуждаетесь, лорд Бенедикт, – прервала Дженни. – Это тоже область одержимости папы и Алисы. Но Алиса – идол в нашей семье, мы е,, обожаем, а потому выносим, конечно, все е,, фантазии.

– Мне бы очень не хотелось, чтобы Алиса играла сегодня. Но если вы уж так хотите услышать е,, любительскую игру, – криво усмехнулась пасторша, – то пусть Сандра проводит нас в оранжерею. Там я, по крайней мере, не услышу ни е,, игры, ни е,, пения.

На лице Сандры выразилось такое явное разочарование, что Флорентиец, с юмором в глазах, как-то особенно улыбнулся ему и что-то тихо сказал, так тихо, что даже Николай, обладавший тончайшим слухом и стоявший рядом с Сандрой, не расслышал. Сандра незаметно вздохнул, крепко пожал Флорентийцу руку и сказал дамам, что постарается увести их так далеко, чтобы ни бас пастора, ни сопрано дочери, ни тенор хозяина дома до них не долетели. Услышав о теноре, дамы, казалось, несколько заколебались, но было уже поздно. Флорентиец указал Сандре путь в оранжерею и попросил, чтобы обратно он пров,,л дам через левое крыльцо прямо в ж,,лтую гостиную и занял бы их альбомами и картинами. Хозяин проводил дам в сад, закрыл балкон и зад,,рнул плотную портьеру.

– Я очень смущаюсь, папа, – прильнув к отцу, сказала Алиса.

– Полно, дитя. Ты ведь знаешь, что стоит тебе прикоснуться к клавишам – и Бог в тебе просыпается и ты забываешь вс,. Играй и пой, как всегда. Не думай о похвале или награде. Думай, какое выпало тебе сегодня счастье: воспеть перед Богом соединение двух прекрасных людей. Воспеть их всем сердцем, любя и желая усеять для них землю цветами, как сказал Сандра. Пой и играй им песнь торжествующей любви. Не всем дано петь свою песнь любви. Кто-то должен петь е,, для других, нося в сердце великий путь милосердного самоотвержения.

На чудесных глазах пастора сверкала влага, – и все поняли, почему у него седые волосы. Трагедия этих двух сердец вдруг ясно пронеслась перед духовным взором присутствующих. На лице Наль мелькнула боль, лорд Мильдрей, отвернувшись, смахнул слезу. И только на лицах Флорентийца и Николая были полное спокойствие, мир и огромная доброта. Точно ленты света метнулись от Флорентийца к Алисе и пастору. Девушка робко подошла к роялю, открыла крышку и сказала:

– Я, конечно, не уч,,ная музыкантша. Не ждите многого. Но я и не полная невежда, так как у меня было два замечательных учителя. Один – отец, второй

– его недавно умерший друг, который был известен всей Европе как пианист и композитор. Я сыграю Шопена.

От девушки ждали многого. Но того, что произошло, не ждал никто. Хрупкая фигурка, детская головка – вс,, исчезло, лишь только Алиса коснулась клавиш. Всех ун,,с куда-то вихрь звуков. И разве это были звуки рояля? Пастор оказался прав. Бог проснулся в Алисе. И не руки е,, играли музыкальную пьесу, но сердце творило жизнь, чарующую, захватывающую, раскрывающую что-то новое в душе каждого из слушателей.

Наль плакала. Лорд Мильдрей не дыша следил за музыкантшей, вытянувшись в струну. Пастор сиял счастьем, точно молился. Николай, устремив взор на Алису, зачарованный, игрой своего лица отвечал на все краски звуков, а в фигуре Флорентийца, в его серь,,зном лице было что-то от жреца. – Ещ,, ещ,, – молила Наль, когда Алиса остановилась. Алиса стала играть Бетховена, Генделя, Шумана. И все кричали ненасытное: «Ещ,,».

Она рассмеялась и вдруг запела старую английскую песню. И снова поразила всех. Высокое сопрано, т,,плое, мягкое, прелестного тембра, нежное, летело с такой силой, какую и предположить было немислимо, глядя на это хрупкое дитя. Увлечши за собой всех в иной мир, девушка

вдруг сказала: – Теперь, папа, дуэт. Или я прекращаю. Под общим напором пастор подошл к роялю. Дочь начала дуэт, но когда вступил отец, то невольное: «Ах», вырвалось у всех. Тихий, спокойный пастор внс в свою партию такой бурный темперамент, такое виртуозное артистическое исполнение, которых от него никто не ждал. Его исключительной мощи и красоты бас не заглушал голоса дочери, а служил ему основой.

– Я никогда, ни в одной опере не слышал такого исполнения, – тихо сказал лорд Мильдрей, – а я побывал во всех театрах Европы.

– Отец, – бросилась Наль на шею Флорентийцу, – неужели ты не споешь мне и моему мужу сегодня, чтобы напутствовать нас песней и завершить ею венчальный обряд?

Флорентиец встал, поговорил о чм-то с Алисой и пастором, и полился старинный итальянский дуэт. Что было особенного в голосе и пении Флорентийца? Ведь только что всем казалось, что музыка, которая выше всех философий и знаний, лилась в песнях отца и дочери. Сейчас же звенела мощь баритонального тенора, для которого не было ни пределов высоты, ни предела власти и силы слова. Он подавлял вс, человеческое, земное и открывал какое-то небо, звал в иные пути и миры, рвал все телесные преграды и точно касался самого сердца.

Опомнившись от изумления, во внезапно наступившем молчании, присутствующие увидели Алису на коленях перед Флорентийцем, рыдающую и уткнувшуюся лицом в его чудесные руки. Подняв девушку, отерев нежно своим платком е, глаза, он обнял отца и дочь и сказал обоим:

– Хотите ли вы оба, чтобы я стал вам теперь же Учителем? – О Господи, я отвечаю за себя и за дочь. О таком счастье, как быть руководимыми вами, мы и не мечтали. – Алиса должна ответить за себя сама. – Лорд Бенедикт, я хочу учиться жить, идя за вами, а не только учиться у вас музыке.

– Отец, – бросилась и Наль к Флорентийцу, – я должна подарить Алисе что-то, я не могу не признать е, сестрой, потому что это она подготовила меня к твоему пению. Иначе я бы просто умерла.

– Прошу всех за мною, – сказал хозяин. Он взял под руку Алису и Наль и повл всех в свой зел,ный кабинет. Там он пригласил гостей к небольшому столу, на котором лежало несколько футляров.

Он взял один, вынул оттуда золотой пояс с крупными изумрудами и надел на талию Алисы.

– Это дарит вам, своей подружке, Наль. А вот это мой подарок, – и на шее Алисы засверкал изумрудный крест, усыпанный мелкими бриллиантами.

– Часы, дорогой сэра Уодсворд, прошу принять от моей дочери, – и он подал пастору золотые часы с цепочкой, – а этот перстень примите от меня, – и надел ему крупный изумруд с бриллиантом на левый мизинец.

– Вас, лорд Мильдрей, прошу принять этот браслет от меня, в обмен на тот, что вы дали моей дочери. Разница та лишь, что здесь зеленые камни, а там топазы. Я не сомневаюсь, что вы уже поняли, что самое чудесное в вашей жизни еще, впереди. А это кольцо вас просит принять моя дочь. – И на мизинце лорда Мильдрея засверкало такое же кольцо, что и у пастора.

– Это еще, не все, Алиса. Мой зять просит вас принять в память о сегодняшней музыке это жемчужное ожерелье, и он сам наденет его.

К смущенной Алисе подошел Николай и ловко застегнул на ней точно такой же жемчуг, что был на Наль.

– Теперь надо, – сказал Флорентиец, – звать наших дам, не переносящих музыки, а также их кавалера, лишившегося е... Но я надеюсь, Алиса, вы не откажетесь его, беднягу, вознаградить в дальнейшем, споете и сыграете ему?

– Я ваша ученица, лорд Бенедикт, как прикажете, так я и поступлю. Только... – Она замялась, взглянула на опустившего глаза отца и, гораздо тише, печально продолжала: – Когда я играю Сандре, это всегда вызывает ревность Дженни и раздражает маму.

– Мы постараемся избежать этого, – рассмеялся Флорентиец и отправился за своими отсутствующими гостями.

Лица дам, когда они вошли в комнату, были довольно кислы и стали еще, кислее, когда они увидели осыпанных подарками Алису и пастора. Флорентиец, взяв со стола самый большой футляр, подошел к пасторше и подал ей чудесное ожерелье из опалов и бриллиантов, такие же серьги и брошь.

– Примите этот дар моей дочери, – поклонившись, сказал хозяин.

– Но это царский подарок. Как мне вас благодарить, лорд Бенедикт?

– Я здесь ни при чем. Это дарит вам моя дочь, – чрезвычайно любезно, но холодно ответил хозяин.

Пасторша подошла к Наль, рассыпаясь в благодарностях и уверяя, что опалы

– е, любимые камни. Наль любезно помогла ей надеть драгоценности. Тем временем Флорентиец подал Дженни такой же золотой пояс, как у Алисы, только из сапфиров, – от дочери, а от себя брошь из жемчуга и бриллиантов. Дженни сияла не меньше матери, но зависть мелькнула в ее, глазах, когда она увидела на шее сестры драгоценный жемчуг.

– Ну, Сандра, остался ты один. Вот тебе часы от Наль, о которых ты

мечтал.

– Неужели с боем? – по-детски наивно и радостно вскрикнул Сандра, чем всех насмешил.

Флорентиец нажал пружину, и часы пробили восемь раз с таким приятным звоном, что Сандра не выдержал, подпрыгнул, перевернулся и поцеловал часы. Наль хохотала, Алиса аплодировала гимнастическим кульбитам, пастор даже сел в кресло от смеха, – только Дженни и мамаша вторично почувствовали себя шокированными.

– Это ещ,, не вс,, Сандра. Вот тебе кольцо от меня. А это, – он взял точно такой же крест, как у Алисы, – это тебе за усердие при выполнении всех моих заданий. И специально за язык пали, – и он собственноручно надел ему на шею крест.

Сандра, казалось, вс,, забыл. Лицо его совершенно изменилось. Он стал серь,,зным, тихим, словно сразу повзрослел. Он прильнул к Флорентийцу, горячо целовал его руки и говорил: – Я буду стараться стать достойным вашего доверия. – Не волнуйся, сын мой. Только никогда не спеши давать людям повод к неверным заключениям. Будь осторожен с женщинами. Ты прост и дружелюбен, но твой товарищеский тон может быть истолкован неверно, что вовлеч,,т тебя в какую-нибудь несносную драму.

– Ваши слова, лорд Бенедикт, как всегда, будут мне законом.

– Ваши часы, лорд Уодсворд, с таким же боем, как у Сандры. Позвольте, я покажу вам, как нажимать пружину.

Часы пастора пробили восемь и затем – совсем иначе – ударили ещ,, один раз.

– Ой, и четверти отбивают, – не удержался от восторженного восклицания Сандра, снова по-детски радуясь, чем опять вызвал смех.

На лицах рыжих пасторши и Дженни, стоявших друг против друга, черноглазых и чернобровых, сейчас мелькало что-то неприятное, даже отталкивающее. У пасторши даже проступили багровые пятна, лишив е,, молоджавости. А Дженни, казавшаяся такой красивой за обедом, стояла хмурая, злая, надменная, презирая всех и вся в этой комнате, где е,, бедную девушку, сейчас по-царски одарили.

– Дружок Алиса, – раздался голос Флорентийца. – Сегодня мой зять преподн,,с тебе жемчуг за тот восторг и отдых, которые ты подарила всем нам своей музыкой. С согласия твоего отца я беру тебя в ученицы. Ежедневно, в двенадцать часов, я буду присылать за тобой экипаж. И здесь, у меня, ты будешь оставаться до вечера. Вечером отец будет приезжать за тобой, и после обеда вместе с ним ты будешь возвращаться домой. В

память о нашей первой встрече в музыке – прими этот браслет и кольцо от меня. Завтра жди лошадей в двенадцать. – И он подал Алисе браслет и кольцо из таких же изумрудов, как е,, пояс.

– Вроде бы, лорд Бенедикт, у Алисы есть мать, которая тоже имеет голос при решении судьбы дочери, – резко сказала пасторша. – Алиса нужна мне дома. Учиться ей довольно.

– Нет, леди Уодсворд. По английским законам, дочь зависит только от отца, если у матери нет личного капитала. Это законы юридические, у вас нет права решать судьбу дочери. Есть ещ,, иные, божеские законы, нигде, кроме сердца человеческого, не записанные. Это – любовь матери. Но ваша любовь заключалась в том, что вы изгнали дочь с е,, искусством в бывший сарай, где и сейчас холодно и сыро. Вы заставляете Алису обшивать себя и старшую дочь, печь вам кексы и убирать ваши комоды и шкафы, а сами лежите весь день с романом на диване или разъезжаете со старшей дочерью по гостям и театрам.

– Я всегда знала, что этот зме,,ныш осрамит меня. Эта лживая, избалованная отцом девчонка ввела вас в заблуждение, лорд Бенедикт.

– О мама, как могли вы подумать, что я кому-нибудь расскажу хотя бы часть того, что сказал вам сейчас лорд Бенедикт. – И сл,,зы ручьем потекли из глаз Алисы.

– Ну, значит твой идеальный отец, обожаемый пастор, оказался лицемером и сплетником, – шипя от бешенства, продолжала пасторша.

Взгляд Флорентийца укротил е,, точно взбесившуюся львицу. Она, видно, потеряла всякое понимание приличия и желала вылить не один ушат на невинную голову пастора, но не смела или не могла больше выговорить ни слова. Игра камней на е,, шее не шла ни в какое сравнение с е,, горящими глазами, которые буквально сыпали искры. Наль, никогда не выдавшая такой злобы в женщине, боязливо прижималась к мужу, как бы ища преграды между изливавшимся злом и собой.

Пастор подош,,л к Алисе, стараясь успокоить е,, своей любовной лаской, и подв,,л к Флорентийцу попроситься.

– Простите нас, добрый лорд Бенедикт, за этот безобразный вечер или, вернее, его завершение. Я был и буду, вероятно, неисправимым мечтателем. Я ведь ещ,, и сегодня надеялся, что мои жена и старшая дочь, в общении с вами, поймут свои ошибки, которые тщетно старался я победить любовью в течение всей жизни. Я не победил, лорд Бенедикт. Венчая сегодня вашу дочь, я смотрел на ваше необычайное лицо. Я думал, ваши обаяние и сила, перед которыми никто не сможет устоять, победят Катарину и Дженни. Надеялся, что они встретили, наконец, ту великую силу, перед которой

склонятся.

Дерзкий смешок Дженни вдруг оборвался. Она поперхнулась собственной слюной и закашлялась.

– Не беспокойтесь ни о ч.,м, сэр Уодсворд, – ответил Флорентиец. – Завтра я буду иметь возможность поговорить с вами о дальнейшей вашей жизни. У подъезда вы теперь найд.,те двухместный экипаж и уедете с Алисой. Сандра и лорд Мильдрей проводят вашу жену и Дженни. До свиданья, леди Катарина и мисс Дженни. Вы ни одним словом не огорчите Сандру в дороге. Кроме того, я приказываю вам, – он поднял руку, протянул е., по направлению к обеим женщинам и как бы опустил на их головы, что при огромном росте Флорентийца, когда все казались маленькими и мелкими рядом с ним, при величии и обаянии его манер, произвело на всех впечатление непреложного приказа, а леди Катарина и Дженни точно присели под магическим действием этой руки, – я приказываю вам не мешать жить Алисе и пастору. Вы превратили их собственный дом в тюрьму, зная, что дед оставил его, по завещанию, Алисе. Зная, что в н.,м она госпожа, вы превратили е., в прислужницу. Теперь вы обе будете трудиться для отца и Алисы, как они до сих пор трудились для вас. И ни одной ссоры до самой смерти пастора. Идите и помните о том, что я вам сейчас сказал, или в вашей жизни случится непоправимое, вами же самими сотканное зло, избавиться от которого ни я и никто другой уже не сможет вам помочь. Помните, вы должны трудиться или зло завладеет вами.

В сопровождении двух своих спутников, ни с кем не простившись, но крепко прижимая к себе футляры, точно боясь, что хозяин передумает и отнимет подаренные драгоценности, обе женщины вышли из комнаты. Они с ненавистью посмотрели на Наль, пожелавшую им доброй ночи. Смотреть на Флорентийца и Николая они боялись. Но вс., равно почувствовали на себе взгляд Флорентийца и ещ., раз точно присели перед самым порогом.

Пастор и Алиса, вернувшиеся домой раньше, прошли в свои комнаты, обменявшись горячим поцелуем.

– Мы нашли, Алиса, то, что всю жизнь искали. Теперь я умру спокойно.

– О нет, я гораздо больше эгоистка, чем ты думаешь, папа. Я хочу не только сама быть счастливой на новом пути, но и долго ещ., наслаждаться твоим счастьем.

Утомл.,нные тяжкими переживаниями, но счастливые своей новой встречей, оба быстро и легко заснули, даже не услышав, как вернулись их домашние.

ГЛАВА 2 О Ч,М МОЛИЛСЯ ПАСТОР. ДЖЕННИ ВСПОМИНАЕТ
Дни Наль и Николая текли легко, разнообразно и радостно. К завтраку, в двенадцать с половиной часов, а до этого юная пара успевала осмотреть в Лондоне то, что с вечера назначал им отец, приезжала Алиса. Обычно только здесь в первый раз встречались молодож,,ны с Флорентийцем, вс,, более и более привязываясь к нему и не противясь могучему очарованию своего великого друга.

После завтрака Алиса, Наль и Николай проводили час-другой с Флорентийцем, который руководил их образованием. Затем Алиса давала Наль уроки музыки, в ч,,м последняя выказывала немалые способности. Расставшись после урока, каждая шла своим пут,,м труда. И до самого пятичасового чая в доме царила полная тишина. Только в большом зале время от времени раздавались звуки рояля, затем опять наступала полная тишина. Это училась и обдумывала свои музыкальные вещи Алиса. Николай, если только не занимался в библиотеке или не выезжал куда-нибудь с Флорентийцем, работал подле него. К чаю все снова соединялись, и молодые люди – от чая до обеда – гуляли, ездили верхом или отдыхали как-то иначе по своему вкусу. К обеду приезжал пастор и, посидев часок в кабинете Флорентийца, увозил дочь домой.

Среди кажущегося внешнего однообразия жизни целый новый мир открывался молодым и пожилым гостям Флорентийца. По настоянию хозяйина Сандра и лорд Мильдрей стали обычными гостями за обедом, сплачиваясь в одну крепкую и дружную семью со всеми обитателями дома.

Под скромной внешностью пастора кроме недюжинного музыкального таланта скрывались ещ,, ум и огромная образованность уч,,ного, и он часто поражал экспансивного индуса своими познаниями и памятью настолько, что от восторга тот вскакивал, потрясал руками и топал ногами. Под укоризненным взглядом лорда Мильдрея, насмешив в достаточной степени всех друзей своими кульбитами, Сандра утихал, конфузливо взглядывал на Флорентийца и, сложив руки, уморительно, с детским отчаянием говорил:

– Не буду, лорд Мильдрей, вот уж наверное в последний раз я проштрафился. Никогда больше не буду, – и заставлял Наль и Алису смеяться.

– Если бы я мог завидовать, граф Николай, я бы всему завидовал в вас. В вашем спокойствии, изящной, какой-то чуть военной манере ходить и держаться, есть особый аристократизм, которого я не замечал в прочих людях. Но что ещ,, отличает вас от других, – я не знаю. Могу сказать только, что вы принадлежите не тому миру, в котором жив,,м мы все, но миру лорда Бенедикта.

– Долго ли ты, оксфордский мудрец, будешь величать Николая графом? Я нахожу, что вам всем пора уже бросить сиятельные приставки и звать друг друга по именам. Все вы – мои дети.

– И вс,, же это правда, лорд Бенедикт, что Николай, – как вы приказываете его звать, – имеет какие-то особые качества, – вмешался пастор. – И если все мы ваши дети, то он из нас старший и больше прочих походит на отца.

– Благодарю, друзья, за высокое мнение обо мне. Но, право, это ваша детская фантазия. Я просто более выдержан и спокоен. Расстояние между мною и отцом ровно такое же, как между ним и вами. Нам лучше бы сегодня пораньше разойтись. Я вижу, дорогой пастор сильно утомл,,н, – закончил Николай.

На побледневшем лице Алисы мелькнула тревога: – Я вообще замечая, что папа худеет. Он болен, но не хочет в этом признаться. Я пожалуюсь вам, лорд Бенедикт, на папу. Когда мне случается врасплох застать его, – он так погружен в свои мысли, что даже не сразу видит меня и не сразу понимает, о ч,,м я ему говорю. И вид у него какой-то нездешний. Если бы мама увидела его в таком состоянии, она наверное бы решила, что папа беседует с ангелами, ведь она не раз уверяла нас всех, что папа временами впадает в безумие. С некоторых пор отец пугает меня чем-то новым, какой-то оторванностью, отреш,,нностью от земли, – говорила девушка, опускаясь на колени перед своим отцом.

Пастор ласково обнял дочь, заставил е,, сесть рядом. На его добром лице сейчас сияла улыбка, а глаза точно благословляли дочь.

– Нам с тобой не следует беспокоить лорда Бенедикта, дитя. Люди не могут жить вечно. В первый же вечер знакомства с нашим великодушным хозяином я сказал тебе: «Мы с тобой нашли, наконец, верный путь, и я могу умереть спокойно».

– Папа, папа, не разрывайте мне сердце. На кого же вы покинете меня? Зачем вы меня пугаете?

– Я старался взрастить в тебе сильную душу. В тебе одной я не ошибся. Ты знаешь мою верность Богу, ты знаешь, что нет смерти. Я уйду в вечную жизнь, и ничего страшного в этом нет. Если бы я в последний миг земной жизни не встретил счастья в лице лорда Бенедикта и не мог быть спокойным за то, что зло не окружит тебя, – я бы действительно не сумел уйти так, как подобает верному сыну Отца. Теперь же я знаю, что ты останешься под высокой защитой и зло не косн,,тс,я тебя.

– О папа, папа, не покидайте меня, –рыдала Алиса. – Я ещ,, ничем не отплатила за ваши заботы, радость, любовь. За чудесную жизнь, что вы

создали мне. Я не вынесу разлуки, я уйду за вами.

По знаку хозяина все гости вышли из комнаты. Лорд Мильдрей ув,,з расстроенного Сандру к себе, а Николай ув,,л рыдающую Наль. Оставшись наедине с отцом и дочерью, Флорентиец подал обоим рюмки с лекарством. Вскоре страданье отступило, лицо пастора стало бодрым и свежим. Рыданья Алисы тоже утихли, хотя е,, глаза-сапфиры по-прежнему сохраняли скорбное выражение. Когда оба гостя совершенно успокоились. Флорентиец взял их за руки и сказал:

– Жизнь да,,т людям зов в самой разной форме. Нередко е,, призыв выражается в преждевременной смерти. Чаще – в Голгофе страданий. Иногда в человеке, прошедшем свою Голгофу, умирают его прежние качества и силы и он продолжает жить новой жизнью, как бы жизнью после смерти, поскольку вс,, личное, что держало его в плену, все страсти и желания – вс,, в н,,м умерло, освободило его дух. И сохранилась только его прежняя внешняя форма, наполненная новым, очищенным духом, чтобы через не,, могла проходить в мир суеты и греха высшая любовь.

Есть такие места на земле – тяж,,лые, плотные и зловонные из-за своей атмосферы, наполненной страстями, скорбью, злом, – куда люди, высоко и далеко прошедшие, очищенные от страстей, уже проникать не могут. Но и там нужны самоотверженные, умершие личностью проводники, через которые можно было бы давать помощь людям, гибнущим среди зла.

Флорентиец вв,,л отца и дочь в свою тайную комнату. – Господи, второй раз я здесь, и второй раз точно перед престолом Божиим, – прошептал пастор.

– И вы не ошиблись, друг. Вы действительно перед престолом Божиим.

С этими словами он откинул крышку белого стола, и взорам обоих предстал мраморный жертвенник, на котором стояла высокая зел,,ная чаша, как бы вырезанная из цельного изумруда. Подведя потряс,,нных своих друзей к жертвеннику, Флорентиец встал за ними, положил им руки на головы и сказал:

– Вы видите перед собой Огонь нетленной Жизни. В Н,,м – все силы земли. Им земная жизнь держится. Им вс,, живое вдохновляется к творчеству. Это огонь сферы земли, вложенный в каждого человека.

Огонь этот и Свет солнца – два Начала жизни земли, плоти и духа, неразрывно связанных. С окончанием земной жизни человека огонь меняет форму. И меняет в зависимости от того, как Свет солнца был вплет,,н в путь Человека им самим.

Нет ни одного животного, в котором было бы два Начала. Каждое

нес,,т в себе только этот огонь сфер. И существуют миллионы людей, в которых огонь земли развит до высоких и даже высочайших степеней, а Свет солнца тлеет едва заметной искрой. Такие люди владеют большими знаниями сил природы, даже могут ими управлять, но не горит в них Свет солнца, свет любви и доброты. Они преданы тьме эгоизма, и горят в них только страсти и желания, только сила и упорство воли. Т,,мная их сила во вс,, вносит дисгармонию и раздражение. Их девиз – «Властвуя побеждай», тогда как девиз детей Света – «Любя побеждай».

Упорство их воли – меч того зла, в запутанные сети которого они затягивают всякого, в ком находят возможность пробудить жажду славы и богатства. На эти два жалких крючка условных и временных благ и попадают те бедные люди, из которых они делают себе слуг и рабов. Сначала их балуют, предлагают мнимую свободу, а затем закрепощают, соблазнив собственностью, ценностями, и так погружают в разнузданность страстей, что несчастные и хотели бы освободиться, да у них уже нет сил вырваться из цепких лап. Если сердца ваши готовы служить светлому человечеству, если вы хотите принять девизом жизни «Любя побеждай», если в вас горит желание приносить любовь и помощь высших братьев в скорбящие сердца, ещ,, не безнад,,жно утонувшие во зле, – я буду давать указания, как и где действовать в ваших трудовых буднях. Не о смерти думайте, но о жизни, протекающей вокруг вас сейчас. Ищите не молитвы о будущем, но любви радостной, чтобы каждое текущее мгновение отражало ваше творящее доброту сердце.

– Я хочу жить так, как зов,,те вы, – сказала Алиса. – Все оставшиеся мне моменты жизни на земле хочу служить Отцу моему, как и пытался я делать это до сих пор. В вас вижу ту великую встречу, того наставника на земле, о котором всегда мечтал, и благодарю моего Создателя, пославшего мне е,,.

Отец, а за ним дочь склонились перед жертвенником, вознося к небу свои молчаливые молитвы. Их лица были так спокойны, как будто никогда не знали страдания. Флорентиец поднял их, благословил и обнял каждого. Он простился с ними до завтра, наказав им сохранять в полной тайне свой новый путь любви и труда.

Возвратившись и, по обыкновению, не встретив никого из домашних, отец и дочь, посидев немного вместе, разошлись по своим комнатам. Переполненное сердце каждого, несмотря на теснейшую взаимную дружбу, жаждало одиночества.

Алиса, углубившись в книгу, данную ей Флорентийцем, скоро забыла обо вс,,м. Душа е,, нашла новый мир, и она легла спать, в первый раз в

своей юной жизни обрета полное спокойствие, примирение и радость, не омраченные повседневной скорбью о семейном разладе.

Пастор, открыв сво,, окно, выходявшее в благоухающий сад, долго смотрел на зв,,здное небо, но спокойствия на его лице не было. Казалось, он вновь обдумывал всю свою жизнь. Он вспоминал о первой встрече со своей женой в Венеции. Леди Катарине было тогда восемнадцать лет, а ему двадцать один. Он и не помышлял о том, что уедет из Венеции женатым человеком, бросив карьеру певца, которую начал блестяще. И первые встречи с будущей женой даже не произвели на него большого впечатления. Леди Катарина была тогда очень красива, жила у своей подруги, дочери важного и знатного синьора. Происходя из родовитой, но обедневшей семьи, жившей в глухой провинции, леди Катарина потерпела фиаско в тяж,,лой любовной истории, должна была спешить с замужеством и дала себе слово выйти за первого же подходящего иностранца, с которым встретится, чтобы уехать с ним из Италии. И подходящим для себя сочла лорда Уодсворда.

Выведав у простодушного англичанина всю его подноготную, поняв, что его можно взять только добротой и любовью, леди Катарина так играла роль безнад,,жно в него влюб,,нной, что бедный лорд попался на крючок и – незаметно для себя – соболезная ей, полюбил бедную девушку сам, навек отдав ей сердце.

Не сразу удалось ему уломать отца и получить разрешение. Упрямый старик дал сво,, согласие на брак с тем условием, что младший сын его станет пастором. За это он обещал ему дом в Лондоне, тот самый, где и жила до сих пор семья пастора, со всей обстановкой и садом. Но с условием, что дом будет принадлежать младшей дочери. Семейные драгоценности бабушки тоже предназначались ему, любимцу. Но бабушка умерла внезапно, не оставив завещания. На словах она успела передать сыну свою волю касательно младшего внука, велев передать ему небольшую сумму денег и все бриллианты. Пастор разделил это наследство по своему усмотрению. Старшей дочери деньги, младшей

– дом и камни.

Молодой лорд, поведавший девушке свои мечты об артистической карьере, рассказавший о своей любви к музыке, был страшно удивл,,н, когда она принялась уговаривать его послушаться отца, сделаться пастором и немедленно на ней жениться. Никакие доводы логики не действовали. Девушка не верила в его артистические таланты, столь одобряемые профессорами. Не верила его способностям к науке и боялась стать женой ничем не обеспеченного певца или ещ,, менее обеспеченного уч,,ного. Дом

же в Лондоне, предоставляемый немедленно за согласие стать пастором, казался ей уже кое-чем, а деньги и бриллианты были надеежнее восторгов толпы или лавров ученого.

Ее, настойчивые уговоры перешли в бурные мольбы о спасении, и последовали такие сцены, что бедный юноша, принеся в жертву свои мечты, повел к алтарю девушку, которую – как ему говорила она теперь, – он шокировал и компрометировал своим поведением.

«Чем была вся моя семейная жизнь?» – думал в ночном безмолвии пастор. Лично для него каждый прожитый день являл собой ряд внутренних катастроф. Неряшливая и жадная итальянка с дурными манерами трудно поддавалась элементарному внутреннему и внешнему воспитанию. И только окончательное его решение, твердое как скала, стоившее немало количества истерик и сцен, заставило леди Катарину образумиться и усвоить внешние требования, предъявляемые английским обществом к женщине ее круга. Пастор объявил категорически, что до тех пор, пока она не научится вести дом и хозяйство и держать себя, как подобает английской леди, она не будет представлена ни его отцу, ни старшему брату, не будет введена в их семью, а следовательно, лишится того высшего общества, которого так жаждет.

Целый год прошло в напряженной борьбе. Дочь родилась преждевременно, в шевелюре пастора появилось несколько седых волосков, и вот наконец настала богемы, неизвестно как и где приобретенный, благодаря огромным усилиям воли и доброте мужа сошел с леди Катарины. Постепенно вводимая мужем в общество, она усвоила внешний аристократизм, оставаясь по сути мелкой и жадной мещанкой.

Пользуясь своей красотой, пасторша легко завладевала сердцами, но прочной дружбой ни с кем похвастаться не могла. Какие горькие минуты переживал пастор, возвращаясь в свой тихий дом из богатых покоев отца и брата! Леди Катарина, ослепленная блеском роскоши, только и говорила, что о слабом здоровье его брата, об отсутствии у него наследников, и об их блестящем будущем после смерти брата, когда ее муж станет единственным наследником всех его богатств.

Вспомнилось пастору и рождение его младшей дочери. \ Насмешки матери сыпались на голову бедного младенца, синие отцовские глаза и кудрявые белокурые волосы которого раздражали ее. Так и росла бедная Алиса, видя, как мать всегда и во всем предпочитала старшую сестру. Но кроткий ребенок, восхищавшийся и матерью и сестрой, не только принимал как должное свое положение Золушки. Доброе, не знавшее зависти сердце искало любой возможности служить обеим. И всегда

бывало эксплуатируемо, часто в ущерб своему здоровью. Пришлось пастору и здесь наложить вето, с которым уже была хорошо знакома его жена. Вот об этом-то и думал сейчас пастор, стараясь отдать себе отчет, насколько виновен он перед Богом и собой в своей нескладной жизни. Он поднялся, закрыл окно и опустился на колени перед аналоем, на котором лежало Евангелие.

– Господи, виновен человек во всей своей жизни, и только он один виновен. Знаю – скоро отойду. И молитва моя к Тебе: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром». Я понял слишком поздно, что главное звено всей жизни, всюду, не только в семье – мир сердца. Я старался нести его всем. Но в семье своей поселить его не сумел. Проходя свой день, я стремился принести встречному бодрость. Я стремился ободрить и утешить каждого. Я хотел, чтобы вошедший ко мне одиноким – ушел радостным, ибо понял, что у него есть друг.

Но в семье своей, со всей энергией доброты, я не достигал не только гармонии, но даже чистоты. Господи, я понял все, страдание земли своим разбитым сердцем. И я его принял и благословил. Защити Ты дитя мое, величием Твоей благой любви. Ибо мое сердце не выдерживает более двойственности и не может больше биться, пребывая в компромиссе.

Я знаю единый путь человека на земле – путь самоотверженной преданности Тебе. Но радость этого пути, отравляемая ежедневной ложью и лицемерием в семье, не ввела меня число слуг Твоих, на которых лежит отражение Тебя. Ныне, у божественного огня, я понял, увидел новый путь любви. Я знаю, что для меня уже поздно, что я ухожу с земли, – прими меня с миром и не оставь дитя мое, беззащитным.

Лицо пастора посветлело. Перед ним ярко и ясно вставал образ Флорентийца, и уверенность в помощи приходила к нему, на сердце становилось легко и мирно. Вся нечисто прожитая семейная жизнь перестала его тревожить. Это было уже прошедшее, далекое и чуждое. Точно не он, теперешний пастор, прожил это. Не его мечты и грехи, схороненные и заколоченные где-то в больном сердце, стоили смертной борьбы. Не он боролся, чтобы понять и исполнить свой путь, как путь утешителя каждому встреченному на земле, а иной человек, о котором он сам теперь сохранил только воспоминание.

Мелькнувшая молодость, занятия наукой, музыкой, любимая дочь, цветущая природа – все, показалось ему одним мгновением. Отрешенность, долго жившая в сердце как мучительное страдание, стала вдруг радостью раскрепощения. Дух его ничто больше не тяготило. Он понял, что жизнь – это одно мгновение Вечности. Что земная жизнь человека завершается

тогда, когда истощается его творческая сила, и земля, как место труда, борьбы, ему более не нужна. Можно умереть молодым, и только потому, что в данных земных условиях ни сердце человека, ни его сознание больше не могут сделать ничего. Нужны иное окружение и иная форма, чтобы дух и творческие способности могли совершенствоваться.

Светало. Пастор встал с колен, подош,,л к окну, открыл его и сел в кресло. Его мысли вернулись к Алисе. Но теперь тревоги за дочь он уже не испытывал. Он знал, что каждый может прожить только свою жизнь. И сколько бы ни старался ты протоптать тропинку для своих детей, жизнь поверн,,т е,, так, что только сам человек, только он один, сможет проложить е,, для себя. Ни пяди чужой жизни не прожив,,шь.

Когда Алиса утром вышла в сад поливать цветы и увидела отца сидящим у окна, она кинулась к нему. Но в ту же секунду радость е,, померкла и сменилась тревогой.

– О папа, вы больны? Что с вами? Вы так изменились за ночь, осунулись, так бледны, что я сейчас же вызову доктора.

– Успокойся, дитя, у меня бессонница. Не могут старые люди всегда быть здоровыми. Я уже говорил не раз: и молодые могут умереть, а для старых – это неизбежно. О ч,,м тревожиться? Люби меня, но люби спокойно, люби всякую мою форму, ощущай близость со мной, где бы я ни жил, далеко или близко. Верная любовь не знает разлуки.

Сл,,зы готовы были брызнуть из глаз Алисы, но доброе е,, сердце мужественно победило свою скорбь, чтобы не тревожить отца.

– Вам, папа, не хочется выйти в сад? – Нет, дитя, мне так хорошо здесь.

– Я сейчас принесу вам шоколад. Отдыхайте и ждите меня, я скоро. Уж я заставлю вас есть сегодня, – стараясь казаться вес,,лой, говорила Алиса. Но как только она завернула за угол дома, где е,, не мог видеть отец, она села на скамью и, закрыв лицо руками, горько зарыдала.

– О ч,,м ты плачешь, Алиса? – резко спросила Дженни с балкона своей комнаты. – Разбила куклу? Или сегодня, у новых друзей, тебе хочется иметь томный вид страдающей жертвы?

Алиса собралась рассказать Дженни о болезни отца, о своей тревоге за него, но взглянув во враждебные глаза сестры, сказала только:

– Ты вс,, шутишь, Дженни. А мне кажется, что над нами нависло горе, которого ты не хочешь видеть.

Дженни рассмеялась так же резко и насмешливо продолжала:

– Давно ли ты в мудрецы записалась? Шестнадцать лет слыла дурочкой и вдруг попала в умницы у лорда Бенедикта. Кому это делает

честь? Его прозорливости или твоей хитрости?

– Меня, Дженни, ты можешь называть как угодно. Но если ты хоть раз ещ,, позволишь себе сказать что-либо неуважительное о лорде Бенедикте, – ты уйд,,шь из этого дома, чтобы никогда в него не вернуться. Помни, что я тебе сейчас сказала, – это дом мой. И чтобы ни единого непочтительного слова о лорде Бенедикте в этом доме произнесено не было.

Что-то отцовское, когда он говорил сво,, редкое, но неумолимое «нет», сверкало в глазах Алисы. Необыкновенная решительность и железная тв,,рдость в е,, голосе – вс,, это было так неожиданно в кроткой и нежной сестре. Дженни сразу почувствовала, что это не пустая угроза, что она действительно останется без крова, если нарушит этот запрет Алисы.

Дженни знала, что кроткий отец обладал колоссальной силой характера, и ничто не могло изменить его решения, если он его продумал и высказал. В Алисе она сейчас узнала эту отцовскую черту, как давно уже узнавала в себе черты матери. Пока Дженни приходила в себя от изумления, Алиса готовила завтрак пастору. Не один пастор пров,,л сегодня бессонную ночь. Дженни вчера возвратилась домой в полной размолвке с матерью. И обе, недовольные друг другом, разошлись по своим комнатам, не помирившись перед сном.

Не в первый раз за последнее время мать и дочь был недовольны друг другом, что поражало их обеих, проживших до сих пор в большой любви и дружбе и не ссорившихся прежде. Ленивые, самолюбивые и вспыльчивые, они искали в Алисе причину своего дурного настроения. Им всегда казалось, что они недовольны ею, а не друг другом. Бессознательно ища е,, общества в минуты раздражения, обе они, покоряемые кротостью и любовью реб,,нка, его всегдашним желанием успокоить и развлечь их, поддавались обаянию этой чистоты и самоотвержения, хотя считали Алису дурочкой.

Теперь Алисы, как и пастора, целыми днями не было дома. Работа, которую всегда делала Алиса, свалилась нынче на них. Ведь Алиса постоянно шила, гладила, стирала, что-то перекраивала, чтобы Дженни и мать выглядели нарядными. Рояль ждал Алису неделями, потому что даже уходя из дома, обе давали наказы, во что их одеть завтра, совершенно не думая о том, что труд этот чрезмерен. Раздражаясь, обе кое-как сами прилаживали теперь свои туалеты, проклиная в душе тот день и час, когда лорд Бенедикт переступил порог их дома.

Запершись в своей комнате вечером, Дженни рвала и метала. Неоднократные размолвки с матерью, отсутствие у не,, всякой выдержки, не сходившие с уст проклятия докучали Дженни. Только теперь она

увидела, как некультурна е,, мать, и оценила благородство отца. За всю сознательную жизнь Дженни пастор не сказал матери ни одного слова повышенным тоном и не позволил себе ни единого неджентльменского поступка по отношению к ней. Он был справедлив к обеим дочерям, балуя обеих одинаково. Мать же признавала только Дженни. И она со стыдом сейчас вспоминала, как часто съедала сладости, предназначенные Алисе, как отнимала для не,, мать у сестры е,, подарки. И как та, радостно улыбаясь, отдавала Дженни вс,, лучшее, что имела.

Вспомнила Дженни и свой первый бал у деда. Мать приказала Алисе выпросить у деда е,, бриллианты, чтобы Дженни могла их надеть. Дед ласково, – при всей своей суровости он всегда был необычайно ласков с Алисой, – в просьбе отказал. Подняв е,, личико своей красивой рукой, он сказал:

– Не Дженни и не твоя мать, а ты наденешь бриллианты моей матери. Они предназначены тебе и будут присланы к твоему первому балу.

– Тогда уж, наверное, бабушка, их никому не придется надеть. Ведь моего первого бала никогда не будет.

– Почему же так, внучка? – рассмеялся дед, обнимая девочку, чего тоже почти никто не удостоивался.

– На балы не возят дурнушек. Да я предпочла бы послушать классическую, а не бальную музыку. Ах, бабушка, как ты меня огорчил. Дженни ведь такая красавица. Ну как же она явится на бал с голой шеей?

– Может шею свою прикрыть или совсем на бал не ездить. – Так ей и сказать? – Так и скажи.

Личико реб,,нка опечалилось. Алиса долго ещ,, пыталась объяснить деду, что так огорчать людей нельзя. Это его сместило, он громко хохотал и вс,, же отв,,з е,, домой с коробкой конфет, но без камней. Дженни вспомнила и этот день, и ясно видела перед собой пониющую фигурку сестры. Под градом материнских упр,,ков Алиса только горестно твердила, что просила деда так усердно, как самого Бога, но, видно, по е,, грехам, ни тот, ни другой не вняли. Картины жизни мелькали в памяти Дженни одна за другой, и вот в доме появился молодой уч,,ный, друг отца, Сандра.

Дженни в первый же вечер уловила восхищ,,нный взгляд гостя, когда Алиса играла и пела, и старалась не допускать Алису к роялю при Сандре. Но тот умел действовать через отца, и это выводило из себя немusыкальную и ревнивую Дженни. Способная, с хорошей памятью, она легко схватывала суть каждой книги и была довольно образованна, хотя и не желала следовать той программе, которую ей предлагал отец. Знакомство с Сандрой, желание обратить на себя его внимание, заставило

е,, серь,,зно учиться, и она – не без пользы для индуса – иногда припирала его к стенке в споре. Но поразмыслив на свободе, индус являлся с новыми книгами и доказывал Дженни, что она орудует фактами по-дамски. И Дженни должна была прочитывать целые тома серь,,зных книг, чтобы разобраться, права ли она. Это е,, злило и утомляло, раздражая ещ,, и потому, что, как она ни старалась привлечь Сандру, он поддавался е,, очарованию только до тех пор, пока не было Алисы. Стоило той войти – и вся уч,,ность слетала с Сандры, он становился реб,,нком и дурачился с сестрой, смеясь так весело и радостно, как этого никогда не могла добиться Дженни никакими чарами своего кокетства. Ревность жгла е,, сердце. Но она ни в ч,,м не могла упрекнуть сестру. Алиса незаметно скрывалась, когда появлялся Сандра, и ни разу его имя не слетало с е,, губ иначе, чем в числе поклонников сестры.

Сейчас Дженни стало душно в атмосфере зла и раздражения. Она поняла, что любит отца, любит и сестру, и хочет быть с ними. Она оценила их духовность и не знала теперь, как к ним подойти, как покончить с той двойственностью, в которой жила. Казалось бы, куда проще: попросить Алису взять е,, с собой к лорду Бенедикту. Там она могла бы получить совет, как приблизиться к отцу и сестре, не вызывая ревности матери. Но... как просить сестру? Как сказать ей? Лорд Бенедикт? Обратиться к нему? Невозможно: и стыдно, и страшно. Дженни решила просить Николая.

«Граф, – писала она, – мне впервые приходится обращаться за советом и помощью к чужому и малознакомому человеку. Но Вы не просто человек. Вы уч,,ный и философ, и вот к этому последнему я решаюсь обратиться. До сих пор я очень уверенно и самонадеянно вела линию своей жизни и была убеждаема постоянным в ней успехом, что веду е,, правильно и именно так, как следует. Некоторый разлад в моей семье казался мне следствием детского, нежизненного простодушия папы и сестры. Теперь же в душе моей ад. Туда закрались сомнения. Там я вижу многое, ах как многое, не таким, как это мне казалось до сих пор. И выход найти, обрести хоть каплю мира, я не могу. Я вс,, больше раздражаюсь, и чем яснее понимаю, что мо,, злобное настроение доказывает только мою же неправоту, тем больше злюсь. И сама вижу, как змеи в мо,,м сердце шипят и поднимают головы.

К чему и почему я вс,, это говорю Вам, граф? Потому, что образы лорда Бенедикта и Ваш стоят передо мной неотступно. Только в Вашем доме я впервые поняла, что жизнь может двигаться вперед добротой. И странно, там, в доме лорда Бенедикта, я не ощущала особенно сильно его и Вашего влияния. Даже – почти изгнанная лордом из его дома – я зло смеялась первые дни, усердно отравляя жизнь Алисе и папе. Но чем

дальше, тем яснее я начинаю видеть ваши лица, и в моём сердце становится всё, печальнее.

Я прошу Вас, разрешите мне поговорить с Вами. Вспоминая строгое и какое-то особенное лицо лорда Бенедикта в последний миг расставания, я не смею обратиться к нему с просьбой о свидании. Его величавость – не поймите меня дурно, я уверена, что она – отражение его души, а вовсе не внешний фасон, – меня сковывает. Я не смею обратиться к нему и не могу себе представить, как обнажить перед ним язвы сердца.

Я попрошу Алису передать Вам это письмо, но никогда не решусь переступить порог того дома, где сейчас живёте Вы, потому что это дом лорда Бенедикта, и не смею просить Вас приехать ко мне. Не откажите выйти завтра в три часа в Т-рсо-сквер и поговорить со мною. Примите самые искренние уверения в полном уважении к Вам Дженни Уодсворд».

Много скорбных размышлений стоило Дженни это письмо. Гордая девушка никак не хотела поддаваться, как ей казалось слабости, и только её, незаурядный ум помог ей признать свои ошибки и сказать о них.

Окончив письмо, Дженни вздохнула с облегчением. Она, по крайней мере, оставила за собой некий Рубикон. Ей казалось, что она захлопнула дверь какого-то чулана в своей душе, т.е. много и неприятного, и может не заглядывать туда несколько часов. Оставалось ещё, одно: просить сестру передать письмо. И на деле это оказалось гораздо труднее. В своём сердце, каком-то размягченном, когда писалось письмо, она точно раскрыла объятия Алисе. Но... как только Дженни услышала, как говорит сестра с отцом, услышала её, голос, полный беспредельной доброты и ласки, она мгновенно вспомнила давешнюю сцену у балкона, ожившую до боли четко и ясно. Потрясенная вспомнившимися словами Алисы, Дженни первым делом бросилась к письму, чтобы разорвать его в клочья. Но вместо этого она закрыла лицо руками и горько, по-детски зарыдала.

Дженни, гордая Дженни, так много думавшая о своей красоте! Дженни, оберегавшая лицо от малейшего дуновения ветерка, не уронившая и слезинки, чтобы не испортить кожу, – Дженни рыдала, забыв обо всё, кроме глубокой горечи на сердце. Чья-то нежная рука обняла её. Чьи-то горячие губы целовали ей руки. Чьё-то дыхание согревало её, проникая в сердце, точно вытаскивая оттуда занозу.

– Дженни, сестра, любимая моя, дорогая. Прости меня, я ведь такая глупая, ты это знаешь, прости, родная. Я не сумела донести до тебя свою мысль так, чтобы ты, такая умная, поняла бы меня.

Слёзы сестры, такие необычные и вызванные ею, совсем уничтожили бедную Алису. Она готова была отдать самоё, жизнь, чтобы утешить сестру.

И вс,, же сознавала, что оскорбить лорда Бенедикта в сво,,м доме не позволит. Вс,, что шло от него, было дороже жизни. Алиса умерла бы за сестру, но не могла изменить ему, ибо он-то и был сейчас центром е,, жизни. Дженни ничего не отвечала. Но под наплывом е,, доброты затихла и вдруг почувствовала себя маленькой девочкой, прильнув к сестре, точно к доброй няне, Она молча, вс,, ещ,, чуть-чуть хмурясь, подала письмо Алисе. Та взглянула на адрес, ласково поцеловала е,, ещ,, раз и, спрятав письмо за корсаж, вышла из комнаты.

Впервые Дженни почувствовала благодарность к сестре, сожаление о внутренней разьедин,,нности с нею. Пасторша же, избалованная тем, что к е,, выходу в столовую в полдень Алиса подавала обильный завтрак, непременно с несколькими горячими итальянскими блюдами, теперь каждый раз раздражалась и оглашала дом руганью с кухаркой, не умевшей ей угодить. Е,, так и перед,,ргивало всякий раз, когда Алиса садилась в элегантный экипаж и уезжала из дома, часто увозя с собой отца. Она долго пилила пастора, доказывая, как необходимо иметь свой экипаж, но получив однажды железное «вето», поняла, что должна покориться. Она, конечно, не покорилась и стала выпрашивать экипаж у тестя. Тот ответил ей, что охотно подарил бы ей лошадь, но сын запретил, а ссориться с ним он не хочет. Брат мужа, к которому пасторша обратилась с той же просьбой, дал ей такой же ответ.

Бедная женщина стала бороться. Бороться с пастором, с каждым его распоряжением, приказанием, пожеланием. Поняв давно, что сгубила карьеру мужа и сама избрала скромную жизнь пасторши вместо блестящей и рассеянной жизни жены знаменитого певца, она вымещала на муже свою ошибку. Не зная английских законов, она думала, что получит развод, а вместе с ним и половину состояния и уедет за границу. Но вс,, было против не,, а стать вне общества она не решилась. Так и шла ее жизнь в полном отдалении от мужа, который жил в сво,,м кабинете и после рождения Алисы не переступал порога супружеской спальни.

Пасторша, ища развлечений на стороне, вс,, же вела внешне безукоризненную жизнь, и репутация е,, была незапятнанной. Пастор соблюдал внешний декорум счастливой семейной жизни и не пропускал случая быть вместе с женой там, где этого требовали обычай или этикет. Его доброта и джентльменская вежливость с женой вводили всех в заблуждение. Да и кому могло прийти в голову, что, имея мужем одного из известнейших уч,,ных, человека большого музыкального дарования и честнейшей души, можно быть недовольной своей семейной жизнью.

Непостоянная в своих увлечениях, пасторша часто искала новой

влюбленности, но тщательно скрывала свои порывы от домашних. И Дженни, убежденная, что мать – жертва самодура-отца, обожала мать вдвойне, стараясь вознаградить ее, за холодность мужа. Но не так давно зоркие глаза Дженни стали кое-что подмечать, чего пасторше вовсе не хотелось, хотя она и старалась воспитать Дженни на свой лад, уверяя, что в Италии не скрывают своих чувств.

Однажды Дженни нечаянно столкнулась с матерью, когда та под густым вуалем выходила из подъезда чужого дома вместе с малознакомым мужчиной. Ни мать, ни дочь не произнесли ни слова за всю обратную дорогу. Дженни и дома молча прошла к себе. За обедом она, правда, уже овладела собой и старалась отвечать обычным тоном. Но в сердце ее, уже не существовало алтаря. Поверженный кумир перестал держать ее, в своей власти. Дженни не плакала, не стонала. Она охладела сразу. И пасторша поняла, что свое, любимое дитя она теряет. Но и сейчас она не признала своих ошибок. Она хотела, чтобы Дженни принимала ее, манеру жить как единственно правильную и возможную.

Избалованная привязанностью Дженни, пасторша не могла смириться с одиночеством в семье и решила соблазнить ее, проектом блестящего замужества. Не одну бессонную ночь она обдумывала ситуацию. Она легкомысленно перебирала молодых людей и пожилых лордов, знакомых и незнакомых. И успокаивалась к утру на том, что найдет Дженни жениха с состоянием, именем и блестящим положением и тем вернет себе дочь.

Так и жила семья пастора, и никто не сознавал, кроме самого отца, что смерть уже нашла дорогу в их дом.

ГЛАВА 3 ПИСЬМА ДЖЕННИ, Е, РАЗОЧАРОВАНИЕ И БОРЬБА
Алиса опоздала к завтраку, опоздала на целых двадцать минут. Лорд Бенедикт, Наль и Николай собрались в кабинете хозяина и ждали свою гостью, которая за эти два месяца, пролетевшие как один день, успела стать дорогим и любимым членом семьи.

Наль, приученная дядей Али, Флорентийцем и Николаем к безоговорочной аккуратности и пунктуальности, тревожилась сильнее других, уверяя отца и мужа, что Алиса, наверное, заболела.

– Сомневаюсь, что ее, задержала болезнь. Я думаю, она скоро будет здесь, и тревожиться тебе причин нет, дочь моя. Но если ты удвоишь свои заботы и постарайся выказать Алисе еще, больше любви и внимания, ты поступишь правильно. Бедной девочке предстоит вскоре большое испытание. И кроме нас троих – как ей будет казаться – у нее, во всем мире не останется ни одного близкого сердца.

– Для Алисы, отец, мне легко сделать вс,, что только в моих силах. Я люблю е,, как близкую сестру. Да и возможно ли не любить е,, однажды с ней встретившись? Но я потрясена тем, что ты сказал. Неужели е,, отец так болен?

– Он мог бы пожить ещ,, по состоянию здоровья. Но энергии для борьбы с тем злом, что его окружает, у него уже недостаточно. А в его жене она нарастает. Он уйд,,т из жизни, спасаемый светлой силой любви, которой служил всю жизнь. Потому что зло, что подбирается к его дому, требует энергии и знаний гораздо больших, чем мог достичь пастор.

Только закончил говорить Флорентиец, как раздался л,,гкий стук в дверь и слуга доложил, что мисс Алиса Уодсворд приехала. Наль побежала навстречу своей подруге, а мужчины прошли прямо в столовую.

Извиняясь и обвиняя себя в опоздании, Алиса не обмолвилась ни о болезни отца, ни о разладе в доме. Но е,, заплаканные глаза, бледное и расстроенное личико говорили обо вс,,м без слов. Она так незаметно положила письмо Дженни рядом с прибором Николая, что даже Наль не знала, откуда пришло письмо. Увидев письмо, доставленное не почтой, Николай взглянул на Алису, положил его в карман и, казалось, инцидент был исчерпан.

– Почему Дженни избрала тебя почтальоном? – внезапно спросил Алису лорд Бенедикт. – Если она ещ,, раз попросит тебя передать письмо кому-либо из нас, откажись. Скажи, что лично ей пути ко мне никто не закрывал. Но вот если мать попросит отвезти е,, куда-нибудь по дороге к нам или передать кому-либо письмо или вещь, или что-нибудь передать на словах, – категорически отказывайся и сейчас, и впредь. Вся твоя жизнь в эти месяцы – это отец, заботы о н,,м, и мы. Принимаешь ли ты это условие, Алиса?

– Принимаю ли, лорд Бенедикт? Да разве я могу выбирать? Мо,, сердце больше не жив,,т одно. В н,,м поселилось новое лицо, не испрашивая на то дозволения. Все, кто жил там раньше, в н,,м остались. Но новый владыка дал ему новую жизнь. Уйдут все любимые, – голос Алисы задрожал, она с трудом, но победила сл,,зы, – и я знаю, что останусь жить. В тяж,,лой скорби, быть может в ужасе, но жить буду. Но если бы уш,,л из сердца ваш образ, лорд Бенедикт, если бы погас там свет, зажж,,нный вами, жизнь ушла бы из него. Вы ведь сами вс,, видите. Зачем об этом говорить. Я взяла письмо Дженни, не зная, что в н,,м. Но зато знаю, – только здесь может найти Дженни сво,, спасение.

– Не огорчайся, друг. Ты узнаешь, как трудно, а иногда и невозможно помочь людям, если они ленивы, разнузданны, не хотят трудиться и видят

счастье жизни только в богатстве и наслаждениях. Вс,, что ты можешь сделать, чтобы не соткать ещ,, большего зла при твоих слабых силах и малых знаниях, это избегать всяких сношений с сестрой и матерью. Живи те немногие часы, что проводишь дома, только подле отца. И если завтра мать твоя захочет сесть в твой экипаж, – помни мой запрет. Впрочем, я скажу об этом твоему отцу.

Лорд Бенедикт встал, завтрак окончился, и каждый занялся своим обычным делом.

Алиса была выбита из колеи словами Флорентийца. Она не понимала, о каком зле он говорит. Почему нельзя довести мать, которая, кстати, уже не раз просила об этом, куда-либо по дороге. Почему нельзя взять письмо у бедной Дженни, которая так страдает, что даже плакала первый раз в жизни. Алиса не понимала смысла приказа, но ей и в голову не пришло ослушаться. Ничто на свете не заставило бы е,, поступить наперекор воле Флорентийца, отступить хотя бы на йоту, Пока не понимая, почему она должна вести себя именно так, она интуитивно сознавала, что в требовании Флорентийца лежит глубокий смысл и, может быть, спасение е,, близких. Страдая за них, ещ,, больше страдая за отца, она подошла к роялю, своему первому другу и помощнику во все тяж,,лые минуты жизни, и нашла забвение в музыке.

Прочтя письмо Дженни, Николай пош,,л к лорду Бенедикту. Познакомившись с его содержанием, тот немного помолчал, а потом спросил:

– Как же ты думаешь поступить?

– Мне кажется, девушку еще можно спасти. У нее большие способности, она могла бы заинтересоваться глубокой и чистой наукой и победить свою страсть к внешним благам.

– Для этого ей надо начать по-настоящему трудиться выбрать отрасль науки и посвятить ей полжизни. К чему-либо большому, крупному она не способна. Прожить хотя бы год в изоляции и подчиниться строгому распорядку дня, понять, что надо становиться госпожой себе и научиться управлять страстями,

– она не способна. Ты уже дошел до той ступени, когда самостоятельно разбираются в делах и встречах дня. Можешь поступить так, как найдешь нужным.

– Нет, отец. Этот случай особенным Я пока не понимаю как, но знаю определенно, что нити зла тянутся от Дженни и, главным образом, от пасторши к Левушке. Когда я читал письмо, то ясно видел Левушку ускользающим от каких-то опасностей, связанных с пасторшей и Дженни,

и Алису, спасаемую вами от их плена. Я пришел просить вас указать мне точные рамки поведения, так как чувствую, что не в силах распознать, как действовать.

– Если хочешь, сын мой, поступить так, как видят мои глаза, – не выходи к Дженни в сквер и не пиши ей. А продиктуй Наль маленькое письмо, в котором сообщи Дженни, что ты говорил с лордом Бенедиктом, и он будет рад видеть ее в своем доме в одиннадцать часов утра в воскресенье, если она желает переговорить с ним.

– Так я и поступлю, отец. Но не забыли ли вы, что пригласили пастора и Алису к себе в имение с четверга до воскресенья. Вы предполагали, что мы вместе возвратимся в Лондон в понедельник.

– Совершенно верно. Мы уедем, как и вернемся, вместе. Но ведь езды в деревню час с небольшим. Я пробуду в Лондоне в этот день часов до пяти, и не только из-за Дженни. И к обеду снова буду с вами. Надо постараться подкрепить силы пастора, не мешает также Наль и Алисе побыть на воздухе. Да и тебе надо отдохнуть. Кстати, съезди к лорду Мильдрею. Там, наверное, найдешь Сандру в роли сиделки. Лорду отвези вот это лекарство, оно поставит его на ноги в два дня. И пригласи обоих с нами в деревню Индус, конечно, не замедлит наградить акробатическим трюком, а лорд просияет и не сможет найти слова для выражения своей радости. Письмо к Дженни отправь с кем-нибудь из слуг сейчас же.

Николай ушел диктовать Наль письмо и затем уехал к лорду Мильдрею. А Флорентиец сел за свой письменный стол и в глубокой сосредоточенности написал несколько писем.

Отправив свое послание с Алисой, Дженни не сомневалась, что вечером сестра привезет ей ответ, и это будет самое любезное согласие Николая немедленно явиться на свидание к ней. И она стала мысленно готовить речь для Николая, обдумывая каждое слово. Ей хотелось показать графу и философу, как ум ее тонок, а чувства изощрены, как ей нужна иная жизнь, и следует указать ей путь, чтобы она успешно достигла цели. Затем она стала обдумывать, в каком туалете появиться перед графом. Она подошла к шкафу и стала выбрасывать на диван свои костюмы. Синий она забраковала, как слишком будничный. Зеленый, который так прекрасно оттенял ее кожу и волосы, был чересчур яркий для серьезного свидания. Вскоре целая куча платьев лежала горой на диване, а Дженни все еще не знала, на чем ей остановиться. Если бы здесь была «дурочка» – как всегда мысленно называла Дженни сестру – вопрос был бы решен в две минуты. У дурочки такой изысканный вкус и чувство такта, что Дженни стала подчиняться ей в выборе туалетов. Жизнь заставила ее оценить вкус

Алисы, поскольку она лишь тогда вызывала общее одобрение, когда следовала указаниям сестры.

И снова досада и зависть, что вот Алиса сидит теперь в аристократическом доме, а она, Дженни, должна одна трудиться над туалетами, привели ее в раздражение, а время шло, и нерешительность Дженни подхлестывалась возмущением. Почему Алиса, а не она попала в любимицы лорда Бенедикта? Не она – блестящая красавица? И Дженни дала себе слово обворожить Николая. Она уже не раз пробовала свои чары на мужчинах и – ни разу сама не любя, но лишь флиртуя, – была глубоко любима.

Наконец Дженни отобрала костюм темно-серого шелка, с темнозелеными пуговицами и задумалась, какую выбрать к нему шляпу.

Внезапно в ее комнату влетела пасторша, тоже в халате и даже непричесанная Она стала сыпать словами, и Дженни поняла, что к ней пришел слуга от лорда Бенедикта с письмом. И на все требования пасторши отдать письмо ей в руки слуга отвечал отказом, заявляя, что вручит письмо лично мисс Уодсворд. Любопытство пасторши было доведено до предела. Понося слугу и хозяина, она торопила Дженни поскорее выйти к слуге лорда.

– Прежде всего, мама, скажите пожалуйста, посмотрели ли вы на себя в зеркало? На кого вы похожи! Сколько времени не стиран ваш халат? Вам десятки, сотни раз говорил папа, что выскакивать в прихожую на стук леди не должна без особой на то надобности. Вы же не только выскочили к лакею лорда Бенедикта, хотя у вас трое слуг. Вы ещ,, и оскандалили меня перед ним. В каком виде этот лакей изложит свой отч,,т лорду Бенедикту? И – что ещ,, нелепее – расскажет в людской о вашем грязном халате и криках?

– Это ещ,, что за разговоры, Дженни! С некоторых пор, как я замечаю, ты, как и папенька, слишком печ,,шься о хорошем тоне. Не советую тебе переходить на сторону отца и Алисы, у меня для тебя такие блестящие планы...

– У вас, мама, всю жизнь блестящие планы, только рушатся они легче карточных домиков. Но прошу вас, пройдите к себе и дайте мне возможность одеться. Я не могу выйти к слуге лорда в халате. – Давно ли тебе стала мешать мать?

– Нет, не так давно, к моему сожалению и огорчению, не так давно я стала во многом расходиться во мнениях с моей матерью.

Видя, что мать не уходит, она накинула ч,,рный плащ, который, вместе со шляпой, придал ей вид дамы, готовящейся выйти из дома.

Категорически запретив пасторше следовать за собой, Дженни вышла в переднюю. По дороге она соображала, как должна вести себя леди в таких случаях. Точного представления у не,, об этом не было. Но прежде чем Дженни успела что-либо сообразить, она увидела отлично одетого человека, которого приняла бы на улице за настоящего джентльмена. Вежливо поклонившись, он подал ей письмо, откланялся и сейчас же вышел, не проронив ни слова.

Дженни была озадачена. Она уже приготовилась улыбнуться и просить подождать, пока она напишет ответ, как осталась одна, точно здесь никого и не было. Дженни инстинктивно почувствовала какое-то пренебрежение к себе. Хотя это и был лакей, но вс,,-таки молодой мужчина, и мог бы заметить, что перед ним стоит красавица и у него есть благовидный предлог ею полюбоваться. А он даже и не взглянул на не,,.

Пасторша, нетерпеливо подглядывавшая в щ,,лку, выскочила в переднюю, удивляясь, почему Дженни не вскрывает письмо. Однако Дженни ощутила только ярость. Она ясно видела, что конверт надписан ч,,тким, красивым, ещ,, не совсем оформившимся женским почерком. Гнев Дженни обрушился на пасторшу, обвин,,нную в том, что она была груба и вульгарна с лакеем, почему тот и вылетел как пуля из их дома. Тут же е,, обвинили в подслушивании и подглядывании у дверей. И чем больше Дженни сознавала, что причина е,, ярости не в матери, а в ней самой, тем вс,, больше она злилась. Впервые она узнала в себе материнскую черту – доходить до бешенства, на что прежде не считала себя способной. Увидев ужас на лице матери, Дженни сразу поняла, как сию минуту безобразна. Закрыв лицо руками, она убежала в свою комнату, захлопнула дверь и повернула ключ в замке.

Бросившись в кресло, она просидела несколько минут без движения, без сил, без способности что-либо соображать. Наконец, сбросив с себя плащ и шляпу, она нат,,рла виски и шею одеколоном и взяла письмо в руки. Несколько удивила е,, какая-то особенность в бумаге, должно быть не английской, и вензель с графской короной, т,,мно-зел,,ной с золотом. Разорвав конверт небрежно и торопливо, Дженни прежде всего посмотрела подпись – «Наль, графиня Т.», – стояло там.

«Милая мисс Уодсворд, – пишу Вам по поручению моего мужа, который просит передать, что лорд Бенедикт будет ждать Вас в воскресенье в 11 часов утра в сво,,м доме. Отец же просит сообщить, что время его очень точно расписано. И Вам он отда,,т его с большой любовью и радостью, но, к сожалению, только от 11 до 12 часов.

Примите уверения в совершенном к Вам уважении. Наль, графиня Т.».

Обида, унижение и негодование охватили Дженни. Поиски туалета и желание обворожить Николая, и – это письмо Наль. Вс., раздражало девушку, смешалось в какой-то сумбур и снова вызвало пароксизм бешенства. Теперь уже не на мать обрушилось е., раздражение. Но на дурочку-сестру, не сумевшую, очевидно, передать письмо так, чтобы Наль об этом не узнала. По всей вероятности, прелестная графиня закатила мужу сцену ревности и пожелала ответить лично, опасаясь соперничества с красивой Дженни.

Последняя мысль порадовала мисс Уодсворд и привела е., в себя. Но вс., же письмо она решила матери не показывать. Зная е., любопытство, Дженни оторвала обращение и подпись и бросила рядом с конвертом на столе, письмо сожгла. Затем она вышла в ванную комнату, оставив свою дверь открытой. Как она и предполагала, пасторша немедленно шмыгнула в е., комнату. Дженни дала ей время полюбоваться короной и подписью и вернулась к себе уже совершенно остывшей от гнева. Теперь ей казалось невероятным, что она могла так распуститься, и было противно сознавать, что она впала в ту же вульгарность, которая так коробила е., в матери. Оставаться наедине с собой и дальше казалось невыносимым. И она обрадовалась матери, которая вошла к ней как ни в ч.,м не бывало и предложила отправиться в театр за билетами на заезжую знаменитость.

За завтраком мать и дочь, не касаясь утреннего происшествия, решили, что Алису нужно до конца недели оставить дома. Ежедневные вс., удлиняющиеся отлучки Алисы грозят катастрофой их домашнему обиходу. Пасторша посоветовала написать письмо Алисе теперь же и оставить его на видном месте. Дженни, позабыв, что Алиса уже давно не та девочка на побегушках, которой она всегда отдавала распоряжения, как своей горничной-рабе, написала целый ряд указаний относительно домашних дел вплоть до воскресенья, прибавив, что она не должна сейчас бывать у лорда Бенедикта, где и вообще-то изображает приживалку молодой графини, чем позорит мать и сестру. «Пора кончать все эти глупости».

Запечатав письмо, Дженни оставила его на столике в передней, где его нельзя было не заметить. Наконец обе дамы вышли из дома, очень довольные собой.

Тем временем Алисе в доме лорда Бенедикта было, как всегда, радостно, легко, просто и весело. Добрую и нежную девушку обожали все, начиная от Наль и Дории и кончая сыном повара, который так и тянулся к ней, если случалось им встретиться в саду или во дворе.

В этот день пастор приехал сюда несколько раньше обычного и прош.,л с дочерью в сад; там их и увидел Флорентиец и сейчас же сош.,л

вниз. Пригласив обоих на конец недели в свою деревню, он сказал, что сегодня просит их остаться у него. За вещами пастора решено было послать к его старому слуге Артуру, а Алисе Наль уже заранее приготовила туалеты. Вечером один из экипажей лорда Бенедикта отвез Дорию в пасторский дом с письмом.

Старый слуга сам открыл дверь и был несказанно удивлен, увидев чужую леди. Когда он прочел ласковое письмо с дружеским обращением пастора лично к нему, «старому другу и верному спутнику всей жизни», Артур весь просиял и поцеловал письмо обожаемого хозяина. Пастор сожалел, что не мог на этот раз взять его с собой, но надеется, что сможет сделать это в следующую поездку к лорду Бенедикту. А сейчас он просит его не скучать и навестить своих родных, живущих близ Лондона. Он, пастор, даст ему на это разрешение. Если Артур выедет сегодня же вечером и вернется утром в понедельник, то доставит своим родным огромную радость, о которой они так долго мечтали, и сам пастор будет доволен не меньше их. «Я не буду счастлив, если стану отдыхать один, а ты будешь сидеть в городе», – заканчивал пастор. Прочтя письмо, слуга отпустил слезы.

– Неужели лорд Уодсворд написал вам что-то печальное? – с беспокойством спросила Дория.

– О нет, миледи, разве мой дорогой господин может кого-нибудь огорчить. Он ангел во плоти, как и мисс Алиса. А плачу я только потому, что пастор не мог уехать отдыхать, не подумав обо мне. Он много раз настаивал, чтобы я съездил к родным. Но разве я могу бросить его одного в этом аду. Раз мисс Алисы нет, ему и прилечь не дадут. Верите ли, миледи, я сажусь вот здесь на стул, запираю дверь в коридор на половину лорда и не пропускаю сюда ни леди Катарину, ни мисс Дженни. Терплю каждый раз их дерзости и брань, но только так могу обеспечить час спокойствия и тишины для господина. Уважения к его трудам и болезни нет.

– Не называйте меня «миледи», я такая же слуга, как и вы, только служу молодой графине. Вот этот конверт просил передать вам молодой хозяин, граф Николай; очевидно, пастор сказал ему, что отпускает вас к родным. И граф – тоже душа редкостная – посылает вот этот привет для ваших родных. А мне приказал не только забрать вещи вашего Хозяина, но и доставить вас на вокзал.

Слуга, ног не чуя под собой от радости, мигом собрал вещи, сказал кухарке, что хозяин и Алиса вернутся только в понедельник вечером из деревни, а он уезжает из Лондона по приказанию пастора и вернется рано утром в понедельник. Толстая и равнодушная ирландка завистливо покачала головой, но так как доброго Артура она любила, то пожелала ему

приятного пути и снабдила провизией на дорогу. Раздраж,,нная придирками, она злорадно подумала о пасторше и старшей мисс, которые будут сидеть в городе и грызться друг с другом. А хозяин и Алиса насладятся отдыхом в деревне без их чудесного общества. Заперев наружную дверь, кухарка передала горничной холодный ужин для хозяек и ушла к себе наверх в маленькую, уютную и солнечную комнатку. Сколько леди Катарина ни спорила с пастором, что он балует и распускает прислугу, отдавая ей барские комнаты, сколько ни доказывала, что горничная и кухарка могут жить в одной комнате, а ей нужно помещение для домашней швеи,

– она наткнулась на вето пастора. У каждой из жившей в его доме прислуги была отдельная, безукоризненно чистая комната, за состоянием их следил сам пастор.

Возвращаясь из театра, Дженни больше молчала. Все е,, мысли сосредоточились на Алисе, на том, как повести себя с сестрой, чтобы вырвать е,, из сферы влияния лорда Бенедикта. Первое ядро, самое действенное, как полагала Дженни, уже пущено в Наль, приревновавшую к ней мужа. Судя по себе, Дженни полагала, что Наль, возненавидев сестру, будет стараться удалить из дома и Алису. Дурочку она надеялась уломать, прикинувшись тоскующей в постоянной с нею разлуке.

Первое, что так поразило обеих, – была м,,ртвая тишина в доме. Обычно, как бы поздно они ни возвращались, пастор ждал их под музыку Алисы, которая смолкала с их приездом. И оба они всегда старались приготовить что-нибудь вкусное к ужину. Правда, за последнее время в домашних привычках многое изменилось. Но вс,, же основной распорядок жизни не нарушался. Дженни, приготовившая улыбку и нежное объятие для сестры, решившаяся сказать, что е,, музыка лучше театра, где они сегодня проскучали, Дженни, хитро нашедшая, как ей казалось, подход к отцу в том, чтобы просить его посвятить ей два ближайших вечера для совместной работы, Дженни, которая полагала, что отец будет счастлив тем, что старшая дочь последовала, в конце концов, его советам в науке, и с радостью останется дома, а Алиса, растаяв от комплиментов и нежности сестры, успеет вс,, что нужно, сшить для скачек, – Дженни получила первый удар, когда увидела сво,, письмо нераспечатанным.

-Как, Алисы ещ,, нет дома? Как вам это нравится, мама? – Просто из рук вон! Если не положить этому конец, девчонка избалуется окончательно. Придется принять экстренные меры.

Обе прошли в столовую. Горничная спросила у пасторши разрешения и ушла спать. Ужин показался обеим невкусным. Подогреть кушанья им

не хотелось, обе молчали, обдумывая про себя планы на завтра. Дженни тв,,рдо решила приступить к исполнению своего замысла немедленно, как только вернутся домой отец и сестра.

– Не понимаю, – внезапно сказала пасторша, – куда подевался этот идиот Артур. То сидит в передней, как истукан, пока домой не явится «их светлость, лорд пастор», а то отправился к себе наверх, когда пастор необычно запоздал.

Она встала, подошла к лестнице, ведущей наверх, и стала кричать:

– Артур, сойдите сейчас же вниз. Подождав немного и не получив никакого ответа на свой зов, она поднялась на несколько ступеней и повторила то же в более повышенном тоне, уже приходя в бешенство. Не получив никакого ответа и на этот раз, разъяр,,нная пасторша взбежала наверх и, не имея понятия, которая из тр,,х комнат принадлежит старому слуге, стала ломиться со свойственной ей любезностью в ближайшую комнату, оказавшуюся кухаркиной. Спокойная ирландка довольно невозмутимо выносила брань своей госпожи. Но спать она любила и ненавидела, если е,, сон тревожили. Сейчас, разбуженная стуком и криками хозяйки, требовавшей, чтобы она немедленно спустилась вниз, кухарка пришла в ярость. Открыв дверь и уперев руки в бока, она так заорала на весь дом, что Дженни мгновенно прибежала на крики обеих женщин. Дженни боялась, как бы этот ночной скандал не привлек внимания ночного сторожа или полисмена, а ещ,, того хуже, чтобы отец не возвратился в разгар этой сцены. Тогда все е,, планы пойдут прахом. Перепуганная горничная с трудом, наконец, объяснила Дженни, что пастор и Алиса не вернутся до понедельника, а Артур уехал, так как отпущен пастором к родным. И теперь хитроумная Дженни получила второй удар – удар, едва не сваливший е,, с ног. Нравственно она была так разбита, что не имела сил говорить.

Ирландка тем временем перекричала свою госпожу и едко отчеканила:

– Пастор с мисс Алисой сбежали от такой жены и матери. Теперь они на даче лорда Бенедикта, где вам их не достать. А вот как только пастор верн,,тся, я вс,, ему о вас доложу и попрошу расч,,т. В таком позорном доме я жить больше не желаю. Вам пастор запретил тревожить слуг, раз они спят. А вы нарушили его приказание. Да, впрочем, что вам это стоит, если вы потихоньку от него на свидания бегаете. О, я вс,,,, вс,, знаю. Мой знакомый служит у мистера Б. и рассказал мне вс,,. Я молчала. Плевать мне на ваше поведение. Но теперь, когда вы осмелились потревожить мой сон, нет, тут уж пощады вам не будет.

Дженни почувствовала головокружение, тошноту, пошатнулась и

наверное упала бы, если бы сильные материнские руки е,, не поддержали. Но как только мать коснулась е,, Дженни вздрогнула, выпрямилась и оттолкнула леди Катарину.

– Спасибо, мама, я уже хорошо себя чувствую. Спускайтесь, пожалуйста, вниз. Я иду за вами.

Что-то особенное было в голосе Дженни и во всей е,, фигуре, что заставило всех тр,,х женщин замолчать. Ирландка злобно фыркнула и захлопнула свою дверь, а пасторша молча сошла вниз. Не обменявшись ни словом, мать и дочь разошлись по своим комнатам. Дженни чувствовала боль, физическую боль в сердце. Она вошла к себе, где вс,, валялось неприбранным с самого утра. Ей было не под силу оставаться в этом хаосе, и она решила переночевать в комнате сестры. К е,, удивлению, даже небольшой коридор, отделявший комнаты отца и Алисы от всей квартиры, был заперт на ключ. Дженни решила, что глупый старый Артур просто забыл его открыть. Она вышла в переднюю, чтобы пройти через зал и кабинет отца в этот же коридор. Кабинет также был заперт.

Как ни была разбита сейчас Дженни, она вс,, же снова пришла в ярость, проклиная старого Артура, позволившего себе уж слишком много. Бедной Дженни и в голову не пришло, что старый Артур действовал по приказу, полученному от пастора: закрыть все двери и до их возвращения ни по чьему требованию не открывать. Пастор получил этот приказ от лорда Бенедикта, вот почему старому слуге он был передан со всей строгостью.

Дженни поняла, что провести ночь в комнате сестры и воспользоваться чистотой и уютом этого, переделанного из сарая жилища ей не удастся. Невольно Дженни вспомнила, как она допекала Алису за е,, музыку, пока, наконец, девочку не убрали из дома, присоединив к нему каменный сарай и отгородив звуконепроницаемой стеной новую комнату Алисы. Кротость Алисы, е,, вечное огорчение, что страдают нервы сестры, точно шилом кольнули сердце Дженни. Возвращаясь через переднюю, она схватила сво,, письмо и стала комкать и мять его до тех пор, пока оно не превратилось в жалкий комок. И чем дольше она мяла несчастное письмо, тем больше росло е,, раздражение. Взяв в своей комнате халат и подушку, мисс Уодсворд-старшая отправилась в зал, решив переночевать здесь на одном из диванов. Проходя мимо комнаты матери, она услышала храп, от чего по е,, лицу пробежала гримаса презрения.

Войдя в зал, Дженни сбросила с себя нарядное платье и принялась ходить по комнате. Первый раз в жизни у не,, была бессонница. Ибо сегодня ей казалось, что е,, жизнь начинается заново и вс,, поставлено на

эту карту. Отчего так казалось – она не понимала. Случайно взгляд е., упал на вазу, в которой Сандра однажды прин.,с Алисе цветы, сказав, что дарит их ей его душа за музыку.

«За музыку, за музыку», застучало в голове Дженни. И в доме лорда Бенедикта Алису тоже наградили за музыку. Неужели дар Алисы так велик? Почему же она, Дженни, не оценила его по достоинству? Ах, как мешала теперь Дженни е., сестра. Только теперь она поняла, какая сила обаяния кроется в Алисе, какая сила характера, цельного и непоколебимого, таится в этом существе. Дженни представляла себе отца и Алису, наслаждающихся аристократическим обществом, общением с умными и талантливыми людьми, в то время как она провед.,т эти дни в одиночестве и тоске. Она не сомневалась, что Сандра тоже поедет в деревню, и ревность разжигала е., завистливое сердце. Сколько Дженни ни ходила из угла в угол, сон вс., так же бежал от не.,, как и в начале ночи. Но пойти к себе и прибрать комнату ей и в голову не пришло. Постепенно е., мысли сконцентрировались вокруг лорда Бенедикта – центральной, как она полагала, фигуры всех е., бедствий. Пойд.,т ли она к нему в воскресенье? Скачки начинаются в час дня. Она успела бы вернуться домой, а раз отца не будет, можно нанять экипаж на весь день, и вс., устроится просто. Но... о ч.,м говорить? Лгать ему даже в мыслях – Дженни ощущала это всеми нервами – она не сможет. Жаловаться на судьбу, раз отец и Алиса у них в таком поч.,те, невозможно. Просить помощи, чтобы начать самостоятельную жизнь? Лорд Бенедикт опять скажет, что жизнь земли есть труд и счастье человека в радости любимого труда. А Дженни хочет жить в роскоши, и труд ей несносен.

Чем больше она думала о сво.,м настоящем и будущем, тем яснее видела для себя один-единственный выход: блестяще выйти замуж. Увидев Наль, она поняла, что не была настоящей красавицей. Ни правильностью черт, ни той необычайной гармонией линий тела, ни безукоризненной красотой рук и ног, какие были у Наль, она не отличалась. В ней вс., кричало, как и в матери. И много усилий потратила дочь, чтобы избавиться от того нал.,та вульгарности, который так коробил е., в ней.

Снова и снова мысли Дженни возвращались к лорду Бенедикту. Снова и снова охватывали е., зависть и бешенство. Наступило утро. Дженни с ужасом увидела сво., ж.,лтое лицо, но решение созрело: к лорду она не пойд.,т. И как бы ни хотелось ей пусть только для себя отыскать какойнибудь возвышенный предлог, она сознавала, что лорд Бенедикт тут же прочтет всю е., ложь. Утомл.,нная и решившая сделать вс.,, чтобы отравить сестре каждую поездку в этот ненавистный дом и заставить е., от

него отказаться, Дженни прилегла на диван. И сразу подумала, что здоровье отца шатко, что дом перейдет к Алисе, еще, несовершеннолетней, и что сумасшедший отец способен выбрать опекуном лорда Бенедикта... Дженни ощутила жгучую ненависть к сестре, видя теперь в ней одной, этой злосчастной дурочке, причину всех своих несчастий.

Дженни кипела весь этот день и вечер в страстях и бунте, а дом лорда Бенедикта сиял огнями. Впервые лорд представлял графа и графиню Т. избранным представителям высшего света на приеме в своем прекрасном особняке. К подъезду прибывали все новые экипажи с нарядными кавалерами и дамами.

Наль и Алиса давно были предупреждены о грядущем событии, и обе умоляли лорда Бенедикта освободить их от этой пытки. Потешаясь над их застенчивостью, лорд заставил их вместе с Николаем брать уроки танцев, сам обучал тем условностям этикета, с которыми им придется считаться еще, некоторое время.

– Независимость и полная освобожденность должны жить в ваших сердцах. Ничто внешнее не может задавить человека, если сердце его свободно от страха и зависти. Все эти внешние рамки, разные отягощающие обстоятельства – только иллюзии. Пустой, неуверенный человек, не имеющий понятия о том, что он в себе носит, что только сам он творит свой день, – только такой невежественный человек может жаловаться на обстоятельства, стесняться людей и обычаев. Вам следует не только понять, что ничто давить на вас не может, но научиться владеть собой так, чтобы при всех обстоятельствах не терять спокойствия и свободы, уверенности и мира. Тебе, Наль, пора забыть гарем и осознать себя не восточной или западной женщиной, а прежде всего человеком. Смотри на всех одинаково, воспринимай каждого именно тем встречным, которому должна ты нести мир и свет. О страхе забудь. Научись быть среди людей, отдавая дань времени, в котором живешь, тем не менее заставляй их помнить о вечной красоте.

И ты, крошка Алиса, сиди сегодня за роялем, как воспитанная леди, но выливая море звуков, зови своих слушателей к раскрепощению. Чистота твоей артистичности будет стирать с сердец несносный налет уныния, зависти и страстей. Забудь и ты навсегда о страхе, особенно о страхе перед игрой и пением. Наоборот, зови в музыке к духовному напряжению, к действию.

Поцеловав обеих дочерей, – шутя он говорил пастору, что отбил у него дочь, – Флорентиец расстался с ними до вечера, сказав, что Дорини известно, во что и как их одеть. И вот вечер наступил. Флорентиец сам

зашла за Наль, снова надевшей свое, парчовое платье и жемчуг. Стоя рядом с Николаем, она была так прекрасна, что даже отец улыбнулся, объявив ее, заранее притчей во языцех лондонского сезона. Вбежавшая Алиса, увидев всех троих вместе, всплеснула руками, сказав, что не отказывается от первого впечатления и не знает, кто из мужчин моложе и красивее. Но что Наль сегодня сошла с Олимпа – это уж вне всяких сомнений. Сама Алиса не сознавала своего очарования; в легком белом платье, с сияющими синими громадными глазами и золотым ореолом волос она была похожа на музу.

Все вместе сошли вниз, где их ждали пастор, Сандра и лорд Мильдрей, обомлевшие от красоты двух спустившихся к ним пар. Едва успели хозяева войти в зал, как стали появляться гости.

Вечер прошёл для молодых хозяев и Алисы как нельзя удачно. Алиса играла исключительно хорошо, обе юные женщины пожинали лавры; комплименты и приглашения сыпались на них как из рога изобилия. И обе после отъезда гостей бросились на шею своим отцам с возгласом:

– Слава Богу, наконец-то кончилось, – чем насмешили не только отцов, но и оставшихся ночевать Сандру и лорда Мильдрея.

Утомленные, но счастливые завтрашним отъездом в деревню, все разошлись по своим комнатам.

ГЛАВА 4 ВАЖНОЕ СОБЫТИЕ В СЕМЬЕ ГРАФА Т. НА БАЛКОНЕ У НАЛЬ. ЗАВЕЩАНИЕ ПАСТОРА Прелестное августовское утро, теплое и солнечное, обрадовало обитателей дома лорда Бенедикта. После раннего завтрака, не мешкая, отправились в имение. Станции мелькали под восторги Наль и Алисы, которых восхищало все: и поля, где работали крестьяне, и цветущие палисадники, и домики, обвитые плющом и цветущими розами, и стада, и играющие на улице дети. Обе, казалось, позабыли о своих спутниках, только и слышалось: «Смотри, Наль», «Смотри, Алиса».

Наль, впервые познакомившаяся с Англией, удивлялась решительно всему. Действительно, все было так непохоже на ее родину. Ей казалось, что вот сейчас мелькнут силуэты осликов и верблюдов, без которых она не представляла жизни. Алиса тоже бывала за городом очень редко и природу видела только из вагона, так как пасторша ее не выносила. Поэтому воспринимала свой отъезд на дачу, как кругосветное путешествие. Почти полтора часа езды в поезде мелькнули, как одна минута. И когда лорд Бенедикт сказал, что на следующей остановке им сходить, она была очень разочарована.

– Как бы тебе хотелось, Алиса, ехать сутками – на поезде или на пароходе?

– спросил пастор.

– О да, папа, с вами и со всеми, с кем еду сейчас, очень бы хотелось, хотя на пароходе, наверное, очень страшно.

– Страшного-то ничего нет, – сказала Наль. – Но так противно, что даже одно воспоминание об этом во мне и сейчас вызывает тошноту.

Наль побледнела и пошатнулась. Николай поддержал ее, и пошутил над ее, слишком горячим восточным воображением, а лорд Бенедикт быстро подал ей коробочку с маленькими конфетами:

– Возьми и поскорей проглоти. Это заставит тебя забыть о пароходе.

Наль с трудом исполнила его желание и снова опустила головку на плечо мужа. Обеспокоенная Алиса с удивлением обнаружила, что ее, отец, всегда волновавшийся из-за чужих болезней, на этот раз совершенно спокоен. Посмотрев на лорда Бенедикта, она и в нем не нашла никаких признаков волнения. Только Николай выказывал Наль внимание и сочувствие, но и он не был слишком обеспокоен. Алиса, глубоко переживавшая дурноту Наль, с досадой пожалала плечами и пробормотала, вздыхая:

– Ох уж эти мужчины, – и это было так неожиданно и комично, что вызвало общий смех. Веселее всех смеялась Наль. Так они и сошли на станции, где их ждали экипажи.

Это путешествие заняло немногим более получаса, и путники добрались до имения Флорентийца. Миновав ворота, экипажи двинулись по длинной и широкой дубовой аллее, в конце которой виднелся дом. Он стоял на высокой горе, по которой террасами спускался к большому пруду тенистый парк с вековыми липами, ясенями, дубами и каштанами. Тут и там виднелись лужайки, клумбы и кусты роз, – все, было полно красоты и гармонии.

– О отец, – бросилась на шею Флорентийцу Наль, – я думала, лучше сада дяди Али и быть не может. А оказывается, вот какие сады бывают на свете. Ой, отец, опять, опять кружится голова и тошнит.

Флорентиец снова дал ей маленькую конфету и велел Николаю отнести жену наверх, где она должна полежать не меньше часа.

– Ну, поскольку молодой хозяйке нездоровится, придется тебе, Алиса, выполнять ее, обязанности и занять ее, место за столом, – остановил Флорентиец Алису, которая собиралась пойти с Наль.

– Но я могу быть нужна Наль, лорд Бенедикт. Разрешите мне посидеть возле нее,. Вы же видели, как она сразу осунулась.

– Это е,, укачало, через час вс,, пройду,,т. А вид с балкона Наль – один из лучших в мире. Сразу забудет о болезни. Пока для ухода за ней довольно одного мужа. Но, быть может, настанет момент, когда понадобится и ты. – Быть полезной Наль – это большое для меня счастье. – Вот и Дория. Она проводит тебя. Переоденься в л,,гкое платье и через четверть часа приходи на террасу, где накрыт стол. А до завтрака, пока все будут распаковываться, мы с тобой успеем пройтись по парку.

Алиса, беспокоившаяся за подругу, но утешенная полнейшим отсутствием тревоги у лорда Бенедикта, быстро пошла за Дорией наверх, где и обнаружила, что отец е,, сосед. Шепнув ему, что она счастлива провести с ним несколько дней в таком волшебном месте, она просила его отдохнуть до завтрака. И даже не посмотрела, что на не,, набросила Дория.

– Ну можно ли так мало интересоваться собой, мисс Уодсворд, – говорила Дория, заст,,гивая на Алисе прелестное сиреневое платье с белыми кружевами. – Ведь вы красавица. Неужели вы этого не понимаете?

– Дория, друг, дорогая сестра, – и Наль, и я, мы уже устали просить вас называть нас только по имени. Если вы ещ,, раз сделаете посвоему, то огорчите меня до сл,,з. Разве вам этого хочется?

– Нет, Алиса, меньше всего я хотела бы вас огорчить. Но как-нибудь я расскажу вам печальную историю своей жизни, и вы поможете мне смиренно исполнять мою роль.

Алиса поцеловала Дорию, огорчаясь, что должна спешить и поэтому не может выслушать немедленно же Дорию, которая завязывала на ней фиолетовую ленту белой кружевной шляпы.

– Если бы я была мужчиной, я бы женилась на вас сегодня же, – говорила Дория уходившей Алисе.

Весело смеясь, Алиса выпорхнула на террасу, где е,, ждал Флорентиец. Он тоже успел переодеться в л,,гкий серый костюм и белую шляпу. Увидев смеющуюся девушку, совершенно очаровательную в л,,гком платье, с открытой шеей и руками, он элегантно снял шляпу и, улыбаясь, сказал:

– Будь мы во Флоренции, десяток твоих обожателей заманили бы меня в капкан, откуда я вряд ли выбрался бы.

– К счастью, мы в Англии, лорд Бенедикт, обожателей у меня нет, и капкан никому не грозит.

– Так ли это, Алиса? Точно ли у тебя нет обожателей? И никто не шептал тебе, как ты красива? – преуморительно состроил постное лицо Флорентиец.

– Нет, лорд Бенедикт, – рассмеялась Алиса. – Мужчины пленяются такими женщинами, как Наль и Дженни. У них всегда много обожателей,

потому что они красивы. А вот Дория только что сказала мне, что если бы она была мужчиной, то женилась бы на мне прямо сейчас.

Уходя в глубину парка, где на все лады пели птицы, прыгали белки и на дорожки ложились пятнами солнечные лучи, Алиса была потрясена впервые осознанной тишиной и величием природы.

– Боже мой, как прекрасна жизнь, – воскликнула девушка, когда Флорентиец вывел ее на верхушку горы, откуда открывались дали. – И какая тишина! Отсюда никогда бы и не ушла.

– К сожалению, нельзя жить так, как нам хочется. А только, как вед,,т великая Матерь Жизнь, Мы приходим на землю и уходим, уже связанные теми нитями, которые сплела наша же любовь или ненависть, Алиса. Зло не жив,,т в мире само по себе. Если оно сваливается на нас, то только потому, что мы сами, творчеством своего сердца, призвали его к себе. Если же мы чисты, – оно не приблизится. Пусть мы не знаем, почему горе на нас свалилось именно сейчас, но это мы соткали его когда-то. И не умеем в этот миг растворить его в огне своей любви. Ты беспокоишься о Наль. Но тревожиться о ней нечего. Можно только радоваться. У нее,, будет реб,,нок, и начало ее,, беременности будет протекать несколько тяжело. Твоя помощь будет очень нужна твоей подруге, если, правда, ты вскоре не захочешь выйти замуж.

– Я? Замуж? Господи, что только вы не скажете, лорд Бенедикт.

– Если хочешь последовать моему указанию, – не выходи сейчас замуж. Не оставляй нашей семьи, а наоборот, переселись к нам. Тво,, влияние на Наль, твоя доброта и чистота помогут сложиться ее,, материнскому чувству, а реб,,нку прийти в мир, имея в тво,,м лице добрую волшебницу – т,,тю Алису.

– Я понимаю огромную важность каждой приходящей в мир новой жизни, лорд Бенедикт. И, видит Бог, не мыслю иного счастья, чем служить Наль, вам. Но...

– сияющие, полные сл,,з глаза Алисы поднялись на Флорентийца, – у этой жизни будут любящие отец и мать и такой необыкновенный дед, как вы. А у моего отца нет, кроме меня, никого. Но я поступлю так, как вы укажете. Я только хочу, чтобы вы учли, как одинок и несчастлив мой обожаемый отец. Встреча с вами – первое счастье в его жизни. А я – его единственное утешение.

– Я слышу голоса, Алиса. Сюда идут твои обожатели и твой отец. Мы продолжим наш разговор потом. Знай только, что пока жив твой отец, ни ты, ни я его не покинем. Вытри глаза и проглоти эту пилюлю. Найди в себе самообладание, Алиса, и волей-любовью победи личное страдание. Дело

не в тебе, а в твоём отце, проводить которого ты должна легко, ни разу не показав ему, что страдаешь при мысли о разлуке. Думай только о каждой текущей минуте его жизни и старайся быть светом ему и радостью.

Из-за поворота дорожки показались трое мужчин. Флорентиец прижал к себе девушку, пристально, ласково и с такой мощью посмотрел ей в глаза, что к Алисе сразу пришло спокойствие и самообладание. Вся её фигурка, залитая солнцем, громадные синие глаза, засветившиеся сейчас новым спокойствием, были совсем другие, чем в Лондоне. От троих приближавшихся мужчин отделился один, в светлом костюме, и побежал к Флорентийцу и Алисе, сняв шляпу, размахивая ею и крича:

– Ура, это я вас нашёл, лорд Бенедикт. Мои солидные спутники уверяли, что искать вас нужно у оранжерей. Мисс Алиса, вы хорошеете не по дням, а по часам. И до чего дойдёте, уж и не знаю, – говорил Сандра, присоединяясь к своим друзьям.

– Ты, Сандра, неисправим, – улыбнулся Флорентиец. – Лорд Мильдрей опять придёт в отчаяние от твоей манеры говорить девушкам комплименты.

– А я готов подписаться, – обнимая дочь и беря её под руку, тихо сказал пастор. – С тех пор как моя Золушка стала проводить время в вашем доме, она превратилась в царевну. И действительно, чем дальше, тем она милей. Сегодня, Алиса, ты даже старика-отца обворожила.

– Предоставьте ей, лорд Уодсворд, очаровывать этих милейших молодых людей. А мне хотелось бы поговорить с вами. Не хотите ли присесть на ту скамью. Вид оттуда прекрасный, да и вам отдохнуть невредно. А молодой погуляет по парку до завтрака.

И Флорентиец увёл пастора в боковую дорожку, к обрыву. – Я так рад каждому проведенному подле вас мгновению, лорд Бенедикт. Тем более, что совершенно определенно чувствую, как мало земных мгновений мне осталось. Мысль о том, что ждет мою семью, что ждет Алису, одна из самых тягостных.

– Неужели вам не ясно, мой дорогой лорд Уодсворд, что Алиса в моей семье нашла второй родительский кров. Мысль о ней не должна вас тревожить. Сегодня сюда придут два юриста по делам Николая и Наль. Вы можете составить завещание и назначить меня опекуном вашей дочери на случай вашей смерти. Но эта сторона, юридическая, мало затруднительна. Я хотел предложить вам, – если вы действительно чувствуете себя плохо, – взять отпуск и переехать сюда, в деревню, где мы проведем август и сентябрь. Вы с Алисой доставите всем величайшую радость, если поживёте с нами это время. У меня были несколько иные

планы. Но Наль, как, я думаю, заметили и вы, ждет ребенка. Ей необходимо побыть в тишине не только ради здоровья, но и чтобы глубоко постичь событие, к которому готовится.

– Если бы не счастье моей встречи с вами, лорд Бенедикт, мне нечего было бы вспомнить в этой жизни. Алиса да мой старый слуга и верный друг, вот все, что было и есть светлого в моем доме. Изведав страдание сердцем, я нашёл смысл и свет жизни в служении Богу и ближним. Только первые годы терзала меня моя собственная трагедия. Но я позабыл о себе, когда окунулся в океан человеческих страстей и горя. Отходя теперь к Отцу моему, переживая вновь всю свою жизнь, я сознаю, что не был верным ему слугою, ибо оставляю после себя такую безобразную семью. Наставляя свою паству, утешая и облагораживая другие семьи, я ничего не смог сделать в своей собственной. Не смог вырвать всходы зла и разврата, что посеяла Катарина.

Бледное, удрученное лицо пастора, его глаза, точно уже простившиеся с миром, поникшая фигура, – все, говорило о такой скорби сердца, которой, действительно, уже не вынести человеку и от которой должны порваться струны его сердца.

– Лорд Уодсворд, человек, отдавший свою жизнь людям и служивший им так, как это делали вы, – не просто обыватель, создавший одну из миллионов уродливых семей. Вы – арфа того Бога, которому служили, любя людей. Не вините себя, что по доброте своей женились неудачно и, спасая, как вы полагали, чистое существо, вы попали в сети зла. Вы оправдали свою жизнь своею деятельностью. Вы были чистым слугой Бога. Вы несли свет и оставляете его на земле в лице Алисы. Вы ослабили сети зла, которые плела и плетёт ваша жена. На много лет вы задержали тёмные силы, которые стремились к ней и к которым стремилась она. А что будет после вашей смерти – о том предоставьте позаботиться мне, и верьте, что я защищу Алису. Чтобы облегчить бедной девочке борьбу с матерью и сестрой, перевезите её, в мой дом теперь же. Переезжайте сюда, в деревню, со своим слугой, если только общество вам радостно. Мне же ещё, многое предстоит передать вам, прежде чем мы расстанемся.

Флорентиец обнял пастора за плечи и подал ему небольшую зелёную коробочку, на дне которой лежало несколько розовых конфет.

– Скушайте, дорогой друг, одну из этих конфет, она вас воскресит. Не предавайтесь отчаянию. Если вы думаете, что покидаете землю, то делать это следует мужественно и мудро, в мыслях о Вечном и с полным сознанием великого счастья: жизни Единого в себе и во всём. Но вот и гонг к завтраку. Я проведу вас ближайшим путём.

Пастору стало лучше. Он уже не казался стариком, сердце которого сейчас разорвется. На бледных щеках его появился намек на румянец, он как будто помолодел и шел легко.

– Как хочется поведать, какое облегчение дали вы мне, лорд Бенедикт. Но слов подходящих не нахожу. Одно могу сказать: я думал, что не смогу удержать в руках лампады мира и предстану перед Отцом с мигающей лампой. Сейчас знаю, что вы примирили меня с жизнью, и я отойду с миром, принимая все свои обстоятельства и благословляя их. Как святыню я понесу до конца эту жизнь, эту временную мою форму, через которую было необходимо пройти, чтобы очиститься и раскрепоститься.

– О папа, как вы хорошо выглядите. Вы напомнили мне моего прежнего папу, который подолгу гулял со мной.

– Да, дитя, прибавь только, что общество лорда Бенедикта делает меня таким счастливым, каким я никогда еще не был.

Флорентиец попросил гостей подождать его несколько минут, пока он навестит Наль и не узнает, может ли она спуститься к завтраку. Пока отсутствовал хозяин, Сандра сообщил пастору новости из последнего научного американского журнала, а лорд Мильдрей рассказывал Алисе, что весь Лондон на сей раз помешался на скачках, где будут состязаться какие-то замечательные лошади из королевского дома. И королевская семья собирается присутствовать, поэтому билеты в ложи нарасхват.

– Но я все же достал одну из лучших лож. Ни графиня, ни вы, леди Уодсворд, никогда не видели скачек. Я был бы очень рад, если бы вы их посмотрели. Если лорд Бенедикт согласится, мы могли бы в воскресенье утром выехать в город и после скачек, к обеду, быть снова здесь.

Флорентиец вернулся один, сказав, что Наль чувствует себя хорошо, но он посоветовал ей еще, немного полежать. За завтраком лорд Мильдрей передал хозяину билет на скачки, прося для всего общества разрешения поехать тоже. Флорентиец охотно согласился, сказав, что у него есть дело в Лондоне на воскресное утро, а Наль и Алисе будет поучительно посмотреть еще, на один вид спорта, где бушуют безобразные страсти. Сандра, тоже не видевший скачек, решил, что ему следует обидеться на то, что лорд Бенедикт не считает нужным позаботиться и о его воспитании тоже.

– Я только потому, Сандра, тебя не назвал, что боюсь, как бы у тебя во время скачек не выросла еще, пара ног и, со свойственным тебе темпераментом, ты не понеслась бы по скаковой дорожке. Поэтому всю дорогу и на самих скачках изволь сидеть рядом.

Под общий смех завтрак кончился, и все, общество, не дождавшись

Наль и Николая, отказавшихся от прогулки, отправилось к пруду.

Наль физически чувствовала себя хорошо. Но ее, духовное равновесие было так сильно нарушено, что не только видеть кого-либо из друзей, но даже Алисе она не хотела показать свое, расстроенное лицо. Как только Николай вошел, сел, наверх и уложил на балконе, дав ей каких-то капель, Наль довольно скоро почувствовала себя хорошо и сказала мужу:

– Удивительное создание женщина. Мы с тобой на пароходе были в одинаково плохих условиях, – и ты уже давно забыл о качке, а в моем организме она все, взбудоражила до дна. Только о ней вспомню, как меня начинает мутить и я становлюсь больной.

– Мне думается, моя дорогая, что здесь дело не в качке. А нас с тобой ожидает нечто другое, очень значительное. И твоя тошнота, и твои головокружения – все, происходит от того, что в тебе зародилась новая, наша общая жизнь.

Наль покраснела до корней волос и спросила, опуская глаза:

– Как мог ты догадаться? Я хотела, чтобы все узнали об этом тогда, когда родится ребенок.

– Наль, дружочек мой, моя любимая детка. Тебе предстоит целый ряд испытаний. Как бы ни готовил тебя дядя Али к этой жизни, сколько наш дорогой друг, которого ты сама выбрала в отцы, ни развивает твой дух, переливая в тебя свои доброту и мудрость, укрепляя тебя для новой семьи, – есть еще, тысяча дел и вещей, когда ты можешь и должна побеждать свои предрассудки только сама. Все мы от них не свободны. И часто, воображая, что выполняем самый священный долг перед жизнью, так себя закрепощаем, что не имеем даже времени в полном внимании, при полной освобожденности помыслить о величии и истинной мудрости той минуты, которую сейчас изживаем. Видишь ли, на земле мы можем жить только по земным законам и никаким другим. И если сегодня ты поняла, что тебе предстоит стать матерью здесь на земле, ты уже обязана – обязана и перед грядущей жизнью, и перед дядей Али, и перед отцом Флорентийцем – найти в себе те великие силы любви, в которых утонут все мелочи, все предрассудки, ведущие дух в тупик, а не в творчество.

Если действительно ты любишь меня, любишь своих отцов, хочешь служить им и людям, и создать новую, раскрепощенную семью, то все стесняющие тебя мелкие обстоятельства должны утонуть в твоей любви. Ты легко перейдешь грань условной стыдливости и поедешь к доктору, чтобы узнать, правильно ли, безопасно ли началась в тебе новая жизнь. Ты не будешь стесняться того, как выглядишь. Ты будешь исполнять все предписания врача, все требования гигиены, потому что ты забудешь о

себе, а станешь думать о будущем реб,,нке, о его здоровье. Ты, любя, создашь для него в себе гармоничное жилище. Будущий реб,,нок – не тиран, который завладеет всею твоей жизнью. Не идол, для которого ты отрежешь себя от мира и весь мир от себя, чтобы создать замкнутую, тесную ячейку семьи, связанной одними личными интересами: любовью к «своим». Реб,,нок – это новая связь любви со всем миром, со всей вселенной. Это раскрепощенная любовь матери и отца, в которой будет расти не «наш», «свой» реб,,нок, но душа, данная нам на хранение. И это сокровище мы будем с тобой хранить со всем бескорыстием любви. Со всею честью и благородством, на какие только способны, помогая ему развиваться и зреть в гармонии. Я знаю, Наль, моя дорогая детка, сколь многое тебе будет сейчас трудно. Но я знаю и то, как много сил в тебе, какая бездна преданности жив,,т в тебе, и какая непоколебимая верность, не имеющая даже понятия об «измене», горит в моей дорогой жене.

Николай приник к губам Наль и, казалось, отдал ей вс,, сво,, сердце в этом поцелуе чистой, глубокой любви.

– О Николай, как далека я была от действительности, рисуя себе когда-то картины счастья, мечтая о том, что «вот я – твоя жена» – как вс,, это было по-детски. Многое, впитанное мною, разумеется, из гаремных предрассудков, разлетелось, как глиняные кувшины для воды на моей родине, не годные для цивилизации того народа, с которым мы сейчас жив,,м. Но вместе с кувшинами полетели и многие мои боги, которым я всерь,,з поклонялась. Теперь я увидела и в них только глиняных идолов. И ты угадал, – я представляла себе реб,,нка идолом семьи, тесной ячейки, где только «свои» могут быть любимы, чтимы и допустимы.

А теперешняя жизнь, когда Алиса, пастор, Сандра и лорд Мильдрей так легко проникли в мо,, сердце, – а ведь недавно там жили только очень «свои», – мне показала, как, не нарушая верности дяде Али и тебе, можно сделать чужих своими и признать их членами своей семьи.

Наль забралась на колени к мужу, обвила его шею руками и по-детски продолжала:

– Самое для меня трудное, – это, конечно, доктор. Чего бы я только не дала, чтобы не иметь с ним дела.

– Вот для того, чтобы многим женщинам облегчить в будущем материнство, ты и будешь доктором. Ты уже сейчас так подготовлена мною, что я надеюсь, тебя примут сразу на второй курс медицинского факультета, но это мы с тобой ещ,, сверим по программе. Это наиболее л,,гкая сторона дела, поскольку и твоя память и способности помогают тебе без труда преодолевать препятствия в науке. Сейчас нам с тобой – в смысле

духовного роста и совершенствования – нельзя терять ни мгновения. Посмотри на этот дивный вид, что расстилается перед нами. Отец, повидавший весь мир, говорит, что он один из лучших на земле. Как счастлив тот человек, что приходит в мир через тебя, дорогая. Твои глаза могут видеть величайшую красоту земли в первые моменты его жизни. Твои сердце ощущает гармонию природы и гармонию такого великого человека, как Флорентиец. Неужели ты не ощущаешь себя сейчас единицей всей вселенной? Разве можешь ты отъединить себя от меня? От этих кедров и кленов? От солнца и блестящего озера? О Наль, жизнь и смерть – все, едино. Наша жизнь сейчас – только мгновенная форма вечной жизни. И все, что мы знаем твоим, неизменно,

– это то, что мы – хранители жизни. Ты станешь матерью. Ты передашь наши две жизни новой форме, которую будешь беречь до тех пор, пока жизнь не пошлет ей зова к тому или другому виду самостоятельного труда и творчества. Мы должны создать для новых, приходящих через нас единиц вселенной такие условия раскрепощенного существования в семье, чтобы ничто не давило на них, не всасывалось в них ядом наших предрассудков и страстей.

– Меня страшила бы ответственность, Николай, если бы я не была рядом с тобой. Знаешь ли, однажды пастор поразил меня своей прозорливостью. В тот день, когда отец оставил меня и его в своей тайной комнате, пастор сказал: «Ваш муж не вынес бы ни мгновения вашей неверности». И я поняла, что связана с тобой до смерти, что между нами не может встать не только образ какого-либо человека, но даже сама мысль об измене. А еще, я стала понимать, что наша семья необходима и дяде Али, и отцу Флорентийцу, чтобы цепочка преданных им учеников и радостных слуг не прерывалась. Помолчав, Наль тихо прибавила:

– Пастор и Алиса тревожат меня. Пастор так слаб, а Алиса этого не видит.

– Нет, Наль, Алиса часто плачет об отце. Но это ангельское создание улыбается. Она боится потревожить кого-нибудь своим расстроенным видом и скрывает горе, отлично понимая, что еще ждет вечная разлука с отцом, как она пока называет смерть.

– Но ведь это трагедия, Николай. Во мне растет новая жизнь, а он, венчавший нас, уходит. Неужели ему нельзя побыть с нами. Пожить в радости, отдохнуть.

– Нам еще, не понять до конца пути человеческие, Наль. Но пока человек способен совершенствоваться, – он жив, так. Он борется, терпит поражения, разочаровывается, но не теряет мужества, не теряет цельности

в своих исканиях и вере, жив,,т и побеждает. Его сердце вс,, растет, его сознание ширится. Он ещ,, может принести в день сво,, творчество. Ещ,, способен просто отдавать свою доброту, – и поэтому жив,,т.

Бывает, что человек десятки лет вед,,т бесполезную жизнь. Жив,,т эгоистом и обывателем. Становится никому не нужным стариком – и вс,, жив,,т. Жизнь, великая и мудрая, видит в н,,м ещ,, какую-то возможность духовного пробуждения. И Она ждет. Она да,,т человеку сотни испытаний, чтобы он мог духовно возродиться. И наоборот, бывают люди, так щедро излившие в своих простых, серых буднях доброту и творчество сердца, что вся мощь его превращается в огромный свет.

И их прежняя физическая форма уже не способна нести в себе этот новый свет. Она рушится и сгорает в вихре тех новых вибраций мудрости, куда проникло их сознание. И такие люди уходят с земли, Наль, чтобы вернуться на не,, ещ,, более радостными, чистыми и высокими. Ты найди в себе такую нежность любви и такую дружбу, чтобы утешить Алису не состраданием-слезами, а состраданием мужества и силы. Обними е,, и старайся видеть перед собой дядю Али, чтобы его сила через тебя поддерживала Алису в спокойном подчинении воле жизни.

И всегда сознавай, что все месяцы твоего материнства, а потом, вероятно, и годы нашей общей жизни в семье, – в них счастье служить человечеству. Счастье трудиться для него, не выбирая что-нибудь полегче и приятнее, а трудиться так и там, как укажут дядя Али и отец Флорентиец. День в сотрудничестве с ними, – о каком ещ,, высшем счастье можно мечтать? Нет разлуки, Наль, с дядей Али для тебя. Что бы ты ни делала, куда бы ни шла – вс,, мысленно держи его руку.

Оба Друга, муж и жена, не замечали времени. Они умолкли и наблюдали начинавшийся закат, возвращающиеся домой стада, появление дымков над крышами. Видя, как постепенно оживала долина, они чувствовали себя слитыми с этой жизнью природы. Сердца их бились ровно и спокойно, неся в себе, каждое по-своему, свою, особенно звучащую ноту общей жизни.

Внизу послышались голоса, и вскоре супруги услышали л,,гие шаги Флорентийца и Алисы на лестнице. Наль, ещ,, раз поцеловав мужа, пошла к двери и распахнула е,, прежде, чем согнутый пальчик Алисы успел в не,, постучать. Вытянутая рука девушки по инерции коснулась Наль, что заставило обеих и Флорентийца весело рассмеяться. – Наль, я так соскучилась без тебя.

– И не вздумай верить этой ветренице, дочь моя. Теперь по,,т жаворонком, а можешь ли представить эту козочку бегающей взапуски с

Сандрой. Я чуть не умер от смеха, когда лорд Мильдрей, осанистый и величественный, тоже пустился было помогать ей обогнать Сандру.

Лорд Бенедикт сделал какое-то движение, приподнял ногу, чуть-чуть повел плечом и головой, – и все покатались со смеху, узнав мгновенно милого, доброго лорда Мильдрей.

– Ну, я вижу, доченька, что ты смеешься громче всех. Значит, здорова, а потому одевайся и спускайся к обеду.

– Алиса уже предъявила мне счет за исполнение обязанностей хозяйки за завтраком. Если это повторится за обедом, – я, пожалуй, стану банкротом.

– Что только вы не скажете, лорд Бенедикт, – всплеснула руками Алиса.

– Вот видишь, Наль, второй раз она говорит мне сегодня эту фразу. Ну, давай мириться, Алиса. – И Флорентиец, подойдя к девушке, снял с нее, шляпку, поправил кудри и сказал: – Ну, разве она не красotka, наша Алиса ?

– Конечно, отец, не только красotka, но настоящая чудо-красавица. И если вы будете ее, обижать...

– То, пожалуй, ее, поклонники меня обидят. Очень рад, дети мои, что у вас обеих такие мирные и благородные поклонники. Могу вам сообщить радостные новости. После страшной бури на Черном море, в которой твой брат Левушка не осрамил тебя, Николай, а стяжал себе репутацию храбреца, он познакомился в Б. с сэром Уоми и там узнал, что ты писатель. Сэр Уоми подарил ему обе твоих книги и просит теперь выслать ему новые экземпляры. Я надеюсь, ты сделаешь это сам.

– Кто этот, сэр Уоми, лорд Бенедикт? – спросила Алиса. – Это, козочка, один мой друг, большой мудрец, у которого глаза почти такого же цвета, как твои. Но пойдём отсюда, тебе и мне пора приводить себя в порядок, а Наль, я думаю, уже не терпит пройтись до обеда.

Флорентиец спустился к себе, а Алиса зашла к отцу, который снова показался ей усталым. Пастор сидел на балконе в глубоком кресле. Лицо его действительно было усталым, но выражение безмятежного покоя и радости – такое редкое за последнее время – светилось в его больших, добрых глазах.

– Как я счастлив, дочурка, что ты зашла ко мне. В этих покоях, в этом просторе и тишине, к которым мы с тобой не привыкли, ты мне кажешься совсем другой. Я только здесь и в лондонском доме лорда Бенедикта сумел понять, чем ты была для меня всю мою жизнь и в каком я перед тобой долгу.

Алиса села на скамеечку у ног отца, прижалась к нему и взяла обе его

руки в свои.

– И вот, дорогая, скоро опустится занавес пятого акта моей жизни. Много, многое сделано не так, как я того хотел. Ещ,, больше не выполнено. И перед тобой я виновен в том, что не сумел дать тебе счастья и беззаботного детства. Я не смог отстоять твоей самостоятельности и теперь ухожу, оставляя тебя чужой в родной семье. Без законченного общего и музыкального образования. Алиса, Алиса, ты будешь права, если назовешь меня нерадивым отцом.

– Папа, зачем вы говорите против всякой очевидности? Вы знаете, что были лучшим отцом, о каком можно мечтать. Вы украсили мне жизнь и показали, что значит божественное в человеке. И для Дженни вы были лучшим отцом, какого она только могла иметь. А если Дженни, развиваясь, пленялась только внешним блеском жизни и отбрасывала духовные ценности, на которые вы ей указывали, – в этом нет вашей вины. Зачем нам говорить о том, что будет, когда опустится занавес вашей земной жизни? Сейчас он поднят, папа. Мы жив,,м. Жив,,м в обществе человека, знакомство с которым сделало нашу жизнь сказкой.

– И этот человек послал тебя, дитя, переодеться, потом стоял под дверью, трижды стучал и ожидал разрешения войти, – услышали отец и дочь чудесный голос лорда Бенедикта, стоявшего подле них на пороге балкона.

Алиса, смущ,,нная, вскочила на ноги, а пастор хотел встать, чтобы пододвинуть стул хозяину, но Флорентиец удержал его в кресле, взял стул и, сядя рядом, продолжал:

– Вот вам ещ,, конфета, лорд Уодсворд. Как вы себя чувствуете? Если вы хорошо себя чувствовали после первой, то так же и даже лучше будете себя чувствовать после второй. Но, леди Уодсворд, вас я не хвалю. Вот уже и гонг. Попросите Дорию хотя бы причесать вас.

Алиса убежала к себе, а лорд Бенедикт и пастор медленно сошли вниз на террасу, куда вскоре собралось вс,, общество, перед тем как войти в столовую. Весело и оживл,,нно проходил обед. Много спорили о том, ехать ли на скачки. Наль и Алисе, не испытывавшим никакого интереса к выставке нарядов высшего общества, как и к самому этому обществу, и опасавшимся вдобавок, что лошадей будут бить, ехать не особенно хотелось. Пастор сказал, что предпочел бы почитать в тишине. Сандра пылал желанием ехать. Мильдрей и Николай молчали. Хозяин предложил отправиться всем вместе.

– Вам, девочки, необходимо побывать на скачках, чтобы понять, среди кого вы жив,,те. Чтобы понять народ – недостаточно видеть дворцы и музеи

и знать его язык. Надо наблюдать еще, нравы и обычаи, проникнуться его темпераментом. Вы, друзья, будете наблюдать не только великосветские ложи, но и море трибун для простонародья. И в ложах, и на трибунах вы увидите кольца пылающих страстей, в которые заковали себя люди, думая, что они являют собой высшую цивилизацию всего культурного мира. А вам, лорд Уодсворд, и Алисе предстоит еще, один урок жизни. Вы поймете, что зло тащит за собой человека не потому, что окружает его извне, а только потому лишь, что внутри его сердца уже бурлит кратер, куда зло только подливает свое, масло.

Сердце доброго – кратер любви, и маслом ему служит радость. Оно свободно от зависти, и потому день доброго легок. Тяжело раздраженному. Потому что кипение страстей в его сердце не дает ему отдыха. К сердцу того, кто всегда в раздражении, открыт путь всему злему. Такой человек не знает легкости. Не знает своей независимости от внешних обстоятельств. Они давят его во всем и постепенно становятся его господином. Поедьте все вместе. Дамам нашим милая и умная Дория соорудит по части туалетов все, что для скачек требуется. Мы же отправим завтра в Лондон, а утром в воскресенье поедем сами. Но я слышу, подъехал экипаж. Это, несомненно, юристы. Алиса, поиграй для всей молодой компании, а мы с твоим отцом должны поработать часа два с несносными, но неизбежными законниками.

Молодая отправилась в зал, откуда вскоре донеслись звуки музыки, а Флорентиец с пастором прошли в кабинет, где и занялись делами.

Очень быстро закончив свои личные дела, лорд Бенедикт предложил пастору составить завещание. Лорд Уодсворд подтвердил в новом завещании волю деда, оставившего дом и драгоценности Алисе, а деньги Дженни. Жене пастор оставлял проценты от неприкосновенного капитала, который после ее смерти переходил обеим дочерям. Несовершеннолетней Алисе отец назначал опекуном лорда Бенедикта. Затем в завещании было сказано, что Алиса, до дня своего совершеннолетия, должна жить в доме опекуна, а если бы последний уехал куда-либо из Лондона, Алиса должна следовать за ним. Своим домом, как и драгоценностями, она вольна распорядиться, как того пожелает. До совершеннолетия все, ее состояние должно находиться у опекуна, лорда Бенедикта, и ни мать, ни старшая сестра не имеют никаких прав ни на само, Алису, ни на ее состояние. Особый пункт завещания гласил, что часть капитала, лежащая в определенной банке, принадлежит сестре пастора Цецилии Оберсвоуд, ушедшей из дома в юности и точно канувшей в воду. Всю жизнь пастор ее разыскивал. Если спустя десять лет после его смерти никто, ни она, ни ее наследники не явятся на зов, капитал поступает на благотворительные дела

по усмотрению лорда Бенедикта. Но до этого момента проценты с капитала, сами по себе составляющие крупную сумму, получает его жена, леди Катарина Уодсворд.

Пастор просил юристов хранить завещание в полной тайне до его смерти. А на третий день после смерти пастора отвезти завещание к его жене и старшей дочери. Алиса же узнает волю отца раньше, из письма, которое пастор ей оставит.

Окончив все дела и проводив посетителей, друзья присоединились к молодому обществу, где шел научный спор между Сандрой и Николаем. Индус кипел на этот раз особенно восторженно, так как Николай указал ему на две ошибки, и умный юноша был несказанно рад, что еще, не обнаруживая свой труд и мог внести в него поправки.

Пастор был особенно добр и нежен с Наль, которая тоже льнула к нему, точно желая воздать ему вдвое лаской и любовью за каждую его минуту на земле. Алиса, все, подмечавшая, отметила и особенное внимание Наль к е, отцу, и что-то новое в н,м самом. Точно он снял с себя какую-то заботу и ему стало свободнее и легче. Но какую именно заботу сбросил с себя отец, она угадать не могла.

Как сон пролетели ближайшие дни, и когда в субботу вечером Флорентиец предупредил, что завтра надо рано встать, чтобы успеть к скачкам, у всех вырвались возгласы удивления и разочарования, ибо воскресенье подкралось слишком быстро. Тем не менее в восемь с половиной утра все сидели в экипажах, чтобы двинуться на станцию к лондонскому поезду.

ГЛАВА 5 СКАЧКИ По дороге в Лондон лорд Бенедикт просил всех своих друзей отнестись к предстоящим скачкам серьезн, а не как к развлечению. Он напомнил о том, что когда ид,шь в толпу, следует сосредоточиться и постараться привнести наибольшее благородство во встречи, какие могут произойти.

Алиса, знавшая страсть матери и сестры к скачкам, думала о том, что они без е, помощи не способны приготовить себе элегантные туалеты. Сцена за сценой мелькали в памяти Алисы. И внезапно, каким-то озарением, она поняла, что у не,, никогда не было родной семьи. Что у не,, был только отец, и они жили вместе с временными спутниками, холодными к ним обоим.

– Если бы я и не наблюдал за тобой так пристально, дочурка, – сказал ей пастор, становясь рядом с ней у окна, – то все,, равно прочел бы на тво,,м лице все,, о ч,,м ты думаешь. Ведь ты думаешь, как мать и Дженни

устроятся со скачками без тебя. Ну, а как вообще ты представляешь себе их дальнейшую жизнь? Можешь ли ты одна везти воз с непосильной для тебя поклажей – двумя человеческими жизнями? Осознай глубже, Алиса, величайшую мудрость жизни: каждый может прожить только свою собственную жизнь. И сколько бы ты ни любила людей, – ни мгновения их жизни ты не проживешь. Не набирай себе долги и обязанности, которые на тебя никто не вваливал. Иди радостно. Просыпаясь утром, благословляй свой новый расцветающий день и обещай себе принять до КОНЦА все, что в нем к тебе придет. Творчество сердца человека – в его простом дне. Оно в том и заключается, чтобы принять все обстоятельства как неизбежные, единственно свои, и их очистить любовью, милосердием, пощадой. Но это не означает, что следует согнуть спину и позволить злу кататься на тебе. Это значит и бороться, и учиться владеть собой, и падать, и снова вставать, и овладевать препятствиями, и побеждать их. Быть может, внешне не всегда это удастся. Но внутренне их надо всегда побеждать любя. Старайся переносить свои отношения с людьми из области мелкого и условного в огонь Вечного. Ищи всюду Бога и законы Его.

Ломай условные перегородки между собой и людьми. И ищи в наибольшем такте возможность войти сознанием в положение того, с кем общаешься. И ты всегда найдешь, как разбить предрассудки, нелепо встающие между людьми, как открыть все лучшее в себе и пройти в храм сердца другого. В себе найди цветок любви и брось его под ноги тому, с кем говоришь. И только в редких случаях, при встречах с абсолютно злыми людьми, твоя любовь не победит. Такого мол тебе духовное завещание, Алиса. Но если увидишь потемневшее сознание, – страшно сказать, – как Дженни и мать, – проходи мимо. Благословляй и прощай, но никогда не прикасайся. Не старайся обратить на путь истины. Это невозможно. Вся жизнь я стремился это сделать, – и только отяжелил наши с тобой жизни, не принеся им пользы.

В тот день, когда меня не станет, ты не вернешься больше домой. Ты останешься у лорда Бенедикта, там, где твоя истинная семья. И это тоже прими как мою предсмертную волю.

– О папа, папа. Каждое ваше желание было, есть и будет мне законом. Но для чего снова говорить о смерти? Вы так поправились за эти дни. Лорд Бенедикт говорил мне, что вы проживаете в его деревне еще два месяца, вместе со всеми нами. Представляете ли вы себе это счастье? Мы с вами будем гулять, кататься, читать, и никто не выразит нам своего недовольствия. И если уж сейчас, за три дня, вы так поправились, что же будет через два месяца?

Лицо Алисы, полное любви, загорелось румянцем. Глаза ее, сверкали энергией, вся она светилась радостью и была так прекрасна, что пастор ласково шепнул ей:

– Я никогда не отдавал себе отчета, что ты так прекрасна, моя дорогая детка. Боюсь, что надежды твои не оправдаются, моя любимая. Как бы вместо прогулок и удовольствий и не доставил бы тебе забот и не причинил горя. И вместо отдыха как бы не сделаться тебе сиделкой возле отходящего отца.

– Тогда я выполню, отец, вашу волю: приму в твердости и спокойствии все, что жизнь мне пошлет. Но я прошу вас, не терзайте своего сердца мыслями о прошлом или будущем. Я так счастлива, что сейчас вы со мною, вы здоровы, бодры, вид ваш прекрасен. Быть может, вы угадали мое беспокойство о Дженни и маме в связи со скачками. Но ваши слова сняли с меня огромную тяжесть. Мне стало легко. Будь что будет, – если нам придется расстаться, то Божья воля свершится, не разбив мне сердца. Даю вам слово. Не думайте обо мне и, если так суждено, уходите легко, не печальтесь.

Поезд подошел к перрону. Флорентиец подал руку Алисе, как-то особенно внимательно поглядел на нее, и сказал:

– Ты поедешь со мною, дружок. Я хочу с тобой поговорить. О папе не беспокойся. Наль и Николай довезут его очень бережно.

Как только Флорентиец и Алиса сели в экипаж, он взял ее, руки в свои и, нежно их пожимая, сказал притихшей девушке: – У каждого, Алиса, своя Голгофа. Мы уже говорили с тобой об этом. Теперь настал твой момент собрать все свои силы и выразить активным действием верность твоей любви. Отец сказал тебе свою волю, он бросил тебе мысль о своей смерти. Я подтверждаю: смерть его близка, ближе, чем ты предполагаешь. Собери всю силу верности и любви и проводи отца в далекий путь. Ты – единственное, что он создал в своей жизни истинно прекрасного. Одна ты вошла в мир той действенной силой, которая будет продолжать его вековой труд на общее благо. Сейчас ты, своим спокойствием и самообладанием, можешь вознаградить отца за жизнь страданий и борьбы. И он уйдет спокойно, поняв, что жил не впустую.

Твоя роль священна. Проводить человека, осветив его последние дни радостью, а не слезами уныния, – это установить с ним новую связь для дальнейшей вековой жизни.

Вторая часть твоей Голгофы труднее. Но здесь я тебе помощник. Возьми мою руку, обопрись на нее, и не разлучайся со мною ни в мыслях, ни в делах. Ты не возвратишься больше к себе домой. Связь твоя с сестрой

и матерью, внешне ещ,, существенная, – окончится в духе тво,,м сегодня. Согласно завещанию отца ты останешься у меня до своего совершеннолетия. Но мать и сестра будут делать вс,, чтобы заставить тебя покинуть мой дом.

Сегодня ты увидишь их на скачках. Увидишь и удивишься их униженному положению. Тебя вот не интересует, ни где ты будешь сидеть, ни во что будешь одета. Они же обе извелись от того, что туалеты их не умопомрачительны, хотя они влезли в долги, из которых не будут знать, как выбраться. Они увидят вас с отцом раньше, чем ты увидишь их. И сердца их наполнятся злой завистью и жаждой мстить, из чего ни ты, ни я, ни все мы, вместе взятые, их вытащить не сможем. Есть ли в сердце тво,,м сомнение в том пути, что указываем тебе мы с твоим отцом?

– Нет, лорд Бенедикт. Сомнение и не подступало ко мне. Единственно, в ч,,м я могу себя винить, так в сво,,м упоении счастьем подле вас, в котором я живу. Я не просила вас о Дженни.

– Ты можешь успокоиться. Дженни позаботилась о себе на свой лад, но с просьбой обратилась не ко мне, а к Николаю. Тебе и не понять все сложные махинации этой души. Но помнишь, я говорил тебе, что у человека, признавшего кого-то своим руководителем, должно быть полное, добровольное подчинение требованиям Учителя и в тех вопросах, которые непонятны ему в данный момент, потому что ученик не может ещ,, знать столько, сколько знает Учитель. Если ты хочешь идти за мной, стать членом моей семьи, как Наль и Николай, вот тебе мо,, наиздание на сегодня и далее: не принимай ни писем, ни посылок от сестры и матери. Ни на одно свидание с ними не ходи. Ты можешь передавать мне свои пожелания и мысли о том, каким образом тебе хотелось бы помочь им. Но можешь не сомневаться, вс,, – и гораздо больше, чем ты предполагаешь, – будет сделано им в помощь. К несчастью, можно вытащить утопающего, но не того, кто попал в сети зла, потому что человек сплетает их себе сам. Но вот мы и приехали. Проглоти эту розовую пилюлю и, я уверен, у тебя хватит сил на вс,,.

Было без пяти минут одиннадцать, когда все обитатели дома лорда Бенедикта отзавтракали и разошлись по своим комнатам, чтобы отдохнуть и одеться к скачкам. Хозяин дома вош,,л в свой кабинет и принялся разбирать скопившуюся на столе почту. Несмотря на огромное количество писем, требовавших ответа. Флорентиец сам в,,л всю свою корреспонденцию и дела, обходясь без секретаря. В последнее время он стал привлекать к своей работе Наль, Николая и Алису. Больше работал Николай, и обе женщины шутили упрекали Флорентийца в том, что у него

появился любимчик.

В это утро на лице Флорентийца несколько раз мелькало сосредоточенное выражение. Он как бы призывал кого-то издалека или посылал куда-то свои мысли. Затем принимался работать дальше.

Алиса и Наль отправились к Дории узнать, что с их туалетами. У каждой из них на сердце лежала мысль о пасторе, но ни словом они не обмолвились о своей печали. На этот раз Дория удивила своих госпождруг. Для Наль она приготовила платье апельсинового цвета с накидкой из белых кружев и прелестной белой шляпой. Для Алисы – платье цвета подснежника, с черной шелковой пелериной и черной же кружевной шляпой. Когда Николай в легком сером костюме сошел вниз со своими элегантными дамами, общий восторг рассмешил их.

– Ну вот, – сказала Наль, действительно поражающая сочетанием нежной кожи, зеленых глаз и темных волос с апельсиновым платьем и белым тончайшим кружевом, – сегодня мы с Алисой ждали осуждения. Алиса уверяла, что мы слишком ярки, и что вы примете нас за прилетевших откуда-то какаду. И вдруг восторг. Будьте же справедливы и поднесите цветы и конфеты нашей милой, самоотверженной Дории. Мы с сестричкой Алисой палец о палец не ударили, все сделано одной Дорией.

– И за всю свою самоотверженность, – вмешалась Алиса, – это чудное создание, нарядившее нас, как принцесс, остается дома убирать за нами. Мне бы так хотелось, чтобы Дория была мне сестрой и мы бы сидели с нею рядом на скачках, лорд Бенедикт. Как могло случиться, что Дория, с ее воспитанностью, образованностью, вкусом и красотой, – наша слуга?

– Об этом ты, быть может, однажды узнаешь от нее, самой. А теперь пора. Николай с женой. Ты, Алиса, и Сандра со мною. А лорд Мильдрей и наш дорогой пастор поедут вдвоем.

Сандра, тоже очень элегантный и старавшийся до этой минуты держаться солидно, не преминул выкинуть одно из своих антраша и заставил смеяться даже солидных слуг лорда Бенедикта. Усевшись в экипажи, все общество покатило на скачки.

Задолго до этой минуты Дженни, не спавшая почти всю ночь, никак не могла решить, пойдут ли она к лорду или нет. То ей казалось, что это бессмысленно, потому что ничего нового, кроме ходульных наставлений, она не получит. То ей хотелось покорить этого человека и заставить его служить себе в гораздо большей степени, чем он делал это для Алисы. Мелькали мысли, что он не женат, и какая бы это была победа – вдруг стать его женой и иметь в подчинении его и весь дом, а не только Наль и Алису. Но когда она вспоминала его взгляд, под тяжестью которого выходила из

его кабинета, чуть не приседая к земле, – фантазии е., разлетались прахом, ей становилось страшно встретить эти глаза, от которых ничего не укроется. Снова Дженни думала об Алисе и е., жизни. Быть труженицей вроде сестры, сидеть часами за роялем или книгами, – Дженни приходила в ужас от перспективы всякого регулярного труда. Она окончательно решила не ходить к лорду Бенедикту. Раздражение, вызванное завистью к сестре, поднималось теперь в Дженни вс., с большей силой. В душе е., уже не было раскаяния, она перестала сожалеть о причин.,нных сестре обидах. «Так ей, дура, и надо, – тоже мне юродивые, папенька с сестрицей», – думала Дженни. Она не сомневалась, что дура сейчас сидит в деревне и шь.,т Наль туалеты. Горькое чувство в е., сердце вызывалось не положением сестры, приживалки, как она полагала, юной графини, а тем, что у не., отняли способную швею и усердную горничную. Дженни подошла к зеркалу и осталась недовольна собой. Кожа сегодня была какаято сухая, на лице следы утомления, глаза не такие блестящие и даже губы побледнели.

Она открыла окно и стала разглядывать при свете дня свой туалет, присланный вчера портнихой. Он показался ей слишком ярким, даже кричащим. Ярко-фиолетовый костюм с серебряным кружевом у ворота и такая же шляпа. Когда луч солнца упал на материю, глазам стало больно. Портниха предлагала совсем иное сочетание красок, уверяя, что сама Дженни так ярка, что е., красота нуждается только в элегантной рамке. Но Дженни, боясь затеряться в толпе, не уступила уговорам. Теперь она раскаивалась, но было поздно. Пасторша тоже отклонила совет портнихи надеть ч.,рный костюм, а пожелала платье зел.,ного цвета. И сколько е., ни уговаривала Дженни, она заказала себе ярко-зел.,ное платье и зел.,ную же шляпу. Каково же было отчаяние Дженни, когда мать ещ., надела ожерелье, подаренное ей на свадьбе Наль. Только категорическое заявление Дженни, что она сейчас же разделется и останется дома, заставило пасторшу снять бриллианты и прикрыть жирную белую шею.

– Вы, мама, столько лет ездили на скачки и неужели не заметили, что туда ожерелья не надевают.

Плотная фигура пасторши казалась втиснутой в облегающий зел.,ный футляр. Когда-то красивые формы давно утратили свою прелесть, но владелица их, привыкшая слыть красивой женщиной, вс., ещ., считала себя таковой, в ч.,м убеждали е., л.,гие и мимол.,тные победы. Теперь Дженни понимала, что обе они плохо и вульгарно одеты. Но было поздно. Друзья матери уже приехали за ними. Дженни с тоской посмотрела на жалкий на.,мный экипаж, в который были впряжены две клячи. Мысленно она представила элегантную коляску, ежедневно приезжавшую за Алисой. И

она ещ,, раз вспомнила, что Алиса и пастор в деревне, и теперь подумала об этом с облегчением.

Экипаж тронулся; пасторше казалось, что она очаровательнее своей дочери, хотя и любила е,, горячо, до обожания. Но сейчас Дженни была хмурой и совсем неинтересной. Мать с дочерью, с самого того вечера, когда ни Алиса, ни пастор не вернулись домой, больше о них не говорили. Но каждая знала, что мысль об Алисе гвозд,,м сидит в сердце другой. Щебеча пташкой, пасторша считала, что украшает путь на скачки, а Дженни сгорала со стыда и досады от бестолковости матери. И была рада, когда они наконец приехали. Сделав над собой усилие, Дженни постаралась улыбнуться своему кавалеру, предложившему ей руку. Она сразу же убедилась, что опасения е,, были верны: несмотря на многотысячную толпу и яркость летних туалетов, их рыжие головы и кричащий цвет платьев не остались незамеченными, им вслед неслись фривольные замечания.

С трудом отыскав свои места, Дженни и пасторша стали рассматривать публику. Кавалеры обратили их внимание на то, что места находятся почти напротив королевской ложи. Высший свет, правда, не спешил рассаживаться. Но, наконец, и ложи стали наполняться публикой. Только три ещ,, пустовали, из них одна королевская. Но вот послышался какой-то гул, возбуждение пробежало в толпе, это прибыла королевская чета.

Раскланявшись с публикой, устроившей овацию, король подал знак к началу скачек. Дженни и пасторша, рассмотрев королеву и дам из е,, свиты, ещ,, раз поняли, как была права портниха. Даже в п,,строй толпе их туалеты бросались в глаза. Разглядывая ложи, Дженни вдруг вскрикнула, побледнела и опустила свой бинокль.

– Что с тобой? – с беспокойством спросила пасторша. – Я уколола палец о свою брошь, – небрежно ответила Дженни, – но теперь уже вс,, прошло.

Скачки шли своим чередом, но Дженни ничего не слышала и не видела, кроме одной ложи. Она даже не замечала, что е,, кавалер пристально за ней наблюдает. И тоже направил свой бинокль на ложу, соседнюю с королевской, от которой не могла отвести взгляда Дженни. Увидев двух изысканно одетых, необычайно красивых женщин, мистер Тендль, как звали кавалера Дженни, разглядел за ними мощную и величественную фигуру прекрасного лорда Бенедикта, о котором столько говорил Лондон в этом сезоне. Рядом с лордом он увидел своего приятеля Сандру, чему немало удивился. Ему казалось, что Сандра просто болтает о сво,,м знакомстве с лордом, а вс,, оказалось правдой. Затем Тендль увидел

Николая и пастора, о котором ничего не знал, и лорда Мильдрей, которого много раз видел вместе с Сандрой и знал, что это его большой друг.

– Кто именно занимает ваше внимание в ложе лорда Бенедикта? Вы знаете Сандру, мисс Уодсворд? – спросил он свою даму, выказывавшую все признаки большого расстройства.

Дорого бы дала Дженни, чтобы вернуть себе самообладание и не выдать разрывавшей ей сердце тайны посторонним людям. Мысль, что мать увидит Алису и пастора и со свойственной ей бестактностью и невоспитанностью начнёт сейчас же выкладывать всю подноготную, была для Дженни невыносима. И раздражение её, усиливалось от сознания, что она сама привлекла внимание соседа к ложе лорда Бенедикта. Ей даже показалось, что взгляд лорда упал на неё. Но от этого, к её удивлению, ей не стало тяжелее. Напротив, что-то чистое, как прохладная струя воздуха, вдруг освежило её. Пасторша, услышавшая имя Сандры, спросила: – Разве Сандра здесь? Вы его видите, мистер Тендль? – Да нет, мама, мистер Тендль просто рассказывает мне о Сандре, – выразительно глядя на своего кавалера, ответила Дженни.

В это время, как на зло, индус встал с места и, перегнувшись вперёд, подал Алисе коробку конфет. Сейчас, в светлом костюме, он был особенно экзотичен. На Сандру и две женские фигуры рядом, уже давно начавшие привлекать всеобщее внимание, направились сотни биноклей, в том числе и бинокль леди Уодсворд-старшей.

– А, так вот какие штучки откальвают наши тихони! Вот как! Мы сидим на трибуне, а они в лучшей из лож! Ну, милейшая Алиса, это вам даром не пройдёт!

Пасторша была в бешенстве. Шляпа её съехала набок, на щеках выступили красные пятна, глаза метали молнии. Она стала безобразна. Бедная Дженни, зная по опыту, что теперь уже ничто не удержит в границах приличия её мать, ломала голову над тем, как бы уехать со скачек и увезти пасторшу домой, не дав ей учинить какой-нибудь скандал. Пасторша уже была готова вскочить со своего места и бежать к ложе лорда Бенедикта, чтобы изругать дочь и мужа, как почувствовала, что её, точно пригвоздила к месту чья-то рука и она была не в силах произнести ни слова. Она поняла, чей взгляд настиг её, и кто удержал её, в границах приличия.

Скакуны и жокеи сменяли друг друга. Страсти людей, их алчность и жадность то стихали, то разгорались снова. Только сердца Дженни и пасторши ни на минуту не отдыхали от сжигавшего их огня злобы, ревности и зависти.

– Посмотри, Алиса, мы считали, что наши туалеты броски. Вон там два платья, фиолетовое и зел,,ное. Вот это краски. В Испании – и то было бы ярко. Даже у нас в Азии такого не найд,,шь, – смеясь, говорила Наль.

Алиса, а вслед за ней пастор, Сандра и лорд Мильдрей подняли свои бинокли. «Ах!» вырвалось у всех одновременно. На лице Алисы, таком спокойном за мгновение до этого, не осталось ни кровинки.

– Что случилось? Что с тобой, дорогая? – спрашивала Наль, не узнав ни Дженни, ни пасторши на дал,,ком расстоянии.

Алиса, мгновенно подумавшая о здоровье своей подруги, овладела собой, улыбнулась Наль и сказала, что действительно, туалеты дам кричащи и есть чему поучиться на их примере. И тут же перевела разговор, спрашивая, отчего так сосредоточенно молчит Николай.

– Этот день учит меня многому. В частности, Алиса, я учусь у вас. И если у меня когда-нибудь будет дочь, я назвал бы е,, Алисой, в память об этом дне. Чтобы навеки запомнить, как следует нести свои страдания, – прибавил он тихо, нагнувшись к девушке.

Настал перерыв. Двери ложи лорда Бенедикта то и дело открывались, впуская кого-либо из его великосветских знакомых, не забывавших подать дамам цветы или конфеты, так что Наль и Алиса решили, что их кавалерам не избежать роли грузчиков на обратном пути. Перерыв окончился, скачки возобновились, а королевская чета вс,, оставалась на своих местах, почему и знать не считала себя вправе оставить скачки. Но лорд Бенедикт, ещ,, раз пристально поглядев на два ярких пятна на трибунах, шепнул своим спутникам, чтобы они выходили из ложи.

Алиса, для которой эта пытка становилась невыносимой, вышла сразу же за лордом Бенедиктом и, вместе с Сандрой, поспешила к выходу. Быстро подкатили вызванные швейцаром коляски, так как разъезд – а его особенно любили дамы, ибо демонстрировали свои туалеты главным образом тогда, якобы поджидая свои коляски, – ещ,, не начался.

Силы Алисы истощились. Но чудное лицо Флорентийца, доброе, нежное, полное любви и ласки, склонилось к ней, – и волна радости и мира охватила е,,. Сандра был необычно молчалив. Лицо его потеряло обычное по-детски добродушное выражение. Он казался старше благодаря каким-то новым, внезапно появившимся на его лице суровым складкам. Алиса, впервые увидевшая Сандру таким, была поражена тем, как может внезапно меняться человек, словно перескочив из одного возраста в другой.

– Ну, что призадумался, мудрец? – внезапно раздался голос Флорентийца.

– Я не могу не думать о пасторе: Мне кажется, мисс Алиса, что ваше

поведение, ваша кротость и доброта невозможны на земле. Вы посланы на не,, для утешения грешников. Я думаю о том счастье, какое наш,,л в вас ваш отец, о той уверенности, какую он должен ощущать, оставляя земле такой перл, – вс,, с тем же суровым лицом говорил Сандра, не глядя на своих спутников.

– Другими словами, ты не можешь разделить в сво,,м сердце отца и дочь, – улыбаясь, ответил Флорентиец. – И оба взяли тебя в плен своими чарами. Теперь жизнь без пастора и Алисы уже теряет для тебя что-то в своей привлекательности?

– Да, лорд Бенедикт. Завтрашний день, когда я не услышу голоса моего дорогого друга и не увижу его добрейших глаз, не смогу принести этому честнейшему сердцу все свои маленькие скорби, будет горек мне. Должен сознаться, я слаб сейчас, и каждое свидание с пастором, который тает на глазах, разрывает меня на части. А на сегодняшних скачках мне открылась вся жизнь этого подвижника. И я понял, как часто я бывал глуп, груб и бестактен в его доме.

Сандра смотрел в окно, но ничего перед собой не видел. Его ч,,рные глаза точно потухли и смотрели в себя, сл,,зы текли по его щекам.

– Сын мой, мой друг. Ты страдаешь в эту минуту. Ты думаешь об уходящей жизни и о себе, о том, как будешь страдать, лишившись верного друга. Но ты забыл, что перед тобою, – хоть ты и причислил е,, к ангелам небесным, – сидит дочь оплакиваемого тобою пастора. Дочь – юная женщина из плоти и крови, – чьему сердцу много мучительнее, чем твоему. Считаешь ли ты, что сейчас по отношению к ней ты полон такта?

– Нет, лорд Бенедикт, я понимаю, что я не только бестактен, я ещ,, и жесток. Но если бы я не высказался сейчас, я умер бы от боли в сердце. Я ещ,, не научился мудрости жить так, чтобы сила любви несла меня легко сквозь все препятствия дня.

– Возьми мою руку, Сандра. Пройдут годы, ты будешь главой семьи, главой университета, большим уч,,ным. Но того момента, когда ты был слабее женщины,

– не забудешь никогда. И больше в твоей жизни не случится той бури протеста против смерти, в какой ты жив,,шь сейчас. Ты знаешь, что смерти нет. Что есть вечная сила обновляющей вселенную Любви. Что есть только мудрая красота, раскрывающая для каждого врата радости жить и трудиться. Не плакать о пасторе ты должен, но отдавать ему силу и мужество, чтобы он мог уйти отсюда, взяв у каждого из нас последний дар нашей любви. Плоха любовь, напутствующая друга слезами.

Коляска подкатила к подъезду, и вскоре вс,, общество сидело за

обедом. С необычайным тактом хозяин направлял разговор за столом и так развлекал своих гостей, что тяжёлые впечатления от скачек стёрлись из их памяти. Тотчас же после обеда дом лорда опустел, так как все его обитатели вновь уехали в деревню.

Как только Дженни и пасторша увидели, что ложа лорда Бенедикта опустела, всякий интерес к скачкам у них пропал. Теперь, к своему удивлению, Дженни почувствовала одиночество и печаль. Казалось бы, с отъездом отца и, особенно, сестры ей должно было стать легче. А Дженни овладело чувство, точно она внезапно осиротела. Ей хотелось поскорее вырваться отсюда, но, представляя свой молчаливый дом, она готова была ехать куда угодно, только бы не оставаться вдвоём с матерью. Как много отдала бы сейчас Дженни, чтобы застать дома отца и музицирующую Алису. Теперь ей казалось, что в звуках этих была жизнь. Ушли звуки, воцарилось молчание, ничем не заполненное, тоскливое, от которого хочется бежать... Дженни с ужасом думала о возвращении.

Кавалеры предложили дамам пообедать в каком-нибудь ресторане, на что пасторша охотно согласилась. А Дженни всё же предпочла свой одинокий дом обществу матери и её, кавалера, которые сошли у первого же приличного ресторана. Мистер Тендль, оставшись с девушкой, старался всячески рассеять её угрюмость, в чём отчасти и преуспел. Его доброта и такт невольно подкупили Дженни. В разговоре он раскрывался перед ней как человек недюжинного ума, высокого образования и большой эрудиции.

Дженни пристально поглядела на своего собеседника и встретила с его большими серыми глазами, вдумчиво и пытливо смотревшими на неё, рыжеватый блондин с вьющимися волосами, высокого роста, отлично сложенный и загорелый, мистер Тендль был чрезвычайно интересным мужчиной.

Когда коляска остановилась перед домом пастора, он помог Дженни сойти и приподнял свою шляпу, чтобы с ней проститься. У девушки сжалось сердце. Сейчас она останется одна в молчащем доме. Одна со своими мыслями, от которых хочется бежать. Должно быть, лицо её отразило такую тоску, что она передалась доброму человеку, пожелавшему помочь ей в её печали.

– Не хотите ли вы, леди Уодсворд, – сказал он голосом, полным уважения, – превратиться на сегодня в студентку. Мы отпустим коляску, вы переоденетесь, как подобает вольнослушательнице, и на omnibusе мы отправимся обедать в парк.

– Я очень хотела бы принять ваше предложение, но... – Но не знаете, как это согласуется с этикетом. С этим не стоит считаться. Впервые, вы

уже не раз нарушали этикет, а во-вторых, парк так велик, что вряд ли вы рискуете встретить там своих знакомых. А в-третьих, нужно выбирать не условное и внешнее, ничего нестоящее, а глубокие, сокрытые в себе ценности, которые требуют забот и внимания. Иногда они заставляют нас прислушиваться к себе особенно бдительно. Обстановка, в которой мы никогда не бывали, в этих случаях может внезапно осветить порывы, неясные нам самим.

– Я согласна, – тихо ответила Дженни. – Сейчас этот молчащий дом мне кажется гробом.

Отпустив коляску, молодые люди вошли в переднюю. Дженни проводила гостя в зал, предложив ему просмотреть последние научные журналы. Снисходительно улыбаясь, она объяснила удивленному гостю, что отец ее, считает себя не только большим певцом, но еще, и большим ученым. А на самом деле он только скромный пастор.

– Как, – весь изменившись в лице, вскричал мистер Тендль, – значит, я в доме знаменитого ученого, философа, чья книга выйдет не сегодня-завтра из печати и о которой уже сейчас говорят ученые. Боже мой, как я мечтал с ним познакомиться. Мне говорили, что помимо учености он еще, и совершенно изумительных качеств человек. Так это он и есть чаш отец?

– Отец ничего не рассказывал мне о своей книге, – холодно и высокомерно ответила Дженни. – Не путаете ли вы его с кем-нибудь из Уодсвордов. Их ведь много, – с тайной досадой проговорила Дженни.

– Пастор Уодсворд, автор выдающейся книги, может быть только один, леди Уодсворд. Ведь имя вашего отца Эндрью?

– Да, но в нашей семье до сих пор никто не знал, что глава ее, такое светило. Отец очень скрытен и не любит рассказывать о своих делах. Впрочем, с Сандрой они постоянно погружаются в умствования.

– Счастливец Сандра! И как только ему удалось познакомиться с вашим отцом. К лорду Бенедикту он, конечно, проник через своего друга, лорда Мильдрея.

– Ошибаетесь. Сандра был близок с лордом Бенедиктом давно. Он индус, познакомился с лордом еще, в Индии, и связь их идет от детских лет Сандры. И это Сандра ввела лорда Мильдрея в дом Бенедиктов. Что же касается моего отца, то он всю жизнь искал молодые таланты и всюду им протезировал. Я вас покину, мистер Тендль, с вашего разрешения, чтобы явиться к вам в образе скромной студентки.

Войдя в свою комнату и сбросив с себя яркое платье, ставшее ей ненавистным, Дженни надела простой черный костюм и такую же шляпу. И показалась себе гораздо милее, чем в кричащем фиолетовом туалете. В

мыслях е,, был сумбур. Чужой человек называет отца светилом, великим уч,,ным, а она и мать всю жизнь считали его странным, склонным к юродству человеком. В ч,,м же дело? Почему отец ни слова не говорил о своей книге? Правда, он всю жизнь над чем-то работал и что-то постоянно переписывала для него Алиса. Но ей, Дженни, вс,, это казалось пустой забавой человека, которому не удалась его жизнь и от нечего делать он начал искать утешение в науке. Неудачники вечно носятся со всякими идеями, и вдруг... книга и слава отца, – а она так далека от него и даже не знает, верн,,тся ли он домой завтра.

Возвратившись в зал, Дженни застала своего гостя погруженным в какую-то статью. Мистер Тендль так углубился в чтение, что даже не сразу приш,,л в себя и понял, где он и кто перед ним. Опомнившись, он весело рассмеялся и вежливо извинился перед Дженни за свою рассеянность.

– Очевидно, – сказал он, – люди, в ком жив,,т страсть к науке, одинаково рассеянны. Простите великодушно, мисс Уодсворд.

Молодые люди вышли, но Дженни, привыкшая ощущать себя красавицей, оскорбилась оттого, что мистер Тендль, увлекшись статьей, и не посмотрел на не,,. Наоборот, она поймала взгляд сожаления, украдкой брошенный на книгу, от которой ему уже не хотелось отрываться.

По ассоциации она вспомнила об отце и Алисе, в е,, сердце ожила ревность, и она впала в мрачность. Е,, спутнику пришлось потратить немало усилий, чтобы вызвать улыбку на е,, лице. Обед в парке несколько отвлек внимание Дженни от пережитых волнений. Многое из того, о ч,,м говорил ей мистер Тендль, е,, удивляло. Многое было ново и неожиданно. И вс,, же ни разу Дженни не задумалась, кто же этот милый человек. Не поинтересовалась его судьбою.

Она принимала его общество, как необходимый ей сегодня рецепт, который можно выбросить завтра, ибо в н,,м не будет больше нужды.

Вернувшись домой раньше матери, Дженни заперлась у себя в комнате и легла спать, лишь бы ни о ч,,м не думать.

Так завершился этот тревожный и печальный для всех наших героев день.

ГЛАВА 6 БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ ПАСТОРА, ЕГО ЗАВЕЩАНИЕ
Благополучно добравшись до деревни и прокатившись на лошадях по залитой лунным светом дороге, слегка утомл,,нные спутники лорда Бенедикта разошлись по своим комнатам. Только пастор остался внизу, в кабинете хозяина.

– Вероятно, это одна из последних моих лунных ночей, когда я могу

еще, ценить красоту земли, которую так любил. Как много раз я напутствовал людей, уходящих к престолу Отца. И как редко видел истинное знание и истинную веру. И как часто старался я победить в них страх. Теперь, когда сам иду к Отцу моему, понимаю, что это не страх давит человека, но сознание бесполезно и бесплодно прожитой жизни. Сознание недостаточной верности заветам любви, недостаточной чистоты прожитой жизни.

– Нет смерти, дорогой друг. С последним физическим дыханием дух оставляет форму, в которой жил на земле. Современный человек впитывает в себя столько предрассудков, что не понимает даже, как жизнь – великая Жизнь – движется вокруг него и в нем самом. Если бы в вашем сердце не жил тот Свет, который сейчас окружает нас обоих и все, вокруг нас, – в вас не было бы той высокой чести, в какой вы жили и живете. В сердце человека, сообразно его развитию, оживают одно за другим качества Той единой Жизни, что он носит в себе. Качество, доходя до своего полного развития, переходит в силу, живую, всегда активную. Оно перестает быть только свойством человека. Оно льется, как кровь, по его жилам, как светоносная материя любви; раскрывается, наконец, как оживший аспект Жизни вечной в нем. Все, в чем человек смог дойти в своем развитии до конца, стало аспектом его божественного духа, его внутренним творческим огнем. Когда физическая форма становится мала ожившему духу человека, когда он вырос из нее, как юноша из детского платья, – человек меняет форму, а мы называем это смертью.

Ваша жизнь, как ни строго вы судите ее, – безупречна. И встреча наша не случайность, но великая радость, посланная нам обоим. До сих пор я был в долгу у вас, мой верный, преданный друг.

– Я вас не понимаю, лорд Бенедикт. Это верно, что я испытываю какое-то чувство большой близости, словно бы когда-то давно был знаком с вами. Но... кто раз узнает вас, тот иначе себя подле вас и не может чувствовать. Ваша доброта и сила обаяния подчиняют себе всех.

– Вы никогда не думали о жизни людей на земле, как о жизни вечной, а не отрезке от рождения до смерти. А между тем, это ряд земных жизней на протяжении веков. Нет в небесах места, где отдыхают. Живое небо трудится так же, как и живая земля. Мы уходим отсюда, трудимся, учимся, живем в облегченных формах, по иным законам, точно так же как на земле мы можем жить только по законам земли.

И на этой земле вы бывали уже не раз, и не раз встречались со мною. Но то были встречи мимоленные, и каждый раз я бывал чем-нибудь вам обязан и оставался вашим должником. В последнюю же нашу встречу вы

спасли мне жизнь. Я искал вас теперь долго, чтобы отплатить за все ваши благодеяния. Только несколько месяцев тому назад, в Москве, я узнал, что вы в Лондоне и что вы пастор. Узнал вс,, о вашей жизни от моих друзей, которые потеряли ваш след в Венеции и шли неверным пут,,м, ища вас в артистических кругах.

Как только я получил это известие, я изменил свой план и приехал сюда, где немедленно же вас отыскал. Примите теперь все мои услуги вам и Алисе как возвращение моего векового долга. И не будем больше говорить об этом. Здесь вс,, светло, вс,, сияет. Что же касается второй половины вашей семьи, одно могу сказать: вс,, что будет возможно, я сделаю для Дженни и вашей жены. Боюсь, что это будет бесполезно, но вс,, же сделаю.

– Как странно я себя сейчас чувствую, лорд Бенедикт. Точно я становлюсь л,,гким-л,,гким и действительно вспоминаю давнишнее знакомство с вами. Удивительное спокойствие и мир нисходят в мою душу. И не столько от ваших слов, сколько от вашего присутствия, от какой-то особенной вашей доброты, от какого-то мужества и силы почти нечеловеческих, которыми веет от вас. Примите благоговейную благодарность уходящей души за ту ясность и спокойствие, которые вы влили в не,,. Благодаря вам мо,, прощание с земл,,й полно величия. Что касается моей жены и Дженни, – Боже мой, как много сил я потратил, чтобы охранить их от зла. И тут вы меня утешили, и их я оставляю под вашей защитой. Я видел ясно, как постоянное раздражение и жажда роскоши и праздной жизни вс,, теснее сближают их с людьми лживыми, неустойчивыми и даже бесчестными. Я видел, как они тонут в мелочных мыслях и чувствах. Как их вечное бурление оборачивается постоянной сосредоточенностью на самих себе. Но я не мог найти хоть каплю доброты в их сердцах.

– Перестаньте думать о них, мой милый лорд Уодсворд. Ваше время на земле теперь принадлежит только вам. В эти последние дни текущего воплощения я приш,,л, чтобы дать вам то знание, которого вы искали всю жизнь и для которого вы проложили себе дорожку ногами тех, кто приходил к вам за утешением и уходил не только утешенным, но и с сознанием, что у него есть друг. К вам приходили за миром, а уходили не только в мире, но и в радости понимания своего права на жизнь, на счастье, на труд.

Сбросьте с себя все путы условностей, что мешают вам общаться в огне и духе. Все сл,,зы, скорби, страсти, что собрало ваше сердце, как в чашу, уже горят не в одном вашем сердце, но и в мо,,м, и в сердцах целого

ряда светлых людей, поставивших себе целью общее благо. На вас нет уже ни оков условной любви, ни оков предрассудков. Живите все эти дни, как живут после смерти всего личного. Живите, благословляя каждый день в мужестве и мудрости, в любви неугасимой Великой Матери Жизни.

Не только дочери вашей Алисе, но и юному обожателю вашему Сандре, а также тайно и очень глубоко страдающему Мильдрею, и моим детям, Наль и Николаю, всем преподайте великий урок мудреца, прощающегося с земной жизнью радостно и спокойно, чтобы начать, вернее, продолжить труд жизни вечной.

Рассматривайте все эти дни как дни заслуженного беззаботного отдыха и пожинайте плоды разбросанной, как горсть драгоценных камней, любви на земле.

Флорентиец проводил пастора в его прекрасную комнату, из которой открывался вид на залитый луною парк.

– Я незаслуженно счастлив, лорд Бенедикт. Я даже и мечтать не мог о красоте, в какой живу сейчас. И если вы говорите, что в долгу у меня, то что же сказать мне? Я молился Отцу, чтобы отойти в мире, и я не находил его. Вы помогли раскрыться сердцу моему не только в мире, но и в полной радости. Как прекрасна жизнь! Как могуч и велик росток этой жизни в человеке, если он веками меняет форму и вновь жив,,т! Только сейчас мне это до конца ясно. Зачем же церковь учит оплакивать смерть? Зачем учит: «Упокой со отцы», если только в самом себе можно обрести покой. И найти его, – я понял, – можно только живя в свете. Да, нужно учить, как жить в свете, пока человек трудится на земле, а не как упокоиться с отцами.

– Спокойной ночи, лорд Уодсворд, до завтра. Вот вам ещ,, пиллюля, она принес,,т вам сон.

Флорентиец подал пастору лекарственную конфету, крепко пожал ему руку и, ещ,, раз пожелав спокойной ночи, спустился к себе вниз. Пастор, посидев ещ,, немного в тишине, почувствовал такое сильное желание спать, что едва успел раздеться, как мгновенно заснул.

Казалось, весь дом спал, погруженный в тишину. Но сам хозяин сидел за письменным столом и писал письмо, иногда пристально вглядываясь во что-то вдалеке. Дверь на террасу была открыта, аромат цветов проникал в комнату. Изредка ветерок колебал пламя свечей и заставлял огонь переливаться и играть золотом волос писавшего. Внезапно Флорентиец поднял голову, прислушался к чему-то и, покачав головой, тихо сказал:

– Алиса, Алиса, я надеялся, что у тебя будет больше сил сегодня. Сойди сюда, если тебе так трудно и тяжело. Я думал, ты поняла, что должна поддержать отца и превратить в земной рай его последние дни, а ты

преда,,шься печали о себе. Перестань плакать и приди сюда.

А Алиса, вернувшись в свою комнату, накинула белый фланелевый халат, распахнула дверь на балкон, опустилась в кресло и застыла в горьком сознании неизбежной разлуки с обожаемым отцом. Она вспоминала. Ни разу она не видела отца раздраж,,нным. Ни разу он не вош,,л в дом без улыбки. Какой бы скорбью ни болело его сердце, он входил в дом, неся ласковое слово каждому. Многое, чего не понимала Алиса в детстве, стало ясно ей теперь. Но е,, детское сердце разгадало драму отца. И каждое е,, движение, каждое дело дня – вс,, было единым стремлением: защитить отца, не дать ему заметить ничего тяж,,лого, отвести от него очередной удар.

Два сердца, две жизни, отца и дочери, слились в одно целое. И теперь... отрывалась часть е,, сердца. Не отец уходил, но от е,, собственного сердца отрезалась половина. День без отца... И Алиса изнемогала от муки. Вся тонула в той крови, что, казалось ей, сочилась из е,, сердца. Она сидела без мыслей, без надежд, придавленная страданием, точно слыша, как из сердца е,, каплет кровь, собираясь вокруг не,, целым озером.

Внезапно, точно электрический ток, пробежала по ней какая-то сила. Девушка вспомнила вс,, что лорд Бенедикт говорил ей за последние дни. Так ярко вспомнила, точно услышала его голос; сейчас, в ночной тишине, он звал е,, к себе. Она – мгновенье назад такая обессиленная – встала и от,,рла глаза. Образное представление своих страданий, как текущей из сердца крови, было так сильно, так ярко, что ей казалось, что и сейчас из сердца е,, каплет кровь. Она зажала сердце руками и посмотрела себе под ноги, желая убедиться, не стоит ли она в луже крови.

Бросив взгляд вниз, в сад, она увидела лорда Бенедикта, который звал е,, жестом руки. Она сошла с лестницы и увидела, что он стоит на пороге своего кабинета.

– Войди, дитя, – сказал он, закрывая за нею дверь. – Мы с тобою да ещ,, один человек в доме не спим в эту ночь. Остальные нашли силы быть мудрыми и принять жизнь, как она ид,,т. Ты думаешь, что не спит Сандра. Нет, индусу я дал успокоительных капель, он спит, как и твой отец. Не спит тот, кто ни словом не обмолвился о твоих и своих страданиях. Не спит лорд Мильдрей, сердце которого разрывается от твоей драмы, от твоей тоски. Чтобы остановить кровь, текущую сейчас из твоего сердца, он рад был бы лечь на плаху. И сейчас, внешне спокойный, мечется, как тигр в клетке, не находя никакого решения. Не плакать, не истекать кровью тебе надо, дочь моя. Но вспомнить, как у вечного огня ты обещаала нести утешение и

помощь людям. Что толку сидеть и плакать? Разве неизбежное не свершится потому, что ты плачешь? В ком может найти отец твой силу и отдых сейчас? Сейчас, когда ему предстоит переменить форму своей жизни. Ты привыкла называть эту перемену смертью. Но смерти нет, это наше заблуждение. Я уже говорил тебе: пока жив,,шь – не теряй ни мгновения в пустоте. Ищи творить сердцем. А в слезах нет места творящей силе. О ч,,м бы ни плакал человек, он плачет о себе. Высшая форма человеческой любви – это действие, энергия. Тот, кто мужается, только тот вступает на высокий путь благородства и самоотвержения. И только в таком бесстрашном сердце нуждается жизнь.

В жизни нет мгновений остановки. Она – вечное движение, вечное стремление вперед. И только мужественный движется в ногу с нею. Если и впредь ты будешь оплакивать каждый неожиданный – только по твоей невежественности – удар судьбы, то тебе нет надобности жить подле меня. Ты хочешь разделить со мной жизнь. А это жизнь самоотверженного труда. В ней проходят, чередуясь, победы, разочарования, скорби и радости. Но унынию в ней нет места.

Смерть – предрассудок человека, исходящий от его варварского отношения к жизни. Смотри на эту дивную природу: уже начинается рассвет, а луна ещ,, светит. И с каждым мгновением ты видишь, как день сменяет ночь, и вс,, это форма той же Единой, Жизни, что жив,,т в тебе, во мне, в солнце, в облаке, в траве. Много учась, ты обрет,,шь знания, и тебя перестанет выбивать из колеи закон жизни и смерти. Сегодня пойми крепко и ясно: если хочешь опять встретиться с отцом, готовь то священное и высокое место, где это стало бы возможным. Знай: ты МОЖЕШЬ СОЗдать ту семью, где отец твой будет вновь воплощ,,н. Ты МОЖЕШЬ СТАть ему матерью и воздать материнской любовью и заботой за все его заботы о тебе, за всю его любовь. Но «может» ещ,, не значит «будет». В тебе сила, в тебе любовь, в тебе возможности повернуть руль судьбы так или иначе. И вс,, зависит от того, как ты проводишь сейчас отца и какое уже теперь дашь ему благословение.

Девушка, преображенная, сияющая, приникла к руке своего великого друга и прошептала:

– Я вс,, поняла. От вас перелилась в меня сила. Мне больше не о чем плакать... Но лорд Мильдрей? Как я могу его утешить?

– Предоставь мне заботу о н,,м.

Погладив успокоенную Алису по голове, дав ей капель и велев сейчас же ложиться спать, так как отцу понадобятся е,, заботы. Флорентиец проводил Алису до лестницы и снова сел к столу, где и закончил последнее

письмо.

Рассвет переходил в раннее утро. Лорд Бенедикт потушил свечи, прошёл в свою спальню, откуда через четверть часа вышел в пижаме, с мохнатым полотенцем на плече. Собрав письма, он положил их в ящик стола, закрыл его, написал на бумажке несколько слов и вышел в парк. Подойдя к дому с другой стороны, он поднял камушек, завернул его в ту бумажку, что положил себе в карман, и, остановившись перед одним из открытых окон второго этажа, ловко бросил туда свой камушек.

К ногам погруженного в невесёлые думы и всю ночь не спавшего лорда Мильдрей вдруг упало что-то белое, стукнувшее об пол. Вздвогнув от неожиданности, он наклонился и поднял бумажку, из которой выпал камушек.

«Надевайте пижаму, берите мохнатое полотенце и сходите вниз, на террасу. Пойдём к озеру купаться в водопаде», – прочел Мильдрей. Записка была без подписи, но Мильдрей сейчас же узнал крупный, прекрасный почерк хозяина. Он выглянул в окно, но кроме пения птиц и чудесно расцветающего утра ничего не услышал и не увидел. Обрадованный неожиданной возможностью совершить дальнюю прогулку с лордом Бенедиктом, Амедей поспешил переодеться и спустился, недодумав мыслей, терзавших его всю ночь.

– Ну, мученик, – встретил его весёлым смехом лорд Бенедикт, – на кого вы похожи? Ещё две-три так прелестно проведённые ночи, и меня обвинят по крайней мере в истязании своих гостей. Можете ли, лорд Мильдрей, образцовый воспитатель моего приятеля индуса, объяснить причину вашей скорби, которая в одну ночь съела половину вашего веса?

– Объяснить это легче лёгкого, лорд Бенедикт. Полное бессилие помочь страдающим людям довело меня до отчаяния. Но вот что я хотел бы знать: каким образом вы угадали, что я не спал и что сидел именно в этой из трёх отведённых мне комнат. Ведь вы должны были точно знать не только то, что я не спал, но и то, что вы даёте призыв человеку, который прочтёт вашу записку немедленно. И до чего же вы молоды и прекрасны, лорд Бенедикт, теперь я понимаю, почему вам дали прозвище Флорентиец.

– Знаете ли вы, мой дорогой гость, что если мы будем останавливаться на каждом шагу, как это делаем сейчас, то вернёмся, когда наши дамы будут уже завтракать. Будем двигаться энергичнее, и, пожалуй, я расскажу, как узнал о вашей бессоннице. Посмотрите вокруг себя и взгляните в разнообразие окружающей вас жизни. Цветы каких чудесных форм и окраски окружают вас! Листья, травы, бабочки, птицы, мухи, пчелы – всё, живёт самой напряжённой жизнью, творит, отдаёт свой аромат, плоды и

красоту... и умирает.

Вы срываете цветок, вдеваете его в петлицу или украшаете им стол. Вы не думаете, что цветок умирает, отдавая вам свою красоту. Вас не тревожит эта смерть. Вы е,, благословляете, принимаете спокойно, как нечто неизбежное, обычное. Почему? Только потому, что в этом нет ничего вашего. Ничего от вас лично, от вашей привязанности, ваших привычных желаний, вашей любви, в которую вы каждый день вплетали нити своего сердца, крови, плоти и духа. И вы спокойны. Вы знаете неизбежность закона целесообразности, закона, заставляющего вс,, живое менять свои формы.

Как только дело касается людей, – в сознании человека вс,, мгновенно меняется. Вс,, разделяется на своих и чужих. Свои – это те, с кем вы сжились, сроднились по крови. И каждая такая разлука – неизбежные сл,,зы, отчаяние и вот такой вид, как у моего доброго друга лорда Мильдредя. Вы сражались в двух войнах, будучи юношей; о вашей храбрости солдаты складывали песенки и легенды, вашему самообладанию удивлялись старые офицеры. Теперь вам двадцать восемь. Почему же перед лицом предстоящей смерти пастора вы потеряли не только полное самообладание, но и равновесие? Ваша любовь к Алисе для меня не тайна. Но она не оправдание вашему поведению. Чему служит та любовь, которая не нес,,т мужества любимому? Неужели вы думаете, что подобным образом страдаете Алисе?

Думаете, можно таить внутри полный разлад, страдать и разрываться, а вовне демонстрировать полное якобы спокойствие и подобным лицемерным самообладанием помогать человеку переносить горькие минуты? Только истинно мудрое поведение, то есть убежд,,нно-спокойное внутреннее состояние может помочь ближнему. И оно, как живой пример мудрости, может прервать тысячи человеческих драм одним только своим появлением, одной встречей. Таков живой пример мудреца. И в каком бы образе он ни встречался, он может поднять человеческие силы до героического напряжения. Может помочь перейти из состояния маленького, о личном горюющего человека одной улицы, в одухотвор,,нное осознание себя единицей вселенной. Вселенной, с неизбежностью подчин,,нной одному и тому же закону целесообразности, который вед,,т вс,, живое – от букашки до человека – к совершенству. Вы можете мне ответить, что вс,, это знаете и понимаете. Но я скажу, что это не так. Потому что на языке мудрости знать – это значит уметь. А понимать – значит действовать. Тот, кто говорит, что он знает и понимает, но не умеет действовать в сво,,м трудовом дне, – на самом деле ничего не знает. Он ничем не отличается от

цирковых собак и лошадей, которые просто усвоили ряд привычных ассоциаций, воспринятых в той или иной последовательности.

Подумайте обо всём этом, лорд Мильдрей. От вашего поведения сейчас многое будет зависеть не только в вашей жизни, но и в жизни Алисы и ещё многих людей, которых вы встречаете и в обществе которых возвращаетесь. К сожалению, по причинам, от меня не зависящим, я ничего не могу сказать вам больше. Могу только прибавить, что сейчас вы стоите у перекрёстка дорог. И в зависимости от вашей энергии и мужественного поведения, в зависимости от истинной доброты и силы вашего благородства в этот момент, вы услышите тот или иной зов жизни. И вы можете создать такую семью, в которой великая душа сойдёт на землю и, под охраной вашей любви и доброты, пройдёт свой новый человеческий путь.

Флорентиец привёл Мильдрея к водопаду. Красота природы, чудное утро и слова хозяина не только развеяли скорбь гостя, но и окрылили его. Выйдя из водоёма, выдолбленного водой, падающей с высокой скалы, и поживаясь от холода, лорд Мильдрей сказал:

– Если бы я даже не входил в эту купель, которая меня возродила, – я чувствовал бы себя воскресшим от одного только общения с вами, лорд Бенедикт. Самое великое, что я понял сейчас из ваших слов, это то, что истинной любви чуждо понятие разлука. И я не теряю надежды, что в вашем благом присутствии оба понятия – знать и уметь – когда-нибудь сольются для меня в одно самоотверженное и радостное действие, то есть в простое умение быть истинно добрым и, думая о людях, забывать о себе.

Оба вернулись домой как раз вовремя, чтобы успеть переодеться и встретиться с остальными за завтраком. Пастор чувствовал себя слабым и усталым, но всё же прошёл по парку. Под руку с дочерью, в сопровождении Сандры, дошёл он до обрыва, откуда вид на открытые дали нравился ему особенно. Но после обеда он сейчас же поднялся к себе. Алиса не оставляла отца ни на минуту. Она, казалось, совершенно не замечала его слабости и той особенной ласковости, в которой сквозила нежность прощания. Она вела себя так, как всегда, как будто бы отец был здоров, но не покидала его.

– Алиса, дитя моё, пошла бы ты погулять. Вон все идут на ферму с лордом Бенедиктом.

– Нет, папа, мне так хочется побыть в тишине с вами. Раздался стук в дверь, и вошёл лорд Мильдрей. – Лорд Уодсворд, не разрешите ли посидеть подле вас? Мне так захотелось побыть в вашем обществе, что я не мог устоять и решился вас побеспокоить. Вы не сердитесь на меня за это?

– Не только не сержусь, но и счастлив, что вы зашли ко мне. Моя Алиса не покидает меня, как ни прошу ее, отдохнуть немного от моего стариковского общества. Не скрою, мой друг, что радость быть столь любимым моею дочерью и вами – большое вознаграждение за прожитую жизнь.

– Знаете ли, папа, вы у меня положительно феномен. Другой бы на вашем месте мог и зазнаться. А вы, вы хоть немного ценили бы себя и все, что сделали для людей, для науки. Лорд Бенедикт сказал, что сюда собирается целая делегация от Академии наук, чтобы вручить вам какую-то исключительную награду за книгу, которая завтра должна выйти в свет. А вы, мой дорогой отец, одно смирение.

– Дочурка, я бы очень хотел избежать этой пышности, она мне тяжела, я даже разволновался. Лорд Мильдрей, не откажите сходить к нашему дорогому хозяину, когда он вернется с прогулки, и попросите его зайти ко мне.

– Я непременно это сделаю, лорд Уодсворд, я уверен, что лорд Бенедикт сумеет охранить ваше спокойствие. Да ведь он пошел на ферму по хозяйственным делам, долго там не пробудет, и как только он вернется, я сейчас же передам ему ваше желание. Кстати, в газетах сегодня есть отзыв капитана Т. о вашей книге. Я думаю, что подобному отзыву позавидует добрая половина авторов в мире.

– Папа, вы знаете, что у капитана Т., то есть у графа Николая, есть брат, начинающий писатель. Лорд Бенедикт как-то сказал, что Левушка написал вещь гениальную, не по летам глубокою. А Наль говорила мне, что видела его один раз в жизни наряженным в восточный костюм, с седой бородой. И если бы она столкнулась с ним теперь лицом к лицу, то не смогла бы узнать брата своего мужа.

– Это почему же? Неужели они познакомились в маскараде? И не видели друг друга без масок? Это что-то во вкусе французских романов, – весело смеялся пастор.

– Надо полагать, что дело здесь в чем-то другом, лорд Уодсворд. Вряд ли на Востоке возможны маскарады, а графиня очень молода и приехала прямо оттуда.

Дальше разговор перешел на чудеса жизни, как называл пастор встречу с Флорентийцем.

А Флорентиец с Сандрой уже возвращались с фермы ближайшим путем.

– Мы с тобой уже несколько раз говорили о твоей постной физиономии, Сандра. Сегодня хочу поговорить с тобой окончательно. От

твоего решения и дальнейшего поведения будет зависеть, останешься ли ты при мне или уедешь в Лондон. Видишь ли, решившись следовать чьим-то указаниям, избрав себе путь в человеке, к которому особенно тянется сердце, надо находиться в гармонии с тем, кого хочешь назвать своим Учителем. Чтобы воспринять указания Учителя и нести их как творящую силу, надо быть радостным. Только радость открывает возможность слиться двум сознаниям, стоящим на разных ступенях развития. И чем радостнее и чище более низкое сознание ученика, тем легче, проще и глубже оно может влиться в сознание Учителя. Тем больше получит радостный из открывающегося для него высшего сознания. Это одна сторона дела. Жить подле меня и хмуриться, вступая в спор с Богом и судьбой, – значит, тратить попусту время и не заметить, как льется свет в твою, текущее сейчас.

Второе. Ты брал на себя обет беспрекословного послушания, что казалось тебе счастьем, подобно тому, как жизнь подле меня рисовалась тебе заманчивой мечтой. А когда эта мечта сбылась неожиданно для тебя, – ты оказался слабее женщины и продолжаешь быть таковым. В своих философских изысканиях, открытиях в астрономии и механике ты проявляешь себя той силой, на которую можно полагаться. В отношении к жизни людей ты оказался ребенком, не выдерживающим самых обычных испытаний движущегося колеса жизни.

А между тем, ты – индус, тебе известен закон перевоплощения, ты в нем рос и воспитан. Казалось бы, твою, отношение к жизни и смерти должно было быть иным, нежели у европейцев. Отчего разлад в твоей душе? Теряешь доброго и нежного друга, стремившегося всячески тебе помогать. Чем же ты благодаришь его? Тревожишь его последние дни, оплакиваешь свою, одиночество после его смерти. Чем поддержал ты его дочь? Своими стенаниями. Стыдно и недостойно, Сандра. Если я и не отправил тебя сразу же, как человека, недостойного быть принятым в ряды моих учеников, то только потому, что я у тебя в старинном долгу. И этой беседой я возвращаю тебе свой вековой долг.

Пастор уходит с земли ненадолго. Если Алиса сумеет – со всем героизмом и мужеством сердца – проводить его как отца, чтобы принять как сына, для новой земной жизни, – он вернется скоро. Если женщина сумеет возвыситься в доброте и любви настолько, чтобы о себе не думать, но самоотверженно подготовить место, где снова воплотится ее, отец, он будет счастлив на земле и завершит свой труд, чего сделать сейчас не успел. И целый круг жизней, затянутый ныне тяжелой петлей злых предрассудков, освободится и развяжется, перейдет в счастье и свет.

Если же Алиса не победит эгоистической любви к отцу, будет плакать и цепляться за него, как это делаешь ты, – ряд жизней будет обречен на ожидание новых возможностей, когда сочетание кармических связей вновь станет гармоничным.

Я говорю тебе вс,, это один-единственный раз. Чтобы ты понял до конца смысл закона беспрекословного повиновения, я дал тебе сейчас возможность провидеть судьбу многих людей. Но если ты когда-либо нарушишь его – ничто не сможет оправдать в веках твой поступок. Как бы ни хотел я взять на себя твои испытания, сделать это я не смогу. Я приму на себя, любя и побеждая, обратный удар, который ты нанес,,шь мне. Но цепь жизней, спутанную тобою, ты сможешь развязать только сам.

– О Боже, как я глуп! Как я непростительно, позорно глуп, дорогой, обожаемый лорд Бенедикт. И я плакал, стонал, бунтовал и чуть ли не обвинял вас в холодности, потому что знал, что вы можете поддержать силы пастора и не делаете этого. Простите меня, хотя и нет мне прощения. Как тупоумен человек! Такое счастье должно прийти к пастору и Алисе, а я оплакиваю обоих. Да будет мне это вовек уроком! Вот здесь, глядя на это заходящее солнце, я обещаю вам, мой ласковый, милосердный Учитель, всегда хранить радость послушания, сколь бы ни казалось печальным то событие, к которому так или иначе я должен быть причастен своей волей и трудом. Я обещаю, проходя свой день, не искать благ и награды. Ибо день человека – это не то, что к нему приходит, а то, как он это принимает и что сам привносит из сердца.

Я обещаю, проходя день, воплощать в дела и встречи то понимание, что вбираю в себя через вас. Я обещаю, проходя день, идти его в бесстрашии, мужестве и мире, потому что понял сейчас, что все эти качества ничто иное, как моя верность вам.

– Аминь, сын мой. Не давай слишком много обещаний и не разочаровывайся в своих силах. Не глупость твоя заставила тебя сомневаться во вс,,м, а привычка скептически принимать все обстоятельства жизни. Привычка думать только о жизни земли, в отрыве от жизни вселенной. Усвой основное правило для каждого человека – научись мыслить диалектически. Не разрывай больше связи со всеми радостными силами природы. И когда настанет твой час познать элементы природных стихий, – принеси к этому моменту себя как сосуд, полный самообладания и гармонии.

Мудрость не в уч,,ности и уме. Вся их ценность только в той культуре духа, которую они смогут сформировать. Если это случается, – из человека выковывается светящийся шар, интуитивно творящий и входящий в

равновесие со всей мировой жизнью. Его энергия действенна и мчится огнем по всем встречам. Если же учность не привела через сознательное к подсознательному, – человек остаётся одним из тысяч и тысяч тупоумных умников, которые ищут объяснения и доказательства предельного ума там, где живёт и творит в человеке только беспредельная Мудрость.

В своих отношениях с людьми никогда не ищи с ними объясниться. Ищи, чем обрадовать человека, чтобы в радости начать и окончить встречу. Но избегай тех, кто, хмурясь сам, старается найти в тебе причины своей хмурости. Беги тех семей, где живут, ссорясь. Те, кто распинается о своей любви к семье, а на самом деле они тираны и ворчуны, – преступники не меньше, чем любые воры, крадущие чужие ценности.

Навстречу лорду Бенедикту и Сандре шёл добряк Мильдрей, издали улыбаясь обоим.

– Что скажете, лорд Мильдрей? Вы, верно, послом от Алисы?

– Вот и не угадали, лорд Бенедикт. Пастор просил меня обратиться к вам с просьбой навестить его.

Все трое прошли на балкон пастора, который был укутан пледом, несмотря на тёплый вечер. Узнав, почему пастор волнуется, лорд Бенедикт обещал ему всё, устроить.

– Кстати, хотел предложить доставить сюда вашего слугу. Он так привязан к вам, что, наверное, сильно скучает, да и вы привыкли к нему. Завтра рано утром Сандра поедет в Лондон, отвезёт наши письма в Академию и будет представлять за вас на торжественном заседании. Затем заедет за вашим слугой, и вечером оба будут здесь, ко всеобщему удовольствию. И ещё, у меня к вам вопрос. Ваша жена и Дженни любят морские купания и шумное общество. Не пошлете ли вы им с Сандрой письма и деньги на этот предмет? Вы ведь скоро будете Крезом, так как тираж вашей книги колоссальный. Я мог бы пока одолжить денег, и они бы уехали из Лондона довольные вами и предстоящей курортной жизнью.

– Лорд Бенедикт, то был бы наилучший и наиболее спокойный выход для всех нас, особенно для меня и Алисы. Я был бы вам премного благодарен.

– Вот и прекрасно, дорогой друг. Скушайте конфету и пойдёмте вниз ужинать.

В столовой уже ждали Наль и Николай, обрадовавшиеся пастору и Алисе так, точно век с ними не виделись.

– Мы совершенно не согласны, лорд Уодсворд, быть без вас и Алисы. Если вам не хочется гулять, мы будем сажать вас у теннисной площадки, в

тени, с кучей книг. Но, пожалуйста, не лишайте нас своего общества, – обнимая поочерёдно отца и дочь, говорила Наль.

Быстро пролетел вечер, который Алиса украсила музыкой, а пастор чудесно спел несколько арий. Любовь к искусству победила слабость, и вдохновенная песнь захватила слушателей.

– Вот ведь как странно создан человек. Я и умирая, верно, буду петь.

– Не знаю, будут ли у меня силы играть, но умереть под музыку – это, наверное, большое счастье.

– Не знаю, какое это счастье, мисс Алиса, – утирая глаза, сказал Сандра.

– Знаю одно, что сегодня сердце моё, несколько раз тонуло в полном блаженстве.

– Я тоже как-то особенно прониклась твоей музыкой, дорогая сестрёнка, – прижавшись к Алисе, шепнула Наль. – Я за двоих тебя благодарю. Тот, кто начал жить во мне, как счастлив он благодаря тебе. Он сразу готовится понимать и природу, и красоту её, и людей, и чудо звуков. Алиса, друг, я вместе с тобой несу и радость, и горе. И кроме всего, в тебе для меня опора и помощь. Ты единственная женщина-друг мой. Хотя ты такая молоденькая, но в тебе так много доброты, серьёзности и любви, что я чту тебя, как подругу и мать. Не покидай меня, Алиса, без тебя, несмотря на всю любовь мужа и отца, я буду одинока.

– Откуда ты взяла, что я собираюсь уехать, Наль? Напротив, лорд Бенедикт оставляет нас с папой здесь на два месяца. Но и потом я тебя не покину, я всё время буду с тобой.

Полюбовавшись ещё, немного красотой ночи, обитатели дома разошлись по своим комнатам, и в эту ночь все они мирно спали. На следующее утро Сандра уехал в Лондон. Он выполнил поручение в Академии и отправился в дом пастора. Его встретил старый слуга, которому Сандра передал письмо его господина с приказанием собрать вещи, захватить несколько книг из кабинета и ехать немедленно, вместе с подателем письма, в деревню. Дженни была дома и вышла в переднюю, услышав голос Сандры.

– Здравствуйте, мисс Дженни. Я привез вам и вашей матушке письма от вашего отца. Быть может, вы захотите ответить? Я могу подождать.

Дженни взяла письма, провела Сандру в зал и поинтересовалась здоровьем отца очень официальным тоном. – Лорд Уодсворд очень и очень болен. – Ох, всю жизнь, скоро уж двадцать три года, всё слышу только об этом. Но, слава Богу, он всё живёт, – так же холодно продолжала Дженни. – Мамы нет дома, и это очень жаль. Она бы, наверное, тоже пожелала

ответить. Вы простите меня, я покину вас на несколько минут и напишу ответ у себя.

Дженни вышла, а Сандра сел на покрытое белым чехлом запыленное кресло. Как мало времени прошло с тех пор, как он был здесь у пастора в последний раз! Но от души этого дома не осталось ничего. Где мир, царивший здесь, которым наполнял дом хозяин? Где безукоризненная чистота этой комнаты, которую, очевидно, поддерживала Алиса? Где веселый смех и музыка? В томящем молчании дома невеселые думы бродили в голове юноши. Он думал о Дженни, о том, какой она казалась ему прежде обворожительной, умной и содержательной, а оказалась сверкающим мыльным пузырьком. Думал, как страдал пастор, о чем он никогда прежде и не догадывался. И в сердце Сандры вставал вопрос за вопросом. Зачем должен был пастор нести этот груз внутреннего разлада? И как мог он быть при этом таким ровным, добрым, улыбаться? Где, в чем источник самообладания, позволившего ему скрывать свои раны и утешать других? А он, Сандра, бессилен, вспыльчив, невыдержан и даже эгоистичен.

Дженни вернулась, сказав, что письмо отца несколько сбилось, с толку, что она сейчас ничего не ответит, но пошлет письмо завтра почтой.

– Отец тоже говорит, что здоровье его плохо. Но, признаться, в первый раз он не только не протестует, но и сам желает, чтобы мы с мамой ехали на морские купанья. Мне это улыбается. Я не терплю деревни с ее, скучищей. Это для Алисы самое подходящее место. Неужели вам еще, не надоели красоты природы? – иронизировала Дженни. – Я и рассмотреть их не успел еще, мисс Дженни. – Но что же вы там делаете? Алиса, та, конечно, переживает графине туалеты, и времени ей остается мало. Но что сама графиня? Вы все, так же восхищаетесь ею?

– Графиня и мисс Алиса почти неразлучны, как и все мы, с вашим отцом и лордом Бенедиктом. Обе дамы учатся верховой езде и другому виду спорта, который считает полезным и необходимым для здоровья наш хозяин. Кроме того, у лорда Бенедикта прекрасная библиотека. Обе наши дамы учатся и со мной, и с графом Николаем, и с самим лордом Бенедиктом.

– Ну, меня можете уверять сколько угодно, – я не поверю. Туалеты для скачек, несомненно, были сшиты Алисой...

И вдруг Дженни осеклась под взглядом Сандры. Что было в этом взгляде, что привело ее, вдруг в бешенство? Точно какой-то огонь, – такой она почувствовала себя раздраженной.

Сандра смотрел на нее, печально, словно жалея. Это не был тот

юноша-поклонник, которого она, смеясь и сознавая власть над ним, припирала к стенке своим остроумием. Не мужчина, восторгавшийся ее, умом и видевший в ней женщину, стоял перед ней. Это был какой-то новый, вглядывавшийся в ее, душу человек. А Дженни хотелось легко скользить по жизни. Быть женщиной, пленять и нравиться, а никак не интересоваться чужой душой. Гнев заставил ее, резко спросить, почему это Сандра смотрит на нее, как добрый самаритянин, в чьем сострадании она вовсе не нуждается.

- Да, я знаю, что милосердию нет места ни в вас, ни подле вас. Но я все же надеялся, что вы лучше защищены от зла. А сейчас вижу, что вы раскрыты настежь для всего дурного. Кто способен так легко раздражаться, тот привлекает к себе страдания.

- Это вы в доме лорда Бенедикта научились проповедовать? Или у моего отца заразились его манией исправлять людей? Я ненавижу проповедников, - топнула ногой Дженни. - Милейший папаша-проповедник, предлагая отправиться на любой курорт, забыл о самом главном, о деньгах. Он, конечно, по рассеянности позабыл о такой мелочи, - почти кричала Дженни.

- Ах, простите, это я, болван, забыл, а не он. Вот пакет для вас, а это для вашей матери.

И Сандра подал ей два обмистых пакета, надписанных рукой пастора. Жадно их схватив, Дженни сконфузилась, но затем еще больше озлилась. Чтобы как-то скрыть свои чувства, она отвернулась к окну. Сандра воспользовался моментом и быстро вышел из комнаты.

В передней его ждал Артур. Они тихо вышли из дома, нашли экипаж лорда Бенедикта и через некоторое время уже сидели в поезде. Впервые Сандра пригляделся к старому слуге. Годы не согнули этого человека. Он был прям, широкоплеч, не очень большого роста, но отлично сложенный, с красивым, благородным и добрым лицом. Этот старик скорее походил на друга пастора, чем на его слугу. - Вы давно живете в семье пастора? - Я никогда не разлучался с сэром Уодсвордом. Ему было семь, а мне четырнадцать, когда покойный лорд Уодсворд, дядя пастора, у которого он тогда жил, приставил меня к нему. Лорд Эндрью уже тогда был святым ребенком, как потом святым юношей, святым мужем и отцом и святым пастором. - Он закрыл лицо руками, чтобы скрыть полившие из глаз слезы. - Святые долго не живут. Что им здесь делать? Мой господин молод еще, но сердце его уже не может выносить муки. Оно сгорело. Его спалило страдание. Я знаю очень хорошо, что уже не привезу в Лондон моего господина, а только его гроб. Если вырос вместе с человеком, - вырос в его

сердце. Слов не надо – вс,, знаешь. Так и я это знаю, хотя никто мне ничего не говорил. – Он смахнул ещ,, раз слезу, и лицо его осветилось мужеством. – Мой господин тоже, наверное, знает, что не верн,,тсся в свой дом. И велико же милосердие Божье, что умр,,т он не там, где находится его ежедневная Голгофа.

Сандра с восторгом и уважением смотрел на слугу, язык которого, его манера выражать свои мысли обличали в н,,м вполне культурного человека.

– Неужели вы так и прожили всю жизнь возле лорда Уодсворда, не имея своей семьи?

– Ни на один день до сих пор не разлучался я с моим господином. Если бы у него вс,, было в порядке, я, вероятно, имел бы время создать себе семью. Но пастор был так несчастлив, так страдал сердцем и так скрывал от всех свою болезнь и сво,, горе, что я ему всегда был нужен. Только года три как мисс Алиса разгадала вполне его болезнь. А то и от е,, любящих глаз удавалось скрывать истину.

Глубокая верность слуги своему господину пронзила сердце Сандры. Невольно он сравнил сво,, поведение по отношению к лорду Бенедикту, и в сердце его проникли стыд и горечь от сознания, что вот он, философ и изобретатель, имеет более низкую духовную культуру, нежели этот полный деликатности и любви простой слуга.

В молчаливом душевном согласии оба добрались до дома только к ужину. Свидание пастора со своим слугой послужило Сандре ещ,, одним уроком. Слуга, знавший о смертельной болезни своего господина, вош,,л к нему в комнату так, будто вс,, время находился рядом с ним и только выходил за каким-то пустяком. Со спокойным лицом он сейчас же прив,,л комнату и вещи в привычный порядок, подал пастору последние номера журналов, сегодняшнюю газету и стал рассказывать, как навещал своих родных. Сандра переглянулся с Алисой, обменялся с ней улыбкой и вышел из комнаты.

И снова в доме лорда Бенедикта потекли мирные дни, Такие мирные и однообразные внешне, но такие напряж,,нные духовно, протекающие между двумя гранями земной человеческой жизни: постепенного ухода пастора и развивающейся жизни в Наль.

Алиса расцветала на глазах. Е,, духовный рост сказывался во всех е,, поступках. Казалось, так легко быть сиделкой при больном отце, хотя она тысячу раз в день вскакивала, кормила, давала лекарства, мерила температуру, меняла компрессы и грелки, шутливо выговаривая больному, что он чрезмерно терпелив и нетребователен. Лорд Уодсворд слабел и худел, на глазах превращаясь в аскета, а лицо его и взгляд вс,, светлели. Он

получал сухие письма от Дженни и леди Катарины и сказал однажды Флорентийцу, сидя по обыкновению в кресле:

– Как странно, что Дженни моя дочь, с которой я прожил неразлучно двадцать три года, которой отдавал больше времени и забот, чем Алисе. И она даже не поняла, что письмо мо,, к ней, последнее прощальное письмо, полное любви, было горячей надеждой пробиться к е,, сердцу. И в этой отчаянной попытке я не преуспел, не выполнил свой долг по отношению к дочери.

– Если бы все отцы так защищали своих детей от зла, как это делали всю жизнь вы, мой друг, на свете было бы легче жить и люди страдали бы меньше. Вы не можете упрекнуть себя в несправедливости к Дженни. Вы внушали ей человеческие чувства, и не словами, а собственным примером. Вы не давали ей окончательно утонуть в пошлости. Но я уже говорил не раз: детям в жизнь дорожку ни отец, ни мать не протопчут.

Вы сделали вс,, для души, которую приняли на хранение от Единой Жизни. А как эта душа, в сочетании своих кармических путей и сил, ид,,т по дню, примет она или нет ваши руководящие нити, зависит не от вас. У каждого наступают в жизни периоды, когда дух сбрасывает оковы накопившихся условностей. Внезапно глаза раскрываются, и тогда мы говорим: человек изменился. Но это не человек изменился, а освободилось в н,,м какое-то количество светоносной энергии, которую он прежде затрачивал, на борьбу с самим собою. Как ветхое тряпье,, спадают страсти, давившие мысль и сердце, и освобожденная материя человеческого духа ль,,тся Светом на его пути. Среди множества проходимых нами подобных поворотов у каждого есть общий для всех людей и непреложный кульминационный пункт. Это смерть.

В этот момент дух человека переста,,т быть связанным законами земли. И нет никого, кто мог бы остаться на земле хотя бы ещ,, одно лишнее мгновение, если уже вышел из скорлупы иссохших страстей, которые непригодны больше для творческой, созидающей жизни. Неисчислимы примеры всегда индивидуально неповторимой жизни человека сводятся к этому закону Вселенной: к вечному движению к совершенству в творчестве. Есть случаи для данного воплощения безнад,,жные, когда иссохшие страсти так срослись с материей духа, что стряхнуть их невозможно. Тогда погибает вс,, данное воплощение человека, И вс,, же и такому духу предоставляется много случаев для освобождения; человек уходит с земли, чтобы долго учиться в своей новой облегч,,нной форме тому, как надо жить на земле в следующий раз.

Или, наоборот, человек перерастает сво,, окружение. Он отдал труду

все свои творческие силы и поднялся в духе так, что ему требуется новое тело и более высокие условия жизни, чтобы выйти на новый виток творчества для земли. Тогда он оставляет землю, чтобы очень скоро вернуться. И в этих случаях – особо оберегаемых светлыми силами – его новая жизнь на земле становится той любовью, которую он посеял на ней прежде.

Не тревожьтесь, друг. Ваш случай как раз из последних. Вами отдано земле так много любви, что она уже сейчас выросла в мощную силу и притянет ваше новое воплощение к себе. Я уже просил вас отдать свои последние дни радости понимания великого пути человека. Для каждой вашей встречи с людьми до сих пор дверь вашего сердца была открыта. Теперь эта дверь уже и не может закрыться: в не,, вступила Вечность и слилась с живущею в вас Любовью. Идите, сознавая свой путь. Идите без страха, скорби и сомнений. Гармония ваша уже не может быть поколеблена ничем земным.

Флорентиец покинул пастора и Алису, ставших почти неразлучными. Сандра и Мильдрей, часто ездившие в Лондон по поручению обитателей деревни, тоже проводили почти вс,, сво,, свободное время подле больного. Наль и Николай, по требованию хозяина дома, утром ходили с ним в поля и леса, принимая участие в управлении имением и обучаясь тому, как вести сельское хозяйство. Но и они любую свободную минуту старались проводить с пастором.

Почти каждый вечер Флорентиец уводил Алису на прогулку, оставляя с больным Наль. И эти часы для обеих женщин были счастливыми часами. Наль, видевшая пастора редко, но любившая его, как второго отца, из той же плоти и крови, что и она сама, тогда как Флорентийца и дядю Али причисляла к людям высшего порядка, чувствовала себя с ним очень просто. И все е,, жизненные, житейские недоумения и вопросы, с которыми она не решалась обращаться ни к Флорентийцу, ни к мужу, находили полное разрешение у пастора. Он напер,,д угадывал вопросы будущей молодой матери и умел ввести в е,, сознание понимание великих законов природы, для которых в чистой душе нет места предрассудку стыдливости. Он умел показать ей, что мать должна думать не только о физическом здоровье, но и характере своего будущего реб,,нка в самом его зачатке. Он не забывал напоминать ей, каким миром она должна окружить реб,,нка уже теперь. От первых часов колыбели и до его семи лет стараться ничем не нарушать окружающей его гармонии в семье. Указывая на обязанности материнства, больше всего заклинал е,, само,, от безделья умственного и физического.

Алисе же всякий раз казалось, что после прогулок с Флорентийцем она возвращается обновленной. Изменилась вся е,, психика. Она не тосковала больше о предстоящей разлуке с отцом. Она легко говорила ему и себе: «До свидания». Девушка не задумывалась, как именно произойд,,т дивное чудо нового воплощения отца в е,, собственной семье. Ей было ясно, что только е,, внутренний мир, духовная высота и благородство важны для их будущей общей жизни. Она больше не думала о внешних факторах жизни, поняв однажды и навсегда, что внешняя жизнь приходит как результат внутренней, а не наоборот.

Однажды, поднявшись после ужина к себе в комнату, Алиса услышала л,,гкий стук в дверь. На разрешение войти в дверях показалась Дория, прин,,сшая ей платье к завтрашнему дню.

– Простите, Алиса, я знала, что вы ещ,, не спите. – Что вы запоздали, Дория, – вставая с места и усаживая е,, рядом с собой, сказала Алиса, – это пустяки. Я отлично могла бы вовсе обойтись без этого платья. Но вот что вы так поздно стали засиживаться за работой, это уже не пустяки. Мы с Наль уже несколько раз просили вас побольше отдыхать. Но о ч,,м же вы плачете, Дория?

– Я плачу, потому что только теперь и увидела, что наделала. Узнав вас, я до конца поняла, что никогда никого не любила. И не была верна никому и ничему до конца и даже не была по-настоящему добра, хотя жила, как полагала, только для того, чтобы делать добро. Когда теперь смотрю на вас, то понимаю, о ч,,м мне говорил Ананда, утверждая, что я живу умом и вс,, ищу логические кольца, которыми стараюсь окружить людей как кольцами моей любви. И что хочу, чтобы все ясно видели, как я усердна в этом.

Передо мной была раскрыта светлая дорога. Мой руководитель, дорогой Ананда, развив во мне понимание вечных законов жизни, предоставил мне полную свободу формироваться не по его указаниям, но радостью того знания, которое он мне открыл. А я-то решила, что он мало занимается мною, предпочитая мне других. Я сердилась, ревновала, внесла ураган личного бунта в свои отношения с ним и с теми, кто ш,,л за ним. Только теперь, встретив вас и узнав вашу жизнь, я поняла, что такое истинная доброта.

– Нет, вы не правы, Дория. Просто я возвращаю часть долга своему отцу. Вот тот, кого вы зов,,те Флорентийцем, – тот действительно сама любовь и доброта. Это недостижимый идеал, к которому и приблизиться-то невозможно.

– Вот видите, для вас ваш Учитель – не от мира сего. А я вс,, требовала

от Ананды равенства, не понимая, не ценя всего, что он для меня делал. Однажды я стала просить Ананду доверить мне одно из тех трудных дел, куда он посылал других. Он доказывал, что я еще, не готова. Что мои утверждения от ума: «Я люблю», «Я верю», «Я не лгу», «Я иду без костылей и предрассудков» – и есть самые живучие мои предрассудки. Что надо ждать, пока радостью истинной любви упадет эта рассудочная цепь – и тогда я буду готова к урокам и поручениям. Иначе выйдет двойное горе и для меня, и для тех, с кем буду иметь дело. И, улыбаясь своей чарующей улыбкой, Ананда добавил: «Мне же придется принять весь неудачный опыт вашей жизни на себя, а вам, бедное дитя, проходить все, сначала. Поймите, в вас горят желания, которые выше ваших возможностей, а победить их человек может, если занят трудом ниже его духовных сил. Там, где труд равен его духовным силам, – человек побеждает любовью и миром. В вас их нет, вы вспыхнете и... погаснете, если возьмесь за дело раньше, чем созреет ваше самообладание и установится гармония».

Я настаивала, добивалась, – и беспредельно добрый Ананда, дав двух помощников, не стал мешать мне действовать. Вероятно, вы сразу же представили, как сумбурно шла моя работа, как я была требовательна. Я тогда много думала о том, как я «устаю», и мало думала, что не умею дать ни отдыха, ни помощи тем людям, с которыми встречалась. Они не продвигались вперед, уставали от меня, а я этого не понимала. Финал взятого мною на себя дела был печальный. По требованию Тех, Кто стоял выше, Ананда отозвал меня. И Флорентиец, бесконечно милосердный, взял меня к себе, разделив удар с Анандой.

Я слышала, он говорил Ананде: «Ты все, стараешься, чтобы люди шли совершенно свободно, так, как шло ты сам и И. Таких чудес для всех не бывает. Не ставь, от своей беспредельной доброты и смирения, слабых людей перед соблазном свободного выбора, не суди о них по своей колоссальной духовной силе. Лучше давай им созреть в рамках строгого послушания. Так им легче прийти к самообладанию».

Не знаю, было ли бы мне легче. Знаю только, что пришла благодарить вас за встречу, увидев в вас ум, талант и благородство в полном сочетании с добротой. Радость быть подле вас заставляет меня мужаться. Какое счастье для меня быть вам сейчас полезной, Алиса! Но я знаю, что вы не нуждаетесь в поддержке так, как в ней нуждаюсь я. С тех пор как я увидела, что каждую минуту вы кому-нибудь нужны, что все идет к вам со своими маленькими и большими делами, – мне захотелось стать вам верной слугой, такой, как старый Артур вашему отцу.

– Дория, голубушку, вы меня просто уморите. Я не выдержу и всюю

расхожусь, да, пожалуй, весь дом перебужу. Для нас с Наль вы лучшая подруга и наставница, а е,, первенцу – чудесная т,,тушка. Довольно вам быть смиренной слугой. Лучше, вернее, честнее и скромнее вас выдумать нельзя. Пока вы не выйдете замуж...

– Нет, Алиса, я дала обет безбрачия, и эта сторона жизни для меня не существует уже.

– Быть может, это очень эгоистично с моей стороны, Дория, но тогда уже ничто не разлучит нас с вами, и у каждого из моих детей будет по две матери, чему я уже сейчас не могу не радоваться.

Девушки расстались не скоро. Дория рассказывала Алисе об Ананде, о его голосе, красоте, о том, как по,,т его виолончель.

– Представляю, что бы это было, если бы вы играли и пели вместе. Когда он по,,т, – точно мечом рассекает ваше сердце и из него выпадает вс,, мелкое. Что-то не от земли, как в голосе Флорентийца, есть в пении Ананды... И вот, Алиса, я была подле такого человека. И искала пятна на одеждах людей, вместо того чтобы нести им радость. Я жила подле Ананды, у моря, среди неопикуемой красоты. И не наслаждалась его обществом, а переживала, что он недостаточно ко мне внимателен.

– Вс,, это в прошлом, моя дорогая, – обнимая плачущую Дорию, говорила Алиса. – Теперь вы знаете свои силы. А подле лорда Бенедикта обрели новую, столь необходимую вам энергию и, конечно же, рано или поздно снова встретитесь с Анандой.

– Вы думаете, Алиса, это возможно? – Не представляю, чтобы это было иначе, Дория. Ведь Ананда, Флорентиец и, вероятно, другие им подобные, о ком я не знаю, живут лишь для того, чтобы помогать людям, всем без исключения. Как же могут они, видя ваши усилия, оставить вас без помощи? Нельзя быть наполовину преданной, потому что это уже не преданность сердца, а всего лишь компромисс. Но сейчас вы уже не сможете любить наполовину. Вы даже меня и Наль принимаете целиком, со всеми нашими качествами. Я уверена, что для вас наступает новая жизнь, в которой вы уберете многих от страданий и ошибок, так как сами прошли через бездну горя.

Девушки вышли на балкон, где, к их удивлению, уже сияло утро.

– Что же я снова надела/та! Для вас, Алиса, каждая капля сил важна, а я отняла у вас ночь.

– И потому потрудитесь немедленно сварить мне и Алисе шоколаду и принесите его сюда, под дуб, – раздался голос Флорентийца, сидевшего на скамье против балкона Алисы. – А ты, Алиса, сходи сюда, ложиться спать уже поздно.

Сконфуженные девушки разошлись, и через минуту Алиса была подле Флорентийца.

– Дитя мо,, дни бегут так быстро, скоро и теплу конец. Не сегоднязавтра отец твой покинет нас. Мужайся, дочь моя, – необычайно ласково говорил Флорентиец. – Помни, как мы говорили с тобой не раз, что иметь какое-то понимание и не уметь воплотить его в жизни, – значит не иметь истинного понимания. Вот и ещ,, одна страдающая душа открыла тебе свои раны. И ты снова убедилась, что у каждого своя Голгофа.

– Лорд Бенедикт, благословен тот день, когда я встретила вас. Как и мой отец, могу сказать: жизнь стала иною, стала сказкой и радостью после встречи с вами. Я буду стараться быть достойной того, кто говорит мне: «Дочь моя», и заменяет уходящего отца. Не осудите слабую дочь свою, если глаза е,, вс,, же прольют слезу. То будет слеза благоговения и принятия жизни именно такую, какой она мне да,,тся. Дория подала шоколад, не поднимая сконфуженных глаз. – Сядь, Дория, с нами. Почему же себе не принесла шоколаду? Или ещ,, не чувствуешь, что твой урок слуги окончен? Благодарю тебя за усердие, за ласку и доброту, с которыми ты его несла. Спасибо тебе, друг Дория. Вскоре после смерти и похорон пастора мы все уедем в Америку. Планы у меня были несколько иные, но за короткое время они меняются уже второй раз. Что ж, мы должны гибко приспосабливаться к зову жизни, внимательно вслушиваясь в него. Ты, дорогая моя дочь Дория, осознала свои ошибки и главнейшую из них: требовательность к людям. Ты поняла сво,, место во вселенной, смирение помогло тебе окончить свой урок и скорее, и легче, теперь ты будешь для нас общим другом, дочерью моею, членом нашей семьи. Не раздумывай, как, каким пут,,м добер,,шься ты снова до Ананды. Делай каждое дело текущего дня до конца. Делай вс,, любя, как делаешь сейчас. И сама жизнь свяжет тебе новые нити, о которых ты и не догадываешься сейчас.

Флорентиец обнял Дорию, посадил между собой и Алисой, от,,р сл,,зы своим свежим платком и пододвинул ей свою чашку шоколада.

– Пей, дружок, – сказал он, поглаживая е,, по голове, как реб,,нка. Дория приникла к нему, к ней прильнула Алиса, радуясь счастьем подружки ещ,, больше, чем могла бы радоваться за себя.

– Я вс,, могла бы вынести спокойно и без сл,,з, – почти ш,,потом сказала Дория. – Но вы оказали мне: «Спасибо», – и это вконец лишило меня самообладания. Ваше милосердие уже однажды спасло меня. Теперь я вижу, что ему предела нет. Одно это слово обрубило канаты личных моих желаний навеки. Точно выстроило мост любви из моего сердца навстречу каждому человеку. Я больше не смогу думать о себе. Но только о тех, кого

пошлет мне жизнь, чтобы утешить и обласкать.

– Хорошо, дитя. Пей же свой шоколад, а потом помоги Артуру. Смени его при больном. Ты, Алиса, прими эти капли и пойдешь спать. Дория разбудит тебя через три часа, и тогда ты сменишь его, у постели отца.

Через несколько минут Дория вошла в комнату пастора. Больной тихо спал после тревожной ночи. Артур сидел в кресле, подперев голову руками. Теперь, когда его никто не видел, старый слуга предавался своему отчаянию. Скорбные глаза его были полны слез. Бледное лицо осунулось. Он был строг и печален. Обычной ласковой улыбки, с которой он говорил с пастором и Алисой, не выдавая своего горя, не было и в помине. Увидев Дорию, Артур встал, смахнул слезу. Он хотел пододвинуть ей кресло, но Дория, приложив палец к губам, указала ему на балконную дверь и тихо вышла из комнаты. Через несколько минут она вернулась, неся завтрак на подносе, который поставила на балконе, и жестом вызвала Артура из комнаты. Она усадила его и заставила кушать.

– Леди, я не могу есть. Я совсем потерял не только аппетит, но и смысл жизни.

– Я уж много раз вам говорила, чтобы вы не называли меня так, я такая же слуга, как вы.

– Быть может, леди Дория, вы и находитесь сейчас в положении слуги. Но поступаете, как истинная леди, и манеры ваши – манеры леди. Мой дорогой пастор всю жизнь учил меня, что надо всматриваться в сердце человека и уметь уважать его за страдания его и доброту, а не положение в свете. Вы всем улыбаетесь, леди Дория, как и моя дорогая барышня, леди Алиса. Только она всегда кроткая была, и милосердие ей дали ангелы еще, в колыбели. А вы, леди Дория, вы горды, и вам, чтобы стать милосердной, семь злых фей надо было победить. Вы простите меня за такие речи. Вообще-то я не посмел бы так разговаривать с вами, но перед лицом наступающей смерти самого дорогого для меня, – все, мне кажется несущественным, кроме одной только любви к человеку. Сейчас конец не только жизни пастора, но и мой. У меня больше нет ничего, для чего я желал бы жить. – А разве Алиса и ее, жизнь вам безразличны, Артур?

– Нет, конечно, мисс Алиса любима и уважаема мною очень глубоко. И не только за любовь к отцу, но и за душу ее, чистую и честную. Но у нее, будет своя жизнь, и может случиться так, что мне там места не будет. Даже сейчас она настолько сильна, что и утешения моего ей не надо.

– Вы очень ошибаетесь, Артур. Вы не только теперь ей нужны, но будете чрезвычайно нужны и впредь. Просто вы не можете сейчас понять, где и в чем Алиса находит силы быть ровной и сдержанной, отчего ее,

сердце не рвется от боли, как ваше. А она знает, что если сегодня пастор закроет глаза, – это не значит, что связь ваша с ним разорвалась.

Не надо горевать, Артур, радостно проводите друга, потому что иначе ему будет трудно собрать в свой последний час мужество. Я знаю, что он оставит вам заветное письмо, из которого вы поймете, что будете счастливы и после его ухода. Бодритесь, верьте и ждите без сомнений. Лорд Бенедикт велел вам скушать эти две конфеты и идти спать. Я посижу здесь и разбуджу Алису, когда вы оба отдохнете.

Артур, неотрывно глядевший в лицо Дории, молча проглотил конфеты, поцеловал протянутую ею руку и, захватив поднос с недоеденным завтраком, молча вышел.

Дория села у кровати и посмотрела на бледное, преждевременно состарившееся и прорезанное глубокими морщинами лицо пастора. Лицо, носившее следы огромного утомления и страдания. Дория вспомнила, как Артур и Алиса рассказывали ей, что пастор был очень красив и строен. Что он, смеясь, сжигал письма от женщин, приходившие к нему с каждой почтой. И теперь лицо его еще было красиво, а когда пастора посещало вдохновение, оно становилось прекрасным. Но лицо это уже говорило всему земному: «Прощай». Дория размышляла о жизни пастора, о его желаниях, борьбе, неудачах и слезах. Как мало было у него личного счастья! И все же он всюду вносил с собой мир, всем дышалось легче в его присутствии.

Пастор проснулся и улыбнулся Дории.

– Как странно, я ведь не знал, что вы здесь. Я видел вас во сне, и мне снилось, что я читаю ваши мысли. Вы думали сначала о моей жизни, а потом о людях вообще, о том, что они никогда не готовы к смерти. Было ли это на самом деле? Вы именно об этом думали?

– Да, сэр Уодсворд, я об этом думала, и меня удивляет, что вы отгадали мои мысли.

– О нет, Дория. Я плохой отгадчик. Я просто читал слова, словно бы окружавшие вашу голову. Но как я долго спал. А где моя Алиса? Мне не хотелось бы расставаться с ней сегодня.

Раздался стук в дверь, и вошел лорд Бенедикт. Он отпустил Дорию, сам дал пастору лекарство и сел подле его постели.

– Вы просили меня, дорогой друг, помочь вам утешить Артура. Я пришел исполнить эту просьбу. Вот вам бумага и конверт, вот вам доска, чтобы вы могли писать ему это последнее письмо, ладно. Я счастлив, что могу выполнить не только вашу просьбу, но и сообщить вам огромную радость: ваша следующая жизнь снова пройдет вместе с Артуром. Вы оба

будете братьями, оба родитесь в семье Алисы. А Артур обретет,т двойное счастье, так как он будет жить до тех пор, пока вы снова не придете на землю. Его руки примут ваше новое тело, он доведет,т вас до семилетнего возраста, а затем уйдет,т, чтобы стать вашим самым младшим братом, которому вы, в, свою очередь, вернете все его заботы в нынешнем воплощении. Напишите ему об этом, а я и Дория объясним, чего он не сможет понять.

Пастор, уже наполовину отошедший от земли, писал свой последний завет Артуру с большим трудом. Флорентиец помогал ему. Часто он поддерживал его руку, давал подкрепляющие капли, – и все, же пастор так устал к концу, что на его лбу выступили капли холодного пота. В этом же письме он извещал Артура, что оставляет ему денежный вклад, который также передаст ему лорд Бенедикт.

– Поистине, это мое, последнее письмо, лорд Бенедикт. Я предчувствую, что и день этот – последний мой земной день. Мне хотелось бы провести его с Алисой и Артуром. Если бы я смел, прибавил бы: «И с вами».

– Я уже пришел,л, мой друг, чтобы не отойти от вас до вашего последнего мгновения. А Алиса и Артур, они оба придут вскоре. Вы настолько уже отошли от физического плана, что стоит вам глубоко сосредоточиться на человеке, – и вы будете читать его мысли. А сосредоточившись на любви, которую вы зовете Отцом, вы сможете безболезненно выйти из своей физической скорлупы, оставив этот мир, и оказаться на плане духовном – там, где привыкли жить и трудиться. Проститесь с Алисой и Артуром, благословите их, как будущих сына и мать. Проститесь с Сандрой и Мильдреем и... прочтите, кто из них станет Алисе мужем, и соедините руки будущих супругов, в семью которых вы придете старшим сыном.

Лорд Бенедикт подал пастору пилюлю и спустился вниз, велел разбудить Алису и Артура. Он отнес,с письмо в свой кабинет, запер в секретный ящик письменного стола и вернулся. И Артур, и Алиса, казалось, сразу поняли, какая перемена совершается в пасторе. Пастор попросил приподнять его на подушках, взял руки Артура и тихо сказал ему:

– Ты никогда не был мне слугою. Ты был мне другом, братом, нянькой, матерью – ты заменил мне всех родных. Не тоскуй и не плачь, что я ухожу раньше. Подумай, как бы я жил без тебя. Ведь и прожил-то я на земле так долго только благодаря твоим заботам и вниманию подраставшей Алисы. Сейчас я не могу сказать тебе всего, что хотел бы. Но когда я умру, лорд Бенедикт отдаст тебе мое, письмо. И ты окончательно поймешь, о чем я

говорю тебе сейчас. Мой завет тебе: не плачь, будь добр, каким был всю жизнь, и жди меня подле Алисы. Перенеси на не,, всю твою любовь и жди меня в е,, доме.

Пастор вложил ручку Алисы в руку Артура, и их руки накрыл обеими руками лорд Бенедикт.

– Служи лорду Бенедикту, как служил мне. И навеки внеси его имя в сво,, сознание, врежь его в сво,, сердце.

В комнату вош,,л Сандра. Как ни был он подготовлен Флорентийцем и сознательно ш,,л сейчас проститься с пастором, его лицо перед,,рнула судорога, когда он увидел, как сильно изменился умирающий. Сандра опустился на колени и закрыл лицо руками. Пастор положил ему на голову руку и сказал:

– Мы с вами часто говорили, мой друг, о ценностях земной жизни. И вы разделяли мо,, мнение, что вся красота человеческого существования в гармонии. Нет одиночества для тех, в ком сердце и мысль свободны от предрассудков. О ч,,м плачете сейчас? Ведь если ничего от моих мыслей и любви в вас не осталось, то дружбе нашей конец и мы разлучены. Если же любовь моя раскрыла для вашего сознания путь к совершенству, – мы обязательно встретимся ещ,, потому что ваша живая деятельность непременно притянет мою энергию любви. Не забывайте, что самые важные встречи, – это встречи с детьми. Обращайте на них особое внимание, – мы не можем знать, кого встречаем в реб,,нке. Идите, друг, мужайтесь. Не оставляйте дома лорда Бенедикта и бойтесь рыжих женщин. Они могут принести вам слишком много зла.

Лорд Бенедикт поднял Сандру, дов,,л его до дверей и велел ему позвать лорда Мильдрей. Когда тот приш,,л, Алиса стояла на коленях возле отца.

– Сюда, друг, скорее, я уже плохо вижу земное, – сказал пастор. – Я читаю в ваших мыслях, что вы желаете мне помнить землю как очаг любви, которая ль,,тся ко мне из нескольких сердец. Вы стараетесь, всем напряжением сердца, поселить во мне мужество и мир. Спасибо. Я понял сейчас, как глубока и чиста ваша любовь ко мне и Алисе. Мне будет хорошо жить в той мирной семье, которую вы с ней создадите. Будьте благословенны. Отдаю вам дочь мою, как жену и мать вашим будущим детям. Не покидайте дома лорда Бенедикта и живите с Алисой так, как он вам укажет.

Пастор соединил руки Алисы и Мильдрей. И лорд Бенедикт накрыл и эти соедин,,нные руки своими руками.

– Ещ,, раз будьте благословенны, идите по жизни радостные, любимые и любящие.

Пастор уронил голову, тело его дрогнуло, вытянулось, – он умер мгновенно. Лорд Мильдрей встал с колен, поднял Алису и посмотрел на Флорентийца, вс,, ещ,, державшего их руки в своих.

– Я принял волю умершего друга всю до конца, – сказал он. – Для меня есть один путь, лорд Бенедикт: следовать за вами. Когда вы определите час и место для нашего брака, – вы скажете об этом мне и моей будущей жене. Теперь я понял, почему вы дали мне браслет с зел,,ным камнем. Если леди Алиса согласна с волей отца и с вашей, – вот он, я с ним не расставался ни минуты, – то пусть ваша рука наденет ей браслет.

Алиса протянула лорду Бенедикту свою руку, говоря: – С благоговением принимаю волю отца моего; ваш браслет поможет охранить жизнь моих будущих детей. Я постараюсь быть любящей женой и матерью, вы же не оставьте нас и будьте нам отцом.

Флорентиец надел ей на руку браслет, обнял е,, и Мильдрея и сказал:

– Отведите Алису к Наль, передайте обеих женщин Николаю и возвращайтесь сюда.

Все хлопоты, связанные с похоронами пастора, взял на себя Мильдрей. У Сандры так высоко поднялась температура, что пришлось выписать доктора. Наль и Николай не отходили от Алисы, Дория не покидала Артура, который напоминал автоматически передвигающуюся куклу.

Встречи Алисы с сестрой и матерью происходили в присутствии большого количества людей и всегда в обществе Наль и Николая. Пасторша попробовала было высокомерно заявить лорду Бенедикту, что требует, чтобы дочь е,, Алиса переехала в е,, дом, дом леди Катарины. Но под острым взглядом собеседника, напомнившего ей, что дом принадлежит леди Алисе Уодсворд, сразу остыла.

– Вам прочтут завещание завтра, в двенадцать часов дня, в доме Алисы и вручат копию. О совместной жизни с Алисой и думать нечего. Вы сами знаете, что третировали дочь и были безобразно к ней несправедливы. Я вс,, сделал, чтобы обеспечить вам безбедное существование. Но если вы пойд,,те путями зла и низости, – ваша с Дженни жизнь будет ужасна. Подумайте об этом ещ,, раз, прежде чем начинать осуществлять те адские проекты, о которых теперь мечтаете. Ещ,, есть время. Ещ,, можете остановиться. Поищите в сво,,м сердце истинную материнскую любовь, а не тот суррогат купли-продажи, который считаете любовью.

Так, у могилы пастора, завершился целый период в жизни многих людей.

ГЛАВА 7 БОЛЕЗНЬ АЛИСЫ. ПИСЬМО ФЛОРЕНТИЙЦА К

ДЖЕННИ. НИКОЛАЙ Леди Катарина и Дженни, получив известие о смерти пастора, были поражены не фактом этой смерти, которой обе ждали, отлично зная, как серьезна его болезнь. Но они не предполагали, что конец так близок.

Дженни сразу же потребовала немедленно вернуться в Лондон. Но леди Катарина стала отговаривать дочь под разными предлогами.

Казалось бы, теперь, навеки расставшись с человеком, вытацившим ее из бедности, создавшим ей уют и обеспеченное существование, она могла бы ощутить хоть самую простую благодарность. Но слова пасторши источали яд. Зависть к его доброте, вызывавшей ответную любовь, теперь вырывалась желанием отомстить и поиздеваться над всем, что его касалось. Когда Дженни продолжала настаивать, пасторша сказала:

– Пойми же, если мы явимся сейчас, – на нас лягут все хлопоты. А приедем к похоронам, все, будет уже сделано. Алиса наслаждалась обществом папеньки в роскоши дома лорда Бенедикта, – пусть теперь и позаботится обо всем. Мы с тобой посвятим день хлопотам о траурных туалетах. Здесь это будет дешевле и скорее. Кстати, извещение сделано от лица Бенедикта, но подписано: Амедей Мильдрей. Не могу понять. Секретарь он быть не может, Мильдрей остался только один в роду. И теперь он самый богатый и знатный жених в Лондоне. Что ему делать в деревне? Уж не графиня ли магнит?

Обменявшись еще несколькими замечаниями такого же рода, обе дамы вышли в город. На следующее утро, облаченные, как полагается, в траур, мать и дочь с первым дилижансом выехали в Лондон, известив поклонников и новых знакомых о скорбном семейном событии, сломавшем им приятную жизнь у моря.

Как и рассчитывала пасторша, они подросли к выносу гроба и бесконечным речам. Морс бедняков, из которых многие горько оплакивали потерю своего друга и всегдашнего заступника, сопровождало пастора на его последнем земном пути. Любовь простонародья к пастору не была неожиданностью для Дженни и леди Катарины, но только теперь они поняли, как велика эта любовь. А когда стали выступать с речами разные ученые и благотворительные общества, когда богадельни и детские приюты стали называть суммы, которыми ссужал их пастор, с леди Катариной чуть не сделался удар. Она не могла простить, что пастор, скромно содержавший семью, занимался благотворительностью точно миллиардер.

Среди венков выделялись серебряный венок Артура, на который старый слуга потратил большую часть своих сбережений, а также венки от Алисы и семьи лорда Бенедикта, с одинаковой надписью: «До скорого»

свидания». Дженни была удивлена. Если Артур и собирался вскоре последовать за пастором, то цветущим представителям семьи лорда Бенедикта и Алисе был ли смысл писать: «До свидания», да ещ,, до скорого?

Дженни не могла оторвать глаз от сестры, которая очень изменилась за лето. Она точно выросла, покрупнела и не производила больше впечатления заморенной девочки-подростка. Стоя рядом с Наль, она не уступала ей ни ростом, ни стройностью, ни... красотой. Так должно было бы сказать сердце Дженни, будь оно справедливым.

Ни разу Дженни не сосредоточилась на отце, на прощании с ним, при котором она присутствует. Она смотрела на сестру, поражалась е,, виду, и в ней росла зависть. Возвратившись домой без Алисы, утолив аппетит и не имея возможности куда-либо пойти в первый же день траура, мать и дочь принялись обсуждать проекты их будущей жизни. Они решили, прежде всего, перебраться в другие комнаты. Если бы половина пастора и Алисы была открыта! Но глупый Артур не только запер коридор на двойной замок, но ещ,, и наложил железные болты, тоже запертые на замок. Нетерпение Дженни и пасторши было так велико, что они решили известить Алису письмом. Дженни пошла к себе, а пасторша отправилась спать, что она охотно делала в любое время суток.

«Милая Алиса, – трафаретно начала Дженни сво,, письмо. – По всей вероятности, завтра, когда нам прочтут завещание отца, или же на днях ты переедешь домой. Чтобы не особенно удивить тебя изменениями, которые ты найд,,шь дома, пишу тебе о них.

Самой лучшей частью дома я считаю комнаты отца. Теперь они освободились, и туда перееду я. Моя комната несколько темновата, но т.к. ты проводишь свои дни за шить,,м или в саду, то тебе это вс,, равно, а потому ты займ,,шь мою комнату. В твоей мы устроим туалетную и гардеробную, а мама переедет в зал. Наша жизнь, как ты, я думаю, и не сомневаешься, пойд,,т теперь совершенно иначе. Мы с мамой будем принимать, наконец, тех людей, общество которых соответствует нашему положению. Ну, изредка можно будет устраивать и музыкальные вечера, т. к. всюду находятся одержимые музыкальной манией люди. Тогда можно будет позволить и тебе немного побарабанить.

Кстати, скажи пожалуйста, где ты взяла фасон ваших с графиней траурных костюмов? Он так увеличивает рост и делает всю фигуру крупнее и стройнее, что я тебе заказываю в первую голову сшить мне точно такой же костюм. Что не ты шила костюмы и сделала обе шляпы, можно обмануть кого угодно, но никак не меня. Даже такая бедненькая дурнушка,

как ты, выглядела неплохо на кладбище. Вот видишь, как я справедлива. Всеми признанная красавица, я вс,, же считаю, что шляпка помогла-таки тебе быть интересной.

Я надеюсь, что твоя графиня подыщет себе, наконец, швею. Ты нужна нам с мамой дома. И если отец потакал твоим капризам, то теперь его нет, и вс,, это должно кончиться. Ты несовершеннолетняя, помни об этом. Я тебе передаю мамину волю. Завтра ты приедешь на чтение завещания и больше не покинешь нашего дома. Оста,,тся не так много часов до этого момента. Надеюсь, наш чудак отец не натворил каких-либо новых бед. Довольно мы натерпелись от его чудачеств при жизни, чтобы он преследовал нас и с того света.

Вели старому дурню Артуру привезти ключи от комнат. Из-за его глупости наше переселение не может совершиться немедленно, т.к. он запер их на болты. Обычно письма заканчивают приветами хозяйской семье, но я уж лучше обойдусь без этой церемонии. Твоя сестра Дженни».

Алиса, лорд Бенедикт, Артур и Мильдрей дольше всех оставались у могилы, отправив остальных спутников в деревню более ранним поездом. Только посадив цветы на могиле, Алиса и е,, друзья ушли с кладбища. Но вернувшись в деревню и придя в свою комнату, Алиса почувствовала такое физическое утомление, что должна была лечь в постель, так как вс,, кружилось у не,, перед глазами. Дория сообщила об этом Наль, та сейчас же прибежала к подруге и, испуганная е,, бледностью и слабостью, бросилась к лорду Бенедикту.

Через несколько минут Флорентиец был у Алисы, которая впала в полубессознательное состояние. Внимательно осмотрев е,,. Флорентиец сказал Наль:

– Вам с Николаем придется провести ночь здесь, поскольку Дория слишком утомлена. Ничего опасного, но неделю или чуть больше Алисе придется полежать. У бедняжки много духовных сил, но пока ещ,, очень мало физических. Нам с тобой, Николай, придется всерь,,з заняться восстановлением этого надорванного в детстве организма. Чтобы привести в полную гармонию этот проводник, придется прибегнуть ко многим физическим методам лечения и некоторым видам спорта.

Сейчас идите вниз, пообедайте без меня, я побуду с Алисой. Потом верн,,тесь, устройтесь поудобнее и разделите дежурство пополам. Каждому дам точные указания. Не бойся, Наль. Ни воспаления мозга, ни нервной горячки здесь нет. Просто Алиса дошла до полного изнеможения, ухаживая за отцом. Но это неопасно.

Быстро покончив с обедом, за которым все только делали вид, что едят

и пьют, молодежь, ны снова поднялись к Алисе и застали ее, в жару и бреде, а Флорентиец приготавливал больной лекарства и питье. Он объяснил каждому, что делать ночью, затем настрого наказал Дории и Артуру, равшимся ухаживать за Алисой, идти спать, потому что их очередь наступит завтра. Бессонных ночей у постели Алисы будет немало, и все должны соблюдать строгий режим, если хотят и больную выходить, и приготовиться к переезду в Лондон.

Возвратившись в столовую, лорд Бенедикт отказался от обеда, но выпил с Сандрой и Мильдреем ч,рный кофе. Пригласив их к себе в кабинет, он сказал:

– У меня к вам обоим, друзья, большая просьба. Завтра, в двенадцать часов, будет оглашено завещание. Я думал присутствовать вместе с Алисой при этом юридическом акте. Но ее, болезнь помешала моему плану. Теперь нужны два свидетеля, которые могли бы нас заменить. Если вы согласны, я напишу доверенности. Здесь и письмо Алисы, которое вы тоже огласите завтра, после прочтения завещания. Вас не затруднит моя просьба? В частности, ты, Сандра, только-только выздоровел.

– Как вы можете спрашивать об этом, лорд Бенедикт? – со свойственной ему горячностью ответил индус за обоих. – Я совершенно здоров.

Сказав, что экипаж будет ждать их на вокзале в Лондоне, лорд Бенедикт отпустил друзей, попросив Сандру прислать к нему Артура. Когда старый слуга вош,л к Флорентийцу, тот держал в руке письмо и портрет.

– Пастор просил передать вам, Артур, его детский портрет. А в этом письме его последний вам завет.

Флорентиец подош,л к Артуру, положил ему руки на плечи и, глядя в глаза, ласково продолжал:

– Если что-нибудь вам будет неясно, спрашивайте. Чудес в жизни нет, Артур. Есть только знание. И тот, кто знает, что жизнь вечна, – не боится смерти. Нет смерти, – есть только труд, великий труд вечного совершенствования. Каждый человек жив,т много раз, и каждая его жизнь – труд, труд из века в век.

Исключительная верность и любовь – залог исключительной жизни. Так, ваша безмерная и бесстрашная верность и любовь к пастору сделали так, что вы и впредь не разлучитесь. Вы станете его братом. Будете снова жить с ним в одной семье, но теперь он станет опекать вас. Храните спокойствие, живите при нас с Алисой, и постепенно мы объясним вс,, что будет вам казаться странным и непонятным. Будьте счастливы, Артур,

берегите силы. Вам надо прожить еще, много лет.

Флорентиец обнял плакавшего Артура и проводил его до дверей. Оставшись один, лорд Бенедикт сел за письменный стол и взял лист бумаги для письма. Глаза его сделались огромны, взгляд, казалось, прожигал пространство. Вся его фигура, точно скульптура, замерла в напряженном внимании и сосредоточенности. Окружающий мир словно перестал существовать. Вся его воля влилась в какую-то одну мысль. Он не двигался и все же был действием, осуществлял активнейшее духовное единение с кем-то, кому посылал свою мысль. Наконец он взял перо и написал:

«Дженни, я обещал Вашему отцу, что после его смерти постараюсь сделать для Вас все, что будет в моих силах. Но для того чтобы сделать что-нибудь для человека, надо не только самому иметь для этого силы. Надо, чтобы и человек желал принять помощь и умел владеть собой, своим сердцем и мыслями, умел хранить их в чистоте и гармонии. Нельзя и думать оказать помощь людям, которые не знают радости, не понимают ценности своей жизни как духовного творчества, но считают жизнью бытовые удобства и величие среди себе подобных, которые можно приобрести за деньги.

Нет людей абсолютно плохих. Никто не рождается разбойником, предателем, убийцей. Но те, в ком их светлые мысли и чистые сердца разъедаются язвами зависти и ревности, жадности и скупости, те скатываются в яму зла, куда влекут их собственные страсти. Разложение духа совершается медленно и почти незаметно. Вначале ревность и зависть, как ржавчина, покрывают отношения с людьми. Потом в каком-нибудь одном месте сердца образуется дыра. Над ней скапливаются зловонные отбросы разлагающегося духа, – и там начинается капля гноя. Потом он потечет струей. И все, что прикасается к такому заживо разлагающемуся человеку, понижается в своей ценности, если не умеет охранить себя от заразы. Если же сердце уже носит в себе зловоние зависти, страха и ревности, – встречаясь с более сильным злом, оно всецело подпадает под его власть. И уже не может освободиться.

Сегодня, в первый день, который Вы прожили без отца, – чем занимались Вы, Дженни? В честь его, так много любившего, так много ласкавшего Вас, так усердно учившего Вас всему прекрасному, – какой прекрасный памятник вашего духа Вы создали для людей? Какой дар красоты Вы дали людям сегодня? Кому стало легче и проще жить сегодня именно потому, что он получил от Вас в память отца утешение? Быть может, хоть для единственной сестры у Вас нашлось ласковое слово, которое Вы послали ей, как старшая, как более сильная, желая утешить и

ободрить маленькую сестр.,нку, с таким усердием служившую Вам всю жизнь?

Быть может, из того капитала, что завещал Вам дед после смерти отца. Вы решили наградить пенсией старого слугу Артура, как ближайшего друга почившего отца? Быть может.

Вы решили трудиться и привести в систему рукописи отца, значение которого для науки Вы поняли из произнес.,нных у гроба речей? Быть может, теперь не только словечко «чудак» подарит Ваше сердце ушедшему? И вы захотите отдать миру его идеи, приложив и свой труд?

Оглянитесь на себя, Дженни, есть ещ., много возможностей начать новую жизнь. В Вас ещ., могут засиять творческие силы. Но если Вы остановитесь, если дух Ваш не будет двигаться впер.,д, освобождаясь от предрассудков, если лень и безделье, вечная праздность и поиски развлечений станут систематическими, – зло не только подкрад.,тся к Вам, оно охватит Вас таким кольцом шипящих змей, что уже никто не будет в силах подать Вам руку помощи, если бы даже Вы сами просили об этом.

Перевернуть страницу жизни и легкомысленно сказать: «Баста», – это самое простое из возможностей ленивого существования. Перевернуть, сказав: «Твори», – для этого требуется полное самообладание. Человек, не умеющий быть господином самому себе и постоянно переживающий пароксизмы раздражения, приступы бешенства и муки зависти, – это не человек. Это ещ., только преддверие человеческой стадии, двуногое животное.

Вы желали поговорить со мной, а когда к этому представился случай, поняли, что это не истинное желание сердца, но только лицемерие перед самой собой. В данную минуту Вам хочется пересилить жестокое и эгоистическое окружение, в котором жив.,те. Но упрямая и завистливая струйка яда мешает осуществиться этим благородным порывам.

Нет большей скорби в мире, чем страдания раскаявшегося человека. Не теряйте драгоценных дней, Дженни, в той пустоте, куда Вас сейчас увлекают. Тщеславие, блеск, которыми Вас искушают, – Вы заплатите за вс., раздвоением сердца.

Вы не прожили ни дня своей сознательной жизни цельно, но в постоянном компромиссе, с чем так боролся Ваш великий и мудрый отец. И это сделало из Вас легкодостижимую добычу для каждого злого и достаточно упорного существа. Вы не научились ничего добиваться до конца. А вместе с тем легко отда.,те частички воли и сил, которыми могут завладеть настойчивые злые. Представьте себе, что стен нет и Вы стоите одна посреди Вселенной, сознавая себя частицей, е., дочерью, е.,

мгновением вечности, заключенной в Вашем образе.

Что же из привычных ценностей – домов, стен, улиц – Вы хотели бы удержать посреди моря звонда эфира, стихий? Если в собственном сердце, в мыслях, своем сознании Вы не унесете гармонии любви, – с чем Вы войдете в общую мировую жизнь Вселенной? Мне ясен Ваш путь. Я повторяю, с чего начал: у меня нет надежды пробиться к лучшему в Вас, ибо оно не чисто и не имеет цельности. Все благие порывы, подобно куче сломанных карандашей и перьев, валяются у Ваших ног. Но я обещал моему другу, Вашему отцу, сделать для вашего спасения все, от меня зависящее. Я зову Вас приехать сюда, в деревню, и пожить здесь несколько дней в атмосфере чести и мира. И, быть может, хоть что-то изменится в Вас, а значит, в судьбе вашей внешней и внутренней.

Я не надеюсь, что лучшее в Вас пробудится сейчас и Вы, по моему зову, круто измените курс. Но я – старинный должник Вашего отца. Долг платежом красен. А потому я даю Вам право обратиться ко мне в самую тяжкую минуту. Дай Бог, чтобы я был в силах служить Вам тогда и убересть от окончательного падения».

На конверте и бумаге была изображена корона, письмо было подписано полным именем лорда Бенедикта. Окончив письмо, он надписал конверт и отнес его в почтовый ящик комнаты Мильдредя, присовокупив в маленькой записке просьбу передать письмо после прочтения завещания и письма Алисы.

Затем он прошел к Алисе, где Наль, уже отдежурившая половину ночи, спала, а Николай менял припарки и компрессы. Больная все еще дышала прерывисто, но жар снизился. Лицо все так же горело, и легкая судорога пробегала иногда по телу.

– Можешь менять компрессы реже, Николай. А припарки к ногам и вовсе уже не нужны. Все острое миновало, но это не значит, что болезнь ушла. Полежать Алисе придется немало, и это отчасти сохранит ее надорванный организм.

Кстати, пока нам никто не мешает, поговорим о тебе. Испытания, которым подвергал тебя Али, ты проходил или очень легко, что казалось, ты и вовсе их не замечаешь, или так сурово, сосредоточенно, в таком беспрекословном повиновении, ни разу не задав суетного или любопытного вопроса, что у тебя не было затруднений, которые обычно создают себе в пути ученики. Наиболее трудное поручение, – Флорентиец указал на Наль, – когда любой задал бы не один, а несколько вопросов, ты выполнил, не возразив ни слова. Но ни Али, ни я не обманывались в тех муках, какие ты пережил, приняв беспрекословно этот урок.

Тебе казалось, что ты сворачиваешь с прямого пути ученичества. Тебе казалось, что только в строгом целомудрии истинный путь ученика. Но ты был верен Али до конца, ты ни разу не запротестовал, даже в мыслях.

Мой дорогой друг и сын, в той семье, что вы с Наль создадите, воплотится великий человек. Он долго ждал появления абсолютно чистых людей, в общении с которыми и с их помощью он мог бы вырасти, усвоить новую для себя современность, чтобы пройти путь служения людям в новом воплощении. Он прид,,т к вам третьим реб,,нком, когда и ты, и Наль уже совсем созреете как воспитатели и мощные духовные единицы. Перед ним придут сын и дочь, связанные с каждым из вас крепкой, радостной кармой.

Получив приказ Али, ты сказал себе: «Я забуду о сво,,м желании быть учеником Учителя. Очевидно, я ещ,, не вырос в ту духовную силу, которая Ему нужна. Буду трудиться в полном смирении, простым семьянином. Быть может, настанет время моего освобождения от тесных обязанностей в быту, и я найду когда-нибудь свой путь и стану достойным жизни подле Учителя. Понесу теперь ношу, что Он мне дал. Понесу радостно, и как бы она ни была тяжела сама по себе, легко мне нести е,, раз Учитель так хочет. Я буду сил,,н и добр в простых делах моего серого дня. Я буду оберегать всех, кто мне будет встречаться в этой жизни. Я буду стремиться внести как можно больше радости и мира в мою семью и в сердца окружающих». Это сказал ты себе и пош,,л, как велел тебе Али, стараясь скрыть от всех печаль разлуки с Ним. Ты ещ,, не знал, что будешь жить подле меня. Ты ш,,л, ни разу не повернув головы назад. Туда, где, как ты думал, оставил свои духовные сокровища и достижения, а также единственное близкое существо – брата-сына, отдав его на наше попечение.

Тот, кто имел силы верности, бесстрашия и любви поступить так, – прош,,л свою огненную стену и встал рядом с Учителем навсегда. Настал твой час самостоятельных действий. Ты будешь ещ,, несколько лет жить со мной, и я буду помогать тебе и Алисе. Но ты уже вышел из руководимых и станешь руководящим.

Твой брат тоже проходит свои духовные крепости, и в его жизни вс,, теперь не так, как ты предполагал. Но встреча ваша произойд,,т, когда и он выйдет из руководимых, так как его верность равна твоей. Он мчится, как ураган, по своему пути, ломая себе ребра и ноги. А ты двигался, как тяж,,лое орудие, и всегда смотрел, какова дорога. Пути ваши разные, но вы оба дойд,,те до полного освобождения. Только не думай, что освобожденный всегда свободен от внешней суеты, от е,, кажущихся пут, от быта и его условностей.

Лучше всего служит тот, кто не замечает тягот суеты, потому, что понял основной смысл жизни: нести Свет именно в суету будней. Умирая личностью в виде конгломерата страстей, желаний, тщеславия, можно быть идеальным мужем и отцом. Видеть свою миссию в помощи Учителю своим самоотвержением...

Скоро тебя сменит Дория, а ты, – хотя и не особенно устал, забери жену и отдохните оба как следует. Старайся закалить Наль так же, как закалил себя. Она – твой первый ученик, которого ты поведешь самостоятельно. Вскоре я передам тебе еще, и Сандру.

Флорентиец обнял растроганного Николая. Не ожидавший, что мысли его могут быть так точно прочтены великим его другом, Николай не мог произнести ни одного слова. Его смирение, о котором никто не мог бы догадаться по независимому и горделивому внешнему виду, не позволяло ему и думать о такой высоте, на какую ставил его сейчас Флорентиец.

Оставшись один, он вспомнил всю свою жизнь. Рано потеряв родителей, с трехлетним братом на руках, он не мог отдаться своему призванию к науке. Он окончил университет, сдавая экзамены сразу за два курса. Но затем ему пришлось поступить в полк, расквартированный в глухом местечке Кавказа, куда, через друга отца, было легко определиться и даже получить сразу подъемные и жалование, чтобы прокормить себя и малютку. Набив ящички книгами и убогим приданым брата да кое-какой своей одеждой, Николай двинулся в неведомый путь, далекый, одинокий путь, по отвратительным дорогам.

С большим трудом, укрывая и согревая малютку собственным телом, не раз рискуя жизнью, чтобы защитить его, добрался наконец юный офицер до своего полка. «Ученик», он был встречен не особенно радушно. Во всей губернии не было ни одного офицера с высшим университетским образованием, а о таком случае, чтобы человек сдал экзамен сразу за весь курс юнкерского училища и мгновенно был произведен в офицеры, – и не слыхивали. Но с первых же шагов, в первых же стычках с горцами, беззаветно храбрый, всегда хладнокровный и находчивый, Николай привлек к себе внимание и сердца товарищей и солдат. Постепенно к его домику протоптали дорожку. «Ученик» становился всеобщим другом. И то, чего не прощали обычно новичку, – неумение играть в карты и пить, – не ставили в вину Николаю и говорили, махнув рукой: «Чудак, ученик». Но выпить у него чайку, выкурить трубку и чем-либо побаловать ребят, – каждая малютка считал своим приятным долгом.

Если в полку бывали недоразумения, – третейским судьей избирали Николая. Если надо было составить план набега, то, несмотря на

молодость, приглашался Николай; его таланту доверяли, и слово его нередко бывало решающим. Если надо было представлять, единогласно выбирался Николай. Постепенно слава о его неустранимости и чести проникла за пределы тесного полкового круга. Не было дня, чтобы мирные горцы не привязывали своих лошадей у скромного домика молодого офицера, сияя глазами и зубами и подбрасывая малыша, который совершенно перестал бояться чужих людей, постоянно толпившихся в их маленьких, чистеньких комнатках.

Несмотря на всю внешнюю суету, Николай находил время и читать, и учиться, и следить за малюткой-братом, стараясь заменить ему ласками и заботами семью.

Годы шли. Он прожил уже пять лет в сво,,м глухом горном углу и, казалось, жизнь позабыла о н,,м, как и он забыл, что где-то существуют шумные города, с толпами народа и блеском дворцов. Но связь с книжными магазинами не прерывалась, а крепла. Часто ему, сверх выписанного, посылали новинки, прося об отзывах.

Среди чудесной природы шла огромная работа духа. Но не было никого рядом с ним, кто превосходил бы его умом и талантом, кто мог бы дать ответ на его думы или совет. Замкнутый изнутри, открытый во вне, Николай был всем утешением и советчиком. Но жаждал встретить друга, с которым мог бы поделиться своими запросами. И такой день настал. Однажды он был застигнут в горах внезапно налетевшим ураганом и, не зная где укрыться с лошадей, свернул к развалинам дома. К его удивлению, дом только казался развалившимся. На самом деле он был крепким, ухоженным и довольно комфортабельным. На стук подков вышел высокий человек в одежде горца и, ни слова не говоря, пров,,л лошадь в конюшню, а Николаю указал на дверь в дом. Войдя в сени, Николай увидел в открытую дверь просторную горницу, обставленную по-восточному, с большими, низкими диванами по стенам. На одном из диванов сидел человек в белой чалме, по-восточному скрестив ноги. Диван был низок, но, очевидно, сидевший был высок необычайно, так как и сидя этот человек был немногим ниже Николая. Но даже не рост, а глаза и весь облик незнакомца поразили его. Глаза точно прожигали насквозь, и хотя он мирно держал чашку с молоком в руках, прекрасных и больших, ему, казалось, больше подош,,л бы меч. Не знавшее страха сердце Николая дрогнуло. «Как бы я не угодил к разбойникам», – подумал он, нащупывая сво,, оружие.

– Нет, я не разбойник, – вдруг сказал незнакомец на местном наречии, – и ты можешь спокойно отдохнуть, так как буря будет долгая. А гость для нас священен.

– Как же вы смогли прочесть мою неумную мысль, – смеясь, ответил Николай.

– Я знаю, что таков обычай горцев. Но встречал здесь и такие места, где разбой не разбирает, кто гость и друг.

– Такие места не привлекут тебя. Ты давно ждешь встречи и хочешь дойти до Тех, Кто знает тайны природы и стихий, Кто знает тайны духа. Что касается природы и стихий, то у них есть, конечно, свои тайны. Но расшифровываются они знанием. Чудес нет в жизни, есть только знания. А что касается духовной области, то и здесь нет никаких тайн, никакой мистики. Есть рост, совершенно такой же, как растет вс., в человеческом сознании. Чтобы войти в ворота моего сердца, которое я открыл тебе, ты должен стоять на одной со мною ступени любви и привета и тогда увидишь, как широко я тебе их открыл. Я видел, как ты ехал по дороге, и просил тебя непременно свернуть сюда. Вот так я тебе открыл ворота сердца, – говорил, улыбаясь, незнакомец, – а ты решил, что я разбойник.

– Как это странно. Только сегодня я усиленно думал о ступенях любви, о том, что совершенная любовь должна открывать глаза.

– Ну, я не утверждаю, что совершенен, – засмеялся незнакомец. – Но вс., же могу сказать, что в твоей жизни скоро произойдут большие перемены. Но не потому, что кто-то пошлет тебе их как из рога изобилия. А потому, что ты сам их вызвал к жизни работой своего духа.

– Ещ., более странно. Я ведь только что решал, что созда,,т жизнь человека и как она разворачивается, собственным ли творчеством или Провидением.

– Суеверие – дело и участь не слишком умных; это не для тебя. Переходя с места на место, ты вносишь с собою тот пожар, в котором сгорают дурные привычки. Вне твоего дома люди суетны, пьяны, мелки. А придут к тебе – трезвы. Хотят быть лучше. А почему твоя отшельническая жизнь зов,,т их? По той же причине, по которой я звал тебя. Любовь призна,,т один закон: закон творческой отдачи. И вс., что ты отда,,шь людям, любя их, снисходя к ним, подобно ручьям с гор посылает тебе жизнь. Вот, возьми мою руку и сядь подле меня.

Удивление от встречи в глухих горах с философом, глаза которого казались двумя ч,,рными факелами, давно прошло. Николай испытывал какуюто необычайную радость. Когда же он взял протянутую ему прекрасную, узкую, с длинными, тонкими пальцами, артистическую руку незнакомца, – по всему его существу точно пробежала струя электрического тока. Как будто и воздух стал чище. И в сердце проникла новая уверенность. И глаза стали видеть яснее. И в вое бури звучало

движение вселенной, неотделимое от его собственного существа.

– Ты упорно отодвигал от себя вс,, мелкое, вс,, условное, что предлагал тебе твой быт. Ты изучал законы физики и механики, математики и химии, стремясь осознать роль человека во вселенной и его зависимость от окружающей природы. Ничто не открывало твои глаза. Ты и сейчас не можешь примириться с разъедин,,нностью человека и мировой жизни. Ты не можешь смириться с изолированностью его существования – от рождения до смерти – от закономерной и целесообразной жизни вселенной.

Разумеется, ни одно живое существо не может выпасть из мирового закона причин и следствий. Точно также и кодекс нравственных законов людей подчин,,н не внешней силе, не условной справедливости, но закону целесообразности, по которому движутся и зв,,зды, и солнце, и волны эфира. Кора лицемерия, что покрывает людей с головы до ног, сковывает их мысль и не позволяет проникать в их сердце и мозг вибрациям более сильных и чистых существ, владеющих тем знанием, к которому ты стремишься. Нужна была вся твоя преданность науке, вся чистота любви к ней, любви до конца, чтобы стал возможен час нашего свидания. Если ты выполнишь три условия, то будешь призван в такое место, где сможешь вступить на новый путь.

Первое. Вся твоя жизнь должна быть служением общему благу, без деления людей на своих и чужих, без всякого выбора друзей по вкусу и врагов по отвращению к их личным качествам.

Второе. Все проблемы нового понимания человека и единения с ним ты должен воспринимать не как личные, видимые конгломераты качеств, а как причудливые нити сплетающихся в веках жизней. Ибо каждый человек жив,,т не один, а тысячи и тысячи раз.

Третье. Ты должен принять все обстоятельства, входящие в твой текущий день. Признать их своими, всецело и единственно тебе необходимыми. Не в теориях и обетах должна выражаться твоя любовь к брату-человеку и родине, а в постоянном действии простого дня. И только это каждодневное действие ДОБРОТЫ и есть тот нелицемерный путь к знанию, который ты ищешь. К нам приходят через любовь к людям.

Если ты согласен прожить три года в полном целомудрии и действовать в согласии с установками, что я тебе даю и дам ещ,,,, мы с тобой встретимся и пройдем ряд лет в совместном сотрудничестве.

Незнакомец взял обе руки Николая в свои и притянул его к груди. Храброму офицеру, давно забывшему о материнской ласке, показалось, что он снова стал маленьким и что мать гладит его по голове.

– Возьми этот перстень на память о нашей встрече. Когда проснешься

и буря утихнет, меня уже не будет. Но чтобы ты не сомневался, что в,,л беседу не с призраком, а с человеком такой же плоти и крови, как ты сам, – носи мо,, кольцо, а я возьму тво,,. При новой встрече мы снова обменяемся перстнями.

Незнакомец снял с мизинца Николая материнское кольцо и надел на него прекрасный бриллиант в старинной платиновой оправе. Жгучие глаза его смотрели в глаза Николая, он положил ему руку на голову и что-то тихо сказал, чего Николай не понял. Необычайное чувство мира, радости, непередаваемой л,,гкости и спокойствия снизошло в его душу. Он забыл обо вс,,м и заснул совершенно счастливым.

Когда он проснулся, раннее утро, светлое и т,,плое, смотрело в открытые окна горницы. В комнате никого не было, но на столе стояли кипящий самовар, масло, сыр, молоко и белый хлеб. Ничего не мог сообразить Николай – ни где он, ни почему он в чужой комнате. Постепенно память стала возвращаться, а с ней и воспоминание о чудесном незнакомце, его глазах и странном разговоре. Николай уже был склонен счесть эту встречу сном. Но случайный взгляд на перстень убедил его в действительности происшедшего. Он встал, и ему показалось, что ещ,, никогда он не был так сил,,н, так здоров. Он подош,,л к столу и увидел записку, написанную крупным, ч,,тким почерком:

«Не ищите меня, это будет напрасно. Но помните, что зов дважды не повторяется. Зов бывает разный, как и люди. Если хотите принять мои условия и встретиться для совместной работы через три года, – вс,, это время не ешьте ни мяса, ни рыбы. Я буду очень близок к Вам, и мо,, присутствие Вы будете ощущать. Если Вам будет тяжело, назовите имя мо,,: «Али», и я откликнусь.

Слуга, взявший вчера Вашего коня, – немой. Покушайте плотно, так как Вы дальше от Вашего дома, чем думаете. И тот же слуга проводит Вас ближайшей дорогой до знакомых Вам мест. Мой камень да сохранит Вас в верности и силе. И если верность Ваша будет следовать за верностью моею, – мы встретимся. Али».

Николаю и в голову не пришло попытаться заговорить со слугой, вошедшим в комнату и приветливо кивнувшим ему головой. Это был высокий седой человек, с загорелым лицом, молодым, добрым и очень красивым. Вся его внешность, стройная фигура с тонкой талией горца, л,,гкая походка, манеры культурного человека, умный проницательный взгляд говорили Николаю, что этот слуга так же необычен, как и его господин. Что он немой, тоже казалось Николаю невозможным. Слуга ответил на его пристальный взгляд радостной и дружелюбной улыбкой и

усадила за стол. Заметив, что гость ни к чему не притрагивается, он налил ему чаю, пододвинул молоко и указал жестом на все, остальное.

Николаю не хотелось есть одному. Слуга точно понял его мысль, улыбнулся своей ослепительной улыбкой и сел за стол, поощряя гостя к еде. После завтрака он снова поклонился гостю и подал ему бурку и мешок с едой. На удивленный взгляд Николая он кивнул головой и пошел из комнаты, приглашая гостя следовать за ним. Во дворе он вывел из конюшни оседланных лошадей.

Николай не мог понять, каким образом удалось ему пробраться к хижине. Тропа была узкая и так закрыта ущельем, что найти ее, не зная местности, казалось совершенно невыполнимым. Ехали по этой тропе так долго, что Николаю стало утомлять холодное, сырое ущелье, и он был благодарен своему проводнику за бурку, без которой продрог бы до костей. Внезапно, и совсем не там, где ждал Николай, тропа вывела их на дорогу. Солнце стояло уже довольно высоко, следовательно, очевидно, десятый час. Но Николай часы с вечера не завел и не мог уточнить время. Угадав его мысли, слуга посмотрел на солнце и показал на пальцах десять часов. Он снова улыбнулся, тронул повод и двинулся вперед крупной рысью. Лошадь Николая еле поспевала за своим прекрасным вожакom. Так ехали они еще больше часа. Конь офицера стал утомляться, когда слуга свернул с дороги и сделал привал в тени деревьев. Все больше удивлялся Николай. Место это было ему совсем незнакомо, а между тем саму местность он неплохо знал. Слуга расседлал лошадей, задал им корму и предложил гостю поесть.

Дав отдохнуть лошадям, путники двинулись дальше и вскоре выбрались на шоссе, которое Николай сразу узнал, как узнал и окрестные горы. Но до его аула отсюда было не менее десяти верст, что уж совсем поразило Николая, не понимавшего, как он мог забраться в такую даль. Но поразмыслить над этим ему не удалось. Слуга остановил своего чудесного коня, черного с белой звездой на лбу, сошел на землю и жестом предложил спешиться и Николаю.

Видя, что его не понимают, слуга расстегнул один из карманов своей черкески, вынул оттуда записку и передал ее Николаю. Тот же крупный, четкий почерк, которым было написано письмо.

«Друг мой и брат! Если ты решил принять мои условия, прими от меня того коня, которого даст тебе мой слуга, а ему отдай своего. Слуга мой человек опытный и добрый. Твоему коню будет у него хорошо. Тебе же очень скоро пригодятся и мой быstroногий конь, и моя толстая бурка. До свидания, спасибо, я не ошибся ни в твоей чести, ни в выдержке. Али».

Прочтя записку, Николай сошел на землю, передал повод слуге и

потрепал по шее своего конька, служившего ему верой и правдой. Конь знал хозяина, сам ш,,л ему навстречу и, радостно ржал, ещ,, издали его почуяв. Не однажды он выносил его с поля брани, и тяжело было Николаю расставаться с другом. У него сжалось сердце, точно в эту минуту завершалась какая-то полоса жизни...

Казалось, и это понял слуга. Он подош,,л к офицеру, поклонился ему, потрепал его коня по шее, поцеловал в лоб и положил руку на сердце. Затем передал повод своего горячего скакуна Николаю. Конь грыз удила, стоял беспокойно, глазища его метали искры. Но слуга взял обе руки Николая и положил их на голову коня, давая тому понять, что теперь он стал собственностью другого хозяина. Только что бунтовавший конь склонил голову и стал как вкопанный, поджидая нового седока. Слуга перевернул записку, и Николай прочел: «Конь мой горяч. Никто, кроме тебя, не сможет ни сесть на него, ни чистить его. Но тебе он будет повиноваться всегда и во вс,,м. Зовут его Вихрь, и он оправдает сво,, имя, служа тебе».

Не задерживаясь больше, слуга оседлал коня Николая и вскоре скрылся за поворотом. Проводив их глазами, Николай вскочил на нового своего скакуна и сразу оценил, какое сокровище подарил ему Али.

Вскоре дважды вынес его Вихрь с поля битвы, в третий раз он уш,,л на н,,м от стаи волков.

Ещ,, вспомнил Николай, как ужасно болел Левушка в конце третьего года, назначенного ему Али. Почти потеряв всякую надежду спасти метавшегося в бреду братишку-сына, сидел Николай у его постельки глухой осенней ночью. «Вот теперь я отдаю вс,, что имел в жизни. Если я правильно понимаю долг человека, – думал Николай, – то брат мой должен жить, так как я не вижу в н,,м ниточки жизни для себя, а вижу в себе ему помощь и охрану. Многого я могу не понимать, но любовь к человеку как путь к совершенству я понял. Если высшая целесообразность находит нужным увести тебя, – иди, Левушка. Ни единой слезы я не пролью по тебе, но всегда буду благодарен за радость, что ты мне давал».

Тут чья-то рука постучала в окно. К Николаю нередко заезжали обогреться и отдохнуть застигнутые непогодой люди, и он привык к ночным визитам. Он встал, прош,,л в сени и открыл дверь. В темноте не разглядел вошедшего и только в комнате узнал в высокой фигуре слугу Али из хижины в дал,,ком ущелье. Слуга снял бурку, вынул из карманов бутылку, коробочку и письмо и подал вс,, Николаю.

«Как только получишь пилюли и микстуру, сейчас же дай больному пилюлю. Микстуру хорошо взболтай и вливай через два часа по чайной ложке. Порошок разведи в рюмке воды и по одной капле пусти в ноздри и

глаза. К утру больному будет лучше, а дня через два вс., пройду, т бесследно. Оставь при себе моего слугу до полного выздоровления брата. Я дам тебе знать, когда приехать на свидание со мною. Будь твоим и спокоен. И что бы ни случилось в эти дни, вс., прими в полном самообладании. Али».

Слуга помог Николаю ухаживать за братом, а когда мальчик выздоровел, он не сходил с его рук, ухитряясь отлично понимать свою немую няньку. Прошло целый месяц очень тяжелой военной жизни, с постоянными тревогами, набегам, много случилось внутривойсковых неприятностей, задевавших отчасти Николая, но у него была только одна мысль, одна цель, для которой он жил: свидание с Али. Вс., остальное скользило по поверхности, не задевая глубин. И, наконец, желанный час настал. Однажды слуга подал Николаю письмо Али с просьбой быть через месяц в ближайшем городе R и остановиться в его доме, который слуга хорошо знает. Можно взять брата, так как Николаю придется прожить там несколько лет. Удивлению офицера не было границ. Но в тот же день он был вызван полковым командиром, который объявил ему о повышении, награде за храбрость и переводе в город E., куда он должен отправиться немедленно.

Сдав свои многочисленные дела, провожаемый опечаленными товарищами, оплакиваемой хозяйкой и ее детьми, Николай с Левушкой и слугой отправились в E., нагрузив телегу книгами. Опять отвратительные дороги и постоялые дворы, но какая разница по сравнению с первым путешествием. Как полон был сейчас Николай сил и уверенности, что он вышел в новый путь к знанию жизни, по которому его ведут. Везя теперь Левушку в теплом пальто и с комфортом, Николай вспоминал первое их путешествие, как ад. Он только весело улыбался слуге и брату, морщившимся от духоты и плохих постелей в заезжих дворах. К концу месяца добрались до E., где Николай снова был поражен, и на этот раз еще сильнее. Не успел он войти в переднюю, как обнаружил, что все стены ближайшей комнаты уставлены книжными полками. Забыв вс., на свете, Николай остановился. Слуга, увидев, что офицер в дорожном платье погрузился в книги, стал распоряжаться, как умел, и багажом, и комнатами, весело улыбаясь и поблескивая глазами всякий раз, когда проходил мимо Николая.

Мысли Николая текли дальше. Счастливая встреча с Али, прожившим почти год в E. под предлогом всяких дел и торговли, а на самом деле посвятившим Николаю и еще трем другим людям вс., свое время, ежедневно с ними занимаясь. Уезжая, Али дал Николаю ряд задач, наполнивших счастьем его жизнь, и сказал, что только от него самого будет

зависеть, как скоро они увидятся вновь и как часто будут приходить от него вести.

Прошло ещ., четыре года в редких свиданиях и, наконец, он получил письмо Али с призывом ехать в К. и жить там подле него. Ни мгновения не раздумывая, Николай наскоро устроил свои дела и уехал в К.

Глядя сейчас на похудевшее лицо Алисы, Николай думал, какими разными путями идут люди. Как много страдает и ищет каждый, но находит только то, что в силах вместить его собственное сознание. Сколько жизней сейчас объединено вокруг Флорентийца, скольких ведут Ананда и И., сколько приходит к Али, а о других же он, Николай, ещ., ничего не знает. Пути у всех разные, но ступени лестницы для всех одинаковы.

Вот здесь живут две женщины, две будущие матери, полные любви и самоотвержения, и как разны их дороги в прошлом, настоящем и будущем. И как совершенно одинаковы цель и смысл их жизни...

Дория вошла сменить Николая, и он передал ей все указания Флорентийца, взял на руки спавшую Наль и тихо вышел из комнаты.

ГЛАВА 8 ЧТЕНИЕ ЗАВЕЩАНИЯ В ДОМЕ ПАСТОРА Получив указания Флорентийца, Сандра и Мильдрей, захватив с собой юристов, отправились в дом пастора для вскрытия и чтения его завещания. Всегда и для всех находивший время, лорд Бенедикт выкроил его и для Сандры, чтобы помочь юноше собрать мысли и провести дело пастора, ни разу не выпав из круга сосредоточенного внимания.

– Твой умерший друг, Сандра, разыскал тебя только для того, чтобы указать на некоторые ошибки в твоей работе. Благодаря его бескорыстному труду и вниманию ты избег многих затруднений. Отплати ему теперь и постарайся, чтобы близкие ему люди приняли его волю, по возможности не сопротивляясь. Наши обязанности не кончаются разлукой с ушедшими с земли. Думай, что пастор стоит рядом и бессилён выразить свою волю или повлиять на жену и дочь, иначе чем через твою физическую помощь. Думай, что я тоже стою рядом и держу тебя под руку.

Выучи ещ., урок того, как надо внимательно смотреть не на внешность привлекшего тебя человека, а заглядывать в его душу. Вспомни, как нравилась тебе Дженни и как наивно ты доверял всему, что она считала нужным тебе демонстрировать. Теперь, рассмотрев как следует портрет е., души, ты начинаешь терять мужество и не знаешь, как себя вести в е., присутствии. А между тем вся твоя жизнь посвящена любви к человеку и служению ему. Не ищи в Дженни существо, нравящееся тебе или нет, думай не о е., личных качествах, а о радости служить ей мощным проводом

любви и помочь понять отца. Ты, конечно, не будешь нести ответственность за бредовые их поступки, если они с матерью вздумают оспаривать судом волю пастора. Но ты будешь ему верным другом, если придешь к нему в дом свободным от личных чувств, принесешь милосердие, честь и любовь, полное самообладание и усердие, чтобы выполнить его волю вместо меня.

– Если бы я мог хоть одну минуту, лорд Бенедикт, подняться к сотовой доле вашего сознания и вместить ее, в себя, я был бы счастлив. Круг одиночества среди людей, который вы меня учили создавать, удаётся мне, только когда работаю. Когда же я действую на людях, общаясь с ними, постоянно рассеиваюсь и забываю о самом главном и великом смысле текущей минуты: о том, что именно ЭТА минута и есть неповторимое, летящее мгновение Вечности. Что именно это сейчас и составляет всё, самое главное, самое важное и самое ценное в жизни. Поэтому, сплошь и рядом, мои мгновения бегут в пустоте. Но завтра я постараюсь начать свой день по-новому, уже совсем приготовившись к нему.

В поезде Сандра вспоминал отдельные фразы и слова Флорентийца и заметил, что ощущает незримое присутствие лорда Бенедикта и пастора. «Как четко может работать мысль, – думал Сандра, – достаточно было лорду Бенедикту сказать, чтобы я представлял себе его и пастора рядом с собой, и я постоянно чувствую их общество. Только бы мне не потерять этого ощущения, когда я буду с Дженни. Я бы ни в чём не ошибся и не растерялся и, наверное, достиг бы максимального успеха».

Мильдрей не прерывал размышлений Сандры. Он понял, что юноша собирает все свои силы, как, впрочем, и он сам. В его сердце и мыслях в последние месяцы шла такая усиленная работа. Да ещё, он очень устал за эти дни, ибо хлопоты о похоронах легли почти целиком на него. В его сознании совершался огромный перелом. Его беспокоила болезнь Алисы, с первой встречи сделавшейся для него предметом любви и восхищения. Теперь же девушка стала его священной мечтой, и он полагал, что жизнь проявляет незаслуженное им милосердие. Направляясь в семью пастора, лорд Мильдрей предвидел, что не всё, пройдёт гладко в этот день. Ему достаточно было увидеть Дженни с матерью, чтобы оценить вполне их вкусы и склонности. Привычка пристально наблюдать окружающее и отдавать себе в нём отчёт, а также умение быть деятельным в общении с людьми и нести им помощь создали молчаливому Мильдрею репутацию добряка и защитника бедноты, над чем не раз потешались его клубные приятели, спрашивая, кого и куда он сейчас перевез, кого спасает от голодной смерти, кому подыскивает место.

Мягкое сердце Мильдрей страдало за пастора. Теперь он сосредоточенно думал, как бы помочь Дженни преодолеть зависть к Алисе, которую он сразу угадал. Но вот поезд подош,,л к вокзалу, они уселись в коляску и отправились в дом пастора. Здесь их уже ждали. Мать и дочь, в изысканных траурных туалетах, сидели в зале и приняли Сандру – единственного, кого они знали из вошедших – чрезвычайно высокомерно.

– А разве лорда Бенедикта и Алисы нет с вами? – холодно спросила Сандру Дженни, даже не взглянув на представляемых ей и не потрудившись выслушать имена. – Мы не начн,,м, пока они не явятся. Ах, вот и они, я слышу звонок.

– Я думаю, мисс Уодсворд, что вы ошибаетесь, – ответил ей Мильдрей. – Лорд Бенедикт уполномочил меня быть его заместителем при чтении завещания вашего отца. Что же касается вашей сестры, то она очень больна и быть сегодня здесь не может. Но это дела не меняет. У меня есть полная уверенность от лорда Бенедикта. Если вас интересуют какие-либо подробности, я уполномочен дать вам разъяснения.

В комнату вош,,л мистер Тендль, поздоровался и подош,,л к Дженни.

– Как не вовремя вы к нам, мистер Тендль, – недовольно произнесла пасторша. – Вы, очевидно, приехали пригласить Дженни прокатиться или позавтракать, но, к сожалению, мы заняты хотя и несносным, но неотложным делом.

– Простите, сударыня, – вмешался старый адвокат, давно уже взбешенный высокомерием обеих дам, к которому он – светило Лондона, богач и баловень клиентуры – не привык. – Мой клерк имеет полное право вести тот образ жизни, который ему нравится. Но в данную минуту он явился по тому же делу, по какому и мы имеем удовольствие лицезреть вас.

– То есть как, – вскричала Дженни, – вы хотите сказать, что мистер Тендль не более чем ваш клерк?

– Именно так, мисс Уодсворд. Он вызван мною для чтения акта и как лишний свидетель. Я надеюсь, у вас нет возражений?

– Час от часу не легче, – бросаясь в кресло, процедила сквозь зубы Дженни. – Ну, начинайте, мистер адвокатский клерк, выдающий себя за члена порядочного общества.

– Дженни, – громко вскрикнул Сандра и хотел броситься к девушке. Но Мильдрей, выпрямившийся во весь рост, точно внезапно выросший, удержал его.

– Простите, мистер Тендль, за нанес,,нное вам оскорбление в деле лорда Бенедикта. Я являюсь его доверенным и от его лица прошу у вас извинения. Я не сомневаюсь, что лорд Бенедикт сам пожелает видеть вас и

принести вам лично свои извинения. Я считаю нужным извиниться и перед вами, сэръ, – обратился Мильдрей к старому адвокату, – за нанесенное вашему сотруднику и племяннику оскорбление. – Обратившись к Тендлю и старику, он прибавил: – Если вы удовлетворены моими извинениями, можем приступить к делу.

– Только глубоко уважая лорда Бенедикта и вас, лорд Амедей, я подчиняюсь. Прошу вас, мистер Тендль, начните чтение документа. Но предварительно подайте его наследникам, чтобы они могли убедиться в неприкосновенности печатей на конверте, – обратился к бледному как мел Тендлю старый адвокат.

Ни слова не ответив, молодой человек взял из рук дяди большой конверт, запечатанный пятью сургучными печатями с инициалами пастора и надписанный его рукой, и подал пасторше. Леди Катарина внимательно осмотрела все печати и надпись, и лицо ее, при этом как бы говорило: «Кто мне поручится, что вы не смошенничали?» Дженни бросила взгляд на конверт и всех присутствующих, явно желая показать, что процедура ей скучна и только кротость помогает ей вынести такую муку. С видом жертвы она встала с кресла и пересела так, чтобы лицо ее, находилось в тени.

– Не разрешите ли и нам присесть, – спросил старый адвокат таким саркастическим тоном, что Дженни передернуло.

– Вы здесь не в гостях, а по делу. Можете вести себя так, как вам предписывает деловой визит, – огрызнулась пасторша. В ее, голосе, взгляде, жесте, которым она сопровождала свой ответ, было столько ненависти и раздражения, словно она хотела стереть в порошок всех этих людей, принеся ей последнюю весть от мужа.

Старый адвокат сел, остальные остались стоять, и Тендль, вскрыв конверт, принялся читать завещание. Когда дело дошло до пункта о доме, пасторша вскочила.

– Да это грабёж! Он ограбил меня и Дженни в пользу этой подлой девчонки. Мы будем судиться. Почему мы знаем, чем околдовали моего мужа в доме вашего лорда Бенедикта.

– Выбирайте слова, сударыня, – обратился к пасторше старый адвокат. – Когда ваша дочь оскорбила моего племянника, скрывшего от нее, свою профессию, а также не доложившего ей, что он один из самых крупных помещиков Л-ского графства, – мы еще, не приступали к официальной части дела. Поэтому я мог извинить вам вашу грубость. Если же вы позволите себе какое-либо оскорбление теперь, я буду должен прекратить чтение документа и привлечь вас к суду.

По каждому пункту, в частности о доме, есть юридически засвидетельствованные документы. Позже вы можете просмотреть завещание деда, по которому дом, где вы живете, вам фактически никогда не принадлежал. Он всегда принадлежал вашей младшей дочери. Продолжайте, Тендль.

По мере чтения завещания мать и дочь чувствовали себя все хуже, а когда дело дошло до капитала, с которого леди Катарина могла пользоваться только процентами, – она готова была закатить истерику. Но лорд Мильдрей предупредил это проявление темперамента пасторши, сказав, что есть еще, письмо Алисы, которое тоже должно быть оглашено официально, так как оно засвидетельствовано юридически и является необходимым документом.

– С каких это пор грудные младенцы в Англии пишут официальные письма? – фыркнула пасторша.

– С тех пор, как они имеют права наследства и собственности, – ответил адвокат.

Мильдрей подал Тендлю письмо Алисы, также запечатанное печатью с инициалами пастора.

«Мои дорогие мама и Дженни. Я пишу вам это письмо, сидя возле папы, по его настоянию и в присутствии лордов Бенедикта и Мильдрея.

Мне очень горько, что именно в эти часы, когда папа так хорошо себя чувствует, здоров, прекрасно выглядит, он желает, чтобы я писала его волю касательно того времени, когда его не будет с нами. Сердце мое разрывается при одной мысли об этом. И представить себе, что можно пережить эту потерю и остаться жить, – я просто не в силах. Но я повинуюсь его воле и пишу те пункты, которые он считает необходимыми для моей и вашей дальнейшей жизни.

1. Дом, как вам давно известно, завещан дедом мне. Папа требует, чтобы ни одна стена в нем не была разрушена, ни одна дверь не была сломана. Все, вплоть до самых простых обиходных вещей, должно оставаться на местах. Никто не должен переезжать из одной комнаты в другую. Все должно быть сохраняемо в полном порядке, как будто бы папа в свой дом вернется. Моя комната, как и его кабинет должны сохраняться неприкосновенными.

2. В доме вы обе можете жить еще, два года, если раньше этого времени не прищете себе новой квартиры. Если же спустя два года вы все еще будете в доме, то опекунский совет высылит вас, так как дом должен быть к этому сроку освобожден.

3. В течение года я буду высылать вам деньги на содержание и ремонт

дома и сада. Наймите специальную прислугу и садовника.

4. Перед началом зимнего сезона я пришлю мастера наглухо заделать ход в мою и папину комнаты.

5. Ответственность за целостность имущества вы возьмете на себя в присутствии тех юристов, которые будут читать вам завещание папы и мое письмо.

Такова воля папы относительно моего дома. Лорд Бенедикт, которого папа назначает моим опекуном, скрепляет своею подписью, равно как и сам папа, мои распоряжения несовершеннолетней. Из завещания папы вы узнаете, что после его похорон домой я не вернусь. Как мне ни грустно в этом сознаться, но... я знаю теперь, что разлука со мною вас не опечалит. Всю мою жизнь я так любила вас обоих. Я так старалась заслужить хоть каплю ответной нежности, но увы, я не успела в этом. Горестно мне и сейчас сознавать, что нас с папой пригрели чужие люди. Что здесь, среди чужих, мы нашли нежность и заботу, ласку и внимание, о которых не смели думать дома. Это не упрямство, конечно. Это только выражение горя, потому что только сейчас я понимаю, как ценна дружба между людьми, какое счастье не только самой любить, но и быть любимой. Я очень хотела бы вспомнить хоть один день моей жизни дома, когда я была бы нужна не только как портниха или повариха, но как сестра, друг, дочь...

Но что же мечтать о несбыточном счастье? Все, что я хотела бы тебе пожелать, дорогая Дженни, это радостной семьи и чтобы ты могла одинаково любить своих детей. Я крепко обнимаю вас обоих, у меня такое странное чувство, точно больше не увижу вас никогда. Как будто у меня нет уже родного дома, кончилась какая-то одна жизнь и начинается совсем другая. За последнее время я так состарилась, что сразу перепрыгнула из детства в зрелость, забыв, что бывает еще юность. Здесь я живу в такой красоте, о которой и мечтать не могла. Благодаря лорду Бенедикту здесь все полно гармонии, и папа положительно ожил. Мне кажется, что это первые его счастливые дни за всю жизнь...»

– Нельзя ли прекратить этот наглый лирический бред, – возмущенно закричала пасторша, покрывшись красными пятнами.

– Прочитать до конца я обязан, – ответил Тендль, ибо непосредственно к нему обратила свой выкрик пасторша, – но конец очень близок.

«В эту минуту я вдруг представила себе, что папы уже нет с нами. И сердце мое, застонало от боли. Если действительно выпала нам несчастная доля пережить папу, я молю Провидение помочь нашим трем сердцам найти дорогу любви друг к другу. Пусть навеки память о папе будет цементом между нами, и его чистая жизнь да послужит нам примером.

Крепко обнимаю вас обеих и ещ,, раз молю, не выбрасывайте из сердца и жизни любящую вас маленькую Алису».

Прочитав письмо, Тендль сложил его и положил на стол, рядом с завещанием. Пасторша встала, подошла к столу и, брезгливо отбросив письмо Алисы, взяла в руки завещание.

– Если я не ошибаюсь, завещание должно быть подписано не менее чем двумя свидетелями.

– Так точно, здесь подписи даже тр,,х свидетелей. Но что вы хотите этим сказать? – спросил старый адвокат. – Хочу проверить, те ли самые люди, что подписывали документ, привезли его.

– На первом месте стоит подпись лорда Бенедикта, – сказал адвокат. – Его здесь нет. Вместо него – уполномоченный им лорд Амедей Мильдрей. Вот документ, удостоверяющий его права. Он протянул бумагу пасторше.

– Я думаю, мама, здесь вс,, в порядке. И чем скорее мы покончим с этим тоскливым испытанием, тем приятнее будет и нам, и нашим гостям. Так необычайно любезно с вашей стороны, лорд Мильдрей, что вы приехали к нам, – сказала Дженни, совершенно изменив свой тон. – Садитесь сюда, мне хочется поговорить с вами. Вы, вероятно, соскучились в деревне, без общества, без развлечений. Нельзя же считать обществом нашу маленькую дурнушку Алису. Она ведь там единственная фрейлина графини Т., – смеясь, закончила Дженни, принимая самые обворожительные из своих поз. Молча, внимательно смотрел на не,, Мильдрей. – Вы не совсем представляете себе, что значит общество, мисс Уодсворд, – наконец сказал он, опускаясь в кресло. – Общество лорда Бенедикта, собранное им у себя в деревне, в том числе, конечно, и ваша сестра, – это самые изысканные люди. И быть в таком обществе не только счастье для меня, но и очень большая честь. А графиня Т. и ваша сестра могут заставить забыть, что есть на свете другие женщины.

Дженни, точно упавшая с облаков, смотрела во все глаза на Мильдрея. Впервые в жизни она почувствовала себя не только растерянной, но и сраженной.

– У меня для вас есть ещ,, одно письмо, от лорда Бенедикта, – продолжал Мильдрей, подавая девушке конверт. – Если желаете прочесть его сейчас и, быть может, написать ответ, мы с Сандрой подождем. И если обе наследницы ничего не имеют против, я попрощаюсь с юристами, чтобы не отнимать у них драгоценное время.

– Мы не возражаем. Можете отправить всю эту юридическую челядь, – резко выкрикнула пасторша. Но вспомнив, что и Тендль принадлежит к той же челяди, Тендль, оказавшийся богачом и завидным женихом и уже

однажды здесь оскорбленный сегодня, осеклась, сконфузилась и, по обыкновению, взбесилась.

– Что же вы вс,, стоите, Сандра? Неужели ещ,, вас упрашивать о милости сесть, – сорвала она злобу на Сандре, печально на не,, глядевшем.

– Благодарю, леди Катарина. Я так поражен при,,мом, который мы встретили сегодня в этом прежде радушном доме, что вс,, не могу прийти в себя от глубокой сердечной боли. Мне кажется, я вижу здесь витающую тень хозяина. Я ещ,, слышу его чудесный голос. В своих песнях, словах, поступках и действиях он звал, как живой пример, к любви.

– К любви, к любви, – уже истерически выкрикнула пасторша. – Он ограбил нас, гонит на улицу, – и это вс,, по-вашему, любовь.

– Пастор отдал каждой из вас по справедливости вс,, что имел, леди Катарина, никакой судья не мог бы придумать лучше...

– Что вы способны понимать в этом! Вы будете таким же книжным червем, каким был ваш покойный друг. Чтобы я не могла распоряжаться капиталом! Чтобы после моей смерти обе девчонки стали богатыми женщинами, а я должна едва сводить концы с концами! И это справедливость! – И хлопнув дверью, она вышла.

Оставшись с Мильдреем и Сандрой, Дженни никак не могла совладать с собой. Наконец, взяв письмо в руки, она сказала:

– Письмо, кажется, объ,,мистое. Видно, пословица «Рыбак рыбака видит издалека» оправдалась дружбой моего отца и лорда Бенедикта. Велеречивость моего папаши, должно быть, отвечала таковому свойству лорда Бенедикта, – взвешивая в руке письмо, саркастически улыбнулась Дженни.

– О бедняжка, бедняжка Дженни! – почти с отчаянием воскликнул Сандра. – Как можете вы быть столь слепы! Ведь получить письмо от лорда Бенедикта такое счастье, за которое многие отдали бы полжизни. А вы издеваетесь.

– Быть может, для кого-то это счастье. Я же глубоко равнодушна к любому мистическому счастью и предпочитаю иметь его в сво,,м кармане, – вс,, тем же тоном продолжала Дженни.

– Вот на этот-то крючок и попадаются люди. Их засасывает сатанинская жажда богатства, а потом... честь и свет угасают под давлением этой страсти. Я видел немало печальных примеров, когда вс,, начиналось с погони за богатыми женихами, а кончалось весьма прискорбно, – тихо говорил Мильдрей.

Лицо Дженни было бледно, глаза метали злые огни, руки судорожно разрывали конверт, как будто вместе с ним она собиралась разорвать

письмо.

Пока Дженни занялась чтением, Мильдрей подош,,л к Сандре и отв,,л огорч,,нного юношу к окну. Здесь они оба, глядя на прекрасный, но уже запущенный сад, думали об отце и дочери, о тех, кто ухаживал за цветами и был душою осиротевших дома и сада. Как было ясно обоим, красота, мир и уют покинули этих суетных женщин, понимавших только внешнее, ценивших лишь то, что можно ощупать руками.

– Я не в силах сейчас прочесть эту галиматью, – вдруг резко закричала Дженни. – Можете, сэр уполномоченный, передать вашему лорду, что он напрасно ломится в открытую дверь. Я не Алиса и в его покровительстве не нуждаюсь. А что касается его опекуинства, об этом мы ещ,, поспорим. При живой матери и совершеннолетней сестре шестнадцатилетний подросток не нуждается в опекунах со стороны. Мы подадим в суд, у нас достаточное количество фактов, чтоб доказать, что уже более двух лет пастор был не совсем нормален.

– О Господи, Дженни, не срамите себя перед всем миром, – всплеснул руками Сандра. – Ведь величайший труд пастора, благодаря которому он приобр,,л мировую известность, окончен именно в эти два года. Ну в какое положение вы поставите себя перед судом. Неужели в вас нет ни капли милосердия к памяти отца? Вы способны вытащить его имя, такое чистое и славное, на помойную яму сплетен и пересудов?

– Я не сомневаюсь, что расч,,т именно на наше так называемое благородство,

– а на самом деле на глупость, – и был у лорда Бенедикта, когда он смастерил эту штуку с завещанием. Но мы на этот крючок не поймаемся, нет. Мы выведем этот заговор на чистую воду, – закончила Дженни, окончательно разъярившись.

– Будет лучше для вас и для нас, мисс Уодсворд, если мы покинем этот дом,

– совершенно владея собою, сказал Мильдрей. Но тон его голоса, властный, решительный, не терпящий возражений, так поразил Сандру, что он растерянно поглядел на своего всегда кроткого друга. Мягкий, слегка сутуловатый Мильдрей стоял теперь выпрямившись во весь свой высокий рост. Глаза его приняли стальной оттенок и лицо носило выражение непреклонной воли. Если бы Сандре кто-то рассказал о таком Мильдрее, он бы весело посмеялся шутке.

– Воспитанность в женщине, которая хочет быть светской дамой, вещь совершенно необходимая, мисс Уодсворд. Но даже только честь могла бы удержать вас от оскорблений, которые вы нанесли сегодня людям. Те, кого

вы сочли выгодными женихами, но не разглядели сразу по своей близорукости и эгоизму и потому оскорбили их, – мстить не будут. Но они бросят ваше имя светским сплетникам, если только вы решитесь публично оскорбить память отца. Жизнь не простит вам бессердечного поведения сегодня, хотя великодушный лорд Бенедикт простит вас несомненно, в ч.,м вы будете иметь случай убедиться.

Поклонившись Дженни, мужчины вышли в переднюю и покинули дом. Но добраться до деревни им было суждено не сразу, так как Сандра вдруг почувствовал острую боль в сердце, и им пришлось остановиться у аптеки, где они просидели больше часу и опоздали на поезд. Когда, наконец, коляска подвезла их к деревенскому дому. Флорентиец встретил их на крыльце и сейчас же велел Сандре лечь в постель, предварительно приняв лекарство.

– Теперь ты испытываешь на себе, мой друг Сандра, как крепко держат иллюзии человека. Ты болен, потому что последнее время постоянно засорял свой организм страхом, слезами и раздражением. Твой сердечный припадок надо бы назвать припадком скорби и ужаса. Учись побеждать вс.,, что давит твой дух. Независимость и свобода духа – вот основа истинного здоровья. Надо бы говорить, что у человека не печень болит, а гложет его корыстолюбие. Не боли под ложечкой, а припадок страха и уныния. Иди ложись, отдыхай. Вынеси мужественно все пороки Дженни, которые сегодня увидел, воспринимая их как е., злейших врагов. Вынеси точно нагруженную корзину и развей по ветру. Но только после того, как найд.,шь в себе доброту принять е., в сво., сердце и думать о ней, чтобы помочь.

Простившись с Сандрой, которого он поручил попечениям Артура, лорд Бенедикт прош.,л в свой кабинет, куда пригласил Мильдрей. Подкрепив проголодавшегося гостя л.,гким ужином. Флорентиец рассказал ему, что состояние Алисы, при которой неотлучно дежурят Николай, Наль и Дория, гораздо лучше, но сознание к ней ещ., не вернулось.

– Надо благодарить жизнь за е., болезнь, Мильдрей. От скольких мучительных минут она избавила Алису.

– Да, если бы ей пришлось присутствовать при тяжелейшей сегодняшней сцене и увидеть всю бездну жестокости и холодности е., родных;– она уж наверное заболела бы, если бы и была здорова. – Лорд Мильдрей передал Флорентийцу все подробности, вплоть до угрозы судом и отношения Дженни к его письму.

– Я в этом не сомневался. Но вс., же обязан был сдержать слово, данное пастору. Бедная Дженни, как будет печальна е., жизнь и как ужасна старость. Ещ., только раз ей будет предоставлена возможность отойти от

зла, и она снова ее, отвергнет. А когда жизнь покажется ей адом и она сама обратится ко мне, – я уже не много смогу для нее, сделать. Спасибо, друг, за помощь. Вы очень устали за последнее время, выполняя мои поручения. Я оценил вашу твердость и усердие, на которые можно положиться, и не забуду об этом. И все, же это не конец. Я буду просить вас поехать завтра утром в контору к мистеру Тендлю и отвезти ему мое, письмо. Если найдете, возможно, постарайтесь привезти Тендля с собой. А теперь еще, раз спасибо, идите, отдыхайте и не беспокойтесь об Алисе.

– Когда я подле вас, лорд Бенедикт, я не знаю ни страха, ни волнения. Только если я чувствую себя отъединенным – как в ту ужасную ночь, когда вы бросили мне в окно записку, – я страдаю и сознаю себя беспомощным и несчастным.

– Если кому-то, как и вам, протянута моя рука, тот не может знать ни страха, ни отчаяния. Кто полностью владеет собою, тот всегда держится за мою руку. И все его дела – от самых простых до самых сложных – я разделяю с ним. Если же раздражение вкрадывается в его дела, – значит, он выпустил мою руку, нарушил в себе гармонию и САМ не в состоянии удержать моей руки. Помните об этом, мой друг, и старайтесь даже в такие тяжкие дни, как сегодня, хранить в сердце не только равновесие, но и радость.

Простившись с Мильдреем, Флорентиец поднялся к Алисе, побеседовал с Наль и возвратился к себе, когда весь дом уже погрузился в сон.

Долго сидела Дженни после ухода Сандры и Мильдрея и никак не могла прийти в себя. Мысли ее, бегали по всей ее, жизни, от самого детства и до этой последней минуты. Но ни на чем она не могла сосредоточиться. То ей удавалось несколько успокоиться на мысли, что сумма денег, оставленная ей, и проценты с капитала матери обеспечивают им безбедное существование. То она начинала сравнивать себя с Алисой – и снова в ней закипало бешенство. То ей казалось совершенно необходимым, точно комуто назло, выйти немедленно замуж. Но и тут ее, охватывало раздражение. С недавних пор она нередко проводила время в обществе мистера Тендля. Она ездила с ним кататься, ходила в театры и рестораны. Но ни разу не спросила о том, как он живет, чем занимается. Она видела в нем только сносного, развлекающего ее, поклонника, считая, что он достаточно вознагражден, получив право любоваться ее, красотой. Когда же оказалось, что Дженни проворонила удобный случай, что Тендль богатый помещик, человек с положением и связями, а его занятия адвокатурой просто фантазия от безделья, и жених он вполне завидный, – у Дженни

сдавливало горло от ярости при мысли, что она сама же его и оттолкнула.

Измученная, не умеющая владеть собой, девушка впервые почувствовала себя совершенно одинокой. Только сейчас, под раздававшийся в мёртвом доме храп пасторши, она оценила огромность потери отца. Как ни протестовала она при его жизни против установленных им правил, против чести, которой он требовал от всех в доме и которая стесняла Дженни, она знала, что в отце она всегда найдёт друга, поддержку и утешение. Даже в тех случаях, когда Дженни бывала кругом виновата, пастор не повышал голоса. Он только так страдал за неё, что дочь уходила умиротворённая. И при его жизни Дженни ничего не боялась. А теперь в её душе поселился такой страх перед завтрашним днём, что ей хотелось прижаться хоть к чьему-нибудь плечу, чтобы только почувствовать опору.

Вспомнив о письме Флорентийца, она принялась его читать. И чем дальше читала, тем становилась спокойнее. Казалось, каждое слово раскрывало ей её ошибки. Ей захотелось увидеть лорда Бенедикта, говорить с ним, помириться с сестрой...

Внезапно в зал вошла пасторша.

– Что ты сидишь в потёмках, Дженни? Нам с тобой надо переговорить о тысяче вещей и принять какое-то решение. И чем скорее мы это сделаем, тем легче будет нам выпутаться.

Пасторша опустила шторы и зажгла лампу. И всё, обаяние письма, которое Дженни успела спрятать, улетучилось. Вместе с матерью в комнату ворвался вихрь страстей. И снова в Дженни запылали бунт и протест.

– Будем ли мы с тобой судиться с Бенедиктом? Ведь Алису вырвать без суда будет невозможно. А нам девчонка необходима в доме.

– Я думаю, мама, с обсуждением этого вопроса подождём до завтра. Надо спросить кого-то опытного. Мы с вами ничего в этом не понимаем.

– Кроме Тендля, Дженни, у нас нет сейчас никого, кто мог бы растолковать нам юридическую сторону дела. Тебе надо написать ему письмо с извинениями и пригласить к себе. Он так влюблён, что, конечно, будет рад, хонек тут же прискакать.

– Ах, мама, после смерти папы вы не даёте мне ни минуты побыть одной и подумать о чём-нибудь, кроме материальной стороны жизни. Но я могу не желать...

– Дженни, ты знаешь, как я тебя люблю, – перебила дочь пасторша. – Я охотно увезла бы тебя в самое шумное место, где бы ты могла развлечься. Но именно сейчас мы с тобой должны не теряя ни минуты продумать, как нам дальше строить нашу жизнь. Но прежде всего Алиса должна быть возвращена домой. И тогда ты можешь выбирать: или немедленно выйдешь

замуж за Тендля, или мы поедem путешествовать в поисках подходящих встреч. Замужество с Тендлем имеет, конечно, много преимуществ. Но английский закон строг в части развода до такой степени, что было бы немислимо освободиться, окажись он неподходящим мужем.

– Да погодите, мама, делить шкуру неубитого медведя. Я согласна написать Тендлю записочку и обещаю вам, что постараюсь повлиять на Алису, не доводя дела до суда. Она девчонка упрямая, но вс,, же можно попытаться. Я ей напишу и буду звать е,, приехать повидаться. Ну, мы и постараемся е,, не выпустить больше. Пусть опекун тогда судится с нами.

– Нет, Алиса не упряма. Если с ней обращаться ласково, – чего нам с тобой никогда не хотелось делать, – из не,, можно вер,,вки вить. Покойный папенька не столько любил е,,,, сколько отлично понимал эту черту е,, характера и пользовался ею. Девчонка воображала, что он души в ней не чает, и отвечала ему настоящей преданностью. Если хочешь, чтобы Алиса приехала, притворись, что тоскуешь, напиши побольше ласковых слов. Она размечтается и приедет.

Умная Дженни, отлично понимавшая цельность и прямоту характеров отца и сестры, не заблуждалась по поводу их отношений. Она знала сходство вкусов и идей, на которых покоилась их дружба. Но что единственным подходом к Алисе были ласка и призыв к милосердию, – в этом Дженни не сомневалась. Написав коротенькую записку Тендлю, шутливо прося е,, извинить, – Дженни отдала записку матери, которая настаивала на том, чтобы самой отвезти е,, молодому человеку.

Правда, пасторша не столько верила в свои дипломатические таланты, сколько ей хотелось теперь убедиться в богатстве Тендля, который жил, судя по адресу, на одной из лучших лондонских улиц. Наскоро перекусив, пасторша отправилась в город. А Дженни села за письмо к Алисе. Сначала ей казалось, что письмо это написать легко и просто. Но прошло уже почти четверть часа, а на листе красовалось трафаретное: «Милая Алиса». Привычное горделиво-снисходительное отношение к сестре, властный, приказной тон, с каким она всегда обращалась с сестрой-дурнушкой, не позволяли ничего другого, что сама Дженни понимала как ласку.

Алиса продолжала ей казаться глупым реб,,нком, достаточно упрямым в сво,,м отношении к отцу и лорду Бенедикту, которых она свято чтит. Дженни вспомнила и вид Алисы, и отцовское выражение непреклонной воли, когда она, по мнению сестры, недостаточно почтительно отозвалась о лорде Бенедикте.

Наконец Дженни решила воззвать к гордости Алисы и доказать ей, что невозможно жить в чужом доме в роли приживалки графини Т., тогда как

родная сестра обречена ею на одиночество. Дженни так искренно поверила, что она жертва жестокости Алисы, что ей стало легко, и она начала письмо с серии обвинений.

«Ты бросила нас с мамой на произвол судьбы и говоришь, что ты нас очень любишь. Ты даже не интересуешься, как мы живем и будем жить в этом старом, отвратительном, неудобном доме. Если ты думаешь, что для меня и мамы приемлемы те условия, которые ты нам предлагаешь, то, очевидно, ты совсем забыла о наших привычках и вкусах. Кроме того, если бы ты нас любила, ты не только не писала бы таких смехотворных распоряжений, но сказала бы отцу, что он от старости и болезней теряет всякое чувство меры. Тебе, Алиса, известен мой вкус к роскошной жизни. Зачем же ты продолжаешь жить при чужой женщине, которая может заменить тебя хоть десятью швеями. Ведь не всегда же ты будешь сидеть дома. Скоро я выйду замуж, тогда можно будет подыскать приличного мужа тебе. Твои вкусы так скромны, что найти партию будет нетрудно. Если ты искренна в своих словах, не оставляй нас с мамой. Ты ведь знаешь, что нам было нелегко. То, чего нам с нею хотелось, не нравилось отцу и он на все, накладывал вето. Теперь мы, наконец, можем начать жить, как нам хочется. Но для этого надо, чтобы ты была дома. А ты, злая девочка, совсем покинула нас. Если ты заупрямишься и не пожелаешь возвратиться немедленно домой, нам придется обратиться в суд. И на суде выяснится, что отец был ненормален, огласки чего ты, наверное, не очень хочешь. Что касается твоего письма, – не его лирических мест, – а той части, где ты даешь свои «распоряжения», то я их просто не принимаю всерьез. Но об этом поговорим дома, когда ты вернешься из своей достаточно затянувшейся отлучки. Я кончаю письмо и еще, раз напоминаю тебе, что девушка из общества, случайно попавшая в пасторские дочки, вместо того чтобы занять в свете блестящее положение, не должна жить приживалкой в чужом доме. Возвращайся скорее домой и развяжи нам с мамой руки. До скорого свидания. Твоя Дженни».

Дженни осталась очень довольна своим письмом и, полная сознания исполненного тяжкого долга, стала ждать возвращения пасторши. Леди Катарина вернулась в довольно плохом расположении духа. Дом мистера Тендля оказался отличным особняком. Но сам хозяин жил на даче, домой заглядывал редко и только по утрам бывал в конторе дяди. Все эти сведения, весьма неохотно, дал ей дворник. С трудом удалось пасторше узнать адрес конторы. Разочарованные мать и дочь решили отправить письмо по почте, так как Дженни категорически воспротивилась желанию матери передать письмо Тендлю в конторе.

И Дженни, и леди Катарина, обе были раздражены неудачей. Обе чувствовали себя одинокими, и обе не знали, чем и как себя занять. Поболтав о всяких пустяках, они отправились спать, не признаваясь друг дружке, как тревожно у них на сердце.

Завистливые струйки пробежали по сердцу Дженни, когда она думала, что вот Алиса сидит в деревне, окруженная мужчинами, и не знает никаких забот, их взял на себя е., богатый опекун.

И Дженни решила бороться, вырвав у опекуна Алису, чего бы ей это ни стоило. Если не Тендль, то кто-то другой, но замуж она выйдет, и лорд Бенедикт хорошо запомнит на всю жизнь, как насолила ему Дженни.

Эти приятные мысли успокоили Дженни, и она легла спать, исполненная решимости.

ГЛАВА 9 ВТОРОЕ ПИСЬМО ЛОРДА БЕНЕДИКТА К ДЖЕННИ.
ТЕНДЛЬ В ГОСТЯХ У ЛОРДА БЕНЕДИКТА В ДЕРЕВНЕ Возвратившись к себе в кабинет. Флорентиец, собственноручно разбиравший свою почту, долго читал письма. Ответив на некоторые короткими записками, сделав на других пометки, он призадумался, глядя на портрет пастора, стоявший на полке неподалеку от письменного стола.

– Да, друг, я обещал тебе позаботиться о твоих детях, – проговорил он, обращаясь к портрету. – Попытаюсь ещ., раз написать Дженни, хотя уверен, что страсти, ярость и зависть уже настолько открыли е., сердце злу, что будет невозможно остановить катящийся к ней ком гадов. Думаю, что окончательное падение не минует е,.. Но... я обещал и ещ., раз постараюсь ей помочь.

Знавшим Флорентийца трудно было и представить его лицо таким, каким оно было во время этого разговора с пастором. Необычайная нежность светилась в его глазах. На лице его лежали скорбь и печаль о пути человека, создавшего для себя безвыходный круг мучений. Это прекрасное лицо, всегда юное, было строгим, бледным и таким постаревшим, точно вековая мудрость легла на него. Флорентиец взял бумагу и снова задумался, пристально всматриваясь вдаль.

«Дженни, – писал он, – сравните дату и час написания наших писем. Ваше письмо к Алисе вс., ещ., лежит перед Вами, а я уже знаю, о ч.,м оно, от первого до последнего слова. Как знаю, в каком хаосе мыслей и чувств Вы сейчас жив.,те. Я прошу Вас заметить дату и час, чтобы Вы не подумали, что я вскрыл письмо больной Алисы. Я писал Вам, что сестра Ваша очень больна. Но Вы ни одним словом не выразили ей сочувствия. Многое я сказал Вам в первом письме. Но Вы прочли его невнимательно и

разорвали в припадке ярости.

Я объяснял Вам, что злоба – вовсе не невинное занятие. Каждый раз, когда Вы сердитесь. Вы привлекаете к себе токи зла из эфира. Сегодня, – как, впрочем, часто за последнее время, – Вы полностью покрыты уродливыми красными и черными пиявками с такими безобразными рыльцами, какие только возможно вообразить. И все они – порождение Ваших страстей. Вашей зависти, раздражения и злобы. После того как Вам будет казаться, что Вы уже успокоились и овладели собой, – буря в атмосфере вблизи Вас все, еще, будет продолжаться, по крайней мере двое суток.

Как Вы думаете, Дженни, кто может приближаться к Вам, пока уродливые существа сосут Ваши страсти, питаясь ими, как обычные пиявки кровью? Всякое чистое существо очень чувствительно к смраду этих маленьких животных. И оно бежит тех, кто окружен их кольцом, кто лиш,ен самообладания. Чистое существо, встречаясь с распущенным человеком, привыкшим жить среди раздраж,енных выкриков, постоянной вспыльчивости, страдает не меньше, чем при встрече с прокаж,енным. Злой же, обладающий только упорством воли, мчится навстречу, с восторгом видя перед собою орудие для своих целей. Скрывая под лицемерной маской свои истинные побуждения, он окружает жертву внешним блеском, заманивает богатством, иногда притворяется влюбл,енным или любящим. Но все, это ложь, а суть – подавить волю несчастного, чтобы завладеть им окончательно. Узнайте, Дженни, закон Вселенной, закон, которому подчинено все, духовное и материальное на земле: мир сердца определяет место человека во Вселенной, как сила притяжения земли заставляет его ходить вверх головой. Духовная сила человека – это та светящаяся материя, что соткана миром его сердца. Эта материя, как шар из атмосферных токов, окружает его.

Вам сейчас кажется, что Вы больны. Но это только те злые животные, которых Вы притянули, теребят Вас, не дают Вам покоя. Лучше всего Вы сделаете, если приедете ко мне сюда. Я бросаю Вам несколько мыслей, совершенно для Вас новых, и еще, раз – памятью Вашего отца – прошу: оставьте привычку жить в постоянном раздражении. Стройте новую жизнь не на эгоизме и злобе, а на любви и радости.

Труд, пугающий Вас, это единственный путь к пониманию смысла земной жизни. Если будете жить в безделье, конец может быть только один: Вы дойд,те до отчаяния. И скоро убедитесь, если будете упорствовать в сво,м образе жизни, что все, доброе и светлое станет Вас избегать. И по этому признаку сможете понять, насколько зло приблизилось к Вам.

Спешите спастись! Приезжайте на днях сюда, быть может вс,, ещ,, поправимо. Вы можете встретить здесь людей нужных и приятных Вам, людей, уже несколько связанных с Вами, от них зависит иной поворот Вашей жизни.

Послушайтесь моего зова, Дженни, мы никогда не знаем, где и что нас ждет. И не часто нам дано понимать, сколько людей задето нашей жизнью и деятельностью. Если в три ближайших дня Вы, Дженни, не приедете, я буду знать, что в Ваше сердце доброте не проникнуть. Я прошу Вас ещ,, и именем сестры: имейте к ней милосердие. Она больна, навестите е,,. Не ходите в суд,

– это бессмысленно. Дела Вы не выиграете, а Алисе нанес,,те тяж,,лый удар. Но так как е,, чистое сердце не будет питать злобы, какие бы страдания Вы ей ни причинили, – удар пад,,т на Вашу же голову.

Я пока не теряю надежды видеть Вас у себя и ещ,, раз повторяю: Вы можете встретить здесь людей очень ценных, очень нужных и Вам интересных. Вся Ваша судьба может ещ,, повернуться к счастью и радости. Но учтите, Дженни, что «может» не значит «будет». «Будет» – это деятельность человека, его энергия, превращающая в действие то, что быть «может"».

Запечатав письмо. Флорентиец снова прош,,л к Алисе, где Наль сменил Николай, убедился, что вс,, выполняется точно и аккуратно, и вернулся к себе. Снова присев к столу, он написал короткое, любезное письмо мистеру Тендлю, приглашая его провести конец недели в деревне. Он написал ещ,, записку лорду Амедю, прося его рано утром спуститься в кабинет за письмами и поручениями в Лондон. Отнеся записку в почтовый ящик Амедю, Флорентиец возвратился к себе, улыбнулся портрету пастора и потушил свечи.

Мильдрей, спавшего после утомительного дня очень крепко, разбудил слуга, подав ему почту. Первое, что бросилось Мильдрюю в глаза, была записка Флорентийца, которую он лихорадочно схватил, как будто это было нечто самое ценное в жизни. Ознакомившись с содержанием письма, Мильдрей стал поспешно одеваться и полчаса спустя был в кабинете Флорентийца. Уже совершенно готовый, хозяин дома подал ему два письма, прося сначала навестить Дженни, а затем съездить к адвокату и уговорить Тендля отправиться тотчас в деревню, о ч,,м он просит его в сво,,м письме.

Дженни нежилась в постели, попивая шоколад, когда ей подали письмо лорда Бенедикта. Она сразу же узнала и длинный зеленоватый конверт, и характерный почерк. Сердце е,, забилося, и вихрь самых разных мыслей и чувств охватил е,,. Разорвав конверт, она уже начала было читать

письмо, как слышала шаги матери. Дженни закрыла дверь на задвижку.

Пасторша, имевшая привычку врывать без стука, не смогла войти к дочери, что е, чрезвычайно озлило.

– Дженни, ты получила письмо от Мильдрей. Что он пишет? Да открой же наконец, – кричала она за дверью.

– Я ещ,, не читала письма, мама. Прошу вас, дайте мне возможность прочесть его спокойно. Я ведь не спрашивала вас, от кого принесли вам письмо вчера вечером. Надеюсь, я могу требовать и от вас некоторой деликатности.

– Да что с тобой, дочка? Неужели ты не понимаешь, что Мильдрей поважнее Тендля будет. Быть может, теперь Тендлю и посылать ничего не надо.

– Говорю вам, мама, оставьте меня в покое, – озлилась в свою очередь Дженни и резко попросила мать уйти. За ночь несколько успокоившаяся, она снова впала в возбуждение. Она прочла письмо раз, два, три, и каждый раз ей казалось, что она чего-то не поняла. Первым побуждением было полное неприятие всего письма целиком. Второй раз ей показалось приятным приглашение лорда Бенедикта. После третьего чтения она решила, что поедет непременно и немедленно же. Дженни стала одеваться, обдумывая, как сообщить матери о сво,,м решении. Никогда ещ,, ей не было так радостно думать о наступающем дне. Точно детство вернулось и отец должен везти их к деду на „лку.

Сверх всякого обыкновения Дженни вышла из своей комнаты совершенно одетой. Пасторша, привыкшая видеть дочь по утрам в халате, обомлела. – Как? Ты выходишь в такую рань? В ч,,м дело? – Дело в том, что я еду к лорду Бенедикту навестить больную Алису.

Пасторша даже села в кресло от изумления и не могла произнести ни слова. Дженни отлично знала это молчание матери, всегда предшествовавшее взрыву бешенства. Она надеялась проскользнуть мимо не,, и выбраться на улицу раньше, чем мать опомнится, но та у самой двери е,, догнала и с визгом вцепилась ей в руку. Убедившись, что вырваться бесполезно, Дженни возвратилась в гостиную.

– Что вс,, это значит? Как ты смеешь ехать туда без меня? – Вас туда никто не зов,,т. Зовут меня. Неужели вы думаете, что всю жизнь будете ходить за мной по пятам? Что же это за жизнь для меня начинается? – чуть не плакала Дженни.

– Дай письмо. Там, наверное, шантаж, чего ты не понимаешь. Дай сейчас же письмо, говорю тебе.

– Письма я вам не дам. Но если вы обещаете прийти в себя, я вам его

прочту. Господи, я думала, что папа деспот и тиран. Но что вы такая тиранша, я и представить не могла.

Дженни вынула письмо из кармана и прочла его матери. После каскада не совсем лестных итальянских эпитетов по адресу лорда, всех его прихлебателей и самой Дженни, леди Катарина воскликнула:

– Да неужели же ты не понимаешь, что он боится суда? Тебе лестно, что тебя приглашают в аристократический дом и обещают каких-то нужных и интересных людей. А для чего тогда здесь вся эта галиматья? Ведь это явный расч.,т на то, чтобы здравомыслящий человек ничего не понял. Самато ты что-нибудь понимаешь?

Радостное, л.,гкое настроение Дженни, с которым она одевалась, улетучилось. Е., недавнее желание тотчас ехать к лорду Бенедикту стало казаться ей легкомысленным. Гнев матери снова заразил е.,, она испугалась, что попад.,т в ловушку.

– Послушай ты меня. Отправь письмо Тендлю с посыльным и жди либо ответа, либо его самого. И часа не пройду.,т, как он явится, я уверена.

Долго упрашивала дочь леди Катарина, и от этих уговоров вс., сумрачнее становилось у Дженни на сердце. Лицо е., стало мрачно, вся она точно съ.,жилась, будто тьма и холод окружили е.,.

– Вечная ваша песня, мама, о любви ко мне. Но, Боже мой, как скучно становится от вашей любви, если вы заставляете подозревать всех в неблагоприятных поступках и ненавидеть! Почему вы вообразили, что лорд Бенедикт боится суда? Ведь не мог же папа не знать законов и отдавать сво., имя на поругание. Почему не поверить, что я могу встретить в его доме кого-то, кто будет интересен и даже нужен мне?

– Не будь наивна, Дженни. Папенька устроил свои дела отлично. Алису он обеспечил прекрасно, а нас выбросил, как делал всю жизнь.

– Мама, отец первый раз в жизни поехал отдыхать, и то перед смертью. Зачем клеветать? Я не в силах больше выносить этого, – рыдала Дженни.

Пасторша, никогда не выдавшая е., сл.,з, поняла, как далеко зашла. Она бросилась к дочери, обнимала е.,, целовала руки, умоляла простить и давала слово больше не возвращаться к прошлому. Она так красноречиво расписывала Дженни будущее замужество, блеск жизни без всякого труда и забот, говорила о том, как неприятен и страшен лорд Бенедикт, толкующий о труде, от которого лучше держаться подальше, что Дженни утихла и позволила себя уговорить послать письмо мистеру Тендлю, а самим поехать завтракать в город.

Пока мать пошла одеваться, Дженни привела себя в порядок, стерев с

лица следы сл.,з, но состояние е., духа оставалось очень тяж.,лым. Она словно потеряла что-то достаточно ценное. В первый раз кто-то был свидетелем е., сл.,з, и в первый же раз сл.,зы раскрыли ей бездну страха, сомнений и неуверенности в себе, чего она и не подозревала. Мелькнувший, как обаятельное видение, образ лорда Бенедикта погас, и в е., душе стало холодно. Но зато возродилось упрямое желание бороться с ним, и это желание стало первенствовать в е., мыслях. Теперь в Дженни ярко вспыхнула ненависть к Мильдрей, осмелившемуся сказать, как прелестна е., сестра. И Дженни в бешенстве опять изорвала письмо в мелкие клочки.

– Дженни, – входя в комнату уже одетая, сказала пасторша, – по какому адресу находится контора Бенедикта?

Дженни вспомнила, что в письме была приписка с указанием адреса деловой конторы на случай, если бы она захотела приехать в деревню. Ей надо было только дать знать, и е., проводили бы.

– Я уже изорвала письмо, не знаю, – угрюмо буркнула Дженни.

– Какое же ты неосторожное дитя, Дженни! Сколько раз я тебе говорила, что письма – документы. Писать их не нужно, а вот полученные надо хранить. Подумай, каким богатейшим материалом могли бы тебе послужить в жизни эти два знаменитых письма. А ты их рвешь.

Ни слова не ответила Дженни, направляясь к выходу, и пасторше ничего не оставалось, как идти за нею. Передав первому же посыльному письмо для Тендля, обе дамы отправились завтракать.

От Дженни Мильдрей поехал в юридическую контору, где и застал Тендля, уже собиравшегося уезжать. Увидев Мильдрея, он сч.,л, что это официальный визит.

– Добрый день, лорд Мильдрей. Вы, по всей вероятности, к дяде. Но он заболел, и я один сегодня справился со всеми делами. Но я всецело к вашим услугам, если могу заменить вам дядю.

– Нет, мистер Тендль, я именно к вам. Я прив.,з вам письмо от лорда Бенедикта с извинениями за вчерашний печальный факт. Лорд Бенедикт хочет лично извиниться перед вами. Но в его доме, под его наблюдением, лежит сейчас тяжелобольная, которую он не может оставить надолго. Я уполномочен упросить вас предоставить ему эту возможность и поехать вместе со мной к нему в деревню. Прочтите, пожалуйста, это письмо; быть может, вы не откажете лорду Бенедикту в его настойчивой просьбе.

Мистер Тендль прочел письмо и весь зарделся от удовольствия.

– Я даже и не мечтал о счастье погостить у лорда Бенедикта, о котором столько слышал. Но я, право, не знаю, как мне быть с дядей, с конторой и с

вещами. Я, пожалуй, приехал бы завтра.

– Это будет сложнее. Вы так обрадуете лорда Бенедикта, если приедете сегодня. У меня коляска, мы заедем к вашему дяде и к вам, и как раз успеем к поезду.

Мистеру Тендлю самому так захотелось поехать сегодня же, что Амедею не составило труда уговорить его окончательно. Через несколько минут молодые люди уже сидели в коляске и мчались к дяде Тендлю. Дядя и сам был польщен приглашением лорда Бенедикта, быстро были собраны необходимые вещи, и новые друзья примчались на вокзал в последнюю минуту. Благополучно добравшись до дома лорда Бенедикта, они были встречены обаятельным хозяином, представившим Тендлю своей семье. Очарованный красотой и любезностью Наль и дружелюбием Николая, Тендль сразу почувствовал себя, как дома. Он и не заметил, как пролетел вечер.

Сандра, уже окрепший, тоже спустился вниз и ещ,, больше улучшил настроение Тендлю. Несколько побаиваясь уч,,ности Николая и Флорентийца, Тендль вскоре забыл о робости и выказал себя не только культурным и образованным человеком, но и очень вес,,лым и остроумным собеседником. Когда расходились по комнатам. Флорентиец поручил Сандре завтра проводить гостя к озеру, а дн,,м обещал сам показать Тендлю наиболее красивые окрестности.

Оставшись один с Наль и Николаем, Флорентиец сказал, что Алисе гораздо лучше, что дня через три она сможет сидеть в кровати и затем начн,,т быстро поправляться. На удивл,,нные вопросы Наль он ответил, что, собственно говоря, болезнь Алисы нельзя рассматривать как обычную болезнь. Что у не,, раздвоение сознания благодаря чрезвычайно сильному нервному шоку, который дал возможность е,, сознанию проникнуть в эфирные волны тех вибраций и той частоты колебаний, которые ей были недоступны в е,, здоровом физическом состоянии.

– Такие состояния могут быть губительными, даже смертельными. Человек, попадая в сферы высшей красоты, о которой он и не догадывался, живя на земле, не хочет возвращаться. Если же он в,,л низменную жизнь, нервный шок такой силы может столкнуть его в сферу отвратительных низких вибраций. Возвращение грозит ему безумием или припадками какойлибо страшной болезни, А девочка Алиса возвращается к нам ещ,, более прекрасной, чем была. Та атмосфера, где жил е,, дух эти дни, – недостижимая для не,, прежде, – будет теперь открыта для не,, всегда. Она будет слышать е,, общаться с теми, кого там узнала.

– Скажи, отец, что это происходит теперь со мной? Бывало, я и раньше

так ясно видела дядю Али, даже как будто слышала его голос. Стоило мне усиленно подумать о н.,м, как он вставал передо мной в отдалении. Теперь же, когда я в одиночестве сидела у постели Алисы, я начинала видеть е., так, словно бы она соткана из тончайшей светящейся паутины и высоко летает надо мной. Она была вес.,лой, радостной, смеялась и говорила: «Не бойся, Наль, я вернусь. Я могла бы уже вернуться, но мне так не хочется». Вс., это, отец, я принимала за фантазию, за игру моего напуганного болезнью Алисы воображения. Но после услышанного сейчас мне начинает казаться, что это могло быть в действительности.

– Вне всякого сомнения, ты видела реальные факты, Наль. Но для того, чтобы реальные факты миров, живущих по иным, чем земля, законам и с иными частотами волн были правильно восприняты земным человеком, нужен не только дар. Дар – как музыкальная одар.,нность – принадлежит избранныкам. Но нужна ещ., такая чистота сердца, такое бесстрашие и бескорыстие, чтобы ничто не могло их нарушить и ничто из пролетающих мимо грязных токов и течений не могло зацепиться за человека. Во всех случаях, когда просыпаются сверхсознательные чувства, человек попадает в такие внешние обстоятельства, которые нужны ему, чтобы легче научиться овладеть ими. Очень часто тот, кто владеет возможностью через сознательное проникать в бессознательное творчество, не кажется людям ни возвышенным, ни слишком чистым, ни как-то особенно уч.,ным. Словом, по мнению людей, не обладает никакими особенными качествами. Этим, друзья мои, вы никогда не смущайтесь. Убедитесь лишь в одном: если перед вами фантаз.,р или враль, или человек, лиш.,нный здравого смысла, – таких людей никогда не выслушивайте и ничего от них не принимайте. Все их сны, рассказы об астральном или эфирном зрении, – вс., это досужий вымысел от нечего делать. Ты уже убедилась, Наль, что в твоей жизни чудес нет, а есть только знание и труд. Обыватель сч.,л бы, что каждый из вас троих

– ты, Левушка, Николай – уже несколько раз в своей короткой жизни был объектом чуда. На самом же деле кармические нити старших братьев, связанных с вами вековым трудом, несколько раз входили в земное взаимодействие с каждым. Потому что в вас уже созрело достаточное количество безоглядной верности, чтобы соединение с вами стало возможным.

Флорентиец простился со своими детьми, и вскоре весь дом заснул.

Прекрасное осеннее утро особенно ярко подчеркнуло красоты озера и водопада, и вконец очарованный мистер Тендль не находил слов, чтобы отблагодарить Сандру за эту утреннюю прогулку. Любя природу, Тендль

оценил не только естественную е., красоту, но и также такт, ум и художественный вкус, с которыми она была подана. Нигде не была нарушена гармония земли, и тем не менее всюду была видна рука человека, которая помогла ещ., ярче выделиться природной красоте. Сначала беседа молодых людей вертелась около хозяина дома. Но постепенно Сандра, темпераменту которого непременно надо было излиться, рассказал спутнику о смерти пастора, о болезни Алисы и о самой Алисе. Не мог Сандра умолчать и о своей тоске по ушедшему другу, об огромном разочаровании в Дженни, так нравившейся ему когда-то.

При упоминании имени Дженни лицо Тендля стало скорбным. Даже что-то болезненное появилось в н.,м, и если бы Сандра не был так поглощ.,н своими излияниями, он непременно заметил бы перемену в сво.,м приятеле.

– Ну, Сандра, не могу сказать, чтобы ты был любезным хозяином и прив.,л своего друга в вес.,лое расположение духа, – раздался внезапно голос Флорентийца. – А что, лорд Бенедикт?

– Да посмотри на нашего гостя внимательно. В тво.,м обществе он стал похож на рыцаря печального образа. Тебе не следовало так увлекательно рассказывать о своих горестях. Впечатлительная натура мистера Тендля слишком реагирует на твои речи. Не печальтесь, мистер Тендль, жизнь только внешне безжалостна к людям. На самом же деле все е., действия несут в себе великий смысл доброты и мудрости. В каждом из нас жив.,т такая чрезмерная впечатлительность, которая делает нас огол.,нными перед суровыми фактами жизни. А мы должны встречать их закал.,нными, принимая как можно проще и легче.

– Да, лорд Бенедикт, совершенно не зная меня, вы угадали самую уязвимую черту моего характера. Я до такой степени впечатлителен, что иногда целыми неделями чувствую себя потерянным только из-за того, что кто-то сказал мне какие-то слова, не говоря уже о разочарованиях и несбывшихся надеждах. А уж почувствовать себя закал.,нным – этого ощущения я ещ., не испытал ни разу. Я не хочу сказать, что не умел мужественно встречать удары судьбы, их выпало на мою долю немало. И мне каждый раз приходилось собирать вс., сво., мужество и волю, чтобы продолжать нормальную жизнь и не дать людям увидеть, как больно моему сердцу.

– Я догадываюсь, что один из таких тяж.,лых периодов вы сейчас переживаете, мой дорогой мистер Тендль, – беря молодого человека под руку, сказал Флорентиец. – И если бы мой милый друг, – беря под локоть Сандру и улыбаясь ему, продолжал он, – был более внимателен к вам, чем к

своим горестям, он не затронул бы ваших болезненных струн.

– Опять виноват, – прикикая к Флорентийцу, печально и по-детски произн.,с Сандра. – Тысячи и тысячи раз ваше великодушие и снисходительность прощают меня. Всем сердцем желал бы я прожить хоть один день тактичным человеком. Но до сих пор не припоминаю ни одного такого случая.

Беседа о попадавшихся им цветах, окультуренных из простых полевых, на что со свойственным ему одному тактом незаметно перев.,л разговор лорд Бенедикт, трое спутников дошли до дома, где их ждал завтрак. Накормив гостя, хозяин дома, обещавший показать ему красоты парка, ув.,л Тендля на прогулку. Даже не заметив, как это случилось, Тендль начал говорить о чтении завещания в доме пастора и о тяж.,лых сценах, сопутствовавших ему. Наводимый вопросами Флорентийца и поощряемый его глубоким вниманием, юноша рассказал историю своего случайного знакомства с Дженни, – скачки, последующие встречи и увлечение ею. Тендль признался, что считал Дженни жертвой отцовской тирании, как это часто бывает в семьях больших уч.,ных, которые погружены в науку и хотят проверить на живых людях свои научные тезисы, не считаясь с индивидуальностью человека. Флорентиец нарисовал ему истинный образ пастора, рассказал об их с Алисой жизни в собственном доме и – не касаясь Дженни – помог молодому человеку понять, как безобразна жизнь семьи, какое разлагающее влияние на старшую дочь оказывает пасторша.

– Вам казалось, что вы должны жениться на Дженни, чтобы спасти е.,. Но мне хотелось бы, чтобы вы поняли всю серь.,зность этого шага. Нельзя жениться на ком-то, если не уверен, что этот кто-то действительно любит тебя. Все браки, которыми люди думают спасти того, кто их не любил или кого они сами недостаточно любили, кончаются крахом. Сам пастор, внутреннюю трагедию которого вы поняли, надеялся спасти свою жену, – и при всей возвышенности и силе своего характера, – не успел в этом.

– Мне, лорд Бенедикт, при моей повышенной чувствительности, при чрезмерной впечатлительности, отравляет существование даже не то, что Дженни жестоко меня оскорбила. Но ведь она, проводя со мной столько времени, ни разу не отказавшись ни от одного предложенного ей удовольствия, не поинтересовалась даже, кто я такой. Я, по глупости, вообразил, что девушка прежде всего ценила во мне человека, и даже гордился тем, что она не спрашивает о мо.,м социальном положении, считая это верхом деликатности. Конечно, можете себе представить, с каких небес я свалился, оглушенный выходкой мисс Уодсворт в день

чтения завещания. И вс., же, – как это ни дико

– Дженни жив.,т в мо.,м сердце. И боль в н.,м не уменьшается.

– Видите ли, в вашем сердце, так долго бывшем пустым, жив.,т наконец «ОНА», Она в кавычках. Позвольте ли мне задать вам несколько вопросов?

– Конечно, лорд Бенедикт, я без утайки отвечу вам. Я не боюсь правды, и это обстоятельство много раз не только выручало, но и спасало меня.

– Качество это очень редко встречается в людях, мистер Тендль. Оно очень ценно не только потому, что охраняет тебя самого от множества горестей, но и других защищает, помогая им уходить от тенет лжи. Но чтобы это качество могло творчески помогать людям, нужно точно, бдительно распознавать, насколько отвечают истине твои собственные представления о делах и людях. Знали ли вы, что та ОНА, Та Дженни, о которой вы мечтали как о жертве тирании, зла, вспыльчива до порывов ярости и даже способна впасть в бешенство?

– Нет, лорд Бенедикт, мне даже в голову не приходило ничего подобного. Е., нервность я объяснял неудовлетвор.,нностью. Мне казалось, что умной женщине, которой отец запрещал учиться, было тесно в клетке будней. Я мечтал, что покажу Дженни мир в кругосветном путешествии и затем предоставлю ей возможность учиться и стать доктором.

Чуть заметная улыбка скользнула по лицу Флорентийца, когда он ответил Тендлю:

– Дженни охотно прокатилась бы по некоторым столицам, чтобы запастись нарядами. Хотя отсутствие у не., вкуса и чувства меры вы должны были заметить. Но Дженни поедет только туда, где обещан полный комфорт и можно выгодно продемонстрировать свою красоту. Там, где тропическая жара, пыль и всяческие неудобства, – туда Дженни не поедет. Природы она не любит, и жизни иной, кроме как в шумном городе, не призна.,т. Ей не нужна семья, не нужен муж-друг. Ей требуется удобный муж, с состоянием и титулом, так как войти в высшее общество – мечта всей е., жизни. Похожа ли эта Дженни на портрет, который вы себе нарисовали?

– Увы, каждому вашему слову я верю, лорд Бенедикт. И Дженни моих мечтаний вовсе не похожа на нарисованный вами портрет. Но от этого мне не легче.

– Правдивость поможет вам не только освободиться от иллюзии, которую вы себе создали. Она поможет вам защитить свою жизнь от лжи и зла, от трагедии раскола в семье и собственной душе. Сегодня мы не будем

больше говорить о Дженни. Завтра вы увидите ее, сестру Алису, которая является точной копией отца и характером, и добротой, и умом. Вы сами поймете, могут ли люди этого типа кого-то угнетать. Скажу только, что если через два дня не произойдет ничего особенного, я вам расскажу многое о жизни вообще и о жизни Дженни в частности.

Как и предсказывал Флорентиец, в состоянии Алисы сразу наступило улучшение, и через два дня она уже спустилась вниз, похудевшая и побледневшая, но совершенно здоровая. Для мистера Тендла эти два дня мелькнули как один час. Он не мог себе представить, что когда-то жил на свете без лорда Бенедикта и его семьи. А когда был представлен Алисе, то встал перед нею молча, смущенный, взволнованный.

– Почему у вас такой несчастный вид, мистер Тендль? – спросил Мильдрей. – Мы привыкли, что возле мисс Алисы Уодсворд люди расцветают и улыбаются. И ваше смущение озадачивает не только меня, но и всех нас.

– Я смущен, потому что очень виноват перед вами, мисс Уодсворд. Я представлял вас человеком упорной давящей воли, тяжелого характера. Теперь я вижу, как ошибался. Простите меня, я даю себе слово отныне не строить заочные портреты.

– Если вы разочаровались к лучшему, то за что же вас прощать? Я очень рада, если в вашем сердце неприязнь ко мне растаяла. Самое тяжелое, мне кажется, носить в сердце каких-нибудь скорпионов. Возьмите от меня розу, быть может, мы еще и подружимся.

– Ай да Алиса! Отец, это после болезни моя маленькая сестренка стала такой кокеткой.

– Что она стала кокеткой, Наль, это еще, полбеда. Но что она смутила нашего милого гостя, это уже действительно нехорошо. Изволь заглядить свое, неловкое кокетство и сыграй нам что-нибудь. Не только мы, но и рояль соскучился, – смеялся Флорентиец.

Алиса села за рояль и стала играть Шопена. Когда раздались звуки похоронного марша, Сандра еле сдержал рыдание. Лица же игравшей Алисы и сидевших рядом Флорентийца и Наль так поразили Тендла, что он не мог отделить их от музыки. Какая-то новая жизнь открывалась ему через этих людей. Он видел в них необычную мощь и высоту духа.

Весь вечер Тендль оставался под впечатлением трех прекрасных лиц и того особенного выражения, которое он в них уловил. Ему казалось странным, что трагическая музыка вызвала на эти лица мощную радость, что-то очень светлое. Как же претворялась в этих сердцах смерть, если похоронный марш не печалил их? Тендль совсем ушел в свои думы, и в

себя его прив,,л только голос хозяина:

– Ну вот, мистер Тендль, завтра последний день вы с нами. Не проскучали ли вы здесь? Захотите ли приехать снова?

– Захочу ли я? Да я, как школьник, пребываю в отчаянии, что мне остался здесь только один день. Я всегда любил Лондон. Откуда бы я ни возвращался, – всегда еду, как на праздник. Сегодня же у меня такое чувство, точно вс,, во мне перев,,рнуто вверх дном. Здесь теперь мой праздник, здесь наш,,л я нечто новое, неожиданное, очаровательное, чего всю жизнь ждал. Конечно, многое из того, что говорю, вы можете отнести за сч,,т моей чрезмерной впечатлительности. Но мир в себе, какое-то новое спокойствие и принятие жизни – этого я не знал никогда. И вс,, родилось здесь. Мне хочется благословить мой день, благословить добро и зло, с ним приходящее. Я думаю, что ответил на вопрос, захочу ли приехать к вам ещ,, раз. Но есть другой вопрос, – посмею ли? Я привык чувствовать и сознавать себя выше тех людей, среди которых мне приходится быть. Здесь же, в вашем доме, я ощущаю себя, точно неуверенный мальчик, мне кажется, вы все знаете нечто такое, о ч,,м я и понятия не имею, несмотря на свои университеты.

На несколько минут воцарилось молчание, которое нарушил голос Флорентийца, на этот раз особенно мягкий.

– В жизни каждого наступают моменты, когда начинаешь по-иному оценивать факты. Все мы меняемся, если движемся впер,,д. Но не тот факт важен, что мы меняемся, важно, КАК мы входим в изменяющее нас движение жизни. Если мы спокойно и не теряя самообладания встречаем то, что да,,т нам день, мы можем услышать мудрость бьющего для нас часа жизни. Можем увидеть непрестанное движение вселенной, сознать себя е,, единицей и понимать, как глубоко мы связаны с е,, движением. Самая простая логика может дать нам понимание единения со всем живущим и трудящимся на общее благо. Ибо в жизни природы мы не видим ничего, что шло бы во вред этому общему благу. Если вам даже кажется иногда, что природа в своих катаклизмах погубила что-то, то это только от нашей привычки жить и мыслить предрассудками внешней справедливости. Великой Жизни, Е,, Вечному Движению нет дела до измышлений людей, до их справедливости. Жизнь движется по законам целесообразности и закономерности. И люди, живущие по этим законам, не ищут наград и похвал, не ждут личных почестей и славы, не развивают своей деятельности в отрыве от общей жизни вселенной.

Семья для них не буржуазное счастье, личные страсти или коммерческие соображения, это ячейка связанных идей сердец, верно

следующих друг за другом. Такую семью вы видите перед собой, и хотя большинство из нас никакими кровными узами не связано, – мы представляем собой одну дружную семью.

Тендль, как и все окружающие, не сводил глаз с прекрасного лица Флорентийца. Особенно влекло оно сегодня выражением милосердия. Каждый продумывал и переживал по-новому всё, что говорил хозяин. Сам же Тендль, который никогда не размышлял об этом, сидел точно зачарованный.

– Теперь вы понимаете, мой милый мистер Тендль, – снова заговорил Флорентиец, – что вопроса о том, смеете ли вы приехать к нам ещё, и быть не может. Если вас притягивает магия нашей общей любви, будем вас ждать к концу следующей недели. И тем приятнее мне будет опять увидеть вас, нашего нового друга, что половина из нас скоро уедет. Планы наши были несколько иными, – обводя взглядом присутствующих и останавливаясь на побледневшем лице Сандры, продолжал он, – но ворвались бури зла, от него нам нужно сейчас отойти, воевать с ним будут наши друзья. Но вы не печальтесь, мистер Тендль, лорд Амедей и Сандра останутся здесь.

Сандра сдержал слезы, но стона сдержать не мог. Флорентиец положил ему руку на голову и продолжал:

– Кроме того, ещё, до нашего отъезда сюда прибудет вызванное мною обаятельнейшее существо, огромных знаний, воли, доброты беспредельной и самоотверженной. Зовут его Ананда. Среди его талантов есть редкая музыкальность и голос, какой можно услышать только раз в жизни. Вы не будете одиноки. Амедей и Сандра будут жить в моём лондонском доме вместе с Анандой. Всё, та же наша семья.

– Я только что было почувствовал себя утопленником, но вы бросили мне якорь спасения, лорд Бенедикт. Мои скудные познания научили меня только одному: не имея о чём-либо достаточных знаний, не отрицай того, что тебе об этом говорят. Но... чтобы кто-то мог сравниться с вами или заменить вас... – Тендль глубоко вздохнул, печально глядя на Флорентийца. – Во всяком случае, с самой глубокой благодарностью я принимаю ваше предложение. Не сомневаюсь, что Сандра и лорд Амедей примут меня в семью, куда вы меня рекомендовали.

Мильдрей встал со своего места и крепко пожал руку Тендлю.

– Мне очень хорошо знакомо одиночество и ещё, больше я понимаю ваше мучительное чувство внезапно потеряемого счастья, которое только что нашёл и начинаешь понимать. Но счастье знать лорда Бенедикта, его друзей и семью тем и отличается от всякого иного, что оно вечно.

Обретённое однажды, оно не может быть потеряно, если человек сам хочет сохранить его в своём сердце. Где бы ни находился лорд Бенедикт, кому бы он ни поручил нас, мы будем чувствовать, что его мысль живёт рядом с нами, если только сохраним мужество и верность тем заветам, которые он нам дал. Будем же мужаться и стремиться стать лучше, чтобы дожидаться новой встречи с ним и его семьёй.

Тронутый ласковой внимательностью Мильдрей, на которого он эти дни обращал так мало внимания, Тендль горячо ответил на его пожатие.

Сандра, ожидавший, что его возьмут в Америку, был совсем убит. Для него это было больше чем катастрофа, и он снова вспомнил слова лорда Бенедикта: «Ты будешь всю жизнь помнить, что был слабее женщины». Эти слова он теперь вспоминал часто. Сейчас, сидя вместе со всеми, он никого и ничего не слышал, кроме этого. Припомнились ему ещё и слова Алисы о закреплённом сердце, где живут скорпионы. Юноша чувствовал себя как-то двойственно. С одной стороны, разлука с Флорентийцем разрывала ему сердце и доводила почти до отчаяния. С другой, – он ощущал в себе какую-то силу и уверенность, что победит все препятствия, лишь бы сохранить любовь и дружбу своего великого покровителя и друга, единственного человека, которому он был предан безо всяких оговорок. Сандре ни на мгновение не пришла мысль спорить с Флорентийцем, молить его изменить своё решение. Он всё яснее понимал, что должен выбросить из сердца кусающих его скорпионов, освободиться от слабости, излишней чувствительности. Он сознавал, что всё это время он, Сандра, не рос духовно, тогда как его великий друг неизменно шёл вперёд.

И он понял, что если он хочет, чтобы расстояние между ним и Флорентийцем не увеличивалось, – он должен сам двигаться, а не стоять на месте. Чем яснее он начинал осознавать своё положение, тем всё справедливее казалось ему решение Флорентийца. Но... скорпион страдания всё же жалил его сердце.

Сандра опомнился, когда прекрасная рука лорда Бенедикта опустилась на его плечо. Он поднял голову и, показалось ему, утонул в море любви, лившейся из глаз Флорентийца. Молча приник юноша к своему другу, ощущая, как всегда, радость. Молча он поклонился всем и вышел из комнаты. Вскоре все сердечно простились с Тендлем, хозяин ещё раз настойчиво повторил, что будет ждать его на следующей неделе, а Мильдрей обещал опять заехать за ним в контору. Тендль, предоставленный своим мыслям, отправился к себе. Он мало спал в эту ночь, заснув под самое утро и будучи разбуженным к первому лондонскому поезду. Он никак не ожидал увидеть в такой ранний час кого-нибудь, а

потому, встретив в столовой самого хозяина, угостившего его завтраком, был столь же поражен, сколь и обрадован.

– Я обещал поговорить с вами о жизни вообще, мистер Тендль. и о жизни Дженни в частности. Судя по новым мыслям, которые висят на вас, подобно рою, о жизни вообще я сказал вам достаточно. О Дженни – должен предупредить вас о тр.,х вещах. Первое – она простить себе не может, что не разглядела и упустила подходящего жениха. Второе – она решила поправить дело, и призывное письмо давно ждет вас в конторе. Третье – она и мать желают судом оспорить завещание и вырвать Алису из моих рук.

Коротко скажу: после всего, что вы сейчас знаете, вы пойм.,те меня. Я обещал пастору сделать вс., для спасения Дженни от зла, которое она постоянно привлекает, пребывая в раздражении и впадая в бешенство. Я сделал вс.,, что мог. Дважды писал, раскрывая ей глаза на ту жизнь, что она себе сама созда.,т. Я звал е., приехать сюда и погостить у меня в те же самые дни, когда пригласил и вас. Я надеялся, – если бы добро перевесило в ней зло и Дженни хоть однажды проявила бы полную независимость от матери, которая соблазняет е., блеском богатства, – я надеялся, что ваши с Дженни судьбы могут соединиться. Это не было бы счастьем для вас, но спасло бы е.,, так как все мои друзья и я сам помогали бы вам строить вашу семейную жизнь.

Дженни не приехала. Она бросила вызов судьбе, и нам с вами е., не спасти. Вы сказали, что хотите стать членом моей семьи. Действительно ли вы этого хотите? Или мимол.,тное очарование уже исчезло?

– Напротив, лорд Бенедикт, за эту ночь исчезло чувство одиночества. Я над.,жно пристал к берегу, и паруса моего брига готовы только к одному плаванию: под вашим руководством. Это по-английски: точно, серь.,зно, неизменно.

– В таком случае, мистер Тендль, согласны ли вы, – усмехаясь образам англичанина, сказал Флорентиец, – выслушать приказания своего адмирала?

– О согласии и речи нет. ЕСТЬ принять приказание адмирала.

– До нашего нового свидания в четверг – три пункта послушания: 1. Ни под каким видом не встречаться с Дженни и не отвечать на е., письмо, как бы это вам ни казалось грубым и невоспитанным. 2. Рассказать дяде вс., пережитое здесь, хотя вы никогда не были с ним откровенны и вам это кажется странным. 3. Отнести письмо одному молодому человеку, переживающему сейчас большой материальный и духовный кризис. Повозиться с ним эти дни, если бы он даже показался вам трудным, и вс.,

же помочь ему.

– И это все ваши приказания, адмирал? Да они так легки и просты, что только очень тупым солдатам могут казаться сложными. Судя по ним, я могу понять, что капитан я неважный. Но вс., же ответить я могу одно: буду счастлив выполнить точно все приказания.

Что же касается молодого человека, – постараюсь отыскать его сегодня же. И если только осмелюсь допустить мысль, что данное мне поручение трудно, – разжалую себя в рядовые. Но надеюсь явиться в четверг в том же чине, ваша светлость.

– Я думаю, что подводные камни вам, Тендль, встретятся. И вы будете несколько раз вспоминать о данном сейчас слове нерушимого послушания, – подавая Тендлю письмо и, провожая его к экипажу, сказал, прощаясь, Флорентиец.

– Если я буду вспоминать, то только для того, чтобы радоваться своему счастью и лучше проверить свою честь, лорд Бенедикт.

Тендль сел в коляску, лошади тронулись, и вскоре коляска исчезла из глаз Флорентийца. Но он еще, долго стоял на крыльце, посылая вслед отъезжавшему сво., благословение.

ГЛАВА 10 МИСТЕР ТЕНДЛЬ ДЕРЖИТ СЛОВО. ГЕНРИ ОБЕРСВОУД. ПРИЕЗД КАПИТАНА ДЖЕМСА
Никогда еще, не испытывал Тендль такого спокойствия и радости жить, как в этот понедельник, возвращаясь в Лондон. Вс., казалось ему прекрасным, и он сознавал себя сильным и уверенным. Встреча с лордом Бенедиктом открывала ему новые горизонты и давала новое направление всей его жизни. Заехав на минуту домой, наскоро переодевшись, Тендль отправился в контору. Он застал дядю в сильном раздражении, до которого его довела пасторша, являвшаяся два раза подряд, желая видеть мистера Тендля, наконец, пробравшаяся в кабинет к старому адвокату, полагая, что тот прячет племянника. Пасторша пробовала начать одну из своих безобразных сцен, но адвокат так грозно приказал клерку немедленно вызвать констебля, что леди Катарина предпочла ретироваться.

Письмо Дженни посыльный прин.,с через четверть часа после отъезда Тендля с Амедеем. Прочтя его теперь, Тендль даже не вздохнул, а с жаром набросился на дела, сказав дяде, что должен ему поведать о своей жизни у лорда Бенедикта. Не привыкший к откровенности племянника, но очень любивший его, старик обрадовался. Оба уговорились, что вечером пообедают в клубе, где им никто не помешает. Не успел Тендль оглянуться, как уже было пять часов. Работавший хорошо, но без особого рвения,

сегодня Тендль поражал своими темпами.

– Тебя, племянник, подменили у лорда Бенедикта. – Так точно, дядя, подменили. Я теперь капитан, и мне надо крепко держать руль.

Закрыв контору, оба отправились по своим делам, уговорившись встретиться в клубе в девять часов. Не заезжая домой, Тендль отправился по адресу, указанному на письме лорда Бенедикта. То была одна из второстепенных улиц Лондона, и мистер Тендль довольно долго катил в на,,мног кэбе. Велев кучеру ждать, в лабиринте огромного и неудобного дома он разыскал адресата. На его стук дверь открыла маленькая, худенькая, прелестная и необычайно опрятная старушка. На е,, очень красивой голове аккуратно сидел белый накрахмаленный чепец, такой же, без пятнышка, передник закрывал е,, бедное платье, подштопанное, но безукоризненно чистое.

– Можно видеть мистера Генри Оберсвоуда? – спросил Тендль, входя в комнату, бывшую чем-то средним между столовой и кухней.

– Генри дома, но он болен. В пути он так устал, что не мог даже подняться. Если вам необходимо его видеть, я скажу ему. А не то пожалуйста завтра, сэр.

Мистер Тендль стоял в нерешительности. Он перен,,сся в дом лорда Бенедикта, вспомнил разговор с ним и ощутил определ,,нную уверенность, что письмо следует передать именно сегодня.

– Если вы разрешите мне раздеться, миссис Оберсвоуд, я попытаюсь войти к вашему сыну. Постараюсь не расстроить его.

Старушка улыбнулась доброй улыбкой, лицо е,, расцвело и стало прекрасным, и она с удивлением сказала:

– Как же вы могли угадать, сэр, что я его мать? Я вас раньше никогда не видела.

– У меня, миссис Оберсвоуд, уже давно нет матери. Но я так хорошо запомнил, как проявляется материнская ласка и забота, что сразу угадал в вас мать мистера Генри, как только вы произнесли его имя.

Старушка рассмеялась, но тут же стала серьез,,зной и печально сказала:

– Вы вспомнили о матушке, сэр, которую потеряли, а я смеюсь. Вот как я легкомысленна. Но кто способен говорить о материнской любви таким образом, тот не может иметь недоброе сердце и причинить Генри зло. Боюсь, сэр, – вдруг перешла она на ш,,пот, – не случилось ли с ним чего. Он уезжал такой радостный, вес,,лый, уезжал надолго, а вернулся печальный, весь день молчит и стонет.

В глазах у старушки стояли сл,,зы. Она смотрела на гостя с таким доверием и такой надеждой, что в молодом человеке заговорило чувство

опеки над слабейшим, и он весело ей сказал:

– Я прив,,з ему письмо от такого доброго и сильного волшебника, что все печали вашего сына развеются.

Сбросив плащ, мистер Тендль постучал в указанную ему дверь. Войдя в комнату, такую же чистую, как и первая, Тендль увидел в постели красивого юношу, очень худого, с больным и расстроенным лицом. Большие голубые глаза пристально и далеко не приветливо впились в лицо Тендля, а руки судорожно закрыли книгу, которую он, очевидно, читал. Не дожидаясь вопросов и ещ,, раз вспомнив слова лорда Бенедикта о трудном юноше, Тендль взял на себя инициативу.

– Я прив,,з вам, мистер Оберсвоуд, письмо. Разрешите не говорить, от кого оно. Я не сомневаюсь, что оно нес,,т вам не только удовольствие, но и большую радость. Если же, прочтя его, вы пожелаете со мной поговорить, – я к вашим услугам.

Тендль подал Генри оригинальный конверт Флорентийца, с его красивым, ч,,тким почерком. Наблюдая за Генри, Тендль понял, что тот и не догадывается, от кого письмо. Медленно и равнодушно взломал Генри печать и принялся читать письмо.

С первых же строк с Генри произошла метаморфоза. Лицо его вспыхнуло ярким румянцем, бессильно лежавшее тело гибко выпрямилось, глаза впились в буквы с такой сосредоточенностью, точно кроме них ничего больше не существовало. Мистер Тендль с глубоким интересом наблюдал за своим новым знакомым. Тот, казалось, не только забыл о визит,,ре, но и вообще ун,,сся куда-то. По мере того как он читал, лицо его становилось бодрее и мужественнее. Уныние сменила улыбка, и Тендль удивился силе слов Флорентийца, преобразивших в несколько минут печальную развалину в здорового юношу. Дочитав письмо до конца, Генри принялся его перечитывать. Он точно выздоравливал на глазах Тендля и продолжал ещ,, расцветать, вс,, также не замечая своего гостя. Только прочтя письмо вторично, Генри отбросил светлые волосы с высокого своего лба и сияющими глазами посмотрел на него.

– Вы угадали, мистер Тендль, – как называет вас лорд Бенедикт. Ваша любезная услуга возродила меня. Я не только обрадован, я спас,,н. Лорд Бенедикт пишет, что вы и ещ,, один ваш друг захватите меня с собой к нему в деревню на следующей неделе. Как и где мне вас встретить?

– О, если вы позволите, мы ещ,, не раз увидимся с вами до четверга. Я мог бы завтра к двенадцати часам заехать за вами, и мы где-нибудь позавтракаем. Я вижу, что лорд Бенедикт великий волшебник и вылечил вас быстрее, чем Силоамская купель. И вы завтра вполне сможете выехать

из дома.

Лицо Генри омрачилось, он несколько минут боролся с собой и наконец сказал:

– Я был бы счастлив поехать с вами завтра. Но я так нищ, так оборван после моего долгого путешествия, что даже не представляю, как бы я мог это сделать, не конфузя вас своим видом.

– Тем больше оснований нам встретиться завтра. Совершенно недопустимо, чтобы вы ехали к лорду Бенедикту, беспокоясь за свой внешний вид. Я убеждён, что если бы вы явились на его зов даже в лохмотьях, то и тогда бы этот человек судил о вас не по внешности, а по радости и поспешности, с которыми вы явились к нему. Но я понимаю и другое: к нему нужно прийти освобожденным от всех мелочей. Это нужно, чтобы взять как можно больше мудрости и уйти от него с новым пониманием жизни. Поэтому я предлагаю забыть о предрассудках и согласиться на моё предложение. А предложение вот какое: до завтрака мы заедем к моему портному, и я наяду на него, чтобы в четверг к утру он вас бы экипировал в полной мере. Пусть засадит за работу всю мастерскую, но чтобы к моменту отъезда вы были одеты. Ни о чём не говорите. Жизнь редко предлагает счастье встречи с великим человеком, да ещё в его собственном доме. Надо сделать всё, как я уже сказал, чтобы приехать к лорду Бенедикту освобожденным от мелочей, в наибольшей творческой готовности.

Лицо Генри стало очень серьёзным, и он, пристально глядя в глаза мистера Тендля, спросил его:

– Вы хорошо знаете лорда Бенедикта? Я никогда его не видел, но много о нём слышал как о Флорентийце.

– Сказать, что лорд Бенедикт мне друг, – это утверждать, что Юпитер мне брат, – рассмеялся Тендль. – Между нами такая зияющая пропасть, которой мне никогда не перейти. Лорд Бенедикт мой адмирал, я простой капитан и жажду ему повиноваться.

Лицо Генри сделалось мрачнее тучи. Тендль, никак не ожидавший, что юноша может снова впасть в уныние, осекая и с волнением спросил: – У вас что-нибудь болит, мистер Генри? – Нет, должно быть усталость разбила мои нервы, – раздражённо ответил Генри, судорожно хватая письмо Флорентийца. – Вы не обращайтесь внимания, это пройдёт.

– Что это пройдёт, мистер Генри, я не сомневаюсь. Но надо, чтобы это прошло как можно скорее. А потому я удаляюсь; боюсь, что я вас слишком утомил. До завтра, и прошу вас не заикаться о материальной стороне дела. Я всё беру на себя. Придёт время – мы с вами сочтёмся.

Генри сохранял надутый вид и довольно равнодушно простился с новым знакомцем. Выйдя в первую комнату, Тендль застал старушку за работой. Как он понял, она усердно штопала сыну костюм. Тендль присел подле не,, и просто, как будто знал е,, всю жизнь, сказал:

– Миссис Оберсвоуд, я немножко доктор. Поэтому я понимаю, что вашего сына надо прежде всего хорошо покормить.

Вот здесь немного денег, которые я очень прошу принять. Мне дал их один человек и велел истратить на самое нужное и важное, что мне встретится в ближайшие три дня. Сегодняшний случай я считаю самым важным и даже священным.

– Нет, сэр, я хорошо знаю своего сына. Здесь дело не в еде и не в одежде, от которой у него осталось одно воспоминание. Конечно, и они – частичная причина, но не это главное. Где главное – я знаю. Генри очень горд и самолюбив. Он, верно, не сумел угодить синьору Ананде, который взял его к себе. Это один очень, очень большой доктор. Когда Генри учился в университете в Вене, с ним там и познакомился. Синьор Ананда такой добрый и чудный. Он выписал меня в Вену, когда Генри заразился трупным ядом. Он лечил его вместе со своим дядей. Тот ростом поменьше и не так красив, но такой же важный синьор, а доктор даже ещ,, больше, чем сам синьор Ананда. Как-то в Вене я сидела у постели сына, он вош,,л, поглядел на меня орлом, – ну, точно вс,, нутро у меня вычитал. Так я и присела от страха. Он же рассмеялся, погладил меня по голове, да и говорит:

«Что? Испугалась, дитя Божие? Живи без страха и сомнений. Сын твой будет жить. Но не один раз он будет возвращаться к тебе гол и бос, а также рассерженным на весь мир. Когда он в третий раз верн,,тс,я к тебе в таком состоянии и не найд,,т руки великого друга, не сумеет уцепиться за не,, – пой ему Requiem. Сейчас же радуйся, люби, верь до конца моим словам и никогда ничего не бойся. Если может чистота матери защитить сына, то твоя защитит». И вот в третий раз возвращается Генри. А где же эта Великая Рука? Как е,, искать? – горько плакала старушка. – Уж не вы ли это, сэр?

– Это вс,, равно, как если вы спросили бы, не Моисей ли я, – рассмеялся Тендль. – Я не только не великая, я просто малая рука. Но что я прив,,з письмо вашему сыну от Великой Руки и повезу в четверг его к ней, – вот это верно.

– Значит, дядя Ананды сказал правду? Боже мой, хотя бы Генри смирился наконец. Он ведь чудный мальчик, только горд, ох как горд. И сын он нежный, а иной раз сколько горя принес,,т сердцу! Не знаешь, как и подступиться.

– Ничего, миссис Оберсвоуд, вс,, обойд,,тсся. Покормите получше вашего сына, а о его костюмах, пальто, белье и шляпах я позабочусь сам. До завтра. Заеду в двенадцать часов.

Напутствуемый благословениями старушки, Тендль быстро спустился с лестницы, оставив позади мать Генри, которая отправилась за вкусным ужином для сына. Генри, слышавший приглуш,,нные голоса в соседней комнате, нетерпеливо ждал, пока они смолкнут. Поняв по наступившей тишине, что гость и мать вышли, он снова принялся за чтение письма. Медленно, точно вживаясь в каждое слово, читал Генри драгоценные строки.

«Мой друг, Вам кажется, что в эту минуту нет никого несчастнее Вас. Но это именно кажется Вам, потому что мысль Ваша сосредоточена только на себе самом. Допустите, что волшебное зеркало показало мне всю Вашу жизнь, день за дн,,м. И не такую, какой она кажется Вам сейчас, когда многое уже забыто Вами, иное отошло, как несбывшиеся мечты, а третье умерло, потому что Вы поднялись выше, освободясь от предрассудков. И оно потеряло для Вас значение, как цель, которую перерос Ваш дух. Но такую, как шла Ваша жизнь в ряде будней, сжигая или создавая препятствия между Вами и окружающими, растя и возвышая Ваши честь и волю или вводя Вас в соблазн, зависть, бунт.

Что бы тогда должен был думать о Вас я – бесстрастный, сторонний наблюдатель, – зная Ананду и оценивая его труд и заботы о Вас. Ананда, в нашем кругу, – синоним рыцаря-защитника. Синоним доброты, дошедшей до полного божественного расцвета. Ананда – это мудрец; его мудрость не позволяет ему указывать рамки другому, ибо его собственная свобода, не зная рамок, привела его к полной мере сознания. Ананда – это принц среди простых смертных, сознающий себя в каждом и каждого в себе. У него нет иной цели в жизни, чем расстлать перед тобою ков,,р-самол,,т для скорейшего достижения совершенства.

Что же должен думать я о Вас, в третий раз свернувшем с пути этого человека? Правда, и Петр трижды отрекся от своего Учителя. Но он ВИДЕЛ, кто был перед ним. Он клялся в каменной верности ему, – и ДЕЛА Его жизни, вплоть до смерти, подтвердили е,,. Ваше же поведение, хотя каждый раз Вы возвращались разбитым той бурей, что сами вызвали, и каждый раз молили о прощении, не укрепляло Вас. Безмерная доброта Ананды развращала Вас. Со дна Вашей души поднимались змеи, жабы и филины слепивших Вас страстей. И Вы таили в сердце сомнения, неудовлетвор,,нность, непримиримость и неустойчивость.

Зачем я говорю Вам вс,, это? Вам, слепцу, не видевшему солнца, в

орбите которого Вы вращались. Затем, что милосердие не знает требовательности, не знает и взысканий, как кажется Вам сейчас. Оно знает только закон пощады и радость помощи. Соберите растерянную энергию. Сосредоточьте внимание на текущем мгновении. Оставьте бесплодное раскаяние, перестаньте быть мальчиком-фанфароном, становитесь мужчиной. Не спрашивая Вас ни о чем, я протягиваю Вам мои дружеские руки. Берите их и верьте не в чудеса вне Вас, а в чудо живущей в Вас любви, притягивающей огонь чистого сердца встречного.

Мужайтесь. Создайте себе с моею помощью, новый ковчег-самолет, который мог бы вновь доставить Вас к Ананде. Я протягиваю Вам мои руки над той пропастью, что Вы сами вырыли себе. Но если и в этот раз моя верность не научит Вас следовать своей верностью за нами, – Ваш путь света оборвется на века и века. Приезжайте ко мне с моими друзьями. Положитесь во всем на подателя этого письма. Это человек большого здравого смысла. Набирайтесь сил и приезжайте с мистером Тендлем и его другом, с которым он Вас познакомит.

Передайте мой привет Вашей матушке и скажите ей, что она непременно еще, раз увидит Ананду, о котором усердно и благодарно молится. Кстати, примите непрощеный совет: берегите мать, – в ней залог Вашего будущего внешнего благополучия, которое так тревожит Вас. Я Вас жду. Флорентиец».

Прочтя письмо в третий раз. Генри прижал его к губам. Глаза его, полные слез, смотрели куда-то вдаль с детским выражением доверия и счастья. Это был совсем не тот Генри, которого покинул Тендль. Это был, вероятно, тот прекрасный и любящий сын, о котором говорила его мать. Никакой гордости и себялюбия не было сейчас на этом страдающем лице. Генри думал о Флорентийце, о протянутых ему могучих руках, сумеет ли он ухватиться за них, и сердце его было полно и тревоги, и восторга, и радости.

Но как мог даже такой великан духа, как Флорентиец, с такой точностью увидеть все рвы и пропасти, в которые срывался Генри? Этого он понять не мог. Его гордость, постоянно протестующая против добровольно данного им обета послушания, сейчас утихла. Всего час назад он видел англичанина, которому обет этот казался приятным и радостным долгом любви и чести по отношению к тому, кто был ему дорог. В голове Генри замелькали вереницы картин его жизни, одна за другой. Чарующий образ Ананды теперь, издали, казался еще, прекраснее. И Генри снова терял мужество и плакал, сознавая, что он потерял и как невозвратно потерянное.

В соседней комнате послышался легкий шум. Генри узнал шаги матери. Сколько горя и забот доставил он этой чудесной и чистой душе. Из последних сил, продавая свои ценности, переселяясь все выше и выше в домах для бедноты, мать воспитывала сына в лучшей школе. Когда Генри узнал о знаменитых венских профессорах и робко высказал желание туда поехать, – мать подала ему на следующее утро пачку денег, сказав, что то есть последние серьги и кольца. Смущенный Генри, колебавшийся между желанием учиться в Вене и остаться работать в Лондоне, чтобы поддержать мать, был поражен, когда она ему сказала:

– Ты, Генри, обо мне не думай. У нас с тобой дороги разные. Ты был дан мне на хранение, и я честно выполнила свой долг перед жизнью. Я исполняю его и теперь. Все, что могла, я для тебя сделала. Теперь ты образованный человек. Тебе не хватает только усовершенствоваться. Поезжай. Тут моя совесть чиста и спокойна. В чем я действительно виновата перед жизнью, так это в твоей невыдержанности. Я должна была научить тебя самообладанию. И не сумела. И ты выходишь в жизнь, не умея владеть собою. Вот за это люди и будут осуждать меня.

Генри вспоминал, как слезы покатались по щекам матери, как она их моментально смахнула и улыбнулась ему.

– Ничего, сынок, пусть твои невзгоды упадут на мою голову. Ты помни только, что гордость и заносчивость редко идут рядом с настоящим умом и талантом. Умный и по-настоящему талантливый человек всегда скромнен.

Так ярко вспомнилась Генри эта сцена. Мать его тогда была совсем молодой, со светлыми пепельными волосами. А теперь ее голова седеет, веселый смех почти не слышен, движения стали медленнее. И состарилась она именно в эти годы, когда Генри возвращался домой, поссорившись со своим другом и Учителем. Но никогда еще не видел он мать такой убитой, как на этот раз. Всегда бодрая и ободрявшая его, в этот раз, увидев его оборванным и голодным... И Генри не мог толком понять, что же потрясло его больше: разрыв с Анандой или тот ужас, который прочел он на лице матери. Теперь и то и другое не давало ему покоя. Слова Флорентийца: «Берегите мать», очень чувствительно задело его. Он должен был сказать себе, что только теоретически беречь мать. А вообще же был сух и стеснялся показать, как сильно он ее любит. Он, конечно, всегда был эгоистичен. В редкие, особенно счастливые моменты мира с самим собой Генри ласково делился с матерью какими-нибудь впечатлениями. Обычно же, возвращаясь домой, он садился за стол, ел и пил, не поинтересовавшись, откуда у нее деньги, шел в свою комнату или вновь уходил из дома, не посвящая мать в свои дела, но зато очень аккуратно возвращался к ужину.

Генри вспомнил, что иначе, чем за иглой или какой-нибудь другой работой своей матери он не видел. Он знал, что только е,, талант к шитью и рисованию по фарфору давали ему возможность жить и учиться, но никогда не задумывался об этом. Флорентиец разбудил в н,,м раскаяние. Он по-новому увидел сво,, поведение, и краска залила его лицо. Тут в дверь слегка постучали, и мать внесла большой поднос со всякими вкусными вещами. Лицо е,, перестало быть страдальческим, на н,,м опять сияла е,, обычная добрая улыбка и движения е,, стали гораздо увереннее. Генри облегч,,нно вздохнул. Его очень подавляла растерянность матери, е,, страх, о котором она молчала, но который сквозил во вс,,м. Всегда бесстрашная, не боявшаяся ничего – она упала в обморок, увидев Генри в облике бродяги.

– Кушай, мой мальчик. Тебе надо скорее поправиться, чтобы ехать к Великой Руке, твоему спасителю.

Она поправила ему подушку, Генри взял е,, ещ,, красивую, но загрубевшую от работы руку, как делал это в дал,,ком-дал,,ком детстве, и приник к ней щекой.

– О ч,,м вы говорите, мама, какая великая рука? – А разве ты не получил письма?

– Я получил письмо от Флорентийца, которого зовут здесь почему-то лордом Бенедиктом. Он действительно великий человек. Но почему вы его так странно называете, и кто вам сказал, что он прислал мне письмо?

– Если ты будешь кушать, мальчик, я тебе расскажу кое-что, чего не говорила раньше.

Заставив Генри поесть, миссис Оберсвоуд села рядом и рассказала сыну о своей встрече с дядей Ананды. Рассказ этот произв,,л на Генри такое сильное впечатление, что мать не на шутку испугалась.

– Боже мой, мама, почему же вы раньше не сказали мне об этом? Может статься, что третьего раза и не было бы.

– Видишь ли, мой родной сыночек, сколько бы я тебе ни говорила, как бы тебя ни охраняла, что значит моя любовь рядом с синьором Анандой? Ведь он если не святой, то, во всяком случае, уж такой мудрец, перед которым и свечи сами зажгутся. Как же не зажечься сердцу человека от его любви? Но тво,, сердце, Генри, особенное. В н,,м не то что каприз жив,,т. Но оно светится и гаснет, потом светится вновь, а устойчивого огня в н,,м нет. Гордость мешает тебе думать сначала о ком бы то ни было, а потом только о себе. Если ты мечтаешь стать великим доктором, то хочешь непременно быть знаменитым и чтимым за то, что спасаешь людей. Если хочешь учиться и стать мудрецом, то таким, чтобы твоя мудрость на

полмира звенела. Если жаждешь новых знаний, тебе неизвестных, то начинаешь с критики своих учителей, оспариваешь их распоряжения, не зная толком, зачем они. С самого детства вс,, это я тебе растолковывала, дорогой мой, любимый мальчик. Но не умела разъяснить, что без спокойствия и самообладания нельзя понять, что делается вокруг и в тебе самом. Быть может, Великая Рука теперь научит тебя своим примером?

– Ах, мама, мама, если бы я раньше увидел и понял вашу жизнь, мне не нужно было бы ходить куда-нибудь за живым примером мудрой чистой жизни.

– Ну что теперь, сынок, оглядываться назад. Я отчаивалась, пока у меня не было надежды на твою встречу с Великой Рукой. А сейчас вижу, как была неправа. Милосердие великих людей не похоже на наше. Если дядя Ананды сказал тогда, что тебя спас,,т Великая Рука, – мне следовало знать, что так оно и будет, что прид,,т помощь. А я поддалась страху, чуть совсем не пала духом. Какой же я тебе пример? Ах, Боже мой, заговорились мы с тобой. Шоколад-то остыл, пудинг едва т,,плый, а ты вс,, такой же голодный.

Подогрев ужин и накормив сына, старушка ещ,, долго сидела подле него, слушая рассказ о его жизни у Ананды.

Никогда прежде не посвящавший мать в свою интимную жизнь, Генри сейчас излил всю душу, не утаив самых тяжелых воспоминаний и переживаний. Начав с первых дней знакомства – совершенно случайного – с Анандой, Генри закончил своим крушением в Константинополе. Так, сидя однажды в деш,,вом венском кафе с товарищем, он вдруг услышал голос необычайного, металлического тембра, обращенный к его соседу:

– Марко, как ты сюда забрался?

От неожиданности оба студента, погруженные в какой-то научный разговор, вздрогнули. И вдруг Марко весь расцв,,л, забыл обо вс,,м на свете и выскочил на улицу к смотревшему на них сквозь искусственную зелень незнакомцу. Вернувшись с ним к столику, Марко назвал его Анандой и представил Генри.

– Вы не сердитесь, что я прервал ваш разговор? – спросил Ананда, глаза которого – огромные, т,,мные – так блестели, что казались Генри золотыми и чрезвычайно поразили его. – Сердился минуту назад, но сейчас в восторге. – Вот как, вы легко переходите от одного настроения к другому? И ваши мнения меняются так же быстро?

– Мои мнения и настроения, и вообще весь я, действительно неустойчивы. Но в сво,, оправдание могу сказать, что не встретил ещ,, в жизни ничего такого, что могло бы захватить меня целиком. Хотя если бы я

знал, что могу разделить ваши интересы, я бы вовеки не отош,,л ни от них, ни от вас. Вот я вижу вас первый раз в жизни, но уверен, что вы жив,,те не так и не тем, чем живут другие, – совершенно неожиданно для самого себя сказал обычно молчаливый и необщительный Генри.

Марко посмотрел на Генри во все глаза, рассмеялся и сказал Ананде:

– Ну, разве я не прав, Ананда, называя вас блуждающей кометой, изменяющей орбиты людей? Этот молчаливый британец, считающий себя – хоть и не совсем безосновательно – талантливей и умней всех, позволяющий себе разговаривать с людьми без должного уважения, вдруг разразился объяснением в любви! Но только, милый мой Генри, перед вами не немецкий профессор, с его строгими методиками, дотошностью и аккуратностью. Имеете память и прилежание – пожалуйста в ученики. Ананда – Учитель жизни. Чтобы за ним следовать, надо подыматься по ступеням духовного развития, а не интересоваться лишь одной наукой да мечтать, какое место вы займ,,те среди синклита мировых знаменитостей.

Уязвленный в самое чувствительное место, Генри – тот Генри, который ещ,, не видал Ананды, – вспыхнул бы, наговорил грубостей и рассорился навек. Теперь же, под пристальным взглядом нового знакомого, ласковым и успокаивающим, он с чувством сказал:

– Вы глубоко правы. Марко. Я совершенно не достоин быть другом или, как вы выразились, учеником сэра Ананды. Но, в свою очередь, не могу понять вас: как можете вы спокойно ходить на венский медицинский факультет, если знаете, что на свете есть Учитель жизни, что можно его найти и за ним следовать?

– Кто вам сказал, что я сижу только в душной лягушачьей немецкой науке и не следую за Анандой? Чтобы делать выводы и заключения, надо хотя бы знать логические связи между всеми предпосылками и посылками. А вы, не зная меня до этого мгновения, ведь интересовались вы всегда лишь моей библиотекой, мною же – как бесплатным к ней приложением, вы позволяете себе делать неуклюжие выводы. Да и какой вам Ананда «сэр»? Вы воображаете, что выше вашей Англии ничего на свете нет. Марко пылал. Стрела Генри попала в цель. – Будет вам спорить о несущественном, дети. Ты, Марко, виноват больше. Уже скоро три года, как ты дружишь со мной. И обещал мне, что твой бурный итальянский темперамент будет к этому времени усмир,,н. Но я вижу, что по-прежнему сначала говорит твой язык, а уж потом думает голова.

– Нет, нет, Ананда, мой дорогой и светлый гений, – печально ответил Марко, – Я отлично знаю, что не должен был раздражаться. Генри ведь не понимает, что пронзил меня.

– Если бы и понимал, вс., равно виноват ты, ведь ты поймал его стрелу. Но оставим пока этот разговор. Запомни только: никогда не проси у жизни того, к чему не чувствуешь себя совершенно готовым. Если что-то тебе не да,,тся – не настаивай. Жди, мужайся, воспитывай самообладание. И только тогда вступай, на манящую тебя дорогу, когда почувствуешь в себе умение и силу владеть собой. Что же касается вас, мой новый друг, то если вам захочется. Марко привез,,т вас ко мне завтра вечером. Я живу в окрестностях Вены, недалеко от города, и сообщение хорошее. Приезжайте отдохнуть и подышать отличным воздухом. А сейчас я похищаю у вас Марко. Не сердитесь и постарайтесь сохранить ваше доброжелательное настроение до завтра, – прибавил Ананда, пожимая руку Генри.

Такой руки ещ,, не приходилось Генри держать в своей. Узкая, мягкая и сильная, довольно большая, но такая пропорциональная, артистическая рука Ананды овладела, казалось Генри, всем его существом.

– Итак, до завтра. Я вижу, что вы приедете. Но уговор: ни разу не раздражаться до завтра.

– Ну как я могу сердиться на Марко, если он познакомил меня с вами? всю жизнь я должен быть ему благодарен за это счастье, – снова неожиданно для самого себя сказал Генри. Ему показалось, что Ананда на миг как бы задумался и, улыбнувшись, сказал:

– Как трудно бывает человеку разобраться в самом себе и понять, где у него действительное желание, а где – его иллюзия.

Приподняв на прощание элегантно жестом шляпу, Ананда пош,,л к выходу, увлекая за собой Марко...

Как ярко вспомнились Генри эти первые мгновения знакомства с Анандой. Какое-то новое чувство любви, дотоле ему совсем незнакомое, пробудилось в н,,м. Он едва дождался встречи с Марко. Он надел свой лучший костюм, тщательно выбирал галстук и расч,,сывал волосы. Генри ещ,, ни разу не ходил на свидание и никогда не интересовался своей внешностью, а теперь вот стоял перед зеркалом и старался понять, красив ли он. Впиваясь в зеркало, он вспоминал блестящие, как зв,,зды, глаза нового знакомого. Вспоминал его мощную, высокую и стройную фигуру, элегантную, л,,гкую походку и манеры герцога, – и казался себе заморышем, сереньким, невзрачным человечком. Генри чуть было не впал в мрачность и хотел уже сбросить свой новый костюм и остаться дома. Но очарованность, любопытство к какой-то иной, неизвестной ему, высшей душе и жизни заставили победить раздражение и поспешить в университет. И когда он, наконец, очутился перед Анандой посреди прелестного сада, то не видел никого и ничего, кроме хозяина.

– Пожалуйста, Ананда, уймите этот Везувий из Лондона. Это какой-то сумасшедший. Я знал его два года как чистейших кровей британца, и вдруг – нате, подменили парня, – разводил руками Марко. – А вы велите мне овладеть своим темпераментом. Мой-то хоть неаполитанский, им и овладеть можно. Но когда Везувий извергает лаву в Лондоне... Этот номер посерьезнее будет.

С несвойственным ему добродушием выслушал Генри насмешки приятеля, а Ананда, взяв обоих юношей под руки, увел их в глубину сада, где на искусственном холме возвышалась беседка. Открывавшийся из нее, вид на окрестности изумил и пленил Генри, почти никогда не покидавшего города.

– Вы мало знаете и мало любите природу? – спросил Ананда.

– До сих пор я думал, что мало. Теперь полагаю, что мог бы ее, очень любить, если бы знал.

– Сомневаюсь, чтобы человек любил лишь то, что он знает как факт. Любовь живит в человеке и заставляет его ценить не только то, что он знает, потому что видит. Она постоянно ведет его вперед, заставляя искать себе применение. Если человек говорит, что любит науку, а не людей, для которых он ищет знания, не видит в них высшей цели своей науки, – он только ее, гробокопатель. Если идти по жизни, не замечая жертв и самоотвержения тех, кто сопровождает тебя, – не дойдешь до тех высших путей, по которым идут великие люди.

Долго пробыли Генри с Марко у Ананды. Приезжали к нему еще, люди, самых разных возрастов и положения. Приходили бедняки, и со всеми одинаков был Ананда: все уходило утешенными, ободряющими, успокоенными. Но о себе Генри этого сказать не мог. В нем росло чувство неудовлетворенности, горечи, какого-то недоумения. Почему же он, Генри, чувствует себя чужим, тогда как всем так хорошо здесь? И, вместе с тем, Генри даже представить себе не мог, чтобы жить дальше, не имея возможности заглянуть в этот чудный уголок, увидеть Ананду. Все, что говорил и делал Ананда, все, казалось ему необыкновенным. Ананда же, казалось, забыл о Генри после первых сказанных ему слов. И только прощаясь, он посмотрел пристально ему в глаза и сказал, смеясь:

– У вас сейчас такое лицо, точно я приговорил вас к посту и воздержанию. Вам, вероятно, не захочется больше навестить меня?

Генри испугался. Он подумал, что Ананда в вежливой форме давал ему понять, что дальнейшее с ним знакомство невозможно. Точно прочитав его мысли, Ананда ласково добавил:

– Мой дом открыт для всех. Я буду рад видеть вас среди моих гостей.

Этот дом – только временное мо,, пристанище. Настоящий же далеко отсюда. Но я бы не советовал вам спешить узнать мой настоящий дом. Торопясь, люди часто слишком многого ждут и от самих себя, и от тех, в ком ищут для себя идеальных руководителей. Не торопитесь. Ждите зова той любви, о которой я говорил сегодня. Этот зов вы услышите, когда станете любить людей. Марко скажет вам, когда можно будет сюда приехать ещ,, если, как я читаю на вашем лице, вы так опечалены разлукой.

– О, если бы вы знали, как теперь невозможно для меня жить без вас. Даже один день без вас невозможно и невыносимо прожить.

– Ну вот, я говорил, что английский Везувий – это чистое наказание, – смеялся Марко.

– Это нехорошо, Генри, – сказал Ананда, кладя ему руку на плечо. – Я не кудесник, а такой же человек, как вы. Но тот, кто не может и дня прожить в разлуке даже с самым очаровательным кудесником, – тот слишком слаб, чтобы идти дорогой свободных. Он раб своих желаний и не найд,,т точек соприкосновения с теми, кто освободился от них. Будьте сильным и работайте вдвое прилежнее, вс,, время думая о людях, которых будете спасать своей наукой, а не об удовольствии общения со мной.

Так окончилось первое свидание Генри с пленившим его Анандой. Дальше Генри рассказал матери, как постепенно открылся для него новый мир, как он начал по-иному понимать смысл жизни. Чего Генри долго понять не мог, так это полнейшего отсутствия чего-либо личного в самом Ананде. Привыкший ставить себя в центр Вселенной, Генри никак не мог осмыслить жизни, в которой не было личного. И Ананда, видя его тщетные усилия, сказал ему однажды:

– Друг мой, послушайтесь моего совета. Оставьте пока мечту следовать за мной и жить моими принципами. Нельзя приказать себе идти пут,,м вдохновения. Можно только увлечься, загореться любовью к людям и состраданием к ним. И видеть радость не в том, чтобы подражать кому-то, кого любишь, а в том, чтобы жить по своей собственной инициативе, на собственный манер, но свободно и любовно, и тогда вы непременно встретитесь в делах и действиях дня с тем, кого сочт,,те себе примером и кто – на свой лад – ид,,т, любя и сострадая. Соберите весь свой характер и волю, которыми гордитесь как самоцелью, переключите их на умение жить легко, просто, любовно принимая все жизненные обстоятельства. Поверьте, что это единственный путь, идя которым можно приблизиться ко мне. У человека нет другой возможности стать выше толпы, чем труд каждого дня.

Но Генри не внимал ничему. Он так впился в Ананду, что все его

мысли, вся жизнь сконцентрировалась на новом друге. Неотступными мольбами он выпросил у Ананды согласие взять его, в числе немногих, с собою в Венгрию, куда тот уезжал через несколько месяцев. Не сразу согласился Ананда и поставил перед Генри ряд условий, главными из которых были приветливость, затем доброжелательность к окружающим, изысканная вежливость и полная правдивость во всём, Генри должен был остаться в Вене один, пока Ананда уезжал по другим делам, а потом поехать с ним в Венгрию. Для Генри, надевшегося, что Ананда возьмёт его с собой, как Марко, было убийственным ударом остаться в Вене одному. Но здесь уж никакие мольбы не помогли. Ананда очень строго дал Генри понять, что люди, не имеющие даже капли духовной силы и выдержки, чтобы вынести кратковременную разлуку, не выдержат жизни рядом с ним.

Генри пришлось остаться, и одиночество его с отъездом Марко стало ещё, тяжелее. Но мало-помалу он стал обретать равновесие. Трудно давалось Генри самое элементарное внешнее воспитание. Он отлично знал, как надо вести себя с товарищами. Но не желал ни с кем дружить, считая себя выше всех. Простая приветливость и любезность, так сильно очаровавшие его в Ананде, не давались ему. Внешне он так и оставался угрюмым дичком. Наконец, он получил известие, что Ананда возвращается. Рад был Генри ужасно и оттого впал в необычную для себя рассеянность. Чтобы сократить время ожидания, он отправился в анатомический кабинет и, к ужасу профессора и товарищей, поранил себе руку. Несмотря на все тут же принятые меры, к вечеру у Генри поднялся сильный жар, а утром он уже никого не узнавал и даже не подозревал, что подле него сидит Ананда, ворвавшийся к нему как буря. Это и было то время, когда мать приезжала к нему в Вену. Долго возились с Генри и сам Ананда, и его дядя, и ещё, какие-то люди, из которых он запомнил только Марко, пока Генри не был окончательно вырван из когтей смерти.

Болезнь произвела в его душе переворот, но вовсе не тот, на который надеялся Ананда. Он не стал мягче к людям, он только сделался тенью Ананды и преданность его не имела границ. Но была она ревнива, жадна, завистлива к каждому ласковому слову Ананды, подаренному другим.

– Вероятно, несносна ревнивая и тупая женщина. Ещё, несноснее умная, потому что у неё, нет привилегии глупой. Но ревнивый ученик – посмешище для всех. И если ты, Генри, в сближении со мною не видишь ничего, кроме личной дружбы, – нам с тобой не по дороге. Повторяю: ты не готов в путь со мною. Всё, чего я и не замечу, – для тебя будет не только препятствием, но и трагедией. Ты настаиваешь, и сам видишь, как смешно

выпячиваются твои свойства среди окружающих меня свободных людей. Нужно только любить. Так любить, чтобы победа над той или иной страстью пришла не от ума, а оттого, что сердце раскрылось. Ты же, в жажде чего-то высшего, вс., время путаешь понятия обыватель и мудрец. Не тот мудрец, кто сумел однажды совершить великий подвиг. А тот, кто понял, что его собственный трудовой день и есть самое великое, что дала человеку жизнь.

Сколько дней ты потерял в мечтах о мо,,м возвращении. Разве ты работал для общего блага, когда плакал, раздражался и думал о своей персоне? Чего ты ждал? В пустоте проходил день за дн,,м, не внося ничего в общую жизнь людей. Ты знаешь, что цель моей жизни счастье и мир людей. Что ты сделал, чтобы следовать за мной по этому великому пути? Или все твои слова – это бред вроде клятв раздражительной и нервной баб,,нки? Обдумай ещ,, и ещ,, раз вс,, что я тебе сказал, и приведи себя в равновесие. Если ты на это не способен, со мною ехать не можешь. Я всегда предоставляю человеку полную свободу действий. Всегда хочу, чтобы он не был стесн,,н узкими рамками ж,,сткого послушания. Но тебе мой метод воспитания не подходит. Тебе нужны железные рамки, иные – не менее милосердные, но иные руки. Жди, работай, а я о тебе не забуду, ты встретишь эти руки.

Однако мольбы Генри были так раздирающи, сл,,зы так невыносимы, что Ананда согласился взять его с собой, но когда он велел Генри собираться, лицо его было печально. В Венгрии, в прекрасном старинном доме, принадлежавшем дяде Ананды и более похожем на замок, Генри и те немногие, что приехали с Анандой, были размещены в отдельном крыле, далеко от центральной части дома, где жили Ананда и его дядя. Это сразу не понравилось Генри, надевавшемуся, что он будет неразлучен со своим другом и Учителем. Скрепя сердце подчинился он строгому режиму жизни, ожидая, что вот, наконец, увидится с Анандой. Но Ананда был недостижим. И Генри вс., слонялся без дела, хотя отлично видел, что остальные заняты целыми днями, пользуясь прекрасной библиотекой, находившейся в их крыле. Наскучив, наконец, бездельем. Генри взял свою работу и отправился в библиотеку, совершенно уверенный, что по своей специальности, которая была из тончайшей отрасли медицины, книг не найд,,т. Каково же было его изумление, когда он нашел такие драгоценные материалы, о которых ему только приходилось слышать. С этого дня, увлекшись работой. Генри перестал чувствовать себя несчастным. С него точно свалился какой-то груз, он стал внимательно присматриваться к окружающим. Ему казалось странным, что его никто не трогал, пока он уныло и капризно молчал.

Когда же теперь он обратился с вопросами к соседям – ему ответили очень ласково. Соседом по трапезам, слева, оказался совсем молодой человек, француз, ботаник. Несмотря на молодость, он проявил в беседе очень большую эрудицию не только в своей области, но и по части мозговых заболеваний, над которыми работал Генри, считая себя здесь гением. Молодые люди разговорились и пошли вместе в парк собирать лечебные травы. Спутника Генри звали де-Сануар. Казавшийся юношей, он продолжал поражать Генри своими знаниями. Как будто не было предмета, которого он не знал, не было народа, чья жизнь была бы ему неизвестна.

– Когда же вы успели объездить весь свет? – воскликнул удивленный Генри.

– Я уже дважды совершил кругосветное путешествие и собираюсь пуститься в третье, если Ананда даст разрешение. – Да разве вы ездили или поедете на средства Ананды? – Нет, конечно. Но вопрос ваш – вопрос обывателя, которому не ясны ни цель, ни смысл его жизни. Я же стараюсь жить по тем законам любви и чести, которые могут привести меня к преддверию ученичества у Ананды. Давно присматриваюсь к вам и не могу понять, почему вы оказались здесь, среди нас. Сейчас мне это стало ясно.

– Что же вам стало ясно, господин де-Сануар? – впадая в прежнюю заносчивость, высокомерно и раздраженно спросил Генри.

– Видите ли, каждый человек определяет себе путь сам. И когда глаз привыкает различать типы людей, сразу понимаешь, по какому пути идет человек, в каком луче его преобладающие свойства. Вы, по-моему, попали сюда по недоразумению. Вам надо бы в оранжевый луч попасть, а вы пребываете в фиолетовых красках, которых у вас всего меньше. Вряд ли вам понятно, о чем я говорю. Но как как мне никто вас не поручал, то говорить яснее я не могу. Не думайте, что у нас здесь какие-то тайны. Просто мы имеем мужество молчать о делах, которые являются великой честью и радостью. Но я слышу гонг, призывающий нас к ужину, а мы далеко зашли. Поспешим, здесь неудобно опаздывать к столу. – Да ведь это чуть ли не казарменная дисциплина! – О нет, что вы! Здесь полнейшая свобода. И вы можете заставить ждать себя с ужином или фонарем у подъезда хоть всю ночь, вас никто и не подумает упрекнуть, так велико здесь уважение и доверие к человеку. Но именно это-то и заставляет уважать порядок и покой хозяев и слуг, относящихся к нам с такой радостной любовью.

Генри молча шел за своим новым знакомым по узенькой тропке. Красота природы, прелестные, внезапно открывавшиеся виды мало его трогали. Он думал теперь о людях, с которыми сейчас встретится за

столом.

– А скажите пожалуйста... – Генри вдруг запнулся, не зная, как принято обращаться во Франции к малознакомым людям.

– Меня зовут Поль, если вы не хотите называть меня по фамилии, – как бы угадав причину заминки, сказал де-Сануар. – Мы можем просто называть друг друга по именам. Здесь почти все встретились впервые, но чувствуют себя настолько близкими, связанными одними и теми же идеями и стремлениями, что интимное имя звучит кстати.

– Удивительно, как вы сразу сообразили, что именно меня остановило. Не можете ли вы мне сказать, Поль, кто все эти люди, которых прив,,з Ананда, а также те, кого мы здесь уже застали? Меня зовут Генри, если вы желаете называть меня по имени.

Весело рассмеявшись, Поль ответил:

– Прежде всего. Генри, я очень рад, что вы заинтересовались людьми. Становится легче жить, когда внимание отвлекается от самого себя. Кстати, нам придется идти кратчайшей дорогой, так как я слышу, что гонг ударил второй раз. Через четверть часа надо уже быть за столом, а до этого успеть помыться и переодеться. Поэтому мы взбер,,мся на холм и спустимся прямо к дому.

Поль назвал холмом довольно высокую гору, показавшуюся Генри не такой уж безобидной, что он и высказал своему спутнику.

– Это только так кажется, Генри, Дела вовсе не так страшны, когда знаешь, как за них взяться. Прыгайте за мною, – вдруг скомандовал Поль.

У Генри, никогда в жизни не ходившего в горы и не скакавшего через рвы, уже болели ноги, дрожали колени, и, прыгнув, он сорвался и покатился бы вниз, если бы сильная рука француза не подхватила его и не поставила на ноги рядом с собой.

– Я полагал, что все англичане спортсмены. Но, должно быть, и это мо,, предположение стоит столько же, что и большая часть моих знаний, в которых я каждый день разочаровываюсь и заново совершенствуюсь. Спускайтесь осторожнее, а лучше дайте руку, – прибавил он, увидя, что Генри поскользнулся. Обхватив его за талию и подняв, как реб,,нка, Поль сбежал с ним с крутой горы.

– Ну вот мы и дома. До свидания, – бросил он Генри, скрываясь в дверях, не дав ему ни опомниться, ни поблагодарить себя.

Оглушенный и расстроенный. Генри вдруг услышал за собой шаги и голос Ананды:

– Я удивл,,н, друг, что ты стоишь здесь в одиночестве. Разве ты не успел ещ,, сойтись ни с кем из моих друзей? О, да ты совсем ещ,, не готов к

ужину. Что с тобой случилось? – зорко взглядываясь в Генри, спрашивал Ананда.

Генри молчал. Жажда увидеть Ананду вылилась, вместо радости свидания, в такое раздражение, на какое Генри не считал себя способным по отношению к своему великому Другу.

– Вы привезли меня сюда и бросили. Вы отлично знали, что я ехал сюда не для того, чтобы быть среди незнакомых мне людей. Вы даже не познакомили меня ни с кем, и я был обречен на полное одиночество, – кричал Генри. Когда он опомнился, то увидел, что Ананда молча смотрит на него. Что было особенного в этом взгляде? Что заставило Генри вдруг умолкнуть и прошептать:

– Простите меня, я так без вас изводился и в таком страхе стою опять перед вами, зная, что не увижу вас так часто, как того хочу.

– Бедный мальчик, я говорил ведь, что ты не готов, что свобода для тебя не подходящий путь. Тебе нужны строгие рамки послушания, чтобы хоть до некоторой степени восполнить отсутствие воли и выдержки. Но ты не виноват, что я внял твоим мольбам.

В глазах Ананды, в тоне его голоса было столько доброты и сострадания, что казалось, он целиком вобрал в себя сердце Генри и переживает все его муки.

– Но теперь, в эту минуту, сделать уже ничего нельзя. Раньше три месяца отправить тебя отсюда не смогу. Но потом ты уедешь. Я ведь здесь не один. Кроме тех, кого ты видишь, здесь еще много тех, кто занят важным трудом во всех областях науки и техники, искусства и литературы. Здесь живит и мой дядя. Все эти люди – очень высоко развитые духовно сознания. Они воспринимают окружающее настолько тонко, их слух и нервы так нежны, что твоим смятенное состояние тревожит их, как непрерывный крик младенца. Я не имею права нарушать покой их труда и жизни. Я-то надеялся, что печали этой ни им, ни мне ты не доставишь. Увы, я наказан за чрезмерное доверие. И должен теперь выпить чашу твоих страданий вместе с тобой. Чтобы избавить тебя от несвоевременных обетов, должен принять на себя твой удар. Иначе обеты твои могут отразиться на твоей карме.

Ступай сейчас в свою комнату. Еду подадут туда. Навсегда запомни, что нельзя выходить к людям в состоянии такой неуравновешенности и отравлять их своими ядовитыми вибрациями. Собери свои вещи. Я переведу тебя в отдельный домик в парке. Будешь пока жить один, чтобы становиться постепенно таким человеком, который не будет тревожить своих снисходительных товарищей по общежитию. Иди, я приду за тобой

через два часа.

Как приговор,,нный, двинулся Генри в свою комнату и бросился на постель, разрываемый отчаянием. Если бы он не чувствовал на себе взгляд Ананды, светлый взгляд любви, сострадания и нежности, он так и не понял бы своей вины. Теперь же милосердие Ананды позволило ему увидеть, что значит высокое благородство духа и как можно забыть себя и личную обиду, когда сердце не обвиняет, но щадит брата, оступившегося на своей тропе. Бешеное раздражение, которое длилось обычно очень долго, мучая его самого и других, ушло куда-то. Генри встал с постели и впервые совершенно четко сказал себе, что виноват он. Вежливо отказавшись от еды, настойчиво и ласково ему предлагаемой, Генри быстро собрал вещи и с сожалением оглядел эту прелестную комнату, которую не сумел оценить и которую теперь ему приходилось покидать. Он не наш,,л здесь мира и нан,,с удар Ананде.

Генри сел на широкий подоконник, впервые увидев, какой чудный вид открывается из окна. Широкая долина, по которой протекала река, луг, дал,,кий лес, уютно разбросанные по горам домики, вс,, вс,, теперь пленяло его, вс,, было жаль покинуть. В сердце Генри, в его глаза точно впечатался взгляд Ананды с его божественной добротой, неосуждением и состраданием. Генри готов был кинуться на колени и снова уверять Ананду в своей непоколебимой любви и верности. Но в него уже проникло сознание, что крик младенца никого ни в ч,,м не убедит. Он решил подчиниться воле Ананды и ничего не просить. Сейчас ему казалось нестерпимо глупым и смешным его поведение час назад и все эти дни тоже. Почему он не ходил в библиотеку? Почему не занимался? Ведь сколько можно было сделать для себя в науке и порадовать Ананду прилежанием и спокойствием. Генри вспомнил, как де-Сануар, поразивший его знаниями, сказал, что мечтает и ищет приблизиться к преддверию ученичества у Ананды.

– Боже мой, мама, как я был виноват тогда. И потом, в следующий раз, я снова свихнулся на том же: на ревности и зависти. Ананда приблизил к себе новых людей. Теперь я понимаю, что они, эти высокие люди, были достойны того. Но тогда я опять взбесился, уш,,л и приехал к вам. А теперь я вернулся в третий раз, и причина тому ещ,, хуже. Ананда велел мне стать учеником прекрасного доктора И., а я не захотел. И стал критиковать их поведение. А кончилось тем, что я, незаметно для себя, попал в руки злодея, т,,много и страшного, от лап которого меня едва спасли доктор И. и Ананда. Ананда велел мне возвращаться в Венгрию, а я не захотел. Вернее, я было поехал. Но этот т,,мный, которому я дал власть над собой, гнал за

мною по пятам. Его друзья, пользуясь тем, что я постоянно раздражён, соблазнили меня, уговаривали, и я раздумал. Я готов был уже отправиться туда, куда звали они, друзья того подлого, имя которого да-Браццано, как увидел вас во сне. Мне снилось, что вы пришли ко мне, такая молодая, в белых одеждах, с золотыми волосами и прекрасная, и сказали: «Генри, посмотри, ведь ты стоишь в центре змеиного клубка. Пойдём скорее отсюда. Спешу, я выведу тебя». Я проснулся в ужасе, мама. Кое-как оделся, схватил саквояж, деньги, бросил всё, остальное и побежал за вами на берег. Вы так быстро шли, что я еле поспевал. Подведя меня к пристани, вы указали на какой-то пароход, готовившийся отойти, и приказали: «Прыгай скорее». Я прыгнул в отходившую шлюпку и едва успел последним выбраться из неё, на палубу, как трап подняли и пароход двинулся. Я начал искать вас, совсем растерялся, не умея ответить, как я очутился на пароходе. Меня повели к капитану. И тут совершилось чудо. Капитаном оказался Джемс Ретедли, с которым я встречался у Ананды в Константинополе. Я узнал его сразу и, как мне ни было горько, назвал имя Ананды, перед которым – я помнил это отлично – капитан благоговел. Он сразу же вспомнил меня и назвал по имени. И ещё, раз, мама, я нашёл благородного человека. Он обогрел, утешил, накормил меня и спросил только, куда я хочу ехать. Я назвал вас и Лондон. Он сказал, что поведёт новый пароход в Лондон через месяц, и я должен переждать это время где-нибудь. Так как я молчал, он долго испытующе смотрел на меня, видимо хотел о чём-то спросить, но промолчал, вздохнул, покачал головой и, точно о чём-то жалея, сказал:

– Я вижу, что вы несчастны. Этого для меня довольно. Я вспоминаю один из своих разговоров с Анандой, когда я сам был несчастен, вспоминаю и слова Ананды, которые он велел мне помнить всегда: «Никто тебе не друг, никто тебе не враг, но каждый человек тебе учитель». И действительно, в данную минуту вы мне преподали огромный урок. Я думал, что жить подле Ананды это счастье. А оказывается, даже живя подле него, можно быть несчастным. Это меня и поражает, и учит. Но об этом не время сейчас говорить. Словно что-то обдумывая, он помолчал и прибавил: – Есть только одна возможность вам помочь. В Ялте я сдаю пароход своему помощнику, и он поведёт его в Севастополь, в ремонт. Я буду жить этот месяц в Гурзуфе. Там вас устроить я не могу. Но я предлагаю вам пожить на моём пароходе и заняться какой-нибудь работой. А потом постараюсь доставить вас в Лондон. Но работать вам придётся тяжело. Однако иного у меня для вас ничего сейчас нет. Если вы согласны, я постараюсь провести этот план в жизнь.

Я увидел перед собой, мама, человека не только одной твёрдой воли и чести. Я понял, что он поставит меня в жесткие условия, но сдержит слово и довезет до Лондона. С другой стороны, я не менее хорошо понял, что этот добрый и властный человек не задумается высадить меня на необитаемый остров, если я хоть что-нибудь нарушу в нашем уговоре. Держа слово чести, он требовал того же от других. Выбора у меня не было. Я принял предложение.

Не буду рассказывать, как я жил. Все мои физические страдания, труд и общество людей, к которым я не привык, – всё, чепуха в сравнении с тем адом нравственных мучений, в котором я горел, вспоминая Ананду и всё, что потерял по собственной вине. Каждый день всё больше и больше постигал я величие Ананды, его доброту и терпимость, а также меру своего непослушания и бунта. Я дал слово искупить все свои проступки. Я не надеялся, что кто-то протянет мне руку помощи, но в вас я был уверен. Когда же, при встрече, я увидел на вашем лице ужас и отчаяние, я совсем пал духом. Намерение осталось таким же твёрдым. В моём сердце тишина. Но внешне я не смог измениться, не смог стать нежным, внимательным к вам и ласковым, как я себе обещал.

Сейчас какая-то перегородка во мне рухнула, и я могу сказать, как обожаю, как уважаю вас.

Генри притянул к себе мать и вдруг почувствовал себя её защитником и покровителем. Долго ещё говорили они, ощущая необыкновенное счастье взаимной дружбы и полного доверия. С большой неохотой расстался Генри с матерью, настоявшей на том, чтобы он заснул и набрался сил перед свиданием с мистером Тендлем.

На следующее утро, не успел Генри проснуться, как ему подали письмо, надписанное незнакомым почерком. Вскрыв конверт и увидев подпись: «Джемс Ретедли», Генри удивился, а прочтя письмо и, подняв выпавший из него чек на крупную сумму, был и тронут, и сконфужен, и поражен. В пути капитан не делал никакой разницы между Генри и остальными служащими и матросами своего пароходного царства. Он, казалось, забыл, что знал Генри иным, что тот был доктором и мог бы занять на пароходе иное положение. Генри, поначалу убитый таким неожиданным для него поведением капитана, постепенно стал считать это нормальным, а к концу пути уже думал, что ничего иного он и не заслуживает. Свои обязанности он исполнял так, как будто каждую минуту рядом с ним стоял Ананда.

Капитан не давал Генри заметить, что остро и внимательно наблюдает за ним. Тот работал так усердно, спокойно и выдержанно, что капитан всё,

более жалел своего подчиненного и все, сильнее удивлялся. Он не мог понять, была ли выдержка Генри и его спокойствие новым приобретением его воли и характера или они были присущи ему всегда. Как же мог дойти Генри до разрыва с Анандой, если в его сердце такое спокойствие, – все, задавался вопросом капитан. Он решил помочь Генри всем, чем только мог. Получив расчет, Генри постарался тут же скрыться и оставил капитану маленькую записку, в которой благодарил за то, что его доставили в Лондон.

«Очень милый и очень уважаемый мистер Оберсвоуд, – писал капитан в письме, которое читал сейчас Генри, – самым неожиданным образом поворачиваются пути людей. Буду лаконичен. Именем того, кто нам обоим дорог, прошу Вас принять этот чек. Это вовсе не лично моя и не лично Вам помощь. Это радость полной уверенности в Вас, в Ваших силах, в том, что Вы возвратите мне полностью всю предлагаемую Вам сейчас сумму, когда обстоятельства Вам позволят.

Мой привет Вам. С именем, нам обоим дорогим, пойдём оба вперед. У каждого из нас начинается новый поворот пути, пусть он будет носить имя: «Свет». Вперед, друг. У Вас много сил. Вы достигнете желаемого. Ваш покорный слуга, уважающий Вас друг Джемс Ретедли».

Капитан прилагал свой адрес и звал Генри посетить его в Лондоне. В письме дважды стояло «уважаемый», что наполнило Генри детской радостью. Он бросился к матери, обнял ее, и показал письмо и чек.

– И это все, не от Великой Руки, Генри? Я не верю, что Великая Рука не знает об этом, как и о мистере Тендле. Кстати, надень этот костюм. Я привела его в божеский вид.

Генри был подан вычищенный и отутюженный, совсем приличный костюм, который он считал окончательно погибшим.

– Бог мой, мамочка, да когда же вы успели все это сделать? Будет ли мне когда-нибудь прощение? Ваши волосы, так рано поседевшие, будут мне вечным укором.

– Полно, сынок. Каждый человек заслужил свой путь. И не важно, как кто живёт. Важно, что приходит в его день и КАК он это воспринимает. Что бы ни случилось со мной и с тобой, я буду любить тебя все больше, и верней друга у тебя не будет. Будут у тебя, да и есть они, друзья могущественные, богаче и умней меня. Но моя материнская верность всюду пойдёт за тобой. Одевайся скорее, сынок, приедет мистер Тендль. надо суметь ему улыбнуться и показать, как ты ему благодарен, – глядя кудри сына, старалась ободрить его мать.

– Да, мама, если бы я мог научиться у вас улыбаться людям, я считал

бы, что половина работы по самовоспитанию сделана. Если бы вы знали, мама, как я боюсь встречи с Великой Рукой. Я так мало и плохо знаю, как надо вести себя в доме большого лорда. В Константинополе я жил у одного князя и видел там много воспитанных людей. Но среди всех выделялись Ананда и доктор И. Я всегда восхищался ими. И всегда что-то мешало подражать им, запоминать их манеры и поведение. Точно бунт какой-то всегда мне мешал. Теперь мне кажется, что это чувство похоже на зависть.

Генри тяжело вздохнул, расцеловал материнские руки и продолжал:

– Я даю вам слово, дорогая, что буду жить в доме Флорентийца иначе, чем в,,л себя всюду до сих пор. Я буду смиренным учеником, просителем. Согласен быть слугой Флорентийца, лишь бы загладить хоть часть своих грехов перед Анандой. Ананда – моя рана. Это кровь моего сердца, которая каплет не переставая.

– Полно, сынок. Поставь себя на мгновение в положение синьора Ананды. Вспомни, как он добр. Ну каково ему быть чьей-то раной? Ведь твои сл,,зы и кровь – так и текут по нему. Он их не может не чувствовать. Оставь эти горькие мысли, думай о н,,м с благодарной радостью, и это – вместе с твоим трудом и любовью – скорее и легче привед,,т тебя к нему опять. Ободришься, постарайся сейчас быть приветливым с гостем.

– Я так хотел бы, мама, быть таким же обаятельным, как вы, и всем нравиться. Так бы хотел, но боюсь, что не научусь этому никогда.

Генри ещ,, раз поцеловал мать, занялся своим туалетом и встретил мистера Тендля таким вес,,лым, что тот даже обомлел от неожиданности. Он приготовился везти в деревню капризного и несносного юношу, гордился, что выполнит трудное задание своего адмирала, – и вдруг такая встреча.

Молодые люди простились с миссис Оберсвоуд и, провожаемые е,, улыбкой, поехали к портному. Портной, пленившись красотой и стройностью Генри, обещался выполнить заказ, взяв на себя обязанность закупить вс,, необходимое, то есть бель,, и галстуки.

Дни пролетели мигом, к назначенному сроку у портного вс,, было готово, и друзья поехали в деревню. Не без трепета в сердце садился Генри в поезд, ещ,, и ещ,, раз давая себе слово привести в исполнение вс,, то, о ч,,м думал последние дни и ночи.

ГЛАВА 11 ГЕНРИ У ЛОРДА БЕНЕДИКТА. ПРИЕЗД КАПИТАНА РЕТЕДЛИ. ПОРУЧЕНИЕ ЛОРДА БЕНЕДИКТА Видя огромное волнение Генри и не понимая его истинных причин, мистер Тендль старался обрисовать своему спутнику жизнь семьи лорда Бенедикта. Он просто и

подробно описал ему самого лорда, его красоту и ни с чем не сравнимое обаяние, рассказал о чете графов Т. и Алисе. Он так увлекся, расхваливая Наль и Алису, что Генри стало весело, и он, лукаво улыбаясь, спросил:

– Которая же из дам нравится вам больше или, вернее, какая из них вам просто нравится и в которую вы влюблены?

– Признаться, мистер Оберсвоуд, – несколько холодно ответил Тендль, – этого вопроса я себе не задавал. И если говорить о моей влюбленности, то уж придется признаваться в любви к самому лорду, моему адмиралу. Знаю его чуть-чуть, а готов хоть голову за него сложить, так он меня обворожил.

– Вы сказали, мистер Тендль, что у лорда Бенедикта живёт граф Т. Это не брат Левушки?

– Левушки? О таком я ничего не слышал и такого не видел. В доме лорда Бенедикта живут сейчас два его друга. Один из них, лорд Мильдрей, должен был заехать за нами. Но вчера я получил от него письмо, что в Лондон он не приедет, а будет ждать нас на деревенском вокзале. Скоро вы, следовательно, познакомитесь с Мильдреем. Ещё, у лорда Бенедикта живёт индус по имени Сандра. Фамилия его мудрая и такая длинная, что, хотя он мой университетский товарищ, фамилии его я так и не выучил. Сандра – так его зовут почти все. Он выдающийся учёный, несмотря на свою молодость. Многие считают его гениальным, но я судить об этом не могу. В данное время он чем-то сильно потрясён, был даже болен. Но кого не вылечит общество такого великого человека, как лорд Бенедикт!

Генри тяжело вздохнул. И сделался так печален, что у доброго Тендля даже под ложечкой засосало.

– Мистер Генри, мне всем сердцем хотелось бы вам помочь. Если я не могу быть полезен чем-то существенным, то хотелось бы хоть развлечь вас. Привлечь ваше внимание к чему-нибудь другому, оставив в стороне личные страдания.

– Милый мистер Тендль, вы и представить себе не можете, как точно вы попали в цель. Все мои печали как раз от слишком большого интереса к собственной персоне. Если бы я умел так сердечно интересоваться людьми, как вы, – хотя бы в случае со мною, – я избежал бы многих скорбей и не подвёл бы многих людей.

Сострадая товарищу, не зная, как ему помочь, мистер Тендль стал рассказывать о красотах парка, водопада и об оранжереях лорда Бенедикта. Незаметно друзья подъехали к станции и сразу же очутились перед ожидавшими их Сандрой и Мильдреем. После первых минут неловкости Генри почувствовал себя свободно и легко с новыми знакомыми. Сидя в

прекрасной коляске, наслаждаясь зеленью и дивным воздухом, Генри вспомнил, как он сидел вот так же вместе с Анандой. И сердце его сжалось так сильно, что он едва сдержал стон.

Мелькали им навстречу фермы, деревушки, часовенки, церкви. Генри перестал слушать, о чем говорили рядом. Чем ближе становилась встреча с Флорентийцем, тем больше он волновался, не зная, что он скажет, с чего начнется. Внезапно лошади остановились, и, пробужденный от своих мыслей, Генри услышал, как приветствуют какого-то великана, стоявшего у дороги, в белом костюме, с тростью в руке.

– Есть, адмирал, приказ выполнен. Мистер Генри Оберсвоуд доставлен, – услышал Генри веселый голос Тендля и увидел, что Сандра выскочил из экипажа и предложил красавцу-незнакомцу занять его место.

– Это лорд Бенедикт, наш дорогой хозяин, – шепнул Генри Мильдрей. – Пойдемте, я вас представляю.

Генри выскочил из экипажа вслед за Мильдреем и почувствовал себя мальчиком лет пяти, стоя перед высоченным, стройным, как статуя. Флорентийцем, которому едва доставал до плеча. Сняв шляпу и ощущая себя перед этой мощью карликом, Генри застенчиво смотрел в прекрасное лицо лорда. Сердце его колотилось, точно он бежал бегом.

– Как хорошо вы сделали, что приехали к нам отдохнуть. Вы очень бледны и утомлены. Стыдно будет нам, если вы не нагуляете здесь румянца. Я специально поручу вас Алисе. Она обладает волшебным свойством воздействовать на темпераменты. Даже индусы, и те становятся ягнятами подле нее. – Вот, извольте радоваться, – хохотал Сандра. – Я всегдашний козел отпущения. С меня начинается и мной же кончается. Но ведь я уже исправился, лорд Бенедикт.

– Вот увидим. Вскоре будет проба. Мистер Генри, не хотите ли пройтись со мной до дома? Это недалеко. Наши друзья приедут ненамного быстрее, так как мы пешком сократим путь почти наполовину.

– Я буду счастлив вам повиноваться, – тихо, едва внятно ответил Генри, сердце которого продолжало колотиться.

Махнув на прощанье сидевшим в коляске, Флорентиец взял под руку Генри и свернул на лесную тропу. Через минуту коляска скрылась, вскоре замер и стук копыт, и путники остались вдвоем среди леса, в тишине, где только пели птицы да прыгали белки. Генри не мог больше сдерживать горя. Он бросился к ногам Флорентийца, обнял его колени и, рыдая, говорил:

– Я виноват. Ананда, Ананда меня не простит. Не отталкивайте меня. Я еще не могу стать таким, каким, я понял это сердцем, должен быть. Мать

моя зов,,т вас Великой Рукой. Спасите меня. Я связался с т,,мною силой, но не отталкивайте меня. Боюсь, что не сразу ещ,, сумею выполнить свои обещания. Но я буду стараться стать достойным вашей помощи.

– Встань, мой сын. Труден путь ученичества, очень труден для каждого. Не отчаивайся. Впер,,д не заглядывай и никогда не спеши. Но живи даже не так, как будто жив,,шь свой последний день. А так, словно наступил твой последний час. Нельзя отставать тебе от того, кого ты выбрал себе Учителем, чья жизнь и сила для тебя живой пример. Отставать от Учителя значит закрепощаться в суевериях и предрассудках. Если ты получил задачу, – спеши е,, выполнить. Выполнить до конца. И если ты подойд,,шь к ней без всяких рассуждений, если будешь ВИДЕТЬ в приказании великий смысл, – не всегда тебе ещ,, понятный, – и не станешь ковыряться в своей душе, разбирая, вс,, ли в ней готово или что-то кажется тебе ещ,, не готовым, то выполнишь задание легко. Не на себе надо сосредоточить внимание, а ДО КОНЦА на том, что дано выполнить. Ананде и в голову не приходило тебя огорчать, когда он предложил тебе стать учеником И. Он же хотел тебе помочь и защитить тебя от зла, в которое ты дал себя увлечь.

Встань, мой друг, пойд,,м. Если ты выдержал жизнь на пароходе, ты найд,,шь силы и здесь крепить сво,, самообладание. Я же не только не намерен отталкивать тебя, но готов взять тебя в Америку, куда мы вскоре все уедем.

Снова взял Флорентиец под руку страдающего молодого друга и пов,,л его, помогая ему успокоиться мощью своей любви и мужества.

– Кто рассказал вам, лорд Бенедикт, об И. и о моей жизни на пароходе? Ананда мог написать вам об И., но один капитан Ретедли знает, что было на пароходе. Разве вы знакомы с ним?

– Запомни хорошенько свой вопрос в эту минуту, в этой лесной тиши, и мой ответ. На всю жизнь они будут тебе уроком. Ты жил подле Ананды и не видел, подле КОГО жив,,шь. Был занят собой, а думал, что ищешь высший путь. Ты НЕ мог ничего найти. Кто ищет, будучи отягощенным страстями, тот только ещ,, больше заблуждается. Ты приш,,л по моему зову и продолжаешь быть слепым. Ты даже не понял моего письма, не понял, почему я велел тебе беречь мать, ибо в ней залог твоего материального благополучия. Кто же мог сообщить мне что-либо о твоей матери? Не спеши задавать вопросы. Повторяю, живи среди нас, как если бы ты жил свой последний час. Храни в сердце такой мир и доброжелательство к каждому, как и те, кто умирает в доброте.

Старайся не мудрствовать, как ввести тебе в твои будни те или иные

принципы. А просто люби тех, с кем сейчас столкнула тебя жизнь. Присматривайся к их нуждам, печалям, интересам. Не повторяй ошибок отъединения, в котором ты жил вс., время. Ты видел до сих пор только свою любовь к Ананде, но чем жил сам Ананда, кто был рядом с ним, – тебе было безразлично. Ищи в нас не той жизни, которая могла бы поддержать тебя. Ищи в себе умение быть добрым к нам. И первое, с чего начни: не отрицай и не суди.

Генри казалось, что нигде в мире не могло быть ни такого леса, ни таких птиц, ни такой тишины, ни такого счастья. Он ш.,л, не сознавая действительности. В первый раз его практическая голова отказалась соображать, примерять, ощупывать. Он слился с природой, как будто бы рука Флорентийца помогла его сердцу раскрыться для поэзии.

– Мы сейчас прид.,м. А вот встречают нас моя дочь и е., муж.

И Флорентиец познакомил Генри с Наль и Николаем, сказав, что Генри был в Константинополе в одно время с Левушкой. Предоставив Генри заботам Николая, Флорентиец с Наль присоединились к остальному обществу, окружившему на террасе Алису. Вскоре туда сошли и Николай с Генри, и любезный хозяин стал угощать завтраком проголодавшихся гостей.

Николай забрасывал Генри тысячей вопросов о сво.,м брате, его жизни, здоровье. Многим в рассказе Генри он был поражен, особенно болезнью Левушки, связанной с ударом по голове на пароходе во время бури. Выражение на лице Николая несколько раз сильно менялось, и он взглядывал на Флорентийца, отвечавшего ему успокаивающей улыбкой.

– Генри, ты не слишком поражайся, если сегодня, самое позднее завтра встретишь одного из своих константинопольских знакомых, – сказал Флорентиец, вставая из-за стола.

– Я не буду задавать вопросы, лорд Бенедикт, авось да мой последний час наступит не раньше, чем я встречу неожиданного друга. Признаться, прежде я поломал бы себе голову над тем, кто бы это мог быть.

– Ну, а так как твоя голова очень нужна нам, то вот тебе две жертвы будущей учености, – подводя к Генри Алису и Наль, предложил Флорентиец. – Ты ведь написал знаменитую работу по мозговым заболеваниям. А обе эти дамы очень интересуются мозгом человека и желают выслушать лекцию на эту тему. Смотри, читай е., так, чтобы они не сочли тебя заболевшим.

Алиса и Наль повели Генри наверх, где была их классная комната, как в шутку прозвал е., Николай. Там они засели за анатомические атласы, и Генри, считавший ниже своего достоинства рассуждать о медицине даже со

своими университетскими товарищами, с увлечением стал объяснять элементарные вопросы своим прекрасным ученицам, находя в этом уроке удовольствие. Тем временем Флорентиец велел оседлать тр.,х лошадей и предложил Сандре и Тендлю проехаться на дальнюю ферму, с тем чтобы возвратиться к пятичасовому чаю. Сандра прыгал от восторга, а Тендль выражал сво., удовольствие подкидыванием шляпы выше деревьев. Николай с Мильдреем отправились в библиотеку, где обоих ждала начатая работа.

Чем дальше читал Генри свою несложную лекцию, видя перед собой очаровательные женские лица, тем больше чувствовал вкус к этому делу. Он забыл о самолюбии, о том, что он очень образован. Войдя в эту комнату, он сразу понял, что здесь трудятся много и серь.,зно, учась не для школы, а для жизни. Ему вспомнилось несколько фраз, пойманных на лету во время беседы Николая с Сандрой. Глубина их мысли его поразила. Вспомнился Генри почему-то де-Сануар, и он с сожалением подумал, как глупо и некультурно в.,л себя у Ананды. Мысли Генри пролетали молнией, но женская аудитория казалась неумолимой и не давала ему рассеиваться.

Вопросы на него так и сыпались, и он почувствовал усталость.

– Мы вас утомили, мистер Оберсвоуд, – заметила Алиса, – Вы стали очень бледны. А лорд Бенедикт приказал мне позаботиться о том, чтобы ваши щ.,ки зарумянились. Пожалуй, он не одобрит, что мы так долго вас эксплуатируем прямо с места в карьер.

– Вы сами виноваты, мистер Генри, что оказались таким увлекательным лектором, – сказала Наль, благодаря за занятие. – Пойд.,мте теперь в библиотеку, захватим моего мужа и лорда Амеддея и выйдем навстречу нашим всадникам. Они непременно поедут мимо водопада, и вы, кстати, увидите место несравненной красоты.

С трудом оторвав от книг увлекшихся работой уч.,ных, всей компанией направились к водопаду. Генри, увидевший ландшафты английской деревни впервые, даже не предполагал, что в двух часах езды от Лондона может быть что-либо подобное. И он перестал слушать, о Ч,М говорят вокруг, и его никто не беспокоил, предоставляя ему жить так, как ему хочется.

Генри стал думать о своей предстоящей жизни у Флорентийца. Он видел уже теперь, что здесь все заняты, что часы каждого проходят в труде. Что же будет здесь делать он? Ведь если даже каждый день он станет обучать свою женскую артель, то и тогда у него будет оставаться немало свободного времени. О главном, о Флорентийце и Ананде, Генри как-то думать не мог. Тут для него вс., тонуло, как в дымовой завесе. Он вспомнил слова Флорентийца: «Живи так, как будто ты жив.,шь последний час». На

душе у него стало легче, и он начал прислушиваться к разговору Наль с мужем.

Николай держал на ладони какое-то крупное насекомое, какого Генри никогда не видел, и объяснял жене его анатомию. Объяснял так точно, четко и определенно, что Генри сч.,л Николая зоологом. Осторожно положив насекомое в траву, Николай сорвал несколько цветочков, каких Генри тоже никогда не видел, и стал спрашивать Наль, что она запомнила из его вчерашнего рассказа. Наль очень деловито ответила свой урок, прич.,м Генри ловил себя па мысли, что думает о е., чудесных ручках, крохотных ножках и необычайной красоте, а вовсе не о том, что она говорит. Генри так тяжело вздохнул, что даже шедшая впереди с Мильдреем Алиса услышала его вздох.

– Вы не устали, мистер Генри? Мы, быть может, слишком быстро ид.,м?

– О нет, леди. С некоторого времени я стал очень рассеян. Вы можете на мо.,м живом примере увидеть и изучить расстройство координации деятельности мозга, о которой я говорил вам сегодня.

– Ну нет, – вмешался Николай. – Вы, быть может, и больны, я не доктор и мало понимаю в этом. Я вижу только по выражению вашего лица, по неровности вашей походки и движений, что в вас кипит буря. Верьте мне, лучшего места, чем подле лорда Бенедикта, вам не найти, чтобы прийти в равновесие. Все мы здесь его друзья, а следовательно, и ваши. Каждый из нас уже принял вас в сво., сердце, раз принял вас в сво., сердце наш отец. Не стесняйтесь жить здесь с нами, считайте нас своими братьями и сестрами, зовите нас по именам, разрешите и нам звать вас просто Генри. Каждому из нас вы дороги, дороги ваши страдания и радости, ваши скорби и достижения. Мы все страдали, учились и учимся владеть собой. И наше положение здесь равно вашему. Будьте спокойны, никто за вами не наблюдает и недостатки ваши не изучает. У нас самих их довольно, вас же нам хочется только приветствовать, как гостя и друга нашего дорогого хозяина, у которого все мы одинаково гости.

– Я очень тронут, граф, вашей сердечностью. Ваш голос так ласков, в н.,м столько доброты. Но, быть может, если бы вы знали обо мне больше, вы не говорили бы со мной так ласково.

– Нет, Генри, быть может, если бы я знал о вас больше, я был бы ещ., внимательнее. Не называйте меня графом, а зовите просто Николаем. И главное, не чувствуйте себя отъедин.,нным от нас. Я очень был бы рад, если бы вы смогли увидеть, что в наших сердцах много любви к вам, и слово «чужой» тут совсем неуместно.

Послышался конский топот, и на дорогу выскочили из просеки три всадника. Громадный конь н.,с впереди не менее рослого всадника, который шутя оставил за собой двух других, выбивавшихся из сил, чтобы догнать его. Убавив шаг, конь, красиво играя, подн.,с первого всадника к группе людей, ожидавших его у парка. Конь и всадник казались Генри нереальными, до того спокойно сидел человек на играющем скакуне. Только рука мощно держала поводья, и конь, чувствуя хозяина, повиновался и не смел бунтовать. Никто, кроме Флорентийца, не рисковал садиться на него. Имя Огонь соответствовало его дикому темпераменту. Задыхающийся Сандра, смеющийся и плохо сидевший на лошади, кричал уже издали:

– Лорд Бенедикт, это похоже на игру в волка и овец. Вы приказали дать нам ящериц, а сами помчались на вихре. Я не согласен признавать себя побежденным.

– Сандра, друг, ну кто тебя учил верховой езде? Посмотри, как ты сидишь. Ты похож на беспризорного мальчишку, взобравшегося тайком на чужую лошадь, – не менее весело смеясь, отвечал Флорентиец.

– Извольте радоваться, – уже откровенно хохотал Сандра. – Николай каждый день школит меня, а я оказываюсь неучем. Это кто же из нас виноват? – вопрошал индус, подмигивая Николаю.

– Ну, за этот выпад против своего учителя будешь сегодня брошен в водопад, – шутливо грозя плетью, сказал Флорентиец. – Сходи с коня, уступи место Генри, неблагодарный.

Сандра, вс., ещ., смеясь, но искренно прося прощения у Николая за свою неудачную шутку и плохие успехи, сош.,л с коня и подв.,л его к Генри, растерянно сказавшему:

– Я ещ., никогда не сидел на лошади и даже не знаю, как держать поводья. Но как бы был я счастлив проехать с вами, лорд Бенедикт, несколько шагов, пусть даже если это и был бы мой последний час.

Мигом подле него очутился Николай, объясняя элементарные правила езды.

– Лошадь эта очень спокойная и быстроногая. Но жалкий наездник Сандра портит ей характер. Тихо сидеть он не может и пугает лошадку. Лорд Бенедикт поедет теперь л.,гкой рысью, вы держитесь поодаль. Я сяду на лошадь мистера Тендля, который, наверное, согласится занять мо., место подле дам, и буду объяснять вам в пути правила езды.

Генри храбро сел на лошадь, которая стала беспокоиться, по, поглаженная Флорентийцем, перестала волноваться и спокойно приняла нового седока. Не испытанные прежде чувства наполняли душу Генри. Не

было его обычных терзаний самолюбия, боязни перед кем-то унизиться и осрамиться, Вс,, мелкое куда-то ушло, он внимательно выполнял указания Николая и был окутан волной его сердечной доброты, но образ всадника, скачущего впереди, притягивал его мысли, точно магнит. Приехав домой и отдав конюху лошадь, Флорентиец остановился на крыльце, поджидая своих спутников. – Что, Генри, мы, кажется, и опомниться тебе не да,,м?

– Если бы мне дозволено было быть столь счастливым, чтобы жить подле вас, лорд Бенедикт, я мог бы надеяться, что когда-либо стану достойным встречи с Анандой. Проведя несколько часов в вашем доме, я сразу понял, сколько бед уже успел натворить. Горько сознавать свою глупость. Но именно в ней-то я должен признаться.

– Хорошо уже и то, Генри, что ты стал гибче и проще за несколько проведенных среди нас часов. Когда ты научишься смеяться, перестанешь дичиться людей, – ты начн,,шь понимать, в ч,,м тво,, назначение как врача и человека. Пройди к себе, отдохни, приведи в порядок свой костюм и приходи на террасу пить чай. Приходи без стеснения, отбрось свою застенчивость, она только говорит о гордыне и вовсе не походит на смирение. Мы с тобой поговорим ещ,, о том, что такое истинное смирение мудрого человека. Пока скажу одно: состояние некоторой омертвелости, в котором ты сейчас жив,,шь, словно приказав себе воспринимать мир и людей иначе, чем всегда, это, мой друг, не смирение. Живя одним умом, лишь впад,,шь в суеверия и предрассудки.

Поднявшись к себе и взглянув в зеркало, Генри ужаснулся. Ехал он верхом не дольше двадцати минут, а весь его костюм приш,,л в полнейший беспорядок, кудри были растр,,паны, лоб в поту. Аккуратный Генри себе не понравился и постарался поскорее придать себе вид английского денди. Но за этими суетными заботами, где-то внутри, особенно глубоко, вс,, не давал покоя вопрос: что же такое смирение и как Флорентиец мог угадать, что Генри сковал себя приказом быть смиренным, что, действительно, несколько походило па омертвление. Задумавшись, Генри забыл, что ему велели сойти к чаю. Но вот в дверь постучали, и к нему вош,,л Мильдрей. Увидев Генри печально сидевшим в кресле, лорд Амедей спросил, здоров ли он, и сказал, что внизу его ждут к чаю.

– Что же я наделал! Ну как теперь мне показаться на глаза? Я и так-то стеснялся, а теперь уж непременно что-нибудь разобью, за чтолибо задену, споткнусь.

– Полноте, Генри, вс,, так просто. Четко думайте только об одном: надо подойти к хозяину, попросить у него извинения за невольную задержку, потом поклониться дамам, повторив извинения, и запясть указанное вам

место за столом. Наль и Алиса хозяйки снисходительные, простят вас легко.

– Если бы вы не пришли за мной, один ни за что не пош,,л бы теперь вниз.

– Вот видите. Генри, как много ненужных осложнений вы себе придумали. Пойд,,мте скорее, ведь дорога каждая минута, провед,,нная подле лорда Бенедикта. Мне кажется, что лучшей жизни я не знал с самого рождения. И дорожу этим так, что готов вс,, оставить, только бы жить подле этого человека.

Генри вздохнул, ещ,, раз вспомнив Ананду, и пош,,л за своим провожатым. К великому для него облегчению, вс,, обошлось благополучно. Подвед,,нный Мильдреем к хозяину, Генри даже не успел ничего пролепетать, как Флорентиец усадил его между собой и Алисой, оставив с другой стороны место свободным. На вопрос Сандры, кто же тот счастливец, что займ,,т вакантное место. Флорентиец отвечал, что пока он ещ,, полусчастливец, потому что в пути, но вскоре будет счастливцем вполне. Все глаза устремились на Флорентийца, и у Генри даже дух захватило от стольких пар прекрасных глаз.

– Могу вас порадовать, друзья мои, что к нам едет гость, Ты, Алиса, распорядись о чашке и столовом приборе. Наш гость человек бывалый, много видевший, из очень хорошего общества. Кое-кому здесь он уже знаком, а кое-кто будет рад получить от него известия о близких.

– Ну, лорд Бенедикт, я думал, что, посадив меня и мистера Тендля на ящериц и удирая от нас на огне, вы вдоволь задали мне перцу. Теперь вижу, что вы ненасытны: я должен, по-вашему, ещ,, сгореть в огне любопытства.

– Кайся, грешник, что ещ,, и завидуешь, что не сидишь рядом со мной.

– Ну уж нет. В этом неповинен. Честь сидеть с вами мне выпала единый раз, я чту е,, так свято, что понимаю каждого, кому да,,тся это счастье. Но зато я никому не позволю чистить вашу шляпу. Утром, дн,,м, вечером бегу со всех ног, и все ваши шляпы – мои. Вот какой я хитрый, – хохотал Сандра.

– А я-то никак не мог понять, почему у всех шляпы как шляпы, а мои всегда взъерошены. А дело, оказывается, в тво,,м индусском темпераменте.

Под общий смех Флорентиец выслушал доклад слуги о приехавшем госте и велел провести его в свой кабинет.

– Ну вот, друзья, гость здесь. Я приведу его сюда через некоторое время, а вы непременно подождите нас, если мы даже немного задержимся.

Войдя в кабинет. Флорентиец наш,,л своего гостя задумчиво стоявшим у окна. На звук шагов он оглянулся и замер в таком изумлении, что не

только не произн,,с обычного приветствия, но, казалось, был не в состоянии оторвать глаз от лица хозяина.

– Капитан Джеймс Ретедли? – сказал, подходя, Флорентиец. – Да, это я или, по крайней мере, то, что до сих пор звали этим нормальным именем. Но сейчас я не настаиваю на том, что я нормален, лорд Бенедикт. Готов дать голову на отсечение, что это вас я видел в Константинополе, что это вы велели помнить о вас и следовать за вами. И в то же время это невозможно. – Капитан от,,р лоб платком и, торопясь, продолжал: – Простите, лорд Бенедикт, я растерялся хуже мальчишки, но, поверьте, для этого много причин. И самая важная, что вы, как двойник, похожи на человека моих мечтаний, которого я должен найти и о котором думаю день и ночь. Ананда обещал мне это. И ваше сходство с тем, кого я однажды видел, так меня потрясло, что я даже забыл поздороваться.

– Если вы могли увидеть кого-то на расстоянии тысяч в,,рст, капитан, то в числе ваших способностей есть и такие, о которых вы ещ,, не знаете. Взгляните сюда. Не это ли человек ваших мечтаний?

И Флорентиец подв,,л своего гостя к стене, где под парчовым занавесом висели портреты людей в длинных белых одеждах. Капитан мгновенно узнал прекрасное лицо Флорентийца и рядом с ним Ананду и доктора И. Другие лица, не менее значительные и прекрасные, он не видел никогда.

– Да, человек моих мечтаний был в такой же белой одежде и казался находящимся в центре огненного светящегося шара. Боже, неужели я наш,,л тот великий Свет! Или я впадаю в безумие? – хватаясь за голову, в полном расстройстве говорил капитан.

– Не приходите так легко в отчаяние. При величайшей опасности, во время смертоносного урагана на море, вы храбро, по-львиному боролись за вверенные вам жизни. Теперь же вы расстроены и теряете сво,, знаменитое самообладание,

– взял за руку своего гостя Флорентиец, ласково улыбаясь.

И такая радость, такая тишина вдруг влились в сердце капитана. Не понимая как следует, что и почему он делает, капитан прильнул к рукам Флорентийца, наполнявшим каким-то т,,плым электрическим током вс,, его существо, сжал в своих руках и поцеловал.

– Не будем упреждать события. Уверьтесь, что вы не безумны, что в Константинополе вы услышали мой зов. И вскоре узнаете, что то была не первая наша встреча, что я был вместе с вами в момент казавшейся неминуемой гибели во время ужасной бури на Ч,,рном море. Пойд,,мте теперь со мной, я познакомлю вас со своей семьей. А письма, что вы мне

привезли, отдадите потом, – тихо сказал Флорентиец, задвигивая парчовый занавес.

На лице капитана снова отразилось такое изумление, что хозяин улыбнулся, взял гостя под руку и повел его на террасу.

– Не прошло и получаса с момента нашей встречи, а я уже дважды так потрясен, что просто боюсь осрамиться... – И сделаться «Левушкой – лови ворон»? – Бог мой, да ведь значит это вы – тот великий друг, обожаемый Левушкой Флорентиец, о встрече с которым для меня он так мечтал!

Флорентиец приложил палец к губам и очень тихо сказал: – Вы только что видели, каков я, когда бываю Флорентийцем. И по опыту знаете, что нужно выявить в себе человеку, чтобы встретиться с Флорентийцем. Сейчас я лорд Бенедикт и веду вас к своей семье. Она разнохарактерна, особенно сейчас. Вы можете стать ее членом, как и ваша жена. Но надо учиться не только полному самообладанию моряка. Надо еще уметь разглядеть окружающих и найти для каждого тактичное слово. При вашей безукоризненной любезности вам это будет нетрудно. Но обо мне, человеке ваших мечтаний, Флорентийце, – ни слова.

На террасе терпеливо ждали гостя. Генри, как и все, поднялся со своего места, но не сразу увидел входивших, так как сидел спиной к двери. Однако ему показался знакомым звенящий повелительный голос. Он оглянулся и внезапно почувствовал, что у него земля уходит из-под ног. Приветливо здороваясь со всеми, Джемс Ретедли приближался к Генри. И не успел тот подумать, как ему себя держать, как высокая фигура капитана уже стояла перед ним.

– Какая приятная неожиданность, мистер Оберсвоуд, встретить вас здесь после константинопольской жары и пыли, – говорил капитан, пожимая Генри руку. Он посмотрел ему в глаза и пошел знакомиться дальше. Окинув взглядом всех присутствующих, капитан стал отвечать на вопросы Николая и Наль.

Лукаво улыбаясь, капитан говорил, что познакомился в Константинополе с молодым русским, графом Т., который пленил его своим характером и талантом. Что он сразу понял, что видит перед собой его брата, о котором Левушка много рассказывал и по которому не раз чрезвычайно сильно тосковал. Продолжая разговор, капитан ничем, ни одним движением мускулов, не выдал бушевавшей в нем бури. За его безукоризненной светской выдержкой, любезностью и остроумием, никто, кроме хозяина дома, не увидел взволнованности. Генри, глядя на него, учился тому, как должен вести себя человек, в первый раз вошедший в дом, а экспансивный Сандра, плененный элегантностью фигуры гостя,

затянутой в форменный сюртук, его выправкой и стройностью, вздыхая, старался незаметно для других одернуть свой мешковатый костюм.

– Что. Сандра, тебе, кажется, захотелось быть моряком? – вдруг спросил лорд Бенедикт.

– Что же об этом мечтать. С тем, что я ученик, я смирился. А вот что я решительно начну помогать Амедею усерднее лепить из меня хорошо воспитанного человека, – это наверно.

– Могу вас поздравить с большой победой, капитан. Чтобы Сандра разглядел не только внутреннего, но и внешнего человека и запомнил его – много надо.

– Осмелюсь возразить вашей светлости. Увидев впервые вашу дочь Наль, я просто остолбенел. Как же я не замечаю внешности?

– Ну, а у Алисы какого цвета глаза?

– У Алисы? У Алисы фонари, а не глаза. Да, вот только насчет цвета... На беду вы, Алиса, сидите так, что я лишены возможности вас рассмотреть.

Капитан, от которого лорд Бенедикт отвлек внимание, старался успокоиться. Он и сам не мог понять, что же так особенно волнует его здесь. Гость взглянул еще раз на уже поразившее его лицо Алисы. Сейчас его, темно-синие глаза напомнили ему глаза сэра Уоми, а зардевшееся от всеобщего внимания личико показалось еще прелестнее. Необычайная красота Наль вызвала в сердце капитана болезненное воспоминание об Анне. Столь разные, эти женщины заставляли его ощущать себя ниже. Но если с первых же минут знакомства капитан признал в Анне женщину земли и увлекся ею как красавицей, то в Наль он увидел Мадонну. Взглянув сейчас на Алису, отметив ее незаурядную красоту капитан ощутил к ней братское чувство, огромное уважение к светившимся в ней доброте и чистоте, но ясно сознавал, что это земное создание, которое идет обычным человеческим путем, подобно тысячам других. Все эти мысли пронеслись в нем, но бури в себе он успокоить никак не мог. Ему казалось, что если бы от сидевшего рядом хозяина не исходило какое-то тепло, успокоение и мир, он просто не смог бы усидеть на месте от волнения.

– Не располагаете ли вы временем и желанием провести с нами конец недели?

– любезно спросил его лорд Бенедикт.

– Крайне тронут вашим вниманием. В данную минуту я совершенно свободен, но я жду из Парижа свою невесту с ее родителями. Невесте моей очень не хотелось в Париж, но родители настояли на парижских нарядах, побаиваясь, очевидно, строгого суда моих сестры и матери. Туалеты заказаны по телеграфу из Гурзуфа, так что времени это займет мало. Я все,

же думаю, что провести завтрашний день в вашем чудесном обществе я мог бы без риска. Но...

– Нет, капитан, раньше понедельника своих гостей не ждите, слишком сложен для них этот вопрос. Вам же до этого времени делать в Лондоне нечего. Если вы хотите, чтобы кто-нибудь справлялся, нет ли для вас экстренных сообщений, то мой человек будет в городе и завтра, и в субботу. Соглашайтесь скорее, и я поведу вас гулять.

Капитан радостно взглянул на лорда Бенедикта и, смеясь, сказал:

– Когда хочется, соглашаться легко. Мне же так хочется иметь возможность высказать, какое чувство необычайного счастья испытываю я в вашем доме. Точно я жил здесь в раннем детстве, а теперь вернулся взрослым, так волнует меня этот дом, лорд Бенедикт.

– Я рад, очень рад, капитан. Живите, как в родном доме. Вечером Алиса нам поиграет, и я уверен, вы еще, больше полюбите нас.

Капитан вздрогнул и побледнел, вспомнив Анну, ее, игру, Ананду, свое, видение... Флорентиец взял его под руку и, пригласив всех желающих присоединиться к предобеденной прогулке, направился к выходу в парк. Генри, не спускавший глаз с капитана, чувствовал себя забытым и одиноким. Он вспомнил о матери, об их бедности, о том, что он мог бы предоставить ей хотя бы минимальный комфорт и красоту, которые она так любит. Но до сих пор он думал только о себе, ничего не достиг и ничего не дал матери.

– А вы разве не с нами, мистер Генри? – услышал он голос Алисы и увидел, что сидит один за столом, а возле него стоят Алиса с Амедеем.

– Боже мой, что сказал бы лорд Бенедикт о моей рассеянности! День еще, не кончился, а я уже успел дважды проявить бестактность. Что же будет дальше?

– Дальше все, будет прекрасно. Предложите мне руку и пойдём догонять друзей. По смеху Сандры мы сразу определим, где их искать.

– Я был бы счастлив, леди Алиса, исполнить ваше приказание, но не имею понятия, как ведут даму. Будьте милосердны, идите с лордом Амедеем, а я пристроюсь подле вас. А то я что-нибудь да натворю, уж пожалейте меня, пожалуйста, – молил Генри.

Со смехом взяв незадачливого кавалера под руку, Алиса вскоре заставила его забыть о своей застенчивости. Доброта девушки, ее, приветливость, маленькая, воздушная фигурка – все, наводило на мысль о поразительном сходстве с его красавицей-матерью, которую он, еще, сравнительно недавно, помнил златокудрой. – Отчего вы так печальны. Генри?

– Я впервые понял, сколько совершил в жизни неверных поступков, а потому впадаю в грусть.

– Ну, Генри, если впадать в грусть, да ещ,, начать раскаиваться, тогда не хватит времени побыть вес,,лым. Забудьте ваши скорби, пока жив,,те здесь. Расскажите нам что-нибудь о понравившемся нам всем капитане. Вы его давно знаете?

– Я познакомился с ним в Константинополе у Ананды, – с трудом выговорил это имя Генри. Но тут же встретил взгляд Алисы, такой добрый и ласковый. И Алиса, с е,, огромными синими глазами, была до того похожа на миссис Оберсвоуд, что у Генри стало легче на душе. Он перестал чувствовать себя одиноким и рассказал своим спутникам вс,, что знал о капитане, об Анне, о е,, чудесной, волшебной игре и красоте.

– Сегодня вы будете играть нам. Я боюсь этого момента. И не один я его боюсь. Я видел, как вздрогнул Джемс Ретедли, когда лорд Бенедикт упомянул о музыке. Уверен, что он так же страдал, когда играла Анна. Ято рыдал, в моей душе клокотал ад, словно в мо,,м сердце смешалось и боролось между собой вс,, добро и зло мира. Правда, мне кажется, что нет на свете человека, могущего спокойно слушать игру Анны или Ананды. А уж оба вместе они разрывают сердце на части, заставляя вас понимать сво,, ничтожество и беспредельную красоту жизни.

– Вы меня не бойтесь. Я только любительница. Я ещ,, ученица, а не настоящая пианистка. Это снисходительность лорда Бенедикта заставляет его слушать и хвалить меня.

– Да, – улыбаясь, вставил Амедей. – Если вы ещ,, только ученица, то что же будет, когда станете артисткой?

– Трудно сказать, лорд Мильдрей, достигну ли я этого. Папа был пастор, а выше его, считаю, я певцов не слышала, если не считать лорда Бенедикта, в голосе и пении которого есть что-то особенное, чего я словами описать не могу.

Генри вспомнил голос Ананды, вспомнил, как бывало тот играл в Венгрии под аккомпанемент своего дяди, и у бедного юноши скатилась непрошенная слеза прямо на ручку Алисы.

– Генри, я видеть этого не могу, и ещ,, больше не хочу, чтобы это видел лорд Бенедикт, – очень тихо, очень спокойно, но так повелительно сказала Алиса, что сл,,зы юноши мгновенно высохли.

– Простите, – прошептал Генри, отирая слезу с е,, руки. – Я болен и потому не владею собой.

– Вы страдаете, но ведь никто у вас не умер, ничего ещ,, не потеряно. Мужайтесь, нельзя быть слабым в доме лорда Бенедикта... Он так велик,

что тот, кто хочет быть подле него, должен найти в себе полное самообладание. Я слышу впереди голоса, мы догоняем общество. Будьте радостны, раз вы здесь. Верьте и поймите, что ничто не потеряно. Соберите же внимание и силы и покажите себя достойным того радушия, которое вам оказывает этот дом.

– Простите еще раз. Спасибо за поддержку. Вы так поразительно похожи на мою мать, что всякий, увидев вас вместе, принял бы вас за мать и дочь.

Голоса слышались вс,, ближе, и совсем неожиданно для Генри они очутились перед лордом Бенедиктом, который держал под руку капитана и объяснял Тендлю сложное строение цветка.

– А ты, Алиса, сумела привести братца Генри в радужное состояние духа. Как это, волшебница, тебе удалось? Я, как ни старался, а выходил у меня только рыцарь печального образа.

– Если бы у меня была такая сестрица, как леди Алиса, я бы, наверное, смог достигнуть чего-нибудь и меньше наделал бы бед, – принимая цветок от лорда Бенедикта и благодаря за него, сказал Генри.

– А разве у тебя не было близкого друга, который тебе мог бы помочь своей любовью?

– У меня есть мать, как вам, к моему удивлению, известно. Но я лишь недавно сумел оценить е,, любовь и дружбу и вообще понял, чем меня одарила жизнь. И только перед вами могу признаться в одной из грубейших своих ошибок.

– Не тоскуй, друг. Вс,, поправимо между матерью и сыном, если мать носит в сво,,м сердце беззаветную любовь и ничего не требует за свой подвиг любви.

– О лорд Бенедикт! Моя мать – святая. Только не с иконы, а хлопочущая в нашем бедном доме. Рядом с ней все находят успокоение. Один я его не находил, я искал там, где были слишком высокие, недостижимые для меня люди.

Возле Флорентийца оставались теперь только капитан и Генри.

– Я понимаю, ты скорбишь об Ананде. Могу тебя порадовать. Капитан Джемс прив,,з мне письмо, и в н,,м Ананда немало говорит о тебе. Он просит меня заглядывать его ошибки в отношении тебя. Но, как видишь, я и без его просьбы тебя разыскал, – ласково говорил Флорентиец.

На лице капитана в третий раз отразилось необычайное изумление. Письма, переданные ему для лорда Бенедикта незнакомым человеком, вс,, ещ,, лежали в его кармане. А лорд Бенедикт рассказывает Генри, о ч,,м пишут в одном из них.

– Вот видите, друзья мои, как много ещ,, в жизни для вас непонятого, что кажется чудесным, а на самом деле вс,, просто и ясно. Тебе, Генри, повторяю совет Ананды: Радость – непобедимая сила. А вам, капитан, скажу больше: двигайтесь дальше именно так, как начали в Константинополе. Там вы увидели, здесь нашли. Действуйте же так, чтобы уже не расставаться со мною. Завтра я поговорю с вами обоими, а теперь пора возвращаться, Я обещал вам вечером музыку, но вы е,, боитесь. Не настраивайте себя на этот лад. Если уж вы начн,,те напер,,д настраивать свои нервы, как им воспринимать то или иное явление, да ещ,, запутаете себя боязнью и воспоминаниями, – вы никогда правильно не воспримете ни одного факта жизни.

Мужество, одно мужество и бесстрашие раскрывает ВСЕГО человека, ВСЕ Его силы и таланты. Старайтесь оба обрести свободное восприятие жизни, не отягощенное мусором личных неудач и скорбей. Живя здесь, не ощущайте себя выключенными из жизни, оторванными и сохраняемыми под моим стеклянным колпаком. Ощущайте себя подключенными к моей энергии, раскрытыми для самого большого героического напряжения.

Никакая скорбь не может сковать той абсолютно НЕЗАВИСИМОЙ СУТи, что жив,,т в сердце человека. Находясь сейчас в нашей семье, ищите в себе гармонию. Здесь вам легче будет почувствовать мощь своего духа, легче прийти к радости понимания божественной красоты, в себе носимой.

Лорд Бенедикт покинул молодых людей, предоставив их друг другу, и направился к Сандре и Тендлю, старавшимся постичь тайну игры в бокс; оттуда вскоре послышался жалобный хохоток Сандры, поднятого лордом Бенедиктом одной рукой. Обратная дорога показалась Генри и капитану очень короткой, так были погружены они в свои думы. Увидев вблизи дом. Генри шепнул капитану:

– Дорогой капитан, благодарю вас, десять тысяч раз благодарю за вс,,.

– Вот уж, Генри, не знаю, кто кого должен благодарить. На вашем примере я так много понял, что, право, мы квиты.

Незаметно промелькнул обед, и наконец вс,, общество перешло в гостиную, где стоял рояль. У лорда Бенедикта не было обычая после обеда в мужской компании пить спиртные напитки. Вино подавалось л,,гкое, и заканчивали обед все вместе, вопреки английскому обычаю. Помня, что им говорил хозяин во время прогулки, оба гостя старались сохранить в себе мир и приготовиться к восприятию музыки без всяких предвзятых мыслей. Наль сидела рядом с капитаном, и он ещ,, раз имел случай близко наблюдать безупречность е,, красоты. И ещ,, раз сказал себе, что Наль не может быть сравнима ни с кем, даже с Анной, красота которой совершенна,

как и е,, бездонные глаза, огромные, палящие. Анна плоть, хотя и утонч,,нная и божественно прекрасная. Наль же стихия высшая, если и пришедшая на землю, чтобы жить по е,, законам, то только для того, чтобы рассеивать мрак вокруг себя.

Он взглянул на Алису, которой хозяин помогал поднять крышку рояля. И капитан решил, что он видит вовсе не ту Алису, которую, как ему казалось, он так хорошо рассмотрел и понял, к которой тянулось его земное сердце, как к равной ему сестре по плоти и крови. Теперь у рояля сидело существо, синие глаза которого, полные доброты, сверкали такой волей, силой, вдохновением, что тоже жгли, как огонь. А воздушная фигурка девушки словно жила не в этой комнате, а где-то далеко, кого-то видя, куда-то стремясь, и порыв е,, так сильно ощущал капитан, что ему казалось, вот-вот Алиса поднимется и улетит. Чем-то она напоминала ему совершенно не похожую на не,, Лизу, когда та брала в руки скрипку и так же забывала окружающее.

Первые же звуки ошеломили капитана. Мощь и радость лились из-под пальцев Алисы, и Джемсу казалось, что звуки охватывают его со всех сторон, точно стены, потолок, пол – вс,, звучит, вс,, отвечает этим волнам любви. Капитану не плакать и рыдать хотелось, как в Константинополе. Не скорбь о потерянных годах рвалась из его души. Он был счастлив, что жив,,т, что знает в себе силу победить препятствия и выйти в тот мир Света, где жив,,т «человек его мечтаний». Ему чудилось, что звуки Алисы говорят о н,,м.

Ещ,, и ещ,, уступая просьбам, играла девушка, но вот она задумалась, замолкла, заиграла какой-то ригурнель и... запела. С первыми же звуками е,, голоса Генри вскочил, протянул к ней руки и вскрикнул: «Мама!» Он пошатнулся и упал бы, если бы не подоспели Николай с Амедеем, подхватившие юношу. В глубоком обмороке Генри был отнес,,н в кабинет лорда Бенедикта, который просил всех успокоиться, объясняя обморок Генри надорванностью его нервной системы. Когда Генри очнулся, то увидел прекрасное лицо Флорентийца, который рассказал, улыбаясь, почему он очутился в его кабинете.

– Простите, лорд Бенедикт. Теперь я вс,, вспомнил. Когда леди Алиса запела песню, что мне в детстве певала мать, то е,, голос, глаза и вся фигура до того напомнили мне мою маму, что я точно с ума сош,,л, вс,, забыл и бросился к ней.

– Крепись, Генри, дружок. Бери себя в руки. Зачем ты вс,, время оплакиваешь прошлое, если я дал тебе завет жить не только настоящим, но даже и самым последним моментом его.

Отправив Генри, под наблюдением Дории и Артура, в его комнату, хозяин вернулся в гостиную. Здесь было полное спокойствие. С первой же минуты, как только бросившийся на помощь Генри капитан вернулся на место, Наль ласково стала спрашивать о его невесте. Но видя, что капитан глубоко взволнован обмороком Генри, сказала:

– Если отец объяснил, что у Генри перенапряжены нервы, – вы можете быть спокойны. Да и вообще, если отец рядом с больным, можно ли волноваться? Не только больной поправится, но и каждый найдёт подле отца силу повернуть свою жизнь по-иному. Тот, кто найдёт в себе силы победить сомнения и поверить до конца, – тот останется подле отца и никогда не лишится его дружбы.

К беседующим подошла Алиса. Девушка была, видимо, расстроена, что первые же звуки её песни так тяжело подействовали на Генри. Но она только села напротив и спросила капитана:

– Я много слышала об игре Анны и Ананды. Мне хотелось бы спросить вас, какое впечатление произвела на вас музыка Анны и она сама? Я не смею спрашивать об Ананде. Всё, что я слышала о нём, кажется мне столь высоким, что слова, пожалуй, и передать не смогут всего величия этого человека. Это, вероятно, всё, равно что желать описать лорда Бенедикта. Но об Анне, если вам нетрудно, расскажите.

– Я и думал об Анне, когда вы играли, леди Уодсворд. Не знаю, сумею ли описать её, игру так, как это сделал бы истинный знаток музыки. Но личными своими, очень острыми, очень глубокими впечатлениями я с вами поделюсь. Начать с того, что, увидев однажды Анну, её забыть уже нельзя. Что в ней? В ней буря, стихия. В её звуках такая мощь захвата, что чувствуешь себя словно меж мельничных жерновов. Кто вчера был обычным обывателем, тот, услышав её, игру, сегодня сломался. И из каждого обнаженного нерва, из каждой мышцы, из каждой клетки мозговой ткани торчат, как иглы ежа, вопросы. Её музыкой человек поднят, как целина. В нём обнажается дух, тлевший прежде под покровом каких-то обветшалых представлений.

Трагедия переоценки всего себя совершается под ударами её звуков. Они, если хотите, божественны, но несёт их ангел печали, скорби и смерти. Нет радости ни в ней, ни в её божественной красоте, ни в её гениальной музыке. Анну нельзя не признать существом высшего порядка, но встреча с ней, хоть и незабвенная, всё же встреча трагичная. Это эпоха, это веха в жизни человека. И долго предстоит заживлять раны слабому и не готовому к испытанию существу. Но... совершенно меняется человек сильный, применяющий свою энергию теперь иначе. Словом, всякий, встретившийся

с Анной, обречен умереть в той стадии духа, в какой он жил до тех пор. Сильный победит смерть и начнет жить в более светлой атмосфере. Но слабый будет в ужасе вспоминать о встрече и сожалеть о потерянном рае обывательского спокойствия и счастья, но, увы, вернуться к нему уже никогда не сможет. Анна – это удар молота, это потрясение: перед тобой неотвратимо встает вопрос, что сделал ты для жизни? Но это и не сама жизнь, это черный бриллиант печали, а не розовый, который сияет радостью. Не знаю, понятно ли вам то, что говорю. Подобные впечатления очень трудно передать. Кто испытал такую встречу, тому сказал я слишком много. А кто слушает меня только умом, воспринимает мой образный рассказ не более чем фантастический.

Ваша игра, леди Алиса, захватывает так же, но она делает человека счастливым, радостным, уверенным в себе. В ней слышится благоговейное прославление жизни, любви. В ней свет, в ней зов к творчеству. В ней то, о чем так часто говорит доктор И.: «Нет серого дня, есть сияющий храм, который строит человек из своих будней».

Я приношу вам глубокую благодарность за счастье и радость, которыми вы меня наполнили. Чем-то, каким-то духовным родством, вы напомнили мне мою невесту в те моменты, когда она берет скрипку в руки. Не будучи хороша собой вообще, она преображается и становится прекрасной, когда играет или поет. И звуки ее, – тоже зов счастья жить. Вы забываете обо всем, когда она играет, кроме текущей минуты блаженства, вы благодарите жизнь.

Увлеченный разговором, капитан не заметил, как возвратился Флорентиец и встал у него за спиной и как сидевшие в отдалении Николай, Сандра, Амедей и Тендль подошли к их маленькой группе. Для мистера Тендля слова капитана были точно факелом. Он внезапно осознал все, счастье, всю важность своей встречи с лордом Бенедиктом и его семьей. В жизнь его, обычную жизнь светского лондонца, ворвалась бомба, начиненная таким свежим и необычным воздухом, какого он и не предполагал существующим так близко.

– Иная жизнь, капитан, – раздался голос Флорентийца, – уже жив, в самом человеке, прежде чем он получает, тем или иным путем, зов или, как вы выражаетесь, удар Жизни. Никогда не бывает, чтобы этот удар Жизни пришелся впустую, как жестокое и ненужное страдание. Жизнь. Великая Мировая Жизнь, не знает ни жестокости, ни наказания. Ею, милосердие и помощь входят в единственный закон Вселенной: закон причин и следствий. А людям кажется, что в их жизнь внезапно ворвалась жестокость. Умиравший от голода считает себя несчастным, обиженным и

угнетенным жизнью. Но не помнит, как заморил когда-то голодом семью, имея возможность протянуть ей руку спасения.

Нет и бессмысленной смерти. Человек умирает только тогда, когда дух его перерос возможности творчества, которые были заложены в его телесном организме. А также, если организм его перетянут закостенелыми страстями – жадностью, завистью, ревностью, отрицанием и себялюбием настолько, что не может уже прорваться к доброжелательству.

То, что люди привыкли называть чудесами, чудесными встречами и спасением,

– все, это только собственное творчество в ряде вековых воплощений и трудов. У человека в каждом его земном воплощении так мало времени. И он не имеет права терять мгновения в пустоте, без творчества сердца, в мелочах быта и его предрассудках.

Нельзя жить в ожидании, что некое провидение само позаботится решить судьбу человека и повернет руль его жизни в ту или иную сторону. А он будет только подбирать знамена милосердия, падающие ему с неба. Милосердие, которое МОЖЕТ войти в судьбу человека, это только ЕГО СОБСТВЕННЫЙ труд. Его труд в веках, труд в единении с великими и малыми людьми, труд любви и благородства.

Честь человека, его честность, красота и доброта, которые пробуждал он в сердцах встречных, а не ждал, чтобы кто-то их ему принесли, – вот что такое вековой труд человеческого пути, пути живого неба и живой земли. Не в дальнее небо должен улетать человек, чтобы там глотнуть красоты и отдохнуть. Но на грязную, потную и печальную землю он должен пролить каплю своей творческой доброжелательности. И тогда в его земной труд непременно сойдут Мудрость живого неба, и он услышит его зов.

Тот, кто принесет земле свою ноту песни торжествующей любви, кто благословил свой день обогранным страданием сердцем, тот войдет в атмосферу новых сил и знаний и ясно увидит, что нет чудес, а есть только та или иная ступень знания.

Мягко и нежно, как ласкающая рука матери, звучал голос Флорентийца. Его прекрасное лицо казалось нездешним в свете мерцающих свечей и пробивавшихся в комнату лунных потоков. Капитан, неотрывно глядевший на него, был всецело поглощен воспоминанием о своем видении в Константинополе. Алиса снова точно переродилась, и в глазах ее сверкала такая воля, что мистер Тендль, случайно взглянув в это новое и незнакомое ему лицо, не мог прийти в себя от изумления. Только у Наль и Николая лица были простые и радостные, такие радостные и светлые, точно слова Флорентийца говорили им о чем-то привычном, что

постоянно составляло их внутреннюю жизнь простого дня.

Проводив гостей и пожелав им спокойной ночи. Флорентиец вернулся в кабинет и в задумчивости опустил в кресло, стоявшее у открытого окна. Он словно кого-то ждал. И действительно, через некоторое время под окном выросла стройная женская фигура, молча ожидая зова.

– Войди, Дория, я давно знаю, что ты бродишь по саду, ждешь и томишься. И если я тебя не звал, то только потому, что ты сама должна была решить свои вопросы, я ничем не мог тебе здесь помочь. Теперь ты вс., решила сама, отбросив наконец мысль, что кто-то со стороны, я или другой, могут решать и действовать за тебя. Войди же, поговорим, друг.

Войдя в комнату, Дория села в низенькое кресло у ног Флорентийца и тихо сказала:

– Как трудно мне было, дорогой Учитель и друг! Все эти годы разлуки с Анандой, среди дневных забот, мысль о н.,м не покидала меня ни на минуту. Когда я жила подле него, мне казалось, что вс., решается так легко. И если Ананда говорил мне: «Подумайте, Дория, прежде чем сделать, чтобы потом не упрекать себя в легкомыслии», – казалось странным задумываться над тем, что мне ясно, как день. Теперь же требования мои к себе так возросли, что я подолгу не могу собраться с мужеством ответить на любой свой вопрос, потому что поняла, как мало я сделала. И очень хорошо вижу, как мои же собственные качества мешают мне встать рядом с теми, кто для меня идеал, святыня и единственный путь.

– Напрасно так угнетаешь себя, друг мой Дория, мыслями о собственной малости. Видишь ли, если ты хорошенько разберешься и в этих своих чувствах, то увидишь, что они тебе ни в ч.,м не помогли. Корень их, – как это ни покажется странным, – вс., та же гордыня. Истинное смирение ничего общего с самоедством не имеет. Истинно смиренный отч.,тливо понимает сво., место во Вселенной. Он так свободен внутри, что никакие сравнения с чужой жизнью, с е., величием или малостью, ему и в голову не приходят. Он просто ид.,т данное текущее мгновение, не вовлекаясь в мысли о сложности и замысловатости дел, которых не понимает и не видит ясно до конца. Только тот и ид.,т свой творческий день верно, кто не умствует, а действует так, как подсказывает его сердце, а потому и просто, весело, легко.

Не страдай, стараясь кардинально решить вопрос, как жить тебе, чтобы вновь встретить Ананду. Отдай себе отч.,т в другом: я ставил перед тобою несколько задач, давал дела и поручения. Упрекнул ли я тебя хоть раз за недостаток усердия? Я давал тебе обдумывать сложные проблемы и решать их самой, но не предлагал залезать на лестницу по гнилым

ступеням. А ведь если ты строишь свой завтрашний день на слезах, сомнениях и скорби сегодняшней, ты никогда не построишь его цельно и прочно. Только прожив день со всей полнотой чувств и мыслей, можно завтра попасть в атмосферу полноценного существования. День же, СТРОЯЩИЙ ЭТУ атмосферу, это день, прожитый легко, радостно, без мусора сл,,з и скорби, вызванных всегда земл,,й, одной земл,,й, в забвении живого неба. Кроме того, не забывай, что чем больше совершенствуется человек, чем выше он может видеть и лучше сознавать духовное творчество людей, тем яснее он понимает беспредельность этого пути. Это его не угнетает, а только бодрит, заставляя гореть и мчаться, тогда кик другой – с понятиями мелкими и плоскими – останавливается в раздумье, медля и хныча.

Проходя последнее время в роли слуги Наль и Алисы, ты ни разу не споткнулась о зависть и гордость. Ничто мелкое тебя не тревожило, ни одной недоброжелательной мысли у тебя не возникло. Даже ежеминутное благоговейное воспоминание об Ананде не носило горечи. Разлуку, и ту ты благословляла, потому что поняла, как многому научилась, потеряв своего великого друга. Почему же теперь, уже более тр,,х недель получив мо,, распоряжение присоединиться ко всему обществу как равноправный член моей семьи, ты медлишь? Почему на твои глаза набегают сл,,зы, на сердце лежит тяжесть и в сознании гудит пчелиный рой жалящих мыслей?

Флорентиец нежно гладил по голове Дорию, точно вливая в не,, тот особый покой и уверенность, которые каждый испытывал в общении с ним. Долго молчала Дория и наконец, подняв склоненную голову, посмотрела в глаза Флорентийцу и просто, легко сказала:

– Я понимала, что опять действую не так. Ведь я ждала, считая, что внутри вс,, что-то ещ,, не готово, вс,, не так ещ,, ясно и крепко. Ждала, чтобы созрело. И вот сию минуту совершенно ясно поняла, что и тут была неправa, потому что сосредоточилась на себе, а не на той задаче, которая была мне дана. Какое-то стеснение, какая-то тревога меня мучили. Вс,, казалось, вот Ананда должен приехать, что вот каждую минуту он может войти, и мне было страшно, хотелось бежать...

Давно умолк голос Дории, а рука Флорентийца все лежала на е,, голове.

– Если бы ты могла до конца понимать возникающие дела и встречи, ты немедленно бы принялась за дело, которое я указал тебе, внося в него свою доброту и усердие Ананда действительно едет сюда и скоро, очень скоро будет здесь. Для твоей с ним встречи было неважно, найд,,т ли он тебя в роли слуги или леди. Это ТЕБЕ Было важно, как встретить

некоторых людей и быть им полезной, потому что вас связывает нел,,гкая карма. Ты и Генри, а ещ,, больше

– ты и Тендль, – это вековые костры, очень враждебные. Тем, что они тебя сразу не встретили как члена моей семьи, ты задержала погашение их вековой злобы. С завтрашнего дня изволь выйти в столовую, раз и навсегда забыв роль слуги кому бы то ни было. А в понедельник утром, вместе с капитаном Джемсом Ретедли, поедешь к матери Генри в Лондон. Ты отвез,,шь ей мо,, письмо, купишь ей элегантное платье, пальто, бель,, и шляпу и привез,,шь е,, сюда гостить.

Ни ей, ни тебе больше знать ничего не надо. Но если выполнишь этот урок блестяще, – то заплатишь Генри за скорбь, огромную скорбь, причин,,нную ему когда-то в веках тобой. Не удивляйся, если заметишь в н,,м враждебность. Это проснутся отклики старой вражды, и их ты теперь сможешь покрыть своей любовью. Радуйся этой встрече.

Отправив просветл,,нную, тихую и счастливую Дорию спать. Флорентиец подош,,л к стене, отд,,рнул парчовый занавес и остановился перед группой портретов, к которой подводил капитана Джемса. Через несколько минут над портретом Ананды засветилось большое пятно, похожее на круглое светлое окно. Быстро, молниями, замелькали в н,,м линии, кубики, треугольники, точки, шары всевозможных цветов и другие огненные фигуры. То были мысли, которыми обменялись Ананда и Флорентиец, мысли, летевшие в эфир; они не нуждались в ином телеграфе, чем собственная воля и знания самоотверженной любви, летевшие для помощи людям, для их спасения. Улыбнувшись светившемуся образу Ананды, отдав куда-то вдаль глубокий поклон. Флорентиец зад,,рнул занавес над погаснувшей картиной и прош,,л в свою спальню, куда никто, кроме его старого слуги и теперь ещ,, Артура, никогда не входил...

Дни промелькнули для капитана Джемса с такой быстротой, что когда вечером в воскресенье лорд Бенедикт попросил его отвезти завтра Дорию в довольно отдал,,нный район Лондона, он точно с неба свалился, насмешив всех вопросом, какой же это будет день. На уверения, что завтра понедельник, что именно завтра он встретит свою невесту, капитан разводил руками и утверждал, что пятница и суббота просто куда-то провалились.

Для Генри дни летели не так быстро, словно бы жизнь на каждом шагу ставила ему препятствия. Л,,жа после обморока в одиночестве, он вспоминал Алису, е,, ласковость, красоту, е,, необычайное сходство с матерью, решив сблизиться с девушкой, насколько это будет возможно. Он чувствовал в ней искреннего друга и хотел поведать ей историю своего

печального разрыва с Анандой. И думал, что она даст ему верный совет или, по крайней мере, скажет, можно ли обратиться к лорду Бенедикту. Настроенный на этот лад, Генри уже ничего не видел, все его мысли сосредоточились на Алисе. Спускаясь по лестнице, он увидел, как девушка прошла на террасу. Сердце его сильно забило, он поспешил туда же, но ему пришлось испытать жестокое разочарование. Все его эгоистические желания тут же разлетелись в прах, потому что рядом с Алисой сидело новое лицо, которое Генри еще, ни разу не видел.

– Позвольте вас представить еще, одной дочери лорда Бенедикта, – сказала Алиса, знакомя его с Дорией.

Довольно кисло поздоровавшись. Генри сразу же ощутил враждебность к Дории, нарушившей его планы. Ее, красивые темные и пронизательные глаза, мелкие белые зубы, даже ее, приветливость, – все, было неприятно Генри, все, вызывало раздражение и даже злобу. Не особенно вежливо отвечая Дории на ее, вопросы. Генри спрашивал себя с удивлением, почему он так злится и раздражается. Какой-то род ревности, точно недовольство лордом Бенедиктом за то, что у него такая большая семья, что все эти люди здесь «дома», а он – пришелец-гость, которому могут каждую минуту предложить вернуться в Лондон, поскольку комната нужна другому гостю, шевелился где-то в глубине его сердца.

– Что, друг Генри, все, еще, не можешь сбросить с себя непрошеную гостью болезнь? – раздался голос Флорентийца.

От внезапности вопроса, от прозвучавшего во фразе слова «гость», которое бурлило в его душе, от появления хозяина дома за его спиной. Генри вскочил, задел чашку и вылил на себя весь кофе. Окончательно переконфуженный, он стоял в полной растерянности, когда вошли Наль и Николай. Готовый заплакать, Генри вдруг увидел подле себя Дорию, которая мокрой салфеткой удивительно ловко вытерла его костюм и, смеясь, сказала Флорентийцу:

– Мистер Оберсвоуд должен вам, лорд Бенедикт, предъявить счет за испорченное платье. Ну можно ли входить так легко и неслышно? Вы и меня-то перепугали, не то что человека, который еще, не совсем здоров.

– Прости, Генри, Дория права. Ты не привык еще, к тому, что все мои гости

– у себя дома и могут не стесняться или раздражаться от моей привычки появляться внезапно. Не огорчайся. Ты здесь не гость, а самый милый и желанный друг. Ты член семьи. А поскольку все мы гости на земле, отгостим здесь и уходим, – постольку и ты гость в моем доме. Но если всех нас связывает счастье жить на общее благо, все мы родственные

члены одной семьи. И суть вовсе не в том, кто из нас хозяин и кто гость. А в том, чтобы все мы, считая друг друга братьями, несли доброту, а не раздражались.

Какое значение и смысл может иметь для Вселенной жизнь того человека, который решает проблему индивидуального совершенствования только в разрезе личного быта, наград, славы и почестей? Твоя мать. Генри, о которой ты говорил как о копии Алисы, по всей вероятности, ни разу в жизни не пролила в чь,-либо существование ни капли яду. Е,, портрет мне ясен, я его хорошо вижу. А твой отец?

Генри, понявший, что Флорентиец прочел все его мысли, никак не мог прийти в себя и сидел, потупя глаза перед новой дымившейся чашкой кофе, которую поставила перед ним Дория.

– Отец? – пробормотал Генри. – Я не знаю его и никогда не знал. Мать говорила, что он умер ещ,, до моего рождения.

– А семьи у твоей матери тоже не было? – продолжал спрашивать хозяин вконец смущ,,нного Генри.

– У не,, семья была и, кажется, очень богатая. Но отец е,, мой дед, был очень крутого нрава. Знаю только, что брак заставил мать покинуть родной дом и скрыться. Но мама никогда не говорила о своей семье, а я и не спрашивал. – И никогда не говорила о сво,,м брате? – О брате говорила, – в раннем детстве, когда пела мне ту песню, что запела вчера леди Алиса. Говорила, что он дивно пел, что оба они часто исполняли дуэты и мечтали учиться петь. Маме хотелось, чтобы я наш,,л дядю, когда она умр,,т, и сказал ему, что он всю жизнь оставался е,, единственной привязанностью, которой она до смерти была верна. Но время шло, я учился, мама старела и менялась, и разговоры о дяде давно уже прекратились.

Флорентиец задумался. Его фигура на миг точно застыла, и все сидевшие за столом замерли, боясь прервать е,, молчание. Глубоко вздохнув, он посмотрел на Алису, перев,,л глаза на Генри и тихо сказал:

– Различные бывают встречи. Бывают счастливые. Но встречи, развязывающие сразу десятки карм, так же редки, как т,,мные индийские изумруды. Эти встречи долго готовятся в веках. И каждый, кто попадает в их кольцо, должен особенно тщательно следить за собой, чтобы не открыть через себя ни малейшего доступа злой силе. Берегись, Генри, раздражения. Берегись его особенно сейчас и чаще вспоминай мать, вс,, прин,,сшую тебе в жертву.

Ты, Алиса, шутливо назвала Генри братом. Будь же эти дни подле него и помогай ему не зализывать свои раны, но раскрывать талант восприятия человека и жизни, как векового пути. В эти дни многое должно

совершиться. Старайтесь прожить их в мире и полном доверии друг к другу.

Всем, в особенности Генри, слова Флорентийца показались загадочными. Один незаметно вошедший капитан Джемс оставался совершенно спокойным, точно от человека своих мечтаний он ничего иного и не ждал. После завтрака Алиса предложила Генри и Дории небольшую прогулку, и Генри стоило большого труда победить в себе недоброжелательство и пойти туда, куда его звали. Взгляд Флорентийца и его улыбка показали ему, что он снова был вывернут мыслями наизнанку. Капитана лорд Бенедикт увел в свой кабинет.

– Садитесь, Джемс, теперь я человек ваших мечтаний, Флорентиец, и вы можете меня так звать.

– Счастью моему в эту минуту нет предела. Но звать вас Флорентийцем, именем столь для меня священным, я не смею. Чем я заслужил такое неслыханное счастье – встретить вас, быть в вашем доме, говорить с вами, – я не знаю. Я сознаю, как я мал, как по-обывательски текла моя жизнь до встречи с доктором И., как я ничего не понимал в жизни, перспективы которой не подымались для меня выше плоскости земли и личных исканий.

Правда, меня всегда томила бездеятельная жизнь окружавшей меня с детства среды. И я выбрал путь моряка не только потому, что любил море. Мне казалось, что именно так я могу приносить максимальную пользу. Однако меня преследовало чувство неудовлетворенности, я постоянно искал, куда направить порывы самоотвержения и благородства. И только встретив доктора И. и Левушку, увидев сэра Уоми и Ананду, я понял, что такое человек, каковы должны быть его задачи и чего он может достичь, будучи из плоти и крови, если впустит в свои клетки дух и свет. Точно удар грома расколола меня встреча с Анандой, но снова собрала в монолит дивная гармония, покой и мир, исходившие от пригрезившегося мне вашего образа. Я почувствовал в себе такую силу, такую спокойную уверенность и счастье, что сам себе сказал: я найду человека моих мечтаний. Я побеждал умом, теперь пойду с любовью. Но я не надеялся, не смел мечтать, что так скоро свершится чудо встречи, до которой я не дорос. Сознаю себя пигмеем и жажду только учиться жить подле вас.

– Быстрота исполнения наших заветных желаний это не карма, мой друг. Хотя сама встреча – всегда кармический зов. Но время, место, интенсивность восприятия встречи и ее влияние на жизнь человека зависят от неповторимых его качеств, его такта, энергии и приспособляемости. Если бы вы не сторели в Константинополе в одну ночь, наша встреча не

могла бы состояться так скоро. Для каждого человека положена своя мера вещей. И только те подходят к Учителю в одно воплощение так, чтобы общаться с ним непосредственно, кто выполнил свою меру вещей, то есть разрушил в себе прежние представления о жизни вообще и жизни на одной только земле.

Пока человек полагается на чью-то помощь и связи, пока ищет решения своих вопросов в советах сильных мира сего, он не в состоянии выскочить из орбиты сковывающих его предрассудков, которые заставляют балансировать между собственным тяготением к высшему миру красоты и земным благополучием. Кто и как проходит свой день? По какой орбите мчит человека земля, зависит не только от труда веков, но еще, и от опыта данного воплощения. Вы скоро женитесь, и женитесь по любви. Если бы вы не встретили И., если бы не двинул вас вперед Ананда с такой сверхъестественной силой, что все, в вас перевернулось, – вы так и остались бы холостяком. Создавая теперь свою семью, помните мои заветы.

Жена. Никогда и ни в чем не подавляйте ее, волю, ее, вкусы, ее, устремления. Если будете видеть, что вкусы и склонности ее, в чем-либо вульгарны, покажите ей красоту. Но так, чтобы она никогда не заметила, что вы учите ее. Если вы сумеете раскрыть ей глаза на прекрасное, она изменится сама. Но если будете назойливо предлагать и убеждать, то красота в ней не раскроется и в жизнь свою она ее, внести не сможет, как бы ни были настойчивы ваши доказательства.

Решительно не позволяйте себе вмешиваться в ее, искусство, в ее, творчество. Предоставляйте ей полную свободу, критикуя искренно, если спрашивают, но не позволяя себе давить и тушить порывы, если, по вашему мнению, они недостаточно тактичны и мало соответствуют канонам того общества, в котором вы живете. Не талант для общества, а общество для таланта. Талант же для всей Жизни. Поддерживайте ее, всячески, если даже дом ваш станут считать «оригинальным», что в Англии отнюдь не похвала.

Если бы у вашей жены оказалось мало воли и с рождением детей она возжаждала бы забросить искусство, если в ее, мыслях, чувствах, поступках над художницей станет превалировать мать, – разъясните ей все, значение искусства в воспитании младенческой души и вообще в жизни детей.

Каждая семья строится заботами огромного числа невидимых тружеников и помощников. И те семьи, где главным элементом жизни является искусство, – всегда ячейки высшие, откуда выходят творческие силы, приближающиеся к Учителю. Если бы у вас не было ни одного талантливого ребенка, то у внуков, рожденных от развитых и чутких к

искусству детей, уже будет та атмосфера гармонии, в которой они смогут развить свой талант. И, в частности, у вас так оно и случится. Вы приведете ко мне своих младшего внука и среднюю внучку – два больших таланта. В вашей жене они найдут начала новой связи, к которой дети будут еще, не готовы. Но жена ваша будет много страдать от чрезмерно страстной любви к детям. Такт и ваша любовь помогут объяснить ей, что материнская любовь должна быть творческой энергией, очень спокойной, чтобы не давить на детей, не быть для них слишком тяжелой; они должны расти, в полной мере развивая свой дух и способности.

Преданность матери, которая видит подвиг в отказе от искусства ради детей, доказывает только неполноценность ее таланта человека, слуги Жизни, давшей ей каплю своего Вечного огня. Споры по вопросам воспитания детей в вашем доме недопустимы. Самое бдительное внимание вы с женой должны обратить на складывающиеся отношения ваших детей с окружающими. Никакой замкнутости, никакой отъединенности от других. Приучайте их к общению.

Лучшими уроками воспитания бывают те дни, когда дети встречают разнообразие характеров среди себе подобных. Но чтобы ребенок рос внимательным к окружающему, – его надо учить этому с первых же сознательных дней. Развивайте внимание своих детей параллельно своей выдержке. Не забывайте, что дети, родившиеся у вас, не только плоды вашей плоти и крови. Но и те драгоценные чаши, которые Жизнь дала вам на хранение, чтобы вы улучшили и развили их творческий Огонь. Не прилепляйтесь к ним, как улитка к раковине. Всегда думайте, что им суждено пожить и отгостить в вашем доме какое-то время только для того, чтобы созреть для собственной жизни. Ваша жизнь ценна для мира постольку, поскольку вы сумели вскрыть ее, самодовлеющую красоту, не зависящую ни от чего.

Создавая семью, вступайте в нее, освобожденным от предрассудка закрытости, где варятся в собственном бульоне. Напротив, разрушайте перегородки между собой и людьми, привлекайте встречных красотой, которую они стесняются обнаруживать в себе.

Дети не только цветы земли. Они еще, и дары ВАШИ Вселенной. Через них вы, как все родители, либо помогаете возвышаться человечеству, либо остаетесь инертной массой, тем месивом, из которого, как из перегнившего леса, через миллионы лет родятся уголь и алмаз.

В данную минуту в сердце вашей невесты клокочет буря. Иногда вас пугает ее темперамент. Но темперамент для таланта такая же необходимость, как пар для машины. С огромным тактом, нежностью и

вниманием старайтесь всегда переводить излишек е., темперамента в искусство.

Я очень хотел бы, чтобы вы привезли свою невесту в мой дом. На будущей неделе мы все переедем в Лондон. Туда я жду Ананду. Приезжайте к завтраку к двенадцати часам в понедельник. Что же касается знакомства со стариками, то предоставьте это мне. В нашем ответном визите я сам устрою вс., так, как будет лучше и удобнее графам Е. Не станем заглядывать вперед. Я вижу, что вас ещ., беспокоит желание стариков ехать за вами. Думаю, что и в этом я вам помогу.

Поговорив ещ., с капитаном о его делах и некоторых особенностях его личной жизни. Флорентиец отпустил его и присел к столу, читая какое-то письмо. Через некоторое время за окном мелькнула фигура Тендля и раздался его голос:

– Простите, лорд Бенедикт, я три раза слышу ваш голос, точно вы зов.,те меня. Дважды я сходил вниз, ибо мне казалось, что голос ид.,т из вашей комнаты, и дважды я возвращался, не смея нарушить тишину. Наконец, только поднялся к себе, – снова ваш зов. Тогда я решился подойти к окну, в котором увидел свет. Теперь я вижу, что был введ.,н в заблуждение собственной галлюцинацией. Простите, что помешал вам.

– Я как раз звал вас, Тендль, и собирался уже рассердиться. Ну, давайте руку, англичанин-спортсмен, и прыгайте.

Счастливо смеясь, Тендль схватил руку Флорентийца, железную силу которой уже знал, и перепрыгнул через высокий подоконник.

– И подумать только, – говорил Тендль, – я так ясно слышал ваш голос и вс., же боялся ошибиться.

– Я очень рад, что вы не заставили меня подниматься за вами. И раз уж вы здесь, мой дорогой Тендль, я объясню, зачем я так настойчиво вас звал. Признаюсь, поручение будет не из приятных, и чтобы его выполнить успешно, вам придется вновь превратиться в моего капитана.

– Есть, адмирал, превратиться в капитана. Я весь внимание и слух, а уж как счастлив служить вам, лорд Бенедикт, о том и не решаюсь говорить.

– Вы хорошо знаете завещание пастора и помните, конечно, один из пунктов, приведших Дженни и пасторшу в особенную ярость. Там говорится, что большой капитал, лежащий отдельно в банке, принадлежит сестре пастора Цецилии, ушедшей в юности из дома и скрывшейся под именем Цецилии Оберсвоуд. Пастору удалось установить это имя и несколько раз он нападал на е., след, но каждый раз она скрывалась ещ., тщательнее. Так он и умер, не отыскав сестры.

– Но ведь Дженни мне говорила, что этой личности никогда не

существовало. Что то была жестокая выдумка е,, отца, чтобы лишить е,, и, главным образом, мать возможности жить беззаботно.

– Насколько истинны слова Дженни, вы сами убедитесь. В следующую пятницу истекает срок, после которого пасторша может востребовать проценты с капитала Цецилии Оберсвоуд, завещанные ей, если сама владелица или е,, наследники до этого времени не заявят свои права. Я отыскал Цецилию Оберсвоуд, и это никто иной...

– Мать Генри! – в огромном возбуждении вскричал Тендль, вскакивая со стула. – Вы угадали. Тендль.

– Бог мой, глядя на е,, прекрасное лицо, форму руки, воздушную фигурку, я вс,, время думал, кого она мне так сильно напоминает. Сейчас только повязка упала с глаз, – ведь это же Алиса в старости.

– И опять вы не ошиблись, Тендль. Это родная т,,тка Алисы и Дженни, та сестра, которую так усердно искал пастор. Теперь к делу. Вы отвез,,те завтра вашему дяде мо,, письмо, где я прошу его известить формально леди Катарину, что сестра е,, мужа, которой принадлежит капитал, разыскана. И потому проценты, которые она уже просит выплатить, ей не принадлежат. Горькую чашу придется испить вам, Тендль. Ведь мать и дочь, узнав, что вы богаты, решили женить вас на Дженни. И письма девушки только случайно не попали в ваши руки. Путешествуя из конторы в вашу квартиру и обратно, они вс,, же попадут к вам сразу целой пачкой.

– Мне будет очень тяжело, лорд Бенедикт, но ваше поручение выполню. Тяжело не само поручение, а воспоминание о том разочаровании, которое я пережил из-за Дженни. Теперь раны в мо,,м сердце уже нет. Но боль за не,, горечь собственного бессилия гложут меня.

– Не печальтесь, мой капитан. Будь хоть малейшая возможность вытащить Дженни из беды, она была бы уже здесь. Я вс,, сделал для этого, как и обещал е,, отцу. Сейчас можно только уберечь Дженни от окончательного падения, куда е,, тащит е,, несчастная мать. Можете ли дать слово, слово капитана своему адмиралу, выполнить точно все мои распоряжения, нигде не превысив данных вам полномочий, никак от них не отступив? Так, словно вы дали мне обет беспрекословного повиновения?

– Конечно, могу. Прискорбно, что вам пришлось задавать этот вопрос. Значит, я не сумел достаточно открыть вам всю преданность своего сердца. Ваша жизнь, которую я имею счастье наблюдать, полна такого превосходства над окружающим, такой мудрости и понимания, что равняться с вами никому и не снилось. Будьте покойны, я буду точен, лорд Бенедикт, не только из преданности вам. Но также из сознания, что ваш приказ – это счастье, пусть даже кому-то кажется иначе.

– Спасибо, Тендль. Итак, вот письмо. Дядя даст вам официальную выписку из завещания, возьмите также вот эти документы. Здесь метрика Цецилии Уодсворд. Вот е,, брачное свидетельство. Вот свидетельство о смерти е,, мужа Ричарда Ретедли, лорда Оберсвоуда. Вам пусть будет известно, что Ричард Ретедли – родной брат гостящего у меня в данное время капитана Джемса Ретедли. Но ему и в голову не приходит, что Генри и Алиса – его родные племянники.

Все эти документы, как и выписку с письмом от дяди, вы доставите в пасторский дом.

Но так как пасторша и Дженни, будучи совершенно уверенными в истинности всего, что вы скажете, вс,, же сделают вид, что ничему не верят и пожелают со мной судиться, вам придется привезти их к дяде в контору, где буду находиться я со всеми необходимыми свидетелями, вплоть до капитана Джемса Ретедли, лорда Оберсвоуда.

Дав ещ,, кое-какие указания мистеру Тендлю, лорд Бенедикт просил его до времени хранить все его поручения в полной тайне.

Тендль ещ,, раз горячо заверил его в сво,,м полном внимании к этому делу, радостно пожал протянутую руку, поблагодарил за гостеприимство и вдруг по-детски, заливаясь смехом, сказал:

– Я так и буду ходить по делам с вашей рукой. Я уверен, что мне будет легко удаваться вс,, как только я вообразу, что держу вашу руку в своей.

ОГЛАВЛЕНИЕ ГЛАВА 1 Бегство капитана Т. и Наль из К. в Лондон. Свадьба ГЛАВА 2 О ч,,м молился пастор. Дженни вспоминает ГЛАВА 3 Письма Дженни. Е,, разочарование и борьба ГЛАВА 4 Важное событие в семье графа Т. На балконе у Наль. Завещание пастора ГЛАВА 5 Скачки ГЛАВА 6 Болезнь и смерть пастора, его завещание ГЛАВА 7 Болезнь Алисы, письмо Флорентийца к Дженни. Николай ГЛАВА 8 Чтение завещания в доме пастора ГЛАВА 9 Второе письмо лорда Бенедикта к Дженни. Тендль в гостях у лорда Бенедикта в деревне ГЛАВА 10 Мистер Тендль держит слово. Генри Оберсвоуд. Приезд капитана Джемса ГЛАВА 11 Генри у лорда Бенедикта. Приезд капитана Ретедли. Поручение лорда Бенедикта

К. Антарова. Две жизни. 1. (Часть 2, том 2)

Продолжение оккультного романа, весьма популярного в кругу людей, интересующихся идеями Теософии и Учения Живой Этики. Герои романа – великие души, завершившие свою духовную эволюцию на Земле, но оставшиеся здесь, чтобы помогать людям в их духовном восхождении. По свидетельству автора – известной оперной певицы, ученицы К.С.Станиславского, солистки Большого театра К.Е.Антаровой (1886-1959)

– книга писалась ею под диктовку и была начата во время второй мировой войны.

ЧАСТЬ II

ГЛАВА 12 ДОРИЯ, КАПИТАН И МИСТЕР ТЕНДЛЬ В ЛОНДОНЕ
Рано утром в понедельник, сопровождаемые всеми обитателями дома, Дория, капитан Джемс и мистер Тендль уехали в Лондон. Незадолго до их отъезда лорд Бенедикт говорил о ч.,м-то с капитаном Ретедли, который показался всегда и вс., видевшей Алисе пораженным до чрезвычайности. Джемс Ретедли не задал хозяину ни одного вопроса, но она перехватила его пристальный взгляд, устремленный на Генри и на не,. Алисе даже показалось, что, пожимая ей руку и поднося е., к губам на прощанье, капитан особенно сердечно посмотрел на не,. И не менее сердечно, даже горячо, он обнял Генри, что – при сдержанности капитана – тоже показалось ей необычайным.

– Не забудьте, я жду вас с вашей невестой в понедельник в свой лондонский дом к завтраку, – были последние слова Флорентийца вдогонку трогавшемуся экипажу.

– Отец, неужели настал конец нашей волшебной жизни здесь? спросила Наль.

– Не стоит огорчаться, друзья мои, здесь мы трудились для тех новых целей и дел, что ждут нас в Лондоне. Человек, если он хочет двигаться вперед, должен прежде всего трудиться над самим собой. Очистив и возвысив свой дух, получаешь новый запас сил, чтобы отдавать свою доброту встреченным людям. В этом тихом и гармоничном месте каждый из вас поднялся в сво.,м самообладании. Увидел по-новому свои ошибки и понял, как много в прошлом растратил он сил на страх, сомнения, боль и сл.,зы, вместо того чтобы сразу – как мост к победе – протягивать из своего сердца лепту света, мира и любви навстречу дню.

Ничего не достигнешь в жизни, если не подготовишь свой дух и, соответственно, организм к основному: благословлять все обстоятельства, которые нес,,т тебе расцветающий день. Величие духа начинается с полного спокойствия и самообладания. Чтобы мог человек зазвучать, как частица творящей Вселенной, надо, чтобы он не минутами только ощущал себя гармоничным целым, но чтобы в его сознание глубоко вошли ЗНАНИЕ и опыт того, что вс., ЕГО Творчество может двигаться в н.,м и двигать его в творчестве Вселенной только тогда, когда он – являет собой гармоничное целое. Путь к этому высшему знанию – Вселенной в себе и себя в ней – проходит только через самый ПРОСТОЙ день, только через

труд в н.,м.

Радостно трудясь над своим воспитанием, над своей выдержкой, каждый решает не только свою задачу, но развязывает или завязывает узлы, помогает множеству людей или ухудшает их жизнь, хотя чаще всего он их не видит и даже не созна.,т, как важно то, что ОН дал дню.

Каждый из вас уже давно понял, как преступно извергать в мир бунт страстей и горечь сл.,з. Каждый из вас понял, что способ единения с людьми в данном месте и в данное время это вовсе не личная проблема, проблема самоусовершенствования, а сила, строящая всю жизнь, СИЛА, не дремлющая, как болотная вода, в одном только месте, но ЛЕТЯЩАЯ во Вселенной, тревожащая или успокаивающая всю мировую жизнь.

Когда приходит то, что люди зовут несчастьем, следует крепко держать в руках стяг ВЕЧНОСТИ и помнить, что та несправедливость, на которую жалуешься, есть только явление собственного духа. Если сейчас не сумеешь победить ЛЮБЯ вставшего препятствия, если будешь оценивать его не как звено СОБСТВЕННОГО пути, но как происки людей, людей, как тебе кажется, настолько плохих, что они посягают на тво., счастье, которое понимаешь на свой вкус и лад, желая, чтобы ни тебя, ни твоих близких не тревожили понапрасну, и не созна.,шь в себе высших сил для спокойной борьбы, – дни твоей жизни потеряны. И снова где-то и когда-то – начинай вс., сначала.

Все, кто собрался вокруг Флорентийца, слушали его в глубоком молчании. Но светлели лица Николая и Наль, Алисы и Амедея и скорбными становились Сандра и Генри. Казалось, каждое слово, произнес.,нное чудесным, полным доброты голосом, проникало им в сердце. Взгляд Флорентийца, когда он смотрел на окружавшие его юные лица, был так полон сострадания и любви, что помимо своей воли все придвигались к нему ближе и ближе и, наконец, встали почти вплотную, точно желая впитать в себя волшебную силу его любви.

– Вот такие моменты единения в любви, когда каждый нес.,т только самое чистое и прекрасное, что есть в его сердце, рождают новые узлы света и добра. И каждым таким узлом пользуются наши невидимые помощники, чтобы построить новый канал, новую нить духовной связи и соединить видимое и осязаемое земли с невидимым и неосязаемым трудом неба.

Нет жизни земли печальной, загрязн.,нной, оторванной от Вечности. Есть одна великая Жизнь, где труд двух миров воплощается в самые разнообразные временные формы. Но Жизнь не останавливается от того, что формы меняются или отживают. Знание делает человека счастливым не

только потому, что он обрел свет. Но и потому еще, что Свет в нем освещает тропинку встречному. Как бы ни был мал Свет, однажды зажгшись, он никогда не позволит человеку упасть в окончательное уныние. Унывать может только тот, в ком нет цельной верности, кто колеблется в своем понимании и в ком сердце разорвано безнадежностью.

Если мать потеряла единственную дочь, составлявшую все ее богатство, и не может больше жить, так как сердце ее горит факелом скорби, выжигая кровь, – эта мать не внесет в невидимую для нее новую жизнь своей дочери ни счастья, ни облегчения. Та мать, что знает в себе и в каждом лишь форму Вечности, сумеет победить свою скорбь и будет всем мужеством сердца посылать дочери помощь любви в улыбке, а не доставлять горечь ее новой форме стенаниями и плачем.

Со смертью любимых не кончаются наши обязанности перед ними. И первейшая из них: забыть о себе и думать о них. Думать об их пути к совершенству и освобождению. Думать и помнить, что если мы плачем и стонем, мы взваливаем на их новую, хрупкую еще форму невыносимую тяжесть, под которой они сгибаются и могут даже погибнуть. Мы же склонны приписывать к числу своих добродетелей усердное их оплакивание. Тогда как истинная любовь, им помогающая, это мужество, творческая сила сердца, живущего в двух мирах. Трудясь над самообладанием, над самодисциплиной, мы помогаем не только живым, но и тем, кого зовем мертвыми и кто на самом деле гораздо более живой, нежели мы, заключенные в наши плотные и грубые телесные покровы.

Кончив говорить. Флорентиец притянул к себе Сандру и Генри и, ласково кивнув остальным, пошел с обоими юношами в парк отпиливать отжившие ветви деревьев, В мучительном раздумье Сандра спросил своего великого друга:

– Я вполне понял свои ошибки. Мне уже кажется невозможным, чтобы я мог еще раз оказаться слабее женщины. Но неужели своими слезами и тоской я мешал пастору в его новой жизни? Мешал самому любимому другу, которому столь многим обязан?

– Если бы человек, духовно развитый и чистый, мог жить лишь в мире одной земли, как это делают люди, живущие только интересами тела и земных благ, то ты не тревожил бы друга никакими своими проявлениями. Но так как у вас с пастором была духовная связь, связь, жившая в двух мирах, – он унес ее с собой, уходя с земли. И всякое нарушение гармонии в тебе, причиной которого была скорбь о нем, жалило его или обдавало потоками скорбных твоих мыслей. Стремись всеми силами выработать полное самообладание, чтобы я мог оставить тебя на попечение едущего

сюда Ананды.

– Ананды! – одновременно вскрикнули оба юноши. Но крик Генри был таким скорбным, что Сандра в изумлении даже выронил пилу из рук.

– Разве ты, Генри, не мечтаешь день и ночь о новой встрече с Анандой? А ты, Сандра, ты напоминаешь жену Лота, превратившуюся в соляной столб. Бери пилу, тщательнее осматривай ветви и приведи в порядок все свои импульсы. Пойд,,м, друг Генри, к тому высокому старому дубу. Для нас обоих хватит работы, чтобы помочь дереву обрести новую молодую жизнь, сбросив старые лохмотья.

Приступив к работе и делая вид, что вовсе не замечает, как Генри старается незаметно смахнуть одну за другой непрошенные сл,,зы, Флорентиец ласково говорил юноше:

– Приезд Ананды не должен смущать тебя тем, что ты ещ,, не готов к встрече. Ананда ведь не только частица божественной мудрости, сошедшей на землю в человеческом теле. Это и часть божественной доброты, воплотившейся, чтобы развязать тугие узлы, затянутые человеческой любовью. В девяноста девяти случаях из ста то, что люди называют любовью, на самом деле лишь предрассудки и суеверия либо себялюбивые мечты.

Ананда в каждом сво,,м общении с человеком вскрывает неожиданные для него самого сюрпризы его страстей. Человек думает, что проходит пут,,м верности и милосердия, ищет освобождения и приносит людям помощь своей верностью. А на самом же деле встреченные им не только не отдыхают в его атмосфере: от его верности страдает вс,, земное, что к нему близко. Кому нужна подобная верность? Путь к Учителю, как ко всякому высшему сознанию, лежит через любовное единение с людьми. И та верность, когда человек дал умереть в разлуке существу, которое в н,,м нуждалось и звало его, только потому, что он ждал, чтобы у него, наконец, что-то созрело внутри, не да,,т выполнить ту задачу, которую целое кольцо невидимых помощников ждало случая на него возложить. И получается, что готовое в духовном мире дело не может стать земным действием. И запись в Белой книге человека, в книге его Вечной Жизни гласит: «может» не значит «будет».

В твоей книге, Генри, есть разные страницы. Есть страницы подвига и самоотверженности, есть страницы любви, есть и такие белые страницы, где жив,,т запись: «может» не значит «будет». Но страниц радости в ней нет, как не было е,, у тебя в данном тво,,м воплощении до сих пор. А между тем сейчас ты приш,,л на землю учиться радости, и для этого счастливого урока тебе давались тысячи предлогов и случаев. Мать твоя, смиренная

избранница, полное чести, силы и чистоты существо, с детства окружала тебя радостью и любовью. А ты отвечал ей всю жизнь требовательностью, унынием и эгоизмом. Только теперь, после всего страшного и тяжкого, во что ты окунулся в Константинополе, когда сам воочию столкнулся с тьмой силой, ты понял ужас и величие пути человека на земле, и сердце твоё, извергая струи крови, открылось для матери, открылось во всю ширь. Ты по-новому увидел мир и себя в нём.

– Только потому, – перебил Генри, – что великая страдающая любовь Флорентийца раскрыла мне глаза и помогла увидеть жизнь по-иному.

– Не будем говорить о причинах. Все люди, без исключения, переживают свои моменты перерождения. И каждому жизнь подаёт его цветок жизни и смерти. Человек берёт его, вдыхает аромат жизни и отворачивается от смрада и гноя уже отживших в нём частиц. А бывает это – у каждого по-своему, по-особому, ибо у каждого свой индивидуальный, неповторимый путь. Послезавтра сюда приедет твоя мать. Её привезёт Дория, а капитан Джемс всячески ей поможет.

– О Господи, только этого не доставало, чтобы капитан Джемс в вашем доме встретился с моей матерью! – простонал Генри.

– Что же так пугает тебя, если капитан увидит твою ещё, обворожительно красивую мать?

– Я и сам не знаю, что в капитане меня и очаровывает, и отталкивает, и возмущает. Быть может, в этом повинно одно воспоминание юности. Однажды я принёс газету с объявлениями, выходящую раз в месяц, завернув в неё цветы, которые мама велела мне купить. Со свойственной маме аккуратностью она вынула цветы и стала расправлять газету. На первой странице большими буквами было напечатано объявление, что лорд Самуэль Ретедли, барон Оберсвоуд извещает жену своего сына Ричарда Ретедли об оставленном на её имя крупном капитале. Что если в течение двух лет жена не явится в банк за капиталом, он будет отдан на сохранение её брату до самой его смерти. Я не помню ничего больше, но мама упала в обморок, единственный раз в жизни, и с большим трудом, после двух недель болезни, вернулась к обычной жизни. Когда я услышал фамилию Ретедли в Константинополе, – точно змея меня укусила. Но потом, сопоставив высокое общественное положение капитана и бедность, в какой мы жили, я успокоился насчёт существования каких-либо отношений между Цецилией Оберсвоуд и лордами Англии. Случайных совпадений в фамилиях немало бродит по свету. Но сейчас я так сильно дорожу спокойствием матери, что хотел бы избежать для неё всяких волнений.

– Видишь ли. Генри, любовь к матери, которая сейчас в тебе

проснулась, не должна принимать уродливые формы. А всякая форма любви, в которой есть страх, непременно будет безобразной. Что значит е,, обморок, какие воспоминания пробудила в ней твоя газета, что прочла она между строк объявления – если она тебе сама не сказала, это не должно тебя касаться. И твоя истинная любовь, тво,, истинное уважение к ней могут выразиться только в тво,,м почтительном молчании по поводу каких-то неведомых тебе страниц е,, жизни. Если ты на деле любишь мать, то твой единственный жизненный урок, твоя единственная помощь ей,– это полное спокойствие и вера в высокую честь матери. Жди е,, приезда сюда, как величайшую для вас обоих радость.

Жди, не растрачивая время на истерические выпады, а действуй так, как будто бы возле тебя стоит тень твоего самого любимого друга и Учителя Ананды.

– Как и чем мне выразить вам, не лорд Бенедикт, а величайший и милосерднейший друг Флорентиец, что только подле вас я мог уяснить себе до конца все свои ошибки. И этого мало. Быть может, я и смог бы их себе уяснить. Но только в атмосфере вашей любви я наш,,л в себе смирение и любовь, чтобы мирно и спокойно начала расти во мне сила уверенности в победе над ними. От вас ль,,тся такая доброта и мужество, такое чистое сострадание, в котором нет осуждения, – бросился на колени Генри, приникая к руке Флорентийца.

– Встань, Генри, перестань думать о моих достоинствах, а вноси в труд своего дня то, что в мо,,м живом примере тебя увлекает и убеждает. Я сказал тебе только, что сюда приедет твоя мать. Приедет ли с ней капитан и в качестве кого он сюда приедет, о том ты узнаешь сам. Если ты внимательно читал мо,, письмо, то помнишь, что в н,,м я говорил тебе, что надо беречь мать, так как в ней залог твоих материальных благ, которыми ты так дорожишь. Ты неверно понял меня, но в ближайшем будущем пойм,,шь. Иди сейчас к Алисе и продолжай свои занятия с обеими ученицами. Налегай теперь на естественные науки, помня, что физика будет очень нужна Наль. Иди, забудь о своих делах и думай о предстоящем труде, считая его самым важным в эту минуту.

Генри направился к дому, стараясь унять в себе взбудораженное море вопросов, но завидя издали Алису, сразу почувствовал стыд за собственное раздражение под тихим и глубоким взглядом девушки, точно прочитавшей его внутренний разлад...

Мирная деревенская жизнь, которой жил Тендль, сразу оборвалась для него, как только они въехали в Лондон. Простившись с Тендлем, капитан дов,,з Дорию до дома Генри и, нерешительно стоя перед нею, спросил:

– Если бы я зашел к миссис Оберсвоуд вместе с вами, это было бы очень некстати?

– Я думаю, лорд Ретедли, что это могло бы испугать ее. Разрешите мне ее, подготовить. Если вы оставите ваш адрес, я извещу вас о ходе событий, а также когда и как нам встретиться.

Несмотря на очень решительный тон Доррии, капитану, очевидно, было очень трудно поверить в ее правоту. На лице его мелькало то недоверие, то недовольство своею нерешительностью.

– Вас беспокоит, лорд Ретедли, что я, быть может, не сумею быть достаточно ласковой и тактичной со вдовой вашего брата. Конечно, если бы я действовала от себя, – улыбнулась Доррия, – я бы, наверное, не сумела выполнить возложенного на меня поручения. Но я везу ей письмо лорда Бенедикта, и я крепко держу в сердце ту невидимую связь, ту неотступную мысль о нем, которую наш великий друг вселяет в сознание счастливых, кому да, тут свои поручения. Поэтому вы можете быть спокойны. Я всеми силами мысли держусь за его великую руку и буду действовать так, как будто бы он рядом со мной. Что же касается вашего участия в этом деле, то оно ведь сводится к тому, чтобы помочь мне выехать из Лондона. Если мы оба не хотим ни в чем нарушить закон беспрекословного повиновения, то каждому из нас надо выполнить свою часть порученного со всею тщательностью и вниманием, на какие мы способны, а не поддаваться своим порывам и впечатлениям.

Разговор этот происходил на темной и грязной лестнице, по которой оба собеседника взбирались к жилищу Генри. Насколько была бодра Доррия, легко поднимаясь по ступеням, настолько же мрачен был капитан, которого пробирала дрожь отвращения и муки.

– Подумать только, годы жила несчастная женщина в этой нищете из-за предвзятости взглядов моего родного брата и деда. А я и не подозревал об этом, вел рассеянную жизнь и тратил попусту десятки тысяч, – с болью и горечью говорил капитан, остановившись на площадке пятого этажа и закуривая сигару, чтобы избавить себя и даму от запаха грязных вонючих отходов, пережаренного лука и каких-то еще, ароматов, сопровождающих бедноту и оставляемых ею везде благодаря плохо вымытому белью и грязному платью.

– Вы вольны, лорд Ретедли, поступить, как сочтете нужным. Я думаю, мы уже у цели. Но если вы действительно тронуты героической жизнью леди Оберсвоуд, то вы не захотите доставить ей лишнего горя принимать вас здесь.

– Вот именно, все, чего хочу, это вырвать ее, отсюда немедленно.

– Ну, одними вашими силами этого не сделать. Если бы дело было так просто, лорду Бенедикту не пришлось бы вмешиваться. Я дам вам знать немедленно обо всём. Наконец, ночевать я буду непременно в городском доме лорда Бенедикта и, если вам очень захочется узнать о сегодняшнем дне, вы можете в одиннадцатом часу приехать туда ко мне, и я вам всё, расскажу.

Расставшись со своим спутником, Дория постучала в дверь. Ей немедленно открыла уже знакомая нам старушка в белоснежном чепце. Пораженная её красотой и огромными синими глазами, Дория так смешалась, что только молча смотрела на неё. Очаровательно улыбнувшись, хозяйка дома сказала мелодичным и добрым голосом:

– Вы, вероятно, заблудились, леди. Дело в том, что квартира под таким же номером есть и в доме с улицы и иногда, перепутав номер дома, люди попадают ко мне. Вам следует спуститься вниз и повернуть за угол.

Оправившись, Дория с удивлением слушала голос Алисы, такой же мелодичный и мягкий.

– Нет, я думаю, что попала именно по назначению. Ведь я вижу перед собой леди Цецилию Оберсвоуд? – Получив удивленный и утвердительный ответ, Дория продолжала: – Я привезла вам письмо, и мне приказано сказать вам, чтобы вы вспомнили, о чём говорил однажды дядя Ананды во время болезни Генри в Вене. Это письмо вам посылает тот, кого вы называете Великой Рукой.

Стоявшая перед Дорией маленькая Цецилия Оберсвоуд выражала все признаки смущения и робко взяла письмо.

– Войдите, пожалуйста, – сказала она, открывая дверь в комнату Генри, куда весело заглядывали солнечные лучи и чистота которой поразила Дорию, как поражала всех. Усадив Дорию в кресло, она села у другого конца стола, ясно говорившего своим красным деревом и инкрустацией из перламутра и черепахи о лучших временах, и вынула письмо из кармана белоснежного передника.

Бегло взглянув на адрес, она вскрикнула, откинувшись с совершенно белым лицом на спинку стула и выронила письмо из рук. В одно мгновение Дория была подле неё, она подняла письмо, поднесла к её носу ароматическую соль и натёрла виски и затылок потерявшей сознание женщины жидкостью из флакона, данного ей Флорентийцем, предупредившим, что письмо может повергнуть мать Генри в огромное волнение. Через несколько минут леди Оберсвоуд пошевелилась и с трудом вздохнула. Желая облегчить ей голову, Дория сняла чепец, посчитав его слишком громоздким. Каково же было её удивление, когда из-под чепца

выпали две громадные косы, сохранившие чудесный пепельный цвет. Бледное личико с закрытыми глазами без чепца показалось Дории совсем молодым, обрамленным сединой точно нимбом.

Приготовив лекарство Флорентийца, Дория вторично натрала виски, затылок и лоб больной и стала ждать первой возможности влить ей лекарство в рот. Ждать пришлось недолго. Леди Оберсвоуд открыла глаза и должна была сейчас же проглотить капли, ловко поданные ей Дорией. И вскоре, откинув косы на спину, мать Генри твердой рукой вскрыла конверт, на котором стояло: «Леди Цецилии Ричард Ретедли, баронессе Оберсвоуд от Флорентийца».

«В эту минуту, когда Вы читаете письмо, того, кто искал Вас всю жизнь и ушел с земли огорченным, потому что не мог разыскать Вас, – Вашего дорогого брата и друга Вашей молодости, уже нет в живых».

Стон прервал чтение письма на минуту, но мигом подошедшей Дории тихий мужественный голос сказал:

– Не беспокойтесь, я уже владею собой. Это была только спазма сердца, но раз она меня не убила, – все дальнейшее приму совершенно спокойно. – И леди Оберсвоуд продолжала читать:

«Ваша жизнь, проведенная в полном отрешении от всего личного, далеко не копчена. Ваш брат, о котором Вы думали как о блестящем певце и ученом, был, увы, пастором, несмотря на свои желания и склонности. Но ученым он был по призванию и достиг крупных результатов на одном из своих любимых поприщ. Он оставил дочь, которой Вы очень нужны. Я говорю: «дочь», хотя у пастора их было две. Но почему не говорю сейчас о второй, об этом скажу лично. Пастор оставил Вам капитал. Вы можете получить его только через меня, так как я храню его подлинное завещание.

Не думайте о себе, не думайте о скрытно прожитой жизни. Действуйте сейчас для сына и племянницы, жизнь которым вы можете облегчить. Мой друг Дория отправлена к Вам моим посланцем. Я ей рассказал, как Вас надо экипировать, чтобы привезти ко мне в деревню, где Вас ждут новые обязанности любви к брату, которого Вы так жестоко покинули и перед которым Вам надо оправдаться не слезами раскаяния и сожаления, но деятельностью и трудом для блага его дочери и Вашего сына. Сказать Вам надо так много, объяснить еще больше, и в письме этого сделать нельзя.

Примите младшего брата Вашего мужа, капитана Джемса Ретедли, которого Вы не знаете. Примите как друга и брата и не переносите великого оскорбления, нанесенного Вам тестем и его семьей, на ни в чем неповинного, хорошего человека. Он поможет Вам добраться до моей деревни, а Дория сделает для Вас все, необходимое по части туалетов.

Доверьтесь ей, не тратьте силы на мысли мелкие, думайте о сути, об огромном Вашем долге перед так сурово и внезапно покинутом Вами обожавшем Вас братом. Теперь надо так созреть силой духа и сердца, чтобы воздать должное дочери Вашего брата, отдать ей всю не доданную брату любовь и вынянчить е., первенца. Приезжайте как можно скорее, со всем свойственным Вам мужеством».

Прочтя письмо, леди Ричард Ретедли закрыла глаза своей маленькой ручкой, рабочей и вс., же прекрасной. Дория не прерывала е., молчания, всем сердцем сострадая скорби, которая отражалась во всей фигуре женщины. Встав с кресла, леди Цецилия подобрала косы, обвила ими голову и собралась снова надеть чепец.

– Леди Оберсвоуд, лорд Бенедикт, как вы, по всей вероятности, будете звать его официально, тот, кто пишет вам под именем Флорентийца, интимно просил передать вам его просьбу не надевать больше чепца, а сменить весь туалет и приехать к нему в деревню так, как подобает леди Ричард Ретедли. Разрешите мне взять на себя все заботы. Посылая меня, лорд Бенедикт был уверен, что я сумею вс., сделать как надо. Сегодня же привезу вам вс.,, вплоть до чулок и туфель, а завтра утром приеду за вами в десять часов утра с лордом Джемсом Ретедли, чтобы отвезти вас в деревню.

– Пусть будет так, как желает Флорентиец. Мне не приходило в голову посмотреть на вещи таким образом. Но если он прав – а он не может быть неправ – я должна понять, что совершила перед братом преступление. Делайте, что вам поручено, я не доставлю вам огорчений, леди Дория.

– Если я смею просить вас, леди Ретедли, то зовите меня просто Дория, как меня зов.,т вся семья лорда Бенедикта и ваша племянница в том числе. Сейчас, будь я болтушкой, целый гимн сложила бы вашей с нею красоте, но я поеду по делам. Вернусь скоро, поскольку капитан был столь любезен, что оставил свой экипаж.

Дория уехала, и леди Цецилия снова села в кресло и принялась второй раз читать столь взволновавшее е., письмо.

Между тем мистер Тендль, выехавший вместе с Дорией и капитаном из деревни, был особенно взволнован из-за возложенной на него задачи. Заехав домой, он узнал, что уже более недели его ждут письма, которые путешествовали из конторы домой и обратно и вновь проделывали тот же путь, появляясь в доме сразу после отъезда мистера Тендля. И дядя наконец приказал оставить их на квартире молодого человека. Слуга опустил письма в специальный ящик, запертый на ключ. И тут явилась пасторша, настойчиво требуя хозяина. Никакие уверения, что мистер Тендль в

деревне, не подействовали, и пасторша ворвалась в дом. На помощь подоспела кухарка, им вместе удалось убедить расходившуюся даму, что хозяина действительно нет в Лондоне.

– Отдайте мои письма. Мы ему писали столько раз, а он и не думает отвечать, – кричала пасторша.

– Письма приносили из конторы, я отправлял их обратно, думал, там хозяин скорее их получит. Несколько раз рассыльный носил их туда-сюда, а сегодня их дядя – адвокат и лорд, – приказали оставить письма дома, ну я их и опустил в ящик.

– Какой лорд? Разве он лорд? – вскричала пасторша. – Так точно, они лорд, а как умрут, вс,, – и деньги, и титул – наследует хозяин. А письма, баста, спустил их в ящик.

– То есть как это спустили? Выкинули в мусор? – взбесилась пасторша.

– В какой мусор? В ящик спустил, говорят вам. Чем бы закончился этот диалог, неизвестно, если бы кухарка не догадалась указать на привинченный к стене и запертый на ключ почтовый ящик. На требование пасторши подать ключ возмущенный слуга пригрозил констеблем, если дама сейчас же не покинет дом. Передавая вс,, это, слуга был так комичен в сво,,м возмущении и оскорбленном достоинстве, что Тендль, далеко не смешливо настроенный, покатывался со смеху. Отпустив слугу, он вынул целую пачку писем; несколько писем было надписано почерком Дженни. Перечтя их, Тендль тяжело вздохнул. Как бы он был счастлив ещ,, совсем недавно, держа в руках письма Дженни! А сейчас он понимал, что это листки предательства, лжи, измены, Тендлю некогда было горевать, ему надо было незамедлительно выполнять поручение. Примчавшись в контору и передав дяде письмо лорда Бенедикта с его распоряжениями, Тендль долго обсуждал вместе с ним юридическую сторону завещания.

Составив акт и официальное извещение для пасторши и Дженни, адвокат послал племянника в пасторский дом.

Дженни, так долго ждавшая Тендля, переходила от одного настроения к другому. Девушке было невыносимо признаться самой себе в своих ошибках, и она предпочитала взвалить на мать свои беды и неудачи. Пасторша стойко сносила капризы дочери и уверяла е,, что ничто для не,, ещ,, не потеряно. Что она получила письмо из Константинополя от одного старинного друга, с которым пастор ей запрещал общаться под угрозой немедленного развода, и что теперь этот друг посылает к ней в Лондон двух очень богатых молодых людей. Из того же письма она узнала очень хорошую новость: если она пожелает выполнить одно маленькое разумное

поручение, то сможет стать богатой, В письме есть нам,ки на то, что молодые люди не женаты, а у не,, две незамужние дочери. Пасторша убеждала Дженни не иссушать свою красоту, развлекаться и ждать молодых людей.

Именно эту беседу и нарушил своим появлением Тендль, которого впустила служанка, не найдя нужным доложить о н,,м. «Господи!» – воскликнул про себя Тендль, входя в комнату и ничем внешне не обнаружив своего потрясения. Обе дамы валялись на диванах в халатах не первой свежести, растр,,панные, и перед каждой стояла тарелка с какимито обедками.

На чрезвычайно вежливый, официальный поклон Тендля пасторша нашлась быстрее, чем Дженни, вскочила с дивана и стала объяснять молодому человеку, что Дженни больна, что она очень тяжело переживает отсутствие Алисы и смерть отца, и не менее горько ей, что в минуту скорби она обидела его, Тендля. Вырученная матерью, Дженни сделала несчастное лицо, закуталась в шаль и разбитым голосом спросила, получил ли Тендль е,, письмо.

– Я получил все ваши шесть писем сразу, мисс Уодсворд, так что не знаю, о котором из них вы сейчас говорите.

Пасторша хотела было ускользнуть, но Тендль е,, удержал, сказав, что дело, по которому он приш,,л, касается их обеих и не терпит отлагательства.

– Ну что же, Дженни, говорила я тебе, что так и будет, что именно этими словами и начн,,т мистер Тендль, – перебила молодого человека пасторша, опускаясь в кресло рядом с Дженни.

Дженни протянула руку мистеру Тендлю и пригласила его сесть поближе. Она сказала, что из-за сильных головных болей в последнее время плохо слышит. Пожав протянутую ему ручку, но отнюдь не поднося е,, к губам, как ожидала Дженни, Тендль сел на указанное ему место и продолжал тем же официальным тоном, каким начал:

– Я сейчас являюсь послем от двух инстанций. Первая – это мой дядя адвокат, который просит передать вам, леди Катарина, вот это извещение о том, что требуемые вами проценты с капитала, оставленного вашим мужем его сестре Цецилии, не могут быть вам выплачены.

– То есть как не могут быть мне выплачены? Как это понимать? – одновременно вскричали пасторша и Дженни, чрезвычайно взволнованные.

– Встретилось препятствие к выдаче, ибо сестра пастора, леди Цецилия, предъявила свои права.

– Сестра пастора? Да это миф, которым он меня пугал, когда я

требовала, чтобы он не изображал из себя бедного человека, а жил так, как позволяли ему средства. Никогда не существовало такой женщины и имя е,, не произносилось в семье никем, кроме моего чудака мужа.

– Этот капитал не принадлежал пастору. Он поступил к нему от родни мужа леди Цецилии, лордов Ретедли, баронов Оберсвоуд. Из завещания вы обе узнаете, что этот капитал должен через десять лет поступить в распоряжение лорда Бенедикта, который употребит его на благотворительные цели по своему личному усмотрению.

Снова пасторша перебила Тендля, доказывая ему, что муж е,, был ненормальным человеком, что лорду Бенедикту она не верит ни на йоту, что отыскать подставное лицо вместо сестры пастора труда не составляет, но что надо ещ,, чтобы было фамильное сходство.

– Мы пода,,м в суд. Мне это надоело, – закончила она на грани бешенства. – Отобрать у меня девчонку, деньги и вообразить, что можно таким образом обирать людей. Ваш лорд Бенедикт окружил себя шайкой мошенников...

– Сударыня, – резко перебил Тендль. – Мой дядя, которого вы уже однажды оскорбили и которого дважды оскорбила ваша дочь, и я имеем высокую честь быть друзьями и преданными слугами лорда Бенедикта. Не советую в мо,,м присутствии оскорблять это глубокочтимое нами лицо. Или вы будете вести себя, как подобает культурным и воспитанным людям, или я уйду и не стану больше говорить с вами о деле.

– Мама, прошу вас, успокойтесь и, главное, сядьте. Вы мне действуете на нервы, – капризно сказала Дженни. – Мистер Тендль, простите нас. Вы и представить себе не можете, как мы страдаем из-за отсутствия в доме Алисы, из-за этой их с папой блажи. Объясните мне, пожалуйста, что и как теперь делать. Ведь не могла же у меня чудом объявиться т,,тка, которую отец искал бесплодно всю жизнь.

– У вас, мисс Дженни, не только отыскалась т,,тка, но и двоюродный брат.

– Мы непременно будем судиться, – снова закричала пасторша.

– Суд будет вам только во вред, так как у вас нет ни малейших оснований оспаривать волю пастора или его завещание. Вс,, что он завещал, вс,, сделано юридически очень правильно. Позвольте вам вручить оповещение. Вы обе вызываетесь в судебную контору вашего округа, где будут присутствовать адвокаты, лорд Бенедикт, Цецилия Ричард Ретедли, баронесса Оберсвоуд, е,, сын Генри Ретедли, барон Оберсвоуд, ваша дочь Алиса и много других свидетелей, в том числе брат Ричарда Ретедли, капитан Джемс Ретедли. В их присутствии капитал будет передан

владелице.

– Это мы ещ,, посмотрим! Вручить можно, если никто не протестует, бесновалась пасторша.

– Я уже говорил, суд будет не в вашу пользу, и все судебные, заметьте, очень большие, издержки придется платить вам.

– У меня нет основания верить вам. Вы не пифия, и ваши милые предсказания могут быть ошибочны. Будьте спокойны вместе с вашими досточтимыми дядями, т,,тями и лордами – провозвестниками чести, что мои друзья, не менее влиятельные, уже едут из Константинополя защищать меня. Так и передайте своему господину, которого так чтите и слушаетесь.

– Вы, мисс Дженни, разделяете отношение к этому делу вашей матушки?

Дженни, поняв, что она снова попала впросак, когда решила, что Тендль явился просить е,, руки, окончательно его возненавидела, мигом бросила повадки приболевшей кошечки и, встав во весь рост перед молодым человеком, язвительно закричала:

– Я не только разделяю е,, убежд,,нность. Я иду дальше. Уверена, что нам удастся достойно наказать всю эту компанию «дельцов», совращающих младенцев, облапошивающих их недальновидных отцов и обогащающихся за сч,,т невинных людей. Мы их поймаем, наконец, в капкан, где, вероятно, найд,,тся местечко и для такого усердного слуги.

Произнося эту тираду, Дженни сделалась необыкновенно безобразной. Е,, обычно бледное лицо покрылось багровыми пятнами, рот скривился на сторону, глаза метали молнии. У Тендля мелькнула мысль, что она когданибудь сойд,,т с ума. Выслушав столь приятную отповедь до конца, он поклонился, сказав Дженни на прощание:

– Я спросил вас об этом только потому, что лорд Бенедикт дал мне письмо для вас, но с условием: если вы окажетесь в ином настроении, чем ваша мать. Быть может, вы бы ещ,, поехали со мною к нему в деревню. В противном случае письма не передавать. Честь имею кланяться.

Тендль хотел выйти, но Дженни очутилась у двери раньше него и, став спиной к ней, вс,, с тем же безобразным лицом сказала, шипя от злобы:

– Письмо – документ. Не выпущу вас отсюда до тех пор, пока вы мне его не отдадите. На какие-то условности мне просто наплевать. Письмо – или так и будете сидеть здесь с нами!

Даже пасторша пыталась урезонить дочь, но Дженни уже потеряла всякое самообладание, всякое здоровое понимание текущей минуты. При вс,,м сво,,м хладнокровии Тендль в первую минуту даже растерялся и молча стоял перед девушкой, не понимая, как ему быть. Несколько минут

прошло в напряж,,нном молчании, и Тендль всей силой мысли воззвал к своему адмиралу, моля его о помощи. Вдруг с Дженни произошло нечто совершенно необычайное. Она точно осела книзу, закрыла лицо руками и в страхе закричала: «Нет, нет, лорд Бенедикт, я только пошутила, я сию минуту выпущу вашего поверенного, только не входите сюда и не смотрите так строго». Пораженные пасторша и Тендль смотрели по сторонам, не понимая, с кем говорит Дженни, так как в комнате никого, кроме них, не было. Дженни опустила руки, и Тендль увидел лицо действительно больного человека. Казалось, Дженни мгновенно пережила нечто страшное, от чего постарела и похудела на глазах. Пасторша бросилась к Дженни, но та жестом не то отвращения, не то отчаяния отстранила е,, от себя и подошла, с трудом переставляя ноги, к дивану. Со стоном девушка повалилась на него, и в том, что она больна, Тендль теперь уже не сомневался. Он готов был предложить свои услуги и бежать за доктором, решив, что у Дженни начинается горячка, как услышал е,, голос:

– Уходите, пожалуйста, мистер Тендль. Я не могу больше выносить вас. Мне вс,, чудится рядом ваш лорд Бенедикт с его ужасными глазами. Прошу вас, уходите скорее, только заберите с собою это видение.

Совершенно разбитый голос Дженни звучал слабо. Тендль с удивлением слушал е,, бред и невольно посмотрел на пасторшу, желая спросить, стоит ли послушаться Дженни или вс,,-таки бежать за доктором. Он боялся, что Дженни сходит с ума. Взгляд пасторши порастил его не меньше. Она точно шипящая кошка готова была броситься на Тендля и тем не менее не двигалась, точно была приклеена к полу.

– Уходите же, умоляю вас, как можно скорее, я задыхаюсь, – снова раздался голос Дженни.

Подавленный всем пережитым, Тендль уш,,л из пасторского дома, будучи не в состоянии привести свои мысли в порядок. Бедняге было очень тяжело. Он перебирал всех, к кому бы мог сейчас пойти. Он мог пойти к Дории и, наверное, наш,,л бы подле не,, относительный покой. Но Дория была загружена поручениями выше головы, и он не смел обременять е,, ещ,, собою. Он мог отыскать капитана, который разрешил беспокоить себя в любое время, но он знал, что капитан встречает свою невесту, а Тендль вовсе не собирался портить его лучезарное настроение. «Сам себе помощи»,– подумал Тендль. И так как никого из посторонних он видеть сейчас не мог, не мог и появиться таким расстроенным у своего горячего дяди, то он вспомнил, что Артур должен был сейчас высаживать цветы на могиле своего господина и друга. «Самое подходящее место и общество, чтобы освежить мозги и прийти в равновесие», – решил Тендль и,

почувствовав себя капитаном своего адмирала, двинулся на кладбище.

Покинув Дорию у двери квартиры Генри и дав распоряжение кучеру быть при ней до самого вечера, капитан в первом же попавшемся ему кэбе поехал к себе домой. Здесь он застал мать и сестру в большом волнении, так как накануне вечером на имя капитана пришла телеграмма, извещавшая, что его невеста и е., родители прибывают в Лондон в три часа, а капитана вот уже несколько дней нет дома. Обе женщины накинулись на него с выговором, что надо же было предупредить их заранее, что дом следовало бы приготовить к при.,му будущей жены, что жених должен сидеть дома и ждать, а не пропадать, как вырвавшийся на волю школьник.

Вс., это было оснащено улыбочками и нежными ужимками, цену которым капитан давно разгадал. Поморщившись, он спросил с удивлением, какое отношение к их дому имеет приезд его невесты и е., родителей, для которых давно заказан отель. Сказав, что до тр.,х часов ещ., достаточно времени, капитан хотел было пройти к себе, но мать задержала его. После затяжной туманной преамбулы леди Ретедли высказала желание патронировать свою будущую невестку и е., родителей в лондонском свете, где новички, – она произнесла это слово с некоторым презрением, – могут повредить себе и заодно всем Ретедли в общественном мнении. Капитан весело рассмеялся, представив себе гордую чету графов Р., патронируемых его матерью, женщиной доброй, но несносной и мало тактичной.

– Вы, матушка, понятия не имеете о русских князьях и графах. Русские вообще народ независимый и очень оригинальный. Их характеры и отношения с миром лишены нашей кастовой узости. А уж если они считают себя аристократами у себя на родине, то им решительно безразлично мнение о них в чужом обществе. И граф, и графиня – люди высокообразованные и чрезвычайно воспитанные. Круг их интересов очень широк, и уж если кому-то придется подтягиваться, то это вам и сестре, чтобы не попадать впросак и суметь ответить на их вопросы или поддерживать беседу. Кроме того, у графов Р много друзей и приятелей среди высшей аристократии, куда вы не вхожи до сих пор и о ч.,м всю жизнь мечтали. Что же касается моей невесты, то это особа, гениально одар.,нная музыкальными способностями. И как почти все таланты, характера довольно строптивного. Не советую вам докучать своими советами и наставлениями, если желаете провести с ней и е., семьей в мире то короткое время, которое они пробудут здесь.

Капитан говорил очень спокойно и вежливо, но тон его был новым. Во все свои прежние, короткие и редкие наезды в Лондон капитан бывал очень снисходителен к своим родным, никогда не спрашивал, как тратились его

деньги, и мать с сестрой привыкли не ограничивать свои расходы. В этот же приезд капитан дал своему банкиру распоряжение ввести в рамки расходы своей семьи. Он объявил матери, что они с сестрой должны жить только на свои капиталы, завещанные им отцом и дедом. Обе дамы тратили его средства и растили проценты на свои капиталы.

– Я не понимаю тебя, сын мой. Конечно, ты женишься, и твои потребности увеличатся. Но вс., же, куда вам двоим такая уйма денег?

– Надо полагать, матушка, что вс., же не меньше, чем вам двоим. А между тем эту уйму денег, как вы изволили выразиться, вы ухитрились истратить до последнего фунта за эту зиму. Если бы у меня не было ещ., капитала в запасе, в хорошем бы я был положении перед свадьбой. Мой банкир давно предупреждал меня, что вы играете и даже ввели в искушение мою сестру. Но чтобы не остановиться при том, что все проценты уже прожиты вами, и желать коснуться моего капитала, – этого я не понимаю! Живите на свои капиталы и, если таковы ваша воля и вкус, спускайте их в карманы проходимцев. Мои же деньги, результат честных трудов деда, отца и моих, для вас больше не существуют.

– Но ведь ты же знаешь, что Ревекка ещ., не замужем, что она числится одной из самых завидных невест, и е., капитал должен целиком составить е., приданое.

– Ревекке скоро тридцать пять лет, вряд ли теперь ей придется выйти замуж. Поменьше бы выбирала и характер имела получше, тогда можно было бы ещ., на что-то надеяться. Теперь же, каковы бы ни были ваши возражения и недовольство, – мои распоряжения вам известны, и говорить больше об этом не будем. Я очень счастлив, что сумел сохранить неприкосновенным капитал брата, хотя обе вы так настойчиво его требовали.

– Ты положительно напоминаешь мне мою бабушку с е., ж.,лыми глазами. Е., рассуждения были так же фантазмагоричны. Ты вс., ещ., воображаешь, что пропавшая без вести жена Ричарда объявится, – насмехалась вконец раздраж.,нная мать.

– Вс., возможно. А главное, вы прекрасно знали, что Ричард был женат, что жена его в положении, а отцу и деду сказали, что он спутался с какой-то девчонкой. Вы ведь знали, что она из хорошей семьи. Я был слишком мал, чтобы разобраться в этой истории. Но теперь думаю, что вы сами очень чего-то боялись и оклеветали, оскорбили и выгнали жену брата, когда она пришла к вам после его внезапной смерти.

Леди Ретедли хотела что-то возразить, но капитан простился с нею и, сказав, что должен приготовиться к встрече невесты, вышел из комнаты.

– Как тебе это нравится? Нашего Джемса точно подменили, – обратилась мать к дочери, подслушивавшей весь разговор.

– Это ужасно. У нас была доверенность, мы могли взять весь капитал.

– Да что ты понимаешь! Капитал, капитал! В том-то и штука, что на капитал у меня доверенности не было. А из процентов этот мошенник банкир дал мне только половину, уверяя, что остальные перевел Джемсу в Константинополь. И куда ему столько денег – не пойму.

– Я вот понимаю только, что ваши планы не состоялись. Вы хотели везти невесту Джемса к своим портным и портнихам и, кстати, по тому же случаю обновить и наши туалеты. Как мы теперь покажемся в старье перед светом! Вы, мама, стали так неосторожно играть, что за вечер спускаете по десяти тысяч.

– Уж не нравоучения ли ты собираешься мне читать? Слово за слово, между прекрасными дамами разгорелась война, и когда час спустя капитан выходил из дома, он все, еще, слышал их взаимные упрямки.

«И где были мои глаза? Ведь я прежде полагал, что мои мать и сестра самые отличные женщины», – печально думал капитан, садясь в экипаж, чтобы ехать на пристань. Взволнованный предстоящим свиданием с Лизой, которую он любил самой чистой любовью, огорченный печальной судьбой Цецилии и Генри, весь перевороченный с самой встречи с Анандой и И. и оживший подле Флорентийца, капитан вспоминал сейчас его заветы для молодой семьи. Мысли его повернулись к Флорентийцу. На сердце сразу стало легче. Вспомнил он, что и понедельник, когда он привез ее к нему Лизу, не за горами; стал совсем весел и, улыбаясь, подкатил к пристани. Пароход уже подходил, и у капитана не было времени сосредоточиться, так как он увидел множество знакомых; вопросы, поздравления по поводу его неожиданной женитьбы на русской сыпались на него со всех сторон.

Первое, что увидел капитан, было милое, но очень бледное и похудевшее лицо Лизы, стоявшей у самого поручня. Девушка не сразу обнаружила его в толпе, и глаза ее, печальные и потухшие, равнодушно скользили по берегу. Капитан поднял руку с букетом красных роз и махнул им несколько раз над головой. Лиза тотчас же заметила его, улыбнулась, глаза ее, просияли, и лицо стало таким прекрасным, как в те мгновения, когда она собиралась играть. За нею стояли ее родители, тоже увидевшие теперь капитана и посылавшие ему улыбки и приветствия. Все они показались капитану изменившимися к лучшему в своих парижских костюмах.

В первый раз он испытывал такое нетерпение, и ему показалось, что слишком долго между берегом и пароходом не прокладывают сходи. Но

воспользовавшись своим чином, капитан стоял рядом с Лизой задолго до того, как пассажирам было разрешено сходить. Капитан радостно смотрел на свою невесту и, поднося ей, узкие и длинные пальчики к губам, вспоминал, что говорил Флорентиец о его будущей жене. С трудом овладев собою, он приветствовал своих будущих тестя и тещу, едва успевая отвечать на их вопросы. Лиза же, стоя под руку с женихом и прижимая к себе его цветы, молча смотрела на него, сияя глазами.

Отвезя свою будущую родню в отель, капитан сказал, что заказал на веранде ранний обед, с тем чтобы потом показать им Лондон, которого его невеста совсем не видела, а старики были здесь очень давно. Капитана тяготила невозможность переговорить с Лизой с глазу на глаз. В его новом душевном состоянии ему хотелось хотя бы отчасти посвятить невесту в свой духовный мир, в созвучном отклике на который он не сомневался, а также рассказать ей о Флорентийце, о его приглашении к завтраку в понедельник. Радужные и веселые старики так любили свою дочь, что уже не отделяли в своих сердцах капитана от дочери. При всей своей культуре они не понимали, что жизни их разные, что отцы и дети только тогда могут пребывать в гармонии, когда отцы живут своею собственной полной жизнью, а не пытаются жизнью детей заполнить отсутствие собственного интереса к жизни.

Всё же капитан сказал невесте, что завтра в два часа он заедет за нею, чтобы показать вначале ей одной их будущее жилище. Затем они вернутся за родителями, отдадут все вместе визит его матери и сестре, и тогда уже проедут вместе в тот маленький особняк, который капитан заново отделал для себя и своей жены. Не слишком довольные таким планом, поскольку они привыкли за время путешествия быть постоянно вместе, старики, однако, почувствовали, что надо привыкать к одиночеству.

После осмотра Лондона капитан отвёз графов Е. в отель и, к общему удивлению, откланялся. Лизе он шепнул, что завтра объяснит ей многое. Взгляд капитана был так серьёзен и любящ, он поцеловал ей руку так горячо и искренне, что Лиза, сияя улыбкой радости, проводила его спокойно и сейчас же ушла к себе, сказав, что у неё болит голова. На самом же деле под шалью она спрятала объёмистое письмо капитана, которое он, как дневник, писал девушке каждую ночь, когда гостил у лорда Бенедикта. Он вложил туда же и маленькую записку, полную нежной любви, в которой просил её, вникнуть в его слова, так как многого, что он будет ей говорить, она не поймёт, если не вдумается в дневник. В письме он описывал Флорентийца, его семью, а также самое важное из пережитого в Константинополе.

Покинув Лизу, капитан поехал к Дории, в дом лорда Бенедикта. Дом был приготовлен к возвращению хозяев и поразил капитана необычностью своего убранства, какой-то новой для него гармоничностью, уютом и особенно тонким изяществом. Дория, которую до сих пор капитан видел только мельком и на которую мало обращал внимания, удивила его не меньше. Впервые он разглядел, что она очень красива. Удивила его и та объективность, с которой она подробно рассказала ему о леди Цецилии, прибавив, что завтра сама леди Ретедли решила ехать с первым утренним поездом, и если капитану это почему-либо неудобно, она может обойтись и без него. Но леди Цецилия готова принять брата своего мужа. Капитан улыбнулся, напомнил Дории е., же слова о доле каждого в поручении лорда Бенедикта и сказал, что так устроил свои дела, чтобы быть свободным вс., утро, что доставит их до самой станции, усадит в экипаж, а сам встречным поездом верн.,тс в Лондон.

Условившись, что он будет ждать Дорию у подъезда леди Цецилии в шесть часов, капитан собрался уходить. И тут слуга подал Дории несколько писем. Разобрав их, она отдала капитану то, на котором значилась пометка: «Прошу прочесть тотчас же». Письмо было от Флорентийца, и лорд Бенедикт писал:

«Мой друг, прошу Вас, не спешите огорчать свою будущую родню, графов R, известием о Вашем скором отъезде в Америку. Дайте им привыкнуть к мысли о жизни без дочери, создающей свою собственную семью, в которой не они играют первые роли, к чему давно привыкли. И если доверяете мне до конца, предоставьте мне подготовить их к возвращению в Россию, что, думаю, я сумею сделать безболезненно для них и для Вас.

Чтобы Вы не показались старикам бестактным, передайте им мо., прилагаемое здесь приглашение посетить меня вместе с дочерью в понедельник. Не разочаровывайтесь, пожалуйста, графиня, наверное, будет себя ещ., плохо чувствовать после путешествия по Парижу, граф не покинет е., одну, хотя страстно будет желать ехать, – и Вы получите возможность побыть вдво.,м с будущей женой у нас.

Чтобы не стать камнем преткновения между женой и е., родными, с одной стороны, и чтобы вам обоим жить полной и свободной жизнью, надо сейчас собрать весь свой такт и весь свой дар приспособления. Не старайтесь оградить себя от чьего-то нажима, но подымайтесь выше в своей любви к независимости не только собственной, а также Вашей жены. Не предрешайте вопроса, как избавиться от интимного вмешательства в Вашу семейную жизнь. Но представайте перед всеми в таком внутреннем

единении, чтобы никому и в голову не могло прийти рассуждать о ваших взаимоотношениях.

Что касается леди Цецилии, предоставьте все, мне. Когда, где и в чем будет нужна Ваша помощь – я Вас тогда позову. О Флорентийце, как о человеке Ваших мечтаний, – никому ни слова. Здесь завет молчания».

Прочитав письмо, капитан сказал Дорией, что ответа не пошлет, что, как договорились, будет ждать ее, у леди Ретедли.

Возвратившись домой, капитан еще, и еще, раз перечитал письмо Флорентийца. Он вспомнил разговор с ним в деревне и лег спать несколько обеспокоенный тем, не слишком ли много он сказал Лизе в своем письме.

ГЛАВА 13 ЛЕДИ ЦЕЦИЛИЯ РЕТЕДЛИ В ДЕРЕВНЕ У ЛОРДА БЕНЕДИКТА Как было условлено накануне, в назначенный час Дория и капитан Джемс встретились у подъезда леди Цецилии. Обменявшись приветствиями, они молча стали взбираться по уже знакомой лестнице. Чем выше поднимался капитан, тем больше он робел. Судя по виду дома и по тем редким людям, что спускались им навстречу, в оборванных и грязных платьях, капитан ожидал найти в матери Генри нечто подобное тому, что сейчас видел. Но он твердо говорил себе, что идет к вдове своего брата, обиженной женщине, незаслуженно оскорбленной всей его семьей и его собственной матерью.

В его сердце раскрывалось такое огромное сострадание, что он заранее принял любую форму, в какой бы ни встретил вдову брата. Он старался быть спокойным, он знал свой долг сейчас и хотел его выполнить. Но помимо его воли что-то вызывало дрожь в руках. Он думал о жизни, полной героических усилий, и готовился увидеть развалину, физически и нравственно изможденного человека. В свою очередь Дория, хотя и была уверена, что женщины с сердцем и мужеством леди Цецилии не подвержены истерикам, все же опасалась повторения обморока и спазмы сердца.

На легкий стук в дверь послышались шаги, и изумлению капитана и его дамы не было предела. Перед ними стояла совершенно готовая к отъезду леди Цецилия, в элегантном шелковом костюме, прелестной небольшой черной шляпе и с шалью. Изящество фигуры, скрываемой до сих пор старым платьем и передником, отлично причесанные волосы и новая для Дории манера держаться приковали ее к месту. Леди Цецилия теперь казалась моложе и выше и так напоминала Алису, что не назвать их сестрами было бы невозможно даже тем, кто видел бы их впервые. Капитан, готовившийся увидеть богатый, но нелепо напыленный наряд,

ждавший некоторого убожества и вульгарности в своей невестке, был так поражен, что ему стало стыдно за свои покровительственные мысли и снисхождение, с которыми он сюда поднимался. Видя, что е., гости не входят, леди Цецилия распахнула дверь, улыбнулась и сказала:

– Войдите, пожалуйста. Я приготовила вам л.,гкий завтрак, проглотить который займ,,т у вас пять минут времени. Мы успеем к поезду, вс,, готово.

Оторопевшие Дория и капитан поздоровались с хозяйкой, не давшей им времени вымолвить ни слова и усадившей их за небольшой стол, покрытый белоснежной скатертью. Точно по волшебству перед каждым из них очутился дымящийся шоколад и пудинг.

– Боже мой, только в детстве, дома, я ел такой чудесный пудинг, леди Цецилия.

– Быть может, это не единственное из воспоминаний детства, лорд Джемс. Если вы обратите внимание на вашу чашку, то узнаете и е,,. Мой муж дорожил ею и говорил, что это ваш подарок.

Капитан осторожно поднял свою чашку и тотчас же признал в ней свой подарок старшему брату в один из дней его рождения. Сердце у него сжалось, молнией мелькнули тысячи воспоминаний, и он ещ,, раз пристально посмотрел на свою невестку. Это была несомненная красавица. На е,, лице, немолодом, бледном, не было ни одной морщинки, только кожа была чуть ж,,лтая, напоминая л.,гкий загар или слоновую кость. Дория увидела, как изменилось лицо капитана и как задрожали его губы. Ей стало страшно, выдержит ли леди Цецилия такое волнение, и она стала торопить капитана, уверяя, что они могут опоздать к поезду.

Через несколько минут они уже сидели в коляске, а затем и в поезде. Каждый чувствовал так много, что все они предпочитали вести самый незначительный разговор. Объясняли леди Цецилии станции и знакомили е,, с семьей лорда Бенедикта и с теми людьми, которых она встретит в его доме. Благополучно добравшись до места назначения, капитан усадил обеих дам в коляску лорда Бенедикта, проверил их вещи и, сердечно простившись с ними, возвратился к часу дня в Лондон, как и предполагал.

Леди Цецилия, расставшись накануне с Дорией, не пожелала примерить при ней ни одного из привез,,нных костюмов и платьев, сказав, что выберет что-нибудь в дорогу сама и приладит, если будет надобно. Остальное возм,,т в деревню и там, с помощью Дории, постарается пригнать по фигуре. Дория не спорила, так как не хотела ничем отнимать силы у леди Цецилии, силы, которых, как она полагала, ей понадобится немало для предстоящих испытаний. Увидев леди Цецилию одетой так артистически и именно в то, что она наметила для е,, первого появления в

деревне, Дория была удовлетворена и успокоена, найдя в этом верный признак большого самообладания.

Сейчас, впервые за двадцать пять лет выехав за город, впервые сев в коляску, леди Цецилия думала не о капризе судьбы, выносящей ее, на поверхность из той клетки труда и одиночества, в которую она считала себя навек заточенной. Она думала вс, о том же, вс, о тех же словах лорда Бенедикта в письме, о ее, вине перед братом, перед любимым и нежным существом, которого она сделала еще, более несчастным, лишив его своих забот и любви. Вся ее, воля сейчас, вся любовь и надежды собирались вокруг племянницы, она жаждала дать ей и ее, будущим детям то, чего лишила своего обожаемого брата.

Леди Цецилия не думала о том, чего ее, лишили люди. Она не ощущала себя именинницей, которую жизнь вознаграждает по достоинству. Она думала только об Алисе, об этой молодой жизни, которой она может быть полезна. За Генри, с того самого момента, как он уехал к лорду Бенедикту, леди Цецилия перестала волноваться. О встрече с капитаном Джемсом, который сохранился в ее, памяти подростком, она думала мало, как вообще мало думала о прошлом, об обидах, причиненных ей семьей мужа. Она вс, и всем простила, но себе не могла простить лишних страданий брата. Вся под воздействием этой мысли, леди Цецилия жаждала поскорее увидеть Алису и претворить в дело энергию своей любви.

Чем ближе были путницы к дому лорда Бенедикта, тем сильнее волновалась леди Цецилия. Теперь она думала о сыне. Как ни тесно было дружеское сближение матери и сына за последние дни, вс, же в ее, наболевшем сердце зажили не все трещинки былых отношений. Не зная, что Генри еще, не ведает о своем родстве с Алисой и капитаном, не зная также, что приезд ее, будет для него неожиданностью, она беспокоилась, как примет сын ее, новый облик и как перенесут его потрясенные нервы ее, появление «в свете». Ей не суждено было решить этот вопрос, так как едва экипаж завернул в аллею парка, как навстречу вышли юноша и девушка, смеясь и болтая и, очевидно, никак не ожидая коляски. Внезапно точно выстрел раздался крик: «Мама!», и прежде чем леди Цецилия успела что-либо сообразить, она уже была в объятиях сына, прыгнувшего на подножку.

Дория остановила коляску, уступила свое, место Генри, глаза которого были влажны, и предоставила матери и сыну доехать до подъезда, где виднелась высокая фигура Флорентийца. Когда экипаж остановился, никто не успел открыть дверцы раньше самого хозяина. Подав руку своей гостье, он помог ей выйти из коляски, ввел на террасу, где уже ждал накрытый стол. Усадив совсем бледную леди Цецилию на диван, лорд Бенедикт подал

ей маленькую коробочку, прося скушать конфету, которая освежит е,, после долгого пути.

Не смея послушаться, леди Цецилия сняла перчатку и невольно поглядела на прекрасную руку, державшую перед ней открытую коробочку. Она подняла глаза и утонула в море ласки, лившейся из глаз хозяина дома.

– Смелее, леди Оберсвоуд, уверяю вас, вс,, более нежели благополучно, хотя я и напугал вас виной вашей перед пастором.

Леди Цецилия сразу же почувствовала себя увереннее и проще среди невиданного ею десятки лет великолепия и простора и ответила своим музыкальным голосом:

– Такая великая и благодетельная рука, как ваша, лорд Бенедикт, не может никого напугать. Человек или не готов принять весть, которую она пода,,т, или чересчур низменен, чтобы понять, что ему пода,,тся мудрость и спасение. Но если он вообще способен видеть Свет, он не испугается.

Не успела она закончить, как на ступенях террасы показались Дория и Алиса.

– Что это? Сплю я? Или это мираж, и мо,, воображение показывает мне, какой я буду через двадцать лет, – закрыв глаза рукой и остановившись, тихо говорила Алиса. – Лорд Бенедикт, я просто боюсь открыть глаза. У меня, вероятно, жар и галлюцинация.

– Успокойся, друг мой, тебе не так легко теперь заболеть после той долгой твоей болезни, – рассмеялся Флорентиец. – Открой глаза и посмотри хорошенько на сестру твоего отца, ту любимую его сестру Цецилию, которую он искал до самой смерти, да так и не наш,,л. Теперь она перед тобой, и если бы нашлись желающие не признать е,, – ваше фамильное сходство убедительнее всего.

От неожиданности Алиса, при вс,,м сво,,м мужестве, была не в силах двинуться с места. Леди Цецилия и не менее Алисы пораженный Генри сочли е,, молчание за нежелание признать их родн,,й.

– Мама, дорогая, милая, не огорчайтесь. Если Алиса не захочет признать вас, я буду так любить вас, так заботиться, что вы забудете, как отвергли вас сейчас.

– Да вы совсем с ума сошли, Генри, – закричала Алиса, бросаясь к леди Цецилии. – Т,,тя, т,,тя и ещ,, раз т,,тя, всей душой желанная! Если папа искал вас и не наш,,л, то та, о ком он говорил как о единственной своей счастливой в жизни встрече, найдена лордом Бенедиктом не для драм и скорби, а для общего нашего счастья и любви. Папа, обожаемый папа вс,, надеялся отдать вам свою любовь, вознаградить за ваши страдания, о которых постоянно думал. Он не успел. Но этот дом, бывший домом его

возрождения, счастья и смерти, этот дом верн,т вам не только племянницу, но и внуков, и друзей, и бодрость, и радость. Т,,тя, не плачьте, я не могу этого видеть. Обнимите меня, принимая в мо,,м лице всю ту любовь, какой любил вас папа.

Успокоив дрожавшую леди Цецилию, Алиса и Генри проводили е,, в приготовленную ей комнату. Подорванный непосильным трудом всей жизни организм бедной женщины едва справился к вечеру при помощи целебных трав лорда Бенедикта со всей путаницей новых дел, людей, происшествий, свалившихся на не,, сразу. Первой, кто постучался к ней на следующее утро, была Алиса, Личико е,, вчера такое бледное, сияло сегодня всей прелестью юности и свежести. Ласково, нежно поднимая т,,тку с постели, на которой та уже давно сидела в задумчивости, Алиса попросила е,, примерить платье, которое они с Дорией выбрали ей на сегодня, желая видеть е,, в полном смысле красоткой.

– В таком случае племянница моя должна становиться спиной к публике, чтобы лица е,, никто не видел рядом с моим; иного средства нет и никакие костюмы мне не помогут.

Раскритиковав прич,,ску т,,тки, которая по старой моде и по долголетней привычке уложила волосы тугими жгутами, Алиса занялась е,, головой, болтая обо вс,,м, не давая т,,тке задумываться о тревоживших е,, вещах.

– Вот что, т,,тя. Как бы вы ни были встревожены, раз вы попали в дом лорда Бенедикта, можете быть уверены, что беды ваши миновали. Не стоит думать вс,, об одном и том же тяж,,лом, потому что минуты бегут, а человек вс,, сидит печальный и не видит того радостного, что нес,,т ему летящая минута.

– Да, дитя, ты совершенно права. Но за всю мою жизнь не было дня, когда бы я не помнила, не любила и не благословляла двух людей: твоего отца и моего сына. И ни того, ни другого я не умела сделать счастливыми.

– Не смею спорить, т,,тя, о том, чего ещ,, не знаю по опыту, то есть о сыне. Но боюсь, что вы очень ошибаетесь, и вс,, счастье, главное счастье Генри именно в том и состоит, что у него были вы. Что же касается второго, то у меня до самого последнего времени только и было во вс,,м свете три человека: отец, мать и сестра. Я их любила всем сердцем, как могла и умела... И ни одного не сделала счастливым. Это было трагедией моей жизни, раной, которая вечно кровоточила. И только здесь, подле великого друга, моего второго отца лорда Бенедикта я поняла и смысл моего страдания, и цену жизни вообще, а не только своей личной. Думаю, что лорд Бенедикт разъяснит вам вс,, то, что было до сих пор от вас сокрыто. И

вы найдёте здесь радость в том, чтобы помочь целому кругу людей вновь сойти на землю.

Леди Цецилия, тронутая любовью, звучавшей в словах племянницы, далеко не всерьёз поняла, о чём та говорила, но вопросы задать не пришлось, так как в дверь стучал Генри, нетерпеливо требуя, чтобы его впустили. После многих восторгов по поводу нового внешнего облика матери, бесконечного удивления сходством её с Алисой Генри всерьёз не мог понять, почему он сразу же этого не увидел. Все трое спустились вниз, и леди Ретедли познакомилась с остальными членами семьи, которых не могла видеть вчера из-за своего недомогания. Красота Наль произвела на неё такое сильное впечатление, что она даже оробела. – Я вижу, леди Ретедли, моя красота-дочь пленила вас. – Да, лорд Бенедикт. Должна признаться, что не только красота вашей дочери, но и что-то ещё, в ней, в вас, да, пожалуй, и в муже вашей дочери, и в Алисе меня пленяет и страшит. Мне всерьёз кажутся, что я недостойна вашего общества, – краснея до волос, сказала леди Цецилия. – Быть может, это результат моего слишком долгого одиночества, слишком давней привычки скрываться. Я, вероятно, отвыкла от людей. Хотя, – прибавила она, смеясь и ласково глядя на хмурившегося Сандру и добрейшего Амедея, – вот юного вашего друга, как он ни строго на меня смотрит, и лорда Мильдредя я вовсе не боюсь.

– Bravo, леди Оберсвоуд! Вы попали не в бровь, а в глаз нашему учёному Сандре. Он считает себя первым другом вашего покойного брата и потому, ввиду особой важности вашего приезда, считает неудобным быть просто весёлым и напускает на вас пыль своей учёности.

– Пощадите, лорд Бенедикт, – взмолился расхохотавшийся Сандра. – Неужели вся моя учёность – только одна пыль? Бог мой, я готов до конца дней дать обет не хмуриться от радости, только бы не носить никогда мантии или парика книжного червя.

Быстро отдав кое-какие распоряжения, осведомившись, чем будет занят каждый из членов его семьи, отменив кое-что в порядке дня, лорд Бенедикт сказал, что объявляет своё право хозяина доказать гостю дом и парк, на что уйдёт всерьёз, утро до самого завтрака, и тогда он уступает право развлекать гостью всем остальным.

Первой комнатой, которую увидела леди Цецилия, был кабинет Флорентийца. Усадив её в кресло, хозяин подал ей великолепный портрет пастора, написанный Амедеем и передававший всю новую живую жизнь лорда Уодсворда. Невольный поток слёз хлынул из глаз его сестры.

– Боже мой, я всерьёз хранила в памяти лицо юноши с пламенными глазами. Ни разу я не подумала, что брат мой уже старик, седой, как и я. И

ни разу не мелькнула у меня мысль, что немало морщин и седин прибавила ему я.

– Плакать не свойственно вам, леди Оберсвоуд. Ведь вы так полны желанием перевести в дело всю ту энергию любви, которой вы лишили брата при его жизни. Выслушайте меня, но сначала ответьте мне на два вопроса. Во-первых, чувствуете ли вы себя в силах слушать, спокойно обдумывать и еще, спокойнее решать? И во-вторых, верите ли вы мне так, чтобы ни в одном моём слове не усомниться? Подумайте прежде, чем дать ответ. Это очень важный момент вашей жизни. Он не менее важен и для целого круга людей, часть которых вы знаете, часть не знаете совсем и не помните в данной жизни, но с которыми, тем не менее, вы тесно связаны.

Когда я спрашиваю вас, верите ли вы мне, то это означает не только веру в мою честь и доброжелательство. Но веру и в мои знания не одной данной, но всех жизней человека, всех его кармических связей, всех его возможностей творчества и искупления в данное сейчас. Я вижу, что вы меня не совсем понимаете. Первое, что вам следует узнать, – это вечная жизнь каждого существа, сходящего на землю. Земля – мир форм, где идеи, энергия, мысль, всё, чем живёт человек, непременно претворяется в форму. Всё, неосознанное, невидимое, всё, самое высокое, чем живёт человек на земле, – пока он на ней живёт, – всё, непременно и непрестанно претворяется им в форму, если он живёт полезным членом своего общества. Всякий болтающий попусту, воздвигающий на словах памятники человечеству и не умеющий ни зашить дыру на платье своего друга, ни вылить своей любви в самое простое дело обычного трудового дня, – тот только бесполезный нарост на теле человечества.

Земля – мир действенных форм, мир труда. Здесь каждый человек должен проходить свой урок, не требуя ничего от людей, но неся им свою помощь. Вы были матерью, которая всю жизнь помогала сыну. Вы были слишком снисходительны, не упрекали сына за лень, невнимательность, невыдержанность и эгоизм. Вам казалось, что жизнь сама научит его великому искусству самообладания. В этом вы были неправы. Но это вопрос второстепенный в сравнении со всем тем, что вам надо понять и решить сейчас. Чудес нет. Всё, что кажется чудом одному, – самое простое знание для другого. Мне, как и многим другим, удалось пройти в знании дальше тех, чьи мысли и сердца не были так пытливы. Из того, что открыто мне, я могу сказать вас сейчас не так уж много. Но и это немного покажется вам чудом.

Человек живёт в земной форме не один и не сто раз, а столько, сколько требует его эволюция, его движение к вечному и непрестанному

совершенствованию. Этот путь у каждого свой, неповторимый. И тот, кто понял, что нет Бога иного, чем носимый в себе огонь творчества, кто понял, что пока жив,,шь на земле, вс,, в ч,,м можешь двигаться впер,,д,, это только твой собственный текущий день, – тот не упустит возможностей земной своей формы, в которой жив,,т сейчас.

Не зная никаких мировых философий, вы умели презреть вс,, условное, раскрыть самое драгоценное в себе и действовать. Так или иначе, вы поняли законы жизни. Вы не схоронили свой дар любить и оделяли чистой и верной любовью всех, кто встречался вам на пути. Одного только вы обделили, с одним только строили отношения по условным законам земли, – с вашим братом. Не будем говорить о том, как много страдали вы, как много благодаря этой вашей тактике страдал он, – перейд,,м к сути дела. К вопросу: можно ли отдать человеку свой долг любви и заботы, если он разлучен с тобой смертью? Я уже говорил вам, что человек жив,,т не один только раз. Есть такие особо возвышенные души, которые осеняет любовь и деятельные заботы невидимых людям земли помощников, они заранее готовят для них место следующего воплощения, учитывая наилучшие возможности для их развития. Если дух человека чист, велик и самоотвержен, нужен земле, как помощь и мудрость, то те его друзья, каких религия зов,,т святыми и ангелами, а мы – владыками карм и невидимыми помощниками, подбирают ему семью, в которой он воплотится.

Для вашего брата такая будущая семья определена. Эти друзья его и привели вас ко мне, так как семья будет создаваться для него в мо,,м доме, с моею помощью. Будущие родители вашего брата – это Алиса и лорд Амедей. Их первенец будет не кто иной, как ваш брат. Вам предоставляется возможность отдать остаток сил и жизни не только первому реб,,нку Алисы и Мильдрей, но и всем их детям. Хотите ли вы этого, леди Цецилия? Если вы этого хотите, вы должны духовно собраться, должны, в полном самообладании, дать два обета: обет полного и беспрекословного повиновения мне, так как только им одним вы можете выразить свою неколебимую верность взятой на себя задаче. И потом вы должны дать обет целомудрия и безбрачия.

Вы рассмеялись, так невероятно показалось вам предположение, что вы выйдете замуж сейчас, после чистой и долгой жизни в одиночестве. И тем не менее обет должен быть вами произнес,,н, ибо за каждым поворотом жизненного пути человека ждут испытания. Я писал вам, что у вас есть ещ,, племянница, старшая дочь пастора, Дженни. Дженни и е,, мать всю жизнь терзали пастора своею склонностью ко злу. Пока он был жив, он защищал их своей чистотой. Теперь, увы, они широко раскрыли свои сердца и мысли

злу и спасти их уже никто не может.

В их головах зреют замыслы отнять ваши с Алисой капитал и дом. Начнут они с суда и официальных каверз, а кончат тем, что будут соблазнять вас обеих блестяще – по их мнению – выйти замуж. Я вполне уверен в вас. Но не от меня зависит, какие обеты вы дадите Вечности. Их выбрали те, кто выше меня, но выбор ваш совершенно свободен. Никто, ничем, никак вас стеснить не может. Не спешите с ответом. Если он будет отрицательным, на вашем внешнем благополучии это никак не скажется.

Леди Цецилия встала, подошла к креслу Флорентийца и опустилась на колени:

– Мне незачем выбирать. Великий друг Флорентиец. Я ничего не знала и не знаю. Но из того, что вы мне сказали, принимаю вс,, до конца. Я не знаю, кто вы, но сердце мо,, назвало вас Великой Рукой. Таков вы для меня в эту минуту, таковым останетесь и впредь. Перед алтар,,м Бога живого я произнесла один только обет верности – верности мужу. Я его сдержала легко и просто. Перед лицом того же Бога, которому служу, как умею, я даю вам те два обета, о которых вы говорили. Я буду повиноваться радостно всему, что будет вам угодно мне приказать. Я не вступлю в новый брак ни с кем, хотя бы кто-то говорил мне, что я этим спасу его жизнь.

Я хочу отдать свой труд и жизнь не только брату, но и всем детям Алисы, и всем тем, на кого вы ещ,, мне укажете. Я пойду всюду, так и туда, как вы укажете мне.

– Встань, друг, встань, новая душа, готовая к жизни самоотверженного сострадания. Не важно быть выдержанным и спокойным, когда вс,, благополучно. Растет дух человека только в борьбе и грозах, в страданиях выковывая выдержку. Помни, друг и сестра, только одно отныне: радость – сила непобедимая. Нам предстоит борьба с т,,мными силами. Наше участие в ней будет небольшое, мы уедем и оставим основное на великого мудреца Ананду, которого ты чтить. Пойд,,м отсюда. Храни вс,, что я сказал, в тайне, и возьми этот браслет, что оставил тебе пастор. На н,,м из этих зел,,ных камней составлена надпись: «Любя побеждай».

Флорентиец обнял леди Цецилию, надел ей на руку чудесной работы браслет, который она поцеловала, как бы ещ,, раз подтверждая свои обеты, и они вместе прошли в парк, где на одной из уедин,,нных скамеек нашли печального и задумчивого Генри.

– Что же ты сидишь здесь один. Генри? – спросил Флорентиец.

– Ваши приказания я выполнил, лорд Бенедикт. Я обош,,л весь парк и, признаться, огорчился, не найдя в н,,м вас и мамы. Мне так хотелось побыть с вами и с ней, что я чуть не плакал. Зато теперь я так счастлив.

Голос Генри, прежде резкий и сухой, звучал нежно и ласково. Взгляд его, открытый, прямо в глаза Флорентийцу, изумил леди Цецилию.

– Боже мой. Генри, где ты взял этот голос и этот взгляд? У меня даже сердце забилось. Ты сказал эти слова точь-в-точь как мой брат Эндрью, твой дядя. Ты – типичный, вылитый Ретедли, но сейчас твой взгляд, твой голос были живым воплощением моего брата.

– Ретедли? – в полном изумлении сказал Генри. – Ты, мама, что-то путаешь от волнений последних дней.

– Нет, Генри, настало время тебе узнать, что ты – Ретедли. Сын Ричарда Ретедли, барона Оберсвоуда. Я тебе не могла сказать об этом раньше, так как отец твой, умирая, взял с меня слово, что я не вернусь в дом его отца до тех пор, пока дед будет жив. Дед умер очень скоро, через несколько дней после смерти твоего отца, не оставив завещания. Я пришла в дом к его матери, но меня не приняли, оскорбили ужасно, сказав, что я не жена, а девок на свете много. Теперь выяснилось, что дед оставил мне весь капитал, которого он лишил Ричарда после ссоры с ним, но мать, зная все,, скрыла это от меня. Я была не в силах вынести оскорбление, я действительно вышла замуж за твоего отца против воли его родных. Я бежала ночью из родного дома с твоим отцом, но венчали нас, как венчают всех англичан, и ты – родной и законный сын Ричарда Ретедли.

Не дав опомниться онемевшему от изумления Генри, леди Цецилия продолжала:

– Это еще,, не все,,. У моего брата, о котором я думала как о величайшем и счастливом певце и который стал пастором, было, оказывается, две дочери. Одну из них мы знаем, это Алиса, нам предстоит узнать еще,, вторую – Дженни.

– Приди в себя. Генри, друг, – пожимая руку Генри и улыбаясь сказал Флорентиец. – Тебе предстоит еще,, такая масса новых положений, что прежде всего я тебе советую: подружись поближе с Алисой. Она все,, тебе расскажет о своей семье и об отце, а как тебе стать почтительным племянником лорда Джемса, думаю, этому тебя теперь учить не надо.

Навстречу трем собеседникам уже шли остальные члены общества, приглашая их в дом к завтраку.

Леди Цецилия, как все цельные натуры, приняв решение, уже не знала колебаний. Она ясно понимала свой дальнейший путь, и какие бы трудности ни предстояли ей, она знала, куда и к чему ей идти, и была спокойна.

Дни мелькнули, пора было ехать в Лондон. Лорд Бенедикт предложил леди Цецилии и Генри поселиться в его лондонском доме, чтобы не

возиться с квартирами и обиходом и иметь по возможности больше времени быть подле во время сложных нотариальных дел, связанных с получением капитала.

Леди Цецилия как бы запнулась, прежде чем дать согласие, но, вспомнив свои обеты, радостно улыбнулась и с благодарностью приняла предложение за себя и сына.

Вполне благополучно и весело совершился переезд всей семьи в Лондон. Каждый с благодарностью сознавал, сколько новых сил взрастил он в себе за время жизни в доме Флорентийца, и любовь к нему единила их в ещ,, большей взаимной дружбе.

ГЛАВА 14 ДЖЕМС РЕТЕДЛИ И ЛИЗА У ЛОРДА БЕНЕДИКТА
Встретившись с Лизой, с тем же, что и он, нетерпением ждавшей возможности поговорить без помехи со своим женихом, капитан пов,,з е,, в свой маленький, по его словам, коттедж. Он оказался прелестным, правда одноэтажным, но поместительным и уютным старинным особняком. Когда-то это была холостяцкая обитель деда, пожелавшего отдать е,, внуку Ричарду. Но после ссоры, вполне сознавая свою ошибку, упрямый дед вс,, же завещал дом Джемсу, которому в то время было всего двенадцать лет. Дом так и простоял много лет заколоченным.

Когда капитан впервые вош,,л в него, на него пахнуло такой стариной, о которой сейчас и думать забыли в Англии, поддаваясь модным течениям. Дед собрал в этом доме вс,, самое лучшее из мебели, хрусталя, скульптуры и фарфора, чем владели его предки. Не только кусочек старой Англии, но много венецианских кружев и стекла, несколько исключительной художественной ценности картин и ковров, музейных столов и старинный гобелен обнаружил здесь капитан. Дом стоял на холме и был окружен садом, и улица спускалась вниз, вся в зелени садов. Правда, до центра было далеко, но капитан не сомневался, что Лизе дом понравится, и решил поселиться в н,,м с женой.

Отделав заново некоторые из комнат, подновив другие в их прежнем старинном стиле, капитан очень радовался, что его родным ни разу за столько лет не приходило в голову проведать дом, хотя ключи у них были. Леди Ретедли была поражена, когда узнала, что сын предполагает поселиться с семьей в дедовском особняке.

– Да разве там есть что-то ценное? Ведь дедушка говорил мне, что дом пуст.

– Ценное, матушка, понятие растяжимое. На ваш с Ревеккой вкус там, быть может, и нет ничего ценного. На мой и, надеюсь, моей будущей жены

– там будет уютно и красиво, а главное, радостно.

Крайне недовольная тем, что ей не только отказано в покровительстве будущим родственникам, но что сын даже не собирается спрашивать ни мнения, ни советов у матери, леди Ретедли замолчала, всем своим видом выражая негодование. Однако уверенная, что сына е., околдовала жадная особа; благородная леди решила быть разумной и политической, выказывая как можно больше внимания сыну, но всячески язвя будущую родню и особенно – невестку.

Капитан ни словом не обмолвился Лизе, как выглядит их будущее жилище. И девушка, хотя и знала своего жениха как натуру художественную, делавшую красивым вс,, к чему бы ни прикоснулись его ловкие руки, думала тем не менее, что это будет обычный приличный дом. Она заранее обрекла себя на печальную участь светской дамы, хотя сердце е,, бунтовало против пустой и бессодержательной жизни, какую ей приходилось наблюдать в своей среде.

Дилемма любви к человеку и любви к искусству беспокоила Лизу. Здесь мог таиться простор для размолвок и взаимных разочарований. Сердце Лизы часто болело, когда она думала о будущей семейной жизни. Но она ни разу не высказала Джемсу своих сомнений, и все они испарялись, когда она видела его тв,,рдо смотревшие ж,,лтые глаза или замирала под его поцелуем.

В этом настроении Лиза пребывала и сейчас. Но как только капитан открыл входную дверь и она очутилась в большом холле с потолком из огромных старинных балок, с высокими, деревянными же панелями, потемневшими от времени, с гигантским камином, где весело трещал огонь, с множеством цветов в старинных вазах, – у не,, вырвался крик восторга и, забыв все приличия на свете, она бросилась на шею жениху.

Чем дальше шла Лиза со своим будущим мужем, тем яснее становилось ей, что он пойм,,т е,, сердце, что у не,, не будет тайн, что их не разъединит ревностью е,, искусство.

– Ну, теперь мы входим в твою святая святых, – сказал капитан, подводя Лизу к небольшой двери, которую скрывал редкий по красоте ков,,р. – Не знаю, угадал ли я. Понравится ли тебе этот уголок. Но я вложил в него всю любовь, вс,, понимание художественного вкуса, на какое я способен.

Капитан отворил дверь, но ставни комнаты, куда они вошли, были закрыты, и Лиза не могла видеть ясно того, что е,, окружало. Как только капитан открыл ставни и солнце ворвалось в комнату, Лиза увидела, что стоит в небольшом помещении, из которого идут двери направо и налево.

На самой середине на тяжёлом старинном постаменте стояла белая статуя Будды, державшего на вытянутой руке чашу. Глаза его смотрели прямо перед собой, точно приветствуя вошедших и прося положить в его чашу всё, самое высокое, самое чистое в душе. Пол был застлан светлыми японскими циновками очаровательной работы и тонов, и такими же циновками были затянуты стены. По углам и у стен стояло несколько низких диванов, низеньких восточных столиков с инкрустацией из перламутра и таких же табуретов. Лиза смотрела в лицо встретившего её Будды, которое сияло божественной добротой и состраданием, и по лицу её, катились слёзы.

– Откуда мог ты знать, что я так глубоко чтю Будду? Я ведь никогда никому об этом не говорила. Как я всегда мечтала иметь белого Будду! – прошептала она.

– Перестань плакать, дорогая. Я нашёл это сокровище в одном из ящичков в подвале, как и эти циновки. И увидел в Будде символ величия человека, который хочет идти путём раскрытия талантов и возможностей, что живут в нём. Я подумал, что если оба мы будем видеть перед собой эту чашу и нести в неё мир и милосердие, – наша жизнь не окажется пустой и бесцельной. И мир, и милосердие будут снова литься из этой чаши в наш день через наши сердца.

Ты будешь совершенствоваться в искусстве, очаровывать сердца людей музыкой. Я же буду трудиться, как умею и могу, среди серого своего дня. И оба мы, видя перед собой этот символ милосердия, будем нести чашу любви и единить вокруг себя людей в красоте и чести. Не бойся меня, не бойся жизни вообще и не бойся жизни со мной. Перед этим великаном духа я обещаю тебе оберегать твою свободу и создать тебе дом, где бы тебе жилось легко, просто, весело. Но пойдём, дорогая. Это преддверие, твой храм дальше.

Они прошли в комнату налево. Окна выходили в сад, и всё в ней, от ковра, стен, люстр, занавесей, было белое. Посреди комнаты стоял рояль, покрытый белой старинной парчой, и в небольшом шкафу из саксонского фарфора и стекла стояла скрипка в старинном футляре.

– Скрипку эту я нашёл в одном из стальных шкафов, всю покрытую пылью и паутиной, обернутую чуть ли не рулоном бумаги. Я разворачивал её, почти час, пока не добрался до футляра. Здесь же была записка, написанная женской рукой, где говорилось, что тот, кто эту скрипку отыщет, может считать себя её владельцем. Не будучи осведомлён в достоинствах скрипок, я вызвал знакомого мастера, который сказал, что инструменту этому и цены нет.

Дольше Лиза выдержать искушения не могла, и через минуту, забыв

вс., на свете, кроме своей любви и великого образа Будды, заиграла свою фантазию. Почти пустая комната, с узкими белыми диванами, вся наполнилась звуками. Скрипка, точно человек, то плакала, то торжествовала, и голос е., напомнил капитану другой город, другой музыкальный зал, Ананду с его виолончелью и... человека его мечтаний, чудесно воплотившегося из мечты в действительность.

Капитан закрыл лицо руками. Мысли его улетели к Флорентийцу. Он вспоминал слово за словом их разговор в деревне, вспомнил картину в кабинете, где видел И. и Ананду в обществе ещ., кого-то, кого он не знал, и тв.,рдо, ясно понял, что без этих людей для него больше жизни нет. Звуки умолкли. Капитан открыл глаза и увидел Лизу преображенную, Лизу, какой бывает она в моменты вдохновения. Она прижимала скрипку, как икону, к своей груди и не то давала клятву, не то молилась.

– О ч.,м ты думаешь, Лиза? – подходя к ней и обнимая е.,, спросил капитан.

– Я молюсь, чтобы мы с тобой, под благословением этой статуи, что ты поставил здесь, прошли в чистоте и доброте тот кусок жизни, что нам дано быть вместе, Джемс. Я молюсь, чтобы мы встретили такого наставника, который помог бы нам славить жизнь, украшать е., для людей, как мы оба хотим того сейчас; чтобы мы умели не плакать о себе и не забывать о других.

– У нас с тобой есть этот друг, Лиза, друг такого обаяния и совершенства, что только личное тво., знакомство с ним может дать тебе о н.,м представление. Все слова бледны и бессильны, чтобы его описать. В понедельник мы с тобой поедem к нему завтракать. Ты ни о ч.,м не беспокойся, вс., устроится так, что мы поедem вдво.,м, и вс.,, что только ты сможешь понять в доме друга, лорда Бенедикта, – вс., проникнет в тебя навеки. Я уверен, что там ты найд.,шь тот духовный путь, ту творческую красоту, которые ищешь.

Уложив скрипку в футляр, скрипку, цену которой Лиза поняла с первых же звуков, она поставила е., обратно в чудесный шкаф.

– И надо же было твоему деду собрать столько сокровищ в одном доме! Глаза разбегаются, я даже упомянуть всего не могу, что здесь видела.

– Пойд.,м, посмотрим ещ., раз на божественного мудреца, – сказал капитан, взяв Лизу под руку и уводя е., из музыкального зала.

Они подошли к статуе. Теперь Лизе лицо Будды казалось ещ., прекраснее. Чудилось, сейчас уста его раскроются и он заговорит. Ей представился мир человеческий с войнами, преступлениями, мстью, жадностью, борьбой. Представилась смерть, о которой царский сын,

будущий нищий и наконец Будда не должен был ничего знать. Представилась его юность в садах удовольствий, где он не видел увядших лиц, не знал о старости и болезнях, – но вот он выбрал себе удел санньясина и стоит здесь, вечный и милосердный, провозглашая миру свободу и милость.

Лиза и Джемс тесно прильнули друг к другу. Они точно венчались сейчас здесь, давая обет верности и любви перед этой дивной эмблемой и видя в ней единственный для себя чистый путь к чистой и честной жизни.

– Направо, Лиза, твоя спальня. Мы не войд,,м туда сейчас. Мы войдем как муж и жена, чтобы никогда не переступить е,, порога в ссоре или раздражении. Пусть великий образ этого искателя божественной истины будет нам тем источником доброты и мудрости, где мы будем находить силы для каждого нового дня.

Сойдя вниз и посмотрев на часы, они увидели, что пропустили все обещанные сроки возвращения и помчались к графам Р. Старики хотели было начать с выговора, но увидев, как преображены счастьем лица молодых людей, весело рассмеялись и только изменили план своих действий. Сначала – визит к леди Ретедли, потеем – осмотр дома.

Визит к будущей свекрови, которого так боялась Лиза, теперь уже не страшил ее, он стал казаться ей просто формальностью, тем более что она отлично почувствовала суть отношений сына, матери и сестры. О сестре она думала меньше всего, так как капитан говорил ей иногда о Ревекке в юмористическом тоне, о том, что она ждет заморского принца, так и не явившегося по сей час за столь соблазнительной невестой.

Леди Ретедли попробовала встретить покровительственно своих будущих родственников, но наткнулась на стену высокой гордости, кроме того граф засыпал е,, именами своих друзей из высшей аристократии, которые будут присутствовать на свадебном обеде его дочери, и леди Ретедли, и не мечтавшая о таком обществе для себя и Ревекки, сразу изменила тон. По свойственной ей бестактности, она опять пересолила, что не особенно пришлось по вкусу графине Р.

Любя музыку, проведя в кругу выдающихся людей всю свою молодость, графиня Е. не переносила мещанских по духу семей. Мать будущего зятя произвела на не,, отталкивающее впечатление, и она радовалась такту и любви капитана, устроившего Лизе совершенно отдельный дом. Теперь ей не терпелось увидеть поскорее этот дом и вырваться из банальной атмосферы, окружавшей леди Ретедли. Перед отъездом едва не разыгралась неприятная сцена. Ревекка, узнав, что брат вез,,т своих будущих родственников осматривать дом, захлопала в ладоши

и запрыгала, как восьмилетнее дитя, выражая страстное желание присоединиться к графу. У тех вытянулись физиономии, но капитан категорически заявил, что ни мать, ни сестра не войдут в его новый дом до свадьбы. Когда молодые устроят первый прием, приедут они, но не раньше. Если не было охоты наблюдать, как он перестраивал дом, – они увидят его только в полном блеске, когда хозяин и хозяйка будут в нем жить. Тон капитана, тот новый тон, к которому ни мать, ни сестра никак не могли привыкнуть, был очень любезен, но категоричен. Пришлось покориться, затаив злость и любезно улыбаясь.

Лиза торжествовала. Она везла родителей к себе в дом, совершенно откровенно ощущая себя хозяйкой нового жилища. Не сговариваясь друг с другом, оба решили никому не показывать Лизин уголок, а после ряда комнат ввести родителей прямо в музыкальный зал и этим закончить осмотр дома. Старики были восхищены и домом, и садом, и обстановкой. Графиня-мать радовалась уединенности места, но отец находил, что молодым людям было бы удобнее жить поближе к центру. Возвратившись в отель, они выработали программу дня на завтра, и старики были чрезвычайно польщены предстоящим визитом к лорду Бенедикту, о котором они уже были наслышаны как о новом чуде лондонского общества.

Следующий день пролетел для Лизы и Джемса так быстро, что они едва успели выкроить время, чтобы несколько минут постоять у статуи белого Будды, без которого, как казалось теперь Лизе, она уже жить не может. В воскресенье вечером, после подробного обсуждения, во что и как все Р. оденутся, отправляясь в дом лорда Бенедикта, причем капитан делал дамам такие смешные наставления, что все дружно смеялись и, в свою очередь, добродушно подкалывали его, графиня несколько раз пожаловалась на лобную головную боль. Но так как у графини всю жизнь было плохое здоровье, то никто не увидел в этом ничего, кроме простой мигрени. Весело расставшись с женихом, все разошлись по своим комнатам. И также весело, легко, радостно вскочила Лиза с постели на следующий день. Она спала всю ночь очень крепко, проснулась с сознанием какого-то небывалого счастья, уверенности в себе, и в первый раз почувствовала себя по-новому взрослой, по-новому самостоятельной и готовой к жизни.

«О, я в силах все победить! Я знаю сейчас, сколько величия в жизни человека и какими чудесами она полна. О мой белый Будда, как многим я тебе обязана, – думала Лиза. – Те минуты, что я простояла у твоей чаши, великий мудрец, раскрыли мне, что в жизни не может быть смерти. Ты не умер, ты – Вечность. А значит, и всякий, за Тобой идущий, тоже Вечность.

И моя скрипка тоже частица Вечности».

Лиза была уже совсем готова, но не хотела идти к родителям, так необычайно светло она себя чувствовала. Всеми мыслями она прильнула к чаше Будды и несла к нему свою скрипку и свою любовь, молясь, чтобы светлое состояние духа, в каком она находилась сейчас, никогда не омрачалось для е., искусства и любви. Ничто ей сейчас не казалось страшным. Она поняла, что жизнь вечна, что тот день, который она жив,,т сегодня, – это минута творчества. А творчество вечно, значит и эта минута, в огне творчества прожитая, не может быть ничем иным, как мгновением вечного творчества, Вечной Жизнью. «Как хотелось бы мне, – шептала Лиза, – приносить мои звуки людям такими чистыми, такими любовными и утешающими, как будто я вынула их из чаши Будды».

Стуком в дверь были прерваны е., гр.,зы. Стучал граф, взволнованный и раздосадованный. У графини к утру поднялся жар, появились кашель и насморк, и о поездке их к лорду Бенедикту нечего было и думать. Лиза тотчас же прошла к матери, очень огорч,,нной своей неожиданной болезнью и ещ,, больше раздосадованной невозможностью поехать к очень е., интересовавшему лорду. Привыкнув видеть в Лизе девочку, которой не полагается быть самостоятельной и которая не может ехать никуда без отца или матери, графиня принялась уговаривать дочь ехать с отцом и оставить е., одну. Граф, не стеснявшийся в России покидать свою жену на очень долгое время, здесь не расставался с нею ни на шаг. Он категорически заявил, что они не поедут, что лорду Бенедикту будет извещено о болезни графини, а дети посидят дома.

– Это совершенно невозможно, папа. Лорд Бенедикт ближайший друг Джемса, которым он очень дорожит и которого чтит не меньше, чем мог бы чтить отца. Я знаю, что вся семья лорда переехала из деревни раньше времени, чтобы познакомиться со мной. Я знаю, что на этом завтраке, даваемом в честь меня и Джемса, будут присутствовать люди, от которых будет зависеть многое в судьбе Джемса. Мама не больна, а только нездорова, и мы возвратимся скоро. Если вы, папа, не хотите ехать, мы поедем с Джемсом вдво,,м. Ехать нам необходимо, и мне немного странно, как вы, решаясь отдавать меня замуж, боитесь предоставить мне самостоятельность в таком маленьком деле, как завтрак.

Супруги были так поражены решительностью Лизы и е., желанием, выраженным в столь категорической форме, что даже не нашлись, что ответить, но оба были явно недовольны. Графиня точно ото сна очнулась и стала наконец понимать, что у дочери есть своя жизнь, где ей места может и не быть. Каждый из троих таил свои мысли и, будучи слишком

воспитанными людьми, чтобы говорить неприятности, все держались внешне спокойно, но горечь переполняла стариков. Как бы то ни было, в назначенный час Лиза и капитан Ретедли входили в дом лорда Бенедикта.

Лиза была приготовлена капитаном, кто и что е., ожидало в доме и семье Бенедикта. Но она не только растерялась от первого же взгляда хозяина, но и каждое новое лицо, с которым он е., знакомил, заставляло е., вс., больше смущаться. Застенчивость, свойственная ей всегда, на этот раз дошла до такого предела, что ей самой становилось невыносимым е., скованное состояние. И именно в тот миг, когда она дошла до полного изнеможения, она почувствовала на себе взгляд лорда Бенедикта, который встал со своего места и, опустившись в кресло рядом с нею, спросил о здоровье матери. Постепенно разговор переш,,л на Лондон, на музыку и через десять минут от стеснительной застенчивости Лизы не осталось и следа. А все окружающие е,, казавшиеся ей такими особенными, теперь стали простыми и достижимыми. Вначале, пораженная целым сонмом красавиц, Лиза законфузилась, На самом же деле в сво,,м светло-сером костюме с отделкой цвета резеды, с бледным личиком, на котором горели глаза существа, отмеченного темпераментом и талантом, вдохновляемая любовью и счастьем раздел,,нной привязанности, Лиза была не просто мила, но не могла бы остаться незамеченной среди любых красавиц. Тонкая фигурка и полные грации движения делали весь е., облик гармоничным и исключительно изящным. Е., голос, металлический и вибрирующий массой разнообразных интонаций и оттенков, приятного тембра, решительный, довершал цельность впечатления. От той девочки, которую И. и Левушка встретили в пути ещ,, так сравнительно недавно, и следа не осталось.

Флорентиец спросил Лизу, не певица ли она, она засмеялась – точно колокольчик зазвенел – и сказала, что, к большому огорчению отца, она и певица, и скрипачка, но и то и другое ещ,, только в любительской фазе.

– О, тогда у вас есть соперница. Моя при,,мная дочь тоже певица, но не скрипачка, а пианистка и тоже любительница. Если бы вы захотели доставить нам удовольствие, то не отказались бы сыграть нам что-нибудь вместе с Алисой. Мы давно не слышали скрипки и были бы вам благодарны за час отдыха в музыке.

– Играть я так люблю, что рада каждому случаю, когда могу коснуться струн. Но сегодня у меня так много «но», что я едва ли решусь играть.

– Ну, а если я угадаю все ваши «но» до самого последнего, согласитесь ли вы тогда играть?

– Это так невероятно, лорд Бенедикт, что я даже не решаюсь принять такое условие.

– Первое ваше «но» состоит в том, что вы давно по-настоящему не занимались. Второе – здесь нет вашей скрипки, а моя – понравится ли вам, вы не знаете. Третье – вы только что держали в руках скрипку, перл старинного мастера подаренную вам влюбленным в вас человеком. Четвертое – у Будды...

– О, ради всего святого, – вскрикнула вскочившая с места Лиза, – я не знаю, что вы хотели сказать, – задыхаясь, продолжала она, – но слово, которое вы начали, привело меня в восторг и ужас одновременно.

– Если бы я не был прерван столь внезапно, я сумел бы дойти до вашего пятого и шестого сомнений, – улыбался Флорентиец.

– Нет, нет, я вижу, что мне уж лучше согласиться. Я еще, не знаю, найдем ли мы контакт с мисс Алисой и известны ли мне вещи, которые играет она, но, пожалуйста, дальше не угадывайте.

Лиза старалась овладеть собой. Ей была неприятна эта вспышка перед лордом Бенедиктом, особенно в присутствии жениха, так образцово владевшего собой всегда. Лиза даже не решалась посмотреть в его сторону, как вдруг увидела его перед собой.

– Если вы желаете играть на вашей старинной скрипке, я привезу ее, вам, Лиза, сию минуту. – Голос капитана был так необычно нежен, ласков и любящ.

– Не беспокойтесь, капитан, – вмешался Флорентиец. – У меня есть скрипка Ананды, которую он оставил мне на хранение. Я думаю, чистые руки вашей невесты достойны прикоснуться к такой драгоценности. А вам, – продолжал он, повернувшись к Лизе, – прикосновение к смычку и грифу, которых касались руки великого мудреца и музыканта, поможет выполнить то четвертое «но», которое вы не дали мне высказать.

Слуга вошел звать к завтраку, чем дал Лизе немного прийти в себя от изумления, восторга, детской радости и робости, которые внушал ей красавец-хозяин. Подав ей руку, лорд Бенедикт повел ее к столу. Положительно, все в этом доме поражало своей необычностью. Хотя у себя дома Лиза была приучена к прекрасной сервировке и красиво накрытому столу, всегда украшенному цветами, так как дед – большой любитель фарфора и цветов

– сам составлял букеты, но в доме лорда Бенедикта она не знала, кому и чему отдавать предпочтение. Лизе казалось, что все вокруг нереально, что Наль рядом только сказочная принцесса ее собственного сна, что вот она проснется

– и Наль не станет. Алиса представлялась ей феей, а Николай и сам лорд Бенедикт – заколдованными царевичами. Пока она шла в столовую,

она дважды сильно оперлась на руку хозяина, точно желая проверить себя. И оба раза чудесное чувство спокойствия, почти блаженства, разливалось по всему е,, существу. Все страхи Лизы, е,, робость и скованность постепенно исчезали. Сидя подле ласкового хозяина, видя напротив своего жениха, Лиза думала, что за всю свою жизнь она, пожалуй, не была ещ,, так счастлива, как сейчас. Какое-то величавое спокойствие, ещ,, не испытанное ею равновесие и вместе с тем полнота осознания себя творчески цельным существом по-новому освещали ей жизнь.

– Жизнь – не есть нечто совершенно изолированное, – услышала она слова лорда Бенедикта. – Жизнь человека на земле – это та частица Вселенной, которую он мог вместить, творчески в себе обработать, очистить страданиями и снова передать Вселенной, чтобы помочь ей двигаться вперед.

Наша гостья будет нам играть сегодня. Мы будем слушать. Но если дух е,, не будет гореть огнем негасимой любви к искусству, мы останемся холодными наблюдателями. Мы будем разбирать е,, тон, е,, руки, лицо, е,, мимику. Мы будем видеть только е,, и наши глаза не проникнут в царство радости общения в красоте, которое одно только и ценно и необходимо людям. Если Фидий оставил нам сво,, имя, которое не затмил ни один из скульпторов, то это потому, что, творя статую, он не о земле только думал, а н,,с ей, скорбящей, сво,, небо. Наша гостья вс,, ещ,, стесняется в нашем обществе. Но я уверен, что как только пальцы е,, коснутся заветной скрипки, – она забудет о нас и понес,,т сво,, счастливое небо в наши сердца.

Флорентиец ласково и ободряюще смотрел на смущ,,нную Лизу.

– Если бы подле вас, лорд Бенедикт, я не испытывала совсем неизвестных мне до сих пор чувств, я бы не могла, по всей вероятности, издать ни единого звука после ваших слов об искусстве. Но сейчас в меня вливаются и уверенность, и дерзновение. Я не боюсь больше играть перед вами, а наоборот, мне кажется, что только сегодня я начну играть не поученически. Быть может, это слишком дерзко – так говорить, но так чувствует моя душа в эту минуту.

Завтрак кончился, все встали вслед за хозяином. Если бы Лизу спросили, что она ела и пила и был ли вообще завтрак, она вряд ли сумела бы ответить. Для не,, существовали какие-то отдельные минуты, отдельные слова лорда Бенедикта и лицо человека, в которого она была влюблена. Вс,, остальное тонуло в желании играть и в такой – ещ,, никогда не испытанной – жажде творчества, которые ей открылись сегодня и сжигали е,, своим огнем. Лорд Бенедикт подв,,л Лизу прямо к роялю, куда подозвал и Алису. Пока девушки сговаривались, что им сыграть, он прин,,с футляр из своего

кабинета. И футляр, и н,,сший его человек были необычны. Футляр был квадратный, из очень светлого, пожелтевшего от времени дерева. Небольшим старинным ключом лорд Бенедикт открыл его. Прежде чем поднять крышку, он посмотрел на Лизу, говоря:

– Я ещ,, раз повторяю вам, Лиза, что скрипка эта принадлежит теперь моему другу Ананде, большому мудрецу. Он не только мудрец, он принц среди обычных людей. Это чистая доброта и такая сила любви, перед которой и Везувий затихает. Соберите всю вашу любовь, такую сейчас чистую и счастливую. Играя на этой скрипке, несите в чашу Будды ваши звуки, и пусть они прольются из не,, миром и силой для всех скорбящих.

Он открыл ящик и подал Лизе старинную большую и удивительно пропорциональную скрипку. Дрожа от радости, Лиза взяла инструмент, попробовала строй, удивляясь, что он точен, и, переглянувшись с Алисой, стала ждать первых звуков сонаты. В это короткое мгновение у не,, мелькнули десятки мыслей и сомнений, что и кого она найд,,т в пианистке. Взглянуть на Алису она уже не могла. Все е,, силы перешли в руки, которые казались ей л,,гкими, свободными, точно их зарядили сильным электрическим током. Алиса под устремленным на не,, взглядом Флорентийца преобразилась более обычного, и первые звуки, неожиданно глубокие и мощные, заставили Лизу выпрямиться, вздрогнуть, и когда она ударила по струнам смычком, ей показалось, что она зацепила сердца присутствовавших.

Часть за частью шла соната, и вдруг Лиза ощутила, что за е,, спиной растет какая-то неведомая сила, которая ей помогает. Руки е,, стали ещ,, легче, звук сильнее, сама скрипка одухотвореннее, и не мозг, не память вели е,, пальцы, а из самого сердца ш,,л к ним ток. Почти не сознавая, где она и кто подле не,,,, Лиза кончила сонату.

– Теперь, Лиза, попробуйте сыграть нам свою фантазию, – попросил лорд Бенедикт.

Вс,, так же мало сознавая действительность, Лиза стала играть свою фантазию, ту песнь торжествующей любви, которую играла, вдохновясь образом Будды. Сейчас ей казалось, что она слышит какой-то новый оттенок в струнах, точно они шепчут ей: «Ты играй для земли, для людей. Ты не думай о себе, но думай о людях, для радости которых должна жить твоя песня. Играй только, тогда, когда сердце чисто». Сила, помогавшая ей сейчас играть, слилась с е,, руками, сердцем, окутав всю е,, атмосферой счастья. И Лиза закончила свою фантазию таким порывом страсти, что даже физически почувствовала изнеможение.

Когда она пришла в себя, е,, потянуло оглянуться. Е,, взгляд встретил

незаметно вошедшего гостя. Посреди комнаты стоял Ананда. Глаза присутствующих были прикованы к его фигуре, к его глазам, испускавшим лучи. Все были поражены бесшумно проникшим к ним неизвестным, и только хозяин и Николай радостно спешили к нему из разных концов огромной комнаты. Флорентиец заключил гостя в свои могучие объятия, и тот, казавшийся за мгновение до того таким высоким, сделался вдруг меньше рядом с гигантом-хозяином. После первых приветствий лорд Бенедикт представил нового гостя, назвав его своим другом Сандрой Кон-Анандой.

Первыми познакомились с ним обе юные музыкантши. Взяв руку Лизы в свои руки, Ананда оглядел комнату, как бы кого-то ища.

– Ты, конечно, ищешь другую половину яблока, – лукаво усмехаясь, сказал Флорентиец. – Вот он, храбрец-капитан, спрятался за моей спиной. – И Флорентиец выдвинул вперед Джемса, лицо которого было таким растроганным и взволнованным, каким Лиза даже не считала возможным его увидеть.

Ананда взял руку капитана, положил ее на руку Лизы, которую держал в своей, и сказал Джемсу своим особенным, неподражаемо ласковым металлическим голосом:

– Когда я говорил вам об этой минуте в Константинополе, это показалось вам невысказанной фантазией. Теперь я спокойно соединяю вас с сей чистой душой, зная, что в ней для вас сохранится огонь радостной любви до конца ее, и ваших дней. Все, остальное, друг, неважно. Сейчас важна только задача создания новой семьи, в которой так нуждаются чудесные, высокие души, ожидая чистого места для своего воплощения. Помните об этом, и вы выполните то, что обещали мне в Константинополе. А я буду всегда помнить, кому обязан столь многим, кто вернул мне украденное кольцо. Вы же, дорогая, – обратился Ананда к Лизе,

– выполните только один мой завет: всегда, везде УТВЕРЖДАЙТЕ и научите своих детей понимать современность, принимать ее, никогда не отрицая.

Искусство поможет вам воспитать своих детей. Оно будет им второй матерью. Не верьте тем, кто будет говорить, что искусство и семья несовместимы. Не делить надо любовь между семьей и искусством, но сливать их воедино, отражая в себе всю Вселенную как единую вечную Любовь, в которой семья и труд для нее, общественный труд и искусство – все, лишь аспекты Единой Любви, живущей в нас. Играйте. Играйте всюду и везде как можно больше. Играйте большим толпам народа, отбросив предрассудок: «Выступать на подмостках». Но играйте всегда даром,

отдавая все деньги беднякам.

Ананда повернулся к Алисе, слушавшей его с тем вниманием, что граничит с благоговением.

– Вам, мой друг, также дано утешать людей музыкой. Ещ,, молодой вы будете выступать вместе со своими детьми. Забудьте робость, идите с той непреклонной волей, которую передал вам отец. Ничего и никогда не бойтесь. Я ещ,, буду с вами говорить.

– А тебе, Ананда, я у самой двери изловил вот эту парочку беглецов, – со смехом подв,,л Флорентиец Генри и его мать к Ананде.

– Неужели же, Генри, ты был бы способен ещ,, раз бежать от меня?

– Простите нас, – тихо сказала леди Цецилия и – чего никто не мог ожидать

– опустилась на колени перед Анандой. – Мы оба так виноваты перед вами. Не сын виноват, но мать, не сумевшая воспитать в н,,м самообладания, – поднятая Анандой, продолжала леди Цецилия, склоняясь к нему на плечо.

– Полноте, дорогая. Генри славный малый. Если в н,,м раньше слишком бурлили страсти, то сейчас, за время жизни у нашего друга и Учителя Флорентийца, он уже так вырос в своей чести и цельности, что прежнего сумбурного мальчика и в помине нет. Генри, мой добрый сынок, твои испытания зрелого, честного сердца только ещ,, начинаются, а не кончились, как ты думаешь, – с неподражаемой добротой говорил Ананда. – Немало тебе предстоит испытать. Но ты не один, у тебя не только Флорентиец и я. У тебя ещ,, целое кольцо друзей здесь, и сердца всех тех, кого ты видишь в этой комнате, связаны с тобой многими веками труда и любви.

Правда, до сих пор ты доставлял нам всем немало забот и беспокойства. Но сейчас в тебе уже созрело мужество отдать самому себе отч,,т в своих поступках. Созревай же дальше, друг, вскоре тебе представится случай проявить героизм сердца и правдивость его.

Радостно и счастливо приветствуемый Николаем и Наль, Ананда сказал ей:

– Вы давно знаете меня заочно, как и я вас. Теперь нам довелось встретиться и уже никогда не забыть, где, как и когда мы встретились. Ваш дядя Али и тот, кого вы теперь зов,,те отцом, – мой великий друг Флорентиец,

– мои извечные наставники. Я всем сердцем приму ваших детей в свои ученики. И хотел бы для вас только одного: чтобы вы, готовя к жизни детей, не боялись за их судьбу. Нет сильнее талисмана и защиты для детей,

чем бесстрашная любовь матери.

Окруженный всеми, Ананда прош,,л в кабинет Флорентийца, где сказал Амедею, Сандре и Тендлю, каждому в отдельности, по несколько слов. Он говорил так тихо, что никто другой их не слышал, но лица всех троих засияли, и это ясно видели все.

Через некоторое время, когда Ананда рассказал, что неожиданно получил известие о новых каверзах Браццано и приказ своего дяди немедленно выехать в Лондон, лорд Бенедикт отпустил всех гостей, чтобы переговорить с Анандой наедине и дать ему отдохнуть. Прощаясь с Лизой и капитаном, Флорентиец ласково напомнил обоим, что для них начинается новая жизнь и они по-новому должны теперь встречать каждый расцветающий день.

– Я буду завтра у вас, Лиза, вместе с Алисой, Наль и Николаем. Я знаю необычайное хлебосольство вашего отца и потому даю вам право «по секрету» выдать наш завтрашний визит. Вы же, Джемс, не беспокойтесь ни о ч,,м. Я помогу вам миновать угрозу помпезного венчания, точно так же, как угрозу путешествия родителей следом за вами в Америку. Будьте счастливы, в добрый путь.

Оставшись вдво,,м с Анандой, лорд Бенедикт передал гостю, что в дело о завещании пастора уже вмешались друзья Браццано, которых прислал к пасторше один из друзей е,, юности и близкий человек из Константинополя.

– И не только они, – отвечал Ананда. – На одном со мною пароходе прибыли ещ,, двое. Эта парочка получила точное задание похитить Алису. Пасторша в переписке со своим другом четко, со свойственной ей откровенностью характеризовала своих дочерей. Чтобы осуществились адские замыслы Браццано, ему нужна девственница с чистейшим сердцем. Меня не узнали. Полагая, что я не понимаю их языка, они откровенно болтали и о плане женитьбы подосланных юнцов на обеих сестрах, и о немедленном увозе Алисы после венчания.

Подкупить они, конечно, могут пол-Лондона. Я не составил пока плана действий и приму все ваши приказания. Нет ли надежды спасти пасторшу и е,, старшую дочь от того ужаса, в котором они погрязают?

– Я испробовал все средства, Ананда. Им сейчас спасения нет: и мать, и дочь давно раскрыли сердце злу. Жажда роскоши, желание блестящей жизни, вс,, использовано и разожжено. Пока обе несчастные не дойдут до дна, ни одна из них не опомнится. Но я думаю, что дно пасторши ближе, и мы с тобой ещ,, сможем попытаться вырвать е,, у шайки злодеев. Что же касается дочери, то там слишком глубока связь с Браццано. Себе пути она

сама связала, отвергнув дважды мой зов.

– От тех же моих спутников я узнал, что Дженни возьмут как бесплатное приложение к Алисе, которая и есть вся цель. Несчастливая Дженни, – прошептал Ананда.

– Да, весь их план наш,,л пламенного слугу в пасторше. Она пойд,,т на вс,, чтобы вырвать Алису из моих рук. Нам с тобой, Ананда. предстоит встретиться в судебной конторе с нею, с Дженни и с теми двумя молокососами. Не может быть и речи хоть о малейшей угрозе для Алисы. Но тех. кого я тебе оставляю. – Сандру, Тендлю, – тебе, Ананда. придется защищать, так же как и бедного адвоката. На них пад,,т вс,, бешенство врагов. Мой дорогой друг и брат, – обнимая Ананду, продолжал Флорентиец, – который раз в этой жизни ты принимаешь на себя тяжесть борьбы со злом, тяжесть за чужие грехи и проступки, развязывая страшные кармы людей. Да будут благословенны дни твои! Да будет вечным светом и спасением твой труд для людей!

Точно сноп солнечного света лился от Флорентийца и окутывал Ананду со всех сторон.

– Немало мучительных минут придется тебе пережить ещ,, и здесь, мой друг, в новой фазе борьбы с шайкой Браццано. Твоя божественная доброта, пут,,м которой ты ид,,шь, служа людям, заставила тебя пожалеть негодяя. Ты полагал, что у гада вырвано ядовитое жало, если он дал слово чести оставить т,,мный путь. Ты поверил. Ты забыл, что нет чести у бесчестного. Ты его пожалел, применив меру личного восприятия момента. Но ты упустил из вида, что закон мировой пощады требовал полного уничтожения гада. Снова и снова ты принял в себя муку погибшего сердца, мой светлый друг. И теперь, не смея послушаться выше меня идущих, я вынужден предоставить тебе одному бороться со вновь сплотившейся шайкой. Да к тому же подкидываю тебе двух юных и неопытных моих приятелей. Они мужественны и бесстрашны, но не закалены в воле и послушании.

– Великий мой наставник, – с сияющим лицом ответил Ананда, – я сам выбрал путь доброты, я сам выбрал путь помощи строптивым, не умеющим воспитывать в себе дисциплину и мудрость послушания иначе чем пут,,м самостоятельного развития опыта и воли на ряде ошибок и падений. Я сам выбрал тот путь, где почти каждый ученик приносил мне скорбь обратных ударов. Но я их принимал как радость, и почти всегда люди находили путь освобождения и любви. Там же, где я не мог победить любовью, твоя могучая рука, Учитель, приходила мне на помощь. Ни разу я не был оставлен тобой даже и в более мелких случаях, вроде Генри и

Дории, и здесь твои такт и мудрость помогли мне. Я знаю, что сейчас ты дашь мне точный план, и там, где я не пойму до конца твоих приказаний, я буду им радостно повиноваться. А потому я совершенно уверен теперь в полной победе над злом, хотя бы вс., говорило об обратном.

– Будь ещ., раз благословен, мой друг и сын Ананда! Да будешь ты живым примером света всем тобой встреченным! А знаешь, тебя ждет Дория, не осмелившаяся войти в зал, куда, я ей сказал, прид.,шь ты.

– Дория, не осмеливающаяся войти в ту комнату, где нахожусь я? – воскликнул, смеясь своим металлическим смехом, Ананда. – Да это какаято иная, не моя Дория. Та, строптивца моя, не задумывалась отчитывать меня за все дела, хоть ни капли в них не понимала.

– О Ананда, ради всего святого, не продолжайте, – бросилась Дория к ногам Ананды через дверь, которую ей открыл Флорентиец. – Я вс., теперь поняла. Все мои поступки и слова заставляют меня краснеть и страдать, и жаждать поступать теперь так, чтобы искупить сво., поведение перед вами, – рыдала Дория. – Не отталкивайте меня теперь.

– Мой бедный дружок, мой милый дорогой строптивец, мой любимый, доверившийся мне и усомнившийся ученичек, – поднимая Дорию, необычайно ласково говорил Ананда. – Не будем разбирать, что было в прошлом т.,много и печального. Поблагодарим небо, что оно послало нам помощь могучей рукой Флорентийца. Теперь, когда ты так кротко, чисто и верно выполнила все его задачи, когда сама поняла, как много ты потеряла, нарушив обет беспрекословного послушания, не будем тратить время на разбор прошлого. Его нет больше. А возвращая его, ты попусту тратишь время, ибо в раскаянии нет творчества сердца, и мгновение твоей вечности, тво., летящее сейчас, проносится пустым. Ободрись, мужайся. Нам с тобой предстоит много дел.

Я читаю в тебе, как ты жаждешь просить меня не отправлять тебя в Америку, а оставить подле себя. Прежнюю Дорию я не смог бы убедить и остановить. Она набрала бы задач сверх сил, не послушалась бы моих советов, ринулась бы в бой невооруж.,нной и снова была бы вынуждена выбыть из строя. Теперешняя же Дория молчит, ни о ч.,м не молит и даже считает себя недостойной находиться подле меня. Успокойся, друг. Я буду просить Флорентийца оставить тебя. Надеюсь, что он даст согласие. Если же нет, – мы подчинимся его решению легко, просто, весело. Пойд.,м со мной. Мне нужен секретарь, я думаю, ты выполнишь часть запущенной мною работы.

Сияя счастьем, глубоко тронутая и дважды покор.,нная величием доброты Ананды, который не позволил себе и нам.,ка на упр.,к, Дория

пошла за Анандой в приготовленные для него комнаты. Как только они вышли, хозяин снова появился в кабинете, и через несколько минут туда уже входили мистер Тендль со старым адвокатом. Оба юриста изложили лорду Бенедикту новые осложнения в деле о завещании, виновницами которых являются пасторша и Дженни. Кроме протеста и официально поданного заявления, что сестры Цецилии у пастора никогда не было, а потому пасторша требует скрытый от не,, мужем капитал, она и Дженни подали второе заявление, доказывая, что пастор был ненормален, почему они и требуют Алису домой. На послезавтра назначен вызов в судебную контору всех заинтересованных лиц, а через несколько дней состоится судебное разбирательство нового заявления пасторши.

Старый адвокат кипел возмущением и говорил, что использовал все средства, стараясь убедить пасторшу в нелепости е,, поведения. Но что какой-то молодой человек, которого она отрекомендовала как жениха Дженни, уверял е,, в противном, называя себя юристом. Сегодня утром этот молодой человек явился к нему в контору и всячески старался его подкупить, за что и был изгнан с позором. Успокоив обоих юристов, дав им указания держаться тв,,рдо, говорить и поступать, руководствуясь одной истиной, лорд Бенедикт отпустил своих деловых гостей.

Присев к столу, он написал два письма и вызвал слугу отправить их. Сам же поднялся наверх и сказал Николаю, что выедет сейчас из дому и верн,,тсЯ поздно вечером. Ему же поручает весь дом и усталого Ананду. Он отдал Николаю самое строгое распоряжение, чтобы никто из домашних никуда не отлучался и никого не принимал, пока он не возвратится.

– Тебя я знаю, друг Николай. В твоей верности ни трещинки, ни пятнышка не сыщешь. Но в эти дни может случиться всякий обман. Если Алиса вдруг получит письмо или привез,,нное кем-то известие, что умирающая мать желает с ней проститься, предупреди девушку, что это ложь.

До поздней ночи не возвращался Флорентиец, и все обитатели его дома, сгруппировавшись вокруг Ананды, терпеливо и спокойно ждали его. Только один человек не находил себе места, волновался и трепетал, сам не понимая, что с ним происходит, и это был Генри. То его бросало в жар, то он дрожал, точно в ознобе лихорадки, хватаясь за голову и за сердце.

– Что с тобой происходит, Генри? – спросил его наконец Ананда, когда юноша уже почти терял сознание.

– Я сам не знаю, что со мной. Я полон беспокойства и волнения, точно что-то грозит мне, внутри у меня вс,, дрожит, и я не в силах сдержаться.

– Пойд,,м в мою комнату. Мы скоро верн,,мся, Николай, но если я

понадоблюсь тебе экстренно, пошли за мной Дорию.

– Теперь, мой мальчик, – вводя Генри в свою комнату и закрывая дверь, сказал Ананда, – тебе придется пожинать плоды зла, неосторожно сотканного тобой. Когда ты пошел против меня в Константинополе, ты приоткрыл в себе дорогу злу. Не потому зло могло тебя коснуться, что оно было сильнее тебя, но потому только, что оно нашло себе лазейку, чтобы угнездиться в твоём сердце. Страсти и гордость затемнили твою интуицию, и ты взял от Браццано письмо. Яд его – злой гипнотической воли, будь ты чист и верен, не смог бы отравить тебя. Но во взволнованную твою душу он пролился страхом, сомнением, отрицанием. Мои усилия любви спасли тебя от гибели. И. помог мне. Он защитил тебя увиденным тобою образом матери, е., чистой любовью, привел тебя на пароход капитана Джемса, а Флорентиец нес.,т на волне своей могучей воли, защищая от преследующих тебя друзей Браццано.

Сейчас они здесь, в Лондоне. Их эманации вьются вокруг тебя, так как они узнали, где ты жив.,шь, и караулят тебя повсюду. Чем защититься тебе, друг? Если ты сам не найд.,шь в себе полного бесстрашия, если уверенность твоя не перейд.,т в радость верности Флорентийцу и всем друзьям, окружающим тебя своим светом, если ты не увидишь счастья в том, как спасла тебя Жизнь от адских сетей мошенников, – никто из нас не сможет помочь тебе. Вся твоя психика должна перевернуться. Не ты и личное тво.,, извне к тебе идущее счастье или несчастье составляют смысл жизни твоей. А тот мир, тот свет, та тво.,рдость и поддержка, что ты внес.,шь в свой труд для людей. Вот смысл твоей жизни, Украшая старость матери, молодость которой ты не раз отравлял, рыцарски защищая Алису, благодаря которой ты понял величие и силу чистой женской любви, ты можешь теперь, в эти дни, снова стать моим учеником, которому будут по плечу большие задачи.

Ты ещё, не знаком со второй своей кузиной, Дженни. Но по опыту с Браццано знаешь, как легко попадает человек в сети злых, если он раздражителен. Дженни не только раздражительна и зла. Она ещё, и постоянно возбуждена настоящим астральным костром – своею матерью. Друг друга питая, обе привлекают к себе шайку наших врагов. Если ты готов, вынеся опыт бездны страданья, повторить обет беспрекословного повиновения; если в сердце тво.,м нет раздвоения, и ты ясно видишь, что для тебя есть только один путь: идти так, как видит и вед.,т тебя твой Учитель, – я могу принять твой обет и вести тебя дальше. Но на несколько лет ты уедешь с Флорентийцем, видя в н.,м такого же Учителя и друга, как я. Разлука не будет существовать, если в тебе поселятся радость и

спокойствие знания.

Генри, за несколько минут до разговора дрожавший, почувствовал такое глубокое успокоение, какого ещ,, не испытывал ни разу в жизни.

– Благодарю вас, Ананда, Учитель и друг. Я понял вс,, что вы мне сказали. Я знаю, что мне делать, я спокоен. Я больше не тот шалый, влюбл,,нный в вас мальчик, который причинил вам столько горя, вернее, беспокойства вам и горя себе. Я созрел и могу теперь непоколебимо и добровольно произнести обет беспрекословного послушания.

Ананда подош,,л к Генри, положил ему обе руки на голову и посмотрел ему прямо в глаза. Карие с золотом зв,,зды Ананды, казалось Генри, пронизывали его до самых сокровенных частиц существа. Генри точно таял под этим взглядом, точно растворялась и превращалась в жидкий огонь вся кровь в его жилах.

«Ещ,, мгновение, и я умру, умру счастливый», – мелькнуло в уме Генри.

– Подожди меня здесь, сын мой, – услышал Генри голос Ананды, показавшийся ему измененным. Он несколько раз глубоко вздохнул, оглядел комнату, в которой остался один, и бессильно опустился в кресло. Слабость его прошла быстро, он снова почувствовал себя сильным и радостным. В комнате открылась другая дверь, которой Генри не заметил. На пороге стоял преображенный Ананда, Ананда, сиявший как шар света, в белой одежде с золотым шить,,м, и протягивал к нему руки.

С криком счастья бросился Генри к Ананде и был введ,,н им в белую комнату Флорентийца. Ананда подв,,л его к мраморному столу, поднял крышку, и изумл,,нному взгляду Генри представилась высокая зел,,ная чаша, в которой горел огонь. Ананда взял тонкую палочку, как показалось Генри из аметиста и розовых камней с золотом, опустил е,, конец в чашу, что-то напевая на непонятном ему языке, – и огонь ярко вспыхнул, выбросив несколько пламенных лепт, из которых одна крепко держалась на палочке и горела.

Ананда коснулся темени Генри этим огнем, и по всему его телу прошло содрогание. Несколько раз прикасался Ананда огнем, прикладывая палочку между его глаз, у горла, у сердца, у селез,,нки и пупка, между плеч, и каждый раз пламя чаши бурно вспыхивало, а вс,, тело Генри содрогалось. Подняв обе руки высоко над его головой, Ананда вс,, так же протяжно напевал какие-то слова. Умом Генри не понимал смысла произносимых слов, но сердце его, ликовавшее, освобожденное, проникало в смысл творимого действия. Он сознавал безграничную и вечную Жизнь без форм, без времени, без пространства, к которой его приобщил Ананда.

Пламя, горевшее теперь уже вдоль всей палочки, которую Ананда вс,, ещ,, держал в руке, бежало по его телу, по белой его одежде, играя всеми тонами и переливами фиолетового. Даже чаша, которая вначале виделась Генри зел,,ной, теперь стала фиолетовой. Очарованный, счастливый. Генри всем существом понимал, что Ананда по,,т сейчас песнь торжествующей любви. И он отвечал Ананде, сливаясь с ним в благоговейном гимне Вечности. Повернувшись к коленопреклон,,нному Генри, Ананда снова положил палочку ему на темя и сказал своим дивным голосом:

– Можешь ли и хочешь ли, сын мой, идти в вечной верности с братьями Милосердия, в единении вечном с их трудом и путями?

– Если я достоин этого счастья, – хочу, – отвечал Генри. – Можешь ли и хочешь ли творить труд дня не иначе как в героическом напряжении?

– Жить иначе я уже не могу. Жить без труда и борьбы за свет и истину для меня больше невозможно.

– Иди же в храм творчества отцов твоих. Учителей, там оставь вс,, условное

– и Жизнь возвратит тебе твои таланты, которые ты забыл в веках. Повторяй за мной, сын мой, те немногие формулы, что отныне станут тебе основанием дня.

Я иду всей верностью моею за верностью Учителя моего. Иду в беспрекословном и радостном повиновении, так, как видит и вед,,т меня мой Учитель. Иду, разнося песнь торжествующей любви. Иду, любя и радуясь, утверждая силу победы моей радостью. Иду, забыв навек об унынии и отрицании. Иду, неся бесстрашие и мир всему встречному. Иду, в чести и бескорыстии, мой день труда, и то не мои личные качества, но аспекты живой Вечности, во мне живущей.

Ананда поднял Генри, взял обе руки в свои и положил их на чашу. Блаженство, мир, гармония, неизреченный покой охватили Генри, точно сама божественная сила коснулась его. Радость хлынула волной из всего его очищенного существа, пламя вспыхнуло, точно взлетело из чаши на голову Ананды, где сложилось в звезду из пяти лучей, упало каскадом, как плащом накрыло Ананду и Генри, почти ослепив его.

Когда Генри приш,,л в себя, он увидел, что жертвенник закрыт, сам он вс,, ещ,, стоит возле, а Ананда в сво,,м обычном платье держит руку на его плече.

– Мужайся, сын мой, помни эту минуту, но не суди по ней, что именно так совершаются все посвящения. Шире раскрой глаза духа и пойм,,шь: сколько людей

– столько путей. Путь посвящения всюду. И на поле сражения. И у

постели больного. И в лаборатории, и в поле. Его нет только там, где нет труда. И всюду, где трудятся радостно, – всюду лежит путь к посвящению. Где звенит чистый смех, его тоже находят. Но где живут страх и уныние, – там к нему не подойдут.

Встречай радостно все испытания, ибо знаешь, что вс,, с чем ты сталкиваешься в жизни, – вс,, пути отцов твоих, Учителей, к Вечному во встречных твоих.

Обняв трепещущего и счастливого Генри, Ананда пов,,л его снова в музыкальный зал, где Алиса садилась за рояль. Как нельзя больше ответило сердцу Генри общее молчание под мощные и торжественные звуки рояля. – Ананда, спой нам что-нибудь, – попросил Николай. – Петь я буду потом. Сегодня Алиса будет аккомпанировать моей виолончели, и эта наша музыка – только для Генри. А ты. Генри, вспомни зал в Константинополе, темноволосую прекрасную музыкантшу и... себя. И вс,, что вынесешь из нашей музыки сейчас, вернее, из нашей звучащей любви к тебе, – пусть это будет только твоей тайной.

И полились звуки человеческого голоса виолончели Ананды. Не только Генри и леди Цецилия были захвачены ими, вся группа людей, точно скованная, боялась шелохнуться. По-разному играл Ананда с обеими пианистками. Генри думал, что вот Анну Ананда постоянно вводил в какое-то гармоническое русло, из которого она каждую минуту могла уйти. Он как бы направлял е,, мятежный дух, помогая ей выйти из борьбы со своими страстями. Он н,,с ей мир и успокоение, а она вс,, рвалась в новую и новую фазу борьбы, жалуясь на свои страдания и скорби. В ней жил протест, незаметный в труде дня, но вырывающийся огнем в музыке. Там играл Ананда-примиритель. Здесь же творилось славословие Жизни, звенела радость душ, принимающих любой свой момент таким, каков он есть сейчас. Здесь раскрывались все силы творчества сердец, равновесие которых не мешало подыматься духу на ту высоту, которая доступна человеческим силам.

Генри понял разницу творивших там и тут людей. Он понял самого себя там и здесь, он завершил сегодня одну ступень жизни и начал другую. Вглядываясь в сияющее лицо Алисы, он думал о сказанном Анандой, что он рыцарски должен защищать е,,. Где и против кого и чего он должен е,, защищать, Генри не знал. Но что защищать е,, будет всюду, это он знал точно.

Улыбаясь своей обычной ласковой улыбкой, в комнату вошел Флорентиец. Поговорив со всеми, он сказал, что сам проводит Ананду. Напомнил Наль, Николаю и Алисе, что завтра в двенадцать они поедут к

графам R и, смеясь, порекомендовал дамам подумать о своих туалетах. Ибо наверняка граф не упустит случая посуетиться лишний раз и позовет кого-нибудь из своих приятелей.

Оставшись вдвоём с Анандой, Флорентиец долго ещё, говорил с ним и, между прочим, упомянул, что послезавтра из Парижа и Вены приедут два его друга...

Утро следующего дня было отмечено большой суетой, что едва не довело Лизу до ссоры с любимой матерью. Всегда спокойная и ненадоедливая, графиня R в это утро была неузнаваема. Услышав, что у лорда Бенедикта обе дочери красавицы, графиня трепетала, как бы е, Лиза не оказалась в дурнушках. Два раза она заставила е, менять туалет и все не была довольна. Наконец графиня пожелала, чтобы Лиза надела ещё, одно платье – последнюю парижскую модель.

– Мама, да поймите же, не тряпки будут видеть глаза этих людей. Они так смотрят, точно в сердце заглядывают.

– Это ведь одна из твоих фантазий, Лизок. Ты им играй на скрипке, но одеть тебя предоставь мне.

Кончилось тем, что Лиза заупрямилась, надела простое белое платье и нитку жемчуга на шею, чем привела в отчаяние мать, нашедшую е, прямо-таки провинциалкой. Но Лиза осталась глуха ко всем убеждениям. Не будучи в силах выносить скучнейшую суету, с которой одевалась сегодня сама графиня, точно замуж выходила она, Лиза ушла к себе, подумала о дивном белом Будде в своём новом доме, о Флорентийце, сказавшем ей об е, таланте к музыке и, нежно вынув свою скрипку из футляра, воспела на ней свой день сегодня, и свою любовь, и своё, счастье...

Стук в дверь оторвал е, от гр,з, гости уже входили в гостиную, е, звал Джемс.

Лиза удивила графиню, когда вышла к гостям с преобразенным музыкой лицом, в полноте любви и счастья. С первых же слов лорда Бенедикта, ласково здоровавшегося с е, дочерью, у графини отлегло от сердца. Лиза, стоявшая перед высоким гостем, вовсе не была провинциалкой. Одухотворённость и благородство пронизывали е, всю. Вечная забота отца, под влиянием т,тки боровшегося с оригинальностью художественной природы дочери, заразила до некоторой степени и мать, которой хотелось самой протоптать Лизе дорожку в жизнь по собственному разумению.

Сейчас графиня удивлённо наблюдала дочь, такую светскую, самостоятельную и... такую смиренную и глубоко почтительную рядом с лордом Бенедиктом. Какая-то новая, ещё, неизведанная горечь наполнила

сердце бедной матери. За всю жизнь она не видела своей девочки столь обожающей кого-то; она читала сейчас это обожание в каждом взгляде и слове, с которым Лиза обращалась к лорду Бенедикту.

– Как вы себя сегодня чувствуете, графиня? – услышала она вопрос лорда и покраснела, как институтка, которую поймали на тайной мысли.

– Из-за вечной мигрени я очень рассеянна, лорд Бенедикт. Благодарю вас, сегодня мне гораздо лучше. Очаровательные фрукты и цветы, что вы мне прислали, волшебным образом подействовали на меня.

– Я думаю, что вид вашей дочери, е., присутствие, такой счастливой, подле вас не только должно придавать вам здоровья во сто крат больше, чем мои цветы, но и пробуждать в вас новую энергию и желание жить. Внуки, е., дети...

– Дети Лизы, – рассмеялась графиня, перебивая Флорентийца, – я даже и не думала ещ., об этой стороне жизни. Лиза ещ., такое дитя, что думать о е., будущем реб.,нке было бы так же смешно, как о реб.,нке вашей Наль. Наль прелестна, слов нет. Но ведь ей не более пятнадцати лет. Лицо совсем детское. Лизе хотя и семнадцать, но вс., же о детях нечего и думать. Впрочем,

– прибавила грузная графиня, – Лиза вся в меня. А у меня очень долго не было детей. Надеюсь, е., жизнь не осложнится сразу пел.,нками и прочей прелестью детской.

– Очень жаль, что Лиза своим появлением на свет надолго оставила в памяти матери самые неэстетические воспоминания. Глядя на не., сейчас, я готов был бы держать пари, что Лиза была спокойным и мирным, никогда не плававшим реб.,нком, не доставлявшим своим многочисленным нянькам никаких хлопот. По всей вероятности, и ей жизнь пошлет спокойных детей. А разве вы сами теперь были бы довольны одинокой жизнью в Гурзуфе? – пытливо поглядел на графиню лорд Бенедикт, точно проникая в самые е., зата.,нные мысли.

Графиня покраснела под этим взглядом, чем-то возмутилась и несколько раздраж.,нно ответила:

– Я не собираюсь проводить одинокой зимы в Гурзуфе. Я уже их много там провела благодаря своему слабому здоровью. Дети собираются совершить свадебное путешествие в Америку. Джемс повед.,т туда новый пароход. Не могу же я отпустить дочь одну.

– Насколько я знаю, – рассмеялся лорд Бенедикт, – по всем законам всех государств, выдавая дочерей замуж, родители теряют над ними все свои юридические права. Все права переходят к мужьям, и дочери перестают быть одни, так как получают владыку в лице мужа. Разве вас

сопровождала маменька в вашем свадебном путешествии по Испании?

Графиня поразилась. Когда же и кто мог сказать ему о е., свадебном путешествии? Ах эта Лиза! Когда она успела разболтать? И в е., памяти замелькали картины давно минувшего счастья. Как любил е., граф, как буквально носил на руках, подчиняясь всем е., капризам, как она властвовала над ним, ревновала без причин и лишала его самых невинных удовольствий, как вообще держала его в ежовых рукавицах, пока граф не устал от частых мнимых е., болезней. А дальше родилась Лиза, болезни стали настоящими, и граф перен.,с всю свою любовь на реб.,нка. А потом клином между ними вонзилась сестра, пришли страдания, новое понимание жизни, какая-то мудрость, а теперь вдруг сразу внуки и... старость.

Графиня вс., думала, забыв обо всех. А между тем входили новые люди, с которыми она машинально здоровалась, привычно улыбаясь, что-то отвечала. Но внутри у не., ш.,л другой ритм, там настойчиво работала какая-то буровая машина, раскапывая вс., глубже слежавшиеся пласты воспоминаний. Графиня точно раздвоилась. Одна рылась в прошлом, отыскивая вс., новые подвалы в памяти, другая впервые четко поняла, что центр жизни в их семье больше не она. Лиза царила здесь. Лиза привлекала к себе. Лиза вела разговор. Лиза была камертоном жизни, и нота его была вовсе не та, которую старалась всю жизнь ей внушить мать. Графиня сидела вс., на том же месте, вела какой-то тонный разговор с важными, тонко пахнувшими духами лордами, подкинутыми ей мужем. А сам он то и дело возвращался к Лизе и Джемсу, не отходявшим от лорда Бенедикта, весело перекидывался с ними словами и улыбками, целовал тонкую ручку Лизы и говорил:

– До чего же я счастлив, лорд Бенедикт, что вы одобряете мою дочурку. Для меня и моего отца это было единственное солнце, помогавшее нам жить честными людьми. Я готов обожать вас до конца моих дней за ласку к Лизе и Джемсу, которого сердце мо., усыновило.

– Милый граф, поистине могу сказать вам: за ваши сегодняшние чувства и слова вы будете самым счастливым дедушкой, какого видел весь ваш род.

– Ну если так, лорд Бенедикт, ловлю вас на слове, не откажите же позавтракать с нами и выпить радостный тост. Кстати, вот нас зовут.

Лорд Бенедикт подал Лизе руку, граф подош.,л к Наль, Джемс к Алисе, графиня оперлась на, руку одного из очень высоких лордов, окончательно разочарованная и чувствующая себя заброшенной и ненужной и вс., так же приветливо разговаривающая со своим соседом. Если бы школа выдержки

е., двух кавалеров не ставила ей рамки, графиня, вероятно, не выдержала бы своего внутреннего разлада и убежала плакать. Напрягая волю, сидела она образцом вежливости, но сознавала, что довольно капли – и чаша е., переполнится.

– Графиня, во Флоренции есть обычай, – услышала она голос лорда Бенедикта, – при обручении жениха и невесты, когда они обмениваются самыми дорогими для них сокровищами, мать невесты обменивается стаканом вина с будущим посаженным отцом молодой. Меня просили взять на себя эту высокую честь. Но откажите мне в просьбе выполнить этот обряд моей родины. Примите от меня этот небольшой стакан в подарок и подарите мне свой, выпив е., вино, я же выпью ваше.

Подойдя к графине, лорд Бенедикт глубоко заглянул ей в глаза и подал стакан. Задержав на миг е., руку в своей, он пожал е.,. Какая-то волна радости и успокоения проникла в сердце бедной женщины. А когда она пригубила вино лорда Бенедикта, – ей стало легко, силы е., удвоились и вся горечь прошла.

– Мужайтесь, друг. Ведь вы долго и давно искали встречи с мудрецом. Мужайтесь теперь, не будьте эгоистичны, забудьте о себе и думайте только обо всех тех. кому вы недодали любви, – о дочери и муже. И вы можете встретить мудреца, – шепнул он ей, чокаясь ещ., раз. – Какая замечательная вещь, – воскликнул сосед графини. Перед нею стоял стакан как будто зел.,ного стекла, на н.,м было вырезано или вдавлено несколько белых лилий с ж.,лтыми тычинками. Прелесть тончайшей работы, кое-где сверкавшие бриллианты заинтересовали всех, и стакан переходил из рук в руки. Когда очередь дошла до графа, он разв.,л руками и сказал, обращаясь к лорду Бенедикту:

– Надо быть волшебником, чтобы иметь возможность подарить подобную вещь. Ведь это не стекло. Это тончайше вырезанный изумруд. Только старая Флоренция могла обладать такими сокровищами и такими мастерами. Нам с женой оста.,тся только отдать вам наши благодарные сердца, так как никакими осязаемыми сокровищами мы не могли бы сравниться с вами.

Он встал и низко поклонился Флорентийцу. Через некоторое время, когда подали шампанское, граф снова встал и объявил, что сегодня совершается обручение его дочери и лорда Джемса Ретедли, барона Оберсвоуда.

Для графини это было сюрпризом. Ей никто не сч.,л нужным это сказать. В е., прежнем состоянии духа такой удар был бы просто непереносим, но сейчас она приняла это известие просто и даже радостно,

как самую естественную вещь. Графиня не знала, что объявленное сейчас е,, мужем обручение было не меньшим сюрпризом и для Лизы, и для Джемса. А когда лорд Бенедикт подош,,л к Лизе поздравить е,, он надел ей на палец чудесный перстень с изумрудом, сказав, что она может передать его только тому, кого больше всех на свете любит, и что, по обычаю его страны, жених и невеста обмениваются самыми дорогими сокровищами. Он смутил этим не только Лизу, но и капитана, не подготовившегося к этому случаю.

– Что же, друг Джемс, вы так смущены? Ведь в вашем кармане лежит тот медальон, что вам дал для вашей будущей жены Ананда. Почему же это сокровище не отдать Лизе сейчас?

– Я получил его, чтобы вручить после свадьбы. – Я беру на себя эту подробность, – улыбнулся Флорентиец. – Трудно сказать, когда совершается истинный брак.

Лиза поднесла к губам только что подаренный ей перстень и, глядя на Флорентийца, сказала:

– Скрипку свою я посвятила Будде. Жизнь свою я посвящаю вам, лорд Бенедикт, а все труды, любовь, душу, мысли и сердце я сливаю с Джемсом, чтобы вместе с ним идти за вами.

Она надела жениху кольцо, он подал ей медальон Ананды, увидев который Лиза невольно вскрикнула от восхищения.

Завтрак подош,,л к концу. Ещ,, раз сказав графу и графине несколько слов, лорд Бенедикт и его семья условились о встрече в доме лорда Бенедикта в ближайшие дни и отправились домой, где их радостно встретили остальные домочадцы.

ГЛАВА 15 ДЖЕННИ И Е, ЖЕНИХ. СВАДЬБА ДЖЕННИ Уже несколько недель у Дженни голова шла кругом от массы противоречивых чувств и мыслей, которыми она жила, а также новых людей, с кем ей пришлось познакомиться. Сказать, что она, подобно матери, поверила в победу над лордом Бенедиктом, Дженни никак не могла. Вспоминая письма, полученные ею от Флорентийца, и думая, что ведь он был другом е,, отца, что он также друг и опекун Алисы, Дженни чувствовала, как сжимается е,, сердце, и сожалела о своих неразумных поступках. Она тосковала. Но попадая в поток злобных эманаций своей матери, она уже не могла заглушить зависти и унижения, которые грызли е,, при воспоминаниях об Алисе и Наль, о Николае и Тендле.

Новые друзья матери, присланные из Константинополя е,, давним поклонником, показались Дженни очень приятными и воспитанными. Они

сразу сделались бурными поклонниками е., красоты и соперничали друг с другом в ухаживании за нею. Они так окружили е., заботами, так баловали е.,, удовлетворяя е., капризы и делая богатые подношения; так заботились о е., туалетах и возили в самые модные и шумные места, что у Дженни положительно не хватало времени толком в ч.,м-либо разобраться. К вечеру она так уставала от развлечений, что валилась с ног и засыпала, едва успев донести голову до подушки.

Как-то само собой, точно помимо воли и разума Дженни, она стала считаться невестой одного из этих молодых людей. Второй же, и прежде нередко интересовавшийся Алисой, теперь вс., настойчивее спрашивал Дженни о сестре. Почему ни в одном из самых модных и шикарных мест не видно Алисы? Почему Дженни не вызовет сестру к себе на свидание? Разве Дженни не любит Алису?

Привыкнув царить среди своих адъютантов, Дженни не имела ни малейшего желания впускать Алису в маленький, влюбл.,нный, как она полагала, в не., до безумия кружок. И вместе с тем не знала, что и как отвечать, всячески стараясь, чтобы поклонники вообще не увидели Алису. В этой суе Дженни пыталась забыть о судебной конторе, решив, что это ещ., не скоро будет. И вдруг, как снег на голову, ей и матери вручили повестки с вызовом в это отвратительное заведение через два дня. Сияющая пасторша, помахивая своей повесткой, вошла к Дженни, едва та проснулась, и своей обычной итальянской скороговоркой затрещала:

– Сейчас я получила письмо. Ещ., два друга из Константинополя приехали. Сегодня вечером они будут у нас. Пожалуйста, постарайся быть прелестной. Это очень и очень богатые люди и, как говорит твой жених, чрезвычайно влиятельные. Им ничто и никто не страшен. Теперь-то попляшет у нас лорд Бенедикт! Вот тебе твоя повестка. Послезавтра слушание дела о завещании. Развенчаем подложную Цецилию. Ври в сво.,м завещании, что хочешь, а сходство фамильное подавай. Это единственное неопровержимое доказательство. А пастора-то нет, с кем же сверять сходство, – хохотала пасторша.

– Не понимаю, мама, почему вы так носитесь с этим сходством? Ведь если на н.,м основываться, то меня и Алису никак сестрами признать невозможно, – ответила Дженни, не желая вдаваться в вопрос по существу и ища возможности обдумать, как себя держать, что предпринять, с кем посоветоваться.

– Сходство вовсе не одна я выдумала, милая моя. А наши друзья тоже уверяют, что фамильное сходство очень важный аргумент. Кстати, ты ведь понимаешь, что друг твоего будущего мужа рассчитывает жениться на

Алисе. Мы с ним это уже обдумали. Так как лорд-великан не отпускает девчонку ни на шаг, а молодому человеку, естественно, хочется поскорее увидеть свою невесту, то я решила поехать с ним сегодня сама и передать Алисе письмо. Быть может, нам же и удастся привезти е,, домой.

– Мама, неужели вы забыли, как мы с вами к полу приклеиваемся, стоит лорду Бенедикту только посмотреть? Оставьте лучше свои затеи до судебного разбирательства. Ваши друзья не знают силы лорда Бенедикта.

Что-то исказило лицо пасторши, которая начала было поносить лорда Бенедикта. С л,,гким стоном она опустилась на стул.

– Опять боль в позвоночнике, Дженни, – плаксивым тоном пожаловалась пасторша. – Уже раз я пролежала два дня со своей спиной. Кажется, у меня рецидив.

– Потому что вы вс,, злитесь и поднимаете в доме суматоху, от которой у меня голова кружится. Пожалуйста, ложитесь. Сами говорите, что вечером приедут ваши друзья. Благодарю покорно, провести вечер одной в компании четыр,,х чужих мужчин, – раздражилась Дженни.

– Какие же чужие, Дженни? Ведь один из них скоро будет тебе мужем, другой зятем, а остальные – их ближайшие друзья, даже родственники.

– Родственники или нет – это вам неизвестно. А что ещ,, никто мне мужем не стал, станет ли кто-то зятем – тоже неизвестно, – с ненавистью произнесла Дженни.

– Что только с тобою делается, Дженни? Я тебя совсем не узнаю и перестаю понимать. Если вести себя с человеком так, как ты вед,,шь себя, столько от него принимать, вплоть до самых интимных забот, то уж непременно выходить за него замуж решила.

– Оставьте, пожалуйста, – резко закричала Дженни. – Вы так опутали меня своими друзьями, что я теперь ни в ч,,м не могу разобраться. Дайте мне покой, или я заболею, как и вы, и никто из нас в эту чудесную контору не поедет.

Пасторша хотела что-то сказать, но боль согнула е,, и из глаз полились сл,,зы. Она тихо ответила Дженни:

– Только один кумир был у меня – ты, Дженни. И только одного я ненавидела

– отца твоего. Вот он уш,,л. Я мечтала, что мой кумир и я будем счастливы. Сейчас я боюсь, что ты вс,, наше счастье разобьешь.

– Я ли его разобью или вы его не умеете слепить, я не знаю. Но повторяю вам, что вы можете свести меня с ума. Дайте мне побыть одной и подумать.

Не раз бывало горько у пасторши на сердце за последнее время. Все

усилия доставить дочери максимум удовольствий и обеспечить ее, жизнь не встречали не только ласкового слова, но часто вызывали грубое порицание и холодность. Ей казалось теперь, что муж защищал ее, при жизни от раздражительности Дженни. Пастор не разрешал дочери повышать голос в общении с матерью. Строгость его, непреклонную в этом пункте, Дженни так хорошо знала, что никогда и не пробовала нарушить вето. И теперь пасторша не могла понять перемены в Дженни, как раньше не разгадала причины ее, выдержанности, приписывая дочерней любви страх перед волей отца. И в сердце пасторши выростала острая ненависть к Алисе и тяжкая злоба к ушедшему пастору.

Оставшись одна, Дженни несколько раз перечитала судебную повестку. Маленький клочок бумаги с холодными официальными словами превращался для Дженни в целый ряд живых, неприятных фигур семьи лорда Бенедикта и его самого. Но ярче всех вставала одна, так поразившая ее, на похоронах отца фигура сестры-золушки, сестры-дурнушки, превратившейся неизвестно какими чарами в принцессу Алису. Окруженная суетой и людьми с утра до ночи, Дженни чувствовала себя одинокой. И в эту минуту, серьезность которой она хорошо сознавала, ей не с кем было посоветоваться.

О, что бы теперь дала Дженни, чтобы держать в руке зеленый конверт лорда Бенедикта. Как могло случиться, что три раза он ее, звал, говорил, что еще, не поздно все, поправить, – и три раза Дженни рвала письмо. Ей пришла в голову мысль поскорее одеться и помчаться к лорду Бенедикту, сказать ему, что она снимает свое, заявление, что верит его высокой чести, что молит его помочь ей вырваться из сетей заблуждений. Дженни уже хотела встать и привести свой план в исполнение. Но вошла горничная, передала букет цветов от жениха и письмо с извещением, что через час он за нею заедет, чтобы отправиться к портнихе примерять подвенечное платье.

Какой-то ужас вдруг охватил Дженни. Она написала жениху коротенькую записку, прося извинить ее, сегодня, она и мать, обе внезапно заболели и не могут никого принять. Дженни отправила письмо, ощущая себя запертой в клетке и лишней свободы жить и действовать, как хочется. Человека, которого ей предстояло назвать своим мужем, она не знала. За несколько последних дней она только сделала открытие, что он ее, стесняет, что незаметно для себя она стала подчиняться ему. Самовластная Дженни уже не могла спорить, когда ей предлагалась какая-то программа действий, глаза жениха, вроде и ласковые, смотрели на нее, пристально, требовательно. И не одно это тревожило Дженни. Прикосновение жениха

было ей неприятно, словно при этом чья-то чужая воля вливалась в не,, Дженни внутренне бунтовала, но внешне оставалась спокойной, не имея сил возражать. Хотя стоило ей остаться одной, его власть над ней сразу же теряла силу и Дженни становилась сама собой.

Оставшись одна, Дженни надела свой старый халат, отбросив роскошный, подаренный ей женихом, и в первый раз за долгий промежуток времени стала думать об отце. Ей казалось, что тень его шепчет ей ласковые слова, что он одобряет е,, решение пойти к лорду Бенедикту и что надо спешить. Сл,,зы застлали глаза Дженни, она решительно поднялась, чтобы ехать к лорду Бенедикту. Не успела девушка встать с места, как в дверь сильно постучали, и голос е,, жениха властно потребовал, чтобы Дженни вышла. Защищенная запертой дверью, возмуц,,нная неделикатностью молодого человека, Дженни вспылила и резко попросила оставить е,, в покое.

– Как могу я оставить вас в покое, когда здесь умирает ваша мать?

Перепуганная Дженни бросилась открывать дверь и тотчас же в ужасе отступила. Рядом с е,, женихом стоял высокий, незнакомый ей мужчина, смотревший на не,, ж,,сткими ч,,рными глазами, пылавшими, точно угли. «Я тебя научу слушаться», – казалось, говорили эти страшные глаза. Ужас приковал Дженни к полу, и она лишь тогда двинулась с места, когда снова услышала голос жениха:

– Я напугал вас, дорогая, простите, простите. Но я боялся, что вы не откроете мне сразу, а маме вашей действительно нездоровится. Это мой дядя. Он знает несколько восточных средств и может помочь вашей матери. Проводите нас к ней, я уверен, ей станет лучше.

Ничего не соображая, кроме: «Слушайся, слушайся», которое ей говорили эти глаза, Дженни ввела мужчин в комнату пасторши. Леди Катарина лежала на диване; страданий она не испытывала, но разогнуться не могла. Представив пасторше своего дядю, только что приехавшего из Константинополя, чтобы немедленно же ей помочь, жених предложил Дженни, нежно пожав е,, ручку, одеться и поехать с ним на примерку. Свадьба их должна состояться завтра, как того требуют прибывшие. У Дженни не было сил протестовать. Е,, удивила леди Катарина, весело разговаривавшая с дядей жениха, показавшимся ей таким отвратительным.

– Поезжайте, поезжайте, дети. Мне лучше уже от одного присутствия синьора Бонды. Ты пойми, Дженничка, это друг самого близкого мне на вс,,м свете человека, моего друга детства и юности. Я сразу же воскресла, – трещала пасторша, лишь несколько распрямившаяся.

Мистер Бонда значительно поглядел на племянника и сказал

неприятным тонким тенорком, слишком высоким и писклявым для его упитанной фигуры:

– Армандо, ты так испуган внезапной болезнью невесты и е,, матери, что даже забыл им меня представить по всем правилам нашей восточной вежливости.

– Синьор Бонда улыбался. Быть может, на Востоке эта улыбка и могла считаться необычайно вежливой и ласковой, но у лондонской девушки дрожь отвращения прошла по спине. Когда мистер Бонда бесцеремонно взял обе е,, руки и поцеловал одну за другой, ей показалось, что это приблизилась к ней змея. Дженни внезапно побледнела, ей стало дурно, тошно, она хотела убежать в свою комнату, но ч,,рные глаза, острые, бегающие, словно шарили в е,, душе и мешали ей выполнить сво,, желание.

– Скоро, скоро, милая моя, вы станете Дженни Седелани, а не Дженни Уодсворт, и я буду иметь право на более нежный привет своей племяннице. Пока же примите от меня маленький подарок. Это ожерелье голубого восточного жемчуга в оправе из агата. Пусть оно будет вам компасом в жизни. Ни дн,,м, ни ночью не снимайте его. Ваш жених Армандо застегн,,т его на вас, и ничья рука, кроме моей, не сможет его расстегнуть, – вс,, так же ласково улыбаясь, говорил синьор Бонда. Он ловко надел на шею Дженни, безмолвно перед ним стоявшей, свой роскошный подарок, а Армандо застегнул тайный замочек, так ловко скрытый среди жемчуга, агатов и бриллиантов, что отыскать его было невозможно. Когда ожерелье заиграло всеми цветами радуги на белоснежной шейке Дженни, необычайно выгодно оттеняя е,, бледность, рыжие волосы и т,,мные глаза с тонкими т,,мными бровями, пасторша в полном восторге закричала:

– О Дженни, дитячко мо,, ни одна красавица мира не может соперничать с тобой. Что за бриллианты, что за жемчуг! Алиса лопнет от зависти, увидев тебя в этом ожерелье.

– Ничего, мамаша, – ответил синьор Бонда, отходя от Дженни к дивану леди Катарины. Он фамильярно похлопал старую даму по плечу, издал коротенький смешок и продолжал: – И для второй вашей дочери подарочек не хуже найд,,м. Только привозите е,, скорее домой.

Армандо увлек свою бессловесную невесту в е,, комнату и здесь сказал ей властно, к чему она так не привыкла:

– Одевайтесь поскорее, у нас мало времени. От портнихи мы проедем к дяде, который к тому времени уже возвратится домой. Там вы познакомитесь с его другом, приехавшим вместе с ним из Константинополя. Это дядя моего друга Анри Дордье – Мартин Дордье. Но он такой весельчак и остролов, что иначе как вес,,лый Дордье или Марто

его никто не величает. Мы все зовем его месье Марто, так зовите его и вы, и не изображайте, пожалуйста, из себя Мадонну, если он допустит некоторую вольность в своих речах. Бывает, он и руки распускает, но этого я ему не позволю, можете быть спокойны. Ну, скорее же, Дженни, и, пожалуйста, без похоронного лица. – Армандо пожал руку невесте, закрыл дверь ее комнаты и уже из-за двери прибавил: – Наденьте чуждый шелковый костюм, ту шляпу с белым пером, что я принес вам вчера, и никаких больше украшений, которыми вы так любите себя обвешивать. Мы будем завтракать среди изысканной публики, даю вам пятнадцать минут.

Армандо вышел в зал, и лицо его сделалось расстроенным. Все, в нем, выказывало крайнее волнение, и он с беспокойством смотрел на дверь в комнату пасторши, где слышались смех и веселый разговор. Через несколько минут показался синьор Бонда.

– Ну-с, мой названный племянничек, как же вы выполнили приказание магистра? – язвительно усмехаясь, спросил он своим писклявым голосом.

– Легко передавать приказания, мой названный дядюшка. Надо было узнать сначала, кто этот старый осел-адвокат, – и уж тогда посылать его подкупать. Это честный идиот, просто маньяк английской чести. Над ним я не властен, так как его чистота так смердит, что дышать трудно. А его молодой племянник, тот и вовсе для меня недоступен, ни за одну его страстишку я уцепиться не смог. Не сомневаюсь, что этот лорд Бенедикт инспирирован Анандой. Сегодня Анри узнал, что Ананда уже в Лондоне. Каким образом могло случиться, что магистр, посылая вас сюда, не знал, что Ананда уехал в Лондон? Ведь он всех нас уверил, что Ананда остается в Константинополе еще, на целый год. Теперь мы можем все дело проиграть. Без да-Браццано с ним бороться нелегко.

– Ну, ты еще, молод, чтобы порицать магистра. Делай, что говорят. Там увидим.

– Как бы не так! Я вам не солдат, а вы мне не командир. Довольно и того, что вы навязали мне в жены эту красотку, вечно понурюю и хмурюю, да еще, с вульгарнейшей мамашей.

– Не будем ссориться, племянничек. Как только заполучим Алису, мигом освободим тебя от твоей мертвенно бледной жены. Так и быть, дурищу мамашу беру на себя. А вот тебе флакончик. Влей незаметно одну-две капли в вино Дженни, и на щечках ее, зацветут розы, язычок развяжется и, пожалуй, будешь еще, ею доволен. Не задерживайтесь, приезжайте прямо ко мне в отель.

Бонда вернулся к пасторше, а Армандо хотел пройти к Дженни, но не сделал и двух шагов по коридору, как настиг ее, у выхода.

– Вот это я люблю. Прошло только четырнадцать минут, а вы уже не только одеты, но даже направляетесь к выходу.

Все надежды Дженни ускользнуть незамеченной разлетелись в прах. Оставшись одна, она пыталась сорвать ожерелье, которое немедленно прозвала собачьим ошейником и возненавидела сразу же, хотя не могла не видеть, как оно к ней шло, подчёркивая её красоту. Она пыталась разорвать его обеими руками, но ожерелье, точно железное, не поддавалось. Дженни пришла в бешенство, в полном отчаянии оросилась в кресло и вдруг, как в самые горестные минуты в детстве, когда у неё что-либо не выходило, закричала: «Папа, папа, помоги мне!» Ей померещилось, что отец где-то близко, ей стало спокойнее, она сбросила халат и мигом оделась. Машинально оделась так, как приказал жених, а в голове её стучала только одна мысль: проскользнуть скорее, вырваться из дому к лорду Бенедикту. Дженни не могла ответить себе, почему она сочла, что там найдётся спасенье. Но мысль эта вела её вон из дома. На несколько мгновений опоздала Дженни. Если бы не порыв бешенства, отнявший у неё время, Дженни успела бы проскользнуть, и... кто знает, как сложилась бы её дальнейшая жизнь и судьбы целого кольца людей. Мгновение, одно кратчайшее мгновение упустила Дженни, – и неумолимая рука схватила свою жертву, чтобы уже не разжаться.

Армандо понял, что едва не выпустил из рук главный козырь в затеянной игре. Не показав Дженни, что он разгадал её тайну, он затаил раздражение и поклялся отомстить будущей супруге за её сегодняшнюю выходку. Очень вежливо и галантно вел себя Армандо всю дорогу, ничем не выдав своего недовольства ею. У портнихи Дженни тоже ждали сюрпризы. Во-первых, Армандо потребовал, чтобы платье – вопреки английской моде – было без шлейфа, объясняя, что они зарегистрируются только у нотариуса. Во-вторых, пристально поглядев на Дженни, он попросил не опоздать с платьем и прислать его в дом невесты завтра, не позднее четырёх часов, так как в шесть им надо быть у нотариуса.

Дня Дженни, ещё не назначавшей дня свадьбы, узнать, что помимо её воли ею посмели распорядиться, было таким издевательством, что она яростно схватила ворот платья и хотела его разорвать, но случайно коснулась ожерелья, и руки её, невольно разжались. Глаза её встретились с глазами Армандо, в них она прочла такой сарказм и презрение, что в бессильной ярости излила весь гнев на прелестную сумку из перламутра и бирюзы, подаренную ей женихом. Будто бы нечаянно уронив её на пол, Дженни раздавила её, как бы ненароком споткнувшись.

– Какая жалость, моя дорогая, – соболезнуя невесте и подымая

обломки, проговорил Армандо. – Это была настоящая восточная вещь. Я не сомневаюсь, что среди свадебных подарков моего дяди будет нечто менее хрупкое, вроде вашего ожерелья.

Он нежно коснулся ручки своей невесты и бросил в горящий камин обломки.

– Ах, что вы наделали! – закричала портниха. – Ведь можно же починить эту чудесную вещь.

– Нет, мадам, этой неудачей завершается целый период в жизни мисс Уодсворд. Завтра в жизнь вступит новое существо, моя жена, синьора Седелани. Ну, а для моей жены найдутся более прочные вещи, чем перламутр. Бирюза эта – тоже восточный амулет любви. Раз он оказался слабым, мы найдем более действенный. Как вам нравится это ожерелье?

– Оно поразительно. Оно необычайно идет мисс Дженни. Но оно делает ее, какой-то демонической. Я никогда еще не видела вашу невесту столь прекрасной. Но... я не хотела бы, чтобы моя дочь выглядела так накануне своей свадьбы.

– Девушки странный народ, мадам. Они считают, что идя к венцу, нужно обязательно иметь трагический вид.

– Быть может, и так, – вздыхая, сказала портниха. – А теперь, если требуется успеть к определенному сроку, попрошу вас покинуть примерочную и пройти в приемную, я буду снимать туалет с мисс Дженни.

Точно нехотя вышел Армандо Седелани из комнаты, бросив на ходу, что их ждут и надо торопиться.

– Мисс Дженни, – наклоняясь к бледной и печальной девушке, прошептала портниха. – Что с вами? Приободритесь. Вы ведь в Англии, а не на Востоке. Если вам не нравится этот человек, что заставляет вас выходить за него?

– Можете ли вы разрезать или разорвать это проклятое ожерелье? Если можете, – я спасена.

– Что же тут мудрого? Ведь не запаяно же оно. – Боюсь, что еще хуже. Я пробовала его разорвать и ничего не могла сделать.

Всего сильнее изумляясь, портниха взяла самые большие ножницы и подошла к Дженни. Как только она коснулась ими ожерелья и зажала между лезвиями тонкую, вроде платиновой, оправу, обе женщины, слегка вскрикнув, отскочили друг от друга. Портниха почувствовала толчок и ожог, а Дженни схватилась за сердце и упала в кресло, возле которого стояла.

– Господи, в жизни ничего подобного не видела и не испытала, – в ужасе перекрестилась портниха. – Это не ожерелье, а цепь каторжника.

– Скоро ли вы будете готовы, Дженни? Мы опоздаем из-за вашей медлительности, – стучал в дверь Армандо.

– Да ведь женщина не солдат, синьор Седелани. Надо же одеться мисс Дженни, как подобает красавице, – возмутилась портниха.

Крупные слезы катились из глаз Дженни, и она едва могла одеться с помощью опытных рук портнихи.

– Вы его не любите. Неужели у вас нет друзей, кто бы мог помочь вам?

– Поздно! Теперь только я поняла, кто был истинным другом мне и о чем меня предупреждали.

Едва Дженни успела привести себя в порядок, как в дверь снова постучали. Когда Дженни вышла в приемную, она была так слаба и бледна, что портниха предложила ей стакан вина. – Это было бы как нельзя кстати, – сказал Армандо. Он сам взял из рук портнихи вино, прибавил в него немного воды и, как ей показалось, каких-то капель и подал Дженни.

Как только девушка выпила вино, с ней произошло что-то странное. На щеках ее заиграл румянец, губы стали пунцовыми, глаза засверкали, точно агаты с бриллиантами в ее ожерелье.

– Вы так прекрасны, мисс Дженни, что уверен, все головы будут поворачиваться в вашу сторону за завтраком. Но поедemте скорее, мы сильно опаздываем.

Молчавшая до сих пор Дженни вдруг обрела дар речи и кокетливый смех, чем несказанно удивила портниху. В ее настроении произошла разительная перемена. Она любовалась собой, проходя мимо зеркал, ее занимало впечатление, которое она производила на соседней по столу, а те, кто окружал ее за столом, казались ей очень милыми и любезными людьми.

Синьор Бонда, произведший на нее такое отталкивающее впечатление, теперь стал очень внимательным и добрым. Он рассказывал ей о своих несметных богатствах, которые перейдут к ее мужу и к ней, так как собственных детей у него нет. Только его острые глаза как бы продолжали говорить: «Будь послушна, будь послушна». Но сейчас Дженни было весело. Богатство, туалеты, драгоценности и «свет», о котором она так мечтала, – наконец-то все это открывается перед ней. И назойливо говорившие о послушании глаза, так упорно смотревшие на нее, теперь казались ей маленькой подробностью, на которую не стоит обращать внимания. Окончив завтрак, синьор Бонда пригласил Дженни с женихом и обоих Дордые в свои комнаты, где был сервирован кофе по-восточному. Усадив Дженни на диван и подав ей чашку кофе, синьор Бонда завел с нею разговор об Алисе.

Ловко выспросив все, о лорде Бенедикте, он предложил Дженни

написать сестре записку, известив ее, об опасной болезни матери и о своей печали: ведь завтра ее, свадьба, а сестра даже не знает, кто ее, будущий муж. Пусть Алиса приезжает с подателем письма, а завтра после бракосочетания вернется домой. Дженни, весело смеясь, подшучивала над заочным женихом Алисы – Анри Дордые, который никак не ждет, какого невзрачного утенка ему приготовили в женихи. Анри вздыхал и отвечал ей в тон, что близкое родство с нею вознаградит его за многое. Когда письмо было готово, синьор Бонда спрятал его в свой карман и сказал, что он сам поедет к Алисе и привезет ее.

Расставшись с веселой компанией, поглотившей огромное количество вина и тяжелой жирной, остро приправленной пищи, Дженни и ее жених возвратились в дом пасторши. Теперь Дженни казалось естественным, что жених обнимает ее за талию и, близко склоняясь, заглядывает ей в глаза. Мысль о завтрашней свадьбе теперь ее, несколько не беспокоила, и даже недоумение пасторши, почему же так спешат со свадьбой, если она больна и не может сопровождать дочь, показалось ей сейчас не стоящим внимания.

– Мы регистрируемся у нотариуса, мамаша. А уж если вам кажется необходимым церковный обряд, мы можем отложить его до вашего выздоровления. Но дядя находит, что церковный обряд дело устаревшее и никому ненужное.

Пасторша с сомнением покачала головой, но не решилась спорить с авторитетом синьора Бонды, присланным к ней самим да-Браццано. Воспоминания о юной любви вставали сейчас в ее, сердце, которое одного только Браццано, пожалуй, и помнило всю долгую жизнь. Время шло, с минуты на минуту ожидали Алису. Но ее, все, не было. Наконец, раздался стук молотка, но, увы, вместо Алисы появился раздосадованный и злой Бонда.

– Почему вы мне не сказали, что это какая-то крепость, а не дом?

– Крепость? Да это один из самых изысканно обставленных домов. Какие картины, какой фарфор...

– Я не об обстановке говорю. Я говорю о целых баррикадах вокруг дома, через которые не проберешься. Я даже письма передать не смог, не то что увидеть Алису, – рычал Бонда, накидываясь на Дженни.

– Я же вам предлагала, что поеду сама и привезу сестру. Мы с мамой там бывали не раз и никаких баррикад не видели. Я еще, раз предлагаю вам поехать со мною за Алисой.

– Оставайтесь дома и ложитесь пораньше спать, чтобы завтра быть пленительной, – сияясь улыбнуться, ответил Бонда. – И не такие баррикады брали, а тут какой-то дурак Бенедикт.

Вскоре гости простились и уехали, а мать с дочерью остались одни.

– Ну, вот и дождались мы, драгоценный мой ангелочек, любимая моя Дженничка, великого дня твоей свадьбы.

Как только гости ушли, Дженни опять принялась теревить сво,, ожерелье.

– Дженни, дорогая, что это ты делаешь? – с ужасом закричала пасторша, мгновенно перейдя от размягченного тона к раздражительным интонациям, заметив, чем занимается е,, дочь перед зеркалом.

– Чем кричать или говорить глупости о каких-то великих днях, вы бы лучше помогли мне снять этот собачий ошейник, – не менее раздраж,,нно закричала Дженни.

– Боже мой! Да что же это с тобой делается? Где ты бер,,шь такие выражения? Чем ты можешь быть недовольна? Ведь как в сказке: на ковресамол,,те прилетел жених и, как из волшебного ящика, выпрыгнул дядюшка, чтобы озолотить тебя. А ты вс,, только фыркаешь. Право, когда жив был отец, характер у тебя был лучше. А сейчас я просто теряюсь, не зная, как с тобой ладить.

– Ничего. Через пять минут засн,,те, а ещ,, через пять – захрапите на весь дом, и не только свои заботы забудете, но и обо всех на свете помнить перестанете. А мил или отвратителен ваш храп, вас мало беспокоит. Об одном прошу: спите и храпите, сколько влезет. Но в мои дела не вмешивайтесь. Иначе я вас завтра же брошу.

С этим ласковым и почтительным выступлением нежная дочь ушла к себе, чтобы провести здесь свою последнюю девичью ночь. Кое-как сбросив платье, Дженни снова надела свой старый халат, сшитый со вкусом любящей рукой Алисы. Ни на стуле, ни на кресле, ни на кушетке – нигде не находила она места. Словно гонимая кем-то, она бросалась из одного угла в другой и вышла наконец в зал. Полная тишина царила в доме. Точно вс,, умерло. Дженни поразила эта необычная тишина, которую всегда нарушал могучий храп пасторши. На миг она даже обеспокоилась, подумав, не слишком ли груба была с матерью. Но мысли о самой себе утопили сейчас же и этот благородный порыв. Т,,мный зал, освещенный одной свечой, которую держала в руке Дженни, е,, не пугал. Наоборот, ей была приятна эта тьма, не раздражавшая е,, мучительно натянутых нервов. Дженни вс,, искала, чем бы ей заняться. Машинально глаза е,, упали на стол, и она заметила на н,,м золотой портсигар с монограммой жениха. Должно быть, он забыл его, куря папироску в ожидании невесты. Уверенная, что портсигар принадлежит е,, жениху, Дженни открыла его, достала папироску и закурила. Папироска была маленькая и очень тонкая. Приятный и особый

какой-то аромат удивил Дженни, подумавшую, что и папиросы на Востоке не похожи на английские.

Чем дольше курила Дженни, тем разительнее менялось е,, настроение, и наконец ей стало весело. Вс,, печалившее и раздражавшее ещ,, минуту назад стало казаться пустяками. В голове у не,, зашумело, как после хорошего стакана вина, которое за последнее время Дженни приучилась пить. Она чувствовала приятное волнение в крови. Ей стало жарко. Она сбросила халат, встала и увидела сво,, смутное отражение в большом зеркале.

Она зажгла канделябры и увидела себя в одной рубашке, с расширенными глазами, пылающими щеками и улыбающимся лицом. Дженни понравилась себе. Ей захотелось ещ,, света. Она зажгла все свечи, стоявшие на столах, но этого ей показалось мало. Она встала на высокий стул и специальной свечой на палке зажгла обе люстры. Теперь комната пылала, и в ней пылало вс,, существо Дженни. Она снова подошла к старинному зеркалу, распустила волосы и стала любоваться собой. Ожерелье в огнях сотни свечей переливалось всеми цветами радуги, и жемчуг, который был голубым, и это отлично знала Дженни, сейчас казался огненным.

Дженни изгибалась во все стороны, фигура е,, отражалась в другом зеркале, пышные рыжие волосы казались огненным плащом и светились вокруг не,, красным пламенем. Ей пришло в голову, что она, собственно, не знает себя и никогда не видела себя голой. Дженни, воспитанной в чистоте, которую разливал вокруг себя пастор, до сих пор не приходила мысль о своей наготе. Теперь же, в сияющем зале, с огнем, пылавшим в е,, крови, Дженни стала осторожно спускать сорочку с плеч. Обнажив безукоризненные руки и грудь, Дженни замерла от восторга. Она вс,, ниже спускала свой единственный покров. Вот открылся живот, бедра, вот сорочка упала к ее ногам. Дженни стояла, зачарованная собственной красотой. Она отбросила прочь кусок батиста и кружев, мешавших ей любоваться своими маленькими ножками.

– Как я прекрасна! Подумать только, ведь я не знала, как я хороша, – тихо смеясь, говорила Дженни. – Разве не счастливее тот, кто будет обладать этими сокровищами...– продолжала она разговаривать сама с собой, влюбленно рассматривая прелестное сво,, тело. – Да разве это возможно, чтобы кому-то одному досталась такая красота? Многим, многим должно украсить жизнь это чудесное тело. Чего стоит рядом со мной Алиса? Или эта дурнушка Наль? Как будут они обе убиты в конторе! И сам лорд Бенедикт вряд ли устоит против подобных женских чар. О. вот

теперь начнется настоящая жизнь:

Мало-помалу, то придвигаясь к зеркалу, то отступая назад, Дженни начала выделять какие-то па. Не понимая, что она делает, она стала танцевать такой бесстыжий танец, до какого не додумалась бы и опытная соблазнительница. Дженни стало так весело, что е,, громкий смех несколько раз долетал до ушей горько и тихо плакавшей матери.

Много раз плакала в своей жизни пасторша. Но каждый раз это были сл,,зы бешенства. Теперь она плакала слезами стареющей женщины, отверженной матери и совершенно одинокого существа. Только теперь пасторша поняла, что муж, которого она ненавидела, был единственным, кто жалел е,, единственным, кто относился к ней милосердно. Испытав, чем теперь платит ей Дженни за все е,, жертвы и любовь, пасторша плакала в полном отчаянии, понимая, что у не,, в жизни нет ничего, за что она могла бы ухватиться. Страшные призраки полного одиночества и смерти впервые встали перед ней. Прожитая бестолково жизнь уже позади, и ничего, кроме тьмы, никакого призыва жизни, который создала бы е,, собственная любовь... Когда до тихо рыдавшей пасторши ещ,, раз дон,,сся раскатистый хохот Дженни, на не,, напал суеверный ужас. Кое-как, с трудом передвигая ноги, с заплаканным лицом, согнувшись, растр,,панная, она направилась в зал, откуда вс,, ещ,, слышался довольный смех Дженни. Не в силах ничего сообразить, леди Катарина открыла дверь и, ослепленная ярким светом, в ужасе остановилась на пороге, парализованная бесстыдными движениями голы Дженни, е,, ужасным смехом и всем возбужд,,нным видом. Несчастливая мать решила, что Дженни сошла с ума. Дженни же, не заметившая е,, внезапно увидела в зеркале страшную фигуру, решила, что перед ней привидение, и завопила: «Ведьма, ведьма!»

Перепуганная сверхъестественным явлением, забыв, что у не,, есть мать, забыв вс,, Дженни бросилась нагая из зала к себе в комнату, едва не сбив с трудом посторонившуюся пасторшу, и вскочила в постель.

«Это ко мне явилась ведьма старости, чтобы я не зевала и не пропускала даром дней. Ну уж нет! Могла и не являться. Ни одного дня без наслаждений не проведу», – думала Дженни, постепенно успокаиваясь. Утомл,,нная долгим танцем, она стала засыпать, а между тем начинался новый день, когда мисс Дженни Уодсворд было суждено закончить сво,, существование и вступить в жизнь синьоре Седелани.

Долго стояла так пасторша на одном месте. Ей казалось, что теперь свершилось самое страшное и непоправимое из всех несчастий е,, жизни. Дженни

– сумасшедшая! Е,, гордость, е,, жизнь, е,, будущее – Дженни –

безумная! Отчаяние высушило слезы, отчаяние в один миг переставило в ее сердце местами все ценности. Что стоят теперь все богатства мира, если ее дитя не может ими пользоваться? Не имея сил потушить все еще пылавшие свечи, заботливо приготовленные ею для завтрашнего дня, пасторша прислушалась, боясь смеха безумной Дженни, и поплелась в свою комнату. Бездна ее, горя сейчас открылась ей вполне. Вот почему Дженни была так груба с ней все последнее время. Дженни давно уже, значит, была ненормальна, а она, мать, не понимала своего дитяти. Что ей вся вселенная, что ей все живое во всем мире, если ее дорогая дочь, ее плоть и кровь, не с нею, не может теперь понимать прелесть жизни.

«О Браццано, Браццано! Ты соблазнил меня и бросил. Ты велел мне немедленно выйти за Эндрю замуж, скрыв от него свою беременность. Я послушалась, все исполнила так ловко, а ты меня обманул. Обещал вернуться и не вернулся. Обещал помочь в самое трудное время, – где же твоя помощь?»

В этих терзаниях провела пасторша остаток ночи и все раннее утро, забыв сказать прислуге, чтобы убрали еще чадившие свечи.

Когда горничная вошла утром убирать зал, она была так поражена оплывшими свечами и закапанным полом, что немедленно отправилась к пасторше с докладом. К ее большому удивлению, пасторша не обратила никакого внимания на ее слова, только досадливо махнула рукой и велела позвать дворника, все убрать и поставить новые свечи. Сама она, совершенно разбитая и духовно и телесно, лежала, как мертвая, на своей кушетке, ожидая смертного приговора: звуков из комнаты Дженни.

Но там все было безмятежно спокойно. Часы шли, а из комнаты дочери все так же не доносилось ни звука, и волнение пасторши достигло предела. Вот раздался стук в наружную дверь, это посыльный принес Дженни обязательный подарок: утренний букет цветов от жениха, сегодня особенно роскошный, и два письма, одно Дженни, второе матери. Передав горничной цветы и письмо, пасторша послала ее будить Дженни, а сама, не смея войти, спряталась за дверь, чтобы все видеть и слышать.

– Кто тут? – в ответ на стук раздался сонный голос Дженни. Узнав, что ей письмо и цветы, Дженни лениво поднялась с постели и впустила горничную. Взяв у нее букет, она бросила его на пол и сказала девушке: – Принесите скорее вина, в горле пересохло. Услыхав, чего требует дочь, пасторша опечалилась еще больше. Все подтверждало ненормальность Дженни. Вернувшись в свою комнату, пасторша села в кресло и стала читать письмо. Взглянув прежде всего на подпись, она увидела, что оно было от Бонды. Еще вчера она была бы рада его получить. Но последняя

ночь унесла всю е,, энергию и жизнерадостность. Она равнодушно держала письмо, не читая его, и вс,, прислушивалась, чем ещ,, одарит е,, жизнь. Той пасторши, бодрой, свежей женщины, которая несколько месяцев назад стояла в зале, представляя лорду Бенедикту своих дочерей и соперничая с ними в красоте, и в помине не было. Одна только ночь проложила мрачные и глубокие морщины на е,, лице, посеребрила волосы, сморщила кожу на шее. Не пасторша, а жалкая тень е,,,, болезненно ж,,лтая, с распухшими красными глазами, сидела в кресле.

– Мама, что с вами? Почему вы сидите неодетая? – вдруг услышала пасторша и увидела Дженни в роскошном халате своего жениха. Лицо е,, было очень бледно, глаза тусклы, вся она была вялая и заторможенная. Положительно, это была какая-то новая, незнакомая матери Дженни. Прежняя Дженни говорила повышенным тоном, в движениях е,, сквозили энергия и темперамент. У Дженни сегодняшней вид был утомл,,нный, ко всему она была равнодушна, медленно тянула слова, словно подтверждая ночные мысли пасторши о том, что вс,, великолепие мира уже не заинтересует е,,. Пасторша хотела узнать, помнит ли Дженни о том, что делала ночью, и знает ли она, что мать видела е,, у зеркала, но спросить боялась.

– Я что-то плохо спала и видела дурные сны, – вяло цедила слова Дженни. – Кроме того, это ожерелье так неудобно, оно давит на меня своей тяжестью. Как глупо делать тайные замки. Должно быть, много глупостей проделывается на Востоке, если судить по моему жениху и его дядюшке. От кого письмо?

– От синьора Бонды, но я ещ,, не успела его прочесть. – Ну, читайте. Я тоже ещ,, не успела прочесть своего. Надеюсь, что сегодня хоть до регистрации я не увижу ваших протезе.

– Дженничка, деточка, неужели тебе не нравится твой жених? Ведь он такой красавец! И ведь ты ещ,, свободна, ты можешь отложить свадьбу, можешь и забрать сво,, слово назад.

– Ха-ха-ха! Вот как вы теперь запели! То вздохнуть было невозможно без ваших наставлений по поводу того, как привлечь и не упустить Армандо, а теперь заговорили об освобождении. Поздно, мамаша. Когда дочке нацепили ошейник, – не стоит прельщать е,, свободой. Сами толкали в ловушку, а теперь желаете умыть ручки в чистой воде и соблюсти невинность. Эх вы! Хоть бы теперь проявили каплю любви к реб,,нку, любви, которой хвастались и прикрывались всю жизнь.

Все эти ужасные слова Дженни говорила вялым тоном, точно автоматически двигающая губами безжизненная кукла, и от того они

казались пасторше еще, страшнее. Дженни тяжело встала с кушетки, перешла в зал, где и осталась, велев подать себе туда завтрак. Пасторша, вдвойне убитая и видом Дженни, и ее, словами, сидела, чутко прислушиваясь, что происходит в зале. Но там ничего особенного не происходило, кроме того, что Дженни велела настезь открыть окна. Пасторша стала читать письмо Бонды.

«Милейшая и любезнейшая леди Катарина! Наш общий друг, князь даБраццано, напоминает Вам о клятве Вашей юности, данной Вами ему на веки вечные. Вы клялись на его драгоценном черном бриллианте быть ему верной и послушной во всем, покоряться всем его приказаниям. До смерти Вашего мужа он предоставлял Вам жить, как Вам хотелось. Теперь он требует: оставьте Вашу старшую дочь в покое, у нее, будут руководители, которые дополняют ее, воспитание. Вы сами отлично знаете, кто отец этой Вашей дочери, и если не подчинитесь тем требованиям, что ставит Вам через меня да-Браццано, обе Ваши дочери узнают истину. Вторую Вашу дочь, единственное дитя пастора. Браццано требует в жены для Анри Дордые. Не входя в обсуждение того, как могло случиться, что Вы выпустили младшую дочь из рук, Браццано дал нам задачу привезти ее, к нему в Константинополь. По задуманному нами плану из судебной конторы мы увезем ее, если понадобится, силой, для чего у нас уже есть люди. Ваша же роль в этом деле должна заключаться в том, чтобы ожерелье, которое я передам Вам сегодня. Вы накинули ей на шею, когда будете ее, обнимать, до начала слушания дела. Остальное предоставьте нам. Помните только: одной рукой, на которую я Вам надену браслет Браццано, крепко обнимите девочку, а второй, как бы глядя головку, накиньте ожерелье. Я привезу Вам лекарство, чтобы Вы завтра были совсем здоровой. А сегодня оставайтесь дома, свадебная церемония будет скромной и короткой и все, обойдется без Вас. Я и жених будем у Вас к четырем часам. С почтением Тибальдо Бонда».

Ужас пасторши перешел в какой-то духовный и физический паралич. Уныние, которое владело ею все утро, страх, отчаяние и страшное разочарование в человеке, о котором она сохраняла какие-то иллюзии юности, разбили ее, совершенно. Это страшное письмо, которое вчера она старалась бы сжечь, сегодня оставляло ее, равнодушной. Не все ли равно, как сейчас будут думать о ней? Ведь Дженни безумна, она даже не поймет того, о чем говорится в письме. А у нее, отнимают единственную ниточку к теплу жизни, Дженни, пусть даже безумную.

Сколько прошло времени, пасторша не знала. Не знала она и того, что Дженни снова выкурила тоненькую папироску и совершенно ожила, точно

переродилась. Пасторша поразилась, когда Дженни вошла к ней в яркочелном платье, с румянцем на щеках, с блестящими глазами, мурлыкая какую-то песенку. Дженни не была музыкальна, песенка звучала фальшиво. Но не это поразило пасторшу, а выражение лица дочери, в ней снова было что-то от той вакханки, которую она видела ночью. Пасторша подобрала письмо и закрыла лицо рукой, точно боясь опять увидеть ночной танец дочери.

– Да что с вами делается, мама? Вы все, еще, не одеты, не причесаны. Ведь уже скоро три часа, а в четыре приедут гости. Надо, чтобы вы не внушили ужас родственнику Анри. Он весельчак, но думается, что даже он умрет от тоски, застав вас в таком безобразном виде.

– Я думаю, мне совсем не придется ни выйти к гостям, ни поехать на твоё бракосочетание. Я должна буду лечь в постель, я совсем больна и чувствую себя, как столетняя старуха. Ведь будет только нотариальная запись, по последней моде. Ну, а это не требует никаких светских приличий. Распишетесь вы оба, распишутся ваши свидетели – и вот вы муж и жена. По всей вероятности, твой муж и его родственники не пожелают вернуться к бедной больной матери. Ты уже будешь носить другое имя и в своём теперешнем настроении вряд ли захочешь вообще навещать меня. Живи, детка, как тебе хочется и нравится.

До того необычен и тих был голос пасторши, что Дженни остановилась и слушала мать так, как слушают какую-то невероятную историю. Весь вид матери, мгновенно состарившейся, убитый, осунувшийся, поразил Дженни.

– Вас, право, подменили, мама. Дайте-ка сюда письмо. В чём дело? Кто вам пишет?

Дженни хотела взять письмо с колен матери, но та зажала его в руке и сунула в карман.

– Письмо это касается только меня, Дженни. А уж давно ты мне дала понять, что я для тебя не существую. Мои горести, как и моя любовь, тяготят тебя не первый день.

– Да что это за несносная манера, – топнула ногой Дженни, и все, её ожерелье заиграло огнем, точно гнев Дженни перелился в него. – И это называется днём свадьбы! Вы бы отходную мне ещё, почитали. Ну и капризничайте, сколько влезет, обойдёмся и без вас. Подумать только. Состряпали собственными руками всю эту свадьбу, а теперь стараетесь спрятаться в кусты. – Дженни, ради Бога, помилосердствуй! – Да что вы мне суετε теперь вашего Бога! О каком милосердии вы говорите? Вы, что ли, были милосердны? К кому? К отцу? К Алисе? Ко мне? Милосердия

захотели! Жните, что сеяли.

Круто повернувшись на каблуках, Дженни вышла из комнаты и отдала приказание накрыть стол к чаю, десерт и закуску, к которому обещал привезти жених. Через минуту Дженни забыла о матери и стала любоваться собой в зеркале. Она подошла к столу, взяла в руки золотой портсигар. При дневном свете инициалы из ч.,рных бриллиантов, которые понравились Дженни, ярко сверкали, и она разобрала буквы: Т. Б. Дженни усмехнулась:

– А я-то думала, что выкурила папиросы жениха. Придется признаться самой, этот крокодил сразу заметит, что двух не хватает.

Представив шарящие глаза Бонды, Дженни ощутила тошноту. Но размышлять дальше ей не пришлось, так как в переднюю уже входили мужчины, весело смеясь остротам Марто. Пока веселились в зале, пока рассматривали подвенечное платье, пасторша вс., сидела одна, погрузившись в отчаяние. Почему-то она вспомнила, как была в гостях у лорда Бенедикта, как он подарил ей ожерелье из опалов и бриллиантов, такие же серьги и брошь. Особенно она полюбила эту брошь, часто ею любовалась и носила е.,. Она протянула руку к туалетному столику, взяла брошь, поднесла е., ко лбу и прошептала:

– Милосердия, милосердия, милосердия. Вы отняли у меня одну дочь, теперь он отнимает другую. В н.,м милосердия нет. Неужели же и вы не знаете пощады для грешницы? Я обманула мужа, я обманула дочерей. Я пусть погибну, только молю вас за моих дочерей.

Неожиданно ей сделалось легче. Холодные камни точно вбирали жар е., тела. Она стала дышать свободнее, смогла выпрямиться, поднялась и закрыла дверь на задвижку. И снова села в кресло, крепко прижимая к себе любимую брошь. Какая-то уверенность вливалась в не.,. Мысль стала работать спокойнее, и она принялась думать, что же теперь делать и что можно немедленно предпринять.

Не отдавая себе отч.,т, почему она это делает, она зажгла свечу и сожгла письмо Бонды. Ей стало ещ., спокойнее. Положив обе руки на брошь, леди Катарина стала думать, как ужасно она поступила когда-то, принеся страшную клятву Браццано, клятву, дававшую ему право на е., жизнь и смерть. Она обратилась мыслью к лорду Бенедикту и стала упорно просить его спасти хоть Алису от этих ужасных людей. Не отдавать е., тем, кому цену она поняла сейчас до конца. «Зачем, зачем я повторяла за ним какие-то бессмысленные слова, целовала какой-то ч.,рный камень», – вс., возвращалась к дням своего дал.,кого прошлого леди Катарина. Теперь только, всеми брошенная, она начала понимать, кого и что она потеряла в пасторе. И в новом порыве отчаяния, прижимая брошь к своим губам,

чтобы не дать вырваться рыданиям, она мысленно говорила лорду Бенедикту:

– Вы были его другом. Не поверю, что вы злы или мстительны. Спасите, спасите дитя пастора! Алиса истинно его дочь. Пусть я понесу кару за свою несправедную жизнь, спасите только Алису.

Отчаявшись и не понимая толком, могут ли быть услышаны ее мольбы, она опустилась на колени, прижалась лицом к ожерелью и все продолжала молить лорда Бенедикта с жаром и верой; так она еще ни разу в жизни не обращалась к Богу. В ее истерзанном сердце, в ее смятенном мозгу все смешалось в какой-то бред. Она перестала понимать, где кончалась действительность и начиналась ее фантазия. Ей вдруг почудился какой-то утешающий голос, ободряющий, милосердный:

– Не в одно только это мгновение, но во все оставшиеся тебе дни вспоминай мужа и моли его о помощи. Храни чистыми камни, что даны тебе милосердной рукой. Не отчаивайся. Все, что прибегает с мольбой к милосердию, найдут в нем себе пощаду. Перестань плакать. Мужайся. Действуй так, как будто рядом с тобой стоит твой муж и знает обо всем, что с тобой происходит. Не прикасайся к вещам и лекарствам, что тебе дадут. Брось их в камин, и когда останешься одна, жди указаний, как поступить дальше.

Так явно, казалось леди Катарине, она слышит шепот, что она приободрилась, выпрямила спину и начала приводить себя в порядок.

В доме слышался раскатистый смех, несколько голосов говорили одновременно, по коридору и передней несколько раз пробежали. Долетали до нее слова о подвенечном платье, о том, что пора ехать, но о пасторше никто не вспоминал. Наконец кто-то подошел к ее двери и постучал. Убедившись, что дверь заперта, Бонда нетерпеливо закричал: – Мамаша, открывайте скорее, я передам вам, что обещал. Пасторша, ухо которой отлично различало нетрезвые интонации, поняла, что Бонда уже как следует выпил. Сидя в кресле, она ответила:

– Подняться и открыть вам я не могу. Положите все у моих дверей. Я остаюсь совершенно одна, никто ваших вещей не тронет. Как только боли отпустят, я попытаюсь выйти.

За дверью раздался наглый хохот Бонды, и он саркастически сказал:

– А разве вы не хотите поглядеть на красавицу-невесту и благословить ее, к венцу?

– Вы мне четко объяснили, синьор Бонда, что нынче церковный брак не в моде. А для записи у нотариуса Дженни ни в каком благословении не нуждается.

– Ну, ладно. Кладу на стул лекарство и св.,рток. Когда разверн.,те, найд.,те записку, как принимать лекарство и обращаться с вещами. Не забудьте моих наставлений. Да, кстати, Дженни сегодня не верн.,тся. Все вместе мы приедем завтра в контору, а вы поедете туда одна. Мне это удобнее по многим соображениям.

Бонда присоединился к вес.,лой компании, и вскоре шумная квартира опустела. Леди Катарине казалось, что вместо сердца в груди у не., кусок льда. Вс., е., существо содрогалось от отчаяния одиночества и отверженности. Взлелеянная ею мечта: свадьба Дженни, свадьба, о блеске которой она мечтала годы, будет происходить в какой-то нотариальной конторе. И е., девочка, как девка, провед.,т ночь в гостинице. И эта страстно обожаемая девочка даже не подошла к двери сказать матери последнего девичьего прости.

Сколько времени она просидела в оцепенении, пасторша сказать бы не могла. Постепенно мысли е., стали возвращаться к завтрашнему дню, к завещанию пастора, к самому пастору и к другу его последних дней лорду Бенедикту. Она подумала, что, плача и моля этого лорда о помощи, заснула и ей только приснились слова милосердия. Она решила последовать совету, услышанному ею во сне. К собственному удивлению, она довольно легко встала и подошла к двери. Волна страха и нерешительности пробежала по ней, она прислушалась – всюду царил тишина. Леди Катарина отошла от двери, подожгла дрова в камине и только тогда открыла дверь. И когда она взяла каминными щипцами пакет, ей показалось, что вс., е., существо раздирается на части: в одно ухо кто-то шепчет: «Бросай скорее в камин», а в другое: «Не смей!»

В спешке, боясь уронить зловещий пакет и послушаться утешавшего е., во сне голоса, она бросила в огонь свою ношу. Пламя не сразу охватило плотную бумагу, в которую было что-то зав.,рнуто. Леди Катарина бросила в камин и лекарства. Не прошло и нескольких минут, как пакет загорелся, зашипел, как фейерверк, и пламя стало переливаться всеми цветами радуги. Зрелище было так необычно и красиво, что пасторша не могла отвести глаз. Вдруг пламя охватило пакет, так долго сопротивлявшийся огню, в комнате раздался взрыв, потом второй, ещ., сильнее, и из камина повалил дым.

Насмерть перепуганная леди Катарина с криком бросилась вон из комнаты, решив, что начался пожар и рушится крыша. Не успела она выскочить в коридор, как послышался сильный стук в наружную дверь. Ничего не соображая, она бросилась к двери, распахнула е., и... очутилась перед высоченным лордом Бенедиктом.

– Скорее, скорее, – сказал он, накидывая ей на плечи плащ. – Садитесь

в мою коляску.

Захлопнув своей могучей рукой наружную дверь и повернув что-то в замке, лорд Бенедикт усадил пасторшу в коляску, сел рядом и крикнул кучеру: «Домой!»

Всего два дня тому назад поносившая лорда Бенедикта и утопающая сейчас в необыкновенно мягком и т.,плом плаще, который согревал е,, дрожавшую с головы до ног, леди Катарина вдруг почувствовала себя так, как и должен чувствовать себя человек, вытщенный из горящего дома. Сл,,зы лились по е,, щекам, она не смела взглянуть на своего спасителя, ибо ей думалось, что она встретит знакомый пристальный и грозный взгляд.

– Ободритесь, бедняжка леди Катарина. Именем и любовью вашего мужа я действую сейчас. Он вс,, простил вам за одно мгновение вашей любви к Алисе, за один полный, до конца пережитый миг самопожертвования.

Пасторша, страшившаяся даже взглянуть на лорда Бенедикта, вс,, забыла, пораженная и очарованная интонацией прозвучавшего голоса. Сердце е,, вконец истерзанное, ожидавшее строгого выговора и наставлений, раскрылось и вылило вс,, лучшее, что таилось в самой его глубине.

– Милосердие Великой Матери Жизни не похоже на милосердие людей, леди Катарина, – продолжал вс,, тот же ласковый голос, доброта которого расплавляла горы зла и печали, что нагромоздила вокруг себя пасторша. – Вы провед,,те эту ночь в мо,,м доме, если пожелаете. Но если вы окажете мне честь быть моей гостьей, вам придется подчиниться некоторым условиям. Условия эти не будут тяжелы, но вы только тогда их примете, когда добровольно пожелаете им подчиниться. Если же вы принять их не пожелаете, сможете возвратиться в свой дом в любую минуту.

– Сжальтесь, лорд Бенедикт, не отправляйте меня домой. У меня пет больше дома, я не смогла вымолить у Дженни ни слова сострадания в этот ужасный миг своей жизни. И те, кто туда может вернуться за мной, ничего кроме смерти принести не могут. Я согласна вытерпеть вс,, я уже фактически умерла, я потеряла вс,, самое для меня драгоценное: мою Дженни и е,, любовь. Я не дорожу больше жизнью. Такими страшными кажутся мне теперь мои прошлые ошибки, что лично мне уже нет спасенья. Сво,, отношение к Алисе я воспринимаю сейчас как ряд ошибок, почти преступлений. И понять не в состоянии сейчас, каким образом сложилось это жестокое отношение к бедной девочке, такой труженице, меня любившей. Я не в силах проследить теперь, когда я оступилась и каким

образом встала на такую ужасную дорогу. Приказывайте, лорд Бенедикт, мне не страшно ничего, кроме возвращения в свой дом и встречи с Бондой.

Голос пасторши дрожал и прерывался. Видно было, что это существо, вкусившее бездну отчаяния, хватается за лорда Бенедикта, видя в нем единственный, чудом посланный ей якорь спасения.

– Мы приехали, леди Катарина. Закутайтесь в плащ, нас никто пока не увидит. Кроме того, без плаща вам трудно будет дышать в атмосфере моего дома. Сейчас Алисы вы не увидите, а завтра ни одним словом не обмолвитесь ей о пережитом за эти дни. Я провожу вас в комнату, где вы будете в полной безопасности и куда к вам никто из ваших преследователей не сможет проникнуть.

Лорд Бенедикт помог своей спутнице выйти из экипажа и через сад провёл её, наверх. Здесь, в небольшой, прекрасной комнате горел огонь, было тепло, уютно, мирно. Флорентиец усадил леди Катарину в глубокое кресло у камина и приказал слуге позвать Дорию. Вошедшей через несколько минут девушке он сказал:

– Дория, мой друг. Я привез жену моего умершего друга, лорда Уодсворда. Она больна, а ты любила пастора. Во имя любви к совсем ещё, недавно беседовавшему с тобою пастору проведи эту ночь с больной. Вот лекарство. Прикажи приготовить ванну и после ужина дашь второе лекарство. Уложив спать леди Катарину, останься при ней, пока я не подымусь сюда.

Повторяю вам, леди Катарина, ничего не бойтесь. Как только примете лекарство, вам станет лучше и вы перестанете дрожать. Ни о чём не думайте, спите спокойно. Завтра я скажу, как вам действовать. Вы ведь сами чувствуете, что вам гораздо лучше и спина ваша больше не болит.

Лорд Бенедикт спустился вниз, чем обрадовал соскучившуюся без него семью, и весело попросил его накормить. После ужина, собрав всех в своём кабинете, он напомнил о завтрашнем визите в судебную контору. Николай и Наль должны будут остаться дома. Шайка техных бандитов, преследовавших Левушку ещё, в К., появилась в Константинополе, но там потеряла его след. Сейчас его ищут в Лондоне. Но о присутствии здесь Николая и Наль никто не догадывается. Им и не надо видеть беглецов. Но шайка многочисленна. Пустой дом тоже будет небезопасен, злодеи будут пытаться ворваться. Сегодня ночью приедут сэр Ут-Уоми и дядя Ананды. Кто-нибудь из них останется дома вместе со своими людьми. Они-то и охранят Наль и Николая.

Ананда повезёт одного из важных и необходимых свидетелей в отдельной карете, а остальные поедут с лордом Бенедиктом и сэром Уоми.

В конторе каждому будет указано его место, но Генри, Алиса и леди Цецилия не должны выпускать рук лорда и сэра Уоми и отходить от них ни на шаг.

Простившись со всеми своими домочадцами, каждый из которых был взволнован на свой лад. Флорентиец вместе с Анандой поднялся наверх, к Дории и леди Катарине.

Пасторша уже крепко спала, сверх обыкновения не наполняя комнату своим могучим храпом. Подойдя к постели, Ананда взял е,, руку. Флорентиец – вторую, положив на е,, лоб другую свою руку. Он тихо и внятно сказал:

– Ужасную клятву, данную вами когда-то элодею не понимая е,, смысла, – я разрываю.

По всему телу пасторши прошла судорога. Из е,, рта вырвался стон и вышла слюна, окрашенная кровью. Но глаз она не открыла, казалось, что она даже не проснулась.

– Ваша измена светлым силам покрыта сегодня вашей мольбой к Милосердию и порывом самоотверженной любви, которую вы нашли в сво,,м сердце. Любовь, которую дали вы вашей младшей дочери, преследуемой вами много лет, и мольба о е,, спасении принесла вам помощь и прощение Тех, кого умолил ваш муж спасти вас.

Тв,,рдо стойте теперь на сво,,м новом пути, его вы сумели вымолить. Забудьте вс,, что когда-либо обещали Браццано или Бонде. Помните только, что надо спасти Алису, что спасти е,, вы хотите, что спасение е,, и ваше зависит от вашей верности при исполнении того, что будет говорить вам Ананда.

Передав Дории распоряжение не покидать леди Катарину ни ночью, ни утром и найти среди своего гардероба какое-нибудь приличное платье и шляпу для пасторши, оба друга снова спустились вниз и стали ждать сэра Уоми и дядю Ананды в кабинете.

Как только Дженни, надев подвенечное платье, украсив голову прелестным веночком из фл,,р-д-оранжа и приколов жениху и шаферам такие же букетики к петлицам, покинула дом, где родилась, е,, бурное настроение упало. Возбужд,,нная с утра ядовитой папиросой Бонды и выпившая за завтраком несколько бокалов вина, Дженни вс,, же была не так пьяна, как сопровождавшие е,, мужчины. Их языки развязались, они сыпали сальные шуточки и нам,,ки, и девушка, никогда прежде не слыхавшая ни одного пошлого анекдота, стала испытывать нечто вроде страха. Она много бы дала, чтобы подле была теперь е,, мать.

– Почему мама не села в мою карету? – спросила она у жениха.

Хохоча и отпуская мало понятные Дженни каламбуры, ей ответил веселый Марто. Кривляясь и подмигивая, он уверил Дженни, что Бонда везет ее, мать в своей карете. Что им не скучно, а будет еще веселее. Всю дорогу ее жених, не стесняясь присутствием товарищей, обнимал и прижимал к себе Дженни, пытаясь поцеловать ее в губы, и бедняжка из всех сил отбивалась, что потешало всех присутствующих.

– Тебе придется, вероятно, звать сегодня друзей на помощь, Армандо, – нагло хохотал Мартин Дордые. – Можешь на меня рассчитывать.

Экипаж остановился, и чья-то рука раздраженно рванула к себе дверцу. У кареты стоял хмурый Бонда и зло смотрел на веселую компанию своими шарящими глазами.

– Что это вы все, с цепи сорвались, что ли, – шипя от злобы, крикнул он, просовывая голову внутрь кареты. – Ведь не банду же привез я к знаменитому нотариусу. Обещал ведь вам веселенькую ночь в гостинице. А вы подождать не можете, ведете себя, как пьяные матросы. Да и барышня, даром что из хорошей семьи и приличного общества, тоже хороша. Не умеете себя вести среди бела дня. Вам здесь не спальня. Вот проучит вас Браццано разок-другой плеткой, – мигом научитесь быть воспитанной. Живо вылезайте и примите вид культурных людей, а не разнузданных животных.

Не дожидаясь, что скажут его опешившие приятели. Бонда повернулся спиной к карете, вошел в калитку и немедленно ударил молотком во входную дверь. И тогда сидевшие в карете стали приходить в себя от изумления и бешенства.

– Не обращайтесь внимания, милая моя женщина. Манера выражаться у этого джентльмена чрезвычайно оригинальна. Но человек он неплохой. Друг он верный, и вы будете не раз иметь возможность убедиться в истинности моих слов.

Дженни, бешенство которой достигло своего апогея и глаза пылали, как угли, не могла выговорить ни слова. У нее, вырвался только хриплый шепот: – Идя венчаться с вами, я клянусь ему отомстить. Дженни была так страшна, лицо ее, искаженное и перекошенное судорогой, так ужасно, что не только жених, но все мужчины сразу отрезвели.

– Дженни, совладайте с собой, выкурите папироску. Нельзя же показаться людям в подвенечном платье с таким лицом, – суя Дженни в губы дымившуюся папироску, снова сказал Армандо. – Неужели у вашей сестры такой же характер?

– вырвалось у него.

Дженни ответить не успела. К воротам уже бежал слуга, чтобы

пропустить во двор карету. Это нотариус, полагая, что невесте трудно пройти через палисадник в своем пышном туалете, приказал открыть ворота. И Дженни овладела собой. Яд папиросы, приведший девушку в веселое настроение, и яд оскорбления, ненависти и мести, бушевавший в ее собственной крови, слились в такую упорную и злую волю, что Дженни вошла к нотариусу внешне совершенно спокойной. Она сумела скрыть даже от глаз Бонды испепелявший ее огонь. Уроки лицемерия, преподанные ей пасторшей, помогли. Любезнейшим образом она улыбалась нотариусу и клеркам и разыграла роль счастливой невесты, одурачив даже Бонду. Старый пройдоха был удивлен поведением Дженни и не замедлил похвалить себя за тонкое искусство перевоспитывать людей. Он решил, что главным лекарством для Дженни оказался страх перед плеткой, и проникательно поздравил себя еще раз с умением воспитывать девиц.

Когда были соблюдены формальности и весь кодекс покупаемых за деньги приличий, с шампанским от лица нотариуса, Дженни с женихом, воспользовавшись тем, что Бонда задержался, расплачиваясь, уселись в его двухместный экипаж, предоставив ему ехать в общей карете. Жених, злившись не меньше невесты на своего мнимого дядюшку, зная, что в отеле их уже ждут к свадебному обеду, где – стараниями Мартина – будет несколько его приятелей с дамами, и в каком бы настроении ни явился Бонда, он не осмелится сделать сцену, поддержал эту затею. Бешенство Дженни, ее ненависть к Бонде и все ее поведение показали Армандо, что если он не найдет в жене верности и преданности, то уж во всяком случае обретет в ней верного союзника.

В отеле они действительно застали большое общество, шумно их приветствовавшее. Дженни овладела собой окончательно, сразу взяла тон влюбленной жены, очаровательной кошечки и любезной хозяйки, конфузятся новой, непривычной роли. Привлекая всеобщее внимание своей красотой, Дженни решила играть сегодня первую скрипку и не уступать ни в чем Бонде, но... прикинуться очень внимательной и покорной племянницей. Бонда спрятал временно свое раздражение, которое грызло его с момента отъезда из дома невесты, и тоже играл роль счастливейшего дядюшки, стараясь поддерживать великосветскую беседу с самым беспечным видом. Но на душе у него было беспокойно. Мысли его вертелись вокруг пасторши, которой он не надел браслета, нарушив приказ. Он говорил себе, что, кажется, сваял дурака, не привезя сюда пасторшу. Было бы спокойнее за завтрашний день. Но Бонда боялся, что невыдержанная женщина оскорбится тем, в какое общество он ввел в

первый же день е,, дочь, и поднимется скандал. Бонда обв,,л взглядом стол, и зловещая улыбка искривила его губы. Общество было подходящим для пасторской дочери. Испитые, побл,,кшие и подкрашенные лица. Много видел Бонда падших людей, но редко приходилось ему наблюдать лица такие беспокойные, с полным отсутствием нам,,ка на счастье и удовлетворение. Они ели и пили жадно, стремясь изобразить людей из общества, общества аристократического. На самом же деле Бонда читал вс,, убожество их мыслей, жажду богатства и наслаждений. Он отлично понимал, что весельчак Марто собрал нынче кучку людей, которая ни перед чем не остановится, если труды будут хорошо оплачены. А денег у него пока много, ими снабдили его в достаточной степени для успеха дела, в котором был заинтересован сам магистр их ордена. И Бонда ещ,, раз самодовольно улыбнулся, чувствуя себя неким царьком.

Обед ш,,л своим чередом, по мере возлияния Бахусу превращаясь в оргию. Одна Дженни старалась пить как можно меньше и удерживала в границах приличия своего мужа. Опьян,,нный новыми, открывшимися ему сегодня качествами Дженни, Армандо был ей пока послушен. В н,,м даже просыпалось какое-то уважение к ней, он хотел быть джентльменом. И пытавшийся было снова приняться за грязные каламбуры Мартин встречал такой мрачный и бешеный взгляд обоих новобрачных, что прикусил, наконец, язык, недоумевая, какая муха укусила Армандо. К концу обеда Бонда устал от бестолкового и глупого веселья своих гостей. Ему захотелось остаться одному и выпить вволю своего любимого вина, которое было слишком дорого, чтобы угощать им такую ватагу, да и любил Бонда пьянствовать в одиночку, на свободе обдумывая планы дел и делишек, ему поручавшихся.

Сам не понимая почему, сегодня Бонда чувствовал себя особенно плохо. У него трещала голова, и непреклонная его воля не собиралась в н,,м в реальную силу, а мысли рассеивались. Нет-нет да и мелькн,,т в его мозгу образ пасторши, как будто от больной, старой и закоснелой во зле и раздражении женщины можно ожидать что-то по-настоящему опасное. Удивляясь себе. Бонда мысленно пожимал плечами и гнал прочь навязчивый образ, считая, что подле него вь,,тся злоба пасторши за то одиночество, на которое он е,, обрек. Наконец, ему удалось отправить в танцевальный зал всех гостей и новобрачных, а самому пройти к себе. Тут он удобно уселся в кресло и поставил перед собой любимое вино.

Бутылка исчезала за бутылкой, сигара за сигарой, и Бонда дош,,л до высшей точки своего скотского наслаждения и стал дремать, вс,, ещ,, потягивая изредка рубиновую влагу. Поглотив ещ,, одну бутылку, он

положил ноги на решётку камина и сладко заснул. Тот, кто увидел бы это лицо теперь, решил бы, что глаза обманывают его, что перед ним призрак в человеческом облике, что ходить по земле, дышать и действовать такая тварь не может. Бледно-зелёный лоб, фиолетовые щеки и распухший красный нос, черноватые губы, из которых текла слюна, заливая чудесную сорочку с бриллиантовыми запонками, скрюченные, узловатые, безобразные руки с толстыми жилами, как у столетних старцев, с огромными плоскими ногтями. Раздвинутые губы обнажали чёрные испорченные зубы и кривились в такую злобную усмешку, от которой содрогнулся бы и разбойник, приди он грабить спящего Бонду.

Вдруг мирный сон злодея прервался. Он почувствовал ужасную боль в сердце, в позвоночнике, в горле, вскочил, резко вскрикнул и стал осматривать комнату. Весь хмель выбила внезапная боль. Но понять, где он, что с ним, почему он проснулся, он никак не мог. И тут его настигла вторая волна боли. Несчастный не мог даже крикнуть, он как-то дико замычал и согнулся, точно его сложили пополам. Он почти лишился чувств.

Нескоро оправился Бонда от вторично ударившей его боли. Он вспомнил, как такими же необъяснимыми болями страдал в Константинополе Браццано, при котором он тогда играл роль доктора. Ужасная мысль мелькнула у него в голове, сковав его страхом. Холодный пот покрыл лоб, глаза расширились от ужаса. «Ананда», – мучило его одно это слово, лишая воли, не давая разогнуться. Осмотревшись, он увидел на столе свой портсигар и с большой осторожностью, стараясь не менять положения, дотянулся до него. Дрожащими руками он закурил. Правда, на его притупленные нервы папиросы с опиумом уже давно не воздействовали так, как это было с Дженни. Но всё же, покурив, Бонда стал менее похож на призрака. Он осмелел, попробовал шевельнуться, и это ему легко удалось. Постепенно он выпрямился, встал с кресла и удивлённо себя спросил, чего, собственно, он так испугался. Решив, что просто перебрал вина, он собрался перейти в спальню и вдруг снова почувствовал боль, на этот раз такую сильную, что еле устоял на ногах.

В глазах у него помутилось, он снова вспомнил Браццано, и теперь уже не сомневался, что ему пришлось встретиться с добром, превосходящим его силы. Но в чём, где сейчас центр борьбы? Через чьё отречение и измену пришли к нему эти страшные удары? Кто предал его и Браццано? Кто изменил клятве не на жизнь, а на смерть? Чьё предательство чуть не убило его сейчас? Долго так стоял Бонда, боясь двинуться с места. Он искал в своём воспалённом мозгу того, кто стал ему смертельным врагом в эту минуту. Его внезапно осенило, что никто, кроме пасторши, не

мог навлечь на него этот ужас, грозящий не только потерей расположения главарей, но и погибелью.

Бонда не сразу осознал свою огромную ошибку, свою, непростительную легкомыслие. Когда он представил, что благодаря его лекарству леди Катарина могла добраться до лорда Бенедикта и там его предать, быть может даже отдать вещи, предназначенные Браццано для не, и Алисы, – Бонде сделалось так дурно, что он с трудом дошел до дивана и повалился на него в полном отчаянии. Он снова выкурил папиросу, выпил стакан воды и принялся обдумывать свою, положение. Ему было ясно, что прежде всего он должен проникнуть в дом пасторши и выяснить степень ее, виновности. Он прошел в свою спальню, вынул из чемодана связку отмычек. Желая иметь надежных спутников, он решил взять с собой Анри и Армандо.

Бонда накинул плащ, надвинул глубоко на лоб шляпу и выглянул в коридор. В гостинице уже все, засыпало, музыканты расходились по домам, кое-где еще, сновала прислуга. Теперь Бонда пожалел, что, изображая из себя царька, приказал разместить свою свиту так далеко. Ему надо было подняться на следующий этаж и дойти до конца длинного коридора. Добравшись до комнаты Армандо, он остановился в полном изумлении. Дверь была открыта настежь, и комната спешно приводилась в порядок. На вопрос Бонды, что это означает, ему сказали, что молодые выехали час назад.

Взбешенный и обеспокоенный, Бонда отправился к портье и узнал, что новобрачные перебрались в другой корпус, где гораздо тише. Сейчас пройти туда нельзя. Однако племянник просил сообщить дядюшке, что в назначенное время они с женой приедут прямо в контору. Бонда не решился будить Анри, справедливо полагая, что оба дружка спят теперь так, что толку от них все, равно не будет.

Послав проклятие за отсутствие дисциплины и расхлябанность, Бонда вышел в туманную ночь, изрядно удивив швейцара. Несмотря на то, что он уже долго работал с Браццано, Бонда не мог похвастаться, что закалился в бесстрашии. Кроме того, он только пить любил в одиночку. Работать же всегда предпочитал с подручными. Если бы он не боялся так Браццано и прочих директоров, жестокость которых отлично знал, он, пожалуй, и не пошел бы во мрак спящего города. Но один страх леденил сердце, а другой – двигал его ногами.

Бонда наткнулся на кэб, растолкал спящего кучера и велел везти себя к пасторскому дому. С большим трудом он отыскал парадное крыльцо и стал стучать в дверь так, что и пастор с погоста поднялся бы, не только живая пасторша. Но дом молчал. Ощупав руками замочную скважину, Бонда

вставил в нее, отмычку, но тут же ощутил сильнейший удар по руке.

– Кто здесь? – крикнул он в страхе. Но в тишине ночи ему ответило только похрапывание вновь заснувшего кучера. Бонда принялся шарить руками по входной двери. Он никого не ухватил, ни на кого не наткнулся. Боясь ночного полисмена, Бонда вторично отыскал замочное отверстие, быстро ткнул туда отмычку, но повернуть ее, так и не смог: он получил еще, раз сильный удар по руке и на этот раз уже не смог ее, поднять. Рука висела, как мертвая. Ступеньки, казалось ему, уползали из-под его ног, он едва смог присесть, чтобы обдумать свое, положение. Что пасторша не просто бежала, а была уведена каким-то сильным врагом, – это Бонда понял сразу. Но где искать этого врага, как отвоевать пасторшу, чтобы завтра держать ее, подле себя и вырвать с ее, помощью Алису? Туман стал рассеиваться, забрезжил рассвет. Бонда решил ехать к дому лорда Бенедикта и попытаться там счастья. Рука его стала оживать, он растолкал кучера и снова покатил по пустынным улицам.

Остановившись напротив дома, где жил лорд Бенедикт, Бонда вышел из кэба, велел кучеру ждать его на углу и прош,,лся несколько раз мимо, не решаясь перейти улицу, поскольку хорошо помнил свою первую неудачную попытку пробраться сюда с письмом к Алисе.

Наконец, набравшись храбрости, он сош,,л с тротуара на мостовую, но только успел сделать несколько шагов, как из-за угла вылетела карета, запряж,,нная прекрасными лошадьми, едва не сбила его с ног и остановилась у подъезда.

Злополучного путника, едва увернувшегося от смерти, обдало с ног до головы густой осенней грязью, и вс,, что он увидел, были две мужские фигуры, входившие в освещенную парадную дверь.

Дверь хлопнулась, через минуту распахнулись ворота, куда въехала коляска, и снова настала тишина.

Бонда, взбешенный, мокрый, измученный, еле совладал с собой, чтобы не избить соню-кучера, покачивавшегося на своих козлах.

С трудом проскочил Бонда незамеченным в свои комнаты, ибо в гостинице уже начиналась утренняя жизнь вечно хлопотавшей прислуги. С отвращением срывал он с себя мокрую одежду. Жадно выпив несколько стаканов вина, он отправился в спальню.

Так закончилась для него эта ночь накануне решительной схватки, для которой его сюда и прислали и которую Браццано представил как легкий и приятный фарс.

ГЛАВА 16 СУДЕБНАЯ КОНТОРА. МАРТИН И КНЯЗЬ СЕНЖЕР

После туманной и дождливой ночи неожиданно проглянуло солнышко и высушило грязные мокрые улицы. У пробудившейся пасторши; спавшей каким-то необычным для не,, сном, было радостно и легко на сердце. Е,, не давила леденящая тоска, которая стала теперь е,, верным спутником с самой смерти пастора, что она, кстати, тщательно скрывала от Дженни.

Не сразу сообразила леди Катарина, где она. И только когда Дория распахнула окно в сад и в комнату ворвались солнечные лучи, аромат цветов и щебетанье птиц, она поняла, где она, и вспомнила вс,, пережитое минувшей ночью. К е,, удивлению, эти воспоминания не вызвали в ней уже привычного страха и отчаяния. Ни поведение Бонды, ни клятва, которой е,, связал Браццано, не смутили е,, души, точно между нею и им встала какая-то заградительная стена.

Совершив свой туалет и одевшись с помощью Дории в скромный и элегантный ч,,рный костюм и ч,,рную шляпу с траурным крепом, леди Катарина совершенно четко в первый раз поняла, что носит траур, который они с Дженни сбрасывали уже много раз, что она вдова и уже немолодая женщина. Е,, вчерашние морщины и повисшие щ,,ки несколько разгладились за ночь, и она уже не была так страшна, как вчера, когда сидела у камина. В е,, рыжих волосах появилась седина, отчего они потеряли свою кричащую яркость. И в этой смягч,,нной раме лицо е,, выиграло – пасторша вс,, ещ,, была красива своеобразной красотой.

– Ну, вот мы и кончили завтракать, леди Катарина, перейд,,м теперь в соседнюю комнату, скоро к вам выйдет Ананда.

– «Ананда, Ананда», – как бы силясь что-то вспомнить, повторила за Дорией пасторша. – Кто этот Ананда? Это имя мне что-то говорит, и вместе с тем никакой образ не связывается в моей памяти с этим именем.

– Ананда очень большой друг лорда Бенедикта. Он поедет с вами в судебную контору. Да вот и он сам.

Приветливо поздоровавшись с обеими женщинами, Ананда передал Дории просьбу лорда Бенедикта пройти к леди Цецилии, где она найдет Алису и его самого. Услышав имя леди Цецилии, пасторша вскрикнула, пошатнулась и упала на стул, не имея сил удержаться на ногах. – Что вас так испугало? – спросил Ананда. – Нет, ничего, просто я так измучена всевозможными горестями за последнее время, что имя, произнес,,нное вами и не имеющее, конечно, ко мне никакого отношения, заставило меня что-то вспомнить.

– Не знаю, право, как такая добрая и смиренная душа, как сестра вашего мужа, могла доставить кому-то тяжесть и скорбь. Но что е,, встреча с вами, как и ваша встреча с Алисой очень важны для вас, – в этом нет

сомнения.

– Значит, мой муж был прав, разыскивая свою сестру? Значит, она действительно у него была?

– Почему же вы не верили своему мужу? Ведь ещ,, в Венеции, когда вы были невестой, ваш муж рассказывал вам о печальном исчезновении из дома его сестры.

– Да, да, он говорил мне. Но... но... Браццано мне объяснил, что у Эндрию Уодсворда никогда сестры не было, что это психический заскок, своего рода ненормальность.

Лицо пасторши выражало полное недоумение, она смотрела на прекрасного собеседника, словно прося его помочь разобраться в истине.

– Вам ведь, леди Катарина, ваши любовь и доверие к Браццано принесли немало горя. По всей вероятности, вы не раз имели возможность убедиться в его лживости и жестокости к вам, равно как и к вашим дочерям. Пусть же встреча с сестрой вашего мужа и племянником Генри будет для вас рубиконом в жизни. Воочию убедившись во лжи Браццано, отрекитесь от него и всей его шайки вместе с Бондой.

– Если бы вы только знали, мистер Ананда, как разрывается на части мо,, сердце! Я больше ни минуты не могу жить подле этих гнусных людей. Но ведь я сама их призвала и своими собственными руками отдала им сво,, любимое дитя. Как же мне теперь жить? Как вырвать у них Дженни?

– Прежде чем думать об этом, надо самой утвердиться на какой-то нравственной платформе, чтобы цельность мысли и чувства могла настроить на творчество ваш организм. За двумя зайцами погонитесь, – без всего останетесь. Соберите все силы вашей любви, чтобы помочь нам сейчас спасти Алису. Найдите в себе не раскаяние в том, что были неверной женой, плохой матерью, а радость, что можете возратить вашему мужу часть верности, передав Алисе свою запоздалую помощь и заботы.

У Дженни – вам это лучше других известно – есть живой отец, и он ни перед чем не остановится, чтобы доказать свои права на не,,. Если вы прежде не понимали, что Дженни унаследовала довольно отцовских качеств, то за последнее время должны были в этом убедиться. Чувствуете ли вы ещ,, в себе мучительную связь с Браццано?

– Нет, нет! На мне точно пуды тяжести лежали, как вериги давила ужасная клятва, данная Браццано. Но стоило мне провести одну только ночь в доме лорда Бенедикта, и вс,, ушло, точно мне развязали крылья, мне теперь легко, я перестала его бояться.

– Если это так, то вам сейчас следует думать не о борьбе с Браццано, а как защитить Алису. И первым делом должна быть ваша радостная встреча

с леди Цецилией, ваше признание е,, полноправной владелицей капитала, переданного ей по завещанию вашим мужем.

– Бедная моя голова, мистер Ананда. Я, конечно, не собираюсь соглашаться с ложью Браццано, намерений которого до сих пор не понимаю. Но как же я могу е,, признать, если никогда е,, не видела?

– Важно ваше желание не спорить с очевидностью. Важны ваши верность и стойкость, если вы убедитесь, что леди Цецилия не может не быть вашей родственницей. Важно, чтобы в вас не было половинчатости и сомнений. Остальное предоставьте нам.

Ананда встал и предложил леди Катарине спуститься вниз, где он познакомит е,, с леди Цецилией и ещ,, кое с кем. Они прошли по залитой ярким солнцем боковой лестнице вниз, и леди Катарина, ослепленная бившими ей прямо в глаза солнечными лучами, не сразу могла разглядеть, кто стоит перед ней в тени комнаты. Но одну фигуру она увидела ясно, это была е,, дочь в траурном платье. «Алиса», – крикнула мать, протягивая к ней обе руки.

– Я здесь, мамочка, – услышала она сзади голос дочери. Повернувшись и очутившись между двумя Алисами, пасторша закрыла рукой глаза и прошептала: – Мать Божья, да что же это такое? Уж не чары ли это? – Успокойтесь, леди Катарина, – сказал лорд Бенедикт, – леди Цецилия в самом деле разительно похожа на вашу дочь, но вс,, же только через двадцать лет Алиса будет видеть себя такою в зеркале.

Пасторша почувствовала, что лорд Бенедикт взял е,, под руку. Она благодарно взглянула на него и сама удивилась, как ей стало легко и непривычно радостно и какая сильная привязанность рождалась в ней к этому человеку, так недавно казавшемуся всех страшнее.

– Позвольте познакомить вас, – продолжал лорд Бенедикт, – с вашей родственницей, леди Цецилией Уодсворд, по мужу – леди Ричард Ретедли, баронессой Оберсвоуд. А это е,, сын Генри, ваш племянник. Это брат мужа леди Ретедли, капитан Джеймс Ретедли. Остальных вы знаете.

Лорд Бенедикт, продолжая держать под руку пасторшу, подош,,л снова к леди Цецилии, взял и е,, под руку и усадил обеих женщин в кресла по обе стороны от себя.

– Вы вс,, ещ,, не можете опомниться от изумления, леди Катарина, что фамильное сходство может быть таким очевидным. Я думаю, любому эксперту было бы достаточно увидеть вместе этих женщин, – прибавил он, уступая сво,, место Алисе.

Поговорив о ч,,м-то с Анандой, лорд Бенедикт вышел из комнаты.

– Алиса, простишь ли мне когда-нибудь мои грехи перед тобой? – взяв

ручку дочери и глядя в е,, прелестное лицо, тихо спросила мать.

– Мама, дорогая, – опускаясь перед ней на колени и прижимая е,, руки к своим губам, отвечала Алиса, – вы так страдали, что волосы ваши поседели, лицо осунулось, а меня не было рядом, чтобы за вами ухаживать и вас защищать. Боже мой, кто измерит грехи дочери, покинувшей мать в беде!

Из глаз Алисы готовы были брызнуть сл,,зы. Она не отрываясь смотрела в новое для не,, страдальческое и постаревшее и такое тихое, без всегдашнего раздражения лицо матери.

– Где же были мои глаза, дочка, что я не видела, как ты прекрасна? Как спало мо,, сердце, что не слышало, как звучит твоя любовь? И подумать только, ведь что же я должна была сделать через час,– в ужасе говорила пасторша.

– Встань, друг Алиса, – раздался голос лорда Бенедикта. – Я хочу познакомить вас всех с моими друзьями, приехавшими сегодня ночью. Вот это сэр Ут-Уоми, которого некоторые из вас уже знают. А это дядя Ананды, князь Сенжер. Оба они принимают близкое участие в судьбах всех, кто собрался здесь сейчас. Приободритесь, друзья. Перестаньте плакать. В данную минуту нет иных возможностей провести в жизнь завещание пастора, нежели мужественно собрать все свои силы, спокойствие и радость любви к нему. Ни в какие мрачные или трагические моменты жизни нельзя забывать самого главного: радости, что вы ещ,, живы, что можете кому-то помочь, через себя принеся человеку атмосферу мира и защиты.

Каждый из вас сейчас вступает на новую ступень жизни. А в этот миг вам предстоит встретиться со злом. Не с тем абстрактным злом в образе сатаны, о котором вам рассказывали бабушки. Но с тем обычным злом, которое ходит среди нас на двух ногах, таких же как и ваши, и плет,,т сеть лжи, раздражения, предательства и лицемерия.

Что главное для вас при этой встрече? Полное бесстрашие, такт и самообладание. Но силы эти совсем не то, что является результатом вашей воспитанности. Это аспекты той живой ЛЮБВИ, что вы носите в себе. Идите же бороться и побеждать любя. Сострадание к лжецам и обманщикам, точно такое же, как и ко всем страдающим добрым людям, это вовсе не сл,,зы. Сострадать – значит прежде всего мужаться. Так мужаться, чтобы бесстрашное ваше, чистое сердце могло свободно изливать свою любовь. А любовь, пощада и защита – далеко не всегда ласковое, потакающее слово. Это и укор, и поднятие чужой мысли через себя в более высокие сферы, это и удар любящей руки, чтобы, видя, как

падает дух человека, своей силой подкинуть ему огня.

Сейчас мы едем в судебную контору. Вас, леди Катарина, повезут мой друг Ананда вместе с Дорией. Прошу вас, не отпускайте руки Ананды ни на миг. Вот вам браслет, он защитит вас от каверз Бонды, когда вы будете ставить свою подпись под заявлением у адвоката. Остальные знают, как себя вести, и поедут со мной и сэром Ут-Уоми. Через четверть часа мы двинемся в путь.

Леди Катарина, Алиса и Цецилия с Генри, а также Джемс Ретедли объединились вокруг Ананды, словно это был их общий центр, остальные – подле князя Сенжера, сэра Ут-Уоми и лорда Бенедикта.

Проснувшись вскоре и Дженни в то светлое утро, но проснувшись она от стука в дверь. На вопрос сонного Армандо, в чем дело, слуга отвечал, что дядя просит своего племянника немедленно прийти по очень важному делу, совершенно неотложному. Чертыхнувшись, Армандо все же стал сейчас же одеваться, так как хорошо знал, что Бонда не будет беспокоить его без серьезных на то оснований. Ему было досадно покидать молодую жену, в которой он нашёл больше, нежели ожидал. На вчерашнем обеде он заключил с Дженни безмолвный союз, поняв и оценив её хитрость, ум и коварное притворство. Он не сомневался, что хотя Дженни его и не любит, но будет заодно с ним сейчас, ненавидя Бонду с яростью тигрицы, что связывает её с союзником-мужем крепче любви.

Молодожены, перекидываясь шутками в адрес Бонды, лениво поднялись и, полуодетые, решили выпить шоколаду. Но первое супружеское утро им не удалось провести в мире и тишине. Не успели они приняться за шоколад, как к ним ворвался Бонда.

– На каком основании вы переехали? Что за своеволие? Вы ждете, вероятно, чтобы я поучил вас послушанию, – принялся орать Бонда, подражая Браццано.

Глаза Дженни засверкали, но это была уже не та бешеная и не владевшая собой Дженни, которая сидела в карете день назад. Она сжала руку мужа, утихомиривая его, весело засмеялась и сказала:

– Неужели вам, дядюшка, охота быть смешным? Посмотрите на себя в зеркало. Вы как будто всю ночь бродили в тумане по грязи.

И Дженни, продолжая смеяться, показала Бонде пятна грязи на его плаще. Бонда, по рассеянности охвативший тот же плащ вместо другого, приготовленного ему слугой, подозрительно и зло посмотрел на Дженни.

– У вас все, глупости на уме. Где бы я ни бродил, – это никого не касается. А вот где бродит ваша маменька – никому неизвестно.

Дженни, обеспокоенная этими словами, скрыла своё волнение.

– Что же тут удивительного, наверное маме стало скучно в одиночестве, и она уехала к кому-нибудь из своих друзей.

– Скажите пожалуйста, любящая мамаша соскучилась без своего ненаглядного детища! Быть может, она отправилась к лорду Бенедикту, желая повидать сво,, брошенное дитя?

– Да возможность для не,, проникнуть в дом лорда Бенедикта абсолютно равна возможности сделаться вам статуей Мадонны, – хохотала Дженни.

Бонда, успокоенный таким категорическим заявлением, вс,, же старался показать, что он очень обеспокоен.

– Не понимаю вас, дядюшка, – говорила Дженни, брезгливо морщась от запаха винного перегара, распространяемого Бондой. – Чего вы волнуетесь? Мама так ненавидит всех Бенедиктов, что вытащит оттуда Алису из одной только мести. Ну, а я знаю достаточно мамин характер. Если уж она что-то решит, – умр,,т, а до конца дойд,,т. А тут и для не,, и для меня – е,, идола – вопрос жизни и смерти.

На лице Дженни мелькнуло выражение такой беспощадной вражды, что жестокий Бонда, и тот внутренне усмехнулся и поздравил себя с верным союзником, в которого он успел превратить упрямую и своевольную Дженни.

– И вы уверены, очаровательная племянница, что ваша маменька будет точна во вс,,м, что касается моих указаний?

– Думаю, что она будет там раньше вас, а тем более нас, особенно если вы будете продолжать мешать нам одеваться, – вс,, так же мрачно отвечала Дженни.

– Ухожу, через полчаса зайду. Мы поедем вчетвером, Анри будет тоже. А вес,,лый Марто займется другим, не менее вес,,лым делом, – нагло хохоча, прибавил Бонда.

– Неужели вы не оставили, дядюшка, своей вздорной мысли о нападении на особняк лорда Бенедикта? – досадливо морщась, спросил Армандо.

– Я не обязан отчитываться перед тобой в своих действиях, мой милый. И в мои распоряжения не вмешивайся.

– Мой муж совершенно прав. Стремиться проникнуть в дом лорда Бенедикта среди белого дня, против его воли, это просто смешно. Да и что вам там нужно, раз Алиса будет в конторе?

– Вот если бы вы и ваша маменька были женщинами тактичными, я не должен был бы разыгрывать комедию нападения на пустой дом. Просто одна из вас могла бы оставить там кое-что, что мне необходимо.

– Ну, а вы, я повторяю, если вы не будете тактичны и не покинете нас сию же минуту, мы опоздаем, – зло огрызнулась Дженни. – И не возьму в толк, почему непременно ехать всем вместе? Если что-то помешает нам, – вы-то будете вовремя. И наоборот.

– Нет уж. Мы вместе будем в конторе, таков мой приказ. Без мужа вы теперь неправомочны. А ваша маменька, конечно, не решится действовать без вас и будет ждать, как бы мы ни опоздали.

Множество мыслей мелькало в голове у Дженни. Е,, собственное поведение по отношению к матери сейчас казалось ей не только чересчур жестоким, но и небезопасным. Дженни перебирала в уме знакомых матери и решала, куда бы могла пойти пасторша. Нечто похожее на жалость и раскаяние мелькнуло в е,, эгоистической душе. Подгоняемая мужем, Дженни одевалась, совсем забыв о трауре и о том человеке, завещание которого она собиралась теперь оспаривать. Она надела серый костюм с апельсиновой отделкой, что вовсе не шло к е,, рыжим волосам и делало е,, бледнее и старше. Но страсть к ярким расцветкам победила протесты Армандо, советовавшего жене одеться в ч,,рное.

Наконец вся компания уселась в карету и покатила. Армандо, посмотрев на лица своих спутников при дневном свете, был потряс,,н их помятыми щеками, тусклыми глазами и вялостью. Переведя взгляд на Дженни, он даже отодвинулся, так она была неинтересна в ошейнике из апельсинового рюша и в спускавшихся со шляпы лентах, широких и ещ,, более ярких. Обладая природным вкусом, Армандо дал себе слово взять в руки свою супругу в этих делах.

Не проделала коляска и полдороги, как что-то случилось с одной из лошадей. Длительная задержка вывела из себя Бонду. Он предлагал дойти пешком до первого кэба, но Дженни не желала мокнуть под дожд,,м, сменившим утреннее солнце. Они явились в контору, опоздав на полчаса.

Старый адвокат, возмущ,,нный таким нарушением порядка и приличий, по совету лорда Бенедикта вс,, же сдержал свой вспыльчивый характер и не сделал замечания неаккуратным клиентам. Более воспитанный Армандо прин,,с извинения адвокату, объяснив опоздание тем, что лошадь, запряж,,нная в их карету, упала. Анри тем временем впился глазами в свою будущую жену, пораженный е,, красотой. Привыкнув слышать, что Алиса дурнушка, он искал другую подходящую женскую фигуру, боясь, что красавица, стоящая рядом с высоченным красавцем, окажется не Алисой. Дженни тоже уставилась на сестру, необычайно интересную в сво,,м простом траурном платье. Е,, злоба вспыхнула вновь, она раскаивалась, что не надела траура, и еле ответила

презрительным кивком на ласковый привет Алисы. И вс., оглядывалась по сторонам, не обнаруживая матери.

Бонда, такой грубый, властный и самонадеянный всего минуту назад, стал выглядеть каким-то оробевшим, стоило ему встретиться взглядом с лордом Бенедиктом. Он вспомнил свою беспомощность перед дверью пасторского дома, и ему почудилось, что опасность исходит именно от этого великана, которого Браццано обрисовал ему как ничтожного английского глупца.

– Разрешите, лорд Бенедикт, начать, – обратился старый адвокат к Флорентийцу, поклонившись ему, как главному лицу.

– Я протестую, – заявил Бонда. – Нельзя начинать дело о завещании, когда нет главного заинтересованного лица, жены пастора.

– Вы ошибаетесь, – вежливо ответил ему адвокат. – Леди Катарина Уодсворд давно здесь. И только е., любезности вы обязаны тем, что мы всех вас ждем. Она сказала нам, что е., дочь Дженни вчера вышла замуж, и по сути дела она уже не имеет права голоса в сегодняшнем разбирательстве, но...

– Если она не имеет, – перебил его Бонда, – по весьма умным английским законам, то муж е., мой племянник, имеет это право. И от его имени я протестую.

– Во-первых, вашему племяннику не нужен опекун, потому что он совершеннолетний и может сам говорить за себя. Во-вторых, в той части, которая будет разбираться сегодня, завещание касается дочерей лорда Уодсворда только до их замужества. Такова воля завещателя. И дочь его Дженни, вышедшая замуж, не имеет права голоса в признании наследницей леди Ретедли, урожд.,нную Цецилию Уодсворд. Повторяю, мы ждали вас только по желанию леди Катарины и Алисы Уодсворд. А так как последняя несовершеннолетняя, то с согласия и любезности лорда Бенедикта, е., опекуна.

– Я не вижу здесь своей матери, если мои глаза вообще что-нибудь видят, – иронически заметила взбешенная Дженни, уязвленная в самое сердце шуткой, сыгранной с нею Бондой, который уверил е., что сила е., влияния в решении вопроса о завещании удвоится с момента е., выхода замуж.

Бонда, очевидно, не ожидал такого поворота дела, поспешив связать Дженни с Армандо узами нерасторжимого английского брака.

– Я здесь, Дженни, – послышался слабый голос, так мало походивший на могучий голос пасторши. И к столу адвоката подошла поддерживаемая Анандой и Дорией тень той, что Дженни привыкла звать матерью.

У Дженни и всех е,, спутников вырвались испуганные восклицания. Увидев вместо матери седое привидение, Дженни не смогла удержать дрожи страха и раскаяния. Ища выхода этим чувствам, она обрушилась всей силой ненависти на лорда Бенедикта, считая его причиной такой перемены в матери. А Бонда и оба его приятеля, увидев Ананду, почувствовали, как плохо держит их земля. Когда адвокат спросил пасторшу, призна,,т ли она леди Цецилию единственной наследницей капитала, завещанного ей пастором, и отказывается ли она от процентов с него, леди Катарина ответила, что против очевидного спорить не может.

– Да неужели же вы, мама, не видите, что вас одурачили? На кого вы похожи? Где вы были вс,, это время? Вы, верно, провели ночь в аду. Какую ещ,, леди Цецилию вам подсунули эти люди?

Дженни была уже так одержима раздражением, что никакие старания мужа привести е,, в чувство не помогали. Адвокат попросил мистера Тендля пригласить из соседней комнаты сестру пастора Уодсворда и е,, сына Генри. Через минуту в комнату вошла леди Цецилия Уодсворд под руку с сэром Ут-Уоми, рядом были Генри и капитан Джеймс Ретедли. Увидев входившего сэра Уоми, Бонда тяжело опустился на стул. А Дженни застыла в безмолвном изумлении, когда увидела двух Алис, стоявших рядом, только разного возраста.

– Я повторяю свой вопрос, леди Катарина Уодсворд, призна,,те ли вы леди Цецилию Ретедли тем самым лицом, которому ваш муж завещал капитал? Отказываетесь ли вы от процентов, на которые заявили свои права?

– Признаю и отказываюсь, – тихо и внятно произнесла пасторша.

– Опекун несовершеннолетней Алисы Уодсворд, лорд Бенедикт, призна,,те ли вы и ваша подопечная леди Цецилию Ретедли родной сестрой пастора и согласны ли на вручение ей немедленно всего завещанного ей капитала?

– Я признаю леди Цецилию своей родной т,,ткой и прошу вручить ей давно принадлежащий ей капитал, – ответила Алиса.

– Я же, как опекун Алисы Уодсворд, даю вам юридическое право на немедленное вручение леди Цецилии всего капитала.

В бешенстве Бонда бросился к пасторше, чтобы схватить е,, за руку, но тотчас же отлетел в сторону и едва устоял на ногах, споткнувшись о табуретку. Бонда отлично понял, что табуретка тут ни при ч,,м, что именно толчок, исходивший от Ананды, заставил его покачнуться в тот момент, когда он хотел схватить руку пасторши, чтобы накинуть на не,, ожерелье для Алисы. Помня, как печально окончилась для Браццано его борьба с

сэр Уоми в Константинополе, Бонда не решился больше действовать сам. Он сунул ожерелье в руки Дженни и приказал ей, стараясь говорить как можно тише, подойти к Алисе, приласкать девушку и набросить ей ожерелье на шею. Зная цену висевшего на е,, собственной шее собачьего ошейника Бонды и ненавидя сестру со всей злобой, на которую она была способна, Дженни очень хотела выполнить его приказание.

– Алиса, подойди, пожалуйста, ко мне. Мне надо тебе кое-что сказать, да и обнять тебя хочется. Мы так давно с тобой не виделись.

Видя, что Дженни сделала несколько шагов по направлению к Алисе, пасторша выказала явные признаки беспокойства. Но лорд Бенедикт продолжал держать Алису под руку, та не трогалась с места, и пасторша успокоилась и даже улыбнулась Алисе.

– Я очень рада, милая Дженни, что ты хочешь со мной поговорить. Но я не считаю уместным беседовать с тобой здесь. Ты можешь посетить меня в доме моего опекуна, и мы с тобой проведем там времени столько, сколько ты захочешь.

Дженни сделала ещ,, несколько шагов, но на лице е,, уже читался страх.

– Подойдите сюда и перестаньте так бояться этих людей, стоящих за вашей спиной, – сказал лорд Бенедикт. – Здесь, в мо,,м присутствии, никто из них ничего сделать вам не может.

Дженни послушно подошла к Алисе, глядя на лорда Бенедикта.

– Действуйте же, – крикнул ей в бешенстве Бонда. Он хотел сам подбежать к Дженни, но сэр Ут-Уоми стоял на его пути. Армандо и Анри тоже пытались было к ней приблизиться, но взгляд Ананды не давал им двинуться с места.

– Протяните мне обе ваши руки, несчастная Дженни, – снова раздался голос Флорентийца. – Держите ту отвратительную вещь, что дал вам Бонда, превращая вас в одну из самых злобных и гнусных предательниц.

Когда Дженни протянула руки, в которых сверкало ожерелье Бонды, Флорентиец коснулся его палочкой. Оно свернулось, точно горящая бумага, бесшумно разорвалось пополам и упало на пол, превратившись в порошок. Бонда, Армандо, Анри – все издали крик ужаса.

– Вы видите, Дженни, чего стоят уверения ваших приятелей и чего стоит самая их власть, – снова сказал лорд Бенедикт.

Несчастливая Дженни схватила собственное ожерелье, стала его рвать во все стороны, натирая свою нежную шею. Бонда и Армандо, оба хотели броситься на несчастную, и выражение лиц достаточно ярко передавало их чувства и намерения. Но взгляд Флорентийца пригвоздил их к месту, всего

в шаге от бесновавшейся Дженни.

– Сейчас вы убеждаетесь, Дженни, как ничтожна для силы света власть тьмы и зла. И тем не менее вас она держит в плену и владеет вами, как жалкой рабой. Одно мгновение любви и самоотвержения помогло вашей матери перешагнуть ту ужасную черту, за которой гибнете вы. Перестаньте терзать этот страшный ошейник. Его сила в вашей злобе. Если бы еще, минуто назад, когда этот злодей дал вам то, что теперь превратилось в кучку серой золы, вы пожалели бы ни в чем неповинную сестру, я мог бы еще, спасти вас. Теперь же, только во имя любви и чистоты того человека, в доме которого вы выросли и которого звали отцом...

Слова лорда Бенедикта были прерваны диким хохотом Бонды и раздирающими рыданиями пасторши. От прикосновения Ананды ее рыдания стихли. А хохот уродливо раскрывшего рот Бонды внезапно оборвался. В наступившей тишине лорд Бенедикт продолжал:

– Защита пастора, его мольбы о вашем спасении – все, рушится перед стеной вашей собственной злобы, зависти и раздражения. Все, что во имя того чудесного человека, которого вы звали отцом, я могу еще сделать для вас, это не оставить вас навеки рабой в руках этих людей. Я могу дать вам возможность и надежду вырваться из сетей зла, если когданибудь сердце ваше откроется для любви и доброты. Повернитесь ко мне спиной.

Когда Дженни повернулась, лорд Бенедикт вложил в руку Алисы свою палочку и сказал ей:

– Хочешь ли, Алиса, помочь сестре и открыть ей путь в твой дом, когда отчаяние пробудит в ее сердце любовь и она станет взывать к милосердию?

Алиса ответила утвердительно. Тогда лорд Бенедикт взял ее руку с палочкой в свои и коснулся ожерелья на шее Дженни. Дженни громко вскрикнула, вздрогнула, и в тот же миг ее ожерелье оказалось на полу в виде кучки битого стекла. – Повернитесь ко мне и подойдите ближе, Дженни. Дженни почти вплотную подошла к Алисе. Лорд Бенедикт, все так же держа руку Алисы в своих, велел ей коснуться концом палочки груди Дженни и медленно, глядя ей в глаза, сказал:

– Любовь сестры и любовь пастора защищают вас от вечной гибели. Помните о Свете на пути каждого человека даже в самые мрачные минуты его жизни. Помните, что жизнь – это доброта и милосердие. Достигают истинных результатов в жизни только с их помощью. Нет для человека безнадельности, милосердие не знает пределов и у пощады нет отказа. Ничья злая, жадная и наглая рука никогда не положит на вас ярма. Вы не будете ее рабой. И всякая злоба найдется в вас сообщницу и рабыню только

тогда, когда вы сами выберете е,, в спутницы, допуская в свои дела и привлекая е,, своим раздражением, предательством и ложью.

Идите. Вы выбрали себе путь добровольно, трижды оттолкнув руку помощи, что я вам протягивал. Вы связали себя с вашими сообщниками более крепкими канатами, чем это ожерелье, которому вы приписывали магическую силу. Магической силой было ваше злое сердце. Идите, защищенная от вечного порабощения. Но помочь себе вы можете только сами, привлекая подобное. Перестаньте бояться гадов, вертящихся вокруг вас. В близком будущем они задохнутся в кольце собственного зла. Но вся ваша жизнь станет адом, если вы не пойм,,те, что постоянная фальшь вашего поведения, ваша ненависть или полное равнодушие к людям делают вас рабой собственных страстей.

Дженни стояла, безмолвно глядя в лицо лорда Бенедикта. – И вс,, же я ненавижу Алису, ненавижу даже мать, изменившую мне для вас, и... ненавижу вас. Не верю ни в какую вашу силу. Просто ваши штуки сильнее, чем фокусы Бонды. Но Бонда не самый главный член в своей акционерной компании, а простой исполнитель, как и ваши клерки вроде мистера Тендля. – со злобным сарказмом заключила свою тираду Дженни, поглядев на горестно слушавшего е,, Тендля.– Вы не сомневайтесь, конечно, – минуту помолчав, запальчиво продолжала Дженни, – что я никак не могу оказаться в роли прислужницы, исполняющей чужую волю. Вроде моей сестрицы и всех этих безвольных людей, окружающих вас в сию минуту. Я сама буду иметь штат собственных слуг.

Снова хохот Бонды прервал Дженни, но одного жеста лорда Бенедикта было достаточно, чтобы он замолчал и скорчился.

– Знайте же, Дженни, что во имя любви и прощения пастора оскорбленный и столь презрительно разглядываемый вами Тендль будет тем человеком, который когда-нибудь спас,,т вас и приведет,,т к Алисе. В том, чьей слугой вам придется быть и какой ужас ждет вас там, куда вы попад,,те, Дженни, очень скоро в этом вы убедитесь сами. Помните только, что закон пощады защитит вас тогда, когда вы начн,,те творить любя, а не ненавидя, как делаете это сейчас. Лорд Бенедикт повернулся к Бонде и его спутникам: – Чтобы вы не смогли позабыть, как склонились перед силой добра, идите отсюда прочь, непрестанно кланяясь в пояс. И до т,,мной ночи изображайте китайских болванчиков. Бойтесь новой встречи со мной или с кем-либо из тех, кто близок мне. Что же касается купленной вами банды, то ей проникнуть в дом не удалось, конечно.

И за попытку ворваться в мою личную комнату ваш, Бонда, пьяница Мартин уже дорого поплатился. А чтобы не нарушать ничем тишины, –

говорить иначе, как ш,,потом, и не смейте.

Внезапно Дженни и трое е,, спутников стали кланяться в пояс. Их усилия преодолеть сгибавшую их спины силу выражались в такой комической форме, что Генри, за ним Тендль, все клерки, наконец, сам старый адвокат и капитан – все покатались со смеху. Алиса и леди Цецилия в ужасе закрыли лицо руками. Дория успокаивала бившуюся в истерике пасторшу.

В одно из мгновений, когда ему удалось разогнуться и он решил, что внимание Ананды ослаблено, Бонда бросил вер,,вку, как лассо, в сторону пасторши. Но вер,,вка, не коснувшись е,, шеи, была поймана Анандой и отброшена назад: она охватила шею Бонды, его руки, талию. Бонда вскрикнул, упал, терзая на себе вер,,вку, так же как терзала здесь же недавно Дженни сво,, ожерелье.

– Иди, злодей, в этом украшении. И пусть оно давит тебя, как символ того зла, что натворил ты в жизни. Один только Браццано теперь сможет снять е,, с тебя. И то потому, что чистая душа дала ему слезу милосердия и поцелуй любви. Вот эта-то капля чистого милосердия и сможет тебе помочь. Но сумел ли ты выслужиться перед Браццано так, чтобы он захотел тебе помочь, – это уже твой вопрос.

– У лорда Бенедикта нам пощады не будет, – взмолилась рыдающая Дженни. Она протянула руки к сэру Уоми. – Пощадите нас вы. Не делайте меня и людей этих посмешищем в первый же день моей супружеской жизни. Я... я... ненавижу вас не могу. Мне смотреть в ваши глаза страшно, точно в них я читаю весь ужас своей судьбы. Но... я преклоняюсь перед вами, я молю вас, помогите.

– Скажите, бедняжка, можете ли вы вспомнить хотя бы одно существо, которому вы помогли? – спросил сэр Уоми. Его голос, и всегда ласковый и нежный, походил теперь на звуки мелодичной арфы. – Знаете ли вы, что человек это арфа Бога, струны которой славят мировую Жизнь. Знаете ли вы, что сл,,зы и скорби людей это пыльца Господня, превращающая человека в чудесный цветок. Знаете ли вы, что каждая встреча это крылья, предназначенные для того, чтобы собирать пыльцу Господню в чашу своего сердца и изливать е,, как любовь, как отклик радости на скорбящую землю.

Пусть сегодня, в чаше моего сердца, смешается яд вашей злобы и сл,,з с моим состраданием. И пусть ужас той минуты, когда жалкое существо назовет вас дочерью, вступит в мо,, сердце и в н,,м найд,,т утешение. Идите. Я взял на себя – во имя безмолвных просьб вашей матери, сестры и т,,тки – ваше наказание. Но я сам освободить вас от него не могу. Мой брат и Учитель Флорентиец, молю тебя, разреши мне принять участие в борьбе

Ананды и пощади ещ,, один раз этих несчастных, – низко кланяясь лорду Бенедикту, сказал сэр Уоми.

– Да будет, как ты желаешь, мой друг и брат, – возвращая ему поклон, ответил Флорентиец. – Но если хоть один ещ,, раз кто-то из ваших приятелей, Дженни, осмелится коснуться Алисы или вашей матери, то и вы, и они иначе чем на четвереньках передвигаться не смогут до конца своих дней. Ступайте. Ты же, злодей, – обратился он к Бонде, – молчи сегодня весь день. И говорить будешь потом только щ,,потом. Сними свою вер,,вку и брось е,, в камин.

Отерев пот, градом катившийся с их лиц, Дженни и е,, спутники поспешили покинуть контору.

Выполнив все необходимые формальности, поддерживая до крайности потряс,,нных Алису и леди Цецилию и почти лишившуюся чувств пасторшу, обитатели дома лорда Бенедикта возвратились к себе.

За эти несколько часов их отсутствия всегда тихий и спокойный дом превратился в лагерь, осаждаемый со всех сторон. Не прошло и получаса с момента отъезда лорда Бенедикта, как к главному крыльцу особняка подкатили три большие кареты с людьми в маскарадных костюмах. У кого-то из ряженных были в руках музыкальные инструменты, кто-то пел песни – словом, карнавальная сценка была разыграна так удачно, что полисмены не остановили шумную компанию, решив, что это звать развлекается столь оригинальным способом. Вес,,лая компания принялась стучать в двери не только дверным молотком, но и палками и кулаками, барабанить в окна холла, выказывая нетерпение. Одновременно у других дверей толпились нищие, якобы привлеч,,нные вес,,лым праздником в надежде получить щедрую милостыню.

Князь Сенжер приказал слугам оставаться на своих местах. Амедея и Сандру он поставил в холле у самых дверей и дал им пульверизаторы, сказав, что если снаружи будут очень уж безобразничать, то следует брызнуть в замочную скважину. Смеясь, он объяснил, что для жизни и здоровья жидкость абсолютно безвредна, но запах е,, невыносим. Кроме того, картон и бумага расползутся и руки почернеют. Это перепугает хулиганов.

Артура князь Сенжер поставил у боковой двери, дав ему такой же пульверизатор, и велел завернуть болты на железной двери ч,,рного хода. Сам он стал рядом с Артуром, словно чего-то выжидая.

Среди нищих особенно выделялся монах; то моля о корке хлеба, то кощунствуя и хохоча, он потешал собравшийся вокруг сброд. Подговаривая оборванцев шуметь как можно больше, он стал перелезать через железный

забор. Толстый прут был вырван из каменного фундамента заблаговременно принесенными с собой инструментами, и оборванец в рясе очутился в саду. Приказав спутникам орать еще громче, он стал красться вдоль стены к кабинету лорда Бенедикта, будучи, очевидно, очень хорошо осведомленным о его расположении. Князь Сенжер велел Артуру обрызгать ближайших бродяг и повторить маневр, когда их сменят другие. Сам же отправился в кабинет Флорентийца, подошел к окну и укрылся за портьерой. Его тонкий слух различал сквозь толстые стены крадущиеся шаги. Сквозь небольшую щель между портьерой и окном князь Сенжер видел, как бродяга прильнул к стеклу, убедился, что в комнате никого нет, и через миг в его руке сверкнул алмаз, которым он стал вырезать стекло. Быстро и ловко справившись с этой задачей, он влез внутрь. Прислушиваясь, бродяга стал осматривать прекрасную комнату. Затем он снял грязные туфли и подошел к двери, ведущей в соседнее помещение. Вытащив из кармана связку отмычек, он приготовился уже открывать замок, как вдруг тихий и властный голос пригвоздил его к месту:

– Остановись, несчастный, кинь то, что держишь, в камин и стой там, если не желаешь, чтобы тебя сейчас же раздавила плита, которая на тебя спускается.

Вскинув голову, бродяга едва успел отскочить и хотел было броситься на стоявшего посреди комнаты невысокого стройного человека. Но тут же схватился за горло, как будто его что-то душило, и поспешно направил свои шаги к камину. Там он сел на медную решетку, не имея сил держаться на ногах.

Бродяга попытался спрятать отмычки в карман, но огненный взгляд темных глаз незнакомца жг его. Весь дрожа, он послушно положил связку в камин, но все еще, не теряя самообладания и бормоча какие-то заклятия, стал шарить у себя на груди и вытащил из-под рясы какой-то треугольник, направив его острием во все, так же спокойно стоявшего посреди комнаты князя Сенжера. Держа свой треугольник, в котором что-то сверкало, он почувствовал себя увереннее и осмелился взглянуть на своего визави. И был огорошен тем, что незнакомец добродушно смеется. Бешенство вырвалось десятком грязных ругательств из уст Мартина, ибо это был он, предводитель всей банды.

– Ты что смеешься? Верно, не чувствуешь, что пришел твой последний час. Мой камень мигом свалит тебя с ног, хоть ты и разделся в роскошный костюм. Ну, вались, говорю. – И злодей вытянул свою руку по направлению к стоявшему князю.

Лицо князя стало серьезно и даже сурово. – Если еще одну минуту ты

промедлишь, – снова закричал Мартин, – я свистну и позову сюда моих товарищей. Тогда тебе несдобровать.

– Попробуй, – тихо ответил ему князь, едва подняв кисть руки в сторону Мартина. Тот не устоял на ногах и сел на медный лист у камина, с трудом дыша и покрывшись потом.

– Куда ты осмелился проникнуть, несчастный? И что ты взял на себя? Что руководило тобой, когда ты соглашался осквернить эти комнаты?

– Бонда обещал мне целое состояние, если я отобью кусок зел,,ной чаши с мраморного стола в той комнате, – весь дрожа от страха, ответил Мартин. – О, не приближайтесь, только не приближайтесь! – в ужасе закричал он, увидев, что князь сделал шаг по направлению к нему.

– У тебя ещ,, есть время раскаяться. Ты ещ,, можешь осознать весь ужас того, что делаешь сейчас, увидеть, среди какой грязи ты жив,,шь. Сложи всю дребедень, которой тебя наградил Бонда, в камин, обещай мне трудиться честно, и я спасу тебя от твоей страшной шайки. Я дам тебе возможность снова стать человеком и почувствовать радость освобожденной и чистой жизни.

– Как бы не так! Сил,,нки-то не хватает одолеть мой камень, так блеешь овечкой. Держись крепче.

И злодей попытался снова вытянуть руку со своим треугольником. И снова тот же мягкий жест князя заставил его отд,,рнуть с проклятием руку.

– В последний раз я тебе предлагаю, хочешь ли ты начать чистую, новую жизнь? Ты убедился сейчас, что злодейство бессильно против любви, е,, знаний и силы. Взгляни внимательно в сво,, сердце. Что ты там видишь? Что есть там, кроме лжи, предательства, измены? Просмотри всю свою жизнь. С тех пор как ты предал мать, ограбил сест,,р, бросил женщину с реб,,нком в нужде и голоде, было ли счастье в твоей жизни? Радовался ли ты хоть раз? Неужели жизнь в вечном страхе прельщает тебя? Сегодня ты приш,,л грабить и кощунствовать. Завтра пошлют убивать, тоже пойд,,шь?

Бродяга молчал, опустив голову, и угрюмо смотрел в пол. Ни один мускул на его лице не говорил о том, что он сожалеет о погубленной жизни. Недоумение оттого, что противник осведомл,,н о его прошлой жизни, тупое упорство, жестокость и хитрость мелькали на его лице, он как-то фыркнул и дерзко сказал:

– Ладно, вижу, что ты, брат, из нашей же компании и сумел раньше меня залезть сюда. Я согласен поделиться с тобой всем, что раздобудем здесь и получим от Бонды. Но вс,, что я унесу с мраморного стола в той комнате, – только мо,,. Я должен убить Ананду, он насолил немало нашему

дорогому Браццано.

Мартин не закончил своего торга. Сенжер медленно поднял вверх руку и так же медленно и внятно заговорил:

– Милосердие не знает наказания. Запомни: вс,, что совершается с человеком, он творит для себя сам. Как бы безмерно грешен ни был человек, мгновение его до конца самоотверженной любви выносит его из кольца преступлений и ошибок и сливает со светлыми силами. Стоило тебе воззвать к Любви, – и она вырвала бы тебя из когтей смерти во зле. Но ты уже не можешь воскреснуть к Любви. В тебе омертвела та частица Жизни, что да,,тся каждому. Сознание тво,, потухло, и жить тебе на земле больше не к чему. Тво,, сердце больше не способно к творчеству. Оно заботится только о себе одном, о своих скотских инстинктах. Человек, живущий во зле, одними личными страстями, не нужен жизни Вселенной, а потому не нужен и земле. Дабы оказать тебе последнее милосердие, приказываю тебе: вс,, что на тебе надето чужого, все украденные тобою у твоих же товарищей драгоценности сложи в камин. И уходи. Ты слышишь, как твои сообщники убегают. Спешу. Если тебя застанет здесь хозяин дома, тебе придется плохо. Ступай домой, кое-как дополз,,шь. Там расскажешь обо вс,,м тем, кто был так жесток, что послал тебя сюда, и забудешь навсегда об этом доме. Помнить будешь только, что жить в мерзости нельзя. В тоске и страхе, ничем не удовлетворяясь, влачи свои дни, пока не смилостивится над тобою смерть.

Как дикий зверь, срывал с себя Мартин какие-то мешочки, драгоценности, коробочки и бросал в камин.

– Возьми горящую свечу и подожги собственной рукой все свои яды и наговор,,нные талисманы, жалкий пьяница и мелкий воришка.

Послушно, но с большим трудом Мартин старался исполнить приказание. Пламя разгоралось туго, вспыхивало и опять угасало. Наконец Сенжер оросил в огонь какую-то коробочку, раздался треск, от которого перепуганный Мартин бросился бежать. Он напрягал все силы, чтобы выбраться из окна, в которое так легко влез. И вс,, же никак не мог перебросить наружу тела. Он завизжал от ужаса и стал молить о помощи.

– Ступай, я сказал. Надень свои грязные туфли и уходи. Язвы на тво,,м теле, что уже кровоточат, не мо,, тебе наказание, а результат ядов, что ты по своей невежественности носил на себе слишком долго. Твои сообщники сделали из тебя живой ходячий шкаф, в котором хранили свои сокровища. А ты, по глупости, погубил свой организм, и теперь спасения тебе нет.

Перепуганный, обессиленный и до последней степени расстроенный, Мартин выбрался из окна, с трудом пролез в проделанное им отверстие в

заборе и шатаясь, как пьяный, потащился прочь. Странные, давно забытые мысли бродили в мозгу Мартина. Ни с того ни с сего он стал вдруг вспоминать сво,, детство, мать, как она его любила и ласкала и как он, подзуживаемый угрюмым соседом, старался ей дерзить и отвечать грубостью на е,, ласки и заботу.

Мартин не понимал, почему сосед радовался, когда он расстраивал свою мать. Но вкусные пирожки и конфеты, которыми его одаривали за каждую ссору с матерью, побуждали его искать вс,, новые предлоги для этого. Почему именно сейчас думал Мартин о сво,,м одиночестве, о том, что во вс,,м мире нет сердца, которое бы его любило, он и сам не знал. Всю свою жизнь он издевался над любовью. Никогда и не вспоминал, что у него где-то есть сын, а сейчас он дорого бы дал, чтобы иметь возможность назвать какое-то живое существо сыном.

Вс,, путалось в голове у несчастного. Он еле соображал, как найти дорогу в отвратительную харчевню, где несколько часов назад он оставил сво,, платье и весело кривлялся и кощунствовал, переодеваясь в рясу. Теперь хохот пьяных матросов, преграждавших ему дорогу и спрашивавших, где он так нализался среди бела дня, докучал ему и отравлял и без того тяж,,лый путь. Еле живой добрался Мартин до своей гостиницы, мечтая о тишине, одиночестве и постели. Больше всего он боялся сейчас встречи с Бондой или Дженни с е,, острыми глазами. Он даже не понимал хорошенько, почему он их так боится. Но мечтал об одном – как бы проскользнуть незамеченным.

Благополучно добравшись до своей комнаты, он решил, что Бонда с приятелями ещ,, не вернулся, бросился к вину, всегда ожидавшему его на столе, и повалился на постель с единственной мечтой: заснуть покрепче и ни о ч,,м не думать. Мартину и в голову не приходило, что Бонда сидит в своих комнатах один, всеми брошенный, не имея сил выговорить ни слова. А Дженни с Армандо и Анри, изнур,,нные, огорошенные и ещ,, более озлобленные, сидят у себя в ожидании обеда и каких-либо известий именно от Мартина.

Единственной мыслью Дженни в конце е,, первого дня супружеской жизни была мысль о мести изменившей ей матери и окончательно теперь ненавидимой ею сестре.

Больше ни о ч,,м не думала Дженни. Только бы уничтожить силу лорда Бенедикта, не позволявшую ей добраться до Алисы.

Что же касается того милосердного, кому она сама призналась, что ненавидеть его не может, – о н,,м она сейчас напрочь забыла.

Она унесла с собой из конторы ужасающий страх перед грозным

лордом Бенедиктом и не менее жгучую к нему ненависть.

ГЛАВА 17 МАТЬ И ДОЧЬ. ДЖЕМС И АНАНДА. АНАНДА И ПАСТОРША. ЖИЗНЕННЫЕ ПЛАНЫ НИКОЛАЯ И ДОРИИ На следующий день жизнь в доме лорда Бенедикта пошла обычным чередом, если не считать тяж,,лой болезни пасторши, за которой ухаживали Алиса с Дорией и которую лечил Ананда под руководством своего дяди князя Сенжера. Леди Катарина никого не узнавала, и в е,, расстроенном мозгу вс,, время мелькала тень пастора, побеждавшего в борьбе Браццано, о ч,,м пасторша говорила в бреду.

Лорд Бенедикт защ,,л к Алисе, нежно обнял е,, потряс,,нную сценами в судебной конторе, и объяснил, что бред е,, матери отнюдь не отражает истины. И что через несколько дней мать е,, будет здорова.

– Тебе же, Алиса, надо очень и очень подумать обо вс,,м, что за последнее время тебе пришлось пережить, увидеть и наблюдать. Ты знаешь свой великий урок, знаешь, что предназначено тебе выполнить в это воплощение. Но я тебе уже говорил, что «может» не значит «будет». Только бесстрашные сердца могут выполнить предназначенное. Бестрепетность ученика, его бесстрашие – это только его верность Учителю. Если всей своей верностью он ид,,т за Учителем, он не спрашивает объяснений, он ид,,т так, как видит и вед,,т его Учитель.

Сейчас так сплелись судьбы и кармы большого кольца людей, что ты имеешь возможность видеть меня каждую минуту, можешь прибежать ко мне и взять меня за руку. Но не всю жизнь ты будешь подле меня. Обдумай, хватит ли у тебя сил пройти весь путь в разлуке со мной так, как будто бы я всегда рядом и во всех делах жизни ты держишь меня за руку. – Не продолжайте, мой друг, мой отец, мой наставник, – опускаясь на колени и приникая к руке Флорентийца, сказала Алиса. – Нет иной жизни для меня, чем жизнь в вечной верности вам, в единении с вашим трудом и путями. Я не ищущу ни наград, ни похвал, я знаю, как трудно человеку на земле, с его закрепощ,,нностью в страстях и личных привязанностях. Я пойду всюду так, как повед,,т меня и пойд,,т по земле через меня ваша любовь. Я буду стараться в полном самообладании, с тактом, приносить каждой достойной душе вашу помощь и мир. Я знаю, как скромно мо,, место во Вселенной. Я полна смирения и радости и хочу быть усердной в тех скромных трудах и задачах, что вы мне поручаете.

– Встань, дитя, и выслушай меня. Сейчас я поеду к родителям Лизы, чтобы уговорить их не делать выставки из свадьбы дочери, а просто и тихо обвенчать е,, с капитаном. И вторая моя задача – убедить стариков

возвратиться на родину, предоставив детям одним уехать с нами в Америку.

Наль не переносит качки, а в сво,,м положении будет переносить е,, много хуже. Лиза, хоть и привыкшая к морю, поднимется на пароход, неся в себе плод будущего реб,,нка, и на этот раз тоже будет страдать. Дория неотлучно будет при твоей матери, которую мы оставим здесь на попечение Ананды и Сенжера. И Наль, и Лиза свалятся на одни твои слабые руки. Ибо леди Цецилия тоже будет плоха в пути, но у не,, есть Генри.

В этот момент ты одна, самостоятельно, можешь решить: хочешь ли ты ухаживать за двумя тяжело страдающими женщинами? Хочешь ли и дальше помогать Лизе, беременность которой будет чрезвычайно тяжела не только ей, но и всем окружающим. Лиза будет очень раздражительна и не всегда к тебе справедлива, но... перед тем, кого она вынесет в жизнь, ты, дитя, виновата.

Когда-то давным-давно тебя любил и надеялся стать твоим мужем этот будущий человек, а ты осмеяла его и отвергла. Он отомстил, предав тебя, и ты пошла на казнь. Теперь тебе предоставляется возможность добротой и милосердием помочь ему заслужить тво,, прощение. Но мало простить человека за его грех перед тобой. Надо помочь ещ,, создать семью, куда он прид,,т. Надо напер,,д развязать карму, чтобы он приш,,л свободным и чтобы именно тво,, сердце – творчеством доброты – сделало радостным его земной приют.

– Какое счастье! Какое счастье быть полезной Наль и Лизе, да ещ,, искупить свой грех в труде для них. О, если бы папа ещ,, жил, как бы он радовался в эту минуту, – вся сияя, отвечала Алиса.

– Дитя мо,, как бы ты ни была тверда в решении этих вопросов в эту минуту, подумай ещ,, раз, прежде чем ответишь мне. Пока ты будешь ухаживать за своими подругами, пока у обеих женщин не родятся их первенцы и далее, первое время, вся внешняя жизнь, наука, искусство, театры, – вс,, будет закрыто для тебя. Ты будешь главной осью всех домашних серых забот. Но матери будут страдать для собственных детей, а ты...

– А я без страданий буду наслаждаться счастьем жить, нянча сразу двоих детей. Зачем нам больше говорить об этом, мой Учитель. Я иду. Вы подле нас в эту минуту. Какое счастье может быть выше жизни подле вас! Лишь бы жить в той чистоте, которая не мешала бы вам изливать ваше милосердие через наши грубые тела. Там, где не можете действовать вы, потому что атмосфера слишком низка для вас, пусть там верность наша поможет вам действовать через нас так, как вы считаете нужным. Я знаю, что Лиза вспыльчива и неустойчива, раздражительна и требовательна. Но я

знаю и то, что там, где жив,,т истинный талант, жив,,т и громадная трудоспособность. Она будет владеть собой, потому что научится восходить на вершину вдохновения. Я думаю, неорганизованное, неустойчивое существо не может носить в себе истинный талант. Или же оно должно рано умереть. Ведь гений разорит всякого, кто не может воспитать в себе полное самообладание и войти в гармонию со своим даром. Если Лизе суждено жить в высоком искусстве, она научится владеть собой. Я же буду счастлива быть ей пробным камнем любви в е,, труде над собой. Зная вас, это так легко.

– Спасибо, друг Алиса, поистине редко бывает счастлив ведущий тем, что имеет подле себя такое сокровище – живую чашу мира и любви. Будь благословенна. Иди, любимая и любящая, и храни в мире всех тех, кто тебе повстречается. Никогда и ничего не бойся. Ты жив,,шь, чтобы радостью защищать тех, кто встретился тебе.

Флорентиец обнял Алису, отпустил е,, и уехал к родителям Лизы, где назначил свидание Джемсу.

Не успел он войти в гостиную графов Е., как сразу обнаружил полный разлад между «отцами и детьми». И графиня сразу же начала жаловаться. Она утверждала, что дети, несомненно, рассказали деду в письме, что их ждет помпезное бракосочетание сразу в двух церквах, которое затевают родители, считая, что брак только тогда станет действительным, когда будут соблюдены формальности обеих религий. А граф полагал к тому же, что Лизе необходимо завязать свои знакомства, опираясь на высокие связи деда и отца. И приступить к этому удобнее всего за брачным пиром.

В сво,,м письме дед, так редко вмешивавшийся в семейные дела сына, категорически потребовал, чтобы свадьба его внучки была как можно тише и скромнее. И чтобы родители возвращались в Гурзуф, предоставив новобрачным самостоятельно путешествовать и пожить так, как они сами найдут для себя нужным.

– Ну, представьте себе, лорд Бенедикт, как я могу отпустить свою несовершеннолетнюю дочь одну в путешествие? Да ещ,, Джемс придумал эту дикую поездку в Америку. Кроме того, каково это пережить, что Лиза писала деду потихоньку от меня. Значит, она тяготится нами. И сразу же променяла нас на жениха.

– У нас уже был однажды разговор почти на ту же тему. Не буду повторяться, графиня. Мне кажется, что вы хорошо вспомнили в эту минуту, что я вам говорил тогда. Сейчас скажу только одно: не могу поверить, чтобы Лиза или капитан прибегали к каким-либо секретным путям у вас за спиной. Оба они так честны и благородны, что найдут в

самих себе силы защищать сво., мнение в прямом разговоре. Я опускаю вашу реплику, кого и как и на кого променяла в своей любви Лиза. Это недостойно вас. И вам самой, я думаю, тяжело, что в вас живут такие мысли.

Поговорим о мнении вашего тестя. Мне думается, что он глубоко прав. Для кого вы затеваете всю эту шумиху? Если признаетесь честно, – только для себя и мужа. Вам хочется теперь сделать вс., так, как вы желали бы, чтобы было сделано для вас на вашей сравнительно тихой и небогатой свадьбе. Вся эта внешняя суета, графиня, что она имеет общего с любовью? Вы говорите, что не можете допустить, чтобы дочь жила и ездила по белу свету одна. Допустим, минуя всякий здравый смысл, что это так. О ком вы думаете, когда так беспокоитесь? О ней или о себе? Чем можете вы ей помочь, если прид.,т беда? Вы так тверды, что в любой панике способны внушить ей мир и спокойствие? Вы можете удержать е., от любого необдуманного шага?

Я думаю, что вы очень добры, великодушны, благородны. Но ваша жизнь вся в порывах и изломах. Часто ли вы умели удержаться от залпа слов, которыми оглушали ваших близких? Если у Лизы слабое здоровье, то именно бурной своей несдержанностью вы способствовали е., неустойчивости. Об этом не раз говорил вам наедине е., дед, так пламенно защищавший вас на людях, так рыцарски служивший вам всю жизнь. Отчего же сейчас не принять его совета, совета огромной мудрости?

Кроме всего прочего на пароходе Джемса отправлюсь я со всей своей семьей. А моими дочерьми вы ведь искренне восхищаетесь. Если Лизе понадобится помощь, уход или ещ., что-либо, неужели мы оставим е., без внимания?

Графиня молчала, опустив глаза, но видно было, что каждое слово гостя попадало в больное место. Ни на одно предположение лорда Бенедикта она не смогла бы ответить отрицательно. И, тем не менее, стала возмущаться. Но чем дальше он говорил своим ласковым голосом, тем резче менялось е., настроение, и она начала отдавать себе отч.,т в том, как много вреда, вероятно, причинила всем любимым ею людям своею неустойчивостью, как тяжело легло на е., собственную дочь бремя е., неуравновешенности.

– После письма отца, – заговорил граф, – я отказываюсь от своих первоначальных намерений. Никогда мне ничего не запрещавший даже в таких серь.,зных делах, как женитьба, дружба, различные предприятия, в которых он далеко не всегда был согласен со мной, отец сейчас просит категорически не омрачать жизни единственной дочери и послушаться

голоса любви и чести. Ваш голос, лорд Бенедикт, и есть голос любви и чести, голос мудрости. Присоединенный к голосу моего отца, он заставляет меня послушаться сегодня, хотя еще, вчера я спорил бы и возмущался.

Отец мой стар. Вы мне на многое раскрыли глаза. Я тоже не был достойным воспитателем моей дочери, как не был хорошим сыном своему отцу. Но он, – он всегда был мне примером рыцарской воспитанности. И я знал, что неподкупные честь и правдивость – это мой отец. Если я прожил честным человеком до сих пор, то только потому, что всегда был передо мною его живой пример. Я вернусь в Гурзуф сейчас же, после самой тихой свадьбы Лизы, а графине предоставляю поступить, как она сама решит и захочет.

Голос графа, сначала печальный и дрожащий, становился все, тверже, и когда он кончил говорить, лицо его стало светлым и совершенно спокойным.

– Иди в жизнь, Лизок, – сказал он, подойдя к дочери и обнимая ее, – не мне тебя учить, как быть женой и матерью. Прости, ты все, казалась мне малышкой. Одно я знаю твердо, что честью ты вся в деда. Если будешь проста и не мелочна в буднях – всем украсишь жизнь. Цени, что выходишь замуж за того, кого любишь. А мы с мамой постараемся доказать, что любим не себя, а тебя.

Граф нежно поцеловал обе руки дочери и, задержав их в своих, тихо прибавил:

– Теперь, когда кончилось твоё, детство, я должен кое в чём признаться. Если бы не дедушка, никогда бы я не согласился, чтобы ты училась играть на скрипке. Не суди меня строго. Когда стану дедом, постараюсь принести в себе твоим детям образ их прадеда. Играй и пой, Лизок. Я знаю, как смягчается сердце, когда ты играешь.

– Я очень прошу вас, граф, посетить с семейством мой дом завтра вечером. Ко мне приехал мой друг, певец каких мало. И голос его, однажды услышанный, вовек не забудется. Я надеюсь, графиня, вы не откажетесь приехать с Лизой завтра вечером, а Джемса и просить об этом не надо: певец, о котором я говорю, его большой яруг, индус Сандра Кон-Ананда. Я убежден, что ваше сердце музыкантши и женщины не раз дрогнет завтра.

Лорд Бенедикт простился и уехал. Графиня, сдерживавшая при нем свои слезы, больше собой не владела. Ее рыдания, горькие, отчаянные, поразили Лизу. По ее знаку граф и Джемс вышли из комнаты. Лиза села рядом с матерью, обняв ее, и, тесно к ней прижавшись, подождала, пока первая волна материнского горя утихнет, а потом прошептала ей на ухо:

– О чём ты плачешь, мама? Ведь в эту минуту мы с тобой не мать и

дочь, а две любящие друг друга женщины. Если ты плачешь о том, что не сумела меня воспитать лучше, то знай, что мне лучшей матери, чем ты, никогда бы не встретить.

Ты научила меня жить свободной и в себе искать смысл жизни, а не скучать в одиночестве, ища пустые дружбы и развлечения, находя всю прелесть не в природе, а в суете. Ты для меня первая драгоценная дружба. Ты не мешала мне читать вс,, что я хотела, ты не мешала мне играть, как и сколько я хотела, ты всегда понимала мои увлечения, ты одна знала, как я любила Джемса.

Теперь я сделаю тебе, первой своей подруге, признание. Из него ты увидишь всю силу моего доверия и любви к тебе.

Ты знаешь, ты видела мой уголок в том доме, что Джемс приготовил для нас. Дед часто рассказывал нам с тобой о своих путешествиях по Востоку, о Будде и его жизни. Он научил меня любить этого великого мудреца. И можешь понять, как я была поражена, когда увидела в одной из своих будущих комнат дивную статую Будды. Я точно на молитве стояла перед ним и дала обет, что вс,, что я буду играть, я буду изливать в его чашу, для меня святу.

Мы каждый день ездили туда с Джемсом, чтобы побыть несколько времени у этой статуи. И каждый раз я чувствовала, как день за дн,,м вс,, крепнет во мне верность моему обету перед Ним, как вс,, сильнее становится мо,, бесстрашие, как я подхожу вс,, ближе к Нему, как вижу в Н,,м моего покровителя и друга.

Когда я играю в том доме, мо,, сердце так раскрывается, точно я играю прямо перед Ним, неся Его милосердие и собирая все сл,,зы слушающих меня в Его чашу.

Я знаю, мама, что то, что я тебе скажу сейчас, тебя потряс,,т. Но и ты прими мо,, признание не как мать, а как подруга, первая, любимая. Вчера мы приехали к моему Будде, и так сказочно прелестно была убрана Его комната. И цветов таких я не видела никогда ещ,,. Джемс был поражен не меньше моего. Это не он украсил комнату цветами и только сказал: «Это Ананда нас благословил на брак».

Я не знала, кто такой Ананда в своей внутренней сущности, и Джемс рассказал мне, что Ананда мудрец, что он необычайно добр, и сила его любви к людям почти равна святости.

Мы придвинулись ближе к Будде, и я увидела в его чаше письмо и футляр. На письме было написано: «Моим друзьям в великий день их свадьбы». И вот самое письмо, слушай, мама:

«В границах тела человека жив,,т его великая Любовь. Пронесите эту

Любовь в чистоте плотского соединения и создайте новые тела, где бы Любовь, живая и деятельная, могла трудиться, чтобы единить людей в красоте.

Таинство брака не только в том, что чья-то рука соединяет двух человек перед внешним престолом. Но и в том, когда люди сливаются воедино, чья друг в друге Любовь. Наденьте, Лиза, тот браслет, что я положил Вам в чашу великого Мудреца. На нем написано: «Иди в вечной верности и бесстрашии и любя побеждай». Примите эти врезанные в браслет слова как путеводную нить и отдайте не только тело и мысли Вашему мужу. Но слейте всю жизнь в себе с его жизнью в нем и вступайте в новую стадию земного счастья, где нет разделения между трудящейся, видимой Вам землей и трудящимся, невидимым для Вас небом. Таинство брака есть таинство зачатия новой жизни. Настало время сойти в Ваше тело той душе, что через Вас станет вновь человеком земли.

Этот Ваш первенец будет Вашим благословением, большой Вам помощью и миром. Вы же станьте сегодня матерью, радуясь и приветствуя его всем сердцем, воспевая ему песнь торжествующей любви. Ваш друг Ананда».

Лиза умолкла и через минуту шепнула матери: – И таинство совершилось.

И она показала матери скрытый под рукавом платья браслет.

Графиня была так взволнована словами Лизы, так глубоко потрясена совершенно необычной формой брака дочери, что сидела молча, с удивлением разглядывая такое родное, близкое, привычное лицо Лизы, в котором сейчас она не узнавала дочери. Она видела восторженное и преображенное лицо иной, незнакомой ей женщины.

«Так вот какую бывает Лиза», – мелькало в уме графини. Она всмотрелась и смотрела в это новое лицо и вдруг как-то сразу осознала, что Лиза, сидящая перед нею, впервые понята ею по-настоящему. Ясно стало графине, что это не только цельная, любящая женщина, но что это мать, хранящая в себе залог новой жизни.

Пока Лиза показывала ей браслет, очень похожий на тот медальон, что ей дал Джемс, голова графини упорно работала. Ей казалось, что она в первый раз поняла смысл прожитой своей жизни. Если бы Лиза не сочла ее, достойной предельной откровенности, не сказала бы ей, что самое ценное – свободу своей духовной жизни – она нашла с помощью матери, графине нечем было бы вспомнить сейчас свою жизнь. Только в эту минуту она поняла всю ответственность матери перед жизнью, перед миром, а не только крошечной ячейкой собственной семьи. Графиня думала, что вот

Лиза вышла белым лебедем из их семьи не слишком талантливых людей, и вспомнила теперь, что не раз говорил ей Лизин дед:

«Неужели вы не видите, что Лиза истинный талант, а не салонная развлекательница, что ей нельзя навязывать никаких предрассудков и суеверий, а надо все усилия приложить, чтобы в ней было как можно меньше нетерпимости, предвзятости, женской субъективности и условностей морали, и тогда е., талант будет развиваться в чистом и свободном сердце».

Тогда этих слов не понимала графиня. Она не раз ревновала дочь к деду, очень друживших и души друг в друге не чаявших. Теперь графиня видела, как высока была е., девочка в своей чистоте, как мало она считалась с внешними правилами и приличиями, которые ни за что не осмелилась бы нарушить сама графиня.

Долго сидели, обнявшись, мать и дочь, и слов им было не нужно. Говорили их души, говорили радостно, хотя обе женщины шли в разных направлениях, и каждая понимала, что ид.,т свой путь вечности, что данная ей жизнь, от рождения и до смерти, только маленький кусочек счастья жизни вечной.

Каждая из них давала безмолвный обет отдать все силы, чтобы хранить будущую новую жизнь и стараться победить в себе какие-то тяж.,лые черты, дабы не омрачать своих близких.

– Мама, вс.,, чего бы я хотела, – это заслужить от своих детей те доверие и дружбу, с которыми я уйду из твоего дома.

В дверь постучали, вош.,л Джемс, проводивший графа в православную церковь, вернее в то, что при посольстве играло е., роль.

Графиня протянула ему свою свободную руку и обняла Джемса, усадив его рядом с собою. По лицам обеих женщин он понял, о ч.,м говорили мать и дочь, и ласково ответил на поцелуй графини.

– Будьте счастливы, мои дорогие. Если у вас будут сомнения, – пишите деду. Это сердце никогда и никому не дало плохого совета. Впрочем, тот, кто венчал вас цветами у ног Будды, вероятно, не оставит вас и впредь.

Сегодня вам обоим надо побыть вместе. Вы ещ., и не виделись толком. Поезжайте к себе домой и будьте к обеду, я закажу его попозже.

Проводив детей, графиня ушла к себе в комнату, не велев никого принимать. Она тв.,рдо решила не говорить ничего мужу, щепетильность которого в вопросах хорошего тона знала отлично. Сумев сейчас перешагнуть через все впитанные с детства предрассудки, удивляясь, что не испытывает никакой боли от поступка дочери, а считает его в порядке вещей, она стала думать о лорде Бенедикте, о том, как бы он отн.,сся к

поступку Лизы и поведению самой графини.

Граф вернулся довольно поздно, рассказал, что послезавтра в полдень свадьба и он решил не звать никого, кроме лорда Бенедикта и его семьи. Графиня обрадовалась, хотела было о ч.,м-то сказать мужу, как вдруг два человека с трудом внесли огромную корзину с цветами.

– Батюшки, да это целый свадебный поезд, – воскликнул граф, наклоняясь к корзине и указывая на скрытые среди цветов роскошные футляры с именами Лизы и Джемса. – Похоже, каждый член семьи Бенедиктов вложил сюда свой подарок. Я и не знал, что таков английский обычай.

– Давай-ка и мы с тобой порадуем наших детей и порадуемся сами. Ты одеваешься быстрее, заказывай пышный обед, прикажи осветить зал как можно лучше, а я пойду надену самый роскошный из своих туалетов.

– Вот неожиданный сюрприз, графинюшка, – весело смеялся граф. – Годами от тебя не добь.,шься, чтобы ты появилась в парадном наряде, а тут извольте радоваться. Ты ли это? Что сей сон означает?

Графиня, казалось, сбросила с плеч двадцать лет. Глаза е., сияли, она подошла к мужу, положила ему руки на плечи и радостно поглядела ему в глаза.

– Я только сегодня поняла, оценила то обстоятельство, что у нас появятся внуки, что жизни нашей ещ., не конец, что мы ещ., будем нужны и полезны.

Горячо поцеловав мужа, графиня убежала в свою комнату, напомнив ему ту женщину из дал.,кого прошлого, которую он так страстно любил. Сбитый с толку, ничего не понимая, граф приписал настроение жены очередному капризу, но любя повеселиться, был рад вдвойне сегодняшнему поводу.

Быстро закипело у него дело. Забегали слуги, запылали свечи, на столе заиграл хрусталь. Не успела графиня выйти в зал в сво.,м очаровательном наряде, как вошли Наль, Алиса и Николай. Принося тысячу извинений, сказав, что они думали провести в доме графов R скромный вечер, а попали на званый обед, гости хотели тут же откланяться. Их, конечно же, не отпустили, объяснив, что это торжество придумала графиня, а самих виновников торжества даже ещ., и нету.

Графиня была счастлива, что самые близкие сейчас Лизе и Джемсу люди так удачно, невзначай, пришли праздновать истинную Лизину свадьбу. Она увела их к себе в гостиную, втайне беспокоясь, что Лиза приедет в простом платье, а гости так изумительно и нарядно одеты. В эту минуту вошли Лиза и Джемс, и графине суждено было ещ., раз сильно

удивиться.

Не е,, обычная Лиза стояла перед ней, а опять новая молодая женщина. В платье из дорогой зел,,ной парчи с вытканными серебряными лилиями с золотыми листьями и тычинками, в чудесном веночке из бриллиантовых мелких лилий с листьями из изумрудов, Лиза потрясла мать выражением глубокой серь,,зности, спокойствия и непередаваемой радости, которая так и лучилась из не,,.

– Я приветствую вас, Лиза, от имени моего отца, – сказал, здороваясь, Николай. – Вот его письмо к вам. А вам, капитан, лорд Бенедикт просил передать эти два портрета. – Николай подал ему зел,,ную коробку, на которой был изображен белый павлин.

Будучи не в силах удержаться, капитан открыл коробку и увидел в ней два портрета, вложенных в одну общую складную рамку. Два чудесных лица, лорда Бенедикта и Ананды, глядели на него в рамке из переплетающихся лилий и фиалок. Капитан вскрикнул от радости и удивления, и пока все столпились вокруг, рассматривая подарок и восхищаясь им, Лиза в стороне читала письмо Флорентийца:

«Друг, сестра и будущая ученица. – Нет у человека сокровища ценнее мира в сердце. В эти важнейшие минуты Вашей жизни думайте не только о себе и окружающих Вас, но и обо всех, несущих в себе в этот час залог будущей жизни. Думайте не только о счастливых и любимых, как Вы сами, но и обо всех брошенных, плачущих и не имеющих ни угла, ни работы, ни денег. Думайте обо всех, не знающих, как им справиться с нищетой и вынести в мир священную новую жизнь, бьющуюся в них.

Первый же раз, когда будете играть публично, отдайте весь свой сбор покинутым матерям. И за всю Вашу жизнь никогда не бросьте камень осуждения в девушку-мать. Но постарайтесь пригреть и утешить каждую. Лилии, что я подал Вам сегодня в чаше великого Будды, примите как дар моего уважения Вашей чистоте и любви. Храните чистоту отношений с мужем и детьми и раскрывайте вс,, шире сознание, вс,, выше ищите источники вдохновения, и Вы прид,,те к тому моменту самообладания, когда сможете вступить на путь ученичества.

Тот, кто слышит в искусстве голос сияющего Бога, тот уже носит в себе знание вечности Жизни. Поняв однажды Жизнь как вечное милосердие, нельзя быть несчастным.

В Ваш счастливый день, в своей счастливой любви, помните о несчастном дне и несчастной любви других. Ищите знания, чтобы понять, что несчастья нет как такового. Вс,, – все чудеса и все несчастья носит в себе сам человек. Когда же ему открывается знание, он становится

спокойным, ибо Мудрость оживает в н,,м. Не ищите чудес, их нет. Ищите знание, – оно есть. И вс,, что люди зовут чудесами, вс,, только та или иная степень знания. Ваш вечный друг Флорентиец».

Чувство особенной радости, какое-то ещ,, не испытанное ею сознание большого и светлого счастья наполнило Лизу. Она спрятала драгоценное письмо на груди и подошла к матери, державшей чудесную рамку с портретами.

– Я думала, что красивее лорда Бенедикта не может быть никого, – говорила графиня. – Теперь не знаю, кому отдать предпочтение. Быть может, этот незнакомец и не так классически прекрасен, как лорд Бенедикт. Но в его лице есть что-то особенное, какая-то пленительная светящаяся доброта, перед которой даже трудно устоять на ногах. Хочется пасть ниц. Но, возможно, это только иллюзия.

– Недолго ждать, чтобы решить этот вопрос. Завтра вы его увидите, – сказал Николай. – Во всяком случае, стоит вам посмотреть на сияющего Джемса, и вы, графиня, убедитесь, что живой облик Ананды превосходит его портрет. Джемс, по-моему, молится на Ананду и употребляет вс,, усилие воли, чтобы сейчас же не выхватить из ваших рук портреты своих обожаемых друзей.

Графиня возвратила портреты капитану, не обратив внимания на чудесный рисунок рамки, а Лиза тотчас заметила тождественность его с рисунком е,, головного убора, с переплетавшимися лилиями и фиалками на медальоне и браслете.

– Джемс, фиалка и лилия должны стать нашими цветами. Пусть они будут символом пути к самообладанию. Ах, если бы научиться никогда не раздражаться и никого не судить! Как легко было бы тогда жить на свете, как просто общаться с людьми, потому что больше всего меня тяготит моя раздражительность и требовательность к людям.

– Чем больше ты будешь понимать, чего достигли эти люди, – тем яснее станет тебе, куда и как направлять мысли, когда будешь в неустойчивом состоянии духа. Любя так, как мы любим друг друга, надо помнить только, с кем, где и для чего мы жив,,м. В своей любви мы не забудем тех, кто сделал нас такими счастливыми. И в свою очередь, в сво,,м счастье не забудем тех несчастных, которые повстречаются нам.

Граф приш,,л звать к столу, извиняясь, что такой экстренный обед может быть с изъятиями, особенно по части вегетарианского меню. Но видно было, что он в своей сфере, что угощать людей в сво,,м доме составляет не последнее из удовольствий графа.

Весело летел обед, за которым Лиза много и тепло говорила с Алисой,

впервые оценив большую музыкальность и вокальную образованность своей новой подруги. Сегодня Алиса особенно сильно действовала на Лизу своей простой добротой и сердечностью. Лизе казалось, что Алиса совершенно забыла, что тоже молода и прекрасна, что е,, игра увлекает сердца людей, что и ей надо жить своей личной жизнью. Лизе казалось, что Алиса жив,,т только е,,, Лизиными, интересами, е,, счастьем, только е,, игрой, е,, ближайшим будущим. Лиза не представляла, как бы она могла забыть о себе, о сво,,м счастье, о своей любви хотя бы на миг.

– Вы, Алиса, вс,, ещ,, говорите Лизе «вы», – вмешался в их разговор Джемс, сидевший рядом с Лизой. – Как это возможно при вашей любви к людям вообще, и ко мне и Лизе в частности.

– Ты или вы, какое это имеет значение, дядюшка. Кроме того, Лиза, благодаря вашей милости, попала мне в т,,тки. Должна же я оказывать ей двойное почтение, – смеялась Алиса.

– Это не по-русски, дочка, – поддержал капитана граф. – Раз у мужа племянница, – ты должна в ней любить его самого. Изволь пить с Алисой брудершафт, и я примажусь к этому делу.

– Как много вам придется выпить брудершафтов, папа! У Алисы есть ещ,, кузен Генри и т,,тя Цецилия. И ещ,, найдутся родные.

И обед пролетел, и вечер пролетел, и гости уехали, а Лизе вс,, казалось, что то было лишь мгновение. Когда Джемс подош,,л к ней проститься до завтра, ей и жаль было его отпускать, и хотелось побыть одной, чтобы подумать обо вс,,м пережитом за такое короткое время.

– Думай, дорогая, о белом Будде и о письме Флорентийца. Мы будем врозь сегодня, но в мыслях я буду весь с тобой. И всю остальную жизнь каждая разлука с тобой будет только внешней. Где бы я ни был, – ты будешь рядом.

Простившись, Джемс уехал в очаровательный тихий домик, чтобы провести ночь подле белого Будды.

Войдя в комнату, где еле виднелась статуя, подножье которой, как и вс,, вокруг, ещ,, было убрано цветами, источавшими приятный аромат, Джемс сел на низенький диван и в полумраке стал вглядываться в божественное лицо царевича, оставившего вс,, земное для истины.

Впервые Джемс был здесь один после своей фактической свадьбы. Как он и обещал Лизе, мысли его были с нею.

Джемс вспомнил вс,, их давнее знакомство, и такой короткий по времени, но напряж,,нный по чувствам роман. Ему казалось чудом вс,, совершившееся. Сколько лет он прожил, ни разу не подумав о женитьбе и даже гордясь репутацией безнад,,жного холостяка, которая прочно за ним

утвердилась. И вдруг девушка, едва вышедшая из детства, стала его женой, частью его собственной жизни. Глаза его привыкли к темноте, и он теперь различал гирлянду цветов, брошенную рукой Ананды в чашу вместе с письмом и браслетом для Лизы.

Цветы спускались из чаши почти до полу, и капитану казалось, что каждая чашечка цветка – кусочек его собственного сердца, разорванного на клочки, чтобы легче было впитывать горе и радость земли и приносить их в чашу Мудреца.

Мудрец сумел показать земле Свет и тот путь, каким можно освободиться от страстей простому человеку. Капитан думал, что не слишком-то целомудренно живя до сих пор, он только и делал, что указывал всем, как закрепит себя в страстях. Эту ночь он сознавал как переломную. Ему вспомнилась дикая буря, бесстрашие Левушки, сунувшего ему со смехом конфету в рог в момент наивысшей опасности.

Вспоминал он и необычайный вид моря и столкнувшиеся водяные столбы в том самом месте, где еще, минутой назад находился его пароход, и странное выражение на лице И., выражение гармонии, мира и тихой радости, с которым он смотрел на весь этот ужас.

– «Человек должен жить так, – прозвучали в его памяти слова И., – чтобы от него передавались эманации мира и отдыха каждому, кто его встречает. Вовсе не входит в задачу простого человека становиться или пыжиться стать святым. Но задача – неременная, обязательная задача каждого – прожить сво., простое, будничное сегодня так, чтобы внести в сво., и чужое существование каплю мира и радости».

И снова он стал думать, дал ли он за всю свою жизнь хоть десятку людей каплю мира и радости? Капитан смотрел в лицо Мудреца, сумевшего, не ища популярности, стать не только известным всему миру, но и Богом для половины людей земли. Жизнь казалась капитану прожитой бесцельно и бессмысленно. Если бы сейчас ему предстояло окончить свою земную фазу жизни, с чем бы он уш.,л? Добра, что он сделал людям, и в кулаке, пожалуй, не зажм.,шь, а радости – и того меньше. Как же теперь начинать новую жизнь? Чем руководствоваться?

Не раз обдумывал капитан разговор с Флорентийцем у него в кабинете в деревне. И сейчас, как и каждый раз, когда он думал об этих замечательных словах, ему казалось, что он не в силах выполнить и сотой доли их. Он уже склонен был прийти в уныние, как услышал л.,гкий стук в наружную дверь. Капитан прислушался, убедился, что стук повторился так же негромко, но настойчиво, спустился вниз, чтобы не беспокоить семью старого слуги, единственных обитателей дома. Открыв дверь, капитан был

изумл.,н, увидев на пороге высокую фигуру в плаще, в которой тотчас же признал Ананду.

– Вы, капитан, конечно, меня не ждали. Да и я, признаться, сам не знал час назад, что зайду к вам. Я бродил по затихшему городу с дядей, и он указал мне, что в вашем доме горит свет. И тут же, смеясь, прибавил, что в вашей душе не чернильная, но довольно серенькая тьма.

Ананда засмеялся своим особенным металлическим смехом, и капитан вспомнил, как Левушка называл смех Ананды звоном мечей.

– А так как дядя мой большой прозорливец, то он послал меня к вам, чтобы вас развлечь и рассеять мглу вашего духа, совершенно безосновательную.

Капитан хотел провести своего позднего гостя к себе в кабинет, но Ананда, пристально поглядев на него, сказал:

– Зачем нам в этот миг, когда я пришел, минуя все условности, зачем нам соблюдать условный этикет. Пойд.,м туда, где вы только что были, и попробуем побыть в том мире и свете, которыми наполнена атмосфера великого Мудреца.

Как здесь хорошо, капитан, – вновь сказал Ананда. когда оба они сели на низенький диванчик, где несколько времени назад сидел Джемс Ретедли в полном одиночестве. – Какая счастливая идея пришла вам на ум, капитан, украсить укромную комнату жены этой прекрасной статуей. Я не сомневаюсь, что ваш дед, собравший в этом доме такие редкие сокровища, был большим и мудрым человеком.

– Не знаю. Для меня было полным сюрпризом найти здесь Будду и старинную скрипку, не говоря обо вс.,м прочем. Я был ещ., мал и не мог понять сути ссоры брата и деда. И о Будде я не слышал никогда разговоров в родном доме. Но то, что я наш.,л здесь Будду после того, как я наш.,л вас и... человека моих мечтаний, Флорентийца, это помогло мне постичь величие Того, у чьих ног мы с. вами сейчас находимся.

– Мой дорогой друг, взгляните на эти вдохновенные черты, на эту доброту, льющуюся в мир потоками. Путь этого принца-мудреца да.,т каждому возможность осознать величие человеческой души. Ни в одно из мгновений земной жизни в нас не должно звучать одно только животное, плотское «я». И если хоть раз человек осознал, что жизнь вечна, если однажды ощутил себя в мантии этой вечности, – он уже никогда не покинет е., потому что не сможет больше жить в душных объятиях одних только плотских, земных интересов.

Перспектива, открываемая знанием, вовсе не сразу да.,тся, как и художнику чувство перспективы. Книга духовного знания лежит не вовне,

– она в сердце человека. И читать ее, может только тот, кто учится жить свой каждый день, в который вступает, непрестанно развивая свое, творчество.

Нельзя сказать себе: хочу совершенствоваться. Или: всю жизнь я презирал середину, выбирал для себя только то, что мог поставить на пьедестал. И думать при этом, что только желание совершенствоваться или жить среди великих может привести тебя к чему-то высокому. Это всего лишь умствование, не имеющее в себе ничего творческого, здорового, могучего, что могло бы привести к Истине.

Действие, действие и действие – вот путь земного труда. Для чего вы перебираете свое, прошлое, которого уже не существует и которое вы один воссоздайте в ваших мыслях? Что даст вам право в эту ночь, последнюю перед объявленным браком, сидеть в унынии и отрицании, вместо ощущения силы, радости, утверждения всего лучшего, до чего дорос ваш дух? Смотрите на этого божественно доброго мудреца. За ним шли толпы учеников и последователей, и он не ставил им никаких препон. Он говорил только: «Не отрицай». И если видел шедшего за ним следом в отрицании своей нынешней жизни, он говорил ему: «Уходи, друг. Научись жить, не отрицая, и тогда возвращайся».

Вы начинаете новую жизнь. Не мудрствуйте. Знайте твердо только одно: надо СЕГОДНЯ приготовить себя, чтобы завтра возле вас можно было отдохнуть, а не задохнуться. Надо СЕГОДНЯ отойти ко сну счастливым, зная, что сердце ваше жило в Вечном. Пустое дело искать счастья в чем-нибудь ином, кроме той Вечности, что звучит в собственном сердце.

Человеку, воспитанному кое-как суетливыми и суетными родителями, даже не ведавшими о чем-нибудь ином, кроме благ земных, невозможно сразу проникнуть в атмосферу гармонии и мудрости. Но каждый может, ЛЮБЯ Ближнего, думать о величии Света в нем самом и нести свой поклон Свету во встречном. Я взял на себя вас, вашу жену и вашу семью, потому что вы – не зная и не догадываясь – оказали мне величайшую услугу, возвратив кольцо дяди.

Я пришел к вам сегодня, чтобы сказать, что у вас есть верный друг и хранитель жизни; в любую минуту внутреннего разлада назовите мое имя, и где бы я ни был, я всюду услышу вас. Вы можете и не слышать моего ответа, но я непременно услышу вас, и ответ мой придет к вам, как ДЕЙСТВИЕ Фактов вашей жизни, как развязка вашей внутренней драмы.

Вы напрасно страдаете по поводу тех или иных обстоятельств вашей личной жизни. Для вас искусство жить на земле состоит в одном: достичь

полной верности. У каждого человека своя жизненная задача. Иногда земная жизнь даётся лишь для того, чтобы человек выработал только какое-то одно качество. Ваша задача: цельность. Цельность верности в мыслях и чувствах. Вам надо достичь гармонии, то есть равновесия духа и устойчивости его, и тогда ваш организм, психический, физический и духовный, МОЖЕТ начать творить.

Ананда подошёл к статуе Будды, вложил руки капитана в свои и положил их на чашу святого.

– Этими руками даётся помощь из чаши Твоей на землю. Да помнит это сердце, как Твоё дыхание мира и доброты, любви и сострадания, забыв о себе, изливалось на землю радостью. Да идёт по земле это сердце из плоти, в физическом своём теле передавая радость и уверенность каждому, радуя и ободряя встречаемых, да растёт это сердце в бесстрашии и верности Тебе, Твоим мудрости и миру.

Капитану казалось, что слова Ананды бегут по всему его телу, как электрический ток Волна спокойствия и уверенности точно смыла с него налёт грязи и печали. Капитан почувствовал себя включённым в какую-то новую силу, которой ещё никогда не ощущал. Ананда положил руки на плечи капитана, своими глазами-звездами обласкал его и молча вышел из комнаты.

– До вечера, – сказал он в передней Джемсу и вышел на улицу, где уже начинался рассвет.

Оставшись один, Джемс снова прошёл в комнату отшельника и сел на тот же диван, где провёл с ним несколько часов Ананда. Теперь Джемс уже не спрашивал себя зачем такие люди, как Ананда и И., лорд Бенедикт и сэр Уоми живут в гуще людей, их грехов и страстей. Он много раз вспоминал, как Ананда и И. удивлялись его и Лувушкиному недоумению, когда он причислял их к существам высшего порядка, обладающим каким-то чудесными силами, добытыми сверхъестественным путём. Они, смеясь, отвечали капитану, что любому ботанику управление пароходом казалось бы чудом до тех пор, пока он не обучился бы капитанскому искусству. Когда знание открывает глаза, всякое волшебство исчезает...

В образе Будды перед ним сияла жизнь обычного человека. Этот человек не требовал авторитета, никому не внушал фанатизма веры. Он просто учил любя побеждать, искать в себе мир, понимать, что в себе мы носим бесценную, дивную свободу. Капитан приблизился к самой чаше святого, прислонился к ней головой и прошептал.

– Идти за Твоею мудростью хочу. Буду стараться видеть её, во всём, что встречу в течение дня. Я знаю своё место во Вселенной, знаю, что я не

обладаю должной духовной высотой, чтобы находиться подле них всю мою жизнь. Но встречи с высокими я не забуду и постараюсь начинать и завершать мой скромный день у чаши Твоей.

Он еще раз взглянул на прекрасное лицо Будды и тихо вышел из дома, где уже просыпались немногочисленные слуги.

Весь день семья Е., как и сам капитан, считали минуты, когда наконец поедут к лорду Бенедикту. Однако в семье лорда все были заняты текущими делами и мало думали о вечернем при,,ме.

Алиса сменила Дорию у постели больной матери, которая была уже в полном сознании, но по ужасу и смятению, наполнявшим е,, казалась близкой к безумию. На все старания Алисы е,, успокоить леди Катарина твердила только одно:

– Если бы ты знала вс,, Алиса, ты бы не только ласки своей мне не дарила, но не захотела бы даже войти в эту комнату. Я, я одна погубила Дженни и испортила половину жизни тебе. Что мне делать? Куда мне кинуться? Как помочь Дженни?

– Мама, милая, любимая мама. Какую жизнь вы мне испортили? Я была счастлива, я любила вас и папу, и Дженни, и охотно делала, радостно и просто то, что вам хотелось, и жалею, что не умела сделать больше. Теперь я знаю только одно: если папа не судил вас, а учил вас уважать, – он и сейчас подтвердил бы нам с Дженни ту же свою волю. Mamочka, перестаньте дрожать и бояться. В доме лорда Бенедикта нет места страху. Здесь для каждого есть защита.

Не успела Алиса произнести эти слова, как в комнату вош,,л Ананда. Он точно вн,,с с собой весеннее солнце, так светел, весел и радостен он был.

– Вы, я вижу, Алиса, чем-то опечалены. А вот и разгадка, – продолжал Ананда, садясь у постели больной и всматриваясь в е,, заплаканное лицо. – О ч,,м же плакать, мой добрый друг, – так нежно сказал Ананда, такая всепрощающая доброта была в его голосе, что леди Катарина схватила его руку, приникла к ней, и е,, горестные рыдания больно ранили сердце Алисы. Встав на колени, она приникла к Ананде и с такой мольбой посмотрела в его глаза, точно хотела отдать всю себя за мир и спокойствие матери.

– Встань, дитя. Не отчаивайся, не считай себя бессильной в такие моменты, когда видишь чью-то скорбь и отчаяние и думаешь, что не можешь ничем помочь. Не бывает, чтобы чистая любовь и истинное сострадание оказались бессильными, не были услышаны теми, к кому ты их направляешь, и оставлены без ответа. Правда, не всегда твои чистые

силы проявляются как мгновенная помощь встречному. Факты внешнего благополучия, а это единственное, что воспринимают люди как помощь, далеко не всегда являются помощью истинной. Но каждым мгновением, в которое ты излила любовь как самую простую доброту, ты ставишь встречного на единственный путь чистой жизни: на путь единения в мужестве, красоте и бесстрашии.

Разбив в сердце и мыслях страдальца представление о том, что жизнь ополчилась против него, что ему нет прощения, что будучи грешным, он не в состоянии выйти на путь Света и нести этот Свет другим, – ты разбиваешь перегородки авторитетов и предрассудков и прокладываешь новые борозды, по которым потечет его мысль с этого мгновения.

Никогда не отчаивайся и силу понимай, как внутреннюю работу твоего собственного духа. И чем выше будут твои бескорыстие и радость, с которыми примешь в свое сердце чужую скорбь, чем увереннее ты будешь приносить свою любовь к милосердию своего Учителя, – тем вернее улучшится жизнь встречного тобою страдальца. И тем скорее, проще, легче уйдешь от него очарование скорби.

Посадив девушку рядом с собой, Ананда положил свою руку на голову ее, рыдавшей пасторши и тихо ей сказал:

– Разве вы любите эти слезы о дочерях? Ведь вы плачете сейчас о муже, о том, что вы его не поняли, не оценили вовремя его чести и доброты и не доверились ему. Вникните в тот голос совести, что так раздирающе кричит в вас сейчас. Ведь вы плачете о себе.

От легкого прикосновения руки Ананды леди Катарина затихла. У нее хватило сил приподняться и посмотреть в лицо того, кто пришед, коснуться ее, гнойных ран, так как леди Катарина вдруг подумала, что чистому взору Ананды она должна представляться чем-то вроде прокаженной. Эта мысль мелькнула в ее уме на секунду, но голос говорившего увлек ее, за собой целиком.

– Думайте о Дженни. Непременно думайте как о любимой дочери, осуждению которой нет места в вашем сердце. Но не считайте, что для вечности имеет какую-либо цену то, что вы сострадавая плачете, мечетесь, бурлите негодованием или какими бы то ни было страстями, пусть даже они кажутся вам святыми. Только в деятельное сострадание может проникнуть энергия мировой любви Вечного.

Поймите раз и навсегда: вам надо жить в любви, в труде для Дженни. Если прекратите плакать, то сможете соединиться с нею через какое-то количество лет, чтобы помочь ей освободиться от зависти, которая бросила ее, сейчас во власть тьмы. Не станете ведь вы отрицать, что изо дня в день

своим раздражением и ложью вы складывали для не,, ту неприступную стену, за которой она находится сейчас. Это вы, камень за камнем, складывали стену вокруг дочери: и теперь, по камушку, только вы одна можете е,, разобрать.

Вашими орудиями труда могут быть только спокойствие и мир. Вы сможете начать свою работу любви и освобождения дочери только в том случае, если научитесь не повышать голоса ни при каких обстоятельствах. И не только удерживать словесный поток и думать о каждом слове, которое произносите, но ещ,, и ясно сознавать, что творимое вами в этой комнате раздражение распространяется быстрее электрической грозы в эфир Вселенной.

Вы абсолютно здоровы. Вставайте, начинайте трудиться, если действительно любите Дженни и хотите ей служить. Если прежде вы выливали мусор своей души и грязнили им Вселенную, то теперь вы должны выработать в себе новые привычки, и в первую очередь научитесь радоваться, научитесь смеяться и не осуждать.

Начните с самого простого и смиренного труда. Всю жизнь вы были ленивы и только и делали, что изображали из себя леди. Снимите теперь все хозяйственные заботы с Дории, которая должна начать сейчас другое дело. Учитесь в серых буднях и делах общаться с людьми и вырабатывайте выдержку. Забудьте свои классовые предрассудки и обращайтесь с каждым слугой и торговцем так, как будто перед вами в каждом из них стою я и вы говорите со мною. И я увижу, насколько вы искренни, когда утверждаете, что чтите меня,— улыбаясь, закончил Ананда. Не дожидаясь ответа пасторши, он покинул комнату, оставив мать и дочь в разном состоянии духа.

Глаза Алисы, сиявшие не меньше глаз самого Ананды, выражали е,, полное понимание глубочайшего смысла сказанного. В поведении матери, ей предписанном, она видела почти единственную для леди Катарины возможность выработать самообладание, хоть как-то воспитать себя. И вместе с тем она ни секунды не сомневалась в том, что жестокое разочарование, даже отчаяние должна чувствовать сейчас е,, мать, всю жизнь ненавидевшая хозяйство, порядок в доме и тот упорный, мелкий труд, который с этим связан. Она лихорадочно придумывала, какие бы заманчивые стороны этой работы, которой можно было бы отблагодарить лорда Бенедикта за вс,, показать матери.

В душе леди Катарины образовалась какая-то пустота. Она поняла, что в том состоянии смятения, в каком она теперь живет, она ни на что не годна. Слова Ананды проникли ей в сердце. В нем уже не было привычной

лжи. Пасторша вынуждена была признаться себе, что слезы е, были слезами запоздалого сожаления. Теперь только она увидела мужа таким, каким его видели другие. Браццано больше не занимал никакого места ни в е, сердце, ни в мыслях. Муж и Алиса представлялись е, открывшимся духовным глазам какими-то новыми людьми, и в ней просыпалось новое чувство. В ней зарождалась сила жить, поддерживаемая этими непривычными для не, образами, и она пускала ростки в самой глубине сердца. Одно только знала тв,рдо леди Катарина: что не будет протестовать против назначенного ей Анандой. Но как взяться за этот труд, она знала так же мало, как дровосек о тонкостях скульптуры.

Мать и дочь встретились взглядами. Ни слова не сказали они, но обе поняли, что о старой жизни леди Катарини и речи быть не может. Всегда возмущавшаяся, когда муж указывал ей на необходимость труда, пасторша думала сейчас только о своей неопытности и полной непригодности к предстоящей ей задаче. В прежнее время она и не подумала бы послушаться и встать с постели. При малейшем нездоровье она оберегала себя чрезвычайно. Теперь же, чувствуя себя совсем разбитой и обессиленной, она немедленно стала одеваться. Помощь Алисы, казалось, давала ей новые силы. Она видела теперь в дочери не девочку-подростка на побегушках, не швею, необходимую в доме, но подругу, в сердечном участии которой не сомневалась.

– Мама, вы не думайте, что вс,, это хозяйство так сложно. Впервых, вам самой не придется бегать по рынку или стоять у плиты. Здесь есть отличный повар и экономка. Вам надо будет только вести весь дом, следя за расходами, и заказывать вс,, то, что лорд Бенедикт будет считать нужным. Обычно он сам отдавал Дории краткие и точные указания.

– Ах, детка, я так боюсь лорда Бенедикта! Ничего кроме благоденствий я от него не вижу. Но когда оказываюсь в его присутствии... Я знаю, что защищена, и вс,, же, когда о н,,м думаю, меня пронизывает страх. Я как карлик перед великаном, вс,, вспоминаю, как его глаза приклеивали мои ноги к полу. Ну как я войду к нему за распоряжениями? Если бы ты знала, как у меня сжимается сердце. Знаю, что надо жить по-новому. И не могу понять, как свести концы с концами за целый месяц. Сколько раз твой отец просил меня об этом, заводил мне тетради, показывал, пытался помочь, а я только хохотала и вырывала листы. И ничего-то я не умею.

– Я буду помогать вам, дорогая. Да и Дория не оставит вас, пока не обучит всему.

Алиса помогла матери расчесать е,, густые, прекрасные волосы, такие теперь серые, а не бронзовые, как прежде, и, заглянув матери в глаза,

сказала:

– Если вы любите сейчас папу, мамочка, то вы непременно все сумеете. Ведь не только ради Дженни, но и для спокойствия папы вам надо в работе найти себе оправдание. Мы вместе будем трудиться. Сейчас мне надо идти играть. Я знаю, что скоро вернется Дория, которая сейчас сидит с экономкой. Попробуйте прислушаться к тому, что они делают, а вдруг это и не покажется вам трудным.

Поцеловав мать, Алиса спустилась вниз. Леди Катарина все же не решилась вмешаться в дела Дории без ее приглашения. Да и чувствовала она себя такой слабой, что с трудом дошла до кресла. В первый раз в жизни она подумала, что кроме пустых романов на родном языке она ничего не читала, что и здесь она не шибко-то грамотна, а по-английски пишет с грубыми ошибками. Она подошла к книжной полке и взяла первый попавшийся ей том Шекспира. Открыв «Гамлета», которого она, к стыду своему, никогда не читала, она принялась за чтение, поджидая Дорию.

Между тем в кабинете лорда Бенедикта шел разговор между хозяином, его прибывшими друзьями и Анандой. О чем именно они говорили, никто из обитателей дома не знал. Через некоторое время лорд Бенедикт позвонил и приказал вошедшему слуге позвать Николая и Дорию. Когда они оба пришли, то увидели, что все присутствующие были в длинных белых одеждах, похожих на индусское одеяние.

– Мой друг, – обратился сэр Уоми к Николаю. – Я видел Али и привез тебе письмо и вот этот хитон. Он просит выполнить все его указания, их ты найдешь в письме, а также принять в своем доме в Америке одного из его друзей, которого ты немного знаешь. Помнишь ли ты того немого, что жил в горах, где ты впервые повстречал Али? Речь идет о нем.

– Я не только вижу перед собой молчаливого, любезного хозяина сакли, но до сих пор помню оставленное им впечатление. Мне чудилось, что этот молчаливый вовсе не немой, так продолжаю думать и сейчас. Но все равно, в каком бы виде ни желал Али поселить его в моем доме, паша с Налью радость будет огромна, и все, что пошлет нам жизнь, мы разделим с ним. Одно только – и это известно вам, сэр Уоми, – ни у меня, ни у Нальи нет ничего. Мы пришельцы в доме нашего друга и отца Флорентийца. Но все, что нам дано, мы разделим с гостем Али.

– Считай, Николай, что в Америке я буду твоим гостем, – сказал Флорентиец. – И разговаривай, как хозяин и глава дома.

– Можешь ли ты, – продолжал сэр Уоми, – дать приют не только немому, который теперь отлично научился говорить, но и помочь группе людей, которые вместе с ним приедут к тебе от Али? Желаешь ли ты лично

помочь им организовать маленькое ядро, сердцевину твоей будущей общины? Желает ли ты стать во главе этих людей и создать нечто вроде небольшого культурного пос.,лка, куда через шесть-семь лет могли бы приехать уже многие? Обдумай ответ.

Надо подготовить такую высококультурную ячейку, чтобы приехавшие сразу нашли возможность влиться в коммуну, где были бы раскрепощены от давящей дух собственности. И где труд на земле был бы облегч.,н до максимума. Чтобы каждый из членов твоей общины мог свободно работать, делая то, что выберет из любви именно к этой форме труда.

– Если бы я думал много часов, вс., равно не мог бы придумать слова, в которые вылилась бы моя радость, сэр Уоми. Одно могло бы меня смутить: если бы я был менее смиренным и колебался в моей верности Али, я думал бы над тем, достоин ли я этой чести. Но я знаю, что иду так, как видит и вед.,т меня мой Учитель.

– У меня также будет к тебе просьба, – сказал князь Сенжер. – Я хотел бы теперь же послать с тобой двух учеников, очень образованных инженеров-механиков. Я дал им задание по технической разработке новых летательных аппаратов. Ты сам крупный математик, так что в этой части они будут обеспечены помощью. Я просил бы тебя, если ты захочешь мне помочь, создать им все условия для научной работы, а через несколько времени я пришлю к тебе ещ., партию рабочих, которых тоже прошу принять в члены новой общины. И сам я через год-другой приеду к тебе ненадолго, так как очень интересуюсь развитием механики в этой области.

Вообще, Николай, если ты не отказываешься взять на себя эту нел.,гкую задачу организации уголка жизни на новых началах, при новом понимании, что такое «воспитанный человек», как говорит об этом твой последний труд, то Флорентиец, едущий с вами, тебе во вс.,м поможет, – снова сказал сэр Уоми.

– Для организации музыкальной стороны жизни у тебя будет Алиса, а для целей воспитательных ревностным помощником тебе будет Наль. Потом приедут Сандра и Амедей, которому придется изучать строительное дело. Сандра же, со своей всепоглощающей памятью, изучит в короткое время вс.,, что будет необходимо для агрономии. Сейчас они не поедут, так как на первых порах у тебя под началом должны быть абсолютно выдержанные люди, занятые определ.,нным трудом.

Это пока вс.,, что я могу тебе сказать. Далее Али будет сноситься непосредственно с тобой и Флорентийцем. Он решил подойти очень близко к этому делу и будет уделять тебе столько времени и забот, сколько тебе потребуется. Что же касается выбора места и времени, когда ты сможешь

принять людей, о которых я и Сенжер тебя просили, это уже дело твоё, и твоего помощника Флорентийца. Помни, друг, что именно ты должен стать главою нового дела и взять на себя всю ответственность.

Сэр Уоми подал Николаю два объёмистых письма с крупным, чётким почерком, в котором он тотчас же узнал дорогой ему почерк Али, и два больших пакета, один из которых предназначался Наль.

– Теперь, друг Дория, речь пойдёт о тебе, – сказал князь Сенжер. – Твоё, бескорыстие и деятельная энергия всё, последнее время убедили нас, что для тебя настало время действовать более масштабно. Тебе дано поручение. Оставаясь подле Ананды, ты должна выполнить самостоятельно несколько дел в борьбе с Браццано и его подручными. Не имея понятия о том, чьё имя скрыто под псевдонимом Бенедикт, Браццано решил, что здесь не потребуются большие силы, и прислал тех, кто мог обольстить пасторшу и Дженни. Зная хорошо леди-мать, Браццано выведал у неё, всё, что ему нужно было знать о её дочерях. Но расчёт был сделан им легкомысленно, в чём убедились все, кого он сюда прислал.

Мы уедем лишь после того, как проводим в дорогу Флорентийца и всех, кого он решит взять с собой. Ты же останешься с Анандой здесь, и на твоём попечении будет пасторша. Я знаю, как трудна тебе эта ноша: колебания и вечный страх пасторши будут всё время мешать тебе и нарушать в тебе самой устойчивость и гармонию. Но, видишь ли, нет такого места во Вселенной, где мог бы уединиться человек, желающий жить для общего блага. Нельзя нигде спрятаться от суеты и людских страстей. Нельзя искать покой и мир для себя в какой-то внешней отъединённости от всех и тишине. Но должно и можно стойко стоять среди житейских бурь; можно ясно видеть везде и в каждом единственную силу – Жизнь, и тогда гармония твоя не разрушится.

Этого человек достигает, когда интересы его поднялись выше его собственной личности, когда он сливает каждый свой вдох с жизнью Вселенной.

Закаляйся подле пасторши; своею скорбью, суетой, слезами и постоянным качанием маятника вверх и вниз она стоит целой толпой. Не думай о том, как мелки или ужасны её переживания; заботься только о том, чтобы научиться быть такой стойкой, что она утихала бы подле тебя.

Ласковость, какая-то особенная величавая вежливость в сходили от Сенжера. Он посмотрел на Дорию, ещё раз ей улыбнулся и продолжал:

– Теперь, когда ты, друг, по опыту поняла, какой тяжестью ложится нарушенный учеником обет на его водителя, ты останешься подле Ананды, чтобы стать для него тем верным помощником, на которого он сможет

положиться как на точного и немедленного исполнителя его указаний. Будь мужественна до конца. Ты вовсе не должна быть неотлучно при Ананде. Ученик больше всего помогает Учителю не тогда, когда жив,,т и действует подле него, в непосредственном общении и физической близости. Но когда созрел для полного самообладания и может быть послан один в гущу людей, в пучину их страстей и скорбей. И в эти периоды разлуки с Анандой ты, не обладающая ни сверхсознательным слухом, ни зрением, всегда будешь иметь весть от своего Учителя, весть точную, переданную непосредственно от него.

Ты смотришь удивл,,нно, и вс,, тво,, существо выражает один вопрос: «Как?» Более чем просто. Нужно – и муравей гонцом будет. Никогда не обращай внимание на то, кто подал тебе весть. Разбирайся в том, какая пришла к тебе весть.

Первая из задач твоего самовоспитания сейчас – гнать от себя тоску, иногда тебя посещающую. Гони е,, но не от мысли, что в ней нет творчества, что каждый, кто с тобой в этот час встретился, неизбежно поглотил частицу волнения и подавленности из окружающей тебя атмосферы. Гони тоску любя, понимая, какая огромная сила ль,,тся из тебя, если в чаше сердца твоего не застряло ни единой соринки людской скорби – ты вылила вс,, в чашу Ананды.

Только тогда, когда в тво,,м сердце мир и тишина, ты можешь вложить вс,, собранное тобою за день человеческое горе в чашу Учителя. Только в этом случае твой огонь Вечного не зачадит, не мигн,,т, заваленный человеческими страстями. Не мигн,,т, но соприкосн,,тся с пламенем Ананды, и доброта его освежит страдающих и пошлет им помощь.

Вбирая в себя мутную волну земного дня, иди в подлинной простоте и покое. Старайся не поддаваться предрассудку сострадания, требующего сочувственных сл,,з, поцелуев, объятий. Но живи, истинно сострадая, то есть стой в мужестве и бесстрашии и неси огонь сердца так легко и просто, как ид,,т всякий, знающий о жизни вечной и е,, движении. Тогда поклон твой огню встречного будет непрерывным током в тебе труда Ананды.

Обняв Дорию, князь Сенжер ув,,л е,, в свои комнаты. Ананда вышел с Николаем, чтобы переговорить с Алисой о вечерней музыке. Лорд Бенедикт и сэр Уоми вызвали к себе Сандру и Амедея.

ГЛАВА 18 ВЕЧЕР У ЛОРДА БЕНЕДИКТА. СВАДЬБА ЛИЗЫ И КАПИТАНА
Наконец-то дождалась Лиза того мгновения, когда можно было уединиться в своей комнате под предлогом отдохнуть и поупражняться на скрипке. Весь день графиня волновалась, спорила с

мужем и дочерью по всяким пустякам, касающимся завтрашней свадьбы. Лиза непременно хотела венчаться в платье, подаренном ей Флорентийцем, отвергая вечную фату и фл.,рдоранж.

Граф, убедившись, что отпраздновать свадьбу дочери с шумом и блеском не удастся, склонился к простоте и соглашался во вс.,м с Лизой. Но мать, для которой во вс.,м поведении Лизы было так много неожиданного и непонятного, расстраивалась, повторяя без конца: «Вс., не по-людски», и требовала, чтобы был соблюден внешний декорум. Для чего же потратили тысячу рублей на подвенечное платье? Для чего везли сюда драгоценное кружево и фату прабабушки? Видя, что каждую минуту может разразиться сцена и угадывая е., внутреннюю причину, Лиза улыбнулась матери, говоря:

– Меньше всего, мама-подруга, я хотела бы огорчить тебя в последний день нашей совместной жизни. Если тебе будет приятно видеть меня снежным комом, – я рада им быть эти несколько часов моего венчания.

Успокоив родителей, она ушла к себе, сказав, что сегодня-то уж наденет платье лорда Бенедикта, которое полюбилось ей особенно. Спорить на этот сч.,т

– по тону Лизы мать поняла – было бесполезно. Оставшуюся в одиночестве графиню снова стали одолевать тысячи вопросов, которые сводились к одной мысли: как же она воспитала дочь, если могло случиться то, что теперь произошло? Чья здесь вина? Насколько глубока е., собственная вина? И вина ли это, если она загладится так скоро, уже завтра, церковью?

Надевая одно из своих лучших платьев, графиня не могла не заметить, что сегодня она как-то особенно моложава, что волосы е., легли волнами, что парижское платье чудно обрисовывает е., прекрасно сохранившуюся фигуру. «Скоро конец всему. Скоро вообще уже не придется одеваться и выбирать туалеты себе и дочери». Е., мысли сделали какой-то вольт, пробежались по семье лорда Бенедикта и вернулись к собственной. Какая огромная разница! Но в ч.,м она? Перед духовным взором графини мелькнуло слово: «Труд». По словам самого лорда Бенедикта и Николая графиня составила себе мнение, что все они постоянно чем-то заняты. Е., муж и Лиза тоже постоянно чем-то заняты. У одного всегда было большое хозяйство, которое он вс., время улучшал, но графиню это никогда не интересовало. У Лизы был божок: музыка. В ней она неустанно совершенствовалась и иногда трудилась, словно чернорабочий, как смеясь говаривала графиня. В музыке Лиза жила, по ней тосковала. Графиня же находила, что такой труд есть рабство, а не наслаждение. И сейчас, вс., ещ.,

слыша вдали музыкальные фразы, графиня стала волноваться и послала сказать дочери, что пора одеваться.

Осмотрев туалет Лизы, которая вышла из своей комнаты только когда ей сказали, что приехал жених, графиня не удержалась, чтобы не заметить, что для своих лет Лиза одета слишком «по-взрослому». Вызванный е., замечанием хохот е., поначалу смутил, она решила было рассердиться, но кончила тем, что сердечно обняла дочь и присоединилась к общему смеху. Что касается самой графини, то в этот вечер е., трудно было принять за мать Лизы. Даже Джемс был озадачен тем, какими чарами наградила е., туалет и что именно так изменило е.,. Через несколько минут все сидели в карете, скрывая друг от друга свои волнения, и спустя полчаса уже входили в холл дома лорда Бенедикта. Едва они сбросили плащи и шали, как к ним вышел Николай, а вдали уже виднелась высокая фигура хозяина, шедшего им навстречу. Лорд Бенедикт, подав графине руку, сразу повел гостей в музыкальный зал, где собрались все его домашние и друзья.

Бывавшие в самых высших слоях общества, привыкшие везде чувствовать себя желанными и важными гостями, граф и графиня R здесь застеснялись. Лорд Бенедикт, шутя и смеясь, знакомил их со своими недавно приехавшими друзьями. Казалось, каждый из представляемых был безукоризненно вежлив и приветлив, а у графини и е., мужа было ощущение, точно к ним заглянули в сердце, раскрыв его до дна, и все самые затаенные их мысли стали известны.

– Начнем с музыки, – обратился к Алисе и Лизе лорд Бенедикт. – Мы быстрее познакомимся и освоимся, если звуки вырвут нас из привычной манеры воспринимать всякое свидание как дозволенный этикетом ряд слов и действий.

Сегодня такой важный день в жизни Лизы и Джемса, что хочется поздравить их, молодых и чистых, мужа и жену, в не совсем обычной обстановке. Сегодня хочется создать им род такого моста в новую жизнь, где бы им диктовала духовная сила. В этот вечер пусть музыка раскроет в каждом из нас всю любовь, на которую мы способны, и доброжелательство. И всю любовь мы выльем сегодня на наших новобрачных.

Графиня с удивлением взглянула на лорда Бенедикта, и щеки е., залил яркий румянец. Граф тоже был удивлен, но решил, что по английской моде жених и невеста уже накануне свадьбы зовутся мужем и женой. Лиза и Джемс тоже взглянули друг на друга с беспредельной преданностью. Они, казалось, не замечали, что стали центром внимания, даже наоборот, принимали всеобщее внимание и слова хозяина как нечто естественное, неотъемлемое, что не может их ни стеснить, ни сконфузить.

Ананда подошел к ним, взял скрипку из рук Джемса и отнес ее к роялю, где уже была Алиса.

– Если уж играть при вас, то только до вас, – сказала Лиза, беря инструмент в руки. – Я еще не слыхала вашей игры, но думаю, что после вас рука моя была бы не в силах поднять смычка.

– Моя и ваша песнь любви разные, конечно, – ответил Ананда. – Но будет в них и нечто общее: они будут торжествующими. Играйте сейчас, стоя перед вашим Буддой, – прибавил он так тихо, что слышала только одна Лиза, – и вы проникнете на ту вершину счастья, где творческий встречает Творца.

Ананда взял Джемса под руку, увел его в дальний угол, где сидел князь Сенжер, и усадил капитана между собой и дядей. Лорд Бенедикт тоже сидел в отдалении, между супругами Р. Остальные члены семьи разбрелись по огромной мало освещенной комнате, и в круге яркого света у рояля остались только две девушки. Белое платье с черными, в знак траура, кружевами на Алисе и зеленая с серебром лилий парча на Лизе, ее роскошный, сверкающий веночек на голове, ее страстное лицо и порывистые движения, – как непохожи были эти девушки! Ничем не убранный голова Алисы тоже казалась сверкающей в ореоле ее волос. Генри, сидевший рядом с матерью, шепнул: «Мама, я хорошо помню вас такой».

Скрипка и рояль разом и неожиданно зазвучали. Никто не был готов к тому, что так вдруг нарушится молчание. Когда графиня подняла голову и посмотрела на дочь, она едва удержала возглас. Уже несколько раз за последние дни она видела свою дочь какой-то преображенной. Мать считала, что это любовь сделала Лизу почти красавицей. Но лицо, которое она видела сейчас, – это был кто-то другой, но не ее, гурзуфская Лиза. Рука, правда, все та же, Лизина прекрасная рука. Но как она водила смычком! Никогда прежде у Лизы не было этой уверенности удара, этой легкости и гибкости. Лиза сейчас играла шутя. Она жила где-то не здесь. Губы ее сжимались и внезапно раскрывались в улыбку, головка и тело то гибко выпрямлялись, то чуть склонялись. Нет, положительно графиня никогда не видела Лизу такой. «Да она Бога воспевает»,

– мелькнуло у нее в уме. И впервые она поняла, что дочь не божка себе сотворила из музыки, но что Бог в ней, в ее сердце, что Бог всей жизни ее была музыка, что рядом с этим Богом нет никого, что без музыки немислима сама Лиза, как невозможны лучи без солнца. Что играла Лиза, как аккомпанировала ей Алиса, – графиня не знала.

Она не понимала сейчас и не воспринимала музыкальных фраз, она

слышала только песнь Лизиного сердца. И мать размышляла, где же, когда и как могла эта девочка так понять жизнь, чтобы передать струнам крик, мольбу и раны собственного сердца. Лиза опустила скрипку. Глаза ее, как у слепой, оставались несколько мгновений устремленными в одну точку. Наконец она вздохнула, положила скрипку на рояль таким тяжелым жестом, как будто та весила пуд, и тихо сказала:

– Больше сегодня играть не могу.

Ананда подошел к ней, усадил ее на свое место и вернулся к роялю.

– Ну, Алиса, друг, теперь моя очередь, – беря виолончель, сказал он. – Не так давно я играл эти вещи в Константинополе и за инструментом сидела брюнетка. Кое-кто из присутствующих ее знает, а кто-то и игру ее слышал. Надо отдать ей справедливость, выше пианистки я не знаю.

– Ты, Ананда, удачно ободряешь Алису, – рассмеялся лорд Бенедикт. – Я и без твоего введения вижу, как у бедняжки трясется от страха сердце.

– О, если бы хоть одна десятая доля женщин мира была так мало знакома со страхом, как Алиса, в мире не было бы места ни тьме, ни злу, – ответил Ананда. – И что еще важнее в неустрашимой Алисе, что музыкальность ее выросла во всем, ее существо. Гармония в ней чиста, как строй гаммы, и не может переносить фальши. Ее гармония не знает соревнования, не может расстроиться от звучащих рядом фальшивых нот. И ни один порыв, кроме чистой любви, не может ее всколыхнуть. Там, где Алиса, там каждому легко, если в его страстях нет зла. Злое задохнется. Счастливее тот, кто будет ее мужем.

– Ну, Ананда, если ты будешь продолжать таким образом, то уж не розы, а, пожалуй, пионы зардеют на щеках Алисы, – раздался голос Сенжера. – Вы не смущайтесь, Алиса; когда Ананда готовится играть, колесо его жизни сразу поднимает его в такие высокие сферы эфира, что он почти перестает воспринимать обычную речь и обычную жизнь. Он видит небо в алмазах и несет его горькой земле. Я уверен, что сегодня и вас он увлечет за собой.

Голос князя, ласковый, негромкий, но такой чуждый, что во всех углах было слышно каждое слово, умолк, и в наступившей тишине раздались первые звуки. Когда играла Лиза, графиня не слышала пианистки. Она была переполнена дочерью и слушала только скрипку. Она поразились теперь, что рояль пел так радостно и так мощно. Но мысль графини внезапно оборвалась, в комнате раздались иные звуки... И все, восторженно, вздрогнуло. То был человеческий голос, которым пела виолончель.

«Так вот что такое музыка, когда творческий встречает Творца», –

подумалось Лизе. По лицу е,, катились сл,,зы, руки были сжаты, глаза не отрывались от лица Ананды. Сидевший рядом с нею Джемс, несколько минут назад утопавший в любви, которую воспевала Лиза, чувствовавший, казалось, что это сама жизнь звучит в е,, струнах, сейчас забыл, что уже слушал музыку. Ему чудилось, что он и жить-то начал только теперь, когда запела виолончель. Опять, как в Константинополе, он услышал борьбу, страсти и скорби людей. Сл,,зы и стоны земли оживали под смычком Ананды. Но вс,, покрывала пелена радости, утешения, умиротворения. У рояля сияло, будто оно было не из плоти, преображенное лицо Алисы. Слушателей опять захватили волны вдохновения. Но песня Ананды рассказывала о том, на что способна самоотверженная любовь. Музыка Лизы выражала е,, личные желания, порывы е,, страсти и мечты, она говорила, что текущее мгновение ценно настолько, насколько заинтересовано в н,,м собственное «Я».

Эти мысли мелькали в голове Джемса. Он посмотрел на Флорентийца, на человека своих мечтаний, ставшего теперь человеком из плоти и крови. И, пожалуй, тот, кого он сейчас видел, был несравненно выше того, что мог представить Джемс в своих мечтах. Прекрасное лицо Флорентийца сейчас сияло огнем вдохновения. Необычайные зел,,ные глаза глядели перед собой с такой лаской и состраданием, точно он посылал песню Ананды куда-то вдаль, старясь охватить вс,, больше и больше людей. Джемс увидел сл,,зы Лизы и понял, как напряжены е,, дух и сердце, понял, что и ей открылось новое понимание музыки. Графиня сидела, закрыв лицо веером, и е,, вздрагивающие плечи говорили о том, в какую бездну заглянула она, считавшая до сих пор, что центр и смысл жизни

– е,, собственная семья. Очевидно, и для не,, наступал перелом в оценке жизни.

Граф, на которого потом взглянул Джемс, поразил его своим видом. Лицо его было бледно, точно он внезапно заболел. Глаза смотрели не отрываясь на Ананду. Он был похож на подсудимого, который признал свою вину за неверно прожитую жизнь. Звуки вс,, лились, и состояние Джемса менялось. Ему представилось, что он опять стоит у чаши Будды. Ему становилось вс,, легче, точно растворялось какое-то неведомое ему самому бремя. И он понял, что в сердце его так легко и тихо потому, что над ним больше не властно ничто внешнее. В н,,м тоже совершался духовный переворот. Песнь Ананды как будто вытащила его из футляра тела, где он жив,,т временно, сейчас, и показала ту жизнь его духа, его Вечности, где нет ни времени, ни пространства.

Он понял, что для тех высоких сил, о которых по,,т Ананда, время уже

не существует. И, главное, каждый может попадать в эти сферы не потому, что стал святым или совершенным, но потому, что осознал в себе Начало всех Начал и может на одно мгновение отбросить вс., условное, что необходимо ему победить. Капитан понял, что только при этом условии человек МОЖЕТ прийти к началу того пути, на котором становятся Анандой, Флорентийцем и другими не менее, а может быть, и более высоко идущими и творящими людьми, о которых он, капитан, ничего не знает.

Ананда кончил играть, отложил виолончель, оглядел всех своими сияющими глазами и подош,,л к Алисе, продолжавшей сидеть у инструмента. Он поклонился ей, благодаря за редкостное сопровождение, и подал ей несколько нотных тетрадок, показывая, что он собирается петь. Он точно не замечал впечатления, произвед,,нного его игрой. Но не потому, что того требовала его воспитанность; он творил сейчас не только для тех, кто его окружал, он видел кого-то ещ,, кого не мог видеть Джемс и все те, кто жил порывами и планами одной земли.

Ананда запел. Леди Цецилия встала и обняла Генри, который тоже больше не мог сидеть. Он смотрел не только на Ананду, но и на Алису. Леди же Цецилия впилась глазами в Алису. Она знала эту песнь, знала, что со второго куплета должна вступить Алиса, и боялась, что девушка разрушит очарование того мира, куда ув,,л всех певец. Голос Ананды покорила е,, целиком, в ней проснулось желание молиться. И каково же было е,, удивление, когда она услышала, как переплетаются два голоса. Она даже не заметила, когда вступил женский голос. Она слышала сейчас не музыкальные фразы столь знакомой ей песни, что пела в юности с братом, а только гимн счастья, гимн Жизни.

И ещ,, один человек, невидимый гостям, выпитывал музыку Ананды. Услыхав вдали звуки, пасторша спустилась с лестницы и пошла на них. Она остановилась у двери в зал как раз в тот момент, когда начал играть Ананда. Немзыкальная от природы, ненавидевшая музыку и пение больше из-за того, что е,, постоянно раздражал муж, чем на самом деле, пасторша сейчас не понимала, что с нею творится. Ей определенно казалось, что это не звуки инструмента, а какое-то обличительное обращение прямо к ней. Ей чудился в звуках повелительный приказ пересмотреть всю свою жизнь. «Дженни, Дженни, дитя мо,, что же я наделала? Я ведь тебя всем сердцем любила. Всей душой хотела, чтобы ты была счастлива».

Когда же Ананда запел любимую песню пастора и голос Алисы присоединился к нему, бедная женщина опустилась на колени, уткнувшись лицом в подушку дивана, чтобы заглушить рыдания. Вдруг чья-то рука нежно коснулась е,, плеча, и по всему ее телу разлилось успокоение.

– Встаньте, Друг, – сказал ей незнакомый, ласковый голос. – Сядьте рядом со мной и постарайтесь вникнуть в то, что я скажу вам.

Князь Сенжер помог обессиленной женщине встать, пров,,л рукой по е,, растрепавшимся волосам и усадил на диван возле окна, в которое лился мерцающий свет луны. При этом свете разом успокоившаяся леди Катарина увидела стройного человека, манеры которого и величавость говорили ей, что перед нею не только человек из высшего света, но что он привык повелевать и вряд ли ему можно не повиноваться. В неверном лунном свете она не могла решить, сколько лет незнакомцу. Она понимала только, что он приш,,л не судить, как судила песня Ананды.

– О нет, песня не судит вас. Песня зов,,т вас, зов,,т к новой жизни и энергии. Сколько бы ни жил человек, он может ещ,, и ещ,, развиваться. Ещ,, и ещ,, раскрываются в н,,м новые силы, которых он не замечал в себе вчера и думал, что их вовсе в н,,м нет.

Вы думаете сейчас, что погубили дочь, когда отдали е,, Бонде и компании. Нет, мой друг, вы погубили е,, когда зачали во лжи, когда во лжи родили, когда каждый день осеяли раздражением е,, колыбель, е,, детство, е,, юность и, наконец, когда свели с женихом, присланным вам тем, кто вас в юности обманул и бросил.

Что защищало вас и Дженни от полной гибели до сих пор? Кто охранял вас каждый день от несчастья упасть туда, где вы обе очутились сейчас? Два существа: муж и Алиса. И обоих вы презирали и мучили как только могли всю жизнь. Вы плачете сейчас. Вас озарило понимание красоты и любви. Песня, которую так часто пели близкие вам люди, внесла сейчас в ваше сердце жажду принять участие в какой-то иной жизни. В жизни, где и вы могли бы соединиться с людьми в сфере красоты и преданности, искупить вину перед Алисой, ещ,, оставленной вам Жизнью.

– О синьор, я сейчас молю Бога только о Дженни, потому что знаю, что Алиса не может попасться на заманчивую удочку удовольствий и богатства. Алиса потому жив,,т у лорда Бенедикта, что она такая добрая и кроткая, такая труженица, ей непременно должна была встретиться подобная обстановка, где бы ее вознаградили за вс,,. Но Дженни, Дженни! Что будет с Дженни? Неужели я не могу ей теперь помочь? Пусть вс,, пад,,т на меня одну. Я понимаю мой грех перед мужем. Понимаю, что делала не так. Я хочу обратиться к Бонде и пообещать ему что угодно, только пусть он отпустит Дженни.

Пасторша смотрела в ласковое лицо незнакомца, и ей показалось, что на н,,м мелькнула улыбка.

– Если бы вы, друг, дали тысячу обещаний Бонде, это не помогло бы

сейчас ничему. Ваш Бонда, как и Браццано, были бы бессильны властвовать над Дженни, если бы в самой себе она не носила адских мук зависти и злобы, которые жгут е,,. Вс,, чем вы можете помочь Дженни, это ваш труд над собою. Каждая вспышка раздражения, которую вы победите в себе, – ваша помощь дочери. Вы хотите защитить е,,. Как можете вы быть ей полезной, если не владеете ни одной своей мыслью так, чтобы она шла четко, ясно, цельно, до конца охватывая предмет, о котором вы думаете?

Вы вообразили себе, что дочь будет спасена, если вы будете подле не,,. Но чем, живя с нею рядом, вы е,, охраните? Сотней перемен в вашем настроении за день? Сотней поцелуев и объятий? Ещ,, сотней неразумных, необдуманных слов и предложений? Вам вс,, хочется получить совет, который был бы очень умен и выполнив который вы начали бы новую жизнь. Но все новые дела, духовно более совершенные, делаются не по чьим-то советам, а от той новой энергии, что исходит от человека. Если вы не можете даже удержаться от сл,,з, то что же вы можете полезного делать для других? Ведь для этого нужны чистая воля человека и такая его любовь, когда он должен забыть о себе и действовать, действовать, действовать, ясно видя перед собой только тех, для кого он хочет трудиться. Видеть же, как правильно действовать, могут только те глаза, что потеряли способность плакать. Каждый, кто плачет при ударах жизни, разрушает свою неустойчивостью атмосферу вокруг себя. Разрушить е,, легко, но воссоздать спокойствие очень трудно. Даже когда плачущий уже успокоился, – он долго ещ,, будет вычеркнут из списка сил, творящих день Вселенной. Ибо все, кто с ним встречается, попадают в разбухшее от его раздражения эфирное пространство. Если ты час назад раздражился или раздражил кого-то, что совершенно тождественно, ты никому не поможешь. Но это ещ,, полбеда. Раздраж,,нный человек является носителем заразы, действующей не менее молниеносно, чем чума. Поймите меня. Поймите, что следует сначала воспитать себя, научиться выдержке, и тогда уже только приступать к обязанностям истинной матери. Вина ваша даже не в том, что вы были плохой воспитательницей. Ведь когда подоспел момент выказать на деле свою любовь к Дженни, вы ни часа не могли пробыть в равновесии, совершенно так же, как прожили в неустойчивости всю свою жизнь.

Мужайтесь сейчас. Пойдите к себе наверх и, вместо того чтобы плакать, прочтите эту небольшую повесть. В ней говорится о жизни двух сест,,р и их дочерей. Многие станут вам ясно из этой простой истории и ко многому вы найд,,те в себе силы, хотя сейчас вам кажется, что для вас вс,, безнад,,жно и беспросветно.

Он помог пасторше встать, угостил е,, маленькой ароматной конфетой из своей коробочки-табакерки и вручил ей небольшую книгу. Еле двигавшаяся от слабости леди Катарина, даже удаляясь от незнакомца, чувствовала на себе его тв,,рдый взгляд и ощущала его ласку. Конфета таяла у не,, во рту, шаги становились тв,,рже, а когда она вошла в свою комнату, из которой час назад вышла совершенной развалиной, ей показалось, что она проделала большое и радостное путешествие, которое е,, вылечило. Обновленная, она села читать книгу, написанную поитальянски.

Тем временем внизу продолжал петь Ананда. Теперь он пел один. И чем дольше он пел, тем светлее и счастливее становились лица слушателей. Сл,,зы на их лицах высохли, отовсюду на певца были устремлены восторженные глаза внимавших ему людей. Почти все уже стояли, кто-то придвинулся ближе к певцу. Только по бледным щекам Генри вс,, ещ,, катились сл,,зы. Юноша вновь переживал свой разрыв с Анандой и не мог найти извинения за сво,, неразумное поведение. Его лицо выражало муку и тоску предстоящей разлуки с певцом, которого он обожал. Когда же Ананда запел по-русски и зазвучали дивные слова:

«Я только странник на земле.

Среди труда, борьбы и боли Избранник я счастливой доли:

Моей святыне – красоте, Пою я песнь любви и воли»,граф и графиня, Лиза и Джемс, а за ними все остальные, знавшие и не знавшие этот язык, тесно окружили певца.

Последняя нота замерла, воцарилась тишина, точно в храме, – все боялись нарушить благоговейное молчание.

– Благодарю, Ананда, – подходя к певцу и обнимая его, сказал лорд Бенедикт. – Ты вырвал нас из привычных ограничительных рамок своими песнями. Каждый из нас яснее увидел путь труда на благо людей. Кого ещ,, вчера не занимали подобные мысли, тот сегодня распахал в себе новое поле духа. Все мы благодаря тебе почувствовали, как много в жизни ещ,, недоделали, как много времени потеряли даром. И ни один не уйд,,т отсюда, не дав себе слова впредь не терять ни мгновения в пустоте.

– О Флорентиец, когда ты говоришь «мы» и ставишь себя на одну ступень с нами, хочется не петь, но кричать и прыгать от счастья. Только по бесконечной своей доброте ты забываешь, что никто из нас не может принести на твой алтарь ничего, кроме благодарности, ничего, чем бы он мог вдохновить тебя. Ты же, бывший, как и мы, обычным человеком, и поднявшийся так высоко, ты остался таким же добрым и милосердным, каким был в те дал,,кие времена, когда начинал свой путь Света.

Если все, кто сейчас стоит здесь, смогут унести сегодня крупицу радости,

– они будут обязаны ею тебе. Ты был той первой вестью новой жизни, нового понимания и нового Света на пути, которая увлекла меня своей красотой. Ты подал мне свою могучую великую руку и раскрыл передо мной Свет Вечности. Я возвращаю тебе стократ твою, слово благодарности, Учитель.

Из всех присутствовавших только несколько человек поняли смысл слов Ариадны. По лицам остальных было ясно, что они считали этот обмен благодарностью неизбежным восточным этикетом. Графиня, благодаря певца, сказала ему:

– Вс,, что я поняла сегодня, так это то, что я вовсе не понимала, какую великую ценность представляет из себя человек и чего он может достичь, если всецело, до конца, отдает свою жизнь чему-то одному. Свою жизнь я прожила в постоянных компромиссах и теперь вижу, что именно поэтому ничего не достигла.

– А я, – сказал граф, – пережил за эти часы не одну, а несколько жизней. Мне казалось, что я странствую вслед за вашим голосом по всем землям и народам. И всюду вижу одну неудовлетворенность. И я вспоминал слова моего отца: «Однажды ты пожалеешь, что так бездейственно прожил свою жизнь». Вот это «однажды» свершилось сегодня. Мало того, я исцелился от постоянных забот о величии своей персоны. Я понял, что приш,,л на землю и уйду голым. Я обещаю, глядя в ваши глаза, начать трудиться для моего народа, как сумею.

– Мне не выразить так, как это сделал папа, всего, что мне открылось через вашу музыку, – сказала стоявшая рядом с отцом Лиза. – Но с этой минуты я знаю одно: можно по-всякому открыть человеку, что он жив,,т не только на одной земле. Кто по,,т так, как вы, тот вед,,т людей так же мощно, как Будда или другой святой. Не знаю, понятно ли я выражаюсь, слов мне не хватает. Но ваши песни сегодня для меня рубикон.

Каждый благодарил Ананду на свой лад и стремился объяснить, что стал богаче благодаря его песням. Один Генри шепнул:

– Все разбогатели, один я стал ещ,, более нищим. Я вс,, потерял сегодня, так как понял, что вернуться к вам пока не могу, а разлука с вами для меня хуже, чем нищета.

– Бедный мой мальчик, – ответил ему Ананда, отводя его в сторону, – ты вс,, так же настойчив в своих желаниях. При этом приходит в возбуждение весь твой организм, ты утрачиваешь равновесие и не видишь с ясностью, что тебя окружает. Давно ли ты сознавал, что тебя спас

Флорентиец? Давно ли ты убедился, что только его духовная мощь была способна вытащить тебя из смятения и тоски, в которые ты сам погрузился. Разве все эти уроки ничему тебя не научили? Неужели расточаемая тебе любовь не вызвала в тебе ответной благодарности?

– О Ананда, вы слишком плохо обо мне думаете. Я не только ценю Флорентийца и преклоняюсь перед ним. Я знаю, что, быть может, только подле него одного я смогу найти силы, чтобы стать достойным вас.

Я благоговею перед мудростью Флорентийца, но мо,, счастье, единственное, чего я желал бы в жизни: быть подле вас. Время, прожитое в разлуке с вами, я употреблю, чтобы обрести самообладание. Знаю: у каждого свои препятствия, свои задачи воплощения. Я хорошо понимаю теперь, что мне ничего не откроется, пока мой характер не станет ровным, пока я сам не сброшу с себя угрюмость. Ах, если бы я мог стать таким же вес,,лым смельчаком, как Левушка!

Их разговор прервал хозяин, предложивший всем пройти в столовую. Вечер закончился л,,гким ужином, который пролетел для гостей как одна минута. Князь Сенжер и сэр Уоми поражали семейство Е. своими познаниями и рассказами о путешествиях. Граф и капитан, которым казалось, что они видели необычайно много, почувствовали, что ничего ещ,, толком не знают, когда сэр Уоми стал рассказывать об Индии, е,, таинственных, заветных уголках и разнообразных религиозных сектах. О пародах е,, никогда не покидавших мысли о свободе.

Остроумнейший юмор князя Сенжера. его тончайшие наблюдения человека, его разв,,рнутые характеристики разных народов, познания в науке и технике заставили всех и смеяться и задуматься над тем, как один человек мог вместить такую универсальную образованность. Никому не хотелось уходить. Пришлось самому хозяину напомнить, что завтра уже началось, а в двенадцать часов состоится свадьба Лизы и капитана в русской церкви.

С трудом отрываясь от семьи лорда Бенедикта и всех его пленительных друзей, гости отправились по домам. Прощаясь с капитаном, графиня сказала:

– Спасибо, Джемс. Сегодня я нашла разгадку жизни. Ваши друзья без слов доказали мне, что я уже выполнила свою роль подле дочери. Дальше я не могу быть ей пока полезной. Поезжайте путешествовать. Лиза – ваша теперь. Я не сомневаюсь, что вы будете ей отличным другом и учителем в е,, новой жизни, а ваши друзья не оставят вас обоих.

Сердечно обняв Джемса, она быстро прошла в свою комнату, чтобы скрыть набегавшие сл,,зы. Графине хотелось остаться одной и разобраться

хоть немного в сумбурных своих переживаниях, но Лиза не дала ей сосредоточиться на этом.

– Мамочка, моя любимая подруга, не плачь в эту ночь, последнюю ночь, когда мы ещ,, вместе. Мы только что видели настоящих людей. Можешь ли ты себе представить, чтобы кто-нибудь из них плакал, расставаясь? Наша с тобой разлука будет так коротка. И нам так много предстоит сделать до нового свидания. Пойд,,м ко мне. Помоги мне снять платье, как ты иногда это делаешь. И верн,,мся сюда к папе, он так был печален, когда мы ехали домой.

– Я не печален, дитя, – входя, сказал граф, услышавший слова дочери. – Я очень решителен. Вс,, что я ещ,, успею, я сделаю, чтобы не упрекнуть себя в том, что прожил зря, без пользы. Предлагаю тебе, моя дорогая девочка, пойти к себе и скорее лечь спать. Нехорошо, если завтра ты не будешь свежее розы. Спи крепко, будь мужественна, входя в новый круг жизни, и предоставь нам с мамой провести вместе эту многое решающую в нашей жизни ночь. Нам уже не раз приходилось находить помощь и утешение друг в друге.

От всей души желаю тебе найти в браке истинную и долговечную дружбу. Мало, деточка, любить мужа и семью. Нужны ещ,, огромный такт и радость, чтобы не быть никому в тягость своей любовью и не требовать любви за свою любовь.

Он обнял дочь, проводил е,, до е,, комнаты, поцеловал ей руки и вернулся к жене.

– Утро вечера мудренее, дорогая. Выпей микстуры и попробуем мирно заснуть. Давай думать теперь только о счастье Лизы, о е,, жизни и радости. Если и для тебя вопрос о возвращении в Гурзуф решен, – мы едем туда не просто доживать бесполезную жизнь. Но верн,,мся счастливыми, от многого освободившись, и начн,,м трудиться для чужих детей. Ты давно хотела завести ясли. Я вс,, собирался выстроить больницу. Попробуем теперь претворить свои мечты в дело.

Словами ласки и шутливыми замечаниями граф прив,,л в равновесие свою уставшую и тоскующую жену. Вскоре их комнаты погрузились во мрак, но как спали эти три сердца, тесно сросшиеся за долгую совместную жизнь, и спали ли они, о том знали только их подушки.

Пытка разлуки терзала им сердца, хотя безнад,,жности ни в ком из них не было. Если бы, оставшись одни, старые супруги захотели объяснить самим себе, что же произошло в их сердцах и почему утихла несносная, мутная, похожая на зубную, боль, то ни один из них сказать ничего не смог бы.

Графиня, прежде считавшая, что возврат в Гурзуф без дочери равносильна смерти, вдруг стала радостно думать, как она устроит ясли, определяла для них место, мечтала о саде и цветниках. Дочь стала не большим местом, а только одним из главных слагаемых красоты жизни. Каким образом, когда именно начался и произошёл в её мыслях поворот, она не знала. Она только знала, что лорд Бенедикт, его пример постоянной деятельности, заботы и внимания к людям открыли ей глаза на собственную инертность, на эгоизм постоянных мыслей лишь о себе и своих близких. В ней проснулось желание найти что-либо глубокое и близкое тем интересам, которыми жил этот человек. Ей захотелось теперь трудиться, и трудиться бескорыстно, чтобы завоевать его внимание и дружбу, которыми она начинала дорожить.

У графа стало спокойнее на сердце с того самого мгновения, как он прочел письмо отца. Он сразу решил вернуться в Гурзуф и предоставить дочери свободу самостоятельно устраивать свою жизнь. И чем дольше наблюдал он и слушал лорда Бенедикта и его друзей, тем больше удивлялся. Много, очень много вспоминал он теперь из сказанного когда-то отцом. Потому что иногда лорд Бенедикт высказывал мысли, которыми не раз и не два, а неоднократно делился с ним отец. Но тогда графу казалось, что отец его просто единственный в своём роде чудак. Теперь, когда те же мысли граф нет-нет да улавливал в речах лорда Бенедикта, – он увидел для себя обязательную программу живой деятельности.

Ему уже не терпелось поскорее возвратиться домой, не теряя времени попусту. Сейчас ему казалось важнее всех дел построить больницу, чтобы внести свою небольшую лепту для облегчения людских страданий.

В этом настроении, с желанием трудиться на общее благо встали утром супруги, примирённые, спокойные, почти счастливые. И первый взгляд, которым они обменялись, сказал им, что если лица их и постарели, то души стали моложе, они нашли друг в друге то, чего не находили до сих пор: друга и товарища в труде.

Оба почувствовали, что связь их стала крепче, что верность друг другу выросла. Всю жизнь оба видели звеном своей взаимной связи только дочь. Казалось, исчезни она – и всё, погибнет. Сейчас дочь уходила, а связь между ними только начиналась.

Легко встала графиня и пошла будить дочь. Но Лиза уже сидела у окна, и лицо её было печально. Вошедшая с улыбкой мать, поглядев на неё, пристально, сказала:

– Посмотри на меня, дочурка. Разве так выглядят несчастные матери, оплакивающие покидающую их дочь? Я совершенно спокойна. Я радостно

провожаю тебя в новую жизнь. Не буду тебе говорить сейчас, почему со мною это произошло. Когда ты приедешь в Гурзуф погостить, я тебе все, расскажу, а может быть, ты поймешь меня и так. Знай только: тебе нечего разрываться в своей любви. Смело иди за мужем и завоевывай для себя вселенную, чаруя людей своей игрой. Тебе есть у кого учиться. Мы же с папой поняли, что нам надо учиться жить в своем родном Гурзуфе по-новому. Пойдем, моя дорогая детка, выпьем в последний раз кофе вместе, и надо начинать одеваться.

Лицо Лизы просветлело и, как всегда в минуты счастья, неожиданно похорошело. Легко прошел завтрак, которого она так боялась, и еще, даже весело, началась церемония одевания к венцу.

Граф не допустил парикмахера к дочери и сам убрал ей голову. Обладая неизвестно откуда взявшимся в их роду талантом, граф всю жизнь сам причесывал жену, когда хотел, чтобы она была особенно хороша и элегантна.

Голова Лизы, убранный его руками в драгоценнейшую фату и невиданные им прежде белые цветы, присланные Джемсом, была чудом изящества.

– Где мог взять Джемс нечто подобное, – говорил он, прикладывая к волосам цветы. – Это несомненно цветы живые, но, пожалуй, он за ними съездил на Луну, – бормотал он, осматривая дочь. – Почему же ты, жена, не говоришь, что опять все, не как у людей. Ведь это не невестин веночек из флердоранжа, а нечто сотканное из воздуха и света.

За обсуждением этого вопроса и застал их лорд Бенедикт, воскликнув:

– Как, графиня, вы еще, не одеты? Простите, но Джемс сказал, что по русскому обычаю невесту в церковь везет посаженный отец. Вот я и приехал за моей названной дочерью. Шаферы, подружки и жених уже отправились в церковь.

Переконфуженные графиня в халате и граф в блузе, которую он надел для исполнения своих парикмахерских обязанностей, убежали, смеясь, к себе, уверяя, что будут готовы в одну минуту.

Оставшись вдвоем с невестой, лорд Бенедикт подвел ее, к окну и, указывая на шумную толпу сновавших людей и экипажей, сказал:

– Вот, Лиза, море жизней человеческих, среди которого вы поплывете. Путь искусства один из самых трудных на земле. Не многие в силах очистить свои души так, чтобы увидеть в себе того Бога, которого они должны перенести, как творческий огонь, во все, что делают. Ремесленники всегда озабочены тем, чтобы обвинить кого-нибудь в своих неудачах. Истинный художник воспринимает свои неудачи как этапы собственного

развития. Он понимает, что удача, похвалы и слава не могли бы помочь ему перенести на землю те великие образы, звуки и краски, что он видел и слышал в своих мечтах.

Ваш путь – для людей, для толпы, среди неизменной суеты. Не ищите мест уединения и отдохновения. Не думайте, что дух художника-мыслителя – а истинный художник всегда таков – зависит от его физического или материального благополучия. Не соки тела и земных благ питают дух творящего. Только проникая в великую тайну любви, может постичь человек, как раскрывается в его духе тот или иной аспект Любви, в н.,м живущей.

Любовь – пламя. Чем больше отдал, тем ярче и выше пламя. Любовь не угасает в человеке-творце. Но чтобы понять, что такое ЛЮБОВЬ, надо до конца любить то искусство, которому вы служите. Только забыв о себе и отдавшись искусству, сможет художник понять, в ч.,м черпают люди-творцы свои силы.

Именно тогда он переступает грань ремесла и проникает в подлинное творчество, в интуицию. Велико счастье такого человека. Он не от земли получает силы, а, обновляясь во вдохновенном труде, принимает участие в делах и скорбях земли.

Запомните эту нашу беседу. И всегда, когда будете учиться или творить, умеете отдавать труду текущей минуты весь свой дух, вс., сердце, всю любовь. Если не сможете играть, наполняя звуками чистую чашу Будды, – отложите труд до того мгновения, когда прид.,те в равновесие.

Но если станете думать, что оно зависит от внешних причин, никогда не продвинетесь в творчестве. Чтобы найти к нему путь, надо освободить себя от страстей и авторитетов. А для этого нужно выработать самообладание.

Вошли родители, и через несколько минут лорд Бенедикт уже в.,з в своей карете невесту к венцу, а сзади, нарушая древний русский обычай, ехали отец и мать.

Неожиданно для графа, заказавшего только убранство церкви, вся лестница, вестибюль и внешний фасад здания оказались украшенными роскошными гирляндами, цветами и деревьями в кадках.

У входа в церковь, куда вв.,л Лизу лорд Бенедикт, встретил е., Джемс и пов.,л к алтарю.

Кроме родных Джемса и ближайших друзей его и графа, а также членов семьи лорда Бенедикта, никто приглашен не был, но церковь оказалась заполненной народом. Многие из людей света полюбопытствовали взглянуть на свадьбу, которая, очевидно по новой

моде, совершалась без особых приглашений. Кое-кто знал об участии лорда Бенедикта в церемонии и, желая увидеть его поближе, явился на бракосочетание, иные же просто рады были поглазеть на бесплатное зрелище.

Когда лорд Бенедикт ввел невесту, ее туалет вызвал всеобщее восхищение. Но переводя взгляд на жениха, за которого его все принимали, люди не могли удержаться от замечаний:

– Бог мой, вот так жених! Да он малютку на ладони унесет! Батюшки, где это откопали русские такого красавца!

Возгласы сыпались на мнимого жениха со всех сторон, и искорки юмора в его глазах одни только и выдавали, что он их слышит.

Лиза была как в чадур. Ее тонкая, узкая рука, лежавшая на руке посаженного отца, дрожала первый раз в жизни. Ей казалось, что лорд Бенедикт ведет ее, к какому-то недостижимому величию, что это величие вмещалось в ее простую жизнь именно через него, и ведет он ее, сейчас для того, чтобы поставить на тот путь, о котором говорил ей у окна.

Лиза точно уносилась вверх. Она забыла, куда, для чего приехала, и опомнилось, лишь когда Флорентиец, взяв ее левую руку своей левой рукой, слегка пожал ее, и шепнул:

– Будь целомудренной женой и неси ту жизнь, что бьется в тебе в этот час, как самый святой залог верности мужу и семье. Не пытка и не сети семья. Но место твоего служения миру. Иди, моя рука с тобою.

Прими жену, – уступая место Джемсу, сказал ему тихо Флорентиец. – И веди ее, так же свято, как вел корабль свой в страшную бурю на Черном море. Там рука моя спасла всех, кто доверил тебе свои жизни. Будь так же чист в семье, и рука моя будет всегда с тобою.

Обряд совершался, певчие возносили свои голоса к небесам, а Лизу все не покидало чувство отрешенности от земли; ей казалось, что она пребывает где-то в мире грехов, как часто бывало с ней в детстве и в некоторые моменты игры на скрипке.

Лиза опустила на землю, когда кто-то властно сжал ее руку, и увидела перед собой чудесное лицо дяди Ананды. Князь Сенжер улыбался ей, поздравляя:

– Мужество в жене и ее спокойствие – два качества, на которых зиждется семья. Обретя их, вы сможете сделать счастливыми всех, кто войдет в ваш дом. Возвратясь из церкви, поищите у ног Будды мой вам привет. Сэр Уоми подал Лизе маленький футляр. – Это мой привет вашему первенцу. Я рад поздравить вас в эту минуту. Чем яснее вы будете видеть недостатки друг друга, тем священнее берегите в своем сердце тот

прекрасный портрет друга, что в нем запечатлен сегодня. Стремитесь воспитать в себе такую деликатность и выдержку, чтобы не показать другому, как тяжел для вас его недостаток.

Потянулась вереница поздравляющих, которых Лиза уже не понимала. Она шла за Джемсом, увлекавшим ее, к выходу, и наконец очутилась с ним вдвоем в карете. В правой руке Лизы был букет из таких же цветов, какие были приколоты к ее, фате. Поздравляя ее, букет этот подал Ананда, и в его петлице, и в руках подружек, и в петлицах шаферов и жениха – у всех были те же цветы. Левую руку Лизы крепко охватывала рука жениха.

– Мы с тобою, дорогая жена, сейчас словно экспонаты на выставке. Все прохожие глазают на нас. Впереди едут лорд Бенедикт и его красавцы-друзья, сзади красавицы-подружки и шаферы, и поневоле всем хочется взглянуть на невесту, которую сопровождает такой кортеж. Ах, если бы мы с тобой, моя малютка, сумели бы всю жизнь помнить, что нас вывела из церкви не только несравненная физическая красота, но и духовная мощь, которая выросла из самых простых, обычных человеческих сердец. Духовная мощь у грани сверхчеловеческой.

В эту самую минуту дадим перед этими людьми друг другу обет: каждое утро встречаться у ног, у чаши твоего любимого Мудреца, обещая ему хранить верность его заветам пощады и милосердия. Будем стараться жить среди серого дня, нося Его мир в сердце. И всякий раз будем приходить к Нему, чтобы дать себе отчет, как прожили мы свой день. Никогда не отправимся спать недовольными друг другом или кем-либо еще. И если мы обидели кого-то, потому что не сумели удержать горькое, ранящее слово, то постараемся приготовить к следующему дню так, чтобы доставить больше радости людям.

Карета остановилась у дома новобрачных, где участники свадебного кортежа уже выстроились в две шеренги и, смеясь и шутя, стали забрасывать молодых цветами, пока они шли через холл. Увлеченные друг другом, молодые Ретедли и не заметили, как их по дороге обогнали, как они очутились, в хвосте кортежа, а потому их удивлению не было конца. Под сыплющийся дождь цветов молодые дошли до столовой, где рядом с их приборами бросили по цветку Ананда и лорд Бенедикт, опустившиеся рядом на красивые старинные стулья, откопанные Джемсом где-то на чердаке. В конце обеда лорд Бенедикт предложил молодым поехать в его деревню и там провести последние три дня отпуска Джемса. Так как молодые были в восторге от этого предложения, то им пришлось спешно переодеваться в дорожные костюмы и отправляться на вокзал.

Всею компанией, к огромному неудовольствию родных Джемса,

которым не только не удалось играть какую-либо роль во время церемонии и обеда, но и осмотреть обновленный дом, молодых проводили на вокзал, и вскоре их счастливые лица скрылись в тумане.

Когда смолк стук колес, графиня почувствовала, что в сердце ее пусто. Слезы покатались градом, застилая собою весь мир.

– Не плачьте, графиня, – услышала она голос лорда Бенедикта и поразились нежности, которая в нем звучала, – свои дитя вы проводили в самостоятельную жизнь. Но разве это все, что вы можете сделать для людей. Поедьте ко мне. Мой друг Амедей начал изучать строительное дело. Он художник и архитектор-любитель, но талант и вкус у него большие. А Сандра только внешне рассеян. Они с Николаем прекрасные математики втроих они сделают для вас любые планы, чертежи и расчеты. И если бы вы с мужем захотели украсить родные места прекрасными зданиями, – вы могли бы увезти с собой уже готовые проекты. А я разбил бы вам сады, в этом деле меня считают специалистом.

– О лорд Бенедикт! Кто мог бы подать помощь людям с таким тактом и добротой, как это делаете вы? Этот вечер, который из печального превращается вами в радостный, он станет для нас еще и священным, так как будет началом нашей новой трудовой жизни, о которой мы с мужем неотступно думаем.

Через некоторое время провожавшие молодых приехали в гостеприимный особняк лорда Бенедикта, и в его кабинете, за чаем, обсуждали план больницы и яслей.

В этом обсуждении принимали участие все обитатели дома, и нередко взрывы смеха приветствовали чьи-либо предложения. И чаще всех попадал впросак бедняжка Сандра.

ГЛАВА 19 ЖИЗНЬ ДЖЕННИ И ЕЕ ПОПЫТКИ УВИДЕТЬСЯ С МАТЕРЬЮ И СЕСТРОЙ Вернувшись домой после ужасных часов, проведенных в адвокатской конторе, сраженная, разбитая, осознавшая, что ее планы овладеть матерью и сестрой разрушились, Дженни была совершенно больна. Два дня она пролежала в постели, почти не открывая глаз. Она еле отвечала тоже не совсем здоровому мужу и изнывала от тоски, бешеной злобы и недоумения. Завлекательные картины богатства, блеска и величия, которыми соблазняли ее, мать, Армандо и Бонда, – во что они вылились в самом начале новой жизни!

Слова сэра Уоми, которых она никак не могла понять, ее, расстраивали. Снисхождение лорда Бенедикта она переживала как самое большое унижение и ненавидела его, мать, Алису – все они вызывали в ней такую

жажду мести, что Дженни чувствовала, как в е,, крови кипит яд. Впервые в жизни она не могла вылить наружу сво,, бешенство. Ни швырять чем-то, ни кричать у не,, не было сил. Точно отравленная, Дженни молчала и думала вс,, об одном и том же: как отомстить, как обрести власть над лордом Бенедиктом и его друзьями.

Совершенно разбитая, Дженни вс,, же думала только о борьбе. Она упорно стремилась отыскать союзника в лагере противника. Ей думалось, что простодушный сэр Уоми, показавшийся ей человеком очень добрым и недалёковидным, как раз подойд,,т для этой цели. Она мечтала заручиться его помощью, прикинувшись раскаивающейся грешницей, жаждущей помириться с матерью и сестрой. А последних Дженни так привыкла видеть у себя в повиновении, что не сомневалась в победе над ними с помощью ласковых писем.

«Удалось бы только увидеться с ними, – думала Дженни. – Я заставлю этого синеглазого простака помочь мне добиться свидания».

На третий день е,, решение действовать созрело. Она, к удивлению мужа, поднялась с постели, стала пить шоколад и даже спросила о Бонде и Мартине.

– Бонда вс,, ещ,, говорит ш,,потом и согнулся, как древний старик, без надежды выпрямиться. Он мог бы, конечно, поправиться, но этот идиот Мартин к тому, что ничего не смог сделать, ещ,, и потерял все лекарства, что носил на себе. И Бонда, не взявший запаса, обреч,,н ждать, пока само время его не вылечит. А Мартин, очевидно, сош,,л с ума. Он вызвал вчера вечером к себе Бонду и Анри и исповедался перед ними в своих грехах, – ядовито хохотал Армандо. – Что произошло в кабинете лорда Бенедикта, куда ему удалось проникнуть, никто не знает. Но на вс,,м теле Мартина какие-то кровоточащие раны и язвы, должно быть его там пытали.

Дженни вздрогнула и с ужасом посмотрела на мужа. К е,, ненависти добавился ещ,, и страх физических страданий. Увидев ужас на лице жены, Армандо криво усмехнулся и продолжал:

– Когда Бонда уш,,л, проклиная Мартина, что тот не прин,,с ему какой-то вещи, столь нужной Браццано, Мартин заклинал Анри убежать от нас. Он объяснил, что его раны вовсе не результат ударов пл,,тки лорда Бенедикта, а тех лекарств, что Бонда заставлял его носить на себе в большом количестве; они-то и разъели его организм. Анри вызвал врача, тот объявил, что болезнь Мартина неизлечима и что смерть его близка.

Ужас Дженни усилился до последней степени. Мартина она терпеть не могла и нисколько его не жалела. А просто видела в его преждевременной смерти невероятную силу врага.

– Бонда говорит, что нам надо уезжать. Хотя встреча с Браццано, когда явимся без Алисы, ничего хорошего нам не сулит.

– Что ты хочешь этим сказать? Разве вы на службе у Браццано? Кто этот Браццано?

– Я думал, ты догадливей, Дженни. Проще всего тебе обратиться за разъяснениями к собственной матушке. У не,, получишь исчерпывающие сведения. Уж она-то тебе вс,, объяснит, – саркастически улыбнулся Армандо.

– Чепуха какая-то! При ч,,м тут мама, никогда не уезжавшая из Лондона дальше морских купаний, – и Браццано, живущий в Константинополе?

– Мама-то твоя итальянка. Она вышла замуж за твоего отца в Италии. А там у не,, мог быть романчик с Браццано, с неудачным концом.

– Знаешь что, не меряй всех на свой аршин. Мама, конечно, вспыльчива, но в е,, честности перед отцом я не сомневаюсь. Если бы ты знал отца, ты понял бы, что бесчестное существо не могло бы жить рядом с ним. Хохот Армандо стал ещ,, громче и наглее. – А ты-то, ж,,нушка, очень честна? Я мог бы, конечно, нарушить запрет Браццано и кое-что рассказать тебе. Но мне жаль лишать тебя приятного сюрприза, а себя – удовольствия наблюдать при этом за твоей физиономией.

Холодная дрожь пробежала у Дженни по спине. Она никогда не думала, что физиономия е,, мужа может быть столь отвратительной. Что-то сатанинское мелькнуло сейчас на его красивом лице. Дженни поняла, что если поскользн,,тся, – пощады ей не будет. Три дня назад она считала, что сумеет заполучить друга в этом сво,,м любовнике. Сейчас ей казалось, что он злодей каких мало, и если ему придется спасти свою шкуру, он утопит е,, без всяких размышлений.

– Что ты на меня уставилась? Не воображала же ты, что найд,,шь во мне рыцаря печального образа, вроде своего мнимого папаши-пастора? Лучше пораскинь мозгами и подумай, как заманить сюда Алису. Лишь бы заманить. А уж умчать красотку, поверь, сумеем. Пожалуй, даже тебя оставим мамаше в утешение, только доставь нам сестрицу. Неужели ты так глупа и бездарна, что не можешь найти пути и возможности добиться свидания с сестрой и матерью? Ты можешь наделать этому лорду массу неприятностей. Подай заявление, что он держит насильственно в сво,,м доме твоих родных и отказывает им в свидании с тобою. Пока суд да дело, немало беспокойства причинят ему судьи и адвокаты, подкупить которых ничего не стоит.

Хуже бича ударили Дженни эти слова. Так вот какая цена ей в глазах

человека, женой которого она стала три дня назад! Она была всего лишь средством изловить Алису. Зачем им нужна сестра? В чем здесь дело? Дженни не могла больше выносить глумливый тон мужа и встала, чтобы уйти к себе.

– Обдумай вс,, что я тебе сказал. Я слов на ветер не бросаю.

Уйдя в будуар, Дженни заперла дверь на задвижку и упала на диван в полном изнеможении. Она задыхалась. Сообразить, что же с ней произошло, почему разговор с мужем так е,, перепугал, она не могла. Но мгла мрачных предчувствий давила е,, с такой тяжестью, что у не,, дрожало вс,, тело и стучали зубы.

Дженни машинально взяла папиросу, что стало уже е,, привычкой, и мало-помалу стала приходить в себя. По мере того как папироса становилась короче, настроение Дженни, ещ,, не привыкшей к наркотику, который ей старался подбросить муж в виде очаровательных тонких папирос, становилось ровнее. Страх е,, прош,,л, она снова стала обдумывать свой план. Случайно слова мужа совпали с е,, собственным желанием добиться свидания с матерью и сестрой. Теперь она окончательно утвердилась в мнении, что сэр Уоми парень простоватый и что следует действовать именно через него. Вс,, что происходило в судебной конторе, Дженни напрочь забыла сейчас, наркотик делал сво,, дело, и она чувствовала себя сильной, прозорливой, изворотливой и такой хитрой, что никто не был в состоянии прочесть е,, истинные мысли. Дженни села писать письмо сэру Уоми.

«Одновременно с этим письмом, уважаемый сэр Уоми, я пишу моей матери и сестре, так жестоко бросившим меня на произвол судьбы. Не подумайте, что я жалуюсь Вам на них. О нет. Для этого я их слишком люблю. Но я знаю также, что эти дорогие мне существа необыкновенно бесхарактерны и поймать их в сферу своего влияния ничего не стоит.

Так оно и случилось сейчас. Обе бедняжки попали на удочку лорда Бенедикта и изображают из себя рыбок на крючке. Ваши слова сочувствия, сказанные мне в конторе, дают мне смелость обратиться к Вам за помощью.

Лорд Бенедикт, его зять Николай и Сандра, каждый из которых мог бы мне помочь в мо,,м законном желании повидаться с матерью и сестрой, такие жестокие и бессердечные люди, что им мои страдания безразличны. Мне кажется, что только Вы один наделены сердечной теплотой и участием. А потому Вы пойм,,те, какой разбитой и несчастной чувствую я себя сейчас. Выброшенная из тихого и уютного дома моего отца, где я привыкла видеть дорогие лица сестры и матери, где всю жизнь царило

патриархальное целомудрие, я чувствую себя точно в чужой стране. А между тем вс,, самое дорогое жив,,т в полчасае езды от меня.

Помогите мне увидиться с моими родными. Пусть Алиса с мамой приедут ко мне. Я не в силах войти в этот ужасный дом.

Со свойственной добрякам чуткостью Вы пойм,,те меня. Ваш образ врезался мне в память, и если наша симпатия взаимна, я бы очень хотела увидиться с Вами. Тогда я имела бы возможность рассказать Вам об ужасном поведении лорда Бенедикта по отношению ко мне, и, вероятно, Ваша помощь была бы активнее.

Не откажите сообщить мне по прилагаемому адресу, получили ли мои письма мать и сестра. Я даже в этом не доверяю лорду Бенедикту».

Подписав письмо девичьей и мужней фамилией, Дженни осталась очень довольна своими талантами и принялась за письмо к пасторше.

«Моя дорогая мама, – хотя Вы так ужасно изменили мне и бросили одну среди чужих людей, тем не менее я верю, что Вы меня любите и действовали только под влиянием чужой злой воли.

Мне непонятно вс,, же, почему Вы не приедете ко мне с Алисой. Неужели Вам даже неинтересно взглянуть на мою теперешнюю жизнь? Ведь Вы так много рассказывали мне о великолепии и богатстве Ваших друзей, среди которых я живу. Пока, правда, я ещ,, не купаюсь в золотой ванне, но зато часто слышу имя Браццано, который, по рассказам мужа, действительно очень богат и знатен. Возле него будто бы и начнется моя настоящая великолепная жизнь.

В этом письме я не буду задавать Вам вопросы. При личном свидании Вы мне расскажете о Браццано. Я очень удивилась, узнав о друге Вашей юности из чужих уст.

Ах, мама, мама, если бы отец был жив, он потребовал бы от Вас, чтобы Вы навещали меня с Алисой, а не бросили так одну на произвол судьбы, как вы обе это делаете сейчас.

Но вс,, же я прощаю Вам всю несправедливость. Я уверена, что лорд Бенедикт держит вас обеих взаперти и не пускает даже ко мне. Но ведь и отец был строг и следил за Вашим поведением. Однако Вы умели посещать друзей, вовсе ему не угодных.

Вырвитесь, пожалуйста, и навестите меня. Вы понимаете, что я не могу приехать к Вам, раз Вы жив,,те в доме человека, которого я ненавижу. Если уж моя просьба так мало значит для Вас, – я прошу ещ,, и именем Вашего друга Браццано, – приезжайте. Если он Ваш истинный друг, значит он и мой друг. Вы мне так всегда говорили.

До свидания, дорогая мамочка. Приезжайте с Алисой в музей. Я

напишу ей, расскажу подробно, куда и когда. Там мы решим, как нам быть дальше. Обо вс,,м этом просит Ваша Дженни».

И этим письмом Дженни осталась довольна. Она похвалила себя за тонкость проявленного в н,,м такта. Самым трудным казалось ей письмо к Алисе. Долго перебирала она в мыслях, в каком стиле обратиться к сестре. Особенно стеснительным казалось ей то обстоятельство, что Алиса, конечно же, прежде чем ответить, побежит к своему лорду Бенедикту и покажет письмо. Наконец Дженни решила обратиться к сестре тоном старшей замужней сестры и умудр,,нной опытом наставницы.

«Моя дорогая сестр,,нка, моя милая упряmica Алиса, – ты вс,, ещ,, продолжаешь смотреть на мир и людей своими детскими глазами, тогда как мне пришлось окунуться в самую гущу жизни. Немудрено поэтому, что я не могу теперь смотреть так наивно и идеализировать людей, как это делаешь ты, дорогой, доверчивый реб,,нок.

Я пишу маме, что не могу навестить вас в очень мне неприятном доме, где вы обе сейчас жив,,те. А повидаться с вами мне, конечно, необходимо. Я не виню тебя за твой чудовищный эгоизм. Если бы у папы перед смертью не сделался приступ его мозговой болезни, то ни его, ни тебя не удалось бы заманить к себе твоему «благодетелю», как ты выражаешься. Но по моему разумению взрослого человека, лорд Бенедикт заслуживает несколько иного эпитета. Впрочем, вс,, это тебе разъяснит суд. Мне же необходимо с тобой переговорить, как старшей сестре, по поводу твоего замужества. Двоюродный брат моего мужа, красавец, которого ты не могла не заметить в конторе, мечтает с тобой встретиться уже давно, чтобы высказать тебе свои чувства.

Подумай, какое счастье свалилось на нас обеих! Мы уедем вместе и не будем испытывать одиночества. Я знаю твой привязчивый характер, знаю, как ты всегда меня обожала и скучала без меня, и хорошо представляю себе, как ты сейчас страдаешь от вынужденной разлуки. Я потому-то и не браню тебя за самовольный уход из отцовского дома, что совершенно уверена, что тебя держат взаперти в этом скучнейшем доме. Воображаю, сколько старых тряпок заставила тебя перешивать милейшая графиня. И почему они требуют, чтобы ты ходила в ч,,рном? Как глупо! Старо и немодно выставлять напоказ свой траур.

Но если я стану обсуждать все вопросы, о которых хотела бы с тобой поговорить, я никогда не кончу письма. Давай договоримся так: приходи через три дня. Я назначаю такой долгий срок потому лишь, что представляю, сколько придется тебе хитрить и изворачиваться, чтобы вырваться потихоньку в музей у Тр-го сквера. В восточном отделении, у

мумий, мы встретимся. Там и решим, куда поедем поболтать. Приходи к 12 часам, без опоздания и не в ч.,рном. Жду тебя, твоя Дженни».

Пока в жизни Дженни происходила эта сумбурная и мрачная полоса, в особняке лорда Бенедикта зарастали раны пасторши, обновляемой потоками любви Алисы, Дории, Ананды и постоянным участием не только хозяина, но и его гостей.

Неожиданно для пасторши она нашла друзей и помощников в переданных ей Дорией хозяйственных делах в лице леди Цецилии и Генри. Генри, хотя и не понимал ничего в хозяйственных делах, преуморительно уверял пасторшу, что ему необходимо обучиться как можно скорее всем тонкостям домоводства. Так как он ничего толком не умеет, в Америке ему придется быть мажордомом, иначе скажут, что он совершенно не годится для жизни в обществе, где каждый должен вносить долю своего труда в общее дело.

Смеясь и шутя, Генри помог т.,тке выучиться считать на сч.,тах и терпеливо приучал е., держать в порядке счета, ключи и записи. Леди Цецилия с удивлением смотрела на своего сына, в котором теперь трудно было узнать е., спесивого Генри. С каждым дн.,м даже облик юноши менялся, и улыбка перестала быть редкой гостьей на его лице. Зачастую они с Алисой заставляли леди Катарину писать по-английски, чего та прежде не терпела, но теперь старалась изо всех сил, так что даже вызывала умиление своих строгих учителей. За таким занятием в один из дождливых дней застал их Ананда и позвал Алису к лорду Бенедикту.

Когда Алиса оказалась в кабинете своего дорогого опекуна, входить куда для не., было счастьем, она увидела не только его, но и сэра Уоми и князя Сенжера. Лица всех троих собеседников, встретивших е., как всегда ласково, были приветливы, но девушка сразу почувствовала какуюто особенную серь.,зность их настроения. Алиса не могла бы объяснить, почему у не., сжалось сердце, почему предчувствие чего-то горестного – не то печального, не то страшного – заставило е., остановиться у порога в нерешительности. Легко, по-юношески поднялся ей навстречу князь Сенжер, изысканно вежливо ей поклонился, и взяв е., руки в свои, сказал тихим, музыкальным голосом:

– Зачем же, детка, ты так волнуешься? Разве может быть для тебя что-то страшное в беседе с Флорентийцем? Он не лорд Бенедикт для тебя сейчас, но ближайший друг твоего отца и ещ., больший друг тебе. Не потеряла ты отца, а только нашла второго. И чем бы ты ни занималась, ты трудишься вместе с ним, хотя оба вы как будто заняты разными делами. Если мы все собрались поговорить с тобой, друг, то только потому, что ты

сама, чистотой своего сердца, подошла к новой ступени знания.

Видишь ли, в ученичестве не стоят на месте. Тот, кто добивается общения с нами и говорит об этом очень много, кто у всех на глазах целиком отдаётся заботам об общем благе и будто бы трудится вместе с нами, тот часто всю жизнь так и пребывает в самом начале исканий. А самому ищущему и окружающим его кажется, что они идут вместе со своими Учителями.

Ты, как очень немногие из большого числа людей, которым мы постоянно даём зов, идёшь за нами сама, идёшь каждый день, не ища дела, которое бы тебе нравилось, но принимая то, куда надо нести мир и любовь.

И вот настал момент, когда ты, чистой своей любовью, можешь помочь матери и сестре. И в зависимости от того, о ком ты будешь думать, о себе или о них, ты продвинешь в их жизнь – жизнь огромной скорби – возможность радоваться. И сама пойдёшь дальше и выше в труде Флорентийца. Успокойся и выслушай друга. Впервые страх сжал твоё мужественное сердце, и я надеюсь, что больше ты этого чувства не узнаешь.

Он подвёл Алису к Флорентийцу и усадил в кресло рядом с ним. Маленькая фигурка Алисы казалась совсем детской рядом с величественной фигурой её опекуна. Теперь страха не было в её сердце, но волнение и ожидание чего-то необычного, огромного, чего она ещё не знала, но что едва ли можно вынести, наполняло её целиком.

– Алиса, – сказал ей Флорентиец, – перед Вечностью нет ни отцов, ни детей, ни матерей, ни сестёр, ни братьев по крови. И когда я буду говорить тебе о дорогих и близких тебе людях, помни только одно: все они лишь единицы Вселенной, идущие путём своей эволюции. И каждая, неся в себе искру живой Жизни, приблизилась к той точке совершенства, куда дух её смог пройти тяжким путём освобождения.

Тебе, если хочешь быть ближе ко мне, не судить их надо, не огорчаться за их судьбу, не страдать за себя, то есть не воспринимать их судьбу лично. Но помнить, что каждый жил, живёт и будет жить только так, как смог понять жизнь, ощутить её живую в себе и открыть сердце для творчества в ней, пусть даже в одном только её аспекте.

Никого нельзя поднять на более высокую ступень. Можно только предоставить возможность подниматься, служа живым примером. Но если человек не найдёт в себе любви, он не поймет, что встретился с высшим существом, и будет жаловаться, что ему не дали достаточно любви и внимания, и хотя сам стоит рядом, но не видит протянутых ему рук. И того, что он не смог, по неустойчивости и засорённости своего сердца, увидеть

предлагаемой ему любовной помощи, он не понимает, Отсюда недовольство и жалобы.

Один из примеров перед тобой пройду сейчас. Ты хорошо помнишь жизнь своей семьи. Когда умер твой отец, ты была ему другом, помощью и опорой уже много лет, несмотря на свои юные годы. Было ли у тебя детство, Алиса? Едва ты стала подрастать, как тебе пришлось прочувствовать сердечные муки отца. Как бы ты ни любила его, ты ни разу не осудила мать, хотя знала, что муки отца – от не,,.

Сейчас ты узнаешь причину скорби и размолвок твоих домашних. Мать твоя вышла замуж за твоего отца, любя другого человека и нося плод его любви под сердцем. Отец же, поняв все,, сразу же, никогда и ни словом не обмолвился о том, что он знал и понял. Он дождался твоего появления на свет и оставил навсегда спальню жены под предлогом тяж,,лой болезни.

Отец Дженни, бросивший твою мать и заставивший ее,, выйти за твоего отца замуж, уже тогда был потерянным существом, вором, грабителем, искавшим повсюду подобных себе и имевшим грязные связи во всех частях света. Когда был жив твой отец, он не осмеливался вспоминать о матери, так как знал, что отец твой кремень чести и справедливости. В его расч,,ты не входило бороться за свою дочь, но он отлично был осведомл,,н о жизни Дженни и леди Катарины.

Но вот пришлось злодею потерпеть фиаско и понадобилось ему для гнуснейших целей чистое существо. Настолько чистое, чтобы ни один из соблазнов не мог свить себе гнездо в его сердце. Тогда мысль негодяя протянулась к дому пастора, к тебе, Алиса. И все,, гнусное действие бракосочетания Дженни было разыграно только для того, чтобы заполучить тебя любыми способами. Отца уже нет, Алиса. Вместо него я подле тебя.

– Я благодарю небо тысячи раз, что папы нет в живых и он не страдает от всего этого ужаса, – бросилась на колени перед Флорентийцем Алиса. – Пусть папа идет,, спокойно, пусть идет,, как можно выше, чтобы ни одна из тревог земли не коснулась его и не обеспокоила его мудрой жизни. Я осталась здесь вместо него, отец Флорентиец. Молю тебя, помоги мне выстоять в полном самообладании и спокойствии, чтобы сила твоя могла проходить через меня нераспл,,сканной и вся твоя помощь доходила бы до моих дорогих и несчастных мамы и Дженни.

– Так, дочь моя. Я и не ждал от тебя другого. Но еще,, одно ждет тебя испытание. Ты слышала, Николай тебе рассказывал о Левушке и Браццано. Браццано – отец Дженни.

Бедная Алиса, смотревшая неотрывно в глаза Флорентийца, прошептала:

– И ты, отец Флорентиец, пустил в свой дом меня, дочь женщины, знавшей Браццано! Будь же мне вечным примером милосердия, которому нет пределов. Помоги дважды утвердиться моему самообладанию, чтобы маме и сестре было легче бороться и победить.

Флорентиец положил на голову Алисы свою правую руку, на не,, свои руки положили сэры Уоми и Сенжер.

– Мой путь да сплет,,тся с орбитой твоей, и вся Любовь в тебе да сплет,,тся в сеть защитную с Любовью моею вокруг тебя, – сказал сэры Уоми.

– Твоя жизнь да станет отныне красотой, и зло да не сможет подойти к тебе. Все заклинания да распадутся подле тебя, ибо сеть моя защитная оберегает тебя, – произн,,с Сенжер.

– Аминь. Свет на пути пройде,,т беспрепятственно через твой канал. Иди, друг, и жди меня через час у твоей матери, – сказал Флорентиец.

Алиса вышла из кабинета такой радостной, такой л,,гкой, какой давно уже себя не чувствовала. Ей не хотелось сейчас никого видеть, она быстро прошла к себе в комнату и села у портрета отца. Прижав к себе дорогое лицо, она думала только об одном: стать достойной отца и создать такую семью, в которой была бы невозможна ложь. Сейчас в сердце е,, где с детства жило страдание, обжигавшее е,, как раскал,,нный гвоздь, было спокойно. Слова Флорентийца осветили ей суть отношений между людьми перед Вечностью. И ещ,, понятнее стало, как она, дочь, сможет стать матерью тому, кто был ей отцом.

– Если бы только я сумела быть достойной того доверия, какое мне оказано. Я буду день за дн,,м вс,, крепче думать о том, как воля моих великих друзей ль,,тся через меня. Отец, отец! Я и не представляла, что можно подняться на такую высоту чести и милосердия, где прожил ты. Сейчас я пойду к моей матери и передам ей тво,, прощение, твою помощь.

Так думала Алиса, ощущая в себе непобедимую силу и уверенность. Ни минуты она не колебалась и не страшилась, что смутится при встрече с матерью. Не о позоре е,, она думала, а о реальной помощи, которую могла ей оказать.

Алиса переоделась. Ей казалось невозможным выйти из комнаты в том, в ч,,м она приняла благословение чудесных рук своих великих друзей. Благоговейно сняв сво,, ч,,рное платье и не понимая, почему она это делает, она надела одно из лучших своих платьев, белое с ч,,рным, и пошла к леди Катарине.

Там она застала только Ананду, который прин,,с матери новый итальянский журнал, рекомендуя обратить внимание на некоторые статьи.

Знавшая, как ненавидела леди Катарина всякое чтение, Алиса была удивлена искренним е,, интересом. И вид матери сегодня изумил е,,.

– Что с тобой сегодня, Алисонька? Ты чем-нибудь особенно обрадована? – в свою очередь спросила мать.

– Я так нарядна, мама, что даже поразила вас. А я только что хотела спросить, почему вы так прекрасно выглядите сегодня? Вы просто красавица, хотя и поседели.

– Как я виновата перед тобой, доченька, я не видела, как ты красива и какое сердце жив,,т в тебе.

– О сердце Алисы слава ид,,т. О ручках и смехе сказки плывут. Голос Алисы

– сам ангел по,,т. А щ,,чки Алисы что розы цветут, – внезапно пропел Ананда, подставляя имя Алисы в народную английскую песню.

Голос Ананды, и всегда поражавший Алису гибкостью и тонкостью фразировки, сегодня особенно проник в е,, сердце. Как много предстояло ей трудиться, чтобы достичь хоть половины этой музыкальной выразительности. Лукавство, с которым глядел при этом на Алису певец, заставило мать и дочь весело рассмеяться. Под этот смех и вош,,л незамеченным Флорентиец.

– Вот это хорошо, Ананда, что ты развлекаешь свою больную. Как вы себя чувствуете, леди Катарина?

– Если бы мне сказали неделю назад, что я смогу так весело смеяться, как сейчас, я бы не поверила. А вот теперь мне не хочется грустить, сегодня на меня особенным образом действует красота моей дочери, Я понять не могу, в ч,,м дело? Я ли слепа была до сих пор, Алиса ли так изумительно похорошела?

– Быть может, в вашем сердце для Алисы нашлось больше места, и в этом вс,, дело, вся разгадка,– сказал Ананда. – Нет, что-то сегодня в ней особенное, но что, не знаю. – Надеюсь, что когда-нибудь узнаете. А сейчас я приш,,л к вам поговорить о Дженни, – сказал Флорентиец. Леди Катарина вздрогнула и побледнела. – Счастлива ли Дженни по-вашему, леди Катарина? Можете ли вы представить себе е,, жизнь в эту минуту?

– Дженни не может быть счастлива, лорд Бенедикт. Она обманута теми, кто подле не,, сейчас и... мною. Я хотела бежать к моей старшей дочери, чтобы спасти е,,. Но в вашем доме поняла, что это невыполнимая для меня сейчас задача. Поняла, что сначала мне надо воспитать себя, что я и пытаюсь делать.

– Верите ли вы тому, что говорит о себе Дженни сама? – Нет, лорд Бенедикт. Я слишком хорошо знаю Дженни, знаю, что она никому сейчас

не скажет правды о себе, мне же – особенно. – Почему же, леди Катарина?

– Дженни не прощает мне моего бегства к вам, лорд Бенедикт. Но не это главное. Мне страшно за Дженни, когда она узнает о себе... ужасную правду. Я не боюсь е,, проклятий, я их вымолю. Я боюсь, что гордая моя дочь не сможет этого пережить...

– Не плачьте, леди Катарина, выслушайте меня. Скоро, гораздо скорее, чем вы думаете, я почти со всеми моими домашними уеду в Америку. С вами останутся Ананда, сэр Уоми, Дория, Сандра, Амедей и Тендль. Эти друзья будут вс,, время с вами и помогут вам отбиться от десятка нападений Дженни и е,, приятелей. Они не будут знать, что Алиса уехала с нами. И вас будут ловить как приманку. Если вы не будете тверды, если ваши мысли и сердце не сконцентрируются только на одном – спасении Дженни, – вы не сможете по-настоящему помочь вашей бедной дочери. Поймите меня, как мать, всерь,,з думающая о жизни своей дочери. Дело вовсе не в том, чтобы вы сейчас же, сию минуту летели к Дженни. Вместо облегчения вы привнес,,те ненужный сумбур в е,, и без того печальную жизнь. Держите перед своим духовным взором ВСЮ жизнь Дженни. Копите в себе силы, чтобы вырасти и иметь возможность помочь дочери в тот миг, когда она сама захочет мира, вместо борьбы и власти над нами, которых сейчас ищет.

Если мать не обладает тактом, она никогда не построит прочный мост из своего сердца, в особенности к своим детям. Как бы любвеобильны вы ни были, найти путь к единению в красоте человек бестактный неспособен. Всю жизнь трудился пастор над тем, чтобы вы смогли воспринять это маленькое словечко «такт». Есть старики, которым специально да,,тся долголетие, чтобы они поняли это свойство Любви, чтобы научились распознавать во встречном ЕГО момент духовной зрелости, а не лезли к людям со своими нравоучениями, считая, что раз им что-то кажется, значит, так оно и есть на самом деле, и надо немедленно выложить из своей кастрюли вс,, что в ней кипит.

Обдумывайте каждое слово. Всегда распознавайте, что окружает вас, и помните крепко, что бывают положения, когда лучше всего молчать. Кажущаяся инертность человека часто бывает самой активной помощью тому, кто на вашу же инертность жалуется. В молчании человек строит в себе крепость мира и любви, вокруг которой собирается высокая стена невидимых защитников. Образ страдающего, который носит в себе этот человек, видят все незримые защитники, и ни один из них не оставит страдальца, за которого вы молитесь, без своей посильной помощи.

Те же, кто торопливо, суетно, без внутренней энергии нес,,т эту

помощь, те приносят даже вред вместо пользы.

Я вижу, что мои слова не вызывают в вас протеста, как это бывало раньше. Запомните, мой друг, вс,, то, что я вам сказал. Не сомневаюсь, что Дженни вскоре будет вам писать. Постарайтесь сами разобраться, сколько фальши в е,, письме. А то, чем вас лично могла бы ранить Дженни, для вас уже не существует. Ваши ужасные узы с Браццано развязаны мною и Анандой. А единственный из людей, кто имел бы право судить вас, ваш муж, он давно простил вам вс,,. – Но Алиса, Алиса? – прошептала пасторша. – Алиса? Алиса вам не судья. Она тот маленький талисман, который для вас припасло Милосердие.

Флорентиец простился с пасторшей и спустился вниз, Ананда ещ,, некоторое время побыл с ними, высказал каждой много сердечного участия и утешал мать, скорбящую от предстоящей разлуки с Алисой. Пасторше казалось, что жизнь наказывает е,, за нелюбовь к Алисе в прошлом и разлучает с дочерью именно тогда, когда она сумела оценить и полюбить е,,. Ананда терпеливо выслушал е,, жалобы и попросил вникнуть в слова Флорентийца, поэтому думать не о себе, а о своей главной задаче – жизни Дженни.

Когда Ананда уш,,л, пасторша прижала к себе Алису и молча заплакала. Алиса не нарушала молчания, но в сердце сво,,м несла такое ликование любви, что мать утихла и сказала:

– Если бы я могла перенять у тебя хоть малую толику самообладания, дочурка, я бы скорее вернула Дженни.

– Ах, мамочка, всегда кажется, что если бы мы обладали тем-то и тем-то, то могли бы сделать много. А на самом деле мы можем что-то сделать только в своих собственных обстоятельствах. Вы говорите о мо,,м самообладании. Но если бы мои обстоятельства были иными, если бы с детства жизнь не учила меня владеть собой, разве нашла бы я тот поток счастья, в котором живу сейчас? Вошедший слуга подал им почту, обе обнаружили письма от Дженни. Лицо Алисы только порозовело, когда она взяла письмо сестры, но мать так побледнела и изменилась, что Алиса потянулась за каплями.

– Не беспокойся, детка. Хуже того, что я пережила, уже ничего быть не может. Что бы ни писала мне Дженни, да будет она благословенна. Я вс,, принимаю от не,, без упр,,ка и даю тебе слово помнить только о спасении Дженни и делать вс,, для этой цели. И предпринимать что-либо без совета и разрешения синьора Ананды я не буду.

Когда мать и дочь прочли письма, они переглянулись. По щекам леди Катарини катились сл,,зы, и она молча протянула письмо Алисе. Алиса

взяла письмо, поцеловала дрожавшую руку матери и вложила в не,, сво,, письмо. И снова встретились взгляды женщин, и они обняли друг друга.

– Нет такой силы, мамочка, которая могла бы заставить вас теперь пойти к Дженни; перед нею сейчас, как перед слепой, нет ни точки света. И она даже не представляет, как может легко и дивно жить человек на земле. Давайте, дорогая, сожж,,м эти письма, Быть может, их яд сгорит и самой Дженни станет легче, ничто не будет цепко держать в себе кусочек е,, злобы.

– Я хотела бы, Алиса, высосать весь яд из каждой буквы. Лишь бы Дженни стало легче.

– Порывы вашей самоотверженности, – сказал незаметно вошедший сэр Уоми, – сейчас вредны не только вам одной, леди Катарина, но и вашим дочерям. – Он ласково вынул письма из е,, рук, бросил их в камин и повернулся к горестно поникшей пасторше. – Не только вы, но и никто из нас не может помочь Дженни в эти несчастные дни. Всем своим поведением она призывает своего настоящего отца, и он не оставляет е,, без своего влияния и помощи. Он надеется найти в Дженни верного помощника. Но он не учел, что его дочь выросла в доме пастора, чья безукоризненная честь и любовь оставили в Дженни неуничтожимые следы.

Я попросился в помощники к Ананде и принял на себя ответ за вечную жизнь Дженни, Не бойтесь за не,,. Живите, а не ждите чего-то. Работайте, следите за собой, чтобы находиться в светлом кольце наших сотрудников. Поняли ли вы меня и хотите ли ступить сейчас же на путь спасения дочери?

– Да, я хочу, хочу всеми силами сердца. Но мне так страшно. Я ведь всегда жила только порывами сердца, совершенно не умея подчиняться требованиям ума. Как мне взяться за дело? Я ещ,, не научилась спокойно переносить малейшую неудачу, не то что размышлять серь,,зно. Я дала вам, сэр Уоми, обещание, но сорвусь, наверное, в первый же час.

– Важно тв,,рдо отдать самой себе отч,,т, чего именно ты хочешь, леди Катарина. Важно жить, трудясь каждый день так легко и честно, как будто бы это был твой последний день жизни.

Если человек понимает, что внешнее – это всего лишь изменяющаяся оболочка, не имеющая особого значения, что нужна невидимая сила, убежд,,нность, вера и верность, – никакого героизма ему и не понадобится. Любовь повед,,т человека весело и радостно. Любящее, верное и преданное существо только счастливо тем, что может быть полезным своим близким. А плачут о себе.

Вдумайтесь хорошенько в мои слова. Тот, кто ставит во главу угла себя, свои достоинства, свои таланты и достижения, – только гот не войд,,т в круг жизни светлого братства людей, посланцы которого окружают вас сейчас. Совсем не важно, как вы прожили жизнь до сих пор, чем вы жили, что составляло ваши интересы. Ещ,, менее важно, как о вас судят ваши знакомые и приятели. Кто не испытал сам, как страдание переворачивает человека, как в одно мгновение он может перейти некий рубикон и очутиться на совершенно иной ступени жизни, с иным пониманием, оставив многие прежние понятия, – тот отрицает чудо оживотворения аспектов жизни в человеке. Истинные перемены в людях всегда происходят мгновенно. Мгновенно, ибо в сердце у них быстрее молнии раскрывается новый аспект Любви.

Если люди неустойчивы, их внутреннее преобразование, совершающееся в одну минуту, сопровождается таким длительным и нудным периодом умирания старой личности, что они смешивают это время мучений с блаженным мигмом счастья самого преобразования. Если в вас жив,,т одна мысль: стать силой Любви, дабы приобщиться к нашему труду и спасти дочь, вы спросите себя только об одном. Верите ли вы мне и Ананде до КОНЦА? Верите ли вы нашей чести, любви, самоотверженному милосердию? Верите ли вы нашей верности ТЕМ, кто выше нас в сво,,м совершенстве, кто руководит нами и за чьей верностью следуем мы своей преданностью и нерушимым, добровольным послушанием?

– Сэр Уоми, будучи когда-то неразумным, никого кроме себя не любившим существом, влюбленным и злым, я дала клятву Браццано. страшную, не на жизнь, а на смерть. Сейчас я впервые научилась любить. Впервые открылись глаза моего сердца. И пастор первый стал для меня светом и законом. Ему теперь клянусь в верности. Ею благословляю. За вами и Анандой иду сейчас. Кроме этого пути, у меня нет иного. Не рабою хочу быть. Мо,, единственное счастье теперь – быть в послушании у вас. Вот моя мольба.

Пасторша опустила на колени перед сэром Уоми. В этот момент вош,,л Ананда. Сэр Уоми поднял леди Катарину, лицо которой сияло и в глазах застыли сл,,зы, положил обе руки на е,, голову, а Ананда взял в свои руки обе руки пасторши и соединил их с руками Алисы, говоря:

– В новой семье нянча внуков вы окончите свои дни. Помните этот час. Готовьтесь не к жертве, не к борьбе, но к единственной вашей задаче: любить и быть верной делу своей любви до КОНЦА.

Не в ярости любовного распятия вы можете спасти Дженни. Но в высшем самообладании. В ровности духа при ВСЕХ внешних

случайностях. Не мудрствуйте. Делайте то, что мы будем вам говорить. Но помните, что, исполняя лишь половину, вы прим.,рзнете к месту, и Жизнь пройд,,т мимо вас. Действуя наполовину, ни шагу к истинному совершенству не сделаете, хотя бы весь день суетились как белка в колесе. Ни одно сердце не расцветет и не успокоится подле вас, если ваш дух мигает.

Не радуйтесь и не плачьте от того, что сегодня вы могли бы поставить себе

– плюс или минус. Но несите в сердце конечную цель – Вечное, это единственное, чем могут жить люди светлой Общины.

Оба великих друга, сэр Уоми и Ананда, сели возле пасторши и Алисы, и сэр Уоми сказал, что тоже получил письмо от Дженни, но о н,,м и говорить не стоит. Оно свидетельствует только о том, насколько Дженни далека от правдивости и истинного понимания людей и событий.

– Алиса уедет, но подле вас, леди Катарина, останется Дория. И я остаюсь с вами, а также Ананда и Сенжер. Все мы близки вам, и ваши дела, ваша жизнь нам дороги. Быть может, впервые вы наконец пойм,,те, что не только близкие по крови люди освещают нашу земную жизнь, придают ей глубину и смысл. Не бойтесь нас. Не думайте, что наше превосходство по части каких-либо знаний и сил да,,т нам право считать себя выше кого-то. Чем больше знает человек, тем лучше понимает он страдание каждого встреченного. Не нам вас судить мы только вам поможем.

А вам, вам нужно понять только, что когда-то давно каждый из нас был самым простым, обычным человеком и ш,,л таким же простым трудовым дн,,м, каким ид,,те вы сейчас. Если вы это пойм,,те, если поверите, что вс,, чего мы достигли, произошло только потому, что Любовь учила нас самообладанию, вы найд,,те тот же путь. Но найд,,те его по-своему, так, как укажет вам ваше смиренное и раскрытое сердце. Когда человек достигает мудрости, то первыми он находит в себе смирение и ровность духа.

Бунт и всяческое ревнивое трепыхание страстей, желание постоянно объясняться с людьми и объяснять им себя, вс,, отлетает от человека, как и страх перед грядущими событиями. Надо отвыкнуть превращать дни в некие жалкие обрывки: «вчера», «сегодня», «завтра». Все ваши дни – это череда мгновений Вечности, в которых нужно ясно видеть конечную цель. Как Млечный Путь не имеет для вас ни начала, ни конца, когда вы смотрите в сверкающее огнями небо, так и вереница дней не ограничивается стадиями чувств; наши дни, страдания и радости, наше движение впер,,д – вс,, это созда,,тся с предельным напряжением. Сейчас вы видите вереницу тяжких дней у Дженни. Разве это вс,, что она может

сделать? Вы хотите броситься ей на помощь. Разве вы в силах повернуть течение событий в е,, жизни, если они созданы ею, а не вами? Но и тут ваша доля спасительной помощи может дойти до дочери только в том случае, если ваше самообладание будет так велико и стойко, что ни страха, ни сл,,з, ни мыслей о себе у вас уже не будет.

Не пугайтесь того, что это далеко и недостижимо, что, пожалуй, вы успеете умереть. Однако если вы сможете помнить, что каждый час вашей жизни, прожитый в мыслях о помощи, строит для дочери спасительный мост только в том случае, если вы мужественны, вы будете крепнуть день ото дня. И будете жить так долго, сколько будет нужно. Об Алисе и о разлуке с ней не думайте. Всякая разлука мучительна только до тех пор, пока человек не созреет духом, чтобы посылать творческий ток любви с такою энергией, которая сплетала бы в любую минуту в одну общую сеть преданность обоих. Эта мощь духа развивается так же, как всякая другая способность человека. Не загромождайте свой день непосильными задачами. Живите просто. Так просто, как будто в прошлом не было ничего. И каждый расцветающий день – это заново строящаяся жизнь. И о будущем не терзайтесь. Его нет. Его вы ткете своим настоящим. Поэтому каждую текущую минуту живите со всею полнотою чувств и мыслей, раз и навсегда изгнав сомнения.

Сэр Уоми и Ананда увели с собой Алису, посоветовав леди Катарине не отвечать на письмо Дженни. Оставшись одна, пасторша взяла в руки прекрасный портрет своей старшей дочери. И в мыслях она никак не соглашалась признать, что нет больше Дженни Уодсворд, а жив,,т на свете Дженни Седелани. Считая себя главной причиной несчастья дочери, леди Катарина не могла примириться с тем, что пока ничем не может ей помочь. И в то же время понимала, что Дженни сейчас ненавидит е,, так, как только одна злопамятная Дженни и умеет ненавидеть. И будет ненавидеть е,, ещ,, больше, когда узнает правду о сво,,м рождении. С этими печальными мыслями застала е,, Дория. Поняв мгновенно настроение пасторши, она сказала, что леди Цецилия нездорова, а Генри должен ехать на вокзал встречать молодых Ретедли вместе со всею семьей. Пасторша немедленно предложила свои услуги. – Но ведь вы нездоровы. Вы очень бледны и измучены. – Нет, я совершенно здорова. Мне доставит огромную радость хоть как-нибудь отблагодарить милых родственников, перед которыми я так виновата.

И леди Катарина поспешила к леди Цецилии. Генри был тронут появлением т,,тки и спокойно отправился на вокзал. Радостно, шумно, весело встретили Лизу и капитана.

ГЛАВА 20 ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЛОРДА БЕНЕДИКТА И ЕГО ДРУЗЕЙ В ЛОНДОНЕ. ТЕНДЛЬ. ИСПОВЕДЬ И СМЕРТЬ МАРТИНА. ЕЩЕ, РАЗ. МУЗЫКА. ПРОЩАЛЬНЫЕ БЕСЕДЫ

Возвратившись из деревни, капитан приступил к своим служебным обязанностям и начал осмотр парохода, готовясь к дальнейшему плаванию. Оставив Лизу у ее родителей, капитан вечером поехал к лорду Бенедикту, чтобы узнать, сколько и какие каюты оставить для него. Покончив с делами, лорд Бенедикт спросил Джемса, что его беспокоит и почему у него далеко не сияющий вид.

Капитан улыбнулся, и ответил, что уже привык к тому, что скрыть от Флорентийца свои мысли невозможно. Но сейчас его беспокоит только море; за последние дни произошло несколько морских катастроф. Воспоминание о последней, пережитой на Черном море буре вставало в воображении храброго капитана и страшило его, ответственного за такое количество драгоценных жизней.

– Я и сам не понимаю, откуда во мне такое смятение. Правда, последняя буря перещеголяла все, что мне когда-либо приходилось испытывать. Правда и то, что никогда еще, мне не приходилось везти так много близких и дорогих людей. И все, – так я не понимаю, почему именно этот рейс заставляет меня так волноваться.

– Очевидно, у вас нет уверенности, что если я подле вас, то с вами ничего не может случиться. Если бы в вашем сердце жила подлинная верность тому, кого вы назвали человеком ваших мечтаний, там не было бы места страху и не было бы и тени беспокойства за всех нас и вообще о будущем, Джемс. Вы были бы заняты только одним: подготовкой судна к плаванию в полном самообладании и спокойствии. Человек может удачно справиться с делом, если даже самые мелкие личные переживания не нарушают его самообладания. Такое цельное внимание, цельное самообладание является необходимостью для успешного творчества самого обычного человека. Но вы, Джемс, вы ведь хотите идти дальше? Вы хотите, как говорили не раз, идти за мной. Где же радость, что льется из вашего сердца, если вами понят ваш путь? Друг мой, если вы вступили на путь Жизни, отбросьте предрассудок заботливости, проявляющийся в страхе и волнениях. Как бы вы ни уверяли себя и других, что плачете, тревожитесь, сомневаетесь и страдаете о ком-то, вы переживаете в форме личного страдания только потому, что думаете о себе.

Сейчас не о временных наших формах думайте, но развивайте всю отвагу, всю силу Любви и память о вечности, чтобы радостно готовить судно к отплытию. Человек иногда говорит: «Злое предчувствие давит

меня. Я знаю, что погибну». На самом же деле он ничего не знает. Но дух его слаб для тех испытаний, которые он сам, всей своей деятельностью в веках, вызвал к жизни. Если бы он держал перед глазами духа величие своего извечного пути, – он победил бы, несомненно, и на этот раз.

Флорентиец подошел к капитану, положил ему руки на плечи и посмотрел в глаза с такой лаской и нежностью, что тот почувствовал, как в него словно проникло тепло солнечного луча, обняв своим Светом его сердце. И в этом Свете растворились волнения Джемса.

– Иди, мой сын. И эту радость, что ощущаешь сейчас, привноси во все дела и встречи. Со свойственным тебе тактом ты не будешь гонцом, кричащим на базаре. Ты никому не станешь навязывать своей веры, назойливо объявляя ее единственной истиной. Но уверенность твоего сердца, уверенность от знания, что я с тобой, а следовательно, ты в защитном кольце, передастся каждому, кого ты посадишь на свой корабль. Иди и помни, что вокруг тебя моя защитная сеть. И судно твоё, дойдёт благополучно, пусть вокруг и бушуют ураганы. Нести свой день труда надо в радости.

Преображенным вышел капитан из кабинета своего великого друга, и ему показалось, что с него епанчи какие-то неудобно давившие его латы.

В это время сидевшая у матери Алиса старалась успокоить бедную леди Катарину, по-прежнему переживавшую за безобразную свадьбу Дженни и её, теперешнюю жизнь. Стоило ей услышать о свадьбе или жизни Лизы, как моментально в её памяти вставали картины последних девичьих дней Дженни, её свадьбы и сцены в судебной конторе. И всё, существо пасторши наполнялось горечью, когда она сравнивала эти две молодые женские жизни. Услышав, что у лорда Бенедикта сидит Джемс, пасторша снова заплакала, прильнув к Алисе.

– Детка моя, неужели жизнь не наградит тебя в двойном размере за все те муки, что выпали на долю Дженни?

– Зачем же мне двойная удача, мамочка? Единственное, чего бы я хотела, так это стать достойной того счастья, что на меня свалилось.

К ним вошёл сияющий капитан и разговор их прервался. Ласково поздоровавшись, он передал Алисе просьбу Флорентийца спуститься к нему, если она свободна, в девять часов, а пока прислать к нему Сандру, которого он, Джемс, нигде не может найти.

– Если Алиса свободна? Я думаю, если бы Алисе предстояло спешить к Господу Богу, то и тогда она отложила бы своё свидание и побежала к лорду Бенедикту. Беги, дитя, ищи скорее Сандру. Куда бы это он мог запропасться?

– Уж я-то знаю, где искать Сандру, если он исчез, – засмеялась Алиса.
– Ему взбрело на ум, что он наш,,л новую звезду благодаря своим математическим вычислениям. Потихоньку от всех он соорудил себе обсерваторию в левой башне, на чердаке. Наверное, и сейчас гам колдует. Бедняга еле-еле владеет собой, ему так тяжело, что он стегаются здесь.

– Как я его понимаю! Я бы на его месте тосковал не меньше. Хотя отлично знаю, что навязываться или напрашиваться ни на какие, даже самые простые дела нельзя. Нельзя выбирать себе дело или судьбу, стоя подле Учителя.

Алиса убежала искать Сандру и нашла его, как и предполагала, в импровизированной обсерватории. Сандра был так увлеч,,н своими наблюдениями, что не только не заметил прихода Алисы, но и не слышал, как она его окликнула. Только когда девушка притронулась к его плечу, Сандра в испуге вскочил и сразу не мог сообразить, что перед ним Алиса.

– Да как же вы могли сюда войти? Ведь я запер дверь на ключ. И как вы могли знать, что я здесь?

– Немудрено войти в открытую дверь, это раз. Ещ,, менее мудрено знать, что у вас здесь... мастерская,– сказала Алиса, осматривая чердак. – Вы ведь таскали вс,, мимо меня, через галерею, в вашу обсерваторию, которую правильнее было бы назвать норой колдуна. Это что за орудия пыток? – указывая на какие-то стойки, выведенные в слуховое окно, спрашивала смеясь Алиса.

– Нора колдуна! Извольте радоваться, – огрызнулся было Сандра. Но осмотрев сво,, помещение, которое сейчас осветила Алиса, заваленное ящиками, трубами, чертежами, – присоединился к смеявшейся девушке.

– Я не сомневаюсь, милая дама, что вы явились к колдуну заказать ему свой гороскоп. Оставайтесь же в старых девах и не мечтайте о дамском чепце, – хохотал Сандра.

– Я не сомневаюсь, что ваше проникновение в мо,, будущее равно вашему астрономическому предвидению. Идите-ка лучше к лорду Бенедикту и покайтесь, что испортили часть чердака в его доме.

– Побойтесь Бога, Алиса! Неужели же вы разболтали о моей мастерской лорду Бенедикту? Что же это будет теперь? На скачках он сказал, что у меня повырастали четыре ноги, что же будет теперь?

– Уж наверное скажет, что вы завели себе четыре глаза. Идите же скорее, он вас зов,,т. Вдруг он поднимется сюда?

Сандра схватил девушку за руку, выбежал с нею через узкую дверь и захлопнул е,,.

– Только этого ещ,, недоставало, чтобы все подняли меня на смех, –

смущенно говорил бедный ученик, спускаясь с Алисой вниз.

– Сандра, да на кого вы похожи? Неужто можно идти к лорду Бенедикту в этой грязной блузе? А руки? Да вы весь точно в саже.

– Бог мой, Алиса, что же мне делать? Не может же... Перед Алисой и Сандрой выросла мощная фигура Флорентийца.

– В моем доме парочка заговорщиков? Где же это вы оба были? Почему ты, Алиса, стала похожа на зебру? Да и ты хорош! Ты, Сандра, кузнечное дело изучаешь вместе с Алисой?

Лорд Бенедикт весело смеялся над своими юными друзьями, вконец растерянными. И Алиса с удивлением обнаружила на платье темные полосы.

– Ну, признавайся, друг, что ты там начудил в башне? – Да я только выковал закрепы и не предполагал, что будет так много сажи.

– Хорошо еще, что ты нас не спалил, – продолжал улыбаться Флорентиец. – Если бы ты мне сказал, что башня тебе нужна для обсерватории, я бы тебе предложил правую башню, где у Николая и Наль отличная мастерская. Ну, полно, не смущайся. Беги к себе и приведи себя в порядок. После ужина зайдешь ко мне. Я побеседую пока с Алисой.

Флорентиец прошел с Алисой в музыкальный зал. Здесь горела только одна лампа. Зал тонул в полумраке, и лорд Бенедикт сел у окна, усадив девушку рядом с собой.

– Чувствуешь ли ты, дитя, как особенно чиста в этой комнате атмосфера?

– Всякий раз, когда вхожу сюда, я как-то по-особенному радуюсь. Мне становится легче жить, как будто бы на меня снова сваливается счастье. Но с тех пор, как здесь играл и пел Ананда, эта комната стала для меня храмом, а после того, как здесь однажды пели, я поняла, что такое песня. Но ваша песня была так величественна, так недостижимо, божественно высока, что она не вызвала во мне ничего, кроме молитвенного экстаза и преклонения. У меня даже не мелькнуло дерзновенной надежды когда-либо приблизиться к такому совершенству. Когда играет и поет Ананда, я тоже преклоняюсь перед его искусством. Но тут я чувствую, что эту музыку может постичь человек. И теперь, входя сюда, словно попадаю в храм моих мечтаний. Я как будто бы начинаю понимать, что на моем земном пути мне придется трудиться в музыке не только для собственной радости, но как на предназначенном мне пути служения. Не подумайте, что я хочу сказать, что надеюсь играть и петь, как Ананда. Я знаю только, что предел того, чего можно достичь, отдавая искусству все, бескорыстно своей любви, указан Анандой.

– Это так, Алиса. Но в теперешней твоей жизни перед тобой стоит несколько сложных задач. И ни об одной нельзя сказать, какая из них главная. Семья, глубочайший смысл которой ты знаешь. Музыка, значение которой ты постигла. Сестра и мать, для спасения которых ты должна познать самое дно их несчастья, – вс., одинаково важно для того служения людям, ради которого ты попала в мой дом и встретила здесь с людьми, призванными строить общину с новым типом единения людей. Ты уже видишь две семьи, Наль и Лизы. Перед тобой проходят путь две будущие матери. Ты наблюдай их постепенный рост, их ошибки, волнения, разлад, восторги и счастье.

Только тогда ты войдешь в круг материнских дел и обязанностей, когда освоишься с ними на чужом, но близком тебе опыте. Ты поймешь всю их важность, ответственность и сумеешь сама нести их легко, весело, просто. Но когда же ты сможешь, друг мой, быть настолько внутренне свободной, чтобы создать легкую и радостную жизнь в семье, где бы люди, глубоко и широко психически одаренные, могли развиваться без помех, среди полной свободы? Когда ты будешь в состоянии стать во главе такой семьи, которая перевернула бы уродливый и затхлый быт иных семей, где гибнут в удушливых парах собственных страстей, называя их любовью? Чудовищное насилие, навязывание всем и каждому своих представлений и понятий. Выбор детям компании по своему вкусу, а не по тому, что необходимо для роста их дарований – вс., это называется в обывательских семьях словами «любовь», «забота», «опека». Только тогда ты станешь истинной матерью-воспитательницей, когда отбросишь от себя три понятия. Первое – страх, второе – личное восприятие текущей жизни и третье – скорбь.

Задумайся над тем, что такое страх. Это самое сложное из всех человеческих ощущений. Оно никогда не живет в человеке одно, но всегда окружено роем гадов, не менее разлагающих вс., наиболее ценное в духовном мире человека, чем самый страх. Страх также заражает вс., вокруг, наполняя атмосферу тончайшими вибрациями, каждая из которых сильнее яда кобры. Кто наполнен страхом, тот подавлен как активное, разумное и свободно мыслящее существо Мысль только тогда может жить, улавливая интуитивные озарения, когда существо человека гармонично, когда все силы его организма находятся в равновесии. Вот тогда ты попадаешь – через сознательное – в то сверхсознательное, где живет божественная суть твоего творящего существа. Если же мысль твоя заточена в каменный башмак страха, ты не в состоянии оторваться от животной, одной животной основы твоего организма. Твой дух не

раскрывается.

Люди, воображающие себя духовно озаренными, а на самом деле только изредка сбрасывающие башмаки страха, самые жалкие из всех заблуждающихся. Их вечные слезы и стоны о любимых на самом деле только жалкие обрывки эгоизма и плотских привязанностей к текущей форме, без всяких порывов истинного самоотвержения.

Люди, подгоняемые страхом, это неполноценные человеческие существа. Созидать великое, создавать жизнь как е, строители они не могут. Они живут только в мире текущих форм, а вс,, что способно создавать, жив,,т в двух мирах: в мирах трудящейся земли и трудящегося неба. Дух этих строителей переносит на землю сияние тех форм Вечного, которые им било дано увидеть и запечатлеть в своей памяти.

Второе понятие, от которого тебе предстоит освободить свой дух, есть личное восприятие жизни. Что это значит? Как, Алиса, тебе, молодому существу, призванному жить полной жизнью, существу, которое каждую летящую минуту должно отдавать всю полноту чувств и мыслей любому делу до конца, как тебе воспринимать эту освобожденное от своего низшего «Я», принадлежащего одной земле?

Вс,, мой друг, в человеке живущее, так крепко спаяно одно с другим, что нельзя вырвать из себя какое-то одно чувство, чтобы весь организм не ответил эхом. Если ты сегодня, в эту минуту, поддалась страху, весь твой организм заболел. Если ты продвинулась в радости и героическом чувстве, ты вплела в свой организм те налоги победы, которые через некоторое время войдут в твою жизнь. Если ты победила страх, потому что знаешь в себе божественный храм сердца, ты уже сдала первый экзамен, сделала первый шаг к жизни в Вечном. Каждая минута земной жизни для тебя – только мгновение текущей Вечности.

Когда ты твердо знаешь этот закон мировой Жизни, в тебе исчезают чувства и страсти, диктуемые условностями, ты не сравниваешь свою судьбу с судьбами других людей, а следовательно, в тебе нет почвы для зависти, ревности и суждений, идущих от одной плотской любви. Исчезают понятия «мой дом», «моя семья», «мои дети», «мои друзья» и т.д. Тебе принадлежит лишь радость сознавать, что вс,, живущее на земле только выполняет свои ВЕЧНЫЕ Задачи. Отсюда само собой вытекает то третье понятие, которое так отягощает жизнь человека. И не только отягощает, но и не да,,т ему возможности увидеть, что жив,,т он в двух мирах.

Я говорю о скорби. Тебе известно древнейшее из изречений: «Глаза, которые плачут, не способны видеть ясно».

Если ты знаешь бесстрашие, но не от ума, а от раскрывшегося для

любви сердца, ты знаешь путь Вечного. И тогда тебе известно, что твоя земная жизнь есть труд в двух мирах. Ты больше не выбираешь уже, что тебе выгоднее и удобнее, но творишь со всей полнотой сердца, принимая радостно все свои обстоятельства как именно те, в которых тебе быстрее, легче и проще изжить это протекающее мгновение. Ты видишь свое, служение Жизни в той форме, в том месте и времени, в которых она нуждается. Не твоё, личное «Я», но то, что идёт через тебя, составляет твою творческую задачу.

Если видишь страдания человека, не плачь о нём, ибо слезами не поможешь. Помощь – это твоё, ясное видение Вечности в человеке. Ясное понимание того, в каком месте своей эволюции в вечном движении Жизни находится данный человек. И тогда ты поймёшь его счастье, заключающееся в том, чтобы подобрать звено, выпавшее из сковывающей его цепи прежних страстей и преступлений. Ты сможешь увидеть, что для него настал момент подобрать, радостно изжить и вынести на своих плечах не только это звено, но и всех, кто помогал выковывать его взаимными оскорблениями, огорчениями, ссорами, предательством и изменой.

Великая скорбь, выплывающая наружу слезами, есть скорбь невежественности. Запомни, дорогая, что скорбь – это мысли о себе.

Чтобы, дочь моя, ты смогла выполнить задачу этого воплощения, тебе нужно найти так много радости и любви, чтобы взойти на ступень выше, где скорби уже не живут. Пусть не удручает тебя то, что ещё далеко та ступень. Ты к ней ближе, чем думаешь. Иди теперь, переодень платье и приходи ужинать. Я уже слышу гонг. Кстати, завтра мы поедем на могилу твоего отца. Скажи об этом Артуру и матери. Вели садовнику срезать все лучшие цветы. Это будет наш прощальный к нему визит. Мы найдём и в твой дом, где поселится семья родственников Дории.

Алиса едва успела переодеться и вошла в столовую последней.

– Я тебя, Алиса, нигде не могла найти. Мы с Николаем задумали попросить тебя поиграть нам после ужина, – сказала Наль.

– Прекрасная идея, – поддержал Ананда. – Я буду очень рад принять участие в музицировании. Я получил ноты от Анны. Она с увлечением пишет мне о новом концерте для виолончели композитора Б. Вы, Алиса, не откажетесь разобрать его со мною?

– Боюсь, что не сумею сразу сыграть, как вам нужно. Но если вы мне дадите час времени, я проиграю партитуру одна, и тогда у меня будет больше смелости и уверенности, что не испорчу эту вещь.

Наль протестовала, Сандра, которого разрывало два желания – и к лорду Бенедикту идти, и услышать новый концерт – ратовал за

предоставление Алисе времени; Амедей, которому надо было съездить куда-то на час, присоединился к просьбам Сандры.

Хозяин дома примирил всех, предложив послать коляску за Лизой и Джемсом, а также за стариками Е. и дать возможность услышать новое произведение всем. На этом и разошлись после ужина. К Ананде и Алисе, отправившимся репетировать, присоединились сэр Уоми и Сенжер, а Флорентиец и Сандра направились в кабинет хозяина.

– Тебе, Сандра, вс,, ещ,, кажется великим горем разлука со мною? Ты не можешь переварить спокойно, что Генри едет со мной, а ты оста,,шься? Сандра глубоко вздохнул и не сразу ответил: – Сказать, что я попрежнему воспринимаю разлуку с вами, дорогой Учитель, как катастрофу, я не могу, знаю, что должен столькому научиться за два года, что дни и ночи буду занят. С другой стороны, Генри так работает над собой, так стойко переносит свою разлуку с Анандой, столько рыцарства в его поведении по отношению к т,,тке, матери и Алисе, что я давно перестал считать себя более достойным вашего общества. Я стараюсь выполнить и даже перевыполнить данную вами программу.

– Поэтому ты и решил потихоньку смастерить себе обсерваторию, – улыбнулся лорд Бенедикт.

– Нет, я не так наивен, чтобы думать, что от вашего взора можно что-то укрыть, – рассмеялся Сандра. – Я просто надеялся, что успею что-нибудь сделать прежде, нежели ваш взор меня настигнет. Я не воспользовался лабораторией Николая, потому что сам отшлифовал себе новые стекла, за которые только сейчас могу поручиться, что они хороши. Моя кустарная работа только внешне безобразна, но трубы, поновому мною рассчитанные и теперь уже испытанные, хороши. Кроме того, наши с Николаем методы совершенно различны. Если оба мы правы, мы найд,,м новое светило. Я говорю обо вс,,м вкратце, потому что знаю, как вы вс,, понимаете с полуслова. Что касается моей скорби по поводу разлуки с вами, мой друг, мой отец, хотя я и сказал вам, что это уже не катастрофа для меня, но... дважды быть слабее женщины для меня уже невозможно. Сейчас я живу работой и всегда ощущаю вас настолько близко, точно вы действительно рядом. Если бы я провожал вас месяц назад, я плакал бы день и ночь, долго был бы болен, не мог бы работать и скорби моей не было бы конца. Теперь я наш,,л вас в сво,,м труде. Стоит мне начать заниматься и подумать: «Для Общины», – как мои мысли перестают походить на тяжело движущиеся жернова. Я вижу вас рядом с собой, я советуюсь с вами, мне даже чудится, что я слышу, как и что вы мне советуете.

Иллюзия, до смешного яркая, обжила даже мой чердак, который злючка Алиса прозвала норой колдуна. Иллюзия вашего тихого голоса, как-то странно, не то внутри меня, не то откуда-то издали звучащего, но звучащего настолько полно, что я радуюсь общению с вами точно так же, как радуюсь сейчас. Резюме мо,,: нет для моего духа разлуки с вами. Ну, тело, тело будет жить трудом, надеждой стать достойным вас и благодарностью за то, что вы оставили меня подле Ананды.

Разлука с вами, любимый отец и друг, для меня тот оселок, на котором я должен отточить свою волю. Я так наивен во всех жизненных делах, что если бы не Амедей, всегда меня выручающий своими заботами, я забывал бы о самых элементарных вещах, ходил бы в лохмотьях и прочее. Я должен научиться быть полезным и Амедее, который, я ни на минуту в этом не сомневаюсь, страдает больше моего, разлучаясь и с вами, и с Алисой.

– Сандра, бедный и вместе с тем богач Сандра. Твоя радость, твоя л,,гкость, с которыми ты принял огромный труд, взваленный на тебя мною, та простота, с которой ты подош,,л к задаче, которую я перед тобой поставил, то, что ты ни разу не отрицал те обстоятельства жизни, что вставали перед тобой,

– вс,, это провело тебя в мудрости дальше, чем могли бы это сделать годы ученичества, если бы ты умничал и ждал, пока внутри тебя что-то созреет для активных дел среди людей, тебе указанных. Я не могу пока открыть тебе твоей счастливой кармы со всеми теми людьми, которыми ты сейчас окружен. Но я могу поздравить тебя, что последние сучки между тобой и Генри, между тобой и Амедеем ты сегодня вынул.

Видишь ли, друг мой, множество людей ищет всю жизнь Бога и дел Его. Всю жизнь мечтает об Учителе, о пути с ним и жизни подле него. А когда заботами невидимых тружеников неба подходит к тропе, на которой может встретить Учителя, начинает отрицать е,, видя в ней прежде всего земную форму, а не Вечность, куда по ней можно прийти.

Выходит, что им важна была не весть, которая до них дошла, а муравей, что е,, прин,,с. Внимание их концентрируется на муравье и на собственном духовном умничанье, которое равносильно убожеству. В тебе нет мелочности. Ты видишь величие Жизни во всех путях и формах. И теперь, когда ты полностью, без сл,,з, без отрицания, без слабости, принял свой урок разлуки, когда ты мужественно и верно начал трудиться с нами, ты выполнишь свою задачу раньше срока, и не пройде,,т ещ,, двух лет, как ты начн,,шь строить с нами общину. В твоих печалях, Сандра, не последнее место занимает Дженни. У тебя чешутся руки помочь ей.

Но здесь ты должен призвать на помощь всю твою ученическую мне

верность. Я запрещаю тебе входить в какие бы то ни было отношения с Дженни и со всей е,, компанией. В данную минуту ни ты, ни Алиса, ни я, ни Ананда помочь ей не сможем. Я жду, что Дженни, не подозревающая, что мы уезжаем и увозим с собой Алису, непременно предпримет нападение и на тебя, и на Тендля, считая вас обоих совершеннейшими простофилями, и будет писать вам душераздирающие письма. Не верь ни одному слову. Дженни полна не скорби, а злобы. Не печаль разлуки, не мука отверженной, а зависть и терзания ревности разрывают е,,. Дженни думает только о мести. Итак, мо,, вето любви лежит на тебе по отношению к Дженни. Иди теперь, благодарю тебя за верную службу, надеюсь, что отныне ты неизменно будешь вс,, ближе, крепче и бесстрашнее идти за верностью моею.

Флорентиец обнял юношу, проводил его до двери, у которой уже ждал мистер Тендль, чрезвычайно взволнованный. Флорентиец впустил его в кабинет и сказал Сандре:

– Попроси Ананду не начинать, пока я не приду. Ну что, мой бравый капитан?

– Ох, адмирал, я ещ,, никогда не был в таком смятении, – ответил Тендль, тяжело опускаясь в кресло. – Мартин умер полчаса назад. И этот вот ужасный пакет он просил передать тому человеку, которого обнаружил в вашем кабинете в тот день, когда залез сюда через окно. Я так и не мог добиться от него, кто же был этот человек. – Это был я, – сказал князь Сенжер.

Тендль, нервы которого были натянуты до предела, вздрогнул от неожиданности.

– Я понимаю, как вы должны быть расстроены, если столь долго пробыли с несчастным Мартином и несли в руках плод его многочисленных преступлений. Возьмите мою конфету, она подкрепит вас лучше всяких успокоительных капель.

Тендль машинально взял в рот конфету. Он не мог собрать свои мысли и не знал, с чего начинать.

– Итак, капитан, поручение мо,, превысило ваши силы?– спросил Флорентиец.

– О нет, адмирал. То ли конфета князя обладает какими-то волшебными свойствами, то ли пакет Мартина внушал мне такое отвращение, только я уже владею собой и могу рассказать вс,, толком. В тот день, как вы мне приказали, я отправился к Мартину. Я наш,,л его совершенно запущенным, брошенным, больным. Я нанял ему отдельную палату в одной из частных лечебниц, пригласил к нему сиделку и поручил

его наблюдениям нескольких врачей. Каждый из них интересовался болезнью пациента, охотно брал деньги за визиты, но все, лечение сводилось только к этим визитам. Наконец, один из них сказал мне, что надежды на спасение больного нет никакой. Но при хорошем питании и уходе можно надеяться на возврат памяти и речи, правда, всего на несколько дней.

Я послушался врача, перевез Мартина в тихий дом на окраине, и там он три дня назад заговорил. – Тендль немного помолчал, несколько раз глубоко вздохнул, словно желая выдохнуть что-то очень тягостное. – Я не помню, чтобы когда-либо в жизни был так несчастен, как в эти дни. Мартин сознавал, что он умирает, и весь первый день его речи были сплошным проклятием Браццано и Бонде. Попало и Дженни, о которой он говорил чудовищные вещи, что можно объяснить только его безумием.

В середине второго дня в больном произошёл перелом. Ему стало чудиться, что он видит человека, с которым встретился в этой вашей комнате. И он стал взывать к милосердию и молить подарить ему фиалку. Он клялся, что никогда не крал кольца, что кольцо с фиалками из аметистов, за которым Браццано гонялся по всему свету, украл подкупленный лакей. Но что затем кольцо было передано одному из агентов Браццано и исчезло у того самым загадочным образом, когда он уже возвращался домой, в Константинополь. Судьба этого кольца, с которым Браццано связывал некоторую свою власть над вами, князь Сенжер, никому неизвестна.

Много ещё, непонятных и безумных вещей говорил Мартин. В своих воображаемых беседах с вами он исповедовался. Я совершенно не был в состоянии представить, что человекообразное существо может опуститься так низко. Я пытался остановить его, убедить, что никого кроме меня в комнате нет. Он начинал буйствовать, швырял в меня чем попало и укорял, что я мешаю ему очиститься в последней исповеди хотя бы настолько, чтобы Браццано не мог беспокоить его душу, вызывая её, после смерти и заставляя повиноваться и служить его грязным целям. Он кричал, что вы, князь Сенжер, обещали ему спасение и защиту, если он откажется от злой жизни и возвратит часть ворованного добра тем невинным, которых разорил. Вот в этом ужасном пакете, как он уверял вас в своей зрительной галлюцинации, вы найдёте документы его сестры, матери, жены, сына, которых он пустил по миру за их нежелание разделить его разбойничью жизнь. Он уверял, что здесь его шкатулка, полная драгоценных камней, с которыми он хотел бежать от своей шайки, ожидая удобного случая.

Он просил вас разделить эти сокровища между обворованной им

семьей и... ужасно выговорить!.. между детьми женщины, которую он обманул, бросил и дов,,л до виселицы, взвалив на не,, сво,, преступление и подкупив судью и стражу. У меня нет сил передать вам весь ужасный синодик Мартина, я запомнил только число жертв, им погубленных на виселице, в каторге и тюрьме – он называл цифру 140, – которую повторял мне несколько раз, вернее, твердил е,, вашему воображаемому образу.

Непрерывный разговор с вами, исповедь с невыносимыми подробностями издевательств над своими жертвами продолжалась почти до вечера. Только часа два тому назад он утих и стал благодарить вас за милосердие. Но его ненависть к Браццано осталась такой же жгучей, и несчастную Дженни он проклинал, навязывая ей чудовищное родство. Не веря ничему, что Мартин говорил о Дженни, я вс,, же приш,,л в ужас от компании, в которую попала несчастная девушка, мучаюсь тем, что не могу ей помочь. Я ничего не знаю о е,, жизни сейчас. Но на днях я случайно заш,,л в музей повидать своего приятеля, который там работает. Проходя через Египетский отдел, я вдруг увидел Дженни, которая не заметила меня. О, Господи, я, должно быть, никогда не забуду этого лица. Большого отчаяния, большей скорби на женском лице ни один художник ещ,, не отобразил. Только у дверей рая отверженное существо могло бы так смотреть, ожидая, не выйдет ли оттуда е,, спаситель.

– Да, дорогой Тендль, – сказал Сенжер, – Дженни действительно ждала. Но ждала она не спасителя, а жертву, свою невинную сестру, которую приказал украсть и привезти для своих гнусных целей Браццано.

Да, Браццано отец Дженни, и, к сожалению, это единственная правда, которую сказал вам умирающий злодей. В его исповеди вс,, пропитано ложью, в которой он привык жить. Много, гораздо более ужасное он скрыл, а другое искажил так, что и следов не найти, если бы пришлось отыскивать жертвы его подлости по его указаниям. К счастью, некоторых мне уже удалось найти. Я встретил сына Мартина и помог всей его разор,,нной семье, отчаянно нищенствовавшей, снова стать на ноги. Теперь вопрос только в передаче им части содержимого из этого пакета, да ещ,, надо отыскать детей невинно повешенной женщины. То была венгерская цыганка, красоты редкой. Я беру на себя это нел,,гкое дело. Что же касается Дженни, то с вами, конечно, поговорит ваш верный друг Флорентиец. Я же должен немедленно выехать в город.

Сенжер поспешно вышел из кабинета, обменявшись многозначительным взглядом с Флорентийцем.

– Кто этот Флорентиец, адмирал, и почему бы ему быть мне другом, да ещ,, верным?

– Это я, мой капитан, а потому неудивительно, что я ваш верный друг. Я действительно родом из Флоренции. Когда-то, очень давно, у меня были основания скрывать сво,, имя. Я жил под прозвищем, которое с годами стало моим именем. Так я и остался Флорентийцем. Но об этом мы поговорим как-нибудь ещ,,. Сейчас я хотел бы объяснить вам, что Сенжер вовсе не жесток по отношению к Дженни, как это вам показалось.

Помните ли вы наш первый разговор в деревне? Я говорил вам о такте. О том, что надо различать, куда, как, когда можно идти со своей помощью. Вы должны понять, что нельзя врыватья в чужую жизнь, если не обладаешь достаточными знаниями помимо отваги и храбрости. Если бы вы бросились сейчас на помощь Дженни, не зная даже, как защититься от гипноза таких мелких злодеев, как Бонда и его племянники, результат был бы один: у Бонды появился бы слуга на роли Мартина. Для него это была бы большая находка, для Дженни лишний лакей без чести и совести, которых она вас лишила бы при помощи своего отца. Ну, а для вас – решайте сами, мой капитан, в каком положении я бы вас наш,,л, когда явился бы вас выручать.

Если вы желаете и впредь быть моим сотрудником моим капитаном, то вот вам мой приказ: не входить ни в какие разговоры и переписку с Дженни. Вы должны оберегать Алису и не допускать к ней, пока мы в Лондоне, никого из компании Дженни, а не только е,, само,,. Если вы искренне сострадаете Дженни и дорожите е,, возможностью быть когданибудь вырванной из кольца зла, куда она сейчас прочно заточена, хотите в действительности, а не на словах помочь вечному спасению Дженни, – ни шагу дальше тех границ, которые я поставил вам сейчас.

Я сказал Дженни при вас, что именно тот, кого она так оскорбила, сможет стать е,, спасителем и своей рукой привести е,, в дом сестры. Но «может» не значит «будет». Чтобы это совершилось, надо, чтобы у вас хватило сил. Чтобы вы обладали достаточным знанием, верностью и самообладанием, дабы не дрогнуть в ту минуту, когда понадобится ваше сострадание. Только тогда вы сможете подать Дженни руку помощи, когда в вашем сердце не будет места слезам жалости. Когда вы, сострадая Дженни, будете мужественно видеть не одно текущее е,, существование, но видеть и вечно держать в памяти всю е,, вечную жизнь. Когда вы научитесь понимать, что являет собою ВЕСЬ Труд е,, жизни, когда вы будете точно знать и ясно видеть, как проходит жизнь человека на земной и небесной орбитах.

М,,ртового или отдыхающего неба, Тендль, не существует. И, вообще, в мире не существует ничего бесплодного и праздного. Земля под паром, и та

не отдыхает, энергично готовясь вновь плодоносить. Вы, человек, знаете о многих миллионах движущихся двуногих созданий. Но потому-то вы и видите среди них так много праздношатающихся, что это еще, не людотворцы и строители общего блага, это только полусознательные существа, изживающие низшую стадию своей личности.

Многое вам еще, надо понять. Много знаний приобрести. Хотите ли? Вы дали обет идти за мной со всей своей верностью. День за днем, ваша верность должна крепнуть. День за днем, должно возрастать ваше бесстрашие, чтобы вы могли идти все, ближе и выше и дальше за мной. Я не стою на месте. Я следую неустанно за Теми, Кто подал мне руку сострадания и любви. Моя верность движется за их верностью, как их верность движется вслед за вечным движением Великих Сущностей. И в этом вечном и неустанном движении к Совершенству – закон Вселенной. Если сердце ваше радуется возможности влиться в это кольцо вечного труда, если мысль ваша счастлива тем, что знает Свет, повторите обет добровольного послушания и идите за мной до конца.

– Есть, адмирал, повторяю радостно, легко мой вам обет послушания. Счастлив беспрекословно выполнять указанное вами, в том числе и то, чего еще, не понимаю.

– Итак, мой друг, вот вам мои первые указания: ни слова в ответ на письма Дженни. Ни одного свидания с нею, даже если она будет обращаться к вашей чести джентльмена. Закаляйте волю. Смотрите без осуждения на все зигзаги ее, поведения и шлите ей то сострадание, которое может избавить ее, пусть даже от одной лишней капли мучений. Собственной вашей любовью стройте ей мост. И на этом мосту, на его чистых досках, которые вы станете укладывать сами, одну за другой, Дженни сможет когда-нибудь ухватиться за вашу мужественную руку и перейти в счастливый дом Алисы, минуя отчаяние и гибель. Это пока все,, что я даю вам как урок. Пойдите, слушать музыку, нас ждут.

Флорентиец пожал протянутые ему руки и вышел вместе с Тендлем в музыкальный зал. Зал был ярко освещен и сиял, точно храм во время торжества. Вся семья уже была в сборе.

Графы Р., Лиза и капитан устремились навстречу входившему Флорентийцу, благодаря за неожиданную радость музыкального сюрприза.

– Я счастлив доставить себе удовольствие – увидеть всех вас моими гостями. Но все, же и вы и я обязаны сегодняшней радостью Ананде.

Всем хотелось быть ближе к Флорентийцу, и потому возле него образовалось нечто вроде амфитеатра. Всех, кому суждено было расстаться с ним вскоре, Флорентиец усадил поближе к себе. Тех, кто собирался с ним

в Америку, отослал к сэру Уоми, сидевшему в глубине зала. И теперь, как только смычок Ананды коснулся струн, все подняли головы и впились глазами в музыканта, чтобы не оторваться от его сияющего лица до самого конца. И снова присутствующие забыли обо всём условном, распахнув настежь двери своего сердца и разрушив перегородки между собой и теми, кто был рядом.

Нечто великое, божественное выливалось из сердец слушателей, и казалось, нет в зале отдельного дыхания, а есть Единое, нераздельно слитое и спаянное в монолитный шар чарующими звуками Ананды. Только когда замер последний звук, слушатели снова ощутили себя людьми земли, как бы с усилием втискиваясь в привычный телесный футляр. Но Ананда не дал им долгой передышки. Он запел, аккомпанируя себе на рояле.

Алиса, совсем недавно говорившая Флорентийцу, что благодаря Ананде поняла человеческие возможности, теперь осознала, что не всякий бескорыстный и преданный искусству человек может достичь того же совершенства. Она была потрясена. Так, казалось ей, Ананда не пел ещё, ни разу. Алисе чудилось, что то не были человеческие звуки. То была стихия, нечто опустившееся на землю из какого-то иного мира.

Языка, на котором пел Ананда, Алиса не знала, мозг её, словно перестал работать. Ей мнилось, что она рассталась с телом. Всё, вокруг неё, заиграло чудесными яркими красками. Алиса видела сейчас не Ананду, каким она его знала, но огромный, переливающийся перламутром шар, казавшийся ей прозрачным. Неопишуемой красоты огненные бабочки летали вокруг шара, создавая иллюзию колеблющегося воздуха. Звуки виделись ей пёстрыми лентами, они сплетались в геометрические фигуры, а руки Ананды сыпали снопы искр и света на клавиши. Алисе стало казаться, что она сделалась ещё, легче, что она куда-то поднимается и кружится в этом сиянии. И вдруг она увидела рядом с собой отца.

– Алиса, одно мгновение, и окончена земная жизнь. И нет возможности принести на землю ничего из того, что постигаешь вновь. Помни об этом. Помни, что те, кто может посредством искусства перенести человеческое сердце и сознание в мир сверхсознательного, где ты сейчас находишься, – это не люди, а самоотверженные частицы божественной Мудрости. Они соглашаются принять и носить человеческое тело, чтобы проложить людям путь Света.

Надо идти за ними. Им надо служить, чтобы через своё, грубое тело проносить их тонкие энергии в те грязные и суетные места, куда им самим проникнуть уже невозможно. Помни. Храни чистоту и иди смело всюду, куда Они тебя посылают. Но ни под каким видом не нарушай положенного

ими запрета.

Песня кончилась. Алиса точно откуда-то упала, мгновенно ощутив тяжесть своего тела. Она огляделась вокруг и увидела, что находится в кресле, что подле не,, сидит сэр Уоми и держит е,, за руку.

– Молчи, дитя. То, что ты видела и слышала, – только для тебя одной, только тво,,. Ты видела, как огонь творчества раскрывает двери духу. Тот, с кем однажды это было, когда-нибудь сможет сам проникнуть в сферу творчества. Запомни, ни слова никому, – сказал сэр Уоми.

– Друзья мои, – поднялся с места Флорентиец. – Сегодня Ананда дал нам прощальный концерт. Очень скоро капитан Ретедли увез,,т некоторых из нас в Америку. Пусть эти священные мгновения счастья жить вне всяких условностей, которые мы прочувствовали сейчас, когда в каждом из нас, в той или иной форме, родилась новая творческая энергия, новое понимание того, что надо жить освобожденным и радостным, останутся в памяти навеки.

Вдали, думая друг о друге, будем помнить именно эти минуты единения в красоте. Будем благословлять Ананду. Он помог нам раскрыть в себе высшие силы Любви. Прими, Ананда, дорогой друг и брат, с моим поклоном нашу общую тебе благодарность.

Когда тебе аккомпанирует обычный земной человек, ты слы,,шь земле песни очищения. Тогда слышится в них вся скорбь земли и вся е,, радость. И слушатели понимают, чего может достичь человек, прокладывая для своих собратьев тропу к красоте. Но сегодня ты рассказал нам о гармонии своего существа, о Мудрости живой, раствор,,нной в твоей доброте и сострадании. На скорбную, заплаканную землю ты прин,,с живое небо и показал нам сияющий его кусочек. За одно это мгновение мы утвердились в добре. И каждый из нас по-своему понял, как ещ,, дал,,к от совершенства, но не отчаялся, а только осознал в себе силы такта и радости. Силу творить, творить, как может и умеет. Но без сл,,з, без раздражения, без тупого упорства и упрямства, а наоборот, откинув личное самолюбие и расч,,т, легко и бескорыстно.

С этого момента мы уже не будем, мы просто не сможем жить одной только земл,,й. И всегда будем помнить, что в нас и с нами жив,,т и трудится живое небо. Будь благословен, Ананда. Привет и поклон твоему огню, пусть вечность он горит вс,, также ярко, пусть всякий встретивший тебя омоется радостью в твоей атмосфере.

Не дав Ананде ответить, Флорентиец обнял его и стал прощаться со своими гостями, говоря, что его отзывают неотложные дела. Все поспешили разойтись, чтобы ещ,, раз, наедине, пережить вс,, то, что поняли

этим вечером. Прощаясь с Анандой, никто не произносил никаких слов, боясь нарушить очарование внутреннего счастья, с которым уходил. В них пульсировала огромная энергия, ибо они знали теперь, знание Вечного, как радостного, чистого труда. Родилось ощущение ожившего внутри аспекта Жизни.

Возвратясь к себе, Флорентиец послал Артура за Амедеем. После разговора с лордом Бенедиктом Амедей почти вс., сво., свободное время посвящал архитектуре и инженерному делу. Незаметно, но очень внимательно руководимый Флорентийцем, Амедей до неузнаваемости изменился не только внутренне, но и внешне. Куда только подевался прежний рассеянный добряк, не умеющий никого привлечь к труду, а наоборот, портивший всех своей добротой! Амедей стал теперь пристально вникать в дела, поняв, что без урока практической деятельности ему не построить той семьи, в которой могла бы жить и выполнить свою задачу Алиса. Умный и наблюдательный от природы, он поражался жизни лорда Бенедикта и был не в силах мысленно охватить всю разнообразную деятельность своего друга – хозяина дома.

Огромная переписка, постоянное пополнение библиотеки, внимание, от которого ничто не могло укрыться, и неизменная ровная сила любви и доброты к каждому – вс., это потрясало Амедеев. Ни разу не услышал он раздраж.,нной нотки в голосе лорда Бенедикта, когда тот бывал грозным. Видевший, с каким благоговением Ананда неизменно говорил с Флорентийцем, Амедей сегодня был ошеломлен величайшим смирением, звучащим в голосе Флорентийца, благодарившего Ананду за пение. Так смиренен был поклон Флорентийца, как будто самому Богу, а не Ананде отдавал его он.

В душе и сердце Амедеев, не умевшего ничего делать наполовину, вс., ещ., не заживала маленькая ранка, откуда – так ему казалось – продолжали сочиться капельки крови. Сознывая, как счастлива его жизнь, любя Алису и вознеся е., на пьедестал, он... думал, что рядом с нею ему на этом пьедестале места нет. Если бы не вера в безошибочность знания своего великого друга, он уже десять раз просил бы Флорентийца освободить его от брака с Алисой. Обожая девушку, он чувствовал себя возле не., легко и просто только тогда, когда ощущал себя е., братом, защитником и другом. Как только он начинал думать об Алисе как о будущей своей жене, он терял всякую бодрость, становился робким, молчаливым и казался себе не умнее вороны, возмечтавшей о павлиньих перьях.

В результате этих мук Амедеев стал избегать Алису и страшился всякой возможности оказаться с нею наедине. Девушка вначале как будто ничего

не замечала, но затем он стал ловить на себе ее, взгляды, в которых сверкали искорки юмора, такого у нее, острого. А в последнее время он стал подмечать печаль, вопрос и даже тревогу в ее, чудесных глазах, когда они были обращены на него. Сегодня он по обыкновению внимательно следил за ней и восторгался ее, игрою, сливая ее, и музыку воедино. Но он не терял ощущения плотной формы, отлично сознавая все, окружающее, знал, что перед ним сидит Алиса, которую он обожает и без которой для него нет не только радости, но и жизни вообще.

Что же, случилось, когда Ананда запел один? Почему он, Амедей, забыл об Алисе? Забыл о своем личном счастье? Забыл о времени? Он знал теперь, четко и ясно, что Жизнь – это и есть полная свобода от возможности страдать и бояться. Что земная жизнь полноценна только в том случае, если в свободном сердце звенит звук, все, собирающий в одно неразрывное кольцо радости. И таков звук, летящий из уст Ананды.

Так сегодня в сознании Амедея зазвучало понимание того, что есть Любовь. Любовь не требует, не нуждается в том, чтобы ей давали. Она сама отдаст. И жива она только потому, что отдает. Иначе она потухла бы. Амедею казалось, что это не Ананда был у рояля, а горел там костер, не Флорентиец сидел, окруженный людьми, а костер, от которого распространялись во все стороны огромные ленты и словно проникали в сидящих рядом людей. От сэра Уоми тоже исходило пламя, и все трое подымались, как столбы огня, к самому потолку, там соединялись и двигались, словно гигантские пламенеющие цветы.

Амедей вспоминал эту привидевшуюся ему картину, и ему становилось легко. Закрылась кровоточившая рана и раскрылось его духу то счастье жить, когда понимаешь свое, место не только на земле, но и во Вселенной. Он вспомнил слова Флорентийца о том, что мир в сердце человека настаивает, когда он начинает понимать это...

К нему постучали, и Артур передал ему просьбу Флорентийца спуститься. Уже на лестнице Амедей почувствовал себя как-то необычно. В первый раз ему было легко и просто войти в комнату Флорентийца. Ему казалось, что он все, теперь воспринимает по-новому, – и ночь, и Артура, и Сандру, встретившегося и улыбнувшегося ему: все, казалось ему не таким, как вчера. Когда Амедей вошел, Флорентиец стоял один посреди комнаты в своей белой, шитой золотом одежде. Еще, никогда не видел его Амедей таким прекрасным.

– Что, мой друг, сегодня даже среди ночи видишь сияющие небеса? Вот что значит освободиться от одной только ранки, которую берedit личное страдание. Присядь здесь, Амедей, рядом. Сейчас ты уже и сам

понимаешь, почему я так долго не говорил с тобой. Ещ,, вчера я должен был истратить тысячу слов и, возможно, ни в ч,,м тебя не убедил бы. Нельзя поднять человека на новую ступень духовного развития, сколько бы ни силился показать ему мудрость, находящуюся в н,,м и рядом с ним. Когда же эта Мудрость, у каждого по-своему, по самым разнообразным причинам, шевельн,,тся внутри, человек в одно мгновение может оказаться не только на другой ступени сознания, но и совсем в другом звене той золотой цепи, что опоясывает всех людей, как сила и энергия Вселенной, ежеминутно творящая и бросающая на землю свои искры.

Тот, кто может видеть их и слышать, вплетает их в свой труд. И тогда люди называют его гением, озар,,нным. Но дело не в гениальности, а только в ожившей частице, в шевельнувшемся внутри аспекте Мудрости, в осознании полной, до конца, освободж,,нности в сво,,м труде.

Тво,, сердце раскрылось внезапно. Ты забыл о себе. Ананда помог твоей доброте вырваться на свободу. И она объяснила тебе, что Жизнь – это Свет на пути человека. Свет этот не гаснет, не мигает и не подавляется ничем, если его не тушить мыслями о себе, сомнениями и страхом. Ты видел сегодня красные ленты любви, подобно пламенным канатам связующие людей между собой. Ты смог увидеть их, потому что уже способен связать себя с людьми цельной преданностью, не требуя благодарности взамен. Это твой путь – путь любви, милосердия и доброты. Сейчас ты ид,,шь за мной, так как тебе надо учиться огромному такту, уверенности в себе и умению руководить людьми, прежде чем ты построишь дом и семью для Алисы и тех, кто обрет,,т у вас приют. Сначала же постигни, что такое такт, пойми, как следует нести доброту и милосердие. Сегодня мне уже не нужно говорить тебе о том, чтобы ты изменил сво,, поведение по отношению к Алисе. В тебе уже нет прежней горечи и гордыни, из-за чего и сочилась из тебя та кровавая жидкость. Ты считал, что то была рана смирения, а на самом деле вс,, обстояло наоборот.

Сегодня тебе стало ясно, что смысл жизни в том, чтобы слиться в любви с теми, кто, как и ты, ид,,т по земле. Ты увидел, что только таким пут,,м можно подняться на духовные высоты и встретить горячую любовь тех, кто прош,,л дальше нас в сво,,м совершенстве.

Идти пут,,м доброты, любви и самоотречения вовсе не значит потерять здравый смысл, чтобы забыть о себе так, как это понимал Диоген, на самом деле не забывавший о себе ни на миг. Твоя роль не только в том, чтобы стать мужем Алисе. Ты ещ,, и будущий строитель общины, и носитель новой идеи общественной жизни, и воспитатель тем, кого ты в это воплощение считал выше себя и кто прид,,т к тебе снова реб,,нком. Для

всех этих ролей необходимо полное самообладание. Вдумайся, что это такое? Это такая освободительность от страстей, когда ни одна из искр, брошенных тебе кем-то в раздражении, не может возбудить в тебе ответной страсти, ответного раздражения. В твоём свободном от зла сердце страстям остаются только угаснуть.

Мы уедем через два дня. Найди возможность высказать Алисе свою глубокую любовь и радость. Бедная девочка, видевшая так много измен и предательств, молча страдает, полагая, что не слишком нравится тебе. Не особенно-то яркое счастье думать, что на тебе женятся, выполняя чей-то наказ. Я вижу, как ты поражен тем, что Алисе могла явиться такая странная мысль. Вот тебе и первый урок такта, который надо пройти. Не принимай никакого участия в борьбе Дженни и её друзей. Во время нашей разлуки будь подле Ананды. А пока здесь Сенжер, будь подле него. Он великий знаток технических наук.

Надеюсь, что свидимся раньше, чем пройдут два года. Будь здоров, мой сын. Мужайся и работай так, как будто я всегда рядом. Просыпаясь утром, становись на дневное дежурство у Вечности. Отходя ко сну, ей же дежурство сдавай. Если будешь думать, что я рядом с тобой, мы станем дежурить вместе. Отдавай каждому делу всю твою внимание, каждой встрече – всю полноту чувств и мыслей. И день за днём ты будешь крепить нашу связь.

Сердечно обняв Амедея, Флорентиец отпустил его и сел к своему письменному столу. Давно уже спал весь дом, а в комнате хозяина всё ещё работали. Склонясь над картой, что-то обсуждали с Флорентийцем сэром Уоми и Сенжер, а Ананда записывал их решения на листах бумаги, кипа которых всё росла. Так застал их рассвет.

ГЛАВА 21 ДЖЕННИ И Е, СВИДАНИЕ С СЭРОМ УОМИ После напряжённого ожидания Алисы и матери в музейном зале, где Дженни надеялась легко завладеть обеими, потому что ей казалось, что она всё безошибочно рассчитала, Дженни позвала на совет Бонду и мужа. Бонда, пустивший в ход все известные ему средства, чтобы вернуть себе голос, так и не смог ничего поделать и продолжал говорить хриплым шепотом, да и то с большим трудом. И чем больше он бесился, тем труднее было ему говорить.

С тех пор как Дженни увидела, что он бессилён помочь самому себе, она перестала его бояться. Прежний страх сменился презрением. А то обстоятельство, что Бонда не доверял ни одному из своих племянников и обращался к Дженни с просьбами помочь в разных его делах, потому что

отсутствие голоса не давало ему возможности объясниться, а плохое знание языка мешало переписке, ставило его в какое-то заискивающее и несколько подчиненное положение по отношению к Дженни.

Боясь Браццано, приказаний которого – и самых главных – он не выполнил. Бонда не забывал, что Дженни была его дочерью, и стремился ее, задобрить. Хотя он и не пленился Дженни, но сумел оценить ее, хитрость и злобу, понял, что врагом она ему будет беспощадным, и решил сделать все, чтобы оказаться ей полезным, а если удастся, то и необходимым. Поэтому, получив записку Дженни с просьбой зайти к ней следующим вечером по важному делу. Бонда обрадовался и решил разыграть перед Дженни роль преданного друга и верного помощника. Он стал обдумывать план дальнейшего поведения, стараясь приготовить именно такие крючки приманок, на которые – он полагал – рыбка всего скорее клюнет.

Что же делала эти два дня Дженни? Почему она отложила совет со своими друзьями, вместо того чтобы немедленно действовать с ними заодно?

Дженни все, еще, не считала себя окончательно побежденной и устремила свое, внимание на голубоглазого простака, как она окрестила сэра Уоми. Ей пришло в голову, что он мог и не получить ее, письма, что отвратительный хозяин дома мог и не отдать его, если почта попала ему в руки. Дженни решила еще, раз писать добряку и разыграть перед ним оскорбленную женщину, надеявшуюся на джентльменскую помощь, а получившую в ответ невежливость.

«Я даже не знаю, что мне теперь думать о Вас, сэр Уоми, – писала Дженни.

– Если бы хоть на одну минуту я могла допустить мысль, что Вы получили мое, письмо и не ответили мне, я бы, разумеется, не писала Вам. Я считала бы, что мужчина, кавалер, каким должен быть каждый англичанин, не ответивший даже на письмо, не достоин внимания. Но так как я писала одновременно матери и сестре и от них также не получила ответа, я поняла, что ни Вы, ни они моих писем не увидели.

Мне не хочется повторяться. Я приступаю к главному: мне надо увидеться с Вами. Не только для меня одной, но и для пользы и безопасности моих матери и сестры.

Мать моя всю жизнь была неумна и безалаберна. А сестра настолько еще, подросток, что ее, сумбураности удивляться не приходится.

Я надеюсь, что Вы поможете мне их спасти из страшных лап лорда Бенедикта, куда они попали по своей неосмотрительности. Отчасти, конечно, по вине отца. Несчастный мой отец передал Алису лорду

Бенедикту, а мать мою тот сам насильственно ув,,з из дома. Вы, конечно, ничего этого знать не можете, как и многого ещ,, другого о поведении Вашего хозяина, на что я Вам постараюсь открыть глаза».

В этом месте рука Дженни слегка дрогнула. Она вспомнила о тр,,х письмах, полученных ею от лорда Бенедикта, вспомнила, что она их даже не прочла толком, но что они были к ней милосердны, вспомнила его слова в конторе, и у не,, даже началось сердцебиение. Но она не позволила себе распутиться, жадно схватила папироску, всегда услужливо приготовленную, затянулась несколько раз, прогнала назойливый зов совести, усмехнувшись так нагло и зло, что сам Браццано остался бы доволен, и продолжала писать.

«Не стоит нам с Вами тратить ни силы, ни энергию на перечисление чужих грехов. Лучше нам встретиться, хорошо понять друг друга и разгромить армию врага, раньше чем он успеет собраться с силами. Для меня, конечно, самое противное – явиться в дом лорда Бенедикта. Но если Вам это удобнее или, по-Вашему, мне полезно побывать самой в его доме, я, разумеется, приеду и туда, победив сво,, отвращение к воздуху, которым наполнен этот дом».

Подписавшись «друг», Дженни осталась довольна письмом, вызвала посыльного, приказала немедленно отправиться по адресу и без ответа не возвращаться. Покончив с этим, Дженни оделась и пошла по своим делам, как сказала мужу. На самом же деле она решила издали понаблюдать за особняком лорда Бенедикта, так как ей смертельно скучно было ждать ответа. Но сделать этого Дженни не удалось. При входе в отель на не,, налетел Бонда, державший в руках телеграмму. Лицо его было так мрачно и бледно, что Дженни поняла всю серь,,зность дела, для которого он звал е,, к себе. Войдя в свою комнату, Бонда молча протянул ей телеграмму. «Мартин скончался. Пересылаю письмо. – Тендль», – прочла Дженни.

– Каким образом мог ускользнуть от нас этот прохвост? – хрипел Бонда. – Неужели же, если я был болен и не мог сам присмотреть за ним, ни один из моих племянников не догадался этого сделать. Я в отчаянии, Дженни, – прибежался Бонда, стараясь втянуть е,, в свои дела и сделать как можно скорее своей сообщницей. – Прочтите это проклятое письмо. Там будет и для вас кое-что не очень-то приятное. Но вы не обращайтесь внимания. Вникните только в суть: Мартин изменил нам перед смертью. Вы ещ,, очень мало знаете, поэтому не можете оценить всей неприятности этого факта. Но факт тот – и вы это запомните – что человеком можно воспользоваться даже тогда, когда он умер. Но этот мерзавец наш,,л себе защитника, и теперь никто из нас пока не сможет до него дотянуться. Но

это только пока. Если заполучить Алису, – наше дело в шляпе.

Хорошо, если вы найдёте кого-нибудь, кто был бы не глуп и смог пробраться в дом лорда Бенедикта. Если бы только он сумел набросить на шею вашей сестре одну вещицу, всё было бы в порядке, – хрипел Бонда, пронизывая Дженни глазами, которых она теперь совсем не боялась.

– Ваши вещицы, похоже, мало стоят по сравнению с теми заклятиями, которые знает лорд Бенедикт, – нагло хохотнула Дженни.

Глаза Бонды метнули искры бешенства, что тоже повеселило Дженни, но всё же она поняла, что власть его над нею ещё огромна, так как почувствовала вдруг, будто он ударил её, прямо в грудь. Робости Дженни не выказала, но хохотать перестала. В свою очередь Бонда овладел собой.

– Та штучка, что у меня приготовлена для Алисы, похитрее вашей, должно быть, – и пока Дженни раздумывала, сказать ли Бонде о своих планах, он подал ей письмо. Взяв его в руки, Дженни поразилась. Было видно, что письмо писали много дней, оно было измято и запачкано чернилами и какими-то рыжими кляксами, точно писавшая его рука кровоточила.

«Пишу тебе, проклятый Бонда, это письмо, потому что хочу рассчитаться с тобой перед смертью. Если бы не встреча с тобой и не подлый обман, которым ты меня заманил, я бы не лежал сейчас умирая. Даже рассчитаться с вами, моими душегубами, я не имею сил. Вы бросили меня, как собаку, когда я заболел. И если бы меня не подобрали те, кого вы зовёте своими врагами, я так и не знал бы, что такое жизнь в добре и свете, над которыми кощунствовал вместе с вами».

В письме следовал пропуск, видно, писавший устал, сделал перерыв и продолжал несколько изменившимся почерком.

«Теперь я не торжествую, что сделал всем последнюю пакость и освободил мой дух от вашего мерзкого влияния. Я понял что-то большее, чего вам не понять и о чём с вами и говорить бесполезно. Но лично тебе, Бонда, и трижды проклятому Браццано я не прощаю подлости, с которой вы меня сгубили. Всё, что вы заставляли меня красть, я крал, себя не забывая. И здесь мы квиты. Но то, что вы украли у меня семью, моё сердце – этого я не прощаю и вознаграждаю себя, но как, вам этого не узнать. Знайте только, что здесь я отомщён. Можешь передать Браццано, что его прелестной дочке, которой вы все помогаете потерять человеческий образ, я тоже в этом усердно помогаю и буду помогать ещё, усерднее из гроба».

Снова следовал перерыв, и через несколько строк, уже более слабым и менее разборчивым почерком было написано:

«В итоге жизни знаю только одно: вы все погибнете скоро. Ваша же

подружка, дочка Браццано, испив с вами всю чашу мерзостей, вс,, же от вас сбежит. Смотрите за ней хорошенько, не то она вас всех подвед,,т. Если ты. Бонда, будешь умирать, как умираю я, то с меня будет довольно. Но, думаю, что ничья милосердная рука тебя, душегуба, не подберет. Браццано проклиная, дочь его проклиная, и с этим ухожу. Вы сделали мо,, тело кровоточащим, ну а я все ваши тайны отдал тем, кого вы считаете врагами. Попробуйте теперь с ними сражаться.

Может быть, ад меня пожрет через несколько часов, но каждый из вас не будет знать ни минуты покоя, так я проклиная вас за все муки, которым вы меня подвергли. Тот, кто был когда-то человеком и назывался Мартин».

– Зачем вы дали мне читать этот бред сумасшедшего? О какой дочери Браццано он говорит?

Бонда ядовито усмехнулся, и, казалось, его улыбка говорила: «А я думал, что вы умнее и проницательнее», но сказал только следующее:

– Я дал вам прочесть эту галиматью, чтобы вы поняли, что ни на кого, кроме меня и Браццано, нельзя полагаться. Даже муж ваш – и тот ненад,,жен. Если вы сумеете привязать его к себе, тогда, пожалуй, ещ,, можно говорить о каком-либо доверии. Но... я бы вам советовал не доверяться ему в серь,,зных делах. Что касается Алисы, то здесь лучше всего завести дружбу с кем-либо из живущих в доме лорда Бенедикта. Мне казалось бы, что Тендль фигура самая подходящая. Его можно обворозить и добиться тайного свидания с Алисой. А нам только это и нужно.

– Добиться свидания с Алисой легче, чем вы думаете, дядюшка. И может быть, это скоро совершится. Подождите до завтрашнего вечера, тогда я вам, может быть, и скажу что-нибудь приятное по этому поводу. Теперь же мне надо идти. Но почему вас так тревожит смерть Мартина? Я вас ещ,, ни разу не видела таким мрачным.

– Вскоре вы о многом будете думать иначе. Сейчас могу вам сказать одно: нерадостна будет наша встреча с Браццано, если явемся к нему без Алисы да ещ,, без Мартина.

Расставшись с Бондой, Дженни перестала о н,,м думать. Она совершенно забыла о письме Мартина и о н,,м самом, а думала только, что ответят на е,, письмо, и о свидании с сэром Уоми, которого теперь ждала ещ,, нетерпеливее. Мысли е,, вертелись в комнатах дома лорда Бенедикта, и она представляла себе, как найд,,т Алису и привез,,т е,, к Браццано. Почему Браццано так добивается Алисы? Уж не дочь ли она ему? Дженни даже остановилась, настолько эта мысль показалась ей глупой, ведь Алиса была так похожа на пастора. Но о себе Дженни ни на миг не задумалась, хотя что-то кольнуло е,, в сердце остро и мучительно. Дженни вернулась к себе

и нашла здесь посыльного. Приняв свое, собственное письмо, которое ей подали, за ответ сэра Уоми, разочарованная Дженни зло закричала:

– Что это значит?

– Джентльмен, которому адресовано письмо, уехал на пристань и вернется только к трем часам, так мне сказал его слуга.

– Ну так вам следовало сидеть и ждать. Я велела без ответа не являться. Отправляйтесь обратно, ждите и немедленно везите ответ, – уже приходя в неистовство, кричала Дженни.

Было около двух. Дженни подумала, не поехать ли ей самой на пристань и постараться невзначай встретиться с голубоглазым. Но до пристани было далеко, и завлекать кавалера на улице ей показалось делом нудным. К тому же Дженни отлично знала, что на открытом воздухе она совсем не так интересна. Она решила отправиться к модному портному и выбрать себе элегантное черное платье, вроде того, в котором последний раз видела Алису.

Выполнив эту свою прихоть, Дженни зашла в кафе, чтобы подольше не возвращаться домой. Пусть ответ сэра Уоми уже ждет ее. Сидя за чашкой шоколада, которого ей совсем не хотелось, Дженни в первый раз почувствовала себя одинокой.

Когда она писала об этом в письмах, она только подбирала жалостливые слова, но в душе ее этого чувства не было. Теперь же, наблюдая парочки и дружные семьи, Дженни вдруг задала себе вопрос: «Что же дальше?» Сколько она ни спрашивала мужа, так толком и не могла добиться, куда они едут. Сначала он ей говорил, что в Константинополь, потом несколько раз упоминал какие-то захолустные австрийские городки, куда они отправятся повидаться с Браццано, который лечится на курорте.

На Дженни накатило уже знакомое ей бешеное раздражение, злоба на мать, которая стала казаться ей виновницей всех ее несчастий. Дикая ненависть вспыхнула вдруг в Дженни. Ей подумалось, что сначала она должна отомстить пасторше, бросившей ее в самое тяжкое для нее время. Но Дженни сдержала себя и решила не менять план намеченных действий. Выйдя из кафе, она пошла пешком, чтобы дать себе время успокоиться. Дома ее ждал короткий ответ на телеграфном бланке:

«Сэр Уоми будет рад принять синьору Седелани завтра в два часа дня».

Здесь же был указан адрес дома лорда Бенедикта и подпись секретаря, которую Дженни не удосужилась даже прочесть. Снова в ней поднялось раздражение. Верившая благодаря возносившей ее матери, что перед ее чарами никто не устоит, если она захочет кого-то обольстить, Дженни считала, что сэру Уоми следовало самому поспешить к ней или, по крайней

мере, написать, а не через секретаря назначать ей свидание.

«Подумать только, какими министрами воображают себя эти господа из бенедиктовой лачуги», – зло подумала Дженни. У не,, мелькнула было мысль посоветоваться с Бондой и сказать ему, что она собирается завтра побывать в особняке и повидать Алису. Но злорадное желание восторжествовать и показать Бонде, насколько она хитрее и дальновиднее, е,, удержало. Бонда же, очевидно, что-то подозревал, так как явился невзначай вечером, пригласив молодых отобедать с ним в шикарном ресторане. Глаза его пронизывали Дженни насквозь и шарили по всем столам. Но молодая женщина, ещ,, так недавно разбрасывавшая письма и вещи по всей комнате, была теперь необычайно аккуратна, так как не раз убеждалась, что все е,, платья и бумаги кем-то просматриваются. Она внутренне посмеялась над беспокойством Бонды и согласилась посидеть среди нарядной публики, послушать л,,гкую музыку, скоротав время до завтра.

Кроме ухода за своим телом, которое Дженни начинала обожать, е,, можно было застать за модными романами, ими снабжал е,, муж, усердно развивая в жене страстность и чувственность. Если бы пастор мог увидеть теперешнюю Дженни, над воспитанием которой он когда-то так много трудился, стараясь пробудить в ней интерес к науке и работе мысли, он был бы потряс,,н. Для не,, не существовало ничего, кроме е,, собственной особы и заботы о том, чтобы повсюду первенствовать. Прич,,м сама Дженни довольно смутно себе представляла, в ч,,м это заключается.

Она считала, что именно богатство давало пальму первенства лорду Бенедикту. Стать богатой и решила Дженни. Но прежде надо наказать мать и Алису, не имевших права на ту роскошную жизнь, какую они сейчас вели. Дженни тряслась от ненависти, представляя себе, как купается Алиса в роскоши, что полагается прекрасной Дженни, а вовсе не дурнушке-сестре.

– Вы давно имели какие-нибудь сведения о сестре? – расслышала Дженни хрип Бонды во время музыкальной паузы в роскошном зале ресторана, где они все делали вид, что мирно обедают. На самом деле в душе каждого, особенно в душе Анри Дордье, узнавшего сегодня о смерти дядюшки, вес,,лого Мартина, было тяжело и даже мрачно. Анри выразил желание похоронить Мартина, на что Бонда гневно ответил, что надо было в сво,, время позаботиться о больном дяде, а не развратничать и развлекаться, пока больница не похоронила безумного бродягу. Бонда скрыл истину от Анри, о ч,,м просил и Дженни. Он сказал только, что Мартин упал на улице без сознания, был подобран полицией, и он. Бонда, с

большим трудом узнал о его смерти через своих агентов.

Сейчас, за ярко освещенным столом, среди разодетых женщин, красавец Анри мог бы уловить не один восхищенный взгляд. Его бледное лицо с прекрасным овалом, стройная, высокая фигура – все, так обманчиво скрывало чудовищную духовную нищету юноши. Обычно жадный до денег, роскоши и успеха среди женщин, он искал и любил выбирать тех, кто мог осыпать его подарками. Но сегодня Анри не замечал никого. Его глаза, очень красивые, серые, с густыми черными ресницами, смотрели сосредоточенно, даже зло. Прежде он старался быть любезным кавалером Дженни, не отказывая себе в удовольствии поддразнить Армандо. Но сегодня он несколько раз зло посмотрел на наряженную в ярко-фиолетовое платье Дженни. Она была действительно очень хороша. Рыжая голова переливалась всеми оттенками яркой меди и золота, нежная атласная кожа привлекала взоры не меньше, однако Анри все, в ней было противно.

«Вот тебе и финал», – думал он о Мартине, который бывал к нему добр. Вечно пьяный и вечно занятый делами Бонды, в редкие минуты трезвости или нездоровья Мартин становился печальным, грустно смотрел на Анри и говорил:

– И у меня был сын. Ему было бы столько лет, сколько тебе, но я его потерял.

Но мгновения эти бывали короткими, как вспышка молнии, Мартин вновь принимался хохотать и кощунствовать и в пьяном угаре орал: «На нет и суда нет». Сейчас перед Анри вставало его печальное лицо. Он дорого бы отдал, чтобы вырваться из этого освещенного зала с пошлой музыкой, чтобы побродить одному по темным и безлюдным улицам.

«Конец Мартину, – думал Анри. – А что видел Мартин? Подневольный труд на Бонду и Браццано. Неужели он был нищим, и все, богатство, добывавшееся его руками, лежит в карманах Бонды и Браццано? И достанется этой смазливой врунье». Так он раз и навсегда окрестил Дженни, убедившись, что она обманывала их, уверяя, что Алиса дурнушка. Анри, увидев Алису, поразился ее, красоте и не мог ее, забыть. Он готов был рисковать, лишь бы добыть Алису, в которой мечтал видеть свою будущую жену.

Дженни и Бонда, ни на минуту не сомневавшиеся, что Алисы он не увидит не только в качестве жены, но даже родственницы, разжигали влюбленность Анри, преследуя свои цели. Мысленно сравнивая сейчас Алису и полунагую Дженни, Анри остро негодовал, глядя на Дженни и Армандо, публично разыгрывавших влюбленных. Нотка раздвоенности, какого-то необъяснимого недовольства, упрямка самому себе все, сильнее

звучала в Анри, упрямо вызывая образ Мартина.

– Алиса и мать сидят в крепости у лорда Бенедикта, но это не мешает им мне писать, – нагло лгала Дженни.

– Значит, вы совершенно уверены, что они обе в Лондоне? – снова спросил Бонда.

– Сегодня я получила телеграмму из особняка лорда Бенедикта, – нарочно громче, чем необходимо, ответила Дженни, чтобы привлечь внимание Анри, казавшегося рассеянным, но который на самом деле чутко прислушивался к разговору своих соседей.

– И что же говорится в телеграмме? – недоверчиво спросил Бонда.

– Об этом я вам скажу завтра вечером, как уже имела удовольствие вам доложить, – смеялась Дженни.

– Странно, очень странно, – помолчав, задумчиво сказал Бонда. – Мой агент уверял, что сам видел, как ваша мать сегодня в четыре часа выехала с вещами в сопровождении молодой леди и джентльмена из особняка лорда Бенедикта.

– Ну что же, быть может, она одумалась и возвратилась домой, – нарочито беспечно сказала Дженни, не показывая вида, что известие это ее, взволновало.

– Нет, дома ее, нет. Я там был. Там все, по-прежнему наглухо закрыто со всех сторон.

– Очевидно, маме понадобилось что-нибудь из вещей, и она с Алисой и Сандрой ездила туда, а затем вернулась. Ваш агент был, верно, недостаточно внимателен и не проследил за ее, возвращением, – обрадовалась Дженни случаю его уколоть.

Но Бонда даже не заметил этого и сказал Анри: – Теперь Мартина нет. Рассчитывать не на кого. Тебе придется завтра понаблюдать за твоей невестой. Я не хочу верить сплетням, но мне говорили, что лорд Бенедикт собирается всех нас перехитрить и сам женится на Алисе, увезя ее, отсюда. Мы не можем этого допустить.

Бонда рассчитал свою стрелу правильно. Возмутившийся было таким недостойным поручением, как наблюдение за особняком Бенедикта, Анри, услышав продолжение фразы и, представив себе молодого, богатого красавца, каким он видел лорда Бенедикта, зажгся ревностью, легко поверил в истинность слов Бонды и решил взяться за дело. В расч., ты Дженни вовсе не входило быть выслеженной Анри. Она озлилась и готова была резко отчитать Бонду, но вместо этого, хитро прищурив глаза, сказала:

– Пока жених будет топтаться у особняка, его невеста провед.,т со мною несколько приятных часов в музее и кафе. Не лучше ли будет явиться

ему невзначай в любимое кафе Алисы и доставить нас в карете ко мне в отель? Завтра около тр.,х мы будем с Алисой в кафе у Б-ского моста.

– Почему же вы мне ничего об этом не сказали? – прохрипел Бонда.

– Я уже вам объяснила, что пригласила вас к себе на совет. Нельзя делать большое дело, докладывая о н.,м всему свету. Я предполагала шепнуть об этом Анри до обеда. Но он вс., время так мрачен, что я отложила сво., сообщение до возвращения домой. А вышло вс., иначе.

Когда хочется верить, верят самым невероятным вещам. А когда вас уверяет с огромным апломбом красивая женщина, верится ещ., легче. Анри развеселился, забыл о Мартине и Дженни стала казаться ему приятной и родственной Бонда, расстроенный своей болезнью, смертью Мартина и ещ., целой вереницей неудач, которые он тщательно скрывал от всех близких, несмотря на то, что имел основания не особенно доверять Дженни, вс., же с облегчением вздохнул. Он хотел было предложить, что сам поедет с Анри, чтобы вернее подцепить птичку, но подумал, что иногда самые большие желания исполняются неожиданно, только не надо мешать.

Он уже решил передать Анри дорогой талисман, предназначенный для особо важной цели, который Браццано велел ему тщательно хранить. Но Дженни, предвосхищая его, сказала:

– К завтрашнему свиданию я должна быть хорошо подготовлена. Вы говорили мне об одной вещице для Алисы. Мне необходимо иметь е., уже сегодня, чтобы освоиться с нею и примериться, как е., набрасывать.

Бонде не хотелось отдавать в руки Дженни драгоценность, которой Браццано придавал столько значения. Он не мог примириться с мыслью, что уже один драгоценный камень разбит силой сэра Уоми, и в то же время боялся испортить своим упрямством так блестяще начавшееся дело.

Настроение у всей компании значительно улучшилось, и она возвратилась домой. Решили разойтись по своим комнатам после того, как полюбуются прекрасным бриллиантом с розовым отливом на тонкой Золотой цепочке, о котором Бонда им рассказывал. Принеся камень и отдавая его Дженни, он сказал:

– Камень этот Браццано долго носил сам. – Он криво усмехнулся, увидев, что Дженни приложила камень к своей груди. – Вам он не ид.,т. Рыжим не к лицу розовые и красные тона. Но... быть может, ваша взаимная с Браццано симпатия сделает камень приятным и для вас.

Адское выражение на своей и без того неприятной физиономии Бонда постарался скрыть, делая вид, что что-то уронил на пол. Но зоркая Дженни подметила злобную молнию в глазах жестокого дядюшки. Решив заранее оставить Бонду в дураках, она крепко зажала в руке талисман как залог

своей силы и власти над Бондой. Случайно она подняла руку к лицу Бонды и была огорошена получившимся эффектом.

– Тише, – изо всех сил прохрипел Бонда. – Я сказал вам, что вещь эта силы необычайной. Никогда не подымайте ее, клипу человека. Вы можете его убить и сами искалечитесь.

– Вот как, – сказала Дженни, опуская руку. Отпрянувший было Бонда оправился и перестал задыхаться. – Вам следовало объяснить мне это раньше, и я не причинила бы вам такой неприятности. Какие еще движения я должна делать, чтобы не ранить Алису, а только заставить ее, повиноваться?

– Достаточно просто накинуть на ее шею цепочку, и она пойдет за вами, как овечка. Но если вы наткнетесь на одного из опытных приятелей Бенедикта, то держите камень в высоко поднятой руке. Можете обмотать цепочку вокруг запястья несколько раз, подобно браслету. Но ни в коем случае не выставляйте его напоказ, если увидите самого лорда Бенедикта. Эта вещь, разумеется, не чета вашему ожерелью, но в борьбу с сим фокусником не вступайте.

– Это хорошо, что вы мне все объяснили, я буду осторожна.

Радости Дженни не было предела. Несмотря на то, что она держала камень зажатым в руке, она почувствовала, как прибавилось у нее силы, как выросли ее дерзость и воля.

– Карамба! – ругался Бонда. – Кто мог подумать, что в ваших руках этот талисман будет столь зловещим? Он долго находился у меня и не проявлял своих свойств. Очевидно, и в самом деле будете дружить с Браццано.

– Довольно, дядюшка, – как бы невзначай поднимая руку, предупредила Дженни. И эффект розового камня снова поразил ее. – Я запрещаю упоминать при мне имя Браццано иначе, чем с моего разрешения. – Она все еще держала руку напротив глаз Бонды.

– Повинуюсь, – ответил задрожавший Бонда. – Опустите скорее камень, вы меня убьете.

Дженни, внутренне торжествуя, что такая огромная власть свалилась на нее, нежданно-негаданно, опустила руку. Зевнув, она равнодушно сказала:

– Я устала, хочу спать. – Она снова слегка подняла руку и, подержав ее, против каждого из троих мужчин, прибавила:

– Дядюшка, идите спать. До пяти вечера не являйтесь. Ты, Армандо, переночуешь в гостиной и тоже завтра, к пяти, явишься ко мне. А вы, Анри, будете ждать у кафе с трех до пяти, а до этого времени сидите дома. Если

до пяти часов я вас не вызову, поезжайте домой, это будет означать, что Алиса уже здесь.

Все трое молча поклонились, принимая ее, приказания, и Дженни ушла к себе в спальню. Она была неопытна и не знала еще, что приказание следовало закрепить особым способом.

Как только она вышла, все трое точно проснулись. Их возмущение не знало пределов. Оба молодых человека накинулись на Бонду, понося его и спрашивая, давно ли он рехнулся, что дал Дженни камень. Их крики и брань были так ужасны, что Дженни, только что собиравшаяся позвонить горничной, перепугалась не на шутку. Ей почудилось, что мужчины сговариваются ее, убить. Ужас обуял ее. Она схватила камень, снова ощутила прилив дерзости и силу повелевать, распахнула дверь, в которую уже стучал разъяренный Армандо, и поднесла камень к самым его глазам. Армандо отпрянул, пошатнулся и робко произнес: – Не сердись, Дженни. Я ухожу. До завтра. Ни слова не говоря, Дженни направила камень в самые глаза Бонды, в руках которого была здоровенная плеть.

– Вон, негодяй, – не своим голосом крикнула Дженни. – Ты у меня еще, на коленях будешь просить прощения.

Бонда завертелся, точно его жарили на сковородке, и упал на колени.

– А вы, Анри, хотите того же? – поднимая камень к лицу юноши, спросила Дженни.

– Я буду завтра дома, а затем стану ждать в карете, – ответил Анри, и все трое покинули Дженни, причём из дрожавшей руки Бонды выпала плеть, которую он даже не смог подобрать.

Оставшись одна. Дженни подбросила дров в камин, подняла щипцами плеть и с выражением величайшего омерзения швырнула ее, во вспыхнувшее пламя. Торжествуя, смотрела она на тлевшие ремни, расхохоталась, когда кожа стала скручиваться и лопаться, и пошла к себе в спальню, впервые в своей замужней жизни оставшись одна. Сбросив нарядное платье, Дженни почувствовала себя такой разбитой и усталой, что заснула, едва прикоснувшись к подушке.

Ночь промелькнула для нее, так быстро, что, проснувшись и увидев, что уже одиннадцатый час. Дженни мгновенно позвонила и приказала подать себе завтрак. Обдумывая свой день, она прежде всего справилась, прислали ли платье от портного. Успокоившись, что платье здесь, Дженни приказала горничной повесить его тут же, в спальне, и, завтракая, рассматривала его. Платье казалось ей чересчур скромным, но вспоминая, как была эффектна Алиса в простом черном платье, Дженни решила непременно надеть этот новый туалет.

Молодая женщина так долго занималась собой, так тщательно примеряла новую шляпу, пристраивая ее, к причинке, что не была готова и к часу дня. Раздражившись и в тысячный раз посылая брань в адрес мерзкой девчонки Алисы за то, что некому помочь ей одеться, Дженни вынуждена была оторваться от зеркал и приказала кликнуть кэб. Как это ни было странно самой Дженни, она никак не могла представить себе лица простака Уоми и не знала, с чего начинаться разговор.

Сев в коляску, она решила взять тон избалованного ребенка, но на полпути передумала. Вспомнив, что должна говорить о сестре-подростке, которую насильно отняли, решила сделать вид брошенной всеми жертвы. Дженни обмотала цепочку с заветным камнем вокруг руки, а уже подходя к дверям дома, крепко прижала к сердцу, призывая на помощь все его чары. Она помнила, что надо избегать лорда Бенедикта, и, входя в холл, бегло оглядела помещение. Убедившись, что кроме слуги никого здесь нет, она успокоилась и сказала, что ей надо видеть сэра Уоми. Слуга, взглянув на часы, заметил:

– Вас ждут уже двенадцать минут. Через сорок минут сэр Уоми будет занят другими делами.

С этими словами он открыл дверь в соседнюю комнату, где за столом сидел сэр Уоми, а стоявший рядом Ананда показывал ему какой-то чертёж.

– Синьора Седелани, – доложил слуга, пропуская Дженни в комнату.

Всё это очень неприятно поразило Дженни. Официальность приёма, то, что слуге сказали её имя, какая-то чинность во всём, то, что сэр Уоми был не один, – всё это раздражило Дженни. И несмотря на то, что она прижимала к себе камень, она чувствовала себя смущённо и очень неуверенно. Кроме того, она узнала эту неприятную для неё комнату, тот самый кабинет лорда Бенедикта, где её ноги приклеивались к полу и она не могла двинуться с места под взглядом хозяина дома.

Две пары глаз посмотрели на её растерянное лицо, и у Дженни похолодели руки. Ей вдруг увиделась вся нелепица её поведения, показалось, что оба собеседника сразу прочли её затаённые мысли, которые, думалось ей, она так хорошо замаскировала.

– В начале четвертого, Ананда, – сказал сэр Уоми собеседнику, и тот, поклонившись ему и ещё раз сочувственно взглянув на Дженни, вышел из комнаты.

– Я очень прошу извинить меня за опоздание, – сказала Дженни, опускаясь в предложенное ей кресло у стола, хотя до этой минуты ей и в голову не приходило начать с извинения.

– Я так и думал, ведь туалет для дамы всегда на первом месте, –

пристально глядя в лицо Дженни, спокойно сказал сэр Уоми.

И опять Дженни почувствовалось, что он угадывает е,, мысли. Но гостья овладела собой, улыбнулась и как бы невзначай подняла руку так, что камень сверкнул прямо в глаза сэру Уоми. Не успела она проделать этот маневр, как сэр Уоми преобразился. Точно гневная волна промчалась по его прекрасному лицу, такому доброму и очаровательно спокойному за миг до этого. Глаза сэра Уоми сверкнули, он чуть приподнял руку, и рука Дженни упала на колени, как парализованная.

Не связав воедино этих двух движений, Дженни решила, что она ещ,, недостаточно знает свойства чудесного камня и что простачок уже готов к обработке. Преспокойно поправив браслет на руке, Дженни развязно сказала:

– Я вам уже писала, в помощи какого рода я нуждаюсь. Мне надо увезти отсюда мою сестру Алису и мать. Обе они едят, что томятся здесь и просят забрать их отсюда, где живут в заключении.

Усмешка пробежала по лицу сэра Уоми, и глаза засветились юмором. Дженни по-своему истолковала игру лица своего, как полагала она, кавалера, и не дав ему вымолвить ни слова, продолжала:

– Я так и знала, что вы мне поможете. Я не могу в точности вспомнить, что именно вы говорили мне о тот ужасный час в судебной конторе. Да, признаться, и тогда не поняла, о ч,,м вы говорили. Но интуиция мне подсказала, что я найду в вас помощника. Я хочу видеть Алису сейчас же, – закончила Дженни, снова подымая свой камень на уровень лица сэра Уоми.

Эффект на этот раз был самый неожиданный. Сэр Уоми только слегка шевельнул пальцем, а рука Дженни отлетела прямо к е,, голове и сбила шляпу.

Озадаченная, сконфуженная и обозлившаяся, Дженни готова была сорваться с места и швырнуть в сэра Уоми шляпу, с таким трудом и искусством водруженную недавно на голову. Но руки е,, точно деревянные, лежали на коленях, она застыла от неожиданности и удивления и не могла выговорить ни слова.

«Проклятый камень, – думала Дженни. – Наверное, Бонда знал, какие штуки он вытворяет, и нарочно мне ничего не сказал. Ну уж и покажу я ему. Дай только домой вернуться».

Сэр Уоми молча смотрел на обезображенное злобой лицо Дженни.

– Жаль, что в этой комнате нет зеркала. Вы смогли бы запомнить, что идя на деловое свидание, нельзя напускать на себя такой свирепый вид. Это раз. Второе, – кто сказал вам, что Алиса и ваша мать здесь? Ни та, ни

другая в данную минуту здесь не живут.

– То есть как? Какой ещ,, мошеннический трюк проделал ваш хозяин?
– закричала Дженни, теряя всякий контроль над собой.

Как она ни пыталась поднять руку, чтобы в третий раз направить луч камня в глаза сэра Уоми, кроме бесплодных усилий, от которых даже лоб е,, покрылся испариной, она сделать ничего не могла.

– Я приказал вам сидеть неподвижно, – сказал сэр Уоми, и голос его поразил е,, своей печалью. – Я это сделал, чтобы защитить вас от вашего же собственного безумия, несчастная женщина. Если бы ещ,, и в третий раз вы дерзнули бы направить на меня ваше ничтожное оружие, которое вам выдали как беспроегрый талисман, вы упали бы замертво, так как мне пришлось бы коснуться вас, а соприкосновения большой чистой силы с этой погремушкой вы бы выдержать не смогли.

Не стоит проклинать того, кто дал вам этот камень. Над ним, слугой зла, он всесилен. С вашей сестрой он не имел бы никакой силы, ибо чистота е,, безупречна. Она не почувствовала бы ничего, но и вам бы не повредила.

Встреча со мною, повторяю, будет смертельна для вас, если ещ,, один раз вы поднимете камень. И не только на меня, но и на кого бы то ни было в этом доме. Запомните это хорошо.

Теперь к делу. Вы сами знаете, в какой лжи, в каком сплошном обмане вы сейчас жив,,те. Ваши оба письма, вот они. Возьмите их с собой. Быть может, когда-нибудь вы перечт,,те их и найд,,те в себе ум и такт действовать иначе. Ваша сестра вторые сутки плыв,,т по океану с семьей лорда Бенедикта. А ваша мать жив,,т в окрестностях Лондона, так как е,, здоровье сильно пошатнулось.

Вам самой известно лучше всех, каким здравомыслящим человеком был пастор. Не менее вам известна и его доброта. А о его чести вы будете потом вспоминать всю жизнь.

Вы сказали, что не поняли того, что я говорил вам в конторе. Бедняжка Дженни! К сожалению, я ничего не могу сделать теперь для вас – ни помочь вам, ни защитить. Если бы вы, войдя сюда, принесли хоть каплю любви в сердце, хоть крошечку доброты, я мог бы ухватиться за них и раздуть их в пламя. Но вы пришли сюда, замышляя зло и предательство. Вы жаждали обратить меня, как Бонду, в своего раба и слугу. Вы надели камень Браццано на себя и, повелевая теми, кто в зависимости у него, сами стали его рабой. Скоро ваша жизнь внешне будет блестяща. Но... рана вашего сердца будет глубже, чем вс,, окружающее вас великолепие.

Ступайте домой. Защищайтесь от Бонды и его слуг вашим камнем,

чтобы не быть битой. Но вс,, же помните, что всякий укротитель, живя с дикими зверями, ненавидим ими и они ждут момента, чтобы его растерзать.

До тех пор, пока в сердце сво,,м вы не найд,,те любви к сестре и матери, пока вместо проклятий вы не пошлете им мольбы о сво,,м спасении, и не взывайте понапрасну к моему имени. Не пишите мне, это будет бесполезно. Только если вы выполните на земле свою первую задачу – любить людей – вы сможете беспрепятственно найти к нам дорогу.

Урок вашей жизни: искупить предательство. И сколько бы вы истерически ни кричали, что любите сестру, сколько бы ни старались в этом кого-то убедить, мне ваша искренняя любовь, как и ваше лицемерие будут всегда видны. Даже тогда, когда вам самой будет казаться, что вы е,, любите, и тогда вы будете думать о себе, а не о ней. До тех пор в вашем сердце будет жить лицемерие, а не любовь, пока вы не пойм,,те свой долг и не скажете себе смиренно: «Мне надо быть подле сестры, чего бы это мне ни стоило и чем бы это мне или ей ни грозило».

Только тогда вы и впрямь забудете о себе. Ваша любовь перестанет быть соображениями практических выгод или страха. И вы откроете себе узенькую тропку к высокому пути, к тому пути, на котором люди ценят свободу не как зависимость или независимость от земных условностей, но как собственное раскрепощение от власти осязаемых ценностей. Только тогда в вас проснется творчество вашего собственного духа. И вы сможете звать меня и искать моей помощи. И где бы вы ни были, в каких бы условиях ни находились, я услышу вас. И помощь моя будет вам дана... Но не воображайте суеверно, что помощь, посланная Великой Жизнью, это выигрыш в лотерее. Всякую помощь надо заслужить и быть достойным е,,.

Если вы цените только низменные блага, вроде денег, богатства, драгоценностей и внешнего положения, связанного с ними, а вопросы духа для вас ненужное бесплатное приложение, ваши усилия приобрести истинное знание, которое присуще только высокой жизни, будут всегда кончатся разочарованием.

Обо вс,,м, что вы сами себе выбрали, с чем вам теперь придется столкнуться именно потому, что вы связали себя, надев камень Браццано, в эти короткие минуты вам рассказать невозможно. Одно могу сказать вам: не прижимайте к себе так сильно этот камень. Он предназначался не вам, но вы его теперь снять уже не сможете.

Захоти я вас освободить от него, он потеряет всякую силу и вы будете беззащитны перед вашими ужасными спутниками. От них вас защищает сейчас только он. Не бойтесь, что они снимут его с вас. Им это не по силам.

Чтобы защитить вас о Браццано, я кладу запрет на ваш ужасный браслет, и никто кроме меня или моего гонца не сможет снять его с вас. Но это, повторяю, может случиться, когда вы духовно прозреете.

Идите. Вам дана возможность найти путь к спасению. Но сейчас вы погружены в ложь и лицемерие, в такую тьму и зло, что видеть ничего не можете, кроме внешних форм.

– Вы сказали,– зло глядя на сэра Уоми, скороговоркой, точно боясь что-то забыть, говорила Дженни, – что внешний блеск, мечты о богатстве – это вс., суета и зло. Позвольте вас спросить, почему же вы сами не жив.,те в шалаше, в грязи, а принимаете меня в комнате, обстановка которой одна стоит, вероятно, несколько сот фунтов? Почему все, кто окружает вас, живут богачами, а не нищенствуют?

– Вы не пойм.,те этого сейчас, объясняй я хоть много часов кряду. Можно жить среди самых прекрасных вещей и даже не замечать их. И можно иметь самые ничтожные вещи, окружив себя ими и раздав то, что прекрасно, и вс., думать только о роскоши, которую бросил или которой не имел.

Ещ., раз повторяю, вс.,, что я был в силах для вас сделать, я уже сделал. Мой вам последний совет: не ездите сейчас к Браццано. Он ещ., достаточно сил.,н, чтобы заставить вас страдать. Но прежней силы он себе не верн.,т и через некоторое время погибнет. Если хотите уберечь себя и мужа от бешенства злодея, уезжайте в Рим, где у вашего мужа есть маленький домик. Там вы оба сможете начать трудиться, а вы, с помощью вашего браслета, найд.,те себе много даровитых слуг и добудете себе и богатство, и блеск.

Дженни вся дрожала от бешенства. Ярость е., была тем сильнее, что она напрягала все силы, чтобы сорвать браслет с руки и направить луч камня в глаза сэра Уоми, но пальцы е., едва могли коснуться тонкой цепочки, и она не могла выговорить ни слова.

– Послушайтесь моего совета, Дженни, и поезжайте в Рим. Вс.,, что возможно, будет сделано мною, чтобы защитить вас и помочь вам. Если же поедете к Браццано, пеняйте на себя.

Сэр Уоми встал и направился к двери, которую раскрыл. Поклонившись Дженни, он тихо прибавил:

– Отговорите Бонду приезжать в этот дом. Если вы не послушаетесь и этого моего совета, вы уедете из Лондона без Бонды, что для вас будет ещ., хуже. На вас одной сорвет весь свой гнев Браццано.

Дженни молча вышла из комнаты. Кипя бешенством, страдая от бессилия и ненависти, она села в свой кэб, и чем дальше от дома лорда

Бенедикта, тем злее кипели е,, мысли.

Подъезжая к своему отелю, она приняла два решения. Первое – отправить Бонду немедленно в особняк лорда Бенедикта за теми драгоценностями, которых не сумел добыть Мартин. Второе – как только Бонда доберется до сокровищ, за которыми его и послали в Лондон, ехать к Браццано и соединиться с ним.

Конец второй части.

ОГЛАВЛЕНИЕ ГЛАВА 12 Дория, капитан и мистер Тендль в Лондоне
ГЛАВА 13 Леди Цецилия Ретедли в деревне у лорда Бенедикта
ГЛАВА 14 Джемс Ретедли и Лиза у лорда Бенедикта
ГЛАВА 15 Дженни и ее жених. Свадьба Дженни
ГЛАВА 16 Судебная контора. Мартин и князь Сенжер
ГЛАВА 17 Мать и дочь. Джемс и Ананда. Ананда и пасторша. Жизненные планы Николая и Дории
ГЛАВА 18 Вечер у лорда Бенедикта. Свадьба Лизы и капитана
ГЛАВА 19 Жизнь Дженни и ее попытки увидеться с матерью и сестрой
ГЛАВА 20 Последние дни лорда Бенедикта и его друзей в Лондоне. Тендль. исповедь и смерть Мартина. Еще раз музыка. Прощальные беседы
ГЛАВА 21 Дженни и ее свидание с сэром Уоми

К. Антарова. Две жизни. 1. (Часть 3, том 1)

Продолжение оккультного романа, весьма популярного в кругу людей, интересующихся идеями Теософии и Учения Живой Этики. Герои романа – великие души, завершившие свою духовную эволюцию на Земле, но оставшиеся здесь, чтобы помогать людям в их духовном восхождении. По свидетельству автора – известной оперной певицы, ученицы К.С.Станиславского, солистки Большого театра К.Е.Антаровой (1886-1959) – книга писалась ею под диктовку и была начата во время второй мировой войны.

ГЛАВА 1 Приезд в имение Али. Первые впечатления и встречи первого дня

Долго, очень долго странствовали мы с И., пока добрались до Индии. И. часто делал длительные остановки, желая дать не только отдых, но и предоставить все возможности понаблюдать жизнь народов и подсмотреть их нравы и обычаи.

Делая крюк за крюком, руководясь отчасти и своими делами, а чаще всего стремясь расширить «мои университеты», он привез меня в Багдад. Смеясь, он уверял меня, что мне необходимо понять прелесть реального Багдада, а не судить о нем только по сладким пирогам.

Наше путешествие, длившееся несколько месяцев, благодаря ежедневному влиянию и заботам И. закалило не только мое здоровье, но и

весь мой характер изменился. Я почти перестал становиться Левушкой «ловиворон», внимание мое стало дисциплинированным, и – я не знаю сам, как это случилось, – я больше не впадал в раздражение.

Рассказать обо всех чудесах, что довелось мне видеть, так же невозможно, как невозможно вылепить в одной статуе всю сложную мысль, как жизнь современной эпохи народов. Могу сказать только, что, как ни готовил меня И. к тому, что я увижу в Индии, она меня поразила сильнее всех чудес, которые пришлось увидеть за долгое путешествие. Я знал, что мы едем к подножию Гималаев, знал, что имение Али расположено в прекрасной и живописной долине,

– но я никак не ожидал, в какую волшебную красоту мы попадем.

Судя по тем домикам друзей И., в которых мы останавливались, я думал найти и в имении Али такой же маленький, чистенький коттедж, снабженный единственным очагом и необходимой для жизни утварью. Как и во многом другом, здесь меня ждало разочарование. Дом в имении Али был прекрасный, каменный, из белого, похожего на мрамор камня, с многочисленными колоннами, с комнатами, изолированными друг от друга.

Нас с И. ждали две чудесные комнаты в верхнем этаже с балконами. И когда я вышел на свой балкон, открывшийся с него вид так меня поразило, что я все забыл и, разумеется, превратился в прежнего Левушку и «ловиворонил» до тех пор, пока солнце не закатилось за горы. А я все стоял, забыв обо всем.

Привела меня в себя мягко опустившаяся мне на плечо рука И. Ах, как он был прекрасен! Я еще никогда не видел его таким чудно красивым, каким он стоял сейчас передо мной. Он был в хитоне оранжевого цвета; волосы его слегка отросли и спускались короткими локонами, а топазные глаза могли поспорить со звездами Ананды.

Я хотел закричать ему: «Как Вы чудно прекрасны, И!» – но не мог выговорить ни слова. В первый раз я почувствовал, как высок, как необычайно выше всего простого человеческого мой дорогой друг. Чувство благоговения, благодарности за все, что он для меня сделал, преданность и верность ему захватили меня. Я молча смотрел на него. Он понял мои чувства и, ласково улыбаясь, сказал мне:

– Я не тревожил тебя, Левушка, потому что знал, как действует на человека этот дом и этот вид из него, когда его видят впервые. Но сейчас наступит вечер, который здесь спускается сразу. Мы должны вовремя поспеть к ужину. Пойдем, я покажу тебе, где ванна и душ, познакомлю тебя с управляющим домом и со слугой, который будет у нас с тобой общим. Ты можешь надеть индусское платье, какое здесь носят все, или остаться

европейцем, если тебе это больше нравится. Но точно являться к трапезам – это единственное правило, соблюдаемое всеми в большой строгости. Не беспокойся, ты поспеешь, – улыбнулся И., прочтя на моем лице опасение опоздать.

Мы прошли к управляющему домом, одетому также в белую индусскую одежду и, судя по лицу, бывшему типичным туземцем. Он был красив, еще молод, тонок и гибок. Продолговатое лицо, темное от загара, темная бородка-эспаньолка, темные глаза и белый тюрбан на голове. На мое приветствие он ответил по-английски, но с сильным акцентом и певуче. Голос его был мелодичен и мягок; взгляд добрый, но пристальный и внимательный, как будто бы он старался меня запомнить, что-то во мне изучить и понять. Но мне некогда было об этом раздумывать, я запомнил только, что звали его Кастанда. Меня очень поразило это имя, но тут же я вспомнил о ванной и помчался в нее с одной мыслью: скорее вернуться к И.

Меня ждали сюрприз за сюрпризом. Я думал увидеть какую-либо самодельную умывалку, вроде тех, что встречались нам по пути. Чаще всего просто огороженное в саду место с душем из нагретой солнцем воды. И попал в отличную ванную комнату с полом и стенами из плиток, с неограниченным количеством теплой и холодной воды, лившейся из водопроводных кранов. К довершению моего удивления, не успел я раздеться, как в ванную комнату вошел слуга-китаец. Добродушно улыбаясь, он заявил, что прислан Кастандой помочь мне. Не дав мне опомниться, он окатил меня из какого-то кувшина чем-то теплым, оказавшимся жидким душистым мылом. В мгновение ока он растер меня всего мягкой мочалкой, подвел под душ, а затем завладел моей головой, так что мне оставалось только закрыть лицо руками.

Отфыркиваясь и не решаясь открыть глаза, я шел за слугой, который тасил меня из-под душа куда-то настойчиво и очень осторожно.

Садитесь теперь в ванну, монсье Леон, – услышал я по-французски. Я готов был ко всему. Но, услышав от китайца, который только что объяснялся со мной на плохом английском, французскую речь, я не выдержал и так расхохотался, что открыл глаза и напустил в них мыла.

Бросившись в прекрасную ванну, такого же белого камня, как дом, я тер глаза и продолжал хохотать.

– Вот Али-молодой говорила, что монсье Леон очень веселая особа, – снова услышал я голос слуги.

– Разве вы знаете Али-молодого? – удивился я.

– Как же не знать? Я вырастил Али-молодого. Он и послал меня сюда

для Вас и брата И. И сам он приедет сюда. Тогда у меня будет три господина, – преуморительно коверкая слова, отвечал слуга.

Выскочить из ванны, растереться и одеться в костюм, который был уже мне знаком, – было делом одной минуты. Сердечно поблагодарив китайца за помощь, я спросил, как его имя. Он немного замялся и ответил:

– Как имя – это другое дело. Вы зовите меня Ясса – так зовет меня Али-молодой и зовут все здесь.

– Я буду звать Вас Ясса, но с тем, чтобы Вы звали меня просто Левушка, как меня зовет Али-молодой и как будут звать все здесь. Китаец рассмеялся и сказал:

– Будет так, если И. велит.

– Велит, велит, можете быть уверены.

И я бросился было бежать к И., но понесся в совершенно противоположную сторону и только с помощью опять все того же Яссы нашел И. в его комнате в беседе с Кастандой.

– Я не опоздал, И.? – весело воскликнул я, вбегая в комнату.

– Еще только через четверть часа будет гонг, – ответил мне Кастанда. – Не удивляйтесь, пожалуйста, если Ваш и И. приборы будут украшены цветами. Али Мохаммет, наш дорогой хозяин, предупредил нас о приезде его друзей. И каждый из живущих здесь сейчас пожелал выразить чем-нибудь свой привет вновь прибывшим гостям. Сам же Али-старший приветствует Вас подарками, которые Вы также найдете на своих приборах.

Кастанда нас покинул, и И. сказал мне:

– В столовой, как и здесь, царит простота, Левушка. Но это не значит, что человек лишен комфорта. Сейчас у тебя ослеплены глаза. Ты рассеялся и не знаешь, куда и на что смотреть. Завтра ты лучше рассмотришь окружающее тебя. Мы пойдем сейчас ужинать, не смущайся большим числом незнакомых тебе людей. Ты встретишь немало и женщин.

У меня сжалось сердце. Точно живая, пронеслась перед моими глазами Анна. О. как остро я почувствовал ее горе в эту минуту. Она могла быть здесь с нами. Ананда сам мог привезти ее сюда, и вот одно мгновение сомнений и ревности – и все пропало.

– Анна не безвозвратно отошла, – тихо и ласково сказал мне И. – Она укрепитя и будет здесь. Ее бури ревнивых сил не вспыхнут больше. Но будет она здесь только тогда, когда сюда приедет и дочь Али – Наль, со своим мужем, твоим братом. К этому времени Али сам привезет сюда Анну. Не тоскуй о ней. Помогай ей мыслями радостной любви. Посылай ей каждое утро и каждый вечер помощь бодрости и мужества. Ничем более

активным ты в данную минуту ей помочь не можешь. Но ты не думай, что это так мало. Это очень большая помощь. Ежедневная радостная мысль о человеке равняется постройке рельс для молниеносного моста, на котором можно научиться встречаться мыслями с тем человеком, о котором будешь радостно, чисто, пристально и постоянно думать.

Ударил гонг. И., как всегда угадавший мое смущение, взял меня под руку, и мы сошли вниз.

Уже было почти темно, очень тепло, почти жарко. Зал, называвшийся столовой, был ярко освещен, к моему удивлению, электричеством. Несколько дверей в нем были настежь открыты, окна были завешены мокрой кисеей и под потолком вращались десятки огромных вееров, создававших прохладный ветерок. Но все же было душно.

Я понял, насколько я окреп. Я не мог бы вынести ни минуты такой жары раньше. Перед этой жарой духота Константинополя казалась шуткой. Несколько месяцев тому назад я немедленно упал бы в обморок, а сейчас мне было просто душно. Мой индусский костюм и сандалии на босу ногу очень мне помогали.

Мы вошли одними из первых. Кастанда сейчас же подошел к нам и проводил к нашим местам. Они оказались за крайним столом, на котором было много приборов, как и на других столах. Многие из входивших приветствовали И. как старого знакомого. Некоторые кланялись нам обоим издали как вновь прибывшим друзьям. Здесь все, очевидно, были знакомы друг с другом и никто никого не стеснялся.

Когда все заняли места за столами, на каждый стол стали подавать кушанья очень своеобразным порядком. На небольших, очень пропорциональных и красивых столиках, которые катили слуги, стояли миски и блюда, и каждый брал себе то, что хотел, и сколько хотел. Такие катящиеся столики свободно проходили между обеденными столами. Наш стол был крайним к окнам, и тележка прикатила к нам со стороны окна.

И. предложил мне выбрать блюда для него и себя, а я не мог решить, что и как здесь едят. Заметив на одном из блюд салат из помидоров, на другом картофель, на третьем цветную капусту, я принялся снабжать ими И., как вдруг увидел чудесную дыню. Вспомнив, что «мудрец без дыни невозможен», я уже хотел положить туда и дыню, но И., смеясь, сказал:

-Тележка-стол, Левушка, опять приедет, как только мы с тобой справимся с овощами. Обрати лучше внимание на цветы, которые перед тобой, и еще кое на что. Быть может, привет Али тебя тронет.

Я стал рассматривать цветы, и увидел, что передо мной в высокой зеленой вазе стояла белая лилия. Очевидно, у Али и здесь были оранжереи.

Но я положительно не мог ни на чем сосредоточиться. Сколько передо мной было лиц

– мужских, женских, молодых, средних и старых, – и каких лиц! Мне хотелось их хотя бы вскользь рассмотреть, но каждое лицо, на котором останавливался мой взгляд, казалось мне замечательным, и я с трудом отрывал взгляд от него.

– Нет, Левушка, и не пробуй сразу разглядеть все и всех, – услышал я смеющийся голос И. – Здесь более ста человек, ты их узнаешь постепенно. Кушай, осмотри свой прибор и сосчитай хотя бы тех, кто сидит с нами за одним столом.

Я вздохнул, поняв, как далеко мне до И., который мог видеть сразу сотню людей и в несколько минут определить полную характеристику каждого; мог каждому сказать именно то, что ему нужно, и поддержать в каждом энергию одним словом или взглядом.

Меня уже не поражали эти свойства в И. Я их достаточно видел во Флорентийце и Ананде. Меня что-то поражало в этом переполненном людьми зале, которых я видел за последнее время так много. Но в этом зале было что-то особенное, чего я еще нигде не наблюдал. И это «что-то» относилось не к внешнему своеобразию самого зала, а людям в нем. Оно относилось к внутренней стороне, к не бросавшейся ничем в глаза, но остро чувствовавшейся духовной культуре. Я воспринимал сейчас эту толпу людей совершенно по-другому. Здесь нельзя было себе представить, что вдруг в каком-либо углу зала прозвучит резкий выкрик, саркастический смех, злобная фраза...

И. снова отвлек мое внимание и заставил меня есть, говоря, что тележка приедет скоро снова, а я отстаю. Я стал есть, не сознавая, что я ем, посмотрел на салфетку и обомлел. На моей салфетке было чудесное золотое кольцо с именем Али, выложенным из мелких зеленых камней и белых жемчужин.

– Ведь я говорил тебе, посмотри поближе к себе, – сказал мне И., снова улыбнувшись моей невероятной рассеянности.

Я захотел узнать, какое кольцо у И. и еще раз обомлел. На его салфетке было кольцо из простого белого дерева, на котором из белого коралла была надпись: «Али». Дальше шла надпись на неизвестном мне языке.

– Когда я ехал с Флорентийцем из К., – сказал я И., – я не понимал ни слова из того, что он говорил с туземцами. Я был все время тогда раздражен и расстроен. Тогда же я дал себе слово изучить этот язык, непонимание которого доводило меня до исступления. Я ничего еще не сделал, чтобы выполнить свой первый обет. Тем не менее, я даю второй

обет: узнать язык, на котором сделана надпись на Вашем кольце, И. Я потерял способность раздражаться, меня не угнетает мое невежество. Пожалуй, в моем теперешнем самообладании я еще яснее ее вижу, мою невежественность. Поможете ли Вы мне, И., выполнить мои два обета?

– Охотно, друг. Только, пожалуйста, не давай больше скоропалительных обетов, а то, пожалуй, тебе придется прожить здесь, в Общине Али, годы и годы. А я привез тебя сюда только на короткий срок, чтобы ты мог подготовиться здесь к дальнейшей жизни подле Флорентийца.

Община Али? – совершенно изумленный, спросил я.

– Да, но все это я расскажу тебе после. Сейчас кушай, смотри, отвечай на вопросы, хотя, думаю, никто ни о чем тебя не спросит.

Так, прислушиваясь к разговорам за нашим столом, я стал внимательно рассматривать своих ближайших соседей. Я прикоснулся к цветам возле моего прибора и вдруг увидел среди них два небольших конверта. На каждом из них стояло мое имя. Я сразу узнал крупный, четкий почерк Али-старшего и не менее четкий, но гораздо более мелкий и женственный почерк Али-молодого.

Вместе с огромной радостью на меня нахлынула целая туча воспоминаний. Я вновь переживал пир у Али, разлуку с братом, встречу с Флорентийцем и отдельные эпизоды путешествия с ним. Любовь к брату была все такой же сильной в моем сердце; но сейчас в моей памяти преобладающей нотой звучала не скорбь о разлуке с ним, а радость за него, радость, что он счастлив, в безопасности и живет подле Флорентийца. Я думал об Али-старшем с большой благодарностью не только за то, что сейчас сидел под его кровом, но и за то, как много он сделал для брата, как, в сущности, оба мы были обязаны ему всем.

И вдруг я снова ощутил знакомое мне содрогание во всем организме. Мне показалось, что я вижу Али, стоящим у круглого окна вдали. Вижу его прожигающие очи и слышу сильную, четкую речь:

– Учись, Левушка. Первой задачей стоит перед тобой полное самообладание, второй – бесстрашие и третьей – такт. Приобрести качества, можешь снова выйти в мир для труда и служения людям. И. поможет тебе, я приму тебя в круг моих сотрудников.

Али исчез, мне показалось, что стало значительно темнее в комнате. Я опомнился потому, что И. заботливо помогал мне встать со стула. Я давно не впадал в болезненное состояние иллюзорных видений, считал себя совсем выздоровевшим от них и сейчас совершенно расстроился, поняв, как я еще мало окреп.

Все вставали со своих мест, очевидно ужин был окончен. Повинуясь руке И., я также встал с места и увидел перед собой Кастанду.

– Вы, вероятно, очень устали от дороги и жары, Левушка, я пришлю Вам Ваши цветы на балкон.

А письма Вы, конечно, захотите взять с собой сейчас же, – подавая мне письма, сказал Кастанда.

Я поблагодарил, взял оба письма, хотел взять и кольцо, но И. сказал, что кольцо мы рассмотрим завтра при дневном свете. Он познакомил меня с некоторыми из подходивших к нему друзей. Но я был как в тумане и едва различал лица, за минуту казавшиеся мне такими значительными. Мы вышли в сад. Я в первый раз мог наблюдать яркое небо на громадном просторе, но сил у меня было так мало, что я попросил И. сесть на первую попавшуюся скамью. Я приник к И. От него бежала ко мне живительная энергия. Я постепенно успокоился и почувствовал, что сердце мое бьется ровно. Я сказал, что хочу пойти к себе и прочесть письма обоих Али.

– Скоро, гораздо скорее, чем ты думаешь, Левушка, ты научишься владеть собою и будешь слушать речь друзей на огромном расстоянии без всякого напряжения, – ласково говорил И., провожая меня домой.

Из всего окружающего меня сейчас, я мог только в одном дать себе отчет: тишина ночи отвечала тишине во мне. По дорожкам сада двигались темные тени группами, парами, в одиночку. И снова, сталкиваясь с людьми, шедшими нам навстречу, я чувствовал, – как в обеденном зале, – что от них льется доброжелательство. В чем оно выражалось и как я мог его ощущать, я не знал. Но был определенно уверен, что здесь никто меня не судит, не разбирает по статьям, а очень просто и любовно принимает в свое общество.

И. вел меня какими-то дальними путями, я понял, что он хотел мне дать возможность совсем прийти в себя. Мне стало вдруг даже смешно: неужели И. думает, что я прежний Левушка, что в какой-либо щели моего существа могло засесть раздражение?

– Мой дорогой И., я уже давно способен читать мои письма; голова моя в полном порядке. Неужели Вы можете предполагать, что я сегодня был раздражен? Я уже забыл, как это делается, – весело заглянул я в лицо при ярко горевших звездах.

Я знаю, что для тебя стало невозможным раздражаться, Левушка, и если я так долго вожу тебя по саду, то только для того, чтобы в первую же ночь, как ты войдешь в здешний дом Али, ты вошел в полное равновесие сил и чувств. Мы в Общине Али. Каждый из нас, придя сюда, уже прошел крестный путь жизни. Но не каждый прошедший его мог дойти до этого

дома. Здесь ты увидишь только тех, кто просветлен в своем страдании, кто понял, принял и благословил свои обстоятельства, кто захотел жить, служа человечеству, думая об общем благе. Входя сегодня в этот дом, подумай, мой дорогой мальчик, обо всех, кого ты оставил в Константинополе. Обо всех, кто сейчас вокруг Ананды и Флорентийца, а также вспомни сэра Уоми и всех, кто с нами был и ушел утешенным и обрадованным. Оба Али будут говорить с тобою в письмах; благослови день встречи с ними. Сбрось всю тяжесть прежней скорби и недоразумений с себя. Войди под новый кров Али свободным, легким и радостным. Не думай, что сулит тебе «завтра». Но заверши свое «сегодня» такой полнотой чувств, чтобы весь твой организм мог воспринять слова, что пишет тебе Али-старший.

Мы вошли в дом, поднялись к себе, и я простился с И., чтобы наедине прочесть письмо Али, чудесное лицо которого я так недавно видел глядящим на меня из эфира в круглом окне.

«Друг, брат и милый сын!

Нет расстояния и условного разъединения для тех, чье сердце горит неугасимой любовью. Нет смерти для тех, чье сознание раскрыло человеку его живую Вечность, которую он в себе носит.

Сегодня ты вступил в мой дом на Востоке. Вступи в него не гостем, не другом, но равноправным членом моей семьи. Все, кого ты там встретишь, – все твои братья и сестры, идущие путем труда и совершенствования.

Тебе дано больше, чем многим из них. Ты обладаешь силой видеть и слышать в любую минуту и меня, и Флорентийца, и Ананду, и сэра Уоми. И. поведет тебя, постоянно помогая развитию твоих психических сил, к высшей ступени знания. Ты будешь владеть силами в себе и вовне.

Что нужно от тебя, чтобы дело шло успешно и развернуло в тебе все силы творческого духа?

Нужна твоя верность. Что такое верность ученика своему Учителю? Это единение вечное с его трудом и путями. Если ты выкажешь героическое напряжение сил и мыслей, ты сольешься с бурным пламенем творчества твоих Учителей. И Вечность раскроет в тебе все твои таланты. Но верность твоя – единственный ключ ко всему знанию.

Живи легко, бесстрашно и свободно. Кто не сумеет так жить свой день, для тех знание закрыто, хотя бы они даже переступили порог Общины. Можно жить среди совершенных людей – и все же видеть только их внешние манеры. Можно жить среди таких же, как ты сам, несовершенных, но стремящихся к радости совершенства людей и видеть в них каплю огня Вечности. И тогда ты будешь стремиться не потревожить ничем этой капли огня в другом человеке, а принести ей помощь, чтобы

она могла легче и проще, выше и веселее превращаться из капли в костер. Повторяю, ключ к такому пути ни Община, ни люди, ни природа с ее красотой никому не предоставят. Ключ – в тебе самом, в твоей верности.

Нет никаких «особых» знаний, которые раскрываются человеку упорством воли, в каких-то особо избранных местах, по особым ритуалам. Этими делами занимаются темные оккультисты. Знания их, приобретенные этим путем, ничтожны, в чем ты уже имел возможность убедиться. Но соблазн, который они вносят в мир, язвы, которые они оставляют в сердцах, страшны и разрушительны среди людей невежественных. Действуя на эгоистические страсти, темные оккультисты вербуют себе войско, сжигая в человеке волю к добру своим тяжелым гипнозом.

Та Община, где ты сейчас живешь, – это спасительная сеть, где куются бойцы для борьбы со злом, с нагребанием, с разжигаемыми страстями. Здесь закаляются сердца тех, кто хочет жить для общего блага, для мира и радости людей.

Знание – двигатель жизни, и радость – масло для него. С той минуты, как ты вошел под кров моей Общины, осознай новый порядок вещей и пойми в нем новый подарок, который тебе дала Великая Жизнь.

Перед тобой период в целых семь лет абсолютной раскрепощенности от всех забот практической жизни. В полной освобожденности от бытовых тягот осознай свою величайшую внутреннюю свободу. Осознай, что твое Я, освобожденное от страстей, может сдвигать горы, если верность твоя цельна до конца и никакие сомнения и страхи не могут пробить в ней брешь.

Прими, друг, бодрое пожатие моей руки и иди по жизни в простой доброте. Как только доброта твоя станет ежедневным, привычным двигателем твоей жизни

– ты каждую встречу сумеешь начать и кончить в радости и мире.

Верь мне – все, чего должен достичь человек в своих встречах, это начать и кончить каждую из них в мире, милосердии и доброте.

Время – семь лет, о которых я упомянул, что кажутся тебе сейчас целой вечностью, – мелькнет как одно мгновение и, покидая гостеприимный кров Общины, ты будешь сам себя уверять, что еще не чувствуешь себя в силах идти в практическую жизнь, чтобы строить людям пути к общему благу и миру.

Но... каждому его момент современности, его момент творчества, его момент развития и действия героических сил.

Кто спешит – не достигает. Кто отстает и медлит – находит смерть. Мужайся, друг. Ты хорошо начал свой путь – продолжай его так же. Если в

минуту разлада ты будешь нуждаться в моей помощи, крепко и уверенно думай обо мне, зови имя мое «Али», и я отвечу тебе немедленно. Прими мой привет и мир.

твой друг Али Махоммет»

Я потушил лампу, взял в руки письмо и вышел на балкон. Ночь, тихая, темная, с небом, усеянным звездами, окружала меня. Огромные пальмы едва вырисовывались волшебными контурами. Неведомые мне звуки этой ночи, какие-то шорохи, точно вздохи, очень отдаленный звук свирели, аромат роз и гвоздик... Все слилось в какое-то кольцо еще неиспытанных спокойствия и блаженства. Гармония царила в этой ночи и захватила меня. Я перестал чувствовать себя отдельным существом и ощущал радость бытия, счастье жить в этом очаровании вселенной, живым куском которой я себя сознавал.

Прижав письмо к губам, я благодарил Али за все его благодеяния мне и брату. Я прочел письмо еще раз не глазами и умом, но сердцем. Любовь моя к нему пролилась горячей волной, раскрыв мне великую мощь Али. Я увидел еще один аспект, аспект любви, в фигуре моего высокого друга. И я захотел приблизиться к знанию, чтобы приблизиться к нему. Я так долго простоял на балконе, что звезды стали меркнуть, восток зарозовел. Я вспомнил о письме Али-молодого и поспешил в комнату. Волшебная картина пробуждающейся жизни заставила меня отдернуть занавеси. Я распахнул одно за другим все окна настежь и стал наблюдать, как из-за горного хребта выплывала красная полоса, становясь все шире и ярче. Внезапно выскочил краешек солнца, и я едва удержал крик восторга. Весь горный хребет, с белыми вершинами, облитый розовым светом, открывался на дальнем горизонте. И до самого хребта тянулась широчайшая долина с живописными селеньями, переплетающимися садами, полянами и лесами. Я только тогда отошел от окна, когда увидел садовников, выходявших из дальних построек Общины.

Одновременно во многих местах дома началась жизнь. Я видел, как фигуры в белом с мохнатыми полотенцами на плечах шли купаться к горной речке. Я сел в кресло и стал читать второе письмо.

«Мой дорогой Левушка, мой милый брат», – писал своим мелким и необычайно красивым почерком молодой Али. Глядя на этот характерный почерк, я особенно ярко представил себе Али. Я вспомнил его в первые минуты встречи, когда он, не видя нас, высаживал из коляски ворчливую тетку и украдкой улыбался Наль. Я вспомнил его ту минуту, когда Наль дала цветок брату Николаю... Я видел его в индусской одежде на даче у дяди Али. Как должен был тогда страдать этот человек, даже буквы почерка

которого ложились ровной лентой, как гармонично сплетенное кружево. Какая стойкость воли и должна была жить в этом гармоничном существе, чтобы после смертельного удара вновь жить полной жизнью, улыбаться и радоваться. Сейчас для меня было ясно, что именно в тот момент, когда Наль подала цветок не ему, а брату Николаю, Али умер. Умер беззаботный, влюбленный Али; умер жених, мечтавший о любви и семье, и остался жить новый человек, воин, строитель жизни, подле Алистаршего уже навек забывший о себе.

Я не спрашивал себя сейчас: «Зачем столько страданий в мире?» Я знал теперь, зачем они, знал, что через них люди идут к знанию и на препятствиях растут и закаляются. Я снова стал читать письмо.

«Передо мной мелькает вся твоя тревожная жизнь последних месяцев. Не раз сжималось мое сердце за все твои муки, и я хотел бы обменяться с тобой ролями и взять на себя твой подвиг, предоставив тебе спокойную жизнь подле дяди Али. Но... путь себе не выберешь. Путь стелется там и так, как сам человек его соткал.

В письме не передашь всего, что хотелось бы излить из сердца. Да и слова наши малы для того огромного, чем я хотел бы поделиться с тобой. Одно мне необходимо тебе сказать: не печалься ни обо мне, ни о твоём брате.

Видишь ли, цель жизни на земле – освобождение через труд. Но мы так созданы, что, приходя на землю, приносим и растим в себе такое количество страстей и предрассудков, которые опутывают нас, как цепкие лианы. И чем прекраснее цветы наших иллюзорных лиан, тем яростнее мы к ним привязываемся и за ними гоняемся. Когда ж настает момент нашего внутреннего созревания, нам приходится разрывать цепи иллюзий. И если цепи глубоко вросли в наше сердце, то в тот момент, когда мы их вырываем, – мы умираем. Умираем иногда целыми частями своего существа, чтобы на месте связывавших нас страстей выростала радость освобождения.

Не могу тебе сказать, чтобы я завоевывал свои ступени роста и освобождения легко и просто. Я уже много раз умирал под вцепившимися в меня лианами страстей и много раз снова оживал, всегда благословляя Жизнь за посланный ею урок освобождения.

Я вижу, как свалились на тебя сразу целые десятки уроков. Я вижу, как стоически ты их выдержишь, мой дорогой друг Левушка. Тебе кажется, что страданий вокруг слишком много, что Милосердие Жизни могло бы больше позаботиться о радости людей. Нет, Левушка, не Жизнь раздает награды и удачи или наказания. А человек подбирает в своих днях то, что

он сам разбросал своим творчеством в веках вокруг себя.

Выбросить, как ковшем вычерпать, мутную воду, что сам пролил в жизнь, – невозможно. Ее надо пропустить через собственное сознание и труд. И только тогда вода, прошедшая через фильтр собственной доброты, всосется в землю, оставив на ее поверхности вокруг человека кристаллы чистой Любви. Эти сверкающие кристаллы уже не могут ни замутиться, ни разбиться. Это кусочки твоей вечной Любви, что живут в тебе и каждом. Они легки, чисты и сыплются с нас, как алмазный дождь, лишь только мы двигаемся к труду по земле в своем простом дне, думая не о себе, а о встречаемых.

Чем больше любви в сердце, освобожденной и очищенной, тем чище и шире вокруг нас блестящий ковер, на котором встречает своих ближних каждый человек. Когда только еще подходишь к человеку, ощущаешь уже издали аромат атмосферы его ковра. И тот человек, чья атмосфера очаровывает нежностью и энергией силы, всегда много-много раз уже умирал своими страстями раньше, чем они переросли в кристаллы освобожденной любви.

Тебе, Левушка, пришлось много выстрадать. Но перед тобой еще огромная, долгая-долгая жизнь. Все еще встретится тебе на пути. Но ты знай одно: нет таких ступеней совершенства, которые сваливались бы с неба на плечи человеку сами собой из рога изобилия, что держит чья-то рука, усыпая путь цветами. Каждый цветок – собственный труд человека. Каждая удача – твоя победа в тебе самом.

И «удача», которую ты назовешь этим словом, – это будет твое знание, твое достижение на пути освобождения. Это будет внутренняя мощь и победа, а не те внешние блага, что обыватели зовут удачами, стараясь вырвать их себе чужими руками и трудом.

Если временами тебе будет становиться особенно ТРУДНО и тяжело, знай твердо, что проходишь одну из ступеней своего освобождения, что в тебе умирает какая-то часть иллюзий. Их умирание всегда переносится трудно организмом земли, наделенным сознанием, силами и чувствами двух миров – неба и земли.

Зная это, вспоминай, когда страдание обовьется вокруг тебя, и льни тогда к людям вроде И., чей ковер любви разросся в огромное яйцо, охватывает самого И. и всех, кто к нему подходит. Дядя Али говорил мне, что пошлет меня к тебе в Общину. Я там был уже два раза и буду счастлив, если встречусь там с тобой.

Прими мой сердечный привет, дорогой друг. Не стоит и говорить, как я буду рад, если ты не откажешь мне в твоей дружбе и будешь мне писать. Я

же всегда с тобой в мыслях и дерзаю назвать себя твоим верным другом.

Али Махмед»

Это было второе письмо, полученное мною от Али-молодого. Я поневоле вспомнил, как я караулил сон Флорентийца и читал в духоте вагона его первое письмо.

Как сравнительно мало прошло времени, еще и года не истекло с нашей первой встречи с Али, а сколько уже мелькнуло событий. И таких событий, которые закрыли собою того мальчика, что приехал в К. Я улыбнулся сам себе, когда представил себе того наивного, ежеминутно раздражавшегося Левушку, который шел на пир Али и воображал себя героем маскарада. Мне показалось, что я даже не мог теперь и чувствовать так экспансивно, как в то время. Вспомнил я и свое отчаяние, одиночество, слезы брошенного существа, что давали мне ощущение кладбища, – и ясно понял, что я переступил какую-то ступень сознания и уже больше не буду искать счастья жизни в той или иной форме жизни внешней.

Вероятно, я еще долго раздумывал бы о всевозможных вопросах, которые выпытывали по ассоциации воспоминаний, но меня отвлек цветок, брошенный в окно. Я поднял цветок, вышел на балкон и увидел И., звавшего меня купаться в горной речке.

– Да ты, Левушка, не спал? Это никуда не годится, – говорил мне притворно грозным тоном мой дорогой друг и наставник. – Сегодня я буду знакомить тебя с большим числом моих друзей. Среди них будет немало прелестных дам, и мне вовсе неохота, чтобы они составили себе впечатление о скучном Левушке, который дремлет за завтраком.

Я уверил И., что не ударю лицом в грязь, спрятал письма, захватил простыню и быстро нагнал уже спускавшегося вниз И.

Мы шли теперь по той живописной долине, которую я наблюдал со своего балкона. Тропа круто свернула влево, мы обогнули небольшой сад, и я снова застыл от изумления. Горная речка текла издалика, падала уступами, бурлила и пенилась, но у песчаной отмели, куда привел меня И., разливалась большим озером, как огромная чаша, и вытекала снова узкой, бурлящей по уступам речкой.

Вокруг озера росли пальмы и было раскинуто много купален. Озеро было глубокое, вода холодная. И только немногие, отличные пловцы и спортсмены, решались переплыть его. На другой его стороне тоже стояли купальни, и там я различал двигавшихся людей.

Было уже очень жарко, я мечтал поскорее окунуться, но И. повел меня дальше, на следующий уступ горы. Здесь я увидел такую же точно картину, река образовывала озеро и текла дальше. Но это озеро было гораздо

меньше и мельче. И. объяснил мне, что приезжающим впервые в общину нельзя купаться сразу в нижнем озере, так как слишком низкая температура воды вызывает судороги и может даже смертельно повредить всему организму. Но, постепенно приучаясь к переходам от жаркой температуры воздуха к холоду воды в озере, воды, обладающей большими целебными свойствами, можно не только сбросить с себя кучу физических болезней, но и обновить весь организм.

Многие, прожив в Общине шесть-семь лет, уезжают помолодевшими на десятки лет и почти перестают болеть. И., не желая оставлять меня одного, купался тоже в верхнем озере. Не знаю, как бы я чувствовал себя в нижнем озере. Но вода верхнего меня пленила. После моря, в котором за время нашего долгого путешествия я часто купался, мягкая, совершенно прозрачная и приятно прохладная вода озера, где был виден мельчайший камушек, где дно было как бархат, где не плавало ни одной медузы, казалась мне блаженством. Я никак не мог решиться расстаться с озером, и только угроза И., что близится час женского купания и я задержу дам, заставила меня вылезти из воды, хотя я вздыхал и обещал И. завтра же найти себе еще одно озеро, где бы можно было купаться сколько захочешь, не боясь дамского нашествия.

И. смеялся и угрожал познакомить меня с одной американкой, очень богатой дамой, которая не любит юношей-затворников и превращает их в своих пажей. Я возмутился и просил принять к сведению, что в Америку ни за какие блага не поеду и знакомиться буду только с русскими. Едва я успел договорить фразу, как за купальней послышались голоса и смех.

– Это что же значит? – услышал я веселый, очень молодой женский голос, говоривший по-английски. – Лорды все еще на озере? Разве не пробило семь?

– Нет, милостивые леди, – отвечал И. – Еще три минуты в распоряжении лордов. А, кроме того, один русский граф, только что приехавший, опоздал специально, чтобы скорее познакомиться с американской леди. Он так много наслышан об ее уме и воспитательских талантах, что мечтает попасть в число ее пажей.

Все это И. говорил кому-то на мостике купальни и говорил, так уморительно перехватив интонацию женского голоса и чуть неправильный акцент, что я крепился, крепился, да сорвался и залился своим прежним мальчишеским хохотом. И. распахнул дверь купальни, вытащил меня на берег, и... я замер, превратившись в Левушку «лови ворон».

Передо мной стояли две женщины. Одна была полная, среднего роста, с сильно вьющимися волосами, некрасивая шатенка. Но глаза ее, огромные,

серые, навывкате, беспокойные, с властным выражением, точно не вмещались в это плотное тело. Этим глазам, казалось, все надо было знать, во все вмещаться, во все вникнуть. Ей было на вид лет тридцать.

Рядом с ней стояла девушка, совсем юная и тонкая, болезненного вида, с темными волосами, прехорошенькая, предобрая и... довольно печальная. Я не мог ничего понять. Очевидно, голос принадлежал молодой? Но вот заговорила старшая, – и нечто вроде мороза пробежало по моей коже: голос принадлежал ей. Кому же это И. наметил меня в пажи? Этим электрическим колесам, а не женским глазам, должно быть, никак не угодишь.

Старшая дама улыбнулась – точно дырочку просверлила в моем сердце – и вновь сказала:

– Будь моя воля и не мешай мое величайшее преклонение перед Вами, доктор И., я бы запретила детям раньше семнадцати лет являться в Общину. Особенно таким нервным, как Ваш спутник.

– Ничего, Наталья Владимировна, мой друг уже опередил многих. А главное, пришлось бы начать запрет с Вас. Ведь Вы-то приехали сюда, когда Вам еще не было полных семнадцать лет. И все же Вас приняли здесь с радостью, и жизнь здесь не повредила Вам.

И. представил меня обеим женщинам, назвав одну Натальей Владимировной Андреевой, а другую леди Бердран. – Через день все равно будете звать меня Натальей, так уж можете и не запоминать отчества, – сказала Андреева, протягивая мне руку. И какая тонкая и приятная была эта рука! Я сразу почувствовал в ней друга и перестал бояться ее глаз.

– Ну и шила же у Вас вместо глаз!

– Бог мой, а я только что хотел сказать Вам, что Ваши глаза – электрические колеса! Должно быть, на дне морском гвоздь сыщут они. Я уже почувствовал, как Вы просверлили меня ими, Наталья Владимировна.

– А я что же? – рассмеялась леди Бердран. – У меня ни шил, ни колес, ни дырочек сверлить не умею, к какому же рангу смертных причисляюсь я?

– Вы, леди, Вы звезда удач. Я уверен, что встреча с Вами несет всем удачу. И Ваша печаль происходит от того, что Вы у всех берете скорбь и бросаете им взамен спую доброту.

– Пощадите, И.! Вам надо было Вашего друга купать сразу в нижнем озере, – расхохоталась Андреева.

И. взял меня под руку, весело поглядел на дам, еще веселее засмеялся, назначил им свидание в столовой и побежал, увлекая меня за собой, как бегают школьники.

Опять пришлось мне поразиться. Положительно с моим водворением

в. Общине я только и знал, что удивлялся. И., такой серьезный, степенный, так редко смеявшийся, только улыбавшийся, был здесь совсем другим. Я не мог себе вообразить, что И. может бегать и шалить со мною, как мальчик.

Через несколько минут я взмолился и попросил И. перейти на медленный шаг. От моего прохладного купанья не осталось и следа. Я был мокрым, и пыль набилась в мои сандалии, И. же имел вид вышедшего из гостиницы.

– Не огорчайся, Левушка, приучишься к климату и выучишься ходить и бегать так, чтоб не подымать пыли. Иди, меняй свое платье, возьми душ, скажи Яссе, он тебе поможет. Я буду здесь тебя ждать.

И. сел в тень на скамью возле крыльца, и не успел я подняться на верхнюю площадку, как он был уже окружен большим кольцом людей.

Ясса посоветовал мне взять холодный душ, что я с восторгом исполнил, дал мне свежий хитон и сандалии и сказал, что утром все ходят в одном легком хитоне и только к обеду надевают два. Обед бывает здесь рано, в два часа.

Я удивлялся, как можно есть в самый зной, но не сказал ничего. Ясса же, точно поняв мои мысли, объяснил мне, что утренняя столовая, куда мы пойдем сейчас, – западная. Обеденная, – в самом конце сада, у речки, она северная, открытая, обвитая вся лианами и плющом, а чайная – на восточной стороне парка, у самой скалы. Жарче всего не в обеденной столовой, зелень которой все время поливают водой и где дует ветер вееров, а в чайной, где даже устроен в скале грот для тех, кто плохо переносит жару. В гроте всегда прохладно, и многие даже занимаются там в полуденный жар.

Я сошел вниз как раз с ударом гонга, И. познакомил меня с некоторыми из своих собеседников, взял меня под руку, и мы пошли всей группой к столу.

Я посмотрел по сторонам с беспокойством, думая, что мои новые знакомые дамы запаздывают к завтраку. И здесь мне был сужден сюрприз. С противоположной стороны парка шли Андреева и леди Бердран. Очевидно, была еще другая, кратчайшая дорога от реки прямо в парк.

Теперь я мог лучше рассмотреть обеих дам. Андреева шла довольно тяжелой походкой тучных людей. Ее глаза на самом деле походили на электрические шары. На меня она снова произвела впечатление намагниченного человека. Мне казалось, что ее спутница умышленно держится подалеже от нее. Леди Бердран улыбнулась нам и села за соседний стол, где уже сидел немолодой человек, очень красивый, живой, с прекрасными манерами, бритый. Я принял его за француза. Он

приветствовал свою соседку, ловко расставил ее кресло и сел сам только тогда, когда она опустилась в кресло и придвинулась удобно к столу.

И. сказал мне, что этот человек поляк, простой рабочий, добившийся сам высшего образования и борющийся не раз за освобождение своей родины. Имя его – Ян Синецкий, он не первый раз уже здесь.

Возле Андреевой я увидел человека небольшого роста, с прелестными, добрыми и детски наивными глазами. Окладистая серо-седая борода и такие же кудрявые волосы в сочетании с большими близорукими синими глазами – веселыми и юмористически плутоватыми – все было так красиво и обаятельно, что даже очки не портили его лица. Щеки его были розовые, губы красные, зубы перламутровые, и весь он мог бы быть моделью для статуи добряка. Улыбка почти не сходила с его губ, и одет он был в легкий, безукоризненно белый костюм из тончайшего шелка. От него так и веяло чистотой и аккуратностью, что еще резче подчеркивало полный контраст с его соседкой.

Грубо высеченные черты волевого лица, необычайная живость глаз и пристальность взгляда, какая-то суровая сила, исходившая от нее, составляли полную противоположность с ее соседом. Все в ней было неряшливо. Кружевная белая косынка, покрывавшая ее волосы, была заброшена небрежно. Платье было измято, книга, которую она держана в руке, потрепана, из зонтика торчали две обнаженные спицы. Обе эти фигуры, такие контрастные, поглотили сразу мое внимание. Каждая из них показалась мне обаятельной по-своему, и я подумал, как бы раз но мыслили эти люди, – они могут решать какую-то задачу жизни сообща и вливаться в гармонию, дополняя друг друга.

Я только что хотел спросить И., не муж ли и жена они, как услышал громкий и веселый смех Андреевой, которая сказала И. через стол:

– Я же говорила Вам, И., что Вашего чудо-шило-графа надо было сразу купать в холодном озере. Он уже нашел тему для своего будущего романа, и бедный мистер Ольденкотт попал первым в его герои.

– Не думаю, Наталья Владимировна. Левушка так напуган Вами, что скорее будет искать темы для своих работ в других секторах Общины, – юмористически поблескивая глазами, ответил И.

Несмотря на внешнюю грубоватость, от Андреевой так и веяло мощью доброжелательства, когда она смотрела на меня. Я внутренне сразу с ней сдружился, чему и сам теперь удивлялся. Впервые я ясно понял, что у Андреевой не было внешнего такта; но ее мудрость была выше, чем у всех, кто сидел с ней рядом. Я улыбнулся и, несколько уже не боясь ее глаз, сказал:

– Не знаю, что было бы, если бы И. приказал мне искупаться в холодном озере. Но теплое озеро породило во мне одно желание: сделаться Вашим пажом.

Не только. И., Ольденкотт, Синецкий и леди Бердран, но и сидевшие подальше за нашим столом не могли удержаться от смеха. Кастанда, подошедший к И. опросить, какой диетический стол он мне назначит, смеялся до слез. Наталья Владимировна выждала, пока ее соседи успокоились, и снова сказала своим четким, резковатым голосом, необыкновенно молодым для ее лет:

– Левушка, запомните хорошенько этот день и этот смех. Он мне будет большим оправданием, когда Али приедет сюда и спросит меня, что я сделала для человека, пожелавшего добровольно стать моим пажом. Общий смех моих друзей говорит о том, в какой тирании я держу моих юных приятелей. Но кончается дело всегда так, что юные приятели забирают меня в лапы, и я служу им объектом для их проказ либо забав.

Я мало понял, что скрывалось за общим смехом и в чем состояла соль слов Андреевой. И. весело смотрел на меня, заставляя меня есть салат из зелени, потом какую-то особенно вкусную кашу и, наконец, прекрасный кофе, по которому я соскучился за долгое время нашего путешествия, получая всюду какао или шоколад.

Рядом со мною сидел высокий, стройный, гладко выбритый молодой человек по имени мистер Черджистон. Он оказался по образованию математиком, но в данное время занимался историей. Он тоже был в Общине впервые и приехал сюда только несколько недель тому назад. Я почувствовал, что он еще не освоился здесь. Мистер Черджистон имел от кого-то письмо к И., о чем я тут же сказал моему другу.

– Да, я знаю, мистер Черджистон, Ваш друг писал мне еще в Константинополь, что направляет Вас сюда. Он просил меня быть Вам руководителем здесь, что я с большой радостью беру на себя. Ананда тоже говорил мне о Вас. Я привез Вам от него письмо и небольшую посылку, – ласково ответил он англичанину.

Никогда не забуду, что произошло с молодым человеком, когда он услышал, что Ананда прислал ему письмо и посылку. Выдержанный, строгий англичанин вздрогнул, покраснел, уронил вилку и салфетку и с глазами, полными слез, чуть слышно сказал: – Неужели Ананда сам написал мне письмо? – Да, мистер Черджистон, и не только сам написал, но и дал мне полные указания, как подготовить Вас к свиданию с ним. Когда он сюда приедет. Вы должны быть готовы его сопровождать в далекое и долгое путешествие. Ананда просил меня передать Вам, чтобы

Вы постарались побороть свою застенчивость, потому что Вам придется много жить среди больших суетных городов, среди людей, в постоянном общении с ними.

– Очевидно, мне не суждено жить так, как мне бы хотелось, – вздохнул мистер Черджистон. – Я мечтал о монашестве, а попаду в мир, да еще в суету. Но, чтобы следовать за Анандой, я рад идти каким угодно путем.

Завтрак кончился, мы поклонились нашим соседям и новым знакомым и, вместе с англичанином, поднялись в наши комнаты.

– Я очень прошу Вас, доктор И., и Вас, Левушка, зовите меня Альвер, – сказал Черджистон. – Так звали меня самые дорогие мне люди. И я бы очень хотел слышать от вас обоих это обращение.

– Прекрасно, Альвер, мы так и поступим, – передавая ему письмо и посылку, сказал И. – И, если это не нарушает Вашей программы дня, приходите через полчаса в парк, к дальнему пруду у столетних пальм. Я намерен провести Левушку к подножью гор, ближних, зеленых, и познакомить его немного с окрестностями, а кстати, чуть-чуть и с ботаникой.

– Как я счастлив, что Вы возьмете меня с собой! Я буду у пальм через полчаса.

Альвер вышел, унося с собой свое драгоценное письмо и небольшой ящик, довольно тяжелый.

– Альвер много-много выстрадал в своей жизни, – когда мы вооружились лопатами, огромными войлочными шляпами, ножом и сумкой и вышли в сад, сказал мне И. – Его жизнь до последних двух лет была сплошным ужасом в семье мачехи и ее детей, которых он содержал, работая без отдыха. Юноша уже готов был прийти в отчаяние, как его встретил один из учеников Ананды. Он привел его к Ананде, когда тот был проездом в Дувре, и с тех пор Альвер ожил, Ананда же помог ему и сюда добраться.

– Ах, И., как трудно мне здесь собрать внимание. Я хотел бы сразу хотя бы увидеть всех, кто здесь живет, а выходит, что, чуть взгляну на одного, – увязну в нем, забыв обо всех остальных. До сих пор я умел так сосредоточиваться, чтобы и человека – даже очень замечательного – видеть и не упускать из поля зрения всего окружающего. Здесь же моего внимания едва хватает на какое-либо одно лицо.

– Это не потому, Левушка, что ты стал рассеян. А только потому, что внимание твое сконцентрировалось; и сам ты стал более тонко и глубоко воспринимать эманации и вибрации встречаемых людей. Твой организм, его психические и физические стороны закалились по сравнению с

прежним, и ты глубже видишь человека. Если ты вспомнишь свои ощущения от встреч с самого выезда из К., ты заметишь, как, тебя постоянно разбивали токи, исходившие от людей. Даже от общения с такими высокими и светлыми силами, как Али, Флорентиец, Ананда, тебя постоянно приходилось подкреплять соками трав и растений в виде конфет, пилюль, капель. Теперь же ты забыл о существовании всех этих средств в такой бурной встрече, как встреча с Андреевой. А между тем, именно она могла бы подействовать разрушающе на твое спокойствие. И это еще может случиться в дальнейшем. Заметил ли ты, что американка, давно уже живущая подле нее, старается держаться в некотором отдалении от Натальи Владимировны. Подле Андреевой с самого ее детства все окружающие испытывали беспокойство, а предметы плясали, как только она к ним приближалась. Ее и сейчас не впускают в электролечебные кабинеты. Электрические приборы от одного ее приближения портятся, не выдерживая той колоссальной силищи электричества, которую излучает ее организм. В ней обнажены все ее психические силы. Она из тех внезапно обновленных людей, в ком Вечность сразу поглотила их животное начало и возвратила им все их прежние таланты и знания. Но сила божественного огня не течет в ней в гармонии с огнем земли. Он вырывается из нее языками, хотя всегда огонь Света его превосходит и подавляет. Но потому, что оба эти огня не переплетаются в ней в гармонию, она и сама подвержена раздражению, и других может заражать неустойчивостью. И все же ты остался перед нею в полном самообладании, хотя она увидела и прочла в твоей ауре все твои особенности.

К нам подошел Альвер, которого мы уже несколько минут поджидали, стоя среди совершенно сказочной красоты, в тени столетних пальм, окружавших пруд и отражавших в нем свои огромные кроны. По воде плавали белые и черные лебеди, а между пальмами стояли красноватыми кучками розовые фламинго и еще какие-то никогда мною не виданные птицы.

Вдали среди пышной зелени виднелось несколько домиков и расхаживали, важно распуская чудесные хвосты, белые павлины. Мимо нас проходили люди в белых коротких одеждах. Все они, очевидно, хорошо знали И., как и он их. Я поражался его памяти. Каждого он приветствовал по имени, каждому задавал вопросы совершенно разные. Но результат этих вопросов был всегда один и тот же: лица людей озарялись, на них, точно луч света, мелькали радость и бодрость.

Пока мы медленно проходили по тенистому парку, я мысленно вздыхал: какой колоссальный разрыв был между мною и И. в наших

знаниях, силах, талантах, наконец, в любви! Где мог брать И. такой неугасимый костер этой любви, чтобы не расточить и не опустошить сердца теми потоками внимания и теплоты, которыми он буквально обливал каждого, кто нам встречался.

– Ну, Левушка, в Общине нет места унылым мыслям. Сюда попадают только те, кто победил в себе все возможности отрицать и скорбеть, унывать и жаловаться. Брось всякого рода сомнения и приготовься к первому опыту пустыни. Как только мы выйдем из тени парка, зной набросится на нас со всех сторон.

И. надвинул мне глубоко на голову мою огромную войлочную шляпу и спустил сзади на плечи вуаль, коТОРОЙ я даже не заметил на шляпе. И действительно, лишь только мы шагнули за калитку сада, я почувствовал себя в огненной печи. Я оценил внимание Яссы, давшего мне высокие закрытые сандалии на толстенных подошвах. Песок, которого я случайно коснулся, был горяч как угли. Пот лил с меня градом, вся моя одежды была мокра, тут же высыхала, снова взмокала, от меня шел пар. Я так ошалел, что едва доплелся до подножья гор, с которых там и сям катились ручьи и били ключи, орошая прекрасную растительность, траву и цветы. И. указал мне несколько кустов дикой ежевики, громадной, спелой, под тяжестью которой свисали вниз ветви. Я набросился на нее и говорил, что в жизни ничего вкуснее не едал.

– Ну, а дыня? Разве ты не мудрец? – смеялся И. Внезапно я вскрикнул, чуть не наступив на выползшую из-под моих ног змею.

– Это не змея, – сказал Альвер, преспокойно беря в руки отвратительно шипевшего гада. – Это уж, Левушка, он безобидный. Вот на днях я действительно был потрясен странствующим укротителем змей, которого Кастанда велел накормить обедом, и он, в благодарность, показал нам целый спектакль со своими кобрами и с большой гремучей змеей. Змеи повиновались его заунывной игре на дудочке, сначала изображали нечто вроде танца, вытягиваясь вверх и качаясь на своих хвостах, что лично мне было отвратительно. Потом они стали все сразу набрасываться на своего хозяина. Многие из нас перепугались, думая, что хозяин будет задушен своими змеями. Но он преблагодушно продолжал играть, а змеи повисли на его шее, руках, ногах и бедрах, как шевелящиеся ожерелья. Я смотрел как зачарованный и не мог постичь, в чем тут была власть человека над этими чудовищами, укус одного из которых нес неизбежную смерть через несколько минут. Наконец хозяин отправил змей в корзины и мешки, оставил только одну змею и предложил кому-либо из желающих взять ее в руки. Он уверял, что того, кто бояться не будет, змея не укусит. Ольденкотт

уже протянул было руку, чтобы взять змею. Но Андреева резко схватила его за руку и не менее резко ухватила змею и бросила ее хозяину. Все это произошло так молниеносно, что никто и опомниться не успел. «Разве Али прислал Вас сюда, чтобы Вы учились шарлатанству?» – закричала Андреева таким громким и властным голосом, из глаз ее так и брызнули искры, что многие из нас даже попятнулись. Змея, отброшенная так непочтительно, стала бешеной. Да и все остальные змеи начали грозно шевелиться в своих мешках, к счастью, уже завязанных. Хозяин же закричал что-то Кастанде на непонятном мне языке, по всей вероятности, мало почтительное. Кастанда передал Андреевой, что хозяин упрекает ее в том, что она разбудила злого духа в змее и что теперь, если она сама же его не укротит, змея непременно кого-либо укусит. Но вину он на себя не берет, потому что над злым духом он не властен. Андреева вдруг сказала ему на его же языке несколько слов, которые нам перевел Кастанда: «Бери сейчас же свою змею и убирайся сам немедленно отсюда. Если промедлишь пять минут, я посажу тебе на голову рога от того оленя, что бежит сюда». Не описать никакими словами, что случилось с гордым и заносчивым хозяином змеи. В один миг он сгреб бесившуюся змею, сунул ее себе за пазуху, схватил мешки и корзины и стал улепетывать не хуже оленя. Он бормотал какие-то заклятия и с ужасом смотрел на Андрееву.

– Я бы очень просил Вас, Альвер, бросить этого несносного ужа, – жалобно сказал я. – Я не Андреева, не могу властно кричать, но Ваш уж мне так надоел, что я, чего доброго, побегу вроде хозяина змей.

Я насмешил своих спутников, но зато легко вздохнул, когда англичанин выпустил ужа в траву. Подойдя к И., я спросил его, почему он мне не сказал, что в горах много змей.

– Потому, Левушка, что здесь увидишь не только змей, но и тигров и львов, которых тоже научишься не бояться. А пока давайте-ка, друзья, срежем эту траву и вот эти цветы да соберем листья с тех дальних кустарников. Сегодня последний день, когда их можно собирать для лекарственных целей.

И. показал нам, как осторожно надо срезать траву, не задевая земли, как, наоборот, надо брать цветы с корнями и землей и как аккуратно срезать только молодые листья с кустарников.

Казалось, работа была легкая. Но раньше, чем моя и Альвера сумки были наполнены, мы истомились до отказа. Если бы не боязнь змей, я бы давно уже улегся на траве. Сумка же И. была полна, с трудом закрывалась, и сам он был свеж и прекрасен. Он поглядывал на нас, по обыкновению поблескивая смеющимися глазами. Мне очень хотелось спросить его, что

он думает об Андреевой, но он мурлыкал песенку, говорил, что пора мне учиться играть и петь, а то я останусь навеки музыкальным невеждой, и, не дав нам отдохнуть, заявил, что пора двигаться домой, не то опоздаем к обеду. Никакие мои мольбы об отдыхе не помогли. И., смеясь над моим страхом обратного перехода по зною, намочил мою шляпу в ручье, снова напялил мне ее на голову и забавлялся моим жалобным видом.

– Да ведь это напоминает дервишскую шапку. А ну как я опять заболēju?

И. еще веселее засмеялся, схватил меня за руку и пустился бегом вниз. Только теперь я понял, почему я так устал, карабкаясь за травами вверх по горе. Трава была скользкая. Но всю ее скользкость я понял сейчас, когда бежал за И. вниз. Я, собственно, не бежал, бежал он, а я скользил, как на лыжах, уцепившись за его руку и плечо. Спуск продолжался, вероятно, несколько минут, но они показались мне часом Дантова ада. Я так и думал, что споткнусь о какую-либо кочку и буду лежать со сломанной ногой или рукой. Когда мы преблагополучно остановились внизу, у И., щеки которого покрылись румянцем, глаза блестели не хуже солнца, был такой счастливый, радостный вид, что я не смог вымолвить ни одного слова упрека, хотя собирался выпалить их сразу сто и заявить ему, что я так больше не играю, что летать с гор не желаю. И. оглянулся назад, куда посмотрел и я. Посреди горы, беспомощно держась за ствол дерева, стоял Альвер. Большой, широкоплечий, он, очевидно, застыл от изумления, наблюдая наш полет валькирий. Вся его фигура, с широко открытым ртом была так уморительна, что я подскочил на месте и хохотал, забыв все на свете.

И., как кошка, в одно мгновение очутился возле Альвера. Взвалив его на плечо, он побежал с ним вниз, как будто бы нес птицу. От смеха я перешел к молчаливому изумлению, потом снова к смеху, пока И. не сказал, что велит Альверу принести ужа, чтобы привести меня в равновесие.

Альвер сам был так ошарашен, что не мог прийти в себя, поэтому я не боялся его змей. Я уцепился за И. и почти половину дороги давился от смеха. Должно быть, воспоминания о картинах произошедшего на горе, их юмористичности и об еще одном, неведомом мне доселе качестве И., вызвавшем во мне восторг, – его ловкости захватили меня, и я совсем забыл, что идти надо так далеко, что нас палит зной и засыпает пыль, поднятая проходившим караваном живописных верблюдов. Когда мы вошли в тень парка, И. повел нас совсем другой дорогой. Альвер, удивленно оглядываясь, сказал:

– Как странно, доктор И., я здесь уже вторую неделю, а совсем не

видел ни этой части парка, ни тех прелестных домиков вдали. Они точно игрушечные, белые, блестящие. Что это за селение?

– Этой части парка Вы не видели потому, что с большим парком она соединяется узкой тропой, через ущелье. Вы, вероятно, подходили к ущелью и думали, что тут конец всей Общине. Но тут-то, собственно, и начинается деятельность Общины. Ряд домов, о которых Вы спрашивали, это первая детская колония. И таких колоний у Общины десятки. Они расположены вокруг парка и по течению реки. Дальше высится школа, а на самом краю селения, направо, больница. Налево – приют для глухонемых и их школа. Через некоторое время, когда вы оба с Левушкой попривыкнете к климату и езде верхом на верблюдах, – я возьму вас с собой в путешествие недели на три-четыре, а может быть, и больше. Мы объедем всю Общину. Вы познакомитесь с трудом тех, кто не только проводит здесь ряд лет, но живет постоянно.

Двинувшись дальше, мы очень скоро пришли к горной расселине, и мне показалось, что хода дальше никуда нет. Но И. обогнул огромный камень, и я увидел за ним прелестную тропинку, точно ложе высохшего ручья. Идя вдоль по ней, мы вышли к противоположной стороне расселины, представлявшей из себя сплошную стену. Вдруг И. нагнулся, шагнул в грот, видневшийся с левой стороны, И ЧЕРЕЗ минуту мы стояли, у тех же столетних пальм, откуда начали наше путешествие, только совершенно с другой стороны озера. Я оглянулся назад и не мог решить, из какого же отверстия горы мы вышли. Целый ряд пещер, одинаково завитых лианами, розами и еще какими-то вьющимися растениями, был за нами. Но раздумывать было некогда, так как, сойдя к пруду раньше нас, И. отвязал маленькую лодку, и мы переплыли пруд, причем ни лебеди, ни фламинго и не думали бояться нас.

Мы очень точно вернулись к обеду, успев взять душ и переодеться. Когда мы сели на свои места в обеденной столовой, которую я видел в первый раз, я заметил, что здесь все столы были круглые и соседи наши по столам были все те же. За соседним столом я встретил пристальный взгляд Андреевой. Сцена со змеей мне так ясно нарисовалась, особенно когда Ольденкотт серьезно расставлял кресло своей соседке и заботливо собирал ее вещи, всюду ею оброненные, и складывал их на специально для вещей приспособленные в стороне полки. Я заметил, что спицы больше не торчали из ее зонтика, и с умилением подумал, что это он сам их ей пришил, как заботливая нянька.

Я забыл сказать, что креслица во всех столовых были одного типа – пальмовые или бамбуковые стволы были затянуты буйволиной кожей,

легко складывались и раскладывались, были устойчивы и удобны. Они были довольно низки, как и столы. Все столы были покрыты белыми чистыми скатертями, всюду стояли в вазах цветы. Вазы были из керамики местного производства, все разные, и показались мне художественными. На каждом столе стояло по несколько кувшинов с молоком, и кувшины не отставали в красоте от ваз.

Обед проходил спокойно, никакой суеты не чувствовалось, несмотря на огромное количество обедавших людей. Ни за одним табльдотом я не видел такого количества людей, и всюду была суетня. Здесь же у каждого стола были свои подавальщики, а за столом все обслуживали сами себя.

Еще раз меня поразила особая атмосфера этой толпы людей. Манеры были далеко не у всех элегантны, как у польского рабочего Синецкого. Внешний вид людей был самый разнообразный. Но по скольким бы лицам ни пробежал мой взгляд, все они были значительны, на всех лежала печать духовности и от каждого из них веяло добротой и миром. Только несколько лиц, среди которых было и лицо прекрасной американки, леди Бердран, были печальны, даже более того, как-то скорбно прекрасны, что подчеркивалось радостностью остальных.

Не успел я отчетливо задать самому себе вопрос, почему эти несколько лиц носят такое особенно глубокое и вдохновенное выражение скорби, как услышал неподражаемый голос и своеобразный акцент Андреевой, говорившей мне:

– Советую Вам, достопочтенный и любознательнейший граф, не забегать вперед. Завтра, если Вам угодно, я отвечу Вам на Ваше «почему» очень точно. А сегодня сосредоточьте Ваше внимание на радостях. Если Вам угодно, можете присоединиться к нашей экскурсии за дынями после обеда.

Тут я переполошился. Я уже привык, что на мои немые вопросы я получал мгновенно ответы И. или Флорентийца, Ананды или сэра Уоми. Но чтобы под мою черепную коробку заглядывала еще и эта женщина со своими электрическими колесами, я совершенно не желал. Я посмотрел на сидевшего со мной рядом И., но он, казалось, не слышал и не замечал моего к нему обращения.

– Мы с Вами еще не были представлены друг другу, – улыбаясь, сказал мне Ольденкотт. – Моя приятельница, Наталья Владимировна, говорила мне о Ваших талантах. Вы не обращайтесь внимания на ее шутки. Она ни в какие рамки общечеловеческих пониманий не уместается и иногда озадачивает людей. Но на самом деле она предобрая, если не относиться к ней как к обычной женщине, а признать в ней сразу нечто волшебное, то

подле нее чувствуешь себя в полном спокойствии и безопасности. Правда, она не очень любит змей, но уж с этим надо примириться, – прибавил он, притворно вздыхая и бросая лукавый взгляд на свою соседку.

Общий веселый смех, а также просьбы нескольких соседей взять их с собой на дынное поле избавили меня от ответа. Я посмотрел на Альвера, который тоже смеялся и шепнул мне:

– Соглашайтесь идти собирать дыни. Это недалеко. Идти парком, поле почти рядом. Дыни превосходные, аромат замечательный. А главный интерес в том, как она их выбирает. Она сама будет сидеть в тени, почти не смотря на поле, и назначать, какие дыни снимать. Сам старший садовник и огородники поражаются, как она это делает, точно насквозь каждую дыню видит.

Я подумал, что моя новая знакомая этак, пожалуй, и сквозь землю видеть может. Вдруг И. повернулся ко мне и совершенно серьезно меня спросил:

– А ты, Левушка, думаешь, что сквозь землю видеть нельзя?

Я оторопел и даже не знал, как мне принять и понять его вопрос. Тут все стали вставать с мест и убирать к стенкам свои кресла. Я уцепился за И., мне не хотелось никуда идти, а надо было побыть в тишине с моим дорогим другом или хотя бы одному, чтобы привести в порядок свои разбегавшиеся мысли.

– Я думаю, Левушка, мы с тобой не дойдем за дынями, а я покажу тебе любимую комнату Али. Когда Али приезжает сюда, он всегда там живет. Туда вход никому не разрешен без него. Но Кастанда получил приказание Али дать тебе возможность проводить в его комнате времени столько и тогда, сколько и когда ты захочешь. Вот идет нам навстречу и Кастанда, очевидно он несет тебе ключ.

– Я получил приказ, Левушка, от моего любимого Учителя и господина этого дома вручить Вам, на второй день Вашего приезда, ключ от его комнаты. Вы можете там проводить столько времени, сколько Вам угодно. За все время моей жизни здесь – скоро этому будет двадцать лет – только второе лицо получает право свободного входа в эту комнату в первый свой приезд в Общину. Первым был Али-молодой – вторым являетесь Вы. Очевидно, у Учителя есть веские основания для оказания Вам такой великой чести. Примите мои поздравления и мое почтение и считайте меня в числе Ваших усердных и радостных слуг. Я рад служить Вам так, как я служил бы ему самому.

Кастанда низко поклонился, я же, совершенно сконфуженный и тронутый, воскликнул:

– Али не мне оказывает честь, а делает это из великого снисхождения ко мне и любви к моему брату. Я же ничем еще не мог заслужить такой исключительной доброты Али к себе. Если сейчас мне оказывается это чудесное, исключительное внимание, то, очевидно, мой великий друг Флорентиец просил об этом Али. Мне было бы очень горестно, если бы Вы подумали, что я достоин сам по себе этой чести. Я здесь только скромный слуга моего брата, самого Али и моего наставника И. Возьмите ключ, И., я буду пользоваться комнатой только с Вашего разрешения.

Я подал ключ И., но он его не взял, а, наоборот, обнял меня и сказал:

– Дерзай, Левушка, учись нести бремя счастья и несчастья одинаково легко.

Мы подошли не к большому дому, а к маленькому двухэтажному коттеджу с башенкой и балконом, стоявшему среди могучих пальм, как на отдельном островке, куда надо было проходить по мостику над речкой, опоясывавшей весь островок кольцом. Самое место было очаровательно, уединенно, поэтично. Белый домик был сложен из какого-то особого камня, гладкого, блестящего и похожего на белый коралл. Кругом царила тишина и чистота, скакали белочки на высоких кедрах, чирикали птички. Белый павлин бежал нам навстречу, точно хотел нас приветствовать.

У подъезда дома нас встретил старый беззубый слуга в азиатском платье и чалме. Увидав в моей руке ключ, он распахнул, кланяясь, двери подъезда. Мы вошли в сени и поднялись по такой же, как наружные стены дома, лестнице на верхнюю площадку и очутились у двери, которую И. велел мне открыть ключом.

Слов, чтобы описать мои чувства, когда я открывал дверь, мне не найти. Я точно стоял у заветной черты и видел жгучие, живые глаза Али. Я как бы слышал его голос, говоривший мне:

– Есть жемчужины черные – то ученики, идущие путем печалей и несущие их всем встречным. То не твой путь. Есть ученики, несущие всем розовые жемчужины радости, – и этот путь тебе определен. Иди, мой сын, привет тебе, будь верен и чист.

Я думал, что вновь брежу, но прислушался четче и явственно различил властный, с характерным тембром голос Али-старшего:

– Если встретишь скорбный лик ученика, идущего путем печалей, возлюби его вдвое и подай всю силу своей бодрости и энергии ему в помощь. Ибо путь его самый тяжкий из всех подвигов Любви на земле.

Сколько слов пришлось мне сейчас сказать, чтобы передать все тогда понятое и услышанное. А на самом деле все это промчалось как молниеносный вихрь сквозь меня, сотрясая мой организм, уничтожая

всякое расстояние между мною и Али, сливая меня с его мыслью каким-то чудесным и непонятным мне тогда образом.

Наконец тяжелая дверь распахнулась, и мы вошли в комнату. Сразу же против входной двери была широко открыта дверь на балкон и по обе ее стороны были настежь открыты окна. Все это разделялось такими узкими простенками, что возникало впечатление, будто смотрю сразу на весь мир. Широчайший горизонт на долину, горы, раскованные селения, мечети, стада, сады, куда только хватало глаз – всюду была жизнь, всюду взор попадал на какую-либо красоту, от которой невозможно было оторваться. Долго стояли мы с И. молча на балконе.

– Посмотри на комнату, Левушка, и я переведу тебе надписи, которые ты увидишь на стенах.

Мы вошли в комнату. Несмотря на жаркий день, в ней не было душно, так как восточное солнце уже ушло, а от западного и южного она была защищена лестницей и башенкой. Гладкие белые стены внутри, такой же пол, – ну точь-в-точь коралловый домик! То, что я принял за бордюр, оказалось надписями, сложенными из кусочков того же камня, что и пол, и весь дом.

– Запомни, Левушка, первую, главную надпись над балконной дверью и окнами. Здесь написано:

«Сила человека – Любовь. И она мчит его из века в век. СилаЛюбовь рождает человека и рождается в нем тогда, когда гармония его созрела. Любовь – Гармония, и путей человеческих к ней семь»

– Пока знай только эту надпись. Ты дал слово себе изучить языки Востока. Кроме них, ты должен знать этот язык пали, на котором сделаны здесь надписи. Этот язык открывает дверь к знанию тем, кто в нее стучится.

Я с благоговением смотрел на загадочные знаки надписей и думал: найду ли ключ к двери знания?

По стенам комнаты стояли низкие белые диваны. У широкого окна, как и у камина, стояло по креслу. Кресло у камина поразило меня своей формой. Оно было прекрасно как художественная форма, без сомнения, очень и очень древнего происхождения, из грубых стволов какого-то темного, почти черного дерева. Оно одно только и выделялось темным пятном в этой девственно белой комнате. Обито оно было шкурами, должно быть, тоже очень старинными. Шерсть почти вылезла, оставив одну кожу толщины мною невиданной.

У окна с левой стороны стоял письменный стол белого дерева, закрытый прекрасной крышкой, очевидно, раздвигавшейся в стороны и

похожей на большущие пальмовые листья. Я чувствовал себя здесь не совсем свободно. Меня сковывало благоговение, точно я стоял в храме. Я ни за что не согласился бы сесть на что-либо в этой комнате, так недосягаемо высоким казался мне сейчас ее хозяин. Я даже говорить не решался, только потянул И. за рукав и показал глазами на дверь, молча приглашая его выйти отсюда.

Он улыбнулся, оглядел еще раз всю комнату, как бы посылая привет всем непонятным мне надписям на стенах, и мы вышли, закрыли дверь молча и так же молча прошли через весь островок и парк к себе домой.

Белый павлин и восточный слуга провожали нас до мостика, и павлин на прощанье распустил свой дивный хвост, сверкая его золотом и лазурью, и наклонил голову с хохолком, точно говоря: «До свиданья». Когда мы вошли в наши комнаты, И. сказал мне:

– Приляг и отдохни до чая. Здесь тебе пока нельзя переутомляться. Надо постепенно закалиться для этого жаркого климата.

Я не возразил ни слова, хотя совсем не хотел ни лежать, ни спать. Сначала жара подавляла меня, но затем я заснул и проснулся только от зова Яссы, будившего меня к чаю. Я догнал И. уже внизу лестницы в обществе двух мужчин, которых я еще не видал. Один был светлый блондин, типичный швед, каковым и оказался. Звали его Освальд Растен. Он на вид казался юношей, и я удивился, когда узнал, что он уже второй раз в Общине. Второй собеседник был брюнет, француз Жером Манюле. Насколько речь первого, его манеры, походка были размеренно спокойны, настолько второй был подвижен как ртуть. Походка, движения, речь – все выказывало в нем огромный темперамент, но суетливости в нем не было никакой: все дышало доброжелательством, веселостью и легкостью. Глаза его были темными и не особенно большими, но красиво разрезанные, сверкали умом, часто пристально и внимательно вглядывались. Он мне показался писателем, что после и подтвердилось.

Швед был из купеческой семьи, вопреки желаниям родни выбрал научную карьеру и имел уже кафедру по истории в одном из немецких университетов. Когда И. познакомил меня с ними, оба одновременно воскликнули: – Как? Капитан Т.? – Нет, ответил я. – Я его брат.

– Вы вскоре прочтете рассказ Левушки и будете рады принять в число своих друзей еще одного юного писателя и будущего ученого, – улыбаясь сказал им И.

Каждый из новых знакомых назвал меня «коллегой», и по дороге в чайную столовую оба мои знакомые представили меня еще двум молодым и одной пожилой даме. Но не молодые и красивые дамы поразили меня, но

седая старая дама. Первой мыслью, когда я ее увидел, была: «А говорят, что старуха не может быть красивой, женственной и обаятельной».

На высокой, чуть полной фигуре красовалась – именно красовалась, я не подберу другого слова, – прекрасная седая голова. Загар не портил правильного лица, большие черные глаза и черные же брови подчеркивали седину. Морщин не было, лицо было моложаво. Но в глазах и улыбке было так много скорби, что у меня встали перед глазами слова Али, когда я шел в его комнату: «Если встретишь скорбный лик ученика, идущего путем печалей, возлюби его вдвое и подай всю силу своей бодрости и энергии ему в помощь. Ибо путь его самый тяжкий из всех подвигов Любви на земле».

Я низко поклонился старой даме и горячо поцеловал протянутую ею мне руку. И эта рука, как рука Андреевой, была тонкая и дружеская. Но форма ее была почти совершенна. Пальцы говорили, что она художница. И здесь моя догадка оказалась верной. И. назвал се Беатой Скальради и сказал, что синьора Беата художница, итальянка, взяла уже не один приз почти на всех выставках мира. Ее картины висят во многих картинных галереях столиц. Пока меня представляли еще нескольким дамам, имена которых не удержались в моей памяти, так я был поглощен впечатлением от художницы, из боковой аллеи к нам подходил худой человек с не очень молодым, изможденным лицом аскета. Он, очевидно, спешил к И.

Швед Освальд Растен шепнул мне, что это крупнейший пианист и композитор мира, русский, Сергей Аннинов. Пока обе знаменитости шли по бокам И., возглавляя нашу группу, Жером Манюле шепнул мне:

– Сергей Аннинов живет не в Общине, а в одном из маленьких домиков в парке. Али предоставляет ему не первый раз отдых здесь. Он очень нервен, приходит сюда очень редко. Но когда он играет по вечерам, он разрешает всем желающим не только слушать его, но и заказывать ему любые пьесы. И как же он играет! Лучше ничего представить себе нельзя.

И синьора Скальради и Аннинов сели за наш стол. Я не принимал никакого участия в общем разговоре. Сидя поодаль, я вглядывался в лица новых знакомых. Художница нравилась мне все больше и больше. Ее итальянская певучая и медлительная речь напомнила мне, как однажды Флорентиец представил мне, как говорят его соотечественники. Эта речь не была похожа на быстротечную скороговорку синьор Гальдони, которых я едва понимал. У синьоры Беаты я разбирал каждое слово, что еще больше располагало меня к ней. Но Аннинов оставался для меня загадкой. Его аскетическое лицо, изрезанное морщинами, живые глаза, резкие движения, какой-то протест в лице, точно возмущение против чего-то, что его давило, – все казалось мне таким далеким от гармонии, что снова я вспомнил Али,

но теперь уже слова надписи на стене загорелись в моей памяти: «Сила-Любовь рождает человека и рождается в нем тогда, когда гармония его созрела».

Я рассуждал сам с собой, что если он дивный, известный всему миру музыкант, то он должен творить в гармонии. Иначе ни его произведения, ни его исполнение не покорили бы мира. А разве это лицо может быть хотя бы спокойным?

Аннинов внезапно умолк, взгляд его улетел куда-то в пространство, морщины на лице разошлись. Мудрость разлилась по его лицу, он как бы вслушивался во что-то недоступное другим. Глаза его ярко загорелись, на бледных щеках заиграл румянец. Он вдруг стал совершенно неузнаваем и прекрасен.

– Простите, дорогой, до завтра. Я слышу, меня зовет моя муза. Вы вдохновили меня, я бегу писать. Приходите завтра вечером и приводите своих друзей. Я сыграю Вам то, что сейчас шепнула мне моя муза Гармония.

И Аннинов, проговорив торопливо эти слова и оставив чашку недопитого чая, быстро вышел из столовой.

Я сидел в самом глубоком состоянии «ловиворонства» и не мог оторвать глаз от двери, в которой исчез музыкант.

– Ну что же, шило-граф, – раздалось подле меня, и чья-то пудовая, как мне показалось, рука легла мне на плечо. – Я ведь говорила Вам, что не надо упреждать событий. Гораздо лучше было бы собирать дыни, чем резать шилами тончайшую материю. Вот Вам дыня – первый сорт. И каждый кусок ее прибавляет пуд мудрости.

Андреева продолжала держать руку на моем плече, я изнемогал под ее тяжестью, даже пот покатился у меня со лба. Еще бы минуту – и я, несомненно, упал бы в обморок. Я уже начинал чувствовать тошноту и головокружение. Но И. очутился подле меня, его нежная рука уже обнимала меня, он подносил к моим губам чашку.

– Левушка еще не совсем окреп после тяжелой болезни, Наталья Владимировна. Он не может еще и не должен принимать ударов Вашей силы. Вы же не всегда умеете защитить человека от тяжести Ваших вибраций. Сегодня уже второй случай Вашей неосторожности. Леди Бердран пришлось лечь в постель.

Голос И. был тих и мягок. Но мне чудилось, что Андрееву он бил тяжелее, чем давила меня ее рука минуту назад. Мне было так жалко ее, что я ухватился за руку И. и сказал ей:

– Мне теперь совсем хорошо, Наталья Владимировна. Виновата вовсе

не Ваша рука, а дервишская шапка, которую Али однажды напялил мне на голову. Я тогда заболел и с тех пор не могу еще поправиться. Простите меня, пожалуйста, за причиненное Вам беспокойство. Я буду рад поумнеть от Вашей дыни.

– Дитя мое, прости, дружок, – тихо и ласково сказала Андреева, и я чуть снова не впал в «ловиворонство». Я и представить себе не мог, чтобы властный, резковатый, с повелительными интонациями голос этой женщины мог быть таким ласковым, мелодичным и непередаваемо добрым.

Все же довольно долго я не мог еще встать на ноги, и добраться до дому с помощью И. было задачей нелегкой.

Ясса продержал меня в ванне довольно долго, растер и уложил в постель. Я выпил капель, данных И., и был огорчен, что первый день моей жизни в Общине закончился для меня довольно печально.

ГЛАВА 2 Второй день в Общине. Мы навещаем карлика. Подарки араба. Франциск

Заснув с вечера с большим трудом, я проспал всю ночь так крепко, что даже ни разу не просыпался, пока Ясса не разбудил меня, сказав, что И. уже поджидает меня идти купаться.

Едва открыв глаза, сразу же впившись в чудесный пейзаж, я с трудом сообразил, где нахожусь. От длительного путешествия, превратившегося в привычную манеру жить, я научился считать, что каждый день – это только своего рода поход. А в эту минуту я сразу осознал, что приехал сюда надолго, что я наконец дома. Быстро надев свой более чем несложный туалет, я ясно отдал себе отчет, что не могу и не должен терять ни минуты попусту, в бездействии. Что за весь вчерашний день, если не считать нескольких маленьких знаний по ботанике, я ничего не приобрел и ровно ничего не выполнил из своих обетов по изучению восточных языков.

Что же касается надписи в комнате Али, которую я отчетливо видел перед собой, – стоило мне только сосредоточиться на ней мыслью, как всего меня наполняло чувство радости, что язык пали станет мне ключом к тому откровению, что написал Али на стенах своей комнаты. Весь под впечатлением желания скорей, скорей учиться, я ворвался бурей к И., который что-то писал, сидя за столом, и выпалил сразу:

– И., дорогой, я уже весь вчерашний день потерял зря. Дайте мне скорее книги, чтобы я мог учить необходимые мне языки. Прежде всего, конечно, пали, а потом и остальные. Брат Николай говорил мне, что я способен к языкам. Я тогда, правда, не болел так много, но, может быть,

мои способности не заглохли. Дайте только скорее книгу.

И. спокойно положил перо на стол, посмотрел, улыбаясь, на мои волосы, которые я забыл причесать, на небрежно подвязанные сандалии и ответил:

– Очень похвально твое прилежание, Левушка. Но кто же тебя освободил от самых элементарных обязанностей быта, в условностях которого ты живешь сейчас на земле? Твоя голова растрепана, на тесемки туфель ты наступаешь, и почему встречающиеся тебе люди должны страдать в своих эстетических чувствах, натываясь среди такой дивной красоты природы на неряшливо одетое, непричесанное существо. В твоей комнате стоит большое зеркало не для того, чтобы ты проходил мимо него, а для того, чтобы ты выходил из своей комнаты на люди, приведя в полный порядок свою внешность. Это первая из условностей, от которой тебя никто не освобождал. Не о себе ты должен думать, оправляя перед зеркалом складки своего платья, но о людях, для которых твоя внешность может быть предметом раздражения, если неряшливость бьет в глаза или ты смешон в своей одежде. Запомни, друг, что в нищету впадают чаще всего неряшливые. И даже высокоразвитым духовно их неряшливость мешает продвигаться вперед в духовном пути. Всякая неприбранная комната отвратительна высоко развитому и чистому человеку. Вторая УСЛОВНОСТЬ: «Здравствуй», которое говорят люди друг другу, – кто же освободил тебя от этой общепринятой вежливости в Общине? Здесь ты еще глубже должен понять это слово, как привет любви, как поклон огню и Свету в человеке. Это не только простая условность внешней вежливости для тебя, но остов твоего собственного добжелательства, которым ты обливаешь всего человека в момент встречи с ним. Начинай, мой дорогой друг, через все привычные людям щели их условного общения друг с другом вносить свое высокое благородство. Становись звеном духовного канала, общаясь в тех формах, которые не отталкивают людей и не затрудняют восприятие твоего образа, а привлекают их.

Мне было очень совестно за мое легкомыслие. Я взглянул на себя в зеркало и совсем переконфузился. Мои отросшие кудри торчали во все стороны и делали меня похожим в моей длинной белой одежде, надетой и подпоясанной кое-как, на юродивого. Что же касается И., к которому я ворвался, как буря, не постучавшись и даже не извинившись, что я помешал ему заниматься, – то только сейчас я понял, как эгоистические мысли о себе одном закрыли все, что меня окружало. Мне что-то понадобилось, Я сорвался в погоню за ним, а что делалось вокруг – до того и дела мало. Я готов был уже броситься вон из комнаты, совершенно

расстроенный, как ласковая рука И. меня обняла.

– Не спеши сейчас огорчаться, Левушка, как минуту назад спешил за книгой, забыв все на свете. Чтобы победить и добиться чего-то, надо видеть каждую минуту все вокруг себя, а не выключаться из окружающих условий, видя только один узкий сектор своих действий и рассматривая мир только с высоты своей колокольни, своего личного «Я». Все идут разными путями, но ступени духовного развития у всех одни и те же. Здесь с первых дней обрати свое внимание на неизменную вежливость. Ты и здесь встретишь немало людей, которые покажутся тебе и грубоватыми и чудаковатыми. Но на это не устремляй внимания, а помни, что твой путь сейчас – путь такта и обаяния. И чтобы его достичь, тебе надо развить вежливость и спокойствие, сделать их своей неизменной привычкой. Иди, мой дорогой, наведи красоту и приходи через десять минут. Я кончу письмо, и мы пойдем купаться.

Я убежал к себе, но теперь я уже так не доверял своим эстетическим способностям, что вызвал Яссу и просил его оглядеть меня с головы до ног.

– Ясса, миленький, я очень неуравновешенный человек. Не выпускайте меня из комнаты, пока не осмотрите меня хорошенько. Я никак не постигну, как завязываются эти сандалии, – молил я моего доброго слугу.

Ясса подал мне другие, закрытые сандалии, говоря, что в них не проникает пыль, да и застегнуть в них надо только две пуговицы. Он обещал мне упростить завязки в другой обуви, мигом подпоясал меня красивым шнуром и уверил, что теперь я причесан и одет как самый настоящий кавалер. Я вздохнул, мысленно пожаловался кому-то, что вчера плохо закончил, а сегодня так же плохо начал мой день, – и постучал в дверь к И.

Через минуту мы шли к озеру, накинув на головы мохнатые простыни. Хотя я уже вчера шел по этой дороге, пальмы, магнолии, лимоны и апельсины, бамбуки и гигантские тополя, кедры и платаны – все было уже мне знакомо, но тем не менее я никак не мог взять в толк, что передо мной сама живая жизнь, а не могучая декорация. Наше купанье совершилось без всяких помех и встреч.

– Не хочешь ли, Левушка, пройти со мной к нескольким больным, которых Кастанда просил меня навестить? Это недалеко, сейчас еще рано, мы успеем вовремя вернуться к завтраку.

Я, разумеется, был очень рад и счастлив быть с И. всюду, где ему угодно, и, кроме того, стремился узнать новые места. Мы перешли через мост речку повыше озера и углубились по дорожке не в парк, а в самый

настоящий лес. Но как этот лес был непохож ни на что, что до сих пор я привык называть этим словом. Стволы высоченных, толстенных деревьев, где ветви равнялись хорошей русской сосне или многолетней ели по своему объему, несли здесь такие тенистые кроны, что на дорожке, по которой мы шли, было совсем темно. Местами лианы совсем сплетались такими плотными цветущими гирляндами, что образовывали непроницаемые завесы. Здесь было прохладно, как в гроте, даже сыровато. Я уже хотел сказать, что, вероятно, такие леса полны тигров и шакалов, как дорожка перед нами сразу просветлела, расширилась и превратилась в большую круглую поляну. На ней стояло несколько белых домиков, похожих на украинские мазанки, как мне показалось сначала. Но, подойдя ближе, я увидел, что они сложены из шершавого камня, пористого, с блестящими кристаллами, очень мелкими. Когда на них падал луч солнца, они напоминали вату, обсыпанную бертолетовой солью, под детскими елками.

Навстречу нам вышла женщина лет сорока, крупная, довольно милостивая, в белой косынке, белом платье и таком же полотняном переднике, на котором был нашит широкий красный крест.

– Здравствуйте, сестра Александра. Кастанда просил меня проведать Вашего больного, которого Вам доставили вчера. Дали ли Вы ему лекарство, которое я Вам послал?

– Да, доктор И. Бедняжка успокоился и заснул после вторичного приема. Раны я ему слегка перевязала, как Вы приказали.

Сестра Александра провела нас в самый отдаленный домик. В чистой просторной комнате стояло несколько белоснежных детских кроваток, но занята была только одна, и возле нее сидела тоненькая девушка небольшого роста, в такой же точно одежде, как и сестра Александра.

– Это наша новенькая сестра, только что окончившая курсы сестер милосердия. – И сестра Александра представила нам очаровательное существо. – Сестра Алдаз – индуска, она умудрилась своими способностями покорить даже нашего милого старого ворчуна – директора курсов, не только всех преподавателей.

Алдаз посмотрела на нас своими темными глазами, большими, светящимися, и напомнила мне икону греческой царевны Евпраксии, которую я видел в одной из древних церквей и которой долго любовался.

Мы подошли к детской кроватке, на которой я ожидал увидеть ребенка, искусанного собакой, судя по предшествующему разговору.

Каково же было мое удивление, когда на кроватке я увидел спящим маленького, сморщенного... лилипута. Он был такой старенький и несчастный, что я, разумеется, словиворонил, да так и застыл. Я, должно

быть, представлял собой преуморительное зрелище, потому что Алдаз, случайно оглянувшись на меня, не смогла сдержать – смеха, и он зазвенел на всю комнату. Сестра Александра строго взглянула на Алдаз, но, увидав меня, и сама едва удержалась от смеха.

Смех Алдаз разбудил карлика. Он открыл свои маленькие глазки, и еще раз я превратился в соляной столб. Глаза карлика были красного цвета, точно два горящих уголька.

И., точно не видя ничего и никого, кроме своего больного, наклонился над карликом, боязливо на него смотревшим. И. сказал ему несколько очень для меня странно звучащих слов. Вот и еще один язык, который я не понимал и который, вероятно, тоже надо было выучить. Если здесь живет несколько родов карликов да еще несколько сект индусов, наречия которых все разные, то, пожалуй, мне не догнать И. даже в языках.

Занятый этой мыслью, я отвлекся вниманием от больного, а когда я снова посмотрел на него, то еле удержал крик ужаса. На маленьком обнаженном теле зияли три раны. Одна тянулась от бедра до самого колена, вторая – от горла до живота и третья – от ключицы до локтя. Тело на ранах было вырвано, точно чьи-то когти его терзали. И. дал несчастному пилюлю и капли. Обе сестры поддерживали тело маленького страдальца, а мне И. велел поддержать его головку, которая падала от слабости. Облив какой-то шипящей жидкостью развороченные раны, И. ловко наложил повязки. Очевидно, карлик не страдал от прикосновения его прелестных рук. Он немного окреп и улыбнулся своему доктору дружески. Когда его положили в другую кроватку, у окна, чтобы он мог любоваться видом поляны, он радостно поднял здоровую руку и, показывая ею на Алдаз, что-то сказал И. на смешном щелкающем наречии. На этот раз я не обеспокоился своею невежественностью, так как обе сестры, как и я, не поняли ни слова и с удивлением смотрели на И.

И. объяснил сестрам, что больной просит, чтобы веселый колокольчик, как он прозвал Алдаз, не уходила от него. И. приказал сейчас же напоить больного теплым молоком с бисквитами и обратился ко мне:

– Сможешь ли ты найти дорогу, чтобы принести после завтрака этому бедняжке лекарство? Или, если думаешь, что тебя съедят в лесу тигры, мне надо поискать ДРУГОЙ Способ доставки.

– Смогу найти дорогу и уже понял, что тигров здесь нет.

Я внутренне надулся: зачем И. смеется надо мной в ПРИСУТСТВИИ Очаровательной Алдаз? Но Алдаз была вся поглащена тем, как развеселить больного, щебетала ему что-то, чего он не понимал, но интонация ласкового женского сострадания доходила до его сердца.

– Очень хорошо, Левушка. Через два часа, сестра Александра, мой друг Левушка принесет Вам новое лекарство. Вы его смешаете с молоком и медом и будете давать через каждые полчаса по четверти маленького стакана. Кроме шоколада, бисквитов, киселя и молока – никакой пищи. К вечеру я снова зайду. Если будет обострение болезненности, дайте снова вчерашнее лекарство.

Мы подошли к карлику, он протянул нам свою крошечную, горевшую от жара ручку, потом преуморительно приставил крохотный пальчик ко лбу и сказал: «Макса». Он вопросительно уставился на меня своими красными хитрыми глазками. И. перевел мне его слово и жест. Он спрашивал, как зовут меня, и объяснил, что его зовут Макса. И. велел мне приставить так же палец ко лбу и сказать ему мое имя. Когда я в точности все исполнил и карлик узнал, что меня зовут Левушкой, он по-детски засмеялся, что-то залопотал и защелкал, что И. снова перевел мне как изъяснение его дружбы и удовольствия.

Хотя я был уверен, что найду дорогу, все же старался очень внимательно запоминать все повороты дорожки.

– Я задержался здесь дольше, чем предполагал. Я уже не успею навестить других до завтрака. Хочешь ли ты, Левушка, быстро позавтракать и сходить вместе со мной еще к двум больным? А затем ты бы мог снести лекарство Максе. Или предпочитаешь это время просидеть за книгами?

У И. был совершенно серьезный вид, и никакой искорки юмора не сверкало в его глазах.

– Дорогой мой, родной И.! Если только можно мне быть подле Вас, возьмите меня с собой. Я очень мало могу помогать Вам, но разрешите мне быть Вашим посыльным, Вашим носильщиком. Я хочу идти в своей жизни здесь так, как Вы видите и знаете. Если я так жажду учиться, то ведь только для того, чтобы скорее стать более достойным Вас.

– Ты движешься вперед, Левушка, очень быстро, быстрее, чем возможно для твоего организма. И только поэтому я тебя придерживаю. Хотя мы с тобой только что купались, но после этого больного надо и душ взять, и одежду сменить, раньше чем входить в общую столовую. Я тебе сегодня же расскажу, в чем здесь дело и кто такой Макса.

Пока И. брал душ, я стоял на балконе и издали видел, как женские фигуры, прикрытые длинными простынями, двигались под горячим солнцем к купальням. Жара мне показалась злее вчерашней, и я с удовольствием думал, как пойду тенистым, прекрасным лесом и увижу не менее прекрасную Алдаз. Наконец, приведя себя после душа особенно

тщательно в порядок и подвергшись осмотру Яссы, я решил спуститься вниз, где слышал голос И.

Когда мы вошли в утреннюю столовую, почти все уже садились на места. К нам подошел, торопясь, Кастанда, спросил о состоянии Максы и прибавил еще одну просьбу: посетить Аннинова. Его слуга приходил и сказал Кастанде, что ночью у его господина был сильный сердечный припадок.

За соседним столом я увидел снова Андрееву и Ольденкотта, место же леди Бердран было пусто. Рядом с пленившей меня художницей Скальради я увидел новое лицо. И лицо это немедленно завладело всем моим вниманием. Человек, сидевший возле художницы, не был красавцем. Но где бы он ни был, кто бы его ни окружал – всюду он был бы замечен. Сложен он был так пропорционально, что высокий его рост даже не казался таким высоким и, только когда взгляд падал на тех, кто его окружал, можно было отдать себе отчет, как он на самом деле высок.

Голова с проседью, черные брови, большие голубые глаза с длинными черными ресницами, красиво вырезанный рот и безукоризненные зубы, хорошо видные при часто мелькавшей улыбке. Во всех его движениях, в манере слушать собеседника, в красивых руках – во всем было изысканное благородство. Что-то особенно меня в нем поразило. Человек этот был прост, очевидно привык привлекать к себе внимание и нисколько этим не смущался, но я ясно видел, что он скромн, добр, умен и нисколько не горд:

Несколько раз он посмотрел на И. Я понял, что он знает, кто такой И., но с ним незнаком. Сидевший рядом мною Альвер шепнул мне, что это один из знаменитейших артистов, имя которого знает весь мир, – Станислав Бронский, чех.

Мне казалось, что Бронский, с такой любезностью и вежливостью разговаривавший со своими соседями, все чаще бросает взгляды на И., и к концу завтрака мне даже показалось, что на его подвижном и выразительном лице я подметил мелькавшее беспокойство. И я не ошибся. Когда мы окончили завтрак и уже выходили, за нами послышались ускоренные шаги Кастанды, который просил И. остановиться на минуту. Кастанда извинился, что так много беспокоит И. с самого вчерашнего вечера.

– Вы, конечно, не могли не заметить новое для Вас лицо, доктор И. Это артист Бронский, его прислал сюда Флорентиец. У него есть письмо к Вам, и он заранее был извещен, что Вы приедете на этих днях. Он пришел сюда из дальних домов Общины, вернее, примчался на мехари с одним арабом-проводником и со своим учеником, тоже артистом. Бронский

просил меня познакомить его с Вами. Я обещаю сделать это тотчас же после завтрака. Но вторичный посол от Аннинова меня задержал. У Аннинова второй припадок, леди Бердран все так же плоха. Андреева ухаживает за нею очень прилежно, но дело не движается. Вдобавок и ученик Бронского заболел, выкупавшись в нижнем озере после путешествия по жару. Я даже не знаю, о ком просить Вас раньше.

У Кастанды был утомленный вид. Я подумал, что он чем-то сильно обеспокоен и, вероятно, не спал ночь. Он с мольбой смотрел на И., очевидно, чего-то не договаривал, но старался не выказывать своего беспокойства.

-Не волнуйтесь, Кастанда, прежде всего познакомьте меня Бронским, так как его очень тревожит здоровье друга. Затем я пройду к леди Бердран, а тогда уже к Аннинову. Вы отпустите слугу пианиста, дайте, ему для больного вот эти капли, пусть Аннинов примет их на сахаре и ждет меня. Здесь как раз на один прием. При темпераменте Аннинова ему нельзя поручать самостоятельного лечения, он выпьет все сразу и будет удивляться своей полусмерти.

И. подал Кастанде такой крошечный пузырек, что, сопоставив его с огромным ростом музыканта и его громаднейшей рукой, я невольно расхохотался.

Мы повернули обратно и увидели у окна Бронского и Скальради, и я поразился, как печально было лицо артиста. Минуту назад полное жизни и энергии, оно было бледно и выражало страдание. Он все так же любезно слушал свою собеседницу, но взгляд его погас, точно его постигла внезапная неудача.

Увидев, что мы подходим к нему, Бронский снова ожил, румянец разлился по его лицу, глаза загорелись, на губах мелькнула улыбка. Он сделал несколько шагов нам навстречу, низко поклонился И. и крепко, обеими руками, пожал протянутую ему руку И.

– Вы беспредельно любезны, доктор И. Не нарушила ли моя просьба распорядок Вашего дня? Я так счастлив познакомиться с Вами, но счастье мое было бы омрачено, если бы я Вам в чем-либо помешал.

Голос Бронского был довольно низкий, металлический, в произношении шипящих букв была чуть заметная какая-то подчеркнутость, что придавало его речи неподражаемое своеобразие и не мешало прелести его манеры говорить.

Я смотрел и поражался, какая масса обаяния была в этом человеке! Белая индусская одежда очень ему шла, я так и представлял себе его верхом на мехари в бедуинском плаще. Вот была бы модель для художника!

По обыкновению я зазевался и опомнился от голоса И., который говорил:

– Это мой друг – Левушка. Он писатель. Вы его простите за рассеянность. Держу пари, что он уже нарисовал Ваш портрет в своем воображении, ввел Вас в какую-нибудь картину и забыл, где он и что с ним.

Бронский протянул мне обе руки, улыбаясь и говоря, что сам страдает такой же живой фантазией, часто ставящей его в неловкое положение, потому что он теряет нить разговора. Я радостно ответил на его крепкое пожатие и сказал смеясь:

– Это правда, я представил себе Вас мчащимся на мехари через пустыню в бедуинском плаще и мечтал, чтобы Вас так нарисовали. Что касается Вашей любезности, когда Вы сравниваете Вашу и мою фантазию, то тут мне сравнения не выдержать. Я бегу по моим образам бесплодно. Вы же превращаете их в жизнь и даете всему миру понимать через себя красоту и высокое благоРОДСТВО. Я преклоняюсь перед Вашей энергией и трудоспособностью, о которых мне сейчас рассказали.

– Тот, подле которого Вы живете, не мог бы назвать Вас другом, если бы не видел в Вас творческой силы. В ваши годы я ничего еще не сделал, а Ваш рассказ я уже читал.

И. отправил меня за аптечкой и просил Альвера проводить меня в тот домик, где жила леди Бердран. И когда мы с Альвером, взяв аптечку, вошли в холл домика, где жили Андреева и леди Бердран, мы увидели там И., Бронского и Кастанду, беседующими с Натальей Владимировной.

– Нет, дело так не пойдет на лад, Наталья Владимировна. Леди Бердран только потому и больна, что Вы с нею и она не может противостоять Вашим вибрациям. Вы похожи на холодное озеро, и к Вам подходить близко могут только очень закаленные люди. Не только применять Ваш способ лечения к леди Бердран нельзя, но и ухаживать Вам за нею пока нельзя.

И. говорил улыбаясь, но в серьезности его слов никто не мог сомневаться. Андреева казалась не то опечаленной, не то недоумевающей и недовольной.

– Неужели Вы находите, И., что Ольденкотт, который считает своей обязанностью чуть ли не весь день не отходить от меня, закален против моих вибраций? Однако же он не болен? – сказала Андреева не очень спокойно, но, очевидно, сдерживая свой темперамент.

– О да, мистер Ольденкотт так сильно закален в своей броне доброты и чистоты, что никакие – много сильнее Ваших – вибрации ему не страшны.

Бронский молча наблюдал все происходившее вокруг. Мне было совершенно ясно, что он хотел попросить И. навестить его друга, но не

решался, как вдруг И. обратился к нему:

– Я попрошу Вас подождать меня здесь. Отсюда мы пройдем прямо к Вашему ученику. Вам же, Наталья Владимировна, на десять дней запрещаю посещать леди Бердран.

И. сделал мне знак следовать за ним, и, провожаемые Кастандой, мы прошли в самый конец коридора, поднялись по винтовой лестнице во второй этаж и постучались в одну из крайних дверей. Дверь нам открыла молоденькая девушка-туземка в холщовом белом платье, какие я уже видел на сестрах милосердия, но без косынки на голове и с очень небольшим крестом, нашитым на переднике. Она оказалась дежурной ученицей курсов сестер милосердия.

Леди Бердран была очень слаба и едва могла открыть глаза, когда мы с И. вошли к ней. Кастанду И. отпустил еще в коридоре, сказав, что дальше обойдется без него.

Больная лежала на диване в белом халате и была так бледна, что казалась привидением. И. осторожно приподнял ее в сидячее положение и сказал что-то сестре на туземном языке. Та сейчас же вышла из комнаты. Мне же И. велел сделать смесь из нескольких пузырьков и капнул туда еще чего-то сам из аптечки Флорентийца. Капли закипели, я приподнял голову больной, а И. влил ей в рот лекарство. Оно не понравилось леди Бердран. Она застонала, почти вскрикнула, чем так меня напугала, что я едва не уронил ее прелестную головку.

– Будь осторожен, друг, мы успели вовремя. Сейчас у нее будут судороги, но благодаря лекарству они не будут смертельны. Держи теперь крепко обе ее руки, я придержу ноги, это не продлится долго.

Я едва мог удержать руки больной, которая вырывала их с такой силой, какой можно было ожидать, пожалуй, от мужчины. Пот лил с меня градом, мне казалось, что я уже не удержу рвущихся рук, как напряжение судорог ослабло, и И. велел мне оставить руки больной. Я опустился на стул, точно после долгих часов рубки дров. Теперь И. взял руку леди Бердран и спросил: – Как Вы сейчас себя чувствуете? Леди Бердран открыла глаза, с удивлением посмотрела на И. и на меня, улыбнулась и ответила:

– Сейчас я чувствую себя очень хорошо. Но минуту назад мне казалось, что я умираю. Да и все эти дни у меня было такое ощущение, точно из меня уходит жизненная сила. Особенно когда добрая Наталья Владимировна бывала близко ко мне, у меня кружилась голова и мне казалось, что все мои силы тянутся к ней. Я знаю, что это моя чистейшая фантазия, но иначе я не умею описать Вам мое состояние.

– Если бы я предложил Вам временно переселиться в корпус, где

живем мы с Левушкой? Там есть отдельная и отличная северная комната, и мне было бы удобно наблюдать за Вами. Согласны ли Вы перебраться туда?

На ее лице, и так всегда печальном, появилось выражение крайнего замешательства. Она ответила не сразу, очевидно, борясь с чем-то и не решаясь высказаться.

– Я очень бы хотела исполнить Ваше желание. Но я думаю, что это очень огорчит Наталью Владимировну, которая так ко мне добра, так много для меня сделала и помогла мне приехать сюда. Я не могу решиться принести ей огорчение. Я и без того приношу всем, кто сближается со мною, одни несчастья.

По ее лицу скатились две крупные слезы, и, видя ее страдания, я всей силой мысли припал к Флорентийцу, моля его помочь и послать мне силы не разрыдаться.

– Предоставьте мне все уладить. Я уже до прихода к Вам объяснил Наталье Владимировне, что Вас надо очень закалить для того, чтобы общение с нею, с ее бурными силами не истощало Вас. Вы скажите только, желаете ли довериться мне и пройти короткий курс лечения под моим наблюдением?

– Не только желаю, я умоляю Вас помочь мне, доктор И. Я с самой встречи с Натальей Владимировной поняла, что со мной происходит что-то неладное. Но в последнее время я стала ясно, сознавать, что умираю, – со слезами в голосе сказала леди Бердран.

– Ну, до этого еще далеко, а закалить Ваш организм и двинуть Вас к систематическому знанию, как закаляться дальше самой, – необходимо.

В эту минуту возвратилась сестра и доложила И., что носилки и носильщики здесь. Это я понял из ее указания нечто вроде паланкина в коридоре. И. сам поднял больную и усадил ее в полотняный паланкин, где всю ее обложили подушками. Носильщики подняли больную и перенесли в наш дом. Немедленно был отыскан Кастанда, больная водворена в комнату под нами, и И. отдал самые строгие распоряжения об ее диете и о том, чтобы к ней решительно никого не пускали. И мы помчались обратно в холл, где ждал нас Бронский, беседуя с Ольденкоттом. Домик, где сейчас жил Бронский, был довольно далеко, но зато очень близко от Аннинова.

Войдя в комнату ученика и друга Бронского, мы увидели, как мне показалось, даже не очень молодого человека, брюнета, похожего на грузина, но на деле он оказался румыном. Присмотревшись внимательно, я понял, что человек этот молод, но чрезвычайно истощен. Он лежал, чтото бормоча.

– Отчего Вы позволили Вашему другу, разгоряченному, опаленному

зном, броситься в холодное озеро. Ведь вы сами не только не сделали этого, но даже мылись в теплой ванне.

– Я умолял Игоро не делать этого. Но румыны вообще упрямы и думают, что лучше понимают потребности своей природы. К тому же мать Игоро венгерская цыганка и приучила его с детства к постоянной смене холода и зноя. Он никогда не болел за все время нашего знакомства. Насколько я должен был всегда думать о своем здоровье, настолько мой друг мог расточать его самым легкомысленным образом безнаказанно. Поэтому-то сейчас я так и обеспокоен его болезнью.

– Да, он очень, очень сильно болен. И если и выздоровеет, то не скоро. Вам придется или покинуть его здесь на меня, или же остаться самому вместе с ним на долгое время, не меньше года, – осматривая больного, говорил И. – Я понимаю, что Вам необходимо возвратиться к Вашей деятельности. У Вас, по всей вероятности, целый ряд контрактов, зовущих Вас в разные города мира. Но о здоровье друга Вы можете не беспокоиться, мы с Левушкой Вам его выходим. И через год он вернется к Вам.

– Я не покину друга в беде, доктор И. Я знаю, что БУДУ мало полезен, и не менее хорошо знаю, какое счастье для моего друга встреча с Вами. Но и для меня встреча с Вами в данную минуту жизни важнее всех дел и контрактов, важнее самого искусства, для которого я и жил до сих пор. Я уеду отсюда только в том случае, если Вы меня выгоните. Я Вас умоляю, не отправляйте меня отсюда, прочтите письмо того человека, которого я случайно встретил в Лондоне несколько месяцев тому назад. Он после долгого разговора в моей уборной в театре, когда я играл «Отелло», дал мне письмо к Вам, назвав себя Флорентийцем, хорошо Вам известным. Он же объяснил мне дорогу сюда и дал в провозатые своего слугу, когда я – ни минуты не размышляя – решил ехать к Вам сюда. Игоро не отпустил меня одного. И, когда я познакомил с ним Флорентийца, сказав ему, что друг мой желает меня сопровождать, Флорентиец долго-долго смотрел на него и сказал: «Ну, быть тому. Но помните, что я его с Вами не посылал. Вы можете его взять на свой страх и риск». Мне очень не хотелось, чтобы Игоро ехал со мной. Я всячески пытался его отГОВОРИТЬ, но не сумел настоять, как и вообще не умею нигде и ни в чем, кроме одного искусства, проявить свою волю. Только в нем я целен и уверен до конца. Ему служу без компромиссов и в нем никто и ничто не может сбить меня с моего пути, раз понятого и принятого. Не отвергайте меня, – внезапно опускаясь на колени, с тоской и мукой в голосе закончил свои слова Бронский.

И. быстро подошел к нему, поднял его, обнял и ласково сказал:

– Встаньте, мой друг и брат. Я с радостью принимаю Вас в число моих

учеников. Не беспокойтесь за Вашего друга. Он будет жить, и характер его, так много тиранивший Вас в жизни, очень изменится к лучшему. Но пострадать ему придется немало, так как не только все корешки нервов у него воспалены, но и вся нервная система нарушена изза недопустимой разницы температур, к которым он одинаково непривычен, несмотря на кажущееся закаливание, к которому приучала его мать.

И. приготовил лекарство, с моей и Бронского помощью влил его больному, растер его тело чем-то невыносимо остро пахнувшим и снова сказал артисту:

– Сейчас Ваша помощь здесь совершенно не нужна. Больной будет долго спать, а потом все равно никого узнавать не будет. У него род тифозной горячки, но на самом деле это только ужасающая встряска всего организма, которая могла бы окончиться безумием, если бы Вы не встретили здесь меня.

Послав меня за дежурной медицинской сестрой, И. сказал Бронскому, чтобы он захватил войлочную шляпу и мохнатое полотенце в своей комнате и ждал нас у выхода.

Я вернулся в комнату больного с братом милосердия. И. сделал Игорю укол довольно толстой иглой и, дав дежурному все указания, обещал через два часа прислать фельдшерицу. Мы собрали аптечку, тщательно вымыли руки и сошли вниз к ждавшему нас Бронскому.

Жара была уже очень сильная. И. нахлобучил мне шляпу и спустил вуаль, посоветовав сделать то же самое и своему новому ученику, и мы, перейдя несколько дорожек, очутились в доме Аннинова.

Все в этом доме было какое-то особенное. Сразу же меня поразило, что из небольшой передней выходила дверь прямо в большой белый зал, где посреди комнаты стоял белый рояль, а по стенам несколько диванов – жестких и тоже белых, а на тумбе из черного мрамора какая-то небольшая статуя, показавшаяся мне портретом Данте. Потом я увидел, что это было изображение Будды.

Слуга провел И. в следующую комнату через большой зал, а мы с Бронским остались ждать в зале. Он стал мне рассказывать об Аннинове, об его гении, успехе у публики и о его страданиях. Он давно покинул родину, очень страдал от тоски по ней, но никогда туда не возвращался, скитаясь по всему свету. Бронский не знал, что заставило музыканта покинуть родину, так горячо любимую. Но знал наверное, что большая часть его болезни сердца лежала в постоянной тоске по ней.

Довольно долго И. не возвращался. Бронский, видя мой восторг при описании его впечатлений от встречи с Флорентийцем, очевидно и сам

находясь под сильным влиянием красоты и мудрости моего высокого друга, рассказал мне подробно, как он был в особняке Флорентийца в Лондоне, видел там моего брата, от него получил мой рассказ. Он видел Наль и ее подругу Алису, красотой которых был так поражен и восхищен, что до сих пор не знает, которая из них лучше. Что Алиса – это Дездемона, а Наль так юна и вместе с тем так величественна, что для нее он не находит имени в своем артистическом словаре. Что такой женщины он еще не видел и готов был бы заподозрить в преувеличении всех, кто ему рассказывал бы об обитателях особняка Флорентийца.

– Я иногда и сейчас спрашиваю себя, не во сне ли я видел этих людей? Возможно ли такое количество красоты и доброты в одном месте Лондона? – Бронский задумался, точно куда-то унесся мыслями, и тихо продолжал: – Когда я увидел И. входящим в столовую, я сразу понял, что это именно он, хотя никто мне этого не говорил. Помимо его исключительной красоты, в И. есть что-то, чего я не умею определить, но что совершенно определенно напоминает мне Флорентийца. Что это такое, я еще не понимаю, но это нечто, никому, кроме этих двух фигур, не свойственное. Много я видел людей, и людей великих, но что-то божественное – до того оно высоко – бросилось мне в глаза и поразило меня в И. и во Флорентийце.

У двери послышались голоса, и в зал вошли И. и Аннинов. На щеках музыканта горели пятна, очевидно, или у него был жар, или он пережил очень сильное волнение. Он приветливо поздоровался с нами, предложил нам фрукты и прохладительные воды, но И. не разрешил нам ни того, ни другого.

– Итак, кончайте Ваш труд, Сергей Константинович, и отложите концерт на несколько дней. С Вашего разрешения, я приведу целую толпу народа, жаждущую послушать Вас. Вы совершенно здоровы. Мало того, что Вы сами здоровы, вам еще придется помочь мне лечить Вашей музыкой двух больных. Без музыки в данный момент их не вылечить. Мы с Вами выработаем программу и, я надеюсь, вернем им разум, – прощаясь, говорил И.

Тут уж я был поражен до полного ловиворонства. Лечить музыкой? Так я и ушел, не собрав мозгов, и, если бы не жара, стоял бы, наверное, на месте. Но солнце жгло немилосердно даже сквозь вуаль, и И. набросил мне на голову толстенное мохнатое полотенце Бронского, которое смочил в фонтане, чем привел меня несколько в себя. Дома И. велел мне полежать, пока он приготовит лекарство для Максы, а Бронского просил разыскать Кастанду.

Едва я лег, как мгновенно заснул. Мне показалось, что я спал Бог знает

как долго. На самом же деле оказалось, что спал я не более двадцати минут, а отдохнул чудесно. И. разбудил меня, дал мне превкусное питье, сказав, что теперь пить можно. Я взял микстуру для Максы, еще какие-то лекарства для передачи сестре Александре и должен был привести с собой обратно сестру милосердия специально для Игоро. Я радовался, что сейчас пойду чудесным лесом. Питье И. делало меня малочувствительным к жаре. Мне хотелось побыть одному и подумать обо всем пережитом за эти дни. Но возвратился Бронский и, узнав, что я иду в незнакомое ему место, так моляще посмотрел на И., что тот рассмеялся и, хитро посмотрев на меня, сказал:

– Там у Левушки завелась зазнобушка, Алдаз! Если он решится на самопожертвование и возьмет Вас, я буду рад. Для Вас там найдется многое, на что посмотреть.

– Левушка, я буду нем, как пень, услужлив, раб, благодарен, как ребенок. Возьмите меня.

Я даже подавился от смеха, такое необычайное выражение, вернее, целая гамма сменяющихся выражений промелькнула на его лице. Он выпрямился и громовым голосом, точно клятву на мече, выговорил:

– Буду нем, как пень. – Потом согнулся, точно весь сузился, точьв-точь льстивый раб, и сахарным голосом произнес: – Услужлив, как раб.

И вдруг, широко улыбнувшись, распустил все складки лица, только что сморщенного и подлизывающегося, и ясным, детским голосом, наивно глядя мне в глаза, очаровательно шепелявя, сказал: – Благодарен, как ребенок.

Все это было для меня так неожиданно, что я, разумеется, все забыл, бросился ему на шею и заявил, что теперь понимаю, почему он покори́л мир.

Все еще смеясь, мы пустились в путь, к сестре Александре. Я хорошо запомнил дорогу, и хотя Бронский был таким увлекательным собеседником, что легко можно было впасть в рассеянность, я чувствовал себя вдвойне ответственным и перед И., и перед моим новым знакомым, в котором так многое меня пленяло, был все время настороже и не перепутал ни одного поворота.

Макса еще спал, а сестра Алдаз на ломаном русском языке, который едва можно было понять, с помощью жестов и мимики своего прелестного личика старалась объяснить мне, что бедный Макса очень страдает. Я обещал передать это И. и прибежать еще раз к ней, если И. даст что-либо облегчающее.

Повидав сестру Александру, захватив с собой данную ею сиделку для

Игоро, мы поспешили обратно. Во время его разговора с Алдаз Бронский не спускал с нее глаз и лицо его выражало полное восхищение. Взглянув на него теперь, когда мы вошли в лес, где я снова ожидал его увлекательных рассказов, я увидел печальное, углубленное в себя лицо совсем нового человека. С ним произошла полная метаморфоза. На лице лежало какое-то мудрое спокойствие, нечто похожее на то выражение, которое я часто подмечал на лице брата Николая. Но на лице Бронского эта мудрость носила сейчас печать скорби.

Его высокий лоб прорезала морщина, глаза точно не видели ничего окружающего, губы были плотно сжаты, как будто бы он решал новый, внезапно вставший вопрос. Я не посмел нарушить его сосредоточенности и даже старался идти медленно и бесшумно, чтобы не мешать его мыслям. Я представил себе, что вот таким мудрецом бывает Бронский, когда обдумывает наедине свои роли. Уже почти на опушке леса он глубоко вздохнул, провел рукой по лицу и глазам и улыбнулся мне.

– Я так далеко был сейчас, Левушка. Иногда моя фантазия уносит меня от действительности, я впадаю в какую-то прострацию и рисую себе прошлое тех образов или людей, которых мне надо изобразить на сцене, или же тех живых людей, которые произвели на меня глубокое впечатление. Прав я или нет в своих сценических образах, – тому судьи люди, так или иначе воспринимающие созданные мною образы. Но самое странное в игре моего воображения – это то, что в прошлом живых людей, если только они меня целиком захватили, я никогда до сих пор не ошибался. Не знаю сам, как и почему, но я читаю их прошлое совершенно ясно, как ряд мелькающих передо мной картин. Сейчас весь внешний вид и мимика этой Вашей очаровательной приятельницы Алдаз так меня пленили, что я впал в это состояние прострации и увидел много-много картин из ее прошлого. Я увидел сначала малютку индианку спящей в мешке за спиной у матери – индианки с темно-красной кожей. Рядом с ней шел отец, неся на спине мешок с тяжелым грузом. Потом я увидел ту же мать уже с девочкой-подростком, оплакивающими убитого отца. Дальше: высокий, страшно высокий красавец на коне подобрал обеих несчастных, сидевших в отчаянии ночью у костра. Потом я увидел мать и дочь с караваном верблюдов, пересекающих пустыню, потом нечто вроде школы, где я увидел Алдаз уже одну, лет тринадцати, и, наконец, больницу, где Алдаз давала лекарство какому-то старику. Меня поразила эта юная жизнь, такая безрадостная, монотонная, протекающая в лесах и дебрях, а ведь у нее крупнейший мимический талант. Судя по ее движениям, необычайно пластичной походке и пропорциональности сложения, она должна

танцевать как богиня, восхищать людей и пробуждать в них самое высокое и светлое чувство восторга. А она прозябает в глуши. Даже в древности и то она вынесла бы свой талант наружу, была бы жрицей, танцовщицей в каком-нибудь храме. Вот о чем я думал, и, как всегда, судьбы людей и их неопиcуемая сказочность потрясли меня и на этот раз. Надо же было в глухом уголке джунглей появиться рыцарю и спасти мать и дочь, уже смиренно приготовившихся быть растерзанными дикими зверями! И для чего же он их спас? Чтобы гениальный талант девочки погиб у коек больных!

Я стоял, разинув рот, у опушки леса, смотрел на Бронского и решал, кто из нас помешанный, а того не замечал, что сестра милосердия, тоже туземка, не понимающая русского языка, на котором мы с Бронским говорили, выражала все признаки нетерпения. Должно быть, потеряв его окончательно, на плохом английском языке она мне сказала:

– Скоро, скоро, господин, вперед. Доктор меня ждет.

Я извинился перед нею, бросился вперед с такой быстротой, что мои спутники еле поспевали за мной. Сдав Кастанде сестру и Бронского, я поспешил к И. Конечно, я сейчас снова ворвался бы к нему еще большей бурей, чем в первый раз, но, к счастью, встретил его у площадки лестницы шедшим мне навстречу. Он, очевидно, имел в виду сказать мне что-то другое, но, увидав мое лицо, спросил:

– Что с тобой приключилось, друг?

– Пойдемте в Вашу комнату. И., мне необходимо Вам что-то сказать. Вы знаете, что Бронский колдун? Он может читать прошлое людей. И., миленький, Вы можете знать, чем был человек до встречи с Вами?

Я торопился, говорил сбивчиво, с очень серьезным видом и все же не мог не заметить, каким юмором сверкали глаза И. Он привел меня в чувства, и я рассказал все, что говорил мне Бронский и как он прочел ПРОШЛОЕ Алдаз.

– Как бы я хотел узнать, правду ли видел Бронский о жизни Алдаз. И., дорогой, можете ли Вы это узнать?! – я спрашивал, горя нетерпением, и никак не мог понять, как это И. может спокойно сидеть, когда я ему передаю такие потрясающие вести.

– Я думаю, что тебе проще всего узнать самому, Лешка, правдиво ли Бронский описал тебе прошлое сестры Алдаз.

– Как же это? Сколько бы я ни старался, я еще ни разу не видел никаких картин. Или Вы думаете, что я должен очень сильно думать о Флорентийце и спросить его? – выпалил я, снова впадая в азарт желания узнать истину или убедиться, что Бронский просто маньяк, одержимый

определенным пунктиком.

И. засмеялся и, поглаживая меня по голове, что помогло мне мгновенно прийти в себя, сказал:

– Экое ты дитя малое, Левушка. Неужели я мог бы посоветовать тебе беспокоить твоего великого друга такими мелкими делами. Это все равно, что обращаться к нему с вопросами, как тебе научиться правильно завязывать сандалии или ставить на их подошвы заплаты. Я имел в виду самое простое, ничуть не превышающее твоих сил дело, – все так же ласково поглаживая мою голову и улыбаясь, говорил мне обожаемый, снисходительный друг. – Ты сам спроси Алдаз, когда вечером, после чая, мы пойдем накладывать Максе новые повязки. Кстати, возьми эту сумку, здесь все, что нам будет необходимо при вечернем обходе. А теперь походи возьми душ и ляг в своей комнате. Ты так бежал, что необходимо тебе прийти в себя. Если, возвратясь сюда через полчаса, я найду тебя спокойным, мы пойдем в комнату Али и я дам тебе книги для первоначального знакомства с языком пали.

– О, И., какой же Вы добрый! Я опять проштрафился, а Вы мне даже выговора не сделали. Можете не сомневаться, Вы найдете меня совершенно спокойным дэнди!

– Смотри, вот тут-то и не проштрафься, – улыбнулся мне на прощанье И.

Я не заметил, в какой пыли я был. Даже на блестящем полу я оставлял пыльные следы. С помощью Яссы я привел себя в порядок, убрал комнату и стал поджидать моего друга, который немного задерживался.

Образ Бронского снова встал передо мной, и нарисованные им в лесу картины оживали в моей фантазии. Мне так и представлялся высоченный рыцарь с черной бородой, подхватывающий мать и дитя в свое седло в страшном, темнеющем лесу. Так как я никогда не видел живого рыцаря, а образ высоченного черноволосого человека жил в моей душе только один, я связал картину Бронского с личностью Али.

Как хорошо все укладывалось дальше в моей поэтической фантазии! Али подобрал несчастных мать и дочь и со своим караваном переправил их в Общину, где Алдаз и поступила в школу: Образ Али завладел мною. Я уже готов был позвать его и спросить, не подбирал ли он на дороге сирот, как дверь открылась, и И. окликнул меня.

– Я теперь знаю, кто был рыцарь, спасший Алдаз. Это был, конечно, Али. И дальше все складно выходит, – не дав опомниться И., бросился я к нему.

– Али или не Али спас Алдаз – это не так важно. Но что ты все же не

проникся достаточным вниманием к моим словам и хотел беспокоить Али по пустякам, – это нехорошо. Делать сейчас такую печальную мину и огорчаться не следует, но обрати внимание на две вещи: ни одного лишнего слова не говори, пока окончательно не продумаешь то, о чем хочешь говорить или просить. Это одно. Второе: если я дал тебе задачу, а я сказал, что пойдем в комнату Али учиться, надо было приготовить себя, привести в себе все в равновесие, чтобы твое рабочее место оказалось в гармонии со всеми твоими творческими способностями. Мы пойдем в комнату великого мудреца, милосердие которого равно его мудрости. Милосердие его к тебе огромно. А твое внимание, вообще очень ограниченное, собрано ли оно сейчас? Очистил ли ты его от мелких мыслей суеты? Проникся ли ты той великой радостью служить когда-нибудь человеку благодаря тем знаниям, что тебе решил открыть Али, посылая тебя сюда? Только тогда ты можешь встретиться с Али и Флорентийцем и стать сотрудником в общей с ними работе, когда научишься входить в полную сосредоточенность. Тогда ты разделишь их труд и будешь полезен в их работе всем тем, кто тебя окружает. Ты проникнешь в их творческий путь настолько, насколько верность твоя им будет скреплять тебя постоянно, легко и просто с ними, с их путем любви к человеку. Ты здесь не гость, чтобы обновить свой организм на несколько лет и снова уйти в труд, через который расточать перлы своего гения в утешение и помощь людям. Ты здесь гость Вечности, в Ней ты здесь встречен, с Нею уйдешь. И каждый день твоей жизни – день дежурства у черты Вечности. Не в Общине ты «погостил», и не из нее уйдешь, – здесь весь смысл твоего существования. Ты из Вечности пришел, в Ней живешь в форме временного Левушки на земле, к Ней уйдешь, но уйдешь обогащенный новым опытом, с открытыми глазами, постигая путь к совершенствованию и зная, как работать над собой, чтобы добиваться освобожденности. Ты увидишь здесь многих гениев, узнаешь их особый путь жизни на земле. Ты узнаешь здесь еще больше простых людей, в которых раскрываются только некоторые черты их талантов. Их тяжелый или легкий путь становится таковым от количества предрассудков и личных слабостей, которые им удается с себя сбросить, то есть насколько они сумеют освободить от условностей заключенную в них Вечность.

Все это говорил мне И., пока мы шли на островок Али, где нас снова встретили сторож и белый павлин. Поднимаясь в комнату Али, я был полон благоговения и благодарности к моему дорогому наставнику. Как-то особенно четко ложилось каждое его слово сегодня мне на сердце. И в первый раз без всяких сомнений и сожалений о собственной малости и неспособности я дерзал, легко и просто подходя к книжным шкафам.

И. тронул какую-то пружину, и стенка раздвинулась, открывая за собою еще ряд белых полок, полных книгами. И каких только книг здесь не было! И. вынул три небольшие книги, очень старинного вида, снова нажал невидимую мне кнопку, стенка сдвинулась, и я даже не мог различить, где она раскрывалась только что.

Подойдя к письменному столу Али, И. раскрыл его куполообразную крышку из пальмового дерева, изображавшую два больших листа латании. Он усадил меня за стол и стал объяснять мне шрифт и произношение языка пали. Мне все казалось очень трудным, так как я вообще не знал ни одного восточного языка, и потому корни и приставки, такие чуждые мне, озадачивали меня.

Но преподавательский талант моего мудрого Учителя был на такой высоте, что, когда ударил первый гонг к обеду, я уже мог свободно разбирать печатные слова. И. показал мне, как закрывать и открывать стол, задал мне урок к следующему дню, и мы спустились в парк, в обеденную столовую. Первое, на что я обратил внимание, когда мы вошли в столовую, была Андреева, беседовавшая с каким-то стариком на непонятном мне языке. СУДЯ по интонациям, я понял, что она на чем-то настаивает, а старик не поддается и в свою очередь пытается ее убедить. Сидевший рядом Ольденкотт, очевидно, тоже не понимал языка и беспомощно смотрел на И., когда мы вошли, как бы прося его вмешаться в их дело. Но И., взяв меня под руку, поклонился им и прошел прямо к нашим местам.

Постепенно столовая наполнилась, заняли свои места и Бронский с художницей. Снова я заметил несколько замечательных лиц, но никак не мог охватить взглядом всех, кто сидел за столами.

– Не спеши узнать всех сразу, Левушка, постепенно ты познакомишься со всеми. Многих будешь иметь случай увидеть ближе у Аннинова завтра. А сейчас,

– я вижу, как тебя это интересует, – я тебе разъясню, о чем спорит Наталья Владимировна. Ей хочется посмотреть на развалины одного очень и очень древнего города. Со свойственным ей темпераментом ей хочется немедленно двинуться в путь, а старикпроводник отказывается ехать сейчас, уверяя, что это в данную минуту опасно. Пути туда почти восемь суток по знойной, безводной пустыне или же через глухие топкие джунгли, где много диких зверей и змей. Надо выжидать. Недели через три туда пойдет караван и можно будет, присоединившись к нему, проехать безопасно.

Лицо Андреевой показалось мне сейчас бурным ураганом. Ольденкотт несколько раз вздохнул и что-то тихо сказал своей соседке. Та рассмеялась,

посмотрела на меня и сказала довольно громко мне через стол:

– Я собираю компанию бесстрашных людей, любящих путешествовать в пустыне. Не хотите ли проехать с нами осмотреть один интереснейший древний город, вернее, его развалины? Говорят, днем они мертвы, но с закатом солнца на развалинах появляются в такой массе тигры, львы, шакалы и обезьяны, что все здания кишат ими.

Я пришел было в ужас, но потом решил, что надо мной смеются, и ответил в тон ее насмешке:

– Мне не особенно хочется превратиться в уголь, пока я буду ехать по пустыне, и еще меньше мне хочется провести ночь в приятном обществе тигров и львов. Я еще не успел завести себе заклинателя, а без него, пожалуй, не обойтись в таком почтенном обществе.

Андреева рассмеялась и сказала что-то старику-проводнику. Тот послал мне восточное приветствие. Я вспомнил пир у Али. Приподнявшись, я отдал ему восточный поклон. Проводник, с лицом, до черноты сожженным солнцем, в белом тюрбане и бурнусе, был своеобразно красив. Седая борода делала его похожим на пророка. Посмотрев на меня пронзительными черными глазами, он быстро что-то сказал И. Тот улыбнулся, кивнул головой и перевел мне по-английски слова араба:

– Зейхед-оглы просит тебя принять его сердечный привет и говорит, что видит твой далекий путь. Но путь этот будет еще не скоро и вовсе не в пустыню, а к людям. Он просит тебя принять от него в подарок маленького белого павлина, которого он подобрал по дороге заблудившимся в лесу.

Я был в полном восторге. Иметь собственного белого павлина! Но что мне ответить, я не знал, так как отлично помнил, что за подарок, по восточному обычаю, надо было отблагодарить подарком, у меня же ничего не было.

– Поблагодари и согласись, – шепнул мне И.

Я с большим удовольствием исполнил совет И. и чувствовал себя счастливым обладателем сокровищ. Но Андреева решила не давать мне спокойно наслаждаться моим инстинктом собственника.

– На груди у Вас сквозь полотно сверкает камень. И цены ему нет, и красоты он сказочной, и значимость его даже непонятна Вам, – бросала она мне, точно дрова рубила, говоря на этот раз по-русски. – Носите сокровище, за которое отданы сотни жизней; и еще сотни были бы отданы, лишь бы его достать. И ему Вы не радуетесь, а радуетесь глупой птице.

Глаза ее сверкали. Блеск их, мне казалось, достигал самого камня на моей груди. Он был мне очень тягостен. Я закрыл плотнее свою одежду,

прикрыл камень рукой и прижал его к сердцу, благоговейно моля Флорентийца научить меня лучше защищать его сокровище и суметь сохранить его до той самой минуты, когда мы с ним свидимся и я возвращу ему камень, который когда-то у него украли. И вдруг я услышал дивный голос моего великого друга:

– Будь уверен и спокоен. Всюду, где ты идешь в чистоте, иду и я с тобою. Осязай в своем пульсе биение моего сердца. Есть много путей знания, но верность у всех одна. Распознавай во встречах их скрытое величие и не суди их по видимым несовершенным качествам. Оберегай мой камень, ибо он не одному тебе защита.

Мгновенно спокойствие сошло в мою душу, я радостно взглянул на Андрееву, с которой произошло что-то мне непонятное. Она побледнела, вздрогнула, склонила голову на грудь и точно замерла в позе кающегося. Я посмотрел на И. Он был серьезен, даже строг, и пристально смотрел на Андрееву. Когда та подняла, наконец, голову, он сказал ей очень тихо, но я уверен, что она слышала все до слова:

– Стремясь пробудить в другом энергию и силу, надо уметь держать в повиновении собственные силы. Даже в шутку нельзя касаться того, о чем сам не знаешь всего до конца. Обратный удар может быть смертелен. И если он не был таким для Вас сейчас, то только потому, что я его принял на себя.

Вокруг нас, где шел общий и часто перекрестный разговор, никто не заметил этой маленькой сценки. Да и вообще все так привыкли эксцентричной манере Натальи Владимировны говорить и шутить, что ее словам никто не придал особого значения. Я, хотя и не понимал всего до конца, все же сознавал, что в словах И. таилось нечто очень значительное для Андреевой.

Ее несколько презрительный тон, когда она возмущается моею ребяческой радостью из-за подаренного белого павлина, огорчил меня. Я подумал, что совершенно невольно ввел ее в раздражение. И в то же время я вспомнил слова сэра Уоми, что каждый вступающий на ПУТЬ Знания должен стараться говорить так, чтобы ни одно его слово не язвило и не жалило.

Я еще раз прижал к груди камень, подумал о словах письма Али: «Все, чего должен достичь человек, – это начать и кончить каждую встречу в мире, доброте «и милосердии», – и решил очень строго следить за собою сейчас, чтобы сказанное мне другими, – каким бы тоном оно ни было сказано, – не вызывало во мне горести или раздражения.

Во время обеда седой проводник несколько раз взглядывал на меня, и я

читал в его глазах огромное дружелюбие к себе. Андреева сидела, опустив глаза вниз, была бледна и молча слушала, что говорили ее соседи, изредка кивая головой. Мне казалось, что в ней происходит что-то особенное, для нее очень тяжелое, что она пытается скрыть.

Бронский снова был обаятельным собеседником, но все же я подмечал в его лице тревогу. Только спокойный взгляд И., казалось, вливал в него уверенность каждый раз, когда взгляд его скрещивался со взглядом артиста.

После обеда И. предложил мне пройти в комнату Али и приготовить заданный на завтра урок, что я с восторгом принял. Бронскому И. разрешил до чая провести время у постели больного друга, а Альвера Черджистона позвал в свою комнату, отчего лицо юноши засияло.

Старый араб-проводник подошел к И. и, глядя на меня, что-то быстро говорил, чему И. смеялся. Еще раз я пообещал себе с наивысшим прилежанием изучать языки Востока. Мне И. сказал только, что после чая араб принесет обещанного молодого павлина и объяснит, как за ним ходить и чем кормить.

В самом счастливом настроении я отправился учиться. Как обычно, и сторож, и его павлин встретили меня гостеприимными поклонами. Мне хотелось спросить сторожа, как зовут его и его чудесного павлина, но я был похож на того слугу, что вытирает пыль с драгоценных книг, не понимая их языка. Книги для слуги мертвы, а здесь передо мною были живые существа, а я не мог произнести ни одного понятного им слова.

Я стоял перед слугою с довольно растерянным видом. На лице его мелькнула улыбка, он похлопал меня по плечу, показал на свои уши и рот, и я понял, что он глухонемой. Теперь мне стало ясно, почему он пристально смотрит на рот говорящего с ним человека. Слуга еще шире улыбнулся, погладил павлина по его прелестной шейке, затем постучал по своему лбу, показал на лоб павлина, важно покачал головой, развел руками, и я понял, что он объясняет мне, как необыкновенно умен и понятлив его павлин.

Пока я разбирался в заданном мне уроке, все мне казалось необыкновенно трудным. Но как только я усвоил его – мне захотелось учиться все больше и больше. Язык становился приятным и понятным, меня охватывала все большая радость, чем дольше я над ним сидел. Забыв обо всем, я пропустил гонг, не слыша даже, как вошел в комнату И., и очнулся только от его руки, коснувшейся моего плеча.

– Я так и знал, братишка, что за тобой надо зайти, иначе ты обо всем забудешь. – Мой наставник безжалостно захлопнул книгу, закрыл стол и вывел меня из комнаты. – Как бы ни спешил ты выполнить данную тебе или взятую тобою на себя задачу, окружающее тебя и все то, чем ты с ним

связан, должно быть тобою уважаемо. Пицца ждать тебя не может. И человек, обещавший принести тебе подарок, должен найти тебя ожидающим его. Говорят: «Точность – вежливость королей». Для ученика его самодисциплина – высшая точность в поступках и словах, высшая вежливость по отношению к тем, с кем он встретился. Живой человек – твоя первая задача всюду. Он для тебя самое важное в дне, ибо в нем – цель действий твоих Учителей. Запомни, Левушка, и охраняй всю свою внешнюю аккуратность не менее внутренней.

Мы быстро пошли парком, где стоял сильный зной, совсем незаметный в комнате Али. Когда мы кончили пить чай в гроте, на пороге его появился мой новый ДРУГ, Араб, закутанный с ног до головы в белый бурнус, под складками которого он нес прелестную корзинку из пальмовых листьев, в которой было устроено гнездо. В гнезде сидел маленький и очень несчастный на вид белый павлин. Но я никогда бы не признал в этом длинношеем, почти неоперившемся птенце, жалком и безобразном с виду, будущего царя птичьей красоты.

Араб поклонился мне и подал корзинку. Я залюбовался необычайно сложным искусством плетения и, должно быть, немного резко повернул корзинку. Птенец жалобно пискнул, и этот слабенький звук сжал мое сердце какой-то неожиданной для меня самого скорбью. Я пожалел бедняжку-птенчика, которого потревожил так неосторожно. Я не знал, как его приласкать и чем загладить свою вину перед ним.

Я был так же беспомощен перед ним в его воспитании, как он передо мной в своей незащитности. Я уже готов был возвратить хозяину его подарок, как он сказал мне на отвратительном, но совершенно понятном французском языке.

– Вы не смущайтесь, ага, всякое дело сложно, пока не поймешь, как им овладеть. Я Вам и корм для него приготовил, и расскажу все: как его поить и как водить гулять, и как ему спать. Он, видите ли, уже привык ко мне и жалуется, зачем я отдаю его Вам. Эти птицы так понятливы, что и не каждому человеку чета. Вот я ему сейчас объясню, что Вы его настоящий хозяин, а Вы дайте ему покушать вот этой кашицы с Вашей ладони, и он будет определенно знать Вас как своего единственного хозяина.

Араб осторожно вынул птенца из корзинки, поставил его на широчайшую ладонь своей левой руки, а пальцами правой с нежностью матери поглаживал почти голую головку птенчика и так передал его мне, посадив его на мою левую ладонь, где он едва поместился.

Преуморительно, с какой-то важностью посмотрел на араба птенчик, потом клюнул мою ладонь, где уже лежала положенная арабом кашица,

потом поднял голову, посмотрел на меня, еще поклевал и пискнул. Но писк этот был уже Жалобный, а веселый, точно он совсем примирился с новым хозяином.

Араб посоветовал мне положить птенца снова в корзинку и прикрыть пуховым платочком, который он вынул из своего бурнуса, так как, несмотря на жару, птенцу было холодно и он дрожал. Я сердечно поблагодарил араба за его подарок и высказал ему мое сожаление, что не знаю, чем его отблагодарить.

– Это не уйдет. Вот на будущий год Вы поедете осматривать пустыню, возьмите меня в проводники и заезжайте в мой дом передохнуть. Мой дом в оазисе, пути два дня пустыней.

Я еще раз поблагодарил его, пожал ему руку и в обществе Альвера, Бронского и художницы Скальради, восхищавшихся моей птицей не меньше меня, я понес ее в мою комнату. Через некоторое время пришли И. и араб, и старик дал мне полное наставление, как ухаживать за птицей.

– Вы знаете, друг, – сказал арабу Бронский, – Ваши наставления, конечно, очень замечательны и доказывают Вашу любовь к птицам, но они не менее сложны, чем если бы дело касалось человеческого, а не птичьего детеныша. Мне думается, что Левушке одному не справиться, пока птенец так мал. Нельзя ли мне принять участие в уходе за птенчиком? Мне бы это было так приятно, а Левушку бы немного раскрепостило.

На лице араба мелькнула улыбка.

– Через несколько коротких минут и Вы, и Левушка узнаете кое-что о некоторых из этих птиц. Тогда вы оба поймете, почему они так почеловечески сообразительны и почему за ними должен быть особенно тщательный уход. Я думаю, если доктор И. разрешит, Вам будет очень полезно понаблюдать жизнь птенца. Вы добры и чисты, птенцу Вы будете милы. При таком друге он скорее разовьет свои таланты.

Араб еще раз улыбнулся, протянул Бронскому руку и подал ему небольшой темный камень, вынув его из маленького кожаного мешочка.

– Это змеиный камень. Это амулет от укуса змей. Он останавливает кровоточивость ран, заживает их быстро и спасает от смерти при укусе кобры. Но если его прикладывать к ранам от укуса змей, то силы его хватит только на четыре раза. После этого он теряет всякую силу и не годен больше ни для каких целей. Возьмите его в память обо мне. Он Вам вскоре пригодится.

Бронский своею беспомощной растерянностью напомнил мне моего беспомощного птенца. Я залился смехом, так комично показалось мне это сопоставление.

– Берите, Станислав Николаевич. Будем вместе обязаны аге Зейхедоглы. Авось надумаем, как его отблагодарить.

ТУТ Бронский выкинул такое антраша, что я чуть выронил мою корзину из рук. Я еще не успел договорить фразу, как Бронский обеими руками обнял МОГУЧУЮ шею араба, целовал его темное лицо и говорил что-то так быстро, точно читал псалтырь, как плохой дьячок, торопящийся поскорее отбарабанить надоевшую ему службу. Но, несомненно, в скороговорке Бронского был какой-то большой смысл, который араб отлично понимал, потому что весело смеялся и отвечал кивком головы на упрашивания Бронского. Артист вдруг вылетел пулей из комнаты, оставив даже дверь нараспашку. Ну, как же тут было не словиворонить. Я был так озадачен, что счел за лучшее сесть и поставить птенца на пол.

Глаза араба смотрели на меня с нескрываемым юмором. И. тоже поблескивал глазами и хранил могильное молчание. И только один Альвер мог служить мне утешением, ибо был мне под пару. Разинув рот, он стоял точь-в-точь в том же виде, как на горе, когда наблюдал наш с И. полет валькирий. Общее молчание, как мне показалось, длилось очень долго и пауза становилась мне тягостной.

Араб подошел ко мне, поднял с пола корзинку с птицей и поставил ее на кожаный табурет у изголовья моего дивана. Он приподнял пуховый платочек и показал мне, как птенчик зарылся в пух гнезда, воображая себя под защитой крыльев и пуха матери.

– Вы не поняли ничего из слов Вашего приятеля. Не мудрено. Я и сам едва понял, хотя он говорил по-тюркски, а этот язык я хорошо знаю. Должно быть, я очень метко попал и подарил ему именно то, что ему хотелось иметь. Он просил меня принять от него кольцо в обмен на камень и побрататься с ним за ту ласку, что он нашел в моих словах. По обычаям моей страны, я не могу взять подарок за подарок. Но в данном случае я не могу и обидеть этого человека, в котором так много детской наивности. Я вижу по его лицу, что он очень-очень много страдал и страдает еще и сейчас. Если я унесу в его кольцо часть его горя, я буду счастлив.

Последние слова Зейхед-оглы выговорил тише и медленнее, и лицо его стало так серьезно, что я с удивлением взглянул на него. Лицо И. тоже было очень серьезно, даже как будто немного печально. Наконец внизу послышались торопливые шаги, кто-то быстро взбегал по лестнице и через миг перед нами стоял Бронский. Он, очевидно, бежал туда и обратно, пот лил с него градом, одежда промокла.

– Вот, прошу Вас, возьмите в память о нашей встрече. Вы первый человек, проявивший ко мне полное доверие, увидев меня впервые в

жизни. Обычно люди ждут от меня сильнейших впечатлений и встречают недоверчиво и холодно. В моем нестерпимом одиночестве я счастлив сейчас, найдя человека, так нежно, братски меня встретившего.

Бронский говорил теперь по-французски, говорил медленно. Было видно, как под тонкой тканью его одежды колотилось сердце.

Араб взял футляр, что подавал ему Бронский, раскрыл его и покачал головой. Он рассматривал кольцо с большой черной жемчужиной, вделанной в круг сверкающих бриллиантов. Точно в блестящей чаше воды лежал черный камень, переливавший всеми цветами радуги. Араб переводят взгляд с жемчужины на измученное лицо артиста, покачивал головой и, держа кольцо у сердца, сделал глубокий восточный поклон.

Затем он так же глубоко поклонился И., точно спрашивал у него благословения на важный шаг, надел кольцо на мизинец левой руки, куда оно едва налезло, хотя было сделано для указательного пальца артиста по тогдашней моде.

– Я беру все твои скорби в свое сердце, все слезы и бедствия разделяю с тобою с этой минуты, дорогой брат. Да прольются они ручьем в мой путь. Быть может, моя верность дружбе и нежная любовь к тебе помогут тебе перейти в путь тех, кто вносит во все встречи розовые жемчужины. Хвала Аллаху, поклон Твоему Богу и тебе. Храни в сердце память об этом дне, как о счастливом дне моей жизни.

Зейхед-оглы еще раз поклонился И., поклонился нам и тихо вышел из комнаты. Я видел, что Бронский ничего не понял из того, что говорил араб. Сам же я понял, что несчастье артиста было в том, что он являлся вестником горя встречным и люди боялись его.

Снова в моей памяти загорелись слова Али, услышанные у его двери: «Встретив ученика, идущего путем печалей, возлюби его вдвое». И как же я любил в эту минуту не только Бронского, но и того великого мудреца, который стоял только что здесь в виде простого жителя пустыни! Какое необъятное сердце носил он в груди, если радовался счастью принять на себя скорби другого! И. обнял Бронского, подал ему конфету и предложил взять у нас душ, сказав, что через пятнадцать минут он пойдет в дальний домик к сестре Александре и возьмет всех нас с собой.

Мне хотелось взять и моего птенчика, но И. не разрешил, сказав, что по дороге я пойму, почему этого не следует делать. Альвер робко спросил И., можно ли ему идти с нами, на что И. улыбнулся и ответил:

– Конечно, друг, ведь я не сделал исключения, а сказал, что беру вас всех. Вообще с этого дня ты можешь, как и Левушка, считать себя в числе моих учеников. Завтра я укажу тебе твой новый распорядок дня. Оба вы

должны знать, что здесь, в этих домах, живут люди, по тем или иным причинам проходящие первоначальные стадии ученичества. Вы видите здесь многих, уже не впервые посещающих Общину. И все же они живут в этих домах неопитов. И, наоборот. Вы не видите живущими здесь тех, кого встретили в первый день как, например, Освальда Растена и Жерома Манюле.

В комнату вернулся Бронский, освеженный, в чистой одежде, которую ему дал всемогущий Ясса, и мы двинулись в путь, взяв с собой аптечки. Зной все еще был сильный, я его ощущал очень остро, но спутники мои шли так, как будто бы было наше северное лето. И., заметив, что я иду тяжело, взял меня под руку и перебрал на себя мою аптечку, не внемля никаким моим мольбам.

– Я обещал тебе, Левушка, рассказать кое-что о карлике Максе. Думаю, что всем вам, друзья мои, будет полезно узнать о судьбе этого маленького человечка, так сильно сейчас страдающего. Если бы каждый человек владел всеми силами, что в нем заложены, не было бы в мире ни страданий, ни ошибок, результатами которых и являются все скорби людей. Страсти, которыми окружен человек, загромаждают собою весь его земной путь. Они лишают его возможности ясно видеть и распознавать истинно реальное среди того моря временных, иллюзорных красот, которые манят его и влекут в кажущийся прекрасным мир личной жизни, личной любви и личного счастья. Человек не свободен. Он живет в своих условных привязанностях, и, когда спадают с его глаз эти давящие телесные покровы любви, они спадают в великом страдании. Вся жизнь земли, по мере того как в человеке просыпается мудрость, есть не что иное, как великий путь освобождения. Если бы человек мог быть так воспитан с детства, чтобы весь его организм строился в гармонии, он, созревая, легко становился бы свободным, так как на его сознании, на его нервных сплетениях и сердце не нарастали бы бугры и глыбы всевозможных страстных извержений, которые зовутся в обиходе людей болезнями. И слух, и зрение развивались бы у человека не только физически, но и психически, рождаясь в полной гармонии организма. Сейчас мы увидим жертву борьбы страстей, борьбы добра и зла, опятьтаки называя их этими словами бытовой лексики. Перед Истиной нет ни зла, ни добра. Есть только степень знания, степень освобождения, мгновение чистой любви и мира в сердце человека или мгновение бунта его страстей и невежественности. Среди глухих лесов, непроходимых, окруженных болотами, где безопасны только узенькие тропочки, живут люди, домогающиеся у природы ее тайн. Они стараются путем знаний достичь умения владеть стихиями природы. Цель этих людей

– владычество над миром. Их желания – обладать всеми благами для эгоистических целей, для порабощения людей, а не для труда на общее благо. Это темные оккультисты, нередко составляющие страшные секты со всевозможными сексуальными извращениями и нередко с человеческими жертвами. Завлекая людей через своих прислужников всюду, где люди одержимы страстями ревности, зависти, ненависти и алчности, где неуравновешенные легко поддаются раздражению, эти темные силы опутывают их сетями иллюзорных удач с тем, чтобы, предоставив им в пустяках несколько побед, уже не выпустить их из кольца змей, которое совет себе каждый из поймавшихся на эти крючки людей, поддавшись очарованию предложенных ему призрачных благ. Пользуясь своими относительно большими знаниями – «большими» до тех пор, пока они орудуют среди закрепощений греха, и ничтожными, когда встречаются истинно свободных людей, они создали целое племя людей карликовой породы. Эти внешне исковерканные существа очень злы, воспитаны в вероломстве, обучены многим фокусам гипноза и магнетизма. Но злым преследователям личных целей путем оккультных знаний все же не всегда удается до конца извратить всех несчастных, которыми им удалось завладеть. Нередко среди карликов живут страдальцы, которым мерзко зло, ненависть и лицемерие. Они пытаются бежать после неистовых страданий и наказаний за отсутствие любви ко злу и отказ совершать преступления. Великие труженики Светлого человечества часто выискивают таких несчастных, спасают их и доставляют в Общину белых братьев. Одного из таких страдальцев вы увидите сейчас.

Мы были уже на половине пути. В лесу было темно, сыро, и я представил себе, как должны страдать несчастные карлики, которых заставляют жить во тьме непроходимых лесов всю жизнь в обществе бесчестных людей.

– Если великим труженикам Светлого человечества удастся спасти такого схваченного злыми карлика, то его помещают в особо для него благоприятные условия, окружают самыми чистыми и ласковыми людьми, учат грамоте, всячески развивают и стараются поднять их забитый дух. Но все же, проведя детство и юность в рабстве, побоях и полной невежественности, эти несчастные создания в своей духовной форме похожи на сморщенные, засохшие грибы. Они не владеют ни одной нитью духовных сил настолько, чтобы иметь возможность выбросить из себя искру огня и поджечь те наросты грубых тканей, что вплетены в их организм жестокими хозяевами через страх и боль. Для них невозможно более человеческое воплощение, где надо сразу достичь возможности

поправить все очаги сил – и физических, и духовных. И милосердная Жизнь, видя их немощь, помогает им переждать одно воплощение в птицах. Они перевоплощаются в белых павлинов. Вот почему эти птицы так понятливы, часто понимают даже речь, если человек прилагает к этому усердие.

Крик изумления вырвался у каждого из нас.

– Но не думайте, что все без исключения белые павлины – непременно перевоплощенные добрые карлики. Тех, что пройдут такой путь, Жизнь вводит всегда в Общины светлых братьев, – продолжал И., как бы не замечая нашего потрясения.

– А мой птенчик, И., он тоже бывший карлик или это просто дикий павлин, которого Зейхед-оглы подобрал в лесу? – Я спрашивал, замирая от волнения, что моя птица простая, дикая и мне не дано оберегать драгоценную человеческую жизнь.

– Твой павлин доставлен к Зейхеду совершенно особым путем. Араб знал, что он должен передать тебе птенца, и для этого приехал специально в Общину. Ты узнаешь, как, чем и когда ты связан кармой великой благодарности с тем несчастным карликом, что теперь пришел к тебе за нею в образе белой птицы и что в одной из жизней был твоим злейшим врагом и убийцей. Ты получаешь сейчас случай возвратить ему, в свою очередь, и уходом, и любовью благодарность за спасение твоей жизни, в далеком прошлом.

Мы вышли на поляну, где снова было жарко. К нам навстречу шла сестра Алдаз с очень обеспокоенным лицом.

– Чудеса, чудеса и чудеса, – прошептал Бронский.

– Нет чудес, есть знание, знание и знание, – ответил ему И.

Сестра Алдаз, без всякого приветствия, сразу стала что-то говорить И. очень встревоженным голосом. Лицо ее, на которое я теперь особенно внимательно смотрел после слов о ней Бронского, менялось точно в сказке. И вся она казалась иною, в зависимости от мимики лица. Вся ее фигура то вдруг как-то тяжелела, то казалась воздушной в связи со словами, которые она произносила. Все в ней было так гармонично, что содействовало выразительности, и мне было понятно, что карлик с чем-то или кем-то боролся, хотя слов ее я не понимал. Он кого-то боялся и пытался убежать.

Когда мы вошли в комнату, где лежал карлик, сестра Александра держала руки метавшегося больного, очевидно бредившего. Долго возился с ним И., я получал приказания подавать то одно, то другое, пока наконец больной затих и стал дышать спокойно.

Дав ему немного отдохнуть и подремать, И. приступил к перевязке.

Видев утром страшные зияющие раны, я приготовился сейчас к ужасному зрелищу. Но каково же было мое удивление, когда я увидел, что раны больше не кровоточат, а покрылись каким-то серовато-белым налетом. И. развел кипящей жидкости, смочил ею заготовленный дома пластырь и покрыл им раны. Больной вздрогнул, но не открыл глаз, продолжая дремать. Только когда уж он был совсем перевязан и И. погладил его по голове, он открыл глаза, удивился, увидев вокруг себя так много людей, остановил взгляд на И. и улыбнулся.

И. взял его здоровую ручку и стал ласково с ним о чем-то говорить. Тот сначала словно не хотел отвечать, но затем заговорил быстро, жалобно, о чем-то умоляя и чего-то боясь. И. успокоил больного, отправил обеих сестер ужинать и велел им привести с собой брата милосердия, который остался бы ночевать с больным и мог бы уйти от него только тогда, когда больной убедится, что его в обиду никому не дадут.

Через некоторое время пришел брат милосердия. Лицо его меня поразило. Много добрых и светлых лиц видал я за это время, но такого потока любви, какой лился от всей фигуры этого человека, я еще не видел.

Карлик едва на него взглянул, как заулыбался, что-то замурлыкал, протянул ему здоровую ручонку и старался привстать, что ему тут же строго запретил И. Брата этого звали Франциск. На наше приветствие он каждому из нас посмотрел в глаза и подал руку. Но как взгляд, так и жест, каким он здоровался с каждым из нас, – все было так разное, что я немедленно стал Левушкой «лови ворон».

На Альвера он взглянул пристально, высоко поднял правую руку, улыбнулся и сказал на прекрасном французском языке, громко, четко:

– Вы большой молодец. Идите, как начали, далеко пойдете!

На Бронского он смотрел долго, качал головой, поклонился ему низко-низко и тихо сказал:

– Довольно одиночества и скитаний. У Вас теперь много друзей. Вы здесь оставите все слезы и скорби и уедете в розовом плаще. А Ваш, черный, ляжет мне на плечи. – И он снова низко поклонился ему.

Бронский превратился в соляной столб, не в силах, очевидно, воспринять всего происшедшего. Ко мне последнему подошел Франциск, я стоял поодаль у стола и собирал аптечки, пока не словиворонил.

– Мир тебе, брат мой милый, неси людям радость. Так мало, так редко идет ученик, имея счастье рассыпать радость и свет своим ближним. Не стой на месте, живи всюду. Но где бы ты ни был – неси мир. Твой талант может одухотворять сердца. Научись здесь выдержке – и ты войдешь в гармонию. И ею будешь крепить людей.

Франциск подал мне обе свои руки, и точно волна тепла и мира пролилась в меня через его руки. Он сел у постели карлика, склонился к нему и стал его кормить. Красные глазки страдальца выражали полное удовольствие. Он забыл обо всем и радостно смеялся между глотками пищи.

И. помог мне собрать вещи, так как я положительно был никуда не годен, как, впрочем, и мои товарищи. И. пришлось всех нас приводить в себя и напомнить об элементарных правилах вежливости, ибо мы собирались уйти, даже не простившись. В последнем приветствии Франциск снова сказал мне:

– Ухаживай усердно за своим павлином, милый брат. Это много страдавшая душа. Чем больше внимания ты ей отдашь сейчас, тем выше он пройдет потом. Мне будет приятно, если ты будешь меня навещать. Я научу тебя, как видеть «сквозь землю», – чуть улыбнувшись, прибавил он.

Теперь уж я готов был превратиться в соляной столб, но И., смеясь, простился с Франциском и увел меня из комнаты, как и всех остальных.

На обратном пути каждый из нас был погружен в свои мысли. Бронский, несмотря на прохладу леса, отирал платком лившийся градом пот. Англичанин шел, – точно полк за собой вел. А я плелся шаг за шагом, поддерживаемый И., и не мог постичь, как неисчислимо разнообразие путей человеческих.

То я вспоминал, что путей миллионы, а ступени у всех одни и те же. То я думал, что жизнью человеческих неисчислимо множество, и Жизнь – одна. И я не мог понять, как же входят в ту гармонию, о которой сказал мне Франциск, такие маленькие люди, как я. Положительно все путалось в моей голове.

– Ты, Левушка, думай о своем «сегодня». Придем, покорми свою птичку, она, наверное, без тебя уже соскучилась. Собери внимание к текущим делам и вливай в них бесстрашие и благородство. А о завтра ты не думай, ты о нем будешь думать завтра, – ласково убеждал меня мой наставник.

– Ах, И., миленький, если бы я мог хоть в сотую долю быть таким заботливым другом для моей птицы, каким Вы являетесь для меня, я был бы счастлив, что хоть в чем-нибудь выполнил мой урок. Как я хотел бы стать достойным Ваших забот, – ответил я, вбирая себя, по обыкновению, спокойствие, уверенность и мир от моего друга.

Дойдя до Общины, И. простился с нашими спутниками, напомнив им, что к ужину опаздывать нельзя.

Не успели мы войти в мою комнату, как мой новый сожитель встретил

нас радостным писком. Я бросился к нему, осторожно вынул его из пуха и покормил на ладони. И. помогал мне напоить птенца, что составляло целую проблему.

Окончив процедуру кормления, я приласкал мое белое сокровище и снова уложил его в гнездо. Раздался звук гонга, и мы спустились в вечернюю столовую. Здесь было светло, веера создавали прохладу.

К И. подходило много новых людей. Художница, расставшаяся с нами после чая, спрашивала меня, где я был, что я видел за это время. Я ответил ей, что видел так много, что даже и вместить не могу.

Наш разговор перебил Бронский и сообщил, что его другу как будто чуть-чуть лучше, но что к больному его не допустили.

Я не вслушивался в разговоры вокруг. Есть мне положительно не хотелось. Я даже не замечал, что мне давали, но повиновался приказанию И., не освобождая меня от еды.

Как это ни казалось мне самому странным, но меня так клонило ко сну, что после ужина я прошел прямо к себе. Приняв ванну, я закончил мой второй день в Общине, не заметив и сам, как заснул подле своего нового друга, белого павлина.

ГЛАВА 3 Простой день Франциска и мое сближение с ним. Злые карлики, борьба с ними и их раскрепощение

Много времени, должно быть, недели три-четыре прошло, пока я окончательно познакомился с огромным парком и прудами Общины. Теперь внезапно открывавшиеся виды или выроставшие за поворотом дороги домики стали мне хорошо знакомы.

Мой друг, белый павлин, которого я сначала все носил на руках, стал теперь преуморительно бегать за мной всюду, требуя писком и комическим похлопыванием маленьких, едва растущих крыльев, чтобы я брал его на руки, когда он уставал.

Я каждый день навещал Максу, один или с И., иногда – правда, редко – с Альвером, которому И. поручил часть ухода за Игором.

Бронский чаще всего проводил со мною время между чаем и ужином, а весь день он был занят каким-то сложным трудом по своей специальности, в котором хотел передать своим ученикам все, что открывал ему его гений артиста-творца.

Мои занятия в комнате Али шли успешно, настолько успешно, что И. дал мне изучать и арабский язык, так как мне очень хотелось понимать моего нового друга Зейхед-оглы и не страдать, иногда надрываясь от смеха, от его французской речи.

Каждый раз, когда я приходил в больницу к сестрам Алдаз и Александре, я неизменно встречался с братом Франциском. Он или гулял со мною по лесу, если был свободен, или звал с собой в аптеку, где готовил лекарства, и я ему помогал, или вводил меня в свою комнату, комнату, которая поразила меня своим видом, когда я ее увидел впервые. Из его балконного окна во втором этаже домика на опушке леса, где были срублены верхушки деревьев, открывался вид на дальние селения, была видна горная цепь, как и из комнаты Али.

Три ряда идущих параллельно друг другу горных цепей, так называемые зеленые, самые низкие горы, покрытые травой и прекрасными деревьями, начинались сразу у долины. На них паслись стада, виднелись работавшие люди. За ними тянулся хребет бесплодных, так называемых черных гор, до которых можно было добраться, уже пересекши часть пустыни, и, наконец, снежный хребет, поражающий и ослепляющий, виден был во всей мощи и прелести из окна Франциска. Горы в этом месте делали полукольцо, точно углубление амфитеатра, и на этот-то амфитеатр выходил балкон Франциска.

Комната? Разве можно подобрать слова, чтобы описать комнату Франциска? Или его самого? В комнате было несколько шкафов с книгами, небольшой стол странной формы, довольно узкий, высокий, из белого мрамора с очаровательными красными прожилками, такими многочисленными, что самый мрамор казался алым. Над столом висел большой крест из выпуклых красных камней. Когда луч солнца падал на него, он горел горячим теплым светом, точно смесь огня и крови, и часто привлекал мое внимание. Я часто думал, как прост и благороден этот крест, как пропорционален этот столик, но не мог решить, что же можно за ним делать. Писать? Высок. Есть? Малоудобен.

Но сам хозяин так поглощал мое внимание, что у меня никак не было времени спросить Франциска, что он делает за своим высоким столом. В комнате стояли еще три креслица, если можно этим словом назвать три сиденья, какие, пожалуй, могли быть только у пещерных людей. Сложенные из стволов пальм и кож, грубые – и все же по-своему красивые, они были удобны для сиденья.

Вместо кровати у стены стояли козлы с натянутой на них парусиной. В любую минуту они могли быть превращены в постель, но удобно ли спать на подобной постели, этого я никак решить не мог. Простой рукомойник, с висевшей над ним стеклянной полочкой для умывальных принадлежностей и полотенце, письменный стол, камин – вот и все убранство комнаты.

А между тем, как только я вошел в нее, меня захватило очарование,

почти такое же чувство счастья, какое я испытывал, входя к И., Ананде или сэру Уоми. Я видел глазами простые вещи, а ощущал всем сердцем не их, а того, кто здесь жил, кто наполнил всю эту комнату атмосферой мира и гармонии. Куда бы ни падал мой взгляд, я точно видел слова любви, вырезанные на всем сердцем Франциска.

От самого первого впечатления и до сегодняшнего дня обаяние этой личности для меня все возрастало. Он не говорил мне никаких особенных слов, а я ясно понимал, что такое раскрепощенный человек, глядя на его поступки обычного, серого дня.

Каждый день, когда я его не видел, казался мне лишенным чего-то, какого-то луча, без которого я уже не мог считать свой день полноценным. И я видел, что и другие – от мала до велика – так же искали и чтители Франциска, дорожили каждой минутой его общества. Где бы он ни проходил, все расцветало улыбками, ну точь-в-точь будто он шел и цветочки сеял.

Сначала он озадачивал меня, читая насквозь чувства и мысли буквально каждого человека. Но очень скоро удивление мое перешло в экстаз благоговения. На его примере я впервые ясно понял, что такое любовь в человеке, любовь, льющаяся потоком, не спрашивая взамен ничего для себя лично.

Любовь Франциска лилась в его дела дня не потому, что он умом понял, как раскрепостить себя от личных чувств, но потому, что для него слово «жить» было синонимом «любить».

Моя радость от свиданий с ним была не просто радостью. Во мне замирало все эгоистическое, когда я бывал с ним. Я не думал, как мне себя приготовить, чтобы, войдя к нему, быть достойным его своей чистотой. Но увидев его еще издали, я заражался его атмосферой. Я всегда ясно чувствовал, как будто переступал какую-то грань, что Франциск Близко, что струи его любви бегут ко мне.

Постепенно я постиг, почему Франциск мог так понимать каждого человека, точно знал его с детства. Ему ничто не мешало в нем самом. Он не знал перегородок между СОБОЮ и человеком, перегородок, которые мешали бы ему принять человека таким, каков он есть, всего, без всякой личной к нему требовательности. Его сердце было настежь открыто такой мощью любви, что весь подходивший к нему человек, со всеми своими скорбями, слезами и сомнениями, вливался в эту мощь и оставлял в ней свои страсти, получая мгновенное успокоение и облегчение. Человек оставлял ему свои горести и уходил утешенным и обрадованным.

Все то мудрое и великое, что мне говорил И. и что я принимал всем

умом и сердцем, но что считал для себя идеалом далекого-далекого будущего, я видел в простой доброте человека, в его повседневной жизни.

Мало того, что Франциск жил любя. Он своим примером обращения с людьми умел каждого так удержать в силе своей любви, что всякий смягчался, переставая раздражаться и неистовствовать.

Однажды я был свидетелем потрясающей сцены. Отец, похожий более на разъяренного буйвола, чем на человека, гнался за своим сыном с огромнейшей дубиной. Он уже настигал несчастного, уже дубина была поднята вверх, чтобы опуститься на голову сына, как Франциск в два прыжка очутился перед разъяренным отцом и закрыл собою юношу.

Я в ужасе закричал, бросился ему на помощь, но убежавший юноша, очевидно, совершенно потерял рассудок и подумал, что я хочу его задержать. Со всей силой ужаса от надвигавшейся на него смерти, он толкнул меня в грудь. Не ожидая с его стороны нападения, я упал навзничь; к счастью, я попал на завесу из лиан, запутался в них, но не особенно сильно ушибся. Но все же я почувствовал резкую боль в позвоночнике и, вероятно, на несколько минут потерял сознание.

Когда я очнулся, Франциск стоял на одном колене и нежно держал мою голову руками. Рядом, закрыв лицо руками, рыдал, сидя на земле, юноша. Отец сидел поодаль на упавшем бревне и тяжело дышал, опустив голову.

– Мой бедный мальчик, вот опять тебе потрясение, а твоему организму так необходимо полное спокойствие. Не знаю, сможешь ли ты встать. Во всяком случае, вернуться в Общину к И. ты сейчас не сможешь. Я донесу тебя до своей комнаты.

Не знаю, как будто бы ничего особенного не говорил Франциск. Но тон его голоса, выражение лица, глаза, которые излучали бездонную любовь, мир, такой мир и спокойствие, такую ласку и благословение, точно никакой драмы не произошло только что, точно он созерцал рост цветов и трав, а не спасал от смерти человека, рискуя собственной жизнью.

Еще никогда я не ощущал такого блаженства любви и радости. В меня как бы вливалась от Франциска струя теплой крови. Я забыл о боли, о рыданиях юноши, которые не утихали, а стал весь легким, радостным, тихим.

Франциск положил меня удобно на землю, свернул свою и мою шляпы наподобие подушечки, подошел к юноше и положил ему руку на голову. Юноша затих, отер рукавами глаза, посмотрел на Франциска и сказал:

– Кто ты? Я тебя никогда раньше не видел. Почему ты побежал за меня на смерть? О, ты святой! Я видел у миссионера портрет такого Бога, точь-в-точь, как ты. Это он, значит, тебя мне показывал? Что же теперь я должен

делать? Ты, наверное, потребуешь, чтобы я стал монахом? Очень и очень мне этого не хочется. Но я знаю, что все равно моя жизнь теперь принадлежит тебе и я должен жить дальше так, как ты прикажешь. Я повинуюсь, святой брат, приказывай.

Юноша стоял на коленях, сложив на груди руки точно для молитвы. Но где же мне найти слива, чтобы описать лицо Франциска? Он глядел на юношу, как могла бы смотреть нежнейшая мать, лаская крошку сына. Он улыбнулся, и улыбка, как благословение, как луч света, озарила всех нас.

Для меня эта улыбка звучала. Звучала так же, как звучал до сих пор смех Ананды, который я называл звоном мечей, как смех сэра Уоми, который напоминал мне переливы очаровательных колокольчиков и шум весенних ручьев. Эта улыбка в молчании сказочного леса звучала как неотделимая часть всей природы, как сила жить в счастье любви.

Я так погрузился в мои мысли, что опомнился, услышав Франциска, говорившего:

– Святым на земле нечего делать, мой друг. Они могУТ Трудиться выше нас, где мы с тобой еще не поместимся. Я так же грешен, как и ты. И жизнь твоя нужна не мне, а тебе самому, всем твоим родным, всей земле, по которой ты ходишь, всем людям, с которыми ты трудишься, и всем тем детям, что от тебя родятся. Жизнь каждого человека нужна и ценна тогда, когда сердце его потеряло способность бояться и раздражать людей вокруг себя. Ты не хотел жениться на той, что отец тебе выбрал. Ты мог просить его об отсрочке, и все было бы благополучно. Ведь та, что выбрал тебе отец, плоха здоровьем. Она недолго проживет. Ты же вместо мирного разговора, стал бросать отцу слова упрека. Ты старался задеть его побольнее. Ты играл со страстями отца, силы которых ты не знал, и ввел его в безумие. Если бы случилось сыноубийство – твой отец был бы менее тебя виноват. Вся твоя жизнь с этой минуты и до смерти должна быть одним уроком любви. Ни одного человека ты не смеешь раздражать, но каждого, с кем бы ты ни встретился, ты должен суметь успокоить. Вот и весь тебе мой завет, в нем вся твоя святыня. Иди, друг, подумай над тем, что я тебе сказал, и, если тебе будет плохо, приходи ко мне в больницу. Ты меня всегда найдешь или тебе скажут, где я.

Франциск снял свою руку с головы юноши, но тот ухватился за его одежду и умоляюще сказал:

– Святой брат, положи еще твою руку мне на голову, не прогоняй меня, возьми меня в слуги, я буду так счастлив жить подле тебя.

Снова, еще шире прежнего, точно целая симфония любви, зазвучала улыбка Франциска, и он ласково сказал:

– Порыв твой прекрасен, как прекрасен этот цветок. Цветок отцветает через неделю, а порыв твоей красоты засохнет через пять дней, если ты останешься здесь. Твоя жизнь – земля в цвету тела. А дух твой еще только зарождается, как почки на дереве. Живи, как живут твои отцы и братья, люби девушку, как любишь мать и сестру, и строй семью, как я тебе сказал, чтобы никто и никогда не слышал твоего строгого или раздраженного голоса. Иди, трудись и будь добр ко всем.

Юноша поднялся с колен, поклонился Франциску и повернулся, чтобы уйти. Он шел медленно, как бы нехотя, а Франциск смотрел ему вслед все с той же улыбкой любви, которая заливала, казалось мне, все пространство вокруг. Внезапно юноша повернул обратно, подошел к отцу и с огромным усилием, побеждая себя, сказал:

– Отец, прости меня. Он велит мне жить в мире со всеми. Если не примирюсь с тобой, как же я буду жить в мире с другими, если все ссорюсь с тобой? Тогда мне придется умирать, потому что он владеет теперь моей жизнью, а я не смогу выполнить его завета.

Грузная, приземистая фигура отца, его огромная бычья шея, опущенная вниз голова, ничто не шевельнулось. Франциск подошел к нему, тронул его за плечо, и глаза, полные ярости, бешенства и злобы, поднялись к глазам Франциска, а вместе с ними поднялась и его громадная ручища. Я снова готов был вскочить на помощь, мне казалось, что неизбежно сейчас случится катастрофа, как голова отца опять опустилась, рука упала на колени. Франциск подошел к нему совсем близко, погладил его по голове.

– Разве ты безгрешно прожил юность? Чему ты удивляешься сейчас? Разве ты подавал пример доброты или ласки детям? Если ты действительно считаешь себя безгрешным, брось камень сына. Если же знаешь, что много на сердце твоем тяжести, обними сына, он понесет часть твоих тяжестей и снимет с тебя много страданий. Сейчас он просит у тебя прощенья. Не ты ли должен трижды просить его у сына, ибо ты уже трижды обманул его?

Голос Франциска был ласков и радостен. Точно тигр вскочил человек с пня, схватил нежную руку Франциска в свои огромные лапы и дико закричал:

– Кто тебе сказал? Один я про это знаю. Где ты был? Ты за мной подсматривал? Ты подслушивал?

– Тише, отец. Разве ты не видишь, какие у святого тоненькие ручки? Ты ломаешь ему руку.

Силач выпустил руки Франциска, на которых остались сине-багровые полосы и отпечатки могучих пальцев. Я застонал при виде этих точно кровоточивших знаков. Сам силач, очевидно, не ожидавший такого эффекта

от своего прикосновения, казался очень смущенным и прошептал:

– Прости, святой брат.

Взгляд его теперь смягчился, в глазах появилось человеческое выражение.

– Обними сына и отпусти его жить, как он хочет.

– Да ведь ты не знаешь, что он выдумал! Ему, видишь ли, учиться надо. Грамоту захотел знать. Сказочников на базаре наслушался да с арабом одним дружбу свел, читать желает, – снова и все больше раздражаясь, кричал, точно рычал, как дикий зверь, отец.

– А ты, в твоём детстве, разве не просил отца пустить тебя в школу? Разве ты не плакал, когда он отказал тебе? Но ведь он не бил тебя за твоё желание учиться. Почему же ты гнался за сыном, желая его убить? Вдумайся и сознайся: зависть и ревность к судьбе сына лучшей, чем была твоя собственная, – вот что разъярило тебя.

– Может, это и так, – скорее простонал, чем сказал человек. – Но ведь я не хотел убить его, я хотел только пострадать. Все последнее время я сам не свой и не пойму, что со мной творится. Вьются подле меня, шныряют два каких-то карлика, да такие отвратительные! И как только они появляются, ну точно бес в меня вселяется. Я на все раздражаюсь, всех ругаю, становлюсь сам не свой. Вот и теперь. Шел я с сыном, спокойно разговаривал, откуда ни возьмись – выскочили эти бесенята, да давай что-то лопотать, тыкать пальцами и показывать на дорогу в больницу. Я понял, что им нужно туда идти, да боялся беспокоить доктора. Взял одного за руку, чтобы его провести, а он как кольнет меня какой-то остренькой палочкой – точно каленым железом в сердце мне стукнул. Я выпустил его ручонку, оба бросились бежать в глубь леса. Тут сын что-то сказал мне, я даже сейчас и не помню что. Но сразу я озлился и замахнулся на него дубиной. – Он помолчал, отогнул рукав своей одежды и показал на руке, около локтя, большое синее пятно, в центре которого зияла маленькая ранка, в булавоочную головку.

Франциск склонился к его руке, с неожиданной силой поднял старика с дерева и быстро скомандовал:

– Сейчас же иди за мной. Смерть или кое-что еще похуже грозит тебе.

Он подхватил меня на руки, юноша помог ему нести меня, и почти бегом Франциск бросился к больнице, приказав крестьянину идти впереди. Тот сначала шел очень быстро, но уже у входа в комнату должен был опереться на сына и, едва войдя, почти без сил опустился в кресло.

Франциск положил меня на свою кровать – я все ощущал резкую боль в позвоночнике – и стал быстро готовить какое-то лекарство. Дав его

выпить больному, он слегка приподнял крышку мраморного стола, достал какую-то палочку – как мне показалось, стеклянную, игравшую всеми цветами радуги.

Что меня особенно поразило; на конце палочки точно огонь горел. Этим-то огнем Франциск, что-то протяжно напевая, коснулся раны больного. Тот вздрогнул, но, вероятно, не от боли, так как лицо его осталось спокойным. Еще и еще касался Франциск ранки своим огнем, как бы высасывая своим огнем яд из ранки. Через несколько минут из ранки брызнула кровь. Но что это была за кровь?! Темная, запекшаяся, она не лилась, а выскакивала сгустками, напоминая черноватые пробки, Франциск все так же продолжал напевать свой протяжный гимн, и наконец из ранки полилась струйка алой крови.

На губах больного появилась пена, он кашлянул и изо рта его показалась кровь, которую Франциск быстро вытер полотенцем. Он положил палочку на место, с такой же осторожностью, с какой ее вынимал, приподняв крышку мраморного стола, и велел юноше пройти в большой дом, разыскать старшую сестру и немедленно просить ее прийти сюда. Тем временем он дал больному какое-то полоскание, подождал, пока кровотечение остановилось, и тогда дал еще капель. С необычайной ловкостью Франциск наложил повязку на ранку, подвязал руку больному на бинте к шее и сказал вошедшей сестре Александре по-французски:

– Больной нуждается в полном спокойствии. Кроме того, к нему, как и к Вашему малютке-пациенту, никого впускать нельзя. Особенно строго оградите домик, где лежит малютка, и передайте брату Кастанде, что я прошу прислать двух сторожей с белыми павлинами в больницу. Он все поймет. Пошлите кого-либо к И., скажите, я прошу его немедленно сюда прийти. Он тоже сам будет знать, что ему захватить. И сейчас же, даже сию минуту, прикажите сестре Алдаз принести сюда ее больного. Ктонибудь, да хоть ты, мой друг, – обратился он к молодому крестьянину, настолько одуревшему от ряда неожиданных событий, что он стоял разинув рот. Перейдя на туземный язык, Франциск продолжал: – Пойди вместе с начальницей и принеси сюда детскую кроватку, которую тебе укажут. Отцу помоги дойти сюда.

Говоря, Франциск отодвинул в сторону нечто вроде ширмы, что я вначале принимал за стенку. Там оказалась ниша, в которой стояла кровать с чистейшим бельем. Туда уложили больного, и Франциск сказал сестре Александре снова по-французски:

– Спешите, в лесу бродят два карлика, они злы и опасны. Ни маленький больной, ни этот силач не должны подвергаться их нападениям.

Даже встреча с ними сейчас может быть опасна. Я буду стеречь моих больных и сестру Алдаз. Вы же спешите выполнить все, что я сказал.

Когда сестра и юноша вышли, Франциск, сияя своим лицом, точно пучком лучей, переставил кое-какие вещи в комнате, и я понял, что он приготавливал место для кровати карлика. Глядя на него, все более и более изумлялся. Бог мой! Что это были за глава, что это были за движения! Я ощущал всем существом, что Франциск не стул отставлял, а молился. Он не действовал на земле, делая какие-то самые простые дела, а прославлял Бога каждым движением. Улыбка не сходила с его лица, улыбка счастья жить. Он посмотрел на лежащего на кровати угрюмого и грубого силача, увидел, как по его огромным щекам вдруг покатались слезы, подошел, к нему и таким ласковым голосом сказал ему несколько непонятных мне слов, что у меня в сердце точно сладость разлилась.

Погладив его лохматую голову, он помог ему повернуться на другой бок и через минуту ровное и тихое дыхание сказало мне, что человек спит.

На руках Франциска все еще оставались багровые следы от тисков силача. Мне казалось, что они даже стали еще страшнее на вид, вот-вот из них брызнет кровь. Я хотел сказать, что пора ему заняться самим собой, как сестра Алдаз внесла на руках прикрытого простыней Максу. Юноша, на лице которого читалось теперь только восхищение красотой девушки, нес кровать малютки. Он так и стоял посреди комнаты, приковавшись глазами к очаровательному личику Алдаз, держа в руках легонькую бамбуковую кроватку и окончательно потеряв соображение. Гамма стольких разноречивых переживаний за полчаса, очевидно, не могла уложиться в его мозгу. Он был так комичен, что я не мог удержать хохота, видя в юноше свой собственный портрет Левушки «лови ворон».

Моему смеху вторил Макса, не выдержала испытания на серьезность Алдаз, а Франциск, взяв кроватку, поставил ее на приготовленное место, сам положил в нее карлика и, точно про себя, сказал:

– Самое время, самое время.

Я этих слов не понял. Но, взглянув на юношу, увидел внезапную перемену в его лице. Он побледнел до серости, потом на лице отразилась ярость, он протянул руку, показывая Франциску на что-то в окне, и, быстро бормоча проклятия, хотел бежать из комнаты туда, но Франциск его удержал, спокойно объясняя ему что-то на его наречии.

Лицо Алдаз, поглядевшей в окно, тоже изменилось, ода казалась испуганной и с тоской смотрела на Франциска. Он же, не переставая улыбаться, посадил ее у постели Максы, которому сказал:

– Спи, дитя, надо спать, пока не придет доктор И. Макса закрыл глаза,

и я был поражен, как безмятежно и мгновенно он заснул, даже смех его оборвался сразу. Франциск велел юноше сесть у постели отца и объяснил, что надо сидеть там, не сходя с места до тех пор, пока не придет доктор И.

Сколько я ни старался увидеть из окна, что так пугало Алдаз, что сердило юношу, я ровно ничего не видел, кроме чудесного лесного ландшафта.

– Твои глаза еще не могут видеть «сквозь землю», – усмехнулся Франциск, сев подле меня. – но вот, посмотри туда, на кусты жасмина. Видишь ты, как чуть-чуть шевелятся несколько ветвей, тогда как все остальные стоят совершенно спокойно. Воздух неподвижен. Что может колебать некоторые ветви? Что-то может колебать их только снизу. Заметь направление, в котором идет движение ветвей. Оно идет прямо к окнам домика, откуда только что вынесли Максу. Теперь я слышу, как сюда быстро идут сторожа со многими белыми павлинами и еще быстрее идет И. Знаю, что ты не умеешь еще сосредоточивать свое внимание, и потому говорю Тебе: не отрывайся взглядом от клумбы с жасминами и цветами, и ты вынесешь сегодня большой урок жизни, гораздо больший, чем если бы я рассказывал тебе три часа подряд, что такое злая воля и злая сила в человеке.

Франциск еще раз приказал всем нам не двигаться с места ни при каких условиях, даже если бы стрела влетела в окно, не менять положения и не прикасаться ни к чему, что может быть брошено к нам в окно. Он вышел из комнаты и стал в дверях сеней домика.

Я следил за кустами и цветочной клумбой, видел, что цветы и ветви продолжают нежно колебаться, и стал вглядываться ближе к земле, стараясь понять, что могло вызывать такое равномерное колебание. Раза два мне показалось, что я заметил какого-то ребенка среди цветов. Но, сколько ни вглядывался дальше, ничего не видел. Вдруг в комнате, где лежал Макса, что-то с сильным звоном упало и разбилось. Среди царившей тишины этот сравнительно небольшой шум показался мне грохотом пушки. Я боялся, что больные проснутся, но звук не произвел на них никакого впечатления.

Я приподнялся и увидел, что Франциск теперь стоит на середине поляны лицом к кустам, спиной к бывшей; комнате Максы. На его лице было все то же выражение, точно он прославлял свое счастье жить. Он внезапно вытянул руку, и я вздрогнул так, что всю мою спину снова заломило: у самых его ног в земле торчала стрела. Я всем усилием воли смотрел на кусты и теперь увидел, как оттуда вылетела вторая стрела и впилась в землю рядом с первой. Я совершенно оторопел. Я не понимал,

зачем Франциск стоит у кустов, где ему грозит смерть. И как может человек с такой безмятежной любовью на лице стоять у черты зла и смерти? Мои мысли прервал несшийся издали шум. Я никак не мог определить, что это за шум, мне казалось, что бегут несколько человек.

Внезапно, точно снежным облаком, вся поляна покрылась белыми павлинами. Несколько мужских фигур, сообразно указаниям Франциска, разместили птиц в три кольца. Одно кольцо охватило клумбу жасминов, второе – по обе стороны стоявшего в центре Франциска – защищало все входы в дома больницы, а третье защищало все выходы в лес.

Люди держали в руках нечто вроде блестящих металлических сеток и разделяли собой каждый десяток павлинов. Присмотревшись к мужской фигуре, стоявшей на лесной дорожке прямо напротив Франциска, я узнал в ней И. Зрелище было так захватывающе прекрасно и интересно, что мне надо было собрать все усилия, чтобы не оторваться вниманием от кустов и не словиворонить.

Павлины сужали свой первый круг возле кустов жасмина и клумбы. Соответственно им и второй круг, где стояли друг против друга Франциск и И., также подвигался ближе к кустам. Одновременно и И., и Франциск подняли руки вверх, и тут же я остолбенел. Лицо И. было грозно и повелительно, так повелительно, каким я и представить себе его не мог. Он был похож на Бога силы, которому ничто противостоять не может. А Франциск был похож на Бога любви, и такой любви-силы, которой тоже ничто противостоять не может.

В кустах раздался дикий вой. Это был вой ярости, бешенства, протеста. Оттуда выскочил карлик и бросился бежать. Но павлины сомкнулись горой, распустили свои хвосты и встали друг другу на спины, образовав белую стену, преградившую ему путь.

Тогда карлик бросился в образовавшееся с другой стороны павлиньего кольца отверстие и понесся во всю прыть своих маленькие ножек прямо на И., который схватил сетку, переброшенную ему ближайшим соседом, и опустил ее на карлика, несшегося вперед со всей яростью и доступной ему скоростью. Не ожидав преграды сверху, карлик упал на землю и дико взвыл – и как только могло так ужасающе громко и злобно выть такое маленькое существо! – и стал кататься по земле, все больше запутываясь в сетке, которую он старался разорвать руками и ногами, грыз зубами и резал ножом, который появился в руках, я не заметил, каким образом.

И. протянул руку к катавшемуся у его ног клубку сказал что-то очень повелительным тоном. Карлик, застывший было на миг, принялся снова еще ужаснее выть, плевать и, очевидно, проклинать. И. подошел ближе и

опять что-то сказал. На этот раз в его тоне звучало предостережение. Карлик замолк и вдруг лицо его озарилось буквально дьявольской улыбкой. Он весь собрался в комочек, быстрее молнии натянул тетиву лука и пустил стрелу прямо в грудь И. Сестра Алдаз, юноша и я вскрикнули от ужаса. Алдаз закрыла лицо руками, я же попытался бежать на помощь, но не имел сил не только бежать, но даже не мог приподняться выше того, как сел в самом начале. Стрела взвилась вверх, и я ожидал увидеть ее в темени И. Вместо этого она упала на поляну, как раз между И. и Франциском.

Снова раздался голос И., но на этот раз я не узнал дорогого мне чудесного и мягкого голоса. Это было нечто вроде громовых раскатов. Как будто бы эхо присоединялось к каждому слову, усиливало его стократно и сливалось со всей природой.

Карлик задрожал. Я увидел, что сеть, в которой он запутался, начинает краснеть, точно накаляться. Увидев этот ужас, поняв, что он сгорит заживо, если не исполнит какого-то приказа И., карлик принялся выбрасывать из своей одежды какие-то корешки, стрелы, порошки, сбросил лук, потом какие-то мешочки и посмотрел на И.

Сеть продолжала накаляться. И. еще раз предупредил о чем-то карлика. Но тот отрицательно покачал головой. Тогда лицо И. стало бледно, милосердно, но... я понял по жесту его руки, что смерть карлика, не желавшего подчиниться требованию И. и отречься от зла, неизбежна.

И карлик понял, что обмануть И. ему не удастся, что на него идет смерть. Он встал на колени – лицо его, серое от страха, ужасное, было омерзительно – и выбросил несколько черных камешков. Пламя сетки, уже подходившее к несчастному, погасло. И. подошел вплотную к карлику, поднял сетку палочкой, которую вынул из-за пояса, отбросил ее в сторону и накинул на карлика другую, которую ему снова подал его сосед. В ней карлик остался лежать у ног И. Теперь раздался вой из кустов, точно кого-то оплакивающий. В этом вое было столько страдания, что я весь внутренне сжался.

Франциск, стоявший до сих пор неподвижно, сделал несколько шагов к кустам, и птицы целой стаей двинулись за ним. Он остановился почти у самой клумбы и кому-то, мне невидимому, стал говорить.

Я не понимал ни языка, ни смысла того, что он говорил. Но интонация голоса, бездонная ласка, мир и доброта, которые слышались в нем, говорили моему сердцу, что его любовь в своей помощи не знает ни предела, ни отказа. Но что буквально разорвало мне сердце – это лицо Франциска. Ах, сколько раз в трудные и опасные минуты жизни, в минуты разлада и смертной тоски вставало передо мной это бледное лицо в экстазе

любви и доброты.

Бледный, с огромными синими глазами, испускавшими лучи, с улыбкой радости он протянул вперед руку. Всей своей позой Франциск говорил: «Приди ко мне, и я утешу тебя».

Я увидел, как из кустов стал выползать на четвереньках второй карлик. Этот был еще уродливее первого. Совершенно непропорционально сложенный, с огромной сравнительно головой, с длинной талией и коротышками-ножками, он поднялся на ноги с трудом и шел прямо на Франциска, воя, точно собака по покойнику. Длинные руки его висели ниже колен, челюсть с обнаженными деснами выдавалась вперед, а была почти от уха до уха. Это страшное, невообразимое человеческое чудовище, задыхаясь, не дошло до Франциска шагов трех. Я ожидал, что тот сейчас же возьмет его, поднимет и приласкает. Но случилось иначе.

Первый карлик во всю мощь своей глотки стал что-то орать своему сподвижнику, показывая ему на стрелу, торчавшую посреди тропинки на поляне, и на те черные камешки, что он выбросил из своих бездонных карманов. Второй карлик сначала слушал внимательно, прикрыв уродливыми толстыми губами свою ужасающую челюсть, потом взглянул на Франциска, отпрянул назад и завыл, закрывая глаза руками.

Первый карлик заорал еще настойчивее. Франциск махнул на него слегка рукой, и он замолк. И снова раздался голос, который я опять истолковал себе так: «Приди ко мне, и я утешу тебя».

Карлик, так же молниеносно, как это проделал несколько времени назад его товарищ, выпустил стрелу, и она упала на землю, вонзившись рядом с первой. Тут оба карлика точно с ума сошли. Они стали так выть и кататься по земле, кусать даже землю вокруг, что Франциск взял сетку из рук своего соседа и нежно, точно ватой, прикрыл ею урода.

Так же как и первый, второй карлик запутался в сети. Голос Франциска, точно арфа, звучал нежно и кротко, когда он подошел к бесновавшемуся уроду и говорил ему что-то.

Затих второй карлик. Вынул спокойно все, что хранили его карманы, аккуратно сложил все в кучу и сверху положил такие же черные камешки, какие выбросил первый. Потом он встал с колен, пристально посмотрел в глаза Франциску своими красными глазами, и нечто вроде довольной улыбки раздвинуло его губы. Он моляще протянул руки к Франциску, показал на кучу своего аккуратно сложенного добра, притронулся к сердцу и горлу, провел рукой по своей шее, как бы показывая, что ему отрубят голову его хозяева.

Снова сказал что-то Франциск, и снова его голос и глаза проникли в

мое сердце так: «Приди ко мне, и я утешу тебя». Теперь, казалось, карлик понял, что нашел верную защиту, которая не предаст его. Он снова опустился на колени, завыл что-то миролюбивое и коснулся лбом земли.

– Левушка, собери все свои силы и выйди сюда, – услышал я голос И. Я с трудом, но все же без особого напряжения, поднялся, сам поражаясь, как же это я не мог встать некоторое время назад. Я вышел из дома, и И. указал мне, как пройти между двумя рядами павлинов, со всех сторон бежавших мне навстречу.

Павлины сдвинулись в две плотные шеренги и образовали нечто вроде тропочки между мною и И., так, что я мог идти только по этой узкой тропе. Когда я подошел к И., он обнял меня одной рукой за плечи и сказал:

– Ни я, ни Франциск не можем коснуться этих несчастных, Потому что от нашего прикосновения они умрут мгновенно, как это случилось бы с теми, кого ты должен был коснуться в Константинополе по просьбе сэра Уоми. Там у тебя был верный помощник храбрый капитан. Здесь ты один. Хочешь ли ты помочь мне и Франциску? Те люди, что стоят здесь, не могут нам помочь, каждый по своей причине. Помни, чтобы нам помочь сейчас, нужно не только полное бесстрашие, но и все милосердие, вся радость, вся любовь к Богу в человеке. Надо забыть все внешнее безобразие и проникнуть в заложенные в человеке Свет и Мир. Хочешь ли, друг, спасти этих несчастных?

– О, И., как можете Вы спрашивать, хочу ли я. Вопрос в том, как смогу я быть Вам полезным? И страха у меня быть не может, раз Вы подле меня, и всем сердцем я хотел бы помочь этим бедным страдальцам, чтобы хоть на йоту отблагодарить Вас за все то, что Вы для меня сделали и делаете. Призывая имя дорогого Флорентийца, я постараюсь собрать все свое внимание. Я готов, я слушаю Вас.

И. подал мне палочку, которую держал в руках:

– Держи палочку прямо против сердца бедного создания. Люби его так, как только может твое сердце понимать это чувство. Радуйся, как радуется сейчас Флорентиец, видя твое полное самоотвержение и желание спасти эти жалкие, злые создания. Когда я притронусь к твоей руке, что бы ни проделывал карлик, коснись немедленно его лба. Постарайся сделать это молниеносно и снова держи палочку на уровне сердца карлика.

Я взял палочку. Волшебное чувство счастья, радости охватило меня. Необычайно спокойным я себя почувствовал. Ноги мои, так слабо переступавшие, когда я шел, точно приросли к земле, во всем теле я почувствовал такую силу, точно и конца ей не было.

И. стал говорить что-то протяжное на языке пали, какой-то гимн. Я

теперь знал язык уже настолько, чтобы понять, что это язык пали. Иногда я понимал отдельные слова, но содержание всего от меня ускользало. Вдруг интонация И. резко изменилась. В голосе его послышались снова раскаты грома. Я крепче сжал пальцы вокруг палочки, посмотрел на карлика и едва не выронил палочку из рук. Он пытался, пронизывая меня своими страшными глазами, которые сейчас не влияли на меня никак, коснуться моей палочки, для чего встал во весь рост и тянулся что было мочи ко мне.

Но никакие его усилия не помогали. Он, точно приклеенный, не мог теперь двинуться с места. Я почувствовал прикосновение руки И. выше кисти, и в тот же момент я приложил палочку ко лбу карлика, который вскрикнул, хотел ее схватить, пошатнулся и упал.

Я подумал, что он убит. И. продолжал свой гимн и снова прикоснулся к моей руке. Я опять приложил палочку ко лбу карлика, тот вздрогнул, вытянулся и застонал.

Мое зрение, должно быть, утомилось от напряжения ярком солнце, но мне буквально казалось, что изо рта карлика шел какой-то черноватый пар.

Голос И. поднялся выше, в нем послышались такие повелительные интонации, что даже все павлины опустили головы к самой земле. И. в третий раз коснулся моей руки. Я немедленно снова приложил палочку ко лбу карлика. Он сел, посмотрел с удивлением вокруг, встал на ноги, посмотрел на меня, на И. и вдруг, сморщив по-детски лицо, заплакал горькими слезами.

Сердце мое надрывалось. Я готов был обнять его, успокоить, но уже две другие руки сбросили сеть с бедняги и нежно гладили мохнатую голову. И. поднял карлика на руки и держал его, горько плакавшего, у своей груди.

Франциск сделал знак руками, что-то громко сказал птицам, и они все перебежали ко второму карлику, окружив его плотным кольцом. И. велел мне вложить палочку в чехол у его пояса и спрятать ее в специальный узенький карман, совершенно не замеченный мною раньше в его одежде.

Теперь Франциск позвал меня к себе.

– Этот карлик добровольно оставляет свое грязное ремесло зла, Левушка. Пока я буду читать мою мантру, переноси всякий раз по моему указанию палочку с предмета на предмет во всей этой куче тряпья, что он сложил. Вот, возьми палочку. Когда вся куча распадется в золу, подними сетку палочкой, возьми карлика за руку и выведи его сюда, совсем близко ко мне. И когда я тебе укажу, коснись палочкой его темени.

Я сделал все, как приказал мне Франциск, и эффект от вещей, превращавшихся в золу, был почти тот же, что в Константинополе. Но только здесь все еще склеивалось, точно ком смолы. Как только я коснулся

темени карлика, он также хотел схватить руками палочку, пытался даже подпрыгнуть, но, как и первый, не достиг никаких результатов. Но этот карлик не злобился, не плакал – он смеялся как ребенок и выказывал все признаки удовольствия.

По указанию Франциска, я поднял палочкой сеть и подвел к нему карлика, который бросился к его ногам, обнимая их и пытался выказать все признаки любви. Франциск поднял карлика на руки, как это сделал И., и велел увести всех птиц за исключением трех, которых сам выбрал. Он велел также позвать сестру Александру.

Когда я передал Франциску его палочку и подошел к И. – карлик мирно спал на его руках. Когда пришла сестра Александра, оба карлика уже спали и были унесены в ту комнату, где жил Макса.

Теперь поляна приняла свой обычный вид, все следы происходившей на ней борьбы Света и тьмы исчезли, и мы вошли в комнату Франциска.

Меня тревожили багровые пятна на руках его, но он сам их точно не замечал. Только я приготовился было сказать о них И., как услышал его голос:

– Сядь, Франциск, я перевяжу твои раны. Иначе ты снова сляжешь.

Франциск и раны? Где же раны? Я недоумевал, не представляя себе, чтобы безмятежный, сияющий, правда бледный, но такой сильный и спокойный Франциск мог страдать от ран. Не возразив ни слова, Франциск сел на стул и И. отвернул его рукава.

Выше тех мест, где были багровые пятна от рук крестьянина, на обеих руках Франциска были раны, точно обожженные места, и на них уже выступали капли крови.

Никогда, ни до этого, ни потом, не приходилось мне переживать такого страдания. Франциск молчал, спокойно перенося муку, когда И. накладывал повязки на кровоточившие руки. Лицо его сохраняло такое выражение, точно он пел славословие всей вселенной, но я едва сдерживал рыдания.

Мне, как и крестьянам, которых он спас сегодня, Франциск казался святым. Почему же, зачем страдать святому? Мне хотелось подставить свои руки, только бы избавить его от страданий, только бы видеть это чудесное лицо в экстазе любви и доброты.

– Святым, Левушка, нечего делать на земле, я уже тебе это говорил. Могут быть на земле божественные посланники, но я не из их числа. Я – грешный человек. И все, чем я могу помогать людям, это только, в буквальном смысле слова, меняться с ними кровь за кровь. Но выше счастья и нет для человека на земле. Я не водитель человечества. Я простой человек. Мой ПУТЬ доброты ведет меня так, как во мне живущая Гармония

меня допускает. Не страдать ты должен, глядя на меня, но понять, что каждый путь есть вековая карма, от которой отказаться нельзя. Вот у тебя тоже карма: ты носишь дивный камень Учителя, который у него украли, он был опозорен и снова очищен. Знаешь ты или не знаешь – велика твоя помощь тому, кому ты его возвратишь. И все мы, тебе помогающие развить в себе психические силы носить его и вернуть его владельцу, все мы связаны огромной кармой благодарности и спасения с тем, кому ты должен возвратить камень.

Слова Франциска, как и все виденное сегодня, не до конца были мне понятны. Но я ни о чем не спрашивал, я уже теперь знал, что И. скажет мне все, что и когда я буду в силах понять.

Попрощавшись с Франциском, мы с И. покинули территорию больницы и возвратились домой.

Я шел с трудом, И. поддерживал меня и уложил в постель, как только мы вернулись в наш дом.

Через час Ясса повел меня в ванну. Сам И. давал ему указания, как применить массаж. Но и после ванны и массажа мне было не по себе. Пришлось снова лечь в постель.

Я даже не мог во всем происшедшем дать себе точный отчет. Не мог сообразить, который сейчас час, меня все больше охватывала слабость, озноб, и я забылся в беспокойном сне.

ГЛАВА 4 Я знакомлюсь еще со многими домами Общины. Оранжевый домик. Кого я в нем видел и что было в нем

Я проснулся, как мне показалось, от какой-то тяжести на плече и легких толчков по руке. Не сразу сообразив, где я и что со мной, я открыл глаза и тут же всю расхохотался.

Мой маленький друг павлин, который теперь стал уже не таким крошкой, забрался на мое плечо и преуморительно будил меня. Привыкнув ходить с нами купаться в определенный час, он давал мне знать, что пора вставать. Мало того, умильная птичка не удовольствовалась тем, что разбудила меня. Она соскочила с постели, подбежала к настежь открытой балконной двери, посмотрела вдаль и, выказывая признаки беспокойства, махая крыльями и издавая резкие звуки, как бы о чем-то молящие, вернулась к моей постели. Подергав клювом мое одеяло, павлин снова подбежал к балкону и снова вернулся ко мне, издавая еще более резкие звуки. Он старался дать мне понять, чтобы я посмотрел, что именно его беспокоит.

Весело смеясь, я поднялся и подошел к балкону. Каково же было мое

удивление, когда я увидел вдали, по пороге к озеру И., уже подходившего к скале, за КОТОРОЙ Он должен был сейчас скрыться. Я расцеловал моего заботливого друга, который радостно замурлыкал, чем еще больше меня насмешил. Мигом одевшись и не забыв на этот раз красиво расчесать свои кудри, чему меня ОБУЧИЛ Ясса, схватив в охапку простыню и павлина, я помчался догонять И.

Я чувствовал себя совершенно здоровым и в эти первые утренние минуты забыл, или, вернее, не вспомнил о том, что было вчера.

Я уже настолько привык к жаре, что палящее солнце не составляло больше для меня мученья, как это было в Константинополе или у моего брата в К. Я теперь мог идти очень быстро. Я почти постиг искусство ходить по пыльной дороге не пыля и не уставая.

Когда я домчался до нижнего озера, я увидел И, стоявшего возле одной из купален с каким-то высоким человеком. Стройная фигура незнакомца и его лицо были примечательны. Он не походил на туземца, хотя был брюнетом. Орлиный нос с очень красиво выгнутой горбинкой – все говорило мне, что это грузин, а по его походке, легкой, как бы танцующей, плавной, я угадал в нем горца.

– Левушка, – радостно обернулся И. на громкое приветствие моей птички. – Как это ты, соня, проснулся? Это надо отнести к разряду чудес, что нам с Яссой не пришлось тебя сегодня расталкивать, – смеялся И.

Он взял моего павлина на руки, а тот бесцеремонно взгромоздился ему на плечо и терся головкой о его щеку. Поглаживающий птичку по ее чудесной спинке, рядом с горцем-орлом, на фоне синего озера, под ярким солнцем, И. был так прекрасен, что я не смог удержать порыва моего восторга, обнял моего друга и молил его:

– И., миленький, не откажите мне! Я хочу иметь Ваш портрет именно таким, здесь, у озера, с моим павлином на плече, утром. Мне кажется, что Ваша поза, вся ласковость и энергия точно благословляют весь день, всех людей, посылая им силы творить и любить. О, И., не откажите мне! Я попрошу Бронского, чтобы его приятельница нарисовала мне Вас таким. Только согласитесь позировать синьоре Беате.

– Ненасытный Левушка, мало тебе моего постоянного присутствия днем? Еще и ночью я должен висеть над тобой! И снова, мой друг, ты проштрафился, выражаясь по твоей манере. Приведи себя в равновесие, освободись от чрезмерного восхищения моей персоной и познакомься с одним из моих и Али друзей.

И. говорил так ласково, глаза его лили такие потоки любви и радости, каких, как мне казалось, я еще не замечал в нем.

– Это мой старинный друг, Левушка, мой сподвижник во многих делах, которого я давно не видел. Зовут его, для тебя, Никито, а фамилия его Давшчвили. А это – Левушка, граф Т., – представил нас друг другу И.

На лице незнакомца изобразилось удивление, он оглядел меня с головы до ног, посмотрел на И. и вдруг, точно что-то вспомнив и сообразив, закивал мне головой, очаровательно улыбнулся и протянул мне обе руки.

Его молчаливое приветствие, глубокое радушие которого я ощущал всем сердцем, меня, в свою очередь, удивило. Что-то было в этом человеке особенное, мне даже подумалось, что он глухонемой, так пристален был его взгляд.

Протянув ему так же обе руки, я посмотрел в его глаза, зная, что глухие и немые смотрят в рот человеку. Но Давшчвили смотрел мне прямо в глаза. Взгляд его был добрый, прямой, честный. Но был ли он глухим, я не решил и услышал смех и слова И.:

– Ведь ты больше не немой слуга в горах Кавказа, Никито. Твоя привычка многолетнего молчания поразила Левушку, ждавшего от тебя словесного привета. Он, наверное, решил, что ты немой.

– Простите, – сказал мне Никито, – я так привык долго молчать в одиночестве, что теперь не сразу могу пользоваться речью, чем сбиваю с толку людей. Но на этот раз я знаю, что не только моя молчаливость смутила Вас. Я не сумел скрыть своего удивления, когда услышал Вашу фамилию. А удивился я ей потому, что много лет назад свирепая буря в горах загнала под мой кров неожиданного гостя. Буря справляла пир чуть ли не целую неделю, дороги замело так, что путнику пришлось прожить в моей сакле всю эту неделю. Гость мой был офицер и фамилия его была такая же, как Ваша.

В первый момент нашей встречи я не нашел сходства между моим гостем и Вами. Но несколько минут спустя я отчетливо вспомнил лицо моего гостя и могу поручиться, что он был Вашим братом. Овал лица, разрез глаз и губ – все одинаковое. Но кудри Вашего брата светлые, как и глаза. Вы же брюнет. У меня память на лица исключительная. Если бы И. и не назвал мне Вашей фамилии, я все равно сам спросил бы Вас о ней.

Давшчвили говорил по-английски с сильным акцентом. Я подумал, что он и по-русски должен говорить так же нечисто. Мысль, что он был гостеприимным хозяином брата, быть может, спас ему жизнь, сразу сделала мне Никито близким и дорогим. Все еще держа его руки в своих, я горячо сказал:

– Как я хотел бы слышать от Вас, Никито, подробное описание тех дней жизни брата, которые он провел с Вами. Я так давно его не видел, так

долго еще не увижу, что был бы счастлив поговорить с Вами о нем.

– Что же тебе нужнее в первую очередь, Левушка? – передавая мне павлина, спросил И. Мой ли портрет или описание жизни брата Николая у Никито?

-Конечно, И., Ваш портрет мне нужнее, потому что в нем для меня символ всей жизни, которую я понял через Вас. Владея Вашим портретом, я надеюсь навеки запечатлеть его в сердце, как путь счастья и силы, которые Вы научили меня понимать. Если бы я теперь услышал, как прожил мой брат неделю в глуши гор, почти заживо схороненный в бурне снегов, я понял бы, вероятно, многое иначе, чем до моей встречи с Вами. Символ белого павлина, который я видел на коробках Али, Флорентийца и моего брата...

Я не договорил моей фразы. Живой павлин, которого я держал на руках, взяв его от И., вдруг точно прорезал какой-то туманный занавес в моей памяти. Я вспомнил вчерашнее. Вся картина поляны, и на ней две фигуры – И. и Франциска, окруженные снежными кольцами павлинов с сияющими золотыми хвостами, до того ясно и четко вырисовалась в моей памяти, что я мгновенно забыл все остальное и стоял оглушенный потоком новых мыслей, новым озарением.

Вчера я не мог осилить всего величия труда, в котором участвовали птицы-братья, помогавшие вырваться своим карликам-братьям из цепей и мук зла. Не знаю и сейчас, сколько, как и где я стоял. Я точно читал слова письма Али: «И пусть этот белый павлин будет тебе эмблемой мира и труда для пользы и счастья людей.» Резкая боль в пояснице – должно быть, я неловко повернулся – заставила меня прийти в себя. Опомился я окончательно только в купальне, на берегу нижнего холодного озера. Мой птенчик сидел у моего изголовья, а И. и Никито стояли возле меня. В руках И. был флакон Флорентийца, я его узнал и понял, что, очевидно, дело не обошлось без моего обморока.

Как это ни странно, но когда я теперь смотрел на Никито, какие-то смутные воспоминания, что-то из далекого детства, вставало в моей памяти. Мне казалось, что его лицо, такое сейчас заботливо-нежное, связывалось в обрывках моей памяти с горами Кавказа, с лошадью, с каким-то путешествием, но ничего определенного я вспомнить не мог и, махнув рукой, решил, что это снова штучки моей «дервишской шапки». Все же, когда Никито прикоснулся ко мне, помогая встать, это прикосновение показалось мне знакомым.

– Ну, Левушка, попробуем искупать тебя в холодном озере, как рекомендовала Наталья Владимировна, – сказал мне И.

– Так она, дорогая моя приятельница, снова здесь? – Никито был очень удивлен, когда узнал, что Андреева не только снова здесь, но и живет в доме первой ступени, как он выразился о нашем домике.

На мой вопрос, что значит «первая ступень», он ответил мне, что первых ступеней много, в смысле жизни Общины и в бытовом, и в духовном отношениях. Первая ступень, как ее надо понимать в смысле дома, – это РОД распределителя, где каждый человек не выбирает себе нравящегося ему места в жизни, а живет именно там и так, как его духовные силы дают ему возможность. И именно эти силы определяют его место в Общине, не давая ему возможности жить иначе, в каком-либо другом доме Общины.

О себе он сказал, что живет сейчас в доме пятой ступени, а жил много лет назад, уезжая отсюда, в третьей. Но, возвратившись, теперь нашел дом пятой, которого даже не видел, когда жил в третьей.

И. сказал мне, что, если я выдержу мое купанье благополучно, он проведет меня к тем домам Общины, где мои силы дадут мне возможность жить и дышать. Он прибавил, что можно обладать очень высоко развитыми психическими силами, даже быть источником больших откровений для людей и все же, по недостатку гармонии в своем собственном организме, не иметь сил выносить вибрации тех ступеней, где атмосфера требует именно гармонии как начальной, исходной точки существования.

Человек, не справляющийся с рвущимися из него токами сил, задыхается в более высокой атмосфере гармонии, останавливается перед нею, как перед самой плотной стеной, хотя внешних препятствий перед ним никаких не существует. Стена эта создается его собственными, бурно рвущимися из него со всех сторон токами, закрывающими пеленой его собственное духовное и физическое зрение. И человек даже не видит входа или дороги в те места, где живут более развитые и сложившиеся в высокую гармонию существа.

Мое купанье, к счастью, обошлось без всяких эксцессов, если не считать, что температура воды по сравнению с воздухом была чрезвычайно низка. Возможно, что на самом деле она и не была уж так низка, но мне вода показалась ледяной. Когда я погружался в воду, она шипела, точно газированная, и покрывала все тело слоем серебристых пузырьков. Даже когда я вышел из воды, я весь был в них, как в серебряной броне, и красен как рак. Но зато до самого дома, всю дорогу по зною, я ощущал прохладу, и жара оставляла меня нечувствительным к ее каверзам.

Когда я вошел в столовую, первой меня приветствовала Андреева.

– Ах, мистер шило-граф, до чего же Вы изменились и похорошили за

то время, что я Вас не видела. Уж не купаетесь ли Вы в нижнем озере?

– Вы очень точно угадали, Наталья Владимировна. Я выкупан сегодня в холодном озере, и переживания мои напоминают, по всей вероятности, чувства лохматого пуделя, брошенного с печки в замерзающий пруд. Хорошеют ли от этого, я не знаю, еще не имел случая наблюдать.

– Ох, уж эти мне писатели, – вздохнула она, притворно делая несчастную гримасу. И вдруг как-то наморщила брови, распустила губы, придала доброе-предоброе выражение всему своему резковатому лицу – дать ни взять Ольденкотт.

Я так и покатился от смеха. Тут же вспомнил, как Флорентиец изображал в парке в К. английского лорда молодым поручиком, – и смеху моему не было удержу. Сама же Андреева мгновенно переменяла игру лица на обычное свое выражение и наивно спрашивала И., не знает ли он причины моего необычайного веселья. И. ответил, что лично он не знает, но не сомневается, что мистер Ольденкотт знает наверняка.

– О да, я знаю и не удивляюсь, что Вашему другу смешно, – сказал входивший Ольденкотт. – Это так невообразимо – найти сходство со мной в лице Натальи Владимировны, что я и сам бы смеялся, если бы не боялся рассердить мою приятельницу.

Почему-то сегодня все окружающие меня вызывали во мне особенно острый интерес. До сих пор я был близок только с Бронским, помогавшим мне воспитывать моего птенца, и дружба наша все возрастала. Благодаря его огромному знанию всего света и людей, которых он покорял своим талантом, благодаря его дару наблюдательности, внимания и умению вовремя вспомнить нечто характерное из своих наблюдений, он был интереснейшим рассказчиком и педагогом. Он говорил всегда образно, красочно, по существу, и от общения с ним росло и мое понимание искусства и людей.

Альвера Черджистона я встречал только за столом, как и некоторых других, с кем я познакомился вначале. До сих пор мое внимание останавливалось только на том, о чем говорили мне И. или Франциск. Но сегодня, после купанья и пережитого на лесной поляне вчера, я стал пытливо всматриваться в галерею лиц сидевших со всех сторон людей.

Впервые я совершенно четко осознал, что все здесь собравшиеся люди живут также своей внутренней, тайной для других жизнью и что их переживания здесь, вероятно, полны такими же чудесами и делами, каким я был свидетелем и даже действующим лицом вчера.

Я слышал, что Андреева пишет труд огромного значения, что у нее есть своя особая миссия, к которой она здесь готовилась уже не раз, и

теперь снова готовится вынести в широкий мир целый поток новых знаний для людей. Услышанные же сегодня слова о ней Никито и И. еще больше пробудили мой интерес. На ней остановились мои глаза, и я встретился с ее взглядом, пристальным и... печальным. Удивительно менялось это лицо! Точно вода на поверхности озера, оно отражало все колебания ее духа. Только так недавно лицо это носило следы мальчишеской шаловливости, юмора, и черты его, грубые и нескладные, били в глаза своей непропорциональностью. А сейчас оно было тихо, спокойно, печально и – к моему изумлению – прекрасно. Я не могу подобрать иного слова. Оно было истинно прекрасно! Черты смягчились, точно их покрывала волшебная вуаль доброты, и взгляд ее не сверлил и не жег, а точно любил, благословлял, преклонялся. Мудрость озаряла ее лицо, и, если бы я в самом начале увидел эту Наталью Владимировну, я не узнал бы ее в бурной и шумной подруге Ольденкотта. Ее обаяние и очарование заморозили меня, а когда я услышал вместо резковатого мягкий, бархатный голос, я даже в первый момент не сообразил, что это говорит она.

– Не каждому дано войти в комнату Али. Не каждому дано принять участие в наивысшей помощи человечеству. Путь радости – это путь вовсе не совершенных, но непременно примиренных. А примиренные – это не внешне спокойные, а внутри, в сердце носящие мир. Можно быть верным до конца, нести задачу большого значения, выполнять ее успешно, и все же не уметь подняться выше в своей гармонии. Не шипами Вашими Вы будете смотреть и видеть сегодня, но знанием, что открыло Вам живое, мирное сердце. Но печалиться о тех, чьи лица Вам кажутся печальными, нет смысла. Чем печальнее Ваш встречный, – тем крепче должна быть Ваша радость, потому что только тогда он может сбросить на Вас часть своей скорби. Скорбь и страх умирают в присутствии Мудрости. Не обо мне и моих тайнах думайте, но о тех минутах счастья, где можете пройти мимо любого человека в полном самообладании. Только тогда Вы будете помощью всем нуждающимся в гармонии, когда научитесь радоваться, встречая печальных.

Андреева говорила тихо, голос ее тонул в общем шуме, но я слышал каждое ее слово так четко, как будто бы она говорила мне прямо в ухо.

Завтрак кончался, когда я увидел подходившего к нам Никито. И снова смутное чувство, что я вижу этого человека не впервые, охватило меня. Пока он здоровался с Кастандой и Андреевой, я все присматривался к нему, но никак не мог решить, где бы я мог его видеть. Среди встреч последних месяцев я такого лица не помнил. А между тем чувство близости к нему сейчас было во мне еще живее, чем у озера.

Простившись с Андреевой, которую я сердечно поблагодарил за ее слова, я поспешил за И. и Никито, уже вышедшими в аллею стройных и высоченных пальм. Мои друзья шли по аллее до самого конца парка и повернули влево, в узкую тропу среди бамбуков, которые я до сих пор считал непроходимыми.

– Вот так чудо, как здесь тенисто, прохладно! Вот где надо прятаться от жары. И как это мне не приходило в голову, что я могу найти проход в этих джунглях?

– Много раз еще ты будешь так думать, Левушка, пока будешь жить в Общине. Так же ты будешь открывать Америки там, где раньше видел один лес или горы. Мало того, ты будешь знать прекрасно местоположение того или иного дома здесь, но в зависимости от твоего внутреннего подъема или падения ты будешь точно находить их или абсолютно терять к ним путь. Не исключена возможность, что в один прекрасный день ты не найдешь дороги к островку Али и не сможешь пройти в его комнату. Чистота и бесстрашие – первые условия духовного зрения.

Таким путем, чем шире идет раскрытие в человеке, тем скорее все его качества переходят в аспекты Единого, пока по восходящим ступеням освобождения весь Единый в человеке не загорится огнем. И вот по этим-то ступеням и построены дома в Общине. Здесь вообще уже нельзя встретить человека, колеблющегося между злом и добром. Здесь живут только те, в ком все аспекты Единого вскрыты и движутся. Но так как нет ни одного человека, в котором его освобождение шло бы так, как оно идет у другого, то путь Света, теми, кто пришел к совершенству раньше, приспособлен к самым разнообразным возможностям для всех тех, кто идет за ними или ищет самостоятельно освобождения.

Сейчас мы входим в дома второй ступени. Их здесь семь. Почему их семь и почему каждый из них разного цвета, об этом Вам скажет И., Левушка, когда для этого настанет пора.

При последних словах Никито мы вышли из бамбуковых зарослей и попали на чудесную поляну, где среди зеленого луга цвели самые разнообразные цветы. Многие из них были таких форм и красок, каких я еще никогда не видел. Поляну пересекали в нескольких местах дорожки, лучеобразно расходившиеся в разных направлениях.

И., шедший впереди, выбрал центральную, прямую дорожку, ведущую к холмам, поросшим пальмами и эвкалиптами. Когда мы поднялись на холм, я остановился в восхищении. За рядом холмов, на вершине одного из которых мы стояли, расстилалась широкая поляна, с рядом очень красивых, больших, средних и совсем маленьких белых домов и домиков.

По другую сторону долины также возвышались холмы, несколько выше тех, на которых мы стояли. Весь их скат был покрыт густым, роскошным лесом всевозможных лиственных пород, но кое-где темнели и могучие кедры. Там и сям, как вкрапленные цветные камни, в зеленой оправе пальм и леса, стояли изящные домики самых разнообразных форм и цветов, причудливых и простых стилей. Особенно пленил меня фиолетовый дом в стиле старинного средневекового замка с башенками, лестницами и балконами.

Среди яркой зелени, под блеском луней, проникавших между деревьями, с широкой белой лестницей посредине и спускавшимся вниз причудливыми, винтообразными, тоже белыми лесенками от боковых башенок, домик казался аметистовым.

Слева, также среди леса, выделялся дом красного цвета. Направо я увидел желтый, за ним синий, зеленый и оранжевый домики. Эта причудливость окраски в гуще листвы делала их похожими на цветы.

– Не правда ли, красиво? – спросил меня Никито.

– Да, очень, изумительно красиво. Но, признаться, это как-то нечеловечески красиво. Здесь это гармонично и художественно и так просто, что принимаешь эту причудливость, будто так и быть должно. Но можно ли себе вообразить нечто подобное в условиях обычной жизни? Если бы кому-либо вздумалось соорудить себе в своей деревне этакий домикфиалку или вон тот рубинового цвета, наверное, человека сочли бы выскочкой с дикими фантазиями или человеком плохого вкуса. Здесь же это совершенно очаровательно, и я готов был бы здесь век прожить.

– Много в жизни, Левушка, кажется людям непонятным и даже невозможным только потому, что в своем опыте дня они не проходили и не видели тех вещей, которые отрицают. Точнее сказать, они проходили мимо очень многих великих вещей; но ни видеть, ни ощущать их не могли и – по невежеству своему – их отрицали. Разумеется, если бы человек, не сливая в гармонию с цветом своего дома всего того, что его окружает, выстроил себе причудливый зеленый дом, прилепил бы к нему белые окна, желтые заборы и красную крышу, он выказал бы только убогое понимание архитектуры и жалкий вкус. Здесь же ты видишь не только гармоничную гамму однотонного цвета в каждом доме. Ты еще и не замечаешь, чтобы дом рвался из своей рамы зелени, так как и купы деревьев, и окружающие дома, разнясь по цвету друг от друга, дополняют гармонию каждого строения. Кроме того, все, что ты видишь здесь перед собой, все это не порождение той или иной фантазии, тех или иных условностей. Это органические свойства человеческих жизней и человеческих путей окрасили эти дома в

тот или иной цвет. Вот, посмотри на этот красный дом. Он окружен розами, геранями, ползучими лилиями, красный цвет которых так ярок, что они кажутся горящими. ЭТОТ дом сам по себе бел, как и все те дома, которые ты видишь в долине, где сам живешь. Но люди, живущие в этом доме, покрыли все его стены эманациями любви своих аур, – и дом горит, как кровь, и таким воспринимается тобой. Но, если бы в тебе самом не было раскрыто духовное зрение, именно тобой в этот тон окрашенное, то есть, если бы ты не носил в себе живой любви, ты не мог бы увидеть той окраски, которой горят ауры людей, идущих путем любви, то есть луча красного цвета. Ты видел бы просто белый дом или, еще вероятнее, не видел бы ровно ничего. Постигни же и первое правило каждого из учеников, входящих в Общину второй ступени: ничего не рассказывать о том, что видишь и слышишь, кого встречаешь и кого оставляешь, без разрешения своего Учителя. Научись молчать, научись держать в тайне то, что Учитель не велел рассказывать. В данное время Учителем твоим являюсь я. Хочешь ли ты двигаться дальше за мной, до тех пор, пока сюда не приедет Флорентиец, и ты пойдешь, уже подготовленный, за ним?

Я был глубоко тронут всем тем, что сказал мне И.

– Если только Вашей любви и терпения хватит на такого рассеянного ученика, я буду счастлив, потому что всем сердцем люблю Вас и давно в нем назвал Вас моим Учителем. Я обещаю приложить все мое усердие, все внимание, чтобы облегчить Ваш труд, мой дорогой наставник, мой верный друг и Учитель.

– Я рад служить тебе, Левушка, всеми моими знаниями и всею моею верностью любви и дружбы. Не пойми превратно моих слов о тайне ученического пути. Мы с тобой уже не раз говорили, что тайн в мире духовных сил нет. Есть та или иная степень знания, то есть та или иная степень освобождения. Поэтому убеждения людей, их моральные требования, их радость или уныние в единении друг с другом, доброжелательство или равнодушие и т.д. – все зависит степени их закрепощенности в личных страстях или от их освобожденности. Субъективизм человека и отрицание им своей современности, под тем или иным предлогом, всегда служат явным и верным признаком его невежественности. Поэтому думать, что ты можешь кого-либо поднять к более высокому мирозерцанию, если приобщишь его к своей той или иной истине, раскрывшейся тебе благодаря твоему собственному труду любви, – это составляет такое же заблуждение, как пытаться объяснить немзыкальному человеку прелесть песни. Отдавая другому самую драгоценную и неоспоримую для тебя истину, ты не достигнешь никаких

положительных результатов, если друг твой не готов к ее восприятию. А профанировать свою святыню ты всегда рискуешь. И не потому, что человек, которому ты ее открыл, зол или бесчестен. Но только потому, что он еще не готов. Об этом говорится: «Не мечите бисера...». С другой стороны, тот, кто прошел все ступени освобождения, тот понял до конца любовь, творящую в той части вселенной, где он живет.

Когда он начинает понимать это творчество Любви, его взору открываются все плотные покровы человека. И он в состоянии читать в другом не только движение его мыслей в данное сейчас, но и всю его кармическую судьбу. Раскрывая тебе то или иное, я не могу не видеть, что ты можешь понять сейчас легко и просто, что причинит тебе большое напряжение и чего ты не сможешь принять, так как не раскрылись в тебе еще те начала, по которым могут и должны пронестись все твои индивидуальные силы, чтобы слиться с силами природы. Есть целый ряд знаний, войти в которые может только сам человек. Ввести в них ничья посторонняя помощь не может. Развиваясь, освобожденный человек сам ставит – свои, по-своему – вопросы матери-природе, и она ему отвечает. Это не значит, что каждый, еще ничего не понимающий в пути ученичества человек, способен ставить природе те вопросы, до которых он своим умничаньем додумался. Прочел человек десяток-другой умных книжек, побыл членом, секретарем или председателем каких-либо философских или теософических или иных обществ, загрузил себя еще большие числом условных пониманий и решил, что теперь он готов, что он водитель тех или иных людей, что знания его – вершина мудрости. Здесь начало всех печальных отклонений. Здесь начало разъединения, упрямства, самомнения, споров том, кто прав, кто виноват. Вместо доброжелательства друг к другу и мира, что несут с собою всюду освобожденные, человек, ухвативший мираж знаний, несет людям раздражение и оставляет их в неудовлетворенности и безрадостности. Проверь и присмотришь. Тот, кто легче всех прощает людям их греховность, – всегда несет людям в каждой встрече доброту, милосердие и мир. В них он каждую встречу начнет, в них ее и кончит. Тот же, кто вошел в дом и принес раздражение, тот всегда не прав, хотя бы свой приход он объяснял самыми важными причинами.

Мы стояли на вершине холма и смотрели на долину, когда из-за огромных кустов цветущих азалий показались два человека. Я тотчас узнал высокие фигуры Освальда Растена и Жерома Манюле. И. познакомил меня с ними в первый день приезда в Общину и с тех пор я их не видел. Теперь я понял, что они жили здесь и поэтому я их не видел в парке возле наших домов.

У меня мелькнула мысль, как было, вероятно, трудно И., такому мудрому, жить все время в обществе неуравновешенных людей да еще иметь в самом близком общении такого болезненного, рассеянного ученика.

Вновь подошедшие радостно приветствовали И., которому сейчас совсем иначе поклонились – глубоким поклоном, напомнившим мне поясной поклон монахов, тогда как в столовой парка они приветствовали его общепринятой формой рукопожатия. И., отвечая на их приветствие, положил каждому из них руку на голову, точно благословляя их или призывая на их головы что-то благословение. Он указал им на Никито.

– Это тот брат с Кавказа, о котором я говорил Вам и которому я поручаю Вас как ближайшему наставнику. Завтра он придет к Вам, и вы выработаете все вместе программу своих занятий. Кроме того, недели через две-три мы поедем в дальние части Общины, и если брат Никито найдет возможным, он возьмет вас с собой. Теперь же пройдемте в ваш дом, чтобы Левушка мог увидеть вашу жизнь. Ему вскоре придется перебраться сюда.

Мы стали спускаться с холма, пересекли долину и поднялись к оранжевому домику. Он особенно чудесно выделялся среди синих и белых цветов, темных кленов, дивных огромных кедров и совсем меня сразивших белых акаций. Точно колоссальные снежные шапки стояли эти красавицы, разливая вокруг упоительный аромат.

Как только мы вошли в калитку сада через прелестную изгородь, утопающую в цветах, нам навстречу побежали два белых павлина, сидевших на возвышениях лестницы, среди живых цветов. Птицы были большие, красивые и показались мне очень спокойными, точно кто-нибудь специально занимался их воспитанием.

Оба павлина бежали прямо к И., который поднес каждому из них ломтю сладкого хлеба, ласкал их, улыбаясь, и говорил им какие-то слова. Неся хлеб в клювах, птицы вспрыгнули снова на свои места и только там начали есть свой хлеб.

Очаровательный домик, куда мы вошли, имел большой холл, из которого поднималась наверх лестница, очень красивая, темного дерева, вся уставленная цветами вроде лилий и мимоз желтого, почти оранжевого цвета.

Мне вспомнилась лестница с желтыми цветами и бирюзовыми вазами в доме сэра Уоми в Б. Вспомнилась Хава, о которой я давно не имел вестей, и... вспомнилась Анна, на плечах которой я видел однажды хитон такого же цвета, как эти цветы.

Мысли об Анне вообще не раз посещали меня, а сейчас я как-то особенно резко ощутил ее в моем сердце, думая о ее несчастье и о своем счастье. Ведь она могла бы быть здесь, рядом с нами, вместе с Анандой и жить этой волшебной жизнью, в которой купаюсь я.

– Уж не ждешь ли ты, Левушка, чтобы наверху открылась дверь и сюда спустилась Хава? – оторвал меня от моего ловиворонства голос И.

– Вы не ошиблись, И. Комната и лестница действительно вызвали во мне воспоминания о Б., доме сэра Уоми и, конечно, Хаве. Но не о ней я задумался сейчас так глубоко, а об Анне. О милой, дорогой Анне, о ее музыке, которой здесь так не хватает, и об ее жизни в эту минуту. Мне кажется, я согласился бы прожить отшельником и молчальником года два, лишь бы Анна стояла в эту минуту здесь, рядом с Вами. Этот домик производит на меня не менее сильное впечатление, чем дом сэра Уоми. Что-то в нем очаровывает, пленяет меня, и я чувствую на сердце такое же спокойствие, такую же радость, как при входе в комнату Али. Почему это?

– Скоро ты узнаешь этот домик ближе и, быть может, сам решишь этот вопрос.

Налево от холла была большая библиотека. Здесь было довольно много людей. Кое-кто перебирал каталоги, иные сидели за столиками и просматривали стопки книг, очевидно отбирая то, что им нужно. Иные расставляли книги по полкам, а некоторые читали, углубясь и не обращая внимания ни на что. Особенно меня поразили две совсем молоденькие девушки, выдававшие книги за красивыми конторками, украшенными цветами.

И эта комната-библиотека была прекрасна. В ней было три окна, больших венецианских окна, и вид из них на противоположную сторону и горную цепь был не менее прекрасен, чем из окон моей комнаты.

Девушки за конторками, получив требование на книги, бесшумно, точно скользя, проходили к полкам. Одна из них была совсем светловолосая, другая была шатенка, обе черноглазые, стройные и удивительно похожие. «Сестры», – подумал я и только хотел спросить об этом И., как та, что посветлее, увидела Никито и с криком: «Дядя!» – бросилась ему на шею.

Жизнь всей комнаты, такой оживленной за минуту, замерла, точно по движению волшебной палочки. Все остановились в тех позах, как стояли или сидели. У меня тоже ноги пристыли к месту, а глазами я, как все, не мог оторваться от девушки, обнимавшей Никито и рыдавшей на его груди.

Что было в этом крике, так поразившем всех? Радость? Мольба? Нет, это был скорее вопль о прощении, счастье оттого, что беда миновала. И.

подошел к девушке, притронулся к ее плечу и ласково-ласково сказал:

– Лалия, о чем же ты плачешь? Ведь теперь уже нет препятствий, что стояли перед тобой, раз дядя Никито вернулся. Если ты столько лет страдала от своей оплошности, то теперь видишь его живым и здоровым, выполнившим за тебя урок. Не создавай новой драмы, а постарайся забыть все скорби прошлого.

– О, Учитель, если бы не Ваше милосердие, если бы Вы не подобрали меня, этой минуты свидания никогда бы не было. Простите мои слезы, я снова показала, что недостойна того, что Вы и дядя для меня сделали.

Теперь Лалия стояла близко подле меня, и я мог отчетливо видеть, что ей не могло быть более шестнадцати-семнадцати лет, а волосы ее были... седые, совершенно, по-настоящему седые! Какую же драму должно было пережить это существо, чтобы волосы стали белыми!

За Лалией стояла вторая девушка и, тихо улыбаясь, смотрела на Никито, ожидая возможности приблизиться к нему. В ее черных глазах светилась не только любовь. Я почувствовал, что преданности ее нет границ. Отстранив слегка Лалию, Никито протянул руку девушке.

– Ты, Нина, все такая же скала, какою была в восемь лет, когда я оставлял тебя на твою старшую сестру. Если я ни разу не пал духом за эти семь лет, что пробыл в разлуке с вами, в моем суровом горном ущелье, – то образ девочки, ребенка с горячим сердцем, был мне не последним прибежищем, где я черпал силы. Спасибо тебе. Возьми Лалию, я приду к вам обеим через несколько часов.

Никито передал Нине ее сестру, которую та нежно обняла и старалась утешить все еще тихо плакавшую Лалию. На предложение И. отпустить ее домой и вызвать на работу кого-либо другого, Лалия быстро отерла глаза, низко, в пояс поклонилась И. и ответила:

– Простите еще раз, Учитель, теперь я уже никогда не заплачу. Это были мои последние слезы, слезы вечно лежавшие камнем на сердце от скорби, что мое непослушание сломало всю линию жизни дяди Никито, спасшего нас с сестрой от смерти. Теперь я дышу легко, мое сердце освободилось от вечной печали о дяде. Я буду продолжать работать.

– Если бы все эти годы ты могла носить на сердце не камень скорби и раскаяния, а несла бы легко в мыслях образ дяди, посылая ему радость, бодрость и веселый смех, дитя, ты бы сократила срок его жизни в горах, в разлуке с вами наполовину. Запомни это. И если находишь силы работать сейчас

– работай.

Весь под впечатлением неведомой мне драмы я вышел из комнаты под

руку с И. Мое радужное счастье, мир и спокойствие, испытанные мною при входе в этот дом, были потрясены точно грозой или грохотом снарядов. «Неужели же нигде в мире нет безмятежного спокойствия, нет гармонии, которые бы не потрясались драмами человеческих сердец?» – думал я и услышал слова моего друга, как всегда, заглянувшего под мою черепную коробку.

– Жизнь, Левушка, борьба и вечное движение в ней. Никакие стены не могут защитить от бунта страстей в себе. Раскрыть новую страницу жизни – это не значит дать обет и вступить в тот или иной орден, ранг или чин. Мир, безмятежный и незыблемый, приходит в сердце человека тогда, когда Любовь его раскрылась и он увидел, как в нем самом и в окружающих его людях, цветах, деревьях, животных мчится волна Единой Жизни. Тогда пропадает и временное, условное в понимании человека. И сердце его уже не может умолкнуть для Вечного ни на одну секунду, и воспринимает он встречного без этой оболочки на глазах. До этих пор все люди подвержены драмам и трагедиям колебаниям между иллюзиями личного и радостью Реального. И всюду они вносят с собой свои взбудораженные аурические кольца. Совершенствование человека – это постепенное изменение его ауры. И аура изменяется только в труде серого дня. Вообразить себе, что обычный серый день земли – это серия тех или иных отношений людей к человеку; удач или неудач, зависящих от расположения к нему или предубеждения окружающих, имеющих власть помочь или помешать своей протекцией, – это самая низшая ступень, где еще не вошло в движение по делам и людям творчество духа человека. Такой человек еще только мастер, делающий свой труд в тех или иных масштабах по сноровке и знанию элементарных требований одной земной науки; но он не тот вдохновенный артист, вносящий сам свое творчество в день, для которого вся вселенная звучит. Звучит не радостью временного и преходящего, но любовью Вечного, где развязаны предрассудки жизни и смерти земли. А существует одна вечная Жизнь. Проходи день, видя в нем всегда этап к этому пониманию Радости, звучащей во всей жизни. И никакие тревоги и страдания людей не будут нарушать для тебя Гармонии, потому что твоя, в тебе живущая гармония будет прочней всех колеблющихся, неустойчивых сил, окружающих тебя. Храни об этом память. Этот дом – начало целого ряда домов такого же оранжевого цвета. Ты их увидишь разбросанными по парку, который ты издали принимал до сих пор за лес.

Все это время мы стояли в большой комнате, направо от холла, назначения которой я не понимал. В быту я назвал бы ее диванной или назначенной для куренья. По всем ее стенам тянулись диваны, обтянутые

красивой оранжевой материей. У внутренней стены был вделан большой камин и стояло кресло, напомилавшее формой кресло в комнате Али. Пол был устлан циновками, очень красивыми по гамме оранжевых тонов и очень изящного плетения.

Я хотел спросить у И. о назначении этой комнаты, но он взял меня под руку, и повел по лестнице наверх.

– Какая чудесная лестница! – не удержался я от восклицания лишь только мы вошли на первую площадку. Запах от дерева и цветов был такой приятный, свежий, точно в нововыстроенном доме, где дерево издает аромат чистейших эманаций солнца и воздуха.

– Здесь дерево кедров, эвкалиптов и камфарных деревьев. Все они вместе издают этот прекрасный запах. Сейчас ты войдешь в мою комнату, Левушка, в такую же для всех закрытую комнату, как белая комната Али. Теперь ты настолько знаешь язык пали, что сможешь прочесть все надписи в ней.

Я был поражен. Я представлял себе, что Али имеет в Общине свою комнату, так как он был хозяином имения и мог располагать в нем всем, чем хотел. И вдруг у И. есть здесь тоже своя особая комната, куда запрещен вход!

Мы поднялись на самый верх, пройдя мимо второго этажа, где было много дверей по коридору направо. Мы же свернули налево и по узкой, такой же ароматной и украшенной цветами лестнице попали в нечто вроде мезонина, вернее сказать, башни.

Комната была круглая, окна овальные, с выпуклыми стеклами, точно фонари. Балконная дверь была настежь открыта, когда я подошел к ней и взглянул вниз, я так и остановился, прикованный на месте.

Аллея высоченных, развесистых, густых елей, такая длинная, что ей, казалось, и конца нет, делила с этой стороны парк на две половины. И сколько хватало глаз, были видны маленькие домики, несколько озер, а за ними снова лес, до самых голых скал.

Пейзаж заканчивался сурово. В нем не было той радости и мягкости, которыми я любовался каждое утро. Но очарования в нем было не меньше. Я, разумеется, обо всем забыл, вышел на балкон и еще больше поразился, рассмотрев, как был устроен балкон и построен сам дом.

Балкон состоял из двух переплетенных стволами деревьев, близко росших к стене дома. А стена дома, как и весь он, оказывалась скалой, в которой были выдолблены и обшиты деревом комнаты. Чем-то вековым веяло от этого балкона. Я впервые видел такие деревья, которые служили комнате балконом. Огромные, мощные, корявые, они буквально были

осыпаны цветущими ветвями. Большие душистые кисти напоминали сирень, но были много больше и цвет их был апельсиновый.

– Ты так поражен, Левушка, что даже не прочел надпись над входной дверью. А между тем она не менее замечательна, чем дом-скала.

– Простите, И. Я так перехожу от одной неожиданности к другой, что упустил самое главное, хотя Вы и говорили мне о надписях.

Я стал искать надпись, но, кроме художественных орнаментов, ничего не находил. Я уже хотел перенести внимание на другую часть стены, как мне показалось, что я начинаю различать два тона орнамента. Присмотревшись еще внимательнее, я нашел и третий тон оранжевой краски, и увидел ясно начертания букв пали. Но как связывались эти буквы, я никак сообразить не мог. Наконец я различил, что шли три надписи, одна над другой, и даже вскрикнул от радости, когда понял первые слова:

Не ищи понять глубину смысла там, где не находишь помощи в собственном самообладании прочел я медленно, но без запинки первую надпись, в самом низу, наиболее густого тона.

Глядя на человека, не меряй его дух и высоту, но открывай ему твоих святых дары и радость читал я вторую надпись.

Обмирая от страха, не входи в знание. Только бесстрашный находит вход в храм истины закончил я чтение третьей надписи над входной дверью.

Я уже отвернулся от входной стены, а слова все еще горели в моем сердце. Точно так же, как в первый день, когда я вошел в комнату Али, я все сохранял слова его надписи, как огненные знаки, в своем сердце.

– Прочти теперь надпись над балконной дверью. Я думаю, ты сможешь прочесть ее не менее легко, – сказал И., положив мне на плечо руку.

Как странно я себя почувствовал сейчас! Впервые какое-то новое ощущение проникло в меня. Я ясно ощущал, что в меня от И. вливалась сила, точно раскрывались мои духовные глаза.

В первые минуты я ровно ничего не видел над балконной дверью. Обшитая желтым деревом стена казалась совсем однотонной. Даже намек на орнамент не было, и никакого различия в тонах я не замечал.

Внезапно что-то слегка, как электрическая искра, мелькнуло у меня в глазах. Я подумал, что, очевидно, яркое солнце повлияло на мое зрение. Я хотел уже прикрыть глаза рукой и пожаловаться И. на прилив к глазам, как заметил, что искра на стене разгорелась, вытянулась в палочку и через миг вскрылась большая пылавшая буква, за ней другая, третья – и я прочел целое слово. Вся моя душа наполнилась счастьем. Я не мог двинуться с

места. Каждая вновь зажигающаяся буква приводила меня в такой восторг, к ощущению такой чистой радости, какие я испытывал только в детстве на руках брата Николая. Я прочел фразу:

Мщение, лесть, зависть и лицемерие кончены в сердцах тех, кто вошел сюда. Тот, кто читает знаки огня, пробудил в себе огонь. Раз прочтя слово огня, ученик не может больше отдавать времени безделью. И язык его теряет жало осуждения и язвительности.

Надпись погасла. И. повернул меня влево, и я сразу увидел целый ряд горящих слов.

Путь – сам человек. Его труд – его жизнь веков. В каждое мгновение протекает его мир в сердца окружающих. Не разрывая огня в себе, ученик передает свой свет каждому встречному, если овладел, любя, своим огнем. И гармония каждого устанавливается крепче, и растет бесстрашие встречного.

И росло мое счастье, мое благоговение, по мере того, как я читал. И эта надпись погасла. И. повернул меня вправо, и я увидел целый ряд слов, горевших не тем ровным желтым огнем, которым горели только что прочтенные мною надписи, а здесь я увидел целую феерию красок. Слова горели, как волшебный фейерверк, белым, синим, зеленым, желтым, оранжевым, красным и фиолетовым огнями.

Зрелище было так захватывающе прекрасно, огоньки дрожали и переливались, мерцая красками, точно проникавшими одна в другую. У меня не было сил оторваться от этого видения и, если бы не легкое прикосновение И. к моему лбу, которым он, вероятно, хотел мне напомнить, что я пришел сюда не любоваться, а читать, я бы так и стоял Левушкой «лови ворон». Я перевел свое восхищение на полное внимание и легко прочел:

Нет людей – перлов чистой воды. Путь освобождения проходит по всем лучам, коих семь. В каждом сознании живут зачатки всех семи, но преобладает какой-нибудь один. Тот, кто имел силу пройти в дом света, носит в себе всякого луча оживший аспект и потому может видеть в каждом его свет и мир.

Перед каждым открыта дверь всех семи лучей. И никто не оставлен без внимания. Готов человек – готов ему и учитель.

Дивные лучи погасли. Я показался себе вдруг таким бедняком, все вокруг точно померкло, казалось серым и бледным, и само сияющее солнце стало менее ярко. И. вывел меня на балкон.

– Ты прочел, Левушка, руководящие слова, предназначенные для входящих во вторую ступень ученичества. Понял ли ты из этих надписей,

что основные оси держат на себе все другие качества человека этой ступени: первая – бесстрашие и вторая – полное самообладание. Какие бы таланты ни развились в человеке, какими бы великими качествами духа и сердца он ни обладал, если его бесстрашие не цельно, если его самообладание не довело его до полного спокойствия во все минуты жизни, он не войдет во вторую ступень ученичества.

Мгновение встречи с другим человеком для ученика второй ступени – это самое значительное и огромное действие его собственного духа. Не то важно, с чем, с каким делом ты встретился или какой человек к тебе пришел. Важно, как ты сумел пронести в его ауру свой свет и проникнуть к его свету. Важно, как влились в него твои любовь и мир, твое ему утешение. Для ученика второй ступени уже нет морального кодекса законов людей, законов одной земли. Для него есть закон Любви, закон всей Жизни. И поступки его честны, высоки и прекрасны не потому, что закон морали требует его этики в поведении. Но потому, что дух его слит с огнем Вечного и поступки его могут быть только единением в красоте, ибо они являются движением его собственной Вечности, его оживших аспектов Единого, в себе носимого. Я не спрашиваю тебя, готов ли ты ко входу в то святая святых, что зовется «вторая ступень». Если бы ты не был готов, ты не мог бы прочесть горячей надписи в комнате. Но не думай однобоко. Не предполагай, что здесь ты встретишь только тех, кто способен сам читать огненное письмо. Это далеко не так. Во второй ступени не может быть иных людей, кроме тех, что достигли бесстрашия и полного самообладания. Это истина непреложная. Но как они их достигли, чем оказался их путь освобождения, какие силы в них развились, – кроме этих двух непреложных осей, – это путь у каждого особый, индивидуально неповторимый. Редко человек

– ученик второй ступени – читает и пишет сам слово Огня. Чаще всего, вернее всегда, он имеет возможность получать весть наставника через какой-нибудь провод, путь которого начат с развития психических сил. Твой путь начат с них. Ты –счастливый слуга и друг твоих наставников, можешь помогать им облегчать жизнь тех, кто идет рядом с тобой, в их духовном росте на трудном пути земного воплощения. Перед тобой лежит один из счастливейших путей земли, – путь радости. Ты никогда не принесешь человеку вести скорбной, но всегда войдешь в его жилище вестником мира и помощи. Разжигая костер твоих талантов, великое Милосердие вводит тебя в новые понимания смысла и труда земли. Сегодня ты прочел: «Глядя на человека, не меряй его дух и высоту; но открывай ему своих святых дары и радость». Прими, мой дорогой и

любимый друг и брат, к великому руководству в простом сером дне труда эти великие слова. В каждой встрече помни о своем счастье: ты живешь, держа руку Учителя в своей руке, ты живешь в постоянном кольце верных защитников и помощников. И их верность тебе всегда лежит на твоей верности им.

Голос И., его лицо и вся фигура сияли так, что мне даже комната казалась ярче. Мы вышли из дома, спустившись снова по ароматной лестнице в аллею, которую я видел с балкона и принял за аллею елей. Теперь я увидел, что то были кедры, наполнявшие своим смолистым запахом все пространство вокруг.

– Как прекрасна Жизнь! – воскликнул я, совершенно забыв о себе, о личностях людей, об их качествах. – Для меня звучал один Гимн Вселенной: Гимн Торжествующей Любви.

Мы долго шли по аллее, изредка встречая кланявшихся И. людей, но никто не прерывал нашего молчания. Мне невозможно было бы сейчас слушать человеческие слова, так я был слит со всей природой. Мне казалось, что я вижу, как растут цветы и травы, как льется сок в стволах и иглах деревьев. Так, молча, мы дошли до конца аллеи, и впереди уже виднелось озеро. Но И. свернул налево, мы прошли через длинный грот и вышли к совершенно неожиданному пейзажу.

Я увидел точно такой же островок, как в нашей части Общины, где была белая комната Али. Островок был также соединен мостиком с аллеей, по которой мы теперь шли, из могучих широколистных пальм.

Когда мы вошли на мостик, сквозь заросли цветущих желтых деревьев, точно таких же, на какие опирался балкон комнаты И., где я только что читал надписи, – я увидел точную копию домика Али, только густого оранжевого цвета. Я ни о чем не спрашивал И. Мы пересекли узенькую тропку между густыми зарослями желтых деревьев и вышли к прекрасному лужку, пестревшему разнообразными цветочками и окружавшему домик со всех сторон.

Как только мы подошли к лужку, навстречу нам побежал белый павлин, а от стены дома поднялся пожилой человек в оранжевой чалме и восточной одежде. И. приветливо с ним поздоровался, поговорил на языке, которого я не понимал, и я еще раз поставил себе на вид свою невежественность. И. остановился перед домом и сказал мне:

– Здесь ты увидишь тот живой Огонь, слова Которого ты читал в моей тайной комнате. Та комната – комната моего труда, моих встреч со всеми учениками, идущими путем моего луча. Но не каждый, кто имеет силу войти туда, имеет силу и чистоту сердца, чтобы войти в этот дом и быть

подведенным к огню Вечности. Силой Огня – неугасимого Огня любви – зажигаются буквы в моей комнате, где ты их читал. В этом же доме, на жертвеннике, горит этот священный Огонь. Войти в ту комнату, где Он горит, может только тот, кто сам дошел до чистоты и верности, которые не могут быть ничем поколеблены. Ничье милосердие, ничье сострадание, ничья помощь не могут помочь человеку войти туда. Только сам человек, своей силой духа, может туда войти. Читай, друг, чем приветствует тебя первая надпись над входом в дом. Эта надпись меняется и дается человеку так и такую, как его собственный труд в веках соткал ее. Читай же теперь, что ты сам создал для себя.

Я поднял голову кверху и первое, что увидел, был белый павлин с чудесно распушенным хвостом, сверкавшим золотом на солнце. Я удивился, как мог я не заметить птицы в ее очаровательном уборе минуту назад, хотя смотрел на входную дверь и видел над нею круглое, выпуклое окно, которое теперь закрывал павлин. Над его сияющим опереньем желтым светом горело: «Входи, храня вечную память о труде своем в веках. Тебя приветствуют здесь благодарность тех, кого ты когда-то очень давно спас, и их благословение. Их сердца сейчас ждут отдать тебе свой долг благодарности и, в свою очередь, стать тебе, странник, защитой и помощью».

Я был глубоко тронут словами приветствия, я никак не ожидал, что они будут обращены лично ко мне. Я их не понимал, но, взглянув на И., понял по его лицу, что все вопросы разрешатся дальше.

Но как я это понял, я и сам не знаю. И. уже не был тем И., которого я так хорошо знал, которого я видел сияющим в его комнате в скале. Это было существо неземного мира. Что-то божественное, превосходившее все обычные земные понимания красоты и любви, шло от него. Он был весь куском Любви, в которой я уже не мог существовать как сознание. Но я понимал его, потому что перешел в мир сверхсознательного вдохновения, где слова сами по себе, слова обихода уже не имели смысла.

И. взял меня за руку и повел вверх по лестнице из яшмы, как мне показалось. Ступени, стены – все говорило о большой древности. Я не шел, а точно летел, до того легким я ощущал свое тело.

Когда мы поднялись на верхнюю площадку, две белые фигуры в длинной льняной одежде, подпоясанные золотыми шнурами, подошли к нам, низко кланяясь И. Я не узнал их, и только когда один из них взял меня за руку, я узнал в нем Никито. Бог мой! Как мог он так перемениться? Его волосы вились и падали седеющими локонами на прекрасный лоб и длинную обнаженную шею. Лицо, темное от загара, выходило точно из

белой рамы.

Я взглянул на второго человека, также взявшего меня за руку, и поразился еще больше. Это был Зейхед-оглы, араб-проводник, подаривший мне птенчика и выказывавший мне все время столько незаслуженного внимания.

Оба они провели меня в комнату, где был бассейн с проточной водой. Они указали мне на него, и Никито сказал:

– Позволь мне, как бывало в детстве, на Кавказе, раздеть тебя и помочь тебе совершить омовение в этой воде, раньше чем ты наденешь священную одежду и войдешь в зал алтарей. Ты забыл меня, вернее, не узнал при нашей встрече у озера. Я же счастлив возратить тебе вековой долг моей благодарности. Чтобы войти в число учеников второй ступени, тебе нужны два поручителя. Войти в ступень можно только своими личными усилиями. Но помощь любящих могут оказывать человеку все его друзья. Разреши мне заплатить тебе мой кармический долг в эту счастливую минуту твоей жизни и стать тебе слугой и другом. Я беру на себя поручительство за тебя в твоем новом пути и буду служить тебе век громоотводом и охраной твоему раздражению. Я буду заранее принимать в свою ауру все удары твоего гнева и вспыльчивости, чтобы рост твоего самообладания не нарушался ни на минуту.

– Я, со своей стороны, – сказал араб, – принимаю на себя счастье поручительства, платя тебе только старый долг спасения жизни от темных сил. Я был когда-то карликом, и ты, ребенок, укрыл меня среди своих игрушек и защитил своим телом от смерти. Теперь я буду облегчать тебе каждую встречу с печальными, беря на себя часть их скорбей, чтобы твоя радость могла свободно проникать в их сердца.

Когда я вышел из бассейна, вода которого оказалась почти горячей, оба мои друга одели меня в такую же льняную одежду, в какой были сами, подпоясали меня золотым шнуром и расчесали гребнем мои кудри. На ноги я надел желтые сандалии, тоже точно такие, в каких были мои друзья. Взяв меня за руки, они подвели меня к двери, в которой стоял И. Он был тоже в белой одежде, но сделана она была из такой материи, какую Али подарил моему брату в день пира в К. Одежда была расшита вся – внизу и по бокам, на рукавах и на вороте – золотом. На голове его был венок из желтых цветов, а в руках та палочка, которую я видел на поляне, во время раскрепощения карликов. Когда я подошел к порогу настезь открытой двери, я увидел у своих ног на полу горящие буквы:

Мой дом – всюду. Сердце человека – мой дом. Здесь дом мира и света. И входящий сюда найдет дверь только тогда, когда создал в себе мой дом.

Бесстрашно вступай в море моего огня, если сердце твое чисто. И пламя мое не сожжет тебя, но закалится речь твоя в ясности и силе.

Я шагнул прямо на горевшие слова, ожидая, что огонь букв обожжет меня. Но, к моему удивлению, он мгновенно потух, едва я ступил на него.

Теперь И. взял меня из рук моих поручителей и подвел к одному из узких высоких столов из оранжевого мрамора, такой же формы, как я видел в комнате Франциска, только у последнего этот стол был почти красным, так много было в мраморе розовых и алых прожилок.

И. поднял крышку стола, и я увидел под нею низкий Жертвенник, на котором горел огонь и перед которым стояла высокая топазовая чаша, в ней клубилась жидкость, похожая по своему цвету на огонь.

И. погрузил палочку в чашу с жидким огнем и поднес ее к настоящему огню, который ярко вспыхнул, затем, точно что-то напевая, чего я не разбирал, он коснулся моего темени. Это был не удар, конечно. Но прикосновение это причинило такое содрогание всему моему организму, что я не устоял и упал на колени. Оба мои поручителя положили свои руки на то место, где меня коснулась палочка И. Я почувствовал точно из меня в их руки тянется струя энергии.

Они подняли меня и повернули спиной к И. Теперь И. коснулся меня два раза под обеими лопатками. На этот раз действие палочки было таким же сильным, но я не только устоял на ногах, но почувствовал очень странное ощущение, точно у меня за плечами выросли крылья. Новая сила вошла в меня, и снова я почувствовал, как связываюсь с моими поручителями невидимыми, но крепчайшими нитями.

И. сам повернул меня лицом к жертвеннику. Теперь огненная жидкость в чаше не кипела, а из нее вилась спиралью огонь зеленого цвета, а огонь за чашей разделился на три языка: в середине – оранжевый, слева – белый и справа – зеленый.

Опустив снова палочку в чашу, горевшую зелеными спиральями, И. поднес ее к зеленому языку огня. Тот ярко вспыхнул, вся палочка точно запылала зеленым цветом, затем И. поднес ее к белому огненному языку, и белый язык огня загорелся на палочке рядом с зеленым. И. поднес палочку к желтому языку огня

– и на палочке образовался трезубец огней, – с зеленым в центре, с белым и желтым огнями по бокам.

И. взял с жертвенника нечто вроде золотой булавы и, держа ее в одной руке и палочку в другой, поднял вверх обе руки, продолжая напевать что-то, чего я все так же не мог понимать.

Вдруг я отчетливо услышал: «Флорентиец, Флорентиец, Флорентиец»,

– трижды повторенное дорогое мне имя моего любимого и далекого друга.

И в то же мгновение я увидел Флорентийца стоящим за жертвенником в белой одежде.

«Али, Али, Али», – снова разобрал я в напеве И. И через мгновение увидел Али, стоящим рядом с Флорентийцем.

Я уже приготовился, что сейчас устами И. будут вызваны и Алимолодой и мой брат Николай, как от образа Флорентийца, от его лба, горла, пупка, заплечий и сердца протянулись огненные с зеленым оттенком нити и соединились с зеленым огнем палочки.

От образа Али, из тех же мест, потянулись нити белого огня и прилипли к белому языку палочки.

И. поднес булаву к огням палочки, раздался сильный сухой треск, и все огни с палочки перешли на шар булавы, а потухшую палочку И. положил на жертвенник. От самого И. – все из тех же мест, как от Али и Флорентийца, пошли оранжевые нити к булаве. И. поднял булаву высоко над головой и пропел какую-то мантру, которую сопровождала дивная музыка.

Закончив пение, И. повернулся ко мне, я и мои поручители опустились на колени, и булава легла на мою голову. Точно удар грома опустился на меня, я весь содрогнулся. Но это продолжалось одно мгновение.

Мои поручители подняли меня с колен. Теперь я чувствовал себя сильным, обновленным, точно сразу выросшим – как будто все мои сухожилия вытянулись, все нервы и связки освободились от какой-то тяжести. Мое ощущение было такое необычное, точно до этого момента я жил, весь покрытый узлами и корками, а сейчас все очистилось, вскрылись поры и я дышу, ощущая, как атмосфера комнаты сливается с каждой клеткой моего тела. Я взглянул на И. и увидел, что в его руках потухла булава, а все три огненных языка горят на его темени среди венка из оранжевых, цветов.

Огненные нити, что соединяли меня с Флорентийцем, Али и И. и были вначале тоненькими, дрожащими, теперь были плотными огненными струями. Я четко ощущал, как они проникают в мое тело, освежая, облегчая мою новую жизнь, устанавливая во мне гармонию. И. обнял меня, подвел вплотную к жертвеннику, взял мои руки в свои и сказал:

– Храни чистоту этих рук, им дана сила радости передавать слово огня рядом идущим. Он положил свои руки на мои глаза и снова сказал: – Храни чистоту глаз своих. Живи легко, понимая скорбь земли как неизбежный этап освобождения. Ни одна слеза печали да не прольется из глаз твоих, ибо каждая слеза – упадок духа, эгоистический порыв, хотя бы казалось

человеку, что не о себе плачет, но сострадает другому. Сострадая до конца, человек льет мужество из сердца, и только такое сострадание помогает восстановиться шаткой гармонии встречного. Очам духа твоего дано видеть внутреннее, духовное царство человека. Храни в чистоте очи телесные, чтобы покровы условной любви не затемняли зрения твоих духовных очей. Иди в чистоте духовной связи с Теми самоотверженными тружениками светлого человечества, которые сейчас отдают тебе свою помощь, защиту и любовь перед Огнем Вечного. Носи искры их огня в своем духе и сердце и передавай их встречным не в идеях и словах высоких, но в простом труде серого дня носи доброту, мир и отдых трудящимся рядом. У тебя уже нет возможности воспринимать лично дела и людей. Каждая встреча – все путь Отцов твоих, взявших тебя сейчас в сыновство, – к Единому во встречах твоих. Для тебя нет иного пути по земле, как через мост бесстрашия и мужества вводить встречаемых в то кольцо огня, в каком стоишь сейчас.

Голос И. умолк. Я посмотрел вниз и увидел, что вокруг всех нас на полу горело кольцо трехцветных огней, охватывая все наши фигуры и жертвенник как бы высоким забором.

И. взял мои руки и погрузил их в огонь на жертвеннике. Я снова на миг вздрогнул, но тотчас же блаженное состояние тишины, счастья и высочайшей любви охватило меня. И. наклонил мою голову, точно купая ее трижды в огне, – и еще больше содрогался телом и успокаивался – точно рос и подымался духом.

И. обнял меня, прижал к себе – и я взлетел вместе с ним в какие-то высоты, где я не различал более, что был я и что было не я, и слов для передачи моих ощущений блаженного счастья я не нахожу.

Когда я очнулся, у меня было такое чувство, точно я снова влез в футляр человеческого тела. До того легким, радостным и блаженным было мое состояние за миг до этого, что теперь я опять почувствовал себя весомым и тяжелым. Оглядевшись, я увидел, что жертвенник был закрыт мраморной крышкой, в комнате были только И., мои дорогие поручители, Никито и Зейхед. Я нигде больше не видел моих высоких милостивцев и друзей – Флорентийца и Али. Почему-то я вспомнил, как видел Флорентийца в бурю на корабле таким же светящимся белым облаком, каким я видел его здесь несколько минут назад.

– В эту минуту, Левушка, ты осознал, как стираются границы между землей и небом. Для тебя открылась Единая, вся жизнь. Ты понял, что нет условных границ, обозначаемых условными терминами: «смерть», «рождение», «жизнь», принятыми в общечеловеческой жизни на земле как термины

условных, отдельных этапов, дающих разлуку, с ее горем, или счастье с его заманчивыми иллюзиями. Твой опыт сегодня вынес тебя за все условные грани, и ты постиг величайшее счастье: знание вечной жизни. Тебе стало понятно, что твоя жизнь этого воплощения— это то «сейчас», в котором тебе надо пройти часть вечного пути раскрепощения от страстей. Пойдем, чтобы найти среди многочисленных лежащих на столах книг свою, единственную, неповторимую для других книгу жизни. Каждый ищет и находит ее в этой комнате только сам. Я двинулся среди множества высокие столиков оранжевого мрамора, похожих на церковные аналои. Сначала я видел на них только книги всех оттенков оранжевого цвета. Все они были одинаковы, и ни от одной из них не шел ко мне ни единый признак жизни.

Молчание комнаты и молчание Мудрости в лежавших передо мною книгах наполнили мое сознание величием спокойной святости, точно я ходил среди трепещущих сердец, закрытых в этих больших, тяжелых на вид книгах. Но все они оставались для меня рядом чудесных тайн, где моему сердцу не было места.

Я шел все дальше. И. и мои поручители следовали за мною в некотором отдалении. Теперь я стал различать книги разного цвета: красного, синего, фиолетового.

Вдруг мой взгляд упал на большую зеленую книгу, закованную в нефритовый переплет, отделанный чудесно малахитом. Точно теплом повеяло на меня от этой книги. Я буквально бросился к ней, наклонился над переплетом и увидел на нем прелестно сложенного белого павлина из мелких-мелких белых и зеленых камней. Глаза павлина были красные, а хвост — из самых разнообразных камней желтого цвета: от светло-желтых бриллиантов до самых темных топазов. Рисунок напоминал записную книжку моего брата, которую я нашел с Флорентийцем в комнате Николая в К. и которую я свято хранил в саквояже Флорентийца до сих пор.

Тепло, шедшее ко мне от книги, которое я почувствовал еще издали, теперь окутывало меня всего. Я положил обе руки на зеленый переплет, прильнул головой к белой птице, изображенной на нем, и мне казалось, что сердце Флорентийца обливает меня своей любовью.

Я был счастлив. Счастлив в полном смысле этого слова. Я ощущал себя совершенно свободным от всех условных скреп личного, так сильно державших меня в своем кольце до сих пор на земле.

— Раскрой книгу, друг, и прочти, какие обязательства ты уже брал на себя до этих пор в веках. Те, которые ты выполнил, те сошли со страниц твоей книги жизни, оставив листы чистыми. Те же, что ты когда-то взял и не выполнил, горят на страницах, как огненное письмо. Те что ты давал в этом

воплощении, ждут сейчас подтверждения твоею любовью и верностью. И, если ты их подтвердишь, они тоже загорятся огненным светом, хотя в эту минуту их еле можно прочесть вроде следов старинных чернил. В этот огромный момент твоей жизни ты можешь просить за своих друзей и врагов. Ты можешь вписать здесь сейчас те обязательства, что диктует тебе твоя бурно живущая в тебе в этот миг Любовь.

И. умолк. Я раскрыл книгу и заметил, что много чистых листов ее переворачивались, вместе, как бы склеенные. Я понял, что то следы моих вековых трудов и карм, давно оконченных в прошлых моих жизнях. Еще несколько листов перевернулись так же, и наконец я увидел отпавший лист, на котором среди чистого белого поля горела фраза: «Я найду полное самообладание, чтобы служить Учителю моему долго, долго, долго».

– О, И., как же я виноват перед Флорентийцем и перед Вами! Я даже забыл, что давал уже это обещание, и остаюсь все тем же невыдержанным человеком! Я трижды подтверждаю сейчас мою верность этому обещанию, иди мой путь в любви и такте.

Как только произнес мои слова, надпись погасла, листы сами перевернулись, и на новом месте загорелась ярким огнем та же надпись, а ниже засияло слово, как бы скрепляющая мое обещание подпись: «Флорентиец». Через мгновение листы книги вернулись несколько назад, и я увидел на одном из них точно плавающие знаки от старых чернил, размазанных слезами. Я прочел:

«Буйное, бездонное горе, когда сердце и мозг тонут в море слез и печали, да не придет больше в мое сознание. Я понял всю бездну человеческого горя. Понял ее как путь, ведущий к освобождению. Понял, принял, благословил.

Будь благословен, мой страшный враг, отнявший у меня все, что я любил и имел, Будь благословен! Да не лягут слезы мои скорбями на твоём пути. Но пусть они вырастут цветами и украсят путь твой радостью.

Иди по пути радости и пройди в путь Света. Я же обещаю не лить больше слез горя и скорби. Если же слабость моя будет так велика, что я не смогу удержать слез, – пусть то льются слезы радости, Господне вино! Благословляю день и час смерти всего мною любимого. Да останусь один на земле, свободным от всех привязанностей личного. Буду лишь слугою всему встречному; слугой моему Учителю да пройдут мои дни земли».

Я был так глубоко растроган словами, которые читал, как бы выступавшими из моря крови и слез, что опустился на колени и сказал:

– Если я не выполнил моего обета до сих пор, то да будет эта моя жизнь посвящена полной любви к моему врагу, заботам о нем и его семье,

если она у него есть. Я хочу принести ему мир. Хочу сделать цветущий сад из его сердца, если в нем еще бесплодная пустыня.

Я поднялся с колен и прочел на чистом листе засиявшее мне слово:

«Твой враг при тебе. Ты встретил его в образе белого птенчика, переданного тебе на хранение, воспитание и заботы. С семьей врага твоего ты уже встретился: это те два карлика, что ты помогал вырвать из сетей зла.

Мужайся, двигайся вперед, любя побеждай. Когда открыта человеку его карма с его ближними, час его действий настал. И если он не подобрал указанное ему кольцо кармы, то возможность подобрать это кольцо передвинулась – кольцо отошло, как облако. И снова надо ждать, пока цельность верности человека, его любовь и беспрекословное послушание Учителю не вырастут и не пододвинутся обстоятельства для новой вековой встречи.

Имеющий уши – услышит зов. И озарение поможет ему выполнить указанную задачу. Закрыты очи и уши у имеющих мало любви и верности. Лишь до конца верящий – побеждает.

Не видны человеку законы целесообразности встреч. Но лишь по этому закону

– закону великой необходимости – идет жизнь каждого.

В слепоте идут до тех пор, пока образ Единого в сердце не засветится. Но, чтобы Он засиял, надо уметь пройти в полной верности и преданности Учителю своему, ибо путь смирения проходит каждый только в свое мгновение Вечности.

Человеку же в слепоте его не видно то мгновение пути праведника. Он видит иное, которое судит и принимает к сердцу, стараясь следовать подражанием. В подражании же нет творчества. Сердце человека не живет, и потому не сходит к нему озарение, потому же и отрицает в невежестве своем.

Оставь все мечты, неофит. Действуй, ежеминутно действуй, творя доброту. И если бесстрашно сердце твое – раскроются очи духа твоего, увидишь и услышишь».

Книга захлопнулась, еще раз пахнуло на меня теплом и светом – и все исчезло, я перестал видеть не только свой аналой, но даже и ряды тех, мимо которых я шел до сих пор. Пораженный этим, я повернулся к И.

– Иди дальше, друг. Я не могу тебе ни в чем здесь помочь. Я уже сказал тебе: здесь каждый сам отыскивает все то, что ему дано понять.

Я двинулся вперед; случайно мой взгляд упал на белый пол, и мне показалось, что ряд цветочков, мелких, оранжевых, как дорожка, стелется передо мной. Я пошел по ней, так забавно и радостно было видеть, как

цветочки, точно в сказке, выскакивали, указывая мне дорогу. Я все шел за ними, благословляя их, и не мог удержаться радостного смеха, который так и рвался из моего сердца.

Неожиданно для меня цветочки свернули в сторону, и я увидел вдали, у самой стены, светившийся высокий аналой оранжевого цвета. Я ускорил шаг, ощутил тепло, шедшее ко мне от аналая, и, подойдя ближе, различил на нем большую книгу в переплете из парчи, украшенной топазами. Красота переплета привлекла мое внимание, но не сразу я понял, что украшения из камней и золота составляют надпись. Я разобрал язык пали и прочел:

«Луч мой тебя приветствует.

Просящему – дается. Ищущий – находит.

Мудрость не достигается теми, кто живет в личном.

Только раскрепощенный может видеть ясно».

Я благоговейно поцеловал переплет и хотел открыть книгу, как она сама развернулась, и я прочел:

«Вступай в луч пятый. Здесь научись видеть ясно, читать без помощи телесных очей и слышать легко и просто без помощи временных форм. Читай в каждой временной форме ее Вечное. Носи благословение дню и помогай пером – что дано тебе – развернуться сознанию встречного».

И. подошел ко мне, стал рядом со мною, поднял руку и подержал свою ладонь над листом книги, несколько ниже того места, где я читал. Я смотрел на лист книги, под его ладонью и заметил, что под нею складывается яркая фраза:

«Луч пятый – луч науки и техники. Луч технического приспособления в каждом развитом сознании всех его духовных даров для непосредственного служения человечеству.

Иди моим лучом и вноси все свое понимание, через Любовь к тебе приходящее, интуитивное и сокровенное, как простой труд обычного дня.

Научись претворять любовь созерцающую в мелкие дела дня. И только та любовь, что умеет быть влита и приложена в делах серого дня, будет живою Любовью, движением Единого.

Забвения нет во вселенной ни для одного человека, ни для одного его дела. Ибо все живущие и творящие – только технические пути и способы Жизни, идущей в формах.

Чтобы дойти до живой в себе Истины, надо развить в себе

любовь к человеку. Любя человека, чти его и, видя в нем цель дел Учителя, дойдешь до единения с Учителем; а слившись с Единым в Учителе, сольешься с Вечностью.

И.»

Буквы выходили из-под ладони И., оставались на листе книги, пока он ее держал, и погасли все сразу, когда он отвел свою руку. Тогда И. закрыл книгу, поклонился мне и сказал:

– Сегодня ты вошел на вторую ступень ученичества. Ты видишь, как легко и незаметно минует ступени один человек и как трудно проходит их другой. В моем луче, в ежедневном труде со мною, ты научишься овладевать теми психическими силами, что до сих пор доводили тебя до болезней. Взгляни на брата Никито. Быть может, теперь ты вспомнишь больше, чем в первые минуты свиданья с ним.

Я повернулся к Никито, взглянул в его добрые глаза и вдруг сразу увидел яркую картину детства, как я еду на коне, на руках Никито, закрытый его буркой от дождя и ветра. Потом я увидел его и себя в какой-то комнате, заставленной ящиками с книгами... и в тот же момент бросился на шею моему другу.

– Дорогой дядя, «неговорящий»! – воскликнул я. – Так я звал Вас в детстве, не разлучаясь с Вами, когда Вы приезжали, и плача, когда Вы уезжали. О, я не забыл ничего! Брат Николай говорил мне, что Вы спасли мне жизнь, когда я умирал. Вы привезли мне лекарство.

– Я был только гонцом Али, приславшим тебе лекарство, мой друг. Говори мне «ты» с этой минуты. Те, кто имел счастье стоять рядом в этой комнате, не могут иметь условного предрассудка «Вы». Дружба наша – общий путь труда, где преданность не имеет границ. Я тебе слуга и друг, и помощник во всем, в чем бы ты ни позвал меня участвовать.

– Я не знаю, Никито, как выразить словами всю благодарность тебе. Я могу только сказать, что в моем сердце нет предела для благоговейного чувства признательности за всю ласку, что я получил от тебя. Нет больше разрыва в моей памяти, я снова стою перед тобой тем беспомощным ребенком, которого ты так много защищал.

– Быть Может, ты теперь узнаешь и меня, – взяв меня за руку, сказал Зейхед-оглы.

Как только он коснулся меня, я увидел ряд домов на бедной улице, увидел идущего по ней мальчика лет восьми и бегущего ему навстречу карлика, дрожащего, в лохмотьях, искавшего спасения от преследователей.

Я понял, вернее, почувствовал, что мальчик этот я сам. Я перенесся совершенно в прошлое. Я уже различал топот ног многих бегущих людей и понял, что карлик погибнет, если я его не спасу. Я схватят его за руку, втащил за собой в дверь дома, у которого стоял. Не успел я захлопнуть дверь дома, как топот ног пронесся мимо него.

Я увидел сени, увидел, как осторожно веду своего спутника вверх по лестнице, сажаю его, дрожащего, в угол маленькой комнаты и закрываю его целым рядом лошадок, колясок, игрушек...

– Теперь ты увидел одно из мгновений нашей прошлой жизни и знаешь, чем я тебе обязан. Прими же мою помощь как возврат моего долга. И. соединил наши руки, обнял нас всех троих и сказал: – Пойдемте все вместе трудиться для братьев. В законе беспрекословного повиновения и непоколебимой верности и радости да соединит нас Любовь.

Мы вышли из зала, спустились вниз и прошли в комнату, которой я раньше не заметил. Здесь я снял ту одежду, которую на меня надели Никито и Зейхед, и переоделся в обычное платье, в каком ходили все в Общине. Мои друзья и И. также переоделись, и мы вышли из дома.

Внизу нас ждал слуга и передал И. письмо, сказав, что за островком нас ждет человек, принесший письмо.

Когда мы встретились с подателем письма, И., еще не вскрывая конверта, сказал человеку:

– Хорошо, передай Аннинову, что мы будем не сегодня, а завтра. Повернувшись ко мне, улыбаясь, он сказал мне:

– Вот видишь, Левушка, как хорошо все складывается. У Аннинова мигрень, он просит отложить музыку до завтра. Ведь ты не мог бы слушать ее сегодня?

– Не мог бы и даже забыл о ней. Если бы играл или пел Ананда, это было бы счастьем, – и я перенесся воспоминаниями в Константинополь, вновь переживая человеческий голос виолончели Ананды.

Состояние мое было необычным. Я шел, видел людей, деревья, облака, солнце, слышал щебетанье птиц, но все казалось мне нереальным, я как-то не мог уместиться в форме внешней жизни. Я все еще где-то летал и почти ничего не слышал из того, что говорили. Какие-то слова долетали до моих ушей, но шли мимо моего внимания. Более или менее я пришел в себя уже тогда, когда мы сошли вниз и, перейдя дорогу, вошли в бамбуковую рощу.

– Приди в себя, Левушка, – сказал мне, ведший меня под руку И. – Сейчас ты войдешь в парк и встретишь очень соскучившегося без тебя Бронского. В этот счастливейший для тебя день нельзя оставить друга без

помощи. Светлое счастье, покрывшее тебя сегодня, пусть будет счастьем и радостью и ему. То, чего ты не видел в человеке вчера, ты увидишь в нем сегодня. Отдай ему часть Любви, которая была дана тебе сегодня так щедро. Важнее всего не личный твой путь во вселенной, а ты – путь Света во вселенной, для труда и встреч твоих Учителей. Перелей в страдающую душу Бронского часть своего мира. Затем тебя ждут Франциск и карлики. Мы пройдем в больницу все вместе, возьми с собой и Бронского.

От слов И. легкое облачко сожаления как бы мелькнула на миг в моей душе. Мне было слишком трудно переключиться с орбиты неба на землю. Но я тут же понял, как печальна была бы моя жизнь, если бы рядом со мною не шли люди, отдавшие мне помощь, которой не было ни предела, ни отказа.

Точно какой-то руль мгновенно перевернулся во мне и я ощутил счастье жить на земле, радуясь, что могу быть полезным слугою кому-то.

– Я готов, дорогой И. – Но все же я остановился на минуту прежде, чем выйти из бамбуковых зарослей. – Я очень счастлив встретить Бронского в такой великий мой день и передать ему первому всю чистоту моего духа и моего нового знания в эту минуту. Да будет благословенна наша встреча, да начну ее и кончу в радости, милосердии и доброте.

Я постарался собрать все свое внимание и сосредоточиться на мысли о моем дорогом друге, печальном и страдающем.

ГЛАВА 5 Мое счастье нового знания и три встречи в нем

Мы сделали еще несколько шагов вперед вышли на дорожку. Я сразу же издали увидел высокую фигуру Бронского, медленно шедшего навстречу мне. Его голова была опущена вниз, и чем ближе я подвигался к нему, тем яснее видел, какая печаль отражалась на всей фигуре моего друга.

Жалость сжала мое переполненное любовью и счастьем сердце. Я почувствовал такой прилив любви к этому человеку, какого еще не испытывал ни разу, ни к одному чужому человеку.

Я понесся ему навстречу, раскрыл широко руки и заключил не ожидавшего встречи со мной Бронского в объятия. Только сейчас я невольно заметил, как я вырос физически. Я уже не был тем маленьким, щупленьким Левушкой, каким бежал с Флорентийцем из К. Обняв Бронского, человека высокого роста, я почувствовал свои плечи наравне с его плечами, и глаза мои приходились почти вровень с его глазами.

Мысль моя как-то скользнула, я немного удивился, когда это я успел так вырасти и расшириться, и радостно смеялся испугу Бронского,

попавшего нежданно-негаданно в мои объятия.

– Левушка, милый друг, – говорил он своим очаровательным голосом, – с какого неба Вы свалились? Я так счастлив, что встретил Вас сию минуту. Бог мой! Да ведь Вы и на самом деле имеете вид свалившегося с неба! Вы сияете, точно Вас святым духом пронизало!

– О да, мой дорогой Станислав, – ответил я, счастливо смеясь, и в первый раз назвал моего друга без отчества, чего раньше не делал, несмотря на все его просьбы об этом. Но сегодня мой язык сам мог отражать только ту любовь, которой горело все мое существо. И я назвал его так, как говорило мое сердце. – Я действительно сейчас упал с неба. И еще минуту назад я не понимал, какое великое счастье – перенести небо на землю и пролить встретившемуся человеку всю впитанную сердцем его красоту. – Я люблю Вас, Станислав, в эту минуту той братской любовью, которая уже не нуждается в словах и объяснениях, чтобы разделить не только скорби друга, но чтобы и понести их вместе по трудной жизненной дороге.

– Левушка, Левушка, с Вами, несомненно, что-то случилось огромное, – прижимая к груди обе мои руки и глядя на меня своими прекрасными печальными глазами, тихо говорил Бронский. – Но, что бы с Вами ни случилось, как бы Вы ни были сильны своим счастьем в эту минуту, – воздержитесь обещать разделить мои страдания. Я, собственно, уже несколько дней решаю трудный для себя вопрос: имею ли я право подходить к Вам близко, так близко, как мне этого хочется. Вся моя жизнь пронизана скорбью именно оттого, что, где бы я ни появился, кого бы я ни полюбил, с кем бы ни подружился, – всем всегда и неизменно я приношу в конце концов горе и скорбь. Сколько раз в моей жизни я захватывал своим искусством многих людей. Они добивались знакомства со мной, гордились близостью и дружбой, – и всегда финал бывал один и тот же: их постигало горе, и я оставался им утешителем. Приносил ли я им на самом деле утешение, – не знаю. Но дата их встречи со мною всегда, решительно всегда, бывала преддверием горя. Мое одиночество – это следствие моих наблюдений над моими связями с людьми. Я стал бояться каких бы то ни было сближений с людьми. Я, как вечный жид, стал странствовать по всему миру, нигде не создавая себе счастливых оазисов личных чувств, какого бы то ни было характера. Я погрузился только в искусство и отдал ему всю жизнь без остатка. Но люди и при этой моей манере жить не оставляют меня в покое. Они

– хочу я этого или не хочу – подходят ко мне через то же искусство, которое я им несу. Любовь к искусству – единственное, для чего я жил и

живу, служу в нем и служил всегда моему Богу и общему благу, – заставляет людей сблизиться со мной, а меня принуждает принимать их как учеников и сотрудников. И неизменно картина всюду была и есть все та же: если я нес людям восторги и откровение в искусстве, я так же непременно приносил им горе в их личную жизнь. Это до того стало меня подавлять, что я решил кончить свои расчеты с жизнью, уйти с земли в Вечность, в которую я свято верю. Я уже собрался выполнить мое решение, как встретился с тем великим человеком, письмо которого я привез Вашему не менее великому, как мне кажется, обаятельному другу И. Если бы не эта чудесная встреча, я бы никогда не встретил и Вас, Левушка. Теплом веет на меня от Вас. Молодость Ваша, Ваш исключительный талант, живая фантазия и умение проникнуть до самого дна переживаний артиста, интерес и дружба, которые Вы выказываете мне, – все тянет меня к Вам. И сейчас я шел и решал все тот же вопрос; не принесу ли я и Вам горе. Быть может, мне надо отойти от Вас, чтобы громы небесные не потрясли Вашей юной жизни?

– Дорогой Станислав, – весело засмеялся я, – уверяю Вас, что громы небесные не ждали момента моей встречи с Вами. Они уже поразили меня, как только было возможно. У меня много возражений Вам. Во-первых, где мы с Вами сейчас? Здесь не та открытая сцена жизни, где все полно условных пониманий и предрассудков. Здесь для нас с Вами, как и для всех сюда пришедших, – святая святых, доступная каждому из нас так, как он сам способен в нее войти. Здесь живут вне предрассудков, вне условного быта и его требований внешнего. Здесь каждый творит свой «день» освобожденным настолько, насколько каждый совладал со своими страстями. Во-вторых, Вы судите о тех внешних впечатлениях, которые Вы вносили людям в их жизнь. Но те страдания, вестником которых Вы являлись им, не были только страданиями: они служили им лестницей для внутреннего совершенствования их духа. Если Вы перестанете судить свою жизнь и Ваших встречных однобоко, учитывая только один план земли, а свяжете и свое и всех встречных сознание еще и с планом живого, трудящегося неба, – Вы будете и сами жить в Вечном и оценивать события и факты жизни других только в двух планах, сливая их воедино как нечто цельное, что разделить невозможно. Рассматривая так Ваши встречи, Вы увидите в себе величайшую Мудрость, потому что пробуждаете в людях их возможность вступить в тот вечно движущийся поток, который и есть Вечное Движение. Сегодня я ощутил всем своим существом эту связь человека земли с любовью и заботами трудящегося неба. Я понял, что не в идеях и высоких словах я должен искать возможностей передать земле труд

великих братьев живого неба. Но я должен во всем благородстве проникать в дух встречного человека. Не в теориях и обетах должна выражаться любовь моя к родине. И любовь к брату-человеку – это не фантазия и мечты, не созерцательная форма молитв и мантр, а действенная форма труда в самом простом дне. И. говорил мне все это, говорил, что нет серых дней, а есть то, что мы в нем творим сами, но я понимал это все головой, восхищался, пленялся, но... любовь моя молчала. Она всегда была пленительным маяком, пока была «любовью к дальним». Но стоило мне соприкоснуться с ближними, как любовь моя выливалась в раздражение. Сегодня, Станислав, все мое существо содрогалось в огне Любви, которую мне лили старшие милосердные братья, не спрашивая меня, что я им отдам взамен, но окружая меня сетью своей любви и защиты, чтобы я мог разделить их труд в моей чистоте. Точно мощный огонь, я чувствую в себе их силу. И разговаривая сейчас с Вами, я счастлив, потому что чувствую, как отдаю Вам эту движущуюся силу их огня. То, что так заставляет Вас страдать при Вашей любви к людям, когда Вам хотелось бы нести каждому только радость, Ваш дар вталкивать людей в полосу страданий не должен Вас мучить. Перестаньте думать о себе, забудьте, что Вы входите вестником временного горя. Горе, как отсутствие бытового благополучия, есть иллюзия. Вы помните только о том, что Вы сотрудник живого неба и вводите людей в очищающую струю скорбей. Люди просыпаются к внутренней жизни и получают возможность сбрасывать с себя нарастающие корки эгоизма, чтобы войти в путь Света. Вот все, что я могу Вам сказать. Конечно, И. скажет Вам много больше и введет Вас в новый круг понимания труда. Моя же встреча с Вами, – благословенный миг. Первому Вам я удостоился счастья и чести подать мой перл чистой радости, мою дивную жемчужину Любви, которую мне подарили мои великие друзья.

Я обнял еще раз Бронского и нежно гладил его прекрасные руки, которыми он закрыл лицо и по которым текли слезы. Мы стояли в этой позе, когда на плечо каждому из нас легла чья-то рука, и я увидел обнимавшего нас обоих Франциска.

– Я вас искал, мои дорогие друзья.

Бог мой! Ничего не было особенного в этих самых простых словах. Но лицо Франциска, его глаза, тон его голоса – все было таким потоком ласки и любви, что я понял, почему его называли святым среди народа, и его простые слова проникли мне в сердце, как слова другого человека: «Прийдите ко мне, и я утешу вас».

При звуке голоса Франциска Бронский опустил руки, взглянул на него

и, очевидно, впервые понял, как и я, что такое Любовь в человеке. Он опустился на колени, приник к Франциску, взял обе его руки в свои и зарыдал.

Все мое сердце перевернулось от этих рыданий. Я тоже опустился на колени рядом с ним, обнял его, также приник к Франциску и молил живое небо, моих друзей Флорентийца и Али разделить тяжесть трудных страданий Бронского, помочь ему перейти в иную ступень понимания его земной жизни и труда в ней.

Рыдания Бронского говорили о невыносимой тяжести сердца, о пытке, которую он нес. Руки Франциска гладили страдальца по голове, он наклонился над Бронским и тихо, нежно улыбался ему. Я перестал видеть в стоявшей перед нами фигуре Франциска. Я видел сейчас одну любовь, которая светилась вокруг его головы и всей его человеческой формы, ширилась, разрасталась в светлое облако, окружая его кольцом.

– Мой дорогой брат, – все тем же голосом продолжал Франциск, – твои слезы сегодня – Рубикон твоей жизни. Был ты освободителем твоим встречным, разрывая их духовные оковы своим гением искусства. Ты скорбел и страдал, видя, как рушилось их мимолетное счастье. Теперь ты будешь понимать, что счастье, сгоревшее в них от огня спички, сменится в них Светом несгорающего Огня. Ты будешь теперь для них силой возрождения и утешения. Ты поймешь, что великий путь ученичества равно велик перед Вечностью, несешь ли ты в своей чаше белые жемчужины радости или черные скорбей. Чаша радостного только кажется легче. На самом же деле людям одинаково трудно нести в достоинстве, равновесии и чести и радости и скорби. Встаньте, братья мои, чтобы я мог каждому из вас отдать поклон Любви, в привет и встречу его новой жизни.

Франциск поднял нас с колен, и я снова поразился физической силе этих нежных рук и этой болезненной внешности. Франциск обнял Бронского, приблизил его вплотную к себе и что-то говорил ему на ухо, чего я не разбирал. Как преобразились лицо и фигура артиста, когда Франциск выпустил его из своих объятий! Лицо его сияло, фигура выпрямилась, стала мощной, глаза засверкали силой, весь он показался мне воплощением творческой энергии. Ни одной морщинки не было на его молодом сейчас лице, а ведь в момент нашей встречи оно все было изборождено суровыми складками.

Франциск обратился ко мне и сказал:

– Левушка, твой брат Николай шлет тебе привет. Он дарит тебе свою записную книжку, что ты так свято ему сберегал до сих пор и куда ты с редкой честностью ни разу не заглянул, охраняя тайны брата. Ныне запись

книжки брата для тебя не тайна, ты все поймешь, что там сказано. Прими и моей любви и радости дар. Возьми это скромное колечко и надень его на шейку твоего павлина. Вот тебе и цепочка.

Как я был рад подарку Франциска! Не только я, но и мой павлин, мой вековой враг, получал сегодня привет любви. Все слова благодарности не могли бы выразить силы радости, которая меня переполнила. Я бросился на шею Франциску, смеясь и плача одновременно и утопая в его беспредельной доброте.

– Левушка, ты задушишь Франциска, – услышал я за собой голос И.

Я и не заметил, как и когда потерял И. и моих дорогих поручителей, когда полетел навстречу Бронскому. И теперь я даже не задумался, как и откуда они появились возле нас, – все происходившее сегодня казалось мне простым, ясным, легким.

И. повел нас в дальнюю часть сада, где я увидел оранжевую беседку очаровательной архитектуры, которой раньше не замечал. Здесь с нами простился Франциск и напомнил мне, чтобы я к вечеру пришел к нему побеседовать с карликами и привел бы обязательно Бронского.

Последнему было, очевидно, очень трудно расстаться с Франциском. Он держал руку своего нового друга и не отрываясь глядел ему в глаза. Франциск засмеялся своим мелодичным смехом, высвободил свою руку, взял обе руки Бронского и вложил их в правую руку И.

– Я только любовь, – сказал он. – А техника ее приложения, развитие Вашего артистического дара и умение, в полном такте и обязательном самообладании и обаянии, помочь людям – это Вы найдете у И. и Флорентийца. Все сейчас необходимые Вам знания Вы найдете у И. Моя и его Любовь помогут Вам войти в новую ступень жизни. Но умение применить все знания Вы можете найти только сами.

Франциск оставил нас и вскоре скрылся за беседкой. Но мы пробыли одни очень недолго. Не успел я еще раз прижать кольцо Франциска к губам и представить себе, как очаровательно будет гореть красная цепочка на белой шейке павлина, как И. сказал:

– Левушка, сюда идет Наталья Владимировна. Встреть ее так, как тебя только что встретил Франциск. Перелей в нее всю силу твоего милосердия, как тебе сегодня было пролито. Если сумеешь забыть о себе и, думая только о ней, прижать ее к сердцу, не видя в ней ничего, кроме ее Любви, ты сможешь ей подняться на ту высоту, где ей необходимо найти новую силу, чтобы окончить прежний и начать следующий труд. Не важно, что ты сам еще только неопит. Тебе не могут быть еще открыты пути сокровенного труда владык карм людей. Важно, чтобы ты отдал ей всю чистоту радости,

которую она в данное сейчас может вобрать только через тебя. Не человек, как таковой, важен, когда несет весть. Важна сама весть и важна любовь, отдаваемая тем, кто несет весть. Помоги ей, забыв о себе, как сегодня помогали тебе, не помня ни о чем, кроме тебя.

И. умолк, взял под руку Бронского и вышел из беседки. За ними, ласково улыбнувшись мне, вышли и Никито с Зейхедом. Прошло очень немного времени, вероятно, минут десять-пятнадцать. Но что это были за минуты! Я не ощущал веса собственного тела. Полное счастье бытия, какая-то неведомая до сих пор сладость сердца сливала меня со всем окружающим, точно и свет, и солнце, и камни, и цветы, – все звучало. Я ясно слышал, как звучала моя собственная нота в общей гармонии вселенной. Я составлял часть всего целого, не различая, где начиналось «Я» и где было «не Я».

Послышался легкий шорох, и я увидел подходившую к беседке Андрееву. По обыкновению, косынка из белых кружев была наброшена на сильно вьющиеся волосы, но, далеко не по обыкновению, самой глубокой печалью были полны глаза. Это даже не были ее обычные электрические колеса, к которым я уже привык. Они точно потухли, и вся ее тяжеловатая фигура казалась сегодня еще более грузной и поникшей. Шла она, точно ничего не видя и не замечая. Мне подумалось, что ее давит какая-то мысль, что она не в силах решить важный вопрос, который не дает ей покоя. Я вышел ей навстречу, но она все еще не видела меня, пока я не взял ее за руку, в которой она держала нераскрытый зонтик.

– Сестра Наталья, – сказал я с той радостью, которая наполняла меня всего сегодня. – Как я счастлив встретиться с Вами в эту минуту! Я не ощущаю никаких преград между мною и Вами. Я знаю, что терзает Вас, и я несу Вам помощь Али-старшего. Не смотрите, дорогая Наталья, на мои плохие качества. Я только тот муравей, что несет Вам весть Али.

Я внезапно почувствовал уже знакомое содрогание всего моего существа и услышал голос Али:

– Возьми сестру твою и введи ее в мою комнату. Там, на полке второй третьего шкафа, возьми ту книгу, что засветится для твоих глаз. Поддай ее сестре Наталье и помоги ей своей чистой гармонией и преданностью прочесть то, что ей необходимо.

Страшно обрадованный, я удивился, что Андреева все так же безрадостно стоит рядом со мной, точно ничего не слышит из сказанного мне Али. Я передал ей его приказание – она так вздрогнула, точно внезапно, проснулась. Я не дал ей опомниться, как-то сразу сообразил кратчайший путь к островку Али и повел туда мою милую сестру Наталью.

Мне было очень странно проходить новой тропой, которую видел сам впервые. Я столько времени жил уже в Общине, казалось, прекрасно знал весь парк, и вот иду так уверенно по местам, которые вижу впервые.

– Куда же ты ведешь меня, братишка? – Голос Андреевой был тот голос j2, мягкий и нежный, в котором было так много ласки и обаяния.

– Разве ты не видишь, дорогая сестра, что мы идем в комнату Али, на его островок. Вот, он уже виднеется, но я, правда, и сам подхожу к нему впервые с этой стороны, – ответил я со всей лаской, на которую было способно мое настезь открытое сердце.

– К какому островку? Ведь комната Али в белой скале, как я знаю, а об островке я ничего не слышала.

Мы вышли из густых зарослей деревьев и подошли к мостику, который начинался еще в самой гуще деревьев, весь был завит цветущими лианами и высокими травами и представлял из себя узенький, качающийся, висящий над водой проход. Вступив на этот хрупкий переход, с сомнением думая, втиснется ли в него плотная фигура моей милой спутницы, я оглянулся и... снова едва не превратился в Левушку «ловиворон». Вместо печального, сурового лица, погруженного в глубочайшее раздумье, я увидел лицо юное, радостное, с целым потоком энергии, лившейся из глаз.

Глаза эти снова стали знакомыми мне электрическими колесами, а все лицо было не обычным лицом Андреевой, женщины средних лет, мне привычным, с грубыми, волевыми чертами и плотно сжатыми губами. Это было лицо какого-то незнакомого мне юноши, преображенного, что-то слышащего, чего не слышал, очевидно, я, что-то видящего, чего не видел я.

Тут я понял, о чем говорил мне И.: «Всякий видит и слышит только то, до чего он сам созрел. Рядом с человеком в звучащей всегда вселенной может проноситься волна звуков величайшего значения и она не прозвучит человеку, если в его сердце нет ответной гармоничной ноты, чтобы ухватить в себя гармонию эфирной волны. Несколько минут назад я слышал то, чего не могла ухватить Андреева. Теперь она что-то слышала, что было для нее несомненным фактом, чего не мог понимать я.

Исполненный чувства высокого благоговения к ее молчаливой вонне беседе, я нежно взял ее за руку и повел по узенькому мостику, идя спиной вперед. Раньше я не мог выносить не только ее прикосновения, но даже приближение ее чувствовал очень резко и понимал, что от него мог заболеть, как заболела очаровательная леди Бердран, которую все еще лечил И. Сегодня же рука моя держала ее руку спокойно и радостно, и – удивительное дело – я все не мог расстаться с впечатлением, что веду юношу.

Мы благополучно прошли качавшийся и прогибавшийся под нами мостик, очутились на островке и, как всегда, были встречены белым павлином и сторожем. Приветствуемые этими милыми обитателями островка, мы подошли к белому домику Али, который казался мне сегодня таким сверкающим, точно из всех его пор били золотые лучи.

«Стой, путник, остановись и подумай, зачем ты пришел сюда», – прочел я надпись, преградившую нам путь, как бы на белой натянутой ленте. Откуда взялась эта надпись, я не понял, но факт был налицо: она преграждала нам дорогу за несколько шагов от входа в домик.

«Я пришел сюда выполнить приказание Учителя и друга моего», – мысленно ответил я. Надпись не представляла собой никакого препятствия в смысле физического заграждения, которое было бы трудно сломать. Но ноги мои точно приросли к земле, и у меня было такое ощущение, что передо мной непроходимая стена.

Не успел я договорить мысленно последних слов, как надпись погасла. Мы сделали несколько шагов вперед, и путь нам преградила вторая надпись:

«Беспрекословное повиновение, радость и бескорыстие могут пройти через мои ворота. Но одна чистота может помочь неопиту вывести обратно ту душу, что он взялся ввести в дом силы.

Еще есть время, путник! Если в тебе есть страх, если боишься ответственности – вернись и не вводи порученного тебе в дом мой».

– Так приказал мне Учитель, я иду, – громко ответил я, крепче сжал руку Натальи и пошел прямо на горящие знаки надписи. Я думал, что коснусь их жгучего пламени, закрыл собою Наталью, но надпись погасла, и мы вошли в дом.

Поднявшись по лестнице, мы остановились у двери комнаты Али. Я поднял глаза вверх и радостно прочел надпись из белых огней над самой дверью:

«Будь благословен, входящий. Знание растет не от твоих побед над другими, побед, тебя возвышающих. Но от мудрости, смирения и радости, которые ты добыл в себе так и тогда, когда этого никто не видал.

Выполняя долг любви к ближнему, подаешь мне любовь. И вводя брата в дом мой, мое дело на земле совершаешь».

Я опять посмотрел на Наталью и опять понял, что она ровно ничего, в смысле надписи, не видит. Лицо ее было кротко, ясно. Она терпеливо стояла, ожидая, пока я введу ее в комнату. Вся ее фигура составляла контраст с той нетерпеливой Натальей, главной отличительной чертой

характера которой и было нетерпение. Обычно она ни минуты не могла ни где и ничего ждать. Сейчас же это было олицетворение покоя.

Я открыл дверь комнаты, усадил Наталью за тот стол, где всегда занимался сам, и подал ей книгу, найдя ее там и так, как мне сказал Али.

Не только моему, но и никакому человеческому перу не описать радости и счастья, отразившихся на лице Натальи, когда я подал ей драгоценную книгу. Она немедленно раскрыла, ее и погрузилась в чтение, забыв обо всем. Я же в ее книге, к своему огромному разочарованию, увидел новый для меня шрифт и с трудом сообразил, что это был древнееврейский язык.

Преклонившись перед знаниями моей подруги и еще один раз улыбнувшись своему невежеству, я предоставил ей заниматься в тишине и отошел в глубину комнаты.

Никогда до сих пор я не проходил в эту часть комнаты. Каждый раз, войдя в дверь, я круто поворачивал налево и проходил к тому столу, за который меня усадил впервые Али руками дорогого И.

Сегодня; стараясь охранить глубокую сосредоточенность Натальи, я прошел в правую половину комнаты и поразился ее огромным размерам. Весь верхний этаж домика занимала одна эта комната. Здесь, в правой ее половине, было тоже много книг, стоял еще один письменный стол, на котором в прекрасной белой вазе стояли свежие цветы. Я подумал, что немой слуга приносит их сюда. Чистота комнаты, где всюду был белый мрамор, поражала. Точно все здесь только что вымыли и убрали пыль.

Я взглянул на книги в застекленных шкафах и снова удивился – такое, разнообразие языков смотрело на меня оттуда. В первый раз за все время моего отъезда из Петербурга меня потянуло писать. И мой писательский зуд был так силен, что я готов был тотчас же сесть за стол Али и начать писать дневник своей жизни за этот почти уже полный год жизни, промчавшийся точно вихрь.

Я уже двинулся было к столу, как мое внимание привлекла маленькая, едва заметная дверь с правой стороны, за шкафами книг. Сюрприз для меня был огромный. Я полагал, что верхний этаж весь заключался в одной этой большущей комнате, а теперь понял, что здесь была еще одна комната.

В моей памяти встало воспоминание о комнате Ананды в Константинополе, о том, как И. готовил «принцу и мудрецу» вторую, тайную комнату, вход в которую был закрыт для всех. Я подумал, что у Али здесь тоже была его святая святых, куда входил только он один и, быть может, его самые высокие друзья и ученики.

Благоговение перед святыней дорогого друга, которого я так недавно

видел благословляющим меня у алтаря в домике И., переполнило меня. Я вспомнил всю встречу с Али-старшим. Его лицо и жесты. Его величие и неизменную, не имеющую слов для выражения ласковость, пронизывающую все его обращение к человеку даже тогда, когда слова его были строги и серьезны. Не было СУРОВОСТИ в этом поразительном лице даже тогда, когда его прожигающие глаза читали, казалось, дно человеческого сердца.

Вспомнил я и пир, и предшествовавший ему разговор Али с Наль и Николаем. Вспомнил и прогулку в парке Али, его беседу со мной, его проводы нас с Флорентийцем, когда он стоял подле коляски и последний подал мне руку, обнял и ласково притянул к себе.

Как много прошло времени с тех пор, как много встреч и людей мелькнуло в моей жизни, а это объятие и взгляд стояли в моей памяти такими живыми, будто я только что вышел из рук Али.

И Ананда вспомнился мне, и сэр Уоми, так благодушно выносивший своего неумелого секретаря, и И., отдавший мне такой огромный кусок своей жизни, забот и внимания. Я точно читал, лист за листом, книгу моей жизни последних месяцев, снова ярко переживая все встречи. Алимолодой, дорогой капитан Джемс, Анна и Строганов, Жанна, ее дети, милый князь, турки, Хава, Генри и, наконец, ужасные Браццано и Бонда...

И такая благодарность переполнила меня ко всем моим великим покровителям за их сверхъестественную доброту, с такой простотой мне данную! И жалость, сострадание к тем несчастным, которым я отдал поцелуй Любви, но помочь не смог, раскрыли мое сердце в горячей мольбе. Я невольно опустился на колени, прижался к двери и звал Али, чтобы через него донеслась моя любовь до несчастного Браццано, чтобы не только одной благой мыслью была моя молитва, но чтобы я мог найти действие и энергию перелить любовь в активный труд для счастья и спасения несчастных.

Я погрузился в мою молитву, я нес свою радость нового знания в чистоте сердца всем страдальцам, остающимся в зле только из-за своего невежества и грубых страстей. В моей молитве не было ни печали, ни раскола в сердце, как бывало раньше, когда я молился о несчастных, о страдающих. Я нес в своей молитве полное благословение всему существу. Моя уверенность и радость жить, зная Великую Жизнь в себе, не имели теперь тех трещин скорби, которые всегда раньше вливались в мои молитвы. Меня больше не тревожил вопрос, зачем так много страданий в мире, я понимал: «Все благо». Я ушел куда-то, слился, растворился в благоговейном призыве к Али...

Нежная рука легла мне на голову – возле меня стоял И. Он улыбался мне, молча поднял меня с колен и сказал:

– Ты угадал, мой друг. Там «святая святых» Али. Ввести тебя туда может только его рука. Я не сомневаюсь, что, встретив тебя здесь, он сделает это. Твоя молитвенная благодарность ему раскрыла тебе возможность войти туда. Но в эту минуту твоего счастья выполни до конца твою встречу с Натальей. Окончи ее в радости, как и начал, и будь счастлив данным тебе поручением.

Я пошел к Андреевой. Душа моя сияла, ни единой темной крупинки не жило во мне, весь я был полон такой мощью любви, что, казалось мне, чувствовал силу сдвинуть гору.

При моем приближении Андреева подняла на меня глаза и я прочел в них раздражение и какое-то нетерпение. Это вызвало у меня улыбку, я готов был взять на себя не только ее раздражение, но все, что бы она ни вылила на меня, лишь бы облегчить ей сейчас жизнь и приобщить ее к моей радости. Должно быть, моя любовь передалась ей. Под моим взглядом она утихла и рассмеялась:

– Ну, можно ли выговорить Вам то, что я только что хотела вам сказать? Простите меня, я прочла уже все то, что мне было нужно узнать из этой книги, распалилась желанием поскорее бежать писать мой труд и не могла сообразить в этой сплошной белизне, где здесь дверь. Вы же ушли, оставив меня здесь одну,

– вот меня и охватило нетерпение. Кроме того, от этого слепящего света, отраженного от белых стен, у меня сделалась сильнейшая головная боль. Я просто заболела, если Вы не выведете меня сейчас же отсюда.

Ее страдальческий вид не дал мне времени высказать ей, как я был поражен тем, что она говорила, и ее нездоровьем. Значит, она не видела, что я был все время здесь. В комнате царил чудесный свет. Было прохладно в сравнении с жарой вовне. Но раздумывать было некогда, я взял книгу, спрятал ее в шкаф, подал руку бедняжке, которая бледнела и задыхалась, и вывел ее на островок, где ей стало сразу легче.

Я проводил ее через горбатый мостик в ту часть парка, где была расположена главная часть Общины, и только здесь болезненный вид Натальи стал радостнее и дышать она также стала ровнее.

– Как я жалею, что у меня нет с собой пилюли Али. Вам сразу стало бы очень легко и Ваша слабость сменилась бы бодростью.

– Я во время подрос. Будет очень неплохо, если вы, сестра Наталья, съедите одну из этих конфет, – сказал И., протягивая Андреевой коробочку с совсем маленькими белыми шариками. Андреева взяла маленький шарик,

проглотила его и глубоко вздохнула.

– Что это делается с Вашим Левушкой, И.? Чем Вы его закаляете? Не прошло и трех месяцев, а он становится богатырем. Не говорю уж о сегодняшнем дне. Сегодня он положительно красавец.

– Да ведь и Вы, Наталья, бываете красавицей, – ответил я ей смеясь. – Но именно в эти моменты Вы себя не видите, как, к сожалению, и я еще не видел себя ни разу красавцем.

– Если бы вы были в силах победить свои нетерпение и раздражительность, моя дорогая, – взяв руку Андреевой и поглаживая ее, ласково говорил И. – Вы бы уже сегодня могли прочесть те слова в комнате Али, что там для Вас горели. Это именно о них говорил Вам Али в своем последнем письме к Вам. Вы их должны прочитать сами без помощи Левушки, и, только тогда сможете работать дальше с Али и вынести в мир то знание, которое настала пора отдать людям. Али поручил мне передать Вам, что тот участок вашей работы, где Вы застряли сейчас, не потому труден для Вас, что Вы чего-то не знаете, но потому, что он требует от Вас более высокой духовности. Переменить себя Вы не можете. Но вложить в свой труд всю свою доброту и любовь к человеку Вы можете. Думайте не о труде для человека, а о любви к Али. Старайтесь так много радоваться своему счастью служить ему пером, чтобы мысль о подвиге не вплеталась в Ваше усердие. Понятие «подвиг» – понятие личного восприятия человека. У ученика же может быть только счастье простого дня, счастье служить Учителю, утопая в радости. Самое простое дело обычного дня – вот ученичество. Но не подвиг и не дела, которыми люди прославляются.

По мере того как говорил И., Андреева все больше успокаивалась. Ее возбуждение гасло, лицо смягчалось и глаза теряли огненный блеск.

– Вы дали мне сейчас новое ощущение мира, доктор И. Я пойду сейчас работать по-иному, чем раньше. Мне кажется, что я поняла все, что Вы мне сказали. – Поклонившись нам, она ушла к себе.

Когда мы остались одни, И. спросил меня:

– Чувствуешь ли ты в себе еще сейчас ту силу, Левушка, которую ты ощущал в комнате Али?

– О, да. Сегодня я понимаю, что количество любви может стать любым качеством, любой энергией. И что такое любовь-Сила, я теперь понимаю.

– Тогда пройдем к леди Бердран. Она уже оправилась настолько, что завтра я хочу ее выпустить из нашего корпуса снова в общение со всеми. И я хотел бы, чтобы ты в свой великий день счастья приветствовал ее выздоровление и передал ей часть своих чистейших вибраций, которыми пронизали тебя великие и милосердные труженики.

– Как я буду счастлив, И., дорогой, увидеть больную и передать ей часть своей радости, которая льется сегодня вокруг меня. Ваше присутствие поможет мне суметь найти язык и способ разделить мою радость с нею.

– Не думай о том, как пройдет встреча. Ощущай, что Али и Флорентиец рядом с тобой. И ты все сделаешь именно так, как это необходимо.

Мы вошли в наш дом и прошли прямо к леди Бердран, которую я не узнал в прелестной, свежей и юной женщине, напоминавшей в своем воздушном белом платье прекрасный цветок, вместо печальной, бледной красавицы, встреченной мною в первый день приезда в Общину.

В свою очередь, радостно поздоровавшись с И., леди Бердран ответила на мой поклон приветливо, но так, как кланяются человеку, которого видят в первый раз в жизни. Даже легкое разочарование мелькнуло на этом прелестном личике. Я рассмеялся, подумав, как мы ничего друг о друге не знаем, как женщина и не предполагала, откуда и с чем я к ней пришел, и огорчилась, увидя «чужого».

– Вы не узнали меня, леди Бердран, точно так же, как и я не узнал бы Вас, если бы И. не предупредил меня, что ведет меня к Вам. Если раньше Вы были похожи на бледную изысканную орхидею, то теперь Вы, ни дать ни взять, тот задорный горный цветок, что растет в здешних горах. Как его ни стремишься согнуть – он все распрямляется.

– О, теперь я узнала Вас по Вашему смеху и Вашей манере говорить, – протягивая мне обе руки, ответила милая хозяйка комнаты. – Но как Вы изменились! Если я поразила Вас здоровым и даже задорным видом, то Вас я и сравнить не знаю с кем и с чем. Вы были мальчиком, а сейчас Вы можете быть моделью героя для Беаты.

Шутя ответив, что у меня для художницы уже готовы заказы на вещи, более достойные ее кисти, я пристально приглядывался к американке. И чем больше я в нее вглядывался, тем больше понимал, какой же силой любви должен был обладать И., чтобы другое существо могло так исцелиться, закалиться и переродиться в такое короткое время.

– Чем же Вы были заняты все это долгое время, леди Бердран? – спросил я хозяйку, когда мы уселись на балконе, где нас покинул И., сказав, что навестит Игоро и вернется вскоре к нам.

– У меня было так много самых разнообразных занятий, что я даже не знаю, с чего начать мое перечисление. Первые дни мне все хотелось лежать, голова была так слаба, что даже читать я не могла. Но Ваш друг и не подумал считаться с моей слабостью. И первое, что он мне приказал,

был физический труд. Мне казалось, что я нуждаюсь в самом тщательном уходе и заботах, которыми меня окружала моя дорогая приятельница, Наталья Владимировна. А доктор И., с места в карьер, на третий день приказал сестре милосердия покинуть меня, уверяя, что мне достаточно прислуги, которая убирала мои комнаты. Я подчинилась не без удивления и не без внутреннего протеста, но чувствовать себя хуже не стала, оставаясь целыми часами без надзора. Еще через три дня мне, как я полагала, чрезвычайно серьезно больной, было приказано встать с постели и идти купаться. Еще более удивленная, выполнив все лекарственные процедуры, – не скажу, чтобы мне было весело отвешивать и отмеривать мельчайшие дозы порошков и капель, которыми был заставлен подле меня стол, – попробовала сойти вниз. К моей радости, ничего со мной не случилось. Так, в сопровождении моей горничной я дошла до озера, купалась, вернулась обратно и все лучше было мое самочувствие. Вечером неумолимый доктор И. приказал мне отпустить мою прислугу обратно на родину, так как климат этой части Индии ей вреден. Я была совершенно потрясена. Я привыкла думать, что благодетельствую всем своим слугам тем, что разрешаю им у себя служить. Я считала, что большое жалованье моей горничной – это все, что ей надо.

И вдруг доктор И. говорит, что прислуга моя поехала за мной сюда только из любви ко мне, жалея меня. Что ей было очень тяжело расставаться со своей большой и дружной семьей и что девушка увядает здесь, так как все, начиная с климата и кончая духовными волнами Общины, ей вредно. Этого я никак не могла взять в толк. Я возмутилась! Значит, доктор И. не обо мне думал, а о какой-то девушке из народа! Но... один взгляд его и вопрос: «Вы, собственно, зачем сюда ехали?» – меня потрясли и отрезвили. Не много слов сказал он мне еще, а вся моя жизнь показалась мне сплошным бездельем и жестоким эгоизмом. Мне ни разу и в голову не пришло спросить мою девушку, где и какая ее семья, или представить себе возможность ее болезни, радостей или страданий по каким-либо поводам. Классовое различие казалось мне самой законной и непреодолимой стеной... Не буду Вам рассказывать подробно всей, довольно нудной, моей внутренней метаморфозы. Словом, я сама не ожидала, сколько мусора сидело во мне. И каким тяжелым трудом и испытанием казалось мне, например, самой убирать комнаты. Не говорю уже о трагедии, когда пришлось вымыть и выгладить свое белье и платье. Теперь, когда весь мой быт уже стал привычным началом дня, я не замечаю физического труда. Я, радуясь, делаю все эти простые мелкие дела и именно среди них особенно сосредоточенно благословляю мою жизнь, мое

счастье встречи с Натальей Владимировной, потому что через нее я встретила доктора И. Когда мы ехали сюда, Андреева спрашивала разрешения у кого-то, кого она звала Учителем Али. Она была страшно рада, когда получила, с большим трудом, разрешение взять меня с собой. Не знаете ли Вы, Левушка, кто это Али? – закончила она свой рассказисповедь.

– Я знаю Али, но все, что о нем знаю, могу высказать в немногих словах, потому что знание мое очень ограничено. Али – это такое необычайное количество совершенно освобожденной от предрассудков любви в человеке, которое стало почти беспредельной силой. Но так как ни начала, ни конца его силы я рассмотреть не могу, то мне она кажется сверхъестественной и сияет для моего малого духа как явление божественное. Что же касается деятельности Али, то она так же неутомима, разнообразна и непостижима для меня, как деятельность И. В каждой из этих жизней нет ни мгновения в пустоте.

– Меня сейчас приводит в ужас, – снова сказала леди Бердран, – какую массу времени я растратила попусту. Вся моя жизнь, до встречи с Натальей, была одним сплошным исканием удовольствий и развлечений. Только теперь я начинаю понимать, что в жизни есть не только радости, купленные за деньги. И все же видеть человека в том, кто перед тобой, меня научил в самое последнее время И. Левушка, я должна у Вас просить прощения. Я смеялась над Вами, над Вашим тщедушием и над Вашими шилоглазами. Сейчас, смотря на Вас, я вспоминаю сказку о гадком утенке. Вы и вправду стали лебедем, а я не двинулась с места и, кажется, могу остаться Золушкой навсегда. Прощаете ли Вы мне мои глупые насмешки? Я ни минуты не могу больше жить с этим грузом на сердце.

– Я очень счастлив, дорогая леди Бердран, что Ваши невинные насмешки позволили нам сломать гору условностей и приблизиться так друг к другу, чтобы рассмотреть человеческие качества в себе и собеседнике. Сегодня я принес Вам в себе так много счастья, так много чистой любви, что в сердце Вашем не должно остаться ни крупинки уязвленности. Я очень мало еще знаю и мало видел в своей жизни. Каждый человек, становясь на путь знаний, начинает прежде всего понимать, что он ничего не знает. Сегодня я особенно ясно это знаю, особенно ясно ощущаю, как я еще абсолютно ничего не знаю. И мне, как и Вам, кажется, что огромная часть жизни уже прошла в суете и пустоте, хотя я только и делал, казалось, что учился. Сегодня я понял две великие вещи для земной жизни человека: первое, что жизнь – это и есть простой серый день и труд в нем, второе – что встречи в дне только тогда и будут настоящими

встречами, когда видишь в человеке не его личные качества, и его Свет и Мир. Я учусь теперь видеть только Свет и Мир в человеке и им нести свою любовь.

– Как просто Вы все это мне сказали, Левушка. Я не могу понять, как это я сама не нашла до сих пор выражения своим мыслям. Вокруг всего этого вертелись мои новые мысли, слов для которых я не находила. Будем же друзьями, Левушка, – вставая и подходя ко мне, сказала американка. – Сегодня я вижу Вас как-то по-особенному. Вы кажетесь мне таким сильным, уверенным, большим. Точно Вы знаете что-то новое, удивительное, что дает Вам спокойствие и уверенность. У меня же нет ни в чем уверенности. Пока я вижу И., я живу каким-то благим порывом. Как только я остаюсь одна, моя уверенность улетает, я опять не знаю, как мне быть, что в жизни важно и куда стремиться.

– Я хотел бы перелить в Вас ту уверенность, которую чувствую в себе сейчас. Но никто и никогда еще не смог жить чужим опытом. Если Вы увидели в И. мудрость и энергию, пленившие Вас, если Али дал Вам разрешение приехать сюда, – верьте, что именно здесь Вы найдете решение всем своим вопросам и здесь совершится нечто великое в Вашей жизни, чего, быть может, не увидит никто другой, но что осветит и изменит всю Вашу жизнь.

Лицо американки побледнело и стало так печально, что снова напомнило мне ту леди Бердран, которую я встретил в первый день.

– Если бы Вы знали, Левушка, какой тяжелой раны Вы сейчас коснулись. Блестящая, богатая, независимая моя внешняя жизнь была сущим адом. Ни одному живому существу я не принесла счастья. Наоборот, все, кто подходил ко мне близко, все становились несчастными. Вы сказали, что здесь я могу найти решение моим недоуменным вопросам. Но кто может объяснить мне, что за проклятие тяготеет надо мной? Этого ведь никто знать не может?

– Я думаю, что есть много людей, которые могут знать и это, леди Бердран. Месяц назад Вам казался невозможным физический труд. Сейчас Вам кажется невероятной духовная прозорливость человека. Как можно знать, что составит Ваше знание через семь лет? Я повторяю свой вопрос Вам: признаете ли Вы такими высокими мудрость и знания И., чтобы доверить ему свою жизнь и желать двигаться к совершенству и развитию под его руководством?

– О, конечно, я преклоняюсь перед И. Но... я в его присутствии точно вся скована. Я ни за что не могла бы говорить с ним так легко и просто, как говорю с Вами. Меня не раз удивляло, как смело Вы держите себя с ним,

точно на равной ноге. У меня Такое чувство, будто в его присутствии я прячусь в скорлупу.

– Не знаю, не могу вам сказать, как это случилось, что я точно прирос к И. Я встретил его в очень печальный час моей жизни, вероятно, мое детское и одинокое сердце, сердце того «гадкого утенка», над которым Вы потешались, сразу почувствовало безграничную любовь И., его милосердие и заботы, которые спасли мне жизнь, в буквальном смысле слова, не один раз за время нашего сравнительно недавнего знакомства. В голове моей была такая каша, я не только ни в чем не был уверен, я даже ни в чем не мог разобраться – ни в самом себе, ни в окружающих людях и событиях. Правда, я не замечал, чтобы я приносил людям постоянно страдания и неудачи. Но вопрос, зачем в мире так много должен страдать человек, вопрос этот давил меня так тяжело, что я готов был отрицать смысл жизни. И. своей мудростью и любовью вывел меня из тупика. Его собственная трудовая жизнь, ежедневным свидетелем которой я был, которую вижу таковой же и здесь, жизнь, полная мира и помощи людям, научила меня, где нужно искать сил, чтобы встать на путь любви и сделать хотя бы первый шаг по этому пути. Этот первый шаг – самообладание. Лично мне он был очень труден, много-много труднее, чем Вам. И шел я к нему совсем иным способом, чем Вы. Вы своим беспрекословным повиновением, когда Вы делали вещи, по Вашим пониманиям, чудовищные, но делали их только потому, что «так приказал доктор И», – Вы нашли то самообладание, которое уже ввело Вас в первый, самый трудный шаг пути, о котором я говорю. Я совершенно уверен, что ваше стеснение перед И. пройдет так же незаметно, как Вы не заметили своего первого шага. Стеснительность ваша не что иное, как гордость и самолюбие. Как только в Вас разовьется не само-, а человеколюбие. Вы сделаете второй шаг, то есть попросите И. помочь Вам получить знания. Если истинно их ищете

– отбросьте всю мелочь условных традиций, в которых выросли, и начинайте новое рождение.

– Левушка, у меня не хватит смелости просить И. Не можете ли Вы попросить его заняться мною?

– Нет, леди Бердран, есть такие жизненные дела, которые люди могут только сами делать для себя. Решить идти в ту или другую сторону вслепую нельзя. В своей жизненной дороге, как и в вопросах духовных, только сам человек может избрать себе способ и манеру достигать совершенства. Один человек, как и все слагаемые его жизни, никак не похож на другого. Сколько бы я ни просил о Вас и за Вас, это ничему не поможет. Я могу только Вам, лично Вам принести все свое самоотвержение

и любовь. Я могу силой моей верности Учителю помочь Вам сбросить разьедающий предрассудок разъединения. Могу пытаться вдохнуть в Вас героическое напряжение, чтобы серость и ординарность быта не засосала Вас. Но подняться к той героике чувств и мыслей, где может расшириться Ваше сознание, очиститься и освободиться Ваша любовь, где Вы можете найти бесстрашие, чтобы обратиться с призывом к И., – это можете сделать только Вы сами.

– Господи, как я хотела бы найти в себе эти силы! Сейчас, когда мне предстоит перейти снова в мою комнату, мне так жаль расставаться с этим домом. Хотя я и не так часто видела И., и совсем не видела Вас, – но я знала, что и он, и Вы здесь живете рядом. Сейчас я точно приобрела в Вас брата, очень мне близкого и дорогого. И мне нестерпимо грустно расставаться с Вами.

– Зачем же расставаться с Левушкой, леди Бердран? – раздался голос вошедшего к нам на балкон И., которого мы, увлеченные нашей беседой и не заметили. Если Левушка стал Вам близок и дорог, хотите, я дам ему поручение обучить Вас санскритскому языку? – И. смеялся, глядя на меня и выбрасывая из глаз целые снопы юмора.

– О, доктор И., Вам Наталья, наверное, сказала о моей неспособности к языкам. Если бы у Левушки были сверхъестественные способности к преподаванию языков, то и тогда он не нашел бы способов обучить меня санскриту. Да и терпения у него не хватило бы.

– Конечно, если Вы думаете, что Ваша лень будет равняться его терпению, то из Ваших занятий выйти ничего не может. Но если Вы поймете, что Вам надо кое-что прочесть на этом языке, ну, например, почему Вы являетесь людям вестницей неудач, а понять это Вы сможете только тогда, когда прочтете один свиток на санскритском языке – только на санскритском и ни на каком другом, потому что так идет течение Вашей кармы, – в этом случае Вы, наверное, ухватитесь за такого учителя, как Левушка, и постараетесь всеми силами облегчить ему его урок терпения и выдержки.

Я поглядел на И. и не понял даже, в какой момент исчезли юмористические искорки из его глаз и когда он перешел с шутки на полный серьез. Голос его звучал уже знакомыми мне повелительными металлическими нотами.

Я встал, поклонился И. и радостно сказал: – Я счастлив принять это поручение именно сегодня. Я приложу все усердие моей любви, чтобы леди Бердран смогла поскорее прочесть свой свиток.

По мне пронеслось не то уже мне привычное содрогание всего

существа, которое давало мне понять, что я сейчас услышу или увижу что-то из мира сверхсознательных сил. У меня явилось новое, простое ощущение, как будто у меня между горлом и грудью раскрылся какой-то вращающийся аппарат, подающий мне силы видеть и слышать внутренним зрением и слухом.

Я увидел Али, увидел в его руке старинный свиток и услышал его слова: «Если жертву любви не совершит тот, кому она предназначалась владыками карм, она все же должна совершиться. Прими ее в этом случае на себя. Начни и кончи поручение в той чистоте, в какой стоишь сейчас».

Мною овладело никогда еще не испытанное чувство полного равновесия, устойчивого спокойствия и полной простоты по отношению к малознакомому мне человеку. Я подошел к леди Бердран.

– Не думайте, что я сам уже хорошо знаю санскрит. Но, уча Вас, я буду продолжать учиться сам. Как только И. разрешит, я приду к Вам и принесу книги. Как бы трудно ни давался Вам язык, это будет легче, чем нести тяжесть непонимания изо дня в день. Если Вам открыто, где искать объяснения Вашей печали, по всей вероятности, Вам будет указан и путь, как выйти из круга ее или как нести ее дальше без огорчения.

Мы простились с американкой и сошли вниз. Гонг призывал к трапезе.

– Пройдем в оливковую рощу. Сегодня тебе, Левушка, было бы трудно в многолюдном обществе. Никито и Зейхед ждут нас в тенистой беседке возле грота, где мы будем обедать только вчетвером. Этот день, день твоего великого счастья, становится и днем твоих великих отдач. Сегодня ты закончил только первую и наиболее легкую часть твоих старинных карм. Но после обеда ты возьмешь своего птенчика, который успел уже проголодаться и соскучиться без тебя, и мы вместе с твоими поручителями пойдем к Франциску, чтобы ты мог начать погашать самую тяжелую часть кармы с твоим злейшим врагом. Я знаю, что все время тебе хочется спросить меня, что такое «владыки карм», о которых ты еще ничего не знаешь. Я расскажу тебе о них и частью ты узнаешь кое-что из записной книжки твоего брата. В эту же минуту отдыхай, друг, среди той любви, что тебя окружает так щедро со всех сторон.

Не успел И. договорить последних слов, как мои дорогие поручители показали на дорожке, встречая нас. Войдя в прелестную беседку, где было много прекрасных цветов, увидел небольшой стол с четырьмя скромными приборами на белой скатерти и четыре табуретки из простого пальмового дерева. У каждого прибора стояла уже готовая холодная еда и много фруктов.

Какая разница была в моих ощущениях сейчас и раньше?

Если бы Андреева только прикоснулась ко мне раньше, я лежал бы больным. Теперь же мои силы точно все возростали, чем больше я отдавал моей любви. И мне казалось, что я становлюсь все сильней. Я и голода не ощущал, а ел только потому, что И. приказывал мне быть хозяином в беседе и подавать пример своим дорогим гостям.

Никито несколько раз напоминал мне некоторые эпизоды из моей детской далекой жизни. Я их ясно представлял и все четче отдавал себе отчет, как бесконечно многим я обязан брату Николаю и как я мало знал и видел истинного брата Николая в той человеческой форме, которую так любил.

Мне представлялось, что брат Николай знает о моем счастье сейчас. И у меня не было горечи, что его нет со мной. У меня было одно желание: передать ему сегодня мой привет любви, привет благодарности брата-сына за все то, что для меня сделал брат-отец.

– Передай врагу своему и его семье полное прощение сегодня и ты сослужишь брату своему и его будущей семье великую, вековую службу, – сказал мне И.

– Неужели же все в жизни людей так цепко связано, И.? – спросил я.

– О, да. Ты только еще вступаешь на тот путь, где начинают понимать высшие законы, и они-то и есть единственные законы движения вселенной: закономерность и целесообразность – о них запомни.

Наш легкий обед кончился быстро, и мы направились в мою комнату к моему дорогому птенчику, который тоже – по терминологии леди Бердран – начинал превращаться из гадкого утенка в прекрасную, царственную птицу.

ГЛАВА 6 Франциск и карлики. Мое новое отношение к вещам и людям. Записная книжка моего брата Николая

Не успел я войти в свою комнату, как очутился в буквальном смысле слова в объятиях моего птенца. Сегодня я и в нем окончательно увидел не птенца, а молодую, сильную птицу, обещавшую сделаться неоспоримой красавицей. В первый раз за время своей жизни со мною мой белый друг не нуждался в моей помощи, чтобы вспрыгнуть ко мне на плечо. Раскрыв крылья, он охватил ими мою голову и терся своей головкой о мою щеку. Я даже ошалел от неожиданности такого бурного приветствия и представлял из себя довольно нелепую фигуру, когда голова моя исчезла в павлиньих перьях и слышен был только мой смех да смех моих друзей, потешавшихся над Левушкой с павлином вместо головы.

Успокоившись, мой павлин по приказанию И. учился отдавать поклон каждому из моих гостей, за что получал сладкий хлеб, которого он был

большим любителем. Наконец, вдоволь накормленный и напоенный, он снова взобрался мне на плечо, и мы вышли по направлению к лесу.

Через долину, еще жаркую, я перенес птицу на плече; но вес ее был уже солиден, и в лесу я спустил ее на землю. Павлин бежал рядом со мной, что теперь для него уже не составляло никакого труда. Но сегодня я подмечал в нем что-то новое, чего раньше не видел в моем воспитаннике. Мне казалось, что в павлине появилось нечто духовное, какой-то трепещущий свет точно шел от его головки и тех мест, где начинались его крылья. Да и в глазах его, мне чудилось, пробилось новое, осмысленное, почти человеческое выражение.

– Какое же имя ты дашь своему воспитаннику? Уже пора, чтобы он привыкал слышать свое имя.

– Мне и самому хочется окрестить его каким-либо красивым именем, Зейхед. Да уж очень я плохой выдумщик и не знаю, как его назвать.

– Ну, Левушка, тебе ли задумываться над именем для павлина? Назови его Вечный. Вот он и будет напоминать тебе о вечной памяти и связи с тем врагом, которого ты теперь так рад простить и утешить.

– Знаете, И., Вечный – это не особенно красиво звучит. Я лучше назову его Эта, что по-итальянски значит «век». Мой же красавец Эта легко запомнит свое короткое имя. Я же, выговаривая его, буду вспоминать, как еще много мне работы над моим самообладанием, без которого я, вероятно, и жил в тот век, когда вызвал ненависть своего бывшего врага, теперешнего Эта.

Мы подходили к больничной части Общины и увидели шедшего нам навстречу Франциска. Тут только я вспомнил, что должен был привести с собой Бронского. Я остановился в полном смятении, даже дыхание мое стало тяжелым, так поразило меня, что я мог забыть сходить за моим страдающим другом, утонув в море собственного эгоистического блаженства.

– И., мой дорогой наставник, в такой великий день я проштрафился, – остановившись, беспокойно сказал я. – Я забыл сходить за Бронским. Я сию же минуту побегу за ним. Как это я так рассеялся, даже понять не могу.

– Не волнуйся, друг, – ласково сказал Зейхед. – Я ведь твой поручитель, разделяющий с тобой все заботы о печальных. А Никито несет с тобой все заботы о радостных. Я не только позаботился, чтобы пришел Бронский, но чтобы он привел и Наталью, на что получил разрешение И. Через несколько минут их обоих приведет сюда Алдаз, которая сегодня у Кастанды, и он передаст ей это распоряжение.

– Я очень тронут твоей заботливостью и помощью, Зейхед. Но да

будет мне это уроком, как обо всем надо помнить, все держать в памяти, хотя бы небо сияло в душе. Я буду стараться, чтобы оно сияло, но не закрывало от меня землю, а лилось на нее моим трудом.

Франциск подошел ко мне вплотную и заглянул мне в глаза, улыбаясь так приветливо, как мог бы улыбаться только ребенок или святой.

– Это не эгоизм, друг. Это неопытность. Слишком трудно нести большое счастье и не поддаться соблазну созерцания. Если бы ты знал, как ценно твое желание, чтобы сияющее небо лилось на землю в твоем труде! Одно оно раскрыло тебе сегодня же возможность подать помощь спасения семье твоего врага. Пойдем, карлики сегодня оба беспокойны. Их тревожит инстинкт встречи с твоим павлином. Возьми его на руки, я не уверен, что и он не станет беспокоиться.

Я взял Эту на руки, мы уже готовы были двинуться дальше, как сзади нас послышались торопливые шаги, и из густых зарослей лиан боковой дорожки вышли Алдаз, Бронский и Наталья.

Молоденькая Алдаз легко и быстро шла впереди. Бронскому ничего не стоило поспевать за нею, но бедная плотная и грузная Наталья еле двигалась за ними обоими. По ее лицу катался струями пот, но оно было сейчас спокойно, даже смирение лежало печатью на этом лице, столь сейчас незнакомом мне. Бунтующей и протестующей Натальи нельзя было себе и представить в этом существе.

Франциск подошел к ней, держа меня под руку, и, точно обливая ее своею любовью, сказал ей:

– Я хотел, чтобы Вы были сегодня, дорогая сестра. Не представление или занятные фокусы Вы увидите, но один из величайших актов самоотвержения и любви тех, кто Вас сюда послал. Вы сегодня наглядно поймете, что такое в действии труда на земле то самообладание, к которому Вас так настойчиво зовет Али. Вы поймете, что его достичь волей невозможно. Оно рождается из ощущения, в себе блаженства и счастья жить. Четыре элемента составляют круг этого счастья жить: первое, что ощущает человек, – это блаженство любви. Любовь живая в человеке – это не его личное качество, не его добродетель. Это такая освобожденность сердца и мысли от всех тисков страстей, что ничто в самом человеке уже не мешает ему войти в ощущение блаженной любви. И в этом внутреннем состоянии света в себе уже нет предрассудка, как и каким способом Вы служите помощью людям; не важно, несете ли Вы им весть радости или скорби, – важно, что Вы несете им весть раскрепощения, того раскрепощения, которое расчищает человеку путь к блаженству любви. Второе, что вводит Вас в осознание себя единицей труда вечного, – это

блаженство мира сердца. Раскрепощенное сознание дает человеку возможность увидеть весь великий труд жизни. Увидеть не убогий человеческий закон справедливости, но вечные законы целесообразности и закономерности. Увидав их, человек видит и понимает и свое собственное место во вселенной труда для блага и радости всех и ощущает блаженство мира сердца. Третье, что раскрывает сознание светлого труженика земли, есть радость гармонии всего в движении общей жизни. Раскрепощенные глаза, с которых упали плотные покровы телесной любви, дают возможность увидеть, что нет ни зла, ни добра – есть временное закрепощение в том или другом. И оба эти понятия могут стать предрассудками, и оба могут одинаково держать цепкими крюками дух человека. Освобожденный чувствует блаженство радости как простую доброту, которую несет в каждую встречу, ибо это не его качество, а только живое движение его внутреннего блаженства радости. Четвертое блаженство, закрывающее двери всему личному и завершающее круг блаженств, в котором живет освобожденная душа, – блаженство бесстрашия. Нет высшего счастья для человека земли, как достичь такого раскрепощения и такого раскрытия Любви в себе, чтобы она слилась в круг Гармонии этих четырех блаженств. Все величие духа, до которого может прийти человек земли, заключается в этом кольце самообладания, которое люди зовут гармонией. На самом же деле это только начало гармонии, ее первые составные части. Это только свойство, вводящее в преддверие храма, где стоят существа, не имеющие предрассудков добра и зла, и где можно постичь, что такое свет в себе и как его нести в путь встречным. Каждый из освобожденных хотя бы в малой степени людей приближается к труду вечному. Он понимает, что нет «дня» как такового его жизни. А есть только «день дежурства» человека на земле. Дежурства не подвига, а простого счастья вносить действенную энергию доброты во все дела и встречи.

Человек, закованный в тяжелейшую броню «добра и долга», точно так же не может двигаться к совершенству, как и отягощенный предрассудком зла. Только тот может войти в кольцо дежурящих учеников, кто забыл о себе хотя бы до такой малости, что перестал обижаться, кого-то и за что-то наказывать, кому-то угрожать или сам чего-то страшиться, с кем-то объясняться, оправдываться и ссориться. Шаткие, бесхребетные, ни в чем не уверенные люди напрасно ищут что-то читать или о чем-то философствовать, полагая, что в этом и состоит весь их труд и «искания» высокой человеческой жизни. Не говорю уже о тех, кто видит всюду только куплю-продажу. В эту минуту, здесь, не только тем, кто будет действовать,

но и каждому, кто призван видеть, как действует любовь, раскрепощенная от первейших заноз страстей, надо сосредоточиться на тех четырех блаженствах, о которых я сказал. Пойдемте же, вы увидите, как совершится акт величайшего милосердия: развязка старинной злой кармы.

Франциск двинулся, взяв под руку Наталью и продолжая держать другой рукой меня. Все пошли вслед за нами по небольшому отрезку дорожки, еще отделявшей нас от поляны больницы.

– Если указана и раскрыта человеку его карма с каким-либо человеком, близким или далеким, тут-то и надо приложить все усилия, всю любовь и усердие, чтобы выполнить небольшое количество радостного труда для развязки указанной кармы, хотя бы по слепоте своей человек очень мало думал о том, другом, с которым ему указана карма как самое важное и главное дело жизни, – продолжал Франциск, замедляя шаги. – Если человеку была указана деятельность подле его бывшего врага, а он упустил этот случай по той или иной своей легкомысленности и бывший враг умер без него, – не надо стонать и плакать или искать себе оправдания в том, что его собственное пребывание в другом месте в это время было необходимо и нужнее, полезнее. Так человеку кажется, ибо не знает. Если же так с ним случилось, надо понять и узнать, что никакие сетования, мольбы и оправдания не помогут. Он остановился, а кольцо кармы, которое в неусыпных трудах передвигали владыки освобождающих карм, ушло в своем движении дальше. Никто не властен повернуть вспять речное течение, не только движение Вечной Жизни. Упустившему свое кольцо раскрепощения есть единственный путь: выработать в остающиеся дни жизни полную верность и вырваться из кольца собственных предрассудков. Не ждать, говоря себе: «Во мне еще не все готово», – ибо эта эгоистическая сосредоточенность не может провести к сознанию величия Милосердия. Только забыв о себе, может быть человек готов к труду, разделяемому Учителем. В полной радости, в благоговении входите к двум несчастным сейчас и храните блаженство мира в сердцах, – закончил Франциск свою речь, вводя нас в уже знакомую мне комнату, где раньше лежал Макса.

При нашем появлении оба карлика играли какими-то квадратиками, из которых они складывали домики. Увидев вошедших первыми Франциска и Алдаз, которых они хорошо знали и любили, карлики не выразили беспокойства. Даже наоборот, глазки их заблестели удовольствием. Но когда вошел И., за ним я с павлином, они вскочили на ноги, дико что-то замычали нечленораздельное, замахали руками и так напугали мою бедную птичку, что я едва удерживал Эту, стараясь всеми силами передать ему мое спокойствие. Но Эта дрожал и пытался убежать из комнаты. И. положил

ему руку на спинку, чем сразу его успокоил.

Что же касается карликов, то, не найдя, куда бы им спрятаться от посетителей, они впились во Франциска, стараясь укрыться в складках его одежды. Оттуда они выглядывали, очевидно, чувствуя себя под верной защитой, и наблюдали за каждой из вошедших фигур очень пристально и внимательно: один глаз у них выражал испуг, а другой любопытство.

Это было необыкновенно потешно! Несмотря на явный страх и подозрительность, оба маленьких человечка собирали все свое внимание, чтобы не упустить из орбиты своих наблюдений ни одного из нас, которых они всем своим поведением объявили своими врагами.

И. подошел к Франциску, гладившему страшные головы прильнувших к нему уродов с такой любовью, как будто бы это были чудесные цветы, и раскрыл складки его одежды, в которых прятались карлики. Злой карлик, так ужасно сражавшийся в день своего раскрепощения и потом горько рыдавший на груди И., теперь доверчиво потянулся к нему. И. взял его на руки, он окончательно успокоился и стал быстро говорить ему что-то, указывая на моего Эта, которого я все держал на руках и который далеко не был спокоен.

И., поглаживая кудлатую, безобразную голову карлика, все ближе подвигался ко мне. Зейхед, которого Эта очень любил и помнил как своего первого хозяина, подошел ко мне вплотную и, ласково глядя на мою птичку, протянул Эта кусочек красного сукна.

Какой-то неприятный запах исходил от этого лоскута, не особенно чистого и, видимо, бывавшего много раз под всеми невзгодами бурь и солнца. Эта смотрел очень внимательно на этот обрывок, жалкий и смрадный, я же узнал в нем кусок сумки злого карлика, в которой он держал свои ядовитые черные шарики, и отдал их и сумку только в тот момент, когда огонь охватил почти всю сетку, в которой он запутался, и ему угрожала смерть.

Я оглянулся на карлика, сидевшего на руках у И., потому что он стал громко кричать, тянуться к узанной сумке. Он, очевидно, умолял И. вернуть ему этот грязный обрывок, продолжая дорожить им до сих пор.

И. попросил Зейхеда отдать карлику остатки его имущества. Тот схватил лоскут руками, но Эта, чуть не вырвавшись из моих рук, в свою очередь издав пронзительный крик, с неожиданной силой выхватил из ручонки карлика его ветошь.

Вероятно, рука зрелого и сильного зверька-карлика была сильнее клюва не вполне еще выросшей птички. Но удар его клюва был так неожидан для карлика, с одной стороны, и бешенство придало Эта столько

силы, с другой стороны, что победа осталась за ним.

Эта, как только овладел сукном, совершенно успокоился и подал свой приз Зейхеду. Приняв величаво-гордую позу, он снова спокойно уселся на моих руках, точно никогда и не двигался.

Не меня одного, но и Бронского вся эта мимолетная сценка так поразила, что оба мы превратились в «лови ворон». Но из нашей рассеянности нас вывел злой карлик, злоба которого и кривлянья невозможно описать. Франциск с добрым карликом на руках подошел к нему и поднял перед его глазами свою руку. Злой карлик перестал пронзительно завывать и извиваться ужом, но выл тихо, напоминая раненого пса.

Добрый карлик улыбался во весь рот и протягивал ручонки к Эта. Несмотря на эти явные признаки дружелюбия карлика, я уже не доверял Эта и хотел отойти подальше во избежание какой-либо новой выходки птицы. Не успела моя мысль созреть, как я ощутил крепкое рукопожатие с правой стороны и увидел подошедшего ко мне вплотную Никито.

Он протянул карлику руку, взял его ручонку в свою и поднес ее к голове Эта. Тот, рассматривая очень внимательно и совершенно спокойно карлика, соблаговолил позволить маленькой ручонке погладить свою шею и спину. Карлик, прикоснувшись к птице, казалось, сошел с ума от радости. Он бил в ладоши, бил себя по щекам и коленкам, хохотал, обнимал Франциска, наконец перегнулся, охватил ручонками шею Никито и перепрыгнул к нему на руки. Не теряя ни минуты, так, что я и опомниться не успел, он перелез ко мне на плечо и затих в полном удовольствии от близкого соседства с пленившим его Эта. Я снова ожидал каких-либо эксцессов от моего ревнивого воспитанника, но он продолжал спокойно сидеть, храня свое величавое и горделивое положение на моем плече, точно царек на троне.

Франциск подошел к И. и взял на руки его злого карлика. Тот вел себя теперь очень странно. Его внимательные глаза ни на миг не отрывались от всего, что делал другой карлик. С Эта он тоже, что называется, глаз не сводил. И вместе с тем, как капризный ребенок, тихо выл, то замолкая, то снова возобновляя свой капризный вой. Когда он увидел, что добрый карлик уселся на моем плече и изредка поглаживает то шейку, то спинку Эта, то мою голову, он сжал кулак, погрозил им своему товарищу и уродливо двигал челюстями, как бы желая его разорвать на куски. Мне казалось, что он совсем не такой злой, но считает своей обязанностью выполнять какой-то свой долг, который он понимал как сопротивление тому добру, которое его окружало. Франциск нежно уговаривал его и указал

снова на красный обрывок, который Зейхед продолжал держать в руке. Я не мог понимать, о чем говорил Франциск карлику, но понял по жестам Франциска, что карлик сам должен добровольно взять из рук Зейхеда остаток своей зловещей сумки и положить его возле порога. Карлик молчал, насупился и, сжав свои кулаки, как бы готовился к сражению.

Франциск опустил его на пол, И. очутился возле меня, точно буфер. И. подоспел вовремя. Строптивный карлик готовился ударить меня головой и кулаками в живот, но вместо меня попал в И. Разумеется, он не смог даже коснуться его, а упал, заревев, на пол, сильно ударившись головой и своими сжатыми кулаками о кирпичный пол комнаты. Разъяренный этим падением, он еще раз ринулся на меня, теперь уже со стороны Зейхеда. И. вытянул ему навстречу свою руку, и финал был тот же: карлик лежал на полу с разбитым в кровь носом.

В третий раз он пытался атаковать меня со стороны Никито, но легкий жест руки И. опрокинул его навзничь, и карлик остался на полу недвижим. Я подумал, что он умер.

Франциск подошел и поднял несчастного. Злоба в такой степени опустошила его, что он весь дрожал, еле стоял на ногах и был весь серый. Сердце мое разрывалось от жалости. Я молил всей силой любви Флорентийца помочь мне развязать несчастного от его вековой тьмы и злобы. И в то же время я понимал, что никто не может ему помочь выполнить его долг, как никто несколько часов назад не мог помочь мне отыскать алтарь с моей книгой жизни. Но я не переставал звать моего спасителя, неоднократно показывавшего мне свое беспредельное милосердие.

Внезапно я почувствовал блаженный трепет в сердце, я увидел чудесное лицо Флорентийца и услышал его голос:

– Сегодня ты можешь просить обо всем для людей. И я помогу тебе. О чем ты просишь?

– Разреши мне положить вместо него остатки его злого колдовства, куда приказывает И., – опускаясь на колени с обеими моими ношами, молил я.

– Ты не можешь коснуться этой злой силы, ибо тогда возьмешь на себя новую, неведомую тебе сейчас ношу, которая задавит на много лет все твои возможности разделять со мной и с другими милосердными их труд на земле. Но смирившийся карлик и твой павлин могут вместе дотащить маленький обрывок до порога. Он им покажется страшно тяжелым, но все же они дотащат эту ношу, ибо она – их ноша. Ты же иди за ними по пятам, ободряй их, помогай им любовью и внушай, чтобы они не боялись тяжелой

ноши. Сам же раз и навсегда запомни: никогда не бери ноши, не набирай долгов и обязанностей, не спросив Учителя, должен ли ты их брать или нет. Думая сделать добро, можно закрепостить себя и целое кольцо людей в новых скрепах зла. Там же, где указал Учитель, действуй уверенно, легко, хотя бы все вовне говорило тебе о противном и угрожало опасностью.

Образ моего дивного друга исчез. Я поднялся с колен и, ни на минуту не задумываясь, как я объясню Эта и доброму карлику, что надо взять обрывок сумки и перетащить его к порогу, поставил обоих у ног Зейхеда и несколько раз указал им на тряпку и на порог.

Эта первый понял, что надо было сделать. Он подпрыгнул, схватил клювом сукно, но как будто оно весило пуд, бессильно опустил его на пол. Теперь и карлик под моим настойчивым взглядом понял, что надо было тащить сукно к порогу, что я пояснил ему и жестами. Он рассмеялся, ухватился за лоскут и с большим трудом, точно лоскут прирастал к каждому камню пола, протащил его на два своих маленьких шажка.

Подбодряемые мною, оба труженика то поочередно, то вместе дотащили свою ношу до середины комнаты. Казалось, и птицы, и человек уже дошли до предела изнеможения. А была сделана еще только половина труда.

С карлика пот лил ручьями, катясь по его улыбающемуся лицу, точно слезы. Сильные ноги и крылья Эта дрожали, клюв раскрылся, глаза, жалобно смотрели на меня. Я переживал нечто, пожалуй, похожее на подписание смертного приговора моим друзьям, но я так интенсивно жил в Вечном, так ощущал его гармонию в себе и вокруг, что радостно и весело побуждал моих дорогих к самоотверженной работе. И бедняги, еле держась на ногах, протащили свою ношу почти до самого порога.

Я славил Бога и великих слуг Его милосердия, помогавших спастись одному существу через труд огромного кольца невидимых и видимых людей. Поистине живое небо спускалось на землю и двигало руками и сердцами людей, окружавших меня сейчас. Я умилялся трудом крошечных созданий в такой же степени, как моих великих братьев, стоявших сейчас подле меня.

Франциск держал руку на голове своего злого карлика. Тот постепенно приходил в себя и теперь казался не столько заинтересованным работой птицы и своего товарища, сколько озадаченным. Он не мог сообразить, почему с таким трудом они тащат часть его сумки, легкость которой он хорошо знал. В его глазах сверкнула снова злоба, он хотел ринуться и выхватить свою драгоценность, но голос Франциска его остановил. Франциск говорил и теперь все на том же наречии, которого я не понимал.

Но, к моему удивлению, я понял четко смысл его слов, который открылся мне в ряде образов по мере того, как говорил Франциск.

Я понял, что мой добрый друг снова объясняет карлику, что, если он сам не положит добровольно своего добра туда, куда указал И., он умрет и не успеет освободиться от власти своих злых и страшных хозяев, которые немедленно овладеют его духом, как только он покинет тело. Что в последний раз Любовь дает ему возможность вырваться из их страшных клещей, что, если другие положат сукно возле порога, ничья любовь уже не будет в силах спасти его от злых рук его хозяев.

Неописуемый ужас отразился на лице несчастного. В два прыжка очутился он у тряпицы и, с легкостью схватив ее, бегом добежал до порога, где ее и бросил. Он вернулся к Франциску, жалобно просясь снова к нему на руки, что тот и исполнил, улыбаясь и поглаживая безобразную голову.

Теперь настало время для изумления Эта и его сотрудника. Первый момент изумления привел их положительно к столбняку. Затем веселью обоих не стало, границ. Карлик хохотал, кувыркался, обнимал Эта, подбегал к каждому из нас и показывал на выполненную задачу.

И. взял меня за руку, посадил на одно плечо Эта, другое доброго карлика и подвел меня к Франциску, на руках которого сидел смирившийся теперь бунтарь. Сняв его с рук Франциска, И. посадил его на руки мне.

Зейхед и Никито переплели свои руки с моими, Франциск положил обе свои руки на мои плечи, а И. положил одну руку мне на голову, во второй у него сверкнула знакомая мне палочка, огнем которой И. очерчивал круг, вовлекая в него всю нашу группу. Все держа свою руку на моей голове, он обошел три раза вокруг нас, точно заплетая сеть огней своей палочкой:

Затем он коснулся ею каждого из нас в отдельности и обнял каждого, крепко прижимая к себе и отдавая каждому поцелуй в голову. Теперь карлики превратились в простых, веселых детей, забыли обо всем и занялись оба обожанием павлина. Франциск тем временем вышел и вернулся очень скоро, неся на руках что-то небольшое, закрытое покрывалом.

К моему удивлению, когда покрывало было снято, – это оказался Макса. В первую минуту он точно ничего не видел, кроме меня и И. Но затем взгляд его различил карликов, и он неистово закричал, весь дрожа от страха и цепляясь за Франциска.

Карлики, как и Эта, привлеченные диким криком Максы, с удивлением глядели на него, как смотрят на совершенно неизвестное существо. Макса же, крепко вцепившись во Франциска, плакал и бился на его руках. И. коснулся его палочкой, он вздрогнул, еще минутку плакал и затем затих,

как бы уверяясь в крепкой защите своих покровителей.

Для меня стало ясно, что все ужасные раны на теле Максы нанесены ему маленькими, только что раскрепощенными окончательно от зла моими вековыми врагами. Но я ошибся, предполагая, что все следы зла уже уничтожены. Карма моя с карликами была уничтожена совсем, но карма их с Максой требовала еще труда и любви наших великих защитников.

И. подошел к порогу, куда Франциск поднес Максу, поднял высоко над головой свою палочку, на кончике которой все еще горел огонь. Внезапно огонь сильно разгорелся в яркое пламя, которым И. коснулся лежавшей у порога тряпки. Смерд, который и раньше чувствовался в ней, распространился по всей комнате. Дым, темный, плотный, потянулся из комнаты через дверь. В моем воображении мелькнуло воспоминание о злом Джине из «Тысячи и одной ночи». Через несколько мгновений дым весь исчез, и воздух опять стал обычным, благоухающим розами и жасмином. Я еще не успел прийти в себя, как карлики уже мирно беседовали с Максой, показывая ему Эта и кубики. Теперь только я мог посмотреть на Бронского и Наталью. Если бы я не знал, что именно они вошли с нами сюда, – я не узнал бы ни его, ни ее.

Бронский стоял навтыжку, точно часовой на часах с примкнутым штыком, он точно охранял пороховой погреб. Его обычного живого лица не было. Это была совершенно белая маска с остановившимися стеклянными глазами. Наталья же, наоборот, вся сжалась в комочек, точно на пуд похудела. Лицо ее обострилось, все было залито слезами, и руки она сжала так судорожно, что на них было больно смотреть.

Как ни глубоко затронуло меня все здесь происшедшее, мое славословие Жизни неслось все той же нескончаемой песнью торжествующей любви, с которой я вошел сюда. Я еще раз преклонился перед величием Силы и Любви, что были мне сегодня поданы.

И. коснулся Бронского палочкой, и он рухнул бы на пол, если бы Зейхед и Никито не поддержали его. Казалось, жизнь стала возвращаться к нему. И. снова подошел к нему и еще раз коснулся его темени палочкой. Бронский снова вздрогнул, на щеках выступил румянец, глаза засияли, он схватил руку И. и поднес ее к губам.

– То, что Вы видели здесь, – сказал ему И., обнимая его, – научит Вас нести верность тем делам и встречам, какие Жизнь будет указывать Вам. Не ищите облегчить людям их внешнюю жизнь. Ищите проникать в духовное царство каждого человека и стремитесь там очистить грубые ткани, мешающие каждому видеть свой путь Вечного Света на земле.

И. подошел к Наталье, коснулся крестообразно палочкой ее лба, груди,

плеч и сказал:

– Неси, сестра, свой подвиг труда для счастья и блага людей до конца земной жизни в этом теле. Ищи полного самообладания, и не успеешь выйти из этого тела, как войдешь в новое, юное тело, чтобы снова учиться и учить. Ежеминутно помни, что для тебя не будет ни минуты отдыха от земного труда. И снова начнешь новый земной путь, только с тем духовным совершенством, что успеешь выработать сейчас. Мчись как молния в своих духовных порывах, но всегда держи в сознании мысль, что каждый порыв духа, который ты замарала раздражением или слезой, увел тебя от возможности передать труд Али стонущей земле. Ты видишь здесь кольцо бывших убийц и грабителей, получивших развязку старинных карм, получивших освобождение. Почему могла окончиться вековая драма? Только потому, что юноша, грешивший постоянно раздражением, нашел самообладание и силу такой чистоты в любви, которая сожгла в его сердце все нечистые, срастающиеся в жесткие, зубчатые крючья ткани страстей и злобы. При этой встрече юноши, над которым ты, сестра, так высокомерно смеялась, со своими врагами, он открыл им ворота сердца. Он залил их жалостью и состраданием, забыв обо всем, кроме их несчастья. Одно мгновение полной отдачи себя труду Учителя, одно мгновение до конца отданной преданности и верности может создать тебе ту новую гармонию, которая в тебе необходима Учителю для его нового труда с тобою. Не печалься больше потрясениями, что тебе приходится приносить людям. Чем яснее будет твое сердце, видя горе и скорбь людей, тем скорее забудешь о своем «Я», так тяжело переживающем эти печали. И тем ближе войдешь в тесное единение труда с невидимыми никому, но видимыми тебе самоотверженными тружениками светлого человечества. Мало еще – для истинного ученика – слышать слово труда Учителя. Надо еще иметь так настроенным весь организм, чтобы сила твоей мысли и точность передачи могли включиться в огонь тока Учителя. Забудь навсегда о слезах, смейся весело. Но бдительно следи, чтобы ни в одном слове не было язвительности, когда говоришь брату твоему. Возьми новое правило поведения: не говори никогда и ничего о братьях и сестрах твоих, когда их нет с тобою. И говори только то, в чем не участвует твое раздражение. Каждый раз, когда слово осуждения готово сорваться с твоих уст, вспоминай, как мало тебе остается еще жить в этом теле и как каждое упущенное мгновение разлагает не один только твой дух, но и дух каждого, с кем ты в это мгновение встретишься. И духовный путь от тебя к Учителю не может охранить невидимое кольцо твоих защитников и помощников. Чтобы твои защитники и помощники могли охранять твой творческий

духовный канал, необходимо держать главный приемник – твой организм – в непоколебимом самообладании и верности. Будь благословенна. Иди любимая и любящая, радующая и радующаяся, творящая и двигающая к творчеству.

И. еще раз коснулся крестообразно своею палочкой Натальи, склонившей перед ним колена.

– Подойди сюда, дитя.

И я даже не понял, к кому И. обращался с этими словами. По направлению его взгляда я понял, что он звал Алдаз. Девушка, спрятавшаяся в самом отдаленном углу комнаты, вышла сконфуженная, вся зардевшись. Увидев ее, все три карлика бросили свои игрушки и окружили ее, всеми наивными способами выражая ей свое обожание. Франциск помог ей освободиться от ласковых, но цепких ручек карликов, увел их в дальний конец комнаты и приставил кровати, запретив переходить за их линию.

– Алдаз, – продолжал И., – ты хочешь дать обет целомудрия, хочешь стать монахиней и остаться навеки в Общине. Ты любишь детей и хочешь стать наставницей в доме, где Община собирает сирот и беспризорных детей. В этом ты видишь подвиг наивысшей любви. Я не спорю, это действительно подвиг: заменить сиротам мать. Но есть подвиг выше. Есть подвиг великой любви: забыть о себе, о своих желаниях и выборе. И выполнить тот урок и завет любви, в котором вся великая Жизнь вселенной нуждается в этот час. Каждый самоотверженный и честный труженик должен услышать и понять час его наивысшей мудрости, чтобы влить свой труд в мудрость бьющего часа его родины. И только тогда он выполнит, поймет и отдаст наивысшую ценность своего воплощения. Родина твоя, Алдаз, страдает сейчас больше всего от отсутствия чистой, честной и доброй, семьи. Все ее несчастья происходят от распада этой первоначальной ячейки мира и гармонии. Сейчас моими устами к тебе идет зов Жизни. Хочешь ли выполнить этот зов Мудрости и стать женой и матерью, центром семьи для новых людей? Если ты радостно возьмешь на себя этот подвиг материнства и воспитания, ты дашь возможность сегодня же завершиться бедствиям трех созданий, по несмышленности своей очутившихся в центре зла. Подумай, ДРУГ. Не забывай, что ты совершенно свободна в своем решении, что тебя ничто не принуждает, что ты можешь идти своим подвигом заботы о чужих детях и даже не меньше будешь благословенна и здесь. Ты только не выполнишь в это воплощение наибольшего урока любви, какой выполнить ты бы могла, но об этом сказано: «Могий вместить да вместит».

– Мне выбирать не приходится. Учитель! – мягким, серебристым голосом ответила Алдаз. – Если ты думаешь, что я могу создать такую семью, какая сейчас нужна моей родине, да будет на то воля Бога и твоя.

– Счастлива твоя жизнь, смиренная сестра моя, кроме радости, ты ничего не принесешь тем душам, что будут даны тебе для спасения, рождения и воспитания. – И. склонился к прелестной девушке и обнял ее. – Иди теперь с миром по своим делам. Я укажу тебе жениха и все объясню о тех душах, которым предстоит счастье иметь тебя матерью.

Алдаз низко поклонилась И., так же низко поклонилась всем нам и тихо вышла из комнаты.

Ко мне подошел Бронский, и я снова был поражен его лицом и его фигурой. Я подумал, что таким он, по всей вероятности, выходит к толпе, когда играет роли великих героев. Блестящие глаза, энергия, брызжущая, точно искры, сила, уверенность, радостность. Я стоял, остолбенев от неожиданности этой перемены в нем, и привел меня в себя Эта, внезапно взлетевший мне на плечо.

– Что, Левушка, – услышал я смех Никито, – твой воспитанник уже не только не спрашивает разрешения для себя, но и всех новых приятелей привел к тебе.

Действительно, карлики пытались, подражая Эта, тоже взлететь на мои плечи, преуморительно подпрыгивая. Видя неуспешность своей задачи, они ловко, точно обезьяны, карабкались друг другу на плечи, лезли на меня, и первым, чуть ли не на голову мне, залез Макса. Мои друзья помогли мне освободиться от осады лилипутов, разобрав всех трех уродцев на свои плечи, чем они остались несказанно довольны.

Мы вышли из комнаты и направились в столовую сестры Александры. Здесь мы сдали наших маленьких друзей Алдаз и самой сестре Александре. Малютки не желали покидать своих мехари, на которых сидели с таким удобством и гордостью, но запах вкусной пищи и любовь Алдаз скоро заманили их к приборам у стола, где сидело сегодня много самых разнообразных людей, лечившихся в больнице.

Франциск, подойдя к Наталье и Бронскому, предложил им пройти к нему в комнату, мы же вернулись обратно домой, где И. предложил нам снова поужинать в отдельной комнате, чему мы все были очень рады.

Ужин наш был еще более скромнее, чем обед, и состоял из зелени и фруктов. Всегда отличавшийся большим аппетитом, я на этот раз даже не испытывал желания есть и не замечал, что мне накладывали на тарелку друзья. Все мои мысли, в противовес хаосу, который наполнял меня всегда раньше, когда мне приходилось испытывать много разнообразных

впечатлений, были четки, ясны и ложились легко целыми рядами гармоничных образов и воспоминаний.

Встав из-за стола, мои дорогие поручители крепко меня обняли, поклонились мне, и Никито от лица обоих сказал:

– Благословен твой сегодняшний день, когда ты начал новый период жизни, друг и брат Левушка. Никогда теперь не ощущай себя одиноким. Ты и твой Господь – вас всегда двое. Ты и твои великие Учителя – вас всегда четверо. Ты и твои смиренные поручители – вас всегда трое. Кроме того, глаза твои открылись, ты видел сегодня бесчисленное множество тружеников живого неба. Не считай больше дня или ночи. Считай только миг вечного счастья – дежурства у Учителя. Учись жить в труде с Ним, то есть жить в единении со всеми трудящимися неба и земли. Мы – твои слуги и помощники во всех делах и встречах, где ты пожелаешь нас позвать. Велико счастье тех людей, что могли, еще живя на земле, встретиться у ворот Вечности и познать в ней дружбу и верную преданность.

Оба друга покинули нас. Мы с И. возвратились в наш дом. На пороге моей комнаты И. обнял меня и напомнил, что меня ждет записная книжка моего брата.

ГЛАВА 7 Записная книжка моего брата

Войдя в мою комнату, где я был ласково и бурно приветствован проснувшимся Эта, я долго не мог собрать своих мыслей в полную сосредоточенность, так я был переполнен весь искрами радости. Мое восторженное настроение, наконец, вылилось в славословие Жизни, я почувствовал внутри тот великий мир, ту гармонию и Свет, с которыми я вышел из оранжевого домика после чтения зеленой книги моей жизни.

Я мысленно прильнул к моему дорогому другу Флорентийцу, попросил его помочь мне понять все то, что записал в драгоценной книжке мой любимый и дорогой брат, и не осквернить его святыни, но суметь разделить все те страдания и радости пути брата Николая, о которых мне предстояло прочесть.

Я ласково поцеловал Эта, глазки которого смешно слипались, хотя он хорохорился и встряхивал головкой, когда замечал, что я вижу, как ему хочется спать, уложил его в его постельку и вынул книжку брата.

Теперь, когда я вынул ее из футляра, она меня еще больше поразила своим, видом, чем в те два раза, когда я держал ее в руках. В первый раз, когда мне передал ее Флорентиец в комнате брата в К., она поразила меня как чудо ювелирного искусства. Второй раз, когда я держал ее в вагоне, разбираясь в вещах, присланных мне Али-молодым, она уже была для меня живой тайной, куском жизни брата-отца, к которому я не считал себя вправе прикоснуться.

Теперь же, держа ее в руках в третий раз, я точно трижды поразился и высочайшей ее внешней прелести, и свету того великого, что пережил брат Николай, и неожиданному дерзновению, которое чувствовал в себе сейчас, решаясь раскрыть то сокровенное, что записал брат.

Я взял чудесный ключик, изображавший тоже белого павлина, и не без труда отыскал замочек, которым служила одна из маленьких белых фигурок павлинов на бордюре. Она сдвинулась с места, и я увидел под нею замочек.

Все это заняло немало времени. Но до чего же я сам себя не узнавал! Несколько месяцев тому назад я был бы в полном изнеможении от раздражения и нетерпения, бросил бы и книжку и футляр и, пожалуй, сорвал бы гнев топаньем ног и слезами. Теперь же, чем сложнее казалась мне задача, чем больше я видел сложность замка, тем больше восхищался человеком, сумевшим так его сделать, чтобы никаких следов его сложности

не ощущалось вовне. Я смеялся и радовался, когда открыл все тайны затвора, и вот книжка раскрыта и почерк, которым я так дорожил, почерк единственного в мире родственника, перед моими глазами.

Каково же было мое изумление, когда я увидел, что то не был мой родной русский язык, как я того ожидал, но что – страница за страницей – книжка была написана на языке пали.

Нечто вроде робости и неуверенности охватило меня. Я еще недостаточно хорошо знал этот язык и подумал, что, пожалуй, буду сейчас снова в роли слуги, который вытирает пыль с драгоценных книг, не понимая их смысла и значения. Но лишь один миг длилась моя неуверенность. Образы Флорентийца, И. и моего брата мелькнули передо мной, как мои величайшие помощники, и дерзновением снова загорелся мой дух.

СЛАВА ТЕМ, КТО ДОВЕЛ МЕНЯ ДО ЭТОГО ВЕЛИКОГО МОМЕНТА МОЕЙ ЖИЗНИ. СЛАВА ТЕМ, КТО, КАК И Я, ДОЙДЕТ ДО НЕГО Таков был заголовок первого листа. Он не носил ни даты, ни места, не указывал, где произведена была запись.

«Рождение мое, – читал я дальше, – совершилось недавно, хотя мне уже 24 года. Если бы меня спросили сейчас, сколько мне лет, я бы ответил: год и семь месяцев. Все, что было в моей жизни до этих пор, – все покрылось туманом. Все было преддверием жизни, а Жизнь я понял только родившись вторично год и семь месяцев назад.

Я сам спрашиваю себя: что случилось, собственно, особого? Вовне – ничего. Заблудился в горах, встретил горца в его уединенном жилище и остался переждать внезапный буран.

Это был эпизод, какими пестрит жизнь каждого. Эпизод, каких были тысячи и, быть может, будет еще немало в моей скитальческой жизни.

Но рождение человека совершилось на этот раз не от встречи с хозяином сакли, а от встречи с его гостем. Когда я проснулся ночью, передо мной сидел индус. Что я могу сказать о нем? Его глаза прожигали, их можно было назвать пылающими угольями. Моему не знавшему до сих пор страха сердцу этот незнакомец внушал страх, граничащий с полным параличом тела.

Я не мог двинуть ни одним членом, у меня не было сил крикнуть, я не мог решить вопроса, кто передо мной: Бог, дьявол или видение моей собственной фантазии. Минуту, которая показалась мне вечностью, минуту, которая остановила во мне биение сердца и ритм дыхания, длилось молчание этого необыкновенного существа. Я изнемогал и сознавал, что умираю от какого-то давящего на меня света.

Незнакомец внезапно улыбнулся, поднял руку ладонью ко мне, и точно в меня влилась сила бушевавшего за окном бурана. Лицо незнакомца, озаренное улыбкой, показалось мне лицом Бога, и я не мог отдать себе отчета, что было принято мною в нем минуту назад за дьявольскую, давившую меня силу.

Под действием его взгляда и жеста его большой, смуглой, прекрасной руки в меня вливалась и вливалась какая-то сила, содрогавшая все мое тело с головы до ног. Точно электрические токи, пронзала меня эта сила.

Мне казалось, что я весь охвачен пламенем, сердце мое ширилось от радости. Эта радость подступала к моему горлу, заполняла весь мой мозг, и я думал, что сейчас, сию минуту, я улечу в экстазе неведомого блаженства.

«Сын мой, – услышал я голос незнакомца. – Ты ищешь знаний. Ты жаждешь ответов на пожирающие тебя вопросы: есть ли Бог? Какой Он? В чем Он? как Его постигали те, кто о Нем писал и говорил? В эту минуту ты в Боге и Бог в тебе. Сейчас вся вселенная открылась тебе не потому, что в своих познаниях ты достиг вершины. Но потому, что чистота твоего сердца, чистота твоей жизни в простых действиях твоего обычного трудового дня помогла тебе вместить радость божественной силы и слиться с нею.

Если человек не живет в лени, стараясь назвать ее созерцанием, если он ищет выливать свою простую доброту во все дела и встречи, если он готов принять на себя слезы и скорби встречного, если он, хотя бы в чем-нибудь сумел развить свою верность до конца, если его искания Бога не были личной жаждой совершенства, а несли людям бескорыстный труд, мир и отдых – человек вошел в ту ступень духовной зрелости, когда мы, индусы, говорим: «Готов ученик – готов ему и Учитель».

Сегодня не я пришел к тебе, но я ответил на твой постоянный зов. Почему я мог подойти к тебе, и сила моя не сожгла тебя? Потому что сердце твое чисто. И пламень, что я пробудил в тебе сейчас, – твой пламень, он не спалил твоего тела, не вынес твой дух за грани земли, но закалил все твое сознание в ясности и силе.

Каждое летящее мгновение земной жизни – это не простая жизнь плоти и духа, слитых в одной земной форме. Это частица того вечного движения, которое влито, как частица творчества, в каждую земную форму. И потому нет иного пути к освобождению у человека, как его простой день труда, где бы ни жил человек.

Если люди заняты одним созерцанием, если сила их ума и сердца погружена только в личное искание совершенства, – им закрыт путь вечного движения. Ибо в жизни вселенной нет возможности жить только

личным, не вовлекаясь в жизнь мировую.

Переходы в сознании человека не могут совершаться вверх, если сердце его молчит, и он не видит в другом существе того же Бога, что познал в себе.

Взгляд, критически осматривающий вошедшего к тебе, останется перегородкой крепче чугуна и железа между тобой и им, хотя бы за миг до этого ты был в порыве самого пылкого искания путей к Истине.

Только тогда, когда ты поймешь, что во всяком встречном сама Истина пришла к тебе, чтобы раскрыть тебе самому твои же закрепы, за стенами которых ты держишь мешки со своею любовью, совершенно развязанные, тогда бы только ты мог приблизиться к пониманию второй истины, ставшей поговоркой у нашего народа: «Никто тебе не друг, никто тебе не брат, но всякий человек тебе великий Учитель». И, поскольку ты прочел в себе свой урок, общаясь со встречным, поскольку ты раздражился, осудил, солгал, слицемерил, был недоброжелателен к человеку – постольку ты раскрыл самому себе свое ничтожество и отсутствие любви.

И чем выше была твоя простота, чем легче шла встреча, чем добрее ты был – тем больше ты забывал о себе и ставил интересы встречного на первое место свидания. И свидание было действенным, оно вплетало в себя целые круги атомов доброты тех невидимых тружеников, что ежеминутно мчатся над землей, ища, куда пролить свой труд любви.

Нет на земле пути к совершенству без труда, единящего человека со всеми окружающими его людьми. Нельзя отъединяться ни от одного существа, пересекающего орбиту твоего движения по земле.

Если ты озлобился в той или иной встрече – ты раскрыл «пасть» и без того не завязанных мешков своих предрассудков. И ты привлек к сотрудничеству, с собой во всех делах дня мелких злодеев, духовных вампиров и развратников, ищущих жадно, куда бы прилепиться, чтобы утолить жажду и голод своих разнузданных и не умирающих вместе с плотью страстей. Мучительнейший из путей – путь отрицателей. Их вековая карма ложится все новыми и новыми наростами на – и без того безобразное – их духовное тело.

Чем яснее тебе в твоём просветленном сейчас состоянии жизнь всей вселенной, жизнь, пульс которой ты чувствуешь горячо, ровно и сильно бьющимся в твоём сердце, – тем яснее тебе и путь любви через серый день труда к этой Жизни, что Сама трудится во всем и во всех.

У тебя до сих пор была одна задача: найти и понять самому. Теперь твоя задача усложнилась: не одному тебе надо найти и понять, но для огромного круга людей тебе надо стать слугою, чтобы в них пробудить

сознание, деятельность, силу и стремление к труду для общего блага.

Ты любишь родину. Ежедневно, бесстрашно ты вступаешь в бой с ее врагами по первому зову набата, призывающего тебя к защите родины от врагов. Но этого мало. Ты видишь толпы инертных, для которых слово «родина» – звук пустой. Ты видишь сотни и тысячи старающихся под всякими предлогами обмануть бдительность своих властей, чтобы избежать призыва. Ты видишь всюду трусов или лентяев, изображающих из себя больных, лишь бы подставить под угрозу другого и благополучно избрать лучшую дою самому.

Разве можешь ты проходить равнодушно мимо них? Разве можешь не призывать их к пробуждению? Разве надо сходить в ад, чтобы там раскрепощать темные создания? Вокруг тебя кишат толпы заблуждающихся людей. Они думают, что живут в любви и правде, целыми днями живя в бездельи и наслаждаясь счастьем личного мира и славословий своему Богу.

Они поняли по-своему Бога и Его пророков и считают себя прозорливцами и избранниками, потому что прилепились к той или иной церкви и религии и славят их. Но их славословие – бездейственное, оно не становится силой ни их родине, ни для их встречных. Оно расслабляет их самих, вводя их в мелкие экстазы ложных видений и пророчеств.

Тормози их всеми путями: вводи в их день тысячи предлогов к труду и действию, выводи их из ленивого счастья.

В других встречах ты найдешь высокий дух скованным уродливой формой гордости и самолюбия. Вноси пример простой, нежной любви и докажи своим трудом Дня, как не нужно все знание человека, если оно подано высокомерно и нудно.

Еще чаще ты встретишь форму отрицателя, поносящего свою родину за ее беспорядок, неустроенность, поРОКИ и так далее. Эти люди – всегда и неизменно – наиболее тяжело больные самовлюбленностью. У самих у них в домах такая же грязь, смрад и неразбериха, как и в их перепутанных мыслях и желаниях. Их внешность, их манеры действовать и мыслить – антиэстетичны, как и их манера одеваться, сидеть, говорить, спать. Труднее задачи для них самих

– задачи вылезти из слепоты отрицания – нет.

Здесь бдительно разбирайся, к кому из них прикоснуться священной любовью и усердием, а где идти мимо, послав благословение их темному пути, который они сами сделали таковым.

Всякий темный путь начат с отрицания. Революционер, видя страдания своей родины под пятою деспотов капитализма, борется, неся в

мир уверенность в лучшем будущем, неся общее благо на своем знамени борьбы. Он вдохновенно держит оружие в руке, зов его вырывает тысячи сознаний из спячки безволия и смерти. Он озарен сам призывом раскрепощенной Жизни в себе и зовет своих братьев к Свету и свободе. Его путь светел, и он ложится светом на пути встречных. Он трудится, ежеминутно видя миллионы несчастных и угнетенных перед собой.

И если он становится вождем народа – он освящен божественной силой любви, помогающей ему нести на плечах свой многомиллионный народ к свету и славе. Такой вождь живет, нося в своем организме все миллионы сердец своего народа. Он един в радости и боли с каждым тружеником своего народа. И он выводит свой народ на то место, которое Мудрость бьющего часа ему определяет.

Из отрицателей же создаются кадры слуг темных захватчиков власти, основывающих свое – отъединенное от народа – счастье и благополучие на личном капитале, накоплении от порабощения всего народа под пятой олигархии капиталистов.

Вождь, пробирающийся к власти, не зовет народ к свободе и раскрепощению. Он бросает ему мелкую кость собственности; ищет все возможности закрепостить в жажде наживы и кастовых предрассудках свой народ, чтобы пробраться легче к мировому владычеству.

Мимо таких людей иди, тщательно разбираясь, будет ли твоя помощь им своевременна и полезна. Ты можешь сам истратить великие силы усердия и любви; можешь иступить много мечей ума, радости, энергии – и не достичь ничего.

Отрицатели, если попадут в полосу несчастий, придут к тебе. Возьмут твою помощь и отвалятся, как сытые пиявки, чтобы снова заняться наращиванием жиров тела и духа, как только ты поможешь им пройти период временных неудач.

Подлинное усердие человека, вступившего на путь сознания в себе Света и мира, должно заключаться в бдительном распознавании, где, куда и как нести свои духовные сокровища.

Совершенно бессмысленно остановиться в жизни на религиозном восхвалении своего Бога. Если не дошел до понимания, что Бог Един для всех и что путь к Нему, Единому, безразличен, – вся религиозная жизнь пропала. Человек совершенно так же закрепостился в своем добре, как отрицатель в своем зле. И тот и другой не поднялись в своем духовном понимании выше обид, объяснений, переживаний личных драм, самолюбия и бичеваний гордости.

В пути, которого ты ищешь, не может быть остановок. Сила,

движущая вселенную, раскрепощаясь в человеке, дает ему возможность трудиться, трудиться и трудиться. Иногда больной человек – былинка по своим физическим данным – тащит много лет воз с таким грузом на общее благо, что глядящим со стороны становится жутко. Ему же самому его жизнь кажется простой и легкой, ибо без включения в труд и жизнь своего народа он не понимает жизни на земле.

Раскрывающееся сознание человека постепенно сбрасывает с себя чешую предрассудков. Мелкий вздор наказаний и наград, условных подаяний «за добродетель», которую человек понимает как «отказ» себе в чем-то, чтобы принести «жертву» насилия над собой другому, спадает с сознания просветленного человека одним из первых. Он начинает понимать все величие Жизни. Он начинает ощущать радость жить в труде для другого. Он скучает, если сегодня в нем никто не нуждался. Понятие «быть нужным кому-то» становится ритмом его дня – как ритм дыхания, – неощутимым, если оно идет в гармонии и мире.

Проходя день, живи его как свой последний день. Но последний не по жадности и торопливости желаний или духовных напряжений, а последний по гармоничности труда и его бескорыстию.

Ты носишь в сердце вопрос: где личное «Я» и где «не Я»? Для тебя с момента твоего рождения к Единой Жизни уже нет возможности этого разделения. Для тебя все, с чем ты общаешься – все пути к Величию в форме временной. Для тебя палач, жертва и плаха – все та же Единая Жизнь, которой единица ты сам и которую видишь во всем вокруг себя.

Иди же свой день в мире и чести. Храни целомудрие и чистоту, и ты дойдешь до жизни в кругу тех, кто раньше тебя пришел к такому сознанию себя частицей Единой Жизни, единицей всей вселенной.

Твой путь – путь служения Богу в человеке. Твой труд – путь знания, приложенного в любви и труде простого дня».

Я внезапно почувствовал, что сила, та огромная сила, которая только что наполняла меня, меня покинула. Место, где сидел незнакомец, было пусто».

Так кончалась первая запись брата Николая.

Я лег спать с рассветом, и мой друг Эта разбудил меня вовремя, чтобы догнать И. по дороге к озеру. Я весь еще находился под впечатлением записи, которую читал ночью, и, поздоровавшись с И., сразу же выпалил ему:

– Как я поражен, что брат Николай мог понять без посторонней помощи и руководства все то, что ему в первое свидание сказал Али.

– Почему же ты знаешь, что это был Али?

– Потому что описание глаз в книжке может принадлежать только ему. А ощущение, что в присутствии Али что-то тебя теснит и давит, настолько характерно, что не может быть спутано ни с чем и ни с кем. Именно какой-то свет, от него исходящий, слепит и подавляет. И это ощущение мне тоже очень знакомо, ощущение резко меняющееся, когда Али улыбается или прикасается. Тогда уплывает куда-то его давящая сила, и сердце наполняется блаженством. Никогда ни подле Вас, мой дорогой, милосердный Учитель, ни подле Флорентийца, ни подле сэра Уоми я не чувствовал этой силы, потрясающей весь организм. Поэтому в словах брата я сразу узнал Али. Достаточно раз его увидеть, чтобы навеки и всюду его узнавать.

– Быть может, ты и прав, так ощущая необычайную и никому другому не доступную силу Али. Но все же за годы жизни здесь, когда ты уже из неопита станешь сильным учеником, тебе надо приобрести такое высокое самообладание, чтобы сила Али не подавляла твой дух, а раскрывала его к труду и борьбе. Ты видишь, Левушка, что на земле все, что живет, все борется. Но, тот, кто понимает свой путь земли как величайшую ценность, тот борется и трудится, совсем забыв о себе. И, чтобы так раскрепоститься в своем сознании, надо каждый день распознавать в окружающих жизнях только одно: где человек прошел свое «сейчас» в любовном единении с людьми, а где он их критиковал, оставаясь бездейственным. Пойми, друг, что очень многие «понимают» высокие идеалы. Принимают религию и ее требования. Но религия единственно истинная – это любовь сердца. Религия – это не то, что «знают и принимают», а то, что умеют приложить к делу в действии дня.

Наш разговор был прерван встречей, напомнившей мне мой первый день приезда в Общину: мы столкнулись с Андреевой и леди Бердран. Но какая разница была сейчас в обеих приятельницах! Леди Бердран, с розами на щеках, веселая, смеющаяся и задорная, глядела сущей красавицей. Наталья же Владимировна, все по-прежнему вращая своими властными глазами, стала вся точно восковая. И не только бледность вызвала это сравнение; от нее веяло мягкостью и лаской. Ее добродушная ирония, с которой она всегда прежде меня встречала, переплавилась в нежность. Ее голос, когда она ответила на мое приветствие, показался мне голосом матери и вызвал ответную волну любви и признательности в моем сердце.

– Мой чудо-граф, я чувствую себя Вашей, Вам очень обязанной ученицей. До сих пор думала, что ранги и ступени разделяют людей. Я принимала каждого, в первую голову оценивая его знания на том пути, к которому стремилась сама. Теперь, получив урок великого смирения через

Вас, я прозрела к истинному знанию, которое сейчас считаю первым по величине и важности: дух, стремясь к познанию, должен развязать свой мешок с любовью и завязать накрепко мешок с предрассудками. В моей встрече с Вами я поняла, сколько было во мне самомнения. Я увидела в самой себе бездну условного, что мешало мне свободно общаться с людьми. Теперь же мне стало легко, потому что меня осенило и я увидела, в чем и где во мне самой сидят главные закрепы предрассудков.

Слова, употребленные ею, те слова, что я так недавно прочел в записи брата Николая, ошеломили меня.

– Неужели же все люди проходят одни и те же этапы в своем духовном развитии? – невольно воскликнул я, остановившись среди дороги.

– Все ли проходят по одним и тем же этапам, не знаю. Но что я в Вас нашла источник оздоровления, в этом я не сомневаюсь и приношу Вам величайшую благодарность.

– Моя дорогая Наталья Владимировна, Истина, живущая в Вас, не нуждается уже в раскрепощении. Она бьет из Вас чистейшим фонтаном. В Вас лежат еще плотным покровом только те условности, которые связаны с иерархическим устройством обществ людей и всей вселенной, – ласково сказал И. Владея огромными развитыми духовными силами, Вы поневоле движетесь в мире духовного больше и дальше, чем в мире земли. Отсюда идет некоторое Ваше внешнее высокомерие к тем формам людей, где мало понято, что нет одного только земного пути, или где людям кажется, что можно достигнуть знания неумелыми упражнениями йоги. Уроки последнего времени – и леди Бердран, и Левушка – помогли Вам сбросить с телесных глаз давящие покровы плотской любви или предубеждения и помогли понять личное бессилие в воздействии на человека. Вы научились вскрывать всю совокупную ценность встреч как монолитное творчество Жизни. Сейчас уже никто не помешает Вам выполнить миссию, данную Вам Али. Вы скоро уедете в Америку и в Европу, там оставите часть Ваших трудов и вновь вернетесь сюда, чтобы получить силы еще раз передать людям речи звучащего голоса Безмолвия. Вам было очень странно пройти трудный путь духовного этапа с помощью юноши. Вы бунтовали и готовы были отрицать возможность движения вперед через помощь «ниже» Вас стоящих. Сейчас Вы ясно ощутили, что нет ни «ниже», ни «выше» стоящих. Нет ни добра, ни зла как таковых. Есть только то место во вселенной для каждого человека, в которое он может встать по силе своей раскрепощенной Любви. И здесь никакой роли не играет, грамотен он или нет; но звучание гармонии в человеке так огромно, что никакие самые колоссальные его силы не убивают встречного, а лишь бодрят каждого, кто

подошел. С сегодняшнего дня действие Ваших психических сил не будет мешать кому бы то ни было жить. Вы сумеете справляться с ними так, чтобы сила Вашего такта раскрывала Вам сразу возможность служить помощью ближнему, стоящему рядом с Вами. До сих пор Вы умели служить только дальним, передавая им знания, продиктованные Вам Учителем. Теперь Вы сами, вливаясь любовью сердца, будете раскрывать во встречах их устойчивость своей гармонией.

Мы расстались с нашими приятельницами. После завтрака И. повел меня к выздоравливающему Игорю, которого я не видел со дня его болезни. У Игоря, который сидел на балконе, мы застали Бронского, Альвера и еще нескольких его друзей, которых он приобрел в Общине за время своей болезни. Игорь не узнал меня. Он был так поражен происшедшей во мне переменой, что сказал И.:

– Я был совершенно уверен в Ваших необычайных силах, доктор И., и испытал на себе их действие. Но чтобы можно было человеку быть волшебником – это я считал преимуществом сказок из персидской жизни.

– Если Вы, Игорь, находите, что я так разительно переменялся, то что же мне думать о Вас? Ведь я не только не мог бы узнать Вас, но не мог бы и поверить, что можно так измениться в короткое время.

Игорю, которого я видел в начале нашего знакомства, был бледным юношей. Сейчас передо мною сидело существо, отдаленно напомилавшее мне Андрееву. Черные глаза его загорелого лица вращались с такой энергией, что я невольно думал о Наталье Владимировне. Голос Игоря звучал сильно, все движения были быстры и властны.

– Я очень рад, что Вы оказались таким послушным пациентом, – смеясь, сказал И. и положил свою руку на плечо Игорю. – Я вполне понимаю, как трудно было Вам повиноваться и не выходить из комнаты, когда Вы чувствуете себя уже несколько дней совершенно здоровым. Зато сегодня Вы сделаете сразу довольно большую прогулку. Я приглашаю всех здесь собравшихся в парк. Там мы найдем садовника, вооружимся лопатами и насадим новый питомник эвкалиптовых и хинных деревьев. Затем я обещал взять Вас с собой в объезд дальних общин. Для этого Зейхед-оглы каждый день будет обучать всех вас езде на мехари. Кто уже умеет ездить и кто совсем не умеет – всем надо научиться владеть в совершенстве верблюдом, иначе вам не пробраться через пустыню. Предупреждаю, путешествие будет не из легких.

– Неужели вы не возьмете меня, считая, что я еще недостаточно здоров? – взмолился Игорь.

– Возьму, если и дальше Вы будете так же послушны в смысле

режима, – засмеялся И. ему в ответ.

– Удивительно! Только сегодня я собрался опротестовать мой режим, и Вы точно прочли, что я держал под моей черепной коробкой. Разумеется, доктор И., теперь я буду кроток как ягненок и послушен как голубь.

Мы вышли в парк и вскоре принялись за чудесную работу, причем И. прочел нам целую лекцию по ботанике. Игорю, которому было приказано смирно сидеть в тени, выказал удивившие меня знания по ботанике и по геологии. Еще раз я был поражен своей невежественностью и невольно воскликнул:

– Когда же, Игорю, у Вас было время стать ученым? Ведь Вы всю жизнь отдали театру?

– Я отдал душу и сердце театру и человеку. Но мозг мой я не запечатывал. Я старался проникнуть в высший разум жизни и в разум моих бессловесных братьев земли – растений, животных. Много ли я в этом успел, этого я сам не знаю.

Его ответ меня поразил. Как мало я сам вникал в окружающую меня природу! Меня хватало только на человека, и то – хватало ли?

До обеда мы сажали деревья. Затем я пошел учиться в комнату Али и по обыкновению забыл время, место и текущие обязанности. Мой милосердный Учитель И. пришел за мной и после чая мы отправились в дальнюю долину учиться езде на мехари.

Много было смеха и шуток над нашей неловкостью, особенно туп оказался я, никак не умещавшийся в маленьком седле, где И. сидел как приклеенный.

Мне на помощь пришел Никито, и все же первый урок не был мною освоен. Я не мог вынести ни медленного, ни быстрого шага мехари и скатывался довольно благополучно, но преуморительно. Умное животное терпеливо и мгновенно останавливалось, хотя могло несколько раз наступить на меня.

Бронский обогнал всех, и я упрекал его, шутя, что он скрыл от всех свое давнишнее умение управлять мехари. Он же совершенно серьезно уверял меня, что единственный раз ехал на мехари, когда примчался в Общину, и что стоит мне почувствовать себя арабом, и я помчусь, правильно управляя собой и мехари. Очевидно, огромная артистичность этого человека и здесь помогала ему.

После урока верховой езды, всех нас утомившего, мы отправились купаться, потом ужинать и вечером слушать музыку Аннинова.

По дороге к жилищу музыканта я вспоминал так ярко Константинополь, Анну, ее музыку и божественный, человеческий голос

виолончели Ананды. Некоторое смущение было в моей душе. Я не мог себе представить, чтобы кто-либо был в состоянии играть лучше Анны и Ананды. Я боялся, что не смогу быть таким вежливым вовне, как меня учил И., чтобы не выразить человеку своего разочарования, человеку-артисту, чью жизнь заполняла только музыка.

Как примирить прямолинейную внутреннюю правду с внешним лицемерием, если мне не понравится его музыка? По обыкновению, я получил ответ от И., который без моего словесного вопроса сказал мне:

– Разве ты идешь сравнивать таланты? Ты идешь приветствовать путь человека. Идешь найти в себе те качества высокой любви, которые могут принести другому человеку вдохновение. Люби в нем, в его пути все ту же Силу, двигающую вселенной. А в каком месте совершенства Она, эта Сила, в данный момент остановилась в человеке – это не должно тревожить тебя. Она должна будить твою энергию радости и помогать тебе нести человеку привет. Бросай цветок в его храм, как я тебе говорил не раз, а не критикуй, каков на твой вкус этот храм.

Вечером, оставшись один, я снова раскрыл книжку брата и стал читать вторую запись.

«Ты полон бурлящих мыслей от моих вчерашних слов. Ты не постигаешь, как можешь ты приветствовать в каждой текущей встрече Истину, вошедшую к тебе в той или иной временной форме. Многие встречи тебе отвратительны. Отвратительны тебе попойки твоих соратников, их вечные карты, их ссоры и мелочные интересы.

А между тем ты ни разу их не осудил. Напротив, ты сумел быть так беспристрастен к каждому из них, что все солдаты и офицеры неизменно идут к тебе со своими вопросами, выбирают тебя судьей чести и надеются получить облегчение в своем горе и недоумении.

Все, даже отъявленные буйны, стремившиеся поначалу задеть или запугать тебя, отходили, смирившись, после того как пытались вызвать тебя на личную ссору. Твоя храбрость лишала их всех поводов к раздорам, а сила твоей любви к человеку заставляла каждого уходить от тебя в уважении к тебе и твоему дому. Многие уходили с сознанием, что приобрели друга. Иные уходили примиренными, иные в недоумении, но никто не уносил желаний повторить озорные выходки.

«Перейди теперь из понимания, что любовь и Бог – это только одно прекрасное. Самое худшее, что кажется тебе таковым, ничто иное, как та же любовь, лишь дурно направленная в человеке.

Любовь вора к золоту – все та же любовь, лежащая под спудом предрассудка жадности и стяжательства. Любовь мужа к жене, любовь

матери к детям – та же любовь, не имевшая силы развязать тугие ленты своей любви и увидеть Бога в человеке, за гранью личного предрассудка «моя» семья.

Переходи в своем теперь расширенном сознании в иные формы понимания окружающих тебя живых временных форм людей. В каждой встрече, в каждой из них прочти свой урок дня, пойми одно задание: Тот, кто пришел к тебе, – он главное и самое важное твое дело. То, чем ты занят в данное «сейчас», оно первое по важности, отдавай ему всю полноту сил и чувств и не оставляй каких-то частей духа и разума для дальнейшего.

Идя день, неси бескорыстие делам, мир и отдых трудящимся рядом с тобой. Ты ведешь жизнь целомудрия. Веди ее и дальше. Но если ты будешь думать, что целомудрие как таковое, как самодовлеющая сила может ввести человека в высокие пути жизни, – ты ошибаешься. Это только одно из слагаемых, многих слагаемых духовной жизни человека, которое ведет к гармонии и освобожденности, но само по себе не имеет цены.

Если человек полон предрассудков разъединения, все его целомудрие не двинет его с места в его стремлении к совершенству. И наоборот, если человек ищет общения с Учителем и не имеет сил стать на путь целомудрия, все его попытки пройти в высокое духовное слияние с Учителем останутся засоренными попытками, всегда грозящими попасть в смятенные круги астрального плана.

Не задумывайся о дальнейшем. Прими на данное «сейчас» задачу и урок целомудрия как необходимое для тебя на сегодняшний день звено самообладания, ведущего к гармонии.

Нет ничего неизменного в пути ученика, все течет и изменяется в единственной зависимости: развитие творческих сил человека-ученика ведет его к совершенству, где его самообладание и гармония – первоначальные основы.

Они составляют верность ученика Учителю, они растят равновесие его духовных сил. Но, повторяю, они движутся, и нет ничего мертво стоящего в жизни неба и земли. Силы духа в человеке движутся и приводят его к бесстрашию.

Все твои мысли, приводившие тебя к радости, были мыслями, соткавшими мост от тебя ко мне. Если бы твое сердце молчало и один здравый смысл вел тебя по земле, ты не мог бы достичь этого мгновения, когда видишь меня перед собой.

Отныне все твои встречи имеют только один смысл: прочесть твой собственный, урок, раскрыть твоему пониманию, что мешало тебе начать и кончить встречу в радости.

Характер ученика не может складываться так, как его складывает обыватель. Обыватель ищет наибольших внешних удач. А ученик ищет наилучших мыслей в себе, чтобы наполнить ими те сердца, что пришли с ним в соприкосновение в данное летящее мгновение.

Порывы мозговых центров не укладываются в духовном движении и не ведут к совершенствованию. Они составляют только путь к озарению и вдохновенному творчеству. Но сами по себе не составляют двигателей духа.

Вот почему люди малограмотные могут быть мудрецами и оказаться на голову выше миллионов ученых, постигающих лишь то, что можно доказать геометрически, физиологически и иными материалистическими способами. Но там, где дело идет о материи духа, то есть об интуиции, там творит только сердце. Поэтому не ищи отныне в книгах ответа на свои вопросы.

Читай книгу собственной жизни, живи по Евангелию собственного трудового дня, и ты постигнешь все йогии мира твоим – невозможным для другого – путем».

Я невольно опустил книжку, и мысль моя вернулась к Пережитому за сегодняшний день. Я снова и снова видел перед собой тех людей, с кем встретился сегодня. Лица и слова выплывали передо мной, как на экране, и я четко видел, как мало я был истинным учеником.

Чем, какими наилучшими мыслями я наполнил сегодня вселенную? И с особой ясностью я остановился на проведенном у Аннинова вечере. Музыкант встретил нас, весь горя желанием играть. Глаза его смотрели на нас, но точно скользили по нашим лицам, не различая, кому именно он подавал свою красивую, но такую огромную руку, что моя в ней совершенно утонула.

Очень странно я чувствовал себя в зале Аннинова. Я подмечал здесь все внешнее, все движения музыканта: как он подошел к роялю, как поднял крышку, как расправил складки своего европейского платья, садясь на табуретку, как, сидя, подвинтил винт табуретки, подняв ее на нужную ему высоту, как положил руки на клавиши, точно задумавшись и забыв обо всех нас.

Анна и Ананда заставляли меня забывать обо всем, кроме их лиц, казавшихся мне лицами сверхъестественными. Здесь же лицо музыканта казалось мне некрасивым, хотя я не мог сказать, что оно не было своеобразно и оригинально. Лицо аскета, сильное, жесткое, углубленное, не допускающее равенства между собой и окружающими.

Я посмотрел на И. и поразился доброте, с которой он смотрел на

музыканта. Аннинов вздохнул, посмотрел куда-то вверх, оглянулся кругом и встретился взглядом с И. Точно молния сверкнула по всей его фигуре, он вздрогнул, детски улыбнулся и сказал:

– Восточная песнь торжествующей любви, как понимает ее мое сердце.

Нежный звук восточного напева полился из-под его пальцев и напомнил мне Константинополь. Я однажды слышал там маленькую нищенку, которая пела, трогательно ударяя в бубен и приплясывая под аккомпанемент двух слепых скрипачей.

Эта картина рисовалась мне все ясней по мере того, как развивалась тема Аннинова. Я забыл, где я, кто вокруг меня, я жил в Константинополе, я видел его улицы, Анну, Жанну. Я жил снова в доме князя, я плавал среди стонов и слез, молитв и благословений, я ощущал всю землю Востока с его предрассудками, опытом, страстями, борьбой.

Вот толпа женщин-рабынь, закутанных в черные покрывала. Вот их стоны о свободе и независимости, о свободной любви. Вот унылые караваны; вот злобный деспот с его гаремом, вот детские песни и, наконец, выкрик муэдзина.

И все дальше лилась песнь Востока, вот она достигла дивной гармонии, и мне вспомнился мой приятель турок, говоривший: «Молиться умеют только на Востоке».

Внезапно в музыке пронесся точно ураган, и снова полились звуки неги и торжества страсти, земля, земля, земля...

Аннинов умолк. Лицо его стало еще бледней обычного, он переждал минуту и снова сказал:

– Песнь угнетения Запада и гимн свободе.

Полились звуки «Марсельезы», звуки гимнов Англии и Германии гениально переплетались с печальными напевами русской панихиды. Вдруг врывались, разрезая их, песни донских казаков, русские песни захватывающих безбрежных степей, и снова стон панихиды...

Я весь дрожал от неведомых мне раньше чувств любви и преданности родине и своему народу. Казалось мне, я всегда любил родину, но тут через музыку Аннинова я понял первый долг человека, о котором говорил Али моему брату: о любви к родине.

Вот оно, свое место, особенное, неповторимое для другого, место каждого на земле; Аннинов лил в мир свою любовь к родине, хотя покинул ее давно и не возвращался много лет. И я понял, что дом его был не интернациональный, а русский. Дом, язва которого не заживала в его сердце.

Благоговение к его скрытым страданиям, только сейчас проникшим в мою душу, наполнило меня, и я преклонился перед этим страданием, как когда-то мой дорогой друг, капитан Джемс, поклонился предугаданному им страданию Жанны, которое он сумел прочесть в ней.

Я понял, как я далек еще от бдительного распознавания, от счастья жить в признании каждого создания божественной силой.

Мой дух был потрясен. Я не мог лечь спать и вышел в парк ждать рассвета.

ГЛАВА 8 Обычная ночь Общины и что я видел в ней. Вторая запись брата Николая. Мое бессилие перед «быть» и «становиться». Беседа с Франциском и его письма

Я возвратился в мою комнату, как только стало возможно читать. Но в эту чудесную, короткую ночь мне было суждено выучить еще один великий урок. Не успел я углубиться в аллею парка, как заметил, что я в нем далеко не один.

По дальним аллеям бесшумно двигались фигуры, и когда я спросил одного из встретившихся мне братьев, ходившего взад и вперед по аллее, ведущей за пределы парка к ближайшим селениям, не спится ли ему, как и мне, в эту ночь, он мне ответил:

– О нет, милый брат, сон мой всегда прекрасен». Но сегодня моя очередь ночного дежурства; и я буду очень рад служить тебе, если тебе в чем-либо нужна моя помощь.

– Ночное дежурство? Но для чего оно? Разве можно ждать ночного нападения на Общину?

– Нет, врагов у Общины нет, хотя звери иногда и забегают сюда. Дежурство братьев существует для того, чтобы подавать помощь людям во все часы суток, независимо от того, будут ли это часы дня или ночи.

– Но кому же нужна помощь ночью? – продолжал я спрашивать с удивлением.

– Кому, – засмеялся брат. – Ты, вероятно, очень недавно в Общине. Пойдем вон к тому огоньку, куда я сейчас провел трех спутников. Ты сам сможешь судить, был ли я прав, решив, что им нужна немедленная помощь, хотя сейчас и ночь.

Огонек, на который мы пошли, казавшийся таким крохотным, оказался на самом деле совсем не маленьким, но был так далеко от нас, что я и принял его за маленькую лампу.

Мой спутник подвел меня к домику, три окна которого были ярко освещены. По его знаку я подошел к одному из окон и увидел худую,

истощенную женщину в туземном истрепанном платье, с младенцем на руках. Спinoй к окну стояла женская фигура, одетая в обычное платье сестры Общины, и подавала путнице чашку дымящегося молока, хлеб с медом и еще какую-то пищу, которой я рассмотреть не мог.

Внезапно сестра повернулась лицом к окну, и я едва сдержал крик: кормившая несчастную была леди Бердран. Стоявший подле меня брат, заметив, что я отшатнулся, решил, что я уже рассмотрел картину деятельности в этой комнате, взял меня за руку и осторожно, чтобы я не наступил на цветочные клумбы, перевел меня ко второму светящемуся окну.

Как раз в ту минуту, как я прильнул к окну, раскрылась дверь в глубине комнаты, и я увидел старика, очевидно, только что вышедшего из ванны, которому незнакомый мне дежурный брат помогал надеть чистое платье. Брат вывел старика из глубины комнаты и усадил к столу. По манерам старика я понял, что он слеп, хотя глаза его были широко открыты.

Дверь снова открылась, и молоденькая сестра ввела мальчика лет восьми, очевидно, только что умытого, причесанного, и посадила его рядом со стариком за стол. Я понял, что мальчик служил поводырем.

Через минуту та же сестра принесла обоим странникам по пиале дымившегося супа, а брат отрезал им большие ломти хлеба. Я давно не видел такой жадности, с которой накинудись на пищу дед и мальчик.

Мой спутник перевел меня к третьему окошку. Здесь сидела женщина, закутанная во вдовье покрывало. Она крепко сжимала руками свой живот и раскачивалась из стороны в сторону, время от времени издавая сдерживаемый стон.

В комнате были две сестры и знакомый мне врач. Все они хлопотали возле женщины, усиленно ей что-то объясняли, в чем-то убеждали, чего та не могла или не хотела понять.

– Я ее встретил у окраины парка и вытащил из петли ее собственных кос, которыми она хотела удавить себя. Она так отчаянно мне сопротивлялась, что я должен был позвать на помощь еще двух братьев. Мы втроем еле смогли довести ее сюда. Я подозреваю здесь одну из бесчисленных драм вдовьего положения. Не одна жизнь уже спасена Общиной из числа страдалиц невыносимого социального предрассудка – вдов Индии. Али и многие его друзья борются всеми силами и с этой скорбью Индии. В дальних Общинах, среди лесов, есть детские приюты, где несчастные вдовы-матери обслуживают своих и чужих детей. Суди теперь сам, дорогой брат, нуждается ли в ночной помощи этот кусочек мира.

Он вывел меня на одну из аллей, ласково простился и вновь пошел на дальние дорожки, продолжая свое ночное дежурство. Расставшись с ним, я остановился и стал осматриваться вокруг. Куда бы я ни повернулся, сколько хватало глаз, всюду я видел маленькие огоньки, значение которых я теперь хорошо понимал.

Целые рои новых мыслей зажглись во мне. Я начинал понимать, что значит, не теряя ни минуты в пустоте, «быть бдительным» и служить встречному человеку, служа в нем самой Жизни.

Я возвратился домой и снова стал читать книжку брата.

«Мы с тобой прервали нашу беседу на том месте, где я характеризовал твою деятельность как служение Богу в человеке, – читал я продолжение второй записи, точно она была продолжением моих собственных мыслей. Это путь каждого человека, ищущего ученичества. Для ученика нет иных часов жизни на земле, как часы его труда; и весь его день – это радостное дежурство, которое он несет не как долг или подвиг, а как самое простое сотрудничество со своим Учителем.

Радостность ученика приходит к нему как результат его знаний. В нем до тех пор изменяются все его предрассудки тяжелых обязанностей, скуки добродетельного поведения и нудности долга, пока сердце не освободится от мыслей о себе, о своем «Я».

Как только станет легко, потому что глаза перестали видеть через призму своего эгоистического «Я», так ученик стал готов к более близкому сотрудничеству с Учителем.

Как ты представляешь себе эту взаимную деятельность ученика и Учителя? Думаешь ли ты, что Учитель ежечасно направляет весь день труда ученика, водя его на полотенце, как мать младенца, стараясь научить его ходить?

Нежность внимание и любовь-помощь Учителя превышают всякую материнскую заботливость. И характер их совершенно иной, чем заботливость матери, в которой на первом плане стоят бытовые, чисто эгоистические заботы.

Двигатель деятельности Учителя в его охране ученика лежит в самом ученике, в его порывах чистоты. Не в том забота Учителя, чтобы предложить ученику комплекс тех или иных условных возможностей и рецептов, как достигнуть совершенства, но в том, чтобы возбудить дух его к тем делам, что необходимы именно ему для его высшего развития. Где он мог бы сам найти весь тот Свет и истину, через которые сумел бы понять, что знание не есть ни слово, ни учение. Оно – действие. Оно означает: быть и становиться, а не слушать, критиковать, принимать, что нравится,

выкидывать, что не подходит своему предрассудочному убеждению данной минуты, и принимать частицу, не видя целого. Дух Учителя толкает ученика к распознаванию, к умению свободно наблюдать за своими собственными мыслями.

День за днем все крепнет верность ученика, если он видит в каждом деле не себя, а ту любовь, что идет через него. Не «Я» становится его бытом, но через меня. Он освобождается с каждым днем от все большего количества предвзятых мыслей, которые коренились в его «Я». И его бесстрашие, бывшее раньше порывами его ума и числившееся среди его добродетелей, становится атмосферой его дня, его простой силой. Не имей предрассудка разъединения от Учителя только потому, что тебя разделяет с ним расстояние. Расстояние существует до тех пор, пока в сердце живет предрассудок жизни одной земли. Как только знание расширяет кругозор – исчезает и тень расстояния, как и тень одиночества.

Перед проясняющимся взором ученика не стоят горы мусора, мешающие ему видеть Гармонию. Но Гармония не зависит ни от места, ни от храмов, у которых молятся, и сама она не храм, которым восторгаются. Гармонию постигают постольку, поскольку носят Ее в себе.

Через внутреннюю самодисциплину человек начинает проводить в свой текущий день не только свое духовное творчество. Он, работая над новым пониманием, что такое «характер», по новому складывает и всю свою внешнюю жизнь. Если раньше он торопливо вскакивал с постели, в последнюю минуту покидая свою комнату, чтобы только поспеть к неотложным делам, и оставлял свою квартиру, как запущенное логово, – теперь ему становится ясно, что окружающая его атмосфера неотделима от него самого.

Если раньше он вел неаккуратную жизнь, оправдывая себя талантом, и принимал свою богему за неотъемлемую часть артистичности, то он ничем не отличался от любого «теософа-искателя», считающего свое внешнее убожество неотъемлемым бесплатным приложением к своим исканиям, к своей теософии.

Чем шире раскрывается духовный горизонт ученика, тем дальше и яснее ему, сколько красоты он может и должен вносить в свой быт, чтобы быть живым примером каждому, с кем столкнула его Жизнь.

Простой день ученика, бдительно проводимый в труде, внимании и доброте, перестают быть унылым, серым буднем, как только в задачу вошло не «искать», а «быть и становиться».

Перед глазами ученика перестает разворачиваться панорама одних голых фактов земли. Его дух льется во все и связывает ежечасно лентами

любви все случающееся в дне, всегда сливая в цельное единство оба трудящиеся мира: мир живого неба и мир живой земли.

Чтобы тебе приготовить из себя то высокое, духовно Развитое существо, которое может стать учеником, тебе надо понять, принять и благословить все свои внешние обстоятельства.

Надо понять, что тело и окружение не являются плодом одного настоящего воплощения. Они всегда карма веков. И ни одно из внешних обстоятельств не может быть отброшено волевым приказом. Чем упорнее ты хотел бы отшвырнуть со своей дороги те или иные качества людей или ряд обстоятельств, тем упорнее они пойдут за тобой, хотя бы временно тебе удалось их выбросить или от них скрыться.

Они переменят форму и снова, рано или поздно, встанут перед тобой. Только сила любви может освободить внешний и внутренний путь человека, только одна она превратит унылый день в счастье сияющего творчества.

В начале духовного развития, каждому человеку кажется, что талант творчества – это выявленное вовне могущество духа. Он не принимает в расчет величайших неосязаемых даров: смирения, чистоты, любви и радости, если они не звучат для него как полезная земная деятельность.

Только длинный путь труда в постоянном распознавании приводит к целеустремленности Вечного, в каждом летящем действии его духовного и материального творчества. Порядок внешний становится простым отражением порядка внутреннего, точно так же, как каждое обдумывание протекающего творческого порыва не может выливаться в действие дня без базы диалектического мышления. Если скульптор хочет отразить порыв к победе всего своего народа, он должен углубиться во всю его историю, должен духом прочесть невидимые страницы доблести и национальной мудрости своего народа, постичь сам, в собственном сердце, вековое самоотвержение народа, главные идеи, двигавшие его в целом к совершенствованию, – тогда только он сможет уловить ноту, на которой звучит для народа его современность.

Тогда скульптор может создать в своей глине живой порыв, когда пережил в своем сердце всю Голгофу, всю скорбь распятия, все величие движения своего народа по этапам исторических мук и возвышений к тому кульминационному моменту духовной мощи своего народа, который художник хочет отразить для истории.

Ни глина, ни полотно не выдержат экзамена и нескольких лет, если их творцы ухватили лозунг и пустили его в массу как ходкий и прибыльный

товар. Их произведения займут место как плохая агитационная реклама среди случайно выброшенного хлама.

В порывах творчества ученика, как у талантливого доктора, всегда живет меткость глаза духовного, ведущая непосредственно к интуиции. Но эта интуиция, не плод крохотного исследования, а синтез Мудрости, просыпающейся вовсе не в этот протекающий момент; она только видимое следствие многих невидимых творческих напряжений, имя которым Любовь.

Раскрепостить в себе Любовь и достичь возможности лить ее мирно и просто, как доброту, во все дела и встречи нельзя умственным напряжением. Свободно наблюдая свои порывы, неустойчивость, скептицизм или жадность, можно только прокладывать мелкие тропки, по которым со временем двинется сила, как кровообращение нового организма.

Что такое ученичество? Только, путь освобождения. Можно ли считать ученичеством жизнь, если в ней нет основ мира? Такого ученичества быть не может. Сколько бы, какими бы путями ни искал человек Учителя, он его не может найти, если все его мировоззрение полно легкомыслия и если он наивно ожидает, что у него внутри что-то само по себе изменится, раскроется, лопнет, как гнойный нарыв, или, наоборот, расцветет махровым цветом.

Скучнейшие «искатели» – это те, вечно оглядывающиеся назад и ищущие в настоящем оправдания или подтверждения тех бредней, что снились им в молодости. Величайший из путей труда – путь освобождения.

Нет ни одного мгновения, которое могло бы выпасть из цепи звеньев кармы, без самой величайшей обязанности человека: подобрать его немедленно, ибо оно всегда зов Вечности, всегда ведет к освобождению, как бы ни казалось оно легкомысленному человеку мало важным.

В ученике, оценившем путь не только свой, но и каждого другого, то есть понявшем важность воплощения, недопустимо легкомыслие. Это не значит, что надо двигаться по земле с важной физиономией выполняющего «миссию» и не умеющего смеяться существа. Это значит в каждое мгновение знать ценность летящего «сейчас» и уметь его творчески принимать и отдавать.

Плоть и дух, как нераздельные клетки, не могут сочетать небо и землю иначе, как развиваясь параллельно. И чем больше развязывается мешок духа, тем шире освобождаются клетки тела для впитывания в организм светоносной солнечной материи.

Смерть для очищенного организма – только порыв движения

величайшей радости. Смерть для человека, всю жизнь развязывавшего мешок предрассудков,

– крестный путь очищения, хотя бы человек был очень хорошим и добрым в своей обывательской жизни.

Быт, с его условностями, чаще всего скрывает собой те стены предрассудков, о которые разбивает себе лоб умирающий. Первая из заповедей твоего ученического поведения должна состоять в легкости дня как сложного конгломерата духовного единения с живой жизнью каждого встречного земли. Для тебя «день» – это всегда и во всем участие тех невидимых помощников, что окружают тебя, вне зависимости от места, времени и расстояния, во всех твоих делах и встречах. Ты никогда не один, ты всегда трудишься с ними.

Пока в ученике не разовьются его психические чувства, дающие ему возможность ясно ощущать присутствие высоких сил, верность его должна вырасти в огромную любовь. Любовь, к кому бы она ни была – к Богу, к Учителю, к любимому святому – только тогда приведет к желанному слиянию с теми, кому поклоняются и кого зовут, когда перейдет в служение видимым окружающим людям, которым ученик научается нести поклон любви.

Путь ученичества для всех один: если несчастные стучатся в твою дверь – ты на правильном пути».

Здесь вторая запись обрывалась.

Я невольно закрыл лицо руками и погрузился в великие мысли, которые читал. Боже мой! Как далек я был от всех тех этапов зрелого духа, о которых сейчас читал. Я невольно стал думать о дорогом братеотце, двадцатичетырехлетнем юноше, офицере, почти ежедневно участвовавшем в стычках с горцами, постоянно жившем под угрозой ранения или смерти, всегда имевшем для крошки брата-сына нежность и ласковую, спокойную улыбку.

Я вспоминал это постоянное спокойствие брата Николая, передумывая по-новому всю жизнь его. И жизнь эта казалась мне теперь подвигом. Я не мог вспомнить ни одного женского образа, пересекавшего жизненную дорогу брата Николая, а он ведь был бесспорным красавцем.

Теперь я по-новому понял его скорбное, до неузнаваемости изменившееся лицо, когда я видел в первый раз, в аллее в К., Наль. Я понял и выражение муки во всей его фигуре в саду Али перед пиром. Я вспомнил и другого избранника духовного пути – Али-молодого. Слезы лились из моих глаз, но то были не слезы, оплакивавшие смертные муки дорогих мне людей, а слезы благоговения перед величием того, что только может

вынести дух человека и каким примером сияющей помощи может стать такой человек. Моя мысль, мое сердце преклонились перед всеми, кого я встретил за последнее время. Я не мог найти достаточной благодарности для И. и Франциска, я повторял первые слова записи брата Николая, «Слава Тем, Кто довел меня до этого великого момента моей жизни. Слава тем, кто, как и я, дойдет до него».

Я почувствовал, что Эта теребит меня за рукав, поднял мою чудесную птичку, прильнул к его головке и не мог сдержать слез. Эта охватил крыльями мою голову, точно разделял мои слезы и утешал меня, и так застал нас И., вошедший в комнату.

Рука моего дорогого Учителя и друга нежно легла на мою голову и неподражаемо ласковый голос ободрял меня:

– О чем же ты плачешь, мой милый друг? Ведь то, что там прочитано и так потрясает тебя в пути дорогих тебе людей и высоких друзей, оно только тебе кажется героизмом отречения. Для них же оно – героика творчества и созидания, героика величайшей, непобедимой творческой силы: Радости. Запомни то, что я тебе скажу сейчас, и постарайся ввести мои слова как действие, как заповедь в твою новую жизнь. Нам с тобой приходилось уже не раз говорить о слезах. И я каждый раз объяснял тебе, что слезы, всякие слезы, расслабляют человека. Ты же, вступив на путь освобождения, взял на себя радостную деятельность становиться силой слабому, утешением горестному и помощью безнадежному. Не задавайся сейчас задачей победить слезы волевым давлением на себя. Но каждый раз, когда слеза готова скатиться с твоих глаз, подымайся духом выше и вспоминай о всех несчастных, которых в мире – и без твоих слез

– так много. Так много плачущих во вселенной, что ученик обязан осушать их слезы, а не увеличивать их потоки.

Как только мысль твоя поднимется выше твоих эгоистических мыслей, ты увидишь, что всякая слеза – всегда слеза о себе, как бы ты ее ни расценивал. В твоём теперешнем положении, когда ты и слышишь голос Безмолвия, и видишь образы дорогих тебе людей независимо от места и расстояния, каждая твоя слеза ломает какой-либо из тех мостов, по которым идет твое общение с ними. Начинай свой день благословенной радостью жить еще один день на земле, еще один раз имея возможность поклониться Богу в человеке и помочь ему. Чем выше идет твое собственное раскрепощение, тем яснее самому, как легко мог бы быть путь человека и какую каторгой он делает для себя свой день, а нередко и для своих ближних. В окружающей тебя в эти дни семье людей, где ты раскрепощен от всех забот быта, от всех его условностей, созревай, друг, для тех лет,

когда будешь брошен во все напряжение человеческих страстей. Только теперь ты можешь в полном спокойствии развивать все свое самообладание. Очень немногим дается это счастье: складываться умом, сердцем и характером среди людей, лишенных эгоизма. Все твои встречи здесь – это встречи старых и новых карм. И чтобы не упустить ни одного звена, которые подаются тебе любящими и заботящимися о тебе, у тебя остается одна задача: не лить слез, которые темнят очи духа, но лить радость, которая помогает каждому существу, пройдя мимо тебя, всколыхнуть в себе красоту, а не уныние. Возьми Эта, мы пойдем с тобой купаться и не вернемся сюда, навестим Франциска. Мне надо переговорить с ним о многом и, главное, узнать, отпустит ли он меня сейчас в дальние Общины, куда меня настойчиво зовут, А между тем и здесь много дела и без меня Франциску будет трудно. Включись, мой милый, в сеть интересов нашего общего дела и забудь о возможности плакать, хотя бы и благоговей перед героизмом других. То, что сегодня тебе кажется недостижимым героизмом, то завтра становится просто трудным, а послезавтра – не трудным. И задача дня не в самой героике чувств, а в том, а чтобы все, чего ты достигаешь, не казалось тебе достигнутым через Голгофу, а достигалось легко, радостно, просто. Сегодня у тебя будет много труда. Ты спал ли ночь? – спросил И., пристально глядя на меня.

Я рассказал ему, как провел ночь, что видел и как был поражен, увидев леди Бердран на ночном дежурстве.

– И еще раз, дорогой И., я увидел, насколько незрелы мои понимания, как я слеп, судя о людях, как я ничего не распознаю среди окружающей меня жизни.

– У каждого свой путь, Левушка. Быть может, тысячи и тысячи хотели бы перемениться с тобой ролями. Но сцена театра жизни подчинена законам вселенной, и роли в этом театре не могут быть розданы по личному расположению директора или его режиссеров. Высшая режиссура приводит каждого к его мировому станку труда. А как каждый будет работать на нем, это индивидуальная неповторимость. И сколько бы ролей ни набрал человек, творить он будет только в той, где сумел добиться гармонии.

После купанья мы пошли в больницу к сестре Александре. В первый раз я был в больнице так рано. Картина, которую я увидел, меня умилила. В огромной столовой за детскими столами я увидел много выздоравливающих детей, обслуживаемых тоже детьми постарше и молоденькими сестрами, и снова поставил себе в укор, что до сих пор не знал ни размеров больницы, ни пределов ее помощи населению.

Многие из детей восхищенно приветствовали И., и опять я не знал, когда и где они могли познакомиться с ним. Карлики, не поддаваясь никакой дисциплине, бросились к И. и повисли на нем, как виноград. Из дальнего угла прямо к нам шел Франциск и провел нас, со всеми нашими карликовыми ношами, к своему столу, где и усадил нас, заботливо предложив нам еду. Завтрак здесь состоял из холодных вегетарианских блюд, но каждый мог, если хотел, получить и горячий суп, и картофель, кроме всем полагавшихся фруктов.

Франциск, как и всегда при встрече со мной, долго не выпуская моей руки из своей, нежно улыбался.

– Так, так, Левушка, расти, красавец, расти. Скоро УВИДИШЬ Жизнь несчастных, купи радость, чтобы их облить ею. Таких увидишь несчастных, о существовании которых до сих пор и не знал. Пора, пора тебе мужать. Не беспокойся. И., бери их всех и поезжай. Здесь мне помогут. Флорентиец скоро пришлет сюда кое-кого. Помощники мне будут.

– Ты всегда готов взять любую ношу, Франциск. Но позволяет ли тебе твое здоровье сейчас так много трудиться? Ты иногда забываешь, что Флорентиец запретил тебе без дневного отдыха нести дежурство.

– Не беспокойся, друг. Я провожу регулярно три часа в день за книгами, и это составляет такой отдых, что меня хватает даже на ночной обход. Сегодня у меня была великая встреча. О, как я был счастлив, что мог спасти загнанную судьбой нищенку от верной гибели! Несчастливая уже приготовилась утопить своего новорожденного ребенка и последовать за ним сама. Сейчас и мать, и ребенок радуются жизни, и я уверен, что этот ребенок будет большим человеком. – Франциск весь сиял. Любовь так и лилась из него. Лицо, которое не загорало ни под каким солнцем, почти прозрачное, с розовыми пятнами на щеках, это лицо выделялось не только своей белизной среди загорелых и смуглых лиц. Оно выделялось бы и из тысячи белых лиц, такая высокая сила духовности озаряла все черты этого лица.

Еще раз я наглядно увидел, что такое Любовь, и вспомнил недавно сказанные мне И. слова: «Ты думаешь, что высокое поведение людей – это героика отречения. Для них же оно – героика творчества и созидания, героика величайшей, непобедимой творческой силы: Радости».

На живом примере я видел сейчас эти слова И., и двойственное чувство наполняло меня. С одной стороны, я сознавал недостижимость для себя сейчас подобной психики; с другой стороны, я все же продолжал думать, что человек приходит к такому состоянию любви только через ряд отречений.

Точно подслушав мои мысли, Франциск положил на мое плечо руку и заглянул в глаза:

– Двенадцать было апостолов у Христа. Но один Иоанн шел путем беззаветной любви. Все остальные шли путями самыми разнообразными. И если у каждого из них была своя Голгофа, то только потому, что сила их страстей должна была развернуться в непобедимость и полное бесстрашие, верность и уверенность. Я уже говорил тебе, что знамение креста – это сочетание четырех блаженств: блаженства любви, блаженства мира, блаженства радости и блаженства бесстрашия. Эти развитые до конца аспекты любви в человеке приводят каждого к гармонии. И, чтобы войти и утвердиться в гармонии, каждый идет своим путем. Но придет к этому результату только тот, кто нашел радость в пути совершенствования. Жизнь, вся жизнь вселенной – всегда утверждение. Строить можно только утверждая. Кто же не может научиться в своей жизни простого дня, в своих обстоятельствах, радости утверждения, тот не может стать светом на пути для других. Но, Левушка, нельзя примерять крест жизни другого. По собственным плечам придется только один: свой собственный. Сейчас тебе кажется невозможным мой путь. Поверь, что таким же невозможным мне кажется твой. Я не могу себе вообразить, как это я сел бы писать какой-либо роман или повесть. И, признавая все величие пути писателя, изобретателя и так далее, я не могу даже и представить себе, как я мог бы идти одним из этих путей. Кроме смеха, я бы ничего не вызвал. Еще меньше я могу вообразить себя в роли Бронского или Аннинова, хотя на себе испытал не раз, какая дивная сила – талант артиста и как действительно его влияние. Талант может мгновенно просветлить всего человека, тогда как иные пути духовного воздействия требуют долгого кропотливого труда. Да что искать сравнительных примеров. Если бы мне пришлось вести жизнь и труд нашего общего друг И., я бы не мог его нести, так как не мог бы кочевать среди толп народа и умер бы, не принеся никому ни пользы, ни радости. Крест, который несут плечи человека по его простым дням, всегда легок. Но зрение человека так засорено, что вместо гармонии, в которой он должен творить и которою должен облегчать жизнь всех рядом идущих, человек сам же вбивает гвозди страстей в собственный крест. И вместо четырех блаженств натывается на торчащие в кресте гвозди, причиняя себе Рваные раны. Сейчас мы пойдем ко мне. Я дам тебе несколько писем к моим друзьям, живущим сейчас в Дальних Общинах. Передавая им мои письма, присматривайся к ним. Быть может, тебе перестанет казаться таким страшным делом существование человека, затерянного в безвестном кусочке мира, лишённого шумной арены деятельности.

Мы двинулись в комнату Франциска, и я не мог отделаться от удивления, как мог Франциск так метко и правдиво разобраться в моих ощущениях и мыслях. Действительно, я нередко задумывался о жизни людей, которых встречал здесь, людей высокообразованных и талантливых, живших безвыездно в отдаленных селениях. Еще чаще во мне мелькало нечто вроде тоски, когда я представлял себе тысячи людей, не покидавших никогда своих глухих селений, из поколения в поколение довольствовавшихся скромной долей жизни в унаследованном от дедов труде и домах. И все эти мои мысли подсмотрел Франциск и, точно пепел, разворошил их сейчас во мне кочергой своей любви.

Когда мы вошли в комнату, первое, что сделал Франциск, – поднял крышку своего мраморного стола, и я увидел под нею чудесную высокую вазу, как мне показалось сначала. Но то была чаша из красного камня, точно рубиновая, и в ней, переливаясь всеми цветами, кипела жидкость.

Теперь я понял, что то был жертвенник. И жертвенник Франциска не был похож ни на один из алтарей, которые мне приходилось до сих пор видеть.

Красная высокая большая чаша стояла посредине, а за нею полукругом стояли чаши гораздо меньше, самых разнообразных цветов. Сначала мне показалось, что чаш очень много. Но присмотревшись, я увидел, что кроме красной, чаш было еще шесть. Три из них стояли справа и три – слева.

Белая, синяя, зеленая стояли слева, затем некоторое расстояние – и чаши желтая, оранжевая и фиолетовая, все разных форм и огранки, окружали красную чашу. Из каждой чаши поднимался небольшой огонек такого же цвета, как была сама чаша.

Я перенесся мыслями в оранжевый домик, где стоял недавно перед таким же алтарем.

Франциск прикоснулся обеими руками к красной чаше, ее пламя вспыхнуло ярче, и я услышал его шепот: «Да будут руки мои и дух мой чисты, как чисто пламя Твое, когда буду писать зов Твой слугам Твоим».

Постояв минуту в сосредоточенности, он подошел к письменному столу, достал бумагу и стал писать. Как и все люди, я часто видел, как пишут другие. Видел я и рассеянных, как я сам, и сосредоточенно внимательных людей пишущими. Но лиц и фигур, подобных Франциску за его письменным столом, я не видал ни до этого часа, ни во всю мою дальнейшую жизнь ни разу.

Помимо того, что он, казалось, забыл обо всем и обо всех, его лицо все время меняло выражение. И так ясна была мимика этого прекрасного лица, что я как будто бы сам видел, кому он пишет, и понимал, о чем он пишет.

Я был так увлечен созерцанием Франциска и его труда, что даже не заметил, когда И. вышел из комнаты. Предо мной шел точно личный разговор Франциска с его корреспондентами. Проходила целая вереница лиц. А письма скопились целой стопкой, и мне казалось, что это не конверты сложены на столе, а кусочки души Франциска, которую он разрывал и запечатывал в них.

Но вот он особенно углубился, склонился над бумагой, писал медленнее других писем, точно лучи падали от его пальцев на строки письма, и мне чудилось, что я вижу женскую фигуру, с отчаянием прижимающую к себе мальчика лет семи.

Иллюзия была так ярка, что я хотел уже выйти из комнаты, чтобы не мешать женщине говорить с Франциском наедине, как он посмотрел на меня и сказал:

– Учись владеть пространством. Я все время присоединяю тебя к моему труду, чтобы тебе легче было передать мою помощь всем моим друзьям и присоединить к ней еще и твою собственную любовь.

Теперь я понял, что образы, которые мне казались плодами моей фантазии, были на самом деле результатами любви Франциска, включавшего меня в свою мысль.

Окончив последнее письмо, он задумался, погрузился в молчаливую молитву, встал, взял в руки письмо и подошел с ним к жертвеннику. Здесь он опустился на колени, положил письмо на огонь чаши, охватил ее обеими руками, прислонился к ней лбом и замер в экстазе молитвы.

Я был потрясен силой, энергией, каким-то вызовом и требованием, которые исходили из всего существа Франциска. И я тоже опустился на колени, потрясенный стазом любви и самоотвержения моего друга, в своей молитве забывшего обо всем, кроме того существа, о помощи которому он молил ведомые ему высшие существа.

Как огненное пламя пробежало по мне сострадание к той, о ком молился Франциск. И в первый раз в жизни я понял глубокую силу и настоящий смысл молитвы.

Как умел и мог, я тоже молился о чистоте моих рук и сердца, чтобы быть в силах передать письма Франциска и не засорить их мутью собственной слабости и страстей. Много усилий я должен был сделать над собой, чтобы слеза умиления и преклонения перед самоотвержением моего друга и его даже трудно переносимой доброты не скатилась по моим щекам.

Сердце мое расширилось, я еще раз пережил слова Али моему брату о нищенствующем Боге, которому надо служить в человеке, и еще раз

остановился в бессилии перед барьером, где сияли слова: «Быть и становиться».

Я видел сейчас одного из тех, кому уже не надо было «становиться», но кто был воплощенной добротой. Франциск встал с колен и позвал меня к себе. Когда я подошел и стал рядом с ним у жертвенника, он сказал мне:

– Если ученик вошел в общение с одним Учителем, он вошел в общение со всеми ими. Перед взором Тех, Кто просветлен, не может быть разъединяющих пелен. В этот миг Учитель луча Любви дает тебе поручение, передаваемое тебе мною. Внимай всей чистотой сердца и осознай, как все связано во вселенной, как всюду идет круговая порука. Минуту назад ты не знал о существовании целого ряда людей. Сейчас они для тебя самые близкие и священные друзья, ибо несешь им помощь в их страданиях. Я вложу в этот конверт кусочек хитона одного из чистейших и любвеобильных созданий. Если сумеешь сохранить в сердце Свет и благоговение, с которым стоишь сейчас у алтаря, в ту минуту, когда будешь подавать это письмо, оботри сам ребенка этой матери, которой я пишу, тем кусочком хитона, что я вкладываю в конверт. Если же почувствуешь, что ты рассеялся, что образ мой не горит перед твоим духовным взором, отдай матери, пусть сама оботрет им личико своего сына. Постигни в эту минуту, что служение ближнему – это не порыв доброты, в которой ты готов все раздать, а потом думать, где бы самому промыслить что-нибудь из отданного для собственных первейших нужд. Это вся линия поведения, весь труд дня, соединенный и пропитанный радостью жить. Оцени эту радость жить не для созерцания Мудрости, не для знания и восторгов любви в нем, не для прославления Бога как вершины счастья, но как простое понимание: все связано, нельзя отъединиться ни от одного человека, не только от всей совокупности своих обстоятельств. Ценность ряда прожитых дней измеряется единственной валютой: где и сколько ты выткал за день нитей любви, где и как ты сумел их закрепить и чем ты связал закрепляющие узлы. Сохрани в памяти эту минуту и укрепись в нити труда со мною, а, следовательно, и с моим Учителем, Учителем Любви, чье имя Иисус. Мой узел нашей с тобою нити труда я скрепляю всей любовью и чистотой, что живут в моем сердце. Прими мои письма у алтаря любви и пронеси их в той гармонии, какую ты сейчас полон. Та помощь, что подана легко и радостно, всегда достигает цели. Человек проходит в высшую ступень, и во вселенной все светлое говорит: «Еще один этап пройден нами». Ибо, как я уже тебе сказал, все едино, все связано, ничто не может быть выброшено из встреч жизни, хотя бы само

оно и не предполагало о своей связанности со всей единой Жизнью.

Франциск вложил лоскуток в конверт, поднес к своим губам письмо, что лежало на чаше и не сгорело от ее кипевшей как огонь жидкости, перекрестился им, говоря про себя: «Блаженство Любви, блаженство Мира, блаженство Радости, блаженство Бесстрашия, летите Гармонией моей верности и влейтесь в сердце существа, о котором молю тебя. Учитель, друг и помощник Света и Любви».

Пламя в чаше вспыхнуло. Франциск, а за ним и я, еще раз преклонили колена перед жертвенником, и он опустил крышку стола.

Передав мне целую пачку писем, – некоторые из них состояли из нескольких слов, – он завернул их в красивый шелковый платок, напомнивший мне синий платок сэра Уоми, только платок Франциска был мягкого алого цвета.

Невольная ассоциация всколыхнула во мне воспоминание об этом чудесном человеке, и я спросил Франциска, знает ли он сэра Уоми.

– Знаю, знаю, дружок Левушка, а вот Хаву не знаю, не видел. Как ты думаешь, испугался бы я ее черноты? – Франциск весело смеялся, глаза его блестели юмором.

– Мне сейчас очень стыдно, Франциск, но должен сказать, что я был так испуган при встрече с ней, что до сих пор помню мои тогдашние чувства. Теперь, когда я долго пробыл среди людей, чувства и силы которых не знают ни страха, ни раздражения, я и сам изменился, и многие прежние мои понятия уже не существуют. Раньше я не мог даже понять, не только перелить в действие, что каждый встречный – мой Единый. Я не понимал, что вовсе не важно, каков Единый в нем, а важно, как мой, во мне живущий Единый приветствует божественный огонь во встречном. Теперь же я не могу себе представить, как можно встретить в человеке одни его личные качества, а не огонь Единой Жизни. Я стал теперь понимать и другое, о чем мне часто говорил И., что здравый смысл земли и такт самого человека составляют неотъемлемые приспособления, без которых невозможно нести свое дежурство и уметь передать помощь Учителя людям. Мне совершенно сейчас ясно, что знать – это значит уметь. В эту минуту во мне исчезла какая-то часть помехи к тому, чтобы «быть и становиться».

– Это очень и очень большой шаг, Левушка, в духовном росте человека. Раз или два каждый человек может поступить по-ангельски, и это, конечно, много. Но не эти поступки составляют путь освобождения, а только простой трудовой день. Когда будешь передавать мое письмо старцу Старанде, – внимательно присматривайся к нему. И не только к нему

одному, но и ко всем тем старикам, которые живут с ним в одном доме. Весь этот уединенный большой дом наполнен людьми, всю жизнь усердно искавшими Бога и путей Его. Но ни у одного из них не было и нет до сих пор ни чувства такта, ни понимания истинной красоты. Всю жизнь их духовные искания были в противоречии с их действиями. Они все без исключения добры, готовы были отдать последнее, что имели, и все же ничего, кроме раздражения, не умели посеять вокруг себя. Даже пройдя через многие страдания и добившись приезда в Общину, они и здесь не могут быть гармоничны, и здесь их ауры вечно дрожат вспыхивающими огнями и нарушают мир в любой атмосфере, куда бы ни попали. Для некоторых из них, в частности для Старанды, уже безнадежно достичь в этом воплощении такта и развитого чувства красоты. В нем закоренело и по старости одеревенело его самоутверждение. В него как ржавчина въелось представление, что прав только он один, а остальные судят поверхностно о великих истинах. Он считает, что если он понял слова Учителя именно так, по-своему, то истина тут-то и есть. И когда ты видишь и знаешь, что он понял все наизусть, – то все равно остаешься бессильным ему объяснить, потому что нудная одеревенелость его самости заставляет его молча тебя слушать и про себя думать: «Ладно, говори, я сам знаю, что мне нужно и как мне лучше». Знакомясь с этими людьми, будь бдителен. Распознай яснее, что такое утверждение жизни в себе и вокруг, утверждение ее аспектов в себе и вокруг, и что такое перекарасившийся в организме эгоизм, принявший глупую и упрямую форму самоутверждения. Такой человек, не споря с тобой, якобы избегая внести раздражение, якобы оберегая твой дом или встречу, того не видит, что уже раньше встречи с тобой тебя осудил, уже вперед знает, что ты поступишь не так, как надо по его высшему пониманию. Он и до встречи с тобой, молясь о тебе, просил своего Бога «просветить» тебя. Но постараться развернуть из своего сердца луч радостной любви, собрать свои мысли в пучок Света и бросить их тебе под ноги, как ковер любви, он не подумал. Если с тобой случилось несчастье или большая неприятность, он скажет со вздохом: «Видно, ты так заслужил», но не прильнет всею большой любовью к твоим ногам, чтобы принести тебе в дар хотя бы свое утешающее слово, что ему подсказал такт, если не имеет драгоценного масла сострадания, чтобы омыть твое горе или неудачу и помочь тебе их перенести. Если он вызвал тебя на раздражение, если он докучает тебе своими бестактными просьбами, часто выпрашивая у тебя нужные тебе вещи, и сам несет их другим, благодворя им за твой счет, то все же вся его благодарность тебе выразится в том, что он скажет тебе: «Нас как будто Учитель учит другому, а ты вот раздражаешься». Сам же

опять-таки не поймет, что сердце его похоже на сухую губку и он не может внести мира, потому что никого не любит сам, да вряд ли когда и любил, хотя, несомненно, думал, что любит. Часто эти люди бывали много и горячо любимы. Но их внутренняя сухость под внешней ласковостью отдаляла от них всех. Все их друзья уходили в смерть или отходили в глубоком разочаровании. Люди эти оставались в полном одиночестве и все же не могли понять своей огромной виновности перед Жизнью. Но каждый из них имеет и свои большие заслуги, а потому эти люди наши. Сама Жизнь находит способы дать им возможность долголетия, чтобы они имели время сбросить с себя предрассудок внешнего смирения, под которым живет большая гордость. Жизнь ждет, давая время их старой иссохшей губке сердца наполниться вновь любовью, очищенной и радостной. И иногда она успевает в этом. И старец добивается полного переворота в себе, достигает истинного смирения, которое помогает ему легко нести день лишений. Самое печальное в этих людях – их непримиримость. Всю жизнь они жаждут подвига. В их мозгу часто шевелится мысль: «Пострадать». Но когда им приходится переносить лишения холода и голода, они переносят их в высшей степени тяжело. Здесь выявляется, как мало нажил в духе своем настоящего героизма человек, всю жизнь стремившийся к подвигу и отказывавший себе в мясе и рыбе. А когда настала пора без мысли о «подвиге» вегетарианства просто перенести то, что переносит огромная часть людей-бедняков всю жизнь, у них не хватает силы даже улыбнуться такому пустяку, как внешние лишения. Присмотрись, Левушка, и вынеси урок не для пользы психологического анализа будущего писателя, а для широчайшего раскрытия любви и сострадания, для радости знания: как труден каждому его путь освобождения и как нельзя судить человека, но можно лишь учиться у него, раскрывая самому себе свои немалые пороки и слабости. Раньше, чем передать каждому из моих адресатов письмо, приготовь всего себя к этому священному поручению. Вспомни, как мы вместе с тобой стояли у горячей чаши любви, и, раньше, чем подать письмо, омой руки и сердце в ее огне. Иди, дружок. До твоего отъезда мы больше с тобой не увидимся. Но мысленно я буду с тобой всюду.

Франциск поцеловал меня и добавил, чтобы я шел домой один, а И. придет, когда кончит дела, чтобы я о нем не беспокоился.

Я вышел с территории больницы, нагруженный драгоценными письмами. В первый раз я получил поручение от человека, так высоко превосходившего меня своим духом. Я мысленно принял к Флорентийцу, прося его помочь мне выполнить эту задачу в наибольшем самообладании, такте и любви. Я нес мой сверток как святыню, и мне не хотелось никого

видеть, ни с кем говорить. Я выбрал самые уединенные тропки и пришел в свою комнату, никем не замеченный.

Спрятав пакет Франциска, я сел читать записную книжку брата. Мой растревоженный дух не мог сразу перейти к делам земли. Я должен был прийти к полному равновесию и самообладанию, и записная книжка брата Николая была как раз ключом к ним.

ГЛАВА 9. Третья запись брата Николая

В нашей последней беседе мы с тобой говорили о путях ученичества, о том, что нет путей легких, что совершенствование дается человеку всегда и во всех областях творчества большим трудом. И чем выше поднимается человек в своем творчестве, чем шире становится его горизонт, чем дальше он видит путь и возможность достижения, тем яснее сознает и беспредельность совершенства, и малую степень достигнутого им самим.

Это присуще всем истинно даровитым. Всем творящим, а не «мастерящим», всем вдохновенным, а не вертящимся в вихре ложной экзотической и старающимся выдать свою кустарщину духа, плоти и расчета, пылающую пафосом, за истинное творчество огня вдохновения.

Но, среди всех трудных путей ученичества, есть три пути, в которых трудности так велики, что идти ими могут только те избранники, что стоят сами уже на грани совершенства.

Первый из этих путей – путь любви.

Второй, – путь скорби и Третий, – путь ясновидения, Я вижу на твоём лице великое изумление. Тебе кажется, что именно эти пути, свидетельствующие о высокой ступени духовного совершенства, должны быть легче других. Сейчас ты поймешь, в чем особая трудность каждого из этих путей и что должен победить в себе каждый человек, чтобы идти ими.

Путь любви – в том смысле, как его представляют себе люди, – не существует. Человек, воображающий, что он понял, что такое любовь, понял только одно: Милосердие бесконечно, пощада не знает предела и отказа, а потому за все, им содеянное, он получит индульгенцию не только от папы Римского, но и полное всепрощение от живых небес.

Обыватель не прекращает своих надежд на то, что его «отмолят» те святые, к которым он привык прибегать в своих молитвах. Но что такое молитва, как приготовить себя к ней, об этом он не только не думал, но даже и не предполагал этой необходимости.

Он отлично знает, как надо приготовить себя к еде, ко сну, к серьезному разговору, но к молитве отношение одно: поспешный крест, еще более поспешное бормотание или громкое рыдание и долгое бормотание и... выполнен необходимый для «святого» ритуал.

У обывателя представление о людях, идущих путем любви, сводится к требовательности к ним. Без всякого стеснения люди идут к ученикам, высыпают им весь короб своего мусора, вроде слез от обиженного

самолюбия, ссор, недостатка средств и так далее, и бывают очень обижены, если встречают не распротертые объятия и поглаживание по голове, а спокойное отношение к их периоду сумятицы. Они ведь пришли туда, где их должны выслушать и утешить!

Находясь на ступени само– а не человеколюбия, они и представить себе не могут, что прочел в них ученик, уже давно перешедший из ступени самолюбия в истинное человеколюбие. Не видя сами, не сознавая в себе и потеряв чувствительность к той мути мертвящего потока эгоизма, который живет в них и вокруг них и который они втащили в жилище ученика, люди глубоко уверены в своей правоте и уходят раздраженными, уколотыми в своей гордости за ту якобы холодность, которую они встретили в ответ на свою «откровенность» в жалобах и стонах.

Каждый из учеников, идущих путем любви, натывается десятки раз в своем трудовом дне именно на эти встречи. Как драгоценные перлы среди навозной кучи, находит он случаи истинного горя, где всю свою любовь спешит освободить и раскрыть человеку его собственные глаза на сокровища его живой Любви, им в себе носимой.

Ученик пути любви – это чистый, стоящий у грани совершенства, который победил в себе все страсти. Это тот, в ком уже нет его личных качеств и достоинств, но в ком ожили и движутся все аспекты его Единого. Такой ученик, поскольку в нем движутся все аспекты Единого, уже не только единица всей вселенной. Он – единица Вечного Движения, очищенная от самолюбия и несущая на землю радость одного человеколюбия.

Как ты представляешь себе, друг, какой устойчивости должна быть гармония такого существа? Что за силу должен нести в себе такой ученик, чтобы выносить ежесекундные удары встречных аур и не разбиваться от дисгармонии встреч?

Силы воли такой нет. Есть только одна сила: неразрывное слияние со всей Единой Жизнью. И так как у ученика на пути любви уже побеждено все от самолюбия и горит немигающим огнем все от человеколюбия, то никакие удары и наскоки эгоистических аур не могут разбить его гармонии. Дух его – огонь. И не только потушить, заставить померкнуть, но даже колыхнуть его пламя не могут все усилия злых, вся муть и жалобы ищущих земных благ и благополучия, но утверждающих, что ищут Света и путей его.

Таков дух ученика Любви. Но плоть его – живущая по законам земли скорлупа

– нередко бывает раздроблена, страдает тяжкими болезнями, вбирая в

себя злые и раздраженные огни встречных.

Среди всех ученических путей есть много случаев заболеваний плоти. Среди пути любви они чаще. Только немногие люди, особенно подготовленные владыками карм для задач служения человечеству в течение веков, могут держать в повиновении плоть и проходят свой урок векового труда в полном здравии. Но они и иначе воспитываемы и оберегаемы высшими способами знаний, которых тебе в эту минуту твоего развития не понять.

Итак, сейчас тебе ясно, что путь любви – это не сентиментальное коленопреклонение перед теми или иными грехами или бедами людей. Не утешение леденцами плачущих младенцев. Но великая миссия помощи раскрывания в каждом из встречных его страстных пелен, окутывающих грязными и мрачными пластами живые частицы Единого, в человеке живущего.

Путь любви был бы невыносимой пыткой и приводил бы к мгновенной смерти каждого ученика, если бы в самом ученике могла еще жить хоть капля эгоистического «Я».

Но уста любящего раскрываются улыбкой милосердия всюду, где он мог вобрать в себя мутную волну плачущего встречного и проколоть его плотные покровы до самого сердца, чтобы ввести туда каплю своего Света. И никогда безнаказанно для плоти ученика не проходит переливание его духа в другое сердце. В каждую из таких встреч он вбирает в себя – в свои нервы, в свою кровь, в свое сердце – поток грязи и скорбей встречного. Их тяжкий яд и смрад остаются в его теле, облегчив встречного.

Кроме этой тяготы, путь любви имеет и еще тяжелую сторону. Очи духа ученика давно прочли до дна все раны человека. Давно поняли среди его мигающих и коптящих огней все его возможности, всю правду и всю ложь, все величие и всю мелочность его существа, а многоречивый жалобщик все еще на все лады разливается, стараясь выказать себя, как можно чище и возвышеннее, описать красочнее свои страдания.

И здесь спасает ученика Его полная невозможность ощутить что-либо как раздражающее или возмущающее начало.

Ученик любви уже не может двигаться и жить по законам одной земли и ее человеческой, узко понимаемой земной справедливости. Он – как живая единица Движущейся Жизни – живет по мировому закону: Целесообразности.

В иные моменты, когда эманации людей делают чашу ежедневного труда ученика чрезмерно тяжелой и дух его страдает под ними не менее плоти, к ученику всегда спешит на помощь один из ближайших к нему

Учителей, хотя бы он и не был его личным Учителем или поручителем.

Эти мгновения особо отяжеленной чаши – всегда новая ступень пути ученика к Свету и совершенству. Каков бы ни был путь ученика, где и как бы он ни двигался в своем служении ближним, эти мгновения горестного прохождения ступеней совершенства неизменно сопутствуют всем ученикам.

Ты недоумеваешь. Ты уже понял важнейшее духовное правило: «Знать – это значит уметь». И рассуждаешь по земной логике, логически правильно. Раз ученик «знает», ему легко и действовать. Это будет правильным в том случае, когда все страсти ученика перешли в силу радости. Тогда и ступени, кажущиеся самыми тяжкими, становятся все легче и наконец не замечаются и не ощущаются учеником иначе как особенно яркие приливы радости.

Но к этому состоянию духовной мощи, как я тебе уже сказал, приходят те ученики, в ком ожили и движутся все аспекты их Единого. Тогда духовное «знать» значит «уметь».

Путь любви несет каждому встречному примиренность – это его особая черта. И именно этой особенностью наиболее ценен путь любви среди всех путей ученичества.

Не ту любовь цени среди своих встречных, где люди будут петь восторженные гимны своему Богу, Учителю, друзьям или плакать и пылать преданностью к тебе. Такие любящие мало ищут на самом деле отдать, а ревниво следят, не мало ли им воздадут наград за их верность.

Цени и сей любовь ту, где встречный не нарушил мира чужого дома, не раздражил и не досадил чужому сердцу. Ты перешел сейчас из жизни стучащего и ищущего в ряды тех, кому открылось и кто нашел единственную тропу Жизни среди миллиона иллюзий.

Но не считай, что в психике ученика что-то меняется именно в тот момент, когда он видит и находит Учителя. Я говорил тебе нашу пословицу: «Готов ученик – готов ему и Учитель».

Давно уже я давал тебе знать о моем присутствии. Давно я прислал к тебе старика-странника, который обучил тебя языку пали. Но тебе и в голову не приходило прислушаться к его рассказам внимательнее и глубже.

Учился ты охотно, так как тебе хотелось прочесть старинные книги, случайно купленные в нищей горной хижине, предназначенные к уничтожению. Но скептицизм мешал тебе вникнуть в слова старца, в его рассказы об Индии. И ты, недооценив, не отдал должного внимания встрече...

Рассказывая тебе теперь о трудностях пути, я обращаю твое особое

внимание на черту скептицизма в человеке. Тот, кто не может верить, чувствовать, быть преданным своему Делу до конца, тот не может быть вовсе учеником. Сколько бы с ранней юности человек-скептик ни искал Бога и путей Его, Учителя и встречи с ним, раз он не умеет быть верным до конца, все его поиски напрасны. Одной рукой он будет искать книги, переписывать слова Мудрости, а другой – в своей деятельности простого дня – разрушать все доски моста, что ведет к этой Мудрости, к Учителю, к живому небу.

Мост, по которому идут к Учителю, каждый строит себе сам. Из собственного сердца он вырастает и тянется так далеко, как велика верность человека. Мост сердца каждого ученика обязательно коснется другим концом сердца Учителя. И связывает оба конца верность ученика.

Представь себе теперь образно, может ли человек-скептик выстроить такой мост из своего сердца, если дух его постоянно разъедается сомнением?

Я прислал тебе старика. Почему же ты ему не мог поверить до конца? Ты был полон иллюзий о необычайной пышности Учителя. Ты не мог понять первоначальной истины: «Никто тебе не друг, никто тебе не брат, но каждый человек тебе великий Учитель».

Предрассудок, когда ты желал видеть Учителя в славе и почестях, в чудесах магии и внешнем великолепии, мешал тебе увидеть в нищем старике моего гона. Ты пойми навсегда, что наш гонец не кричит на базаре. А нужно нам – и муравей гонцом будет.

Сейчас, в эту минуту, от твоего скептицизма не осталось и следа. В твоём сердце устойчиво горит энергия верности. Но разве это случилось именно в эту минуту? Разве месяц назад, спасая девушку от пьяной ватаги бандитов, бросившись один на пятерых на плохом скакуне, ты не прошептал: «Учитель, ко мне»? И я услышал твой зов, я послал тебе мою помощь, ветер ногам твоего коня, мощь твоей разящей руке, робость и ужас в сердца разбойников...

Перед каждым из учеников луча Любви стоит не только дракон сомнений, но еще и дракон доброты.

Обычно, по обывательским понятиям, «добрый», то есть ложно добрый, не может пройти ворот испытаний, ведущих вообще к пути ученичества. Истинно же, по общим понятиям, «добрый» не победит ворот, ведущих к лучу Любви. Он победит дракона скептицизма и сомнений, но перед драконом доброты остановится.

Чтобы нести по серому дню чашу любви, надо носить в сердце и переливать в действия дня не простую обывательскую доброту и даже не

простую настоящую доброту, необходимую в каждом луче, но доброту ту, высшую, доброту-Мудрость.

Чем же разнятся эти две доброты? Что присуще каждой из них? Обе они – действие милосердия. Но там, где простая доброта будет искать возможности утешить и успокоить, доброта высшая прочтет весь путь человека: его вчера, его сейчас, его завтра – и будет искать наиболее активного приспособления пробудить в человеке его энергию не только земного восприятия фактов, но и связи их с двумя планами, со всею Жизнью, с Вечностью.

Высшая доброта пути Любви – это конгломерат такта, радости, самоутверждения и энергии, пробуждающих силы человека. Как кипиток кипит, дух доброго в чаше его Любви. И чем освобожденное его дух, чем большее число аспектов Единого движения в его организме, тем ярче – всеми цветами радуги – переливается дух его творящих сил в чаше, производя впечатление кипящей, огненной жидкости.

Доброту луча Любви можно было бы назвать добротой предвидения. Ибо ученик, ее несущий, в одно мгновение видит весь путь, по которому можно направить дух встречного к миру и самообладанию; читает возможности его силы и мудрости и... редко гладит по головке, а чаще берет бич и гонит из сердца встречного робость, предрассудки самолюбия, рассекает узость его духовных горизонтов.

Проникая в святая святых человека, ученик любви разрывает нитку мелочных жалоб одним твердым указанием человеку на рубцы от ран, которые он нанес себе собственными предрассудками. Они легли, как горы мусора, вокруг него. Если человек может прозреть и понять, как сидит в кольце предрассудков, что сам создал, он оценивает, принимает и благословляет свои обстоятельства. И связь его с учеником пути Любви устанавливается на века. Он идет примиренный и проходит – рано или поздно – в тот духовный план, где живут в двух мирах. Если же мелочность его подавила раскрывшееся на миг Свету сердце и его порыв святой радости затухают, и встреча потухла, как фитиль от коптящего масла. И до новой драгоценной, действенной встречи могут пройти века.

На человеке такая встреча рубца не оставит. А на ученике? Была ли встреча действенной, была ли она пустоцветом, в обоих случаях на ученике остаются следы. От встречи действенной – когда устанавливается связь и человек движется к освобождению, – в ауре ученика остается лишняя звезда как действенный знак слияния Любви.

Если же ученик принес безрезультатно свою чашу Любви к устам, ногам и сердцу человека и встреча осталась мертвой, на всю его

дальнейшую жизнь легла связь этой неудачи. И на странице его книги Жизни появится вековая запись о невыполненном долге. И до тех пор, пока в новой встрече, а иногда и в целом ряде встреч ученик не достигнет творческого результата и не сумеет повернуть дух встречного к Свету и миру, листы его книги Жизни все будут оставаться склеенными его невыполненным обязательством.

Вдумайся во все то, что я тебе сказал, и никогда не набирай долгов и обязанностей, которых на тебя никто не возлагал.

Тебе не совсем ясно, почему так строг и неумолим в ученичестве закон добровольного послушания. Если бы этот закон не был беспрекословен и не оберегал бы учеников, они закабалили бы себя на века в совершенно бессмысленные обязательства, которых, по неведению, набрали бы сверх всякой меры.

Главное, без чего нельзя нести чашу Любви, – это мужество в сострадании. Человеку кажется, что сострадание – это пуховая подушка под больную голову, а ученику видно, что это лезвие ножа. Боль временная спасает от верной и вековой гибели. Не слово нежности и слеза, но бесстрашие и слово, помогающее мужественному раскрытию духовной ошибки, указание на задачу веков, а не на крошечный кусочек земного воплощения. Задача «встречи» ученика – это умение найти в себе и встречном такие приспособления, которые помогли бы обоим зажечь в себе огонь мира и мудрости и слить их в один общий костер гармонии, куда нить Учителя льется неудержимо.

Ученик, всегда ставящий на творческом мосту сердца образ своего Учителя, должен победить в себе все личное восприятие вошедшего к нему человека. Только крепко держа руку Учителя, видя через Его глаза то Вечное, что облечено в форму данного мгновения и вошло к тебе как человек, ты – мой ученик – сможешь быть действительно полезным своему собеседнику.

Представь себе, что к тебе вошел старик, которого ты давно знаешь, с которым когда-то ты был близок и дружил. Но когда между ним и тобою легли годы твоего усиленного духовного роста, они прорыли между вами огромное пространство. Ты двинулся в совершенно иное колебание волн; их частота и длина открыли тебе новые звуки, новые краски и формы. Но эти достижения пришли через твой – индивидуально неповторимый и недоступный для другого – духовный путь. Ты не можешь ни передать его, ни объяснить твоему старому другу, который, быть может, тоже двигался по своему пути освобождения, но не мог вступить в фазу твоего раскрепощения и развития.

Унылая картина недовольства тобой твоего старого друга – почти всегдашний финал земных дружб, основанных на обоюдном непонимании до конца того, что такое дружба, во имя чего она заключается, в чем ее ценность для всех людей.

Дружба, заключенная только потому, что один одинок и не имеет сил нести свой день радостно и легко без физической подпорки своим духовным силам. А другой не может удержать в сердце своих восторгов от духовных движений и должен переливать в чьи-то уши и сердца поток «своего» света. Эта дружба всегда приходит к определенному финалу, ибо уже в самом зачатке носит в себе крах.

Не Свет в путь другого нес каждый из сдружившихся таким образом. Каждый из них видел не Единого огонь, не жаждая вливать как можно больше спокойствия в день другого, чтобы в нем росла сила Света, не мигала и горела ровным огнем. Каждый из сдружившихся искал подкрепления лично себе, а Единый болтался как брелок среди тысячи таких и иных бирюлек, служивших манками этой дружбе.

Бывает и еще род дружбы, где преданность доходит до фанатизма. Один спешит выполнить желание другого, но всегда ждет, чтобы другой наградил его за эту преданность. Здесь так же очи слепы, и так же ни один из друзей не может встать в совершенно бесстрастное и беспристрастное отношение к делам и действиям другого. Здесь тоже не у ног Учителя бьются сердца, чтобы жить только в творчестве Вечного, в двух мирах, но в мире только одной земли.

Я совсем не говорю о тех бесчисленных случаях уродства, называемого дружбой, где главным звеном живет требовательность к людям. Об этом, как и о любви, основанной на требовательности, говорить не стоит. Это еще та низкая ступень духовного развития, где ни о каком ученичестве, ни о каком Свете на пути и речи быть не может. Это еще преддверие, где только начинают зарождаться высокие человеческие чувства самоотвержения и преданности, но которые выливаются в действие как эмоции и порывы и никак не переходят даже в силы, не только в Свет.

Что же такое дружба учеников? Это простая и высшая доброта, лишенная условностей и предрассудков. Если ученик принес другу своему помощь в его трудном Дне, – он нес ее не ему как таковому. Не своею рукой, от своих щедрот, но нес как гонец Учителя, ибо был им послан и нес его дар встречному.

Если он брал на себя обязательство перед другим, он брал его не на себя, а на весь круг невидимых помощников и защитников, то есть он был гонцом двух миров и выполнял задачу живого неба на земле. Сам же он

только таким гонцом живого неба себя и ощущал, забыв, что между ним и его другом была целая куча условных перегородок, называвшаяся социальным положением, годами, бедностью, богатством и так далее.

Дружба учеников не может состояться по заказу, потому что оба идут ученическим путем и «надо» развивать – от ума идущее – дружелюбие. Каждый из учеников, если он действительно стоит в своем дежурстве перед Учителем, понимает все неисчислимое множество путей Света. Поэтому он знает, что нет никакой возможности сблизиться с теми из учеников, что идут путями строптивцев.

Это совсем особый путь, и в данной точке твоего развития ты не сможешь ухватить, почему и как люди приходят к этому пути. И я упомянул о нем только для того, чтобы ты знал и понимал, как часто ты будешь наткаться на людей, очень высоко развитых, но с которыми сблизиться – не только сдружиться – ты не сможешь.

В начале ученичества и самому ученику, и очень многим из окружающих его, знающих о его ученичестве, кажется, что он должен стать чуть ли не святым по своей доброте, выдержке и такту. Но этого легкомысленно и самому от себя требовать, и другим с ученика спрашивать каких-то экстренных перемен.

Это так же легкомысленно, как воображать, что смерть физического тела вносит какое-то ураганное изменение в дух человека и он становится или святым и идет в рай, или грешником и идет в ад, покончив в одно мгновение счеты с прежней жизнью. Нет ни рая, ни ада. Есть все та же Жизнь, продолжающаяся в облегченной форме, так же точно, как нет революционных толчков в пути ученичества. Все толчки, все взлеты и падения – это преддверие ученичества.

Каждое глубочайшее переживание вталкивает человека в ущелье, где он мечется во тьме, пока не увидит светлеющих ворот впереди. Увидя, он идет к ним по тропе той ровности, какую создал сам своею Мудростью в период метаний и страданий.

Что необходимо ученикам, чтобы между ними засияла дружба? обоим стоять в верности перед лицом Учителя. В верности до конца. Это единственное условие. Остальное не играет роли.

Но путь строптивца и здесь исключение. Строптивец может быть верней всех верных, и все же он пройдет свой путь земли не приобретя себе ни одного друга, и по тем или иным поводам со всеми перессорится.

Проверяя свой день дежурства, бдительно – бдительнее всего остального – разбирай свои ошибки такта. Многое можно упустить в труде дня, многое можно не довести до конца, но есть три момента в поведении

ученика, где ошибок допускать нельзя. Эти моменты – с первого дня ученичества – должны стоять в центре внимания: такт, обаяние манер поведения и отсутствие язвущего слова в речи.

Для ученика первой ступени уже не может существовать духовной розни, как разъединения с кем бы то ни было. Конечно, я не говорю об учениках луча Любви, где нужно уже высокое духовное совершенство, чтобы двигаться в этом луче, атмосфера которого выше и более давяща для людей, чем атмосфера прочих лучей. Но для каждого ученика уже нет возможности зацепиться за чужой грех или страсть, как бы он ни был внешне не выдержан. Внутренне каждый принятый в ученики непременно член слиянного тела Единой Жизни.

Но будучи вполне доброжелательным внутри, ученик может быть лишен такта. И тогда при его продвижении вперед со всех сторон, как цепи, сплетенные из шипов роз и акаций, встают внешние препятствия. И он может, раскрывшись во всю полноту сил Мудрости во многих отношениях, превосходя знаниями и внутренним совершенством многих и многих, все стоять на месте в своей первой ступени.

Что бы ни делал в своем простом дне ученик, – если он ежедневно не достигает успеха во внешней форме подаваемого дела; если такт его развивается плохо, вернее сказать, и не развивается и не повышается, он мало успел в дне перед Учителем, хотя бы наделал много дел, по мнению людей.

В манере внешней подачи своего дежурства ученик никак не может идти в сравнение с обывателем. Нельзя сразу дойти до обаяния, если оно не дано как дар природы. Но можно бдительно следить за отсутствием неряшества в доме, безобразия в платье и белье, чавканья во время еды, за порядком пуговиц и тесемок, и так далее.

Каждая встреча, где была одна внешняя лицемерная вежливость, а в душе думал: «Скорей бы ты ушел», была таким же выпадом из дежурства, как и встреча, где ты подал ковш добра, но раздражился или был неприятен в обращении.

Третий момент – язвущее слово, которое сорвалось с уст ученика, должно показать ему самому его неполное доброжелательство. Следовательно, надо понять, что в такой момент человек не только выпал из ученического дежурства перед Учителем, но и выпал из единения со всеми кольцами невидимых сотрудинок.

Как развить в себе бдительное внимание к этим трем, наиважнейшим в самодисциплине приспособлениям?

Если ты будешь давать своему вниманию эти три задачи как таковые,

то весь твой трудовой день пройдет еще более затрудненным, чем тебе подали его твои обстоятельства. Но если ты будешь просто стоять в своих мыслях рядом с Учителем и будешь действовать, все время ощущая себя в Его присутствии, то никаких специальных задач твоей бдительности тебе прибавлять не придется.

Кроме того, каждому неوفиту в его первых шагах дается всегда такое большое количество невидимых покровителей, следящих за всеми его действиями, что ему проходить свои первые шаги сравнительно легко.

Перед тобой, мой друг, лежит еще много рубликонов, но один из них важнее всех. Вот он: ты привык к полной независимости, к полной свободе передвижений, к поискам Истины без всяких направляющих тебя рук. Теперь, если беседы мои всколыхнули в тебе огонь творящего духа и сердца; если ты понял меня и поверил мне, иди за мной, но иди так, как буду видеть и указывать тебе я.

Я объяснял тебе, что закон беспрекословного повиновения, добровольного, не создан в ученичестве, чтобы давить волю ученика; но чтобы защищать его от чересчур рьяного его же желания служить всем и каждому и – по недостатку знания – набирать долгов и обязательств свыше меры. Этот закон ограждает ученика от разбрасывания. Он помогает ему стойко и радостно стоять у тех мест, где его поставил Учитель, и не бегать от одного места к другому только потому, что кто-то ему прокричал, что он нуждается в его помощи больше другого, и надо все бросить и бежать оказывать помощь именно ему.

Ученик в дне своего дежурства у Учителя должен сознавать себя стоящим на страже с примкнутым штыком именно у того порохового погреба, где его поставил Учитель. Он не может перебежать с места на место. Если же получит указание Учителя переменить место, даже изменить весь метод или путь, – то здесь указаний мелочного характера ждать не должно.

Надо самому понимать, что у порохового погреба не годятся подошвы с гвоздями, а по горам не карабкаются на резиновых подошвах.

В ученичестве нужна наибольшая самостоятельность в активных действиях простого дня. И в этой самостоятельности необходимо научиться развивать все свои качества и приспособления для действий на земле среди людей самых различных положений, характеров, развития.

Сейчас тебе ясно, что такое путь ученического освобождения. Доведи понимание до конца. Не обязанность или кабалу монастырского пострига берет на себя ученик. Но вступает в новую, широкую и радостную полосу знаний, которые ему подает чья-то любовь, услышавшая призыв его

чистого сердца. В следующий раз я скажу тебе о пути скорби».

Запись брата снова обрывалась, и, очевидно, между прочтенными мною только что и следующими строками прошло какое-то время, так как и чернила и манера письма были разными.

Я был так поглощен словами записи, так глубоко поражало меня ее содержание в связи с пережитым мною самим, что я не замечал, как летело время, как Эта принимался самостоятельно утолять свой аппетит и как за окном стали спускаться сумерки. Я перевернул страницу и снова стал читать.

«Оставшись один, я не сразу пришел в себя. Мне все казалось, что я слышу низкий, с характерным тембром голос моего чудесного гостя.

Странно я себя чувствовал. Вокруг меня в комнате стояла тишина, даже буран за окном, казалось мне, выл как-то мелодично. Но тишина впервые в жизни показалась мне не мертвой и молчащей, а говорящей, поющей, сияющей!»

О, как я понимал сейчас эти слова брата Николая! Для меня так недавно стало красноречиво говорящим молчание природы. Так недавно я понял голос безмолвия, так недавно ощутил жизнь цветов, трав, деревьев...

Моя мысль снова перенеслась к жизни брата-офицера. Я опять подумал, как трудно, вероятно, было ему жить среди духовно и умственно убогого окружения. И какими же необычайными духовными силами должен был обладать сам мой брат, чтобы дойти самостоятельно до встречи с Али. А что это был именно Али, в этом я теперь уже не сомневался.

Многое вспоминалось мне из слов и действий брата, что только сейчас я связывал в стройную нить образов, все яснее понимал, кто был брат Николай и как я подле него жил ряд лет, даже не предполагая, подле человека какой высоты я нахожусь...

Я не позволил себе улететь в воспоминания и стал читать дальше.

«Я стал вообще замечать в себе нечто новое: какое-то прозрение, – читал я. – Как будто бы все мои нервы стали восприимчивее, слух тоньше, глаза видят зорче. Это очень странно и удивляет меня самого. После бесед с моим чудесным другом очертания его фигуры остаются надолго запечатленными в моей памяти, и мне все кажется, что я вижу какое-то светлое облако на том месте, где он сидел.

Я мало начинаю сознавать время моего пребывания здесь и замечаю только, что я вдруг прихожу в себя, точно с неба сваливаюсь, потому что немой слуга прикасается ко мне и дает мне понять жестами и улыбкой, что надо есть или спать, или пройти к коням или еще что-либо.

Странно – более странно, чем что-либо другое, – но я стал понимать

совершенно точно, что мой слуга совсем не немой. И второе – я стал читать решительно все его мысли, точно его голова связана с моей нитью движущихся образов. В первую минуту меня это поразило, и я остолбенел, смотря в лицо немого. Но заметив искорки юмора в его глазах и плутовскую улыбку, с которой он смотрел на меня, я пришел в себя.

В эту минуту я отдаю себе отчет еще в одной новой, открывшейся во мне силе: я твердо знаю, когда придет «Он», мой чудесный друг. И не только знаю, когда придет, но когда он еще далеко и только идет. Но ни разу мне не удалось подметить самого момента появления моего гостя. То ли от слишком напряженного ожидания я утомлялся и засыпал, то ли я чем-либо рассеивался. То ли меня отвлекал своим говорящим молчанием слуга, но каждый раз я вздрагивал, совершенно неожиданно встречаясь взглядом с незнакомцем.

Огонь его глаз все так же приковывает меня, но теперь я уже не страдаю от невероятного давления его чистоты, которая так же превосходит меня, как недостижимая чистота и любовь Бога.

И на этот раз я не уследил, когда и как он вошел: я поднял глаза и увидел его сидящим на обычном месте, но еще более ярким и ясным, чем накануне. Он сразу стал говорить, очевидно, также не нуждаясь в условном приветствии, как не нуждался в нем я, ибо все мое существо не только жадно ждало его но я с ним и не разлучался, впитывая в себя брошенные им мне мысли.

«Сегодня я хочу тебе сказать о величайшем из путей ученичества, о пути скорби.

Прежде всего, что есть путь скорби? Это не самый способ проходить свое освобождение. Это великая самоотверженность тех людей, кто решается идти по земле вестником скорби, неудач и несчастья для всех тех, куда его пошлют владыки карм и рука их Учителя.

Какой смысл пути скорби для людей? По верованиям христиан, Христос сошел в ад, чтобы спасти души грешных от вековой гибели. Его сошествие в ад было прогнозом христианства, оно принесло новому человечеству закон кармы и развеяло иллюзию добродушно-морального равнодушия к текущему моменту жизни, к тому «сейчас», которым живет человек, которое можно прожить бездейственно, положившись на Провидение.

Активная энергия, принесенная людям Христом, выдернула из-под ног невежд основную опору лицемерия и подала пример действия «до конца», действия личной Доброты и любви.

Принести грешным можно только весть пробуждения, и именно она

одна и будет вестью спасения. Но принести кому-либо самое спасение, в котором человек будет только кулем, плохо поворачивающимся и жалующимся на неудобства своего положения, – эту иллюзию разбил Христос.

Его миссия – пробуждение человека к его полному духовному росту. Он живет и по сей час, живет, движется и творит руками и ногами человеческими. Каждый из учеников скорби – Его ближайший сотрудник, Его первоначальное орудие, через которое идет начало формирования духовного пути целого ряда людей.

Гонец скорби – это всегда одаренный огромным количеством талантов, никогда не средних способностей человек. Это последняя стадия перед новым воплощением в образе гениально одаренного.

В пути скорби, как и в каждом пути, есть много ступеней. Одни из учеников скорби, более развитые духовно, идут в полном знании своих сил и несут людям скорбь, не страдая сами от ударов, вестниками которых приходят, и приносят оливковую ветвь мира в руках. Такие ученики, ударяя встречных, льют им мир и силы не только пробудиться и прозреть, но и выйти в новую жизнь, научившись, любя побеждать.

Их младшие братья по труду идут, не зная сами, что идут путем скорби. Они замечают, что их приближение к людям, их любовь, их дружба разрушают благополучие людей. Путем больших страданий они научаются побеждать в себе страх нести горе людям. Их талант помогает им прорваться тем или иным, способом к знанию, они встречают Учителя, и тогда для них начинается путь Света.

Сознание их раскрепощается до конца, и входит успокоение в их потрясенный организм, и ученик скорби идет дальше уже легко свой путь. Он понял, принял и благословил все свои обстоятельства, которые считал раньше трагическими. Благодаря полному пониманию, что нет отрезка жизни – воплощения, а есть только Вечность, влитая в данное «сейчас», как в форму воплощения, ученик начинает и всех своих встречных воспринимать только как отрезки Вечности.

Стоя сам на дежурстве у Вечности, ученик скорби начинает воспринимать все печали временных форм как радость, понимая, что внешние пути человека, весь смысл его текущего дня – скорее достичь освобождения. Короче, проще и легче сбросить мертвящие пелены восприятия жизни как формы одной земли и начать действовать как живое сознание двух миров.

Перед тобой мелькает ряд лиц, живущих в самых разнообразных условностях. Ряд, вереница рождений, вереница смерти. Ты живешь в

атмосфере длительной, жестокой войны и знаешь, что из-за каждого уступа гор тебя может встретить вражья пуля.

Зачем, казалось бы, тебе, человеку высокого духовного развития и исканий, человеку огромного образования, чьей эрудиции нелегко сыскать равную, человеку ума и таланта исключительных, зачем тебе жить под постоянной угрозой смерти? Среди кретинов и убийц, среди тупых и развращенных, с которыми тебе приходится встречаться несколько раз в день?

В ученичестве нет вопроса внешней справедливости, которая всегда спрашивает: зачем и почему? Между обывательской трактовкой «счастья» и трудом ученика – трудом любви и мира – такая дистанция, как между дикарем, не отходившим от своего поселка дальше десяти миль, и культурным человеком.

И даже это сравнение мало поможет тебе понять свои и чужие земные обстоятельства, если глаза твои не потеряли способности плакать, уши могут еще воспринимать оскорбления и язык может еще выговорить язвящее слово.

Пока эти свойства в тебе еще живы, ты не будешь иметь сил держать в руках чашу твоего Учителя, что взял на себя совместный труд на земле с тобою.

Перенесись теперь со мной из этой маленькой комнаты, где мы с тобою сидим, из твоих привычных обстоятельств, из забот о брате, из атмосферы войны и постоянных стычек с горцами с Кавказа в мировое поле деятельности жизни.

Что остается в тебе сейчас незыблемым? Что видишь ты в окружающем тебя свете? Ты видишь только две вещи, плодом которых является земля и все на ней: любовь и труд.

Любовь творит непрестанно. И ее труд, не отделимый от Нее, двояк. Она трудится, подымая людей в высокий путь и помогая им совершенствоваться. И она же переливается действием как их труд на земле, сближая людей, единя их, срачивая их, как цветы и плоды, для будущих поколений.

Среди тысяч и тысяч движущихся в беспорядке и суете форм – мигающих, чадающих огней – ты видишь отдельные ровно горящие огни, видишь даже целые очаги, горящие кострами ровного огня.

Что это? Почему одни – большинство – огни мигают и наполняют смрадом все вокруг себя? Почему отдельные огоньки не гаснут среди этих болотных огней? Почему не сжигают все вокруг себя горящие столбы и костры пламени?

Дрожащие, мигающие огоньки – это трудящиеся в потоке страстей и пониманий одной земли. Все воплощения этих людей не идут в счет, ибо никто из них не понял, что стоит у Вечности. И труд их, совершенствуя их личность, не мог разбить перегородок условности и не вошел в их вечное, духовное творчество. Дух их оживотворяется личной любовью, редкими порывами самоотверженности, порывами к красоте, вспыхивает мгновениями и сейчас же погружается вновь в скорлупы личности.

Еще ты видишь совсем мелкие, едва тлеющие точки. Присмотрись: одни из них светятся слабо, но ровными крошечными огоньками, – это животные. Другие мечут молнии. Это дикие животные, а также потухшие человеческие сознания. Сейчас ты не сможешь отличить огней диких животных, брызжущих снопами красных искр, от темных, потухших сознаний, извергающих тоже искры и зигзаги молний. И те, и другие для твоего взора сейчас одинаково отвратительны и одинаково смрадны.

Смотри теперь на сияющее широкое поле этих ровных огней. Это кусочек земли, очищенной людьми от слез, скорби, страданий. Это место, где живут знающие. Знающие, что земля есть жизнь труда, в котором изживаются все страсти и через который входят в Вечное. Это место счастливых, освобожденных от страстей, трудящихся в мире сердца.

Прожить на земле без труда – совершенно равносильно прожить без пользы и для себя, и для всей вселенной. Никому и никогда не надо бояться чрезмерного труда, потому что всякая тяжелая ноша вводит человека в привычку определенной дисциплины духа.

Есть целые массы людей, проходящих свои земные пути в чрезмерном труде. Никогда не сожалей об этих людях. Только через этот подневольный труд, труд куска хлеба, они могут выработать в себе привычку дисциплинированного подчинения. И эти зачатки дисциплины труда переходят со временем в их духовное зерно. Только тот человек может развить в себе всю духовную мощь, который сам, без посторонней помощи, смог заложить основу своего духовного зерна в своей текущей земной форме. И для этого он должен непременно дойти до героического напряжения. Должен сделать его привычной формой труда для себя, затем привести свой организм в стойкость самообладания, чтобы его труд стал ему легок и, наконец, подняться к той гармонии в себе, что дает ощущение всего дня не трудным, но прекрасным.

Только с этого момента раскрывается человеку возможность понимать, что «день» – это то, что человек в него вылил, а не то, что к нему пришло извне. И чем устойчивее он становится на эту платформу, тем яснее его взор видит и понимает, что все «чудеса» он носит в себе. Он перестает

ждать и начинает действовать.

Вернись снова к собственной жизни в маленькой комнате. Теперь ты понял, что никто не может быть забыт или оставлен, никому не может быть чего-то «недодано», ибо каждый – властнее всех властей, яснее всех стекол для огней и звезд – заявляет о своем духе. Каждый сам занимает свое место во вселенной

– от зерна до полной его мощи, и никто не может его заставить ни гореть ярче, ни тухнуть, ни мигать, кроме самого человека.

Зачем же лично ты сейчас живешь в таком неподходящем для тебя окружении? Помешало ли оно твоей встрече со мною? Замедлило ли оно нашу встречу?

Ты изумлен моими вопросами. Ты ни разу не только не высказал неудовольствия, что живешь среди полукретинов, но даже и не спрашивал себя: почему ты заброшен в такую глушь? Тебя только и слышали небеса благодарящим за красоту, в какой живешь, но ненависти, зависти или недоброжелательства твоего никто не слышал. Что могло бы мешать неустойчивому, то только крепило твою честь. Чем больше ты видел казнокрадов, разбойников, обманщиков и лицемеров, тем крепче ты сам понимал честь и честность, тем яснее тебе становилась ценность каждого слова, которое ты произносил, тем больше ты искал возможности пробудить во встречном понимание величия Жизни. Ты рос в своей пьяной, угарной и шаткой среде, а не разлагался в ней. И все, что был в силах, ты крепил и очищал своим живым примером.

Теперь тебе ясно, что твое смирение внутри самого себя и твое смиренное отношение к окружающему тебя, твое полное благословение всем своим обстоятельствам и целомудренное искание Бога не в созерцании, но в труде Дня ускорило нашу встречу, укоротило твой путь ко мне.

Разлука с братом, которого ты так любишь, не потому придет, чтобы тебе нанести рану, но потому, что ему должен открываться путь ясновидения, которому ни ты, ни даже я, помочь не можем.

Он сам должен пройти свой огонь труда, и чем выше ему идти.– тем сгущеннее будет та завеса страданий, через которую он должен пройти. Его путь – путь ясновидения, третий тяжелый путь среди путей ученических. О нем поговорим завтра».

Запись снова прерывалась, и через несколько пустых строк я снова читал:

«Ты понял меня правильно: в пути ученичества все идет строго логично, но логические законы духа совершенно не схожи с законами

логики земли.

Земля, по мировоззрениям ее обывателей, несется в мертвом эфире. И этот эфир оживает для них только тогда, когда сама же земля переносит свои вести или ловит их по тем волнам, какие могут восприниматься физическими способами.

Что касается ученичества, то оно относится как таковое к тем феноменам, где физический способ восприятия и передачи играет одну из самых малозначительных ролей.

Взор ученика, даже лишенный возможности видеть дальше обычного, обладает внутренней эластичностью.

Он проникает сердечной теплотой во все существо встречного и откидывает личное свое впечатление, так как в нем огонь его собственного стремления к Высокому сжигает сразу условную суетность.

Ученик старается не слышать и не видеть тех ноющих и ранящих его стрел, которыми его осыпает встречный. Сначала ему трудно держаться на высокой волне. Потом создается привычка подставлять из своего сердца мост помощи, на котором ему сияет образ его Учителя, и, наконец, он научается, протягивая руку, всегда протягивать ее вместе с рукой Учителя. И тогда жизнь становится для ученика легкой и прекрасной.

В этой стадии у каждого ученика вскрывается какое-либо психическое дарование. Или он начинает слышать, или он видит, или в его проводнике вскрывается новый художественный талант.

Таков путь развития высших сил в человеке, перешедшем огненную стену страданий и потерявшем в них свои личные страсти. Обретая духовную мощь, он разбросал все тряпье своих старых и вновь обретенных страстей и вновь вышел в жизнь деятельности и сотрудничества с Учителем таким же нагим, каким пришел в мир, родившись младенцем. Во всех путях ученичества путь освобождения для всех один.

Но третий из труднейших путей – путь ясновидения – не подчинен этому закону. Этот путь созревает в веках. Он неоднократно бывает выносим человеком на землю и в каждое воплощение по-разному. В зависимости от вековой кармы человек или с младенчества несет дары слуха и зрения, или только под старость раскрывает в себе их, или неожиданно в юности поражает внезапностью своих даров.

В самых разнообразных формах льется дар человека. И тяжесть и ответственность дара всегда разделяет с человеком его Учитель. Высокая сила духа ясновидца далеко не всегда проявляется вся в каждое воплощение человека. В зависимости от того кармического звена, которое человек несет, в зависимости от связи с окружающими данного

воплощения та или иная часть выражается яснее.

Идущему путем ясновидения неизбежно встречаются две труднейшие задачи: или ученик идет в гуще и пламени страстей и должен в них жить ежедневно, очищая с большим трудом самого себя и путь себе, или он воспитывается специально покровительствующими ему высокими помощниками.

В первом случае ученик предназначен для труда с Учителем на одной земле, для каждого серого дня среди трудящихся людей. В самые тяжелые дни через него устанавливаются очаги помощи тем, кто хочет и ищет освобождения и не может выбиться самостоятельно в свой час земных страданий.

Для ученика-ясновидца, не представляющего собой ничего особенного по сравнению со способностями и дарованиями всех его окружающих, наибольшая тяжесть состоит в том, что ему приходится общаться с людьми, неустойчивыми и туго воспринимающими жизнь в двух мирах.

Их постоянная требовательность к людям-ученикам, которых они считают себе слугами и обязанными быть внимательными к их требованиям двадцать четыре часа в сутки, нередко разбивает здоровье гонца Учителя, не имеющего физических сил выдерживать наскоки беспокойных аур окружающих. Беспрепятственный трепет всей ауры ученика разрастается в столб огня только в том случае, когда Учитель защищает его своим плащом, становясь между ним и людьми как защитный буфер. В этих случаях Учитель тем или иным путем связан с учеником всегда.

Почему и для чего я тебе все это говорю? Чтобы ты был уверен и спокоен о судьбе своего брата. Он пойдет под покровительством высоких воспитателей. И твоя роль – роль брата-отца – была тобой правильно понята и выполнена. Теперь она кончена.

Когда Учитель говорит человеку, что роль его в том или ином месте кончена, что карма его в тех или иных отношениях закончена, надо понимать, что ясновидению Учителя открыты до конца пути ученика.

Что представляет собой ясновидение Учителя по сравнению с той каплей знания, что имеет в своем распоряжении ученик?

Каждый из учеников, сосредоточиваясь в моменты своего духовного созерцания, отлично понимает огромность расстояния между сознаниями обоих и недостижимость для себя точки зрения Учителя. И тем не менее, получая весть через гонца, очень часто он непременно старается поправить те места, где ему хотелось бы видеть свой собственный образ иным.

Если надо, чтобы он узнал, что карма его с теми, кого он любит и предпочитает, кончена, и ему дается это знание, он все же упрямо будет

настаивать на том, что карма его старая, что он связан вековыми нитями, как будто в старой карме есть нечто привлекательное и драгоценное. Все старые кармы, где поистине есть что-либо важное и драгоценное, всегда ощущаются только как сияющее счастье и не носят в себе никогда психических заболеваний.

Люди от ума, ищущие пути освобождения, не ищут Бога в людях, которым служат в простоте, но долг своего усердия прилагают к труду подле них. Потому они устают, раздражаются, убегают отдыхать и так далее. И они же, получая весть-зов, указание и задание, не имеют сил вступить сразу героически в указанное им новое дело или положение, ждут, чтобы в них что-то само созрело, а на самом деле проверяют весть гонца. И часто труд всего воплощения пропадает, указанная задача, не подхваченная мгновенно, остается невыполненной, и карма, в которой надо было освободить своего старого должника, закрывается плотнее раковины улитки.

Помимо обычных трудностей всякого ученического пути, путь ясновидения имеет несколько особенностей, не свойственных другим лучам. Перед ясновидящим даже самых малых форм, то есть когда ученик является только передающим током для речи Учителя, встают три креста земных предрассудков и заблуждений:

1. Страх в самом ученике. Если этот страх не побежден до конца, то есть если верность ученика не разлита по всему его пути до конца, он боится ввести кого-то в заблуждение.

2. Мужество ученика. Если его мужество не слито с мужеством Учителя до конца, оно будет и не мужеством и не милосердием, а слезливостью и сентиментальностью. И в этой слезливости ученик не может ни видеть, ни слышать ясно того, что ему говорит Учитель. Ибо мужественное милосердие луча ясновидения всегда спокойно, нередко сурово.

3. Зрение, передаваемое ученику Учителем, сжигает в нем возможность общения в вульгарной форме обывательщины. Ученик обречен на одиночество, потому что не может нести руки Учителя по вульгарному дню, а встречные обыватели судят его как гордого и мало чуткого человека.

Эти три креста начального пути ясновидца усугубляются еще разрывом в понимании самых простых вещей с окружающими. Все те, кто приходит к ученику, живут в стадии личных чувств: «Мой дом», «Моя семья», «Мои дела и успехи» и так далее. Ученик же молит об одном: «Разорви условность моих пониманий, мешающих общению моему в огне

и духе. Сними с глаз моих телесных давящие покровы условностей любви и введи меня в силу духа, где живая Любовь сжигает всю возможность слез и страданий».

Разрыв между пониманиями ученика-ясновидца и его окружением лежит четвертым крестом на его пути. Но только до того момента, пока он не достиг полной верности. С момента его слияния и верности с Учителем жизнь его становится легкой, простой, радостной.

В твоём пути нет ясновидения как основного труда твоего дня. Но оно придет в форме чтения мыслей людей. Чем выше будут твоя чистота, честь и мир, тем яснее будет твоему взору момент духовного развития тех, с кем ты будешь общаться.

Способы передвижения людей-учеников в их духовных ступенях не зависят вообще от развивающихся в них или дремлющих сверхсознательных сил. Таких учеников, где бы выход сверхсознательным силам был закрыт, нет. Каждое духовное зерно, имеющее пламень тяготения к Свету, имеет в себе и силу пробуждения, вернее сказать, к пробуждению.

Но и здесь, как во всем пути освобождения, стоит на пути страх. Человек, проживший свою жизнь исканий в предрассудках, чаще всего сам захлопывает свою дверь к знаниям. Он боится «без Учителя» достигать каких-то новых этапов в своем развитии. Он читает в йогах о том, что можно повредить своему здоровью и мозгу в тех случаях, когда движутся без точных указаний. Но он забыл, что до того, как он сможет подойти к какой-либо ступени знания, где есть возможность раскрытия в себе сил, надо еще самого себя очистить, привести в порядок и гармонию хотя бы физический проводник, а там уже начинать думать о гармонии организма с духовными токами, которая поможет достичь первой ступени самодисциплины – самообладания.

Все в ученичестве упирается в первейшие правила самовоспитания: выдержка и такт. Когда достигнута внешняя воспитанность, побеждено раздражение и на место встали все понимания бдительного контроля над собой, только тогда явилась возможность встать в поле зрения Учителя. Огонь лампы перестал мигать ежесекундно и может быть замечен.

Бдительный контроль над собой переводит все понятия «мой» в простое понимание своего смиренного места во вселенной. И чем выше восходит человек, тем все яснее видит, как далек путь, как трудно двигаться, как мало сделано.

Только с этого момента начинается очищение организма, подводящее человека всегда к Учителю.

Страхи, что можно от упражнений в йоге стать «одержимым», – это глупые сказки старых баб о домовых или помогающих и мешающих им духах. Если в пути человека уже были попытки использовать свои силы для черной магии, для которой он тоже не имел ни выдержки, ни самообладания, то в какие-то свои воплощения он будет психически больным. И ничто не сможет спасти его от ряда страданий, ибо никто и ничто не может освободить его из закона вселенной: причин и следствий.

В пути ясновидения, более чем в каком-либо ином, надо всматриваться во все встречи. Тот, кто идет этим путем, в какой бы период ни проснулось его ясновидение и в какой бы слабой степени он им ни обладал, всегда входит в то кольцо встреч, где его жизнь переходит в иное огненное кольцо. Цвет огненного кольца каждого человека – это результат его векового труда. Здесь все тот же закон причин и следствий расчищает перед человеком не кустарник его заблуждений, но выкорчевывает огромные пни от павших деревьев греха, сомнений, измен и пошлости.

Страх предрассудочно понятых «запретов», точно также, как и постоянное обращение к авторитетам, останавливают рост духа в человеке. И именно они-то, и бывают тем тупиком, куда упираются искания человека, становясь «исканиями» в кавычках.

Больше всего мешают человеку его привычки «обдумывать» всех своих встречных, их слова, их обстоятельства, а не их действия. Когда человек соприкасается с действиями другого, он сам вызывает в себе действенные эмоции. Но когда он передвигает с места на место только умственные клетки другого, он сам живет только той половиной своего организма, где царят эмоции ума.

Ум не защищает ученика ни от разложения нервной системы, ни от утомления, ни от безумной старости. Ум изнашивает клетки организма, который может жить только в гармоничном сочетании творчества с клетками сердца и духа. Тогда он истинно живет.

Раскрытие, тайна ясновидения – это Любовь, Дух, Мудрость, влитые в организм через Кундалины. Они вливаются по-разному, разными путями и в зависимости от последних раскрывают зрение или слух, или новые таланты. Но путь раскрывания всегда один: материя невидимого Духа достигает осязаемости через мозг.

Путь – прост, действия – легки. Но целомудрие мысли, как результат Света в себе, приходит к тем, кто не радости для себя искал, но верности Учителю...»

Запись кончилась. Мне не хотелось переворачивать следующей страницы. Все, что я прочел, было так необычайно глубоко и свято для

меня. Я поглядел на спавшего подле меня Эта, и мысли мои вернулись к прошедшим векам. Теперь мне казалось, что я в первый раз понял, что это такое: действовать. Меня поразило, как я мало активен, как много моих мгновений уходит в пустоте, как много моих часов летит без смысла.

Эта встрепенулся и стал прислушиваться к чему-то. Я также стал вслушиваться в царившую вокруг меня тишину, но ничего не слышал, кроме легкого шелеста пальмы. Вдруг Эта соскочил и побежал к балкону, оглядываясь на меня и точно призывая к себе. Я встал и увидел Франциска, подходившего к моему балкону.

Он улыбался мне и сделал знак рукою, чтобы я сошел к нему. Я был счастлив, увидев это чудесное светившееся лицо. Я забыл все печальное на земле, мне показалось, что само небо улыбается мне и зовет меня к миру.

ГЛАВА 10 Ночное посещение новых мест Общины с Франциском.
Новые люди и мои новые встречи-уроки

Когда я сошел вниз, Франциск взял меня под руку и сказал:

– Пойдем, Левушка, я хочу показать тебе одну часть Общины, которой ты еще не видал.

Я предположил, что Франциск не знает, что я уже однажды провел ночь в парке и видел ночную жизнь Общины в дальних долинах и домиках, где подавали помощь странствующим страдальцам братья и сестры Общины. Но Франциск повернул в совершенно другую сторону, уводя меня по дороге к озеру.

– Уже наступает вечер, Левушка, ты пропустил ужин. Вот тебе немного фруктов и хлеба. Я захватил их для тебя. Путь наш не чрезмерно далек, но вернемся мы только к утру, и другого времени поесть у тебя не будет. Ты можешь удивиться, почему я взял тебе так мало и такой скромной еды. Но, видишь ли, в пути надо стараться есть мало. Вообще, если человек действительно ищет высокого ученичества, он должен приучить свой организм питаться так, чтобы не чувствовать постоянной и несносной потребности в пище. Нельзя думать, что, не умея покорить определенной дисциплине свой аппетит, можно достичь духовного совершенства или психического самообладания. Тот, кто не умеет уложить свой день так, чтобы питание – совершенно необходимое каждому телу, живущему на земле, – составляло строгий порядок обычного трудового дня, не может и в психике своей достичь стройной и строгой системы, ведущей к самообладанию. Человек, поддающийся соблазну постоянного ощущения голода, ищущий каждую минуту, чем бы занять свой рот и желудок, ничем не отличается от обжоры, жиреющего на изысканных яствах. В

ученичестве нет особых строгостей в пище, как это ставят себе условием монахи. И воздержание в ученичестве не может составлять одного из ограничений для человека, стремящегося войти в тот высокий путь, где можно встретить Учителя. Путь к Учителю до тех пор не может быть найден, пока в понятиях человека живут представления: ограничить себя из принципа, отказать себе из принципа. До тех пор, пока у человека живет мысль об отказе в чем-то себе, он не выше тех, кто ищет наживы для себя. Мысли его вертятся вокруг себя, точно так же как и мысли ищущих наживы. И человек не движется Вечное, а только расширению и усовершенствованию собственной личности. Подвигами как таковыми не движутся вперед наши ученики, братья и сестры. В пути освобождения идут вперед только любовью. И тот, кто любит, не видит подвига в своем ограничении в пище в пользу своего ближнего. Он любит и радуется, поддерживая временную форму брата, как радуется, служа его Вечному. Перед тобой сегодня откроются двери дома, где живут люди, всю жизнь искавшие Истину. Ты увидишь людей, страстно стремящихся сюда, как миллионы людей, стремящихся поклониться гробу Господню. Будь бдителен. Не внеси в этот дом судящего глаза, судящего сердца. Несомненно, ты и здесь увидишь тех, чьи искания были «исканиями» в кавычках. Ты увидишь, что они объединены под иными крышами и не могли быть допущены в Общину не потому, что кто-то их выбирал или из них отбирал, чтобы их объединить в том месте, куда мы идем. Их всех объединила общая им всем сила: сомнение. Они не имели сил духа развить в себе верность до конца. В каждой поданной им вести им хотелось одно принять, другое отбросить, что-то поправить на свой лад, третьему придать свое толкование. Ни одного человека, который им подал весть от нас, они не сумели принять в свое сердце просто, легко и радостно. Каждый казался им легкомысленным, неустойчивым, вспыльчивым, не так их понимающим. Сами же они не замечали, как терзали своим непониманием тех, кто шел гонимым от нас. Не входи же, друг, сейчас к ним, закрыв хоть один лепесток сердца. Раскрой его, как ворота, чтобы сила радости в тебе могла разбить их предрассудочное самолюбование. Это последнее слово не пойми как влюбленность в самих себя. Нет, оно употреблено мною только как их основной признак: субъективность. Субъективно видящий вселенную не может войти в Общину, так как ему в ней нечего делать, нечем дышать. Для такого человека Община подобна воздуху высокой горы, где он сейчас же заболит горной болезнью.

Мы медленно проходили мимо селения за озером и вошли в пальмовый лес, которого я еще не видел и даже не предполагал, что он

существует. Спустилась жаркая ночь. Темное небо с низкими яркими звездами, какие-то особые ароматы неизвестных мне цветов и трав и дивные звуки ночи, чудесный, ласковый голос Франциска... Я шел, жил, дышал, и все – от бежавшего рядом Эта до голоса и руки моего друга – казалось мне нереальным, так оно было сказочно прекрасно.

Некоторые слова Франциска, совпадавшие со словами, только что прочтенными в записи брата, поражали меня. Я не мог ответить самому себе, что именно волновало меня особенно, но я шел с сознанием, что сейчас увижу людей, потерявших напрасно целую жизнь, а думавших, что несут в руках светоч.

– Мы подходим, Левушка. Нет, ты не думай так трагически о людях, не имевших сил войти в Общину. Ты думай только, что высокий путь не может быть познан теми, кто не трудился на земле. Труд человека, проведшего большую часть жизни в постели, не знавшего в своем труде дисциплины, и не достигшего самодисциплины, не умевшего жить в чистоте, не может привести его мысль в то русло, где научаются раскрывать в себе психические силы. Раскрывать хотя бы настолько, чтобы своею волей-любовью дать им выход и возможность уловить вибрации высоких путей. Думай об их несчастье и об их желании достичь нас. Об их собственной дисгармонии, которой они не имели сил в себе заметить за всю свою жизнь, а именно она-то и составляла их препятствие в пути к нам. Люби, жалея их, Левушка, неси им мужество, чтобы помочь их разочарованию, их скорби о собственном невежестве, когда они его поймут.

Мы подошли к домикам, разбросанным в очаровательном садике. Коегде в окнах еще мелькали огни, но людей не было видно. Два огромных дога, которых Эта ничуть не испугался, бросились к Франциску, приветствуя его как старого друга. Ответив им на их ласку, Франциск положил мои руки на высокие шеи собак. Животные вздрогнули, как будто я их ударил, но сейчас же склонили головы и лизнули мне руки.

– Ну вот, ты уже принят в число друзей этими чудесными сторожами. Теперь ты можешь свободно входить сюда и во все окрестные дома. Они уже сами оповестят о тебе всех собак здесь и дальше. Как они это делают – это их тайна. Но однажды подружившись с ними получает дружбу всех наших собак, среди которых немало свирепых.

Франциск подвел меня к подъезду, вернее, к крылечку одного из дальних домиков. Как только мы вошли в сени, ведущие в широкий коридор, несколько дверей сразу открылось, и выглянули лица старых людей. Довольно грубый голос с самого конца коридора неприветливо спросил:

– Кто это так поздно беспокоит нас? Разве мало было времени днем,

чтобы нас навещать?

«Остальные фигуры хранили молчание, но я почувствовал совершенно иную атмосферу в этом доме, чем во всех других домах Общины, где мне случалось до сих пор бывать. Конечно, это не была враждебность к нам, но какая-то новая для меня настороженность, какой я нигде в Общине не встречал.

– Не беспокойся, милый брат, мы пришли не к тебе и ни к одному из тех, кто сейчас выскочил из своих дверей. Ты в претензии на нас, что мы нарушили твой покой после того, как лично тебе было предписано твоим старцем молчание. Но для чего же ты его нарушил? Разве старец твой дал тебе в урок послушания караулить всех входящих в этот дом?

Франциск направлялся в конец коридора, откуда слышался голос, и теперь я мог рассмотреть говорившего. Это был высокого роста монах в обычной монашеской одежде. Лицо бледное, с четкими, довольно правильными чертами, с большими беспокойными черными глазами, с сильной, почти квадратной челюстью и подбородком, с тонкими сжатыми губами. В нем не было ничего особенного и неприятного, по всей вероятности, он был человеком добрым. Но раздраженностью и строптивостью он поразил меня среди мирных и светлых лиц, к которым я привык в Общине. Он сурово смотрел на нас.

«Искатель Истины», – мелькнуло в моем уме в связи с прочтенным мною в записи брата и со словами Франциска. Когда мы подошли вплотную к монаху и Франциск остановился подле него, улыбаясь ему, в том произошла молниеносная перемена.

– Ах, это ты, брат-спаситель, что мне обещал мой старец, – голос монаха прозвучал много мягче, и я еще раз почувствовал, что он человек добрый. – Я так ждал тебя, я прошел тысячу с лишним верст пешком только за тем, чтобы тебя увидеть. А меня заперли в этот дом, где я кроме одержимых глупцов никого не вижу. Подумай, как долго я тебя ждал, как мучился и уже отчаивался, что не смогу тебя найти. Хотел было уходить обратно. Подумай, целый месяц я уже здесь сижу взаперти, и только урывками, мельком, видал тебя несколько раз, и никогда еще не сказал с тобой ни словечка. – На этот раз в голосе слышались упрек и протест.

– Что ты, друг? Разве у нас кого-нибудь запирают? Дома открыты день и ночь, кругом идет неумолчная жизнь. И на все свои нужды каждый человек получает ответ. По одежде твоей я вижу, что ты еще не успел и пыли стряхнуть. Ноги твои в песке, значит, ты выходил, был в горах, вернулся только что и, даже не совершив омовения, вошел в комнату. Разве старец твой не дал тебе трех зарок?

– Да разве старец мой писал тебе о них? Как можешь ты знать чтолибо о моих зароках? Да и старец мой малограмотный и писать тебе он ничего не мог,

– и монах впадал, говоря, все в большее раздражение.

– Старец твой сказал тебе, мой друг: «Пока не утвердишься в трех вещах, не встретишь Тех, что служит Истине.

Первое – вставай с солнцем, улыбнись дню и начинай трудиться для первого встречного, что нуждается в твоей помощи. Все равно, в чем бы ни состояла твоя помощь, лишь бы первое дело твоего дня было трудом для ближнего.

Второе, что он тебе сказал, – каждую улыбку не подавай, как редкостное милосердие, но с нее начинай свой каждый день и каждый привет встречному.

Третье – раньше, чем пройти в келью, раньше, чем притронуться к пище, соверши омовение»

Вот заветы твоего старца. Что же из этих заветов ты, друг, выполнил сейчас? Отдал ли ты улыбку приветам нам? А сам говоришь, что ты меня ждал. Ужинал ли ты умывшись? Вошел ли ты в келью чистым?

Монах молчал, остро взглядываясь в Франциска, и беспокойство на его лице росло.

– Я тебя очень прошу, брат, сказать, пришел ли ты за мной или нет. Что я сделал и делаю, про то я сам знаю. Помощи я твоей не прошу, сил я сам в себе для всего найду. Я спрашиваю: идти ли мне за тобой сейчас?

Мне было ясно, что в сердце монаха боролись два чувства: гордость и заносчивость, что ясно звучало в его голосе. Гордость увлекала его в протест, а благоговение перед любовью Франциска, которая лилась на монаха ручьем, заставляло его сердце преклоняться.

– Я уже сказал тебе, друг, что я пришел не к тебе. Твое любопытство к чужой жизни, к чужому пути заставило тебя выйти и посмотреть на нас. Пойми, человек не меняется только потому, что переменял место. Ты всю жизнь ищешь Бога, ищешь святого пути, ищешь глубины правды, а не можешь ни одного дня прожить в мире, хотя переменял тысячу мест. Ты ждал меня, говоришь? Но что же ты приготовил, чтобы меня встретить? Где тот цветок радости и мира, что подают другу в привет и встречу? Ты не сможешь и десяти шагов пройти за мной, потому что душа твоя в бунте, и ты задохнешься, следуя, за мной. Здесь тебе не место, Сколько бы ты тут ни жил, ты не сможешь подойти ко мне. Вскоре придет за тобой мой старший брат. Он увезет тебя отсюда в дальний скит. Там ты научишься как ввести в труд дня три завета, данные тебе в послушание старцем, и только тогда

сможешь вернуться сюда, Вернешься, когда поймешь, что вся ценность жизни на земле в ее встречах, в умении отдать каждой из них не яд собственного «Я», но силу бодрости, забыв о себе и думая о тех, кого ты встретил. Научись начинать встречу в радости и в радости ее окончить. Успокойся. Не мечи молний из глаз и сердца, пойми кроткую силу Любви. Она одна может привести тебя ко мне, если ты искал всю жизнь пути Любви. Не считай силой напор воли. Считай силой одну радость.

Монах стоял бледный, потрясенный. Мне казалось, что в любую минуту он может перейти к бешеному протесту, вызванному глубочайшим разочарованием, постигшим его в его исканиях и ожиданиях здесь.

Мы сделали еще несколько шагов, и Франциск стал подниматься по лестнице, которой я сначала и не заметил. Наверху оказался такой же широкий коридор, как, и внизу, и единственным живым существом, встретившим нас здесь, был большой лохматый пес весьма свирепого вида и породы, каких я еще никогда не видал. Он, как тигр, вскочил навстречу нам, но, узнав Франциска, оскалил зубы, точно улыбаясь. На меня он смотрел враждебно до тех пор, пока Франциск не положил моей руки ему на голову и не погладил его лохматых ушей, улыбаясь и ласково ему говоря:

– Экой ты, братец, строптивец! Ведь уж я тебе сколько раз говорил, что надо всем улыбаться, кто со мной приходит. А ты снова только одному мне бережешь свои улыбки.

Пес, точно понимая упрек Франциска, лизнул мне руку. Погладив еще раз животное, Франциск постучал в одну из дверей, и слабый старческий голос просил войти.

Я был поражен, когда мы вошли в комнату. За это время я уже привык видеть во всех комнатах Общины образцовый порядок и не встречал случаев, чтобы люди лежали в постели, если они не спали и не были больны.

В этой же комнате царил полный беспорядок, и на постели лежала старенькая женщина, вся в глубоких морщинах, совершенно одетая и обутая. Несмотря на очень жаркий вечер, старушка была одета в нечто вроде ватной безрукавки, возле нее лежал теплый платок, рядом на стуле стояла чернильница. Старушка держала в руках кусок тонкой пальмовой доски с листом белой бумаги на нем и что-то писала. Она не сразу рассмотрела Франциска, и что-то вроде недовольства мелькнуло на лице, когда она его узнала.

– Ах, это Вы, брат Франциск. Как видите, у меня совершенно нет сил выполнить те требования, что Вы мне поставили в прошлое наше свидание.

Я лежа работаю, и не имею ни времени, ни возможности убирать себе комнату. А девушка, которую Вы мне прислали, делает все не так. У нее свои понимания об аккуратности, и ничего из этого не выходит. Вы и представить себе не можете, до чего она ленива. При Вас и с Вами она одна, а без Вас, со мной, ведет себя совершенно иначе. Я от ее услуг отказалась. И вообще должна Вас просить: если Вы желаете мне помогать, то уж, пожалуйста, давайте Вашу помощь лично мне самой, а не другим людям для помощи мне. Помощь через третьи руки – это не помощь, а недоразумение и может довести человека до отчаяния. Это создает только целый ряд неприятностей, которых у меня и без того много. Ну, впрочем, все это уж я повернула по-своему, и об этом не стоит и говорить. Скажите лучше, являетесь ли Вы сейчас ко мне вестником от Али? Когда же он придет? Когда я его увижу и спрошу обо всех моих вопросах, не терпящих отлагательства?

В голосе и лице старушки было какое-то не то негодование, не то пренебрежение, не то из нее вырывалась накопившаяся в сердце горечь. Она делала вид, что перед нею сидит человек, в чем-то перед нею виноватый, чем-то ей обязанный и что-то неправильно для нее делающий. Она как бы хотела показать Франциску, что он нелепо заботится о ней. Все поразило меня в ней больше, чем в монахе. Если тот показался мне искателем, искателем-строптивцем, все понимающим на свой лад, но все же ищущим Истину, то здесь душа человеческая показалось мне не ищущей Истину, но ищущей себя, своих сил личности и стремящейся учить каждого встречного своей мудрости. Гордость и ревность так и били из всех открывшихся в эту минуту пор ее духа, заключенного в бедное, слабенькое тело и неряшливую одежду.

– Мне очень жаль, сестра Карлотта, что так мало толка, как Вы выражаетесь, вышло из всех трех моих бесед с Вами. – Я не узнал всегдашнего голоса моего дорогого друга, который часто слышал. В нем звучали металлические ноты, которые я так хорошо знал в голосе Ананды в иные моменты. – Каждый раз, когда я приходил к Вам, я приходил послом Али. Не лично свои слова я Вам говорил, но передавал Вам весть Учителя. Вы же заботы его любви о Вас называете моими требованиями. Требования, сестра, могут быть у судьи, у чиновника, у доброго знакомого. Учитель не кум, не благодетель – Он сам гонец Тех, Кто идет Выше Его пути и Чьей верности Он следует. У него не может быть требовательности к людям. Он видит каждого человека и знает, что в данный момент его эволюции мирового развития человек может и способен пройти к высшей степени знания только так, как Он, Учитель, видит. Я Вам все три раза

передавал от Него, чтобы Вы изменили не только внешний образ жизни, но и весь внутренний Ваш образ мыслей. Кто сказал Вам, что Вам дано право судить человеческую личность? Вы каждый раз пытаетесь дать мне понять, что моя личность, по Вашему мнению, не достигла той ступени совершенства, до которой дошел мой дух. И что слова Учителя, которые я несу людям, заставляют их делать усилия, чтобы побороть в себе судящее сознание, чтобы стараться не видеть моей личности, проходить мимо нее, как мимо огромного препятствия, за которым лежит слово Истины Учителя. С первой же встречи, по просьбе Али, я старался раскрыть Вам основу всякого совершенствования, первоначальную ступень пути освобождения. Каждый, стремящийся к Учителю, имеет одну молитву: «Да раскроются очи духа моего к Свету и Миру, что в человеке живут. Да прольется Любовь моя к ранам его, и милосердие Твое да залечит их. Да будет день мой Красотою, песнью действенной Любви, Мира и Радости». Что из этого Вы ввели в действие дня? Разве девушка, пытавшаяся помочь Вам, была Вами принята как Единый, как встретившийся Вам нищенствующий Бог, куда Вы принесли частицу Вашего радостного труда? Вы спрашиваете, когда приедет Али? И Вы почти в претензии на меня за то, что я Вам не устроил скорейшего свидания с ним! Если бы не имел приказания Али не входить в объяснения с Вами, я, быть может, и стремился бы объяснить Вам Ваши заблуждения. Но я иду так, как видит Ваш путь Али, и передаю Вам его приказ. Через день – два поедет партия людей в дальние Общины. Вы уедете с ними. Чтобы войти в Общину здесь, сейчас, у вас нет духовных сил. Свидание с Учителем может причинить вам только смерть, вынести его высоких и сильнейших вибраций вы не будете в силах. Вам уже указывался путь, в котором вы могли закалиться и подойти к свиданию, но вы его не приняли. Дважды зов не повторяется. Вы поедете в дальнюю Общину, там вы найдете то окружение, в котором сможете раскрепостить свой дух и найти выход из кольца пелен личности, что плотно охватывают вас сейчас. Вы думаете, что вы стары и слабы, что вам не вынести тяжелого пути, что в новом месте вас ждет смерть. Оставьте и этот предрассудок. Это предрассудок вашей неверности или, лучше сказать, вашей верности не до конца, что – перед Учителем – равно неверности. Человек живет до тех пор, пока может повышать свое духовное развитие, хотя бы этого никто не видел. Или пока есть надежда, что с него свалится тот или иной предрассудок, или пока он нужен, чтобы своим трудом поддержать других, кто идет свой духовный путь без материальной возможности содержать себя. У меня нет возможности обсуждать с вами ваше положение. Все ваши жалобы и протесты только

отяжеляют вашу же жизнь. Вы добрались сюда, значит, вам было оказано милосердие и внимание от нас. Но здесь вы продолжали ту жизнь, какую создали себе среди обывателей, где жили раньше. В Общине же жить обывательски нельзя. Вам дается Милосердными еще одна возможность. Спешите воспользоваться ею. Перестаньте думать о себе, о нуждах своего угасающего тела. Не судите людей. Не требуйте ничего и ни от кого, но старайтесь научиться смирению и радости, жить свое «сейчас», не на словах благословляя людей, а на деле их любя. Путь к Учителю идет только через любовь к людям. Запомните это. Поезжайте просто и весело, благодаря и благословляя заботы Али о вас. Он знает весь ваш путь, а не тот кусок, что знаете вы сами.

Франциск встал и не дал старушке сказать ему ни слова в ответ, хотя та, бледнея и краснея, сбрасывая с себя и вновь надевая платок, много раз пыталась его перебить.

Тяжело было у меня на сердце. Я уже много раз видел, как люди были слепы в своих встречах, как они не имели сил увидеть, кто перед ними, как и сам я не видел не только брата Николая, но даже И., Флорентийца и Али, поняв их величие так недавно.

Но две встречи этого вечера, встречи-отрицания, здесь, в Общине, поразили меня.

– Возьми, Левушка, Эта на руки. Он еще птенец и может чего-нибудь испугаться в темноте.

Голос Франциска звучал обычно, точно ничего не случилось, был полон любви и ласки. И как же меня поразило его самообладание, его непоколебимая Любовь, тогда как я был разбит, взволнован, растерян.

– О каком самообладании во мне ты думаешь, Левушка? Разве Любовь умалется в человеке оттого, что она пролилась и кто-то ее не подобрал? То место, где ты пролил Любовь, всегда будет местом мира, хотя бы другой человек при тебе не утешился и остался в нем беспокойным. Твоя Любовь – если она была действительна, если Жизнь в тебе неслась вихрем радости к сердцу несчастного, что тебя не понимал, – всегда создаст вокруг него освежающую струю. И, оставшись один, он успокоится, приведет себя в порядок и скажет другим: «Я нашел решение своим вопросам». Поэтому, если встретишь в жизни положение подобное тому, какое было сейчас, носи только Свет и Мир, носи всю любовь сердца, стой перед Вечностью на дежурстве и не думай о последствиях встречи.

Не успел Франциск произнести последнего слова, как из-за куста выскочила какая-то тень и чья-то рука схватила крепкими тисками мою. В тот же миг огромный и свирепый пес, встретивший нас наверху в коридоре,

поднявшись на задние лапы и упершись ими в грудь схватившего мою руку человека, зажал зубами обе наши руки. Пес не причинял боли, но держал так цепко в пасти наши руки, что шевельнуть ими было невозможно. Глаза животного совершенно спокойно смотрели в лицо человека, в грудь которого он упирался лапами. Я разглядел темную фигуру и узнал в ней монаха.

– Что ты, Фриско? – послышался голос Франциска. – Это не злодей. Он просто ждал меня, а схватил не меня. Иди с миром, мой пес дорогой, все благополучно.

Пес издал рычание, которое, будь я один, принял бы за ворчание львенка. Из нескольких концов сада послышалось ответное встревоженное рычание.

– Что же ты наделал, брат Леоноре? Ты встревожил покой даже собак, не только людей. Неужели ты не понимаешь, что, пока ты весь в таких порывах и страстях, пока твои взлеты и ревнование о Боге могут доводить тебя до насилия над людьми или животными, ты не можешь трудиться рядом со мной.

– Отец, друг, прости меня! – завопил Леоноре, бросаясь к ногам Франциска.

– Я не могу расстаться с тобой. Я нашел тебя. Ты один можешь привести меня ко Христу. Я только через тебя могу научиться служить Богу и найти спасение. Не отправляй меня. Я буду тих и кроток подле тебя. Прости мне мои дерзкие слова. Это только ревность моя. Я действительно хотел удавить павлина этого мальчишки, с которым ты ходишь и даешь ему счастье быть подле тебя. Не отвергай меня.

Леоноре все рыдал, обнимая ноги Франциска.

Снова послышалось рычание, и на этот раз рычание многих псов. Я разглядел целое кольцо собак, подходивших к нам ближе. Псы, очевидно, думали, что обожаемому ими Франциску грозит опасность, так я понял их маневр.

– Встань, мой бедный друг. Я ничего не могу сделать сейчас для тебя кроме того, что делаю. Можно принести кому-то весть пробуждения и спасения. Но само спасение живет в человеке, и только он один может достичь его своим собственным путем, победив в себе не только страсти тела, но и духовные порывы. В тебе чередуются ужас и восторг, подвиг и протест, своеволие и кротость. Но мира в тебе не бывает никогда. Ты все время думаешь о величии задач жизни, что ты сам себе поставил. А твой старец сказал тебе, что, пока ты не войдешь в простую жизнь обычного дня, пока не выбросишь из головы своих «исканий», не станешь простым,

любящим человеком, трудящимся для людей, ты ничего не достигнешь. Только через труд серого дня ты сможешь понять величие и ужас путей человеческих. Ты обошел чуть ли не все страны мира и все сравнивал, как и где люди в Бога веруют. Ты пришел наконец к русскому старцу, признал его веру и святую жизнь и снова ушел. Теперь ты к нам пришел. И здесь все так же критикуешь, отрицаешь, выбираешь. И не занимаешься ни одним из предложенных тебе трудов, а видишь, что все здесь трудятся и никто не живет в праздности.

– Отец мой, это только потому, что я тебя так редко вижу. Я буду в самом святом послушании у тебя, только не отправляй меня, позволь за тобой следовать.

– Говорю тебе, друг, и десяти шагов за мной не сделаешь, как станешь задыхаться в моей атмосфере. Тебе – один путь, если хочешь прийти ко мне со временем: поезжай с моим великим братом, что за тобой прийдет.

– Ах, отец, отец, зачем ты говоришь такие неподобные слова? Тебе ли говорить неправду? Сияешь, как ангел, и несешь нелепицу. Ну где же мне задохнуться там, где может идти с тобой этот младенец? Он, видишь, без куклы-то и ходить за тобой не может, а ты говоришь обо мне, как о слабом младенце. Если бы он сильнее меня был, нешто он за свою птицу держался бы, как девчонка за игрушку? Прогони его, возьми меня, и ты увидишь, как я буду служить тебе.

– Прощай, мой друг, все, что мог тебе сказать, я сказал. Научись не отрицать и не судить, и ты легко и просто разыщешь путь ко мне. Фриско, проводи гостя домой, – обратился Франциск к собаке, не отходившей от нас. – Помни, Фриско, гость – друг. Проводи и охраняй, введи в дом и до утра никуда не выпускай. Иди, мой брат, с миром. Иди, успокойся и жди моего друга. Перестань метаться, поезжай в дальний скит. Если найдешь силы усмирить в себе бунт, найдешь и мир и мудрость Истины.

Одно мгновение я думал, что монах снова бросится к Франциску. Глаза его сверкали как угли, он судорожно сжимал руки, зубы его скрипели... Но мгновение прошло, он низко поклонился Франциску, касаясь рукой земли, и глухо, с трудом выговорил:

– Ин быть посему.

Он повернулся было чтобы уйти, но подошел ко мне и добрым голосом сказал:

– Прости обиду, не со зла.

-О, я с первой минуты знал, что ты добрый, – и я, отдал ему такой же низкий поклон, какой он дал мне.

Когда я поднял голову, и человек и собака исчезли во тьме. Франциск

взял меня снова под руку, я спустил Эта на землю, и мы двинулись в обратный путь в безмятежном молчании ночи, как будто ничего вокруг нас не происходило. Я думал, что мы идем домой, в темноте ночи не различая точного направления, куда мы шли. Из-за гор показался краешек огромной луны и через некоторое время вокруг нас стало светло, как днем. Я увидел теперь, что мы идем все дальше и ландшафт становится все пустыннее. Мы вошли в небольшую рощу, тень от деревьев падала фантастическими пятнами на светлую дорожку.

– Теперь ты увидишь не мене несчастных людей. Это тоже наши, Божьи люди. Их долгая жизнь была посвящена Богу, постам, молитвам и толкованию священных писаний. Каждый из них стремился основать какоелибо общество, братство, отдавая всю жизнь разъяснениям, что такое Бог, каковы Его аспекты и какова задача человека в связи с деятельностью во имя Божие. Но каждый из них не видел одного: духа Божия в самом человеке – и не умел поклониться ему до конца. Вся задача исканий Бога состоит только в том, чтобы пронести полное уважения и доброты благословение той форме, в которой пребывает Единый в человеке. Чтобы труд твой для этой формы был тебе священной задачей дня. Чтобы Единый не формально был для тебя символом Любви, но живая временная форма сливалась бы для тебя в чудесный звук общей Гармонии, когда ты встретил человека. Если ты полон сияющей Радостью, ты сразу видишь в человеке чудо: он слит с Гармонией, он идет в Ней, несет в себе ее, хотя сам этого не видит. И каждый не видит по разным причинам. Один – потому что карма держит его цепко, и он никак не может освободиться от страха и мести, жадности и ревности, которым служил века. Другой не может вырваться из ряда предрассудков долга и личной любви. Третий уперся в барьер науки и не может вызволиться и вылезти в творчество интуиции, топчась по задачам узкого ума. Пятый завалил себе выход к освобождению, бегая весь день по добрым делам, а дома сея муть и раздражение, и так далее. Сейчас мы войдем к ученому, всю жизнь решающему космические вопросы.

Франциск умолк и через несколько минут нам встретился старичок, видом вроде калмыка. Он ласково нам улыбнулся и погладил нежно Эта по шейке. Обычно не любивший прикосновения чужих рук, Эта потерся головкой о его колено.

– Что ты не спишь, Мулга? – спросил Франциск, ответив на приветствие старика.

– Не успел убрать остатки упавшего дерева, а утром поедут по дороге, будет нехорошо. Пользуюсь луной, только боязно, как бы профессор не стал браниться, что мешаю ему заниматься. Стараюсь тихо убирать, да все

же кое-где ветка да трещит.

Добродушие, спокойствие так и лились из всей фигуры старика.

– Да что же это такое? Ни днем, ни ночью мне нет покоя от Вас, Мулга. Из-за Вас я должен труд мой бросать, открывать окно и напускать к себе всякую ночную нечисть в роде бабочек и мошкары. Можете потише разговаривать с Вашими несносными псами. Шагу ступить невозможно, чтобы не столкнуться с ними в любое время дня и ночи. И чего здесь караулить? Подумаешь, сокровища? Рваные домишки!

Голос был раздраженный, и чувствовалось, что человек изливает на бедного Мулгу какие-то свои давнишние токи скопленной горечи и недовольства.

– И когда только я смогу втолковать в Вашу глупую голову, что Вы перебили мои мысли, от которых зависит, быть может, иное понимание жизни светил?

Голос доходил к нам из окна, окно захлопнулось, и в тишине ночи слышались только вздохи огорченного Мулги. Истинная печаль была видна на его лице. Покачивая головой, он говорил Франциску шепотом:

– Прости, дорогой брат, что я сделал тебя свидетелем немирной сцены. Всегда забываю, что голос мой так громок. Ах ты, Боже мой! Какой я глупый, опять я помешал бедному профессору и нарушил здесь общий мир. Беда, если молитвенничек тоже молился да выйдет сюда. Да вот он уже и вышел. Ну, теперь и мне, и псу моему бедному до вечера все будет доставаться.

Франциск улыбался, не трогаясь с места, хотя Мулга убеждал его уйти и избежать встречи с молитвенничком, который шел прямо на нас, опираясь на высокий посох. Его белая полотняная одежда составляла резкий контраст с густыми черными, торчавшими шапкой во все стороны волосами, длинной черной же бородой и огненными черными глазами. Человек шел решительными шагами, в нем явно все негодовало.

– Мулга, прошлый раз я сказал тебе, что буду жаловаться на тебя в Общину. Теперь я не жаловаться буду, а требовать, чтобы тебя отсюда убрали вместе с твоими смердящими псами. Простой раз ты помешал мне дойти до экстаза, а сейчас я уже был в экстазе, как раз видение уже готово было мне открыться, я уже слышал, как сходила ко мне великая Дева, и сердце мое сладостно замирало, как ты снова выбил меня на землю своими разговорами со смердящими псами.

Голос человека, громкий и властный, был резкого, неприятного горлового тембра тенор. Он казался слишком высоким и тонким для плотной фигуры человека и так же не гармонировал с его общим обликом,

как его борода с белой одеждой.

– Прости, дорогой брат, – сказал смущенный Мулга. – Я никак не предполагал, что тебя может беспокоить в твоей святой молитве мой голос. Я был довольно далеко от твоей комнаты, и пес мой был рядом со мною.

– Нечего тебе Лазаря петь и оправдываться, нечего взывать к моему милосердию, – прервал его снова молитвенничек, – разве есть тебе прощение за то, что ты разбил мое видение? Небеса готовы были мне открыться, и на тебе преступление, что я их не увидел. Тебя надо убрать отсюда, я сейчас же иду в Общину, там расскажу старшему всю правду. Да и он-то хорош. Ваш старший! Ничего не знает и не понимает, что у него тут делается: ему докладывают, что пришел ясновидец, он шлет приказ мне задержаться здесь. Ну где видано подобное непонимание?

Ясновидец хотел еще что-то прибавить, но Франциск вышел из тени и, поклонившись незнакомцу, спросил его:

-Не ты ли брат Иероним, приславший в Общину крест со святыми мощами?

– Да, я послал крест с мощами и плат, которым обтер гроб Господень.

– Зачем же ты, если ты ясновидец, обманываешь людей? Ты ведь знал, что в кресте сухой хлеб вместо мощей, и ты сам лучше всех знаешь, что ты никогда у гроба Господня не был, не только его не обтирал. И платок твой, и крест я тебе возвращаю, возьми их. Я прислан тебе сказать, что и на кресте, и на платке положен зарок. До тех пор пока ты не выучишься говорить только одну правду, ты не сможешь снять с себя креста, который я на тебя надеваю, и не потеряешь платка, который я кладу тебе в карман. Где бы ты ни оставлял свой платок, кому бы ты его ни дарил, он все будет возвращаться к тебе, будет находить тебя повсюду. И только тогда, когда твои уста и сердце научатся славить Бога в тишине, в правде и в смирении, только тогда ты придешь сюда вновь и найдешь вход в Общину. Теперь же не только там, но и здесь тебе нет места. Иди отсюда, бедный человек, и чтобы речь твоя не смущала людей, иди молча, потеряй дар речи и обрети его тогда, когда на самом деле доберешься до гроба Господня. Постигни истину: чем ты лживо соблазнял, то ты должен сам же и искупить. Ты страшил людей, что призовешь на их головы наказание Божие. Сходи пешком в Иерусалим, выполни там весь обряд покаяния, через который ты заставил многих пройти, найди бесстрашие в своем трусливом сердце. Когда из него уйдет весь страх, тогда в нем проснутся любовь и правда. Вот тогда придешь сюда вновь. Я лишаю тебя дара речи не для того, чтобы причинить тебе унижение и боль, но чтобы спасти тебя от всех безумных

слов, что в тебе клокочут. Иди же, друг. Здесь тебе сейчас не место. Ты достиг Общины только для того, чтобы понять ужас заблуждения, в каком идешь, и найти путь к спасению. Вот этот благородный пес доведет тебя в целостности и сохранности до ближайшего места, откуда тебя увезут на верблюде и перебросят в заселенные места. Там дадут тебе немного хлеба и денег, а дальше иди уже сам. Чем скорее сойдет с тебя гордыня, тем легче будет твой путь. Иди, Бог с тобой.

Ясновидец переживал невероятную борьбу с самим собою. Он краснел и бледнел, а луна, как назло, светила ему прямо в лицо, и под ее светом все ужасные гримасы, которые он делал в усилиях раскрыть челюсти, представляли печальное зрелище.

Наконец, видя что все его усилия напрасны, монах принялся теребить крест, рвать платок, ничего не мог с ними поделаться и решил уйти. Вероятно, у него была мысль все же добраться до Общины. Он попытался сделать несколько шагов вперед и свернуть в сторону, но собака зарычала и преградила ему путь.

– Иди, друг, все время за собакой, она приведет тебя кратчайшим путем, куда я тебе сказал. Если ты попытаешься ее не послушаться, лично она вреда тебе не сделает, но и не сможет защитить тебя от диких зверей, которых ты не избежешь, если не послушаешься своего вожака.

Человек, пока говорил Франциск, повернулся к нему и пристально смотрел ему в глаза, как бы желая удостовериться в истинности и серьезности его слов. При последней фразе Франциска трусливая волна пробежала по всему его телу, он вздрогнул, как-то согнулся и пошел за собакой.

– Что же я наделал, что я наделал, – прошептал вконец расстроенный Мулга.

– Ты ничего ему не сделал, Мулга, как и тому профессору. Пойди и собери узелок с едой, одеждой и книгами. Ты уйдешь отсюда с нами, и я покажу тебе, где ты будешь жить и что делать. Жди нас на этом же месте, через час мы будем снова здесь.

Мулга поклонился и пошел к одному из домиков, а Франциск приказал мне:

– Возьми Эта на руки, Левушка. Я тебе еще раз напоминаю, чтобы ты держал сердце широко открытым. Следи, чтобы ни один его лепесток не закрылся. Молча лей Любовь и не приходи в отчаяние, если человек не подбирает твоей любви, остается беспокойным и не просветленным. Не думай о последствиях, но всегда действуй сейчас. Действовать далеко не значит всегда и молниеносно побеждать. Это значит только всегда вносить

пробуждение в дух человека, хотя бы вовне это имело вид, что ты не принес человеку мгновенного успокоения.

Франциск пошел к дому бранившегося недавно профессора, вошел в сени и постучал в дверь.

– Ну, это действительно становится невыносимым, – сказал голос за дверью, и поспешные мелкие шаги направились к нам. Дверь открылась, на ее пороге стоял высокий, худой, аскетического вида старик.

– Извольте, ночные гости, да еще в придачу с птицами! Я терпеть не могу птиц, оставьте Вашу ношу в коридоре, если желаете войти сюда.

– Я прошу равноправия для обоих моих спутников, – сказал Франциск. – Когда Вы, профессор, въезжали сюда с огромным количеством багажа. Вас ведь никто ни в чем не ограничивал. Напротив, Вам предоставили целый домик в пользование и ставили только одно условие: милосердие к людям, цветам, птицам и животным. Теперь я к нему взываю.

– Странные у вас здесь нравы. Я приехал сюда поделиться знаниями с вашими учеными, знаниями, которые могут мир обогатить. И вместо того, чтобы спешить ко мне, меня держат в совершенно не подходящем мне обществе, и первыми являетесь вы со своим призывом к милосердию. Какой толк из всех тех жертв, что я принял на себя, добираясь до вас? Для чего я ехал? Чтобы сидеть в лесу с москитами?

– Перед Вами был иной путь. Вам предлагали ехать в Америку. Вам говорили, что Вы можете там найти сбыт Вашей учености. Вы ведь знаете, что не поехали туда, боясь конкуренции и опасаясь, что не займете там первого положения.

– Потому-то я и приехал сюда, что верю в бескорыстие Ваших ученых. Верю, что они меня не надуют, как это могут сделать янки.

– Перед Вами сейчас очень серьезная проблема. И тот, кто основал Общину, прислал меня сказать Вам, что Вы заблуждаетесь, что все Ваши открытия, на которые Вы истратили жизнь, давно известны у нас, на Востоке. Вы подошли только к самому первоначальному источнику, а наши ученые уже давно решили все начальные задачи и пришли к окончательным выводам. Вы идете неверным путем, и для истинной науки Вам надо начать все с самого начала. Если Вы хотите, Вы можете остаться здесь и, начав все с начала, следуя указаниям наших ученых, на правах простого ученика учиться, руководясь заданиями, которые будут Вам указаны. Вы можете в наших библиотеках пользоваться всеми книгами мира, и Вам нет надобности таскать за собой свою небольшую библиотеку. Вы можете выбирать себе любые системы для разработки даваемых Вам заданий. Но самые задания для первоначальной работы будут Вам даны.

Это еще не все. В нашей науке не могут работать люди, пренебрегающие всеми другими свойствами в себе, кроме ума. В человеке есть еще душа и дух. Тот, кто, как Вы, не заинтересовался развитием в себе духовных сил, не может быть тружеником восточной науки. И не потому, что он недостойн этой чести, как саркастически думаете сейчас Вы, друг. Но только потому, что в нашей науке все начинается и кончается основой духа. Разъяснить Вам в столь короткой беседе этот огромный вопрос невозможно. Да и для Вас сейчас сила не в нем. Сила в Вашей любви к науке для пользы и счастья людей, или же весь Ваш интерес к науке лежит в Вашем собственном «Я», которое Вы желаете вознести на высшую ступень земной человеческой славы. Если Вы ищете славы, ищите ее где угодно, только не у нас. Если ищите науки для пользы и счастья людей, Вы можете располагать каждым из нас, равно как и всем тем, что есть у нас.

Лицо ученого, сначала саркастическое, стало очень серьезным.

– Я не мальчишка, мчащийся за славой. Если Вы говорите, что я не развивал в себе ничего, кроме ума, то, право, мне было некогда думать о чем-либо, кроме науки. Я голодал и холодал потому, что все, что мог заработать, уходило на мои книги. У меня не было времени заниматься проблемами любви и милосердия к людям, так как я и для личной своей жизни не имел времени. Тратить в пустоте драгоценные минуты, отрываясь от науки, я не мог. Но, если Вы говорите, что я шел неверным научным путем, что где-то я сделал неверные расчеты и выводы – о, это серьезно, это очень серьезно. Если кто-либо из Ваших ученых может мне это доказать, я готов начать все с самого начала и, можете верить моему слову, хныкать не буду. Я буду работать без ропота и разочарования. Никто, кроме меня, не виноват, если я сделал в своих вычислениях ошибку. И признак ума вовсе не в том, чтобы настаивать на своем, если ты понял, что ты не прав. Но это надо доказать. Кто же этот титан-математик, который мог бы понять работу всей моей жизни и указать мне мою ошибку? Во всем мире есть только один, равный мне по знаниям в этой области, и он – мой враг – признает мой труд.

Ученый, на мгновение допустив возможность своей ошибки, снова гордо поднял голову. В его глазах поблескивал сарказм.

– Этого титана, если хотите, Вы увидите завтра. Но, повторяю Вам, придется принять условие, о котором я Вам сказал, если Вы убедитесь, что Вы были не правы.

– Бог мой, странный Вы человек! Только что Вы толковали о любви. Да разве для моей любви к науке могут существовать какие-либо условия, условности, препятствия? Чтобы достичь истины в том, что составляет для

меня цель жизни, даже не цель, а самая жизнь, я пойду на все до конца, если бы на доску ставилась вся моя жизнь. Что значит для меня «жить»? Разве это дышать, есть, наслаждаться, богатеть? Это значит учиться, чтобы в вопросах, дивных для меня, найти верный и точный ответ. Не подвиг или долг для меня моя наука, но жизнь, Бог, вселенная – все. Ведите меня к Вашему титану, и я буду защищаться, как лев. Но если он меня положит на обе лопатки, я не умру, не воображайте. Я не возненавижу ни Вашего титана, ни мою науку. С Богом спорят, но его не ненавидят. Кто меня опровергнет, должен быть полубогом по крайней мере. Ведите меня к нему, и чем скорее, тем лучше.

Пока ученый говорил, его внешний образ менялся, а для меня раскрывался и его внутренний образ. Я увидел, как его старое лицо помолодело, а от всей фигуры веяло силой и энергией, и через все поры его существа лились благородство и мужество. Он остановился перед Франциском, пристально посмотрел ему в глаза и снова заговорил:

– Нередко в жизни меня обманывали люди, я не умел разбираться в них так хорошо, как в моей науке. Впрочем, Вы говорите, что и в ней я не разобрался толком. – Тон его голоса понизился, он горько улыбнулся, помолчал, вздохнул, снова пристально посмотрел на Франциска и продолжал:

– Я хотел от Вас, в свою очередь, слова, что если я окажусь правым, то получу всяческое содействие именно так, как я продиктую. Но... Ваше лицо и что-то такое особенное в Вас заставляет меня довериться до конца Вашей чести. Я ни о чем не спрашиваю, ничего не хочу знать, где будет мое свидание с Вашим гигантом, я повторяю: следую за Вами, ведите.

– Пойдем, дорогой брат, счастлив Ваш день сегодня. Великая радость ждет Вас. И все, чего Вы искали, откроется Вам.

Мы вышли из дома и встретились с Мулгой в условленном месте. Когда мы вышли из леса и очутились снова в море лунного света, ученый снял шляпу, вздохнул полной грудью и, смеясь, сказал:

– Как это ни странно, но первый раз в жизни мне приходится благодарить человека за то, что он оторвал меня от работы. Впервые в жизни я иду ночью в лунном свете свободным, без угрызений совести, что теряю время и оставляю мою науку. Я еще ни разу не выходил из комнаты с тех пор, как приехал. А приехал темной ночью и не знал, что здесь такая красота. Впрочем, в той части Германии, где я жил, было очень красиво, но мне было некогда заниматься природой и ее живописностью.

– Если бы Вы могли, профессор, нести все свои фолианты с собой, то все равно Ваше сердце сейчас освободилось бы от Вашего постоянного

страха потерять мгновение в пустоте от научного труда. Пришло Вам время по-иному понять не только что такое «пустота», но и что такое самая наука.

Профессор расхохотался, как будто он услышал от Франциска самую забавную из шуток.

– Право, я готов радоваться встрече с Вами. Простите, я не знаю, как мне вас называть.

– Меня зовут Франциск, зовите и Вы меня так.

– Значит, Вы не англичанин? Я готов был думать, что подобная железная выдержка может вырабатываться только у этого народа. Но это к делу не относится. Я хотел сказать Вам, что первый раз в жизни веселюсь и ощущаю совершенно новую силу в себе: я радуюсь тому, что светит луна, что бежит этот белый павлин, которого час тому назад я ненавидел, что рядом со мною идут люди, хотя они ничего в науке и не понимают, и меня не давит, что они не отдают себе отчета в силах природы. Я не представлял себе раньше возможности провести даже нескольких минут с людьми, не имеющими непосредственного отношения к науке. А сейчас рад, что пробуду с Вами несколько часов.

Тон ученого, его полное непонимание, кто был рядом с ним, снова меня поразили. Я не мог уже теперь вспыхивать и угасать, как делал это раньше, но в сердце моем было возмущение, негодование и... сострадание. Я поражался грубой нечуткости человека, считавшего себя избранником и чуть ли не вершителем мировых законов жизни. Где же внимание этого человека? Как может он не чувствовать тех струй любви, что бежали к нему от Франциска и которые, несомненно, влияли на него, и от них-то он и чувствовал свое раскрепощение от условного долга.

Луна стала заходить за рощу, ночь становилась темной, но уже чувствовалось, что вскоре заря сменит короткую ночь. Мы все шли прямо, и мне казалось, что мы идем не к Общине. Но я потерял давно ориентировку и уже не мог ясно определить, куда мы шли. Внезапно ученый спросил Франциска:

– Скажите, брат Франциск, что это там, вдали так сверкает? Если бы это был пожар, то можно было бы видеть колебания пламени, чувствовался бы запах гари и дыма. Но я вижу совершенно неподвижный яркий огромный круг света. Этот феномен Вашей природы мне неизвестен. Что это? Впрочем, что же это я, глупец, спрашиваю Вас о явлениях природы? Вы, вероятно, кроме послушаний, налагаемых на Вас Вашей сектой, ничего и не знаете? До сил природы Вам столько же дела, сколько мне до дел Вашей секты.

Франциск оставил без ответа все выпады профессора, просто ответив:

– В том месте; где Вы увидели круг света, живут люди, владеющие силами природы и умеющие направлять их так, чтобы благо и счастье встречаемых ими людей не нарушалось от потрясений и нервных токов и толчков тех людей, что живут эгоистическими порывами и мыслят о себе как о первых и важнейших величинах. Если бы Вы могли освободиться от давящего Вас ложного долга перед наукой, Вы могли бы увидеть сейчас больше, чем простая внешность людей, к которым мы идем. Вы увидели бы сейчас это место светящимся не потому, что оно светится само по себе для всех. Я присоединил Вас сейчас к силе моей мысли, и Вам открылась возможность увидеть влияние мыслей людей, увидеть их действенную энергию. Этот огонь мыслей, видимый сейчас Вами, принадлежит людям бескорыстным, людям, ставящим не себя в центр вселенной, но отдающим от себя энергию на строительство вселенной, на творчество всем тем, кто может подхватить их энергию и передать ее дальше как вдохновение, озарение, мужество, гармонию мысли и сердца в ежедневном творчестве дня. У вас нет мира в себе. А для того чтобы достичь необходимой для творчества гармонии, надо найти мир сердца. Эти люди, приносящие свои мысли в мир, как свет, проходя свой день, не задумываются о долге. Они идут любя, любя побеждают и рассыпают искры своей любви каждому. И Вы можете вобрать в себя от них частицу гармонии. Но для этого Вам надо сбросить с себя предрассудок, что есть условные разграничения людей. Пока Вы будете видеть в человеке только ту или иную культурную единицу и ценить человека, как ум, а не как сознание

– частицу Вечного, до тех пор Вы не сможете воспринять их гармонии, так как в Вас закрыты все пути к ней.

Мы подходили все ближе к сияющему полю света, и я радовался и отчетливо понимал, что все дома здесь светятся ровным огнем так же, как домики в дальней долине сияют разными цветами в зависимости от тех эманаций, которые истекают от живущих в них людей.

– Хорошо, что Вы сейчас ведете частный разговор, не требующий от Вас ни логических обоснований, ни доказательств, – саркастически звучал голос ученого.

– Вы вскоре получите столь яркий опыт ума и сердца, что вся потребность во внешней логике для Вас исчезнет, – спокойно ответил ему Франциск. – Мы подходим к целому ряду домиков. Какого цвета они Вам кажутся?

– Ваш вопрос очень странен. Из всех пор камня, со всех стен идут светлые лучи. Но цвета их я определить не могу. Самый обычный беловато-молочный цвет, какой может испускать пористый камень. Обычно он не

виден, но здесь очень ясен.

Ответ профессора был мне очень смешон, так как домики были совершенно определенного ярко-алого цвета и чудесно сверкали во тьме. Я посмотрел на умиленное лицо Мулги, шедшего рядом со мной, и понял, что и он также видит домики алыми и понимает смысл их цвета.

– Дайте мне Вашу руку, профессор, и разрешите мне коснуться Вашего затылка, – снова сказал Франциск, беря протянутую ему руку ученого и касаясь второй рукой головы ученого. – Что Вы сейчас видите?

Ученый молчал несколько минут, остановившись как пораженный внезапным параличом.

– Что же это за фокус Вы мне показываете? Дома пылают как огонь!

– Смотрите дальше. Что Вы видите? – опять спросил Франциск, не отнимая руки.

– Я вижу насквозь, через пылающую стену. Вижу, что в комнате сидит пожилая женщина. Послушайте, ведь это ужас! Она же сгорит! Все стены внутри комнаты, все предметы в ней уже охвачены пламенем. Кричите скорее, чтобы она спасалась, я не в силах ни кричать, ни бежать ей на помощь, – все так же тихо говорил ученый.

– Не беспокойтесь, этот огонь не сжигает тела. Это духовная сила, которая может сжечь и испепелить Вас, если Вас ввести внутрь этого дома. Не будучи подготовленным к овладению теми силами огня вселенной, которыми полна эта комната, Вы задохнетесь в ней в течение нескольких минут. Не рассеивайтесь, соберите все свое внимание на фигуре женщины и сосредоточьтесь на желании увидеть ее мысли и прочесть их.

Ученый, стоявший очень близко к Франциску, тяжело и прерывисто дышал, точно бежавший к нему от Франциска ток был ему тяжел. Помолчав, он сказал:

– Женщина сидит перед раскрытой книгой, но мысли ее вовсе не у книги. Она думает о какой-то далекой дороге, о доме, наполненном детьми. Теперь в ее мыслях рисуются два образа девушек-красавиц, похожих друг на друга, как близнецы. Но – как это странно – одна из них совершенно седая. Очень смешно и странно: седа, как лунь, и юна, как Венера. Рядом с ними мужчина, статный, воинственного вида. Но в каком это все сочетании, я разгадать не могу. Ах, вот я ясно вижу там Ваш образ, но тоже очень странно, у Вас в руках красная чаша, на Вас белая одежда...

Франциск отнял свои руки, ученый вздрогнул, слегка пошатнулся.

– Какого цвета теперь домики перед Вами? В котором из них Вы видели женщину? – спросил его Франциск.

– Дома все молочно-белые. И, если бы я не видел пылающего дома

мгновение назад, я утверждал бы, что между ними нет красного дома. Ваш гипноз потрясающе силен, и я от него так устал, что не могу идти дальше.

– Хорошо, посидите здесь с Мулгой, он охранит Вас от ночных ящериц и скорпионов. Не бойтесь ничего, посидите под этими пальмами, там есть скамья. Скушайте эту конфетку, она прекрасно Вас освежит. Уверяю Вас, что через четверть часа, когда мы с Левушкой вернемся к Вам, Вы найдете силы не только идти, но даже весело идти.

Франциск протянул ученому коробочку, где лежали довольно крупные квадратики, на вид вроде шоколада. Ученый молча положил квадратик в рот. Взяв меня под руку, Франциск повел меня к тому месту и дому, где профессор видел женщину и читал ее мысли. Он видел только ряд образов, не умея связать их, я же видел, что женщина страстно ждала Никито и обоих его племянниц. Мы приблизились к домику, и Франциск постучал в окно.

Через минуту на пороге открытой двери стояла женщина, которую ученый назвал пожилой. Теперь я увидел, что она не была пожилой, ей не могло быть более тридцати лет. Но отпечаток какой-то драмы, тяжело проехавшей по ее жизни и раздавившей ее, лежал на всей ее фигуре. Необычайная кротость и радостность, с какими она приветствовала Франциска, поразили меня, хотя я видал немало кротких и радостных лиц в Общине. Низко поклонившись Франциску, женщина пригласила нас войти.

– О, Учитель, ты сам пришел ко мне. Тебе вреден такой долгий и утомительный, путь. Разреши мне сходить хотя бы за молоком для тебя и твоего юного спутника, – говорила женщина, когда мы вошли в комнату, придвигая нам стулья.

– Не беспокойся, Терезита, я пришел за тобой. Я обещал тебе, что, если любовь твоя найдет силы вынести испытание три года, ты увидишь и Никито, и Лалию, и Нину. А ты прожила здесь пять лет и ни разу не спросила меня, почему откладывается свидание, почему ты все остаешься здесь и даже не едешь в дальнюю Общину к своим внукам.

– Я счастлива была, Учитель, жить здесь. Все, что ты давал мне для исполнения, было так важно людям, что, пожалуй только сегодня в первый раз я думала о Никито и девочках. Ах, если бы можно было их спасти, я была бы рада прожить здесь до конца дней.

– Нет, друг, в деле любви не стоят на месте. Любовь – живая сила, и ее надо все время лить по новым и светлым руслам. Ты созрела к действию. Новые силы очистились и развились в тебе. Держать их бездейственными в своей чаше нельзя. Ты поедешь в дальние Общины, возьмешь с собой Лалию и Нину и приготовишь их к новой жизни. Нине, ищущей подвига

целомудрия, ты объяснишь, что ей придется изменить свой путь, который ей так радостен и так ее пленяет. То материнство, что должна была нести Лалия и которого она не выполнила, не перенеся своего легкого испытания, ляжет на Нину. Придется ей идти в широкий мир и создать семью, где суждено родиться тому, кого владыки карм приготовили к воплощению и высокому подвигу Любви. Объяснишь девушке всю важность ее новой жизни. Скажешь, что подвига не выбирают, но легко несут ношу, от нас подаваемую, если хотят действительно служить Истине. Я уверен в Нине. Это будет тебе урок легкий. С Лалией будит труднее. Но... в тебе самой уже нет борьбы со своими страстями, а потому все новые повороты жизни уже не затруднят тебя и не будут чрезмерно тяжелыми. Иди со мной, друг, оставь это место легко и просто, а не тяжело и мучительно, как ты покидала все те места, где жила до сих пор. Перед новыми поворотами в пути страдают только те, кто носит в себе еще не растворенным в любви свое «Я». Твое же все растаяло, все превратилось в Свет. И потому я веду тебя в то место, где ты будешь действенной силой для встречаемых. Мир тебе, друг мой, передавай мой мир каждому и ощущай ежеминутно, что несешь в руках чашу красную, чашу Любви. Приложи уста свои к ней и пей кипящую Любовь моего сердца. Неси ее как деятельность простого дня и передавай в труде не пот подвига и долга, но легкость знания.

Терезита опустила на колени и смотрела на Франциска, держа его руку в своих.

– Идя по труду дня, никогда не иди одна, дитя мое. Но подавая руку встречному человеку, подавай обе наши руки и отирай очи человека платком Любви. Пойдем, друг, нас ждут.

Много я видел чудесных лиц в экстазе за последнее время, но ни на одном из них я не видел такого счастья и мира, какие видел здесь сейчас на лице Терезиты. Лицо – далеко не красавицы – было прекрасно и так сияло, что даже моим глазам, уже привыкшим к сияющим аурам, хотелось зажмуриться.

Не взяв ни единого предмета из дома, Терезита вышла с нами. Ее привет профессору и Мулге меня поразил. Мулге она протянула обе руки, которые тот неловко поцеловал одну за другой, а профессору она поклонилась и сказала:

– Много вопросов придется Вам еще решать. Но такого сильного негодования, какое Вы испытываете сейчас, в Вас уже не будет никогда. – Терезита рассмеялась таким милым и заразительным смехом, что я не смог удержаться и залился своим хохотом, а моему примеру последовал и Мулга.

Ученый вознегодовал на меня с такой страстностью, что даже не дал

Терезите времени сказать мне что-то, о чем она думала и хотела обратиться ко мне. Он весь представлял собой комок раздражения, и мне стало очень горестно, что моя добродушная веселость была так неуместна. Излив на меня первый жар возмущения, он обратился к ней:

– Что Вы можете понимать в моем негодовании, весьма уважаемая дама? Уж не занимаетесь ли и Вы чтением чужих мыслей, как это практикует брат Франциск? Или Ваша дружба с Богом идет только в мечтах о тех фигурах, которые я видел в Ваших мозгах через гипноз Вашего друга? Надо надеяться, что ложных задач моего мышления Вам не решить, если бы даже Вы и оказались чтицей мыслей. Все же было бы весьма любопытно узнать, как поняты Вами причины моего негодования? – Профессор рычал с таким сарказмом, что Франциск бросил на него взгляд сострадания и сказал Терезите:

– Ну, вот, сестра, и начинай свой новый путь общения с бунтарями. Никогда не бойся раздраженного и не принимай его речей в свое сердце. Только стой крепко сознанием у черты Вечности. Стой ногами на земле так устойчиво, точно они к ней приклеены. Но мыслью и сердцем живи в высоком Свете и не нарушай моего завета: иди всегда со мною, протягивай свою руку вместе с моею, чтобы не мешать Свету проходить через тебя, как через новый и чистый путь.

Франциск подозвал Мулгу, шедшего все время сзади, ускорил шаги и стал разговаривать с ним на языке, которого я не понимал. Я невольно снова подумал, сколько же наречий на свете, которых я не знаю.

Между ушедшими вперед и нами образовалось некоторое расстояние, так как ученый идти так скоро не мог. Он тяжело дышал и шел с трудом. Я подумал, что он просто устал, но, когда расцветавший день осветил его лицо, я понял, что он почти болен, что ему трудна атмосфера не только Франциска, но и Терезиты. Незаметным маневром я постарался идти между ним и сестрой и уже собирался предложить ему опереться на мою руку, как Терезита сказала:

– Я очень опечалена, друг, что смех мой был понят Вами как насмешка, как мое самомнение и желание показать Вам какие-то феномены своих чрезвычайных сил. Я никакими особыми силами не владею. Но действительно в ту минуту я думала, как может быть слеп человек, достигший величия в какой-то области знаний, которые он чтит выше всех сокровищ Жизни. Ваши неосторожные слова о моем великом Учителе и друге могли бы в другом месте соткать зло и принести Вам вред. Но здесь благодаря его присутствию, благодаря его всежигающей Любви, которая льется из его сердца, Ваши слова развеялись прахом. Вы хотите узнать,

прочла ли я причину Вашего негодования и раздражения? Да, я ее прочла. Но выскажу я ее словами только в том случае, если Вы сами еще раз скажете, что желаете услышать из моих уст столь неблагородные мысли, которые для Вас самого неожиданны, так как Вы человек верный и благородный.

– Это уже переходит границы всего серьезного и становится веселым фарсом. Я очень был бы Вам благодарен, почтенная дама, если бы Вы удостоили меня чести услышать все же Ваше мнение о причинах моего негодования, которого я, кажется, ничем Вам не выказал.

– Их три, тех причин, что так язвят сейчас Ваше сердце, друг, и заставляют Вас язвить меня не формальным смыслом Ваших слов, но тем едким тоном злобы, которым они произносятся. Я еще раз спрашиваю Вас: хотите ли Вы, чтобы я их сказала?

– Да, конечно, хочу. – Тон голоса профессора совершенно изменился, голос прозвучал неуверенно, даже недоуменно и вместо сарказма в нем слышалась растерянность, и весь его внешний вид показался мне озадаченным.

– Первая причина – это вообще раскаяние, что Вы сюда приехали. Вторая – оскорбление и унижение, что какой-то малограмотный монах, каким Вы считаете брата Франциска, мог заставить Вас подчиниться его гипнозу, с которым Вы спутали его дар прозрения и способность владеть силами природы. Третье – ревность к тому ученому, к которому Вы решились идти, ревность к его знаниям, если они есть, к его власти, если он действительно так образован, что может указать Вам Ваши ошибки.

Долго шли мы молча, рассвет сразу перешел в чудесное утро. Я взглянул в лицо ученого и был потрясен его видом. Он был желт, глаза провалились, и под ними лежали темные круги. Нос его заострился, весь он, казалось мне, еле держится на ногах.

Франциск остановился и поджидал нас. Когда мы подошли, он снова протянул ученому коробочку с шоколадными квадратиками.

– Это ничего, профессор. Вы только устали от непривычно долгого пути. Скушайте еще одну конфетку, и Вы сможете, позавтракав, переговорить с доктором И., что Вас сразу же – я уверен – успокоит. Левушка, будь гостеприимным хозяином, отведи профессора в свою комнату и поручи его заботам Яссы. Ясса – это слуга Левушки, профессор. Он знает такой массаж и такие растирания в ванной, что Вы даже забудете, что провели ночь в бессонном походе. Будьте здоровы, друг и брат, мы с Вами еще увидимся. Ты, Левушка, скажешь И., что профессора я привел, а дальше исполнишь то, что тебе скажет И.

Мы входили, наконец, в парк, и, признаться, и я, и мой друг Эта были порядочно утомлены. Я отвел профессора к Яссе, который уже о нем знал и ждал его с готовой ванной.

Я прошел в душ и, тщательно умывшись, переодевшись и еще тщательнее причесавшись, уложил спать Эта и только тогда отправился к И.

По дороге я сам над собой посмеивался, вспоминая, сколько уроков истратил на меня И., чтобы привести меня к самообладанию в этом маленьком секторе простой воспитанности.

ГЛАВА 11 И. принимает ученого. Аннинов и Беата Скальради.
Наставление мне и Бронскому

Когда я вошел к И. и посмотрел в прекрасное лицо моего дорогого друга, я внезапно почувствовал, что я все еще не знаю лица моего обожаемого наставника. И. показался мне юношей, прекрасным воплощением силы, жизни, мудрости. Он улыбнулся мне и ласково сказал:

– Ты делаешь успехи, дорогой мальчик, ты почти не устал.

– Это сейчас я вдруг почувствовал себя сильным. Но не могу похвастать, что дошел обратно легко. И не могу, отдавая Вам отчет, сказать, что встречи, давшие мне в эту ночь уроки на век, не истощили моих духовных сил, пока я жил в общении с сегодня виденным и понятным страданием. Примеры слепоты людей временно ослепили и меня самого. Сегодня я понял, что самое начало страдания, как и развитие его, лежит в невозможности человека охватить в каждый летящий момент всю Жизнь. Чем прочнее привязана мысль к земле, к своей страстно любимой среде, труду, друзьям, тем больше ослеплен человек сиянием одной земли. И тем ему труднее – большее для него страдание – вырваться к Свету Жизни. В числе сегодняшних уроков не все были уроками от противного. Покорившие меня своим величием внутреннего мира и любви люди тоже по-разному проникали в мое сердце, о полном раскрытии которого дважды напоминал мне Франциск в эту ночь. Дважды ему пришлось сказать мне, чтобы ни единый лепесток, прикрывши вход в сердце, не помешал бы мне вобрать в него встречных. И в самом деле, ни один лепесток не помешал литься моей любви и сосредоточиваться моему вниманию. Но... мне была очень тяжела и трудна встреча с Терезитой. Я признавал и признаю сейчас, как дух ее высок, непоколебима верность, как вся она чиста и любяща, и все же что-то, чего я понять не могу и по сию минуту, отдаляет меня от нее. «Отдаляет» это даже не то слово. Между нею и мною я чувствую какую-то стену. Я преклоняюсь перед нею, но не могу чувствовать себя с нею легко и

просто. И в то же время, как это ни странно, обуянный раздражением и слепотой профессор мне не тяжел.

– Я вполне понимаю тебя, Левушка. Путь Терезиты – религиозный путь. И ты еще не можешь подняться так высоко, чтобы обряд – всякий обряд, всякий ритуал, – стал для тебя лишенною цепей благодатью. Для Терезиты труд ее жизни, труд веков, труд освобождения – все идет только через луч обряда и религии. Она пока живет в них, как в сияющем, но все же чехле. Если бы один из вас был уже раскрепощен до конца, стена ее сияющего чехла не могла бы стеснить вашего единения. Чем выше каждый из вас будет подниматься в своем освобождении, тем проще, ясней и ближе будут ваши отношения. Что же касается профессора, то там ничто в его ступени сознания не может коснуться тебя как начало недоумения, протеста или задержки для твоего доброжелательства. Поэтому ты и не ощущаешь его тяжелых испарений. Тогда как эманации Терезиты, будучи очень высокими, давят тебя односторонне. Мы поговорим еще с тобою об этом в пути. Надо собираться. Как только я посажу профессора за науку, мы уедем. Ты удивлен, что ученый, так мало совершенный вовне, может здесь жить, тогда как многим и многим, всю жизнь жаждавшим сюда попасть, ворота закрыты. Вглядывайся глубже во встречи, Левушка. Ученый, ничего не зная умом о жизни в двух мирах, на самом деле жил в них. Он до конца отдал свою преданность науке. Не задумываясь о благе людей, он вносил весь свой труд для них, мечтая о том, чтобы во вселенной ни один человек не знал ни страха, ни нужды. Он закрепощен в долге и любви к науке, но дух его чист и свободен. Он мечтал всегда, чтобы все люди могли учиться, как и чему хотел каждый, без помехи бедности. Иди, друг. Ясса уже, вероятно, отмыл профессора от ночной пыли, теперь он голоден. Окажи ему всю любезность и гостеприимство воспитанного человека. Будь вежлив, как должен быть ученик, и приведи гостя ко мне. Не обращай внимания, если он будет не в духе. Приглядись к нему. По всей вероятности, он сущий ребенок во всех бытовых вопросах.

Я пошел выполнить приказание моего любимого друга. Какое-то воспоминание, вернее, отголосок каких-то константинопольских переживаний вставал во мне. Мне вспомнилось, сколько раз в моей жизни я отрывался от дорогих мне людей, как часто, когда мне хотелось особенно сильно побыть с И. и выслушать от него ответы на беспокоившие меня вопросы, мне приходилось его покидать, чтобы выполнить то или иное дело.

Сейчас я как-то особенно ощущал необходимость побыть с И. –и снова должен был идти по делу другого человека. Но не вздох сожаления был в

моем сердце, не раздражение, о котором я без улыбки над самим собой уже не вспоминал, – о нет, эти времена уже миновали. Но мне было как-то неловко перед самим собой, что у меня не было сию минуту ликования в сердце, не было буйной радости, что я могу быть полезен человеку. Я шел мирно и спокойно, очень ровно и доброжелательно настроенный, но я сознавал, что активной, действенной радости во мне нет.

Подходя к ванной комнате, я услышал веселый смех. Я ожидал всего, но чтобы Ясса сумел привести ученого в такую веселость, не мог себе и представить. И смех профессора, чистый, детский и заразительный, тоже немало меня удивил.

Дверь из ванной открылась, и я увидел фигуру профессора. Его безукоризненный белый костюм, который Ясса вытащил, должно быть, из запасов И., сиял, лицо было свежесвыбрито и выражало полное удовольствие, и... вдруг совершилось мгновенное превращение в. недовольную, кислую гримасу, как только ученый увидел меня.

– Ах, это Вы, юноша. Я ночью плохо Вас разглядел. Теперь я вижу, что Вы сущий Геркулес, только у того кудри были не черные. – Профессор говорил ворчливо, критически рассматривая мое индусское платье. – Вот как! Вы опростились, даже до сандалий на босу ногу, – прибавил он, дойдя в своем обзоре до моих ног. – Ведь Вы не монах, как брат Франциск, и обетов, очевидно, еще не успели дать никаких. Для чего же эти босые ноги?

– Мне очень трудно объяснить Вам логически, для чего-то или иное во мне или на мне существует, профессор. Но я еще не привык к здешнему климату, и жара действует на меня так, что мне хочется поменьше носить на себе всякой одежды. Кроме того, все живущие здесь одеты так. И я не составляю исключения в этом отношении. Доктор И. носит точно такую же одежду. Кстати, простите меня, что до сих пор я не спросил Вас о Вашем имени и не знаю, как мне представить Вас доктору И., – ответил я профессору, преспокойно стоявшему посреди коридора и рассматривавшему меня, как обезьяну в клетке.

– Мое имя, юноша, Ганс Зальцман. Для Вас оно ничто, но если Ваш доктор И. человек образованный, ему оно кое-что скажет. Вы меня ведете прямо к нему? – Да, доктор И. ждет Вас. Мы пересекли коридор, перешли в другую половину дома, и я ввел профессора Зальцмана к И. Мысли мои были крепко сосредоточены на том, чтобы всей силой своего доброжелательства помочь ученому воспринять И. не так, как он воспринял Франциска. Но с первого же движения И. навстречу входившему профессору, с его улыбки, с протянутой необычайно приветливо руки, с тона голоса, полных светскости, обаяния, любезности, я понял, что мои

усилия были детски беспомощны и не нужны, что И. был действительно титаном, и ученый почувствовал это мгновенно. Весь его облик, повадки – все изменилось. Он весь собрался в комок, точно тигр, готовившийся к прыжку, и я вспомнил его разговор с Франциском, как он обещал защищаться, как лев.

– Я очень рад, профессор, приветствовать в Вашем лице всю науку Запада. Примите мой глубокий поклон Вашему труду и Вашим знаниям, – сказал И., протягивая ученому обе руки и усаживая его в кресло. По всей вероятности, Ваше путешествие на Восток и все пребывание у нас Вас очень утомило. Но я надеюсь, что Ваша преданность науке будет вознаграждена. Книги, не только те, о которых Вы мечтали, но и такие, о которых Вы ничего не знали, ждут Вас в нашей библиотеке. Я позаботился, чтобы Вам была предоставлена при одном из самых обширных филиалов библиотеки отдельная небольшая квартира. Полная тишина в той части парка, где расположен отдел библиотеки, который я Вам предлагаю, даст Вам гарантию, что ничто и никто извне не сможет нарушить Ваших занятий.

И. усадил профессора в удобное кресло. Незаметное ударение, сделанное И. на слове «извне», заставило профессора Зальцмана насторожиться.

– Если извне не будут мне мешать, то уж изнутри, наверное, ничто не нарушит моей устойчивости и трудоспособности в науке, – произнес он неожиданно для меня быстро, точно торопясь и волнуясь.

– Как знать, – улыбаясь сказал И., пристально глядя в лицо ученому.

– Я надеюсь, – снова торопясь сказал тот, – что Вы не замерены показывать мне феноменов гипнотизма, как это сделал по дороге ночью брат Франциск? Что мог себе позволить невежественный монах, обладающий магнетической силой, до того не может дойти ученый. Я хотел бы сразу же начать наше научное собеседование.

– Сейчас Вам, прежде всего, необходимо позавтракать и подкрепить свои силы. Если после завтрака Вы пожелаете немедленно отправиться в библиотеку, мы пойдем с Вами туда сейчас же. Но я советовал бы Вам подождать до вечера. Наше солнце существенного вреда Вам не причинит, но может утомить Вас так, что желанная беседа со мной отодвинется на несколько дней, – ласково говорил И., приглашая ученого в столовую.

– О, нет, я гораздо крепче, чем Вы предполагаете, доктор И, – перебил его Зальцман, следуя за нами в столовую. – Но вот разрешите мою загадку: когда Вы успели получить докторскую степень и где? Вы так юны, что можете позировать для статуи греческого бога, и у нас на Западе Вы,

конечно, ее получить не могли. У нас детям ученых степеней не дают, а скинуть с Вас лет шесть-семь, и Вы будете ровесником сему полуробенку, хотя он сложением и Геркулес, – прибавил он, смеясь и указывая на меня.

– Тем не менее степень я получил именно у вас в Германии одну, в Риме – вторую и в Лондоне – третью, – улыбаясь, ответил И.

– Поразительно, – скорее фыркнул, чем сказал профессор.

– Я хотя и не так прекрасно читаю мысли людей, как мой брат Франциск, тем не менее вижу ясно, как в Вашем мозгу мелькает слово «шарлатанство». Потерпите немного, вскоре Вам предстанут факты моей неоспоримой учености, – весело смеялся И.

Зальцман остановился, пресмешно уставившись глазами на И. и даже раскрыв от удивления рот. Но И. не дал ему времени оставаться в столбняке, взял его под руку и, представляя подошедшему к нам Кастанде, сказал:

– Вот, позвольте Вас представить. Это наместник нашего хозяина в Общине, брат Кастанда. Все, что Вам будет нужно, чем Вы будете недовольны, со всем обращайтесь к нему, все в руках всемогущего Кастанды. Он только по виду суров, на деле же это любезнейший и самый обворожительный хозяин.

– Я буду счастлив служить Вам, как и каждый из нас, дорогой профессор, ответил Кастанда, пожимая руку гостя. – Садитесь, пожалуйста, сюда. Если наша еда будет Вам не по вкусу, заказывайте себе все, что Вам захочется. Мы постараемся достать Вам все то, к чему Вы привыкли.

– Вы чрезвычайно любезны. Но я всю жизнь не замечал, что ел, и почти всегда был голоден. Думаю, что не доставлю Вам хлопот в этом смысле. Голод мне так же привычен, как сухой хлеб и вода, составлявшие почти всегда мое регулярное питание.

Профессор опустил в креслице между И. и мною и с удивлением рассматривал окружавшие нас фигуры и лица. Довольно долго он жевал то, что И. положил ему на тарелку. Я видел, что все его внимание поглощено людьми, а ел он, действительно, не понимая, что ест.

– Скажите, доктор И., откуда Вы здесь собрали такую уйму людей? С тех пор как я окончил университет, я ни разу не бывал в таком скопище, в такой культурной толпе. Здесь нет ни одного вульгарного лица. Что это? Это все ученые?

– Нет, профессор, здесь собрались люди не по признаку учености или талантов, хотя талантов здесь немало. Это те люди, сознание которых раскрыто не только как ум, но и как гармоничное целое, как творческое сочетание ума, сердца и духа. Свет духовной жизни – вот отличительный

признак объединенных здесь людей. Силы их духа сияют Вам, а Вы, следуя Вашей западной привычке, хотите их осязать и расставить по графикам логических посылок и предпосылок. В Вашей жизни здесь Вы будете постоянно наткаться на затруднения, если духовная сила сознания не будет вами учитываться как первая сила человека.

Сидевшая на своем обычном месте Андреева внезапно пронзила Зальцмана своими электрическими колесами. Я внутренне съежился, так как ждал от не сейчас же какой-нибудь «штучки» бедному профессору. Но она перевела свои глазищи на меня, и вся штучка досталась мне. Я был рад, что бедный ученый, и без того испытывавший немало «феноменов» за одни сутки, избежал еще одного удара по нервам.

– Да, Левушка, защитником и милостивцем быть, конечно, очень приятно. Но, это вовсе не Ваша роль. Вы помешали не только моему остроумию, но и скорейшему прозрению этого старца. И чего это Вам вздумалось играть роль милосердного самаритянина? – пронзая меня огнем своих глазищ, сказала Андреева.

– Или я не совсем понял Вас, или Вы не совсем поняли мою мысль, Наталья Владимировна. Должно быть, я уже научился немного защищаться от Вас. Но я убежден, что Вы не высказали того, что хотели, не только потому, что я Вам помешал, а больше всего потому, что И. Вам запретил, – ответил я смеясь.

– Извольте радоваться, во что превращаются невинные птенчики через несколько месяцев в обществе И:, – и Андреева тоже смеялась самым добродушным образом.

Ученый, не понимавший языка, на котором обратилась ко мне Андреева, смотрел пристально в ее глаза, потом перевел взгляд на меня и, повернувшись наконец к И., сказал:

– Если бы я встретился с этой дамой один на один, я бы, по всей вероятности, испугался. В Вашем обществе я чувствую себя точно в защитной сети, но все же думаю, что эта дама обладает не совсем нормальной психикой.

– Эта дама знает прекрасно все те языки, на которых говорите Вы, профессор. И, кроме того, обладает столь не нравящимся Вам свойством: угадывать мысли другого. Я готов утверждать, что она отчетливо знает, о чем Вы сейчас думаете, – усмехаясь, ответил И.

– О, это было бы ей весьма малоприятно, – беспечно улыбнулся ученый. – Но, слава Богу, она не угадает того, о чем я думал.

– Вы думали, что в моих глазах пляшут те огни, за которые инквизиторы Испании приговаривали грешников к костру, – раздался

добродушный голос Натальи Владимировны. Вокруг многие рассмеялись, профессор смутился и растерянно смотрел на Андрееву.

– Пейте Ваше какао, друг, и, если Вы настаиваете, вопреки моему совету, пойдете в библиотеку. Оставим эту саркастическую даму без удовольствия пиявить Вас дальше, – ласково сказал И.

Очень мало евший, профессор от какао отказался, попросил разрешения взять в карман фруктов, и мы отправились в путь. И. приказал мне надеть шляпу с вуалью и принести такую же профессору. Протестовавший и возмущавшийся вначале ученый с восторгом напялил ее на голову, как только мы вышли из тени в палящий жар.

И. повел нас новой для меня дорогой. Мы не спускались по скатам в долину и не поднимались снова в горы. Каким-то неожиданным образом, перейдя по двум узеньким и дрожащим мостикам над глубокими пропастями, пройдя три туннеля, мы очутились в большом парке минут через сорок ходьбы.

Для меня это было большим сюрпризом, потому что мы вышли сразу на широкую кедровую аллею, очень близко от оранжевого домика И. Никак не обращая внимания профессора на чудесный домик, И. перевел нас через жаркую аллею в другую, тенистую часть парка, сделал несколько поворотов по дорожкам, и... мы оказались у входа в библиотеку, но совсем с другой стороны. Мы вошли непосредственно в круглый зал, за столами которого сидели, углубись в работу, люди, не обратившие на нас никакого внимания.

Профессор был так поражен видом зала, многих людей в нем и гор книг, что остановился, и И. пришлось взять его за руку, шепнув:

– Здесь можно только заниматься, но ни останавливаться, ни разговаривать нельзя.

Мы прошли еще одну комнату, где тоже было занято много столов, но где были и свободные столы и где также никто не оторвался от своей работы, чтобы посмотреть на нас.

Несмотря на то что И. вел профессора за руку, тот шел медленно, лицо его было умиленно и даже расстроено, и он шептал:

– Счастливы, счастливы! Избранники науки! Море света и книг. А я-то, я-то! За каждую книжонку должен был платить часами труда, отрывая время у науки!

Мы вошли в тот зал, где Лалия и Нина выдавали книги. Теперь вместе с ними трудились еще три девушки, и мне показалось, что сейчас все делали именно они, а Лалия и Нина только руководили ими и проверяли их труд.

К моей огромной радости, за одним из столов я увидел Никито за грудками книг и, забыв все на свете, помчался к нему, к милому другу, которого я так давно не видел.

Не успел я подойти к столу и протянуть руку Никито, как услышал за собой сдавленный крик и шум сразу отодвинувшихся нескольких стульев. Повернувшись на шум, я увидел несколько фигур, быстро шедших на помощь И., державшему на руках бесчувственного профессора.

– Это ничего, друзья, – говорил И. трем братьям, бросившимся ему на помощь и выносившим тело ученого в прохладный холл. – Положите его сюда, на диван. Наше солнце несколько повредило северянину, но это не солнечный удар. Он вскоре очнется. Не беспокойтесь, идите к вашим занятиям. Со мной останутся Левушка и Никито. Если что-либо понадобится, я к вам обращусь.

Занимавшиеся в читальне братья, бросившиеся на помощь И., вышли с глубоким поклоном, и мы остались одни у тела бесчувственного профессора. Лицо его было совершенно зелено-бледным, нос заострился, у меня даже мелькнула мысль, что он, пожалуй, умер.

Лицо И. было сосредоточенно и серьезно. Он повернулся ко мне и сказал:

– Левушка, пройди наверх, в мою комнату, которую ты знаешь. С левой стороны от двери, на пятом шаге, ты найдешь стенной шкаф. Вот тебе от него ключ. Открой, подними вверх дверцу пятой снизу полочки, возьми там две аптечки и пузырек, что стоит между ними, и принеси все сюда. С величайшим вниманием и осторожностью открывай и закрывай шкаф. Помни все время, в каком месте ты находишься и что твое промедление или неаккуратность могут стоить человеку жизни.

Я поклонился, взял ключ и, побеждая свое волнение, собрав все внимание, пошел выполнять приказание моего Учителя. Теперь я не думал ни о красоте лестницы, ни об аромате цветов, ни о сходстве этой лестницы с лестницей в Б. в доме сэра Уоми – я шел, как идут, вероятно, воины в битве выполнять приказ своего главнокомандующего. Я знал одно: И. спасет профессора, если я немедленно подам ему нужные лекарства.

Трогательный шепот ученого, его умиленное лицо и несознаваемая зависть к счастливым, утопавшим в море книг и света, осветили мне еще ярче эту жизнь труженика, отдавшего все, каждое свое дыхание своему Богу – науке.

Мне удалось выполнить все приказания И. Шкаф открылся благополучно, несмотря на мою неловкость, я ничего не разбил и не превратился в Левушку «лови ворон», когда открылась дверца пятой

палочки. В прежнее время я непременно забыл бы обо всем, увидав сокровища, впереди которых стояли аптечки и граненый пузырек, в котором играла красная жидкость. Теперь я выполнил точно приказание и через несколько минут стоял перед И., подавая ему ключ и принесенные вещи. И. поставил их на стол, велел мне и Никито приподнять профессора и поднес к его ноздрям пузырек. Тело его вздрогнуло и снова омертвело.

Мы подняли старика еще выше, и И. снова поднес к его ноздрям пузырек. Тело профессора вторично вздрогнуло сильнее, он стал дышать. И. приготовил смесь какого-то порошка, положил его на кусочек мрамора, поджег и держал у носа больного. Дыхание его стало чаще и ровнее, челюсти разжались, и веки задрожали. И. влил ему в рот лекарство, которое оказало магическое действие. Профессор закашлялся, открыл глаза, издал какой-то звук.

– Полежите спокойно профессор. Я предупреждал Вас, что наше солнце может подействовать на Вас плохо. Так оно и вышло. Если бы Вы пришли сюда вечером, Вы избегли бы того, что с Вами сейчас случилось, – сказал И.

– Это не солнце, – ответил профессор, но таким слабым и больным голосом, что я понял серьезность его положения и снова подумал, что он умирает. Помолчав, тем же слабым голосом он продолжал: – Это те две женщины и мужчина, которых я видел в пылающем доме, когда шел с Франциском. Я был так поражен, увидев мысли женщины живыми, ходящими по земле, что почувствовал точно два удара: один в затылок, другой внизу спины. Это они свалили меня, а солнце здесь совершенно ни при чем.

Он еле договорил, закрыл глаза и снова стал дышать тяжело, заметно бледнее. И. взял каплю красной жидкости из пузырька на тончайшую стеклянную палочку и впустил ее в рот ученого в один из моментов, когда тот ловил воздух. Мгновенная судорога прошла почему его телу; и он впал в такой глубочайший сон, что я даже не слышал его дыхания.

– К сожалению, профессор немолод, организм его переутомлен, и проспит он не менее трех дней. Изнеможение всей его жизни сказалось сейчас. Я не могу его оставить, пока он не очнется. Очнется же он здоровым и крепким и даже помолодеет лет на двадцать, к своему удовольствию, – усмехнувшись, прибавил И. – Но оставить его сейчас я не могу. Когда он отоспится, я налажу его работу, и только тогда мы уедем. Ты, Никито, все время проводишь здесь. Я велю отнести твои книги в жилище, приготовленное недалеко отсюда для профессора. И ты убьешь двух зайцев: и труду твоему никто не будет мешать, и за больным ты

присмотришь. Лалия и Нина будут носить тебе еду и менять книги. Быть может, тебе трудно проходить снова урок молчания и уединения, хотя он и будет коротким?

Никито радостно улыбнулся и ответил, что будет рад отдать старый долг ученому и что встреча с ним раскрепощает его от последнего старого долга миру.

Я смотрел с удивлением на Никито. Я никак не мог предположить какой-либо связи между стариком, добравшимся сюда из центра Германии, и Никито, грузином, прожившим ряд долгих лет вблизи вершин Кавказа. Я едва удержался от изумленного восклицания. И еще больше я был рад, что не выразил своей просьбы остаться с больным и поухаживать за ним в его болезни, хотя меня очень печалила моя бесполезность.

– Тебе, Левушка, найдется немало дела в эти дни, – сказал мне И., по обыкновению прочитав мои мысли.

И. сам отыскал двух братьев, принес с ними носилки, сам уложил на них больного и, указав каждому из нас место и обязанности во время пути, стал в голове носилок, объяснив нам ритм нашего дыхания и сочетаний вдохов и выдохов с шагами.

Стараясь ступать как можно легче, мы пронесли больного по нескольким дорожкам парка. Внезапно, за одним из поворотов горы, нам открылась прелестная полянка, и за нею зеленел хвойный лесок. Среди него высился небольшой кирпичный, как мне показалось, домик, утопавший в зелени и цветах. Когда мы подошли к домику, с небольшого крыльца к нам спустилась женская фигура в большой белой шляпе, со спущенной на лицо синей вуалью. Вуаль была отброшена, и... я оторопел, узнав леди Бердран.

– Это тот больной, о котором я Вам говорил, леди Бердран, – сказал И.

Леди Бердран поклонилась нам и радостно улыбнулась, заметив мое удивление. Мы подняли больного на крылечко и внесли его в просторную, тенистую комнату, где его уже ждала белоснежная постель и под потолком работал сильно и быстро вращавшийся веер.

Когда больной был уложен, И. поблагодарил помогавших нам братьев, отдал им носилки и отпустил их обратно.

– Никито, это сестра Герда. Ты поступаешь в ее Распоряжение как рабочая сила на ближайшие три дня. А это, сестра Герда, тот Учитель, которого я Вам обещал. Если в эти дни Вы сможете быть прилежной и Ваша духовная сила поможет Вам понять все, что расскажет Вам Ваш Учитель, Вы сможете поехать с нами в дальние Общины. До свидания, друзья. Больному нужен только полный покой, но оставлять его одного

нельзя ни на минуту. Я буду навещать Вас каждый день. Будьте благословенны.

Мы вышли из домика ученого и прошли обратный путь снова по новой для меня дороге. Мысли мои были несколько спутанны. Чаще всего мелькало, неожиданно для меня самого, немного горькое чувство, что лично мои труды никак не прикладываются к делу. Все трудятся с пользой для своих братьев, а я один вроде как только наслаждаюсь жизнью.

– Труды, Левушка, бывают разные. И то, что вовне кажется людям бездельем или жизнью в свое удовольствие, то нередко бывает огромной ступенью труда того человека, о котором думают как о наслаждающейся жизнью единице. Все то, что ты должен увидеть и узнать раньше, чем поедешь со мною в дальние Общины, все это не только труд, но и преддверие того самообладания, которое необходимо твоему творчеству. Тебе суждено стать мировым писателем. Тебе дан талант такой великой силы и наблюдательности, такой дар изобразительности, которые должны воздействовать; перерождают и учить людей жить по высокому идеалу Мудрости. Чтобы выйти в широкий мир с проповедью Мудрости, надо понять и знать все тайные щели страданий и страстей человека. Уча учись. Ты уже был однажды великим писателем. Ты имел власть вносить Мудрость в смятенные сердца. Но в тебе самом не было ни одного свойства духа, развитого до конца. Ты не знал ни верности, ни преданности, ни веры до конца. Ты никого не любил до конца. Ты взлетал в восторге лицезрения Бога сегодня, а завтра ты шел, плакал и во всем сомневался. И где вчера тебя пленяла природа, деяние Бога, там сегодня ты видел море собственных сомнений и отворачивался от вчерашних побед в себе. Здесь, в эти короткие годы, что тебе суждено прожить в Общине, тебе надо понять и вынести весь мир новых сил, новых знаний сердца человека. Опыт этих лет, которые сейчас кажутся тебе отсутствием настоящего полезного труда, – он-то и есть тот великий твой труд, вековой урок, который ты понесешь от нас для блага и счастья людей. Однажды ты уже пытался пронести людям весть освобождения. Но сам ты не имел сил раскрепостить себя от влияния и власти страстей. Твое окружение подавляло тебя. Любовь, отдаваемая тебе детьми и женой, расхождения во вкусах и склонностях с ними – все лишало твой дух цельного устремления к Истине. Оставь теперь мысли мелкие, к которым приучила тебя психика понимания жизни как плоскости одной земли. Вглядывайся пристальнее во встречи и людей, думая только о них. Не примешивай к каждой встрече мыслей о себе и не примеривай на себя пути каждого другого человека, как платья. Нельзя носить все фасоны платья и нельзя изжить все формы труда. Можно только в данной тебе

вековой форме труда пронести свое «сейчас» в такой величии знания тончайших струн человеческого сердца, в такой любви и сострадании к путям их совершенства, что в каждом слове, что выбросит в мир твой труд, для людей найдутся новые и более легкие возможности любя побеждать.

И. замолчал, так как мы очутились у дома Аннинова, что для меня было снова неожиданностью.

Домик музыканта, когда мы вошли в него, показался мне совсем другим, чем тогда, когда мы слушали в нем дивную музыку. Мне почудилось, что комнаты заполнены какой-то грустью, точно живущий в них человек много и часто тосковал.

Я всем сердцем пожалел музыканта-гения, не находившего счастья и света в своем великолепном даре. О, если бы я умел так играть!

– Твоя игра, Левушка, – речь. Твой дар – перо, твоя правда – мир сердца. Свое «если бы» побереги для тех часов труда, когда великие помощники будут окружать тебя. Тогда проникай в обстоятельства каждого так, как если бы ты сам в них жил, сам страдал и любил за каждого из своих героев. Сейчас, здороваясь с Анниновым, помни слова Франциска и держи сердце широко открытым, протягивая ему руку вместе с рукой твоего великого друга Флорентийца. Не наблюдай сейчас страданий духа человека, но твори великое моление Любви, сострадав душе, мощь которой не соответствует той силе гигантского дара, что ей приходится нести по миру, – сказал мне И.

Он встал с места, где мы присели было на минуту под огромной пальмой, занимавшей почти ползала, и пошел навстречу входившему Аннинову. Лицо музыканта было, как всегда, бледно, придавая ему вид аскета; но выражение глаз, что-то неуловимое во всей фигуре, несмотря на радостную улыбку, с которой он встретил И., говорило о его большом страдании. Если бы И. и не сказал мне ничего, я воззвал бы к Флорентийцу, как привык уже делать это всегда в тяжелые моменты встреч с духовным разладом людей.

После первых радостных слов приветия Аннинов поглядел на меня пристально и сказал:

– Как исключительно счастливо Вы переменились. На моих глазах совершилось живое чудо, как из Золушки Вы превратились в сказочного принца. Жаль, что я так печально настроен, и мне под стать писать сейчас только Реквием, не то я написал бы сонет, как проснулся очарованный лебедь.

Он ласково держал меня за руки, я же всем сердцем творил то великое моление, о котором говорил мне И. Внезапно я почувствовал знакомое мне

содрогание во всем теле. Я понял, что моя мысль достигла Флорентийца, что Его сердце видит Аннинова, что помощь и поддержку Он ему пошлет.

– Удивительное в Вас свойство, доктор И., – сказал Аннинов, выпуская мои руки и поворачиваясь к И. – Стоило Вам войти – точно живой водой всего меня Вы сбрызнули. В моей душе царил такой хаос, такой раз, лад, что я готов был убить в себе или сердце, или ум. Я думал, что не сумею примирить их никогда больше. А вот увидел Вас, и какая-то мгновенная тишина охватила меня. Я думал, что не только написать больше ничего не сумею, но даже и играть не смогу. И вдруг почувствовал сейчас страстное желание написать прелюд и воспеть в нем мир и гармонию, что Вы несете в себе.

– Вам пришла эта мысль только потому, что мир и гармония вдруг охватили Вас. И Вы их поняли, оценили и сразу же захотели осчастливить ими всех тех, кто может понять Ваш язык – язык музыки. Нельзя дать кому-либо того, чем не владеешь сам, чего не имеешь сам. Потому-то среди проповедников новых идей так мало тех, кто проповедуют их успешно, что проповедь их чисто формальна. Призывая к жертвам и лишениям ради высоких идей свой народ, проповедники чаще всего издают законы и обязательства, исключая из них самих себя и оставляя себе все привилегии и преимущества. Те же из них, кто несет проповедь не словом, а собственным живым примером, всегда достигают успеха. Вам хочется отдать людям всю красоту, какая вскрылась в Вас сейчас. Что же может быть прекрасней такого пути, где одному человеку дана мощь пробуждать к действию благородство тысяч, мчать их дух к желанию творить в своей области только потому, что творчество одного пробудило их?

– С Вами, доктор И., я не могу быть лицемерен. Вы думаете, что все творчество, всю свою жизнь я несу для блага и счастья людей? О, если бы действительно я мог сказать, что это так! Правда, у меня бывают длительные периоды, длительные порывы, когда я живу в мыслях красоты. Когда я рад, что имею что сказать на моем языке звуков. И тогда, в эти блаженные периоды, я счастлив. Я сознаю, что служу своим братьям-людям, как могу и умею. Меня не волнуют вопросы политики, социальных рамок, лжи, воровства, нищеты и обманов. Я весь живу в космической жизни, я стою у порога Вечности, вижу и ощущаю ее величие. Мои личные силы замирают для жизни земли, я шлю тогда звучащее мне небо любимой земле. И тогда я понимаю мое место во вселенной и знаю, что сила Любви несет меня и несется во мне для земли, для людей, для священного труда: поднимать выше дух человека. В эти периоды я сознаю себя человеком, то есть человеком, несущим века и века частицу Бога...

Аннинов ходил, широко шагая, по залу. Его лицо аскета было вдохновенно. Глаза зажглись, он глубоко дышал, казалось, он слышит, как движется вокруг него красота, как она поет и летит в Свете, звуча и животворя. Он довольно долго молчал, потом остановился перед И. и продолжал:

– Но... краткими мгновениями кажутся эти периоды, когда я сознаю, что я человек, что во мне живет дыхание Бога. Каждый раз какая-нибудь мразь земли кладет конец всей моей песне торжествующей Любви. Не великое и мощное выбивает меня из священной литургии, где я живу. Но какая-нибудь низкая сплетня, ничтожная мерзость, как гнусная клевета, ревнивая страсть, заставляют меня покидать мое небо, мою музу. Я начинаю видеть людей не человеками, какими я их видел и любил в моем счастье творчества, но гадами, смердящими ядом, наполняющими им несчастную землю. Жало впивается в мое сердце при виде тюрьмы, арестанта, нищеты и унижений, а я живу с царской роскошью, в то время как стонет и бедствует мой народ. Кнут бьет тех, кто несет в себе Бога. Кнутом бьют те, что носят в себе Бога!.. Несчастливая, рожая в позоре, вне брака, прячась под забором, тоже несет в себе Бога? Несчастливые крепостные, продаваемые за жалкие рубли врозь с детьми, несут в себе Бога? И... Вы живете на земле, говорите о силе Любви и мира... И помощь Ваша, ощутима ли она для несчастных земли? Мне Вы помогали и помогаете. Не будь Вас и священного места Вашей Общины, где я нахожу силы приходить в норму, я не мог бы прожить и года, я умер бы от ужаса тех страданий, что вижу, что видеть не хочу... Вы говорите, что у меня есть свой язык, которым я вещаю людям порывы к Свету. Ах, если бы Вы могли прочесть тот мрак, что царит в моем мозгу! Я не в силах был пережить мук моего народа, я бежал в Америку, чтобы там найти сил жить. Я их не нашел. Я видел то же страдание, правда, на иной лад, но страдание, нищету и рознь не менее страшные, чем на моей родине... Я встретил Вас. Я понял многое. Я нашел силы жить. Но мой дух, вернее мой мозг, не имеет сил выносить тех адских распятий, через которые мне приходится идти. Сердце говорит мне: «Любя побеждай», а мозг говорит мне: «Ненавидя борись». Где же истина? Где, какой путь? Я снова готов писать Реквием, от которого отказался, пожимая руку этого юноши, этой дивной расцветающей жизни. Но для чего жить и ему? Семья? Слава? Путешествия? Труд? Наука и творчество?...

Аннинов махнул рукой и снова стал шагать по залу, Теперь он напоминал фанатика. Взор его блуждал, глаза горели, он сжимал до боли свои прекрасные огромные руки, он не то готов был поднять их в мольбе и

любви к Богу, не то в угрожающем жесте спора и проклятий.

– Помните ли Вы, друг, как однажды в Нью-Йорке весь зал ждал Вас на концерте более сорока минут, а Вы все не выходили на эстраду? Помните, как я пришел к Вам, в Вашу артистическую комнату? Как мои несколько слов, переданные Вам от Флорентийца, подняли Вас над всем личным, что Вам казалось обязанностью гражданина и высшей честью человека-джентльмена. Помните ли Вы, как изменилась тогда Ваша психика, как весь Ваш личный бунт, которым Вы были заняты, показался Вам сразу мелким и недостойным человека-творца и как, наоборот, Вы поняли свою преступную небрежность к ждавшей Вас терпеливо, боготворившей Вас публике? Тогда Ваша духовная жизнь, жизнь творца и музыканта, висела на волоске. Вы могли остаться в артистической комнате и совсем не выйти к ждавшей Вас толпе. И тогда Вы сами сожгли бы плоды всех своих вековых трудов в искусстве в своем личном, эгоистическом бунте. И в этот миг сгорел бы для Вас весь путь красоты. Не только единить людей Вы не смогли бы больше, но для Вас закрылось бы звучащее небо. Вы говорите, что нет Ваших сил выносить распятия, через которые Вы проходите этапами Вашего искусства? Но искусство, каждый шаг в нем вперед, приходится выносить с трудом лишь тому человеку, который выхватил кусок красного огня с неба и не выработал того самообладания, где чистота сердца равна мощи духа. Если бы Вы в Вашем сером дне каждое мгновение жили у черты Вечного, Вы бы знали, что у человека нет двух миров, разъединенных во вселенной, нет двух мест для его творчества и для его служения людям. Вы не различали бы людей от тех сияющих гениев, которых видите в часы творчества, но знали бы твердо, что каждое мгновение только и может быть дыханием Вечного. Я спрашиваю Вас, что заставляет Вас страдать от тех или иных людских пороков? Вглядитесь, вдумайтесь, и Вы увидите: только те трещины неуверенности в вашем собственном мирозерцании, которые Вы сами расширяете, выливая и прибавляя к яду людей свое раздражение. Посмотрите, жизнь в этом доме была нерушимо спокойна, когда Вы сюда вошли. Первое, что Вы сказали: «Наконец-то! Наконец я нашел мирный угол! Здесь я буду творить!» Много ли прошло для Вас здесь мирных трудовых дней? Родина тревожит Вас? Смута и нищета народная? Мелкие люди, обман и фальшь? Но ведь сейчас все это от Вас так физически далекое клопочет бурно в Вас самом. Если бы Вы могли видеть себя, видеть то кольцо огней, в котором Вы движетесь, как в костре, и которое Вы же сами создали, Вы пришли бы в ужас и отчаяние и, пожалуй, Ваш Реквием был бы готов завтра. Принося земле звуки, которые помогают людям жить, Вы забыли о силе дисгармонии,

которая бьет людей, как кнут, всегда, когда Вы творили, измученный своим собственным разладом. Задумайтесь, дан ли Вам дар, чтобы им бить людей? Кроме знания своего места во вселенной, у гения есть еще и обязанности, разнящиеся от обязанностей прочих людей. Гений, неся свои дары земле, не может выбиваться из легкой радости: быть гонцом. Света. Для гения нет пути, обычного для средних дарований. В его труде всегда сотрудничество неба и земли. Но труд-счастье переходит для него в наказание, если он перенес центр тяжести так, что душа его слабее мощи его дара. И в этих случаях, друг, помощь может быть только одна: надо забыть о себе и думать о тех, для кого Вам дан дар. Вы сказали мне прошлый раз: «Я не могу безнаказанно спускаться на землю». Да, если Вы спускаетесь на землю, то это будет всегда трагедией. Лично для Вас это будет наказанием и проклятием, для дара Вашего – потерей, а для людей – лишением, ибо гений – это человек, не разъединяющийся с Теми, Кто с ним вместе творит. Творить... О, это не значит всегда побеждать или неустанно заниматься своим ремеслом и его деталями. Это значит крепить своей верностью искусству связь людей с Теми старшими братьями, что приняли на себя сотрудничество земное с Вами. Каждый раз, когда гениальное вдохновение было задержано Вами или растрчено зря, не достигнув цели, Вы оставляли энергию Любви неиспользованной. И она возвращалась к своему первоначальному источнику, не принеся пользы и счастья людям, так как Вы, ее приемник, были не в силах ее принять и передать встречным, Вы возмущаетесь ложью, обманом, воровством. Подумайте глубоко, встаньте в космическое понимание своей жизни и решите сами: чем отличалось Ваше поведение в этих случаях от поведения любого вора, обворовывающего свой народ? Ведь Вы, имея все возможности, не передали им сокровище, которое было послано через Вас им. Не Вам оно было дано, но через Вас им назначалось. И Вы лишили их не только красоты, как таковой, но и знания новых сил в себе, новых восторгов, которые могли и должны были пробудить в них энергию Света для труда и действия в их простых днях и отношениях с людьми. Не стойте пораженным, друг. Сделайте выводы и учтите их в будущем. Чем выше человек, тем больше он должен думать о тех своих братьях, что мало имеют духовных возможностей. Не нищетой материальной потрясайтесь. Но нищетой их духовной, которую Вы много раз делали еще беднее. Ваш путь – не путь политика и устроителя земли, но путь ускоренного пробуждения духовного Света в людях через музыку. Не путайте этих путей. Можно и должно быть патриотом, честным и деятельным гражданином своего отечества. Но путь, каким несут свое гражданство,

свою любовь к родине и свой труд для нее, остается индивидуальным путем, и перепутывать секторы труда вовсе не значит расширить свое собственное сознание или сделать свой труд более полезным для сознания встречающих. Пойдемте с нами. Вам необходимо пройти по воздуху. Кстати, Вы посмотрите новые картины синьоры Скальради. Не стойте же в такой недоуменной, рассеянной позе, – прибавил И., улыбнувшись артисту. – Можно подумать, что Вы вывели из моего разговора заключение, что музыканту, кроме его музыки, закрыты все другие пути знания и деятельности. Это неверно, и я этого не говорил. Не суживать горизонт дел и мыслей, но ширить его так, чтобы вся вселенная вошла в Ваше сердце. И чтобы Вы стали сыном ее, а не только сыном родины. Гению все пути открыты, но только тогда, когда он не бьется между небом и землей, а когда мира слиты в нем воедино, ибо в нем самом Гармония кончила счеты своего «я» с единой землей.

Взяв под руку растерянного Аннинова, И. вывел его из дома и пошел по направлению к Общине.

– Я опомниться не могу! Я мог себе представить себя в разных ролях. И чаще всего, признаться, я мнил себя великим музыкантом, просветителем, благодетелем и джентльменом. Но чтобы я оказывался в конце концов вором!.. Слуга покорный! Этого только недоставало на мою бедную голову.

Аннинов был так комичен в своих жестах, изображая, как он представлял себе свое величие и куда попал, поверженный словами И.; он так уморительно размахивал руками и делал такие громаднейшие шаги; голос его взлетал до высоких нот, и падал вниз. Забыв о нашей пыли, он поднял целое ее облако, в котором казался огромным привидением. Я не выдержал и залился своим хохотом.

Музыкант остановился, точно громом пораженный. Он смотрел на меня во все глаза, очевидно крепко забыв о моем присутствии. На его подвижном лице боролись разные чувства, но все казалось мне так смешно, что я не был в силах остановить своего глупого смеха.

– Вот она, комедия человеческой жизни! – сказал, наконец, Аннинов. – Я распят, а ему смешно! Каково же, действительно, должно быть, Величайшим из людей наблюдать мелкого воришку, расточающего без пользы их духовное добро! О Господи, только сегодня, сейчас я уразумел, что это такое «Вечное Движение» и кто – его носители на земле и над нею. Носители Его на земле только те, что могут понять – внутренней, интуитивной верностью – силу в себе не как собственный дар, выработанный своими достоинствами, а как движущееся во времени

слияние с Силой, живущей вечно. Ах, если бы мне больше никогда не забыть ни на минуту, что моя земная жизнь – не простое чередование дней, удач или неудач в них. Но Движение силы, вечно живущей и вечно творящей, движение ее в творчестве, к которому я только и могу присоединиться, сливаясь в спокойствии и чистоте с Нею в музыке. Как легко и просто было бы мне тогда жить! Каким озаренным и наполненным казался бы мне мой каждый день, вереницы которых я пропускаю сейчас так бессмысленно, тоскуя по небу, воруя его дары у несчастной земли и жалуясь на свое одиночество.

Мне было глубоко жаль Аннинова, голос которого теперь звучал глухо и скорбно. Я чувствовал себя виноватым и хотел уже обратиться к нему с извинением, как снова заговорил И.:

– Друг, дело не в том, что в эту или другую минуту Вы помните или забываете, что Вы гонец высших Сил на земле. Но дело в том, чтобы Вы, человек гениально одаренный, помнили, что на Вас лежит еще и долг небу. И долг этот заключается в том, чтобы сердце Ваше не мрачнело так легко, подпадая влиянию чуждых Вам эманаций. Удары этих чужих мыслей только тогда разбивают психику человека, когда он слаб в своей верности Тем, Кого он признал высоким источником своего благоговения, чьи идеи его пленяют, чье озарение он считает счастьем своей жизни. Много творческих восторгов Вы вызвали в толпах людей, передавая им плоды своего счастливого дара. Не одну Голгофу Вы прошли, чтобы войти в ту ступень творчества, где могут отдавать люди-гении своим братьям Свет слышимой или видимой ими Гармонии. Вы часто задумывались о встречах с отдельными людьми. Вы не раз поражались, почему Вы не дали счастья ни одному живому существу подле себя. Но Вы никогда не задумывались о Ваших встречах с толпами людей. Почему Вы ни разу не подумали, как велико Ваше счастье, что Вы можете вводить в храм Света, в блаженство Любви и мира толпу тех, кто пришел слушать Вас? Как же Вы представляете себе Ваш подвиг пробуждения к высоким чувствам и силам толп людей? Можете ли Вы безнаказанно для Вас проносить по земле молчание этих толп, их умолкание к мелочи земли и их слезы благоговения, восторга и благодарности их ощущения великого сияния неба, когда Вы играете? Восторг, вызванный в человеке, как и ужас, и скорбь, и страдание, все ткет нить связи, за которую гений несет гораздо больший ответ, чем простой человек. Если гений вытаскил людей из болота страстей в сияющее благородство, хотя бы только на те часы, когда они его слушали, читали, смотрели, то море их благородства и благодарности ляжет стеной вокруг гения, если его гордость и сознание своей власти над ними было

преобладающим чувством. В этих случаях связь гения с толпами людей может стать тяжелой рамой, упругой перегородкой между ним и его окружением, между ним и его Учителями. Я не говорю о тех печальных случаях, когда гений вводит тысячи людей в заблуждение, прививая им самые разнообразные пороки и затемняя им путь к Гармонии всякими видами собственных изломов, выдавая их за новые искания Истины, к какой бы отрасли творчества эти изломы ни относились. Восторги, вызванные в людях, все слезы, скорби, страсти, подобранные Вами, исцеленные или утешенные Вашей музыкой, если Вы не радовались, что можете подбирать их усердно, благоговейно в чашу Вашего сердца, с тем чтобы подать ее как слезу Вашей радости – слезу кристальной чистоты, как Господне вино – Вашему Учителю; если Вы не молили Вашего Учителя сжечь все эти страдания в огне Его пламенного духа, они лягут вокруг Вас, строя только еще новые перегородки условного между Вами и ближними, между Вами и Вашими Учителями. С этого дня, подходя к роялю, выходя к толпе, не думайте больше о той или иной форме своей передачи, о силе и степени своего темперамента и возбуждения. Но думайте о величии момента, в котором принимаете участие: о пробуждении в людях новых сил к жизни, о раскрытии в них совершенно иного пути для действий в жизни только потому, что через Вас шел им толчок. Вам, выходя на эстраду, надо помнить одно: руки Ваши ударяют вместе с рукой Вашего Учителя по клавишам; звуки Ваши – это пули, летящие и светящиеся, метко бьющие каждого в толпе. Кик они бьют, что ранят и пронзают в сердце человека, об этом Вам не дано задумываться. Ваше дело – знать, что нет пустою пространства между Вами и Теми, Кто сходит в своем духовном образе творить вместе с вами.

Мы подошли к нашему дому и встретили Бронского и Скальради. Артист нес огромный зонт-палатку и ящик с красками, а в руках художницы, прятанной под зонтом вместе с Бронским, было целое ведерко со всевозможными кистями.

– Мы успели как раз вовремя, чтобы полюбоваться Вашими новыми картинами, синьора Беата, – сказал И. художнице.

– О, что Вы, доктор И., – беспокойно воскликнула та. – Одну картину я пишу по памяти, без модели, как Вы хорошо знаете, и показать ее совсем не могу. Это только еще жалкий набросок. Другая, хотя модель служит мне усердно и тратит для меня очень много времени, все же еще не закончена. Я не могу ее показать, так как разочарование Ваше и Ваших друзей может убить во мне всякое желание работать дальше. А Вы знаете, сколько раз уже разочарования в моей работе доводили меня почти до психического

расстройства нервов.

– Однако вещи, о которых Вы много раз уже говорили, что они не готовы, покупались лучшими картинными галереями и были признаваемы великими художниками как законченные и первоклассные ценности. Ведите нас, синьора, в свое «святая святых». Пора уже Вам утвердиться в верности своему гению, а не ломать линию творчества, все время делая зигзагообразные дорожки и заставляя целый круг Ваших помощников и спутников распутывать петли, создаваемые Вашей неуверенностью и сомнениями. Если бы Вы могли себе представить Ваш путь искусства в виде каната, Вы увидели бы на нем целые тысячи узлов и узелков, которые связаны любящими руками Ваших милосердных друзей. Идемте сейчас же. Хоть в эту минуту соберите энергию радости и не отрицайте, а утверждайте и ведите нас смотреть Ваши новые победные достижения.

Скальради стояла в нерешительности, и только сейчас я заметил, как много в ее фигуре, взгляде и, главное, в движущихся все время руках и пальцах неуверенности. Никаким счастьем и не веяло от этой фигуры женщины, которую И. назвал сейчас гением.

– Если бы на моем художественном пути не было связано так много узлов Вашими руками, Учитель, я бы не послушалась Вас. Но Ваше слово для меня закон, и я повинуюсь Вам, не отвечая за последствия, какие будет иметь этот преждевременный, по-моему, просмотр, – тихо и печально ответила художница.

Она повернула обратно, миновала несколько аллей и вышла к гроту, войдя внутрь. Я никак не мог сообразить, куда мы шли. Я знал несколько гротов, однако в этом не был ни разу. Здесь было темно и прохладно, но рисовать здесь было совершенно невозможно. Между тем Бронский не закрывал зонта и шел в темноте уверенно вперед, где было еще темнее.

Через несколько времени ходьбы по широкому, прохладному и полутемному коридору грота мы вышли на большую площадку, где росли три высокие пальмы в сыпучем песке и у выступа одной из скал лежал прелестный мехари.

– Ну, уж мехари-то Вам совершенно не нужен больше, – смеясь, сказал И., – Нельзя сказать, чтобы Вы были очень милосердны, синьора Беата, и спешили возвратить мехари Зейхеду.

– Вы сами увидите сейчас, Учитель, что картина еще не окончена. Тогда и решите, нужен ли мне еще чудесный мехари, – все с тем же волнением ответила снова художница.

Она поставила на землю свое ведерко и прошла к самой дальней скале. Только теперь я увидел там нечто огромное, вроде движущегося шкафа,

который Скальради с помощью Бронского поворачивала к нам лицом. Большущее плотное покрывало было отдернуто, и моему взору представилась картина – нет не картина, а живой Бронский в одежде бедуина, на живом мехари. Поза его, лицо, руки – я так и ждал, что сию же минуту Бронский спрыгнет с мехари и скажет мне: «Левушка, где Вы все пропадаете? Я соскучился». Я вскрикнул от восторга, не мог сдержать порыва радости, бросился к художнице и, обхватив обеими руками ее шею, горячо поцеловал. Только когда раздался общий смех, я понял, какую мальчишескую выходку я снова устроил, и переконфузился совершенно.

– Простите меня, синьора Беата, – сказал я, целуя обе руки художницы. – Я не мог сдержать восторга и благоговения перед таким совершенством. Ведь это не портрет Бронского, о котором я мечтал для него, – это сама жизнь. И увидеть такую картину – значит понять совершенство гения, для которого «знать» значит «уметь».

– Я также прошу Вас простить Левушку за его восторженное и непрошеное объятие. Он выразил и за нас восторг в своем поцелуе. И я, целуя эти руки, воздаю только должное силе чистого сердца, которое сумело обогатить мир такой красотой, – сказал И. – Уверьтесь же наконец в силе своего таланта. Отдайте себе отчет, что не сомнение заставляет Вас прятать свои картины от глаз людей, а страх, претворившийся в Вас в ложное самолюбие. Начинайте с этого момента освобождаться от страха. Представьте себе, что Вы живете сегодня свой последний день. Неужели у Вас не хватит сил сбросить плесень страха и сомнений? Неужели не сможете воспеть Жизнь без язвы отрицания и страха? Начинайте новый этап творчества, крепко возьмите мою руку и в полном самообладании покажите нам вторую картину, – говорил И., держа обе руки художницы в своих руках.

Ручьи слез катились по прекрасному лицу Беаты. Теперь это лицо было очень бледно, но совершенно спокойно.

– Я знаю, Учитель, что мне надо или вступить в новую фазу жизни моего духа и в искусстве, и в делах дня, – или смерть должна наступить. Я знаю и чувствую, что я остановилась всем своим сознанием; я начинаю понимать, что в этой стадии развития больше ни жить, ни творить не могу; что ни духу моему, ни творчеству нет дальше развития, пока я не двинусь дальше по пути освобождения. Но... открыть перед Вами сейчас мою новую картину – это и значит умереть Беате – той, что жила до сих пор. Да будет Ваша воля выполнена. Хватит ли у меня сил родиться вновь у полотна, которое я открою Вашим глазам, я не знаю. Быть может, я там умру, но я иду.

Художница направилась к противоположному выступу скалы, где я только теперь заметил большую раму, закрытую полотном. Как медленно она шла! Казалось, ей вдруг стало сто лет и на каждой ее ноге висят пудовые гири. Я подумал, что она не дойдет, – такие усилия она делала, чтобы пересечь небольшую сравнительно площадку.

Наконец руки ее коснулись шнура, который она с трудом потянула. Первые ее усилия не привели ни к чему. Я уже хотел броситься ей на помощь, как взгляд И. остановил меня и одновременно напомнил мне о творческом действии сердца и мольбе к Флорентийцу. Я почувствовал, как сам И. помогал Беате, вливая ей уверенность и мощь. Я сосредоточил все мои мысли на призыве в помощь ей Флорентийца и не отрывал моих глаз от художницы.

Она все продолжала тянуть шнур, и когда уже, так мне показалось, силы ее иссякли, а она все же не выпускала шнура и почти падала, полотно вдруг дрогнуло сразу раздвинулось. От чрезмерных усилий и внезапно подавшегося полотна художница упала на одно колено не могла подняться, оставшись в коленопреклоненной позе, с тяжелым шнуром в руках.

В маленькой группе вокруг И. мне послышалось сдержанное рыдание. Я повернулся туда, оторвавшись глазами от лица Беаты, и увидел Аннинова, который, закрыв лицо руками, весь вздрагивал от тяжелых рыданий. У меня еще не было времени взглянуть на полотно, так как лицо Скальради притягивало меня, как магнит. Теперь, взглянув на И., который смотрел на картину и, казалось, забыл все окружающее, я узнал в его лице то необычайное выражение мира и благословения, с которым он стоял на корме парохода после бури, в тот момент, как за нами пали два столба смерча на Черном море.

Я почувствовал, что сейчас совершилось нечто великое, повернулся к полотну и отскочил в полном смущении. На меня шел, неся на плече Эта, я сам. То ли игра света, то ли на картине действительно была ухвачена экспрессия, почти невероятная для кисти, но мне показалось, что Эта собирается спрыгнуть с моего плеча и я ему улыбаюсь. Я попробовал, нет ли на моем плече моей дорогой птички.

Но на этом картина не кончалась. Из-за прозрачной завесы между двух колонн видна была фигура И., к которой мы с Эта спешили. Но что творилось с этой фигурой, – я понять не мог. Фигура И. на моих глазах становилась все четче, хитон его делался все яснее оранжевого цвета, а в руках его были те оранжевые цветы, что росли и цвели на дереве в его домике в скале. Одна рука была вытянута по направлению к Эта, как бы предлагая птице цветы.

Я обернулся к И. Лицо его все сохраняло то же выражение мира и благословения Жизни. Он держал свою левую руку вытянутой, подняв ладонь к полотну; я повернулся снова к картине, и фигура И. на ней показалась мне еще законченной. Лицо его на картине сохраняло в точности то выражение, что сияло сейчас на его живом лице.

Я терялся в догадках, не понимая, что за игра света совершается на полотне, и думал, не исчезнет ли четкость образа И. на полотне так же внезапно, как сказочно быстро она там проявилась. Но фигура сохраняла свою законченность. И. опустил свою руку, и в ничем не нарушаемой тишине раздался его голос, голос такого очарования, такой ласки, каких я еще никогда не слышал.

– Не плачьте, мой друг и брат. Вы присутствовали сейчас не только при первом крещении картин художницы. Вы видите и новое ее рождение. Дух человека – на Ваших глазах – принял новую сферу влияния в себя. Человек-творец не может стоять на месте. Как нет двух нот, имеющих одинаковое количество колебаний в физическом мире, – что Вам, музыканту, хорошо известно, – так нет и двух планов, которые может отражать художник, оставаясь включенным только в план физических колебаний. Дух, не имеющий мощи держаться в атмосфере своих невидимых сотрудников, не может двигаться и повышаться – как провод, как гонец неба – для помощи людям земли. Вы сейчас наглядно видите помощь, сотрудничество наше с людьми. Силой творческой Любви я привел в образ мечты Беаты, мечты всей ее жизни: изобразить кистью Учителя и ученика. У нее не хватало уверенности и спокойствия. Но, когда верность ее победила даже страх смерти, помощь пришла гораздо скорее, чем ее руки могли бы закончить картину и написать ту фигуру Учителя, о которой она мечтала. Взгляните на синьору Беату. Разве это та женщина, которую Вы только что видели? Это вновь рождение к жизни и творчеству существа совсем иного. Это уже жизнь после смерти всего личного; жизнь нашего гонца для труда на земле, для единения людей в красоте. Перестаньте страдать. Поймите, путь Голгофы у каждого свой. И этот путь на земле – путь единственный для каждого, чье сердце предназначено быть источником знания. Только умирая страстями, творец-человек начинает путь творца-слуги и помощника Учителю. Дышите, не яд пошлости вбирая в себя; но дышите, сжигая вокруг себя то несчастье, что выносят люди на поверхность как показное и условное, думая, что оно лучшее. Дышите так легко, чтобы каждый Ваш звук мог проносить ноту сердца Вашего Учителя. Чтобы он звучал не только как Вашего сердца нота, но всегда, как нота того аккорда, что родился у сердца Учителя.

И. обнял Аннинова, подал его руку мне и подошел к Скальради. Она все еще стояла на коленях, он обнял ее, поднял с колен и прижал к своей груди. На мгновение мне показалось, что оба они исчезли и только пламя-огромный шар сияющего оранжевого цвета, со всевозможными языками и полосами всех цветов,

– пламя дрожащего огня колеблется и движется в том месте, где они стояли.

Через несколько минут пламя рассеялось, и я снова увидел И., державшего за руку художницу. Но Боже мой! До чего она преобразилась. Ее глаза сияли, вся фигура отражала силу и волю, движения, походка, когда она решительно подошла к полотну, были быстры, гибки.

– Так ли я помог отразиться на полотне твоей мысли, друг? – спросил И., улыбаясь художнице.

– Так, Учитель. Только моя рука не могла бы никогда изобразить подобного образа. Он отражен здесь гениально. Но не я изобразила его, и пусть эта картина остается навеки в Общине как драгоценный дар Вашего милосердия.

– О нет, мой друг, – ответил ей И. – Картина пойдет в широкий мир, пойдет под твоим именем. Я только собрал твою мысль, твой труд и усердие. Ты все равно сделала бы сама мой образ таким же, только не так скоро. Смирись и иди по жизненному пути так, как вижу и указываю тебе я. Становись в ряды тех наших гонцов, где уже нет «Я» и «меня», но простая радость: «через» меня. Тому легка жизнь, кто знает, что каждый миг, каждое его дыхание – только простая, чистая доброта. Не стремись выше, пока земля нуждается в тебе. На этой картине будут учиться толпы людей, ты же забудь о себе и думай о них.

И. поцеловал высокий лоб художницы и подозвал нас с Анниновым. Обратившись ко мне, он сказал:

– Левушка, ты видишь себя здесь красавцем. Куда же ты смотришь, друг? – рассмеялся И., увидев, что мой взгляд прикован к его лицу. – Я кажусь тебе красивее тебя? – продолжал И. смеяться.

– Ах, И., дорогой мой Учитель. Я действительно заслуживаю, чтобы Вы надо мной смеялись, потому что я снова стал Левушкой «лови ворон». Но я весь так активно Живу сейчас в том моменте, когда мы плыли с Вами на пароходе и когда кончилась чудовищная буря. Ваше лицо тогда и Ваше лицо сейчас – одинаковы. Выражение неземное было на нем тогда – оно лежит на нем сейчас, оно живет и на картине. Мне хочется стать на колени и молиться, не говоря уже о красоте и жизни всей Вашей фигуры на полотне. Поистине можно сказать: счастлив тот, кто увидит Вас хотя бы

только на картине. Он будет знать, что такое человек, чем он может быть и каким счастьем может быть жизнь для тех, кто знает, кто живет на одной с ним земле.

– Хорошо, Левушка, но в данную минуту я прошу тебя обратить внимание на твой собственный портрет. Ты должен быть джентльменом и кавалером и поблагодарить синьору Беату за прекрасное изображение тебя.

– О, Учитель, я глубоко, более чем глубоко благодарен синьоре Беате. Я никогда не ожидал такого счастья, такой ничем не заслуженной чести, как быть изображенным рядом с Вами. У меня нет слов, чтобы благодарить Вас, синьора. Но, если когда-либо сила и красноречие моего пера смогут быть равны таланту Вашей кисти, я воспою Вам славу в романе. И постараюсь по памяти так же точно отобразить Ваш портрет, как Вы, по словам нашего Учителя, отразили мой. Все, чего я желаю – чтобы люди так же много пережили великого и трепетного у Вашей картины, как пережили подле нее все мы.

Аннинов поцеловал руку художницы и тихо сказал ей:

– Если бы я был так же молод, как этот пробужденный лебедь, я написал бы Вам сонет «Волшебница-Освободительница». Как много я понял из Ваших полотен сейчас. Я пришел сюда несчастным и ухожу счастливым и утешенным.

Художница, поцеловав прекрасный лоб Аннинова, сказала:

– Как странно слышать от Вас слова о Вашем несчастье. Человек, порывами звуков вырывающий целую толпу людей из какого угодно уныния, даже из предельного отчаяния, и пришивающий ей крылья восторга, уверенности и энергии, вдруг говорит о собственном разладе. Мне всегда казалось, что у Вас может быть недовольство собой, потому что Вы слишком далеко видите и искусстве, слишком высоко слышите его, и средства земного выражения его для Вас уже недостаточны, чтобы передавать людям все то, что Ваш дух постигает. Эту неудовлетворенность в художнике я хорошо понимаю. Но чтобы Вас, такого гиганта, грызли сомнения и личный разлад, чтобы Вы– утешитель – нуждались в утешении, этого я никак предположить не могла.

– Вот этот случай, мой друг, пусть будет тебе примером, как мало люди задумываются о душе другого, встречаясь на пути с человеком, – сказал Беате И. – По всей вероятности, ни один из вас во всю свою жизнь не останется заполненным только своими собственными мыслями и чувствами. В каждом из вас великий художник и слуга Учителя, как путь для помощи людям, будут на первом месте в земной жизни. И тем не менее при всем знании величия человеческого пути на земле ни один из вас не

может найти такой освобожденности, чтобы быть радостным и счастливым. Почему в каждом из вас нет удовлетворенности? Почему нет спокойствия? Потому что, по своему, каждый из вас приписывает качества своего дара себе, труду именно данного воплощения. Мысль, что каждый из вас заслужил свое положение, что всем, что он имеет, он обязан самому себе, стоит отправным и основным пунктом жизни каждого из вас. Между тем в помыслах освобожденного человека не живет понятие «заслужил», как там не живут понятия страха, самолюбия, любопытства, ревности, зависти и так далее. Это понятие «воздаяния» за какие-то доблести – понятие одной земли, живущей по закону справедливости. Во вселенной все движется закономерно и целесообразно, все подчинено закону причин и следствий. Во вселенной нет суеверия; там все следует точно закону вечного движения. Ни одно светило не может засиять ярче или раньше времени, хотя бы ему самому и миллиардам жизней на нем казалось, что оно заслуживает большего. Но в его окружении могут произойти катастрофы распада ближайших к нему миров; и, если оно окажется гармоничным в колебании своих волн жизни тем мирам, что погибли близ него, оно притянет к себе свет гнущих светил и засияет ярче. Все вековые труды человека-гения это труды освобождения его духа в бесчисленных земных жизнях. Это его бескорыстная преданность тому роду искусства, которое он принес с собой. Мир его неугасимого духа, заключенный в тленный чехол, который должен был много раз гибнуть и снова воссоздаваться, возвращался на землю как повышенный тип сознания. Достигал той или иной ступени совершенства через неустанное освобождение и соединялся со все более высоким кольцом невидимых помощников, в гармонию духа которых он становился способным проникать. Он соединялся с их гармонией, чтобы переносить Свет их сияния через свой проводник на землю. Вы видите сейчас, как тяжело гнетет одаренного человека каждый из тех моментов, когда он думает о себе: когда он забывает о радости жить, служа людям источником Света и Любви, которые ему шлют его сотрудники трудящегося неба. Пойдемте, друзья. Скоро я покину вас на некоторое время. Не тоскуйте, не делайте таких печальных лиц. Каждый из вас уже вырос за эти несколько месяцев жизни здесь настолько, чтобы снова идти в мир и быть там действенным проводником людям. Тебе, Беата, надо самой отвезти свои картины в Париж, где они произведут немалый переполох. Тайна той манеры, в которой изображен мой образ на картине, тайна прозрачных красок завесы, за которой он виден, – эта тайна умрет с тобой. Она не для широкой публики. Тебе послушание: молчать об истинном происхождении моей

фигуры на полотне. Ласково улыбаясь, отвечай на все просьбы открыть секрет для преуспевания потомства, выдать тайну красок, что ты ни у кого не просила помощи в раскрытии тайн и секретов, когда достигала побед в своем искусстве. Отвечай, что ты хорошо помнишь те штывы, какими тебя встречали при первом появлении в залах выставок. Пусть каждый сам достигает совершенства в своем творчестве. Есть вещи, которых не указывают, до которых талант доходит сам. И чем меньше ему мешают указаниями, чем больше ему предоставляют самостоятельности, тем выше и скорее талант может развиваться. Не смущай своего сердца тем, что ты вынесешь в мир якобы ложь. Ты не можешь еще так ясно видеть, чтобы знать, для чего надо твоей картине увидеть свет именно в таком виде. И потому я даю тебе в послушание охрану тайны, но не могу открыть тебе сейчас больше того, что сказал. Иди, друг, весело, легко, без смущения в мир. Ты здесь не только отдохнула, но и переродилась. Теперь пора влиять на встречных не только полотнами, но и собственным живым примером.

Я видел, как была поражена художница тем, что ей надо ехать в Париж, оставить Общину. Я читал на ее лице страстную борьбу и желание умолить И. отдалить ее отъезд. Но лицо И. было теперь твердо: точно стальной клинок, лился какой-то блеск из его глаз. Беата поклонилась и попросила Бронского помочь закрыть полотна.

И. взял руки Аннинова и сказал ему:

– Вам тоже, мой друг, я даю послушание: уезжайте обратно в Америку и не теряйте там времени в пустоте. Не занимайтесь спорами, так или не так идет момент исторической жизни Вашего народа. Все Ваши споры не принесут пользы ни одному человеку. Но один аккорд, взятый Вашей рукой, может двинуть десятки и сотни людей к новому росту, к новой силе. Уезжайте, Вы здоровы. Живите эти годы так, чтобы не упрекнуть себя в последний час, что мало сделали в своем отрезке вечного труда за это воплощение. Не забывайте, что человек сам прокладывает себе путь к следующему воплощению; сам творит свое «завтра»; сам притягивает свое окружение следующей жизни той энергией, в которой он живет свое «сегодня». Изжитая сегодня вся полнота чувств мчит дух к цельным чувствам завтра. Только этим путем изживается компромисс. Поезжайте, и вот Вам мой подарок.

И. снял с руки прелестное кольцо с топазом и надел его на безымянный палец левой руки музыканта. Я никогда раньше не замечал на руках И. никаких драгоценностей и не знал, что сегодня на его руке был этот перстень. Еще раз я должен был убедиться в своей рассеянности.

Я посмотрел на лицо Аннинова. Слезы текли по его щекам. Но какая

разница была между его слезами сейчас и час тому назад. Весь он представлял из себя одну благодарность, когда благоговейно целовал данное ему кольцо.

– Я сделаю все, Учитель, чтобы руки мои были чисты; чтобы я мог достойно нести Ваш дар до конца жизни. Я не буду говорить Вам, как мне грустно расставаться с Вами. Я даже не знаю, что во мне сейчас сильнее: радость, что я получил дар от Вас, или грусть, что я покидаю Вас. Я буду стараться трудиться так ревностно, чтобы не оказаться больше ни разу в роли вора, утаившего частицу тех сокровищ, что мне дано постичь в музыке. Я буду жить так, как Вы сказали, думая, что в каждый новый день я живу свой последний день. И если проживу какой-то отрезок времени достойно, буду надеяться, что перед смертью я еще раз увижу Вас.

– Я Вам это обещаю, мой милый друг, – ответил И.

Он обнял еще раз каждого из присутствующих, сказал Бронскому, чтобы он шел с нами, а Аннинову предложил помочь художнице, прибавив, что пришлет еще на помощь Зейхеда.

Простившись с Беатой и музыкантом, лица которых, несмотря на разлуку с И., сияли энергией и радостью, мы вернулись в парк и прошли прямо в комнату И. Усадив нас, он взял большой фолиант с полки и сказал Бронскому:

– И Вам, и Левушке надо прочесть вот эти страницы книги, которые заложены здесь лентами. Вы языка пали не знаете, но Левушка им владеет уже настолько, что может перевести их Вам. Здесь вам обоим будут даны указания, как вести себя в пути, который будет частично не особенно легким. Кроме того, вы поймите, как вести себя с теми людьми, к которым мы поедем. В тех домах Общины, где вам необходимо побывать, вы увидите людей, идущих очень тяжело свой земной путь. Среди всей массы людей, собранных в этих частях Общины, вы не увидите ни одного счастливого лица, за исключением тех, кто пришел туда отсюда, из нашей Общины. Чтобы вам понять, как труден день несчастного, все мечтающего о каком-то дивном «завтра» и не умеющего прожить в радости свое «сегодня», вам надо быть в полной освобожденности самим. Все эти остающиеся короткие дни жизни здесь и то время, что мы будем в пути, трудитесь над выработыванием самообладания. Чтобы мог в человеке раскрыться его внутренний, духовный глаз, сам человек должен войти в иное понимание собственной жизни. Это данное мгновение для обоих вас не составляет только внутреннего минутного раскрытия духа и разрешения мучительных вопросов творчества и бытия. Это мгновение – мгновение рождения новых сил для дальнейшей повышенной формы вашего труда.

Если человек призывается к более высокому труду с Учителем, то в его внешнюю и внутреннюю жизнь входит полное раскрепощение, освобождение от всех пут условного, поглощавшего до этого часа его духовные силы, вернее сказать, связывавшего его чехол тугими тесьмами условностей. Вновь наступающий период раскрытия «Я», высшего сознания в каждом из вас должен быть подготовлен сознательно. Нет в ученичестве таких ступеней, куда можно было бы войти чужим опытом, чужими знаниями. Каждая искра нового Света в себе раскрывается самим человеком, его трудом. Но это вовсе не значит, что указания и опыт тех, кто пришел к освобождению раньше, не нужны ученику. Они ему более чем нужны. Но нужны не как менторское указание, не как воспитательный прием, а как сила любви и доброжелательство, которые помогают человеку вскрывать в себе и легче находить свой собственный путь в той гармонии, что ему льют старшие братья. Те в ученичестве «старшие», в ком сила гармонии звучит громче. Учителем может быть повар на черной кухне, а учеником его – настоятель в игуменских палатах. Раскрепощению от условностей помогает Любовь старшего к своему младшему брату совершенно так же, как нежная мать своей любовью оберегает сына на войне. Бодрость ее, мужество и жизнерадостность спасают ее сына, пришивая ему крылья находчивости и бесстрашия. Мать неумная держит сына у своей юбки, мало задумываясь о полете его духа. Она воображает, что своими хлопотами, протекциями, кривозигзажными обереганиями его от всяких тяжелых повинностей она спасает его для своего и его счастья. Мать умная и самоотверженная мчит сама свой дух во всю широкую Жизнь, забывая о себе; готовит из своей Любви ковер-самолет сыну к счастью и победе. Ее освобожденная любовь сливается с его лучшими порывами героических сил, и помощь ее, не навязанная, как жернов плоти на шее духа, несет его мимо всех бед и пропастей в то место, где звучит гармония, близкая его собственному звуку, его ноте сердца. Прочтя эту книгу, – на что у вас уйдет не менее трех дней, – придете ко мне; и мы отправимся к профессору. Помните же, друзья, ищите в книге не примеров к подражанию, не фабулу ставьте во главу смысла, а ищите понять собственное закрепощение в условных понятиях. Ищите в себе пути своих собственных сил любви и мира, чтобы выйти из сети условных тисков предрассудков и приготовить своему сердцу новую возможность: излучать навстречу человеку улыбку мира. Ту улыбку мира, где нет двойного счета: «Ты мне причинил боль и зло, я тебе воздаю добром». Ибо такой «счет от ума» может держать в себе только скованный условностью.

Раскрепощенный же действует, выливая в молчаливой улыбке не

мысль о действии, но самое действие. Идите теперь. Я пришлю за вами. Будьте прилежны. Я разрешаю вам обоим учиться в комнате Али. Не ходите к общим трапезам. Ясса будет приносить вам все в мою столовую, сюда, где никто из вас еще не бывал.

Мы в глубоком благоговении внимали словам Учителя. И. подал мне книгу, принял наш глубокий поклон, отдал нам его, и мы немедленно пошли в комнату Али. К нашему удивлению, в коридоре наверху нас ждал Ясса, провел нас в комнату омовений, подал нам чистую одежду – белое платье и сказал: – Я знаю, когда прийти за вами.

ГЛАВА 12 Мы читаем книгу в комнате Али. Древняя сказка

Когда мы вышли из комнаты омовений, я взглянул на Бронского и был тронут необычайным для него выражением лица. Вместо всегдашней бодрой энергии и радости, которые сменили теперь его прежнее скорбное выражение, на лице его лежал отпечаток полной растерянности. Он, этот огромный человек, напоминал сейчас ребенка и старался держаться ближе ко мне, со страхом ступая по белым плитам коридора. Очевидно, не только внешний вид домика Али, но и самая его атмосфера сильно действовала на чуткую и тонкую организацию артиста.

Я вспомнил, как я сам был поражен, когда И. ввел меня сюда в первый раз, как страдала Андреева в комнате Али, и всем сердцем воззвал к Флорентийцу, прося его помочь мне облегчить моему другу его первые шаги здесь. Я знал милосердие Флорентийца, знал и мужество Станислава; и я не сомневался в успехе нашего сегодняшнего дела, если буду мужествен и чист я сам.

Когда мы приблизились к заветной двери комнаты Али, я вложил в замок ключ, распахнул широко дверь и увидел на пороге сияющие огненные знаки.

– Видите ли Вы огненное письмо, мой друг? – спросил я Бронского.

– Нет, Левушка, я совсем не вижу никакого письма, но двинутся вперед я не в силах. Ноги мои точно прилипли к полу, и сам я как будто весь налит свинцом. Мне не победить притяжения земли и не пройти в тот свет, что сияет за дверью. Идите один, дорогой мой мальчик, я буду, как в карауле, стоять здесь и ждать Вас, сколько бы Вы там ни пробыли. Верьте, если бы я здесь должен был бы даже умереть, истощенный силой этой невероятной тяжести, я не сдвинусь с места. Я буду Вас ждать. Если бы мне случилось у этой двери умереть, передайте И. мое ему благословение, мои ему верность и благоговение. Идите, я чувствую, что через несколько минут я упаду.

Голос Бронского, хотя очень глухой, звучал ласково, от него веяло миром и все той же детскостью. Я ему сказал:

– Вот какие здесь горят слова, Станислав: «Только мужественный, до конца верный и умеющий молчать о тайне своего пути может войти сюда».

Над дверью сверху сияло:

«Входи, путник, не испугавшийся тяжелой ноши. Входи, учись, будь благословен. Уйди отсюда с новым знанием и приложи его к своему творчеству так, и там, и теми способами, что подскажут тебе твои дары приспособления и твоя интуиция. Помни, путник, что ученику не даются знания, чтобы они лежали под спудом втуне. Но даются для того, чтобы он, понимая и учитывая здравый смысл земли, нес их ей. Чтобы он встречал в них каждый свой день, как чудесное счастье просить свое «сегодня» как благословенный день мужества, мудрости и единения с трудящимися неба, и земли, в неугасимой любви Великой Матери».

Я увидел мелькнувшее на мгновение, улыбнувшееся мне лицо Флорентийца и услышал его голос, приказывавший мне подать руку моему брату.

Я повернулся к Бронскому, подал ему руку и спросил, хорошо ли он понял и запомнил все, что я ему перевел, что надписи еще горят и я могу ему прочесть их вторично. Тяжело опираясь на мою руку, он мне ответил:

– Я понял и запомнил. Мне теперь гораздо легче, если Вы позволите мне опираться на Вашу руку, быть может, смогу пройти в комнату.

Письмена погасли, мы вошли в комнату и подошли к столу Али. Я усадил Бронского в кресло возле стола, и, пока я открывал крышку стола и разворачивал книгу, что я делал умышленно медленно, артист собирался с силами. Но я все еще читал на его лице растерянность от невероятного изумления. Я помолчал немного у раскрытой книги, и наконец он сказал:

– Я готов, читайте, Левушка.

И это был уже обычный бодрый голос моего друга. Я стал сразу переводить ему текст.

«Люди, ища ученичества, стараются соединить в своей обычной жизни идеи высокого духа с самыми простыми делами дня. До тех пор пока они ищут «теоретически» соединить небо и землю, их время пролетает бессмысленно, не принося плодов творчества ни им, ни их встречным.

Только с того момента, как дух их освободится от гнета постоянной мысли: «Что говорит и чему учит тот или иной Учитель человечества» и сам человек начнет понимать, что «путь» – это и есть он сам, – с этого момента его жизнь земли обретает смысл и он перестает тратить время в

пустоте.

Передвигаясь день за днем, постепенно усваивая из опытов труда, в чем застревал его собственный дух, где он мог поступить по высокому зову, а поступил по зову плоти и самолюбия, человек приходит к первому знанию:

Он движется или останавливается только потому, что входит в волну движения всех его окружающих любя, или проходит свой день, стараясь отстраниться от серых дел земли и взвалить их на плечи тем, кто не ищет высот духа и доволен материальными буднями.

Просыпаясь к духовной жизни, надо помнить, что встреча с Учителем есть всегда результат радостно и легко проживаемой земной жизни. Только тот, кто умеет нести свое тяжкое бремя дня, улыбаясь встречному и помня, что чужая скорбь священнее своей, – только тот найдет Учителя. Ибо путь к нему ведет через любовь к людям.

Страстное желание быть учеником и такое же страстное и бурное изживание своего дня не приведут к встрече до тех пор, пока страсть не перейдет в радость.

Без сомнений в самом себе, без измен и колебаний никто на земле не может выработать верности до конца. Но однажды путем распознавания поняв, как шатка верность в себе, человек устремляет все свое внимание на укрепление этого качества. Когда такой момент пережит, человек, постепенно расширяясь сознанием, вступает на путь освобождения и мира, то есть на путь ученичества.

Однажды поняв, что сила собственного раздражения и требовательности к людям составляет главные крючки собственного закрепощения, ученик начинает сбрасывать с себя условные ценности и вскрывает в себе источник Вечного, ту Любовь, что таит в себе все чудеса и дает силу для чистого и бескорыстного действия».

Лицо Бронского было совершенно спокойно и радостно. Я стал переводить дальше.

СКАЗКА ДРЕВНЕГО СТАРИКА Жил на свете мудрый старик. Жена его умерла рано и оставила ему трех сыновей да маленькую дочь.

Росли мальчишки легко, не знали ни болезней, ни слез, ни зависти. Мудрый отец никогда их не бил, не наставлял длинными и умными нравоучениями, но собственным примером научил трем правилам:

1. Никогда ничего не бояться.
2. Не думать о будущем, а трудиться изо всех сил сейчас.
3. Не брать чужого и быть милосердным, не осуждая людей.

Сыновья выросли и применяли правила отца в своей жизни. Девочка

же росла, всего боясь, никогда и ничем не была довольна, не замечала, как проходило ее «сейчас», но все мечтала; когда наконец начнется для нее настоящая, блестящая и заманчивая жизнь, шумная и прекрасная. На вопросы отца и братьев, о чем она мечтает, почему не наслаждается жизнью, красотой гор и ручьев, реки и чудесной зелени, девушка отвечала:

– Да какая же это жизнь? Живем мы в глуши, точно медведи. Правда, красиво здесь, ах, как красиво! Даль широкая открыта, луга и сады, цветы и певчие птицы, песни людские – все красиво. Но людей здесь мало, люди серые, одеты кое-как! Разве это жизнь? Жизнь, наверное, там, где шумят в городах толпы народа, где люди много чего-то знают, где песни иные, где наряды цветные, где вещи золотые.

Братья смеялись, не корили сестренку за ее детские мечты, но добродушно шутили, что всех краше живет где-то принц, и он-то непременно за нею приедет, пленится ее красотой и увезет в свое далекое и шумное царство. Один из братьев принес ей однажды зеркальце, чтобы она могла любоваться собой не только в зеркале реки.

Возмужали сыновья, вошли в силу, и сказал им однажды их мудрый отец:

– Вот что, дети мои, должен я вам передать. Приходил ко мне старец из дальнего монастыря и велел мне отпустить всех вас троих в широкий мир. Сказал он мне, будто воспитал я вас в твердых правилах чести и доброты и что надо вам нести их в мир, чтобы людям было легче и радостнее жить рядом с вами. Идите, дорогие мои. Каждый из вас пусть идет один; не берите много вещей и пищи с собой. Вы молоды, здесь и там зарабатывая, дойдете до шумного города. Там разойдетесь в разные стороны, и каждый найдет себе город, где будет жить среди людей, им служа, как сумеет. Так просил сказать вам старец.

Опечалились сыновья, что надо покинуть отца, родной дом, любимые места, леса и горы, красоту которых они так ценили. Но утешил их мудрый отец, напомнив им, что нет ничего вечного на земле, кроме тех любви и мира, что носит человек в себе. Рано или поздно расстаться придется, смерть непременно разлучит. Ну, а любви и мира, вероятно, людям в шумных городах не хватает; и служить ими людям – долг каждого, кто дошел до такой радости, что сумел их обрести в себе.

Сыновья если и не сразу утешились, то примирились со своей судьбой, а вскоре и успокоились, поняли, что не одна их деревня на свете, не один их дом или улица в мире, но всюду люди, всюду жизнь, и надо все единить в любви.

Девушка же оставалась безутешна. Не разлука с братьями огорчала ее.

Но то, что братья пойдут в широкий мир, будут жить в блеске и шуме городов, а она останется в глуши и неизвестности, в серых буднях. Ее душило раздражение на старца, что велел уходить братьям, – правда, они статные, всеми признанные красавцы, – а ей, самой первой по красоте не только в собственном доме, но и во всей округе, велит сидеть дома.

И чем дальше шли дни, тем все пуще ее разбирала досада; не захотела она даже помочь братьям в их сборах. Не верила она, что им тяжело расставаться с любимым отцом и с нею. Много раз пыталась она просить их всех вместе взять ее с собой, но братья ей отвечали, что дали слово отцу и должны его выполнить. И не потому они не хотят взять ее с собой, что не дорога она им, а потому, что они верят отцу, любят его и счастливы выполнить его волю.

Каждый из них говорил ей, что охотнее всего остался бы дома, в благословенной тишине, и переменялся бы ролью с ней; но приказ отца – закон для их собственной любви и воли; и, как ни трудно расставанье, все побеждает его радость желанья служить людям так и там, как и где хочет их мудрый отец.

Раздраженная девушка возмущалась; без всякой сдержанности обвиняла братьев в фальши и лицемерии; уверяла их, что отец давно перестал быть мудрым, что от старости он лишился здравого смысла и все путает; вероятно, перепутал и слова своего старца, который, впрочем, тоже не очень нормален.

Натыкаясь каждый раз на непреклонную стойкость своих братьев и видя бесплодность своих усилий добиться чего-либо от всех братьев вместе, девушка решила попытаться разжалобить их каждого поодиночке.

Старший брат дал сестре суровую отповедь с первых же ее слов и указал ей на ее святой долг: оберегать отца, если она считает его слабым и немощным. Много суровых и горьких истин высказал он ей и прибавил, грозно поглядев на нее:

– Дитя безжалостное, немилосердное, недовольное своим домом, не могущее оценить уюта, радости и чистоты его, не сможешь ты нигде ужиться с людьми. Не ждать надо, чтобы кто-то тебя приветствовал миром, но надо самому держать в руке ветвь мира и протягивать ее каждому, с кем встречаешься. Если будешь так поступать, то будешь видеть, что все вокруг тебя утешаются и успокаиваются, потому что ты им вносишь свою ветвь мира. Жаль мне тебя, сестра, но помочь тебе нечем. Только ты сама должна утихнуть, и тогда ты увидишь, какое дивное чудо – наш отец и наш дом.

– Не нужны мне твои наставления, – раздраженно ответила сестра. –

Воображаешь, что ты старший, так можешь мне и проповеди читать. Я все равно отсюда уйду, и способ вырваться в светлую и блестящую жизнь я найду. Я прекрасна, хочу жить в богатстве и известности, а не работать, как батрачка.

– Бедная, бедная сестренка моя. И кто смутил твой дух? Когда ты видела среди нас ссоры или недовольство? Откуда явилась в тебе эта страсть к богатству? Разве блестящая жизнь, это та, что вовне блестит? Я не знаю, какая жизнь в городах, куда меня посылает отец. Но я твердо знаю, что более блестящей жизни, чем жизнь моего мудрого отца, я не встречу, хотя бы я увидел тысячи внешне блестящих жизней. Ты же, бедная сестренка, останешься самой несчастной, пока всякая чужая жизнь будет тебе казаться заманчивой, пока ты не полюбишь трудиться и не найдешь мира в своем собственном простом труде. Может быть, будешь и богата, но всегда тебя будут беспокоить люди, чья жизнь будет богаче и будет тебе казаться более блестящей.

– Замолчи, пожалуйста, – с досадой перебила его сестра. – Не разоряйся на наставления, я тебе уже раз об этом сказала. Я здесь всех красивей, а здесь много красивых. Наверное, всюду я не осрамлюсь с моей красотой. Не желаешь мне помочь и не надо. Только нечего прикрываться мудростью отца да твоим сыновним послушанием. Об одном себе думаешь! Как пришло испытание твоей любви ко мне, вот я и увидела, чего она стоит. Того же стоит и твой пресловутый мир. Уезжай, пожалуйста, и без тебя обойдусь.

Хлопнула сердито сестра дверью, убежала от старшего брата и пошла искать брата среднего, что всегда старался чем-нибудь ее побаловать, всегда был к ней особенно добр и приветлив. Сидел этот брат под деревом и прилаживал ремни к кожаной сумке, что велел ему отец взять с собой в дорогу. Подойдя к нему, ласкаясь, нежно сказала доброму брату сестра:

– Милый братец, всегда ты был добрее всех в доме. Наверное, ты не откажешь мне теперь в последней просьбе.

– Конечно, не откажу, дорогая моя. Разве может быть у тебя такая просьба, чтобы кто-нибудь мог тебе отказать? Говори скорее, сейчас все сделаю.

– Ну, так я и знала, что в твоей доброте ошибиться не могла. Вот что я хочу, братец. Я хочу тихонько уйти с тобой в шумный город, и именно в тот, куда ты пойдешь. Я буду жить с тобой и все для тебя делать. Кроме того, ты ведь такой добрый, тебя все будут обижать и обирать, а я тебя в обиду не дам. Здесь я всего боюсь, а там ничего бояться не буду. И тебе со мной не будет страшно.

Усмехнулся брат добрый детскости своей сестры и ответил:

– Ты еще совсем ребенок, сестренка, хоть лет тебе уже пятнадцать лет. Что значит твое всегдашнее слово «Страшно»? Этого я никогда не понимал и сейчас не понимаю. Всякие пустяки тебя всегда пугали, о которых и говорить-то не стоило бы. Я для тебя жизнь отдам, если надо тебя защитить или трудом своим тебя содержать в довольстве. Но о чем ты сейчас просишь? Ведь я тебе могу простить твою просьбу только потому, что ты сама не понимаешь, о чем просишь. Ты хочешь, чтобы я нарушил приказ отца? Да разве ему легко отослать нас всех троих и остаться одному, старенькому, и нести весь труд по дому, хозяйству и полю? Разве ты ему помощница? Он и о тебе заботу должен будет нести теперь один. Но он не боится своей тяжелой ноши. Он хорошо понимает, что расставание с нами когда-то неизбежно. Потому что он мудрый и нежный, он легко отсылает нас в даль, чтобы еще при его жизни мы начали жить самостоятельно, и, быть может, его любовь поможет каждому из нас выйти на верный путь, если мы заблудимся. Если бы ты не была так занята одной собою, ты сумела бы быть просто доброй, чтобы лаской и нежной заботой помочь отцу переносить тягостное молчание дома без нас, где всегда было так многолюдно, так много смеха, песен и веселья, к которым он привык и которые он так любит.

– Ах, так вот чего стоят твоя доброта и любовь ко мне! Вот так доброта и любовь! И ты проповеди мне читать вздумал? Вот так верный брат, – едко рассмеялась сестра.

– Бедная сестренка, – еще раз ласково сказал брат. – Ты по неведению и неразумию своему упрекаешь меня в неверности. Нет, мой друг, я не только верен до конца тебе и твоей дружбе. Я и отцу моему верен и буду верен всю жизнь. Потому что и он, и я – мы одинаковы, как два пальца одной руки. И дружба моя с ним – наша единая любовь, единое сердце, единая мудрость. Братьям же и тебе я верен, как руки одного тела. Пути наши могут быть разны, а остов один и тот же. И не могу я двоиться в моей верности, могу только свято нести каждому свою чистую нежность, любя истинно каждого из вас. Доброта моя, которую ты коришь и называешь лицемерием, не может им быть, ибо она – вся моя жизнь. Нет мне выбора, пойми, если отец сказал, как должен я дальше жить. Видит Бог, как жаждал бы я поменяться местом с тобой, остаться здесь, в этой благословенной тишине, в этом дивном воздухе. Где еще есть такие луга и цветы? Где еще есть такие леса и горы? Ведь это очаровательный край, столько здесь мира и чистоты. И покинуть все это чудо блеска и света для мути и грязи шумного города!.. Но мудрый отец видит яснее моего. И плоха была бы моя

доброта, если бы я только об одном себе думал. Здесь всех я люблю, здесь нет злых, здесь легко быть добрым. Видно, знает отец, как нужна в шумном городе усталым людям доброта...

И этого брата прервал едкий смех сестры. – Видно, вы со старшим братцем одним миром мазаны, пальцы и руки одного тела. Ну, нечего сказать! Твоя пресловутая доброта стоит его проповедей о мире. Ну и братцев же послала мне судьба! Можешь успокоиться, больше тебя просьбами не побеспокою. А только думаю я, что когда-нибудь сам приползешь ко мне с просьбами, как я в славе и силе буду. Придется тебе с заднего крылечка попроситься ко мне в мой чудесный дом.

– Несчастливая сестренка... Как бы я был рад твоей славе! Но, видит Бог, славу-то и блеск ты странно понимаешь. Будь благословенна, бедняжка. Тяжко человеку в такой тьме, как твоя, жить.

Еще раз рассмеялась сестра, сделала несколько нелестных замечаний о доброте-глупости брата и пошла прочь. Долго ходила девушка по большому саду отца, где росли прекрасные цветы, но ни на что не обращала она внимания. Сердце ее грызла тоска, ей хотелось людей, людей и людей, хотелось, чтобы все восхищались ее красотой, хотелось первенствовать, не быть никогда одной, видеть балы, зрелища, богатство домов и нарядов. Переходя с дорожки на дорожку, добрела девушка до высокого обрыва и увидела сидевшего там на высоком камне третьего, младшего брата. Печален, ах, как печален был юноша! Глаза его с тоской смотрели в безбрежную даль, открывавшуюся с высокого обрыва, и слезы текли по его прекрасному лицу.

И удивилась сестра. Никогда она не видела слез в своей семье, кроме своих собственных, когда плакала, злясь и капризничая или чего-нибудь боясь. Особенно веселыми легким характером отличался этот третий брат, и смех его звенел целыми днями, наполняя дом весельем, точно в нем звенели колокольчики.

Поняв всю глубину скорби брата, тосковавшего о разлуке с родными местами, задумала сестра коварный план. Тихо подкравшись к брату, она обхватила его шею руками, губами своими осушила и выпила его слезы и, усевшись к нему на колени, нежно к нему прильнула.

– Милый, милый братик. Мы с тобой ближе всех друг к другу. Не тоскуй и не бойся. Ты не уедешь отсюда. Я придумала план. Вечером, как станут братья собираться в путь, я переоденусь в твое, платье, а ты в мое. Ты покроешься моей шалью, будто у тебя болят зубы, а я спрячу косы под твою шапку, как делала это не раз в шутку. Похожи ведь мы с тобой, что близнецы, часто и отец нас не различал. Все будут заняты каждый собой,

никто не обратит внимания на наш маскарад. Ты только смотри не рассмейся, потому что смехом-то мы с тобой очень разнимся. Темнеет теперь быстро, подделаться под твою походку я сумею. Лишь бы из дома выйти, а там уж я найду, как мне устроиться. Да и братья увидят, что все их наставления ни к чему не привели, и бросить меня среди дороги они не решатся. Но ты будь спокоен, обратно уж я, наверно, не вернусь, и ты останешься дома вместо меня. Тебе ведь так нравится наш дом и вся здешняя жизнь.

– Господи, какое же ты еще дитя, сестренка. Я, признаться, думал, что ты уже больше понимаешь жизненные обязанности дочери и единственной хозяйки дома, а ты еще сущий ребенок. Мы с тобой часто и теперь забавляемся детскими играми, меняемся платьем и хохочем, когда отец не различает нас сразу. Но чтобы ты в делах серьезных была еще таким ребенком, этого я даже себе и представить не мог.

– Что же тебя так удивляет? При чем здесь мое ребячество? Я ведь так тебя люблю, что готова за тебя уйти отсюда. Тебе будет хорошо здесь, а обо мне не беспокойся, мне будет хорошо всюду, – нежно прижимаясь к брату, весело говорила сестра, наученная горьким опытом двойного провала у старших братьев.

– Бедная, любимая сестреночка, – отвечая на ласки сестры, сказал третий брат. – Ты даже не понимаешь, по своей чистоте и невинной наивности, что уговариваешь меня пойти на ложь и обман. Ну как же можно солгать отцу и братьям и начать новую жизнь без правды? Какая же это будет жизнь? Ведь жизнь – это радость. Вся сила дня в том, что можешь радоваться красоте без угнетения в сердце, в том, что ты свободно и спокойно любишься красотой мира и людей. Тогда и песня поется радостно, потому что в сердце легко и свободно. Тогда и ценишь семью и любовь, когда ложь не давит. Всякое твое действие правдиво и свободно и радостью своей ты каждому человеку можешь украсить жизнь, если не давит тебя лицемерие. И надо мне идти в мир, раз отец так говорит. Мало в городах, вероятно, радости у людей, и надо мне ее приносить каждый день, сколько смогу.

Вскочила сестра с колен брата, как ужаленная, пуще прежнего досадуя на неудачу. Топнула своей хорошенькой ножкой, уперлась красивыми ручками в бока и закричала:

–И ты с наставлениями лезешь? Кто-кто бы ни читал мне проповеди, да уж, наверно, не от тебя мне их выслушивать! Под носом у себя не видишь! Не понимаешь, как я тебя всегда надувала, сколько и как только хотела! А туда же! Лезешь со своей правдивостью да радостью. Да что вы

все разом с ума, что ли, мигом сошли? Что вы, сговорились надуть меня? Поверю я вам, что вам люди дороги и вы им служить хотите. Подумаешь, праведники выискались! Рады из глуши убежать, а стыдно признаться, что рады бросить отца и от сестры избавиться, которая правду видит да обличить в любую минуту может. Радость дурачок проповедует, – не унималась она, все пуще хохоча, все больше приходя в гнев и азарт и видя по лицу брата, что ничего от него не добьется ни лаской, ни злобным криком. – Радости твоей – копейка цена, если ты безжалостный эгоист. Чужой старец сказал, видишь ли, ну и давай бежать к чужим, пусть свои погибают, как хотят, гниют в глухом углу. Зато мы уж в городах повеселимся! О, лицемеры, злые, бессовестные лгуны, что для вас свои кровные родные!

Поднялся юноша с камня, где сидел, и темнее тучи стало его прелестное лицо.

– Да, действительно, права ты, несчастная сестренка, что я был до сих пор сущим дурачком. Но ты помогла мне в эту минуту раскрепоститься от слепоты, раскрылись мои глаза. Помогла ты и сердцу моему мгновенно постареть на много-много лет. Знало мое сердце одну радость и видело оно одно счастье – правдивость в людях. Не видело оно в них лжи, и не было в нем печали. Легко мне было быть всегда радостным и веселым при этих условиях. Сейчас поняло мое сердце страшное в человеке: его ложь и зависть. И понял я теперь, как трудно сохранить радость, как стойко надо держаться, чтобы не меркла радость в сердце, когда ложь бьет и зависть раздирает все самое прекрасное, что только дано человеку от Бога. Еще понял я сейчас, что жив Бог в человеке, когда может он устоять и не впасть в уныние, если увидит в другом, как гниение внутри точит чудо его внешней красоты. Урок твой мне, дурачку, был необходим. Всю жизнь свою буду славить Милосердие, открывшее мне глаза и освободившее меня от иллюзии прекрасного. Я понял, что есть самое прекрасное в человеке и что – его оболочка. О Господи, что было бы со мною, если бы я не здесь узнал правду, а там, в шумном городе. Я думал бы, что только там живет в человеке все плохое, что только там люди гниют во лжи и соблазнах, а здесь живет все святое, чем я считал тебя. Теперь я понял, что все живет в человеке, и не окружение делает его, а он творит свое окружение. Я понял, каким стойким и мужественным надо быть, как спокойно надо идти по делам и встречам, как тих должен быть внутри человек, чтобы радость его не меркла никогда. Я только что был так печален, так тосковал о разлуке с родным домом и всего больше о разлуке с тобой. Сейчас я понял, что для одной тебя остается еще жить здесь отец, а нас посылает, чтобы мы

закалились и, служа людям, служили Богу и великим Его. Я умею только песни петь и ими радовать людей. Какое счастье, что здесь, через тебя, я понял, что может жить в человеке и как он может быть далек от чистоты. Как мог бы я петь, если бы этот удар сразил меня и раскровянил мне сердце там? Моя песня остановилась бы в горле. Теперь я имею время закалиться. И верь, не дрогнут больше ни мое сердце, ни мой голос. О тебе пролил я здесь сейчас мою первую в жизни слезу. Да будет она последней! Я буду петь во славу жизни и радости, я буду стараться будить в человеке его лучшее, его любовь и милосердие, его неосуждение и кротость и никогда больше не буду ждать от встречного его даров, но буду нести ему мою твердую, верную всему светлому радость. Пойдем, сестра, Бог тебе судья, но не я. Будь благословенна, какая ты есть. Если подле отца ты не выросла светлой, видно, тебе самой искать свой собственный путь. Никто тебе указать его уже не сможет. Но помни, дорогая, не начинай никакого нового пути с обмана. Ты ничего на нем не добьешься, во лжи счастья нет не потому, что она греховна. Но потому, что лгуций сам себя засаживает в крепость, сам себя приковывает к столбу цепями.

Брат хотел взять ручку сестры и еще что-то сказать ей, но девушка вырвала руку, резко захохотала и крикнула:

– Вот и еще явился проповедник. Три праведника шествуют в город просвещать людей и обучать их новой жизни. Небось, как засадят тебя за решетку, в крепость, за твою дурацкую правду, пришлешь ко мне гонцов просить о свободе, да я припомню тебе этот час. Все тебе припомню и поиздеваюсь над тобой не меньше, чем ты надо мной сейчас.

И убежала девушка, скрылась от всей семьи и не пожелала ни проститься с братьями, ни проводить их за околицу, хотя вся деревня, от мала до велика, пошла проводить трех молодых путешественников.

Шли братья долго. Зарабатывали на пропитание работой. Всюду охотно принимали трех статных молодцов, прекрасных работников, всюду радовались их обществу и песням младшего брата и с благословением отпускали дальше, изредка только кое-кто покачивал головой, говоря: «Далеконько», когда братья называли большой город, куда послал их старец.

Долго ли, коротко ли, но дошли братья до большого города и в самом центре его, на базарной площади, нашли домик, где и сняли комнатку у двух бездетных стариков.

Поотдохнувши от дальнего пути, стали братья думать, как им идти дальше. Впервые приходилось им разлучаться. Впервые решать самостоятельно каждому свои жизненные дела, без мудрых советов отца.

Печально было на сердце у каждого, вспоминался чистый и радостный родной дом, где так беззаботно жилось, где не вставали на каждом шагу вопросы: как поступить, что отвечать на слова встретившегося, чем утешить скорбящего.

И чем глубже думали братья о прежней своей жизни и о протекшей сейчас минуте, тем яснее видели, как много Счастья дал им их отец, развив в них уверенность в своих силах и понимание, что лежит остовом и хребтом в человеке и на чем создается весь его характер.

Первым стряхнул с себя печаль брат меньшей, рассмеялся своим смехом – переливчатым колокольчиком – и сказал:

– Чего это мы затосковали перед разлукой? Разве не несем мы в себе образ нашего дорогого отца? Разве не держим руку его милую в своей? Разве не слышим голоса его благословляющего? Все наши слова и поступки теперь должны идти не от нас самих, но от высоты той чести, что передал нам отец. И как радостно нам теперь, что мы поняли его, поняли и оценили его стойкость, мир и спокойствие, и теперь можем сами, своими действиями доказать ему свою беззаветную верность. Не будем же сидеть в тоске – возьму я свою лиру и пойду первым на юг искать тот большой город, где будет мне суждено служить людям своими песнями и, как сумею, делами любви. Прощайте, братья мои дорогие, верю я, что мы еще свидимся на земле счастливыми и благословляющими друг друга. Если же не суждено встретиться, то я буду в каждом встречном видеть одного из вас и передавать ему весь мой привет, как я его подал бы вам. Проста моя задача, легко мне идти, и не подвиг тяжкий несу я на плечах, но одну радость. Прощайте, дорогие, родные, будьте благословенны. Ни вы, ни отец, ни бедная сестра не в разлуке со мною, но живете в сердце моем. Куда бы ни бросила меня жизнь, все славословие моих песен будет звучать для вас и через вас, потому что понял я одно в каждом из людей благодаря вашей любви и помощи.

Взял младший брат свою лиру, поклонился своим братьям и пошел из города, хотя вечер уже спускался.

Проводив брата, поужинали оставшиеся и осиротевшие путники, помогли хозяевам в их домашних делах и сказали, что завтра на рассвете уйдут и они. Покачал старик головой, пожалел о таких прекрасных постояльцах и спросил:

- Вы знаете ли, куда идете и чего ищете?
- Чего ищем, очень хорошо знаем. А куда идем, о том Бог один знает, – ответил старший брат.
- Везде есть люди, – прибавил средний, – была бы охота их любить да

с ними в мире жить.

– Да, это верно. Если не за счастьем вы гонитесь, то много можете людям помочь, – снова задумчиво сказал хозяин. – Вот на север от нашего богатого города, верстах в двухстах, есть очень большой город на чудесной широкой реке. Там у меня живет сестра с мужем, я мог бы рекомендовать ей одного из вас. У нее умер сын, точь-в-точь как вот ты, – обратился он к среднему брату. – Такой же добряк, такой же статный и здоровый. В одну ночь унесла его чума, и больше половины города съела она в самое короткое время. С тех пор город захирел, бедность в нем повсеместная. И живут в том городе люди, как в городе слез и проклятий, пожалуй, даже забыли, как и имя-то Божье помянуть. Все бранятся и ссорятся друг с другом, а некоторые, как сестра моя, оставшиеся кроткими и смиренными, впали в такую тоску и уныние, что и не передать словами. Сестра моя в наше последнее свидание, печальное свидание говорила мне, что ясно сознает, как глубоки ее грехи перед жизнью, что потеря сына пришла по ее огромной вине. Я знаю, что она только тогда успокоится, когда милосердное небо пошлет ей человека, который захочет стать ей сыном вместо утраченного. Но кто захочет войти в унылую семью, живущую в погибающем городе? Знаю я и тайную мысль моей сестры, что если придет к ней юноша тех же лет, каких был ее сын, и станет жить у нее в семье как родное дитя, то это будет ей знаком, что ее грех прощен и приняты труды ее жизни. Если ты, друг, – обратился он к среднему брату, – не на словах, не в мечтах и обетах, а на деле простого дня ищешь возможности подать помощь и доброту людям, иди в несчастный дом и город, отыщи мою сестру, которая теперь, вероятно, впала в бедность, и принеси ей в своем сердце, в своей доброте прощение небес.

Ничего больше не спросил средний брат, взял свою котомку, поклонился хозяевам, обнял старшего брата и сказал ему:

– Я нашел свой путь, дорогой брат. Постараюсь заменить чужой матери ее сына и буду чтить ее, как чтил бы родную мать. Проста моя маленькая задача. Постараюсь помнить мудрость и честь нашего дорогого отца и действовать по его примеру. Будь благословен.

Расспросил он про дорогу в гибнущий город и, не смущаясь наступившей ночью, пошел на север.

Оставшись один, много дум передумал старший брат. Не было у него чувства одиночества, не было тоски и неуверенности, а было на сердце его спокойно, и сознавал он, что его задача сложнее и больше, чем задачи братьев.

Долго он думал, как ему разыскать свой путь, как распознать свою

тропу среди бесчисленного множества дорог, как вынести в люди не зов к миру, а самый мир. Впервые оглянулся он назад и пересмотрел всю свою жизнь. Ни одного раза он не вспомнил, чтобы ему пришлось с кем-то ссориться, в ком-то разбудить его злобу, кого-то раздражать, но всегда подле него все утихали и каждое чужое сердце находило примиренность.

Только одна его прекрасная сестра, очаровательнее всех лесных фей, никогда не жила в мире. Всегда ее желания превышали все ее возможности. Что бы ей ни подарили, куда бы ее ни пригласили, ей всегда казалось, что можно было сделать лучше, чем сделано для нее, и радость ничто в ней не будило.

Крепко задумался старший брат, почему же не могла его сестра воспринять ни мудрости отца, ни мира старшего брата, ни доброты брата среднего, ни радости младшего спутника ее жизни...

Куда же теперь надлежало ему идти? В какой стране искать возможности служить людям, зовя их к примиренности со своими обстоятельствами. И решил он не загадывать о дальнейшем, о том, что будет завтра, а жить только всею полнотою сердца и мысли каждое мчащееся мгновение, каждую свою встречу. Он осознал свою полную освобожденность сейчас от каких бы то ни было цепей, какой бы то ни было давящей или стесняющей любви, какого бы то ни было страха, сомнений и беспокойства за близких или далеких людей.

Мудрость отца, пославшего всех их в далекий мир раскрепощенными от всяких долгов и обязательств, еще раз пронзила сердце старшего сына. Он решил идти в новый путь, не задумываясь, куда он пойдет и что будет делать, но как он пойдет, что будет жить в нем самом и как он будет протягивать людям свои дощечки мира. За окном светало. Он оглядел комнату, где расстался со своими любимыми братьями, благословил ее и заботливых хозяев и тихо вышел из дома, стараясь никого не разбудить.

Не зная шумного города, спавшего еще в этот ранний час, он долго шел из улицы в улицу, пока не выбрался на широкую дорогу, которая вела на запад.

Через некоторое время ему стали попадаться возы и телеги, груженные сеном, хлебом, овсом, овощами и фруктами, гурты скота и всевозможная птица, что поедал огромный город. Но не размеры товаров, еще не виданные молодым странником, поразили его, а мрачные, угрюмые и деловитые лица мужчин и женщин, а иногда даже и детей, сопровождавших их.

Несколько раз его задевали озорники-парни и насмешливые девушки, спрашивая, откуда взялся такой умник, что уходит из города от самой

большой ярмарки и самых веселых балаганов. Но юноша не обращал внимания ни на насмешки, ни на обидные слова. Ничто не нарушало мира в его сердце. И чем злее было брошенное слово, тем яснее было ему, что плохо и темно живут здесь люди и трудно им увидеть красоту вокруг себя, не только в себе или в другом.

Долго он шел. Вот кончились возы и телеги, стали попадаться красивые экипажи с дорогими упряжками и разряженными людьми. А лица и этих людей, – судя по их нарядам, не имевших забот о хлебе насущном, – все так же были угрюмы, злобны и неприветливы.

Все дальше шел путник, много прошел деревень, немало встречал людей, а ни одного приветливого слова еще не услышал, никто даже не взглянул на него ласково.

Уж и солнце стало склоняться, стада возвращались к своим хозяевам, а юный путник все шел так же одиноко, и мир, живой и шумный, был для него как бы мертвой пустыней, где он брел одиноким и отверженным. Точно тень холода стала забираться в сердце юноши, как вдруг уши его пронзил страшный крик о помощи и увидел он страшную картину: женщина с двумя маленькими детьми, прижавшись к камню, в ужасе кричала, а прямо на нее неся разъяренный бык. Казалось, спасения ни ей, ни детям нет.

В одно мгновение сбросил с себя котомку путник, побежал наперерез быку, легче орла вспрыгнул ему на спину и схватил кольцо, вдетое в ноздрю дикого животного. Взревев от боли, бык пригнул голову к земле, как тянула рука смельчака кольцо, и стал извиваться и бить копытами, стараясь сбросить и ударить непрошеного гостя. Но могучая рука держала кольцо с такой силой, что бык не мог выдержать боли, остановился, в своем бешенстве дико ревя.

– Уходите скорее, – крикнул женщине путник, – скройтесь в доме.

На свирепый рев быка уже бежали со всех сторон люди, и через несколько минут укрощенный бык был благополучно водворен в свое стойло, откуда он вырвался неожиданно для своих надсмотрщиков.

И еще раз поразился путник мрачным и неприветливым лицам людей. Никто не только не поблагодарил его за спасение женщины и ее детей, но даже не счел нужным спросить его, кто он, не голоден ли, не нуждается ли в крове на эту спускающуюся ночь.

Вздохнул усталый юноша, решил пройти еще и эту деревню, где его помощь была так плохо принята. Вот уже и последний домик виден вдали, решил он заночевать голодным возле дороги, как открылась дверь последнего домика и на пороге показалась спасенная им женщина.

– Войди, пожалуйста, быть может, не побрезгуешь моим бедным ужином да отдохнешь под моей крышей. Ты, видно, издалека идешь, усталый у тебя вид. Не побрезгуй моей бедностью, зайди. Я и слов не подберу, как мне тебя благодарить за твою услугу. Ведь ты мне и детям жизнь спас, – говорила женщина, утирая слезы и приглашая путника в свой бедный домик.

Вся хижина состояла из одной комнаты, но пол был чисто вымыт, на столе лежала чистая скатерть и стояла простая, но чистая посуда. Перепуганные дети были тоже чисто вымыты и не менее чисто одеты.

Введя гостя в дом, женщина пригласила его во внутренний дворик, где у колодца был пристроен рамоуник, подала ему мыло и чистое полотенце, попросила умываться не стесняясь, так как в доме никого, кроме нее и детей, нет, и возвратиться в комнату, где будут его ждать привет и ужин. Лицо женщины, молодое и очень красивое, носило следы тяжелого труда и переутомления. Голос ее, печальный и слабый, звучал уныло и на всей ее фигуре лежал отпечаток не только уныния, но и безнадежности. Сейчас в голосе ее звучала беспредельная благодарность человеку, спасшему ей жизнь, Когда гость вернулся в комнату, женщина посадила его в деревянное кресло и поставила перед ним белую тарелку с дымившимся супом, очень вкусно пахнувшим, и подала большой ломоть хлеба.

– Кушай, друг. Это место и тарелка моего дорогого мужа, – сказала хозяйка, и слезы покатались по ее щекам. – Как тебя звать, наш дорогой спаситель? Ведь если бы не твое бесстрашие да не твоя гигантская сила, лежать бы нам теперь убитыми быком. На мои крики эти люди, что прибежали к тебе на помощь, и не подумали бы с места двинуться. Мой муж, женись на мне, привел меня издалека, а здесь такой обычай, чтобы парни женились только на своих. Вот мы и попали в опалу.

Тесть выделил мужа, дав ему самый плохой кусок земли, и пришлось нам кормиться ремеслом, с трудом добывая средства к жизни. Все было ничего, сводили концы с концами. Да вот ушел он в город больше года – и нет от него вестей. Кто говорит, в больнице умер, кто говорит, по дороге убили его в пьяной ссоре. Да не похоже это на него, был он тихий и приветливый, никогда не пил и ссориться ни с кем не мог.

И снова полились по щекам женщины слезы. Она почти ничего не ела, кормила детей да подливала супа своему голодному гостю, рассказывая ему, как, выбиваясь из сил, старалась поддержать свое убогое хозяйство, но не успела еще сжать целой полосы хлеба да трава так и остается нескошенной на лугу. Чем будет кормить корову, как сама с детьми проживет зиму, Бог один знает. Задумчиво и печально говорила хозяйка,

радуясь, очевидно, редкой возможности поговорить о своих бедах с доброжелательным человеком.

– Звать меня, сестра, Александр. Считаю, что я тебе брат, твоим детям – дядя. Буду я у тебя жить и служить тебе как работник, а звать и считать меня ты будешь братом. Спешить мне некуда. Куда иду – туда поспею. Покажи твою косу, надо ее хорошенько наточить да наладить. Скошу траву, высушим сено, – за рожь примемся. Не тужи, ободрись. Вернется твой муж – тогда я дальше пойду. Верь, не моя рука тебя от смерти спасла, а рука отца моего милосердного и мудрого, что велел мне в мир идти и людям мир нести. Если же от мгновенной смерти его рукой тебя я спас, так же его руками и хозяйство твое спасу, и тебя с детьми от голодной смерти избавлю. Уверься, утвердись в спокойствии. Смейся весело, встречая каждый новый день, и живи его так, как будто бы муж твой любимый рядом с тобой ходит. Детей к радости приучай, а не к слезам своим постоянным. Ну, пойдем же, покажи косу.

Чудны показались женщине слова гостя, и вместе с тем почудилось ей, точно светлее стало в избе, и на ее усталом лице, а в изможденном сердце будто вдруг стало не так холодно и безнадежно. Провела она Александра в сени, где были аккуратно прибраны все хозяйственные инструменты, и вернулась в избу к детям. И дети как будто стали живее и тянулись к матери, спрашивая, будет ли большой дядя с ними жить.

Укладывая детей спать, мать радовалась каким-то новым звукам в доме, где давно уже ее да детей шаги и голоса были единственными звуками жизни.

Долго возился Александр, налаживая косу, наконец привел ее в полный порядок и возвратился в избу. Дети давно уже спали, а хозяйка сидела за вышиванием у крошечной лампы.

– Коса готова, теперь спать пора. Нет ли у тебя горенки, где бы мне поселиться у тебя? Да и звать тебя как, не знаю, милая сестра, – сказал он, весело поглядев на спящих малюток.

– Есть у меня светелка наверху, да не знаю, будет ли тебе там удобно. Она очень маленькая, но постель там удобная. А имя мое – Марта, – ответила женщина, подметив ласковый и нежный взгляд, брошенный Александром на ее детей, и на сердце ее стало еще теплей.

Взяв с печки вторую крошечную лампу. Марта проводила гостя в светелку, поблагодарила его за доброту, еще раз благословила за свое и детей спасение от смерти и спустилась вниз.

Впервые темная ночь не видала слез Марты, впервые со дня исчезновения ее мужа на сердце ее было тихо и мирно. Перекрестив детей,

послав любовь своему отсутствующему мужу, легла спать Марта и задумалась о словах Александра: «Начинай весело свой новый день и думай, что муж твой рядом с тобой ходит». Как же это так представлять себе, что он все время рядом, когда его нет и даже неизвестно, где он, все думала Марта, но утомление и пережитый страх сломили ее мысли, и вскоре в маленьком домике не спал один Александр. Он потушил лампочку, открыл в душевой светелке небольшое окно, сел подле него и, наблюдая игру облаков и сияющего месяца, крепко задумался о своем отце.

– Хотел бы я знать, что и как мыслит отец мой о моем поступке. Так ли я поступил, оставшись работником этим беспомощным детям и Марте? Или не должен был я здесь останавливаться, а идти в шумный город, где велено мне мир проливать?

Юноша вспоминал, как поступал его отец, никогда не оставляя без внимания нужд своих соседей, как он их, сыновей, посылал иногда в соседние деревни помогать тем семьям, где почему-либо было трудно справиться с необходимейшими работами. И чем глубже он думал, тем легче становилось у него на сердце, тем проще и правильнее казалось ему его поведение.

– Ах, если бы я мог услышать словечко от тебя, отец, как счастлив был бы я, – в последний раз подумал юноша, поднялся, оставив окно открытым, и лег спать.

Утомленный долгим путем, борьбой с быком, трудом над кое-какими хозяйственными делами Марты, а также всем пережитым за последние дни, заснул Александр мгновенно. И приснился ему чудной и чудный, такой живой сон, точно наяву он все видел и слышал. Слышится ему голос отца, и видит он, будто сам отец стоит у открытого окна светелки, говоря:

– Что же ты сомневаешься, мой сын? Ведь не тот день важен, что настанет, а тот, что сию минуту бежит. Разве плохо ты поступил, что спас жизнь трем душам? Разве ты не внес мира в осиротелый дом? Чем выше поднимается дух человека, тем проще его поступки и тем легче он забывает о себе для счастья других. Ни о чем не заботься, кроме одного: что бы ты, ни делал, делай до конца, где бы ты ни жил, не поступайся честью ни на минуту. И с кем бы ты ни общался, не суди людей. Здесь люди угрюмы и злы, о себе одних помнят. Им непонятно, как можно жить свой день, не ища себе наживы. Не суд им неси, но улыбку мира. Не просвещать их я тебя послал, но показать им чудо в человеке, его живой свет, на своем собственном примере труда и чести. Не задумывайся, что будет дальше. Живи и трудись, пока ты здесь нужен. Жизнь сама укажет тебе и день и час, когда тебе больше здесь оставаться не будет надобности. Живи и не

жди благодарности за свои труды, ибо они мои. Я тебя послал, чтобы ты был моими ногами и руками, моею головой и моим сердцем на земле. Живи же на ней до тех пор, пока мне твой труд на ней нужен.

Только хотел Александр поблагодарить отца за его слова, вскочил с постели, как видит, что уже светает, и слышен голос Марты, зовущей его вниз завтракать. Удивился Александр и никак не мог взять в толк, куда же девался отец и каким образом уже утро, когда минуту назад светил месяц. Вторично раздался голос Марты.

– Вставай, Александр. Ты ведь сам наказал будить тебя с рассветом. Мне так жаль тебя тревожить, но я не решаюсь нарушить твой приказ, – говорила Марта, стоя на лестнице.

– Иду, иду, Марта, через минуту буду, – весело ответил юноша и побежал к колодцу.

Вскоре, оставив детей под надзором верного пса, вышли Марта с Александром на луг. Дорога была не дальняя, все еще спало, и даже стада еще не выходили из деревни. Когда Марта привела Александра на луг, где у всех было не только все скошено, но и свезено, из глаз ее снова полились слезы.

– О чем же ты плачешь, Марта? Тут мне работы не больше, чем на три-четыре дня. Я косарь первоклассный, – улыбаясь несчастной женщине, сказал юноша.

– Ах, Александр, ты ошибаешься. Тут и в неделю не скосить тебе одному. Да кроме того, как вспомню радость бывшего, как весело мы с мужем косили да убирали сено, так в сердце точно игла кольнет, – все еще плача ответила Марта.

– Это нехорошо, сестра моя, вспоминать прошлое слезами, если говоришь, что мужа ты любишь. Это большая неблагодарность к нему. Ты все о себе думаешь, что у тебя было да чего ты лишилась. А я тебе говорю: не трать времени попусту на слезы. Живи бодро, зови мужа и каждую минуту думай, что он рядом с тобой. Старайся так поступать, чтобы ему нравились твои поступки, чтобы не ложилась тень скорби твоей на его лицо, но чтобы свет твоей улыбки ему облегчал путь во всякой темноте, куда бы он ни попал. Не теряй и сейчас времени зря. Иди домой, приготовь обед, возьми детей и приходи с ними сюда. К обеду я накошу травы уйму. Принеси вторые грабли, часть пересушим, часть сложим вечером в копны. Беги весело, да смотри, чтобы слез я больше не видел. Стерла Марта слезы, постаралась улыбнуться, но у нее вышла гримаса вместо улыбки.

– Нехорошо, уж как нехорошо, – снова сказал Александр Марте, начиная косить богатырским размахом. – Неужто дети, такие милые дети,

тебе даны на то, чтобы ты их жизнь своими слезами темнила? Думай о них. Старайся их рассеять и обрадовать каждым словом. Особенно сегодня, когда они недавно так напуганы быком. Старайся, чтобы они забыли страх перед стадом. Беги скорее домой и возвращайся с обедом.

Давно не слышала Марта ласковых слов. Давно никто не интересовался ее делами, ее детьми, ее жизнью. Горячая волна благодарности наполнила сердце женщины, она радостно улыбнулась и сказала:

– Прости, милый Александр. Так ты меня утешил, так ты меня ободрил, что и высказать тебе не умею. Счастливый то был день в моей жизни, когда бык меня чуть не убил. Всю жизнь буду быка того благословлять и благодарить судьбу за пережитый ужас. Бегу, друг. – И засмеялась Марта, как давно не смеялась, чистым, радостным смехом и побежала, как бегала в былые годы взапуски с мужем.

Остался Александр один в благодатной тишине цветущего лета и снова стал думать о словах отца, что приснились ему ночью. Только стал он их передумывать, как снова почудился ему голос отца, и слова его будто ясно зазвучали:

– Ты никогда не один, сын мой. Всегда я с тобой, если сердце твое спокойно, мысли чисты и радостно идешь по своим делам дня. Всякие бывают дела дня. И простые, и очень сложные. Но все они важны постольку, поскольку творил ты их со мной, для меня и нес в них каждое мгновение одно знание, все, что живет в видимой форме, – все есть вечное, размноженное по каплям. И каждая капля Вечного – целый отдельный мир. Человек – одна из форм Вечного, и в нем живет весь мир страстей, как и весь мир красоты. Нет людей, обладающих преимуществами духовных сил. Но есть люди, великие труженики, отдавшие много сил на труд разыскивания и распознавания, как войти в тропу любви и как саму любовь так подать своим ближним, чтобы она не была им тяжела. Много есть людей любящих, но мало таких, что умеют подать свою любовь, не требуя взамен себе благ и благодарности за нее. Много есть матерей и отцов, любящих своих детей, но мало кто из родителей не давит детей своей любовью. Редко родители умеют уважать своих детей и себя в них настолько, чтобы быть с ними дружными и радостно воспитывать их. Мало кто из родителей понимает связь между живыми тружениками земли, которых они видят, и такими же тружениками неба, которых они не видят, и потому воспитание ими детей не может быть ни правильным, ни радостным. Ты пойми эту связь. Неси свой труд дня и сознавай, что ты связан со всей вселенной не только мыслями и делами, но и каждым

вздохом. Если утром ты проснулся и уныло вздохнул, так ты уже начал свою связь с людьми плохо. Каждый, кого ты встретишь, хотя и ничего не знает о твоём унынии или раздражении, но он уже не так весело и просто ответит на твоё приветствие, как мог бы это сделать, если бы сердце твоё было чисто от забот о самом себе и твоё простая доброта была бы легкой и спокойной. Запомни слово мое и воплоти его в дела земные: нельзя себя отъединить от людей, можно только или способствовать миру и счастью людей своим спокойствием и выдержкой, или можно ещё больше засорять пути людей своими страхами, невоздержанностью и постоянными мыслями о самом себе. Не сомневайся. Действуй просто и спокойно в каждую текущую минуту до конца, со всею полнотою чувств и верности, и ни одно мгновение твоей жизни не пропадет в пустоте, хотя бы тебе казалось, что ты делаешь самые маленькие дела.

Александр увидел издали подходившую из-за поворота дороги Марту с детьми, и голос отца перестал слышаться. Улеглось волнение, вызванное сомнением, так ли он поступал. Он мысленно благодарил отца за поданные ему помощь и просветление и понял, что нет дел малых или больших, что не так важно, скоро ли он доберется до города, где ему назначено жить, а важно, как соединить в себе понимание истинной чести и доброты с умением передать это понимание каждому встречному.

«Только бы всегда помнить, что в каждом человеке живет огонь Жизни, и Ему служить, к Нему обращаться, а не к тому, что видишь как внешнюю форму», – подумал Александр.

Марта, приведшая детей и принесшая обед, даже с некоторым испугом смотрела на количество скошенной Александром травы.

– Что ты так удивляешься, Марта? Мы были приучены у отца ко всякой работе, и всегда он учил нас искать способы самые легкие и удобные в каждой работе. У меня свои приемы, вот я и работаю скорее других. Чем стоять попусту в удивлении, бери-ка грабли да начинай ворошить подсохшую траву. Ишь, солнышко-то жарит! Я дойду полосу до конца, приду тебе помогать. А там и обедать сядем, – сказал Александр оторопевшей женщине.

Усадив детей в тени под деревом, Марта пошла к дальним кустам, откуда Александр начал косьбу. Много лет работала она на лугах и полях, видела и прекрасных косцов, но такого чудо-богатыря не могла себе и представить. Изо всех сил старалась она сейчас работать скорее, но все её усилия не могли идти ни в какое сравнение с работой Александра, который уже и полосу докосил, и, также взяв грабли, уже догонял её на соседней полосе.

Переходы в мыслях Марты совершались без всякой логики. Сейчас ей казалось, что все ее прошлое куда-то провалилось, точно и не было тяжелых лет одиночества, непосильного труда и слез, точно Александр был с нею всегда, так уверенно и спокойно она себя чувствовала подле него. То снова скачок мыслей бередил сердце ее страхом, что случится с нею, если Александр вдруг так же внезапно уйдет, как пришел, а муж не вернется. Как поднимет она детей? Что будет с коровой и домом? И мысли ее бежали назад, к пережитым горю и слезам, а сияющего солнца, радостно щебетавших птичек, аромата травы и всей красоты природы Марта не видела.

– Что ты все хмуришься, Марта? – вдруг услышала она голос догнавшего ее Александра.

– Да так, что-то на сердце нелегко, так много выстрадано, а впереди что? Одна неизвестность, – вот страх и сжимает сердце.

И понял Александр, к чему говорил ему отец о летящей минуте. Понял, что живет человек на земле и все думает, что было и что будет, а идет его «сейчас» кое-как, даже и не замечает он этого летящего «сейчас». Мысли не полные, не ценные и не цельные давят его дух, и не только не живет человек счастливым, радуясь, но боится даже того, чего еще и нет или что уже было.

– Ты радуйся, что трава косится, что дети играют, что сено у тебя теперь будет хорошее, Марта. Чего вперед забегать? Вороши веселей, вот дойдем полосу, да и сядем обедать.

Марта покачала головой, видно было, что непонятно ей, как это такое жить сейчас и не думать, что будет завтра, но слов она никаких не нашла. Не успела она дойти свою полосу, как Александр уже сидел с ребятишками, и все вместе звали ее обедать.

До позднего вечера косил Александр, отправил загодя Марту с детьми домой встречать корову, сказав, что придет поздно, прямо к ужину. Не успели затихнуть голоса уходивших детей и Марты, как снова послышался голос отца, и на этот раз еще яснее разобрал Александр слова:

– Сын мой, милый и близкий. Где бы ты ни был, я с тобой. Что бы ты ни делал, если мысли твои чисты, я с тобой. Старайся выбирать свои мысли, храни и удерживай мысли светлые и бодрящие и прогоняй мысли унылые. Нет ни болезней, ни злой судьбы человека, есть одна та судьба, что он сам себе создал, судьба – следствие, судьба – результат его собственных мыслей и дел. Не смущайся, если долго не будешь слышать моего голоса. Действуй дальше, как начал, и в один из дней вновь услышишь мой голос.

Запомни твердо: ты и я, луна и солнце, травы и деревья, всякий

человек и всякое животное, все – он, единый великий мировой разум, проявленный по-разному в каждой форме. Нет смерти, не бойся ее и каждому объясняй, что он бессмертен, что его Я есть Бог, неумирающий и вездесущий. Если к кому-то приходит смерть тяжелая, в болезни мучительной, значит, мысли злые, себялюбивые и унылые владели человеком и привели его к такому концу. Радуйся, выбирай мысли чистые, не отделяйся от вселенной, и ты не будешь знать болезней. Всем им начало – страх и себялюбие. Береги сердце от мусора, и тело твое останется крепким и свежим.

Замолк голос. Постоял на лугу Александр, благословил отца еще раз за его заботу и проработал до темноты, не заметив, как она спустилась. Возвратился Александр домой, поужинал, приласкал детей, и покатила с этого дня жизнь его в труде, всем озаряя день улыбкой. И даже хмурые и угрюмые соседи стали заговаривать с братом, работником Марты.

Забывшие обо всем на свете Левушка и Бронский были внезапно, точно от сна, пробуждены стуком и голосом Ясса, который звал их ужинать. Ясса снова провел их в комнату омовений и предложил каждому опять вымыться в бассейне и переменить одежду, чем очень удивил обоих. Им казалось, что они только что мылись и надевали чистые одежды. Но когда Левушка посмотрел на свою бывшую утром белоснежной одежду, то увидел, что вся она была в темных пятнах. Невольно он взглянул на одежду своего друга и с удивлением воскликнул:

– Станислав, где же это мы с Вами так выпачкались? У нас такой вид, точно оба мы измазались в черной краске.

Еще не совсем вернувшийся к действительности Бронский, весь под впечатлением комнаты Али и прочитанного в ней, посмотрел на Левушку, потом на себя, покачал головой и ответил:

– И мы могли такими грязными сидеть в божественной комнате Али? Как же мы не заметили, что надевали грязное платье?

– Нет, платье вы надевали безупречно чистое, – смешался в разговор Ясса,

– но каждое пятно на ваших одеждах выдает ваши мысли, в которых не было достаточной устойчивости в чистоте и самоотвержении. Каждый раз, когда в вашем уме проскальзывала мысль полноценная, но в ней не было достаточной сосредоточенности, когда в вас проносился отголосок прежних суеверий и предрассудков, страха или внезапного уныния, – из ваших тел проступал липкий пот, который давал на ваших платьях эти грязные пятна. Когда вы станете умываться, то и вода будет мутной и нечистой, так как теперь вы оба поднялись к той степени освобождения, где

безнаказанной не остается даже неполноценная мысль, не только дело. Вот вам ясное и неопровержимое доказательство, что не Учитель держит ученика в той или иной ступени, не пуская его дальше или скрывая от него какие-то тайны высшей жизни. Но собственная атмосфера ученика не дает ему возможность жить всю полнотой силы и Света его Единого. И только это составляет препятствие в пути, – говорил обоим друзьям Ясса, помогая им вымыться и одеться. – Пойдемте же, дорогие мои. Теперь вы уже хорошо отмыты. И. ждет вас в своей столовой, – прибавил он ласково, видя растерянность новых учеников.

Им обоим казалось, что есть они совсем не хотят, и даже мелькала мысль, что не напрасно ли Ясса потревожил их в самом важном и интересном месте сказки. В первый раз Левушка шел к И. без торжествующей радости о предстоящем с ним свидании, так ему было трудно расстаться сегодня с комнатой Али, с чудесной книгой, с какойто еще не испытанной новой жизнью, которой он прожил все часы, проведенные сегодня в божественной комнате. И возврат к жизни обычного дня был ему сию минуту труден.

ГЛАВА 13 Беседа с И. Мы продолжаем читать сказку. Отъезд Беаты и последнее напутствие ей И. и Франциска

Войдя в комнату И., Левушка очутился в объятиях Эта, которого И. приказал перевести к себе. Что-то вроде угрызений совести кольнуло его в сердце. Он даже позабыл о существовании своей дорогой птички, не только не подумав о ее нуждах, но даже позабыв попросить кого-либо о ней позаботиться. Обняв Эта, Левушка подошел к И.

– Мой дорогой Учитель, мой милосердный друг. У меня язык не поворачивается признаться Вам в своем эгоизме. Я не только забыл об Эта, которого не забыли Вы, но я и к Вам возвращался, разрываясь между желанием читать дальше драгоценную книгу, желанием поскорее постичь мудрость того, что читаю. Я даже не подыщу слов: но вроде того, что был недоволен зовом Яссы. Найду ли я когда-нибудь то равновесие сил в себе, которое введет меня в полное самообладание?

– Полное самообладание, Левушка, это не что иное, как полная трудоспособность организма при всех обстоятельствах жизни, – обнимая горячо прильнувшего к нему Левушку, ответил И. – В каждой болезни человека есть тот высший смысл, которого люди не видят. Всякая болезнь есть освобождение человека, всего его организма, от мусора страстей, накопленного в мыслях и действиях. Даже смерть, всякая смерть: смерть в страданиях, смерть без мучений, смерть в страхе, смерть благословляющая,

смерть в бою, в борьбе с врагом на поле битвы – все есть тот единый, в Котором застряли иглы страстей человека и который очищается им в каждой земной жизни особенным и неповторимым путем. Садитесь, друзья, будем кушать. День поста напомнит вам об аппетите.

– Когда я шел сюда, доктор И., я был так поглощен прочитанным, что забыл начисто о том, что я из плоти и крови и что на свете существует еда и потребность в ней. В голове моей была тысяча вопросов, о которых я хотел спросить Вас. Теперь я вспомнил не только о том, что на свете есть еда, но очень хорошо знаю, что я хочу есть. А весь миллион моих вопросов я, к моему отчаянию... забыл, – сказал Бронский, растерянно глядя на И.

– Не огорчайтесь, мой друг, – рассмеялся И., глядя на детски растерянное лицо артиста. – Кушайте, и уверен, что и Левушка не менее Вашего вспомнил о плодах земных. Пока оба вы будете утолять свой аппетиты, я расскажу вам о некоторых приготовлениях к нашему отъезду. Во-первых, Зейхед привел целый караван мехари, уверяя, что между отъезжающими будет немало неопытных ездоков, которые будут, быстро утомляться и утомлять животных, и их придется часто сменять. Затем, вместо одного дня пути до первого оазиса пустыни каравану придется идти не менее двух, так как женщины, которых мы с собой берем, не будут в силах проехать так долго без остановки, – так утверждает Зейхед вопреки торопящейся Наталии Владимировне, спорящей, что день пути в пустыне – пустяк и каждый здравомыслящий сумеет справиться с такой несложной задачей. По существу, как вы знаете, нас здесь держит профессор. Через некоторое время, когда вы прочтете книгу, мы пойдем его будить. Он спит сейчас здоровым, крепким сном, отсыпаясь за лишения всей своей прежней жизни, и уже начинает отдыхать и даже молодеет.

И. все время удерживал мысли своих учеников на вопросах окружающей жизни, давая им отдых от всех пережитых ими напряжений в комнате Али. Окончив ужин, собеседники вышли на балкон, где И. усадил их и сказал:

– Сегодня вы оба имели вещественное доказательство, как выглядят мысли человека недостойные в сочетании с другими его творческими, полноценными и жизнедеятельными мыслями. Почему до сегодняшнего дня ни один из вас не ощущал, не видел и не предполагал даже, что на его одежде могут отражаться его малоценные, или ничтожные, или даже грязные мысли? Потому что сегодня впервые вы оба достигли той ступени, где уже стал вашей атмосферой ваш Свет в себе. А негармонирующие и беспокойные, нарушающие Свет этой атмосферы мысли лишь прорезают ее, как молнии, отражая вдруг порыв страстей; порывы страстей бороздят

уже устойчивую, точно плотная масса, сливающаяся в цельное кольцо, светящуюся материю Любви, Мира, Радости и Бесстрашия. Когда вы в своей атмосфере достигнете неизбежно устойчивых сил такта, чистоты и света, ни одна мысль уже не оставит темного следа на вашей белоснежной одежде. Ни одно пятно ядовитого пота не сможет выделиться из ваших тел, так как его не будет в ваших мыслях. Что такое внутренний человек? Только частица Бога, проявленная в той или иной форме и степени. Если мысли человека – сплошной ком злых змей, где страсти кипят и выше земли не поднимаются, то заметить какое-то пятно на этом ужасающе безобразном клубке, который зовет себя «человек», можно, пожалуй, только тогда, когда оно кроваво-красное и кровоточит среди общего зловония, в месиве едких, жадных мыслей. Если атмосфера человека, которую он создал в себе и вокруг себя, полна мыслями о себе, о семье, наживе для них и себя, заготовках для одних собственных животов, разрезана завистью к более удачливой судьбе ближних, к их блеску, цветам и фруктам, – такой клубок мыслей не может подойти к Учителю, хотя бы жаждал, звал Его имя и искал путей к скорейшему освобождению. Если человек дошел до той ступени, где нашел слово Учителя, непосредственно ему данное, – это не значит, что он получил гарантию встречи с Учителем, гарантию правильности своего поведения в пути. Путь – это непрерывное движение, где не может быть ни момента остановки. Как только в путь, то есть в действие самого человека, ворвались гнев или раздражение, так весь путь остановился. Перестала звучать его гармония, и снова надо искать, как включиться в симфонию вселенной, ушедшей в своем творчестве вперед, пока человек стоял на месте. Нет ни для кого возможности двигаться по ступеням вселенной, если он тяжел своим встречным, если его раздраженный окрик или нравоучительная, недовольная речь не помогают человеку встречному успокоиться, но вызывают в нем протест и оскорбление. Только тогда человек может встать в число учеников, когда его помощь людям, его милостыня делаются его молитвой, его приношением Богу, которого он видит за лохмотьями убожества и скорби. Простой день жизни прожит учеником только тогда как день пути, как день движения во вселенной, когда радость знания стала не ароматом и приправой, но неизбежной атмосферой, вне которой ему нет возможности дышать, а внутри которой сияет простое: там, где я – Он, там, где Он – я, там, где каждый встречный – Он. Идти по ступеням совершенства в том смысле, как идут по ступеням мастерства, – это бред безумных. Творчество сердца не рождается как следствие произнесенных или не произнесенных формул. Оно не приходит от натуги и тяжелодумия, от сознания, что я –

веская и великая величина общества. Оно выливается светом и бодростью во всякое мгновение, потому что движется весь человек в звучащей атмосфере вселенной. И это совершается не тогда, когда осознано, что такое Жизнь в человеке и человек в Жизни, но когда звук сердца слился со звучащей силой Радости и жизнь стала не рядом фактов и встреч, но активной молитвой, святой песнью, где не может быть выпадений в мелочь суеты и раздражения, но где вся суета только та неизбежная каждому своя условность, куда человек должен внести примиренность. Наиболее страдают те, что не научились терпеть и отдалить, но лишь требуют и ждут. Идите теперь, друзья мои, каждый к себе. Не обменивайтесь мнениями, не ищите поделиться светом духовных достижений. Старайтесь научиться слушать Безмолвие и радуйтесь каждому мгновению свободы, когда можете утихнуть для внешнего и крепить ту атмосферу Чистоты, слабость которой вы наблюдали в себе сегодня.

И. отпустил своих учеников и пошел к домику профессора. Левушке, добравшемуся как в тумане с Эта в свою комнату, легшему в постель в каком-то восторге, когда ему казалось, что он ощущает, как в его сердце выстроились и настезь открылись в своем приветстве любви каждому встречному не двери, но ворота, показалось, что не прошло и пяти минут с тех пор, как он лег, а между тем голос Яссы звучал настойчиво и предлагал ему поторопиться, потому что Бронский уже ждет его в столовой.

Мигом вскочив, недостаточно соображая, как это так быстро мелькнула ночь, Левушка развил максимальную быстроту и через несколько минут просил прощения у Бронского за свое промедление.

– Ах, что Вы, Левушка! Какое тут промедление с Вашей стороны. Это мое нетерпение, моя жажда гонят меня. А так как без Вас я только жалкий созерцатель книги, то мне надо просить Вас простить мою поспешность. Не раз у меня мелькала мысль в эту ночь о чуде моей встречи с Вами, о безграничной моей благодарности Вам.

– Станислав, дорогой, Вы не пугайте меня. О чем Вы говорите? При чем я здесь? Что же тогда говорить мне об И. и других, столько сделавших для меня? Оставим эти разговоры, иначе снова на наших белоснежных одеждах пойдут пятна. Я со вчерашнего вечера не чувствую, что у меня есть сердце, но на его месте ощущаю ворота, точно дыра во мне насквозь. Мне кажется, что ничто больше не могло бы заставить меня волноваться и огорчаться, даже если бы И. велел мне сделаться зрителем сумасшедшего дома или содержанием злющих обезьян.

Бронский весело рассмеялся, ярко представив себе Левушку в обеих этих ролях, и сказал:

– Я не только не чувствую в себе дыры, Левушка, но я себя-то почти потерял и не знаю, где мои границы.

Пошутив насчет своих ощущений, друзья, предводимые Яссой, снова отправились в комнату Али. И снова поразило их при омовении, что вода, скатывавшаяся с их чистых тел, была мутной и темной, точно они целые часы брели в ураганной пыли пустыни. Левушка с удивлением поглядел на Яссу, и тот, точно поняв немой вопрос, Ответил:

– Что же тут удивительного? Ведь Вы еще сравнительно так недавно были очень раздражительны. Почти во всех Ваших нервных узлах образовались сцепления вроде склеенных жестких узелков. Теперь они расходятся, а вся скопившаяся в них энергия раздражения сейчас выходит наружу, вроде того как раздавленный старый гриб-дождевик выбрасывает из своей скорлупы темный порошок. Вода с Вашего тела только мутная, так как Вы еще очень молоды и большая часть Ваших скорбей и слез – только детские печали. Взгляните на воду, катящуюся с Вашего друга. Она почти черная, так как его печали – глубокие застарелые скорби и огорчения. Они смываются трудно, потому что вся прожитая в печали жизнь сложила эту печаль в твердые камни, которые теперь с трудом лопаются и пробиваются через кожу вон из организма, по мере того как радость движет Вашего друга в его труде дня.

Пока Ясса говорил, вода становилась все чище, и, наконец, оба вышли из прозрачных бассейнов. Снова переодевшись в чистое платье, друзья пошли по коридору к заветной двери. Бронскому казалось, что он помолодел на много лет, дышалось ему легко, шел он быстро и в его сердце не было ни одной капли печали. В первый раз за всю жизнь он не ощущал в себе тяжести и понял, что значит быть свободным, что значит легко начать свой день жизни.

Как и в первый раз, их остановила огненная надпись у порога двери. Бронский ее не видел, но должен был остановиться, так как внезапно почувствовал какое-то неодолимое препятствие, которое его не пропускало дальше. Теперь он уже сам понял, что его не пропускало то огненное письмо, которого без помощи Левушки он понять не мог, но смысл которого ему необходимо было понять раньше, чем он войдет в божественную комнату Али. Мысленно преклонившись перед безграничным милосердием высокого покровителя, посылавшего им свои заботы и любовь, Бронский стал слушать слова, которые ему переводил Левушка:

«Братья и друзья! Не то считайте милосердием, что даете сами или дается вам как долг, обязанность, тяжелая ноша. Ибо то еще стадия

рассудочная, стадия самая близкая к полуживотному существованию.

Но то считайте милосердием, что даете в радости, в сияющем счастье жить и любить.

Не тот любит, кто несет свой долг чести и верности. Но тот, кто живет и дышит именно потому, что любит и радуется, а иначе не может.

И любовь сердца такого человека не брага хмельная и чарующая, создающая красоту условности, но ими чистая Красота, несущая всему примиренность, успокоение.

Там, где ты – ныне призываемый мною в ученики и сотрудники друг, прочел мое слово, там, где ты претворил его в примиренность в сердцах людей, – там ты основал новое колесо для жизни сердца человека, ибо там ты помог двинуться в новом вихре чакрам человека.

Вступайте в день, поняв на себе, как освобождается человек от застарелых ран и пятен. Как пробиваются к новому пониманию и восприятию дня борозды в мозгу. Как могут они проложиться, развернуться, стать действием только тогда, когда закрепощающая сила, жившая в организме как старый предрассудок сгнила и вышла из него, освободив место для радости.

Радостью ткется светящаяся материя духа, радостью вводится человек в единение с людьми, а следовательно – с нами и со всей вселенной».

Сила, державшая, ноги Бронского приклеенными к полу, внезапно исчезла, и он легко вошел в раскрытую Левушкой дверь. Впервые Станислав ощущал счастье, полное счастье, горячая волна которого заливала все его существо, сияла ему из каждого предмета комнаты, показавшейся ему сегодня особенно прекрасной и белой. Когда он взглянул в сияющее лицо Левушки, то не смог удержать возгласа:

– Левушка, Левушка, как Вы прекрасны. Я даже не думал, что Вы можете быть так нечеловечески прекрасны!

– Если бы здесь было зеркало. Вы бы и себя увидели нечеловечески прекрасным и совсем молодым, Станислав, – ответил Левушка, и даже голос его был новым, звучнее, ниже и мелодичнее того, к которому привык Бронский.

Большое удивление обоих вызвала книга, уже раскрытая на столе, которую вчера так тщательно и осторожно убирал Левушка, закрывая стол Али. Чьи же заботливые руки открыли ее? Чье любящее сердце посетило и благословило своим милосердием их рабочее место? Но думать об этом было некогда. Принимаясь за чтение, Левушка с удивлением заметил, что целая пачка листов книги была точно склеена после того места, где они остановились в сказке вчера, и в заголовке стояло:

Путешествие, жизнь и уроки второго сына Переведя Бронскому заголовок и показав ему склеенные, вернее сказать, слипшиеся листы, Левушка снова стал переводить ему книгу:

«Ушел второй сын, полный энергии, долго шел, разыскивая путь в страшный город. С кем ни встретится, кому ни скажет, все со страхом смотрят на путника и говорят ему: «Что ты, друг, аль жизнь тебе надоела? Ты ведь там не только от чумы умрешь, но если даже выживешь, то от вражды тех горожан зачахнешь. Оставайся лучше с нами. Работы у нас сколько хочешь, земля хорошая. Мы тебе поможем дом построить, женишься, заживешь в свое удовольствие. Девушки у нас одна другой лучше. Оставайся, брось думать об этом несчастном городе, никому ты там не поможешь, только себя погубишь».

Но не слушал путник заманчивых предложений. Он всем своим существом стремился в дом несчастной женщины и, еще не зная и не видя ее, мысленно говорил ей: «Милая мать, будь спокойна. Я иду к тебе, как только могу и умею быстро. Не лей слез. Жизнь посылает тебе прощение и утешение в той форме, как ты просила. Как хотел бы я подобрать все твои слезы и заменить их радостью. Верь мне, я буду видеть в тебе мать и служить тебе так, как я служил бы своей родной матери».

И много, много новых дум передумал средний брат за свое долгое путешествие. Не раз смущали его люди, которым он рассказывал, куда и зачем идет, своими разговорами. Особенно сильно повлиял на юношу разговор с одним стариком. Узнав, что целью путника было стать сыном неизвестной ему женщины, старик сказал:

– Ох, и горькое же дело ты затеваешь. Взять дитя чужое на воспитание – и то дело трудное. Надо любовь в себе к нему найти, будто к родному. А этого почти невозможно сделать. А уж мать человека взрослого, как же ты, не видев ее, можешь чтить и любить перед Богом? Вдруг она тебе не понравится? Перед людьми-то ты сможешь это скрыть, а перед Богом и своей совестью как?

Задумался юноша и не знал, что ответить старику. Действительно, он видел и слышал не раз, что хорошие люди стремились облегчить другим жизнь и брали к себе их детей. Но часто приходилось им возвращать детей родителям, так как дети их раздражали, заставляли постоянно повышать голос, и кроме обоюдного неудовольствия и даже детских слез из их воспитания ничего не выходило.

Чем дальше шел путник, тем слова старика все сильнее въедались в его сердце, как ржавчина. И не мог он найти разъяснения, но твердо знал, что он задачи своей не оставит, от нее не отступится. И взмолился средний

сын своему мудрому отцу, прося помочь ему понять свой мучительный вопрос и указать, как же ему поступить. Прилег он отдохнуть в тени деревьев, и снится ему, будто пришел к нему отец и говорит:

– Сын мой добрый. Доброта – это качество твое, человеческое, как тебе это кажется и каким ты его считаешь. На самом же деле это не твое качество, но качество Бога, в тебе живущего. Оно не может изменяться в зависимости от качеств тех людей, которым ты подаешь свою доброту. И подаешь ты ее не потому, что так хочешь или не хочешь; и подаешь ее не тому, что есть видимый глазами человек, но тому Свету, что живет внутри каждого встречного, что вечен и неизменен, как твой собственный Свет, что ты знаешь в себе как Доброту. Если Доброта твоя шла из сердца, как частица Бога в тебе, то она и подавалась той частице бога, что ты мог увидеть. И тогда нет и места рассуждениям, что люди, будь то дети или взрослые, могут быть для тебя «своими» или «чужими». Что они раздражают, мешают, нарушают гармонию твоего дневного труда и дома. Ты не их видел, когда их брал или им помогал, но ему, единому, молился, когда с ними входил в общение. И сейчас ничем не смущайся. Иди смело и легко к той, что сердце твое назвало матерью. Доверься мудрости сердца и миру его, неси радость Тому, что живет в оболочке женщины. С этого дня перестань думать, что есть разобщенные, отдельно существующие люди. Есть единая мировая душа, что живет во всех формах земли. Не зри своей особой задачи в том, чтобы поклониться своим трудом всем этим формам. Но легко и просто молись Единой Душе во всех встречаемых ее воплощениях. В минуты смущения и неуверенности всегда зови меня, чтобы скоро кончались эти минуты. Каждая такая минута засоряет выход чистой силе из твоего сердца, и нарастают вокруг твоего сердца корочка и узелки. И какими бы короткими и поверхностными ни казались тебе мелькнувшие минуты сомнений, трудность выхода из сердца доброте так ощутима, как будто между тобой и человеком легла перегородка. Иди весело. Не отталкивай людей, не отказывайся выслушивать их мнения, но улыбайся им, как детскому лепету, когда видишь их неразумие, их полное незнание истинной сути вещей. Доброта, поданная тобою как молитва, как поклон Единому в человеке, проникает не в те видимые оболочки, что доступны разложению и смерти, но в то Вечное, что неизменно и что ты восхваляешь, радуясь, что мог подать встречному свою Доброту. Проходи свой день труда легко всюду, где остановит тебя встреча, и знай, что день был, если твоя улыбка приветя помогла расшириться и светлее засиять Единому во вселенной от твоей встречи с человеком. Не важно, как засветился круг Единого шире на земле. Не важно, чем помог ты людям

шире проявить его, – важно, что твоя Доброта вызвала к деятельности Доброту соседа. Живи же отныне не в границах одного места или времени, где все подвержено изменению, разложению и смерти. Но во всей вселенной, всюду поклоняясь Неизменному, что живет внутри всякой видимой формы. Будь благословен, сохраняй спокойствие при всех обстоятельствах жизни и передавай каждому – без слов и наставлений,

– свою молитву к Его Единому. Перед тобой бесчисленные миры, которых ты не видишь. И во всех этих мирах бесчисленны формы, на них живущие. Никогда не забывай благословить все миры и послать привет каждому светлому брату, где бы он ни жил и какова бы ни была его форма труда и действия. Твоя молитва, твой поклон огню человека не зависят ни от места, ни от времени, но только от твоих чистоты, бесстрашия и доброты.

Проснулся средний брат, точно живой росой его сбрызнуло, так ему стало легко и весело. Все его сомнения показались ему смешными, и пошел он дальше, глядя на встречаемых людей иными глазами. Должно быть и люди стали воспринимать юношу иначе, ибо никто не зазывал его к себе и не называл его больше ни чудачком, ни странным. Никто не уговаривал остаться и отказаться от замысла идти в страшный город. Признавали его задачу и только еще внимательнее становились к нему люди, и все чаще чья-то милосердная рука совала ему скромный узелок, а губы застенчиво шептали: «Прими, Бога ради. Не обессудь, что мало, может, пригодится». И чаще всего то были цветущие девушки и дряхлые старики.

Наконец дошел до города средний сын, разыскал дом, где решил служить помощью и радостью своей названной матери. Вошел он в этот дом, твердо помня слова своего отца, явившегося ему во сне.

Едва войдя в дом, он увидел в сенях женщину, еще не старую, красивое лицо которой было измождено болезнью и скорбью.

– Здравствуй, мать, я пришел к тебе вместо сына, которого ты потеряла. Прими меня вместо него и разреши помогать тебе в работе.

– Бог с тобой, юноша, понимаешь ли ты, что говоришь? – С испугом отвечала женщина. – Дом мой заражен, болезнь перебросилась на наш квартал. Правда, на этот раз умирает мало народа, но болезнь тянется много недель и истощает людей все равно до смерти. Уходи скорее. У меня нет сил даже говорить с тобой. Я ничего не могу тебе дать, потому что там, куда пришла болезнь, все опасно, все грозит заразой.

Говоря, женщина тяжело дышала и с последними словами так сильно пошатнулась, что едва не упала. В одно мгновение сбросил юноша котомку с плеч, подхватил женщину на руки и сказал:

– Ничего не бойся, мать. Скажи только, куда тебя отнести, и будь спокойна. Я вовремя пришел, чтобы выходить тебя.

С трудом подняв руку, женщина молча указала юноше на дверь в комнату. По лицу ее катились слезы, когда неожиданный гость укладывал ее на смятую постель, очевидно, давно не перестилавшуюся. Воздух в комнате был тяжелый и спертый, на полу, также давно не метеном, валялось много сора. Юноша открыл окно и, улыбаясь плачущей женщине, сохранял полное спокойствие.

– Не плачь, мать, я сказал тебе, что пришел выходить тебя. Вот я сейчас накормлю тебя. Точно знали добрые люди, как скоро понадобятся мне их дары. Сейчас я тебе сварю молочной каши и яичко. Скажи только, есть ли у тебя печь? – спросил он, оглядываясь по сторонам и не видя никакого намека на печь.

Женщина указала ему на тяжелый пестрый занавес в дальнем углу комнаты. Отдернув его, юноша увидел маленькую печь, рядом дрова и кучу мусора. Быстро разведя огонь, он сварил пищу, накормил больную, которая поела и тотчас же заснула. Воспользовавшись ее сном, гость убрал комнату, вынес мусор и ведра с застоявшейся водой, привел все в порядок в сенях и сел у кровати, ожидая пробуждения своей названной матери.

Мысли его вернулись к словам отца. Он вспомнил свой родной дом, сравнил слова отца с его собственной жизнью, год за годом внимательно рассмотрел поведение своего отца и убедился, что сам отец жил именно так, как говорил ему во сне. Он силился вспомнить хоть раз раздраженное или сердитое лицо отца, хоть одно слово, сказанное в повышенном тоне, но ничего, кроме всегда приветливых слов, иногда добродушно-юмористической улыбки, вспомнить не мог.

Он стал внимательно вглядываться в лицо спящей. Как много страдания и беспокойства лежало на этом стареющем лице! Юноша от всего сердца пожалел бедную женщину и мысленно сказал себе: «Я буду любить тебя всем сердцем, я буду жить у тебя, как будто отец мой рядом со мной, как будто самое главное дело моей жизни – заменить тебе сына и пробудить в тебе радость. Я буду жить подле тебя так, чтобы сердце твое отдохнуло, чтобы расширился Свет в тебе. Я буду стараться передать тебе твердость и уверенность, что отец мой рядом, что он видит, слышит все, что делаем мы.

Я буду усердно служить тебе, и ты убедишься, что не только кровная связь радует людей. Убедившись, ты и сама найдешь новую цель жизни в отдавании людям простой доброты. Тогда я пойду дальше, и не будут тебе нужны ни костыли, ни подпорки. Они нужны человеку до тех пор, пока он

думает о себе. Как только перестанет о себе думать и при всякой встрече первой его мыслью будет нужда встреченного человека, так легко и весело побегут дни и радость зазвонит в сердце».

По мере того как углублялся так в самого себя сын, мысль его все теснее сливалась с отцом, и ему стало казаться, что не сам он говорит себе, но снова отец его посылает ему свое благословляющее слово. И такой радостью, таким спокойствием наполнилось существо юноши, что, как ему показалось, счастливее дня он за всю жизнь еще знал. Он улыбнулся мнениям встречавшихся ему по дороге людей, говоривших ему о тяжелом и страшном подвиге, что он берет на себя. Не подвигом он ощущал свою настоящую жизнь, но торжествующей радостью.

Он снова поглядел на лицо спящей и заметил, что выражение его стало иным. Вместо скорби и беспокойства лицо дышало примиренностью и спокойствием, тем спокойствием, которое дает начало радости. Не успел юноша удивиться такой перемене, как женщина шевельнулась, открыла глаза и, улыбнувшись, протянула руку.

– Неужели же это действительность? Неужели ты подле меня, мой сын?

– Я давно уже караулю твой сон, мать. В последнюю минуту мне показалось, что ты лучше себя чувствуешь, что болезнь тебя меньше мучает.

На лице больной мелькнуло какое-то разочарование, снова облако печали легло на него, но она сделала над собой усилие, приподнялась, протянула гостю обе руки и сказала:

– Прости меня, глупую. За все время со дня смерти сына я в первый раз видела его во сне. И так живо он не представился, что я спутала его с тобой и, проснувшись, не сразу поняла, где кончалась иллюзия сна и где начинается действительность. Поэтому я не сразу улыбнулась тебе, такому доброму и ласковому. Но ты ведь сам понимаешь, что такое для сердца матери собственный сын. Я постараюсь в дальнейшем быть тебе благодарной, как только смогу.

– Полно, мать. Не думай о благодарности мне, как не думай и о смерти сына. Ты только представляй себе, что он живет и думает о тебе точно так же неотступно, как ты о нем. Ну каково же ему видеть твои слезы, твоё беспокойство, твои муки? Ты не сознаешь, а если вдуматься, то выйдет, что сын твой виноват в твоей муке. Оплакивая его, ты его обвиняешь в своих мучениях. И все твои слезы так струями и бегут по его сознанию, по его теперешним делам и кладут на все отпечаток скорби. А между тем тебе бы следовало свидетельствовать перед всеми, как чист и свят он был в

своей любви к тебе, как оберегал тебя, как старался наполнить каждый твой день весельем и миром. Старайся теперь доказать всем, что он недаром жил подле тебя, что в твоём сердце осталась вечная память о его трудах для тебя и что не слезами и унынием ты хочешь поблагодарить его за его жизнь с тобою, но своим трудом для ближних. Тем счастливым и спокойным трудом, который он недоделал, уйдя так рано. Но который за него доделаешь ты. Думай о его освобождении, о том, что помогаешь ему освободиться, а не о своей печали. Сколько бы ты ни спрашивала мать-Жизнь и всех мудрецов, почему, зачем умер твой сын таким молодым, – ты не можешь получить ответа, потому что глаза, которые плачут, не могут увидеть истины. Плачут всегда о себе, хотя бы и искренне думали, что плачут о других.

– Мне никогда не приходила в голову мысль, что мои слезы могут беспокоить и мешать моему сыну, друг мой. Но сейчас меня точно озарило, как молния пронзила мысль, что между людьми существует живая связь, хотя они и не видят друг друга. Спасибо тебе. Будь же мне сыном, что мне послала судьба. Не раз я думала, что, если бы Милосердие послало мне юношу, который захотел бы быть мне сыном, я знала бы, что я прощена, что я могу надеяться искупить всю неправду моей жизни. Я по-новому старалась бы любить посланного сына, по-новому передавала бы ему все силы сердца и мыслей, в его лице я благословляла бы Божий мир. А сейчас, когда ты пришел, я ничем, кроме тоски и слез, тебя не встретила, – все плача говорила женщина.

Нежно погладил сын протянутые ему руки и ответил:

– Как бы ты ни поступила, – уже улетело время и унесло твой поступок. Если в эту минуту говоришь, что поняла духом, как надо действовать в жизни, зачем же нам с тобой так много говорить о прошлом? Вставай, выздоравливай, и будем оба каждый день приносить во все дела уверенность, что именно данное текущее дело и есть самое важное и самое главное. Будем его делать со всем полным вниманием и добротой, а остальное пусть складывается как возможно легче для всех. Не будем тратить время на слова. Я вижу, у тебя нет дров и воды. Скажи мне, где их взять, чтобы было на чем сварить пищу.

– Я все тебе объясню. Но скажи, как мне тебя звать? Моего дорогого сына звали Борис.

– А меня зовут Глеб. Вот и выходит, что я сыну твоему брат, – смеясь ответил юноша.

– Как странно, мой новый и дорогой сын Глеб, – задумчиво сказала мать. – С самого детства часто говорил мне мой Борис, что у него

неприменно будет брат Глеб. Но не родила я ему брата, а Жизнь-матушка послала ему Глеба, да только тогда, когда его уже нет. – И снова покатались ручьем слезы по щекам женщины.

– Снова ты плачешь, мать. А ведь уж как ему, Борису, наверное, больно сейчас. И желание его исполнилось, и не одна ты сейчас, а все не можешь послать ему улыбки радостного привета, чтобы ему было легче. Как думаешь? Мы с тобой только что решили, что будем жить весело, чтобы каждому было возле нас проще, легче и веселее. А вот тому, кого зовешь самым первым, самым близким и любимым, его ты сейчас снова огорчила, ты отяжелила его путь, создав из своих слез новое болото вокруг него и себя.

– Не буду больше плакать, Глебушка. Вот видишь, там, подальше, сарай. В нем дрова сложены, только наколоть надо помельче. А как обогнешь сарай, увидишь ручей с маленьким водопадом. В нем чудесная вода. И вид с того места

– просто загляденье, его Борис очень любил.

Глеб взял ведро и сделал вид, что не заметил, как при последних словах украдкой отерла мать слезу...

И потекли тихие дни Глеба. Через несколько дней он привел весь дом в порядок, починил крышу, наладил все хозяйство, и день за день все здоровее становилась мать. Все реже и реже лились ее слезы, все веселее становилась ее лицо, все бодрее звучал голос. Но привычка бояться людей, создававшаяся за годы несчастий, выпавших городу и лично ей, все так же крепко держала ее в цепях...

Немало усилий положил Глеб на борьбу со страхом матери. Но все же одолел и это препятствие и уговорил ее раскрыть ворота, раскрыть постоянно запертые двери и окна дома и позволить людям приходить к ним.

– Подумай, мать. Зачем ты прожила сегодняшний день? Чтобы бояться? Тогда ты смело могла и не занимать места на земле. Ты боишься, значит, ходишь в смерти, а не в жизни. Ты не подала привета доброты ни одному человеку – значит, только одна смерть жила в тебе и ты в ней. А должен быть твой привет людям: Жизнь с Богом и для Бога. Если не было людям привета, ничего кроме смерти для тебя и не было в дне, чего тебе ее бояться? Бояться ее тебе нечего, потому что ты и не жила в этот день.

Постепенно, пережив все стадии страха, доходя не раз до отчаяния от смелого поведения своего нового сына, входившего без страха в больные дома, упрекая Глеба, что судьба послала его ей в помощь, а он и не думает о ней, с большим трудом и страданиями сбрасывала с себя мать жгущие

кольца страха.

– Я и вообразить себе не могла, какое счастье жить на земле, когда сердце свободно от страха, когда легко и спокойно работаешь, – сказала однажды Глебу мать. – Когда ты мне говорил, что важно только то, что и как ты делаешь сейчас, мне казалось, что ты просто еще дитя и в голове твоей живут одни детские мысли. Что самое важное для человека серьезного и практичного – это позаботиться о своем и близких «завтра». Недавно я поняла, о чем ты говорил, утверждая, что жизнь – это «сейчас». Только твое «сейчас» объяснило мне, как надо освобождать сердце и мысли, очищать их именно сию минуту, потому что следующая минута рождается из текущей.

– А текущая темнит те глаза, что плачут, и не дает им видеть ясно, – рассмеялся Глеб, обнимая мать.

– Нет, сынок, глаза уже не плачут и видят все яснее, как им трудиться, чтобы становиться силой для радости.

Дни текли, и в городе завелось много друзей у матери и ее приемного сына. Не было просьбы, в которой отказал бы соседям приветливый дом. Не было сердца, которое не унесло бы утешения из дома прежних скорбей и слез, ставшего теперь домом мира. Каждый, уходя из него, думал: «Вот, наконец нашел я себе верных друзей».

И в сердцах многих новых знакомых Глеба точно таяли какие-то перегородки, мешавшие им до сих пор быть простыми с людьми. Одни прежде всегда думали, как сохранить свое достоинство во встречах с людьми; другие старались всеми силами быть полезными своим близким; третьи верили твердо в Бога и хотели учить всех встречных, как им надо жить, их собственными идеалами меряя каждого; четвертые, стремясь, чтобы их время не пропало в пустоте, в каждом своем слове и движении стремились воспитывать людей, думая, что именно в этом наибольшая заслуга, а простая и легко даваемая доброта не шла из их сердца. Все что-то мешало ей литься. И только со встречи с Глебом многие поняли, что не люди встречные мешали им быть добрыми, а в них самих лежали пластины условности, на которых они сами записывали так или иначе образы своих встречных, видя в них не Вечное, но преходящее.

В каждом сердце становилось светло и радостно, как только оно видело, что мешало в нем самом простоте его отношений с людьми. Многие, многие, говорившие прежде: «Да откуда ее возьмешь, радость?», – теперь улыбались своему прежнему невежеству, которое было единственной причиной их неполноценно прожитого дня.

Мысли Глеба часто возвращались к моменту разлуки с братьями. О

старшем брате он не беспокоился. Он в прежние годы видел его неизменное спокойствие во всех обстоятельствах жизни, сам чувствовал и на других наблюдал, как в каждом человеке укреплялся его мир сердца подле Александра. Он был уверен, что тот не только выполнит, но и превзойдет заданную ему задачу. Но мысли о брате меньшом, красавцепевце, бередили сердце, составляя его единственное волнение. Как будет жить красавец-мальчик в огромном городе один? Будет ли его дивная песня достаточным оружием для его единения с людьми? Ведь не все любят песни, не всем они нужны и не все могут откликнуться на этот язык любви.

А младший брат, ушедший первым, последним пришел в незнакомый огромный город. Шел он всех дольше, так как в первую же ночь встретил трех бездомных спутников, к которым и присоединился.

Не успел он отойти и пяти верст, как услышал в темноте спустившейся ночи чей-то тихий плач, как показалось ему, детский. Остановился путник, послушался и пошел, свернув с большой дороги, к кучке деревьев. Ему навстречу выскочила небольшая собачка, обнюхала его, подпрыгнула, лизнула ему руку и, заскулив, побежала вперед, как бы приглашая его следовать за собою. Идя за собакой, под кущами какого-то цветущего ароматного растения он увидел девочку лет десяти, державшую на коленях голову ребенка и горько плакавшую.

– О чем ты плачешь, милая девочка? – спросил он, наклонившись к девочке и ласково касаясь рукой ее головки.

Очевидно, во всей полноте своего горя ничего не слышавшая и не видевшая девочка вздрогнула, открыла свое заплаканное личико, по которому катились ручьем горькие слезы, освещенные лучом проглянувшей среди туч луны и сказала:

– Мой братик умирает, взгляни, он уже ничего не отвечает мне. А без него и я, и наша собачка Беляночка тоже умрем. Мы только тем и жили, что братик мой играл на скрипке, я пела и танцевала, а Беляночка прыгала и делала фокусы, которым мы с братом ее научили. Сегодня нам не посчастливилось. Мы ничего не заработали, и никто нас не оставил ночевать. Я думала, что мы доберемся до города засветло, но братик мой так ослабел, что едва шел, и ночь застала нас здесь.

Все это говорила девочка, рыдая, и едва можно было разобрать ее лепет. Путник сел на землю рядом с ней, расстелил свой теплый плащ, положил на него бедного мальчика, подложив ему под голову свою маленькую подушечку, что велел ему отец взять с собой из дома и которой брать он не хотел, считая себя выше предрассудка нужды в дорожной

подушечке. Теперь он улыбнулся, укладывая на нее голову ребенка, и мысленно поблагодарил отца, которому пришлось дважды повторить это свое распоряжение.

Прислушавшись к слабому, но ровному дыханию мальчика, он ласково сказал все продолжавшей плакать девочке:

– Не плачь, девочка, твой брат не умер, он просто устал от голода и труда. У меня есть молоко, хлеб, яйца. Сейчас все вы будете сыты. Ты выпей пока молока холодного, поешь хлеба и покорми Беляночку. Я попробую собрать сучьев и веток, разведем костер, сварим твоему брату и всем вам кашу. Забудь о своем горе. Теперь я с вами, и все будет хорошо. Ты ведь девочка мужественная, вот и не подавай примера слез никому. А то проснется брат твой и тоже начнет плакать, а Беляночка и без того, видишь, скулит. Мужайся, оботри слезы и покорми скорей собачку да сама кушай.

Юноша встал, чтобы пойти за сучьями для костра, но его удержала за платье маленькая детская ручонка.

– Ты ведь от Боженки к нам пришел? Ты ведь Ангел спасения? Ты ведь теперь не уйдешь от нас? Не оставишь нас одних? – робко спрашивала девочка.

Весело засмеялся юноша наивности ребенка, пожал трепетную ручку, поласкал головку ребенка и ответил:

– Верь, верь всей душой, крепко, до конца, что нет брошенных людей на свете. Все найдут свое счастье, если будут идти, честно трудясь. Верь, как умеешь. Это не важно, кто я сам по себе. Важно, чтобы встреча со мной принесла тебе радость и чтобы ты и твой брат стали бодрее, веселее и счастливее. Кушай, корми собачку и ни о чем больше не думай. Раз я сказал, что иду За дровами, я их найду, и мы будем варить ужин. Смотри же, не плачь.

Вскоре ночной покровитель вернулся с дровами, весело запыхавшись, отогрел детей и собачку, и когда проснулся мальчик, ему была готова теплая каша.

От удивления голодный ребенок долго не мог понять, что видит горячую кашу с маслом не во сне. А сам Ангел спасения, отказавшийся было взять в дорогу запасы, был благодарен своим братьям, настоявшим на этом, и радость его была не меньше, чем счастье его голодных спутников.

Когда согретые и сытые, завернутые в теплый плащ бедные бродячие музыканты заснули вместе со своей собакой, прильнув к своему спасителю, сам спаситель стал обдумывать свой дальнейший план действий. Как кстати пригласил первая встреча! Никому не сумел бы он быть так полезен своей лирой и песнями, как этим нищим бедняжкам.

Вспомнил он о своем доме, о своем отце, веселом детстве, о своей сестренке. Как часто он стремился научить и развлечь ее своими песнями! Но каждый раз она с досадой обрывала его, говоря, что детские развлечения ей надоели, что в их доме так много поют и смеются, что ей уже опротивели и песни, и смех.

Вспомнились ему и слова отца, которые он нередко говаривал, поглядывая на хмурое личико дочери: «Бедное дитя! Только злые не ведают ни песен, ни смеха».

И сейчас припомнил путник, как томился отец, видя вечно нахмуренное лицо дочери. Сейчас он вспомнил, окруженный успокоенными и утешенными им бездомными сиротами, свое последнее свидание с сестрой, свою скорбь и слезы о разлуке с нею, любимой, и свою боль сердца, разочарование и удар, что причинили ему ее слова.

– Ах, если бы я мог всю свою жизнь нести людям успокоение и радость, как в эту минуту. Если бы в мыслях людей оставались уверенность и бодрость от встреч со мной, как в этих маленьких сердцах, что прильнули ко мне в эту первую ночь. Да будет благословенна моя встреча! Встает солнце! Я воспою эту первую встречу, пусть мое славословие летит в мир, быть может, кому-то станет легче от моей песни. Услышь меня, мой мудрый отец, благослови и наставь к новой жизни!

И, взяв свою лиру, взглянув на мирно спавших у его ног детей и собаку, юноша запел, неся свой привет расцветающему дню. Обо всем он, казалось, забыл. Он жил только всей силой мысли в этот момент в красоте, он молился об одном: жить, объединяя людей в красоте, будить в сердцах необходимость в ней, необходимость трудиться в гармонии.

Окончив песнь, путник оглянулся вокруг и увидел, что с обеих сторон возле него стоят на коленях дети, сложив ручонки, как для молитвы, а у самых ног его стоит собачка, поднявшись на задние лапки и умильно помахивая передними. Веселый путник готов был уже рассмеяться, как услышал голос девочки:

– Теперь я уже совсем знаю, дядя, что ты Ангел спасения. Только ангел и может так петь. Ах, если бы мне перенять от тебя эту песню! Уж, наверное, люди всегда давали бы нам хлеба и не выгоняли бы нас на ночь из дома. Как ты думаешь, Монко, смогу я перенять песню? – обратилась она к брату.

– Нет, Фанни, так ты спеть никогда не сможешь, – ответил мальчик. – Но ты не огорчайся, я всю песню запомнил, я буду ее играть людям на скрипке, а дядя скажет тебе слова, и ты будешь петь ее по-своему. Дядя, ангелы не рассердятся, если мы будем твои слова петь? – с большой

серьезностью спросил он их нежданного спутника.

– Глупенькие мои детки, не вбивайте себе в голову сказок, – весело смеясь, ответил тот Монко. – Жизнь не сказка, и вы очень хорошо это знаете по собственному опыту, хотя короткому, но печальному. Я такой же человек, как и вы, у меня также нет дома, как и у вас, и я иду таким же бродячим музыкантом, как и вы, без денег и хлеба. Жизнь, которая всегда знает, что она делает, послала вам меня, а мне вас, чтобы нам легче и проще было жить на свете. Выбросьте из своих милых головок всякие бредни о путешествующих и спасающих ангелах и крепко верьте, что все ваше спасение, как и вся ваша жизнь, в ваших собственных руках. Если вы будете бодры, не будете плакать от тяжелого труда, а будете радостно трудиться, ваша жизнь будет самая счастливая. Не будем тратить попусту времени, наберем дров, у меня есть еще кофе и немного молока, сварим завтрак и решим, как нам жить дальше. Сегодня Монко должен еще отдохнуть, но завтра мы пойдем по большой дороге. Я уверен, что мы кое-что заработаем и не будем голодать. За этот день отдыха мы составим новую программу, после завтрака подумаем внимательно о ней; а сейчас – за работу.

Весело стала новая музыкальная артель собирать шишки и хворост для костра, так как деревья оказались небольшим леском. Время для детей и носившейся по лесу Беляночки мелькнуло, как самый веселый праздник. Им казалось, что минут счастливее этого утра они не знали. Накормив свою новую семью, юноша сказал:

– Ну-ка, братишка, сыграй мне мою песню на своей скрипке, я увижу, хвастал ли ты или ты взаправду артист.

– О, дядя, если бы ты знал Монко, ты бы так не сказал, – укоризненно прошептала Фанни.

Мальчик молча вынул свою скрипку, оказавшуюся настоящей большой скрипкой для взрослого человека, настроил ее особенно нежно, точно живое существо, погладил ее и сказал с необычайной серьезностью, поразившей юношу:

– Это скрипка отца. Он играл прекрасно, но говорил мне, что я играю лучше него. Иногда, когда я играл, он плакал и говорил: «Боже мой, чем же я так согрешил перед Тобою, что не имею возможности послать учиться это гениальное дитя?» Но, так как Фанни говорит, что ты Ангел спасения, то уж ты сам поймешь, прав ли был мой отец и надо ли мне где-нибудь учиться.

Монко заиграл, и путник узнал в звуках ту песнь, что он пропел утром навстречу солнцу. Но для его ушей она звучала странно. Он как автор ее

почти не узнавал. Песнь была та и не та. Мальчик передавал ее так своеобразно, что она показалась певцу гораздо лучше в его передаче. Трудно было поверить, что поют ее маленькие пальчики ребенка, а не волшебное существо, у которого особая свирель, умеющая петь человеческим голосом. Только слов не хватало песне Монко и все сердце юноши она заполнила. Он сидел очарованный, не сводя взора с серьезной, углубленной, хрупкой фигурки ребенка, углубленного в самого себя.

Когда маленький музыкант кончил играть, он робко посмотрел на своего покровителя и снова тихо спросил:

– Как же ты думаешь, Ангел спасения? Достоин ли я учиться? Послал ли мне Бог встречу с тобой, чтобы ты стал нашим общим покровителем и помог нам с сестрой сделаться артистами? Если бы ты только слышал, как поет и танцует Фанни, ты бы, наверное, был милостив к нам. Ты молчишь. Разреши, я еще сыграю, а Фанни споет и станцует. Быть может, хоть ее ты сочтешь достойной учиться, дорогой, милосердный Ангел спасения.

До глубины сердца растроганный, юноша вскочил, поднял, как перышко, мальчика, прижал его к груди и несколько раз горячо поцеловал:

– Ты не только отличный скрипач, ты чудесный музыкант, дорогой мой мальчик, моя радость, незаслуженно посланная мне жизнью чудесная встреча. Я даю тебе слово, что ты будешь учиться у самого лучшего учителя, хотя бы для этого пришлось море переплыть.

Он опустился на землю, усадил мальчика и девочку с Беляночкой к себе на колени и, лаская всех троих найденьшей, продолжал:

– Прежде всего, родные мои детки, запомните твердо, раз и навсегда: я такой же человек, как и вы, и ровнешенько так же, как и вы, никогда не видел ангелов и не бывал в их обществе. Теперь я ваш старший брат и должен заменить вам отца, как смогу и сумею, и этот вопрос кончен. Жизнь не сказка, все на земле трудятся, будем трудиться и мы. Надеюсь, что вместе со мною вам будет легче и веселее. Сейчас мы обдумаем, какую нам приготовить программу, чтобы нравиться людям и иметь всегда хлеб и ночлег под крышей. Здесь проходит большая дорога, мы дойдем до ближайшего городка, где останавливаются проезжающие, и там дадим наше первое новое представление, которое сейчас обсудим и придумаем.

Довольно скоро сыгрались и спелись три артиста, но на четвертого – Беляночку – пришлось потратить немало труда всем троим. В конце концов, усердный пес понял свою роль во всех деталях, и вновь сформированная труппа, дав отдохнуть Монко, двинулась в путь.

– Дядя, постой, – остановила всех Фанни. – Если ты говоришь, что ты не дядя Ангел и не хочешь, чтобы мы тебя так называли, то скажи нам свое

человеческое имя, а то нам никто не поверит, что ты нам брат.

– Мое имя Аполлон, зовите меня братом Аполлоном, как меня всегда звали в моей семье, – ответил юноша, торопя своих спутников, так как солнце уже было высоко.

В ближайшем городке новая музыкальная семья имела большой успех. Был базарный день, многие были хорошо настроены из-за удачных сделок и щедро одарили за песни и пляску красивых детей и их молодого опекуна.

Давно уже дети не были так веселы и сыты, как в этот день, давно не спали на чистом белье и постелях, на которых сегодня радостно отдыхали, так как их заработок позволил им снять отдельный номер. Через несколько дней они уже щеголяли в новых платьях и башмаках, всегда теперь сытые и уверенные в себе. Все три маленьких артиста души не чаяли в Аполлоне. Иногда только, робко прижавшись к своему покровителю, лаская его своими ручонками, они застенчиво шептались:

– Ты ведь, брат Аполлон, никогда нас не оставишь? Без тебя мы теперь уже не можем жить.

– Я вас приведу в большой город. Там вы оба будете учиться, а я буду петь людям и зарабатывать деньги вам на учебу. Вот пока для всех нас и программа. Зачем вы так часто думаете о том, что будет дальше! Ваша короткая и тяжелая жизнь должна была научить вас, что ни одно «завтра» нам неизвестно, а есть только «сегодня». Радуйтесь, пойте и играйте, учитесь прилежно, вот и все.

Погода благоприятствовала юной труппе, не раз им делали заманчивые предложения всякие предприимчивые люди, многие старались сманить детей у Аполлона, суля им исподтишка золотые горы, но никто не смог оторвать их сердец от Аполлона, да и жила в них одна мечта – учиться. До большого города оставалось все меньше верст, у каждого из артистов завелся тугий кошелек, потому что они усердно работали, все больше расширяя свою программу, всюду имевшую успех.

– Знаешь, брат Аполлон, – сказал однажды Монко. – Хотя я и убедился, что ты никогда не говоришь неправды, но все-таки я не могу тебе поверить, что ты не Ангел. Ты такой добрый и так поешь, что весь человек тонет куда-то, слушая тебя. Вспомни, пожалуйста, ну, наверное, кто-нибудь, какой-нибудь дедушка или бабушка твои были в родстве с ангелами. Ну вот хоть столечко, такое маленькое-маленькое родство да было у тебя с ними. Вспомни, я тебя очень прошу, наверное, ты забыл, – умилительно показывая крошечный кончик своего мизинца, говорил Монко.

Аполлон, шутя и весело смеясь, отвечал:

– Видишь ли, когда ты играешь песни своего отца, то не только весь

человек куда-то тонет, но и вся вселенная вместе с ним точно исчезает. Твои звуки заставляют всех умолкать: и птиц, и собак. Но я тебя не подозреваю в скрытности и не думаю, что ты прячешь от меня свое ангельское происхождение.

– О, я-то человек, самый простой человек. Как помню себя, отца и мать, – всех нас всегда преследовали люди за нашу веру. Только я тебе не могу объяснить, какая такая наша вера и почему за нее нас люди обижали. Иногда отец утешал нашу бедную маму и говорил ей: «Не горюй, Гарань. Это слепцы, полные суеверий. Иди честно, не сворачивая с дороги, и жизнь воздаст если не нам, то детям нашим. Ты до конца верь и, вместо того чтобы плакать, улыбайся невежеству тех сердец, что, преследуя нас, думают угодить своему Богу».

Помолчав, Монко робко прибавил:

– Я думаю, что отец не ошибался. Мы тебя встретили, значит, жизнь вознаградила нас вместо них. Я верю, что ты устроишь меня учиться, и я буду артистом, как говорил мне отец.

– А я буду учиться танцевать. Ничего на свете я не хочу, только танцевать, – сказала Фанни, бросаясь на шею своему названому старшему брату Аполлону.

– Не знаю, правда ли это, что ты хочешь только танцевать, милая моя сестренка, потому что ясно вижу, как сейчас ты хочешь только сладко спать, – укладывая смеющуюся девочку в постель, сказал Аполлон. – Спи, детки, завтра у нас трудная программа. Не забудьте, что завтрашнее представление – наша репетиция перед большим городом. Там мы должны привлечь к себе внимание, чтобы хорошие учителя захотели вас учить. Отдыхайте, наберитесь сил, чтобы завтра быть бодрыми и свежими, а я пойду пройтись.

Поручив своих детей надзору коридорной женщины, Аполлон вышел из дома и присел в саду на одной из самых отдаленных скамеек. Ему хотелось побыть одному, подумать обо всем, что с ним за это время произошло. Только что он начал вспоминать о своих братьях, которых так давно не видал и о которых не имел никаких вестей, как послышались шаги, и к нему быстро подошла укутанная в шаль женская фигура.

– Я не видела, как наконец ты вошел один, без твоих несносных ребят, вечно на тебе виснувших. Не вздумай меня обманывать. За тобой я слежу уже целый месяц и узнала всю твою историю. Люди рассказывали мне, что дети пристали к тебе в дороге, а вовсе они тебе не родня, как ты всем говоришь. Я хочу поговорить с тобой очень серьезно о твоей судьбе. По всем твоим манерам видно, что ты очень хорошего происхождения и никак

не можешь быть бродячим музыкантом. Я не знаю, что тебя толкнуло на этот путь, но думаю, что не ошибусь, предположив, что неудачная любовь заставила тебя скрываться и скрыть свое имя. Но возможно, что твоя неудачная любовь и не так неудачна, как тебе это кажется. Ты не мог не заметить, что я и мой отец всегда, когда можем, стараемся бывать на твоих представлениях и сидим на самых ближних скамьях, и мы бываем самыми щедрыми из всех твоих слушателей. Я умышленно задерживаюсь повсюду, чтобы дать тебе возможность нас догнать. Мой отец меня обожает и сделает для меня все. Но мое внимание к странствующему певцу, внимание богатейшей невесты в округе к человеку неизвестному ему не по вкусу, как и мне самой. Я пришла, чтобы сказать, что интересуюсь твоей судьбой. Поступай приказчиком к отцу, хотя он характера и гордого, но я его заставлю приглашать тебя к нашему столу, и мы с тобой будем часто видаться без помехи. Послужишь приказчиком, выкажешь усердие к делам отца, станешь старшим, тогда я дам тебе потихоньку от отца денег, ты сделаешься компаньоном, ну, а тогда можешь просить меня в жены. Но я требую, чтобы ты оставил своих противных найденьшей. В нашем огромном городе есть много монастырей, можешь их туда определить. Денег на их воспитание там я тебе дам. Теперь отвечай скорее, согласен ли ты на мои условия. Твой пылкий взгляд я много раз ловила на себе, я знаю, что я прекрасна и не влюбиться в меня трудновато. Не смущайся огромностью расстояния между нами. Если я чего захотела, я всего добьюсь. Предоставь все мне в нашем вопросе. Я знаю, как тебя должно было поразить это свидание. Понимаю твое смущение и молчание. Но не бойся, хотя я и царица здешних мест по красоте и богатству. На то я и царица, чтобы презирать общее мнение и поступать как мне нравится. Отвечай скорее, отец может каждую минуту вернуться из кабака, где он любит посидеть вечером с приятелями.

Девушка сбросила шаль и придвинулась ближе к Аполлону. Аромат ее черных кос и сверкающие перстни на руках, черные глаза, вся гибкая фигура, даже голос, резковатый и властный, как все было похоже на его сестру! Юноша, в течение речи своей собеседницы несколько раз красневший и бледневший от оскорбленного мужского достоинства, вспомнил о своем отце, вспомнил, зачем и куда он шел, встал, поклонился незнакомке и в полном самообладании ответил:

– Я очень тебе благодарен за твое внимание к моей судьбе. Но ты ошиблась во всем. Я ушел из дома не от неудачной любви, а по делу и поручению моего отца. Я не оставлю детей, так как дети эти мои самые настоящие брат и сестра, и их судьба – моя судьба, а от своей судьбы

уходить не приходится. Я плохой торгош вообще. А любовью торговать и вовсе не сумею. Кроме того, не женщины занимают мой ум и мое сердце, но тот Божий путь, о котором ты, очевидно, и понятия не имеешь. Я тебе наименее подходящий из всех мужей, кого ты только могла выбрать...

Девушка вскочила как ужаленная, снова закуталась в шаль и свистящим, бешеным шепотом перебила Аполлона:

– Жалкий нищий! Фигляр! Я отомщу тебе жестоко. Ни гроша не заработаешь в нашем городе, подымай с голоду. Я отомщу тебе так, что до смерти помнить будешь.

– То воля Бога надо мной твоими руками свершится, если я такой кары заслужил. Но в моем сердце нет к тебе зла и не будет. Живи, всегда благословляемая мною, сколько бы зла ты мне ни сделала. Бог живет и в тебе, как во всяком существе, и рано или поздно ты Его в себе узнаешь непременно.

Что-то вроде удивления мелькнуло на лице девушки. Но она ничего не сказала, резко засмеялась, чем снова напомнила ему сестру, и скрылась во тьме.

Аполлон прошел еще дальше в глубь сада и сел в самой густой тьме, где его никто не мог увидеть. Какой-то разлад он чувствовал в себе. В нем не было тоски или уныния, но мысли об отце, о своем одиночестве без него, точно стон и жалоба, неслись из его сердца...»

Унесшиеся мыслями за героями сказки, Бронский и Левушка вздрогнули от раздавшегося в дверь стука. Голос Яссы говорил:

– Я уже вторично вас зову. Пора в столовую.

С удивлением закрыл книгу Левушка и, взглянув на Бронского, прочел и на его лице не меньшее удивление.

– Как странно, Левушка, я только что сосредоточился, а выходит, что надо кончать. Куда же девался день? – удивленно сказал Станислав.

– Очевидно, я так медленно перевожу. Хотя только сейчас чувствую, что у меня затекли ноги и одеревенела спина.

Друзья подошли к двери, и Бронский внезапно остановился, точно стукнулся о невидимую стенку. Левушкино лицо просияло, и он сказал:

– Нас задерживает огненная надпись. Вот теперь она сложилась вся:

«Мир в сердце – не принесенный с собою на землю дар самообладания. Но из самообладания и бесстрашия выросшая мудрость человека.

Раскрыть в себе какое-либо свойство или талант – значит освободить в себе тот или иной участок Любви от страстей.

Если слово встречного задело тебя – значит, твое самообладание не

было в тебе частью Мудрости веков, но лишь внешней выдержкой. Разберись бдительно, что есть внешнее приспособление условной вежливости и что есть внутреннее самообладание Любви, знающей человека-, а не самолюбие».

Когда друзья, умытые и снова сбросившие с себя потоки мутной воды, вошли в столовую, И. уже ждал их там. Ласково здороваясь, он пригласил их к ужину. Он весело рассказывал им о жизни и делах, Общины, о здоровье все еще мирно спавшего профессора и о нескольких вновь приехавших людях.

– Сегодня мы пойдем проститься с Беатой, которая на рассвете уедет, увозя свои картины. На ваших лицах печаль, мои друзья. Особенно вы, Станислав, имеете огорченный вид. Но о чем же вы печалитесь? Если Беата выросла и созрела, чтобы жить среди жаждущих и ищущих счастья людей, если она может послужить людям путем к раскрепощению и утешением в их скорби и беспомощности, – неужели в вашем сердце вы находите только печаль о личной разлуке с нею и только эти чувства можете послать ей как свой привет ее новой жизни?

– Я понимаю, Учитель, что высокое благородство, если бы оно стояло у меня на первом месте, заставило бы меня думать о ней, о ее жизни, о ее светлой и новой дороге, – ответил Бронский. – И этот случай доказывает мне, как я эгоистичен, как много во мне личных чувств и привязанностей. Я очень полюбил Беату, еще больше Левушку и... окончательно влюблен, отдал всю свою душу, сердце, труд, словом – всю жизнь я отдал вам, Учитель И. Жить дальше, не имея связи с вами, не следуя за вами, не ища вложить в каждое свое движение прославление вас, для меня больше невозможно. Жить для меня – это значит участвовать в той жизни, делах и трудах, что исходят и окружают вас. И дышать – это значит принимать от вас определенные указания для каждого дня. Мелькнула во мне мысль, что и я, как Беата, получу в какой-то день указание покинуть Общину, должен буду расстаться с вами, – и в сердце мое пробрался холод, точно я услышал отдаленный погребальный звон колокола.

– Мой бедный друг, по этой минуте резкой боли, когда одна мысль о разлуке вызывает в вас такую скорбь, вы можете судить, насколько вы еще живете, общаетесь с людьми и воспринимаете жизнь текущего дня как жизнь конечную, жизнь разложения и смерти, а не всю Жизнь, Единую и Вечную, живущую в каждом за его внешней формой. Ваша привычка единения с людьми остается еще привязанностью плоти и крови, а единение Духа и Света занимает второстепенное место в ваших встречах. Отсюда, из Общины, уходят люди, раз они так или иначе сюда попали,

только тогда, когда они готовы к новой жизни, то есть когда они привыкают жить, поклоняясь в человеке Тому, что живет за внешней формой. Никто, раз он принят Учителем, не может быть им оставлен без каких-либо особых, даже ужасных причин. Никто не может быть отослан в новую жизнь, пока он к ней не готов. Другое дело, через какую внешнюю форму вскрывается его готовность или не готовность к той жизни, которой он восхищается в своем Учителе и которой активным членом он хочет быть в своих мечтах, в своих размышлениях и идеалах. Мысль человека – это еще не действие, но только подготовительный период. И пока ученик не созреет до конца, то есть когда его мысль и сердце сольются в действие, тогда только для него наступает момент нового слияния с Учителем, когда его не печалит уже ни расстояние, ни разлука, потому что их больше для него не существует. Как никто не может умереть ни раньше, ни позже времени, но только именно тогда, когда он все сделал, что мог в данное воплощение, так и ученик может быть принят или отослан Учителем только тогда, когда он готов. Перестроить ход всего своего организма – задача для ученика непосильная. Но приготовить в своем организме те или иные основные пути и иметь возможность выполнить те задачи, что дает ему Учитель, – это не что иное, как ежечасное, полное, бдительное внимание ко всем делам и встречам, вернее сказать, к тому поведению в полном самообладании, которое ученик проявил в них. Вам и проверять себя нечего. В эту минуту вы сами ясно видите, насколько ваш талант, ваши любовь и труд еще задавлены личным восприятием дня. То, что вы только что читали, что так волновало вас как проявление высшего героизма самоотверженных чувств людей, сейчас потухло в вас только потому, что земная привязанность оказалась еще такой силой, что наносит раны сердцу. Не страдайте сейчас, не рыдайте сердцем. Я ведь вижу, как капли крови сочатся из него, хотя глаза ваши сухи. Вспомните слова огненной надписи, что вы читали сегодня: «Если слово встречного задело тебя – значит, твое самообладание не было в тебе частью Мудрости веков, но лишь внешней выдержкой. Разберись бдительно, что есть внешнее приспособление условной вежливости, а что есть внутреннее самообладание Любви, знающей человеко-, а не самолюбие». Еще только один день остался вам, чтобы прочесть все то, что вам надо знать перед отъездом. Не теряйте времени в пустоте. Становитесь требовательнее к самим себе и не ослабляйте внимания, проходя этот трудовой день. Простая сказка, которую вы оба читаете, зачем она нужна вам сейчас? Что скрыто в ней, без чего вам, таким далеким от нее по времени и по вашей внешней деятельности, нельзя выйти из ворот Общины, даже под моей охраной и защитой?

Мудрость в переживаниях простых людей древней сказки, как и Мудрость ваша, идет по вечному и единственному для всех людей руслу: простой чистоте, не знающей компромисса в верности. Древняя Мудрость, как и Мудрость человека сегодняшнего дня, движется не по искривленному пути зигзагов, метаний в стороны, страстных исканий и остываний, взлетов в порывах и падений в уныние, но по прямому пути того самообладания, что раскрылось не как результат воли, а как результат раскрепощенной любви, перелившейся в Радость жить. Вы не представляете себе счастливого дня вдали от меня. А разве люди в сказке, думали о себе, когда оставались в полном одиночестве в чужом краю, в темноте окружающего зла? Вечное Движение Жизни есть результат тех активных духовных сил, что выливают в день люди. И иного двигателя духовной жизни человечества нет. Вот сюда подходит человек, взгляните на него, дайте себе отчет, почему еще на расстоянии вы уже ощущаете его влияние на вас. Ваше дыхание ровнее, ваши лица просветлели, ваши позы легче, ваши мысли и сердца освободились от всяких зажимов.

Раздался стук в дверь, и мы увидели чудесное, улыбающееся лицо Франциска, который сказал, приветливо здороваясь со всеми нами:

– Я, пожалуй, пришел слишком рано, брат И. Но я так спешил, чтобы Беата не подумала обо мне плохо и не увезла с собой впечатления, что я не был рыцарски вежлив в последнюю минуту. Я помню, как однажды, давно, Али мне сказал: «Можно быть занятым очень сложными делами. Но если напутствуешь человека в новую жизнь, надо быть рыцарски вежливым и напутствовать человека, сообразуясь с его временем, надо так обдумать свои дела, чтобы не внести ни капли волнения своим опозданием». Иногда я бываю рассеян, но, провожая людей из Общины, вспоминаю слова Али, – прости, если я пришел рано и нарушил вашу беседу.

– Мне не приходится тебе ничего отвечать, брат Франциск, ты видишь лица этих неопитов, ты читаешь их восторг, который ты пробудил в них сейчас. Но пойдете. Ты дал мне очень хороший урок, Франциск. Я рад, что мы придем к Беате раньше назначенного срока и облегчим ей начало ее новой жизни.

Мы вышли молча и так же молча дошли до домика, где последнее время жила Беата. Трогательную картину мы застали там. Беата была не одна, возле нее среди уложенных вещей на маленьком, низеньком кресле сидел Аннинов, и его высокая худая фигура с аскетическим лицом казалась особенно нескладной среди баулов и маленьких изящных сумок и сумочек художницы.

Лицо музыканта было так печально, точно он навеки расставался с

ближайшим другом. Мы услышали последнюю фразу его разговора с Беатой.

– Я чувствую, что это наше последнее свидание, больше я не увижу вас. И никто не будет утешать меня в моих припадках отчаяния, когда я не смею взывать к милосердию И.

– Вот я вас и застал в вашем миноре, мой милый друг, – улыбаясь сказал И.

– Как вы думаете, ваша любовь к Беате много посеяла сейчас зерен светлой бодрости ей в ее новый путь? Если бы я был на ее месте и меня так провожали бы мои добрые друзья, вероятно, мои крылья повисли бы в бессилии за моей спиной, и я представлял бы из себя жалкое зрелище как новый воин для мужественной жизни. Беата, Франциск привел нас сюда немного раньше назначенного часа, и я понимаю, как любовь его провидела, что нам надо было вытащить вас из сетей уныния, которые наш великий музыкант развесил здесь по всему дому. Дайте ваши руки, мой дорогой друг, моя новая помощница и сотрудница в борьбе за счастье и мир людей. Идите смело вперед. Звук моего сердца не может умолкнуть для вас нигде. Начинайте каждый рассвет вечной памятью, что этот день – мгновение, одно короткое мгновение вашего вечного труда. И что теперь уже нет только вашего труда, но есть труд мой и ваш, ваш и Франциска. Куда бы вы ни ехали, что бы вы ни делали, даже очень далеко от вашего обычного труда и таланта, – важно не то, что вы делаете и где вы это делаете, но как вы делаете все, что встречается в дне. Вам важно помнить, что ни единого мгновения уныния для вас быть не может, что вы идете не от себя, не за свой страх и риск, но идете по дню гонцом мира и Света людям, гонцом, которого Община послала им. Несите не труд-послушание, ибо это больше не ваш личный труд. Это уже слияние в труде-радости со мной и Франциском. Чувствуйте в своей руке всегда, всегда, всегда его или мою помогающую руку. Будьте благословенны. Не поддавайтесь вибрациям уныния или скорби. Твердо стойте. Помните о нас, и вся муть, которой будут заливать вас люди, будет рассеиваться вокруг вас.

И. пожал руки художницы, нежно поцеловал ее в лоб и передал ее дрожавшие руки Франциску. Как ни старалась сдержать свое волнение Беата, крупные слезы текли по ее лицу, и видно было, что никакие усилия не остановят этого потока.

– Бедное дитя мое, – нежно сказал Франциск, отирая платком слезы Беаты и прижимая ее к себе. – Как трудно рождаться новому человеку, как трудно освобождать в себе свое Святая Святых от предрассудка привычки любить плоть, видеть плотью, быть счастливым в пределах времени и

места. Расти, мой друг, расти легче. Поверь мне, пройдет не так много дней, и ты уверишься, что я всегда буду подле тебя, как только ты будешь звать меня всей Любовью в себе и будешь обращаться к Любви во мне. Нет преград для такого единения, но надо знать одно твердо и незыблемо: если сегодня ты жила в компромиссе, то именно потому, что ты так жила, моего ответа не будет. Любовь-Жизнь может отвечать на зов, посланный во всей мощи верности. А верность Учителю – это тот день, что прожит без страха и сомнений, в полной вере, а не в частице ее. Возьми с собой этот платок. Ты найдешь на нем мой портрет, который я даю тебе на память. Но его воспроизводить для кого-либо ты не должна, он дан лично тебе одной.

В комнату вошел Кастанда, говоря, что их проводники предлагают не дожидаться рассвета, так как ночь светла и прохладнее обычного. Видно было, что Беате не хотелось уезжать несколько раньше положенного срока, что ей была дорога каждая минута, но, посмотрев в лицо И., она вытерла слезы и тихо сказала:

– Я готова, как скажет Учитель.

– Поезжайте, друг. Вы готовы к новой жизни. Начинайте ее немедленно, – ответил ей очень ласково И.

Бронский, растерянный, по-детски светящийся добротой и лаской, нежно целуя руки художницы, торопясь шептал:

– Благодарю вас за все. Хочу одного: стать готовым к деятельности и, уезжая, увозить такое же напутствие, какое получили вы.

Левушке, подошедшему проститься, Беата сказала:

– Юность ваша пленила меня. То чудо, что случилось с вашей внешностью здесь, заставило меня глубоко задуматься о чуде, что должно было совершиться внутри вас. Я навек останусь благодарной вам за ту картину, что теперь увожу. Я постараюсь быть достойной того портрета, который вы обещали мне изобразить в одном из ваших романов когданибудь. Я верю и надеюсь, что мы еще встретимся.

Никто не слышал, что говорили И. и Франциск художнице, когда она собиралась сесть на опустившегося на колени мехари. Но лицо ее, освещенное луной и факелами, было так необычайно счастливо, что Бронский и Левушка забыли обо всем, забыли, что надо что-то пожелать Беате в последний раз, что они провожают человека куда-то далеко, что они стоят среди других людей.

– О чем же ты мечтаешь, Левушка, ведь мехари уже далеко, – услышал я голос И.

– Я, я... я даже забыл о мехари. Я видел чудо: человека, в котором вдруг внезапно проглянул на минуту Бог. Видеть высшее совершенство в

вас, Франциске, Али я уже привык. Но увидеть Бога в человеке, в Беате, было для меня потрясением.

– Идите оба спать, через два часа вас разбудит Ясса, и вы снова отправитесь в комнату Али читать. Подкрепитесь сном, времени мало.

И. обнял каждого из нас, мы с Бронским простились с Франциском и расстались, разойдясь по своим комнатам, до нового скорого свидания.

ГЛАВА 14 Мои размышления о новой жизни Беаты. Мы кончаем чтение древней книги. Профессор Зальцман

Войдя в свою комнату и приласкав вскочившего мне навстречу Эту, я уговорил уснуть снова моего белоснежного друга, сам же сел на балконе, не будучи в состоянии справиться с целой бурей мыслей и чувств, наполнявших меня.

Каким далеким казался мне сейчас тот день, когда я приехал в Общину и впервые увидел прекрасную седую голову Беаты. И вместе с тем точно вчера это было, точно вчера я увидел впервые это лицо. И почему я ни разу не подумал, сколько лет Беате Скальради. Молода она или стара? Я осознал, что за время своего пребывания здесь я перестал воспринимать человека как возраст, как тело, вообще как внешность.

В данную минуту духом своим я был не на балконе, мысль моя неотступно следовала за Беатой. Я летел в тишине пустынной ночи вместе с ней в новую, далекую, шумную жизнь. Я ощущал в сердце какую-то еще мне неведомую боль, точно я не мог примирить две жизни: жизнь здесь и жизнь среди суеты и страстей.

Но разве здесь нет суеты и страстей? Я вспомнил дико сверкавшие глаза монаха, вспомнил оспаривавшую в беседе с Франциском свою правоту старушку, профессора, несколько тяжелых сцен Аннинова, Андреевой и понял, что двух жизней нет, что нечего и примирять их, так как вся суть вещей в самом человеке, в его освобожденности и готовности, в его умении вынести из себя чистоту и всюду устоять в ней.

Мыслимо ли представить себе И. скорбящим о том, что ему надо покинуть то или иное место в мире или оставить тех или иных людей? И кто же больше, ярче и тоньше него мог ощущать окружающую атмосферу, слабость и неустойчивость людей? Тем не менее он, иногда утомленный, никогда и нигде не воспринимал окружения болезненно, каким бы напряженно– и тяжело– страстным оно ни было. Я вспомнил лица И. и Франциска в моменты борьбы со злыми карликами. Какая необычайная мощь лежала на этих лицах, какое величавое, сосредоточенное спокойствие...

Я летел мыслью все дальше и дальше за Беатой, мне хотелось еще и еще повторить ей слова Флорентийца и И.: «Самообладание – это трудоспособность организма при всех, даже ужасных, обстоятельствах жизни».

Я представлял себе, как тяжело будет Беате очутиться в Париже, утонуть в гуще города, в зависти и сплетнях, в интригах и происках ее коллег, которые будут потрясены ее картинами и попытаются сделать все, чтобы их не пропустить. Но тут же вставало понимание, что Беата теперь уже не та, которую я знал и к колебаниям которой привык.

Надпись, горевшая нам с Бронским, говорила, что каждый идет в путь гонцом Учителя только тогда, когда он готов. И. послал Беату, говоря ей в последнем напутствии, что она готова к труду среди людей, к труду его через нее, – надо быть только счастливым и радоваться ее новой жизни, но не тревожиться за нее.

И еще раз я увидел, как во мне много остается условного. Еще жили, активно пронзая меня, такие понятия, как разлука, расстояние, время, отсутствие известия о человеке. Как же тяжело должно житься людям, в чьей жизни главное место занимает земля и все ее условности, в ком живут лишь изредка мелькающие порывы к небу и его Мудрости. Я понял, как далеко мне еще до простых подвигов тех людей, о которых я читал в древней книге.

Постепенно моя печаль проходила. Меня всего обнимал новый Свет, по мере того как я сосредоточивал свою мысль на Флорентийце и просил его благословить отъезжающую Беату, и мысль моя переходила в ликование, в радость и полное мира спокойствие.

Я всем сердцем пел Беате песнь торжествующей любви, желая, чтобы ее путь никогда не разрывался в труде с путем И. и Франциска. Я старался перелить всю энергию моей чистой любви и уважения к художнице в ее новый путь, чтобы он крепился от моих мыслей, а не вбирал в себя еще и их неустойчивость. Внезапно я ощутил знакомое мне содрогание всего организма и мгновенно услышал голос моего дивного друга:

– В первых ступенях ученичества нет большего подвига, как разлука ученика со своим Учителем. Каждый ученик проходит эту неизбежную для каждого ученика ступень. Но лишь тот ученик восходит в своем знании высоко, кто уже в первой разлуке не думает о себе как об отъезжающем и печальном сердце, но видит тот труд Учителя, который он для Него может выполнить и тех людей, которым может перенести Его помощь.

Иди вперед, не думая, что ты идешь, но иди, зная, как несут в себе Единую Великую Жизнь во все места и как учатся развивать в себе и

окружающих все дары приспособления, чтобы легче, проще, выше, веселее выполнять урок вечного среди внешних условностей.

Мужайся и помни: друг – тот, в ком ты знаешь Вечное. Поэтому у ученика не может быть личного врага. Ученик может быть послан даже орудием смерти. Но он не будет слепым орудием, а будет освободителем земного мира от безнадежно скованного на земле в данной форме зла.

Мне казалось, что я и часа еще не провел на балконе, как Ясса уже стоял передо мной и покачивал укоризненно головой.

– Учитель И. приказал передать вам эту укрепляющую пилюлю, и теперь я понимаю, почему он посылает ее вам. Он велел вам лечь спать, а вы не выполнили его распоряжения, – с укором покачивая головой, подал мне Ясса пилюлю Али.

– Ясса, миленький, мне казалось, что два часа – это уйма времени. А оно улетело вместе с моими мыслями буквально в одну минуту.

– Идите, идите, господин летящая минута. Бронский, отлично выспавшийся и сильнее тигра, ждет вас с нетерпением. А вас, как младенца, пришлось подкреплять в самый важный для вас момент. Ну как же на вас вообще положиться? Подумайте, вы рассеялись от врезавшейся в вашу жизнь разлуки. Что же будет с вами, если в момент, когда надо будет выполнить великое задание Учителя, в ваши личные чувства врежется смерть близкого вам человека, или случится пожар, или еще какое-либо бедствие преградит вам путь к исполнению задачи Учителя? Вы все бросите и побежите спасать тех, о ком вам не сказано, и забудете всех тех, о которых сказано именно вам?

– Сейчас я не сумею ответить на ваш вопрос, Ясса. Но он для меня и чрезвычайно важен, и более чем своевременен и серьезен. Спасибо вам за него, я в нем усматриваю нечто вроде предостережения.

Мы быстро вышли из комнаты и увидели внизу Бронского, мощного, светлого; мне показалось, что из него шли лучи силы. Весело поздоровавшись со мной, он внимательно посмотрел мне в лицо и сказал:

– Как это странно, у вас, Левушка, сегодня лицо менее обычного спокойное. У вас случилась какая-нибудь неприятность?

– Нет, Станислав, я очень счастлив, я был немного слаб, но И. прислал мне пилюлю, и я чувствую себя прекрасно.

Мы прошли в комнату омовений, и на этот раз вода с меня текла гораздо чернее, чем с Бронского. Он и шел сегодня совсем легко, фигура его за эти дни поста стала гораздо стройнее. Его глаза сейчас пристально искали светящуюся надпись. Он подошел к самой двери и только на пороге ее остановился. Я понял, что его остановило огненное письмо, но я его

сегодня не видел на пороге, где оно обычно сияло прежде всего. Удивленный, я поднял голову вверх и высоко на двери прочел:

«Мучения любви – плод суеверия земли. Жажда близости ощутимой – сила закрепощения человека в его собственных желаниях.

Ученичество – наука освобождения. В ученике любовь его не сохнет оттого, что он освобождается и развивается. Он не останется равнодушным к ближним. Но в нем рассеивается туман страстей, и он видит ясно и всегда всю жизнь окружающих, а не один момент личной их жизни и своей связи с ними.

Не забывай, ученик, что указания твоего Учителя даются тебе сейчас, даются тем, кто знает и видит и твой, и всех окружающих тебя пути.

Иди в законе вечного, добровольного и нерушимого повиновения, ибо оно ничто иное, как верность твоя, в которой следуешь за ведущими тебя».

Надпись погасла. Но мы не проходили в распахнутую дверь, нам обоим хотелось сегодня особенно крепко сосредоточиться, призвать чудесное имя Али, комната которого стала для нас таким святилищем, и послать Ему нашу благоговейную благодарность. Внезапная дрожь потрясла все мое тело сильнее обычного, и я услышал голос Али, такой громкий и ясный, точно он был рядом с нами:

– Помните, друзья мои, что радость знания, даваемая вам, – это не сила наших забот о вас, но возможность создать через вас новые пути помощи людям, показывая им на живом примере, где путь к нам и как он достигается. Каждый, общающийся с вами, должен освободиться от суеверия и предрассудков: что вы, ученики и сотрудники, – святые или особо счастливые избранники. Но в поведении вашем, в вашем сером трудовом дне они должны видеть нерушимую верность вашу нам – ваше единение вечное с нашим трудом и путями.

Я передал Бронскому, что сказал нам Али в ответ на наше благоговейное приветствие Ему. Он пожал мне руку, впервые назвал меня дорогим братом Левушкой и сказал еле слышно:

– Я без вашей помощи не мог понять, что говорил Али. Но что Он говорил нам, это я ощущал всем своим существом. Впервые сегодня за всю мою жизнь я испытал чувство бес предельной, ликующей радости, в которой НЕ Было ни единого момента памяти о земле, времени, пространстве.

Мы вошли в комнату и снова были поражены, что стол был открыт и лежавшая на нем книга была развернута не на том месте, где мы остановились вчера. Перед нею в высокой белой, сияющей, точно внутри ее был белый огонь, вазе стояли никогда не виданные мною цветы, схожие с

розами и лилиями, совершенно белые, с изумительной тонкости и красоты лепестками, издававшие не сильный, но чарующий аромат.

Обоих нас поразило довольно большое количество склеенных листов, отделявших место нашей вчерашней остановки в чтении от места, раскрытого для нас сегодня.

– Очевидно, нам не нужны или недоступны в данное время истины склеенных листов, – сказал Бронский, и я начал переводить:

«Помнишь, Аполлон, как несколько лет назад ты сидел на этой самой скамье, полный скорбных дум и печали от разлуки со мной? Тогда мой голос ободрил тебя, я указал тебе путь, как идти вперед мужественно, не показав ни разу детям своего уныния, как вселить в них уверенность в себе при всех неудачах и крепить в них радость своим спокойствием. Верность твоя моим заветам не поколебалась. Ты не сокрушался, что я, дав тебе заветом широкий урок служения людям толпам, связал тебя на целый ряд лет двумя нищими сиротами и их спутником-псом.

Теперь дети твои самостоятельные и большие величины в их искусстве, и тебе настало время их оставить, предоставив им, в свою очередь, служить путями красоты людям, как сами смогут и сумеют.

Не ущемляйся сердцем, покидая детей, которых любишь, как самых близких родных. Оставь последнюю условность личной привязанности и иди в те места, что тебе укажу.

Нет на земле суеверно благословенных мест. Но есть места, где много праведников, самоотверженных и чистых, долгими годами чистой радости очистили на много миль вокруг атмосферу земли.

В несколько таких мест ты пойдешь и оставишь там Зеркала Мудрости, что я тебе скажу, что ты сам запишешь. Часть их, что укажу тебе, ты вынесешь в песнях и молитвах людям, встречаясь с ними повсюду. Особо же священную часть укроешь в земле и камнях. Сила их Света будет видна тем, чьи сердца будут чисты. И много веков там будут селиться ищущие Истины и путей Ее.

Не думай, что, обходя мир, ты оставишь заветы мои для определенных сект и людей, узко видящих Бога в одних обрядах людей. Не для праведных, но для грешных, ищущих и жаждущих освободиться, ты пойдешь.

Здесь сидел ты несколько лет назад юношей, не знавшим всей бездны греха и скорби, всей тьмы падений и лицемерия людей. Здесь ты простил и благословил женщину, обрызгавшую тебя ядом лжи и проклятий за отвергнутую любовь плоти. И как твое сердце сумело вынести ей не приговор осуждения, но подать дар любви Единого, так мое сердце слилось

с твоим в Любви Единого, для труда твоего в каждом простом дне.

Не осудивший и простивший врага, простивший не от ума, но от всей великой, смиренной Любви – свободен, и Бог живет и сияет в нем.

Не принявший великолепия внешних даров, но отдавший жизнь убогому, узрев в нем Меня, – свободен, и Бог живет и сияет в нем.

Отошедший от семьи и понявший любовь как ядро Вечного в каждом встречном, не жалеющий о блаженстве прошлого, не печалющийся в настоящем, не ужасающийся будущего – свободен, и Бог живет и сияет в нем.

Иди в те места, что укажу тебе, бесстрашно, легко, весело. Заложи в них путь для встреч и раскрепощения обремененных, чтобы могло приблизиться время понимания, как душу свою за друзей-ближних отдавший кладет зерно' Света, и рождается новая сила для раскрепощения людей.

Не иго я возлагаю на плечи твои. Не игом вплетается труд мой в твои дни, но красоту чаши Любви понесут руки твои, чтобы мог я разделить иго и скорби людей. Из чаши Жизни пролей Огонь в те места, где зароешь Зерцала Мудрости, чтобы легче было людям раскрыть в себе чистоту сердца и услышать озарение мое.

Не звал ты меня, верный сын мой, но действовал на земле, как я тебе указал. Не в мечтах и обетах была твоя верность мне, но в простых делах будней. Раскрыта теперь Радость в тебе. Иди, выполни урок мой и жди дальнейших указаний».

Не тот Аполлон, почти мальчик, сидел теперь на скамье, вспоминая сцены далеких дней, дней первых бродячих представлений, когда встретил маленьких сирот. Мальчик-скрипач, много с тех пор работавший и учившийся, теперь изумлял мир. Девочка, певица и танцовщица, стала знаменитостью. Сироты не забыли и своего постаревшего пса, видели в нем и сейчас одного из своих лучших друзей и баловали его, как могли, украшая ему существование. Они упросили Аполлона посетить то место, где когда-то с ним встретились, и дать концерт в том городе, где их так жестоко приняли семь лет назад.

Теперь на скамье сидел молодой зрелый мужчина, широкоплечий, высокого роста и с сияющим лицом. Но что-то было в этом молодом лице, что не позволяло людям держать себя с ним развязно, говорить в его присутствии о пошлых вещах и браниться. Каждому хотелось укрыть свои скотские стороны и выказать побольше красоты и благородства, когда сияющие глаза Аполлона смотрели на него.

Сейчас, услышав голос отца, которого он не слышал с тех давних пор,

как сидел здесь впервые и сердце его исходило кровью, он весь точно преобразился. Ему теперь казалось, что именно этого зова отца он только и ждал уже несколько дней. Он понял, что задача его, задача, задерживавшая его перед более широким планом действий, сейчас окончена.

Он тогда сожалел, что у него не было семьи, что он одинок и бесприютен, – и Жизнь послала ему семью, дом, уют. Он узнал все личное счастье семьянина и понял, что и это иллюзия, что Вечность не там, где проходящее счастье, но там, где живет Она Сама. А живет Она там, где человек творит.

Мысли Аполлона пронеслись вихрем сквозь весь прожитый за этот период времени опыт. Он понял, что людям необходимо искать пути к творчеству, иначе они задохнутся в той атмосфере смерти, которая делается владычицей всюду, где кончается искание свободы и мира.

Он понял, зачем нужны отцу его очаги Света, зачем нужны места, где живут освобожденные от страстей, и новая волна счастья и ликования залила его сердце. Какой легкой и маленькой показалась ему его личная разлука с детьми, такими близкими и любимыми, и еще яснее он понял, почему отец его не плакал и не тосковал, посылая всех своих сыновей вдаль. Понял Аполлон, что видел отец в пути каждого сына и Кому он служил, отрывая их от своего сердца и родного гнезда.

Аполлон собирался уже встать со скамьи и отправиться в выросшую вместо прежнего заезжего дома большую гостиницу, как его остановила закутанная в шаль женская фигура.

– Господин, сжался, пойди со мною. Здесь недалеко дом моих господ. Я старая мамка моей теперешней госпожи. Вот уже скоро семь лет, как госпожа моя чахнет и изнывает в никому не понятной болезни. Ни один доктор не может ей помочь. Нам сказали, что со скрипачом приехал его доктор, что ты очень учен в больших городах. Не сердись, что я нарушила твой покой. Муж моей госпожи отблагодарит тебя большими деньгами. Я же во имя Бога вечного, молю тебя, последуй за мной. Госпожа моя ни во что не верит и, когда я ей говорю о Боге, бранит меня и спрашивает, почему же мой Бог не освободил меня от рабства, почему я не вымолю ей у Него помощи и здоровья. Смилуйся, господин,

– рыдая и опускаясь на колени, говорила женщина. – Нет, не поднимай меня, позволь мне быть у ног твоих. Точно благая теплота вливается в раны сердца моего, и старый грех не так жжет меня. Во всем виновата я одна, господин. Была я красоты необычайной, и купил меня мой старый господин своей дочери, которой я понравилась, в приданое. Добра была моя молодая новая госпожа, жалела меня и ласкала. Все шло некоторое

время хорошо, да стал на меня все чаще и чаще взглядывать молодой хозяин. Дошло дело до того, что сделалась я беременна и родилась у меня дочь, теперешняя моя госпожа. Не знаю я, что произошло между моими господами, только на второй день родов взяли от меня дочь, а к вечеру перевели и меня в барский дом, и поселена я была рядом со спальней моей доброй госпожи. Долго, очень долго я ее не видала. Уже стало девочке моей два года, как позвали меня однажды к моей госпоже. Ох, господин, долгая с тех пор прошла жизнь, а минуты того ужасного свидания все стоят передо мной. Исхудалая, почти один скелет, желтая, как воск, лежала она на постели, и глаза ее светились, точно лучистые лампы.

– Подойди ближе, бедная раба неверная, – тихо, тихо сказала она мне. – Возьми это ожерелье. Никто не знает, какова будет его старость, оно драгоценно. Многими слезами, стонами и жалобами я его оплакала, но и величайшим прощением моим оно пропитано. Мне его дала моя бабка, сказав: «В нем твое счастье». Ах, как плакала я, когда ты отняла у меня мужа. Прижимая мое ожерелье к груди, я все спрашивала: где же мое счастье? От слез и горя разбилась грудь моя, и чем больше я страдала, тем яснее понимала, что всякое счастье не вечно, а вечна одна доброта. И простила я тебе, велела дочь твою записать своей родной дочерью. Живи с нею вместе в моем доме, возьми ожерелье, пусть оно будет счастьем твоим и научит и тебя прощать и любить так, чтобы видеть не одно только свое счастье, но и счастье других. Смерть уже возле меня. Она не страшна мне, и ты ее не бойся. Она освободит меня от страданий и освободит тебе место для лучшей жизни в этом доме. Только одно запомни: будь верна до конца тем людям, которых ты сама выбрала, и научи их святости любви. Она подала мне ожерелье и упала навзничь. Я думала, что она уже умерла. Ужас объял меня. Я хотела бежать, как вошел хозяин и с ненавистью взглянул на меня. Увидев на мне драгоценное ожерелье, он бросился на меня с криком: «Уже обокрала? Поддай сию минуту!» Но вдруг госпожа поднялась и каким-то не своим, свистящим голосом сказала: «Не она, а ты обокрал меня и ее. Отдай ей ожерелье. Храни тайну рождения дочери, и пусть раба моя живет при ней мамкой и нянькой столько, сколько будет жить на земле». С этими словами она вторично упала, чтобы уже не подняться больше. «Ступай к себе и не смей сюда входить. Живи, как приказала твоя госпожа, но не попадайся мне на глаза», – сурово сказал мне хозяин. С тех пор живу я мамкой у моей молодой госпожи, но любви, о которой говорила покойная, я ее научить не сумела. Жизнь моя и всегда была ужасна в доме, я боялась выйти лишний раз из комнаты, а с тех пор как больна моя теперешняя госпожа, я молю только о смерти и стараюсь найти в ожерелье силу любви,

что передала ему моя добрая умершая госпожа. Пойдем, господин, может быть, ты спасешь жизнь больной. Я не потому прошу тебя, что боюсь, как бы отец ее не убил меня. В смерти, верно, легче, чем в моей жизни. Но потому, что страшно мне, если не найдет успокоения души несчастная дочь моя. Черный демон злобы, злой любви, я уверена, держит ее крепко в лапах, как держал и держит и по сей час меня. Не откажи взглянуть на больную, пойдешь со мной, – рыдала женщина, цепляясь за ноги Аполлона.

С трудом подняв женщину, он усадил ее на скамью рядом с собой, взял ее руку в свою и ласково сказал:

– Успокойся, друг. До тех пор пока ты не придешь в полное спокойствие, мы с тобой не двинемся с места. Чем скорее ты хочешь, чтобы пришла помощь к человеку, тем скорее ты должна быть в полном самообладании, забыть о себе и думать только о нем. Сейчас ты молишь о дочери. Оглянись на свою жизнь. Перестань плакать и подумай, почему ты не сумела выполнить завета твоей умершей госпожи, которой ты была любимой подругой, которая доверяла тебе все свои тайны и которую ты так жестоко обманула. Если бы ты призналась ей во всем, она простила бы тебя. И в вашем доме, если бы не жило счастье, жил бы мир. Если бы ты так не ревновала своего господина и дочь, в вашем доме если бы не жило счастье, жил бы мир. Если бы ты не скрывала в своем сердце лжи и не оговорила бы покойную перед ее мужем, в вашем доме жил бы мир. Ты любила и любишь дочь, но она впитала в себя с твоим молоком и лицемерие, и зависть, и ужаленную гордость, и чрезвычайно чувствительное самолюбие – качество рабов. Пойдем. Прижми к себе свое драгоценное ожерелье и призови всю силу любви отошедшей, все простившей тебе души. Почувствуй себя в этот единственный час жизни освобожденной от всей лжи, от всех цепей, что ты сама и люди надели на тебя, и стой перед Богом, перед Ним одним, как будто все исчезло, а ты уже умерла и стоишь во всей вселенной, во всей своей правде перед Ним.

Аполлон поднял женщину, которая стала совсем спокойной, и пошел за нею в темноте спустившейся ночи. Путь оказался не длинным. Женщина ввела его в дом, который спал мирным сном в глубокой тьме, провела его с зажженным светильником в большую роскошную комнату, еле освещенную и пустую, и ушла за тяжелый занавес, отделявший часть комнаты.

Через несколько минут она снова появилась, пригласила гостя идти за собой, приподняв перед ним тот же занавес, и молча пропустила его в другую половину. Сильный аромат носился в комнате, воздух был спертый, тяжелый, жаркий. Несколько светильников с ароматным маслом горело в комнате, убранной роскошно, по-восточному. И несмотря на свет, горевший

во многих местах, комната казалась еле освещенной. Аполлон разглядел лежавшую на высоком диване неподвижную женскую фигуру.

– Мамка, это ты? – раздался голос с дивана.

Голос был слаб, и Аполлону показалось, что он уже где-то слышал этот голос, суховатый и резкий.

– Я привела к тебе нового доктора, господжа. О нем все здесь говорят, что он очень ученый и многим помог, – необычайно нежно и ласково ответила мамка.

– Ты становишься все глупее с каждым днем, не только с каждым годом, – ответила с большим сарказмом господжа. – Сколько раз мне повторять тебе, что я не желаю видеть никаких докторов и имею достаточный опыт, чтобы знать их близорукость в моей болезни. Ведь ясновидца ты привести мне не можешь. Извинись перед своим доктором и уведи его обратно. За беспокойство проси мужа уплатить, – не открывая глаз, продолжала больная.

Аполлон подошел к одному из светильников, взял его в руки и поднял высоко над изголовьем больной. Внезапно освещенная ярким светом, больная широко открыла глаза и резко приподнялась на постели. По злому выражению ее лица можно было ожидать резкого выговора вновь явившемуся доктору, осмелившемуся нарушить заведенный в доме порядок. Но первый же взгляд, брошенный на лицо вошедшего, оборвал ее речь. Уставившись в его лицо неподвижным взглядом, больная вскрикнула:

– Ты? Ты? Возможно ли это? Ведь вся моя болезнь – это ты, злой демон! Как осмелился ты переступить мой порог? Ступай вон, старая дурица! – крикнула она мамке, указывая ей на дверь. – Не смей входить сюда, пока я тебя не позову. И если кто-нибудь войдет сюда, пока я говорю с этим человеком, тебе не сносить головы.

Покорно поклонившись своей грозной госпоже, мамка бросила молящий взгляд на гостя и тихо вышла из комнаты.

– Ты для чего пришел сюда? Ты знал, куда тебя ведут? – обратилась больная к Аполлону.

Поставив светильник на место, последний вернулся к постели женщины и сказал:

– Я не знал, куда меня ведут и кого я здесь найду. Но я знал, что иду к страждущей душе, потому и пошел.

– Ах, вот как! Ты, наверное, ждал увидеть молоденькую красавицу, мечтал прочесть ей проповедь, – едко рассмеялась больная. – Можешь полюбоваться на дело своих рук. Где моя юность? Где мои краски? От тоски, от колдовства, которым ты меня околдовал, я вся иссохла.

Любуйся теперь результатом своего поведения! Ты бросал на меня пламенные взгляды, очаровывал ими, а в последнюю минуту струсил и бежал, бросив меня. Хорошо, что ты явился сам. Я все равно решила тебя отыскать и засадить тебя в тюрьму за твое колдовство.

– Мне очень жаль, бедная женщина, что ты все остаешься в том же зле и ненависти, в которых ушла из сада семь лет назад. Целая вечность прошла с нашей первой встречи, а ты не двинулась вперед, и все вокруг тебя говорит о ненависти. Подумай, кому, начиная с тебя самой, стало веселее или легче жить оттого, что ты свою ошибку стараешься приписать мне или моему колдовству. Если бы я имел целью сделать себе карьеру с помощью богатой семьи и дома, то и тогда я не мог бы разделить твоей любви, так как ты хотела построить свое счастье на несчастье сирот, встречу с которыми послала мне жизнь. Я далек от мысли упрекать тебя в чем-либо. Еще дальше я от желания копаться в прошлом, которого уже нет. Если я сейчас заговорил о нем, то только для того, чтобы объяснить тебе, что я нц^лазу не видел тебя во время моих представлений. И мои пламенные взгляды, если они тебе такими казались, относились к тем песням, что я пел, к тем действиям, в которых я принимал участие вместе с моими маленькими артистами, и у меня не было времени заниматься рассматриванием публики. И в песнях, и в представлениях я воспевал любовь и радость отцу моему, пославшему меня выполнять одну из его задач. Если бы я попытался объяснить тебе, какова эта задача, ты в этом ничего бы не поняла. Но понять, что для выполнения какой бы то ни было задачи в жизни человек должен знать на опыте своих дней, что такое самоотверженная любовь, – это ты можешь и должна.

Резкий смех прервал Аполлона.

– Продолжение проповеди у скамейки? Глупец, был жалким фигляром, выбился в ученые докторишки и стремишься теперь стать не менее жалким и фальшивым моралистом?! Так для этого жизнь дала мне вторую встречу с тобой! Яд в сердце ты «лил мне, отравой твоей налились все мои вены, ни пища, ни роскошь, ни красота моя, которую я так любила, ничто не может ни развлечь меня, ни утешить, ни избавить от твоего несносного образа.

Твоя ненавистная фигура днем и ночью выжигает мой мозг, сушит мое тело, вынимает волосок по волоску из моих кос. И ты осмеливаешься разговаривать о самоотверженной любви? Если такова твоя установка, ты должен был оставить все и жить подле меня. Ты фальшивый человек, все твои слова любви и помощи не что иное, как испорченные старые монеты, которыми ты гремишь, соблазняя глупцов.

– Я буду спорить с тобой. Каждый день человека – это его действия в

нем, а не слова. Смотри на тебя, видя твое несчастное положение, я вижу и твои действия за эти годы, и им я не судья. Если ты хочешь видеть мои действия за эти годы, хочешь судить хотя бы о некоторых плодах моей самоотверженной любви, приходи завтра на концерт и послушай моих маленьких сирот. Если ты вообще следишь за какими-либо новыми величинами в искусстве, ты, наверное, слышала имя Монко, под которым выступает мой найденыш, теперь знаменитейший скрипач, со своею сестрою, не менее известной певицей и танцовщицей. Если бы ты на самом деле решила послушать их концерт, мой тебе совет: прикажи вынести себя из этой ужасной духоты в чистый и свежий воздух и прими в течение суток шесть раз вот эти порошки. Это тебя укрепит, даст тебе сон, а свежий воздух унесет часть яда, которым ты себя отравила, вдыхая удушливый аромат твоих духов.

Аполлон положил на стол небольшую коробочку с порошками, которую вынул из кармана, поклонился хозяйке и сделал несколько шагов к двери, как больная снова заговорила:

– Постой, я не могу поверить, чтобы судьба привела тебя ко мне снова для проповеди. Ты должен мне помочь. Сними с меня свое колдовство, я под ним умираю. Неужели и в эту минуту ты не понимаешь, что не ненависть к тебе меня губит, но безумная, ничем не заглушаемая любовь. Нет мгновения, нет дыхания, нет кусочка солнечного света и хлеба, которые не были бы напитаны жаждой видеть тебя, желанием, чтобы ты любил меня...

– Подумай, есть ли смысл в твоих словах? Если бы ты любила меня так, как говоришь, цельно, верно, до конца, могла ли бы ты выйти замуж за другого? Если любишь, есть один и нет других. Если говоришь, что любишь одного, а живешь с другим, проверь себя, и ты поймешь, что никого, кроме самой себя, ты не любишь. И так оно и есть, бедный друг. Ты всегда любила и любишь только себя и потому нигде и ни в чем не можешь найти ни счастья, ни примирения. Если и дальше ты будешь так же упорно настаивать все на том же, все так же будешь продолжать свой спор с Богом и судьбою, ты только уморишь себя, прожив всю жизнь без смысла и толка для вселенной, бичом и скорбью для самой себя и окружающих. Перестань думать, что ты больна. Ты задавила себя мыслями об одной себе, а человек так создан, что в яде одного себялюбия он жить не может. Человек должен иметь возможность любить что-то помимо себя, чтобы освободить в своем организме место от эгоистических мыслей; иначе он задохнется от яда, который носит имя самолюбия, страха, самовлюбленности, самомнения. Прости. Сейчас я должен уйти. Ты все равно пока меня не

поймешь. Но если послушаешь концерт и захочешь еще увидеть меня, пришли свою несчастную мать-рабу, которой тебе давно следовало дать свободу.

– Хорошо, пусть будет по-твоему. Попробую принять твои порошки и послушать твою музыку. Вряд ли есть такая волшебная музыка, чтобы люди от нее выздоравливали. Но пусть, я приду. А раба моя мне мамка, простая нянька, а не мать-раба, как ты выражаешься, хотя предана она мне до смерти.

– Попробуй счастья сразу в нескольких направлениях. Присмотрись к своей рабе, лица которой ты даже хорошенько не знаешь, хотя всю жизнь она подле тебя. Быть может, и здесь освобожденными от себялюбия глазами, подумав пристально о ней, а не о себе, ты откроешь нечто для себя неожиданное и новое.

– Загадки ты мне загадываешь, – устало сказала больная. – Иди, я постараюсь выдохнуть яд, если он мой собственный, а не твой. Боюсь только, что все это твои фантазии и, по всей вероятности, твой музыкантишка ничем не лучше любого нищего фигляра.

Она ударила молоточком в маленький гонг, и мамка вошла в комнату, закрывая шалью свое лицо.

– Проводи гостя и возвращайся с четырьмя рабами. Я хочу спать сегодня ночью на плоской крыше, – нервно засмеявшись, сказала она слуге.

Выйдя от больной, Аполлон прошел снова в сад. Мысли его понеслись к его сестре, голос и жестокость характера которой ему ясно напомнила и в первый, и во второй раз эта ночная встреча.

Снова мысли его вернулись к отцу. Почему отец отправил в широкий мир всех своих сыновей, без которых жизнь его стала пуста и бедна, и оставил дочь, чьи мысли, поведение, идеалы и намерения не совпадали ни с одной минутой его труда для людей? Почему отец, почти совершенный человек, имел такую жестокою, преследовавшую только одни личные цели дочь?

Аполлон вновь передумывал свои встречи за эти годы. Как много монастырей он видел! Как много сект и религий разного рода он встречал! И всюду все говорили, что ищут Бога, ищут Его путей, но слова их летали, точно назойливые мухи, не отражая в себе действий сердца.

Редко встречал он людей, не говоривших пышных слов, но умевших подать каждому приветливую улыбку. И, встречая таких, Аполлон всегда знал, что их любовь – живая сила, что люди бодрятся возле них и несут дальше эту их улыбку как свою доброту.

Почему дочь жестокая живет у доброго и мудрого отца? Что значит

такая встреча в жизни?

И Аполлон не мог найти ответа. Он все шел вперед и не заметил, как вышел из парка на поляну, увидел невдалеке костер и пошел на огонек. У костра сидел старый-старый дед и ласково уговаривал своего пса не лаять попусту на прохожего, потому что он человек добрый.

– А как ты можешь знать, дедко, что я человек добрый? Может быть, я очень злой, даже разбойник?

– Нет, дружок. Я стар и уже почти слеп. Но людей перевидал я много. Когда идет добрый, он весь светится. И дышать подле него легко. А идет злой – тьма вокруг него, и все гады его сердца, вся ложь, так и ползут за ним и вокруг него, даже смрад от них в нос ударяет. Будешь стар, сам их увидишь, гадов-то человеческих. Ты молодой, и судите вы все, молодые так: красив – хорош. Нет, ты не смотри, молодой, что девушка красива, значит, и душа ее хороша, и правда живет в ней. Не смотри и на то, что живет она подле высокого и мудрого отца и хороших братьев.

Бывает, живет дочь в мирной семье только для того, чтобы гады ее сердца не задушили ее же, и от мудрости отца да от света братьев становились бессильными попытки окончательно погубить девушку.

Чудно показалось Аполлону, что не мог он найти ответа на свои вопросы, а вот случайно встреченный старик, нищий дед, ответил ему, хотя вопроса своего он ему не задавал. Присел Аполлон возле деда, захотелось ему узнать, почему старый человек одинок и бездомен.

– Садись, садись, браток. Вот поспеет моя кашка – не обессудь, раздели ужин, – приветливо говорил дед, подстилая Аполлону свое ветхое одеяльце и освобождая место поближе к огоньку.

– Спасибо, дедушка, я не голоден, но посидеть подле тебя, если позволишь, посижу с радостью. Уж очень ты меня удивил. Шел я и думал: почему девушка, красавица видом, а сердцем жестокая, живет у мудрого и доброго отца? А ты взял да без моего тебе вопроса и ответил.

– Видишь ли, сказал я тебе уже, что большая старость, если ты старался Богу служить, раскрывает мысли встречного. Только ты подошел, увидел я девушку, о которой ты думал. Увидел и дом твой, и отца твоего в нем. Да уж девушки там нет, убежала из дома, богата теперь, но покоя в ней нет и сейчас.

Еще больше удивился Аполлон и спросил:

– Как же это пришло к тебе, дедушка, что ты на расстоянии видеть можешь?

– Да, по порядку-то тебе и не расскажу, браток. Жил я долго служкой в одном монастыре. И монах, которому я служил, никогда ни с кем не

разговаривал, а все четки перебирал да молитву тихонько шептал. Да и молитву все одну и ту же. И так он ее постоянно шептал, что привык я под нее работать. То ли дрова колю, то ли кашу ему варю, то ли одежонку его да свою ветхую чиню, все его молитва простая, как волны припев, в ушах журчит. И стал я замечать, что монашек мой стал мне чаще улыбаться. Но, как говорить он не любил, молчал и я. Бывало, он улыбнется, ну я ему поклонюсь, он еще шире улыбнется и кивнет мне головой. Иногда замолкнет да целыми часами как застылый и сидит. Ну и я утихну, возьму его четки да повторяю его молитву. Раз очнулся он после такого сидения, да и говорит мне: «Завтра я умру. Но ты знай твердо, что смерти нет, только люди ее так звать выдумали. Возьми мой посох, мои четки и иди отсюда. Если будешь жить чисто, я всегда буду с тобою, и каждому человеку ты будешь знать, что сказать. Я тебе буду показывать мысли тех, кому тебе надо будет что-либо сказать. И будешь ты слышать мой голос – как, кому и что сказать. Иди, не ищи себе прочного жилища, помни, что смерти нет. Есть Жизнь вечная, Единая. Ей служи в каждом человеке. Когда придет тебе время оставить землю, увидишь меня, если будешь верно служить Богу в каждой живой душе». Долго я странствую, и нигде еще не приходилось мне передать неправильно слова моего доброго монашка, он мой верный спутник всюду. Чуть где остановлюсь – всегда, всегда придет человек и, не спрашивая сам, получит свой ответ. Тебе велит сказать мой наставник: «Если пошел верностью, дойдешь любовью. Думал ты, умеешь только петь, а понял, что и песня твоя – Любовь. Не размышляй, зачем ведено тебе в особые места Мудрости закон положить. Знай, что в тех местах наиболее свирепые войны людей будут не раз, и там же Мудрость создаст очаги спасения людям. Перед тобой лежат три дороги: мир, доброта, радость. Но все они соединяются в Любви. И тот, кто может идти путем любви, – тот все великое горе земли на себе испытает. Но он же и самый чистый огонь в чаше своей людям подаст. Уходи отсюда. Не задерживайся. Не думай, как дальше будут жить дети твои. Жизнь для каждого – только его собственная форма. И никто не может ей помочь до тех пор, пока в человеке живут его страсти выше любви. Иди, мужайся. Не думай теперь о временных встречах, ибо задача твоя сейчас иная. А к детям своим и к злой женщине пошли дедушку моего, я ему все скажу, как с ними говорить. Он им поможет».

С удивлением смотрел Аполлон в лицо говорившего деда, и лицо это было совсем иным – светлым, сияющим. Ни мгновения не сомневаясь, Аполлон посидел еще подле деда, пока он поел свою кашу, помог ему сложить его немудрящее добро в мешок и отвел его в свою комнату в новой

гостинице, где все спало крепким сном. Уложив спать деда, Аполлон набросил на плечи плащ, взял лиру, немного хлеба и денег и вышел из дома».

Снова листы книги крепко склеивались, и на развернувшемся новом месте Левушка стал читать:

«Долго шел Аполлон с караваном, высадившись с итальянского корабля, и пришел наконец к реке Ганга. И еще дальше пришлось ему идти, пока не нашел он нужного ему места среди лесов Индии. Здесь он внезапно услышал голос отца: «Последнее Зерцало Мудрости положи в яму у подножия скалы, укрой камнями и возвращайся ко мне. На этом месте будет Община, что поддержит людей в страшные минуты. И к этой Общине смогут подойти люди разных путей, религий и исканий, но только те, чьи сердца и ум сольются в гармонии. Те же строптивцы, что не смогут дойти через века и века своих жизней до гармонии, те будут жить в дальних местах отсюда, где уже не твой урок класть мои заветы. Возвращайся домой, будь благословен. Как был ты верен мне в этой жизни, так укрепится верность твоя и в жизни следующей, где чаша Огня будет для тебя равносильна земной смерти».

Весь обратный путь Аполлон совершил в великой задумчивости, и никто сейчас не узнал бы в исхудалом, оборванном путнике того веселого красавца юношу, что вышел когда-то с лирой из дома отца.

Но аскетическое лицо путника сияло необычайным, светлым спокойствием, его Ласковый голос ободрял даже отчаявшихся, и добрался он до дому, идя в благословениях людей, как в сияющем шаре».

Снова склеенные листы перевернулись целой пачкой, и Левушка, с трудом разбирая, перевел:

«Читающий, чем дальше ты идешь в своем знании, тем легче ты должен понять, что ведет тебя по пути и как ты можешь принять участие в общей жизни вселенной.

Только тот входит в жизнь вселенной, кто научится не только видеть Бога в каждом человеке, но и чтить его в своих буднях.

Тот же, кто научится поклониться Огню встречного, войдет в общение с идущими впереди своего века как руководители и вожди своей современности.

Дошедший до этой ступени не возвращается больше в заурядное воплощение, но переходит в путь гениев и идет дальше, руководимый Теми, Кто невидим людям, не умеющим покорить свои страсти и стать господином самого себя, не теряющим полного самообладания ни в какие минуты жизни земной.

Прочитавший эти строки, пойми еще раз: нет тайн, нет рангов, нет условных делений на высших и низших. Есть только освобожденная ВоляЛюбовь, освобожденное от условностей зрение, освобожденная от скорбей Радость».

Ясса стучал в дверь. Мы уложили книгу, закрыли стол и, полные чувства благодарности, вышли из комнаты Али.

На этот раз надпись нас нигде не задержала, но, когда мы вышли в коридор, перед комнатой омовений точно висела в воздухе огненная надпись:

«Храм не там, где сияют лампы. Храм – сердце человека; и куда бы он ни пришел, он может видеть только то, что в его сердце выросло.

Учитесь, неопиты, не судить людей, в каком бы виде они пред вами ни предстали. В тех местах, где живут грешные, – грешнее всех тот, кто грех, а не Бога в грешнике увидал».

Слова погасли. Мы совершили обычное омовение и прошли за Яссой в столовую И. гораздо раньше, чем приходили все эти дни.

Встреченные, как всегда, приветливой улыбкой И., мы не могли не заметить, что сегодня на его лице была какая-то особая серьезность.

– Как только вы поужинаете, – сказал он нам, не прикасаясь сам к еде, – мы отправимся будить профессора. Читая сказку древнейших времен, мы поняли, что ни в какие времена не было иных принципов движения людей к совершенству, как именно те, с которыми вы встретились в вашей современности. Древнейшая Мудрость, как и мудрость наших дней, говорит об одном: о раскрепощении в себе зерна Вечности от давления собственных предрассудков, суеверий и страстей. Об укреплении освобождающихся частиц любви в себе умением жить во всей полноте чувств и сил, не поддаваясь компромиссам. О достижении этой цельности, вскрывающей внутреннее зрение и слух, через ряд путей, облегчающих человеку это достижение. И наконец о главных условиях, приводящих каждого человека к самому легкому, самому короткому и самому простому его пути: верности до конца, послушанию до конца. Сейчас вы будете присутствовать при пробуждении человека, не знавшего компромисса в своем служении науке. Наука была его Богом, которому он поклонялся, не будучи в силах даже представить себе возможности отойти от нее на одну минуту. Перестаньте думать, что путь человека к совершенству – это только духовное искание, религия, искусство или проповедь любви, где все отдано прямой своей цели: служению людям. Эти пути редки.

Чаще люди стремятся по ответвлениям, даже не нося в себе идеи служения человечеству, вроде профессора. И тем не менее путь их велик,

они живут в той гармонии, которая делает их движущимися точками вселенной. Их самолюбие, их личные желания не закрепощают их. Они видят своего Бога и поклоняются Ему без тех перегородок, которые выстраивают между собою и Богом узкие религиозники или искатели, мечтающие войти в новое царство добра и любви, оставаясь сами в старых шкурках собственных страстей. Сосредоточьте свои мысли, думайте о ^Профессоре со всей широтой вновь открывшихся или, вернее сказать, еще раз осветившихся для вас древней мудростью знаний, несите всю чистоту и мир ваших сердец, и двинемся к домику профессора.

Сегодня вы оба поймете на деле, что такое действенная встреча. Не присутствие ваших тел, наблюдающих тот или иной факт, мне нужно. Но активная сила вашего творческого духа, Любовь – действие, Любовь – полное внимание к жизни другого, Любовь – забвение себя как единицы плоти, Любовь – единение в Духе и Огне как Свет вселенной.

Раскрыв широко руки, И. прижал нас обоих к себе, и на миг я точно утонул в блаженстве. Когда И. отодвинулся от нас, я был ослеплен, мне казалось, что в одну минуту я проскочил целую вечность. Я ощущал себя необычно сильным, бодрым, счастливым. Такое спокойствие царило во мне, точно вся земля и все небо поют мне песнь привета и я отвечаю им, не зная, где граница моей возможности их любить и им поклоняться.

Я взглянул на Бронского и подумал, что до сих пор вовсе не знал этого человека, что только сейчас я понял, как он гениально талантлив, – таким огнем сияли его глаза, такой силой веяло от его богатырской фигуры.

Молча, в благоговении, точно три шара любви, мы шли к домику профессора. Но мне казалось, что мы не идем, а мчимся, таким легким я себе казался и такими же легкими казались мне мои спутники.

В домике профессора мы нашли полную тишину. На крыльце нас встретил Никито, провожавший от себя Лалию и Нину, поклонившихся нам и быстро Скрывшихся во тьме.

– Привет, Учитель, привет, друзья, – сказал Никито, здороваясь с нами. – Все сделано, как ты приказал, Учитель. – обратился он к И.

– Хорошо, отпусти сестру Герду и прикажи ей сейчас же лечь спать в своей комнате. Ей нужно успокоить и подкрепить свой организм. Оба вы были все эти дни так усердны, что ты не учел, сколь хрупок организм женщины и повел ее слишком скоро и далеко в ее новых знаниях и опыте. Ей было достаточно тех рамок, которые я тебе наметил, для полной подготовленности к путешествию. Теперь же, пожалуй, придется задержаться нам всем и обождать, чтобы ее организм пришел в равновесие.

В словах И. не звучало ни упрека, ни выговора. Но каждый из нас

остро почувствовал, что Никито неточно выполнил то послушание, которое на него возложил И.

– Прости, Учитель, вновь моя неустойчивость, которую я счел добротой, ввела меня в заблуждение. Сестра Герда так молила меня помочь ей пройти дальше указанного тобою в знаниях. Она уверяла меня, что еще никогда не была так сильна и не чувствовала себя здоровее и увереннее. И я не устоял против ее мольбы. Я предполагал, что помогу ей крепче закалиться и лучше подготовиться к ее путешествию. И только в эту минуту я понял, что принес ей вред, а может быть, повредил и всему твоему делу, задерживая твой караван здесь. Прости, Учитель, только на один миг я выпал вниманием из орбиты данного тобой поручения, на один миг поддался личному восприятию текущей минуты, подпал под его влияние – и совершил непоправимую ошибку, поддавшись личной мольбе человека. Да будет мне это вечным уроком, который я прочно знаю в теории и мечте и плохо выполнил в простом действии обычного дня. Теперь я всегда буду бдителен и буду помнить: зрение и слух, знание и милосердие Учителя моего больше и яснее моих. Я должен идти только так, как видит, знает и ведет меня мой Учитель. Сестра Герда жаждет видеть тебя и говорить с тобой. Можно ее позвать к тебе?

– Это было бы возможно, мой дорогой друг, – с необычайной нежностью сказал И., – если бы Герда, удержавшись в границах, указанных ей мною, продумала, прочувствовала полученные ею знания и привела себя в полное и устойчивое самообладание. Теперь же она похожа на бурлящий самовар, выбрасывающий кипяток и пар из всех своих щелей и пор. Отведи ее домой, передай ей мое приказание, научи в эти короткие минуты понять ее собственные и твои ошибки и, кроме того, так перелей любовь и мир своего сердца в нее, чтобы она поняла, что надо забыть о себе и своих желаниях, а думать об общем великом деле, которому она хочет служить и ради которого хочет ехать в дальние Общины. Это не пикник или прогулка в оазис с роскошной растительностью, которую можно встретить только в оазисах пустыни. Это великая сила Любви, которую несет каждый из намеченных к путешествию путников для радости и примиренности тех, к кому едет. И чтобы суметь принести и подать свои дары встречным, надо самому стоять в полном самообладании и беспристрастии к тем, кто живет и дышит вокруг нас. Я предупреждал и тебя, и Герду: ленивый не всегда может быть принят в Общину, но только тогда, когда его лень происходит от физической слабости, которая легко читается в его ауре. И такой ленивый никогда не бывает неряшлив. Чрезвычайно же суетный и тормозливый, воображающий, что он очень усерден и темпераментен, не

сможет продвинуться в ступенях Общины дальше первой, так как его самообладанию мешает его собственная неряшливость духа: ничего до конца, все в мировом масштабе – и в результате мыльный пузырь. Иди, друг, мы тебя подождем. Возвращайся.

О, как я сочувствовал Никито, молча поклонившемуся и ушедшему в дом. Всем сердцем я понимал, как рыцарски героичен был Никито по отношению к Герде, как он желал помочь женщине и, тронутый ее мольбами, увлекся и вышел из указанных ему И. границ. Всем сознанием я молил моего милосерднейшего друга Флорентийца помочь Никито найти нужные в эту минуту леди Бердран слова, провести ее к высшей радости: понять свою ошибку, благословить Свет, показавшийся ей, и творчески, любя и побеждая, смиренно принять идущий урок.

– Ты, Левушка, – вдруг услышал я голос И., – сосредоточься еще глубже, и Вы, Станислав, также желайте Герде и Никито принять данное мгновение не как наказание или раскаяние, но как радость освободиться от иллюзорного «расширения сознания». Не космическое сознание расширялось в Герде, не ему помогал Никито, но расширялась ее личность, и она ослепила их обоих. Этот маленький урок вместе с тем, что вы прочли в комнате Али, пусть будет вам освещением многого, что вы увидите сейчас и кого увидите в дальних Общинах. Там живут люди жаждущие, всегда приподнятые в своих духовных желаниях и достижениях и не имеющие сил забыть о них для общего блага.

И. взял каждого из нас за руку, и я снова ощутил блаженство Любви, мира, радости и бесстрашия, в которых я несся за Гердой своими мыслями, точно между мной и ею не было перегородок пространства, времени, пола, формы... Теперь мне показалось, что все мы трое понесли вместе над Никито и Гердой, о чем-то говоривших. О чем-то плакала Герда, но я знал, что все мы поем им песнь торжествующей Любви...

Сколько прошло времени, я понять не мог. Для меня снова мелькнула целая вечность. Я почувствовал какой-то толчок и увидел себя и Бронского стоящими на том же крылечке, с которого мы вошли в дом, и услышал слова И., обращенные к Никито:

– Аминь, мой друг. Да будет вовек в тебе знание, что и доброта может не только вредить движению человека, но может даже и погубить его, низведя его из высшей формы в низшую. В данном случае еще не совершилось ничего ужасного. Но могут быть случаи, где доброта, ложно понятая, мешает развиваться самообладанию другого человека. Если твой друг не может сдерживать своих страстей и своего раздражения в твоём присутствии, если ты не содействуешь его умиротворенности и не видишь

успехов в его самообладании, Ты виновен. И виновен не только перед тем, что видишь, то есть перед временной его формой, но виновен перед его вечной жизнью, в которой твоя любовь помогла ему понизиться в его ступенях вечного совершенствования. Твое иллюзорное милосердие, твоя призрачная любовь к другу в данном случае могли быть причиной даже того, что ему в следующее воплощение пришлось бы нести тяжкий урок зависти и к знаниям, и к положению других. Могут быть и такие случаи, если поведение твоего друга в твоём присутствии часто идет в напряженном раздражении и бешеных порывах несдержанности, что ему придется начать следующее воплощение не в человеческой, а в животной форме, – и ты будешь нести ответ и за него, и за себя. Путь духовного общения – не обычная форма обывательской дружбы, в нем или славится Единый, или опошляется Вечное. Сосредоточьте сейчас все свои мысли на пути той великой души, что вы встретили в оболочке профессора. Отдайте ей все свое цельное внимание, чтобы она могла продолжать свою жизнь земли, вынести в мир свою преданность науке не как личное свое дело и достижение, но как великую радость труда на общее благо. Профессор всю свою жизнь забывал о себе, но и не думал о людях, которые населяли мир рядом с ним. Он забывал о себе, но помнил все свои лишения, нес их как тяжкое бремя, добавочный груз к науке. Теперь надо помочь этой душе узнать свободное служение своему Богу, свободному потому, что часть Его – вечно свободная – живет в нем самом и не может быть никогда и ничем связана. Надо приложить все наши усилия ума, духа и сердца, чтобы профессор это понял и создал себе жизнь освобожденного существа.

И. вошел в дом, мы прошли за ним. Никито осветил комнату и... я едва не превратился в «Левушку – лови ворон». На постели лежал человек, профессор и не профессор, если не совсем юный, то во всяком случае настолько молодой, что я годился ему в товарищи. И воспоминания не было о том изможденном старике, которого я увидел ночью, не говоря уже о том полутрупце, который мы уносили из библиотеки.

И. подошел к кровати больного, – но теперь это слово совсем не вязалось с видом нового профессора, – указал нам с Бронским, где нам стать, чтобы ясно видеть лицо Зальцмана, и положил свою руку на его голову.

Я пристально вглядывался в лицо ученого, и чем больше я смотрел, тем четче видел, что это действительно тот же профессор, но кожа его гладкая, нигде ни одной морщины, рука красивая, с длинными тонкими пальцами, не рука старика, а рука молодого человека в расцвете сил. Я был так поражен, что потребовалось прикосновение Никито к моему плечу,

чтобы я вернулся в самого себя, вспомнил, где я и зачем я здесь.

От прикосновения руки И. профессор улыбнулся, лицо его стало счастливым, но он продолжал спать. И., не отнимая руки от его головы, сказал:

– Проснитесь, мой друг. Вы уже вполне отдохнули, вам надо приниматься за работу.

Профессор вздрогнул, сразу гибко, по-молодому сел на постели и с удивлением посмотрел на И., на меня, на никогда не виденных им Бронского и Никито.

– Что за чертовщина, – пробормотал он, протирая глаза. – С тех пор как я добрался до этой проклятой страны, жара помутила мои мозги, иссушила меня хуже любого голода, а сны хотят, кажется, свести меня со всякого ума.

– Напрасно, профессор, вы в претензии на нашу милую и гостеприимную страну. Не трите ваши глаза, а скажите нам лучше, как вы себя теперь чувствуете? Помогла ли вам наша медицина? – улыбаясь, спрашивал И.

Профессор имел вид упавшего с неба и, раскрыв рот, уставился ничего, кроме испуга, не выражавшими глазами на И. И. взял его бессильно свесившуюся руку и спросил, ласково нагибаясь к нему:

– Разве вы не помните, что Франциск привел вас в Общину, что вы заболели здесь от нашего Солнца?

Некоторое время Зальцман молчал, потом вздрогнул и сказал:

– Да нет же, не солнце, а женщина, которая горела в доме со своими мыслями-образами, и эти живые мысли меня убили. Где же я теперь? Да, да, я вас знаю и... вот этого Геркулеса. Остальных никогда не видел. Но пощадите! Неужели же вы проделываете надо мной гипнотические опыты вроде Франциска?

– Я был бы по меньшей мере полубогом, если бы мог оставить вас в гипнозе столько часов, сколько вы мирно проспали, и сохранить вам жизнь. Понаблюдайте себя. Вы называете Левушку Геркулесом. Но, помоему, Геркулес – это вы, если судить по той силе, с которой стучит ваше сердце и переливается в жилах кровь.

– Да, я действительно точно вернулся к тому давно прошедшему, когда мне было двадцать лет. Я чувствую совсем необыкновенный для меня прилив сил.

– Вот поэтому не тратьте времени напрасно, вставайте и начинайте новую трудовую жизнь. Левушку вы уже знаете, а это мои близкие друзья – Никито и Бронский. Пока этого довольно для первого знакомства. Вы

будете еще иметь время узнать о них больше. Сейчас знайте о них, что они такие же близкие вам, доброжелательные люди, как и все те, с кем я познакомлю вас здесь. Влезайте в халат, что вам дает Никито, и бегите в ванную.

– Все это более нежели странно, доктор И. Что вы – доктор И., это я ясно сознаю. Что я силен, точно молодой, мне не менее ясно. Что... я хочу есть, как будто я дня три не ел, а не вчера вечером лег спать, это мне тоже более чем ясно. Но вот почему во всем моем теле зуд, точно меня обглодали москиты, почему я весь такой липкий, точно я всю жизнь не мылся, этого я не постигаю, просто возмущаюсь, – разводя руками, говорил Зальцман, и голос его, точно голос оперного певца, гремел.

Он сам это заметил, снова с удивлением взглянул на И. и продолжал: – Что же это такое будет дальше? Я говорю сейчас, как привык говорить всегда, а выходит у меня какое-то львиное рыкание. Я не смог удержаться и залился смехом. Бронский, очевидно давно сдерживавший смех, раскатился пуще моего.

– Извольте видеть, этот Геркулес со своим приятелем Зевсом меня на смех поднимают, а я уверяю вас – дайте этому великану бороду, и выйдет подлинный Зевс.

Никито, улыбаясь, предложил профессору пройти скорее в ванну. Я и Бронский, поклонившись Зальцману, просили у него прощения, уверяя, что нам и не снилось над ним смеяться, но что моей смешливости еще не положен конец, и она, охватив меня, заражает всех.

Зальцман пристально посмотрел на меня, точно забыл обо всем, и со вздохом сказал:

– Вы юны. Ах, как вы юны! Если бы мне было столько лет, как вам! Как много я бы мог еще сделать, как ужасно, что жизнь так коротка. Только едва подумал всерьез, что-то понял, как уже все кончено, пришла старость, и труд не выполнен до конца.

– Полноте, вам ли говорить о старости, когда сердце бьется и вопит: «Я молод, силен, хочу трудиться». Идите же в ванну, смойте с себя пыль пустыни, как вы думаете, и липкий пот ее жары. Ваши новые друзья помогут вам одеться по-нашему, что вам будет гораздо удобнее. Возвращайтесь омытым и переодетым и ешьте ваш ранний завтрак. Оглянитесь, наша короткая ночь уже минула, уже занимается заря, – сказал И., и лицо его ласково улыбалось, но улыбались одни уста, а взгляд был глубоко сосредоточен и серьезен.

Мы вышли вместе с Зальцманом из комнаты, Никито шел впереди, указывая нам дорогу. Когда я судил о домике по его внешнему виду, я никак

не предполагал, какой он поместительный и комфортабельный внутри. Дойдя до комнаты с круглым бассейном, куда бежала вода из пасти льва прямо через стену, профессор, оглядывая комнату, прошептал:

– Как все не по-европейски, как не по-европейски.

Он нехотя сбрасывал с себя одежду, но, как только вошел в теплую воду бассейна, рассмеялся в полном удовольствии и принялся плескаться в прозрачной воде.

– Никогда не воображал, что ванна может быть таким блаженством.

Это его последнее слово напомнило мне о духовном блаженстве, так недавно испытанном мною, и я подумал, скольким людям я глубоко обязан за те духовные ванны, в которые я погружался за это долгое время, начиная с моего знакомства с Али и пира у него.

– Бог мой! Что такое? Почему вдруг вода бежит такая грязная? Гденибудь в этом водопроводе что-то случилось! – вдруг услышали мы вопль профессора.

Но вода продолжала бежать такой же чистой и прозрачной, как и сначала, вокруг же профессора она действительно была неприятного бурого цвета. Заметив это, Зальцман снова возмущенно сказал:

– Это не водопровод, это мыло ваше восточное такое безобразное.

Никито подошел к бассейну, взял из рук Зальцмана мыло, намылил им свои руки и показал их ему в белоснежной пене.

– Это не вода и не мыло, профессор. Это ваше собственное тело выбрасывает свой липкий пот. Наверное, И. объяснит вам, что влияние нашего климата, наших лекарств и того очищения всего вашего организма, которое совершается со всеми, кто живет в нашей Общине вблизи таких совершенных людей, как Франциск, И. и многие другие, приводит именно к тому, что организм человека выбрасывает из себя нечто вроде духовных отбросов, – сказал он, приглашая профессора выйти из ванны и убеждая его, что не только сегодня, но и в течение многих ближайших дней, а может быть, и лет он не сможет смыть со своего тела отживающих страстных эманаций. Эманаций, которые будут освобождать его мысль только постепенно, по мере того как очищающийся организм будет выбрасывать их все больше. Соответственно этому очищению всего организма будет расширяться и очищаться вся его мысль.

Профессор был возмущен до крайности словами Никито.

– Ах, я не чистый? – воскликнул он. – И мои мысли не чисты? А вот эти Голиафы чисты? – называя на нас с Бронским, негодовал он.

– Нет, – ответил Станислав. – Мы гораздо менее чисты, чем вы, профессор, и вода с нас текла и течет почти черная, особенно с меня.

Нисколько не успокоенный таким заявлением, профессор вышел из воды, бурля сам не менее, чем бассейн. Помогая ему одеваться, я был поражен, как молода и свежа стала его кожа, как гладки и молоды были его руки. И я удивлялся своей рассеянности, почему же он показался мне таким дряхлым и бессильным, когда шел по библиотечному залу, освещенный ярким светом восточного дня.

Все еще негодуя на всех и вся, с досадой надевая восточный костюм, профессор завязывал сандалии, как я ему говорил, в свое время обученный этому искусству Яссой. Вдруг он остановился в своей усердной работе над левой сандалией, опустил на пол ногу и поднял на меня такие детски недоумевающие глаза, что я готов был прижать его к сердцу, как самое маленькое дитя, забыв, что это великий ученый Европы.

– Скажите, дорогой Геркулес, что же это такое со мной творится? – обратился он ко мне доверчиво и ласково, хотя бурлил минуту назад. – На этой ноге у меня уже лет двадцать была незаживающая ранка, всегда причинявшая мне нудную боль вроде зубной. Сейчас от нее и следа нет. И сам я не только не чувствую утомления, но полон сил и энергии. Точно молодость ко мне вернулась. – Он посмотрел на свои руки и продолжал, все так же беспомощно спрашивая у меня ответа глазами: – Руки мои всегда были красны, так как я вечно их отмораживал, теряя свои перчатки. На них были мозоли и шишки, сейчас они гладки так же, как ваши. В чем дело? Я, правда, очень рассеян во всем, кроме науки. Я не обратил внимания ни на ногу, ни на руку, когда входил в воду. Неужели этот бассейн нечто вроде Силоамской купели, и вода в нем может так исцелять человека, чтобы уничтожить все его раны и даже возвратить силы молодости?

– Мы сейчас пойдем к доктору И., – ответил за меня Никито, – и вы убедитесь в беседе с ним, что в мире нет чудес, а есть та или иная ступень знания. Позвольте вашим новым друзьям – Голиафам, как вы их называете, одеть вас поскорее. И. ждет нас, да и вам пора кушать.

– Да, есть я хочу. Но я так озадачен всем происходящим, что ничего не могу сообразить, ничего не связывается в моих мыслях в логическую связь, точно в моем сознании вдруг открылся ряд дыр, – задумчиво отвечал профессор.

– Разрешите мне взять вас под руку, дорогой профессор, – сказал я. – Я ни в коем случае не могу идти с вами в сравнение как зрелая и дисциплинированная мысль. Но я перенес очень много горя, и мне понятна та растерянность, в которой вы находитесь сейчас. Здесь все поражает. Но такую огромную духовную силу, как вы, ничто не может расстроить, с чем бы вы здесь ни встретились. Эта полоса раздражения, которая мучит вас

сейчас, минует и приведет вас к новой гармонии, в которой вы иначе увидите И., чем видели и понимали его до сих пор.

– Беседа с И. стала для меня теперь кульминационной точкой всего существования. Дальше или я должен что-то понять, что было недостаточно для моей мысли и недоступно ей, или он должен убедиться в легкомыслии всего того, что он мне говорил.

– Не сомневаюсь, профессор, – смеясь сказал Никито, – что сила юности, которую вы с удивлением ощущаете во всем своем организме, перелилась также и в ваш мозг. И все, что вам казалось прежде конечным результатом, может оказаться теперь только началом ваших дальнейших достижений. Идемте же, оставьте все сомнения, не думайте ни о прошлом, ни о будущем, а только об этой текущей минуте, о вашем свидании с И. Ведь только для этого вы совершили одно из самых труднейших путешествий, следовательно, только для этого была прожита вами вся ваша трудовая жизнь, со всей ее преданностью науке и лишениями для нее.

– Да, да, конечно, все это так. Надо оставить мысли обо всех этих бесконечных вопросах и не искать сейчас на них ответов. Надо всю мысль сосредоточить на главном, когда буду беседовать с вашим мудрецом И., которого вы мне сулите увидеть по-новому, – лукаво улыбнулся Зальцман, кинув взгляд в мою сторону.

Он взял меня под руку, к чему не особенно был склонен несколько минут назад, шел со мной, весело улыбаясь, как будто что-то знал особенное, о чем никто, кроме него самого, и не подозревает. Никито провел всех нас в другую половину дома, где был приготовлен завтрак, но где мы И. не нашли.

ГЛАВА 15 Первые опыты новой жизни профессора. Его беседа с И. Сцены из его прошлых жизней. Франциск и еще раз карлики

Я видел много очень хороших аппетитов, и мой собственный заслуживал не раз ироническое одобрение И. Но как уплетал блюда профессор, этим я был так удивлен, что сидел истуканом, совершенно неприлично уставясь на него. И., говорил, что профессору было необходимо отоспаться за всю жизнь лишений. Я сейчас думал, что если он будет и дальше так есть, то, пожалуй, наестся на три жизни вперед.

Наконец он отодвинул тарелку с последним куском дыни и сказал:

– Если бы я не собственным мозгом наблюдал, что это именно я так ел, я разорвал бы на куски каждого, кто решился бы мне сказать о такой для меня возможности.

– Я рад, что вы убедились на этом пустяке, как многое, кажущееся

невозможным, оказывается реальнейшей действительностью, – войдя незаметно для всех нас, сказал профессору И.

Он протянул обе свои руки окончательно сконфуженному ученому, весело улыбнулся ему и нам и пригласил нас всех в следующую комнату. Здесь, к полному удивлению Зальцмана, были разложены в полном порядке все его тетради и записи, карты, книги и словари, которые он оставил в домике отдаленной Общины, в своем первоначальном жилище, откуда его увел Франциск в памятную для меня ночь.

– Мой Бог, все, все в порядке, ничего не забыто, ничего не разбросано. Кто же все это сделал? – нервно рассматривая свои научные материалы, спрашивал профессор, бросаясь от столов к полкам, к другим столам и табуретам, поражая нас гибкостью и молодостью своих движений.

– Это сделал Никито со своими племянницами, опытными библиотекарями, которых вы видели в большом зале библиотеки, – ответил И.

– Которых я видел не только в большом зале, доктор И., но и еще кое-где, о чем вам хорошо известно, но чего вы не желаете уже вторично заметить, – стоя посреди комнаты сказал Зальцман, и нечто вроде укора И. прозвучало в его голосе.

– Присядьте, друг. Для вас лично и для всех, кто сейчас здесь, не бесполезно будет прислушаться кое к чему в нашей с вами беседе, – обратился И. к ученому, пододвигая ему к столу большое, удобное кресло и садясь сам в другое. – Хотя вы и чувствуете себя очень сильным, хотя пища подкрепила вас, как вам кажется, на много дней, все же скушайте эту бодрящую пилюлю. Ваши отдохнувшие мысли получили возможность быстроты и новой точности движения. Ваши обновленные нервы освободили в вас теперь так много скованной прежде духовной энергии, что ваше тело, как бы оно ни казалось вам обновленным, не будет в силах повиноваться вашей воле и поспевать за работой вашей мысли. Оно будет уставать. Эта пилюля даст ему возможность следовать за вашей энергией духа, не отставать и не мешать ей своим бессилием.

И. подал Зальцману оранжевую коробочку, из которой тот вынул, усмехаясь, небольшую пилюлю, иронически на нее поглядел, держа ее в руке, проглотил и заявил:

– Если бы мысли моей вздумалось в беседе с вами летать не только на земле, но и над землей, ей хватило бы сил моего тела на много лет, а не только на тот час, который мы будем беседовать с вами. Да и вообще впервые слышу, чтобы духовная материя двигала мыслями человека. Тело, материя плоти, выделяет силы для невидимой материи мысли и дает ей

первоначальный источник и пределы, за которыми ничто не существует. Если я иногда необдуманно говорю привычное с детства слово «Бог», то я говорю его совершенно так же, как сказал бы «ветер», которого не вижу, или «эфир», о котором предполагаю, или о любой иной гипотезе, мало нужной и вообще совершенно бесполезной в науке, где нужны талант и знания, точные и неподдельные, то есть отнюдь не метафизические разглагольствования.

– В этом и состоит ваша первая ошибка, что вы рассматриваете вселенную, как оператор разглядывает распростертое перед ним тело, где его нож может быть конечным хозяином и чудотворцем. Чудо знания постигает как действительность тот, кто смог проникнуть и осознать в себе часть Бесконечного, не подлежащего измерению, разложению и времени, что составляет основу его жизни, неизменную и вечную. Подойдя к источнику духовных сил в себе, ученый постигает, где вход в тот мир сверхсознательного знания, которое он хочет путем сознательно приложенных знаний, из математического расчета выведенных формул подать людям. А также он открывает путь к новому, облегченному для них достижению знаний в своей отрасли науки. Если геометр истратил половину своей жизни на чистый труд исканий многомерных пространств и оставил в стороне все формы движения механики, он не дойдет до той гармонии, где два начала, два движения: тело и энергия могут достичь новой точки слияния. Ибо новая отправная точка каждой дисциплины, – это его собственное духовное видение, которое выражается человеком в знаках, ухваченных его интуицией. Вы, в вашем труде, сделали все, что мог сделать ум. Теперь вам надо ухватить новую силу озарения и пройти за ту черту, за тот барьер, где вас держит ум. Ваша задача: ввести в умы людей не только усовершенствованный метод и облегченные способы, как сделать науку прикладным ремеслом для жизни данного момента. Ваша задача еще и раскрыть в умах людей новую щель. Чтобы каждый приближающийся к науке человек мог сознать в ней не только проходящее течение потребностей человечества в данное сейчас. Но понять в ней то творческое начало, что вводит в единение людей, дает еще одну новую возможность постичь Единство всей жизни вселенной. Конечная материя, с которой вы привыкли иметь дело, выведенная вами формула нового сцепления частиц открытых вами же новых веществ, не что иное, как все та же Единая материя, о которой вы не желаете ничего слышать, атомы которой расположены в своем вечном движении иначе. Вы открыли не новые вещества как таковые, а новые способы вращения атомов, которого в этом случае не могли подметить другие, менее внимательные и менее верные в

своей преданности науке ученые. Ваша интуиция, гармония всего вашего существа, ваша преданность науке до конца дали вам возможность проникнуть в это звено Мирового Разума. Но это не значит, что на нем заканчивается цепь тех знаний, что смогут дальше открывать люди и выносить их в мир. Вам надо понять, что не материя тела вела, ведет и будет вести вас к откровениям. Но те порывы интуиции, которые вы сможете раскрыть в себе как озарения для вашей мысли. Ваше сознание – только путь к сверхсознательному творчеству. И на этом пути, допущенные вами ошибки ничтожны. Вы это сами сейчас увидите. Ваш труд может стать великим сдвигом в истории человечества. Но «может» еще не значит «будет». Для этого вашей мысли, вашему сердцу надо уловить ритм не останавливающегося Движения всей вселенной. Материя видимых вещей не составляет основного фона всей Жизни. Вся Жизнь не может изменяться в зависимости от формы. Изменяется временная, земная форма в зависимости от той части Жизни, которая в ней раскрыта, тех пределов, в которых свет может быть постигнут человеческой формой как свое собственное основное ядро. И чем яснее, точнее, шире эта форма постигла, в какой мере и степени она связана со всей Единой материей вселенной, тем дальше она может проникнуть в законы этой вечной Материи своей интуицией. Тем шире форма может ввести эти законы вечного Движения в русло обыденных человеческих пониманий как ту или иную отрасль науки или искусства и вылить в толпу малотворческих и малоодаренных людей как простые знаки формул, слов, нот или красок для нужд обычного серого дня людей. И чем выше верность человека своей отрасли творчества, тем выше его служение людям, тем большей толпе людей он создает не серый, а сияющий день жизни. Вы стоите сейчас в тупике. Вы запутались в сетях материи и считаете, что бредни о Боге, заигрывания с Ним в виде церкви и религии – все судьба узколобых, чьи силы малы, чтобы дерзать строить жизнь без глуповатой гипотезы Бога. Если бы по вашему пониманию могла идти счастливо творческая жизнь народов, зла давно бы не существовало в мире. Зло искоренялось бы теми принципами ограниченного разума, который вы зовете знанием. Выгода и практичность каждого существа держали бы его крепче всего в пределах добра, и ни один человек не мог бы быть вором или убийцей, так как знание наполняло бы в нем все. Но в человеке не все конечно, и за всем тем, что в нем конечно, живет часть вечной материи, которая не подлежит влиянию конечного знания, конечного пространства и времени. Эта Вечная часть формы подлежит только законам Вечности: причине и следствию. Если бы вы не имели в себе этой частицы вечности, если бы вы уже много раз не приходили на

землю как форма конечная, вы не могли бы быть здесь сейчас, где один из нас вам многим обязан в своем прошлом, в одной из своих прошлых жизней, прожитой возле вас.

– Доктор И., помилосердствуйте, – сказал профессор, и лицо его носило злое, саркастическое выражение. – Я ехал сюда для великой науки, я шел сейчас для важнейшей беседы с ученым, и вдруг... Я даже не знаю, как мне выразиться о ваших словах. На мой взгляд здравомыслящего человека, это все бред, то, что вы мне сейчас говорите. Простите, но все это отдает плохим душком шарлатанства.

И. улыбнулся, как улыбаются глупеньким детям, остановился возле негодующего профессора и сказал:

– Чтобы что-либо утверждать или отрицать, надо иметь веские данные, опытом вынесенные в жизнь дня. Все то, что я вам сказал, – это опыт моей жизни. Хотите ли вы, чтобы я помог вам сейчас вспомнить маленький факт одной из ваших предыдущих жизней? Но предварительно скажите мне: верно ли, что вы великолепный пловец? При всей вашей занятости вы находили время заниматься плаванием и доведи его до совершенства. Почему?

– Что у меня была всю жизнь страсть к плаванию, это вы угадали. Что я довел эту страсть до совершенства и даже до науки, это точно. Не менее точно и то, что я желаю приобрести с вашей помощью опыт воспоминания чего-либо из моего прошлого, если только и вам удастся меня одурачить, как это удалось однажды Франциску. Но в эту минуту я уже не тот бессильный старик, который еле плелся ночью в пустыне. Я крепок и силен и надеюсь, что ничья воля не согнет теперь моей.

Профессор говорил с большим вызовом и уверенностью, И. улыбался ему мягко и снисходительно, Никито укоризненно и грустно покачивал головой, а лицо Бронского выражало полное расстройство, точно он хотел крикнуть Зальцману: «Замолчи!»

И. положил свои руки на голову профессора, и мгновенная перемена произошла во всей его фигуре. Лицо его выразило блаженство, он мягко прислонился к спинке кресла и застыл в позе человека, прислушивающегося к чему-то далекому и радостному.

Вдруг в полной тишине, водворившейся в комнате, раздался слабый, удивленный голос:

– Я вижу странный, неевропейский город у моря... Это Япония! – воскликнул он вдруг после некоторого молчания. – Боже мой, неужели этот юноша, самоотверженный и чистый, этот японец, который научил меня так прекрасно плавать, должен утонуть только потому, что мне вздумалось

получить приз и неосторожно броситься в воду? Я выплыл благодаря его трудам. Я подзадорил его тоже оспаривать приз, и он не выплывет?! Я, правда, устал, очень устал,

– сказал он, вдруг изменившимся, слабым голосом. – Но оставить его одного в минуту опасности, после того как я его вовлек в эту глупую игру, я не могу. Простите мне, боги, покровители наук, что я не dokonчил посвященный вам труд. Оправдайте меня перед судьбой, но бесчестным я быть не могу. Юноша так много сделал для меня. Я сейчас устал, ох, устал, вряд ли ему помогу. Но все же поплыву ему на помощь.

Вновь наступило полное молчание в комнате, слышно было только усиленное дыхание профессора, лицо его выражало все стадии напряжения и борьбы, наконец ужаса. Дыхание стало похоже на свист. Несколько мгновений мне казалось, что профессор переживает агонию, что сердце его не выдержит неистовой борьбы, в которой он бьется, но внезапно он выпрямился и почти шепотом сказал:

– Ну вот мы и выбрались, друг. А я уже думал, что от акулы не уйдем и в последней волне захлебнемся. Слава богам, теперь мы на земле. Полежим спо койно...

И. сделал движение рукой, точно отодвигая какую-то картину в воздухе, посмотрел на Никито, и тот, повинуясь его взгляду, подошел вплотную к креслу ученого. И. взял руку Никито, положил ее на сердце Зальцмана и, продолжая держать свою руку на его голове, сказал:

– Вы пережили сейчас сцену одной из своих жизней, происшедшую несколько веков назад. Не узнаете ли вы вашего бывшего друга, которому вы спасли жизнь, в одном из нас?

Зальцман открыл глаза, в первые минуты он как бы ни чего и никого не узнавал, потом оглядел всю комнату, послал нам с Бронским улыбку, шепнув: «Голиафы», и только тогда посмотрел на стоявшего с ним рядом Никито.

Необычайное изумление выразилось на его лице. Он поднял голову, посмотрел на И., еще раз на Никито и пробормотал:

– Я не могу узнать в этом внешнем виде моего старого друга. И вместе с тем я вижу движущуюся, светящуюся ленту, которая связывает тело у моря с фигурой этого человека. Теперь там, на берегу, не лежит тело, но там сверкнуло нечто вроде огня, а сейчас я вижу этот огонь возле сердца Никито, у его горла и у его бровей. Что же это значит? Я ничего не понимаю. Но всем своим сознанием знаю, что тот японский друг и Никито – одно и то же лицо.

– Вы увидели суть, вечную и неизменную, ту частицу Вечности, что

живет во временной форме человека и остается в каждой его форме неизменной. Будете ли вы теперь, убедившись опытом в своей предыдущей жизни, пережив еще раз уже однажды испытанное вами героическое чувство, отрицать, что вы уже жили на земле и знаете не впервые коекого из нас? – спросил И.

– Нет, я не решусь больше ничего отрицать. Но я не имею права и ничего утверждать, поскольку я убежден, что вы пробудили во мне какие-то силы вашим гипнозом, – ответил Зальцман.

– Если вы думаете, что силой моего гипноза я мог унести вас в далекую страну, то вы настолько большой ученый, чтобы твердо знать, что из ничего не бывает ничего. Чтобы воскресить в вас воспоминания, я должен был увидеть их в вашей подсознательной памяти. Вы, глядя на Никито, испытывать не раз нечто похожее на волнение, вызывавшее в вас непонятные вам самому нежность и удовольствие. Верно я понял ваши чувства?

– Определенно и точно. Но как могли вы их угадать?

– Об этом после. Увидев ваши мысли и чувства, я проследил ход ваших предшествовавших жизней и жизней Никито. Я нашел в них – по светящимся и скрещивающимся линиям вечной материи духа – ту сцену, которую вы только что пережили здесь. Есть ли у вас мужество и хотите ли вы увидеть вашу связь со мной? Я спрашиваю, есть ли у вас мужество, так как в прошедших жизнях каждого человека есть такие страшные страницы, перед которыми замирают в ужасе даже самые бесстрашные сердца. Страница вашей связи в прошлом со мной

– одна из горестных и ужасных страниц вашей жизни.

– Если бы вы сказали мне, что я могу увидеть нечто прекрасное, совершенное мною в жизни, или нечто великое, сделанное мною в науке, пожалуй, я остался бы равнодушным к этим фактам. Я мог бы себе представить, что совершить их я, конечно, должен был. Но чтобы поверить, что я мог сделать нечто недостойное по отношению к вам, совершенно чуждому мне человеку, – это так же глупо, как уверить меня, что я мог убить ребенка, – расхохотался Зальцман. – Пожалуйста, доктор И., показывайте мне страницы моих преступлений, – прибавил он, саркастически поглядывая на И. и хохоча еще громче. Он мне показался озорником в эту минуту, но я понял его полную невежественность, и сердце мое глубоко сострадало ему и не осуждало его.

Я посмотрел на И. Лицо его было очень серьезно. Он ничем не ответил на веселость профессора, но, печально глядя на него, тихо сказал:

– Я еще раз предупреждаю вас: вам придется увидеть одну из самых

ужасных страниц вашего прошлого, и для этого вам надо собраться в полной сосредоточенности и в огромном мужестве. Призовите все самое высокое и ценное, во что верите, и ответьте еще раз, хотите ли видеть вашу связь со мной в одной из ваших жизней, несмотря на то что она приведет вас в ужас?

– Ваше лицо так сурово, ваш голос так серьезен, что они могли бы спугнуть даже очень храброго. Но я так убежден, что никогда не мог бы быть бесчестным, что желаю знать свою связь с вами. Должен вам сделать одно странное признание: когда я увидел вас в первый раз нечто вроде какой-то вины перед вами мелькнуло во мне. Я почувствовал себя перед вами очень неуверенно и только ваша поистине рыцарская вежливость меня успокоила.

– Смотрите же, мужайтесь и запомните навеки то, что сейчас увидите. Унесите из этого урока, урока ужасного, более расширенное сознание. Поймите роль любви в движении духа человека по векам. Оцените истинную силу любви во встречах людей и милосердие их друг к другу. Поймите и запомните, что такое «встреча людей».

И. положил снова свою руку на голову профессора. Лицо моего дорогого друга и Учителя стало прекрасно той красотой, которую я не раз уже видел, начиная с первого случая на пароходе после бури, когда он стоял со мной на корме. Держа руку на голове Зальцмана, он сказал так нежно и ласково, как могла бы говорить только родная мать:

– Я давно простил вам все, мой бедный брат. Все, что совершает человек в своем пути, все делит его дни на горе и радость, на мощь и слабость, на печаль и улыбки. Нет просто текущего благополучия, но есть законы Вечности: закономерность и целесообразность. Нельзя уйти от следствий содеянного, но можно найти в себе пламя великой Любви, и все следствия станут только счастьем узнать, как перелить из себя силу, величайшую силу-радость, чтобы все злое от страстей и пороков стало миром и помощью, предостережением и защитой встречным.

Снова водворилось полное молчание в комнате. Я слился сердцем и мыслью с Флорентийцем, моля его помочь профессору в его страшный час, а что он будет страшным, я не сомневался после слов И. Еще никогда не слышал я от него подобных слов...

Крик, сдавленный крик переживающего ужас человека заставил меня вздрогнуть. Я взглянул в лицо Зальцмана и вздрогнул еще больше. Я увидел как бы панораму, целый ряд постепенно развертывавшихся и гаснувших картин. Я видел дом у моря, видел долину, где он стоял, видел уютную обстановку комнаты, где за ужином сидела зажиточная семья. Я

видел гостя, вошедшего во время ужина и особенно ласкавшего небольшого красивого мальчика. К ужасу моему, я понял, что доверчиво ласкавшийся к гостю ребенок был И., а гость... Зальцман, хотя ничего общего с теперешним обликом в нем не было. То был грубого вида грек, очевидно, имевший большое влияние на всю семью. Я понял, что хозяйева, особенно мать, боятся каких-то врагов, а гость их успокаивает и убеждает спать спокойно, насмехаясь над их страхами. Гость просил отпустить с ним мальчика, но мать категорически ему в этом отказала, чем вызвала его огромное неудовольствие.

Довольно неискусно скрывая свою злобу за отказ, гость удалился, оставив в семье тяжелую атмосферу какого-то предчувствия беды и страха. Вскоре, помолившись Богу, вся семья легла спать, и дом погрузился во мрак.

Гость, выйдя из большого и красивого сада своих друзей, подождал, пока погас последний огонек в доме, тихо свистнул и прошел за угол улицы. Навстречу ему вышел маленького роста человечек в темном плаще и по указанию первого нарисовал какую-то фигуру черной краской на белых воротах дома.

Через короткое время на улице показалась ватага разбойников; бросившихся к воротам, указанным краской. Появившийся на шум сторож был тут же убит, но крик его предостерег хозяев в доме, и они бросились через сад к морю, надеясь спастись в лодках. Но в долине, у самого моря, разбойники настигли их, и... случайно упавший с головы плащ обнажил лицо одного из разбойников. То был недавний гость дома, теперь занесший меч над хозяйкой и убивший ее. Мальчик бросился на помощь матери, но и его настиг удар меча, и он упал бездыханным на тело матери...

– Остановите этот ужас, или я сойду с ума! – раздался раздирающий вопль профессора.

– Мужайтесь, друг. Моя любовь не знает предела в своем милосердии. Я счастлив служить вам сейчас и навсегда помочь вам выйти из круга тех жутких жизней, где человек колеблется в своей верности, ищет истины, хочет войти в Свет, но вновь и вновь впадает в раздражение, лицемерие и ложь, ища только жизни личной в той или иной форме, а не жизни на общее благо. Встаньте, пройдите со мною в следующую комнату, там вы будете иметь силу прочесть одну запись веков. Она положит конец вашим колебаниям и вместе с тем введет вас в новый ритм движения, который теперь необходим вам, чтобы окончить ваш прекрасный труд. И труд ваш – не одной этой жизни задача, но результат многих вековых жизней, ваших исканий и страданий в них.

– Я пойду всюду, куда прикажете, но только тогда, когда вы простите меня,

– падая на колени и рыдая отчаянным образом, сказал ученый. – Я понял, что мальчик, которого я убил, – это вы. О, ужас, – продолжал он рыдать.

– Успокойтесь, вы не убили мальчика, он только упал в обморок. Он очнулся, остался жив и попал в такие руки, в такую дивную встречу, которой не смог бы так скоро достичь без вашей ужасной помощи. Будьте же благословенны. Пойдемте, время не ждет, не надо тратить его попусту в слезах и унынии.

И. поднял Зальцмана, отер его заплаканные глаза, отдернул тяжелый занавес, за которым оказалась дверь, существования которой никто из нас и не предполагал, и вышел вместе с Зальцманом. Я взглянул на Бронского. Артист сидел, закрыв лицо руками, из-под которых градом катились слезы. Никито подошел к нему и сказал очень тихо, положив ему руку на плечо:

– Нельзя плакать в великие моменты чужой страдающей души, как нельзя плакать и в великие моменты своих собственных страданий в жизни. Чтобы чье-то сердце вышло очищенным и освобожденным из скорби, при которой вы присутствуете, надо, чтобы ваше сердце не теряло творческих сил и способностей. А это возможно только в полном самообладании. Каждый раз, когда вы сами сильно страдаете или жизнь ставит вас свидетелем чужих страданий, – помните:

Плачут только те, кто не имеет силы любви и мужества думать о других и думает о себе.

Плачут только те, дня кого земля и ее обитель, ее привязанности, ее встречи составляют первую и главную основу жизни.

Плачут только те, кто не может вскрыть в себе огня Творца, той Его частицы, которой человек общается со своими близкими, которая служит ему единственным путем красоты и которая составляет весь смысл жизни человека на земле.

Плачут только те, кто в слезах видит доблесть и не может проникнуть в центр Любви в себе, в тот центр, откуда идет связь человека с человеком, с Учителем, с Богом. Бог есть Любовь, и слезы несовместимы с Его Светом.

Через некоторое время дверь раскрылась, в ней показался И. и поманил к себе Никито. Оставшись наедине с Бронским, мы ближе придвинулись друг к другу, и я спросил артиста, что он видел и о чем он плакал.

– Я ничего не видел, Левушка. Я только понял, что ужас каждого из

нас держит его в своих когтях, называемых «прошлое». И я действительно плакал о Зальцмане, о каждом из нас и о себе, о том грубом невежестве, которое так трудно сбросить с себя.

– Никито объяснил нам сейчас, Станислав, как надо героически напрягать все силы мысли, чтобы профессор легче вошел в новое творчество духа. Перестаньте волноваться, соберите внимание, и я расскажу вам все, что я видел из истории жизни И. и ученого.

И я рассказал ему все, что я сейчас видел, прибавив, что печально историю детских лет И. знал давно от него самого. Оба мы глубоко сосредоточили наши мысли на Флорентийце, и, когда профессор вышел в сопровождении И. и Никито, мы низко поклонились его страданию в прошлом и его сверкающему огню Радости в настоящем.

Лицо ученого сияло. Молодость, поразившая меня еще в ванной, теперь делала его красивым, он весь был полон приветливости, и такой мир лежал на всей его фигуре, как будто ничего, кроме счастья, он в жизни не видел и не знал.

– Я отпускаю вас к Зейхеду, друзья мои, – сказал мне и Бронскому И. – Возьмите у него мехари и слетайте за Франциском, попросите его ко мне в Общину.

Мы поклонились Учителю, разыскали Зейхеда, уселись на мехари и не без буйного удовольствия, как школьники, рады были мчаться вихрем к домику Франциска.

Мы застали его окруженным целой кучкой маленьких карликов, усердно работавших над какими-то мелкими предметами. Так как мы с Бронским ворвались вихрем в комнату, увидев в окне Франциска, карлики, которых мы не видели, погруженные в работу, весьма неодобрительно поглядели на нас, и некоторые из них прикрыли свою работу ручонками и зелеными передниками, которые были на них надеты.

– Вы испугали моих малюток, – ласково улыбаясь, сказал нам Франциск, – а также спугнули и птичек, которые им позируют. Эти малютки – лучшие в мире ювелиры и достигают тончайшей художественности в своей работе. Но, к сожалению, глаза их устроены так, что они могут делать только одно: собирать способом мозаики на любых вещах белых павлинов. Но коробочки они куют из любых металлов, с фоном из эмали любого цвета.

И Франциск показал нам несколько изумительных работ, образцы которых я видел уже на книжке брата Николая, в руках И. и Али и имел сам. Рыцарская вежливость Франциска, который старался не показать нам, что замечает, как мы сконфужены нашим глупым мальчишеским

поведением, помогла нам овладеть собой, и я сказал ему:

– Просить у вас прощения, когда мы уже прощены вами, дорогой Франциск, язык не поворачивается. Я думаю, что правильно выражу свои и Станислава чувства, если поблагодарю вас за снисходительность к нашему мальчишеству. Мы были счастливы мчаться за вами, предвкушая удовольствие увезти вас с собой к И. в Общину. Каждый из нас мечтал, что именно его мехари будет иметь счастье нести вас на себе.

– Спасибо, дорогие мои. Ваши мехари пригодятся сегодня очень и очень, но только не мне, а двум несчастным людям. Как нельзя более кстати прислал вас сюда И. Подождите меня в моей комнате несколько минут. Я успокою моих малюток, отдам распоряжение о ваших мехари и моих путниках и вернусь к вам.

Мы прошли в комнату Франциска теперь уже так сдержанно, как будто мы ступали по священной и зеркальной земле.

– Экий я невоздержанный человек, – с досадой сказал Бронский. – Мои нервы, точно старые клавиши, пляшут от легчайшего прикосновения.

– Ваши хоть с клавишами могу быть сравнимы, Станислав. Я же хуже старой гитары. Тронь одну струну – все загудят, не разберешь и строя.

Каждому из нас захотелось помолчать. Мы сели на маленькие креслица Франциска и через несколько мгновений какую же тишину, легкую, благодатную, особую тишину его комнаты, мы ощутили! Мне казалось, что в этой комнате все говорит: «Любите, и благо вам будет».

– Левушка, все в этой комнате мне говорит: «Ищите, ищите, трудитесь любя

– и придете к знанию, что все благо», – раздался вдруг голос Бронского.

Я не успел ему ответить – в дверях стоял Франциск, улыбаясь нам. Пристально посмотрел он на Бронского и сказал ему:

– Да, да, друг. Для вас не одна эта, но еще несколько жизней пройдут все в исканиях. И все ваши искания – все будет Любовь, которую вы понесете людям в искусстве. Ищите не только приспособлений, как вынести людям новые методы понять и передать гениальные произведения великих творцов. Но ищите как расширить сердца толпы, увлечь в такую гармонию, чтобы каждый своим сердцем проникал в то слово, что вы говорите, в те действия, что вы творите. Пусть двери вашего сердца откроются так широко в каждой встрече, как я сейчас открываю вам двери моего сердца.

Франциск подошел к Бронскому, обнял его, подвел его к своему красному столу и поднял крышку. Как и в первый раз, я увидел на нем

полукругом стоящие высокие чаши, среди которых возвышалась красная чаша с горящим в ней огнем. Взяв в руки эту чашу, Франциск опустил ее на голову преклонившего колени Бронского.

– Много раз лилась слеза твоя, сын мой. Много раз приходилось тебе приносить черные жемчужины в ожерелье Матери Жизни. Но не смущайся духом. И розовая и черная жемчужина – все единая Жизнь, единая Радость. Сейчас перед тобой новая жизнь. Много труда, здоровья и усердия вложил ты в течение своих жизней, чтобы нести и выносить в толпу зерна благородства и помочь человеку искать искусство в себе, а не себя в искусстве. Твое искусство пробило во многих людях новые борозды знания, помогло им, ища искусство в себе, найти Бога в себе. Путь твой да будет отныне освещен и моей помощью. Поедешь в дальние Общины, чтобы увидеть бездну человеческого горя, бездну человеческой слепоты. Там поймешь, что можно ходить у Света, искавши его всю жизнь, прийти к черте его – и все же не достичь освобождения от предрассудков, и не иметь силы видеть там, где много ниже стоящий по достоинствам и знаниям не только видит, но входит и действует. Перенеси в себе не муки и радости героев, что изображаешь на сцене, чтобы их высочайшим благородством побуждать людей к новым достижениям в красоте. Но любя вне пределов формы и времени, неси огонь своего Бога и разрывай условное в человеке. Пусть рождается скорбь от свиданий с тобою людей. То только их форма, их путь, ибо иначе разорвать своего условного они не могут. Форма же твоего пути – не земля, не ее законы, а Беспредельное, где труд не условность, но путь веков, и в нем звук-слово не знак внешнего призыва, что ты даешь людям, но действие сердца, огонь которого я беру в свою чашу, и переливаю тебе в сердце мой огонь.

Я услышал как бы стон Станислава, упавшего к ногам Франциска, точно его сразила пуля. Но через минуту, поднятый сильной рукой Франциска, он коснулся губами красной чаши, которую держал в руках Франциск.

Бог мой, что за лицо было у Бронского! Я вторично видел Бога в простом человеке, как видел Его недавно в лице Беаты. Не сознавая, что я делаю, я подошел к Бронскому и поклонился ему до земли.

Я точно провалился куда-то, увидел на мгновение Флорентийца, ощутил его мощное объятие – и очнулся на руках Бронского, укладывавшего меня на диван.

– Это ничего, вы напрасно встревожились, это вовсе не припадок, – услышал я голос Франциска, – это его награда за самоотверженную любовь к вам, за преклонение перед вашим страданием и вашими трудами веков.

Вот он уже и глаза открыл, смотрит весело, как не могут смотреть больные.

Я понимал, что Франциск видел все, что со мной произошло, но так как он не сказал об этом ничего Бронскому, я понял, что и мне надо сохранить в тайне все сейчас пережитое.

– Теперь мы зайдем к детям в трапезную, немного поговорим с ними и только тогда пойдем к И. Вы не беспокойтесь, мои дорогие, мы будем вовремя и никого не заставим ждать, – прибавил он, подметив в Бронском некоторое беспокойство о нашем промедлении. – Вас беспокоит, что И. послал вас сюда на мехари, и вы думаете, что быстроходные животные предназначались именно для того, чтобы скорее доставить меня в Общину. Вас беспокоит, Станислав, что вы неточно выполняете приказ И. – снова обратился Франциск к артисту. – Сосредоточьтесь, думайте об И., и, когда мы пойдем в Общину, по дороге я постараюсь помочь вам разобраться в ваших мыслях, которые к тому времени накопятся в вас обоих, и найти правильное решение беспокоящего вас сейчас вопроса.

Мы вошли в трапезную, где дети и карлики пили молоко со сладким хлебом. Неожиданное появление всеобщего любимца вызвало восторг не только детворы и карликов, но и всех сестер и братьев Общины, несших свое дневное дежурство.

Где бы и когда бы ни появлялся неожиданно Франциск, никакая дисциплина не могла удержать маленьких людей – они мгновенно бросали все, кидались к нему, и через минуту он буквально исчезал под грудой виснувших на нем тел. Много раз я видел эту картину неудержимого влечения людей к Франциску, испытывал его сам, трепетал, что больное тело его не выдержит натиска лилипутов, и всегда развязка бывала одна и та же: прикинув к своему другу, маленькие люди складывали в умилении ручки, становились полукругом вокруг него и ждали в полной тишине, когда он заговорит. И на этот раз повторилась та же сцена, но сегодня она на меня подействовала особенно сильно.

Глядя на умаленные личики детей и на не менее умиленных карликов, из которых некоторые встали на колени, что-то про себя бормоча, иные, раскрыв свои уродливые рты, тяжело дышали, точно бежали десятков верст, третьи, вытянув моляще руки, старались обратить на себя внимание Франциска, я подумал: какое это было бы ужасное зрелище, если бы можно было рассматривать его как одно внешнее явление! Толпа прелестных детей, перемешанных с самыми уродливыми карликами, которым ум едва соглашался приписать человеческие имена!

Каким же духовным великаном должен был быть этот человек, чтобы, не употребляя никакой власти, побеждая одной любовью, овладевать той

крошечной искрой Божества, что тлела в этих несчастных, более чем полуживотных существах, и увлекать их в красоту, слов о которой они не слышали за всю свою несчастную жизнь.

Я старался вникнуть в самую глубь этой встречи Титана Любви с лилипутами. И красота, величие героического подвига этого человека, отдавшего всю свою жизнь, не только душу, на помощь и просветление этих духовно немощных, поражала меня как совершенно невозможный и невообразимый для меня феномен героизма.

– Здравствуйте, мои маленькие друзья, – прервал мои размышления голос Франциска. – Отчего вы сегодня так возбуждены и не слушаетесь своих заботливых наставников? Неужели все мои слова вчера я бросил попусту? Вчера вы обещали мне сохранять мир и спокойствие в столовой до тех пор, пока я к вам не приду. Вот я пришел, а слова своего вы не сдержали.

– Это все наделали вот эти злющие, – шепелявя и коверкая слова, сказал один из наиболее уродливых карликов, показывая на маленького, с приятным и добрым лицом карлика, державшего на своих крохотных, но, должно быть, очень сильных руках небольшого прелестного мальчика с кротким и болезненным личиком. Рядом с карликом стояла малютка-девочка, похожая на мальчика, и пыталась помочь карлику-няньке держать мальчика. Во всем ее существовании была видна ранняя забота о чужой жизни и ноше, и я был поражен, что на них, таких невинных видом, таких бессильных и кротких, могло пасть обвинение карлика.

Франциск молчаливо смотрел на карлика-обвинителя, и тот, еще наглее и злее, глядя прямо в глаза Франциску, завопил:

– Ты глупый, ты воображаешь, что кто-нибудь здесь тебе верит. Они все говорят, что ты притворщик и лгун, что ты всех нас обманываешь. Ты нам обещал, что сегодня мы увидим чудо, а сам пришел поздно и никакого чуда не показываешь.

Он гнусно захохотал и стал кривляться до того невыносимо, что я едва находил сил сохранять спокойствие. Точно молния, сверкнул огненный взгляд Франциска, когда он посмотрел на уroda.

– Я тебе много раз уже говорил, чтобы ты не лгал и не доносил на своих товарищей, несчастный человек. Ты обвиняешь самых кротких детей и их друга, которых ты обокрал, у которых ты отнял их кукол и сломал игрушки. Они на тебя мне не пожаловались, а ты в благодарность за это их же еще и оболгал?

– Кто тебе сказал, что это я взял их дурацкие игрушки? Это вот те мальчишки, обыщи их кровати, там все и найдешь.

Обвиненные уродом два мальчика лет восьми-девяти, были оскорблены и готовы уже заплакать, как Франциск протянул им руку, улыбнулся и поставил их подле себя. Точно так же он подозвал и обвиненного милого карлика с его детьми, которые со счастливыми лицами уселись у его ног.

Возле злого урода сгруппировались пять таких же уродливых карликов, как он сам, и говоривший вначале Франциску от себя лично урод теперь крикнул еще более вызывающим тоном:

– Чего ты нас здесь держишь? Мы здесь, в твоём вонючем царстве, жить не хотим. Мы хотим опять в свое, откуда ты нас забрал, хотим к себе, на волю, к нашим совам и змеям. Нам надоели твои противные цветы и все твои притворщики. Выпусти нас на волю, наши хозяева уже три раза нас звали, а мы все не можем уйти отсюда.

– Кто же вас здесь держит? Здесь нет ни заборов, ни оград, ни злых сторожей. Вы все можете идти, куда только хотите. Я сегодня же отправлю вас к вашим хозяевам в тот дальний лес, где вас сторожат змеи и совы.

Не успел Франциск договорить своих последних слов, как все пять карликов, группировавшиеся вокруг буяна, бросились прочь от него с ужасными воплями, моля Франциска не отправлять их, обещая больше никогда не лгать, не воровать и не лениться. Для меня было ясно, что и сам злодей перетрусил, но озорное упрямство завело его так далеко, что отступить он уже не хотел.

– Хвастаешь всех отправить, хватит ли у тебя умения меня одного отправить? – точно вызывая Франциска на бой, орал буян.

– Нет, несчастный, бедненький дружок. Я не одного тебя отправлю, но вместе с твоим приятелем, приказания которого ты так охотно выполняешь. Выйди сюда, трусишка, прячущийся за чужую спину, – сказал Франциск; как мне показалось, куда-то в пространство. – Повинуйся немедленно, – и на этих словах голос его напомнил мне звенящие мечи Ананды.

Из-под стола в противоположном конце комнаты вылез карлик, страшнее которого нельзя было себе вообразить живое человеческое существо. Да и был ли он человеком, решить было трудно. Он скорее походил на ужасную собаку, по ошибке природы ходящую на двух ногах.

Чудовищной величины брови нависали над маленькими кровавокрасными глазами. Огромная всклокоченная борода и усы закрывали все лицо и рот почти до ушей. Вдобавок и уши-то были огромны и по-собачьи свисали вниз.

Меня поразило, что дети совершенно не боялись уroda, но карлики трепетали и прятались за Франциска. Оставался только буян, похожий

сейчас на снежную бабу, истаявшую на солнце, так с него скатились его озорство и наглость.

Маленькое чудовище приближалось медленно и точно приказывало своим ногам бежать обратно, а взгляд Франциска заставлял ставить грубую ногу вперед. Адская злоба и ненависть сверкнули в его глазах, когда он проходил мимо своего приятеля. Он вытянул руку и хотел ударить его по голове, но Франциск сделал едва заметное движение рукой, и вся сила удара пришлась по собственной голове страшного уroda. Взвывая от боли, он хотел кинуться на Франциска и приготовился ударить его головой в живот, но в тот же миг лежал на полу, разбив свой нос в кровь.

– Бедный ты, бедный, жаль мне тебя очень. Но ничего больше сделать для тебя я не могу. Бери своего приятеля, который предпочел служить тебе, а не мне, и иди с ним к своим хозяевам.

На лице первого забияки мелькнуло нечто вроде ужаса, но через момент он оправился и заорал:

– Как это ты нас отправишь отсюда, когда сам не знаешь дороги? Да и мы желаем ехать в другое место, а вовсе не к прежним хозяевам. Мы желаем ехать в пещеры, к свободному племени.

– Вы оба поедете туда, откуда я вас взял. Я ведь брать вас не хотел. Вы умоляли меня вас спасти, говорили, что замучены, что вам грозит смерть. Я видел вашу ложь, но думал, что Свет, в который вас привезу, поможет вам пробудиться. Ваши товарищи все стали добрыми, только вы двое не смогли освободиться от демонов злобы. Много бы отдал я, чтобы спасти вас от ужасов вашего существования, но насильно никого освободить от его цепей нельзя. Вы не дети. На вашей совести не один десяток загубленных жизней. И несмотря ни на что, Милосердие предоставило вам все возможности пройти в радостное существование. Вы же и здесь не могли жить без лжи, измен и предательства. Все невинное, что здесь общалось с вами, не боялось вас, потому что в них самих не было и намеков того зла, что живет в вас. И вы были бессильны перед ними. И сейчас все эти маленькие люди бесстрашно молятся за вас, посылая вам свою посильную помощь и защиту. Боятся вас, прячутся за мою спину от вас только те, кого зло касалось, ибо сердца их носили в себе зло и притягивали к себе зло ваше. Учтите это. Быть может, урок бесстрашия детей пред вами поможет вам в вашей жизни у ваших злых хозяев. Не будьте трусами, и жизнь для вас будет легче. Не просите меня еще раз оставить вас здесь. Вы уже дважды обещали мне, что будете бороться со своими склонностями ко лжи, воровству и предательству. Сегодня должен был совершиться ваш третий заговор, вы решились даже посягнуть на мою святыню и, когда вам это не

удалось, обокрали детей и сестер, где и как могли. Единственное и последнее милосердие я могу оказать вам: когда вам будет невозможно, назовите имя мое и защищайтесь моим образом от ваших врагов. Вызывайте в памяти мой образ, и, если в сердце вашем не будет лицемерия, а будет оно полно чистой мольбы ко мне, вы увидите, как образ мой встанет между вами и вашим врагом, и все его усилия причинить вам вред будут напрасны. Это все, что я могу еще для вас сделать. И все ваши мольбы, которые я вижу, будут напрасны. Всему есть мера

– вы исчерпали Милосердие. Отойдите к окну и ждите там, пока настанет ваш час и вас посадят на тех же мехари, на которых я привез вас сюда.

Франциск повернулся к жавшимся вокруг него карликам, так недавно воинственно группировавшимся вокруг уroda, и сказал:

– Вы слышали слова мои: «Всему есть мера». Будьте осторожны и бдительны, чтобы не исчерпать Милосердия. Будьте внимательны, когда сближаетесь с людьми, так как каждый из вас знает, сколько раз в жизни он был предателем, сколько раз давал себе и другим слово – нести всю верность в своих делах и встречах и сколько раз эта верность оказывалась пылью, которую уносит легчайший ветерок. Идите к своим делам. Еще раз поблагодарите Жизнь за свет и мир, в которых живете. Еще раз убедитесь, как трусливость свойственна лицемерам, а бесстрашие живет всегда в чистом и правдивом сердце.

Отпустив повеселевших и успокоившихся карликов, Франциск благословил детей, помог некоторым из них встать с коленей, перецеловал наиболее маленьких и сказал им:

– Запомните, как сегодня вы видели, что вор, укравший ваши игрушки, сам себя наказал, ударив себя же по голове собственной вороватой рукою. Всю жизнь помните это время и это зрелище и всегда знайте: чужое добро ничего, кроме зла, вам не принесет. Любите друг друга, прощайте друг другу, не доносите друг на друга. Помогайте друг другу во всех тяжелых вещах, старайтесь облегчить каждому его тяжесть дня, и радость будет жить в ваших днях.

Отпустив всех детей и карликов, кроме двух, которым он велел раньше ждать себя, Франциск оставил нас в трапезной вместе с сестрами и братьями ждать его возвращения. Он вышел один.

Мы с Бронским сели на скамью, откуда нам были хорошо видны оба маленьких преступника. Какая это была жуткая пара! Где угодно, в любой кунсткамере, я не мог ожидать подобного отчаяния, какое лежало на этих двух лицах, если это слово можно было применить к этим двум ужасным

маскам-пугалам.

Озорник сел на пол, обхватив свою голову руками, он тихо выл и раскачивался, выл, как собака по покойнику. Злющий же метал молнии из глаз; полный ненависти, он делал попытки рукой или ногой ударить своего врага, недавнего приятеля, но каждый раз наносил удары себе самому, что его приводило в совершенное неистовство.

Наконец, потеряв всякое самообладание, он стал буквально бешеным, схватил со стола нож, которым резали в трапезной хлеб, и со всей силы ударил карлика в спину. Но нож скользнул по спине, не причинив карлику вреда, и врезался в собственный сапог поскользнувшегося злодея, разрезал его безобразную, огромную обувь и впился в пол. Сколько ни пытался злодей вытащить нож, все его усилия были напрасны, нож сидел плотно в полу.

Этой сценой были потрясены все присутствовавшие, кроме все так же продолжавшего выть и раскачиваться первого карлика. Он, казалось, никого и ничего не замечал, кроме своего горя.

– Посмотрите, Левушка, какой ужас. Злодей не нож старятся высвободить, а он руки своей не может оторвать от ножа, точно невидимая сила гнет его всего к земле. Это приводит его не только в бешенство, но и в неистовый ужас, – шепнул мне Бронский.

Я пригляделся к действиям злодея и действительно заметил, что он прилагает все усилия, чтобы оторваться от ножа. Разогнуться он никак не мог и наконец с воем упал на пол, колотя ногами.

На этом месте представления дверь открылась и вошел Франциск. Раскачивавшийся и вывший карлик мгновенно перестал и раскачиваться и выть, встал и робко заковылял через всю комнату к Франциску.

– Я понял, все понял, святой отец, я знал и раньше, что ты святой, но уж очень я был зол на тебя. Теперь уж совсем знаю, что ты святой, а я пропал. Сейчас ты защитил меня, – он указал на нож и валявшегося на полу карлика. – Там, – он махнул рукой куда-то в пространство, – меня никто не спасет. Я пропал. Вот возьми, это дал мне старик, которому ты велел учить меня грамоте. Он мне надел, сказал, что это крест и он спасет меня от беды. Да, видишь сам, не спас. Пришла беда, и не спас, – почти прошептал несчастный.

Он был истинно, глубоко жалок, и у меня даже слеза была готова скатиться из глаз.

– Меня не спас этот амулет, он, наверное, не для злых сделан. Он для добрых – ты добрый, возьми, спасет, – совал он своими дрожащими ручонками крест в прекрасную руку Франциска. – Ах, мне бы амулет для

злых: змею с глазом, тогда бы я не пропал, она бы защитила. Но тот амулет дорогой, его мне не достать. Пропал я. Прости, если можешь. Понял я, о чем ты говорил про верность. Только уж поздно теперь, все равно там убьет, если здесь не убил,

– снова показал он на лежавшего на полу злодея.

– Бедный брат мой, – тихо сказал Франциск, так нежно, ласково, столько нечеловеческой доброты и любви было в его словах, что слезы покатались по моим щекам, я готов был броситься к ногам Франциска и молить его о пощаде карлику. – Не один ты виноват, что жизнь здесь оказалась трудной для тебя, – чуть помолчав, продолжал Франциск. – Я не устоял против твоих молений и взял тебя сюда, хотя видел, что ты еще не готов. И всю твою вину я беру на себя. Вот тебе тот амулет, о котором мечтаешь. Но не думай, что то амулет злых. Это амулет Великой Любви, которая посылает его тебе в помощь и спасение. Если будешь носить его на руке и будешь чист сердцем, ни один злой не сможет ни ударить тебя, ни подчинить твою волю злу. Но для этого ты должен помнить обо мне, оставаться мне верным. И если будешь верен, я часто буду тебе помогать в твои тяжелые минуты. Три вещи ты должен помнить:

Ничего ни у кого не воровать.

Стараться всюду пролить мир, неся мой образ в сердце.

Не только не убивать людей, но и никогда не бить ни людей, ни животных.

Тогда мой браслет защитит тебя. Если проживешь, как я сказал тебе сейчас, не только увидишь меня, но и вернешься ко мне.

Франциск вынул из кармана красный платок, развернул его и вынул из него прелестный детский браслет, изображавший змею, кусавшую собственный хвост. В голове змеи сверкал крупный рубин. Франциск надел браслет карлику на руку, и пределов его счастью не было. Он целовал ноги Франциска, льнул к его рукам, смеялся и плакал одновременно.

– Помни же, то Великая Любовь посылает тебе свой дар верности и помощи. То амулет добрых, побеждающих зло своей чистой любовью. Встань и подойди сюда, – приказал Франциск звенящим голосом лежавшему на полу карлику.

– Видишь, не могу, нечего больше и пытаться. Чуть спину не сломал и не могу разогнуться, – отвечал тот, точно выплевывая проклятия.

– Встань, я сказал, – раздался снова голос Франциска, и я еще раз вспомнил Ананду и его «звон мечей».

Точно пружиной поднятый, карлик вскочил с земли и ни минуты не медля подошел к Франциску. Странная происходила с ним вещь. Первые

шаги он шел в полном бешенстве, кривляясь и как бы стараясь сбросить с себя какие-то стягивающие его плечи и руки веревки, потом на его лице стало меньше гримас, на половине дороги гримасы исчезли и появилось какое-то робкое выражение, совсем неожиданное у этого зверя. Когда же он подошел вплотную к Франциску, то нечто вроде мольбы, восхищения и удивления застыло в его ужасных глазах. Это выражение делало даже этого урода более достойным человеческого имени.

Минуту-другую молча смотрел на него Франциск, держа в руках тот красный платок, из которого он вынул браслет-змею первому карлику. Потом внезапным и резким движением он бросил свой платок на голову карлика, и, не отрывая взгляда от маленькой фигуры укрощенного злодея, сказал тихо и четко:

– Левушка, оботри моим платком лицо и руки несчастного.

Я так был не подготовлен к обращению Франциска ко мне, так «наблюдал» сцену действий, вместо того чтобы действовать самому в своем духе, что не сразу сообразил и потому несколько коротких мгновений промедлил, что заставило Станислава одернуть меня.

Я бросился выполнять приказ моего дорогого друга, отер лицо и руки карлика, усердно призывая на помощь Флорентийца. Карлик не только не протестовал, как я ожидал, но, поняв, что я хочу вытереть его руку повыше, оттянул сам рукав своей куртки до локтя, подставил вторую руку и, когда я кончил, засмеялся в полном удовольствии. Он робко посмотрел на Франциска и потянул из моих рук его платок.

– Оботри ему шею и верх груди и повяжи платок на шею, – снова сказал так же тихо и четко Франциск.

Когда я выполнил и это приказание, он обратился к карлику, державшему концы платка обеими своими руками. Мне казалось, что сейчас для карлика нет сокровища драгоценнее этого красного платка. Глаз своих он с Франциска не спускал и ловил каждое его слово, стараясь вникнуть всеми силами в смысл того, что слышал.

– Я даю тебе этот платок, чтобы ты понял, что я тебя не отвергаю и сейчас, как не отверг твоих просьб, клятв и молений в первый раз, когда увез тебя с собою от твоих ужасных хозяев, их сов, заклятых троп и змей. Ты утверждал, что умен, умнее всех карликов, что тебя, как самого умного, ловкого и хитрого, твои хозяева сделали вожаком целого звена. Ты доказывал мне, что умом понял выгоду быть честным, что ты хочешь жить в мире, среди мирных, а не злых. Я знал, что ты не сможешь жить в мире добрых, но я пожалел тебя, пожалел всем сердцем, хотя ум говорил мне, что я не прав, что я тебя не спасу, но, преступив положенную мне черту

действий, возьму на себя тяжелую ношу, которой на меня никто не возлагал, наберу себе еще долгов и обязанностей, которых мне никто не предписывал. Так и случилось, как думал мой ум. Любовь моя действовала не в гармонии с ним, и я должен принять от тебя тот удар, которого мне никто, кроме меня самого, не готовил. Ты этого понять не можешь, так как любовь твоя еще спит и ты не смог ее пробудить и освободить среди мирных и добрых, доброжелательных к тебе братьев. Теперь ты от злых отстал и к добрым не пристал. Твое положение тяжелое. Чтобы облегчить тебе его, я дал тебе этот платок. Помни, зови меня сердцем, всем сердцем, если тебе будет тяжело. А тяжело тебе будет, потому что лгать и бить безнаказанно, как ты это делал раньше, воровать и грабить, как ты делаешь до сих пор, ты уже не сможешь. Каждый удар, который ты нанесешь живому существу, вернется к тебе с удвоенной силой и будет бить тебя по тому месту, где у людей бьется сердце. Так как у тебя любовь спит и ты не знаешь, в каком месте она живет у человека, то удары твои по другим будут сыпаться в твое сердце, показывая тебе, где то место, которым люди любят, скорбят, жалеют других и помогают им. Этот платок береги. Все твои злые дела и мысли будут оставлять на нем пятна и дыры. Все твои добрые дела будут помогать тебе сохранять его целым и новым. Помни, пока хоть обрывок платка будет на тебе, связь твоя со мною будет крепка. Если весь платок истлеет и даже на твой маленький кулачок не хватит твоих добрых дел, связь твоя со мною, твоя последняя надежда на спасение, пропадет. И только один ты будешь в том виновен. Ты поедешь в свой ужасный лес. И если не выполнишь трех зарок, что я тебе сейчас дам, то не проживешь и года среди своих змей и сов, они ослепят и задушат тебя, чему ты не раз был свидетелем и радовался страданиям других.

Первый мой тебе зарок – когда тебя пошлют соблазнять какого-либо сомневающегося в добре и шатающегося в чести человека обещаниями богатств и могущества через науку твоих темных хозяев, ты объяснишь ему все: и куда ведешь, и к кому ведешь, и по какой тропе, усеянной гадами, поведешь.

Второй мой зарок – если человек не слушает твоих предупреждений и все же пожелает идти к твоим хозяевам раздобывать себе блестящий путь бесчестия и богатства, доведя его до змеиной тропы, остановись и, держась крепко руками за мой платок, думая обо мне и об этой минуте, думая о минуте твоего собственного освобождения от рабства и возврате сюда, предупреди еще раз человека, которого ведешь, и скажи, что никому, вошедшему на змеиную тропу, возврата нет в свободную и светлую жизнь. Что змеи пропускают внутрь леса, но не выпускают никого обратно, не

поработив его воли, не убив в нем последней возможности возврата к добру.

Третий мой зарок – переверни не в своем уме, но в своей душе, которая затеплилась в тебе сейчас еле видимым огоньком, все представления о счастье и мощи человека. Запомни, что силен не тот, кто ловко лжет, но тот, кто мужествен и может жить в правде. Силен не тот, кто знает, как сковать и заговорить на дымящейся крови защитный амулет, но тот, чья любовь может защитить против всех злых амулетов, ибо сердце его чисто.

Иди с Богом. Не плачь. Впервые слеза не бешенства, а сожаления и раскаяния течет из твоих ужасных глаз, бедняжка. Впервые ты понял, где живет в человеке хранилище его Любви. Я подаю тебе силу моей Любви в помощь. Строй каждый день дорогу, по которой когда-нибудь сможешь возвратиться сюда. Старайся понять, что день человека и все его счастье или несчастье строит он себе сам. Иди теперь. Мои друзья помогут вам обоим сесть на мехари. Не беспокойся, умные животные дороги в лес не забыли. Тебя же предупреждаю: если попытаешься задергать животное, оно тебя сбросит, и звери пустыни растерзают тебя. И в этой позорной и бесславной смерти ты потеряешь все возможности вернуться сюда обратно и когда-либо получить спасение на земле. Ты уйдешь на планету злых и будешь судим там по ее законам, как по ее законам ты жил на земле.

Франциск приказал нам с Бронским усадить несчастных на мехари, подать им уже собранное для них в путь продовольствие и дожидаться его на дворе, куда он к нам выйдет.

К нашему полному изумлению, когда мы вышли с карликами из трапезной, у самого порога стоял Зейхед, уговаривая и лаская волновавшихся животных, которые при появлении карликов стали еще больше беспокоиться. Не без труда удалось Зейхеду уговорить и успокоить верблюдов. Мы усадили на них карликов с их багажом, Зейхед прошептал что-то каждому верблюду на ухо, те испустили нечто вроде вопля, сразу помчались галопом, и вскоре мехари исчезли из наших глаз, унося на себе двух еле видимых крошечных человеческих существ, с огромным количеством их невидимых дел и задач.

Зейхед ласково разговаривал с нами, говорил, что каждому из нас уже выбрал великолепного и опытного скакуна, не раз носившего людей по пустыне. Он всячески старался рассеять наше тяжелое состояние, которого мы не могли, да и не хотели скрывать от него.

Через некоторое время к нам вышел Франциск. Боже мой, как он был непередаваемо прекрасен! Точно сияние шло от его головы, лучи лились из его глаз! От всего его существа, как нечто живое, как движение нагретого

воздуха, распространялась доброта. Как только я взглянул в это лицо, вся тяжесть моего сердца растаяла. Вместо скорби, которая тяжелым грузом только что давила на меня, всего меня залила радость.

Что я понял, вернее, осознал еще раз, когда смотрел в сияющее лицо Франциска? Прежде всего я понял, что весь он был одна молитва, что он и вселенная были едины.

Я понял величие и ужас человеческих путей на земле. Я понял, что все, в чем участвует человек на земле, доброе и счастливое, злое и несчастное, – все, вплоть до последней встречи, только действия самого человека. Я понимал это и раньше, но сегодня я точно прозрел, как будто сразу увидел длинную ленту записей, развернувшуюся, как древний свиток пергамента, перед моими духовными глазами.

– Пойдемте, друзья, – обратился к нам Франциск, беря меня под руку. – Вот видишь, Левушка, какая сложная вещь самообладание человека. Только что ты несся ко мне на своем мехари, полный радости жить, полный юношеского подъема и влюбленности в меня. Следующее твое «только что» было полно опасения «не так» выполнить приказ И. и промедлить с порученным делом. Не успела мелькнуть эта забота, как жизнь приковала сердце и мысль к созерцанию ступеней чужих жизней. Подумай, приведи себя к полному пониманию и бдительно распознай: был ли ты, уж не говорю, в полном самообладании, но был ли ты хотя бы в полном спокойствии? Думал ли ты, мой дорогой мальчик, о тех людях, с которыми тебя сталкивал текущий момент, или ты думал: «Как бы мне не проштрафиться перед И.?» Есть в ученичестве такие ступени, когда человеку уже некогда думать о своем «я» даже в такой форме, как это делаешь ты, то есть ему невозможно больше думать: «я делаю», «я не делаю», «я могу», «я не могу», потому что это самое его «я» больше не существует. Не существует и его плоть как нечто отграничивающее его от всей вселенной. Все дела для ученика – только акты божественной Любви того Единого, через которого, в котором он живет, в котором общается и в котором сливается со всем окружающим. У него нет дня, как актов мысли и движения. У него есть день – молитва Жизни. Не потому исчезла его отграничивающая плоть, отъединявшая раньше ученика от остального мира, что он ее уничтожил, ее отрицал и терзал. Но потому, что он утверждал Любовь, побеждал Любовью, защищая всякое встречное существо, видя в нем не плоть, но ту же вечную Любовь. Значит ли это, что надо нарушить вовне все законы земли, распустить всех встречных, уничтожив всякую дисциплину, и открыть всякому свою точку духовной силы и свои понимания? Ничуть не бывало. Чем выше твоя ступень, тем

яснее ты видишь и понимаешь невозможность перетащить в свою духовную ступень другого человека. Но и тем проще ты понимаешь ту несравненную добротупощаду, в которой можешь вознести свою чистую чашу творческой Любви к человеку. Чем выше ступень самого ученика, тем ему яснее, в каком месте вселенной стоит тот, с кем он общается. И при каждом общении не человек-форма составляет цель ученика. Его цель – человек-Жизнь, человек в его ступени во вселенной. И действие ученика – первое, священное – его молитва о человеке к Тем, Кто его направил к встрече, Кто дал ему сил сердца и мысли прочесть вековое «сейчас» встретившейся временной формы. Самая частая ошибка начинающих свои вселенские ступени учеников – это чрезмерное старание привлечь человека к тому откровению, которым озаряешься сам. Не тот истинно верный до конца ученик, кто только и думает, где, кому и как подать знание, которое он считает истинным. Но тот верен до конца, кто закон Учителя, закон верности Ему, закон полного и добровольного послушания своего не преступил, хотя бы внешние факты шли вразрез с кажущимся и понимаемым обывательски милосердием. Я пожалел этих карликов, когда был послан спасти других, хотя видел, что их ступень во вселенной так тяжела, что вся окружающая доброта не сможет удержать веса их страстей в высоких ступенях. Давая мне поручение, Учитель видел лучше меня, Его доброта была выше моей, Его дальноркость дальше моей, я же понадеялся на энергию сил собственного сердца – и был бит. Ибо нет отъединения, нет моих сил, моей плоти, есть только та жердочка вселенной, где в данный миг происходит встреча двух движущихся точек Единого. Запомни виденное сегодня и учти как вековой урок: если Учитель велел тебе ограничить свой труд теми или иными рамками, если он дал тебе указание – из чьих бы уст оно для тебя ни прозвучало, раз эти уста несут тебе вообще слово Учителя, – не входить в духовное общение с людьми, которые внешне кажутся тебе такими высокими, выполняй, не спрашивая, сохраняй верность Ему до конца и не ищи компромиссов, как бы всунуть им то или иное из своих знаний, что считаешь великими и истинными.

И наоборот: как бы ни была низка видимость внешней оболочки человека и его условий, если дал тебе приказ Учитель, неси туда все знание, что он тебе велел, выполняй, не спрашивая, неси верность до конца.

Франциск умолк на несколько минут, показавшихся мне вечностью, так я жаждал слушать этот нежный и мужественный голос, и снова продолжал:

– Кажущаяся преданность ученика нередко – при проверке его деятельности – оказывается рядом неверных поступков, среди которых можно найти даже неосознанное предательство. Всякий раз, когда ученик преступил указание Учителя, хотя бы сам он даже ставил себе это в заслугу, считая, что кому-то активно помог, он не только не был в гармонии с Вечным Движением вселенной, но, наоборот, затруднил тому человеку, которому думал решительно помочь, его движение в эволюции Вечности.

Мы приближались к Общине, и я издали узнал шедшего к нам навстречу И. Я сам не мог дать себе отчета, точного и ясного, что в эту минуту так ошеломило меня в словах Франциска. Казалось бы, я все то знал, что он говорил мне. Но только сейчас я твердо, четко отдал себе отчет, что наибольшим врагом человека в его пути к совершенствованию стоит его «я». И не потому, что может быть он влюблен в себя, что он может ставить себя в своем самомнении выше других, а только потому, что ступень, когда это «я» перестает человеку мешать, начинается там, где одиночество человека кончается. Он никогда уже не бывает один, он всегда вдвоем: человек и его Единый. Быть может, по слабости ума и сердца, по узости кругозора, в котором не может уместиться Беспредельное, редко человек может дойти до такого слияния с Богом. Но до такого навеки неразделимого слияния с Учителем может дойти каждый ученик, если он верен до конца.

Точно молния осветила мне все таинственные уголки моей совести, моего ума, моего сердца, и я понял, как мне казалось навсегда, счастье того ученика, у которого упали закрепощающие перегородки между ним и его Учителем.

Не менее ясно мне стало, почему такие люди, как И., Ананда, сэр Уоми и Франциск, не ищут никаких путей, как обучать своих учеников, а просто живут рядом с ними и помогают им своим примером деятельности в простом трудовом дне.

Мне вспомнились Генри, Анна, Жанна. Я поймал о той гигантской силе доброты, которую нес людям Ананда, никогда не оставлявший людей, не имевших сил жить в самообладании и верности благодаря своей строптивости, без полной помощи, без своей им верности до конца...

– Что ты так задумчив, мой мальчик? – услышал я ласковый голос И. и только в этот миг понял, что И. уже поздоровался со всеми, что я один стою столбом на месте, а все уже двинулись вперед.

– О, дорогой мой И., мой милосердный Учитель, как я туп, как медленно входит в меня понимание всего великого, что я узнал от вас. Я сейчас точно вновь на свет родился и сию минуту только понял ясно, что

такое освобожденность человека и где начинается его жизнь в ступенях вселенной.

– Ты еще сотни раз будешь так озаряться и просыпаться к новым пониманиям и к новому осознанию своего места во вселенной. Дело не в том, что ты ощущаешь, будто в тебе озарился твой дух. Дело в том, что ты видишь, как движется в тебе Жизнь, которой ты освобождаешь все больше места для Ее действий. Те моменты, когда ученик, живущий на земле, ощущает как свои переходные и переломные грани, представляют из себя не более как спадание высыхающих его суеверий, предрассудков и всевозможных скорлуп его «я», которым нечем уже питаться в его сердце, и они рассыпаются пылью. В тебе ничего не произошло сейчас, чего в тебе не было за эти дни, чего бы я не видел в тебе уже сияющим. Но в твое собственное сознание оно дошло только сейчас, после того как сердце твое нашло силы еще раз поклониться страданию человека, по внешнему виду хуже животного. Завтра рано утром мы уедем в дальние Общины. Возьми эту маленькую книжечку, мой мальчик, и прочти ее леди Бердран. Постарайся найти слова утешения для бедной женщины, жажда к знанию которой чуть не лишила ее возможности поехать с нами. Никито легко было отдавать ей свои силы и помощь, и он не рассчитал, что и сколько может вместить хрупкий организм женщины. Он повторил ошибку Андреевой, которая тоже, горя любовью, чуть не разрушила всей нервной системы сестры Герды. Иди, друг. Сосредоточь крепко мысли на твоём вечном наставнике Флорентийце и неси мне помощь в этой встрече. Прочти Герде всю книгу, но ни одного из приложений к ней – а их здесь три – ни ей не читай, ни сам не смотри. Они и тебе, и ей еще не по плечу.

Я был счастлив выполнить поручение моего дорогого друга, вдвое был счастлив быть полезным милой леди Бердран и, взглянув в лицо И., увидя в его глазах столь знакомое мне ироническое выражение, весело рассмеялся:

– Вы снова подловили мои мысли, дорогой И. Конечно, я проштрафился, так как думал: «Я рад, я счастлив служить вам и сестре Герде». Неужели когда-нибудь я, наконец, пойму и пойду по ступеням вселенной и для меня зазвучит иная нота в сердце: Мир несу, Любовь пою, красоту творю, живу, дышу, ибо верностью моею иду за Учителем моим. И нет меня, есть только мое счастье жить, единственное счастье – верность до конца Учителю и творчество в ней.

– Неси Свет в путь каждого, дитя мое, и Свет этот не ищи в книгах, но в себе. Если несешь книгу и свой Свет, книга дойдет, ибо твой Свет – верность твоя Единому, ты им общался с человеком и с Учителем. Эта нота сердца звучит, и не срывается с нее человек, ибо она не им рождена, а он

рожден ею.

Первый раз рождается человек, когда выходит из чрева матери, неся в себе плод своего вечного творчества на землю.

Второй раз он рождается, когда осознает, что он и его Единый живут вместе в его земной форме.

Третье рождение человека – его встреча с Учителем.

Четвертое рождение человека – его земная смерть.

Периоды между этими рождениями – периоды развития творческого духа – идут только по неизбежным и нерушимым законам причин и следствий. Иди же, милый, храни полное самообладание, в каком бы виде и состоянии ты ни нашел Герду. Ничем не поражайся, если надо, сражайся и приготовь ее к путешествию, забыв о себе и думая только о ней как о деле Учителя.

И. обнял меня. Я понесся сокращенными тропами к Герде, забыв, что я из плоти, таким я ощущал себя легким и счастливым. Я нисколько не задумывался над словами И.: «В каком бы виде и состоянии ни нашел ты Герду». Не все ли равно было мне: светило ли сейчас солнце, рычала ли буря, грохотала ли битва, – я несся в верности моей. Она была моею жизнью, моей песней, моим дыханием. Иначе жить я уже не мог. Каждое мое дыхание хвалило Бога и пело Ему славословие трудом для людей, поклоном их страданию и радости, их бунту и слабости, их миру и мужеству, всему их пути земли, составляющему неминуемую точку в эволюции Вечного для каждого из нас.

ГЛАВА 16 Я читаю маленькую книжку Герде. Наш отъезд из Общины. Первый день путешествия по пустыне. Оазис, встречи в нем. Ночь, проведенная у костра. Прощание И. с профессором. Последние его наставления ученому

Я долго пробыл у леди Бердран. Когда я вошел в ее комнату, бедная женщина уныло сидела на низеньком креслице, обхватив голову обеими руками. Бледное, исхудавшее личико казалось постаревшим, Герда совсем не походила на ту чудесную красавицу, с которой я встретился в доме И. после того, как она прожила под его наблюдением довольно долгое время.

Волна необыкновенного счастья, которое я испытывал, когда вошел в комнату, была так огромна, я чувствовал в себе столько сил, что даже не ощутил ни малейшего колебания в своей ауре от столкновения с тяжелыми эманациями скорби Герды.

– Левушка, как давно я вас не видела, – встретила она меня, печально и равнодушно произнося слова, точно для нее в жизни оставалась одна

безнадежность.

– Это почему вы, дорогая сестра Герда, в таком миноре, точно все перед вами развалилось? – спросил я.

– Вот уж правильное слово вы употребили, Левушка. Действительно, все, что я с такими усилиями завоевывала, – развалилось. Вы уедете с И., а я останусь здесь.

– Как странно мне слышать от вас такую личную установку. Наш последний разговор с вами показывал мне совсем другую сторону вашей души. Но об этом после. Меня прислал к вам И.

Не успел я договорить своей фразы, как Герда вскочила, на щеках ее заиграли краски, вся она точно ожила и, всплеснув руками, вскрикнула:

– Неужели И. меня не забыл?

– Забыл? Хорошего же вы мнения о верности нашего дорогого друга. И. прислал меня к вам, чтобы прочесть, вернее, перевести вам эту маленькую книжечку. Прежде всего выполним его приказание, а потом уже поговорим о чем-либо другом, если слов книжки окажется недостаточно, чтобы ответить вам на все ваши вопросы и осветить в вас снова вашу энергию. В чем, впрочем, я очень сомневаюсь, так как знаю, как до конца любит И. всех нас и как его сердце, отдавая заботу, отдает ее во всей полноте сил и чувств.

Я развернул книжечку и стал переводить:

«Раскрытие в человеке его внутренних сил есть путь каждого – неизменный и неминуемый – для людей земли, ищущих освобождения».

Герда села ближе ко мне, точно ей казалось, что в физической близости она яснее уловит всю мудрость книжки.

«Сомнение и жажда знания лежат неизбежными этапами на пути развития духовных сил начинающего свой путь освобождения человека. Оба эти качества имеют общее начало: борьба со своим «я».

Чем выше в человеке его понимание своего смиренного места во вселенной, тем меньше у него и сомнений, и жажды знания. Ибо ясно понимает Беспредельность, окружающую его со всех сторон. Ясно ощущает, что вокруг него нет пустого пространства, но все заполнено Жизнью.

Чем больше в человеке инстинктов самости, то есть чем сильнее он сосредоточивает свою мысль на своем «я», тем больше и глубже его сомнения, тем чаще катятся слезы из его глаз, тем яростнее его борьба со своей плотью, со своими страстями, со своими буйными, жаждущими, не знающими спокойствия мыслями.

В борьбе с самим собою еще никто и никогда не обретал спасения.

Ибо идут вперед только утверждая, но не отрицая. Не борьба со страстями должна занимать внимание человека, а радость любви к Жизни, благословение Ее во всех формах, стадиях и этапах бытия.

Чем смиреннее принял человек свой час жизни на земле, чем глубже и радостнее он прожил день, созерцая жизнь в каждом живом существе, в каждой форме труда, тем больше он сделал для духовного развития сил в себе. Он провел свой день, радуясь всякому достижению ближнего, и в его сердце созрела за этот день сила, продвинувшая его к знанию и Мудрости.

Нет ни покоя, ни мира в тех существах, что ищут все новые и новые источники откровения. Все, что они подхватывают из попадающихся им записей и книг, – все это они всасывают верхними корками ума, но мало что проникает в их Святая Святых, составляя зерно их сердца.

Простые слова, возносимые с радостью, слова благоговения и мира, произносимые в мире собственного сердца, достигают цели скорее, чем сотни переписанных истин, выловленных из разных «источников».

Не имеет смысла жажда знания без наличия сил духа приложить эти знания к действиям дня.

Истина, прочитанная глазами, которые плачут, не озарит путь человека в его сером дне. И день его с его прочтенной истиной останется днем серым, днем сомнений и терзающих желаний.

Истина, прочтенная глазами, что перестали плакать, озарит серый день человека. Она построит в его дне несколько храмов, так как человек ввел ее в дела своего дня. И день его стал сияющим днем счастья жить, а не днем уныния и разложения всех духовных сокровищ, что он собрал раньше.

Печаль сердца, трепет и мука о собственном достоинстве живут в человеке до тех пор, пока он идет свой день в ступенях обывательской земной жизни. Когда раскрылось в сердце зерно Святыни, заботы о своих достоинствах и недостатках умерли, о себе забыл человек – он вступил в великий путь освобождения, где люди идут по ступеням вселенной.

Мир сердца не потому является признаком великого шествия по ступеням вселенной, что он сам по себе есть цель земной жизни, но потому, что он растит и укрепляет всем рядом идущим их ступени освобождения и помогает строить те храмы Света, где отдыхают от страстей ими одержимые.

Мужество – не качество, которого должен добиваться человек как такового. Мужество – аспект Божества в человеке. Оно может сиять, как храбрость в великом грешнике, и все же оно будет аспектом, двинувшимся к Действию, хотя бы во всем остальном человек не светился ничем. И человек с одним двинувшимся аспектом Единого будет выше сотни

«праведников», закутанных в покрывала трусливой богобоязненности. Ибо в них ни одно качество духа не вскрыто до конца, но все утонули в серой массе спутанных представлений обыденности. Они снизили все свои героические напряжения до тепленькой, внешне ласковой приветливости, коей цены в Вечности нет никакой. В масштабе вселенной эти люди равны паразитам.

Жажда движения вперед, любви во встречном его энергию. И чем больше ты поможешь его энергии развиваться, тем дальше пройдешь ты сам, даже не заметив, как ты прошел. Ибо, растя энергию встретившегося тебе сердца, ты строил храм Жизни, и Свет Ее залил тебя и путь твой, как и пути встречных твоих».

На этом кончалась крупная печать маленькой книжечки. Дальше следовали приложения, написанные мелким шрифтом. Я закрыл книжечку и положил ее в карман. – Как, – воскликнула Герда, – ведь вы прочли только треть. Зачем же вы спрятали книжечку, раз И. велел вам мне ее прочесть?

– Я прочел вам все то, что И. приказал. Дальше ни сам не прочту, ни вам не переведу, – ответил я. – Если вы желаете, – я могу еще раз прочесть вам все то, что уже прочел, но не больше.

Герда хотела прослушать еще раз все, что велел прочесть И» и я снова перевел ей все записи книжки, где иногда было только по одной записи на целой страничке.

– Я поняла, как я была ужасающе неправа. Я жаждала знать все больше и больше, а приложить к делу дня не сумела и капли. Я все ношусь с собой, со своими недостатками, а сейчас поняла, что вовсе не смирение, а скрытая гордость живет во мне. Левушка, не знаю – сила ли слов книжки, сила ли вашей радости, но мое уныние прошло. Если даже И. не возьмет меня сейчас с собой, я постараюсь не думать о себе, но найти радость и крепить ею энергию тех, с кем буду встречаться. Боже мой, каким потоком лились мои слезы эти дни! Я раскаивалась, что ввела Никито в неприятности. Но сейчас в сердце моем мир. Мой дорогой Левушка, примите мою благодарность за тот Свет, что вы мне принесли, за те ласку и мужество, что вы мне влили.

– Я очень хотел бы приписать себе силу вашего исцеления, дорогая сестра. Но, увы, то только И. шлет вам свою помощь и свой привет. Сейчас уже поздно. Мы рано выедем завтра. Я нисколько не сомневаюсь, что И. возьмет вас с собой. Ложитесь спать, и я побегу домой. Мне надо еще сострять нечто вроде гнезда для моего спутника Эты. Он теперь так огромен, что это задача не маленькая, – сказал я, смеясь и целуя ручки леди

Бердран.

– Ваш Эта так же огромен, как и вы, Левушка, – задумчиво произнесла Герда, провожая меня.

– Давно ли я был «заморышем», по чьему-то меткому определению, а теперь заслуживаю упрека в огромности. Недоставало только, чтобы и вы, как профессор, окрестили меня Голиафом, – смеялся я в ответ.

– Как далеко то время моей глупости, когда я подшучивала над вами. Теперь мне даже не стыдно, точно это не я была та глупенькая женщина. Но теперешняя моя глупость много более тяжела по своим последствиям и для меня, и для Никито.

– Не возвращайтесь больше мыслью к тому, что было. Ваше «сейчас» так прекрасно. Пойте ему славу, поблагодарим еще и еще раз И. и постараемся в пути и в дальней Общине хоть чьей-либо энергии помочь нашей любовью.

На этом мы с Гердой простились, и я помчался домой строить гнездо для путешествия своему птенчику. Войдя в свою комнату, я был удивлен, найдя в ней свет. Оказалось, что Ясса – всеумелый, всезаботливый, обо всем всегда думающий Ясса – уже смастерил прелестную клетку-гнездо, где важно восседал сейчас Эта и не желал сойти со своей новой постели, несмотря на уговоры терпеливого Яссы. В момент этого комического спора я вошел в комнату.

Увидев прелесть, которую соорудил Ясса, я бросился на шею моему чудесному няньке-наставнику, благодаря его от всего сердца за его усердие и заботы. Достаточно было мне обнять моего друга, как мгновенно мы оказались втроем, ибо ревнивый Эта не привык, чтобы первое объятие после моего возвращения домой предназначалось не ему, и закрыл нас обоих крыльями, прыгнув на мое плечо. Пошутив над ревностью птички и успокоив ее, я сказал Яссе, горячо тронутый его любовью:

– Я положительно не знаю, как я буду обходиться без вас, дорогой мой Ясса, и в дороге, и в дальней Общине. Сколько замечаний я буду получать от И., который и не предполагает, кто заботится обо всем моем виде и вещах.

Ясса усмехнулся, кивнул на стол, где приготовил мне ужин, и сказал своим смешным говорком:

– Мне уже и список вещей прислал И., которые я должен взять для вас и Бронского. А вы сомневаетесь, как поедете без меня! Хотел бы я видеть вас обоих без меня. Вот был бы смех! Наверное, Эта три раза умер бы с голоду, имея такого ветрогона хозяина! Конечно, я еду и, вдобавок к своей нагрузке, еще и леди Бердран взял на себя. Что же касается остроглазой –

так он всегда называл Андрееву, – я сказал Кастанде, что мне ее опекать бесполезно. Одеваться аккуратно я ее не научу, а вещи ее все равно соберет очень аккуратно американский лорд.

Пока Ясса, пришивая последнюю ленту к корзинке Эты, разговаривал, я поужинал и так захотел спать, что немедленно отправился в ванную, принял душ и через несколько минут уже спал.

Как это очень часто со мной бывало, и на этот раз часы сна мелькнули как одна минута. Меня разбудили усердное дерганье моей подушки Эты, шаги Яссы и его смех.

– Скорее, скорее, ванна готова, все уже идут завтракать. Остроглазая чуть дышит от нетерпения, чуть ли не на мехари сидит, а вы еще в постели, – говорил мой друг-нянька, подавая мне совсем другую одежду, чем та, к которой я привык.

На мой удивленный взгляд он ответил мне, что путешествовать в обыкновенной одежде по пустыне нельзя и что сверх всего того, что я сейчас должен был надеть и что мне казалось таким несносно жарким, когда я вернусь из ванной, он наденет на меня еще два халата и сверху нет на моей голове тюрбан. А когда я сяду на мехари, поверх всего он набросит на меня нечто вроде арабского плаща, так как иначе меня сожжет солнце пустыни и осле пит ее свет.

Я пришел в истинный ужас от этой перспективы, но делать было нечего, надо было повиноваться. Невольно у меня мелькнуло воспоминание о пире у Али в К. и о том безобразном старике, черном и хромом, которого я увидел в зеркале, в тюрбане и с палкой, и в котором никак не мог узнать себя. Смех, мой вечно неуместный смех положительно давил меня, когда я думал о той минуте нестерпимого раздражения, когда я готов был стучать ногами об пол и чуть не плакать от досады, видя свое уродство. Хорош я буду и сейчас в ватном халате, под солнцем пустыни, которое, конечно, сделает меня черным, как араб, и уродливым, как старик в зеркале. Недоставало только его неудобной туфли, которая заставила бы меня хромать. Полный смеха над самим собой и своей недавней детскостью, я пре доставил свою голову в распоряжение Яссы, который безжалостно обкорнал мои кудри и в момент свернул из длиннейшего куса мягкого прозрачного зеленого шелка на моей голове большой тюрбан. Затем он подал мне чашку молока и две небольшие, на вид малозавидные, но оказавшиеся превкусными лепешки, говоря:

– И. не приказал ни вам, ни Бронскому сытно завтракать. Артист сейчас придет сюда и получит такую же еду. И. просил вас объяснить, что в путешествии надо есть мало – только, чтобы поддерживать организм, но

не более.

В эту минуту вошел Бронский, обливаясь потом и ворча на свой ватный халат и высокие сапоги. Ему был дан такой же завтрак, как и мне, и так же немедленно его голова была коротко острижена и покрыта тюрбаном. Но его тюрбан был из оранжевого шелка, чем я был и удивлен, и восхищен, так как он ему очень шел, я же казался себе зеленой лягушкой.

Ясса надел на меня бледно-зеленый халат, подал Бронскому оранжевый, и, изнемогая от жары и непривычной тяжести одеяний, мы спустились вниз, где нас уже ждал Зейхед с нетерпеливо стоявшими мехари. Как только мы были усажены на маленькие седла и укутаны, вернее сказать, завернуты, а кое-где буквально зашнурованы в плащи, вышел И. – в одну минуту был на мехари, и караван двинулся.

Мы ехали отдельными партиями. Во главе каравана мчался И., по обеим его сторонам – я и Бронский, за нами еще пять укутанных фигур, в которых я никого не мог узнать, так как не мог поворачиваться, и замыкал наш отряд Ясса. На некотором расстоянии – как только давала возможность разглядеть пыль – неся еще так же построенный отряд, во главе которого ехал Никито, скакуна которого я хорошо знал, и замыкал отряд Зейхед. Я понял, что нас немного, и думал, что это уже все, кого взял с собой И., но я ошибся. Когда мы свернули круто влево и выехали в голую пустыню, я увидел еще один отряд, гораздо многочисленнее двух первых. Я узнал во главе его Кастанду, а в самом конце увидел совсем неизвестного мне человека, ехавшего без всякого прикрытия, в одном халате и белом тюрбане, с совершенно темным, почти черным лицом и длинной седой бородой. На коротком повороте я мог заметить очень немного, но отчетливо понял, что третий отряд движется гораздо медленнее нас, и расстояние между нами, даже при обманчивости прозрачного воздуха пустыни, очень большое.

– Левушка, не вертись в седле, ты ослабишь все свои ремни и завязки, и к концу первого рейса тебе будет очень трудно держаться в седле. Держи поводья осторожно. Хорошо дрессированные животные очень чутки к каждому движению всадника. Первый день путешествия в пустыне, хотя оно и будет таким коротким, как только возможно, заставит каждого из вас, совершающих его впервые на верблюдах, очень утомиться. Закрой плотнее плащ на лице, как бы тебе ни казалось под ним жарко, иначе сгоришь, и придется тебя оставить в оазисе.

Несмотря на то что верблюды шли галопом, И. говорил совершенно спокойно, даже не повышая голоса. Лицо его было открыто, так же как лица Яссы, Никито, Зейхеда, Кастанды и уже упомянутого старика,

замыкавшего шествие.

– Тебя удивляет, что некоторые из путников не боятся солнца и блеска пустыни. Тут нет ничего чудесного. Кожа и тело у всех людей одинаковы, но внутреннее управление ими у всех разное. Тебе пора яснее понять, что между телом и духом так же не должно быть двойственности, как между умом и сердцем. Все слито в человеке в одно гармоничное целое. Чем выше его духовная чистота, чем дальше он проходит в своих знаниях, тем проще, легче и правильнее он управляет всем своим организмом. Если на земле встречаются такие случаи, когда чистые праведники болеют и даже умирают в больших страданиях, то это те исключительные единицы по своему самоотвержению, единицы вселенной, которые строят усиленный рост своих встречных, своих учеников или даже всего человечества. Они вбирают в себя мусор грешных эманаций людей за счет разорения своей плоти. Они, зная, нарушают гармонию своего организма, перенося через себя, как через фильтр, чрезмерную для их физических сил силу Жизни в план земли. Тыходишь теперь в ту стадию обучения, когда тебе надо выработать из себя шар полной гармонии, то есть научиться полному овладению телом, всеми его мускулами и функциями. Человек, знающий до конца работу своего организма, умеющий всегда перелить в ту или иную часть его поток энергии, не болеет никогда. Всякая болезнь тела – это только та или иная стадия духовного разложения, но никогда не наоборот. Человек, замыкающий караван, поразивший тебя своим видом и ростом, – хозяин оазиса, где мы остановимся вечером и останемся на ночь. Он глава целого небольшого племени, которое он привел сюда давно, выведя его с острова, погибшего в страшном землетрясении. Он вывел не так много народа, выбрав наиболее чистые создания из развращенной расы, но теперь он глава уже многочисленного народа. В большом оазисе, плодородном и живописном, вы увидите жизнь, культурную во всех смыслах, так как Али много помогал им всеми средствами устроиться в новой жизни. Вы встретитесь с народом, где нет не только неграмотных, но где все образованны, знают европейские языки, где нет ни богатых, ни бедных, где нет личного имущества, но все добывается коллективным трудом, и где каждому предоставляется все необходимое. Люди оазиса понятия не имеют о воровстве, хотя выведены из страны, где их предки много страдали от злого, развращенного и вороватого окружения. Я говорю вам об этом не для того, чтобы вы думали, что я везу вас в страну мечтаний, где лучшая человеческая жизнь введена как опыт, методами насильственно принимаемых мер. Нет, культура и живой пример нескольких сотен истинно любящих своих братьев людей помогли их потомкам сохранить

мир в себе, и этот мир создал прочные устои доброжелательства друг к другу. Этот маленький, по масштабам вселенной, оазис не знает первого камня преткновения в духовном совершенстве: радости о падении ближнего своего. Доброжелательство друг к другу помогает всему их народу жить защищенным от всякой возможности проникновения к ним зла. Было сделано несколько попыток разрушить в них мир и посеять вражду друг к другу. Но все эти попытки потерпели фиаско только потому, что «просветители» были смешны просвещаемым и должны были удалиться, ужаленные смехом жителей оазиса. Владыку племени зовут Рассул Дартан. Когда мы остановимся в оазисе и он освободится от своих обязанностей хозяина, я вас познакомлю с ним. Теперь же старайтесь приготовить в себе самые чистые мысли. Думайте о нашей конечной цели, куда мы едем, о несчастных людях, к которым едем, и о не менее несчастных, которых туда везем. Подъезжая же к самому оазису, думайте о безмерных трудах любви, положенных в жизнь оазиса неизвестными, затерянными в пустыне людьми, создавшими на никому не известном клочке земли кусочек царства мира. Несите в это царство все самое высокое, что в себе имеете, чтобы струи вашей любви-энергии омыли песок под ногами тех, кто будет ходить там в бунте и скорби.

Мы продолжали мчаться еще более часа, затем И. замедлил ход своего скакуна, и также не менее часа мы шли шагом, чтобы животные отдохнули, затем снова помчались.

Когда верблюды шли шагом, для меня наступали полосы очень мучительные. Я никак не предполагал, что меня будет так мутить, хуже морской качки, медленное движение животных. Кроме того, солнце и песок стали казаться мне огненной печью, а мой белый павлин Эта, который спрятался под мой плащ, вылезши из своей корзины, – пятипудовым грузом.

И., видя, что я изнемогаю, посоветовал мне дышать в ритм с шагами верблюда, что меня очень облегчило, и, подозвав Яссу, приказал ему взять от меня птицу. Это было не так легко, так как мой избалованный товарищ не желал меня покидать. Наконец под взглядом И. он смирился и, недовольно отвернув от нас голову, вместе со своим гнездом был взят Яссой и покрыт белым плотным холстом.

Много раз переходя с карьера на шаг и обратно, причем периоды отдыха были все короче, а скачка все длиннее, мы стали приближаться к оазису, который заметили издали по высившимся пальмам. Солнце было еще высоко, когда мы въехали на территорию самого оазиса, и верблюды ступили на твердую землю. Довольно долго мы ехали через редкий

пальмовый лес, который мне казался не лесом, а пальмовым садом, вернее, целым рядом пальмовых аллей.

Откуда-то пахнуло свежестью, пронесся ветерок, зашумела вода, точно журчало несколько ручейков, но их не видели мои жаждущие глаза.

– Мы сейчас остановимся у водопада, – сказал И. – Но воды его пить нельзя. Она очень полезна для почвы, насыщена минералами, но вредна людям. Вы можете намочить ладони, что вас очень освежит, но не более. Здесь мы сойдем с наших запыленных животных, снимем с себя верх нее, наиболее пропыленное платье и отправимся купаться в озеро с прекрасной водой недалеко отсюда.

И. сошел первым с опустившегося на колени мехари, а меня с Бронским Ясса и И. буквально сняли, так как все члены тела у нас онемели. Я едва стоял на ногах, не лучше был и Бронский. И., смеясь над нашей немощью, сказал:

– Профессор несколько ошибся, называя вас Голиафами. Но все ваше недомогание скоро пройдет. Старайтесь ступать по земле, пользуясь всею ступней до самых кончиков пальцев. Пойдемте, хозяева идут нам навстречу.

Я был настолько утомлен своим одеревенением, если можно так выразиться, что даже не имел сил интересоваться, кто шел за мной, кто впереди меня. Если бы я не опирался на Ясса, я не смог бы и шагу ступить. Я просто был чурбаном без мыслей и сил. Я сознавал, что вокруг меня люди, что слышится говор и даже смех, но самому мне казалось, что у меня вырывается из пересохшего горла нечто вроде стога. Я не помнил, как свалился и как Ясса унес меня на руках.

Я пришел в себя и почувствовал, что вернулся к жизни, когда сидел в ванне с теплой водой, и Ясса, все тот же милый Ясса, растирал меня.

– Ну, теперь вы отделаны в лучшем виде. Надевайте это платье, выпейте это питье и помогите мне привести в порядок Бронского. Ему еще хуже вашего, – говорил мне Ясса, отирая градом катившийся с него пот.

Мне было мучительно жаль Яссу, так много истратившего на меня сил. Но я не решился высказать ему ни своей благодарности, ни своего сочувствия, так как он этого очень не любил.

– Неужели же Станиславу еще хуже, чем мне – ведь это значит, что он умирает? – сказал я, стараясь как можно скорее одеться и бежать на помощь артисту.

Я оглядывался во все стороны и недоумевал, где я нахожусь. Нечто вроде большой палатки с каменным полом, в котором была выдолблена квадратная ванна, откуда я только что вышел. Все было очень грубо, но

очень удобно и даже комфортабельно для жизни в пустыне. Вода лилась прямо в ванну, теплая, прозрачная, и уходила в два отверстия с противоположной стороны так, что уровень воды оставался все тот же и вода на пол не проливалась. По полу были разбросаны циновки, тонкие и красивых рисунков. Но где был выход из этой палатки-купальни и где мог быть Бронский, я угадать не мог.

– Я готов, – сказал я отдохавшему Яссе, – но где искать мне Бронского и как отсюда выйти, я не соображу. Мы точно в склепе.

– Хорошо бы, если бы из всех склепов на свете так же легко было выбираться, – ответил мне отдохавший Ясса, встал со скамьи и отодвинул одну стенку из циновки, которую я считал неподвижной.

Не успела отодвинуться стенка, как я был потрясен открывшейся мне за ней картиной. Бронский, бледно-зеленого цвета, лежал на спине, вытянувшись во весь рост на полотняной походной постели. Я был уверен после слов Яссы, что он не умер, но все же сердце мое больно сжалось, хотелось скорей помочь ему. Учтя прежние опыты своих порывов, никогда не дававшие плодотворных результатов, я собрал все свое внимание и спокойствие и ждал приказаний Яссы. Протекавшие мгновения казались мне часами, и приготовления Яссы, которых я не понимал, я переживал как мучительное промедление.

Ясса вынимал целый ассортимент щеток, щеточек, мочалок и грубых рукавиц из жесткой материи, которыми он делал свой знаменитый массаж в воде. Наконец, надев пару таких рукавиц, он подал мне такую же и сказал:

– Наденьте, Левушка, плотно застегните и делайте точно все, что я вам буду говорить.

Как только я надел перчатки, Ясса велел мне стать у ног Бронского и помочь ему опустить тело артиста в кресло из камня, выдолбленное низко в полу, окруженное большой ванной, тоже каменной. С большим трудом я поднимал грузное тело, никак не предполагая, что худощавый человек может быть так тяжел. Я все время поддерживал туловище и голову Станислава, пока Ясса тер его ноги и колени, руки и спину. Через несколько минут, вероятно минут через пятнадцать, Бронский с трудом вздохнул, но глаз не открыл и сидел все в том же положении.

Ясса открыл где-то кран, приподнял заслонки с обеих сторон ванны, и через минуту полилась теплая вода, постепенно заполняя ванну. Ясса теперь усердно растирал грудь и шею артиста. Вода поднималась все выше и дошла ему до колен. На лице больного появилась легкая краска, он зевнул, открыл глаза и с удивлением сказал слабым голосом:

– Неужели, Ясса, все уехали без меня?

– Уехали? Да, если вы часто будете так богатырски спать, то, пожалуй что, апельсины и пальмы успеют вырасти до неба из крошечных черенков. Сходите, синьор соня, в воду, мне иначе неудобно вас растирать.

Станислав намеревался сразу встать, но это ему не удалось. Ноги его совершенно не держали; трижды он пытался встать и сойти в ванну и только с моей и Яссы помощью смог это сделать, причем мне пришлось самому сойти в нее, чтобы почти на своих руках опустить его в воду. Он был беспомощен, все его тело болело, и под ловкими руками Яссы он с трудом сдерживал гримасы боли и стон.

Долго возился с ним Ясса. Потом велел мне помочь Станиславу снова сесть в кресло, что тот сделал уже много легче, растер все тело Бронского ароматной водой, и после этого нового растирания Станислав вздохнул как лев, усмехнулся и сказал:

– Теперь я снова Голиаф.

– В этом я еще не уверен, выпейте это молоко и перейдите в ту ванну, – ответил ему Ясса, подавая питье и указывая на ванну в первой комнате, где я пришел в себя.

Легко и ловко, как всегда, Бронский поднялся, перешел в мою ванну и в восторге сказал:

– Ванна – чудо, вы, Ясса, – два чуда. Но уж молочко ваше, простите, такая мерзость, что хуже и придумать трудно.

Жизнь, силы и энергия возвращались к Бронскому, точно он и не походил на мертвого час тому назад. И все же еще и еще школил его маленький Ясса своими железными руками, под которыми морщился и кряхтел богатырь Станислав.

– Ну, теперь скорее одевайтесь оба, – снимая перчатки, сказал Ясса, отодвигая еще одну стенку. Когда мы вошли в комнату, которая перед нами открылась, оба мы замерли от восторга. Над нами сияло звездное небо, так как у комнаты крыши не было, вокруг нас росли пальмы в огороженном циновками довольно большом квадрате. Судя по небу, был уже поздний вечер, а в загородке-комнате было светло как днем от каких-то ламп, горевших ярко и бесшумно в нигде не виданных нами не то горшках, не то светящихся колонках. Тут стояли плетеные из соломы диваны и стулья, на которых мы нашли наше обычное платье.

– Чудеса не прекращаются для нас с вами, Левушка, – кивая на лампы и небо, сказал Станислав.

Я ничего не успел ответить ему, так как очутился в объятиях И., смеявшегося моей растерянности.

– Чудеса только еще начинаются, дорогие мои страдальцы. Но вы

можете твердо знать, что такого мучительного путешествия для вас уже не будет. Возможно, и даже навверное, вы будете совершать путешествия много более тяжелые и опасные, но ни одно из них не будет для вас таким мучительным. Только первое путешествие на мехари доводит до смертельного изнеможения, если всадник едет без отдыха в пути, как скакали мы. Пойдемте же, дети мои, чудеса ждут вас.

Счастливо сияя от близости к И., я попросил его подождать минутку, бросился к Яссе, горячо поцеловал его несколько раз, благодаря за помощь от лица обоих.

– Ясса, Ясса, – шепнул я ему. – Что бы мы делали без вас? Как мы вам благодарны.

– Не за что, дорогой Левушка. Благодарите И. и себя самих. Я только возвращаю вам мой долг. Не забудьте взять Эту, он в корзине, в темном уголке направо.

Когда я возвратился к И., Эта уже был на его руках, необычайно довольный и забывший все свои обиды в пустыне. Взяв птицу, которая не желала сама идти по незнакомому месту, я шел сзади И. и Бронского, который все не мог прийти в себя окончательно от ряда пережитых потрясений и неожиданностей.

Мы шли по прелестной аллее, отовсюду лился аромат цветов, культурно рассаженных в цветники и клумбы. Во многих местах видны были освещенные окна домов. Кое-где женщины укладывали детей спать, кое-где были видны картины уютной и мирной домашней жизни. Мне все казалось сном, сказкой, я каждую минуту готов был «слови-воронить». Вероятно, поэтому И. взял меня под руку, говоря:

– Будь внимателен, будь воспитанным джентльменом, мой сынок. Постарайся вспомнить наставление Флорентийца о такте и обаянии. И кого бы ты ни встретил сегодня в ночь, будь мужествен и доброжелателен до конца. Забудь о себе, о своем удивлении, всем сердцем стремись растить энергию тем, кого увидишь.

Слова И. перестроили на иной лад ход моих мыслей. Я перестал восхищаться и наблюдать. Перестал жить в одном внешнем мире, я погрузился в глубокое и мирное состояние активного действия. Я перестал думать, что, кого и как встречу, но в сердце своем ощутил силу быть и становиться той Любовью, когда видишь только духом своим Единого в оболочке каждого.

Мы подходили к большой беседке из частой-частой проволоки, защищавшей от ночных бабочек, летевших со всех сторон на яркие лампы, которыми она была освещена. Когда мы подошли к самой беседке, тот

человек, что замыкал наш караван, вышел из нее нам навстречу. Теперь я мог его узнать только по длинной седой бороде и темному, точно из камня высеченному лицу. Я имел возможность, пока И. представлял нас, рассмотреть лицо хозяина оазиса. Оно поразило меня тем, что на нем не было ни одной морщины, кожа была совершенно гладкая, молодая, но в самом лице молодости не было. Какая-то вековая мудрость лежала на нем, точно он жил сотни лет на земле.

Но у меня не было времени размышлять о Рассуле Дартане. Он подвел меня к двум женщинам, молодым и очень мило одетым в своеобразные длинные, узкие платья, с распущенными волосами, множеством красивых браслетов на обнаженных руках и ожерельями на шеях, представляя меня им как своим правнучкам. Только я подумал, на каком же языке я буду с ними говорить, как одна из них, младшая, сказала мне, хорошо произнося по-французски:

– Мы привыкли называть дедушкой нашего дорогого владыку. Но на самом деле он не только не дедушка нам, но прапрапрадед.

– Вот редкостное счастье иметь живым прапрапрадеда, – ответил я. – Я впервые видел бы и прадеда, не только прапрапрадеда живым, – говорил я, усаживаясь на указанное мне место за столом между двумя женщинами.

Обе мои соседки очень заинтересовались судьбой Эты и спрашивали, почему я везу его по пустыне. Обе предлагали свои услуги поухаживать за моим птенцом, пока я не вернусь обратно, уверяя, что я могу совершенно спокойно доверить им уход за Этой, пока не возвращусь.

– Ведь ни один караван не проходит через пустыню, не заехав отдохнуть к нам в оазис. Часто у нас живут подолгу люди, отправившиеся в путешествие через пустыню, здоровье которых не позволило им ехать дальше, – сказала старшая. – В частности, француз, обучивший нас своему языку, должен был прожить у нас более двух лет, пока дедушка помог ему восстановить свое здоровье, чтобы вернуться на родину. У нас живут люди почти всех национальностей, всех профессий. Наши бани, прачечные, ванны выстроены до плану лучшего инженера Америки, который прожил у нас более трех лет и ни за что не хотел уезжать. Он очень полюбил мою дочь и умолил дедушку разрешить ему на ней жениться и отпустить ее с ним на его родину. Как я ни протестовала, дедушка убедил меня отпустить старшую дочь. Мне остались еще четыре в утешение.

Старшая дама была так моложава на вид, что я с удивлением спросил:

– Во сколько же лет у вас выходят замуж? Я представляю себе с трудом, что у вас может быть пятеро детей. Но если даже и можно это себе вообразить, то все же старшей из них не может быть больше восьмидесяти

лет.

– Это климат нашего оазиса и свойства нашей воды таковы, что мы живем долго и долго сохраняем молодость. Моей девочке было семнадцать лет, когда она вышла замуж. Дедушка не позволяет жениться раньше двадцати одного года и выходить замуж раньше семнадцати.

Разговор наш шел о быте и жизни оазиса и не мешал мне слушать о новой, неизвестной мне форме существования целого культурного племени, с одной стороны, и бдительно присматриваться ко всему совершавшемуся вокруг меня с другой.

Я не видел за столом никого из нашего каравана, кроме И. и Бронского. Последний сидел также между двумя молодыми женщинами, разговор их шел по-английски о театре, насколько я мог уловить из долетавших до меня отдельных слов.

– Разве у вас есть театр? – спросил я своих собеседниц.

– Театра в истинном смысле слова, у нас, конечно, нет. Но дедушка увлек детей, помог им самим написать пьесу, был их первым режиссером долгое время. Теперь дети повзросли, развились, и некоторые из них стали заправскими актерами, писателями и режиссерами. Они мечтают хоть раз увидеть игру настоящего артиста. Дедушка им это обещал. Не знаю уж, откуда он возьмет здесь артиста, да еще настоящего. Разве когданибудь заблудится в пустыне караван с артистом и забредет в наш оазис.

– Уж раз дедушка обещал – значит, будет, – вмешалась в разговор младшая.

– Вы можете верить или не верить мне, но дедушка знает все. Знает, когда будет набег зверей, и как от них защититься, и когда надо выезжать в пустыню на помощь заблудившимся, и когда будет недород, и когда близко пройдет чума,

– все, решительно все знает дедушка. Он точно в земле и в небе видит, не то что всего человека насквозь видит. Если он что-нибудь сказал, можете быть уверены, что именно так оно и будет. Ни разу не случилось, чтобы душа нашей жизни, душа нашей радости – дедушка – сказал нам неправду.

Ужин кончился, хозяин встал, омыл руки и рот в струе лившейся воды над большой раковиной в конце беседки. Все последовали его примеру, взяв со стола большие бокалы, назначение которых только теперь мне стало ясно. Вся группа сидевших за столом людей, человек около двадцати, большая часть которых группировалась вокруг И. и хозяина в продолжение ужина, двинулась по темной аллее.

После светлой беседки аллея показалась мне еще темней. В конце ее, довольно далеко, горел огонь большого костра. Я понял, что к этому-то

костру мы и идем. Вскоре глаза мои привыкли к темноте, звезды сияли ярко, и на лету я поймал взгляд И., как бы говоривший мне: «Помни».

Бронский взял меня под руку, точно желая защититься от своих словоохотливых собеседниц. Мне и самому хотелось сейчас помолчать, хотя жизнь оазиса очень меня интересовала. Довольно долго мы шли по аллее, дошли до перекрестка и увидели ряд домиков.

– Вот здесь живем мы, – сказала моя старшая собеседница. – Сейчас всем нам необходимо быть дома. Если завтра ваш караван двинется в путь не так рано и у вас будет время, я и вся моя семья будем рады увидеть вас у себя, – любезно прибавила она, протягивая мне и Бронскому руку на прощание. Не только дамы, но и все шедшие впереди мужчины простились с нами и разошлись по своим домам. С нами остался один Дартан, и из темноты вынырнул Ясса, которому мы очень обрадовались. Настроение всех оставшихся сразу изменилось. Я почувствовал какое-то облегчение и понял, что волна эманаций И., которые всегда и всем помогали жить энергично в его присутствии, шире и глубже охватила меня.

Костер, и издали казавшийся немаленьким, вблизи оказался огромным и высоченным. Он был сложен на высоком постаменте из черного камня и освещал широкий круг пространства, как большущий факел. Горели в костре огромные куски дерева, почти не давая дыма. Когда мы подошли к самому костру, хозяин низко поклонился И. и сказал:

– Будь благословен, Учитель, за все то, что ты уже для нас сделал и делаешь. Будь дважды благословен за то, что ты заехал к нам сегодня в этот великий для меня день. С тех пор как много лет; назад Али прислал тебя в этот день ко мне с драгоценным для меня письмом, ты ни разу не забыл тем или иным путем дать мне знать, что помнишь и приветствуешь меня. Особенно сегодня я ценю твой приезд, так как чувствую усталость от трудов и необходимость увидеть тебя, труженика Вечности, не знающего ни усталости, ни тоски. Садись, Учитель, разреши представить тебе двоих моих внуков, возвратившихся на днях домой. По твоему приказанию я отправил их в университеты. Один из них учился в Гейдельберге, другой в Оксфорде.

Он усадил И. в плетеное кресло, указал нам с Бронским места за креслом И., где стояло нечто вроде плетеного диванчика, и подвел к нему двух красивых, молодых, рослых мужчин, одетых в белые длинные платья из полотна, как носили жители оазиса, но с коротко остриженными волосами и с гладко выбритыми лицами.

И. ласково поздоровался с каждым из молодых людей, несколько дольше задержав руку каждого из них в своей, чем это делал обычно,

здороваясь с людьми. Новых знакомых, очевидно, стесняло присутствие стольких незнакомых им людей. Я понял, что они, как, бывало, и я в первое время знакомства с И., почувствовали себя вдруг прочтенными в своем духовном мире, точно стояли обнаженными, со всеми своими духовными сокровищами в руках.

И. сказал им несколько приветливых и ласковых слов, после которых они стали увереннее и спокойнее, посадил их на наш с Бронским диван и просил Рассула занять место рядом с ним. Несколько колеблясь и застенчиво улыбаясь, великан не решился протестовать и сел рядом с И., фигура его возвышалась как монумент над всеми нами. Я подумал, что он еще огромнее Али и Флорентийца. Если тех я видел гарцующими на конях, то уж Рассул был невозможен ни на чем, кроме верблюда или разве кентавра.

Только мелькнула в моей голове картина: Рассул на кентавре, как он обернулся в мою сторону и послал мне такой лукаво-поддразнивающий взгляд, которого на его каменно-мудром лице я не мог себе и представить. Я вспомнил слова моей собеседницы за ужином о «дедушке» и решил быть осторожнее в вольном полете своих картинных мыслей, и как раз сделал это вовремя.

– Ясса, приведи спутников наших двух отрядов и Кастанду, – сказал И., не поворачивая головы и рассматривая толпу людей перед собой, которая была довольно многочисленна.

Пока Ясса отправился исполнять его приказание, И. употребил свое время на разговор с некоторыми пожилыми и молодыми людьми, мужчинами и женщинами, подходившими к нему из темноты за советами, и всех их И. оставил в свете костра. Послышались шаги многих пар ног, и первое, что я увидел... был сияющий Франциск, рядом с ним шел профессор. Оба были свежи, юны, сильны, точно и не ехали по пустыне.

Я и прильнувший ко мне Бронский были до того поражены, что превратились в соляные столбы. Никого и ничего больше я уже не видел, кроме этой пары. Сверх обычной одежды на плечах Франциска был накинута алый плащ, казавшийся огненным. Свет игравшего костра, падая на это единственное алое пятно среди моря белых фигур, делала его живым, движущимся. Мне положительно казалось, что я вижу какие-то струйки, бегающие по блестящей и легкой материи плаща. Голова его не была ничем покрыта, тогда как на голове ученого был тюрбан, менявший его до неузнаваемости. Рассул встал навстречу Франциску, уступая ему свое место подле И., но тот ответил:

– Сиди, сиди, родной, подле твоего заботливого Учителя. Я сяду здесь,

буду всем виден, и сам буду видеть всех, а также посажу своих новых питомцев подле себя.

Он сел на довольно высокий и широкий каменный диван, на котором были положены подушки и циновки, усадил подле себя профессора, по другую сторону

– Андрееву, дальше Лалию, Терезиту, Нину и Никито, а у ног его сел милый Ольденкотт, не спускавший с него глаз. Взглянув в лицо англичанина, когда он на момент перевел свой взгляд на И. и Рассула, я был поражен сходством выражения его глаз с глазами Франциска. Из глаз Ольденкотта лилась такая доброта, такой мир и счастье, что я сразу понял, какой высоты должен быть дух человека, чтобы его лицо могло отразить хотя бы на миг божественную доброту.

Боже мой, я понял еще раз, как мало я вдумывался и вглядывался во встречи. Человек, служивший чем-то вроде вечного уборщика у Андреевой в его внешней жизни, кем же был на самом деле этот человек, если лицо его по своей доброте могло быть сравнимо с Франциском?

Не успел я прийти в себя от изумления, как почувствовал легкий толчок и сообразил, что Ясса берет из моих рук Эту, которого я, по своей рассеянности, далеко не элегантно держал.

– Дайте мне птицу, Левушка. Это далеко не по-джентльменски так обращаться с Этой, – шепнул он мне, беря от меня павлина.

Слова Яссы напомнили мне приказ И. Я постарался снова влезть в самого себя и держать себя в крепкой дисциплине. Только тогда я увидел леди Бердран и Игоро, севших недалеко от И. Господи, сколько времени я не видел Игоро, даже забыл, что ведь он тоже жил в Общине! Сколькими качествами мне еще надо обладать и учиться! Я, имевший такое ограниченное количество друзей и знакомств, забыл об Игоро. И И., имевший тысячи людей в своей памяти, не забыл ни разу одного какого-то дня в жизни заброшенного в пустыне хозяина оазиса!..

– Мои дорогие друзья, – раздался голос Франциска, – как я рад, что в эту чудесную ночь, ночь такую значительную для многих из присутствующих здесь, я могу напомнить вам, что нет ни рангов, ни чинов, ни условных путей для каждого из тех, кто ищет мира и счастья. Кто может достичь их в своей земной жизни? Тот, кто выполняет слова Евангелия? Тот, кто служит ежедневно по нескольку церковных служб? Кто совершает путешествия по святым местам? Нет, только тот, кто в своем сером дне пронесет доброту своим встречным. Доброту в условиях и пониманиях его современности, а не по кодексу условных правил, которые определяют, что такое доброта, придерживаясь всех своих предрассудков. На самом деле,

можно ли дать наставление каждому отдельному человеку, как ему действовать среди людей, если основное его качество, которым он понимает и воспринимает дух своих встречных, есть доброта? Такая доброта, которая идет не от ума человека, то есть когда человек не успевает спросить свой ум: как мне поступить, а мгновенно, любовно обнимает всего встретившегося человека, со всеми его пороками, скорбями, слезами, упрямством и муками, составляет не личное, человеческое качество, но является действием аспекта его Единого, оживотворенным и движущимся в путь его единения с людьми. Тут не форма управляет действиями человека. Тут непосредственно Единый согревает форму человека своей Любовью так, что она становится мягкой, как воск, и отогревает слои условных корок на встречном. Они размякают от такой встречи с добрым, поры их расширяются и дают возможность собственной доброте просочиться в верхние слои формы и соприкоснуться с Добротой Любовью доброго. Но случаи путешествия по земле этой категории людей добрых редки. Чаще люди, проходящие свой путь земли добротою, несут ее в себе закутанною во многие покрывала разума, скептицизма и даже некоторого рода отрицания. Таким людям приходится постоянно выбиваться из компромиссов, и если они достигают творческого результата в своем единении со встречными, то только в тех случаях, когда через все перипетии сознательных рассуждений попадают в бессознательное творчество, то есть в полную гармонию своего собственного организма. Что такое гармония человека? Можно ли достичь ее знаниями, добываемыми извне? Может ли привести человека к гармонии культура и все дары цивилизации? К большому огорчению множества людей, гонящихся за знаниями, – употребляю сейчас это слово в самом широком смысле и значении, как силу даже космического значения, – нет такого знания, которое могло бы привести к гармонии. Иная сила, иная культура приводит человека к гармонии: культура сердца. Почему в большей части человечества все несчастья идут от разлада ума и сердца? Чем особенным обладает культура сердца по сравнению с культурой ума? Чего не может приобрести сердце, что так легко вбирает в себя ум? Ум, как всеядное животное, подбирает весь опыт чужих достижений. И чем меньше творчества в собственном уме человека, тем он более блещет эрудицией чужих достижений, тем ярче он выделяется среди своей среды и носит название «умный». Редкие умы-творцы почти всегда малозаметны в толпе, и суд над ними, признание их величиной того или иного порядка, происходит по их делам и произведениям, а не по талантливости их умения жить с людьми. Умы-творцы всегда достигают гармонии, потому что все

великое, что сотворили люди, может быть сотворено только в гармонии. Культура сердца – путь индивидуальной неповторимости человека. Никакой чужой опыт помочь в достижении этой культуры не может. Чтобы завоевать ничтожное звено в своей культуре сердца, надо сбросить огромную цепь предрассудков и суеверий. Чтобы выбросить в мир одну истину Любви, надо отдать несколько воплощений завоеванию культуры сердца. Как проходят первый этап пути к культуре сердца? Для всех людей земли, без всяких исключений, он заключается в одном: «Люби ближнего, как самого себя». Казалось бы, эта истина не мешает уму действовать и достигать своей культуры, не лишает его сил для самых высоких напряжений. Но на деле в жизни обычного, простого дня мы видим обратное. Культура сердца с ее словами Любви, как надоедливая муха, мешает ученому в его делах и встречах. Первое, от чего желает отделаться умный, первое, что он желает забыть и вне чего хочет себя поставить, есть проблема любви к человеку. Ни как таковую, ни доброжелательство к другому, ни сострадание и заботу о ближнем он не принимает в свой серый день как творчество радости. У него делается сплин от людей, занятых проблемами сердца, если он лично в них не заинтересован. Культура сердца, начиная с доброжелательства, переходя в сострадание, становится молитвой, когда каждое действие сердца есть привет ума и сердца, поклон всего целого в человеке огню его встречного. Дорога – от начальной до высшей ступени в пути культуры сердца, – это ряд раскрепощений человека, где с него спадают целые серии обветшалых пониманий и понятий. В каждой ступени характер встреч человека бывает разный. Но причина этого разнообразия всегда одна: он сам. Дойти до полного понимания, что все обстоятельства жизни и все встречи – только твое собственное творчество, не менее трудно, чем перестать осуждать человека. Заметить действие закона причин и следствий в своей собственной жизни так же трудно, как сбросить со своего организма всю нечистоту, прилипшую к нему за века жизни. Когда человек сходит на землю, он точно знает, какое новое качество он должен приобрести и какие старые силы страстей он должен перековать в силу радости, то есть в ту энергию, единственную, которая вводит человека в творчество, в гармонию. Те люди, что начинают свой новый урок воплощения от культуры сердца, вводят в действие свое гармоничное Начало, достигают тех или иных ступеней откровения. Иногда, будучи даже неграмотными, они имеют такую высокую силу верности Любви, что их духовное видение переносит их далеко за границы обычных пониманий их среды. Начинающему жизненный путь с культуры сердца не приходится

становиться в постоянной нерешительности перед каждым вопросом, останавливаться перед каждым встречающимся в дне повышением или понижением почвы, с трудом решая, как обойти или перепрыгнуть препятствие. Что такое препятствие? Только неготовность самого человека к тому действию, которое он взял на себя сам, сходя на землю. Представим себе, что перед двумя людьми – ума и сердца – встает одна и та же задача. Скажем, к умному, который ищет жить в служении ближним, и к доброму, который ничего не ищет, но живет в доброте, держа в полной верности руку своего Учителя, пришел друг и просит крова и отдыха. Оба – и умный, и добрый, стеснены в обстоятельствах. Кров их уже заполнен другими, больными, требующими постоянного ухода и забот, – сил физических у обоих мало. Добрый, держа руку Учителя своего, верный ему до конца, просто подумает: у меня нет места, дом не мой, а Учителя моего. Если возьму еще ношу, не снесу ни одной. Знаю, что этот несчастный найдет себе кров, а те, кого опекаю сейчас, нигде его не найдут и без меня погибнут. Пусть рука Учителя моего поможет мне пронести сейчас Его ношу, как сумею лучше. И он скажет просящему без всякого разъедающего сердце компромисса: «Сейчас не могу принять тебя, друг, даже помня хорошо твое гостеприимство». Умный же, раньше чем отказать, измучится сам и долго будет чувствовать рану в сердце, потому что отказал, поступил эгоистично, неблагородно и т.д., вместо того чтобы подумать об одном: есть мера вещам. И какую бы мерою я ни мерил, сила, во мне живущая, переносится и мною, и моим встречным в ту меру, какую каждый из нас отмерил в себе Вечному. Нет моего личного отношения к другу, в котором тоже не вижу личного. Есть только те обстоятельства, в которых каждый из нас ищет нести Единого и служить Ему. Сохраню полное спокойствие и буду нести смиренно Света и служения столько, сколько моя мера вещей позволяет. Признаков культуры сердца, по которым можно было бы делить людей, не существует. Нельзя сказать, что такое или иное действие принадлежит только тем, кто идет путем доброты. Каждый должен понимать, что важно не то, оценен ли поступок так или иначе, а важно, чтобы поступок был действием сердца человека. Что побудило, как воспринято окружающими это действие сердца, значения никакого не имеет. Все это относится только к временным формам. Весь смысл каждого действия только в том, сколько отразилось в нем Беспредельного, что человек очистил и пролил в путь своих встречных. Едкий яд условностей, овладевающий людьми, не является привилегией больших городов, как шелуха именно тех толп народа и его суеты, среди которых живет человек, ищущий раскрепощения. Не надо путаться в понятиях. Не то важно, что вы

ищите, но важно, чего вы ищете и как вы ищете. Если ищете, ясно понимая свое место во вселенной, ищете ступать весело и просто по ступеням вселенной, ваше искание идет от Вечного в вас, и для вас не существует хаоса страстей. Ваша мысль не застревает в кипящей массе условностей, в которых живет окружающая вас толпа, – вы вращаетесь среди тех вибраций, где творит мысль, не спускающаяся к суете и тлению временного. Вокруг вас носятся толпы молящихся, вечно молящих о помощи. И вы видите ежедневно, как все эти мольбы, возносимые куда-то, в какие-то вне человека существующие небеса, остаются всегда без ответа. Почему? Только потому, что нет инертной энергии – Бога, сидящего в мертвых небесах, а есть творящая, вечно движущаяся Энергия, живущая во всем, как и в каждом человеке. Чтобы пришел ответ мольбе человека – если уж можно говорить о мольбе, называя этим словом личную просьбу, – надо, чтобы весь человек был одним чистым славословием Жизни. Но когда он достигает того мира в сердце, который делает его звучащим славословием Жизни, он не возносит личных молитв, так как он сам перестал быть личным. Он ясно знает, по действию духа в себе, Безличное, что живет в его форме. Временная форма дает силу и радость вносить Свет Жизни, которая для него и Личное и Безличное в одно и то же время. Все, в чем он живет, идет для него как Целое в миллиардах жизней земли, то есть Ее

– Жизнь – он видит в этих миллиардах форм. В эту чудесную ночь, когда в каждом из ваших сердец особенно сильно звучит его нота Энергии Света, оставьте навсегда позади все сомнения, как надо разрешать вопросы быта, чтобы они не выбивали вас из чуда радости быть единицей Бытия и становиться отражающими Его доброту и помощь силами. Надо жить всею полнотою чувств и мыслей каждую минуту и помнить только одно: Мгновение – и кончено воплощение. Мгновение – и нет возможности перенести в плотной форме времени и пространства звучащее Безмолвие, наполнив день серой земли вокруг себя миром, радостью, уверенностью и добротой. Раскрепостите в себе сегодня ум от его постоянной жажды прочесть все новое и новое слово Истины. Усвойте, что только те кусочки Истины могут стать действием в дне человека, которые он вскрыл в себе, омыв их своими трудами на общее благо, закрепил, их полную верностью своего благоговения и преклонения перед ужасом и величием путей человеческих. И сколько бы он ни читал Истин, если сам живет в полуусловных компромиссах, ни крупинки Истины не введет в свое единение с людьми. Тучи кружащихся и жалящих самолюбие человека комаров и мошек – все только собственная его самодеятельность. Зачем жаловаться, что друг не особенно внимателен к вашим нуждам? Зачем

ставить другу в укор его разрыв с вами? Если вы идете к другу, идите – так же как и к врагу – только тогда, когда вы можете принести в его дом, в его сердце, в его условности величие и силу собственной доброты. С этой ночи перестаньте думать и действовать, ходить и говорить, как ходят и живут обыватели в мире суеты, условности, страха. Двигаясь по миру времени и пространства, несите Силу Света, не считая своим подвигом такой образ жизни, но живите так, легко улавливая всюду и во всем Звук Вечного.

Франциск умолк. Над всеми людьми, собравшимися у костра, носился точно не теплый воздух пустыни, но теплота Любви, которую Франциск вылил нам из своего сердца. Как незаметно мелькнула короткая ночь! Я совершенно забыл, где я, что еще час тому назад ярко горел огонь, а сейчас уже занималась заря, от костра осталась только груды пепла, и в новом, сразу сменившем ночь рассвете ясно были видны лица людей. Франциск поднялся со своего места и, обратившись к Рассулу, сказал:

– Прими мой прощальный привет, дорогой владыка этого округа. Не говори, что ты утомлен, еще не настало время окончания твоей деятельности на земле. Ты видишь сам, что смена тебе еще не пришла, хотя ты вырастил уже несколько поколений. Твоя мера вещей еще не исполнилась, ты еще не полностью воздал Жизни все то, что Ею тебе было поручено выполнить. Моменты, когда ослабевает дух, когда сердце не имеет сил мужества до конца, бывают у всех, кто приходит на землю выполнить свои задачи Вечного. Но эти минуты мелькают, как капли росы, высыхающие под солнцем, и подают новое мужество сердцу для задач еще более высоких. Прощайте, друзья и братья. Примите все привет сердца моего. Перед каждым из вас лежит далекий, беспредельный путь труда. Но не забывайте: как бы ни манило вас далекое, сверкающее царство Любви, оно достигается каждым человеком постольку, поскольку его «сейчас» наполнено его творящим духом.

Франциск обнял каждого из нас и, подойдя к И. последнему, сказал:

– Проводи нас и благослови в обратный путь, Учитель.

И. велел мне и Бронскому помочь Зейхеду оседлать мехари для Франциска, Кастанды и профессора. Пока мы занимались этим делом, я все думал о чуде сил в больном теле Франциска. Мы с Бронским стали полумертвыми от одного, даже не полного, дня путешествия по пустыне, а он поедет обратно, не сомкнув глаз ночью, без всякого отдыха. Поистине Титан духа, он мог управлять своим организмом, заставляя его до сверхъестественности служить и повиноваться своей могучей воле.

– Все, Левушка, знание, а не чудеса, – шепнул мне Зейхед, заправлявший седло на мехари рядом со мной.

Я чуть не выронил ремней, которые держал, так поразил меня Зейхед, прочитавший мои мысли. Но я не успел ему ничего ответить, потому что к нам подходили И., Франциск и Кастанда, беседуя с профессором. Лицо последнего носило явные признаки раздражения и недовольства. Он говорил очень возбужденным тоном:

– Что же тут особенного, если в эту минуту я не вернусь в Общину? Отчего мне нельзя поехать с вами, доктор И.?

Ведь все равно перерыв в моей работе уже совершился. Будет ли он длиннее или короче на пять-десять дней или недель, не все ли равно? Я так силен сейчас, что сил моих хватит еще на много лет.

– Кто вам сказал, что мое отсутствие продлится пять – десять недель? Оно может продлиться много больше. Но дело не во времени. Где же ваша преданность науке? Неужели вы всю жизнь боялись потерять зря одну минуту, упрекали даже бедного Мулгу в том, что он вам мешал своими разговорами и молитвами, только для того, чтобы сейчас, когда вам предоставлены наилучшие условия, когда вы полны сил, изменить вашей богине-науке и нарушить верность ей из-за любопытства к внешней жизни пустынной Общины? Подумайте обо всем том, что вы слышали за короткое сравнительно и такое богатое событиями последнее время вашей жизни. Неужели опыт этих дней не умудрил вас настолько, чтобы понять, что может увидеть человек, если он готов, и чего не может увидеть, если он не готов, хотя бы чудо Жизни стояло рядом с ним?

– Я все понимаю, доктор И. Но я хочу непременно ехать с вами. Я не буду в силах заниматься моей наукой вдали от вас. Все, что хотите, я буду выполнять в путешествии, только разрешите мне быть подле вас, – упрямо, с чисто немецкой назойливостью говорил Зальцман.

– Мой бедный друг, пусть эта минута будет для вас вековым уроком. Вглядитесь в собственное сердце. Подумайте о том великом мире, который в нем царил после вашего пробуждения от сна в Общине. Подумайте о великой Любви к науке, которая жила в вас в течение всей вашей жизни. Вспомните о жертвах и лишениях, которые вы всю жизнь приносили только для того, чтобы дать миру великое открытие. И каприз, одно мгновение иллюзорного счастья, сносит, как ураган, всю ценность вашей жизни: верность до конца. Так недавно вы прочли кое-какие страницы ваших прежних жизней, где пережили и свое вероломство, и... мою безмерную любовь. Неужели все было напрасно и сердце Ваше вновь изменит?...

Не успел И. договорить, Зальцман бросился к его ногам и тихо, горестно сказал:

– Простите безумному старику! Так много Света вы влили ему в сердце, так много любви там родилось к вам, что мне показалось невозможным расстаться с вами...

– Если так много родилось в вашем сердце любви ко мне, друг, то пусть она еще больше копится там, пусть выливается целым потоком во все, что окружает вас, и помогает всему встречному богатеть в мужестве и красоте. Это неважно, каков будет первоначальный, тайный источник вашей накопившейся любви. Любя одного человека до конца, вы – именем его – будете служить миллионам. Точно так же, любя науку до конца и побеждая верностью своею все препятствия в ней, вы будете служить примером живой верности всему человечеству, создавая для него новый этап развития. Возвращайтесь обратно. Я взял вас сюда, чтобы вы увидели воочию, как можно трудиться для общего блага и что можно создать даже в песках безвестной пустыни, вам показали музей мироздания, которым вы были поражены, вы видели оазис, вы видели школы и библиотеки, от которых пришли в восторг, видели театр, в котором с трудом верили, что вы не спите. Поезжайте обратно. Пристально вглядывайтесь в свое сердце и запомните мое последнее вам слово: чем ближе вы будете к Богу в себе, тем ярче и яснее будете видеть Бога во встречном. Я уверен, что Бог во Франциске заговорит с вами очень скоро. И так же скоро вернется ваша поглощающая любовь к науке. Занимаясь ею, как я вам указал, используя людей, которых я вам назвал, вы не успеете дойти и до половины необходимого, как я уже вернусь обратно.

И. обнял ученого, стихшего, умиленного и доброго, такого доброго, что даже трудно было себе представить таким самомнящего профессора. Вся его немецкая самоуверенность исчезла – перед нами было кроткое и нежное существо, с восторгом глядевшее на И.

– Много раз в жизни мне было трудно. Много раз охватывала меня безнадежность, – все так же тихо говорил Зальцман. – И всегда преданность науке побеждала все. Но тогда она была для меня целью, возлюбленной, жизнью. Теперь не она стала целью, но... через нее, через преданность ей я надеюсь завоевать ту ступень мира и силы, когда стану достойным следовать за вами. Тот Зальцман, что прожил столько лет, умер в эту минуту. Для сердца того человека разлука с вами невозможна, она равна, если не тяжелее, смерти. Только новый человек, который заново начинает строить свою жизнь, с новыми надеждами и пониманиями входит в нее, повинуется вам. Да, вы правы. Бог во Франциске первым говорит мне. И Он говорит: ища Света в себе для науки, ты найдешь меру вещей, где плоть перестанет давить на космос в тебе. Иду, Учитель. Помните обо

мне. Я же буду верен вам, как был верен науке.

Профессор поклонился И., отер слезы, бежавшие по его щекам, концом плаща, поклонился всем нам и легко сел на мехари, почти без помощи Кастанды.

И. простился с Франциском и Кастандой, те сели на мехари. Франциск повернул свое животное ко мне и Бронскому:

– Голиафы, помните о той бездне человеческого горя, которую вы видели в трапезной, и знайте, что она ничто пред той бездной, куда теперь едете, по силе отчаяния и уныния людей. Мужайтесь. Ищите мужества в любви к Единому в человеке и не забывайте: не для праведников посылает Жизнь на землю своих избранных, но для грешных. И из всех грешных – грешнее всех тот, кто увидел в человеке грех, а не Бога его.

Быстро помчались три мехари по аллее оазиса и вскоре исчезли в облаке пыли пустыни.

Оглавление ГЛАВА 1. Приезд в имение Али. Первые впечатления и встречи первого дня ГЛАВА 2. Второй день в Общине. Мы навещаем карлика. Подарки араба. Франциск ГЛАВА 3. Простой день Франциска и мое сближение с ним. Злые карлики, борьба с ними и их раскрепощение ГЛАВА 4. Я знакомлюсь еще со многими домами Общины. Оранжевый домик. Кого я в нем видел и что было в нем ГЛАВА 5. Мое счастье нового знания и три встречи в нем ГЛАВА 6. Франциск и карлики. Мое новое отношение к вещам и людям. Записная книжка моего брата Николая ГЛАВА 7. Записная книжка моего брата ГЛАВА 8. Обычная ночь Общины и что я видел в ней. Вторая запись брата Николая. Мое бессилие перед «быть» и «становиться». Беседа с Франциском и его письма ГЛАВА 9. Третья запись брата Николая ГЛАВА 10. Ночное посещение новых мест Общины с Франциском.

Новые люди и мои новые встречи-уроки ГЛАВА 11. И. принимает ученого. Аннинов и Беата Скальради. Наставление мне и Бронскому ГЛАВА 12. Мы читаем книгу в комнате Али. Древняя сказка ГЛАВА 13. Беседа с И. Мы продолжаем читать сказку. Отъезд Беаты и последнее напутствие ей И. и Франциска ГЛАВА 14. Мои размышления о новой жизни Беаты. Мы кончаем чтение древней книги. Профессор Зальцман ГЛАВА 15. Первые опыты новой жизни профессора. Его беседа с И. Сцены из его прошлых жизней. Франциск и еще раз карлики ГЛАВА 16. Я читаю маленькую книжку Герде. Наш отъезд из Общины. Первый день путешествия по пустыне. Оазис, встречи в нем. Ночь, проведенная у костра. Прощание И. с профессором. Последние его наставления ученому

К. Антарова. Две жизни. 1. (Часть 3, том 2)

Продолжение оккультного романа, весьма популярного в кругу людей, интересующихся идеями Теософии и Учения Живой Этики. Герои романа – великие души, завершившие свою духовную эволюцию на Земле, но оставшиеся здесь, чтобы помогать людям в их духовном восхождении. По свидетельству автора – известной оперной певицы, ученицы К.С.Станиславского, солистки Большого театра К.Е.Антаровой (1886-1959) – книга писалась ею под диктовку и была начата во время второй мировой войны.

ГЛАВА 17 Наш отъезд из оазиса. Второй день путешествия, по пустыне. Зловещая встреча в ней.

Мы стояли, смотря вслед умчавшимся всадникам. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что мысли и чувства всех провожавших были одинаковы. Каждый из нас – как мог и умел – посылал свои благословения уезжавшему профессору и его новой жизни. В который раз я присутствовал при начале новой жизни человека, в которую его провожали И. и Франциск. И каким диссонансом звучало для меня то, что каждый раз – был ли то убогий карлик, был ли то одаренный или даже гениальным человек – все начинали эту новую жизнь с печали, слез и тоски. И я еще ни разу не видел той духовной мощи человека, когда бы он шел в свою новую жизнь, радуясь и торжествуя, что пришел его момент внести свою часть труда в широкий мир.

Я подумал о брате Николае, вспомнил его записи в книжке, вспомнил пир у Али, Наль, Али-молодого и его страдания, и: впервые закралось в мою душу сомнение, умел ли брат Николай начать свою новую жизнь с Радости:

– Не пытайся решить уравнение со столькими неизвестными, мой дорогой следопыт, – весело сказал мне И., возвращая меня к месту и времени. Тебе надо искать не ответы, как идут жизни со столькими неизвестными для тебя величинами. Тебе надо растить в своем движении, в своих перемежающихся «сейчас» Любовь-энергию в геометрической, а не в арифметической прогрессии. И первое, что ты для этой цели сделай, помоги Игорю собрать все вещи Натальи Владимировны. Когда мы будем уезжать, усади ее с Зейхедом на мехари и оставайся, вместе с Игорю, в роли рыцаря-охранника во все время путешествия при нашей «молниеносной» даме. Станислав и мистер Ольденкотт поедут рядом со мною, а вы сзади нас. Если я доверяю твоему вниманию охрану этой женщины, это значит, что ты так же должен забыть о себе и думать только о ней, как ты делал это в те часы, когда помогал ей читать книгу в комнате Али. Обязанность,

возлагаемая мною на тебя в это мгновение, так же священна, как и та. Забудь же о себе, думай о ней и не забывай слов Франциска о бездне человеческого горя, – прибавил И., ласково потрепав меня по плечу.

Я был несколько пристыжен и в то же время умилен деликатностью и любовью И., умевшего всегда и все понять и сделать легкой и священной всякую задачу, которую он давал и которая казалась трудной. Когда он приказал мне собрать вещи Андреевой, стать ей рыцарем в пути, нечто вроде протеста и даже возмущения, нечто вроде горечи от расставания с И., – точно я был недоволен, что кто-то другой займет в пути мое место рядом с моим дорогим наставником,

– вихрем пронеслось во мне. И все это сразу же схлынуло, стоило ему вызвать в моей памяти ту Наталью Владимировну, которую я вводил в божественную комнату Али.

Я поклонился низко-низко моему чудесному воспитателю, понял по его ответному поклону и взгляду, что я не только прочтен до дна, но и прощен до конца, и радостно бросился к Игорю звать его к новому делу. И тут же поймал себя: ведь и мне сейчас указали нечто новое, и я это новое начал с печали. «Неужто же это закон для всех?» – думал я, собирая в плетеную корзинку вещи Натальи Владимировны и поражаясь тому, какое количество их она набрала с собой. И чего-чего тут не было! И кружевные косынки, какие она обычно носила на своих непокорных волосах; и детские игрушки, и бусы, и зеркала, маленькие и побольше, точно она собиралась дарить их каким-нибудь заброшенным жителям пустыни; и книги, пряники, и финики. Дойдя до этих последних, я уже готов был прийти в отчаяние, как ко мне подошли мои вчерашние собеседницы за ужином.

– Ну, это Вы делаете совсем не так, – сказала мне старшая, выбрасывая на высокий каменный стол из корзинки все, что я с таким трудом туда запихал и что было похоже на багаж коробейника. – Сейчас мы разложим Вам все по сортам и уложим в пальмовые корзиночки. А финики и пряники положим в специально для этой цели сплетенные мешочки, которые Вы привяжете сбоку корзинки. Тогда можно будет их доставать, не делая беспорядка в большой корзине.

Не успел я оглянуться, как вся работа была закончена. Я представил моим дамам Игорю, которого они очень сердечно приветствовали.

– Теперь пойдете, Вас ждет у нас завтрак, – сказала старшая.

– Не сомневайтесь, – прибавила младшая, заметив мое колебание, – доктор И. и дедушка уже у нас. Вас вместе с Вашим приятелем, приглашает дедушка. Он желает угостить вас нашим обычным завтраком, чтобы ваше

представление о нашей жизни в пустыне было полнее. Кроме того, у него, кажется, есть надежда упросить вашего великого другаартиста показать нам всем, как надо читать великих поэтов.

– Тебе не поручали, дорогая, ничего передавать, – перебила ее старшая. – Дедушка очень просит вас обоих сейчас к нам. Пойдемте же, а то кофе остынет,

– улыбнулась она нам.

Мы с Игоро посмотрели на свои запыленные руки и одежды, наши дамы мгновенно подметили наш взгляд, без слов нас поняли и отвели к тому домику-ванне, где нас приводил в себя Ясса. Мы и сейчас нашли его там. Наши спутницы прошли в сад, взяв с собой Эта. Через несколько минут мы к ним присоединились, соперничая с ними в белизне их туалетов.

Я был рад, что обе дамы щебетали с Игоро с особенным интересом, узнав, что он тоже артист и нередко выступал вместе с Бронским в его спектаклях. Я несся мыслями за профессором.

Как разны были мои чувства сейчас, когда я мысленно летел по пустыне за Зальцманом, и тогда, когда мчался за Беатой. Тогда я не сознавал ни себя, ни ее деленными от всей жизни, я составлял одно целое с нею, с пустыней, со всей вселенной, с Богом; там я пел со всем окружающим песнь торжествующей Любви: Здесь я видел отделенное бедное сердце, не имевшее еще сил осознать себя единицей всего мира. Я понимал, что профессор не видел еще в человеке частицы Единого, но читал только его внешнюю форму и по ней судил о ближнем. Давно ли и я думал так же?

Не знаю, долго ли мы шли, но когда неожиданно передо мной выросла громаднейшая фигура «дедушки», я точно с неба свалился, не сразу сообразив, где я, чем насмешил всех, а особенно Андрееву, которая, не удерживая веселого смеха, сказала мне:

– Ну и пожалела бы я тех, кого бы Вам поручили в пустыне, Левушка. Вы, наверное, забыли бы, что в пустыне бывают внезапные бури, очень опасные, и, унесясь в Ваших мечтаниях. Вы предоставили бы силе стихий всех Ваших подопечных.

– Это очень грустно, дорогая Наталья Владимировна, что именно Вам дал И. такого немудрящего рыцаря, как я, в охранники по пустыне. Вся моя надежда на то, что Его же высокая любовь не позволит мне на этот раз выбиться из глубокого благоговения и сосредоточенности, в которых я служил Вам в комнате Али. В данном же мне сейчас поручении, узнав о Вашем недоверии к моим силам, я постараюсь удвоить свое усердие, –

ответил я, впервые ничуть не смущаясь сарказмом ее глаз – электрических колес, которыми она меня пронзала, и едкостью тона, хотя она и прикрывала его добродушием.

Ко мне подошла леди Бердран и, радостно пожав мне руку, сказала:

– Я так счастлива, Левушка, И. сказал мне, что я поеду в одном ряду с Вами.

Когда я подошел к «дедушке», он положил мне на плечи свои могучие руки, и я мгновенно убедился, что Голиаф подвергся превращению в Давида, ибо я был ему ниже плеча и мог на него смотреть, только подняв голову кверху.

– Мой милый гость, я не так давно получил книги от моего друга, сэра Уоми, и прочел Ваш рассказ. Я едва поверил, когда И. сказал мне, что автор – юноша, почти мальчик. Если бы Вы много раз в жизни были рассеянны в отношении к внешним вещам, то та глубина, куда Вы проникли в Вашей книге уже сейчас, несмотря на Ваш возраст; говорит одно: Вы идете вожаком, и для Вас нет мерил обыденности. Примите мою благодарность. Если бы я мог выпустить во вселенную такую цельность устремления, какую обладаете Вы, я был бы счастлив.

Великан усадил меня – теперь совершенно сконфуженного – рядом с собой перед дымящейся чашкой кофе.

– Не смущайтесь, мой дорогой. Здесь, в пустыне, мы привыкли свободно оценивать таланты друг друга. У нас нет предрассудка зависти, как нам не свойственна и ревность. Мы нередко соревнуемся друг с другом и всегда честно и просто признаем себя побежденными, если противник побил нас талантом. И Вы не смущайтесь моим восхищением. Я просто счастлив приветствовать в вас ту силу одаренности, которая поможет многим и многим выйти из кольца их предрассудков и понять, что значит иметь глаза и уши открытыми.

Он придвинул ко мне несколько маленьких корзиночек, очень изящно сплетенных из пальмовых волокон и наполненных хлебцами, коврижками и печеньем. Я понимал, что все это хлебные продукты оазиса, разнообразно сделанные из муки, но форма хлебцев то напоминала картошку, а цвет вызывал представление о сахаре, то походила на морковь. Я не знал, что к чему подано, и смотрел на все корзиночки сразу, и не мог решить, с чего мне начать. Хозяин пришел мне на помощь, говоря:

– Нам приходится приспособляться к ежедневной потребности, живя в пустыне. Мы не можем рассчитывать, что идущие к нам и от нас караваны всегда будут в срок возвращаться и снабжать нас мукой из пшеницы, которая, как и рожь, у нас не родится. Наши хлебцы всегда с подмесом

муки из плодов хорошо рождающихся у нас манговых и мучнистых деревьев. Поэтому внешний вид наших хлебцев неказистый и слишком бел для глаз европейцев. Не было еще ни одного человека, впервые видевшего наш хлеб, который не задумывался бы над ним, как это сделали сейчас Вы. Но точно так же не было ни одного европейца, который, попробовав, не одобрил бы нашего хлеба.

Рассул был ласков, в его глазах не было ни искорки юмора, он смотрел на меня с отеческой нежностью. Великан сам положил мне на тарелочку из пальмового дерева несколько хлебцев, придвинув красивую небольшую масленку из слоновой кости, полную свежего масла, и подал широкий и короткий нож, также из слоновой кости.

Я обратил внимание не только на красоту вещей, на белоснежность скатерти, но и на руку самого великана. Это была огромная, темная, но красивая и необычайно пропорциональная рука. На среднем пальце ее сверкал древний перстень, изображавший голову сфинкса, в которой сиял желтый бриллиант. Я подумал, что клафт на голове самого хозяина был бы в полной гармонии со всей его фигурой, и в нем Рассул был бы похож на египетского жреца. Я не успел додумать своей мысли. Рассул снова посмотрел на меня и на этот раз в его взгляде было то же озорное, подшучивающее выражение, с каким он глядел на меня за ужином, когда я рисовал себе его мчащимся на мехари.

– Нет, – сказал он мне, улыбаясь. – Знатные египтяне не ездили на верблюдах. Они любили лошадей и слонов. Если уж, по-Вашему, я не умещусь на коне, надо меня посадить на слона. На белом я, темный, был бы особенно эффектен.

Рассул весело рассмеялся, я же, заметив улыбку И. и его ласковый мне взгляд, вспомнил, что мусором мыслей засорил текущую минуту, вздохнул и сказал Дартану:

– Опять проштрафился.

– Нисколько, – ответил мне он. – Но надо усерднее кушать, так как время не ждет, скоро Ваш караван двинется.

Он поручил меня одной из своих внучек, приказав накормить меня досыта. Но, зная наставление И. перед отправлением в путешествие много не есть, я не выполнил желания моей милой дамы и не съел половины того, чем она меня потчевала.

Первым из-за стола поднялся хозяин, за ним встал И. и все остальные. Когда мы вышли к концу аллеи усаживаться на мехари, то оказалось, что оставалась в оазисе только часть нашего отряда. Весь караван, шедший вчера сзади нас, уже давно ушел вперед, руководимый Никите. Я был очень

удивлен и подумал, как совершает это трудное путешествие сестра Карлотта, которая и в Общине большую часть дня все лежала в постели.

– Не беспокойся о тех, кого я тебе не поручал, но будь собран и до конца бдителен с теми, кого я тебе поручил и от обязательной заботы о ком еще тебя не освободил, Левушка, – сказал мне И. – Старушка преблагополучно спит и не испытывает никаких тягот пути. Смотри, – и он указал мне на Андрееву, нетерпеливо топтавшуюся у своего мехари, которого держал Зейхед.

Я быстро подошел к ней, подзвав Игоро, и мы втроем с большим трудом усадили ее в маленькое седло так, чтобы ей было удобно и чтобы с нее все не спадало. Пот катился градом со всех нас, и все же, если бы милосердный и ловкий Ясса не вмешался в наше дело, мы не смогли бы покрыть ее плащом и зашнуровать как следует, так как она спорила и сбрасывала с себя все, разрушая нашу работу. Мне помогло сохранить полное спокойствие мое воспоминание о белой комнате Али. Но оно помогло мне, а не делу. Ясса же, точно укротитель непокорной львицы, что-то бормоча на непонятном мне диалекте, который, казалось, понимала Андреева, ласково-ласково, как заботливая нянька, укутывал грузную женщину, и она подчинялась, даже не думая протестовать.

Еще и еще раз я понял, до чего многому должен еще учиться. Я ясно понял, что и самообладание может быть бессмысленно, если оно акт чисто личный, а не действенная сила. Та сила, что вбирает в себя эманации раздражения встречного и тушит их, как глухая крышка, плотно покрывающая горшок с красными углями и сдерживающая их огонь. Я понял сейчас, почему влияние И. и других моих высоких друзей так освобождает людей и дает им блаженное чувство облегчения. Их мудрое самообладание, лишенное всякой памяти о себе – этой назойливой требовательности собственного «я», льет энергию своей любви во все дела человека, с которым они общаются. Я понял, что виновен в том, как прошла встреча с человеком, какие чувства в нем пробуждались при встрече со мною. В эту минуту, как никогда, мне была ясна пропасть между той ступенью, где жил я, и между величием Света, где жил И. Я снова вздохнул и услышал нежный голос И.:

– Мой мальчик, привыкни делать каждое текущее дело как самое важное. Привыкни не пересыпать перцем своих благих мыслей действия своего дня. Этим ты затрудняешь не только одного себя, но и всех тех, кто живет вокруг тебя. Иди простись с хозяином. Я займу твое место рыцаря на это время подле Натальи Владимировны.

И. подошел совсем близко к Андреевой и что-то стал говорить ей, но

так тихо, что никто разобрать его слов не мог. Мы с Игором пошли прощаться с Рассулом. Я везде искал глазами Бронского, недоумевая, где бы он мог быть, так как он раньше всех вышел из-за стола и в сопровождении двух мужчин, жителей оазиса, куда-то ушел. Я нигде не видел артиста, стал было уже беспокоиться о нем, но: вовремя вспомнил о «перце» своих мыслей:

Когда я подошел к Рассулу и, кланяясь, благодарил его за гостеприимство, он взял обе мои руки и, глядя верху вниз мне в глаза, сказал:

– Радостно мне сегодня. Радостно на много дней вперед, что встреча с Вами дает мне возможность вернуть Вам мой старый долг. Когда-то Ваша белая птица была Вашим врагом, – показал он на Эта, прижавшегося к моей ноге. – В одно из воплощений этот враг убил Вас. Но, умирая, Вы защитили меня от него. Я остался жив, помнил о Вашей защите, помнил о своем долге Вам, но в течение многих веков не имел возможности возратить Вам хотя бы свою благодарность. Примите от меня эту вещицу. Это очень древняя вещь. Она принадлежала одному египтянину и напоминала ему о неизбежной ступени в пути совершенствования каждого человека: о гармонии. Возьмите ее от меня. Редко бывают в жизни вещи, не оплаканные слезами, не напитанные вибрациями скорби и стонов. Если иногда людям и попадают в дар вещи великих, имевших души чистые и свободные, они делают себе из них талисманы, прибегают к их помощи в своих мольбах и передают им невидимые токи своих страданий. Эта вещь чиста. Она принадлежала существу такого высокого духа, радость которого не омрачалась ни на единый миг за всю жизнь, хотя видимых причин для этого было немало. Все, чего я хотел бы пожелать Вам из глубин моей благодарной памяти, – сохраните ту цельность верности до конца, в какой сейчас живете. И великая Жизнь поддержит Вас – вожака человечества – в том месте, к которому она теперь подвела Вас. Никто не может выполнить величайшей задачи, которую на него возлагает великая Жизнь, в одно воплощение. Целый ряд их, следующих друг за другом, поднимает в человеке на высоту совершенства таящиеся в нем силы, вначале как качества, потом как аспекты Единого, постепенно создавая из человека-формы человека-огонь. Огонь Ваш, горящий уже теперь костром, должен принять форму шара, чтобы стать гармоничным путем для Истины. Пусть же эта вещь высокого радостного духа поможет Вам в этой великой и трудной работе.

И он подал мне небольшую пластинку на золотой цепочке из звеньев в виде головок сфинкса, на которой было изображено солнце и его лучи,

причем само солнце представлял большой желтый алмаз и такие же камушки сверкали в глазах сфинксов.

Я был так потрясен его словами, восхищен подарком и в то же время огорчен: опять у меня ничего не было, что бы я мог дать любезному хозяину взамен его дара. Он прочел мою мысль и сказал:

– Жизнь, которую Вы когда-то подарили мне, – Ваш вековой подарок. А теплота сердца, которой Вы обласкали меня сейчас, ценнее всех даров, которые Вы могли бы мне дать. Но, если бы Вы желали, если бы у Вас было радостное желание оказать мне услугу, я обратился бы к Вам с одной просьбой.

В ответ на мой восторг быть ему полезным он продолжал:

– В дальней Общине, куда Вы теперь едете, есть несколько домиков, где живут люди нашего оазиса. Несчастливых, которые нигде не могут достичь мира в сердце, везде много. Им кажется, что не их собственная строптивость гонит их от людей, заставляя их самих отъединяться от своих ближних, но что окружение не дает им возможности развиваться в том духовном богатстве, которое они в себе носят. Такие и наши строптивцы, объехавшие чуть ли не весь мир и не нашедшие себе нигде покоя, живут в дальней Общине. Время от времени мы посылаем им вести и посылки с родины. Но чтобы можно было послать им весть, надо, чтобы вестник был верен до конца, целен до конца и добр до конца. Только через такого вестника поданная весть не причинит нового бунта и нового пароксизма отрицания этим несчастным. В Вашем лице мы могли бы иметь такого гонца. Согласны ли Вы им быть?

– Вы слишком хорошо читаете в моем сердце, чтобы задавать мне этот вопрос, – ответил я. – Если считаете меня гонцом достойным, я готов.

Рассул вынул из кармана своего плаща объемистую пачку писем, перевязанную тонкой лентой из пальмовых волокон, вложил ее в красивый мешочек, сплетенный, как циновка, и подал мне, говоря:

– Все эти письма я прошу Вас передать лично людям, которым они адресованы. Но не сразу передавайте их. Сначала Вам надо познакомиться с каждым из тех лиц, кому я прошу Вас отдать письмо. Важно в этом случае общение со строптивцами, чтобы гонец знал и помнил не только о любви и заботах тех, милосердие и дары которых он вообще несет в серые дни жизни земли. Но важно, чтобы его собственная активная сила доброты жила и, действуя в гармонии с их любовью, сумела внести мир в сердце строптивца, хотя бы на тот краткий миг, пока совершалась передача вести. Гонец должен найти в себе то истинное самообладание, от которого затухает раздражение во встречном. Вы сами прошли мучительный путь

постоянного раздражения, и Ваша верность помогла Вам выйти в ступень цельной доброты. Ваш новый путь бдительного внимания к каждой встрече дает Вам возможность подниматься выше к ступени гармонии Учителя. Не каждый ученик может продвигаться в высоту тех путей, где действует Учитель. Туда проходит только тот, кто сумел дойти до самообладания как действенной силы, помогающей освободиться встречному от его давящих страстей. По внешности, по суду людей недалеких и нечутких, ученик может обладать большим темпераментом, чем им бы это казалось уместным для ученика. И, по неразумию своему, они считают такого ученика раздражительным или плохо воспитанным. Не раз в жизни Вам придется столкнуться с этим. Но на суд людей Вы никогда не обращайтесь внимания. Они судят по степени своего ума, а Учитель судит о Вас по действию Вашего сердца, культуру которого может видеть лишь тот, чье сердце бьется в ритме вселенной. Таких сердец на земле не так много, и отсюда идет некоторая внешняя обособленность учеников. Этим смущаться нельзя. Надо глубже разрывать внутренние перегородки между собой и людьми и вводить в каждое общение силу энергии Тех, Кто ведет Вас, никогда не давая Вам чувствовать огромной пропасти между Их и Вашим духовным миром. Познакомьтесь лично с каждым из моих адресатов. Научитесь овладевать их эманациями себялюбия и самоуверенности. Научитесь тушить огни их чрезмерно развитого астрала. Научитесь вводить в действие в каждой встрече с ними энергию Вашего высокого друга Флорентийца как такт и обаяние. И только тогда подайте каждому его письмо. Вас поражает, что Франциск, также давший Вам письма к строптивцам в дальней Общине, ни о чем Вас не предупреждал, а просто велел Вам передать их его адресатам, неся Его чашу в руках. Вы молоды, мой друг. Вы еще не можете ни воспринять, ни охватить полностью мощь и высоту Любви Франциска. Его освобожденная Любовь несет всем такую непобедимую силу, что рука, подающая Его весть, может быть только чиста. Сила Франциска, Радость его сокрушают все условное в людях сами по себе, не нуждаясь в содействии гонца. Если гонец может подать Его весть, значит, он чист сердцем. Если бы гонец вздумал кого-либо обмануть, он сгорел бы мгновенно, превратившись в груды пепла. Или же стал бы безумным, если бы его преступление было легче обмана, но все же несло бы встречным себя, а не Человеколюбие.

Закончив этими словами свою речь, Рассул обнял меня и велел своим двум внукам подать мне ряд посылок, предназначенных тем же людям, к кому он дал мне письма.

Я был очень глубоко взволнован словами Рассула и его доверием к

моим силам. Я мысленно не расставался с моим великим покровителем Флорентийцем и молил Его помочь моим рукам сохранить чистоту и держать чашу а, ставя Его прекрасный образ между собой и каждым встречным, пока буду в дальней Общине.

Едва я справился со своим волнением, как увидел Бронского, подходившего к нам в большой группе молодых мужчин и женщин. По виду Станислава, излучавшего необычный энтузиазм, я понял, что он пережил и еще переживает момент творческого вдохновения. Из долетавших к нам отдельных слов его речи можно было понять, что он дает наставления о какой-то театральной пьесе.

Когда вся группа приблизилась к нам, артист остановился, как бы слетел с неба на землю, сразу же, как в сказке, лицо его приняло обычное выражение, и он беспокойно сказал:

– Неужели я опоздал и задержал Вас, Левушка? И Вы один ждете меня здесь?

– Не беспокойтесь, – ответил ему за меня Дартан. – Учитель И. распорядился дать Вам время осмотреть наш театр и прочитать моим артистам несколько бессмертных произведений. Караван ушел вперед, а И. по обыкновению не потерял ни одной минуты времени в пустоте. Я же приношу Вам мою благодарность за то, что Вы помогли моим внукам и внучкам понять, как выйти из тупика в искусстве, куда они забрались. Конечно, Ваши советы, как молния, помогли им увидеть, что такое истинное искусство. Но: одно дело понять, а другое дело – суметь. На Вашем языке, как Вы сказали мне вчера, знать – значит уметь. Не откажите нам в более длительной помощи, поживите с нами и поучите нас, если такая самоотверженная задача не кажется Вам слишком низкой для Вашего гения.

– Я опускаю Ваши последние слова, считая их просто одной из форм и фраз восточной вежливости, с которой я не раз уже сталкивался в жизни и никогда не был настолько находчивым, чтобы найти подходящий ответ. Не допускаю мысли, что Вы не видите, как глубоко я поражен достигнутыми в пустыне успехами, пониманием и преданностью искусству; я хочу пожить у вас и поработать с вашим театром. У меня есть и блестящий режиссер, мой ученик Игоро, преданность делу которого, пожалуй, превосходит даже мою. Но в эту минуту перед нами обоими стоит иная задача. Мы не можем оставить нашего великого друга, Учителя И., за которым мы сейчас следуем; но, если он разрешит нам, возвращаясь, мы останемся у вас в оазисе и поработаем столько времени, сколько сам Учитель И. найдет нужным нас здесь оставить.

Ясса подал знак к отъезду, и мы, сопровождаемые целой толпой людей, смотревших на Бронского, как на Бога, отправились к мехари. Здесь мы увидели, что И. и мистер Ольденкотт уже уехали. Станислав, который должен был ехать рядом с И., растерялся, увидев своего мехари одиноко стоявшим в тени пальм.

– Не волнуйтесь, друг, – ласково сказал Дартан. – И. распорядился, чтобы я помог Вам догнать его. Я велел оседлать Вам моего, особенно быстроходного мехари и сам доведу Вас до И. Не пройдет и часа, как Вы будете с И., а я возвращусь обратно. Мехари же мой, имя которого Отчаянный, пусть станет Вашим. Он назван так по некоторым своим озорным качествам. Но если он понял, что ему вручается забота о жизни того, кого он несет на себе, он верностью своей будет стоек и тверд, до последнего дыхания отстаивая всадника в опасности, и доставит порученного ему в надежное или нужное место. Сейчас Отчаянный понял свою задачу. Он принесет Вас целым и невредимым к нам обратно, хотя бы самому ему пришлось пасть мертвым у моих ног. Садитесь, друг. На прощанье прочтите еще что-нибудь Вашей будущей пастве.

Бронский сел на подведенного ему огромного мехари, Ясса набросил ему белый плащ – и я увидел ожившей картину Беаты. Таким же блеском энтузиазма сверкало сейчас лицо артиста, каким она изобразила его на своем полотне. На мгновение он как бы призадумался, а затем... я даже не сразу понял, что он декламирует прощание с народом римского вождя перед дальним и опасным походом. Речь его была так проста и естественна, обращение к отдельным лицам и заветные прощальные слова звучали так подходяще к случаю, что вернуло меня к действительности только последнее обращение: «Римляне, вернусь ли я, или весть о гибели моей дойдет до вас, – помните одно: я был верен вам, и не мне, но вам, отечеству будет принадлежать вся слава, если я вернусь покрытый ею. Вы же живите без меня так, как будто каждый день вы приносите богам клятву верности охранять мир внутри отечества, как я иду завоевывать ему славу вовне. Прощайте, мир вам».

Это были последние слова Бронского. И как они были сказаны! Передо мной выросал Рим, я забыл, кто и что я, что я только Левушка «лови ворон», я был римским гражданином, я возвращал клятву верности своему вождю. О, сила искусства, сила сердца человека и его таланта, где же предел твоей мощи?!

Ясса тормозил меня, говоря, что пора ехать, что «остроглазая» совсем рассердится. Я не мог сразу перескочить какой-то границы, с большим трудом влез в самого себя, увидел вдали облако пыли, скрывавшее

Бронского и Дартана, и подошел к своему мехари, рядом с Андреевой.

Я приготовился выслушать ее недовольный выговор и был крайне поражен, встретившись с ее огромными глазами, в которых еще сверкали слезы и выражение которых было кроткое, умиленное, точно ей было пять лет.

– Понимаю Вас, Левушка, – ласково сказала она мне. – Как часто в жизни я понимала свое ничтожество, встречаясь с силой истинного гения. Если бы я навеки запомнила эти дни, этот миг особенно, я научилась бы действительному самообладанию. Когда И. уехал, я разрывалась от нетерпения и досады на Вас и Бронского, на ваше промедление. Сейчас я благословляю артиста. Сказанные им слова, сотни лет назад написанные, мертвые, когда их читаешь, разрезали во мне моими же страстями сотканые веревки и помогли мне раскрыть крылья – единственные крылья ученика, если он хочет двигаться вперед: безоговорочное послушание.

Ничего больше не прибавила Наталья Владимировна, но я понял, что огонь гения Станислава разбил в ней что-то, мешавшее ей достичь в себе гармонии. Еще раз, я поразился, как разнообразны и неожиданны поводы, ведущие нас к раскрепощению. И как неповторимы и долги пути каждого до того момента, пока борьба в самом себе подведет сознание к такой степени гармонии, где озарение может проникнуть в святая святых собственного сердца.

Мы не одни двинулись в путь. Довольно большая группа всадников и всадниц, обитателей оазиса, на маленьких хорошеньких лошадках арабской породы окружила нас, заявив, что проводят нас так далеко, как позволит «дедушка», то есть пока они не встретят его возвращающимся после встречи Бронского с И.

Мне было забавно наблюдать, как мчались легкие лошадки, казавшиеся игрушечными рядом с нашими мехари; как они отфыркивались от пыли и были к ней, казалось, гораздо более восприимчивыми, чем сидевшие на них дамы, перекидывавшиеся словами с нами и между собой.

Мы весело ехали версту за верстой. Я не ощущал усталости и немало удивлялся, что всегда веселая и остроумная в каждом обществе Наталья Владимировна была на этот раз очень серьезна, задумчива и молчалива. Не могу сказать, как долго мы ехали по пустыне, но думаю, что проехали уже более трех часов. Я начал несколько уставать и чувствовать жажду, как с нескольких сторон сразу раздались возгласы: «Дедушка!»

Я положительно ничего не видел, что я мог бы принять за дедушку, особенно учитывая размеры великана. Я видел один однородно блестящий песок. Но ехавшая подле меня дама указала мне маленькое облачко пыли,

которого без ее указания я бы и не заметил. Я отнесся с недоверием к ее дальновзоркости, но через некоторое время и сам стал различать в центре пыльного облачка, становившегося все больше, смутный силуэт всадника. Мы ускорили аллюр и через непродолжительное время окружили Рассула.

Еще раз попрощавшись с нами, он сказал, что в получасе езды И. ждет нас у одного кочующего бедуинского племени в крошечном оазисе. Послав благословение нашему пути, Дартан, окруженный своей семьей, продолжал свой путь домой.

Действительно, минут через сорок мы увидели маленький оазис и вскоре благополучно соединилось с И. и его спутниками.

Снова волна новых впечатлений охватила меня. Я понимал речь этого полудикого племени, чему очень обрадовался, впервые имея возможность применить к жизни один из языков, выученных в Общине. Меня поразили бедность, грязь и полная некультурность этого небольшого племени. Попав сразу в оазис Дартана, очутившись в кусочке почти европейской цивилизации среди пустыни, я ожидал, что все, встречаемое в ней, будет похоже на этот оазис. Сейчас мне стало ясно, сколько труда должен был положить на свое дело Дартан и какую огромную поддержку и помощь он, несомненно, получал от Али. Мне было странно, как возможна в нескольких часах езды от Дартана такая тьма, в какой жило это полудикое племя.

Увидев И., разговаривавшего с кем-то, я подошел и прислушался к его разговору с несколькими стариками, очевидно, вождями племени. Сначала мне показалось, что они на что-то жалуются и в чем-то стараются оправдаться перед И. Но затем я понял, что старики дают И. отчет в сумме израсходованных ими денег, объясняя ему свои неудачи в тех начинаниях, которые он им рекомендовал.

– Неудачи ваши не оттого произошли, что вы применяли новые способы обработки слоновой кости и пальмовых волокон, которые я вам указал. А только оттого, что вы, делая по-новому, не до конца применяли новые способы. Вы все старались соединить новое и старое; а я вам в самом начале говорил, что надо делать или по-вашему – и тогда оставаться нищим бродячим племенем, – или осесть в оазисе, в той его части, что отвел Дартан. Там надо было выстроить себе хижины и маленький завод и стать зажиточным племенем. Посмотрите, как вас мало осталось. Неужели вы, старейшие вожди, какими себя считаете, не понимаете, что все молодое и лучшее у вас вымирает, потому что вы не умеете заботиться о подрастающем поколении, а не потому, что судьба с ее неудачами преследует вас. Вы утверждаете, что ваше новое поколение растет злым, не

повинуется вам и разоряет вас, нарушая солидарность вашего народа. А я утверждаю, что вы мало любите свой народ и не заботитесь о его будущем. Ваша лень заставляет вас искать случаи сбывать сырье, вместо того чтобы обрабатывать кость, делать из нее прекрасные вещи, образцы которых я вам дал. Ваше молодое поколение не может больше жить в той тьме и грязи, к каким привыкли вы. Я еще раз предупреждаю вас: присоединитесь к оазису Дартана, или вы все вымрете. Когда я говорил с вами в последний раз, я вам объяснял, что каждое племя может сохранить жизненность только в том случае, если его кровь освежается притоками иной крови, имеющей в себе зародыши главной силы к победе: мужества. Вы вялы, и мысль, которая пробудилась у вашего молодого поколения, не видит перед собой пути, куда направить энергию. А люди, не знающие, к чему приложить свою энергию, прикладывают ее к ссорам и разврату. Вы говорили мне, что вы поняли необходимость культуры для вашего племени. Но все это были одни слова, заботы о людях вы не проявили. Не думайте, что небеса, которым вы учите молиться детей, пошлют вам помощь, а вы будете, ожидая ее, бродить по пустыне и равнодушно смотреть, как вымирает ваше юное поколение. Если вы любите свой народ – действуйте, как я вам указал, и запомните: дважды вы получали зов и помощь от меня. Дважды я вам указывал путь к труду и свету, и оба раза вы горячо уверяли меня в своей готовности трудиться. И оба раза, истратив попусту время и деньги, вы возвращались к своей первобытной лени и тьме. В последний раз я предупреждаю вас: нельзя стоять на месте. Вы поняли, что вы не можете отъединиться от людей, что в отъединении для вас гибель и смерть. Жизнь для вас возможна только в единении с людьми, у которых вы можете научиться труду и найти защиту. Если и на этот раз вы не послушаетесь моего совета, первая же буря в пустыне погребет вас, так как вы слишком малочисленны, чтобы защититься от нее. Прощайте. Не ищите оправдания себе. Вы взяли свой народ, а никакой любви к нему в вас нет. Вы стараетесь только обмануть самих себя, уверяя меня, что новые способы не подходят в пустыне. Вы не подходите к новым способам, так как не видите ясно черед собой русла, куда должна вливаться новая сила вашего потомства. Гибель молодых лежит на вас и ни на ком больше. Ответ за них вы будете держать, так как нет Бога, карающего ваше племя, а есть только ваши лень, отсутствие забот и любви. Не нужна великая наука, чтобы действовать правильно для пользы и счастья своего народа. Но нужна великая любовь, которая учит беречь человека. Не Бог, а вы поставлены беречь своих людей. Не старайтесь сбросить с себя ответ на Бога. Только тот может видеть Бога в небесах, кто научился видеть и любить Его в

человеке. Помните, что я сказал вам сейчас, и не ждите помощи извне. Только в себе найдите любовь. Любовь ваша родит энергию, а энергия откроет вам новый путь труда. Трудясь, найдете вновь здоровье.

И. повернулся к своему мехари, велел нам всем садиться, и через несколько минут мы были снова среди пустыни. На этот раз все мое внимание сосредоточилось внутри меня. Я смотрел в свое сердце и, казалось мне, сам читал в нем свои промахи и видел разрывы внимания, когда целые куски жизни, а не маленькие мгновения ее проходили в пустоте.

Среди мыслей и слов, подобранных мною за эту ночь, наиболее сильное впечатление произвели на меня прощальные слова Франциска, обращенные к нам с Бронским, о дальней Общине, о бездне страдания и отчаяния людей, перед которыми муки бедных карликов в трапезной он считал пустяком. Кто же жил в дальней Общине? И почему люди могли впасть в такое море страдания? Этот вопрос неустанно звучал в моем сердце, я старался выбросить из него все личное и думать только, как пронести в себе чистый храм в тот кусочек мира, где собрано столько страдания.

И. умерил ход своего скакуна, через несколько минут мы перешли на шаг, и он сказал нам:

– Все вы сейчас сосредоточены, и каждый по-своему старается собрать все лучшее в себе, чтобы въехать в место печали во всей чистоте и мужестве. Я хочу обратить ваше внимание, ваше особенно бдительное внимание, как приготовить себя к встрече, если вам известно, что встречный – великий страдалец. Я употребил это слово – «страдалец» – потому что с этой ночи ни для одного из вас уже не может быть понятия «грешник». Все, совершенное человеком в его воплощениях, если бы оно для понимания обывателя было смертельным грехом, для вашего понимания может быть только той или иной формой страдания, в которое вы должны внести мужество и энергию Света. Значит ли это, что вы должны покровительствовать вору, обласкать предателя, содействовать убийству, покрывать лицемерие? Не распознавая, протягивать свою помощь каждому преступнику, рассматривая его как страдальца, которому вы должны влить утешение? Нет, наоборот, вдвое бдительнее вы должны обращать внимание, насколько данный встреченный человек одержим темными силами. Бывают случаи связи человека с темной силой, не оставляющие надежды для данного воплощения. Это случаи потухших сознаний, где эгоизм и жадность разложили в человеке те нервы и мозговые центры, через которые в организм поступает чистая солнечная

энергия. Они живут, иногда даже обладают сильными физическими проводниками, но светящейся материи, непременным элементом которой должна быть активная любовь, они выработать не могут. Они живут, следовательно, в их проводники проникает солнечная материя; но проникает она в них лишь настолько, чтобы дышать, есть и пить, действовать, но не творить. Для творчества, для жизни в ступенях вселенной у них этой светящейся материи не хватает. Они, ухватывая кое-что из сил стихий, перерабатывают все только для личных потребностей и открывают в себе все двери источникам темного оккультизма. По каким признакам вы можете разобрать, одержим ли ваш встречный темной силой или он только болен, не имея возможности найти в своем сердце любви, чтобы погасить собственное кармическое звено, преследующее его в это воплощение? Человек, не умеющий найти достаточной силы любви, чтобы погасить свою карму, может быть неустойчивым, неумным, самомнительным, но у него всегда есть Святая Святых, с которой он движется по делам дня. Он может падать и вновь подниматься, доходить до дна в своих порывах раздражения, но в своем сердце он знает божественное место и понимает, что такое благоговение и доброта. И если в вас самих эти силы живут, когда вы подходите к человеку, трепет их в вас дает вам знать, что перед вами страдалец, раздираемый страстями, а не темный оккультист.

Он мог даже совершить преступление, но его сознание не потухло. Оно просто не раскрыто, забитое силой собственных страстей. Такой человек может освободиться от выросших на нем корок предрассудков и суеверий, еще может найти узкий ход в путь освобождения. Какова же ваша роль в этих случаях? Вспомните то, о чем говорил ночью Франциск: «От доброты и любви ученика размякают, как воск, корки застарелых страстей и пороков человека, расширяются его поры, и через них в вашего встречного может проникнуть солнце вашей Любви». Еще и еще раз уложите во все складки вашего сознания не раз сказанные мною вам слова: «Если сердце ваше чисто, никакое зло не может коснуться вас. Перед вашей чистотой оно бессильно»... Чем и как можете вы распознать, что перед вами темный оккультист? Имеют ли все темные оккультисты отвратительную внешность, которая сразу же давала бы вам знать, что отталкивающая вас от человека сила, вызывающая ваше отвращение, выявлена вся вовне? Среди темных оккультистов есть много красивых людей, имеющих даже чарующую внешность. От этого признака зародилась легенда о падшем ангеле, которого никто и никогда не рисовал себе уродом. Во внешности этих людей такое же разнообразие форм, как и

среди остального человечества. Есть и гиганты, есть и карлики, есть и самые обычные формы, нормальных размеров и психики. Но что неизменно присуще всем людям, так или иначе попавшим в лагерь темных? У каждого из них на первом месте – эгоистическое стремление овладеть волей встречного. Раньше, чем вникнуть в смысл встречи, темный выпускает свою силу гипноза, в какой бы мере она ни была у него развита. Он стремится поставить своего встречного в подчиненное положение. Он отлично знает, что вцепиться в человека он может только через те или иные страсти, прочесть которые не составляет труда ни для одного наблюдательного человека. А темные оккультисты обучаются с самых первых шагов читать признаки человеческих страстей и разбираться в степени раздражительности человека. Раздражительность – первый и главный козырь темных в системе овладения людьми. Всякими способами они пытаются нарушить равновесие человека, затем будят в нем страх и жадность, зацепляются бульдожьей хваткой за эти страсти и постепенно – с железным самообладанием и выдержкой – втягивают человека, его волю, в орбиту собственного сознания. Это первое общее всем темным правило их евангелия серого дня... Второе неизменное правило поведения – проносить в каждую встречу ложь, лицемерие и путать так сознание и внимание встречного, чтобы человек думал, что встретил великую, доброжелательную силу, которая окажет ему протекцию и помощь в той или иной его карьере жизни. Насколько светлая сила учит каждого человека понимать, что все в нем, что только он – независимый и абсолютно свободный творец и мастер всей своей жизни, настолько темные стараются внушить каждому, что он бессилен и немощен без внешней помощи и опеки, которые только и могут раскрыть двери к удачам, богатству, славе и почестям. Светлая сила говорит каждому человеку, что он никогда не одинок, что он всегда вдвоем: он и его Единый. А потому мощь его не имеет предела как частица Беспредельного, которую он носит в своей форме и которой единится с людьми. В речах же темного всегда звучит призыв к отъединению. Обещая за полное послушание все материальные блага, какие только существуют на земле, темный говорит встречному: «Не ищи разделить свои блага с кем бы то ни было. Все, что я дам тебе, – все сложи в склады и держи про себя. Если это материальные сокровища – копи их, ибо они сила и ими завоевывается мир. Если это знания – помни, что ими приобретается умение овладевать волей людей. Ни с кем ими не делись, старайся всегда становиться в позицию силы и борьбы. Друзья тебе не нужны, а врагов победить надо, ссоря их между собой. Никаких других возможностей побеждать нет. Можно только в их

ссоре и вражде вырывать себе удачи и богатства. И чем жестче ты обращаешься с людьми, тем больше твоя сила, тем выше ты поднимаешься как владыка жизни»... Эти наставления составляют третье правило евангелия темных. Действуя по этим трем правилам, темные овладевают огромным количеством людей инертных и слабовольных, завистливых и жадных, раздраженных и отрицающих, жаждущих внешних благ, карьеры и славы. Отрицание человека, его самость, его стремление всегда в жизни танцевать от своего «я» и всюду выдвигать это «я» часто приводят к встрече с темными. Человек может быть очень добрым и честным по существу. Его сердце может быть полно любви и благородства. И все же в его уме может бурлить протест против современности, узких рамок, которые ему предоставлены в каком-либо деле, или он может протестовать против участия в его работе каких-то ему неприятных людей; или же он бунтует против тех людей, от которых он получает вести Света... И темной силе готов новый раб, даже не заметивший, когда и как он попал в цепь железных лап темных. Повторяю, темные могут быть обворожительны по внешности, их манеры могут пленять мягкостью и их уговоры могут походить на журчание горных ручейков для людей, мало распознающих, не собранных в своем внимании. И только несколько раз попив этой горной водички, неосторожный человек сможет разобрать вкус ее горький, запах ее, пьянящий его страсти, осознать, куда он забрел, какое сам, своею неосторожностью соткал зло. Зачем я говорю вам об этом и почему Франциск сказал вам, что бездна горя и отчаяния карликов в трапезной была ничто в сравнении с несчастьем тех людей, которых мы встретим в Общине? Я говорю вам об этом, чтобы вы овладели всеми силами Жизни, что пробудилась в вас, и вылили ее потоком радости из ваших сердец в привет и встречу новым знакомым. Чтобы поток этой непобедимой Радости помог легче вздохнуть, глубже вобрать в себя Свет тем страдальцам, что не знают всю жизнь мира в сердце. Франциск сказал вам о них потому, что знал в вас чистоту и верность, знал, что вы можете освободить в каждом из новых встречных какую-то щель, куда воляете мир и доброту. Строптивцы, живущие в дальней Общине, все без исключения, так или иначе столкнулись в своем бунте с темной силой и послужили ей, даже и не подозревая этого. Их самость в большинстве случаев была целью для темных; и они проводили в мир свои дела и идеи через бедных строптивцев, которым и в голову не приходило, что именно они идут проводниками злу. Все, кого вы увидите в дальней Общине спасенными и устроенными в ней, спасены Белыми Братями милосердия и охранены, защищены целой сетью добрых, через невинные сердца которых злым

прохода нет. Вступая в зону этих охраняющих, несите им свою помощь, свою чистоту, мир и радость. Ни на одну минуту не думайте о себе, но только о тех страдальцах, к кому приехали. Если в ком-либо из вас есть сомнение, что он не сможет так забыть о себе, чтобы ни разу не дойти до раздражительности, поверните своих мехари обратно в оазис. Здесь, – прибавил И., остановив своего верблюда, –, живет пустынный, среди этой маленькой группы пальм. Кто в себе не уверен, кто не имеет безграничного самоотвержения, чтобы служить проводом энергии своему Учителю для помощи несчастным, чья верность дрожит перед необходимостью полного внутреннего самообладания и слияния с деятельностью Учителя, останьтесь здесь и подождите первого случая вернуться обратно в оазис Дартана. Сосредоточьтесь, воззовите каждый к своему Учителю и слушайте беспрекословно, что бы ни сказал вам Он. Если прикажет возвратиться, знайте, что, нарушив Его приказ, поступив так, как Вам кажется прекрасным и нужным, вы не только не сотворите добра, но соткете еще одну нить зла. Вы отрежете себе самим надолго возможность продвинуться вперед по пути освобождения...

И. замолк. Мы остановились в пустыне, вокруг царила полная тишина, даже дыхание животных ее не нарушало. Я воззвал так глубоко к Флорентийцу, как еще ни разу не звал Его.

«Тки сеть защитную вместе со мною вокруг всего каравана, – услышал я Его голос. – Тки сеть защитную вдвое бдительнее вокруг себя и порученной тебе в пути женщины. Помни, что рыцарь Мой не может стоять один в своей задаче земли, но всегда стоит со Мною. Чаша в Моей руке – это твои дела и поведение в дне. Мужайся и сплетай Огонь Моей чаши с Огнем сердца той, чьим рыцарем тебе ведено быть в пути. И. велел тебе опекать ее только в пути, я же велю тебе опекать ее и в Общине. Не размыкай сети защитной между тобою и ею во все время пребывания здесь, вплоть до возврата домой. Будь благословен, следуй за Моей верностью».

На этот раз я особенно пережил мгновенное слияние моим дорогим Учителем. Я не ощутил никакого содрогания в теле, меня наполняло ликование, границ между «я» и «не я» я не создавал...

Когда я опомнился, мехари И. стоял перед нами, И. у нас улыбаясь. У меня нет слов описать эту улыбку. Это была улыбка Бога и младенца, невинности и Мудрости, доброты и силы.

– Аминь, дети мои. Несите же смело и радостно, радостно и просто дары своей Любви. Первое испытание Ей уже идет.

Мы снова двинулись в путь. Я не понял, о каком испытании говорил И., но очень скоро мне пришлось это узнать. Не успели мы перейти в галоп,

как навстречу нам издали понеслось маленькое облачко пыли.

– Вот, Левушка, первое испытание, о котором говорил И., – указывая на пыльное облако, сказала мне Андреева, которая продолжала быть молчаливой, и это были ее первые слова.

Я с удивлением взглянул на нее, считая пыльное облако внезапным порывом ветра, очень неприятного, сухого, забивающего песком глаза и ноздри, с которым мы уже несколько раз встречались в пути.

– Это не ветер, а человек, – прибавила она, так серьезно и пристально взглянув на меня, что я в сотый раз был удивлен выражением ее огромных глаз.

Все ее лицо, обычно носившее в себе нечто от иронии, точно она знала так много, что внутреннее содержание каждого казалось ей забавным пустяком, не заслуживающим серьезного внимания, теперь было не только строго, но какая-то неумолимая суровость на нем меня поразила. Больше она не прибавила ни слова, точно вдруг забыла обо мне и обо всем, кроме приближавшегося к нам облака, с которого не спускала глаз.

Подчиняясь приказанию Флорентийца, я приблизил своего мехари к животному Андреевой. Умные животные пошли совсем рядом друг с другом, так что я мог наблюдать за всеми оттенками выражения лица Натальи Владимировны. Через некоторое время вдаль стали вырисовываться верхушки пальм. И. сдержал ход своего верблюда, и вскоре весь караван перешел на шаг. Облако пыли было уже близко к нам, и теперь я различаю в нем ясно фигуру всадника на коне.

Всадник бешено мчался к нам. Не замедляя бег, он подскакал к самому каравану, остановив своего коня шагах в пятидесяти от нас. Он поставил коня поперек нашего пути, точно приказывая нам остановиться. Пыль еще не улеглась, я не мог рассмотреть лица всадника. Но конь его был великолепен, и сам он сидел на нем как классически вылепленная скульптура. Его дерзостное намерение остановить наш караван всем нам было ясно. Но И. ни на минуту не замедлял шага своего верблюда, мы приближались к всаднику, и мне показалось, что неминуемо верблюд И. столкнется с конем всадника. Когда мы были не более чем шагах в пятнадцати от всадника, он поднял руку и прокричал:

– Разве вы не понимаете языка пустыни? Если я стал поперек дороги, караван должен остановиться.

Голос незнакомца был груб и резок. Теперь я видел и его фигуру, и его лицо совершенно отчетливо. Он был молод и довольно красив. И при всей своей сравнительной красоте он был отвратителен теми наглостью и вызывающей дерзостью, которые лежали на всем его облике. У меня

мелькнула мысль, что это разбойник, хотя его внешность была скорее элегантной, чем небрежной.

И. все так же двигался вперед, а всадник все так же держал свою руку вытянутой по направлению к нему. Вот-вот, казалось мне, должна была произойти стычка животных. Не доезжая шагов пяти, И, слегка поднял правую руку и сделал едва заметное легкое движение, как бы стряхивая что-то с кончиков пальцев, по направлению к коню и всаднику. Рука всадника мгновенно упала, как плеть, на шею его коня, конь, точно бешеный, взвился на дыбы, закружился, вмиг вынес всадника прочь с нашей дороги, и довольно долгое время всадник не мог справиться с взволнованным животным.

Я вспомнил приказ Флорентийца, усердно призывал Его имя, строя защитную сеть вокруг всего нашего каравана и особенно вокруг Андреевой и себя. Она, очевидно, почувствовала мое духовное напряжение, отвела глаза от всадника и очень тихо сказала мне:

– Спасибо, Левушка. Когда Али несколько минут приказал мне быть под Вашим покровительством не только в пути, но и во все время пребывания в Общине, у меня был момент почти протеста и негодования. Ваша любовная забота тронула меня. Я поняла, что Вы именно та сила самообладания, которая может быть тушителем моей раздражительности. Спасибо, мой верный рыцарь, я совершенно спокойна. Этот человек только и рассчитывал на возможность вызвать в ком-либо из нас страсть и воспользоваться ею, чтобы найти брешь в нашей воле. Но он не знал, что И. Ему не соперник. Будьте, друг мой, и дальше так же внимательны и защищайте весь караван своей сетью. Я буду Вам помогать слева, Вы защищайте правую сторону, спереди И. – непроницаем, а сзади Ясса – защита верная.

Всадник успел наконец справиться со своим конем и резко закричал:

– Что такое? Почему Вы не остановили караван и перепугали моего коня, не привыкшего к такому невежливому обращению? Ведь Вы не дикарь и не дикарей ведете за собой? Мне надо с Вами говорить, потому я и остановил Ваш караван.

В голосе незнакомца меня удивила гамма очень разнообразных оттенков. Начал он дерзостным выкриком, а последние его слова были сказаны несколько извиняющимся, примирительным тоном.

– Вы не остановили моего каравана, – ответил ему своим обычным тоном И. – И если бы Вам вздумалось повторить Ваш дерзостный маневр, он стоил бы Вам жизни.

– Вот как Вы разговариваете в пустыне, где я являюсь владыкой, –

снова дерзостно закричал незнакомец, однако резко дернул своего, коня и отъехал от нас подальше.

Это меня так рассмешило, что я не в силах был удержать смеха. Но тут же был очень наказан за свою; смешливость. Всадник поднялся на стременах, пронзил меня своим взглядом – глаза его были черные и выпуклые – и в бешенстве закричал:

– Щенята Вашего каравана оскорбляют меня, а Вы молчите!

– Перестаньте кривляться, несчастный человек, и говорите, что Вам нужно? О чем Вы просите? – ответил И.

– Я ни о чем не намерен Вас просить, я при... при... я напомнить Вам хотел, что въезд в эту Общину охраняю я и я никого туда не пропущу. Вы можете отдохнуть в моем доме, если хотите. В моем саду хватит места для всех вас, но вы обязаны вернуться назад, – говорил всадник, точно он чем-то давился и с трудом выговаривал слова.

– К Вашему сведению должен заметить, что охранник въезда Вы плохой, так как наиболее многочисленная группа моего каравана уже в Общине, а Вы даже не видели ее, несмотря на всю Вашу воображаемую власть над этой частью пустыни. Я уже сказал Вам, что еще одна попытка остановить мой караван будет стоить Вам жизни. Постарайтесь собрать свое самообладание хоть сколько-нибудь и просите о том, о чем давно обращаетесь с просьбами к Али.

– Али – это Али, а Вы... пф... Вас я не знаю и с Вами разговаривать о важнейших для меня вещах, да еще в присутствии Ваших спутников, и не подумаю. Али в древнем долгу у меня, и он должен меня выслушать.

– Али уже много раз выслушивал Вас именно потому, что Вы обращались к нему, упоминая этот старый кармический долг. К сожалению, Али выплатил Вам свой долг десятирицею, и больше он не имеет права ни спасать Вас, ни даже слушать. Мера его вещей относительно Вас исчерпана. Если хотите обратиться лично ко мне, Милосердие открывает для Вас эту новую возможность. Но помните, дважды она не повторится.

– Это мне нравится! Да на каком основании Вы вмешиваетесь в мои дела с Али? Али был когда-то мне Учителем, естественно, что в трудную минуту я обращаюсь к нему. В посредниках я не нуждаюсь.

– Я уже сказал Вам, что всякая возможность для Вас быть выслушанным Али кончена. Я запрещаю Вам двигаться дальше. Вы свили себе гнездо среди этого сада, уверяя всех, что Али дал Вам на это свое разрешение. Но сами Вы лучше всех знаете, несчастный человек, что Али не давал Вам его. Сегодня для Вас последняя возможность быть защищенным мною и спасенным в тайной Общине, так как в этой дальней

Общине Вам, сознательному злодею, места нет. Сегодня Вы еще можете быть спасены Светлой силой. Но завтра будет уже поздно. Много раз обманутые Вами Ваши соратники темных сил завтра настигнут Вас. И спасения Вам от них, милосердия, которого Вы в жизни своей не проявили ни к кому, Вам от них не ждать.

Во внешности и манерах дерзкого всадника произошла разительная перемена. По мере того как И. говорил, вся его фигура, лицо, глаза становились олицетворением не только страха, но ужаса. Все же он старался овладеть собой, заставить свои зубы перестать стучать и придать своему голосу подобие сарказма и дерзости.

– Вы воображаете, что можете запугать меня? О каких таких моих врагах Вы говорите? Я понимаю, что Али мог бы меня кое в чем упрекнуть, так как он предупреждал меня. В последний раз даже поставил кое-какие условия. Я дал ему слово, что их выполню, и не сдержал. Но при чем здесь Вы? Быть может, Вы скрываете, что Али послал Вас ко мне? – с некоторого рода подозрительностью и в то же время с затаенной надеждой закончил свою речь всадник.

– Если бы Али имел все возможности спасти Вас, лживый и лицемерный человек, то и тогда он не остановил бы приближающейся к Вам руки возмездия. Ибо эта рука соткана вами и может быть отведена тоже только вами. Кроме того, я уже сказал Вам: Али не имеет ни одной возможности приблизить Вас к себе, так как единственную узенькую тропку старинного кармического долга Вы густо засеяли ложью, воровством и обманом. Через эти выросшие выше Вашего роста стены Вам не пробиться к Али никогда. Еще раз – и последний – я предлагаю Вам свою помощь. Соглашайтесь немедленно отправиться в тайную Общину. Где она и что она, Вы отлично знаете. Вы дали слово Али, что сами отправитесь туда, и вместо этого поселились в этом саду, считая себя защищенным от прежних своих друзей, которых Вы обманули и ограбили. Вы выдали их тайны и тем превратили их в своих смертельных врагов. Я сказал – завтра они настигнут Вас, и Вы точно знаете, какого рода муки и невообразимые пытки ожидают Вас.

– А разве в тайной Общине, где день и ночь надо трудиться, где нет никакого простора собственной воле, где все только и делают, что стараются очистить с себя пятна грехов, где царит скучища, не такая же мученическая жизнь? Где там разгуляться на просторе смелой воле человека? Где там научиться подчинять себе волю людей и делать их своими рабами и слугами? Хорошенькое предложение Вы мне делаете! Уж лучше...

Всадник не договорил. Очевидно, мелькнувшее в его уме представление о реальной встрече со своими врагами заставило его опять пережить неопиcуемый ужас, отражением которого снова стала вся его внешность.

И. спокойно сидел на своем огромном мехари и с высоты его смотрел на всадника, который корчился под его взглядом. Из рта его забила пена, шею сводила судорога, глаза выражали бешеную злобу. Он силился поднять руку, но вместо этого ударил ею по шее своего коня, который взбесился и пытался сбросить своего жестокого господина.

– Я был бы согласен спрятаться там, так как знаю, что туда враги мои проникнуть не могут.

Всадник вдруг вскрикнул и на некоторое время замолчал, точно сердечная спазма не дала ему договорить фразы, и только через несколько минут продолжал:

– А вдруг Вы обманываете меня, чтобы заманить в свои сети такую силищу, как я? И если я соглашусь, примете ли Вы мои условия, на которых я сочту возможным жить в Вашем тайном месте?

И. рассмеялся и ответил тем голосом, звонким, как клинок, которым говорил очень редко:

– Что Вы за «силища», в этом Вы могли убедиться уже полчаса назад, не только сейчас, когда вся Ваша игра смешного колдуна с побрякушками, которыми обвешаны Вы и Ваш конь, не помогает Вам, ибо ни Вы, ни Ваш жеребец не можете двинуться с места. Полчаса назад у Вас был мой гонец и предупредил Вас, уговаривая смириться и образумиться. Сейчас Милосердие моими устами говорит Вам: «В последний раз предоставлена возможность отойти от зла. Если в эту минуту не примете решения, Ваша жизнь в веках окончится в страданиях только с жизнью планеты, а затем исчезнет из вселенной, сожженная огнем Вашей лжи и всей той кровью, что на Вас. Выбирайте, времени нет, враги Ваши уже близко».

Снова ужас потряс человека. Мне было ясно, что он теперь понял слова И. вполне и правда их его ошеломила.

– Я согласен, – еле слышно прошептал он.

И. приказал ему отъехать в сторону и присоединиться к Яссе до тех пор, пока мы не встретим надежного конвоя, который проводил бы его в безопасности в далекую тайную Общину.

Надежный конвой? За два года жизни в этом саду караван первый, который я увидел. Кто может проезжать здесь? – говорил всадник, стоя в стороне, пока мы проезжали мимо него.

– Да, вы видели первый караван. Так же, как Вы не видели в

повстречавшемся Вам пять месяцев назад купце ничего, кроме нищего бедуина. Но он видел Вас и оповестил о Вас пославших его на поиски за Вами Ваших врагов. Он искал Вас усердно, ибо иначе ему не миновать было ужасной судьбы вроде Вашей, – ответил И.

Проехав еще около получаса, мы поравнялись с прекрасным садом, и внезапно из-за густых низких пальм навстречу нам выехали пять всадников на маленьких арабских лошадках. Все они, встретясь с нами, сошли с лошадей, встали на колени и поклонились И., коснувшись земли своими тюрбанами.

– Встаньте, друзья, – сказал им И. – Ваш грех давно прощен, и больше никогда не кланяйтесь мне в землю. Последнее, что вы можете еще сделать, чтобы окончательно освободить себя от власти злых, – отвезите этого человека в ту тайную Общину, где вы сами нашли себе спасение. Не бойтесь сейчас преследования злых, которые гонятся за этим своим рабом. Поезжайте спокойно и уверенно, между вами и ими встанет песчаная буря. Она укроет ваши следы и погубит весь труд тяжелого путешествия преследователей. Везите поручаемого мною вам спутника так, как будто бы я был неотлучно с вами.

И. повернулся к Яссе и сказал:

– Ясса, дай этому человеку узел с одеждой, что я велел тебе взять из оазиса, и отдай ему весь тот провиант, что тебе оставил Кастанда.

– Переоденьте платье, что Вам подали, – обратился он к буйному всаднику.

– Отдайте своего утомленного коня Яссе и возьмите его мехари. На коне Вы не доедете и до скал в пустыне, не только до тайной Общины.

Я не видел лица незнакомца, но каждым нервом чувствовал его протест и недовольство. Только страх заставлял его повиноваться. Довольно долго с помощью Яссы, ворча, он переодеваются, пока И. разговаривал с вновь встреченными пятью всадниками. Я присмотрелся к их лицам, и был ими очень поражен. Мне казалось, что за их теперешним кротким и ласковым выражением, точно за кисейной занавесью, лежит другое – дерзостное, злое. Казалось, вот-вот мелькнет на каждом из этих лиц неуловимое движение мускулов и вспыхнет на них тот огонь ненависти и раздражения, которым было залито лицо первого всадника. Но сколько я ни вглядывался, лица бедуинов оставались неизменно спокойными и ласковыми.

Наконец бешеный всадник взгромоздился на мехари Яссы и подъехал к И. Посмотрев на него пристально, И. обратился к бедуинам:

– Вот, друзья, ваш спутник. Вспомните, как в этой же пустыне много

лет назад я спасал вас от преследовавших вас врагов, в каком диком ужасе были вы тогда и как ваши следы укрыла буря, намывшая непроходимые холмы песка между вами и преследователями. Десять лет вы не могли разорвать связи со своими темными врагами. Ненависть и страх вы посылали в ответ на их зло, и потому-то они и держали вас в своей власти крепче железных канатов. Только следующие десять лет научили вас простить ваших врагов, и, наконец, последние пять лет раскрылись ваши сердца, как широкие ворота Любви. Любовь пролилась из них, и вы простили и благословили ваших мучителей. Теперь перед вами встала последняя черта самоотвержения Любви: верните Ей сына зла. За этим я вас сюда и вызвал. Иди, друг. Верный конвой охранит тебя. Призывай силу мою к себе на помощь во все время пути и жизни в уединении, – обратился И. к всаднику. – Думай не о трудностях этой минуты, не о тяжелом дне, когда твои страсти раздирают тебя и мешают тебе видеть что-либо, кроме самого себя. Но думай, что вся жизнь твоя до сих пор, когда ты казался себе могучим, не дала тебе ни одного часа радости. Думай, как тебе понять, что такое радость. И в первый же раз, как ты ее испытаешь, ты прорежешь непроходимую для злых пропасть. Радость ведет к победам Любви, а злое уныние

– к упорству воли. Упорство же воли – меч зла. Этот меч не может разить там, где живет радость.

Ни слова не ответил человек. Сидя высоко на мехари, окруженный своей стражей на маленьких лошадках, он был похож на преступника, ведомого на казнь, так был зол его взгляд, такое безнадежное отчаяние выражала вся его фигура.

И. сделал знак рукой, бедуины поклонились ему по-восточному, молча окружили всадника на мехари, поехали рысью вправо, огибая сад, и исчезли так же неожиданно за лесом низких пальм, как и появились.

Постояв несколько времени и все время пристально смотря вслед исчезнувшей группе, И. тронул своего мехари, повернув неожиданно для меня круто влево. Только теперь, когда мы двинулись снова в путь, я отдал себе отчет в своем поведении во все время встречи. Я должен был себе признаться, что и на этот раз «наблюдал», а не «действовал» в том смысле, как учило меня евангелие серого дня жизни в Общине, то есть быть и становиться. Я переживал очень ярко все чувства несчастного, заблудившегося в жизни человека. Но я не нес ему из себя той силы самообладания, которую я сам же понял как действенную силу помощи, дающую возможность встречному гасить в себе страсти, хотя бы на время встречи освободиться от них.

Почему же я не мог этого сделать, раз я понял, как надо действовать? Почему я не смог переливать в несчастную страдающую душу своей энергии любви? И снова я сам себе дал ответ: знать – значит уметь, а я только знал, но не умел. Я забыл обо всем и обо всех, забыл время, пространство и место, я все думал о бешеном всаднике...

– И теперь, Левушка, самое подходящее время для тебя вспомнить о задаче, что дал тебе Флорентиец, и точно приняться за свою роль рыцаря подле Натальи Владимировны, – вдруг услышал я голос И.

Я вздрогнул от неожиданности, посмотрел на моих спутников слева и справа, еще более удивился тому, что голоса И. никто, очевидно, кроме меня, не слышал, и перенес все свое внимание на Андрееву.

С первого же взгляда я понял, что Наталья Владимировна пережила встречу далеко не так, как я. Глаза ее блестели энергией, лицо было бледно, точно осунулось и похудело, губы были плотно сжаты, и вся ее обычно тяжеловатая фигура представляла из себя какой-то кулак силы. Иными словами я не могу определить своего впечатления. Я воспринимал всю ее как заряженную пушку, из которой вырывались снаряды целым потоком. Ни о чем ее не спрашивая, я точно знал, куда летели ее снаряды, знал, что она посылала свои огромные духовные силы не только несчастному бешеному всаднику, но и всем его спутникам.

Я преклонился перед ее духовным величием. Я понял, как была высока ее культура сердца и как никто и никогда не может проникнуть в святая святых другого человека, пока его собственное сердце живет манерой воспринимать встречного как конгломерат тех или иных качеств.

Мы мчались еще минут двадцать, и перед нашими глазами стали вырисовываться контуры стен с башнями, за ними верхушки деревьев, коегде крыши домов. Мне показалось, что мы подъезжаем к целому городу. Я никак не ожидал, что дальняя Община расположена на такой большой территории.

– Я здесь никогда не была, Левушка, – сказала мне Андреева. – Несмотря на то что Али сам учил меня многому, что составляло запретную зону для других, он много лет подряд запрещал мне приближаться к этому месту. Я не могла понять, почему он налагал здесь свой запрет. Я никогда не спрашивала его об этом, так как давно поняла, что только обыватели рассуждают, получая те или иные указания Учителя. Ученики же, получая их, знают, что им надо немедленно повиноваться и исполнять указанное. Сегодня я получила ответ на свой незаданный вопрос. Встреча, только что пережитая, разъяснила мне все. Мира в сердце, полной примиренности со своими собственными обстоятельствами, не было во мне до этой самой

последней минуты. Сейчас, прочтя Жизнь не только этого несчастного, запутавшегося добровольно в сеть зла, но и тех пятерых страдальцев, что послужили злу невольно, по неведению и принуждению, я нашла силу в своем сердце постичь закон мудрости в каждом явлении жизни человека. Горе и страдания невинных – по всем видимым, внешним признакам людей – меня возмущали. И вообще весь путь людей, в огромном БОльшинстве идущих страданиями, меня выводил из всякого равновесия. Я готова была всем и вся раскрывать свои объятия, желая всем и каждому помочь. Главное, чего я не понимала, – мира не было во мне самой. И потому помощь моя сводилась к бунту, к вызову, к осуждению той или иной манеры действий людей, выше меня стоявших и обладавших всеми силами и возможностями помощи, как мне это казалось. И это главное открылось мне сейчас. Я поняла, что не всегда можно помочь человеку, потому что в нем самом лежит первое препятствие к помощи. Человек бывает так закрепощен в своих предрассудках, что считает свою, на свой манер понимаемую верность какой-либо дружбе, любви или вере незабываемой, незыблемой истиной, величайшим светом и целью своей жизни. И такому упорно лично воспринимающему добро, лично воспринимающему всю жизнь человеку вся остальная Вселенная, с ее законом Жизни, кармой и следующими за ней по пятам закономерностью и целесообразностью, представляется мертвым хаосом, где на его долю выпадают не заслуженные им горести и муки. Али помог мне сейчас прочесть жизни только что встретившихся людей. Первый служил темным; отлично зная их цели и ища от них наград и возможности выхватить себе ряд ценностей жизни, как он их понимал. Устрашенный трудностью пути подле Али, он пожелал легкого достижения блеска, власти и богатства. Когда же понял, что у темных наука не только трудна, но еще страшна и ужасна, он бежал, обманул и дорого продал часть их дешевеньких секретов, которые ему удалось узнать. Час его расплаты с ними был бы более чем ужасен, если бы не милосердие И. Спасти его Али не мог, потому что в самом человеке нет больше ни одного аспекта Чистоты, дорогу к которому был бы в силах расчистить Али. И. поместит его в тайной Общине, где живут только такие же несчастные, связанные с темными, но бывшие когда-то в белых ложах Светлых Братьев Любви. Пять всадников, лица которых до сих пор хранят на себе следы пережитых ужасов, не могли быть спасены вовремя от злой силы. И. старался сделать это много лет назад. У этих безумцев был еще один друг, которому они верили, чтили его своим старшиной и во всем следовали за ним. Старшина объяснил им однажды, что его вызвал великий духовный владыка, чтобы дать ему высокое посвящение. На самом же деле

он отправился к темным, обещал им привести пять новых рабов, если они откроют ему свои великие тайны. Путем огромных страданий, путем полного убийства в себе всех человеческих чувств: милосердия, доброты, любви, жалости, сострадания – он добыл у темных часть их тайн. Настало время уплаты. Он должен был привести к ним пять обещанных рабов – слуг беспрекословного повиновения всей шайке темных, по всему миру содержащей своих соглядатаев. Встреченные нами пять людей пылали верностью и любовью к своему старшине. И. предупреждал их через своих учеников о вероломстве их друга. Не один раз посылал он к ним гонцов, старавшихся раскрыть им глаза на истинное положение вещей. Наконец он нашел возможность сам увидеться с ними, рассказал им, что все призывы их друга – ложь, что он завлекает их в ловушку, где их ждет гибель у темных. Но и личное свидание с И. не помогло. То, что они в своем темном заблуждении называли верностью другу, заставило их служить темным по указанию их друга, якобы для его спасения. Страшный путь прошли несчастные, все больше и больше давая темным возможность овладевать ими, пока они на опыте не поняли, что были игрушками в руках изменника и отступника. Тогда, полумертвые от пыток и ужаса, они воззвали к И., моля его о смерти, если спасение для них уже невозможно. И милосердный И. спас их. Как много надо сил сердца, Левушка, чтобы человек понял Истину и Ее божественный Закон, который наш дерзостный язык пытается судить, даже не понимая, о чем говорит. Все сейчас стало мне ясно. Все слова Франциска сложились в стройную систему творческих сил, где все, что творит, может творить только в мире собственного сердца. Никакое искание Истины, пути освобождения или самоотверженной жизни в любви невозможны для человека, пока в нем нет полной примиренности...

Я не замечал ничего, что делалось вокруг меня. Слова Андреевой наводили на меня ужас, до какой степени личные страсти и восприятие закрывают глаза условными повязками. И потому, когда мой мехари внезапно остановился, я точно с неба упал от нарушенного вдруг ритма движения.

Мы стояли у самой стены, высокой, сложенной из белого гладкого камня, напомнившего мне стены домика Али. Несколько братьев в белых одеждах отворяли широкие ворота, за которыми был виден целый ряд фигур в белых, коричневых и серых одеждах. Когда мы въехали в ворота, я понял, что мы едем по короткой и широкой аллее сада. С трудом, с помощью Яссы и подоспевшего Никито, я сошел с седла, но И. немедленно своей рукой вложил мне в рот конфету, и я сразу почувствовал себя крепко стоящим на ногах.

Я бросился к Наталье Владимировне, с помощью дорогого Яссы помог ей выпутаться из всех ее покрывал и тесемок, предоставив Никито снять с седла леди Бердран. Бедная женщина была так разбита, что Лалия и Нина, подбежавшие на помощь, увели ее, почти неся на своих плечах. Что касается Андреевой, то она была крепка и свежа, точно и не ехала весь день по пустыне.

К И. подошел старец в белой одежде, с посохом в руках, с таким светлым, сияющим лицом, точно весь он двигался в облаке света.

– Добро пожаловать, Учитель, вовремя, ах, как вовремя ты приехал, дорогой, – говорил он, обнимая И. и целуя его руку. И. отдал глубокий поклон старцу, поцеловал его руку, в которой тот держал посох, и ответил:

– Мир тебе, Раданда. Пославшие меня шлют тебе новые задачи, но не раскрепощение от них.

Как бы легкое облачко мимолетной грусти промелькнуло на светлом лице старца, но через мгновение оно снова засияло радостью, он оглядел всех нас чудесными синими глазами.

– Задачи новые, значит, и Свет придет новый. Мир тебе и пославшим тебя. Я думал, что выполнил меру своих вещей. Значит, я ошибся. Придите, друзья, в мои объятия.

Он обратился ко всем нам. Каждого из нас он обнимал и благословлял. Каждому он заглянул в глаза, каждому улыбнулся и каждому шепнул какое-то слово, но так тихо, что его слышал только тот, к кому оно было обращено. Мне он сказал: – Пиши о людях просто.

Хотя я и привык уже к тому, что многие и многие люди обладали способностью читать не только мысли, в данный момент обуревавшие человека, но могли, почти мгновенно, прочесть весь его характер и все его способности, меня поразило, что старец ответил мне на вопрос, который уже много времени тревожил меня.

Многие давали высокую оценку моему произведению. Рассул – последний, кто говорил со мной о нем, – еще больше раздул во мне огонь творческого беспокойства, который сводился, в общем, к двум словам: как писать? И вдруг старец в пустыне разрешил мои тревоги одним словом: «Просто». Да, он указал мне путь. Его слово объяснило мне главную силу писателя в его изображении типов людей, но... какая бездна мудрости должна звучать в сердце человека-писателя, чтобы сказать о жизни другого или о своей – «просто».

Мои размышления были прерваны. Старец Раданда оказавшийся настоятелем, лично повел нас в глубь прекрасного сада, где было много цветов и даже огромных еще не виданных мною цветущих деревьев. Он

привел нас к скромному беленькому домику, напоминавшему своим видом монастырские гостиницы.

– Вот дом в твое полное распоряжение. Учитель. Здесь размести всех, кто приехал лично с тобой. Тех же, что ты прислал раньше, я разместил так, как ты приказал Никито.

Старец поклонился низко И., потом всем нам, улыбнулся и, прошептав: «Благословенны будьте», – ушел. Пока глаза мои могли его видеть, мне все казалось, что он не шел, а катился, как огромный шар, переливавшийся всеми цветами радуги.

И. приказал всем мужчинам устроиться в верхнем этаже. Лично ему оставить угловую комнату, а женщинам предложил занять нижний этаж.

Помня свои рыцарские обязанности перед Натальей Владимировной, я помог ей устроиться и разобраться в ее многочисленных вещах в той маленькой комнатке, которую она себе выбрала. К моему удивлению, она прошла мимо нескольких больших комнат, довольно комфортабельных, и выбрала себе маленькую, беленькую келейку, где едва умещалась узенькая кровать, небольшой стол, шкаф и стул. Устроив свою даму, я поднялся наверх, где встретился с И. у дверей его комнаты, расположенной совсем особо от всех остальных. Я хотел его спросить, где мне расположиться, как он предвосхитил мой вопрос и сказал:

– Левушка, настоятель предложил мне выбрать себе келейника для моих сношений с членами Общины, так как размеры ее порядочны. Не согласишься ли ты, – он засмеялся, – занять этот высокий пост келейника-секретаря при моей особе? И не желаешь ли поместиться рядом со мной? Имей в виду, что бегать по Общине и тренировать свою память тебе придется немало.

И. не пришлось сказать мне еще что-либо, так как восторгу моему не было предела. Я бросился на шею моему дорогому наставнику и немедленно ощутил блаженство и легкость на сердце от его ответного объятия.

В ту же минуту я почувствовал на своих плечах тяжесть моего белоснежного друга, который не замедлил проделать свой обычный фокус, даже прибавив к нему на этот раз пронзительный крик, что у него выражало наивысшую радость.

На крик Эта выскочили Бронский и Игоро, и под общий смех я получил первое приказание И. как келейник.

– Оповести всех, приехавших с нами, что через час будет общая трапеза, в которой все мы, без исключения, примем участие. Все должны быть в белых, чистых одеждах. Каждый в своем шкафу найдет такую

одежду. Ванна женщин – направо от дома, мужчин – налево. Предупреди всех, чтобы через сорок пять минут все были готовы и ждали у подъезда дома. Я сам поведу всех в трапезную, где надо сохранять полное молчание. Смотри, не опоздай сам.

Я отправился выполнять свое первое поручение в Общине, конечно, в сопровождении своего друга Эта. Через три четверти часа я был первым на условленном месте.

ГЛАВА 18 Трапезная. События в ней. Мое новое понимание жизненных путей человеческих

Не успел я присесть на ступеньку крыльца и пригладить перышки на белоснежной спинке Эта, как послышались быстрые шаги и в дверях появилась Наталья Владимировна. Она всегда была одной из тех, кого ждут, если, конечно, ее не интересовало что-либо особенно, но сейчас меня удивила не только ее поспешность, но и легкость всех ее движений и походки. Я положительно не узнавал эту женщину с тех пор, как мы выехали из оазиса Дартан.

– На этот раз, Левушка, – сказала она мне без всякой иронии и юмора, – я хотела опередить всех и все же пришла позже Вас, хотя видела, как Вы мчались куда-то с Эта по аллее. Мне бы очень хотелось разделить Ваш труд и хоть чем-нибудь маленьким выразить Вам свою огромную благодарность за Ваше джентльменское поведение не только по отношению ко мне, но и ко всем нам. Я не видела еще ни одного раза на Вашем лице недовольства и не слышала ни одного слова осуждения комулибо. Одеваясь и готовя себя к трудному моменту Общей трапезы, я особенно ясно отдала себе отчет в достигнутом Вами, ребенком, и устыдилась своей отсталости в некоторых вопросах.

– Почему Вы думаете, Наталья Владимировна, что новыми людьми в трапезной

– такой тяжелый момент? – спросил я ее, пораженный этой мыслью, так как мне это первое свидание казалось привлекательным и более чем интересным.

Наталья Владимировна не успела мне ответить. В дверях показался И. Часто я видел его прекрасным, но никак не мог привыкнуть к его лицу. Каждый раз оно казалось мне новым. На этот раз я вдруг понял, что не у И. менялось лицо, а моим глазам открывалась все новая возможность видеть в этом лице что-то большее, чем я мог видеть в нем раньше. Точно так же не особенно давно я понял, что я не знаю и тысячной доли того, над чем трудится И., и могу видеть только то, с чем непосредственно сталкиваюсь в

его работе, да и ее вижу далекодалеко не всю.

Почти мгновенно я пережил в памяти весь этап жизни с момента пира у Али. Мои слезы в вагоне и беседу И. со мною. Разлуку с Флорентийцем в Москве. Мое отчаяние первых минут. Бурю на море... И я низко поклонился И., не имея иного способа выразить ему глубочайшую благодарность и благоговение за все проявленное ко мне нечеловечески высокое милосердие. Поистине только сверхчеловек мог отнестись к маленькому существу, каким был я, так, как он относился ко мне. Когда я выпрямился после моего глубокого поклона, я встретил приветливую улыбку и услышал невыразимой доброты голос:

– Все в сборе и в полном порядке. Блистательные одежды, которые мы надели, должны соответствовать тем миру и радости в наших сердцах, с которыми мы войдем в дом скорби. Быть может, никто из вас не увидит никаких внешних признаков скорби на лицах людей. Возможно, что некоторые из вас не смогут проникнуть в великую внутреннюю скорбь сердца отдельных людей. Но каждый из вас почувствует, вне всяких сомнений, в какую тяжелую атмосферу он вошел, и каждому из вас будет даже физически трудно дышать в атмосфере трапезной. Идите же туда, героически неся радость бедным страдальцам, и несите каждый волюЛюбовь своего Учителя им в помощь. Еще раз напоминаю вам: по закону жизни этой Общины в трапезной надо хранить полное молчание. Говорить в ней может только настоятель или тот, кому он сам предложит говорить.

И. всех нас оглядел, всем улыбнулся, посмотрел на Эта – мне показалось, что он прикажет мне оставить Эта здесь, – но он сказал:

– Возьми птицу на руки. Ты оставишь ее у привратника при входе в дом настоятеля, к которому мы предварительно зайдем.

Я исполнил приказание, чем Эта остался очень доволен, и мы пошли по широкой аллее, вдыхая в спустившейся уже темноте чудесный аромат цветов. Шли мы минут пятнадцать и пришли к островку, отъединенному от общего сада большим рвом с водой, как мне показалось сначала. Потом я узнал, что островок был образован ручьем, вытекавшим из озера, расположенного довольно далеко и выше этой части сада. Мы перешли мостик и остановились на лужайке перед небольшим, очень старинным домом из белого камня.

И. шел впереди, за ним шли я, Андреева, Игоро и. Бронский, дальше леди Бердран, Никито, Лалия и Нина, присоединившиеся к нам. Последними шли Ясса и Терезита. Больше я не видел никого из нашего каравана. Я подумал о сестре Карлотте, о неистовом монахе и обо всех тех,

кого вывез И., ехавших не в нашем отряде. Будут ли они в трапезной или их жизнь здесь начнется иначе? Я вовремя вспомнил о «перце» мыслей, собрал свое внимание и сосредоточился на текущем «сейчас».

И. один вошел в дом настоятеля Раданды. Мы же все молча стояли на лужайке. Взглянув на лица моих спутников, я понял, как глубоко все они были сосредоточены и как старались быть действительно добрыми в глубине сердца. Я устыдился своей рассеянности и последовал их примеру. Через несколько минут в дверях показался И., держа под руку древнего настоятеля.

Оба они на миг остановились, окинули взглядом всю нашу группу, и, к моему удивлению, настоятель ничего не сказал мне про Эту. Снова Раданда показался мне Радужным шаром, но было ли то влияние света взошедшей луны, была ли то игра огромных звезд, отражавшихся в дрожащей воде, я не знаю. Но показалось мне, что и И. шел в сияющем шаре, включив в свое сияние весь шар Раданды, казавшийся теперь по сравнению с сиянием И. тусклым и небольшим. Глаза мои были прикованы к этому новому и непонятному для меня явлению, от которого я был не в силах оторваться. И не только внешним зрением я не мог оторваться от этого дивного зрелища, я весь утонул, точно расплавился в счастье, в радости жить. Доброта и сила наполняли меня. Мне казалось, что доброта и сила льются ко мне из шара И. и заливают все мое сознание. Раданда, радостно улыбаясь, поднял руку и благословил всех нас. Мы, счастливые, бодрые, в полном бесстрашии и жажде деятельно любить и служить своим ближним, пошли вслед за нашими наставниками. Говорю «мы», а не «я», потому что в эту минуту ни у кого из нас не осталось перегородок личного – мы слились воедино в той гармонии, которую нам излучали наши высокие братья.

Необычайное спокойствие сошло в мою душу, такие же спокойствие, мир и свет, какие наполняли меня после чтения записей в моей зеленой книге, которую я нашел на своем алтаре...

Трапезная была не так далеко. Подойдя к привратнику, настоятель остановился, обернулся и, улыбаясь, поманил меня пальцем. Когда я подошел к нему, он сказал мне:

– Передай, друг, твою птицу этому привратнику. Он, хотя на этом месте устроен мною очень недавно и не успел еще узнать всех правил нашей Общины, но человек добрый. Да и знаком он тебе и твоей птице.

Удивлению моему не было конца. Кого мог я знать в этой дальней Общине? Да еще такого человека, которому был бы знаком мой птенчик? В темноте я не видел лица привратника. Когда свет от И. и старца упал на вышедшего из Своей сторожки привратника, я невольно вскрикнул:

«Мулга!»

Эта сам перепрыгнул на руки Мулге, издавая нечто вроде воркования. Мулга, улыбаясь во весь рот и поглаживая спинку Эта, приветливо кивнул мне, точно желая дать знать, чтобы я не беспокоился о птице.

– Подержи птичку у себя во время трапезы. И выполняй свои обязанности привратника строго и неумолимо точно. Приказ мой тебе на сегодня таков: никого, ни единой души не пропускай больше в трапезную. Никто не имеет права

– по нашему закону внутренней жизни – опаздывать к трапезам или беспокоить кого-либо вызовом из-за стола. Тех, кто сейчас опоздал, как бы они тебя ни молили, какие бы доводы тебе ни выставляли, не пропускай. Если бы даже кто-нибудь из них говорил тебе, что человек умирает и зовет кого-либо из тех, что находятся в трапезной, помни мой приказ и неумолимо выполняй его. Чтобы тебе было легче и сердце твое не наполнилось сомнением, знай, что глазам моим ничто не мешает видеть в каждую минуту всю мою Общину и все, что в ней делается. И если будет нужда, я сам первый выйду или вышлю помощь. Помни же, друг, стой, как часовой на часах, охраняй мир и покой трапезников. И. взглянул на меня.

– Я предупреждал тебя, Левушка, что надо сохранять полное молчание. Собери внимание еще глубже, мой мальчик, поставь между собой и всеми, кого увидишь, образ Флорентийца и действуй, действуй, действуй, любя и побеждая в полном творческом самообладании. Помните все, мои друзья, что такое «добрый», – прибавил И. ласковым, нежным голосом, точно выливая на нас поток доброты из своего великого сердца.

Мы миновали высокую толстую стену, вошли во внутренний дворик, залитый светом высоких фонарей и освещенных окон, больших и многочисленных, и подошли к большой двери, напоминавшей вход в храм.

Пройдя в дверь, мы попали в широкий коридор, хорошо освещенный, но я не понял, чем и как он освещался и откуда лился свет сверху. Мне показалось, что наверху тоже были освещенные окна, но я боялся рассеиваться на внешние наблюдения, стараясь хранить в сердце образ великого покровителя Флорентийца. Кто-то взял меня за руку. Я увидел подле себя Наталью Владимировну. Она снова показалась мне, как в пустыне, пушкой с тысячью снарядов.

– Левушка, я рядом с Вами. Не забудьте включить в свое защитное звено, – шепнула она мне.

– Я не знаю, как это сделать, – ответил я ей, пожимая ее горячую нервную руку.

– Между мной и собой поставьте образ Флорентийца. И в каждое

действие Вашей мысли и сердца включайте меня, думая «мы», а не «я», – ответила она, продолжая держать меня своей горячей рукой и точно сливая свою силу с моим существом.

Так мы и вошли в трапезную рука об руку. Я ощущал ее сейчас как сестру, ближе которой не имел, как мать, покровительницу и защитницу, которой в жизни своей не знал.

Сердце мое билось сильно, радостно, точно я шел не в дом страдания, о котором говорил Франциск, но на пир Жизни и Света. Перед И. и настоятелем два старых брата в длинных белых одеждах распахнули настежь высокие и широкие двери трапезной, и мы вошли в огромный зал, заставленный длинными и узкими столами, за которыми сидели люди, вставшие с мест при нашем появлении и приветствовавшие нас глубоким поклоном. Первый от входа стол был наполовину пуст. Остановившись подле него, настоятель поклонился И., приглашая его занять первое место справа. Нас с Андреевой он усадил подле И., остальных разместил так, что Никито и Ясса были последними, соприкасавшимися непосредственно с обитателями Общины и представлявшими из себя как бы барьер между ними и нами. Пока мы размещались по указанным нам местам, все наполнявшие трапезную продолжали стоять.

Настоятель поднял правую руку, благословил всех, отдал свой посох келейнику и занял свое место за узким концом стола, с которого ему были видны все находившиеся в зале.

Когда Раданда и И. опустились на свои места, все присутствующие еще раз поклонились им, сели и несколько братьев стали одновременно подавать пищу на все столы. Как все здесь разнилось от Общины Али! Там слышались смех и веселый говор, здесь царила гробовая, торжественная тишина. Там на столы, покрытые белоснежными скатертями, уставленные благоухающими цветами, подавалась разнообразная пища, которую каждый брал себе сам, сколько и как хотел. Здесь столы были тоже белоснежны, из пальмового дерева, чисто вымытые и отлично отполированные, но ничем не покрытые. Возле каждого человека стояла деревянная тарелочка с хлебом вроде хлебцов Дартана, лежала деревянная ложка и небольшая бумажная салфетка. Братья-подавальщики ставили каждому мисочку, особенно большую, глиняную, с похлебкой.

Пока настоятель не взял ложку в руку и не начал есть, никто не прикасался к пище. Боясь совершить какую-либо бестактность, я смотрел на И., рядом с которым сидел, и ел только тогда, когда видел, что он ест. Признаться, когда мы шли в трапезную, У меня разыгрывался аппетит. Но сейчас, увидев столь непривычную для меня обстановку, я был бы рад не

отвлекаться совсем вниманием на еду. Мне теперь казалось, что я совсем не хочу есть, так я был поглощен морем необычайных человеческих фигур, среди которых очутился.

Лица сидевших за столом людей сразу поразили меня двумя противоположными признаками: одни из присутствующих пристально смотрели на нас, точно хотели запомнить каждого из нас. Другие сидели, опустив головы и глаза, точно протестуя против нашего вторжения в их царство. Я почувствовал легкий толчок со стороны Андреевой, спохватился, что я не только не строил защитной сети, о которой она мне говорила, но что я снова наблюдал. Я посмотрел на нее и чуть было не сказал «спасибо», как почувствовал удар в лоб, пришедший ко мне от Раданды. Я невольно взглянул на него и вдруг – не знаю и не сумею даже сказать, каким способом, – понял, что он велит мне запомнить все, что я здесь вижу, и особенно обратить внимание на ближайший от нас стол с левой стороны.

Опять-таки не могу объяснить, каким образом я понял, что за этим столом сидят именно те строптивцы, к которым мне дал поручение Дартан. Впервые в жизни я понимал немой разговор, будто из шара Раданды летели ко мне его мысли, кусочки его световой радуги, и сливались точно и ясно с моим сознанием, складываясь в образы.

Мало того, я чувствовал силу, которую вливала мне Андреева, помогая сосредотачивать мои мысли. Я собрал все внимание на указанном мне Радандой столе. Там сидели мужчины и женщины самого разнообразного возраста, от очень молодых до глубоких стариков. Особенно поразила меня одна фигура. Это был высоченный человек, размерами и темной кожей похожий на Дартана, но выражением лица, дерзостным, буйным и вызывающим, напоминавший мне монаха Леоноро, нападению которого я подвергся в памятную ночь, когда ходил с Франциском к профессору и Терезите.

На этот раз я не раздумывал о типе и характере этого человека. Я молил Флорентийца помочь мне сохранить всю чистоту сердца, чтобы иметь силу выполнить данное мне Дартаном поручение. Невольная робость овладела мною при мысли, что я ответствен за все предстоящие встречи, удача или неудача которых лежит только в любви и чистоте моего сердца.

Уже подавальщики подали кашу на столы, а настоятель не брал еще ложку в руку, и все трапезующие сидели в глубоком молчании. Но вот он взял ложку и сделал глоток, и все руки поднялись с ложками.

Раданда, мне казалось, только делал вид, что кушает. На самом же деле в его мисочке, ничем не отличавшейся от всех прочих, было едва видно на

дне ничтожное количество каши. Сделав еще один глоток, он оставил ложку в своей мисочке и сказал:

– В прошедший раз я говорил вам, братья и сестры, о том, что такое терпение, для чего оно нужно всякому человеку и как без него никто не может выработать самообладания. Я говорил вам и о гостеприимстве. Говорил и о приветливости, с какими должен человек встречать гостей. Особенно тех гостей, которые приезжают в вашу Общину, делая тяжелый, нудный путь через пустыню. Каждый из вас пусть сам ответит себе, был ли он приветливым хозяином сейчас, нес ли он любовь в привет и встречу гостю. Среди нас сейчас великий Учитель. Большая часть из вас подобрана им, водворена здесь его милосердием, обязана ему своим спасением и... кроме нескольких, благоговейно приветствующих его всей душой и сердцем, большинство из вас занято критическим рассматриванием его спутников или бессмысленным бунтом за якобы нарушенный мир вашего существования. Бедные вы, бедные мои страдальцы! Много лет сердце мое носит вас, мир мой окружает вас, радость моя движет вас вперед, и все же на первом месте ваших духовных волн идет отрицание. Отрицание ваше, так много раз уже понятое вами как бессмысленное заблуждение, как пелена условности, покрывающая ваши глаза, все же сегодня опять стоит на первом месте, мешая вам найти самообладание. Наш высокий гость, Учитель И., скажет вам о самообладании. Из его слов вы еще раз поймете, что только тот, кто нашел в себе силы привести в полное самообладание весь свой проводник [note 1](#), может разыскать тропу к творчеству. Вы же – за малым исключением – все гордитесь своими творческими талантами, не понимая, что творчество человека начинается с того момента, когда он может попадать в русло гармонии хотя бы на короткие минуты. Слушайте же, мои дорогие, мои любимые дети, слово великого Учителя. Не скоро, ох, как не скоро услышите вы снова его зов. Не пропустите летящего мгновения, когда Милосердие шлет вам свое озарение. Не то важно, что, проводив Учителя, вы будете вспоминать его слова, обдумывать их и раскаиваться. Важно в эту минуту суметь победить в себе мелочь условного и ухватить слово Величия, спустившееся к вам. К вам, все ищущим, все пытающимся доказать самим себе, что горе ваше не в вас, а вне вас живет и что жизнь, какую живете, не ваших рук строительство, но извне подошедшая к вам волна скорби. Не откажи, великий Учитель, в своем чудесном слове нам.

Раданда встал и низко поклонился И., И. отдал старцу поклон, поклонился всем присутствующим и, стоя, начал свою речь:

– Мои дорогие друзья, мои близкие братья и сестры. Много лет я не

видел вас. Много лет я не расставался с вами в моих мыслях. Не было дня, чтобы я забыл послать привет моей любви, как и не было такого случая, чтобы кто-либо из вас, взывавший ко мне всей своей верностью и верой, не получил от меня ответного приветов и помощи. Мы будем иметь еще время переговорить о делах каждого из вас в отдельности. В эту же минуту первого свидания вызовем каждый из глубины освобожденного сердца все то радостное, что там затаено. Эта минута, как и каждая минута творящей Любви, пусть разрежет все пути условностей, мешающих общаться в огне и духе. Мир, который я привез вам сегодня, не мир одного моего сердца. Но мир всего Светлого Братства, которое поручило мне передать вам свой привет, любовь, признание и помощь. Наибольшим вашим страданьем, страданьем, переведшим вас в ряды бунтарей, строптивцев и отрицателей, было то, что вы не были признаны вашей современностью, вашей средой, соотечественниками или теми людьми иных государств, где вы искали себе популярности и признания. Но разве это есть цель и смысл жизни выдающегося человека на земле? Единственной целью человека, проснувшегося к жизни, то есть к творчеству, является деятельность по развитию и укреплению Божественного плана на земле. Каждый из вас не только знает, но слишком много знает, как идут пути мировой эволюции людей. Что же сбивало вас с тех троп, по которым идут, служа Светлому Братству, помогая ему выполнять мировые задачи, для помощи и роста человечества? Если вы внимательно взгляните в свое сердце, вы увидите, что вовсе не отсутствие любви, не отсутствие самопожертвования или энергии заставило вас сойти с пути правды и добра, но отсутствие в вас радости и самообладания. Подумаем, что такое самообладание? Есть ли это умение владеть всеми своими телами, чувствами, мыслями, словами? Нет. Хотя для большинства обычных людей и это самообладание недоступно и является идеалом и мечтой. Но для ученика – для человека, желающего стать членом Светлого Братства, – такое самообладание даже не начальная часть пути, где разыскивают тропу. Оно только младенческий период подготовки к встрече с Теми, перед которыми нельзя стоять в страстях и бунте... В чем же проявляется первая черта самообладания человека, стремящегося к пути в ногу с Братями Светлой Общины? Первая ступень ученического самообладания – простое признание себя и каждого равными величинами вселенной. Равными носителями Единой Сущности, проливающей во вселенную свои Силу, Свет и Мир. Если сердце человека свободно от предрассудка неравенства, он не придает никакого значения тому, что в нем больше талантов, чем в его встречном. Он не чувствует своих талантов. Он мчит свой день, выливая во все дела и встречи силы

Единобо, что ожили в нем. И потому он не только не ждет наград и похвал, но он раскрывает из себя сноп Света и втягивает в него всякого приближающегося к нему. Поэтому он носит в себе незыблемый мир – аспект Единобо. Ему не приходится ежеминутно поправлять мигающий светильник, насильно, от ума, уговаривая самого себя внонь и внонь быть спокойным, мудро терпеливым и принимать свой день легко. Вы сами понимаете, что при таком неустойчивом самообладании, когда во всех нервах стягиваются болезненные, судорожные узлы, человек не имеет возможности думать о том, кого он встретил, так как мусор его собственного мигающего светильника сбился в плотную перегородку между ним и встречным. Признание, которого вы так добивались от современности, которого не получили, что и создало большинству из вас кровоточащие раны, вам шлет Светлое Братство. Оно признает вас равными себе. Оно принимает вас под свою защиту. Оно посылает вам свою Любовь, свою энергию, свою радость, чтобы в вас раскрылась доброта в сердце. Самая простая доброта к людям, которых вы признаете равными себе, как Светлое Братство признает вас равными себе и благословенными. С того мгновенья, как однажды человек поймет, что он составляет центр встречи, что он ведет тот аккорд, в котором звучит весь его день, самообладанию его раскрывается новая сила и новый, укрепленный со всех сторон путь, так как своими эманациями доброты и самоотвержения он призывает и сливается с путями вибрирующих лучей Светлых Братьев. С этого момента он может подпустить их к себе как защитное кольцо, в котором пойдут вер его дальнейшие действия и встречи. Мысль, что данный человек так еще далек от знаний, которыми обладаете вы, от тонкости чувств и мыслей, в которых живете вы, не дает вам ни права отъединяться от него, ни оправдания вашей деятельности, какой бы высокой вы ее ни считали в свое данное «сейчас». Если бы Светлое Братство, вплоть до самых вершин своей величайшей иерархии, думало так, то человечество никуда и никак не продвигалось бы в своей мировой эволюции. Вы же, наоборот, видите, что никто не лишен внимания, никто не оставлен без помощи Светлым Братством. А каковы мощь и радость этой помощи, все мы, здесь находящиеся, можем судить по собственному примеру, по тому спасению, что подало каждому из нас, так или иначе пострадавшему или запутавшемуся в жизни, Светлое Братство. Гениальные черты в отдельном человеке никогда не могут прийти в тот организм, в котором глубина Любви не создала святая святых в сердце. Только из этих глубин льются потоки творящей Силы, и только из них видит и слышит человек высокие эманации Творца, посылающего

через миллионы каналов Свою силу на землю. Приказать себе творить так же невозможно, как невозможно обучить творчеству другого человека системой подражания самому себе. Чтобы вообще учитель мог обучать ученика, надо, чтобы он сам понимал, на собственном опыте, источник, из которого льется творящая волна. Кроме того, учителю надо суметь приспособиться к манере мыслить и воспринимать текущую жизнь самого ученика. Тогда только он может стать в его положение и попытаться найти для него такую систему преподавания, где бы тот сам мог понять, как ему освободить в себе волю и силу от личного зажима мелких и низменных страстей и мелькающих ломаных мыслей. Если вы проверите вашу жизнь до прихода в эту Общину, первые годы жизни в ней, годы последующие и даже до самой последней минуты пребывания в этой комнате, можете ли вы сказать, что первым и важнейшим делом вы считали и считаете единение с людьми? Можете ли вы сказать, что первой мыслью при вашем пробуждении вы несли мысль расцветающему дню: разделить труд Светлого Братства, внести маленькую часть своего самоотвержения в общий план труда Светлых Братьев? Имея знания, вы увлекались одной личной жизнью. Вы говорили – и внешне якобы так и действовали, – как вы интересуетесь трудами общего просвещения. Но на самом деле вы интересовались ими постольку, поскольку в этих трудах расширялась и развивалась ваша собственная личность. Настал час – для всех вас без исключения – двинуться теперь к более высокому самообладанию и раскрыть себе путь к единению, тесному и радостному сотрудничеству со всем Светлым Братством. Неужели до сих пор так плотно закрыты ваши глаза телесными покрывалами, что вы все еще не понимаете ясно, где, откуда и как раскрывается путь к этому высокому и светлому сотрудничеству? Неужто повторять вам азбучные истины, что путь к Учителю ведет через серый день, через деятельное единение с окружающими людьми, через внимание и милосердие к ним? Взгляните внимательно вокруг себя. Почему половина из вас и сейчас хранит резкий протест друг против друга? Почему часть из вас ревниво отгораживается от своих сожителей в Общине? Почему только отдельные единицы идут, дружелюбно улыбаясь ближним? Только потому, что некоторым из вас самообладание кажется их личным вопросом, то есть: «Никому, кроме меня самого, нет дела до того, как я себя веду, если я его не трогаю». О нет, друзья! Вы не только не правы в подобном заключении. Но и вся система выстроенного вами мироздания на подобных началах – мыльный пузырь. Ибо начальный фундамент, на котором вы его строили, ваше «я», ваша личность, не может вливаться в труд Вечного. Пока сила вашего

раскрытого Духа не свяжет ваш труд дня земли с огнем Жизни, до тех пор вы не войдете в сотрудники Светлого Братства. А эта связь ткется самим человеком, только теми частями сердца и сознания, в которых не бушуют страсти, но царит радость. Когда я был здесь в последний раз, а это было сравнительно давно, я сказал вам: «Будьте бдительны каждый день своей жизни здесь, чтобы, когда мы встретимся в следующий раз, не было поздно. Чтобы ваши глаза имели силу смотреть весело и радостно на окружающую вас Жизнь, чтобы ваши сердца начали себя чувствовать ее частицей». Половина из вас все так же сидит, мрачно нахмурившись и опустив глаза в землю. Разве мало источил вам любви ваш настоятель? Разве мало внимания отдают вам те братья, кому был поручен надзор за вашими нуждами? Дерзнет ли кто-либо из вас обвинить служителей этой Общины в малой доброте к вам? Существует ли здесь уклад наказаний и взысканий? А между тем сколько раз каждый из вас провинился в грубости перед многими из братьев этой Общины, так самоотверженно обслуживающими вас. Перед тем как выйти из этой комнаты, поднимите ваши головы и взгляните мне в глаза.

Как только И. произнес эти слова, почти все головы поднялись и взгляды людей устремились к И. Я содрогнулся столько сарказма, злобы и даже ненависти прочел я в этих внезапно поднявшихся вверх глазах. И. На каждом лице остановил свой взор. И точно волшебная ласка стирала на лицах под его пристальным взглядом их возбуждение. Выражение менялось, смягчалось, успокаиваясь, и по щекам некоторых покатались слезы, резко изменив весь облик людей.

Глаза же тех, кто сразу при нашем входе в трапезную впился в лицо И., и тех, кто встретил нас дружелюбно с самого начала, сейчас выражали полный восторг и мир.

Но три человека оставались склоненными к своим столам, и казалось, никакая сила не заставит их распрямиться, такое упрямство выражали их фигуры. К моему удивлению, одним из низко склонившихся оказался человек, напомнивший мне сходством Дартана. Он до этого момента все время сидел прямо и зорко наблюдал за каждым движением И. и за всеми нами. Но как только И. встал и начал говорить, он опустил голову и все ниже склонялся к столу, что при его колоссальном росте ему давалось плохо.

Две другие не поднявшие голов фигуры сидели также не особенно далеко и резко выделялись черной одеждой среди белых платков и платьев. Меня уже давно поразило, что среди белых одежд за этими двумя столами сидело по черной фигуре. Что касается человека, похожего на Дартана, то

он был одет в нечто вроде рясы голубовато-дымчатого цвета и на груди его была крупная голова сфинкса, вырезанная из опала, висевшая на цепочке из мелких головок сфинкса такой же работы, как подаренная мне Дартаном цепочка, только все головки на его цепи были опаловые, чудесно переливались голубыми, дымчатыми, кроваво-красными огнями, очень красиво подходившими к его переливчатой рясе.

Я, пожалуй, понял теперь, что взгляды ненависти и вызова, которые он несколько раз бросил лично мне, относились не ко мне, а к моей цепи и пластинке. Нечто вроде мимолетного опасения за свое бессилие выполнить поручение Дартана снова мелькнуло во мне, но толчок от Натальи Владимировны вовремя вернул меня к сосредоточенности. Не знаю почему, но в памяти моей встала картина обеда у Строгановых в Константинополе, Браццано, борьба его с сэром Уоми и все последовавшее за нею. Мне показалось, что данный момент не только так же важен, но еще много серьезнее для И. и трех склоненных фигур. Я, стремительно собравшись весь в комок мольбы, воззвал к Флорентийцу и почувствовал Его мгновенный ответ. Мало того, я понял, что Андреева знает в эту минуту много больше моего, что она зовет Али, и я увидел Его высоченную фигуру рядом с И. и настоятелем, вставшим со своего места и благоговейно сложившим крестообразно руки на груди. Я отчетливо видел чудесное лицо Али, его прожигающие глаза, чувствовал необычайную силу, исходящую от него и наполнявшую весь зал его особенным магнетизмом; но я не был уверен, что все видели Его фигуру. И в то же время не сомневался, что все чувствовали присутствие особой силы, так как решительно все вытянулись в струнку, казались собранными в своем внимании, в подъеме и вдохновении, каких в них не было раньше.

Три склоненные фигуры, которым, казалось, уже нельзя было больше сгорбиться, съежились в сплошные комки, напоминая уродливые, огромные грибы, и закрыли головы полами своей одежды.

Улыбнувшись всем глядевшим на него теперь счастливым и радостным людям, И. сказал:

– Мои дорогие братья и сестры, мои любимые друзья, когда-то спасенные Светлым Братством через встречу со мной. В эту великую минуту совершился для вас поворот в вашей внешней судьбе – параллельно повороту в вашей внутренней жизни. Вы долго боролись с темными силами, которым когда-то послужили, долго не могли вырваться из их власти. И не потому, что темная сила могла проникнуть сюда. Нет, сюда, в это защищенное, место, она проникнуть не могла. Но вы носили память о ней, как оттиск каленой печати в ваших сердцах. Вы не могли простить до

конца тем лицемерам, что, прикрываясь дружбой и преданностью вам, использовали ваше простодушие для своих гнусных и даже ужасных целей. В эту минуту, окруженные любовью высоких Светлых Братьев, вы нашли силу не только простить им, но и благословить их, принять их несчастье как урок себе в свое доброе сердце, помолиться за них, и мгновенное озарение совершило чудо: вы стали радостными, а ставши радостными, нашли и новый путь к освобождению – творчество вашего сердца. В эту минуту ни один из вас не сидит, вы встали, потому что сила радостной гармонии в вас подняла вас. Вы чувствуете, как все существо каждого из вас вбирает в себя новые вибрации силы, до сих пор недоступные вам. Вы испытываете счастье жить, вы ощущаете величайшую из радостей человека: невидимое единение Духа с видимыми формами окружающих людей. Вы много лет боролись и разыскивали тропу – каждый свою собственную, индивидуально неповторимую, к пути творчества или освобождения, и вот в единое мгновение совершился поворот вашей судьбы: вы нашли тропу и вошли в нее. Запомните навсегда тот покой, тот благостный мир, какие наполняют вас в эти минуты. Эти минуты счастья и есть минуты полного самообладания, то есть в вас раскрылась и двинулась к действию ваша Любовь в себе. Теперь вы свободны Духом. А потому вы свободны и телами. Вы больше не нуждаетесь в тех внешних обстоятельствах, в которых вы жили здесь. Вас больше не надо защищать, теперь вы будете защищать всюду встречаемых. Вы свободны. Каждый из вас может выбрать себе любую форму внешней жизни в любом месте вселенной или оставаться здесь. Любая форма труда будет вам предоставлена и в любое место земли, в какое пожелаете, вы будете доставлены. Мой вам последний завет: где бы вы ни жили, каким бы трудом вы ни занимались, каких бы людей вы ни встречали, никогда не думайте, что тяжелые внешние обстоятельства давят и губят людей. Врежьте себе в сознание, в сердце, в вечную и вечную память, что все внешние обстоятельства каждого человека, какие бы они ни были, как бы тяжелы они ни казались вам и самому поставленному в них человеку, все – повторяю – его обстоятельства защищают его вековую жизнь, а не подавляют или губят ее. Помните вечно о величии и ужасе человеческих путей, благословляйте их, не делая в них различия. Ибо и те и другие отныне одинаково священны для вас. Примите благословение Любви, посылаемое всем вам Светлым Братством, примите мир, радость и помощь его как привет вашей новой жизни и не забывайте: оно признало вас равными себе, и да не огорчат вас больше никакие отрицания ваших доблестей и талантов, никакое непризнание вас людьми да не нарушит

вашей устойчивой гармонии. Будьте благословенны именем Светлого Братства – мир вам.

И. благословил всех и низко, касаясь земли рукой, поклонился всем.

– Идите, друзья и братья, радуйтесь счастью возратить Жизни те дары и таланты, что Она дала вам в веках, и, очищенными, проносите не себя в талантах, но таланты в себе несите во все дела и встречи.

Глаза стоявших людей сияли, точно лампы. Казалось, им жаль было отрываться от сверкавшего красотой и мощью лица И. Медленно они поклонились ему и стали выходить из трапезной. Только сейчас я понял, что дверь в трапезной была одна, именно та, широкая, через которую мы вошли.

Люди выходили поодиночке, и каждый отдавал два поклона: настоятелю и нам всем, на который, вслед за И., мы все отвечали. Я видел, как рука Али благословляла каждого выходявшего, я слышал, как каждому Он говорил одно или несколько слов. Я понимал, что в этих словах Али определяет каждому предстоящий ему труд и место для его новой жизни. Но я понимал это духом, а не своей телесной формой. Мне казалось, что Флорентиец дает мне это понимание и приказывает передавать каждому Его благословение, Его такт и мир.

Трапезная пуста. Столы, где сидели согбенные фигуры и откуда братья-подавальщики бесшумно сняли посуду, передав ее через окошечки в левой стене в кухню, теперь блистали белизной и чистотой, мгновенно бесшумно вымытые братьями-столовниками. За этими блистающими пальмовыми столами, среди уже почти пустой трапезной, ярко залитой светом ламп внизу и светом из окон наверху, где, как я понял, были кельи братьев и сестер Общины, оставались только три фигуры.

Последний сияющий счастьем и радостью брат вышел, отдав свой поклон благоговения и любви. Я заметил теперь, что три фигуры вовсе не добровольно оставались сидеть, что они делают попытки выпрямиться, желают уйти вслед за остальными, но не могут этого сделать, как не мог несчастный карлик оторваться от пола в маленькой трапезной детей в Общине Али перед Франциском.

– Встаньте, несчастненькие, любимые детки мои, которых не смогло и не сумело выносить сердце мое, и в том вина моя, а не ваша, – раздался голос настоятеля. И был этот голос до того нежен и ласков, столько было в нем любви и трогательной защиты, что слезы невольно покатались по моей щеке, и я воззвал всеми силами к божественному милосердию Флорентийца.

«Мужайся и твори действенную Любовь, только так могу помочь через

тебя»,

– услышал я его дивный голос и УСТЫДИЛСЯ Своей слабости. Я мгновенно овладел собой.

– Не защитила и не раскрыла сердец ваших моя Любовь, и в том вина моя, а не ваша. Не приобщило вас к деятельности мира и радости усердие мое, и то вина моя, а не ваша. Я не сумел найти путей и приспособлений для вашего освобождения, я был вам примером слабым и малым, да будут небеса взыскательны ко мне, благи и милостивы к вам. Простите мне, родные мои, дети мои любимые, что я не смог, не сумел защитить вас, мне порученных. Да будет сердце мое века и века местом успокоения и защиты вам постольку, поскольку небеса, справедливые и чистые, могут утвердить нашу связь.

Голос настоятеля, весь его вид, весь шар Света, обвивавший его сейчас, точно огромный сноп огня, потрясали мой организм, через который, как я это четко сознавал, шла колоссальная сила Флорентийца, вливаясь в шар Раданды.

Я ясно видел, как в его шар лилась сила Али и еще несколько струй, огненных, алых и синих, образуя чудесную громадную пятиконечную звезду. Зрелище это было величественное и торжественное, ощущал я себя не только в великом храме, но точно силы Самой Жизни вошли сюда.

Неожиданно для меня Раданда, все держа руки скрещенными на груди, опустился на колени и поклонился в ноги трем сидящим фигурам. Я забыл обо всем, я точно вышел из тела и слился с огнем Флорентийца. Я видел не только тела фигур, я видел их горящие ауры и понимал разницу их трепетавших огней.

От великана с опалами шли бешено, зигзагами багровые, черные и грязно-серо-зеленые молнии, которые он направлял прямо в центр шара Раданды. Но огни, не достигая шара, катились обратно с удвоенной силой к сердцу и мозгу великана.

Вторая черная фигура, высылала, точно целое море змей, молнии, такие же багровые и черные, к ногам Раданды. Но и эти струи возвращались обратно, обвивая кольцами всю фигуру несчастного, должно быть, сильно от них страдавшего и задохавшегося.

Последняя, более далекая фигура посылала нежные мольбы о прощении. Огненные линии, шедшие от нее, были испещрены черными и багровыми пятнами и кольцами. Я видел, что несчастное существо старалось вылить из сердца остатки своей чистоты, благословляло старца, благодарило его за любовь и заботы и старалось встать. Но от двух других фигур летели к этому несчастному молнии багровых проклятий и

приказаний, угроз и ужасных ругательств, мешавших ему высвободиться и разорвать горькую связь греха со своими поработителями.

– Встань, мой друг, – раздался голос И., вытянувшего руку по направлению к борющейся фигуре.

Я увидел, как грязные молнии вернулись к своим хозяевам, заставив их обоих вздрогнуть, а третья фигура, мгновенно от них освобожденная, засветилась голубыми и розовыми тонами и легко встала. Вся укутанная, она вышла из-за стола и стала приближаться к Раданде, защищаемая от пламени своих врагов рукою И.

Когда фигура подошла к Раданде, натянутый на ее лицо плащ упал, и перед нами предстала женщина, нестарая и красоты редкостной. Она чемто, каким-то дальним и неуловимым сходством напомнила мне Лалию. В тот же миг я услышал заглушенный стон за собой и увидел упавшую ниц перед Радандой фигуру красавицы, все тело которой сотрясалось в рыданиях, среди которых она выкрикивала:

– Прости, святой отец, прости великой грешнице. Безумная любовь и ревность свели меня с ума, и я поддалась чарам этого ужасного человека. Но я не проклинаю его больше. Да будут ему прощены мои страдания и проклятия, как ты прости нас всех. Сказал ты, что на тебе грех наш. О нет, святой отец, на нас святость твоя, на нас печать Любви твоей, дающая нам надежду на спасение. К тебе же, святому, не может пристать ничто злое и грешное. Спаситель, заступник, помоги несчастному, сковавшему меня страшной клятвой. Пусть вся моя жизнь пойдет на труд для его спасения. Пусть любовь моя, над которой он так жестоко издевался, будет мостом к спасению. Не отвергай его, подай ему еще раз, в последний раз, благую руку помощи.

Женщина снова склонилась к ногам Раданды. В тот раздалось ужасное рычание, громадная фигура великана распрямилась, он сорвал с себя цепь, на которой висел сфинкс, и бросил ее, ловко рассчитав удар так, чтобы вся тяжесть цепи попала женщине в голову. По свисту в воздухе, который вызвала летящая цепь, я понял, что металл, соединявший длинный ряд головок сфинксов, был необычайно тяжел и что женщина будет неминуемо убита.

Рука И. протянулась навстречу летящей цепи, в воздухе мелькнула огненная молния, что-то треснуло, и я увидел цепь, ударившую по голове своего владельца. Он рухнул на пол, задел стол и опрокинул его на себя. Длинный стол схоронил под собой его фигуру.

В тот же момент, когда И. остановил полет цепи, я почувствовал, как силой Флорентийца из моей пластинки, данной мне Дартаном, вылетело

несколько желтых молний, соединившихся вокруг головы женщины, образуя венец.

Раданда склонился, поднял женщину, обнял ее, подозвал Лалию, Нину и Никито.

– Отведите ее. У привратника уже ждут носилки. Помогите отнести ее в больницу и оставайтесь при ней, пока я не приду. Она будет в беспмятстве, не смущайтесь этим. Я приду.

Раданда оглянулся, улыбнулся леди Бердран, поманил ее пальцем.

– Иди и ты с ними, Беляночка. Да и вы, друзья, помогите им, – обратился он к Бронскому и Игоро. – Там ваша помощь будет нужней и важней.

Я впервые увидел Герду за все это время. Она была бела как лилия и, несмотря на темный цвет волос, слово «Беляночка» как нельзя больше подходило к ней. Мне казалось, что она не дойдет даже до порога, не только до больницы, так была она хрупка, так слабы и неуверенны были ее движения. Когда она поравнялась с Али, я видел, как Он положил ей на голову свою чудесную руку, но я знал, что она не видела Его. От прикосновения руки Али она вздрогнула, но тотчас же выпрямилась, вся засветилась, на бледных щеках заиграл румянец, и Герда стала неотразимо хороша. Когда вся партия наших друзей вышла, уводя еле двигающуюся красавицу, красоту которой можно было сравнить, пожалуй, только с красотой Марии Магдалины, на несколько минут в трапезной водворилась гробовая тишина. Я почувствовал, что Андреева собирает свое самообладание и все свои силы, и последовал ее примеру. Я весь ушел в молитву Флорентийцу о помощи несчастным, наступающий грозный момент жизни которых я предчувствовал. У меня снова сделалось такое ощущение, точно я вышел из тела, как некоторое время тому назад. Я не успел отдать себе отчета в этом, как увидел возле лежавшего на полу великана стоявшего Рассула. Я хотел точнее убедиться, что это именно он, как увидел еще одну новую сияющую фигуру, в которой без труда узнал Франциска.

– Мой бедный брат. Милосердие дает мне последнюю возможность еще раз обратиться к тебе с увещеваниями, – раздался снова, на этот раз полный мольбы, голос старца. – Встань, дружок. Убедись в бессилии злобы и лицемерия. Ты запуган своим грозным приятелем, но ведь ты видишь, к чему привела его строптивость. Постепенно – от строптивности к гордости, от гордости к надменности и сарказму – он пришел к постоянному раздражению, отрицанию и злобе. Он завладел твоей волей. Теперь он бессилен, лежит и не страшен тебе. Подойди к великому Учителю, не

бойся. Ты еще можешь найти прощение, можешь трудиться, в труде очиститься и войти в великое Светлое человечество. Но поспеши, дитя мое несчастное. Мгновения идут, судьба твоя еще в твоих руках. Но ты у последней черты, поспеши.

Не успел отзвучать голос старца, как черная фигура резко выпрямилась, капюшон с головы был сброшен и перед нами появилось лицо... Хватит ли у меня умения описать это лицо? Чертами оно, пожалуй, было даже красиво. В раме черных, иссиня-черных волос бледное лицо, узкое, дерзкое. Вся фигура, тоже узкая, стройная, была нечеловечески тонка и, завернутая в какую-то плотно облегающую одежду, похожа на огромную змею больше, чем на человека. Глаза тоже были змеиные, узкие и ярко-желтые. Они поражали неприятным выражением со странным сочетанием угрюмости, дерзости, лживости и страха. Что этот человек был трусом и опасным злодеем, лицемером и лгуном, для меня не оставляло сомнения. Но почему он и великан были здесь, этого я понять не мог. Человек стоял молча, глаза его бегали от лица И. к лицу старца и обратно, точно ища лазейку, за которую ему было бы возможно зацепиться. Мгновения все шли в полном молчании. Вдруг я увидел еще одну сияющую фигуру и чуть не вскрикнул от изумления, узнав в ней сэра Уоми.

– Подойди сюда, несчастный человек. Тебе в последний раз устами твоего доброго наставника предоставляется возможность выйти из кольца лжи и предательства, – раздался голос И.

Человек, очевидно, хотел снова сесть, а не идти. По лицу его скользнула судорога, он извивался всем своим тонким телом, что еще больше подчеркивало его сходство со змеей.

И. пристально смотрел на него. Наконец он поднял руку и грозно сказал:

– Повинуйся.

Человек-змея задрожал с головы до ног, хотел накинуть на себя свою черную рясу, но руки его тряслись так, что он не смог сделать этого. Ряса упала у его ног, которые он с трудом высвободил, и стал медленно приближаться к нам. На лице его, бледном и раньше, теперь не оставалось никаких признаков жизни. Бледно-трупного цвета, оно было лишено всякого выражения, точно это была маска, вылепленная художником, но не одухотворенная. Ни единой мысли, ни даже признака страха, так незадолго отражавшегося на нем, – ничего не мог я уловить на этой маске. И шел он, как автомат, точно все, что составляло суть его жизни несколько минут назад, сейчас покинуло его, оставив ему одну его скорлупу. Как ни медленно он шел, но все же настала минута, когда ему пришлось подойти к

И. и встать перед ним.

Я увидел, как сияющие фигуры Франциска и сэра Уоми встали сзади несчастного человека, настоятель и И. стали рядом по обе стороны от них, образуя полукруг, а на их месте возвысилась огромная фигура Али, от которого потекла высокая стена огня. За спинами всех высоких братьев она образовала полный круг и подошла к Али с другой стороны, как бы горя за ним и в нем.

Я понял, что человек видит Али, видит огненную стену перед собой. Когда стена сомкнулась возле Али, человек точно проснулся. Ужас отразился на его лице, он пробовал несколько раз метнуться в сторону, но его что-то точно отбрасывало обратно.

– Стой спокойно, или ты сгоришь, – сказал ему Раданда. – Ты уже потерял все возможности выйти отсюда. Я предлагал тебе, вернее, я передавал тебе несколько минут тому назад зов Милосердия. Я предупреждал тебя, что то последний зов спасения. Но ты отверг мою помощь. Прими теперь свой час возмездия, будь мужествен и старайся найти в себе хотя бы самую крошечную долю милосердия, чтобы Великое Милосердие могло сохранить тебе человеческую стадию существования.

Невероятная злоба исказила лицо человека.

– Зачем я не задушил тебя, когда имел тысячу возможностей к этому, – прошипел он в ответ Раданде. – Подумать только, что эта глупая предательница, которую ты отправил в больницу, украла мой талисман; и я попался в твои лапы, тогда как помощь мне могла бы теперь идти со всех сторон.

– Твой талисман болтается на твоём поясе, несчастный, – раздался голос Али.

Если бы я не видел, как шевелились уста Али, я не понял бы, что это говорит он. Голос его был похож на гром небесный, а не на властный, но ласковый голос дивного Али, приветствовавшего всегда каждого человека так невыразимо внимательно, что каждому, к кому он обращался, казалось, что именно его ждал Али, что именно ему хотел помочь.

– Если я не введу тебя сейчас же внутрь защитной горячей стены Светлых Сил, твои, как ты полагаешь Друзья, а на самом деле твои злейшие и беспощадные враги настигнут тебя. И ты навеки очутишься в их власти. И никакое самоотвержение и мольба твоего усердного защитника Раданды не помогут тебе. Ты будешь выведен за стены Общины и там примешь путь вечной муки в кругу темных сил. Муки твои будут удешевляться воспоминанием о жизни здесь, где тебе – поверив им мольбам и клятвам, забыв о моем предупреждении о тебе – предоставил

возможность спастись Раданда, Он взял на себя великий подвиг любви, он был уверен, что любовь его поможет тебе проснуться к Истине.

Но ты, лицемерно обманывая его, ткал грязное дело разложения каждой души, к которой подходил. Благодаря святой чистоте Раданды, носившего тебя много лет в сердце, теперь перед тобой последний выбор, ты у последней черты. Спаянные великой любовью, мы пришли, чтобы подвиг твоего защитника не пропал даром. Милосердие моими устами предлагает тебе: или войди, моею силой и волей введенный, внутрь защитной стены – и тогда, принеся полное покаяние, простив всем и прощенный сам до конца, ты умрешь как эта жалкая оболочка и войдешь в великий поток Жизни, начав свои новые воплощения очищенным Вечностью. Или ты будешь выведен за стены Общины и попадешь в руки своих бывших сотрудников, давно тобою недовольных. Выбирай. Еще несколько мгновений мы можем предоставить тебе выбор, ибо любовь Раданды соткала тебе мост, остатки которого, уже еле держащиеся, еще могут простоять короткие мгновения. Когда мгновения эти истекнут, ты будешь выведен за стены Общины, и там совершится твоя судьба.

Наглое бешенство, с которым слушал вначале слова Али змееподобный человек, теперь сменилось на его лице такими отчаянием и ужасом, слов для описания которых я не подберу. Оно снова превратилось в маску, совершенно мертвую. Мне казалось, что ничто – ни мысли, ни чувства – не работает больше в нем, что он даже и решения никакого принять не может, так парализовал его ужас. Но я ошибся. Руки человека стали судорожно шарить вокруг пояса, где, как Али сказал ему, застряли его талисманы. Он, наконец, нащупал один, хотел поднять его вверх, но рука его выронила талисман – я не мог разобрать, что это была за вещь, – он упал на каменный пол трапезной и разбился на мельчайшие кусочки. Человек издал стон, но не принял никакого решения.

– Мгновения истекают. Враги твои у стен Общины. А защитная стена становится так высока и широка, что ни мне одному, ни всем нам вместе будет скоро не по силам спасти тебя внутри ее. Спеши, выбирай. Не жди третьего зова, его не будет.

Голос Али звучал ласково, но твердо. Я увидел, что огненная стена уже достигла ушей Али и быстро поднималась вверх. Я взмолился всей мощью любви, какая была мне только доступна, Флорентийцу и просил его помочь несчастному понять, что решается его вечная судьба, а не судьба его временных несчастных оболочек, в которых он согрешил. Я увидел, что Раданда протянул в мольбе свои руки к Франциску, что Франциск повернулся лицом к несчастному, облил его любовью своих глаз, улыбнулся

ему своей улыбкой божественной доброты и протянул ему обе свои руки.

Раздался крик, какого я еще в жизни не слышал, не предполагал, что так может кричать человеческое существо, и дай Бог никому не слышать в жизни подобного вопля. Это был не крик, а целая гамма, целый аккорд чувств, мыслей, и переживаний человека. Это была вся жизнь, о которой можно было бы написать целую книгу. Я прочел в этом вопле, что впервые взгляд Франциска достиг сердца этого несчастного человека. Я прочел, как дрогнуло все злое, налипшее на этом сердце, как раскаяние и сожаление вырвались бурными волнами из сердца человека. Я видел уже не мольбу, не борьбу, но полное понимание, что смерть в огненной стене остается единственной защитой.

Человек схватил руки Франциска. Я знал огромную силу этих рук и был поражен: под тяжестью человека Франциск согнулся и не мог поднять его, чтобы ввести внутрь стены. Я не успел броситься к нему. Как молния, Али очутился там и, как молния, перебросил человека внутрь стены. Я думал, что человек упал и разбился, такой бурей силы показалось мне движение Али. Но на самом деле я увидел, как руки Али осторожно поставили человека в центре круга. Теперь он дышал сильно и учащенно, точно бежал по лестнице. На лице его играла краска, уста улыбались, он смотрел на Раданду и говорил:

– Прости, я ненавидел не тебя, но свою собственную слабость. Я хотел быть добрым, ценил твою святость, но зависть к тебе бросала меня от зла к злу. Я понимал твою искренность, но нарочно взвинчивал себя на отрицание твоей доброты. О, какое счастье, какую легкость я испытываю сейчас! Впервые я знаю, что такое радость. Какими словами мне благодарить всех вас за то просветление, в каком сейчас умираю. Примите мою благодарность. Я прощаю моим врагам, как вы простили меня.

ОН ХОТЕЛ сказать еще что-то, но схватился за сердце и упал к ногам Раданды. На лице старца играла улыбка счастья, глаза его были устремлены на лицо лежавшего человека с выражением такой любви, точно это было самое дорогое его дитя.

Стена продолжала гореть, теперь поднявшись до самого потолка. Цвет ее был уже не огненно-красный, она переливалась всеми цветами радуги с преобладанием голубых и розовых тонов.

-Левушка, – услышал я голос И. – Выйди к привратнику и скажи ему впустить братьев с носилками. Приказ передай именем настоятеля.

Минуту назад мне казалось, что я не в силах владеть своим телом, что я даже двинуться не могу с места. Сейчас же, получив приказание И., я совершенно легко вышел из трапезной и, дойдя до привратницкой,

услышал разговор Мулги с кем-то, кого он не пропускал во дворик. Я передал ему приказание Раданды относительно носилок, он поклонился мне и сказал:

– Не удивляйся, брат, что я повысил голос в эту минуту. Но весь вечер ко мне приходили люди, прибегали даже от ворот, требуя, чтобы я пропустил каких-то вновь прибывших. Помня приказ настоятеля, я никого не впускал, хотя некоторые, вот только сейчас, угрожали мне чуть не смертью. Заслышав твои шаги, они быстро скрылись во тьме, а подошли вот эти братья с носилками, которые ты требуешь.

Он открыл ворота, и четыре брата в белых одеждах прошли из темноты сада в освещенный дворик. Я провел их в трапезную, где картина теперь была совсем другая. Раданда стоял на коленях подле головы умершего, произнося какую-то молитву, и рядом с ним, тоже на коленях, стояла Андреева. Огненной, сиявшей стены уже не было вокруг них, но на месте упавшего стола, точно плотная завеса тумана, переливалось и дрожало разноцветное облако. Раданда поднялся с колен, поднял Андрееву и обратился к братьям:

– Унесите бедного, внезапно почившего брата. Умойте его, оденьте в белые одежды и поставьте в мою часовню. Молитесь о нем так, как вы хотели бы, чтобы молились о вас.

Благословив тело покойного и всех его уносивших, Раданда повернулся к нам с Андреевой:

– Дети мои, гости мои дорогие. Не думайте никогда о встречном человеке как о постороннем вам. Но запомните все, чему вы были и будете свидетелями здесь. Знайте твердо: до последнего момента надо верить и надеяться пробудить в человеке его святая святых. До последних сил сердца надо молить Жизнь о помощи заблуждающемуся, заблудившемуся или оступившемуся брату, ибо в каждом живет Она, а для Ее пробуждения нет ни законов логики человеческой, ни законов времени человеческого. Источайте в полном забвении себя, как вы это делали сегодня здесь, и дальше ваша любовь и доброту. Какими бы слабыми и маленькими вы ни считали себя по сравнению с великими братьями, знайте, что самая малая Частица доброты, идущая для утверждения радости и помощи, необычайно важна в труде Светлых Братьев. Мужайтесь, и помощь ваша сейчас будет еще нужнее и важнее, чем была час назад.

Он улыбнулся нам с особенной, ему одному свойственной снисходительной ласковостью, взял каждого из нас за руку и повел по направлению к туманному облаку. Облако теперь тоже изменило свой вид: стало прозрачным, и по всем направлениям в нем летали рубиновые

звездочки. Звездочки то складывались в причудливые фигуры, то вытягивались как бы в ряды строчек. Зрелище было очаровательное. Но я понял, что это не только зрелище, но что это надписи, которые я не умел прочесть, Андреева их читала четко, быстро и точно. Теперь наши роли переменялись – не я мог помочь ей, а она мне.

Подведя нас к самому облаку, старец остановился, еще раз нам улыбнулся и, обращаясь к Андреевой, сказал:

– Помоги младшему брату разобраться язык огня, как он помогал тебе сдерживать огонь твоего сердца. Подождите оба здесь, вас позовут, когда будет можно. – Он оставил нас и скрылся за облаком, которое вблизи было гораздо плотнее, чем казалось издали.

– Слушайте, Левушка, я читаю знаки огня, – сказала мне Наталья Владимировна:

«Перед великими моментами рождения и смерти нет ничьей власти, кроме власти самого человека. Нет и предела, положенного извне, для часа смерти. Нет силы, выбрасывающей обратно в мир земли дух человека. Закономерным движением действий самого живущего на земле или в иных планах совершается воплощение или развоплощение.

Природа телесных или духовных материй каждого идет по кругам того труда, что сам человек выстроил в веках. Нет внезапных переходов, какими воспринимают люди события земных жизней, проходящих перед их глазами. Все течет закономерно по кругам, а не по ломаным линиям. Но только знающему открывается полный Свет, в котором он видит все звенья своего и чужих путей.

Величие и смысл жизни и смерти не в видимых телесными очами фактах состоит, но в силе тех взрывов любви, что может человек из себя источить или в себя вобрать».

Рубиновые звездочки перестали кружиться. Мы стояли молча, исполненные благоговения, думая о том огромном человеке, что лежал за облаком. Мы старались вылить из себя всю любовь, какая жила в нас, ему в помощь.

Время как бы перестало для меня существовать. Я ощущал снова полное блаженство, радостное состояние. Близкое присутствие Флорентийца настолько сливалось со всем моим существом, что я не мог различить, где был «я» и где «не я». Я весь слился с моим обожаемым другом. Не испытанное еще ни разу мною мужество охватило меня. Уверенность и радость, что я буду в силах пролить помощь Флорентийца так, как Он этого захочет, ввели меня в круг полного спокойствия. Я понял на деле, что значат слова: «забыть о себе и думать о других». И не менее

ясно понял я, что такое «освобожденность». Ничто личное не давило на меня. Я был совершенно свободен от всякого личного восприятия текущих событий, я видел и понимал по-новому жизненные пути человечества.

Я не удивлялся и не сравнивал откровения этой ночи ни с какими событиями, свидетелем которых я был раньше. Я благоговел перед новыми, открывшимися мне страницами труда высоких Светлых Братьев и радостно присоединял все свои силы к их труду. И. подошел к нам. Облако рассеялось совсем. Картина за ним резко изменилась в сравнении с той, которую мы запомнили вначале. Огромный, похожий на Дартана человек не лежал теперь на полу, а стоял рядом с Рассулом, присутствия которого я не мог себе объяснить, простившись с ним так недавно в пустыне. Дартан держал в руках тяжелую цепь человека и пристально смотрел в глаза своему двойнику.

Видя их обоих рядом, я еще раз убедился в их разительном сходстве, только второй был чуть поменьше и волосы его были темные. Несомненно, это были близнецы. Но я понял, почему мне показалось сначала, что человек этот только напоминал Дартана. Выражение лица и возбуждение во всей фигуре, бешеное движение глаз и мускулов лица очень нарушали сходство с Дартаном, лицо которого в первые минуты знакомства показалось мне каменным. Когда же я присмотрелся к нему, то увидел, что оно хранит твердое спокойствие и Печаль. Из Великих Братьев теперь я видел только Али, Раданду и Флорентийца. И. подвел нас ближе к группе и поставил между Али и собой.

– Друг мой, мой бедный брат, – снова заговорил Раданда. – Я всем сердцем прощаю тебе все то оскорбительное, что ты говорил здесь обо мне. Ты не повинен в том, что не можешь видеть иначе, потому что страсти заполонили тебя и закрыли твои глаза духа. А разве может понимать что-либо человек, если смотрит на дела и вещи одними телесными глазами? Все, все я прощаю тебе и молю Великую Мать и всех Ее служителей защитить и помиловать тебя от всех печальных последствий, что ты пробудил и вызвал к жизни за годы пребывания здесь. Не ты виновен, что я был слаб и допустил своею излишней добротой разлад в тебе. Я должен был своею строгостью защитить тебя и помочь тебе внешней дисциплиной, раз я видел, что ты не способен достичь внутренней самодисциплины. Я же все верил и надеялся, что, живя в полной свободе, в атмосфере мира и любви, ты найдешь путь к самодисциплине легче и проще. Я ошибся и не выполнил приказания Али быть с тобой строгим. Я виновен. Да будет твой грех на мне перед лицом Великой Жизни. Я ответствен за то, что не нашел нужного тебе приспособления в жизни дня. Ты был мне поручен, и я не

сумел быть тебе пастырем добрым. Прости, будь снисходителен и милосерд, сын мой.

Лицо человека выражало сарказм, он, видимо, не верил ни единому слову настоятеля, ядовито улыбался, но молчал.

– Брат мой, мой несчастный Беньяжан, не в первый раз, а в третий стоишь ты перед Белыми Силами и вступаешь с ними в борьбу, – заговорил Рассул. – Первые два раза я мог спасти тебя, мог поручиться за тебя перед Белым Братством, которое укрыло тебя здесь, предоставив тебе все возможности к труду и деятельности, какие ты хотел бы избрать себе по вкусу и склонностям. Но, окруженный доверием и любовью, ты занимался тем, что искал недостатки в окружающих. Перечисляя их пятна, ты обманом ввел сюда свою несчастную жену и мертвого теперь своего друга, которых ты сделал предателями, ворами и рабами своими. Я не буду перечислять все твои гнусные поступки здесь, ты их сам хорошо знаешь. Скажу тебе только одно: бессилён в этот третий раз помочь тебе, больше не могу взять тебя на поруки. Ты можешь надеяться лишь на милосердие Раданды и И., можешь рассчитывать только на собственные силы. В последний раз я, грешный Рассул, могу еще умолить великое Светлое Братство об одном: защитить тебя от темных сил после смерти, предоставив тебе такой угол на земле, где бы ты в непрерывном труде и суровой дисциплине мог приготовить свой дух к смерти в чистоте сердца и мире, ибо иначе никакие силы Света не смогут вырвать тебя из вековой власти злых. Нет для тебя свободного выхода отсюда, как ты об этом мечтаешь, не потому, что тебя кто-либо здесь держит. Нет, твои вечные раздражение и злоба, осуждение и лицемерие парализовали сейчас твои руки и ноги. Ты не можешь ни с места двинуться, ни взять руками этой дивной цепи, которую ты запяtnал злодеяниями и кровью. Выбирай сам свою судьбу. Или ты поедешь в тайную Общину, спасенный в последний раз Милосердием. Там будешь вылечен и пригодишься долгими годами тяжелого труда к чистой смерти, как я тебе уже сказал. Или...

Дартан умолк на минуту, лицо его стало символом печали, по темной щеке медленно скатилась крупная слеза. Он се смахнул и продолжал голосом таким слабым, нежным и скорбным, услышать который от великана я не ожидал. Мне казалось, что мощи этого великана и предела нет.

– Или ты умрешь здесь, сейчас, и темные силы завладеют твоим духом. Ты сам хорошо знаешь, что это значит.

Дартан умолк, и гробовая тишина в трапезной нарушалась только тяжким, свистящим дыханием Беньяжана. Он стоял неподвижно, точно

статуя, и всю его борьбу отражало только лицо. При всем мужестве, которое я ощущал в сердце, я пал на колени и молил Флорентийца, самого милосердного из всех милосердных, спасти, ободрить, поспешить на помощь к несчастному.

Я увидел божественно прекрасный образ моего великого друга рядом с Беньяжаном. Он взял одну его, лишенную движения руку, и положил ее ему на сердце, поддерживая ее своей чудесной рукой. Другой своей рукой он положил вторую руку страдальца ему на лоб.

– Взгляни на стены. Там ясно видна картина, что ждет тебя, если умрешь сейчас.

Колоссальная фигура Беньяжана вся задрожала, из горла его вырвался хрип, и, если бы сила Флорентийца его не поддержала, он рухнул бы снова на пол.

– Не медли, – сказал Али. – Еще минута, и милосерднейший брат Флорентиец не сможет спасти тебя. Решай!

Еще одна судорога потрясла тело несчастного, еще один раз, показалось мне, он увидел что-то ужасное, и он выдавил из себя хрип:

– Я согласен ехать в тайную Общину.

Рассул пододвинул брату скамью и с помощью Флорентийца усадил его. Флорентиец выпустил руки несчастного из своих, и они рухнули, бессильно повиснув до самого пола. Но руку свою на голове Беньяжана он оставил, и под влиянием силы Флорентийца лицо страдальца приняло спокойное выражение, глаза перестали бегать и дыхание стало легче.

– Тебе, нарушителю покоя всюду, где ты ни селился, дает Великая Жизнь в последний раз Свою защиту: ты будешь немым и глухим до тех пор, пока в сердце своем не найдешь добрых и чистых сил, пока в сознании твоём не возродятся благородные мысли, пока труд твой не станет полезен другим людям, к которым станешь доброжелателем сам. Постепенно, как только будет светлеть дух твой, начнут возвращаться к тебе речь и слух, – заговорил снова Али, и голос его походил на гром.

– Встань, найди силы выйти отсюда, сесть на мехари и доехать до нового места жизни. Помни, все время помни картину, что показал тебе Флорентиец, и да поможет она тебе выбраться на светлую тропу. Не бойся, тебя довезет надежный конвой, и в новом месте тебя никто преследовать не будет. Живи, мною благословенный, призывай имя мое в минуты невыносимого разлада, и я разделю бремя твое, облегчу тяжесть твоих страданий.

Али благословил Беньяжана и сказал Рассулу: – Надень на шею брата твоего его прекрасную цепь. Ты испортил ее, – обратился он к Беньяжану. –

Она принадлежала великому, радостному существу, гармония которого была устойчива и помогала Светлому Братству передавать его энергию земле. Ты украд цепь у своего брата, но, видишь сам, она потеряла свои могучие свойства, а камни – прежде желтые – стали похожи на опалы. Чем больше ты грешил, тем больше менялись камни, походя на слезы, дрожащие под лучами солнца и переливающиеся всеми цветами радуги. По цвету этих камней сможешь судить, приблизишься ли ты к освобождению. С каждым малейшим поворотом к доброте и высокой мысли к камням будет возвращаться их прежний прекрасный желтый цвет. Левушка, возьми мой плащ и укутай им Беньяжана, – закончил свои слова Али, протягивая мне свой белый плащ.

Я выполнил приказание Али с большим трудом. Плащ его точно жег мне руки и казался таким тяжелым и огромным, что я еле мог накинуть его на плечи Беньяжану, для чего мне пришлось встать на скамейку. Когда я возвратился на свое место, весь обливаясь потом, точно я таскал камни, то едва мог стоять, так дрожали мои ноги и стучало в голове.

– Ясса, – услышал я опять четкий и сильный, уже не громopodobный голос Али. – Ты поедешь начальником конвоя и отвезешь в тайную Общину этого человека. Возьми десяток братьев и поезжай немедленно. Люди уже ждут у ворот. Возьми за руку этого великана и все время в пути будь рядом с ним. Укутай его хорошо в мой плащ и, когда приедешь в Общину, сдай порученного тебе настоятелю, брось мой плащ в костер, отдохни сутки и возвращайся со всем конвоем обратно. Обратно иди через скалы в пустыне и через маленький оазис черных людей.

Маленький Ясса казался игрушечным возле Беньяжана. Он взял его висевшую беспомощно руку, обернул плотно плащом громадную фигуру и пошел к двери, уводя за руку автоматически двигавшегося за ним великана, тяжело ступавшего, точно шла рота солдат.

Это были страшные минуты. Мне казалось, что тяжелые шаги человека были прообразом тех лет муки и искупления, на которые он себя обрек.

– Подойдите ко мне, – услышал я голос Али, но не понял, что он относится ко мне и Андреевой.

Я почувствовал, что она взяла меня за руку, повернулся к ней и обомлел. Лицо сверкающей силы, уверенности, светлой доброты, с глазами, метавшими молнии Света, смотрело на меня. Наталья Владимировна ласково улыбнулась мне и потянула меня за собой. Я снова почувствовал, что она мне близка, ближе чего быть невозможно, мать и сестра. Если бы она вела меня в пустыню, а не к Али, я шел бы за ней

всюду в полном доверии и радости.

Мы опустились на колени перед Али, но он ласково поднял нас, сел на скамью и посадил нас по обе стороны от себя. Я осмотрелся кругом и увидел, что в трапезной никого, кроме Али и И., Натальи Владимировны и меня. Я не успел удивиться, как заговорил Али:

– Теперь ты поняла, мой друг, почему я не вводил тебя в эту Общину и какую часть труда моего ты могла разделить только теперь. Все, что открылось тебе здесь, открылось только тебе одной, об этом помни. Если при встречах дня почувствуешь, что можешь, – действуй. Но никогда превышай сил. И где указана граница – не переступай ее никогда. Учись понимать, что вместо помощи, рассчитывая на свои силы, на свои благие намерения, внесешь лишние бедствия и страдания в мир всегда, если выйдешь за рамки, указанные тебе. Переходи быстро в новое знание, ибо мир не ждет. Тебе надо ехать и выполнить свою миссию в нем.

Али обнял Наталью Владимировну, она точно утонула в его снопе огня, который так ослепил меня, что я должен был закрыться от него руками. Я почувствовал, что И. нежно обнял меня, и услышал голос Али, обращенный ко мне:

– Когда ты гулял со мною в парке, я указал тебе на группы розовых магнолий и черных кленов. Я говорил тебе, что люди несут в ожерелье Матери Жизни розовые или черные жемчужины. Будь благословен, счастливый человек, кому великий Свет определил нести в мир розовые жемчужины радости. Иди, мой друг, будь благословен и рассыпай людям драгоценные перлы своего таланта. Как бы ни казалось тебе, что знаешь мало, неси слово свое, ибо то всегда будет слово Светлого Братства.

Али потянул меня к себе, я точно лишился чувств на мгновение, невыразимое блаженство охватило меня...

Я очнулся на руках И., который вносил меня в мою комнату нашего дома.

ГЛАВА 19 Первый завтрак в новой столовой. Школа. Я передаю письмо Франциска матери больного ребенка. Помощь И. в моем знакомстве со скитом трудных строптивцев. Старец Старанда и встреча с ним

Несмотря на то, что я пришел в себя еще на руках И., я не помнил, как заснул, как миновала ночь. Я проснулся утром от каких-то непривычных мне звуков и толчков.

Несколько минут я не мог прийти в себя от изумления, увидев себя в совсем незнакомой комнате. Наконец с трудом сообразил, что я в дальней Общине, что звуки, неожиданно для меня новые, – гудящие удары

большого колокола, а толчки – усердное торможение меня моим дорогим Эта.

Птичка явно беспокоилась, перебежала от моей кровати – узенькой деревянной койки с натянутым куском грубого холста, без матраса – к дверям И., как бы желая дать мне понять, что мне пора туда заглянуть. Я быстро вскочил, в одно мгновение четко вспомнил все происходившее прошлой ночью. Должно быть, мой физический организм был еще недостаточно закален, так как я чувствовал слабость, неуверенность в равновесии и ощущал даже нечто вроде легкой тошноты. Как мне недоставало моей доброй и ласковой няньки, моего чудного Яссы, который, конечно, привел бы меня к полному выздоровлению через полчаса своим чудодейственным массажем в воде.

С некоторым напряжением я стал соображать, чем прежде всего начать мне свой день, как вспомнил, что я келейник и секретарь. Не решаясь войти к И. неумытым и плохо одетым, я схватил полотенце и хотел бежать в душ, как дверь комнаты И. открылась и в ней показался он сам, сияющий, мощный, в белой одежде, которая, как и он сам, показалась мне блистающей. Никаких следов утомления или болезненности не было в его лице. Он был юн, прекрасен и ласков, как всегда.

– Что, мой дружок, тебе неможется?

– Что мне неможется – это верно, мой дорогой И., но это пустяки, – ответил я. – А то, что я келейник-секретарь, проспал и встал позже своего господина, вот это я уже проштрафился. Простите, Учитель, я постараюсь в будущем быть усердным слугой. В это утро я еле сообразил, где я. Но что значит гудение колокола? Я принял было его за удар гонга. Имеет ли это гудение какое-нибудь отношение к моим обязанностям?

– Колокол ударит тридцать раз, и это будет равно получасу времени. За эти полчаса, все обитатели Общины должны привести себя и свои кельи в полный порядок и с последним ударом направиться к трапезной для участия в первой общей еде. Но не к той трапезной, где мы ужинали вчера. Там собираются только для обеда и последней еды. Завтракают же и полдничают здесь в нескольких столовых. Вся Община разбита на много отдельных участков, и в каждом из них своя утренняя столовая. Беги в душ, возвращайся обратно, приberi обе наши комнаты, надень чистое платье и тогда обойди всех в нашем доме. Оповести каждого, чтобы через десять минут все были в сборе у крыльца. Я сам поведу вас в столовую нашего участка и там познакомлю с начальником нашего участка.

И. ушел к себе, я же побежал с Эта в ванную. У меня был большой соблазн переставить несколько порядок данных мне поручений. Я

опасался, что все наши друзья, так же как и я, не знают распорядка дня в новом месте и могут опоздать привести себя в порядок к указанному сроку. Но приказания И. были для меня законом любви, и я не решился внести в них никакой отсебятины.

Возвращаясь из ванной и торопясь к себе, я натолкнулся на Андрееву, которая вместе с леди Бердран возвращалась с утренней прогулки с букетами цветов. Я удивился свежему виду обеих женщин, отсутствию всякой усталости на их лицах. Поздоровавшись с ними, я постарался как можно скорее убежать. Но мне показалось, что зоркие глаза Натальи Владимировны, так много подмечавшие, подметили и мою усталость, и мое общее недомогание.

Когда я возвратился к себе и, быстро убрав свою комнату, постучался к И., я увидел его за письменным столом, углубленным в какую-то работу. Стараясь как можно бесшумнее двигаться, я убрал его комнату, в которой, кстати сказать, и убирать-то было нечего, так все в ней было блестяще чисто. К моему удивлению, в комнатах совсем не было пыли, к которой я испытывал нечто вроде ненависти и убирать которую терпеть не мог. Справившись с задачей уборки, я тщательно оделся и помчался оповещать всех о месте и сроке сбора.

Как я и предполагал, некоторые из друзей еще благословенно спали и приказ И. был для них словно гром и молния. Особенно огорчился Бронский, не умевший ни в чем торопиться. Игору всячески ему помогал и уверял, что они успеют вовремя быть на крыльчке.

Обежав оба этажа, я еще раз пригладил свои непокорные кудри перед небольшим зеркальцем в коридоре, проверил все свои завязки и вышел на крыльцо первым, ожидая сбора всех обитателей домика. Я чувствовал себя ответственным за опоздание моих друзей, но, вместе с тем, не знал, как и чем помочь. Слава Богу, Бронский и Игору пронеслись бурей обратно из ванной, и сердцу моему стало спокойнее. Вдруг Эта сорвался с места и радостным криком помчался за угол дома. Я не понял, куда и зачем он убежал, но через минуту увидел его на плече у Никито, позади которого шли Лалия, Нина и Терезита. Обрадовавшись неожиданному свиданию с ними, я не заметил, в каком порядке собрались все друзья нашего отряда, но к последнему удару колокола, когда в дверях показался И., все были в сборе.

– В трапезной, куда мы сейчас пойдем, разговаривать нельзя, как и в большой трапезной. Входите туда, радостно думая об окружающих вас людях. Не несите в сердцах сострадательного смущения. Несите радость утверждения, уверенности, что Жизнь защищает живущих здесь людей,

давая им все возможности достичь совершенства именно в тех обстоятельствах, какие необходимы им. Какими бы трудными и тяжелыми ни показались эти обстоятельства вам, не по себе меряйте, но по любви сердца ищите прозрения в вечные пути людей. В этих внешних условиях лежит вся забота тружеников Вечного Милосердия о каждом человеке. Старайтесь не умом раскидывать, что из обстоятельств здесь Вы хотели бы облегчить, выкинуть, изменить. Но вдумайтесь глубже в слова Франциска, что такое добрый человек, и действуйте, любя и побеждая, в соответствии с этим понятием. Живите в невидимом Вечном и несите привет сердца Ему в видимых формах мелькающего перед вами «сейчас».

Едва закончил И. свои слова, как к крылечку подошел брат, довольно пожилой, в белой одежде, и поклонился, коснувшись земли рукой.

– Мой настоятель шлет тебе, Учитель, привет любви и мира. Благоволи следовать за мной. Я прислан проводить тебя и твоих друзей к утреннему завтраку, который ты обещал, оказав нам честь, разделить с нами.

Лицо этого брата, как и его голос, показались мне примечательными. Он улыбался, а мне казалось, чему хочется плакать. Он говорил о самой простой вещи, хотел быть любезным, а в звуках его голоса слышалась какая-то трагедия, точно сердце его разрывалось от боли. Я взглянул на Бронского и увидел на его лице не только напряженное внимание и удивление, но даже полное забвение всего окружающего, так впился он сердцем и глазами в говорившего брата. Взгляд И. скользнул по фигуре артиста, и он еще раз громко сказал:

– Помните о том, что я только что вам говорил.

И. отдал поклон присланному брату.

– Спасибо за привет, друг. Спасибо за то, что ты побеспокоился прийти за нами. Веди, друг, мы за тобою следуем.

Брат еще раз поклонился нам и пошел вперед, прямо по аллее. Шли мы довольно долго. Я все больше поражался размерам Общины. Она действительно была громадна. А сад походил больше на лес, чем на сад, хотя цветов в нем было очень много. Мы шли по густым аллеям, часто пересекали горбатые мостики над ручейками, не встречая людей.

Но вот вдаль мы увидели лужайку и за нею длинный одноэтажный дом, как мне показалось, без стен. Когда мы подошли ближе, я увидел, что стены были из стекла, очень тонкого и прозрачного, вправленного в узкие белые полосы дерева и образывавшего нечто вроде больших рам. Я не понимал, как могло держаться столько стекла в таких тонких переплетах, но раздумывать было некогда. Подойдя еще ближе к прозрачному домику, я

заметил много-много фигур, двигавшихся с разных сторон к столовой. Когда мы подошли совсем близко, из дверей ее вышел навстречу нам высокий человек в черной монашеской одежде, с четками на руке и с большим серебряным крестом на груди. Он был молод. Каштановые, слегка рыжеватые волосы падали красивыми волнами и локонами до плеч. При очень стройной фигуре походка у него была ковыляющей, так как одна его нога была короче другой. Он улыбался И. во весь рот, обнажая прекрасные белые зубы. Низко кланяясь И., он сказал:

– Какое счастье для нас, дорогой Учитель, что ты приехал к нам и что именно в этот день ты войдешь в столовую моего участка. Будь благословен. Ты, конечно, не можешь помнить всех дат и обстоятельств, когда, где и как ты спасал людей, такую бездну ты их спас. Но я, как и каждый, помню день своего спасения, благословляю встречу с тобой и счастлив приветствовать тебя на том деле, которое ты приказал мне выполнять. Добро пожаловать, – обратился он к нам, окинув всех нас приветливым взглядом и кланяясь нам.

И. обнял монаха. Я заметил, что руки его красивой формы, но грубы от физической работы, покрыты мозолями и ссадинами.

– Мир тебе, брат мой Всеволод. Светлое Братство прислало меня к тебе с приветом и уполномочило сказать, что срок твоего пребывания здесь окончен. Ты уедешь отсюда со мной. Мир нуждается в радостных лугах. Ты созрел как деятель. Пора тебе послужить человечеству среди страстей и суеты.

Лицо Всеволода точно засветилось изнутри, глаза его засияли, и он тихо ответил:

– Так пойду, как поведешь. Но не скрою некоторой печали расставания с теми несчастными твоими детьми, что ты мне здесь поручил. В самом начале тяготился я тяжелым трудом. Но теперь уже давно все понял, принял и благословил. Я думал здесь окончить свои дни. Но, да будет воля твоя и пославших тебя.

Он еще раз поклонился и ввел нас в зал – стеклянную галерею. Усадив нас за стол, во главе которого сел И., он сел рядом с ним, и только тогда многочисленные, раньше нас вошедшие в столовую люди опустились на скамьи у своих столов. По знаку Всеволода десять сестер и братьев, несших свое дежурство для всего участка, стали подавать еду на все столы сразу. Я сосчитал, что длинных узких столов, точно таких же, как столы в большой трапезной, было пять. Стол, за которым сидели мы с Всеволодом, стоял так же первым у входа, как стол Раданды в большой трапезной. С места Всеволода все сидевшие в столовой были ему видны так же, как с

места Раданды. В этом зале, как я уже сказал, больше всего походившем на галерею, было много стекла. Стекла, обрамленные узкими полосками дерева, создавали иллюзию, что сидишь на палубе корабля, так были они прозрачно чисты и так широка была видимая панорама.

С первого мгновения, как только я очнулся от новизны впечатления, меня окружила радость. Без всякого напряжения, легко, просто, весело я слился с эманациями, которыми была наполнена комната, и сразу же почувствовал, как из моего сердца льется и им же втягивается волна доброты и действенной энергии. Мне так и хотелось обнять всех сидевших за столами и поблагодарить их за то доброжелательство, с каким они нас встретили. Ни с чем не мог я сравнить этого приема. Все молчали. Но каждый из нас был счастлив и сознавал себя братом, родным и близким всем собравшимся здесь людям.

Были здесь молодые и старые. Были и дети – подростки лет восьмидвенадцати, сидевшие возле своих матерей. У всех были лица веселые и добрые, глаза радостно и спокойно светившиеся. Я взглянул на брата, подававшего еду к нашему столу. Это был тот брат, что приходил за нами послом от Всеволода. Его лицо все также сохраняло печать скорби, но скорби какой-то былой, давно пережитой. Оно напомнило мне лица бедуинов, которых И. направил конвоирами буйному всаднику, встреченному в пустыне.

Некоторое время все молча ели поданную кашу, за которую принялись только тогда, когда взял ложку в руки их настоятель. Я заметил, что сам Всеволод ел не больше Раданды, но делал вид, что ест очень усердно, чтобы не мог смутиться никто с хорошим аппетитом и поощрялся тот, чей аппетит был плох. Хотя каша была вкусная, сладкая – из чего она, я разобрать не мог, да, пожалуй, никогда такой и не ел, -я должен был констатировать, что мой отличный аппетит исчез. Я с трудом мог проглотить несколько маленьких кусочков хлеба и ложек каши, и то каждый раз под пристальным взглядом И. Есть мне было так трудно, что на последний настойчивый взгляд И. я мысленно ответил ему его же фразой: «В пути не надо много есть». Он понял меня, улыбнулся и положил свою ложку на стол, разрешая мне последовать его примеру. Вслед за кашей было подано нечто овощное, напоминавшее видом рагу из моркови и цветной капусты с картофелем, с большим количеством сливочного масла. Но к этому блюду я не мог заставить себя притронуться и удивлялся удовольствию, с которым его ели все, не исключая и наш стол. Сидевшая рядом со мною Андреева так же, как и я, почти ничего не ела, что мне показалось странным, так как она нередко говаривала, смеясь, обо мне в

Общине Али, что единственное наше с ней сходство – прозорливость.

Убрав все следы предшествовавших блюд, на столы подали прекрасный кофе или, по желанию, чай и поставили большие кувшины с молоком. Несмотря на то, что руки подававшего за нашим столом брата были изуродованы – на правой не хватало мизинца, а на левой – средних пальцев, он делал все быстро и ловко, без всякой торопливости и даже опережал другие столы, где было по два подавальщика. Невольно посмотрев на чашку, в которой мне подали кофе, я залюбовался простой и красивой ее формой. Высокая, из тонкого фарфора, как мне показалось вначале, она на самом деле была стеклянной и переливалась желтоголубыми, розовыми и фиолетовыми красками. На ней ярко выделялся рисунок – роза и несколько небрежно брошенных фиалок. Посмотрев на чашки соседей, я увидел, что форма у всех одинакова, но рисунок разный. Я восхитился талантом мастера, который мог достичь в пустыне такой высокой художественности.

Завтрак кончился, Всеволод поднялся с места, поклонился И., поклонился всем нам и, повернувшись лицом к другим столам, поклонился всем присутствующим.

– Друзья и братья! Сегодня среди нас тот дорогой Учитель, всем нам друг и спаситель, к приезду которого я вас подготовлял. Для многих из вас его приезд не только радость и счастье свидания с человеком, которому почти все мы обязаны спасением жизни. Это также и зов к новой жизни, к новой форме внешнего труда. Для многих из нас настало время перелить в действие те сокровища духа, которые мы выработали и скопили здесь в своих сердцах. Здесь мы закалились, пора трудиться среди суеты для общего блага людей. Не огорчением от разлуки с теми, к кому мы здесь привыкли, кого здесь полюбили как ближайших друзей и сотрудников, должны мы ответить на призыв Учителя к новым формам труда и к новым местам жизни. Но радостью, что можем призванные им, а в его лице всем Светлым Братством, начать в иных местах жизнь единения с ближними в красоте, в действенной любви и доброте сердца. Слушайте же сейчас в полном мире и цельном внимании слова нашего дорогого, великого друга, брата и Учителя.

Всеволод еще раз поклонился И. и сел на свое место. И. встал, окинул взглядом всех, не исключая и нас, и я снова испытал под этим взглядом необычайное состояние. Состояние, когда кажется, что речь идет только и именно к тебе одному. Взглянув на лица окружающих, я понял, что каждый испытывает точно такое же чувство – словно все внимание И. направлено только на него одного.

– Мои добрые друзья, мои верные сотрудники. Давно, очень давно имела место первая моя встреча с каждым из вас. С одними раньше, с другими позже, но со всеми без исключения очень давно встретился я впервые. Каждый из вас знает сам, как тяжело он страдал до момента встречи со мной. Каждый помнит хорошо, из какой адской муки он был вырван и укрыт мною здесь. Но, друзья мои, мои дорогие дети, так горячо посылающие свою благодарность и любовь сейчас мне и посылавшие их мне все время, я ли причина вашего теперешнего достижения или вы сами, своим трудом, нашли в себе силы и умения освободить свое сердце, раскрепостить свой разум от предрассудков и тем помочь духу своему загореться и сжечь все условности, все иллюзии, мешавшие, как путы, общаться в огне и духе? Не я, но вы сами, друзья мои, причина вашего освобождения. Вы сами золотоискатели, откопавшие в себе груды сокровищ, на первом месте среди которых стоит незыблемый мир как следствие вашего умения жить в Вечном, нося Его в своей временной форме и приветствуя Его же в каждом встречном существе. Сейчас для многих из вас пришла новая радость: поделиться добытыми сокровищами с теми несчастными детьми земли, что не имели ни сил, ни возможности – ибо воля их молчала – обратить свой взгляд внутрь себя. Ваша новая задача – при всякой встрече с новыми людьми, где бы и при каких обстоятельствах эта встреча ни происходила, – вовлекать их в свою ауру, приносить их страданию успокоение и развивать в них самостоятельность в труде дня, самостоятельность цельную. На чем должна основываться эта самостоятельность? Я призываю пробуждать и закалять в людях самостоятельность, основанную на полной чести и честности, примером которых вы уже имеете силы быть. На полной правдивости, которую можете вносить в ваши новые отношения с людьми. На полном бесстрашии, которое развилось в вас как результат привычки жить в Вечном, и эту привычку старайтесь в них развить и укрепить. Перед вами дорога гигантов, дорога Вечного, зовущего вас к труду и действию с Ним. Не поддавайтесь же мелочи чувств. Не давайте сердцу обрастать плотью и кровью временного, но действуйте теми сторонами ваших проводников, где каждая клетка так пропитана и напитана светоносной материей солнца, что плоть и кровь стали лишь остовом ей, а не сутью, стержнем вашей энергии. Для каждого человека наступает момент его испытания. И для каждой материи вселенной есть момент испытания прочности и сопротивления как пригодной к тому или иному роду мирового строительства. Исключением из общего закона вселенной не может быть человечество Земли, как и всяческая ее материя, одухотворенная или еще ожидающая одухотворения.

Момент испытания ученика – это момент величайшей радости. Самоотвержение его

– это не та или иная форма отречения, это утверждение Жизни, утверждение ее сил в каждой встрече. Дошедший до такого самоотвержения несет всюду радость, ибо уже прошел все те стадии, когда личное восприятие момента могло нести горечь. Для вас нет уже ни времени, ни пространства как таковых – для вас есть чудо Жизни, идущей по земле, славить которую, раздувать ее искры и очищать в каждом встречном вы призываетесь. Я приветствую вас в этот миг вашей жизни, в великий поворотный момент, когда моей рукой Светлое Братство вручает вам ключ для новых дверей. Им сможете раскрыть двери сердца встречного, помогая ему выйти из жизни узкой – в законах условных одной Земли – и перешагнуть в жизнь широкую всей вселенной, в единение с трудом всего человечества, неба и земли, живущего в законах вселенной – в законах закономерности и целесообразности. Не судите отныне ничью видимую жизнь. Вы знаете, что величие вашей жизни составляет и составляло то, что невидимо, неосязаемо и невесомо, но что заставляло сиять все плотное, видимое и весомое в вас и вокруг вас. Идите же в мир суеты, мои дорогие. Идите весело, просто, легко. Идите, бесстрашные, уверенные, и вы всюду и все победите, ибо будете побеждать, любя и зная. Мир вам моими устами шлет все Светлое Братство. Будьте благословенны.

И. высоко поднял руку и благословил всех стоя слушавших его слова. Мне показалось, что во всех направлениях, куда шел жест И., вылетали большие снопы огня, прирастая к аурам людей и зажигаясь в них огненной звездочкой. Несколько минут длилось чудесное молчание. Оно захватило всех, точно мощь великой торжествующей песни. Я снова испытал незабываемый момент слияния со всей Жизнью, со всеми ее видимыми формами. Я еще раз понял, какую мощью обладал И., раскрывая людей к прекрасному.

Всеволод приказал братьям отворить дверь, и все стали выходить из столовой, отдавая поклон И., Всеволоду и нам. Когда последний брат вышел, Всеволод обратился к И.:

– Не желаешь ли, дорогой Учитель, осмотреть мастерские, швальни, ремесленные училища и школу, а также больницу моего участка? Быть может, я недостаточно высоко поднял ремесла и образование, хотя я и старался точно придерживаться указанных мне тобой образцов и путей. Некоторые из цехов, вроде цеха стеклянной небыющей посуды и оконных стекол, мне пришлось перенести в оазис темнокожих, так мне приказал Раданда. Быть может, ты соблаговолишь съездить и посмотреть их там?

– Непременно, мой друг, в ближайшие же дни. Но сегодня я разделю свою группу людей. В школу твою я пойду сам и возьму с собой только моего келейника Левушку да приближенного ученика Али Наталью. Остальные мои друзья, среди которых позволю тебе представить артиста мировой славы Бронского, пройдут в твои ремесленные мастерские и заводи. В них Бронский, Никито и все остальные спутники найдут, что посоветовать твоим мастерам, продвинув их в изяществе и тонкости вкуса, и кое-чему поучатся сами. Вот, представляю тебе двух специалистов библиотечного дела, знаю, что ты отстаешь в этой работе. Они помогут тебе разобрать новый караван с книгами, который тебе уже послал Али. Не ужасайся, они все уладят, дай им только помощников, лучше всего старших школьников. И старые книги разберут, и новым место найдут. А эта сестра привезена мною специально для основания детских яслей и домов. Придется совсем по-новому организовать это дело. Она останется здесь и получит и помощников, и указания. Сейчас дай ей провожатого, чтобы она могла обойти часть детских помещений.

Всеволод распорядился, как ему указал И., мы отделились от наших друзей и пошли за Всеволодом. Дорога шла долгое время садом, который становился все более похожим на лес и, несомненно, когда-то им и был. Тут и там встречались дома, люди и группы детей. Разнообразие пород деревьев не только меня удивило, но я даже и не предполагал, что такие чудеса могут расти в садах. Мы дошли до озера, и здесь картина природы и жизни людей резко изменилась. Лес перешел в кустарник, зеленой травы не было. Среди глубокого, блестящего и мелкого песка, напоминавшего песок пустыни, в котором рос этот кустарник, были проложены утрамбованные дорожки, ведущие к разным домам, напоминавшим своим видом бараки или мастерские. Слышится стук молотков, лязг пилы, кое-где люди в легких рабочих костюмах стругали доски. Кое-где несли мелкий камень, собирали деревянные столы и кресла, стругали колонны из дерева. Кипела самая разнообразная жизнь.

Мы свернули, оставляя за собой озеро и площадку, и вышли на довольно большой островок, где рос молодой кедровый лес и было выстроено несколько красивых домов. Мы вошли в одно из зданий, оказавшееся школой, как раз в ту минуту, когда раздался удар гонга и из многочисленных дверей в широкий коридор выскочили со смехом и шумом дети лет восьми – тринадцати.

Увидев Всеволода, они чинно выстроились у стен, но их сияющие, веселые мордочки, видимо, ждали только разрешения изменить своей чинности и броситься к своему любимому настоятелю.

– Нет, нет, на этот раз «вольно» не будет произнесено, – смеясь, сказал Всеволод. – Будьте любезными хозяевами, вежливыми и приветливыми, познакомьтесь с гостями, которые проделали трудное путешествие по пустыне, чтобы навестить вас. Вот я и посмотрю, хорошо ли мы сумели вас воспитать и насколько вы вежливые кавалеры и дамы, – все смеялся Всеволод.

Личики детей стали необыкновенно серьезны. Они тихо и быстро разбирались на группы, по десятку в каждой, и во главе каждого десятка выдвинулись мальчик или девочка, как я понял, нечто вроде старосты десятка.

Одна из девочек вышла вперед, подняла в знак приветия руку и поклонилась нам. Ее примеру последовали все дети. Глазенки их горели, они с любопытством уставились на нас. Та же девочка, выступив еще вперед, сказала:

– Я дежурю сегодня и приветствую Вас, дорогой отец-настоятель, и вас, любезные гости. Добро пожаловать! От лица всех детей приветствую дорогих гостей, оказавших нам честь своим посещением. Все, что мы сможем сделать для вашего развлечения, мы сделаем с радостью. Но, – девочка слегка замялась, – мы еще маленькие и мало умеем. Но все же мы умеем петь, плясать, делать гимнастику и изображать жизнь кукол и зверей.

Всеволод весело засмеялся, погладил девочку по ее кудрявой головке и ответил поклоном на приветствие детей.

– Пожалуй, все ваши артистические фокусы вы покажете дорогим гостям после. Сейчас постарайтесь блеснуть своей ученостью. А пока, так и быть: «Вольно!»

Что тут поднялось! В один миг Всеволод исчез под грудой детских фигурок, напомнив мне, как исчезал под фигурами детей и карликов Франциск. Высокий посох Всеволода, как драгоценное сокровище, держали чуть ли не десяток ребят, с головы был снят клобук, и с величайшей осторожностью дети держали его в руках, пока остальные висели на своем настоятеле, наперебой рассказывая ему последние новости из своей детской жизни.

К И. подошла группа детей, внимательно и осторожно рассматривая его, точно они не могли оторвать глаз от его лица. Он ласково гладил их по головкам, задал им несколько вопросов – и лед их чинности растаял мгновенно.

– И с Вами тоже можно «вольно»? – спросил премилый мальчуган, боязливо подходя вплотную к И.

И. рассмеялся так весело и заразительно, что я не мог не залиться

смехом и тут же сам потерял всю свою чинность.

– Вольно, вольно, – продолжая смеяться, ответил И. и взял мальчугана на руки. – Но я ведь уже старый дядя, а вот мой келейник Левушка очень любит быть верблюдом. Садитесь на него и поезжайте в сад, – указывая на меня, сказал он окружавшим его детям.

Я не успел и опомниться, как целая орава ребят оседлала меня. Всеволод до некоторой степени облегчил мою верблюжью ношу, и я был утащен детьми в сад. Там они показали мне свое маленькое хозяйство. У них были крольчатник и псарня, где жило несколько щенков какой-то очаровательной породы, красивых и пушистых. Тут же, немного поодаль, был сооружен теплый домик, где жили щенки африканской породы, черные, совсем без шерсти. Несмотря на жару, им было холодно, и дети укутывали их в ватные попонки.

Время перемены промелькнуло быстро, раздался удар гонга, и вместо шумной ватаги ребят, где каждый, перебивая другого, спешил вылезти вперед и рассказать что-то особенное, интересное, передо мной появился стройный отряд дисциплинированных маленьких людей, в полной тишине входивших обратно в двери школы.

Я не видел Андрееву и не знал, как совершилось ее знакомство с детьми. Но повернувшись назад, заметил ее в группе детей, мордочки которых были особенно радостны. Я подумал: чем могла так привлечь к себе детей обычно резковатая в своем обращении Наталья Владимировна? Я заметил в ее руках красивый мешочек из пальмовых волокон, в который я так усердно старался упихать ее коробейные товары в оазисе Дартана. Девочки с восторгом гляделись в маленькие зеркала, мальчики с не меньшим упоением разглядывали свои свистульки, барабанчики и прочее. Но заниматься наблюдениями было некогда, раздался второй удар гонга, по которому дети должны были привести себя в полный порядок, а третий удар должен был заставить их уже сидящими за партами.

Я нашел И. в коридоре, окруженного учителями и учительницами. Он все еще держал на руках того же малыша. Когда я к нему присмотрелся, то узнал в нем того самого мальчика, матери которого я должен был передать письмо Франциска. Я видел ее в тот час, когда Франциск писал свои письма и соединил меня со своей мыслью. Малютка прильнул головкой к плечу И., нежно гладил его по щеке и говорил:

– Дядя, миленький, хорошенький, скажи, отчего ты такой самый, самый красивый? Ну совсем как у мамы ангел на картинке. Знаешь, я ведь тебя часто видел во сне, – бормотал мальчик, точно засыпая.

И. ласково прижал к себе ребенка.

– Мальчик, Левушка, уже болен. Но пока это еще мало заметно. Скоро болезнь резко проявится. Возьми его, он уже засыпает. Отнеси его сам к матери. Там и письмо Франциска ей отдашь, и выполнишь сам его приказание. Ты пойдешь мимо своей кельи и захватишь письмо. Пожалуйста, Всеволод, дай Левушке провожатого, пока я буду наслаждаться мудростью твоих детей и твоими воспитательными и методическими талантами.

Я взял ребенка. Всеволод дал мне в провожатые одну из сеструборщиц с добрым, еще молодым и приятным лицом, одетую в очень милое коричневое платье, белый чепец и белый же передник безукоризненной чистоты. Сестра пошла со мной, захватив для заболевшего ребенка его завтрак. Ноша моя была тяжела: жара уже ощущалась сильно, и тело мальчика казалось мне огненным. Мы дошли до нашего домика, я положил мальчика на свою постель, достал пакет с письмами Франциска и сказал сестре-провожатой:

– Как Вы думаете, сестра, не повредит ли мальчику, если я немного задержусь и побегу в душ? Мне кажется, я весь горю от знойного воздуха.

– Нисколько не повредит. Я его постерегу и буду махать над ним пальмовым листом. С непривычки вначале наш климат всем тяжел, потому что у нас и устроены души в очень многих местах. Пока мы будем идти, встретим их немало. Вы сможете еще несколько раз освежиться холодной водой, если захотите. Все, кто приезжает к нам, не могут выдержать первое время нашего зноя, но постепенно втягиваются и перестают его замечать.

Не медля, пока сестра еще договаривала последние слова, я схватил полотенце и помчался в душ, в сотый раз вспоминая мою дорогую, нежную няньку, моего друга Яссу. Где Ясса? Как он едет? Скоро ли вернется? Мысли мои, любовные и благословляющие, мчались за ним, а сердце мое гордилось оказанным ему высоким доверием, сострадало его тяжелому пути по пустыне...

Душ меня воскресил, и мы вскоре бодро зашагали по тенистой аллее. Теперь ноша моя не казалась мне такой тяжелой, хотя тело мальчика было очень горячим. Раза два сестра указывала мне на небольшие домики-души, очень мило сложенные из белого камня. Она предлагала мне еще раз освежиться. Но я еще не изнемогал, шел бодро и не мог понять, где же конец моему путешествию. Лес стал гуще. Мы шли уже более получаса, встречали стоявшие одиноко и группами домики. Я нигде не видел ни стен, ни ворот, через которые мы въехали в Общину. Также не видел я ни конюшен, ни фермы, а ведь где-то здесь они должны были быть. Мои

размышления прервала сестра, указывая на небольшой, отдельно стоящий домик.

У открытого окна я увидел женскую фигуру, склоненную над шитьем чего-то крупного, белого. Женщина, слышав мои шаги и голос моей спутницы, подняла голову, и я сейчас же узнал в ней ту самую, которую видел в мыслях Франциска.

Увидев своего сына у меня на руках, она торопливо отбросила работу и вышла нам навстречу, распахнув настежь дверь своей комнаты, большой и светлой. Она впилась глазами в личико своего ребенка. Беспокойства, страстной любви и отчаяния такой силы, как были написаны на лице женщины сейчас, не было на лице, которое сохранилось в моей памяти. Не поддаваясь ни на миг силе волнения женщины, я звал всем своим усердием Франциска. Я помнил его наставление, в каком состоянии должен быть я сам, чтобы иметь и силу и дерзновение прикоснуться к личику ребенка тем священным лоскутом материи, который он вложил в свое письмо.

Уложив ребенка на постельку, я поблагодарил свою провожатую и отпустил ее, уверив, что найду обратную дорогу сам, в чем, впрочем, был далеко не уверен.

– Перестаньте плакать и волноваться, дорогая сестра, – сказал я матери, стоявшей на коленях у изголовья сына. Я привез Вам письмо и привет от Франциска.

Не успел я произнести имя этого чудесного человека, как женщина вся преобразилась. Слезы еще катились по ее щекам, но глаза засияли и губы улыбались.

– О, какое счастье, значит, все будет хорошо и мой дорогой сыночек выздоровеет. Будьте дважды благословенны: и за то, что Вы доставили мне моего дорогого мальчика – а я хорошо знаю, какая это тяжкая ноша в такую удушливую жару, – и за то, что Вы принесли мне весть, которую я считаю божественным милосердием. Никого милосерднее и добрее великого Учителя И., спасшего меня от злодеев, и брата Франциска, помогшего мне понять смысл всей моей многострадальной жизни, научившего меня своей добротой примириться со всеми несчастьями, благословить их и освободиться от их давящей муки я не встречала и не знаю. Встреча с ними – вся моя жизнь. Я не только поверила их святой жизни – я захотела следовать за ними всей верностью моего сердца. Их помощь, их милосердие, их любовь – это вся святость, которую я имею в жизни. Я приветствую Вас, дорогого вестника, благодарю Вас за счастье, потому что выше радости, чем письмо Франциска, Вы мне подать не могли.

Я вынул из своего большого кармана сумку, в которую Франциск

вложил красный платок с письмами. Я взял в руки этот священный для меня пакет и молча сосредоточил все мои мысли на том моменте, когда Франциск молился у красной чаши о чистоте своих рук прежде, чем сел писать письма. Я старался мысленно соединиться с его сердечной добротой, призвал имя моего великого покровителя Флорентийца и только тогда достал его письмо с лоскутом.

– Франциск приказал мне обтереть личико Вашего больного сына тем лоскутом, что он вложил в конверт, если я буду в силах слиться с его добротой и любовью. Я всеми силами собственного сердца стараюсь соединить свою волю и бесстрашно зову его мощь, моля его присоединиться к моим слабым силам. О, если бы вместо моей слабой руки Вашего сына коснулась рука Учителя И., как был бы я счастлив! Я был бы уверен, что миссия Франциска будет выполнена, что Ваш милый мальчик будет не только здоров сейчас, но здоров навсегда.

– Дорогой брат, что же мечтать о несбыточном? Учителя И., благословенного моего спасителя, не может быть здесь сейчас. Если бы он здесь был, всем сердцем верю, он навестил бы меня. Когда он привез меня сюда более семи лет назад, он приказал мне жить в полном уединении и даже не выходить к общим трапезам. Я так и делаю. И все эти годы я была счастлива, спокойна. Все шло хорошо. Но вот стал подрастать мой сынок и теперь часто спрашивает меня, почему мы не ходим в трапезную, как делают его сверстники. И я не знаю, что ему отвечать. Все годы моего безмятежного счастья и мира здесь теперь сменились днями сомнения и слез. Неужели мой грех падет на моего ребенка? Неужели его невинное детство омрачится какой-то отъединенностью от всех других? Он такой впечатлительный и нежный мальчик. Он часто бывает молчалив и задумчив, печально смотрит куда-то вдаль, точно пытается разрешить в своей детской головке недетские мучительные вопросы... Не будем же мечтать о чуде, которое невозможно. Мой дорогой брат, будем делать. Чисты Ваши руки, чисто Ваше сердце, если Франциск послал Вас своим гонцом. Соединим наши молитвы, и бодро, в полном бесстрашии и радости оботрите моего сына. Нет счастья выше той помощи, какую один человек может оказать другому, являясь для него вестником радости от великого Светлого Братства.

Мы опустились на колени у изголовья больного мальчика. Я старался понять великую силу материнской любви, забывающей страх и сомнения, забывающей совершенно о себе и помнящей только нужду бьющего часа жизни ребенка и интуитивно проникающей в Мудрость, указывающую путь к помощи.

Я погрузился в мысли о Флорентийце, я звал И., я молил его услышать мой зов. Не знаю, долго ли длился мой экстаз мольбы, но очнулся я оттого, что женщина схватила меня за руку и испуганно вскрикнула:

– Что это? Может ли это быть? Или я брежу?

Лицо ее было бледно, встревожено, рука, которой она меня схватила, была холодна. Весь вид ее, взволнованный, растерянный, даже несчастный, вызвал в моей памяти образ бедной беспомощной Жанны, когда я впервые увидел ее с двумя маленькими детьми, которых она обнимала, сидя на палубе парохода. Вытолкнутый внезапно из моего глубочайшего экстаза, точно сорванный с вершин и брошенный на землю, я не мог сразу понять ни ее слов, ни причины ее расстройства. Повернувшись по направлению ее неподвижного взгляда, я увидел И., стоящего в дверях и ласково улыбающегося нам.

– О, И., дорогой мой друг и учитель, Вы услышали мой зов, мою мольбу, – бросился я к нему и обнял моего милосердного покровителя.

– Я пришел, Левушка, чтобы навсегда объяснить тебе первое ученическое правило: «Всегда будь готов». Оно неизменно для всех веков, всех миров Вселенной и для всех человеческих сознаний, в какой бы форме и в какой бы атмосфере, в какой современности они ни жили, если они идут ученическим путем. В полном бесстрашии, в полной уверенности надо выполнять задания учителя, как бы и кто бы тебе их ни передал. Сосредоточь мысль свою, как тебя учил Франциск, возьми его лоскут и оботри мальчика. Исполняя всякое поручение Учителя, можно выполнить его только совсем забыв о себе, о своих личных качествах и думая только о том человеке, к которому послала тебя любовь Учителя. Возьми в руки письмо, слей свою энергию с добротой Франциска и оботри мальчика. Помни, что только радость и уверенность могут составить тот чистый мост, по которому прольется исцеляющий ток силы того, кто послал тебя своим гонцом.

Я взял конверт из рук безмолвно стоящей женщины, прижал его к устам и сердцу. Я ощутил необычайную теплоту и аромат, исходившие от письма, и самое письмо показалось мне светившимся. Я вынул из конверта лоскут, вид которого я отлично помнил, – он был красновато-оранжевого цвета, когда его подавал мне Франциск, – теперь он казался мне пылающим. Как бы кусок огня держал я в руке. Но в моем состоянии восторга, высшего вдохновения и счастья я едва обратил на это внимание.

Вновь став на колени у изголовья больного, я обтер его личико пылающим лоскутом, перекрестил им его, произнеся: «Блаженство Любви, Блаженство Мира, Блаженство Радости, Блаженство Бесстрашия да

обнимут тебя». Я взял ручки мальчика и протер его ладони, обтер его тельце и ножки и заметил, что кусок огня становится все меньше и меньше, и, когда я вытирал второй маленький следок ножки, он окончательно растаял в моей руке. Окончив свой труд, я встал с колен.

И. осторожно закрыл мальчика легкой кисеей и, повернувшись к матери, сказал:

Почему ты так удивлена, мой милый друг Ариадна, моим появлением? Разве я не обещал тебе, что приеду? Разве ты забыла, что я обещал тебе встречу, если ты выполнишь все условия, которые я тебе поставил, не как иго и бремя, а как радость, видя в них защиту тебе и твоему сыну? Ты выполнила все, даже плакать было перестала, вспомнив об этом милом занятии только в самое последнее время.

И. Ласково улыбался, и в глазах его поблескивали те юмористические точки, которые были мне так хорошо знакомы. Ариадна все еще стояла в столбняке, очевидно считая просто появление И. в ее комнате величайшим чудом из чудес, объяснения которому она не находила.

– Полно, друг, приди в себя. Нет чудес на свете, есть только ступени знания и ступени духовного развития человека. Чем выше в нем любовь, тем дальше он видит и тем ближе ощущает свою тесную связь с людьми и их путями. В первое свое свидание со мною ты также считала чудом нашу встречу. А между тем, она была тогда, как и теперь, только результатом твоего созревшего духа, который мог тогда и может сейчас продвинуться в новую, высшую ступень откровения. Очнись и выслушай внимательно все, что я тебе скажу.

И. отвел женщину от постели ребенка, посадил ее на стул в глубине комнаты, велел мне сесть рядом и сам сел на скамью.

– В эту минуту, дорогая сестра, ты стоишь на перекрестке дорог. У каждого человека земли бывают минуты, когда он подходит вплотную к скрещивающемуся перед ним узлу дорог. Чем ниже сознание человека, тем этих дорог больше, тем иллюзорные краски ярче и сильнее увлекают его. И внимание его разбрасывается по многим путям, он не имеет сил выбрать себе те пути, по которым могло бы идти его высшее духовное «Я». Когда начинается внутреннее раскрытие сердца человека, его желания перестают быть грубыми и многочисленными, он становится способным признать в другом важность и ценность его жизни. Дальше он думает уже о равенстве своем с окружающими, и число дорог все уменьшается. Наконец, каждый человек – рано или поздно, тем или иным путем – приходит к перекрестку четырех дорог: жажды-счастья, жажды радости, жажды славы, жажды знания. Но все огни, на всех дорогах горят одним ярким и коротким

словом: «Я». Здесь зарождается первое индивидуальное творчество человека, свойственное ему одному, переносимое его иногда в моменты гармонии, то есть вдохновения. Здесь изредка он слышит голос высшего своего «Я» и находит счастье в творчестве. Дальнейший путь приводит каждого к перекрестку трех дорог: Счастье, Знание, Мудрость. К этому моменту каждого человека приводит самоотверженная любовь. Самой разнообразной может быть эта форма любви. Не важна форма, важен дух человека, поднявшийся в высоту самоотвержения и пролитый в труд дня. Мать ли то, герой ли, отдающий жизнь за Родину, деятель ли, создающий политику любимой Родины, вождь ли народа, лекарь или повар, швея или художник – все не имеет значения. Лишь суть порывов самоотверженного творчества сердца важна, ибо только она остается в записи вечного труда человека. Двигаясь дальше, человек видит уже две дороги: Счастье и Мудрость. И в конце пути все, что он выработал, все, что он вынес из костра борьбы и мук своего «Я» сливается в одно счастье знания, Мудрость. Путь твоих страданий и трудов подвел тебя сейчас к перекрестку трех дорог. Не думай, что кто-нибудь или что-нибудь извне может указать тебе, на которой из них горит Свет. Сами по себе, все дороги темны. Их освещает только Свет в тебе. И этот Свет не признак, по которому тебя избирают, но сила, раскрывающая двери, которые не могут устоять под напором струй твоего сердца. Та дорога, на которую вступает каждый, имеет невидимую дверь, вводящую в высшую ступень дух человека, и видимые всем крушения его внешнего благополучия. Что же говорит надпись над твоей дверью, видимой четко мне и невидимой никому другому? Надпись над дверью, закрывающей вход на твою высшую дорогу, гласит: «Пройдена Голгофа, где стопы ног омыты кровью сердца. Входи в общение с людьми, ибо дух твой устойчив и энергия твоя созрела к общему труду и благу, то есть к труду на общее благо». Теперь в течение нескольких дней мальчик будет болен. Тебе придется посвятить ему все внимание. В уходе за ним изживется твоя последняя заноза: страх за жизнь сына. В эти дни поймешь, что какой-либо страх – это недостаточная верность Учителю. Будь спокойна, лекарств ребенку не надо никаких. Он будет почти все время спать. И что бы с ним ни происходило, даже если бы тебе казалось, что он спит мертвым сном, что он не дышит, помни одно: Учитель сказал, что сын твой будет жив. Пока ребенок болен, ты меня не увидишь, но когда он поправится, я приду и сам поведу вас обоих в трапезную. Помни же, храни мир и будь бесстрашна, ибо от твоего состояния в значительной степени зависит урок, проходимый твоим сыном.

И. простился с Ариадной, но предварительно велел мне пойти в

ближайший душ и возвратиться к Ариадне. Я был рад этому приказанию. Я изнывал от жары и пота, катившегося с меня струями. В душе я увидел брата, поразившего меня тем, что он точно ждал меня. Он безмолвно взял мое платье и подал мне свежее, также как и чистые сандалии. Я только сейчас заметил, что безукоризненно чистые, когда я их надевал, сандалии мои были сейчас серыми от пыли. Мне казалось, что я уже научился ходить, не поднимая ногами пыли; но, очевидно, под тяжестью я еще не умел ходить легко.

Когда я возвратился к домику Ариадны, она стояла в дверях и смотрела сияющими глазами на И. Я никак не мог бы признать в этом молодом и очаровательном существе ту женщину, которой я принес ее сына, если бы И. не стоял рядом с ней. И. простился с Ариадной, взял меня под руку, и мы быстро зашагали по аллее.

– Надо торопиться, Левушка, сейчас мы пройдем прямо к Раданде, у него пробудем немного и вместе с ним отправимся в трапезную. Там я поговорю еще с некоторыми братьями и сестрами, а по окончании обеда помогу тебе разнести письма Франциска. Если успеем, доберемся и до старца Старанды.

Идти рядом с И. было блаженством. Я и раньше замечал, что с него никогда не катился пот, что внешний вид его был всегда прекрасным, и того безобразия катящихся струй пота, от которого я так страдал, я на нем никогда не видел. Но сегодня, в эту нестерпимую жару, когда, казалось, каждое дерево жжет, а не посылает прохладу, от И. шла ко мне, точно от ручья, охлаждающая струя. Только я было приготовился спросить его об этом чародействе, как нам повстречался тот братподавальщик, что приходил за нами, приглашая нас в первый раз в трапезную Раданды.

– Отец-настоятель послал меня к тебе, Учитель, спросить – не нужен ли я тебе? Не надо ли помочь друзьям твоим в чем-нибудь? Быть может, я могу заменить уехавшего слугу Яссу?

Я пристально смотрен на него, и снова для меня был сюрприз: все трагическое исчезло с его лица. Он улыбался ласково и весело, точно волшебная палочка унесла все печальное с его лица. Я протер глаза, чем насмешил все подмечавшего И., и должен был убедиться, что лицо братапечальника стало веселым лицом доброго человека.

– Спасибо, друг, что ты поспешил выполнить приказание отцанастоятеля. Я и Левушка уже привели себя в полный порядок. Но вот, о чем попрошу: зайди к нам в дом, оповести всех, чтобы прибрались и через двадцать минут собрались на крыльце. Скажи им, чтобы меня не ждали, но шли за тобой к настоятелю, где я буду их ждать.

Брат поклонился и свернул в боковую аллею. Я понял, хотя не мог отдать себе отчета, как именно, что причиной радости брата и перемены в нем был И. Но я уже научился не задавать таких вопросов, стал думать, не упустил ли я сам чего-нибудь из своих обязанностей, и вдруг... вспомнил об Эта.

– Боже мой, где же моя бедная птичка? Неужели голоден до сих пор мой птенчик? И где он сейчас? И., миленький, пустите меня, я побегу его отыскивать.

– Успокойся, твой Эта провел отлично ночь с Мулгой, а утром его взял к себе Раданда. Твой неблагодарный птенчик увлечен сейчас новым другом. Раданда хорошо понимает птичий язык, и Эта это кажется пленительным. Поэтому он не только не скучает, но даже и забыл о тебе.

И. смеялся, глаза его искрились юмором, а... у меня сердце шевельнулось нечто, похожее на огорчение.

– Почему же ты вдруг глядишь таким печальным постником? Неужели тебя огорчает, что птенчику твоему без тебя хорошо и весело? Ты предпочел бы, чтобы проливал слезы в разлуке с тобой?

– Нет, И., мой дорогой наставник. Я бы, конечно, не хотел, чтобы кто бы то ни было пролил хоть одну слезу обо мне или из-за меня. Но... но... если бы мне пришлось расстаться с Вами, я не ручаюсь, что у меня хватило бы сил не плакать, как я когда-то плакал, расставаясь с Флорентийцем.

– Это было бы очень печально, дорогой мой сынок, это значило бы, что время и пространство физические еще владеют тобой, а духовная близость не стала твоим дыханием, твоею жизнью серого дня, твоим трудом в нем. Для тех, кто слил свое сердце и сознание со своими любимыми, кто видит не облик, физически близкий самому себе, но вечный путь того, кого любит, уже не существует ни разлуки, ни разъединения. Для него существует только радость сотрудничества, радость полной гармонии, не зависящей от того, видят ли друзей физические глаза или их видят очи духа, очи Любви. Если ты еще стоишь у того перекрестка, где есть иллюзия осязаемой формы любви, ты не сможешь найти устойчивого мира. Потому что мир сердца растет на единственном основании: все, вся Жизнь в себе. И в каждом человеке, кто бы он ни был – муж, жена, брат, дитя, друг, – надо научиться поклоняться этой жизни, чтить ее и освобождать своею любовью путь к ней в каждом любимом существе. И нет исключения из этого правила ни для одного человека, в какой бы форме бытовых отношений он ни жил.

Я всем существом внимал словам И., но... впервые мне казались его слова недостижимыми для человека, простого смертного, каким был я...

И. ласково посмотрел на меня и по обыкновению прочитал до дна мои мысли и чувства.

– Мера вещей, Левушка, меняется параллельно крепнущему духу человека. И то, что кажется нам недостижимым сегодня, становится простым действием серого дня завтра. Это «завтра» растяжимо для каждого человека по-своему. Оно также индивидуально неповторимо, как и весь путь человека. Для одного – мгновения, для другого – века. И в течение этого «завтра» вся жизнь делится на этапы героических напряжений духа человека. Но сила каждого, та сила, что продвигает его самого и через него энергию Учителя в его окружение, достигается человеком тогда, когда всякое героическое напряжение, трудное, воспринимаемое как подвиг, становится легким и простым, привычным трудом. Не допускай никогда, дитя мое, унылого чувства «недостижимости» перед чужим величием духа. Всегда радостно благословляй достигшего больше твоего и лей ему свою радость, чтобы ему легче было достигать еще больших вершин. Проще, легче, выше, веселее. Эти слова Али – целая программа для каждого. В этих словах усматривай, что высота духа не иго, не отречение и не подвиг, а только полная гармония. Она выражается в постоянной, ни на минуту не нарушаемой радости. Радости именно потому, что человек живет в Вечном. А живя в Вечном, он видит это Вечное во всех мирах, где он сам гостит в тот или иной момент своего духовного и физического роста.

Мы подошли к сторожке Мулги, который радостно приветствовал нас и немедленно доложил мне, что Эта живет у настоятеля в его покоях и трапезной и бегают за ним, с трудом разлучаясь. Когда же, подчиняясь приказанию Раданды, должен остаться дома, то усаживается на кресло настоятеля, к полному смущению келейников, и никого к себе не подпускает, обнаруживая весьма строптивый нрав. Я представил себе эту картину борьбы Эта с келейниками, это нарушение тишины в чинных покоях настоятеля, и мне представилась в таком виде вся эта сцена, что от комизма ее я залился смехом, сам забыв о чинности места. С трудом я совладал со своим мальчишеством, и то не без укоризненного взгляда И.

Не успел я стать воспитанным, как услышал радостные вопли Эта, мчащегося ко мне через дворик. Во многих окнах появились лица, но, к моему счастью, ласково улыбающиеся. Никто не посылал мне упрека ни за мой смех, ни за беспокойное поведение моего белоснежного Друга. Я ждал, что Эта немедленно очутится на моем плече, но, видно, ряд удивляющих сюрпризов на сегодня еще не закончился.

Не добежав до нас шагов трех, проказник остановился, распустил свой

хвост, – кстати сказать, я впервые увидел, как вырос, какой царственной красоты и великолепия этот хвост, – высоко поднял свою прелестную головку, затем низко-низко склонился к земле, почти касаясь ее своим хохолком.

Пораженный этим невиданным фокусом моего друга, я, конечно, не замедлил вспомнить прежнее время и превратился в полном смысле слова в Левушку «лови ворон». Эта отдал свой первый поклон И., затем выпрямился и точно так же поклонился мне. Затем, сочтя, что он достаточно познакомил меня с новым воспитанием, которое получил в Общине, закричал довольно пронзительно и тут уж дал волю своей радости свидания со мной. Он бросился на меня, я исчез под его крыльями, он скакал по моим плечам и рукам, тормошил клювом мои кудри, словом, он добился желанного результата: я был растрепан, весь в поту, одежда моя была мокра и измята, а вокруг меня образовалось кольцо смеявшихся людей. Я был совершенно смущен и бессилён унять темпераментные восторги Эта. Наконец, натешившись вволю и, очевидно, утомившись сам от гимнастических упражнений, Эта уселся на мое плечо. Я стоял весь красный, но не успел подумать о своем внешнем виде, так как увидел Раданду, от души смеявшегося проделкам Эта, и услышал его слова:

– Ну, брат Эта, и осрамил же ты меня. Я хотел похвастать своими воспитательными талантами, а ты вон что преподнес! Кто же теперь поверит, что я хороший воспитатель?

Голос Раданды звучал ласково, от него шло во все стороны сияние, и снова он казался мне шаром. Не знаю, что понял Эта из слов Раданды, но он соскочил с моих плеч, подбежал к Раданде и отдал ему глубокий поклон.

– Ну, хорошо, это мне благодарность за то, что я обучил тебя хорошим манерам. Но надо извиниться перед хозяином за то, что ты его растрепал, – протягивая руку над головой Эта, сказал Раданда.

Эта повернулся и, жалобно глядя на меня, не распуская хвоста, поклонился мне, точно моля о прощении. Его поведение вызвало новый взрыв веселого смеха окружающих и новую реплику Раданды:

– Теперь отправляйся и покажи своему хозяину дорогу в ванну. А как ударит гонг, ступай к Мулге, веди себя прилично и жди, пока Левушка за тобой не придет. – Раданда говорил и поглаживал спинку приникшего к нему Эта. – Скоро будет удар гонга, спешу.

Мне показалось, что какие-то искорки бегали под рукой Раданды, я подумал, что это его мысли, которые понимает Эта. Повернувшись ко мне, павлин подергал меня за платье и побежал через дворик, следя, иду ли я за ним.

Несколько оправившись от конфуза, я пошел за Эта и очутился в таком же душе, каких видал немало в саду. Но вода здесь была не так прохладна и обстановка несколько комфортабельнее. Келейник Раданды дал мне свежее платье и обувь и удивлялся, как это я мог справляться с такой своенравной птицей и даже научить ее кланяться. Я не успел ему ничего ответить, так как раздался удар гонга. Эта вскрикнул и убежал к Мулге, дверь соседнего со мной душа открылась, и оттуда вышел И. Должно быть, занятый своим конфузом, я не заметил, когда И. вошел в душ. Мы вместе вошли и прошли в покои Раданды, где я был в первый раз.

Комната, куда мы вошли, была большая и светлая. В ней стояли высокие застекленные полки с книгами. Кое-где стояло с десяток небольших изящных белоснежных столиков, так чудесно отполированных, что казались костяными. На некоторых из них лежали стопочками книги и тетради, точно за ними только что занимались и сейчас вернутся продолжать свой труд. У меня мелькнул в памяти образ профессора Зальцмана, которому так хотелось поехать с И. Я понимал его печаль от разлуки с И., хотя хорошо запомнил последний разговор, состоявшийся по дороге от Ариадны.

Раздался второй удар гонга. Вместе с ним все друзья нашего отряда – те, с которыми мы расстались утром, и те, кого я покинул в школе, – вошли в комнату, введенные братом, что превратился в веселого. Бронский и Игоро пришли возбужденные. Поздоровавшись с Радандой, они сразу подошли ко мне, и Бронский сказал:

– Если бы я хотел описать Вам, Левушка, все то, что мы с Игоро видели, то мне пришлось бы написать целый толстенный том. Кто мог бы себе представить, что в пустыне есть жизнь, что это не жизнь дикарей, но жизнь величайшей культуры, до которой еще не дошло человечество городов.

Раздался еще удар гонга, к нам подошла Андреева, и мы услышали четкий, спокойный голос И.:

– Я напоминаю вам, друзья, что в трапезную надо войти в полной сосредоточенности, соблюдать в ней молчание и думать о вековых путях людей. Старайтесь вникать в ту суть человеческих судеб, которую не видите, и не рассеивайтесь на наблюдениях внешних форм. Не оставайтесь созерцателями «чужих» жизней. Сливайте все самое лучшее, на что вы способны, с сердцами тех, кого видите в труде достижения высшей ступени духовной культуры.

Раданда напомнил нам, чтобы мы заняли те же места, что были нам указаны в первый раз.

– Левушка, – шепнула мне Андреева, – у меня так много нового понимания Вашего пути за это утро, что я еще раз должна просить у Вас прощения за мое прежнее ироническое отношение к Вам.

– Дорогая Наталья Владимировна, во-первых, я уже давно забыл все то, что было, а во-вторых, с тех пор Вы проявили ко мне так много ласки и внимания, что они покрыли с лихвой все неприятные минуты, если они и были. Все, чего бы я желал сейчас, – стоять так высоко в своем самоотвержении и силе внимания, как это делаете Вы.

Раздался третий удар гонга, келейник подал Раданде его посох, и мы пошли в трапезную, как и в первый раз. Братья распахнули широоченные двери, мы вошли в зал, уже наполненный людьми, и сели на свои места. Я сразу же увидел Всеволода и узнал многих из тех, кого приметил утром в его столовой. Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы собрать свои мысли. Во мне все вспыхивало воспоминание о трех фигурах, о виденном здесь их страдании и обо всем здесь пережитом. Это привело меня к совершенно новому пониманию и преклонению перед величием и ужасом человеческих путей. Я должен был констатировать факт, что все новое знание не помогло моей мысли стойко фиксироваться на чем-то до конца. Мысль, как плохая нитка, ежеминутно рвалась. Наталья Владимировна почувствовала мои усилия, несколько раз слегка меня толкнула и прошептала:

– Постарайтесь не мешать И. сосредоточиться.

Она попала в точку. Я сразу понял, в какой бездне эгоизма и самонаблюдения я кружился, вместо того чтобы действовать и прибавлять свои маленькие силы к великому труду И. Я взглянул на моего дорогого воспитателя и поразился: опять я видел И. новым.

Он был глубоко сосредоточен. Он точно молился или призывал какие-то высшие силы себе на помощь. Невольно я посмотрел на Раданду, смеющееся лицо которого осталось последним впечатлением о нем в моей памяти. Сейчас глаза мои наткнулись на неведомого мне Раданду, хотя за это короткое время я видел самые разнообразные чувства на этом лице.

Раданда сидел неподвижно, шар его цветных огней играл ярче, но лицо было лишено всякого выражения, точно он напряженно слушал что-то, приходившее издали, да так и застыл.

Как я ни старался оторвать взгляд от этих двух лиц, глаза мои снова и снова обращались к ним. Вдруг Раданда слегка вздрогнул, лицо его ожило и засияло обычной ласковой добротой, цветные огни его шара засияли еще ярче. Глубочайшая сосредоточенность сошла с лица И., от него побежали точно струйки Света во все стороны, и даже в зале, мне показалось, стало

светлее.

Я и не заметил, что дело дошло уже до фруктов, что первые два блюда были унесены с моего стола нетронутыми. Веселый брат-подавальщик пододвинул мне тарелку с фруктами, на которой принес мне еще и кусок сладкого пирога и фиников, думая, по всей вероятности, что еда была мне не по вкусу. Через минуту он подал мне чашку дымившегося какао и сопровождал ее таким молящим взглядом, что я кивнул ему и сейчас же принялся есть. В мгновение ока все мои тарелки оказались пусты, и только сейчас я понял, что голоден и был бы не прочь начать теперь с каши. Усердно подбирая последние крошки пирога, я встретился взглядом с Радандой. Бог мой, как я переконфузился! В глазах старца было столько ласкового юмора, что я чуть не подавился взятыми в рот крошками. Точно школьник, накрытый на месте преступления, я опустил глаза и не решался больше их поднять.

Тем временем в трапезной воцарилась мертвая тишина. Я почувствовал движение И., посмотрел на него и увидел его стоящим.

– Сегодня, друзья, для многих из вас последний день жизни в Общине. Не поддавайтесь той печали, которая закрадывается некоторым из вас в сердце. Гоните страх и опасения, что не сможете приспособиться к жизни мира, от которого давно отвыкли. Оставьте всякие колебания и опасения и унесите с собой три простых завета. Первое, что должно лечь в основу каждого дня, каждого вашего дела, – это мысль о Светлом Братстве. За что бы вы ни брались, вы должны ясно и точно отдать себе отчет: являетесь ли вы помощниками в выполнении трудового плана Светлых Братьев или ваш собственный эгоизм руководит вашими побуждениями к труду. Второе – цельность до конца, до конца отдача внимания каждой задаче, какую вам укажет Светлое Братство. Есть миллионы путей, которыми оно может прислать вам свои задания. Никогда не смотрите на путь, примчавший к вам весть, внимайте вести и выполняйте ее. Но что значит, по мнению Светлого Братства, выполнить весть? Поверить, что задача указана вам и методически выполнять ее? Нет, это значит отдать такую любовь указанному заданию, чтобы дух человека жил в упоении, чтобы не было простого серого дня, где с напряжением вы будете героически выполнять трудное дело, все время думая, как много забот выпадает на вашу долю. Только тогда вы останетесь верными Общине и Светлому Братству, когда задача дня будет вам легка как радость, а не как беспокойство и забота. Третье, что унесите с собой как завет – мужество и такт. Никогда не произносите слова, пока полное самообладание не приведет вас к мысли: человек, что жалуется или сетует мне, стоит на той точке своей эволюции,

где ему еще не открылось, что все – в себе. Что он сам сотворил всю свою земную жизнь прежде творит ее и сейчас. И только тогда ищите мужества себе дать самый благородный ответ на самый низкий вопрос, самую недостойную жалобу. Сегодня все те, кого настоятель ваш оповестил, соберитесь к пяти часа в его домике на острове. А как взойдет луна, вы уедете. В оазисе Дартана вам дадут платье и все необходимое для дальнейшего путешествия. Пока же не тратьте времени на прощания и сожаления о разлуке, соберите самое малое количество вещей, чтобы не быть рабами их в пути.

И. поклонился и сел, а Раданда встал, благословил широким крестом всех присутствующих и сказал: – Тем, кого я оповестил, я скажу свое прощальное слово в пять часов. А вы, дорогие братья, вспомните, что многие из вас уже не раз провожали партии своих друзей в далекий мир, не раз сознавали, что многие опередили вас в готовности к труду и действию, и все же вы лениво дремлете в духовном сне. Пробудитесь, друзья! Лень и медлительность много хуже торопливости. Они подобны смерти, так как в них не дух растет, освобожденный, самоотверженный, но личность, ищущая себе той или иной формы, того или иного оправдания, чтобы расти и закрепощать дух в желаниях и страстях. Идите, дети мои, и подумайте еще раз, сколько вы упустили случаев встать в ряды самоотверженных слуг творящего в мире Светлого Братства.

Снова все братья стали выходить, отдавая поклон Раданде и нам. На этот раз трапезная опустела быстрее. Одни торопились, чтобы поспеть к пяти часам закончить дела в Общине и улечься, другие спешили, чтобы помочь уезжавшим, и только немногочисленные фигуры, унылые и понурые, не разделяли общего возбуждения и равнодушно шли, точно ничего не замечали и не слышали.

Когда все вышли, Раданда пригласил нас к себе. Но И. ответил ему, что сам он пойдет со мной по делам Франциска, Бронский и Игоро должны сейчас же пойти домой и записать все то, что они видели утром, Лалии и Нине необходимо спешить с разборкой книг, Терезита не выполнила и трети своей дневной программы и только Никито, Андреева и Герда могут пойти с ним в его чудесную библиотеку, где он сам даст каждому из них работу.

Снова расставшись с друзьями, в сопровождении Бронского и Игоро мы пошли в наш домик за письмами Франциска. Пачка писем была довольно большая, объемистый пакет старцу Старанде лежал в самом низу. Я стал сомневаться, чтобы мы могли обойти всех до пяти часов, когда – я был уверен в том – И. должен был присутствовать в домике настоятеля. Но

вопросов я не задал, завернул платок Франциска в салфетку, вложил в сумочку и стал ждать на крылечке И. Снова только сейчас я вспомнил об Эте, но на этот раз уже беспокоился не о его судьбе, а скорее о настроении бедных келейников, которые попадали, вероятно, в положение вроде моего во дворе трапезной.

И. вскоре вышел и повел меня по густой аллее, параллельной той, по которой мы въехали в Общину. Шли мы по ней довольно долго, она стала отклоняться вправо и привела нас к широким воротам и высокой ограде. Ворота были заперты. И. ударил молотком по железной плите, вделанной в ворота. Через окошечко старческий голос спросил, кто не вовремя идет. И. ответил ему что-то, чего я не расслышал, окошечко захлопнулось, и торопливые шаркающие шаги направились к калитке, которая тотчас и открылась.

Монах, открывший нам дверь калитки, был очень стар. Лицо его, все в морщинах, было беспокойно. Глаза, суетливые жесты и протестующие нотки в голосе – все наводило меня на мысль, что перед нами строптивец.

– Как это необыкновенно удачно, друг Старанда, что сегодня ты дежуришь у ворот. Именно тебя нам и надо.

– Именно меня Вам и надо? Хотел бы я знать, почему это Вы входите именем великого Учителя, а не знаете, что в нашем отделении сейчас мертвый час и все отдыхают. Что же Учитель Вам не сказал нашего распорядка? Да и мало того, что Вы сами пришли не вовремя. Вы и младенца привели. Это что же, Ваш любимчик? Или Вы вообразили, что я буду разговаривать с Вами о священных для меня вещах при таком неосмысленном мальчугане? Чудно, право, лет Вам, пожалуй, около тридцати, а такта ни на грош не приобрели.

Голос старца и вся его повадка напоминали школьного учителя младших классов, распекающего провинившегося школьника.

– Ну, чего же Вы молчите? Ведь не для того, чтобы в молчанку играть, Вы сюда явились? – Он не предложил И. сесть, но уселся сам на деревянную скамью у круглого стола. – Никакого почтения к старости и ее покою! Ну, времена, ну воспитание! – Все бормотал он себе под нос, однако достаточно громко, чтобы быть услышанным.

Мне казалось, что я уже забыл, как люди раздражаются. Но в эти минуты я готов был по-старому закричать, затопать ногами, чуть ли не расплакаться. Я прилагал все усилия, чтобы сдержаться, обливался холодным потом, но, по всей вероятности, из моих усилий ничего бы не вышло, если бы не помощь И. Он положил мне руку на плечо, взглянул – точно просветил мне мозг и сердце, – и я сразу опомнился. Я понял, что я

думал о себе, о мнимом унижении моего дорогого учителя, а не о несчастном старце, не имевшем сил увидеть, кто был перед ним. Я осознал, что и я застревал в эти минуты в тупике духа, поддаваясь личному восприятию момента, а не глубочайшей любви, в которой я поклонялся Вечному в человеке.

– Бедный, бедный Старанда! Когда Франциск спас тебя и прислал сюда, ты дал ему клятвенное обещание, что не нарушишь мира в Общине. Мало того, ты обещал ему вносить мир в каждую встречу, в каждое дело, что тебе дадут. Первые три дня все шло хорошо...

– Пойдите, пойдите, молодой человек. Вы откуда это знаете? Не верю я, чтобы Франциск Вам рассказывал тайны моей жизни. Вернее, настоятель Вам насплетничал на меня. Ну и хорош!.. Стоять во главе, да этак вести себя...

Старанда, вероятно, еще продолжал бы свои излияния, но глаза И. сверкнули, голос был тих, но так властен, что старец выпучил на него свои злые глаза.

– Сиди молча и не прерывай моих слов до тех пор, пока я не разрешу тебе говорить. Слушай внимательно, несчастный человек. Вдумайся в ужас своего поведения и измени его, или тебе придется покинуть и этот скит, как пришлось покинуть Общину и как до Общины приходилось покидать все места мира, где ты только ни жил. На три первых дня жизни в Общине хватило твоей мудрости и доброты, чтобы не спорить и не ссориться с окружающими. Дальше ты изводил своими нравоучениями каждого, с кем имел дело. Будучи полным невеждой, нахватавшись вершков и корешков каких-то знаний, ни в одном из которых ты не умел соединить того и другого, ты всех учил, к какому бы труду тебя ни приставили. Результат твоих рационалистических предложений, несмотря на все разумные советы и даже запреты людей знающих, был всегда один: ты ломал дорогостоящие станки, портил великолепные стволы пальм, вредил посевам, целые чаны краски для циновок и ковров превращал в негодное месиво и так далее. И во всех делах ты уверял себя, что ищешь, как проще, легче и веселее жить. Ты не видел, как лица всех, к кому ты –приближался, становились печальными и озабоченными, как всюду водворялась нудная скука. И только три человека тебя ласкали... Ты сам знаешь, какой страшный урок ты прошел здесь, в Общине, какой ценой своей высокой любви тебя спас Раданда и заключил в этом недоступном покровительствовавшим тебе трем фигурам скиту...

И. помолчал, точно ему было тяжело продолжать. Старец, сидевший вначале выпучив глаза – глаза протестующие, дерзко глядевшие на И., –

теперь сидел сторбившись, избегал взгляда И. и напомнил мне своей согбенностью три зловещие фигуры в трапезной Раданды...

– Разве сейчас ты не отдаешь себе отчета, как ты катишься все ниже? Неужели ты дойдешь до пределов меры вещам, и, несмотря на все усилия любви Франциска, Светлому Братству придется прибегнуть к последнему средству спасения и укрыть тебя в тайной Общине?

Бедный старец вздрогнул, закрыл лицо руками и еще ниже склонился над столом. Я понял, что он впервые за долгое время отдает себе отчет, правильный и точный, в своем истинном поведении. Огромная жалость залила мое сердце, мелькнуло воспоминание о Генри, Строгановых. Я взмолился Флорентийцу и приблизился к И., стараясь слить свои маленькие силы доброты самоотвержения с его мощью.

– Бедный Старанда, – еще раз повторил эти слова И.

Но как по-иному они для меня зазвучали! Точно музыка всепрощающей любви, бодрящей, как привет доброты, донеслись до меня они и проникли до самого дна сердца. И, несомненно, так же воспринял их Старанда. Он отнял руки от лица, моляще, благодарно взглянул на И., и несколько крупных слезинок скатилось по его морщинистым щекам.

– Франциск говорил тебе о двух вещах. Первое, что он старался тебе объяснить, – что каждый видит только то, что дух его – чистый или засоренный

– позволяет ему видеть. Второе, чего ты не мог усвоить, – что действия человека куют его связь со всем миром. Как бы ты ни жил, отъединяться от связи с людьми ты не можешь. Ты можешь только своим поведением труда в дне ковать ту или иную связь, ткать ту или иную сеть, в которую ловишь людей или ловишься сам. И такова твоя сеть – будет ли то сеть добра и любви или самоотвержения и красоты, будет ли то сеть эгоизма и раздражения – в нее тыходишь сам и вводишь встречного. Тобой ткется та или иная атмосфера, атмосфера добра или зла. Нет ни добра, ни зла самих по себе. Существуют они лишь тобой, как и другими людьми, сотканые. Как и нет для каждого Бога, помимо того Величия, что дух его может постигнуть. Франциск говорил тебе, что все твои дела будут отчетливо видны Светлому Братству. Что полная запись твоих дел будет отражаться в хронике Вечного. Милосердие Франциска посылает тебе выписку из этой хроники за все время твоей жизни здесь, то есть за весь тот период, что протек с минуты твоего с ним свиданья. Он говорил тебе, что ты должен каждый день жизни начинать благословением Вечного в человеке, ты же начинал его, составляя себе список, кого и чему ты должен «поучить», кого и как ты должен «пробрать». Иными словами, живя среди

людей, всю жизнь «искавших» Бога, ты действовал с теми, кто видел только человеческие качества в людях, видел пятна на них, но ни разу не поднял очей духа к их Святая Святым. Потому ты и в себе не смог расширить свою Святыню, а все суживал вход в собственный храм сердца. Юноша, чистоты рук и сердца которого ты не заметил, принес тебе письмо и выписки Франциска. Уйди в уединение на семь дней. Постарайся радостной мыслью понять глубину любви Франциска и заботы Светлого Братства. Очисти налипшие на тебя привычки воркотни и раздражения и пойми, что они довели тебя до последней черты. У тебя есть еще сейчас время. У тебя есть еще выбор. Ты можешь еще завоевать свое освобождение. Тебе дано долголетие, чтобы ты смог еще сбросить с себя кучу предрассудков, которые закрепили твою мысль и волю. Оставь свои навыки всех исправлять и воспитывать. И кривое деревце может доставить людям радость своей листвой и помочь своей тенью. Не на том сосредоточивай внимание, чтобы его выпрямить. Но чтобы ему, кривенькому, подставить палочку твоих радостных забот. Какой толк, встретив чужую жизнь, все читать ей нравоучения? Кто может поверить, что ты любишь человека, воспитываемого тобою, если он видит в тебе постоянное раздражение, обидчивость, требовательность к себе? Разве слова могут убедить? Только живой пример может увлечь и пробудить в человеке его высшее желание следовать за тобой. Бессмысленны все попытки «воспитать» в человеке то, чем ты сам еще не владеешь. И каждое твоё слово пронзит пулей сердце и мысли человека, если их посылала твоя истинная доброта.

– О, Учитель, теперь я узнал тебя. Ты тот чудесный брат, что спас нас в пустыне от песчаной бури. Боже мой, почему же я не узнал тебя сразу? Ведь я обещался по гроб жизни молиться за тебя, и я не молился. Даже не вспоминал тебя. И это, значит, я найду в выписке Франциска?

– Не огорчайся чрезмерно. Не теряй времени на раскаяние и уныние. Действуй, твори Духом своим, не старое, как факты, вспоминай. Но помни только, что подход твой к людям был неверный. Ты мог радовать и утешать, мог мирить и щадить, а ты огорчал и раздражал, высчитывал вины и наказывал.

Не укором звучал голос И. Но такой лаской сострадания, точно не было в этом вины Старанды, а была беспомощность человека, не имевшего дальнорукости духа. И. подошел к Старанде, беспомощно стоявшему и утиравшему с трудом удерживаемые слезы.

– Этот юноша подаст тебе пакет. Ты найдешь в нем письмо Франциска и письмо Али, которое я приложил туда, – И. обнимал старца и нежно

гладил по голове.

И как изменился Старанда! Старенький-старенький, весь дрожавший, приникший к И., точно слабый ребенок, он был кроток... и добр. Под ласкающей рукой И. он становился все добрее и кротче, все милее и спокойнее.

– Простите мне оба. Я все смешал, все перепутал, все забыл, что знал. А сейчас мне кажется, будто я и не жил, так пусто в моем сердце. Тяжесть недовольства из него ушла, а доброта еще не пришла. Ох, пойму ли я ее, доброту-то?

– Не только поймешь, если будешь добр, но я уверен, что еще при мне выйдешь из скита обратно Общину и многим украсишь жизнь своей добротой. Ступай к твоему настоятелю, попросись в уединение и там прочти много-много раз все то, что найдешь в пакете Франциска. Передай пакет, Левушка.

Я вынул пакет. Всеи доступной мне мощью мысли я звал Франциска и молил его помочь Старанде. Я просил его оставить старцу его платок, я верил, что святая доброта Франциска перейдет с этой реликвией к мыслям Старанды и поможет его сосредоточенности. Я задрожал. Я увидел Франциска стоящим с красной чашей в руках, улыбавшегося и шептавшего мне: «Отдай, отдай».

Видение исчезло. Я стал уверенно разворачивать салфетку, вынул из платка все письма, кроме пакета Старанды, завернул их в салфетку и вложил в сумку. Свернув аккуратно платок, я поклонился низко старцу и подал ему пакет. Я взял его старенькую, маленькую ручонку и вложил в нее пакет.

– Платок этот Франциск приказал мне передать тебе, дорогой отец. В минуты самые трудные утирай им лицо, шею и руки и Воля-Доброта Франциска немедленно поможет тебе. Прости. – Я снова низко поклонился несчастному, всем сердцем сострадаю ему.

– До свиданья, Старанда. Я буду навещать тебя в твоём уединении.

И. обнял старика, и через минуту мы шагали по аллее. Мне казалось, что прошел не час времени, но целая вечность протекла, так я был разбит и бессилен.

– Соберись с силами, дружок, вот тебе пилюля Али. Давненько не приходилось тебе к ним прибегать. Из сегодняшнего опыта крепче осознай, как необходимо оберегать себя от раздражения. Твой дух и твоё тело уже слились в одно гармоничное целое. И раздражение выталкивает тебя из атмосферы выше тебя стоящих, к которой ты прирос. Невидимая тебе и только ощущаемая как мир и радость в минуты гармоничного состояния,

эта атмосфера разрезается твоим раздражением, проводник твой опустошается, и ты смертельно страдаешь. Запомни этот опыт и больше ни к одной встрече не подходи лично. Думай всегда, зачем надобно Жизни, чтобы встреча твоя состоялась, ибо только Жизнь видит ученик перед собой, только ее зов слышит во встрече.

И. усадил меня на скамью среди тенистых деревьев и сел рядом со мной. Довольно скоро моя слабость и головокружение прошли, пилюля Али восстановила мои силы и жара перестала мне казаться такой нестерпимой. Заметив, что дыхание мое нормально, что сердцебиение мое прошло, И. приказал мне омыться в душе, в пяти шагах от которого мы сидели.

Возвратившись из душа, где мне снова молча брат подал свежее платье, я чувствовал себя Голиафом. Все же И. продержал меня в тени еще минут десять, и только тогда мы двинулись дальше.

– Несмотря на то что сегодня тебя следовало бы пощадить, мы все же выполним миссию Франциска до конца. Вскоре возвратится Ясса из своего более чем тяжелого путешествия, и оно будет его последним подвигом в той ступени знания, в которую он посвящен. С его возвращением тебе прибавится дела: ты должен будешь ему переводить книги, которые я тебе укажу. Ясса не знает тех языков, которые ты изучил в Общине. Времени ему их изучить уже нет. Его рост за последнее время совершился так сказочно быстро, что следующая ступень посвящения сама открывает ему дверь. Сегодня ты закончишь миссию Франциска, а завтра начнешь передавать письма Дартана. Я освобождаю тебя сегодня от вечерней трапезы. Вместо нее снесешь мой привет двум сестрам из оазиса Дартана, познакомишься с ними, и они будут помогать тебе в деле передачи приветов и посылок из оазиса. Держи в памяти сегодняшний опыт и слушай только зов Жизни, в какой бы внешней форме Она ни предстала перед тобой.

Мы довольно долго, вероятно около двух часов, путешествовали по Общине. Много разных фигур запечатлелось в моем сердце. И как я был счастлив видеть их! Это все были лица радостные, ласковые, спокойные. Были и старые, и молодые. Были люди очень высокой культуры, поразившие меня своими манерами и образованностью, сквозившей в каждом слове, были и совсем простые люди, научившиеся грамоте и ремеслам в Общине.

Весь этот калейдоскоп лиц снова меня утомил, но утомил радостно, наполнив счастьем удачно выполненного поручения. Что меня особенно поразило – все эти люди благоговейно благодарили И. за совершенное

когда-то их спасение.

Невольно я задумался, когда же и как успевал И. делать столько дел и удерживать в памяти образы людей в Индии, в Европе и Азии и, быть может, еще в тех странах, о которых я и понятия не имел...

Мы возвратились домой. И. вызвал молодого брата, данного нам Радандой как проводника по Общине, назвал ему имена тех сестер в оазисе Дартана, о которых сказал мне, и велел через час зайти за мной, чтобы проводить туда. И. провел со мной этот час в своей комнате, где усадила удобное кресло и кормил прекрасными фруктами.

– Сегодня, когда ты так разбил все функции своего проводника, ничего кроме фруктов не ешь. Если, возвратясь, почувствуешь голод, подожди меня, я захвачу тебе хлебцев от Раданды. Об Эта не беспокойся, я его приведу. Он ведь теперь элегантно воспитан.

В комнату постучал брат-проводник, И. дал мне письмецо и пакет сестрам. Он ласково со мной простился, и я вышел в сад, думая всем сердцем, что Жизнь зовет и движет меня по своей великой Мудрости.

ГЛАВА 20 Мои новые знакомства в Общине. Первая неудача во встрече с жителями из оазиса Дартана. Раданда. Часовня Радости. Выполнение поручения. Дартана с помощью Раданды

Все люди, которым я относил письма Франциска, поразили меня своею жизнерадостностью. Но не только одним удивлением этим их свойством запечатлелись мои встречи с ними. Каждый из адресатов активно окружал меня сетью своей простой доброты. И я на деле понял, каким образом человек сам куёт сеть связи со своим окружением. В моем сознании проявилось новое действенное зерно: жить – значит выливать из себя эликсир Жизни – радость.

Я присмотрелся к брату-проводнику. Это был совсем молодой человек, на вид лет восемнадцати, стройный и довольно красивый, хотя все отдельно взятые черты его лица были неправильные. В нем была веселость, жизненность и полная уверенность. Шел он легко и несколько раз принимался мурлыкать песенку; но каждый раз, поглядев на меня, он точно извинялся за нарушенное молчание, улыбался и умолкал. Я спросил его, давно ли он живет в Общине.

– Давно, здесь родился. Мать моя лет десять уже как ушла в скит уединенных. Как только увидела, что я хорошо учусь в школе и больше, не нуждаюсь в ее опеке, так и ушла.

– А что Вы делаете сейчас?

– Сейчас я готовлюсь к сдаче государственного экзамена в

какомнибудь из университетов, куда меня отвезет Учитель И., если найдет мои знания удовлетворительными.

Я остановился на месте как вкопанный и мгновенно превратился в Левушку «лови ворон». Всего я ожидал. Но такой ответ не снился мне и в лучшем сне. Своим видом я насмешил брата. Он раскатисто расхохотался, заразил и меня своим смехом – я залился, мальчишески забыв все и вся.

– Бог мой, – отдышавшись наконец от смеха, сказал я ему. – Ваш ответ встряхнул меня, и даже вся моя усталость слетела. Еще раз я вижу, что абсолютно не умею разбираться в людях, не умею читать их глубокие силы. Я ожидал всего, только не такого ответа. Я должен просить у Вас прощения: я даже не спросил Вас о Вашем имени, считая свою встречу с Вами случайной, мелькнувшей на один миг в стенах Общины. Я думал только об исполнении данного мне Дартаном поручения и... забыл поклониться Единому в Вас. Простите меня.

Брат остановился, лицо его стало очень серьезно, что изменило его почти до неузнаваемости..

– В Вашем невнимании ко мне лично нет ничего удивительного, – сказал он ласково. И даже голос его изменился, стал глуше и теплее. – Каждый из нас пропускает мимо без внимания сотни встреч, потому что не выработал привычки гибко и всецело переключаться полным вниманием от одного предмета к другому. Несмотря на то, что нас здесь с детства воспитывают, развивая точное внимание, я научился ему только тогда, когда Раданда стал заниматься со мной древними языками. Ах, какой он замечательный учитель, какая радость проводить с ним время!

Ответ брата еще больше сразил меня. Я думал, что Раданда полусвятой. Но чтобы Раданда был ученым, знатоком греческого и латыни, чтобы он мог их увлекательно преподавать!

– Вы ведь многих здесь посетили в сопровождении И. Я был как раз у старого графа, когда Вы отдавали ему письмо Франциска. Граф – знаток истории и выдающийся лингвист. С ним я проходил специальный курс истории и литературы всех народов. Он дал мне так много знаний, что я не сомневаюсь в успешности экзамена по истории и языковедению.

– Скажите, как Ваше имя?

– Меня здесь зовут Славой. Имя мое Вячеслав, а фамилия Силько. Вот мы и у цели. Обе сестры считаются у нас лучшими математиками. Я слышал, что у них есть дипломы из каких-то университетов, но так как они очень замкнуты и ничего о себе не говорят, кроме дела данной минуты, то точно о них я ничего не знаю. Они живут здесь не так давно, не более десяти лет.

Мы подошли к хорошенькому домику, первому оранжевому по окраске, который я увидел здесь среди белых домов Общины. На балконе сидели две еще не старые женщины. По их одежде я сейчас же узнал, что они из оазиса Дартана. Заслышав шаги, они подняли головы от книг, над которыми склонялись, и одна из них вышла нам навстречу.

– Ты что, Слава, ко мне?

– Нет, я привел к Вам келейника и секретаря Учителя И. – ответил Вячеслав, кланяясь сестрам и пропуская меня вперед.

Лицо женщины вспыхнуло ярким румянцем. Ее сестра подбежала к ступеням балкона, почти вскрикнув:

– Учитель И. здесь? Когда приехал? С кем он? Где он? Слава улыбнулся быстроте ее вопросов.

– Вот этот брат все Вам толком расскажет. Я оставляю его у Вас и через час зайду за ним.

Сестры пригласили меня к себе на балкон. Я рассказал им, с какой миссией прислал меня к ним И., и подал его письмо. Каждая из сестер прочла письмо, и каждая реагировала на него совершенно по-своему. Старшая, молчаливо приветствовавшая меня, очень просветлела от радости. Лицо ее выражало теперь счастье, почти экстаз. А младшая, засыпавшая меня вопросами, имела вид удрученный и скорбный.

– Я думала – конец, – прошептала она едва слышно, садясь в кресло у стола и впадая в апатию.

– Милая Рунка, перестань быть ребенком. Разве ты не видишь, что Учитель дает нам поручение? Неужели ты можешь принять в унынии первое поручение дорогого Учителя, спасшего нам жизнь?

– Да, конечно, ты права, Роланда. Но у меня нет больше сил жить здесь. Я хочу домой, в оазис, а оттуда в широкий мир. Я больше здесь не в силах жить. Я хочу учиться и видеть людей. Можно же наконец нас пощадить, – разбитым голосом, со слезами говорила Рунка, перейдя на французский язык.

Роланда нежно обняла ее, гладила ее чудесные черные волосы и ласково, тихо отвечала ей на том же языке:

– Ты ведь сама знаешь, что припадок раздражения пройдет. Никого добрей тебя нет, усердная моя сестричка. Вспомни, в каком состоянии ты была, когда Учитель И. вывез нас сюда. Здесь ты окрепла, здесь ты многим принесла помощь. Утешься сейчас. Посмотри, как ласково и дружелюбно глядит на тебя юноша. Он подает тебе пакет. Возьми. Он никак ведь не ожидал встретить здесь драматическую сцену вместо помощи, которую ему обещал в нас Учитель И.

Рунка отерла слезы и жалобно, точно ребенок, сказала мне:

– Простите, брат. Я десять лет не могу примириться, что оторваны от всего родного и близкого. Все вспоминаю разлуку с любимыми. Но... в этой разлуке виновна я сама. Мне очень стыдно, что я Вас заставила быть свидетелем такой неприятной сцены. Я готова выполнить то, чего желает Учитель И., со всей любовью и усердием. Поверьте, это доставит мне одну радость... Я протянул ей пакет, данный мне И. для сестер.

– Я очень хорошо понимаю, как скорбит сердце человека, когда ему приходится отрываться от самого дорогого в жизни, что кажется кому-то единственным смыслом и красотой. Страдание, пережитое от такого разрыва, оставляет надолго следы. Даже тогда, когда уже раны личной скорби зажили, когда уже понимаешь, что смысл жизни в Вечном, которое ты отыскал в человеке, а не во временной его форме, и тогда еще живет сердце память о пережитом страдании, хотя само страдание уже кажется только эхом прошлого.

– Я много раз достигала на время этой мудрости за прожитые здесь десять лет. Но достаточно какой-нибудь внешней искры, чтобы я поняла всю неустойчивость своего утреннего мира. Ваши слова еще больше устыдили меня. Какое счастье, что Учитель И. не сам пришел, а прислал Вас! У меня есть время прийти в себя. Если бы Вы знали, как милостива ко мне Жизнь, послав мне такого нежного и заботливого друга в моей сестре Роланде. Роланда добровольно оставила мир и науку, которой она предана как своей единственной страсти, оставила и оазис, куда я ее увезла с собой. Роланда живет всюду в Вечном. Если бы не было ее подле меня, я бы уже не существовала.

Рунка могла бы и не говорить мне всего этого. Я сам понял – точно по книге прочел – жизнь и взаимоотношения сестер.

– Быть может, нам не стоит терять времени? Если хотите, начнем сегодня же знакомство и пройдем к кому-либо из жителей оазиса, – Роланда старалась дать иное направление нашему разговору. – Здесь, рядом с нами, живут мать и сын. Оба очень добрые, но неуравновешенные люди. Знакомство с ними будет для Вас приятно тем, что в их доме постоянно собирается много друзей, из оазиса. Вы сразу попадете в гущу этих людей и поймете их интересы и настроения, уровень их культуры и вкусов.

Я был очень рад пройти в ближайший домик. Мы оставили Славе записку на столе, прося его зайти за мною в соседний дом. Когда мы подходили к дому, в который меня вели сестры, то уже за несколько шагов был слышен шумный разговор, похожий скорее на спор, чем на обычный мирный разговор. Комната, куда мы вошли, больше походила на гостиную

восточного стиля, чем на обычную приемную комнату, какую я рассчитывал увидеть в Общине. По стенам стояли широчайшие диваны и висели ковры, в середине комнаты были расставлены маленькие круглые столы с низкими креслами, и все это было занято людьми, громко смеявшимися, которые, разбившись на группу, интересовались только своими ближайшими соседями, не обращая внимания на всех остальных.

– Бог мой! Наши ученые затворницы! – вставая с места и подходя к нам, сказала седая элегантная женщина, прекрасно одетая по моде оазиса Дартана. – Какой же это рыцарь нашелся на земле, сумевший вытащить из башни заколдованных принцесс? – женщина смеялась, обнимая сестер и хитро поглядывая на меня.

– Этот рыцарь – спутник Учителя И., – ответил Роланда.

Как только она произнесла эти слова, в комнате воцарилась гробовая тишина. Точно по мановению волшебной палочки речь каждого оборвалась на полуслове, фигуры застыли, точно в живой театральной картине.

– Позвольте познакомить Вас, сестра Леокадия, это секретарь Учителя И. брат Левушка, как называет его Учитель в своем письме, – нарушила гробовое молчание комнаты Роланда.

Сестра Леокадия оказалась хозяйкой дома. Она любезно приветствовала меня, но за ее внешней любезностью я почувствовал острое беспокойство. Не менее резко ощутил я и токи окружавших теперь нас кольцом людей, лица которых были растеряны. Все веселье точно ветром смело, в комнате повисло какое-то печальное уныние.

– Деметро, сынок, где ты? – обернувшись к дверям соседней комнаты, довольно громко позвала Леокадия.

Много пар глаз пристально рассматривали меня. Я уже начинал было чувствовать смущение, как в дверях комнаты появилась рослая фигура красавца-мужчины. Это был в полном смысле слова безукоризненный красавец. Черные как смоль волосы, черные глаза и прямые сросшиеся брови, алые губы, безукоризненной правильности черты. На плечах его был красиво задрапированный ярко-красный плащ, такого яркого цвета и блеска, что казался огненным. Красавец подошел к нашей группе, очень вежливо поздоровался с сестрами и с нескрываемым сарказмом посмотрел на меня. В его взгляде что-то слегка напомнило мне Браццано, хотя злой, животной злобы глаз Браццано в этих черных глазах не было. Я читал в них презрение ко всему, что не соответствовало его личным удовольствиям и шло вразрез с его вкусами и мнениями.

– Ты, мать, так поражена необычным визитом сестер-ученых, что даже забыла познакомить меня с их кавалером, – улыбаясь, но холодно и

надменно сказал он матери.

– Это секретарь Учителя И., Деметро, – очень тихо сказала Леокадия. – Позвольте Вас познакомить с моим сыном, – обратилась она ко мне. И снова за внешней ласковой любезностью я ощутил ее беспокойство. – Мой сын художник. Здесь он не участвует в общих работах, но в его мастерской уже много прекрасных картин.

Я понимал, что женщина говорит первые приходящие на ум слова, чтобы оттянуть время и найти самообладание. Деметро же, услышав слова матери, рассмеялся довольно деланным смехом и, здороваясь со мной, старался быть развязным.

– Узнаю Учителя И.! Всегда выберет себе спутников самого неожиданно разнообразного вида и характера, что мне, художнику, исключительно интересно. Скажите, пожалуйста, на этот раз все его сопровождающие так же молоды, как Вы?

Он дерзко рассматривал меня, бесцеремонно отодвинул какого-то человека, несколько закрывавшего от него мою фигуру, и, рисуясь своей красотой, поправлял красивой рукой свой огненный плащ. Я не успел ему ничего ответить, как услышал голос Рунки:

– Мы привели сюда посла Учителя И. не для того, чтобы Вы красовались перед ним в своих театральных позах, Деметро. Он их много, вероятно, видел, пока жил в мире. Но для того, чтобы в доме Вашей матери он мог увидеть все лучшее, что здесь живет из нашего оазиса. С ужасом я вижу, что десять лет Вашей жизни здесь оставили Вас все таким же.

Голос Рунки, взволнованный, глубокий, прервала Роланда:

– Деметро, гость в доме – первый человек, которому отдают все внимание. Таков завет дедушки Дартана. Гость же – посол Учителя – священный человек для каждого обитателя Общины. Почему Вы хотите казаться хуже того, что Вы есть на самом деле?

Деметро резко повернулся к Роланде, лицо его вспыхнуло, сравнившись в краске с плащом, он готов был уже дать грубый ответ моей благородной защитнице. В моем уме пронеслась картина встречи со старцем Старандой. Я вспомнил, как билось негодованием и обидой мое сердце, когда я переживал мнимое унижение Учителя. Я почувствовал себя рядом с моим дорогим наставником, по всему моему организму пробежал ток знакомого мне содрогания

– я стал совершенно спокоен и ласково сказал хозяйке дома:

– Я очень виноват перед Вами, что пришел неожиданно и помешал Вашим друзьям продолжать их интересные беседы. Я должен был сначала узнать, желаете ли Вы и Ваш сын видеть меня у себя, такого скромного

слугу Учителя.

– Ах, что Вы! Мы чрезвычайно рады Вам. Мы много лет не имели никаких известий от Учителя И. Но нам не так давно говорили, что он путешествует где-то в России, поэтому Ваш приход так поразил нас неожиданностью. Мы не смогли даже сразу прийти в себя. Прошу Вас, садитесь. Расскажите, пожалуйста, как Вы ехали? Не заезжали ли Вы в оазис к нашему близкому родственнику Рассулу Дартану? Где и когда Вы расстались с Учителем?

Леокадия сменяла вопрос вопросом, усаживая меня и сестер возле одного из столов так, чтобы сын не мог подойти ко мне. Очевидно, она опасалась новой вспышки в нем и не особенно рассчитывала на мою воспитанность.

– Не знаю, с чего начать свои ответы. Если начать с самого последнего Вашего вопроса, то должен сказать, что я расстался с Учителем И. не более часа назад.

Целый рой возгласов: «То есть как?» «Что Вы хотите этим сказать?» «Каким образом?» «Это невероятно!» – и тому подобных ахов и охов раздался по всей комнате. Все эти возгласы покрыл мощный голос Деметро:

– Уж не желаете ли Вы сказать, что сам Учитель И. здесь?

Я посмотрел вокруг и увидел на лицах гостей, таких беспечных и веселых несколько минут назад, невыразимый страх. Я никак не мог взять в толк эту панику, так как за долгое время жизни подле И. привык видеть расцветающими людские лица при упоминании имени моего дорогого друга и Учителя.

– Да, Учитель И. здесь.

Точно вопль пронеслись новые возгласы по комнате: «Да как же!» «Разве уже прошел срок?» «Что же нам теперь делать?» – и под эти возгласы комната опустела, в ней остались только мы и хозяйева. Теперь вновь в комнате воцарилась мертвая тишина, которую подчеркивало тяжелое дыхание Деметро. Он стоял все так же у стола, опустив голову, совсем бледный и мрачный, похожий в своем огненном плаще на падшего ангела.

Первой нарушила это тягостное и непонятное для меня молчание Леокадия.

– Не удивляйтесь, что Ваше появление произвело такое сильное впечатление на всех. Все мы, видите ли, приехали сюда по указанию Учителя И., тем или иным путем доставленные. У каждого из нас есть те или иные обязательства перед ним. Но мы здесь так весело и беззаботно

жили, что совсем забыли о неприятной стороне взятых на себя обязательств. Мы:

– Брось разговоры, мать. Возможно, что приезд Учителя И. вовсе не относится к нам. Мало ли какие у него могут быть дела в Общине? Мы, видите ли, господин секретарь, живем здесь на средства дедушки Дартана, а не на средства Общины. У нас здесь своя часть в парке, где, кроме выехавших из оазиса, никто не живет. Я не отрицаю, что и я, как и все, взял на себя некоторые обязательства, но я, как и все, совершенно независим. У Вас есть какие-либо поручения лично к нам от Учителя И.?

– Нет, Учитель только приказал мне выполнить поручение Дартана: передать письма и посылки из оазиса.

Лица матери и сына просветлели, оба вздохнули облегченно.

– Ах, вот как! Ну, мы здесь ни в чем не нуждаемся. Дедушка Дартан мог бы о нас и не беспокоиться. Впрочем, мы, конечно, рады будем видеть Вас и получить свои подарки, – переходя снова на надменный тон и, подымая высоко свою красивую голову, сказал мне Деметро.

Я посмотрел на сестер и постарался всеми силами влить мир в их сердца, негодование которых сказывалось на их возбужденных и расстроенных лицах. Раздался легкий стук, и я увидел в дверях фигуру Славы

– Вам что? Вы ко мне? Я сейчас занят, придите потом.

Тон Деметро был невыносимо высокомерен.

– Нет, это за мной, – поспешно вставая, сказал я, огорченный неприязненным тоном, который пришлось вынести моему любезному проводнику из-за меня.

– Куда же Вы так спешите? Оставайтесь, пожалуйста, поужинать, – просила меня сестра Леокадия.

– Да, да, – поддержал ее сын. – Ведь Вы были невольной причиной, что мы с матерью остались в одиночестве. Как видите, все друзья разбежались. Теперь Ваша прямая обязанность развлечь нас.

– Простите, я лишь скромный келейник своего господина и могу только выполнять очень точно его приказания, но не больше. Я должен немедленно возвратиться домой. Я могу понадобиться Учителю И.

Мать и сын очень настойчиво протестовали, уверяя, что ужин на столе, что у них в Общине не в обычае уходить от накрытого стола, что это считается даже невежливым. Но я еще раз ответил, что не могу превысить данных мне полномочий. С большим трудом, употребив всю свою настойчивость, я вырвался из дома чрезмерно гостеприимных хозяев.

Когда я прощался с сестрами у их балкона, Роланда задержала мою

руку.

– Я всему виною. Это все добрые люди, но их легкомыслие ни с чем не сравнимо, разве с их любовью к праздности. Мне надо было раньше предупредить их, тогда Вам не пришлось бы наблюдать всей этой тягостной сцены. Впредь я постараюсь готовить людей к встрече с Вами.

– Я очень рад, что видел и слышал людей, не ждавших известия. Теперь мне ясно, как много надо нести в себе мира и радости, чтобы выполнить успешно данное мне поручение. Не стремитесь оправдать Деметро. Мое сердце уже его оправдало. Дело не в Деметро или комнибудь другом, но во мне – насколько я найду такта и обаяния, чтобы выполнить, а не испортить порученное мне дело.

Мы расстались с сестрами, пожелав им покойной ночи, которая уже спустилась. Над нами светило яркое от многочисленных и крупных звезд небо, изредка встречались возвращавшиеся по домам люди. Мы молча проходили дорожку за дорожкой. Вдруг Вячеслав остановился.

– Брат, я не знаю, как живут люди в далеком мире. Поэтому прости мне, если я совершаю бестактность, нарушая сейчас твое молчание. Но Раданда не раз говаривал мне: «Если ты видишь, что встреча людей не началась и не кончилась в радости, постарайся хотя бы одному из неудачно встретившихся отдать теплоту и мир твоей души, твоей любви». Ты печален, и мне хочется объяснить тебе непонятное, на взгляд свежего человека, поведение всех тех, кого ты только что встретил. Вся та часть Общины, которая занята выходцами из оазиса, почти не сливается с общей жизнью всех трудящихся в Общине. Приехали они сюда, получив указание самостоятельно выбрать себе одну из отраслей труда в Общине. Долго они ничего не выбирали. После неоднократных бесед с ними Раданды они решились осмотреть все отрасли труда здесь. Но им ничего не понравилось. Только пятьдесят – шестьдесят человек, в том числе уже знакомые тебе сестры, вошли в трудовое единение с нами, многому научили нас и кое-чему научились у нас. Остальные все забраковали, решили трудиться отдельно, завели себе свои мастерские, школы – в результате даже дети их если обучаются, то только в наших школах. Сами же они живут в праздности и ничего не создали для своих собственных нужд, не говоря уже об общем благе для всей Общины. Некоторые, как Деметро, стараются показать видимость труда. Что-то рисуют, шьют, сажают, но плодов своего дела никому не показывают. Жестокая критика на всех нас от них сыплется как горох. Не огорчайся своим первым успехом. Сам Раданда им не раз напоминал об обещаниях Учителю И., о том, что

годы летят быстро, что надо будет показать результаты работ, и я помню одну его замечательную фразу, которую он им сказал в моем присутствии: «Мстит человеку лень его. Лень сжигает в человеке инициативу. А лишенный инициативы человек не многим выше животного. Чем длиннее период лени, тем горше распад энергии в человеке. Ряд лет, прожитых в лени, закрывают все возможности для человека войти в одну из троп Света. Ибо войти в одну из них может тот, в ком жива гибкая воля к труду». Ты видишь, как глубок здесь вопрос. И можно ли было тебе найти сразу подход к единению с ними?

– Что вопрос об общей их жизни огромен, в этом ты, Слава, прав, это несомненно. И не мне его разбирать. Но тот крохотный кусочек их жизни, к которому прикоснуться послали меня – передать привет с родины, – должен быть выполнен в наивысшей радости и благородстве, на какие только я способен. Я буду молить моих великих друзей помочь мне в этой задаче.

Мы подошли к крылечку нашего домика, и первое, что я увидел, была Наталья Владимировна, державшая на коленях сонного, тяжелого Эта. Картина эта была так необычна, так несвойственна Андреевой. Она не питала никакого пристрастия к Эта. Даже некоторую долю брезгливости подмечал я в ней не раз по отношению к моей чудесной птичке. Теперь же она нежно и заботливо держала птицу, ласково прильнув головой к мягкой спинке Эта. Казалось, необычайно чуткая к шагам и всякому движению, Наталья Владимировна на этот раз не слышала нашего приближения. Только когда мы уже встали на первую ступеньку, и она и Эта одновременно подняли головы. Эта не замедлил перебраться ко мне, а бедная Наталья Владимировна, хотя и весело смеялась, но с трудом поднялась и расправила затекшие руки и ноги.

– Левушка, мне так хотелось побеседовать с Вами, что я попросила у И. разрешения доставить Вам Эта. И. очень хитро поглядел на меня, исполнил мою просьбу, но сколько хлопот доставил мне Ваш каверзный друг. Понадобился весь авторитет Раданды, чтобы Эта соблаговолит подчиниться и отправился со мной. И, как только мы скрылись из глаз И. и Раданды, он вскочил мне на руки, не пожелал идти пешком. Так и пришлось мне тащить его на руках до самого дома. А пришли сюда – заставил меня держать его на коленях. Хитрец так уморительно вознаграждал меня за обслуживание нежными взглядами и кокетливыми поворотами головки, что я ему простила все утомление.

– Я очень огорчен, дорогая Наталья Владимировна, что Эта выявил свой деспотизм на Вас. Совершенно не понимаю, как у Вас достало сил

нести его. Он даже мне становится тяжел.

Мы оба приглашали Славу побыть с нами, но он ушел к себе, сказав, что его ждет еще работа. На мои укоры Эта, зачем он заставил Наталью Владимировну такую тяжесть, она весело сказала:

– Ну, ноша моя была мне легка! Я слово такое знаю. А вот хотела бы я Вам рассказать, как поразил меня сегодня Раданда. В его библиотеке я нашла всех великих писателей древней Греции и Рима в подлинниках. А когда я его спросила, кому же здесь нужны подобные произведения, он мне ответил: «Мне были нужны раньше, пока я не знал их наизусть. А теперь нужны всем образованным людям Общины, приготавливающим из себя слуг ближним в том широком мире, куда вскоре поедут. Вот, позвольте Вас познакомить с некоторыми из них», – радостно прибавил он, идя навстречу группе людей, совсем молодых, входивших в комнату, где мы сидели. Вы, Левушка, можете себе представить, в какой соляной столб я превратилась и как глупо было мое лицо, когда я здоровалась с представляемыми мне людьми, входившими в комнату. Раданда смеялся надо мной не меньше, чем тогда, когда Эта тормозил Вас, о чем он нам рассказал с необычным юмором. Но, Левушка, не думайте, что я смеялась над Вами. Я всей душой Вам сочувствовала, а смеялась только комизму положения.

– Я именно так и думаю, дорогая Наталья Владимировна, и в данную минуту очень тронут Вашим вниманием ко мне. Если Вас поразил своею ученостью и своими молодыми людьми Раданда, то меня поразил не менее один из его учеников, наш брат-проводник по Общине.

И я рассказал ей обо всех впечатлениях вечера, подробно передав разговор с Вячеславом. Мы сидели вдвоем, зачарованные волшебной тишиной и сияющими звездами. Наталья Владимировна говорила тихим, задушевым голосом:

– Как не похоже мое мироощущение этих минут на все то, что приходилось мне переживать раньше. За короткие дни моей жизни здесь какая-то новая освобожденность родилась во мне. Когда, бывало, прежде мне выпадали минуты, не наполненные спешным, напряженным трудом, нечто вроде тоски выступало из каких-то подсознательных недр духа. Дивная ночь, если я проводила ее без труда и без сна, навевала мне не очарование божественного мира, но мысли о своем одиночестве, о том, что на земле у меня больше ничего нет, что на ней я стою нагая среди миллионов людей, одетых во все страсти и привязанности временной любви. От них я отстала, а к небу еще не поднялась... Я чувствовала себя как бы висящей в межпланетном пространстве, не имея незыблемой точки опоры. В эту минуту я сознаю в себе и небо, и, землю. Примиренность и

полное понимание рождения и смерти несутся для меня в каждом шорохе трав и листьев, в каждом смехе и рыдании, в каждой песне птицы и крике животного. Я знаю в себе великий Свет, независимо от формы окружения, от времени и места. И мир мой, обретенная новая примиренность – мое постоянное Славословие Вечному, моя верность Ему уже непоколебимы. Все, что в моем сердце оставалось от условностей и предрассудков, все, что еще могло причинить раны разлуки или лечь холодом на сердце от смерти любимых, от страданий и заблуждений близких и дорогих, – все оторвалось, распалось прахом, освободив мысль и приготовив дорогу духу к более широкому восприятию Жизни. Ваш опыт сегодняшнего дня, когда Вы увидели на деле, как погибает жизнь людей, если они не поняли значения труда на Земле, совпал с моим новым пониманием, как должен жить человек на Земле. В том, что вообще Земля – арена труда, я никогда не сомневалась. Но как? Для чего идет труд каждого? Каково его значение в текущем дне для вековой арены человека? Точную слиянность всего этого я поняла только здесь. Величайшая схема: рождение, труд, смерть – вылилась для меня в три новых слова: сила, выносливость, самообладание. И все эти три слова зависят от самых простых истин. Эти истины каждый человек сам создает и из них строит себе и другим путь радости. Эти три начальных истины звучат мне теперь в словах: доброта, любовь, верность. Совершенно не важно, в чем и как человек выявит эти три силы. Не важно, монах ли он или светский человек, дикарь или просвещеннейший писатель; встретил он в своей жизни великих людей или прошел весь свой путь в совершенно элементарном по развитию обществе, важно только, что он их выявил и на них единился с людьми. Если он на них строил свой простой день – он достигнет встречи с Учителем. Он войдет не в одно только понимание вечности жизни умом. Он войдет в полное знание сердцем, что нет ни смерти, ни разлуки. Человек, умом понявший, что не надо оплакивать отошедшего друга, все же будет плакать, когда друг ушел. Своими слезами он непременно будет притягивать друга к земле. Будет бить его картинами своих мучений и создавать ему тысячи препятствий, нарушая его первейшую обязанность в новом мире, куда он попал. И эта единственная первейшая обязанность в новом мире,

– единственная, как вечная память, которой провожают с земли в церковном обряде, – есть трудоспособность человека. Вот почему так тяжел в своем общении праздный человек, не создающий себе вековых путей для единения с существами во всех мирах. Труд земли, как и труд неба, индивидуально разный. Труд одного может казаться бездельем другому. И это неважно. Важен тот Свет, что вскрылся в человеке как

результат его труда. Важны навыки, привычка мыслить в гармонии, то есть в сочетании доброты сердца и гибкости ума. Они ведут к примиренности. Любовь неотделима от гармоничного сочетания всех этих качеств в человеке, она и есть путь живой жизни в нем. Сегодня спали с меня последние оковы личного. Ушло горестное ощущение, что я стою нагая над одетой веселой землей, что все порвано между мною и ею, нарядно цветущей. Напротив, я одета в Свет, сияющий Свет доброты. Вся Земля лежит в храме моего сердца, и больше нет для меня ни иллюзии смерти, ни разъединения с Землей. Во мне родилась и утвердилась примиренность. Земля и я, равно как и то, куда уйдет мой ух, покинув дорожную, многострадальную Землю, – все едино. Радость жить, бесстрашие жить, бесстрашие умереть – все слилось для меня в одно священное понятие: трудиться для блага людей.

Эта поднял голову, слегка вскрикнул и побежал по темной дорожке. Я догадался, что мой чуткий птенчик издали почувствовал приближение И.

– Покойной ночи, Левушка. Я пойду к себе. Запишу кое-что из впечатлений дня.

Наталья Владимировна простилась со мною, оставив меня под глубоким впечатлением от ее слов. Слова эти проникли мне в сердце. Не раз в моем сердце зажигалась тайная горечь от разлуки с моим братомотцом. Как ни был я окружен величайшей любовью, как ценил и благоговел перед моими дивными и великими моими покровителями, иногда в сердце просыпался стон. Хотелось почувствовать ни с чем не сравнимое нежное объятие брата Николая. Плоть от плоти моей и кровь от крови моей. Я хотел было пойти навстречу И., но решил подождать его на крылечке. Быть может, и был погружен в великие мысли и нуждался в минуте отдыха и одиночества. Я не успел додумать своих мыслей до конца, как послышался разговор, и вскоре на полянке перед домом резко выделились две белые фигуры, а рядом с ними чинно шагал Эта. Я никогда не удивлялся, если видел И. в обществе неожиданных людей. Я уже привык видеть рядом с ним самые необычайные фигуры. Но на этот раз я удивился, так как И. шел с седовласым Радандой, весело рассказывавшим ему о новых изобретениях, достигнутых в производстве стекла. Когда же спал Раданда? Я слышал, что настоятель вставал раньше всех, что целый день он был занят самыми разнообразными делами. Когда же он отдыхал?

– Что, Левушка, усталое тело отдыха, просит? – Раданда положил мне руку на плечо и быстро, совсем не по-стариковски, опустился рядом со мной на ступеньку. – Ты замечай, дитя, все. Тебе дан неспроста путь писателя. Ты пиши о человеке «просто», как я тебе с первого взгляда

сказал. Путь писателя бывает разный. Один много вещей напишет, будто бы и нужны они его современности. Ан, глядишь, прошла четверть века, и забыли писателя люди, хотя награждали его и жил он на земле в знатности. Другой мало или даже одну вещь написал, а живет его вещь века, в поговорки войдет. В чем же здесь дело? В самом простом. Один писал – и сам оценивал свои сочинения, думая, как угодить современникам и получить побольше благ. Он временного искал – временное ему и ответило. Другой в себе осознал единственную силу: Вечного Огонь. Он и в других его старался подметить. Старался видеть, как и где человек грешил против законов этого Вечного и страдал от распада гармонии в себе. Замечал, как иной человек был счастлив, сливаясь с Вечным, и украшал жизнь окружающим. И такой писатель будет не только отражать порывы радости и бездны скорби людей в своих произведениях. Он будет стараться научиться так переживать жизнь, как будто сам стоит в обстоятельствах того или иного человека. Но мало стать в обстоятельства того или иного человека, надо еще найти оправдание каждому в своей доброте, и только тогда поймет писатель, что значит описать жизнь человеческую «просто».

Голос Раданды звучал сейчас совсем по-иному. Бог мой, в скольких аспектах я увидел этого человека за самое короткое время! И я ясно почувствовал, что совершенно не знаю, кто такой Раданда. Не отдавая себе отчета, можно ли так запросто говорить с ним, я мальчишески заявил:

– Представляю себе, в каком более чем жалком положении, гораздо более жалком, чем когда меня трепал Эта, был бы я, если бы кто-либо приказал мне описать Вашу Общину и, главное, Вас.

Раданда улыбнулся, положил мне свою крохотную ручку на голову и близко посмотрел мне в глаза,

– Велик и далек твой путь, дитя мое. Сейчас ты еще дитя, и то уже многое можешь. Но будет время, и не обо мне, а о многом большом напишешь. Теперь же иди спать. Завтра я сам пойду с тобою по колонии Дартана. Там многому научишься и многое-многое из векового страдания людей прочтешь. Не жди И., ложись спать. Мы с ним обойдем еще коекого, кто в эту ночь нуждается в утешении.

Раданда перекрестил меня. Мне стало необычно легко радостно. Я точно в сказке, все забыл и, взявши Эта на руки, пошел к себе. Как я был благодарен Раданде! И, с другой стороны, как я понимал свою детскость! Еще и еще раз я увидел, как устойчива должна быть гармония в человеке, чтобы он мог чего-либо достичь в деле дня, и какое мужество должна нести в себе сила мужчины.

Уложив спать Эта, я благословил все живое во Вселенной, благословил

милосердие моих наставников и лег на свою полотняную постель, впервые ясно сознавая, что стою на грани от детства и юности к зрелой молодости. Ночь минула быстро. Я проснулся от гудения колокола и толчков Эта. На этот раз я уже ясно и твердо помнил, где я, кто и что вокруг меня. Первым, что бросилось мне в глаза, была записка И., лежавшая на стуле рядом со мной.

«Как только встанешь и приведешь себя в порядок, приходи в покои Раданды возле трапезной. Эта оставь у Мулги. Раньше, чем уйдешь из дома, зайди к Андреевой и передай ей, что я поручаю ей на сегодняшний день Бронского, Игоро и Герду. Пусть до самого ужина проведет с ними день и распределит в нем занятия как сама найдет нужным».

Записка И. окрылила меня. Быстро справившись с делами, я полетел в покои Раданды. По дороге я несколько раз возвращался мыслью к Наталье Владимировне и не мог разгадать почему, когда я передавал ей поручение И., она пристально вглядывалась в меня и сказала: «Счастливец, Левушка». Мысли мои перескочили с нее на ее близкого и неразлучного друга в Общине Али – Ольденкотта. Только сейчас я сообразил, что я его нигде не видел с самого въезда в Общину Раданды, что он не жил в нашем домике, не бывал с нами в трапезной и что я о нем ничего не слышал все эти дни. Я решил немедленно же спросить у И. об этом милом и чудном добряке, но, пока шел, поостыл в своем решении, вспомнив, что любопытство во мне не может порадовать И. Должно быть, для Ольденкотта, как и для Зейхеда, которого я тоже не видел в Общине, предназначался особый путь уединения. Весь под впечатлением этих мыслей, я сдал Мулге Эта, что было принято обоими новыми друзьями более чем благосклонно, и постучался в дверь Раданды. Он сам открыл мне и, хитро оглядывая меня с ног до головы, сказал:

– Беги скорее в душ, пока И. тебя не видел. Где это ты так запылится, точно по пустыне бежал?

Я посмотрел на свои сандалии, которые так недавно усердно чистил и завязывал, переконфузился и даже расстроился: и сандалии, и весь подол платья – все было серым от пыли. Увлеченный размышлениями и жаждой поскорее свидеться с И., я забыл об осторожности и легкости походки. Извинившись перед Радандой, я помчался в душ. Тут уж я сам прочел себе предлинную нотацию и, наконец, очутился в приличном виде перед И. Мой снисходительнейший наставник ни единым словом не дал мне заметить, что знает о моей неловкости, не укорил за опоздание, но ласково со мной поздоровался. Пройди, Левушка, на балкон, там тебе оставлена еда. Кушай не спеша и вернись сюда. Ты пойдешь с Радандой, как он тебе обещал, по

сектору Дартана. С ним же возвратишься обратно и поедешь со мной навстречу возвращающемуся Яссе.

Навстречу дорогому, любимому Яссе! Тут я понял, почему сказала мне Андреева: «Счастливец, Левушка!»

Да, действительно, я был счастливецом. Широко раскрылись двери моего сердца не только для Яссы, который – я был убежден – возвращался победителем, но для всего мира, точно вместившегося во мне. Открылось мне, как глубоко надо проникать в сознание встречного человека. Я ощутил живыми и действенными вечерние слова Раданды, что надо уметь не только встать в обстоятельства человека и отразить их в слове, но и оправдать каждого, понимая это слово не как быт его произносит, но как чистое сердце может воспринять в себя вечный путь ближнего. Я шел, и радость пела во мне, хотя я отлично понимал: того, что я достиг сегодня, завтра будет уже мало. Все же я был счастлив, не мог не улыбаться, и все, кто встречался мне, отвечали мне улыбками.

«Путь радости – путь счастливых избранных», – вспомнил я слова И. И впервые я оценил свое величайшее счастье, осознал на опыте дня, что иду путем творческой радости, внутри меня живущей.

Я быстро покончил с завтраком, и это казалось мне сегодня скучной необходимостью. Я возвратился к И., где меня уже ждал Раданда с посохом в руках. Когда мы вышли на яркое солнце, я в первый раз имел возможность рассмотреть лицо настоятеля на полном свете. Я увидел, что старость Раданды, которая так поразила меня в момент первой с ним встречи, выражалась не в морщинах, а в какой-то особенной серьезной мудрости. Кожа была гладкая, темная, как древний пергамент. Добрые глаза, ясные, светились как лампы. И цвет их все время менялся от голубого к фиолетовому. Вся его фигура, как всегда окруженная светящимся радужным шаром, была прямой, и я теперь не понимал, почему Раданда в первую минуту встречи и в трапезной показался мне таким древним. И вместе с тем я и сейчас воспринимал его необычайно древним, точно он жил уже века.

– Не углубляйся в преждевременные вопросы, друг. Думай только о поручении Дартана. Оно составляет твое главнейшее «сейчас».

Неожиданно для меня Раданда свернул в тенистую аллею.

Голос его звучал добротой. Но если перевести на язык музыкального восприятия, то интонация его была для меня неожиданностью. В тоне его не было строгости, но такая огромная серьезность, которая сразу напомнила мне, к какой священной и ответственной задаче я готовился приступить. Лицо Раданды, когда он посмотрел на меня, было похоже на

лик одного из святых, которых так любят изображать русские живописцы светящимся. Из его глаз, лба, горла точно выскакивали искры рубинового цвета и кололи меня, как маленькие электрические разряды. Сначала они только кололи меня, но через несколько минут я стал чувствовать такую бодрость и радость, такая сила мира окружила и проникла в меня, что я невольно прильнул к Раданде и поцеловал его сухонькую ручку. Он ответил мне пожатием и притянул к себе.

– Мы с тобой подходим к часовне радующихся, дружок. Ее происхождение очень, очень древнее. По преданиям, она была основана Божественной силой в незапамятные времена. Тогда, когда пустыня была морем, а место, где теперь Община, – островом. В противоположном конце, за уединенным скитом, есть такого же древнего происхождения вторая часовня – часовня плачущих. Когда созрешь, окрепнешь духом, чтобы нести утешение и оправдание плачущим, мы с тобой пройдем и в ту часовню. На этот раз мы припадем к стопам дивной статуи Великой Матери, высеченной из никому не ведомого камня. Говорят, она высечена из белого коралла, но я знаю, что не так называется этот материал. Ты сам увидишь, что сияние статуи, ее пропорциональность и красота, все линии, создающие одно гармоничное целое, не могли быть созданы рукой простого ваятеля. Скульптор обладал не только даром артиста, но и дух его должен был гореть Огнем Вечного. Поэт, ее сотворивший, не знал ни одного мгновения меркнувшей Радости, иначе он не мог бы создать подобной красоты. Надо было носить ее в себе, чистую, неомрачаемую Радость, чтобы каждое сознание, преклоняющееся в чистоте перед этим отражением его духа, его живого Единого, укреплялось и собиралось в непобедимую силу Радости. Сама жизнь Одухотворяла ваятеля и одухотворяет до сих пор его произведение. Преклоняясь перед хранимым здесь изображением Великой Матери, которую мы зовем Радостью, надо самому звучать всей полнотой счастья жить, всей верностью заветам своего Учителя, чтобы слиться с той силой, что изливает Великая Мать на каждого склоняющегося пред Нею в своей полной гармонии. Я связал тебя с моей аурой и отдавал тебе искры моей Любви, чтобы ты мог войти в часовню, неся в сердце песнь торжествующей Любви. Возьми мою руку. Слейся с моим Единым. Проси Великую Мать помочь тебе отдать всю силу преданности чудесному делу служения Жизни, в Ее форме современного тебе человечества, как писателю – слуге своего народа. Склоняясь, благодари, благословляй Величие, давшее тебе частицу Своего гения. Склоняясь, проси Мать принять в свою защиту твой дар, чтобы никогда сомнение или колебание не овладели тобой. Склоняясь, отдавай Ей хвалу и

проси легкости твоей мысли, силы твоему слову, образности твоей фразе, мощи твоей проникновенной фантазии. Той творческой фантазии, что черпает свое начало в интуиции, но не в эмоциях чувственности. Склоняясь, проси понимания, где лежит путь к Вечному в каждом и как в каждом оправдать его топкое болото слез и страстей. И тогда найдешь путь писать просто.

Раданда взял меня за руку и свернул на маленькую, еле заметную тропочку, ведущую в густые заросли кривых кустарникообразных деревьев, никогда мною не виданных. Без него я и не разглядел бы тропочку. Она извивалась, и много раз мне казалось, что она упирается прямо в стену густого высоченного кустарника. Но каждый раз Раданда находил узенький, едва заметный проход. Сделав много поворотов в этом лабиринте, мы вышли на небольшую площадку, где полукругом росли мощные кедры и в самом их центре стояла часовня.

Как описать мне это дивное зрелище? На темном фоне кедров, под синим небом, под знойным, сверкающим солнцем пустыни, высоко над белой, резной, как тончайшее кружево, лестницей стояла такая же белая, легкая – казалось, дуновения ветра довольно, чтобы унести ее с места, – часовня. И внутри ее высилась статуя, изображавшая женщину, на очаровательную голову и плечи которой ниспадало розовое покрывало.

Я стоял как зачарованный, не в силах оторвать глаз от дивного зрелища. Руки статуи, руки божественно прекрасные, были полны цветов самой разнообразной окраски, что делало их еще более похожими на живые. Вся статуя, ее покрывало, цветы, все переливалось разноцветными красками дрожавших под солнечным сиянием огней, мягкими, как краски венецианского стекла. У меня была полная иллюзия, что статуя вырезана из гигантских жемчужин белого и розового цвета.

– Собери силы духа, сбрось с глаз покровы телесные, друг, и неси славословие Жизни. Путь красоты и единения в ней может нести тот, кто сольет свою чистоту и Радость с этой сияющей Живой Красотой.

Раданда оставил посох и сандалии внизу у лестницы. Я последовал его примеру, снял сандалии и вынул из кармана сумку с письмами. Раданда снова дал мне руку, и мы стали подниматься по восхитительным кружевным ступеням. По первым ступеням лестницы я шел легко. Они казались мне даже прохладными. Но чем выше мы поднимались, тем тяжелее мне было идти. Сердце мое билось, точно молотом стучало в висках. Ступени жгли мне ноги, как раскаленный песок пустыни. По всему моему телу пробегала дрожь. Пот катился ручьями по лицу. И чем выше мы шли, тем все сильнее были мои мучения. Но я крепко держал руку моего

милосердного водителя, и теперь она казалась мне железной по своей силе и лила прохладу в мои огненные члены.

Мы взошли на последнюю ступень. Я стоял точно в огне костра, но вся физическая пытка казалась мне пустяком. Я глядел на улыбавшееся мне божественное лицо статуи, забыл обо всем земном и не мог оторвать взора от сиявшей фигуры. Она действительно была воплощением Жизни в Ее аспекте Красоты. Освободив свою руку из руки Раданды, я поднял обе руки вверх и воскликнул, опускаясь на колени:

– О, Великая Мать, сгореть в огне и отдать жизнь хочу я в этот миг, ибо я видел Тебя, я постиг счастье и радость понимания, что значит Свет Вечности. Если мне суждено жить, прими меня в слуги Твои, в певцы твоей красоты и радости. Жить, не нося Тебя в сердце, я больше не могу. Пусть придет мгновение смерти, если я недостоин восхвалять Тебя каждым своим дыханием!

Не помню, что было дальше. Мне казалось, что руки Раданды поддержали мое готовое рухнуть тело. Мне мерещилось, что Великая Мать мне улыбнулась и подала розовый цветок, сказав, что то цветок радости. Огненный столб ослепил меня...

Когда я очнулся, Раданда, стоя на коленях, обнимал меня одной рукой и говорил:

– О, Великая Мать, цветок твой подан верному и бесстрашному сыну. Прими меня, его поручителя, и его самого в Огонь утверждающей и освобождающей Радости Твоей.

С необычайной силой Раданда поднял меня с колен. Мы еще раз склонились перед дивным ликом, и мой покровитель насильно увел меня из часовни, откуда я не хотел уходить.

Спустившись вниз, я стал сознавать, что я весь изменился, точно стал другим человеком. Как когда-то в тайной комнате Ананды в Константинополе я плакал последними слезами детства и перешел в возраст мужчины, так сейчас с меня сошли последние остатки духовной юности – я осознал себя действенной единицей Всего творящего. Когда по дороге я наклонился, чтобы поправить сандалии, из-за моего пояса выпал чудесный розовый цветок. Я на лету подхватил его, не дав ему коснуться земли, и с удивлением уставился на Раданду – хотел спросить его, что это значит. Но он, положив руку на мой цветок, тихо сказал:

– Ни слова, друг. Есть вещи столь великие и священные, что о них не говорят. Вовеки помни, где был, и, если будешь верен данному тебе завету: радости – еще придешь. Но храни полное молчание обо всем, что здесь испытал.

Он взял меня за руку, и мы пошли дальше по молчаливому парку. Достав из своего кармана маленькую коробочку, Раданда подал ее мне.

– Возьми вот эту вещицу и вложи в нее твой цветок. Храни его всегда при себе, и пусть священная эмблема, данная тебе сегодня, вырастет во многотомное, необходимое людям творчество писателя.

Коробочка была зеленая, продолговатая, куда легко лег мой цветочек, и на крышке ее был изображен белый павлин, ну, точь-в-точь мой красавец Эта. Я уложил мой цветок и любовался им.

– Теперь подумай, какое счастье для тебя и всех, к кому ты сейчас идешь, встретиться именно в этот день и час твоего великого озарения. Неси им Свет, трепет которого коснулся тебя.

Не дав мне времени поблагодарить его, Раданда быстро пошел вперед, а мне хотелось пасть ниц перед ним и произнести в его лице славословие всей Вселенной. Мы шли довольно долго и скоро, но я не ощущал ни зноя, ни усталости. За плечами у меня точно крылья выросли, мне даже казалось, что я ощущаю их движение.

Первыми, кого мы посетили, были сестры Роланда и Рунка. Они поразили меня тем, что сидели на скамеечке возле своего дома готовыми в поход и ждали нас, нисколько не удивившись Раданде. Я не смел спросить, каким образом они могли знать, что я приду не один, но по мимолетной улыбке на губах Раданды, по беглому взгляду, брошенному мне, я понял, что он прочел мою мысль, хотя она едва мелькнула. Этот маленький инцидент снова ввел меня в сосредоточенное внимание. Еще раз я увидел, как неустойчива моя мысль, как достаточно малейшего предлога, чтобы я рассеялся. Я погладил рукой мою коробочку, где сохранялся божественный дар милосердной Матери, и стал внутренне снова перед Нею, моля моих великих защитников Флорентийца и И. помочь мне жить и действовать в Ее атмосфере.

– Нет, Дети. С Деметро и его матерью мы встретимся в одном из соседних с ними домов. Они ведь без дела сидеть не любят, поэтому непременно пойдут куда-либо обсуждать принципиальные вопросы, чтобы провести с людьми время до обеда, – услышал я юмористический голос Раданды. – Пойдемте, прежде всего, к художникам фарфорового завода, таким же усердным труженикам, как вы обе, милые сестры. Они только что возвратились из оазиса темнокожих, где добились новых успехов в росписи. Они полны энтузиазма, сейчас отдыхают и будут рады нас видеть.

Раданда шел впереди, и шел он так быстро, что поспевать за ним было трудно ногам, но весело сердцу. Неожиданно для меня он свернул к красивому домику с палисадником с очень художественно рассажеными

цветами и быстро поднялся по ступенькам прелестно декорированной террасы. Все – от малейшей складки белого холста, драпировавшего широкое окно, до гармонично подобранной цветовой гаммы декоративных и цветущих растений – все говорило, что красота здесь не внешнее приложение к существованию, но необходимость, простое выражение потребности духа жить в ней. На звук наших шагов на террасу вышел высокого роста человек в белом хитоне, надетом на греческий манер, и, увидев Раданду, весело воскликнул:

– Какая радость, отец, видеть тебя и твоих спутников в нашем доме! И еще большая радость, что ты пришел именно в тот час, когда я так стремился к тебе. Мне не терпится показать тебе наши достижения.

Человек этот, в котором каждый мог бы признать артиста, напомнил мне Бронского некоторыми характерными чертами манер и внешности. Какая-то до сих пор только в Бронском подмеченная мною освобожденность движений придавала всей его фигуре легкость и элегантность.

– Здравствуй, друг! И я очень рад, что пришел к тебе вовремя. Вот, познакомься с нашим гостем, молодым другом И. Он привез тебе письмо из оазиса, а также посылку от Дартана. Но за посылочкой ты сам к нему придешь, а письмо получи сейчас. Зовут твоего милого письмоносца Левушкой. Наверное, он уже оценил все то, что из твоих трудов в Общине видел. Он писатель и чуток к красоте. Вы, наверное, подружитесь. Это, Левушка, тот художник, формой чашек и рисунками которого ты так восхищался. Зовут его Грегор.

Грегор очень любезно поздоровался со мной, поблагодарил за похвалу его произведениям, которую я не замедлил повторить, но лицо его, как только Раданда упомянул об оазисе, из сияющего, радостного стало серьезным, глаза отразили печаль и даже боль.

Я вынул сумку с письмами и на самом верху увидел большой конверт, где было написано по-латыни: «Другу, брату и сыну Грегору Стафилион, художнику».

Я подал ему письмо, всем сердцем призывая Великую Мать помочь мне внести мир и облегчение в сердце художника. Душа моя, мои внутренние очи духа, как и внешние мои глаза, были так полны обликом Великой Матери, Ее атмосферой живой Радости, что, подавая пакет, я жил у Ее ног, моля Ее стать заступницей и оправданием печали этого человека, талант которого сквозил во всех его движениях, как горящий внутри мраморной вазы светильник.

– Спасибо за письмо и за то доброжелательство, с которым оно подано.

Он пожал мне руку, и от его пожатия волна теплоты еще больше прилила к моему сердцу, я был тронут, что Грегор почувствовал несущуюся к нему любовь и ответил на нее.

– Какая радость! Ты здесь, отец, редкостный гость, и даже со спутниками!

Оглянувшись на раздавшийся сзади меня голос, я увидел человека среднего роста, одетого так же, как Грегор, слегка напоминавшего его родственным сходством в лице, но совершенно разнившегося фигурой, волосами, манерами и движениями. Он весь был сплошной темперамент. И речь его была быстрой, слова сыпались четко, точно скороговорка. Все его члены были точно ртутью налиты. Но вместе с тем суетливости в нем не было. Каждое движение было точно, ловко. Бросалось в глаза, что у этого человека был совсем особенный глазомер, то он нигде не споткнется, ничего в своей стремительности не заденет, а, наоборот, может и умеет сделать на практике все, о чем думает и чего хочет. Человек поднялся на террасу, Раданда обнял его.

– Тебя, Василион, без горшка с цветком увидеть трудно.

– Да ты посмотри, отец, что за цветок! – поднося к глазам Раданды горшок с прелестным розовым цветком, сыпал словами Василион. – В последний раз, когда Дартан был здесь, он привез мне два жалких цветочка этого вида. С таким трудом я вывел эти горные лилии в оранжерее оазиса, а без меня никто не смог их там разводить. Я не надеялся вывести их вновь здесь, и вот, посмотри, что за чудо природы. Что за цвет, РОЗОВЫЙ, переливчатый! Что за радужное сияние! Ведь это будто из розового и белого жемчуга божественная рука вырезала цветы. Этакая красота. – Василион высоко вверх поднял руку с горшком. – Грегор, первая проба этого цветка, воспроизведенного на чашках, – отцу и его сегодняшним спутникам. О, как я буду стараться, дорогой отец, чтобы цветочек на чашке казался живым и отливал своим радужным жемчугом.

Василион, казалось, забыл обо всем и обо всех. Вся его фигура выражала порыв восторга. Глядя на него и его цветок, я подумал, до чего целен этот человек в своем порыве, и что часовня Великой Матери была бы лучшим местом для его цветка, почти в точности отображавшего цвета дивного сияния Ее статуи. Мимолетный взгляд и улыбка Раданды снова дали мне понять, что и эту мою мысль он прочел. Я же вспомнил его слова: «Есть вещи столь высокие, священные, что о них не говорят». Мысленно я еще раз преклонился перед статуей, из атмосферы которой выйти уже не мог, и послал благоговение труду артиста, в таком восторге созерцавшего красоту цветка

– Брат, цветок очарователен, но: твоя любезность хозяина далеко не очаровательна. Познакомься с новым гостем, поблагодари сестерзатворниц, которые ради нас нарушили свое соседство. – Грегор взял цветок из рук брата, подвел его к нам, стараясь свести на землю с его цветочного неба.

– Тем более будь внимателен, что этот юноша не только посол Дартана, но друг и секретарь Учителя И.,– прибавил Раданда, пристально глядя на здоровавшегося о мной и радостно мне улыбавшегося Василиона.

Потрясающая перемена произошла с его смеющимся и радостным лицом. Оно побледнело, бледность сквозила даже под сильным загаром. Рука, пожимавшая мою, за мгновение теплая, стала ледяной. Человек пошатнулся и грузно оперся о мое плечо, которое я поспешил ему подставить.

– О, Боже, мой! Уже! – шептал он, опустив голову мне на плечо. – О, я не готов, не готов. Неужели так быстро промчались десять лет?

Он еще сильнее сжал мою руку, еще грузнее теперь опирался на меня. Я впервые почувствовал в себе огромную физическую силу, которой раньше в себе не знал. Впервые понял, как я стал высок ростом, ибо голова Василиона приходилась на уровне моего плеча. Что я рос очень сильно, это я и сам замечал и видел в этом только чудо воспитательных талантов И. Что же касается новой и внезапной силы, то для меня сомнений не было: она пришла в момент моего посещения часовни. И еще яснее я понял, как все в человеческом организме должно быть в полной гармонии. Я не мог бы вынести той мощи волн Радости и Света, что влились в мой организм, ослепив меня, на мгновение почти убив и превратив в одну из нот божественного аккорда Великой Матери, если бы я не превратился в Голиафа:

Василион, за минуту весь воплощение энергии и действия, сейчас был инертен и безнадежен. Я усадил его в кресло и встретился взглядом с Грегором. Бог мой! Какой полной противоположностью своему брату был он сейчас. В его лице и помина не было той печали, какая скользнула по нему при упоминании имени Дартана. Оно точно солнцем светилось от радости. Имя И. вызвало на поверхность все благоговение, таившееся в его сердце. Он был уверен, спокоен, прост. Он подошел ко мне.

– Каким гонцом счастья входите Вы в этот дом! Более великой минуты, чем свидание с нашим спасителем, Учителем И., не могло наступить для нас. Не обращайтесь внимания на расстроенность моего брата. Его первые слова – слова отрицания – только грубая внешняя отрывка старых-старых привычек мышления. Давно уж, как это хорошо знает наш любящий и любимый отец, друг и защитник Раданда, он оставил губившее

его жизнь отрицание. Он всеми силами стремится утверждать Жизнь и разделять Ее труды в своем сером дне. Не судите его и меня строго, – голос Грегора звучал проникновенно.

– Мне судить Вас? О, друг, что Вы говорите? Мне, такому несовершенному человеку, к которому так незаслуженно было проявлено столько милосердия, судить пути достижения людей? Чем больше сближаюсь с людьми, тем все глубже вижу и ощущаю, что такое милосердие и как далек я сам от возможности и умения пронести его в свое общение с людьми.

– После прочтешь письмо свое, Грегор. И Василиону Левушка подаст его письмо позже. Никогда не надо приступать к чтению ответственных бумаг и к каждому большому делу, пока не привел весь свой организм к полному спокойствию. Что же это такое, дети мои дорогие, полное творческое спокойствие? Для каждого ученика это слияние его Единого с Единой Творящей Жизнью и в Ней общение с людьми и делами. И к такому общению всегда надо подготовиться человеку. Тебе, Василион, мое особое слово. Вот получил ты весть, которую искал и ждал более половины жизни. Надеялся, к ней благоговейно стремился и старался приготовить дух свой. А пришла весть – и первое твое слово ей в привет и встречу было словом отрицания. Запомни навсегда эту минуту, чтобы больше не повторить своей ошибки. Милостивый провидец, Учитель И., не дал тебе внезапной встречи с собой, чтобы ты не нанес себе и всему своему пути непоправимого вреда. Он послал к тебе нас с Левушкой, подкрепив нас предварительно своею любовью и Радостью Великой Матери, чтобы в Ее атмосфере милосердия мы, грешные, имели силу любви принять на себя твой удар отрицания. Чтобы мы могли найти тебе оправдание и ввести тебя в атмосферу Ее мира и успокоения. Восстань, оправься, передай своей внешней форме внутреннее ликование твоего духа и неси новый день счастья жить легко. Вдумайся, что побудило тебя сказать: «Я не готов». Страх. Только один страх великой ответственности перед Вечностью заставил уста твои высказать движение ума и опередить творческую работу; сердца. Вот о чем говорит Учитель: «Убей ум». То есть дай время всему себе войти в гармонию, установи в себе тишину, чтобы ждущее тебя на пороге озарение могло встретить в тебе волну тех вибраций, которые ему необходимы, чтобы быть воспринятыми тобою. Ум, работающий не в гармонии с творчеством сердца, не может работать в Мудрости. А потому не может и ухватить вибраций Мудрости, хотя бы Она стояла рядом. Друзья и дети, – снова обратился Раданда ко всем нам, – вынесите из данной вашей встречи вечную память о двух ученических правилах:

1. Никто тебе не друг, никто тебе не враг, но каждый человек тебе великий Учитель.

2. Важно точное и цельное действие человека сейчас, а не десять минут спустя.

Пойдемте дальше.

Раданда взял Василиона за руку, встряхнул его с такой силой, что тот покачнулся, ласково его к себе притянул.

– Забудь теперь о себе и думай о других. Полчаса назад ты умел думать только о деле красоты для блага людей, стараясь единиться с ними в прекрасном. Десять минут назад ты думал только о себе, забыв обо всем окружающем. Ни то, ни другое, мой милый. Любя побеждает тот, кто живет в Вечном. Тогда он не скачет мыслями и настроениями от личного к безличному. Но трудится в ровной радости, в труде своем подавая каждому то зерно Вечного, которым живет сам. Живи отныне не в кажущемся смирении, а в истинном. Тогда всякий дар Милосердия воспримешь в благоговейной радости. И благодарность твоя Истине выразится в труде дня – легком, бесстрашном, уверенном и простом. Ты не будешь думать, избранник ли ты, достоин или не достоин поданного тебе милосердия. Ты будешь счастлив в усердии сливать со своей жизнью и знанием каждое: встреченное сознание. Это не значит, что каждому ты будешь предлагать разделить твою Святыню. Это только значит, что, храня тайну твоего откровения, ты будешь стремиться вовлечь каждого в результат твоего живого труда, в твою любовную радость. Будешь, стараться видеть во встречном его святыню. В благоговейной радости будешь отыскивать нем Свет и в своем оправдании помогать его равновесию укрепляться.

Рука об руку с Василионом Раданда стал спускаться со ступеней террасы. Все в природе и в сопровождавших старца людях казалось мне сегодня прозрачным и сияющим. Шар же самого Раданды на этот раз казался мне переливающимся кругом розового и белого цветов, которые были так густы и плотны, что закрывали не только все другие цвета его обычно радужного шара, но даже и фигуру шедшего рядом с ним Василиона. Мы прошли несколько аллей и остановились у очень банального двухэтажного дома, в архитектуре которого сквозило много претензии на утонченность вкуса. На самом же деле дом был воплощением бездарности и буржуазности. Это здание здесь, в Общине, меня несказанно удивило. Оно было ярко-зеленого цвета, с белыми колоннами и напоминало неуклюжее подражание древним венецианским домам. Тут же красовался греческий фронтон и простое, как у французских вилл, крылечко, увешанное раковинами и разрисованное букетами цветов. Затеяливые

балконы и террасы лишали последней грации это создание чьей-то фантазии.

И на этот раз, как тогда, когда мы подходили к дому Деметро и Леокадии, до наших ушей еще издали долетал говор многих голосов. Мне казалось, что я улавливаю могучий голос Деметро, покрывавший общий шум.

Раданда обошел парадный вход и террасы, которых здесь было три, и подошел к описанному мною крылечку. Пропустив нас всех в сени, где шум голосов был сильнее и явственнее доносился из дальних комнат, похожий на гомон базара, Раданда отдал свой посох Василиону.

– Сядь здесь на стул и никого не выпускай, если захочет кто, по глупости, тайно скрыться. Если же кто будет ломиться напролом, поставь ему, Василион, мой посох поперек дороги. Тогда он отойдет от тебя и возвратится обратно. Никакими словами нарушителей запрета не устрашай и не угрожай, просто говори: «Выхода нет». Сосредоточь свое внимание на том, что я тебе сказал, сын мой. Не суди этих несчастных людей за их тупое отрицание Истины так же, как Истина нашла оправдание твоему отрицанию и послала нас, гонцов своих, возвестить тебе о нем.

Василион поцеловал руку старца, голос которого был добр и кроток, как тогда в трапезной, когда он говорил трем фигурам в незабываемую ночь: Я заметил, как слеза Василиона упала на темную руку старца и как тот нежно погладил по седой голове приникшего к нему человека.

– Уверен будь, – еще ласковее шепнул ему Раданда и жестом пригласил нас следовать за ним.

Мы прошли через три пустых, роскошно и безвкусно обставленных комнаты, миновали огромную столовую, где на столе неэстетично оставались разбросанными остатки пищи, и вошли в заполненный азартно спорящими людьми большой зал. Никто вначале не заметил нашего присутствия. Мы тихо и молча стояли у дверей. Я видел глубоко сосредоточенное лицо Раданды. Он точно молился. Внезапно от его блиставшего шара побежали розовые и белые лучи во все стороны. В комнате стало даже светлее. Голоса смолкли вдруг, точно все сразу заметили Раданду. Десяток людей оглянулись на него и на нас, и из разных углов послышалось: «Ах!», «Отец!», «Боже мой!», «Как же мы не слышали!» и тому подобные возгласы растерянности и удивления.

– Так, так, дети мои дорогие. Недаром сказано, что не знаете ни дня, ни часа, когда сын человеческий придет. Если вы знали точно день и час, когда придет к вам Учитель И., и не смогли приготовиться к встрече с ним, что же будет с вами, когда подойдет ваша смерть к вам? Часа ведь ее не

знаете. Смерти нет для тех, кто в себе жизнь вечную открыл и ее носит. Когда вы ехали сюда, вы давали обет: до смерти все остающиеся дни трудиться. Вы обещали Учителю И. к его приезду в Общину приготовить образцы своих трудов, показать результаты навод жизни. Каждому из вас была предложена вся трудовая жизнь Общины – от самых низких форм труда до наивысшей ступени художественной и научной работы. Вы все отвергли. Тогда я предложил вам самим создать себе новые формы, трудиться каждому по собственному вкусу и усмотрению. Не раз я приходил к вам, напоминал, торопил, молил не терять времени попусту, а приниматься за труд. Только немногие из вас, не больше сотни людей, вошли в трудовую жизнь Общины. Они слились с нею, своими талантами и любовью двинули многое в Общине вперед и двинулись сами в во много раз более расширенном сознании. Они – вами критикуемые и презираемые труженики, труженики на общее благо – ныне освободились от необходимости жить в уединенной Общине, им не нужны более рамки, помогающие дисциплине. Они уже обладают устойчивой самодисциплиной, они могут выйти в широкий мир как новые, полезные единицы вселенной, в которых Жизнь найдет верных слуг, содействующих выполнению Ее плана Вечности. Что же имеете вы предъявить Учителю, мои бедные дети? Результатов ваших споров и разговоров нет. А десять лет вашей жизни минуло. Учитель здесь, и вы непременно должны дать ему ответ обо всем сделанном вами, что из ваших обетов вы выполнили.

Пока Раданда говорил, люди старались отойти от него как можно дальше в глубь комнаты, точно лучи, исходившие от него, их жгли, хотя я был уверен, что они их не видели. Но с моими глазами творилось что-то странное. Я не видел теперь – как раньше – человека в плотной форме. Я видел в каждом несколько пластов мутной или светящейся материи, как бы облекавшей и проникавшей одна в другую, в самой глубине которых сверкали движущиеся центры. У тех людей, где оболочки были светлы и прозрачны, центры эти были больше, сияли и двигались с вихревой быстротой. Там, где оболочки были похожи на пласты вязкой тины мутно-серых ли зелено-черных тонов, центры эти еле виднелись и едва заметно двигались. Я взглянул на Раданду и понял – то, что я принимал за его светящийся шар, было сиянием его вращающихся центров, расположенных, как сверкающие цветы, среди массы светящейся материи, которой было окружено его тело. Сливаясь в своем движении, сверкая и переливаясь, эти центры и производили впечатление шара.

Люди, наполнявшие комнату, – как это и предполагал Раданда, – пытались выйти из дома через крылечко, но возвращались обратно, не

выпущенные Василионом. Из зала еще одна дверь вела, очевидно, к террасам, но сейчас она была заставлена каким-то громоздким шкафом, наподобие готического, тоже довольно безобразным по форме. Мимо же Раданды никто не решался пройти, все сгрудились у окон, растерянно, уныло, а некоторые, злобно поглядывая на нас.

Случайно взгляд мой упал на тоненькую женскую фигурку, одиноко стоявшую у окна. Это была совсем юная девушка лет четырнадцати, смотревшая на Раданду сияющими глазами, и, когда лучи Раданды добежали до нее и совсем ее окутали, она быстро пробежала через весь зал, упала на колени перед старцем, схватила обеими руками его руку и быстро заговорила:

– Отец, дорогой, спаси меня, помоги мне. Я так хочу учиться, я так люблю людей. Дедушка Рассул велел мне ходить в школу, но ни мама, ни брат об этом слышать не хотят и не позволяют мне даже выходить из дома. Я много раз пыталась добраться до тебя, каждый раз меня ловили и запирали дома. Помоги мне, научи меня разобраться, где правда. Я ничего не слышу вокруг себя, кроме злой критики Общины, и понятия не имею, что такое ты и Община на самом деле и зачем мы живем здесь, если моим родителям и всем их друзьям так не нравится Община.

Не успел Раданда поднять девушку с колен и поставить рядом с собой, как из толпы вышла величественная женщина, очень красивая, и с чрезвычайной надменностью обратилась к Раданде:

– Пожалуйста, отец, не обращай внимания на истерические выходки нашей дурно воспитанной дочери. Все это плод ее фантазий, которым с самого детства потакал дедушка Дартан. Прости, пожалуйста, я так растерялась, что даже забыла первый долг вежливости и не предложила тебе сесть. Но выпад моей ненормальной дочери меня потряс.

– Так, так, Анитра, друг. Тебе танцевать фантастические танцы, которые ты считаешь верхом искусства, ничто не мешало. И ты никогда не терялась и не смущалась, нарушая ими чей-либо покой. Как много раз я к тебе приходил, и ты, занятая каким-либо замысловатым па, не имела ни времени, ни возможности предложить мне сесть. И все, чем ты провожала меня, была небрежно кинутая какому-нибудь свидетелю твоих балетных упражнений фраза: «Слава Богу, отделалась от назойливого старикашки». Бедная Анитра. Ты не подумай, что я упрекаю тебя. Нет, нет. Видишь ли, друг, ничьи глаза нельзя раскрыть насильно. На земле очи каждого раскрываются только тогда, когда он долго и много трудится: На земле нельзя жить без труда, в праздности. Это место среди всех мест вселенной – ПУТЬ Труда. Если бы ты училась танцам, чтобы достичь в них искусства

и передавать его другим, вдохновлять им твоих ближних, пробуждать в них стремление к благородству и красоте, твой путь плясуньи был бы священен и благословен. Но ты думала не о людях, а о самой себе, о своих собственных прелестях, пленять которыми – без белил и румян – становилось уже трудно. И потому ты потратила время даром. Ты забыла самый перВЫЙ ЗАкон тружеников земли: оставь себе заместителя. Ты не только никого не привлекла к делу красоты, но каждого, кто подходил к тебе, желая учиться, отталкивала, опасаясь соперничества. Попробуй сейчас, хоть один раз за всю жизнь, радостно подумать о другом человеке, а не о себе одной. Предоставь дочери своей свободу жить, как она хочет и понимает, учиться чему хочет:

– Да что ты такое говоришь, отец! – резко перебила Анитра Раданду. Она краснела и бледнела во время его слов и теперь едва сдерживалась, чтобы не сказать грубости. – Ведь ты в своей, – она чуть запнулась, – житейской неопытности не можешь понять желаний моей дочери. Если завтра ей дать разрешение жить по ее воле и вкусу, то она завтра же и поступит сиделкой в твою больницу, оправдываясь тем, что ничего иного, как ходить за больными, делать не умеет. Она своенравный и злой ребенок.

Анитра резко повернулась к окружавшим ее людям и резко выкрикнула:

– Адам, Рамза, мужчины! Что же и на этот раз вы, муж и сын, оставите меня, женщину, сражаться одну? Вы слышите, что меня оскорбляют, говорят, что я никогда не была доброй, и вы молчите? Что ты подразумеваешь под словом «труд», это я; отец, хорошо знаю. Довольно посмотреть на Роланду и Рунку, которые всем своим видом доказывают, что они забыли, что они женщины. Довольно посмотреть на Грегора, вечно испачканного глиной. Уж не говорю об остальных, поддавшихся твоим проповедям о труде на благо людей. Я уверена, что Учителю И. и в голову не приходило понимать труд так, как ты его понимаешь. Сделай одолжение, верни мне дочь, по своей глупости прячущуюся за твоей спиной.

Видя неподвижность и молчание Раданды, Анитра вытащила из толпы пожилого человека, у которого был очень растерянный и несчастный вид. Он кротко смотрел на свою мучительницу, которая тащила и подталкивала его по направлению к Раданде.

– Проси, Адам, требуй обратно дочь. Хоть раз докажи, что ты мужчина. Не смей отказываться, иди.

– Анитра, милая, приди в себя. Ведь ты же добрая женщина, не выказывай себя хуже, чем ты есть.

Адам моляще, ласково глядел на свою мучительницу, которая

нисколько не внимала его мольбам. Тогда неожиданно ловким и сильным движением, что совсем не соответствовало его слабому сложению, Адам вырвал свою руку из руки жены, сделал несколько быстрых шагов к Раданде и упал перед ним на колени.

– Дорогой, святой отец, я так долго мечтал встретиться с тобою. Но каждый раз, когда ты приходил сюда, меня не бывало дома. А тебя искать, идти к тебе сам я боялся. Прости нас. Я осознал уже давно, что мы живем не так, как обещали Учителю И. Я уже начал работать. Грегор – втайне от жены моей – взял меня к себе на завод, и, кажется, он не доволен мною. Молю тебя, спаси дочь, спаси прекрасную девочку Санну. Она добра и трудолюбива. И если в нашем доме есть хоть какой-нибудь мир и порядок, то она их источник. Не сочти мою просьбу за жалобу, но:

– Прекрасно, отец, мало того, что ты вечно портил девочку своим баловством, ты сейчас публично срамишься своей сценой коленопреклонения! Да еще признаешься, что работаешь на заводе у Грегора. Что же ты там, глину месишь, что ли? – выступая из-за спины матери, произнес тонким и неприятного тембра голосом молодой человек высокого роста. Он был так толст, что казался весь налитым жиром. Верхняя губа его обнажала крупные зубы большого рта, и что-то хищное проскальзывало в его лице. Голова его была так мала по отношению к размеру его широких плеч, что казалась булавочной головкой на ките.

– Рамза, Рамза, одумайся, вспомни последний разговор с дедушкой Дартаном,

– повернув к нему голову, ответил Адам. Он снова обратился к Раданде. – Отец, не оставь нас твоим милосердием, помоги мне понять, как я должен служить своей жене и сыну, чтобы любовь моя была им помощью и силой. Как мне раскрыть им глаза, чтобы они увидели, как глубоко я им предан, как велико мое к ним уважение и желание внести в их жизнь мир и счастье. Я готов день и ночь трудиться и взять на себя всю тяжесть повседневного труда, лишь бы они были довольны, чтобы на их лицах заиграла улыбка, а не постоянное уныние и раздражение.

– Встань, друг, подойди к дочери твоей, что в слезах молится о тебе. Утешьтеесь оба и мужественно старайтесь думать о ваших родных не как о близких вам телесных формах, но как об отдельных частицах Единой Жизни, заключенной в формы близких вам людей. Несите ваши мольбы и заботы не этим внешним формам, но тому Величию, вечному и неугасимому, что они несут в себе.

Раданда обнял отца и дочь, погладил их по головам и поставил сзади себя. Мне и Грегору он велел встать по обеим сторонам от себя. Из разных

концов зала теперь стали выходить одинокие фигуры и, приблизившись к Раданде, становились полукольцом вокруг него. Плотнo прижавшись друг к другу, они точно боялись нападения остававшихся в дальних концах комнаты людей.

– Отец, мы все работаем тайно от наших семей в твоих мастерских и школах. У нас не хватает сил бороться с нашими родными, которые не позволяют нам вливаться в жизнь Общины, а работать таясь нам очень тяжело. Мы много раз хотели прийти к тебе, открыться тебе. Но не хватало мужества. Мы боялись, что ты отвергнешь нас, и тогда наша жизнь в семье станет нестерпимой.

Это говорил юноша с кротким и болезненным лицом, боязливо оглядываясь назад и подходя к Раданде. Ему, очевидно, хотелось еще ближе подойти и спрятаться за Раданду, но он не смел.

– Так, так, все я знаю, дети мои, не может быть тайн в Общине. Работали вы хорошо, и я не мешал вам. Пока же вы сами не преодолели страха и не заговорили, не мог я ответить вам. Идите, идите, становитесь за мной, никто вас не тронет.

Раданда пропустил людей в глубь нашего кольца. Увидев такой результат речи юноши, еще десять фигур бросились к Раданде, и он, молча и улыбаясь, впустил и их в наше кольцо.

– Так, так, вот и произошло отделение козлиц от овец, – покачивая головой и ласково глядя на хмурых, сбившихся в кучу у окон возле Анитры людей, сказал старец. – Что же вы молчите? Неужели, дети мои, не найдете ласковых слов, в которых поручите мне выпросить для вас у Учителя И. оправдание и извинение?

– Какие слова нам тебе сказать? – грубо выкрикнул Деметро. – Ты ведь сам первопричина той розни, что пошла в наших семьях. Почему ты так вознес Грегора и Василиона? Почему у тебя первый человек всегда Ясса? Почему ты Яссу и Зейхеда отправил давным-давно отсюда? А нас держишь, точно рабов? Мы расскажем завтра Учителю И. о твоей возмутительной несправедливости в оценке каждого из нас. Ты не мог не видеть восхитительных картин моей мастерской, конечно. Но оценка им, как и труду моему, с твоей стороны – нуль. Ты оскорбил самолюбие в каждом из нас. Ты подговаривал Дартана и представлял его глазам нас в том свете, как тебе хотелось.

– Бедный, бедный Деметро, истинно, глаза твои видят, что могут видеть. Да будет Великая Мать милосердна к тебе и к тем, кто с тобою, – тихо сказал Раданда. Он перекрестил широким крестом всю комнату и ласково прибавил: – Помогите вам Бог завтра. Я буду молить Великую Мать

о вас.

Повернувшись лицом к нам, Раданда жестом велел нам выходить. Сзади нас послышался шум какой-то борьбы, я оглянулся и увидел, что Рамза задерживает вырывавшуюся из его рук Анитру. Несколько времени назад ее надменное лицо было не особенно приятным, но в красоте ей отказать было нельзя. Сейчас оно от охватившего ее бешенства стало безобразным. Вдобавок к этой перемене с ее головы со звоном выпал высокий и тяжелый золотой гребень, поддерживавший косы, фальшивые, длинные, змеями скатившиеся на пол. Кое-где послышались злые смешки, но сама Анитра уже ничего не замечала и, вырываясь как кошка, кричала:

– Верни сейчас девчонку! Я тебе не рабыня! Как смеешь уводить мужа и дочь? По твоим глупым правилам прислуги иметь нельзя, так не воображаешь ли ты, что я сама буду убирать дом и заниматься стряпней? Не отдам я тебе их, несчастный старик.

Раданда остановился. Он глубоко вздохнул.

– Тебе, Анитра, как и всем вам, были созданы здесь и в оазисе Дартана наилучшие условия для полного раскрепощения от всякого добавочного труда. И пища, и уход за жильем, и сами жилища – все было предоставлено вам. Все свое время вы могли отдавать любому творческому труду. Дело не в моих умных или глупых запретах, а в готовности каждого человека к раскрепощению, к пониманию, что есть временное и условное, то сгинет, а что останется с человеком во всех его обстоятельствах. В любой, дорогая, форме социального положения можно быть закрепощенным или свободным, если сам живешь в страстях. Тот, кого не треплют гордость, зависть и самолюбие, как злая лихорадка, всегда сумеет внести мир в свое окружение. Вспомни, бедняжка, где только ты не жила! Где ты только не кочевала, и все тебе казалось, что все тебя ненавидят и преследуют. Теперь, в эту минуту, когда твои преданнейшие слуги покидают тебя, слуги, отдавшие тебе всю жизнь и труд, хоть теперь подумай: кем была ты для них и чем заставила их уйти от тебя? Одна минута полной доброты, одна минута настоящей самоотверженной любви могут ввести тебя и их в новое неожиданное счастье: жить в любви неугасимой Великой Матери. И тогда, поверь, бедняжка, все представится тебе в ином свете, Ты будешь благословлять величайшее из счастья человека: жить в труде.

– Опять проповеди! Опять слова! – закричала Анитра, которая теперь походила на фурию. – То ты запрещал нам бить детей, уверяя, что таков закон Светлого Братства. То ты вторгался во взаимоотношения между собой наших семей, напоминая нам о наших обетах Учителю И. жить в нравственной чистоте. То ты убеждал нас полоскаться в твоих душах,

уверяя, что они куда лучше наших ароматических притираний и лучше охраняют здоровье и молодость. Не перечить всех твоих предписаний. А все это ты делал для того, чтобы сеять между нами рознь, отлавливать в свои сети от дельных членов наших семей. Все, все скажу завтра Учителю И.

– Утихни, несчастная, – тихо, но так властно сказал ей Раданда, и такие искры брызнули на Анитру от всей его фигуры, что она опешила и попятилась назад. – Молчи до самого того момента, пока Учитель И., перед которым предстанешь, не разрешит тебе говорить, – все так же властно произнес Раданда, снова повернулся к нам и на этот раз вышел из дома, не обращая внимания на шум и гам, которые поднялись в зале за нашими спинами, как только мы переступили порог.

Взяв в сенях посох у Василиона и опершись вновь на его руку, Раданда сказал Грегору:

– Отведи, дружок, всех, кто с нами сейчас идет, в мои покои у трапезной. Там объясни келейникам, чтобы всех отвели в душ и подали каждому чистое платье да поставили всем приборы за моим столом. И Василиона возьми с собой. А я с Левушкой найду еще кое-куда. Мы поспеем к трапезе.

Простившись со всеми общим поклоном, Раданда быстро пошел вперед; я поклонился окружавшим меня спутникам и помчался за старцем. Какую огромную разницу я должен был констатировать в своих силах сейчас! Ни малейшей слабости, никакого головокружения, ни намек на раздраженность или нервное расстройство от пережитой тяжелой сцены во мне не было. Точно железный, я шел рядом с Радандой, и, как только мы остались с ним вдвоем, меня снова охватила атмосфера счастья, которую я вынес из часовни Великой Матери.

Шагая за Радандой, я перестал ощущать себя как такового, меня наполнял Свет, и все окружающее перестало существовать как мое отдельное, индивидуальное восприятие, но существовало как одно, неотделимое целое.

Мы вошли в узкую аллею высоких цветущих белых акаций. Я взглянул вверх, откуда несся ошеломляющий аромат, и увидел белое море цветов, через которое сквозило синее-синее небо. Жужжание пчел, шмелей, цикад – все сливалось со мной в одну симфонию, я жил, благословлял все живое, и впервые Жизнь была – я и я был – Жизнь. Впервые я охватывал мыслью и духом все: я понял, где идет граница сознания личного и сознания космического; что такое распад устарелых предрассудков и понятий и как освобождающаяся Мысль льется из человека в действия

земли. Я понял великое значение слов: Гармония есть счастье. Понял, что тот в своем счастье непоколебим, кто ощутил Свет в себе как живой импульс жить.

Мы подошли к простому, милому, небогатому дому. Перед ним был разбит скромный палисадник, свидетельствующий о незатейливых вкусах хозяев. Навстречу нам выбежала небольшая собачка, а следом за ней двое детей – мальчик и девочка лет пяти-шести. Увидев Раданду, ДЕТИ бросились к нему с визгом и смехом, и я еле успел взять у Раданды посох, чтобы освободить его руки для ребят. Издали к нам почти бежала женщина в простом чистом платье, а из дома вышел мужчина в рабочем костюме. Это, очевидно, была семья. Лица взрослых просияли не менее детских, когда они увидели Раданду. Не давая им времени вымолвить слов приветия, старец сказал:

– Ну, вот и пришел я вестником к вам, дети мои. Дедушка Дартан письмо вам прислал и посылочки всем. И вам, пострелята, посылки есть, – глядя прильнувших к нему детей, продолжал он. – Из письма узнаете, как доволен вами и вашей жизнью Рассул, а за посылками придете ко мне сами в трапезную нынче к вечерку. Это не все, подождите благодарить. Учитель И. здесь. Завтра его увидите. Чего же вы испугались? Разве вы не наготовили на всю Общину нового материала для обуви? Разве гденибудь еще есть такие прекрасные подметки, как у вас? И кто же догадается, что они из стекла, а гибки и прочны, что тебе кожа. Будьте спокойны и уверены, захватите детей и приходите вечером. Я с вами еще поговорю. Подай, Левушка, письма этим добрым труженикам.

Я был в затруднении, как найти мне письма для новых знакомых, имен которых Раданда мне не назвал, но он чуть улыбнулся и прибавил:

– Ищи надпись рукой Дартана: «Внукам моим Адриану и Наталии».

Я отыскал быстро письмо и подал его Наталии. Впервые в Общине я видел такое лицо. Бледная, вся покрытая веснушками, она смотрела робкими, детскими глазами, из которых, казалось, так и брызнут застывшие в них слезы. Что же касается ее мужа, то он производил странное впечатление. Если бы я встретил его вне данной обстановки и не слышал бы слов Раданды, что он рабочий, я счел бы его за полководца. Его осанка, манеры, взгляд – все говорило: «Я воин». Он смотрел весело, уверенно, и в каждом движении чувствовалась непобедимая воля.

Не успел я подумать о судьбе этих людей, как Раданда уже простился и повернул к домику, видневшемуся в самом конце белой дорожки. Прощаясь с новыми знакомыми, я старался передать им все счастье своего поющего сердца и помчался за старцем, которого нагнал у входа в дом. Этот дом был

совсем простым, вроде того, в котором мы только что были, но много больше.

Войдя в сени, я увидел, что из широкого коридора шел ряд дверей в комнаты. Одна из них открылась, и человек в рабочей блузе бросился к Раданде:

– Отец благословенный, ты пришел к нам! Господи, а наши-то не все еще дома. Ах, как будут жалеть те, что не увидят тебя! Войди, дорогой, в нашу приемную. Мы точно знали – решили устроить себе одну общую приемную, и ты будешь первым в ней гостем.

Человек открыл одну из дверей и пропустил в нее Раданду.

Комната была небольшая. Стены выложены прекрасно отполированным деревом. Скромная, удобной формы мебель, пол, застланный циновками, как в оазисе Дартана, и несколько шкафов с книгами составляли все ее убранство. Но аромат свежего дерева и поразительная чистота радовали сердце и глаз.

– Здесь все, отец, сделано нами самими. Мы мечтали пригласить тебя, мечтали о твоём визите, как о самом лучшем празднике, а ты взял да сам пожаловал! Ах, как будут огорчены все мои товарищи, которые не увидят, тебя сегодня.

– Никто огорчен не будет, друг Василий. Пойди кликни, кто есть, – письма вам Дартан прислал. – Раданда сел на стул и указал мне место рядом.

Когда Василий вышел, Раданда велел мне отыскать письма, называя имена одно за другим. Оставалось у меня в сумке уже не так много писем, о которых Раданда мне сказал:

– А эти храни. Их пока отдавать нельзя. А как возвратишься из поездки за Яссой, так и передашь. Они тем, кто сегодня последовал за мной, их надо еще приготовить.

Дверь открылась, и человек десять, очевидно, наспех переодевшихся, вошло в комнату. Каждый из них почтительно и радостно целовал крестившую его руку Раданды, и каждому старец возвращал его поцелуй голову.

Ну, дети мои, вот и настал час вашего освобождения. Завтра увидите Учителя И. и пойдете за ним работать в широкий мир. Радуйтесь вдвойне, что срок ваш короче положенного вам Учителем вышел. Не один Учитель будет вас приветствовать завтра, но все Светлое Братство примет вас в свои члены и отдаст вам свой поклон признания и радости. Полноте, други, не лейте слез.

– Отец, отец, не хочу покидать тебя. Здесь я Свет нашла, оставь меня в

нем утвердиться, – говорила одна из женщин, особенно горько плакавшая.

– Вот попроси у Левушки письмо к тебе Дартана. Завтра поговоришь с Учителем, тогда и решишь. Не тебе знать, готова ли ты к труду более широкому или нет. Про то Учитель знает. Тебе, дружок, одно помнить: до конца страх и сомнения победить, верной до конца своему обету быть. Вдумайся: первая твоя мысль сейчас была, что ты не готова, страшна тебе ответственность: А ведь не раз ты от меня слыхала, что жизнь всюду идет на утверждении. Новый приходит к тебе зов Жизни, но в утверждении ли ты этот зов встречаешь?

Раданда приказал мне передать письма каждому лично, и, пожимая руку каждому из подходивших людей, я чувствовал волну Великой Матери, проникающую в пожимаемую мною руку, как волну теплоты и счастья. По выражению глаз каждого я видел, что волна достигала сердца. Необычайно просто, как будто бы они меня давно знали, они говорили мне слова благодарности, и я знал, что благодарность относилась не к письму, а к тому неосязаемому, что приходило к ним через пожатие моей руки.

Прощаясь, Раданда и этих людей пригласил к себе вечером, и, как только мы вышли в парк и направились к трапезной, раздался первый удар колокола.

– Ну, вот, дитячко, мы вовремя и поспеем. Только тебе нынче в трапезной со мной не быть. Тебя И. уже ждет, чтобы ехать за Яссой. В душе ты встретишься с И., и там он даст тебе подходящую для такого путешествия одежду. Ну, а есть до вечера тебе и не надо сегодня. Пожалуй, железный ты нынче, – усмехнулся Раданда.

Все сбылось, как он мне сказал. В душе я встретил И., который приказал мне надеть платье, охватывавшее меня с головы до ног, как плотный футляр, плащ, высокие сапоги со шпорами и шлем, сплетенный из пальмовых тесемок, закрывавший лоб и затылок. Длинные перчатки с широкими крагами довершали мой туалет.

Сам И. был одет точно так же и походил на рыцаря. Я же не умел приспособиться ни к сапогам со шпорами, ни к плащу, ни к перчаткам с крагами и походил, вероятно, на опереточного разбойника.

Когда мы вышли, к ограде, чтобы садиться на маленьких лошадок, мне суждено было еще раз обомлеть: Зейхед и Ольденкотт, точь-в-точь в такой же одежде, как мы, ждали нас у лошадей.

ГЛАВА 21 Мы едем встречать Яссу. История его жизни, рассказанная нам И. Встреча с Яссой и необычайное видение в пустыне. Возвращение в Общину и посвящение Яссы. Трапезная. Разговор с Грегором. Две речи И. в

трапезной и на балконе

От массы новых неожиданных впечатлений и переживаний, которыми были полны дни жизни в Общине, у меня по сравнению с прежними моими ощущениям была полная ясность мыслей, не сворачивавшихся в клубок, как раньше, когда трудно было уловить логическую связь. Теперь она тянулась ровной линией. И не только эту разницу в себе я заметил. Моя новая огромная физическая сила не покидала меня. Ни зной пустыни, ни плотно облегающий тяжелый костюм, ни пыль

-ничто не только не показалось мне трудным, но я даже перестал все это замечать, точно все это было в порядке вещей. Я совсем иначе осознавал теперь себя самого. Я чувствовал в себе и другую, совсем особую, силу не только физического существа: я ощущал силу мысли зрелого мужчины, которая лилась из меня во все, что я видел, делал, наблюдал. Когда я приподнялся на стремени, чтобы сесть в седло, как делал это обычно, лошадка слегка пошатнулась подо мной.

– Садись осторожнее, Левушка. Ты теперь силен и тяжел. Соразмеряй движения ловко, чтобы не отяжелить животное и не повредить ему. И мысль свою сдерживай, потому что и она обладает теперь в тебе иной, более огненной силой, – сказал мне очень тихо И.

Когда я здоровался с Зейхедом и Ольденкоттом, мне показалось, что оба они приветствовали меня тоже по-иному, точно за дни нашей разлуки я вырос и стал с ними на равную ногу, а не был для них прежним мальчиком.

Мы отъехали от Общины довольно далеко, когда милый, ласковый Ольденкотт придержал свою лошадку и подъехал ко мне близко, чтобы можно было разговаривать.

– Я очень рад, Левушка, видеть Вас таким великолепным вовне и мощным внутри. И я, конечно, теперь уже не спрашиваю, не обижает ли Вас Наталья Владимировна, так как ни для чьих добродушных насмешек Вы уже не можете представлять удобной мишени, – улыбнулся он юмористически. – Если бы в моем обиходе еще могло существовать такое определение, то я сказал бы, что соскучился по Наталье Владимировне и по Вас. Мне не хватало ее в некоторые моменты моего нового обучения, она всегда умела облегчить мне все трудные для моего понимания феномены. А Вас мне не хватало как постоянного примера цельной верности, без малейших колебаний и сомнений. Я не встречал еще человека, который умел бы так прямо без компромиссов двигаться по раз намеченному пути.

– Ваши слова меня очень удивляют. Сегодня у меня такое чувство, точно только сейчас я и понял, что такое цель и смысл жизни, и только теперь я знаю, каким путем радости движутся к Истине.

– Это ощущение мне очень и очень хорошо знакомо. Не мало раз в жизни я его испытывал, двигаясь по пути знаний. И каждый раз в моем новом мироощущении я останавливался в раздумьи, какими же силами должен обладать Учитель, если Его милосердие не знает границ в своих отношениях с нами, идущими и ищущими с таким напряжением и неустойчивостью. Каждый из нас, сумевший подойти к той стадии развития, когда Учитель берет его в ученики, знает в своей жизни три неизбежные ступени психологического созревания. Эти три неизменно повторяющиеся ступени за долгую свою жизнь я наблюдал у всех людей, начинавших свой ученический путь.

Первое – человек начинал тяготиться всем тем в своей жизни, что составляло для него смысл и прелесть прежних дней. То есть он начинал распознавать ценность Вечного и нереальность условного. Второе – приходило сознание себя не членом одного общества, но мировой единицей. То есть человек включался в цепь дел Жизни и начинал действовать в невидимом, а видимое принимал целиком, проходя его только как необходимый этап для самого себя, как свою ступень опыта и самообладания.

Третье – и самое великое в переворотах человеческого творчества – в каждом открывалась сила преданности и верности тому делу, которому он служит. И тут, в зависимости от того, что – по своему масштабу пониманий и возможностей, он проводил в жизнь как верность до конца, – он начинал видеть Вечность во всем. И люди становились для него равными по путям движения к этому Вечному.

Эти три ступени сознания я наблюдал во всяком подходившем к Истине человеке. И они ведут так высоко, как его самоотверженная любовь к встречному человеку раскрывает его внутренние глаза. Здесь нет ни штампов, ни условий, одинаковых для всех. Здесь все индивидуально.

Я хотел задать моему чудесному собеседнику несколько вопросов о его личном пути, как услышал голос И.:

– Только я и Зейхед знаем всю историю жизни Яссы. В данную минуту, чтобы понять огромный подвиг этого человека, я считаю нужным рассказать вам часть этой сложнейшей и труднейшей истории его жизни. Конечно, я расскажу вам только главные этапы, необходимые для понимания того, сколько надо знать о человеке, как надо быть внимательным к своим встречным, раньше чем решиться высказать свое мнение о том или ином человеке. Из данного рассказа каждый из вас вынесет новый урок о ценности сказанного слова, а иногда и неисправимости нанесенного им зла.

«В одном из глухих, мелких городов Китая жила бедная, обремененная детьми семья. Один из младших мальчиков, которого теперь вы знаете как Яссу, но которого тогда звали иначе, всегда выделялся самоотверженной любовью к своему старому отцу. Сначала ребенок, едва ковыляя на кривеньких ножках, старался незаметно пробраться всюду, где работал отец. Часами, голодный, иногда в холоде, он молча сидел в сторонке, глядя на тяжелую работу дорогого отца, и неизменно возвращался с ним вместе домой, к бедному и плохому ужину.

Как только окрепли его ножки, он стал среди дня исчезать, бежал к базару и, выпрашивая мелкие подаяния, возвращался к отцу с куском хлеба, а в более удачные дни и еще с чем-нибудь, суя в руки измученного труженика-отца свои убогие дары, казавшиеся обоим царским обедом.

Прошло еще немного времени, а уж маленький Ясса стал помощником отцу. Не буду говорить об усталости и переутомлении ребенка, старавшегося своим детским усердием и преданности не только разделить, но и облегчить труд взрослого человека. Это вы сами можете понять, зная сегодняшнего Яссу.

Часто отец, работая на рисовом поле, чтобы облегчить сыну труд, рассказывал ему сказки. Внимательно слушал их мальчик и поражал отца тем, что слово в слово их запоминал и, возвратясь домой, пересказывал их братьям и сестрам.

Однажды ребенок поинтересовался, откуда отец его знает такие чудесные сказки. На ответ, что ему рассказывал их старый дед, деду – его мать, а матери – ученый дядя, мальчик любопытствовал, что значит «ученый». Отец объяснил, что ученый, – это очень важный человек, который может читать по книжке, а самый большой ученый может даже и писать.

«А кто же делает ученых? Их рождают ангелы?» – спросил ребенок. Узнав, что это обыкновенные люди, которым Бог послал счастье учиться, ребенок не мог больше расстаться с мечтой сделаться ученым. Неоднократно поверял он отцу свои мечты, говорил, что день и ночь молится Богу только об одной милости: учиться.

Время летело, но для Яссы, нетерпеливо ждавшего от Бога чуда, оно ползло черепахой. Не один раз заставлял отец своего сына стоящим на коленях с глазами, устремленными в небо, в экстазе мольбы; и знал бедный отец, о каком, чуде молит небо его Ясса.

Тяжелые годы труда и борьбы убили в отце надежды на чудо. Он с горечью думал, что мертвое небо не отметит на мольбы сына, как не ответило ему во всю долгую страдальческую жизнь.

В один из моментов экстаза Яссы из-за густых зарослей бамбука внезапно вынырнула высокая фигура мужчины, в котором отец узнал важного школьного учителя из ближайшего городка. Репутация его была не особенно хорошей, и особенно болтали о нем как о злом колдуне.

«Ха, ха, ха», – остановившись возле стоявшего на коленях мальчика и толкнув его ногой в спину, приветствовал милый учитель Яссу. – «Хочешь ученым стать? Кто это тебе набил голову подобной глупостью? Нищим учиться не для чего. Чтобы стоять по пояс в воде и грязи и растить рис да чтобы очищать всякую дрянь с дорог и жилищ богатых людей, вам, нищим, ученость не нужна. А способностей, памяти, необходимых для ученья, у нищих быть не может».

«Прости, великий человек, – вмешался отец. – Я не могу противоречить твоей учености. Но сыну моему небеса дали память за нас всех. Он любую сказку повторит за тобой слово в слово, как ты ему скажешь. Он даже нашему высокому мандарину понравился, и тот обещал его учить. Но плата, назначенная им, так высока, что всей нашей семье вместе ее не заработать. А мать не хочет продать свои браслеты, потому что, как и ты, считает, что нищим труженикам знаний не надо. Я сам когда-то тоже был способным, но мне жизнь не послала счастья учиться. Вероятно, и мечтам моего сына не сбыться».

«А вот я сейчас проверю таланты твоего сына. – Учитель удобно уселся на кипу срезанного бамбука и заявил: – Ну, становись передо мной, смотри мне в глаза и слушай, что я буду тебе говорить. Старайся все решительно запомнить и повторить. Смотри, если хоть раз ошибешься, учение пройдет мимо твоего носа. Внимание собери, во всем подражай».

Восторженно глядя на учителя, как на посланника небес, мальчик слушал речь, смысла которой не понимал. Но так как он был одарен не только необычайной памятью, но артистичностью и музыкальностью, то запомнил не одни слова непонятной ему речи, но и все интонации, завывания и закатывания глаз учителя. Теперь изволь повторить все до мельчайших подробностей, что я тебе сказал», – хохотал во все горло учитель.

Ясса улыбнулся, улыбнулся также и отец, потому что оба они были уверены в том, что маленький человечек не упустил ни единого произнесенного учителем звука, что он сумеет передать все, до последней мелочи. И действительно, думавший озадачить тружеников оказался более, нежели озадачен сам. Мальчик воспроизвел все поведение учителя с таким искусством, так комично были переданы все завывания и закатывания глаз, дрыганье ногами и руками, что отец не выдержал этого испытания и упал

на землю от хохота.

«А, так ты вздумал издеваться надо мной?» – в бешенстве заорал учитель. Он вскочил с места, выхватил из-за пояса ремень и высоко занес руку, целясь ударить мальчика по нежной голове. Мгновенно унялся смех отца. Как тигр, он бросился к сыну, схватил нож для резания бамбука, лежавший у ног Яссы, и закричал таким громовым годовом, какого Ясса и не предполагал в своем добром и всегда кротком отце.

«Попробуй ударить моего ни в чем не повинного сына, и я разрублю твою руку, как бамбуковую трость. Ты сам велел мальчику повторить все – он из всех сил старался. А если у него, маленького, вышло мне смешно то, что у тебя, великого, считается признаком учености, то ты отлично знаешь, с кем имеешь дело. Мы ученых не видали и не можем понимать, что считается в вашем обществе признаками хороших манер. Тебе надо нас, невежественных, простить, нам объяснить нашу отсталость, а не бить за усердие. Мальчик понял, что надо все представить, как ты представлял. Вот и все. Мы слишком голодны и утомлены, чтобы развлекаться представлениями или смеяться над людьми. И я смеялся от восторга, восхищался способностями сына».

За всю жизнь не слышал Ясса, чтобы так много слов сказал комулибо его молчаливый отец. Рука с ремнем еще была поднята вверх, так же как и рука отца все еще защищала голову сына.

«Ну, ладно, – опуская руку вниз и делая вид, что он убежден доводами отца, сказал учитель. Но лицо его охраняло все признаки бешеной злобы и раздражения. Поворачивайся спиной ко мне, слушай, что я буду говорить, и повторяй снова точь-в-точь все, что я скажу».

Мальчик послушно повернулся спиной, но отец не двинулся с места, продолжая держать нож в руках.

«Сын повернулся, а ты, что? Так и будешь стоять тут с ножом? Что ты, сокровище караулишь, что ли?» – отталкивая отца, рычал учитель.

«Ты меня не толкай, я не труслив. А сын мой такое же сокровище для меня, как твой – для тебя. И защищать его от всякого зла я буду так же, как и ты своего, хотя бы мне грозили смертью».

«Ха, ха, ха, подумать только, до чего эти нищие сентиментальны! Да я тебе своего сына, лодыря, негодяя и идиота, даром отдам, не только защищать не стану от злых сил. Беда только, что никаким злым силам дураки не нужны».

Учитель стал сыпать китайские скороговорки одну за другой так быстро, что отцу показалось под конец, что у него в голове отбивает дробь барабан. Когда учитель смолк, Ясса стал отбивать ту же дробь, и под конец

отец снова не выдержал и повалился на землю от смеха.

Лицо учителя было теперь темнее ночи. Он дико вращал глазами, судорога передергивала его губы и щеки, руки конвульсивно вздрагивали, сжимая ремень. Повернувшись к учителю, ребенок бесстрашно смотрел ему в лицо. Очевидно, в своей невинности он полагал, что все эти признаки – неизбежные атрибуты учености. Замер мгновенно смех отца, пропала вся его веселость, когда он поглядел в невинное личико своего ребенка и понял надежды, мольбу его детского сердца, желание услышать одобрение своего мучителя, желание угодить ему, лишь бы сделаться ученым.

«Ну, сколько можешь платить за обучение сына?» Огромная борьба в сердце отца не отразилась на его лице, только капли холодного пота покатались по худым, темным щекам и лбу. Отдать Яссу этому зверю? Видит Бог, с какой радостью он отдал бы сына в ученики к доброму человеку! Но как объяснить невинному, одержимому страстью к науке ребенку, что одно только горе придет к нему от подобного учителя? Как отказать ему, возможно, в единственном случае приобрести знания? И все же интуитивная сила любви заставила сказать: «Если бы ты был человеком добрым, я, может, просто сказал бы тебе, как мандарину, что не могу тебе платить. Но, так как с первого момента ты хотел бить его, то я отказываюсь отдать тебе его вовсе. Велик Бог, он пошлет нам еще возможность исполнить единственное желание моего чистого, усердного сына. Иди с Богом, да будет прославлена и велика Его наука в тебе».

«Ха, ха, ха, еще мудрец нашелся! Дурак ты, дурак. Сказал бы, что будешь каждую неделю два дня приходить всей семьей исполнять мои домашние работы. Я, может быть, смилостивился бы и стал учить твоего сына».

«Что сказал – сказал», – тихо ответил отец, принимаясь за работу.

Учитель стал кричать, ругаться, упрекать в невежестве и неблагодарности, уходил, снова возвращался к бамбуковой роще, где не обменявшись ни единым словом, работали отец и сын. Надрывалось сердце отца, незаметно следившего за любимым сыном, видя героические усилия мальчика сохранить полное спокойствие и скрыть от отца набегавшую слезу.

Много раз уходил и возвращался учитель к роще, все понижая свои требования. Наконец, злее злого глядя на отца, тысячу раз обругав его дураком и идиотом, он запел медовым голосом: «Я понял, что ты очень умный человек, мой друг. Я согласен платить тебе за мальчика хорошую сумму ежегодно с тем, что, когда он будет ученым, он вернет мне втрое большую сумму, чем та, что я тебе выплатил. Кроме того, я буду его

кормить и одевать, но видется с ним всей твоей семье я запрещаю. И он сам, – тыкая пальцем грубо в грудь Яссы с такой силой, что тот пошатнулся, – должен сейчас же здесь произнести мне клятву на моем ремне, которым ты не дал мне его ударить, в своей верности, послушании, усердии и службе до гроба мне одному, видя во мне своего полного господина, царя и Бога».

Неужто, любимый, кроткий сынок мой, хочешь ты уйти с этим ужасным человеком? Хочешь клясться ему как Богу?» – «Отец, мне надо быть непременно ученым. Я должен достичь этого, какая бы цена учености ни была! Отдай меня. Как бы несчастлив я ни был без вас всех, особенно без тебя, я буду счастливее, чем жить мне без науки. Я буду клясться ему в верности и послушании, но верность моя и любовь к тебе и Богу от этого не могут измениться».

Ясса клялся, как велел учитель, ни слова не понимая из того, что он говорил. Вечером отец возвратился домой один.

Драма, пережитая отцом, сделавшая его стариком, больным и слабым, после разлуки с сыном и ежедневной тоски по нем, была ничто по сравнению с той трагедией, что переживал сам Ясса. Учитель не бил его, так как понял, какое драгоценное сокровище и орудие своей злой воли он может выковать из талантливого мальчика. Сам он, кроме грамоты да затверженных навеки нескольких формул зла, ничего не знал. И мальчик в один месяц перегнал его в познаниях.

Тогда он отвел Яссу в мужской монастырь в пятидесяти верстах от города, и здесь началось обучение Яссы темному оккультизму. Ничего не понимал мальчик в том, чему его обучали. Новые же его учителя видели в его невинности лучшую защиту своей школе.

Три года провел Ясса в науке, и только тогда, когда учителя сочли возможным начать нравственное возвращение своей жертвы, понял Ясса, на какой путь он вступил, кем он окружен и что ждет его дальше, страшную борьбу с самим собой выдержал не по летам развитый двенадцатилетний ребенок. Результатом всех его страданий явился побег, которому я помог. Долгое время укрывал я его в одном из тайных скитов Белого Братства, затем увез его в оазис Дартана. Но и там следы его были открыты. Мне пришлось укрыть его тайной Общине в пустыне, и затем в течение нескольких лет он жил здесь, у Раданды.

Овладев силой полной защиты от темных сил, Ясса переехал в Общину Али, где вы его и видели, одни впервые, другие как давнего друга».

Едва закончил И. свой удивительный рассказ, вдали показалось облако

пыли, в котором я различил силуэты лошадей. – Я вам рассказал историю одной человеческой жизни. Каждый из вас понял, почему Ясса был избран для проводов в тайную Общину другого человека, павшего также под влияние зла. Верность Яссы Богу любви и добра сложила ему защитную сеть, пробить которую не могут теперь никакие натиски злых. И эта же устойчивая сеть помогла ему вырвать из рук преследователей Беньяжана, доставить его благополучно в указанное место и возвратиться сюда. Этим подвигом борьбы с темными силами в пустыне и защиты от них другого человека Ясса освободился от последних обязательств по отношению к темному оккультизму, бессознательно взятых им на себя в своей детской клятве. Тяжелым трудом изживал Ясса страшную связь, взятую в своем детском бесстрашии и мужестве ради завоевания единственной драгоценной для него формы жизни – науки. Теперь Ясса может вступить в освобожденные, чистые и действенные члены Светлого Братства и начать свое ученичество. На этом примере вы еще раз видите, как индивидуально разнообразны пути людей, как невозможно достичь чего бы то ни было в ученичестве подражанием и как разны ступени, с которых начинает свое официальное ученичество человек. Раньше, чем подойти к Учителю, каждый человек уже шел замеченным, отмеченным и получающим помощь от тех или иных Светлых Братьев, помощь-ответ на свой зов. Не поддавайтесь же иллюзиям помощи извне. Если вам попадаются те или иные источники, ведущие вас к знанию, знайте, что к встрече с Учителем вас ведут только те силы, что ожили в вас, силы-аспекты Единого, через которые – только и единственно – каждый человек может общаться с Жизнью, в каких бы Она ни была формах. Принимая сейчас Яссу в свои горячие объятия, принимайте в его лице Самое Жизнь, не различая Ее величия от принятой Ею на себя формы. И в этом вашем объятии, Ей раскрытом, поднимайтесь на ту высоту Красоты, которую каждый постиг в эти дни в часовне Звучащей Радости Великой Матери.

Мы проехали еще немного. И. остановил своего коня, мы все выстроились позади него полукругом, благоговейно наблюдая приближающуюся шагом кавалькаду во главе с Яссой.

Немало торжественно-высоких минут пережил я подле моего великого друга И. за последнее время. И все же, если бы не преображение мое в Голиафа у ног Великой Матери, я уверен, что не смог бы удержать слез и волнения моего бешено бившегося радостью сердца.

Не доезжая шагов пяти до нас, Ясса сошел с лошади, подошел к И. и опустился на колени, сняв с головы шлем, с рук перчатки и расстелив свой плащ под ноги коня И.

Спрыгнув с коня, И. ступил на плащ Яссы, поднял его с колен, обнял, прижал его к себе. В течение нескольких минут не было ничего видно, кроме огромного сверкающего шара, в лучах которого, мне казалось, померкло жгучее солнце пустыни и исчезла сама пустыня. Мне было трудно выносить этот свет, точно блистание непрерывных молний дрожавший вокруг. Я увидел, как между небом и песком пустыни засияла огромная алая звезда, испускавшая лучи такой длины и силы, что на восприятие человеческого глаза казалось, будто половина вселенной должна была тонуть в этих лучах.

Я не знаю, сколько времени длилось это божественное видение. Когда я смог что-либо различать своими ослепленными глазами, я увидел И. сверкающим не менее солнца, увидел Яссу, преображенного, сиявшего точно ангел, увидел всех его спутников стоявшими на коленях на песке пустыни и закрывавшими свои лица плащами, точно они не могли выдержать слепящего Света. Я еще раз понял, что только Великая Мать дала мне силы выдержать это видение, не закрывая лица, и не ослепнуть.

Несколько мгновений вокруг царила такая глубокая тишина, что, казалось, все – и люди, и кони, и сама пустыня – замерло в одном порыве благоговения, в беззвучной песне славословия.

– Встаньте, друзья мои, откройте ваши лица, – услышал я голос И. И снова для меня этот голос был новым, так он был добр, кроток, такое в нем было новое для меня звучание. – Запомните эту минуту нового для вас счастья. Не только вся ваша жизнь отныне – того, как вы присутствовали при сиянии самой силы Бога, – но и жизнь всех тех, с кем каждый из вас встретится, будет иною. Вы поняли, ощутили на деле, нет иной руководящей нити в жизни человека, как его собственная, в нем вечно живущая, вечно свободная искра Бога. Вы поняли, что ничто, нигде и никогда не может задавить вашей свободы, ибо свобода каждого из вас – Вечность, в вас живущая. Перед поворотами во внешней судьбе человека всегда оживает или меркнет его внутренний человек. Нет возможности перейти из одного состояния внутреннего совершенства в другое, более высокое, пока все препятствия вовне не сумел человек благословить. Теперь вы все пойдете в широкий мир, забудете о песках пустыни, но запомните навек эту благословенную минуту пережитого счастья. Здесь вы были более раскрепощены от условностей человеческих предрассудков и суеверий. Здесь вам легче было оберегать свои проводники от мелких страстей и алчных желаний, окружающих вас. Но с того момента, как Жизнь выбросит вас в необходимые Ей потоки суеты, вы будете со всех сторон окружены страстями. И эти страсти для вас, преображенных, будут

чувствительнее огненных бичей. Навсегда сохраните в памяти непоколебимые устои в вашем общении с людьми, которые я вам сейчас укажу как заветы вашего вечного труда среди людей:

1. Никогда не слушайте пересудов, обрывайте всей вашей силой радости и доброты все жалобы людей, говорящих вам злое о людях своей страны, о самой своей стране, о своем народе, о своих правителях. Осознайте глубоко, что вы, поддерживая или допуская при себе подобные отрицательные разговоры, содействуете злу и раздражению земных созданий и астрального плана. Вы помогаете устами осуждающих в вашем присутствии уничтожению или разрыву тех путей, которые намечены планом Единой Силы, ведущей всю вселенную согласно карме наций, стран и всего живого человечества. Не только тот грешит, кто своим осуждающим словом мешает осуществляться плану Божественной Силы, но и тот, кто не сумел разорвать нить подобного разговора и всей своей любовью пролить мир в сердце бунтаря.

2. Пронosite день как мгновение Вечности и остерегайтесь внести в него хотя бы малейшую жестокость. Твердо распознавайте, что есть жестокость.

Если вы видели, как бьют беззащитного ребенка, и не заступились за него, вы столько же согрешили перед Вечным, сколько и тот жестокий, рука которого била ребенка.

Если вы слышали жестокое слово, бывшее как злобный мяч невинного человека, и вы не сумели защитить его, увести его прочь от злого, вы виновны перед Вечностью не менее самого ругателя.

Если вы присутствовали при том, как причиняли физические страдания беззащитным существам, и вы не протестовали и не защищали несчастные бессловесные существа, вы виновны даже более, чем те, кто их причинял.

3. Суеверия людей, с которыми вам придется сталкиваться на каждом шагу вашей жизни, не только не должны ложиться на ваше восприятие и огорчать вас, но бодрость ваша должна возрастать от каждой встречи с человеком, суеверие которого мешает ему широко раскрыть глаза на мир.

Проходя день, вбирайте в себя все то скорбное, с чем сталкиваетесь, и радостно передавайте его мне. Не расставайтесь со мною ни в каком дневном труде и общении с людьми. Живите и действуйте, имея в сердце и уме мою энергию, и наше сотрудничество не позволит вам отойти от сознания, что вся сила вашей жизни дней на Земле и весь их смысл – в труде для Вечного. Еще и еще раз закаляйтесь в мужестве и всегда проверяйте себя, все ли свое мужество вы подали человеку и чему в нем вы

его подали? Вечное ли в нем вы видели? Распознали ли вы при встрече, в чем ваш долг и ваша обязанность Любви по отношению к человеку? Старались ли вы помочь ему нести мир в его день? Ибо самое малое, что вы можете сделать для помощи Вечной Эволюции, – отпустить от себя человека с миром. Только отошедший от вас с миром будет менее вреден единственному делу, для которого живете вы: выполнению плана Жизни. Идите же с миром, мои дорогие друзья, несите радость всем встречам, бескорыстие всем делам, что встретятся вам на новом пути, мир и отдых всем трудящимся рядом. Несите в себе силу и старайтесь убедить людей, что слезы не только не облегчают собственной скорби, но еще сильнее сковывают их в панцире слепоты и суеверия, мешая их глазам увидеть ясно, ибо глаза, которые плачут, не могут видеть ясно. Что же касается тех, о ком они плачут, то этим они мешают освободиться и проходить Путь Света, обременяют их жизнь, в каком бы из миров в данный момент они ни жили.

И. обнял еще раз Яссу и всех его теперь открывших свои лица спутников. Каково же было мое удивление, когда в их числе я узнал всех тех встреченных нами в пустыне по дороге в Общину всадников, которым И. приказал проводить в тайную Общину дикого бунтаря, пытавшегося вступить с ним в единоборство. Мысленно прильнув к стопам Великой Матери, я благоговейно молил Ее облечь мантией Своей Радости выходящих в новую форму служения Ей людей.

Через несколько минут мы снова ехали по пустыне. И теперь веселое фырканье лошадей, точно узнавших Друг друга и стремившихся скорее обратно к своим стойлам, и спадавший зной, и ликование моего сердца от счастья и победы Ясы – все вливалось в меня как Звучащая Радость, атмосфера которой все больше и больше охватывала меня. И я молился о моей чудной няньке – Яссе, благословлял жестокий и дивный путь мальчика-избранника, благоговевшего перед одним Богом своего детского сердца: «Знать».

– Спасибо, Левушка, спасибо, верный друг, – услышал я тихий голос Яссы. Он незаметно подъехал ко мне и пожал мою руку, инертно лежавшую на шее моей лошадки. – Если бы ты мог видеть, какое необычайное чудо совершилось во мне, то вся твоя новая сила вылилась бы в слова: «Благословен час смерти человека». Потому что теперь уже умер тот Ясса, Левушка, которого ты знал, и живет Ясса иной, преображенный, которого коснулся Огонь Божий. Я не смог бы рассказать словами, в чем заключается преображение, которое я сейчас испытал. Выразить это я не сумел бы никакими словами. Я могу только сказать тебе, что в один миг я

увидел всю Жизнь, все века жизни Вселенной: от огненного потока лавы до камня, от первобытного зверя до человека, от насекомого до птицы и звезд. Я увидел Жизнь в центре Земли, я понял связь каждого живого с землей и небом. Я увидел живой Труд, величие и мощь которого не имеют границ. Теперь для меня уже нет голого слова, за которым не скрывалась бы та или иная сила Огня. Нет действия в разъединении от опытов жизни всего человечества. В одну минуту перестали для меня существовать слова порицания или отрицания, слова осуждения или печали. Осталось понимание слов только как символов бодрости, пощады и оправдания.

Ясса умолк. Я не хотел и не смел прерывать его молчания, но старался запомнить каждое его слово, чтобы возвыситься самому к великой силе духа преображенного человека.

– Мы скоро въедем в ворота Общины, мои дорогие друзья и дети, – раздался снова чудесный голос И. –И еще скорее мелькнут для вас волшебные дни счастья и полного раскрепощения, в которых вы проживете эти дни в Общине. Не считайте их наградой вам за те или иные подвиги. Они приходят к вам как естественное следствие вашего собственного труда. Не передышки посылает Жизнь своим верным слугам, но Сама оживает в сердцах тех, кто несет Ее чашу в чистых руках. Вы уедете в мир, приметесь за тот или иной труд в суете, в пожаре страстей, в лавине борьбы за все блестящие условности культуры и цивилизации, которыми так дорожат современные люди. Вы же, мудрецы, вы будете ценить только те блага жизни, которые невесомы и не осязаемы. Вы будете радостно принимать всю внешнюю жизнь современности, но служить вы будете Реальному, скрытому во всех условных формах. Могут ли ваши слова, хотя бы в самых тяжелых случаях, быть словами осуждения или порицания? Помните, друзья, что я уже сказал вам: распознавайте, улыбайтесь чужому суеверию и несите всему оправдание. Для вас, слуг Вечного, уже нет условностей личного. Для вас есть Жизнь в ее бесчисленных формах, служите Ей день и ночь, и путь ваш и ваших встречных будет благословен и радостен.

И. замолчал. Солнце близилось к горизонту. Кончался день пустыни. Вдали уже вырисовывались стены Общины, уже слышался отдаленный колокольный звон, я и не заметил, как пролетел день, как промчались часы, проведенные на спине лошади. Я был силен, я мог еще и еще трудиться, мне казалось, что я только что покинул часовню Великой Матери.

Когда мы подъезжали к воротам Общины, И., ехавший впереди, придержал своего коня и подозвал меня к себе. Когда я к нему подъехал, он сказал, окинув меня ласковым взглядом:

– Не забывай, что теперь снова надо вступить в обязанности моего

секретаря и келейника, Левушка, и не отлучайся от меня.

Как ни велики и торжественны были пережитые мною минуты, я не смог сдержать улыбки радости, что снова буду иметь право сопутствовать моему обожаемому другу.

У ворот Общины, в которые мы въехали, когда уже спускались сумерки, нас встретил Раданда с братьями. Он всех нас приветствовал с обычной теплотой, приказал братьям увести наших усталых коней. Он всех нас обдал своей теплотой, но Яссу долго не выпускал из своих объятий. Он что-то тихо говорил ему на ухо, чего никто из нас не мог, да и не хотел слышать.

Мы остановились в некотором отдалении от Яссы, И. и Раданды, ожидая дальнейших распоряжений. Я был тронут вниманием ко мне Зейхеда, познакомившего меня со спутниками Яссы, которых сам он знал давно. Помимо того, что они были спутниками моего дорогого Яссы, они глубоко проникли в мои мысли и сердце с самой первой встречи с ними в пустыне, когда лица их так поразили меня. Я уже готов был отдаться увлекательному разговору с ними, как случайно взгляд мой упал на лицо Ольденкотта, и: я снова увидел в его глазах то выражение божественной доброты, которое впервые поразило меня во время беседы Франциска у костра. Казалось, этот человек забыл обо всем. Ни время, ни место, ни люди не существовали для него. Единственно, что он видел перед собой, – подвиг ученического пути, совершенство духа брата-человека, которому он нес свой поклон, свой восторг, свое благословение.

И еще раз я преклонился перед ним, человеком, который мог всегда видеть перед собой одну цель, один смысл, одно понимание: жизнь в Вечном:

– Левушка, сходи в мою комнату, оставь там мои вещи, переоденься и передай Наталье Владимировне эту записку. А также проводи Зейхеда и Ольденкотта в наш дом и помести их в тех двух свободных комнатах, что рядом с твоей. Славе поручи проводить их в душ и приготовить им свежее платье. Когда сам будешь готов, проводи всех в трапезные покои Раданды.

Отдавая мне приказания, И. одновременно писал записку, что меня теперь уже нисколько не поражало, так как я неоднократно видел, как И. делал несколько дел одновременно: с одним вел разговор, другому диктовал, третьему указывал ошибку в сложнейшем математическом вычислении – и ни одно из дел не страдало, а наоборот, каждый из его сотрудников еле за ним поспевал.

Взяв записку, я пригласил Зейхеда и милого американца идти за мной, в то время как все остальные ушли за Радандой. Мне пришлось не только

дважды повторить Ольденкотту свое приглашение следовать за мной, но и прикоснуться к его руке, чтобы он понял, о чем я ему говорю.

– Простите, Левушка, я, кажется, задержал Вас своей рассеянностью, – мягко сказал он мне, с трудом влезая в действительность из того мира счастливых грез, где носились его мысли. – Я все еще не могу окончательно спуститься на землю, почувствовать тяжесть свод его плотного тела, после того как видел наяву признание Богом человека, признание великого подвига, которого достиг в одно воплощение обычный человек. Я так счастлив духовным величием Яссы, такая радость наполняет меня оттого, что Милосердие позволило мне видеть новое рождение человека, что мне даже трудно, болезненно трудно нести свое грузное тело.

Ни я, ни Зейхед не прерывали слов добряка. Мы благоговейно слушали его голос, и лично я мчал мои мысли к Великой Матери, моля Ее окутать Своей атмосферой чистое сердце моего собеседника и облегчить ему столь резкий для него переход от небесного Света к обычному трудовому дню. Я не мог понять, почему в душе его, такой светлой, чистой и всегда мирной, в эту минуту идет трудная работа примирения себя с текущим «сейчас». В моей собственной душе все ликовало:

Взглянув на меня, он точно понял мой немой вопрос и еще добрее ответил:

– Не в тех трудах дня, которые мы делаем, смысл, но в тех героических напряжениях, которые мы легко проливаем во все дела. Все, что делает Ясса, – он делает легко. А все, что делаю я, я делаю, нося в сердце сознание долга. Но путь ученика не долг, а радость. Не труд, а отображение своей Любви. И только тот, кто стал, а не «понял», тот приходит к завершающему моменту счастья, свидетелями которого мы сегодня были.

Мы подошли к нашему дому. Я передал моих спутников Славе, указал им их комнаты и, сказав, что зайду за ними через полчаса, помчался к Наталье Владимировне.

Необычайно тепло встреченный ею, я передал ей записку, объяснил, что мы возвратились с Яссой и что друг ее, как и Зейхед, будет теперь жить в одном доме с нами. Я не знал содержания записки И. Но когда спустя полчаса я зашел за моими друзьями, то нашел в комнате только Зейхеда. Он объяснил мне, что Ольденкотт будет ждать меня на крыльце, что он пошел к Андреевой. Мы вышли с Зейхедом на крыльцо, где сидели, оживленно разговаривая, оба старинных друга. Предполагая, что Наталья Владимировна должна отправиться вместе с нами, и найдя ее в несколько помятом платье, я был крайне удивлен.

– Дорогая, Вы еще не одеты? Ведь мы опоздаем. Вы знаете, как точен

И. в указании сроков.

– Если бы мне было указано идти с Вами, можете быть спокойны, то я торопила бы Вас. – Внешне она говорила совсем спокойно, но бунт в ее душе был мне ясен, не говоря о нервном движении рук, которыми она сворачивала и разворачивала поданную мною ей записку – Моя роль гувернантки при младенцах еще не окончена, – совсем уже раздраженно прибавила она.

Блестки юмора сверкнули в глазах Ольденкотта, и ничего смешнее последовавшей за этим сцены я в жизни не видел.

– Воображаю, какими счастливыми чувствуют себя порученные Вам воспитанники, если Вы применяете к ним Ваши обычные методы воспитания, так хорошо знакомые мне, – галантно приподнимая шляпу и любезнейшим образом раскланиваясь перед Натальей Владимировной, произнес он.

Как вихрь пронеслась целая гамма выражений на дрожавшем от внутреннего волнения лице Натальи Владимировны. В первый момент я положительно думал, что она, по меньшей мере, вырвет из его рук шляпу и швырнет ее на землю, если ничем более энергичным не выразится ее вспыхнувшее, как молния, раздражение. Затем в ее глазах мелькнул острый сарказм, растаявший, как льдинки, и сменившийся веселым юмором, и: она разразилась таким веселым, добрым и заразительным смехом, что и мы все, вторя ей, покатались со смеху и, простившись, продолжали смеяться, уходя к Раданде.

Путь показался мне как никогда коротким. Мысли, точные, образные, до конца додуманные, двигались новым для меня плавным ходом, ничего общего с прежним сумбурным способом моего мышления не имевшим. Раданда, особенно ярко сегодня сиявший, встретил нас сам на пороге своих ярко освещенных комнат и, ласково улыбаясь, сказал мне так тихо, что я еле уловил его слова:

– Через много, ах, как много ступеней идет каждый человек. Не считай, что сегодня ты закончил какой-то один период и начал другой. Для духа человека нет разрезанных на прямые куски ломтей пути, вроде кусков хлеба. Чтобы мог человек услышать и понять более высокие вибрации, которые всегда жили вокруг него, но он их не слышал, его сознание должно смешать в себе все свое настоящее понимание с новым пониманием Жизни так плотно, как смешиваются вода и молоко, неотделимые друг от друга без особых мер. А чтобы стать действенным в новом понимании, необходимо, чтобы в человеке отделилось старое от нового, как вода от масла. Помни, что ты еще молоко и вода. Найди в себе более пристальное распознавание и

способствуй скорейшему разделению в себе воды и масла, то есть твоей личности и индивидуальности. И войдешь в постоянную привычку жить в Вечном.

Когда я сейчас пытался передать словами речь Раданды, я должен был сказать много слов и все же, вероятно, не сумел раскрыть сознанию других людей всей глубины смысла. На самом же деле вся речь Раданды длилась несколько коротких мгновений, ложась в душу, сердце и мозг как ряд гармонических моментов-молний, которые я схватывал с той же быстротой, как они мелькали. Теперь, когда разговор образами и красками для меня не представляет трудностей, я понимаю, что тогда Раданда помог мне пробудить в себе эту способность, в то мгновение во мне дремавшую и неотделимую от слов.

Взяв за руки Ольденкотта и Зейхеда и приказав мне следовать за собой, Раданда свернул в узкий и слабо освещенный коридор, которого я до той поры не видал, и вывел нас в большой светлый зал, о существовании которого я тоже не имел понятия. Зал был очень высокий, без всяких окон. Стены показались мне мраморными, но, присмотревшись, я увидел, что они сделаны из такого же прелестного стекла, как чашки Грегора и Василиона.

Посреди зала находился высокий стол-жертвенник, как в комнате Франциска, только гораздо больше, и на нем стояло семь чудесных чаш, горевших теми же волшебными-прекрасными красками, что и на жертвеннике Франциска. Восьмая высокая чаша, пустая, стеклянная, совершенно белая, стояла впереди всех по самой середине стола. Вокруг всего зала стояли многочисленные сестры и братья в белых одеждах, в руках их были самых разнообразных цветов и оттенков розы, которых в Общине была вообще масса. Очевидно, Раданда или его садовники особенно любили эти цветы. Во многих местах сада они росли, как мелкорослый лес, поражая ароматом и величиной цветов.

Высоко под потолком вертелись огромные веера, наполняя комнату относительной прохладой. Раданда прошел к самому жертвеннику и, остановившись недалеко от него, так и остался стоять, держа за руки Ольденкотта и Зейхеда, мне же велел стать впереди себя. Раздалось тихое пение, звуки неслись как будто издали, откуда-то справа, но, сколько я ни глядел на правую стену, я не мог рассмотреть никакого подобия двери.

– Сосредоточьте мысли свои, мои дорогие дети. В эту великую и торжественную минуту, все вы присутствуете при акте рождения нового духовного человека. И этот великий акт не менее важен, чем само физическое рождение человека на земле. Молитесь сейчас, чтобы

приходящий к своему новому рождению человек вошел в этот зал нагим от страстей и личных чувств. Выливайте навстречу идущему сюда брату все самое великое и чистое, что знаете в себе, и помогайте ему переступить порог в Радости. В Радости, Свет которой ожидает в нем для того, чтобы новое сознание его не могло уже жить, как живет человек одной Земли, как живут еще многие из вас. То есть живя на Земле, вы еще кованы своею личностью. Посылайте мысли счастья приближающемуся человеку, чтобы его мыслями на земле руководило Вечное. Думайте в эту минуту, что и вы достигнете когда-то великого освобождения от страстей, желаний, от мыслей о себе как о личности и перейдете ту атмосферу, где трудятся вместе с живою Жизнью, сознавая Ее одновременно в себе и вне себя и зная себя только как Индивидуальность, свое высшее «Я». Тот, в ком ожила Жизнь, идет не для тех или иных мест, дел, людей, он идет по вселенной, для вселенной, со вселенной, как бы с внешней стороны ни казался узким сектор его труда. Раскройте сердца ваши, дышите Красотой и в Ней встречайте брата своего.

Раданда умолк, пение зазвучало совсем близко, и вдруг по самой середине стены открылась широкая, высокая дверь, через которую вошел И., ведя за руку Яссу. Их окружал большой хор сестер и братьев в таких же белых одеждах, в каких были мы все. Среди прекрасных голосов певцов и певиц особенно выделяла красотой тембра и силой один мягкий тенор, покрывавший весь хор, служивший ему как бы аккомпанементом. Как ни был я собран и высоко настроен, мне захотелось поблагодарить певца за его усердие для Яссы, и я устремился взглядом по направлению голоса, лившегося как лава. Я не мог разглядеть певца, так как рослые фигуры, среди которых я заметил Грегора, закрывали его от меня. Но вот шествие приблизилось, фигуры людей переместились, и я увидел Василиона с устремленными куда-то вдаль глазами, со сложенными на груди руками, в которых он зажал цветок. Одухотворенное лицо его и вся его фигура, поглощенная всецело пением, напомнили мне, как видел я этого человека державшим цветок в руке на своем балконе. Я вспомнил краски прелестного растения, перенесся в часовню Великой Матери, прижал данный мне Ею цветок к сердцу и произнес мой первый перед Нею обет:

– О, Мать Великая, помоги мне навеки помнить о братьях Земли, навеки приносить к Тебе печали всех друзей и врагов, чтобы Ты, Звучащая Радость, послала им помощь и оправдание.

Я забыл о месте и времени. Я почувствовал знакомое мне содрогание, услышал голос Флорентийца и увидел его по ту сторону жертвенника.

– День посвящения Яссы – и твой день радости, ибо сегодня увидишь,

как побеждает человек темные силы, если по невинности своей дал им обязательства. Нет условностей как таковых, которые стояли бы барьером на пути человека. Если же на них указывает человеку Учитель, то только потому, что этому человеку они мешают в нем. Смотри и запомни, учись жить свой день в силе и мощи. И сила, и мощь приходят как аспект Свободы, в себе носимой.

Голос умолк, и образ моего великого друга исчез.

И. подошел к жертвеннику, ведя Яссу за руку. Теперь я мог рассмотреть, что И. и Ясса были в оранжевых одеждах, причем одежда И. сверкала феерическими огнями, а сквозь одежду Яссы я отчетливо видел сияющие и движущиеся центры, какие заметил впервые у Ананды. И. поставил Яссу перед жертвенником так, что лицо его и половина фигуры были видны всем. Сам И. встал с правой стороны от Яссы. Окинув взглядом всех собравшихся, И. подал знак певцам умолкнуть. В водворившейся тишине раздался его голос:

– Сегодня в этом зале нет ни одного человека, в жизни которого эта текущая минута не играла бы огромной роли как минута прохождения той или иной силы духовной зрелости. Все, кто сейчас присутствует здесь, связаны нитями старых карм или только между собой и мной, или между собой и Радандой. Вы присутствуете на высоком зрелище, из которого вы должны унести в сознании ту или иную новую форму знания духовного мира затем, чтобы быть и становиться. Не часть ваших духовных сил должна здесь укрепиться и обновиться, чтобы выйти отсюда новой мощью, но вся мощь каждого из вас должна быть вложена в творческое дело созидания новой ступени духовного роста для всех.

Не о себе думайте. Не за «счастье» присутствовать при великом обряде посвящения благодарите. Но творите радостью сердца ту чистую атмосферу, куда могла бы спуститься струя Божественного Света. Каждый раз, когда собравшиеся вместе люди – для чего бы они ни собрались – раскрывают сердца и несут из себя одну мысль: «Жизнь истинная в нас светит миру», – Свет Жизни спускается и отвечает на славословие собравшихся. В те минуты, когда вы думаете только о деле Единой Жизни, когда вы трудитесь, забыв, что за труд вас могут наградить, вы творите атмосферу чистоты. Сумма таких минут, когда вы забывали о себе, создаст каждому из вас тропу соответствующей длины и ширины, которая приводит вас дальше или ближе к Светлому Братству. Вы сейчас здесь. Почему? В каждом из вас бьется сердце только миром и радостью, вы не несете бунта и отрицания, вы научились утверждать, то есть творить Жизнь. За стенами этого зала немало высокодостойных людей, сделавших

для своих земных братьев гораздо больше, чем многие из присутствующих здесь. Значит ли это, что они менее вас достойны? Нет. Но по их масштабу гармонии их примиренность мала. И потому их освобожденность еще недостаточно созрела, чтобы привести их сюда. Хотя бы в своем пути они иногда могли проходить в такие высоты, о которых вы и не подозреваете. Но их присутствие может разбивать гармонию окружающих людей. Соберите радость в сердце. Пусть те цветы, что держите в руках, будут эмблемой вашей радости. Бросьте свои цветы под ноги входящему сегодня в новый круг знаний брату. Пойте ему песнь приветия и помощи в его новом пути, в его новых понятиях.

По многим лицам катились слезы, пока говорил И. Но, когда он призвал всех к творческой радости, когда предложил всем как эмблему ее бросить цветы под ноги Яссе, не осталось ни одного плачущего лица. Точно вспыхнул костер, раздалось снова пение, и весь пол покрылся розами и миртами. И. перевел Яссу по ту сторону жертвенника, где стоял Раданда с нами, и встал рядом с ним. Пение смолкло, все братья и сестры опустились на колени, и в торжественной тишине раздалось два голоса – И. и Раданды. Теперь Раданда стоял по другую сторону Яссы, и возгласы И. чередовались с его возгласами.

И. поднял высоко над головой какой-то предмет, как мне показалось, нечто вроде булавы. Но от него шло такое сияние, точно от грандиозного алмаза сыпались во все стороны мириады сверкающих искр. Поэтому я не мог хорошо рассмотреть, что именно держал в руках И. Голос его становился все громче. Голос Раданды утратил все оттенки старости, отвечая И. силой и полнотой вдохновения. Голоса перекликались все чаще и быстрее, мне казалось, что я чувствую содрогание всего организма при каждом взмахе руки И. Я слышал и понимал речь обоих из посвящавших, ясно сознавал, что это древний язык пали, но все эти слова проникали в меня не через мои физические уши, а через тот особый слух, через который я понимал слова Флорентийца и Али, через слух моего второго сознания, раскрывавшегося во мне в минуты отрешенности от физических вибраций, в которых жило мое тело. Смысл слов обоих посвящавших был разный.

– Слышишь ли нас. Великая Мать? Мы приводим к Тебе сына Твоего, – говорил И. И искры осыпали дождем его и Яссу.

– Милосердие, Жизнь Вечная, я свидетельствую Тебе, что сын Твой ныне очищен от зла. Ясен дух его, прими его, – молил Раданда. И искры осыпали его и Яссу.

– Имеет ли все Великое Светлое Братство силу милосердия и доброты принять нового брата в свои объятия и подать ему помощь в его трудах? –

взывал И. И искры осыпали его и Яссу.

– Свидетельствую всему Светлому Братству, что труд нового брата, его человеколюбие и мир непоколебимы и бескорыстны. Ничто отрицающее не может проникнуть через него в великий путь труда Братства, – снова взывал Раданда. И искры осыпали его и Яссу.

Но вот И. протянул Яссе оранжевую чашу, стоявшую впереди всех цветных чаш, которая была совершенно белой, когда мы вошли в зал, как я это отлично помнил.

Ясса опустил на колени, держа чашу в руках. И. поднял над его головой руку с булавой, второй конец которой взял в руку Раданда. Раздалось громкое пение хора, все засияло вокруг, множество цветных звезд, как чудесные бабочки, замелькало в воздухе.

Раданда и И. говорили теперь оба, но за громким торжественным пением слов их разобрать я не мог. Внезапно весь зал наполнился таким слепящим светом, что я невольно закрыл глаза. Я опустил на колени:

Мне казалось, что прошло очень мало времени, но, когда я нашел в себе силы подняться с земли, Ясса уже был не у жертвенника, братья с пением выходили из зала, а возле меня стоял Ольденкотт, помогая мне встать. Он очень тихо говорил:

– Нет ни единой мысли у ученика о себе. Есть только мощь Любви, посылаемая брату в его новый путь. Все, что может сделать один человек для другого в его величайшие минуты жизни и смерти, – внести свою собственную любовь в его святыню, чтобы еще ярче светил ему Свет, чтобы скорее он мог проходить по узким стыкам лежащих перед ним новых путей.

Он взял меня под руку. Я чувствовал в себе огромную физическую силу, но продолжал быть ослепленным и оглушенным еще несколько минут. Когда все братья и сестры вышли, Ольденкотт оставил мою руку и подошел к Яссе. Я не слышал, что он ему говорил, но по счастливой улыбке, осветившей лицо Яссы, я понял, что слова его проникли глубоко в сердце нового посвященного и принесли ему радость. Я видел, что и Зейхед подошел к Яссе, что и он сказал ему что-то значительное, – я же все стоял на месте, не имея сил двинуться к моему дорогому Яссе и выразить мою любовь и счастье моей нежной няньке, другу и помощнику. Я воззвал к Великой Матери, коснулся Ее цветка, и какая-то новая сила прозрения озарила меня. Я увидел себя где-то далеко, в давно прошедшем, ребенком, рядом с ребенком Яссой. Я подавал ему деньги, хлеб и молоко... Я бросился к моему Яссе, обнял его с совершенно новым чувством старой-старой дружбы и любви и, вне себя от счастья, воскликнул:

– Ясса, Ясса, я вспомнил, как ты был когда-то наказан колдуном и я пришел к тебе с пищей. О Ясса, если бы я мог чем-нибудь отслужить тебе за все твои милосердные заботы, проявленные мне теперь. Прими мою верность, я постараюсь больше никогда не забыть, как давно я тебя знал и любил.

– Ах, Левушка, не только пищу и деньги ты мне принес, но и бежать помог. Я еще в большем долгу у тебя, – отдавая мне поцелуй, сказал Ясса.

К нам подошли И. и Раданда, поздравили Яссу и увели его в покои настоятеля. И. приказал всем нам идти в трапезную, где его и подождать.

Мы прошли в трапезную. Она была почти пуста. В ней были только те братья и сестры, которым Раданда велел сюда прийти. Некоторые из них присутствовали на посвящении Яссы и вошли вместе с нами, другие же уже ждали здесь.

Сразу же, как только мы вошли в трапезную, ко мне подошел Грегор. Лицо его было внешне спокойно, но я прочел и его волнение, и его внутренний подъем. Я ощущал, что внутри у него целый вулкан; но только мое новое прозрение помогло мне проникнуть за его внешнее самообладание. Грегор без всяких вводных фраз стал говорить со мною так, как будто мы только минуту назад прервали давно начатый разговор.

– Левушка, я должен рассказать Вам обо всех своих новых знаниях, так как только благодаря Вам я их открыл. Первое мое откровение: не нужно особых условий, непременно сопутствующих человеку, для того чтобы быть близким Учителю. Второе: человек может быть юн, может в данное воплощение ничего не помнить о своем прошлом. И все же он должен был высоко стоять в своей подготовке к ученичеству в прошлом. И в этом прошлом пройти его начальные ступени. Третье: все попытки насильственно проникнуть в высокий духовный путь, через умственные проблемы вдвинуть в себя высоту пути не могут достичь успеха.

Я с удивлением слушал Грегора, не понимая, при чем же тут я, но он не дал мне времени удивляться и продолжал:

– В первую мою встречу с Учителем И., которой я страшно добивался, я был более нежели разочарован. Я был тогда одним из известнейших художников, решил, что иду путем красоты, что я ею служу просвещению и улучшению человечества и имею право быть членом Светлого Братства. Вы можете себе представить, с каким великим мнением о себе, избалованный поклонением и обожанием людей, я явился к Учителю просить его принять меня в члены этого Братства. И. не стал объяснять мне, какими достоинствами должен обладать человек, желающий стать членом Великого Светлого Братства. Он просто спросил меня: «Вы

считаете, что идете путем красоты и ею служите человечеству? Можете Вы припомнить хотя бы одну работу, которую Вы начали и кончили в радости? Можете ли Вы сказать мне, что, приступая к творчеству, Вы забывали обо всем, кроме тех душ, которым Вы стремились раскрыть в своем труде красоту? Что такое красота? Это гармония творящего с его окружением. Это его поклон Божественной Силе, которую он оживил в себе и стремится вынести вовне. И это единственный путь служить людям красотой. Ибо, если Вы творили, наполненный личными чувствами, Ваше создание затронет в каждом только его личное и больше ничего. Творец красоты несет Ее людям, забыв о себе. Он творит там, где кончается личное. Он любит и чтит людей, а потому и может единиться с ними в красоте и единить их в ней. Он не одержим страстями. Ваш путь не был таким, и он не может привести Вас к единению со Светлым Братством». Но И. мог бы и не прибавлять последних слов, Пока он говорил, передо мной как вереница видений ясно проносились картины всей моей жизни, всего моего творчества. И я, конечно, понял, как глубоко и глупо я заблуждался.

Грегор замолчал. Глаза его снова как бы пробежали по раскрытым страницам прошлого, он глубоко вздохнул, провел рукой по лбу своего печального лица, посмотрел мне в глаза, улыбнулся и продолжал:

– Я вижу, что Вы ждете от меня объяснений: как, поняв, я исправил свою ошибку? Вы думаете, что я просветлел, поблагодарил Учителя за его мудрые слова и начал трудиться по-новому все для той же цели, которую я называл священной? Увы, Вы ошибаетесь. Я понял все. Я уж Вам это сказал. Понял до дна и, по всей вероятности, не без помощи И. Но бунт, который вызвали во мне его слова, оскорбленная гордость «мировой знаменитости», удар по самолюбию – весь этот букет носимой в себе пошлости так ослепил меня, что я ушел раздраженный до последней степени. Целую неделю я рвал и метал, изливал свое горе – поверьте, это было для меня истинным, огромным горем, – на всех окружающих меня людей, так преданно меня любивших. Я забросил работу. Начал пить и курить, чего раньше никогда не делал. И чем больше я сознавал абсолютную правоту Учителя, тем больше я раздражался и искал внешней аргументации для обвинения в жестокой несправедливости его и оправдания себя.

Снова Грегор помолчал, и на этот раз на его лице мелькнуло скорбное выражение, точно боль от судороги, затем тише прежнего он сказал:

– Дальше идет много страниц, о которых я немало лет старался не думать. Сегодня я вкратце пробежу их, ибо без этого мой вывод о том, как многим я обязан Вам, будет неясен.

«Я уехал из того города, в котором встретился с Учителем, и где, как я знал, он должен был прожить довольно долго. Несколько лет я вел жизнь бурную и беспорядочную, отбрасывая от себя как можно дальше его дорогой образ. Но чем больше я старался вышвырнуть воспоминание о встрече с И., тем глубже оно проникало в мое сердце. Дошло до того, что образ И. стал моим двойником. Я уже готов был вернуться к нему, искать новой встречи и просить извинения, как вдруг у меня произошла странная встреча, всего ужаса которой я ни тогда, ни много спустя после не сознавал.

На одном из вернисажей моя картина имела такой ошеломляющий успех, что подле нее все время стояла густая толпа народа, оставляя другие залы пустыми. Я приехал к самому разгару аристократического съезда и был немедленно встречен громом аплодисментов. Энтузиазм публики еще больше убедил меня, что я и есть именно тот, кто может единить людей в красоте. Увы, я старался себя в этом убедить, но в сердце я слышал тихий голос, который мне говорил: «То не путь красоты, а твое тщеславие. Ты не великую любовь несешь людям, а радуешься тому, что тебя прославляют. Ты ищешь себя в красоте, а не красоту в себе». Вам понятно, с каким остервенением я стремился заглушить в себе этот голос...

Среди объяснявшихся мне в любви восторженных женщин была одна особенно красивая, можно даже сказать, безупречная красавица, красота которой была не меньше ее настойчивости. Но то ли эта самая настойчивость мешала мне любить ее, то ли нечто в ней, чего я не мог даже объяснить словами, ну вроде как аромат цветка. Не всякий аромат прелестного цветка вызывает желание поднести его к устам. Так и здесь. Это невыразимое словами «нечто» мешало мне переступить границу обычного галантного ухаживания, хотя злые языки, вероятно, принимали нас за близких людей.

Подойдя ко мне, окруженному большой толпой поклонников и поклонниц, она, бравидуя своей короткостью со мной, сказала мне со смехом: «Грегор, Вы не только Европу покорили, но даже Гималаи хотят поклониться Вам. Это уж как будто немножко слишком».

Несчастный безумец! Я весь восторженно, сердце мое зажглось огнем, я подумал, что И. здесь. Конечно, вечно носимая в себе мысль о нем только и могла ввести меня в такое заблуждение. Ведя разгульную жизнь, окруженный самыми страстными эманациями да еще оповещенный женщиной, которая и мне-то была неприятна... Жалкий безумец!

За нею стоял высокий темнолицый мужчина в индусской, вернее сказать, в тибетской одежде ярких цветов, которые мне, художнику, резали глаза полным отсутствием вкуса и гармонии. Взгляд его был

проницательный, неприятный, и нечто такое же, как в приведенной его даме, еще сильнее отталкивало меня от него. Вся его фигура и лицо дышали физическим здоровьем, силой и, если хотите, даже мощью. Но духовного очарования «священных Гималаев» в нем не было и в помине.

Глубоко запрятав свое разочарование и тщетно стараясь скрыть от всех свое смущение и перемену в лице, я низко ему поклонился и спросил даму, на каком языке говорит ее друг.

«Я говорю на всех языках, которые вы знаете, великий художник, я не был в силах устоять перед соблазном познакомиться с таким мировым гением. Простите, если встреча со мной не ко двору прищлась. Если же мое общество не слишком неприятно Вам, не откажите в моей нижайшей просьбе, поедemте ко мне обедать. Я умею очень хорошо лечить сердечные раны и избавлять людей от назойливых воспоминаний», – последние слова новый знакомый произнес так тихо, что слышал их я один. Он крепко держал мою руку в своей, прижимая мою мягкую и тонкую ладонь к своей грубой, твердой и толстой. Ладонь эта в восточном человеке поразила меня, так как такую ладонь я наблюдал только у дельцов-спекулянтов.

Не знаю, что со мной случилось в тот миг. Я хотел ответить очень вежливым и сухим отказом на его преувеличенно восхвалительное восточное приветствие. Хотел выразить даже возмущение его навязчивым и наглым залезанием в мою внутреннюю жизнь и: вместо всего этого, еще раз поклонившись, ответил согласием. Этим я очень обидел моего близкого друга, в семье которого я обещал провести вечер и где звали гостей «на меня».

Черные глаза незнакомца, точно пара мышей, бегали по мне, рот его улыбался, а глаза искали, беспокоили, приказывали. Моя знакомая взяла меня под руку, и мы, провожаемые снова аплодисментами, спустились вниз, сели в прекрасную коляску моего нового приятеля и покатали по шумным улицам города.

«Вы не удивляйтесь, я ведь маг очень высокой степени и потому легко читаю мысли людей. Если у Вас есть затаенные и невыполнимые для Вас желания, я могу привести все и всех к Вашим ногам».

Слишком долго было бы рассказывать Вам историю трех лет моей жизни. Скажу кратко. Как только я вошел в его дом – нечто вроде восточного музея, безвкусного, провинциального, пошлого, – я перестал существовать как Грегор. Я стал тенью, отражением этого человека, завладевшего моей волей и мыслями. Он обучал меня магии, которая оказалась черной, показывал мне всевозможные чудеса, и... образ И. исчез из моей памяти, как будто я его никогда и не знал. Если когда-то у меня

были порывы служить людям красотой, то теперь я жил только одними мыслями о наживе, жаждой роскоши и славы. Женщина, прежде не любимая мною, была моей женой и всячески помогала своему другу завязывать веревки на моем мешке страстей. Слава моя все возрастала. Спрос на мои картины был огромен, но характер их резко изменился. Они были отражением земли, страсти которой горели в них соблазнительными огнями, выставя пороки, приглаженные добродетелью. Вероятно, не одна душа была соблазнена мною в тот период. Мой новый покровитель помогал мне вкладывать в мои творения бесовскую силу красок и выражений. Короче говоря, он оказался тем темным оккультистом, которых на Востоке называют «дугпа».

Я катился все ниже, в полном забвении небес, чистоты и доброты. Все прежние друзья отшатнулись от меня, один Василион остался мне верен, и я тянул его за собой.

Время шло, и однажды дугпа объявил мне, что вскоре состоится собрание их ордена и что я буду принят и посвящен в его члены. Тут жена моя заболела, дугпа должен был уехать по делам своего ордена. Считая меня прочной жертвой своей воли, он решил уехать, и я один отправился на выставку проследить за установкой моих новых картин. Погода была прекрасная, я велел кучеру ехать одному к выставке, сам же решил пройти пешком.

Выйдя на мост чудесной широкой реки, я залюбовался блеском солнца, игрой воды, отражением в ней облаков и зелени и вдруг отдал себе отчет, что несколько лет я не видел солнца, природы, неба. Мысли, точно облака, помчались бурно одна за другой. Я стоял, ошеломленный этим открытием, не понимая, что такое случилось с моей жизнью, где я, как вдруг подле меня выросла дивная фигура И.

Не смею передать Вам всего того, что было мне казано. Но все, что я мог сказать, было: «Спасите меня».

Благословенное сердце не отвергло меня. И. открыл мне глаза, над какой пропастью я стоял и куда вел собой Василиона:

Через два часа, в числе еще десяти человек, мы ехали на пароходе на Восток:»

– Но вижу, что Вы все так же недоумеваете, какая же связь между рассказанной мною Вам жизнью и Вам. Очень, очень глубокая, Левушка. В последнем разговоре, который вел со мной И. уже здесь в Общине, куда он привез нас после некоторого периода жизни на родине, то есть в оазисе Дартана, потому что мы с Василионом родились и выросли там, он мне сказал: «Не думай, друг, что преданность и самоотверженность, а главное,

цельная верность и служение Истине приходят к человеку с годами. Когда ты настолько освободишь свой дух, что перестанешь думать о себе и сможешь видеть окружающих тебя людей такими, как они существуют в действительности, то есть кусками Истины, ты убедишься, что Истина может быть открыта совершенно юной форме, без всяких непременно существующих условий земного бытия. Ты увидишь и убедишься, что древний дух, много потрудившийся для своего освобождения, может быть включен в совершенно юную форму. Ты поймешь, что от ума служить идее нельзя, что надо достичь простоты в своем обращении с людьми. Простота откроет сердце для уважения каждого встречного в его точке эволюции, а уважение к ней раскроет сердце к простой доброте, и ты сам легко постигнешь, что только верность, цельная до конца, приводит человека к гармонии ума и сердца. В первый же раз, как ты увидишь эти три истины в человеке, ты прочтешь и первое ученическое правило: будь готов. Ибо в тот миг ты сам будешь готов к труду Светлого Братства, ты сможешь выполнять его задачи в широком мире». Первый человек, Левушка, в котором я прочел и постиг мои три истины, были Вы. Теперь Вы понимаете, как я тронут и благодарен Вам, первому человеку, на котором я осознал, что вижу, что могу жить свободным, что буду творить на благо и пользу людей. Я счастлив. Мне хочется обнять весь мир и, прежде всего, Вас.

Грегор ласково обнял меня. Нечего и говорить, какой радостью дышало мое ответное объятие.

Едва окончился наш разговор, как широкие двери зной открылись и в них показались: И., Ясса, Раданда впереди, Зейхед, Ольденкотт и еще много незнакомых мне людей за ними, а в самом конце, к моему удивлению и огромной радости, я увидел Наталью Владимировну, Бронского и всех остальных ее питомцев сегодняшнего дня. Слава с несколькими молодыми братьями замыкали шествие.

Как обычно, И. сел за стол Раданды, рядом с ним по другую сторону настоятеля сел Ясса. И., оглядывая зал, несколько задержал свой взгляд на нас с Грегором, улыбнулся и поманил нас к себе. Он приказал мне занять место подле себя, Грегор сел рядом со мной. Когда все заняли указанные им места, я очутился напротив Натальи Владимировны, Ольденкотт и Бронский сидели рядом с ней. Мне показалось, что лицо Андреевой печально, что она чем-то расстроена и недовольна. Это было странно, сердце мое так ликовало за Яссу, за всех собравшихся здесь людей, достигших новой ступени в своем освобождении, я никак не мог понять, как можно сосредоточить внимание на себе и быть не в духе. Но мне не

пришлось размышлять о моей дорогой подруге, так как Раданда, сделавший братьям знак подавать кушанья, встал и обратился к присутствующим:

– Привет вам, дорогие друзья мои. Сегодня великий день жизни почти для всех, кто здесь присутствует. Мир, великий мир сердца, радость как напутствие в дальнейшие путь – вот что должен испытывать всякий человек сегодня здесь, провожая своих близких в далекий путь нового служения людям. Все, кто еще не смог в эту минуту настроить свой дух на высокий путь мысли о помощи и благословении уходящим отсюда братьям и сестрам, переключите свои мысли, забудьте лично о себе и думайте только о том, чтобы не нарушить общей гармонии токами своей колючей ауры. Проходя день, человек больше всего должен думать, как пронести в себе наибольшее количество мира в дела и встречи. Мир, который проливает одна душа другой, – это тот клей, который стягивает раны раздражения, согревающий компресс к синякам бушующих страстей и бальзам на огорченную душу собеседника. Никогда не забывайте, что вся ваша деятельность, как бы высока она ни была, будет в большинстве случаев трудна нашим встречным, если вы сами будете в бунте и разладе. Наиценнейший труд не будет доступен массам, если выбросивший его в мир труженик был одержим постоянной ломкой в своем самообладании. Его труд, даже гениальный, останется достоянием немногих, так как продвинуть великую или мелкую идею в массу народа может только тот, чьи силы живут в устойчивом равновесии. Все, уходящие отсюда или остающиеся здесь, установите в себе теперь полное спокойствие, чтобы проведенные здесь минуты были минутами служения Истине, а не только мыслями «о» служении Ей.

Раданда сел. В тишине зала можно было различить даже дыхание отдельных людей. Братья-подавальщики сменили второе блюдо. Я взглянул на лица людей, сидевших напротив меня, и был поражен, насколько разными были их выражения. Неизменно доброе лицо Ольденкотта сейчас казалось мне вырезанным из камня, так оно было спокойно, решительно, точно раз и навсегда данная клятва, которую никто, ничто и нигде не может поколебать. Андреева, щеки которой были багровы, глаза метали молнии, делала над собой нечеловеческие усилия, чтобы привести себя в равновесие. Зная ее доброту и огромную доброжелательность к людям в серьезные моменты, помня, как она говорила мне на крылечке о вновь найденной примиренности, я диву давался и не мог понять, что привело ее в такое возбуждение. Переведя взгляд на Бронского, я удивился не менее. Артист, казалось, не существовал в эту минуту здесь, или, вернее, все

окружающие не существовали для него. Глаза были устремлены куда-то вдаль, минуя всех сидевших вокруг, фигура вытянутая, напряженная. Приподнятая верх голова, точно он слушал нечто вне комнаты такое значительное и прекрасное, от чего не мог оторваться. Я понял, что его захватил высокий экстаз, что о нем мне думать нечего, что он и Ольденкотт, каждый по-своему, несут Истину в себе и служат Ей всецело, как умеют и могут.

Я вернулся к Андреевой. Посылая ей самую глубокую любовь, я тихонько коснулся цветка Великой Матери, моля Ее пролить мир моей чудесной сестре, похожей скорее на глубочайшее море, чем на земную плоть.

Я ощутил легкий электрический ток, шедший от И. мимо меня, и увидел, как огромное количество рубиновых звездочек летело от него через стол к ауре Натальи Владимировны и мелькало вокруг ее головы и беспокойно двигавшихся рук. Почти мгновенно руки ее успокоились. Еще через мгновение краска отлила от щек, искры огромных глаз превратились в мягкие и ласковые лучи, и, наконец, на устах мелькнуло нечто вроде улыбки. Она посмотрела на И., глубоко вздохнула и благодарно – смиренно благодарно – склонила голову в сторону И.

В зале стояла все та же тишина. Только откуда-то издалека – казалось, из очень большой дали – доносилось стройное, прекрасное пение. Точно большой хор, необыкновенный и неземной, пел Гимн Жизни. Спустя несколько мгновений, как проникло в тишину зала это пение, И. встал, поднял руки вверх, как бы призывая Высшие Силы благословить всех собравшихся, затем перекрестил всех широким крестом и заговорил. Боже мой, как много раз слышал я уже речи И. При каких самых разнообразных обстоятельствах я видел его чудесное лицо, и никак не мог привыкнуть к этой красоте, к этой мелодии чудесного голоса и положительно божественной гармонии всего его существа. Всегда поражали меня его речи, но на этот раз его слова пролили особенное успокоение и мир в мое сердце, жаждавшее приобщиться к труду моего дорогого Учителя и друга, снисходительнейшего из наставников.

– Дорогие мои братья, дети, сотрудники и друзья. Не в первый раз я встречаю многих из вас на своем пути. Большая часть из присутствующих здесь сегодня связана лично со мной старинными кармами. Другие из присутствующих связаны не менее крепко с иными членами Светлого Братства, и это не имеет особого значения. Поскольку человек связан с одним членом Братства, он связан со всеми его членами. Ибо в Светлом Братстве нет условностей, оно живет и действует только на основах

Реального, основах Вечного. В эту минуту, великую минуту жизни каждого из здесь присутствующих, я приветствую вас от имени всего Светлого Братства как его младших братьев и верных сотрудников в общем деле Великой Любви. Вы раскрепостились от целой тучи предрассудков и тем самым освободили себя для труда в широком мире как утвердившиеся в верности служению единой цели – благу людей. Вы поедете в Америку, в ту Общину, что сейчас организует один из величайших наших Братьев, Великий Учитель Флорентиец. Вы станете ему радостными помощниками, столпами духовного и физического труда, вы внесете в новую Общину все то, чего достигли и чему научились здесь. Что для вас, друзья, теперь представляют из себя люди? Что для вас Земля? Имеет ли значение тот или иной кусок Земли, где вы будете служить людям? Люди для вас – части Единой Жизни. Земля для вас – путь вечный, короткий этап той же Единой Жизни, благословенный этап труда в тех собственных условиях, которые каждый сам для себя создал своими предшествовавшими существованиями. Не все доходят в своем пути Земли до такого состояния освобожденности, чтобы относиться отрешенно, без пут личного к месту, времени и окружению. Вы же дошли. Вы стали путями Светлому Братству. Вы можете нести его задачи, можете быть передаточными точками Огня творчества для счастья людей. Каковы же ваши ближайшие задачи? Кончается ли ваш труд над собой, над неустанным повышением ваших духовных достижений только потому, что вы стали станками – Божьими арфами, на которых могут играть, то есть трудиться высоко духовные существа? Подумайте сами. Есть ли предел человеку в развитии какого-либо творчества? Кончается ли когда-нибудь работа гениального артиста над собой? Чем выше он поднимается в работе над собой, тем шире его влияние в этой роли, влияние, для которого он готовит свое рабочее место, свой творческий дух. Так же и вы. Чем выше ваше самообладание, честь, чистота и любовь, тем полезнее вы в своем служении самоотверженным труженикам Светлого Братства. Чем выше ваша верность, чем яснее в вашем сознании, что для вас нет ни похвал, ни наград, что вы сжигаете этот мусор условностей на огне Вечного, тем шире та помощь, которую могут Светлые Братья пронести Земле через вас. Мужайтесь. Вы все, конечно, из плоти и крови, но вы же и из духа и Света. Не всегда ауры ваши могут быть устойчиво непоколебимы под давлением ударов встречных аур, вам враждебных. И такие встречи в кипучей суете жизни, куда вы идете, для вас неизбежны. Но не теряйте мужества и самообладания именно в эти минуты. Не допускайте раздражения в сердце. Охраняйте мысли, памятуя, что никто из вас не один, что он идет вместе с миллионами

самоотверженных тружеников двух миров, посылающих вам ежеминутную помощь. Умейте только ее подбирать. Не огорчайтесь, если будете сталкиваться с узкими религиозниками, с грубыми сектантами, не видящими во встречном человека, если он не в их форме чтит Бога. Старайтесь в этих случаях своим примером показать, что безразлична, а чаще и не нужна религия для тех, кто чтит Истину, Ей служит и Ей поклоняется в живом человеке. В новом месте вы встретите величайшего из Учителей, обаятельнейшего и милосерднейшего из великих руководителей земного человечества. Вы, тоскующие сейчас, что вам надо покинуть место, где вы нашли в себе силы войти в вибрации Гармонии, осознайте, что не место помогло вам их найти, а сила Жизни, развернувшаяся в вас. Ее аспекты подняли вас на тот уровень, где живут волны этих вибраций. Поднявшись духом к этому уровню, вы стали способны слышать эти вибрации, чувствовать их сердцем, а потому вы и вошли в Гармонию. Можете ли вы потерять обретенную в себе силу только потому, что перемените место? Сила человека может быть потеряна потому, что та или иная страсть, от которой он считал себя освобожденным, на самом деле оказалась живой и при первом же удобном случае дала о себе знать. Как оживающая змея, она подняла свою ядовитую голову и нарушила вашу гармонию. На что надо вам устремлять внимание в вашей новой жизни? Что надо ставить себе задачей дня? Если ваше окружение – Сама Движущаяся Жизнь, то и вы сами

– Она. Устремляйте внимание не на то, кто и что делает, но как вы сами на все реагируете. Под мудрым и милосердным руководством Учителя Флорентийца вы еще легче и проще поймете свой урок земли. Поезжайте радостно, легко, весело. Запомните, как Раданда учил вас начинать всякое дело только тогда, когда вы радостно настроены. Сохраните это правило и в вашей новой жизни, и да будут дни ваши легкими вам и радостными для всех вас окружающих. Идите с миром отсюда и внесите его в каждое новое дело и встречу.

И. снова перекрестил всех широким крестом, и в трапезной точно свет вспыхивал каждый раз, как он поднимал руку.

В благоговейной тишине люди стали выходить из зала. Каждый подходил к Раданде, низко ему кланялся, и почти каждый выражал ему свою благодарность одинаковыми словами:

– Благослови, отец, своей любовью в дальний путь. Тебе я обязан своим возрождением. Благодарю тебя за доброту и заботы. Я здесь понял, что такое доброта, любовь, радость. Твой образ поможет мне и дальше, не забывая меня, отец.

Раданда каждого нежно обнимал и отвечал:

– Унеси в сердце верность и утверди ее во встречах. Будь благословен. Сердце мое тебя не забудет вовеки.

Кланяясь И., почти все говорили:

– Ты меня спас. Будь благословен, Учитель. Хочу отслужить тебе. И. отвечал всем:

– Ты путь, и я путь. Нет ни спасающих, ни погибающих, есть любящие и колеблющиеся. Мужайся, расти, любя побеждай.

Когда все вышли, И. собрал всех нас вместе возле себя, ласково посмотрел на Андрееву и сказал:

– Что по масштабу одного чрезвычайно много, то по масштабам другого гибельно мало, и никакого значения для вечного пути человека не имеет, на каких церемониях он «бывает», куда он «допущен». Но огромное значение имеет, как он всюду бывает, что с собой приносит в окружающую среду. То есть насколько у него хватает такта, выдержки и прозрения, чтобы мгновенно распознать силы окружающих, оценить их возможности и степень духовной зрелости и не нарушить, а укрепить гармонию окружающей среды. Пока человек, идя по земле, забывает закон такта и утверждения, он все еще в личном, он думает, прежде всего: «я», – и, неся в себе бесценное сокровище знания, похож на электрическую батарею, вокруг которой надо строить защитную сеть, чтобы она по нечаянности не убила кого-нибудь. А между тем, носитель сокровенного знания духа есть строитель защитной сети для всех его окружающих.

– Я знаю, я все поняла, – тихо и кротко ответила Андреева, так тихо и так кротко, что Ольденкотт посмотрел на нее в полном изумлении. И. крепко пожал руку Наталье Владимировне, и так, рука с рукой, и вышел с ней из трапезной в покои Раданды. Всех нас, сидевших за его столом, И. пригласил следовать за собой.

Мы вышли на широкий балкон зала Раданды. Ночь давно уже спустилась над чудесным садом Общины, на небе мерцали звезды, к красоте и необычности которых я никак не мог привыкнуть. Я знал, в каком месте я увижу то или иное сочетание звезд, и все же каждый раз я точно ждал, что увижу небо России, с которым сроднился с детства. Я думал о силе привычек в человеке и как бы наново понял слова И. о необходимости создавать в себе новые привычки, чтобы двигаться скорее и легче в пути совершенствования. Свет звезд то вспыхивал, то бледнел, точь-в-точь как дух человека, неустойчивая гармония которого загорается или меркнет под давлением встречающих огней человеческих аур.

Точно отвечая на мои мысли, И. сказал:

– Вскоре мы уедем отсюда и вернемся в Общину Али. А когда вернемся туда, для некоторых из вас настанет время снова отправиться в мир трудиться, где трудились, и продолжать нести людям творчество сердца в той форме, какая дана каждому из вас Жизнью. Сила прежних привычек, хотя и ослабленная, все еще владеет вами. Чем больше вы сознаете, какая мощь – укоренившаяся в организме привычка, с каким трудом вырвали вы каждую из них из себя, тем с большим усердием вы должны стремиться создать себе новые привычки, новые навыки, помогающие единиться с людьми. Новые навыки должны стать привычными сначала и неизменными, единственными впоследствии способами вашего обращения с людьми. У людей того мира, среди которых вам придется жить, слугами, помощниками и друзьями которых вы готовитесь быть, нет расширенного понимания себя и всей вселенной Единой Материей, Единым Творчеством. Поэтому условность владеет ими. Они, как ширму, выдвигают ее при всяком общении, стараясь прикрыть ею красоту своих душ, боясь обнажить свои уши перед встречным. Они считают, что все богатство их души только им принадлежит, только их сокровище и владение, которое они вправе подавать и утаивать, как им заблагорассудится. Вы же, знающие, что такое истинная жизнь человека на Земле, не только не можете обособляться в кружки и секты, где одним несете, других отталкиваете, но вы всем одинаково братья и слуги. Вся разница в вашем поведении та, что, распознавая, вы знаете, где можно подать Свет Мудрости, а где надо помнить: «Не мечите бисер пред свиньями».

Руководящей нитью ученика в его встречах неизменно должна быть радость. Только на этом фоне могут развиваться в ваших встречных ответные симпатизирующие и сродные вам вибрации. Чтобы вызвать во встречной душе творческие элементы жизни из-под пудов налипших личных, эгоистических побуждений, надо в самом себе раскрыть первый аспект Бога, а он и есть радость. Тот, кто стоит перед Учителем в печали, не может услышать самого ценного в протекающей встрече, так как его печаль как дымное покрывало окутала в нем первую силу восприятия Величия – радость. Человек может быть очень высоко развитым духовно. Ему могут быть даже подвластны некоторые силы природы, и все же, если он печален, неуравновешен или раздражителен, он меньше вынесет из встречи с Учителем, чем самый обычно одаренный человек, проводивший свою встречу в сияющей радости. Не поддавайтесь же печали, как это делаете почти все вы сейчас. Утвердитесь в привычке жить вне времени и пространства, вне разлук и свиданий. Живите в Вечном, понимая, что для

Него нет этих мизерных условий. Труд вечный, труд радости, неизбежный как самое дыхание Земли, становится легким и милым по мере того, как разворачиваются в вас силы духа и ваши мысли перестают вращаться только в футлярах тел и домов, но парят во вселенной, где каждый из вас имеет свое творческое место. Как только созревает привычка жить в космическом, человек сбрасывает со своих глаз условные пути телесной любви и входит в единение с теми, кто живет во всех футлярах. Одни из вас грустят, что уедут из Общины Али. Как туманная страна неприятных шумов и духовного убожества встает перед ними далекая новая страна, где оставлено вами когда-то старое мировоззрение. Вам чудится, что здесь легче вы продвигались вперед. Проверьте каждый себя. И вы увидите, как часто в этом «здесь» вы были в раздражении, нетерпении и в тоске. Не идеализируйте этого места, как места «близости» к Великому Светлому Братству. Я уже не однажды говорил вам, что можно поместить человека среди ангелов, и он будет проводить свое время в усердных поисках пятен на их одеждах. Близость к Богу, близость к Учителю всюду и всегда одна и та же для человека: все в нем. Ваши труд и примиренность – вот, что может помочь вам достигнуть освобожденности, и ничто больше не поможет вам в этом. Вам могут указать способы достичь внутренней самодисциплины, чтобы помочь вам развить в себе новые начала для благих привычек. Вам могут указать, что эти новые привычки необходимы вам, чтобы сорвать с места старые, как липкие листья, мешающие вам развивать в себе силы Великой Жизни. Но действовать, творить свой путь можете только вы. В эту минуту одно из бьющихся здесь сердце имело бы больше всего оснований желать уехать в новую страну, к своему великому другу-Учителю и к своему другу, братуотцу. Но в этом сердце не только нет ни на миг такого желания, но даже мысль о таком желании не мелькнула в нем. Сердце это не подало ни стоны, ни вздоха о разлуке. Это верность до конца. Это сердце моложе вас всех. Каждый из вас метался в молниях тоски и сомнений во все время своего «сегодня», а это сердце только лило свою радость.

– Я давно уже поняла на примере этого сердца, что значит достигать самодисциплины путем верности. Это значит обскакать всех на крылатом коне, – громко сказала Наталья Владимировна.

– Я же понял совсем иное, – возразил Ольденкотт. – Я понял, что путь человека, из каких бы слагаемых он ни суммировался, вводит каждого в то место где живут созвучные его радости вибрации. Я понимал это всегда одним умом. Мысль, логика говорили мне, что это так. Теперь я понял это всем своим существом. Я увидел, что так же, как радость есть первый

аспект пробужденной Жизни в человеке, верность есть первый стимул человеческого существования, через который должны идти все. И успешность в достижении гармонии есть именно верность, Ею все начинается и Ею все кончается

– А еще вернее выразиться: верность есть полное знание, что каждое «сейчас» не что иное, как славословие Богу, славословие всем существам, до конца, – сказал Раданда. – Идите, мои дорогие, мои любимые, усните сейчас в мире, в мысли о Вечности и приготовьте себя к новым встречам и проходам завтра так, чтобы ваше поведение было прямым результатом Света, зажегшегося в вас сегодня по-иному.

Раданда ласково простился с каждым из нас. И. остался еще с Яссой и Радандой, мы же все вышли вместе в темноту жаркой ночи. Я захватил спящего Эта, который взгромоздился мне на руки, делая вид, что очень устал и хочет спать. На самом же деле хитрец преуморительно наблюдал за мной и старался головкой прижаться к моему лицу. Я ласкал моего друга, делая вид, что вполне верю его слабости и желанию спать, но он так же отлично понимал мои чувства, как я его.

Никому из нас не хотелось говорить, каждый уносил в сердце ту Любовь, которой был окутан в покоях Раданды, как самое драгоценное сокровище. Грегор и Василион простились с нами молча у своего домика, мы также дошли до собственных комнат молча, уважая переполненность каждого.

ГЛАВА 22 Последний утренний завтрак отъезжающих. Напутствие детям. Еще раз Ариадна. Рассказ Мулги о Раданде. Уединенный скит строптивцев. Старанда и Георгий. Беседа И. с Андреевой и Ольденкоттом

Возвратившись к себе, я долго еще не спал, и мой дорогой Эта, не желая расставаться со мной, дремал у меня на коленях, засунув головку в мой широкий рукав. Отдавая себе отчет в своем поведении за день, столь богатый впечатлениями и встречами, я чаще всего останавливался вниманием на Наталье и посылал ей самую нежную любовь, на какую было способно мое сердце.

Впервые я ощутил всем сознанием, как труден путь постоянно взволнованного человека и как точно определяли слова Раданды, что такое верность и то, что ее в первую очередь надо утверждать человеку в самом себе и во встречном. Всякое волнение вызывается и вызывает в другом обостренную личную жизнь. Личность покрывает индивидуальность, и, следовательно, та часть человеческого существа, где живет верность, меркнет. Верность как таковая перестает временно существовать. Вся

индивидуальность отступает в тень, покрываемая блистательным светом личности.

За этими размышлениями застал меня И., легко вошедший в мою комнату, как только он один и умел входить – почти бесшумно и всегда заполняя все пространство дивным светом и силой своего существа.

– Довольно решать философские проблемы, мой милый секретарь, завтра раньше обычного тебя разбудит Слава. Ты пойдешь со мной к раннему завтраку провожать отъезжающих. Ночь мелькнет очень быстро, еще затемно надо встать к проводам. Тебе и спать-то не больше двух часов. Ложись, завтра поговорим о том, как подавать помощь людям, неся им мир и успокоение.

И. погладил спинку Эта, обнял меня и прошел к себе. Чтобы не мешать ему в его делах – я был совершенно уверен, что спать он не будет, а будет заниматься, – я поспешно лег в постель, оберегая его спокойствие и потребность в полной тишине. По обыкновению, я не заметил, как заснул, и, когда Слава меня будил, я не сразу понял, что часы сна уже прошли, что пора снова начинать день. Я убежал в душ. Эта, конечно, меня сопровождал, и через самое короткое время мы с ним явились убирать комнату И.

К моему удивлению, комната была уже прибрана, и в ней, кроме И., сидел еще Ясса. Оба уже ждали меня, и мы немедленно отправились в покои Раданды. Там мы встретили Грегора и Василиона. Радостно встреченные всеми, мы вошли все вместе в трапезную. Сегодня она представляла из себя совсем особое зрелище. Все отъезжавшие были в костюмах для дальнего путешествия по пустыне и походили на фигуры с древних гравюр, изображающих кочующие племена. Все были укутаны в широчайшие халаты и покрывала, облекавшие их с головы до ног. Наскоро позавтракав, все вышли на площадку, откуда вела аллея к воротам. И. вышел с нами, и здесь его окружила целая толпа детей, сопровождающих своих родителей в далеком пути.

Часто я видел И. окруженным детьми и разговаривающим с ними. Но еще никогда я не видел в беседах с ними его лицо таким сосредоточенно-внимательным. Он так всматривался в лица детей, точно хотел на весь век запомнить лицо и внутренний образ каждого ребенка.

– Мои милые, дорогие дети. Запомните эту минуту, когда уезжаете отсюда. Запомните, как безмятежно счастливы вы здесь были. Запомните мой образ и мою последнюю беседу с вами.

Вы еще дети, но в вас уже живут все качества взрослых людей. Все, что я скажу вам сейчас, будет коротко. Постарайтесь запомнить и, что бы

вы в жизни ни делали, где бы вы ни жили, руководствуйтесь теми тремя короткими правилами, которые я вам сейчас скажу:

Первое, о чем помните больше всего: внимание к каждому человеку, с которым говорите, к каждому делу, которое делаете. Вся жизнь человека – только внимание. Это первая необходимость в жизни. Тот, кто не разовьет своего внимания в жизни каждого дня, не сможет ни в одной области достичь чего-либо большого. Вы еще маленькие люди, дел больших делать не можете, но ко всем вашим делам вы уже можете прилагать все свое внимание. Как вы встали с постели, как умылись, как сели за стол кушать, как перешли заниматься – решительно все делайте с полным вниманием. И в каждое бегущее «сейчас» думайте только об одном этом деле, которое делаете в эту минуту, и делайте его до конца хорошо.

Второе: когда разговариваете с человеком, вдумывайтесь и вслушивайтесь в его слова. Посмотрите ему в глаза, заметьте, спокоен он или расстроен. Не бросайтесь делать что-то, пока человек еще не договорил, но дослушайте до конца, что он говорит вам. Если ваше ухо улавливает, что человек раздражен, старайтесь ответить так, чтобы он почувствовал, как вы его любите и хотите ему помочь. Не о себе думайте при разговоре, а о том человеке, что говорит с вами.

Третье: никогда не плачьте. Если только одна непобедимая сила в жизни, и эта сила – Радость. Каждый раз, когда что-то вам не удастся, когда вы хотите победить все препятствия и добиться результатов, побеждайте любя и радуясь. Каждая ваша улыбка ускорит вашу победу и развернет в вас силы. Каждая слеза и слова уныния скомкают то, чего вы уже достигли в своих способностях, и отодвинут вашу победу далеко от вас.

Третье правило, как и первое, составляет для вас программу деятельности на всю жизнь, во всех делах, учении, искусстве. Второе же правило – ваша вечная работа над собой. Запомните, что, если вы начали день и несли друг другу любовь, все ваши дела, сколько бы вы их ни сделали, были делами радости и созидания. Если же вы не несли любви, самые ваши усердные и трудные дела не стоили ничего. Ибо все, что вы делаете любя, вы делаете для общего блага. А все, в чем вы не пролили любви и радости для всех людей, вы делали только для одних себя, и это не имело никакой ценности перед лицом Вечной Жизни. Вы едете далеко. Вы увидите огромные города, реки и горы, долины и пропасти. Но знайте, что всякое место, где бы вы ни жили, не имеет значения, как то или иное места. Важно то, что вы туда принесли в себе. Старайтесь принести новым местам и новым друзьям те любовь, мир и радость, которые вы здесь поняли и в которых вы здесь жили. Несите всюду в своих сердцах именно их, и вы

будете приносить счастье и показывать людям, что вы знаете, как живут люди, если они передают друг другу привет любви.

Каждого ребенка И. благословил и обнял, каждому повесил на шею изображение часовни Великой Матери чудесной работы на тонкой цепочке, и еще раз мне показалось, что его пристальный взгляд как бы навеки запечатлевал в своем сознании образ каждого ребенка.

Когда все расселись на спинах верблюдов, причем для женщин с детьми было сооружено нечто вроде огромных гнезд с подушками и балдахинами на высоких шестах, ворота Общины открылись, и И. еще раз благословил весь караван, напутствуя его прощальными словами:

– Поезжайте, друзья мои, весело, легко. Не уносите лишнего груза печали на сердце, чтобы оно было пусто и свободно от личного. Вы едете в мир не для того, чтобы искать себе блеска и расширения собственной личности в новых знаниях и новом творчестве. Вы едете в мир, чтобы помочь людям принять их день таким, каков он есть. Чтобы они, ваши новые встречные, поняли, что нет дня, выпавшего им на долю как боль и мука. Но что каждый день и все его обстоятельства – все соткано самим человеком. И если день тяжел, то он только спутанный клубок из покрывал собственных предрассудков и суеверий. Живите не мудрствуя. Ищите установить с каждым человеком максимум простоты. И опять-таки не от ума ищите эту простоту, а от сердечного вашего тепла. Каждый раз, когда вас будет постигать неудача в отношениях с ближними, проверьте себя: были ли вы совершенно свободны в чистоте вашего сердца? Стояли ли вы вне рамок условностей земли? Вели ли вы вашу встречу в присутствии Учителя? Мчались ли вы в законах Вечности или, поддавшись очарованию личности, подпали его печалям и радостям и делили с ним не Вечное, но то текущее, в чем жил он. Бдительность, самую пристальную бдительность распознавания несите в своем дне не как палку, не как костыль, но как огромную силу радости знания, единственного знания, ценного и необходимого: жить каждое летящее мгновение как мгновение протекающей Вечности. До свиданья, друзья. Со многими я еще встречусь на Земле, с иными в других мирах, но каждому из вас я обещаю еще раз встречу со мною. Будьте благословенны, мир мой да будет с вами.

Под радостные пожелания и благословения всех провожавших караван вышел из ворот и вскоре скрылся в едва серевшей мгле занимавшегося утра. И. отпустил всех, кроме меня, Грегора и Василиона. Мы прошли в другую половину парка, где я был только один раз, когда нес больного мальчика женщине, к которой Франциск дал мне письмо. Я очень скоро понял, что И. идет именно туда, в дом Ариадны, имя которой я ясно

вспомнил. Шли мы молча. Я только сейчас точно отдал себе отчет, как много времени мы уже живем Общине Раданды. Все мелькнуло, будто только вчера мы ехали по пустыне, и вместе с тем и сейчас я воспринимал прожитые здесь месяцы как целую длинную жизнь.

– Мы войдем сейчас в жилище женщины, которой – тогда девчонкищенке – ты, Василион, был однажды спасителем и наставником. Без тебя ей грозили бы нищета и разврат, ты спас ее от них, хотя тебе самому было немногим больше лет, чем ей. Сейчас ты ее увидишь, вспомнишь многое из своего прошлого и узнаешь ее. Хочешь ли ты, чтобы и она тебя вспомнила и поблагодарила за оказанные ей благодеяния?

– Пощади, Учитель. Если воля твоя благая считает нужным, чтобы я узнал женщину и пожелал ей еще раз дальнейшего счастья твоей опеки, то будь милосерд, избавь меня от ее благодарности. Ты не приказываешь высказывать тебе нашей благодарности, а уж сам знаешь, чем мы обязаны тебе. Мне же было бы очень совестно принимать благодарность за оказанную пустяковую мощь. Молю тебя, да минует меня чаша сия, – ответил Василион таким молящим тоном, что И. рассмеялся, обнял его и вновь сказал:

– Однажды у меня была встреча с мальчиком, который поражал всех своей способностью ясновидения болезней. Он точно видел места боли в человеке и так хорошо определял врачам характер заболевания, что ни одного смертельного исхода не было, как бы ни сложна была операция. Но мальчик жаловался на людей не в тех девяносто девяти случаях из ста, когда люди были неблагодарны и забывали о нем на следующий день выздоровления, мальчик жаловался на тех, кто высказывал ему свою благодарность, отнимая у него время «попусту», как он выражался. Не сродни ли ты этому мальчику, Василион?

– Ах, Учитель, что ответить мне на твою шутку? Я действительно старался избегать благодарности людей за то небольшое добро, что могу для них сделать. Но не потому, что это значит терять время попусту, хотя это в отношении меня, конечно, так и есть. И не потому, что моей застенчивости это очень трудно, а потому, что сознаю себя столь тяжко грешным, что все мои труды вряд ли могут покрыть Светом мой путь к людям.

Голос Василиона теперь звучал так печально, что я с удивлением взглянул на него. Мною он воспринимался как очень чистое и светлое существо, и я не мог понять, почему в его сердце так много горечи и скорби. И. сел на скамью, пригласил и нас сесть возле него.

– Я уже говорил тебе, мой друг, не живи прошлым. Ты не виноват в смерти твоей жены. Ее час пришел бы в то же время, даже если бы твоя

любовь не двоилась между твоей женой и Грегором и если бы ты не разделил его скорбного пути. Оставь горькие мысли о прошлом, перестань упрекать себя в том, что ты чего-то не выполнил перед твоей женой и не помог ей жить на земле в полной удовлетворенности. Каждый раз, когда ты воскрешаешь в скорби ее образ, ты забываешь, что такого ее образа, каким ты его создаешь, давно уже нет. Сияющее существо, каким она живет сейчас, меркнет в своем сиянии каждый раз, как ты окутываешь его своими мыслями скорби, горечи и раскаяния. Мысли печали, слезы личного восприятия к давно отошедшей форме невыносимо тяжелы для каждого из развоплощенных существ, живущих в том из миров, где еще связь с Землей не порвана. Запомни это. Пойми, что печаль прошлого стоит на твоём пути освобождения. Она один из самых больших барьеров к свободе духа, и она же мешает тебе стать Светом на пути встречаемых людей.

И. сказал еще несколько слов каждому из нас как руководство на ближайшие дни, а затем мы молча продолжали начатый путь и вскоре подошли к домику Ариадны. Уже совсем рассвело и раздался первый удар колокола, когда дверь отворилась, и пораженная неожиданным появлением И. Ариадна застыла на пороге своего дома.

– Здравствуй, Ариадна. Я обещал тебе прийти и лично проводить тебя с сыном в трапезную, куда теперь вы будете ходить всегда. И жить здесь вы больше не будете. Раданда укажет вам помещение в ближайших к его покоям домах. Отсюда далеко ходить и в школу, и в мастерские, где ты будешь теперь работать. Ничего с собой не бери. В чем есть, в том и иди с нами.

– Увы, Учитель, сынок мой еще не в силах пройти так далеко. Лекарство, что ты прислал, вчера кончилось. А ребенок все еще слаб и так бледен, точно и не было целых месяцев лечения.

– Это пустяки, Ариадна. Собирайся живей. Левушка сына твоего сюда принес, и он же его донесет и до трапезной. Раданда даст ему новые капли, и завтра же твой мальчик будет неузнаваем. Войди, Левушка, помоги матери одеть мальчика, заверни его в одеяло и догоняй нас. Мы пойдем вперед очень медленно. Не торопись, нам будет о чем поговорить без тебя, а к последнему удару колокола поспеем.

Когда я вошел в комнату Ариадны, то поразился виду мальчика. Нес я сюда совсем малыша, а теперь лежал в постельке вытянувшийся подросток, точно его, как тесто, хорошо раскатали валиком. Он был бледен и худ, и ему было холодно, несмотря на уже сильную жару. Я помог матери одеть ребенка, что, несмотря на мою помощь, она сделала с большим трудом. Затем она на некоторое время вышла и возвратилась в другом платье. Я

взял ребенка на руки, и мы пустились в путь догонять И. с его спутниками. Какой легкой казалась мне теперь моя ноша, хотя сильно выросший за это время мальчик был много тяжелее прежнего. Он лежал на моих руках, прикинув к моему плечу, равнодушный ко всему вокруг него происходившему.

– Я никак не ожидала, что Учитель зайдет сегодня к нам. Я не теряла ни веры, ни надежды, что Учитель И. вспомнит о нас. Но в глубине души я думала, что мне предстоит разлука с моим дорогим сыном, и собирала все силы, чтобы встретить эту минуту разлуки героически. Это мне плохо удавалось.

Голос Ариадны дрожал и прерывался. Мы вышли на прямую аллею, и очень далеко впереди я увидел три мужские фигуры. Я ускорил шаги, чтобы сократить расстояние между нами и ими, и стал держаться в таком отдалении, чтобы никакие обрывки разговора до нас не долетали. Когда мы стали подходить к трапезной, И. остановился и подождал нас. Не успел я поравняться с ним, как колокол ударил в последний раз, и я в числе других вошел в трапезную. И. прошел прямо к столу Раданды, указал мне на мое обычное место рядом с ним и велел посадить мать и ребенка возле меня. Я выполнил его приказание, но мальчик сидеть был не в силах и почти лежал на моем плече, поддерживаемый мною за талию. Раданда подошел к Ариадне, бледное и измученное лицо которой выражало полное расстройство, и слезы готовы были брызнуть из глаз. Он ласково положил ей руку на голову и несколько раз нежно погладил густые гладкие волосы, сбросив прочь с ее головы платок, под которым она скрывала свои чудесные толстые косы.

– Зачем же, друг, ты сомневаешься? Тебе ведь Учитель И. сказал, что твой сын будет здоров, что беспокоиться не о чем. Если бы ты, ухаживая за сыном, все время твердо помнила об этих словах Учителя, твой сын выздоровел бы гораздо скорее. Твои сомнения, скорбь, колебания очень и очень мешали ему. Ты уверена, что ты любишь сына со всей силой самоотвержения. На самом же деле все время его болезни ты думала о себе и только о себе, а не о нем. Ты искала силы в себе не для того, чтобы утвердиться в верности Учителю и помогать своей энергией сыну выздоравливать. Ты искала возможностей приготовить себя к разлуке с ним. Будь хоть сейчас действительно преданной матерью и думай только о сыне, забудь о себе.

Раданда поднял головку ребенка и ловко влил ему в рот несколько капель из маленького, похожего на игрушечный чайник стаканчика, который он держал в руке. Мальчик слегка вздрогнул, через минуту открыл

глаза, потом выпрямился, оглянулся кругом.

– Мама, ты здесь? Где это мы? Почему здесь так много людей и так жарко?

Вместо матери ему ответил Раданда:

– Ты, детка, в трапезной, куда теперь, как и все дети твоего возраста, будешь ходить каждый день. А жарко тебе стало потому, что ты поправляешься. Сейчас, чтобы скорее выздороветь и снова бегать в школу, пройди с мамой в мои покои. Там тебе будет специальная пища и уход. Еще несколько дней я тебя полечу, а там переедете с мамой в новый дом. Иди, дитя, в моих комнатах тебе будет прохладно.

Раданда подозвал к себе одного из своих келейников, велел ему проводить мать и сына в одну из своих комнат и передать их попечению доктора, который уже был оповещен об их приходе. К моему удивлению, мальчик сам вышел из-за стола и, подав руку матери, бодро зашагал за келейником Раданды. Заняв за своим столом обычное место, Раданда приказал подавать пищу, и завтрак прошел обычным порядком. Я заметил в столовой много новых лиц, но ни Андреевой, ни Бронского с Игором за нашим столом на этот раз не было.

Привыкнув теперь не предаваться размышлениям, где и кто может находиться, поняв однажды и навсегда, что раз человека нет в Общине там, где он бывает обычно, значит, он трудится в другом месте, я спокойно ждал распоряжений И. о дальнейших делах дня. Я понимал, что мы скоро отсюда уедем, и не сомневался, что у И. есть несколько очень важных и неотложных встреч. Мелькала у меня мысль, что мы пойдем к Старанде и к старушке Карлотте, и моя интуиция меня не обманула. Как только завтрак кончился, И. шепнул мне:

– Выйди к Мулге и подожди меня там. Мы пойдем к Старанде и Карлотте.

С большим удовольствием я встретился с Мулгой, по обыкновению хранившим моего Эта. Цельность и преданность этого человека, как и его доброта, уже давно меня пленили. Но мудрость этого сердца я увидел только сегодня. В каждом слове Мулги было столько мира и уверенности, что я задал себе вопрос: где обрел их простой человек Мулга? Были ли они ему свойственны еще в Общине Али или же он нашел их здесь, в тишине своей сторожки, стоявшей в самой глубине сада, где росли лучшие цветы. Мулга на своем типичном восточном наречии ответил на мой невысказанный вопрос:

– Много мест, много людей видели мои глаза. Много плача слышали мои уши. Много слез утешало мое сердце. Но нигде не встречался я с такой

добротой, чтобы забыть сразу все, что до сих пор видел, чтобы понять: все, что видел и слышал, все не настоящее. А настоящее – правда, вечная, как Бог, – то, что делают и говорят Раданда и Учитель И. Я и раньше слышал много проповедников, и великих проповедников, но всегда чувствовал, что это проповеди. Здесь же я понял слово дело и сложил в сердце своем такой мир, что, как башня, из сердца и головы прямо в небо смотрит. Я не дышу иначе, как через сердце свое прямо в небо, к Богу, и Бог в моем сердце живет. И все это случилось сразу. Слышал я раз ночью, как Раданда вышел один и пошел к воротам, что ведут в пустыню. Испугался я. Как же он один, такой старенький, идет к воротам? И пошел я поодаль за ним. Только вижу, открывает он калитку и выходит прямо в пустыню. Я не утерпел и вышел следом за ним. Луна светила, и ночь казалась мне даже холодной. Должно быть, шибко привык я к зною. А Раданда все идет да идет, уже, почитай, с версту от ворот отошел. И пожалел же я, что хоть палки не взял, ведь шакалов много ночью здесь бродит. Чем же мне старца защитить? Только это я подумал так, смотрю, Раданда остановился над чем-то, вроде как упавший верблюд лежит, и плач чей-то слышен. Я побежал со всех ног и подоспел как раз вовремя, когда Раданда вытаскивал из седла упавшего верблюда привязанную к нему женщину с ребенком. У меня был небольшой нож, мигом перерезал я ремни, взял у женщины ребенка, передал Раданде и помог ей высвободиться. Была она молодая, сама почти ребенок, и от долгих часов, что провела на верблюде, так закоченела, что мне пришлось принести ее сюда на руках. Верблюд уже издыхал, и спасти его было невозможно. «Эта женщина – невинная жертва клеветы, – казал мне Раданда, когда мы вошли обратно в калитку. – Здесь, в пустыне, есть оазис воинственного и жестокого племени. Провинившихся жен они наказывают, привязывая их к седлу одного из самых крепких верблюдов, хорошо откормленного и сытого. Гонят его так далеко, чтобы обратного пути он не нашел. А чтобы он не мог прекратить своей бешеной скачки, пока не упадет, обессиленный, и не издохнет, они втыкают ему под седло несколько острых игл кактуса. Сначала иглы незаметны животному, потом едва щекочут ему спину, но по мере бега вонзаются все глубже в спину и приводят его в бешенство. Когда животное, выбившись из сил, падает, оно умирает от истощения быстро, почти сразу. Но другая жертва человеческой жестокости, туго к нему привязанная, испытывает все ужасы палящего солнца и жажды или же ее заживо разрывают звери пустыни. Мы с тобой успели вовремя. Этот верблюд был когда-то, не так давно, украден, вернее сказать, отбит этим племенем у одного из караванов Общины. Он вспомнил дорогу к месту своего рождения, принес сюда своих несчастных седоков,

чем спас жизни матери и ребенка». – «Спасла им жизнь, по-моему, твоя доброта, святой отец». – Ничего нет во вселенной, Мулга, что мог бы сделать человек в одиночестве. Все в мире связано нитями любви. И внимание, если человек выработал его в себе до конца, открывает каждому непрерывное свершение человеческих судеб. Будь внимателен к живущим вокруг тебя людям, и ты будешь расширять свое внимание все дальше и дальше. И ты будешь видеть на много верст кругом, как и где нужна твоя помощь. Внимание человека утомляется и суживается потому, что он много и долго обращает его на самого себя. Когда он перестает сосредоточиваться на себе, внимание не знает усталости. Это для многих долгая и трудная работа. Человеку начинает казаться, что он только и делает, что думает о других. А на самом деле он имеет только более талантливую природу и ищет более широкого применения собственным талантам. И тут есть два пути: путь ума и путь сердца. Идущие путем сердца не спрашивают себя: хорошо или плохо будет то, что я делаю. Они идут и делают. Их ведет простая доброта, вроде того, как она повела тебя сейчас за мною. Пожалел ты старика, что пошел один ночью в пустыню, и только уже после подумал, что и палки-то у тебя нет, чтобы защититься от зверей. Не конфузься, – прибавил старец, точно видел, как я весь вспыхнул за свою глупость, что хотел защитить святого, который сам был защитой и шел спасать людей. – Твоя доброта откроет твои глаза скорее, чем книжная мудрость придет к тебе. Пойдем в больницу и передадим наших несчастеньких в надежные руки сестер. Не бойся, твоя ноша не умерла. Она скована усталостью и ужасом всего пережитого. Она поправится, и судьба ее и ее ребенка будет великой и светлой». Больше Раданда не прибавил ни слова. Мы передали наших найденьшей на руки сестрам больницы и вернулись в покои Раданды. У моей сторожки он остановился, посмотрел мне в глаза и улыбнулся. Веришь ли, брат Левушка, всю-то жизнь свою, с детства, как себя помню, все у меня было одно желание: «Хочу жить подле Бога». Своему отцу, сначала смеявшемуся причудам ребенка, я так надоел, что он гнал меня от себя. А добрая мать моя ласково мне улыбалась и отвечала: «Далеко до Бога, дитяtko. Люби людей, и будешь ты жить подле Бога». Я тогда не понимал ее слов. Ушел из дома. Ходил по святым местам. Дошел до Общины Али, где ты меня встретил, и все слов матери не понимал. А как улыбнулся мне Раданда, как перекрестил он меня, все я сразу понял. Понял, что все и всюду Бог, потому что в сердце своем Его носят люди. И повалился я ему в ноги. «Иди с миром, сын мой, – сказал старец, поднимая меня с земли. – Ты путь Божий, и я путь Божий. И каждый человек – все пути Господни. Не ищи понять, как, куда и откуда идет человек, если он

встретился тебе. Ищи подать ему помощь в эту минуту встречи. Ибо ничего нет важнее на земле, чем протекающая сейчас встреча. Если сумеешь внести в свою встречу мир, Милосердие примет в свои объятия и тебя, и твоего встречного. И вся твоя задача выполнена. Бдителен будь в своем внимании, и вся жизнь ни на одну минуту не пройдет мимо тебя». Благословил меня Раданда, обнял, прижал к себе, – и не смогу я высказать тебе словами того восторга, того счастья, что испытал я тогда. С тех самых пор точно крылья завертелись у меня за плечами. И тогда-то и выросла над головой моей башня.

Едва кончил Мулга свой рассказ, как возле сторожки остановились Раданда, И. и Ясса. Эта не замедлил проделать церемонные поклоны перед каждым из подошедших. Хотя я уже не раз видел эти грациозные фокусы с отставлением одной ноги и распусканием хвоста, но все же не мог удержаться от смеха. Мой друг счел мой смех нежелательным и недостойным себя, взлетел мне на плечо и хотел приняться за свое обычное озорство над моими кудрями. Но, увы, был сжат, как клещами, моими выросшими руками и спокойно уложен на скамью Мулги. С непередаваемым удивлением взглянул на меня мой павлин, не так давно переставший быть птенчиком, и, кажется, впервые мы перешли на положение товарищей, в котором старшим оказался я. Что и пришлось Эта признать как форму нашего совместного существования на данное сейчас.

– Что, братишка, пришлось тебе попасть в подчиненные? – поглаживая спинку Эта, смеялся Раданда. – Ничего не поделаешь, зато я научу тебя еще одному фокусу, тогда ты снова покоришь своего хозяина. А пока придется тебе пожить у него в служках. Ходи за ним чинно, выражай ему великое почтение и защищай не на жизнь, а на смерть, если встретится опасность.

Что понял Эта из всей этой речи, я не знаю. Но факт то, что он поспешно спрыгнул со скамьи, поклонился мне и степенно зашагал рядом, вслед за И. и Радандой. Ясса шел рядом со мной, немного позади наших великих друзей, говоривших на незнакомом мне языке. Речи их я не понимал, но по интонациям сознавал, что дело касалось очень важных вопросов. Я мысленно приник к Великой Матери, коснулся Ее чудесного цветка, с которым не расставался, и молил Ее помочь мне внести мир и радость в предстоящие встречи дня. Мы шли по еще незнакомой мне части парка, и вдали я увидел несколько очаровательных маленьких коттеджей, аккуратненьких и окруженных прекрасными лужайками, палисадниками, огородами, как бы представлявшими собой отдельные маленькие владения. Это было так не похоже на общий вид и тип жилищ здесь, что я с удивлением взглянул на Яссу. Он понял мой немой вопрос и улыбнулся.

– Ты еще молод, Левушка, и не мог заметить некоторых качеств и свойств людей. Есть множество людей, у которых под старость остается масса неизжитых желаний, от которых у них не перестает болеть сердце. Впереди всего у них стоят эти не исполненные в жизни желания и мешают им ясно видеть свое истинное положение. Всю жизнь они ищут Бога и путей Его, но не могут подойти ни к одной из тропок, ведущих к путям, так как на каждом шагу их слепит одно из тысячи неисполненных и мутящих душу желаний. Здесь живут люди, у которых когда-то в жизни была собственность, к которой они были привязаны и благодаря которой считали себя независимыми. Пришлось им все потерять, вести жизнь санньясинов, но тем не менее воспоминание о прошлом, о мнимой своей независимости мутит их души до сих пор. Здесь каждому из них даны отдельные владения, чтобы они могли вполне удовлетворить свои инстинкты собственности. Ведь войти в единение со Светлым Братством не может ни один человек, пока его держит в закреплении инстинкт собственности. Ты сам сейчас увидишь, как труден путь человеку, даже очень хорошему и доброму, пока в его мыслях живут разъединяющие воспоминания прошлого, желание самостоятельного существования без возможности добыть его собственным трудом, помимо жажды вообще жить, «поучая» других.

Мы миновали довольно много домиков и наконец вошли в один особенно красивый, увитый цветущими растениями и утопавший в целом море прелестных цветов. Несколько кошек и собачонок лежали мирно на солнце, выставив туловища и спрятав в зелени головы. Животные и не думали тревожиться при нашем появлении, продолжая свое ленивое, сонное мечтание.

Никем не встреченные, мы вошли в сени домика, прошли через две уютные, но малоаккуратные комнаты, где во многих местах стояли блюдечки с кошачьей и сдой и немалым количеством мух над ними. Впервые я видел здесь неряшливость и такое множество мух. От постоянного и быстрого движения вееров мух в Общине не было. Я их не видел нигде, кроме этой части парка. Эта вспрыгнул мне на плечо, косясь на новую для него обстановку.

Чувство какой-то еще не испытанной мною жалости к тому, кто здесь жил, закралось в мое сердце. Я связал все окружавшее меня со словами Яссы и подумал, что живший здесь человек должен был быть прежде всего бесконечно одиноким. Его должна была томить тоска по привязанностям Земли, жажда быть постоянно окруженным любящими его существами, пусть животными, но чтобы иллюзия любви жила вокруг. Меня точно

озарило понимание глубоко несчастных людей, мечущихся по жизни в вечной жажде любви и привязанности, вместо того, чтобы нести каждому мир и посильную помощь.

Мы вышли с противоположной, теневой стороны дома и услышали два спорящих старческих голоса, мужской и женской. Голоса долетали из густых зарослей цветущих, огромнейших, как кусты сирени, гортензий ярко-голубого цвета.

– Нет, нет, это далеко не так просто, как Вы воображаете, – слышался мужской голос. – Как же это, по-вашему? Впереди головы сердце идет? Тогда всякий глупенький и простенький, если только он добр и верен, может дойти до Учителя? Да ведь сколько надо знать, чтобы Учитель мог взять человека в ученики.

– Я не знаю, чего и сколько надо знать. Но что надо любить, а не быть сухим, как Вы, это я знаю, – отвечал женский голос.

– Не думаете ли Вы, что, любя Ваших кошек и собак, Вы достигнете цели? Разве может быть поставлена в заслугу такая любовь? Это Вы себя в своих кошках любите.

– Вот Вы опять ссоритесь, я ведь не говорю, что Вы себя любите, когда обучаете китайской грамоте своего несчастного садовника. Если бы Вы учили его английскому языку, его родному языку, это было бы понятно. Он англичанин и еле грамотен. А Вы вот – подай Вам китайский. Ну на что ему это? Он ведь до смерти едва три буквы выучит. Это Вы не себя любите?

– Ну, где же Вам втолковать? Он будет в следующем воплощении миссионером, и мы поедем с ним в Китай. Понятно Вам? Я для его будущего работаю.

– Нет, уж лучше я для настоящей жизни кошек поработаю. Нам с Вами не сговориться, – совсем раздраженно прозвучал женский голос.

Неизвестно, чем бы окончился этот классический спор, если бы раздраженная старушка не покинула своего места в тени кустов и не вышла на дорожку к дому, на которой мы все стояли. Увидев нас, узнав Раданду, она до того растерялась, что выронила из рук кошку, которая, очевидно, спала на ее коленях. За нею вышел из кустов старик высокого роста, видимо еще сильный, с крутым, упрямым лбом и не гармонизировавшими с общим видом его лица и фигуры кроткими голубыми глазами.

– Здравствуй, сестра Карлотта, – сказал старушке Раданда, и я только теперь вспомнил, что это та женщина, к которой я приходил однажды с Франциском в ту памятную ночь, когда неистовый монах Леоноре напал на меня и когда мы привели в Общину Али профессора и Мулгу. Сейчас я с

трудом узнал ее. Она пополнела, посвежела, сказал бы, помолодела, если бы в ее древние годы это слово могло что-либо означать.

– Отец Раданда! Я никак не ждала Вас так рано, – растерянно сказала сестра Карлотта.

– Неужели рано, друг мой? Я ведь вчера специально присылал Зейхеда сказать тебе, что сегодня буду к тебе с Учителем И., которого ты так меня умоляла позволить тебе повидать, чтобы лично с ним поговорить.

– Да, да, я забыла. Мой сосед всегда отвлекает меня от дел, и я не успела подготовиться.

– Иди, друг Александр, к себе. Мы придем к тебе позже.

Старик, поклонившись Раданде, поспешно скрылся в кустах.

– Ну, присядем здесь, на крылечке, – снова обратился Раданда к сестре Карлотте. – В комнатах у тебя, друг, плохой воздух и не прибрано. Оставь свою кошку, авось она найдет себе на время приют где-нибудь в другом месте, кроме твоих колен, – прибавил он, видя, как сестра Карлотта старалась подобрать в подол юбки кошку, пронзительно мяукавшую и рвавшуюся на свободу.

– Прости, отец Раданда, ты ведь не знаешь, кошка моя нездорова. Я сейчас отнесу ее в комнату и вернусь, – поспешно засовывая дрожащими руками кошку в подол, сказала Карлотта. Но кошка с визгом вырвалась и стремительно убежала.

Старушка обескуражено смотрела ей вслед, а все мы молча смотрели на нее. Я взглянул на И., и сердце мое невольно сжалось. Лицо его не было сурово, оно было по обыкновению милосердно. Но... неприступная стена величия окружала всю его фигуру. Я понял пропасть между ним и Карлоттой, которую она не была в силах переступить.

– Разве ты не понимаешь, сестра Карлотта, кого я к тебе привел? Почему же ты стоишь, опустив глаза в землю, и молчишь? Ведь в течение месяца бесед со мной ты настаивала, что ни Франциск, ни я не понимаем и не знаем тебя. Что мы можем ошибаться, не знать ни твоей природы, ни твоего существа. Я пытался растолковать тебе, что до тех пор, пока ты будешь занята собой, свидание с Учителем не может принести тебе ни мира, ни пользы. Вот ты сейчас стоишь перед ним и не решаешься поднять глаза от земли. Дерзай же. Мгновения встречи идут. Учитель не сможет долго ждать, пока ты будешь обдумывать, с чего начать и как выложить перед ним накопленный за долгую твою жизнь мусор обид и горечи.

– Я не могу говорить в Вашем присутствии, отец Раданда. Да Вы еще привели и совсем незнакомых мне людей.

Улыбка непередаваемой доброты осветила лицо Раданды, и он ласково

ответил ей:

– Ну, эти милые люди не совсем чужие тебе, дорогая сестра. Мы отойдем. Прости еще раз, Учитель, что моя доброта привела меня к ошибке и тебе приходится перенести лишние тяжелые минуты.

– Останься, Левушка, – коротко приказал мне И., видя, что и я собираюсь отойти с Радандой и Яссой.

– Не трать времени, сестра, на мысли суетные, как и с чего начать мне объяснять, почему не дошла ты до той степени высокого мужества и радости, которых достигали люди, истинно ищущие встречи с Учителем, истинно забывающие о себе, чтобы жить для блага людей. Не называй мне имен «мешавших» тебе жить в подвиге людей. Ты и Раданду, ежедневно посещавшего тебя и убеждавшего заняться трудом хотя бы самообслуживания, расточавшего тебе любовь целыми ковшами, считала неправомочным разрешить твои проблемы жизни. Кого из людей, прошедших перед твоими глазами, ты любила не потому и не за то, что они были тем или другим хороши для тебя? Кому ты внесла мир и отдых своим существованием? А если и внесла его единицам, почему не люди, а животные имели счастье завоевать твою преданность и дружбу? Единокого в животных ты предпочла Единому в людях? Не омрачай своих дней глубоким осуждением и горечью, что живут на дне твоего сердца. Люди, которых ты не раз осуждала, считала неправыми по отношению к тебе, ушли из этого мира, и ты больше не имеешь возможности принести им свои извинения и помочь их миру. Найди теперь им оправдание и себе осуждение. Но не мертвое осуждение-раскаяние, а живое, активное действие любви: в каждой новой встрече ищи видеть Вечное. Франциск много раз говорил тебе, что такое добрый человек. Он, как и Раданда, говорил тебе, что достичь встречи с Учителем можно только единясь в труде с людьми. И труд бывает разный. Можно иметь мало физических сил, но, просыпаясь ко дню, стремиться вместе со всеми людьми своего народа к его великим задачам дня, их видеть, им духовно нести помощь любви. Мужество рождается из всех факторов духа, мозга, сердца. Они вливаются в труд Дня, и ими светится день человека. Думаешь, что своему неряшеству найдешь оправдание в старости и слабости? Нет. Они отражение твоей слабости духовной и застарелой привычки сваливать уход за собою на руки других. Думаешь, что силы тоски, одиночества и горести выросли от печальных внешних обстоятельств? Нет, они тоже отражение внутренней раздробленности. Цельность твоя формальна. Повторяешь слова данного тебе указания, а Жизнь в тебе не разворачивает Своих аспектов. Благодаря доброте в далеком прошлом к тем людям, которых ты назвала чужими, ты

достигла Общины Али, ты здесь. Но страшись продолжать свое убогое внутреннее существование. Твое отрицание действительно. Ты в каждом видишь сегодня плохое, завтра – хорошее, вместо того, чтобы всегда видеть вечное. Твой день – день набегающей тоскливой слезы, которую стараешься развлечь случайными встречами, случайными услугами, случайным уходом за животными. Мечтаешь пойти куда-то «в гости». А рядом, через несколько домов от тебя, живет женщина, мать которой долгое время больна. Предложила ли ты хоть раз свои услуги подежурить у постели больной и сменить замученную дочь? Одумайся, друг. Сосредоточься. Отвлекись мыслями от «себя» на деле, внутри, а не вовне. Перед последними месяцами жизни на Земле подумай, приготовь дух свой к великому переходу в труд волн иной длины, которые теперь не ухватываешь. Но не забывай, что это будет труд, к которому ты здесь не выработала в себе строгой и точной привычки и дисциплины: Проследи: вместо того, чтобы всюду утверждать вокруг себя расцветающую жизнь, ты в каждом месте отъединялась, ничего не признавая и никого не считая себе учителями и наставниками. А между тем, первое изречение, даваемое ученикам: «Никто тебе не друг, никто тебе не брат, но каждый человек тебе великий учитель», – ты хорошо знала. Знала и знаешь формально, как и многое другое. Очнись, действуй. Завтра же ты отправишься в скит уединения, где живут строптивцы. Там старайся не мутить ничей покой, не вносить разлада ни в чью мысль, ни на одну минуту не раздражить или не влить в чье-то сердце печаль о твоём горьком существовании. Навеки пойми: стремление видеть Учителя – пустая суетность, сложившаяся из грубейших предрассудков и суеверий. Кто готов, тот может увидеть Учителя, тот годами жил и трудился в радости мире именно потому, что в сердце своем носил образ, действовал в его невидимом присутствии, и потому выросли его мужество и бесперебойная честь. По опыту этого дня видишь, что говорить в присутствии Учителя может тот, кто жил в его обществе, укрывая в сердце никому не видимый его образ. Когда поймешь, как найти истинные самоотречение и смирение, поймешь и любовь к людям, поймешь, как трудятся те, кто хочет содействовать планам труда Светлого Братства. Иди в скит, там сосредоточься и перестрой все свои понимания, что такое живая Жизнь в себе, протягивающая любящую руку такой же Жизни во встречном человеке.

Карлотта, молча и все так же с опущенными глазами слушавшая слова И., упала на колени, закрыв лицо руками. И. перекрестил ее, подержал свою руку на ее голове, дрожавшей от бурных рыданий, и прошел к тому месту, где сидели Раданда с Яссой.

Я бросился к старушке, поднял ее, легкую как перышко, и усадил в кресло на крылечке. Если бы не мое новое мужество и голиафова сила, я бы сам разрыдался от скорби за нее и сочувствия к ней. Но сейчас в сердце моем было так много мужества, самообладания и радости, что я коснулся судорожно утиравших слезы рук цветком Великой Матери, поцеловал обе эти старческие руки, низко ей поклонился и тихо сказал:

– Не плачь, дорогая сестра, завет мужества дал тебе Учитель. Призывай имя Великой Матери. Она поможет тебе найти истинный путь. Никогда не поздно, пока человек жив. Я приду завтра, я умолю Учителя разрешить нам с Яссой проводить тебя в скит. Мы будем навещать тебя там, пока не уедем отсюда, и будем всячески служить тебе со всем усердием, как только сможем. Милосердие Учителя безгранично. Если бы он не читал для тебя возможностей найти истинный путь, он не говорил бы с тобой сегодня.

Я еще раз поцеловал обе ее узловатые руки, еще раз поклонился ей и пошел догонять И., подхватив на руки Эта, терпеливо меня дожидавшегося, как будто бы он понимал всю важность утешающих слов для старушки.

Я нагнал И. как раз в тот момент, когда он разговаривал со стариком, которого Раданда назвал Александром.

– Сколько раз тебе, друг, Раданда повторял, что вовсе неважно, кем ты в жизни своих был или кем будешь. Важно только одно: кто ты сейчас. Избитая и старая истина, что Жизнь – это твое летящее сейчас; все же это остается для тебя не реальным знанием, а формальной проблемой. И, наоборот, призраки прошедшего и будущего занимают твои мысли, заставляя тебя попусту терять драгоценное время жизни на Земле. Свое время, которое ты обещал Раданде посвятить обучению детей, ты проводишь в бессмысленных спорах и беседах и в еще более бессмысленном обучении малограмотных людей таким знаниям, которые не могут быть им полезны ни в этом, ни в еще нескольких следующих поколениях. Довольно возиться с самим собой, со своей независимостью и вечной мыслью о жизни твоих детей и внуков. Ступай сегодня же в школу и скажи ее начальнику, что я прислал тебя в помощь старому учителю для обучения детей греческому и латинскому языкам. Учи их весело, радостно, чтобы они не потом обливались, как твой садовник, но смехом заливались и запоминали азбуку по комическим фигурам, которые ты так прекрасно умеешь рисовать. Поселись в самой школе и будь первым слугою, а не только наставником детям, с которыми тебя сегодня столкнет жизнь.

И. поклонился Раданде.

– Благоволи, отец, присмотреть, чтобы отданные мною сегодня

распоряжения были выполнены в точности обоими членами подчиненной тебе Общины. Ясса и Левушка, вы пойдете со мной.

Мы расстались с Радандой. И. круто повернул назад, вышел на одну из самых широких аллей и пошел по направлению к скиту строптивцев. Мы долго шли молча, и только когда стали подходить к воротам скита, И. сказал мне:

– Постучи в калитку, именем моим прикажи открыть и оставь старику, дежурящему у ворот, Эта.

Я все исполнил, как приказал И., и мы вошли в большой двор скита. Здесь тоже было много цветов, вокруг дома и вдоль дорожек сада стояли красивые скамейки. Мы шли мимо домов все дальше в сад. К моему удивлению, там протекал ручей вроде маленькой речки, а сад незаметно перешел в лес из смеси каких-то игольных деревьев, очень занятных и красивых на вид, мною никогда не виданных. В лесу дорожки прекратились и цветов не было, только узенькая, едва заметная тропочка вилась по земле, и по ней мы шли за И.

Сначала мы шли по ровному лесу, потом тропа стала пускаться вниз. Некоторое время мы шли по самому дну оврага и, выбравшись на другую его сторону, очутились у ряда белых домиков, обнесенных низкой деревянной оградой. Я понял, что овраг и горушки не что иное, как дно моря, некогда покрывавшего всю пустыню.

Никого не было у калитки, которую И. открыл, и никто не выходил нам навстречу. Все дома казались вымершими. Так дошли мы до небольшой церквушки и здесь увидели первое живое существо. Оно копошилось, вытряхивая циновки. Это был худенький человек в монашеской одежде, трудившийся спиною к нам и, очевидно, не слышавший наших тихих шагов. К нему-то и направился И.

– Здравствуй, Старанда, – громче обычного сказал И., подходя к человеку.

Тот вздрогнул, выронил из старческих рук циновку, быстро оглядываясь на приветствовавший его голос. Бог мой, как изменился Старанда! Он был все тот же старенький монах, к которому мы однажды приходили: Но я видел его в двух фазах: грубым отрицателем, упрямым строптивцем и жалким, несчастным человеком, понявшим всю глубину своего заблуждения и горько страдавшим от этого сознания. Теперь же перед нами, после первого пароксизма неожиданности и удивления, стоял радостно улыбающийся человек, лицо которого светилось приветливостью и нежной любовью. На шее его был повязан платок Франциска, концы которого были аккуратно заправлены под бедный, выцветший подрясник.

– Господи, ты помиловал меня, Учитель! Не ожидал я, что так скоро милосердие твое приведет тебя ко мне, грешному, – счастливо и бодро улыбаясь, говорил Старанда, поправляя свои седые вьющиеся волосы, падавшие на плечи и, очевидно, сплетенные до работы в косицы. – В каком неряшливом виде застал ты меня, Учитель! Да еще и гости с тобой, – застенчиво продолжал старик, обтирая свои пыльные руки о длинные полы подрясника. – Не пройдешь ли ты с дорогими гостями к настоятелю? А я мигом приберусь и прибегу туда.

– Не волнуйся, мой милый друг. – И я, уже привыкший к божественно ласковому голосу Учителя, был тронут его особенной добротой и нежностью при обращении к Старанде. – Мы пройдем в твою келью.

Старец, чутко воспринявший дивный голос Учителя И., сразу стал точно сильнее, увереннее, улыбка еще ярче Засветилась на его лице, он хотел поклониться И. в ноги, но тот обнял его и пошел с ним к ближайшему домику, держа руку на его плече.

– А платочка-то я не снимаю ни днем, ни ночью, – касаясь концов платка Франциска, тихо сказал Старанда, вводя нас в свою крохотную келью.

Чистые стены из пальмового дерева были так же прекрасно отполированы, как столы в трапезной. Небольшой аналой с раскрытым Евангелием, перед которым висело белое большое распятие и горела лампада, топчан с откидной крышкой, небольшой стол, табурет – вот и все убранство комнаты. На окошке стояли чернильница, графин с водой и кружка.

– Я пришел за тобой, Старанда. Что ты мне скажешь, если я предложу тебе переменить место и труд?

– Да будет воля Божья и твоя, Учитель. Я рад: мой убогий труд тебе понадобился. Здесь я, кроме уборщика при церкви, ни на что не нужен. Мало сил, только с этой работой и могу справляться. Но все, что прикажешь, постараюсь выполнить с Божьей помощью. – Старанда снова коснулся рукой платка, посмотрел на распятие, вздохнул, перекрестился и поклонился И., как бы ожидая его дальнейших приказаний.

– Ты даже не интересуешься, Старанда, куда я тебя поведу? – пристально поглядел на старца и улыбнулся И.

– Умер тот Старанда, Учитель, что спорил и считал себя всезнающим и во всем правым. Живет теперь Старанда, одну истину знающий: что всю жизнь мало любил человека и не о нем, а о себе думал. И было прежнему Старанде трудно жить всюду. И всюду, невежда, учить хотел. Нынешний Старанда полюбил человека. Вся тоска с него спала, нагой он перед

Творцом стоит, как нагой и на Землю пришел. Одна любовь его покрывает, и легко ему жить свой день. Одно иной раз сердце томит, что не понял я тебя, гонца Божия. Думал, что не хватит твоего милосердия простить мне скоро мой грех. Приют мой посетил ты ныне, и последнее звено тяжкое с сердца спало. Будь благословен, великий отец, да пойду по стопам твоим до смерти и после нее.

Старанда опустил к ногам И., который его обнял и посадил рядом с собой. И ничего я не увидел, кроме радужного облака, которое наполнило всю келью и в котором исчезли и старец, и сам И. Когда плотное облако рассеялось, я снова увидел И. и Старанду. Оба они уже стояли на пороге кельи, и Старанда, обернувшись ко мне, говорил:

– Не прошу я у тебя прощения, дорогой брат, ибо платок, тобою мне данный, все мне сказал. Он сказал мне, что сказка – волшебная сказка – сердце человека. И что жизнь каждого и есть эта сказка, которую рассказывает сердце человека. Не осуди меня ни на единый миг. И Великая Мать Жизнь не осудит тебя и вовеки подаст тебе Своей Доброты покров. Да хранит тебя радость в твоих долгих-долгих днях.

Старанда вышел вслед за И., мы с Яссой окинули взглядом бедненькую келейку, где нашел свое раскрепощение Старанда, и, пожелав следующему ее обитателю счастья и мира, поспешили за ними.

Как только мы покинули келью Старанды, мы увидели со всех сторон спешивших к И. одетых в монашеские рясы братьев. Впереди всех, с трудом передвигая ноги, старчески не сгибавшиеся, опираясь на посох, шел высокий монах со следами редкостной красоты на лице. По почтительному расстоянию, которое соблюдали остальные братья между ним и собой, я понял, что это был настоятель скита. Не доходя небольшого расстояния до И., он хотел опуститься на колени, как и все, следовавшие за ним монахи, но И. предостерег их от этого:

– Я уже говорил вам, что не разрешаю кланяться мне в землю. Преклоняйтесь перед Богом, если так хочет ваша душа. Учителю же видно ваше смирение и без земного поклона, как видна и ваша строптивость в самом глубоком преклонении. Мужайтесь, дорогие мои братья. Не падайте духом от того, что не можете сразу освободить сердце от вьевшихся в него привычек к спору и мудрованию. Расширяйте действенную любовь в ваших сердцах в труде простого дня. Не думайте так много о себе, о своих грехах, о подвиге своего спасения. Думайте чаще и больше о МиреВселенной, о живущих в ней людях, ищущих любви, зовущих и молящих о помощи и спасении. Посылайте каждому сердцу вашего сердца привет. Это ничего не значит, что здесь вы не видите людей и мира. Вы –

люди, вы – мир, вы можете так широко любить и благословлять людей, печальных, неустойчивых и несчастных в своей широкой 22

жизни, что волны вашего доброжелательства долетят до них и принесут им мир и успокоение. Каждая страсть, что вы победите в себе, от которой освободите сердце, полетит лучом радости и энергии в дальний мир. Никакая энергия, посланная человеком в доброте, не может пропасть в мире. Энергия зла окутывает только тех, в ком встречает раздражение. Тогда она может угнездиться в человеке. А энергия доброты не минует ни одно существо в мире, и если не освободит, то облегчит каждого страдальца, мимо которого мчится.

– Прости меня, Учитель, что я так мало сделал для скита с тех пор, как ты определил меня сюда настоятелем. Болезнь почти ежедневно держит меня прикованным к постели, и братья все делают сами, получая в моем лице еще добавочную тяжесть ухода за мной. Я несколько раз просил Раданду освободить меня от обязанностей настоятеля, доказывал ему, что я калека, а какой же калека может быть настоятелем, если он трудится меньше всех?

– Не огорчайся, Матвей, ведь и огорчение оттого, что ты не можешь трудиться так и столько, сколько, по твоему мнению, должен трудиться настоятель, тоже не признак освобожденности. Разве, когда ты прикован к ложу, ты, дух твой, твоя мысль, твое сердце инертны? Разве не шлешь ты ежеминутно далекому миру, всяком живому брату, в каком бы месте вселенной он ни жил, свою любовь, свое благословение, свою радость и мир? Неси смиренно свои обязанности. Братья твои по скиту растут, как растешь и ты сам, единясь с ними без предрассудков и суеверий. Ты хотел поговорить со мной о строптивном брате Георгии, которого никак не можешь победить своей любовью. Где же он?

– Он, вероятно, в оранжерее. Раз он услышал, что ты здесь, Учитель, и что все мы счастливы тебя видеть и получить твои наставления и твое благоговение, значит, ему надо поступить на свой манер и убежать в самый дальний угол. А на самом деле он умирает от желания увидеть тебя, Учитель, и, если случится так, что твоя доброта не найдет возможности его увидеть, глаза его распухнут от слез и сердце отяжелится истинным горем. Он добр, Учитель. Он очень мил и ласков по природе. Это только его внешний характер строптив.

Не он, а я виновен, что до сих пор не сумел раскрыть сути в порученном мне брате и что он так много времени потерял в пустоте. – Настоятель говорил с большой проникновенностью, и чисто отцовские интонации снисходительной любви звучали в его голосе. – Разрешите мне

сходить за ним, я постараюсь сделать это возможно скорее и не задержать тебя, Учитель, – прибавил настоятель, с мольбой глядя на И.

– Побереги свои больные ноги, мой друг. Посиди здесь с Яссой, у вас найдется, о чем поговорить. Он недавно возвратился из тайной Общины и привез тебе оттуда немало благодарных приветов и писем. Не волнуйся, прими спокойно благодарность многих обязанных тебе спасением людей. Вспомни, как хорошо бегали твои ноги, как точно разили врагов твои защищающие руки, и не огорчайся, что теперь проходишь урок омертвения тела, несущего в себе живой и деятельный миротворящий дух.

И. сделал мне знак следовать за ним, взял за руку Старанду, и вскоре, миновав дома и густые заросли, мы очутились на большой поляне, на которой был разбит целый ряд прекрасных оранжерей и парников, закрытых темными занавесями, укрывавшими редкостные фруктовые деревья от чрезмерного солнца. Теперь я понял, откуда в Общине так много прекрасных и редкостных Фруктов. И. приказал нам остановиться у одной из самых больших оранжерей. Он показал нам человека, одиноко тоскливо стоявшего под большим цветущим деревом неизвестной мне породы. Человек в монашеской одежде стоял, опустив голову вниз, держа в руках лопату. Время от времени он тоскливо взглядывал в окно и смахивал со щеки катившую слезу. И. постоял некоторое время, как будто вслушиваясь в разговор человека с самим собой, потом улыбнулся и, сделав нам знак следовать за собой, вошел в оранжерею.

– Где здесь садовник Георгий? – громко сказал И., подойдя к огромной, раскинувшей листья пальме, такой широкой, что мы все трое скрылись за ней.

– Я садовник Георгий. Кто здесь? Кому это я понадобился? Теперь время отдыха, кому какое дело, где я? – Голос раздался издали, мягкий, приятный, голос, несомненно, певца, что мое ухо научилось хорошо распознавать. Несмотря на грубость ответа, я сразу понял, что говоривший был, безусловно, человеком культурным, что он добрый и, по всей вероятности, глубоко несчастный.

– Ты очень нужен одному больному человеку, – ответил И. – Разве в уходе за больными можно соблюдать свое время отдыха?

– Чудно, право. Да кто ты такой? Я такого и голоса-то здесь не знаю. Почему ты берешься учить меня моим здешним обязанностям? Я своему больному все приготовил, – и шаги направились прямо к пальме, за которой мы укрывались.

Дойдя до дерева, Георгий наткнулся прямо на меня и в удивлении воскликнул:

– Батюшки, да ты скоро в потолок оранжереи упруешься. Я судил по твоему голосу, такому необыкновенному, что ты, должно быть, и создан Богом, как сама гармония. А ты, видишь-ка, скоро до неба достанешь, хотя у тебя и ребячье лицо.

И. вышел ему навстречу, и тут произошло то, чему я бывал уже тысячи раз свидетелем. Георгий выронил из рук лопату, уставился в лицо И., точно не мог оторвать взгляда, и стоял, меняясь в лице, бледнея и краснея. Это был еще молодой человек среднего роста, но плечи и грудь его были так широки, точно приставлены от совсем другой фигуры. Большие светло-серые беспокойные глаза и крутой, упрямый лоб – все говорило, что человек этот настойчив, своенравен, самолюбиво быть может, грубоват, но добр и чист.

– Что же ты, Георгий, не вышел со своими братьями встретить меня? Или самолюбие стоит у тебя выше человеколюбия? В последнюю нашу встречу ты мне обещал, что будешь думать о людях и забудешь о себе. Видно, тебе трудно переменить ролью с твоим братом, который слишком много думает о людях и совсем не помнит о себе, хотя живет все там же, в миру, в Москве.

Георгий вздрогнул, точно И. его ударил, и прошептал:

– Брат? При чем здесь брат? Я не думал о нем много лет. Что хочешь ты этим сказать?

– Я хочу напомнить тебе, как грубо ответил ты брату, заменившему тебе отца, на его мольбы не покидать мира. Он стремился доказать тебе, что всюду можно быть чистым и честным человеком и преданным гражданином своей родины, всюду можно любить людей и служить им. Ты ушел сюда. И все время борьба твоего сердца, борьба-протест против каждого высказанного другим человеком мнения стоит на первом месте в твоих мыслях. Что же такое твой день здесь? Чем он разнится от твоей мирской жизни? Чем облегчаешь ты встречных? Чем помогаешь им жить в доброте? Матвей говорил тебе много раз, что, не имея мира в собственной душе, нельзя подать его другим. Дать можно только то, чем владеешь сам. Помнишь ли ты единственный данный тебе мною завет? Я сказал тебе: неси мир всем, особенно неси мир-отдых трудящимся рядом с тобой. Почему же и здесь, в обители тишины, ты все тот же немирный Георгий, что не мог ужиться в мире нигде и ни с кем? Только потому, что у тебя и здесь на первом месте само-, а не человеколюбие.

Георгий закрыл лицо руками, и я увидел, как на его рясу, бедную, поношенную, выцветшую, потекли ручьи слез.

– Не плачь, мой друг. – И. подошел к монаху и провел рукой по его

длинным черным волосам. – Успокой свою блуждающую в мечтах о недоступном мысль. Ты только и делал, что мечтал о встрече со мной. А пришел я, и ты трусливо бежал от этой встречи. Любовь моя нашла тебя здесь, где ты укрылся, жажда видеть меня. Сердце твое отягощено грузом скорби и жаждой высказать мне ее, а уста твои молчат, не имея сил передать в слове жалобы сердца.

Георгий упал к ногам И., поднял свое залитое слезами лицо и страстно сказал:

– Благословенный, снял ты меня весь мой бунт. Пропало в ласке твоей все мое возбуждение, мир принес ты мне. В одну минуту понял я, что такое истинная любовь к человеку, в одно мгновение просветлело сердце мое, узнало мир. И теперь я его понесу всюду, потому что дал ты мне его навек. Прости меня за глупую детскую СТропчивость, – целуя руки И., говорил монах.

Встань, друг, пойдем с нами, поживи еще здесь. Утешь своим миром и любовью Матвея перед его близкой кончиной. Возврати ему все его заботы о тебе, и, когда отдашь последний долг его праху, Раданда возьмет тебя к себе. У него будешь учиться, подготовишься к государственному экзамену в университете, и, когда будешь готов, я пришлю за тобой. Станешь профессором – и твоя тоска по науке будет удовлетворена. Успокойся, найди самообладание, чтобы подойти к Матвею со спокойным и радостным лицом. И. нежно обнял Георгия, благословил его. Лицо его теперь сияло, и мы возвратились снова к Матвею и его братьям, которых застали за оживленной беседой с Яссой. Пробыв еще некоторое время в скиту, обнял каждого из братьев и каждому сказав что-то ласковое и чрезвычайно для него важное, И., взяв с собой Старанду, вышел из скита и пошел прямо в наш домик. В одной из комнат он приказал Славе поместить Старанду. Приняв душ и переодевшись, он приказал мне позвать к нему Андрееву и Ольденкотта.

Никого из них я не нашел в комнатах. Не зная, куда направиться на поиски их, я вышел в сад, где Слава сказал мне, что видел только что обоих друзей сидящими в белой беседке за чтением книг. Я помчался по аллее и действительно нашел их за совместным чтением большущей книги. На мое приглашение отправиться со мной к И. оба друга реагировали совершенно разное. Лицо Натальи покрыла густая краска, точно вся кровь бросилась ей в лицо. Она заспешила, стала суетливо собирать по обыкновению разбросанные в беспорядке вещи, и во всем было видно ее внутреннее волнение. Что же касается милейшего американца, то ни одной черточки волнения не мелькнуло на его прекрасном лице. Он спокойно закрыл книгу,

помог Андреевой собрать ее вещи, минуту постоял в раздумье, как бы сосредоточивая свой мысль на предстоящем свидании, и сказал мне:

– Мне неудобно войти к Учителю с этой книгой. Он приказал мне ее прочесть, а я еще не успел. Не будете ли Вы так добры, Левушка, взять ее в Вашу комнату, пока я буду у Учителя И. Я возьму ее у Вас по окончании беседы.

– И это я не дала Вам возможности выполнить приказание И., так как непременно хотела читать книгу вместе с Вами. Как часто я бываю виновной в невыполнении порученных Вам дел!

Я подметил несколько удивленный взгляд, добрейшую, застенчивую улыбку Ольденкотта, которыми он ответил на торопливое замечание Натальи. Я взял из его рук тяжелую книгу и поспешил вперед, напомнив друзьям, что нашел их не сразу, что И. ждет. Проводив обоих друзей до комнаты И., я хотел тихо выйти, но он меня удержал:

– Поддай мне пачку писем с ночного столика и разбери еще вот эти письма по числам.

Когда я подал требуемую пачку писем И., он велел мне сесть рядом с ним и пододвинул мне еще несколько писем, написанных четким и характерным почерком Али, который я мгновенно узнал.

– Ты разбирай письма и, раздвоив внимание, вникай в смысл разговора. Как моему секретарю тебе придется знать и держать в памяти многие мои дела. Вернее сказать, не мои, а дела и труды Светлого Братства.

Я занял указанное мне место и впервые учился совмещать два дела, что показалось мне необычайно трудным, и что вскоре стало для меня привычным, а потом и легким. Но в этот первый раз я все время ловил себя на том, что или я разбирал письма – и разговор выпадал из моего внимания, или, наоборот, я старался уловить нить разговора – и письма переставали существовать. Наконец я покончил с письмами и собрал всецело внимание на разговоре.

– Многие из того, что Вы сейчас сказали, Наталья Владимировна, верно. Но верно только по смыслу быта Земли, а вовсе не по здравому смыслу, мужеству и целесообразности мирового закона: неустанного движения вперед. Ваш опыт прошлого, давший печальные внешние последствия, то есть расчленение на мелкие секторы того большого общества, которое поручил Вам основать Али, не остался только трудом одной Земли. Все, кто искренне, без всякого тщеславия или корыстолюбия принимал участие в трудах основанного Вами общества в сотрудничестве с Ольденкоттом, нашел раскрепощение от многих давящих личных чувств и суеверий. Что же касается глубокого, вечного смысла, который вложили

Али и сэр Уоми через вас обоих, то он будет жить и изменяться по тому закономерному порядку, которому подчинено все, живущее в двух мирах. Есть ценности, невидимый смысл которых не открыт даже взору тех, кто своими руками вынес их в широкий мир из глубины сокровенной сокровищницы Духа. Все, что вам надо усвоить раньше, чем отправиться в мир еще раз с той же Истиной,

– это непоколебимое самообладание. Только в таком самообладании возможна жизнь человека постоянно в двух мирах. И только такая жизнь гарантирует безошибочность выбора людей-сотрудников, с одной стороны, и утверждение ежеминутное Жизни и в ней той небольшой части Истины, передать которую людям вы посланы, с другой стороны. Имеете ли Вы лично, Наталья Владимировна, все качества для порученного Вам труда? Нет. Поэтому Вам дан помощник и сотрудник, духовные и физические качества которого частью восполняют пробелы в необходимых для труда Али силах. И вы, оба вместе, все же не имеете всего необходимого для гигантской работы. И недостающее вам восполняют собою Али и сэр Уоми. Сейчас запомните твердо одно: если вы отрицали одну каплю в деле, вы пролили в него сорок бочек яда, который непременно подобрали окружавшие вас люди. Они могли даже и не слышать от вас ни единого слова, но ваше отрицание впилося в окружающие вас вибрации и помогло проникнуть близко к вам отрицателям. Если вы видите, что дело, которое вас послали утвердить на Земле, вместо монолитного шара расчленилось на отдельные мелкие ячейки, то в этих ячейках будет именно столько отрицателей, скольким вы открыли дверь своею не цельной верностью. Там, где Али и сэр Уоми смогли, они уже связали людей в крепкие узлы, послав вам устойчивых помощников, верность которых могла положить заплатки на щели и дыры духовной немощи главных основателей и носителей новой идеи, то есть вас обоих. Не поддавайтесь мучениям сомнений и раскаяний. За это время Вы, Наталья Владимировна, не раз говорили мне и самой себе, что поняли так много, освободились от такого количества гнетущих личных сил суеверия и предрассудков, что нашли примиренность. Это верно только до некоторой степени. Чтобы найти полный мир, по масштабам Вашей духовной лавины, Вам надо еще пройти несколько ступеней. Ждать, пока Вы найдете гармонию и приведете в полное самообладание весь свой организм, огромный и взрывчатый, Жизнь не может. Жизнь никого и нигде не ждет. Она ежеминутно движется и движет за собой все, что Ей необходимо в данное «сейчас». Совершенно ли оно, по мнению окружающих, достойно или недостойно, по их понятиям, для Жизни значения не имеет. Ее целесообразности отвечающих Она и

движет как роковой ход событий, изменение которых совершается Ею в закономерном движении, а не по суждениям или воле временных форм. Последнее, чему Вы должны здесь обучиться, – полная точность в исполнении данных Вам указаний. Готовьтесь выехать из Общины через месяц. Вы увидите Али в его Общине и там лично от него получите последние наставления... Что касается лично Вас, мой друг Ольденкотт, то Вам предстоит за это оставшееся короткое время быть неразлучно при Раданде. Он научит Вас многому в сфере лечения людей, и на этот раз Вам придется заняться больше детьми, чем взрослыми. Вы шли всю Вашу жизнь по прямой линии. Но чрезмерная скромность мешала Вам развить в себе большие дарования. Вам надо понять, что способности и дарования не приходят к человеку случайно. Они задолго до того момента, когда человек их может вынести в действие, живут в его Эго, и оберегает их целое кольцо невидимых помощников. Чрезмерная застенчивость человека мешает не только ему самому действовать как мировой энергии, но она мешает и всему округу Духа и Света, к которым принадлежит оберегаемый человек. Скромность, переходящая в истинное смирение, не имеет самолюбия. А застенчивость движется именно самолюбием и мешает гонцам Жизни – Светлому Братству – направлять и использовать людей с наивысшей силой ценности. Сейчас ударил колокол, мы встретимся с вами в трапезной.

Отпустив своих собеседников, И. приказал мне связать разобранные письма и, когда мы вышли в парк, по дороге в трапезную сказал:

– Скольких путей человеческих ты был наблюдателем за это время. Во многих случаях ты действовал по приказанию того или иного Учителя, в иных твоя любовь вела тебя к той или иной доле участия в судьбе встречного. Ты понял за это время, что нет людей своих и чужих, что все жизни связаны и каждая встреча – это ты. Ты научился в каждой встрече активно действовать. Дальше с каждым днем ты будешь развиваться в своих психических силах и прозревать все больше. Если ты встретишься с людьми пожилыми или даже совсем старыми, которые не только не нашли мира в себе, не только не научились приносить утешение окружающим, но все время нуждаются сами в чужом утешении, – знай, что эти люди не нашли ничего, что вводило бы их в труд Вечного. Подходя к концу земной жизни, человек должен так ввести себя в два Начала мира, так расширить рамки своего духовного кругозора, чтобы вся мелочная накипь условностей, вроде обид, объяснений, настойчивых исканий, желания заставить людей признать его авторитет, его волю, его понимания, перестала существовать. Только тот, кто понял, что роль, сыгранная им в данное сейчас, была крохотным моментом отрезка Вечности, в труде своем

спустившейся в его форму, может стать Светом на пути встречных. Если мать не постигла, что встреча ее с детьми была не случайным эпизодом, но закономерным, величайшей важности движением вперед, она не только не сможет создать гармоничного окружения своей семье, но разобьет в большой степени силу в своих детях. Горести и неприятности ее детей не сами извне войдут в их жизнь. Они придут логическим следствием ее эгоизма и полной уверенности в непогрешимости своих действий. Ты до их пор ни разу не задумался о своей личной жизни, Левушка. Как представляешь ты себе дальнейшие годы?

-Жизнь – Вы меня учили – это «сейчас». Мое сердце мне ясно. Я знаю, что все ближайшее будущее – ряд лет ученичества. Я не закончил университет, я вижу каждый день, как далеко мне до десятой части Ваших знаний. О чем мне думать? Я выбрал мой путь. Я иду за Вами. Вы обещали мне, что я пойду вою жизнь за Флорентийцем. Я пойду так, как будет нужно ему, Али, Вам. Я счастлив жизнью подле Вас и ни о чем, кроме знаний и служения Светлому Братству, не думаю.

Мы подошли к трапезной и здесь встретились со всеми обитателями нашего домика, а также с Грегором и Василионом. Поздоровавшись с теми, кого он еще не видел, И. сказал:

– Завтра мы поедем в оазис темнокожих, выедем к концу ночи. Приготовьтесь все к этому путешествию. Оно не будет слишком длительным, но все же не из легких. Ясса, тебе придется позаботиться обо всех и приготовить все необходимое. Ты же, друг Старанда, после трапезы пойдешь со мной к настоятелю, и он тебе укажет твои новые обязанности.

Старанда, который был одет в обычную для братьев Общины белую одежду, поклонился, и снова такая радостная и детская улыбка мелькнула на его лице, что я сам себе поверить не мог, что так недавно видел на этом лице угрюмое упрямство и желание спорить о каждом слове, не только деле.

Мы вошли в трапезную, где все шло обычным порядком и где атмосфера мира и радости от присутствия И. передавалась всем сердцам.

ГЛАВА 23 Беседа И. с Бронским и Игоро. Наставление им к труду в оазисе Дартана. Неожиданная встреча с леди Бердран. Доктор. Ариадна, ее сын и ее трагедия. Вторая беседа И. с Андреевой и Ольденкоттом об их миссии в миру. Последние сборы и отъезд в оазис темнокожих. Первые впечатления от оазиса. Мать Анна

Когда по окончании трапезы все братья и сестры с обычными

поклонами И. и Раданде вышли из зала, И. велел всему нашему столу следовать за ним в покои Раданды. Здесь в одной из комнат, где по стенам стояло несколько больших диванов, И. сел рядом с Радандой и предложил всем нам разместиться, кто где хочет. Мы с Бронским пододвинули себе низенькие скамеечки к дивану И. и уселись на них у его ног.

Посмотрев на нас, огромных на низеньких скамеечках, И. улыбнулся и пошутил, заметив, что вкус Раданды к прочным и устойчивым вещам помог нам на этот раз не раздавить несчастных скамеечек. От легкой и милой шутки, что Голиафам больше расти не полагается, а мы все растем, И. перешел к общей беседе. Хотя она всецело, как я уяснил для себя дальше, относилась к Игору и Бронскому, но каждый из нас, слушая, думал, что все, что говорит И., относится именно к нему.

– Скоро мы покинем это чудесное место, в котором каждый из нас так много получил за это время. Я говорю, не «из вас», а «из нас», чтобы вы не думали, что между Учителем и учениками может быть какая-либо разница в отношении вечного движения вперед. Ни на одну минуту не может остановиться в своей работе духа Учитель. Он включен в труд Самой Жизни. Он один из Ее винтов, и вся его земная жизнь представляет собой только один из аспектов Жизни, оживших и развернутых в телесной форме Учителя. Если бы дух Учителя выпал на одно мгновение из всей энергии Движения, вся вселенная; к которой принадлежит его форма, почувствовала бы катастрофический толчок, как это было бы с любым сооружением, заводом или фабрикой, приводящими в действие через систему огромных машин труд людей, если бы с одной из машин соскочил приводной ремень, сломалась гайка или свернулся винт. Что же касается всего Светлого Братства и всех Учеников остановившегося на миг Учителя, то все они набили бы шишки на своих проводниках-телах и духе, а многие – наиболее слабые – остались бы лежать мертвыми. Некоторые из вас задавали мне вопросы: «Почему так затруднен доступ в ученичество? Почему Светлое Братство не принимает более широкой волны людей, жаждущих служить ему и человечеству?» Думаю, что за время пребывания здесь вы получили ответ на эти вопросы, увидев на живом примере, к чему приводил более снисходительный выбор учеников или чрезмерная доброта и снисходительность к ним. Та круговая порука, та связь, которую ничем нельзя разорвать, которая сливается в одно целое дух Учителя и ученика, существует и между всеми людьми без исключения. Люди грубо физические чувствуют ее как кровную связь, как «своих» и «чужих». Люди высшей культуры сознают ее как необходимое духовное единение, выбирая себе друзей по вкусу. Люди же, освобожденные от страстей и

предрассудков, несут Свет всем существам, не ведая выбора, не отъединяясь от массы людей, но вливая во все живое энергию Великой Жизни. Чем выше и шире культура сердца человека, чем яснее видит его взор Лик Жизни, тем проще и легче ему вносить свой труд в массы людей. Как бы ни казались вам тяжкими и сложными жизнь Учителя и труд его, Ему они легки, радостны, веселы и просты. Вся разница в восприятии людьми земной жизни и их действий в ней заключается только в силе верности, до которой развилось сознание человека. Верность Учителя, не знающая колебаний и сомнений, приводит его к тому моменту, о котором я вам сказал: Учитель становится живым аспектом Жизни, которая Его несет в себе по дням и труду земли. Творя в Ней, Учитель не знает ни трудностей, ни разлада от нарушенного в себе мира, ни беспокойства от тех или иных случайностей в условностях земли. Верность Учителя не может поколебаться от тяжелой жизни земных существ, знающих закон только одной земли, живущих только в нем и именно поэтому живущих в скорби, слезах и разладе. Учитель движется не сам по себе, но как один из приводных ремней Единого Движения, неумолимо двигая в жизни земли все по законам целесообразности и закономерности всей вселенной. Он не может считаться с суеверием и предрассудком земной справедливости, существующей только для тех сознаний, что отяжелены и закрепощены личным. Огромное расстояние между учеником и Учителем сокращается или увеличивается, смотря по тому, растет или уменьшается верность ученика. Почему именно на верности основывается вся система ученичества? Потому что верность, выметая духа мусор колебаний и сомнений, помогает короче и, скорее всего, раскрываться ясному взору человека. И он начинает видеть во всяком встречном Жизнь. Привыкает общаться с Нею и входит, сам не замечая, в иные волны, вибрации которых Жизнь посылает каждую минуту во вселенную. Чем выше верность ученика, тем к большему количеству высоких вибраций он становится чувствительным. Не менее важным фактором в сближении Учителя и ученика является труд человека. Как только верность ученика ввела его в жизнь иного колебания волн, так труд становится для него необходимостью. Взор его начинает читать, как вся вселенная трудится, и его время, потраченное в пустоте, давит дух человека тяжелее самого упорного труда. Праздность становится ему непосильным бременем не только как таковая, как лень или разнузданность, но как ощущение своей остановки в следовании за Учителем, Он еще не видит и не понимает, что Учитель есть аспект Самой Жизни, но он ясно чувствует, что труд Учителя неустанен. И верность ученика страдает, интуитивно давая его сердцу

знать, что единственный путь следования за Учителем в законе вечной верности есть труд. Радостью наполняется весь человек, когда начинает понимать, что он всегда не один, что труд его, часто не признаваемый на земле, имеет иное, вечное значение, которого не могут ни умалить, ни возвысить земные признания, награды и похвалы. Очень хорошо, и это большое счастье для человека, если труд его был признан и оценен современным ему человечеством. Тогда духовно развитой человек мог в полном мире уйти из воплощения, так как каждое из воплощений, в которое человек мог служить массам народа, сократило его вечный путь независимо от того, сознавал или не сознавал он сам себя членом Светлого человечества, трудящегося на общее благо. Довольно и того, что он сознавал себя слугой народа и бескорыстно любил его. Ты, Станислав, вместе с Игором останетесь в оазисе Дартана, как вы сами добровольно обещали «дедушке». За время жизни здесь, учась в библиотеке Раданды, вы нашли немало новых знаний, которые перевернули все ваше отношение не только к искусству, но и ко всей жизни. У обоих вас с самого детства все интересы дня сосредоточивались на театре. Никакие блага мира не увлекали и не манили вас, если они не соприкасались так или иначе с театром. До пребывания здесь театр составлял смысл всей вашей жизни, цель дня, форму единения с народом. Он один был необходимостью. Он диктовал, как и где вам жить и учиться. Он воплощал в себе весь смысл жизни, и дух ваш без театра был мертв. Он – театр

– животворил день, вносил интерес, мир или разлад в ваши сердца и мысли. Вся ваша личная жизнь и качества были только следствием того, что требовал театр. Вы были его жрецами, а он был солнцем, вокруг которого вы вращались. А что же теперь? Что сейчас ведет вас по дням? Какая сила разворачивает весь костер ваших талантов? Поняли ли вы, что ваши таланты и составляют ваши аспекты Жизни? Что сейчас стоит на первом, вернее, единственном месте в вашем духовном мире? Где ваши печали и скорбь? Вы и не заметили, как вся ваша преданность театру, освободившись от личного, перешла в верность самой Жизни. Теперь вы уже не театр несете в сердце, а аспект самой Любви, принявший форму служения людям через театр. Разве теперь вас интересует количество и качество полученных аплодисментов? Разве вас тянет на подмостки, чтобы показаться перед толпой в ореоле славы и поклонения? Вас интересует, вернее сказать, теперь вам приказывает ваш новый, живой аспект Жизни – единить людей в Ее вечной красоте. Вы уже не ищете своей расширенной личности и ее перевоплощений в манящих, развивающих самолюбие образах. Вы ищете привлечь манками Вечной Красоты окружающих вас

людей. И люди эти не чужие вам формы, но ваши братья, куски Вечности, как и вы сами. И вы видите Ее в них, к Ней обращаетесь, и иного единения с ними в труде театра для вас не существует. Скоро мы будем вновь в оазисе Дартана. Что нового сможете вы вложить в свое искусство, в свои методы преподавания? Каждое слово, которое вы говорили людям раньше, было только словом бескорыстия и дружеского им сочувствия. Все же «я» каждого из вас тяготело в каждом разговоре и вносило характер печали, скорби и неудовлетворения во все то, о чем вы говорили, но чего слушатели ваши не понимали. Вы же сами не могли понять, что истинное сострадание – это такая сила мужества, такая полная верность закону целесообразности Вечного, в которых развивается и закаляется радость. Эта радость, приходящая в сознание человека как ожившее в нем гармоничное Начало, не может ни меркнуть, ни ослабляться от грозных или страшных, печальных или мучительных событий окружающего в переживаемый вами на земле момент Вечности: Мгновение – и кончено воплощение. И нельзя больше человеку внести в пролетевший момент его Вечности никакой поправки. Ушел он из земной плотной формы и больше не может помочь своим мужеством оставшимся людям. Об исключительных случаях двойной жизни я сейчас не говорю. Я говорю о массовых явлениях, о жизни обычных земных форм, слугами которых вы идете свой путь. Через обычное расширение сознания вы сейчас вошли в совсем новое понимание своей роли на земле. Каждый, кто идет гонцом Учителя, неся какую-либо из его задач, стоит выше обычного уровня своих современников в целом ряде способностей и психических дарований. Но это не значит, что он обладает совершенством и лишен возможности грешить. Это только значит, что для его духа открыт путь к тем волнам и вибрациям, которые недоступны большинству его встречных. В оазисе Дартана, а затем и на родине, куда вы оба вернетесь, как только выполните свою миссию у «дедушки», вы – по внешнему виду – будете все теми же обаятельными артистами. Мало кто заметит огромную перемену, которая совершилась в вас. И тем не менее оба вы войдете сейчас к людям по совершенно иной тропе и будете ими восприняты иначе. Ваша новая духовная тропа, тот аспект Жизни, что развернулся в вас, неведомо для них, привлечет их внимание, и влияние ваше будет несравненно больше прежнего. Для вас теперь театр не идея существования, но Сама Жизнь. Теперь Она движет вас к сердцам людей, и по Ее откровениям вы будете рисовать людям образы и эпохи на подмостках сцены. Не внешние ваши формы и действия будут привлекать к вам сердца зрителей. Но та Любовь, живая и мощная, которая будет захватывать в свой Свет все подошедшие к Ней через вас

сердца. На живом примере собственной жизни вы видите, как совершается в человеке его внутреннее преображение. В вас это был долгий и мучительный процесс. Все горе земли вы должны были пережить и постичь в своих сердцах. Долгие годы пришлось вам прожить носителями печали, вестниками неудач и горя всем встречным. Теперь вы будете гонцами Мудрости, и ни одно встретившееся вам существо не отойдет от вас неутешенным, не прикоснувшись к той Жизни; что действует через ваши таланты. Закон Вечности для всех один: мгновение – и кончено воплощение. Миссия, возлагаемая на вас Светлым Братством, огромна. Не теряйте времени не только в пустоте, но в каждом, даже чисто внешнем, необходимом вам визите или свидании не отходите от главной задачи: пробуждения красоты в человеке. В оазисе Дартана вам будет легко работать, так как «дедушка» вырастил поколение людей, раскрепощенных от самолюбия и зависти, от ревности и трагического восприятия внешней судьбы. Там вас ждет целая группа, очень многочисленная, пламенно желающих знать путь к истинному искусству. Вы придете как научные исследователи к людям, не понимающим тщеславных побуждений, предрассудка обидчивости от «маленьких» ролей и жажды первенства в «больших» ролях. Вы поведете сразу внутренне свободных людей к той радости творчества, которая в вас ожила как аспект Жизни. Эта внутренняя освобожденность поможет им не только бескорыстно слиться с вами в труде и творчестве, но и пробудить в себе животворящую Силу. Но когда вы вернетесь к себе в Америку, ваше новое внутреннее состояние будет тяжело страдать, так как не только встречные волны эманаций людей, но и ваши физические проводники с утонченными и обостренными нервами с целым рядом новых, раскрывшихся к действию узлов в мозговой и нервной системах будут мучительно воспринимать то грубое окружение, которое раньше переносилось вами относительно легко. Чтобы ваши физические и в духовные страдания сократились до минимума, чтобы они не мешали вашей работе, вам надо закалить организмы целым рядом систематических физических и духовных упражнений. Для этого вам нужен постоянный земной руководитель. В качестве такового с вами поедет Ясса, которому вы оба уже многим обязаны. Я читаю в ваших мыслях вместе с глубокой благодарностью к Яссе большое к нему сострадание, потому что ему придется оторваться от меня и жить в тяжелой, плотной и страстной атмосфере рядом с вами, в суете. Не жалейте Яссу. Каждый брат, идущий путем выполнения задач Светлого Братства, охотно и радостно живет там и так, где и как это нужно всему Братству и как видит его ближайший Учитель и наставник. Яссе будет легок его путь, который для вас был бы

непосильным, потому вы и печалитесь за него, а он улыбается и радуется. Начинайте свое новое закаление и обучение немедленно. С этой минуты вы поступаете в ученики к Яссе, выполняйте все его указания так, будто я присутствую рядом и будто в этом сосредоточены вся цель и весь смысл летящего вашего «сейчас».

Бронский и Игоро встали со своих мест, поклонились и подошли к Яссе, отдав ему низкий поклон. Тот, улыбаясь, стал, отдал им такой же глубокий поклон и обратился к И.:

– Благослови нас, Учитель, выполнить твое поручение со всем усердием и самоотвержением и снова когда-нибудь прийти к тебе, к твоему мудрому руководству

– Аминь, Ясса, будь им наставником, как я был тебе, если считаешь, что я был тебе наставником добрым.

И. встал и отдал поклон всем троем вновь спаянным для одной цели нашим друзьям.

– Еще немного остается мне сказать. Сегодня в ночь мы поедем в оазис темнокожих. Не только стеклянный завод, где вырабатывается небьющееся и цветное стекло по системе, изобретенной Грегором и Василионом, является целью вашей поездки, но главным образом сами темнокожие люди, которых вам надо увидеть, чтобы понять безмерную мудрость, по которой совершает свой путь вечная эволюция человечества, и как Сама Жизнь готовит ступени высшего развития каждой ветви людей, побеждая стихии там и так, где и как Она находит нужным. Это племя поражает всех, впервые его наблюдающих, своею кротостью, миром и человеколюбием. У них нет неграмотных, нет нищих. Они не знают собственности и раскрепощены от многих страстей личного, что давит европейские и американские народы, считающиеся передовыми по своей культуре. Эти темнокожие люди живут годы под наблюдением и покровительством Раданды. Это он и его Община приготовили этому немногочисленному племени тот небольшой оазис, в котором вы их теперь встретите. У каждого из вас мелькает вопрос: кто эти люди, о которых так заботился и заботится Раданда? В лице Раданды о них заботится сама Жизнь. Они выходцы из тайной Общины. Их предки провели там много лет. Там они были укрыты милостивым и могучим Али, который долго боролся с темными оккультистами, из-под власти которых он вырвал этих несчастных людей. Али дал задачу Раданде приготовить им оазис в пустыне, вблизи от своей Общины, указал ему источник подземной воды, годной для людей, растений и животных, – и вот завтра вы увидите, что может сделать любовь человека, что сделала любовь Раданды из пустыни и

из простых человеческих душ. Сейчас все могут идти, куда хотят, до самой вечерней трапезы. Останутся только Левушка, Наталья Владимировна и Вы, мистер Ольденкотт.

И. улыбнулся Яссе и его новым ученикам, затем со всеми нами и Радандой перешел в ту комнату настоятеля с балконом, где уже однажды беседовал с нами ночью. Здесь он оставил Наталью и Ольденкотта, прося их подождать и обещая скоро вернуться, а мне велел идти за собой и Радандой.

Мы прошли через несколько комнат – вроде небольших рабочих кабинетов, заставленных шкапами с книгами и свитками, где работало по два, три человека, иногда и больше. Никто из них не оторвался от своей работы и не обратил на нас никакого внимания. Я поражаюсь поместительности этого дома. Комнаты были сравнительно маленькие, но сколько же их было! Пожалуй, без провожатого тут пробираться было очень трудно. Наконец мы вошли в длинный коридор, где по обеим сторонам тянулся ряд дверей. Мне показалось, что это позднейшая пристройка, так свежо, чисто и ярко блистало здесь пальмовое дерево.

Остановившись у одной из дверей, Раданда постучал три раза, и на стук вышла женщина в белой косынке в белой одежде, и я мгновенно узнал в ней леди Бердран. Губы мои невольно раздвинулись в радостную улыбку.

– Пойдем, сестра Герда, – сказал Раданда. – Сегодня ты очень нужна одной матери и ее ребенку. Только твое терпение, точность в выполнении приказаний и доброта могут помочь быстро выправиться от болезни ребенку, а главное, дать матери пример полной верности и мужества. Ребенок будет жить, но мать потеряла уверенность в этом и потому не может не только ускорить процесс его выздоровления, но всем своим поведением ему мешает. Надо ее отстранить от непосредственного влияния на сына, но так, чтобы не нанести раны и без того израненному материнскому сердцу. Ты, моя умница, сумеешь, – ласково глядя по голове сестру Герду, говорил Раданда и, указывая на меня и мое улыбающееся лицо, прибавил: – А вот и Левушка ждет, не дождется пожать тебе руку. Пожалуй, поговори с ним, пока мы с И. зайдем еще в одну комнату.

Мы сели с Гердой на пальмовый диван, я хотел ее спросить, как она живет, но она не дала мне и слова вымолвить и сыпала фразами, внешне как бы и имевшими связи, но внутренний их смысл я отлично понимал.

– Нет на свете чудес, Левушка, и это я на деле поняла здесь. И еще поняла: когда сердце раскрывается как самая простая и маленькая доброта, то самая обычная, серая, будничная жизнь становится чудом, песней и радостью, потому что в груди не просто сердце, а молот бьется в каком-то

светящемся бездонном мешке.

Кого туда ни впусти, мешок все растягивается. Сегодня кажется, будто дошел до какой-то предельной точки понимания, а завтра, и уж ничего от вчерашнего нет, а все новое, все легкое, что недавно казалось невозможным. Сначала я все точно математические задачи решала и каждый день все думала: как мне подойти к человеку? Как влить ему из своего сердца доброту? Теперь же, когда я не думаю, а просто делаю для человека самые простые дела, даже не задумываясь, что у него в глубинах, а просто призываю в помощь образ Раданды и поступаю, как сердце скажет, – все у меня выходит легко. Недавно у меня начался приступ тоски, все казалось, что мало делаю и ничего не умею. Я вспомнила, как Вы читали мне книгу от И. Дочитали до места, где он приказал остановиться, и дальше, хоть Вас распни, ничто не заставило бы Вас перевернуть страницу. Как только я об этом вспомнила, поняла, что хочу раньше времени перевернуть в книге моей жизни страницу, до которой еще не созрела, – улыбнулась, подумала о Вашей верности, и от моей тоски ничего не осталось, как от растаявшего инея: Левушка, да как Вы выросли! Бог мой, чем же это кончится? Да и красавец Вы, просто загляденье! Ну куда девался тот заморыш, которого мы с Андреевой встретили у купальни? Ведь это точно в сказке? Впрочем, о чем я говорю? Сейчас моя жизнь – самая настоящая и невероятная сказка!

Я так и не успел ничего ответить Герде, так как во время ее веселого смеха, которым она закончила свою малосвязную тираду, в конце коридора показались И. и Раданда, и мы пошли им навстречу.

– Ну ты, Левушка, наверно, и слова вымолвить не успел, – улыбнулся И. – Не смущайтесь, Герда. Ему полезно помолчать. Ему придется так много в жизни своей говорить, что каждая минута молчания, как драгоценный перл, будет ему мила. Я уверен, что он все понял из того, что Вы сказали, если даже Ваши слова и не особенно точно выражали Ваши мысли. Но сейчас мы пойдем к женщине, очень много пострадавшей именно потому, что точности в ее словах, делах и поступках было чрезвычайно мало. В общении с нею и ее сыном будете проходить двойной урок. Не только Вы будете помощью ей, но и она будет помощью и великим уроком Вам. Подле нее Вам все время придется думать, пристально собирая внимание, о каждом слове, которое Вы произнесете. Есть такие люди, подле которых высокой стеной собираются их страдания. Таких людей много, и доступ к ним для каждого человека труден. Но между ними есть такие, чьи стены страданий утыканы, как булавками, их раздражением и неточностью мыслей. В этих стенах мысли наскакивают одна на другую.

Брошенные, исковерканные, они окостеневают, как сталактиты, и не дают самой жертве вырваться духом на простор из построенного самому себе каземата. Вам целым рядом усилий к полной точности мыслей и слов, а также гармонией духовных, творческих толчков надо постепенно приучить женщину давать Вам самые точные ответы на Ваши вопросы. Старайтесь, чтобы внутри у нее утвердилась уверенность, что надо жить каждое сейчас всею полнотой чувств и мыслей, чтобы второе чувство не настигло еще не изжитого первого. И переводите ее мысли не на сына и его болезнь, а на ту недостаточную жизнерадостность, которой она окружала его детство, и на ту собственную унылость, в которой заставляет его жить теперь. Пойдемте. Брызжащая из Вас сейчас жизнерадостность поможет Вам разрушить все невидимые стены, в которых, как в темнице, сидит несчастная мать.

И. разговаривал с Гердой у одного из широких окон коридора, сплошь закрытого цветущими розами, не позволявшими солнцу проникать в здание. Обменявшись с Гердой радостным взглядом, точно мы вместе будем выполнять ее поручение, мы поспешили за нашими наставниками, свернувшими в такой же широкий коридор, где двери были чаще и, очевидно, комнаты меньше. У одной из дверей Раданда снова постучал. На стук вышел старик в белом халате, как я понял, доктор. Его милое доброе лицо было озабочено и расстроено.

– Вот я привел сестру больному мальчику, о которой Вы просили, доктор. Не беспокойтесь, – сказал Раданда, видя, что лицо доктора слегка нахмурилось. – Сестра молода, но опытна и не легкомысленна. Мы все войдем ненадолго и не разбудим спящего мальчика.

– Спящего? Если бы в его диком возбуждении ему удалось заснуть, то тогда можно бы было думать о его спасении. Но, к сожалению, я три часа бился над тем, чтобы привести его хотя бы к относительному спокойствию, и ушел в досаде, нисколько не преуспев в моих стараниях.

– Все же, доктор, Ваше усердие, если и не так скоро, но дало желанные результаты. Мальчик уснул, и Вы можете успокоиться за его жизнь, – улыбаясь, перебил доктора Раданда.

– Да когда же он мог уснуть, отец Раданда? – вскричал доктор. – Я ведь только что оттуда и совсем расстроен, что в первый раз за много лет мое лекарство, которое я считал безупречным, не помогло человеку. Меня мучает совесть еще и за то, что я напросился к Вам, уверяя, что могу быть Вам полезен. И вот – на сотом случае – осечка.

– Полноте печалиться, доктор. Говорю Вам, мальчик спит, в чем Вы сейчас и сами убедитесь. Это тот доктор, о котором я говорил тебе, Учитель И., а Вам, доктор, я говорил об Учителе И., как о бесподобном докторе-

врачевателе. Мы войдем к мальчику, и Учитель И. расскажет Вам подробно, какой, режим надо будет применить к нему.

– Режим? Чудеса! Если в эту минуту борьбы жизни со смертью, где смерть уже почти победила, можно говорить о режиме для больного, то Учитель И. должен быть не бесподобным, а богоподобным доктором.

Взглянув пристально в лицо И., доктор гораздо тише и менее возбужденно продолжал:

– Кому выпало счастье взглянуть в Ваше лицо, Учитель И., тому остается только следовать за Вами, хотя бы он так же мало, вернее ничего не знал о Вас, как я.

– Благо Вам, доктор, следуйте за мной, и Вы найдете не дорогу чудес, но дорогу нового знания, – пожимая руку доктора, улыбаясь ему и проходя первым в комнату, сказал И.

Когда мы подошли к постели мальчика, у его изголовья с другой стороны постели, уткнувшись в подушку сына, рыдала несчастная Ариадна. Подавленная своим горем, она ничего не слышала и не видела, и ее рыдания разрывали сердце Герды, которая, сжав руки, моляще смотрела на И. Он кивнул ей утвердительно головой, и в один миг Герда очутилась на коленях рядом с Ариадной.

– Разве можно так беспокоить уснувшего сына? – нежно обняв рукой несчастную мать, сказала Герда.

– Он умер, умер! – воплем вырвалось из груди Ариадны, напоминая вой насмерть раненого существа.

– Он спит, уймись, – властно сказала Герда. – Возьмите его ручку. Чувствуете ее тепло? Вы не любите сына, если так кричите подле его головки. Встаньте, придите в себя, посмотрите, кто в комнате, – продолжала Герда, поднимая Ариадну и подбирая ее упавшие косы.

– Учитель И., – прошептала опомнившаяся Ариадна. – Учитель И., я снова не выполнила данного мне урока.

– После переговоров с Учителем, отойди пока в сторону и не мешай вернуться к жизни сыну, – сказал Ариадне Раданда, делая знак Герде увести Ариадну к окну.

Довольно долго И. молча смотрел на спавшего мальчика. Сначала мне показалось, что малютка спит спокойно. Но, присмотревшись, я заметил, как временами судорожно поднималась грудь ребенка и как, жилы на его висках и у горла сильно надувались. Наконец И. вынул из кармана маленькую коробочку, достал из нее крошечный пузырек с ярко-красной, как бы кипевшей жидкостью и, велев мне приподнять головку мальчика, впустил каплю жидкости в открытый мною рот малютки. Тот мгновенно

вздрагнул всем телом, и я, не ожидавший такого сильного толчка и державший ребенка лишь слегка на руках, едва не уронил его на кровать. Я так перепугался, что только благодаря своей новой голиафовой силе смог осторожно опустить худенькое тельце на постель.

– Когда ты возле постели больного, надо быть всегда готовым ко всяким сюрпризам и держать все внимание собранным очень бдительно, запомни это, Левушка.

Затем И. обратился к доктору и, указывая ему на совершенно неподвижно, как бы в обмороке лежащего ребенка, продолжал:

– Лекарство, одну каплю которого, как Вы видели, я влил в рот больного, действует так обновляюще на все клетки организма, что человек точно заново рождается к жизни. Обычно это лекарство действует в течение трех дней. Но в данном случае, так как надо еще победить тот вред, который принесло больному Ваше лекарство, организм мальчика будет обновляться медленнее. После обычного трехдневного срока больной должен будет пролежать еще два дня, побеждая яд, развившийся в организме от Вашего впрыскивания. Наблюдая этот случай, учтите, что людям с повышенной нервной организацией, предрасположенным к развитию сверхсознательных, психических сил, нельзя вообще делать уколов. А особенно Ваших, вводящих такое количество белковых веществ, которые могут отравить некоторые организмы смертельно. Это и случилось бы сейчас с мальчиком, если бы не подоспело на помощь мое спасительное лекарство. Раданда предупреждал Вас, чтобы Вы воздержались от укола, а Вы не послушались.

Разговор велся по-латыни, очевидно, для того, чтобы несчастная мать, не сводившая глаз с разговаривающих, не могла понять грозного положения, в котором находился ее сын.

– Я понял по симптомам сразу, как вошел, что песенка мальчика спета. Но теперь, как Вы, Учитель, говорите, мальчик, пройдя временное сонное забытие, снова вернется к жизни от одной капли Вашего красного кипятка. Не могу ли я получить от Вас Ваш пузырек, чтобы исследовать Ваше красное чудо?

– Увы, мое красное чудо, чтобы быть им, нуждается не только в материальном исследовании, не только в физически видящих глазах, но еще и во внутренней силе духа, рождающей психическое око, которое видит и читает не только самую болезнь, но весь организм больного. Вы пытаетесь лечить болезнь, а надо лечить больного, к чему уже давно пришли передовые представители медицинской науки. Кроме того, «чудеса» существуют только для невежественного, сознания. Вы не

обижайтесь, доктор. Предела развитию человека и его знаний нет. И тот, кто, по мнению умных земли, мудрец, по мнению мудрецов вселенной – только начинающий учиться. Я сказал Вам, что Вы можете следовать за мной, если хотите, и найдете знания.

– Я хочу следовать за Вами, Учитель И., даже не для того, чтобы обрести знания в моей науке. Мне кажется, я впервые в жизни понял, что есть Бог не только в милосердном спасении через науку людей. Но что Он есть и в человеке. Не знаю, в каждом ли человеке Он есть, но что Он есть в Вас, это я чувствую каждым нервом, и: впервые, гордец, я преклоняюсь перед Богом в человеке, вернее сказать, перед Богочеловеком!

Голос доктора дрогнул, в глазах, сурово глядевших в начале разговора, заблестели слезы, и вся фигура выражала полную растерянность.

– Пойдемте с нами, доктор. Здесь Вам пока делать нечего. Вы займитесь матерью, для которой я Вам дам лекарство и которую надо будет полечить несколькими физическими методами. Но соблюдайте строго тот режим, который я ей назначу. О сыне я Вам все скажу после. К нему я пришлю опытного брата, который вместе с приведенной Радандой сестрой будет ухаживать за малюткой. Ты, Левушка, останься здесь, пока тебя не заменит Никито. Как только он придет, он скажет тебе, где меня найти. Теперь же побудь здесь один и клади на голову больному примочки из этой жидкости.

И. подал мне пузырек и обратился к Ариадне:

– Ты пойдешь с нами, Ариадна, и не увидишь своего сына до его полного выздоровления. Когда я говорил тобой в последний раз, ты давала мне и себе обещание быть мудрой и мужественной и принимать свою внутреннюю и внешнюю судьбу в полном спокойствии. Ты уже начинала жить в Вечном, и вот на первом же испытании, которое тебе послала Великая Мать, ты – мать – проявила слабость, а не героизм. Если ты не могла найти ни мужества, ни самоотвержения, чтобы не думать об одной себе, а помочь сыну перенести его момент Вечности, постарайся теперь найти в себе самую простую доброту к сыну, чтобы не нарушать атмосферу спокойствия и мира, в которых нуждается не только его тело, но и, главным образом, его дух. Постарайся понять, как мешает ему твое страстное отчаяние, и не затягивай его выздоровления. Кроме того, и тебе, и ему не назначено прожить всей жизни здесь. По этому случаю, в котором проявилась неожиданная для тебя самой слабость твоего духа, пойми, как поверхностно было достигнутое тобой самообладание, не говорю уже о гармонии. Чтобы быть готовой сопровождать твоего сына в далекий мир, чтобы оберегать в нем его трудоспособность и радость, надо вырасти

самой в твердое, жизнеспособное, не теряющее самообладания ни при каких обстоятельствах существо. Начни воспитывать в себе полное самообладание и только тогда сможешь помогать ребенку воспитать себя к жизни. Сумей вырасти в полноценное, трудолюбивое и боеспособное существо. Жизнь – борьба. Это вечный труд и вечная борьба. А ты и в самых лучших уровнях, под защитой любви Раданды, не научилась бороться. Иди и начинай труд самовоспитания. Верности твоей я даю урок: ни одного вопроса о сыне до той минуты, как я пришло за тобой Левушку. Чем скорее окрепнет и углубится твоя верность, тем скорее пойдет выздоровление твоего сына.

Через несколько минут комната опустела, и я остался один у изголовья больного ребенка. Немедленно я развел жидкость, данную мне И., как он велел, нашел широкий полотняный бинт и стал менять охлаждающие компрессы на голове малютки. Меня поразило, что холодная жидкость, не делавшаяся теплой, а, наоборот, как бы больше охлаждавшаяся, чем дольше она стояла в тазу с водой, мгновенно согревалась на голове ребенка. Я полагал, что менять компрессы надо будет редко, а на деле выходило, что я едва успевал положить один, как он становился совершенно теплым и надо было класть другой. Я было приготовился провести время в размышлениях, но увидел, что надо собрать все внимание к текущей работе. Нечаянно я замочил наволочку на подушке больного, хотел подложить ему другую подушку, но заметил нечто вроде судороги на его лице, как только я хотел приподнять его головку. Пришлось с большими трудностями закрыть мокрое место полотенцем и сказать себе, что я плохой брат милосердия.

Отказав себе в удовольствии думать о чем-либо, кроме моей непосредственной задачи, я совсем не сознавал, сколько прошло времени, когда раздался легкий стук в и в комнату вошел Никито.

– Ступай, Левушка, И. ждет тебя на балконе у Раданды, куда он уже пошел. Тебе он велел пройти в душ, Омыть руки вот этим составом и переодеться в чистое платье. И. так и думал, что ты весь измажешься, он забыл предупредить тебя, что жидкость осявляет желтые пятна, но отмывается легко.

Никито заметил, как я был обескуражен, когда увидел свои шафрановые руки и платье, и ласково мне улыбнулся. Простившись с Никито и расспросив его точно об обратной дороге, я старался, сколько мог, добраться незамеченным до душа и чисто отмытый явился на балкон к Раданде. И. был уже здесь. Он держал в руках два крупных пакета и, очевидно, только что вошел, так как Ольденкотт придвигал ему кресло. Сев

в него, И. передал мне свои пакеты, сказав, чтобы я передал их Яссе, что они поедут с нами в оазис темнокожих, и, улыбаясь, обратился к ожидавшим его Андреевой и Ольденкотту:

– Я непростительно долго задержал вас, мои дорогие друзья. Но я надеюсь, вы оба поняли, что только очень важные и непредвиденные обстоятельства могли заставить меня быть неточным. Сегодня в последний раз перед вашим выездом в мир вторично с той же миссией я хочу поговорить с вами о том, на что более всего оба вы должны обратить внимание в предстоящем труде. За время, прошедшее между вашей первой поездкой и сегодняшним днем, оба вы выросли так, что все перенесенные страдания, неудачи и разлад в отношениях людьми, огорчавшие вас в первую поездку, кажутся сегодня вам не горем, а детскими недоразумениями. Но не только вы выросли и изменились. И те люди, среди которых вы трудились, росли тоже от ваших для них трудов, какими бы маленькими ни казались вам те кусочки Истины, которые вы были силах открыть и оставить людям. Не важно, что и как думали о вас люди, пока вы жили и трудились среди них. Важно, что дело, как результат ваших бескорыстных трудов, утвердилось. Утвердилось устойчиво, несмотря на его абсолютную и новизну и на несоответствие с общим течением умственных проблем современности. Утвердилось и захватило сердца и мысли людей так, что без брошенных вами новых идей люди больше жить не могут. Если бы в каждом из вас были и остальные качества характера – главным образом самообладание – развиты так же цельно, как верность, вам не пришлось бы сейчас ехать вновь с той же миссией к людям. Вы, делая все, чтобы объединить людей, чтобы разрушить между ними перегородки условностей и влить в их общение клейстер Любви, оставили после себя не цельное, монолитное ядро, спаянное Единым стержнем, но целую сеть ячеек, по-своему сражающихся за истину и по-своему заблуждающихся в Ней, поскольку личное восприятие Ее стоит у них на первом месте среди всех их предрассудков. Отсутствие в вас полного самообладания положило начало этому дроблению. Теперь для вас, выросших, окрепших и раскрепощенных настолько, что вы нашли примиренность, во главу угла должна стать не сама Истина как таковая, но сеть путей, ведущих и направляющих к Ней окружающих вас людей. Теперь вы должны не защищать Истину среди людей, но создать им ряд условий, которые помогали бы каждому сосредоточивать внимание на самовоспитании и на воспитании каждого встречного – безразлично, ребенка или взрослого – своим собственным примером. То есть указать первый путь к Истине в раскрепощении самого себя. Сейчас вы сильны не

только своей верностью. Но и уверенностью в единственной действенной форме влияния на встречного: видеть в нем Вечное, к Нему обращаться и Его вызывать к жизни в момент обращения. Это не значит, что вы будете вести пропаганду идеи Вечности среди мало- или среднекультурных людей. Это значит только, что вы будете, действуя, общаться с Вечным в человеке, а не с его видимой формой. В вашей первой миссионерской задаче вы не умели трудиться в постоянном присутствии Учителя. Вы трудились с Учителем в его защитном кольце, но отдыхать вы уходили от его волн. Теперь же не только труд или отдых вы проводите в вибрациях Светлого Братства. Вся ваша жизнь составляет нераздельное существование с Ним, и нельзя разделить или различить, где ваше «я» или «не я», ибо все – что и как вы делаете – все только пути ваших Учителей к Единому в ваших встречах. Вы и Светлое Братство – одно тело, одно дыхание, один путь. Вечность поглотила все животное в вас и возвратила вам все прежние ваши таланты, потому что героическое напряжение, духа перестало быть моментами творчества, а стало постоянной атмосферой труда. Идите же бодро и никогда больше не знайте сомнений. Вы не будете знать их, и идущие за вами не будут множиться как ячейки, но будут жить как одно свободное, радостное целое. Сейчас не так много времени остается до выезда в пустыню. Колокол уже бьет к вечерней трапезе. После нее немедленно ложитесь спать. Ясса разбудит вас и укажет, как кому одеться.

Мы прошли все вместе в трапезную, где встретились с остальными обитателями нашего домика. По окончании трапезы все мы получили еще раз приказание И. лечь спать сейчас же и спокойно отдыхать, пока Ясса не прикажет вставать.

Я очень жалел, что не могу помочь Яссе в его труде по приготовлению для всех одежды, но он улыбнулся и ответил мне, что Грегор и Василион, свои люди в оазисе темнокожих, сделали за него больше половины работы.

Захватив с собой моего дорогого Эта, которого я так мало видел сегодня и который ждал меня у Мулги, я с грустью подумал, что бедная птичка будет скучать без меня завтра еще больше. Точно понимая мои мысли, Эта потерял о мою ногу, высоко поднял свою очаровательную головку и важно зашагал рядом со мной, давая мне понять, как вырос в своем мужестве и силе мой дорогой белоснежный друг.

Войдя в свою прелестную тихую келью, я призвал благословение Великой Матери на все встреченное мною сегодня, на все плачущее и радующееся во вселенной и мгновенно заснул рядом с Эта.

Проснулся я не от стука Яссы, а от торможения Эта, чуткость которого

необычайно возросла со времени его более близкого знакомства с Радандой. Я отлично понял, что Эта хотел дать мне знать о приближении Яссы. И действительно, вскоре раздался легкий стук в дверь, и, когда я ее открыл, передо мной стояли две фигуры. В одной, несмотря на сильно менявший внешность костюм, я мгновенно узнал Яссу. В другой же, только пристально приглядевшись, угадал неузнаваемо преображенного костюмом Славу. Он подал мне целую пачку тяжелых, как мне показалось, одежд, улыбаясь, что так озадачил меня своим видом. Ясса дал мне бутылку с жидкостью, говоря:

– Не ходи в душ, а натри тело этой жидкостью, Левушка. Мочи в ней губку и сильно растирайся. Только не забудь, что у тебя сейчас голиафова сила, действуй осторожно. Что для обычных людей будет сильным, тебе может показаться совсем слабым движением.

– Ну, Ясса, это уж преувеличено. Вчера я так слабо держал ребенка, что чуть не уронил его, когда он неожиданно вздрогнул. Так что мое «слабо» и «сильно» ничуть не больше и не меньше обычного.

– Не в силе дело, а в ловкости и внимании. Сегодня ты будешь иметь возможность наблюдать работу, очень тяжелую, людей, которые будут казаться тебе силачами. На самом же деле ловкость и внимательность этих людей заменяют им силу, в которой они далеко не первые.

Ясса отправил Славу к Бронскому и Игоро с такой же жидкостью, какую дал мне, велел ему помочь им растереться и одеться, а мне снова сказал:

– Ну-ка, Левушка, нянька Ясса по старой памяти поможет тебе растереться и одеться. – И он принялся растирать меня, причем я, смеясь, не раз говорил ему, что его «сильно» можно, пожалуй, причислить к лексикону Голиафа.

Вскоре я был готов, и, к моей радости, вся одежда и высокие сапоги со шнуровкой, принесенные Славой, оказались из легкого и плотного шелка, были легки, приятны. Тяжелым был только огромный зеленый плащ, который Ясса велел мне взять на руку. В таком виде, со шлемами на головах, мы вышли на крыльцо. Здесь еще никого не было. Ясса, не теряя ни минуты, отдал мне свой шлем и плащ и побежал наверх, велел дожидаться его возвращения. Через несколько минут спустились вниз Бронский и Игоро со Славой, затем вышел Ольденкотт, сказав, что с трудом закончил свой сложный туалет, а Натальи и Яссы все не было. Я боялся, что с минуты на минуту сойдет И. и наши друзья опоздают. Я не сомневался, что Ясса побежал к Андреевой, у которой что-нибудь не заладилось. Меня так и подрывало побежать ему на помощь. Но тут же я

вспомнил, как Ясса говорил мне о ловкости, которой я отличился у постели больного. Я вздохнул, поняв, что помогу мало, послал мысленно помощь Наталье Владимировне и приник всем сердцем к Великой Матери, прося с благословения на предстоящий всем нам путь.

Наконец послышались поспешные шаги, вышли на крыльцо Наталья с Яссой, а следом за ними показалась стройная фигура И. Остановившись перед Андреевой, он посмотрел ей в глаза и тихо сказал:

– Как Вы думаете, дорогая, если бы Вы были нужны Али в эту ночь, он не нашел бы лучшего способа сообщить Вам об этом, как заставить Вас нарушить отданный мною приказ и продержать Вас без сна именно тогда, когда надо было собрать все физические силы, чтобы слабость тела не мешала предстоящей работе? Вы и Ольденкотт были предупреждены мною, что вам больше других придется отдать силы и внимания в оазисе темнокожих. Я предполагал в течение пути приготовить вас к встрече с новыми людьми, часть которых вам придется увезти отсюда в Америку и переправить в новую Общину Флорентийца. Вы же, не спавшая, когда я велел, и заснувшая, когда надо было уже вставать, не сможете со всем вниманием выслушать и точно запомнить все, что я должен Вам сказать. Из-за этого по приезде в оазис придется сделать остановку на целый час, чтобы я мог с Вами переговорить. Вы сейчас поедете не верхом, а в клетке для женщин и будете в ней спать, пока Вас не разбудят. Неужели столько лет труда Али и других с Вами все еще не научили Вас точно выполнять сказанное Вам, а не поправлять указания Учителя, как Вам они кажутся ближе к здравому смыслу? Остерегитесь в будущем отступать от точности даваемых Вам указаний. Это может повести к полной катастрофе лично для Вас и к большой потере для всего Светлого Братства.

И. прошел вперед, мы все двинулись за ним. Я не мог видеть в царившей еще тьме лица Натальи, но по ее поникшей голове, тяжелому дыханию и неверной походке я мог себе вообразить, как болело ее сердце за совершенный ею промах. Рядом со мной шел Ольденкотт, и я чувствовал глубину его сострадания и волнения по отношению к своему верному другу и товарищу. Я понял моей новой способностью видеть некоторые сцены прошлого, что благородный человек убеждал Андрееву подчиниться распоряжению И. лечь спать, но она упрямо твердила, что знает наверное, что именно в эту ночь Али будет с ней говорить.

Некоторое время все шли моча, поддавшись влиянию горести одного из нас, но И., не дойдя до трапезной, остановился и сказал:

– Друзья мои, я не раз говорил вам, что все люди связаны друг с другом невидимыми, нитями любви. Я понимаю, что вы сострадаете друг

другу в удачах и неудачах вашего труда. Но разве сострадать – значит впадать в уныние? Это значит так любить друг друга, чтобы вся бодрость сердца строила вокруг него защитный мост. Включитесь вместе со мной в радость, что у нас есть возможность внести свою удвоенную энергию в дело дня и вынести на своих плечах ошибку брата. Мы сократим время еды, ускорим посадку, не будем заезжать к пустынникам, оригинальный способ жизни которых я вам хотел показать, – и наверстаем то время, которое мне будет нужно для разговора. Легче, проще, выше, веселее, без постных лиц и тяжких вздохов.

По всем нашим существам пробежала очищающая волна энергии И., и мы легко вошли в знакомый дворик трапезной, где нас уже ждал Раданда. Быстрее обычного покончив с едой, мы вышли на площадку, куда, для сокращения времени, И. велел привести верблюдов. Первым подвели огромное животное с большущей клеткой под балдахином на спине Наталье Владимировне. Я прочел многое в ее душе в эту минуту. Она, презиравшая слабость, ненавидевшая путешествие на манер восточного гарема, должна была влезать по лестнице в гнездо и ехать, отъединенная от всех нас!

– Ничего, друг, – услышал я нежный голос Раданды. – Лев остается львом, хотя его и впихнут в заячью клетку! Ты – львица. Была, есть и будешь ею. Но, пока живешь на земле, надо жить по законам земли: есть, спать и заботиться о телесном проводнике настолько, чтобы быть всегда трудоспособной. Нельзя тебе жить с комарами, и бороться с ними львиными когтями мудрено. Но жить в братской семье Светлого Братства льву можно только тогда, когда у него вместо упрямой львиной воли появится радость послушания тому, кого сердце льва признало Учителем и господином. Это послушание – признак раскрепощения и освобожденности от давления собственной личности... Вот тебе, дорогая, конфетка. Ты такой еще и не видала. Она сразу принесет тебе и мир в сердце, и сон телу. Ну, полезай веселее. Видишь, все уже сидят в седлах и кутаются в плащи, а тебе этого не надо. Закроют плотнее занавески – спи себе.

Наталья Владимировна очень легко взобралась в свою башню, юный брат сел в крошечное седло почти у самой шеи верблюда. К полной неожиданности, этим братом оказался Слава. По знаку И. он тронул своего верблюда и поехал головным к воротам в пустыню. Последнее, что я мог разглядеть в предрассветной тьме, был Раданда с Эта на плече, посылавшие мне прощальные приветы.

Мы мчались по пустыне несколько часов. Солнце было уже высоко, и, если бы не огромный грубый плащ, сквозь который не жгло даже солнце

пустыни, моя кожа, наверное, была бы сожжена. Под плащом, которым меня укутал Ясса, как мумию, мое натертое жидкостью И. тело оставалось относительно прохладным. Все, даже Ясса, спрятались под плащи. Один И. ехал не прикрытым, спустив лишь синюю вуаль со шлема, чтобы защитить глаза от нестерпимого сверкания солнца и песка. Нигде, сколько хватал глаз, ничего, кроме песка и солнца. Я вспомнил слова И. о том, что сделала любовь Раданды для порученных ему людей из этого моря смерти и песка, сжигающего всякую жизнь.

Вопросы, так часто мелькавшие в моей голове, снова завернулись штопором: кто же такой Раданда? сколько ему лет? давно ли он в Общине? кто был ее первым основателем? Все эти вопросы вовсе не были предметом моего любопытства. Но в этих вопросах было для меня так много непонятного, что я сознавал, как мало я знаю и понимаю, если в одном человеке для меня была тысяча загадок.

Мысль моя перенеслась к Али, ко всему пережитому от первой встречи с ним

– от чудесного лица Наль и до этой минуты. Наль была первой женщиной, которую проводили при мне в далекий мир. Я вспомнил, как уезжала из Общины Беата, как я мысленно сопровождал ее в пустыне. Сколько поэзии, красоты, высокого искусства увозила в себе эта женщина! И тот же великий, неразгаданный, все обогащающий при встрече с собою И. возвращал ее миру раскрепощенной, энергичной, с огромным внутренним богатством по сравнению с той нищетой духа, в которой она жила до встречи с ним.

И вот сейчас впереди нас едет женщина, которую тот же И. возвращает миру, давая и ей миссию нести огромный Свет людям, но по тропе совершенно иной, по тропе, ясновидения и знания сверхсознательных сил в себе и людях. И Бронский, и Аннинов, и Ольденкотт, и профессор, и еще тысячи неизвестных мне людей, уходят творить в мир по самым разнообразным тропам человеческого духа, провожаемые теми же И., Али, Радандой. О, Великая Мать, просветившая мой дух, кто же И.? Кто же такой И., подле которого я живу каждый день? Богочеловек, как выразился вчера доктор?

Я еще глубже понял, что, несмотря на свое новое преображение, напоминаю слугу, который может только отирать пыль с драгоценных книг и не может прочесть ничего, даже заглавного листа, в величайшей сокровищнице человеческого духа. Так и я перед И. Я мог чистить ему сандалии и разбирать по числам его письма, но на вопрос, кто такой И., я мог дать только один ответ: безмерно милосердный друг каждого человека.

Этим исчерпывалось все мое знание об И.

– А кто ты такой сам, Левушка, ты можешь ответить мне? – услышал я смеющийся голос И. рядом с собой.

Оказывается, я так ушел в свои размышления, что превратился в доброго старого знакомого – Левушку «лови ворон». Мой мехари, воспользовавшись моей рассеянностью, очутился на довольно большом расстоянии от остальных.

– Не так давно, мой милый мальчик, у постели другого мальчика, ты убедился, как необходимо собирать все свое внимание и быть готовым ко всевозможным неожиданностям текущей минуты. Еще несколько раньше ты пытался соединить в своем внимании два дела. И в обоих случаях ты вынес опыт: какой настойчивости и самообладания требует работа внимания, – продолжал И., заставляя моего верблюда перейти на аллур и навестать расстояние. – В эту минуту ты снова видишь, что все упирается в рассеивающееся внимание или, что вернее, в однобоко концентрирующееся, упускающее из поля зрения все, кроме привлекающих дух мыслей. Всякий человек состоит из духовных и материальных сил и, пока живет на земле, должен жить в равновесии тех и других, никогда не переключивая всецело в один или другой из этих миров, в себе носимых, и постоянно вводя между ними гармонию. Ученик, хорошо усвоивший, что он живет не на одной земле, будучи носителем двух миров – своей личности и своей индивидуальности, – а в двух мирах, должен создать, выработать и укрепить привычку к вечной памяти о жизни каждую минуту в двух мирах. Только тогда верность ученика может привести его к неразрывному слиянию с Учителем, когда его внимание, то есть альфа и омега его вечной жизни и труда, приучится действовать так, чтобы разделение его между небом землей не вызывало усилий. Чтобы не после поступка шел вопрос: «Так ли я поступил?» – но чтобы перед поступком рядом с учеником стоял сияющий образ Учителя как контроль и радость его действий. Твоя рассеянность этой минуты людьми одной земли, судящими обо всем через сеть предрассудков и условностей, была бы сочтена большой углубленностью, качеством почтенным, которым обладают немногие, в ком внешняя рассеянность признается даже одним из признаков великого ума. На самом же деле это еще зачаточное состояние самодисциплины. В ученике это несносная мигающая лампа, мешающая и Учителю посылать Свет людям, и людям воспринимать его через такие провода. И, к сожалению, даже очень высокие задачи приходится Учителям выполнять через такие меркнущие и вновь вспыхивающие лампы, постоянно вводя коррективы в их действия. Старайся, мой друг, поскорее

избавиться от этого мигания. Ты понимаешь, как оно задерживает труд Учителя. У тебя есть все, чтобы ускорить свой процесс внутреннего роста. Только никогда не забывай: никто, кроме тебя самого, не может выполнить твоей духовной работы. Об этом ты прочел в одной из первых огненных надписей, и это составляет основной закон Всей Жизни. Ни высокие могущественные друзья, ни Сама Великая Мать не могут выполнить за тебя того труда любви и мира, которыми определяется место каждого человека во вселенной. Тебе могут указать путь те милосердные, что забыли о себе и идут только для блага людей. Но идти можешь только ты сам.

Мы нагнали нашу кавалькаду, и... я не мог понять и разобрать, перед чем мы остановились. Стена? Стена и не стена. Нечто вроде огромной зеленой стены, как бывает во французских садах, но вышиной с самое высокое дерево. Когда я подъехал ближе, то увидел, что стену составляли переплетающиеся крест-накрест, кривые стволы, утыканные длинными, острыми колючками. И сколько мог проникать в чащу этих колючих стволов глаз, создавалась такая густая клетка, что не только зверю пустыни, но и птице не было возможности пробраться сквозь нее.

Чем выше шли стволы, тем переплетения становились реже, а в самой вышине они не только выпрямлялись, но и сплошь были покрыты красными и белыми цветами вроде крупного шиповника. Я глядел, очарованный, и на обращенный ко мне взгляд И. и его улыбку мог только сказать:

– Что могла сделать любовь Раданды!

Мне хотелось поклониться до земли этой зеленой стене, приветствуя в ней дар любви Раданды и чтя его труд как не человеческое, а божественное проявление сил человека:

Проехав несколько минут вдоль стены, мы поравнялись с воротами, высокими, выкрашенными в зеленый цвет и сделанными все из тех же колючих стволов так искусно, что сразу их даже трудно было различить. Ворота открыли нам два привратника – молодые, стройные, рослые и красивые люди. Одеты они были своеобразно. Короткие белые панталоны кончались выше колен, а блузы, оставляя голыми руки и шею, пристегивались к панталонам на талии. Ноги были почти босы, только для защиты от горячего песка к ним хитро было привязано нечто вроде сандалий, с одним большим пальцем и коротким задником. Один из привратников протрубил в рожок, издавший очень приятный звук, какой-то сигнал, вероятно не обычный, так как со всех сторон к нам стали подбегать люди и помогать всем сходить с животных.

Думая, что Наталье Владимировне будет не особенно приятно помощь посторонних людей, я спрыгнул со своего высокого мехари, чем немало удивил людей, собиравшихся помочь мне сойти с него, и вызвал у них знаки одобрения.

Как я ни спешил, но, когда я подбежал к верблюду Натальи Владимировны, так и шедшему головным всю дорогу, милый Ясса был уже тут, лестница была уже приставлена и грузная фигура Натальи Владимировны уже спускалась на землю. Мне хотелось хоть чем-нибудь выразить ей свою любовь, и, когда она спустилась настолько, что я мог охватить ее руками, я в один миг поставил ее на землю. Это вызвало бурный восторг в целой толпе зрителей и веселый смех самой жертвы моей любви.

Я понимал язык, на котором здесь говорили. Его я выучил в Общине по приказанию И., считая его языком давно вымершего древнего племени и никак не ожидая, что увижу живых людей, на нем говорящих.

В толпе, собравшейся вокруг нас, были люди и старые, и молодые, и дети всяких возрастов. Все они, без различия пола и возраста, носили одинаковые одежды, какие, мы видели на привратниках. Только на пожилых женщинах было накинута сверху нечто вроде туники, спускавшейся ниже колен. Кожа у всех была темная, но далеко не коричневая, нежная. Черты почти у всех правильные, с отпечатком культуры и благородства. Глаза и брови очень красиво очерченные. Бросились мне глаза и мелкие, очень белые зубы.

Не успели мы опомниться от первого впечатления, как увидели подходившую к И. высокую, необыкновенно стройную, пожилую, но моложавую женщину. На ней было длинное белое платье, подпоясанное черным шелковым шнуром. По рукавам и подолу платья тоже шли широкие черные каймы, по которым бежала золотая вышивка. Ничего особенного, кроме стройности и поразительно легкой походки, в наружности женщины не было. Но приветливость лица, доброта улыбки и сияние глаз – с одним Радандой я мог их сравнить.

Подойдя к И. и приветствуя его низким поклоном, женщина заговорила. Боже мой! Где же я мог слышать этот дивный, глубокий контральтовый голос? Я был так поражен, что забыл все на свете и «ловиворонил», силясь вспомнить, где я слышал этот голос. Ведь я его знал, знал наверное. И вдруг как живая встала в моей памяти Анна – и, ничего не сознавая, я вскрикнул: «Анна!» На мой крик женщина вздрогнула, быстро оглянулась и подошла ко мне.

– Да, я Анна, друг. Но как можете Вы знать мое старое имя, которым

никто больше меня не зовет?

Музыка ее голоса перенесла меня в Константинополь, в зал Анны, я увидел ее и Ананду у рояля, вспомнил их песни... Голос не повиновался мне, я не был в силах ей ответить, хотя и сознавал всю невежливость и нелепость своего поведения.

– Прости, мать, моему секретарю его растерянность, – сказал И., подходя к нам и кладя руку на мое плечо. – Тебе ведь не впервые видеть, как люди не могут оставаться спокойными, слыша твой чарующий голос, равный которому трудно встретить во всем мире. В Константинополе мы виделись с твоей правнучкой, о которой тебе писал Ананда. Ее голос очень похож на твой. Ее-то имя и выкрикнул мой энтузиаст-секретарь. Имя его – Левушка, позволь тебе его представить, прости ему его слабую выдержку и прими его в свое обширное сердце.

Когда я склонился к довольно большой, но прелестной руке той, кого И. назвал «мать», она обняла мою голову и поцеловала меня в висок. Я почувствовал целый поток нежной любви, лившейся мне от этой женщины. Она меня окружила любовью, как гармоническим кольцом.

– Дитяtko мое, если Ваше сердце несло Анне любовь, если Вы так восхищались ею, что даже сходство наших голосов взволновало Вас, что же, кроме благодарности Вам за преданность моей правнучке, я могу испытывать к Вам? Ананда писал мне, что ты, великий Учитель, привезешь ее с собой. Где же Анна? – держа меня за руку, поглаживая ее и тем меня успокаивая, говорила мать.

– Об этом, мать, после. Я не имел в виду начать с тобой сразу разговор об этом. Но... по некоторым новым указаниям, полученным мною в пути к тебе, мы не возвратимся сегодня обратно к Раданде, а проживем у тебя не менее трех дней. Мы еще будем иметь время для беседы об Анне. Позволь тебе представить остальных моих спутников, кроме твоих друзей Грегора и Василиона. Появлению похвальных листов за их работу у тебя они всецело обязаны тебе.

Представив всех нас матери, И. обратился к нам:

– Это мать-настоятельница Общины, имени которой до сих пор никто здесь не знал. Левушка разбудил к жизни давно забытое имя матери. Будь же, мать, отныне не просто мать-начальница, но свети всем встречным как мать Анна, Анна-Благодать.

– Да будет по воле твоей, Учитель, – склоняясь перед И., ответила мать Анна. Когда она выпрямилась, по щекам ее катились слезы, а лучистые глаза казались сияющими озерами.

– Нет больше ни одной песчинки прошлого, мать Анна. Говорят,

устаи младенцев глаголет Истина. Младенчески чистое сердце выкрикнуло твое имя. Вспомни, что сказал тебе твой наставник в тайной Общине, когда провожал тебя и твоих немногочисленных спутников на жизнь и труд в этом оазисе. Пусть же имя твое звучит для новых радостей и побед людям, для нового понимания ими свободы. Пусть каждый, кто подойдет к тебе, радуется и поймет, что всю Свободу-Жизнь он носит в себе.

Мать Анна смахнула слезу, улыбнулась мне и, снова взяв мою руку, сказала:

– Мил ты мне, мой мальчик, за любовь твою к моей правнучке. Но еще ты мне милей за великую радость, о которой сам ничего не знаешь. Много лет назад, отправляя меня сюда к Раданде, сказал мне мой наставник: «Когда чистые, впервые встретившиеся тебе уста назовут тебя Анной, тогда освободишься». Ты

– мой вестник радости. Прими же мою благодарность и будь моим дорогим гостем.

Мать Анна поклонилась мне, поклонилась всем гостям, выразив им радость приветить их у себя в оазисе, и попросила следовать за нею. Она подвела нас к красивому домику, обсаженному прекрасными цветами и деревьями, и здесь сдала нас, мужчин, на попечение двум братьям, а к Наталье Владимировне приставила очаровательную девушку. Мать Анна хотела увести И. одного с собой в другой дом.

– У меня, мать Анна, будет много работы. Не разрешишь ли ты мне взять моего секретаря с собой?

– Как благоволишь. Учитель. Я буду рада иметь ближе к себе это дитя радости. Я только думала, что ты нуждаешься в полном внешнем покое. В домике, где я помещу тебя, только две комнаты, а самое место, где стоит дом,

– островок, как приказал устроить Раданда. Только недавно деревья там поднялись высоко и окрепли, а кустарники разрослись стеной вокруг всего островка. Никому, кроме старикасторожа, я туда входить не разрешаю. Ваши ноги первыми пройдут в этот священный домик с тех пор, как он окончательно отстроен и меблирован, сколько хватило моих возможностей и усердия, красиво и комфортабельно.

Мать Анна шла впереди нас своей необычайной походкой, она точно плыла, едва касаясь земли. Шли мы минут двадцать, сначала среди разбросанных, поэтично выглядевших домиков, крытых пальмовой соломой, потом мимо белых домиков, казавшихся мраморными, с прелестными крышами, точно из розовых лепестков, оказавшихся сплошь

из стекла Грегора и Василиона, приспособленного для домов. Стекло не пропускало жары внутрь комнат и было непроницаемо для песка.

Я и не предполагал, слушая эти пояснения матери Анны, что буду иметь случай убедиться на опыте, как во время песчаной бури в пустыне, несмотря на высоченные зеленые стены, тучи песка проникают в этот оазис, и только плотные стеклянные дома являются единственными местами спасения для людей и животных, когда бушует буря.

Как я расскажу дальше, буря на Черном море была мало чем страшнее ужаса песчаной бури, которую И. дал мне возможность наблюдать со специально выстроенного матерью Анной огромного маяка с огнями и колоколом, дававшего спасительные сигналы караванам, случайно застигнутым бурей в окрестностях ее оазиса.

Домики кончились сразу, и мы перешли в сад из финиковых пальм и громадных хлебных и кокосовых деревьев, плоды которых составляли основное питание темнокожих. Возле домов был шум и движение, возня детей и взрослых, а здесь была полная тишина и уединение, а еще через несколько минут мы подошли к островку, окруженному небольшим рвом с чистой водой, через который был перекинут чистенький, беленький, пальмовый, точно вчера выстроенный, мостик. Возле него мать Анна остановилась.

– Этот дом для меня, Учитель, – святыня, алтарь. Приготовив в нем все, я больше туда не входила. Благоволи войти один со своим келейником, как ты того желал, и, если что будет нужно, пришли его ко мне. Я живу вот здесь, на поляне, рядом.

– Принимаю от тебя – по восточному обычаю уступать право войти старшим впереди себя – эту привилегию. Но прошу тебя по этому же праву старшинства следовать за мной как моя гостья, друг и сотрудник Светлого Братства, давшего мне большое поручение для тебя.

– Радостно повинуюсь твоей воле, Учитель, – ответила мать Анна.

Но она не желала пройти впереди меня, чем меня так смутила, что я все стоял у мостика, хотя И. уже перешел на островок. Как всегда, выручая меня во все минуты неловкости, И. повернулся и сказал мне:

– Мать Анна как хозяйка оазиса лишает тебя привилегии кавалера. Проходи сейчас первым, ты сумеешь доказать ей еще не раз за время пребывания здесь, что ты кавалер и рыцарь духа и что твоя юная внешность несет в себе древний и не чуждый ей дух.

Ободренный моим дорогим другом, я смело пошел по мостику, забыв об условной неловкости. Так мы дошли до домика и поднялись вверх по чистой пальмовой лестнице в прелестный холл с панелями из пальмы,

убранный цветами, а оттуда вошли в комнату.

Что-либо прелестнее трудно было себе вообразить. Все, до последней вешалки, было сделано руками обитателей оазиса. И все казалось мне предметами искусства, а не простого обихода. Я уже был расположен к «ловиворонству», но И. не дал мне для этого времени, велел придвинуть два обворожительных кресла к окну, открытому в глубь сада.

– Пока я буду беседовать с матерью Анной, Левушка, ты сходи к Яссе и возьми у него те пакеты, что я велел тебе передать ему. Кроме того, из сумки, что я дал Грегору, вынь письмо, которое я передал тебе при выезде из Общины Раданды. Неси все сюда, но неси осторожно, так как все, что ты будешь нести, представляет очень большую ценность для матери Анны. И только чистые руки и чистые мысли должны доставить их сюда. Будь внимателен, мой мальчик, помни, что ты был вестником радости и освобождения для другой души, будь же до конца достойным гонцом Светлого Братства.

Поклонившись И., я вышел из комнаты и подумал, как ничтожна была моя верность в глазах И., если я нуждался в этом напоминании. Еще раз мысленно поблагодарив И., я дал себе слово думать только о текущем сейчас, таком важном для другого человека. Я прикоснулся рукой к цветку Великой Матери, легко прошел обратный путь, без затруднения отыскал дом и в нем Яссу.

Ясса встретил меня так, точно ждал моего прихода. На его кровати лежало для меня свежее платье, он проводил меня в душ, сам смыл с меня оставшиеся кое-где следы жидкости, помог мне одеться, сам расчесал мои кудри, особенно красиво уложил их и только тогда подал мне завернутые в белый шелк пакеты.

– Здесь чудесное платье, Левушка, а здесь вуаль. Все это драгоценно не только как символ для матери Анны, но и как дар Али. А ты сам знаешь, с какой царской щедростью одаривает этот Учитель своих избранных, если они имели счастье ими стать.

Да, я хорошо это знал, и слова Яссы, никогда не говорившего ничего зря, заставили меня быть еще внимательнее. Мы вместе прошли к Грегору, у которого я спросил письма. Подавая их мне, Грегор на минуту остановился, отступил на шаг назад, вглядываясь пристально, по манере художника, во всю мою фигуру.

– Эх, написать бы Вас так, Левушка! Никто бы не поверил, что Вы живой человек, а не вымысел художника! И кто так уложил Вам сегодня волосы?

– Ну, вот еще, Грегор, с чего это Вы взяли, что я вымысел? – обиженно

сказал я, чем насмешил всех, бывших в комнате. – Я самый настоящий человек-мужчина, а не забава для художественной фантазии. Лучше пожелали бы Вы мне благополучно донести мои пакеты, зная, какой я разиня.

Ясса проводил меня до самого мостика, нежно мне улыбнулся на прощание и повесил мне на плечо платье для И., которое нес в чехле вместе со всеми остальными принадлежностями для туалета.

Соблюдая все возможные предосторожности, чтобы ничего не смять и не растерять, я вошел в комнату. Я был горд, как кули, благополучно исполнивший поручение. И. взял пакет побольше, передал его матери Анне. Второй пакет он подержал несколько минут в руках, как бы призывая на него особое благословение, и тоже передал ей. Письма же, взятые мною у Грегора, он положил на стол и сказал:

– В пакетах, что я тебе передал, Светлое Братство посылает тебе платье, какое носят все его представители, Учителя-Наставники. Настал твой час освобождения, мать Анна. Пока я отправлюсь в душ и переоденусь с дороги, перемени и ты свое платье. Больше черных полос – скорбных воспоминаний о собственной поколебавшейся верности – на нем быть не должно. Пакеты, что лежат на столе, не вскрывай, я сам их для тебя открою.

С этими словами И. вышел из комнаты, я понес за ним его платье и помог ему снять одежду путешественника. Я хотел немедленно отнести ее обратно к Яссе, но И. велел мне сложить ее, аккуратно вложить в чехол и унести в небольшой чуланчик под лестницей, где стоял пальмовый ларь, и уложить все вещи туда.

Пока я возился с этим делом, хоть мне казалось, что я сделал его очень быстро, И. уже был готов, когда к нему вернулся, и подвязывал сандалии. Надев золотой пояс, И. стал подниматься вверх, приказав мне идти за ним.

Войдя в комнату, мы увидели мать Анну в новом платье. Что же это такое с ней случилось? Разговор с И. или новое платье так изменили ее? Я, правда, был слишком занят своей миссией кули подать порученные мне вещи такими же безукоризненными, какими мне дал их Ясса, и смотрел, войдя, на И., а не на мать Анну, но все же я отлично помнил ее лицо, когда уходил. Оно было по-прежнему кротко и напоминало по доброте Раданду. Но теперь вокруг ее головы, плеч, рук я видел сияние, которого не было, когда я уходил. Платье на ней было длинное, белое, из такой же точно материи, как Али прислал перед пиром в К. моему брату Николаю. Вокруг шеи, рукавов и широко по подолу шла великолепная золотая вышивка. Талию матери Анны стягивал такой же, как у И., золотой пояс.

Лучистые глаза ее сияли еще больше, и мне показалось помолодевшим все ее лицо от тех потоков радости и счастья, что лились из него. Как воплощение энергии, стояла эта женщина перед И., и, если у стены оазиса я понял, что могла сделать любовь Раданды, то сейчас я понял, что все, что создано в самом оазисе, создано руками и любовью матери Анны, что только ей одной обязан этот угол вселенной всей своей культурой. Но только на следующий день, когда разразилась буря в пустыне, я понял всю высоту и огромность роли матери Анны как слуги и спасительницы людей.

И. взял один из пакетов, которые не велел без себя вскрывать, вынул из него плоский, довольно большой футляр из слоновой кости, раскрыл его и достал большой зеленый крест, весь как бы высеченный из цельного изумруда, на тонкой золотой цепи. Он надел его на шею матери Анны.

– Это посылает тебе Флорентиец с тем, чтобы, уходя со своего поста настоятельницы, ты передала его тому, кого сочтешь достойным заменить тебя. А это, – прибавил он, вскрывая второй пакет и доставая из него чудесную коробку, черную, с изображением золотого павлина на крышке, – посылает тебе твой великий Друг Али.

И. достал золотой обруч и длинную тончайшую вуаль, которую накинул на голову матери Анны и прикрепил обручем к волосам. Вуаль упала ей на плечи и спину, вся засияла переливчатыми тонами – от золотого и розового до фиолетового. Она представляла такое чудесное зрелище, что я загляделся и опомнился только тогда, когда И. поднимал мать Анну с колен, благословляя ее.

– Великое Светлое Братство поручило мне ввести тебя в разряд посвященных настоятелей и послало тебе вещественные знаки великих, созревших в тебе сил. Прими через эти вещи, освященные любовью и силой Великих Братьев Али и Флорентийца, благословение всего Братства и его вечную помощь. Все твое прошлое исчезло из хроники веков. Следы его стерты твоими верностью и трудом для общего блага. Ты превысила данные тебе указания и усовершенствовала жизнь порученного тебе племени выше указанных тебе рамок. Будь благословенна. Вот тебе письма от старших братьев.

И. подал матери Анне письма, мне же дал прежнее ее платье, футляр и коробку, приказав отнести их за настоятельницей в ее дом. Солнце стало уже опускаться, когда мы покинули островок. Дом настоятельницы был очень близко, и через несколько минут мы стояли в ее комнате. Пока шли, мы встретили несколько человек, которых так поражал новый туалет и новый сияющий вид их матери, что они роняли все из рук и, раскрыв рты, сопровождали ее удивленными взглядами. Меня это так смешило, что я с

трудом удерживал серьезный вид достойного келейника Учителя.

Комната матери Анны была очень скромна по своей обстановке, но блистала чистотой и была наполнена ароматом прелестных цветов. Небольшой, очень изящной работы письменный стол, два кресла, несколько стульев, шкаф с книгами, киот с горящей перед ним лампадой, диван, заменявший кровать, все из белого полированного пальмового дерева, несколько прекрасных ваз работы Грегора – вот и все убранство ее небольшой комнаты, в которую мы вошли через две большие приемные, где ждали мать ее подданные.

– Вот, дитя мое, какого счастья был ты для меня вестником. Будь благословен и возьми от меня на память эту пряжку, пристегни ее к поясу и молись обо мне Великой Матери, – сказала она мне, как только за нами закрылась дверь ее комнаты.

Я поблагодарил настоятельницу, выразил ей, как умел, свои поздравления и благодарность, и возвратился на островок. Здесь меня встретил старик-сторож и объяснил, что через полчаса будет сигнал к окончанию работ, его проиграют на рожке. Затем второй такой же сигнал будет за четверть часа до ужина и, наконец, удар набата к сбору в столовой. Он рассказал мне, как найти дорогу в столовую, и я вошел к моему дорогому И. Я настал его за письмом. Он велел мне сесть в кресло и подождать его распоряжений.

Окончив письмо, И. велел мне отнести его Ольденкотту, сказать Яссе, чтобы он привел всех в столовую по удару набата, а Андрееву сию же минуту привести к нему.

Я помчался, памятуя, что до удара колокола остается мало времени. Выполнив все порученное и отыскав Наталью Владимировну на ее половине, я так торопился скорее возвратиться к И., что бедная женщина еле попевала за мной. Всю дорогу она посылала малолестные эпитеты удушающей жары оазиса.

Добравшись до островка, она вздохнула легче и объявила, что только здесь можно дышать. Не знаю, правильно ли я чувствовал ее настроение, но мне казалось, что моя спутница чем-то раздражена и в чем-то разочарована. Я остановился при входе в дом, коснулся цветка Великой Матери и всем сердцем молился Ей, чтобы эта женщина вошла в гармонии и мире в комнату, где только что другая получила священный привет высокого признания и счастья освобождения.

Как не раз бывало, Наталья Владимировна сейчас же почувствовала мое состояние, взяла меня за руку, несколько раз глубоко вздохнула, прикрыв другой рукой глаза, улыбнулась мне и кротко сказала:

– Спасибо, верный друг. Ни разу не забыли Вы меня в своей молитве. Я готова. – И мы вошли к И.

И. встретил нас улыбкой, придвинул кресло для Натальи Владимировны ближе к столу, за которым продолжал сидеть, а мне велел сесть в кресло у окна.

– Не время, моя дорогая, заниматься мыслями о себе. Многое изменилось за те часы, что мы ехали сюда. Если бы Вы не нарушили моего приказания и спали ночь, Вы были бы в курсе надвинувшихся на нас обстоятельств. Теперь же выслушайте меня внимательно, времени для добавочных пояснений не будет. В эту ночь в пустыне разразится буря, какой не только это племя темнокожих, но даже и Община Раданды не видела. Самое место оазиса будет охраняться кольцом невидимых защитников. Но люди будут переживать страх от ужасных явлений стихии тяжело. И всем нам надо разделить труд по их успокоению с наибольшей мудростью. Вам я поручаю детей и самых слабых женщин, которые по приказанию настоятельницы соберутся в одном из больших домов, наиболее прочном и устойчивом. Вам будут помогать келейницы матери Анны – женщины сильные, мужественные, закаленные. Бронский и Игоро под началом Яссы с наиболее сильными людьми оазиса будут дежурить у ворот, впускать и вносить тех, кого удастся спасти из застигнутых бурей в пустыне. Слава и Ольденкотт соберут вокруг себя старых, слабых и больных, а также наиболее трусливых мужчин и подростков, хотя должен сказать, что племя матери Анны вообще храбро и мужественно. Но, как я уже сказал, картина игры стихий будет страшна и храбрым. Только воистину верные не испытают страха в эту ночь. Я рассчитываю, что сила Вашей верности даст успокоение тем, кто будет окружать Вас.

– Если бы Левушка был со мной, я могла бы больше ручаться за успех поручения, – начала Наталья Владимировна, но И. улыбнулся и не дал ей продолжать.

– У Левушки, силача, будет иная миссия в эту ночь. Я только что сказал Вам, что надо распределить силы с наибольшей мудростью. Грегор и Василион будут отстаивать завод. Они здесь свои и очень любимые люди. Вам же в эту ночь представляется возможность проявить всю ту любовь к братьям-людям, пример которой может оставить след в сердцах всех, кто проведет с Вами эту ночь. Возьмите эту коробочку и помните, точно помните наставление, которое я Вам сейчас даю. Ее содержимое предназначается только Вам. Когда будете доходить до полного изнеможения, берите в рот один шарик. Туземцам пилюль не давайте, хотя бы Вам казалось, что кто-либо умирает. Как вести себя в толпе

безумствующих от ужаса женщин и детей, соображайте сами. Старайтесь предупредить панику. Действуйте примером собственного спокойствия и утверждайте в них уверенность, что рядом с Вами они в полной безопасности.

Рожок прозвучал, И. велел мне свести Наталью Владимировну к Яссе немедленно возвращаться к нему.

Я возвратился с ударом набата и нашел И. уже поджидавшим меня на пороге дома.

ГЛАВА 24 Первый ужин в круглом доме в оазисе матери Анны. Зал и наши сотрапезники. Речи матери Анны и И. Работа И, его наставления и приготовления к встрече бури всего населения оазиса. Маяк. Страшная ночь бури. «Чудо», совершенное И. Мы сходим с маяка. Ясса, его мертвый сон и мое отчаяние. Моя работа у ворот. Собаки-искатели. После бури. Мы посещаем Ольденкотта и Андрееву

Мы немедленно пустились в путь, обогнули островок и прошли во вторую часть оазиса, которой я еще не видал. Миновав такие же тихие пальмовый и фруктовый сады, через какие вела нас на островок мать Анна, только здесь они были гуще и напоминали больше лес, мы неожиданно вышли на поляну. Здесь были устроены утрамбованные площадки. Это я их счел таковыми, на самом же деле они оказались из матового стекла. Площадки предназначались для всевозможных игр детей и взрослых. Тут были сетки для игры в мяч, и крикет, и трапеции, и качели, и гигантские шаги – всего я даже не мог и взглядом окинуть.

В данную минуту на площадках двигалась только одна фигура старика, который собирал мячи и кегли и убирал их в большой сарай. Сарай был такой очаровательно чистенький, изящно выстроенный, беленький, с красивым орнаментом, что немало европейцев пожелало бы жить в таком прекрасном доме.

И снова я подумал, что может сделать любовь человека для своих ближних и в какой красоте помогал Грегор матери Анне воспитывать свое племя. Как ураган, пронеслись мои мысли: сколько лет живут у Раданды Грегор и Василион, молодые сравнительно люди? Каков их истинный возраст? Где здесь их завод? Голос И. вернул меня к равновесию:

– Мы подходим. Не рассеивайся. Не так много времени прошло между бурей на Черном море и той песчаной бурей, что тебе предстоит испытать сегодня. Но тогда ты был несведущим и слабым мальчиком, сегодня же ты взрослый и закаленный мужчина. Все мысли сосредоточь на той помощи, что придется оказывать людям сегодня. Думай неотступно о Флорентийце и

проси Великую Мать благословить наш общий труд. Забудь о себе и обо всех вопросах, которые могли бы интересовать тебя лично. В великие минуты жизни, когда тысячи людей стоят перед лицом смерти или бедствий, надо выйти из всего условного и жить только Вечным, перед Ним складывать свой труд и Его спасти в формах временных, смертных.

Я глубоко вбирал в себя слова И. Они будили мой дух, но что касается моего внимания внешнего, то оно спало: я совсем не заметил, по каким дорожкам мы поворачивали теперь, хотя, когда старик сторож растолковал мне дорогу в столовую, я, казалось, ее хорошо понял. Я вздохнул: хорош секретарь! Но времени не было для жалостных мыслей. Я постарался еще глубже сосредоточиться и вошел вслед за И. в большой двухэтажный, совершенно круглый дом.

Меня очень удивила эта форма дома. Зал, куда мы вошли, тоже был совсем круглым. Окна, вроде люков, были наверху, многочисленные, в данную минуту плотно закрытые. Под потолком вертелись веера, как в Общине Али, но как-то иначе устроенные. Вокруг всего зала шел широчайший коридор, где помещались кухни и множество комнат. Мать Анна встретила нас у порога и проводила к своему столу, где было только три прибора.

Хотя в зале было множество столов, но всех обитателей оазиса эта комната не вмещала. Над нею, во втором этаже, был точно такой же зал, но много больше, и столов он вмещал больше, так как не имел опоясывающего коридора. Даже нижний зал был похож на огромный театр, я представил себе, сколько же народа вмещал в себя верхний зал.

Усадив нас за свой стол, мать Анна рассадила всех наших друзей, поручив их заботам Грегора и Василиона – хозяев оазиса, как она выразилась. Возвратившись к нам, она тотчас же приказала подавать кушанья. Немедленно много молодых девушек и юношей стали передавать на столы подаваемые им из окон-ниш коридора миски и блюда с едой. Другие, поставив еду на небольшие подъемные машины, тянули веревки, переправляя ее на второй этаж.

Первым блюдом оказалась превкусная похлебка с большим количеством хрустящих пирожков. Того строгого молчания, какое царило в трапезной Раданды, здесь не соблюдалось. Все, кому хотелось, разговаривали. Но разговаривали тихо, и того гула голосов, который раздавался в столовой Общины Али, тоже не было. Полную непринужденность поведения я наблюдал за всеми столами. Но как здесь все были воспитаны и культурны! Атмосфера полного мира и удовлетворенности окружала нас со всех сторон.

Одеты все были сейчас совсем не так, как при первой встрече у ворот. На женщинах были платья самых разнообразных цветов, короткие, не достигавшие пола, но много ниже колен, фасонов хотя и самых простых, но разнообразных. Старые женщины все были в темно-серых или коричневых платьях, почти все с длинными пелеринами. Мужчины были в блузах, сплетенных из шелковых ниток, тоже самых разнообразных цветов. Панталоны на всех были темно-синие, застегивавшиеся под коленом. Ноги и у мужчин, и у женщин очень красивые, почти у всех босые. Только немногие носили тот же род сандалий, что мы видели на привратниках у ворот.

Детей здесь вовсе не было. Их жизнь шла в детских домах, как мне ответила мать Анна на мой вопрос. Здесь были люди, начиная с пятнадцати лет, что считалось возрастом зрелости и давало право вступать через год в брак.

Вторым блюдом были поданы овощи в самых разнообразных сочетаниях, потом фрукты и горячее какао с вкусными сладкими финиковыми хлебцами.

Подтрунивая над моим аппетитом, И. уговаривал меня есть как можно больше, так как потребность в моих физических силах будет очень большая. Я смеялся и с большим удовольствием старался.

Во время ужина я не мог не заметить тысяч восхищенных взглядов, обращенных на И. и на мать Анну. Она, очевидно, была не только душой, но и божеством своего оазиса. А сегодня, в новом платье, она привлекала к себе всеобщее внимание и вызывала восторг. Покончив с едой, мать Анна встала и заговорила своим необычайным музыкальным голосом.

Ее голос точно был сигналом. Люди бесшумно передали через окнаниши большую часть столов в коридор, а образовавшееся пустое пространство заняли люди, спустившиеся с верхнего этажа, где они ужинали. Быстро, без суеты, точно перемена театральной декорации, зал наполнился стоящими людьми, оставался только ряд ближайших к нам столиков, за которыми сидели старики.

– Братья и сестры, только некоторые из вас видели великого нашего друга и всегдашнего милосердного помощника, Учителя И., сейчас присутствующего среди нас. С тех пор как мы живем здесь, с той минуты, как впервые привез нас сюда Раданда, ни одно великое событие нашей жизни не проходило без помощи Светлого Братства. Время от времени Милосердные посылали нам того или иного из своих великих избранных, и они спасали нас или помогали нам проходить тяжелые, а иногда и гибельные моменты нашей жизни.

В царивший тишине, среди которой лилась музыка голоса матери Анны, пронесся, как шелест ветра, взволнованный шепот толпы, и снова воцарилась та же тишина. Я понял, что сердца присутствующих забились предчувствием какой-то скорби, и уста многих прошептали молитву. На меня же лично этот очаровательный голос производил такое успокаивающее и укрепляющее действие, что, если бы мать Анна читала мне смертный приговор, я и тогда думал бы, вероятно, не об ожидавшем меня ужасе, а о силе очарования и Света, которые исходили от нее.

– Соберите всю силу вашего духа, всю отвагу сердца и докажите в эту минуту, когда будете слушать весть, которую принес вам Учитель И., что недаром пропали труды, положенные для вас Светлым Братством и Радандой, что вы выросли в мужественное и храброе племя, готовы во всякую минуту стойко встретить опасность и твердо, решительно ее отразить. Мне нечего напоминать вам, мои любимые, о том беспрекословном повиновении, с которым надо выполнять все распоряжения Учителя И. Слушайте со вниманием, чтобы точно выполнить все им указанное.

Мать Анна поклонилась И. и попросила его сказать присутствующим все то, что Учитель имел им передать.

– Милые мои друзья. В эту минуту сжались ваши сердца предчувствием бедствия. Но взгляните на вашу мать, на вашу воспитательницу и руководительницу. Разве вы заметили в ней волнение или тревогу? Видите ли вы в ее лице какое-либо потрясение, если даже вам и всему вашему оазису угрожает бедствие? Сегодня в ее жизни великий день. Светлое Братство прислало ей новое платье, такое, какое носят все наставники, посвященные Им и признанные достойными стать в ряды руководящих братьев всей Светлой Общины мира. Вы больше не видите на ее платье черных полос, напоминавших о смирении, о путнике тайной Общины, откуда вышла мать-родоначальница вашего племени. На ее платье золотое шитье, сливающее – в стежках своего рисунка – всех людей вселенной, отдавших жизнь труду для блага людей, в одну семью. Ваша мать, имени которой вы до сих пор не знали, с нынешнего дня становится для вас матерью Анной, что, как вы, вероятно, и сами знаете, значит «благодать». Сегодня этим именем окрестило вашу мать Светлое Братство. Не для того Братство послало вам в ее лице благодать, чтобы на вас, ее детей, и на ваше дело обрушилась гибель. Она вас вырастила и воспитала не для гибели. Послезавтра, когда минует ваш оазис гроза стихий, я поговорю с вами о задачах вашего племени в жизни современного вам мира. Сегодня же я призываю вас к героическому напряжению всех ваших

чувств и мыслей. Не раз говорила вам мать Анна, что жизнь есть борьба. Она собственным примером учила вас выносливости, настойчивости и полному самообладанию в борьбе за жизнь. Пришел ваш час радости и счастья показать на деле, как вы умеете защищать дело вашей матери, защищать вашу родину. Это великий и благословенный для вас час: забыть о себе, о страхе и муках, и принести спасение многим путникам, что будут сегодня застигнуты бурей невдалеке от вашего оазиса. Готовьтесь, счастливые братья, к жертвенному труду спасения своих близких за стенами оазиса, к спасению животных и завода в стенах его.

Разбейтесь, женщины и мужчины, начиная с шестнадцати и до тридцати лет, на десятки, и выберите себе старшину в каждой десятке. Заботу о детях, слабых и больных женщинах, не входящих в этот возраст, возьмут на себя мои спутники. Они получают точные указания, как им работать. Мужчины старше тридцати лет будут охранять сады и животных. Грегор и Василион будут спасать завод, так как буря сильнее всего обрушится на восточную часть оазиса. Животных соберите немедленно в конюшни и стойла. Ни одной собаки не оставляйте под открытым небом, так как в сегодняшнюю бурю они будут бесполезны как искатели гибнущих в пустыне, стихии их убьют. Когда для их работы настанет час, вы получите указание их выпустить. Люди, к которым привыкли животные, должны запереться с ними в их помещениях уже сейчас, и рассыпать на полу листья того растения, что я им дам. Животные будут скованы сном, который не позволит им прийти в бешенство от ужаса бури. Этот зал вы сейчас же очистите и принесите сюда циновок, подстилок и подушек. Назначьте сотню людей, сильных и ловких, для дежурства в обоих залах. Сюда будут приносить спасенных. Через час я снова приду сюда – соберитесь все выбранные старшины десятков.

И. велел Грегору и Василиону идти сейчас же на завод и дал им все указания, как поступать с машинами и зданиями, сказав им, чтобы они отобрали себе человек двести для помощи во всех плохо защищенных местах завода. Он дал каждому из них по пузырьку жидкости, назначение которой объяснил только им. Грегору он дал еще небольшую палочку в руки, которую тот принял с большой осторожностью и благоговением, опустившись на колени.

Затем вместе с матерью Анной И. развел всех наших друзей по указанным им для ночного дежурства местам. Последними он оставят у ворот Яссу, Бронского и Игоро с несколькими десятками туземных великанов-силачей, велев Яссе одеть всех в сплошное теплое трико, которое ему дадут в кладовой матери Анны.

– Там же возьми и шлемы с небьющимися стеклами для глаз, иначе вы все ослепнете. Перчатки пришиты к рукавам трико, а сапоги придется вам поучить надевать здешних людей. Они о них и понятия не имеют, – улыбнулась мать Анна.

Пока мы обходили те дома, где оставались дежурить Наталья Владимировна, Ольденкотт и Слава и где И. и мать Анна отдавали последние приказания, прошло больше часа. В атмосфере ничем еще не выражалось приближение той грозной бури, к которой так лихорадочно готовился оазис. Всюду бегали садовники и привязывали к большущим кольцам, ввинченным глубоко в землю, какие-то плотные чехлы, которыми они покрывали особенно ценные плодовые и пальмовые деревья, цветы и оранжереи.

Возвратившись в обеденный зал, мы нашли в нем большую группу ждавших нас людей – старшин десятков, которым И. велел собраться. Поручив каждому из них различные пункты оазиса, И. еще раз повторил, чтобы ничто живое не оставалось на воздухе и чтобы все старшины сейчас же заперлись со всеми теми обитателями оазиса, которые им поручены, в назначенных домах. Он напомнил старшинам, что необходимо проверить количество воды, заготовленной в домах, сараях и оранжереях. Он выделил особые группы для охраны водопровода и машин, дававших свет.

Только теперь я обратил внимание на освещение зала. Свет сосредоточивался в лампах, похожих на лампы в оазисе Дартана, только там он был ярко-белым, а здесь голубым. Но времени для этих мыслей не было, я твердо помнил наставление И. и не рассеивал внимания. Вскоре И. простился со всеми, благословив на успешный и усердный труд, и, выходя, сказал мне:

– Теперь начинается наша часть работы. Пойдем воротам.

И мы направились к выходу из оазиса. Здесь И. проверил всех, подчиненных на эту ночь Яссе, и еще раз подтвердил им задания. Он не упустил ничего, вплоть до сигнальных знаков, которые будут им подаваться с маяка в сторожки. Объяснил, как надо будет готовиться к выходу к воротам, как открывать, чтобы буря их не сорвала, как и куда вводить караваны или их отбившиеся части, куда передавать спасенных людей.

Простившись с Яссой и его подкомандными, мы вошли в гущу зеленой стены, и только теперь я увидел в высочайшей, непроходимой толще зеленой стены выстроенную из зеленого же невероятной толщины стекла круглую башню. Размеров ее я сообразить не мог, но понял, почему в маскировавшей ее зелени я не видел этой башни, въезжая в оазис.

Мать Анна повернула какой-то руль, башня засветилась внутри, и я

увидел, что она – колоссальная не только вширь, но и вверх – вздымалась выше живой зеленой стены. Отойдя на шаг вправо, мать Анна нажала еще какую-то едва заметную кнопку, и послышался играющий звук пружины, точно что-то с силой и звоном отскочило в сторону, и через несколько минут между землей и плитами башни стала образовываться щель. Кусок стекла, толстого, точно целая скала, плотно прилегавший к соседним слоям башни, медленно пополз вверх. Не дойдя и до половины высоты человеческого роста, он остановился, пружина снова издала точно такой же звук, как в начале подъема стекла. Мать Анна хотела вторично нажать пружину, но И. остановил ее.

– Времени терять не приходится. Проползем в эту щель, уже пора подавать сигналы набата и света, чтобы сюда поспешили не догадывающиеся о приближении бури путники.

И действительно, внезапно один за другим пронеслись два порыва ветра, от которых зашумели и задрожали все деревья оазиса. В воздухе пронеслись вой и пыль, точно пролетела темная стая зловещих ведьм. Мы проползли в щель, мать Анна нажала пружину с внутренней стороны, стекло-камень поползло вниз, и через несколько минут мы очутились в таком мертвом молчании, точно мы были в могильном склепе в глубине земли. И. стал подниматься по лестнице, довольно широкой, винтовой, сделанной из белого стекла, как чашки Грегора. Лестница чудесно сверкала, точно чисто вытертые фарфоровые тарелки, над нею вились круглые поручни такого же зеленого цвета, как сама матовая башня. Я насчитал сто семьдесят ступеней, а мы все еще не были на самом верху. Оставалось пройти еще два пролета. Каждый пролет имел небольшую площадку, и кверху башня не уживалась. На каждой площадке был кран с водой и маленький бассейн. Мать Анна на всех площадках открывала краны, и вода бежала не только из самого крана, но и из нескольких тонких труб, сплошь в дырочках, сбегая в бассейны, а оттуда, переполняя их, в землю. Только потом я понял, как благодатна была для нас прохлада этой воды, спасавшей нас от удушливого жара раскаленного песком воздуха. Хотя стекло и не пропускало жару внутрь, но самые стены башни с внешней стороны накалялись, как утюг. Бежавшая сверху донизу вода наполняла относительной прохладой наше заключение.

Наконец мы поднялись на последнюю площадку. Стекланные стены здесь были так же толсты, но совершенно прозрачны. С последней площадки вела узенькая лесенка в самый купол, и по ней мы поднялись гораздо выше зеленой стены оазиса.

Здесь было четыре руля. У двух из них, расположенных рядом, И.

поставил меня.

– Ты видишь надписи: «Набат», «Свет». Здесь указано, сколько поворотов руля тебе надо сделать, когда я буду говорить тебе: «двойной набат», «один набат», «непрерывный набат». По последней команде закрепляй руль на этой цепи. Точно так же поступай по команде матери Анны, которая будет управлять световыми сигналами. И по ее команде «непрерывный свет» будешь закреплять на вторую цепь световой руль. Понять это несложно, но закреплять рули очень трудно, да и для самих поворотов руля тебе придется расходовать большее количество физических сил. Здесь на стене две небольшие кнопки с надписями «Приготовиться», «Выходить». Это сигналы в сторожки. Я тебе эти слова так и буду говорить, и ты будешь нажимать одну из этих кнопок. Будь внимателен. Что бы ты ни увидел из феноменов природы или из явлений в самой башне, что покажется тебе сверхъестественным «чудом», не теряй присутствия духа и действуй точно у аппаратов, помня, что от твоего внимания зависит жизнь многих людей.

Сам И. и мать Анна стали у двух других рулей. Их назначения мне И. не объяснял. Я поглядел сквозь прозрачную стену, кусок которой приходился против моих рулей. Сколько я мог охватить взглядом, в освещенном светом нашего маяка пространстве песок пустыни начинал колебаться. Пустыня, неподвижность которой я так хорошо знал, начинала походить на море.

– Один набат! – услышал я внезапно команду И.

Я повернул руль и от неожиданности даже вздрогнул. Где-то близко, точно над нашими головами, ударил такой мощный колокол, что мне показалось, будто все вокруг вздрогнуло.

– Двойной свет! – сказала мать Анна.

Я повернул руль света, и волны белого и красного света, испуская длиннейшие лучи, осветили все вокруг, как солнце. Песчаные волны теперь колебались в пустыне выше и сильнее, но все же не достигали вышиной и четверти аршина.

«Двойной набат!» – услышал я. «Непрерывный свет!» – подала команду мать Анна. И, хотя обе команды раздалась почти одновременно, я их успешно выполнил.

В те несколько свободных минут, что выпадали мне между командами, я успевал наблюдать изменения в пустыне. Сейчас волны песка, несколько минут тому назад ползавшие по земле, уже были гребнями выше аршина и плыли в столбах пыли.

«Непрерывный набат! Приготовиться!» – командовал И.

Я мгновенно закрепил руль набата, отчего послышался даже в нашей мало проницаемой для звуков коробке сильный гул, и нажал кнопку Яссе. Только что я успел выполнить это приказание, услышал: «Выходить!» Подойдя к стене, чтобы дать сигнал Яссе, я заметил караван, мчавшийся к оазису на обезумевших животных, бившихся и спотыкавшихся. Последнее, что я увидел, как Ясса с товарищами открывал ворота, а дальше столбы пыли покрыли все.

«Непрерывный набат!», «Отпусти свет!» – сказали оба мои командира.

Так, под непрерывные команды моих командиров, я работал рулями и сигналами в сторожке, не имея мгновения взглянуть за стену. Но в первый же минутный перерыв я поглядел в пустыню и был потрясен новой картиной. Волны песка достигли уже высоты более двух аршин. Они кочевали с какими-то перерывами. Вой и свист ветра достигали даже нас, молнии сверкали, но звук грома к нам не доходил. Быть может, за воем ветра я не мог его различить.

Снова, довольно долго, шли непрерывно команды. Вдруг мне показалось, что свет погас. Но это не свет погас, а на нас шел колоссальный столб кружившегося песка, вихрь которого обрушился, к счастью для башни, на зеленую стену, а нас только засыпал рикошетом, отчего за стенами и стало темно. Свистящие порывы ветра сдули слои песка с круглой башни, и я понял, зачем выстроили ее круглой. Снова и снова шли команды моих начальников. Мои руки и ноги работали уже с трудом, пот катился с меня градом, в глазах рябило. И, перебросил мне пузырек, не отрывая глаз от пустыни, сказал:

– Выпей.

Воспользовавшись мимолетным антрактом, я выпил содержимое пузырька и сразу почувствовал облегчение и прилив новых сил. Глаза мои теперь снова видели ясно, руки и ноги опять стали точно железные. В пустыне был ад, хаос, где ни песка, ни самого пространства – ничего уже не существовало. Сплошная кружившаяся тьма, в ней вой и молнии.

«Непрерывный набат!», «Непрерывный свет!» – услышал я почти одновременно. Я подумал, что в этой тьме ада, в этом смертельном верчении песка и ветра уже никого нельзя спасти, как услышал: «Приготовиться!»

Я содрогнулся, так как был уверен, что все живое, что дерзнет выйти сейчас наружу, будет немедленно убито и сожжено горячим песком. Увы, я тогда не знал худшего: холод внезапно сменил палящий жар и превратил песок в режущие, холодные колючки.

«Выходить!» И я всем сердцем молил Великую Мать помочь моим

друзьям и пощадить их жизни и жизни спасаемых. Я нажал кнопку с таким чувством, как будто я сам подписывал им смертный приговор.

Я взглянул сквозь стену и увидел, как по узкому проходу между двух огромных гор волнующегося песка из последних сил мчится караван верблюдов. Бог мой, я звал Флорентийца, хотел крикнуть И., молить его спасти несчастных, которые сейчас погибнут во все суживающемся коридоре между двумя высоченными хребтами песка, как увидел у руля совершенно без движения самого И., с рукой, вытянутой к страшному коридору.

Я подумал, что И. умер. Мгновение, и я бросился бы к нему, как возле меня выросла фигура матери Анны. Она пристально взглянула мне в глаза и приложила палец к губам, приказывая мне молчать. Повернув меня лицом к пустыне, она указала мне рукой на приближавшийся караван, впереди которого... шел весь светившийся И. Еще мгновение, караван достиг ворот, а оба песчаных хребта слились в одно высоченное море песка, которое тот же час стало снова волноваться и уноситься вихрем дальше...

Сзади меня послышался глубокий вздох. Я оглянулся. И. стоял на своем месте, как будто минуту назад я не видел его мертво-неподвижным. Лицо его радостно улыбалось, и он сказал матери Анне:

– Главные и самые страшные циклоны уже прошли.

Хотя главные циклоны и прошли, не это не мешало нашему маяку время от времени содрогаться под ударами песчаных столбов, точно в нас палили из пушек. Еще долгое время я работал под команду обоих моих начальников, и наконец стал вырисовываться горизонт в слабом-слабом свете. Что за зрелище открывалось по мере возрастания света! Вместо чистого, белого и ровного песка пустыни, к которому уже привык мой глаз, расстился словно нарисованный ландшафт раскопок какого-нибудь старинного города в самый разгар исканий.

Еще долгое время шли команды моих начальников. Ветер все еще выл и свистел, но уже несколько раз я мог различить в слабом свете, как открывались ворота, удерживаемые двумя десятками рук сильнейших людей, и как верблюды, сами искалеченные и полумертвые, вносили на себе свешивавшиеся к их шеям неподвижные человеческие фигуры. Постепенно свет становился ярче, И. дернул какой-то шнур, и свет внутри башни погас.

– Скоро наше дежурство кончится. Не беспокойся, мать Анна, те, кого ты ждешь, спаслись в гроте. Теперь они уже едут сюда. Не пройдет и двух часов, они будут здесь. Надо только держать непрерывно сигналы набата и

света, чтобы они могли сориентироваться и сообразить, как пробраться среди наметенных бурей гор песка.

Думаю, что прошло более указанного И. срока, прежде чем я получил приказы: «приготовиться» и «выходить». Но, быть может, так только казалось мне от одолевшей меня вновь усталости. В последний раз И. отдал приказ, ворота открылись и закрылись, и он велел нам покинуть маяк.

Я привел рули в их первоначальное положение и стал спускаться за матерью Анной и И. вниз по лестнице. Только сейчас я понял, до какой степени я устал. Ноги мои дрожали, руками я еле держался за поручни. Чем ниже мы спускались, тем слышнее становился вой ветра. Я видел, что на зеленой стене, вся верхняя часть которой при нашем въезде была покрыта такими дивными цветами, не было ни единого лепестка. Во многих местах, куда обрушивались столбы песка, в самой стене зияли широкие бреши без листьев, в которых среди обнаженных, переломанных стволов, как жуткие черные зубы, торчали здоровенные иглы. Уже по одной этой картине я мог судить, как должны были пострадать цветы и сады матери Анны.

Путь вниз казался мне бесконечным. Даже голова у меня кружилась, чего со мной теперь никогда не случалось, и о чем я забыл и думать. Но всему бывает конец, и мы очутились у входа.

– Приготовься не только к сильному ветру, Левушка, но и к резкому холоду. Вон там лежат плащи. Укутай в один из них мать Анну, другим укройся сам. Ну так и быть, чтобы у тебя не было тревоги за меня, я тоже надену плащ, – прибавил И., накидывая плащ.

Плащи были мягкие, легкие, теплые. Мать Анна снова заставила играть пружину, и глыба стекла поползла вверх. На этот раз И. попросил вторично нажать пружину, объяснив, что мне надо несколько привыкнуть к резкой перемене температуры.

И каким же холодом обдало нас, когда глыба-дверь поднялась высоко. Резкий ветер, неся холодный песок, сразу засыпал мне глаза, нос и рот, и я не мог двинуться с места, как вдруг чья-то рука надвинула мне плащ на лицо и потянула меня за собой. Я шел, дрожа от холода, спотыкаясь, и не соображал, ни куда ведет меня мой поводырь, ни кто он. Но вот ноги наши застучали по дереву, через несколько минут рука моего провожатого ввела меня через порог в теплый дом, сдернула покрывавший меня плащ, и милый голос Яссы сказал:

– Не открывай глаз до тех пор, пока я не спущу тебя в ванну. Тогда их промоешь.

Ясса велел мне вымыть чисто-начисто руки и налил мне полные

ладони приятно пахнувшей жидкости. Я довольно долго промывают глаза, раньше, чем он разрешил мне их открыть. Тогда он подал мне таз и большой кубок с водой. Я с восторгом полоскал зубы и рот, с трудом отделяясь от скрипевшего на зубах песка. Наконец суровые команды Яссы, указывавшего мне, как и чем растираться, кончились, я выполоскался под свежим душем и мог теперь хорошо рассмотреть самого Яссу.

Я нередко видел Яссу слегка утомленным, но никогда не предполагал, что мой дорогой заботливый нянька может быть утомлен до такого полного изнеможения, в каком Ясса находился в данную минуту. Мертвенно-бледное и осунувшееся лицо Яссы едва напоминало его обычный вид.

– Ясса, что с тобой? Ты болен? Разреши мне поскорее отплатить тебе за твою постоянную помощь и заботу. Не протестуй, умоляю тебя. Я мигом приготовлю тебе ванну и разотру тебя в ней. Ведь ты едва жив.

– Нет, Левушка, не поможет ванна. И. дал мне пузырек и велел выпить его содержимое только в случае полного изнеможения. Я все считал, что такое положение еще не наступило и, кажется, опоздал. Пожалуй, теперь уже и поздно. Ноги меня уже не держат, и ванна меня не спасет.

Ясса говорил едва слышным голосом, с трудом достал из кармана маленький пузырек и выпил его содержимое. Несколько минут он лежал, вытянувшись в кресле, в полной неподвижности, в позе смертельного утомления. Я бросился к нему, поднес к его губам цветок Великой Матери и, опустившись на колени, молил Божественную Заступницу помочь моему умирающему другу. Я молил Ее возвратить ему жизнь, такую полезную и необходимую на земле. Я полагал, что Ясса опоздал выполнить указание И., хорошо помня, как в момент полного истощения сил на маяке И. бросил мне пузырек с укрепляющим лекарством. Я взял беспомощно свесившиеся руки Яссы, вложил в них чудесный цветок и всеми силами звал И. прийти спасти Яссу, не умышленно промедлившего выполнить его приказ, но из величайшего уважения к его распоряжению.

Долго ли я стоял так на коленях, рыдая и отчаиваясь, я не знаю. Руки Яссы, становившиеся все холоднее, я пытался согреть своим дыханием. Потоки слез лились из моих глаз на эти дорогие трудолюбивые руки.

– Сумасшедший мальчик, – услышал я издали дорогой, знакомый голос. Поспешные шаги направлялись ко мне, и через минуту фигура И. стояла рядом со мною. – Когда же ты войдешь в полную зрелость, мой Голиаф? Ясса спит и очень счастлив в этот момент. Нам с тобой надо позаботиться, чтобы охранить его тело и никак не мешать трудиться и совершенствоваться его духу. Это очень хорошо, что последнее, что унес Ясса в своей памяти с земли, были твоя забота и любовь, твоя мольба о нем

Великой Матери. Путь его будет легче и выше ровно настолько, насколько твоя чистая любовь свидетельствовала о его полезном и любовном служении земле. Я думал, что ты сам поймешь, что Ясса от выпитой жидкости будет спать, как спал профессор, и выйдет из сна таким же обновленным, как тот. Перестань огорчаться, заверни Яссу в плащ и отнеси наверх в свою комнату, которой ты, кстати сказать, еще и не видел. Уложи Яссу на диван, задерни окно, хотя солнца сегодня и не будет, и сиди подле него в полном самообладании, пока я не пришлю тебя сменить на твоём дежурстве. Своим зовом ты заставил меня бросить очень горячее дело. В следующий раз, если тебе придется наблюдать такой случай, знай, как поступить, никогда и ничего не пугайся, и ни одной слезы чтобы не уронили твои глаза. Я пришлю двоих. Один останется сменить тебя здесь, другой проводит тебя ко мне. Каждый сильный человек сейчас на учете, спеши ко мне на помощь.

И. вышел так же поспешно, как вошел. Я завернул Яссу в плащ и бережно понес его в комнату, которую И. назвал моею. О, как я радовался этой возможности оказать моему другу хоть какую-нибудь услугу, выразить ему всю бесконечную благодарность за его заботы и внимание. Мне никогда не приходилось просить о чем-то моего друганяньку. Он наперед все знал и всегда встречался в пути, как только у меня была заминка. Ясса, Ясса, я всем сердцем свидетельствовал не только о его полезной деятельности, но и о его самоотверженной преданности каждому из тех людей, что попадали в орбиту его внимания.

Поднявшись в мою комнату, я нашел диван, уложил на нем Яссу, как умел удобнее. Тело его было едва теплое, но гибкое. Задернув окно, я придвинул к дивану кресло и сел подле моего друга, спавшего таким чудесным сном. Ветер все еще продолжал выть за окном, но порывы его были уже редки. Через опущенную занавеску я видел тени качающихся пальм. Слова И. внесли полное успокоение в мою душу за судьбу Яссы, но: немало тоскливых чувств пробудили во мне о моей собственной слабости.

Но тут же я спохватился, что не о себе мне надо думать, а о неведомом мне пути Яссы, где моя любовь и радость могут быть ему свидетельством и помощью к более легкому и высокому прохождению к свету. Я хорошо знал, что не одна моя любовь, не одни мои молитвы и мысли несутся в благодарных благословениях этой душе. Тем не менее я вновь опустился на колени рядом с Яссой, вынул божественный цветок его мертвых рук, приник к цветку и... почувствовал, что я точно отошел от своего тела, что я стою у ног Великой Матери в Ее белой часовне Радости. Я услышал голос:

«Много детей у меня, верных тружеников Вечности. Но мало таких,

что знают путь прямой и цельный, путь без колебаний и сомнений, без двойственности и расхождения между идеей служения и собственными действиями на земле. Иди, сын мой, не твердостью характера утверждая на земле те или иные идеи. Но носи их в себе, верностью своей следуя за верностью Учителей твоих. В живом примере выноси в мир новые идеи в слове своем, не как плод одного ума, но как откровение сердца и культуру его...»

Я очнулся на коленях, рядом стояла мать Анна и тихо ждала, пока я окончу мою молитву. Я поднялся с колен, поклонился ей, удивившись, как она свежа, точно и не простояла всей ночи на маяке.

– Я привела брата, что будет здесь, дежурить вместо тебя, ты же пойдешь со мною на помощь И., – сказала она мне.

Подойдя к дверям, она ввела в комнату старца с длинной седой бородой, в тюрбане и восточной одежде, опиравшегося на высокий посох. Темное лицо с суровым выражением, темные красивые руки, высокая фигура с воинственной осанкой делали его похожим на старого вождя. Я так и подумал, глядя на него: «Такие умирают стоя».

Старец улыбнулся мне, и улыбка изменила его лицо – оно стало добрым и ласковым, радостным. Он отодвинул мое кресло, взял стоявший в углу табурет, сел на него, оперся обеими руками на свой высокий посох и замер, точно это было изваяние, а не живой человек. Мать Анна сделала мне знак, и мы вышли из комнаты.

На скамье у площадки она указала мне на трико и шлем с очками, сказала, что И. рассчитывает на мою работу у ворот, куда собакиискатели приводят теперь из пустыни всех, кого находят в ней живыми. Платье переодеть необходимо, так как иначе я буду нетрудоспособен. Остатки бури в пустыне еще очень чувствительно дают о себе знать в оазисе.

Подождав, пока я переодевался, мать Анна вывела меня с островка, поручила юноше, одетому в такое же трико, ожидавшему ее у мостика, и тот повел меня к воротам. Я не мог бы один отыскать туда пути, так как дорожек сейчас не существовало, всюду было одно песчаное море по колено высотой. Ориентироваться было не по чему, и тучи пыли периодически покрывали нас. Песок, как град, стучал по стеклам, вделанным в шлем. Юноша, видя, что я часто останавливаюсь, – как только меня окружает песчаное облако, – взял меня за руку и потащил с силой вперед. Я удивился силе этой стройной фигуры, совсем маленькой и детской по сравнению со мной, пожал руку юноше в знак благодарности и согласия спешить за ним, и так, держась за руки, мы добрались до ворот.

Здесь несколько рослых фигур как раз выходили из сторожки, чтобы

открыть ворота. У самых ворот я увидел И., помогавшего привязывать к спинам собак бутылки с вином и водой, уложенные в небольшие корзиночки из какого-то непроницаемого материала, похожего на клеенку. Собаки стояли спокойно, не выражая никакого страха перед отправлением в пустыню. Очевидно, дело это было им привычно. Правда, собаки могли быть легко названы маленькими тиграми, так они были огромны и страшны.

Ворота открылись, и одновременно свежие собаки пошли в поиски, а к воротам подходили три измученные, тяжело дышавшие, за которыми едва плелись несколько верблюдов без седоков и поклажи и несколько животных пободрее, с седоками. За третьей собакой, держась за ее ошейник, шла полуживая от изнурения женщина, поддерживая на спине собаки две детские фигурки. Переступив порог, и женщина, и собака упали, как я подумал, мертвыми. Я бросился к женщине, а детей подхватил И., собаку подняли двое туземцев.

– Ты с женщиной пойдешь за мной, а вы внесите пса в сторожку и отпоите его сейчас же молоком с той смесью, что я вам дал, – бросил И. на ходу мне и своим сотрудникам. – Ты же беги к дежурному сторожу и вели ему от моего имени ударять в набат каждые три минуты, – прибавил он юноше, приведшему меня к воротам.

Мы дошли до круглого здания столовой, сдали там женщину и детей матери Анне, хлопотавшей среди массы лежавших и стонавших людей. Многие, большинство, пораненные в эту ужасную ночь, были тщательно перевязаны. Иные держались бодро на ногах и помогали братьям и сестрам оазиса в уходе за своими более несчастными товарищами по бедствию.

Быстро передав наших спасенных, И., уже поворачиваясь к выходу, сказал что-то матери Анне, и мы снова пошли к воротам. Набат громко бил в нескольких местах сразу, поддерживая главный колокол, висевший у ворот, удары сливались в один громкий, даже оглушительный звук. Много раз еще открывались и закрывались ворота, собаки приводили все большее количество уцелевших каким-то чудесным образом и открытых в песке людей. Мне казалось, что и конца нашей работе не будет, как И. сказал:

– Теперь бить в набат и посылать собак уже бесполезно. Буря перекочевала за пределы наших возможностей. Сигналы звука и света, а также собаки не могут идти в такую даль, где в эту минуту люди могли бы нуждаться в их помощи. Буря несется к Общине Раданды, и там уже все готовы к спасению застигнутых бедствием в пустыне. Думаю, что предупреждающие призывы колоколов Раданды заставили немалое количество караванов изменить намеченные пути и поспешить укрыться у

него. Ступайте все отдыхать. В кухнях вас ждет походная еда, отправляйтесь в души, кушайте и ложитесь спать. Вы, Бронский и Игоро, идите за мной.

Только теперь, когда две рослые фигуры отделились от остальных, я узнал своих друзей. Все вместе мы прошли до того дома, где дежурил ночь Ольденкотт. Все у него было в порядке, младшие дети спали или играли в придуманные им для них игры. Сам он был бодр, успевал за всем наблюдать и все организовать, как считал наиболее целесообразным, и все порученные ему мужчины и старшие дети готовили, по его указаниям, перевязочные материалы, мази и примочки, запасов которых не могло хватить в оазисе для этого экстренного случая.

Не было сомнений, что Ольденкотт не только сумел избежать общей паники, но и создал атмосферу полной трудоспособности в порученном ему деле. Я сразу почувствовал полное доверие и любовь, которые он утвердил в эту ночь вокруг себя. Слава, немало помогший ему в этом, еле держался на ногах, хотя и бодрился. И. велел ему и Ольденкотту, как и всем в доме, немедленно лечь спать, оставив только нескольких дежурных. И. объяснил всем, что пищу им принесут сюда, что выходить из дома пока нельзя без специальной одежды, так как можно повредить зрение. Надо выждать несколько часов, пока буря не утихнет. Здесь мы оставили Бронского и Игоро, поручив их заботам туземцев.

Покинув Ольденкотта, мы прошли в дом, порученный Наталье. Здесь, уже подходя к дверям, мы были удивлены шумом. Двухэтажный дом походил на бурно проходящую большую перемену в мужской гимназии, когда классные наставники отвлеклись другим делом и предоставили школьников самим себе. И. остановился у дверей, прислушался, улыбнулся и тихо сказал: «Выдумщица». Когда мы вошли в большую комнату нижнего этажа, я чуть не закричал от изумления.

– Сними шлем, удивляться будешь дальше, – сказал мне И., смеясь.

Комната представляла из себя, в лучшем случае, цыганский табор. Все, что только могло служить как занавески, перегородки, было использовано для постройки шалашей. Кровати были опрокинуты набок, заменяя стены, тюфяки лежали на полу, и на них, кто на корточках, кто лежа друг подле друга, дети и взрослые вместе, разыгрывали сцены путешествующего племени, застигнутого бурей в пустыне. Одни выли, другие трубили в рожки, третьи изображали из себя собак-ищеек, приносивших спасенных, четвертые были докторами и сестрами, а большая часть перебежала из палатки в палатку, как в оазисы спасения. Увидев нас, и дети, и взрослые с одинаковым энтузиазмом бросились к нам с криком:

– Спасенные, спасенные, готовьте им места!

– Спасители, а не спасенные, – раздался громкий голос Натальи Владимировны. Она вылезла из какой-то клетки, вся увешанная разноцветным тряпьем, долженствовавшим изображать драгоценные украшения вождя племени.

– Замолчите все, вы ведь знаете, что по закону нашего племени, создавшегося в эту ночь, все племя молчит, когда говорит вождь. Кланяйтесь вашему спасителю, благодарите его за избавление от смерти в эту ночь и спойте ему песнь прославления, которой я вас научила.

Дети и взрослые мгновенно выстроились и запели радостную песнь величания. Откуда взяла Наталья Владимировна этот гимн великому вождю, я не знаю. Но он сейчас прозвучал такой неожиданной мощью и красотой, что рассказал нам все, что делала эта необычайная женщина в не менее необычайную ночь.

Видя, как при первых же порывах бури паника начинает проникать в сердца ее подначальных, Наталья Владимировна перевела их внимание и любовь на тех несчастных, что были застигнуты бурей в пустыне. Она влила такую энергию сострадания во все свое окружение, затеяла с ними интересную игру в племя, посланное Богом спасти блуждающих по пустыне, ввела закон беспрекословного повиновения вождю и твердо увлекла их внимание за собой. Каждым особенно сильным раскатом грома и ударом ветра она пользовалась, чтобы усилить прилив сострадания и героизма в своем окружении. Силой своей громадной воли она уводила людей от страха, применяя свои гипнотические силы. В обычной жизни она ими никогда не пользовалась для влияния на людей. Но в эту ночь – сама стихия – она употребила их в деле спасения людей, порученных ей, от страха и мыслей о себе.

Окончив песнь, все присутствующие поклонились ей и, вместе с ней, И. Только теперь люди, прошедшие с ней ночь, начали отдавать себе отчет в своем поведении и в том, что буря миновала, что жизнь в безопасности, радостна и им улыбается.

– Спасибо за прелестную песню. Буря кончена, друзья, – сказал И. – Если бы в эту ночь и нашлось среди вас такое сердце, которое не возмужало, то песня, которую вы выучили, осталась бы для него воспоминанием о женщине, которая не только своим примером вывела вас из страха, но на опыте показала, как мысль о ближнем и о его страданиях и скорби помогает забыть себя, страх и тоску и уверенно действовать при самых грозных обстоятельствах. Вы убедились, что сила сердца изменяет окружающие обстоятельства, а не обстоятельства давят дух. Поблагодарите

вашу гостью-вождя, так самоотверженно служившую вам в эту ночь, и помните: если в вашей жизни встретится нечто страшное, надо думать о помощи другим, действовать, искать труда на общее благо, а не искать спасения только себе.

И. простился со всеми, сказав Наталье Владимировне, что надо надеть теплое платье, принесенное ей девушкой, и идти в свою комнату отдыхать, там же будет ждать ее пища.

К моему неописуемому удивлению, девушкой Натальи Владимировны оказался тот юноша, которому мать Анна поручила проводить меня к воротам и который с такой силой тащил меня к ним. Девушка смеялась моему удивлению и коварно спрашивала, не надо ли меня еще раз проводить.

Выйдя из дома, И. прошел в свою комнату на островке. Здесь нас ждало известие, что у Грегора и Василиона все сошло относительно благополучно. Слуга подал нам горячее какао и сухарики. И. велел мне поесть и отправил меня спать в его комнате на диване. Не успел я положить голову на подушку, как все для меня куда-то провалилось.

ГЛАВА 25 Мое пробуждение. Как я ищущу И. И. на заводе в роли рабочего. Первый обед в оазисе после бури. Беседа И. с сотрапезниками. Владыки оазиса

Проснулся я точно от какого-то толчка, также внезапно и сразу, как и заснул. Под впечатлением необычайно яркого сна в первые мгновения никак не мог взять в толк, где я, что же со мной на самом деле происходит.

Снилось мне, что я вместе с И. и Яссой в Общине Раданды. Мы дежурируем у ворот. Вокруг нас ревет и бесится буря. Но мы стойко работаем и то и дело открываем ворота и впускаем, и вводим, и вносим с помощью братьев и самого Раданды караваны, несчастных, полуживых людей и даже зверей.

Сон до того был реален, с одной стороны, и впечатления бури так властно засели во всем моем организме – с другой, что прошло немало времени, пока я окончательно отдал себе отчет, что я не у Раданды, что Ясса спит в соседней комнате, что я в оазисе матери Анны и что И. : Вот где же И.? Он должен ведь быть здесь, со мной. Но комната была пуста, никаких следов того, что И. здесь спал, не было. Вскочив со своего дивана, я хотел бежать в душ, как заметил на стеле записку:

«Не медли, приводи себя в полный порядок. Сторож даст тебе какао и скажет, где меня найти. Дела много, помни, что я тебе говорил, что каждый сильный на учете. Помни об этом и не рассеивайся».

Я спешил, как только мог. Старик-сторож принес мне еду и сказал, что И. на заводе и чтобы я шел туда сейчас же. Нечего и говорить, как я торопился выполнить это приказание.

Выйдя из дома на островок, я увидел, что наметенные горы песка на дорожках уже аккуратно убраны, но цветочные клумбы еще в жалком виде. Сторож растолковал мне дорогу на завод. Я шел через тихие фруктовый и пальмовый сады. Даже если бы я и не видел их раньше такими густыми и прелестными, то все же был бы поражен разорением и печальными остатками леса. Уцелела только половина деревьев, и именно те, которые были укутаны чехлами и пригнуты к земле канатами. Сейчас здесь работало много людей, внимательно осматривавших вырванные с корнем и сломанные деревья. Некоторые из деревьев люди сажали обратно в удобренную наново землю, иные спиливали и уносили прочь, тут же засаживая пустые места новыми деревьями.

Несколько рослых людей пытались поднять грандиозную пальму, всю в созревающих плодах, но не могли справиться с тяжелым деревом. Я поспешил им на помощь, и здесь я мог без осторожности применить мою голиафову силу. Через несколько минут общими усилиями дерево было поднято и сидело в своей обновленной и удобренной яме. Трудившиеся с деревом очень меня благодарили за помощь, удивляясь моей необычайной силе и ловкости. Они застенчиво попросили меня помочь им поднять еще одну не менее громадную и тяжелую пальму. Я был в восторге от того, что мог оказать помощь, и не в меньшей радости, что впервые был признан ловким. Но новое дерево задержало меня довольно долго, так как пальму надо было еще раскутать от ее чехлов и канатов, обновить ее яму, и все это вместе заняло не менее часа. Я ни на минуту не забывал своей главной цели: найти скорее И. Но в это утро все было против меня, все меня задерживало.

Не успел я, напутствуемый тысячами благодарностей и благословений садовников, выйти на площадку для игр, как услышал у красивого сарая для хранения игральные принадлежности жалобные стоны и причитания старенького сторожа. Оказывается, он хотел открыть ворота сарая, загнанные ветром глубоко внутрь, не рассчитав своих сил, упал, опрокинутый воротами, и сломал себе ногу. Пришлось отнести беднягу в больницу, что было тоже не очень близко.

Боясь причинить боль его сломанной ноге, я нес его на руках, как малого ребенка, что его крайне смущало. По дороге мне встречались люди, предлагавшие взять мою тяжелую ношу, но я помнил, что у всех дела по горло, помнил и наставление И.: «Не бойся тяжелой ноши». Пока я донес

бедненького сторожа до больницы и сдал его сестрам, времени прошло немало. Определить, который теперь час, я совершенно не мог. Солнца не было видно, царил серый свет, о котором можно было сказать, что он и предрассветный, и с одинаковым правдоподобием он мог сойти за преддверие вечера, так внезапно здесь всегда наступающего. Зная дорогу на завод только так, как мне рассказал о ней сторож на островке, я теперь, проблуждав по оазису, никак не мог разыскать нужный путь. Юноши и девушки расчищали дорожки и увозили горы песка. У них я расспрашивал о дороге на завод и, наконец, добрался туда.

Еще не доходя до целого ряда больших зданий, я услышал стук молотков, громкие голоса, лязг пилы и громыхание каких-то тяжелых предметов. Войдя на широкую площадку перед самыми зданиями, я был задержан целой вереницей верблюдов, тащивших огромные двухколесные телеги с песком и еще с чем-то блестящим, что я принял за железные опилки, но что на самом деле оказалось стеклянным порошком.

У самого большого здания суетилось много всякого народа. Каждый был занят своим делом, никто не обращал на меня внимания, и я не знал, у кого спросить об И. Случайно я поднял глаза вверх и увидел Грегора, стоявшего высоко на узкой деревянной лестнице, у широкого окна второго этажа. Он подавал команду в глубь комнаты, держа в руках какие-то инструменты. Боясь помешать его работе, я его не окликнул, а прошел в широкие ворота завода, думая оттуда пробраться к нему наверх. Меня остановила женщина, предупреждая, что в ночь произошли большие повреждения в стенах и крыше завода, что сейчас поднимают новые куски для заделки брешей и проходить небезопасно. На мой вопрос об И., она улыбнулась и, выведя меня вновь наружу, подвела к такой же узкой лесенке, на которой я видел Грегора, ведущей к верхнему балкону. Женщина объяснила мне, что по этой лесенке, через балкон, я попаду в зал, где работает И.

То, что женщина называла балконом, было на самом деле довольно широкой галереей, опоясывавшей все здание с этой стороны. И лесенка, по которой я поднимался, принятая мною за деревянную, оказалась стеклянной. Я влезал по ней вверх, несколько сомневаясь, выдержит ли она мой голиафов вес, так как она имела вид изящной детали украшения, а не предмета для подъема таких тяжелых и громоздких тел, как мое.

Как бы то ни было, сомнениям моим суждено было кончиться очень скоро, потому что я благополучно достиг галереи. Не успел я на нее взобраться, как сразу ощутил прохладу по сравнению с жарой внизу и услышал голос И.:

– Ты бы, Левушка, еще дольше собирался, – смеялся он, видя, как я опешил, что не могу отыскать его среди хаоса нагроможденных кучами стеклянных кирпичей самых разнообразных размеров. – Сюда, сюда, там ты или сам провалишься, или провалишь еще незакрепленные куски в полу и стене, – кричал мне И. И я наконец увидел узкий проход, в конце которого стоял И. : в одежде туземца, распорядясь и лично помогая нескольким рабочим в такой же одежде укладывать кирпичи в зияющие бреши пола и стены. – Одевайся скорее, вот одежда. Мне нужны точный и верный глаз и очень сильные руки, – продолжал он, снова смеясь, видя, как я превратился буквально в Левушку, «лови ворон».

Боже мой, до чего же И. был прекрасен! Если в первые дни знакомства я хотел возложить на его голову венок из цветов и видел в нем греческого Бога, то сейчас моя душа наполнилась благоговением и восторгом. Все я мог себе представить. И., спасавшего людей во всяких обстоятельствах, с риском для своей собственной жизни, вплоть до чудесного спасения в ночь бури гибнущего каравана! Но И. в одежде туземного рабочего, ворочающий камни, полунагой, измазанный глиной или каким-то серым порошком... и все же он был прекраснее всего, что можно было вообразить себе среди живых земли.

Мигом переменяя свое платье на короткие панталоны и блузу, я занял указанное мне рабочее место и, под команду И., с одной стороны, и команду Грегора – с другой, помогал рабочим аккуратно и точно укладывать стеклянные кирпичи.

Много времени прошло в напряженной работе, но зато бреши в стене были заделаны полностью, а в полу оставались еще большие дыры. От кирпичного хаоса не осталось и следа, когда раздался рожок и И. приказал всем окончить работу и отправляться приводить себя в порядок, готовясь к обеду. Весело шла работа, еще веселее все понеслись в душ. К нам пришел Грегор, откуда-то с крыши слез Василион, и все мы вместе закончили кое-какие мелкие и несложные штрихи в работе.

И., никогда и ничего не упускавший из вида, задержался несколько, чтобы указать Грегору, как закончить важные детали в полу, чем я воспользовался и сбегал в замеченный мною внизу душ. Мигом приведя себя в порядок, я возвратился наверх, отыскал платье И. и, подавая ему его, сказал:

– Яссы нет, Учитель, разреши мне напомнить, что пора переодеваться, звучит второй рожок.

И. весело смеялся и уверял, что никак не ожидал, чтобы оазис матери Анны привел меня в такую дисциплину. Грегор и Василион проводили И. в

свою ванную комнату, находившуюся тут же, возле мастерской. Через самое короткое время мы шагали по саду и с ударом колокола вошли в столовую. Здесь не только не было уже никаких следов пребывания больных и раненых, но все так блестело и сверкало, точно все заново вымыли и покрыли блестящим лаком. Мать Анна показалась мне и моложе, и еще обаятельнее в своей сияющей вуали и чудесном белом платье. Пригласив нас за свой стол и указав всем нашим друзьям их прежние места за соседними столами, мать Анна заняла свое обычное место, приказала подавать кушанья и обратилась к И.:

– В твоём присутствии, Учитель, все идет чудодейственно. Никто из тяжело изувеченных не умер. И даже мать с двумя детьми, которых откопала собака в песке пустыни, как и сама собака, живы, хотя никто из нас не надеялся спасти их жизни. Только данная тобою капля жидкости спасла и мать, и детей, и животное. Кроме того, наиболее ценные деревья и оранжереи, укрытые по казанному тобою способу, уцелели. Нам не грозит голод. Спасибо тебе.

– Голод вам не грозит, мать Анна. И главное, караван с зерном и мукой, а также с новыми удобрениями, которые дадут вам возможность обработать орошенный вами кусок пустыни под пшеницу, благополучно достиг Общины Раданды, как я получил об этом сведения, – ответил И, – Али посылает твоему оазису и новую породу ослов, чрезвычайно выносливых, и машины, вроде нескольких соединенных плугов, которые глубоко вспашут пустыню. Караван, услышав колокола-набаты Раданды, поспешил к его Общине и не понес никакого урона ни в людях, ни в животных, хотя пережил тяжелый час бури в пустыне. Едет к тебе и агроном, оказавшийся мужественным и отважным человеком. Благодаря ему, его личной помощи вся поклажа на бесновавшихся животных уцелела.

Я был потрясен. Ведь во время моего сна я живо, ясно видел белого человека, на вид ирландца, сидевшего на шее огромного животного, бесновавшегося, ревившего, несшего вьюки и извергавшего пену изо рта. Белый человек гладил шею животного, стараясь передать ему свое спокойствие. Я сам бросился ему на помощь и ввел верблюда, уже ничего не соображавшего и не видевшего ворот, охваченного ужасом. Что же это такое? И. снился точно тот же сон?

И. посмотрел на меня, улыбнулся, сверкнул своими юмористическими искорками глаз.

– В духовной мощи человека – все «чудеса», Левушка, и все сны сбываются тогда, когда мощь духа и сердца равны. Признать часть науки и отрицать ее вывод может только невежда. Если человек пошел по дороге

знания, он не должен поддаваться суеверию или останавливаться на полпути только потому, что ему кажется «невероятным» то или иное из действий или событий, им наблюдаемых. Как сон Яссы, когда ты видишь спящим его тело и не видишь его трудящегося сознания, так и твой сон, когда ты не видишь своего физического тела, не помнишь работу сознания, – не зная, что и как делало тело, спало ли оно или было дано тебе в новой, еще тебе пока непонятной форме, – все это только маленькие этапы к великому знанию. Есть разные пути. Одним сначала объясняют, точно указывают, и тогда они действуют. Другим ничего не объясняют, как действовать. Они духовно готовы. Лишь высшее их сознание и действия в нем не спускаются в их физическую орбиту жизни, и потому они не сохраняют в своей памяти работы сознания на высших мирах. Выведи сам следствия из всего, что я тебе сказал, вспомни точно свой «сон», отчего ты проснулся – и ты не будешь нуждаться в моем подробном объяснении. Не один раз ты уже видел помощь, невидимую для других. Тебе стоит припомнить ночь бури на Черном море, образ Флорентийца, которого ты видел, но не видел его капитан. И, по всей вероятности, многое из пережитого и виденного тобою раньше ты теперь поймешь и воспримешь по-другому. Но сейчас – кушай. Учи урок полного внешнего самообладания, хотя бы внутри бушевала буря.

Ответ моего дорогого друга и Учителя действительно поднял в моем сознании целую бурю вопросов, удивительно острых и недоуменных. Я почувствовал крайнюю необходимость получить ответ на них немедленно, с одной стороны, и тут же, сразу, как бы молниеносно сообразил, что должен сдать урок полного самообладания, с другой. Оба эти мои противоположные чувства – немедленно привести все в ясность и ждать, пока настанет для этого возможность, – утонули в совершенно новом счастье: я понял, что мой сон был не сном, а реальностью, где я трудился с И. и Яссой. Но как? Как могло это быть? Я не мог взять в толк, только всем существом знал, что это было действительностью.

Все это, как хаос в пустыне, пронеслось во мне в одно мгновение, и над всем возносилась одна задача: задача текущего «сейчас», в которое я должен выполнить урок полного самообладания. Мысленно сложив к ногам И. свое огромное благоговение, я сделал усилие, собрал внимание и начал жить жизнью окружающих меня людей. Лица туземцев, в огромном большинстве, носили следы тяжелого утомления. Многие были ранены, с перевязанными руками и ногами. Кое у кого повязки были на головах и глазах. Как я узнал потом, несколько человек были очень тяжело ранены бесившимися животными, которых удавалось вводить из пустыни под

крышу только благодаря листьям И. Обезумевшие верблюды и несколько слонов не слушали даже самых опытных вожаков.

Из присутствовавших в зале, сегодня гораздо менее многочисленных, чем обычно, весьма немногие были склонны к разговорам. Царила тишина, почти равная тишине трапезной Раданды. Лица были сосредоточены, решительны и мужественны, но суровости в них не было. Я так же, как и в первый раз, ощущал льющиеся вокруг доброжелательство и удовлетворенность как две главные волны эманаций присутствовавших людей. Ничего похожего на протест или возмущение пронесшейся бурей, принесшей столько скорбных событий оазису, здесь не было. Точно каждый из присутствовавших был мудрецом и вливал мудрость и культуру сердца в общий чан любви.

Неожиданно для меня встал И., и его чудесный бодрящий голос полился, точно свежая струя. Никогда еще не ощущал я так сильно прилива бодрости и радости от этого голоса.

– Я обещал вам, мои друзья и дети, переговорить с вами о задачах вашей жизни среди современного вам человечества. Это обещание я дал вам накануне той ночи, когда разразилась буря. Я призывал вас к мужеству и сохранению полного самообладания. Что значит полное самообладание в страшные минуты? Это значит сохранение полной трудоспособности организма. Это значит иметь такую силу верности, чтобы тушить волнение трудящегося рядом и даже вливать ему мир и уверенность. Сохранили ли вы силу самообладания в эту ужасную ночь? Были ли вы до конца мужественны и преданны вашему общему делу, тому строительству и утверждению жизни, к которым готовила, воспитывала и звала вас мать Анна? Ответили ли вы героическим напряжением всех ваших сил в наступивший момент испытания, когда надо было действовать, а не колебаться?

И. сделал маленькую паузу. Сам он походил на Божью грозу по той силе и сиянию, что наливала волнами, шедшими от него, весь зал. А люди, слушавшие его стоя, с благоговейно сложенными руками, глядели в его лицо, точно глаза их были прикованы к этой силе. Они как бы окаменели, ожидая его решающего слова об их поведении. У меня мелькнула мысль, что так, вероятно, должны ждать люди решения своей участи в последний час вечного суда.

– О да, вы выполнили задачу вашего текущего страшного мгновения. Решающий час борьбы вы перелили в час Творящей Жизни. Вы защитили оазис, вы утвердили Жизнь.

Как тих, как нежен был голос И. в этих последних словах. Если бы не

та мертвая тишина, в которой он раздавался, пожалуй, трудно было бы его услышать.

И вдруг, точно ворвавшийся стон бури пролетел по зале, так мощно вырвались благословения из груди многочисленных слушателей. Боже, как изменились лица людей! Такие за минуту до того напряженные, они сияли сейчас счастьем и радостью, какие я наблюдал только у безмятежно счастливых людей.

– Все что могло в эту ночь ответить задаче текущей минуты, все было мужественно, боролось любя, победило любя и достигло утверждения Жизни на земле. Моими устами все Светлое Братство шлет вам свой поклон и привет благодарной радости. Вы разделили его труд и пронесли на землю, выполнили на ней Его задачу. Будьте благословенны! Проявленными мужеством и отвагой вы слились с огромным количеством невидимых помощников, которые могут теперь ближе и легче помогать вашим трудам, так как в эту ночь, бесстрашные, вы стерли грани условностей между собою и ими. В каждое воплощение каждый духовно развитой человек несет в себе ту или иную задачу, а иногда и несколько, смотря по тому, сколько талантов ожило в его костре сил и какие из них перешли в творческие аспекты Единого. Первая, наиважнейшая грань условности, мешающая развиваться талантам человека, – страх. Вы не только его победили, вы раскрыли мужество и отвагу как действия, где вы забыли о себе и думали только о родине. Благо вам! Переступив эту первую грань, вы должны идти дальше. Вы знаете, что Жизнь есть Вечное Движение, в котором никто и ничто не может остановиться. Люди, достигшие бесстрашия, уже не могут жить в одной узкой полосе пути, пути личного созревания и совершенствования. Они, как маяки, должны быть привлекающим огнем в единении людей. Ваш час настал. Многие из вас оставят свой любимый оазис, где они думали провести всю жизнь и лечь рядом с отцами и дедами в песок пустыни, под шелест могучих пальм. Вам – тем из вас, в ком созрело мужество, настал час покинуть этот кусок земли. Кто готов героически отречься от тишины и красот природы, от радостей простой и чистой жизни в любимом поэтическом месте земли, кто может жить во всей вселенной, видеть в ней не места и людей, но пути вселенной к Единому и его труду, – те уедут отсюда со мною. Уедут прежде всего в Общину Раданды, о которой они слышали. Там увидят иную моду условного приспособления к внешнему общению с людьми. Со мною же они уедут в оазис Дартана, где будут наблюдать еще одну моду внешней и фазу внутренней жизни людей, и тогда уже отправятся в Америку, к Великому Учителю Флорентийцу. Там, усвоив внешнюю культуру

передового народа, они внесут в нее весь огонь своей верности, всю глубину чести, благородства и честности, всю высоту духовных знаний и освобожденность в единении с людьми, в которых вы закалились здесь, под руководством матери Анны. Я счастлив, что среди всех собравшихся здесь людей не нашлось ни одного сердца, которое страдало бы от мысли, что надо покинуть все родное и привычное и отправляться на край света вносить свои действия любви и мира на благо людей. Готовьтесь же, друзья мои, к далекому путешествию. Одним из вас суждено больше не вернуться сюда, иные возвратятся седыми стариками, но с сердцами такими же юными и чистыми, с какими покинут родину. Они принесут сюда ту повышенную внешнюю культуру, которую усвоят в дальних странах, чем придадут еще большее значение в мировом движении человечества своему оазису. Вашему небольшому безвестному островку, затерянному среди зыбучих островков пустыни, суждено играть роль духовной лаборатории в переживаемый вами момент эволюции мира. Вашим потомкам суждено быть первыми пионерами новой расы, высоко одаренной психическими силами, которую готовит Жизнь на смену сходящей с исторической сцены, ныне еще цветущей расы. Мужайтесь же. Творите любви и радости ваш день и не отходите от единения со всеми невидимыми помощниками, труд с которыми для вас отныне будет так же ясен и легок, как и труд с живыми земли. Небо и земля для вас – едины. Вечером мы еще раз поговорим с вами, а завтра в ночь уедем в Общину Раданды. Буря к тому времени окончательно уляжется. Сегодня идите заканчивать приводить оазис в полный порядок, чтобы к моменту отъезда уезжающие оставили его таким же великолепным и в таком же порядке, как он был до бури.

Радости присутствовавших я описать не берусь. Все повскакали с мест, обнимали друг друга, прыгали, смеялись, точно отмечали день великого праздника. Зал быстро опустел, остались только наши друзья, лица которых выдавали их внутреннее волнение.

– Благослови нас, дорогая мать Анна, на продолжение труда, – обратился И. к матери Анне.

Лицо матери Анны сейчас поразило меня. Я подумал, что до этой минуты вовсе и не понимал, кто такая мать Анна. Не живое ее лицо, которое быстро обернулось ко мне, когда я крикнул «Анна!», я видел сейчас перед собой. Это

– как мгновениями у Раданды – был древний лик слоновой кости, с иконы незапамятных времен. Что-то столь мужественное вышло на поверхность этого лица, что заслонило собой и доброту, и женственность, и обычную ласковость этой женщины настолько, что можно было принять

эту голову за голову мужчины.

– Бог благословит, Великий Учитель. Ты ведь хочешь не только окончить чинить завод, но и познакомить твоих близких друзей-учеников со старейшинами моего оазиса и их лабораторией, – тихо ответила мать Анна, и даже голос ее показался мне несколькими нотами ниже обычного, точно отзвук какого-то неземного колокола был ему фоном.

– Ты угадала, мать Анна, сегодня в первый раз за все время уединения в твоём оазисе Владыки его должны войти в общение с белыми людьми, присланными к ним Светлым Братством. Как ты знаешь, таких свиданий хранимым тобою Владыкам предстоит семь, и только тогда они и ты освободитесь от труда земли. Я обещал тебе сказать об Анне. Сегодня, в начале ночи, я скажу тебе о ней. Сейчас же прибавлю только одно: не жди себе смены в ней. Ее верность поколебалась, а ты сама знаешь, что хотя бы раз усомнившийся, хотя бы раз отдавшийся личным чувствам и их владычеству над собой после того, как был призван к служению Эволюции Вечного, не может быть тебе преемником... Сейчас мы уйдем работать. На заводе дела, самого необходимого, где нужно мое руководство, не более чем часа на три. Благоволи зайти за нами к этому времени и проводить нас к Владыкам. Я возьму всех своих учеников с собою.

– По воле твоей, Учитель, быть, – снова тихо ответила мать Анна, и снова в моих ушах точно прогудел какой-то колокол вселенной.

Глубоко погруженный всем вниманием в речь И. и его разговор с матерью Анной, я только теперь, когда мы вышли из круглого зала и молча шли все вместе И. на завод, имел возможность посмотреть пристально на моих дорогих друзей, которых я только мельком видел в ночь бури.

Как все они изменились! Я не сказал бы, что кто-нибудь из них постарел за одну эту ночь. Но на лице каждого появилась новая решительность и зрелость, как будто бы ночь бури вырвала из их сердец полное бесстрашие и утвердила их в нем. Я читал в них новое понимание слитости данного «сейчас» со всей Вечностью и неотделимость каждой текущей минуты от Жизни всей вселенной.

Лица моих друзей и всегда, сколько я их знал, был мужественны. Но теперь я наблюдал на них как бы отражение некоторой части силы лица И. Как будто только сегодня они, через свой бесстрашный труд ночи, смогли слиться с ним гораздо теснее.

Вскоре мы были на заводе и погрузились в горячую работу, причем не только нам, но и Наталье Владимировне И. нашел подходящий и полезный труд. Сам же он, хотя и не переодевался в рабочий костюм, но руководил всем, и голос его раздавался в самых неожиданных местах, всюду

выправляя малейшие заминки и рассеивая недоумение.

Я работал рядом с Бронским и Игоро. Все мы под команду Грегора и самого И. усердно и очень аккуратно укладывали подносимые нам кирпичи. Работа была тяжелая, так как приходилось поднимать и прилаживать кирпичи огромной величины и веса, и меня то и дело отрывали во все стороны, где была нужна особенно большая физическая сила. Я был счастлив оказывать всем помощь и не скрою, что довольно гордился своей репутацией «силача». Для меня самого это свойство было так ново, что я, спеша куда-либо на помощь, все еще сам опасался, не убежала ли моя голиафова силушка.

Пот лил со всех нас градом, времени мы не замечали, нам казалось, что прошло едва полчаса, поэтому мы обомлели, когда раздался голос И.:

– Ну, терпеливые мои работники, теперь все ответственное сделано. Остальное сделают и без вас. Важно было сохранить машинное отделение так, чтобы ничто не нарушило хода машин. Скоро придет за нами мать Анна.

Когда груды стеклянных кирпичей легли на должные места и туземцы, все время убиравшие мусор в зале, почти очистили помещение, я увидел несколько огромных ящиков, привязанных канатами к кольцам в полу. Я понял, что это были какие-то ценные машины, укрытые Грегором и Василионом во время бури от песка и ветра. Канаты, державшие ящики, проходили через пол в нижний этаж и там тоже крепились к кольцам в полу.

Как ни быстро мы приводили себя в порядок, все же мы пришли позже матери Анны, которая сидела между И. и Натальей Владимировной и разговаривала о чем-то с горячо спорившей, как мне показалось, Андреевой. Я услышал только последние слова матери Анны:

– Еще долго будет вам труден путь земли и работа на ней, мой друг, потому, что земля, в каком бы месте ее Вы ни жили, требует развития всех приспособлений человека, если он идет по ней носителем духовных откровений. Нельзя иметь в сердце Божественную доброту и – при ней – не развить до такого же масштаба в себе приспособления такта. Нельзя владеть огненной силой духа и не развить в себе приспособлений для полного понимания сил и характера встречного, чтобы всегда знать точно, до какого предела Вы можете и должны вовлечь его в свой огонь силы. Нельзя прикасаться к жерновам мельницы Бога иначе, как пронося в перемолотом виде все дары Истины людям. Если подать непонимающему самое заветное Сокровище, он может умереть от неумелого обращения с Ним, не принеся пользы ни своему окружению, ни себе. И даже в

развоплощении он может пострадать, так как поймет, оставив тело, чем владел, и от раскаяния и сожалений задержится в мире страстей гораздо дольше, чем сделал бы это, даже ничего не зная. Приспособления бдительности внимания не имеют ничего общего с трусливой возможностью, как Вы поняли вначале мои слова. Но я думаю, что знакомство со старейшинами моего оазиса даст Вам больше, чем комулибо другому. И Вы на деле поймете весь вред, приносимый людям земли и созданиям надземных миров отсутствием полного самообладания в человеке, одаренном развитыми психическими силами, если Жизнь посылает его Своим гонцом.

– Готовьтесь, друзья мои, – обратилась мать Анна ко всем нам, – к одной из величайших встреч вашей жизни. Те, кого вы увидите, сошли с иной планеты на Землю в незапамятные времена по счету и понятиям Земли. Вам не дано пока знать об их жизни. Все, что я могу сказать вам о них, – что они вместе со мною были вывезены Радандой из тайной Общины, где их укрыл спасший их Али, тогда еще юный мальчик, по приказанию своего Учителя. Старейшины, или, как их называет Учитель И., Владыки оазиса, кончают здесь свои обязательства Земле. Вы слышали, что сегодня состоится их первое свидание с белыми пришельцами. Вы начинаете ряд их свиданий, которых всего должно состояться семь, и тогда они освободятся от обязательств перед Землей, и я вместе с ними. Я – тот гонец, которого выбрала Жизнь возвестить Владыкам ваш приход – начало их освобождения. Вы – те гонцы, что выбрал Учитель И., чтобы передать в широкий мир результаты их трудов первого кольца. Учитель И. – тот гонец, кого избрало все Светлое Братство, все Великие Сущности, для проведения новых задач культуры духа, сердца и материи в серый день, в земную атмосферу условностей времени и места. В Учителе И. развиты все его приспособления, ибо все аспекты Единого ожили в нем; поэтому для этой великой миссии он и избран Светлым Братством. И один единственный закон держит всех нас в высокие и мелкие моменты труда и действий: закон верности. Ныне, в этот важнейший момент, соберите ваши силы духа, мысленно вознеситесь и прильните ко всему самому высокому, что знаете, и, утвердись в верности, помните: нет чудес, есть та или иная ступень знания. Вы не в мир сказок и чудес войдете, но в мир величайшей реальности. Читите Вечность, протекающую в этот миг.

Мать Анна сошла вниз и пошла рядом с И., к зеленой стене оазиса. Стена отстояла довольно далеко от завода, шли мы быстро не менее двадцати минут. Странно было здесь видеть игру проходивших ночью ураганов, оставивших неприкосновенным довольно большой кусок стены.

Рядом было все исковеркано и изломано, а на большом протяжении даже цветы на высоченных деревьях цвели, и их гроздья показались мне среди общего разорения еще роскошнее и ярче.

Я не мог понять, куда же ведет нас мать Анна. Мы подходили уже к самой стене, и дальше идти было некуда. Как вдруг я увидел, что И. открыл перед нею нечто вроде калитки, точно так же плотно и незаметно вделанной, как ворота оазиса, в самую гущу кривых стволов стены. Калитка вела в нечто похожее на каменный грот, что на самом деле оказалось туннелем из такого же стекла, из какого был сделан маяк.

Когда мы вышли из туннеля, то попали во внутренний дворик, совершенно очаровательный по цветущим роскошным цветам и царившему в нем порядку. Я видел только на гравюрах испанские патио, но мгновенно ощутил во всем окружавшем меня какие-то черты древне-мавританского стиля и культуры. Все здесь было не от современности, даже учитывая, что вообще мы были за тридевять земель от цивилизации Европы. Посредине бил фонтан, чистый и высокий, и вода тихо журчала в водоеме. Зеленая стена была здесь двойная, а весь дворик был обнесен еще высокой стеной, сплошь утопавшей во вьющихся цветущих растениях с цветами самой сказочной формы и красоты.

Мне так и думалось, что я в мире грез, несмотря на предупреждение матери Анны. Очевидно, И. побоялся, что я возвращусь к старому доброму другу Левушке «лови ворон», взял меня под руку, возвращая к действительности. Я вошел в полное внимание.

Теперь мать Анна, не менее похожая на видение из сказки в своей сияющей вуали, шла одна впереди всех и, подойдя к узкой, едва заметной черной резной двери, постучала в нее три раза молотком. Дверь немедленно отворилась, точно нас ждали. Мы прошли светлую, тоже всю в цветах галерею и очутились в просторном вымощенном дворе.

Здесь было несколько зданий, выстроенных так своеобразно из какого-то непонятного камня, что, если бы не рука И., я обязательно «словиворонил» бы снова.

Главное здание, самое большое, было круглое, со стеклянной крышей, сверкавшей даже сейчас, в тусклом свете. Надо было себе представить ее нестерпимое сверкание при солнечных лучах пустыни. Стены этого здания были белые с тремя широкими черными полосами вверху и четырьмя такими же внизу. Окон совсем не было. По черным полосам шел золотой орнамент, но, быть может, то были непонятные мне надписи.

В отдельных местах двора стояли семь небольших, но высоченных домов, совсем темных, почти черных, однако, из чего они были сделаны, я

понять не мог. В них были резные двери такой художественной работы, что они могли бы занять почетное место в любом музее.

Пока я собирался рассмотреть получше ближайший домик, двери всех семи открылись сразу, и из них вышли семь фигур. Бог мой! Я уже видел поразительный рост людей. Я видел необычайную высоту Флорентийца. Видел высоченного Али, потрясавшего своей высотой, но те, кого я увидел сейчас, только и могли быть великанами из сказки.

И. остановился, остановилась возле него мать Анна, остановились и все мы. Фигуры, одетые так же, как была одета в момент нашего приезда мать Анна, с высокими посохами в руках, сошлись все у круглого здания, выстроились в ряд и молча поклонились нам.

– Добро пожаловать, – сказал на языке пали человек, стоявший в середине, на груди которого висела на цепи пятиконечная сверкающая звезда. – На каком языке можно говорить с твоими учениками, Учитель, чтобы все они понимали нашу речь? – продолжал он, обращаясь к И.

– Некоторые из моих учеников знают язык, на котором ты говоришь сейчас, Владыка. Но если ты желаешь быть понятым абсолютно всеми, то благоволи избрать один из современных европейских языков, – отвечал И.

– Хорош ли будет английский? – переходя на этот язык, ставший, кстати сказать, нашим обиходным, снова спросил Владыка.

– Этот язык хорошо знают все мои ученики. Если благоволишь объясняться на нем, затруднений не будет.

Взяв за руку Наталью Владимировну, И. подвел ее к старшему Владыке и сказал:

– Этот ученик хорошо знаком тебе по иным местам и в иных телах. Сегодня Али посылает его к твоей мудрости и просит тебя обучить его в твоей лаборатории всем оккультным знаниям, о которых он говорил с тобою и которые Светлое Братство нашло необходимым и своевременным вынести в широкий мир... Этот брат, – подводя к нему Ольденкотта, продолжал И., – будет верным спутником первого, земным его помощником в делах и воспитателем его детства. Оба они пройдут новое кольцо жизни в полном целомудрии. Ему дана сила лечить людей, помоги ему своими знаниями и дай те камни, что суждено передать Земле и открыть их на ней как новые вещества в химии. Так судило Светлое Братство... Это – Грегор. О нем я тебе уже говорил. Передай ему новые краски и помоги закрепить их на своих картинах, с тем, чтобы вынести их тайну в мир для широкого пользования. Помоги ему в твоей лаборатории постичь жизненность изображения и новую обработку холста под масло, чтобы сделать и их достоянием масс, а не индивидуальным достижением. Он должен создать

новую эпоху в искусстве... Это – брат его, Василион. Все, что ты ему передал относительно стекла и фарфора через мать Анну, он уже выполнил. Через него Светлое Братство просит тебя вынести в мир все новые способы обработки, создания цвета и формы стекла и фарфора, а также новой эмали, открытых тобою.

Старший Владыка взял за руку Василиона и поставил перед своим соседом справа, а Грегора – перед своим соседом слева. Андрееву он оставил перед собой, а Ольденкотта отвел к самому крайнему Владыке слева от себя.

– Четыре устроены, – улыбнувшись, сказал он И. И от этой улыбки точно сверкнул луч солнца. – Еще трое. Что через них?

– Это два носителя печали в прошлом, – взяв Бронского и Игоро за руки, сказал И. – Эти тоже идут вместе. Ныне Светлое Братство ввело их в кольцо носителей радости. Через них должна влиться в мир новая сила воздействия красотой в протекающем во времени искусстве. В твоей лаборатории открой им все тайны творчества Вечности, чтобы могли сразу проникать в новые узлы нервной системы людей, действуя сознательно на огонь толпы слушателей и, видя ясно, как и что привлекает человека в их искусстве. В твоей лаборатории открой им путь к исцелению безумных людей путем звука и слова.

Владыка отвел Бронского и Игоро к двум своим товарищам справа. Седьмым из учеников оставался только я, и только один из Владык, средний с левой стороны, еще не имел ученика.

– Этого ученика посылает тебе, Владыка, Флорентиец. Он просит тебя вспомнить, как неоднократно в течение нескольких жизней на Земле, ты передавал свои щедрые знания оккультных миров нескольким писателям и как все они использовали эти знания на личные свои цели, чем навлекли на тебя и твоих сотрудников толпы мелких темных сил, создавших даже вокруг тебя самого большущее войско со стойкими крепостями. Твои многократные усилия и помощь самого Флорентийца освободили тебя от жуткой связи с темными силами. Но сведения, которым Жизнь судила проникнуть в мир людей в поэтической и литературной форме, остались не вынесенными в толпу. Этот мальчик, на которого ты смотришь сейчас такими печальными глазами, точно читаешь его будущую судьбу среди людей, всегда отрицающих тех великих пионеров, что разрушают их устойчиво сохраняющие быт условности, обладает достаточной силой духа, чтобы не потерять своей радости и не впасть в уныние. Он также несет в себе непоколебимую верность, за которую тебе ручается Флорентиец. Вторым ему поручителем прими меня. Вскрой ему все

внутренние пути познания духовного творчества надземных миров и проводи его по всем планам, чтобы понял на опыте всю слитность творящих земли и неба. Его ближайшая подготовительная задача: сорвать с сознания людей все закрепощение в условной религии, в условностях позволенного и непозволенного в ней. Путем могучего дара писателя он должен помочь человеку утвердиться в жизни земли на собственном стержне чести и бесстрашия. Другие твои сотрудники передадут остальным ученикам все для той же цели раскрепощения человека свои великие знания. И так начнется и создастся первое кольцо передачи части ваших знаний и трудов Земле. Светлое Братство хранило вас, всех семерых Владык, как ему было указано свыше. По сознательной или бессознательной вине, но при активном участии всех семи Владык пострадала, в конечном счете, раса Атлантиды. Ныне наступил новый период приготовления к созданию следующей расы. Всем вам назначен огромный круг из семи свиданий с выдающимися людьми Земли, которые будут выносить накопленные вами знания в мир по частям, как найдет своевременным Светлое Братство. В это первое свидание оно просит вас передать моим ученикам все то, о чем вам сказано вчера. Как только эта ваша задача будет выполнена, одна из черных полос на вашей лаборатории, которые не вами были проложены, но появились, как только вы приступили к занятиям в ней, исчезнет. И это будет значить, что задача ваша выполнена в совершенстве и последний круг вашего освобождения – он же круг вашего последнего служения Земле – начат. Ваше непослушание в далекие времена было началом гибели цветущего государства и одной из одареннейших психически рас. Теперь настало ваше время помогать созиданию новой, освобожденной расы, с не менее сильно развитыми психическими свойствами. Примите привет Светлого Братства и его поздравления и радость о новом вашем – Владык мощи – включении в мировой труд созидания новой расы и ее утверждения на Земле.

Он поклонился самому высокому Владыке, и все семеро ответили ему глубоким поклоном.

– Я сам займусь с твоим учеником, писателем и будущим проповедником освобождения, – ответил Главный Владыка, беря меня за руку и ставя перед собой рядом с Андреевой. – Но, пока я буду занят со своим старинным и буйным приятелем, – указывая на Наталью Владимировну, продолжал он, – писатель будет учиться со знаменитейшим писателем древности, которому давно уже открыты творческие пути многих миров. – И он подвел меня к единственному остававшемуся свободным из семи Владык.

Как только мы все были распределены среди наших новых Учителей, старший Владыка еще раз поклонился И., приглашая его и мать Анну войти вместе с нами в лабораторию, но И. ответил:

-Как у вас есть своя мировая задача и в эту минуту вы служите проводниками Жизни, чтобы зарядить новые приемники для Нее, так и у меня есть задача, полученная от Светлого братства, не терпящая промедления. Рядом с вами, служа вам проводом для всего, что Светлое Братство поручало ей передать вам, а также через вас этому месту Земли и его населению, равно как и дальним Общинам пустыни, идет мать Анна. Путь ее, хотя и тесно связанный с вами, все же не ваш путь. К ней Светлое Братство направляет меня сегодня. Оставив вам семь моих учеников, я возвращусь с нею на островок, чтобы передать ей ее задачи ближайших и дальнейших дней. Будьте благословенны. Учащие и Учащиеся! Да сойдут мир и усердие в ваш взаимный труд. Перед лицом Живого Бога совершается эта значительнейшая минута в жизни каждого из вас, и начинается величайшая минута новой мировой задачи всего Светлого Братства.

Простившись общим поклоном, И. и мать Анна исчезли в цветущей галерее, и тихий звук закрывшейся вскоре за ними узкой двери сказал нам, что они теперь отделены от нас недоступными для нашей власти препятствиями.

Молчание и неподвижность, точно Владыки стали статуями, длилось довольно долго в этом внутреннем дворе. Тишина, мертвая тишина пустыни – вот что я услышал в первый раз в жизни. Во всю мою жизнь дальше я уже никогда не слышал подобной тишины, хотя много бывал в одиночестве, в самых тихих и пустынных местах.

Владыки все так же стояли, как статуи. Я еще чего не сказал об их внешности, кроме их роста. Цвет их кожи был медно-красный, но очень приятный, матовый, похожий скорее на кость, обработанную в этом цвете, чем на кожу живого человека. Волосы были у некоторых черные, у других темно-рыжие и у всех спадали до плеч красивыми волнами.

Лица?.. Но их и назвать-то лицами было невозможно. Это были огромные лики, изображавшие собою Древнюю Мудрость. Это были символы, но никак уже не люди. И если, как сказала мать Анна, они пришли на Землю с другой планеты, то ничего не было удивительного, что на Земле они и казались мне символами Вечности.

Боже, как много вопросов снова пронеслось бурей через мою голову. Как хотел я знать об их жизни и делах, но все эти мысли прервал старший Владыка, сказав своим тихим, но таким четким, какой невозможен на

Земле, точно стеклянным голосом:

– Войдемте в дом знания, пришельцы. Вы – первые люди за долгое время, которых приказано впустить в лабораторию стихий. Неожиданного в ней для всех вас будет много. Но, входя туда, помните одно: нет религии выше Истины. Истина одна, путей Ее бездна. И вы войдете в дом знаний, чтобы людям легче было понять, как сбросить с себя владычество вековых условностей и дать возможность Творящему Началу в себе подняться на поверхность. Ни одного обета никто из нас не спрашивает с вас, ибо входите сюда не для того, чтобы молчать, но для того, чтобы говорить людям о новых, входящих в действие массы людей началах жизни. Если вас сюда привели, значит, вы готовы. Только бесстрашный и чистый сердцем может переступить порог лаборатории стихий. Лжец и лицемер умрет, сожженный на пороге огнем стихий. Вам суждено передать людям новые знания, говорить и писать о них.

Но говорить на нашем языке значит вносить силу, утверждать в действии то, что дерзнул сказать. Каждое слово должно раскрывать слушающему его путь к действию в новом знании. Говоря, оценивайте не только самое знание, как таковое, но ищите новых начал в себе – пробужденных аспектов Единого, которые все раскроются в вас, когда войдете в дом знания. Оценивайте теперь по-новому слово, и только такие просветленно понятные слова ваши взойдут как семена, а не плевелы. По жатве понимайте силу и чистоту собственного посева. Ибо для путей Бога – препятствий нет.

Каждый из Владык взял своего ученика за руку, и двинулись мы за Владыкой-Главой к дверям лаборатории не так, как стояли, а по той очереди, как И. передавал нас. Поэтому я очутился вновь седьмым и шел со своим Учителем последним.

ГЛАВА 26 Лаборатории стихий. Лучи путей человеческих. Их возглавляющие Великие Учителя, Светлые сонмы невидимых помощников, Их труд для человечества земли. Неожиданное видение в седьмом луче

Место, где выстроились в ряд Владыки, оказалось дверями лаборатории. Самые двери ее были, очевидно, или ловко пригнаны к стенам, или открывались особым образом, потому что, хотя они и были высоченными, соответственно росту своих властелинов, но я заметил их только тогда, когда они широко открылись. Открылись они сразу, вызвав треск, точно много мелких электрических батарей разрядилось одновременно. И – что еще более странно – вокруг всего отверстия, которое образовывали эти двери-ворота, засверкала узкая полоса

синекрасного огня, создавая овальную раму.

Я вспомнил слова Владыки-Главы, что лжеца и лицемера на пороге дома знаний сожжет огонь стихий.

Все Владыки шли с левой стороны, правой рукой держа ученика за руку. Так как я был выше всех своих друзей то, хотя шел последним, видел отлично всю внутренность здания. Оно было ярко освещено и вмещало в себе второе круглое здание, сплошь белое, как мраморное, с единственной лестницей, довольно узкой, с огромными и крутыми ступенями. Лестница насчитывала семь этажей, кончаясь в каждом этаже балконом и снова подымаясь вверх. Лестницы все были прямые, а балконы опоясывали все здание. Окон и в этом также не было.

Хотя мой новый Владыка-Учитель был не из самых огромных, но я приходился ему едва выше пояса и, держась за его руку, чувствовал себя совершенным ребенком. Он немедленно прочел мою мысль и молниеносно ответил мне на нее улыбкой, слегка пожав мою руку. Так много теплоты и дружелюбия было в его улыбке и пожатии, что я перестал чувствовать всякую неловкость первых минут знакомства и в моем сердце сразу все встало на свое место. Единственное, во что я весь погрузился, – в понимание великой задачи, перед которой я стоял. Я молил Великую Мать и Флорентийца поддержать меня в эту величайшую минуту жизни, чтобы суметь вынести во всей чистоте сердца новые знания для моих братьевлюдей.

Еще одно нежное пожатие моего Учителя-великана дало мне понять, что он снова прочел меня насквозь, и помогло моей сосредоточенности еще более углубиться.

Владыка-Глава, подняв руки вверх, произнес какие-то слова на совершенно не известном мне языке. Он держал руки поднятыми до тех пор, пока огонь рамы не сконцентрировался в большой шар в самом верху дверей, а затем сложился там же в чудесную пятиконечную звезду, сверкавшую такими невообразимо чудесными красками, каких мой глаз не мог себе представить существующими на земле.

Все Владыки стали на колени и запели гимн. Не могу сказать, что именно так подействовало на меня в эти минуты. Сияние ли необычайной звезды или потрясающая гамма звуков, стеклянно-прозрачных, неземных, далеко не человеческих голосов, или же сам гимн, музыка которого не имела ничего общего со всем мною слышанным до сих пор на Земле; но я пал на колени и еще раз пережил то состояние блаженного небытия, в котором я очнулся в часовне Великой Матери. Я точно видел сразу всем сознанием, видел все насквозь, видел через толщу грозной двойной башни

стихий всю пустыню, всю землю, все небо, – и все было населено живыми существами, посылавшими нам свои благословения, мир и помощь.

Я увидел Флорентийца, благословлявшего меня широким крестом, я услышал его голос:

– Прижми к сердцу мой черный камень. Если сердце твое чисто, все зло, совершенное людьми, им несправедно владевшими, закончит свое существование. Его сожгут огни стихий, а самым злым будет легче проходить свои страшные ступени искупления, если сердце твое подберет их слезу, а уста произнесут за них мольбу. Мужайся, сын мой, входи в бесстрашии и благоговении. И то, что вынесешь отсюда, перестанет быть тайной, только как твои знания и действия. Но самый факт, где взял ты свои знания, кто посвятил тебя в них, ты должен хранить в полной тайне до тех пор, пока не укажу тебе открыть ее людям.

Владыки кончили свой гимн, встали с колен, и звезда снова слилась в шар, а шар разлился огненной рамой по всей двери. Как только вся рама засветилась, Владыка-Глава, держа за руку Андрееву, переступил порог, а вслед за ним вошел в здание Ольденкотт со своим Владыкой. Хотя Владыки были худы, но так громоздки, что только двое могли одновременно подниматься по относительно узкой лесенке друг за другом.

Владыка-Глава, поднявшись на первый балкон-галерею, сейчас же открыл дверь первого этажа и скрылся в ней с Андреевой. Второй Владыка дошел до второй лесенки и скрылся с Ольденкоттом во втором этаже башни. Так постепенно все Владыки вводили своих учеников в свои этажи дома знаний. Последними поднимались Бронский и я.

По мере того, как мы поднимались все выше, зрение мое все больше меркло, и, когда мой Владыка подвел меня к своей двери, я видел уже только своими обычными физическими глазами. Дивное состояние полного зрения насквозь, когда я видел не один крошечный кусочек места Земли и света в ней, но всю вселенную, и понимал, что живу в Свете Жизни, теперь исчезнувшее, оставило во мне впечатление, точно я стал совершенно слепым. В первый момент это ощущение слепоты показалось мне печальным, но тут же я вспомнил слова И. который был уверен в моей устойчивой радости, я улыбнулся моему новому Учителю, который все продолжал держать меня за руку. Он обратил мое внимание на то, что над нами возвышался еще один балкон и лесенка вела в самую высь купола, который так нестерпимо сверкал снаружи, даже в том сумеречном свете, что оставила после себя буря.

Когда я поглядел на крышу изнутри, она показалась мне не только не сверкающей, но даже матовой и непрозрачной. Но решить, в

действительности ли она такова или это результат моего ничтожного зрения, я не мог. Целый ряд вопросов замелькал в моей голове: что представляет из себя восьмой этаж? Не маяк ли здесь, вроде того, на каком я провел ночь бури с И. и матерью Анной? Или там какие-нибудь мастерские? Или общий зал отдыха Владык?

Мой Владыка улыбнулся всем моим мелькавшим мыслям, как улыбаются детям. Я уже перестал поражаться его разговору, в котором он не нуждался в таких приспособлениях, как слова, и почтительно выслушал его ответ:

– Наверху обсерватория. О ней позже. Войдем в мой зал. Сохраняй полное спокойствие. Тыходишь в мир новых идей. Эта комната для тебя – самый священный храм, в каком ты мог быть на земле, в своем физическом теле.

Он открыл – я не заметил как – дверь, она отодвинулась бесшумно в сторону, и мы вошли в большую круглую, залитую ярким светом, как солнце пустыни, комнату. В первое мгновение, быть может, от чрезвычайной яркости освещения, которое несколько ослепило меня, комната показалась мне как бы пустою. Только привыкнув к освещению, собранному под самым потолком в несколько светящихся шаров, на которые просто глазами и смотреть было нельзя, я заметил, что в комнате много узких больших столов, чрезвычайно высоких по моему росту и необыкновенно низких по росту моего Владыки.

Я мог хорошо видеть все, что было на столах, так как они приходились мне ровно по плечи. Но если бы я захотел работать за таким столом, пришлось бы мне карабкаться на какие-либо подставки.

Осмотревшись, я увидел, что весь зал заполнен не только столами и круглыми табуретами к ним, но по стенам, выложенным плитами из какого-то металла, блестящего, как золото, висит очень высоко множество стеклянных шкафчиков самого разнообразного размера и формы. В них стояли и лежали всевозможные пробирки, инструменты, пузырьки и еще много предметов, каких я никогда не видал и даже не знал слов для их наименования.

Каждый шкаф, каждый стол и столик, каждая полка с книгами, которых тут тоже было немало и размеры которых говорили, что они только и могли служить людям роста и сил Владыки, – все носило надписи столь необычайного письма, что я вздохнул и окончательно присмирел. Если меня подавляла разнообразием своих языков комната Али, то что же сказать об этой комнате? Здесь и жизни не могло хватить, чтобы только запомнить, где лежат предметы и книги в этом храме науки, где – на мой

рост – в одной комнате была, по крайней мере, трехэтажная высота. Мне было досадно, что из такого высокого пункта, как седьмой этаж лаборатории, который превышал маяк, я не могу увидеть пустыни и узнать, что делается во внешнем мире. Владыка улыбнулся, провел рукой по моей голове и глазам, коснулся моего лба между глаз, моей шеи у самой груди-и я вдруг увидел не то что сквозь стены, а точно стен и вовсе не было. Вся пустыня, еще взъерошенная, но уже тихая, без воя ветра и пыли, лежала передо мной. Мне не надо было поворачивать головы назад или в стороны, я видел не только глазами, но всем сознанием. И не одну голую пустыню видел я. Я ощущал в ней, за ней и под нею Жизнь. Я видел, что все – Свет. И Свет лился не только на все видимые предметы, но он шел и от них во все стороны, связывая все между собою светящимися нитями, независимо от того, были ли это существа одушевленные или неодушевленные. Только нити первом случае были яркокрасные, во втором – сияюще-голубоватые, напоминавшие лунный свет.

Я увидел среди общего Света и Общину Раданды, и оазис Дартана, и светящиеся фигуры Флорентийца и брата Николая, стоявшие рядом и посылавшие мне свои благословения. Я ощущал себя слитым со всей вселенной, и блаженное чувство неизмеримой радости охватывало меня. Владыка еще раз слегка коснулся моей головы, зрение мое возвратилось в рамки нормального человеческого, и я опять почувствовал себя нищим, заключенным в темницу...

Попривыкнув к необычайной яркости освещения, освоившись, что мне приходилось двигаться среди общества ножек от столов и табуретов, а для того, чтобы положить руки на стол, требовалось некоторое напряжение, я перенес все свое внимание на моего Учителя.

Заметив, что я освоился со своим положением малого ребенка в комнате великана, Владыка подвел меня к одному из самых высоких и широких столов. Не успел я даже сообразить, в чем дело, как уже сидел на высоченном стуле, посаженный на него моим наставником. Если бы я сажал трехлетнего ребенка, то это заняло бы у меня больше времени. В его руках я точно не имел вовсе веса: вроде пера, которое переключивают с места на место на своем письменном столе.

– Здесь ты видишь несколько аппаратов, которые еще не известны на земле. Не думай, что их изобрел я. Они поданы моему сознанию из высших миров. Их творцы соединили силы природы так, чтобы стихии планеты Земля могли проявиться на ней как ряд новых физических явлений, химических элементов и психических свойств. Наблюдая мою работу за этим столом, раз и навсегда уничтожь в себе предрассудок разделенности в

труде между небом и землей. Не менее трудная задача стоит перед тобой, чем та, что дали мне братья мои – Владыки мощи, выше меня стоящие. Моя задача состояла в том, чтобы приспособить одно твоё сознание к пониманию части тех новых откровений, что Светлое Братство признало своевременным послать на землю. Для этой задачи я должен был развить в себе целый ряд новых приспособлений, так как твоё и моё сознания должны слиться в полной гармонии, чтобы творить с пользой для миллионов сознаний Земли. Тебе же придется перескочить через целый век, опередить твоих братьев Земли и вынести – в своём таланте – в массы много новых идей. Для этого тебе самому надо не только вскрыть в себе новые пути сознания; тебе надо ещё выработать целый круг совсем новых приспособлений, чтобы суметь влить в массы людей силу Света, предназначенную не только для разрушения старых предрассудков, что легче, но и для созидания иной, раскрепощённой психики свободного и могучего нового человека, что составляет одну из труднейших задач. Ты видишь, сколько слов мне пришлось наговорить тебе для самой простейшей из твоих задач. Посмотри сюда, и ты увидишь точно, в одном мощном аккорде, работу развоплощённого человечества, Владык стихий и Братьев мощи. Вся картина дальнейшей жизни человечества предстанет перед тобой в этом маленьком аппарате...

Мой Учитель пододвинул меня на моем огромном стуле – опять-таки так, как будто и стул, и я были невесомыми перьями, – ближе к аппарату, который он назвал маленьким, но на который я смотрел с опаской, такой башней он мне казался. Правда, он много не доставал до потолка, тогда как на других столах приборы почти упирались в него. Учитель притронулся к шнуру, вложил его в стеклянную головку в стене, и немедленно по всей башне побежали огни всех цветов. Внутри башни лежал, как мне показалось, стеклянный шар, но Владыка сказал:

– Этот шар – миниатюра Земли. В нем живут все свойства, которые будут открыты учеными планеты в течение семи предстоящих кругов её движения в вечности. Смотри сюда. В живой картине на стене перед тобой пройдет вся история Земли до этой минуты и далее потечёт та часть жизни человечества, пионером которой в поэзии и литературе тебе суждено стать.

Владыка произнес какие-то слова – думаю, что они походили на те, какие произносил Владыка-Глава внизу у дверей лаборатории, – и на самом верху стены, у того места, где он стоял, вспыхнуло несколько красных пятиконечных звезд. Тогда он ударил по золотой поверхности стены – но, быть может, она только сверкала, как золото, – раздался удар такой мощи, что я едва не упал со своего стула. На стене появилась дымка, точно

клубящийся в горах туман с красноватым оттенком. Когда он рассеялся, я увидел огромное количество светлых образов, прозрачных, как бы сотканных из светящейся материи, сохранявших человеческие формы, трудившихся над шарообразными кусками более плотной, чем они сами, материи. Светящиеся фигуры вкладывали в эти шарообразные формы материи по куску Огня Вечности, трепетно сиявшего внутри каждой формы.

Владыка снова ударил по стене своим молотком (нежно выражаясь), что равнялось, в нормальном человеческом понимании, пудовому молоту. Картина вновь застлалась туманом, и когда он рассеялся, я увидел более ясно очерченные и более плотные человеческие фигуры, такие же лучезарные, несшие шарообразные массы с трепетавшим в них Огнем вниз. Бесчисленное количество этих фигур мчалось с быстротой урагана.

После нового удара Владыки появилась картина, где еще более ясно очерченные человеческие фигуры вносили в огромнейшие залы все те же куски материи с Огнем и передавали их четко обрисованным фигурам, в которых я понял Владык карм.

Снова последовал удар, картина изменилась, и я увидел, как Владыки карм, записывая что-то в громадных книгах, передавали духам, еще более плотным, куски материи, ставшей уже сжатыми комочками, но Огонь трепетал в них с прежней силой.

Удары Владыки сменяли картины. Я отчетливо увидел незнакомое мне место земли, увидел дома – и в них духи Света вносили будущие эмбрионы людей – начала воплощения.

В следующих картинах изображалась жизнь развоплощения. Дух умершего возносился сначала один, потом соединялся с самыми различными светящимися духами, соответственно своей карме и духовной высоте.

– Ты видишь сейчас только пути творцов, имеющих в сознании полное понимание своего служения современному человечеству. Внимательно следи, и ты осознаешь непрерывный круг Вечного Движения, вечно творящую Жизнь, – произнес Владыка, вновь ударяя молотком.

Я увидел, как светлые духи вводили в громадные залы светившиеся тени развоплощенных людей. Здесь, точно в обширных рабочих кабинетах, люди-тени склонялись над книгами, всевозможными приборами, изысканиями, записями.

Снова по сменявшимся ударам Владыки сменялись картины, люди-тени кончали свою работу, поднимались выше, становились все светлее, и, наконец, ставши совершенно светлыми, они достигали лучезарных высот,

исчезали в них и вновь спускались в тот план, где в массы материи труженики неба вкладывали куски Огня. Исчезая в новом куске материи с большим куском Огня, они снова проходили весь круг жизни, труда Земли и смерти на ней.

Владыка вынул шнур, башня погасла, и сам он сел рядом со мной.

– Ты видел схему действий и труда Вечности. Теперь, когда ты знаешь весь цикл, проходимый человеком Земли в его духовном пути, займемся рассмотрением индивидуальной жизни человека, получающего миссию от Владык неба.

С этими словами мой Учитель пересадил меня к другому столу, у самой дальней от нас стены, и заставило гореть башню совсем иной формы, оканчивающуюся пятиконечной звездой, пожалуй, несколько меньших размеров.

– Тебе было дано наглядно убедиться, что смерти нет, а есть только путь вечной жизни и вечного труда. Рассмотрю еще путь вечного совершенствования отдельных людей... Великих Учителей, управляющих при помощи всего Светлого Братства совершенствованием всех людей Земли, – семь. Это только главные этапы, неминуемые в эволюционном движении для каждого человеческого сознания. Весь мир разделен на семь величайших секторов. И в каждом секторе горит неугасимым планетным Огнем своя башня. Башня включает в своем секторе не только дух людей, но и дух всего живого – одухотворенного и неодухотворенного, выражаясь по современной терминологии, что движется активно или относительно Земли.

Ты уже знаешь, что не только в мире Земли, но и во всей вселенной таких мест, где царил бы абсолютный покой, нет. Все движется, независимо от того, воспринимают ли твои чувства это движение или нет. Сейчас ты увидишь одну из башен земной вселенной и там различишь те световые лучи, которых обычно глаз твоего физического проводника воспринимать не может.

Владыка дал мне в руку какую-то, вроде стеклянной, пластинку, объяснил мне, что я сижу на стуле, не проводящем энергии Огня, и строго приказал не двигаться и не выражать ни в каких восклицаниях своих чувств, если я даже буду чем-либо поражен.

Я собрал все свое внимание. Владыка ударил небольшим, но, вероятно, очень тяжелым молотком по самой башне. Посыпались снопы самых разнообразных искр, многоцветных и многоформенных, стены самой лаборатории исчезли для меня, и я снова стал видеть всю вселенную и сознавать себя слитым с ее Светом. Я увидел – не могу сказать вдали, так

как расстояние и время для меня исчезли

– башню, горевшую белым огнем на Земле и уходившую в огне в небеса, всю сплошь залитую трепетавшим Светом. Величина ее превосходила все человеческие представления. Эльбрус Кавказа, не раз мною виденный, был просто крошечной бородавкой по сравнению с гигантской белой башней.

Среди могучего белого огня вкрапленные, будто небольшие лучи в мощном белом сиянии, сверкали прозрачные полосы и круги синего, зеленого, желтого, оранжевого, красного и фиолетового огней. Но что это были за лучи! Никогда я не предполагал, что в таком огромном количестве могут гореть лучи света! Если бы я мог с чем-либо их сравнить, то только с теми огнями в разноцветных высоких чашах, что я видел на столах-престолах И. и Франциска.

– Ты взглядишь внимательно, – сказал Владыка, притрагиваясь к моему темени. – Быть может, ты увидишь кое-кого хорошо тебе знакомого.

Мое зрение еще более прояснилось, и я увидел гигантских размеров образ Али, как бы возглавлявший всю башню. От его изображения, тонувшего в белых огнях башни, на огромное расстояние, сколько мог охватить мой глаз, распространялось сияние. Оно скользило лучами и громадными кругами, вибрации которых были безмерно прекрасны. Многочисленные, подчиненные и соподчиненные Али прозрачные духи мчались по всем направлениям лучей, всюду внося деятельность и гармонию.

Чем ближе к Земле спускались светлые тени, тем кольца их становились темнее и плотнее и, наконец, совсем близко к Земле они располагались устойчивыми каналами, через которые вливались и распределялись по бесчисленным точкам молнии мыслей Али, вдохновлявшие людей-творцов, выработавших в своем духе дар мужества и силы. Все мысли Али, мчавшиеся к Земле, имели вид сияющих, пленительных, самых разнообразных форм прекрасных молний.

– Ты видишь Владыку мощи земной вселенной, непосредственными слугами которого мы теперь живем на Земле. Потому и назвал нас Учитель И. Владыками мощи. Этот великий самоотверженный слуга Истины начинает первое кольцо нашего освобождения. От его луча мощи будут даны каждому из вас дары и просветление, с каким уйдете отсюда в мир помогать создаваться его новой расе, водителем и хранителем которой будет этот слуга-гигант Истины. В этом луче живут те трудящиеся Земли, чьи верность и любовь достигли незыблемой силы и стали непоколебимы. Только такие существа могут выдержать огонь его мощной мысли, летящей

на Землю как палящие молнии. Смотри сюда, – продолжал Владыка, перенося меня к новому столу, где стояла почти такой же величины башня. Проделав снова тот же ритуал, подождав, когда на стене вспыхнул ряд рубиновых звезд, Владыка направил мое зрение в поле огромного синего столба света. Приглядевшись, я понял, что это тоже была башня, такая же широкая и огромная, как и белая. Она так же изливала лучи и кольца всех цветов среди громадного моря живого, трепетавшего, глубокого синего огня.

Не успел я освоиться с этим дивным сиянием, как увидел возглавляющим синюю башню чудный образ сэра Уоми. Я был так поражен, так неожиданно для меня было увидеть эту парящую в небесах фигуру, что я уже приготовился протирать глаза, не веря чудесам, которые одно за другие я видел.

– Нет чудес, есть только степени знания, как повторяли тебе не раз твои наставники, – услышал я голос Владыки. – Это ближайший спутник, друг и сотрудник Али, имя которого тоже не Али, о чем узнаешь позже. Это вековой его соратник, Учитель, направляющий все воспитание народов Земли. Он движет мудрость и науку воспитания вперед. Его заботами о нарастающих поколениях Светлое Братство периодически посылает в каждую современность соответствующих ей великих вождей и воспитателей. Они заботятся о подготовке новых кадров людей, обладающих более повышенной, по сравнению с уходящим поколением, психикой, более тонкими и разнообразно развитыми приспособлениями в духе и теле. Все, видящие свое призвание в воспитании и обучении, входят во влияние и Мудрость, спускающуюся через этот луч, если служение их бескорыстно. Всмотрись пристально, в чем именно заключается труд подчиненных этому лучу духов и живых людей.

Я увидел, что от всей фигуры сэра Уоми шли глубоко синие лучи, но все они были не только пронизаны великолепием лучей разных цветов, но и в самой гуще синей бездны сверкали разнообразной формы роскошные яркие цветы.

Владыка слегка притронулся к моему темени, и я стал видеть еще ясней. То, что я принимал вначале за цветы, качающиеся на длинных стеблях, оказалось мыслеобразами, исходившими от всей фигуры сэра Уоми. Все эти мыслеобразы были связаны с его фигурой и между собой тончайшими золото-сине-красными переливающимися нитями.

Мыслеобразы, спускаясь все ниже, несколько меняли свою форму, и в яркости их первоначальных тонов появлялась некоторая матовость. В этом виде они подхватывались сияющими духами и переносились вниз, где

передавались более плотным формам.

Так мыслеобразы совершали свой путь, несколько раз спускаясь все ниже и, наконец, останавливались у громадных воронок, сияющих, с большим отверстием вверху и узким выходом внизу. Но, конечно, когда я говорю «широким» или «узким», то все это относительно, так как размеры планов вселенной не умещаются ни в какие земные представления о масштабах. Да и самые слова человеческие не вполне отвечают тому, что видели мои глаза.

Очаровательно-прекрасные духи, оставаясь все время на одном и том же уровне, принимали сверкающие мыслеобразы от спускавшихся сверху тружеников и подносили их к отверстиям воронок, двигавшихся кругообразно с быстротою вихря. Они вбрасывали в воронку иногда одну, иногда несколько мыслеформ. Сама воронка, появившаяся мне вначале сконцентрированной туманной материей, теперь ясно увиденная, состояла из бесчисленного количества почти прозрачных очертаний тонких человеческих форм, отбрасывавших от краев хранимой ими воронки все, что не должно было туда проникнуть, и принимавших только предназначенное ей.

Быстрота волн и вибраций каждой воронки могла втянуть в себя только то, что отвечало колебаниям ее волн, а хранители воронки бдительно следили, чтобы вихрь не подхватил чего-либо ошибочно притянутого. Несшие мыслеобразы духи часто миновали десятки и сотни и воронок, отыскивая гармоничные их мыслеобразам колебания.

– Ты – математик, и Учитель И. открыл тебе немало механических законов движения, потому ты так ясно и понял, что ошибок здесь, как правило, быть не может. Тут действует закон притяжения, но не так преломленный, как на Земле. Здесь сила тяжести не физическая, а духовная. Она, невесомая, неосязаемая, невидимая, живет и движет все по законам причин и следствий, – говорил мой Владыка, пока я как зачарованный смотрел на дивный труд сподвижников сэра Уоми. – Те ошибки, в которые могут быть вовлечены трудящиеся неба, как и трудящиеся Земли, происходят – вернее, могут произойти – только от нарушения кем-либо из тружеников все того же, единственного и главного из главных закона верности. Доброта личная в духовных отношениях, ложно понятое сострадание, то есть желание ввести кого-то в мир новых идей и духовного творчества, не ответ на запросы чьего-то духа, а настойчивый зов неготовому человеку в те высоты, где требуются уже вся мощь и вся гармония организма – приводят всегда к катастрофе. Как бутон цветка, насильственно переставленного на чересчур яркое солнце, засыхает

вместо цветения, так и дух человеческий, введенный в более высокий план ранее, чем гармонично развитые силы всего его организма сами вызовут и притянут вибрации и частоту волн высшего плана, не дает не только плодов творчества Огня, но и идет в искривление. Даст одну какую-либо огромную ветвь, оставляя весь остальной организм убогим и уродливым. Так, нередко можно видеть абсолютно глупого тщедушного человека, который, считая в уме, потрясает толпу зевак огромнейшими вычислениями. Такой человек может сказать почти тотчас же, какой день был такого-то года и такого-то числа, рассказать о датах открытия тех или иных памятников чуть ли не с сотворения мира, перевести на язык любого племени цитаты Цицерона, высчитать число войск у Юлия Цезаря и прочие, никому и ничего творческого не открывающие феномены. Эти ошибки преждевременного вовлечения кого-либо в духовный подъем совершает доброта людей неба и земли. «Просите и дастся вам», – это слово не только Евангелия христиан. Это один из вечных и неизменных законов вселенной. Но он не значит, что всякому попросившему надо немедленно дать в руки священное откровение и ввести его в Святая Святых. Для человека, поставившего себе священной целью служить людям, выполняя план Бога, это значит: вникнуть глубочайше в ту ступень духовной культуры, в которой живет просящий человек. Стать самому на его место, в его обстоятельства, учесть все его возможности и, с величайшим тактом и любовью, подать просящему ту часть знаний, которыми он может овладеть в полной гармонии своего существа. И этим свойством – умением развить в себе такт и все приспособления для полезного служения человечеству – заведует во вселенной третий луч, к рассмотрению которого мы сейчас перейдем.

С этими словами Владыка пересадил меня к одному из самых высоких столов, на котором возвышалась почти под самый потолок башня особенно мелкого и красивого рисунка. Проделав все ту же церемонию удара молотком по башне, Владыка подошел совсем близко ко мне, говоря:

– Я предупреждал тебя, что полная выдержка тебе необходима. Что бы ты ни увидел – храни полное молчание и самообладание. Не рассеивайся мыслью ни на секунду, чтобы ни одно мое слово и ни один из видимых тобою фактов не выпал из твоего внимания. Не только в твоей дальнейшей земной жизни, но и в твоей жизни небесного, векового труда этот луч будет играть главную роль и помогать твоему дару раскрывать людям суть и смысл их земной жизни.

Владыка положил свою огромнейшую руку мне на плечо. Казалось бы, я должен был ощутить тяжесть этой ладони, занявшей все мое голиафово плечо, и пальцев, почти касавшихся моего пояса. Но я ощущал только

прохладу и легкое-легкое покалывание, будто бы электрический ток шел по мне. Стены, и раньше исчезнувшие для моего зрения, теперь точно слились с прозрачным воздухом, в котором я увидел клубы зеленого огня, стремительно вращавшиеся вокруг зеленых громадных столбов.

Прошли короткие мгновения, и я увидел, что то были не столбы, а башня, огромная, изрезанная по всему зеленому фону огненным рисунком все тех же тонов, которые я видел на двух первых башнях. На зеленой башне, пожалуй, было больше белого и оранжевого, чем других цветов.

Мчавшихся здесь огромных, больших, средних и самых крошечных духов-тружеников, сияющих, прозрачных и особенно быстрых, было гораздо больше, чем в предыдущих башнях. Я не понимал, почему Владыка так исключительно предупредил меня об этой башне. Правда, она была много красивее, и какое-то радостно-нежное чувство любви влекло меня к ней. Я хотел бы ринуться в глубину зеленого огня к труженикам и предложить им свою помощь. Но все же, какое это имело отношение к стойкости моего самообладания, я не понимал.

Вдруг я почувствовал, что рука Владыки сильнее сжала мое плечо, электрический ток, шедший от него ко мне, усилился. Я поднял глаза вверх... и с большим трудом удержал крик радостного изумления. Сохраняя самообладание под влиянием моего Владыки, я глядел в благоговении на дивную фигуру Флорентийца, возглавлявшего зеленую башню. Мой дорогой обожаемый друг сохранял здесь всю свою земную красоту и стройную пропорциональность фигуры, и, вместе с тем, ничего от земного Флорентийца, каким я привык видеть моего Учителя в жизни, в этом величественном и мощном образе не было...

Я различал в тишине пустыни громopodobные шумы от взлетающих зеленых шаров. Сначала я только их видел. Постепенно я стал наблюдать, как шар, отделяемый от башни бесчисленным количеством светящихся тружеников, с шумом грозного раската уносился в определенном направлении кольцом духов. Они разрывали его на части, далее он еще и еще делился, и, в конце концов, крошечные светлые существа мчались, как млечный путь, многочисленные и сверкающие, с зелеными кусочками вниз, к Земле.

И куда бы ни мчалось со своим зеленым кусочком крохотное существо – нить золотисто-зеленая, огненная тянулась к фигуре Флорентийца. Казалось бы, мириады нитей должны бы были спутаться так, что никакая сила их не расплетет. На самом же деле все нити переплетались в тот стройный и дивный рисунок, какой я видел на башне Владыки в лаборатории стихий.

– Этот луч не только необходим, но неминуем для всего человечества. Два первых луча доступны только творцам человечества. Чтобы идти ими, надо влиться в те или иные творящие стихии планеты и вынести их в своем труде земным братьям. Только мощно одаренные мудростью и духом могут проходить свой путь по двум первым лучам. И для таких духовно одаренных все остальные лучи – лишь гармонично развивающаяся оккультная гамма. Для всего же человечества третий луч есть Начало выявления тех божественных свойств, что каждый носит в себе. И пока человек, обычно одаренный и культурно развитый, не разовьет в себе такта, умения точно понимать современные ему обстоятельства его окружения, пока он не поймет дружелюбия ко всему, что окружает его в его эпоху жизни, он не может двинуться к следующему пути совершенствования. Не рисуй себе значения этих путей как отдельно существующих стихий природы, направляющих людей обособленными тропами, которые они могут сами себе выбрать. В природе все слито, все проникает и пронизывает друг друга. И люди идут по тем лучам, к которым созрел их дух, то есть вибрация, ими выбрасываемые в МирВселенную, вовлекают их в круги вращения себе подобных. Пока человек не пройдет третьего луча, он не может двинуться в своем совершенствовании дальше. Ибо следующий луч, луч гармонии

– кульминационный пункт в духовном созревании. Эти два луча, третий и четвертый, тесно связаны между собой. Если третий луч – пропускной пункт всего человечества к движению вперед в вековой Эволюции, то луч четвертый – ограждающая сеть для всех тех, кто вносит малейшее творческое Начало в свой труд. Самый многочисленный по количеству идущих в нем людей – третий луч. Много и много раз люди возвращаются сюда, пока достигнут высоты такта и развития приспособлений, которые помогут им двинуться дальше в своих Творческих Началах. Смотри сюда – вот луч гармонии.

Снова Владыка перенес меня к другой, не из самых высоких, совершенно желтой, круглой башне. После обычного удара башня залилась сверкающим желтым пламенем. Я увидел как бы несколько дальше, чем видел первые башни, море разноцветных огненных языков, сплетавшихся феерически прекрасным зрелищем на желтом фоне. Из них вырисовывалась совершенно круглая башня с куполообразной желтой горячей крышей, вверху которой я увидел фигуру в желтом одеянии египетского стиля, державшую нечто вроде скипетра в руке. Лица такого или ему подобного я никогда не видел. Не то чтобы оно подавляло своей красотой – оно было прекрасно, конечно, но оно выражало такой

божественный мир, такое нерушимое благоволение, что от одного взгляда на это лицо я понял, что такое гармония.

Чем больше я смотрел в лицо неведомого мне Учителя, тем яснее узнавал и понимал это выражение нерушимого мира, любви и доброты, припоминая это выражение на лицах хорошо знакомых мне моих великих друзей Али, сэра Уоми, Флорентийца, И.

– Толпы тружеников подводят и подносят сюда свои шары материи, а также отдельных развоплощенных и воплощенных людей в их астральных оболочках, как ты видишь. Разница между движением в этом луче и другими состоит в том, что здесь все идут к нему, а не от него. Сюда идут только сознательно, и никто не может пройти, принесенный другими, без собственного активного участия. Здесь: «Толците, то есть действуйте – и отвернется вам», – ты видишь в действии. Смотри на Землю.

Владыка перевернул мой взор на земное пространство, как уже делал это раньше, и я увидел толпы суетливо трудившихся людей. Вся атмосфера вокруг них была туманна. В каждом отдельном существе тлела искорка огня, в одних еле видная, в других – ярче. Кусок земли двигался передо мной, точно на экране сменялись картины. Вот атмосфера стала яснее, я увидел отчетливо людей в огне, их творческие мысли сияли вокруг них, образуя блестящую движущуюся ауру. Атмосфера стала почти прозрачной, и я увидел брата Николая, писавшего в книге, рядом Наль, рисовавшую анатомический атлас, а невдалеке, в комнате, за роялем женскую воздушную фигуру, пальцы которой бегали по клавишам. И клавиши, и рояль, и пальцы, и комната – все светилось желтым светом, как тетрадь брата Николая, как атлас Наль...

– Я показал тебе людей во всех фазах труда, идущих к гармонии и уже живущих в ней, – продолжал Владыка, переводя мое зрение снова на желтую башню. – Каждый, кто может в результате работы над собой дойти до четвертого луча, начинает свой путь с понимания, что труд есть не необходимость, но радость. Поняв, что без труда на общее благо жить нельзя, человек выбрасывает волны новых для него вибраций примиренности, он начинает на деле, в действии простого дня, понимать, что все обстоятельства земли – именно его обстоятельства. Тогда он приходит к вратам луча гармонии, где его, как ты видишь, встречают светлые братья-духи и вводят в огонь башни. Однажды побыв здесь, человек уже никогда более не может вернуться к духовной суете, хотя бы жизнь его внешняя и продолжалась все в тех же условиях суеты и напряженности. Духовный кризис каждого человека, перенесясь через луч гармонии, вводит его в новый круг рождений и смерти, он уже никогда и

понижается в фазах своего духовного развития, но идет, все повышаясь в нем. Какими бы богатыми дарами ни был одарен человек, – в соответствии с его кармическими данными, – он будет совершать свои ошибки и держаться личного понимания жизни и ее ценности до тех пор, пока не созреет духом настолько, чтобы перейти рубикон гармонии. Только после этого второго крещения человек становится, целиком и полностью, творцом для вселенной и может проходить тот круг рождений, где входят в непосредственное слияние с Жизнью. Пути и способы, которыми люди сливаются в своем труде с Жизнью, неисчислимы по своему разнообразию. Светлое Братство стоит стражем-хранителем каждому существу, перешедшему рубикон четвертого луча. Задачи, даваемые Жизнью людям, передаются сонмами Учителей и учеников. Их ставит Светлое Братство водителями и поручителями людей Земли, помощниками их труду и, нередко, защитниками их быта. Имя великого Учителя гармонии – египетское, ибо здесь он прошел свой путь знаний. Его зовут сейчас Серапис. До этой минуты ты видел труд людей Земли и неба слитым в монолитных огнях башен. Земля и небо, путь труда в мире физическом и духовном, действовали через один провод – Огонь планеты. Теперь ты подходишь к одному из лучей величайшего труженика, заведующего пятым лучом в человеческой эволюции. Учитель пятого луча пронесет свой труд Земле по двум проводам планетного Огня. И башня его – двойная, вернее сказать, раздваивающаяся на некоторой высоте как бы на две самостоятельные башни, слитые воедино только верхушками. Собери еще глубже все свое внимание, сам поймешь, что этому Учителю ты уже многим обязан и в дальнейшем будешь связан с ним в веках, ибо все, имеющие ту или иную степень ясновидения, хотя бы самую слабую, тесно связаны с лучами этой исключительной по работоспособности башни.

Владыка пересадил меня к следующему, особенно большущему столу, где я увидел необычайной формы оранжевую башню. Вверху она была совершенно круглая и несколько выше середины разделялась на две восьмиугольные башни, расширившиеся книзу. Каждая из башен имела много этажей. И что меня особенно поразило, на каждом этаже шел орнамент, ну точь-в-точь из таких цветов, какие окружали тайный домик И. на скале, в дальнем парке Общины Али.

– Не раздумывай и не отдавайся догадкам, но действуй внутренне. Зрей духом. Твоя выдержка и самообладание уже не те, с которыми ты сюда вошел. И тем не менее они недостаточны, чтобы поднять на плечи мировую задачу, – подымая молот, также имевший на одной ручке два молотка, сказал Владыка. – Никто не выполняет мировой задачи один, как и

вообще никто не живет и не трудится во вселенной в одиночестве. Каждому помогают, как ты уже видел; но сейчас тебе предстанет на опыте узнать беспредельность милосердия Мудрости и Ее слуг.

Владыка ударил по башне своим двойным молотком, башня залилась оранжевым огнем, и в ту же минуту я увидел между небом и землей море оранжевого огня, стремительно кружившегося в пространстве.

Владыка снова положил руку на мое плечо, передавая мне свое неземное самообладание, которое сделало в это мгновение и меня мощным, точно я стал частью его самого. Я заметил, что клубы огня вращаются равномерно, и, присмотревшись, различил, что они охватывают две башни, необычайно стройные, грандиозные, сливающиеся в один круглый ствол вверху, как я видел на столе у Владыки.

Не могу сказать, зрение ли мое попривыкло к морю огня или близость Владыки, слившего меня особой, помогла мне, только теперь я мог разглядеть все этажи башни, чудесные орнаменты-цветы на них, бесконечное количество легких прекрасных тружеников, трудившихся на всех этажах. Чем ниже был этаж, тем все плотнее были тени, чем выше поднимался труженик неба, тем форма его была прекрасней и прозрачней.

– Смотри, прежде всего, на великого Учителя, возглавляющего эту двойную башню. Еще раз пойми, что нет чудес – есть только та или иная ступень знания. На опыте убедись, как беспредельно и необъятно может быть знание каждого живого во вселенной – и границ ему нет. Убедись, как даже очень близко стоящий к физической форме Учителя человек мало знает о необъятности

– по своим масштабам понимания действий, знаний и трудов Учителя. Смотри на верх башни.

Я устремил взгляд, как приказал Владыка, и на некоторое время потерял всякое понимание: где я, кто я, кто со мной и что со мной. С самой высоты башни на меня смотрело лицо И. Если я в обиходе Земли говорил, что И. недоставало только венка на голове, чтобы быть греческим богом, то... здесь на его голове лежал огненный оранжевый венок... и действительно И. здесь был Богом.

Но то был не только бог красоты, в нем было еще что-то столь духовное, мощное и вместе с тем гармоничное, что никакими словами нельзя описать этого богочеловека. И этот И. приблизил меня к себе на земле! В,,л, как может воспитывать снисходительнейший и милосерднейший воспитатель малого ребенка! Помогал моему прежде ужасному характеру выработаться, превратил меня из тщедушного юноши в Голиафа!.. Слезы благоговения не скатились из моих глаз, но всем

сердцем я склонился перед Великой Жизнью, не зная, чем выразить свою благодарность, прославление Ее! Я понял, что такое милосердие и как надо к нему готовить сердце в сношениях с братьями-людьми. Я понял, что такое Любовь-действие, Любовь-труд, Любовь-радость...

От всей фигуры И. шли сияющие мыслеобразы, как от фигуры сэра Уоми. Только здесь они определенно и точно неслись по двум направлениям, никогда не переходя из одной башни в другую.

Владыка крепче сжал мое плечо, и я стал различать, что в одну башню души, более прозрачные, носили только оранжевые, желтые, красные и фиолетовые мыслеобразы. В другую – белые, синие, зеленые, тонувшие в оранжевом огне.

– Перед тобой два пути одного луча. Тебя поначалу может поразить, что такие на первый взгляд несоизмеримые величины, как точные науки и ясновидение, венчаются одной главой, возглавляются одним Учителем. В далекой-далекой древности это было не так. Но во времена и по планам Божественных Сил, сейчас тебе не доступным, произошли изменения в управлении человеческими путями так, как современность требовала и как по плану целесообразности нашли Силы Жизни необходимым. Каждая точная наука может расти и достигать творческих результатов только тогда, когда интуиция или внутреннее прозрение одухотворяют ученого. Все изобретатели, великие путешественники, открывающие человечеству новые земли, все великие астрономы, математики, химики, вносящие в науку плоды своих трудов, – все в значительной степени ясновидящие, хотя бы лично они и не признавали своего ясновидческого дара. Но речь идет здесь только об ученых-творцах, хотя бы их творчество выражалось в самой маленькой доле. Вторая башня, где мыслеформы только оранжевого, желтого, красного и фиолетового цветов, – башня ясновидчества по существу, она включает человечество, одаренное обратно пропорционально тем, кто мчится в вековом труде по первой башне Учителя И. Здесь только те ясновидящие, чей дух развился в каком-либо труде до творчества. Безразлично – наука, поэзия, литература, музыка, живопись, скульптура ли, но преобладающее в них ясновидение приводит их к этому лучу. Их силы проносят в мир Земли всегда новые идеи, так как их бескорыстие уже непоколебимо, их верность не может отклониться ни в какую сторону. Они видят, и их верность есть духовное прозрение. Эти творцы могут быть сожжены на костре невеждами и глупцами-ханжами своей современности, но они – столпы Вечного Движения, Его слуги, не рабы, но освобожденные и просветленные сотрудники в вечности. Этот путь – труднейший, так как ни одному ясновидящему не может быть легко путь в быту его

современности. А между тем именно для нее-то и посылаются в гущу суеты люди-творцы, сливающиеся с этой башней.

Владыка умолк. Я продолжал смотреть на И. и заметил теперь, как руки его двигались, употребляя нечто вроде рулей, на которые он иногда нажимал то на одной, то на другой башне. Тогда сверху башни вылетали целые шары светящихся разноцветных мыслеобразов, духи растягивали их в гирлянды, гирлянды складывали в букеты все более мелких размеров, иногда подбирая один крошечный цветик и мчась с ним вдаль. Но никогда шары по расцветке не смешивались стаями тружеников, а точно разносились по этажам именно той башни, для какой предназначались.

Здесь не было воронок, и духовные каналы, по которым мчались духи, были односторонними. То есть труженики неба, нагруженные мыслеобразами, мчавшиеся послами в точное место башни И., мчались по очень ясно очерченному и хранимому миллиардами духов каналу. Но возвращались все, выполнив свою задачу, по свободному пространству к верхушке башни. На миг исчезая в ней, они снова мчались к тому этажу, который обслуживали, вновь подхватывали подаваемый им Владыками кармы их этажа мыслеобраз и снова улетали с ним через определенный канал.

– Ты видишь, что среди огромного количества ясных и светлых каналов, – снова заговорил Владыка, – есть каналы совсем темнооранжевые. Присмотришься. По ним – правда изредка, но все же в довольно большом количестве – возвращаются опечаленные светлые духи, которым не удалось подать человеку предназначенного ему мыслеобраза. Или мать изгнала плод из своего чрева, или рожденный ребенок окружен таким отсутствием покоя и радости, что труженик неба не мог в достаточной степени успокоить элементаря, строящего в течение первых семи лет тело ребенка, чтобы вручить ему свой мыслеобраз для вплетения его в организм маленького человека. Или когда по кармическим данным человеку мог быть вручен его дар только после тяжких испытаний, героически вынесенных, – у несчастного не хватило сил радости, чтобы вести творческую жизнь, он впал в уныние и не мог уже понять подаваемого ему нового мыслеобраза. Или же человек проживал свою жизнь в отчаянии и разврате вместо чистоты и героизма, или же впал в эгоизм, приводивший его к связи с темными оккультистами, – тогда опечаленный брат его, труженик неба, возвращается обратно по одному из этих плотных оранжевых каналов. Такие опечаленные труженики берут на себя добавочный труд: они разыскивают, через Владык карм, злейшего врага того несчастного, кому не смогли вручить свой мыслеобраз. Иногда

они много лет помогают этому врагу очиститься от злобы и ненависти, доводят его до мысленного примирения с бывшим своим врагом и тогда передают ему новый мыслеобраз, крепко связывая его в сознании человека с образом его бывшего врага. Дух последнего постепенно оживотворяется и очищается трудом одного за двоих и доходит – через новое воплощение – до момента, когда уже получает сам предназначавшийся ему ранее мыслеобраз. Работа здесь, как видишь, не прекращается с земной смертью человека. Всякий, начавший трудиться на Земле в этом луче, может потом перейти к лучам иным, если его карма или его духовное совершенствование требуют этого. Вся вселенная движется закономерно и целесообразно, и отдельные частицы ее – люди – не составляют исключения из этих, общих для всей планеты, законов. Духи последнего этажа башни работа в ментальном плане. Они направляют в огромных духовных мастерских труд всех развоплощенных, а также тех воплощенных, чье сознание они выносят в этот план для его скорейшего совершенствования. Мастерскими своего луча заведует сам Великий Учитель, принимая ту форму и тот образ, в которых он всего легче, проще и короче может помочь учащимся и облегчить им восприятие форм Огня. Перейдем теперь еще к одному из самых трудных путей человеческой эволюции – к Любви.

Так говоря. Владыка перенес меня к одной из самых больших башен в комнате, чашеподобной, тонувшей в прелестных орнаментах красных цветов. Здесь была целая гамма оттенков только одного красного цвета – но что это были за сочетания тонов! Так распорядиться красным цветом – казалось бы, немислимо багрово-ало-розовых сочетаний, гладких и с прожилками, с фигурным рисунком и с полосками, ни в одном месте не режущими глаза, – могло только небо. Владыка ударил молотком по башне, красные огни вспыхнули на ней пожаром – я увидел далеко в пространстве стройную, чашеподобную башню, горевшую красным огнем, уходившим высоко в небо. Чаша, совсем такая, какую видел я на столе-престоле Франциска, горела, выбрасывая красный огонь лавиной вниз через свои края. Переливаясь, огонь лился вниз по охватывавшему винтовую подставку чаши красному орнаменту. Но и орнамент был живой: Его составляли труженики неба, передававшие струи Огня друг другу сверху вниз. Радость светилась здесь через светло-розовых духов, как бы возвышавшихся над всеми остальными, много темнее их.

– Ты видишь живой орнамент, – подходя ко мне, вновь сказал Владыка.
– В бесчисленном количестве слоев течет Любовь к земле, обновляя и возвышая сердца людей и животных. Если бы не было этого луча,

перестала бы существовать и вся планета, так как Жизнь, милосердная ко всему, уничтожает только те формы, что не могут раскрыться для Любви. На этом орнаменте – от самого дивного цвета Любви-радости, до темно-красной любви-плоти зверей и человекоподобных, но еще не людей духовно развитых – ты видишь все оттенки любви эгоистической. Здесь же ты найдешь любовь со всеми национально привитыми суевериями и предрассудками. Обрати внимание на очень ясно заметные линии красивого темно-алого цвета в орнаменте. Ты видишь, что вся эта линия состоит из поникших головами печальных тружеников. Их ровно столько, сколько духов – розовых, прелестных носителей радости. Теперь не время объяснять тебе смысл этого явления. Его получит тот из вас, кому судило Светлое Братство принести новые идеи любви на землю и новое понимание, что такое любовь. Ты же и здесь выведи следствие – как во всем, что необходимо знать тебе, – что во всей вселенной царит закон сохранения энергии. Полное равновесие сил сохраняется во всем, созданном Мудростью. Радостники и печальники, то есть приносящие встречам земли радость или скорбь, совершенно такие же равноценные слуги Жизни, как все остальные Ее сотрудники. Никто не провинился и никто особенно не выслужился, ибо этих понятий о наградах и наказаниях у Жизни нет. Люди же судят, любя или устрашаясь, наказывая или награждая, – и вот, смотри на несчастных, вечно колеблющихся в своих компромиссах с совестью. Труженики Любви, защищающие в своих кругах трусливых и сомневающихся, не имеющих в себе верности до конца, разъедаемых вечной половинчатостью, носят на себе отражение грехов своих подопечных. Их воздушные тела все изъязвлены и проколоты до дыр теми ударами, которые им наносят опекаемые ими братья-люди. Великая Любовь, изливающаяся из башни-чаши Любви, заливает раны своих сотрудников все новыми потоками своего огненного милосердия и превращает дыры их воздушных тел в чарующий рисунок Любви, который ты видишь в орнаменте. В своих произведениях, где должна вылиться вся новая мощь твоего просветленного новым знанием сердца, дай понять людям, что всякая любовь хороша, даже эгоистическая, лишь бы она была чиста и бескорыстна. Как новая нота должно звучать твое дарование, показывая людям величайший грех, не менее греха убийства – грех преступления против любви, грех любви проданной и купленной. Инквизиция – грех проданной и купленной любви – тем и страшна миру по своим последствиям, что, прикрываясь преданностью Богу, растлила миллионы человеческих душ. Видишь темный бордюр на ярко-розовом фоне орнамента? То царство животное и птичье, их любовь и

кровожадность. Это единственный луч, где ты видишь мир животных вплетенным в жизнь людей. Здесь вред и польза сосуществования мира людей и мира животных ясно выражены. Только этот луч любви может объединить все самое противоположное, что живет на планете. Объединяя людей и зверей в луче любви, Жизнь дает возможность низшим формам восходить, подниматься в вибрации любви человека, выше них стоящего. Но, имея величайшее значение в эволюции животного царства, любовь людей поднимает зверей только тогда, когда она истинно духовна и мудра. Ничтожная, личная привязанность к животным, неряшливая, разбросанная, без преданности идейной жизни животного, без постоянного внимания к его внутреннему сознанию, ничего не стоит в мировой эволюции и не имеет места в этом случае. Здесь живет только одухотворенное, творческое стремление любви к единению в Красоте со всем сущим на земле. Перенеси свой взгляд выше, приникни всем сердцем к Великой Матери и взглядишь в сияющий лик Учителя этого шестого луча.

Владыка обнял меня за плечи и совершенно слил меня со своим сознанием. Необычайное чувство мощи охватило меня всего, точно весь мой позвоночный столб стал насыщен электричеством, я ощущал его как огненный стержень всего моего существа. Огонь башни стал теперь для меня прозрачным. И я увидел незнакомое мне лицо в темных волнах волос, с огромными глазами, выразившими такую доброту, для определения которой на человеческом языке слов нет. То выражение мира, доброты и любви, которое казалось мне не так давно пределом возможности на лице Франциска, теперь было понято мною только как намек на то, что я видел сейчас. И с этой неизреченной добротой, любовью и милосердием сочеталось такое мужество, что я понял, как в любви этого Богочеловека не могло быть ни одной капли сентиментальности или слабости, компромисса или нерешительности. Я понял, что любовь ясно видящая не может совершать тех заблуждений и попустительства, которые введут человека во временное улучшение его внешних обстоятельств в ущерб его вечному пути и труду. «Доброта» в кавычках, доброта – «слезливая сентиментальность» не имела ничего общего с мужественной добротой этого лица.

– Многое ты понял сейчас и без моих объяснений, – все держа меня за плечи, сказал вновь Владыка. – Одно мне остается сказать тебе об этом луче. Здесь нет никаких ограничений и заграждений, никаких условий или особенностей в отыскании путей к этой величественной, гигантской башне. Люби

– и ты непременно найдешь путь к Владыке этого луча. Человек может

даже ничего не знать о Боге. Он может быть совершенно невежественным в смысле условной культуры своей современности, но сердце его может быть полно чистой любовью, и выбрасываемые им вибрации – по самому элементарному закону притяжения – привлекут его сюда. Имя этого Владыки – Иисус... Теперь тебе остается узнать о последнем луче – седьмом. После третьего луча, где, как я тебе объяснил, люди группируются, не однажды возвращаясь обратно, луч седьмой – самый многочисленный. Хорошая половина людей Земли идет этим лучом. Это луч религии и обрядов, но он же и луч многих отделов науки, особенно техники и механики. Величайшие изобретения и открытия сходили на землю при непосредственной помощи этого милосердного помощника и заступника рода человеческого. Перенеся сам – в своих земных воплощениях – много преследований и будучи не раз сам заключаем в темницу, он – ближайший заступник и помощник всех гонимых и заключенных. Немало труда своего он положил на то, чтобы расширить мировоззрение правящих Земли и внести свет в жестокий мрак буржуазного строя людей. Почти нет человеческих революций, где бы мудрость и культура этого Учителя не помогали людям отыскивать новые формы общежития. Это мудрец из мудрецов, в сознании которого развито такое огромное количество знаний, что нет ни одной отрасли труда всего современного человечества, которой бы он не знал. Его имя Сен-Жермен. Популярность этого Учителя много больше среди людей, чем популярность остальных Великих, труд которых – в их лучах – я тебе показал. Все религии – если возглавляющие их чисты сердцем и бескорыстны в своей преданности Богу, исповедовать которого учат свою паству, – имеют непосредственную связь с Учителем этого луча. Самое большое количество истинно и крепко связанных со Светлым Братством идет через этот луч. Взгляни сюда.

Владыка перенес меня к последнему из своих самых больших столов и указал на высокую, относительно узкую, необычайно стройную фиолетовую башню. Она казалась легкой. Вся изрезанная, кружевная, она совсем удивила меня своим необычным стилем. Весь ее низ был круглый, а этажи чередовались: то они были совершенно круглые, то восьмиугольные, то крестообразные, а в самой вершине сиял крест, и над ним пятиконечная звезда. Владыка ударил золотым молотком по стене и башне почти одновременно. На стене за клубился туман, а башня загорелась прелестным, нежным фиолетовым огнем самых разнообразных и чудесных оттенков.

– Смотри на стену, иначе ты не поймешь сокровенной сути религии, живущей в огне этой башни, – произнес тихо Владыка.

Туман на стене рассеялся, и я увидел три юные, божественно прекрасные фигуры, составлявшие треугольник. В центре треугольника стояла четвертая, еще более юная, прекрасная, прозрачная фигура, соединявшая в себе мощь, божественную красоту и такое величие, что я не мог вынести ее сияния и уже хотел закрыть лицо руками, как Владыка взял меня на руки, опустился на колени и склонился до земли. Оставаясь коленопреклоненным, подмяв голову, он прижал меня к своей груди, как делают матери со своими больными детьми, и сказал, обращаясь к сиявшим нестерпимым Светом фигурам на стене:

– Вечность есть закон Бога, и этот закон движет вселенную и все живое в ней. Прими рабов Твоих, Тебе трудящихся. Помоги ясно видеть Лик Твой, Его не забыть и с Ним, в Нем и для Него трудиться на Земле на благо и счастье людей.

От стены отделилась маленькая пятиконечная фиолетовая звездочка и утвердилась на волосах Владыки. От центральной, божественно прекрасной фигуры отделилась золотая нить, соединив между собою три стоявшие треугольником фигуры. От первой из, них, бывшей вершиной треугольника и стоявшей лицом к нам, полетел к башне сноп золотых лучей. Лучи золота пронизали всю башню. Как только вся башня погрузилась в золотое сияние, картина на стене исчезла. Владыка поднялся с колен, посадил меня снова в кресло и стал рядом со мною.

– Ты видишь, как фиолетовая причудливой формы башня вся утонула в море золотого Света, промчавшегося ней от Божественной Силы, охраняющей, защищающей, созидающей и правящей Землей. Эти Божественные Владыки – выше всего существующего на Земле. Они завершили круг величайшего творческого пути на иной, много более высокой планете и сошли на Землю, движимые непостижимым для сознания земли подвигом милосердия и самоотвержения. Их сознание настолько выше всех земных сознаний, что достигнуть его и приблизиться к нему не могут не только воплощенные, обычные люди, но и не все высочайшие из развоплощенных могут постичь его. Эти Владыки, вечно юные,

– центр Божественных Сил на Земле. Но это все, что в данную минуту я могу сказать тебе о них. Божественная Сила, показавшая тебе Себя, благословила твой труд, признав твое бескорыстие, самоотверженность и верность. Ты же помни, чему был свидетелем; трудясь, неси в сердце Божественный Лик, признавший в Своей Любви тебя достойным Его лицезрения, и развивай в людях новые идеи о Божестве. Очищай от суеверий и предрассудков представления людей о Боге и вливай в них

уверенность, что все и вся в жизни Земли живет под бдительным и непрерывным, милосердным и спасительным покровом Живого Бога, трудящегося во всех отделах жизни на Земле. Эти Владыки сотворили все сущее на Земле, принеся с собою на «Землю-хаос» злаки, людей и Животных. Все, что ты видишь на земле, под землю, – все труд милосердия этих Божественных Владык... Обрати теперь внимание на башню. Что обозначает ее необычайной причудливости форма? Эта форма – еще одно из подтверждений высочайшего милосердия Божественных Владык. Люди, впадающие во всевозможные предрассудки и суеверия, хотят молиться Богу так, как им кажется всего милее и целесообразнее. И вот ты видишь в отдельных этажах этой башни все формы религий, населяющих в данный момент Землю. Лишь бы религия людей базировалась на любви, чистоте и бескорыстном самоотвержении – и она принята Божественной Силой, она отражена здесь, в башне Религий и Обрядов. Священное

– истинно Священное людям – находит здесь не только одно голое отражение, но и получает Божественное Озарение и Очищение, как ты видишь в пронизывающих насквозь башню золотых лучах, посылаемых Божественными Владыками. Я уже сказал, что Учитель Сен-Жермен, мудрец из мудрецов, в своем милосердии и долготерпении, в своей снисходительности и помощи, стоит на первом месте по близости к Земле и выносит на своих плечах много больше тяжести вибраций людей, чем остальные Милосердные Учителя. Поэтому очищающая сила Бога и горит здесь неустанным золотым Светом, помогая нечеловечески трудному подвигу этого благого Учителя. Нет большей трудности, как исправлять кривизну религиозных заблуждений, ибо в этом секторе религий человеческое сознание наиболее лично и упрямо. Вглядишься, какое разнообразие видишь ты здесь среди слуг Учителя. Многие из светлых духов, даже пройдя свой путь надземного служения человечеству, достигнув радости полного духовного освобождения в остальных секторах творческого сознания, остаются закрепощенными в узкой тропе любви к своему Богу. Одни из них прозрачны, но на своих формах сохраняют сутаны католицизма, монашеские рясы своих орденов, иные – священнические облачения, жреческие одеяния, мусульманские и китайские отличия. И только на самом верху ты видишь единство всех без различия религиозных форм под эмблемой нашего Божества Земли – пятиконечной звезды. Язык пали ты знаешь. Над звездой сияет надпись, прочти ее.

Владыка обнял меня за плечи, и я совершенно явственно различил

выше звезды светящуюся фигуру, державшую в руке золотые скрижали, на одной створке которых сияло огненными буквами:

Мир-Вселенная есть часть Истины Истина одна – путей к Ней много
На другой створке письмо было фиолетовое, и оно гласило:

Нет религий выше Истины. Раскрепощенный от узкой религии, чистый сердцем встречает Любовь Живую. Познав Ее, уносит в Вечность свое знание и проходит весь дальнейший путь как творческий сотрудник Истины.

Когда я окончил чтение надписей, Владыка снял меня с моего высокого кресла, открыл дверь в стене здания, существования которой я и не предполагал, и вывел меня через закрытый внутренний туннель на маленький наружный балкон, как он о нем выразился. Но этот «маленький» балкон, изображавший своей формой лодку, был грандиозен, как и все вокруг Владыки. Мы находились выше Гималаев, как сказал он мне. После его лаборатории, где было относительно прохладно, здесь было так холодно, что Владыка закутал меня в звериные шкуры, висевшие на парапете балкона. Шкуры были неведомого мне зверя, легкие, мягкие, пушистые и серебристые.

Читавший все мои мысли, как открытую книгу, Владыка улыбнулся и объяснил мне что это шкуры прелестных серебристых лис очень древней и теперь уже очень редко встречающейся на земле породы.

– Я вывел тебя сюда, чтобы ты ясно понял, каким зрением – насквозь – ты обладаешь сейчас. Сквозь толстенные стены, толщину которых ты хорошо мог оценить, так как сейчас прошел их сам обе, ты видел горящую башню седьмого луча не менее ясно, чем видишь теперь. И фигуру Учителя, и его скрижали с надписью – все видишь, читаешь также прекрасно. Что значит фиолетовая звездочка, которую послал моей голове Великий Божественный Владыка? Если бы она была символом только того, что Божественный Властелин принял и признал наш с тобой взаимный труд, признал наше Ему славословие в труде бескорыстия, то звездочка была бы золотой, ибо то цвет Божественного Сияния. Если же Он послал труду твоему фиолетовую звездочку – это значит, что ты должен получить специальное слово-наставление от Великого Мудреца, Учителя седьмого луча. Призови все благоговение сердца и читай свое слово. Образование этого Учителя так универсально, что ты получишь свое наставление на самом близко тебе знакомом языке.

– Неужели возможно, чтобы на мировой вековой башне загорался огнем французский шрифт, Владыка? – не смог я удержать даже в эту минуту своего темперамента.

Владыка погладил меня по голове, улыбаясь мне столь нежно, что я и предположить не мог такой доброты на этом суровом лице.

– Смиранный мальчик мой, – прошептал он. – Даже не предполагаешь, что милосердие Учителя Сен-Жермена может наградить тебя русской речью, если указание предназначено только тебе одному? Читай. Храни всю свою жизнь все те же верность, чистоту и смирение, и Жизнь примет тебя в свои вековые сотрудники.

Он прижал меня к себе с той же нежностью, и я увидел, как прекрасная рука перевернула страницу на скрижалях. Сначала страница оставалась совершенно чистой, затем на ней закрубился туман, как на стене в лаборатории Владыки, и наконец стали проступать огненные знаки:

Однажды, в столетие приходит сюда человек, чтобы получить указание Бога к труду на земле.

Надпись погасла, была она на русском языке.

Переходов от неба к земле, искусственно сотканных и поддерживаемых вымышлениями и условностями, – нет. Есть Единая Жизнь во всем сотворенном, и Она пронизывает, связывает и животворит все сущее.

Твои искания в веках, твоя преданность Любви возвращают тебе Любовь. Дар твой – не твой, но Жизни Движение. Перенеси то, что видишь и слышишь здесь, в образы земли и приспособь к пониманию своей современности.

Расширь сознание людей. Способствуй его гибкости.

Для создания новой расы, которой суждено обладать высокой духовностью и утонченной психикой, необходимо разбить предрассудок разделенности трудов неба и земли. Не менее необходимо победить предрассудок смерти и страх ее.

Надпись снова угасла, и чудесная рука еще раз перевернула страницу. На ней снова, после рассеявшегося тумана, загорелись слова, еще более четко горевшие огнем:

Мир-Вселенная – не путь уничтожения и возрождения, но путь вечной Эволюции, где нет иного принципа, как неумолчное совершенствование.

Идущий в творчестве, полезном для масс людей, идет не одиноким самобытным талантом, но звеном Единой Жизни, отметившей данное звено как путь для массы людей, для их освобождения, самого легкого, самого простого и самого короткого.

Вноси не свой труд и не свой талант в среду серой посредственности, но разбивай новую тропу для Жизни, чтобы Она могла пробивать в сознании людей бреши к освобождению, через твой дар.

Освобожденный – это тот, кто мог так постичь Любовь, чтобы забыть о себе и служить только Ей, так и там, где укажет Светлое Братство.

И эта надпись угасла. Я думал, что все указания лично для меня окончены, как Владыка указал мне на крест, сиявший под звездой розовосиренево-золотым Светом, говоря:

– Милосердие не знает пределов, когда дает своим избранникам поручения. Читай еще одно, последнее указание лично тебе.

Я прочел загоревшуюся надпись:

Крест – не символ страдания. Он символ кармы, символ вечного закона Вселенной: причин и следствий. Твоя карма – не только с теми, кого ты лично знал, но и со всеми теми, чьих сердец коснулось и еще коснется слово твоего дара.

Отдавая слово миру, не в эмоциях и наблюдениях ищи ему вдохновения. Но в той Силе Света, что видишь и слышишь, что читаешь сейчас. Ее находи в людях, Ее вливай в изображаемые образы. Ею едини людей.

Так гласила последняя надпись, и, когда она погасла, прекрасная рука вновь повернула скрижали на те страницы, где горели надписи на языке пали.

– Взгляни теперь в сверкающие тона фиолетового цвета всех этажей. Ты видишь, что нет ни одного этажа башни, где бы не было лучей всех тех цветов, в расцветке которых ты видел светящиеся башни остальных лучей. Каковы бы ни были отрицатели, как ни упорны были бы они в своих предрассудках отрицания – Бог у них всегда в сознании есть. Если они даже отрицают для самих себя искренне, но дух их чист – они непременно имеют связь с этой башней. Все чистое, все доброе и все бескорыстное – от великого героя до скромного труженика – все вовлекаются, теми или иными путями, в огни этой башни. Нет ни одного самоотверженного поступка человека или зверя, который бы не отразился здесь и не был бы передан в вечную хронику слугами-духами этого луча. Со сказочной быстротой совершается здесь отражение земного поведения человека, если он действует во имя Бога. Подвинься ближе ко мне и рассмотри, что найдешь ты общего между всеми столь причудливо разнообразными этажами башни?

Я пододвинулся ближе к Владыке, в моем сознании наступило еще более высокое просветление, и я заметил, что сколько бы ни мчалось светозарных теней от башни или к башне, все они имели золотую звездочку, горевшую на лбу между глаз.

– Ты видишь у всех трудящихся здесь светящейся чакраму духовного

развития. Ни одно существо, не дошедшее в своем пути до просветленности, до понимания Вечности и служения Ей, не может войти в повышенные круги творческой жизни трудящихся здесь духов. Если даже люди прожили с пользой для своей современности, они остаются в цепи кругов того же развития, пока их дух не завоюет понятия «вечное сейчас». Проносая свой день, люди-отрицатели постепенно, с большим трудом освобождаются от своих предрассудков. Каждый отрицатель, в какую бы форму ни вылилось его отрицание потом, начинал с отрицания вечности. Приняв Ее, он уступал – под натиском просветляющегося духа – одну позицию отрицания за другой и, наконец, уже мог быть вовлечен в огни этой башни. Обряд, его великое укрепляющее и животворящее значение, спускается через огни этой башни к людям. Только для тех он несет свою животворящую силу, кто чистыми устами призывает в бескорыстии сердца имя Божие. Молитва действенная – это не просьба о себе, а славословие. Славословие, поданное человеком в полной радости, возносящееся в религиозном обряде, – это непобедимая сила. И такая молитва всегда достигает Бога через тех Его слуг, в округах которых она возносится. Теперь взгляни пристальнее на самого Великого Учителя этого луча. Не найдешь ли ты и в его окружении чего-либо особенного по сравнению с другими башнями?

Владыка взял обе мои руки в свою могучую ладонь, склонился к моей голове, и я увидел ниже фигуры Учителя целое кольцо светлых фигур, большинство из которых я не знал, но в самом центре кольца мгновенно узнал Ананду и Раданду.

– Это кольцо – ближайшие сотрудники Учителя Сен-Жермена, его помощники, выносящие отсюда силу Любви и Божественной Доброты и помогающие людям приспособиться в их обстоятельствах Земли к служению Истине и выполнению Ее планов. Это все, что должен ты передать людям о лучах. Силы твои приходят к концу, несмотря на всю мощь, какую тебе дают твои высокие покровители и лично мой магнетизм. Вот тебе пища. Мы уже давно не едим злаков Земли, но добываем себе пищу из эфира и электрических волн в пространстве. Всегда питаться нашей пищей ты бы не мог, но на некоторое время это тебя вполне поддержит.

Владыка дал мне нечто вроде огромного боба, на вкус приятного и такого питательного, что я и половины съесть не мог. Затем он дал мне запить прозрачной, как бы газированной водой из стакана, похожего на добрый кувшин, и вывел меня в комнату через другой балкон-туннель.

В комнате стоял диван гигантских размеров, Владыка уложил меня на

него и закутал шкурами все тех же серебристых лис. Последнее, что я запомнил, – предобрая улыбка Владыки, его благословляющая рука и слова, сказанные куда-то вверх, смысла которых я не разобрал. Только теперь, улегшись под теплые шкуры, я понял, как я устал.

ГЛАВА 27 Мое пробуждение в комнате с диваном. Возвращение в лабораторию. Беседа в ней с Владыкой. Божественное видение

Я проснулся внезапно, точно от толчка, как это нередко бывало со мною. В комнате разливался мягкий свет, но я никак не мог понять, откуда он шел. То мне казалось, что где-то стояла задекорированная лампа, то я начинал думать, что сюда проникает свет пустыни, но источник света оставался загадочным, а внимание мое отвлекали другие предметы необычайной комнаты.

Вопреки почти утвердившейся во мне привычке плохо разбираться в обстоятельствах при пробуждении, я сейчас отлично понимал, где я и что со мной, и точно помнил все, о чем говорил со мной Владыка-Учитель и что он мне показывал. Одно только исчезло из моего понимания – время.

Я рассматривал углубление, напоминавшее алтарь, в противоположной от меня стене. При входе в комнату – это я отлично помнил – этого углубления я не видел, и теперь понял, почему я его не заметил: тяжелый, из необычайной золотой парчи занавес, скрывавший от моих глаз алтарь, был в эту минуту отдернут.

В углублении, на высоте трех огромных ступеней, стоял престол такой же формы, как у Франциска, только громадный и весь белый. На нем возвышалась чаша, граненая, сверкавшая, как гигантский алмаз. И чаша, и престол переливались разноцветными огнями. По росту Владыки все это были небольшие вещи, но я сомневался, чтобы руки мои смогли удержать подобную чашу, даже при моей новой голиафовой силе.

Не успел я насмотреться на дивное алмазное сверкание престола и чаши, как внимание мое привлекла сверкавшая под самым потолком пятиконечная звезда. Она сияла ярко, и через некоторое время я стал замечать складывавшееся над нею огненное письмо. Сначала я думал, что на такой высоте ничего не разберу, даже если буду знать язык письма. Но, встав во весь рост на диване, легко прочел огненные слова на языке пали:

Тот, кто проявил героическое напряжение и чистоту сердца, – вошел в пламя Вечности.

И Вечность сожгла все его животное, возвратив ему все прежние его таланты.

И человек, став слугою-другом людям, станет слугою и Самой Истине

и принесет людям Ее Новое Евангелие.

Слугою Истине может стать только тот, кто научился любя побеждать.

Надпись погасла. Я сошел с дивана и склонился до земли перед престолом Владыки, моля Великую Мать помочь мне сделаться достойным слугой людям и выполнить волю Единой Истины, любя – побеждать и любя – творить только одну Ее волю.

В этом положении меня застал Владыка, поднял меня с земли и, крепко прижимая к себе, сказал:

– За все время моего существования на Земле никому еще не возвестила Истина своего избрания огненным письмом над этой чашей. А чаше этой – не мною сотворенной, но мною полученной от выше меня стоящих, – эоны лет. Только истинно смиренный и ясно осознавший место свое во вселенной мог получить здесь указание Огня. Оно равносильно второму крещению, крещению Духом и Огнем. Иди же путем, здесь, брат мой, тебе указанным. Будь смирен до конца и пойми в своем смирении, что ты избранник Божий. Помни: тяжел путь каждого пророка. А путь пророка, возвещающего Новое Евангелие, – вдвое тяжелее. Пойдем теперь отсюда, из этого «Святая Святых», но посмотри еще на стену, у которой ты спал, быть может, тебе откроется лик Владыки мощи, покровителя и защитника всех идущих полною верностью до конца в его луче мощи. Величайшее милосердие этого Учителя мощи не знает пределов; и только слабые духом воспринимают этого вождя суровым. Его внешняя суровость – защита именно тем слабым, что не имеют силы вынести его мощи. Ибо и мощь Милосердия должна быть встречаема мощью мужества человека, чтобы быть понятой.

Обнимая меня, Владыка подвел меня к дивану. Он отдернул тяжелую занавесь у изголовья, и я увидел на белой стене светящийся чудесный портрет Али. Он стоял во весь свой гигантский рост как живой. Черные кудри выбивались из-под белого тюрбана, в руках он держал сверкавшую чашу, точь-в-точь как на престоле Владыки, только несколько меньших размеров, с клубившейся в ней огненно-белой жидкостью.

Это был тот Али, что гулял и беседовал со мною в своем парке; тот же Али, которого я видел в аллее в К., на пиру в его доме, наконец, тот же Богочеловек, лик которого сверкал с высот белой башни. И... в тоже время это был другой, новый Али, которого я никогда не видел, и даже не мог предполагать, что его лицо может носить такое выражение ликующей радости, счастья, любви, кротости и той божественной доброты, что я видел на лице Великого Учителя Иисуса. О, как он был прекрасен! Я невольно опустился на колени и прошептал, склоняясь к земле:

– Славословлю имя Твое, Али, посланник Бога! Да будет славен каждый, кто, даже не зная Тебя, произнесет с надеждой и любовью имя Твое.

Владыка поднял меня, отер душистым платком катившиеся по лицу и не замечаемые мною слезы благоговения и сказал:

– Узнай истинное имя этого великого слуги Бога, Его воина мощи. Его зовут Мория, и, обращаясь к нему, отныне зови его так. Этот покровитель всего творящего не оставит и тебя в пути, и в доказательство его милосердия и помощи тебе он показал тебе здесь свой лик, которого не видел еще ни один человеческий глаз. Пойми крепко: нет чудес, есть только ступень знания. И сообразно этой ступени каждый видит то, что дух его видеть может.

Он вывел меня из комнаты, и мы снова вошли в лабораторию, пройдя внутренний туннель.

Я не мог бы с точностью описать, что произошло со мною внутренне. Но какой-то переворот снова совершился во мне. Не говорю уже о том, что зрение мое стало совсем ясно. Я видел все насквозь без помощи Владыки, видел горящие башни, всю деятельность на них, всю Жизнь, движущуюся в разнообразных формах и живущую в формах без движения. Я снова был слит со всей вселенной, с ее Творящим Началом. Я был в Нем, Оно было во мне.

И в то же время я точно сознавал, что был только крошечным колесиком Вечного Движения, гармонично вплетенным в Него, с сохранением полной самостоятельности мышления, движения, трудоспособности. В этой тесной связи со всем я был отдельной, свободной точкой сознания. И свобода моя была именно те легкость и пустота сердца, о которых мне говорил давно и часто И.: я жил освобожденным от страстей, от личных привязанностей.

Только сейчас я стал понимать счастье жить освобожденным, счастье быть творящей единицей Всей Гармонии. Радость звучала в моем сердце, и я понял великое название часовни, к которой привел меня Раданда, часовни Великой Матери: «Звучащая Радость».

Мне казалось, что божественно прекрасный и милостивый лик АлиМории сопровождает меня сейчас и в этой комнате, и он помогает моему новому сознанию усваивать уроки Учителя-Владыки.

«Мир-Вселенная есть часть Истины», – прочел ты в огненном письме. Эта кажущаяся недостижимо высокой знанию человека Земли часть Истины теперь раскрывается тебе как маленькое поле труда мировой божественной силы. Проследи эту свою последнюю жизнь. И ты увидишь, что в твоей

интуиции с самого детства все время жило глубоко запрятанное чувство, что тебе готовится путь иной, чем пути всех, тебя окружающих. Ты ничем внешне не отличался, кроме исключительных способностей, от пестрой толпы окружавших тебя людей. И все же ты знал, что какую-то миссию для этой окружающей тебя толпы ты должен будешь выполнить. То же знали и все пришедшие сюда с тобою братья твои... Почему мог ты об этом знать, вернее выразиться, почему в тебе жило именно это предчувствие? Почему лицо Мории поразило тебя при первом же мимолетном свидании? Почему тот, кого ты привык звать Флорентийцем, но чье имя на самом деле Венецианец, привлек в самое короткое время твою любовь не меньше, чем это мог бы сделать родной тебе отец? Да просто потому, что все эти великие слуги и самоотверженные сотрудники Истины давно уже готовили тебя к твоей миссии и учили тебя понимать Жизнь во всех Ее формах, видимо и невидимо трудящихся в двух планах: земли и неба. Но твой характер, склад твоей кармически изживаемой в это воплощение личности мешали тебе уносить – до времени – память о труде твоей вечной индивидуальности, память о ночных уроках на Землю. Самоотвержение И., оставившего для тебя и всех твоих спутников свои высоты, спустившегося в гущу бытовой жизни, чтобы скорее, проще, легче и веселее вывести вас, избранных Светлым Братством, для подвига труда и помощи современному человечеству, помогло вам всем найти, развить и укрепить в необходимой мере Гармонию между личностью и индивидуальностью, между текущей формой и Вечным, в ней заключенным. В своих произведениях откроешь людям в ряде художественных образов не только то, что смерти нет. Но и всю необходимость его личности для каждого, кто сходит жить на Землю. Личность – не зло, от которого можно отмежеваться или отмахнуться. Не навязанный кармический груз, от страстей которого можно стонать и жаловаться. Личность человека – это величайший из даров Милосердия, Свет, подаваемый каждому в той наичистейшей лампаде, которую все невидимые помощники округа могли соткать Вечному Огню человека, слив свои заботы и помощь Любви с его собственным трудом и любовью. Многие миллионы сознаний, где еще закрыт выход Духу, идут в материалистических идеях ума и живут в его крепости, не менее надежно запертые, чем те миллионы, что всю жизнь «ищут» духовных путей, а живут в узких рамках личного. Первые, отрицающие дух, часто бывают цельнее и находят выход к Истине скорее и легче. Вторые – «искатели» – чаще всего так и умирают в двойственности, ища в идеях и фантазиях, а в земном, сером дне живя в железных лапах личных желаний. Взгляни сюда.

С этими словами Владыка посадил меня у подножья зеленой башни, в

высотах которой сверкал дивный образ того, кого я привык звать своим другом и покровителем Флорентийцем, но кого теперь призывал сердцем как Великого Учителя Венецианца.

– Видишь ли ты в узкой полосе белых цветов постоянно обновляемое движение, тянущееся к самой груди Учителя и кончающееся огненнозелено-красными нитями? Ряд белых, прекрасных цветов вносят труженики белой башни Мории. Присмотрись... Целая толпа сияющих белых духов, видимых отчетливо тебе, но даже не всем братьям Светлого Братства известных, ждет своей очереди, чтобы вложить в совершенно определенный, гармонически точный белый рисунок свой цветок. Почему ждут эти самоотверженные труженики? И чего они ждут? Они ждут своей – вернее сказать, того, кому несут, – очереди и места. Вот из зеленого поля огня башни Венецианца отлетел труженик с белым цветком – силой мысли Мории – обратно к белой башне. Проследи его путь. Цветок на зеленой башне казался совершенно белым. Теперь, брошенный в белый горн огня, он вплеся в него зеленоватым рисунком и поплыл дальше, сияя и расширяясь, то есть принимая форму активной силы, как действие Мудрости, в Ее сочетании Силы и Такта. Дух новый созрел в человеческом существе для нового, повышенного служения своей отрасли труда. В образовавшееся пустое место зеленой башни очередной невидимый помощник вносит свой белый цветок – неустанно. Идет Жизнь – Вечное Движение в формах и без форм. Если ты понаблюдаешь все открывшиеся твоему взору башни Труда, ты увидишь тот же целесообразный и закономерный труд Гармонии на них на всех. Может ли быть хоть кто-либо забыт? Может ли хоть один человек быть обойденным? Может ли помощь к нему опоздать? Может ли небесный труженик остановиться в пути? Изменить по своему усмотрению путь несомого им человеческого сознания? Все движется в строго определенных каналах Мудрости, Ее полном милосердии. И все перемены внешней и внутренней судьбы человека – есть ответ ему на его зрелость. Готов человек – готов ему ответ Жизни. И этот ответ всегда целесообразен, хотя бы на бытовом языке он и оценивался «незаслуженным». Все люди молятся, взывают к Богу и Его святым, но большинство этих молений – пустая, суетная возня людей со своими собственными слепыми личностями, потому они и остаются не услышанными, без ответа и помощи. Наибольшее поношение получишь ты от этих неготовых, но считающих себя центром, умом Земли, людей. Ни одной катастрофы в жизни человечества не бывает попусту. Все они вызываются чрезмерным развитием конечного ума, нередко вступающего в сотрудничество с темными оккультными силами. Вступив в такое

содружество, значительная часть людей начинает мечтать о подчинении мира своей власти, старается выбросить в современность грубейшие из идей материализма, убить дух и живой Огонь в человеке – и катастрофа на земле назрела. Великая Жизнь вводит снова Свои формы в русло закономерности и целесообразности. То есть те слои человечества, где окостенение их духа столь велико, что в эти их временные формы уже нет возможности вдвинуть какую-либо цивилизацию и более высокую культуру, Жизнь уводит в иные слои Своих форм, давая им отдых, озаряя их окостенелое сознание новыми духовными волнами и снова возвращая на Землю как более гибкие и светлые формы, целесообразно соответствующие своей и общечеловеческой вечной эволюции. А люди, судящие все с точки зрения справедливости только одной Земли, говорят: война, эпидемия, голод, землетрясение, погром и так далее. Взгляни теперь сюда, присмотри пристальнее к красной башне. Уже в первый раз, как ты рассматривал и наблюдал работу невидимых ее помощников, ты понял, что отличительной чертой шестой башни – неповторимой больше нигде – было неустанное излияние самых разнообразных слоев и волн Любви на Землю через тружеников неба – слуг этого луча Любви. Их деятельность сплетается в орнамент, полный красоты и гармонии. Но в чем, собственно, состоит труд невидимых помощников луча Любви в отличие от труда всех остальных лучей? Почему этот путь – один из самых трудных для человечества? Все, кто достиг такой освобожденности, чтобы трудиться на этой башне-чаше, уже прошли те центральные круги духовного совершенствования, где живут понятия осуждения братьевлюдей. И не только осуждения или пересудов не знает сознание тружеников этого луча, оно не знает и временного благополучия, не знает закона справедливости – измышлений одной земли. Их сознание воспринимает только Вечное в человеке. К этому Вечному оно обращается и только этому Вечному помогает в каждой форме. Мужественная Любовь Владыки этого луча изгнала всю слабость из сознания своих сотрудников. Помощь этого луча – героическое напряжение, которое и сам этот Учитель, и все его сотрудники пробуждают в людях, закаляя их характеры в нем. Только те люди, которые перестали жаловаться на свою судьбу, перестали в своем сером дне возлагать надежды на помощь со стороны, свалившуюся им как протекция или опека, которых они считают себя «достойными», а дающих – «обязанными»; только те люди, которые достигли силы жить свой серый день в героическом напряжении, считая эту форму жизни самой простой и естественной радостью для себя, – идут лучом Любви. Одной из отличительных черт этих людей всегда бывает то, что они всюду вносят с

собою мир: умиротворяя своим примером героизма в сером дне, прерывая в своих встречных братьях-людях их, казавшиеся такими тяжелыми, драмы. Стихают не только все бури страстей, но даже недоброжелательство друг к другу стихает в их присутствии. В своей будущей литературной работе, к которой готовит тебя сейчас Великая Мать Жизни, пронеси сознанию людей в ярких чарующих образах – образах безвестных героев серых будней – эту новую героиню чувств и мыслей. Шаг за шагом указывай на мощь духовного развития в простых, обычных людях, что строят новые формы быта только потому, что их собственная в них живущая Любовь не знает разъединения, не знает смерти, а знает твердо и непоколебимо вечную смену форм Единой Вечной Жизни. Теперь взглядишь в кузнецов мощи духа первого луча и разберись, чем и как они отличаются в своем труде от кузнецов духовной мощи шестого луча.

Владыка посадил меня так, что я увидел точно приближенными друг к другу башни – белую и красную. Обе они как бы выступали на первый план, а все остальные горели ярко за ними. Но я понял, что на самом деле никакого изменения в размещении башен не произошло, а просто Владыка – силой своей неземной воли – помог мне фиксировать так мое внимание, что оно сосредоточилось на первой и шестой, оставив остальные башни, как и всю остальную вселенную, только существующими в моем сознании.

Этот опыт – по-новому фиксированного внимания – проходил тоже впервые. Где-то во мне мелькнула мысль, как многим я обязан помощи Владыки, но голос его прервал всякую возможность рассеяться.

– Ты видишь, что небесные труженики обеих башен, помогающие людям ковать силу духа, идут путями разными. В белой башне они идут по яркорозовому лучу. А в красной башне они идут по лучу бледно-розовому, испещренному белыми прожилками, сложившимися в сложный и прекрасный рисунок из белых молний – мыслей Мории. Все духовно мощные, идущие лучом первой башни, как ты уже знаешь, – творцы. Эти творцы имеют всегда определенную миссию: вести, пробуждать, организовывать толпу. Это вожаки земного человечества, устроители государств и политические реформаторы. Но это только те вожди человечества, те мудрецы, которые трудятся на благо своего народа или всего человечества. Их расширенное сознание не тонет больше в мутных волнах личного. Их любовь превращается в такую силу, когда они, не бросая якоря спасения сотне самоотверженных, имеют Дух-Огонь-Волю-Любовь обречь на смерть

– смерть временного – сотни, если знают, что самоотвержение этих сотен вынесет в своем героическом смертном стоянии в высшую волну

Жизнь в формах новых миллионов. Верность этих вождей не знает сердечного содрогания от ужаса временного. Они трудятся для Вечного, для его повышающихся форм, для неустанного выявления в массах новых, единящих людей идей труда и Света. Владыки и главы государств, вожди политических партий, преследующих цели общего блага, – все идут здесь. Это луч сил исключительных, выдающихся. Все ведущие – будь то деятели искусства или литературы, просвещения, авторы изобретений или открытий, охватывающие огромные массы людей своею деятельностью, – идут здесь. Их Любовь-Силу несет всегда Огонь. И нет для них лично никакого значения в том или ином быте. Они не умеются ни в какой «быт». Напротив, они почти всегда разрушители обывательских, привычных норм существования, потрясатели плесневеющей психики. Они, лично не заинтересованные в быте, являются необходимыми разрушителями для созидания обстоятельств, полноценно соответствующих своей современности. Что касается огненной Верности-Любви деятелей мощи шестого луча, то у них на первом месте быт, труд серого дня, семья и устои нравственности. Но этика этих деятелей не мертвая мораль, «принципиально» основанная на сухом велении мозга, где и доброта идет от ума, суха и до мелочи «обоснована». Этих тружеников мощи, любящих миротворцев мира, ведет Огонь их сердца по делам простого дня. Не суди о них по бытовым понятиям земли. Не думай, что они не годны для дел широких возможностей. Но их любовь так велика, что они немедленно спасают каждого, в данный текущий момент, в данных его обстоятельствах, прилагая все очищающие силы своей Любви-Мощи на то, чтобы помочь раскрепоститься человеку от его протестов против тех внешних обстоятельств, в какие он попал в это свое «сейчас» Вечности. И эта их деятельность, как избравших себе самый простой день, так заполнена мыслями о встречном, вернее сказать, о каждом из них, что для потрясающих и созидающих переворотов масс они быть использованы Жизнью не могут. Эти труженики несут на своих плечах всю тяжесть обыденщины, превращая серый день, убогий и бледный, в сияющий Свет своим встречным. Эти смиренные – истинно смиренны. Они точно знают свое место во вселенной. Потому-то мир их сердец переливается во все места, где они живут, как переливается через края огненная Любовь той чаши-башни, лучом которой они идут. Их правдивость, как и их Любовь, не принцип, а Огонь сердца. И творчество их, маленькое по масштабам, огромно по силе их помощи. Фиксируй свое внимание на том, что я сказал тебе: они помогают встречному сейчас, в его обстоятельствах, становясь на уровень его понятий. К какому же лучу стоят они ближе всего этой

стороной своего труда? «К третьему», – без слов отвечаешь ты мне. Быть может, и к третьему. Но я задал тебе этот вопрос только с той целью, чтобы ты твердо усвоил: нет в труде жизни отъединения, и быть его не может. Задачи шестого и первого лучей в их выковывании мощи ты проследил. Задачи шестого и третьего лучей ты сам назвал общими. А разве задачи второго, шестого, третьего и первого лучей не связаны? Разве задачи пятого и седьмого лучей стоят в стороне? Я тебе говорю все это для того, чтобы ты более не удивлялся и не потрясался, в каком облике увидел ты Владыку того или иного луча. Все слито воедино в каждом из этих совершенных людей, которых ты зовешь Богочеловеками и так воспринимаешь их в своем сознании. В гармонии их мощи, в гармонии их Огня они так освобождены от всяких страстей, что могут быть видимы одновременно многим сотням сознаний, каждому именно так, как ему это наиболее целесообразно, по его возможности. Тебя потрясает, что ты, считающий себя слабым и недостойным, избран для миссии столь великой. Не тебе судить, сын мой, тебе – повиноваться. Неси в смирении подаваемый тебе Жизнью вновь дар. Неси радость и легкость в своих встречах и мужайся в них. Все то из своей кармы, что было бы в тягость твоему новому таланту, что не могло бы позволить тебе внести Новое Евангелие серого дня в современное тебе общество, сожжено самой Жизнью. Жизнь дала тебе Великих в непосредственные наставники. Тех Великих, путь к которым люди ищут веками и находят редко. Еще раз повторяю: не тебе судить. Тебе – повиноваться. Ты не можешь еще понять всей закономерности и целесообразности труда Жизни. Но ты можешь до конца понять, что только радость – твой меч победы. Только с ним в руках ты можешь выполнить даваемую тебе миссию, заветом которой для тебя будут всегда слова, что ты сам прочел в огненном письме: «любя побеждай».

Владыка умолк. Взглянув на него, на всю его громадную фигуру и светлый лик, я увидел, что он как бы окаменел со сложенными на груди руками. Я боялся шелохнуться, чтобы не прервать его экстаза. Глаза мои, все время сохранявшие полное и ясное зрение, видели все ярко горевшие башни и непрерывный труд на них небесных тружеников.

Долго ли продолжалось молчание Владыки, я не знаю. Я уже говорил, что время для меня кончилось, как исчезло и пространство. Я жил только в Вечном, а сейчас только так и мог понимать и воспринимать все творившее и творившееся вокруг меня.

Внезапно я услышал тихий вздох и, подняв глаза на Владыку, был потрясен сияющим видом не только его лика, но и всей его громоздкой фигуры. Владыка сиял весь. Сияли его волосы, плечи, руки, глаза, лоб, шея,

ноги. Я отчетливо увидел в вихревом вращении его чакрамы, своим объемом отвечавшие пропорциям его сложения. Но по расцветке и блеску они показались мне еще невиданными.

– Встань, друг, – еле слышно сказал мне Владыка. – Милосердие не знает предела, когда готовит детей своих к подвигам любви на общее благо. Смотри за башни. Там увидишь и услышишь предназначающееся тебе для вечной памяти. Много жизней изживает человек. И вовеки ничем святым эти жизни не отличаются от окружающих их. Не потому, что в них на самом деле нет святого. Но потому, что святость человека малодоступна зрению обычных людей. Видят то, что могут. Чаще всего проблемы ума и морали, а не Истину, живую и вечно движущуюся в Святая Святых сердца избранника, видят люди. Приготовься принять в свое Святая Святых то Евангелие серого дня, что понесешь на землю людям как ряд новых, чарующих образов.

Владыка стал на колени, расстелил край своего хитона и помог мне опуститься на него подле себя на колени.

Я весь ушел вниманием, точно перенесся за башни, и увидел пустыню, глухую и мертвую. Через некоторое время в глубине пустыни закружился туман, как я видел на золотой стене в лаборатории Владыки. Туман слился в огромный шар, шар постепенно стал золотиться и принимать грандиозные размеры, закрыв собою все. Став совершенно золотым, он начал переливаться всеми цветами радуги, испуская лучи и кольца такой мощи и яркости, что вся земля и небо оказались охваченными ими, очутившись в самом центре колец и лучей. Шар становился все прозрачнее, от него отделилось несколько больших пятиконечных звезд, а самая гигантская из них взлетела высоко и замерла в своем ослепительном сиянии. Туман теперь совсем рассеялся и под сиявшей гигантской звездой я увидел нечто вроде сказочно прекрасного сада. На площадке в центре его – те же божественные, юношески прекрасные фигуры, которые видел впервые на стене Владыки.

Но теперь самая из божественно прекрасных, сиявшая, как солнце, фигура, стоявшая тогда в центре треугольника, стояла впереди, а три фигуры, тогда образовывавшие треугольник, стояли теперь в ряд сзади.

Первая фигура, несмотря на помощь Владыки, поставившего меня на свой хитон и покрывшего мне голову своим рукавом, сияла такой нестерпимой для меня мощью Света, что я сознавал себя на грани смерти. Ощущение у меня было такое, точно сам я умер и жило только мое сознание.

Рука Божественной фигуры протянула мне – точно выбросила в меня

сноп Огня, который меня опалил, – свиток древнего папируса. Три стоявшие сзади фигуры развернули его, и я прочел, легко и просто, три сверкавшие на нем надписи. Первая надпись гласила:

Ряд жизней не вскрывает сознанию человека его связи с Мудростью. Ее вскрывает всегда катастрофа, сжигающая животное в человеке. Он входит в Гармонию.

Эта надпись сверкала ярко-желтым огнем. Вторая, ярко-алоогненная, говорила:

Вошедший в Гармонию принимает дар посвящения. Ибо стал сам частью Любви.

Третья надпись, горевшая совершенно белым огнем, гласила:

Став Любовью, человек поднимает крест распятия на свои плечи. Идет в гущу жизни и несет людям Новое Евангелие, такое, так и там, где верность его следует за верностью ведущих его, где верность ведущих его следует за верностью Моею.

Идет человек, неся Новое Евангелие Земле, ибо стал Силой.

Надписи все погасли, фигуры Божественной Красоты закрылись туманом, туман снова слился в гигантский шар.

Я дрожал и был близок к смерти, как мне казалось.

Последнее, что я запомнил: Владыка укладывал меня на диван и укрывал шкурами.

ГЛАВА 28 Второе пробуждение в необычайной комнате Владыки. Что говорит мне живой портрет на стене. Еще одно Божественное видение. Последнее наставление моего Владыки-Учителя. Посещение Владыки-Главы, беседа с ним в его комнате и беседа в «Святая Святых

Я проснулся сразу, с чувством такой силы, радости и счастья, каких я, казалось мне, еще не знал. Насколько изнемогающим, в смертной усталости и бессилии, я был сюда внесен Владыкой, настолько же гигантски сильным я чувствовал себя в своем пробуждении. Так как время исчезло из моей жизни, то я не мог отдать себе отчета, который теперь час, утро или вечер, день или ночь. Не знал я также, сколько времени я спал, и еще менее понимал, как долго я нахожусь вообще во владениях Владык Мощи.

Я быстро вскочил с дивана, по ассоциации вспомнив, как поразил меня когда-то дорогой мой друг Венецианец, поднявшись мгновенно, упруго, как кошка, после своего непробудного сна в вагоне. Благословив то дивное время, когда я ничего не знал о Венецианце, а жил, спасаемый, ласкаемый и утешаемый, подле друга моего Флорентийца, послав благоговейное ему

мое приветствие, я взглянул на стену у изголовья дивана, надеясь увидеть там дивный портрет Али-Мории, так поразивший меня в первый раз сиянием счастья и мира, которыми я сам был переполнен сейчас.

На стене клубился туман, прикрывавший облик Мории; но его прожигающий взгляд достиг меня даже через эту завесу. На этот раз я воспринял молнию глаз Мории как луч радости. Еще шире раскрылось сердце мое к счастью, еще ярче я понял Божественные слова: «Звучащая радость». Я опустился на колени, в порыве любви и благодарности протянул руки к портрету и воскликнул:

– Мория, Мория, Мория! Я молил Жизнь, чтобы спасся каждый, кто с верой и надеждой произнесет имя твое. В эту минуту радостью сердца моего я благословляю тебя, Великий Учитель, за те слова, что сказал ты мне у озера, мне, жалкому, несчастному мальчику, каким был я для всех. Твоя же любовь, как и любовь Венецианца, как милосердие И., подобрали меня и помогли выйти на ту тропу, где я увидел радость и счастье на лице твоём, понял радость и счастье жить для блага людей. Да будет благословенно Светлое Братство! Да откроются пути радости жить и творить всем тем, к кому меня посылает Великая Мать. О, Мория, будь мне примером и вечной памятью о том, как я должен научиться одному: забыть о себе и думать о других.

Благословляя имя моего божественного друга, я склонился до земли перед клубившимся туманом, скрывавшим его портрет. Когда я поднял голову, на меня смотрело чарующее лицо Мории, уста его счастливо и ласково улыбались, чаша в руках сверкала всеми цветами радуги, и тихий голос, точно прямо в ухо мне, говорил:

– Мужайся, сын мой. Сказало тебе огненное письмо: «Идет человек, неся Новое Евангелие, ибо стал силой». И там, где встал ты на путь силы, там скрестился путь твой с моим. Никто не идет в одиночестве, а менее всего тот, кто несет людям завет новый. Но людей таких, чтобы приняли безоговорочно в цельной верности новый завет своей современности, мало. Большинство старается примирить слово новое на компромиссах со старыми предрассудками. И выходит у них халат из старой затасканной мешковины с новыми яркими заплатами. Они не чувствуют этого уродства, не страдают от дисгармонии, потому что их понятия о гармонии – детски. Устойчивости в них нет; и Вечным

– в Нем полагая весь смысл своего текущего сейчас – они не живут. Страдает от бурь и отрицания толпы больше всего тот, кто принес завет новый на землю. Крестное распятие предлагает гонцу неба невежественное человечество, вместо и благодарности и радости награждающее его

презрением и вульгарными насмешками. Мужайся, сын мой. Путь твой скрестился с моим – я пойду с тобою, неся свою силу в помощь тебе. Я опускаю чашу силы моей тебе на голову, и отныне, где бы ты ни был, что бы ты ни делал, как бы ни шли и куда бы ни вели пути твои, я всюду с тобою. Зови имя мое и помни: каждый труд твой – Я разделяю, в каждом деле дня – Я твой сотрудник. Никто не одинок и ты менее всех, хотя лишь ничтожная доля современников приняла труды подвига твоего. Единясь с людьми, важно помнить одно: не личность людей и ее истерзанные осколки подбирать, но заставлять – силою своей устойчивости и радостной верности – таять личность встречного человека. Пробуждать в нем мир и мысли о Вечности; стирать грани условного и единить его в высоком благородстве не только с собой одним, но так много пролить мира и удовлетворения в его сердце, чтобы он мог сам принять встречаемых им людей в свои братские объятия, ведя свое братство с ними от Единого в себе и в них. Подойди к алтарю. Тех, кого Истина посылает Своими гонцами, Она закаляет в единении с Нею. Моя любовь будет поручителем и помощью тебе в твоей последней беседе с Владыками Божественной Мощи.

Голос Мории затих, а рука указала мне на ступени алтаря в углублении противоположной стены. Я поднялся с земли, еще раз низко поклонился живому портрету Мории и взошел на ступени алтаря, радостно улыбаясь смешным усилиям, которые проделывали мои руки и ноги, чтобы влезть со ступеньки на ступеньку. Рассчитанные на рост Владыки, для обычного человека ступени были громоздки, как огромные обломки скал.

Остановившись на верхней ступени, я сосредоточил все свое внимание на белой чаше и воззвал к образу того божественно прекрасного Владыки Мощи, что бросил мне драгоценный свиток в снопе опалившего меня Огня.

Чаша, сверкавшая и раньше, теперь залилась вся золотым светом. Над нею, на стене алтаря, за клубился туман, вверху сверкнула звезда, и я увидел окруженную необычайно прозрачным светом фигуру юного Владыки Мощи, фигуру живого Бога, ибо я не умел назвать иначе этого покровителя Земли. Но не изнеможение, не желание закрыться от сверкания Божественного Света в Нем наполняло меня сейчас. Восторг, тишина Духа, какой я еще никогда не испытывал, тишина, которую могу определить только как Божественный мир, как желание выполнить все, что велит мне этот Образ живого Бога, выполнить до конца, быть верным до смерти, до смертного распятия, если оно закрепит в сознании людей то новое слово, что определила мне Жизнь передать им.

Вся стена, вся комната засияли, точно сюда ворвались лучи солнца. И в

этом свете, который шел от дивной сверкающей фигуры, я мог теперь разглядеть лицо, точно сотканное из самых прозрачных лучей, улыбку уст, доброту и сострадание которого не описать никакими словами, и услышал голос.

Но как описать этот голос? Он был нежен и мягок, музыкален и обворожителен, как свирель; и он же был мощен и звонок, будто вся вселенная должна была наполниться его раскатами.

«Строители Жизни – только те, что духом созрели и вышли из детских понятий страха смерти.

Каждый, дошедший до такого состояния, входит в число сотрудников Моих, независимо от внешних условностей, в которых живет на земле.

Избранники – не те, кого отмечает славой и почестями условность земная, но те, кто Дух свой слил с Трудом Бога.

Труд Бога и сотрудников Его имеет один признак, не всем людям видимый, но всегда видимый Светлому Братству: бескорыстие. По этому признаку Светлые Братья отыскивают сотрудников Моих в море лицемерия и страстей и берут их под свою опеку. Воспитывая их в законах Вечного, Светлые Братья вводят каждого из сотрудников Моих в ступень его, им самим сотканного избранничества.

Нет «способов» стать избранником. Духа высота горит в человеке видимо для Светлого Братства и часто невидимо для окружающих Моего избранника людей.

Владыки карм, зная силу Огня в человеке, соединяют в нем иногда в одном воплощении все «хвосты» прежних его карм; и идет человекизбранник умышленно закрытым от взоров Окружающих его людей. Видят в нем личность, грандиозную и поражающую, и не видят Меня в нем.

Тебе – путь иной. Вне очередных посвящений и ритуалов неси Евангелие Новое, будоражащее и закаляющее дух людей. Властью чистой радости расчищай костры мусора и предрассудков труда и работы, в которых, как муравьи, засели и погрязли люди, думая, что трус их есть неизбежное закрепощение, пока живут на земле.

Трудиться должен каждый, не привязываясь к труду, не ища в нем результатов, за которые награждают. Но славя в своем труде Бога и ближних. Труд человека есть славословие дню.

Внеси ясность и понимание, что труд есть радостная основа и свобода жизни. Внеси понимание нераздельности труда неба и земли, как и нераздельности жизни земли и неба.

Вся помощь, которую ты вместить можешь, дается тебе от Меня через

Светлое Братство. Внимая Мне и слугам Моим, Братьям Милосердия, неси день не как подвиг горя, но как счастливый человек, понимающий, что день жизни легок, что он есть сила сердца, то есть ни мысль, ни чувства не ощущают тяжести героического напряжения, но живут в ней легко и радостно, ибо видят меня и трудятся со Мною».

Не знаю, сколько времени сиял Свет, когда застлалась фигура Живого Бога туманом, – я не жил на Земле, я влился в струи Света – и счастьем прожитых в блаженстве минут нет названия...

Когда я очнулся. Владыка стоял за мною, держа обе руки на моей голове, и тихо говорил что-то, обращаясь к чаше, но я не мог еще ничего разобрать...

Владыка поднял гигантскую чашу с престола. Чаша вся горела золотом, кипевшим в ней и вокруг нее как огонь. Подняв ее высоко, Владыка сказал:

– По велению Твоему.

С этими совами, произнесенными на языке пали, он опустил чашу мне на голову. Я ощутил невероятной силы толчок и треск; как от удара грома сотряслось все мое тело, я был оглушен и ослеплен. Но это продолжалось одно мгновение, вслед за которым во мне и вокруг воцарилась та божественная тишина, которую я уже испытал у этого алтаря, когда увидел на стене сияющую божественно прекрасную фигуру.

– Тебе от Твоих, – тихо произнес Владыка, все еще держа чашу на моей голове.

Через мгновение он поставил чашу на престол, сошел со мною со ступеней и, остановившись перед ними, точно повинувшись неслышному и непонятному мне приказанию, так же тихо произнес:

– Да будет воля Твоя.

Я не знал, кому говорил Владыка, ибо в комнате сверкала только великолепная звезда, от которой бежали к Владыке мелькавшие в лучах светлые, золотые, менявшие форму мыслеобразы, которых читать я не умел.

Поклонившись низко все еще сиявшей звезде, Владыка приблизил меня к себе и сказал:

– Нет чудес, есть только ступени знания. И это знают все мудрые. Но, кроме ступеней знания, есть еще ступени Милосердия; и о них не знают не только обычные люди, но не знает и большая половина мудрых. Ступени Милосердия не открываются людям земли, ибо они редко доходят до истинной силы Духа, то есть редко на самом деле, в активной деятельности серого дня, живут в двух мирах, стоя в них в полном бескорыстии и славя

минуту текущей вечности. Через каждую ступень Милосердия ведет человека, если Божественные Владыки дают на то Свое повеление, кто-либо из высоких членов Светлого Братства. Неисчислимо количество ступеней Милосердия. И, однажды открытое человеку как восхождение к Истине, оно не прекращается для него никогда. Вступивший однажды на первую ступень Милосердия дойдет и до последней, кончающейся у ног Живого Бога на той планете, где человек живет. Для ступеней знания человеку нужны какие-то усилия, чтобы вскрыть в себе живущее уже там, но не сознаваемое еще ясно знание. Для ступеней Милосердия никаких усилий человеку не нужно: в нем читают очи Бога его чистоту и полное бескорыстие, и по этим признакам отдается Божественный приказ – всегда определенным членам Светлого Братства – ввести человека в ступень Милосердия, то есть помочь ему войти в путь труда и общения с Богом. Я сказал: ступеней Милосердия, неисчислимо количество. Если ступени знания людей всегда совпадают с трудом невидимых помощников семи лучей человечества, то ступени Милосердия никогда не идут для человека, подчиненные каким-либо законам, установленным для человечества. Очи Бога той планеты, где живет человек, обращая взор Своей силы на человека, вырывают его из всех условий его бывших карм, сливают его с Собой и кладут на него венок Своего сотрудничества, а люди говорят о нем: святой, мученик, угодник, герой. Чтобы очи Бога почтили на человеке, он должен обладать, при своем бескорыстии и чистоте, еще и полным самообладанием. Если видишь людей, владеющих в полной мере своими органами и своим характером, то есть людей, совершенно освобожденных от давления личности, то всегда точно знай: это люди, идущие ступенями Милосердия. Перед каждым человеком раскрыты все дороги Жизни. Ты понял, что нельзя избрать человека по его кажущимся признакам добродетели. Его можно только ввести в те слои вибраций Гармонии, что в нем живут, невидимо для людей и видимо для очей Божественных. На какую из ступеней Милосердия ступит нога человека – то определяется силою воли человека. Сила воли Христа или Будды зависела от их полной освобожденности, и очи Бога могли вызвать их для жизни и действий на последней ступени Милосердия, где настало их полное слияние с Богом. Вникни еще в одно указание, что повелел мне растолковать тебе Великий Бог, Господь нашей планеты – Санат Кумара.

Владыка стал на колени и коснулся челом первой ступени престола. Вся фигура его выражала благоговение и счастье, в которых он произнес Божественное имя. Я последовал его примеру, шепча чудесное имя и славя Его всем сердцем за все излитое мне Милосердие. Поднявшись с колен,

Владыка, сияя всей своей фигурой, продолжал:

– Никогда, нигде и ни перед кем не произноси этого Божественного имени без особого на то указания. Настанет время, и все, что ты испытал здесь или вообще в своей жизни, будет указано тебе передать людям. Только для этого шла, идет и будет идти вся твоя жизнь, только для этого пришел ты сюда. Но тот, на ком почил Очи Бога – выведя его из всех общих законов движения людей, взяв его в Свои непосредственные сотрудники, – должен жить не на земле, а в двух мирах, четко понимая, что живет в мире неба, а трудится мире земли. Имя, открытое тебе здесь, носи всегда живым в своем сердце, обращай к Нему свои молитвы и, держа за руку Учителя, ближайшего наставника и помощника, с ним идя в труде земли, знай, с Кем, где и как сотрудничаешь. Это все, на что получил я веление открыть, вернее сказать, растолковать тебе. Лично же от себя прибавлю: будь благословен не только как человек, с которого начинается круг наших – Владык мощи, так долго зажившихся на земле,

– освобождений. Будь благословен как избранник Божий, как часть Силы, подаваемой людям для их ускоренного освобождения. Прими мое благословение, друг и брат. Все, что было мне определено передать тебе, я сделал. Сейчас я получил приказ отвести тебя к старшему брату моему, к тому, кого ты зовешь Владыкой-Главой, – закончил он, и на устах его скользнуло нечто вроде юмористической улыбки, преобразившей неожиданно это всегда серьезное лицо, серьезное даже при улыбке и выражении чрезвычайной доброты, столько раз проявленной мне за время моего пребывания у Владыки.

Поблагодарив моего Милостивого Учителя за его благословение и за все, что он для меня сделал, я только хотел обратиться к нему с просьбой разрешить мне войти еще раз в его лабораторию и взглянуть в последний раз на горящие башни, как он, прочтя мое желание, сказал:

– Войди, друг. Ты можешь еще раз посмотреть на башни и их Владык. Можешь еще раз принести им и их труду благословение и благодарность, но ты ошибаешься в одном: для тебя – как и для всех тех, кто вошел в этот дом с тобою, – нет больше нигде и ни в чем «последнего раза». Если Божественный Владыка Санат Кумара вводит кого-либо в Свое сотрудничество, то все знание и откровение, которое дается человеку по Его приказу, остается в сознании человека навеки. Человек, посвященный Им Самим, идет по ступеням Милосердия и уносит Огонь Знания с собой всюду, где и как ему будет определено жить. Башни всегда будут гореть перед твоим ясным взором, и ты все дальше и больше будешь постигать величие Труда Бога и Его сотрудников на земле. Но войдем... Сердце твое

так переполнено благодарностью и благоговением, что даже от святых чувств ему надо освободиться, чтобы в нем громко Звенела «Звучащая Радость», и только таким, совершенно свободным, устойчивым, уравновешенным, в полном самообладании и уверенности, можешь ты войти для свидания с Владыкой-Главой.

Со своей предоброй улыбкой Владыка ввел меня снова в лабораторию. Я видел все ясно: башни сверкали, казалось мне, еще ярче, чем когда я видел их впервые; за ними я видел беспредельную пустыню и... знал уже, что в центре ее лежит дивный остров с садами, знал, Кто обитает там... Я преклонился, благословляя всю вселенную, благословляя Труд Бога и людей, благословляя их скорби и радости, их любовь и слезы, их веру и надежды, их труды и разочарование...

– Пойдем, друг, Владыка-Глава ждет нас, – чуть юмористически произнес Владыка, делая ударение моем названии «Владыка-Глава».

Я обвел взглядом грандиозную комнату, и поневоле чувство прощальной грусти вырвалось в моем вздохе.

– Чудной мальчик, – тихо сказал Владыка. – Ты поистине дитя и даже не понял, что для тебя нет «прощания». Я буду с тобой всегда, так как нас с тобой связало То, выше Чего на земле нет ничего, и Оно благословило наш нераздельный труд для блага братьев земли. Ты будешь приходить сюда часто и здесь будешь пополнять свои знания и закалять свои силы. Как ты будешь приходить сюда о том скажут тебе твои ближайшие наставники. Не упреждай событий. Живи и действуй так активно, как если бы ты жил свои последние часы, и неси людям всю полноту чувств, не думая ни об одной следующей минуте, зная, что есть только одна протекающая минута Вечности.

Владыка прижал меня к себе, я горячо прильнул губами к его огромным, прекрасным рукам, еще раз оглянулся на всю необычайную комнату, и мы вышли на лестницу, чтобы спуститься в нижний этаж, к Владыке-Главе.

Я поразился сам, как легко я шагал по грандиозным ступеням. Когда я поднимался в седьмой этаж, несмотря на помощь Владыки, мне было трудно: сердце мое билось и пот градом катился по щекам. Теперь же, хотя спускаться по всякой круче гораздо труднее, я прыгал легко, чувствуя в себе силу льва. Мне казалось, я мог до бесконечности совершать это прыжкообразное путешествие, и был удивлен, когда Владыка остановился и сказал:

– Мы пришли. Вспомни в одно мгновение все, что ты унес в сердце и в сознании за время своего пребывания у меня. И в полном самообладании, о

котором ты читал в Огне и о котором я тебе говорил, войди к старшему брату моему.

От слов Владыки огромная волна радости, точно вал океана, прокатилась по мне. Еще раз я осознал, какая грандиозная перемена совершилась во мне. Зрение, слух, физическое тело – все было легко, гибко, ни в чем я не испытывал затруднений и даже представить себе не мог, чтобы слабость закралась в какой-либо орган моего проводника. Поразило меня только то, что я видел все вовне сквозь стены здания, но внутренняя стена, охранявшая лабораторию Владыки, была для меня непроницаемой. Читавший мои мысли, как открытую книгу, Владыка сказал мне, улыбаясь:

– Ты встретился на опыте с главнейшим из духовных законов: нет тайн и преград в делах движения духа. Есть только сила духа и его чистота, в самом человеке живущие. Ты видишь все там, где духом поднялся и овладел. Но там, где сила духа твоего ниже сил встречаемых тобою факторов, ты ни видеть, ни слышать не можешь. Будь готов!

Предостерегающие слова Владыки не успели отзвучать, как дверь бесшумно отодвинулась, открывая перед нами зияющее пространство, все охваченное огненной рамой. Через такую же огненную раму я видел вошедшими сюда Владыку-Главу и Андрееву, когда мы впервые входили в лабораторию стихий. Только теперь, мне казалось, огонь дверной рамы бушевал гораздо сильнее. Мне самому было удивительно и странно, что огонь рамы не утешал, а радовал меня, возбуждая во мне энергию. Мысль об этом мелькнула, я произнес имя: «Мория» и одновременно с Владыкой переступил страшный порог. При первом же шаге в комнату Владыки-Главы я услышал треск и как бы раскат дальнего грома; но все вокруг было заполнено туманом, и я не понимал, ни откуда идет гром, ни где я, не знал даже, тут ли мой Владыка-Учитель. Я остановился, полный радости и силы, и еще раз тихо произнес: «Мория».

– Почему тыходишь ко мне, друг, произнося это имя, когда ты знаешь имя более могущественное, имя Великого, пославшего тебя сюда?

Передо мной в рассеянном тумане стоял Владык Глава, и это его голос я услышал среди густого тумана.

– Привет тебе, Владыка-Глава, – ответил я, – Прости, что я называю тебя так, но иного имени твоего я не знаю. Я назвал священное для меня имя Мории, имя Учителя, так много помогавшего мне в жизни, только потому, что имя Божественное – навсегда живущее теперь во мне – не смел произнести громко. Прости, если я поступил не так, как следовало.

– Войди, друг, будь здесь не гостем и не учеником, но четко сознавай себя частицей Единого, для труда и служения которому ты сюда вошел, и

во мне зри тоже только частицу Единого. Все те, кто мог увидеть Божество Земли, приносят Его труд не только в те места, где они сами живут, но и во все души человеческие, готовые принять новое слово, посылаемое им Богом через своих гонцов. Во имя Единого Бога я приветствую тебя, и да сойдет Его благословение на наш взаимный труд.

Владыка-Глава взял меня за руку, и я увидел, что комната, где я стоял, была вовсе не похожа на лабораторию моего Владыки. В ней не было столов с башнями, а стояло множество шкафов с книгами, несколько письменных столов и какой-то один грандиозный прибор, пожалуй, по своим размерам тоже напоминавший башню.

Не успел я оглядеться, как Владыка-Глава снова спросил меня:

– Что же ты не приветствуешь свою подругу? Ведь ты немало думал о ней, когда спускался сюда?

Я недоумевающе оглянулся на Владыку, так как не видел нигде моего дорогого друга, Наталью Владимировну.

Звонкий смех донесся ко мне откуда-то сверху, и, наконец, я различил ее, тучную и плотную в моей памяти, – казавшуюся сейчас крохотным ребенком. Зарывшись в горах книг, она сидела на одной из высоченных полок, куда ее, очевидно, посадил Владыка-Глава. От всей ее фигуры шел свет, которого я раньше в ней не замечал, и даже смех ее показался мне особенно мелодичным, лишенным всякого сарказма, так свойственного ей прежде.

Владыка-Глава подошел к полке – и в один миг Андреева стояла рядом со мной. Посмотрев в ее лицо и глаза, я застыл от удивления и не мог произнести ни слова. Перемена в ней была для меня не переменной, каких я в ней уже немало видел, но целым переворотом.

Все в ней как будто было то самое, что я хорошо знал; и вместе с тем все было незнакомое, высокое, святое. Глубочайший серьез, доброта и свет мира лились от всего ее образа. Я смотрел на нее во все глаза, она, в свою очередь, молча глядела на меня и покачивала головой.

– Подойдите сюда, друзья мои, – раздался снова голос ВладыкиГлавы, который сидел на широком кресле и указывал на места возле себя на высокой скамье, которая была для него крошечным возвышением, вроде порожка. – Скоро все вы, вместе вошедшие в этот дом, также вместе и выйдете из него, чтобы рассыпаться по земле для блага и счастья людей. Каждый из вас знает точно свою миссию; и для каждого из вас было сделано все, как повелела Божественная Сила. Одного тебя было УГОДНО Провидению, – Владыка обратился ко мне, – посвятить не только в знание Труда Вечного, но и в полное понимание психологических задач

современного тебе человечества. За этим последним ты и пришел ко мне. Что первое из великих истин, данных тебе для новой проповеди, ты должен раскрыть людям, помимо того, что тебе уже растолковал Владыка – брат мой?

«Первая истина, которую проповедуй в своих новых произведениях: только тот человек может войти в полное понимание своей роли на земле и смысла своей земной жизни, кто в своем куске хлеба не видит горечи, то есть в ком исчезло окончательно чувство зависти.

Тому, кому еще свойственны сравнения своей судьбы с судьбами других, нет места в предстоящей деятельности людей будущей расы. Полная радостная самостоятельность и независимость каждого есть осто́в будущего человечества.

Как к этому приходят? Через полное освобождение от страстей, что ты опознал не только умом, но и в активном действии. Проводи практически, на чарующих образах, в жизнь разума и духа людей эти понятия.

Второе: Нет места двойственности в земной жизни человека, когда он разбивается между служением Богу и мамоне.

У освобожденного – нет места компромиссам. Есть кусок хлеба и труд, которые всегда славословие дню. Разрыв в психике, вопрос: «Как соединить то и другое?» – это только личности одной земли зов.

Ты же вноси понятия единственной возможности: радостно жить: войти духом и мыслью в неразрывную жизнь двух миров.

Третье: Нет религий как навязанных устоев морали, жердей и подпорок, костылей и палок Света, чтобы ими подпирать быт земли: этим путем идут только в еще большее закрепощение.

Есть неизбежное и для всех вечное правило: определить свое отношение к Богу и религии как к единственному закону Жизни, который каждый устанавливает для себя сам. Помогай сбросить предрассудок, что закрепостившись в материалистической башне, можно составить себе свободное существование. Свобода – сам человек, его вскрытый Бог. Извне свобода не добывается – Она есть Гармония.

Четвертое: Не проповедь носи, но Евангелие Новое. Какая и в чем здесь разница? Проповедь есть знание, не подкрепленное собственным примером. Она может быть велика, но она не является словом Бога, передаваемым гонцом Земле.

Со словом Бога, передаваемым Земле, то есть с Евангелием Новым, идет гонец, получающий силу жить самому так, как звучат передаваемые им Слова.

Даже смерть не может остановить или поколебать гонца Бога. Он в

человеке и человек в нем – все слито воедино.

Пятое: Слово мира и любви ты понесешь людям не как возобновленный догмат. Ты будешь учить людей жить без догмата, имея Живого Бога мира в сердце.

Пытайся разъяснить тягчайшее заблуждение: жить духовно по указке другого.

Человек будущего должен жить в полной свободе, то есть в полном раскрепощении. Как самостоятельность в хлебе и труде, так и самостоятельное развитие в Духе и Огне необходимы будущему человеку, психические чувства и силы которого будут легко развиваться. Но условием для их цельного и истинного развития должна быть полная устойчивость в своей самостоятельности, что равносильно непоколебимой верности.

Через определенные периоды времени, Самой Жизнью устанавливаемые, выбрасываются ею новые лозунги людям, по которым – как по ступеням лестницы

– люди поднимаются к высотам, которые кажутся им приходящими извне. На самом же деле Любовь, зорко следящая за развитием сил людей, видит тот момент, когда человечество может двинуться вперед, и шлет ему своих пионеров, помогающих сжечь предрассудки старого и начать новый цикл восхождений».

Окончив говорить, Владыка-Глава встал, подошел к Наталье Владимировне и, положив ей на курчавую голову свою огромную руку, продолжал:

– Кончай теперь изучение тех последних томов, что тебе еще остались, и не забудь данных тебе записей, – с этими словами он посадил ее снова на полку, где я застал ее при входе в комнату.

Движения Владыки-Главы были при этом совершенно такие же, какими мой Владыка-Учитель пересаживал меня, – точно она была без веса, как перышко или орех.

– С тобою же, друг, у меня будет особая беседа, которая не только предназначается одному тебе сейчас, но о которой ты никогда и нигде не упомянешь. Ни один человек не услышит от тебя ни единого слова из нашей беседы, как бы высоко он ни стоял в твоём мнении и в его месте во вселенной, если на то тебе не будут даны особые указания. Молчание, указанное ученику, есть та же верность, через которую он подходит к своему посвящению. То не тайна, но тот огонь Духа, что может быть пролит с пользой только так и там, где указан. При нарушенном послушании ученика он может сжечь и разрушить задачи Жизни вместо созидания.

Владыка быстро прошел через свою огромную комнату, открыл дверь в стене, в том месте, где находилась комната с диваном у моего Владыки Учителя наверху, и пропустил меня перед собою в ярко освещенную комнату. Она ничем не напоминала той комнаты, где я дважды спал под шкурами серебристых лис.

Престол-алтарь находился здесь прямо против двери. Он был огромен, во всю высокую стену, и на нем стояли семь громадных чаш, горя и сверкая всеми цветами горящих башен. Над каждой из чаш, точно живой, сиял вделанный в стену портрет Учителя того луча, цвет которого она отражала. И в руках каждого из Учителей сверкала чаша его цвета.

Все так сверкало, переливалось в дрожащих лучах, представления о трепете которых не мог бы дать самый драгоценный волшебный фонарь, что я, пораженный дивным величественным зрелищем, упал на колени, славя имя Бога.

– Ты прав, сын мой, здесь обитает Сама Жизнь, и в непрестанном трепете лучей ты видишь воочию Ее вечное движение.

Владыка поднял меня с колен, прижал меня, дрожащего и ошеломленного, к себе и продолжал:

– Много раз уже Жизнь выбирала человека для миссии Своей любви, помощи и спасения людям. Многим подавался Ее зов, но не все могли его принять. Некоторые из тех, кто его принимал, не имели сил верности поднять его как крест радости на свои плечи. В эти минуты, когда ты стоишь в Ее Святая Святых, не думай о том, хватит ли твоей верности, чтобы пронести Ее крест. Не думай о предстоящем подвиге, о том, что будет, когда ты выйдешь отсюда. Думай только о высочайшем счастье: внимать сию минуту голосу Бога. Внимать Ему, забыв о себе, раскрыв всю сердца чистоту, всю радость, чтобы каждое слово Его могло запечатлеться в сознании твоём навеки.

Владыка опустил вместе со мною на колени, и началась его со мною беседа.

Я еще не получил указания рассказать кому бы то ни было об этой беседе, а потому здесь я опускаю занавес моего благоговения.

ГЛАВА 29 Башня стихий природы в лаборатории Владыки-Главы. Его объяснения мне и башня стихий в пространстве. Стражи стихий, их труд и роль в передаче творческого вдохновения. Великий Учитель Маха-Чохан. Его роль в мировом труде. Последнее наставление Владыки-Главы мне и Андреевой. Наш выход из лаборатории стихий и новая встреча с И.

Окончив беседу, Владыка-Глава снова пропустил меня впереди себя в

свою лабораторию. Дверь священной комнаты закрылась, стена слилась в одно целое, и никто не сказал бы, что она открывалась и пропускала нас.

Подведя меня к единственному во всей его лаборатории прибору, башнеподобному и грандиозному, Владыка сказал мне:

– Ты видел горящие башни Энергии и Любви. Ты видел на них сотрудников – тружеников неба и земли, видел неразрывную связь неба и земли в труде вечного. Тебе предстоит увидеть еще труд Единой Жизни в Ее слиянии со стихиями природы. И здесь, как во всем Труде Вечного, нет чудес; есть только знание. Ты видишь на этом приборе семь этажей. Четыре нижних этажа отражают в себе Жизнь в Ее четырех стихиях: огня, воды, воздуха и земли. Самая яростная и действенная из стихий – огонь. Эта стихия, весь труд ее Владык, отражены в самом нижнем этаже башни, который ты сейчас видишь золотым и спокойным, так как деятельность его скрыта от твоих глаз. Гляди на эту часть башни, и ты увидишь ее просыпающуюся для твоих глаз деятельность. И еще раз пойми и запомни: можно стоять у источника Жизни – и не видеть его. Поэтому в предстоящих тебе встречах Земли никогда не удивляйся, когда люди будут слушать твои слова и не слышать, то есть не понимать их смысла. Будут читать твои произведения, выбирать то, что им будет нравиться, и пожимать плечами на все остальное, что они будут связывать с твоею, им не нравящейся или им непонятной личностью и говорить: «Мало ли кто и что выдумывает?» В этих случаях ты помочь людям ничем не сможешь, так как их глаза еще не пробудились – и потому видеть не могут.

Владыка взял один из семи небольших молотков, лежавших на столе у башни. Молотки все были одной формы, одного размера и по виду одного золотого цвета. Но как только Владыка взял крайний молоток в руку, он показался мне куском горящего огня в форме молота, во много раз превосходившего размерами виденный мною незадолго перед этим на столе молоток. Я поразился, как мог Владыка держать в руке такой грандиозный горящий молот, одно прикосновение к которому, казалось, грозило немедленно испепелить человека, как вдруг услышал его изменившийся громкий голос:

– Только бесстрашный может приблизиться к престолу труда Твоего, Великий Владыка. Бесстрашного защищает чистота его верности Тебе, и Огонь Твой не сжигает его, но вводит в Вечное знание, Тобою Одним открываемое.

Еще звучали в ушах моих слова Владыки; еще я весь был под обаянием его изменившегося голоса и особенной силой дышавшего взгляда, как рука его коснулась моей, вложила в мою ладонь горящий

молот. Указывая мне на выступ в стене, к которому в одно мгновение он меня перебросил, он властно приказал мне:

– Бей молотом Любви и радуйся счастьем жить еще одну минуту в полном действии чистого сердца, в сотрудничестве со мною, пред лицом Живого Бога.

Я не ощущал ни палящего огня, ни тяжести молотка, я весь был воплощением радости, залившей меня всего, как в часовне Великой Матери. Сколько было сил моих, я ударил по указанному мне выступу стены, прошептав: «Великий Живой Бог Санат Кумара, во имя Твое жить и действовать – да будет единственной целью моей жизни».

От своего удара по выступу стены я содрогнулся сам, дрогнула вся комната, искры закрыли все вокруг меня. Рука Владыки взяла у меня молот, который я теперь держал двумя руками. Искры рассеялись, вся стена горела ярким огнем. За мною на столе нижний этаж башни также весь горел красным пламенем.

Положив руку мне на темя, Владыка молча указал мне сквозь стену. Я увидел пустыню, в самой мертвой части ее увидел прекрасный сад и в глубине его – на одно мгновение – увидел Того, Чье имя произнес, ударяя в стену, увидел Его благословляющую руку...

– Вот горит в пространстве башня стихии огня, – услышал я голос Владыки и увидел в пространстве высокий и широчайший столб огня, вырвавшегося из земли, точно из гигантского кратера. – Видишь ты движущиеся огненные фигуры? То духи стихии огня, труженики, весьма редко видимые людям, но четко видимые всем освобожденным. Они крепко связаны в своем труде со всеми тружениками неба. В каждом округе Вселенной есть свой Владыка округа, всегда высокий член Светлого Братства. Ему подчинен труд всех людей, животных округа и всех тружеников четырех стихий, как и вся жизнь растений Земли и весь труд невидимых помощников округа. Ты видишь, что из глубоких недр Земли труженики огня выносят куски пламени. Вглядись, куда прежде всего несут они куски огня Земли?

Я внимательно рассмотрел горевший нижний этаж башни. Он был, в свою очередь, разделен на четыре этажа и во всех четырех я видел деятельность трудящихся человекоподобных духов.

Я стал следить за работой огненных существ и увидел, что все они были разные. Были более яркие и более бледные. Были больше и меньше по размерам; были яростно рвавшиеся, неукротимые, все в пламени, и были нежно и осторожно несшие огонь.

Наиболее яростные, самые большие труженики, выбрасывали целые

костры огня, который не поднимался наверх. Он пылал и клокотал, как взбаламученное море на Земле. Сбросив огонь с себя, точно отряхивая горящие струи у основания пламеневшей башни, самые большие духи ныряли в недра Земли. Они определенно периодически скрывались в них и вновь подымались к основанию башни, нагруженные снопами бушевавшего огня.

Вся их деятельность состояла в добывании огня в недрах Земли и в сбрасывании все новых и новых снопов его в клочущее огненное море. Лица их были мрачны и действия сосредоточены, сами они багровы.

Духи меньшего размера и более легкой формы в первом этаже башни разбирали струи пламени. Они точно граблями расчесывали его, растягивали в правильные ленты и доводили эти огненные ленты до второго этажа. Там духи формы еще более легкой и прозрачной, размеров меньших и менее багровые, с большей примесью фиолетового, розового, оранжевого и желтого цветов в своих телоподобных формах, свивали ленты в нечто вроде канатов – снопов красного цвета, вплетая в них упомянутые мною тона огня, сверкавшие в их формах.

Еще этажом выше ловкие, легкие огненные служители вплетали в канаты нити зеленого, синего и белого огней всех тонов и оттенков. На самом же верху очаровательные, веселые, смеющиеся духи, прелестного огненного, мягко сверкавшего цвета с большой примесью золота отрывали от продвинутых в их этаж канатов крошечные кусочки и мчались с ними, высоко поднимаясь над своей башней к горевшим в пространстве башням лучей.

В работе чудесных огненных тружеников наблюдалась строгая закономерность. Некоторые брали кусочки огня только с одной стороны башни, другие – с другой стороны, никогда не переходя границ, кем-то установленных для их труда.

– Не раз повторяли тебе и за время пребывания твоего в этой лаборатории, и раньше, за время жизни у И., что в труде Жизни нет отъединения – все слито, все в гармонии. Ты видел, как трудятся для блага и спасения людей на башнях лучей. Теперь ты видишь, что башни лучей – уже дальнейшая фаза труда Творца, защитника нашей планеты и Его сотрудников. Выбрасываемый Огонь Творца подбирают Его сотрудники стихий и несут к башням лучей, уже сотканным их руками так, как указали Владыки карм. Мы, Владыки мощи, живем в тесном творческом единении с ними и помогаем им создавать психическую силу для каждого из людей, читая их Вечную Хронику. В каждом этаже башни стихий есть свой сонм Владык карм. Они получают непосредственные указания от Верховного

Владыки, заведующего всеми пятью лучами, от третьего до седьмого, по которым идет все человечество свой земной, восходящий путь. Здесь, на башне стихий, вкладываются по их указаниям в сознание будущих людей именно те силы природы и огня Земли, которые определяют свойства людей. Люди зовут их в будущем мореплавателями, военачальниками (если они используют истребительный Огонь), воздухоплавателями, испытателями и бесстрашными исследователями природы, неба, звезд и морей. Отсюда – по первоначальным указаниям Владык карм с башни стихий – переносят духи стихий элементы Начал к башням лучей, и там, руководимые Владыками карм текущих циклов жизней людей, труженики неба подбирают и проносят элементы Начал с башни стихий. Их труд ты уже не раз видел, теперь видишь его яснее в связи с трудом башни стихий и понимаешь ясно: связь всех начал жизни воедино заложена в каждом живом существе.

Владыка помолчал некоторое время, как бы давая мне глубже вникнуть во все происходящее передо мною.

Уже созерцание грандиозных башен лучей, показанных мне первым Владыкой-Учителем, наполнило меня благоговением и трепетом перед Мудростью. Величие же того, что я увидел сейчас, – глубочайшая закономерность и целесообразность Труда Жизни, Любовь и забота о каждом существе, сонмы беззаветно любящих, бескорыстных тружеников, имевших одну цель: благо людей,

– заставило меня застыть в благоговении, и я невольно воскликнул:

– О, как прекрасна Жизнь!

– Да, сын мой, ты прав, прекрасна Жизнь! – тихо сказал ВладыкаГлава.

– И несмотря на неусыпные заботы Жизни о людях, ты сам знаешь, как редко на земле человек бывает счастлив. Как редко в его сознание проникает мысль, что единственная непобедимая сила – это радость. И еще реже ты можешь встретить на земле освобожденное существо, утвердившееся в знании, что каждый верный сын жизни должен нести встречному радость и оправдание в своем сердце. В безумии своем, отъединяясь в своем эгоизме от людей, человек чувствует себя одиноким; а сливаясь с ними в личных связях, называет жизнь свою полноценной. Ты же сейчас понимаешь, что ни те, ни другие не могут найти пути к освобождению, то есть пути к Истине. Ибо лишь те его найдут, кто на самой Истине, в себе носимой, ищет единения с трудящимися земли и неба. Взгляни теперь на труд Владык стихий воды, воздуха и земли.

Владыка взял тройной золотой молоток, лежащий на столе, и в его руке он принял вид огромного трехголового молота, сверкающего

фосфорным, золотым и белым дрожащим огнем, сплетавшимся в змеевидные кольца и клубни. Вложив мне и этот молот-трезубец в руку, Владыка передвинул меня несколько правее, указал мне на нечто вроде наковальни, горевшей как золото, и сказал:

– Бесстрашному и верному до конца – Твой призыв до конца. Прими сына, Тобою призванного.

С этими словами он указал мне еще раз на наковальню. Я ударил по ней, призывая великое имя Живого Бога Санат Кумары. Раздался треск, как бы подземный грохот, шум, точно буря на море, и вой ветра, напоминавший мне содрогание маяка матери Анны в самые страшные минуты бури в пустыне.

– Все во славу Твою, Господи, ибо все – Ты, – прошептал я, едва устояв на ногах от своего удара.

– Да, сын мой, ты еще раз прав. Все – Он, Всеблагий. А весь Труд, все творчество Земли, все – любовь величайшего Защитника и Покровителя Земли – Санат Кумары – продолжал Владыка. – Посмотри на башню на столе. Что пробудил в ней твой удар?

Я посмотрел, как он приказал мне, и увидел, что еще три этажа башни, бывшие дотоле спокойными, зажглись самыми фантастическими огнями. Рядом с этажами огня теперь клокотал и пенился огонь, белый, точно морская пена. Над ним переливался этаж золотого, жидкого, прозрачного огня, похожего на солнечные лучи. Он завывал, точно откуда-то гнал его ветер. То был этаж стихий воздуха.

И последний из горевших этажей, отображавший стихии Земли, весь был взъерошен, покрыт дымом, из-под которого вырывались клочья коричнево-красного огня. И сверху, точно отображая молнии неба, в дым Земли вплетались струи яркого огня, смешиваясь на взъерошенной поверхности, как на спине чудовища.

Этаж стихии Земли казался тяжелым прессом, давившим собою все остальные стихии.

– Смотри в пространство и наблюдай, – приказал мне Владыка.

Я повернулся к прозрачной теперь для меня стене лаборатории Владыки и увидел ожившие этажи башни стихий. Боже мой, что это было за зрелище! Все то, что я только что описал оживотворенным в лаборатории на башнеподобном приборе Владыки, увеличенное в сотни раз, трепетало передо мною в пространстве.

Башня стихий – не в пример тому, что я видел до сих пор, – вся расширялась вверх. Земля, как гигантский гриб-сморчок, покрывала собою все остальные стихии. Я был подавлен и ослеплен и почти не мог овладеть

собою.

Владыка-Глава стоял молча рядом со мной. Наконец он положил руку мне на голову и заговорил:

– Много, много раз земля и небо твердили тебе о полном и совершенном самообладании. Не только тот, кто призван Единым для высокой миссии сотрудничества с ним, но и каждый простой человек, начавший свою истинно человеческую, а не получеловеческую стадию жизни на Земле, должен достичь полного самообладания. Ты же, как и каждый гонец Светлого Братства, не можешь выпасть из самообладания ни на одну минуту. Ни при каких феноменах, ни при каких обстоятельствах, ни при каких встречах ты не можешь стоять растерянным, потеряв собранность внимания хотя бы на один миг. Каждое мгновение – мгновение летящей Вечности, – в которое ты выпал из полного самообладания, оставило не только тебя за бортом корабля, но и всех тех, с кем ты связан мыслями, делами, трудом, перепиской и даже временно случившимися встречами. Все, связанное с гонцом Единого, вступает через него в связь с Вечным и лежит на его карме, на его сознании, на его активной деятельности, как пелена. Эту пелену пронизывает Свет через чакрамы и внимание гонца. Чакрамы встречаемых людей движутся и очищаются через чакрамы гонцов, с которыми они вступили в духовную связь, еще ближе и сильнее, чем очищаются чакрамы людей через чакрамы Владыки округа. Тебе предстоит вернуться в общество людей, неся им великую миссию. Поэтому твое самообладание не может выходить из рамок полной радости.

В чем сила твоего, как и каждого человека, самообладания? В полном знании, в ежеминутном ощущении в себе живой Жизни. Ты чувствуешь каждую минуту влияние, связь непосредственную с Единым. Чувствуешь ее и через всех членов Светлого Братства, и через каждое стихийное явление, и через каждое встречаемое сердце, куда ты вводишь ток Любви, идущий к тебе всеми путями из первоначального источника, Представителя Единого на Земле, Великого ее Защитника и Властелина Санат Кумары. До сих пор ты жил, не зная этого великого имени. И Жизнь твоя текла по всем гармоничным тебе ручьям, всюду защищая тебя, открывая тебе все новые и более высокие ступени священной иерархии. Что теперь составляет обязанность твою перед людьми и небом? Быть живым примером того, как передается в простую жизнь серого дня могучая сила помощи и забот Любви. Тебе предстоит счастье развернуть людям великую и ослепительную панораму деятельности и забот всех светлых сил Земли о каждом живом и умершем человеке. Тебе предстоит счастье вскрыть в

человеке не мысль, не одно сознание постоянного сожительства и сотрудищества со всеми Светлыми земли, но расчистить каждому человеку путь к его собственному сердцу, чтобы он там мог почувствовать вечную связь – в активности действий серого дня-с Божественной Силой Санат Кумары. Ты должен вернуться в общество людей не только закаленным бойцом, в полном бесстрашии и самообладании, но и в полной мира верности. В той верности, что не знает колебаний и растерянности ни при каких катаклизмах природы, событий и людей. Весь твой день серого труда, как и величайших подъемов, – все только прямой, как электрический канат, путь передачи людям в слове сил, знаний и помощи Светлого Братства. На одном из первых мест в твоих произведениях должно стоять толковывание людям – постоянное, упорное, на все лады доказываемое,

– что такое обязанности обычного человека по отношению к семье, к соседу, к встречному. Не менее важно человеку, переставшему быть слепым, понять, почувствовать и проводить в жизнь обязанности перед встречным и перед самим собою в данное ему воплощение. Обязанности человека в его быту – не карма и ее давящий гнет. Обязанности его – радость передать сердцу встречного каплю облегчения и мира. Это – не пассивное восприятие текущей жизни как результатов прошлого; но активная борьба за свет в ежедневном труде без компромиссов и утомительной нравственной раздвоенности в нем. Подробно обо всем этом будешь не раз еще наставляем И., Венецианцем и главным твоим водителем, великим братом и мощным другом человечества – Морией. Теперь, когда ты снова, вошел в полную силу самообладания, смотри внимательно на башню стихий. Почему земля имеет такой взъерошенный вид? Почему ее атмосфера дымчато-серо-коричневая? Почему огонь на ней выпирает ключьями? Почему она давит собою все остальные стихии, точно схоронив их под собой? Давит она все остальные стихии лишь иллюзорно. На самом деле они пронзают ее насквозь. И огонь, что ты видишь вырывающимся ключьями, есть именно огонь Земли, пронзающий все живое на ней. Ни единой букашки, ни единого животного не могло бы существовать на Земле, если бы огонь ее недр не был влит во все живое, в равной мере со светом солнца. Перед тобой лежит Земля – уже результат труда Санат Кумары и его Сподвижников, результат Их беспредельного самоотвержения. Они забыли о Себе, их труд видел только человека и его восхождение к Совершенству. На этом законе Любви, данном человеку Единым как завет для Земли при его схождении на нее, строил Санат Кумара всю жизнь на Земле. Все, что идет по этому закону, все счастливо и светло, ибо попадает в тропы Гармонии и – легче или труднее – но

восходит к совершенству. Все, что подпадает под власть грубого эгоизма, втягивается в темные тропы, где, заблуждаясь все больше, в конечном счете гибнет, не выполнив задачи воплощения и бессмысленно потеряв его. Ты видишь, как в сморчкообразной, точно изрытой воронками форме Земли, в каждом углублении ее вращаются кругообразные светлые центры. Это прообразы чакрам человека. Это центры Земли, втягивающие в себя силы всех стихий. Ты видишь, что все они, как воронки, суживаются книзу, и свет внизу гораздо ярче, чище; и вращение его менее бурно, чем вверху, в широком конце воронки. Это уже результат труда Владык стихий и тружеников неба и земли Светлого Братства.

Руководимый указаниями Владыки, я различил сонмы двигавшихся в каждом воронкообразном центре Земли духов. Необычайное их разнообразие и многочисленность указывали на совершенно разный их труд. Но соподчиненность их одному Владыке стихий в каждом углублении, стройность их труда и полный порядок в нем резко бросались в глаза.

Помолчав немного, Владыка продолжал:

– Стихии, кажущиеся людям слепым движением, иногда губительным, иногда спасительным, идут в своем труде для блага вселенной по тем же мировым законам целесообразности и закономерности, по каким движется труд всего созданного высшей Мудростью во вселенной. И им нет дела до измышленного одной Землей закона справедливости, как и вообще всему, что живет в двух мирах и не понимает отъединения. Развивающееся дальше, в глубь Земли, движение прообразов чакрам – так я буду называть их пока тебе – переходит через труд сонмов помощников в светящиеся мелкие центры, укрытые в самых недоступных людям и зверям местах. Когда я говорю «мелкие», ты видишь относительность этого понятия; ибо по масштабам Земли они грандиозны. Эти гнезда, где сконцентрированы все Начала стихий, поддерживают жизнь планеты. И каждая планета живет и дышит до тех пор, пока заложенные в ней Начала ее центров обогревают, кормят, освещают ее и помогают восхождению ее и всего живущего на ней к совершенству. Начала стихий живут в Гармонии и выполняют Мудрость бьющего часа даже тогда, когда люди потрясаются окружающими давящими их бедствиями. В каждом центре земных Начал ты видишь трудящихся всех стихий. Посмотри, как связаны они в своем труде с лучезарными духами башен лучей? Ты видишь, что у основания каждой башни лучей, глубоко под ней, и вокруг нее, и на некотором расстоянии от нее, расположены целые круги центров, как огневой хребет, вершинами вниз, защищающий подступы к башням. Ни одна темная сила

не может подойти ни к одной из башен Святой Мощи, хотя многие секты темных имеют власть над отдельными элементами стихий. Но добиться овладения всеми стихиями может только светлый, любящий, движущийся в своем труде радостью. Темные не знают радости. Их орудие – упорство воли, то есть меч зла. Орудие Света – радость, и их меч: «Любя побеждай». Не только у башен лучей – скопление центров Начал. Они укрыты еще во множестве мест Земли, и там всегда природа богата, земля плодородна и живописна, люди музыкальны и красивы и характера легкого. Живут центры – живет планета, угасли центры Начал – умерла и планета. Атмосфера Земли, видимая тебе сейчас дымчатой, коричнево-красной, если ты внимательно присмотришься, на самом деле прозрачна. Духи стихии воздуха, даже коричневые, мелкие веселые создания, ежесекундно очищают туманные скопища на Земле. Что обозначают эти скопища? То эманации людей. Бывают периоды, когда духам стихий удастся разогнать почти все туманные скопища в атмосфере Земли, потому что в это время эманации людей не концентрируются в грандиозные кроваво-красные тучи. Это периоды мирного строительства Земли, радостный отдых от кровавых войн и одолевающей их еще хуже войны алчности. Жадность и скупость наполняют туманные скопища, как ты видишь, не менее плотными пеленами, чем огненно-черно-серые пелены убийств, злодеяний и страха. Далее в своей жизни ты узнаешь, как самоотверженно сражаются Владыки карм башни стихий, защищая каждое рождающееся существо в его новом пришествии на Землю. Эти Владыки, крепко связанные в своем труде с тружениками шестого луча любви, освобождают

– путем принятия на себя большей части страстей вновь входящего в воплощение человека – каждое существо так, чтобы оно могло, во всей полноте сознания, выбрать самостоятельно путь Света или мрака. Кроме элементаря, строящего в первые семь лет физическое тело человека, подбор которого каждому зависит от них, эти Владыки стихийных карм избирают из своей среды еще покровителя и защитника каждому человеку на время всей его земной деятельности. Такого покровителя народная сказка назвала Ангеломхранителем, а народная молва, от величайшей древности и до сих пор, видя чье-либо неожиданное спасение, говорит: «Твой Ангел-хранитель не спал». Теперь перенеси свое внимание на верхние этажи башен. Стихий воды и воздуха мы сейчас касаться не будем. Чтобы о них знать, то есть иметь возможность повелевать ими, ты еще не созрел. Уйдешь отсюда только с силами повелевать стихиями огня и земли. Для двух других стихий ты еще раз вернешься сюда, как я тебе сказал в сокровенной беседе. Все три верхних этажа башни принадлежат Владыкам

стихийных карм. Их труд, неутомимый и самый тяжелый из всего труда Любви, ты сможешь сейчас увидеть и понять тоже только частично. Но все, что увидишь и поймешь, все передашь людям, чтобы им легче было понять, что их полной духовной свободе не мешает и не может мешать никакое «предопределение». Из трех верхних этажей башни самый верхний – это труд Владык карм огня и земли. Как прилежнейшие ювелиры, эти Владыки вплетают Начала Вечного в цветущие всеми цветами страстей результаты прежних карм человека. Ни в одной чаше правосудия, где человеческая мысль часто достигала гуманности и милосердия, не может быть такой великой доброты и сострадания, как здесь, у этих великих добротворцев. Эти Владыки – абсолютно свободные существа. На них не может иметь влияния не только что-либо личное, но они сами, по своему строению и составу, приближаются к лучезарному облику великих Кумар. Ты видишь, на этаже башни, где трудятся стихийные Владыки карм огня и земли, по краям его стоят как бы два великих Стража. Они лучезарны, прозрачны и кажутся сотканными из воздуха, хотя формы их ясно и четко носят человеческие очертания. Двух таких же сияющих Стражей ты видишь и в следующем этаже, где обитают и трудятся Владыки стихий воздуха и воды. Стражи – всеведущи и вездесущи. Они отражают на Земле эти качества великого живого Бога Санат Кумары. Они – создатели великих книг хроники Акаши. Они – память Бога Земли. По их указаниям бесчисленное войско добрых Владык стихийных карм в глубине земли продвигает заботы и любовь Бога в гущу толп людей. Сейчас я не буду объяснять тебе всей огромной сети их труда. Ты можешь видеть сам, что труд их так же разнообразен, как многочисленны формы их иерархии. Только Стражи лучезарны и богоподобны по своей красоте. Их повеления, как дивные молнии, передаются творчеству непосредственно сносящихся с ними подвластных им Владык карм. Они, малочисленные, властные и добрые, заведуют – в своих огромных отделах – хрониками Вечности. По указанию Стражей они сыплют своим многочисленным, им подчиненным помощникам собственные мысли в виде гирлянд цветов. Эти помощники, в свою очередь, заведуют записями вечной хроники в более мелких отделах, читают жизни каждого вновь воплощаемого человека и передают их – без своей санкции – тем Владыкам карм, которых ты увидел первыми. Эти, как я уже говорил тебе, как тончайшие и добрейшие ювелиры, ткнут каждому человеку его защитную сеть и посылают своих гонцов перенести результаты своих трудов Любви на башню лучей. Отсюда начинай втолковывать современному тебе человеку бессмысленность его страха. Старайся дать понять людям, что они сами засоряют связь между собой и

Богом. Каждый, кто старается найти путь к освобождению, движется и к очищению сора на своем пути к Богу. И чем ближе он подходит к Богу, потому что очистил себя от путаницы личных страстей, тем ближе подошел он и в своем снисхождении, в своей любви и радости к встречному человеку. В образах своих произведений старайся раскрыть сознанию человека, что ни один из идеалов, носимых в уме как теория, не может иметь активного воздействия на сердце и дух встречного. Только мир и простая доброта собственного сердца могут вплести во встречу то общение без предрассудков и условностей, где откроется щель для луча Любви. Проследи теперь, во всем внимании и сосредоточенности, как спускаются на землю творческие импульсы Божественной Мысли. По каналам, оберегаемым веселыми и радостными светлыми духами, ты видишь отличающиеся от всех других миллионов мыслеобразов шары, на вид плотные и включающие в свою окраску всегда одну и ту же пропорцию цветов. Одна сторона шара – однотонная, несущая один из цветов семи башен лучей, другая же включает в себя в одинаковой мере остальные шесть цветов башен лучей. Все тона и краски расположены так, как зрение современного человека Земли может их воспринимать без помощи каких бы то ни было физических и оптических приборов. И эти тона и краски в точности соответствуют всем духовным откровениям человека Земли данной эпохи. Ты видел, что все Начала Жизни вплетаются в организм каждого человека Земли. Ты видел, что труд сонмов Владык карм и защищает, и помогает движению человека вперед, к совершенству. Но любовь Великой Божественной силы Санат Кумары, как и Его труд, не знают остановок ни на единое мгновение. В Его Вечном Движении, слитом с Божественным Движением всей вселенной, идет ежесекундное усовершенствование, как сказали бы люди, а на самом деле – ежесекундное выбрасывание доброты и милосердия в помощь движущимся толпам людей. И вот те сплетающиеся в такой особенной расцветке шары, которые ты видишь уже направляемыми к определенным каналам сонмами невидимых помощников, – это творческие мысли Бога, действенная сила, которую люди зовут вдохновением, талантом. Эти силы просыпаются в людях иногда как бы внезапно, в отроческие и юношеские годы, после детства, никак не предвещавшего в человеке особого дара. Иногда талант, в понимании людей, возникает поздно, даже в старости, ничем не выраженный раньше. Но и в этом, как и во всем, никаких чудес нет, лишь и здесь, как и во всей жизни вселенной, движется логика Вечного. Следи. Вот летит мысль-шар Санат Кумары. Она подбирается непосредственно четырьмя Стражами стихий. Они не передают ее подчиненным им

Владыкам карм. Они отдают ее каждый раз сонму специальных радужных сияющих духов, несущих эту мысль-шар к определенной башне лучей. Кому они там передают ее? На первых двух башнях – непосредственно великим Учителям, ими заведующим. И вот ты видишь, как по их мантиям, напитываясь всем магнетизмом сердца и мысли Учителя, мысль-шар принимает именно ту расцветку, которую я показал тебе вначале. Связь этой мысли, прокатившейся по мантии Учителя, вновь подобранной специальными духами и переданной ими Земле в определенный округ определенному Владыке, а через него – определенному человеку, – так велика и сильна с Учителем и окрещенным ею человеком, что каждое отрицание или неполноценное к ней отношение попадает, как бумеранг, непременно обратно в Учителя, направившего ее к Земле, избранному им человеку. Установление магнетических каналов – это тоже труд Владык карм. И особенно ответственен этот труд для следующих пяти лучей – от третьего до седьмого, – по которым проходит свой путь все человечество Земли. Теперь ты видишь впервые Великого Мирового Учителя Маха-Чохана, труд которого обнимает эти пять лучей. Ты видел, что на первых двух лучах мысли Бога подхватывали Стражи стихий и пересылали их двум первым башням через сонмы специальных невидимых помощников. Здесь же Учитель Маха-Чохан получает мысли-шары от Великих трех Кумар непосредственно. У каждого из великих сотрудников Живого Бога Земли есть свой сонм невидимых помощников, переносящих Маха-Чохану мысли и вдохновение доброты Бога. От Маха-Чохана несутся лучезарные, подчиненные ему специальные помощники, не смешивающиеся с иерархией служителей башен; и они мчат мысли Бога всегда к определенной башне, по указанию Верховного Учителя, заведующего этой отраслью труда Бога на башнях лучей. Эта отрасль труда Бога, которую передают вселенной Земли три ближайших непосредственных помощника, три Его Брата, несутся вне всяких установленных для обычного пути развития и восхождения среднего человека иерархических ступеней и правил. Здесь применен закон Любви: побеждает тот, кто находит силы принять и благословить все обстоятельства своей эпохи, своей личной жизни, своего окружения. Тот может притянуть себе магнетический ток, передаваемый на Землю этим путем, кто выстроил мост из доброты своего сердца и отваги его, из чистоты и устойчивости мысли, из бесстрашия и бескорыстия. Три Кумары передают Верховному Владыке пяти лучей, Маха-Чохану, свою силу для Осуществления духовного канала устойчивой Гармонии моста сердца, увиденного и принятого Ими в свои объятия и заботы человека. И уже сам Учитель Маха-Чохан передает и вливает в

определенную башню лучей силу Третьего Логоса (олицетворяемого тремя Кумарами), силу творчества и вдохновения. На этом его труд творчества в мировом строительстве кончается. Учитель, Верховный Владыка каждой башни лучей, передает сам подведомственным ему Владыкам карм новую силу магнетического тока Божественной помощи определенному человеку и далее все течет по логике Творчества Вечности. Взгляни дальше башни стихий. Что видишь ты там? Что обозначает огромное море песка, курящегося, как полупотухший вулкан? Это перерабатываемые из окоченелых пластов земли трудом самых высоких учеников-людей новые – в будущем плодородные – земли для следующих потоков человечества. Эманации зла и скорби людей истощают плодородие земли и здоровье воздуха не менее, чем те злаки, которыми они неразумно истощают землю. Гнезда, из века заложенные, гаснут, подвергаясь катаклизмам всякого рода: все на этих участках земли, как и она сама, умирает. На этой курящейся поверхности, что ты сейчас видишь, под непосредственным руководством Стражей стихий, трудом на земле высоких учеников и трудом в самой земле всех невидимых тружеников стихий вскрываются новые гнезда Начал Жизни, которые мы с тобой условились называть чакрамами Вечного Движения. Теперь картина труда Творца Земли тебе ясна постольку, поскольку в этот миг твое сознание может вместить картину вечного бытия Жизни. Не забудь вовек: все – в каждом человеке. И только Он один – творец своего пути. Вернее выразиться, каждый человек есть путь, этот путь настолько близок к творчеству Бога, насколько смог освободить Его в себе человек.

Владыка позвал к себе Наталью Владимировну, до которой не долетало ни одно слово нашей беседы, так высоко и далеко она сидела. На его повышенный зов она ответила:

– Моя задача окончена как раз в эту минуту, Владыка-отец. Но сойти к вам я не могу, так как еще не научилась прыгать у тигров.

В ее тоне мне послышался самый легкий, едва заметный намек на раздражение. Если бы это было сказано в обстоятельствах обычной жизни, то могло бы прозвучать юмором. Но в этой великой келье Мудрости обычные человеческие слова, созданные для смеха людей над собственной беспомощностью, прозвучали не только дисгармонией, но даже резанули меня по сердцу.

– Ты не можешь выйти из этой комнаты, мой друг, не оставив в ней всей раздражительности, свойственной твоему характеру. Сюда можно войти, сохранив неполное самообладание, ибо сила Санат Кумары создает такому человеку особый Свой Вихрь. Но выйти отсюда для деятельности и

разделения Его труда на благо людей может только тот, в ком совершилось полное преобразование, и о том ты сама только что читала. Если бы ты сохранила в этот миг полное самообладание, ты немедленно и ясно увидела бы выход из своего положения.

Владыка не прибавил больше ни слова. Он пошел к стене, прикоснулся к ней обеими руками – и башни стихий, и башни лучей закрылись от моего взора, точно потухли и никогда не существовали.

Опечаленный внезапно охватившей меня темнотой и слепотой, я не имел времени сосредоточиться на этом явлении, так как грустный вид моей подруги, сидевшей между кучами разбросанных ею фолиантов, взывал, казалось мне, к скорейшей моей помощи.

Обведя взглядом всю комнату, я увидел у противоположной стены прислоненную к полкам с книгами лестницу, как раз на той высоте, где сидела Наталья Владимировна. Лестница была гигантской и казалась тяжести непомерной даже для моих голиафовых сил. Я увидел также, что полка, где сидела горестно моя подруга, была настолько широка, что без всякой опасности для жизни, даже при ее грузности, она могла бы пройти по краю полки до конца и там спуститься по мелким украшениям полки, точно по специальной лесенке, вниз.

Но я знал уже по опыту, что раздражение дорогой моей приятельницы только возрастало от указаний, делаемых ей в такие трудные для ее самообладания минуты. Поэтому я решился попробовать перенести лестницу к ее полке, хотя поднять такое чудовище над высокими столами и казалось мне задачей невозможной.

«Не бойся тяжелой ноши», – вспомнил я слова, неоднократно слышанные от своих наставников, улыбнулся своей, все еще детской, психологии: раздумывать там, где надо действовать. Я призвал имя моего великого друга Венецианца и подошел к странной лестнице.

Она оказалась прикрепленной вверху к золотой, на вид толстой проволоке, и поднять ее не было никакой возможности. Оглядевшись внимательно, я увидел, что золотая проволока шла параллельно всем полкам с книгами. И сама лестница стояла на подобию вогнутого внутрь рельса. Я попробовал двинуть ее по направлению к книгам, где сидела Андреева, и она покатила сравнительно легко. Трудно было протащить лестницы по открытому пространству мимо той части стены, где не было книг. Я не был уверен, что относительно тонкий золотой прут, шедший и здесь, выдержит такую ужасающую тяжесть без опоры на край полки. Пот лил с меня градом. Почти задыхаясь, смертельно усталый, я все же протащил лестницу мимо открытого места стены и подтащил ее к полке,

где сидела Андреева.

Здесь дело снова пошло легче, и через несколько секунд лестница стояла у ее ног. Полными слез кроткими глазами она смотрела на меня и тихо-тихо мне сказала:

– Мой друг, мое дорогое дитя, о, если бы Вы знали, чем рисковали Вы, проходя мимо не уставленного книгами куска стены! Простите мне. Еще один раз Вы подаете мне ничем не оценимую помощь, и еще один раз я вношу в свою вечную память благодарности Ваше имя. Но как я сойду на эту лестницу! Ведь она совершенно вертикальна.

– Ну, это-то дело уже совсем простое, моя дорогая, – ответил я ей, мигом влез на самый верх лестницы, подхватил Наталью Владимировну левой рукой за талию – и через минуту оба мы стояли у ног Владыки.

Молча, улыбаясь, смотрел он на нас, и от суровости его тона, каким он говорил Андреевой о самообладании, не осталось и следа.

– Труднее смерти выковывание полного самообладания и выдержки для легко возбуждающегося человека, – продолжал Владыка. – А между тем можно много раз рождаться и умирать, имея все данные для высокого слияния с трудом Божественной Силы, и все возвращаться назад, все к тому же препятствию – отсутствию полного самообладания. Ты тащил лестницу с таким смертным трудом мимо рабочего места Санат Кумары в этой лаборатории. Мало того, что вибрации, которыми Он напитал это место, почти невыносимы для твоего физического тела и без моей помощи сердце твое лопнуло бы. Но в этом я мог помочь тебе и послать тебе свою защищающую твой организм от чрезмерного Света силу. Но в чем я был совершенно не властен – это в тех чувствах и мыслях, что руководили тобой во время твоего прохождения Его рабочего места

– алтаря и святыни для меня, места моего с Ним сотрудничества для блага людей земли. Малейшая мысль жалости к себе, малейший намек на неполное бескорыстие предпринятого тобою труда, малейший проблеск страха или тщеславия в сердце, и ты сгорел бы, испепеленный Огнем стихий, ибо только до конца чистого он не сжигает, как ты читал сам в даваемых тебе записях Огня.

Владыка придвинул нас обоих к себе и подошел с нами к той части стены, что он назвал рабочим местом Бога, своим алтарем.

– Идите в мир и выйдите отсюда не просто одаренными новыми силами в своих преображенных организмах. Унесите знание и память вечную о том труде всего Светлого Братства, что открылись вам здесь не как сказка, не как предание, но как опыт вашего простого дня. Теперь, когда будете говорить людям, что нет иного пути к совершенству, как путь серого

будня и труда в нем, вы будете сами ясно и твердо знать, где этот будень каждого начинается и кто сотрудник каждого в его дневном, труде.

– Тебе, мой милый друг, – обратился Владыка к Наталье Владимировне, – тебе путь многотрудный. Ты выйдешь отсюда, ибо сила моя, то есть передаваемая тебе непосредственная забота Великого, тебя вводит в русло тех гонцов Его, что могут нести Его миссию Земле. Но так как ты сама – в мелочах дня, в единении с людьми – еще не можешь добиться полного и нерушимого спокойствия, то жизнь твоя и будет двойственна. Небу ты будешь служить в верности до конца, людям – всегда будешь искать раньше, где прыгнуть, как тигр, а потом уже сообразишь, что твои тигриные силы не по плечу мягким и ласковым собакам, кошкам и лошадям, окружающим тебя. Выходя отсюда, прости всем людям, кто до сих пор тяжко ранил тебя. Пойми, что и ранили тебя только потому, что тебе нет спокойствия. И еще пойми, что это качество легкой возбуждаемости мешает жить всем, кто по законам кармы должен жить с тобой в непосредственной близости. Всякая рана, всякая обида, наносимая тебе, есть отклик твоей собственной работы среди людей. Учти это навсегда. Теперь обоим вам и всем, вошедшим с вами сюда, пора двинуться в обратный путь, к труду среди людей. С той минуты, как вы сюда вошли, по современному вам счету земли прошел ровно год.

Услыхав эти последние слова Владыки, оба мы с Натальей Владимировной превратились в соляные столбы. И, должно быть, мы представляли такое уморительное зрелище, что даже на вечно серьезном лице Владыки мелькнула улыбка. Ничего больше не сказав нам, ВладыкаГлава нажал небольшую пластинку на одном из своих столов. Раздался очень мелодичный звук, как бы удар очаровательно звеневшего колокольчика, за ним другой, третий – все в мажорном сочетании сплелись в какую-то прелестную музыкальную фразу.

Улыбнувшись все еще продолжавшемуся нашему остолбенению, Владыка объяснил нам, что вызванная колокольчиками музыкальная фраза была сигналом всем обитателям лабораторий стихий Владык мощи к выходу наружу, в тот дворик, где Владыки впервые встретили нас.

С этими словами Владыка взял посох в руки, и я поразился форме, тяжести, драгоценности и, вместе с тем, изяществу этого необыкновенного предмета. То, что Владыка назвал своим посохом, на самом деле заслуживало скорее названия булавы. В верхнюю часть булавы с огромным золотым шарообразным окончанием был вделан такой большущий алмаз, и бросал он такие невероятного блеска искры и лучи, что каждый раз, когда они проносились мимо моих или Натальиных глаз, нам приходилось

закрывать их рукой.

Вокруг этого алмаза сидело семь тоже громадных выпуклых камней, соответствовавших цветам семи башен лучей. Весь посох был золотой, и на нем был изображен змей, обвивший его, как выпуклое изваяние. На всем посохе шли надписи и фигуры, значения и смысла которых мы не понимали.

– Когда придешь сюда в последний раз, чтобы унести знание еще о двух стихиях, которыми ты не был в силах овладеть сейчас, тогда узнаешь, что за посох у меня в руках, каков его смысл и значение в деле труда на благо людей, – сказал Владыка, обратившись ко мне. – Теперь же, – продолжал он, повернувшись к нам обоим, – унесите последним моим заветом вечную память о том, что только человеку в полном самообладании открывается путь Вечного. Только в верности до конца достигается то бесстрашие, где человек может вступить в сотрудничество со Светлым Братством. Только овладевший этими двумя качествами может увидеть, где начинается и кончается серый день человека и кто разделяет его с человеком в его условиях окружения. Будьте благословенны! Будьте благословенны за то, что вы очистили в себе Единого так, что Светлое Братство могло провести вас сюда для извечно назначенного Любовью момента свершения человеческих судеб. Будьте благословенны за то, что мы могли передать людям через вас часть тех новых знаний, что настала пора раскрыть их жаждущему духовному взору. Будьте благословенны, как первые вестники нам нашего освобождения и прощения. Хвала небу и земле, хвала им, как Труд Вечного, и хвала вам в числе всех трудящихся. Примите нашу благодарность; и вечное слияние наше с вами в труде да будет в мире и усердии на благо всему живому. Да потечет труд ваш так, как видит и слышит Учитель ваш; да потечет верность ваша по стопам его, как и наш труд и верность да будут вовеки только отражением Света Вечного.

Владыка повернулся к выходу, остановился у огромной рамы двери, где огонь горел теперь совсем низкий, бездымный и ничуть не страшный.

Мы вышли во дворик, где все остальные Владыки уже ждали нас, стоя в первоначальном порядке и имея каждый перед собою своего ученика. Владыку-Главу все приветствовали низким поклоном, на который он ответил, за ним ответили и мы. Он указал нам занять свои места и поднял высоко вверх свою булаву. Раздался сильный треск, и через минуту на громадном алмазе ее засияла пятиконечная звезда.

Владыка-Глава занял свое центральное место. Он опустил посох, держа его в правой руке и опираясь на него, поднял левую, как бы подавая

знак всем Владыкам. Они – а вслед за ними и мы – опустились на колени, и раздался снова тот гимн Жизни, который пели Владыки в первый раз, у дверей их лаборатории.

Не знаю, сколько времени на этот раз пели Владыки. Не знаю, что делалось вовне. Я был в часовне Радости Великой Матери. Я благоговейно благодарил Ее за все милосердие, мне ниспосланное. Божественная фигура вновь подала мне свой живой цветок, и я услышал голос:

– Теперь пойдти в часовню Скорби и принеси туда цветок моей Радости и утешения. Во встречах серого дня не важно слово человеческой философии. Важно слово утешения, чтобы мог человек отыскать в себе путь ко Мне. Я – не судья, Я – не предопределение, Я – не неизбежная карма. Я – Свет в человеке, его Радость. Ко мне нет пути через помощь других, но только через мир в самом себе.

Когда я очнулся, Владыки исчезли, и передо мной стоял И. Он протягивал мне руки. Я бросился в его объятия. Сейчас я не был уже тем мальчиком, что тосковал о нем в Константинополе и бросался ему на шею, как соскучившийся по своему хозяину дог.

Теперь я обнимал моего друга-наставника, как луч и путь того Света, что он мне открыл; как Божественного Вестника, которым он для меня был; как часть всей вселенной, которую я мог в его образе познать, обнять, благословить и перед Ней в благоговении склониться.

Все та же сила радости, особенного мира и счастья охватила меня и на этот раз, когда я прильнул к его груди, которая охватывала меня всегда, во все моменты физической близости с ним. Но на этот раз я ощущал ярче на себе его духовную мощь. Я не испытал более того содрогания всего организма, которое раньше бывало первым ответом моего проводника на всякое прикосновение И.

Теперь я почувствовал, что весь мой организм напрягся: по всему спинному хребту, ногам, рукам, голове шел сильный ток, отдававшийся – на мое ощущение

– как бы некоторым гулом, вроде того, который испытываешь, когда стоишь рядом с сильной машиной, пущенной в работу, на движение которой все вокруг отвечает ритмическим, мелким, частым и сильным дрожанием.

Это дрожание всего моего организма было сейчас таким экстазом счастья! Я сливался в моей силе с какой-то частью силы И. и ощущал это слияние как счастье полной гармонии с ним.

Я не нуждался теперь ни в каких словах И. Я в одно мгновение понял, что И. одобряет все мое поведение у Владык. Я понял, что и сила моя

духовная, так гармонично слившаяся с силой моего дорогого Учителя, очистилась и выросла, и только потому я мог влиться в его чудесные вибрации. Я был принят им вновь с еще большей сердечностью в еще большую близость.

– Мой мальчик, ты уже перерос меня, – шутливо сказал мне И. – Вскоре ты и в самом деле станешь Голиафом, если так будешь продолжать. Пожалуй, тебе довольно расти, а то будешь чересчур привлекать внимание людей на всех улицах, по которым придется ходить, – улыбаясь, говорил он мне, и я прекрасно понимал, что он говорит мне эти шутливые слова, чтобы дать мне время справиться с моим экстазом счастья.

Я всей глубиной души сосредоточился на образе Великой Матери, давшей мне свой первый привет при моем возвращении в мир; я прижал к груди Ее новый цветок и только теперь увидел, что прежнего, который я носил на груди привязанным к черному алмазу Венецианца, не существовало. Не существовало и самого черного камня, а вместо него на тончайшей цепочке сверкал на моей груди крупный камень, бросая радугу лучей, – электрический камень.

Очевидно, во время тайной беседы, объясняя мне мое поведение по отношению к темным силам, Владыка-Глава снял с меня черный камень и надел мне на шею подарок от себя. Мысленно поблагодарив его, я спрятал цветок на Грудь, Благословил свое новое вступление в жизнь и труд и посмотрел на всех своих товарищей, возвращавшихся вместе со мной к новому служению людям.

Часть моих друзей уже поздоровалась с И. и стояла возле него, блистая свежестью, мужеством и красотой. Часть еще ждала своей очереди, а в эту минуту перед И. стоял Бронский, восторженно глядя на него и низко ему кланяясь.

Я с удивлением глядел на артиста. Что с ним случилось? Это, несомненно, он, и в то же время – это никак не он. Это юноша, это Бронский двадцати, а не своих сорока с лишним лет. Это красавец, похожий на слетевшего на землю ангелоподобного труженика с сияющей башни лучей! Что с ним?..

Пока я раздумывал об этом, ко мне долетели слова И.:

– Перед новым рождением Вы стояли давно. Но надо было пройти весь путь бездны человеческих страданий и ни разу не возроптать, как это сделали Вы, друг Станислав, чтобы прийти к этому часу новой нашей встречи. Теперь уже никогда и ни в чем не может быть двойственности в Вашем пути земного труда. В каждом встречном и деле его Вы будете видеть и небо, и землю и, в свою очередь, будете нести каждому в себе и

небо, и землю в привет и во встречу, как и во взаимный труд.

Сияющий юноша Бронский отошел, а к И. подходила Андреева, которой он тоже протянул обе руки, ласково притягивая ее к себе, и сказал:

– Неизгладимое впечатление от слов Верховного Владыки мощи о двойственности Вашего труда, друг, о двойственности Ваших действий на земле как результате не вполне побежденной раздражительности опечалило Вас настолько, что даже в эту минуту вновь начинаемой жизни и труда для людей в Ваших глазах стоят непролитые слезы. Вы не забыли, дорогая, что всякая слеза

– слеза только о себе. Забудьте с этой минуты навсегда о себе и оставьте в этом дворе всякую память о своей личности. Нет таких положений среди стихий Земли, где можно было бы сказать: «Я достиг совершенства, мне можно теперь отдохнуть и постоять на месте». Вс., вперед движемся мы все, слуги Светлого Братства, и ни один из нас не может надеяться быть безгрешным в своих трудах. Но чему надо научиться каждому слуге Бога – это четкому, активному действию в постоянной ровной Радости. Из каких бы стран ни возвращался слуга Светлого Братства вновь к труду среди людей, как бы высоки ни были вибрации Света, воспринятые им в периоды своего усовершенствования, если он будет вновь и вновь начинать свой труд с людьми опечаленным, все его в себе носимое Сияние не будет путем мира и помощи людям; хотя только для них он живет, только для них он трудится, и только их утешение составляет цель его жизни.

И. оставил руки Андреевой, поставил ее рядом с собой и обратился ко всем нам, тесным кольцом окружившим его. В его голосе я теперь улавливал новые для меня тона непобедимой воли, как и во всем его образе я видел теперь огромное сходство с той мощной божественной фигурой Учителя пятого луча, которая так поразила меня на вершине его башни.

– Друзья мои! Каждый из вас точно понимает, где он был, чему он учился, что он вынес. Понимает и ощущает свое полное преобразование и сознает свои новые, гигантские силы для нового земного труда. Не мне вас учить, как и кого вам благодарить за все знания, посланные вам Милосердием. Но мне, как старшему среди вас, а потому и самому ответственному перед Жизнью за всех вас и ваш дальнейший труд, предстоит принять и наставить вас в ваших первых шагах новой жизни. Оставьте в ограде этого двора все то, что раньше казалось вам важным, как бытовые условия в сношениях с людьми. Если вы что-то делали среди людей, что вам было поручено и что вы считали священным и великим, то вы всегда думали: «Насколько это полезно и просвещает дух людей?»

Теперь же, трудясь с открытыми глазами, то есть зная, что все проникает вселенную, что серый день человека есть его движение в сосуществовании в сотрудничестве с Вечным, идите, легко выполняя свои задачи, и не ждите появления сейчас же плодов вашей работы. Вы – новые пахари; плоды созреют. Не о плодах труда заботьтесь, но о том, чтобы в вас никогда не мелькнуло желание наград или похвал за вашу работу. Не ждите, что вас встретят приветом, оценят и признают. Идите в Вечном Свете, чтобы ни на минуту не разделить с Ним в труде земли. Вы будете унижаемы и огорчаемы; будете осмеяны и оклеветаны не раз; но для этих обстоятельств идите глухими и слепыми. Им – нет отклика в ваших сердцах. Там живет только Радость-Действие, Она встречает каждого, и Она же его провожает. Как встречает каждого Радость-Действие ваших сердец? Всех одинаково по любви, и каждого иначе по мудрости действий. Любовь, давшая вам знания, чтобы двинулись люди вперед, дала вам и понимание, как приспособить все силы своего организма так, чтобы в каждой встрече вы оберегали человека от возможности отрицания и раздражения. Полное понимание, как провести встречу с одним или тысячей людей во всей силе доброты и такта,

– ваша первая обязанность, как только нога ваша перешагнет порог этого двора. Воздадим славу и благодарность великим труженикам мощи и вернемся в обычную жизнь. Мне не надо напоминать вам о молчании: каждый из вас получил свои специальные наставления.

И. глубоко склонился перед запертой дверью лаборатории и коснулся рукой земли. Я встал на колени, коснулся лбом и поцеловал священную для меня землю. Когда я поднялся с колен и направил последний взгляд в седьмой и первый этажи священной башни, я увидел там две фигуры Владык, благословлявшие меня широкие крестом. Владыка-Учитель держал в руках тонкую палочку и на ней сияла маленькая пятиконечная звезда. Владыка-Глава держал в руке булаву и на ней горел треугольник, а внутри его трепетала большая золотая пятиконечная звезда.

То было последнее мое видение.

И. двинулся вперед, мы вышли за ним, прошли узкую галерею с цветами, точно мы шли по ней вчера, вышли в оазис матери Анны, и... ни бреши, ни калитки в стене Владык.

Как сон, мелькнуло это «вчера» во мне, оставив только в сердце и сознании великое, действенное «сегодня» Любви.

Одна жизнь кончилась, мы шли за И. начинать другую, зная на опыте, что есть только одна Вечная Жизнь.

ГЛАВА 30 Возвращение к жизни. Еще раз оазис Матери Анны и первое свидание с нею. Новые аллеи и памятники нашей любви и благодарности на них. Закладка часовни «Звучащая Радость»

Я шел впереди с И., давшим мне свою руку, и не мог видеть всех своих друзей, с которыми провел год в лаборатории Владык, как сказал нам с Андреевой Владыка-Глава.

Да, видеть их я не мог, но всем своим сознанием понимал, что внутреннее их состояние такое же, как и мое. Мы точно вновь рождались для жизни: словно этот год нашего обучения у Владык длился столетие и в эту минуту мы вступали в новую жизнь, отделенные от нашего, сравнительно такого недавнего «вчера» в оазисе матери Анны вековым периодом обучения. Не то чтобы в сердце моем не пела радость. Нет, она, конечно, пела, даже гудела на все лады, и чувства горечи, что пришлось покинуть обетованный край, где все насыщено вибрациями Божественной Силы, нигде, ни в одной тайной складке мыслей не было.

Было только трудно приспособиться сейчас даже к этой жизни – светлой, чистой, трудовой и радостной жизни оазиса. Каждый из нас, пропитанный и насквозь пронзенный высочайшими эманациями, шедшими к нам от самих Владык мощи и через них, не мог сразу гибко принять в себя излучений людей оазиса. И каждый понял, насколько он стал восприимчив к невидимым вибрациям людей, как болезненно чувствительны стали теперь нервы и как надо каждому из нас закалиться в своих физических и духовных проводниках, чтобы иметь силу передать все полученное людям и не остаться только хранителями – бесполезными и бездеятельными для окружающих – тех великих истин, что были преподаны нам именно для роста и счастья людей.

И., казалось, понимал наше состояние лучше нас самих. Держа меня за одну руку, он дал мне в другую руку часть своего золотого пояса, велел шедшему за мной Бронскому привязать к нему свой пояс и протянуть конец его следовавшему за ним Игорю. Тот, привязав свой пояс, передал конец его шедшему за ним Ольденкотту, и так далее. Последней шла теперь Наталья Владимировна, обронившая где-то пояс, и ей протянул конец своего Грегор, шедший за Василионом.

Когда я взял в руки часть пояса И. и передал конец его Бронскому, я почувствовал, что пояс гудит, напоминая гудение телеграфного провода. И. создал нам защитную сеть, и я видел целый сонм невидимых помощников, плотной стеной защищавших наши до крайности утонченные физические проводники, еще не получившие должной степени закаленности для новой жизни на Земле и новой на ней деятельности.

И. шел умышленно какими-то дальними, удлинёнными дорожками, которых, мне казалось, год назад и совсем не было, чтобы наша несколько болезненная восприимчивость поулеглась. Он давал нам время, каждому по-своему, овладеть собою и привести в повиновение свой организм, и для этого выбирал самый дальний путь.

Теперь, идя за И., я отчетливо понял, что все дорожки, по которым мы сейчас шли, были недавно обработанным куском пустыни. Зелень была хотя и мощная, но по сравнению с могучими деревьями старого оазиса матери Анны эти деревья можно было назвать ивовыми кустами.

Да и большой участок стены, хотя он и цвел, был много ниже, не так плотен, имел сучки на своих стволах не черные, как старая стена, а ярко-розовые, что делало молодую часть зеленой стены особенно красивой.

Когда мы подошли вплотную к новому участку стены, то увидели в ней широкие ворота-арку. Войдя в них, мы попали на прелестный островок, окруженный широким рвом с водой. На нем блистал совершенно очаровательный чистый белый домик из пальмового дерева, красиво обвитый цветами. Всюду были разбиты клумбы. Мы попали в море цветов, и мне, отвыкшему за это время от этого очарования земли, было не только радостно: мне хотелось лечь в эти цветы, обнять их и благодарить всех тех, кто трудился, обрабатывая мертвый песок, чтобы встретить нас таким ярким, живым проявлением любви и красоты.

И. молча подводил нас к домику, и на пороге его первым человеческим существом, приветствовавшим нас своими объятиями в оазисе, был Ясса.

Не надо было слов, чтобы понять радость свидания Яссы с нами, как и ему не нужны были слова о нашем счастье видеть его. Но удивление, мое и всеобщее, вылилось громким «Ах!», когда мы разглядели близко Яссу.

Ясса не только сиял радостью и миром, которые составляли его всегдашние отличительные черты. Он сиял свежестью, молодостью и красотой, которые никогда не были ему свойственны. И я, сохранивший в памяти тот образ Яссы, перед которым я год назад горько рыдал, считая моего друга умершим, был особенно поражен и обрадован. Ясса данного момента мог оспаривать у Бронского привилегии молодости и свежести...

И. ввел нас в дом, указав каждому его комнату, сказал, что Ясса поможет нам умыться, переодеться и позавтракать, велел нам отдохнуть и быть готовыми через два часа, когда он за нами вернется и поведет нас к матери Анне.

Милый Ясса все так же усердно помог нам, мужчинам, своим массажем в воде, после которого каждый из нас почувствовал себя много крепче. Одной Наталье Владимировне пришлось справляться самой, но на

этот раз не проявилось ни одного намека на раздражение, как будто оно никогда не было ей свойственно.

Позавтракав молоком и хлебом, что после пищи Владык показалось нам тяжелым и чрезмерно сытным, мы спешили разойтись по своим комнатам. Каждому хотелось начать свое новое вхождение в труд и новое единение с людьми в полной сосредоточенности и самообладании.

Оставшись один, я прижал к груди сияющий камень Владыки-Главы и дивный цветок Великой Матери. Я молил ее о помощи в том величайшем деле, которым Она приветствовала меня в первую минуту возврата к жизни серого дня, когда я покинул лабораторию Владык. Я повторил ее слова, первые слова Жизни, приветствовавшие мой возврат к обычному труду Земли: «Теперь пойдти в часовню Скорби и принеси туда цветок Моей Радости и утешения. Во встречах серого дня важно не слово человеческой философии. Важно слово мира и утешения, чтобы мог человек отыскать в себе путь ко Мне. Я – не Судьба, Я – не предопределение, Я-не неизбежная карма. Я – Свет в человеке, его Радость. Ко Мне нет путей через помощь других, но только через мир в самом себе».

Этот привет Великой Матери точно выгравировался в моем сознании. Он врезался заветом Жизни мне в сердце. Я понял, почувствовал его как творческое движение моего сердца по предстоящей мне веренице дней. Я принял и благословил Божественное указание в начинающейся снова живой галерее человеческих встреч.

Все, чему обучили меня Владыки, все новые силы и знания – все вело к этому выводу, к этому священному завету, укладывавшемуся в столь немногие слова – «Любя побеждай», – которые прошептал я, благоговейно приложив губы к цветку и камню, и в тот же миг услышал зов возвращающегося за нами И.

Через, некоторое время, когда все мы собрались на крылечке дома, И. обратился к нам с несколькими ободряющими словами и, заканчивая свою ласковую речь, прибавил:

– Мы не будем долго задерживаться здесь, в оазисе матери Анны. Это место Вселенной находится под особым покровительством Высших Сил, и живущие здесь идут все без исключения по ступеням Милосердия, то есть под непосредственным наблюдением высоких членов Светлого Братства, передающих всем обитателям оазиса Свет Вечного и Его прямую помощь. Ни одному из вас не было назначено задачи и труда здесь. Но каждый из вас получит задание в Общине Раданды. Поспешим же туда, и да поможет вам Великая Мать в выполнении ваших задач. Даже здесь, в этой обители чистоты, в этом избранном месте, вам было тяжело жить и дышать в первые

минуты перехода из великого мира Владык мощи и места сотрудничества Силы Света с представителями Земли. В эти короткие дни своего пребывания здесь ищите в себе все способы закалиться и войти в полное равновесие, так как полное самообладание уже составляет основу ваших организмов. Не думайте, что, добившись однажды и навсегда полного самообладания, можно на этом успокоиться хотя бы на короткое время. Никакое полное самообладание не защитит человеческий организм от возможности быть потрясенным теми или иными событиями, если хотя бы на одну минуту дух человека разъединился с Тем, Кого, живым и мощным, он носит в себе. Именно это и случилось со всеми вами. Каждый из вас думал о том счастье, что покидал, а не о том сверхсчастье, куда шел. Беспредельное мужество и радость нужны гонцам Вечного, чтобы выполнить Его задание на Земле. И эти силы мужества и радости, независимо от величины и значительности задания, необходимы каждому гонцу. Ибо в каждом человеке, которому дается задача, вскрывается и особая, новая сила. Жить, действовать и творить в ней человек может только в том случае, когда забыл о себе, забыл о возможности печалиться, покидая те или иные места, но зная только одно: в мужественной радости нести Свет и пролить Его в данном ему поручении, в том месте, времени и форме, что ему указаны. Если бы вы до конца были полны именно такой верностью – ни одному из вас встречные вибрации людей не были бы тяжелы. Они не ощущались бы вами, так как вы строили бы защитную сеть вместе со всеми вам покровительствующими невидимыми помощниками, а не нарушали бы ее мыслями личного характера. Из этого урока поймите, как многого вам надо еще достигать в себе, чтобы приступить к задачам, данным вам Вечным. Пока вы не знали имени Великого Творца Земли – орбита ваших действий позволяла вам «отдыхать», выражаясь вульгарно, от небесного Света. Теперь для вас нет возможности жить в том состоянии бездеятельности, что люди зовут «отдыхом». Отдых ваш только там, где идет сотрудничество ваше со всем Светлым Братством, с Его Главою – Санат Кумарой. Врежьте в сердца и сознание этот Свет Величайшего, встречайте и провожайте день труда, призывая это Имя; ибо знаете ныне, что только пред Ним начинается и кончается ваш серый день труда, только с Ним сохраняется, растет и развивается сила. Учтите заботу Милосердия о вас: ни одному из вас не поручено дело в оазисе. Всемиловитый, Он заботился о вас; думал о вашем состоянии, мире, физическом и духовном моменте творчества и дал вам поручение так, чтобы вы имели возможность привести все новые силы к равновесию и могли действовать успешно. Унесите вечную память об этом Милосердии; всегда, встречая людей,

оказывая им помощь или давая им для них переданные вам блага и знания, умеете приготовить в их душах почву, на которой может быть понято передаваемое вами. Первая забота о человеке, если он поручен вам, – суметь стать в его положение и не превысить его возможностей в передаваемом ему поручении. Твердо помните, не как теорию, а как практику ежедневного труда: «Может – не значит будет». Каждый раз, где вы подумали сначала о себе, то есть сказали себе: «Как трудно продвинуть в массы эти понимания» – вы уже раскрыли щель в защитной сети и наполовину уменьшили успех предпринятого дела. Начиная день, как начиная и любое дело, помните лишь одно сияющее Имя, пославшее вас к Владыкам мощи и посылающее вас в толпу людей. Как драгоценный караван, идите через пустыню и несите в сердце чашу Бога, полную Его Света. Расплескать каплю Огня, не приготовив предварительно костра, где Он мог бы запылать, – равносильно евангельской истине – метанию бисера без смысла и без пользы. В эти короткие дни пребывания здесь оцените встречу, оказанную вам Милосердием. В доме, куда вы вошли, никто не жил; по острову, где вы проживете немного дней, ничьи ноги, кроме Яссы, не ходили. Оцените и поймите эту заботу о вас, не как о тех или иных личностях. Но каждый раз, как будете встречать людей, имеющих те или иные поручения Светлых Сил, отдавайте Им все внимание, стремитесь устроить Их внешнюю судьбу так, чтобы им поданное поручение могло быть выполнено с наибольшей пользой и смыслом для людей. Для вас, гонцов неба, нет никакого разделения времени и пространства. Для вас есть только та жизнь, в которой куется вечное, вне зависимости от времени и пространства. Нет для вас человека как внешнего или внутреннего облика. Есть только человек-путь. И каждый путь вами оберегаем; ибо вы – мосты, через которые текут любовь, помощь и знания Санат Кумары к людям земли.

И. велел нам разойтись по комнатам, обдумать то, что он нам сказал, и сойти через час снова вниз, где он будет нас ждать и поведет нас в домик матери Анны, а оттуда в трапезную.

Возвратившись в очаровательную по чистоте, но чрезвычайно скромную по обстановке комнатку, я еще раз прижал к груди цветок Великой Матери и электрический камень Владыки-Главы. Мне казалось, что я вовсе не был лично взволнован, когда выходил из владений Владык и переступал высокий порог их ограды, ведущий в оазис, а только испытывал колотье по всем нервам, точно они были обнажены и болели от вибраций, от которых я успел отвыкнуть.

Сейчас я понял, насколько глубоко лично я воспринимал мой новый

выход в жизнь, насколько слабо было мое сердце, которое не сумело сразу раскрыться шире, растянуться, по крайней мере, на весь оазис и влить в него новую любовь, новую силу, полученную мною за время обучения.

Еще раз я яснее понял и лучше увидел, кто был И. У этого Богочеловека, даже когда он сносился с животными, ни на минуту не прерывалась связь с Единым Владыкой, имя которого сияло в его делах, как солнце привета всему, что он встречал, что делал. Он все и всех поднимал вверх, ибо у него не было мысли «поднять». Он действовал как Свет, ибо только Свет был в нем, а не «я», в какой бы форме оно ни пряталось в человеке.

Я понял не метод, «как овладеть» собой, как применить те или иные знания и силы, я понял, что только тогда человек действительно забыл о себе, когда дух его слился с тем человеком, с которым он говорит, или с трудом, который он сейчас делает. Я понял непрерывность слияния с Высшим – только тогда возможную, когда сила Его вяжет воедино тебя и каждого.

Когда снова раздался голос И., призывавший нас спуститься вниз, я был уже в полном равновесии и не признавал себя ничем, кроме радостного рабочего моста, где в данную минуту Свет Вечного шел ко мне через И., сотрудничавшего сейчас со мною.

Оглядев всех нас, когда мы собрались на крылечке, И. ласково нам улыбнулся, поманил к себе Наталью Владимировну, что-то тихо ей сказал, дал ей пояс взамен потерянного и сказал мне:

– Ступай со мной прямо к матери Анне; остальные пройдут с Яссой к нескольким больным, которые их терпеливо ждут.

Меня очень поразило, что мои друзья имели в оазисе людей, нетерпеливо их ждавших, но я уже знал все разнообразие путей человеческих и не сомневался, что перед свиданием с матерью Анной моим друзьям было необходимо выполнить какой-то долг.

Мать Анна встретила нас все такой же сияющей, какой я оставил ее год назад. Но ее лицо, глаза и вуаль показались мне еще более лучистыми: точно куски дуги слетали с ее головы. Я понял сейчас же, что я теперь научился читать ее мысли, которых раньше даже не видел.

– Левушка, – сказала она мне, ласково пожимая мою руку и отдавая мне поцелуй в голову, когда я склонился к ее руке. – Давно не звучала, вернее, не гудела подле меня так сильно радость человеческого сердца, как я слышу это сейчас. Я говорю, конечно, об Учителе, – прибавила она, склоняясь в сторону И., – ибо Учителя сердце уже не человеческое, а Богочеловеческое. Мне все ясно из того, что Вы сделали и приобрели за это

время, – продолжала она и, помолчав, прибавила: – Учитель И. обещал привести Вас одного ко мне, как только вы вернетесь в оазис. Мне было указано Владыками мощи, что я могу отобрать среди своего племени семь человек, страдающих о своих близких, поскользнувшихся на духовном пути; и я сама могу быть одной из семи. Нам разрешено обратиться к каждому из вас с просьбой...

– О, мать Анна, не надо слов, я все понял, – перебил я чудесную женщину, глаза которой стали слегка влажными. – Вы желаете, чтобы я увиделся с Анной и помог ей в назначенном ей деле: сменить Вас здесь. Я буду счастлив выполнить Ваше желание, ибо знаю, что Учитель И. даст на это благословение. Он поможет мне быть достойным Вашей просьбы. Я же перенесу Анне всю ту Силу помощи, до какой смогу дойти сам.

– Вы угадали мою просьбу, Левушка, – ответила мне мать Анна. – Но я должна сказать Вам то, чего Вы еще не знаете. Выйдя от Владык мощи, каждый из вас обладает теперь силой и правом взять под свое покровительство – а через себя и под непосредственную помощь обучавшего вас Владыки мощи – несчастного, чистого по существу, но загрязнившего себя связью с темными силами человека. Ваша сила радости особенно важна и ценна в деле Анны, так как черный камень Браццано, который Вы носили на груди, превращен Владыкой на том алтаре, что он называет рабочим местом Бога, в камень Жизни, прозванный редкими его обладателями электрическим камнем. Вы теперь знаете, кто дал Вам Свой Огонь в камне. Хотите ли первую мощь камня излить на бедную Анну?

– О, как можете Вы задавать мне этот вопрос? – вскричал я, только теперь поняв, что величина камня, его оправа и цепочка соответствовали вещи Браццано. – Я повторяю Вам: великое счастье для меня Ваша просьба. Если Анна сможет приехать сюда, чтобы раскрепощение Ваше от земли совершилось как можно скорее, я уверен, что она приложит всю свою силу духа, энергию и усердие и поспешит утешить не только Вас, но и своего великого друга Ананду.

Мать Анна долго молчала, точно погрузившись в молитвенный экстаз. И. подошел к ней ближе, и я увидел в светлом кругу над ее головой образы Ананды и Анны, бросавших цветы матери Анне.

– Спасибо, друг, – наконец тихо сказала она. – Я не останусь с пятном на сердце. Анна будет здесь.

Не успела мать Анна окончить своих слов, как раздался стук в дверь и вошедший Ясса спросил разрешения войти нашим друзьям.

Получив разрешение, все друзья вошли в комнату матери Анны. Казалось, что час назад все мы вышли из дома, и облик каждого

запечатлелся в моих глазах. А в эту минуту я мог бы поспорить с самим собой, что люди прожили в оазисе год, а не час: так уверенно, легко, просто и весело здоровались все с матерью Анной. Они как-то сразу освоились с атмосферой оазиса, точно и не уходили из него.

«Вот что значит забыть о себе», – подумал я.

Тепло приветствовала нас всех мать Анна, говорила, что Учитель И. за год своего пристального наблюдения над ее оазисом сделал так много нового в нем, что мы его и не узнаем. Поздравив нас с началом новой жизни, мать Анна пригласила всех в трапезную, сказав, что там нас уже нетерпеливо ждут.

По дороге в трапезную оазис показался нам таким цветущим и благоухающим раем, что нельзя было себе и представить, как был он исковеркан песком и бурей год назад. Странное чувство начинало расти в моей душе. Несколько коротких часов отделяло меня от жизни у Владык мощи; а между тем, сейчас мне казалось, что все пережитое было только благодатным, радостным сном, а жизнь

– как деятельность и земной труд – и не прерывалась вовсе. Я ощущал данный момент своего возвращения к жизни как будто бы не имевшим годового антракта, точно я вчера ушел из оазиса и возвратился сегодня, проведя где-то поблизости одну короткую ночь.

Только в сознании своем я чувствовал великую перемену. Я видел теперь во всем, какую любовь нес И. всякому человеку; как человек был целью его труда и дел всегда, везде и во всем. Я понял, что и мне нет иного подхода к начинающимся встречам, как любя человека, видя в нем цель дел Учителя, найти вход любовью в сердце каждого и своей гармонией облегчить ему жизнь...

Насколько я воспринимал свой возврат в оазис как дело минутной разлуки с ним, настолько жители оазиса восприняли наше появление как новый, вторичный приезд. Это меня поразило. Конечно, наше исчезновение могло быть воспринято обитателями как ночной отъезд. Но И. ведь оставался с ними? Почему же сейчас, при нашем входе в трапезную, оазис встречает И. восторженной овацией, благодаря его за вновь обретенное счастье – столь неожиданно скорое посещение? Где же был И.? Чем же он был занят этот год?

Я вспомнил башню пятого луча в пространстве; вспомнил ночь бури на маяке; образ И. среди гор песка пустыни в грохоте ветра, грома и молний; его же образ в то же время неподвижно стоявший у руля на маяке, – и понял в первый раз отчетливо, что если Учитель и не всемогущ и вездесущ, то, во всяком случае, он может быть видим людям в разных

местах почти одновременно, и в этом нет чуда, а есть только результат его знаний.

Итак, И. не жил в оазисе, а «пристально наблюдал» за развитием новой жизни в нем, как сказала нам мать Анна. На восторженный прием людей, наполнявших столовую, И. ответил коротким ласковым приветом, который закончил следующими словами:

– Спасибо вам, друзья, что вы все это время с таким усердием и точностью выполняли все мои указания, которые я передавал вам через мать Анну и Яссу. Не меньшую благодарность примите и от моих друзей, именами которых вы назвали новые аллеи в разбитом за этот год парке. Каждый из них оставит в своей аллее вам какую-нибудь память. Между нами есть великие художники и скульпторы, ученые, писатели и изобретатели, и сегодня же, после трапезы, соберитесь в семь бригад все те, кто разбивал новые аллеи. Мои друзья выскажут мне свои пожелания, что и где каждый из них хочет оставить вам в своей аллее, и общими силами мы выполним эту работу. Но надо спешить, так как на этот раз мы не можем долго у вас задержаться.

Крики радости от обещания И. и огорчения от нашего быстрого отъезда покрыл гул общей просьбы: на воротах оазиса поставить изваянную фигуру И. в память чудесного спасения в ночь ужасной бури.

Назвав «детским» желание жителей оазиса, И. сказал, улыбаясь, что постарается оставить им на память свой портрет, но не на воротах, а на маяке, и пригласил всех успокоиться, сесть за стол и мирно кушать, чтобы поскорее приняться за обход аллей и обсуждение их украшений.

Обед прошел несколько торопливо. Видно было, что каждому хотелось принять участие в новой работе с нами, независимо от того, разбивал он новую часть парка и нет.

Перед окончанием трапезы мать Анна, видя всеобщее желание быть в нашем обществе, объявила, что пойдут к новым дорожкам только те, кто их разбивал, но что вечерняя трапеза будет на час раньше, все население оазиса соберется в новом огромном зале и будет оповещено о результате наших трудов. Там все будут иметь возможность провести вечер в нашем обществе и высказать все свои пожелания и мнения. А Учитель И. и его спутники увидят выстроенный без них – по их планам и указаниям – новый зал.

– Трепещите, одобряют ли высокие друзья и гости наш труд, – закончила свои слова мать Анна, и ее голос и улыбка были особенно полны доброты и любви при этих последних словах.

По окончании обеда каждого из нас окружила кучка людей из тех, что

не шли с нами работать, и милые обитатели оазиса рассказывали нам о чудесах доброты и энергии Яссы: о его необыкновенных приемах лечебного массажа, о новых формах гимнастики, которым он обучал специальную, очень многочисленную бригаду.

К огорчению остававшихся, вскоре подошла к нам большая толпа юношей и девушек в рабочих костюмах, предлагая отправиться к новым аллеям. И. с нами не пошел, сказав, что у него много дела в старой части парка.

Трудно было себе представить, до чего разрослось все на старом и на вновь обработанном куске необъятной пустыни! Завод теперь совсем не был виден, закрытый со всех сторон поднявшимся стеной густым кустарником. Когда же мы подошли к тому месту, где был вход в особую стену Владык, – я знал, что вход здесь, так как увидел сквозь все преграды лабораторию Владык, увидел даже на седьмом этаже моего милостивого Владыку-Учителя, посылавшего мне улыбку, – то удивлению моему не было границ. Кругом шла стена-лес, точно вековое, ухоженное гигантами, живое окончание оазиса...

Перед этой толстенной стеной была разбита широкая площадка с цветущим на ней благоухающим палисадником. Всем хотелось иметь здесь статую матери Анны, но не было такого большого куска мрамора. Грегор с Василионом посоветовали вылить ее из местного стекла, уверяя, что Василион знает теперь тайну несмывающихся и невыгорающих красок в стекле, переливающихся под солнцем краше перламутра.

Долго мы ходили по новым аллеям, обдумывая, что оставить каждому из нас как дар благодарности оазису, ставшему для нас центром великих откровений, началом новой жизни и труда для блага людей, обетованной землей, возвращение на которую еще раз было указано некоторым из нас.

Когда мы достигли той аллеи, что жители оазиса в шутку называли «Левушкин рай», я мгновенно понял, что должен я оставить на этой аллее как дар своей вечной благодарности. Аллея имела в середине круглую площадку, где блестел песок пустыни и где обитатели оазиса хотели выстроить большую беседку. Вся аллея была из широколистных пальм, еле достигавших пока высоты человеческого роста, что среди огромных деревьев других аллей делало ее похожей на обсаженную карликовыми растениями. Тем не менее листья пальм были уже так хороши, что аллея была тенистой. Половина площадки была обсажена кедрами, шедшими полукругом и также еще не достигшими человеческого роста. Спутники мои, увидя мою сосредоточенность, поняли ее как огорчение, что моя аллея мало поднялась. Они объяснили мне, что эта аллея разбивалась последней,

потому она еще низкорослая, но что через год-два поднимется выше своих соседей к небесам.

– Я совсем не огорчен, что аллея моя выросла мало, – ответил я. – Я глубоко задумался над тем, что должно быть сооружено на этой чудесной площадке. Мне хотелось бы, чтобы здесь стояла не беседка «Левушкин рай», но чтобы здесь была часовня, отдающая всем, к ней приходящим, чистоту и силу рая. Но я не знаю, имею ли я право соорудить здесь копию одной священной, божественно прекрасной часовни, которую видел в одной чудесной Общине. Об этом я скажу вам вечером, когда переговорю с Учителем И.

Так как моя аллея была последней, куда мы пришли, и только я один не решил своего вопроса, а все остальные точно знали, что хочет каждый создать в своей аллее, то времени на обсуждение ушло много, и сейчас все торопились разойтись по домам и привести себя в порядок, чтобы внимательно приготовиться к вечерней, более ранней, трапезе. Все разошлись, несколько задержались со мной Грегор с Василионом, и Грегор шепнул мне:

– Мы поняли Ваш замысел. О, если бы Учитель И: нашел это возможным! Здесь как бы нарочно все устроено, чтобы копия могла появиться!..

Оставшись один, я сел на песок и оперся спиной о ствол центрального кедра. Великая Мать дала мне задачу принести Ее Радость и Утешение в часовню скорби в Общине Раданды. Разрешит ли Она мне оставить копию Ее древней часовни Звучащей Радости здесь, в опекаемом Великими Силами месте, чтобы образ Ее помогал совершенствоваться этому небольшому и необычному племени, не знавшему горькой сети человеческих страстей и самолюбия, не знавшему слез и встречавшему каждого улыбкой привета?

Я готов был положить под фундамент свои величайшие сокровища: Ее цветок и камень Венецианца, очищенный от зла и ненависти Браццано Владыкой-Главой на его алтаре, что он называл Рабочим Местом Бога. Закрыв лицо руками, я ушел с земли; я летел всем сознанием в часовню Радости, пытаюсь там найти первое указание... Я вдруг услышал голос:

«Место Мое всюду, где чистая любовь человека зовет Меня. Но сила помощи Моей зависит только от верности тех, кто ко Мне приходит.

Сложи в основание фундамента часовни не только те сокровища, что на себе носишь; но и все поданные тебе – любовью людей, цельной и бесстрашной, – вещи в оазисе Дартана.

Жди указаний И. Он передаст тебе камень Света для фундамента Моей

часовни, что Божественные Силы подадут Владыке-Главе».

Голос затих. Спускалась уже тьма на оазис, Я не знал, куда и как идти, как вдруг услышал поспешные шаги И. Мой великий и мудрый покровитель шел мне на выручку, как делал это во всех случаях моих затруднений.

– Мой друг, разве ты сразу не увидел, что все подготовлено здесь мною, чтобы могла засиять еще одна часовня Радости в пустыне? – сказал он, поднявшись со мною. – Велико счастье твое, что ты имел силы вынести из лаборатории Владыки-Главы очищенный, наполненный магнитным током Великого Бога камень и посланный тебе новый живой цветок Великой Матери. О трудностях технической стороны не беспокойся.

И. взял меня, счастливого, потерявшего чувство времени и пространства, под руку, и мы весело зашагали во тьме, среди ярко сиявших небесных лампад.

– О, как прекрасна Жизнь, – тихо повторил я несколько раз за время этого короткого пути с И.

И опять по-новому воспринимал я общество моего высокого друга! Теперь не было у меня никакого ощущения разнобойных вибраций: я даже не замечал особенностей ритма дыхания и походки И., к которым раньше мне приходилось не без труда приспособливаться. Я сейчас легко и просто сросся, слился с сознанием И., и мне было ясно: Единого в нем я воспринимал всем Светом своей души. И если я не видел еще всего Света И., то я жил всеми своими силами Единой Красоты в Его Свете. Я не воспринимал личности И. потому, что не знал в эти минуты даже намек на что-то личное в себе. Впервые я ощущал на деле, что такое полная освобожденность и как беспредельно счастье жить в ней серый день Земли!..

Когда мы достигли освещенного зала трапезной и погрузились в море голов и глаз, жадно ожидавших И., в первый раз за это короткое время так недавно начатой новой жизни меня не ударили, не оглушили и даже не смутили эманации человеческой толпы. Раньше я всегда чувствовал, как И. меня защищал от разбивавших токов мыслей и желаний людей. Сейчас я почувствовал, что я не только не нуждался в защите, я нес людям силу в себе. Я понял ясно, что нес ее потому, что был в полной освобожденности от личного. Я еще раз вознесся к алтарю Владыки-Главы и, прошептав великое имя «Санат Кумара», невольно тихо сказал: «О, как прекрасна Жизнь!»

– Ты только сегодня и понял, что значит благословенное счастье жить свой день в мужестве и мудрости, в единении с трудящимися неба и земли,

в неугасимой любви Великой Матери, – ответил мне И. и тут же обратился к ожидавшим нас и поднявшимся с мест, приветствуя его, обитателям оазиса: – Простите, дорогие мои и уважаемые друзья, за те несколько минут опоздания, какие мне пришлось невольно допустить. Поверьте, что причиной их было очень важное для вас дело, которое при помощи Левушки принесет вам всем немало радости. Нам было необходимо решить вопрос о памятнике – чуде красоты, что будет вам оставлен в аллее «Левушкин рай», как вы ее прозвали в шутку. Дав ей это название, вы и не думали, что попали всерьез близко к цели, ибо действительно в ней будет сооружена часовня, где ни одно существо не сможет испытывать ничего, кроме радости, так райски прекрасна будет установленная там фигура.

И. пригласил всех занять свои места за столами. Дождавшись обычного разрешения матери Анны на подачу кушаний, все принялись за еду, но во всех глазах читалось скрытое нетерпение, как бы скорее окончилась еда и начались доклады каждого из нас о предстоящем труде украшения аллей.

В самое короткое время окончился ужин, и зал принял вид аудитории. Я в первый раз видел еще этот новый зал. Он был выстроен по образцу старого и несколько напоминал помещение внутри громадной крепости. Я понял, что и в этой постройке строители предвидели возможность борьбы с песчаными бурями пустыни. Невольно дрогнуло мое сердце, я подумал о будущей часовне в моей аллее, но тут же вспомнил слова Владыки-Главы: «Бесстрашному и верному до конца – Твой призыв до конца. Только в верности до конца достигается то бесстрашие, где человек может вступить в сотрудничество со Светлым Братством».

Я нашел мгновенно полное успокоение, улыбнулся детскости своего молниеносно мелькнувшего беспокойства о Святыне и стал слушать речь Грегора. Грегор не только говорил от лица всех нас. Он начертил на большой стеклянной белой доске черной тушью план вновь разбитых аллей и набросал в каждой из них те здания, которые должны будут их украсить.

Я всегда знал, что Грегор художник гениальный. Но перед тем, что я увидел сейчас, я просто благоговел. На площадке, где скрещивались лучеобразно шесть аллей, он начертил фигуру матери Анны, стоящей с посохом в одной руке и змеем, кусающим свой хвост, в другой. Рука со змеем была высоко поднята и как бы указывала на вход во дворик Владык мощи.

Фигура, нарисованная Грегором в несколько минут на глазах у всех, выступала точно живая на белом фоне доски. Сходство, выражение и

манеры были до такой степени живо схвачены, что зрители затихли, замерли, и только после довольно долгого глубокого молчания раздался гром аплодисментов, радостных возгласов одобрения художнику.

Никаких обсуждений не требовал портрет матери Анны. Только один вопрос задали жители оазиса: почему в руке их настоятельницы змей?

Грегор объяснил им, что змей, кусающий свой хвост, есть эмблема Вечного Знания, постичь которое может только тот, кто откроет и поймет Вечное в себе.

Здесь выступил И., сказав, что в течение всего времени своего пребывания в оазисе он будет каждый вечер, после ужина, вести беседы, и в них все поймут ясно этот символ Вечности и узнают еще много нового из духовного мира.

Долго, очень долго и подробно Грегор рисовал театр Бронского, библиотеку-читальню Ольденкотта, училище и обсерваторию Игоро, химическую лабораторию Натальи Владимировны, чудесную, волшебной красоты баню Грегора, оранжерею и агрономические курсы Василиона.

– Что касается моей статуи, о которой вы просили, – ее я сделаю сам, доверьтесь мне в этом деле, – Улыбаясь, сказал И. – Я постараюсь соперничать с Грегором в чистоте линий и жизненности моей фигуры. Часовню Левушки мы обсуждать сейчас не будем – некогда, время далеко за полночь. Но когда вы начнете строить ее, под наблюдением и по указаниям нашим, вы сами увидите, что эта Святыня не подлежит обсуждениям как художественное произведение. Она

– ваше великое счастье.

Через несколько минут мы простились с матерью Анной и всеми присутствующими и пошли в свой домик. Долго еще в эту ночь продолжались во всех уголках оазиса беседы о предстоящем украшении аллеи и о начинающемся преобразовании оазиса в настоящий культурный «город», как представляли себе его никогда не выдавшие городов жители оазиса.

В который раз шел я подле И. в сверкающей звездами ночной темноте пустыни! И каждый раз и ночь, и неслышные днем звуки пустыни – все воспринималось мною по-иному. Сегодня я шел в своем широко раскрытом зрении и видел ясно всю картину Трудящейся Жизни.

Сверкающие башни лучей не мешали мне видеть чудеса трудов на башне стихий. Мчавшиеся сонмы невидимых помощников волновали сердце и мысли, и яснее обычного я понимал невозможность остановки ни на один миг труда Вечного Движения.

Все мои товарищи шли молча, как и я, и общее для всех нас

благоговение вводило нас в эту первую ночь нашей новой священной жизни на Земле. Мы подошли к нашему домику, и у его порога И. нас задержал.

– В каждом из вас совершился великий перелом. И в эту ночь ни один из вас уже не имеет ни личных желаний, ни личного восприятия того труда, которым суждено вам утешить, облегчить и украсить жизнь ваших встречных. Но не это составляет ныне центр вашего преображения. Ваше пребывание у Владык показало вам на опыте, что такое Земля, кто возглавляет весь труд Земли и на какой высоте должен быть тот, кто стремится, ищет и получает честь и счастье сотрудничества с Великим Главой Земли. Однажды увидев труд Его, вы уже не можете больше относиться к Земле как к простому месту своего рождения и труда. Вы знаете, а потому для вас Земля перестала быть местом счастья или несчастья, местом долга и обязанностей. Земля стала для вас священным храмом, ибо знаете, что на ней стоит живое рабочее место Его – алтарь и святыня всех светлых людей. Вы можете жить теперь на Земле только как в священном храме, где каждая минута вашего труда льется как славословие этому священному храму – Земле. Все ваши прежние понятия о добре и зле, о наказаниях и наградах, о будущем и прошедшем, о выборе себе изысканных положений и мест труда – все распалось прахом. Вы воочию увидели, что вся Земля и все на ней есть только труд Бога. И этот труд вы отныне призваны разделить, нося в себе и зная, как подходят к алтарю храма священной вам теперь Земли. Вступая в эту ночь в новую орбиту движений творческих сил, пусть каждый сохранит в памяти начало своего пути, начало своих исканий. Вспоминайте, что не всегда вы были сильными. Не всегда побеждала в вас любовь без раздражения и горечи. И вам будет легче покрывать своей любовью, своим милосердием и миром ту духовную пропасть, что лежит никому кроме вас и тех, что выше вас, не видимая, между вами и теми людьми, которым понесете свои новые знания. И сколько будете жить на Земле – всегда и всюду будете чувствовать эту пропасть между собой и массами. Будете зовущими в красоту и мир. И ощущать будете, что зовете стадо буйволов, грозно ревущих и охраняющих свое личное счастье, добычу и наживу. Ваша сила есть знание, что Земля – ваш священный храм. Эта сила охранит вас от всех злых набегов. От всех попыток затоптать в грязь то знание, что суждено вам принести людям. И пропасть между вами и людьми не будет шириться, а будет сужаться лишь тогда, когда вы будете трудиться в храме Санат Кумары – на священной земле. Будьте благословенны при вашем возврате на Землю. Вы все возвратились здоровыми и невредимыми,

закаленными бойцами Единого. Не думайте, что попытки подвести к знанию, которым вы ныне владеете, не делались и раньше. Они делались. Но люди, молившие о знании, клявшиеся в верности, не выдерживали и первых, легких испытаний, будучи не в силах соблюсти до конца чистоты и забвения себя. Они стремились использовать свои маленькие новые знания в личных целях

– и им приходилось начинать весь цикл восхождения почти с начала, с животного мира. И эти случаи были лучшими. Ибо были случаи совершенно ужасного подпадения под власть темных сил, откуда спасти их до окончания жизни планеты никто не может. Отдайте же себе отчет в той степени готовности, в какой стоите сейчас. Не забывайте пройденного пути своих побед, где вы всегда побеждали любя, и будьте снисходительны к людям, что ищут и хотят, но не могут достичь гармонии мысли и сердца, и пропасть между вами и ими для вас – самое великое, что вы знаете на Земле: рабочее место Бога. Оно живет в каждом из вас, если вы чисты до конца.

Так закончил свои слова И. Он ласково обнял и благословил каждого из нас. В наступавшем рассвете я видел, как взволнованно-благоговейны были лица моих возвращавшихся к жизни будня товарищей.

Свет прибавлялся с каждой минутой, и, когда я вошел в свою комнату, солнце уже поднялось наполовину на горизонте пустыни. Первый серый день начинался. О сне было нечего и думать, да и никакой потребности в нем я не ощущал. Я глубоко сосредоточил свою мысль на алтаре Великого Владыки Земли и просил всех помогающих мне милосердных братьев не оставить меня своим дружелюбным покровительством, чтобы я мог внести мою скромную долю труда и чтобы пропасть между мною и окружающими меня людьми сузилась хоть на одну песчинку, чтобы алтарь Великого Бога утвердился крепче в восприятии людей.

Я молил Великую Мать послать мне сил чистоты и радости, чтобы Ее дивная часовня воздвиглась и охраняла оазис во всей веренице его дальнейших дней.

В мою дверь тихонько постучали, и я увидел милого Яссу, как всегда думавшего обо всем и обо всех. Он сказал мне, что легкий завтрак из молока и белого хлеба уже ждет, и предложил отправиться вместе в душ. Я не замедлил воспользоваться его предложением, слышал, как по соседству с моей кабиной всплескивались струи воды, и понял, что мои товарищи также готовятся к первому трудовому дню.

В маленькой столовой уже сидели Наталья Владимировна, Ольденкотт и Грегор, когда мы вошли. Они горячо обсуждали проект

библиотеки читальни, при которой милый Ольденкотт хотел создать целый ряд комнат, где было бы можно жить, целиком посвятив себя научной работе, и отделиться от общей жизни оазиса.

Я совершенно не хотел есть. Молоко и хлеб казались мне тяжелыми блюдами, и, за кусок боба Владыки я готов был отказаться даже от чудесных фруктов, в изобилии лежавших на столе.

– Надо кушать, Левушка, – услышал я за собой голос И. – Всем вам, друзья, надо привыкать к обычной пище, хотя бы она казалась вам мало привлекательной. Пока вы были оторваны от земли и жили в вибрациях выше ваших индивидуальных возможностей, пища ваша должна была быть минимальной и легкой. Теперь ваш труд пойдет в вибрациях ниже ваших индивидуальностей, с одной стороны, и под палящим солнцем пустыни – с другой. Поэтому в организме должны быть плотные вещества, помогающие закалить и внешне огрубить организм для встречных токов людей и атмосферы пустыни. Пока мы живем в оазисе, каждому из вас надо достичь привычки не только безнаказанного для чувствительности нервов общения с людьми, но и умения мгновенно построить себе и встречному защитный круг и только в нем общаться с человеком. Здесь вас окружают наиболее чистые вибрации, так как никогда нога темного существа не ступала на эту защищенную землю и не может на нее ступить. Здесь может жить или чистое, светлое, или совсем очистившееся от всего темного и ставшее светлым. И все же даже эти прекрасные эманации были тяжки вам в первые минуты возврата на Землю. В общине Раданды – в месте активной борьбы со злом

– вам надо быть уже во всеоружии, чтобы с этой стороны не думать о себе, а только о деле Того, Кем вы посланы к людям... Кушайте же все, что перед каждым из вас стоит. Переоденьтесь в рабочие костюмы, и отправимся все на новые аллеи. Там распределимся по рабочим бригадам и начнем строить новые здания по методу и способу, полученным Грегором, Василионом и Игором. Я подаю вам пример, – закончил И., улыбаясь и придвигая к себе чашку с молоком и хлеб с медом.

Несмотря на то, что я очень спешил проглотить свое молоко и хлеб, чтобы поскорее пойти в аллею и начать ой первый – и такой божественный – труд Земле, я все же не терял время на одну еду и пристально наблюдал лица моих товарищей.

Эти лица меня удивили. Сам я чувствовал себя необыкновенно легко и просто. И легкость моего нового существования все возрастала. Я весь сиял счастьем начать строить здесь часовню Радости и сознавал, что мое внутреннее сияние ярко отражается на моем лице.

Первым бросилось мне в глаза лицо Грегора. Оно было сосредоточенно, почти озабочено. И я понял, что дух его занимает сейчас какая-то иная творческая задача, к которой он, внешне занятый делами оазиса, внутренне готовился.

Наталья Владимировна, недавно горячо обсуждавшая проект своей лаборатории, с первыми словами И. как-то особенно притихла, точно собирала силы для постройки защитного круга себе и каждому встречному, желая уже в нем покинуть столовую.

Ольденкотт хранил, как всегда, свое благородное, детски спокойное выражение доброты и мира. Ему незачем было думать о том, чтобы пролить свой мир и свет кому-либо. Он именно ими и был сам, светил и грел, не думая о том, ибо жить иначе он не умел и не мог.

Игоро весь горел такой силой внутреннего огня и темперамента, что едва мог заставить себя сделать несколько глотков молока. Если бы не его чрезвычайная дисциплина и преклонение перед И., он вскочил бы изза стола и помчался в свою аллею.

Бронский, новый, молодой красавец Бронский, был также мыслями не в оазисе. Над его головой я ясно видел движущиеся картины его богатейшей фантазии, в которой уже жили целые сцены новых постановок, и я узнавал отдельные фигуры жителей оазиса Дартана.

На всех лицах читались рои новых вопросов вновь зарождающейся жизни, и дух каждого дрожал и напрягался по-своему, ожидая первой счастливой минуты вступления в указанный труд и встречи в нем с живыми людьми. Во всех сердцах лежала одна забота: оказаться достойным данного поручения.

Один только Василион – почти тот же по внешности, но окрепший, как зрелый дуб, – сохранял на своем лице то дивное выражение восторга и счастья, которое я на нем увидел в первую минуту знакомства, когда невидимый им Раданда привел меня в дом братьев. Точь-в-точь то же выражение ликующей любви лежало на нем, как в тот миг, когда он держал в руках обворожительный цветок. Это было не то выражение Василионапевца, который забыл о Земле и пел оторванному от нее Богу. Нет, это было лицо восхищенного садовника, знающего, какие цветы может родить Земля для счастья людей, и в какие розы могут превращаться сердца людей, если садовник живет на Земле – священном храме труда Бога.

Да, этот человек уже жил и действовал в священном Храме-Земле. Он уже не имел вопросов, как начать – он знал, он начал, он был не только в глубоком спокойствии, он уже сотрудничал с Тем, Кто его послал.

И. окинул всех нас, таких бесконечно разных, своими

всепонимающими глазами, улыбнулся, точно хотел сказать, что иначе и быть не может, как у каждого по-разному, и предложил всем отправиться переодеваться в рабочие костюмы, приготовленные, конечно, Яссой.

– Ясса, миленький Ясса, ну мыслимо ли существовать на свете без тебя? – сказал я моему другу-няньке, добровольно занявшему при мне снова эту позицию.

– Смотри, Левушка, будешь так благодарить меня за каждый пустяк, вот и получишь меня в вечные спутники, – ответил он мне, улыбаясь.

– О, иметь тебя всегда рядом?! Было бы для меня довольно незаслуженным счастьем! – ответил я. И через минуту благодаря его помощи мы были первыми на крылечке, куда быстро спускались все обитатели, каждый по-своему управляемый Яссой.

Вскоре присоединился к нам И., и мы отправились к новым аллеям. Путь на этот раз был гораздо короче, так как И. вел нас через центральную часть оазиса. По дороге мы подбирали уже ожидавшие нас группы туземцев, и И. сразу же распределял их, прикрепляя к каждому из нас то или иное число людей. К концу пути у меня, как и у других, образовалась довольно большая рабочая бригада. Все мы рассеялись по своим аллеям, получив от И. и Грегора определенные первые задания по выравниванию площадок и рытью глубоких канав для фундамента.

И., отдав распоряжения, остался со мной. Через несколько минут на готовой уже площадке начались работы по закладке фундамента. Я еще никогда не видел, как строилось какое-либо здание, и все меня поражало. Глубочайшие рвы рылись специальными машинами, выбрасывавшими песок целыми горами. Тут же эти горы свозились на верблюдах и осликах к заводу, а оттуда привозились и складывались огромные глыбы стекла вместо обычного камня для фундамента. Я понял, что столь глубокий фундамент закладывался для борьбы с бурями.

Работа кипела. Казалось, что просто по-сказочному быстро вырастает прочное основание часовни. Не только для самой часовни, но и для лесенки закладывался такой же глубочайший фундамент. Во многих стеклянных плитах я заметил заранее проделанные отверстия для будущих балок. Постепенно, по ходу работы, я понимал, что И. весь год нашего отсутствия наставлял жителей оазиса через мать Анну в подготовке материалов – по ведомому ему одному плану – для воздвижения всех зданий, которые каждый из нас, якобы от своего имени, должен был оставить в оазисе.

И еще раз я увидел необъятность знаний и труда И.! И еще раз преклонился перед этим человеком! И не только это понял я еще раз – я понял свое скромное место во Вселенной! Я думал, что мне пришла идея

выстроить в оазисе матери Анны часовню Звучащей Радости; и понял теперь на опыте дня, что я был только тем видимым орудием, через которое Великая Жизнь давала знак Своего невидимого милосердия заслужившим его людям. И., бывший истинным строителем часовни, внешне отходил в тень, выставлял мое имя для благодарной памяти оазиса! И эта тень – величие могучего, не нуждавшегося больше в благодарности людей духа – открыла моему сознанию всю мою слабость: я еще нуждался в подкреплении благодарных сердец, в их благословении в этой часовне, чтобы выполнить свои задания. И, чтобы получить эту помощь от молящихся здесь, я должен был иметь только полную чистоту и самоотвержение сердца.

Когда я тащил лестницу в лаборатории Владыки, Великий признал их во мне. Ныне вторично, войдя в труд земного дня, я получал это признание...

– Левушка, силач, если ты будешь беречь свои силы и отдыхать в самые нужные моменты, – услышал я голос Яссы, – мы никогда многого не достигнем. Ну-ка поддержи подъемный кран и давай укладывать самые огромные кубы.

Я очнулся от своих размышлений и снова принялся за работу с еще большим благоговением. Еще ни разу не видел я так близко и четко огромности И. Сегодня сердце мое точно расколосось на две части, вроде его башни, и все в мире представилось мне живущим двойной жизнью: земли и неба. Все, без исключения, были тенью, отражением Вечного. Но только некоторым суждено было это понять в ту короткую минуту, которая зовется воплощением...

Работа шла до такой степени быстро, легко и просто, что, когда раздался сигнал к обеду, никому не верилось, что уже прошло так много часов упорного труда. Я был совершенно свеж и бодр. Ни в каком отдыхе я не нуждался и с удивлением заметил, что лица моих сотрудников носили следы утомления от труда и палящего зноя.

И., оставлявший на время нашу аллею и поспевавший руководить всем и везде, возвратясь к нам, похвалил всех за отличную работу и немедленно отпустил туземцев, приказав им выйти вновь сюда на работу через два часа.

Когда мы остались втроем с Яссой, И. велел нам выровнять кое-где глыбы и идти с ним на завод. Здесь мы встретились с ожидавшими нас Грегором и Василионом. И. подвел, нас к небольшому по сравнению с заводом зданию, и тут все мы пришли в полное изумление. Дивные резные плиты для часовни и лестницы лежали в полном порядке, а под тяжелым

чехлом возвышалась фигура, в значении которой никто из нас не сомневался.

– Это труд Общины Раданды, – сказал нам И. – Вы не знали, что этот великий старец еще и чудесный скульптор. Только он сделал статую белой и все цветы белыми. Нам придется выполнить труднейшую работу расцветивания статуи. Василион знает теперь тайну новых красок и методов этого векового искусства. Погрузим сейчас несколько балок и плит и сделаем основание, на которое будут продолжать укладывать сложный рисунок лестничных ступеней наши помощники.

Вскоре целый груженный караван из пяти тележек, влекомых верблюдами, потянулся к месту постройки часовни. Неоднократно проделали мы этот путь, и, когда наши сотрудники, отдохнув после обеда, возвратились, самое основание здания было готово. Им пришлось только недоуменно развести руками перед темпами нашей «волшебной» работы, как они выражались, и продолжать начатую нами постройку. До вечера, отказавшись от полдника – как называлась в оазисе промежуточная еда между обедом и ужином, – трудились туземцы с нами и готовы были и от ужина отказаться, только бы не расставаться с И., к которому они привязывались все больше, не по часам, а по минутам.

Повинуясь приказанию своего высокого руководителя, и туземцы, и мы покинули место стройки. И. обещал прийти в новый зал со всеми нами, как только кончится ужин, сказав, что будет ужинать в нашем домике, чтобы дать указания всем руководящим работами на завтрашний день. Хотя до некоторой степени и огорченные отсутствием И. на их ужине, наши милые сотрудники ушли весело, заверяя И., что поужинают в один миг и будут его ждать, ждать, ждать...

Собравшись в нашей маленькой столовой к ужину, мы ожидали И., против обыкновения несколько задержавшегося. Обмениваясь впечатлениями с теми из друзей, кого я не видел в течение рабочего дня, я не без удивления узнал, что для всех предназначенных новых зданий в оазисе материалы были заготовлены в Общине Раданды. Все, имевшее скульптурную и художественную обработку, было целиком прислано оттуда. Лишь грубые глыбы для фундамента были заготовлены в оазисе, причем цели и смысла их работы мать Анна не открывала своим подопечным.

Не менее поразило меня сообщение Андреевой и Ольденкотта, что они получили от своих Учителей-Владык: одна – огромное количество ящиков с приборами и всевозможным оборудованием для химической лаборатории, другой – целый магазин книг. Игоро получил несколько огромных ларей

для будущей обсерватории и обещание прислать трех ученых помощников от своего Владыки-Учителя.

Мы не замечали времени, обмениваясь своими важными новостями, а оно шло – и И. все не было. Внезапно послышались его быстрые, легкие шаги, дверь бесшумно открылась, и в комнату вошел... богоподобный И.

Он был в белой, шитой золотом одежде, в руках его была знакомая нам тоненькая палочка и небольшая чаша с горевшим в ней оранжевым огнем. Я не мог оторвать взгляда от его чудесного лица, в котором в эту минуту не было ничего человеческого и светился один чистый, радостный дух. Безоблачное счастье лежало на всем облике И., и своим выражением он напоминал тот портрет Мории, что я видел в изголовье дивана в лаборатории, в комнате моего Владыки-Учителя. Окинув всех нас сияющим взглядом, И. сказал:

– Вы ждали меня к трапезе, друзья и дети мои. Но не единым хлебом жив человек. Я принес вам великий Свет Жизни, который мы с вами положим в углубление основания часовни. Пойдемте все туда и принесем вместе с даром неба все то самое чистое, самое высокое и мирное из наших сердец, что только способен каждый вылить в своей благословляющей всю Жизнь молитве. Молясь, вылейте в этот Огонь – вещественный знак невещественного присутствия и сотрудничества с нами Великого Бога – все то благородство любви, сострадания и мужества, на какое вы способны, чтобы каждый молящийся нашел помощь своей слабости, укрепляющую энергию своему сложному положению на Земле и никогда не боялся тяжелой ноши... Бесстрашных молитва и благословение у этой часовни и великий залог помощи и мира тем, кто придет к ней искать защиты и мудрости.

Высоко подняв над головой чашу и палочку, которая вся засверкала разноцветными лучами, И. благословил час и повернулся к выходу. Ночь, глубокая и безмолвная, сверкавшая своими звездами, была под тенью деревьев так темна, что даже дорожку разглядеть было трудно. Но чаша в руках И. бросала такой яркий сноп света, что не только вся его фигура, но и мы все были четко видны.

Я не ощущал ни малейшего утомления или голода, ни вообще какихлибо признаков своего физического тела. Я испытывал один восторг, и молитва моя о будущих молящихся у часовни летела к пламени в руках И. Я шептал божественное имя: «Санат Кумара», вливая в него все счастье жить еще одну минуту в мужестве, мудрости, в единении с трудящимися неба и земли, в любви неугасимой Великой Матери...

Подойдя к заложенному фундаменту, И. приказал мне поднять

тяжелую центральную плиту. Никогда за всю мою жизнь ничего тяжелее этой громадной стеклянной глыбы не случилось мне поднимать. И никогда больше я не испытывал такой радости, какая наполняла меня в эти минуты. Казалось, небо и земля слились для меня воедино, все звучало одним общим чувством Радости.

И. стал на колени. Мы последовали его примеру, и, когда И. поставил чашу в углубление под плитой, положив рядом с ней семицветно горевшую палочку, за нами внезапно раздался гимн Жизни, который пели своими неповторимыми, ни на что земное не похожими, стеклянными голосами Владыки мощи.

Ничто не могло казаться «чудесным» в эти незабвенные, величественные минуты. Как и когда появились Владыки мощи здесь? Даже и в голову не приходили вопросы, до того действительность превосходила своими «чудесами» все чудеса волшебных сказок.

– Мы пришли сюда, чтобы участвовать вместе с вами, гонцы Земли, в заложении нового магнетического центра Божественной Силы на Земле, – сказал нам Владыка-Глава, сиявший весь в темноте ночи, как огромный светящийся столб. – Сегодня мы приносим вам свой прощальный привет. Будьте благословенны и счастливы в ваших делах и трудах для людей. Каждому из вас дана Его чаша Огня и Мира. Но помните, что чаша – не символ, а дух и сила вашего труда, вашей жизни. Приникайте к ней, вбирайте в себя ее мощь и переливайте эту мощь в дела простые серого дня. Не за символами, а за истинными знаниями, за Светом Жизни вы приходите к нам. В образе схороненной здесь чаши вспоминайте, распознавайте смысл собственной земной жизни и к этому смыслу – первооснове всех человеческих существований – приводите все свои встречи и дела. Жизнь передает вам Свою Силу не для определенных мест и времени. Она напоминает вам еще раз: Тот Ей верен, кто научился жить в Ней и пред Ней, вне времени и пространства.

И. приказал мне опустить плиту над горящей чашей, встал на нее, велел нам, семи, стать вокруг него, взявшись за руки. Владыки тоже взялись за руки, образовав огромное кольцо вокруг нас. Еще раз они пропели свой Божественный гимн и исчезли в темноте ночи так же внезапно, как и появились.

Я видел сквозь толстенную плиту, как горела в углублении чаша и сверкала рядом с ней палочка. Я не смел спросить И., как и куда я должен положить указанные мне священные реликвии. Но мой милосердный друг, пригласив нас отдать прощальный поклон заложенной Святыне и поспешить в новый зал к ожидавшим нас, по дороге сказал:

– Когда настанет время водрузить статую Божественной Матери, ты положишь свои сокровища под Ее пьедестал.

Мы вошли в многолюдный зал, где мать Анна кончила свою беседу, и И. занял ее место на небольшой кафедре, если так можно назвать нечто вроде большого кресла с широкими подлокотниками, заменявшими при желании стол, оставляя открытой всю фигуру оратора.

Вид И. в парадном платье, еще не виданном жителями оазиса, сохранившего все сияние, в котором он вошел к нам в маленькую столовую, так ошеломил всех присутствующих, что они встали с мест, молча, благоговейно ожидая его слов.

ГЛАВА 31 Беседа И. с жителями оазиса в ночь закладки часовни. Работа И., Василиона и моя над расцветкой статуи и установка ее в часовне. Последняя ночь перед освящением часовни. Деметро и его поручение ко мне. Слова И. при открытии часовни

«Вы ждете от меня чудесных откровений, – сразу начал И., – но если бы вы очень внимательно прислушивались к словам и наставлениям матери Анны за всю совместную с нею жизнь и особенно за последний год – вы бы ясно отдали себе отчет, что не извне идет к человеку помощь. Не вовне он схватывает самую значительную часть своих знаний. Но в нем живущее откровение двигает его, увлекает и заставляет искать новых путей к знанию.

Вы спрашивали, почему в руке будущей статуи матери Анны – змей, кусающий свой хвост. Нет в этой эмблеме тайны. Весь человек, все его вечно живущие силы духа и сознания движутся, как и Земля, где мы живем, кругообразно. Не однажды живет человек, как вы уже знаете. Не однажды он возвращается на грубую землю, чтобы в плотной и тяжелой форме нести труд личного совершенствования и помогать стремиться к нему своим ближним, имея конечной целью сотрудничество со Светлым Братством.

Круги циклов жизни человека не идут всегда в одних и тех же местах. Проживший несколько воплощений в Китае может быть воплощен для следующей работы на юге Франции или севере Англии, среди вас или среди кочующих племен пустыни, среди промышленных центров Америки или в тихих углах Сибири и Африки.

В цикле жизней человека не играет никакой роли географическое положение. Даже национальность, религия и им присущие свойства не играют роли, если сам человек не привязал себя к ним ненавистью или преступлениями в такой же мере, как и суевериями или тяжкой любовью.

Среди сил, связывающих свободу духа человека, самые сильные,

неразрывные узы плетет ненависть самого человека. Если, живя среди своего народа, человек ненавидел его – он много раз будет воплощаться в том же народе, пока не победит своей настоящей, свободной любовью всех горестных обстоятельств, а может быть, и преступлений, которые вызвала к жизни его ненависть.

Точно так же ненависть или презрение к какой-то нации или стране, где родился, к их особым свойствам создают трудную кармическую связь на много веков. Величайшая цель земной жизни человека – стать свободным и помогать освобожденности окружающих.

Но что значит «стать свободным?» Быть богатым? Не зависеть ни от какого труда? Иметь возможность путешествовать по всему миру? Приобрести все знания? Увидеть всю красоту, которой люди-творцы украшают землю?

Чем больше внешних красот и знаний вы будете приобретать, полагая в них всю силу и смысл жизни, в них видя центр свободы человека, тем более тяжел и грузен будет караван ваших знаний, тем тяжелее вам будет передвигаться с ним, вместо легкости и радости, которыми только и ценен день труда человека.

Весь смысл жизни в том, чтобы постичь гармонию всей вселенной, убедиться, что все бури и стихии Земли, все катастрофы и потрясения на ней не нарушают гармонии вселенной.

Каждому из вас надо войти в такую освобожденность своего духовного мира, чтобы ничто из внешних или внутренних катастроф, даров, радостей, возвышений, унижений, разлук или несчастий не могло нарушить ровного света гармонии в себе, не могло ни омрачить, ни разрушить вашего счастья жить этот текущий день.

Если вы прожили данную минуту в полном равновесии сил вашего организма и не думали: «Ах, как я счастлив!» – а выливали результат вашего счастья – мир

– всем вашим встречным, то вы уже укрепляли мир на всей Земле. Вы были на самом деле очагом радости тем людям, что встретились вам, Вы укрепили в них не только нервы, но и трудоспособность по отношению к внешним делам и силу стремления к духовной свободе.

Никто из вас не знает тех страданий самолюбия и жадности, зависти к чужим успехам или высокому положению, в которых мучаются лучшие годы своей жизни современные культурные народы разных стран. У них именно и произошло то, о чем я говорил вам вначале в сегодняшней беседе: караван тяжелый и мертвый их внешних знаний завалил живой дух и огонь их сердца. Если нет гармонии между мыслью и сердцем – то без этой

гармонии не может быть полноты жизни человека.

Как же различить вам, где та мера вещей в труде, бережливость и забота о текущих бытовых явлениях, которая раскрывает, а не забивает щель духу человека? Как понять, какие же знания и труд идут и ведут к Свету и в каких внешних усилиях долга, обязанностей и забот вы не двигаетесь к самоотвержению, а только теряете драгоценное время в пустой, не имеющей никакого значения для вашей вечной жизни суете?

Всякое знание, всякий труд – пусть он будет внешне мало похож на труд героя и напоминает труд прачки у корыта с бельем, – если он вызвал в вас повышенную эмоцию жизни, бодрость, простую доброту и не раздражил, не переутомил вашего тела так, что вы еле стоите на ногах (Здесь в тексте, вероятно, пропуск, имеющий следующий смысл: [note 2](#) – Прим. ред.) и не только не сияете внутри, но даже забыли, что носите в себе Свет, которому ваше физическое тело – рамка, то вы погубили не только этот день жизни, но и много следующих. Сколько же дней, ценных, необходимых не только вам, но и вашим встречным, вы погубили? Столько же, сколько их потребуется вам на отдых, чтобы мог ожить дух ваш, задавленный чрезвычайным переутомлением физической части вашего проводника. А на это надо ровно втрое больше дней для вновь полноценной работы вашего духа, чем потребовалось вашему телу для полного отдыха от недопустимого физического переутомления.

Точно такая же картина отсутствия гармонии в вас, если вы будете жить в пустой праздности и в пустой суете. Они, не менее неумеренного труда, давят и мертвят живой дух человека. Мысль – самая великая из всех Сил, которыми одарен человек, – не может действовать, чем-либо давямая. Если дух не собран, труд не может быть вдохновенным.

Только полная освобожденность духа может привести человека к той бодрости, с которой начинается творчество, то есть к радостной гармонии божественной и физической частей человеческого организма. Есть бодрость – экзальтированность. Есть бодрость – показное, мнимо энергичное состояние, за которым человеку хочется скрыть от глаз людей прекрасно сознаваемую пустоту и бесцельность собственной жизни. Но это ничего общего не имеет с истинной бодростью духа. Это все то же воспоминание своего «я» на иной лад. А истинная бодрость есть благословение в себе и ближнем Божественной Энергии и гармоничный труд в Ней при забвении «я».

По большей части неосмысленная растрата сил происходит в семьях малого и среднего достатка, где людям представляется, что, замучив свое тело до полуживотного состояния, они творят великое дело мира, помощи и

спасения своих близких. Встречая такие гибнущие в предрассудках семьи в тех городах, куда вскоре многие из вас со мной поедут, старайтесь разубедить их и помочь им в понимании смысла жизни. Чаще напоминайте им, что не одним хлебом жив человек.

На сегодня я прекращаю с вами мою беседу. Я вижу много юных засиявших лиц в надежде ехать со мною в далекие края. И вижу столько же лиц, опечаленных при мысли о разлуке с любимым местом, с любимыми людьми.

Ни те, ни другие не правы. Для вас, воспитанных в новых правилах высокой любви и этики, живущих подле того места, где Сама Жизнь трудится, защищая, благословляя и наставляя вас, не может быть – в минуты великие, решающие – ставки на личное благо, на личные радости. Для вас может быть один выбор: для Жизни, вместе с Нею, забыв о себе, вступить в Ее труд, подаваемый каждому из вас так и там, как Светлое Братство вам укажет.

Не я должен вас увлекать и не за мной должны вы идти, куда я вам укажу. Но ваша звучащая радостью энергия Жизни должна двинуть вас, как стремительный поток Любви, к людям. Самую простую доброту и доброжелательность должны вы им принести. И где бы вы ни трудились для людей

– всюду вы будете трудиться для Жизни, в них живущей. А трудясь для Жизни, люди трудятся вне времени и пространства, вне текущих обстоятельств и форм, чтя Ее, Вечную, во всем временном.

Мужайтесь. Созревайте. Отдайте каждый себе отчет в том, насколько вы готовы выйти из границ своего узкого царства мира и любви и понести их в шумные города усталым, и беспокойным, растерянным людям».

На этом И. закончил свою речь. Вся аудитория, в тишине которой можно было слышать биение человеческих сердец, стоя внимала словам своего чудесного друга. Лица восторженные вдохновенные, с блестящими радостью глазами, казалось, не видевшими ничего и никого, кроме светлого образа И. Он улыбнулся им на прощание, быстро встал со своего кресла-кафедры, и только тогда, когда мы уже вышли в тихую, ни одним листом не шелестевшую аллею парка, слушатели очнулись от своего экстаза, и царившее за миг до этого молчание превратилось в оглушительную бурю благодарственных приветов уже покинувшему зал оратору.

И. шел молча впереди нас, и только подойдя к дому, сказал:

– Все, кроме Василиона и Левушки, идите отдохнуть. Ночь минет быстро, на завтра у каждого из вас много ответственного дела. Вы же переоденьтесь и ждите меня в рабочих костюмах здесь, на крыльце, –

обратился он к Василиону и ко мне, стоявшим рядом.

Простившись с остальными товарищами, я быстро поднялся в свою комнату, переоделся в рабочее платье и опустился на колени, моля Великую Мать помочь нам собрать все мысли и силы, всю чистоту сердец и радости, ибо я чувствовал, что мы приступим к работе самой ответственной – по обработке статуи. Когда я спустился вниз, Василион был уже на крыльце. Я взглянул в его лицо, лицо безмятежно чистого и доброго ребенка, где контрастом сияли огромные голубые глаза, напомнив мне добрый, мудрый и торжественно прекрасный взгляд Франциска.

Как только мелькнула у меня эта ассоциация, я горячо призвал на помощь в предстоявшем нам труде непреклонную Волю-Любовь этого человека.

– Это хорошо, Левушка, что ты призываешь к помощи сегодняшнего труда все самое чистое, высокое и доброе, что знаешь на земле, – раздался голос И. – Все, что делает на земле человек, – все он должен делать в защитной сети Светлого Братства. Ученик, не только ступеней высоких, но и самых начальных, должен начинать каждый свой труд в выстроенной им защитной сети милосердия,

– продолжал И., идя между мной и Василионом по направлению к заводу. – Чем выше этап освобожденности человека, тем шире, мощнее и грандиознее та защитная сеть, которую он строит. И чем выше самоотвержение и бесстрашие ученика, чем меньше у него личных нужд, тем шире и ярче сверкает его защитная сеть, и он может покрыть ею не только себя одного, но столько людей, сколько дала его освобожденность возможности растянуться и сверкать его сети. Есть чрезвычайно мощные, великие Братья-Светоносцы среди членов Светлого Братства. И их защитная сеть может покрыть и защитить любого ученика в любом месте. Почему же так много учеников оступаются и не могут быть спасены от своего падения? Потому что сеть зажжется горящим огнем только тогда, когда огонь этот – великий огонь Света Любви – может проникнуть в сердце ученика и извлечь оттуда чистую, гармоничную, творческую искру, имеющую силу слиться с творческим трудом того Великого Брата, что простирает к нему руку помощи. Все – в человеке. Ничто в духовном мире не может быть достигнуто пассивным, инертным молением. Только активная, творческая жизнь сердца человека может привлечь к себе высокий дух близкого или далекого – по расстоянию – помощника и включиться усилием радости в счастье сотрудничества со Светлым Братством.

Мы подошли к уже знакомому нам сравнительно маленькому сараю,

где были сложены материалы для часовни.

– Соберите все свою радость жить это мгновение, – продолжал И., опускаясь на колени перед широкими воротами сарая, – и молитесь вместе со мной; просите Великую Мать включить нас в сеть Ее труда. Все свое внимание перелейте в мощь чистоты сердца, ибо ничего человеку, строителю на земле, не нужно в такой мере, как его чистота и самоотвержение. Не однажды слышали вы, что ни благодарности за свои самоотреченные труды, ни признания вас достойными тех знаний, что вы принесете на Землю как новые откровения человечеству, вы от этого видимого человечества не получите. Но каждый из вас уже не раз получал признание от невидимого светлого человечества, получал ободрение и признание своей верности и труду в избранном вами пути служения Свету. Любовь и мир в ваших сердцах теперь уже не пассивная мысль: «Надо нести всюду мир», – а активная, живая любовь сердца, знающего силу, действенную мощь Мысли-Любви. Соберите же огонь этой Мысли-Любви в одну волю: включиться в сотрудники Великой Матери в этой работе постройки Ее часовни. Не место, прекрасно убранное, художественное по своей гармонии линий и форм, где бы каждый подошедший получал успокоение, надо нам оставить в оазисе, но таким благородством и чистотой духа, такой активной любовью и верностью насытить каждый возлагаемый камень, чтобы сердце подошедшего к часовне оживало для новой работы, чтобы досада и разочарования, с которыми он подходил к месту Света, показались ему не горем, а суетою и чтобы он понял, какое ничтожное место они должны занимать в его собственном духовном царстве, чтобы Звучащая Радость охватила его всего и включила в Свои вибрации, окрылив, подняв его очи духа от временной формы к Вечному. Если мольба ваша о людях будет искренна, если активна будет любовь ваших сердец, если, созидая, вы будете помнить одну цель: воздвигнуть чистое место, чтобы Чистота могла проявить Себя здесь, – вы увидите знак Вечности. Он засияет над нашей часовней, когда мы будем водружать статую, под которую ты, Левушка, положишь все, что приказано тебе.

И. умолк. Мгновения текли, но сколько прошло времени, я не знал. Я прижал к груди мой камень и цветок Великой Матери; я отошел от всякой формы; забыл все личное; я был только Мыслью-Любовью. Все силы духа я собрал на одной мысли: Жизнь должен почувствовать в себе каждый, кто подойдет к часовне. Жизнь – радостное творчество – должен понять каждый, у часовни молящийся, и уйти с твердым решением: немедленно ввести в дело дня доброту и мир.

Когда я очнулся от своей мольбы – причем мне казалось, что все тело

мое, все внутри меня гудит от мощной радости, от счастья и неизъяснимого покоя, – я увидел светящуюся фигуру И. и рядом с ним, тоже сиявшего, Василиона открывающими ворота сарая.

Мигом подбежав к ним, я распахнул тяжелые ворота, и никогда еще моя голиафова сила не казалась мне таким счастьем, такой радостью и легкостью жить. Не давая опомниться моим спутникам, я как-то сам понимал, какие и откуда тяжелые плиты снимать, как устроить временный пьедестал для статуи, чтобы И. и Василион могли над нею работать.

Видя, что я не нуждаюсь в указаниях и что физическая помощь мне не нужна для этой тяжелой работы, И. улыбнулся и погрузился в разбор тех красок и инструментов, что принес в своем ящике Василион. Опятьтаки не знаю, сколько времени длилась моя работа, но знаю, что, когда у меня все было готово и я водрузил статую на прочный пьедестал и устроил вокруг нее удобный и не менее прочный помост, у И. и Василиона тоже все было готово; и они, встав со мною рядом на помост, помогли мне снять со статуи тяжелый чехол-покрывало.

Боже мой, какое дивное зрелище представляла фигура Великой Матери среди глыб мутно сверкавшего стекла! Луна, высоко взошедшая в эту минуту, залила светом всю статую, и она казалась живой и воздушной, озаряя улыбкой все вокруг.

О, Раданда, Раданда, слышишь ли ты меня? – воскликнул И. – Никогда и ничего прекраснее не создавали твои руки, и, если этим ты закончишь свой труд на Земле на этот раз, благословен путь твой, великий старец! Благословенна любовь твоя к людям, в которых ты никогда не видел ничего, кроме Единого, на которых ты никогда не имел в сердце досады, но нес им оправдание и мир. Да идут же они за тобою, да исполнится твоя мера вещей и Радость Звучащая да примет тебя в Свои объятия! Благослови нас, чистое сердце, чистая любовь, закончить твой труд, как нам указано. Да будет нам твое смирение живым примером труда и любви.

И. умолк, и я увидел у ног статуи воздушную фигуру кроткого старца с его незабвенной улыбкой на изрезанном морщинами сухоньком лице, благословлявшего нас пятиконечной звездой, сиявшей в его руке.

Все мы глубоко поклонились Раданде, и когда я поднял голову, его уже не было у ног статуи.

До самого рассвета работали И. и Василион, придавая статуе те краски и блеск, которые были на ней в часовне Раданды. Но она еще не переливалась тем несравненным жемчужным сиянием белого и розового, каким там поражала взор.

– Довольно на сегодня, уже светает. Надо немного отдохнуть, чтобы

выйти свежими на работу со всеми, – сказал И.

Мне хотелось возразить, что я несколько не устал, хотелось просить разрешения остаться здесь; но я уже знал, что всякое, самое маленькое, отступление от указаний Учителя всегда ведет не вперед, а назад, так как в нем всегда живет личный элемент.

Быстро закрыв вновь чехлом статую, мы все привели в прежний порядок и еще быстрее, мне показалось, очутились в домике, где, молча протясая, разошлись по комнатам.

Проснулся я от сильного потряхивания Яссы, который, смеясь, говорил:

– Да что же это, наконец, Левушка? Водой мне тебя поднимать? Третий раз бужу – и все засыпаешь. Ведь И. сейчас сойдет, все уже в сборе на крыльце, а ты еще спишь!

Ясса прекрасно знал, чем меня припугнуть. Осрамиться перед И. я не мог и думать, да и не понимал сам, почему так на этот раз разоспался. До некоторой степени я все же проштрафился, так как вышел на крыльцо одновременно с И., взглянувшем на меня веселыми, юмористически сверкавшими глазами. «Ты ведь несколько не был утомлен и не нуждался в отдыхе», – казалось, так и говорили эти ласковые глаза.

День протек в упорной и усиленной работе, и Грегору выпало труда больше других, так как все мы были в строительной работе куда как неопытны и только наше усердие и полное внимание помогали нам выполнять задаваемые архитектурные уроки.

Много дней протекло в усиленных работах. Звуки ударов молота, лопат, пилы, шуршание ног верблюдов и осликов по песку стали обычными для аллей нового парка, как и постоянное движение по ним людей и тележек с землей и материалами. Но никого не утомлял тяжелый труд. Смех и шутки звонких молодых голосов сливались с общим шумом строительной жизни, и сердца всех работавших нетерпеливо ждали одной минуты: речи И. вечером в новом зале.

Но не одни жители оазиса ждали с нетерпением его бесед. Все мы получали от них огромную помощь. Казалось, каждый вечер И. затрагивает все более глубокую тему, в которой каждый из нас, также идущий в новую жизнь, как жители оазиса, имел много раз случай проверить свою собственную готовность к предстоящим задачам.

Не раз казалось мне, что тот или иной вопрос решен для меня бесповоротно, не может вызвать никаких сомнений или колебаний. И вот какое-то слово И. освещало по-новому весь вопрос. И я видел, что гдето в таинственном уголке сердца дремлет укрывшаяся искорка личного чувства.

Дни текли, работы подвигались. Настала, наконец, великая минута, когда готовую, сиявшую всей радугой красок жемчуга и перламутра статую Великой Матери надо было водрузить на место.

Задолго до рассвета властный голос И. разбудил меня, приказав надеть свежее белое платье, данный мне им золотой пояс и собрать все сокровища, что подарили мне Дартан, Раданда и Мория, и спуститься тихонько вниз, никого не разбудив.

Я прижал драгоценный камень Венецианца и цветок Великой Матери, с которыми никогда не расставался, собрал указанные мне вещи, особенно нежно припал к цепи Дартана, вспомнив его слова: «Это редкая вещь, принадлежавшая радостному существу, дух которого ни на минуту, ни в каких испытаниях жизни не омрачался».

В одно мгновение я мысленно облетел всех людей, давших мне свои вещественные благословения, благодарно склонился перед Владыкой Главой, очистившим камень Венецианца, прижал к губам цветок Великой Матери, шепча: «Да пробудится в каждом склоняющемся перед образом Твоим живая сила энергии к новой жизни. Да вскрыется в его сердце понимание, кто такой его ближний, и простая доброта – вместо осуждения – поможет ему найти мир и оправдание всякому встретившемуся».

Я завернул мои вещи в платок Дартана, мигом сбегал в душ, надел лежавшее у кровати чудесное белое платье, положенное мне, очевидно, любящей рукой Яссы, и спустился на крылечко, где уже ждал меня И.

Молча взял он меня за руку и также молча мы прошли до самого сарая. Двери его были широко открыты, и сияющая статуя стояла на временном, устроенном мною постаменте совершенно открытая. У ног ее прильнула коленопреклоненная мать Анна.

И. приказал мне передать узелок с моими вещами настоятельнице. Он положил свои руки мне на голову и сказал:

– Возьми на руки статую и отнеси ее в часовню.

О, как я обрадовался! Я даже не сообразил, что непомерная тяжесть стекла не даст мне возможности выполнить приказание, и хотел уже подойти к статуе, как снова раздался голос И.:

– Ты еще не получил возможности владеть стихией воздуха, и слуги ее не подвластны тебе. Но я вплетаю мою силу в твой огонь, К. и элементарии воздуха помогут тебе. Иди теперь, поднимай статую – она будет казаться тебе теперь лишенной тяжести.

Я почувствовал как бы сильное движение воздушной волны вокруг себя и увидел целый сонм крошечных светлых существ, обвивших всего

меня. Когда я поднял статую, она казалась мне картонной, да и сам я с такой легкостью шел, точно плыл по земле. Я невольно отвечал радостным смехом на улыбки моих очаровательных помощников. Все так же легко взошел я по лестнице до самой верхней ступени, вошел в самую часовню и опустил статую в центре уже готового и установленного пьедестала.

Я увидел, как раз под тем местом, где я поставил статую, глубоко в земле, под тяжелой плитой горевшую ярким оранжевым огнем чашу И. Теперь огонь шел прямо вверх, касаясь всех ступеней лестницы, пола часовни, всей статуи. А семицветный огонь палочки загорелся на всех цветах, что лежали на руках статуи и у ее ног.

Вся почва, сколько хватал мой глаз, светилась огнем чаши и палочки. Вся аллея, как светящийся подземный ход, была залита Божественным пламенем.

И. и мать Анна подошли ко мне, встав по обе стороны от меня на колени.

– Возьми вещи и сложи их сюда, – приказал мне И., открывая в пьедестале не замеченную до сих пор мною дверку и указывая мне потайной шкафчик. Когда и кто его сделал, я не знал. – Если сердце твое чисто и верно до конца, если ты не имеешь другого желания, как быть слугою своему народу, быть братом человеку не в мечтах и фантазиях, но ищешь в деле простом текущего дня быть основным звеном духовного общения между человеком и Жизнью, – все положенные тобою вещи загорятся огнем чаши и соединятся с огнем статуи. И все, давшие тебе вещи, соединят силу своей чистоты и радости с каждым молящимся здесь сердцем. И тем помогут цельности мольбы и духовному возрождению каждого ищущего у часовни помощи существа. И твоя сила любви и радости закалится так в этот момент, что ни одно испытание дней не омрачит и не поколеблет ее, – сказал И.

Я тоже опустился на колени. Теперь я видел, что светилась не только земля вокруг и в аллее; светилась лаборатория Владык мощи, и сами они, повернув лица к часовне, пели свой гимн, доносившийся до меня. Светились и башни лучей, и от дивно сиявших ликов их Владык бежали лучи и касались часовни. Светилась башня стихий. В восторге, в блаженном счастье я взял поданные мне И. вещи, выложил их из платка, уложил туда и самый платок, снял со своей груди камень и цветок Великой Матери и хотел уже закрыть дверцу, как голос И. меня остановил:

– Возьми обратно платок. Его отдает тебе Великая Мать, как верному сыну своему. Пусть он будет тебе памятью об этой минуте земной жизни – минуте, выше которой ты уже ничего не испытаешь на Земле.

Я вынул платок, горевший всеми огнями палочки и не сжигавший мне рук, закрыл дверцу и склонился к ногам статуи, благословляя милосердие неба, посылавшего новый центр Своей Силы Земле и давшего мне возможность участвовать в установлении этой Святыни.

Когда я поднял голову, все положенные в тайник вещи дивно горели, рассыпая свои лучи по всей часовне, а вверху, над статуей, горела золотая звезда.

Владыки кончили петь свой гимн. Их лаборатория угасла первой, затем угасали одна за другой башни лучей и башня стихий, и оставались горящими только пятиконечная звезда да пламеневший подземный огонь.

– Друг мой, Анна, – вставая с колен и указывая на сверкавшую пятиконечную звезду, сказал И. – Вот обещанное тебе видение. Совершилась ныне та закладка нового магнетического центра на участке земли, где было тебе указано жить и трудиться. Было тебе сказано: «если сумеешь жить в полной чистоте, забыв о себе». Ты сумела. Живое небо приняло сегодня твой дар любви и отдало тебе свой. Вскоре ты освободишься от тела. Внучка твоя Анна сменит тебя. Но «скоро» не обозначает сию минуту. Оно не обозначает быстро летящего земного времени. Жди спокойно той минуты, когда Левушка привезет тебе сюда Анну и Ананду.

И. склонился глубоким поклоном перед все еще стоявшей на коленях матерью Анной. Он перекрестил ее широким крестом и поднял с колен.

– Не думай с тоскою, сколько еще лет придется тебе носить земную форму и сколько еще побед над злом придется тебе одержать в этой форме. Думай только о великом счастье своем: живя в теле земли, носить Свет Вечного, Ему служа, разделяя Его труд. Взгляни на свой крест, что всегда был простым золотым крестом; он сияет весь, точно бриллиантовый, дивным электрическим светом. Он отражает искру пятиконечной звезды, что сошла к тебе и не угасла в твоей чистоте. Только та душа сможет заменить тебя, чья чистота сердца и освобожденность смогут поддержать Огонь Мудрости в твоём кресте, которым ты благословишь свою заместительницу. Пойми глубоко, как много работы еще предстоит Анне. Не торопи ее. Терпеливо посылай ей мысли помощи и молись о ней в этом священном месте. Огонь, что носишь на себе, в своем кресте, будет постепенно пробивать дорогу всеми своими лучами от тебя к ней. И чем чище, бескорыстнее будут твои молитвы о ней, чем глубже забудешь о себе, тем скорее луч твоего креста коснется ее.

Кончив говорить, И. еще раз поклонился матери Анне, еще раз ее перекрестил и, обращаясь к нам обоим, прибавил:

– Вы присутствовали перед истинным величием Божественной Любви, пролитой Земле. Сколько бы и где бы каждый из вас ни жил, не забывайте этой минуты, минуты счастливого Соучастия в труде Великого Бога, Живого и Могучего Покровителя Земли, Санат Кумары. Не может быть и речи о «долгах и обязанностях» для тех людей, что имели счастье видеть действие Божественной Силы, Ее труд на земле. Эти люди уже покончили с предрассудками и суевериями элементарной этики. У них нет установки: «Я должен». У них есть одна, бьющаяся в сердце радость: подать встречному бодрость и понимание, что каждая минута жизни на земле есть счастье жить в Вечном. Для них нет более разделения слов на лживые и правдивые, дел – на важные и неважные, людей – на нужных и ненужных, ибо все эти понимания – эссенция предрассудков одной земли. А истинный эликсир Жизни есть проникающая все действия человека мысль: все идет в Вечном, как и Вечность идет во всем. В этой установке существуют только люди знающие и незнающие, идущие к знанию, останавливающиеся на той или иной ступени, живущие в той или иной силе счастья и несчастья только потому, куда пришли в своем знании и чего в нем достигли. Вы видите подземный Огонь. Но те, кто будет приходить сюда, видеть Его не будут. Тем не менее, приходя сюда искать помощи и утешения, они их получать будут, ибо для них еще не настал час видеть, но настало время чувствовать свое единение с живым небом. Унесите в сердцах ваших непреклонную стойкость и сознавайте всегда, что виши сердца – это мост, по которому Сила живой Гармонии может встретить на земле вашего ближнего, непосредственно спустившись на него через мост вашей гармонии. Ступайте теперь, друзья мои, домой, отдыхайте. На завтра в полдень объявите торжественное открытие часовни. Все жители оазиса пусть соберутся сюда и ждут меня на площади. Я приду со всеми моими учениками. Всем быть в белой одежде. Теперь же оставьте меня.

Низко поклонившись И., мы спустились по ступеням горевшей, точно красное золото, лестницы, прошли по всей аллее, светившейся, как хрустальная ваза, и вышли к площадке, где высилась статуя матери Анны, уже несколько дней тому назад законченная.

От часовни бежали сюда огромные подземные лучи через все шесть аллей, сходящихся здесь, и сворачивались в большой шар под самой статуей матери Анны. Далее от этого шара бежало семь лучей к лаборатории Владык. И здесь они снова сливались в шар, сиявший с такой силой, что блеск его охватывал кольцом всю лабораторию, поднимаясь вверх почти до половины огромнейшего здания.

Пораженные ослепительным зрелищем, мы постояли молча некоторое

время перед статуей и пошли поскорее в старую часть парка, чтобы ничем не нарушать одиноких минут И. в часовне.

Мать Анна подала мне руку, указав, что в старом парке, вплоть до самой зеленой стены, вся почва светилась, хотя и не так ярко, но можно было рассмотреть всю подземную жизнь корней деревьев и цветов.

Держась за руки, молча дошли мы до дома матери Анны. Затем она сказала мне:

– Ты еще дитя по возрасту в сравнении со мной. И все же ты дал мне не один урок за это короткое время, что я знаю тебя. Я увидела, как вся цельность моего служения, которую я считала безукоризненной, мало чего стоила, ибо имела трещину: я все думала о ране моего сердца. Каждое свершившееся событие становилось именно потому барьером моему освобождению, что я имела целью свое освобождение, а думала, что тружусь только для людей, выполняя волю пославших меня. Когда ты клал вещи в потайное место пьедестала статуи, когда брал горевший платок – я поняла всю цельность твоей верности, всю чистоту твоего самоотвержения. В тебе нет мысли о них, ты в них живешь. Вот почему твои, а не мои руки уложили вещи светлых людей под пьедестал статуи и тем усилили восприимчивость земного человека к небесному току. Будь благословен. Я поняла, как радостно мне надо жить, чтобы облегчить задачу: привезти сюда ту Анну, на груди которой не померкнет небесный ток.

Мать Анна обняла меня и скрылась в своем домике. Я был так переполнен благоговением, великой внутренней тишиной и миром. Я был так далек от земли, так счастлив, что шел, сам не зная куда, как вдруг ощутил легкое прикосновение чьей-то руки.

– Прости, брат, что я нарушил твои размышления. Меня послал к тебе отец Раданда. Я давно ищу возможности подойти к тебе, но ты был все время занят и не один. Я прислан старцем непосредственно к тебе, а не к моему будущему, обещанному мне Радандой, учителю – Грегору. Старец велел мне передать в твои собственные руки этот ларец, сказав, что ты сам будешь знать, что с ним делать.

К моему беспредельному удивлению, я с большим трудом узнал в посланце Раданды ни больше, ни меньше, как самого великолепного... Деметро. Всего я мог ожидать, только не той метаморфозы, что произошла в стоявшем передо мной человеке, бывшем когда-то самонадеянным красавцем Деметро, мнившим себя первым кавалером и художником в мире.

Лицо его и сейчас еще было прекрасно. Глаза сверкали, черты не деформировались, фигура была стройна. Он был еще молод. Но выражение

горечи, печали, какой-то неумолкающей тревоги, сердечной напряженности, сдерживаемой стремительности делали его такой резкой карикатурой на прежнее великолепное спокойствие и самонадеянность, что я не мог даже сразу оценить всей глубины перемены в этом человеке.

В моем торжественном настроении этот гонец прозвучал как набат смятенной земли. Запыленный плащ, усталость Деметро говорили мне, что он еще не имел возможности ни умыться, ни переодеться с дороги. Я не знал, как найти дом для странников в оазисе, не знал, могу ли ввести Деметро в свой дом, и хотел уже направиться к матери Анне, чтобы спросить ее, где мне обогреть и накормить посла Раданды, как заметил, что мы с Деметро стоим у самого порога ее дома, куда я, сам не зная как, снова вернулся.

Не успел я подумать о матери Анне, как дверь на крылечке открылась, и сама она, приветливо мне улыбаясь, сказала:

– Веди гостя ко мне, Левушка. Моя девушка еще не спит. Пока ты поведешь гостя в душ, мы приготовим ему ужин. Где твой мехари, путник? – ласково обратилась она к Деметро, стоявшему перед ней с ларцом в руках и, видимо, пораженному ее видом видом и голосом.

– Мой верблюд донес меня до ворот твоей обители и пал мертвым. Когда я был уже близко и даже видел уже стену твоего сада, мать, откуда ни возьмись напали на меня два разбойника. Они угрожали мне, требуя ларец Раданды. Я поднял ларец, прижал его к груди, решившись защищать его до смерти. Стрелы врагов пролетели все мимо меня. Тогда они стали пускать их в моего верного мехари, которому Раданда дал приказ донести меня живым сюда, хотя бы самому пришлось умереть. Не знаю, знаешь ли ты Раданду, мать. Этот старец так полон любовью ко всему, что даже все животные понимают его разговор с ними. Мой мехари тоже понял его приказ. Напрягая все силы, верблюд уходил от преследователей, оставляя их все дальше за собой; но, когда твои ворота открылись перед ним, он уже не имел силы их переступить, – отвечал печально Деметро.

– Бедное, мужественное животное, – тихо сказала мать Анна. – Не горюй о нем, путник. Твой верблюд был не более мужествен и бесстрашен, чем ты сам. И его мучения в пути были не меньше твоих. Он пал смертью храбрых и верных до конца; ты выполнил свою задачу, как выполняют ее верные и бесстрашные гонцы. Прими мой поклон, священный посол Раданды. Осчастливь мой дом, дорогой гость, но передай, прежде всего, ларец тому, кому он прислан.

Мать Анна низко поклонилась Деметро, не отрывавшему глаз от лица настоятельницы. По щекам его катились слезы. Но то были не слезы горя,

которое только что лежало тяжелой печалью на его лице. Теперь оно было радостное, счастливое, засияло энергией, преобразив всего человека так удивительно, что трудно было поверить в существование того угнетенного Деметро, что встретился мне несколько минут назад. Он передал мне ларец и ответил ей:

– Какое слово, святая мать, ты мне сказала?! О, если бы ты знала, какую дверь в счастье и свет открыла ты мне! Будь благословенна! Ты, сама не ведая, ввела меня в новый путь.

Деметро хотел склониться перед матерью Анной, но она обняла его, поцеловала в голову и едва слышно сказала:

– Я все знаю, друг. Войдем же, ты устал, пора отдохнуть. Не беспокойся о промедлении своем. Ведь Раданда сказал: «Возвращайся тотчас, ежели не встретишь нового друга, что знал тебя давным-давно и признает тебя желанным гостем». Ты встретил этого старого друга – это я. Пойдем.

Мы вошли в дом матери Анны. Я поставил на один из ее столов ларец в запыленном чехле, как дал мне его Деметро, и проводил его в душ. Тут – к нашему общему удивлению – ждал нас Ясса. Поручив усталого путника его заботам, я возвратился к матери Анне. Я застал ее коленапреклоненной перед столом, на который я поставил ларец. Теперь я увидел, что не только весь ларец сиял, но от него бежали огромные снопы света, наполняя всю комнату сиянием и благоуханием. Я увидел внутри ларца – точно в костре огня – лежавшие цветы. Мгновенно я понял, откуда и какие цветы послал Раданда к торжественному открытию часовни. Я склонился подле матери Анны перед ларцом, утонул в блаженстве мира и любви и услышал ее неповторимо прекрасный голос:

– Спешу, Левушка. И. ждет тебя в часовне.

С ее помощью я снял пыльный чехол с ларца, оказавшегося из такого же переливающегося розовым жемчугом материала, как статуя в часовне «Звучащей Радости». Прижав горевший ларец к груди, я понес его к И.

За несколько шагов до часовни я уже увидел И., спускавшегося по ступеням лестницы мне навстречу. Он взял ларец, высоко поднял его над головой, повернулся лицом к лаборатории Владык, и – как бы в ответ на его жест – вся лаборатория вспыхнула, Владыки отдали земной поклон ларцу. Вслед за тем загорелись все башни лучей, башня стихий, высоко в небесах вспыхнул громадный золотой шар. От него отделилась золотая пятиконечная звезда и упала на ларец, на котором и осталась гореть. Дивное явление продолжалось несколько мгновений и быстро погасло. Звезда же на ларце одна оставалась горячей и сверкала немигающим

светом. Такую И. внес ее в часовню, шепнув мне:

– Следуй за мной.

Поставив ларец у ног фигуры Великой Матери, он стал на колени, открыл крышку ларца и вынул из него несколько живых, издававших дивный и сильный аромат цветов. Он снова закрыл ларец, на крышке которого не угасала звезда, и поставил его под самую статую, вскрыв новое потайное хранилище, размером как раз для ларца и звезды. Он приказал мне подать лопатку, где была приготовлена стеклянная масса, и инструмент, вроде широкого тупого ножа из стекла, и так искусно заделал и без того незаметную дверцу тайника, что различить ее было невозможно.

Цветы он уложил на руки статуи точь-в-точь так, как они лежали в часовне Общины Раданды.

Мне казалось, что почва, часовня, фигура, лестница – все уже и раньше ослепительно сияло. Но для блеска игры лучей, бежавших от фигуры сейчас, я слов не находил. «Боже мой, Боже мой! – мысленно говорил я. – И этот Свет, этот величайший дар Милосердия привез сюда Деметро! Каковы же сила Любви и снисхождения к людям Великого, что Его дар мог привезти вчерашний грешник!»

Я пал ниц, еще раз раздавленный величием Любви Единой Жизни, горячо молясь о том, чтобы приходящие сюда сумели хорошо понять и вылить в энергию благоговения великие слова: «Слава в вышних Богу, на земле мир и в людях благоволение!»

От легкого прикосновения руки И. я поднялся с земли. Если моя душа была вся наполнена трепетом и радостью, то как описать мне образ И. в эту минуту? Для многого, многого в жизни, что составляет реальнейшие факты человеческого существования, нет слов, так как вся речь человека не в силах описать красоты людей в те моменты, когда в них просыпается и действует Бог и они становятся отражением Его...

– Пойдем, брат мой. Вскоре народ станет стекаться сюда. Тебе и всем твоим шести товарищам надо одеться в белые одежды и прийти сюда раньше всех. Вы займете все семь ступеней лестницы, и никто не должен пройти в часовню раньше матери Анны. Все могут быть возле часовни, но ничья нога не должна ступить на лестницу раньше ее.

Заметив, что меня несколько смущает, не будут ли бояться обитатели оазиса ступать по горячей почве, И. улыбнулся на мой немой вопрос:

– Не все могут видеть подземный огонь; даже не все могут ощущать силу магнетического тока, проходящего под землей. Только те, в ком ожил их огонь, могут ощущать силу и воздействие огня, скрываемого землей. Здесь никто не увидит Огня неба; но каждый ощутит его воздействие на

себе в виде новой волны энергии.

Дойдя до нашего домика, мы расстались с И. Он прошел к себе, я же побежал будить всех моих товарищей, передал им приказ И., и через самое короткое время мы уже стояли на ступенях лестницы часовни. Я хотел остаться в самом низу, но Наталья Владимировна покачала отрицательно головой, говоря:

– Самое нижнее место – мое. Самое высокое – Ваше. Ступайте на седьмую ступень, к самой двери часовни. Кроме Вас, некому вынести силы огня, что полыхает там. За мною встанет Ольденкотт, за ним Грегор, дальше Бронский, потом Игоро и на шестой, подле Вас, Василион.

Едва мы заняли места, которые она нам указала, как еще раз – в последний раз в оазисе – мы увидели Владык мощи, благословляющих нас через их светившуюся лабораторию.

Не успели мы отдать благодарственный поклон Владыкам, как со всех сторон стали приближаться к часовне люди. Конечно, не будь у часовни стражей в нашем лице, людская толпа мгновенно попробовала бы ее заполнить. Наталья Владимировна всем терпеливо объясняла, что пока мать Анна не поднимется в часовню, никто туда входить не должен. Не привыкшие к ограничениям своей полной свободы в оазисе в раз установленных ими самими обычаях, туземцы были удивлены и не особенно довольны, доказывая, что до сих пор все здания, которые были ими выстроены в оазисе, они же первые и украшали цветами. А мать Анна входила в них тогда, когда все уже было украшено, и они сами, с большими почестями и песнями, вводили свою настоятельницу как первую гостью.

– То были «здания», друзья, – отвечала им Наталья Владимировна. – Когда будет открытие всех ваших новых «зданий», все и будет по-вашему, как вы привыкли. И вы введете туда вашу мать по созданному вами милому ритуалу. Но это не «здание». Это ваша Святыня, ваше счастье, как вам сказал Учитель И. Это ваше благополучие на земле, ваш храм, которого у вас до сих пор не было. Теперь вы будете приходить сюда за утешением и радостью. И надо, чтобы первой вошла в храм ваша мать, лучше и выше которой нет между вами ни одного человека.

Толпа сейчас же выразила бурный восторг по отношению к матери Анне, поняла и приняла слова Андреевой и осталась мирно и радостно ждать. Вскоре часовня была окружена морем человеческих голов. Долго ждать не пришлось. В конце пальмовой аллеи показалась высокая фигура в сияющей белой одежде, и часть толпы побежала ей навстречу, усыпая почву цветами.

Это был И. Он поднялся на седьмую ступень лестницы и обратился к

тихо стоявшим вокруг часовни людям:

– Не ждите от меня каких-либо особых ритуалов, внешних обрядов освящения храма. Не в соблюдении внешней обрядности дело. Дело только в том, как и для чего вы приходите в храм. Если вы, входя в Святая Святых своего оазиса, будете нести в него Святая Святых вашего сердца – Свет вашего храма будет усиливаться, ваш храм будет сиять, не только заливая все то, что на земле, но и ту жизнь, что трепещет под землей. Сила ваших чистых мыслей будет привлекать к вам всех живых, но невидимых вам тружеников неба, и весь ваш оазис вашим сознанием включится в общую жизнь вселенной. Приходя сюда, несите не только все то лучшее, что знаете в себе, не только очищайте свои мысли, приближаясь к часовне, но, уже подходя к аллее, старайтесь забыть о себе, думайте даже не обо всем оазисе и дорогих вам людях в нем. Думайте обо всей Земле, обо всех живущих на ней людях, печальных и неудовлетворенных, унылых и жалующихся, забывших, что такое радость. Я уже говорил вам не раз, что среди всех сил,двигающих вселенную к Свету и миру, к прогрессу культуры и внутреннему росту, самая первая, непобедимая сила – Радость. Сегодня великое милосердие Жизни подало вам знак Своей помощи, помогая вам всеми способами, которые вы не раз называли «чудесными», воздвигнуть этот храм, храм Звучащей Радости. Вы все видите эту фигуру Великой Матери, фигуру божественной красоты, присланную вам в подарок – как дар своего труда и любви к вам – Радандой. Вы восхищены и дивным образом, и выражением неизреченной доброты, льющимися от этой чудесной фигуры. Каждому из вас хотелось бы приникнуть к ней в своей мольбе, в восторге экстаза преданности. Вы видите – нет преград. Вы вольны идти. Каждый может подняться по ступеням, где нет препятствий, и приникнуть к Святыне; в делах духовных вообще нет препятствий. Каждый действует там, куда в силах вознести его его дух. Так и здесь. Только тот радостный поднимется на самый верх и пройдет в часовню, чей дух свободен от страстей и чист кто живет на земле не для личных благ, но для труда на общее благо. Многие из вас сегодня же будут пытаться войти в часовню – никто не успеет в этом. Будут немногие, что поднимутся до шестой ступени; а будут и такие, что не взойдут и на первую. И не потому, что одни будут достойнее, а другие нет: Но только потому, что у одних будут уже покорные воле страсти и желания, а у других будут еще пылать их личные желания, разбивая не только их гармонию, но и самообладание. Я уже говорил вам: без самообладания жить человеку на земле нельзя. Каждый, стремящийся достигнуть такого положения, чтобы служить людям земли, чтобы жизнь его не прошла, подобно сорному растению, без

смысла и пользы, должен достичь мира в себе. Когда он его достиг, он сделал половину пути к осмысленному существованию. Дальше – освобожденным от личных предрассудков – человек живет уже и видит радость жить свой день в труде для Вечного. Он начинает понимать, что Земля есть не место наслаждений и страданий, добра и зла, но священный храм труда Бога, в котором и он, по мере своих сил, принимает участие. Знак Своей любви и покровительства дала вам Вечность, допустив вас помогать в воздвижении этого храма. Сколько будет существовать оазис – столько же времени будет выситься здесь этот ваш храм Звучащей Радости. И чтобы он жил среди вас – приносите сюда в ваших сердцах радость. Только через эту силу вы можете сливаться с божественными вибрациями, наполняющими это место. Все ваши настоятели, начиная с матери Анны, что правит вами сегодня, будут высокими избранниками, которые смогут не только проникать в часовню, но и приникать к самой божественной фигуре Великой Матери. Это будут люди, освобожденные от личного, и все их страсти, заложенные в физический проводник каждого человека, будут уже потоками радости. Поэтому невидимый вам Огонь ступеней и пола часовни не будет их сжигать, как это неизбежно случилось бы с каждым человеком, еще не победившим в себе страстей, который попыбует подниматься по этим ступеням. Чем ярче будут клокотать его страсти, тем сильнее будет жечь человека невидимый огонь Бога, положенный сюда Его волею для защиты и поддержки вашего оазиса. Только радостный, то есть освобожденный, сможет подниматься в часовню. Дайте дорогу, вот идет ваша настоятельница. Сейчас вы увидите ту силу духа и сердца, которые, сливаясь, создают в человеке гармонию. Гармония выливается волнами радости и поднимает человека на те ступени, по которым может проходить только сотрудник Великого Бога.

Толпа раздвинулась, и мать Анна подошла в торжественной тишине к ступеням лестницы. Ее сияющий крест, развевающаяся вуаль и золотое шитье на платье сверкали под солнцем, точно лучи в призме. Она медленно стала подниматься по ступеням, и чем выше она шла, тем ярче горела ее вуаль. Но вот она дошла седьмой ступени – и точно золотой туман окутал всю ее фигуру. Она повернулась лицом к народу, подняла руки и благословила своих детей, которым отдала всю любовь, весь труд и заботы всей жизни.

Через минуту, все так же окутанная золотым облаком, она скрылась в часовне.

– Вы можете входить теперь, друзья, – обратился снова И. к толпе. – Не бойтесь ничего. Никого невидимый огонь не сожжет. Просто каждый

положит свой цветок там, куда сможет подняться.

Люди стали подходить друг за другом, но редко кто мог положить свой цветок выше третьей ступени. Груда цветов скопилась даже не на первой ступени, а возле нее. На четвертой ступени легло с десяток цветов, и только по два цветка осталось на пятой и шестой ступенях. И то положившие их люди, спускаясь, изнемогали от жара невидимого огня, как когда-то изнемогал я, подымаясь в часовню с Радандой...

И. вошел в часовню, снял цветок с руки Божественной Матери и передал его матери Анне. С этим цветком она вышла из часовни, снова благословила своих детей, на этот раз держа цветок в благословляющей руке, сошла со ступеней и во главе всей толпы двинулась к трапезной.

И. велел всем, стоявшим на ступенях, за исключением меня и Грегора, идти за матерью Анной, сказав, что у нас есть еще небольшое дело, что мы скоро присоединимся к ним.

– Приведи сюда Деметро, – сказал он мне, как только последняя группа скрылась за поворотом аллеи.

Я не представлял себе, где мог быть сейчас Деметро, но И. указал мне на круто загибавшемся конце аллеи круг пальм. Добежав туда, я увидел сидевшего на земле и опиравшегося спиной о ствол пальмы Деметро. Он закрыл лицо руками, и горькие слезы потоком катились по рукам его и по платью.

– Деметро, друг. Тебя зовет Учитель И. Нельзя плакать. Ты сидишь сейчас возле такого места, где сама Жизнь-Радость дала людям знак вечной надежды и прощения. Только закон милосердия и пощады царит в этом месте. Ободришь, возьми мою руку, будь счастлив, что Учитель зовет тебя. Но если радость не превзойдет в тебе страха, раскаяния и всех иных сил и мыслей, ты ничего не услышишь и зов Учителя будет напрасен.

Я отер его слезы, как мог и умел, постарался вдохнуть в него энергию своего сердца, и Деметро, тронутый моим усердием, улыбнулся мне, прошептав:

– Ах, брат, я так виновен перед небом и землей и перед тобой лично – а ты так добр и ласков ко мне.

– Ты узнаешь, что значит «быть добрым», только тогда, когда подойдешь к Учителю И., хотя ты уже достаточно видел от доброты Раданды, – отвечал я ему.

Чем ближе мы подходили рука об руку к часовне, тем все больше светлело лицо Деметро. Когда мы подошли к самой лестнице, И. спустился к нам и положил обе свои руки на голову опустившегося на колени Деметро. Подозвав Грегора, И. приказал ему положить свои руки сверх его

собственных и сказал:

– Я – защита тебе, друг. Не бойся больше ничего и нигде, как не боялся ты злых людей, преследовавших тебя в пустыне по дороге сюда. Крепко ощути, что ты всегда не один. У тебя еще не проснулись аспекты Единого, что носишь в себе, и потому не можешь ощущать той уверенности в себе, что знают люди, чувствующие себя всегда и везде в присутствии Бога, Его послами для помощи и выполнения Его труда на горькой и печальной земле. То – бесстрашные гонцы, забывшие о себе и помнящие только волю Его. Но мою руку и руку твоего будущего руководителя Грегора ты можешь ощущать всегда в руке своей. Опираясь на эту любящую руку, ты можешь проходить бесстрашно свой день, какое бы внешнее окружение не составляло рамки творчеству твоего духа. Но если все, что ты слышишь и видишь, что читаешь и выносишь из общения с людьми высокой духовной культуры, остается только рядом идей, мертво лежащих в складках твоего ума, и дела твоей жизни и труда катятся все так же по рельсам страха, сомнений, компромиссов колебаний – ты не станешь человеком-учеником, хотя бы имел неоднократные призывы Учителя. Не Учитель шлет испытания своему ученику, так или иначе проверяя его. Но Жизнь – в лице Светлого Братства – призывает человека в ученики, закаляя его в тех или иных испытаниях. В этих испытаниях человек сам имеет случай себя проверить и понять, в каком месте своего духовного храма он стоит. Проверь же, друг, сам свою непоколебимую верность, бесстрашие и радость. Если ты будешь все время ощущать мою и Грегора руку в твоей, тебе бояться нечего – ты всюду будешь думать о человеке или о людях, для которых будешь участвовать в тех или иных событиях, а не о себе, своих страхах, удобствах или неприятностях. Если встретился тебе человек, и ты не подумал о нем, что это только футляр, внутри которого сосредоточена жизнь Единого; если одновременно и сам ты не помнил, как тебе приветить его своим светящимся огнем, храня такой чистый и сильный Свет сердца, чтобы быть похожим на прозрачную мраморную вазу, внутри которой сияет лампада, ты не имел встречи с человеком, и сам ты выронил мою руку. Если ты принял человека в свой дом – а ты знаешь, кого ты в него принял, – и рассматривал его как посланное тебе подспорье, как помощь тебе за твои заслуги и усердие к делам общественным, как помощь лично твоим бытовым делам, и создал ему безрадостную жизнь, забыв, что не он тебе послан, а ты ему дан для защиты и помощи, для того чтобы он научился подле тебя улыбаться и раскрепостился от страха. Если в один прекрасный день Жизнь взяла бич в руки и подстегнула твои обстоятельства, которые заставляли стоять на месте твой мертво лежащий

дух, если Жизнь решила дать тебе возможность поправить твоё неверное отношение и поведение к тому встречному, что ты приютил, а ты Ей ответил слезами, страхом, жалобами и унынием, снова расценивая все обстоятельства как «я», – ты уже скатился с той ступеньки, куда вошел, и рука моя не может поднять тебя, ибо твой дух покрылся плотным колпаком любви к себе, отбросив в сторону все священные идеи, о которых ты читал, которыми светлел и восторгался. Иди же, друг. Крепко подумай обо всем, что я тебе сказал, и еще крепче держись за мою и Грегора руки. Возвращайся к Раданде. Снеси ему поклон великой благодарности от всех нас за его труд и помощь и передай ему, что видел собственными глазами здесь.

И. поднял Деметро, прижал его к себе, и тот вскрикнул, восторженно глядя на пылавшую часовню и лестницу, горящую землю и светившуюся в ее подземном огне всю подземную жизнь.

– О, Учитель, – воскликнул Деметро, – что это значит? Все горит в кострах пламени. Пламя, как лава, бушует под землей, в деревьях и цветах – и все же все остается неприкосновенным! И ты горишь, Учитель, и горят твои товарищи, и горит моя одежда, но я жив и даже не поранен огнем. Что это?

– Это тот огонь, что Жизнь дает от Себя людям в помощь и в знак единения всей Вселенной, состоящей из одной материи. Вернись к Раданде, расскажи ему, что видел, и иди дальше так, как он тебе скажет, до тех пор, пока я не вернусь в его Общину и не передам тебя непосредственному наблюдению Грегора. Вот спешит к нам и Ясса. Он поможет тебе оседлать нового мехари и сам поедет с тобой к Раданде.

И. благословил Деметро и Яссу, велел им выезжать сейчас же и передать Раданде его письмо. Но письмо свое он приказал мне взять в его комнате и передать его Деметро. Я получил также от него приказание проводить путников в их далекий путь и только тогда прийти в трапезную, куда сам И. отправился сейчас же.

Простившись с И., Деметро и Ясса прошли к конюшням и навесу выбирать и седлать верблюдов; я же отправился в комнату И. за его письмом к Раданде. Письмо я нашел на столе, и рядом с ним стояла небольшая коробочка, также предназначавшаяся Раданде.

Взяв и то и другое, я также направился к конюшням, но по дороге повстречался с одним из сторожей оазиса, посланным ко мне Яссой. Ясса просил меня ждать их у ворот, так как сами они должны еще переодеться в платье для путешествия и зайти за провиантом. Я имел достаточно времени, чтобы элегантно упаковать посылку Раданде и приготовить

путникам легкую и удобную корзинку с фруктами.

Ожидая моих друзей, я тихо сидел на скамье, мысленно пересматривая некоторые страницы прошлого, и в частности, встречу с Радандой. Мне приходили на постоянные жалобы людей друг на друга, их сетования, что ближний своей несносной тупостью или бестолковой отсталостью раздражает их или заставляет испытывать досаду, нарушая радостный и благополучный день.

Я представил себе Раданду, столь высокого наставника, и по устам моим скользнула улыбка, когда я задал себе вопрос: «Мог ли Раданда испытывать досаду на грешника, нарушающего его великое духовное благополучие?»

И еще раз я пережил и передумал слова И.: «Встреча – это ты».

Послышались тяжелые шаги верблюдов, и к воротам подъехали два бедуина, в которых я с трудом узнал Яссу и Деметро. Отдав Деметро посылку для Раданды, привязав к седлу Яссы корзинку с фруктами, я горячо пожелал путникам счастливого пути. Долго я еще стоял в воротах – пока пыль пустыни не скрыла от моих глаз гонцов И., а затем поспешил в трапезную.

ГЛАВА 32 Прощальная речь И. обитателям оазиса матери Анны. Приезд в Общину Раданды и первая вечерняя трапеза. Наставление И. отъезжающим и остающимся. Часовня скорби. Отъезд в оазис Дартана Грегора, Василиона, Бронского и Игоро. Отъезд в Америку Андреевой и Ольденкотта

Я поспешил в трапезную как раз вовремя. Обед уже кончился, и при моем появлении в дверях И. поднялся, чтобы поговорить с населением оазиса в последний раз, как я узнал из его речи. Окинув всех пристальным взглядом, он как бы каждому в отдельности послал свое благословение и заговорил:

– Много раз за это время я встречался с вами в этой комнате, и многими мыслями мы обменялись с вами. В самом недалеком будущем я и мои сотрудники покинем вас. Значит ли это, что разлука физических тел не даст нам возможности духовно общаться, что, продолжая совершенствоваться сами, мы лишимся возможности помогать идти к совершенству тем друзьям, от которых оторвалось наше физическое тело? Я говорил вам, что самая великая из действенных сил человека – мысль. Если человек достиг самообладания, мысль его выровнялась. Она не представляет из себя больше тех скачков и зигзагов, в которых был зажат человек невыдержанный. Самообладанию вспыльчивого угрожает все,

вплоть до любого ничтожного внешнего препятствия. Человек полного самообладания может распоряжаться своей мыслью совершенно так же спокойно, не стесняясь любым расстоянием, как он распоряжается своею речью в физическом общении. Но для этого нужны еще и чистота его преданности тем, кому он шлет свои мысли, и полная освобожденность, а вы знаете, что освобожденность и радость – синонимы. Но знать в теории, в мысли, в идее

– еще не значит знать в истине. Тот знает правду Истины, кто пред Ней, в Ней и для Нее действует. Привыкнув действовать в Истине, человек перестает различать два мира – земли и неба; тогда для него существует только один новый мир, мир слиянного неба и земли, в котором он живет, мыслит и действует. Перейти в эту психику человек может только тогда, когда он долгое время жил, утверждая себя и встречного живущими в двух живых мирах – неба и земли. Этот подготовительный период, приводящий к жизни в слиянном мире, к действию в общем творчестве Всей Единой Жизни, длится у каждого существа так долго, как идет его путь выработки цельности мысли. Неясные, не до конца додуманные идеи вводят человека в мутное, компромиссное существование. А выхваченный пучок чужих мыслей и идей, не пережитый как опыт простого дня, вносит непоправимый вред и несчастье в жизнь человека. Он «ищет» царства счастья, не находит его вовне, винит ближайших окружающих его людей в неумении жить с ним в мире, на самом же деле, не умея создать мира в себе и подать его им, жалуется и чувствует себя несчастным. В шумных толпах людей, куда многие из вас со мной поедут, ищите всегда и начало и конец своего неудачного общения с людьми – в самих себе. Вы же, остающиеся в этом чистом и чудесном углу, помните, как я объяснил вам силу мысли. Не выбрасывайте из своего внимания тех, с кем разлучаетесь сегодня. Но работая сами над цельностью вашей мысли, посылайте уехавшим друзьям свою силу умения мыслить по-новому, в полной цельности до конца. Не считайте, что войти в сотрудничество с Учителем можно лишь только потому, что «Учитель зовет». Много званых, но мало избранных», – о том сказано уже давно. Если кто-либо из вас получил, тем или иным путем, задание или указание Учителя, и вместо того, чтобы каждую минуту своего времени употребить на труд над самим собой, постоянно стремиться достигнуть наибольшей цельности в мыслях и перевести привычно сосредоточенную мысль в действие, начнет смотреть по сторонам и говорить: «Конечно, я не могу жить в мире с теми или этими людьми. Но не могу вовсе не потому, что в моем сердце недостаточно мира. Я-то именно миролюбив, но меня не поддерживают люди, рядом со мной

живущие. Достаточно было бы им произнести одно слово приказания – и грубые люди, сталкивающиеся со мной каждый день, стали бы самыми мирными и вежливыми со мною. И, разумеется, тогда уж мне ничего бы не стоило жить с ними в мире». Вы смеетесь. И я готов был бы смеяться с вами, если бы приведенный мною пример духовного убожества не был очень частым явлением среди обывательской жизни тех стран, куда вы со мной поедете. Там такие люди считают себя «следующими» за Учителем и «чтущими» Его, и там вам суждено растить истинную культуру духа... К вам, остающимся, я обращаюсь теперь. Не важно для культурного роста вселенной, что живущее сейчас человечество, для вас далекое, совсем не знает о вас. Ваша роль, как роль каждого исторического явления, влияющего на рост культуры людей, до времени скрыта от глаз современного вам человечества. Но вскоре – конечно, не по счету одной земли, считающей короткий период ста лет веком, – вы выйдете на арену жизни, как творцы и деятели. Пустыня вокруг вас скоро зашумит хлебными злаками, вырастут и города неподалеку от вас. И ваш оазис станет большим и прекрасным городом, центром высокой цивилизации. Но вы? Как должны вы жить этот подготовительный период, пока скрыто от глаз народов вы движетесь в радости труда, видимые очам Бога? Мудрость не оказывает влияния извне, я неоднократно вам говорил. Но она и не проникает в глубины духа. Она там живет. И пробудить Ее в себе может только сам человек. И только сам человек – предел собственного Света. В данную минуту мы пришли к вам, чтобы помочь вам двинуться во внешней Цивилизации. Чтобы помочь вам в деле колонизации пустынного куска земли для нужд и целей нового человечества, которое Жизнь приведет сюда. Ваше сотрудничество с Жизнью состоит в помощи строительства для новых кадров человечества. В приготовлении таких новых условий внешней цивилизации, в которых следующие поколения смогут познать в себе высокие психические силы, глубже проникнуть в тайны природы и развернуть ослепительную картину действия ее сил для пользы и блага людей. Не вам суждено вынести новые ценности во внешний мир, ценности, подаваемые Жизнью людям. Вам суждено только приготовить почву для будущих откровений Ее. Но разве труд ваш, сотрудничество ваше с Жизнью от этого менее значительно? Разве для этого дела вы можете остановиться, хотя бы на мгновение, в вашем самоусовершенствовании? Ответьте сами себе на этот вопрос. Усвойте первое правило людей, желающих идти в ногу со своим народом, со своею современностью: нет дел мелких. Всякое дело составляет или утверждение жизни

– и тогда оно является сотрудничеством с Богом, или оно является

унылой мыслью о себе, то есть отрицанием, непониманием основного закона существования на земле: все в себе, все для блага общего, ибо все – любовь. Лишенное этого понимания, существование человека является голым эгоизмом невежественности. Идите за матерью Анной, как шли до сих пор, светло, радостно и мирно. Но прибавьте к задачам дня полное понимание: жить на земле

– значит входить в активное содействие с трудом Единого. Жить – значит ежечасно утверждать. А утверждает только тот, кто в себе знает закон доброты и умеет проливать мир вокруг себя. Завтра мы уедем. Нашими руками Жизнь оставляет вам часовню Звучащей Радости. В ней зрите не помощь вам, но признание вас сотрудниками, верными друзьями Жизни, защитниками и пионерами новых духовных устоев для жизни и счастья будущих поколений.

И. отошел от стола и долго еще беседовал с обитателями оазиса. Все мы также оказались окруженными милыми людьми, каждый из которых старался выразить нам свою благодарность и огорчение по поводу нашего скорого отъезда. Наши хозяева никак не хотели расставаться с нами в этот день. И. предложил пойти в новую часть парка и еще раз полюбоваться всеми новыми чудесами искусства, которые жили теперь в оазисе как ряд новых великолепных зданий.

Долго большой толпой ходили мы за И. и матерью Анной, рассматривая обворожительно выглядевшие среди густой зелени новые постройки, как к И. подошла группа детей, и я услышал голос девочки:

– Учитель, а ведь ты еще не исполнил, что обещал. А завтра собираешься уехать. Как же так можно? Раз что обещал – свято. Как бы уж трудно ни было, а исполнить надо. Уехать тебе завтра никак нельзя. И. поднял девочку на руки и, смеясь, спросил: – Чего же это я не исполнил, что обещал, дитя мое? Толпа, пораженная выходкой ребенка, притихла, и все ясно расслышали звонкий детский голосок:

– Да как же ты сам-то мог забыть? Ведь ты обещал нам свою статую. Еще все спорили: одни хотели поставить ее на воротах, другие на больнице, мы, дети,

– на школе, а ты, чтобы всех примирить, решил поставить свой портрет на маяке. Никак тебе уезжать нельзя, пока слова не сдержишь.

И. продолжал весело смеяться, но что тут поднялось вокруг! Люди, забывшие, начисто забывшие, о своей просьбе, точно устыдились своей забывчивости. Одни укоряли себя в ней, другие в неблагодарности, третьи молили остаться и выполнить обещание. Трудно было даже представить себе, что мирный оазис, бесстрашный и спокойный в самые трагические и

ужасные моменты, принимающий в форме полного самообладания факты огромной значимости, может вдруг превратиться в этакое бурное море волнений и выкриков.

Подняв вверх руку, призывая тем самым толпу к выдержке и молчанию, И. сказал:

– В эту минуту каждый из вас получил два урока. Первый – как легко потерять внешнее самообладание и как оно вредно действует на внутреннее равновесие. И второй урок – как плохо увлекаться одной землей и мало смотреть в небо. Если бы вы почаще смотрели на чудесное созвездие Креста, что сияет прямо над маяком, вы увидели бы, что обещанная вам моя статуя уже стоит на месте. Дитя напомнило вам о моем портрете, которому вы так много придаете сейчас значения. И если бы уста ребенка не укорили меня за невыполненное обещание, вы бы, вероятно, не скоро спохватились взглянуть на верх маяка и поискать там мою фигуру, хотя я верю вам, что по существу вы ею очень дорожите. Пойдемте же, вы убедитесь, что Учитель держит свое слово. Но с вас – со всех до одного – я тоже беру слово: пусть моя статуя будет олицетворением одного из законов вашей высокой чести, что раз слово дал – выполни. Если пообещал, а потом показалось трудным выполнить – взгляните на мою статую, подумайте, что я, живой, стою рядом с вами, и скажите себе: «Легко мне, Господи!»

Не спуская девочку с рук, И. пошел в старую часть парка. Дорога была не близкая, сумерки уже спускались, и, когда толпа, им ведомая, подошла к маяку, созвездие Креста уже ярко пылало на темном небе.

Много раз приходилось мне быть свидетелем «сверхъестественных» явлений, совершаемых И. И каждый раз, так или иначе, они меня поражали. В этот вечер я был раздавлен гигантским подвигом его воли и труда.

На самой вершине маяка – а я хорошо помнил его высоту, когда взбирался туда по неисчислимым ступеням лестниц, – стояла во весь человеческий рост статуя И. Чтобы казаться с земли в рост человека, как же велика должна была быть статуя на этакой высоте!

Да разве вообще это была «статуя»? Это был живой И. в белом, вышитом золотом платье, с оранжевым плащом на плечах, с пятиконечной звездой в поднятой руке. И звезда эта... горела так же ярко, как сверкавшие над нею ее сестры неба...

Молча стояла толпа, созерцая непередаваемое словами зрелище! И точно по волшебному мановению все опустились на колени, и мы семеро, И. и мать Анна запели гимн Владык мощи! Когда мы окончили петь, И. тихо сказал коленопреклоненной толпе:

– Выучитесь у матери Анны этому гимну и пойте его в высокочтительные минуты вашей жизни. Пусть он будет для вас символом вашего единственного счастья: жить, утверждая Жизнь!

И. обнял мать Анну, поднявшуюся первой с колен. Затем каждого из жителей он благословил и ответил поцелуем в голову на прощальный поцелуй его руки.

И. не говорил ни слова о своем отъезде, но каждый понимал, что Учитель давал свое прощальное приветствие и что больше он не увидит этого чудесного человека, быть может, долгое-долгое время.

Глаза всех были влажны, когда И. произнес свои последние слова:

– Сейчас вы разойдетесь по своим комнатам, и многие из вас лягут спать в своих привычных условиях, чтобы проснуться завтра к обычному и привычному труду. Некоторые, возвратясь, найдут у себя платье путешественников. Они переоденутся в него и выйдут вновь сюда, чтобы начать жизнь, оторванную от старых привычек, полную новых, неожиданных и неведомых положений. Но все это

– внешняя сторона. А силу, суть, само,, Жизнь каждый из вас понесет в себе. И только это важно человеку земли. Помните об этом и будьте счастливы и радостны, дети мои.

Далеко за полночь перевалило время, когда ушел последний благословенный и обнятый И. обитатель оазиса.

– Прощай, мать Анна. Прими поклон нашей благодарности за оказанное нам гостеприимство. Простись здесь с нами и покажи пример своим детям – не провожай нас.

Мы все подходили к чудесной настоятельнице, и для каждого из нас она нашла слово прощального приветствия и любви, особенно метко попадая в слабое место каждого. Мне она сказала:

– Давно уже тебе перестало быть «трудным» твое общение с людьми. Теперь у тебя еще щемит сердце от жалости иногда, когда видишь необходимость сказать жесткое слово ближнему. Но и это пройдет. Помни, что жалостливость и пощада ничего общего между собой не имеют. Пощада есть закон милосердия. И она вечна. Вечна так же, как сама Жизнь. А жалостливость есть предрассудок, ибо исходит из условностей земли. И в ней выражается не сострадание, а только кажущаяся, не истинная любовь, то есть сентиментальность.

Проводив мать Анну до ее дома, мы вернулись к себе, и тут я, впервые за все время пребывания в оазисе увидел... Славу. Слава выполнял обязанности Яссы. Бог мой! Только что я удивлялся, что дитя напомнило толпе людей о желанной статуе И. Не понимал, как же могла тысяча людей

забыть о портрете Учителя, Которого так горячо жаждала. А сам я? Я забыл, начисто забыл о живом человеке, с которым ехал всю дорогу по пустыне и с которым переступил порог обители матери Анны! Где же был все это долгое время Слава? Возвращался в Общину к Раданде? Или жил где-то в уединении здесь?

На мой изумленный взгляд и остолбенелый вид Слава ответил веселым смехом, указал мне на приготовленное для путешествия платье и сказал:

– Такая уж мне линия – все тебя удивлять неожиданностями, брат. Авось, по дороге расскажу тебе, как и где все это время я учился. Ведь я же говорил тебе, что Учитель И. возьмет меня с собой и отдаст в один из университетов. Но сейчас скорее одевайся. Верблюды уже ждут у ворот обители. Караван будет огромный. От одного Раданды я привел двести животных, да, пожалуй, отсюда захватим столько же.

Он быстро и ловко помог мне одеться в сложное платье для путешествия и собрать необходимые вещи, еще быстрее обежал всех товарищей и, не хуже Яссы везде и все предусмотрев, снова зашел за мной. Вместе с ним в последний раз сошел я на милое и мирное крылечко, где все уже были в сборе. Через минуту вышел И., и вслед за ним мы отправились к воротам. Здесь уже грузилась первая партия верблюдов, на которых усаживалась часть отъезжавших с нами туземцев. Более двух часов размещались люди и выравнивалась вереница верблюдов за воротами обители.

Весь караван был разбит на семь отрядов. Впереди ехал И., а во главе каждого отряда – один из нас. Я ехал в последнем отряде, и шествие замыкал Слава. На полпути нас встретил большой отряд общинников Раданды, которых И. тоже разделил на семь частей, поручив им наши отряды так, чтобы они занялись вывезенными нами от матери Анны людьми и опекой их в самой Общине Раданды. Ночь кончалась, когда мы выехали от матери Анны, и вечер уже опустился, когда мы, благополучно и безостановочно миновав пустыню, въехали в ограду Общины Раданды.

Как и в первое посещение, когда я въехал в широкие ворота этой Общины, привезенный сюда И., и сразу же увидел милое, с незабываемой улыбкой доброты лицо Раданды, – так и теперь первый встреченный мною взгляд был взгляд старца. Как только я сошел, на землю, он не дал мне даже склониться перед ним, но, протянув сухонькую ручку к моей голове, поцеловал меня в лоб и сказал:

– Ну вот, ты снова вернулся ко мне, дружок. Много, много кое-чего я тебе расскажу и передам, что велено мне присоединить к твоим знаниям и

силам. А о тебе все знаю, хоть и не рассказывай. Мне ты можешь не рассказывать и не проявлять внешними способами своей любви, – заливаясь веселым смехом, продолжал Раданда. – Но что касается другого твоего друга, то уж тут – извини! Никакое мое педагогическое дарование не поможет тебе спастись от его требовательности. Но ты ее извини. Это все же не человек, а только птица, хотя и много умнее тысяч других двуногих братьев, – все так же смеясь, закончил Раданда.

Оторвавшись взглядом от чудесных сияющих глаз старца, я поразился огромностью и блестящей красотой стоявшего рядом с ним Эта. Распустив чудесный золотой хвост, павлин стоял неподвижно, как бы с удивлением вглядываясь в меня и не узнавая меня в моей изменившейся, новой форме. Но, если был поражен моим видом Эта, то не менее был поражен и я тем, что видел над его сиявшей головкой. Я ясно видел там свой портрет таким, каким уехал из Общины Раданды, почти два года назад. Хотя я и тогда уже носил кличку Голиафа, но далеко не достигал тех размеров, до которых я вырос и расширился теперь. И не только этим я поразился. Я видел всю умственную работу моей дорогой птички, которая шла в ряде мелькавших картин. Удивление Эта выразилось в борьбе двух моих образов в его сознании. Он то отказывался признать меня в настоящей форме, то готов был броситься и заключить меня в свои объятия. Наконец, с видом полного непонимания, он повернул свою очаровательную головку к Раданде, требуя у него помощи и объяснения.

– Ведь вот какой ты, братец мой, Фома неверный, – кротко улыбаясь, сказал Эта старец. – Ведь я тебе каждый день втолковывал, что время летит и сметает прошлое. И не существует этого прошлого. Пока ты все думаешь о человеке, каким он был, он уже давно успел во всем измениться и начисто сам забыл о том, каким был. И верность в том и состоит, чтобы принимать все изменения своего друга и посылать ему любовь и мир. Это и есть он, Левушка, твой друг и хозяин. Тебе бы его приветствовать радостно, а ты стоишь и решаешь вопрос: как это пришел друг в новой форме?

По мере слов Раданды глаза птицы принимали более спокойное выражение. Вдруг среди хаоса борющихся над его головой двух моих фигур блеснул какой-то свет, на мгновение все в нем исчезло и обрисовалась одна, соответствующая моему теперешнему виду фигура. Эта вскрикнул, забыл все условное от хорошей воспитанности и прыгнул мне на руки, охватив крыльями мою голову, стащил с нее и шлем, и капюшон и растрепал мои кудри, точно только их и признавая за истинный отличительный признак своего старого друга.

Как ни был я привычен к большим тяжестим, как ни оценивал я

грандиозный для своей породы рост Эта – все же тяжесть его веса меня удивила. Не без труда усадил я моего друга на плечо, и так мне и пришлось нести его до самого дома, потому что я чувствовал, что никакие увещевания и убеждения не заставят его расстаться со мной в эти минуты.

Раданда приказал мне спешить к И. и вступить вновь в свои старые обязанности его секретаря, с той только разницей, что теперь я уже не буду ему келейником, но у меня самого будет брат и ученик для несения этих обязанностей.

Так как мой отряд пришел последним, то я не видел, кто, кроме Раданды, встречал предыдущие отряды, как и где размещались привезенные нами люди. Мой отряд встречали не только взрослые, но и дети; встречали точно лучших своих друзей и уводили по разным направлениям сада после того, как каждого приветствовал ласковым словом Раданда.

Я поспешил к И., поняв, что он остановился в том же домике, где жил до отъезда. Так оно и было. Здесь все уже жило, энергично входили и выходили люди, двери комнат, где вновь разместились в старом порядке все наши друзья, открывались и закрывались, и между многими знакомыми фигурами общинников я увидел Деметро, входившего в комнату Грегора.

Когда я подошел к своей келейке, дверь ее открылась и на пороге показалась фигура И., успевшего уже умыться и переодеться в чудесное белое платье.

– И не стыдно тебе, Эта, замученного друга своего так утруждать? – улыбаясь, спросил И. птицу.

Эта соскочил с моего плеча, низко поклонился Учителю, поднял свою головку к его руке и подставил ему ее, точно прося прощения и благословения.

– Ах, хитрец, хитрец, – продолжая улыбаться, сказал И. и погладил птицу, осторожно расправляя ее хохолок. – Только смотри, больше не ездь на Левушке, тебе уже самому пора его возить.

Еще ниже поклонившись И., Эта чинно встал за мной, точно верный часовой. И., осмотрев мой пыльный наряд, укоризненно покачал головой и сказал:

– Как же это Ясса пропустил тебя? Он должен был у ворот встретить тебя и проводить в ванну. У него и новое платье для тебя.

Послышались легкие, торопливые шаги, это бежал Ясса.

– Прости, Учитель. Во всем виноват озорник Эта. Я видел, как он бежал к воротам, и велел ему проводить Левушку прямо ко мне. А он обещал, три раза кивнул головой – и не исполнил обещания. Я виноват

трижды, – говорил печально Ясса.

– Конечно, Ясса, человек всегда виноват, когда старается данное ему поручение переложить на другого. Но для печального голоса твоего я не нахожу причины. Помни только крепче, что нет дел мелких. Веди Левушку скорее. Мы уйдем вперед, я постараюсь подождать тебя и его у сторожки. Там будет и Мулга, вы ему оставите птицу. Старайтесь навести лоск скорее, – прибавил И. нам вдогонку.

На этот раз Ясса не пришлось возиться со мною. Я не испытывал никакой усталости, был свеж и бодр, точно и не совершал дневного путешествия по пустыне. Когда Ясса подал мне платье с золотым шитьем, в каком ходил И., я посмотрел на него с таким изумлением, что он расхохотался.

– Уж не думаешь ли ты, Левушка, что я вторично могу неточно выполнить приказание И.? Надевай без сомнений – это тебе подарок Владык мощи. И чтобы ты не забыл о своей вековой связи с ними, Владыка-Глава передает тебе перстень, что найдешь в кармане платья. Я надел прекрасное платье, подумав, как ко многому оно обязывает, и с благоговением вынул перстень Владыки-Главы. Необычайное волнение наполнило мое сердце. В золото был вправлен бело-розовый камень, на котором была выгравирована лаборатория стихий. На внутренней стороне камня были вырезаны слова: «Радостный носит Жизнь живую и мчит в Ней каждого встречного. Живи так до новой встречи».

Когда мы подошли к сторожке, Мулга и новый сторож приняли от нас Эта, а в дверях трапезной нас поджидали И., Раданда и все мои товарищи по обучению в лаборатории стихий. Двери трапезной широко раскрылись, и первое лицо, которое я различил в море голов, войдя в трапезную, было темное лицо великана Дартана.

Раданда усадил всех нас за своим столом, предложил занять места так, как мы сидели за этим столом в первый приезд. Снова, по знаку настоятеля, братья стали подавать еду; снова царил торжественная тишина в огромном зале; и снова Раданда делал вид, что усердно ест из своей полупустой мисочки. Как много огромного, не передаваемого словами, произошло в моей жизни и в жизни всех здесь сейчас сидящих и раньше сидевших людей! И я снова здесь, точно не существовало времени, отъездов, событий, незабвенного посещения обители матери Анны.

Анна... Это имя вызвало в моей памяти другое прекрасное лицо, другой неповторимый голос, Константинополь, Ананду и новое обязательство по отношению к матери Анне – обещание привезти к ней ее заместительницу и освободительницу...

И. слегка прикоснулся ко мне, и я понял, что надо войти всей глубиной сердца в это летящее «сейчас», а не в то, что будет. Я улыбнулся И., признав себя проштрафившимся не менее Эта.

Есть я положительно не мог. После бобов Владык мне казались необычайно тяжелыми молоко и хлеб у матери Анны, и трудно было привыкать к ним. Но горячая похлебка, казавшаяся мне не так давно роскошным и изысканным блюдом, возмущала мое обоняние, и я не мог притронуться к ней. Мои товарищи были более благополучны и удачно делали вид, что едят с аппетитом. Как и когда-то, прислуживавший за нашим столом брат взял у меня похлебку и подал мне смесь из разных фруктов, за что я его от всего сердца поблагодарил и принялся есть их усердно без всякого притворного аппетита.

Случайно встретившись взглядом с И., я получил из его глаз целый заряд юмористических искр, но, когда посмотрел в его чашу, ответил ему тем же: в его чаше было точно такое же фруктовое месиво, как у меня...

Я посмотрел на Дартана, сидевшего за ближайшим от нас столом, лицом ко мне. Я ли изменился или изменился этот великан? Его лицо, показавшееся мне в первое знакомство каменным и непроницаемым, лицо, охранявшее внутренний мир от постороннего взгляда, как каменный панцирь, казалось мне теперь прозрачной, точно из коричневого мрамора вазой, где светились все мысли и была могучая радость. Дартан, дедушка Дартан, вековой дуб, казался мне сейчас молодым. Я не видел его внешней судьбы, я читал его Вечное. По всей вероятности, и он смотрел на меня иными глазами, так как в них не было покровительственной защиты, с которой он смотрел на меня в своем оазисе, а была радость, точно он слал мне победный клич.

Трапеза окончилась; братья убрали последнюю посуду. Раданда встал, поклонился И., и его тихий внятный голос раздался в еще большей тишине, хотя она и без того казалась предельной.

– Ты посетил нас вновь сегодня, Учитель. И это посещение твое несет многим из нас освобождение. Многих когда-то привез ты сюда, но еще больше людей взял и еще возьмешь ты отсюда в далекий и широкий мир. Благоволи сам сказать, кого и как назначаешь ты себе в помощники и сотрудники.

Раданда сел, И. встал, и опять, но на этот раз в гораздо большей степени, весь зал озарился светом, бежавшим от него лучами.

– Друзья мои, вы ждали моего возвращения, как ждут «чудес». Вы и сейчас ждете, что я буду вас «выбирать», увезу тех, кто мне понравился, кого я сочту «готовым» к новой жизни, вернее к новой форме труда. Ваш

настоятель много раз старался объяснить вам, что зов Учителя не есть выбор. Готов ученик – готов ему и Учитель. Готов дух человека, созрел он – готова и новая форма труда и деятельности для него. Никто не может «вести» человека. Он сам идет. И в зависимости от того, как он сам идет. Учитель может ему ответить, освещая – с той или иной силой – горизонт его духовного пути. Если кто-либо из вас еще горит какой-то страстью, как бы она ни была завуалирована, он не может ехать со мной в тот широкий мир, где пламенем, под вуалями и без них, горят страсти. Потому что его личная страсть, не имеющая явных внешних признаков, но еще тлеющая в глубине сердца, немедленно вспыхнет, как только соприкоснется с окружающим пламенем. Работа в условиях мирской жизни, из которой вы все ушли когда-то, преследуемые собственными страстями, может быть плодотворна снова только тогда, когда уже не надо думать о себе, когда интерес к частице «я» потерян и гудит радостная энергия в сердце, что можно теперь жить освобожденным, легко и просто, в любых условиях, заботясь только о труде, к которому дает указание Единый Владыка Земли. Каждый человек, входящий в сотрудничество с людьми земли в ее огромных, густонаселенных городах, может и должен развернуть в своей психике совершенно новую страницу деятельности, в которой нет пониманий обывательского «счастья» от полноты исполнения тех или иных своих желаний, собственных, личных возвышений и завоеваний. Тот, кто становится истинным человеком, то есть несет раскрытый дух по векам – что и отражено в слове «человек», то есть «чело, идущее в веках», – тот уже не может не видеть, что все человечество идет к совершенству, что сила всех удесятеряется от стремлений каждого к добру и общему благу. Такой человек входит в единение только с сутью в человеке; и умение находить только этот способ единения с ближними есть первый дар, который завоевывает человек, освободивший свой дух от личных страстей и порывов. Он всем сознанием объемлет всю Вселенную и строит Общину мира для нее. Вы – те, кто хочет ехать со мной служить людям ступенькой в их духовном прогрессе, – вы не только «человеки», вы еще и ученики. Для вас уже обязательно не только единение в даре доброты; для вас уже нет иного пути, как радость понимания, что вы – двигатели, новые духовные моторы для разрушения человеческих предрассудков в их привычном цикле пониманий. Устремленность к дальним мирам – обычный и привычный способ вашего мышления. С первых же шагов в неведомом вам еще современном культурном обществе вы столкнетесь с двумя тяжелейшими предрассудками эгоизма: одиночеством и требовательностью к людям. Сознаете ли вы, как широко, как твердо, без всяких колебаний,

должна жить в вас Живая Радость, живое сознание, что для вас, учеников, нет и не может быть одиночества? Ежесекундное творческое слияние с Единым так заполняет сердце ученика, что в нем нет места мыслям и чувствам о себе, а есть только одна мысль: всякое мое дело есть дело Пославшего меня на землю. Мой путь – Его движение, и если «я» схватило меня в эту минуту за сердце – Его путь через меня прекратился... Проверьте себя в эти последние дни. Откройте глубже свои духовные сокровища, отойдите все остатки личных чувств и самолюбий и вникните в мои слова: не я вас «выбираю», но вы идете на зов сердца, где нет иных побуждений, как быть слугою Бога. Тот, в ком шевельнулась хотя бы самая маленькая мысль: «Он награжден вниманием Учителя или людей больше меня»; тот, кто подумал: «Трудно жить на земле одинокому»; тот, кто развернул перед собой горделивую панораму: «Буду помогать человечеству», – все останьтесь, не ходите со мной в пламя крови и страстей людских, так как вы еще не сбросили личины «я». Только утвердясь в живой Любви, то есть неся ее всякому, человек перестает быть одиноким, так как это понятие исчезает из его духовного кругозора. Идя в этой психике среди людей, можно разбивать в каждом его предрассудок одиночества и вводить его в круг радостных новых пониманий, заменяя ими прежний цикл идей, в которых жил страдающий от одиночества человек. Первым следствием нравственной узости, когда человек чувствует себя одиноким, бывает нравственное уродство – требовательность к другим. Требовательность прежде всего к тем, кто старался или согласился разделить его одиночество. Если это дружба – то дружба эта имеет глубоко запрятанные когти ревности, желания быть «всеми» для друга. Если это любовь, то любовь, идущая вразрез с самым элементарным человеческим пониманием, что она есть отдача света и мира, а не жажда взять все лучшее, ибо чувство хозяина – первый стимул закрепощенного в страстях человека. Страх, в тысячах и тысячах самых разнообразных видов и мыслей, пугает человека и путает его ежедневное единение с другом, с общественностью, с сотрудниками, выставляя всюду условные пугала, существующие только в собственном сознании каждого: «потеряю», «увлечется», «мне не достаточно отдает», «заболеет», «переутомится», «покинет», «потеряю опору и карьеру». Страх сжимает все духовные силы внутри человека и не менее крепко сжимает кольцо вокруг человека. Никакое общение невозможно для вас с Учителем и для Учителя через вас, если вы допустили страх в свое сердце. В тех городах, где предстоит вам трудиться на пользу и благо людей, почти все люди побеждены страхом и не умеют действовать в своем труде, стоя в Вечности. Сейчас, здесь

поймите, какую величайшую освобожденность должны вы сознавать в себе, чтобы можно было о вас сказать: «Эти люди готовы к труду Учителя, их дух не может ни смутиться, ни замутиться от общения с закрепощенными людьми. Они владеют даром распознавания, их «доброта» есть умение видеть в каждом Единого... Отряхните с себя не только уродливые мысли о застенчивости, но и всякие мысли о разнице между вашей культурой и культурой людей тех мест, куда поедете. Для вас есть только одна культура: проносить во все сердца мир, как бы ни велика была разница в воспитании и отлична цивилизация стоящих перед вами людей и как бы глубоко вы ни понимали, что общающееся с вами сердце спит еще в глубоком и грубом невежестве относительно своего истинного земного пути и в полном непонимании смысла своего воплощения. Не ужасайтесь никаким страшным событиям внешней жизни народов, в ритм существования которых суждено вам включиться, потому что для вас нет ритма какого-то одного народа, вырванного из общей жизни вселенной, для вас есть один ритм – ритм Великой Матери Жизни. Стоя в этом ритме, устремив сердце и мысль к дальним мирам, начинайте свой день труда и любви среди тех людей, куда последуете за мной. Но если хоть на одну минуту допустите тоску, что не всегда вы будете нести свой подвиг труда и любви рядом со мной, в физической близости, что не всегда сможете обменяться со мной мыслью, советом, найти во мне физического, бодрящего сотрудника, – не ездите, оставайтесь здесь, за оградой, куда не проникают течения быта и скорби суетных толп людей. Каждый идущий не во мне должен искать помощи, но в себе вскрыть аспекты Единого и ими войти в ритм Единого Владыки Земли, в тот ритм, в котором Он трудится для той же Земли, для которой вы, ученики, сотрудники и братья, «готовы». Раскрыть во встречном какое бы то ни было понимание мировой жизни и собственной ответственности перед ней не может ни один человек, пока сам не утвердится в привычке жить только в ритме вселенной. Тысячи и тысячи раз говорил я вам, что дать можно только то, что имеешь сам. Иначе все попытки принести мир и утешение человеку будут только пустоцветом, спиралью умствования, без смысла и цели посланными в эфир «словами», где и без того немало мусора. Обдумайте то, что я вам сказал. Некоторым из вас еще есть время победить в себе остатки стесняющих дух страстей. Иным надо немедленно решить для себя кардинальный вопрос, как включиться в труд Единого на земле, ибо первая партия, которой предстоит отправиться в путь с Грегором и Бронским, уедет через два дня в оазис Дартана. Там вы проживете столько, сколько найдут нужным ваши новые водители, будете там учиться так и тому, как они найдут нужным, и только

по их указанию двинетесь за ни и в далекие и неведомые вам страны. Еще раз напоминаю вам: «Все – в себе». Великую мощь должен ощущать каждый человек в себе, независимо от мест, окружения, обязанностей и внешних условий. И только те из вас, в ком окончательно нет слабости и желания искать себе иной защиты и помощи, кроме того Единого, что носят в себе, только те могут быть слугами и сотрудниками Учителю, а через него и Великому Владыке Земли. Ежечасно ощущайте, что образ Учителя, трудящегося рядом с вами, живой, любящий и живущий в ритме Великой Жизни, принимает каждое дыхание вашей Любви и разделяет вашу радость жить в труде единения с живыми трудящегося неба и трудящейся земли. Все едино, нет разрывов, есть единая Община мира, членами которой вас призывает стать Великое Светлое Братство.

И. поклонился всем слушавшим, поклонился Раданде и подал знак к выходу из трапезной. Когда все покинули огромный зал, И. подозвал Дартана, приветствовавшего всех нас как сердечно любимых друзей.

– Ну вот, Дартан, часть первая твоих трудов завершается. Великие Владыки мощи посылают тебе свои заветы и наставления через Бронского, Игоро, Грегора и Василиона. Видишь, как ты богат послами! Но это не значит, что ты сам освобождаешься от дальнейших трудов или что послы твои останутся с тобой надолго. Они совершат революцию в твоём оазисе, передадут тебе снова твоё переформированное царство и уедут вдогонку за мной выполнять свои новые мировые задачи.

И. отпустил всех нас, велел мне разобрать письма в его комнате и подождать его возвращения. Сам же он с Дартаном и Яссой прошёл к Раданде.

Захватив Эта у Мулги, который необыкновенно ласково приветствовал меня и сказал, что получил приказание от И. возвратиться с ним вместе в Общину Али, чему он очень рад и счастлив, я пошёл обратно в наш домик. Эта чинно шагала рядом со мной, ничем не нарушая торжественности моего настроения, в которое привела меня речь И. Вскоре я услышал вдали за собой торопливые шаги и почувствовал, что человек спешит догнать меня. Я замедлил шаги, и через несколько минут меня догнал Бронский.

– Левушка, дорогой мой друг. Давно я с Вами не говорил, давно, с Общины Али, я даже не имел возможности обменяться с Вами мыслями, хотя все время был подле Вас, разделяя во многом Вашу судьбу. По существу говоря, мне даже не нужны были слова, так как я чувствовал, что все мои мысли доходят до Вас так же, как и ваши до меня. Я сознавал неразрывную близость с Вами, как и со всеми теми, кто несёт сейчас людям задачи Светлого Братства. Но кроме этой идейной связи, большая

теплота сердца тянет меня к Вам, дорогой друг. Я не могу забыть, с какой теплотой встречали Вы меня во все минуты моего горя и как я всегда находил в вас утешение доброты, а не слова «об» утешении, звучащие нравоучением, что так часто встречал в жизни. Теперь, когда вся моя психика иная и для меня уже нет возможности думать о себе и жить для себя; когда это наше свидание, быть может, радостная и последняя встреча в этой форме, так как очень скоро я уеду с Дартаном, а Вы будете сопровождать И. в его дальнейшем путешествии по миру, – мне хочется еще раз высказать Вам, каким примером бодрости, всегда глубокого мира Вы для меня были. Много божественно прекрасных ликов и сияющих, священных фигур видели мы с Вами за это сравнительно короткое время нашего счастливого обучения подле И. и Владык мощи. Но во всех этих людях я видел уже результат их многих и многолетних трудов. Я видел их уже не обычными людьми, но сверхчеловеками, теми, кого в быту мы звали «святыми». Грань между обычным миром земли и вечным небом для них не существовала. Но как они вошли в свое сверхчеловеческое существование, я постичь не мог. Встретив Вас, хотя ни Вы, никто другой мне ничего не говорили, я сразу понял, какие основные качества человека могут привести его к высокому и светлому пути существования сверхчеловеком, то есть к Великому Светлому Братству. Живой пример полной цельности, полной чистоты и преданности, полной верности, когда даже беглая мысль легкого ее нарушения, не только какого бы то ни было предательства, не может мелькнуть в мозгу общающегося с Вами человека, – этот живой пример, увиденный мною в Вас, сразу заставил меня сбросить с сердца всю слякоть сомнений и крепко утвердиться в целесообразности движущихся и складывающихся обстоятельств каждого отдельного человека и всего мироздания. Расставаясь с Вами теперь, я об одном буду помнить: нет встреч случайных, и встреча с Вами повторится, если вечная память о Вашей верности будет жить во мне. Позвольте мне обнять Вас, друг. Быть может, уже не представится больше минуты поговорить с Вами вдвоем. И. дал мне поручение быть с Грегором в доме Деметро и отобрать всех, кто готов для возвращения в оазис Дартана. Мой последний привет любви я передаю вам в этой коробочке, на крышке и дне которой мы с Игором выгравировали сами те постройки, его и мою, что остались в оазисе матери Анны. Грегор много смеялся над нашим детским трудом гравиров, но все милостиво поправил и, в конце концов, даже похвалил. Примите наш общий дар и... помогайте нам. Мой Владыка мощи сказал мне, что первый по силе между нами – Вы. Я, впрочем, в этом и не сомневался.

Обняв меня несколько раз, всматриваясь в меня, точно хотел навеки

сохранить мой образ в своей зрительной памяти, Бронский поцеловал коробочку из бело-розового стекла с золотыми крапинками и подал ее мне. Отвечая другу на его сердечные объятия, глубоко тронутый его нежностью, я тихо сказал:

– Когда-то Вы не раз говорили мне: «Левушка, где вы запропали? Я так соскучился по Вас». Я тогда не понимал Вашего состояния. Вы – обладатель такого гениального таланта – казались мне богачом, всегда настолько наполненным внутри, что Вам некогда думать о ком-либо, кого бы Вам не хватало для Вашего творчества. Теперь я понимаю, что счастье творящего именно в том и состоит, что сердце его, всегда пустое для личного и открытое творческому порыву, вбирает каждого и отдает ему всю любовь. Отдав ее однажды, оно уже не забывает встречного, ее подобравшего. Не скука, не тоска, но полнота общения необходима сердцу, научившемуся отдавать любовь. Где бы Вы ни были, чем бы Вы ни были заняты, Станислав, в моем первом приветствии дню, в моем славословии вселенной будет привет Вашему сердцу и труду. Не ждите новых побегов сразу, но я знаю, что, когда мы встретимся с Вами в следующий раз, сеть школ Ваших театральных последователей заполнит все города мира и совершится новая эпоха в искусстве. Примите мою любовь в обмен на Вашу. Этот крест подарил мне Дартан, прося отдать его тому ДРУГУ» в преданности которого я не буду сомневаться. Он точно предвидел, что мне скоро понадобится такой талисман. Я носил его на себе всего несколько часов, но ощущение радости и тепла от него бежало по всему моему телу. Пусть радостность этого креста защищает Вас во все минуты мелькающих вокруг человеческих разногласий и напоминает Вам о любви и преданности вашего друга Левушки.

Еще раз обнявшись, мы расстались с Бронским, которого уже разыскивал Игорь, издали призывая его условным свистом. Добравшись до своей келейки без дальнейших промедлений, полный впечатлений от любви и дружбы Бронского, я уложил спать Эту, переоделся в обычное платье и пошел в комнату И., где и погрузился в разбор громадного количества писем и бумаг.

Я и не заметил, как мелькнула ночь, как солнце послало свой первый луч пустыне. Но меня привел в себя звук колокола и одновременно с ним появившиеся И. с Яссой из одной двери и Эта из другой.

Всех нас заставил смеяться Эта, раскланивавшийся с нами по старшинству. Сначала И., потом Ясса, потом я получили по почтительному поклону.

– Вот и не угадал, дружок. Хозяину твоему Бог сулил быть выше Яссы

по его положению на земле, – смеясь, сказал И. – Запомни, Эта. Он, Левушка, – хозяин для людей, а Ясса – работник. Так для людей. А для сердца твоего – оба равны. Для благополучия Левушки Ясса необходим. Запомни это хорошенько и оберегай обоих одинаково. Понял? – продолжал И., поглаживая головку Эта.

Не знаю, что и как понял Эта, только он пристально посмотрел на меня, потом на Яссу. Подошел ко мне, опустился на землю и поклонился, касаясь головкой моих ног. Не дав мне опомниться от изумления, он подошел к Яссе, поклонился ему, потерся головкой о его руку, затем отступил шага на два, пронзительно вскрикнул, распустил хвост, раскрыл крылья и, взлетев на плечо Яссы, охватил его голову крыльями, нежно прильнул головкой к его плечу. Выразив Яссе этим способом, которого он кроме меня до сих пор не применял ни к кому, свою любовь, он снова вернулся ко мне, взлетел ко мне на грудь и чуть не задавил меня в своих мощных объятиях, чему немало смеялись мои друзья. Успокоившись, Эта встал у моих ног, давая понять, что все сообразил и запомнил и что представления на этот раз кончены.

– Левушка, – обратился И. ко мне, – Я вижу, ты еще не всю почту разобрал. Но как бы ни было много в ней экстренного, сегодня для нее у тебя времени больше не будет. Сейчас мы все приведем себя в порядок и отправимся в трапезную. Прямо оттуда ты со мной и с другими пойдешь в дом Деметро, где соберутся все из оазиса Дартана, кто наш,,л в себе силы и желание трудиться. После моей беседы с ними каждый из вас проведет остаток дня в беседах и оказании помощи тем из людей, кто обратится к вам за советом или с вопросами.

Через самое короткое время все мы уже были в трапезной и радовались встрече с Деметро, его матерью и сестрами-математиками, которых застали в беседе с Радандой у порога зала.

Приветливо поздоровавшись со всеми, но не задержавшись ни на минуту, И. прошел прямо к столу, где и мы все заняли наши обычные места. Вся группа собеседников Раданды также заняла места за нашим столом. Прямо против меня сидел Деметро рядом с матерью, и я имел достаточно времени, чтобы разглядеть огромную перемену во внешности их обоих. Деметро нисколько не походил сейчас ни на свой первоначальный облик, хорошо сохранившийся в моей памяти, ни на того гонцастрадальца, врезавшегося в мое сердце в оазисе матери Анны. Сейчас передо мною сидело уравновешенное существо, совершенно не искавшее личного выдвижения. Он не был заинтересован в том, куда и как он поедет, где будет трудиться и кем будет окружен. Я видел яркий свет в сердце

Деметро, не раз подмечал его взгляд, почти с обожанием устремленный на И., и понимал, что жизнь новая, творческая, радостная начинается для этого человека. Его бодрости, казалось, нет конца, и ни малейшего разочарования или страха не мелькало в его ауре.

В сидевшей рядом с ним его матери все было наоборот. В ней с большим трудом можно было признать ту красивую и элегантную даму, которая принимала меня в своем доме около двух лет назад и которую тогда можно было скорее принять за его старшую сестру, чем за мать. Сейчас от ее красоты не осталось и следа. Она была старушкой, хотя держалась прямо и манеры ее оставались элегантными. Я видел, что какое-то горе сокрушило ее, разбило все ее будущее, а в настоящем она не нашла ни мира, ни спокойного подчинения неизбежным обстоятельствам. Она подчинилась им, как трагедии. Печальный, померкший взгляд когда-то красивых глаз ничего не выражал, кроме горечи, разочарования и безнадежности.

Я задумался о ее судьбе, о том, зачем это олицетворение безнадежности поедет в оазис Дартана, как получил ответ сразу на все свои вопросы о ней. Взгляд, который она бросила на сына, подметив его обожающий взор, устремленный на И., взгляд, точно в зеркале отразивший обожание Деметро, был разгадкой для меня. Мать, обожавшая сына, пережила его обновление и переход в ученики Раданды, И. и Грегора как собственную личную драму, как разорение и опустошение собственного сердца. Любя его глубоко, она не сопротивлялась его стремлениям. Она сошла с его пути и не нашла себе места во вселенной, где могло бы ее сердце зацепиться за какой-нибудь труд или радость, чтобы включиться в общую жизнь людей. Крах личной привязанности сделал ее тенью Деметро, и все в его пути казалось ей гибелью собственной жизни.

Мне было глубоко жаль несчастную женщину, но я понимал, что никто ничего не мог сделать, чтобы облегчить ей ее путь, где без полной власти над обожаемым сыном она успокоиться не могла. Ее «я», «я», «я» давило ее со всех сторон.

Я перевел глаза на сидевших по другую сторону Деметро сестерматематиков, и сердце мое радостно дрогнуло, точно я соприкоснулся с источником живой воды. И Роланда, и Рунка, как пылающие цветы, испускали силу тепла, мира, энергии. Не только прежней неудовлетворенности не было в лице младшей, не только жажды опеки и поддержки со стороны старшей не искала младшая, но она как будто была впереди по лившимся от нее струям спокойной энергии.

Трапеза была окончена, мы вышли все вместе вслед за Радандой и И. и

направились к дому Деметро. Мне пришлось идти рядом с Леокадией. Женщина, очевидно, почувствовала мое доброжелательство к ней, так как не прошло и нескольких минут, как она мне сказала:

– Благодарю Вас за то, что Вы простили мне и моему сыну тот малопочтительный прием, который мы оказали Вам в нашем доме, хотя и знали, что Вы пришли к нам от Учителя.

– Стоит ли вспоминать об этом неудачном поступке, который так давно был и не оставил никакого следа горечи в моем сознании? Если в эту минуту он всплыл в Вашей памяти, то только для того, чтобы Вы ярче и глубже подумали, как много раз мы теряем важные и нужные нам встречи только потому, что не вдумываемся вообще в великий смысл нашего дня, который весь только и состоит во встречах и подготовке к ним. Я прошу Вас не огорчаться прошлым. Оно не существует более, Вы сами восстанавливаете его из праха энергией Ваших психических сил. Если бы Вы могли ясно видеть, как мутится Ваш дух в эту минуту в страстях скорби, горечи и беспокойства и как они мешают Вам проливать радость и ловить Свет, который окружает Вас и течет к Вам целыми реками от И.! Но кора Вашего упорного устремления только на одну рану сердца: «Сын отошел, для меня нет ничего больше в жизни», – кора непроницаемого Вашего эгоизма не позволяет ни одному лучу коснуться Вашего сердца. Только те сердца, что достигли мира, способны воспринять невидимые, но тем не менее глубоко действенные благие силы, окружающие их. Успокойтесь, отодвиньте от себя постоянно давящую мысль о себе и думайте о пути Вашего сына, если Вы действительно его любите. Вы представляете себе только иллюзию материнской любви, на самом же деле погружаетесь только в инстинкт животной любви, лишенной первого человеческого элемента: отдачи. Простите, мы приближаемся к цели, кто знает, будет ли у меня возможность новой встречи и разговора с Вами, – прервал я Леокадию, явно желавшую мне что-то возразить.

– Если Ваша сила любви именно Сила той Жизни, что каждый из нас в себе носит, будьте бдительны в эти серьезнейшие минуты начала новой творческой жизни Вашего сына и постарайтесь найти в себе примиренность. Только полное Ваше самообладание, забвение себя и бесстрастие всех Ваших мыслей и суждений в течение всего времени, пока Учитель И. здесь с Вами, могут помочь Деметро сложиться в крепкую духовную единицу, где зло больше не сможет сломать его прекрасный и чистый творческий путь.

Мы подошли к дому Деметро. И. остановятся, окинул каждого из нас пристальным взглядом, задержавшись несколько долее на Леокадии, и

сказал голосом такой доброты, миролюбия и проникновенного внимания к каждому сердцу, что я радостно встрепенулся и получил еще один урок, что значит пощада Учителя.

– Остановитесь на минуту, мои дорогие друзья, не переступайте порога этого дома в смятенном состоянии. Глубоко-глубоко вверьте себя Великой Матери Жизни, вберите в сознание Ее закон целесообразности и понесите каждый в своем сердце ту силу доброжелательства к людям, до которой каждый из вас созрел. Перед началом каждого дела, каждой встречи и каждого нового творческого импульса сердца не надо стоять на перекрестке дорог и думать: «Куда? Как? Что могу я?» Но надо крепко стоять на твердой и пламенной дороге: «Любя, несу любовь, ею коснусь Любви встречного, а не телесной рамки его». Сосредоточьтесь. Вы войдете в дом, где люди много лет ждали момента этого свидания, и здесь воля к победе, любящая и стойкая, каждого из вас может помочь встречным только тогда, когда каждый будет в полной верности, то есть в паяном самообладании. Только в этой силе духа, напряженного до крайних пределов любви и мира, самоотречения и радости служить ближнему по масштабам духовных сил каждого, может совершиться предельное, вдохновенное озарение каждого встретившегося вам.

Мы постояли в полном благоговейном молчании несколько минут, в течение которых я и мои дорогие спутники – я четко это чувствовал – взывали к Владыкам мощи, к Великому, через них познанному, Благому Милосердному, твердя имя: «Санат Кумара».

Мы двинулись дальше и прошли к веранде Деметро. И снова, как в первый раз, говор многих голосов донесся до моего слуха.

Мы вошли в дом, И. пропустил первым Раданду, и вслед за обоими Учителями вошли все мы. Леокадия, точно пронзенная словами И., старалась не отходить от меня, шепча мне, что чувствует себя сильной и стойкой подле меня.

Я узнал комнату Леокадии, куда входил первый раз в сопровождении сестер-математиков. Все было в ней как бы так же, и вместе с тем все было по-другому. Что бросилось в глаза прежде всего – это огромное количество всевозможных работ, лежавших в порядке на многочисленных столиках Леокадии и Деметро, служивших прежде только столиками для еды.

За каждым из столиков стояли фигуры мужчин и женщин, которым принадлежали разложенные на столах работы. И чего только тут не было! И тонкие кружева, и батистовые стопы белья и платьев, и изделия из слоновой кости, от довольно простых ножей до самых тончайших резных фигур, и чашки из стекла по моделям Грегора и Василиона, и прекрасные

картины, и простые сандалии, и ковры, и детские игрушки, и книги, и рукописи, и огромные фрукты, и плоды...

Всего я даже не мог и взглядом окинуть. Огромная комната походила на выставку. Да так оно, пожалуй, и было. Выходцы из оазиса Дартана встречали Учителя И. плодами своих трудов, где каждый подавал то, на что был способен. Как этот день, день смиренных тружеников, боявшихся, не покажется ли их труд великому Учителю недостаточным, не походил на тот бурный хор протестов и отрицания, которым был встречен Раданда здесь два года назад!

Глубоким поклоном и молчаливой надеждой, с которой смотрели люди на И., был встречен Учитель. Учителем-грозою отображался образ И. в трепетных мыслях собравшихся здесь вчерашних грешников, и... Учителем пощады и радости вошел он сюда.

– Привет вам, друзья и братья, труженики на общее благо. Я вижу, что мне не надо задавать вам вопросов, добровольно ли и радостно ли вы выполняли ваш труд. Все, что я вижу здесь выставленным, излучает так много любви и доброй энергии усердия, что все вопросы об этой стороне дела излишни. Вы научились трудиться усердно, вы сами захотели включиться в жизнь Общины Раданды, но... почему вы боитесь? Почему в эту встречу со мною, значительности которой я не отрицаю, вы вкладываете так много страха и сомнений? Ваш ближайший друг и защитник, отец Раданда, неустанно говорил вам о бесстрашии и твердил вам, что вся сила и весь новый смысл вашего существования – научиться ничего не бояться. Не бесстрашие злодея, убивающего или грабящего свою жертву, если око закона его не видит; не бесстрашие сильного, понимающего, что его кулак бьет крепче; но бесстрашие знающего, что весь закон в нем живет, что внешнее есть только следствие, самим человеком сложенное от его внутренних причин, – вот то бесстрашие, к которому звал вас Раданда, к которому звал вас Дартан, к которому зову вас я и будет звать вас все Светлое Братство, в чьем бы лице вы его ни встретили. Мужайтесь, друзья. Оставьте этот ужасный предрассудок страха; выключитесь из суеверия возмездия и наказаний; перестаньте чувствовать себя стоящими перед великаном Учителем; но признавайте себя, меня и всех здесь сейчас живущих единицами одного Творца, слугами Его, Его творящим дыханием Вечности; а в Вечности не может быть иного закона, как закон любви и пощады: он же претворяется на Земле в закон причин и следствий. Чего, кого, где вам бояться? Если все только в вас? Если Единое Все – неразделимо, как океан одной и той же Материи всей Вселенной, Материи, раздробленной на отдельные существа, часть из

которых зовется людьми. Вы смотрите на звезды и солнце – и вы видите их светящимися. Почему? Да только потому, что миры эти, равные вам по Единой Материи, недостижимы для ваших недостатков; вы не можете перенести на них своей темноты, и потому они не меркнут от вашей близорукой тьмы. Почему же вы не видите людей светящимися? Потому, что раньше, чем встретить человека, вы уже ему привесили темные простыни собственного эгоистического мрака и увидели прежде всего этот – собственного порождения – мрак. Вы не Единого в нем искали самой простой добротой сердца, вы не оправдание его невежеству несли – вы искали понять, где он ниже вас, в чем он виновнее вас перед всей мировой жизнью, если только ваше мышление смогло уже расшириться до ощущения себя единицей вселенной. В худшем случае – вы тонете в топкой болотной суеде одной улицы или одного дома... Не унывайте, не печальтесь. Нет такого человеческого существа, которое не могло бы двигаться к совершенству, если оно поняло, что иного пути, как вечная эволюция, имеющая конечной целью это совершенство, для человека земли не существует. Будьте смелы. Не останавливайтесь в пути, чтобы оплакивать неверные шаги прошлого. Каждая такая остановка кладет на ваше настоящее разъедающий пластырь. Учатся на своих ошибках только те, кто вырастает духом, поняв свое вчерашнее убожество. Тот, кто окреп сегодня, потому что увидел в своем вчерашнем недоразумении или ссоре с людьми собственную ошибку и решил более ее не повторять, тот сегодня вырос на вершок во всех своих делах и встречах. Кто же залил слезами, жалобой, унылостью свою вчерашнюю неудачу, тот сегодня разделит судьбу сорного растения, которое обошло широким кругом даже голодное животное... Представляя себе будущее, не ищите великих дел, высоких порывов и мечтаний о новой красоте, которую вы вольете в каждого, как широчайшую реку из молока и меда. Думайте только о своем текущем дне, помните, что каждая его минута – это ваша протекающая доброта. Ложась спать, отдайте себе отчет в трех вещах: 1. К каждому ли человеку вы были добры? Совсем просто добры? 2. Что вы вносили в дом или комнату людей, куда входили? 3. Чьим именем вы, знающие, что такое любовь, благословляли свои встречи, людей и всю земную жизнь, неотъемлемую частицу которой составляете? Следите за собой, но следите легко. Не изображайте из себя знающих и строжайших наставников себе, как вы не желаете быть ими для других. Душа каждого из вас – тот же нежный цветок, который нуждается в ласке и заботливости. Но надо понять, что собственная душа растет и очищается только силой той доброты, что источает сердце встречному, а не приказом воли, повиноваться которой без

легкости и доброты

– и есть путь злых... Завтра под предводительством Грегора, который назначен мною вам Учителем и водителем, в компании еще многих людей, также ему порученных, вы двинетесь обратно домой. Многих из вас ждут горячо любящие дома, многим придется встретить пустыми свои бывшие дома. Не носите в сердце скорби, возвращаясь в оазис. Учитесь у Жизни Ее мудрости и стройте новый дом на новой силе своего сердца. Не несите в себе мелочи сожалений, что надо уходить из одних условий в другие, а несите всюду только одно: счастье жить еще один день в мужестве и мудрости, в единении с трудящимися неба и земли, в понимании, что небо и земля – Единая Любовь, Великая Матерь Жизни. Будьте благословенны; все, что будет надо вам знать дальше; все, что повысит ваше понимание творчества сердца в текущем трудовом дне, все скажет вам Грегор, а Дартан, Бронский и Игоро, которых вы здесь видите и которые тоже поедут с вами, помогут тем из вас в их личном образовании, кому велит Грегор ехать дальше в широкий мир за ним. Что же касается Василиона, которого доброту вы все хорошо знаете, и не раз он был многим из вас спасителем, то ему я поручаю всех ваших детей. Перестаньте считать себя хорошими воспитателями. Из многих сотен живущих здесь взрослых, постоянно наставляемых и поддерживаемых Радандой, вряд ли есть десяток людей, которых можно назвать громким именем «воспитателей». Большинство из вас, видя недостатки и грубость своих детей, даже не понимает, что это последствия ваших же собственных убожества, эгоизма и отсутствия доброты. Положитесь на Василиона и несите бремя воспитания детей так, как он вам укажет.

На этом И. закончил речь. Он стал обходить все столы, внимательно рассматривал все на них разложенное, беседовал с каждым человеком и, каждого обняв, каждому указав новый путь усовершенствования в его труде, после чего вышел из дома Деметро. В саду И. отпустил всех наших спутников, велел им приготовиться к пути рано утром, а мне приказал остаться подле него и Раданды. Расставшись с друзьями, мы прошли сокращавшими путь дорожками прямо к часовне Радости и, когда она стала виднеться на своем воздушном пьедестале, сверкая среди густой зелени и синевы неба, И. спросил меня:

– Хорошо ли ты, Левушка, помнишь наставление Великой Матери, полученное, когда ты возвращался к жизни, выйдя от Владык мощи?

– О, Учитель, мог ли я забыть хотя бы одну букву из Божественного указания? – ответил я поспешно. – Вот они, сияющие в моем сознании как огненная печать, незабвенные слова: «Теперь пойдя в часовню скорби и

принеси туда цветок Моей радости и утешения. Во встречах серого дня не важно слово человеческой философии. Важно слово утешения, чтобы мог человек отыскать в себе путь ко Мне. Я – не судьба. Я – не предопределение. Я – не неизбежная карма. Я – Свет в человеке, его Радость. Ко Мне нет пути через помощь других, но только через мир в самом себе».

– Живи же всем сознанием и сердцем в этой дивной радости гонца, получившего поручение от самой Жизни.

Помни, что гармония твоя – мост, по которому сходит энергия Света к земле. Иди путем мира, будь сам путем мира для всех скорбных и протестующих, для всех сковавших своему духу тюрьму собственными жалобами и слезами. Будь благословен.

И. подал мне руку, Раданда взял вторую, и мы стали подниматься по кружевной лестнице. О, как легко, как очаровательно было восхождение в часовню на этот раз. Никакой огонь не жег меня, и чем выше мы шли, тем легче мне дышалось. Когда мы вошли в часовню и все трое приникли к стопам Великой Матери – блаженство Радости, блаженство Любви, блаженство Бесстрашия и мира охватили меня, и я впервые понял раскрепощенное счастье земной смерти...

Я еще не имею права рассказать о пережитом здесь. Великая Мать подала каждому из нас Свой живой цветок, приказав перенести их в часовню скорби. Подавая цветок И., Она сказала:

– Заложи в часовне скорби первый Свет надежды и мудрости. Раданде прозвучало:

– Внеси в часовню скорби убеждение в пощаде и уверенность в доброте. Я получил приказ:

– Вложи в часовню скорбящих цветок мира и знание, что ничей труд не пропадает напрасно, если он подан в бескорыстии и в мыслях об общем благе. Вложи в цветок всю любовь своего сердца и всю просветленность своего сознания, чтобы каждый, прикоснувшись к образу Моему, почувствовал жажду вырваться из кольца слез, знать и постичь Истину.

Молча трижды склонились мы перед Великой Матерью и, укрыв свои цветы под плащами, вышли из часовни. Раданда шел впереди, я в середине, И. замыкал шествие. Не только обычное сверкание шаров Раданды и И. видел я теперь, но точно корабль Света двигался вместе с нами по земле. Мы шли какими-то зарослями, узенькой тропочкой, по местам, в которых я не бывал, и даже не подозревал, что есть такая непроходимая чаща вереска и терновника в Общине Раданды. Цветущая чаща не имела в себе ничего устрашающего, но я четко понимал, что каждый, проникший в нее без

проводящего, должен был неминуемо заблудиться, как в римских катакомбах древних христиан.

Совсем для меня неожиданно мы вышли к группам домов, раскиданных на большом расстоянии. Я не понял сразу, что именно произошло со мной, где мы, но весь я точно сжался, дышать здесь было много труднее, и ноги двигались так, точно вдруг на них повисли пудовые гири.

– Это эманации слез и скорби, Левушка, бьют так сильно твое тело, еще не привыкшее к чрезмерной разнице колебаний волн человеческих мыслей и чувств. Пройдет несколько минут, и ты приспособишься к новому окружению. Прижми крепче свой цветок, и силы твои мгновенно восстановятся.

Мы пересекли селение, молчаливое, как будто вымершее, и вошли в густую аллею исполинских тополей. Она привела нас к широкой площадке, где полукругом росли могучие белые клены и в центре их высилась точная копия часовни Великой Матери, такая же резная и воздушная, но... совершенно темная. Сначала она показалась мне даже черной от яркого контраста с белой листвой, но в следующее мгновение я увидел, что и часовня, и лестница, и сама статуя – все было как бы вырезанным из темно-темно-серой жемчужины. Я остановился, пораженный неожиданным зрелищем, и услышал голос И.:

– Часовня этой зоны лет назад была белой. Она была дана в помощь людям, чтобы чакрамы их, обновляемые Светом радости и утешения, очищались, чтобы Жизнь-Радость, вливаясь в сознание молящегося, освещала сердце скорбного и помогала слабому. Но слезы и жалобы людей, вбираемые Великой Матерью, темнили своими психическими эманациями скорби, силу которых ты только что ощутил на себе, верхний слой покрова статуи. Вернее сказать, ложась веками на дивный, сияющий материал ее, они покрыли, точно чехлом, всю фигуру Великой Матери. И теперь она видится людям как бы вырезанной из темно-серого жемчуга. На самом же деле – взглядишь, ты увидишь, как сияет розово-белая фигура под слоем темных покрывал, что оставили на ней скорби, слезы, жалобы и болезни людей. Войдем. Выполним великую задачу, возложенную на нас Милосердием. Раз в столетие переносится сюда дар Любви Великой Матери в виде Ее живых цветов. Если бы Жизнь не обновляла Своих забот о страдающем человечестве, оно само задушило бы себя, равно как и источник своего вдохновения и Света.

Мы поднялись в часовню и все трое вложили наши цветы в руки Божественной фигуры, где уже лежали цветы почти черные, много темнее,

чем сама статуя. Очевидно, к цветам больше всего прикасались руки и уста страдальцев.

Как только мы вложили принесенные цветы в руки статуи, точно огонь вспыхнул во всей часовне и над нею. Вся фигура, на один миг объятая пламенем, стала не черной, но темно-розовой, почти алой, когда пламя потухло.

– Боже мой! Это точно красный переливчатый жемчуг! – воскликнул я, пораженный и обвороженный чудесным явлением.

– Да, сынок, то жемчуг любви, то пощада и доброта, принесенные сюда Жизнью. То Свет надежды и мудрости, то мир и знание, что труд есть счастье, ибо всякий в бескорыстии поданный труд строит Общину мира, – сказал мне Раданда.

– Да будешь ты всюду гонцом легким и приветливым, гонцомутешителем. Пусть обаяние твое помажет людям усвоить все то, что Жизнь повелела тебе перенести в толпу людей, – прибавил И., обнимая меня.

– Помни об этой минуте, когда мировая Энергия пролила Свой очищающий огонь в помощь человечеству и ты был свидетелем этого движения Воли-Любви. Никто из нас не имеет сил, равных этому феномену. Но каждый из нас может проливать везде огонь Своей Любви в помощь делам и сердцам людей. Не забывай никогда, кого несешь в дела и встречи, где и перед кем начинается и кончается твой серый день земли и что он есть в действительности.

Когда мы вышли из часовни и вернулись снова в селение печальных, я даже не узнал сразу унылого поселка. Точно ливень омыл дома и садики. Точно роса, неведомая пустыне, пробила пыльную пелену трав и цветов. Несколько взволнованных фигур показалось на порогах домов, а через самое короткое время возбужденная, в счастливых слезах толпа людей спешила к сверкавшей рубиновой пылью часовне.

Мы снова укрылись в чаще терновника и цветущего вереска. После довольно долгого пути мы подошли к домику Раданды у трапезной с совершенно иной, неведомой мне стороны.

Оказалось, что времени прошло так много, что обед в трапезной давно отошел и не так много времени оставалось до вечерней трапезы. И. приказал мне привести себя в полный порядок и сходить за Грегором, Василионом, Бронским и Игоро, а также за Андреевой и Ольденкоттом. Ясса, бывший тут, дал мне точные указания, где всех их найти, и позвал моего друга Эта, который мирно спал в сторожке, ожидая моего возвращения.

Моя дорогая птичка, конечно, ассистировала при совершении моего туалета в ванне Раданды. Но этого ей показалось мало, она прыгнула в бассейн и начала в нем полоскаться. Я испугался, что Эта утонет в глубокой воде, но шельмец преуморительно и с большой уверенностью, хитро на меня посматривая, совершал свой, необычный для павлина, туалет. Я понял, что и этот воспитательный прием происходит не без влияния педагогики Раданды, успокоился и хохотал так, что Ясса пришел унимать нашу чрезмерную веселость и порядочно выбранил нас обоих.

Проштрафившись во внешнем мальчишестве, мне все же было очень легко собраться в своих внутренних силах и, вытерев Эта после ванны, я зашагал в его обществе по указанным мне Яссой местам.

Скоро, гораздо скорее, чем думал, я собрал всех своих друзей и привел их к И.

– Дорогие мои, – обратился к ним И., – сегодня в последний раз в Общине Раданды я могу поговорить с вами. Я надеюсь, что ни у кого из вас ни на минуту не мелькнет мысли сожаления, что вы расстаетесь со мной. Идите в будничную жизнь людей и несите им те новые психические силы, которыми вы для них одарены теперь. Раскрывая вам великую сокровищницу сил природы, Великий Владыка Земли видел в вас свои мосты, по которым должна проливаться Его энергия земле. Идите же и творите волю Его. Как творить – вы знаете, научить нельзя. Творчество – в вас. Оно одухотворено огнем Вечного – идите и сейте, зная, где сеять, и помня, как выбирать места, чтобы сеять, а не метать бисер перед недостойными. Будьте благословенны. На рассвете вы все выедете в оазис Дартана. Вы же, – обратился И. к Наталье Владимировне и Ольденкотту, – не остановитесь у Дартана, а проедете прямо в Общину Али, куда вас доставит небольшой вооруженный отряд во главе с Яссой. В Общине Али передайте мое письмо Кастанде, и он немедленно же отправит вас в Америку, где вы найдете еще Учителя Венецианца и получите от него все необходимые вам указания.

И. обнял всех своих соратников-учеников и надел каждому из них на шею свой портрет такой чудесной работы, что я заподозрил и здесь его собственный труд.

Вскоре раздался гонг к вечерней трапезе. Окончилась и эта, последняя для моих друзей общинная трапеза, поднялся Раданда, и полился его мягкий, любовный голос:

– Не вижу здесь печального флера прощания и не слышу ни в одном сердце перебоев смущения перед отъездом в далекие и неведомые места новых трудов. Так, дети мои, начинают всегда новую жизнь те, кто понял

жизнь вечную. Кто принял все свои земные обстоятельства как обстоятельства той рамки, в которую вправлена его искра Вечности, и их благословил. Не начинайте ни одного дня, ни одного дела, не устремив вашего духовного взора к тем далеким мирам, откуда вы вынесли свое знание. Радуйте и радуйтесь. Любя побеждайте и несите только оправдание той невежественности, в которую вас отправляет служить закон Великой Пощады. Трудясь, не храните в сердце усталости и на челе пота. Но храните в очах и духе один образ: образ пославшего вас.

Всех благословил Раданда, каждому из уезжающих шепнул какие-то слова, а И. давал каждому маленький медальон, изображавший чашу с горящим в ней огнем. – В последний раз, Левушка, спасибо за все, – услышал я голос Натальи Владимировны. – Все, что делали Вы для меня раньше, возможно, мог бы сделать и еще кто-то. Но то, что Вы сделали для меня в лаборатории Владыки-Главы, могли сделать только Вы. Этим поступком Вы привязали меня к себе канатами вечной благодарности. Будьте благословенны и не забывайте меня в своих мыслях, как и я Вас не забуду в своих молитвах.

Она была единственная, с кем я обменялся прощальным словом. И. приказал взять мне на себя многочисленные обязанности Яссы и затем пойти разбирать почту, где и дожидаться его прихода.

Выполнив все обязательства Яссы, обойдя нескольких его больных, я возвратился в наш домик и уселся в комнате И. за разбор его писем.

Я не присутствовал при отъезде моих друзей и их многочисленного каравана. Я только принимал на рассвете их прощальные приветы и отвечал каждому из них всей любовью сердца и мира, на какие был способен.

ГЛАВА 33 Еще раз часовня и поселок плачущих. Речь И. плачущим. Мое прощальное посещение часовни Радости. Прощальный вечерний пир в Общине Раданды. Последняя речь И. на нем. Наш отъезд в Общину Али

Мысленно я провожал весь караван в далекий путь по пустыне. Как много раз уже провожал я дорогих мне людей в их новые пути труда. Как разнообразны были их и мои переживания при прощании с ними. Незабвенные образы вспомнились мне сейчас: Беата и сцена ее прощания в Общине Али, как и дорогой Аннинов, занимали немалое место в моем сердце. И все, кого я видел уходящими из Общин Али и Раданды до сих пор, все уходили в печали и слезах.

Впервые отправлялся караван с темнокожими – в неведомые им страны, в чуждые условия – и уходил он легко, весело, просто, бесстрашно.

И вели его также весело и радостно мои друзья, для которых теперь не существовало ни внешних, ни внутренних условностей. Они не «уходили», что-то и где-то «покидая», – они «продолжали» свой творческий путь, всюду видя одно: быть радостными мостами Вождю, передававшему через них людям Свои дары любви.

Я углубился в эти мысли, меня восхищали мои чудесные друзья – теперь люди силы и цельности – которых я так сравнительно недавно знал колеблющимися, занятыми собой и не способными на иные решения, как компромиссные. Я посылая им свое восхищение и благоговейную любовь их делам и встречаю...

– Левушка, ты как будто бы не очень прилежный секретарь, мой милый друг,

– услышал я сзади себя смеющийся голос И.

– Напротив, Учитель. Мое, или, вернее сказать, твое мне задание уже исполнено. Немало в этих бумагах к тебе просьб и стонов, но вот одно письмо заставило меня глубоко задуматься, и я не знал, куда его отнести. Я оставил его особняком, так как не мог решить, что и как предпримешь ты, – ответил я.

Я подал И. написанное женской рукой письмо, подписанное именем «Дженни».

– Об этом письме я знаю. Отложи его в сторону. После мы о нем поговорим. А сейчас, как только ударит колокол, пойдем в трапезную и оттуда вместе с Радандой отправимся в поселок печальных. Ты был свидетелем, как Любовь посылала Свои очищающие эманации Земле. Эманации такой силы, что человеческий организм мог их воспринимать только как огонь. Сегодня ты вместе с нами понесешь свою любовь в это священное место, где Великая Мать дала людям возможность стряхнуть с себя уныние и груз слез со своих сердец. Не думай, что ты все еще недостаточно крепок духом или высок по своим эманациям, чтобы помогать скорбным обретать мир. Нет предела совершенствованию, и неважно, кто выше, кто ниже к звездам. Важно в своих масштабах доходить в каждом действии до конца, в собственном самоотвержении быть верным до конца Единой Жизни. Нести людям уверенность в знании, что жизнь Земли – вся, без исключения, земная вселенная – есть фаза, одна из проходящих и изменяющихся форм, в которых ты, я, Али, Раданда, Мулга и Беньяжан, пустыня и звезды – искры Единого, мерцающие, гаснущие, мигающие или горящие ровным Светом. Не твоя форма данного сейчас служит мостом Жизни для Ее посылки Своих сил Земле, но твоя Вечная Сила, которую ты не можешь сделать ни хуже, ни лучше сейчас, если вчера

ты жил только мечтами о действиях, а действовали другие, рядом с тобой шедшие, огонь духа которых был, быть может, много меньше твоего. Но они действовали, а ты думал, как будешь действовать, и упустил в бездействии свою Вечную Силу, потеряв летящее «сейчас» без пользы и смысла.

Как обычно, ударил колокол, как обычно, мы совершили свой утренний туалет и, как обычно, провели время в трапезной. Но далеко не как обычно было у меня на душе. Я точно проснулся еще раз к новому пониманию, что значит действовать. Мне показалось, что самый день не тянется с утра и до вечера как некое количество часов и действий в них, но что он есть только узенькая тропочка Бесконечности, по которой идет человек.

После трапезы мы вышли той же аллеей, по которой возвращались вчера, к зарослям вереска и терновника и подошли к часовне скорбящих. О, как была прекрасна часовня – алая, сияющая и переливающаяся – на фоне синего неба и белой листвы! Только сейчас, казалось мне, я оценил полностью великое Милосердие, пославшее вчера на моих глазах Свое действие Земле...

Вокруг часовни мы нашли многочисленную группу людей. Не было ни одного человека, который бы здесь не плакал. Особенно раздиравшими душу слезами рыдала одна женщина, державшая прелестную белокурую девочку на руках. Многие имели такой жалобный и истощенный вид, такая безнадежность сковывала их формы, что мне показалось невозможным вывести их из этой летаргии отчаяния.

Некоторое время мы молча стояли, никем не замечаемые. Я увидел, что от шаров И. и Раданды шли мощные лучи к особенно убивавшейся женщине, постепенно обнимая всю ее и ребенка своим светом. Мало-помалу стихали крики женщины, лицо, конвульсивно дергавшееся, становилось все спокойнее, и наконец на нем разлилось выражение мира. Она прижала еще крепче к груди тихо уснувшего ребенка, склонилась к ступеньке лестницы и замерла, точно обретая вдруг успокоение.

По мере того как стихало отчаяние женщины, лучи Раданды и И. все шире и шире охватывали, всю группу плачущих страдальцев. Слезы и вздохи их стали постепенно стихать, и все они, точно сговорившись, вдруг оглянулись на нас. Дав мне знак следовать за ним, И. взшел на ступеньку часовни и обратился к не сводившим с него заплаканных глаз несчастным людям с нежными и ласковыми словами:

– Друзья мои, мои бедные, плачущие братья и сестры! Сколько слез вы пролили в вашей жизни! Сколько раздирающих молений вы послали небу в

вашей жизни раньше и у этой часовни теперь. И... сколько упреков вознеслось здесь же из ваших сердец за то, что слезные ваши мольбы оставались без ответа. Так ли это? Так ли жестоко молчит «мертвое» небо, как это вы утверждаете в ваших упреках ему? Так ли безответны «святые», к которым взываете, или, быть может, занятые слишком много собою, своими слезами, вы не в силах ни ясно видеть, ни точно слышать подаваемых вам знаков пощады и милосердия? Вчера вы видели эту часовню темной. Вам кажется, что это вы «омыли» слезами каждое резное украшение часовни. Что сердце каждого из вас отдало самый драгоценный дар этой часовне

– свои слезы. Вдумайтесь: если ваши глаза плачут – могут ли они что-либо ясно видеть? Хотя бы настолько ясно, чтобы заметить рядом с вами стоящего страдальца? Нет, плачущий – плачет о себе. Он так глубоко занят только самим собой, только своей горестью, что рядом с ним стоящий не пробуждает в нем ни сострадания, ни желания хотя бы на минуту забыть о себе и помочь его печали. Сейчас вы перестали плакать. Но перестали вы плакать не потому, что я вызвал в вас, извне, новые эмоции к жизни – доброту и сострадание, – но потому, что Жизнь, спалив невидимые вам, но вами же нанесенные горы слезных эманаций, помогла вам раскрепостить в себе зажатый скорбью дух и убитую временно собственным унынием энергию радости. Сейчас вы дышите легче. На вас не лежит больше грубого савана печали, который не давал вашей мысли заметить главного феномена в жизни земли: момент переживаемой скорби – не есть вся жизнь. Земля, форма жизни и действий на ней – это только одно мгновение того вечного пути, что вы шли, идете и будете идти. Кто вы? Почему вы попали сюда? Вы даже не знаете, что вы живете в далеком, но высоко культурном уголке Земли, где процветает энергичная жизнь науки, искусства, ремесел, откуда немало изобретений выброшено в широкий мир для пользы и блага людей. Вы не отдаете себе отчета – ни кто вы сейчас, ни кто живет вокруг вас. Вы плачете, безразличные к жизни сейчас, как плакали тогда, когда покидали мир. Вы покинули его, безразличные ко всей жизни, потому что каждый из вас потерпел крушение в своей личной жизни. Вас подобрали члены этой Общины в разных местах мира, иные из вас сами пришли, жаждая только одного: жить в уединении и не быть тревожимыми в своих слезах. Нашли вы себе в слезах облегчение? Помогли вы хотя бы одному человеку, рядом с вами скорбевшему, энергией своего сердца, лаской, добротой? Вы только свое горе видели, и кроме самих себя никто для вас не существовал. Вы молились, прося только о себе и своих и, жалуясь, все же продолжали жить, считая, что совершаете

подвиг высокого самопожертвования, ведя бесполезную, слезливую жизнь.
Жизнь

– это ежеминутное действие. Это вечное движение, имеющее целью закономерность вселенной и целесообразность в ней. Живет в истинном смысле слова только тот, кто входит в это Вечное Движение как гармоничная его единица, ухватившая ритм Его для своих трудов и действий. Нет остановок в беге Вечной мощи, как не может их быть и в действиях тех, кто считает себя человеком, то есть искрой Единой Жизни. Но для того, чтобы войти в труд – всеобщий труд вселенной, – надо, чтобы глаза могли ясно видеть, уши точно слышать и сердце четко стучать в ритме Единого и Вечного Движения. Я сказал: очи, что плачут, не могут видеть ясно. Так же и уши тех, что жалуются, сетуют и слышат только уныние собственного сердца, не могут услышать зова Жизни. И сердце, стучащее в минорной гамме, стучит монотонно: «я, я, я». Такое сердце знает только страх будущего и раздирающую тоску прошедшего. Но текущей минуты, летящего «сейчас» оно не в силах ни видеть, ни слышать, так как за стенами и страхами о несуществующем прошлом и не менее эфемерном будущем оно мертво для летящих сейчас мгновений, то есть именно для истинной Жизни. Вы, бедные мои братья и сестры, вы, считающие себя живыми, несущими великий подвиг любви, вы, унылые плакальщики и плакальщицы, – вы мертвецы. Возле вас не только люди не могут сохранять жизнерадостного вида; не только дети не могут смеяться; не только травы и цветы вянут и сохнут, но даже сама Любовь покрывается темной пеленой вашей скорби. Разве вы посланы на Землю, чтобы думать только о себе? Разве, если жизнь дана вам – допустим даже и этот эгоизм – для мыслей только о себе, то значит ли это терзать себя и ранить всех видящих вас в таком виде плакальщиков? Жизнь послала вас на Землю, дав вам эмблемой Себя Радость. Вы же, утаив Ее дар, превратились в бесполезные урны печали. Вы стоите на месте, даже не видя, как бегут дни. Вы мрачно смотрите в землю, не задаваясь вопросом, зачем взошло сегодня солнце? А оно взошло, чтобы сила Света в вас не угасла, чтобы вы подняли лица к небу не с мольбой «Помоги нам!», но с улыбкой: «Мы Твоей доброте гонцы». Перестаньте видеть добродетель в оплакивании неудач личной жизни. Отрите глаза, откройте уши – и вы сможете услышать тихий голос Радости, говорящей вам: «В себе несешь Бога. Он жив в тебе. Ищи понять, что ты всегда не один, что все в тебе. Но все открывает Свой лик только Радостному». Вы живете в этом углу, за этими зарослями, и даже не предполагаете, что вблизи вас стоит часовня Радости и там живут люди, понявшие бессмысленность слез. Ни одно ваше действие не приносит и не

может принести вам облегчения, так как вы отравляетесь вечным раздражением слез. Ответственность за собственную жизнь тяжело падает на каждого человека. Каждый из вас должен рассматривать себя как самоубийцу, губящего свою жизнь медленным ядом – слезоотравлением. А как рассматривать вас с общественной точки зрения? Кто вы для общества? Для ваших детей? Для всех тех, кто встречается вам в делах дня? Разве вы не понимаете, как убийственно вы действуете на встречаемых вами здоровых людей? Вы думаете, что это не преступление – прервать веселую улыбку ближнего, не подумав о нем, о его радости и равновесии, ворваться в его окружение ураганом скорби и слез? Если разорвать мир счастливого, твердого характером и самообладанием человека своими слезами преступно, то что же сказать о слабых, колеблющихся, которых так легко сбросить с их шатких лестниц гармонии. Поймите, с этого момента и навсегда, что смысл каждой прожитой вами минуты состоит только в утверждении чьих-то лучших сил. Не там вы трудились, где вы, сжав зубы, готовы были ежеминутно послать крик негодования и протеста против тяжести вашего труда и неудач вашей жизни. Если вы даже? не открыли рта и не произнесли своих жалоб, то сердце ваше, заполненное мутью непролитых слез, уже соткало вокруг вас непроходимую стену дисгармонии. Развязать веревки слез, которыми вы сами себя опутали, сжечь чехол уныния, в который вы себя засадили, можете только вы сами, но не те «святые», к которым вы взываете. Чтобы получить ответ от тех, кого зовешь, надо создать чистые пути к себе и вокруг себя, по которым могли бы пройти к вам их ответы. И прежде всего надо вылезти из чехлов слез и уныния, в которых вы сейчас сидите. Как это сделать? Путь для всех единиц Света только один: Радость. Вы можете найти и войти в этот путь Света только собственным трудом духовного обновления. Надо понять, что весь ваш день труда, который начинаете и кончаете слезами, не существует как кусок вашей вечной жизни. Это только бесполезная остановка невежественности, не понимающей, что каждое летящее мгновение жизни Земли – это мгновение Вечности. Но оно только тогда им бывает, когда прожито в полном сознании своей неразрывной связи с Вечным Движением. А эта связь может выражаться только как бодрость, доброта и примиренность со своими обстоятельствами. Можно не доходить до величайших откровений духовного мира, хотя они доступны каждому и преград к ним нет. Но если не дойти до элементарного понимания, что Земля есть место труда и бодрости, энергии в доброте и мире к ближнему,

– войти в путь Света нельзя, хотя бы вы промолились и проплакали все свое воплощение в храмах, у ног всех святых неба. Вы – унывающие –

только и встретите мертвое небо, потому, что мертвы вы, а не оно. Встрепенитесь, оглянитесь вокруг и взгляните на стоящих рядом с вами таких же скорбных и плачущих. Вы слышали стоны и крики женщины с ребенком, но вы были глухи и немы к ее скорби. Найдите в себе самую простую доброту и взвалите на свои плечи тяжесть ближнего, забыв о себе и своих столах. И вы найдете то место, где живет Радость. Перестаньте плакать хоть на мгновение – и вы увидите, где живет Свет в человеке, что стоит рядом с вами. Перестаньте вслушиваться в неудачи своего личного пути, осушите свои слезы-ивы увидите всю вселенную не в алмазах звезд, но в живых образах Радости... Завтра придет к вам Раданда, и, если найдет среди вас кого-либо, кто сможет забыть о себе и подумать о помощи своему соседу, он уведет их из этого места слез в цветущую Общину; там 502 они смогут найти себе труд по своим вкусам и склонностям. Но надо понять, что жизнь дается для действия на Земле, для приложения всех своих сил доброты и радости к ее делам. Надо четко усвоить, что нет отъединения и разделенности от людей. Есть только Единая Жизнь, ритм которой стучит во всех сердцах. Каждое сердце стучит и звенит своей нотой, но нота эта попадает в общую гармонию только тогда, когда она выражает бодрость, доброту и радость, то есть находит путь, чтобы влиться в ритм Жизни. Глядя на совершенные формы этой алой Божественной фигуры, осознайте, что Любовь пролила вам Свою помощь, спалив ваши эманации уныния, и учтите все отсюда вытекающие последствия. Таким же образом Любовь сжигает в катаклизмах непереносимые больше и вредные для процветания Земли и ее населения злые и позорные результаты человеческих действий... Будьте благословенны, дорогие мои братья и сестры. Стремитесь к освобожденности, так как только свободный от груза собственных страстей может услышать ритм Жизни и почувствовать себя единицей всей вселенной. Первый признак радости, которую узнаете в своем сердце, будет и первым признаком вашей начинающейся освобожденности.

И. сошел со ступеньки лестницы, нежно и ласково отвечал на вопросы и мольбы приходящих к нему людей и передавал каждого Раданде, говоря те или иные слова любви, сострадания и наставления. Затем он совершил еще один феномен, которого я до сих пор ни разу не видел. Он закрыл густым светом себя и меня, заставив шары своих чакрам излучать один белый, похожий на дневной свет. Мы оба так плотно укрылись в непроницаемой для глаз пелене его света, что стали невидимы окружающим нас людям. Теперь они видели перед собой только одну фигуру Раданды, сгруппировались плотным кольцом вокруг него, а мы

отошли от часовни и исчезли в зарослях вереска, где И. сейчас же принял свой обычный вид.

Он быстро шел впереди меня, и мне не нужно было спрашивать, чтобы понимать, как глубоко он сосредоточен. Пытаясь, по возможности, меньше беспокоить И. в его раздумье, я замедлил шаги и старался идти как можно бесшумнее, оберегая его священный для меня покой.

Перед моими глазами все стояли скорбные фигуры только что виденных подавленных печалью людей. Мысли мои неслись вихрем от них к Браццано, Беньяжану, выходцам из тайной Общины, потерявшим и вновь обретшим Светлый путь, и остановились на чудесном лице матери Анны.

О, путь человеческой души! Путь безмерного разнообразия – от самых элементарных горестей до величайшей преступности и подъемов героической радости! Путь от великих шумных городов и столиц до маленьких сел и пустыни! Все один и тот же путь пробуждающегося и расширяющегося сознания. Путь, только тогда приводящий человека к творчеству, когда он обрел мир и самообладание. Путь, завершаемый светлыми фигурами тружеников, вроде шедшего передо мной И. и оставшегося позади Раданды, где уже нет грани между человеком и ангелом, но где живет только труд полной освобожденности. И всем, всем – только один этот путь вечного и неустанного совершенствования.

Я молил Владыку-Главу склониться перед великим алтарем в его лаборатории, который он называл рабочим местом Бога, и произнести мольбу о покинутых нами плачущих, так противоестественно видевших великое достоинство в своих слезах...

– Ты мне не мешаешь, Левушка, – услышал я мелодичный голос И., показавшийся мне еще добрее и ласковее обычного. – Ты мне давно уже не мешаешь, друг, и потому можешь не отставать и не исчезать, если я тебе этого не предписываю, – улыбаясь, продолжал он. Ты и не угадываешь, до чего скоро начнется твоя деятельность без меня и даже вдали от меня, Левушка. Вместе с тобой мы выедем отсюда в Общину Али. Там ты пробудешь очень недолго, и причина нашей разлуки и твоей будущей ускоренной самостоятельности и есть то письмо, что ты не знал, куда отнести, и что подписано: «Дженни». Письмо это переслал сюда сэр УтУоми, которому оно непосредственно адресовано. Я не буду тебе сейчас ничего говорить о той, что его писала. История эта началась года три назад в Лондоне. В ней участвовали лорд Бенедикт и сэр Ут-Уоми, спасая нескольких людей от козней Браццано. Все подробности ты узнаешь от самого сэра Уоми, прямо к которому поедешь, мало задержавшись в Общине Али. У сэра Уоми ты найдешь себе верную помощницу и спутницу

Хаву, так тебя испугавшую когда-то. Ты не имел еще возможности оценить величайшего героизма этого чистого сердца. Теперь в общем труде освобождения несчастной Дженни ты узнаешь, кто такая Хава и на что способна верность и преданность до конца освобожденного сердца. Сразу несколько задач ложатся на тебя. Ты вырвешь Дженни из ужасных рук Браццано. Ты поможешь Анне, посвятив ее в часть своих новых знаний, и призовешь их обеих в Общину Али. Не ты будешь провожать Дженни в тайную Общину, где ее придется укрыть. И бороться за нее будешь ты не один, тебе помогут сэр Уоми и Ананда, они же позаботятся о ее дальнейшей судьбе. Но ты, Хава и Анна будете ей защитой в пути до Общины Али. Не так бурно, как за Дженни, предстоит тебе бороться за Жанну, и тут у тебя тоже будет преданный помощник – князь. Борьба предстоит тебе длительная и нелегкая, сын мой. И за время твоего отсутствия в Общину Али приедут брат твой и Наль, Венецианец и многие его сотрудники. И не твой взгляд встретит первый взгляд брата-отца. Нет ли в сердце твоём, Левушка, малейшего намека на досаду, что кончается твоя счастливая жизнь подле меня? В полосе Света ты живешь сейчас, и предстоит тебе спуститься в тревожные эманации людей, обуреваемых страстями и преступными склонностями. Огорчен ли ты? Сжимается ли твое сердце от сожаления, что самые близкие и дорогие тебе люди, возвратившись, не найдут тебя там, где думали встретить тебя немедленно?

– О, Учитель, ведь ты читаешь в моем сердце и видишь его до дна! Как было бы ужасно Учителю растить учеников, на которых нельзя рассчитывать как на силу, которой можешь распоряжаться и на которую можешь положиться именно там, где нужно, и именно так, как нужно для дела, данного «сейчас». Мое беспрекословное повиновение тебе – вот моя радость; мой труд для Светлого Братства – вот мое счастье.

– Будь благословен, мой мальчик, я дам тебе Яссу в спутники. Тебе не придется думать о мелочах жизни, он будет тебе верной нянькой-другом. И вся сторона условности и связанных с ними забот не будет тебя касаться. Ты будешь занят только духовной стороной дела и теми внешними положениями, которые будут необходимым следствием твоих задач духа. Связь твоя со мной будет неразрывной, и помощников тебе я буду посылать все новых по мере надобности.

Мы подошли к нашему домику, и здесь нас ждал уже братраспорядитель из Общины Али. Он сказал нам, что привел Раданде целый караван груза и людей от Али и имеет распоряжение Кастанды захватить нас с обратным караваном. Специально для нас он захватил двух мехари, шедших сюда без всадников.

В это время раздался удар колокола. И. поручил своему келейнику Славе озаботиться всем для дальнего гостя и привести его в трапезную, где будет Раданда и где сообща решатся все вопросы.

Вплоть до самого окончания трапезы я не имел ни минуты подумать о нашем быстром отъезде, обо всех встреченных мною за это время людях и дорогом Али, в Общину которого предстояло возвратиться и, быть может, снова увидеть его дивную белую комнату. Люди сыпались на меня, как орешки из кедровой шишки, и я едва успевал заниматься их текущими нуждами. После окончания трапезы И. сказал мне:

– Ты свободен, Левушка, до вечерней трапезы. Это первые часы отдыха, которые я предоставляю лично тебе за несколько лет жизни со мною. Забудь обо мне, обо всех своих обязанностях и проживи их так, как найдешь нужным. Только одни сутки будет караван отдыхать, а затем мы покинем надолго эти благословенные места. Иди, друг, мир с тобой.

И. нежно обнял меня и прошел в покои Раданды, уводя с собой брата-распорядителя.

Я вышел одной из новых, в самое последнее время узанных мною, скрытно вьющихся в зелени тропинок из покоев Раданды, чтобы провести в полном уединении предоставленные мне часы отдыха. Мой друг Эта, зорко карауливший все мои выходы из трапезной, наверное, не согласился бы оставить меня одного, считая, что он и так предоставляет мне слишком много свободы.

Сначала я шел этими уединенными тропами, не задаваясь определенной целью. Но чем дальше я отходил, чем дальше отодвигались привычные звуки обиходной жизни, тем легче мне дышалось и тем яснее я сознавал свое слияние с природой.

Постепенно углубляясь, я зашел в заросли вереска и терновника, миновал часовню плачущих и стал искать исполинскую аллею тополей, приводящую к часовне Радости.

Проблуждав некоторое время, я все же ее нашел и вышел к темным кедром, опоясывавшим белую часовню. Как недавно я здесь был и видел отчетливо это чудо искусства, поданное Самой Жизнью этому избранному Ею куску пустыни. И казалось мне, что я видел всю красоту часовни и всю божественную гармонию статуи. Но в эту минуту я понял, что очи духа моего раскрылись шире и физические глаза увидели то, что еще так недавно оставалось мне незримым.

Вся статуя, бело-розовая, испускала целые тучи мелких золотых шариков, расплывавшихся по всем направлениям и убежавших точно искры во все окружавшие часовню предметы. Я видел, как мощные кедровые

поглощали эти шарики, как они исчезали в цветах и пролетавших мимо птицах, как они напитывали землю и корни растений. Углубившись взглядом в землю, я увидел, как под землей, из-под часовни, пылая, неслись огромные огненные ручьи, разливаясь по всем направлениям Общины Раданды.

Явление подземного огня, которое я наблюдал и под часовней Радости в оазисе матери Анны, но во много, много раз сильнее, ярче и больше, я видел здесь. Я был поражен этим зрелищем и тем, что мог не видеть его раньше.

Я остановился у лестницы, и вся сила моего внимания сосредоточилась на Божественной фигуре Великой Матери. Я благословлял человека – творца-ваятеля, чьи руки были так чисты, что могли отразить черты, Откровением посланные Земле.

Окружающее перестало существовать для меня, как Земля, отделенная от всей вселенной. Все скорби и слезы, все унижения и печали, радости и личные достижения – все исчезло как мир одной земли, как формы, живущие одно короткое мгновение земного воплощения. Я видел в себе и во всем только одну тропу Бесконечного. Никогда еще так ясно не сознавал я монолитности Жизни, кажущейся такой раздробленной в миллионах одухотворенных и неодухотворенных форм.

Я поднялся в часовню и приник к стопам Великой Матери. Я молил Ее благословить мой новый труд и путь самостоятельности, я жаждал развить – в меру моих сил и возможностей – всю мою верность до конца. Я услышал голос:

«Сказано тебе – только радостный видит ясно и может действовать в полную меру вещей.

Из всех наставлений помни глубже всех одно: кто хочет до конца своей верности служить Единой Жизни, тот ни на минуту не может выйти из кольца радости.

Каждое дыхание того, кто идет в мир для Сотрудничества с Единым, должно быть чистой радостью и наполнять все окружающее бодрой энергией.

Нет иного завета светлому сыну, как завет неомрачаемой радости.

Эпохи войн, упадка этики и нарушения устойчивого равновесия в людях, уродливого разложения честности и чести – ничто не может нарушить радости тех, кто вышел не на бой с пороками братьевлюдей, но вышел гонцом Любви, неся Ее завет мира.

Радость не звенит, как золотая денюга, и не блестит, как лучи серебра. Радость бьет грешника, заставляет задумываться злодея и окрыляет

чистого, если ее несет сын Света, верный до конца».

Голос умолк, но в руке моей очутился цветок Великой Матери, точь-точь такой, какой дала Она мне в мое первое посещение часовни.

Если в тот первый раз я весь был объят огнем восторга и сознавал себя физически слабым и даже еле живым, то сейчас сердце мое было полно мужества. Я торжественно брал на себя дивное обязательство быть гонцом Радости. Я впервые почувствовал в сердце великое счастье всем существом любить Бога и все Его формы Жизни.

Простая доброта слилась во мне с уверенностью, что больше мне не надо «думать» о том, что я всегда не один, что всегда нас двое: мой Господь и я. Я сознавал себя неразрывно в Нем и Его в себе и только так мог теперь воспринимать всю вселенную и свой труд простого серого дня в ней.

Мой новый путь, предстоящие в нем труды и скорая разлука с Боголюдьми, как Раданда и И., – все было для меня только тропой Бесконечного, и мысли о себе уже не только не тревожили, но и не существовали.

Во мне не было больше перерывов сознания, что работа Учителя – работа, проводящая те или иные силы Откровения, а какое-то дело летящего сейчас – только простой умственный или физический труд, не идущий дальше обихода земли. Я не мог больше иметь ни скользящих встреч, ни пустых мелких дел – все, что я думал, видел, делал, – все становилось теперь делом не одного меня, во всем было действующих двое: мой Господь и я.

Как когда-то в моменты высокой духовности, я испытывал особенную тишину в сердце, особенное спокойствие, так и сейчас я не ощущал границ своего тела и песка пустыни. Я твердо знал, как далеко идут лучи Света, как они сопровождают каждого в его трудах и делах, если эти труды и дела ведут двое: человек и его Бог.

Мне послышалось вдалеке, в пустыне, пение, и я узнал неземные, похожие на звуки хрустальных колокольчиков, голоса Владык мощи. Я узнал Гимн, который они пели, и понял, что они посылают мне благословение в мой новый путь.

Сосредоточившись глубже, я увидел всех семерых Владык мощи стоявшими у подножия своей лаборатории стихий и посылающими мне благословение. Я вспомнил последние слова Владыки-Главы, с которыми он отпускал меня в мир, о том, что в физическом теле я возвращусь к ним еще раз и не скоро, но что видеть лично его, Владыку-Главу, и моего доброго Владыку-Учителя я буду не раз.

Теперь я видел их всех, принял их прощальное напутствие и понял,

что буду и ими поддержан во все величайшие минуты напряжения, труда и борьбы, если только руки мои будут достаточно чисты и дух мой будет жить неразрывно слитым с Единым во мне.

Ничем не нарушаемая вокруг тишина, торжественный покой и радость внутри меня – все создавало такую гармонию, такое счастье жить, что я не заметил, как спустились короткие сумерки пустыни. Новая энергия жить в понимании себя послем Светлого Братства лилась из меня целыми струями радости, и вместе с тем я чувствовал, как тело мое поглощает золотые искры Великой Матери, становясь все крепче и бодрее.

Я приник в прощальном лобзании к Божественным рукам и давал обет нести энергию Света и помнить, что в труде среди людей каждое мое дыхание должно быть выдохом только радости и мира. Я погрузился в глубочайшее счастье, имени которому нет на человеческом языке...

Меня вернули на землю слова И., взявшего меня за руку:

– Сын мой. Много раз в жизни ученика чередуются периоды труда и отдыха. Но отдых ученика не похож на отдых обычного человека. Отдых его – это тоже труд, и очень напряженный труд, все для той же цели: блага людей. Отдых ученика – отдых-труд, это и есть повышение своих духовных сил, и следствием, отсюда вытекающим, идет повышение в знаниях тайн природы. Перед тобой лежит новое широкое поле труда, в котором ты будешь победителем, ибо ты вошел в ту ступень духовного сознания, где ты и твой Господь действуете вместе. С момента такого духовного прозрения уже нет для человека ни условностей земли, ни обособленного мира неба – для него есть тропы Вечности в земном непрерывном движении. Только с этого момента раскрывается вся сила чести в человеке, и он идет по земле мудрецом, хотя бы грамотность его была в зачатке. Рамки условностей человеческих исчезают, живет дух человека освобожденный. Все встречи, раньше тягостные, будут тебе теперь легки, так как и рамки людей будут разрушаться перед могуществом гармонии твоего существа. И каждый, независимо от личного желания, будет обнажать во встрече с тобой все лучшее, на что способен. Иди, мой сын, помни, что главнейшая задача твоего служения – быть писателем. Это твой путь – вызывать и творчеством мысли утверждать в людях их лучшие силы. Как бы многочисленны ни были сейчас твои обязанности, дела и встречи, писать начинай теперь же, пользуясь каждой свободной минутой, какую сумеешь вырвать. Никакая суэта земли и эманации несносных и беспокойных толп людей не могут разбивать трудов тех, кто несет в себе Живую Вечность. И. обнял меня, и мы вместе вышли из часовни, когда тьма уже окончательно спустилась. Не успели мы выйти из аллеи гигантских тополей, как раздался

удар колокола к вечерней трапезе, к которой мы едва успели.

На этот раз трапезная имела необычный для Общины Раданды вид и поразила меня парадностью. Вс,, и вся в ней, и всегда сверкавшее исключительной чистотой, на этот раз казалось просто сиявшим белоснежностью. Столы были покрыты тонкими, блестящими, с прекрасным рисунком скатертями. В очаровательных горшках и вазах стояли цветы и фрукты. Перед моим и И. местами стояли тончайшей работы приборы из слоновой кости и серебра и такие же кубки.

Я восхищался красотой убранства, такого необычайного в скромном, почти суровом быту Общины, и не мог себе объяснить, что было причиной такой парадности, которая больше подходила торжественному пиру, чем простой трапезе общинников.

По приглашению Раданды все заняли свои места, и трапеза пошла своим порядком, с той только разницей, что блюд было больше, в кувшинах вместо молока стояло в изобилии вино и кушанья соответствовали убранству столов.

Да, это был пир. Прощальный пир, который давала Община своему высокому гостю И.

– В последний раз сегодня мы видим среди нас нашего любимого друга, нашего вождя и покровителя, Учителя И., – сказал, поднявшись, Раданда. – Много раз бывал у нас Учитель, много раз уезжал он от нас, но никогда еще ни его присутствие, ни его отъезд не были связаны и с таким счастьем, и с такими переменами в Общине, как в это его пребывание. Если вы поглядите друг на друга, окинете взглядом все столы, вы почти не найдете здесь, в таком парадном сегодня зале, тех лиц, которые были сотрапезниками Учителя И. в первые дни его приезда к нам. Сменилось не одно и не два поколения за этот период его пребывания с нами. Сменился целый поток людей, потому что в одних радостно пробудились, в других утвердились их лучшие силы. Не думайте, что это великое событие массового обновления душ произошло только по причине пребывания с нами Великого Учителя. Нет, готовы люди – готово им и свидание с Учителем. Но бурный рост готовых к обновлению людей, конечно, произошел от непосредственного вращения их в сфере чистоты и мощи духа Учителя. Сегодня мы даем прощальный пир нашему Другу и его спутнику. Мы украсили этот зал всем самым драгоценным, что имели в своих запасах. Нам хотелось, чтобы его внешнее сияние и сияние наших благодарных сердец сливались в общую гармонию красоты с сиянием лучей Учителя... Благодарим тебя, Учитель, – обратился Раданда к И., – за все то, что ты для нас сделал. Уста мои, выражающие чувства

признательности, любви и благоговения всех здесь присутствующих, не могут выразить словами всей радости сердца за счастье встретить и знать тебя. Учитель, за твою доброту к нам. Немало раз помогал ты нам своими наставлениями. Не оставь нас теперь без прощального слова, теперь, когда мы знаем, что надолго расстанемся с тобой, – закончил Раданда свою речь, кланяясь И. глубоким, почтительным поклоном.

Ответив на поклон настоятеля, И. повернулся к сидевшей в полной тишине толпе людей, и голос его полился какими-то каскадами утешения и мира.

«Прощаясь с вами, я прежде всего хочу напомнить вам еще раз о том, что нет разлуки для духовно зрелых людей. Как бы далеко физически вы не чувствовали себя от меня, вы всегда живете и будете жить в моей памяти, в моей деятельности любви.

Кто однажды встретил Учителя и вошел в единение с ним, тот не может быть им забыт никогда, ибо такова сила любви сердца Учителя. Она вмещает в себя все живое, сумевшее однажды привлечь его внимание до ступени взаимного труда.

Но то – сила сердца Учителя, поддерживающего связь с людьми. Может ли держаться крепкая взаимная связь на одностороннем рычаге? Нет, конечно. Связь ученика и Учителя, как и все во Вселенной, может утвердаться только на гармонии. Только на законе причин и следствий, то есть на двустороннем рычаге. И как бы сильна ни была любовь односторонняя Учителя, она не может притягивать к себе мертвые, не звучащие любовью сердца.

Вы можете «говорить» сколько угодно слов о своей преданности и верности Учителю, о своей абсолютно чистой жажде следовать за ним, о своей верности служения ему. Но не на «словах» живет связь ученика и Учителя, а на действии.

Там, где формально принимается все, а в действиях быта идет сумятица, неряшество, ссоры или недовольство людьми, требовательность к ним, там бесполезно говорить об ученичестве. Мало того, вечные ссылки на «Учителя» отвратительны и даже оскорбительны в устах этих людей.

Я не раз вам говорил о дивных словах Евангелия: «Если не любишь ближнего своего, которого видишь, как можешь любить Бога, которого не видишь?» В этих словах – вся мудрость деятельности земли: быть и становиться. В действии каждого серого дня проносить чашу доброты для земли, для человека. Такое действие идет во имя Высшего, но идет по земле, для земли, а не над нею и именно в данных каждому его обстоятельствах. «Свои» обстоятельства у каждого. Но это не значит, что

надо их принять как нагрузку, не бороться, не побеждать их ежечасно, любя.

Все люди – мала ли, высока ли их духовная культура, здоровы ли они, больны ли, молоды или стары – имеют в сердце силу, называющуюся: благодарность.

При общении со своими ближними эта сила – главный очистительный фонтан духа, главный двигатель к совершенству. Она есть один из аспектов Любви.

Если человек не развился в своих духовных силах настолько, чтобы сердце его стало похоже на электрический фонарик, бросающий сноп лучей в сердце встречного, то он может стать на путь такого развития Жизни в своем сердце через чувство благодарности. Благодарности тем, кто выразил ему малейшую заботу, внимание, доброту или маленькую ласку.

Вот из этого чувства благодарности, пролитой людям на Земле, куется второе плечо рычага, идущего к сердцу Учителя.

Последнее дело для человека, называющего себя последователем Христа, мнящего себя учеником Учителя, если дары, заботы, помощь или снисходительность к себе людей он начинает принимать как получаемые им «по праву справедливости» за его заслуги в прошлом.

Если человек стал на эти рельсы, считая, что ему возвращается затраченная им энергия и деньги, – он не что иное, как плохой коммерсант, просадивший свое состояние, не умея учесть прибылей, наград и убытков. Такой коммерсант, ожидающий, что «небо» в лице встретившихся ему добрых людей вознаграждает его за его же ошибки спекуляции, не может ожидать ответа Учителя на свои мольбы, ибо сердце его полно гордости и само-, а не человеколюбия. В его сердце нет полного бескорыстия, не только преданности и верности заветам Учителя.

Благодарность в сердце человека – признак его жизненности. Если нет в сердце благодарности – мертв человек не менее, чем когда в сердце его нет радости.

Весь ход развития духа человека идет из этого живительного источника сил

– благодарности. Она куется у людей малоразвитых, малокультурных рельсы, по которым едут ввысь все черты характера человека. Людей же духовно развитых она приводит к встрече с Учителем, к сотрудничеству с ним.

Поймите же, что не Учителю, не Богу, не вашему встречному нужна ваша благодарность, а только вам. Ибо она есть первая сила истинного

возрождения, настоящего смирения, настоящего мира в сердце, то есть полного понимания своего места во Вселенной.

Прощаясь с нами на этот раз в обстановке торжественного пира, в красоте блестящих вокруг нас предметов, вспомните, что все, все, на что бы ни упал ваш взор, – все сделано руками ваших сестер и братьев, сердца которых были переполнены благодарностью. И плодами этой благодарности пользуетесь вы, никогда их не видевшие и, может быть, никогда их не встречавшие...

Перестаньте так часто говорить слово «карма». У вас создалась привычка все сваливать на это маленькое слово. Попали ли вы в тяжелую земную жизнь благодаря собственной инертности или односторонней, как флюс, энергии – карма виновата. Не сумели вы устроить своей личной жизни в доброте и мире – карму за хвост, в виде спасительного змея. Не смогли вы создать себе радостного окружения, по причине, конечно, собственной разбросанности и несобранности в Едином, – снова карма. Не вышли вы в большие люди – еще раз карма и т.д., и т.д.

В результате полное разочарование в текущей жизни (виновато окружение), выросло в сердце уныние и... или вы здесь, спасенные от худшего из преступлений – самоубийства, или вы погубили воплощение, кончив им, или вы в раздражении и зависти сковали себе пути ко злу.

Тот, кто часто повторяет слово «карма» и продолжает жить все таким же, каким жил год назад, вчера, сегодня, завтра, не ища в себе обновляющих сил доброты и радости, – тот совершенно такой же мертвец среди живых, как тот, кто постоянно думает о смерти и боится ее.

Боящийся смерти носит ее в себе и не может быть свободным в своих действиях ни на минуту. Он засорил свои глаза, глаза духа, плачет и ужасается страшного момента изменения формы жизни, не понимая, что новую форму он кует себе сам только одними действиями в сером дне...

Примите от нас – меня и моего секретаря, – в честь которых вы даете этот прощальный пир, большую признательность за ваше внимание. Не стройте же себе иллюзий, как надо достигать единения с Учителем. Отдавайте силу благодарности вашим встречным, если не можете еще выразить иначе своей любви им. И на этой благодарности к людям будет вырастать и крепнуть ваш мост единения с Учителем».

Когда настало время выходить из трапезной, каждого из сотрапезников И. благословил, каждого обнял и каждому сказал несколько утешающих слов. Очевидно, слова Учителя глубоко проникли в сердца обнимаемых им людей, так как лица их сверкали радостью даже в тех случаях, когда они приближались взволнованными и огорченными.

Когда вышел последний человек из трапезной, Раданда, указывая на вымытые и вновь поставленные на стол наши приборы из слоновой кости, сказал:

– Не откажи, Учитель, разреши твоему секретарю принять от меня это чудо искусства древнего мастера. Пусть он имеет эти приборы, небьющиеся и удобно укладываемые в кожаный футляр, всегда при себе и как память обо мне, и как вещь тонкой художественности. Глядя на них, пусть он помнит, что ему уже обязательна жизнь во всякой красоте. И если кому-то достаточно одной духовной красоты, то ему ее мало. Путь земли для него может быть только единением с людьми в красоте.

Приняв улыбку и утвердительный наклон головы И. за разрешение, Раданда обратился ко мне:

– Мой милый сын, введенный мною в часовню Радости. Прими эти два бесценных прибора как мой привет тебе и каждому, кому ты предложишь на них хотя бы кусок хлеба. Если будут дни, когда ты будешь садиться за стол один, ставь второй прибор для того, кто войдет к тебе невзначай, и предложи ему разделить твою трапезу. Если будет такое время, когда ты будешь окружен большим числом чад и домочадцев, ставь его всегда рядом с собой для нежданного гостя и привечай его во имя мое, кто бы он ни был. Будь благословен. Зайди ко мне. Мне надо тебе еще немало вещей передать по поручению Владык мощи.

Я поклонился И. и последовал за Радандой в его покои. О моей беседе со старцем я тоже еще не получил указаний рассказать кому-либо. Она длилась всю ночь. На рассвете зашел И. Раданда уже закончил все, что имел мне передать, и мы все трое вскоре были снова в трапезной, но уже за утренней едой.

За нашим столом я нашел на этот раз Мулгу, Славу и еще многих братьев и сестер, имен которых я не знал и которых, как я понял, И. собрал вчера и увозил их с собой.

Не успела окончиться трапеза, как вошел брат-распорядитель и объявил, что животные уже готовы и можно отправляться в путь. И. дал ему подробный список отъезжающих с нашим караваном и послал Мулгу, Славу и еще нескольких братьев помогать снаряжать караван.

В обществе Раданды мы прошли в наш домик, где, к моему удивлению, все было уже сложено и упаковано к предстоящему пути. Мне не надо было спрашивать, чтобы понять, что мои обязанности выполнили дивные руки моего Учителя, пока я учился у Раданды.

– Не укоряй себя, Левушка, в том, что ты заранее не уложил вещей. Ты ведь не мог знать, что до последней минуты будешь занят иными делами, –

ответил И. на мой взгляд. Прощай, отец Раданда. Еще не одна нам с тобой суждена встреча. Я благодарен тебе за всю помощь, что ты оказывал мне всегда, а особенной благодарностью горит мое сердце за помощь твою в этот раз.

Нежная улыбка Раданды была единственным ответом его И., но, повернувшись ко мне, он сказал:

– Вот он, Левушка, живой пример истинного смирения. Тебе без слов понятно, кто и кого должен благодарить. Иди же, сын мой, по стопам Учителя, и свершится путь твой, как Жизнь его тебе начертала, как Светлое Братство тебе его раскрыло.

Раданда обнял нас обоих и вышел вместе с нами к воротам, где уже грузился и выстраивался караван. И тут мне суждено было немало изумиться, так как главным распорядителем отправлявшегося каравана был все тот же, из-под земли являвшийся в последнюю минуту, мой дорогой Ясса.

Я не имел времени спросить его, как и когда он явился, только издали мы поприветствовали друг друга радостным жестом, так как И. приказал мне немедленно одеваться в платье для путешествия, сказав, что я поеду рядом с ним во главе каравана.

Постаравшись как можно скорее переодеться, я все же вышел к каравану после И., который уже садился на мехари. В последний раз прикинув к маленькой, сухонькой ручке Раданды, я вскочил на мехари, так как научился теперь не ставить на колени верблюда, и пустился догонять уже тронувшегося в путь И.

Итак, завершился еще один этап, великий этап моей жизни. Кончалась жизнь среди дивной гармонии высоких сердец и начиналась новая жизнь труда среди людей.

Первые существа, для которых я должен был пуститься в дальнейшее плавание, назывались Дженни, Анна, Жанна.

Я благословил их и вспомнил последние слова, услышанные мною в часовне Великой Матери: «Радость не звенит, как золотая денюга, не блестит, как лучи серебра. Радость бьет грешника, заставляет задумываться злодея и окрыляет чистого, если ее несет сын Света, верный до конца».

Мысленно прикинул я к Божественным рукам, подавшим мне в прощальное посещение дивный цветок, прижал его к сердцу и прошептал: – Мой Господь и я, -и присоединился к И.

ПРИЛОЖЕНИЕ «Две жизни». Часть IV. Глава 1 «Храм человечества»
К.Е.Антарова Краткий биографический очерк Из воспоминаний

Послесловие издательства

«Две жизни». Часть IV. Глава 1 Путешествие по морю лорда Бенедикта и его спутников на пароходе капитана Ретедли. Новые знакомства обитателей Лондонского особняка с пассажирами первого класса. Размышления Алисы и ее разговор с лордом Бенедиктом о встречах. Разумов и беседы лорда Бенедикта с его группой. Алиса читает тетрадь Венецианца Корабль Ретедли благополучно доставил всех людей и грузы в НьюЙорк, хотя условия плавания были трудными и многие из пассажиров переболели морской болезнью. Лиза и Алиса чувствовали себя прекрасно во время путешествия. Они проводили немало времени на капитанском мостике в часы дежурства самого капитана, где он, шутя, обучал их искусству кораблевождения.

Благодаря заботам лорда Бенедикта и капитана вся часть корабля, предназначенная пассажирам первого класса, была в распоряжении самого лорда, его друзей и их многочисленной свиты. К удивлению Алисы и Лизы – самых здоровых, самых подвижных и любознательных из всех спутников лорда Бенедикта, – все каюты первого класса, многочисленные и рассчитанные на двух и трех пассажиров, оказались занятыми людьми, не только знакомыми лорду Бенедикту, но и близкими ему и отправлявшимся вместе с ним строить новую Общину.

На второй же день путешествия лорд Бенедикт собрал всех здоровых пассажиров первого класса в музыкальном зале парохода, где – после небольшого концерта Лизы и Алисы – перезнакомил между собой всех присутствующих.

Всегдашнее обаяние лорда, его умение поставить всех на равную ногу с собой сделали и самое знакомство в первый раз в жизни встретившихся людей и последовавший за концертом ужин значительными и приятными. Каждый чувствовал себя гораздо увереннее от сознания, как во много раз увеличилось вдруг число его друзей на свете.

Обитатели особняка лорда Бенедикта привыкли к самой пестрой толпе людей, сменявшихся вокруг него в его делах и встречах простых рабочих дней. За время жизни с ним все они принимали участие во многих его делах, выполняли его поручения и потому нисколько не были удивлены разношерстной публикой, явившейся на приглашение лорда послушать музыку.

Но все же и Алису, и Лизу, и даже самого капитана удивили несколько фигур в восточных одеждах, не говоривших ни на одном языке, кроме наречия своей страны. Понимать их могли только сам лорд Бенедикт, Николай, Наль, да с большим трудом – Генри, который, казалось, овладевал

этим чужим языком впервые и не без труда.

Люди эти с наивными, чистыми лицами, загорелые, с загорелыми руками, смотрели восторженно на лорда Бенедикта. Они точно молились, когда отвечали на его вопросы, сопровождая ответ глубоким восточным поклоном, сложив руки у сердца.

Наль, чувствовавшая себя в этот день лучше, привлекала к себе, как магнит, всю восточную группу. С нею эти люди чувствовали себя легко и просто. Она переводила им слова песен Алисы, а также вопросы и ответы, когда с ними вступали в беседу соседи, не владевшие их речью.

Алисе казалось, что разница внешнего воспитания, манер и социального положения всех присутствующих людей совершенно стиралась от одушевлявшей их всех одной большой радости: жить и трудиться для счастья людей. Ей было странно – ей, пережившей так много бурь и невзгод в родной семье, не знавшей в своем доме ни одного дня мира, – видеть здесь целые семьи людей, крепко любивших друг друга, распространявших вокруг себя волны прочной, верной дружбы, глубокого мира и уважения друг к другу.

Никогда еще Алиса не присутствовала в таком пестром обществе. Здесь были и простые рабочие со своими женами и детьми в самых скромных и даже бедных одеждах, с манерами, соответствовавшими их туалетах. Были и горожане типа бедных швей и мелких торговцев. Были и студенты и мелкие клерки, а также и высокообразованные люди, блиставшие остроумием юмора, культура которых сквозила во всех их словах и манерах.

Но под всем этим внешним разнообразием Алиса легко читала общие свойства всех этих людей: их доброту и неподкупную честь. Радостность была общим признаком собранных лордом Бенедиктом людей.

Тихо сидела Алиса в уголке дивана, наблюдая окончивших ранний ужин путешественников. Люди разбились на группы, непринужденно выбрав себе компанию, и занимались рассматриванием разбросанных на столах многочисленных журналов, иллюстрированных альбомов и снимков той страны, куда они ехали.

Девушка внимательно присматривалась к лицам своих спутников и старалась угадать, что заставило двинуться с насиженных мест всю эту толпу людей. Ей казалось, что главным стимулом этого передвижения были личные несчастья людей, заставившие их искать новое место жизни. Но сколько она ни всматривалась в лица, ни на одном из них она не находила выражения горя, разочарования или тоски. Огромная энергия лилась от большинства фигур. Иные были спокойны, но буквально все лица были

веселы, радостны, мирны.

– Плохой же ты психолог, моя дорогая девочка, – услышала Алиса над собой смеющийся голос лорда Бенедикта, так любившего заставить ее врасплох в ее размышлениях. – Ты ищешь здесь людей, еще живущих в когтях личного горя? Или еще имеющих в душе несносное раздвоение? Люди, едущие для того, чтобы строить новые рельсы другим, могут быть только освобожденными от давления своего собственного «я», – продолжал он, опускаясь рядом с нею на угловой диванчик. – И почему ты, всегда такая приветливая и умеющая быть центром общего внимания, забила сегодня в угол и предоставляешь блистать Наль и Лизе? Не манит ли тебя море, к которому ты так тянешься весь день? Не хочется ли тебе покинуть людей, чтобы полюбоваться океаном и небом в ночной тьме? – улыбаясь продолжал лорд Бенедикт.

– Вы могли бы меня сконфузить, отец, если бы мысли мои действительно блуждали где-то вне этой комнаты, – отвечала Алиса. – Но то, что мне так сильно хотелось понять, то Вы сразу же осветили мне Вашими первыми словами. Конечно, здесь могут быть лишь закончившие свои личные драмы и дела люди. Сейчас я это поняла. Но меня так поражает... Как бы мне выразиться? – призадумалась Алиса. – Ну, я скажу смешно, но Вы меня поймете. Мне кажется, что все здесь собранные Вами люди уже перешли стадию духовного развития, когда они думают о какой-либо привлекающей их идее. Когда у людей работает мысль и, повелевая, говорит им: «Единись со своими ближними в красоте и доброте, потому что это путь к Богу». Все Ваши новые сотрудники кажутся мне едины друг с другом просто от избытка энергии любви в своем сердце. Точно каждому из них тесно в своей скорлупе, и он, помимо своего личного желания, выбрасывает луч любви своего сердца навстречу всему живому, что видят его глаза.

– Bravo, Алиса, ты начинаешь говорить и наблюдать точно. Но чего ты недосмотрела в окружающих тебя людях, это большого круга радости, в котором двигается каждый из них. Знаешь ли ты, почему все присутствующие здесь так радостны? Потому что каждый из них страдал до смерти и имел мужество не согнуться и не разбиться в горе, но закалить в нем свою верность, свою цельность и преданность Свету. Каждый из видимых тобою здесь людей понял, что сила человека не в его гигантской или слабой воле, но в его верности единственному закону Жизни на земле: Любви. Любовь к человеку привела всех этих людей к встрече со мной, затем сюда, дальше поведет их к новому строительству Общины и, наконец, приведет их к Светлому Братству. Я подсел к тебе сейчас, чтобы с

первых же шагов нового этапа твоей жизни разъяснить тебе некоторые вещи. Ты, как и Лиза, как и Наль с Николаем, как и Генри, не принадлежишь к тем, кто будет жить в Общине, хотя вы все будете принимать большое участие в ее первом рождении. Тебе придется жить не в уединении, а среди густых толп людей, в шумных городах. Ты будешь стоять крепким столпом мира и любви среди бурь и всевозможных страстных волнений людей. Ты будешь служить людям, подавая им Свет через искусство. Люди вокруг тебя будут самые разнообразные. Будут встречи великие, превращающие в одну минуту всю жизнь в рай. Будут встречи важные, утверждающие в человеке все его лучшее. Будут встречи серые, где не пробудить живой совести сердца, и, наконец, будут люди, встречи с которыми тебе надо избегать. На твоём лице удивление. Тебе кажется: раз человек выразил свое желание тебя видеть, а тем паче сказать тебе, что он несчастен, для него запрета нет, он может прийти к тебе. Ему нужно утешение, нужен совет, ты же говоришь, что хочешь жить для счастья и радости людей, следовательно, когда бы, кто бы и откуда бы к тебе ни пришел, дверь твоя ему открыта. – Да, я так думаю, отец. – Напрасно, дитя, ты так думаешь. Далеко не так должна ты себя держать, если идешь всей своей верностью за Учителем, если таковым считаешь и называешь меня. Разве ты уже не имела случая на деле перенести всю тяжесть скорби отказа в свидании? Разве ты забыла, как бедная Дженни писала тебе – и многим из близких тебе – письма? Просила свидания? Посылала тебе самые жалостливые слова? Сердце твое рвалось от горя за сестру, ты хотела всеми силами помочь ей, пойти на свидание, написать. И я сказал тебе: «Нет». Помни же, Алиса. Если ты хочешь всею верностью сердца идти за Учителем, если хочешь дойти до великой, радостной, стоящей перед тобою цели: войти в сотрудики Светлого Братства, – далеко не все встречи тебе разрешены. Будут люди, жаждущие встречи с тобой, говорящие тебе о своей невинности и несчастий, ищущие твоего совета, на словах верящие в твою духовную высоту, – и все же мое «нет» будет стоять перед тобою препятствием к встрече. Тебя будут поносить за твой отказ, обвинять в эгоизме и трусости, но ты будешь знать, что там было мое «нет». И, напротив, будут встречи – внешне – для людей презренные. А я скажу: «Да». И ты примешь и благословишь встречу. И что бы ни говорили и в этом случае люди, сердце встречного встрепенется, оживет, примет луч чистой любви из твоего сердца в свое, и ты утвердишь в нем Его лучшие силы и пробудишь в нем Свет. Помни, друг, этот мой завет. Строй на нем всю дальнейшую жизнь и перед каждой встречей думай о моем «да» или моем «нет».

Лорд Бенедикт поднялся, предложил Алисе руку и подошел с ней к довольно большой группе людей. В центре ее стоял человек с альбомом в руках и рассказывал своим слушателям о свойствах почвы, растительности и особенностях климата Калифорнии.

Человек этот был похож на ученого. Внешность его, манеры и чистая английская речь, ясная и точная, изысканная, выдавали человека хорошо образованного и воспитанного. Одет он был очень опрятно, но просто, видимо, он мало придавал значения элегантности костюма. В момент, когда Алиса и лорд Бенедикт подошли к группе, ученый заканчивал свою беседу.

– Это русский, – тихо сказал Алисе лорд Бенедикт. – Он уже в третий раз совершает путешествие в Калифорнию. По моему заданию он отыскивал место для Общины вместе с другими моими друзьями. Он один из немногих едущих с нами знает точно место, куда мы едем, и все его особенности. Он знает также весь наш маршрут. Знает все законы и обычаи каждого из многочисленных штатов, через которые мы будем проезжать. Нам придется пересечь поперек всю страну. Я нарочно заказал огромное количество повозок с лошадьми, чтобы каждый из едущих мог познакомиться со всеми особенностями новой страны, куда он попал. Зовут этого русского Петр Иванович Разумов. Но оставим пока эту группу, у них дела немало. Каждый день Разумов будет преподавать своим спутникам в форме рассказов все, что им необходимо знать для первых месяцев жизни на новой родине. Вернемся к тебе. Ты в свойственной тебе сфере в легкой форме концертов будешь развивать вкус и пополнять знания в музыке твоих будущих сотрудников по строительству Общины. Иногда одна, иногда с Лизой, иногда со мной; ты начнешь с классиков и кончишь – уже обосновавшись в Калифорнии – современностью в музыке всех народов. Начинай с завтрашнего же дня. Составь себе конспект и подавай каждое произведение, объясняя его стиль и эпоху. Непонимающим будут переводить твои слова Николай, Наль и Генри.

Загляни в самый большой чемодан в своей каюте, я просил Сандру и Тендля собрать в него для тебя ноты и книжки, необходимые для начала твоих концертов. Так как Ананда просмотрел составленный ими список, то я не сомневаюсь, что в твоём чемодане окажется собранным все лучшее, что существует в музыке и что тебе может понадобиться для твоих популярных лекций. Кроме того, ты видишь, как дети льнут к тебе и смотрят на тебя, точно ты сказочная принцесса. Пользуйся этой любовью, крепко завяжи здесь, на пароходе, свой первый узел дружбы с ними. Когда доедем до места, ты встанешь во главе музыкальной школы. Как мы будем обучать маленьких людей музыке, об этом я тебе скажу потом. Обучать мы

будем всех детей, без всякой зависимости от музыкального дарования или отсутствия его. Но, конечно, метод преподавания, форма и способы его будут в самой тесной связи с одаренностью или отсутствием ее в детях. Музыка – один из самых первых феноменов, пробуждающих чувство прекрасного в сердце человека. Поэтому знакомство с нею всего населения Общины составит одну из твоих главных задач в нашей новой жизни. Подробно я буду говорить с тобой и Лизой об этом еще не раз. Иди сейчас, друг, к себе и приготовься к завтрашнему концерту. Я же вернусь к Разумову и помогу ему собрать вокруг себя всех пассажиров, а не одну группу.

С этими словами Венецианец довел Алису до коридора, ведущего в ее каюту, и возвратился к упомянутой группе. Как и следовало ожидать, стоило только лорду Бенедикту присесть у группы Разумова, как все головы поднялись, и все глаза благоговейно устремились на его опустившуюся в кресло величественную фигуру. Убедившись, что лорд Бенедикт внимательно слушает слова ученого и что подле него нет никого, с кем бы он вел интимную беседу, люди перестали бояться потревожить его своей неделикатностью и со всех сторон потянулись к нему. В глазах каждого читалась просьба разрешить присоединиться к группе, на что лорд Бенедикт ласково улыбался и приглашал жестом придвинуть ближе к нему свое кресло.

Разумов, закончив объяснения особенностей почвы и климата, повернулся к лорду Бенедикту, говоря:

– Как вы были правы, Учитель, приказав нам составить маршрут через самую широкую часть страны. Мои слушатели так поражены необычностью природы и совсем неслыханными особенностями климата и почвы. Я только сейчас понимаю свою ошибку. Ведь и я, как другие, спорил с Вами и пытался доказать бесполезность затрачиваемого времени на путешествие на лошадях по множеству штатов. Теперь я вижу, как знакомство со страной и ее обычаями необходимо всем едущим.

– Не только знакомство с природой и обычаями народа необходимо всем нам. Больше всего нам необходимо понять, принять и благословить жизнь незнакомого нам народа, который станет нашим народом, народом нашей новой родины, как мы приняли и благословили жизнь всех тех народов, среди которых каждый из нас до сих пор жил. Нам необходимо в длительном путешествии, где бы мы могли видеть людей и природу не из окон вагонов, еще и еще раз отдать себе отчет, что мы собираемся делать. Мы не собираемся строить нечто обособленное, никому кроме нас не нужное. Мы не собираемся клеймить грешников и выставлять на вид свои

добродетели. Мы хотим раскрыть, раскрыть через свою Общину, новые ворота людям, ворота единения в простой доброте. Когда мы будем проезжать по населенным пунктам, ищите всякой возможности знакомиться с людьми, но в каждой вашей встрече общайтесь не с личностью человека, не с рамками из комплекса бросающихся в глаза тех или иных условных качеств соприкасайтесь, а подавайте каждому, смело и решительно, цветок вашей доброты. Кладите его под ноги встречному, если он не приемлет его иначе. Есть ли для вас встречи запретные во время нашего путешествия? Нет, все ваши встречи, каковы бы они ни были, хороши и необходимы. Вы слышали, что для некоторых людей не только не все встречи разрешены, но многие даже запретны. Вам же не только все встречи разрешены, но, как я сказал, необходимы. Никогда не смущайтесь тем, что другому что-то дано или запрещено в его пути. Не равняйтесь по пути другого и не любопытствуйте к чужому духовному пути. Строить место единения с людьми в любви и красоте можно всюду. И для этого нужны только два условия: чистое, неуязвимое для страстей собственное сердце и воля вылить из этого сердца творческий порыв любви во встречное сердце. Но есть люди, несущие в себе не только чистое сердце и творческий порыв, но имеющие еще задачу Светлого Братства, взятую ими под большую собственную и своих ближайших Учителей ответственность. Эти люди идут всегда в законе твердого и неукоснительного послушания, и их встречи строго ограничены и проверены. Вы люди – ученики первого типа. Вы – пути везде и всюду первой необходимости строительства. Вы духовные фонари, освещающие тьму жизни и разбивающие ее вульгарность. Через вас, как через фильтр из пористых губок, очищает Светлое Братство массу людей дорогу к пониманию более высоких нравственных проблем. Вы действием серого дня должны пробуждать в людях желание жить выше, чем они живут сейчас. И вся ваша задача – продвинуть в понимание людей, что такие силы, как честь и честность, доброта и сострадание, суть вовсе не качества самого человека, но аспекты того Бога, что он носит в себе. Вам на примере простого дня надо привести людей к пониманию, что никакое внешнее счастье и благополучие не может быть достигнуто на мертвом внутреннем механизме, где сердце и мысль руководятся «выбором» лично себе приятных дел, нисколько не считаясь, будут ли эти дела вредны или благоприятны, безразличны или полезны, злы или радостны для окружающих. Не мудрствуйте. Не задавайтесь какими-то особенными, высоконадуманскими небесными задачами. Поймите ясно, что все, что может человек сделать полезного и высокого для окружающих его, он делает легко и просто. Легко и просто по

его масштабам, то есть ценным для людей будет всякое дело человека, где пролилась его большая сила, но не то, где пролились его «большие усилия». Примите от меня сегодня мои слова не как наставление, не как формальный рецепт: «Как внести в вульгарную жизнь людей Свет», но как привет моего сердца всем вам, привет уважения силе каждого из вас. Я вижу доброту и радость. Я понимаю ваши желание и нетерпение поскорей приложить на деле все порывы вашей любви. Примите и мою любовь как силу радости слиться с вами в один общий костер энергии, куда Свет Единого льется неустанно и неудержимо, если вы помните, что такое ваш серый день, где он начинается и кончается.

Поговорив еще некоторое время с отдельными лицами, лорд Бенедикт разбил всех своих слушателей на десятки, поставив во главе каждого десятка старшину из самых опытных, образованных и духовно продвинутых людей. Затем он лично отвел их в обширную библиотеку корабля, над закупкой книг, для которой немало хлопотали Сандра и лорд Амедей. Здесь Венецианец познакомил только что выбранных старшин с двумя схожими как близнецы очаровательными девушками, заведовавшими библиотекой. Одна из них была совершенно седая, другая – темноволоса.

– Лалия и Нина, – обратился он к девушкам. – Я просил вас помочь мне довести на пароходе груз книг для будущей Общины. Вы же превысили мои желания и из части книг устроили временную библиотеку. Спасибо вам за усердие. Как видите, ваша любовь привлекла к вам в эту минуту немало читателей, которых вам и представляю. Вы же, дорогие мои читатели, можете не только здесь читать все, что хотите, но и брать те из книг, что вам особенно полюбятся, с собой в каюты. Даже окончив морское путешествие, вы можете не сдавать обратно книги, записанные за вами библиотекарями. Девушки едут только как мои помощницы на море. Они возвратятся с капитаном Ретедли обратно. Книги же поедут с нами дальше, как и запись их за вами. Если среди вас есть любящие библиотечное дело, вы можете немедленно его изучить у моих опытных помощниц, Лалии и Нины.

Сейчас же нашлось с десятков человек, пожелавших посвятить себя устройству будущих библиотек в Общине.

Оставив всех приведенных им людей в библиотеке, лорд Бенедикт послал Разумова к Николаю и Генри, прося передать им, что через четверть часа он начнет обход кают первого класса вместе с ними. Оба, Генри и Николай, должны быть со своими аптечками в музыкальном зале, сам же Разумов должен прийти в каюту Венецианца, где возьмет личную аптечку Учителя, и во время всего обхода будет держаться в непосредственной

близости от него.

Так шла «плавучая» жизнь людей, посвятивших свои дни служению ближним. Не мертвая идея «в будущем помогать» наполняла сердца ехавших, но каждая минута текущего «сейчас» была энергией труда, не теряясь в пустоте.

Разумов, не раз имевший более или менее длительные свидания с Учителем, но никогда не живший подле него, не мог себе даже представить жизнь «быта» рядом с Учителем. Он был потрясен и очарован его простотой, его неиссякаемой энергией, а главное, легкостью, с которой делал все тот, кого сейчас окружающие знали как лорда Бенедикта, но кого он давно имел счастье знать как Венецианца.

Оторванный от изучения своих восточных наречий, которые в первый раз в жизни давались ему с таким трудом, Генри был восхищен переданным ему Разумовым приказанием Венецианца дожидаться его в музыкальном зале.

Не потому Генри радовался, что был ленив и так трудно плавал по массе восточных книг, данных ему Николаем, но потому, что Великая рука, как до сих пор еще называла леди Цецилия Венецианца в интимных беседах с сыном, сейчас составлял центр всех его мыслей, всей его духовной жизни.

Любовь Генри к Ананде, как сам он себе говорил, составляла нечто большее, чем он сам, чем вся его деятельность и даже вся его земная жизнь. Анандою начиналось его утро. Анандою двигались его мысли и тело днем. Ананда завершал прожитый день. К нему нес Генри всю свою энергию и радость жить. Но... быть подле Ананды, его помощником и другом. Генри чувствовал, что еще не может. Он молился на Ананду и вместе с тем все чего-то от него хотел. Где-то в глубине сердца жила затаившаяся требовательность к Ананде, жажда быть для него первым и единственным. Как сам Генри носил Ананду в сердце единственным, так желал он быть единственно любимым своим высоким другом.

Подле лорда Бенедикта Генри точно исчезал, таял и терял всякое ощущение своей личности. Величие этого человека так подавляло его, что он точно совсем переставал существовать как некое «я» и жил только радостью видеть этого гиганта духа, участвовать в его труде и присутствовать при его общении с людьми.

Генри сам поражался, как легко ему становилось жить подле Венецианца. Он не мог разгадать, почему ему так свободно дышится? Так легко вертятся в голове мысли? Почему он видит весь мир, а не одного себя и Ананду, как только он находится подле своего нового Учителя? И почему

весь мир кажется ему сплошной радостью и бурным счастьем жить, если рядом с ним лорд Бенедикт?

Генри сознавал, что не качества Учителя проникают в него, но что в нем самом начинает пробуждаться и действовать какая-то новая сила, как только он входит в общение и сотрудничество с Венецианцем.

Быстро сложив все свои книги, накинув свой докторский халат и взяв аптечку, Генри заглянул в смежную с ним каюту матери. Поцеловав на ходу ее прелестную ручку, хитро улыбнувшись, Генри сказал:

– Иду к самому. Велел ждать с аптечкой у музыкального зала. Наконец-то я буду доктор, а не восточный толмач.

– Ах, Генри, Генри, – смеялась леди Цецилия. – Тебя положительно испортило общество Сандры. Ты понабрался от него остроумия и постоянного желания смеяться.

– Испортило, мать? Хотел бы я, чтобы всю жизнь меня так все портило. Но до свидания. А то, пожалуй, сыновняя любовь испортит мои отношения с твоей Великой рукой. Ты ведь знаешь, как он во всем точен, – и, не дожидаясь дальнейшей реплики матери, Генри побежал в музыкальный зал.

Еще издали он увидел рослую фигуру красавца Николая, стоявшего у дверей зала. Не так давно Генри стал отдавать себе отчет, как красив и строен Николай. И еще меньшей давности было убеждение Генри в огромной духовной высоте Николая. Как это ни было странно, но этого красавца никто и нигде не видал на первом месте. Он не играл, казалось, никакой выдающейся роли ни в особняке лорда Бенедикта, ни в деревне, ни здесь, на пароходе. А между тем Генри хорошо помнил, что лично ему во все его трудные или смутные минуты всегда с необычайным тактом приходил на помощь Николай. Он видел, как и всех других в периоды их разлада поддерживал все тот же Николай.

Почему и сам он, Генри, и все вокруг утихали, примирялись и находили выход из своих печалей и бунта в присутствии этого человека? В чем его сила? Ведь он не Учитель, а ученик, как и все остальные. Живет он с женой, быт его самый обычный. И ничего чудесного, ничего поражающего, как, например, взгляд И. или Ананды, которые так и прикуют тебя на месте, в Николае нет. И даже то, что он красавец, красавец в полном смысле слова, точно римский гладиатор или русский богатырь, даже и это не бросается в глаза, а точно «так и быть должно», как часто говаривала леди Цецилия.

Завидев издали Николая, точно стоящего на часах воина, Генри побежал быстрее. Молодость, сила и упругий бег придали ему еще больше

веселости, ощущение новой любви вдруг наполнило его сердце, и, мальчишески смеясь, серьезный Генри неожиданно бросился на шею Николаю.

– Знаете ли, сэр Николай, какое удивительное открытие сделал я не так давно? Вы настоящий красавец, хотя немножко и великоваты. А кроме того, в вас такая масса очарования, что, если бы я был дамой, ежедневно бы посылал вам букет в полтонны весом.

– Ваше открытие, милый Генри, относительно моей красоты, а кстати, и великоватости уже давно сделано Наль и Алисой. Но вот у меня есть одно открытие относительно Вас, которого, пожалуй, вы сами в себе не успели еще заметить. Вот это так действительно открытие серьезное, – отвечая ласковой улыбкой на объятие Генри, возразил Николай.

– Ну? Неужели? – смешно отпрыгивая от Николая и по-детски складывая руки у сердца, точно боясь, что именно туда заглядывают глаза Николая, удивленно и растерянно протянул Генри.

– Вот так штука! Ты что же, серьезный Генри, в акробаты собрался? Или тебя Николай так перепугал, что ты прыгаешь, как восточный человек, увидевший кобру? – раздался за спиной Генри смеющийся голос лорда Бенедикта, смеху которого вторил бас Разумова.

Окончательно смущенный, Генри не знал, куда деваться. Его выручил Николай, сказав лорду Бенедикту, что Генри считал себя обладателем великого открытия, которое уже оказалось сделано другими, да к тому же еще и женщинами.

– Ну, разве что женщинами, тогда уж можно рискнуть пострадать от твоих темпераментных скачков, Генри. А то было бы досадно оказаться с раздавленной ногой из-за твоего разочарования из-за неудавшегося открытия, – продолжал смеяться Венецианец. – Утешься, – прибавил он уже серьезно, пристально глядя на расстроенное лицо Генри, – хотя никто еще не делал открытия о твоей красоте, но с некоторых пор она начинает расцветать внутри и вовне, и весь ты становишься гармоничным. А о том, почему тебе легко жить в моем присутствии, советую тебе поговорить с Николаем. Теперь достаточно нескольких его слов, чтобы очень многое перевернулось в тебе, в твоем устарелом для твоего «сейчас» сознании, милый мой друг Генри. Пойдемте, друзья, сначала мы обойдем каюты первого класса, где едут наши больные будущие сожители по Общине, а потом спустимся во все остальные отделы парохода, – обратился лорд Бенедикт к приглашенным молодым людям. – Капитан Джемс недаром опасается надвигающейся ночи. Буря не буря, но большое волнение в море ждет нас.

С этими словами лорд Бенедикт тронулся в долгий путь по обходу корабля, увлекая за собой своих спутников. Близившаяся ночь и усиливавшаяся с часу на час качка действовали плохо на население парохода, и всюду помощь лорда Бенедикта и его спутников приходила вовремя, принося людям успокоение и сон.

Алиса, погруженная в книги и ноты, не подверженная вообще морской болезни, забыла обо всем на свете, кроме данного ей Венецианцем поручения. Ее работа уже близилась к концу, когда она услышала знакомый стук в дверь своей каюты. Ни одна рука в мире, казалось ей, не могла так стучать, как стучала рука Венецианца. При этом стуке для нее мгновенно исчезали двери и стены, стук руки точно приходился по ее сердцу и говорил: «Я здесь. Готов ли ты, мой ученик?» И, ликуя, сердце Алисы отвечало: «Готов, войди, Учитель».

– Друг мой, я потревожил тебя, – сказал, войдя, Венецианец. – Но видишь ли, Николаю вместе со мной надо быть сегодня ночью у руля, в распоряжении капитана. Больных парохода будет проводить Генри. Леди Цецилия ухаживает за недомогающей Лизой, а с Наль побыть некому. Не пройдешь ли ты к ней, пока все обойдется и мы выйдем из полосы качки? Тогда Николай освободится, а ты вернешься к себе.

– О, отец, как много слов, – рассмеялась Алиса, юмористически повторяя фразу Венецианца, нередко слышанную по своему и чужому адресу. – Я готова, простите дерзкую, – прикикая к чудесной руке Учителя, накинув шаль на плечи, прибавила девушка.

– Иди, дружок. Смотри же, не попадись на многословии в каюте Наль. Я спрошу тебя об этом завтра, хотя сейчас ты и стараешься показать, что хорошо помнишь мои слова, – улыбаясь и глядя Алису по ее легким волнистым волосам, в тон девушке отвечал Венецианец, выходя вместе с нею из каюты.

Простившись с Венецианцем, поднявшимся на палубу, Алиса прошла прямо к Наль. Бедная Наль, вообще плохо переносившая море, особенно остро чувствовала всякое приближение качки. Она так трогательно обрадовалась Алисе, что несколько минут не выпускала ее из объятий.

– Ах, как я тебе рада, сестренка Алиса, как рада. Море вызывает во мне отвращение и возмущение. Оно, кажется, только для того и появилось на моем пути, чтобы я хорошенько поняла эти мало мне известные чувства, – смеялась Наль, устало опускаясь на подушки.

– Я думаю, Наль, что есть еще очень много человеческих чувств, которых ты не понимаешь, и никакие моря на свете не помогут тебе их понять, – усаживаясь возле дивана Наль, шутливо отвечала Алиса. – Вот

как? Ты считаешь меня такой тупой? – Не оstri, сестренка Наль. Дело здесь вовсе не в тупости. Дело в том, что понять вульгарные чувства ты не сможешь, как бы сильно их ни выражал при тебе человек. Понять враждебность, кровожадность, лицемерие или ложь ты не сможешь, потому что в сердце твоём их нет. И сколько бы ты ни фантазировала на эти темы, ты их не поймешь только потому, что самые представления эти для тебя мертвы. Ты идешь мимо всех стрел, которые посылают тебе завистники, потому что зависть не может задеть в твоём сердце ни одного намека на самое, себя. Там нет горечи, и на стрелу завистника твоему сердцу нечем отозваться.

– Возможно, что ты и права, Алиса. Я не занималась анализом моего сердца. Ему было всегда так много работы любви, которую оно не успевало выливать всем встречным, что не было времени разбираться, что в нём самом ещё живет и чего там нет. Одно могу тебе сказать, что там живет все человеческое настолько, чтобы без фантазий понимать наивысшее в жизни ближнего – его страдание.

– Понять страдание каждого? О, это действительно наивысшая сила из всех даров человека. Все понять – все простить, говорят французы. Но я думаю сейчас вовсе не о том. Можно понять, что человек страдает, сострадать ему, стараться разбить его суеверие или предвзятость, мешающие ему жить счастливо. Но так понять, чтобы разделить его страдание, – для этого надо хотя бы один раз испытать самому те чувства, от которых рвется сердце твоего собеседника. Я думаю, что слово «понять» в высшем смысле значения – это вызвать в жалующемся тебе человеке желание действовать, бороться, сбросить с себя страдание от уныния и освободить дух к красоте, к радости. Но вот как помочь человеку освободиться и всегда ли, всякий ли может это сделать – в этом и есть вся трудность. Знаешь ли, отец Венецианец сейчас поразил меня ужасно. Он сказал мне, что далеко не все встречи, о которых меня просят и будут просить люди, мне разрешаются. Я не могла этого сразу понять. Мне казалось, что милосердие и доброта – это и есть раскрытые объятия всем. Сейчас я начинаю понимать, что можно не только раскрыть объятия человеку, но можно изнемогнуть в огромных усилиях его утешить в его страдании и... не достичь ничего. «Усилия» прольются, а «сила» не будет подобрана человеком. И чем тяжелее будет идти встреча, чем больше будешь ты изнемогать сам от «усилий» помочь, тем бесполезнее будет встреча. Потому что сила может выйти из сердца только тогда, когда сам человек действует легко, радостно, спокойно.

– Не знаю, Алиса, мой дядя Али всегда говорил мне, что таких

внешних обстоятельств, которыми бы человек был задавлен, не существует. Что у каждого человека именно те обстоятельства, которые ему по силам. И потому каждому человеку его обстоятельства по силам, что он сам себе их создал. Нет обстоятельств, «данных» человеку, а есть только известная часть его собственных вековых действий, выпавшая из кармического звена в данное его воплощение. И сколько бы ни ждал человек, что кто-то другой разбросает и победит его собственную вековую энергию, вставшую перед ним в это «сейчас» как ряд сопутствующих воплощению тяжелых внешних обстоятельств, он так и будет в них жить до тех пор, пока сам не победит их энергией любви, мощной силой радости. Так говорил мне не раз мой дядя Али. Я думаю, что большая часть тяжелых встреч происходит именно потому, что страдающий не понимает, что только его собственная энергия любви и бодрости может помочь ему выйти из кольца давящих обстоятельств. А помогающий стремится не к тому, чтобы пробудить энергию унылого страдальца, а старается облегчить физическую тяжесть его внешних обстоятельств. Ты скорбела и плакала, когда была бессильна помочь своей сестре Дженни. Ты ни разу не пожаловалась на тяжесть жизни дома. Ты убирала все препятствия и неудобства с дороги Дженни. Ты помогала ей блистать, одевала и обшивала ее и мать, пыталась их утешать и успокаивать. Ты расстроила свое здоровье, служа им, силясь принести им мир. И в этом ты несколько не успела, хотя в бесполезных усилиях и расшатала свое здоровье. Ты защищала отца и стремилась создать ему каплю уюта в доме. И в этом ты успела. Почему? Почему ты действительно защищала отца и не могла помочь ни матери, ни сестре? Потому что сила твоей любви к отцу лилась из тебя легко и радостно. Потому что единение твое с ним, помимо кровной связи, было в красоте Вечного. Он, как и ты, стоял в этом Свете, и сила твоей любви удваивалась от встречи с его любовью и удваивала его энергию. И все твои усилия украсить жизнь сестре и матери уходили, как вода в щели пола. Потому что тебе не удалось развить в них даже первой элементарной нравственной силы: вкуса. На вопрос, что любят они, что нравится им, ты могла услышать ответ о тысяче вульгарных вещей обывательской, эгоистической жизни, о внешнем блеске и удовольствиях, но Радости Света Вечного не занимали места в их сознании. Ты называешь Венецианца отцом. Никто лучше меня не разделяет этого твоего чувства, когда уста сами собой говорят: «Отец». И все же ни его живой пример, ни его частые беседы не могут раскрыть ни в одном из нас тех свойств, которыми определяется крошечное словечко «такт», если в нас не развит вкус. Чтобы началось в человеке развитие его тончайших духовных сил, образующих собою такт,

необходимо, чтобы всем – от дикаря до высокой степени культурного человека – свойственное первоначальное чувство вкуса перешло в утонченное нравственное чувство. И чем выше ведет свое начало вкус человека, чем реальнее сокровища, которые он начинает любить, тем дальше он подымается по лестнице духовной культуры, тем ближе он видит, ощущает Бога и, наконец, живет в Нем и с Ним...

Беседу прервал Генри, стучавший в дверь, прося разрешения войти.

– Я принес вам обеим, полуночницы, – это не я, а лорд Бенедикт так вас назвал, прелестные дамы, – пилюли. Его светлость предостерегает вас, что мы сейчас войдем в полосу сильной качки. Наль надо спать, а следовательно, и молчать, а Алисе – бодрствовать и... тоже молчать. Но это, Алисочка, уж от меня докторское указание, – смеясь, закончил Генри свою тираду, которую выпалил, подражая Сандре в его юмористических ужимках и скороговорке.

– Каково? Да ты ли это, кузен Генри? – воскликнула Алиса, удивленно рассматривая розовые щеки и горящие глаза сейчас такого возбужденного, обычно бледного и холодного лица Генри, со спокойными голубыми озерами глаз.

– Ну, вопросы потом, сестра. Теперь же моментально – пилюли, – голосом строгого врача сказал Генри, подавая лекарство сначала Наль, потом Алисе. – Лорд Бенедикт просил передать тебе, Алиса, эту тетрадь, велел тебе оставаться у Наль, хотя она и заснет, до тех пор, пока Николай не сменит тебя в каюте. Вот видишь, Наль уже спит, точно и не говорила две минуты назад. До свидания, забегу еще к маме и Лизе и снова помчусь по пароходу, – уже запирая дверь, закончил Генри и исчез в коридоре.

Укрыв Наль, потушив верхний свет в каюте, Алиса устроилась у столика и приготовилась читать присланную ей тетрадь, как почувствовала, что борт парохода взлетел вверх, вслед за тем весь пароход сильно вздрогнул, все задрожало и закрипело, и борт с высоты ухнул вниз. Не ожидавшая такой внезапной качки, Алиса упала с кресла на пол, выронив из рук тетрадь. Весело посмеявшись своей неудаче, она подобрала тетрадь, поправила соскользнувшую туфлю и решила лечь на диван, поручни которого будут предохранять ее от дальнейших падений.

«Бедные, бедные все те, кого буря застала в море, в их рыбацких челнах или плохих суденышках», – подумала девушка, мысленно посылая благословение всем тем, кому море сейчас грозило опасностью или смертью. У самой Алисы не только не было страха перед бурей, не только вера ее в Венецианца, стоявшего у руля, наполняла ее чувством безопасности за всех тех, кого он вел в эту трудную ночь, но в сердце ее

было нечто вроде досады, что ей не позволено быть возле великого рулевого и прибавить свои маленькие силы к его гигантскому уроку этой бурной ночи.

«Ну, нечего мне терять время в пустоте, мечтах о месте возле Учителя. Там мое место, где он мне его указал. К тому, что он мне указал, я должна приложить все мои силы и усердие», – закончила свои мысли Алиса.

Взглянув на Наль, убедившись, что пилуля Венецианца погрузила ее в столь глубокий сон, что она не чувствует ни качки, ни толчков, Алиса встала, выше натянула защитную сетку над Наль, чтобы та не могла упасть с дивана при особенно резких толчках парохода, с большим трудом прошла узкое пространство качающейся каюты и улеглась снова на собственный диван, где натянула и на себя сетку и снова взяла в руки тетрадь.

Необычным теплом пахнуло на Алису, как только она открыла прекрасную обложку из зеленой кожи и прочла надпись, сделанную крупным, ровным и четким почерком Венецианца:

НАСТАВЛЕНИЕ УЧЕНИКУ В ТУ МИНУТУ, КОГДА ОН СОЗНАТЕЛЬНО ВЫБРАЛ ПУТЬ ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ, ВИДЯ В НЕЙ ЕДИНСТВЕННЫЙ ДЛЯ СЕБЯ ВОЗМОЖНЫЙ СПОСОБ ЖИТЬ: ТРУДИТЬСЯ НА ОБЩЕЕ БЛАГО, РАЗДЕЛЯЯ ТРУД ВЕЛИКОГО СВЕТЛОГО БРАТСТВА

Что значит слово «ученик»? Что значит слово «сознательно»? Ученик – это вовсе не тот человек, что говорит себе и всем: «Я пошел за Учителем, пошел по его тропе, которую Он указывает людям. Хочу достичь цели и свидеться с Ним, а потому я и есть ученик».

Ученик – это тот человек, который понял, что путь, по которому идет Учитель, это прежде всего путь, лишенный всякой вульгарности.

Ученик – это тот человек, в сознании которого перестали существовать некоторые понятия, как представления отжившие, не обозначающие более условных ценностей. Они вскрылись новому сознанию ученика как предрассудки, отягчающие день.

Такие условные земные понятия, как преходящий внешний блеск, богатство, зависть, соперничество, тщеславное искание выдающегося положения, ученик стал понимать как обстоятельства, затрудняющие ему путь освобождения, его собственные свойства еще не изжитой личности.

Ученик – это тот человек, в сердце которого разрушилась перегородка между «мои» и «чужие» как условная граница кровного родства и где стала ярко светиться для него живая Жизнь в каждом человеке потому – именно потому, что в нем самом засветилась прочно Жизнь, он смог Ее искать во встречном, Ею общаться и к Ней в нем взывать.

Это не значит, что просветленный зажегшейся Жизнью в самом себе ученик будет заниматься словесными тирадами с каждым встречным, желая в нем вызвать определенное «настроение».

Это значит, что он сам будет действовать, хотя бы уста его молчали, развивая в себе всю доступную ему мощь Кундалини, выливая во встречу из своего сердца наивысшее благородство и радость, какие он понял как неотъемлемые качества Учителя в его общении с людьми.

Ученик – это тот, кто стал прост и добр со своими встречными, потому что в сердце его исчезли все закорючки личности. И он мог в нем освободить пустое пространство для Света Жизни.

Жизнь заняла эту пустоту ученического сердца, где раньше жили личные чувства, и Она наполнила эти пустоты Своим гулом радости.

Ученик не думает ежеминутно о труде дня, как о несносном ярме. Он понимает, что его труд есть всегда радость. Если в тяжком труде он изживает свои страсти, выковывая такие главные силы, без которых был он выпущен в свет плохими воспитателями, как выдержка, самообладание, аккуратность, точность, тогда его труд приносит ему радость как первоначальную возможность освобождения. Если же он уже воспитан к плодотворному труду, то видит в своем труде счастье быть и становиться действенной единицей в данных сейчас ему месте, времени и нации, где он может понять высший импульс труда на земле – общее благо – и быть ему проводником.

Ученик – это тот человек, в действиях и поступках которого исчезло все пошлое и вульгарное только потому, что сила Жизни в нем стала первым стимулом при каждом действии на земной арене.

Жизнь трудового дня ученика – это прославление Единой Жизни во всех бесчисленных формах его собственного дневного труда.

Что значит в применении к такому способу жить слово «сознательно»!

Сознательный поступок ученика – это есть цельное, без компромиссов, решение. Решение, в котором оба творческих элемента человека – его мысль и чувство – живут в гармонии, слитые в одну силу: деятельную радость, творя, жить.

Что подразумевать под деятельной радостью, творя, жить? Жить в движущихся и развивающихся аспектах того Бога, которого понял как Силу Неустанного движения любви. Если хотя бы на минуту ученик выпал из понимания, что Божественная любовь мчит в вечном движении Свое творящее дыхание вселенной,

– он сам остановился, радость в нем омрачилась и его день стал уже не легким движением Света, но тяжелым подвигом. Подвигом любви со

вздохом, печалью, беспокойством и страхом.

«Сознательно» ученика есть выраженная в одном слове, имеющая тысячи форм все та же его верность.

Верность как таковая есть первоначальный принцип мысли Единого.

Любовь есть первоначальный принцип чувства Единого.

Выбор ученика сознателен тогда, когда эти два принципа Вечности пришли в нем в гармонию не как идея светлого существа, но как единственная форма творчества, выливаемого им каждый день в весь труд и во все встречи.

Пространство и время, ограничивающие мысль и чувство обычного человека, не существуют как ограничительные принципы, для вскрывшегося сознания ученика. Его сознание становится космическим. Он легко делает все свои простые дела, если он человек средний и в нем нет особой одаренности. Его серый день радостно течет в орбите средних человеческих способностей. Все его духовные силы направлены не на дальние горизонты, но на простые, близкие дела, где его доброта светит всем окружающим и греет их.

Такой ученик всем светит и греет без специальных мыслей об этом. Светит и греет потому, что он несет свою доброту не из тесных и душных комнат, в которых рылся среди хлама маленьких и мелких мыслей обывателя. Мыслей, условно нажитых за свою узкую жизнь. Обыватели обычно, делая добро, думают, как много пользы приносят их поступки людям. Или с какой пользой они подарили свои старые вещи своим ближним. При этом затруднив своим пониманием пользы и тех, кому они давали, и тех, через кого давали свои малостоящие подарки.

Ученик же несет свой свет и доброту во все дела и встречи, живя в тех без времени и пространства принципах Бога, аспекты Которого звучат в нем самыми разнообразными нотами радости. Он их черпал в себе, сливаясь с любовью Вечного, которую понял как отличительный признак каждого Учителя, за благородным поведением которого он хотел бы творчески следовать всею своею верностью.

Если же ученик несет в себе великую силу истинного таланта, – я не имею в виду притянутого за волосы так называемого таланта, – он движется не только в свои вдохновенные минуты по космическому пути. Он стоит всегда, во все минуты жизни, рядом с Учителем. Он не ищет подражать высокому благородству Учителя, он знает его в себе как первоначальный, отправной пункт всех своих жизненных эмоций.

«Выбрать» себе высокий путь по склонностям еще не значит стать на него. Нередки явления очень старых людей, имеющих свободное время,

живущих не трудясь и раскрепощенных Жизнью от всех условных земных привязанностей и обязанностей. Или, наоборот, окруженных близкими, пользующихся их безвозмездными услугами, заботами, любовью. И те и другие старики всю жизнь «искали» возможности подойти к Учителю. И в старости остаются мертво стоящими в смысле своих исканий, ибо вся сила их мыслей обращена только на самих себя.

Следовательно, один из принципов Вечности, живущих в каждом человеке, они закрыли в себе постоянной мыслью – «я делаю», «моя личность», «мой труд», «моя фантазия», «моя сила» и т.д. У этих людей «я» и «мои» не пропускают любви эфирной вселенной в их душные, подчас неряшливые комнаты.

Стать на путь – это не значит искать, как встретиться с Учителем. Это значит жить в тихом и мирном прославлении текущего дня, каков бы он ни был вовне. И тот, кто живет в таком мире внутри себя, не может иметь немирного окружения вокруг себя. Ибо все живое – от вульгарного человека до высокой, благородной силы – склоняется перед благоуханием мира, льющимся из такого сердца. И тогда совершается то чудо, о котором говорится ученику: «Готов ученик – готов ему и Учитель». Алиса выронила тетрадь из рук, и мысли ее понеслись в родной дом к обожаемому отцу. Много, многое из своей прошлой жизни понимала она теперь иначе. Но неизменно одинаково она понимала прекрасный образ отца. Как нельзя лучше подходили к пастору последние прочтенные ею слова. Весь внутренний облик его точно обрисовывался ими. В присутствии отца даже пасторша не решалась давать волю своей раздражительности. А в Дженни просыпалось все лучшее, что тлело в ней, и на губах ее мелькала веселая улыбка. Улыбки непритворной, легкой, какой улыбалась Дженни в обществе отца, Алиса никогда не видела на лице сестры в его отсутствие.

Для пастора пришло чудо встречи с Учителем, а через него и для самой Алисы. День за днем вставали последние месяцы жизни в мыслях Алисы, и не замечала девушка ни усиливавшейся качки, ни воя ветра, ни ударов волн, яростно набрасывавшихся на борющийся с ними пароход.

Ярче других новых встреч вставал перед ней лорд Мильдрей, доброте которого она не встречала равной, хотя знала отцовскую доброту, тоже не шедшую ни с чем в сравнение.

Только сейчас Алиса отдала себе отчет, как глубоко любила она этого человека и какое огромное место – незаметно для нее – занял он в ее жизни. Она не могла сказать себе, с какого именно момента она полюбила Амедая. Со свойственным всем женщинам инстинктом она сразу поняла глубину молчаливого обожания, с которым смотрел на нее Амедей. Теперь

она стояла перед совершившимся фактом: она любила Амедея той любовью, где ни время, ни разлука, ни пространство не гасят пылающего образа в сердце, но где два сердца сливаются в одно, где нельзя провести границ между «мое» и «твое» и где радости и печали одного заливают нераздельно двоих.

Неожиданный поворот в судьбе самой Алисы; мать и еще более неожиданный переворот в ней; Дженни и ее ужасная, мрачная судьба – все вставало перед Алисой как панорама жизней, в которых она созначала себя точно вынутой из футляра чьей-то волшебной рукой.

.Сколько любви, сколько действия пролила вокруг себя светлая фигура Учителя Венецианца, и в какое кольцо очищения попадало все, соприкасавшееся с ним!

«Ни минуты в пустоте», – вспомнила вдруг Алиса часто слышанные слова дорогого Учителя. «А я в эту минуту живу именно в пустоте, отдаваясь мечтам, бесплодным и смешным. Прими, Учитель, благодарность и благоговение мое перед тобою. Если бы было возможно, я пропела бы Гимн Творцу, прославляя эту минуту Твоего труда для спасения людей», – закончила свои мысли Алиса и снова развернула тетрадь.

Но раздался стук в дверь, и Николай спрашивал разрешения войти. Быстро вскочив с дивана, Алиса впустила Николая и только теперь, увидев обветренное лицо и блестящую от сырости резиновую одежду Николая, отдала себе отчет, что вокруг уже нет воя ветра, что рев волн умолк, что пароход идет, равномерно покачиваясь на легких волнах.

– Теперь я присмотрю за Наль, – сказал Николай. – А тебе, Алиса, хотя уже светлый день, лорд Бенедикт приказывает идти спать.

– Как спать? Да я едва начала читать ту тетрадь, которую мне ведено прочесть.

– Почему же ты так мало прочла? Ведь вся ночь пролетела.

– Да я и не заметила, что ночь уже минула. Когда начнешь о чемнибудь думать, так и не поймешь, куда девается время, – виновато ответила Алиса.

– Ах, неблагодарная, – шутливо ответил Николай. – Мы старались наверху, что есть мочи подбирали силу и указания Учителя, чтобы обеспечить тебе максимум покоя для выполнения твоего урока, а ты, видите ли, мечтала.

– О, Николай, хотя и в шутку сделанный, но упрек в неблагодарности приходится к месту. Сколько бы я ни жила на свете, никогда не сумею отдать всей должной благодарности Учителю Венецианцу.

Тронутый смущением Алисы, Николай заверил ее, что не только она, все в том же положении и все одинаково не выучились выполнять точно,

четко и немедленно тех заданий, что получают от Учителя.

Проводив девушку, Николай внимательно осмотрел лицо Наль, тихо спавшей, переоделся и присел к столику у постели жены, принявшись читать толстую книгу, из которой делал выписки.

Так, в непрерывном труде, шла жизнь людей, которых отобрал себе в сотрудники лорд Бенедикт. Всегда окружавшая его красота, легкость, с которой он все делал, бодрили людей, и они стремились действовать по его живому примеру.

Радость составляла атмосферу парохода, который капитан Ретедли, как ему предсказывал еще в Лондоне Учитель, благополучно привел в Нью-Йорк, несмотря на все угрожавшие ему в пути опасности.

«Храм Человечества»

«Храм Человечества» (The Temple of the People) был основан в Сиракузе, Нью-Йорк, в 1898 г. Францией Ла Дью (Francis A. La Due) и Уильямом Доуэром (William H. Dower). Он принял эстафету теософского Учения, данного миру Е.П.Блаватской, продолженную после нее Уильямом К.Джаджем (William Quan Judge), первым руководителем Эзотерической секции и Президентом Американского отделения Теософского Общества.

В 1903 г. Организация переехала в Алсион (Калифорния), где был возведен Храм. Франция Ла Дью была первым Главным Хранителем Народного Храма (Guardian-in-Chief of TP), после нее д-р Уильям Доуэр стал вторым Главным Хранителем и Перл Доуэр (Pearl F. Dower) – третьим. Нынешний Главный Хранитель Храма – Гарольд Форгостайн (Harold E. Forgostein). Официальным периодическим изданием Храма является журнал «The Temple Artisan» («Мастеровой Храма»).

Из писем Елены Ивановны Рерих «Конечно, Вы правы, что людям нелегко разобраться во всем обилии появляющихся сейчас самоявленных адептов, но для этого и даны были через Е.П.Бл. основы учения Бел. Братства, но кто удосужился изучить их? Все предпочли облегченные и удобные интерпретации вместо того, чтобы направить свое внимание именно на основные Заветы. Утверждаю, что Е.П.Бл. была единственной посланницей Белого Братства и она одна знала. После нее было дано через Франция Ла Дью замечательное Учение Учителем Ил. Но многие ли слышали о нем? Почему выдающие себя за посланников Бел. Братства и учителей, принадлежащих к Солнечной Иерархии (?!), нигде не упоминают об этом явлении?

31.7.37 г.»

«Почему русским теософам нужно ходить в шорах и ничего не знать об истинной истории теософического движения и его деятелей? Почему,

упомянув вскользь об Алисе Бэйли¹, они умалчивают о гораздо более давнем и значительном центре в Калифорнии, которым руководит Вел. Уч. Ил.? Почему они нигде не упоминают о замечательной книге «Темпль Тичингс²», изданной этим центром? 7.1.37 г.»

«Несомненно и то, что в надлежащие, определенные сроки для обновления сознания человечества и внесения новой ступени Учения Великое Братство избирает одну ></emph> 1 В своем письме от 23.08.34 Елена Ивановна Рерих писала об обществе, руководимом Алисой Бэйли: «Многие наивные люди полагают, что темные силы действуют лишь злом, развратом и преступлениями. Как заблуждаются они. Так действуют лишь грубые силы и силы малых степеней. Гораздо опаснее те, кто приходит под личиною света Учения. Вы уже знаете такой пример. В Америке существует очень обширное общество, и глава его получает учение от учителя, который не раскрывает своего имени, называя себя Тибетским Братом. Мы знаем, кто скрывается под этим псевдонимом. Сила его велика. И цель этого учителя, персонифицируя якобы Учителя Бел. Бр., как можно больше заманить в свои кадры неплохих и полезных людей, которые иначе могли бы действительно помочь Великому Плану Владык, Плану спасения планеты. И эти несчастные, не обладая истинным распознаванием огней сердца, как мотыльки летят на испепеляющий их черный огонь. Невежество, отсутствие чувствознания толкает их в объятия тьмы и лишает надолго, если не навсегда, благотворного воздействия и притяжения Лучей Великой Твердыни Света. Грозен Армагеддон, ведь силы тьмы борются за само существование свое, отчаяние делает их столь сплоченными и упорными в достижении цели своей. Князь Мира имеет много талантливых, сознательных и бессознательных пособников, и наивно думать, что они не умеют действовать тонко. Они очень изысканы и изобретательны и действуют по сознанию своих жертв. Но все они лишены теплоты сердца. У меня есть книги этого Тибетского Учителя, они сухи до чрезвычайности. Одна книга называется «Белая Магия». Мне сказано, что лучшие страницы заимствованы из Учения Бел. Бр. Интересно отметить, что глава этого общества для большего престижа своего и заманивания сторонников наших книг рекомендует их своим членам и учредила классы для изучения книг Агни Йоги. Так переплетается на Земле тьма со Светом» (Письма Елены Рерих. 1932-1955. Новосибирск. Изд-во «Вико» и предприятие «Алгим». – 1993, с.54).

2 Правильно «Teaching of the Temple».

или двух личностей, как это было с Блаватской и после ее смерти с Франчия Ла Дью, через которую Уч. Ил. давал свое Учение. К сожалению,

она умерла в 1923 году. Франча Ла Дью была основательницей Общества в Калифорнии и журнала «Темпл Артизан», в котором печатались эти Послания. Но повторяю, что помимо таких главных приемников, получающих «Океан Учения», как сказал Один из Вел. Учителей, и находящихся в постоянном сознательном общении с Иерархией, непрерывно даются отдельные послания и через иные каналы, и мы знаем немало таких прекрасных книжечек. Часто они даются ищущим душам, которые ничего или очень мало слышали о Вел. Братстве. Пишутся эти книжечки большею частью или автоматически, или, что реже, под диктовку. Но красота нравственной ценности таких книжечек не может быть умалена тем, что они писались без разрешения и благословения некоторых авторитетов. Насколько мне известно, никто из этих авторитетов за свою жизнь не просвещался ни одной книгой, данной им из Высокого Источника. Но появление таких книжек систематически подвергалось ими осуждению и остракизму. Следовало бы запросить о причине этого.

Почему не дают они продолжения «Книги Дзиан»? А продолжение ее имеется¹. Также не худо было бы запросить осуждающих заглазно и не давших себе труда ознакомиться с книгами «Живой Этики» – как относятся они к обществу, основанному Франча Ла Дью и Уильямом Доуэром, и книгам, издаваемым ими? Общество это существует с девяностых годов прошлого столетия и имеет ответвления и в других странах. Высокое учение, получавшееся ими, ни в чем не расходится с книгами «Живой Этики», и мы состоим с ними в дружественных отношениях, именно, не исключаем друг друга 17.2.34 г.»

1 Здесь речь идет о книге «Theogenesis» («Теогенез»), данной через Храм Человечества и продолжающей линию «Тайной Доктрины».

Из предисловия к книге «Учение Храма»¹ Организация «Храм Человечества» создана в 1898 г. по указанию и под руководством Учителя Илариона (Master Hilarion), одного из Учителей Великой Белой Ложи, работающей с тем, чтобы поднять человечество на более высокие эволюционные ступени посредством прямого излияния силы и знаний, удовлетворяющих потребностям времени настолько, насколько человечество способно принять и усвоить эти знания и более высокие вибрации.

«Храм» есть продолжение работы, начатой Е.П. Блаватской, и вдохновлен и воодушевлен теми же великими космическими силами, которые всегда руководят эволюцией миров, рас и начинаниями людей. Несмотря на то, что Учителей Белой Ложи много, их работа едина.

Учителя есть те сущности, которые напряженной работой души,

огромным опытом, страданием и жертвой достигли эволюционного уровня, намного превышающего соответствующий обычным человеческим существам.

Их сознание не ограничено каким-либо одним планом Жизни, как это имеет место у обычных мужчин и женщин. Учитель – это тот, кто преодолел ограничения материи в ее обыденном понимании и способен сознательно и по своей воле действовать на более чем одном плане бытия соответственно достигнутому им уровню. Иначе говоря. Учитель есть тот, кто вошел в Око Треугольника в Квадрате и кто с этого времени действует в более широких сферах, где ЯВЛЯЕТСЯ сознательным фактором, силой и деятелем, помогающим эволюции миров и рас.

Учителя не Боги, они люди, и, если необходимость требует, они могут работать на физическом плане в физическом теле. Их важнейшая работа выполняется ими, однако, в теле Нирманакайя – облачении сознательного бессмертия, которое они завоевали через страдания и жертву, длившиеся многие века.

Ложа Учителей синтезирована в Центральном Духовном Солнце, которое состоит из всех Учителей Пути Правой Руки. Это Центральное Солнце равнозначно >>/emphasiс> 1 В настоящее время готовится к изданию в трех томах.

Христу, который есть совершенный Сын (Солнце) Беспредельной Любви.

В циклические периоды один Учитель или более могут выбирать более частное направление сил, воздействующих на эволюцию и развитие человечества, но это потому, что так предписывает кармический и иерархический закон.

Учителя есть, в определенном смысле, Высшее Я человечества и охраняют, защищают и направляют его развитие. Они не могут вмешиваться в кармический закон, но способны в кризисные моменты сдерживать до некоторой степени действие накопленной кармы, которая иначе могла бы разрушить цивилизацию или даже саму планету. Но в конечном счете каждая йота кармического закона должна быть исполнена. Опустошительные эпидемии, великие войны, разрушения городов в прошлом или настоящем с унесенными ими жизнями, неожиданные разрушения и погружения континентов, как в случае Атлантиды, – примеры действия кармических сил в глобальном масштабе, где такие силы не могли более сдерживаться администраторами природных законов, Учителями Мудрости, чтобы еще больший духовный ущерб не был причинен народам этих городов, наций или континентов.

Там, где духовность и нравственность переступили определенную черту, человечество может быть возвращено к признанию своих духовных основ только неким большим потрясением или серией потрясений, обращающих личное сознание в глубь себя к вечным истинам, к присущей ему божественности и таким образом предотвращающих дальнейшее сползание к соблазну, ложности внешнего блеска и чувственных иллюзий.

Нам сказано «Теми, Кто Знает», что не столь редкое происшествие для планеты – быть разорванной на части возмещающими силами, когда ее обитатели упорно неправильно употребляют высокие духовные энергии, таким образом накапливая избыток разрушительных сил, перевешивающий баланс созидательных и в итоге приводящий к разрушению самой планеты. В нашей солнечной системе мы имеем очевидное свидетельство такого случая. Астрономы обратили внимание на широкий промежуток между Марсом и Юпитером, в котором нет планет, и годами тщетно пытались найти тело, которое должно находиться там. В конце концов было открыто более 200 астероидов, очень маленьких планет, многие из которых не более 25 км в диаметре,двигающихся очень близко одна к другой в одном направлении между орбитами Марса и Юпитера, как если бы они были осколками некогда большой планеты.

Подобная судьба угрожала нашему собственному миру в 1899 г. Но он был тогда спасен усилиями многих Учителей высокого уровня и сил, собравшихся с других планет в определенных зонах на и в земных центрах и поддерживающих баланс вплоть до настоящего времени. «Темная Звезда» была спасена на время, но на сколь долгое? Кто может сказать? С тех пор произошел значительный прогресс в научном знании, технике и достижениях, и мы все в большем масштабе используем более тонкие природные силы ради наших личных, а также коммерческих целей и удовольствия. Но эти силы есть силы Самой Жизни – лучи Божественной Энергии из самого сердца Бога и Природы, и если не использовать их правильно, в духе неэгоистического служения и общего блага, то из-за инверсии божественных качеств неизбежна реакция с ужасными последствиями для человечества, подвергающего опасности само существование планеты, на которой мы живем. Подобно Братству Миров в небесных пространствах, должно существовать Братство Наций на Земле в истинном духе Вселенского Братства без различия рас, возраста, цвета кожи или веры среди всех народов Земли, чтобы такая космическая катастрофа могла быть предотвращена.

Учение, данное здесь, вдохновлено очень высокими духовными силами, – силами из самой Ложи Света, – и посылая это учение в мир,

Храм будет излучать в сердца людей свет и оказывать воздействие, со всей мощью способствующее утверждению идеала Братства Людей. Благодаря великой внутренней силе Света и Любви, лежащих в основе этого учения, каждый любящий своего ближнего и настраивающий свой ум в созвучии с основополагающими истинами Учения неизбежно обретет расширение сознания и помощь, совершенно независимые от самого Учения. Он получит прикосновение Беспредельной Любви и Сострадания от рук Учителя, согревающих сердце каждого истинного и искреннего искателя света и дающих большую возможность помогать миру. Космическая мелодия Самой Жизни может тогда быть услышана внутренним слухом, вновь настроенным на иницирующие звуки изначального Сознания, того Сознания, которое божественно и являет скрытое единство Одного во Всем и Всего в Одном.

Храм Человечества, Алсион, Калифорния, январь 1925 г.

Главный Хранитель ></emphasis> «Дельфис», сентябрь 1993 г.
Перевод и подготовка публикации Д.Скопина.

К.Е.Антарова Краткий биографический очерк «Среди множества самоотверженных тружеников искусства не всегда выходят на первые места самые достойные. Наоборот, почти как правило, те, что вынашивают в себе творческие идеи и мысли, те, что стараются передать их своей современности, остаются в тени. Они забывают о себе и о своей карьере. Они думают со всей любовью сердца о тех, кто пришел к ним за советом и помощью в искусстве», – так писала Кора Евгеньевна Антарова о сестре К.С.Станиславского – Зинаиде Сергеевне Соколовой. Но кажется, что эти строки написаны о ней самой – заслуженной артистке РСФСР, певице Большого театра, проработавшей на прославленной сцене более двух десятилетий.

Кора (Конкордия) Евгеньевна была замечательной, выдающейся певицей. Но случилось так, что при прекрасном состоянии голоса ей пришлось уйти со сцены. Не сохранились (за одним исключением) и записи ее голоса на пластинках – вероятно, тоже не случайно. Прошло более полувека с тех пор, как она перестала выступать в концертах, и как певицу ее уже мало кто может помнить.

Время, столь неумолимое для громкой славы многих деятелей искусства, тем не менее мудро и расставляет все на свои места. Забытые имена, если они того достойны, возвращаются к нам – иногда в новом качестве и новой перспективе.

Жизненный путь Кору Евгеньевны, с одной стороны – по самоотверженной и бескорыстной любви к искусству, – характерен для

многих выдающихся представителей русской культуры, с другой – уникален, как уникальна каждая судьба.

Родилась она 13 апреля 1886 года в Варшаве в семье мелкого служащего департамента народного просвещения. В одиннадцать лет потеряв отца, она жила с матерью на небольшую пенсию и уроки иностранных языков, даваемых матерью. Мать Кору была двоюродной сестрой народовольца Аркадия Тыркова, сосланного в Сибирь по делу Перовской, а сама Софья Перовская, о которой девочка много слышала в семье с детства, приходилась ей двоюродной бабушкой.

В четырнадцать лет, будучи в шестом классе гимназии, Кора остается круглой сиротой. Но она не бросила учиться, а закончила гимназию, самостоятельно зарабатывая уроками. Можно только представить себе, как трудно было юной девушке, оставшейся без всякой поддержки и средств к существованию, пробиваться в жизни. И в какой-то момент Кора решает уйти в монастырь. Многому она научилась там. Пение в церковном хоре помогло развитию ее природного таланта. Но уже тогда ее голос выделялся из хора – Антарову приходили слушать специально. Видимо, она чувствовала, что путь отхода от реальной жизни не для нее. Это подтвердила встреча с Иоанном Кронштадским, который сказал молодой девушке, что ей суждено трудиться в миру.

Она решает ехать в столицу учиться. Подруги по гимназии собрали ей сто рублей, и Кора поехала в Петербург. Выдержав большой конкурс, она поступила на историко-филологический факультет Высших женских курсов, который окончила в 1904 году.

Все студенческие годы Антаровой пришлось зарабатывать на жизнь уроками, ночными дежурствами в редакциях, уходом за больными и тому подобным. Казалось, теперь основные трудности позади, ведь ей предлагают остаться при курсах на кафедре философии, есть и другие отличные предложения, обеспечивающие благополучное существование. Но у Кору Евгеньевны была единственная мечта – театр, пение: девочка с самого юного возраста играла только в театр, хотя родители ее туда никогда не водили, только песни и музыка увлекали ее. По словам ее матери, она пела положительно с пеленок, стихи учила только под музыку. И теперь, повзрослев, она принимает твердое решение посвятить свою жизнь искусству.

За уроки пения надо было платить, а платить было нечем. Пришлось продолжать все ту же тяжелую трудовую жизнь. Она поступает учительницей в заводскую школу Александровского завода Николаевской железной дороги. Завод находился в часе езды от города на

Шлиссельбургском тракте, и ездить туда приходилось на паровичке. Из получаемых в месяц 75 рублей 40 она платила профессору Петербургской консерватории И.П.Прянишникову за уроки пения. Девятнадцатилетняя девушка, привлекательная и талантливая, возвращаясь из школы в город, от голода и утомления нередко сваливалась с ног и оказывалась в больнице. Таково, очевидно, было происхождение тяжелой болезни, мучившей певицу всю жизнь, – бронхиальной астмы. Но любовь к музыке и театру преодолевала все, помогала мужественно продолжать борьбу.

И вот весной 1907 года Прянишников говорит, что Кора Евгеньевна готова, и она направляется на пробу в Мариинский театр. В комиссии по прослушиванию певцов председательствуют дирижер Э.Ф.Направник и директор императорских театров В.А.Теляковский. Из 160 прослушанных певцов в театр принята одна Антарова! Так с 1 мая 1907 года началась ее артистическая карьера.

В Мариинском театре Кора Евгеньевна проработала только год – одна из актрис Большого театра по семейным обстоятельствам желала переехать в Петербург, Антаровой предложили заменить ее в Москве. Кора Евгеньевна переезжает в Москву, где ей сразу же поручают весь ответственный репертуар для контральто. Ратмир а «Руслане и Людмиле», Лель в «Снегурочке», Ваня в «Жизни за царя» – это самые крупные партии. Репертуар Антаровой обширен – оперы «Русалка», «Пиковая дама», «Евгений Онегин», «Царская невеста», «Садко», «Иоланта», «Князь Игорь», «Демон», «Вертер», «Золотой Петушок», труднейшие партии в вагнеровских операх «Золото Рейна», «Зигфрид», «Гибель богов», в двух из них она исполняет по две роли, и многие другие оперы. Несмотря на многочисленность труппы Большого театра во многих спектаклях замены Антаровой нет. Событием стало ее выступление в роли графини в опере «Пиковая дама» – она была признана лучшей в артистическом и вокальном отношении исполнительницей этой роли.

И конечно, она выступала в симфонических концертах, давала сольные концерты камерной музыки с обширной и оригинальной программой, где пела песни и романсы западных композиторов в своих переводах.

Кора Евгеньевна была хорошо знакома с Шаляпиным, Рахманиновым, другими выдающимися деятелями русской культуры.

«Кора Евгеньевна Антарова всегда занимала в труппе Большого театра по своим артистическим данным одно из первых мест», – пишет М.М.Ипполитов-Иванов.

«Антарова принадлежит к числу тех артистов-работников, которые не останавливаются на своих природных данных, но все время неустанно идут

вперед по пути совершенствования», – говорил весьма требовательный к певцам дирижер В.И.Сук.

«Она всегда обладала прекрасным голосом, выдающейся музыкальностью и артистическими данными, что дало ей возможность занять одно из первых мест в труппе Большого театра. Я был свидетелем непрерывного художественного роста артистки, ее сознательной работы над богатым от природы голосом оригинального красивого тембра и широкого диапазона», – писал Леонид Собинов, о котором К.Е.Антарова написала прекрасную статью после его смерти.

В архиве Кору Евгеньевны хранится любопытный документ: рукописные ответы на более чем восемьдесят вопросов. Самих вопросов нет, только пронумерованные ответы. Судя по надписи в начале – «В театре 22 года», – анкетирование работников Большого театра проводилось в 1929-1930 году. Подробно и добросовестно отвечала Антарова на предложенные вопросы. Исключительная преданность своему искусству, высокая требовательность к себе звучат в этой анкете. Например: «Когда бывают неудачи – очень огорчаюсь, так как не выполняю долг». И еще: «Богему презираю. Не нахожу, что искусство и богема – это синонимы». Много в ее записях критических замечаний относительно творческой обстановки в театре, в адрес дирижеров, режиссеров. Вот ответ на 57-й вопрос: «Отношение к администрации в смысле ее художественной работы – отношусь абсолютно отрицательно». И более того, она утверждает, что в театре чувствуется ложь, рабство и подавленность духа; входя в театр, актер испытывает страх. «Когда актер от личного «я» – которое он считает центром жизни, – и от защиты своих личных эгоистических прав перейдет к перечислению и осознанию своих обязанностей перед жизнью и искусством, – тогда эта атмосфера исчезнет. Кроме культуры – нет способов борьбы».

Трудно представить, как могли быть восприняты подобные ответы в те годы. Поскольку эта запись явно черновая, может быть не все они были внесены в окончательный текст, но во всяком случае таковы были ее творческие позиции.

Многие годы напряженного творческого труда, активное участие в различных общественных мероприятиях, шефских концертах обрываются, когда Кора Евгеньевна теряет любимого мужа, погибшего в Гулаге.

Ее изгоняют из театра, она лишается возможности заниматься любимым делом. Как и многие-многие другие, она теряет все. И неизвестно, как сложилась бы дальнейшая судьба, если бы не одно обстоятельство: жестокий руководитель бесчеловечной системы любил

оперу. Ему не понравилось исполнение какой-то певицы и он поинтересовался, почему поет не Антарова. Результат очевиден: Кору Евгеньевну вернули в Большой театр.

Но болезнь уже давала о себе знать, выступать на сцене становилось все труднее, хотя голос еще звучал в полную силу. Она выступает с концертами, но и это становится все труднее.

Но Антарова была творческим человеком в полном смысле этого слова. Перестав выступать на сцене, она выпустила книгу, названную ею «Беседы К.С.Станиславского». Это были ее записи занятий великого артиста с молодыми певицами Большого театра, целью которых было путем организации оперной студии помочь певцам по-новому подойти к своему творчеству. Впоследствии из студии образовался Оперный театр имени К.С.Станиславского. Книга была очень интересной, бесценной для стремящихся к творчеству артистов. Она выдержала несколько изданий, была переведена на другие языки, опубликована в ряде стран, в том числе и в Соединенных Штатах. Кора Евгеньевна оставила рукописи еще двух больших трудов, где она развивала идеи своего любимого учителя. Можно надеяться, что эти работы также выйдут в свет.

В 1946 году Кора Евгеньевна организует при ВТО кабинет К.С.Станиславского, в котором разворачивается активная работа по пропаганде идей реформатора театра. Многие известные артисты, ученики великого режиссера, среди них О.Л.Книппер-Чехова, В.О.Топорков, С.Г.Бирман и другие, горячо поддержали эту идею. На заседаниях кабинета читаются доклады, накапливаются материалы по изучению наследия К.С.Станиславского. Душой этой работы, пока оставались силы, была К.Е.Антарова.

Была в насыщенной жизни Кору Евгеньевны еще одна сторона – внутренняя духовная деятельность, которая, несомненно, была истоком возвышенности ее творчества и всей жизни и которая многих знавших ее людей заставляла считать ее своим духовным руководителем, не только непрекаемым авторитетом во всех важнейших жизненных вопросах, но и человеком, помогающим по-новому понять глубочайший смысл самого существования на Земле. Сейчас об этой стороне ее творческой личности благодаря публикации книги «Две жизни» узнают многие. И тот, кто прочтет ее труд, поймет, что автор не могла быть обычным, рядовым человеком.

Каждый прочитавший эту необычную книгу может воздать должное силе духа К.Е.Антаровой, нашедшей в себе мужество, несмотря на всю трагичность личной судьбы в условиях бесчеловечной тирании, сохранить

чистоту чувств радости бытия.

Естествен интерес к тому, как был написан этот труд. Это было и навсегда останется тайной. Те же, кто были свидетелями его появления, могут сказать одно: огромная книга была написана в сороковых годах, исключительно быстро и, безусловно, не предназначалась для печати. Отсюда особенности ее языка. Яркий и образный, он в то же время имеет шероховатости и литературно не отшлифован. Кора Евгеньевна писала для тех, кто будет читать не внешнюю форму, а глубокую суть изложенного.

Внимательный читатель, вероятно, отметит также своеобразие литературного стиля автора, который ближе к стилю начала двадцатого века, когда Кора Евгеньевна училась и складывалась ее творческая личность.

В предисловии к своему еще не опубликованному труду «На одной творческой тропе», представляющему собой запись бесед автора с В.И.Качаловым, Кора Евгеньевна писала: «Теперь, когда Василия Ивановича нет с нами, я, согласно его желанию, передаю в печать эти записи, так как уверена, что, несмотря на совершенство всякой записи, к которой обязательно примешивается субъективный элемент записывающего, в них содержится ценный материал, помогающий глубже понять и вникнуть в творческие и человеческие облики великих художников и замечательных людей, какими были Василий Иванович Качалов и Константин Сергеевич Станиславский». Дальше она пишет: «Хотя я совершенно уверена, что молодые артисты, для кого мне и передавал свои слова Василий Иванович, сумеют читать не внешнюю форму речи, а глубокую суть его заветов в искусстве, я все же считаю нужным сказать молодому читателю несколько слов об языке моей записи «...» Да и сам Василий Иванович Качалов «...» считал, что все, что он мне говорит, я пойму точно по сути и сумею литературно обработать так, чтобы слова его были просты и понятны тем, для кого он их говорит».

Осталось немного людей, знавших Кору Евгеньевну при жизни. И мы, те немногие, кто помнит ее, можем лишь сказать: «Да, мы счастливики, мы общались с ней, слышали ее голос, видели ее сверкающие, полные юмора глаза, которые понимали всю суть находившегося перед ней человека. Может быть, не всегда приятно, когда тебя видят насквозь, но доброта, светившаяся в этих глазах, смягчала эти мелкие чувства. И хотя тебя не всегда гладили по головке, ты выходил от Кору Евгеньевны с таким чувством, будто за спиной крылья».

Все, кто общался с этой удивительной женщиной, даже те, что понятия не имели, что за человек перед ними, получали от нее помощь и поддержку

самого разного рода. Поддержка часто бывала материальной, хотя легко себе представить, каковы были средства человека, живущего на пенсию в 40-50-е годы. Кора Евгеньевна жила по принципу «Рука дающего не оскудевает», и принцип этот по отношению к ней полностью оправдывался. Сама же ни от кого не брала никаких подарков – это тоже был один из немногих ее принципов.

Кора Евгеньевна была талантлива во всем, даже когда варила обед. И все вокруг нее было красиво. Красива была она сама, хотя я помню ее уже весьма пожилой женщиной. Общаясь с ней в домашней обстановке, живя на даче, я никогда не видела ее непричесанной, небрежно одетой. И комната, в которой она находилась, казалось красивой, и все вещи вокруг нее. Знаменитое чеховское изречение нашло в Коре Евгеньевне на редкость полное воплощение.

Люди тянулись к ней, выкладывали ей свои проблемы, горести, говорили о себе. А она вопреки привычным для артистов манерам никогда не говорила о себе, не вспоминала о своих успехах, хотя вспомнить было что... С ней хотелось видеться, от нее не хотелось уходить. А Кора Евгеньевна своим присутствием как бы поднимала людей вверх, а иногда просто давала возможность тем, кто дошел до отчаяния, вновь обрести силу жить, и жить полным сердцем. Сказать, что она была человеком высоких моральных качеств и необыкновенной доброты, как-то мало, по отношению к ней это звучит бледно и недостаточно. Она была проста в обращении, необычайно приветлива с каждым, доброжелательна, но... вы чувствовали такую исходившую от нее силу, которая заставила сказать одну театральную деятельницу, ничего не знавшую о сокровенной стороне ее жизни: «Ну, Кора Евгеньевна... Она среди нас королева».

М.Стриженова

Из воспоминаний Моя встреча с Конкордией Антаровой, разрешившей называть ее Корой Евгеньевной, была духовной ступенью в развитии моей жизни. Не лекции или специальные собеседования по существенным вопросам духовного развития человека были главными в нашем общении – разительным примером явились путь жизни самой Кору Евгеньевны через непрерывный творческий труд, глубокая духовность ее служения миру. Меня поражали сила и цельность ее характера, устремленность в творческой деятельности в области театрального искусства и литературы.

Я не успел вступить в Теософическое Общество, но стал членом его Ордена Звезды на Востоке, ликвидированного сразу после смерти Ленина. До этого Орден был фактически под руководством Зинаиды Михайловны Гагиной. Через нее я общался с Теософическим Обществом, во главе

которого в Москве стояла Софья Владимировна Герье.

Зинаида Михайловна стала моей духовной матерью. Я часто бывал у нее на дому и участвовал в ее работе по переписке от руки теософических трудов, поскольку размножение подобных текстов на пишущей машинке было запрещено властями.

Целыми днями Зинаида Михайловна трудилась, копируя от руки нужные теософические сочинения, привлекая меня и других сотрудников. Ей было около ста лет, и мы помогали ей топить печку и покупали продукты, поскольку Зинаида Михайловна не имела никаких средств для жизни.

Среди теософов она занимала видное место. Зинаида Михайловна приняла меня в Орден Звезды на Востоке и была моим духовным покровителем. Прощаясь в тот день, она сказала мне: «Теперь Вам все будет легко», – и я шел радостно и легко, как будто летел на крыльях.

Незадолго до своей кончины Зинаида Михайловна передала мне на хранение 21 журнал и 64 тетради рукописей на теософические темы. Все это я передал в 1993 году современной организации Теософического Общества.

Вскоре по указанию Учителя меня, к счастью, взяла под свое духовное покровительство Кора Евгеньевна Антарова. Она знала Зинаиду Михайловну и некоторых других сотрудников из Теософического Общества, но сама никогда не состояла его членом. Это было во время второй мировой войны, и я утратил связи с Теософическим Обществом, но Кора Евгеньевна имела своего Учителя и связи с Шамбалой.

Она проявила стойкость, мудрость и мужество в своем огромном несчастий – расстреле ее любимого мужа, человека высокого духовного развития. Сама она была сослана, но возвратилась домой в Москву – от отбытия срока ссылки ее освободила счастливая случайность, предоставленная ей судьбой. Она продолжала служить музам, давая на дому уроки вокального искусства.

Исключительная преданность и любовь связывали Кору Евгеньевну с ее подругой – выдающимся ученым-математиком Ольгой Николаевной Цубербиллер, тоже ученицей одного из Учителей Жизни. В тяжелые годы Отечественной войны они продолжали жить совместно, все делили пополам и никогда ни на что не жаловались. Я встречался с Корой Евгеньевной в ее комнате, причем приходил к ней всегда один, так как она была под постоянным наблюдением властей. Чаще приходилось навещать ее по домашним делам. Мы пилили вместе с нею дрова, сажали под Москвой картошку. Я не имел возможности наблюдать, как она пишет свой

замечательный обширный труд – книгу «Две жизни», экземпляр машинописного текста которой она мне подарила. Я высоко ценю этот труд за богатство идей, в него вложенных, ясность мыслей и простоту в передаче сложной фабулы. Его герой – мальчик Левушка с чистой и очень впечатлительной душой – имел счастье попасть под водительство Великих Учителей. Побывав с ними во многих странах, встречаясь с самыми разнообразными людьми и жизненными ситуациями, Левушка приобрел большой жизненный опыт. Особенно важно, что все замечания и наставления его Учителя делали во время происшествий, в связи с конкретными обстоятельствами, поэтому Левушка мог всегда видеть и понимать действия, которые были наиболее правильными в каждом случае, и даже принимать в них частично личное участие. Такой «наглядный курс» воспитания проводился Руководителями с глубокой мудростью и отеческой любовью к мальчику, быстро довел Левушку до состояния ученика Великих Наставников высшей мудрости Жизни. Завершилось становление героя, когда события перенесли в Индию.

Меня как индолога поражает тонкое, глубокое знание автором своеобразной жизни этой великой восточной страны, ее древней мудрости, йоги и мест пребывания тайных эзотерических Общин Гималайской Шамбалы – арены открытой борьбы Учителей с темными силами, иногда воплощенными в физическом облике. Здесь же руководители Общин оказывали постоянную помощь вдовам, беднякам и другим несчастным.

Содержание последней, индийской части книги особенно насыщено мудростью поучений и поступков Наставников Левушки и широко раскрывает эзотерическое значение их напряженной деятельности в Мире.

Сейчас у нас появляется много публикаций, посвященных оккультным знаниям жизни человечества, и книга К.Антаровой «Две жизни» своевременно вносит ценнейший и глубоко своеобразный вклад в сокровищницу эзотеризма. Великий Учитель сказал про книгу: «Это знамя ее жизни».

Пусть эта книга сделает глубже наше понимание духовной стороны земной действительности и станет прекрасным памятником Коре Евгеньевне.

Перед своей кончиной она направила мне послание, где говорится:

«Сейчас мне очень плохо, и спасает меня, как всегда, Ольга Николаевна. Быть может, на Земле не увидимся.

Но никогда не говорю: «Не могу», а всегда твержу: «Превозмогу». Никогда не думаю: «Не знаю», но твержу – «Дойду». Любовь всегда хороша. Но Вам помнить надо, что Матерь Жизни лучше нас все знает.

Прошлого нет, будущее неизвестно, а жизнь – это летящее «сейчас». И человек-творец – это и есть тот, кто живет свое «сейчас». Обе мы Вас благодарим, любим и чтим Ваше «сейчас».

Ольга Цубербиллер и Кора Антарова, 5.1.1959 г.»

Запись 7 января 1959 г. для меня: «Никогда чтобы не было никакого страха: Бесстрашие – верность Учителю. Всегда сохранять полное самообладание. Колебания духа и резкие переходы неуравновешенности ученику особенно вредны. Не требуйте много от людей, но верность, честь и мужество надо соблюдать до конца.

При встрече даже с низким человеком всегда думай – «Господом твоим». Найди в нем зерно лучшего и окруженного кольцом огненной светлой мысли. Помни, что, когда подаешь ему руку, между вашими ладонями лежит рука Учителя. Так сможешь подняться ему выше (любя побеждай). Но если при формуле «Господом твоим» почувствуешь, что он темный безнадежно, резко удались, отринь его, потому что помочь уже не сможешь, а истинная любовь не сентиментальность, а творческая энергия.

Когда надо помощи Учителя, крепко прижми палец, где урна¹, и призывай того Учителя, которого тебе нужно. Впитывая в себя мерзость, имеющуюся в окружении и невольно воздействующую на тебя, выбрасывай ее в атмосферу высшую и снова делайся «Tabula Rasa».

Слез не должно быть. В них топится труд Светлых Братьев. Живите текущим «сейчас».

7 января 1959 года. Антарова»

></emphasis> 1 Урна (санскр.) – «третий глаз», символ духовной сущности и духовного видения, изображаемый на лбу богов ранга будд или принадлежащих к их семействам (эманациям, женским проявлениям и т.д.). – Буддизм. Словарь. М., «Республика», 1992. Урна – выпуклая точка между бровями у Будды, означающая определенную высокую ступень просветления. У статуй из дорогого материала урна делается из драгоценного камня. – С.И.Тюляев. Искусство Индии. М., «Искусство», 1988.

Умирала Кора Евгеньевна медленно и тяжело. Она пережила подряд около восемнадцати агоний, которые каждый раз погашала Ольга Николаевна, и эту борьбу за жизнь она продолжала ежедневно без отдыха и сна, до конца, едва держась на ногах.

Боль разлуки никогда не оставляла Ольгу Николаевну, так велика и горяча была ее любовь к подруге.

Их могилы находятся рядом на Новодевичьем кладбище.

6 марта 1993 года С.И.Тюляев

Послесловие издательства завершена публикация труда Конкордии Евгеньевны Антаровой, названного ею «Две жизни». Работа над текстом оказалась делом чрезвычайно сложным и кропотливым, и несмотря на то, что в текст внесено большое количество уточнений и поправок (были сопоставлены разные экземпляры машинописи, принадлежавшие в свое время К.Е.Антаровой), считать эту работу завершенной никак нельзя. Издательство не снимает с себя ответственности за оставшиеся, к сожалению, в тексте неточности и опечатки и надеется исправить их в следующем издании, поэтому работа по сверке и расшифровке текста продолжается.

Сложности с подготовкой текста вызваны целым рядом обстоятельств. Главное из них то, что К.Е.Антарова не готовила свой труд к публикации – он был рассчитан на небольшой сравнительно круг людей, которым она могла довериться. Кроме того, книга была записана в тяжелейших условиях войны и за очень короткое время.

Об источнике вдохновения автора уже говорилось. Историю создания ею этой прекрасной книги сейчас проследить с полной достоверностью уже трудно. Но получить некоторое представление о том, как записывалась эта книга, могло бы помочь обращение к заслуживающим доверия свидетельствам о работе над книгами Е.П.Блаватской:

«Несмотря на различное содействие в работе над «Изидой», всю эту книгу, также как и другие работы, пронизывает ее самобытность – что-то свойственное только ей...»¹.

«...Как мы должны рассматривать авторство «Изиды» и как к этому относилась сама Е.П.Б.? Что касается создателя книги, то это, безусловно, совместный труд, произведение нескольких различных авторов, а не одной Е.П.Б. Вопрос этот очень сложный, и установить, какую лепту внес каждый в отдельности, практически невозможно. Личность Е.П.Б. была, таким образом, инструментом, распределившим весь материал, контролировавшим его форму, оттенки, выразительность, тем самым наложив отпечаток собственного стиля»² Далее Г.Олькотт пишет, что те, кого Е.П.Б. считала истинными авторами ее «Разоблаченной Изиды», «вынуждены были позволять ей окрашивать их мысли и располагать слова в определенном порядке. Подобно тому, как дневной свет, проникая сквозь окна храма, приобретает оттенки цветного стекла, так и мысли, переданные через мозг Е.П.Б., изменялись выработанным ею литературным стилем и способом их выражения»³ Что же можно сказать о литературном стиле и способе выражения К.Е.Антаровой? С одной стороны, они несут на себе, безусловно, отпечаток «дореформенного», истинно русского языка

прошлого века, с другой стороны вполне вобрали в себя своеобразие стилевого перелома «серебряного века», о котором Николай Бердяев писал: «...Тогда было опьянение творческим подъемом, новизна, напряженность, борьба, вызов. В эти годы России было послано много даров. Эта была эпоха пробуждения в России самостоятельной философской мысли, расцвет поэзии и обострение эстетической чувственности, религиозного беспокойства и искания, интереса к мистике и оккультизму. Появились новые души, были открыты новые источники творческой жизни, видели новые зори, ></emphasi> 1 Olcott H.S. Old Diary Leaves. L., 1892, vol.1, с.251.

2 Там же, с.255.

3 Там же, с. 256.

соединяли чувство заката и гибели с надеждой на преобразование жизни. Но все происходило в довольно замкнутом круге"1.

Серьезное влияние на лексику и образность языка Антаровой оказало ее общение с К.С.Станиславским. Сама она писала об этом:

«Личная моя встреча с Константином Сергеевичем, как занятия, относится к 1917 году. С тех пор всю мою жизнь я ношу «систему» Станиславского в себе. Язык системы, сообразно тому, как схема творческих записок Константина Сергеевича все точнее систематизировалась и, наконец, сложилась в стройную «систему», разумеется, менялся. Для меня же лично такого времени, когда я могла бы представить себе Константина Сергеевича «без» системы, не существует «...» Новый язык, которым сам Константин Сергеевич утверждал неизменные по сути, положения своей «системы», впитывался мною в почти ежедневных занятиях с ним"2 «Две жизни» заканчиваются на первой главе четвертой части. Больше для этой книги Конкордией Антаровой не было записано ничего. Почему? До нас дошли некоторые версии этого факта, но все они только версии. Одно бесспорно, по свидетельству всех близко знавших Антарову, – запись прервалась именно на том месте, на котором и мы заканчиваем публикацию.

Издательство приносит извинения за допущенную ошибку в Предисловии: прекрасная повесть «Сад Учителя» была написана не К.Е.Антаровой, а Ольгой Борисовной Обнорской – деятельной участницей теософского движения.

Выражаем глубокую благодарность всем, кто помог преодолеть затруднения при подготовке к публикации книги «Две жизни»: Е.Ф.ТерАрутюновой и Московскому периховскому обществу, предоставившим материалы для публикации; ушедшей от нас более десяти

лет назад ученице К.Е.Антаровой Марине Ивановне Волковой, >
</emphasis> 1 Бердяев Н.К. Самопознание. (Опыт философской автобиографии). – М.: Международные отношения, 1990, с.129.

2 Из неопубликованного.

благодаря доверию и чуткости которой несколько будущих сотрудников издательства познакомились в свое время с этой книгой.

К большому нашему огорчению, еще двух почитаемых нами людей мы можем поблагодарить за их участие и помощь лишь посмертно: это Борис Алексеевич Смирнов-Русецкий (1905-1993) – ученик Н.К.Рериха, широко известный и многими любимый художник, до последних дней своей жизни бывший председателем Московского рериховского общества и оказавший в этом качестве всемерную поддержку издательству в публикации «Двух жизней», и Семен Иванович Тюляев (1898-1993) – духовный ученик Антаровой, доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств России, лауреат премии имени Джавахарлала Неру, несколько страниц воспоминаний которого, написанных специально для этого издания, мы публикуем ниже.

Мы благодарим Марину Сергеевну Стриженову, близко знавшую Конкордию Евгеньевну, за многочисленные консультации и предоставленный для нашего издания «Краткий биографический очерк» об Антаровой, а также редакцию журнала «Дельфис» за разрешение перепечатать материалы, посвященные Учению Храма.

Как напутствие читателю хочется повторить в заключение слова из книги «Две жизни»:

«Нет ни покоя, ни мира в тех существах, что ищут все новых источников откровения. Все, что они подхватывают из попадающихся им записей и книг, все это они всасывают верхними корками ума, но мало что проникает в их святая святых, составляя зерно их сердца.

Простые слова, возносимые с радостью, произносимые в мире собственного сердца, достигают большей цели, чем сотни переписанных истин, выловленных из разных «источников»».

Оглавление ГЛАВА 17. Наш отъезд из оазиса. Второй день путешествия по пустыне. Зловещая встреча в ней. Дальняя Община. Первое впечатление ГЛАВА 18. Трапезная. События в ней. Мое новое понимание жизненных путей человеческих ГЛАВА 19. Первый завтрак в новой столовой. Школа. Я передаю письмо Франциска матери больного ребенка. Помощь И. в моем знакомстве со скитом трудных строптивцев. Старец Старанда и встреча с ним ГЛАВА 20. Мои новые знакомства в

Общине. Первая неудача во встрече с жителями из оазиса Дартана. Раданда. Часовня Радости. Выполнение поручения Дартана с помощью Раданды ГЛАВА 21. Мы едем встречать Яссу. История его жизни, рассказанная нам И. Встреча с Яссой и необычайное видение в пустыне. Возвращение в Общину и посвящение Яссы. Трапезная. Разговор с Грегором. Две речи И. в трапезной и на балконе ГЛАВА 22. Последний утренний завтрак отъезжающих. Напутствие детям. Еще раз Ариадна. Рассказ Мулги о Раданде. Уединенный скит строптивцев. Старанда и Георгий. Беседа И. с Андреевой и Ольденкоттом ГЛАВА 23. Беседа И. с Бронским и Игором. Наставление им к труду в оазисе Дартана. Неожиданная встреча с леди Бердран. Доктор. Ариадна, ее сын и ее трагедия. Вторая беседа И. с Андреевой и Ольденкоттом об их миссии в миру. Последние сборы и отъезд в оазис темнокожих. Первые впечатления от оазиса. Мать Анна ГЛАВА 24. Первый ужин в круглом доме в оазисе матери Анны. Зал и наши сотрапезники. Речи матери Анны и И. Работа И., его наставления и приготовления к встрече бури всего населения оазиса. Маяк. Страшная ночь бури. «Чудо», совершенное И. Мы сходим с маяка. Ясса, его мертвый сон и мое отчаяние. Моя работа у ворот. Собаки–искатели. После бури. Мы посещаем Ольденкотта и Андрееву ГЛАВА 25. Мое пробуждение. Как я ищу И. И. на заводе в роли рабочего. Первый обед в оазисе после бури. Беседа И. с сотрапезниками. Владыки оазиса ГЛАВА 26. Лаборатории стихий. Лучи путей человеческих. Их возглавляющие Великие Учителя. Светлые сонмы невидимых помощников. Их труд для человечества земли. Неожиданное видение в седьмом луче ГЛАВА 27. Мое пробуждение в комнате с диваном. Возвращение в лабораторию. Беседа в ней с Владыкой. Божественное видение ГЛАВА 28. Второе пробуждение в необычайной комнате Владыки. Что говорит мне живой портрет на стене. Еще одно Божественное видение. Последнее наставление моего Владыки-Учителя. Посещение Владыки-Главы, беседа с ним в его комнате и беседа в «Святая Святых»

ГЛАВА 29. Башня стихий природы в лаборатории Владыки-Главы. Его объяснения мне и башня стихий в пространстве. Стражи стихий, их труд и роль в передаче творческого вдохновения. Великий Учитель Маха-Чохан. Его роль в мировом труде. Последнее наставление Владыки-Главы мне и Андреевой. Наш выход из лаборатории стихий и новая встреча с И.

ГЛАВА 30. Возвращение к жизни. Еще раз оазис Матери Анны и первое свидание с нею. Новые аллеи и памятники нашей любви и благодарности на них. Закладка часовни «Звучащая Радость»

ГЛАВА 31. Беседа И. С жителями оазиса в ночь закладки часовни.

Работа И., Василиона и моя над расцветкой статуи и установка ее в часовне. Последняя ночь перед освящением часовни. Деметро и его поручение ко мне. Слова И. при открытии часовни ГЛАВА 32. Прощальная речь И. обитателям оазиса матери Анны. Приезд в Общину Раданды и первая вечерняя трапеза. Наставление И. отъезжающим и остающимся. Часовня скорби. Отъезд в оазис Дартана Грегора, Василиона, Бронского и Игоро. Отъезд в Америку Андреевой и Ольденкотта ГЛАВА 33. Еще раз часовня и поселок плачущих. Речь И. плачущим. Мое прощальное посещение часовни Радости. Прощальный вечерний пир в Общине Раданды. Последняя речь И. на нем. Наш отъезд в Общину Али ПРИЛОЖЕНИЕ «Две жизни». Часть IV. Глава 1. Путешествие по морю лорда Бенедикта и его спутников на пароходе капитана Ретедли. Новые знакомства обитателей Лондонского особняка с пассажирами первого класса. Размышления Алисы и ее разговор с лордом Бенедиктом о встречах. Разумов и беседы лорда Бенедикта с его группой. Алиса читает тетрадь Венецианца «Храм человечества»

К.Е.Антарова. Краткий биографический очерк Из воспоминаний
Послесловие издательства

---

notes

Note1

Человек – это проводник различных Сил Природы и Сознания, началом и источником которых является Единое Существование, включающее в Себя весь Космос как малую часть, и называемое философами Абсолютной Реальностью, а верующими – Всевышним Прим. Ред.)

Note2

, то такой труд ведет к Свету, освобождает ваш Дух от пут условностей внешней жизни. Однако если вы задавлены вашими усилиями исполнить долг,